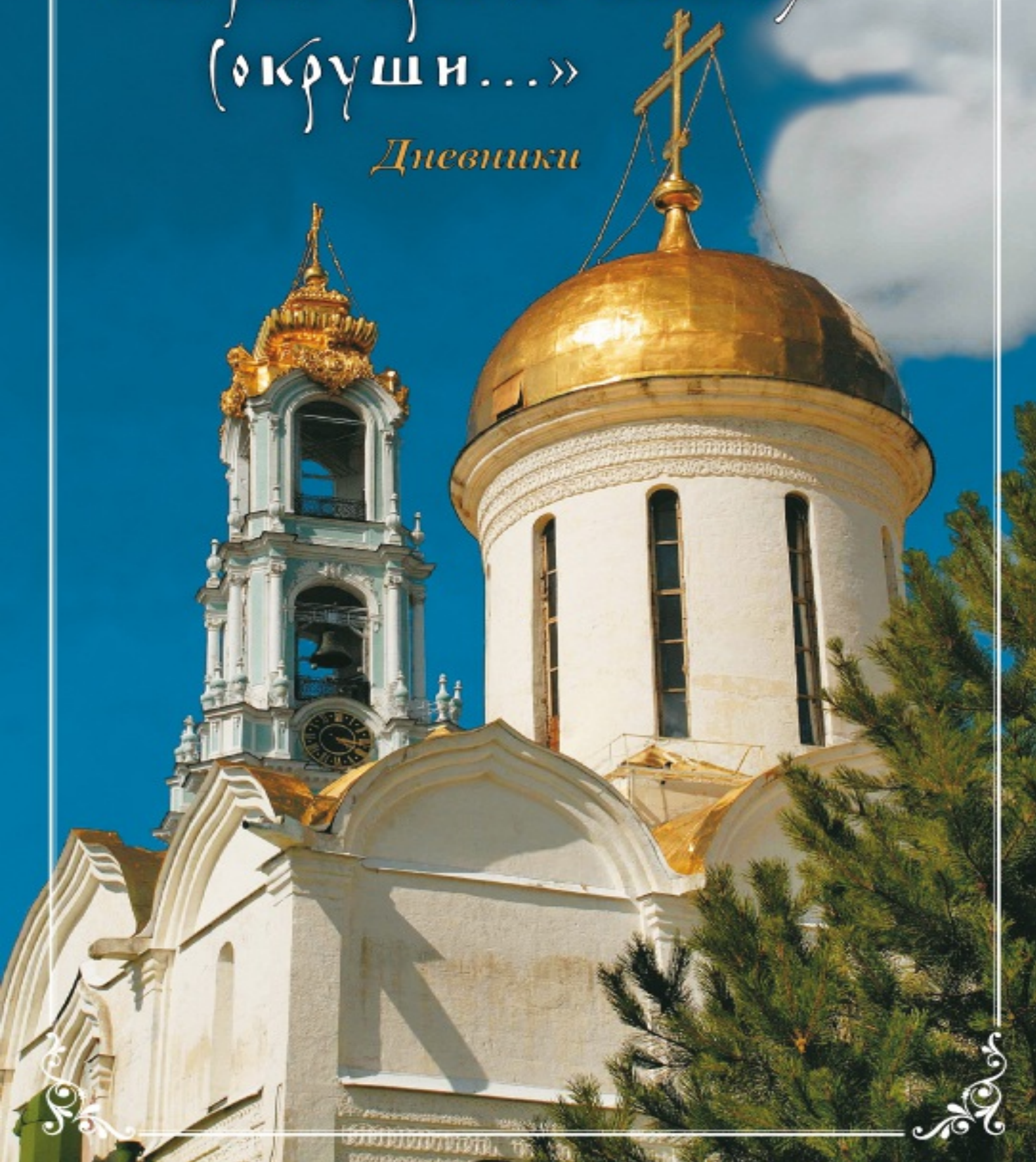

Архиепископ Никон

«Козни врагов наших сокруши...»

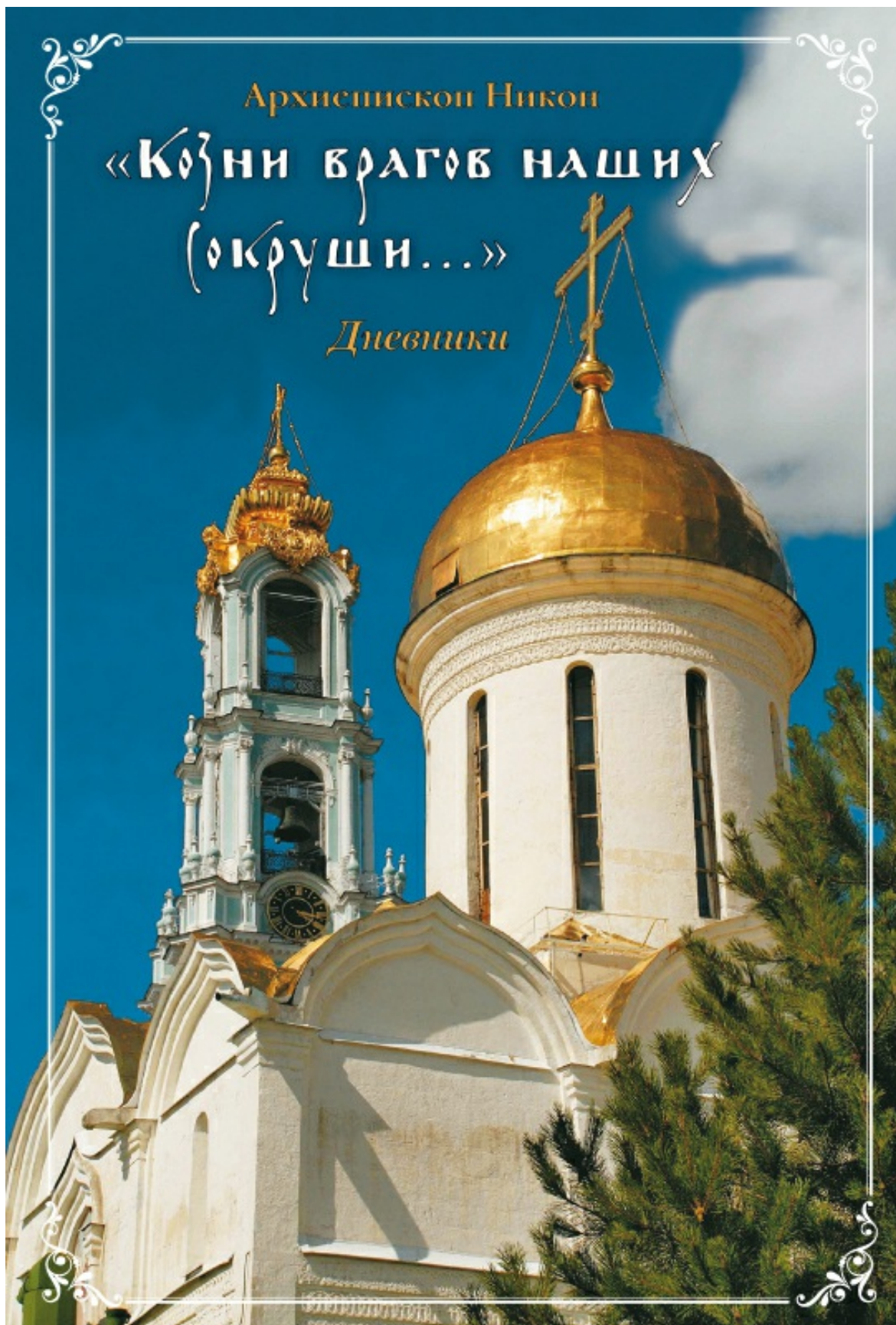
Дневники

Архиепископ Никон

«Козни врагов наших
сокруши...»

Дневники

Архиепископ Никон (Рождественский)
«Козни врагов наших сокруши...». *Дневники 1910-1917*

По благословению Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского

«...Ваши Дневники писаны кровью Вашего сердца и вызывают скорбь и боль, когда читаешь их, они точно анатомическим ножом вскрывают нагноения, которыми страдает наше бедное Отечество. Весьма желательно, чтобы они изданы были отдельной книгою и получили широкое распространение. Польза будет великая...»
июнь 1911

*Из письма святителя Николая Японского к
архиепископу Никону (Рождественскому)*

Печатается по изданию : Архієпископъ Ніконъ (Рождественскій).

Мои дневники. Выпуски I–VIII. 1910–1917 годы. Сергіевъ Посадъ. Типографія Св. – Тр. Сергіевой лавры.

Никон (Рождественский) – великий святитель XX века

Александр Стрижев

Имя архиепископа Никона (Рождественского) постепенно в его творениях возвращается к русским людям, снова прочно входит в наш читательский обиход.

Естественно, о человеке такого масштаба, как владыка Никон, можно было бы рассказывать много и все равно всего не пересказать, потому как жизнь его была поистине подвижнической, насыщенной событиями ярчайшими. Начну с его детства.

В Подмоскovie есть село Чашниково – совсем, можно сказать, неизвестное село. Оно памятно разве тем, что в нем 4 апреля 1851 года родился будущий архиепископ Никон.

В миру архиепископ Никон был Николаем Ивановичем Рождественским. Его отец, Иван Андреевич, скромный сельский дьячок; мать, Ольга Ивановна, была, как говорил впоследствии сам владыка, «Христова крестоносица» – она несла большой и тяжелый крест по воспитанию детей: в семье было двадцать два ребенка. Жили в чрезвычайно бедных, стесненных условиях, так что можно представить тот груз забот, который лежал на плечах этой сельской женщины.

Вот как впоследствии сам будущий владыка описывал свое детство:

«С первых дней сознательной жизни, как только я себя помню, я вижу себя на руках родителя, который носил меня чрез сугробы снежные в Божий храм; я любил ходить туда не только в праздник, но и в будни, не только на службу Божию, но и в то время, когда мой родитель – дьячок – топил церковные печи. Со стен церковных смотрели на меня лики угодников Божиих, лики серьезные, благоговейные, с молитвенным выражением. В воздухе ощущался запах ладана и воска. Казалось, что в этой священной тишине незримо, но сердцу ощутимо, носились ангелы Божии. Таинственная завеса в Царских дверях, святая плащаница за клиросом, старые, потемневшие хоругви, ряды икон, уходящие к сводам храма в иконостасе, – все говорило детскому сердцу: это – не простое место, это – храм Божий...» Николай Рождественский от природы был хилым мальчиком, к тому же в пятилетнем возрасте он ослеп на один глаз. И вот такой полукалека сумел развернуться в гиганта. Великие способности у него определились как-то сразу. К восьмилетнему возрасту он уже три раза прочел славянскую Библию. Представьте, одноглазый мальчик

сподобился прочесть огромную книгу, прочесть три раза на церковнославянском языке! Помимо этой книги, он прочел еще несколько томов Четьих-Миней, прочел и другие основные великие православные церковные творения.

После окончания сельской церковноприходской школы Николай поступил в Московское духовное училище, где считался тоже первым учеником. Закончив несколько духовных училищ, Рождественский не стал поступать в Духовную академию, поскольку ему надо было добывать хлеб самому. Та к что высшего богословского образования Николай не получил, но впоследствии, по обширным его знаниям, он будет избран почетным профессором Московской Духовной академии.

В 1874 году Николай Рождественский стал послушником Ново-Иерусалимского монастыря, основанного в XVII веке патриархом Никоном, пошел узким, тернистым монашеским путем. Некоторое время он подвизался в этом монастыре. А с переводом оттуда настоятеля, отца Леонида (Кавелина), наместником в святую Троицкую Лавру туда же перешел и его послушник. Видно, так инок и наместник сдружились, что не захотели расставаться.

Прошло еще несколько лет, и в 1880 году Николай Рождественский принял постриг с именем Никон. В переводе на русский «Никон» – «побеждающий». Такое вот выбрали ему имя, и впоследствии он действительно будет побеждать врагов Церкви, врагов России.

Литературные способности проявились в Никоне чрезвычайно рано. Еще в училище он издавал журнал, писал стихи, причем неплохие стихи. Слава Богу, его архив уцелел в революционные годы, и там, если мы откроем его папки, увидим и стихи ранних лет, и разного рода дневниковые записи. Литературная склонность в нем как-то весьма быстро определилась и приняла оригинальный характер. Стиль его письма – неподражаемо оригинален, всегда трепетно-динамичен, а главное, за что бы ни брался Никон, в нем чувствовался полемический задор – своими писаниями он весьма убедительно давал отпор разным извратителям истины. Будучи послушником в Лавре, еще до принятия монашеского пострига, в 1879 году Никон начал выпускать Троицкие листки. К Троице притекало множество паломников, собственно, вся богомольная Россия стремилась посетить эту святыню, чтобы припасть там к цельбоносным мощам преподобного Сергия. И народ по всем углам России в котомках нес листки, издаваемые в Лавре Никоном. Лаврская типография печатала их буквально сотнями тысяч штук; в общей сложности этих листков было напечатано более миллиона. Листки продавали по копейке, а иногда давали и даром. Когда паломник возвращался в родное село, он собирал богомольных людей – тогда вся крестьянская Россия была православной, по-настоящему богомольной, – и соборно читались вслух эти листки, люди утешались, находили в них много мыслей нужных. Та к читающая православная Россия получала душепитательное слово Лавры.

В те молодые свои годы Никон сумел создать классическую книгу «Житие и подвиги преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца». Эту книгу переиздают и теперь – о великом святом ей равных нет. Написанная образным языком, книга настолько проникновенна, что даже черствое сердце наскоро разогреется и возгорится богомыслием при чтении ее замечательных страниц. Впервые книга о преподобном Сергии вышла в 1885 году и весьма быстро выдержала пять изданий – ее искали, ее читали, ее любили и любят до сих пор. Как сказал Иван Сергеевич Аксаков, книга «исполнена благотворной красоты, которой подражать нельзя».

Вот такой это был талант литературный! Мы иногда выпускаем из виду, что ведь и среди духовных публицистов было много одаренных литераторов. Часто думают, что церковная публицистика бесцветна. Ничего подобного! Церковная публицистика в лучших своих образцах – это еще и замечательные литературные произведения. Вспомним, к примеру, статьи и пламенные Слова святого Иоанна Кронштадского, проповеди протоиерея Иоанна Восторгова или того же архиепископа Никона – все это, конечно, публицистика высочайшего уровня.

За Троицкие листки Никон получил Макариевскую премию в 1900 году. Те м самым высокое церковное начальство достойно оценило его работу. Естественно, был у него рост и по церковной линии: уже в 1904 году мы видим его епископом Муромским, затем он занимает Серпуховскую кафедру, позже становится настоятелем Свято-Данилова монастыря.

В 1905 году, когда разыгралась жестокая революция, епископ Никон не мог промолчать об этом ужасном разорении России. И вот 16 октября того бедоносного года в «Московских ведомостях» он печатает замечательную статью против крошечников: «Что нам делать в эти тревожные дни?» То есть что делать русским людям в такое лихое время. В статье он призвал русских людей сплотиться и дать отпор врагам России.

Этот призыв вызвал яростный накат еврейской печати на позицию Никона. Либеральные публицисты, чужероды вкупе с иудействующими, изрыгая хулу на подвижника Христова, всю выказывали свое обличье ненавистников России. Впоследствии, уже в наше время, у этих публицистов и даже иереев, пропитанных обновленческим духом, объявятся последователи. Я имею в виду священника-филокатолика и ярого русофоба Георгия Чистякова. Это он, современный обновленец, встретит с ядовитой пеной у рта выход в свет предтечи нашего издания – книги публицистики владыки Никона «Православие и грядущие судьбы России» (издание Псково-Печерского монастыря, составитель – иерей Ярослав Шипов, 1995 г.). Провокационная рецензия Чистякова пришлась по душе разве что русофобской, так называемой «Русской мысли» (1996, № 4137) и ее сеятелям римокатолической ереси на нашей земле. Всем же людям, просвещенным Светом Христовым, даже и робкое то издание пошло на пользу. Оно усвоено и стало залогом будущих более полных сборников публицистики бесстрашного Святителя.

Разного рода революционеры и смутьяны, естественно, и все ненавистники России с ними, ополчились тогда, в 1905 году, на владыку Никона, стали его проклинать на страницах «прогрессивной» печати за призыв к русским людям сплотиться, отвергнув путь позора и предательства своей страны, предательства своих же собственных интересов. Видите ли, Никон зовет людей одуматься и сплотиться! Виданное ли это дело! Началась оголтелая массированная атака, направленная против владыки Никона, докатившаяся и до Святейшего Синода. А в Синоде были в то время не все такими, как епископ Никон. Та м были и те, кто иногда подыгрывал революционным страстям. Один из них – Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) – личность известная в истории Церкви своей двусмысленностью, симпатиями к разного рода прогрессистам-революционерам и к церковным реформаторам. Именно он настоял на том, чтобы удалить владыку Никона из Москвы и из Троицкой Лавры, упрятав его подальше, в глубинку. И настояние Антония (Вадковского) поддержали синодалы, ведь Синод буквально завалили требованиями от лица так называемой «прогрессивной интеллигенции» и «трудящихся», раскрученных революционерами. В Синоде пошли им навстречу, назначив епископа

Никона на Вологодскую кафедру. По существу, его услали подальше от Москвы, полагая, что в удаленном месте он будет потише. На календаре был 1906 год.

Но владыка Никон не тот человек, чтобы вдали от Москвы сидеть тихо. В церковной печати он продолжал выступать с прежней прямоотой. Причем все, о чем он говорил раньше, выражал еще более ярко. Это был важный этап его борьбы против революционеров и разложившихся разного рода.

Побыв какое-то время на Вологодской кафедре, владыка Никон попросил в 1912 году об увольнении с занимаемой церковной должности. Его прошение удовлетворили – и он снова осел в родной Лавре. Но еще до возвращения Никон стал выпускать в Лавре журнал «Троицкое слово». Этот замечательный журнал – его детище, его творение, и творение, можно сказать, самое любимое. В журнале, буквально в каждом номере, были статьи самого владыки Никона. Причем это были не какие-то заметки, а большие статьи, в которых взят за основу злободневный момент из жизни России и вокруг этого события, сугубо современного (для той поры, конечно), разворачивались рассуждения самого Никона. Как правило, получался либо яркий памфлет против властей предрешающих (кто, по существу, тогда работал на развал России), либо обличительная статья против всякого рода революционных отщепенцев, которых было много в разных сословиях, в том числе и в духовном. В духовных семинариях и даже в правой печати было много людей, стремившихся расшатать устои общества и Церкви. Возьмем такого правого публициста, как князь Владимир Петрович Мещерский, издателя газеты «Гражданин». Издавал он эту газету много десятилетий, еще вместе с Достоевским когда-то начинал ее выпускать. Та к вот, даже князь Мещерский и тот как-то сочувствовал разным веяниям революционной новизны. Тогда, несмотря ни на какие сложности, ни на какую дружбу, выступил с боевой статьей архиепископ Никон и весьма доказательно вскрыл всю несостоятельность такой двойственной позиции, если речь идет о спасении России. Никон не признавал никакого компромисса ни в чем. И ежели человек изменял нашему православному русскому идеалу, владыка брал обличающий бич и бичевал его.

Та к было всегда: касалось ли это публициста Василия Розанова, который чудовищно метался и был весьма непостоянен, – владыка Никон отстаивал принципиальные интересы Церкви и веру нашего народа. Взять, к примеру, духовного писателя Евгения Николаевича Поселянина (его настоящая фамилия Погожев). Когда отпал от Церкви Лев Толстой, Поселянин стал сомневаться, правильно ли поступила Церковь в своем определении по этому факту, начал делать разного рода заявления: дескать, это великий писатель и к нему нужна особая вероуверительная мерка. Тогда весьма твердо ему ответили некоторые церковные авторитеты. Ответил ему и архиепископ Никон, сказав, что никаких колебаний в отношении графа Толстого быть не может – он сам завещал не отпевать себя, не ставить над его могилой креста... Что же вы хлопчете? Он сам, добровольно отпал от Церкви. Есть письменное его заявление на этот счет, и устные указания он давал своим приближенным... Зачем же лицемерить? Споры эти разгорались в печати уже после Толстого. Самое существенное то, что архиепископ Никон еще при жизни Льва Николаевича твердо защищал Православие от его нападков.

Начало XX века, помимо прочего, отмечено еще и оживлением сектантской агрессии. Повсюду возникали секты и оживлялись старые, угасшие лжеучения пашковцев, толстовцев, духоборов, молокан, хлыстов. Стали популярными спиритизм и теософия. Несть конца этому богоборчеству! Секты порождены были в какой-то мере самой являю внутри России, но очевидной была и совершенно наглая конфессиональная агрессия с

Запада. Срабатывали те же самые приемы, которые мы наблюдаем и сейчас. Против всего вредоносного надо было выдвигать православную истину – истину не тускнеющую, истину, которую мы всегда носим в своем сердце. К сожалению, и в лоне самой Русской Церкви, и в кругу либеральной богоискательствующей интеллигенции появились свои лжеумствования – например, «софиология», проповедником которой был Сергей Булгаков и другие религиозные вольнодумцы.

Одно из лжеумствований, доставившее много хлопот Православной Церкви и, в частности, архиепископу Никону, – кривоверие «имябожников», вылившееся в так называемую «афонскую смуту». Афонская смута особенно свирепствовала в 1913 году. С чего она началась?

В среде афонских монахов (а их было много: в русских монастырях на Афоне тогда спасалось 1700 монахов из России) еще ранее той даты завелась прелесть суемудрия, вскоре она переросла в примат ограниченного познания – в имябожническую ересь. В принципе вся эта ересь умещалась в несколько строчек: имябожники утверждали, что в самом имени Бога присутствует Сам Бог. Наши церковные иерархи, в их числе архиепископ Никон, и говорили, и писали против этой ереси еще до того, как смута достигла апогея.

В 1913 году беспорядки превзошли всякие мыслимые размеры, и тогда Синодом на Святую гору был отправлен Никон (он в ту пору был уже членом Святейшего Синода), чтобы умиротворить бунтующих монахов-имябожников, откровенно терроризировавших всех, не согласных с их лжеучением. Но бунтовщики угрожали расправой, у них появилось оружие. На Афон проникли революционеры – прятались там и верховодили. Были у них типографии, в которых печатались возмутительные листовки.

На Афон пришлось ввести войска, которые находились на вспомогательных судах. Против мятежников оружие не применялось: их громадную толпу разогнали струями воды из брандспойтов. Дело обошлось без кровопролития. Двести матросов выселили со Святой горы всех бунтовавших имябожников (их было около тысячи). Бунтари были вывезены в Россию и размещены по разным монастырям, в основном на Новом Афоне. Та к что разговоры, будто с имябожниками поступили жестоко, будто бы их заковали в кандалы и чуть ли не избили, не соответствуют действительности. Что касается «правоты» лжеучения, то она тогда же были опровергнута многими богословами, Определением Святейшего Синода Российской Церкви и двумя вселенскими патриархами.

Современные апологеты имябожия утверждают, что из-за подавления афонской смуты произошла революция... Это чисто сектантские рассуждения. Никакого влияния ни на революционный процесс в России, ни на падение российского трона имябожничество не оказало. Это был внутрицерковный раздор, внутрицерковная распря, носившая локальный характер. Когда произошла революция, то монахи-имябожники тоже во многом пострадали. Главный их бунтарь, Антоний Булатович, был убит в 1919 году. И многие другие кривоверы пострадали, так что в какой-то мере имябожники тоже относятся к числу жертв революции. В этом отношении их, безусловно, жаль.

Я уверен, что с имябожнической ересью достойно разберутся, да и уже разбираются. А вот роль святителя Никона в разоблачении этой ереси, в пресечении ее будет, безусловно, отмечена достойно, как роль положительная. И разного рода толки о нем как о человеке, поступившем жестко по отношению к еретикам, совершенно беспочвенны. Всем, кто сомневается в моих словах, советую прочесть книгу самого архиепископа Никона «Меч

обоюдоострый». Сейчас она переиздана и доступна каждому. В ней весьма убедительно и правдиво пишется о всех тех событиях.

Если бы святитель Никон не вывез смутьянов (было употреблено меньшее зло), если бы он не применил этот радикальный способ – мы бы лишились на Афоне наших великих святых. С Божией помощью они сохранились, и, надо сказать, наши монастыри опять множатся числом своих насельников. С Божией помощью туда притекают сотни и даже тысячи паломников в год. И те, кто распространяет хулу на архиепископа Никона, по существу, действуют слепо. А на обывательском уровне толки о том, что революция произошла из-за удаления афонских монахов, о том, что все наши последующие бедствия произошла из-за того, – все это несерьезный, вздорный разговор, который в основном культивируется самими имябожниками.

Голос владыки Никона был слышен по всей России. И перед революцией не было, пожалуй, более ярких выступлений с церковной кафедры, чем выступления владыки Никона. Его статьи и вся его публицистическая полемика, которая выносилась на страницы «Троицкого слова», были блестящи. Одно время он был еще председателем издательского отдела Святейшего Синода, так что как бы в его подчинении находились и многие церковные издательства. С его же изданий духовная цензура была снята – так ему верили! И вот в этих журналах, в частности, в «Троицком слове», он печатался каждую неделю (журнал выходил еженедельно). За год накапливался целый том, и такие тома выходили под заглавием «Мои дневники». Их вышло много, все они, наконец, дождались поры, когда мы их сможем прочесть.

В последние годы своей жизни святитель Никон издает книгу Сергея Нилуса «Близ есть, при дверех». В этой книге было показано, что сатана уже стоит на пороге и вот-вот сейчас он перешагнет этот порог, при дверях стоит нашего жилища. Та к и произошло: свершилась февральская революция. Временное правительство отдало приказ уничтожить тираж этой книги, ликвидировать и другие тиражи в типографиях Троицкой Лавры. Сам владыка Никон буквально за год до переворота 1917 года ушел на покой – он как бы предвидел, что скоро начнутся жуткие кровавые времена, начнется истребление людей. В 1917 году, когда митрополита Тихона избрали Патриархом, архиепископ Никон обратился к нему с письмом, а в нем просил Святейшего призвать всех православных к стоянию против красных врагов России, призвать православных стоять твердо за веру, вплоть до принятия исповеднического венца. Такой призыв совершенно понятен, если знать характер Святителя. Владыку не пугала никакая расправа, его не согнули никакие угрозы. Ведь он напрямую обращается к главе Православной Церкви, чтобы от лица Церкви дать отпор революционной черни и ее предводителям в лице богоборческой власти.

Тогда он еще какое-то время мог находиться в Лавре, несмотря на погром «Троицкого слова». Троицкие листки уже больше не выпускались, журнал для богословов «Богословские труды» тоже прекращал существование. Все печатное дело большевики подмяли под себя – никакого печатного слова от лица Церкви уже существовать не могло. И архиепископ Никон, по сути, мог только совершать службу в лаврских храмах.

Существует небольшое воспоминание Василия Розанова о том, как выглядел в революционные Дни святитель Никон. В своих записках Василий Васильевич признается, что он всегда не любил Никона за его прямоту, за его совершенное отвержение космополитической русской интеллигенции, за разоблачение ее ложных идеалов (которых придерживался и сам Розанов, безусловно). А у людей просвещенных, которые просвещены Светом Христовым, не было вражды к владыке Никону, а вот у любого

русского «размагниченного» интеллигента к нему была ненависть. И когда Розанов стоял на последней службе архиепископа Никона в Троицком соборе Лавры, он почувствовал: это какая же сила в нем – в этом слепом, невзрачном, невысоком человеке! И откуда такая гигантская, притягательная сила? Розанов сознается, что был не прав по отношению к нему: «Я называл его дуроломом, а это святой, великий человек! Ему не в чем упрекнуть себя!» Та к откровенно Розанов напишет о пробудившейся симпатии к Святителю.

Скончался архиепископ Никон в декабре 1918 года, по новому стилю это 12 января 1919 года. По одной из версий, владыка подвергся нападению революционной черни, был жестоко изуродован и убит. Это случилось за воротами Лавры. Будто бы его даже обезглавили. Версия устная, ее я слышал от людей, многие годы проживших в Сергиевом Посаде. Убийство было возможно, потому что Никона ненавидела вся большевистская верхушка круга Зиновьевых, Каменевых, Троцких Лениных. Весь сатанинский синклит врагов и мучителей России занимался истреблением защитников церковных и национальных интересов народа. Злодейски, на глазах у детей, расстреляли публициста Меньшикова – и кто помешал бы так же жестоко расправиться с архиепископом Никоном?

По другой версии, владыка скончался своей смертью.

Когда кто попадет в Лавру – а туда тысячи людей ходили и будут ходить, – тот непременно обратит внимание на черный большой крест, что позади Свято-Духовского храма. Под этим крестом покоится тело архиепископа Никона (Рождественского). Помолитесь тут и вспомните владыку, почтите его память. Благочестивая, богомольная Россия, вставая на ноги, чтит великого подвижника.

Безбожная Россия ушла в сень смертную, ушла туда насовсем. Пробуждается православная Россия, и она не забудет это имя. Память об архиепископе Никоне для нас незабвенна, дорога, и мы будем просить Господа упокоить в небесных селениях Своего великого молитвенника.

Мои дневники
1910 год

№ 1

Без елея гаснет светильник...^[1]

1 февраля. Ровно 31 год тому назад, 1 февраля 1879 года, вышел № 1 “Троицких Листков”; ныне выходит № 1 “Троицкого Слова”. Признаюсь, в 1879 году я робкою рукою ставил № 1 на листке, неуверенный, выйдет ли № 2. Бог благословил это начинание: по сей день вышло более 1300 № № листков в количестве более 140 миллионов оттисков. Благословит ли Господь новое начинание мое – во славу Его? Да будет Его святая воля! Верую, что ведь не мы творим добро, а Сам Он – в нас и чрез нас творит волю Свою святую...

Мы живем в тяжелое время. Со всех сторон мрак сгущается: всюду есть великая потребность возжигать свечи... Если наше издание внесет хоть самую малую искру Божьего света в народную русскую душу, которая так изстрадалась от окружающего ее ядовитого тумана, – и за то слава Богу. Чувствуешь, как все дальше и дальше мы уходим от источника света – от святого нашего Православия. И что особенно прискорбно – даже в среде верующих, считающих себя православными, теряется основное начало православного мировоззрения, православной жизни. Люди высокообразованные, верующие, как бы потеряв под собою почву, нередко позволяют себе рассуждать о предметах веры по своему смыслению, и не подозревая, что в таких вопросах есть непререкаемый авторитет, коему сын Православной Церкви должен подчинить свое личное мнение. Получается впечатление умного, но невежественного младенца... Что уж говорить о тех, которые свое смысление ставят выше всякого авторитета? Беседу с такими о предметах веры, если они назовут себя верующими, кажется, всего практичнее начинать с вопроса: *верите ли вы в Господа Иисуса Христа, Бога воплотившагося, воскресшаго из мертвых и грядущаго судить живых и мертвых? Верите ли вы в то, что вы сами – грядет час – восстанете из гробов своих в последний день? Верите ли вы в сей страшный суд, вечное блаженство праведных и вечныя муки грешных?* И если они на эти вопросы ответят утвердительно, то можно продолжить беседу; если же станут колебаться, уклоняться от ответа, то и беседа бесполезна. Есть и еще вопрос подобного рода: веруете ли вы в бытие злых духов, в темное царство сатаны?.. И если не “устыдятся” эти просвещенные люди прямо сказать: “всеконечно веруем, что без этой веры нет и христианства”, то есть надежда вернуть им православное мировоззрение. Иначе – напрасно они себя прельщают, будто они христиане – не говорю уже об их православии. И все эти люди – в недрах Православной Церкви! Правда, только на бумаге, только считаются православными, но ведь сколько же их! И они воображают, будто принадлежат к Православной Церкви!.. Не скорбно ли сознавать все это? Не больно ли чувствовать пастырскому сердцу?

И вот такими-то полуверами, на деле же – неверами, и пользуется сатана – мы называем прямо этого князя тьмы – и пользуется, чтоб готовить почву для полного неверия в среде православных. И такие-то полуверы нередко стоят у кормила правления в разных сферах русской жизни, они-то нередко и вершат вопросы, касающиеся Церкви в ее отношениях к государству, держат в руках своих законодательство, направляют его во

вред святому православию и в пользу ересей и расколов. Под их влиянием отнимается ограждение закона от двора Христова, чтоб был туда свободный доступ врагам Церкви, чтобы младенчеству чада Церкви расхищались безпрепятственно волками хищными. Под их влиянием наше юношество начинает стыдиться исповедывать учение Церкви во всей его чистоте и полноте, наши писатели, даже из верующих, подслуживаются духу времени, наши ученые боятся пролагать самостоятельные пути в науках естественно-исторических, чтобы не показаться “отсталыми”, умалчивают о всемогуществе Божиим, чтобы не быть осмеянными от врагов Бога и людей... Что делать нам, чадам Церкви?

Когда усиливаются ветры, дерево углубляет свои корни. Будем же укреплять в своих сердцах нашу святую веру. Когда на дворе спускается ночь, усиливают свет в доме. Будем же возжигать светильники веры, умножая елей любви в лампадах сердца. Без елея гаснет светильник: без дел любви, без смиренного исполнения Христовых заповедей нет живой веры. Вера без дел мертва есть.

№ 2

Мечеть “поганская” среди русских святынь

Не знаю, как вы, читатели мои, но я с болью сердца, с каким-то необъяснимым страхом думаю о том, что творится у нас на Руси... “Троицкое Слово” читают православные русские люди; думаю, что они поймут меня: ведь они – не то, что наши либеральные отщепенцы от Русского народа, они еще живут одною жизнью с народом православным. И вот я поведаю им скорбь мою, печаль моего грешного, но верующего сердца.

Внимайте, как сатана издевается над нами, православными!

В столице нашей, в стольном граде Св. Петра, хотя по прихоти Петра Великого и именуемом немецким словом “Петербург”, но все же остающемся, милостью Божией, русской столицей, заложена татарская мечеть. Наши предки благочестивые отплюнулись бы, сказали бы, что обманщик Аравийских пустынь, лжепророк Магомет не посмеет свить себе гнезда между историческими святынями русского города, между Петропавловским собором, где покоятся великие носители русских идеалов – православные Государи наши – с одной стороны, и древнейшим храмом столицы Троицким собором – с другой... Ведь тут же, недалеко и величайшая святыня Петербурга – чудотворный нерукотворенный образ Спасителя. Зачем, зачем понадобилось именно тут, в виду этих святынь, строить мечеть “поганскую”, как бы сказали наши предки?.. Не с тою ли целью, чтобы эта постройка, о которой газеты пишут, что она своею красотою превзойдет все мечети европейских столиц, чтоб эта мечеть, горделиво поднимаясь над нашими родными святынями, как бы смеялась над ними? Чтобы ее сторож – “муэдзин” выкрикивал со своей вышки над русскою столицей: “один Аллах и Магомет – пророк Его!..” Не затем ли, чтоб татары, коих мечети были разрушены когда-то нашим славным Царем Иоанном Грозным в Казани, смеялись теперь над православными: “вот-де вам доказательство, что наша вера правая: чрез 350 лет наша луна стала выше вашего креста!..” И это ведь пойдет из рода в род навеки, и если суждено Русской земле остаться православною, если благословит Бог русским людям отрезвиться от современного опьянения лживым либерализмом, то вечная укоризна ляжет на тех, кто не сумел, не захотел отстоять наши святыни от такого оскорбления!..

Но постой, подожди, русский православный человек! Этого мало: сатана готовит тебе еще горший гостинец, еще более оскорбительное издевательство над твоею верою... на окраине, правда, но все же в пределах того же Петрограда, говорят, скоро будет строиться и языческое капище... Привезут идола из Китая, посадят его в этом капище на высоком престоле и будут кадить пред ним, возжигая курения... Найдутся, без сомнения, среди наших безумных, отрекшихся от Бога интеллигентов и особенно интеллиенток, разных стриженных девок и потерявших стыд барынь такие, которые пойдут в это капище, чтоб принести курения новомодным божкам из Китая, чтобы показать на деле свою “свободу от суеверий христианских”, чтоб принести жертвы сатане... О Русь! До чего ты дожила?!!

Еще немного, – и кто же поручится, что во имя той же “свободы” от всякой совести и здравого смысла создадут храм и самому сатане с его ангелами и станут приносить ему жертвы, – кто знает? – может быть, и кровавые... В наше время все может случиться! Мы приближаемся, очевидно, к тем временам, о коих говорит св. Апостол Христов Павел: “Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных

в совести своей (1 Тим. 4, 1–2). Наступят времена тяжкия... здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух, и обратятся к басням” (2 Тим. 3, 1; 4, 3–4). А что последует за сими тяжкими временами – лучше сами прочтите во втором послании Апостола Павла к Фессалоникийцам (гл. 2). Да, мы видимо приближаемся к этим “тяжким временам”. Люди, мнящие себя быть руководителями народа, величающиеся “передовыми”, в большинстве своем, оторвались от веры и благочестия предков своих, от веры народной, в душе своей уже стали неверами, а поелику это – ложь, будто можно быть совершенным атеистом, то место веры в их сердцах заняло суеверие, а это уже и есть, по самой своей сущности, язычество; и вот эти люди теперь стараются подчинить своему авторитету народные толпы, пока не восставая открыто и формально против христианства, а всячески унижая его в глазах народа приравнением к лживым верам, к ересям, к магометанству и язычеству... под видом “уважения” к чужой вере. Но позвольте, господа, – хочется сказать им: да свою-то православную веру вы уважаете? Считаете ее истинною? Или для вас она есть одна из форм религиозных верований, которые все для вас равно – заблуждения? Ведь, если бы уважали, то не допустили бы такого издевательства над нею, какое теперь всюду проявляется! Издеваются над верою нашею в печати, и в газетах, и в брошюрах, и в книгах, и в театре, в искусстве и даже политике... А тем, кто мог бы одним росчерком пера прекратить все это зло, будто и дела нет... И вот, дерзость ненавидящих крест Господень дошла до того, что в столице православного государства, в стране, именующей себя “святою Русью”, в зале, украшенном портретами Русских Царей, в зале петербургского дворянского собрания, сборище заклятых врагов христианства – конечно, иудеев – распевало богохульную, кощунственную шансонетку, в которой повторяются все злобные слова поругания над нашим Господом, записанные св. Евангелистами... “Сойди со креста, Распятый, если Ты Сын Божий!..” Господи, да разве можно это терпеть? Разве можно без горького негодования читать в газетах? А газеты эти, издаваемые большей частию теми же иудеями, восторженно описывают этот жидовский концерт... А петербургскому дворянскому собранию не совестно под такой концерт отдавать свой зал!.. А русские люди спокойно допускают все это!..

Нет! Наше сердце сжимается жгучей болью за бедную, несчастную Россию, и из этого сердца вырывается горькое слово жалобы Богу: доколе, Господи, отвращаеши лице Твое от нас?..

№ 3

Спеши делать добро, каждый человек!

“Спеши делать добро, каждый человек!” Та к в простоте сердца повторяла одна почтенная старица-мать, сама спеша первая исполнить свое правило и своим примером поучая своих детей.

Незабвенный Святитель-затворник Феофан говорит: “Если придет к тебе добрая мысль, спеши ее исполнить; ведай, что это Ангел хранитель твой говорит тебе в совести твоей, и Бог готов помочь тебе в этом”.

Да, “спешить” надо. Жизнь слишком коротка. Обидно за человеческое достоинство, грешно перед Богом расходовать такое сокровище, как время, жизнь, на пустяки. Ведь временем покупается вечность. Временем покупается блаженство. Люди ценят деньги; иные самое время приравнивают к деньгам: время – деньги, говорят они. Но за деньги времени не купишь. Не пожалел бы себя миллиардер отдать все свои миллиарды за один час времени, но никто ему не может в этом помочь, никто не приложит к его жизни ни одной минуты ни за какие сокровища на земле. Та к дорога человеку жизнь. И так мало он ценит ее.

Странное существо – человек! Что имеет – не хранит, а, потерявши – плачет. Откуда эта странность?

Прочтите повнимательнее в послании Апостола Павла к Римлянам 7-ю главу и вы поймете эту роковую тайну грешной человеческой природы. “Не понимаю, что делаю, – жалуется Апостол – потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Желание добра есть во мне, а чтобы сделать оное, того не нахожу... Бедный я человек! Кто меня избавит от тела смерти?..” (ст. 15, 18, 24). Вот причина, почему человек все свое время отдает на служение плоти и забывает о духе, о будущей вечности. Он в плену греха. От сего плена избавляет только Христос Сын Божий. Дух человека, как пленник из темницы, рвется на свободу – к добру, а грех его держит в цепях. И никто не в силах разорвать эти цепи без помощи Спасителя мира. Слышите, что Он говорит? *Аминь, аминь глаголю вам, яко всяк творяй грех, раб есть греха. Аще убо Сын высвободит, воистину свободни будете* (Ин. 8, 34, 36). Не только богомудрый Апостол, даже лучшие из языческих мудрецов смиренно признавались, что если Сам Бог не сжалится над людьми и не придет спасти их, то не видать им спасения!

Христианину следует носить постоянно эту истину в своем сердце. Пусть эта тоска по духовной свободе неусыпно томит его сердце. Пусть он показывает ее Господу Иисусу Христу, жалуется Ему на свое бессилие, плачет с Магдалиною у подножия креста Христова...

“Уступи, Магдалино, от Христова ногу!

Мне даждь место: аз имам о гресе скорбь многу!”

А чтобы ближе восчувствовать сердцем Его благодатную помощь, пусть чаще приступает к животворящей Чаше пречистых Его Тайн. Вот где источник жизни! Источник благодатных сил для доброделания! Сами по себе мы – ничто. И ничего доброго не можем делать своими усилиями. Можем лишь тосковать о добре, желать его. А когда соединимся со Христом, то воскликнем с Апостолом: все могу о укрепляющем меня Господе Иисусе. Только тогда, когда мы познаем свое бессилие, только тогда будет безопасна для нас и сила Божия, благодатная помощь, действие Самого Господа

нашего в нас и чрез нас – в доброделании. Итак: кто хочет делать добро искренно, не лицемерно? кто стремится к доброделанию так, как стремился Апостол Павел? Сознай, как он сознавал свое полное безсилие, и прибегни ко Господу с сердечною жалобой на свое безсилие, с слезною мольбою о помощи. И Он придет. Он коснется твоего жесткого сердца и растопит его в слезах умиления и покаяния; Он разорвет узы, тебя связующия, и подаст силы на доброделание. И ты восчувствуешь себя живым членом того таинственного тела, которое именуется Церковию, яже есть тело Христово. И тогда ты поймешь великую тайну жизни христианина во Христе, в живом общении со Христом поймешь слова великаго Апостола: *не к тому аз живу, но живет во мне Христос!* Вот тогда легко будет и всякое доброделание для тебя: в глубоком смирении ты будешь благоговейно созерцать несказанные пути промысла Божия в твоей жизни и деятельности, будешь ощущать: откуда приходит к тебе добрая мысль, как дивно посылается тебе случай и силы к ея исполнению. Как елень стремится к источникам водным, так и твоя душа будет жаждать добра, искать случая сделать его, припадать в сердце к подножию креста Христа Спасителя твоего, очищая слезами покаяния всякий помысл греховный, всякое греховное пожелание, ибо сказано: *в злохудожну душу не внидет премудрость*, а следовательно, и благодать Божия.

Особенно благопотребно подумать, позаботиться об этом православному сыну Церкви Христовой в наше страшное время. Мир во зле лежит, во зле погибает. Безчувственные стихии как бы возмущаются преступностью рода человеческого и Божиим попущением казнят преступников; а мы все это видим, но духовно спим: где наше покаяние? Доколе будем испытывать Божие долготерпение?

Се стою при дверех и толку, глаголет Господь. Надо спешить отверзти Ему двери нашего сердца. Надо спешить толкать и в двери Его милосердия, ибо Он же сказал: *толцйте и отверзется*. Иначе мы будем безответны пред Его правосудием, если пренебрежем Его милосердие...

Спеши же, брат возлюбленный, к своему Спасителю и спасая спасай свою душу в исполнении Его животворящих заповедей!..

№ 4

Суета сует на могилах почивших

Живу я в келье над конторою лаврских кладбищ. Каждый день мимо моих окон проносят и провозят на кладбище покойников. Каких, каких процессий тут не насмотришься! И пышные погребальные колесницы, под балдахинами, с хором певчих, собором священнослужителей, сопровождаемая странными, на взгляд русского человека, высокими людьми в белых длинных, узких балахонах, с белыми же цилиндрами на головах; (несет фонарь с горящею свечою и – в цилиндре! Как это режет по сердцу православного человека!), и скромные дроги простых смертных, и лафеты, на коих привозят сюда военачальников, и простые гробы, несомые на руках... То слышится погребальное “Святой Боже”, то – прощальные залпы ружейных выстрелов при опускании гроба военачальника. Несут, а иногда и везут множество венков, идут толпы провожающих в последний путь. Опустят в могилу, раздастся последнее надгробное “Вечная память”, и скроются под землю останки человека – будь он знатный из знатных, будь самый скромный странник земли – всем один удел: *земля еси и в землю отъидеши!*..

Настанет весна. Оттают снега. На могиле появится памятник – иногда роскошный, в несколько тысяч рублей, иногда – попроще... И видишь, как с утра до вечера и идут и едут к родным могилам русские люди, и радуется сердце, когда подумаешь: что их влечет сюда? Да что же, как не любовь?..

Ах, если бы то была любовь христианская, любовь на смирении и преданности сердца Богу воспитанная!

Но – увы! Когда присмотришься поближе, то увидишь нечто странное, чуждое духу христианской любви. Зайдите в контору, прислушайтесь, как тут бранят монахов за дорогия якобы расценки на все.

Но ведь эти монахи ни в чем не повинны: они исполняют лишь то, что им приказано. А приказано – Духовным Собором Лавры, который, конечно, строго обсудил таксы и не руководился при этом слишком корыстными целями. За что же бранить монахов, сидящих в конторе?

– Сударыня! – пытается успокоить расхоронившуюся барыню инок, – сударыня, ведь мы не можем ни копейки уступить против таксы...

– Да я не вас и браню, а всех вас, монахов! Все вы – корыстолюбцы! – выпаливает благочестивая молитвенница за своего усопшаго.

А сама покупает венок в несколько десятков рублей на могилу, венок, который, конечно, ни покойнику, да и никому не нужен. А того, что получаемая с кладбища деньги идут на дела благотворения, притом – не случайные, а обязательные для Лавры – она не хочет и знать. Она готова требовать, чтобы и за ее покойника молились, поминали его имя в Лавре совершенно бесплатно, и особые обеды служили даром... Что ей за дело до того, что таких капризных просительниц – тысячи!

Но оставим их в покое. Подумаем о другом, более важном. Ведь вот как люди заботятся, кажется, о покойнике, когда он уже на том свете; а позаботились ли они о нем, пока он еще лежал больной? Пригласили ли к нему священника для напутствия св. Таинами? Приготовили ли его к христианскому переходу в вечность? Напротив: не отстраняли ли, следуя совету нынешних неумных врачей, всякую мысль о смерти от его сознания?

Да и сам покойный: давно ли он говел и причащался св. Таин? Давно ли был в храме Божиим? Думал ли когда о вечности, верил ли в нее? О, как ныне много таких, о коих нас, пастырей, просят молиться, заказывают нам панихиды и обедни, а сии покойники – и в Бога-то не веровали! С какою совестью мы будем молиться за человека, который смеялся над нашей Святою Верою как над суеверием? Но и этого мало: мир сей, лукавый и прелюбодейный, по слову Спасителя, хочет заставить нас, как бы издеваясь над нами, над нашею Верою Святою, молиться даже за явных богохульников и самоубийц! Как возмущаются эти неверы, когда архиерей решительно запрещает священнику отпевать самоубийцу, следуя в сем случае указанию церковных правил! Иной раз думаешь: Господи! Да чего ради эти люди так хлопочут? Ведь и покойник, и сами-то они никогда в церковь не заглядывали и не заглядывают: на что же им эта панихида, это, в сущности, какое-то кощунство? А им это доставляет особое удовольствие: заставить и попов “почтить” покойника их! Ведь знаменитого иудея-самоубийцу Пергамента хотели обманом похоронить в Невской Лавре, по казненном изменнике Шмите заставили служить панихиду, да еще архиерея! Но да не вспомнятся дела минувших сумасшедших дней! В нашито дни разве не творится то же самое? Разве не творят насилие над служителями Церкви, требуя от них молитвы за тех, за кого их совесть, следуя церковным канонам, молиться не позволяет? А эти “панихиды” по неправославным, даже вопреки воле самих покойников, совершаемая в православных церквях?.. Мы молимся, часто против совести, и за лютеран, и за римо-католиков, и за всяких еретиков – молимся “официально”, иногда даже по распоряжению мирской власти... Не насилие ли это над свободою нашей православной совести и – это в наше-то время свободы совести!! Пора бы решить этот, жгучий для совести православных служителей Церкви, вопрос так или иначе, но формально, окончательно: за кого из инославных усопших можно и за кого нельзя молиться? Но едва ли сей вопрос может быть решен раньше Церковного Собора.

Но я позволю себе еще раз возвратиться к тому, как и чем поминают у нас покойников? Я не говорю о роскошных, дорого стоящих поминальных обедах: какой разумный человек скажет, что они приносят пользу душе почившаго? Особенно когда они сопровождаются обильными угощениями в виде разных вин и наливок... Суета суетствий и рабство моде, обычаю, полуязыческому преданию! Стыдно бы, кажется, просвещенным-то людям так рабствовать! Да и нам, пастырям Церкви, едва ли не грешно поддерживать эти поминальные обеды, особенно с винами, своим присутствием и благословением. Со злом надо бороться мужественно, а эти заупокойныя выпивки разве не зло, разве не оскорбление памяти почивших? Но не об этом хотелось бы сказать. Ведь верующим в Бога известно, еще с ветхозаветных времен, что милостыни и молитвы очищают грехи. А много ли добра делается теми, кто расходует тысячи вот на эти роскошные балдахины, на всю эту помпу, кончая длинноногими фигурами в белых балахонах и цилиндрах? Иной раз – грешный человек – думаешь: сколько бы добра-то можно было сделать, устранив всю эту роскошь и употребив истраченные на нее деньги – во славу Божию, на дела благо — творения всякого рода? Вот там, в далекой Камчатке нуждаются в храмах Божиих, а походный храм можно купить готовый в Петербурге у Жевержеева всего за триста рублей: сколько бы радостей и слезной благодарности вызвало пожертвование туда хоть одного походного храма в память почившаго! Как плачут наши бедные переселенцы в Сибири, не имея храма Божия ближе ста-двухсот верст, как бы они возликовали, получив хотя бы вот такой походный храм для своего селения! Сколько детишек учится в развалившихся школах церковных, зябнут, бедные, вместе с своими учителями и учительницами: как бы

они усердно помолились за неведомаго им покойника, если бы в память его им хоть поправили, не говоря уже – построили школку! В наших деревнях на сто верст одна больница, один фельдшер: какое бы сердечное спасибо сказали бы обитатели этих деревень, если бы им на средства и в память усопшаго христианина прислали хоть временную медицинскую помощь! А сколько сироток на свете, безпризорных, безприютных, сколько их плачет по улицам городов и селений, сколько вдов беспомощных – сколько бы можно было сделать добра в память усопших вместо пышных балдахин, этих тысячных памятников, этих роскошных венков! Ведь стоило бы только кому-либо начать: смотришь, мало-помалу вошло бы в обычай, святой обычай, и дела благотворения, во имя любви к почившим, в духе матери-Церкви и под ее благодатным руководством расцвели бы благоуханными розами по лицу родной земли. Может быть, поменьше было бы роскошных памятников на кладбищах наших обитателей и столичных; может быть, не так эти памятники были бы роскошны, но на Руси-то стало бы теплее, русской душе было бы отраднее. А теперь... выйдешь на кладбище, и как-то грустно становится, когда эти каменные глыбы, эти мраморные и металлические часовни ничего не говорят моему сердцу, кроме того, что тут лежит купец такой-то, генерал такой-то, тайный или действительный статский советник такой-то... Был человек, и не стало его, а кто он был, много ли добра на земле сделал – Бог его знает! И не движется черствое сердце на молитву за сего покойника, и равнодушно проходишь мимо такой могилы. А вот могила известного благотворителя, вот могила героя, душу свою положившаго за Веру, Царя и Отечество: и невольно поднимается рука для крестнаго знамения, невольно вырывается из души молитвенный вздох: “Упокой, Господи, душу его!” Как хотите, а есть тайное общение душ, для нас самих непонятное, но тем не менее реально ощутимое, когда эти души встречаются одна с другой. Как встречаются? Да вот вы пришли на могилку, вы прочитали надпись, которая сказала вам, что тут лежит не простой Петр или Иван, коих миллионы, а – человек, оставивший по себе добрую память сделанным им добром, человек, исполнивший свой христианский долг до конца, а значит – живой член живого тела Церкви Христовой, коей мы все есмы члены, и вот душа ваша уже почувствовала свое сродство с почившим, в ней уже шевельнулось чувство живой любви к нему, – ведь он член того же таинственного тела, как и вы, – и если вас потянуло к почившему как к родному члену единого тела – Церкви Христовой, то почему же не предположить, что и его душа почувствовала взаимное к вам влечение? Вот что я назвал “встречей душ”. А посредником сего таинственного влечения является то животворящее добро, которое мы делаем во имя и силу Христа, нашего Спасителя, изрекшаго: *без Мене не можете творити ничесоже*.

А если сам почивший не успел сделать этого добра, хоть сколько-нибудь, то – как безконечно милосердие нашего владыки Христа! – благодать Божия приемлет и от нас всякое истинное доброделание от имени почивших наших братьев, как бы от них самих. Как же не спешить православным творить добро в память присных своих, отшедших в иной мир! Ах, если бы люди знали, если бы только знали всю благодатную силу такого добра! Ведь оно рекою лилось бы взамен всех этих знаков суеты земной, вроде венков, от коих некоторые благоразумные отказываются: “Просят венков не возлагать, согласно воле почившаго”. Почему бы не прибавлять к сему: “А вместо венков сделать что-либо доброе в память покойнаго”?..

№ 5

Кошунственные похороны лицедейки

Прошлый раз я говорил о том, как поминают у нас покойников, ныне приходится говорить о том, какое впечатление произвели на меня похороны одной из тех, коих в газетах почему-то величают иногда “дивами”. Охотно сознаюсь в своем невежестве: не знаю, что это за слово.

Хоронят актрису, по-русски – лицедейку, Комиссаржевскую, и десятки тысяч народа сопровождают ее гроб... Нет, не сопровождают: это только так кажется, – дело проще: газеты, иудейские газеты прокричали, что это была великая служительница Мельпомены, сиречь театрального искусства, и вот праздной толпе захотелось посмотреть, как ее будут хоронить, кто пойдет за ее гробом, какие речи будут говорить над ее могилой. За гробом, в честь этой актрисы, шли, конечно, студенты высших учебных заведений; ведь они лучшие ценители всякого лицедейного искусства, а поелику сия актриса дерзала изображать в театре даже – страшно сказать! – Честнейшую Херувимов, прикровенно выводимую иудеями-авторами театральных пьес, то вот надо же оказать честь той, которая не убоилась выступить в такой “роли”... Это была жрица того идола, который именуется театром; ее “обожала” наша безпутная молодежь: и вот за ее гробом идут, идут, идут безконечной вереницей юноши и девы, несут венки (их привезено целых 8 возов!), – прискорбно отметить, что был венок и от студентов здешней духовной академии – и они, питомцы Церкви, принесли свою дань этой угоднице театра, не постыдились своего звания! А на венках красовались надписи, от которых ужас сжимал верующее сердце... Судите сами: “Радуйся, небо, принявшее твою душу!” – “Радуйся, чрево, носившее тебя!” – “Благословенна ты в женах!”... Правда, эти ленты сорваны в стенах Лавры, но спрашивается: кто же это так злобно издевается над святейшими истинами нашей святой веры? Кто смел сочинить такие надписи? Если бы вы, мой читатель, посмотрели поближе на эти толпы молодежи, сопровождавшей гроб до храма и бродившей потом с папиросами в зубах по Лавре, то вы сразу поняли бы, с кем мы имеем тут дело... Сколько тут было горбоносых, смуглых, с черными злыми глазами типов! О, конечно, все это – не русские, это все – из “гонимаго” племени, а за ними уж шли, как их послушные пленные рабы, несчастные русские, и в числе их – опять повторяю с горечью – студенты духовной академии!.. Видно, угар недавнего прошлого еще не прошел: и это не только здесь, в Петербурге, но и по лицу всей Русской земли. В Саратове требовали, чтоб панихида служилась непременно в соборе, в тот час, когда должна была совершаться литургия. Архиерей предложил служить в приходской церкви: не пошли, разослали повсюду телеграммы с клеветой на святителя Божия, будто он не дозволил служить панихиды, и на тройках отправились в село, где и заказали панихиду. В другом месте эти усердные “панихидники” пригласили служить... лютеранского пастора, забыв, что у лютеран, собственно говоря, и молитва-то за усопших вовсе не признается, считается чуть ли не грехом!.. А в Москве требовали от духовенства служить панихиду непременно на подмостках театра, там, где лицедействуют всякие кошунники нашего безпутного времени, а когда духовенство сочло это неприличным и предлагало пойти в Божий храм, то отказались и сами сочинили “гражданскую” панихиду с кошунственным пением “Вечной памяти” и “Со святыми упокой”. Где тут здравый смысл? Где христианство? И при чем тут оно – христианство? Ведь, в сущности, весь этот шум вокруг гроба

несчастной лицедейки никакого отношения к молитве не имеет, все это – сплошное издевательство над Церковью, желание обратить церковный обряд в прославление лицедейства, и я не знаю: не следовало ли вовсе отказать этим господам “демонстрантам” во всякой торжественности погребения, чтоб не допускать поругания церковных обрядов теми, которые позволяют себе явно выражать свое презрение к Церкви, кощунственно применять святые слова, приложимые только к Святейшей Херувимов, – к одной из таких же грешниц, как и все мы, с тою лишь разницей, что мы никогда не решимся уподобляться тому лицедею которого так поразительно вразумила Сама Матерь Божия за его кощунственные выходки против Нея, Преподобной. (Читайте “Луг Духовный”). Если она была верующая и притом православная христианка, то любовь христианская заповедует помолиться о ее душе: ведь она не покончила с собой, как кончают ныне некоторые интеллигенты, она умерла от страшной болезни, но все же естественной смертью. Мы не знаем, к сожалению, был ли приглашен к ее смертному одру священник для напутствования: если бы так, то больше дерзновения имела бы молитва верующих за несчастную душу все же верующей христианки... Но и теперь Церковь не отказывает в молитве за нее, но... разве эти пышные похороны, эти венки с кощунственными надписями, эти провожатые – некрещенные иудеи, эти молодые люди, хотя бы и из русских, с смехом и папиросами гуляющие по Лавре... разве это молитва? А нежелание служить панихиду в приходской церкви, а желание служить панихиду непременно в театре – ужели можно назвать это молитвой? Да это просто издевательство над Церковью – худшее того, какое Господь нашел в храме Иерусалимском и заслуживающее такого же, если не более строгого, осуждения, как и то... Я уже не говорю о том, как мучительно тяжелы такая кощунственная почести для души почившей, которая ищет себе помощи, ко ангелом очи возводящи, к человеком руке простирающи...

Церковь наша смиренна, яко Христова невеста: ее поносят, оскорбляют, над нею издеваются враги и в газетах, и в театрах, и теперь – все чаще и чаще вторгаются в ее заветное святое святых – Богослужение, пытаюсь обращать ее обряды в кощунственные демонстрации, стремясь выставить ее как бы участницей в прославлении того, что в очах мира лукавого и прелюбодейного высоко и досточтимое, но что в ее очах – достойно презрения... И все терпит Христова невеста: она ждет, не вразумятся ли эти безумцы, не придут ли в чувство раскаяния... Но доколе же это будет? Не наступит ли скоро час, когда всем таким кощунникам будут закрыты двери храма Божия и над главою их блеснет тот страшный меч, который дан Церкви Самим Христом Господом и который грозит всем богоотступникам – *анафема!*.. Нельзя же допускать, чтоб иудеи и их прислужники, изменники Церкви и вере Христовой, издевались над самою молитвой, требуя от нас, служителей Церкви, как бы прославления своих покойников, в безсмертие души коих, конечно же, они сами не верят... Мы хотели бы верить, что больше не повторятся такие сцены, какия в свое время мы видели над трупами Трубецкого в Москве или Пергамента в Петербурге...

Малолетние преступники и монастыри

Обращено, наконец, должное внимание на ужасное зло нашего времени: увеличение числа преступников-подростков. К сожалению, поводом к этому вниманию послужило не увеличение детской преступности само по себе, а то, что таких преступников девать некуда. В существующих для них приютах с трудом можно поместить до 1500, а, между тем, ежегодный приток их достигает до 7000. Более 7000 помещаются в общих тюрьмах с взрослыми преступниками, где, конечно, они “обрабатываются” уже в самых закаленных злодеев. Как ни печально это явление, на которое давно следовало обратить внимание и власти, и общества, но еще печальнее то, что мало обращается внимание на коренные причины этого зла. Ведь если хотите несчастной России добра, то не останавливайтесь на полдороге, не обрывайте только ветки, а изследуйте корни зла и вырвите их. Нам, служителям Христа, корни эти виднее, чем людям мирским, хотя бы и стоящим на высотах управления. Никто не сомневается, что общию причиною умножения детской преступности служит, скажем прямо, это проклятое якобы “освободительное”, на самом же деле развратительное и поработительное движение минувших лет. Ни для кого так не заразителен пример, как для детей. И педагоги свидетельствуют, что никто так не наблюдателен, как дети... Дети видят, что вокруг их творится, и стремятся подражать старшим. Дети слышат, что около них говорится, и сами начинают говорить о том же и так же, как говорят взрослые. Я сам однажды видел, как малютка лет трех возился около своей игрушечной тележки и ругался скверными словами. От кого он научился этой мерзости? Конечно, от старших. Он видел, как отец или брат мазали колеса на дворе, или впрягали лошадь и, при неудаче в каких-либо пустяках, утешались сквернословием. Дитя запомнило слова, не понимая их смысла, и, воображая, что это что-то хорошее, вот подражает старшим и само, играя на улице... Но это только пример; а представьте себе, когда взрослые в присутствии детей поносят правительство, кощунничают, расхваливают преступников как героев... Современные дети выучились уже играть в преступления. Бывали случаи, когда эта игра кончалась трагически: дети убивали товарищей – “черносотенцев”, играли в грабежи и разбои... И это – еще малыши, в невменяемом возрасте до 7 лет!.. А с 10 лет они уже начинают “сознательно”, уже не играя, участвовать в преступных деяниях. И вот уже число таких преступников достигает до 9000! Ужас сжимает сердце! Ведь преступность растет, и растет неудержимо! А те, кто должен бы заботиться об ее искоренении, кто отвечать будет и пред Богом, и пред народом, и пред историей, те, как бы нарочито – кто знает, в наше время всего можно ожидать и всего опасаться – может быть, и нарочито – на самом деле стараются содействовать увеличению этой преступности детской, покушаясь отнять из ведения Церкви ее трудами созданные и взлелеянные школы и передать их в ведение земств или министерства, у коих – что грех таить? религиозное воспитание на втором плане... Вот в чем корни зла. И следовало бы прежде всего на них и обратить внимание. Следовало бы все начальное народное воспитание, все народные школы, наоборот, изъять из ведения мирских ведомств и передать матери-Церкви. Церковь воспитывала народ почти тысячу лет; она и только она вложила в народную душу те безценные свойства, которые составляют ее украшение, ее жизнь... Пусть защищают наши интеллигенты свои земские и министерские школы: я не утверждаю, что все оне сплошь пропитаны духом неверия или равнодушия к Церкви:

я только устанавливаю факт, неподлежащий сомнению, что в сих школах в несравненной степени больше, чем в церковной, найдется и зараженных сим духом учителей и учительниц, которые, несмотря на заявления священников, на жалобы крестьян, что они вовсе не посещают церкви и развращают детей, остаются на своих местах, продолжая отравлять детей ядом безбожия или, по меньшей мере, пренебрежительного отношения к Церкви. Удивляться ли, что, под влиянием таких учителей и учительниц, растет детская преступность? Не приходится удивляться и тому, что не устраняют таких учителей из народной школы.^[2]

Наравне с лишенной церковно-народного духа якобы “народной” школой, вверяемой, в значительном большинстве, ненадежным в этом отношении педагогам, увеличению детской преступности содействует и самое широкое распространение в деревне богохульных, кощунственных, анархических и порнографических изданий. Ныне нередко можно найти в доме грамотного крестьянина и Ренанову “Жизнь Иисуса” (специально изданную для деревни в малом формате и продающуюся за 20 коп.), и “Учение Христа для детей” Толстого, и издания “Донской Речи”, и множество подобной богомерзкой макулатуры, а иудейские газеты, вроде “Копейки”, прямо-таки рассылаются даром по деревням. Даже среди глаголемых старообрядцев встречаются, по отзывам миссионеров, любители потолковать о Ренане, Бебеле, о книге “Библия и Вавилон”, об “Откровении в грозе и буре”... И это – в глуши вологодских лесов! А распространителями такой литературы являются нередко учащие в земских школах. И вот народная школа, руководимая такими учащими, и вредоносная и грязная литература вытравляют в молодом поколении вековую любовь народа к церковной литературе, к житиям святых, к творениям св. отцов и учителей Церкви и развивают вкус к развращающей порнографии и к уличным листкам. Я совершенно отказываюсь понимать: во имя каких принципов, кроме разве толстовского принципа непротивления злу, дается такая безграничная свобода иудейской печати? *Богу ответят те, кто не хочет оберечь народ от нея!* Заботиться о том, куда помещать малолетних преступников, надо, но надо же заботиться и о том, чтобы их меньше было, надо устранить причины, увеличивающие преступность.

Обращаюсь к одной из тех мер, какая предположено принять к размещению преступных детей из тюрем. К сожалению, нового ничего и тут не придумано. Вспомнили о наших монастырях и хотят превратить их – говорю в принципе – в приюты для преступных детей. Тут и казне будет выгода; с хлеба долой, и тюремному ведомству меньше заботы, да и для несчастных, духовно изуродованных детей как будто будет лучше, чем в тюрьме. Посмотрим, выполнимо ли это, и если выполнимо, то в какой мере может быть применимо.

Что такое монастырь в его идеале?

Монастырь есть место, или, говоря по-нынешнему, учреждение, дающее все средства и удобства к осуществлению монашеского идеала. А этот идеал есть нравственное перевоспитание человеческой души с целью очищения ее от страстей и возможного нравственного совершенства человеческой личности. Мир не знает, как глубоко пал человек; в миру человек живет все время вне себя самого; ему некогда заглянуть в свое сердце, чтобы рассмотреть: что там творится? Какие гады там живут? Для этого надобно отложить все житейские попечения, войти в самого себя, сосредоточить все свое внимание на своем внутреннем человеке и при свете слова Божия, при руководстве святоотеческих и подвижнических наставлений – познать самого себя, а при помощи благодати Божией выбросить из своего сердца все, что там нечисто, греховно, что

препятствует человеку быть обителем Того, Кто рек: “приидем к Нему и обитель у Него сотворим”. Для этого нужно уединение, тишина, свобода от всего, что отвлекает наше внимание в сторону мира и житейской суеты. Для этого потребно постоянное участие в молитве церковной, потребно полное отсечение своей воли, своегомышления, ограничение своих телесных потребностей до минимума. Все это должен дать монастырь тому, кто нелицемерно хочет быть монахом. Только по достижении известной степени такого перевоспитания, такого преобразования внутреннего человека, если руководители иночества найдут сие необходимым и полезным для Церкви Христовой, монаху может быть поручено и какое-либо “служение” ближнему. В этом отношении должна быть полная свобода. Мирянин может подумать, будто я противоречу самому себе, говоря об этой свободе. Я ведь сказал, что монах воспитывается послушанием, отсечением своей воли и даже мышления. О какой же свободе я тут говорю? Я говорю о свободе инока от всякого внешнеобязательного, независимо от его духовного состояния, дела, от всякой деятельности, организованной по подобию мирских благотворительных и просветительных учреждений. Нельзя монаха во всякое время ставить в необходимость делать что-либо так, как делает работник-мирянин, обращаясь сам как бы в машину. Довольно с него – и уж это-то следует требовать от него неотменно, – чтобы он всецело исполнял устав монастырский, в отношении богослужения и монастырских хозяйственных послушаний, не отвлекающих его от молитвы. Тем менее желательно на монахов возлагать тяжелое бремя заботы о перевоспитании порочных детей. И это я говорю даже относительно благоустроенных обителей. А что сказать о теперешних иноках? Все они, в той или другой степени, люди духовно немощные, борющиеся с своим ветхим человеком, люди, для которых постороннее дело, особенно такое, как участие в борьбе с пороком в другом лице, легко может повредить им в их главном делании – в борьбе с самим собою. Современному монашеству это было бы решительно не по силам. Монастырь есть больница: как же больные будут лечить больных? Правда, у сих монахов есть свои врачи, но надобно помнить, что сии врачи могут лечить только того, кто сам добровольно отдает себя на лечение, против же воли и они ничего не в состоянии сделать ни с монахами, ни с порочными детьми. Правда и то, что монастырь есть как бы тюрьма, но такая, куда совершенно добровольно заключают себя кающиеся грешники. В монастыре никого нельзя удерживать силою: если бы административная власть пожелала это сделать, то задержанный против воли, упорствуя в своем злом намерении, станет невыносимым бременем для монастыря. Представьте же себе, что в монастырь доставлен малолетний преступник. Он смотрит на монастырь, как на место невольного заключения, как на тюрьму. В монастыре нет людей, способных воздействовать на него педагогически, примирить его с его невольным положением, направить его волю к добру. На него смотрят, как на бремя, как на лишнего, не совсем безопасного человека, способного отомстить при первом удобном случае своим тюремщикам кражею или даже поджогом. Он нуждается в особом неослабном надзоре и твердом руководстве во всех подробностях его жизни. А для этого нужны люди с педагогической подготовкой или, по меньшей мере, сами воспитанные в строгой дисциплине. Но, повторяю, среди насельников монастырей почти невозможно найти таковых. Ныне состав братии в большинстве монастырей самый случайный. Мир выделяет в монастыри далеко не самых лучших, далеко не идеальных людей. Кто теперь идет в монастырь? Идут, большею частию, те, кому деваться некуда, кто привык уже жить вольготнее. Идут ученики духовно-учебных заведений, не окончившие курса, чтобы подготовить себя к должности псаломщика, идут изломанные

жизнью, немощные, коим впору разве только выстаивать службы монастырския. Идут, и это главным образом, молодые крестьяне, воспитанные вне всякой дисциплины: для них юные преступники будут пугалом, от коего они побегут вон из обители... Не будем скрывать от себя печальной истины, что современное монашество изнемогает, его светлый некогда идеал бледнеет, принижается, постепенно обмирщается. Многим монастырям грозит опасность закрытия просто по недостатку братии. Люди с полным, не говорю уже с высшим, а хотя бы только с средним, образованием почти не идут в монастыри в качестве рядовых послушников, ради спасения души. В половине семидесятых годов, когда поступил в монастырь, я застал в Лавре еще до 25–30 иноков с полным средним образованием из семинарий и гимназий, поступивших прямо со школьной скамьи в обитель и проходивших по многу лет низшия послушания. Говорили, что их влекло единственно искание спасения, что каждый год семинарии давали Лавре двух-трех юношей, окончивших курс. А теперь? Около 30 лет я прожил в Лавре, и за это время поступило лишь два-три... да и те не все уцелели в обители... Большинство – из тех, что пускались в бурное море житейское, потерпели там неудачу и причалили к тихой пристани только уже в разбитом утлом своем челне... С трудом найдешь в монастыре человека, мало-мало годного быть настоятелем. Из наличных настоятелей – *лучшие* мечтают, как бы сбросить с себя невыносимое иго настоятельства. Что будет, если в монастыри будут направлять еще малолетних преступников? Не опустеют ли тогда и вовсе наши святыя обители?..

Из всего сказанного следует заключить, что ссылка малолетних преступников в монастыри для монастырей вредна, для малолетних преступников бесполезна, а на деле и невыполнима.

Да, повторяю, невыполнима. Монастырь – не тюрьма. Как удержать маленького преступника от бегства? Ведь не держать же его на цепи или под замком. “Приведут, говорил мне на днях один старец-архимандрит, мальчишку почти нагого; оденешь его, а он чрез день-два сбежал. Если даже приставить к нему особаго стража из братии – он сумеет убежать. Не будешь же запирасть его на каждую минуту отлучки. Сбежал, и вот извещаешь полицию, чрез неделю-две его отыщут, вернут в монастырь – опять полунагого. Снова оденешь, а он снова сбежит... А бывают и такие случаи: сговорится с прежними товарищами, впустит их в корпус во время службы, да и очистят они несколько келлий, пока монахи Богу молятся. Бывали случаи, что и монастыри обкрадывали такие молодцы. В монастыре от них житья нет братии. Помещать его в одну келью со старцем – значило бы делать пытку старцу: какой же монах пожелает иметь в своей келье постоянного такого свидетеля келейной своей жизни? Ни помолиться, ни почитать... Да простец-монах, каковы теперь в большинстве иноки, и не поймет: по какому праву и зачем ему, бежавшему из мира от семейной жизни, навязывают такого сожителя. Нет, Бога ради, поберегите монастыри от таких поселенцев, если хотите, чтобы они совсем не запустели. Если уж государство так обедняло, что не может само открывать исправительных приютов для малолетних преступников, то пусть возьмет в свое распоряжение несколько захудалых, замирающих монастырей, в коих нет особенно чтимых народом святынь, которые и теперь уже приписаны к другим, более живучим монастырям, и обратит их в приюты. У него найдутся средства для содержания сих приютов; помогут и сколько-нибудь состоятельные монастыри, а людей можно брать из военных: сколько теперь после войны калек-офицеров и героев-служак, не могущих зарабатывать себе кусок хлеба земледельческим трудом, но пригодных, чтобы руководить юными преступниками в

приютах, знающих и любящих ту именно дисциплину, без коей исправление невозможно. А для женских приютов, в коих, надеемся, окажется и надобности меньше, найдутся труженицы из старых сестер милосердия... Населять же вообще монастыри малолетками-преступниками значит вредить обителям. Повторяю: надо пожалеть их. Быть может, еще настанут лучшие времена, пройдет этот туман, напущенный масонами на Русь Православную, заговорит в русских людях совесть, и снова обители расцветут, снова Бог воздвигнет старцев-подвижников, и вернется наша интеллигенция к заветам предков своих... Вот тогда монастыри и сослужат свою вековую службу народу обновлением – не экономическим, не политическим, а нравственным, которое одно только и служит основанием блага народного и государственного... Дай-то, Господи!

№ 8

Самоубийства молодежи

Никогда, кажется, так не было много самоубийств среди молодежи, как в наше смутное время. Газеты пестрят известиями о том, как молодые люди кончают расчет с жизнью. И большею частью эти несчастные сами объясняют причину совершаемой ими казни над самими собою: “надоело жить”... “смысла жизни не вижу”... “пожил столько-то лет, и довольно”... На днях три иудейки из “интеллигенток” заперлись в комнату, играли на рояле, пели веселые песни и... отравились. Трупы этих самоубийц молодежь осыпала розами, а на другой день “Новое Время” пишет уже: “За сегодняшний день в Петербурге вновь отмечен целый ряд самоубийств среди учащейся молодежи. Эти самоубийства принимают характер форменной эпидемии”. Как будто сатана явно смеется над теми, кто чествует самоубийц, увлекая и их к тому же. Наша мирская печать не раз останавливалась над этим страшным явлением, пыталась решить вопрос: отчего, почему это происходит и как устранить зло? Даже “сам” идол нашей несчастной молодежи – Толстой заговорил... что “человек имеет право убить сам себя”. Этот лицемер говорит только, что самоубийство и неразумно, и безнравственно. Вместо того, чтобы показать весь ужас этого преступления, он как бы ободряет юношу, говоря, что акт самоубийства ничуть не страшнее табакокурения или пьянства. Понятно, писатели ни единым словом не обмолвились о Боге, о душе, о вечности: напротив, они самым тщательным образом обходили главную и если хотите, – единственную *истинную* причину сего явления и потому кончили свои рассуждения пустыми фразами. Разве наши “передовые” люди когда-нибудь сознаются, что вся причина в том, что несчастная молодежь – *Бога теряет в душе*, а без Бога душа, по природе своей христианка, – жить не может?.. И вот, страшная пустота души, страшная тоска о Потерянном, но тоска несознаваемая, безотчетная с одной стороны, а с другой, – приражение темной силы, проще говоря – искушение от человекоубийцы исконного – сатаны (читайте Ин. 8, 44) влекут юношу или деву к страшной развязке – к самоуничтожению. Напрасны эти рассуждения о “цели жизни”, о “смысле жизни” здесь на земле: эти цели, этот смысл жизни способны, пожалуй, на время утолить некоторым образом жажду вечного, томящую душу человеческую, но уничтожить эту жажду – никогда не в состоянии. Богач никогда не будет доволен своим богатством, и если бы весь мир приобрел, – все же будет жаждать и жаждать богатства. Честолюбец, властолюбец, сластолюбец никогда не скажут: “довольно!” Мало этого: писатель, поэт, художник, достигнув своей “цели”, после сознания, что дело кончено, после испытанного чувства удовлетворения, вдруг начинают как бы сожалеть, что дело кончено, (вспомните, что испытывал поэт Пушкин, когда кончил своего “Бориса Годунова”), и начинает искать другой “цели”, другой работы... Разве это не есть доказательство бессмертия души, предназначенной к вечности? Разве это не есть жажда вечности? Вечного идеала? А где он? В чем он, как не в Боге – Существе вседвлюющем и всесовершенном? Ведь душа человека сотворена по образу и подобию Его: ужели неясно, что она Его и ищет, к Нему и стремится? И только в Нем едином и находит она свой идеал, свое успокоение и блаженство. А о Нем-то и боятся вспомнить все наши мудрые интеллигенты – передовые люди!..

Позвольте поделиться с вами, читатели мои, выдержками из письма одного молодого человека, стоявшего на самом краю пропасти и только чудом Божиим спасенного от

самоубийства. Письмо это особенно поучительно для нашего времени. Это – не туманные рассуждения г. В. Розанова о “нахождении коня”, о “моем и всеобщем призвании”, о “бахроме житейских обстоятельств”, об “общей цели жизни”, о “цели жизни человека вообще”... Нет, это сама жизнь, это исповедь души, пережившей великое искушение...

Письмо начинается глубокою сердечною благодарностью тому Божию служителю, который, сам того не ведая, был орудием Промысла Божия в обращении этого молодого человека. Затем автор продолжает: “будучи вполне сыном своего века, стыдясь открыто пред всеми исповедывать православную веру, в которую крещен младенцем, я из этого ложного стыда перестал ходить в церковь, перестал говеть и причащаться Святых Христовых Таин... в конце-концов я совсем забыл, что я – христианин, жил, как живут, скажу к стыду моему, безсловесные твари. Ел, пил, спал, исполнял свои мелкие делишки, и так тянулись во мраке мои дни. Во всем полагался я только на свой “разум” и на то, что дала якобы “наука”. Та к прошло несколько лет: я совсем забыл о Церкви Христовой. Но вот порой на меня стала находить какая-то необъяснимая тоска, мою душу стали наполнять какие-то сомнения и тревоги. И день ото дня мне становилось все тяжелее и тяжелее. Закралось в сердце отчаяние: нет ни света, ни выхода, мое существование безцельно и бессмысленно, я – лишний на свете человек... И явилась мысль о самоубийстве. И эта гибельная мысль не казалась мне страшной: напротив – как будто желанной! Правда, я сначала боролся: искал ответов на мучившие меня вопросы в литературе, у современных наших писателей – прежние казались мне уже устарелыми, – но моя душа еще больше омрачалась от этого чтения, еще больше становилось на сердце. Тогда я решил покончить с собой. И вот, в одну несчастную минуту я зарядил револьвер и уже приставил холодное дуло его к виску... Ни страха, ни сомнений я в этот момент не испытывал: все мне казалось совершенно безразличным; в мысли как-то промелькнуло только, как я упаду после выстрела, начнется переполох, а там... Это – там, за гробом на секунду меня остановило. И вдруг с быстротою молнии мне вспомнилось мое детство, училище, встреча Святой Пасхи и – то настроение, радостное настроение, какое я испытывал в те дни!.. И выпал из руки моей револьвер, и я вдруг заплакал, заплакал горько – навзрыд!.. Что было со мною дальше – не помню: очнулся я уже лежащим на кровати, а около меня суетились мать, родные и доктор. На голове лежал компресс, и доктор уверял родных, что это – только простой обморок. Чрез два дня я оправился, явился аппетит, сон, хотя очень чуткий. Со мною как будто ничего не произошло особенного. Но мое состояние не укрылось от любящего взора матери моей. Она как-то незаметно для меня пригласила меня в вашу церковь ко всенощной. Был день воскресный. Не желая оскорблять ее отказом, тем более, что видел, как она тревожилась и хлопотала около меня, когда со мною был обморок, я пошел с нею в храм Божий. А я не был в церкви целых восемь лет! Когда я вошел туда, мне стало как-то не по себе: так я отвык от храма. Матушка заметила мое смущение, но мне и вида не показала, что заметила, и пригласила меня пройти дальше во внутрь церкви. С некоторым самопринуждением, но я пошел за нею. Она приложилась к св. мощам, частица коих была на аналое, за клиросом, а я не мог себя к тому принудить, а стоял и нервно пощипывал усы. Всенощная скоро окончилась; весь бывший народ запел громогласно: “Взбранной Воеводе победительная”... Это так на меня подействовало, что у меня дрожь пошла по телу. Но я приписал это своей нервности. Начался молебен, и трогательное общенародное пение “Милосердия двери отверзи нам”... привело меня в умиление. И чем дальше пели, тем теплее становилось у меня на душе, и наконец вдруг я заплакал тихими, облегчающими

слезами: с моей души, выражаясь словами поэта, как бремя скатилось, и стало легко и отраднo... И тут только я понял, что напрасно я метался, ища выхода для своей наболевшей и истрадавшей души. Этот выход был вот тут, в храме Божиим так близко, и те, кто посещает его, никогда не испытывают тех мук, какия я пережил, удалившись от Церкви! И ушел я в угол храма и там плакал горькими слезами, как малое дитя, как кающийся Петр... Но вот вышли вы, дорогой батюшка, ограждая себя крестным знамением, и своим громким голосом провозгласили: “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!” Глядя на вас, и я возложил на себя крестное знамение – в первый раз за все восемь лет моего духовного блуждания. Вы говорили о том, как крепко стояли за веру Христову древние христиане, как даже маленькие дети переносили за имя Христово страдания, а матери, смотря на их страдания, радовались, веруя, что их ждет мученический венец. А я... меня никто не преследовал, не мучил за Христа, а между тем я – отрекся от Христа! О Боже, милостив буди мне, грешному! На словах не выскажешь того, что испытывал я в эти минуты. Когда я пришел домой, меня потянуло почитать что-нибудь из Священного Писания. Я взял у матушки Библию и, раскрыв наугад, прочитал: “добра, которого хочу, не делаю, а зло, которое не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то уже не я делаю то но живущий во мне грех” (Рим. 7, 19–20). Вскоре после этого дня я стал ходить в церковь, поговел, причастился Святых Таин и – нашел “смысл жизни”. А слушая ваши поучения, уразумел и то, что смерть есть лишь одна из стадий к вечной жизни”.

Оглядываясь назад, молодой человек далее размышляет: “до такой ясной мысли я не мог прийти, пока не посещал церкви; я ходил будто в заколдованном круге, из которого некуда было бежать, и я, дрожа, стоял пред мучительной загадкой: к чему мы живем? Ведь “жизнь – обман, она и кончится бессмысленно и гадко, среди телесных мук и сердца жгучих ран” (простите, что опять говорю чужими словами). Кругом я видел только зло, и мне казалось, что зло в мире царствовало и смеялось над добром... А теперь я снова вернулся под опеку матери-Церкви, где нашел утешение и покой и даже радость, которой уже давно-давно не испытывал... Я чувствую себя так, как будто перенес тяжкую болезнь, но зато на душе моей так легко... А читая Слово Божие, я все более и более убеждаюсь в истине слов Господа нашего Иисуса Христа: ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам”.

В заключение автор говорит, что его письмо есть удовлетворение потребности сердца – раскрыть тайник души тому, кто был “невольным учителем и наставником на пути истины”. О себе говорит, что ему теперь 24 года, он еще не женат, окончил курс гимназии, служит и внешним своим положением очень доволен.

Читатели видят, как благодать Божия подстерегает душу человеческую, чтоб пробудить в ней спящую совесть и обратить на путь спасения. Благо тому юноше, который носит в своем сердце благодатныя воспоминания от дней детства. Видите, как в страшную минуту искушения автора этого письма спасли светлыя впечатления пасхальных дней в детстве! Не ясно ли: в чем спасение от искушений для молодежи нашей? Как застраховать детей от этих искушений? Где искать спасения от эпидемии самоубийств среди молодежи по преимуществу? А эти самоубийства растут с ужасающей силой... Возьмите любой номер газеты и вы увидите этому страшное подтверждение. Вот, напр., номер 12, 204 “Новаго Времени”: больше столбца занято описанием самоубийств. Их за один день зарегистрировано в одном Петербурге 23! Только за один день! Сколько же за месяц? За год? Сколько по всей России?!. Ведь ужас берет от этой скорбной летописи! А наша интеллигенция все хочет как-нибудь обойтись без Бога, объяснить все как-нибудь

туманными фразами! Тут, простите, уж просто проглядывает какое-то упорство, нежелание иметь дело с религией, отречение от Христа... Тут и Сам Бог, никого насильно не желающий спасти, не поможет. Ведь, по учению слова Божия, в том и состоит хула на Духа Святого, когда человек упорно сопротивляется очевидной истине. А эти лицемеры-интеллигенты не только сами не хотят знать истины, но и от других стараются ее укрыть. Невольно вспоминается слово Господа к фарисеям: *“горе вам, яко затворяете царствие небесное пред человеки, вы бо не входите, ни входящих оставляете внити!”* (Мф. 23, 14). Невольно думается: как легко и просто разрешился бы мучительный, роковой вопрос о современном положении нашего отечества, вопрос о том: что делать, как выйти из той смуты, которая, как ядовитый туман окутала нас со всех сторон, губит и молодых, и старых, и семью, и школу, и образованные классы, и простой народ, как, говорю, легко этот вопрос решился бы, если бы наша интеллигенция в целом обратилась к Богу отцов своих, к Христовой истине! Но – увы! Ко многим из ея среды приходится применить слово Исаии пророка: *“егда (когда. – Ред.) убелит ефиоп кожу свою или изменит рысь пестроты своя?”* Та к и эти люди не способны к обращению, и о них может быть сказано: *аще кто из мертвых воскреснет – они не имут веры.*

№ 9

Без идолов интеллигенты нашего времени жить не могут!

Удивительное существо – человек! От Бога, своего Творца и Искупителя, он бежит, а без идолов жить не может... По крайней мере таково человечество в наш, так называемый, “просвещенный” век. А так как кланяться деревянным и каменным богам уж было бы слишком безумно, да и толку от них никакого нет, то он сам придумывает себе божков “идейных”, а чтобы и этим божкам было незастенчиво кланяться, то берет для названия их очень почтенные в языке человеческом слова, мудро придуманные в глубокой, незапамятной древности для обозначения высоких и святых понятий. Вот эти-то слова современный “просвещенный” человек и треплет для прикрытия ими своих идолчиков. И это заблуждение иногда бывает так искренно, так бессознательно, что со стороны просто жаль становится таких людей. Я сейчас назову одного такого божка, пред коим преклоняют колена все интеллигентные люди, не исключая даже нас, пастырей, которых имя этого божка вводит в заблуждение: думаем, что служим тому святому идеалу, который некогда разумели под этим словом наши предки, а на деле-то выходит, что нас заставляют служить просто идолу...

Слушайте же, мои дорогие читатели: этого современного божка зовут двумя очень простыми словами: “образование” и “просвещение”.

– Как! – воскликните вы – образование, просвещение – наш идол, современный божок?

Да, я повторяю свое обвинение современных интеллигентов в идолопоклонстве: то, что они называют теперь “просвещением” и “образованием”, вовсе не заслуживает этих великих слов. Подумайте только: что хотели сказать наши предки, изобретая эти слова? “Образование”... Человек, думали они, создан по образу и подобию Божию: всякое приближение к сему образу, всякое *преображение* духовной личности по образу Создателя и есть *образование*. Образ Божий в душе нашей потемнел от греха: просветлить его, насквозь высветлить, как говорил Гоголь, душу человека – вот это и есть истинное “просвещение”. Надобно, чтоб духовная личность вся сияла богоподобием, светила насквозь, как чистый кристалл: вот настоящая задача самой жизни христианина на земле. Та к высоки, так святы эти понятия – просвещение, образование! В них звучит слово Христово: *будьте совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть*.

А у нас что разумеют под этими святыми словами: “просвещение”, “образование”? – Начинить голову всякими знаниями, да притом не знаниями того, что едино на потребу для верующей души, а знаниями земными, утилитарными, а в последнее время и не знаниями даже, а фальсификацией научных знаний, подделкой их, каким-то суррогатом знаний – это называется образованием. Начитаться вдоволь разных книг и книжек, газет и журналов, и непременно в духе всяческих свобод, хотя бы то была и свобода от здравого смысла, прослушать курс лекций иудея-профессора, с высоты своего величия не допускающего и мысли о Боге – Творце и Промыслителе, считающего религию пережитком старых времен, поехать по Европе, поклониться графу богоотступнику Толстому – вот ныне признаки просвещения... Ну, скажите по совести: разве это не подмена понятий под святыми словами “просвещение”, “образование”? А ведь у большинства нашей интеллигенции это так. Правда, каким-то чудом уцелели еще люди

старых понятий, они тоскуют по старому идеалу, душою стремятся к нему, но масса, толпа интеллигенции их душит, заграждая им пути, полагая всюду препятствия, обзывая их отсталыми (если понимать, что величающие себя передовыми идут к вратам адовым, то, конечно, все мы, верные заветам былых добрых времен, – люди *отсталые*; за ними ведь, мы и не желаем следовать), обскурантами, фанатиками, суеверами и даже мракобесами... И ведь вот что особенно прискорбно, вот что составляет своего рода знамение времени: даже служители Церкви, даже благонамеренные руководители юношества идеалом воспитания все же считают почти исключительно одно умственное развитие: кончить блистательно курс наук, получить аттестат, проще сказать – ярлык, гарантирующий известные права, – вот то, о чем мечтают они для своих детей. Воспитание сердца, если нужда в этом и не отрицается, но как будто должно совершиться как-то само собою, без участия воспитателей и родителей... И растет наше молодое поколение в условиях, которые делают из них уродов в духовном смысле. Разве, в самом деле, не урод человек, умственно развитый, а нравственно – дикарь? Разве не уроды духовные все эти интеллигенты, вопиющие о просвещении и в то же время развращающие народ порнографией и иудейской, с позволения сказать, литературой?..^[3] Но стоит ли говорить об этих “просвещенных” интеллигентах? Зло пустило корни гораздо глубже, проникло, хотя кажется, бессознательно, даже в недра Церкви, в лице ее служителей, как я сказал выше. О чем мечтает теперь духовенство? О том, чтобы его дочери получили “образование”... даже на высших женских курсах! А о том, чтобы вышли из них добрые матери-христианки, помощницы пастырям в их многотрудном служении, чтобы были оне в своей семье, а матушки и в целом приходе – носительницами святых заветов Церкви Православной, чтобы хоть сколько-нибудь напоминали – не говорю уже Нонн, Моник, Анфус и других святых жен древности, а хотя бы наших покойных матерей – простых, безграмотных дьячих, умевших воспитать в своих сыновьях пастырей и архипастырей – об этом заботы что-то не слышно... Вот кончила бы курс в гимназии да пошла на высшие женские курсы, а не то – и в университет, получила бы диплом на учительницу, притом с умением танцевать и болтать на французском и немецком языках, поражала бы всех своим “образованием” – вот мечта многих и многих родителей, не исключая батюшек и матушек. А если батюшка и матушка до этой мечты не додумаются, то сама дочка принесет им эту мечту из того светского учебного заведения, где она учится: там ведь много барышень даже иудейского происхождения (разумею наши женские гимназии). Таково ныне понятие об образовании. Семинарист не хочет быть пастырем Церкви: это, видите ли, для него как-то унижительно, условия-де жизни “невозможные”. А за семинаристом потянулся и простой мужик: предо мною прошение простого крестьянина Тамбовской губернии, где он, сообщая, что у него три сына в разных средних учебных заведениях учатся, просит помощи на их “образование”. А в конце-концов, идеал всех идеалов – это ярлык, именуемый аттестатом, дипломом или чем-то еще там... Сей ярлык поднимает юнца на высоту, для его отца недостижимую, “отколупывает его от народа”, как говорил покойный С. А. Рачинский, и делает его интеллигентом... А сынок интеллигент – гордость для отца, хотя бы отец от него и плакал! Мужичок и слова этого произнести не умеет, а с благоговением прислушивается только, как сынок себя величает этим словечком – образованный человек! Все пути ему открыты, хотя бы эти пути простирались много-много до сельского учителя да волостного писаря... Это ли – просвещение?!

Слышу, мне возражают: так что же, ужели никакой школы не нужно?

Но я и не говорю этого. Я только подчеркиваю, что не следует так преувеличивать понятия, не следует увлекаться умственным развитием молодежи как чем-то уж в высшей степени идеальным, как верхом совершенства. На деле, особенно в наше время, это – не совершенство, а нередко – уродство. Забывают главное: человек живет вовсе не умом, как это всем кажется, а сердцем, а ум-то только на послугах у сердца. А сердце-то и забыто в деле воспитания. Поставили люди пред собою идола – ярлык, а для того, чтоб не слишком это было унижительно, – назвали его “образованием”, “просвещенностью и преклоняются пред ним до забвения христианского долга. Знаю, мне скажут: не все же учатся для ярлыка. Многие учатся для обогащения себя знаниями, для полезного потом служения Отечеству. Знаю и это. Но очень бы я желал, чтобы правительство сделало такой опыт: законом отменило бы всякое значение диплома, аттестата, всех подобных ярлыков. Пусть каждый пробивает себе служебную дорогу не чрез ярлык, а показанием на деле своих знаний и пригодности на службе. Разве мы не знаем людей, опытом и знанием превосходящих всех патентованных ученых, а между тем они, например, техники, без диплома не допускаются к самостоятельной деятельности, хотя бы они сто раз доказали самым делом свою опытность и знание. Это – первое. Сделай правительство такой опыт, – половина наших высших учебных заведений опустела бы. Иудеи ушли бы оттуда и очистили бы место для тех, кто хочет учиться для науки. Затем: ведь я не отрицаю значения школы и науки. Я только говорю, что школа, исключительно развивающая ум и совсем оставляющая в забвении сердце, несомненно уродует человека. В громадном большинстве ныне прошедший школу юноша приобретает только известную сумму знаний; много-много, если он приобретет в школе некоторый лоск интеллигента, научится светским приличиям, а его нравственное развитие чуть ли не искривляется в дурную сторону: самолюбие – невыносимое, у него голова перевешивает сердце, самоцен^[4] – без меры и конца... Он несчастен, ибо постоянно может ожидать в жизни искушений для этого самоцена. Ведь древние не так рассуждали. Когда жил праведный Иов? Он был, по древнему сказанию, пятым от Авраама, жил, следовательно, когда евреи были еще в Египте – до Моисея. И вот как он определяет мудрость: *премудрость есть благочестие*. В самом деле: если сердце есть главный орган духовной жизни, откуда исходят, по слову Спасителя, все помышления, и благия, и злыя, если в сердце находятся исходища живота, ^[5] то будь человек благочестив – он будет и премудр, духовно опытен в жизни, ему легко будут даваться и земные науки, хотя Бог сотворил человека не для земли, не для того, чтоб он воспользовавшись здесь земными благами, потом своим телом только удобрил мать-сыру землю, а для вечности... Ведь христианину-то стыдно забывать об этом, а мы, кажется, еще не отреклись от христианства.

Но это тема безконечная: мне только хотелось обратить внимание моих читателей на одного из современных идолов культурного человечества – на тот самообман, в котором многие из нас находятся в отношении образования. Я был бы счастлив, если бы кто-нибудь задумался над этим и, если есть у него дети, сумел бы и им внушить, что их успехи в ученье без обучения науке из наук, искусству из искусств, как называют св. отцы *духовную жизнь*, – не дадут им счастья, что если хотят они быть счастливы, то пусть учатся этой великой науке – жить по заповедям Божиим и растить в своем сердце благодатные семена жизни вечной. Только тот на земле истинно счастлив, кто опытом сердца знает силу словес Господних: *царствие Божие внутрь вас есть...*

№ 10

Святые дни

Кто живет церковною жизнью, для того тихо, среди покаянных молитв и трогательных воспоминаний проходит Святая Четыредесятница. Там, за стенами церкви, бурно шумит море житейское, а здесь благодатный мир приосеняет измученные души кающихся грешников. Не любит грешный мир этого слова – “грешник”, не хочет он признать существование греха: за то и рабствует он греху без надежды на ту свободу духа, какую дает смиренное покаяние у подножия креста Христова. Вне Церкви – нет истинного мира, нет чистой радости, нет того счастья, о коем не имеют понятия сыны мира, но которое опытом сердца ведают чада Церкви Православной. О, если бы люди знали это счастье! Если бы целым сердцем возжелали его! Весь мир тогда преобразился бы.

К несчастью, бесполезно говорить с сынами века сего об этом счастье, об этой радости, об этой сладостной тишине сердца. Это значило бы говорить с слепыми о красоте цветов, с глухими – о чудной гармонии звуков... Это значило бы говорить с язычниками о сущности христианства. Не по страху только мучений древние христиане укрывались в катакомбах: в эти подземелья влекло их непреодолимое желание быть наедине с Богом, уйти от этого мира, всецело погруженного в рабство греху. Там м изливали они свои пламенные молитвы, там совершали Божественную Евхаристию, там переживали то, что Господь разумел, когда изрек: *царствие Божие внутри вас есть...* Тщательно оберегали они эти тайны духовных настроений от язычников, ибо язычники не могли понять сих тайн, а могли лишь осмеять их...

Ужели и мы дожили до таких времен? Если еще не дожили, то не близятся ли они? Боже! А ведь те, кто вокруг нас, среди кого мы живем, именуют себя христианами! Страшно подумать, что это за христиане... И неужели сии, глаголемые христиане никогда, даже в детстве, в ранней юности, не чувствовали на себе веяния Божьей благодати? Ужели ни разу в жизни хотя бы детским сердцем не переживали они тех благодатных минут священного восторга и умиления, какими преисполняется верующее сердце в великие дни Страстей Господних и Святой Пасхи? Хотя бы в детстве!.. Недавно в своем Дневнике я привел письмо одного молодого человека, которого спасло от самоубийства одно мимолетное воспоминание пасхальной радости, испытанной когда-то им в детстве: запасаются ли нынешние дети такими спасительными впечатлениями на грядущие дни великих для них испытаний? Сказал некогда Господь Своим ученикам: “не препятствуйте детям приходить ко Мне”... о как хотелось бы просить, умолять современных глаголемых христиан: не препятствуйте хотя детям-то своим, если уж сами очерствели, не способны к тому стали, им-то не препятствуйте воспринимать благодатные впечатления служб церковных в великие дни! Не лишайте их той неземной радости, какая посещает сердце верующее в созерцании великих дел Божиих в спасении рода человеческого! Ведь наше православное богослужение не есть простое воспоминание событий из жизни Спасителя нашего: нет, оно переносит нас во времена евангельские, дает нам возможность таинственным образом переживать то, что переживали живые свидетели тех событий – Апостолы и верующие души, о коих сказал некогда Господь: *ваши же блаженны очеса, яко видят, и уши ваши, яко слышат. Аминь бо глаголю вам, яко мнози пророцы и праведницы возжелаша видети, яже видите, и не видеша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мф. 13, 16). В самом деле: мы ни на минуту не должны

забывать, что все мы, верующие во Христа Спасителя нашего, составляем живое таинственное тело Его – Церковь, что жизнь христиан минувших веков есть жизнь Церкви, а следовательно, и наша жизнь, что для нас все отшедшие к Богу из мира земного отцы и братья *живи суть*, все обретаются в благодатном общении с нами чрез Церковь и Главу ея – Христа Спасителя, что Господь наш, по безконечной любви Своей ко всякому верующему в Него, силен соделать каждого из нас причастником того созерцания, того “блаженства очес”, о коем Он Сам говорил... И св. Церковь дает полную возможность к тому – чрез свои чудные обряды, посредством несравненной, неподражаемой поэзии песнопений. Смотрите, например, с какою мудростью, с какою постепенностью и знанием души человеческой готовит она нас к величайшему торжеству живаго общения с небом: как иначе назвать наш всерадостный праздник Христова Воскресения? Для того, чтобы взойти на небо, надо прежде всего очиститься от всякой нравственной грязи: “ничто нечистое не войдет туда”, говорит слово Божие (Апок. 21, 27). И вот положен пост, по числу дней равный посту Христову. Не легок подвиг поста для немощи человеческой: и к посту – приготовление: неделя о Закхее – урок беззаветной любви ко Христу; неделя о мытаре и фарисее – урок глубоко смиренной покаянной молитвы; неделя о блудном сыне – урок смиренного покаяния; неделя о Страшном Суде – урок страха Божия. Затем – седмица полупоста – сырная. Затем – неделя о падении Адамовом и – уже самый пост во всей его строгости... Возьмите хотя дома в руки великую книгу покаяния – Триодь постную, почитайте стихиры и каноны, особенно Великий канон святого Андрея Критского: сколько слез пролито св. песнописцами при составлении их! Сколько умиленного чувства! Уже с середины св. поста верующие поклоняются Кресту Господню, и сей Крест созерцается ими как бы в некоем отдалении постепенно приближающейся священной Голгофы – великих дней Страстей Господних. И чем ближе сии дни, тем больше напоминаний о покаянии. В четвертое воскресенье Церковь творит память одного из великих учителей покаяния – преподобного Иоанна Лествичника, написавшего свою “Лествицу”, возводящую на небо, полную великих уроков духовного опыта, скопленного сорокалетним подвигом в уединении священной горы Синайской. Как жаль, что мало читают эту книгу православные христиане! Это – не ученый трактат, это скорее золотая цепь изречений, полных духовной мудрости; разительных примеров, отеческих наставлений, облеченных в такую форму, что многия из них хотелось бы заучить наизусть! Любят наши образованные, религиозно настроенные христиане читать книгу Фомы Кемпийского “О подражании Христу”, которая, кстати сказать, по отзыву наших святителей-аскетов, написана “из мнения”, т. е., в состоянии мечтательности, неправильного духовного настроения, а вот этой книги – “Лествицы” – вовсе не знают. А св. Церковь так высоко ценит труд преподобного Иоанна, что уставом предписывает в монастырях читать его за богослужением во дни поста, наравне с творениями преподобного Ефрема Сирина, а память самого автора чтит особою службою в 4-е воскресенье Великого поста.

В четверток на 5-й неделе читается великий канон Андрея Критского – этот покаянный плач грешника у затворенных врат райских. Пред нами проходит вся история Ветхаго и Новаго Завета как бы в картинах: все, что можно извлечь назидательного для души, не только извлечено, но и применено к делу в трогательных обращениях и увещаниях: как будто нежно любящая мать с слезами горячей любви увещевает, умоляет сына-грешника очнуться, оглянуться на себя, познать свое бедственное состояние, покаяться, обновиться душою... В следующее, пятое воскресенье представляется единственный по высоте

подвига образец покаяния и духовного обновления в лице преподобной Марии Египетской. Этот пример заставляет смолкнуть все извинения человеческой немощью, обычно приводимыя грешниками, когда их зовут к покаянию. Если последняя из грешниц, всецело, из страсти к отвратительному пороку отдавшая свою бурную молодость греху, оказалась, при помощи Божьей благодати, по ходатайству Матери Божией, способною к столь нравственному перерождению до состояния почти безплотной, ходившей по водам Иордана, яко посуху, читавшей в душе старца его мысли, знавшей Писания без знания грамоты, провидевшей свою кончину, то кто же смеет сказать в свое оправдание, что нет ему возможности к покаянию и спасению? Да смолкнет пред сею святою женою всякое самооправдание наше, всякое “не ищевание во гресех!” С понедельника Вербной недели в церкви уже слышится имя друга Божия Лазаря, имя благословенной Вифании. Прочтите в высшей степени поэтический канон Андрея Критского, положенный в пятницу, накануне воскресения Лазаря: какие чудные образы, какая картина плачущаго ада развернется пред вами! Ад плачет, ибо уже слышит голос грядущаго Воскресителя мертвых. Плачет и сам же умоляет Лазаря поскорее покинуть его мрачную темницу, ибо зовет его Божественный Друг...

Пятницей Вербной недели кончается собственно Святая Четыредесятница. Как Христу, грядущему на вольную страсть (страдание. – *Ред.*), тихая Вифания дала отдых, так утомленным трудникам св. поста облегчается сей пост на два дня: субботу Лазареву и день ваий – Вербное воскресенье.

С ваиями и ветвями, с пением “осанна, благословен Грядый” мы встречаем Господа, грядущаго на страдания. Особенно трогательно видеть в этот день малюток, с таким восторгом, с таким неподдельным благоговением держащих священные ветви и горящие свечки в своих ручках! Та к живо воспоминаются те дети, которые, несмотря на суровые запреты книжников и фарисеев, громко зывали Победителя смерти Господу Иисусу: *осанна! осанна Сыну Давидову! Благословен Грядый во имя Господне!* И как-то стыдно становится пред древними евреями, которые вот умели же научить своих детей родным Давидовым псалмам, ибо эти слова прямо взяты из псалма, – а наши дети не знают иногда и самых необходимых молитв... И представляется, что Кроткий и Смиренный, восседающий на ослиати Господь с любовью взирает на этих деток, внимает их – если не хвалебным восклицаниям, то радостным вздохам сердечным, и благословляет их Своим небесным благословением.

С вечера недели ваий священнослужители уже меняют светлые священные одежды на черные. Наутро уже трогательно звучат песнопения: *Се, Жених грядет в полунощи... Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...* В стихирах вспоминается трогательная история Иосифа Прекраснаго – ветхозаветнаго прообраза Христова и притча о бесплодной смоковнице. С третьяго часа начинается чтение всех четырех Евангелистов подряд. Пред нами проходит вся жизнь нашего Спасителя на грешной земле, все Его чудеса, мы слышим все Его Божественное учение, все Его заветы... Это чтение длится три дня на часах сей седмицы. Во вторник Церковь напоминает нам снова Страшный Суд Божий и притчи Христовы – о талантах, о десяти девах. В среду верующее сердце может выплакать свое горе, омыть свои нечистоты греховныя у ног своего Спасителя вместе с женою, помазавшею Господа миром. Как трогательна стихира, в среду на вечерни, составленная смиренно песнотворицею древней Церкви, монахиною Кассиею! Она как будто сама плачет у ног Христовых, как будто сама переживает эти минуты священнаго умиления, этой отрадной скорби, этого духовнаго обновления!

Великий Четверток. Тайная вечеря. Верующие причащаются Божественных и животворящих Христовых Таин. Христос среди учеников Своих проводит последнюю вечерю, изливает пред ними Свою любящую душу. Уже на этой вечере слышится тихая грусть, глубоко сокрытая скорбь Его, но Он утешает любимцев Своих, ибо видит, что и они предчувствуют грядущую разлуку. Только Иуда злочестивый является темным пятном на этой трогательной картине, и лишь вышел он из священной горницы, как отверзлись уста Божественного Учителя и полились Его сладостные речи в Его прощальной беседе с учениками... О, если бы мы чаще повторяли себе эту беседу! Чаще вспоминали бы святые заветы Его! Но – увы! Мы слышим ее разве только раз в год – на утрени Великого Пятка...

Пяток, Великий Пяток!.. Господь среди страданий. В двенадцати чтениях из всех четырех Евангелистов во всей полноте и трогательности раскрывается пред нами великое дело Любви Божией, воплотившейся и страдающей за грехи мира. Какие стихиры, какие антифоны! Я не знаю ничего более трогательного в поэзии, как эти антифоны, эти стихиры, эти седальны... А напевы! Наши древние церковные напевы! Какая музыка может сравниться с ними? Кто не смягчался сердцем, у кого не выступали слезы хотя бы при пении светильна: *Разбойника благоразумного?*..

Величие дня всемирной скорби, Великого Пятка не позволяет совершать в сей день литургию: верующие довольствуются благоговейным созерцанием искупительной Жертвы, принесенной в сей день за грехи всего мира. Вместо литургии совершаются Царские часы. В чтениях ветхозаветных пророчеств, чередующихся с чтениями из писаний Апостола Павла и св. Евангелий, мы можем видеть, как Господь, по неизреченной благодати Своей, постепенно готовил род человеческий к принятию Спасителя пророчествами и прообразами.

Наконец – вечерня, единственная в году вечерня, с выносом св. плащаницы, с трогательным пением: *Благообразный Иосиф*... Мы переносимся духом в Иерусалим, на Голгофу, в сад Аримафейского Иосифа, мы с умилением созерцаем погребение нашего Господа, мы участвуем в этом погребении своим сердцем, мы плачем с Преблагословенной Матерью Господа над Его бездыханным, но животворящим Телом... Что может быть умильнее этих обрядов Христова погребения? Какая верующая душа не выронила слезу при пении: *Тебе, одеющегося светом, яко ризою*... или: *Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного?*.. А канон на плач Пресвятыя Богородицы? Да это такая поэзия, с какою не сравнится ничто из творений всемирно прославленных поэтов!

Я не буду говорить об утрени Великой Субботы: эта таинственная глубоко поэтическая кафисма с ея похвалами Господу, почивающему во гробе, похвалами, полными духовных созерцаний того, что творилось в загробном мире и в самой преисподней в то время, когда Творец мира телом почивал во гробе, причем неподражаемо художественно изображается настроение всей природы, даже бездушной природы, в эти великие дни искупления мира его Творцом, – этот также полный поэзии и вместе глубокого богословствования канон: *Волною морскою*, ирмосы которого наполовину написаны тою же инокинею-поэтессою Кассиею. Наконец – крестный ход вокруг храма с плащаницею в полумраке глубокого утра – все это так благодатно действует на душу верующую, что не шел бы из церкви, все стоял бы коленопреклоненный у гроба своего возлюбленного Господа Иисуса и плакал бы о грехах своих сладкими слезами умиления!..

Литургия, в своей первой части, то есть собственно вечерня, есть тоже как бы “приседение прямо гроба” с Мариною Магдалиною и другою Мариною и благоговейное

размышление о великих судьбах промысла Божия в искуплении грешного человечества, при свете ветхозаветных пророчеств и прообразований. В 15-ти паремиях, или чтениях из Ветхаго Завета, раскрывается вся история домостроительства нашего спасения, от сотворения мира до самого пришествия Христова. Как глубоко не пожалеть наших собратий, которые проводят этот день в суете предпраздничных приготовлений и не заглядывают в храм Божий! Подумать только: чего сами себя лишают они! Какою дорогою ценою окупают свою суету!

И ведь вот что особенно прискорбно: ну пусть бы мирянин-простец, в поте лица своего достоящий себе хлеб насущный, так погружался в эту суету – было бы хоть понятно; но люди обеспеченные, люди, имеющие полную возможность быть в церкви в эти великие дни, их-то почему мы не видим в церкви Божией? Они-то куда ушли от гроба Жизнодавца? Мало того, что сами ушли: и деток их вовсе не видно тут, у подножия Христовой плащаницы! Господи! Коснись их сердца, дай им хотя мало восчувствовать сладость благодати Твоей, столь преизобильно веющей в святом храме Твоем в эти дни; быть может, если не сознание долга – быть при гробе Твоем, то хотя бы это благодатное настроение, это духовное блаженство верующаго сердца привлечет их сюда, чтобы с нами, служителями Твоими, лобызать раны Твои, поклоняться священному изображению измученного тела Твоего, почивающего на ложе тридневном, и встретить потом в светлой радости преславное Твое Воскресение!..

№ 11

Пасхальная радость и пастырская скорбь

Христос воскресе, мои дорогие читатели! И да воскресит Он и наши сердца, да согреет их любовью к Себе, да вдохнет дух жизни в наши измученные, как бы замершие души!..

Нет в человеческом языке слов, более сладостных, более животворящих, более чудодейственных, как эти два слова: Христос воскресе! Когда произносишь их – чувствуешь, будто и солнце тебя ласкает, и радость вокруг тебя всюду разливается. А когда представишь себе, что ведь эта радость, это ликование жизни над смертью, это живое общение с землею и земли с небом в сей нареченный и святой день идет по всей Руси, от востока до запада, от пустынной Камчатки до тех русских областей, которые уже соприкасаются с Западной Европой, то невольно воскликнешь: о, как счастливы мы, Русские, что и родились, и пребываем неизменно в недрах святой нашей матери Православной Церкви! Там, у западных христиан, торжественнейшим праздником христианства почитается праздник Рождества Христова; велик сей праздник и в нашей Церкви, и называется он тоже *Пасхою* в книгах богослужебных, но ведь рождение Спасителя есть только начало нашего спасения, а воскресение – завершение его, полное торжество Господа нашего над адом и смертью, над человекоубийцею исконным – сатаною. А ведь *Его* торжество есть торжество наше – торжество всего искупленного Им человечества. Есть верование: кто умрет среди светлых дней Пасхи, для того отверсты врата райския. Верование это сложилось под впечатлением пасхального богослужения. В самом деле, в течение всей пасхальной седмицы в церкви усопших не поминают; аще случится кому отъити ко Господу в сии святые дни, то вместо обычного отпевания поется Пасхальный канон, вместо: *Со святыми упокой* поется: *Аще и во гроб снизшел еси Безсмертне, вместо вечной памяти* поют все то же всерадостное *Христос воскресе...* Как будто смерти вовсе нет, ея Церковь не замечает, как бы презирает, восклицая с пророком: “смерть, где же твое жало?” И это несчетное число раз поемое *Христос воскресе*, и этот полный священного восторга канон, и эти целую неделю незакрываемая царския врата во всех храмах православных, и этот целодневный, в продолжение всей недели звон на всех колокольнях святой Руси, и эти радостные приветствия и братския лобзания: *Христос воскресе – воистину воскресе!*.. – все это как бы свидетельствует, что небо соединилось с землею в великом торжестве всемирного обновления, и в этом торжестве участвует даже бездушная природа: ярко светит и будто играет весеннее солнце, теплом веют южные ветерки, повсюду пробуждается растительность, весело скачут горные потоки, реки поспешно сбрасывают свои ледяные покровы; шумно и весело встречают грядущую весну не только пернатые гости-певуны, к этому времени возвращающиеся из далеких южных стран, но и домашние животные, выпускаемые на пажити... Воистину, всемирный пир веры, торжество в честь Воскресшаго Жизнодавца! Христос воскресе, Христос воскресе!!!

Простите мне, добрые христиане, читатели мои... Я хотел на сих словах и кончить свой нынешний “Дневник”. Мне не хотелось омрачать вашу светлую радость воскресения словом обличения тех, кто заслуживает обличения; но в моей пастырской совести я слышу голос Божий, в глубокой, еще ветхозаветной древности глаголавший пророку: “Если страж видел идущий меч, и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщут от руки стража. И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и

ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня...” (Иез. 33, 6–7). Та к глаголет Господь и в совести каждого пастыря Церкви Своей. Вот почему великий Апостол взывал: *горе мне, аще не благовествую!* (1 Кор. 9, 16). Вот почему и я долг имею сказать правду, по крайней мере тем, кто принадлежит моей пастве, чтобы не отвечать Богу, по реченному: “кровь их от твоей руки взыщу!..” (Иез. 33, 8).

Ликует душа пастыря, совершающего богослужение в первый день Пасхи, облаченного во весь светлейший, по выражению устава церковного, сан, обходящего многократно весь храм с сладостным и радостным благовестием – *Христос воскрес!* Будто шум вод многих слышит он в ответ на этот привет: *Воистину воскрес!* Светлая утренняя подходит к концу. Уже поют чудные стихиры Пасхи. Наступает момент трогательного выражения взаимной любви, взаимного прощения, простим вся воскресением! Выходят священнослужители из алтаря, будто ангелы Божии с неба, и начинается “христосование”. В эти минуты каждому хотелось бы весь мир обнять и прижать к своему сердцу, полному радости и счастья, и вот Церковь Христова дает исход этому чувству сердца в прекрасном обряде христосования. Все ликуют, все лобзаются друг с другом, повторяя ангельское – *Христос воскрес!* И отвечая на него апостольским – *Воистину воскрес!*..

Но – что это значит? Церковь начинает пустеть... Служба еще не кончилась, а богомольцы, особенно люди чиновные, уже куда-то спешат... Что случилось?..

Тридцать лет жил я во святой обители, а раньше всегда встречал св. Пасху в родном сельском храме, и никогда не приходилось наблюдать того, что заметил в городских соборах, когда стал архиереем. Половина храма до сего момента обычно наполнена блестящими мундирами. А с этой минуты, как только сии мундиры похристосуются с архиереем и представителями высшей гражданской власти, так все уходят, и их место во время Божественной литургии – пустоет... Я был грустно поражен, когда увидел это в первый раз: и омрачилась для меня радость светлого праздника грешною, может быть, в такой день, но тяжелою скорбью. Куда так спешат эти чиновные мундиры? Ужели уж так утомились, что не в силах достоять литургию?.. Нет, но они спешат – на разговенье... Позвольте же: да разве можно “разговляться” – до обедни? Спросите любую безграмотную старушку, и она вам скажет, что это – грех, что это оскорбление праздника Господня... Ведь что такое литургия? Это воспоминание всего великого искупительного подвига нашего Господа, это великое, установленное Им таинство, чрез которое мы можем иметь с Ним живое благодатное общение – в причащении Его Божественных Таин приискренне соединяться с Воскресшим, становиться – не в переносном, а в буквальном смысле – членами Его таинственного тела – Церкви, по реченному: *Ядый Мою плоть и пий Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56), и: *един хлеб – едино тело есмы мнози, вси бо от единого хлеба причащаемся* (1 Кор. 10, 17). Вот почему в доброе старое время, а в благоустроенных обителях и на Св. горе Афонской еще и теперь в этот день все присутствующие, все молящиеся в храме причащаются Тела и Крови Господних. Увы! У нас дошло до того, что один “образованный” мундир спрашивает архиерея: “а что, владыко, важнее: утренняя или литургия?”... И вот бегут от литургии, чтоб скорее выпить, да, именно выпить прежде всего, и закусить (позволительно спросить еще: все ли разговляются в этот день? Ведь многие и не нуждаются в “разговеньи”, ибо и не “заговлялись” вовсе...), закусить и прилечь уснуть – пока до визитов... И грустно становится пастырю. О, как грустно, когда он видит во время литургии половину храма пустующею, и только верные молятся с ним, молятся о всем мире и вот об этих неразумных “интеллигентах”, что ушли из храма Божия прежде времени... ^[6]

Но скорбь пастыря сим не оканчивается, а только начинается. Как проводят русские люди Великие дни?

Все празднование полагается в праздности, в служении чреву, в празднословии и забавах. Работать во славу Божию почитают грехом, а проводить время в праздности и предаваться игрищам, не всегда безукоризненным, а – что хуже всего – пьянствовать, сквернословить, буйствовать, это – не грех, это можно – ведь, “кто празднику рад, тот-де до свету пьян!”... Мнящие себя быть цветом народа, люди “общества”, интеллигенты, с утра до вечера визитируют, а вечером, вместо того, чтобы пойти в храм Божий, спешат в театр, на вечера, балы, где предаются танцам, картежной игре, пустословию и нередко тому же пьянству, как и простой народ, только прикрытому приличиями... А простой народ – на гульбищах, на базарах, около винных лавок и – да не возглаголют уста мои грешных дел человеческих, что творят в великие и святыя дни праздничные, особенно же в дни Святой Пасхи!.. И томится болью сердце доброго пастыря, и молится он: Господи, не постави им греха сего! И желает он только бы скорее миновали эти дни...

И вспоминается завет великаго Апостола Христова Павла христианам: “Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом... ибо Пасха наша Христос заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины”! (1 Кор. 5, 6–8).

№ 12

Сердце очерствело...

“Сердце наше окаменело”, – пишет мне один из простецов-читателей, душа стала, как воск на морозе, а царь Давид говорит, что воск тает от лица огня. Та к и душа наша нуждается в солнце, чтобы согреться и умягчиться. Но лучи солнца мало проникают сквозь мрак житейской суеты... Вот наступает праздников праздник – Светлое Воскресение Христово; какая радость для христианина, какое торжество, как душа волнуется!.. Мне уже 60 лет от роду; значит, я встречаю сознательно этот праздник, по крайней мере, в 50-й раз, и все одно и то же, – та же радость, то же душевное волнение, как и 50 лет назад! С нетерпением ждешь удара в колокол к светлой заутрени, с трепетом сердечным идешь в Божий храм, а при пении радостного *Христос воскрес* – от умиления слезы текут... А потом что? Иду домой, христосуюсь с домочадцами, и все садимся за стол, уставленный яствами и питьями со спокойной совестью... А там, где-то далеко от нас, слышится жалобный голос: “Мама! мне холодно!.. Мама! я есть хочу!” А эта несчастная мама в нетопленной хате крепко прижимает к себе своих малюток, как птица птенчиков, чтобы согреть их, и слышит она торжественный звон, и заливается для праздника горячими слезами... А детки опять свое: “Мама, я есть хочу, мне холодно!”... – “Да обождите родные мои! Вот Бог пошлет”...

А мы с спокойной совестью разговляемся, мы не слышим этих горьких жалоб вдов и сироток, и мы смеем называть себя христианами!.. Св. Евангелие всегда пред нами; раскроем его и прочтем, – вот что говорит Христос грешникам: “ алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и вы не приняли Меня; был наг, и не одели Меня, болен и в темнице, и не посетили Меня... Идите же от Меня, проклятые, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его!” (Мф. 25, 41–43)... О, как страшно! Та к ли ты поступаешь, душа моя? Та к ли, как велит Христос? О, как хотелось бы, хотя в этот великий торжественный праздник, обогреть и накормить этих несчастных сироток, согреть их теплым отеческим словом, – какую радость мы принесли бы этим вдовицам, этим сироткам, в этот великий и пресветлый день Христов! А какая радость была бы для нас самих, для нашей души: мы сказали бы: “Слава Богу! Хотя раз в году мы исполнили завет Христа!”

С удовольствием я делаю выписки из этого письма и радуюсь, что есть еще добрые христианские души, которые не совсем забыли заветы Христовы, что еще тоскуют сердцем по этим заветам. Далее в письме автор скорбит, что он одинок, что один он не в силах этого сделать – на это у него средств нет... Не скорби, добрая православная душа! Не можешь ты сделать многого – сделай хотя немного; не можешь согреть и напитать всех сироток, которых видишь, – пригрей и накорми хоть одного из них, приласкай и добрым словом утешь остальных: это-то ты уж, конечно, можешь, а Бог, видя твоё доброе произволение, пошлет тебе невидимо средства и на других сироток... Ведь не мы делаем добро, а Бог в нас и чрез нас творит его, – мы же только орудие Его жизнедеятельности на земле... Христос ищет среди людей, среди верных Его заветам душ, таких, у коих сердце открыто для добра, и творит чрез них это добро, и делает их счастливыми, живыми членами Своего таинственного тела – Церкви Православной... Не знают этого счастья сыны мира, служащие богу века сего – мамоне; не знают еретики, высоко о себе думающие: это счастье доступно только смиренным душам, внимающим слову Христову:

егда твориши милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя (Мф. 5, 3). И когда же мирянину творить такое животворящее для души добро, как не в праздники Господни, как не в светлые дни Христова Воскресения? Ведь то, что мы делаем ближнему, мы делаем Самому Господу нашему, слышите, что Он говорит: аминь, глаголю вам: *елика сотвористе единому братий Моих меньших – Мне сотвористе!* (Мф. 25, 40).

Я говорю мирянину... А мы, пастыри, мы что должны делать в святые дни?.. О, конечно, по мере наших сил, идти впереди своих пасомых в доброделании, ибо сказано: *овцы по Нем идут* (Ин. 10, 6); мы должны первые подавать пример любви христианской во имя Воскресшего Христа. А затем – слышите: русская душа жалуется, что ей холодно? Та к согреем ее благодатью Христовой! О, как преизобильно веет эта божественная благодать, всегда немощных врачующая и оскудевающих восполняющая в нашей Церкви Православной! Одно уже богослужение, разумно, благоговейно, истово совершаемое, как согревает верующее сердце! И особенно богослужение праздничное: какая дивная поэзия в песнопениях, какая красота, выразительность, осмысленность в обрядах! Привлеките к участию в богослужении молящийся народ, введите постепенно общее церковное пение: пусть дети поют и читают в церкви, а вы не опускайте ни одного богослужения без живого слова проповеди, хотя краткого, но сердечного, и – верьте: тогда никто не пойдет на эти скучнейшие собрания еретиков – пашковцев, штундистов, баптистов, имже ныне несть числа. Чтобы приучить народ к общему пению, ныне издано много сборников молитв и песнопений, ценою в несколько копеек: каждый может себе приобрести такую книжку и по ней петь то, что положено и чего не знает он наизусть. Затем, кроме богослужения, открывайте внебогослужебные собеседования и в храме, и в школах, и по деревням. И здесь учите народ пению: он так любит петь церковные песнопения. И научить этому не особенно трудно: ведь если он запомнит восемь напевов гласов, то уже может и петь стихиры, остальное еще легче усвоить. На собеседованиях облакайте истину Христову в образы, приводите больше примеров из жизни святых Божиих, как они прилагали к жизни учение Христово, а чтобы не сказал кто: то были святые, а нам, грешным, где же им подражать? – берите примеры и из современной жизни... Кто хочет исполнить свой долг по совести, кто любит сердцем своих пасомых, тот постоянно слышит в своем сердце голос Христа Спасителя: *жатва убо многа, делателей же мало...* И жаждущих слова Божия много, ах, как много! Ведь почему-нибудь да идут к еретикам, на их собрания: что их влечет туда? Простое ли только любопытство? Нет, там они надеются пить воду живую, но вместо того – пьют яд вражды против матери-Церкви... “Отчего у нас понятия помутились, – пишет мне тот же простец, – отчего мы не можем отличить черное от белаго? Да оттого, что нас не учат, с нами не беседуют по-отечески, оттого, что мы не чувствуем той теплоты в наших пастырях, какой просит наша душа... Если бы наши пастыри пошли в деревню на беседы, посмотрите, как повалил бы к ним народ послушать святой той проповеди, пришли бы и мужчины, и женщины, и дети: какая радость была бы для пастыря, да и для простых людей! Они долго помнили бы и проповедь, и проповедника. А у нас появились волки хищные в овечьей шкуре, именуемые баптисты, и увлекают из стада Христова добрых овечек. Везде, где они появляются, народ валом валит послушать проповедника-баптиста о слове Божиим. Простой человек рад хоть безбожника послушать, только бы говорил он о слове Божиим. А у нас нет бесед у наших пастырей, нет света, нет тепла, и остыли наши души, и перестают православные в церковь ходить... Дайте же нам света, дайте нам тепла, согрейте нас отеческой любовью!”...

Вот голос православной народной души. Ужели мы не услышим его? Страшно Богу ответим, если притворимся, будто не слышим его. Его нельзя не слышать. Алчущий и жаждущий народ – смотрите – идет к тем, кто дает ему камень вместо хлеба, змию вместо рыбы: кто ответит Богу за это, братья-сопастыри стада Христова?!

Мой отклик на голос из земли забвенной

Сегодня читатели найдут в “Троицком Слове” письмо миссионера “Из земли забвенной” – из далекой Камчатки. Молодой проповедник Православной веры Христовой прибыл оттуда нарочито в Петербург, чтобы поведать духовные нужды инородцев, обитающих в этом холодном, пустынном крае, знакомил жителей Петербурга с бытом и нравами этих детей природы, призывал православных к образованию общества или братства, чтобы вносить свет Христов в этот, действительно, забытый в духовном отношении край, где на расстоянии 943 000 квадр. верст нет ни одной православной церкви, где тунгусы, принявшие св. крещение, видят священника один раз в 20 лет... Отец Нестор рассказывал, как ему приходится объезжать за сотни и тысячи верст отстоящая одна от другой юрты туземцев: ехать нужно на собаках, в страшную стужу, в вечной тьме, прорезываемой только иногда северными сияниями. Слушая его рассказы, невольно начинаешь стыдиться за тех, кои именуют себя православными, но своим поведением, своею деятельностью блазнят только младенчеству инородцев, которые с недоумением спрашивают: “А где же Светлый Бог вон у тех...” Жаль, что о. миссионер не написал тех подробностей, которые он передавал в устной беседе: о том, как живут эти дети природы, как устроены их юрты, как он пробирается в эти юрты, спускаясь через дымовое отверстие сверху, верхом по закопченному бревну, пачкаясь сажею, задыхаясь, без привычки, от дыма, разъедающего до боли глаза, переполняющего нос и рот, как нуждаются эти дикари в помощи медицинской. На всю Камчатку есть всего лишь один врач, да и тот никогда не ездит по инородцам. Сестры милосердия несут самоотверженный труд, но их всего на Камчатке – три. И вот в этой юрте, пропитанной запахом гноя, миссионера окружают больные, голодные люди, среди них много с отгнивающими частями тела, безногих, безруких, с искаженными и выгнившими лицами, всякого возраста, от младенца до старика. Вот ползет десятилетний мальчик, покрытый страшными гнойными язвами, и безсвязным глухим стоном просит о помощи и облегчении. Вот его несчастная мать, исстрадавшаяся за него, старается облегчить страдания своего любимца-сына, но как? Она вырезает его гнойные наросты рабочим тупым, иногда грязным, ножом, вытирает эти раны сухой травой и, конечно, засоряет их еще более... Вот отец с отгнившими ногами, с болезненным стоном ползет по земле, разлагаясь дальше, а мать и дочь, лет семи малютка, обе скорчены и ходят, опершись руками на землю, с опущенной всегда вниз головою...^[7] Сердце содрогается, когда слышишь это из уст того, кто, лицом к лицу, сердцем пережил все это как свидетель неложный, как служитель Христа, душу свою отдавший этим страдальцам, а когда он же поведает, что эти дети природы встречают каждого, носящего духовную одежду неизъяснимо-трогательным приветствием: “Христос воскрес!” – как будто напоминая тем, что во имя Воскресшего Спасителя мира они ожидают от нас помощи как духовной, так и телесной, – трудно удержать слезы сострадания, и я видел эти слезы на глазах даже мужчин, которые слушали о. Нестора... И слава Богу, дело, зачем он приезжал в столицу, налаживается: братство уже представило в Святейший Синод свой устав, более ста лиц из высшего круга откликнулось на его призыв и записалось в учредители. Сам

Благочестивейший Государь изволил принять молодого труженика на невозделанной ниве Евангелия, и отнесся с царским благоволением к его святому делу.

Да, дело святое, дело великое, дело, Богом порученное нашей Руси Православной... Но что творится с нашею Русью? Сама-то она не пошла ли из христианства обратно к язычеству? Не обратились ли многие из ее сынов уже в настоящих язычников, кроме, может быть, только наименования? Русские люди будто опьянели от разных “свобод”, поняли эти свободы как “непротивление злу”, разрушают все преграды, охраняющие границы между добром и злом, стремятся проводить это “непротивление” в самые законы: где уж тут говорить об обращении инородцев из язычества?! Я очень боюсь, что и о. Нестор, в простоте души поверивший Петербургу, может легко обмануться: уедет он, полный надежд, к своим детски его полюбившим камчадалам, а в Питере его дело пойдет по канцеляриям, – те, которые с увлечением слушали его одушевленное слово, остынут в своем усердии и, – чего не дай, Боже! – позабудут его... А он будет повествовать своим пасомым о той братской к ним любви, какую питают русские православные люди в Питере, и они будут плакать от радости и ждать... Будет ждать и о. Нестор, будет напоминать о себе, но трудно воздействовать на Питер за 10 000 верст. А тамосушие, в Камчатке живущие “русские православные”, что “камлают за картами и шаманят за вином”, что безсовестно грабят наивных детей природы, будут подсмеиваться над их простотою и доверчивостью... И горько будет бедному, одинокому труженику в далекой холодной Камчатке, и надломятся его силы, и заболит он от непосильного труда... О, если бы я ошибся в этих предположениях! Если бы скорее образовалось братство, если бы пошли к о. Нестору добрые сотрудники-иноки, способные на великий подвиг!.. Ведь подумать только: эти инородцы, простые сердцем, как дети, тянутся к нам с такою доверчивостью, с такою надеждою, что, воистину, жаль их и грешно отвергнуть; они ищут у нас тепла и света: Богу ответим, если не дадим им этих духовных благ! Они готовы сродниться с нами духом, стать русскими людьми: ужели мы отвергнем их и согрешим пред родною историей, пред родным народом? И много ли для сего нужно, если говорить о средствах материальных? По одной копейке с православной души!.. И ужели нет среди нас, среди ста миллионов православных, людей, подобных о. Нестору, которые беззаветно отдали бы себя на святое дело апостольского служения в Камчатке?

Правда, мы живем в каком-то мраке безпросветном. Рушатся наши заветные идеалы, оскверняются святыни, гаснет вера в сердцах, оскудевает дух монашества. Казалось бы: в такое ли время говорить о подвигах апостольства?

Отвечаю: да, именно *теперь* и надо напомнить нам заветы предков наших во всей их чистоте и высоте; именно теперь и должно вызвать из среды нас людей, еще способных к подвигу... Одно их появление уже пробудит нашу совесть, заставит нас задуматься над тем, что мы делаем, куда мы идем. Яркий луч солнца, падающий на глаза спящих, пробуждает их от сна. Светлый порыв души на подвиг во имя Божие, готовность на самоотречение во имя любви к ближнему – уже сильны разбудить нашу спящую совесть. Ведь вот одно появление о. Нестора в этом бездушном, казалось, Петербурге пробудило совесть еще не потерявших веру во Христа: хотя сто человек на полуторамиллионное население столицы – капля в море, но ведь по слову Апостола Павла, “мал квас все смешение квасит”, и царство небесное, по слову Христову, подобно закваске, которая поднимает все тесто... Ужели же на Руси не найдется еще, хотя бы двух-трех ревнителей веры, которые пошли бы в Камчатку на подвиг апостольский? Ужели то движение, которое проявило себя в Петербурге, не отзовется в других городах? Да ведь оно, это

движение, нужно для нас самих, для собственного нашего спасения, как душевного, так и государственного... Оттого мы и гибнем, что омертвели духовно, не проявляем жизни в христианской деятельности, находимся в духовном параличе. Сделаем усилие, заставим себя пойти навстречу Христу: смотрите, в лице сих братий наших меньших Он простирает к нам руку Свою, руку, не только просящую у нас для сих братий помощи, но и всемогущую, нам же помогающую, нас же укрепляющую... Ведь, Господь и без нас может найти для сих инородцев просветителей и учителей веры, но Он хочет, чтобы мы исполнили сию святую миссию, чтобы нам досталось счастье быть их просветителями, чтобы мы были орудием Его благостного промысления о сих, сидящих во тьме и сени смертной сынах Адамовых. И они чувствуют простым детским своим сердцем все это, они простирают к нам свои умоляющие взоры, они с улыбкой детской радости встречают служителей Христовых радостным приветом – *Христос воскрес!* Ужели же мы отвергнем их? Ужели, в лице их, мы отвергнем Того, Кто сказал: *понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, – Мне сотвористе?* (Мф. 25, 40).

Нет! Этого не будет. Русь еще не отреклась от Христа. Она проснется, она стряхнет с себя эти, врагами веры и народа навеянные кошмары, она понесет свет Христов не только в свою русскую Камчатку, но и в Китай, и Японию, и в Индию, и всюду, где еще не проповедано святое Православие, где еще не светит свет Христов, просветити весь мир имеющий. Если святое Православие наше есть чистая истина Христова учения, то мы должны просвещать сим светом не только язычников, но и неправославных христиан. Западные христиане в последнее время шлют к нам, будто к язычникам, своих проповедников, разных баптистов, штундистов, не говоря уже о римо-католиках. Бедные! В своем самодовольстве они и не подозревают, что чистое Христово учение – у нас, что не им нас, а нам бы следовало просвещать их... Увы, мы не ценим, не знаем сокровища, какое вверил нам Бог, а кто знает его цену, тот не находит слов, как благодарить Господа за него.

Проснись же, родная наша матушка Русь! Сбрось с себя все чужое, наносное, вспомни заветы предков и то, к чему зовет тебя Господь! Слышишь: даже язычники камчадалы взывают к тебе: *Христос воскрес!*..

Кому Бог внушит добрую мысль помочь о. Нестору посильною лептою, тот может послать деньги прямо во Владивосток, на имя Высокопреосвященнаго Евсевия, Архиепископа Владивостокская и Камчатская, для миссионера иеромонаха Нестора. Не отказывается и наша редакция, и я лично, передавать сии лепты. Об открытии Общества или братства будет нами сообщено в свое время.

Дневник сей был уже написан, когда получен № 12,248 “Новаго Времени”, в коем сообщается, что Святейший Синод утвердил устав братства, о коем ходатайствовал отец Нестор.

Слава Богу: шаг вперед...

№ 14

“Хор душ” и Церковь

Слава Богу: сознание, что нельзя жить жизнью, оторванной от жизни наших предков, начинает проникать в среду таких искренних публицистов, как г. Меньшиков, который в последние годы желает идти впереди других по пути раскрытия нашего национального самосознания. Правда, о православии, как первой основе русского национального духа он еще говорит как-то робко, мимоходом, но и за то уже спасибо. Бог даст, если он не устыдится быть до конца искренним и глубже вдумается в суть дела, то и о православной вере нашей он заговорит с тем же горящим чувством любви, как говорит теперь о “национализме”, проще говоря: о народности, о тех свойствах русской души, которые отличают русского человека от всякого инородца. Ведь то, что говорит он о “жизни рода”, мы постоянно повторяем в отношении жизни Церкви. Церковь есть живой организм, есть тело Христово, коего членами пребывают не те только, кто живет теперь на земле, а все от века отшедшие к Богу отцы и братия наши, матери и сестры, начиная с первозданных прародителей наших и кончая тем христианином, который примет святое крещение, сочетается с распятым Господом, пред Его вторым пришествием на землю. Господь Сам говорит о Себе: “Я – лоза, а вы – ветви”. Отломится ветка от лозы и замирает: так – только в живом общении с Господом, с Его телом – Церковью, возможна духовная жизнь. А поелику наши предки “жили в Церкви”, Церковь была стихией их жизни, то быть в общении с ними и жить в Церкви значит одно и то же. Я говорю о жизни духа, но то же применимо и к жизни народной души, к народной психологии, народному мирозерцанию. Как жаль, что такие талантливые писатели, как г. Меньшиков, сами-то живут вне Церкви и только издали своим сердцем угадывают истину. Оттого она у них и высказывается как-то туманно, общими местами: читая их, чувствуешь, что человек ощупью подходит к ней! Оттого и суждения их иногда отзываются каким-то не то пантеизмом, не то еще какою-то туманною философией. Но важно уже и то, что они, благодаря своей искренности, подходят к церковному мировоззрению в самом важном вопросе жизни: “человек, говорит г. Меньшиков, лишает себя жизни личной, когда выходит из источника ее – жизни рода”. Подставьте здесь слово “род” словом “Церковь”, и получится тот закон, коим живет в Церкви все верующее во Христа человечество. “Всякое сколько-нибудь резкое отклонение от жизни рода составляет уродство и болезнь”. Опять замените слово “род” словом “Церковь”, и православный богослов охотно подпишется под этими словами. Ведь всякая ересь, всякое сектантское мудрование есть именно уродство и болезнь. “С индивидуальной точки зрения, говорит г. Меньшиков, родовая (по-нашему: церковная) жизнь есть жизнь вечная: она была до нас; мы умрем, а она потечет дальше, в потомстве нашем”. Тут автор, очевидно, говорит, как человек чуждый жизни Церкви и по ту сторону гроба, и будем жить вечно не церковною только, но и личною жизнью и по ту сторону гроба, и вот в этом-то и есть то счастье, о коем автор говорит тут же: “только тогда человек и счастлив, только тогда и чувствует в себе полноту жизни, когда он живет жизнью вечной, жизнью всех своих предков”. Ведь если нет вечной жизни личной, то для меня мало “счастья” в том, что и после меня “жизнь потечет дальше”. Ведь, “полнота жизни и счастья” именно в том, чтобы, как я лично, так и все мои близкие, и весь народ, мне родной, и все верующее человечество жило вечно и было счастливо, а это возможно только для того, кто верует во Христа, и возможно только в

Церкви. И к этому счастью “отдельный человек”, действительно, “двигается совокупной силой всего общества”, т. е. всей Церкви; при таком движении, действительно, “нельзя упасть и нельзя отстать: откуда-то берутся силы...” Только все это не в той туманной области вечного бытия “рода”, о коей говорит г. Меньшиков, а в самой реальной области церковной жизни.

Свою статью г. Меньшиков пишет по поводу той невидимой заразы, которая губит теперь столько жизней – по поводу самоубийств среди молодежи. Он видит причину этого ужасного явления в “том моральном опустошении, которое вносит в мир дезорганизация общества, разобщение людей”. “Старое общество, говорит он, носило это имя (имя “общества”) потому, что толпа людей, действительно, была проникнута общими началами, общей верой, общим разумом, общим одушевлением. Теперешнее же население утратило эту общность – не вполне, конечно, но в значительной степени. Оно перестало быть живой гармонией, хором душ, т. е. перестало быть обществом. Отцы и матери еще веруют в Бога, хотя и охлажденным сердцем, – но сами самоубийцы едва ли имеют эту веру – по крайней мере, в движущем, поднимающем дух состоянии. Искренняя вера есть ведь искренняя надежда, самоубийцы же, очевидно, те несчастные, что потеряли всякую надежду”. Та к говорит г. Меньшиков. Чувствуете ли, как почтенный публицист близко подходит к решению вопроса? “Моральное опустошение” – разве это не то, что мы называем духовным одичанием, утратой христианских идеалов? “Утрата общности...” да не есть ли это, по-нашему, оторванность, отчуждение от Церкви, духовное одиночество, весь ужас удаления души от Бога? “Живая гармония, хор душ” – в наилучшем смысле не есть ли это то, что мы называем жизнью в Церкви, в общении с Христом и всеми во Христа верующими? – “Мне известные самоубийцы, пишет г. Меньшиков, все принадлежали к современной русской интеллигенции, охваченной со всех сторон растлевающим еврейско-масонским нигилизмом. Суть нигилизма состоит в отрицании вечной жизни, в презрении к жизни рода, в постановке индивидуального “я” выше всего”. Верно, но потрудитесь подставить вместо слова “род” опять все то же слово “Церковь”, и будет то, что мы, служители Церкви, твердим изо дня в день. “И на верхах, и в низах идет крушение человеческого общества; исчезает общая сила, поддерживающая отдельную слабость”. Да, идет крушение церковных идеалов; люди бегут от Церкви, не хотят слышать о ней и, действительно, исчезает общая сила – любовь, поддерживающая отдельную слабость. “Самоубийства неизбежно должны расти они будут расти, и, может быть, в степени ужасающей и невероятной для нас”, пророчествует г. Меньшиков. Он горячо призывает беречь юношей и девиц от грозящей им опасности. “Помогите им, взывает он, опять войти в родовой поток, придвиньте их к единому сердцу с предками, верните, хоть немного, к древней вере в жизнь...” Красивые фразы, Михаил Осипович, – хочется крикнуть ему, – но скажите, положив руку на сердце: вы-то сами знаете секрет, как выполнить ваш же собственный совет? Та к научите же! А мы уверены, что сами вы ничего не придумаете для выполнения вашего совета, кроме все тех же громких, красивых, но – увы! – пустых фраз. Если хотите – оне и не пустые, но вы не видите, по крайней мере, вы не указываете той силы, которая повлекла бы властно в этот “родовой поток”, придвинула бы нашу несчастную, зараженную духом глупейшей гордыни молодежь к “единому сердцу с предками”, отогнала бы от нея того беса-опустошителя, который, по вашим же словам, вошел в их душу и отколол ее от вечной жизни... А эта сила есть: она в Церкви, в вере православной, в благодати Христовой, которою столь обильно располагает Церковь. К несчастью, в нашей интеллигенции есть непреодолимое

препятствие к тому, чтобы использовать эту силу: наш интеллигент смотрит на Церковь глазами западного полуинтеллигента, в Православии видит какое-то жалкое подобие римского католицизма, в духовенстве – невежественных фанатиков и корыстолюбцев, по подобию иезуитов, и, с высоты какого-то величия просвещенного человека, судит о том, чего не знает и знать не хочет... Следы такого отношения к Церкви и нашему духовенству мы могли бы указать в статьях того же г. Меньшикова, но думаем, что он отдает в этом дань веку сему лукавому бессознательно, а потому и винить его в этом не следует строго... Если он будет искренен в своих дальнейших исследованиях духовной жизни народа Русского, если будет мужественно высказывать плоды своих честных исследований, не боясь того, что скажут о нем иудействующие органы печати, то Бог даст, он и сам познает свои ошибки и сознается в них.

№ 15

Дети и Церковь

Утро. Прохожу мимо собора, где почивают мощи одного из великих тружеников для родной земли – благоверного Князя Александра Невского. Мимо меня, обгоняя друг друга, бегут школьники с сумками за плечами. Они заходят в собор, быстро подходят к художественной раке угодника Божия, делают поклоны и прикладываются.

У них – экзамен сегодня. Они просят благодатной помощи у небесного покровителя.

Смотрю на них и думаю: что влечет детские сердца в трудную минуту их детской жизни? Конечно, вера, чистая, простая вера, которою веруют только дети да детски Богу преданные души таких праведников, как преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский. О, если бы эта вера сохранилась в них навсегда! Если бы не гасла никогда!

Вспоминаю свое детство. С первых дней сознательной жизни, как только я себя запомню, я вижу себя на руках родителя, который носил меня чрез сугробы снежные в Божий храм; я любил ходить туда не только в праздник, но и в будни, не только на службу Божию, но и в то время, когда мой родитель – дьячок топил церковные печи. Со стен церковных смотрели на меня лики угодников Божиих, лики серьезные, благоговейные, с молитвенным выражением. В воздухе ощущался запах ладана и воска. Казалось, что в этой священной тишине незримо, но сердцу ощутимо, носились Ангелы Божии. Таинственная завеса в царских дверях, святая плащаница за клиросом, старья, потемневшие хоругви, ряды икон, уходящие к сводам храма, в иконостасе – все говорило детскому сердцу: это – не простое место, это – дом Божий...

Я не говорю об участии в Богослужении прислуживанием в алтаре, пением и чтением на клиросе: скажу только, что помню себя на руках родителя с Часословом в руках; помню, как, получив эту священную книгу в первый раз, я целовал ее, детски радуясь ей “красной прописи”, киноварью напечатанным строкам. Помню, что под влиянием этой радости, тут же дал обещание – стать на клирос с отцом, а затем и – прочесть шестопсалмие. Шестилетним мальчиком я уже сделал попытку к сему – увы! – на первый раз неудавшуюся: тоненьким голосом прочитал я 5–6 строк и смутился, струсил, заплакал... А старичок-батюшка из алтаря уже возглашает отцу моему: “читай сам!...” Но чрез неделю я уже победил себя и ликовал детским сердцем: я прочитал все шестопсалмие!..

Простите мне, дорогие читатели, это уклонение в сторону личных воспоминаний детства: ведь это маленькая иллюстрация к истории нашего духовного воспитания в недрах Церкви родной. Ведь вот этою любовью к храму, к службе Божией и объясняется та устойчивость церковных воззрений, коею живет наше духовное сословие. Нас тянула в храм Божий неведомая, но сердцу ощутимая сила. Вот я уже в Заиконоспасском духовном училище. Раннее утро жаркого летнего дня (экзамены кончались тогда в половине июля). Мы, дети, поднялись рано, чтобы до экзамена успеть и соборы обойти, и слабо подготовленное подчитать, и кусок черного хлеба съесть (о чае мы тогда понятия еще не имели). И вот, группами выходим из низких ворот с училищного двора, направляемся в Казанский собор, прикладываемся к чудотворным иконам Казанской и Млекопитательницы, идем к Иверской, оттуда в Успенский собор, чтобы поклониться мощам святителей всероссийских, ризе Господней и Владимирской иконе Владычицы. Вот и Архангельский собор, а в нем – мощи царственного младенца Димитрия, который –

это мы слышали – и теперь держит в ручке своей те орешки, коими играл он в момент нападения на него убийц... О, малютка-мученик, – мы крепко верим, – поможет нам, детям, на экзамене! А вот и Чудов монастырь, с его серебряным иконостасом и нетленными мощами великаго печальника Святой Руси, друга Преподобнаго Сергия, Святителя Алексия. Ему непременно нужно положить, по нашим детским понятиям, три земных поклона. Из Чудова – чрез святых Спасских ворота, непременно, с обнаженными головами, – мы идем в тот Покровский Василия Блаженного собор, который своею оригинальною архитектурою останавливает на себе внимание не только всякаго русского человека, но и всех иностранцев. Здесь, поклонившись св. мощам блаженных Василия и Иоанна, мы непременно выпьем глоточка три (конечно, кто натошак) св. водицы... Та к готовились мы к экзаменам. Та к по-детски льнули мы к Церкви-матери. И не мы одни: мы видели и гимназистов, и семинаристов, и других учащихся, паломничающих ко святыням в дни экзаменов. Обходили святыни, запасались духовными силами, укрепляли в себе веру...

То ли теперь?!

Еще недавно, еще десять лет назад было нечто подобное. Жил я около 30 лет в Лавре Преподобнаго Сергия. В последние годы моего там пребывания моим послушанием было, между прочим, руководить учащихся юных паломников. Отрадно было видеть школьную детвору, утомленную непривычным пешим хождением, но бодрую духом при виде заветных святынь. И невольно вспоминалось мне свое первое путешествие в эту самую обитель с моими родителями, в 1863 или 1864 году. Я скопил тогда три-четыре рубля на дорогу, отказавшись от чая и откладывая кусочки сахара и продавая их, чтобы помочь родителям для этого путешествия. Когда настало благоприятное время, я стал просить отца и мать, чтобы отправиться в столь желанное странствование, когда я услышал: “знаем, сынок, что это дело доброе, да как же быть-то: ведь, денег нет!” – я с торжеством выложил тогда пред ними свой “сахарный” капитал, и – о, радость! – я обезоружил их! На утро мы были уже в пути, 60 верст сделано в полтора суток. Вот пред нами открылась и святая Лавра во всей ее красе. Вот поле, которое, по незнанию истории, конечно, родители мне называли “Мамаевым”. И в моем воображении уже пронеслась картина исторической битвы, о коей уже читал в житии угодника Божия. Вот собор – то покоище Сергиево, где почивает он в благоухании святыни. Что пережило тогда детское сердце – не перескажешь. Но потому-то я и понимал этих юных паломников, что когда-то сам пережил, что они, казалось мне, сердцем переживали на моих глазах. В течение одного лета 1903 года я насчитал учащихся паломников до 5000. Тут были не одни дети: много было и юношей и девиц, студентов и курсисток и – в то время, семь, только семь лет назад – они приходили ко гробу Сергиеву, чтобы у этого источника животворящаго, русскую душу напоющаго, зачерпнуть благодатной силы, какою крепка была доселе наша Святая Русь.

То ли теперь?! Какой-то буран пронесся над нашею родиной. Он ослепил глаза, закружил головы, свел многих с ума. На наших глазах произошло крушение духовных основ нашего исторического бытия. Будто сатана вышел из глубин преисподних и, Божьим попущением, пустил струю смертоносных веяний по Русской земле. Разгонит ли Господь духом уст Своих эти сатанинския веяния? Отрезвятся ли Русские люди от этого губительнаго угара? Спасется ли Русь?..

Ответ на этот вопрос всецело зависит от нас. Дети чутким, чистым сердцем уже предreshают его. Они самым делом уже показывают, что если и обломались ветви от этого

адского бурана, то корни древа целы: они сильны пустить новые ростки, сильны дать новыя крепкия ветви... Только бы поддержать эти ростки, дать укрепиться ветвям... Только бы сберечь эти светлые, чистые порывы юных душ от тех миазмов, которыми еще пропитана окружающая нас духовная атмосфера.

Дай-то, Господи!

№ 16

Ходатайство любви

Плачет – не горькими слезами обиды, а сладкими слезами любви – мать городов русских, славный град Киев; ликует, торжествуя, смиренный град Полоцк: святая благоверная княгиня инокиня Евфросиния, несколько столетий почивавшая своими святыми мощами в пещерах Киевских на обратном пути из святого града Иерусалима, ныне грядет, изволением Божиим, в свой родной град Полоцк... Десятки и сотни тысяч православного народа склоняют колена по берегам седаго Днепра, несущаго священные останки на своих волнах; всколыхнулось русское море народное, загорелись русския сердца. Невольно вспоминается то, что творилось семь лет тому назад в Сарове, с тою лишь разницей, что там море народное сосредоточивалось около святой обители преподобного Серафима, а тут оно переливается из области в область, на пространстве нескольких сот верст. По рассказам участников торжества, описывающих свои впечатления, чувствуется, что святая угодница Божия незримо шествует со своими мощами, всех благословляя, на всех с любовью призирая... Вот так же чувствовалось и в те незабвенные дни, когда преподобный Серафим как будто ходил между нами, всех утешая, всех исцеляя и благословляя.

Уляжется море в свои берега. Разойдутся русские люди по своим местам. Принесут они в свои дома трогательные рассказы о том, что видели и слышали. Не раз, не два, а сотни раз повторять будут они эти сказания своим детям и внукам. Имя угодницы Божией будет обноситься по лицу родной земли, яко благоухание святыни. “Миро излиянное – имя Твое”, изрек некогда мудрый Соломон в “Песни песней”, от лица невесты – Церкви ея таинственному Жениху Христу. Миро излиянное – имена угодников Божиих в Церкви нашей православной! Как счастливы мы, православные, что всегда можем быть с ними в непосредственном благодатном общении чрез молитвы Церкви! Как сиротливо должны чувствовать себя те христиане, которые в гордости своей отвергают почитание святых и молитвенное общение с ними! Церковь Божия – небесная и земная – есть единая Божия семья: наши братья и сестры во Христе, скончавшие свое земное поприще, отошли ко Господу – в Церковь, торжествующую на небеси. Перестали ли они любить нас? Ужели забыли своих братьев, оставленных ими во юдоли плача и слез? Но любовь не умирает, – по слову Апостола – николиже отпадает. Любовь вечна, ибо Сам Бог есть любовь. И нам кто запретит любить их, входить с ними в общение посредством молитвы, поведать им наши скорби, наши печали и заботы? Ужели Бог, Который есть весь благодать, весь любовь, положит сему препятствие? Ужели един Ходатай Бога и человеков, Человек Иисус Христос, давший Себе избавление за всех, – скажем языком человеческим – возревнует к любимцам Своим, Его же кровию искупленным, и не примет их молитв за нас, грешных, только по тому юридическому основанию, что Он есть *один ходатай* и не должно быть других, как учат лютеране, не понимающие смысла *ходатайства любви*? Иное ведь ходатайство *Его*, яко Искупителя мира, иное же – ходатайство святых, как излияние их любви к нам, на земли сущим. Ужели добрый отец отринет просьбу любимого сына за другого повинившагося сына, и скажет ему: не твое дело! Не наоборот ли! Не будет ли ему приятно, что брат любит брата и из любви к нему ходатайствует за него пред отцом? И не приятнее ли будет самому отцу оказать милость провинившемуся именно чрез того, кто не провинился, дабы доставить и сему радость? Перенесите сии

человеческие отношения в область любви Божественной, и вам станет понятно, что сама безконечная любовь Божия, возжигающая в сердцах человеческих искры любви, законами сей любви как бы требует ходатайства святых за нас, грешных. Для братьев наших, к Богу отшедших и престолу Его предстоящих, было бы не полно самое блаженство, если бы любовь Божия отвергла молитву их любви. И любовь Божия, внимая их молитвам, исполняя их прошения, их ходатайство за нас, тем самым восполняет их блаженство. Дивны пути любви Божией в спасении людей! Любовь Божия, воплотившись, распялась за нас на кресте, она же и содействует наше спасение, возжигая искры свои в сердцах святых, возбуждая их к молитве, приемля их молитвы и исполняя их прошения... Все в любви и любовию, все – во имя любви! Нет места никакому правовому началу – тому началу, которое служит основанием латинского учения о спасении и от которого не могло отрешиться протестанство.

И так мы со всех сторон объемлемся, так сказать, любовию. Мы и сами должны дышать ею, жить для нея, содействовать свое сердце жилищем любви. О, если бы мы это сознавали, сею мыслию проникались, сим правилом жили! Увы, все это от нас отлетает, удаляется: мы все больше и больше проникаемся правовым началом в общественной и государственной жизни, все дальше и дальше уходим от нравственного начала – начала любви! Но об этом – поговорим после.

Теперь же, обращаясь к великому событию – перенесению св. мощей преподобной Евфросинии, не могу не высказать и того скорбного наблюдения, что подобные события у нас как-то скоро бледнеют в общецерковном и народном сознании: светлое воспоминание о них, доставляя отраду душе того, кто их пережил, не оставляет глубокого следа в духовной жизни общественной и государственной. Вспомним то, что пережила Россия во дни открытия св. мощей преподобного Серафима. Будто само небо отверзлось тогда над Русью святой и – казалось – эта Русь не способна изменить своей вере, своим упованиям. Но прошел год, и что случилось с нею? Правда, чудеса Божии видел простой народ, – интеллигенция, созидаящая теперь историю нашу, не хотела видеть их, полуинтеллигенция издевалась над ними; но ведь если бы темные массы народные целым сердцем восприняли знамения, свыше тогда совершившиеся, то не было бы и этих смут, этих пожаров, этих ужасов, ими пережитых тогда... Нельзя скрывать от себя, что мы остаемся глухи к тем урокам, какие даются нам такими событиями. Ведь в них слышится голос свыше, призывающий нас к жизни по заповедям Божиим, мы видим в них только знамения силы Божией... Правда, умиляемся сердцем, радуемся, как дети, но не поучаемся ими, не заботимся о том, чтобы быть достойными их. И знамение Божие становится для нас предметом любопытства, может быть, и благочестивого, но все же только любопытства, а не истинным знамением – вразумлением, поучением к духовному обновлению. И невольно вспоминается то, что сказал некогда Господь иудеям: *ищите Мене не яко видите знамение, но яко ели есте хлебы и насытитесь* (Ин. 6, 26). Иудеи видели в Спасителе только питателя-чудотворца, мы хотели бы видеть в святых Божиих только наших целителей и молитвенников, но не думаем вовсе о том, что, ведь они и наши учителя... Посему и к нам приложимо слово Христово: делайте не брашно гниющее, старайтесь не о пище тленной, хотя и о сем не воспрещено молиться, больше заботьтесь о пище, пребывающей в жизнь вечную; ищите исцеления не столько недугов телесных, сколько исцеления души своей, грехом недугующей. Но сего-то мы и не ищем и, возвратившись из мест, освященных явлениями благодати Божией, паки начинаем по-

прежнему ходить привычными греховными путями... И невольно вспоминается известная притча, которую читаем во 2 Послании Апостола Петра, (гл. 2, ст. 22).

№ 17

Отрава “правовым” началом

Предо мною прошение одного городского обывателя не из интеллигентных (а есть, к глубокому сожалению, много таких и из интеллигентов и даже высшего круга). В этом прошении он повествует, что в день причащения св. Таин он пришел в монастырскую церковь к литургии и попросил позволения самому прочитать правило ко св. Причащению. Служащий иеромонах отказал, и отсюда вышла целая история. Говельщик заспорил, бросил фразу: “может быть, я не достоин читать и правило?” На что иеромонах ответил односложным “да”, и тогда говеющий сказал: “значит, я не достоин и слушать”, – и вышел из церкви, чтобы идти причащаться в другой храм. Но, вспомнив, что без записки об исповеди его не причастят, он вернулся в церковь, подошел к северным дверям алтаря и “громко”, как сам пишет, стал просить “записочки”... Понятно, что иеромонах ему отказал в просьбе, ибо в это время совершал уже проскомидию. И вот сей говельщик подает мне прошение о том, чтобы я “уполномочил его помогать псаломщику” в служении, но “при другом иеромонахе”. При том говорит, что вот уже 5-й час утра следующего за сим дня, а он не может успокоиться...

Простите, читатели мои, что остановил ваше внимание на этом прошении, оно очень характерно. В нем так и сквозит какой-то уродливый правовой взгляд на такие отношения, где нет ни малейшего места для “правовых” отношений... А ведь этим взглядом пропитана почти вся наша интеллигенция, не только отколовшаяся от Церкви, но и мнящаяся пребывать в недрах Церкви, разумеется, исключая немногих верных Церкви сынов. Наши предки оставили нам в наследство мудрую пословицу: “в чужой монастырь с своим уставом не суйся”, а ныне наоборот: всякий хочет быть хозяином и распорядителем в церкви. Человек говел, исповедался, готовится к причащению Божественных Таин Христовых: казалось бы, должен быть настроен смиренно, проникнут чувством покаяния, должен бы хранить мир в себе самом, мир со всеми и ради сего мира смиряться, не требовать того, что не в его власти, уступать во всем, не смутить своей кающейся души... Но вот не исполнили его просьбу, и он заводит скандал, жалуется архиерею... Да скажите Бога ради: где же христианство его? Ужели это ученик Христов? Страшно становится за таких мнящих себя быть верными сынами Церкви. Я не оправдываю иеромонаха, но как пастырь, не могу же стать на эту правовую точку зрения мирянина, во гневе на служителя Церкви желающего приступить к Божественным Таинам и не замечающего за собою такого страшного порока... Чтобы вразумить его, я положил такую резолюцию: “Соборный протоиерей разъяснит просителю, что и сам архиерей не допустил бы его к Святым Таинам в таком немирном настроении, в каком он находился, ибо св. Причащение было бы ему во осуждение. Апостол Павел говорит, что такие недостойные причастники даже внезапно умирали за это. Но и иеромонах, по-видимому, грубо обошедшийся с просителем, не нрав: яко инок, он должен первый подать пример смирения. О. протоиерей объяснит обоим, что взаимное прощение и примирение, особенно ради светлаго Христова праздника, обоим враждующим доставит счастье и радость”...

Не знаю, прав ли я в данном случае. Но право же больно читать такие прошения! И такого рода жалобы идут к архиерею не только от мирян, но иногда от духовенства. Христово учение о всепрощении, о мире со всеми забывается; точно по векселю, требуют возмездия – за всякое слово обидное, за всякую, иногда ненамеренную резкость... Если

дело не стоит рассмотрения, то священнослужителям просто запрещает священнослужение до примирения, и дело гаснет. Но что делать с мирянами? Запрещать причастие св. Таин? Да они по годам не говеют. Священнослужители еще не вытравили в себе сознание христианского долга и понятия об архиерее как примирителе и представителе Христа и признают за ним хоть право писать такие примиряющие резолюции: ну а миряне готовы жаловаться выше за такую попытку коснуться их совести, вразумить их учением Христовым. Для них архиерей не более как мировой судья в таких случаях: он должен их удовлетворить. Та к и пишет упомянутый выше проситель: “вот мой финал, и я буду удовлетворен за оскорбление, нанесенное мне иеромонахом”... И выходит, что истинного-то христианства остается одна скорлупка, а дух улетает... Больно быть непосредственным свидетелем всего этого! Говорите таким о заповедях Божиих – они ответят вам: “Заповеди-то мы знаем и без вас, а вы архиерей, вы начальник: мы вот жалуемся вам, и вы делайте свое дело наказывайте виновных. А учить-то нас уже подождите”. И нередко приходится “давать ход делу”, назначать дознание, а затем следствие, и виновный должен нести наказание. Недавно был случай, возмущивший меня до глубины души: священник 41 год служил на одном месте; по подговору одного кулака против него возбуждено было дело, введено ровно 25 обвинений, из коих некоторые имели 35-летнюю давность, и в силу существующего закона, в виду доказанности обвинений (а обвинялся он, например, в том, что опоздал причастить умирающего, что требовал 5 р. вместо 2 р. за совершение брака и т. п., причем брачавшиеся уже успели с тех пор поженить своих детей), пришлось уволить в заштат, смягчив наказание тем, что считать его уволенным по прошению и заменив “исключение в заштат” монастырским послушанием на две недели.

Когда подумаешь, что такие явления год от году становятся все чаще и чаще, все грубее и уродливее, то невольно задумываешься: куда же мы, наконец, идем? Ведь на наших глазах совершается очевидная подмена нравственного мирозерцания: идеалом прежнего Русского человека был подвиг смирения, послушания заветам Церкви, исполнения в возможном для человека совершенстве заповедей Христа, проникновения их духом... Исполнение долга, велений совести – вот к чему стремился прежний Русский человек, если он еще не погашал в себе искры Божией, если не заглушал в себе голоса Божия. Он шел на врага с заветным кличем: “с нами Бог!” Но он же и умел от сердца прощать личным врагам с словами: “Бог с вами!”.

То ли теперь?! Не говорю уже об интеллигентах: они откололись от тела народного, ушли в сторону запада, мыслят по-западному, не в состоянии понять народного мирозерцания и идеалов народных (разумею, конечно, большинство, зная, что еще есть и исключения отродные). Говорю о народной массе: она отравлена каким-то ядом самоцена, заражена самомнением, везде ищет своих каких-то прав, готова требовать исполнения своих мирских приговоров даже в той области, где уж положительно не имеет и тени таких прав... Бывало ли когда-нибудь в старья времена, чтобы крестьяне все поголовно подписывали приговор: сменить двух иереев, дьякона и псаломщика, и присылали архиерею такой дерзкий приговор просто – к исполнению? А ныне стало и это возможно. И вот архиерею приходится вразумлять таких пасомых, что “овцы не судят своих пастырей”, что такой приговор не может быть принят не только к исполнению, но и к рассмотрению, как незаконный и т. п. Следовательно: не только в личной жизни проявляется этот “правовой” принцип, но и в общественной и даже в церковной жизни. Вчера они исповедались у своего батюшки, сегодня приговаривают его к удалению, даже

не объясняя его вины, готовы бойкотировать его, готовы судиться с самим архиереем... Да, ведь это искажение уже народной русской души! Это начало разложения не только церковной, но и вообще религиозной народной жизни! Пусть пока еще немного таких уродливых явлений: но и то, что есть, есть уже страшное знамение времени.

Еще немного, и мы, архиереи, будем получать приговоры с угрозами, что если откажем прихожанам в исполнении таких приговоров, то они не задумаются изменить вере православной, перейдут в раскол или штунду, во всякую ересь: ведь нельзя не признаться, что масса народная еще слишком темна и если держится веры своих предков, то бессознательно, не умея дать отчета вопрошающим об ее уповании, будучи не в состоянии дать отпор лжеучителям сектантам и раскольникам, а эти волки ныне рыщут по всему лицу родной нашей земли... Народ любит веру православную, пока еще не выходит из-под благодатного влияния своей родной Церкви-матери но это влияние, вследствие разных причин, становится в наши дни все слабее и слабее: его стараются всячески ослабить враги Церкви и посредством печати, и чрез либеральные законы, и чрез проповедь социализма, правовых начал, и чрез школы, и заражением пороками самыми грубыми... Грозное время мы переживаем, еще более грозные времена наступают.

Пастыри Церкви! Готовьтесь отражать волков! Вам предстоит подвиг – может быть, до пролития крови! Мужайтесь! Подвигом очищайтесь! Силами благодатными запасайтесь! Враг у дверей вашей ограды... он уже вторгается в сию ограду! Горе нам, нам спящим, если он начнет свое губительное дело соращения и расхищения наших овец!..

Свобода совести имеет свои границы^[8]

Целую зиму работала особая комиссия Государственного Совета над законопроектом о старообрядческих общинах. 30 заседаний посвятила на это дело и, наконец, представила свою работу в общее собрание Совета. Думский законопроект, столь смутивший в прошлом году совесть верных чад Церкви своим противоцерковным характером, подвергся коренной переработке и стал, кажется, удобоприемлемым.

Удивительное время мы живем: время грозных фраз и туманных, расплывчатых понятий. От того мы нередко обманываем самих себя. Дело в том, что чем шире известное понятие, чем оно отвлеченнее, тем легче подменить в нем признаки. И это делается тем скорее, что ныне мы отвыкли строго вдумываться в то, что читаем, что пишем и говорим. Ведь мы живем в век газетного легкомыслия: многие ли из интеллигентов ныне читают строго научные, зрело обдуманые книги? А вот пустит газетный писака какое-нибудь модное словечко: его и подхватывают, с ним и носятся, как с последним словом науки и мысли человеческой. Наши предки любили глубоко вдумываться в каждое слово, особенно честно относясь к слову печатному, и памятовали строгий завет нашего Спасителя: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздаят о нем слово в день судный* (Мф. 12, 36). Памятником такого честного отношения к слову служит наш родной язык: какая точность признаков понятий в каждом слове! Мы не умеем своего слова найти в родном языке для обозначения нового понятия и часто заимствуем готовые слова из чужих языков, и так испестрили печатное слово этими заимствованиями, что простой человек без словаря иногда не может читать наших писаний. А наши предки создали язык воистину творчески: что ни слово – то чистый алмаз! Вот почему изучать корни родных слов – истинное наслаждение. Возьмите, например, слова: “человек”, “книга”, “соловей”, “крещение”... многие ли из нас знают корни этих слов? А между тем, в этих корнях указаны самые существенные признаки понятий ими обозначаемых. Мы воображаем, что предки наши были круглые невежды, а на самом-то деле не они, а мы – воистину являемся в сравнении с ними такими невеждами. Мы треплем языком слова, оставленные нам в наследство как заветное сокровище, а смысла их, истинного смысла часто и не подозреваем. Мы воображаем себя такими умниками, такими передовыми людьми, что куда нашим предкам до нас! Рукою не достать. А если бы наши предки встали из гробов своих да произвели бы нам экзамен по родному языку: смотришь – и стыдно бы стало нам, таким “образованным” их потомкам. И этим легкомыслием, этим, простите – нашим невежеством пользуются те, кому выгодно воду мутить, чтоб в мутной воде рыбку, по пословице, ловить. Пустят гулять среди нас какое-нибудь крылатое словечко, по своему смыслу такое широкое, что под него можно подставлять какие угодно признаки, а мы поймаем его и носимся с ним... В последнее время много напущено таких слов не только в газеты, но и в законопроекты. Последнее уже представляет немалую опасность, потому что, проникнув в законы, неточные, недостаточно определенные и растяжимые понятия могут замутить жизнь. Таково, например, слово: “свобода совести”. Что такое *совесть*? Это – вложенный Богом в духовную природу человека закон для нравственной и религиозной жизни разумного существа. А что такое *свобода*? Само по себе это слово представляет какую-то пустоту, которую надобно наполнить. В самом деле

оно означает просто отсутствие ограничений для деятельности, и только. Какой деятельности – из этого слова еще ничего не видно. Между тем, совесть, потемненная грехопадением первозданного человека, вовсе не одинакова у людей. Совесть христианина православного требует, чтобы мы желали добра даже нашим врагам, чтоб мы не привлекали насилием и преследованиями даже к нашей святой, спасающей вере людей инакомыслящих, чтобы ко всем относились с любовью и доброжелательностью. Совесть талмудиста, наоборот, считает добродетелью убить “гоя”, позволяет спокойно обирать его, причинять ему всякое зло. Совесть исповедника корана требует истреблять “гяуров”, распространять лжеучение Магомета огнем и мечом. Совесть языческих царей требовала суровых мер борьбы с христианством. Да и у христиан не всегда, и не у всех одинакова совесть: совесть иезуита признает правило, что цель оправдывает средства, совесть римокатолика не препятствует преследовать лютеран и православных; то же допускает, хотя не столь открыто, как у римокатоликов, и совесть лютеранина, протестанта, баптиста, молоканина: по крайней мере, обман, так называемый “благочестивый обман”, практикуется и у них нередко. Но и наша православная совесть бывает не у всех одна: есть совесть щепетильная, скрупулезная, есть совесть сожженная и т. д. Теперь, если уж говорить в законе, требующем особенной точности выражений, о свободе совести, то позволительно спросить: да какой же совести? Религиозной? Но выше я уже сказал, что она иногда, по нашим христианским понятиям, у талмудистов и магометан как раз требует того, что недопустимо самыми элементарными законами человеческого общежития и здравого смысла. Итак, понятие “свободы совести” приходится уже ограничить. Нельзя же допустить, чтоб талмудист и магометанин, во имя своих религиозных убеждений, истребляли “гяур” и “гоев”, проще говоря, нас, христиан. Пусть их веруют, как знают, за их внутренние убеждения мы их не станем преследовать, но если они станут проводить в жизнь свои убеждения, будут касаться нашей христианской свободы – пусть извинят нас: мы не можем этого допустить, хотя бы этого и требовала их “свободная совесть”. Мы должны лишить их свободы, связать им руки. Не стать же нам последователями теории Толстого о непротивлении злу.

Но касаться можно не одного только тела: иномыслящий может касаться и заветных святынь человеческого сердца, может оскорблять их, может похищать эти святыни из сердца не насилием только, но и пропагандой лжеучений. Нам говорят: “исповедывание веры естественным образом выражается не только в явном и осязательном проявлении своих религиозных убеждений, но и в стремлении повести других тем путем спасения души, который верующий находит единственно правым”. Это правда. Если я верую, что моя вера одна только и есть святая и спасающая, то, конечно, я должен ее распространять всеми мерами, какая моя совесть мне предписывает. Но в том-то и дело: какая совесть? Совесть раскольника, принадлежащего к страннической секте, предписывает ему проповедывать, что теперь царствует антихрист; совесть безпоповца повелевает ему проповедывать, что нет священства, нет и таинств и, следовательно, можно жить блудно; совесть каждого раскольника требует, чтобы он хулил святую нашу мать-Церковь православную: ведь вся проповедь раскольниковых лжеучителей в том и состоит, чтобы всячески поносить Церковь и ее таинства, ее служителей. Что ж, во имя либерального принципа свободы совести и следует допустить такую проповедь? Самый опасный обман есть обман посредством правды. Нам говорят, что раскольники имеют стремление повести и нас тем же путем спасения, каким они сами мнятся спасаться. Это естественно, это – правда. Но мало ли чего они хотят и захотят во имя такой правды и свободы своей

совести? Они захотят требовать, чтоб им отдали все святыни наши исторические: напим., кремлевские соборы; они захотят и, конечно, дайте им такую свободу хотеть – уже и хотели бы, чтобы наш Государь перешел в их согласие; ведь этого требует их совесть, а она ведь свободна... Но кто же скажет, что их желание, их требование следует удовлетворить? Та к и в отношении свободы проповеди: они хотели бы всех православных сделать такими же раскольниками, как и они сами: так ужели же давать им свободу привлекать к себе в раскол всю Русь Православную? Слава Богу, основные законы предоставляют это право исключительно только Церкви Православной. Слава Богу, наше государство еще не отделилось от своей родной Церкви, еще ценит ее животворную для себя деятельность, еще умеет различать в своих законах истину от лжи, не ставит на одну доску раскольническия мудрования с церковным учением. Слава Богу, наше правительство, как попечительный отец, не допустит развращать своих детей, верноподданных Православного Царя Самодержца, ересями и лжеучениями. Было бы безумием допускать все это во имя какой-то ложно понимаемой свободы совести раскольников. Надо же побереечь и охранить и свободу православных простецов наших, не умеющих в вопросах веры отличить правой руки от левой – лжи от истины, пагубного обмана от спасительного учения. Нам говорят, что наш “многомиллионный народ убежден, что для торжества Православной Церкви не нужны никакия стеснения религиозной свободы иноверцев”. Может быть, это отчасти и правда, но вопрос в том, как и что понимать под этой религиозной свободой? Если разумеет, что “пусть каждый по-своему Богу молится”, то и это едва ли будет полная правда: несомненно, что православный желал бы, чтобы обратились к вере православной не только раскольники, но и все магометане, иудеи и язычники: ведь логика сердца, логика убеждений у всех одна и та же. Если раскольник “стремится повести на путь своего спасения” православных, то ужели не желает того же для всех раскольников и православный? Зачем тут хотят иметь две мерки? Это первое. А второе: наш православный народ, благодушно допуская, чтоб каждый по-своему Богу молился, вовсе уж не так равнодушно смотрит на то, если станут его братьев совращать в другую, хотя бы и “старую” веру. Он глубоко возмущается, когда слышит хулы на родную Церковь; не умея защитить словесно свои, дорогие ему верования, он нередко пускает в дело физическое воздействие против совратителя. Неужели православное правительство может равнодушно смотреть на совращения в раскол, не говоря уже о сектах и иновериях, своих православных подданных? Неужели не оградит их от всякаго рода совратителей? И ради чего бы оно стало устранять себя от такого ограждения? Во имя чего дало бы оно право всякому лжеучителю хулить Церковь и совращать православных? Во имя свободы? Но ради Бога рассудите: ведь вопрос не о том, возможна ли или не возможна безграничная свобода проповеди, – кажется несомненно, что границы необходимы, – вопрос лишь в том: где проложить эти границы? Ведь не допустит же правительство проповедывать, что Царь есть антихрист, что не следует платить антихристу подати и давать ему солдат, что брак церковный есть блуд, а блуд – простительный грех: “семь раз роди, а замуж не выходи” и подобные нелепости. Значит, граница есть. Говорят: эта граница – опасность государства и общественной нравственности. Но – во-первых: государство у нас в союзе с Церковию, опасность для Церкви разве не есть опасность и для государства? Церковныя смуты разве полезны для государства? Хула на Церковь, поругание православных святынь – разве не безчестит государства? Не думайте, что раскольники такие кроткие агнцы: они способны не только издеваться над Церковью и ея служителями, но и над каждым православным, лишь бы

почувствовали свою свободу. И ужели все это будет отвечать той цели, какую поставил законодатель для законов о свободе исповеданий: “возвеличение Церкви православной”? Хорошо возвеличение, когда на всех перекрестках ее будут поносить и злословить, когда ее верным чадам и служителям не будут давать прохода издевательствами! Во-вторых, свобода распространения раскольничьих лжеучений, несомненно, будет подрывать и общую нравственность. Помнить надо, что всякое лжеучение, в том числе и раскол, заражены страшною гордынею: просим мы, служители Церкви, поверить нам в этом на слово, – вся их религиозная жизнь в ее проявлении, в делах, зиждется на безсознательном лицемерии, – “несмы якоже прочии человецы”... Эта подмена нравственных идеалов ужели полезна для государства? И во имя чего? Во имя какого-то отвлеченного принципа: давайте свободу лжи и не препятствуйте ей пропаганде! Да ужели это уж такой священный принцип, что нельзя от него отказаться? Неужели можно желать, чтобы проповедники его испытали сладость его плодов на своих детях? Если бы их дети совратились в раскол и стали хулить святую Церковь, стали поносить их, своих родителей, за то, что они не идут по их стопам: что бы они сказали о такой свободе?

И в этом вопросе делается подмен понятий у сторонников свободы проповедания или пропаганды: вместо откровенного слова “распространение лжеучений”, они говорят – изложение и изъяснение учения. Но в том-то и дело: послушайте, если не верите миссионерам, в чем состоит все это “изложение и изъяснение?” В одних только хулах на церковное учение. Нам говорят, что на “собеседованиях” уже давно допускается такая свобода проповеди. Опять подмена понятий: собеседование и проповедание лжеучения с целью его распространения вовсе не одно и то же. При собеседовании хулы раскольника-учителя тут же изобличаются, их действие на слушателей православных тут же парализуется. Такою же подменою понятий можно назвать и слово “проповедание”. Что хотят разуть под этим словом? Нам говорят, что оно означает просто изложение и изъяснение учения. Но из чего это видно? Почему раскольник не может разуть то, что ему захочется? Он скажет: “нам закон дает право проповедовать, а проповедовать и значит распространять наше учение”. И будет прав, потому что он не может иначе понимать это слово, как в самом широком его значении. А закон не ограничивает это значение.

Чтобы дать больше простора пропаганде раскола под покровом свободы проповеди, защитники сей свободы хотят допустить ее везде на основании общих узаконений о свободе собраний и слова. Приедет в деревню расколоучитель, заявит полиции, что желает устроить собрание, получит разрешение, соберет простецов и начнет ругать Церковь и ее служителей. Я уже сказал, что вся проповедь раскольничьих проповедников сводится к этой теме. И это будет твориться, по смыслу закона, якобы “к вящему возвеличению Церкви Православной”! Болью будет отзываться такое проповедание в душах простецов – православных слушателей; одни из них поколеблются, не зная, чем отразить нападение на Церковь лжеучителя, другие наоборот – могут в негодовании броситься на него, а что делать тогда представителю полиции, какому-нибудь уряднику или просто сельскому старосте? Ему, конечно, придется защищать проповедника от насилия, но тем самым ставить в глубокое недоумение сих простецов, которые ведь защищают свою веру от хульника-раскольника...

Нас страшат: “всякое-де ограничение действия льгот, уже возвешенных, способно вызвать в среде старообрядческого населения недоумение, готовое перейти в разочарование и смущение, недалекое, при благоприятных к тому обстоятельствах, от

смуты”. Опять передержка. В Высочайших указах нет ни слова о свободе пропаганды – проповедания, а то, что дала или “возвестила” Государственная Дума, еще не Высочайший указ. Если по местам свобода пропаганды уже идет, то ведь это свершается просто захватным правом, помимо всякого закона. Это следует пресечь, как восхищение недарованного. Что ясно и точно указано в Высочайших указах, то и пусть входит в жизнь, но отнюдь не больше. Всякое расширение закона есть уже его искажение. А по отношению к расколу, который сам есть искажение истины, такое расширение есть намеренное содействие распространению лжи и заблуждений. Нас хотят утешить статьей 84 Уголовного Положения, карающей виновных в совращении православных в расколоучение посредством злоупотребления властью (каковой лжеучителя, конечно, не имеют, а следовательно, к ним это и не относится), принуждения, обольщения, обещания выгоды, обмана, насилия или угрозы. Но здесь все это, во-первых, в каждом отдельном случае надобно доказать, а во-вторых, и к делу не относится. Ни одного из указанных признаков не найдете в свободной проповеди расколоучителя, и он всегда останется прав, ибо он ведь не насилует, не угрожает, не злоупотребляет властью, не принуждает; правда, он обольщает и обманывает, обещая Царство небесное тому, кто за ним пойдет, но ведь он сам убежден, что он прав, что так и следует делать... Следовательно, статью эту никогда не придется и применять в отношении к пропагандистам раскола.

Свожу все к кратким положениям. Совесть есть внутренний закон, закон, Богом вложенный в сердце человека, закон, сокровенный в этом сердце так глубоко, что ни стеснить его, ни ограничить в его *внутреннем* действии никто не может, кроме самого носителя сего закона – человека. Другое дело – проявление сего закона вовне, в слове, в деле. Но, ведь это будет уже не свобода совести, а свобода слова, свобода действий в отношении к другим. Смешивать эти понятия значит подменивать их одно другим. Свобода слова, свобода действий одной личности всегда непременно ограничивается такою же свободой других, соприкасающихся с нею. Когда лжеучитель распространяет свое лжеучение, он касается уже совести других, часто немощных, которые не в состоянии, по своей простоте, возражать ему. С его точки зрения, по суду его искаженной совести, он творит благо. Но если закон отличает истину от лжи, если для него не безразлично: распространяется ли истинное учение или зловредная ложь, просвещаются ли русские люди благодатным, воспитывающим народный дух учением православия или заражаются непримиримую враждою к нему, враждою к Церкви – союзнице государства то он должен стать на страже истины и сказать твердо лжеучителю: доселе преjdeши и ни шагу далее! Не смей касаться чужой совести! Тут предел свободе лжеучителя, предел – не свободе его совести – пусть его верует, как хочет, молится, как ему угодно, – а предел свободе его слова, его действий (ибо, допустив свободу слова, нельзя логически отрицать уже и свободу действий). Необходимость полагать такие пределы естественно вытекает – во-первых, из чувства государственного самосохранения: доколе Россия живет идеалами православия, доколе государство обязано, в своих же интересах, охранять сии идеалы от искажения и разрушения, православную совесть от оскорбления, духовное единство русского народа от раздробления по сектам, братскую любовь от сектантской вражды и духовного междоусобия. Во-вторых, пределы свободы пропаганды нужны для государства из уважения к святой истине Христовой, православным государством признаваемой, и во имя простой справедливости: надо же оградить простецов от вторжения в их совесть; не может же православное государство спокойно смотреть, как беззащитных младенцев веры враг берет и уводит в плен заблуждений, как поселяет вражду, самую ожесточенную –

религиозную вражду между русскими людьми, между членами одной и той же семьи. Наконец, закон должен положить предел свободе всякой пропаганды уже для того, чтобы не противоречить самому себе. Если право привлечения инаковерующих к своему исповеданию предоставлено нашими Основными законами одной только Церкви православной, то ясно, что для всех сект и расколов такого права не существует, а следовательно, всякая пропаганда лжеучений должна быть законом воспрещена. И это тем более, что Государь наш именуется в законах защитником и покровителем Церкви православной, каковое именование обратилось бы в простой почетный титул, если бы закон не ограждал его жизненную силу строгим воспрещением всякой пропаганды, угрозой кары за таковую...

Сторонникам раскола очень хотелось бы, чтобы закон называл их духовными (какие они “духовные!” Ведь, в расколе благодати нет) “священнослужителями”. Ссылаются на римо-католиков и армян, указывая, что вот-де не боятся же называть их митрополитов, епископов и др. духовных лиц присвоенными им именами. Да, не боимся, ибо и у католиков, и у армян православная Церковь признает иерархию и приемлет от них приходящих в их сущем сани. А раскольничьих лжеархиереев и попов она признает простыми мирянами и принимает их как мирян. Уже по одному этому нельзя заставить закон величать их так, как величают раскольники. Но, кроме того, довольно с них и того, что закон усвоил вовсе на деле им не принадлежащее наименование якобы “старообрядцев”. Ведь если уж прилагать сей термин, то позволительно было бы не к раскольникам, а только к единоверцам. И почему это такая милость к раскольникам: нас хотят заставить величать даже по закону их лжеиерархов и попов священнослужителями, а вот нам хотят запретить называть их так, как велит нам наша православная совесть? Ведь уж если свобода и уважение к совести и убеждению, так и нам дайте сию свободу! Позвольте и нам именовать их так, как велит нам Церковь своими канонами, а не мирская власть ея законами. Я уже не говорю о том, что наименование священнослужителями раскольничьих лжепопов и лжеархиереев будет великим соблазном для простецов православных. Ведь наша простота доходит до того, что в пребывание армянского католикоса в Петербурге простецы подходили к нему под благословение, хотя по канонам церковным он и есть еретик. Надо же ограждать младенчаствующих в вере от соблазна, а для сего гражданский закон должен держаться, по крайней мере, в сем отношении воззрений православной Церкви и не угодничать пред расколом. Во имя терпимости к расколу не оскорбляйте православных. Не забывайте, что и правительство наше должно быть по духу только православное...

“Идите и вы в виноградник Мой!”

Сегодня вместо обычного дневника я печатаю в “Троицком Слове” свое слово к семинаристам, оканчивающим курс в этом году. Нет на земле более ответственного звания, как звание епископское, и нет для епископа более затруднительного положения в наше время, как приискание достойных кандидатов священства. И это – особенно в епархиях многолюдных и разбросанных, в коих служение пастырское есть сугубый подвиг. У меня в епархии полтора миллиона православных; они расселены на пространстве до 2000 верст в длину и около 500 верст в ширину. Есть на Руси епархии в несколько раз больше моей, особенно в Сибири. Есть приходы в моей епархии, в коих деревни отстоят от приходской церкви на полтораста, на двести верст. В Сибири версты считаются сотнями. Служение в таких приходах уже по одному этому, по огромным расстояниям, есть подвиг. Но не всякий способен на подвиг. А нынешние семинарии, – этого не следует скрывать, – не воспитывают подвижников. И вот по несколько месяцев, по целым годам не находится кандидата во священника в такие приходы. Что делать архиерею? Помнить надо, что священник – не наемник, не чиновник. Найти подходящего чиновника не так трудно: дайте ему побольше жалованья, и к вам пойдет с менее обеспеченной должности надежный человек. Но... во-первых: у нас вообще-то положение священника не обеспечено материально, да если бы и было обеспечено оно – это еще не ручательство, что вы найдете такого, какой нужен. Бывает напротив: на место более обеспеченное польстится и такой, который пойдет только ради скверного прибытка, а потому о деле Христовом ему не будет никакого дела, никакой заботы. Для пастырства нужно нечто большее образования, нужна готовность всего себя отдать своему служению. Хорошо там, где небольшая епархия, где епископ может каждый год видеть лично всех своих священников, где он может лично руководить ими. Но много ли у нас на Руси таких епархий, да и есть ли еще? С течением времени требования, предъявляемые к священнику, все повышаются: от него требуют и более образованности, и большей строгости к себе самому в поведении, и полного безкорыстия, и чуть ли не евангельского совершенства. А на деле является все наоборот: все эти качества в кандидатах священства идут на убыль. С болью сердца приходится отмечать это явление, тем более прискорбное, что на него как-то мало обращается внимания... как будто это явление совершенно естественное. А между тем ведь оно в высшей степени тревожное. Кому дороги интересы Церкви, интересы Русского народа, тот не может не болеть душою, размышляя об этом. В след. № нашего издания я поговорю подробнее по сему поводу. А теперь привожу здесь свое приветственное слово семинаристам в желании, чтобы оно дошло до их сердца, чтобы хоть некоторых из них повлекло на путь служения родной Церкви.

Приветствую вас, добрые юноши – любимые питомцы Церкви Божией, с окончанием курса учения в духовной семинарии и призываю Божие благословение на ваш жизненный путь! Сожалею, что удерживаемый вдали от града Вологды долгом служения Церкви и отечеству, не могу лично сего сделать, но утешаю себя тем, что могу поручить это моему доброму сотруднику во Христе – преосвященному Антонию.

И в вас, юные друзья мои, я хотел бы видеть будущих наших сотрудников – сослужителей Церкви Вологодской; и вас ждет к себе на служение наша мать-Церковь Православная; и вас с раннего утра жизни зовет к Себе на святой труд Небесный Домовладыка: *“идите и вы в виноградник Мой, и что будет следовать, дам вам”* (Мф. 20, 4). *Возведите очи ваши, глашает Он, и посмотрите на нивы, как оне побелели и поспели к жатве* (Ин. 4, 35). *Жатвы много, а делателей мало...* (Лк. 4, 2). Эти словеса Господни особенно властно должны звучать в сердцах ваших сегодня, в знаменательный для вас день, когда открываются пред вами двери из школы в жизнь. Зовет Христос, зовем и мы: выходите на ниву Божию, вступайте во двор овчий, становитесь на стражу Господню, чтобы спасти словесных овец Христовых на пажитях словес Божиих! Церковь Божия переживает дни великих испытаний. С одной стороны, просыпается совесть народная, измученная позорными явлениями последнего времени в общественной и государственной жизни: народ жаждет слышания слова Божия, он ищет Бога, толпами стремится туда, где чает утолить эту жажду; с другой стороны, в народную душу отовсюду грязными потоками врываются разные отравленные ядом сатанинской гордыни лжеучения. Народ ищет Божией правды, а современные книжники и фарисеи проходят море и сушу, чтобы обратить хотя одного простеца, а когда это случится, делают его сыном геенны, худшим, чем они сами (Мф. 23,15). Против святой нашей веры, против Церкви православной восстали все силы ада: нет ереси, нет раскола, которые не ополчались бы на Церковь Божию, которые не пытались бы расхищать Божие стадо. И все они стремятся подменить основу нашего святого православия: христоподражательное смирение – сатанинскою гордынею, любовь в простоте сердца – лицемерием и ненавистию, послушание сыновнее – самочинием, апостольское и святоотеческое предание – собственныммышлением и мудрованием. Для нас, пастырей, очевидно, что кому-то – а кому, как не сатане и слугам его? – нужно подменить самое мирозерцание народное, исказить народную душу, похитить ее заветные сокровища. Уже появляются лжехристы и лжепророки, и хотя еще не творят знамений и чудес, но уже прельщают многих, дерзая говорить: *“я – христос!”* (Мф. 24, 23. 24). И находятся невежды – увь! – таковых невежд немало и среди так называемых образованных, которые верят им... Да, как это ни странно, как ни прискорбно, друзья мои, но приходится признать, что в духовном отношении наши *“интеллигенты”* иногда стоят несравненно ниже простых безграмотных женщин: в гордыне своей они не видят своей духовной слепоты и, подобно древним фарисеям, всегда готовы говорить о себе: *“ужели и мы слепы?”* (Ин. 9, 40), тогда как простая женщина всегда готова сознаться, что она – темный человек.

Вот скорби, какая ныне переживает Христова невеста – Церковь. Но с нею – Христос! Он обетовал, что *врата адавы не одолеют ея* (Мф. 16, 18). Он изрек Своим Апостолам, *се Аз с вами есмь до скончания века* (Мф. 28, 20). И верно слово Его! Все еретики и раскольники являлись и исчезали, а Церковь Божия пребывает вовеки. Выходите же бодро на служение ей! Исходите в сретение Небесному Пастыреначальнику с горящими сердцами, как мудрые девы исходили с горящими светильниками! Он ждет вас. Он говорит: *“идите и вы в виноградник Мой и что будет следовать – получите!”* Он стоит у дверей сердца вашего: *“се стою, глаголет, у двери и стучу”...* (Откр. 3, 20). Он Сам будет в вас и чрез вас делать в винограде Своем: только отдайте Ему свое юное сердце, свою волю! Воистину иго Его благо и бремя

Его легко (Мф.11, 30). Воистинну блаженны все входящие в труд Его!

Господь вас да благословит. Аминь.

Это обращение было прочитано преосвященным Викарием после благодарственного молебна в день выпуска окончивших курс 9 июня и роздано им в виде отдельного листка.

Питомцы Церкви бегут от Церкви!

У кого что болит, тот о том и говорит. В России имеется 56 духовных семинарий для приготовления пастырей, а епископы озабочены недостатком кандидатов священства. Семинарии выпускают студентов для высших учебных заведений, акцизных чиновников, даже ветеринаров, а во священники в некоторых епархиях из их питомцев едва ли идет один из десяти. Приходится архиереям подбирать старичков диаконов, не кончивших курса, псаломщиков, едва дотянувших до 2-го класса семинарии, а в приходы с единомысленным населением и начетчиков (богословы у старообрядцев. – *Ред.*), и ими замещать места священников по селам. Между тем, семинарии выпускают в каждой епархии столько “кончалых”, что ими можно бы замещать сполна вакансии не только в своей, но и в других, еще не имеющих семинарий, епархиях. Что же это значит? Можно ли мириться с таким явлением?

Благовременно подумать об этом. В синодальных канцеляриях работает 16 комиссий, составляющих программы для будущего устава духовных семинарий; работают спешно, а главное – как бы тайно: по крайней мере в печати ничего не встречаем мы о сих работах. Не я один опасаюсь, – от многих епископов слышал я тревожное опасение, как бы не опустили из виду самого главного – чтобы семинарии прежде всего давали нам достойных кандидатов священства. Не тревожное ли, в самом деле, явление: на Церковь Божию надвигаются со всех сторон полчища врагов-еретиков, а ея духовныя силы падают, ея пастыри понижаются в своем образовательном цензе, и, что особенно тревожно, в них постепенно гаснет та благодатная искорка ревности о служении спасению ближняго, которой одной и жива Церковь Божия. Идеализм духовных юношей куда-то улетает. Помню, лет пятьдесят назад, мои братья-семинаристы привозили с собою из семинарии пачки тетрадей – запас проповедей, на случай, когда будут они священниками; помню, сам я, учась еще в духовном училище, списывал себе целые томы лучших слов и поучений, которые мне особенно ложились на сердце. У каждого из нас была тайная мечта: “буду священником – пригодятся”. Конечно, мечта – ребяческая: нельзя же век жить списанными проповедями священнику, надо же и самому – и это главное – уметь сказать слово. Но тут важен не практический результат, а то настроение, какое выливалось в этом стремлении запастись проповедями. В душе питомца духовной школы жила мечта быть пастырем, в его внутреннем человеке уже слагался идеал служения Церкви. Да в юноше ли только? Не носили ли мы эту заветную мечту еще в раннем детстве, еще безсознательно? Не отражалась ли она еще в наших детских играх? Да простит нам святая мать наша Церковь наши детские крестные хождения с досками и лопатами вместо икон и с пением “Христос воскрес”: то не было кощунство, то было невинное в сущности стремление скорее быть тем, чем были отцы наши... О том ли теперь мечтает духовный юноша? То т ли идеал носит в себе его душа? Увы, для семинариста стала более привлекательною мечта быть “лошадиным доктором”, ветеринаром, чем пастырем и врачом душ! Духовенство отдает своих детей в духовные семинарии теперь больше потому, что это – даровая средняя школа, подготовляющая на все пути жизни, а не потому, что оно желает повести детей по своему пути служения Церкви. Забывают отцы, что сами питаются от Церкви, у Церкви же хотят взять средства и для образования своих детей, но отдать их на служение ей – у них и мысли нет... Разве неудачник выйдет –

деваться будет некуда. Я знал немало почтеннейших протоиереев столичных, которые отдавали детей своих в гимназии, оттуда вели их в университеты, но не пускали их по своей дороге. Как будто духовная школа – это что-то низшее против светской, нечто плебейское... А от столичных батюшек заражались таким взглядом как-то безсознательно и сельские, но, не имея средств воспитывать детей в гимназиях, скрепя сердце посылали их в семинарии, внушая все же, что будет время, когда они покинут путь сей и поступят в университет, в какой-нибудь институт. Не буду теперь говорить, под влиянием каких причин слагались такие взгляды, такая стремления: обычно говорили и говорят, что материальная необеспеченность духовенства ставила его в унижительное положение пред прихожанами: всю жизнь смотри в руки мужика, а в городах – купца, барина, – об этом скажу свое мнение когда-нибудь после, – теперь же отмечу, что как будто и высшая духовная власть шла навстречу таким стремлениям духовенства: наши семинарии на нашей памяти уже не раз преобразовывались, и все в сторону таких пожеланий. Вот и теперь назревает, уже вырабатывается реформа, но что она готовит нам? С тревогой думаем мы, архиереи: дадут ли нам новые семинарии добрых кандидатов пастырства? Зажгут ли в сердцах семинаристов тот огонек, без которого пастырь есть наемник, который видит волка грядуща и бегаёт? Обучат ли будущих пастырей “глаголом жець сердца” или – если уж это не по силам современной школе, – то по крайней мере, живым словом, правильным, доступным народу языком, тепло и сердечно излагать истины веры в противовес лжеучениям, имже ныне несть числа? Или по-прежнему будущий пастырь без тетрадки не сделает ни шагу? Познакомят ли, заставят ли полюбить писания духоносных отцев и учителей Церкви? Сумеют ли воспитать в юношах – кандидатах пастырства вкус к той священной литературе, которая служит украшением именно Православной Церкви – к аскетическим творениям отцов? Или, как было от дней ложного классицизма, заставят их долбить латынь и греческих языческих писателей? И латынь нам нужна, и особенно греческий язык, но не стыдно ли школе нашей, что, обучив нас (с грехом пополам) языку Гомера, Ксенофонта, Горация и Цицерона, она забыла обучить нас тому, что нам нужнее во сто раз всех этих язычников – языку родной нашей церковной поэзии, языку наших песнопений и молитв, и мы, воспевая эти песни, читая эти молитвы, в темном иногда переводе, не всегда уразумеваем даже их смысл, не говоря уже о дивных красотах нашей церковной поэзии, о глубоком значении наших обрядов, способных не только раскрыть глубину наших догматов, но и воспитать в душе нашей высшую степень эстетического чувства? Церковность... Да это ведь такая неистощимая сокровищница красоты, глубокого богословствования, дивной гармонии всего, что способно воспитать душу для неба и дать сердцу счастье еще на земле, что некто из духоносных мужей не напрасно сказал: прекраснее нашей литургии (а мы прибавим – и вообще нашего богослужения в его идеале) мы, может быть, увидим что-нибудь разве только на небе... И вот питомцы наших духовных школ, будущие пастыри Церкви, всего этого лишаются... Да, лишаются, ибо то, что им дается взамен сего в учебниках гомилетики, литургики и сродных наук, способно только оттолкнуть их своею сухостью... А ведь это – будущие воспитатели русского церковного духа в массах народных! Это – будущие носители для грядущих поколений идеалов церковных! Куда мы идем? Вперед ли? Не назад ли?.. И не потому ли множатся ереси и расколы, что сии идеалы затмились в сознании тех, кто должен быть их носителем, что свет гаснет в том, кто светить должен, что вожди сами не видят тех путей, по коим должны вести народ? Народ инстинктивно ищет света, но вместо ярко горящих светильников во тьме своего невежества встречает болотные огоньки – разных

лжеучителей и идет за ними... А где же те, кто светить должен, кто должен показывать ему путь? Увы, часто они сами являются настолько неподготовленными к своему святому служению, что боятся встретиться с каким-нибудь баптистом или штундистом... Жалкие пастыри! Ведь если бы не так, то зачем бы нам заботиться о миссионерах? Да каждый пастырь в своем приходе и должен быть миссионером! Казалось бы, ему должно быть стыдно пред прихожанами искать помощи миссионера! Миссионеру место бы только в среде неверующих, а не в среде православных. И вот мы с заботой спрашиваем: принято ли это во внимание при составлении программ? И вообще: что будет положено во главу угла при преобразовании наших семинарий? Дождемся ли мы, архиереи, когда будем уверены, что вот, наконец-то, у нас есть школы, в строгом смысле пастырские школы, из коих будут выходить закаленные бойцы-пастыри, не боящиеся волков, готовые душу свою положить за овец стада Христова? Когда мы будем иметь утешение чувствовать, что мы не одиноки, что в наших епархиях не десяток, а сотни таких бойцов, готовых пойти всюду, куда мы их пошлем... А ведь для этого недостаточно перекроить старый устав; для этого надо смело, решительно и громко заявить: семинарии – для Церкви, для приготовления пастырей и других целей, посторонних, – отнюдь не имеют. Годны ли будут семинаристы для университетов или не годны – до этого нам дела нет. Хочет ли духовенство пускать детей по своей дороге или не хочет – это его дело. Если не хочет, то пусть ищет себе другие школы, пусть открывает – только не на средства Церкви, ибо она бедна, у ней на то нет средств – гимназии свои... Нет средств – Церковь не виновата. Ведь на нет и суда нет. А нам думается, что если в семинариях будет веять дух любви к труду, если семинарист будет любить пастырскую науку, то полюбит и свое звание. Питомец строго выдержанной нравственной школы будет годен и на всех других поприщах жизни, если бы почему-либо не вступил он на тот путь, на какой готовила его школа. Не захочет он пойти во священники, пусть год-два поготовится и идет в университет. Но пусть же наперед знает, что ради своей мечты изменить своему званию и призванию он должен будет потерять эти два-три года. Нужды и пользы Церкви важнее интересов отдельных личностей, важнее мечтаний, хотя и духовных, но не церковного духа, отцов и их сыновей. Мы переживаем время, когда решается вопрос: быть или не быть нашему народу православным? Стоять или не стоять православию на Руси? Идти ли этой Руси своим, Богом ей указанным историческим путем, или же сбиться на пути развращенные и изменить заветам наших отцов? И решение этого вопроса главным образом зависит теперь от того, будут у нас добрые пастыри или наемники? Будут ли наши семинарии служить своей Церкви, которая их питает и греет материально, или же станут склонять колена направо и налево?

Всякое двусмыслие, всякое колебание, всякая сделка с совестью, уступка и соглашение с духом времени – для Церкви опасно, а для народа Русского – прямо скажем – губительно...

Памятники-статуи святым угодникам

Московское Археологическое Общество хочет поставить памятник смиренным служителям Церкви Русской, святителю Гермогену, Патриарху Всероссийскому, и преподобному Дионисию, Радонежскому чудотворцу. Местом памятника избрана историческая Красная площадь в Москве, где уже красуется памятник Косме Минину и князю Пожарскому. Археологическое Общество желает сим памятником ознаменовать наступающее в 1912 году трехсотлетие окончания великой смуты, до основания потрясшей нашу матушку Русь в начале XVII столетия. Памятник, очевидно, должен говорить русским людям: “Любите Русь, как мы любили, целым сердцем; будьте готовы положить за нее свои души, отдать ей беззаветно все: и ум, и сердце, не говоря уже об имуществе, отдать самую жизнь свою за ее благо. Смотрите на нас и вспоминайте наше время, наши подвиги”.

Святейший Синод предоставил Археологическому Обществу произвести в текущем году во всех церквах Российской империи тарелочный сбор за всенощными бдениями и литургиями в праздники Апостолов Петра и Павла и Успения Богоматери. Та к откликнулась церковная власть на начинание Археологического Общества.

В последнее время сборы по церквам в великие и не в великие только праздники – обычное дело. Собирают ежегодно в известные дни разные общества: Миссионерское, Палестинское, попечения о слепых, Красного и других крестов, – всех таких не перечесть; собирают и не ежегодно, а только раз или два в определенный день на то или другое доброе дело. Не могу не заметить, что святое дело христианского благотворения, всецело некогда принадлежавшее Церкви, ныне, большею частию, ушло из Церкви и является в нее только с кружкой или тарелкой для сборов, а все распоряжение сими сборами идет уже мимо Церкви... Не буду теперь останавливаться на этом вопросе: можно ли сие признать нормальным явлением в церковной жизни по самому существу, тем более что к настоящему случаю это едва ли может иметь и отношение. Церковь строила и строит храмы как памятники, но еще никогда не строила памятники в мирском смысле этого слова. Я хотел бы только отметить, что это даже едва ли не первый случай сбора на памятник во время богослужения в церквах наших. Собирали на построение храмов, на школы, на богадельни, на миссии, словом – на дела добрые, но не на постройку мирского памятника. Не хочу восставать против такого сбора и теперь, ибо распоряжение церковной власти уже состоялось, никакой ереси в нем не усматривается, а потому и протестовать против него нет повода. Но при исполнении сего дела, при построении памятника, может произойти нечто такое, от чего хотелось бы предостеречь теперь же и Археологическое Общество, и тех, кто должен отвечать пред Богом и историей за возможный соблазн...

Прежде всего вспомним: когда Москва решила поставить памятник Царю-Освободителю, то покойный Государь, мудрый носитель народных идеалов, особенно был озабочен тем, чтобы этот памятник, поставленный в Кремле, этом, по его выражению, “алтаре” Руси православной, не нарушал своим мирским характером духовной гармонии святынь кремлевских. Он был прав: до сего времени Кремль не имел в себе ни одного памятника в западно-европейском смысле, для него ясно было, что такие памятники не вполне отвечают народному миросозерцанию. Народ знает памятники-храмы, но не

памятники-статуи, и очень мудро было избрано место для памятников самому ему, великому Царю-Миротворцу, – *вне* всероссийского “алтаря” – Кремля: как-будто он смиренно вышел отсюда, чтобы в благоговении созерцать издали святыни Руси Православной с своего величественного трона, от храма-памятника великих событий 1812 года. А памятник своему великому отцу он закрыл дивною сенью, поучающе своими мозаиками русских людей любви к своим Царям... Пусть Императорское Археологическое Общество и те художники, которые будут обдумывать проект памятника патриарху Гермогену и преподобному Дионисию, глубоко задумаются над этим... Во всяком случае в обсуждении сего вопроса необходимо участие представителя Святейшего Синода и окончательное его решение, прежде чем восходить на Высочайшее воззрение, должно быть предоставлено Святейшему Синоду.

Я сказал, что памятники-статуи не отвечают нашему русскому народному миросозерцанию, нашим народным идеалам. Православная Церковь не приняла ваяние в качестве церковного искусства: она только терпит его как исключение из общего правила. Ваяние слишком напоминало христианину первых времен культ языческий, языческих идолов, которых так ненавидели христиане; оно, воплощая идею, недостаточно способно было одухотворить ее, слишком, так сказать, *оплотняло ее*... Вот почему оно несродно духу чистого православия. Западная Церковь постепенно ввела в свой культ ваяние потому, что сама, хотя и безсознательно, постоянно находилась под влиянием воспринятых от язычества идей. Все римское богословие со времени разделения Церквей построено на человеческом, юридическом начале. Вся культура, искусство, наука – все имело корни в язычестве. Римская церковь не задумывалась и языческого Зевса переделывать в Апостола Петра, вручая ему ключи Царства небесного. Православие взяло из языческой культуры только то, что было чисто по природе своей, что не отвлекало мысль верующего в сторону язычества. Церковь взяла для своих храмов, например, план театра, но самый театр отвергла. Для удовлетворения потребности эстетического чувства она создала нечто, отдаленно напоминающее первобытный театр времен Софокла, Еврипида и др. великих трагиков (ибо театр того времени был для язычника почти богослужением), но и то очистила, возвысила, одухотворила до того, что всякое напоминание о театре исчезло. Я говорю об обрядах богослужебных, о пении и т. п. Ваяние же отвергла, заменив его живописью, вернее – иконописью. Наш народ всю свою культуру воспринял от Православной Церкви: понятно, что и на всякие статуи он смотрит с церковной точки зрения. Мне приходилось, например, слышать от простых поселян наименование памятника Пушкина “идолом”. И думается мне, что уже по одному этому не следует ставить памятника святым печальникам родной земли в виде статуй: зачем насильственно навязывать народу доселе чуждое ему воззрение на памятники святым людям? Зачем вводить его в искушение мыслию о том: место ли угодникам Божиим стоять среди площади? Не будет ли это профанацией, особенно при нашей русской неряшливости, когда нередкость, например, видеть голубиный помет на памятнике Пожарскому и Минину, когда слышится не редко непечатная брань извозчиков около заветных святынь наших храмов, когда подножия памятников не защищены от возмутительных надписей?.. Пусть так, пусть ставят у нас памятники великим людям, прославившим нашу родную Русь, пусть эти памятники, как памятник Минину и Пожарскому, и говорят, и даже перстом показывают русским людям на те святыни, за которые они грудью стояли: “не на нас смотрите – смотрите вот на эти святыни, любите их, умирайте за них: в почитании их – залог для вас Божия благословения”... Пусть даже

красуется памятник славному нашему святому князю-просветителю Владимиру, высоко поднимающему св. крест над купелию Руси святой – старым Днепром: все это тени нашего славного прошлого, все это – поучение современных поколений “в лицах”, но все это так отзывается земным, что не следовало бы прилагать к угодникам Божиим, прославленным от Бога славою нетленною. Правда, и Владимир – Божий угодник, но он не монах, не святитель, а святителям и монахам мы еще не ставили памятников. Правда, в разных украшениях памятников, в виде деталей, как на памятнике тысячелетия Руси в Новгороде, и они есть, но ведь это – детали, а не главное, это подробности, а не целое... Во всех мирских памятниках сказывается как бы опасение: а ну – забудут люди этого человека?.. Отольем же ему возможно вечный памятник из металла: это надежнее будет... Но сердце русского человека не может и мысли допустить, чтобы оно забыло своих родных молитвенников пред Богом, угодников Божиих. Русский человек пойдет к их святым мощам, поклонится им в их нетленных останках, приобретет себе в дом их святую икону и станет с ними молитвенно беседовать. А есть возможность, – и храм в честь их построит, имя сыну или дочери даст. Видеть же их статуи среди площади, хотя бы и той площади, которая видела их подвиги на пользу земли родной, едва ли он пожелает...

Скажут: тогда вы совсем не желаете памятников святым людям? Да, кстати: патриарх Гермоген еще и не прославлен...

Во-первых, не пора ли прославить нетленно и открыто почивающего в московском Успенском соборе святителя – священномученика за отечество Гермогена? Ведь в некоторых святцах XVIII века он называется уже святым. Во-вторых, я желал бы видеть памятник-храм, по меньшей мере – памятник-часовню в честь сих угодников Божиих. И представляется мне она в стиле древнерусских церквей, по внутренним стенам вся украшенная мозаиками из жизни и подвигов святителя Гермогена, преп. Дионисия Радонежского и – почему к ним не присоединить и подвиги Авраамия келаря Троицкого? Против входа – икона Гермогена и Дионисия с горящею пред нею лампадою. Наружные стены можно украсить также мозаикой, если русскому стилю претят барельефы. Все должно говорить сердцу русскому о подвигах их. Какая благодарная задача для наших родных художников, каковы В. М. Васнецов и А. Н. Померанцев! Если епархиальная власть найдет полезным в часовне поставить свечной ящик, то доход от свеч должен идти на распространение изданий строго православного и патриотического содержания, дабы самый памятник великих патриотов продолжал их святую деятельность среди народа Русского. В известные дни, в дни памяти угодников Божиих, из ближайшего Покровского собора должен быть к памятнику крестный ход для служения молебнов печальникам родной земли. Следует установить и панихиды о всех, за Веру Православную, за Царя и Отечество душу свою положивших во дни смут, как XVII, так и нашего века, за всех, подвигом добрым подвизавшихся в то время. Такой памятник будет по сердцу народу православному. К нему будут приходить не любоваться только, не ради праздного любопытства, но и молиться, входить в общение с теми, о ком памятник сей говорит нашему сердцу. Пора нам перестать идти в хвосте за западными народами, пора быть самобытными хотя бы в том, что завещала нам родная старина. Тем, западным, позволительно ставить статуи и святым, и не святым людям: для них старый, отживший языческий греко-римский мир был не чужой; о нас, русских, сказать этого нельзя. Мы не знали греко-римской цивилизации: мы, можно сказать, как только появились на свет во всемирной истории, так и окрещены в святую нашу веру православную. Западные народы приняли христианство уже взрослыми, мы – младенцами... Взрослый уже становится

неспособен так глубоко воспринимать новые идеалы духовных воззрений, как тот, кто воспринимает их с молоком матери. Я не говорю об избранниках Божиих, о тех гигантах духа, которые прославили историю Церкви от первых времен христианства: я разумею народные массы, народы Запада, как исторические личности. В отношении к памятникам именно так и было. Укажите хотя один пример во всей истории Церкви, когда бы Церковь в лице своих святых мужей благословила, одобрила, признала благоприятным постановку *мирских* памятников, кому бы то ни было из исторических деятелей? Римская Церковь, уклонившись в сторону мира, многое и усвоила заимствованное от мира.

Не лишним считаю кратко повторить здесь то, что писал я в “Душепоследнем Чтении” 14 лет тому назад.

Великий знаток нашей русской народной жизни и ее идеалов, Ф. М. Достоевский, говорит, что “наш народ живет идеей православия в полноте, хотя и не понимает ее отчетливо и научно. В сущности, в народе нашем все из нея одной, из этой идеи и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем хочет, чтобы все, что есть у него и что дают ему, из этой одной лишь идеи и исходило”... К сожалению, когда мы, в течение последних двух веков, из своего “окна” любовались на Европу и жадно учились у ней “цивилизации”, мы задом стояли к родной России и ее святому православию. Оттого и набрались оттуда привозных, часто самых дешевых понятий и воззрений без всякой их оценки, и спешили, как можно скорее, применить их к своей жизни, чтобы похвалиться пред “ученою” Европою: вот-де мы какие умники!.. Но удивительное дело: старая, древнерусская воззрения, несмотря на все усилия их забыть, затереть, несмотря на старания наших “интеллигентов” подменить их привозными, крепко живут в нашей народной массе; при всей своей духовной красоте и возвышенности, по-видимому, для этой темной массы недоступных, они каким-то инстинктом передаются из рода в род, из поколения в поколение, и когда “интеллигент”, уверенный в высоте и истинности своих понятий, принятых им с Запада от “просвещенных” европейцев, развязно предлагает их русскому исконно православному простецу, то этот русский простец спокойно отвечает ему: “поди ты к Богу с своими затеями! Совсем не по душе оне нам русским людям”. Пусть наши “интеллигенты” говорят, что русское невежество не додумалось до таких прекрасных вещей, как художественные памятники великим людям: мы думаем совершенно напротив. Русский народ как великая историческая личность внутренним духовным своим инстинктом понимает вещи гораздо глубже, чем ученики Европы, от него отщепенувшиеся. Русский мужичок говорит: “Памятник ставят для того, чтобы не забыли, что жил на свете такой-то”. В самом деле: в слове “памятник”, как я сказал, уже не звучит ли опасение этого забвения?.. Угодникам Божиим, например, Преподобному Сергию, не ставили памятника-статуи, а попробуйте поставьте ему такой памятник, знаете ли, что скажет народ? Он скажет, что это – кощунство, профанация... Если он, по скромности своей, не говорит этого о памятнике князю Владимиру, то лишь потому, что в руках у князя крест, а поверьте: на памятник его никто не станет молиться, его удел – праздное, холодное любопытство толпы. Хорошо знал это русским православным сердцем святитель Киевский Филарет и потому в свое время протестовал против постановки памятника-статуи князю Владимиру и не постеснялся даже назвать этот памятник “идолом”.

В чем же дело? Почему Русский народ так холодно-безучастно смотрит на памятники-статуи? Ответ на это находим в книге Премудрости Соломоновой, гл. 14, ст. 14, – там сказано, что “памятники вошли в мир по человеческому тщеславию”. А это чувство –

нехорошее, не христианское, нехорошо оно, когда живет в сердце человека, нехорошо, когда и другие питают его чем бы то ни было. Когда достоинства, заслуги, подвиги признаются другими как проявление в человеке даров Божиих, когда все это обращается во славу Божию, когда в человеке гениальном признается величие дара Божия, тогда тщеславию нет места, и прославляемый приемлет похвалы с глубоким смирением, относя их всецело к Божией благодати. А когда о Боге забывают, когда все приписывают человеку, по крайней мере молчат о Боге, хвалят только человека и его “гений” и этому гению, как природному свойству личности человеческой, ставят памятник, тогда уже является служение страсти человеческой, служение тщеславию, а это, по народному воззрению, да и по правде Божией, есть уже тонкое идолопоклонство... Мы, православные, в отношении к нашим ближним, как живым, так и почившим, должны неизменно руководиться златым правилом нашего Спасителя: *еже аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде*. Примените это правило к памятникам, и ваша совесть скажет вам, что мирские памятники усопшим вовсе не нужны. Мы себе таких памятников по совести не пожелали бы, и усопшие, если бы их спросить, то же нам сказали бы. Но, может быть, памятники *нам* нужны? Да, нужны, но не памятники-статуи. И благочестие народное создает такие, в духе народном, и памятники. Это – памятники, дающие возможность входить с усопшими в непосредственное, живое общение в молитве, это – храмы Божии, часовни, обители... Понятно, почему покойный Государь-Праведник Александр III не пожелал на месте убиения своего родителя поставить простую часовню, а непременно – храм Божий: его добрая православная душа понимала все значение молитвы церковной и молитвы народной за душу Царя-Мученика в храме Божиим. Пусть будут созидаемы памятники не столько лиц, сколько *событий*: это то же, что книги или повести о минувших судьбах родной земли. Волей-неволею приходится сделать уступку: пусть если уж завелись они на Руси, будут памятники и лицам историческим, *не – святым* людям, и пусть они говорят не столько о лицах, сколько о тех великих идеях, носителями коих они были. Таков, например, и есть памятник Пожарского и Минина: как я уже сказал выше, он отводит мысль зрителя на заветные святыни Кремля, на которые и указывает нам Минин с своего пьедестала. А святым Божиим, каковы суть патриарх Гермоген и преподобный Радонежский чудотворец Дионисий, ставить статуи не подобает. И без таких памятников *память их в род и род*, потому что *в память, вечную будет праведник...*

№ 24–29

Христиане ли мы?

Вместо очередных дневников на темы по вопросам о текущих явлениях церковной, общественной и государственной жизни, хочу побеседовать с читателями “Троицкого Слова” на более тревожную тему: *христиане ли мы?* Ряд бесед на эту тему был предложен мною в доме одной почтенной ревнительницы Православной Церкви в Петербурге (слава Богу, еще есть такая и в маловерном Петербурге); сущность их и предлагаю здесь, хотя эти размышления уже и изданы мною в виде книжки под названием: “Гд е же наше христианство?”.

I

Боюсь судить других, потому что боюсь суда для себя самого. Но не для того, чтобы судить, не для того, чтобы искать и карать виновных, а для того, чтобы все могли видеть воочию причину тех бедствий, какая обуревают нашу несчастную Русь, для того, чтоб услышали, наконец, те, кто еще имеет уши слышать, вот для чего наш пастырский долг властно повелевает нам, пастырям, беспощадно обличать зло, говорить Божию правду не только малым сим, но и сильным земли... Я уже слышу голос современных книжников и фарисеев: “Вот еще явился пророк-обличитель! Кто дал тебе на это право?” Слышу, но не смущаюсь: если мы, епископы, будем молчать, то от кого услышат истину люди Божии? Нам заповедано: настояй, запрети, умоли, и мы должны это делать, как бы ни было слово наше горько, а вот те книжники и фарисеи, о коих я упомянул, те представители печати, которые самочинно, не будучи призваны, пишут обличения по адресу власть имущих – вот они-то и суть настоящие самозванцы...

Итак, смотрю я вокруг, и сердце сжимается болью. Страна наша величается православною, следовательно – в самом чистом значении слова – христианскою, а где оно – наше христианство? Куда ни посмотришь – самое настоящее язычество! Какому богу не служит теперь русский человек? Один – золотому тельцу, другой – чреву, третий – своему ненасытному “я”. Простой народ пьянствует, полуобразованный – безбожничает, якобы “интеллигент” мудрит без конца... Все уклонишася, все непотребни быша! Ложь въелась до мозга костей в людей, которых хотели бы видеть “лучшими”. В нашей “Государственной Думе” с пафосом рассуждают об отмене смертной казни для тех извергов рода человеческого, которые беспощадно убивают невинных детей, издеваются, безчестят даже трупы несчастных девушек и всем этим похваляются, потеряв не только образ человеческий, но и скотский.. Вот об этих адских выходцах у наших “законников” нежная забота, для них, видите ли, надо отменить смертную казнь: пусть себе сидят в теплом казенном помещении и едят народный хлеб, пока не убегут, чтоб дорезывать других. Ну а вот если один член сей человеколюбивой Думы оскорбит словом, только одним, невежливым словом другого – на казнь его, на смертную казнь!!! Ведь что такое поединок, как не смертная казнь одного из участников поединка? Что это, как не дикая расправа? Гд е же законы? Гд е человеколюбие? Где, наконец, то христианство, во имя

когого эти лицемеры хотят отменить смертную казнь для злодеев? Кто решится назвать таких господ христианами? Не позор ли для Церкви считать их своими членами?

Вот – члены высшего государственного учреждения. Идет речь: когда на значить заседание? И назначают в самый канун Сретения Господня в 8 с половиной часов вечера. Духовенство протестует. “А почему же нельзя? Ах, мы забыли...” Скажите: что это – христиане? Это – православные? Они и великих праздников Господних не помнят: до того ли им, чтоб помнить средние или в честь святых Божиих?

Впрочем— помнят: Новый год, это – величайший у них праздник. Почему? Конечно, потому, что в полночь на этот день они совершают возлияние тому богу, коему служат с особым усердием всю свою жизнь. Скажите: христиане это?

II

Под праздник идет в театре кошунственная пьеса. Со страхом верующий помышляет: сохрани Бог – за такое кошунство обрушится театр и похоронит несчастных зрителей, которые привели сюда – увы! – даже деток своих... А зрители благодушествуют, участвуют в кошунстве. Опять скажите: да неужели можно назвать их христианами?

Скажут: зачем же разрешают?

Нет, скажи мне ты, именующий себя православным: зачем ты-то идешь в театр? Не столь виновен тот, кто соблазняет тебя: он делает свое дело – потеряв совесть, он наживает себе деньги; начальство не препятствует ему в том, ибо полагает, что ты – не дитя и тебя ведь никто не тащит в театр насильно, чего доброго, пожалуй, ты еще будешь роптать, если запретить театр, хотя и следовало бы запретить. Но я спрашиваю тебя: где твоя-то совесть, если ты христианин? Да разве христиане не могут, если только захотят, сделать все театры пустыми? Стоит им только твердо сказать: “не пойдем!”, и театры опустеют. Но театры полны: где же христианство?

То же – с печатью. Жалуемся, что задушила нас грязная, порнографическая литература, что отравляет нас иудейско-масонская печать. Кто же виноват? Иудеи и масоны, опять скажу, делают свое дело – отравляют нас, подрываются под самые основы нашего государства, нашей Церкви. Но, господа, ведь, они не могут же навязывать нам своих книжек, своих газет насильно; ведь можем же мы с негодованием отвращаться от этой отравы: кто же виноват, что мы отравляемся? Кто же мешает православным русским людям согласиться в руки не брать ни одного иудейского листка, не подписываться ни на одну вредную газету? Ведь если бы мы в самом деле дорожили святынями православия, если бы ревновали о славе имени Христова, то не посмел бы ни один враг христианства проникнуть в нашу среду, ни один листок, ни одна газета не нашла бы себе читателя среди нас. Но этого нет; безбожная литература свободно гуляет не только среди легкомысленной молодежи, но и среди людей степенных, пожилых, которым, казалось бы, если они христиане, было и грешно, и стыдно брать в руки такую дрянь. Иудейские газеты распространяются сотнями тысяч экземпляров, безбожные книжонки выдерживают по несколько изданий, их читают, создают около себя губительную атмосферу мысли, задыхаются в ней и жалуются еще: жить тяжело! Дышать нечем!.. Да и поделом: оставили источник воды живой – благодатной, учение Христа Спасителя и Его Церкви, отравляетесь мутью всяческих лжеучений, становитесь безсознательно язычниками в своем мирозерцании: кто же виноват? Где ваше христианство? Пойдем дальше.

III

Кому неизвестно, чем отличились наши учебные заведения – средние и высшие – в последние годы? Кто там учит? Много ли там оказалось педагогов-христиан, твердых, крепких в вере, готовых на все ради Христа? Увы, если и были немногие, то им пришлось перенести чуть ли не мученичество от сведенной с ума молодежи. А где ж были родители учащихся? Почему они не заступились? Да странно было и говорить о таком заступничестве: вот именно родители-то, в огромном большинстве, и оказались на стороне развратителей их детей, они-то и травили немногих наставников, не преклонивших колена пред современным Ваалом безбожия и безначалия. Что ж, ужели можно назвать таких отцов и матерей – увы! – были и *матери* в числе сих травителей! Неужели, говорю, можно, не оскорбляя христианства, назвать их христианами?! До чего мы дошли! До какого позора пред всем миром христианским!..

Но и этого мало: мало было развращения средней и высшей школы. Оно спустилось и в низшую – народную. И сюда направились толпы ни во что не верующих, никаких авторитетов не признающих учителей и учительниц, чтоб развращать души малых сих, младенцев в вере – детей народа. С изумлением смотрел народ на то, что творится в его школах. Ко мне лично приходили простые мужички и плакали, рассказывая о том, что возмущало их душу. Наши протесты, протесты даже повыше нас стоящих иерархов Церкви Христовой, оставались без последствий. Приходилось одно: учить добрых крестьян забастовкам против таких учителей и учительниц, которые губили их детей. Это средство иногда действовало: учителей переводили, только *переводили*, а не удаляли совсем из народной школы. Зараза переносилась в другое место. А если не удаляли, то крестьяне, выведенные из терпения открытою пропагандою учителей, (бывали случаи) сами расправлялись – секли негодных учителей. Знаю два случая с учительницами и могу сказать, что это средство оказывалось действительнее забастовки, ибо учительницы те улетучились в другую губернию. Та к вот что творилось – а кто поручится, что и теперь не творится? – в нашей народной школе. Немного переменилось с того времени и теперь. Еще в январе месяце пришлось читать официальное донесение священника, законоучителя земской школы, о том, что учитель дал ему пощечину – ни за что, ни про что. Еще писал мне один уездный отец наблюдатель, как один почтенный г. становой пристав на именинном обеде поднял земского учителя за густую его шевелюру во время тоста за Государя Императора и продержал в стоячем положении, пока пели “многая лета”, потому что сей земский учитель не изволил добровольно встать во время тоста, показавшагося ему “несимпатичным”... Да, еще много и теперь – о, как много таких педагогов по селам и деревням Русской земли!

Вот в Москве в конце лета нынешняго 1910 года собирается большой съезд деятелей по народному образованию. Что-то не слышно, пригласят ли на него деятелей наших *церковных* школ. А таких школ на Руси побольше 4000, с 2 миллионами учащихся: казалось бы, стоило оказать внимание нашим деятелям, следовало бы выслушать их авторитетный голос... Но церковной школы для этого съезда будто не существует вовсе...

Та к вот и судите, и решите: в христианской ли земле мы живем? А ведь если бы мы были христиане, то просто не допустили бы у себя ничего подобного. Раз учитель (где бы то ни было – в средней или низшей школе) безбожник и мы это знаем, то ни одно дитя не пойдет в такую школу! Пусть г. учитель сидит без учеников! А учебному начальству – требование, именно требование, а не просьба – сменить безбожника-анархиста! Но, увы, я

уже выше сказал: такому-то учителю везде и поддержка... Та к как же смеем мы называть себя христианами?!

IV

В нашем законодательстве тоже не все здорово, не все строится по началам христианства. Возьмем хотя бы ту же народную школу. В последнее время много говорят о решении думской комиссии по народному образованию передать все церковные школы в ведение Министерства Народного Просвещения. Во имя и ради чего? Говорят: надобно объединить все школы в одном специальном ведомстве. Так, но почему же начинают не с того конца? Почему ни слова не говорят об изъятии школ из всех других ведомств, ни малейшего прикосновения к воспитанию души народной не имеющих, – ну, хотя бы железнодорожного? Почему хотят отнять народные школы именно у Церкви-матери? Почему именно эти школы хотят извести измором – не давая на их строительные нужды ни гроша, всячески сокращая на них кредиты, а главное – клеветая на них без зазрения совести? Ведь, чего-чего не говорят, чего не печатают о них! И слабы-то оне, и “духовно-сословны”, и народ-то к ним “безучастлив”, и духовенство-то ничего не делает, и прочие безумные глаголы... Но ведь все это – самая безсовестная ложь! Ведь этого доказать никто не может! Но нашим “законодателям” дела нет до правды: им нужно во что бы то ни стало вырвать из рук духовенства это могучее средство воздействия на народ, лишить духовенство возможности воспитывать народ в духе Церкви, в заветах родной старины, поставить их “под педагогический надзор” и земства, и якобы Министерства, на самом же деле – гг. Родичевых, Милюковых и кого-то еще похуже... Эти господа уже позаботятся наполнить школы родными им по духу учителями, в роде тех, о коих я только что говорил. Ведь они всею душою ненавидят Церковь Христову, они стремятся к ее разрушению, к вытравлению заветов Христовых из народной души: Министерство тут – только ширма одна, а в земстве у них всюду есть свои люди, которые сумеют свое дело сделать незаметно, постепенно, вливая яд каплю по капле, захватывая душу народную во исполнение завета гг. Писарева, Чернышевского и комп., заповедавших еще полсотни лет тому назад: “поймать таракана...” И особенно возмутительно то, что ведь эти радители народного образования, ставящие “конфессиональность после интенсивной грамотности, арифметики, маленькой географии и маленькой истории родной страны” – последнее, конечно, с устранением всякого упоминания о том, что составляет душу нашей истории, ее жизненный нерв, – все эти господа ведь именуют себя христианами, да еще – поди – едва ли не самыми идеальными христианами! Один из них ухитрился недавно с кафедры Государственного Совета бросить мне обвинение в атеизме за то, что по вопросу о свободе совести я в своей записке высказался в смысле недопущения полной свободы проповеди для сектантов и раскольников и вообще для иноверцев, ибо совесть раскольника иногда требует Царя называть антихристом, а Церковь вавилонскою блудницею... Вот каковы эти гг. “христиане”! Вот каковы наши “лучшие люди”, избранники якобы народа, наши законодатели! Они смеют прикрываться именем христиан, будучи на деле толстовцами! Толстовщина так глубоко пустила корни в нашу Государственную Думу, что кажется уже получила право гражданства во многих законах. Самое главное зло – это новый принцип: быть милосердее Самого Господа Бога к нераскаянным преступникам. Разве не из этого принципа вырос законопроект, например,

об “условном” осуждении? Человек сделал преступление, и не думает раскаиваться в нем, а его уже прощают. Не говорите мне, что это не прощение, а условное осуждение: останется безнаказанным лишь тогда, если-де не повторит преступления, – он проще поймет, что “первая вина прощается”. Благо, такая пословица есть. Но пословица имеет не юридический, а нравственный смысл, она подразумевает раскаяние. Но и этого мало нашим толстовцам: они поднимают вопрос об отмене смертной казни. Господа! Да примите же во внимание, что нынешние преступники нередко сами себя казнят, но не каются – кончают самоубийством, но не открывают тайных пружин своего злодеяния. Хотя бы поставили вы условием, если приносит искреннее раскаяние, смертная казнь-де заменяется гражданской смертью так или иначе. Если вы веруете в вечную правду Божию, то не идите же ей наперекор! Господь простил разбойника на кресте только одного – покаявшегося. Да и то – простил, рай обещал, а от креста не освободил. И сам покаявшийся разбойник о снятии со креста не просил, он покорно умер на кресте. Господь пошлет грешников на страшном суде Своем в муки вечныя, правда, не им, а диаволу и аггелам его уготованныя, а все же внимайте, как грозен будет суд Его на грешников. Та к ужели вы хотите быть милосердее Его – воплощенного милосердия? Но с сими господами говорить бесполезно: разве они говорят искренно? Они ведь только закрываются лоскутками, вырванными из Евангелия, а в целом его не хотят читать, что им до Христова учения? Им бы только смутить совесть в простых верующих: разве это – христиане?..

V

В так называемом “большом свете” у людей, считающих себя образованными, просвещенными, теперь завелся обычай устраивать балы и вечера под праздники. В церквях идет всенощное, а у них съезжаются гости на бал. Молодежь танцует, проще говоря – пляшет в те святые часы, в которые православные хвалят имя Господне. И идет бал до 5–6 часов утра, вот так всенощная! И спят во время литургии, проплясав всенощную... С болью сердца пишу эти строки: знаю лично таких, даже православных, даже – хотелось бы сказать – благочестивых, но вот подите же, и у этих верующих душ недостает мужества восстать против такого богохульного обычая! Знаю таких, которые стараются, для очищения совести, отстоять пред своим балом коротенькую всенощную, понуждают себя, легши в постель в 5 час. утра, встать в 9, чтобы по требованию православной совести быть и у обедни: воистину подвиг, но – разумный ли? Нужен ли он? Ведь это пусть мне простят эти добрые христиане, это – служение двум господам, а не подвиг... Это мученичество не ради Христа, а ради мира и князя его (Ин. 16, 11). И тем оно грешнее, что детки-то таких подвижников уже не в силах нести подобный подвиг: они после бала спокойно спят до полудня, и в храме Божиим их не видно, и святых впечатлений их души не переживают, и растут они, бедныя, вне церковных благодатных веяний... О, хоть бы их-то пожалели!..

Но мир безпощадно суров в своих требованиях. Еще борются в своей совести люди старые, воспитанные под благотворными веяниями доброго старого времени; а помоложе, а полиберальнее – уже со спокойной совестью меняют богослужение на бал, Христа на Велиара.

Зараза идет глубже и дальше. Сатана в лице своих слуг становится все наглее; и не удивительно: ни откуда ему отпора нет, даже верующие стыдятся открыто стать на

сторону Христа, отчего же ему не командовать над неверующими? Ведь это – его союзники, они сами рады идти ему на службу. И вот он командует (беру прямо факт) в прошлом году, в самый праздник Входа Господня во Иерусалим, или Вербное воскресенье, в некоторых высших учебных заведениях в Петербурге были экзамены... Не чернилами, горькими слезами писала мне одна благочестивая мать, что ее детей заставили профессора пойти в этот день на экзамен, но идти надо, иначе в другой класс не переведут... Вот к чему ведет наше равнодушие, наша теплопрохладность в вопросах веры! Я уже не говорю об открытых врагах веры, об этих безбожниках-профессорах: христиане ли они? Вероятно, они сочли бы подобный вопрос оскорблением: “отстань-де ты с своим христианством-то”, – нет, я спрашиваю вот этих родителей, которые сами идут и детей ведут на бал в вечер субботний, свитающие во едину от суббот (часы священные! часы всемирной радости!): станьте в совести своей пред лицом Божиим, воззрите в благоговении на святое Христово Евангелие, на тот крест, который орошен Его пречистою кровию за грехи наши, вы, именующие себя христианами, вы, не желающие отречься от сего святейшаго звания, скажите мне: христиане ли вы? Не бойтесь сознаться в том, в чем обличит вас совесть ваша, не оправдывайте себя, не допускайте и мысли оправдания: суд Божий – не суд человеческий, а вы стоите на суде Божиим! Верьте, что как только вы изречете над собою приговор, вы почувствуете в себе прилив мужества: вы тут же дадите себе слово никогда больше не посещать ни театра, ни бала накануне праздников; вы почувствуете в себе силы не только сдержать свое слово, но и привить себе благодатную привычку бывать в эти часы в храме Божиим, а затем (таково свойство духовной жизни) – затем вы ощутите в себе потребность и непреодолимое влечение слушаться совести, в которой будет говорить ваш Ангел-Хранитель, слушаться Христа, поручившего дело вашего спасения Церкви, а следовательно, слушаться матери-Церкви... А раз вы обратитесь к сей благодатной матери – она укажет вам путь духовного обновления, откроет пред вашими очами иной мир, мир, дотоле, может быть, вам еще неведомый, и начнется иная, не только разумная, но и достойная богоподобного существа жизнь... Так, – кто знает? – может быть, совершится Божией благодатью переворот, начавшись с отречения от мирского обычая, и из этого отречения, этого малого некоего подвига во имя Христово и силою Христовою (опытом теперь видите, что и сего малого дела без Его помощи вы не в силах сделать), произрастет велие древо – ваш внутренний человек в вас воскреснет, станет расти, над вами откроется духовное небо, и вы ощутите в себе зачатки того царствия, которое, по слову Христову, внутрь нас есть...

VI

Есть порок, о котором мы, пастыри, как-то стесняемся много говорить: думается, что у всякого совесть есть, что она, совесть, не молчит же, обличает этот порок, что есть у людей стыд, который, естественно, побуждает людей укрывать его от посторонних глаз: не довольно ли этого? Но, может быть, именно в силу такого нашего излишне снисходительного суждения, порок этот растет, постепенно заглушает чувство стыда, а затем заставляет молчать и совесть... Порок становится обычным явлением жизни, на него привыкают смотреть как на что-то простительное, как на слабость: ведь “все”, – ну, не все, но почти все – им заражены, ведь это – личное дело каждого, за кем греха не водится?.. И мы закрываем глаза, боимся делать даже намек согрешающему брату. Даже

мы, пастыри, знаем этот порок, но будто не замечаем его... Вы знаете, о чем я говорю: это – похоть плоти во всех ее проявлениях! Высшие сановники, руководители юношества, гг. ученые профессора, представители искусства и литературы, промышленности и торговли, простые ремесленники, прислуга, солдаты, извозчики – да кто не повинен, в той или иной степени, в этом грехе? Простой деревенский люд грешит естественно: блудит, прелюбодействует, грех грехом еще называет, а городской обыватель греха уже не хочет знать: чем выше стоит он на лестнице общественного положения, тем меньше тревожит его совесть: одни меняют себе жен и наложниц чуть не каждый год, другие отбивают их друг у друга, богачи не стыдятся иметь по нескольку “содержанок”, даже богатые дамы “содержат” молодых людей для разврата. Спросите духовников: – они обязаны строго хранить тайну исповеди, отнюдь не называть имена кающихся, не указывать мест, где творился грех, но свои общия наблюдения за нравами могут высказать; спросите их, и вы услышите такие жалобы, такие стоны души, и именно по поводу вот этих тяжких плотских грехов, что страшно становится за человечество, и невольно приходит на память страшный приговор неумолимого суда Божия на допотопных грешников: и воззрел Господь на род человеческий, и увидел, что люди стали плотью... Все погрязли в грехе плоти, все стремятся служить плоти, только плоти... И в наше время много ли избранников благодати, не осквернивших себя похотью плоти хотя бы только в мыслях, в пожеланиях?.. Гд е они, эти во плоти ангелы? Один почтенный старец-духовник говорил мне, что он каждый раз после исповеди целая сутки не может себя успокоить душою, страшно страдая за исповедников... Приходится слышать о таких грехах, о таких мерзостях, каких и не могло себе представить его воображение. Человек не только уподобляется скотам несмысленным, но и превосходит их. И что особенно страшно: зараза идет с молодежи, которую мы привыкли называть нашею надеждой. Молодежь до того распустилась, что большинство ее физически истощено, заражено омерзительными болезнями, открыто ходят в дома свиданий, устраивают тайные общества “огарков”; распутство растет, печатный станок дает ему обильную пищу... Полюбуйтесь вот, какая выходят теперь книжки, – вот, например, объявлениице из большой петербургской газеты, считающейся едва ли не самою порядочною газетой и читаемой всеми высоко поставленными лицами: “!! В вихре наслаждений!!! Записки массажистки... Пикантные рассказы из интимной жизни современного Парижа. Книга рисует в ярких красках картину полового извращения во всех видах...” Вы скажете: да ведь это – учебник разврата, распутства, это – Бог знает, какая мерзость!! Да, все это правда. И все это разрешается... во имя свободы печати!! Ужас берет, когда подумаешь: если это возможно и допустимо, то что же не допустимо?.. Разве одно только: нельзя безнаказанно бранить премьер-министра? Но, кажется, и это иногда допускается... А уж богохульство-то является самым заурядным явлением. Та к скажите же ради Бога: ужели можно нашу страну назвать христианскою, а нас – христианами? Воистину, имя Божие хулится чрез нас у каких-нибудь язычников – детей природы, и они, указывая на нас, говорят: “Где же светлый Бог вот у этих православных?”.

VII

Смотрю я на мир промышленный... Купцы, ремесленники, фабричные... Как в котле, кипит их жизнь. У каждого своя забота, своя работа. Одних гонит нужда, потребность

насущного хлеба, других – корысть, жажда богатства... Но у всех – одно на уме: деньги... И те и другие в своих заботах, в своей суете не знают меры и границ. Богатому хочется быть еще богаче, и не удовлетворится он, аще и весь мир приобретает; бедному труженнику хочется, чтоб сыта была его семья, чтобы была она всем довольна, чтоб дети не нуждались так, как нуждается отец; а затем – отец мечтает отложить копеечку на черный день, а там – доставить себе удовольствие... И все, говорю, сводится к тому же знаменателю – деньгам. Многие ли помнят, зачем они живут на свете? А превратившись в духовном отношении в какие-то машины, и те и другие забыли, что они не животные, не машины, что есть вечная жизнь, для которой эта временная есть только некая школа, преддверье, один миг. Все это возвестил нам наш Спаситель и не только возвестил, но и трогательно зовет туда, в эту блаженную вечность, зовет, и руку простирает, и помощь обещает, да и все препятствия устраняет с пути. Знает Он, Всеведущий и Милосердый, что и хлеб нам насущный нужен, и говорит: просите, и дастся вам; молитесь: Отче наш, хлеб наш насущный даждь нам днесь... и будете услышаны... Но ищите прежде всего царствия Божия и правды его и сия вся – все, что вам потребно, без чего жить не можете на земле, – все будет вам дано в придачу к тому единому на потребу – царствию Божию... Казалось бы, что еще нужно христианину? Чего ему недостает? Опыт показывает, что Христос Спаситель верен слову Своему: чудо умножения хлебов совершается Им на наших глазах постоянно. Посмотрите на бедняка, трудящегося не ради прибытка, а ради исполнения заповеди Божией, трудящегося и от своих трудов праведных ради Бога с ближним делящегося: нет у него ни капиталов, ни богатств, но зато с ним всегда милость Божия, он всегда сыт и доволен, и семья его видимо Богом благословляется: дети его радуют ученьем и поведением, выходят в люди и готовят ему спокойную старость... Казалось бы, для тех, кто считает себя христианином, в ком не погас еще луч веры, такой пример – лучшее побуждение к подражанию, к ободрению унывающего духа, а для тех, кого Бог наделил излишком, – какой простор жить для Бога и ближнего! Сколько можно сделать добра! Как можно украсить, сделать поистине счастливою счастьем ближнего свою жизнь! Ведь нет легче заповеди о милосердии, и нет добродетели, которая так скоро и так могущественно могла бы преображать наше сердце, делая его милующим, как добродетель милосердия. Господь и на страшном суде Своем будет судить именно по этой добродетели, и потому-то и будет сей суд столь строг, а грешник на нем столь безответен, что добродетель милосердия так свойственна сердцу человеческому, так сродна ему, мила, любезна и доступна, как никакая другая... Вы, еще не отрeksiшиеся Христа, еще именующие себя Его святым именем, вы, христиане! Останьтесь хоть на минуту наедине с самими собою, загляните, при свете Христова учения, в свою совесть... не бойтесь, люди не увидят вас, ради Бога не лицемерьте: ведь Бога не обманешь; если верите еще в Бога, то вот и скажите себе перед Богом всю правду о самих себе: христиане ли вы? Не на словах, а по совести, на деле скажите, не обманывая самих себя... Христианин ли ты, поденный труженик, не знающий для себя отдыха в непрерывной почти работе! Подумай: отчего так унывает твой дух? Откуда эта по временам такая безысходная тоска? Отчего не спорится у тебя и работа? Не покладаешь ты, кажется, рук, а дело у тебя будто уходит из-под рук. Я не говорю о тех несчастных, которые заливают свое горе вином; я к тебе обращаюсь, честный труженик: чего недостает тебе для полного счастья? Знаю, ты скажешь: средств к жизни мало, недостаток одолел. Так, но в том-то и дело, что ты сам не видишь, почему как будто нет Божия благословения на твоём труде. Я помогу тебе решить этот вопрос, если ты только в Бога веруешь, если в совести своей лукавить не

будешь. Прежде всего, спроси самого себя: так ли ты трудишься, как Бог заповедал? Не для того ли только, чтоб побольше денег достать да семью прокормить? Ты скажешь мне: а то для чего ж? Друг мой, если хочешь, чтоб на твоём труде почивало Божие благословение, то надо трудиться во исполнение Божией заповеди, а не ради корысти: заповедано нам: в поте лица твоего снеси хлеб твой – это первое. Если ты это постоянно себе повторяешь, если говоришь себе: “Бог велел мне трудиться, потому и тружусь”, то ты – Божий послушник и в своём труде Божие дело творишь, а не житейское только, для Божия царствия трудишься, а не для хлеба только насущного. Второе: надобно помнить всегда, что без Божией помощи мы ничего не сможем сделать: *Без Мене*, говорит Христос, *не можете творити ничесоже*. А чтоб помощь сия пришла к тебе, надо и приступая к труду, и продолжая его, и кончая, Богу молиться. Скажи мне: вот стоишь ты за станком, руки твои работают, а ум твой чем занят? Кто мешает тебе, хоть от времени до времени, ум свой к Богу с молитвою обращать, краткую молитовку творить? Пусть никто не видит этой внутренней сердечной твоей молитвы, а Бог-то все видит, все слышит и невидимо благословит твой труд. И будет твой труд Богу угодным деланием во славу святого имени Его, и почует на нём Божие благословение, и легко будет тебе трудиться, и во всем будет тебе добрый успех. Есть ещё и третье средство привлекать себе Божие благословение: это – надо с Богом делиться от трудов своих праведных. Положи себе за правило: отлагать с каждого рубля на первое время по копейке на добрые дела: Богу на свечечку, нищему или бедняку на помощь, сироткам на хлеб, на рубашечку... Не нуждается Бог в нашем содействии Ему: силен Он и без нас голодных напитать, сироток пристроить, одеть и обуть; но Он хочет и нас делать участниками Своих благодеяний людям; Он хочет являть Свои милости – чрез нас, дабы сделать нас Своими верными слугами, Своими поверенными здесь на земле: не великое ли это счастье? Поделись же с Богом своею трудовою копейкой. Беден ты, много дать не можешь, а вот эту-то *Божью копейку* непременно Богу отдай: поверь, она вернется к тебе целым рублем! У Бога уж такой закон: Он ни у кого в долгу никогда не остается. Не велика сумма копейка, а смотришь, Ангел Божий счет подведет, и щедро Господь тебе за все оплатит. Надо же, надо, брат мой возлюбленный, понуждать себя к исполнению хотя бы вот таких не трудных заповедей, как заповедь о милосердии. Ведь без этого душа наша мертва – не живет тою жизнью, к какой призвал нас Господь. Что же в том удивительного, что мы и не знаем этой жизни, не знает наше сердце этой радости во Христе Спасителе нашем, и тоскует наша бедная, голодная душа?! Ведь она по природе своей христианка; ведь она сотворена не для этой краткой земной, суетной жизни: она создана для вечной радости у Бога; как же ей не тосковать, не стремиться к чему-то такому, чего не найдешь на земле? Начни жить по-Божьи, храни свою совесть, трудись для Бога, делись с Богом от трудов, очищай свою совесть святыми таинствами Церкви, не пропускай ни одного праздника, не посетив храма Божия, и ты ощутишь в себе новые силы, почувствуешь, что началась другая жизнь, дотоле тебе незнакомая, и ты поймешь, что ты только теперь стал христианином, а доселе только именовался им, а на деле еще не знал, что такое христианин... Счастья тебе желаю, дорогой брат, не от себя говорю тебе, а от имени Церкви-матери нашей благодатной, от имени Самого Христа – вот от имени Кого путь к счастью тебе показую!

VIII

Теперь обращаюсь к тебе, состоятельный русский человек, – купец, фабрикант, промышленник, тебя спрашиваю: христианин ли ты? Не к тем богачам я слово мое обращаю, о коих говорит псалмопевец: *увы, утолсте, расшире, забы Бога, спасающего его* – хотя, о, как рад я был бы, если бы кто-либо и из них преклонил ухо свое к моему смиренному пастырскому слову, – но теперь я говорю тому, кто считает себя православным христианином... Брат возлюбленный! Проверь и ты свою совесть! Лучше самому, став пред Богом, обнажить язвы души своей, чем стать пред лицом всех ангелов, всех святых Божиих и всего рода человеческого, и быть обнажену пред грозным Судиею мира... Ради Бога – не обманывай себя – пожалей себя! Вспомни, что ничего с собою в могилу не возьмешь, вспомни, что ты, в сущности, не хозяин, а только приставник на земле Божия достояния. И должен отдать отчет о приставлении домовнем. Твой Домовладыка есть Христос, искупивший тебя кровию Своею. Он поручил тебе все, что имеешь, что Он посылает тебе. Своего у тебя ничего нет. Если ты считаешь себя христианином, то ты должен согласиться со мною в этом. Вспомни того богача, которому Бог сказал: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси – кому будут?!* Прислушайся в тиши уединения, не говорит ли и тебе твоя совесть: вот и ты копишь злато на злато, капитал на капитал: что же, будет ли когда-нибудь конец этому скоплению? Знаю, что душа человеческая меры не знает в своих стремлениях: но ведь вот эта-то ненасытимость и доказывает, что не тем ты ее насыщаешь, чем должно... Она жаждет вечного, а ты питаешь ее временным, она ищет нетленного, а ты подносишь ей тленное, она ищет Бога, а ты влечешь ее к твари гнущейся... Нет, ничем тебе ее не насытить из земных благ, хотя бы всем миром ты овладел! И чем больше ты будешь приобретать, тем сильнее будет эта жажда. Как соленой водой жажды не утолить, так земными благами души не насытить. Вот настанет час твоей смерти: тоскующая, неудовлетворенная душа будет искать себе отрады, утешения в прошлой жизни, но *увы!* ничего не увидит позади себя, кроме груды холодного металла, который будет для нея то же, что прах земной... А сколько можно бы сделать добра при помощи этого металла! Какою светлою радостью сияла бы душа, если бы вместо этого праха-металла она увидела вдов и сирот, тобою утешенных и облагодетельствованных, увидела храмы Божии, тобою украшенные, увидела все то добро, какое по внушению твоей совести сделал ты в продолжение своей жизни, употребив Богом тебе ниспосланное достояние на это добро! И возрадовались бы сему ангелы Божии и отнесли бы твою душу туда же, куда отнесли они душу бедного Лазаря – на лоно праотца Авраама! И услышал бы ты глас Небесного Домовладыки: *вниди, рабе благий и верный, в радость Господа твоего: о мяле был еси верен, в ничтожном и земном ты оказался верным – над многим тя поставлю, соделаю тебя участником Моего царства небесного!*

Брат мой возлюбленный! Оторвись хоть на минуту от суеты, тебя порабощающей, войди в храмину души твоей, останься там один, сам с собою наедине, представь себе, что наступает, что вот уже наступил последний день и приближается последний час твоего земного странствования... Что бы ты сделал в этот страшный последний час? Жизнь кончена, зовут туда, откуда нет возврата, а там потребуют строгого нелицеприятного отчета. Нагим ты пришел сюда на землю, почти нагим – лишь в погребальных пеленах, хочешь ли, не хочешь ли, а должен отойти туда. Ничего-ничего с собою не возьмешь. Все здесь же останется... Что бы ты сделал тогда?... Конечно, ты готов бы был все отдать до последней копейки первому встречному бедняку, только бы не связывало тебя твое богатство здесь в совести твоей, не тянуло бы оно тебя к земле. Та к вот и подумай теперь:

не лучше ли, пока еще есть время, пока ты живешь на свете, благоразумно употреблять избытки своего достояния по Божью указанию, как заповедует Господь в Евангелии и в святом Слове Своем? Понудь же себя хоть немного, начни исполнение заповеди Божией, сделай первый шаг и ты почувствуешь, что в тебе, в твоём доколе холодном сердце как будто вспыхнула светлая искорка Божия, душа твоя увидела просвет, и ты начинаешь понимать, что такое добро, как оно животворно, как близко к тебе счастье, о коем и говорит Господь: *царствие небесное внутри вас есть...* Ты тут только познаешь, что такое истинный православный христианин, увидишь, что ты доселе был только по имени христианин, а теперь, только теперь ты сделал для себя самого великое открытие...

IX

Есть еще великая скорбь сердцу пастырскому, есть позорный порок и у богатых и у бедных людей, порок, лишаящий и тех и других Божия благословения. Это – недостаток честности, совестливости или проще – добросовестности. Ложь, обман у нас редко считают за грех. Правда, на словах в этом сознаются, но на деле этот порок обычное явление. Спаситель сказал, что отец лжи – диавол; а вот какой-то сын диавола, может быть, один из тех, о коих говорит Господь в Евангелии от Иоанна, выдумал пословицу: “Не обманешь – не продашь”, и гуляет она по Русской земле среди людей торгового мира. Другой придумал другую пословицу: “От трудов праведных не наживешь палат каменных”, и повторяют ее те, которые трудами рук своих приобретают себе хлеб насущный. Третий кощунник взял слова пророка Давида: “ложь конь во спасение” – не надежен конь для спасения, – и переделал их по-своему: “ложь во спасение”... И вот купец торгует и обманывает, рабочий и ремесленник делают чужое дело и не думают о его прочности, чистоте, добросовестности; чиновник служит и хитрит, торгует своею совестью... И все они только и думают, как бы провести день до вечера. И до того въелась эта нечестность в нашу среду, что сложилось даже как бы присловие: “А кто ныне не подлец”? Как же после этого не спрашивать с болью в душе: да где ныне христиане у нас, в православном Русском государстве?..

Что же? Ужели так тому и впредь быть? Ужели ложь, обман, подлость, хитрость – все эти мерзости и впредь будут сквернить нашу родную землю, лишать ее Божия благословения? Та к уж не честнее ли будет совсем отречься от Христа? Ведь есть же теперь где-то на Урале секта сатанистов; вот и запишитесь, русские люди, в эту секту: это вам будет более к лицу! Слышите, что глаголет Христос: “что Мя глашаете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?! Идите от Мене, не вем вас!”...

Больно писать эти строки. Но всмотритесь в жизнь. Вот ищут в городе “честного” дворника, прислугу, рабочего и берут татарина. Почему? Да русские “очень пьют”... Не больно ли это? Не позорно ли? Нужен мастер, артельщик, приказчик – смотришь, взяли немца, чухонца, – они, видите ли, толковее русских. Русские на руку нечисты, неисполнительны, ленивы... Да неужели все таковы? О, конечно, нет, но трудно найти, но большинство ненадежно, и рад бы русскому кусок хлеба дать, как своему родному, а возьмешь, говорят, и не рад будешь, раскаиваться придется. Рассказывал мне покойный протоиерей Иоанн Григорьевич Наумович, известный миссионер и издатель народных книжек: “Если наймется немец-рабочий – ему можно смело поручить всякое дело: честно выполнит и не нужно за ним смотреть. Если вы увидите немца-работника на хозяйском

поле и спросите его о чем-нибудь, то он ответит вам на вопрос коротко, не прерывая работы; а если вздумаете отвлечь его от дела разговором, он вам скажет: “Я нанимался работать, а не разговаривать”. Та к ли поступают наши русские работники? Заговорите с таким в отсутствие хозяина, и он будет рад с вами беседовать хоть целый час. А работа будет стоять... Скажите по-совести: честно ли это? По духу ли истинного христианства?.. И это, к несчастью, повсюду: недаром же хозяева фабрик и заводов предпочитают всяких инородцев, не исключая даже иудеев, своим русским рабочим, особенно на окраинах России...

Та же нечестность, то же “несовестливое” отношение к делу, к чужому достоянию, замечается у нас и в торговле: “не обманешь – не продашь”, а если продашь, то барыша не получишь – это повсюду. Извозчик запрашивает с вас 70 копеек и везет, после переговоров, за 40 копеек; скажите – честно ли он поступает? Ведь он покушается обмануть вас, взять с вас вдвое против того, что может взять, и нисколько ему не стыдно: таков обычай. Но ведь этот обычай – скажем прямо – безсовестный! Торговец запрашивает с вас рубль и отдает за полтину, а иногда и дешевле: честно ли это? По-христиански ли? Мужичок продает на базаре сено: и в сено, для веса, подсыпает песок; а если продает сено не на вес, а возом, то делает воз пустой; баба вливает в молоко воду, подмешивает мел, в масло иногда кладет камень... да всего и не перечтешь: так многообразно проявляется безсовестность наша, с которою сравнится разве только безсовестность иудеев. Не позорно ли это? Не обидно ли для нас, пастырей православной Церкви? Что мы скажем, в оправдание своих чад духовных, иноверцам, сектантам, тем же иудеям, бросающим в глаза упреки: “Вот ваши православные что делают! Им-де нельзя ничего доверить: все испортят, подменят, сделают кое-как!.. Как будто Церковь православная учит такой безсовестности! Как будто она одобряет или хотя снисходит ей! Ведь воистину имя Церкви Божией хулится за нечестность и безсовестность нашу! И вот что горько: наши же православные нередко смущаются такими упреками и, уходя в ереси, оправдывают себя тем, что там живут и честнее, и трезвее... Вот до чего мы дожили в нерадении нашем! Вот – наше христианство!

Х

Теперь посмотрим поближе на наши добрые дела: все ли их можно назвать христианскими?

Вот богатый человек строит колокольню, отливает колокол, золотит главы... Кто смеет сказать, что он делает не доброе дело?

Однако же, по долгу пастыря Церкви, я должен предостеречь такого благотворителя от искушения. Ведь может случиться что он-то будет уверен в себе, что за такое доброе дело ему уготована награда на небесах, а между тем, на суде Божиим он услышит: “восприял еси благая твоя в животе твоём”... И прежде всего я спросил бы такого доброго человека: с кем он посоветовался, когда решался на свое “доброе” дело? Не своеволие ли это было? А может быть духовный отец, если только он знал о начинании своего духовного сына, и не давал ему совета непременно делать то, что задумал он? Вот и первое сомнение в чистоте этого доброго дела. Сын православной Церкви твердо должен помнить, что всякое доброе дело может быть и медницей, и серебром, и чистым золотом в очах Божиих. Если ты делаешь доброе дело без совета и благословения, если делаешь ради расчетов земных,

ради тщеславия, ради наград, орденов и медалей, ради похвалы людской, то твое дело – медница, которою не стяжешь ты себе царствия Божия. Тебя хвалят, тебя прославляют люди: и довольно с тебя этих похвал, этой славы человеческой – не жди себе славы Божией! Нельзя служить и Богу и мамоне, своему грешному “я”. И все твое славное, по суду человеческого, дело много-много стоит медницы в очах Божиих, а, может быть, равняется и круглому нулю. Не и язычники^[9] ли также творят, говорит Господь о таких добрых делах. А если так, то он теряет уже цену и христианской добродетели, и напрасно себя будет льстить человек, указывая другим на такие добрые дела...

Вот другой любитель благолепия храмов Божиих жертвует на позолоту крашеного иконостаса, делает серебряные ризы на святые иконы, жертвует на поминание родных, и все это, согласно заповеди Спасителя, – от имени неизвестного благотворителя. Это уже поистине доброе дело, исполняемое притом во смирении, как сказано: *да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя*. Но еще единого не dokonчил сей благотворитель: не отсек он воли своей, не положил ее вместе с даром своим к подножию креста Господня. Сего ради и его дело – еще только серебро, но не чистое золото в очах Божиих. Хочешь ли, о христианин, да будет оно чистым золотом пред Господом? Сие сотвори: вместе с твоим добрым намерением повергни к стопам распятого Господа и твое произволение; нет дара более приятного Господу, нас ради смиревшемуся и Отцу Своему послушливу бывшему, даже до смерти, смерти же крестныя, как наша воля, – это дражайший дар Творца Своему богоподобному созданию, эта наилучшая черта богоподобия Божия в нашей душе... Отдай же ее, как чистую жертву Господу, скажи в твоём сердце: “Господи! вот я хочу сделать такое-то доброе дело, но не знаю, угодно ли оно Тебе? Не хочу я, чтоб непременно мое желание исполнилось, хочу, чтоб Твоя святая воля сказала, а я готов отречься от своей воли и исполнить то, что повелишь Ты... Скажи мне святую волю Твою чрез моего духовного отца, моего духовного друга, руководителя, к которому расположена душа моя. Если он одобрит мое начинание – слава Тебе: я приму его слово, как ответ на запрос души моей; если же подскажет мне другое доброе дело, паки – слава Тебе: готов исполнить сие, хотя бы оно и не по сердцу было моему ветхому человеку...” Та к молись, так ищи воли Божией, и верь: никогда Господь не откажет рабу Своему, вопрошающему Его о деле, Ему благоугодном! Ты увидишь, как станут располагаться самые обстоятельства, чтоб не твоя, а Божия воля исполнилась, увидишь, как и сердце твое какая-то дивная сила повлечет к исполнению Божией воли... И будет тогда, только тогда твое дело доброе – чистым золотом в очах Божиих.

Аще же не тако – то можно еще сомневаться: действительно ли ты поступаешь, как истинный Христов ученик, как истинный христианин?

XI

Из городов пойдем в самую глушь деревенскую. Посмотрим, что там творится у православных христиан в праздники, например, или когда справляются свадьбы, похороны, крестины... Нужно ли много говорить о том пьянстве, которое разливается рекою, о том распутстве и драках, какими сопровождается это пьянство? У кого из людей, ревнующих о Церкви, о родине, о славе Божией, не сжималось сердце болью, не выступали слезы горькой обиды, стыда, унижения за родной народ при виде всех этих безобразий? Какой-то пьяница придумал складное слово: “кто празднику рад, тот до свету

пьян”, а наша деревня приняла это глупое, богохульное слово как бы за заповедь, и вот храмы Божии в праздники пусты, в них только дети, старики да женщины, а мужички, домохозяева, эти “труженики”, как они себя любят называть, они, с раннего утра, минуя храм Божий, пошли верст за пять и дальше – туда, где можно водки достать, где есть винная лавка, трактир, харчевня: там они будут справлять праздник... А к вечеру вернутся домой, принесут с собою живительной влаги, будут насильно поить детишек своих, несчастных жен, отцов стариков, матерей... Ведь все это – столь знакомая картины, что говорить о них, право же, не хочется! Но как и молчать? Ведь эти несчастные полагают, что они тоже “христиане”, что они в Бога веруют и вот – праздники помнят... Помнят!.. О, если бы они знали и помнили грозное слово Господа против такого празднования, возгремевшее устами великого пророка Божия Исаии почти три тысячи лет назад: “Слушайте слово Господне: праздничных собраний ваших не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя... ваши руки полны крови: омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову... Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас, ибо уста Господни сие говорят!..” (Ис. гл. I). О, если бы эти словеса Господни постоянно звучали в ушах современных христиан! Если бы пастыри повторяли их непрестанно и в храме, и в домах верующих, и на площадях при молебствиях, и в вагонах, и на пароходах, в пути! Но – увы! Редко слышится об этом голос пастырей наших: они, видно, уже отчаялись в возможности что-либо сделать для прекращения пьянства народного в праздники, не говорю уже о тех несчастных, которые сами не отказываются принимать участие в таком богопротивном праздновании... И вот, смотрите, что творится на Руси: давно видели весь ужас такого празднования народом дней святых люди умные, задумались и пришли к заключению: во всем повинны праздники, надо их уничтожить! И составили законопроект, и внесли в законосоставительное учреждение – Государственный Совет – сократить число праздников так, чтобы, с воскресными днями, их было не больше 66 или 67 в году. Не подумали эти люди умные, что ведь праздники-то сами по себе тут не при чем, что виноваты люди, извращающие смысл праздников, искажающие порядок их празднования; что если бы православные люди праздновали святые дни свято, так как учит Церковь, то ни пьянства бы не было, ни безпутства, напротив: праздники вносили бы благодатную, оживляющую духовную струю в народную жизнь, облагораживали бы народ, умножали бы добро на родной земле, ибо в праздники делать добро Сам Бог повелевает! Праздник – день Божий, и требует Господь, чтоб он посвящался на дела Божии, на молитву, благотворения, дела милосердия. Уж если писать законы, то надо бы такие законы писать, чтоб они полагали пределы пьянству в дни праздничные, а не уничтожали бы самой идеи праздников... Но, увы! Наши законосоставители посмотрели на дело глазами сынов века сего, с точки зрения экономии, и смелою рукою хотят зачеркнуть 25 праздников из тех, которые отмечены в законе. Я спрашиваю: христиане ли это? Дерзнут ли истинные сыны Церкви вторгаться в ее порядки и законоположения? Позволят ли себе умничать в явное нарушение повелений своей матери-Церкви? И не выше ли их стоят вот эти простецы-пьяницы, которые все же не противоречат Церкви в том, что праздник – день Божий, что отдавать его на дела житейские грешно, – словом: не зачеркивают праздников, не равняют их с будними днями в идее. Да, они оскорбляют их, оскорбляют Бога недостойным их празднованием; но ведь и это – грех невежества, грех, который они все же добродетелью

не назовут по совести. А эти люди умные, просвещенные, ставшие на высотах законодательных, они-то что делают? И ведь не безсознательно: вопрошали власть церковную, получили ее мнение о своей затее, значит, нельзя сказать, что не ведают, что творят. Нет, они отлично знают, что нарушают уставы и каноны церковные, нарушают “скверного ради прибытка”, а не ради духовной пользы народа, они с пренебрежением относятся к Церкви Христовой, скажите же: кто это – христиане? И кто лучше, ближе к понятию христианина: те ли пьяницы, оскорбители праздников Господних, или сии современные – пусть они простят нас за резкое слово, – оно из Евангелия, – современные фарисеи?.. Пусть судит сие совесть православная христианская! А нам, пастырям, невольно приходит скорбная мысль: ужели у людей просвещенных, считающих себя христианами, до такой степени вытравлено понимание сути христианских понятий о праздниках, что они готовы даже в некоторые двенадцатые праздники, например, в Сретение Господне и Введение во храм Матери Божией, идти с спокойной совестью в канцелярии, лишь предварительно вычеркнув из табели эти дни? Они говорят, что работа будет производиться не утром, а с 12 часов дня, следовательно, кому угодно, может и в церковь сходить... Но разве можно говорить это серьезно? Кто же не знает немощей человеческих? И – скажем откровенно: такой законопроект мог появиться только под влиянием людей, чуждых Церкви и ее благодатных веяний, по мысли или тайному подкасу врагов Церкви, масонов, коих безсознательными слугами и явились начинатели такого законопроекта... А для нас, служителей Церкви, несомненно, что масонами руководит сам князь тьмы чрез своих верных слуг – врагов Христовых...

ХII

Так, вся наша жизнь полна лицемерия; самые добродетели наши часто под большим сомнением; невольно думается: а что если бы враги Христа стали нас подвергать пыткам, устояли бы мы или нет? Увы, на этот вопрос страшно даже отвечать... Судите сами: многие из нас боятся оградить себя крестным знамением в общественном месте: ну какие же мы христиане? Многие боятся сказать открыто, что не могут пойти на бал в субботу вечером, ибо это – святое время: какие же это христиане? Их еще не подвергают пыткам, им грозит много-много шутовское прозвище “святоши” или “ханжи” – гораздо меньшая опасность, чем та, пред которою устрасился Апостол Петр, когда отроковица некая осторожно спросила его: и ты был с Иисусом Галилеянином?.. Мы боимся иудейской газеты больше, чем суда Божия! Это ли – ученики Христа?!

А что если бы среди нас вдруг явился пророк Божий Илия, этот беспощадный обличитель зла: что сказал бы он нам? Каким громом небесным прозвучало бы его грозное слово: доколе хромать вам на оба колена?! Если Ваал – мир – есть бог, то идите за ним; если же Христос, имя Котораго вы носите еще на себе, то за Ним и следуйте! Нельзя, никак нельзя служить и Богу и своей мамоне! Не обманывайте Господа Бога, а так как Бога не обманешь, то не обманывайте самих себя. Грядет Судия вселенной, и неумолим будет суд Его на лицемеров, прикрывавшихся Его святым именем. Опомнитесь, покайтесь!

А время пришествия сего грозного пророка близится. Слово Божие непреложно говорит, что он явится пред вторым пришествием Господа нашего Иисуса Христа, а время сие приближается. Мы не знаем ни дня, ни часа сего страшного, но своими грехами

приближаем сей час. Ведь если грех покрывает всю землю, как водный потоп, если благодати Божией не будет места среди людей, то чего ради Господь будет отлагать суд Свой праведный? Для чего существовать еще миру грешному, если среди него не останется людей, способных к восприятию спасающей благодати?..

Со страхом и трепетом повторим слова Господа, Судии живых и мертвых: “так говорит Аминь, свидетель верный и истинный: знаю твои дела; ты ни холоден, не горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”! (Откр. 3, 14–16).

№ 30

Можно ли мечтать о плодах, не заботясь о семенах?

Еще в мае в газетах промелькнуло известие, что известный патриот о. протоиерей Восторгов поехал в Сибирь, между прочим, с целью наметить там места для будущих монастырей как центров духовно-просветительного и культурного воздействия на новоселов. От времени до времени телеграммы самого о. Восторгова извещали, что там-то он наметил три монастыря, в другом месте пять и так далее...

Следовательно, газетное известие имело для себя основание. Газеты говорили далее, что предполагено основать до 14-ти монастырей, а иныя это число доводили до 45-ти. Говорили и то, что поручение это идет от главы правительства – г. министра внутренних дел...

Русская история – свидетельница того, какое благотворное значение в деле народного просвещения, в распространении культуры, в деле благотворения государственного имели и имеют доселе наши монастыри. Монахи-подвижники шли впереди в глухие непроходимые леса и дебри, строили там святые обители, а за ними тянулись поселяне, искавшие новых мест, и таким образом появлялись селения, посадки, насаждались начатки культурной жизни... Поэтому нельзя не приветствовать мысль – иметь побольше монастырей в нашей отдаленной Сибири именно теперь, когда в эту доселе малонаселенную область устремились волны переселенцев русских православных людей, которые не могут жить без святых обителей, где они привыкли черпать благодатные силы для духовной жизни. Русская душа тоскует, когда не видит вблизи себя храма Божия, когда не знает, что вот там, хотя бы за 200–300 верст, есть святая обитель, где она, православная душа, может отдохнуть, сложить бремя своих забот у родных святынь, получить совет в затруднении, утешение в скорби, войти в общение с небом... Удовлетворить этой насущной духовной потребности православного русского человека – есть прямой, неотложный долг тех, кто может, а потому и обязан это сделать.

Но приветствуя эту мысль, я, да и не я один, а со мною и многие сыны Православной Церкви, и особенно монашествующие, мы не можем не высказать своих недоумений и даже опасений по поводу того, что говорят газеты о способах осуществления сей мысли. И прежде всего, как-то поражает нас эта в некотором роде таинственность, какою окружено все это дело с внешней стороны. Кто обсуждал это дело? По-видимому, один его инициатор. По крайней мере, судя по слухам, высшая церковная власть, Св. Синод, по существу сего дела не обсуждал, ограничившись, кажется, во исполнение желания министра, командировкою о. протоиерея в Сибирь. Станным кажется, что мирская власть берет на себя инициативу дела чисто церковного. Не проще ли было бы, имея в виду тысячелетний союз Церкви с государством, представителям государственной власти просить Церковь взять все это дело в свои руки, обещая ей всевозможное содействие. Ведь мирская власть смотрит на монастыри со своей, государственной, так сказать, – земной, утилитарной точки зрения, а церковная власть должна смотреть первее всего, – с духовной, церковной, так сказать, небесной, идеальной. Церковь не отрицает и государственной точки зрения, но подчиняет ее всецело духовной – идеальной. Самая польза монастырей, с государственной точки зрения, всецело зависит от того, насколько

будет достигнута монастырями их прямая, идеальная задача: воспитание монахов для царствия Божия. Во-первых, – *сие*, а потом, и уже как прямое последствие сего – *оное*. Без достижения сего не будет и *онаго*. Без семени не вырастет дерево и не будет плода.

И вот нам представляется, что государственная власть, предпрешая вопрос без совета и руководственных указаний Церкви, в сущности, мечтает о плодах, не заботясь о семенах... О главной задаче монастырей как будто и не думают, как будто это дело не важное, а если и важное, то ведь это забота Церкви, забота самих будущих монахов, до которой и дела нет мирской власти, но за то эта власть учитывает в свою пользу то, что должно явиться лишь последствием выполнения первой и главной цели монастырей. А между тем, это выполнение обставлено такими условиями, о которых мирские люди часто и понятия не имеют. Надеемся, почтенный о. протоиерей Восторгов сам сознается, что он не может указать всех условий, благоприятствующих развитию строгоподвижнической жизни в той или иной местности, а потому и его предварительные разведки могут иметь лишь относительное значение и подлежат пересмотру самих иноков, коим Бог благословит подвизаться в новых обителях.

Уже из сказанного видно, что раз возникла мысль о новых монастырях в Сибири, следовало бы подробное ее обсуждение поручить инокам как людям, более сведущим в этом деле. И очень жаль, что вопрос этот возник только теперь: всего естественнее было бы обсудить его на бывшем в прошлом году в Троицкой Сергиевой Лавре монашеском съезде. В общем собрании представителей русского монашества тогда было бы можно выслушать мнения по сему вопросу и старцев, носителей монашеского духа и заветов отеческих.

Но, как видно будет дальше, не поздно сделать это и теперь.

Мы переживаем странное время. Иное лет десять назад показалось бы кошмаром, от которого хочется проснуться поскорее. А ныне нельзя поручиться, что этот кошмар не окажется самую реальную действительностью. Вот почему, несмотря на постоянное газетное лганье, иногда с тревогою прислушиваешься к нему: а что если в этом лганье есть доля правды?.. Та к газеты говорят, что будто о. Восторгов, наметив пункты, где будут строиться новые монастыри, отправится по старым русским обителям набирать иноков по своему усмотрению... Ужели возможно это? Не говорю уже о том, как мог бы о. протоиерей распознать, кто пригоден, кто негоден для новых монастырей: ведь и в монастырях не все ангелы живут, хотя и носят ангельский образ. Есть люди, способные на всякий труд, хотя бы даже и умственный, но часто бывает, что вот именно эти-то люди и не пригодны для того, чтобы строить новые монастыри... Известно, что умственные качества и житейские способности далеко не всегда сочетаются с духовными качествами, столь необходимыми для жизни монашеской. Бывает и наоборот: духовно настроенный, опытный в духовной жизни инок является младенцем в житейском отношении. Такие сочетания свойств, какие мы видим в о. Иероне, настоятеле Нового Афона, бывают чрезвычайно редки. И распознать таких иноков при их скромности и смирении постороннему человеку крайне трудно. Настоятели же обителей если и знают их, то берегут их, как зеницу ока, для своих обителей. Но, кроме сего, какой добрый инок признает себя пригодным и способным к великому подвигу, – а таким подвигом в глазах таковых иноков, без сомнения, и будет казаться устройство новых обителей. Инок, в силу самых обетов своих, не смеет и помыслить распорядиться собою: он – чадо послушания и смирения. А слушаться он должен только Богом поставленной над ним власти. Власть же не обязана исполнять то, в духовной пользе чего она сомневается. Не станет же о.

Восторгов предписывать епископам высылать намеченных им монахов в Сибирь за “послушание”. Не возьмет на себя такой миссии и сам Св. Синод. Ведь святые обители не приказами, а молитвами и подвигом созидались... Как относятся добрые иноки к таким назначениям против их воли, можно видеть из следующего рассказа покойного наместника Сергиевой Лавры о. архимандрита Леонида, слышанного мною от него самого.

“Я был еще офицером, когда посетил Валаам. Там, во время литургии, запричастный стих вышел говорить проповедь молодой красавец монах. Он говорил живо, плавно, красноречиво, так что я подумал про себя: вот еще какие иноки есть здесь!.. После обедни я пошел полюбоваться красотами острова и вышел на берег. Смотрю – на высокой скале сидит, задумавшись, о. проповедник. Я пробрался к нему, подхожу и говорю: “Здравствуйте, батюшка! Красота ми природы наслаждаетесь?” Он отвечает: “Сижу и думаю: впереди – море, позади – горе, справа – ох, слева – мох... не утопиться ли?..” – “Господь с вами”, – говорю ему и, с его позволения, сажусь около него. Разговорились. Оказалось – это ученый монах, академист, был инспектором семинарии, за слабости сослан сюда на смирение... И вот он с тоски доходит до отчаяния и бранит начальство, которое его сослало сюда. Возвращаясь в обитель и вижу другую картину. Горько-прегорько плачет старец-иеромонах, а два брата с дружеским участием его утешают. Спрашиваю: что случилось? Отвечают: “Да вот о. Н назначили настоятелем такого-то монастыря а он прожил здесь 30 лет: как же ему не плакать, когда надо за послушание покинуть родную обитель”.

Я спрашиваю читателя: кто надежнее, кому Бог поможет устроить обитель: красноречивому ли оратору, ученому академисту, с отчаяния помышляющему броситься в море, или вот этому простецу-старцу, горько плачущему в разлуке с своею матерью-обителью? А ведь сего последнего можно было послать только за послушание. Но много ли найдется таковых в наших обителях?

Откровенно говорю: мы, монахи, боимся, как бы вместо пользы мысль г. Министра внутренних дел не принесла бы вреда, как делу культуры в Сибири, так и нашим старым монастырям, если эта мысль будет проведена в жизнь без опытного руководства лучших представителей монашества. Ведь для того, чтобы она осуществилась, нужно, чтобы и в среде нашей интеллигенции, и в самой толще православного народа было много душ, жаждущих подвига и подвига именно монашеского. Стремление к подвигу *внешнего* делания может дать нам ревностных миссионеров, самоотверженных братьев милосердия, талантливых проповедников, но еще не даст нам добрых *иноков*. А для монастырей нужны именно добрые иноки. Иноков и будет искать в монастырях наш верующий народ. Наше монашество ослабело, оно тает, приходится мужские монастыри обращать в женские от недостатка иноков. Наши интеллигенты почти не идут в монастыри. За 30 лет моего пребывания в Лавре преп. Сергия пришел в монастырь только один окончивший полный курс семинарии, если не считать трех-четырех вдовых иереев. Постригать, даже производить в сан иеромонаха приходится полуграмотных, едва умеющих читать... Иначе служить некому. Мир бранит монахов, что монастыри начинают пустеть, а того не хотят принять во внимание, что ведь монастыри поневоле довольствуются тем составом братии, какой дает им тот же мир... При таком печальном положении монашества, при стремлении еще утилизировать его для целей благотворительных и просветительных, при недостаточном понимании истинных его идеалов не только мирскими людьми, но даже и

некоторыми иерархами, есть ли надежда вдруг создать 45 монастырей в далекой Сибири – таких, которые вполне оправдывали бы свое назначение?

Можно ли, разумно ли “по заказу”, искусственно создавать монастыри с такою быстротою, как это, по-видимому, предполагается в данном случае? Даже если бы для их основания и нашлось достаточное количество добрых иноков в старых монастырях; если бы и послать сих иноков за послушание высшей церковной власти, то несомненным последствием сего было бы ослабление и без того слабых в составе своих иноков старых монастырей. Но я очень сомневаюсь, чтобы и это оказалось возможным. Я боюсь, что скорее может произойти нечто худшее. В состав братии новооткрываемых монастырей войдет немало искателей приключений, которые, прожив год-два в трудных условиях новой жизни, устремятся назад или, опустившись нравственно, вместо духовной пользы, будут вносить соблазн... Надо помнить, что по закону и приказу, казенным порядком такие святые дела не делаются. И если уже признана необходимость открытия монастырей среди новоселов, то и следует обратиться по сему вопросу к монахам же как людям опыта духовного и их просить (а не приказывать распоряжениями светской власти) взять на себя это святое дело. Ожидать, чтобы можно было открыть сразу большое количество монастырей, не следует, а постепенное открытие их и возможно и – для правительства – не особенно трудно. Весь труд, все заботы возьмут на себя те святые обители, которые будут созидать в отдаленных краях свои отделения, наподобие того, как старый Афон создал на Кавказе – Новый Афон, как Соловецкий монастырь выделил из своей братии основателей Ульянова монастыря в Вологодской епархии, как Валаам дал о. игумена Сергия с частью братии для Троицкого Никольского Уссурийского монастыря...

Пусть церковная, а отнюдь не светская власть, обратится к благоустроенным в духовном отношении обителям, начиная, пожалуй, даже со старого Афона, где имеются три особенно благоустроенные и обильные братией русские обители: Пантелеймонов монастырь, Ильинский и Андреевский скиты, – а затем и к русским общежительным (отнюдь не штатным и не к лаврам), с предложением послать лучших иноков в отдаленный край для основания там св. обителей. А светская власть пусть щедрою рукою только поддержит эти начинания в материальном отношении: пусть отведет достаточное количество земли и угодий там, где укажут сами иноки, отпустит необходимые средства для обзаведения хозяйством, длястроек и т. п. Десяток монастырей таким образом возникнет в течение пяти-шести лет, – и за то слава Богу, – скромно, без шума иноки сделают свое дело. Как пчелки, они “зашумят” разве только в своих ульях, ибо у них будут надежные “матки” – руководители. А власти, как светския, так и церковныя, пусть дадут им ту “свободу”, без которой не мыслимо духовное строение душ. (Благо, теперь в моде всякия свободы.) Пусть не ждут от них сейчас же тех плодов, которые являются только сами собою, или лучше сказать, как дело промысла Божия, незримо и неуловимо для нашего разума руководящего путями человеческой жизни и деятельности. Подождите мечтать о “культуре”, о “просветительной и благотворительной деятельности” новых обителей, тем паче не толкайте их искусственно на этот путь. Дайте им набраться духовными силами и не спешите использовать эти силы раньше того, как оне, эти силы, сами проявят себя, побуждаемые к тому промыслом Божиим. Если бы даже и вовсе не было заметно этого проявления – не смущайтесь, ибо сказал Господь: *не приидет царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Этот закон одинаково действует как в отдельных личностях, так и в церковных учреждениях, ибо основным правилом христианской жизнедеятельности в нашем святом православии служит: помни, что ничего

истинно доброго и спасительного не можешь сделать сам собою, без благодатной помощи Спасителя, рекшего: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). А посему – будь нулем в оценке своего доброделания, и тогда Тот, Кто из нуля весь мир сотворил, сделает и тебя живым членом Своего таинственного тела – Церкви – и органом Своей жизнедеятельности в мире...

№ 31

Подмена мирозерцания

Не воструби пред собою! (Мф. 6, 2).

Читатели, конечно, обратили внимание (в прошлом № 30 “Тр. Слова”) на голос оптинского инокa об опасности, грозящей святой Руси от того вольнодумства, какое разливается ныне по лицу родной земли широкою мутною волною и захватывает все области русской жизни, не исключая, увы, и церковной... Горькое, вдохновенное слово старца, сказанное почти шестьдесят лет назад, можно бы назвать пророчеством, если бы простой здравый смысл, при вдумчивом, безпристрастном суждении, не говорил и теперь того же. Инок Евфимий, с точки зрения того времени, времени еще крепостного права, времени безграничного своеволия помещиков, всю вину возлагает на дворянское сословие: в то время, действительно, это сословие было руководящим в общественной и государственной жизни, но за 60 лет многое изменилось к худшему. Если и теперь, к несчастью, немало среди дворян гг. Долгоруковых, Петрункевичей и им подобных, оскорбляющих свое звание, зато теперь развелось видимо-невидимо бессловных “интеллигентов”, каких 60 лет назад почти не было. Это люди без веры, а потому и без совести, без чести, это духовные кастраты, у которых все, чем человек отличается от скота, вытравлено, которые, нося образ человеческий, опаснее всякого зверя и способны на всякую мерзость, на всякое преступление, лишь бы не попасть на виселицу. Вот единственное нечто, их сдерживающее, и они знают, что делают, когда кричат о необходимости законопроекта об уничтожении смертной казни для подобных себе, а, главным образом, именно – для себя самих. Да и все “свободы”, о коих они так горячо толкуют, в сущности, клонятся к свободе зла, к непротивлению злу, проповедуемому безбожником Толстым. И чем дальше мы живем, тем больше, частью якобы на законном основании, частью же просто захватным правом разливается это зло, а те, кто Богом поставлен преграждать ему путь, будто не видят этой духовной отравы: “нелиберально: противно свободе совести...” О. Евфимий жалуется на продажность тогдашних дворян: но тогда, по крайней мере, грех грехом называли, брали всякия взятки, но в совести своей все же это не оправдывали, а ныне – все вытравлено, искажено, ныне хотят жить без совести и это считают нормою жизни, “свободою от предрассудков”, ныне стыдятся упомянуть имя Божие... Вдумайтесь в это, православные русские люди! Ведь ужас сжимает сердце! А нас насильно хотят приучить не видеть в этом ничего ненормального, как будто все это – самая неважная, пожалуй, даже невинная вещь! Сложилось как-то так: нас, верующих, поражает какое либо явление, крайне, по нашему убеждению, ненормальное, прямо недопустимое; оно остается ненаказанным или же наказывается выговором, замечанием, ничтожным штрафом – словом так, что ценность самого зла при этом низводится до минимума. Само собою понятно, что такое отношение представителей закона ведет к переоценке нравственных понятий: если то, что мы привыкли с детства считать недопустимым, возмутительным, считали тяжким грехом, преступлением, теперь расценено как неважный дисциплинарный проступок, то, стало быть, нам приходится волею-неволею мириться с такою расценкою: не в наших ведь силах потребовать иной расценки... И слабые люди первые поддаются искушению считать неважным то, что

прежде считали очень важным, и начинают мало-помалу позволять себе это... А за ними, точно под влиянием какого-то гипноза, мало-помалу и все мы привыкаем почти так же смотреть на дело. Та к перевоспитывается наше поколение в новых понятиях о зле. О молодых людях уж и говорить не приходится: они сразу как-то усваивают эти новые расценки нравственных деяний: даже мы, старики, невольно чувствуем, как притупляется постепенно наше нравственное чувство, как сначала тоскует сердце, что творится что-то не так, как подобает по закону Божию и совести христианской а потом, под влиянием повторения подобных фактов, при сознании своей беспомощности, бесполезности протеста, невозможности поправить дело, вернуть власть имущих к прежним понятиям, невольно сживаешься с новыми воззрениями и, хотя в своей совести не миришься с ними, хотя видишь, что это ведет к гибели, но по необходимости терпишь: чувство, говорю, нравственное притупляется, и ты плывешь по течению – прямо к пропасти... Нужны ли к сему иллюстрации? Жизнь и печать дают их на каждом шагу. Самая возмутительная кощунства, большею частью, остаются безнаказанными, богохульство, поругание заветных святынь – чуть не ежедневно и в газетах, и в жизни. Мало того: вы лишены возможности, например, в дороге найти порядочную патристическую газету: непременно извольте читать жидовские листы, вы задыхаетесь от этой удушливой атмосферы лжи, кощунства, безбожия, и ныне, и завтра – все одно и то же... Но и этого мало. Для людей, которые хотели бы поучиться не из газетных простынь, а из более или менее серьезных книг, теперь издаются и толстые, якобы научные книги – отвратительно враждебного в отношении к вере и Церкви направления... Если попадет такая книга вам в руки, вся душа ваша возмутится от негодования, а те, кому ведать надлежит, спокойно рассуждают: “пусть издадут – нельзя же стеснять свободы якобы научных мнений”... Недавно вышел перевод одной такой безбожной, глубоко возмутительной книги Велльгаузена, и книга пропущена, гуляет и отравляет молодежь... Да и издал-то ее некий “профессор”, очевидно, специалист по части безбожия. И ничего: сей профессор сидит на своей кафедре и продолжает “просвещать” наше юношество, и ему все разрешается... Да что говорить о профессорах университетских? Даже духовные академии, да, *православные* духовные академии, несмотря на недавнюю их ревизию, еще не свободны от таких профессоров. И вместо того, чтобы предложить таковым оставить церковную школу, вместо того, чтобы потребовать от них, если они каются, *публично* отречения от своих либеральных бредней, им предлагают, как слышно, только “воздержаться от распространения первого издания” своих сочинений и “исправить” их для второго издания... Ну а что они проповедуют и будут проповедывать с кафедр духовному юношеству, будущим пастырям и учителям пастырских православных школ? Об этом кто позаботится? Кто поручится за чистоту их учения? Пусть простят нам те, от кого сие зависит: душа болит, сердце наше исстрадалось от такого слишком снисходительного отношения к ересям, если не сказать больше!.. Если уж государство не хочет противиться этому злу, если оно закрывает глаза на пропаганду всякого безбожия и антихристовых учений, то может ли терпеть это Церковь в своих недрах? Не должна ли она всюю силою своего – увы, ныне столько уже поколебленного – авторитета возстать против зла, пускающего корни у самых источников ея православного вероучения? Если мирская власть, под гипнозом либеральных масонских веяний, “играет с огнем”, то позволительно ли это для самой Церкви? Знаю, что горькое слово пишу я, знаю, что это не по духу нашего излукавившагося времени, но сил нет молчать, когда чувствуешь, как и тебя начинает затягивать это болото, когда сознаешь,

что и ты начинаешь *привыкать* к безразличию, когда видишь пред собою пропасть, куда влечет Россию этот поток, и несть удерживающего от нея...

Утверждение на Тя надеющихся! Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною
Твоею кровию!..

Соблазн идет от интеллигенции

Как тяжело будут отвечать Богу люди, соблазняющие ближняго! Вспомните грозное слово Спасителя: *аще кто соблазнит единаго от малых сих, верующих в Мя, уне (лучше) есть, ему, да обесится жернов осельский на вы его, и потонет в пучине морстей...*

Для неверующаго эти слова – пустой звук, а для верующаго – гром небесный. Кто – малые сии? Кто – соблазнители их?

Малые – это не дети только. Это все меньшие братия наши, это – все те, кто около нас, кто меньше нас развит умственно, менее чуток нравственно, кто слабее нас и физически, и духовно, а следовательно, легко может быть увлечен нашим словом, нашим примером. И вот наша интеллигенция, именующая себя передовыми людьми, то есть, мнящая о себе, будто она идет впереди народа (куда? – увь! – *назад*, к духовному одичанию!), страшно ответит Богу за тот соблазн, какой она вносит в народ, – как в массы народныя, так и в каждую отдельную душу. Если вы не соблюдаете постов, то вы не вправе требовать и от своей прислуги, чтобы она исполняла устав церковный. Вы не считаете нужным в праздники неопустительно ходить в церковь? Вы не можете посылать туда и свою прислугу. Вы не хотите, вы как будто стыдитесь перекреститься, сядя за стол? Знайте, что прислуга видит это, сначала осуждает вас за это (а ведь и это – уже соблазн), а потом сама перестанет молиться пред обедом и ужином. Но соблазн идет дальше. Недаром народ, то есть, простых людей, сравнивают с детьми. Простецы зорко присматриваются к интеллигентам, как дети – к взрослым. Простецы так же прямолинейны в своих суждениях, как и дети. О детской наивности, прямолинейности, существует не мало рассказов. Но и простые люди нередко бывают так же прямолинейны и откровенны, как дети.

“Я нанял прислугу, простую крестьянскую девушку, – рассказывал недавно один почтенный сановник. – Раз, по какому-то поводу, говорю ей: Побойся Бога, Анна – так грешно делать.

– Э, барин, – отвечает она – кто же из ученых людей ныне в Бога-то верует?

Прошло несколько времени. Приходит ко мне приятель. К слову, в присутствии прислуги, я говорю ему: “Вон и моя Анна не верит в Бога”.

Но что же слышу от Анны? “Неправда, барин, я в Бога верую. Вот вы *“интеллигентный тип”* (ея выражение), а я вижу, что и утром, и вечером вы Богу молитесь. Значит, Бог есть...”

Не то же ли мы видим и в массах рабочего люда, который чаще, чем деревенские обыватели, соприкасается с интеллигенцией? Гд е простые люди заражаются неверием и всяким вольнодумством? В городах, особенно на фабриках и заводах. Два года тому назад, осенью, из Архангельска вернулись молодые парни в родную Сольвычегодскую глушь. Накануне местного праздника Покрова Пресвятой Богородицы они учинили пляску с гармониками вокруг храма, а когда, в самый праздник, священник обличил их кощунственный поступок, они собрались вокруг его дома, выбили все стекла, грозили убить и зажгли самый дом... Мне пришлось перевести священника в другое село. И около года не находилось кандидата на его место. Да, таких случаев, и даже более возмутительных – не перечесть: история последних пяти – несчастных для России – лет переполнена ими. И везде зараза, соблазн идет от тех, кто считает себя интеллигентом. А

считают себя таковыми и сельские учителя и учительницы, и фабричная администрация, и фельдшера, и волостные писари... Даже обидно за достоинство человека, когда представишь себе всю нищету мирозерцания этих “интеллигентов”. Весь запас их “знаний” ограничивается газетной и брошюрной трухой, да много-много каким-нибудь справочником из множества уличных изданий... А каковы бывают эти справочники – я скажу в другое время. И вот эти-то убоженькие, у которых сердце совершенно опустошено даже от тех крох религиозного знания, какие запали, может быть, в детстве, эти-то уродцы духовные и мнят себя быть руководителями жизни умственной, жизни народной, величают себя “передовыми” людьми, судят и рядят обо всем, будто нет тайны, которой они не знали бы, нет мировой загадки, которую не могли бы они решить... Жаль наш бедный, несчастный народ! Сколько зла и соблазна сеется этими непрошенными его руководителями! А число их все растет и растет: если статистика нам показала, что только за время пресловутаго “освободительного” движения сослано в Сибирь до 25 000 народных учителей – только одних учителей из таковых, уже отмеченных, так сказать, с поличным пойманных, сколько же их остается на местах и продолжает отравлять народ своими бреднями! Недаром же враги Церкви и отечества так рассчитывают на народную школу в деле соращения и разращения народа; недаром так усиленно добиваются вырвать из рук Церкви народную школу: расчет очевидный – не пройдет десятка лет, как все молодое поколение будет отравлено ими, забудет Бога, и тогда настанет их темное царство... Куда захотят, туда и направят они эту озлобленную, обезумевшую, голодную (ибо все будет пропито) толпу... Ужас берет, как подумаешь об этом! А наши “верхи” так спокойно беседуют о “передаче церковных школ в министерство”... не в министерство, господа, а в руки этих пропагандистов неверия и разрушения. В руки вот этих соблазнительей и губителей несчастного народа. Не обманывайте себя, грешно притворяться слепым, когда дело столь очевидно... Кто любит родину, кто любит родной народ, кто не хочет ему гибели, тот должен просить, умолять правительство – стать на страже народной души, не подпускать соблазнительей близко к святому делу народного воспитания, ограничить свободу развратителей – прелюбодеев печатного слова, всяких пропагандистов-лжеучителей: самому народу не справиться с ними... Иначе мы – на краю гибели!

Язычествующая благотворительность

Со скорбию помышляю я о современной общественной благотворительности. В государстве христианском, в обществе, еще не отрешившемся от Христа, вся она, по самой сущности христианское, должна бы быть сосредоточена в недрах самой Церкви: ведь только то добро есть настоящее христианское добродетельное, которое совершается во имя Христа, из любви ко Христу, во исполнение его святой заповеди. Всякое другое добро, во имя гуманизма – не говорю уже – во имя тщеславия – не есть настоящее христианское благодеяние: ведь, и язычники тоже творят, как говорит Господь. Христианин ни на минуту не должен забывать, что сам он, личными своими силами, никакого истинно доброго и спасительного дела не может сделать без помощи небесной, по реченному Господом: *без Мене не можете творити нечесоже*. А Господь совершает наше спасение только в Церкви и чрез Церковь. Чрез нее же Он и благодатную помощь Свою подает. Есть чудная книга, в которую миряне никогда не заглядывают, но которую следовало бы им знать: это Требник, в коем собраны молитвы и чинопоследования на всякую потребу для христианина, начиная с совершения Св. Таинств и кончая молитвами на сеяние, благословение плодов, копанье кладезя, основание дому и т. п. Все житейские занятия благословляет для христианина его любящая мать-Церковь молитвою и словом Божиим. Есть даже сборник трогательных бесед знаменитого в свое время проповедника, профессора Киевской духовной академии Я. К. Амфитеатрова: “Об отношении Церкви к христианам”, в коих превосходно раскрыта любовь Церкви-матери и ее попечение о всех наших не только духовных, но и земных нуждах. Увы, о таких книгах нынешние образованные христиане и не слыхивали. Знают такие книги скорее простецы, учившиеся еще по Часослову и Псалтири. Та к улетает дух церковности из среды нашего “интеллигентного” общества. О самом христианстве оно сочиняет – именно *сочиняет* свои понятия или же заимствует готовые у инославных... Оно и не подозревает о том духовном сокровище, какое содержит родная православная Церковь. Церковь в их понятии это – архиереи и “попы”. О том, что и сами они должны быть живыми членами этой Церкви, что в состав этой *живой* Церкви входят и все спасаемые и все от века Богу угодившие – они и не подозревают. Сами того не сознавая, они обрывают последние нити, соединяющие их с Церковью, и оказываются вне ее, воображая, что они – добрые христиане. По своемумышлению они строят и свою жизнь – не только в обычных делах житейских, но и в добрых делах своих, в так называемой “благотворительности”. Особенно это наглядно проявляется в благотворительности общественной. Спектакли, балы, танцы, лотереи, гулянья в пользу раненых, в пользу пострадавших от пожара или землетрясения, в пользу вдов и сирот, – кто осмелится назвать все это “христианскою” благотворительностью? Это было бы страшным кощунством... А между тем, это устраивается у нас даже в пользу таких учреждений, которые прикрыты знаменем креста Христова в самом своем названии. Затем: кто является распорядителем жертв, поступающих на подобные учреждения? Есть ли, по крайней мере, в составе сих распорядителей служитель Церкви, который мог бы указать добрым христианам то направление в их деятельности, какого требует дух Евангелия Христова? Обо всем этом было бы странно и заговаривать в наше время: закричат: “Клерикализм, подчинение Церкви, вмешательство попов!...” Да, господа, если не хотите себя обманывать, называя

себя христианами, то это “вмешательство” необходимо; без него вот вы и дошли до плясок во имя христианской добродетели... Впрочем, сии господа, кажется, и не нуждаются в том, чтобы их благотворительность была освящена именем Христовым. Разве вот одно: без Церкви, без ея помощи грошей не соберешь. Ведь сами-то они не охотники много жертвовать, а народ православный не особенно доверяет им... Что же тут делать?.. В последние годы отчасти и найден исход; ходатайствовать о разрешении церковного сбора по всей России в какой-нибудь праздник. Церковная власть, обременяемая множеством подобных ходатайств от разных обществ, поставила условием: разрешать сборы только тем обществам, которые не прибегают к увеселениям для успеха сбора. Но и при этом условии почти все праздники в году оказались занятыми. В разрешении таких сборов следовало бы быть как можно осторожнее. Ведь тут весь расчет основан не столько на сознательности жертвующих, сколько на массе жертвователей. Сбор образуется по пословице: “С миру по нитке – голому рубаха”. Большинство богомольцев опускает свою лепту в кружку, не обращая внимания на то, куда идет его копейка. “Все – Богу”, – говорит простой человек. А между тем, этот же простой человек редко может израсходовать лишнюю копейку: взял он, положим, 5 к. с собою в церковь, эти 5 к. он и делит по всем кружкам и тарелкам, какие мимо него проносят. Если несут две кружки – он делит на 2 и 3 к., если же 5 кружек – поневоле меняет по копейке, чтобы на все кружки или тарелки достало. Совершенно естественно, что от этих сборов церковные доходы падают, и старосты, обложенные на епархиальных съездах разными налогами, ропщут, что на содержание и ремонт храма не остается ничего. Ведь храмы Божии имеют свои нужды. Но пусть так: раз церковная власть разрешает тот или другой сбор, пусть он и производится в указанный день. Но сим общества не довольствуются: они хотят, чтоб сбор производился не тем лицом, кого укажет настоятель храма, а непременно тем, кого пришлет само общество или его уполномоченный... Почему? Очевидно, потому, что ни старосте, ни священнику доверия нет: они, видите ли или не все покажут, что соберут, или иным образом повредят сбору... Скажут: им же труд облегчается, не все ли им равно, кто с кружкой пойдет? Но в таком случае предложите им свои услуги, а не предписывайте им бумагами допустить то или другое вами избранное лицо. Но и это не все. Некто М. Х. в “Русском Знамени” возмущается, что “вместо церковного старосты, вместо лица, известного своим усердием к храму, избранного приходом и утвержденного архиереем, шествует за божественной службой с тарелкою в руках лицо, известное своему начальству разве лишь усердною продажей водки, не имеющее особенного уважения от прихожан, не уполномоченное архиереем и... по неотразимой логической ассоциации в представлении прихожан пробуждается кабак и его соблазнительная торговля: “Господи! – думают они, – и здесь, в Твоем храме не дадут оторваться мыслями от кабака! Экое навождение!” – Но и этого мало. Нередко для сбора присылают женщину или девицу; нередко эта девица, нарядившись так, чтоб обращать на себя внимание молящихся, идет по церкви, как по бальному залу: получается впечатление вовсе уж не церковное... Ведь храм Божий – не базар, хотя бы и благотворительный; играть в нем на низменных чувствах пришедших сюда помолиться Богу – значит тяжко оскорблять святыню дома Божия, и если Господь вервием изгнал отсюда продающих и купующих (покупающих. – *Ред.*), то какому же осуждению подвергают себя эти барыни и барышни сборщицы, улыбающиеся богомольцам и иногда видимо стремящиеся обратить на себя особенное внимание?.. Простите мне, люди добрые, но не могу же я не сказать, что так творить не добре есть...

Та к вот до чего дошла наша общественная благотворительность. Можно ли назвать ее христианскою? Не пора ли Церкви разобратся построже: кого пускать в Божий храм с кружкою, а пред кем следует двери закрыть? Благотворительность ушла из Церкви и является теперь сюда только с кружкою для сбора. По своему духу она все дальше и дальше уходит от духа Христова. Не пора ли Церкви самой в своих недрах усилить истинно христианскую благотворительность в духе Апостольском и закрывать свои двери для всех этих сборов, о коих Церковь даже не знает: куда и как они расходуются? Уж слишком стали далеки от Церкви иные общества, чтобы давать им права, принадлежащие по самому существу своему исключительно церковным организациям.

Восстановление идолопоклонства в нашей столице

О, свобода, свобода! Свобода для всех иноверцев и инородцев на каждом шагу оскорблять заветные святыни нашего православного русского сердца, издеваться над нашею святою верою, бить нас по самым нежным струнам нашего измученного сердца!.. Пусть простят нам власть имущие, сию свободу дающие: мы не понимаем их веротерпимости, не можем постигнуть: как они успокоивают свою совесть, когда допускают эту свободу? Ведь вот уже пять лет длится эта пытка для верующего сердца русского, и конца ей не видно! И думается иногда: лучше открытое гонение, чем такое попустительство!

Не буду повторять того, что так прекрасно, так горячо сказал “Свет” и другие патристические газеты по поводу того безсовестного обмана, который обнаружился в постройке буддийского капища в нашем граде святого Апостола Петра; не буду разбирать, кто кого тут обманул; предположу, что буддийцы и главное – наши изменники вере обманули нашего премьер-министра, ибо не могу же и мысли допустить, чтобы сей министр, верный слуга Помазанника Божия и Его избранный, сознательно обманывал тех, кому говорил, что капище идольское ничем не будет отличаться от простого дома с внешней стороны и потому-де не будет оскорблять православного религиозного чувства... Хотелось бы думать и верить, что этот – повторяю – безсовестный обман высшего сановника либеральными прислужниками современного язычества достойным образом получит свое возмездие. Хотелось бы мечтать, что здание, обманом построенное, будет обращено... ну, хотя бы, в какой-нибудь азиатский музей, что ли, или просто в пассаж для торговли китайскими чаями и даже ласточкиными гнездами для наших вероотступников новой формации... Поделюсь теми откликами, какие несутся ко мне из глубин наболевших русских сердец. Вот что пишет мне одна русская православная душа:

“Владыко святой! Что же это такое? Восстановление на Руси идолопоклонства? Поворот в обратную сторону всей Русской истории – от времен Владимира снова к язычеству?..

“Новое Время” называет дворец, стоивший, как слышно, до трех миллионов рублей, “скромным” зданием, а официальная “Россия” описывает его как некое чудо искусства в азиатском стиле. Но ведь в этом “скромном” здании, конечно будут собираться не одни язычники-буддисты, которых едва ли может быть много в Петербурге, а главным образом наши сумасшедшие великосветские барыни, готовые бегать за всякой новинкой и исповедывать какую угодно веру. И это безбожное дело совершается на глазах у властей светских и при равнодушном молчании властей духовных! Кто же прогремит в обличение этого нечестия? Ужели нет у нас святителей, которые не пойдут на компромисс с духом века сего лукавого и прелюбодейного?! Ужели никто не возвысит настойчивого голоса от имени самой Церкви о недопустимости такого поругания имени Божия на святой Руси? Ведь уж везут проклятого идола из далекой Азии, чтобы опоганить нашу столицу. Ведь если это будет допущено, то наша матушка-Русь потеряет право именоваться православною... Как овцы стада Христова, умоляем вас, защитите стадо от вторгающихся в него волков...”

Вот выписка из другого подобного письма:

“Мне, как слепому старику, не видевшему многих изобретений и нововведений последних лет, и построение капища в Петербурге кажется какою-то сказкою, да и почему, собственно, Будда в Петербурге, а не знакомый нам Перун в Киеве? Не все ли равно: уж если “свобода совести”, так, по крайней мере, во всю... Ведь Перун мог бы олицетворить собою негодующую народную душу, требующую выхода из-под опеки Церкви, Царя и т. д., мало ли можно наговорить! Право, дело доходит до пределов бессмыслицы и, действительно, получаются явления маловероятные. Вы правы, удивляясь тому, что маловерный Меньшиков начинает говорить так, как бы следовало говорить и всем, пламенно верующим сынам Церкви. Ведь это уже камни вопиют!.. Чувствуется, ох, как чувствуется напряжение всех душевных струн, достигающее высшей степени и обещающее разразиться в скором будущем чем-нибудь неслыханным, небывалым. Быть может, оно и лучше. Жить так, предавая Христа Пилатовым способом, невыносимо. Сколько ни умывайте рук, они чище от этого не будут, и впереди неизбежно стоит собор, который казался еще преждевременным год тому назад, но представляется неизбежным и необходимым сегодня. Надо, наконец, установить нормы принадлежности к Церкви, обязательные для современного человека. Ведь нельзя же в одной ограде, прикрывая всех единым именем христиан, держать верующих, и полуверующих, и неверующих...”

Да, пора Церкви очистить себя от открытых изменников. Пора сказать им: вы – не наши. Идите прочь – анафема! Левые газеты, не стеснясь, напротив, с каким-то злорадством по адресу Церкви и с ободрительными кивками называют имена этих изменников, в числе коих выдаются имена представителей высшей науки, академики (конечно, не духовных академий: слава Богу, до этого еще не дошло), профессора, художники, писатели, князья... Есть даже имя одного избранника дворянства... Что ж? Ужели и после этого Церковь будет считать их своими чадами? Ужели церковная власть будет безразлично относиться к этому богоотступничеству?..

И подобных писем получаю немало. Душа болит, когда читаешь их, и в то же время сознаешь полное бессилие что-либо сделать против этого поругания нашей веры, чем-либо утешить плачущих православных людей...

Да, плачущих. Сейчас у моего крыльца подвели ко мне слепую старицу на благословение. Заливаясь слезами, она сказала мне: “Владыко святой! Да что же это такое! В Питер идола везут, ему там капище построено. Как это можно?! Ведь Господь за это накажет нас! Молиться надо, чтобы Господь не попустил такого поругания нашей вере святой”.

Что мог сказать я в утешение этой простой верующей душе? Напротив, она сама меня утешила, сама подсказала, где искать нам исхода в этой тоске, в этой удушающей нас атмосфере всяких непротивлений злу, всяких лжесвобод, которые гнетут наше верующее сердце хуже всякого рабства татарского или японского. Да, конечно, молиться надо. Царь небесный все видит, все слышит, все ведает. Ведает Он и томление нашего болящего сердца, ведает скорби верующей русской души. Слышит Он стоны и воздыхания тех, кто не может спокойно и равнодушно видеть поругание наших заветных святынь, кто хочет, чтоб Русь навеки оставалась православною и хранила сокровище православия с тою святою ревностью, с какою оберегала она его в продолжении почти тысячи лет своего исторического бытия. Молиться надо, православные русские люди, чтоб Господь не наказал всю землю нашу за грехи тех, кто попускает поругание наших святынь, чтобы Он вразумил власть имущих положить конец этим поруганиям... Молиться надо, чтобы поганый идол нашел себе место в волнах Невы так же, как древний Перун в волнах

Днепра, и не нашлось бы во граде святого Петра ни одного его почитателя, который крикнул бы ему на прощанье: “выдыбай, боже!” Молиться надо, чтобы его почитатели, коих и немного в Петербурге, просветились светом Христовым и своими руками проводили своего божка в волны прославленной именами святых русских князей – Александра, Бориса и Глеба – реки. Молиться, крепко молиться надобно, что бы скорее рассеял Господь тот ядовитый туман, которым окутаны умы наших законосочинителей вот уже пять лет, чтоб возобладал в них здравый исторический русский разум, чтоб поняли они, наконец, куда ведут Россию все эти либеральные затеи, все эти лживые свободы, все эти попустительства, благодаря которым наша Русь стала притчею во языцех, так что турчата и татарчата в старом Иерусалиме ругаются именем *русского* как позорным прозвищем.

Вот до чего довела нас эта политика либерализма, а если не образумимся, то доведет и до конечной гибели.

Да, паки и паки реку: молиться надо. Хоть раз в день по поклончику надо полагать за Русскую страдалицу-землю. Но этого еще мало. Бог услышит нас только тогда, когда и мы будем слушаться Его. О, как мы все повинны в преслушании Его святым велениям! Мы забываем Его заповеди в нашей ежедневной практической жизни, и Он отступает от нас Своею всемошною благодатью. Мы живем больше языческой жизнью, чем христианской, и вот приходят язычники в достояние наше, в царственный град наш, и ставят свое капище, и привозят своего пузатого идола, и будут кадить ему на наших глазах... Что ж? А мы разве не кадим своим идолам – нашим страстям и страстишкам? Разве не служим им целым сердцем? Пусть каждый прислушается к голосу своей совести, пусть каждый взглянет на себя самого пред светлым зеркалом святого Евангелия: похож ли он на христианина? И тогда, может быть, совесть скажет ему: “Язычник, кланяясь своему идолу, мнится службу приносит Богу, а ты, исполняя похоти своего сердца грешного, – кому думаешь служить? Того ли требует от тебя святая вера твоя?” Тогда услышит его сердце и обличающий его голос Самого Христа из святого Евангелия: *Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне во он день – в последний день мира – Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, даже сим чудотворцам, – яко николиже знах вас: отыдите от Мене делающие беззакония* (Мф. 7, 21–23).

Слышите слово Господне, православные русские люди! Слышите, пастыри и архипастыри, пасомые и правители Русской земли! Испытайте же совесть свою: творите ли вы волю Отца небесного? Если бы вы были даже чудотворцы, но не жили по заповедям Его, и тогда грозит вам страшный приговор Судии нелицеприятного: не знаю вас – отыдите от Мене!..

Тако глаголет Господь, и непреложно святое слово Его!

Светильники угасают!

Светильники наши угасают! (Мф. 25, 8). Та к жалуются в Христовой притче неразумные девы, не взявшие с собою елея в сосуды. Невольно припоминаются эти слова при размышлении о том, что и у нас – гаснут светильники у алтаря Господня! Гаснет дух христианского благочестия в народе, гаснет дух ревности о спасении в монашестве, гаснет благодатный огонек пастырства в пастырях Церкви, гаснет, наконец, дух деятельной любви к родной Церкви и в духовной нашей школе, приготовляющей пастырей! Горько говорить это, хотелось бы слышать решительное опровержение этих скорбных дум, но не опровержение, а подтверждение и видишь, и слышишь, и читаешь каждый день!

Говорить ли о народе? В последние годы у него будто голова пошла кругом: не о труде у него мечта, не о благочестии дума; даже лучшие, трезвые мужички мечтают о прибавке земли, хотя и земли у них достаточно, мечтают о городе, о добыче легкой, а у большинства – праздность, пьянство, разгул и др. грубые пороки становятся стихию их жизни... Скажите: много ли мужичков приходит теперь в храм Божий в день Божий? Не большинство ли богомольцев – женщины и дети? Но и детей становится все меньше и меньше: мирские учителя и учительницы сами не ходят и детей не приучают к храму Божию. Число школ растет, а народ нравственно дичает. И за последние пятьдесят лет это одичание ушло очень и очень далеко. Знаете ли, что в двух-трех волостях одного Грязовецкого уезда существует обычай, в силу коего молодежь считает чем-то для себя обязательным в каждый годовой праздник вступать в драку, которая почти всегда кончается убийством? Да иначе и не может кончиться: ведь все парни выходят драться не просто с кулаками, а с финскими ножами, с револьверами, с кинжалами. В трех волостях этого буйного уезда насчитываются в год не меньше ста таких убийств. Говорят, что отца родного не пощадят в этой страшной драке. А дело кончается обыкновенно так, как рассказано в книге Родионова *“Наше преступление”* – тюрьмою от 4 до 6 месяцев, ибо это-де убийство “нечаянно”, в драке. Парни даже смеются над таким названием говорят. “Важное дело – посидеть в теплом углу, поесть казенных щей с мясом; да это – не житье, а масленица! Ведь мы не видим мяса-то по целому году, от Пасхи до Пасхи”... Да, дичает народ. Все реже и реже встречаются старики, старушки, Богу преданные, и любуешься на них, как на уцелевшие остатки родной прекрасной старины среди безобразных развалин. Вглядитесь в лица: много ли найдете теперь тех прекрасных типов, с коих наш гениальный Васнецов мог бы писать своих богатырей? Народ начинает вырождаться не только духовно, но и физически...

Говорить ли о нашей интеллигенции?.. Много ли осталось среди нея истинно верующих, с истинно православными взглядами и убеждениями? “Интеллигенция”! Люди якобы живущие умственной жизнью, “понимающие”! Но много ли среди них знающих свою веру побольше того, что знает гимназист 4–5 класса? Да и то улетучилось из головы, а послушайте, как свысока они рассуждают о Православии, о Церкви, о духовной жизни! Подумаешь – всю мудрость богословскую исчерпали до дна... Между тем – о жизни христианской в собственном смысле у них и не спрашивай. Они столько же понимают в ней, сколько слепой в красоте цветов, сколько глухонемой в гармонии звуков. О всем у них свои понятия, и когда говоришь им, что если они хотят быть православными, то должны руководиться понятиями Церкви, то они удивляются, будто слышат нечто

неудоборазумеваемое. Что ж: ужели их можно считать истинными христианами? Ужели это тоже православные? Увы, давно погас в них светильник веры истинной – во тьме ходят они!

А иночество наше, этот цвет христианства! Много, слишком много у нас монастырей, а иноков-то, настоящих иноков – много ли в них? О, если бы в каждом монастыре найти хотя по два, по три таких, на которых можно бы было указать с любовью: се – иноки! Се – носители заветов святоотеческих! Правда, есть они, но их надо искать с фонарем Диогена! Монастырей много, а постригать некого, рукополагать в саны священнослужителей некого, ставить в настоятели некого... У меня 18 монастырей, а настоятелей приходится просить в других епархиях. Жизнь монастырская едва теплится, о духовной жизни в собственном смысле мало имеют понятия. Идут в обители не ради Иисуса, а ради хлеба куска. Даже те, которые, по-видимому, искренно ищут спасения, полагают его найти в самочинных внешних подвигах и уродуют себя так, что с ними не сладишь, не сговоришь: ими овладевает погибельная гордыня. Вериги носят, а слова обличения не терпят – это ли смиренные рабы Божии – иноки, это ли спасаемые во Христе? Но и таких немного, ибо и такой подвиг не под силу нынешним насельникам обителей (скажу: и слава Богу, хоть немощь-то свою видеть еще могут, а то совсем духовно ослепли бы), а большинство едва ползут по пути иноческого, а бывают и такие, которые только позорят иночество. Много об этом говорено было на нашем монашеском съезде, много писано и печатано, да толку не выходит из сего: огонек гаснет, светильники угасают в нас... Горько сознавать это, но что же делать? Мир гасит в душах искорку благодатную прежде, чем она возгорится: в интеллигентных семьях дети уже занимаются политикой, читают газеты, тогда как не знают, что такое Минея Четья; современная школа питает их с азбуки побасенками и прячет от них то, что может питать в душе “божественное желание”. Чему же удивляться, что в монастыри не идут не только из интеллигентов, но и из простого народа? Знаю, есть тихия пристани духовной жизни, но – ах, как их мало – все на перечет! И сияют они тихим светом, будто звездочки одинокия во мраке ночном... Отцы и братия, иноки честные! Зажигайте свои огоньки от этих, пока еще не погасших источников света, спешите, пока не погасли они... Несите эти огоньки в свои келлии, согревайте ими свои души! Мрак сгущается над Русью: ах, как нужны ей, нашей многоскорбной матери эти огоньки! Их ждет и далекая Сибирь, их просит и языческая Япония. Ведь вся сущность-то христианства, насколько оно проявляет себя в его жизнедеятельности, именно в этом горении духа любовью ко Христу и во Христе к ближним нашим, а возгораются сии огоньки благодатию Божией только при условии делания заповедей Божиих. И все благоприятныя условия к тому есть в наших обителях, да ревности о спасении нет, осустились мы, как и миряне: вот и гаснут, гаснут наши светильники!..

Моя скорбная мысль обращается к пастырям Церкви. Тяжело их положение в наше время. Мир, в лице иудействующей интеллигенции, поставил себе задачею мешать их с грязью. Ненавистна ему Церковь Божия: может ли он иначе относиться к ея служителям верным? Говорю: верным, ибо – увы! – и в среде ея служителей изредка встречаются Иуды-предатели, вроде Гапонов, Григориев и Михайлов... Не идет и никогда не пойдет наше духовенство, разве исключая немногих вот таких Гапонов, за врагами Христа: простят ли ему это враги Христа? Давно сказал Господь всеведущий, и доселе звучит слово Его жизненною правдою: *аще Мене изгнаша, и вас ижденут. Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще бы от мира бысте были, мир убо свое любил бы; яко же от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит*

вас мир. *Несет раб болий Господа своего* (Ин. 15, 18–20). Итак, скорби духовенства, его тяжелое положение, это начинающееся на него гонение – все это с христианской точки зрения, так сказать, естественно; всего этого мы, пастыри, должны ожидать; ко всему этому должны быть готовы. Жизнь становится год от году дороже, а так называемых доходов все меньше и меньше. Покинув Церковь, большинство интеллигенции не дает уже ни копейки на содержание духовенства, а простой народ, изленившись, больше думает о кабаке, чем о Церкви и ее служителях. Гаснет и в нем искра Божия! Две тысячи лет почти служащие алтарю и питались от алтаря. Теперь верующие не приходят или редко приходят к алтарю и оскудевают их доброхотные лепты на пропитание служителей алтаря. Все это правда и нельзя не поблагодарить Святейший Синод, что наконец-то он учредил комиссию под председательством Киевского первосвященника для обсуждения вопроса об обеспечении духовенства. Едва ли можно ожидать, чтоб эта комиссия скоро закончила свою задачу: слишком трудна она и без государственных учреждений ее не решить. А каковы эти учреждения, какова у нас Государственная Дума – духовенство уже знает. От нея скорее можно ожидать жалованья татарским муллам и буддийским ламам, чем нашим пастырям. На жалованье, например, законоучителям церковных школ у нея нет ни гроша, ну а вот татарскому “законоучителю” в русской учительской семинарии в Уфе нашлось 600 р. Но об этом к слову. Слава Богу и за то, что вопрос поднят, поставлен, и будем надеяться, что когда-нибудь и решен будет. А вот, что должно сказать по совести, вот что должно страшить нас, пастырей: положим, что жалованье духовенству дадут; положим, что его обеспечат в достаточной степени, а кто поручится, что наше пастырство будет ревностнее исполнять свой долг, чем как оно исполняет его теперь? Не о всем духовенстве говорю, а вот о тех батюшках, которые так жалуются на свое необеспечение. Будут ли они усерднее проповедывать и в храме Божиим, и по домам своих пасомых, будут ли лучше готовиться к урокам в народной школе, будут ли они духом гореть в работе Господу? Боюсь, страшно боюсь, что они останутся теми же, какими были и без жалованья. Да не стали бы еще хуже. Знаю я многих батюшек, вполне обеспеченных, но потому-то и нерадящих о пастырском долге своем. Хотите примеры? Не далеко за ними ходить. Спросите монахов, живущих на подворьях в наших обеих столицах; они расскажут вам такие примеры: приходит человек, просит причастить больного. “Идите к своему батюшке приходскому”, говорит монах. – “Да я был у него, но он спрашивает: на каком этаже живем? Говорю ему: на пятом. – А подъемная машина, говорит, есть? – Говорю: нет. – Идите, говорит, к монахам”. Та к говорит “обеспеченный” священник в столице (понятно, не каждый, но есть такие, и их немало!). Но и в деревне немало таких. И именно там, где батюшки получают хорошее жалованье. “Нашего батюшку не допросишься приехать зимою окрестить младенца; требует, чтобы везли его непременно в церковь. А младенец слаб”... “Обеспеченные” батюшки имеют в некоторых местностях и тройку лошадок, у них матушка и на рояли, на пианино играет, бывают нередко и гости, грешным делом и в картишки перекидываются... Не в осуждение говорю это: пусть бы все это имели, да дело пастырское не опускали, а то ведь именно это-то дело и страдает у них. Проповеди их пасомые почти никогда не слышат, батюшки держат себя “барами” и с барами только знают, мужичка держат на кухне по целым часам. Та к вот я и боюсь, чтоб казенное жалованье не привлекло на пастырское служение вот таких кандидатов – без огонька, а с холодной душою, пастырей-ремесленников, ищущих только именно вот этого “обеспечения”. Я вполне убежден, что в наше время жалованье нужно, давно необходимо положить духовенству, что от семейных людей не мыслимо требовать

монашеского самоотвержения; но еще более убежден, что жалованьем не зажжешь светильника, если не горит он в душе кандидата пастырства, если этот кандидат ищет только тепла местечка, если он заранее, может быть, решил быть наемником, а не пастырем... А как много таких! Как мало теперь ищущих священства, в собственном смысле – по призванию! Молодой человек, прямо со скамьи, сам-друг с женою: почему бы не пойти в приходец небольшой, небогатый, почему бы там не испробовать свои силы, пока молод, пока семья – сам-друг, пока юношеские идеалы, – если только они были в душе – не потускнели? Та к нет! Предложишь такому юноше, а он повесит голову, откажется, и невольно вспоминается тот юноша, который отыде от Христа скорбя... Дайте ему место получше, – он с радостью пойдет. Гд е же хотя бы только начатки того самоотвержения, какого требует, как неперемennого условия, пастырское служение? Чего ждать от такого батюшки и впереди? Да, понятно чего: чрез года два-три он снова предстанет пред очи архиерея, чтоб просить себе место получше. И нередко бывает, что, получив таковое и обманувшись в расчетах, он не стыдится снова просить архиерея вернуть его на прежнее место. Это ли пастырство? Это ли служение пастырскому идеалу? С утра до вечера архиерею приходится принимать вот таких “идеалистов”; бедные места по целому году пустуют, а на порядочные, особенно на городские, десятки просителей, и все основания одни и те же: жить тяжело, нет средств детей воспитывать, а нередко и просто: жена больна... Редкоредко – и такой день считаешь для себя праздником, – когда услышишь от священника, что пришел он не о житейских делах говорить, не места лучшего просить не жаловаться на свои нужды, а посоветоваться о том, как с пьянством или расколом бороться, как лучше дело школьное вести при трех-четырех школах в его приходе, как лучше устроить собеседования с народом по деревням... Но, ах, как редки такие желанные посетители!.. Просматриваешь послужные списки или так называемые “клировые ведомости”; там отцы благочинные – верно или не верно – дело их совести – отмечают, кто из священников сколько произнес своего сочинения проповедей: увы! Все больше отметка: своих две-три, а прочитано готовых, печатных 20–30. Вот вам и живое слово пастыря к пасомым! Да и то еще под вопросом: правда ли, что пастырь две-три проповедки в год “своего сочинения” сказал? И горько становится на душе: где же исполнение заповеди: проповедуй, настой, запрети, умоли – благовременно и безвременно? Да не мы ли, пастыри, виновны более всех в том, что всюду распространяются секты и расколы? Не наша ли обязанность и в школе, и в храме, и на дому знакомить своих пасомых с теми истинами веры, которые наипаче пререкаются сектантами и раскольниками? Не наше ли дело – прямое, неотменное, готовить их к встрече этих хищных волков? Да сами-то мы достаточно ли готовы к сему? Невольно припоминается один случай (слава Богу – знаю пока один), когда пастыря вызывал на беседу сектант, а пастырь сказался, что уехал с требой, сам же спрятался в сарай. С болью сердца приходится говорить о таких печальных явлениях. Ведь все это свидетельствует лишь о том, что в нашем пастырстве гаснет огонек ревности к своему святому, высокому служению, выше коего нет на земле, тому служению, которое Апостол называет сотрудничеством Христу, о коем в чувстве благоговения взывает: *к сим кто доволен?* Кто может считать себя сего достойным? Горько видеть воочию, как постепенно понижается понятие о пастырстве в самих пастырях, как улетает от них, от их сознания, от их сердца идеал, как они закапываются в землю, с головою погружаются в суету сует, как никнет их душа и гаснет их светильник. Простите мне, отцы и братия, в неизвестности трудящиеся, – хочется верить, что таковые еще есть на Руси, – простите мне эти

горькие строки о собратиях ваших: ныне времена настали грозные, ныне от нас, пастырей, требуется произволение мученическое: *Буди верен до смерти, и дам ти венец живота*, глаголет Господь. Велико, высоко, достоечно служение пастырское, но если и всегда оно было подвигом, тем паче ныне. Покажите пример малодушным, поддержите их опытным советом, дайте им понять и сердцем восчувствовать, как близко Господь всем призывающим Его, как отрадно сердцу предать себя всецело в Его святую волю, Ему поручить свое дело и себя самого. Ведь, это Его слово: *ищите прежде всего царствия Божия и правды его*, делайте Мое дело, и Я Сам позабочусь о вас: *сия вся, все, что потребно вам, приложатся вам!* Это уж Мое дело, Моя забота: *достойн есть делатель мзды своя*. Небесный Домовладыка не забудет напитать Своих соработников. Слышите: не просто работников, но – *соработников!* Та к пастырей Церкви называет великий Христов соработник – Апостол Павел. Если мы веруем слову своего Господа, то должны верить и Его обетованиям, должны воспитывать свою веру все-усердным исполнением Его заповедей. Дивную силу имеют эти заповеди! Не напрасно же св. отцы называют их *животворящими*. Что таинства Церкви со стороны Божией благодати, то исполнение заповедей Господних, при помощи той же всемогущей благодати, – со стороны нашего произволения. В сем взаимодействии благодати и произволения нашего совершается наше спасение. Бог сотворил нас без нас но спасти нас без нас Он – всемогущий – не хочет! Таков закон Его промышления о нас. И этот закон мы, пастыри, должны опытом изведать на самих себе: только тогда мы сможем деятельно и других научить сей истине, только тогда и других, изнемогающих в вере, можем поддержать, *яко сильнии, немощи немощных носить* обязанные. Христианство есть жизнь, а не теория: только опытом жизни можно научиться сей великой истине, сей великой науке из наук, искусству из искусств. И вот, чтобы мы имели сей опыт, Господь и попускает нам и скорби, и недостатки, а мы малодушествуем, мы бежим от скорбей и недостатков!.. Всегда ли это дозволительно? Вспрошайте свою совесть более внимательно, прежде чем идти к архиерею с миром и без роптания. Вспомните, что есть много людей беднее вас, но терпят, несут свой крест, яко от Бога на них возложенный, с покорностью воле Божией. Как отрадно бывает, когда проситель, уходя, говорит: “Не смею настаивать на своей просьбе: в воле вашей хочу видеть волю Божию”. По крайней мере, хоть не пытается воздействовать на архиерея своею просьбою, не прибегает к ходатайствам, к посредству сильных и славных мира сего, которые любят во все вмешиваться, просить даже о тех, кого вовсе не знают, чтоб только прослыть людьми добрыми. Я уже не говорю о ходатайствах прихожан, которым, увы, меньше всего в наше лукавое время приходится верить. И все – ради выгод, ради того, что Апостол называет “скверным прибытком”! Невольно скажешь: гаснет светильник, гаснет идеализм в душах пастырей... Вы скажете, что я требую подвига? Великий подвиг жить на одном месте, сроднившись духом с прихожанами: живут же некоторые почтенные старцы лет по 50 и больше на одном и том же самом скромном приходе, и ничем их не заманишь на другое, ибо они духом срослись с своим местом, одною душою живут с своею паствою, и Бог видимо благословляет их, – пожалуй, – назову и “подвиг”, но подвиг, ими самими невидимый и неоценимый. А это-то и драгоценно в очах кроткого и смиренного сердцем Господа Иисуса. А во вторых: ну, – да, подвиг... Ибо, повторяю: пастырское служение есть, воистину, подвиг, но такой, который несет в себе великое, ничем незаменимое утешение подвижнику в сознании исполненного долга. И ни на что не променяет подвижник-пастырь сего утешения, ни на какие блага мира сего. Кто верует в Господа, тот с любовью отдает Ему свое сердце, свою жизнь, всего себя самого. И

Господь держит его за руку, ведет неисповедимыми путями Своими, утешает дух его и благословляет все его начинания добрым успехом. И исполняется над таковым обетование Господне: *и сия вся приложатся вам. Тако глаголет Аминь, Свидетель верный и истинный!* (Откр. 3, 14).

Гаснут светильники, сгущается мрак в душе родного нашего народа! Кто возжет угасающие лампы? Где источник света, просвещающего всякого человека? О, конечно, – в Церкви, в Православной Церкви! Только в ней единой еще не погас свет истинный, только в ней единой благодать Божия не престаёт согревать сердца верных чад. Эта благодать таинств и возжигать в них тот благодатный огонь, о коем некогда в божественном восторге сказал Спаситель мира: *огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12, 49). И ниспослал Он сей благодатный огонь в виде огненных языков на Своих учеников и Апостолов в день Пятидесятницы; и не престаёт сей огонь гореть и тихим светом светить во святой Церкви Православной, несмотря на то, что мы, хранители и раздатели сего огня, не радим о нем, гасим его, недостойны стоять у святого жертвенника, на котором горит он...

Господь зажигает светильник, а поддерживать его, вливать в него елей поручил нам. Господь возрождает верующих в новую благодатную жизнь в таинствах, подает им силы для борьбы с живущим в нас грехом, но и сам человек должен идти навстречу Божией благодати, должен беречь в себе дар Божий, не допуская в свою душу ничего, что оскорбляет Духа Божия, что удаляет из души благодать Божию. В Церкви Божией есть два учреждения, которые наипаче должны пещись о поддержании духовной жизни в среде верующих: это – монастыри и духовные школы, приготовляющие пастырей Церкви. В монастырях все основано на свободном произволении тех, которые идут туда, но которые, раз предавшись воле Божией, уже не должны уклоняться от тех правил, какие богомудрыми наставниками иночества выработаны для руководства ко спасению. Иначе в иноке погаснет тот светильник, который так ярко возжигается в его сердце благодатью Божией в день его пострижения. Оттого и гаснет дух иночества в наших обителях, что иноки, предаваясь суете земной, забывают самое главное – то, зачем они пришли в монастырь. В духовных школах стоит дело несколько иначе: поступающий туда мальчик еще не может сознательно избирать себе путь жизни, как это делает человек, поступающий в монастырь; этот путь намечают ему родители, или те, кто ведет его в школу. Уже школа должна воспитывать в нем то, что называется призванием, довести до его сознания и до его сердца тот великий и святой идеал, какой светится, как путеводная звезда, в жизненном подвиге пастыря. Питомец духовной школы с первых дней своего в ней пребывания должен помнить, что его готовят к служению родной Церкви, что уклоняться от сего служения значит грешить против матери-Церкви, которая дает и материальные, и духовные средства к его воспитанию, которая именно для этой цели имеет и свои школы. Общее образование, как и всякое другое – специальное для земной жизни, можно получить в мирской школе, а церковная школа имеет строго определенную задачу – готовить пастырей и учителей Церкви. Я не говорю, что общего образования и не нужно пастырю Церкви: оно и ему необходимо, этого требует современность. Я говорю лишь, что вся постановка образования умственного должна содействовать главной задаче духовной школы – воспитанию ревностных служителей Церкви. Я учился в семинарии как раз после ее реформы графом Толстым с 1868 по 1874 гг. Это было время расцвета материалистических теорий в светской школе, которые проникали и за стены семинарские, а все же у нас были наставники – Царство им небесное – которые умели

именно воспитывать в нас христианское настроение. С глубокой сердечной благодарностью и любовью вспоминаем мы о ректора, впоследствии протопресвитера И. В. Благоразумова. Бывало, заслушаешься его лекции и станет досадно, когда прервет ее звонок. А он читал догматику, отдел о таинствах: кажется – не из поэтических предметов. Никогда не забуду я дорогого нашего наставника по Священному Писанию, в первом еще классе, протоиерея С. С. Владимирского: его изъяснения с кафедры напоминали вдохновенную проповедь. Таков же был покойный Д. П. Боголепов, читавший нам Евангелие в богословских классах. Бывало, слушаешь его и проникаешься сам тем благоговением, с каким он относился к священному тексту словес Господних. Казалось, что *он сам учится у Христа*: таково было впечатление от его толкований. Не забудем, что мы не имели права брать русского текста Евангелия с собою; читался греческий подлинник. Умел заставить нас полюбить и греческий язык незабвенный наш преподаватель, священник Н. Г. Малиновский: мы любили наставника, полюбили и его предмет так, что еще в 1 классе, без всяких приказаний, мы, лучшие ученики, выучили наизусть половину первой песни “Илиады” к экзамену; каждый год в день ангела подносили своему любимцу какой-либо подарок, а в 6-ом классе, при расставании, поднесли ему фотографическую группу и украсили кафедру цветами... И это был учитель греческого языка, столь нелюбимаго обыкновенно учениками! Из членов инспекции мы с особенной любовью вспоминаем помощника инспектора С. А. Скворцова; около сорока лет он исполнял свою скромную должность, ко всем нам относился с отеческой любовью, всем говорил родное “ты”, вместо официального холодного “вы”, и заслужил среди учащихся такое уважение, что, бывало, в его дежурство, в спальнях, стоило кому-нибудь напомнить: “Господа, ныне дежурный Степан Алексеевич”, – как все приходило в порядок, шум смолкал, шалости прекращались: мы не хотели огорчать своего любимого воспитателя. Приходил он к нам и на наши литературные вечера, на которых мы читали свои сочинения, давали товарищам концерты из своих же стихотворений, положенных своими же композиторами на ноты. Посидит, бывало, наш добрый Степан Алексеевич, похвалит нас, скажет шутливое словечко, и мы довольны и провожаем его из класса, как почетного своего гостя. Вспоминая таких наставников и воспитателей, невольно скажешь: дайте нам вот таких, и не нужно будет преобразовывать семинарии, по крайней мере, не будет нужды делать опытов, которые, разрушив старое, не дадут лучшего нового. Мне кажется, весь центр тяжести вопроса о реформе именно в том и заключается, но на это слышу возражение: а где таких найдешь? Ищите и обряцете. Преобразовывайте академии не для вида, не напоказ: туда ищите искренно преданных Церкви профессоров, туда назначайте самоотверженных и убежденных ректоров. Во всех академиях еще уцелели, слава Богу, старые профессора, искренно преданные науке, только науке, без всякой политики, без всякого зуда к оригинальности, к разрушению старых понятий: берегите этих мужей истинной науки, как сокровище; к ним подбирайте и молодых труженников, а тех, кто готов продать Церковь Божию за чечевичную похлебку похвал иудействующих интеллигентов, тех, кто смущает юный ум модными теориями отрицательного направления, тех гоните из духовных академий без всякой пощады. Довольно полумер, довольно лжегуманного снисхождения к личностям: пора позаботиться о св. Церкви Божией, толико бедствующей от всяких веяний духа лукаваго, от всяких лжемудрствований ея врагов. Настали для Церкви времена боевые: надо и пастырей готовить для такого времени, не холодных формалистов, не чиновников, не требоисправителей, а крепких бойцов, готовых душу свою положить за паству свою.

Нам говорят, что древние отцы и учителя Церкви, краса ея, великие святители, изучали науки даже в школах языческих, “хвалились (неудачное выражение) не простотою своею, но многоученостью”. Не спорим против “многоучености”, но как бы за нею не потерять из виду того “единого на потребу”, что составляет душу служения пастырского и что так ревниво сохранили в себе древние ученые пастыри. Давно сказано, что нельзя “объять необъятное”, а потому и должно поставить дело так, чтобы, гоняясь за “необъятным”, не упустить неотложно необходимого, не допустить духовного юношу увлечься тем, что для пастыря должно стоять *на втором плане*, что питомца духовной школы увлечет на иной путь и он будет потерян для служения Церкви. Присмотрит ли во внимание грядущая реформа семинарий насущные потребности Церкви? Богослужение у нас совершается на славянском языке: и прежде наша интеллигенция да и народ плохо его понимали, но все же в гимназиях еще обучали юношей этому священному языку. Теперь же его выбросили из курсов гимназий; народ прежде учился еще по Часослову и Псалтири, теперь и этого не стало. Старые семинаристы, также учившиеся по славянскому букварю и читавшие в детстве Четвы-Минеи и др. церковнославянские книги, лучше знали священный язык Церкви и больше понимали богослужебные песнопения и каноны, чем нынешние. Ныне далеко не всякий студент семинарии переведет вам на русский язык *Любите убо нам или Странствия Владычня*, немногие могут перевести даже пасхальный канон: это ли не насущная нужда современного пастырства? Ведь, и сектанты соблазняют православных, чаще всего указывая на неудобовразумительность богослужения. Церковь нуждается в том, чтобы каждый пастырь был *миссионером*, чтобы он не нуждался в особом епархиальном или ином каком миссионере при встрече с еретиком, чтобы с достоинством мог отвечать каждому вопрошающему об уповании. Нынешние семинаристы далеко не все отвечают такому идеалу: лучше ли будут выходить из преобразованных семинарий пастыри? Нам говорят, что вот именно с сею-то целию и вводится в семинариях обязательное преподавание одного из новых языков, “питомцам духовных школ, говорят, нужно изучать и вавилонскую, и персидскую, и индийскую премудрость, а для этого читать немецкия, английския и французския книги; точно так же и для многих других апологетических и богословских исследований, вообще, в широком смысле слова, требуется знание новых языков”. Нас уверяют, что “часто местному священнику даже захолустного прихода в борьбе с сектантством положительно необходимо непосредственное знакомство с немецкою сектантскою литературой”. Мы понимаем, когда речь идет о высшей духовной школе, об академиях, но, простите, решительно недоумеваем: как батюшка, живущий в захолустном приходе, будет углубляться в немецкия книги и оттуда почерпать то, что ему нужно для борьбы с сектантством? Не спорим, было бы хорошо, если бы все наши батюшки сельские обладали даром ведения всех языков мира и оттуда, даже с санскрита, черпали мудрость. Да мыслимо ли это? До того ли сельскому батюшке, да еще “захолустному”, чтобы читать немецкия книги, когда ему нужно и служить, и требы справлять, и проповеди готовить, и писать разные таблицы для консистории, для земского статистического комитета, и каждый день работать в школе, да еще не в одной. Не говорю уже о домашнем хозяйстве: ведь при 300 руб. годового содержания не лишне и землю-матушку обработать, чтобы хоть свой кусок-то хлеба иметь... А тут ему говорят: изучайте ереси по первоисточникам, читайте немецкую литературу! Да он, живя в селе, разучивается читать по-гречески и по-латыни, несмотря на то, что в училище и семинарии изучал эти языки чуть ли не в продолжении десятка лет. Он едва ли будет в состоянии, не говоря уже обстоятельно, истолковать, а хотя бы только

передать в связном толковом изложении порядок мыслей в посланиях Апостола Павла. Он не читал святых отцов Церкви, необходимых ему руководителей в деле учительства и пастырства. Он даже не слышал в семинарии о писаниях святых подвижников, вроде аввы Дорофея, Нила Сорского, Иоанна Лествичника, а между тем, если он хочет учить своих пасомых, да и самого себя, духовной жизни, то без них ему трудно обойтись. Он мало знает или вовсе не знаком с писаниями даже епископа Феофана Затворника, не вчитывался в творения родных отцов – Тихона Задонского, Димитрия Ростовского... Ведь если он хочет быть добрым пастырем, то он должен все это изучить: да, изучить, чтобы там черпать опыт духовной жизни, чтобы учение Церкви о спасении с его положительной стороны выяснять не на основании полузабытых семинарских учебников, а по первоисточникам, хотя бы в переводе на русский. Ведь если он не будет основательно знать положительное учение, то как он будет его защищать против еретиков? Уж не при помощи ли немецких сочинений на немецком языке? Ведь додуматься до этого можно только в петербургском кабинете... Я не спорю против пользы знания новых языков для сельского священника. Я утверждаю только, что из тысячи таких священников едва ли найдется один, живущий где-нибудь по соседству с немецкими колонистами, который использовал бы это знание. Знаю, что нужны языки для поступающих в духовную академию, но ведь таких в каждом курсе один-два много три; и вот ради этих двух-трех счастливых должны учиться *обязательно* новым языкам все их товарищи. Не лучше ли, не полезнее ли использовать часы уроков новых языков на апологетику, на практические занятия проповедничеством, на изучение души человеческой не по “произведениям светской литературы”, а по учению св. отцов Церкви, этих великих знатоков души, всю свою жизнь отдавших именно на ее изучение... Как жаль, что наша церковная власть в свое время не поручила святителю Феофану Затворнику составить учебник психологии по творениям святых отцов и учителей Церкви! Никто не мог бы выполнить этой задачи лучше этого святителя-подвижника. А то ведь – что грех таить? – в наших духовных семинариях вместо психологии преподается в сущности *патология* души человеческой. Учебники психологии составлены на основании западных писателей, коих мирозерцание далеко от учения святоотеческого. И за что такое, можно сказать, пренебрежительное отношение наших ученых профессоров к святым отцам? Наши философы, наши психологи в их писания не заглядывают. Недаром еще в половине прошлого столетия известный ученый И. В. Киреевский говорил, что пора нам обратиться к святоотеческой литературе и там искать новых, лучше сказать – старых забытых путей для православной философствующей мысли, которая, совершив круг, стоит ныне на том же месте, где была в V веке. Ужели и в области богословской и философской мысли мы обречены идти в хвосте западных ученых, рабски воспроизводя все – и доброе и худое – в их научных работах? Но об этом я сказал лишь к слову и кстати. Известно ведь, что лучшие руководители в духовной жизни обретаются в монастырях, а там они воспитываются на святоотеческих писаниях. Ясно, что в этих писаниях следует искать и лучшего руководства при изучении души для пастырей душ верующих. Там – лучший источник и для нравственного, и для пастырского богословия, и для гомилетики, и для психологии, и для герменевтики, и для всех прочих богословских наук. К сожалению, в последнее время изучение греческого языка, как языка Нового Завета, значительно ослабело даже против того времени, когда учились мы, семинаристы 70-х годов. И в этом повинно само духовно учебное ведомство. В объяснительной записке к программе по Св. Писанию прямо указывается, что к греческому тексту следует обращаться только в более

затруднительных местах. А ведь не так было прежде! Я боюсь, что за множеством предметов мысль учащихся не будет иметь возможности углубляться в более важные для будущего пастыря предметы: образование будет поверхностное, неглубокое, “всего понемножку”: тут и медицина, и химия, и гигиена, и новые языки, не говорю уже о предметах, входивших в круг семинарского курса и прежде. Я, например, решительно не понимаю: на что пастырю Церкви тригонометрия? Я учился этой науке, имею по ней балл “5”, но откровенно говорю, что в памяти моей остались синусы и косинусы без всякого применения. Больше имело бы применения художественное образование: рисование, например, или познания в иконописи мне и теперь оказывают услугу. В наше время хорошо бы семинариста заставить полюбить родную старину: сколько дорогих древностей в сельских церквях продается скупщикам за безценнок или в обмен на рыночные паникадила, подсвечники и подобное, и уходит даже за границу! А батюшки наши даже и не подозревают их ценности. Недавно мне один священник рассказывал, что староста хотел обменять древнее облачение на два новых, а облачение это, по местному преданию, дар царя Алексея Михайловича... Сам же старьевщик оценил его в 1500 руб. Что же получил бы он за границей?! А одно такое облачение пошло в могилу: в него облачили старичка-священника, и новых риз пожалели, а вот старое на него надели...

Пора, наконец, поставить дело так, чтобы духовные семинарии давали нам добрых и ревностных пастырей и учителей, а не кандидатов в ветеринары или адвокаты и врачи. Нельзя злоупотреблять Божьей свечечкой. Половина ея горит пред ликом Божиим, а другую подобает употреблять на возжение света духовного, на приготовление пастырей Церкви. И довольно сего назначения. А то ведь дело дошло до того, что епархиальные церкви содержат несколько духовных училищ, да семинарию в 500 человек, а посвящать во иереи приходится едва окончивших духовное училище... Церкви остаются без священников иногда по целому году. Допустимо ли это? Ведь и народ начинает говорить: “Что же это? С церковью берут на семинарию, а попов нам не дают...” Следует помнить, что и времена для Церкви настали тяжелые. Со всех сторон ей грозят враги. Ограда закона гражданского снята. Церковь представлена самой себе. И чем дальше, тем больше опасностей для Церкви. Можно ли думать, следует ли заботиться о том, чтобы семинаристам открыта была возможность идти в светские учебные заведения? Следует, наоборот, твердо сказать и им, и отцам их: “Можете идти куда угодно из любого класса, но готовить вас для светских школ семинария не будет. Сами, как знаете, готовьтесь. Семинария – для Церкви и только для Церкви. Не хотите служить Церкви – идите с Богом на все четыре стороны”. Этим достигнуто было бы увеличение кандидатов священства и, в то же время, семинарии освободились бы от массы учеников, ищущих только прав на среднее образование, а чрез это сократились бы непосильные обложения церковью на духовно-учебные заведения. Вопреки газетным сообщениям по поводу предстоящей семинарской реформы, с надеждою на лучшее будущее в наших семинариях мы можем отметить, что Св. Синод указал Учебному Комитету при реформе семинарий распределить предметы семинарского курса так, чтобы воспитанник в каждом классе чувствовал себя питомцем именно духовной школы, чтобы главное внимание деятелей реформы было устремлено на достижение основной цели приготовления к пастырскому служению, чтобы программы по общеобразовательным предметам никаким образом не подрывали и не сменяли значения богословско-церковных дисциплин, преподавание которых должно быть распространено и расширено существенно... Дай Бог, чтоб эти руководящая начала и легли в основу реформы. Дай Бог, чтобы разные, враждебные

Церкви влияния, тонко-иезуитски в наше время всюду проникающая, не исказили намерений нашей высшей церковной власти и не воспрепятствовали ей выполнить святое желание Царственного Защитника и Покровителя Церкви, Самодержца Всероссийского: “зародить в духовных семинариях на вечныя времена источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей алтаря Христова на святыя подвиги многотруднаго пастырскаго (а не инаго какого) делания”. А это и значит зажечь в сердцах будущих пастырей святую ревность к святому служению, сделать их светильниками, от которых и свет, и тепло преизобильно разливалось бы не только в недрах самой Церкви, но и вне ея – среди блуждающих во тьме ересей и лжеучений, и даже среди не ведущих истиннаго Бога идолопоклонников... Помоги, Боже!

№ 39

Скорбное письмо

Скорбные думы, скорбные письма... Русь, да неужели ты перестала быть православною? Ужели все, что так дорого было сердцу русских людей, за что они душу свою полагали, теперь дозволено попирать, осмеивать, топтать в грязь всякому безбожнику, считающему себя “интеллигентом”? Не диво, что озверелый рабочий издевается над святыней: он ведь следует примеру того, кого считает человеком “образованным”; не диво, что эти, якобы “образованные”, хотят “образовать” по образу и подобию своему массы народные: раз сами потеряли Бога в душе, они того же желают и для всех; то достойно удивления, то возбуждает страх за самое бытие государственное, что как будто никому до этого дела нет, как будто все это дозволено, как будто на наших глазах сбывается страшное пророчество апостола Павла об *удерживающем* (2 Сол. 2, 7)... По поводу моих дневников я получаю много откликов, и вот послушайте, что пишет, например, один священник – не из центра какого-нибудь, не из города, а из самой глуши, и притом – не из окраинной губернии, где много инородцев, а из одной из самых центральных губерний... И то, что пишет он, теперь творится почти повсюду...

“Тяжело положение сельского священника среди деревенской “интеллигенции”, да еще вышедшей из недр самого же духовного сословия. В селе, где я уже 24 года священствую, “интеллигенцию” составляют врач, у которого вместо св. икон портрет безбожника Толстаго, фельдшера, учителя, акушерки и др., а летом местные и наезжие “студенты”, которые и “работают” по уезду статистиками, оспопрививателями, агрономами. Для всех этих господ сельский священник есть представитель “реакции”, “гасильник просвещения” и т. д., а дело пастыря – уже “служение отжившим предрассудкам”... “Вы бы лучше свою обедню-то поубавили”, сказал мне врач *публично*, когда я в пяток первой седмицы Великого Поста попросил его отложить медицинский осмотр детей в школе, потому что они устали, да и опять скоро пойдут на исповедь. В воскресный день у него нарочито прием в 9 часов, не исключая даже Пасхи, и все служащие обязаны быть во время обедни в больнице; а в пятницу день неприятный “для отдыха врача и медицинского персонала”. Можно подумать, что у нас большинство поклонников Магомета, тогда как сих последних нет ни единого...”

Не удивляйтесь, почтенный батюшка: в столице и не то делается, и делается на глазах самого правительства: там иудеи-профессора назначают экзамены в двенадцатые праздники для юношей-христиан, и если эти юноши не пойдут на экзамен в святые дни, то их считают не выдержавшими экзамена... Плачут матери-христианки о таком поругании над нашею верою святой, о таком развращении их детей, но что поделаешь? Ведь теперь в государственных якобы “законодательных” учреждениях хлопочут о совершенной отмене праздников Господних (сначала некоторых, ну а потом доберутся и до остальных). Та к чему же удивляться, что в глухой провинции нахал-иудей издевается над нашими святыми днями?..

“За таким интеллигентом-врачом, продолжает священник, тянутся и низшие служащие. Ранее до врача у нас и после литургии успевали принять больных, фельдшер успевал и в церкви помолиться, и к приему поспеть. Теперь же, в воскресенье, именно во время обедни – прием, а в пятницу – праздник. Накануне Нового года в церкви всенощная, а в чайной комитета трезвости – в полночь танцы со встречей Нового года. А простецы-

крестьяне говорят: “Мы помолились Богу, а *они* и беса не забыли”. Закладывают здание больницы, крестьяне просят Богу помолиться, а врач изрекает: “У вас и двор закладывают – так четверть пьют, – вот когда выстроют больницу – освятят”. Выстроили и постарались сделать освящение так, что никто из народа и не знал. – Летом, когда наезжают “студенты”, священнику, не сочувствующему их прогрессивным начинаниям, даже на улице показаться рискованно. О посещении “студентами” храма Божия и говорить не приходится. Мать-вдова собирает по приходу именем Христовым сыр и яйца, а детки, во главе с студентом, бывшим семинаристом, публично, напоказ, едят в Успенский пост мясо. Имел я неосторожность посоветовать мальчику оборониться палкой от собаки, принадлежащей студенту, а сей студент уже кричит на меня: “Отец, вы – пастырь Церкви, а проповедуете кровопролитие, вам бы нагайку, а не меч духовный, в физиономию вам плевать!” И это говорит юноша священнику, который его же учил грамоте! Но и этого мало: пишет жалобы и земскому начальнику, и архиерею, аттестует меня, как “презираемого всеми”, как “угнетателя всех лучших сил и лиц в приходе”, грязнит всю жизнь священника. И этого мало: собирает всю компанию товарищей, и объявляют они священнику, “оскорбившему студенчество” (читай: студенческую собаку) бойкот. Не забудьте, что все это – дети духовенства же, питомцы наших духовных семинарий... Ведайте, что по жалобам сего студента мне пришлось перенести и “дознание”... Горько все это, но еще более горько, еще более страшно, что простые мужички все это видят и говорят: “Учите вы в своих семинариях на церковные деньги своих детей, а они не только в пастыри, но и в пастухи не годятся (ну, это, пожалуй, неправда: видите, как они заступаются за своих собак, годились бы и в пастухи!). Лба не перекрестят”.

Ясно, что народ начинает терять доверие к нашим семинариям, а следовательно, и к молодым священникам. А отсюда – один шаг до сектантства”.

Читаешь вот такое письмо, – а их немало получается – и думаешь: да где мы живем? Ужели на святой Руси? Где ты, мать наша Русь православная?.. Ведь в языческой Японии того не приходится видеть, что творится у нас. И там не станут издеваться над своим бонзою, там, сколько мы знаем, умеют уважать даже чужия святыни. Идолопоклонники знают правила приличий, а наши мнимые христиане, нередко питомцы – увьи! – наших духовных семинарий, поступив в число каких-то “студентов”, становятся фанатиками неверия, заклятыми врагами родной Церкви и ее служителей, не щадят ничего священного, не хотят просто пожалеть старика-священника, у которого когда-то учились грамоте... Ужели нет способов защитить сельских батюшек от этих хулиганов интеллигенции? Ужели священник должен идти в наши суды, где нередко, ах, как нередко, сидят друзья-приятели вот этих же хулиганов, которые уж постараются выручить их из беды, а бедному священнику еще подлить горечи в его и без того горькую чашу? Нет, не подобает преемнику апостольского служения идти в мирской суд, когда его лично оскорбляют, поносят, издеваются над ним. Если всякий христианин должен помнить заповедь Господню: *блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще имене Моего ради*, – тем паче сию заповедь должен носить в своем сердце тот, кому Господь поручил и других учить ей. Как он научит других, если сам не исполняет ее? Сказано ведь: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небеснем*. В деле проповеди только то слово и сильно, которое идет от опыта духовного. Св. Исаак Сирин говорит, что слово опыта есть живая вода, утоляющая жажду души, а слово без опыта – что вода, писанная на стенах.

Отцы и братия! Архипастыри и сопастыри словесного стада Христова! Настают для нас времена исповедничества, а может быть, и мученичества. Язычество грязною волною врывается в среду христианства. Кажется, будто сатана вышел из бездны, чтобы обольщать народы на четырех концах земли... Вера гаснет в сердцах тех, которые считали себя верующими, а на место ея входит сатана в эти опустошенные от всего доброго сердца и властвует над ними. Ужас объемлет сердце, когда читаешь, что творится в Португалии, что еще так недавно творилось в Испании, что грозит нашим единоверным братьям-христианам в Турции... С какою беспощадною злобою враги Христа издеваются над теми, кто не вотще носит имя Христово! И особенно эта злоба услаждается в издевательствах и истязаниях над теми, кто стоит ближе к Церкви: над служителями алтаря и иночествующими. Их прямо истребляют, как вредных животных. Да сохранит Господь нашу бедную Русь от такого несчастья! Ведайте, отцы и братия, что то, о чем пишет мне священник, что мы все видим воочию, о чем пишут ежедневно патристические газеты – все это только начало болезням или, по народному присловию – лишь цветочки. Будут и ягодки, если попустит Господь по грехам нашим. Тайна беззакония уже назревает на земле. Заклятые враги христианства ведут свое дело искусно и неутомимо. Готовьтесь к исповедничеству, готовьтесь к мученичеству. И тем горше будет чаша наших испытаний, что нам поднесут ее не язычники, не римские воины, а изменники Христу. О, они злее всех язычников, ибо они суть “сборище сатаны”, о котором говорит Тайновидец. Что все нынешние поношения, кои нам приходится терпеть, пред теми, какие ждут нас впереди, если попустит Господь! Грозы Божьи ходят вокруг нас. Господь зовет всех нас к покаянию. Не у гражданского закона ныне искать нам защиты: не тот дух веет ныне в тех сферах, откуда мы могли бы ждать этой защиты – не внесут ныне законопроекта, который защитил бы нас без наших жалоб от поруганий, из уважения только к нашему сану и званию... Нет! Возьмем свой крест и бодро пойдем за Тем, Кто Сам впереди нас вошел чрез крест на небо, крестом отверз врата небесныя, Кто и нам заповедь дал о крестоношении, Кто силен и нас укрепить в сем подвиге благодатию Своею! Будем себе постоянно напоминать слово великого труженика и страдальца за проповедь Христова Евангелия Апостола Павла: *кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, а на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 17). Это знал еще Царь Давид: *при умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93, 19). А Господь – слышите, что обещает? *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!* (Мф. 5,12).

Монастырские «миллионы»

Во дни оны недавние, во дни всероссийской смуты и нашествия иудейского, враждебные Церкви органы печати самым беззастенчивым образом лгали о несметных якобы богатствах наших монастырей и огромных якобы доходах, получаемых нашими архиереями. Помню, как я, бывший казначей Троицкой Сергиевой Лавры и, следовательно, знающий все ее “богатства”, от души смеялся, когда в одной иудействующей газете прочитал провокаторскую заметку, будто в Лавре преп. Сергия имеется капиталов на 75 миллиардов! Судите сами, какое впечатление должны были от такого известия получить люди, завистливым оком вззирающие на монастыри! И это было в то время, когда Лавра, потратив сполна свои капиталы на постройку больницы-богадельни, призаныла еще несколько десятков тысяч у Гефсиманского скита.

Но иудейская ложь не осталась без последствий. Государственная Дума, вероятно, полагая, что в сих сообщениях иудеев есть хоть малая частица правды, высказала Святейшему Синоду пожелание об “уравнивании” получаемого архиереями содержания. И вот собраны точные сведения, какой архиерей сколько получает. Увы, оказалось, что есть епископы епархиальные, получающие не более 3 000 руб. и для “уравнивания” им содержания, примерно до 6 000 р., потребовалось “изыскать” до 33 000 р. из каких-нибудь источников, а от архиереев затребовано мнение по сему вопросу. Скажу откровенно: нам, монахам, преемникам апостольского служения, официально назначать себе ту или другую норму “содержания” воспрещает совесть... Архиерей, в силу данной им присяги и уже по сущности своего служения, нравственно обязан строго следовать примеру святых Апостолов, насколько видит к тому возможность. А св. Апостолы в сем отношении строго держались правила, которое один из них выразил так: имуще пищу и одеяние, то есть все необходимое, сими довольни будем. Возглавляя поместную Церковь, как светильник на свещнике, епископ должен во всем быть образцом для своей паствы: самым делом, самым отношением к своему материальному обезпечению он должен всем как бы говорить: смотрите на меня, будьте якоже аз: вем и алкати, вем и избыточествовати вем и лишатися... Как епископ, уже на основании Священного Писания и в силу Апостольских Правил, он имеет право пользоваться от своей епархии всем, лично ему потребным: епархия должна ему дать приличное его сану жилище, с храмом Божиим, потребное число священнослужителей при сем храме, певцов и чтецов и всех их также обезпечить в необходимом; затем дать ему возможность совершать поездки по епархии, дать стол, отопление, освещение, прислугу, канцелярию, лошадей и пр. Все это он и может получить, и в большинстве случаев получает, хотя и не всегда от епархии, так сказать – натурою. А на одежду и обувь, равно на так называемые карманные расходы, было бы довольно для него и ста рублей в месяц. Но совсем иначе стоит дело, если принять во внимание необходимость для каждого епископа стоять во главе всякого рода благотворительности во имя Христово. Еще св. Златоуст сказал: “широка заповедь сия”, и, следовательно, как бы ни велики были суммы, отпускаемые в распоряжение епископа на сие дело, они все и всегда будут израсходованы им без остатка. Самым естественным источником для таких расходов, в силу Апостольского Правила 41-го, должны бы быть для епископа доходы всех церквей его епархии, но, к глубокому сожалению, епископ, будучи по канонам полным распорядителем церковного достояния своей поместной

Церкви, на деле в настоящее время лишен возможности быть таковым. Церкви несут часто непосильные налоги на содержание духовно-учебных заведений и на другие епархиальные и общецерковные нужды, причем сии налоги и распределяются, в силу необходимости, самими иереями на их съездах. И архиерею представляется только право утверждать или не утверждать таковую раскладку, облагать же церкви новыми налогами нет возможности. Таким образом, сей первый и законнейший источник для дел благотворения по личному усмотрению епископа для него закрыт. Между тем, сим исчерпываются общие источники средств для благотворения, если не считать доходов собственно архиерейского дома, каковых во многих епархиях вовсе не имеется, и архиерейский дом содержится, как например, в Вологде, при пособии епархиального свечного завода. Правда, есть еще источник для благотворительных расходов по усмотрению епископа, но этот источник может быть и не быть, может быть очень значителен и сокращаться до минимума и даже вовсе прекращаться. Рассчитывать на него никто не смеет. Я разумею частные жертвы православных мирян на дела благотворения, приносимые в личное распоряжение епископа благочестивыми людьми, желающими исполнить в совершенстве заповедь Спасителя: да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя. Слава Богу еще есть такая добрая душа. Они в своем смирении рассуждают: “Епископ есть Богом поставленный пастырь и архипастырь, ему виднее нужды как Церкви Божией, так и бедных сиротствующих; к нему вся эта беднота стремится за помощью; он имеет возможность чрез священников узнать и степень нужды, и положение нуждающихся; да и Богу приятнее, когда я делаю добро не по своемумышлению, а отсекая свою волю так, чтобы мне и не знать: куда пойдет моя копейка, да не увести о том моя шуйца! Та к делали и древние христиане. Итак, вручу мою лепту Богу чрез руки архиерея Божия”. Повторяю: такая душа еще есть в Церкви православной; расположить их к такому доброделанию может только благодать Божия. Но много значит в сем деле и личность самого архиерея. Если он подвигом личной своей жизни, благоговейным совершением богослужения, отеческим обращением со всеми, особенно с детьми властным, сильным словом духовного опыта в проповедании слова Божия как в Церкви, так и в частных беседах с пасомыми всех званий и состояний, неусыпными заботами о сирых и вдовицах, о больных и несчастных, – словом: исполнением завета апостольского: *всем бых вся, да всяко некия спасу*, – привлечет к себе сердца пасомых: то можно сказать с уверенностию, что пасомые с любовью понесут ему свои лепты на дела благотворения во имя Христово, как христиане времен апостольских слагали к ногам Апостолов целая состояния. Но если епископ не входит в близкое общение с паствою, если его слово не доходит до сердца пасомых, если он безучастно относится к беспомощной бедноте, то никто не принесет ему и жертвы на благотворительность. Мы, епископы, должны с чувством самоукорения взирать на светлый образ доброго пастыря, еще так недавно прошедший пред нашими очами в лице незабвенного отца протоиерея Иоанна Кронштадтского. Если он, иерей, облеченный силою свыше, имел возможность творить так много добра, то не показывает ли сие, что и в наше скудное верою, погруженное в эгоизм, житейский материализм, время упадка нравов есть еще немало живых душ, ищущих света Божия, жаждущих благодати, готовых нести к стопам доброго пастыря нескучные лепты, лишь бы найти такового пастыря, лишь бы удовлетворил он их духовную жажду, утешил скорбящее сердце, примирил с Богом смущенную совесть... Ищите, пастыри и архипастыри, прежде всего царствия Божия и правды его, водворяйте хотя начатки сего царствия Божия прежде всего – в сердцах собственных, а затем и в

сердца пасомых ваших, и вы с благоговением, в умилении сердца, сами воочию увидите, как верно обетование, что и материальные средства для доброделания вашего приложатся вам, ибо ведь еще в Ветхом Завете сказано, что рука дающего не оскудеет. Силен Пастыреначальник наш, Господь Иисус Христос, и в нашей немощи проявлять силу Свою, лишь бы мы сознали и Ему постоянно показывали эту немощь нашу, лишь бы в глубине сердца взывали к Нему: Господи, помози нашему маловерию! Грядет час, и восстанут на суд Христов с нами пастыри, подобные отцу Иоанну, и осудят нас, если мы, в пределах наших епархий и приходов, не будем по мере сил наших следовать стопами их.

Позволю себе сказать два слова по поводу предположений особой Комиссии при Святейшем Синоде об установлении равномерности в получаемых Преосвященными по епархиям доходов привлечь, для покрытия расходов по увеличению содержания некоторым епископам, архиерейские дома и монастыри. Таковое привлечение архиерейских домов наиболее обеспеченных кафедр я признаю совершенно справедливым, ибо полагаю, что никто из святителей, более обеспеченных, не откажется поделиться, по долгу братской любви, с своими собратиями, менее обеспеченными, да будет, по выражению св. Апостола Павла, равенство. Что же касается Лавр и поименованных в указе монастырей, то, не входя в суждение о том, тяжел или не тяжел будет сей новый налог на монастыри, я полагал бы более справедливым обложить сим налогом все церкви и монастыри империи в самом малом размере, например, хотя бы 0,1 %, дабы каждая церковь, каждый приход принимали участие, хотя в размере нескольких копеек, в расходах на содержание епископов. Это представляется тем более справедливым, что подобный налог по 1 руб. с каждой церкви и монастыря, уже установлен в виде увеличения платы за “Церковные Ведомости”, для повышения содержания чиновников центрального управления.

Епископы обслуживают нужды церковные несравненно более, чем сии чиновники, и их попечения и труды для приходских церквей несравненно сложнее, чем для монастырей. В сем случае важно было бы установить самый принцип такого налога, ибо белое духовенство облагает церкви в размерах до 35 и более процентов на свои сословные нужды, (особенно если считать прибыли от свечных операций), а епископ, будучи по канонам полным распорядителем всего церковного достояния в пределах своей епархии, не пользуется и малым процентом на дела благотворения по своему личному усмотрению. Справедливо ли это?..

Церковный школы и церкви

Церкви Божией дано великое обетование, что врата адовы не одолеют ея. Князь (дьявол. – *Ред.*) да хорошо знает это обетование, знает, что все его козни, все усилия будут бесплодны: Церковь пребудет до скончания века непоколебимою. И, однако же, в безумной злобе своей пылая ненавистью к Главе Церкви Господу Иисусу, сокрушившему его главу, он вымещает свое поражение на вечной вражде к верным чадам Церкви и, не имея силы и возможности стереть с лица земли всю Церковь Божию, строит козни против тех народов, где наиболее хранятся заветы Христа. Таков милостию Божией наш Русский православный народ. Вот уже около тысячи лет, как наша Русь просветилась святым крещением и осветилась верою православною. Но за то, что она восприняла святое учение Христово в самом чистом его виде, как оно вышло от святых Апостолов, как изложено святыми отцами на Вселенских Соборах, как выражено в творениях духоносных мужей – светильников Церкви вселенской, – за это враг ненавидит Русский народ всею ненавистию и сею ненавистию по отношению к нам отравил всех западных христиан. Не зная, не понимая, да и будучи не в состоянии понять, по гордости своей, глубину смиренного Православия, западные народы считают нас “отсталыми”, непросвещенными, суеверными, чуть не варварами. Чужды мы им по духу, чужды и они нам по всему их мирозерцанию. И вот чрез них-то, чрез их последователей – наших интеллигентов, оторвавшихся от родного народа, враг и пытается с корнем вырвать святое Православие из русской души. И никогда еще в истории Русского народа не было для него столь благоприятного времени, как переживаемое нами. Никогда так мы, русские люди, не были призываемы долгом совести и – скажу – чувством самосохранения стоять на страже заветной святыни Православия, как ныне, – стойте же бодро, православные русские люди: враг у дверей! Он захватил в свои цепкие руки нашу печать: среди гула и гама преданных ему, якобы, “либеральных” газет едва слышится слабый голос патриотической печати. В среду самой этой патриотической печати он вносит раздор и кружковщину: вместо братского взаимного вразумления наши патриоты позволяют себе против своих собратий, патриотов же, речи немирные; а известно, что где немирство, там и вражда, там и самолюбие, там и сам поджигатель всякой вражды – князь тьмы. Нашел он, враг Божий, и в высших сферах, в среде наших законосоставительных учреждений усердных и верных себе слуг, которые не зная Православия, не умея ценить этого сокровища, будучи ослеплены ненавистию ко всякой вере, восстают наипаче против святой веры православной и воображают, несчастные, будто стоят за прогресс, за просвещение, за благо человечества! Один Бог может вразумить этих слепцов. Но их усилия не проходят без вреда для Церкви Божией, сущей в пределах Русской земли. Кто из русских людей не знает, какой чудовищный, разрушительный для Церкви законопроект выработали эти слепцы в Государственной Думе касательно вероисповеданий неправославных? Теперь подбираются к народной школе. Та к как открыто идти против церковных школ еще неудобно, а школы эти являются у наших лжелибералов бельмом на глазу, ибо имеют своею задачею главным образом воспитание народа в духе Церкви, то придумали предлог: надо-де объединить все школы в одном ведомстве. Несмотря на всю очевидную ложь самого принципа такого объединения, несмотря на то, что он и не может, и не будет проведен в жизнь, да и сами проповедники его в него не верят, – несмотря на все это он

выдвинут, и в настоящее время вопрос о судьбе церковной школы уже обсуждается в Государственной Думе. А пока что готовится почва к его решению в желательном для врагов Церкви смысле. Церковную школу всячески поносят, клеветают на нее и в печати, и в разных собраниях, лишают ее средств к существованию, хотят ее измором довести до закрытия. Министерския, земския и всякия другия школы – родныя детки нашей Государственной Думы, а церковныя – пасынки или падчерицы. Для тех просят 10, дают 12 миллионов, а для церковных жаль и одного. Но и этого всего мало. Дан знак, и началась агитация против церковных школ на местах. Казалось бы: раз составлены “сети” школ, разграничены пределы земских и церковных, как это ни странно, но пусть так: пусть каждая школа и живет, и действует в своих, ей указанных, пределах. Та к нет же, пускаются в ход даже такие меры, как явный обман духовенства... У меня, в епархии, был такой случай: существовала школа церковная лет 12; помещалась в доме одного “благодетеля”, торгующаго в Петербурге чем-то; этот благодетель решил перестроить здание школы, дал средства, поручил дело заведующему – священнику. Тот и трудился, уверенный, что трудится для церковной школы, но когда здание было окончено, в нем поселилась земская школа... Ни указание на сеть, ни право давности существования тут школы – ничто не помогло. Один богач от себя внес 500 руб. на содержание этой, можно сказать – украденной у Церкви школы, пока земство ассигнует на ее содержание средства. Тоже благодетель! А земства наши, известно, не всегда так расположены к церковным школам, как наше Сольвычегодское, ассигновавшее на церковныя школы ежегодное пособие по 10 500 руб., и Яренское, в прошлом году ассигновавшее 13 000 руб., а ныне 22 015 руб. Большею частию земства не брезгают не только тем, что плохо лежит, но и прямо краденым. Как иначе назвать в самом деле хотя бы вышеупомянутую школу, как не украденною у Церкви? Строителю-благодетелю надо было иметь на месте священника в качестве наблюдателя за постройкой: он и повел дело так, что недогадливый батюшка воображал, что трудится для церковной школы. Но и этого мало. Врагам Церкви надобно создать иллюзию, будто сам народ не хочет церковной школы. И вот являются приговоры крестьян о передаче церковной школы в земство. Составить такой приговор нетрудно: стоит только внушить крестьянам, что на церковную школу они-де обязаны давать и сторожа, и отопление, обязаны ремонтировать, а земская школа – самое милое дело: ничего не надо, ни о чем не заботьтесь, все будет дано от земства. Крестьянин не рассуждает, что земство-то с него же берет на школы. И пишут приговоры... А чтобы приговор имел больше силы, чтобы производил там, где им, врагам Церкви, нужно, большее впечатление, делают так, что агитация ведется тайно от священника. Агитаторы действуют прежде других на церковного старосту, прельщают его разными обещаниями. И вот батюшка и во сне не видел, а дело уже совершилось наяву: приговор составлен... Пока еще немного таких приговоров, но в таких делах важно начало. Важно то, как отнесутся к таким, несомненно подстроенным, приговорам власти церковныя и гражданския. Простой народ не всегда может по достоинству оценить церковную школу и легко поддается влиянию агитаторов, обещающих великия и богатыя милости от светскаго ведомства. Ведь ему дорог каждый грош, хотя он и рублей не жалеет на водку. Но церковные старосты суть лучшие люди прихода, по крайней мере, это – избранники прихода. Вот почему я счел благопотребным обратиться к ним с своим архипастырским словом, объясняя им преимущества церковных школ и призывая к помощи священнику в заботах о школе. Напечатав свое обращение в “Епископ. Вед.”, я распорядился, чтобы

каждому церковному старосте был вручен и отдельный оттиск моего послания.

**Церковным старостам Вологодской епархии
От Никона, Епископа Вологодского и Тотемского**

Призываю, братие, на всех вас, труждающихся для Церкви Божией, благословение Божие.

Святейшему Синоду благоугодно было в последнее время обратить особенное внимание на благоустройство церковноприходских школ. Указом от 31 июля сего года он предписал: установить ежегодные обязательные взносы со всех церквей и монастырей Империи на эти школы и каждый год производить тарелочный сбор также во всех церквях и монастырях в продолжении святок: с 25 декабря по 6 января. Церковные школы имеют свое начало в глубокой древности. 900 с лишком лет тому назад наш равноапостольный князь Владимир, просветитель Руси, крестив киевлян, повелел обучать детей в школах под руководством священников; в древней Руси, до Императора Петра Великого, все школьное учение находилось под руководством Церкви. Вот почему вечно блаженной памяти в Бозе почивший Самодержавный Миротворец Император Александр III, в Своих царственных заботах о просвещении народа воскресил замиравшую церковную школу и, по Его державному мановению, в течение последних 26 лет стали быстро возникать по лицу родной земли церковноприходские школы, и число их теперь достигает до 46 000. И ныне благополучно царствующий Самодержец Всероссийский, верный заветам Своего Отца, благочестивейший Император Николай Александрович много раз высказывал Свое Царское благоволение к церковноприходским школам. Кто же должен более всех заботиться о сих школах, как не духовенство и те православные русские люди, которые ближе всех стоят к духовенству – вы, церковные старосты? И мы, архиереи, с благодарным чувством свидетельствуем, что церковные старосты почти везде являются самыми усердными помощниками священникам в их заботах о церковных школах. Спасибо им, добрым ктиторах святых Божиих церквей, что они своим русским сердцем понимают, как эти школы дороги и полезны народу нашему, потому что ведут детей народа под благодатную сень храма Божия и воспитывают их в страхе Божиим. К глубокому прискорбию, находятся среди старост, правда, очень немногие, такие, которые не только не сочувствуют церковным школам, но и восстают против них, говорят, что их надо передать земству или министерству, указывают на то, что они тягостны для церквей по расходам на них. Забывают они, эти старосты, что они должны защищать все, что носит на себе имя Церкви, что принадлежит Церкви, забывают, что их обязанность всеми мерами помогать пастырям Церкви в их святых заботах о просвещении народа, помогать и мне как архипастырю Церкви Вологодской в благоустроении церковных школ. Не хотят такие старосты подумать, что, восставая против церковной школы, они восстают против власти церковной, против меня недостойного, но Богом поставленного их архипастыря. Признаюсь: я этого не ожидал от старост церковных в нашей, всегда мирной, послушной своим архипастырям епархии. Сам я вырос в селе, с детства привык уважать церковных старост, как лучших православных людей в приходе, как избранных всего прихода, и всегда видел, с какою любовью, с каким сыновним доверием относятся они не только к распоряжениям церковной власти, но и к распоряжению своего приходского священника. Мы живем, братие, в скорбные для Церкви Божией времена. Ныне не редкость встретить даже среди именующих себя православными людьми, критикующих церковную

власть, не желающих ей подчиняться. Скорбно все это видеть. Не так заповедал нам Христос Спаситель наш. Он сказал св. Апостолам: слушающий вас, Меня слушает, и отмечающий вас, Меня отмечается. Слова эти относятся и ко всем нам, пастырям Церкви, яко преемникам апостольского служения в Церкви, облеченным благодатию священства и архиерейства. И терпим мы, пастыри, всякия поношения и непослушание от своих же словесных овец. И вот что особенно скорбно. Христос сказал: овцы слушают гласа своего пастыря, а наши овцы нередко требуют, чтобы мы их слушали. Терпим мы от неразумных мирян такое непослушание, молимся, чтобы вразумил их Господь; но вы-то, ктитория храмов Божиих, вы – избранники приходов! Возможно ли допустить, чтобы среди вас находились противники воли своего архипастыря? Если о мирской, гражданской власти, сказано: проявляющийся власти противится Божию повелению, то судите сами: как же можно противиться власти Богом поставленных пастырей и архипастырей? Повторяю: в моей епархии немного таких противников среди церковных старост, и я отечески призываю таковых к послушанию, я прошу их помогать мне в благоустроении церковных школ, я объявляю им, что Святейший Синод разрешил каждый год расходовать из церковных сумм на церковноприходския школы даже без всякаго разрешения от архиерея до 50 рублей, а теперь призывает всех нас и еще больше уделять на это святое дело народного просвещения в духе матери нашей св. Церкви православной. Я вынуждаюсь с болью сердца объявить и то, что те старосты, которые будут отказывать церковным школам в посильной помощи, которые будут вредить им, подговаривать прихожан к передаче сих школ в ведение земств или министерства, такие старосты будут мною увольняемы от должностей как ослушники воли епископа, как не радеющие о благе детей своего прихода. Ведь всякая копейка, всякая охапка дров, все то, что даст храм Божий на родную ему церковную школу, все это – Богу приятная жертва на просвещение светом Христовым детей приходских. Пусть от трудовой свечечки, которая горит в храме Божиим пред ликом Божиим, загорится огонек и в детской душе, тот огонек света Христова, который согреет душу ребенка познанием заповедей Господних. Знаю, что и храмы Божии имеют свои нужды, но ведь и священник, и архиерей знают эти нужды не хуже, чем старосты: они, конечно, рассудят, сколько какой храм может дать на школу, не обременяя себя. Хорошее дело украшать храмы золочеными иконостасами, но еще лучшее дело украшать душу детскую Христовым учением. Хорошее дело повесить большой колокол, но еще лучше и Богу приятнее научить деток хвалить Бога в храме святом своими нежными детскими голосками. Не худо строить высокую колокольню, но несравненно лучше возвышать детские сердца к Богу научением их молитвам и песнопениям церковным. А всему этому учит наша церковная школа, всего этого требуйте от нея вы, церковные старосты, и вы будете вправе этого требовать, если не будете скупиться уделять, конечно, с согласия священника, некоторыя лепты из церковных сумм на церковныя школы.

Братия! Я еще раз повторяю: враг Церкви Божией, враг Самого Христа незаметно подкрадывается к нам. Берегите детей прихода от его козней! Этот враг – тот, кто учит детей, будто в Церковь Божию незачем ходить, будто Царя не следует почитать, будто и Бога нет... Если, помилуй Боже, есть где такие учителя или учительницы, то ни гроша не давайте на них, пишите о них мне: я не потерплю таких учителей и учительниц...

Милость Божия буди с вами.

Два русских князя – защитники идолопоклонства

В одном из моих дневников я отметил, как постепенно подменяются наши понятия, как хочется кому-то подменить все наше православное мирозерцание, перевоспитать народную православную душу на новый лад... Для этой цели не жалеют никаких средств, все пущено в ход, особенно печать и школа. И дело идет быстрым темпом: даже старики, даже люди, когда-то отстаивавшие наши заветные идеалы, как будто под влиянием какой-то духовной эпидемии, постепенно заражаются новыми понятиями и притом хотят выдавать их за заветы Христа... Не хотелось бы думать, что это – подслуживанье кому-то из власть имущих; ведь и самые благонамеренные “власть имущие” не безгрешны, могут ошибаться, а следовательно, уже в силу самой благонамеренности своей и честного отношения к долгу своему, охотно признают свои ошибки. Не нуждаются они в льстецах, готовых защищать их ошибки: напротив, таких льстецов они гонят от себя прочь... Да тут, повторяю, даже и не лесть: тут просто признаки духовной заразы новыми понятиями, в основе коих лежит толстовское непротивление, самый расплывчатый либерализм, коим хочется кому-то подменить Христово учение о любви.

На эти мысли наводят меня многие явления в нашей журналистике. Вот, например, в своем “Гражданине” известный когда-то патриот князь Мещерский, отвечая “Колоколу”, печатает “Открытое письмо храброму борцу за православие, спрятавшемуся под буквами П. К.”. Князь не стыдится открыто стать на защиту постройки в Петербурге идольского капища, причем слова “языческий капища” ставит в знаки вносные и подчеркивает, очевидно, находя такое название несоответствующим в отношении буддийской молельни. Очевидно, также, что для него, как и для другого князя-редактора (Ухтомского), собиравшего, как писали, пожертвования на это капище, буддийская вера не есть языческая. У сих господ, кажется, понятия о язычестве совершенно своеобразны, и спорить с ними бесполезно. Для нас же, православных, языческие идола такая же скверна, как и древний оный Перун. Мы помним сказанное в слове Божиим, что “идоли язык – бесове суть”. А где бесы, там и мерзость, там и великое оскорбление нашего православно верующего сердца. Князья придут в ужас, что я, православный архиерей, говорю это? Не взъищите, ваши сиятельства: в сделку с совестью входить не умею и как учит меня святая Церковь, тако верую и исповедую. Называйте меня, как угодно – верую, что вся православная Русь будет не на вашей, а на моей стороне; ибо она еще не отреклась от учения церковного. И уж, конечно, не вам учить Церковь Божию, и ваша брань не страшна нам, верным ея чадам и служителям.

А крепко бранится князь Мещерский. Он величает всех нас, православных русских людей, начиная с высокопреосвященного Томского Макария, этого глубокочтимого всею Русью святителя-миссионера, меня и г. Трубникова, горячо протестовавших против капища языческого в столице, и кончая союзниками, величает “лицемерами-фанатиками”, “узкомозглыми лжесынами Православной Церкви”, “круглыми невеждами”, “донкихотами”, даже “преступниками”, обвиняет нас “в безумной, гнусной по притворству трусости” за нашу мать-Церковь, в “бешеном фанатизме”, в “жажде избиения людей и потоков крови во славу Церкви”, говорит, что мы “требуем небывалого акта насилия у Государя”... Он дерзает обращаться к П. К., а следовательно, и ко всем нам, держащимся строго церковного воззрения, грозные слова Господа нашего Иисуса Христа,

обращенные Им некогда к книжникам и фарисеям: “горе вам, книжники и фарисеи лицемеры, яко внеуду являетесь человеком праведни, внутрьуду же есте полни лицемерия и беззакония!” И эти слова в своем дневнике он повторяет трижды... Мы не будем отвечать ему бранью на брань, мы только напомним ему, что Христос Спаситель был сердцеводец, а он, князь, еще не имеет сего дара. Христос видел и читал в сердцах книжников и фарисеев их лицемерие и беззаконие, а князю еще не дано этого. Почему он думает и на всю Россию кричит, что мы лицемерим и фарисействуем, когда протестуем против осквернения идольским капищем нашего царствующаго града, носящаго имя апостола Петра и стоящаго на местах, некогда освященных стопами благовернаго князя, святаго Александра Невского, коего и мощи здесь почивают? Кто дал ему право говорить о нас, будто мы “полны беззакония и лицемерия”? Вы были, князь, в нашем болящем, измученном сердце? Вы видели там наши беззакония? Стыдитесь, ваше сиятельство! Правда, и мы, как и вы, не без греха, но не вам обличать нас в грехах наших. Мы плачем от душевной боли за все то, что творится на несчастной Руси, а вы изволите говорить, будто мы лицемерим, будто мы находимся “в припадке бешенаго фанатизма”... Вы даже клевете на нас, будто мы “требуем насилия и даже пролития крови над группою буддистов и над строящеюся их молельнею” – да ведь это уж совершенная клевета, клевета непростительная в устах – не иудея какого-нибудь, а благороднаго “потомка великаго Карамзина”, как вы часто любите себя величать! Вы даже не хотите нас признать христианами, вы так и говорите: “вы даже не христиане”, и ссылаетесь на слова Христа Спасителя, не имеющие ни малейшаго отношения к религии: “воздадите кесарево кесареви”... Будда – не кесарь, и мы – не покоренные кесарем иудеи.

Что касается невежества, то позвольте, князь, вернуть это обвинение с большим правом по вашему адресу. Вы изволите уверять нас, что “буддисты не язычники, а чтущие столетиями единаго Бога”, а того и не подозреваете, что сии буддисты никакого единаго личнаго Бога и не признают. Вы уверяете нас, будто они “от своего Будды воспринимают для жизни заветы веры, нравственности и любви к ближнему, совершенно одинаковые с теми, какие проповедует Христова Церковь”. Ах, князь, позвольте вам доложить, что просто стыдно за вас: вы-то и есть “круглый невежда”, не умеющий отличить божественнаго откровения Христова от бредней индийскаго царевича, вы-то и не подозреваете, что чрез это становитесь рядом с неким лжецом Нотовичем, измыслившим целую книгу с целию доказать, что Христос Спаситель все позаимствовал у буддистов в Своей молодости, но ведь это уж – простите – даже и не невежество, а хула на Духа Святаго... Ведь если учение Будды “совершенно одинаково” с учением Христа, то зачем и приходил на землю Христос? Зачем и умер, и воскрес? Ведь вот до чего можно договориться, князь, – до полнаго отречения от Христа... Советуем вам почитать о том, что такое буддизм в сочинениях покойнаго Никанора, архиепископа Одесскаго, архиепископа Нила Ярославскаго, архиепископа Вениамина Иркутскаго, протопресвитера Аквилонова и профессора Ал. Ив. Введенскаго в его докторской диссертации. Если же эти сочинения покажутся вам слишком тенденциозными, как писанные служителями Церкви, то загляните хоть в книгу И. А. Подгурскаго о буддизме и проф. Рис Девиса... Очевидно, ничего вы из сей литературы не изволили читать, а судите о буддизме с видом знатока предмета и учите нас, что учение Будды “одинаково” да еще “совершенно одинаково” с учением Христа... Ах, князь! Как жаль вас, как стыдно за ваше поистине “круглое” невежество в сем деле!..

Вы становитесь настоящим адвокатом буддистов: вы называете их “безвредными и кроткими”, вы ссылаетесь на их якобы “уважение” к православной Церкви, как на отличительную будто бы черту буддизма, вы уверяете, что никакой опасности от пропаганды буддизма не может быть. Но и мы не говорим о такой опасности: мы говорим лишь о соблазне. Нет сомнения, что найдутся в среде нашей интеллигенции и такие, которые пойдут в идольское капище, правда, из праздного любопытства, но если бонзы какие там будут жрецы, предложат им, особенно дамам, кинуть на горящие уголья горстку благоуханных трав, то не задумаются исполнить такой обряд: “что ж-де тут преступного? Надо уважать и чужую религию, хотя бы она была и заблуждением”... А того не вспомнят сии новые идолопоклонники, что во времена оны древняя именно вот этого приличия и требовали от христиан но крепкие духом святые мученики отдавали свои руки на сожжение, а желания язычников не исполняли. Таков был св. Варлаам, которого прославил в своем слове св. Василий Великий за то, что тот не сбросил со своей руки фиимиам, когда язычники держали его руку над горящими углями, пока все персты руки не отпали... А мы знаем примеры из нашего времени, что такое “уважение” чужой вере оказывалось нашими православными... Бог им судия!

Но, повторяю: дело не в опасности “пропаганды”. Дело в глубоком оскорблении религиозного чувства православно верующих. Видеть идолов в родной столице, идолов, коих отцы наши низвергали и влачили по земле, видеть идольское капище, за разорение каковых Церковь прославляет многих святителей, видеть всю эту мерзость на стогнах царственного града, – вот что обидно для нас. Мы не препятствуем идолопоклонникам кланяться своим идолам в их жилищах, но публичное оказательство такой, по нашим убеждениям, нечестивой веры, такого служения, идолам или бесам – для нас это одно и то же, – видеть капище, возвышающееся выше наших храмов православных, – вот что невыносимо для нас! И ужели протест, простой протест против сей, повторяю, мерзости языческой, ужели заслуживает того, чтоб нас обозвали “фарисеями, полными беззакония и лицемерия”?.. Пожалейте, князь, русских православных людей! Ужели вам какие-то идолопоклонники дороже нас, миллионов православных?

Вы обвиняете нас, князь, в “ненависти к безвредным и кротким буддистам” и в том, что мы “не предпринимаем подвигов отстаивания православия в народе проповедью”.

Вы говорите: “Ужели между вами, уверяющими, что вы стоите за православие, и истерически плачущими над буддийскою молельнею, не найдется даже одного, чтобы проповедывать любовь к православной Церкви в той народной среде, откуда уходят тысячи в штунду и баптизм? На это вы нейдете: это – подвиг, это – самопожертвование, это нарушает комфорт шталмейстеров Трубниковых и К^о, а идете на то, что легко и ничего не требует, кроме бешеной слюны – на донкихотизм...” Благодарим, князь, за наставление, хотя “бешеной слюне” место бы в жидовской газете, а не в дневниках вашего сиятельства. Но в том-то и горе, что живете вы где-то на луне и не видите, не знаете, как мы глубоко болеем душою не только по поводу осквернения царственного града капищем, но и о всем том, что творится в недрах самой Церкви, благодаря тому, что в последние годы как будто кто-то отдал ее, мать нашу, на поругание и расхищение... Церковь Божия – вечное учреждение: она пребудет до скончания века, но измена ей гибельная для изменников, и ужели наши люди, мнящиеся быть государственниками, перестали быть христианами, ужели их христианская совесть молчит, когда они требуют не полагать преград всякого рода соблазнам в виде лжеучений, имже числа несть, вторгающимся в недра Церкви? Ужели они не ответят Богу, когда видят, что мы, пастыри Церкви,

изнемогаем в борьбе с сими соблазнами, что недостаточно “проповеди”, чтоб оградить от них народные массы, ибо соблазнитель пускают в дело и ложь, и обман, а нередко и насилие? Ужели не боятся они суда Божия и страшной ответственности пред историей? Ужели и вы, князь, не боитесь всего этого, приравнивая учение Христово к учению Будды и соблазняя своих читателей? Надо пожалеть терзаемую Россию...

Не пророки мы, но мы крепко уверены, что с той минуты, как народ Русский отречется от Православной Веры – он исторически перестанет существовать. Вот почему и тщатся все враги наши отравлять наш народ всякими лжеучениями, вот почему стремятся оскорблять наше религиозное чувство всякими поблажками врагам нашей святой веры... Ужели и вы туда же?..

Говорят, что таможенное ведомство, в котором идут хлопоты о снятии пошлин с идолов, запросило министерство финансов: смотреть ли на идолов, как на товар, или же признать их священными предметами (предметами религиозного почитания)? И отсюда пришел якобы ответ: министерство финансов считает идолов простым товаром... А, впрочем-де, спросите мин. внутрен. дел... Любопытно, как ответит на сей вопрос последнее министерство. Ужели оно уступит, согласится принципиально признать сих идолов “святынею”, с которой брать пошлину есть кощунство?..

Впрочем, мы живем в такое время, когда ничему не приходится удивляться. Ведь можно подумать, что государство, в лице авторов вероисповедных законопроектов и их единомышленников, давно решило, что для него все веры равны, ибо все они – одно заблуждение, пережиток давно минувших дней, и нужны лишь для обуздания некультурных масс... Ведь кто близко вчитывался в разные вероисповедные законопроекты, тот не может не заметить этого духа, веющего во всех их... Еще слава Богу, что и в среде тех, кому Государь вверил рассмотрение сих законопроектов, есть люди верующие, есть люди, понимающие всю гибельность их для родной земли. Вот почему мы не теряем надежды, что сии русские люди не допустят в законах о вероисповеданиях таких оскорблений православного религиозного чувства, каким является постройка языческого капища в столице, в недалеком расстоянии от православного храма. Если закон воспрещает строить театры близ храмов, тем паче он должен воспретить постройку капищ в столице православного русского царства.

Этот дневник был напечатан в “Колоколе” 22 октября. А 24 октября два князя-редактора ответили мне, каждый в своей газете. Ответы очень характерные не только для их авторов, но и для того общества, коего они являются представителями: настоящие римляне времен кесаря Августа или Тиверия! Не достает разве только римского патриотизма, а пантеон уже имеется...

Князь Мещерский в своем “Гражданине” уделил мне ровно 12 строк, из коих в 6-ти поучает меня “пещись об удовлетворении жгучих нужд Вологодской епархии и о врачевании многих ея ран и недугов, а не писать в уличных газетах (поздравляю почтенную редакцию “Колокола” с новым чином, пожалованным ей князем Мещерским!) и не давать места в сердце, чтоб ненавидеть и ругаться”, в остальных 6-ми строках уверяет читателей своего “Гражданина”, – благо они не читают “уличной газетки” “Колокол”, – будто мое обращение к нему “преисполнено злостью, ненавистью и ругательствами, вряд ли устам епископа приличествующими”. Таков мне княжеский ответ. На первое скажу, как ни трудно мне управлять моей обширной епархией, но моя же архиерейская совесть настойчиво требует ограждать моих пасомых, читающих издание князя – защитника капищ идольских, от соблазна, а потому я должен находить и на это время. На вторую

выходку следовало бы почтительнейше просить его сиятельство перепечатать мою “отповедь” в “Гражданине”, чтобы его читатели могли воочию видеть: есть ли там “злость, ненависть и ругательства, устам епископа неприличествующия”? Но ведь это бесполезно: для князя выгоднее скрыть от своих читателей то, что я писал в обличение ему, пусть-де они останутся в уверенности, что епископ Никон носит “в своем сердце злость, ненависть и ругательства”, что он “не уважает свой сан и его, князя, старость”... Мне остается просить моих читателей еще раз перечитать мою ему “отповедь” и помочь мне найти в ней “злость, ненависть и ругательства”. Я думал, что имею дело с мужем мудрым, а оказывается – нарушил правило премудраго Соломона (Притч. 9, 8).

Другой князь, редактор “С.-Петербургских Ведомостей”, уделяет мне 120 строк, на которых позволю себе ответить также открытым письмом.

Ваше Сиятельство, милостивый государь!

Вам угодно было причислить меня к последователям Торквемады за то, что я горячо протестую от лица миллионов православных русских людей против постройки в царственном граде св. Петра идольского капища. Но ведь Торквемада проповедывал костры для инакомыслящих, а я еще не присуждал вас на костер: за что же такой строгий суд надо мною? Читая ваше открытое письмо, я сначала порадовался и хотел уже печатно просить у вас извинения в том, что с голоса многих газет обвинял вас в сборе пожертвований на капище: оказывается, вы считаете роль такого сборщика “дикую и невероятной”. Но то, в чем вы изволите сознаваться, что вы приглашены и, конечно, не отреклись быть членом комиссии по постройке идольского капища, с нашей православной точки зрения, еще более дико, невероятно – грешно. Ведь это с вашей стороны вклад в дело идолослужения, жертва уж и не деньгами, а своим трудом, своими, Богом вам данными способностями и силами... Простите, как архиерей, вопрошаю вас: какой же вы “верный сын нашей матери-Церкви”? Мне больно писать эти строки, ибо не вы один находите возможным в наше время совмещать служение Христу с служением идолопоклонству!.. Нет, князь, лучше бы, если бы ваши руки не касались этого нечистого дела!

Прошу извинения, что я не назвал по имени того царевича, о коем упомянул в своей статье, полагая, что вам хорошо известно это имя, как изучавшему буддизм. Я разумел Будду, а не угодника Божия царевича Иоасафа, который жил спустя тысячу лет после Будды. Вероятно, вам пришла на память известная легенда из “отреченной”, непринятой Церковью литературы, в коей, действительно, представлена попытка переделать буддийския бредни на христианский лад. Но ведь преподобный Иоасаф ни малейшаго отношения к той легенде не имеет. Знаю, что у немцев существует стремление все жития святых Божиих обращать в легенды и сблизать с языческими мифами, чтобы подорвать наше к ним уважение, но ведь мы – православные христиане и понимаем, но каким побуждением это делается. Судите сами: ведь если Будда и царевич Иоасаф, угодник Божий, одно и то же лицо, то выходит, что наша Церковь празднует память Будды 19 ноября... Да не будет такой хулы на Церковь, Христову невесту непорочную!

Вот, князь, что хотелось мне сказать по поводу вашего открытаго ко мне письма. Уж слишком наболела на душе эта переоценка ценностей, эта постепенная подмена нашего искони православнаго миросозерцания разными суррогатами религиозных и нравственных понятий в духе религиознаго безразличия! И грешно нам, архиереям, молчать в такое время, относиться ко всему этому безразлично, равнодушно. Может быть, по немощи нашей, иногда сорвется с пера и горькое, слишком горькое слово, но простите:

в нашей совести грозно звучит слово Свидетеля верного и истинного, имеющего очи, как пламень огненный, и в устах Своих обоюдоострый меч: “о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то низвергну тебя из уст Моих!” (Откр. 3, 15–16)...

Желаю вам милости Божией, ваш искренний доброхот,

Никон, епископ Вологодский и Тотемский.

25 октября 1910 г.

Примите, князь, мою благодарность за вашу деликатность: вы прислали мне № своей газеты, где напечатали мне ответ, чего, к сожалению, князь Мещерский не счел нужным сделать...

Горе от пьянства и – о тщеславии

Недавно я писал в своем дневнике о великих скорбях пастырского служения в наше грешное время, говорил о том, что ныне добрый пастырь есть истинный крестоносец, не потому только, что носит крест на персях своих, но главным образом потому, что, подобясь великому Крестоносцу всемирному Господу Иисусу, состраждет Ему скорбями своего служения, сораспинается с Ним на своем кресте, терпя поношение от врагов Его Церкви святой. Не падайте духом, добрые пастыри! Мужайтесь! С вами Христос! Он не покинет верных Ему соработников Своих. Он и силы подаст, и дух укрепит, и сердце в скорбях ваших утешит тою несказанною радостью, которой не ведает мир, которою радуются небожители, которой никто-никто не отнимет у вас!

Но что сказать тем пастырям, которые забывают свой долг, которые блазнят верующих своих же пасомых, которые предаются тем же порокам, коими заражены их пасомые? А немало и таких пастырей, и какую же великую скорбь причиняют они своим архипастырям! Думаю ли они об этом? Знают ли?..

Освятил я недавно храм в такой местности, где пьяное буйство доходит до тех ужасных проявлений – даже больше, – чем какие описаны в книге Родионова “Наше Преступление”. У г. Родионова пьяные парни мстят своему односельчанину за то, что он богаче их живет, что не разделяет с ними компаний, за то, что он лучше их... А здесь убивают людей ни за что, ни про что, так себе, из молодечества, из-за какого-то безумного рыцарства, из желания показать, что “любуйтесь-де на меня: вот я каков – ничего не боюсь, на все-де готов!.. Отца родного не пожалею, коли встретится!” И не жалеют: побьется пьяный паренё “о заклад” с буйными товарищами, что первого встречного убьет, и выходит с финским ножом, и если встретит отца родного, то и его не щадит: “смотрите-де, я не трус!”... Бывали случаи.

Понятно, что в таких местностях и пастырям нужно быть постоянно на страже: редкий праздник проходит без убийств. Исправник говорил мне, что за полгода в этом краю, в трех-четырех волостях, было до 56 убийств! В том селе, где я служил на сей раз, лет 30 назад убит был даже священник за то, что боролся с пьянством. И надо сказать правду: духовенство в этих местах старается быть на высоте своего положения. Но, к сожалению, не все священники таковы. И вот эти-то исключения и служат великим соблазном для народа.

Накануне освящения храма я хотел посетить местную больницу. Но мне сказали, что там больных нет, а только раненые. – Какие же раненые? – спросил я. Отвечают: недавно был праздник, была обычная здесь поножовщина, и в больницу привезли несколько молодцов израненных. Больно мне стало, и я решил за всю ночь сказать слово сильного обличения этому дикому обычаю. Говорил я горячо, обращался к совести христианской, грозил судом Божиим, стыдил, указывал на вред пьянства, на безчеловечие буйного обычая, просил, умолял бороться с этим злом всеми мерами, советовал образовать общество трезвости и виновным грозил строгими епитимиями. Женщины плакали, мужчины стояли, повесив головы, а иные вздыхали. Видно было, что народ сознает свою вину. Я указывал им на благодать Божию, которая всегда готова на помощь грешникам, когда они каются, указывал средства укрепить свою слабую волю в борьбе с пьянством и буйством. Когда я кончил, слышались слова благодарности: “Спасибо тебе, владыко,

спасибо, родной!” В праздник, имея в виду, что не все были за всенощной, не все меня слышали, я в своем слове снова повторил главные мысли вчерашней беседы, а потом просил почтенного волостного старшину посодействовать духовенству в борьбе со злом. Надо было действовать быстро, чтобы не прошло доброе впечатление моих увещаний. Народ, слава Богу, еще чтит своих архипастырей, и наше слово, хотя оно и не всегда жжет сердце, ложится на душу простого человека добрым семенем. И я имел утешение потом получить от одного из священников извещение, что как в дни освящения храма, так и следующий за ними храмовой праздник не было прежних буйств, не было ни одного убийства, а скоро затем узнал, что и возникло и общество трезвости. Оставалось радоваться и благодарить Бога. Но, видно, и сатана не дремлет в таких случаях. И он причинил мне тяжкую скорбь, какой я не ожидал. Прошел месяц после моего посещения, и я получаю от общества трезвости донос, что один из священников, дав обет воздержания, успел уже трижды нарушить его в приходе и притом публично... Даже у постели больного, при напутствовании его, не воздержался... Глубоко огорчило меня это известие: соблазнителя и нарушителя своего обета я тотчас же запретил в священнослужении и назначил следствие, дабы дать пример строгого отношения к таким слабым иереям. А трезвенникам послал нижеследующее архипастырское наставление:

“Членам Исидоровского общества трезвости – Божие благословение!

Порадовало меня доброе послушание ваше, когда я узнал, что по моему совету, нимало не отлагая, вы открыли у себя в приходе общество трезвости, дав обет воздержания, но глубоко огорчен я был, когда из вашего сообщения узнал, что один из вас уже трижды нарушил этот обет, и кто же? Пастырь, священник Бога Вышняго! Я запретил ему, яко соблазнителью, священнослужение, и он будет держать ответ за свое невоздержание яко священник пред судом архиерейским, но к вам я долгом почитаю обратиться с словом пастырского наставления. Верю, что любовь ваша приклонит сердце ваше к слову моему.

Пишите вы, что теперь, после нарушения обета воздержания самим священником, каждый мужичок подсмеивается над вами и называет общество ваше пустой затеей. Ведайте, братия, что ваше доброе начинание ненавистно для врага рода человеческого – дьявола: вот он, устами неразумных людей, и издевается над вами. Очевидно, он злорадствует над пастырем, нарушившим свой обет. Вы пишете: Бог поругаем не бывает. Сей пастырь, говорите вы, не человекам солгал, но Богу. Правда. Но бойтесь строго судить его. Силен Господь падшаго восстановить, слабого укрепить так, что он может стать во главе многих борцов против пьянства и не раз победит врага, вырывая у него из пасти несчастных пьяниц. Не порицаю вас за то, что вы сообщили мне о соблазне, какой произошел от слабого священника. Но предостерегаю вас от греха осуждения ближняго. Не судите, глаголет Господь, да не судимы будете... Вы должны по-братски, по-родному вразумлять падающих, должны молиться за них такою молитвою: “Господи! Помогни несчастному (такому-то) победить искушителя врага; Господи! Покрой всех нас от сего искушения. Ведаем, Господи, что дьявол, яко лев рыкая, ходит, ища кого поглотить. Сегодня он искусил брата нашего, а завтра, может быть, станет нас искушать. Прогони его и от искушеннаго, и от нас в час искушения!” Молитесь и о тех неразумных, которые смеются над вами. Не осуждайте их: и их искушает все тот же сатана. Знайте, братие мои, что в деле борьбы с искушениями потребнее всего смирение. Не та трезвость Богу приятна, которая хвалится, как фарисей: вот я не такой, как тот пьяница, а та Богу приятна, которая и в пьянице видит, правда, помраченный грехом, а все же образ Божий, которая жалеет пьяниц и молится за них и всячески тщится вывести их на путь трезвости.

Только раскольники да сектанты хвалятся своею трезвостью, за то враг им и помогает в самой трезвости. Для него ведь гордость приятнее пьянства. Пьяница может ведь увидеть свои немощи, покаяться, к Богу обратиться, а гордаго только Бог может вразумить. Вот почему и предостерегаю вас: не хвалитесь, не гордитесь своею трезвостью. Только смиренным дается от Бога благодать. Вместо того, каждый из вас старайся словом любви увещавать пьющих – не пить и присоединиться к вашему обществу трезвости. Господь увидит ваше тщание, вашу любовь и поможет вам в этом. Помните только, что всякое доброе дело трудом, терпением да молитвою совершается. И силен Бог обратить сердце к вам даже тех, которые ныне смеются над вами.

Да поможет вам Господь Бог Своею благодатию не ослабевать в начатом добром деле, да укрепит вас в борьбе с величайшим злом, которое губит Русскую землю, которое ведет вас к нищете, которое губит здоровье ваше и прежде времени сводит многих в могилу. Ведайте: не столько умирает на Руси людей от холеры и других повальных болезней, сколько от водки.

Милость Божия буди с вами!

Ваш смиренный архипастырь

Никон, епископ Вологодский и Тотемский

1910. Окт. 5 дня.

Епархиальный град Вологда.

Это наставление будет роздано всем членам общества трезвости, подписавшим упомянутое сообщение.

Нам, пастырям Церкви, особенно благопотребно ныне предостерегать пасомых от сектантского отношения к добродетели – от того фарисейского духа, коим пропитана вся так называемая “христианская” деятельность сектантов. К сожалению, не говорю уже о простом народе – даже многие из интеллигенции не знают, что есть добродетель ложная, которая растет на почве, удобренной тщеславием. Такой добродетели охотно помогает сам сатана. Святые отцы говорят: довольно орлу запутаться одним ноготком в сетях ловца, как он уже во власти ловца. Та к и диаволу достаточно заразить человека тщеславием, чтобы погубить его. Тогда ведь всякое добро, какое будет он делать, будет только питать его тщеславие: из тщеславия он будет молиться, поститься, трезвиться, подавать милостыню, носить вериги, творить поклоны, даже терпеть всякия скорби. Тщеславие у него выражается в презрении к ближнему. Покойный старец мой, о. архимандрит Леонид, рассказывал, что, путешествуя по Афону, он в одном монастыре нашел монаха, который удивительно терпеливо переносил всякия оскорбления от братии. Отозвав его в сторону, о. Леонид просил его: “Скажи, ради Бога, как ты переносишь все это? Чем укрепляешь себя в своем помысле?” – То т отвечал: “Да стоит ли обращать внимание на их оскорбления? Ведь это не люди, а собаки...” Точно такой же случай рассказывается в “Лествице”. С чувством какого-то страха отошел я, говорил старец, от этого монаха: да избавит Господь всех нас от такого поистине “бесовского терпения”. В другой греческой обители он встретил такого же терпеливца болгарина и тоже спросил его сказать, ради пользы души: как он терпит? И получил в ответ: “Як мул”! – Что это значит? – “То, брате, что я не стою называться по грехам моим человеком: вот я и терплю все, как мул: что на меня положат, то и несусь”. “Воистину, ты обрел спасение,” – сказал ему старец.

Вот два противоположные настроения при одной и той же добродетели: в одном она приносится в жертву тщеславию, в другом и зиждется на смирении, и приносит плод

смирения. Эту тайну духовной жизни следует как можно чаще раскрывать православным христианам всех званий и состояний. Кто ее знает, тот не соблазнится ни трезвостью, ни честностью сектантов, тот только пожалеет сих заблудших, мнящих свое спасение устроить вне спасительного ковчега Церкви Христовой. Он поймет и то, почему так легко, без всякой борьбы, дается и трезвость, и другие мнимые добродетели отщепенцам Церкви. Всякого рода скорби, гонения или же борьба внутреннего нашего человека, словом, все то, что называется крестом, есть признак истинного пути ко спасению. Аще кто хочет идти по Мне, глаголет Господь, да отвержется себе и возмет крест свой, и да последует Мне. Правда, для великих святых Божиих, после очищения их сердца подвигами и благодатию Господней, их крест обращается не только в лестницу, но и в крылья, несущия их на небо; но ведь то – святые Божий, а мы – грешники: довлеет нам с благодарением Господу, нас ради распятому, нести свои кресты и с любовью лобызать руку Христову, не только возлагающую на нас эти кресты, но и помогающую нам нести их...

№ 44

О рассуждении

Святые отцы-подвижники выше всего в духовной жизни ставят “рассуждение”. Что такое рассуждение? Это – особый дар Божий, дающий исполнителю заповедей Божиих способность познавать: как лучше и душеспасительнее делом совершить ту или другую добродетель, совершить дело доброе возможно согласнее с волею Божией. Сей дар дается Богом после великих подвигов в духовной жизни, а пока человек не удостоится получить его, он должен отсекал свою волю, даже свое мышление во имя послушания воле Божией, пред старцем или пред тем, к кому он находится в отношениях духовного подчинения, причем оба они руководятся опытом святых людей, имевших несомненно дар рассуждения. Вот почему св. отцы и говорят, что послушание есть мать смирения и рассуждения.

Знают ли миряне-христиане эту мудрость духовную? Не впервые ли многие из них сейчас читают о ней? А между тем для православных это должно бы быть азбучкой их духовной жизнедеятельности. Без рассуждения, говорю, ни одна добродетель не имеет настоящей цены в очах Божиих. Будет ли то молитва, или пост, или милостыня – без рассуждения все это может обратиться даже во вред делателю сих добродетелей, ибо подо все это, без рассуждения, может быть незаметно подложено, как почва, как тайное побуждение, например, тщеславие или иная какая-либо другая страсть, и тогда вся ценность добродетели будет похищена врагом нашего спасения. Ведь сказано в Писании и о молитве: молитва его обратится в грех, а о посте и бдении сказал некогда бес одному подвижнику: “ Ты постишься, а я никогда не ем, ты бодрствуешь, а я никогда не сплю”. Без рассуждения самая любовь, сей верх нравственного совершенства, может обратиться или в буддийское непротивление злу, или же в туманный, расплывчатый, беспочвенный, холодный гуманизм... Самое смирение, сей воздух, коим дышат добродетели, может вырождаться в смиреннолукавство. Та к высоко ценится дар рассуждения, как основа христианской деятельности. Вот почему добродетель послушания, как одно из главных средств к приобретению рассуждения, так высоко ценится в духовной жизни святыми отцами и учителями Церкви.

Будучи по своей природе даром благодати Божией, стяжаемым, однако же личным подвигом человека, рассуждение делает человека, обладающего им, причастником общецерковной жизни. Церковь есть единый живой организм, имеющий свою главою Самого Господа нашего Иисуса Христа и объединяющий в себе всех во Христе спасаемых, от первозданного Адама до последнего его потомка, имеющего воспринять святое крещение пред пришествием Господа на Суд Всемирный – словом, все спасаемое во Христе человечество. Глава Церкви – Христос благодатию Духа Святого руководит духовною жизнью верующих в Него, а верующие, личным подвигом накапливая духовные опыты благодатной жизни, делятся ими с своими собратиями во Христе и, таким образом, не только единым сердцем и едиными усты, но и единомыслием дел в жизни во Христе исповедуют Его яко Главу свою и прославляют всемогущую спасающую силу Его. Да иначе и быть не может в Церкви Христовой. Ведь все, что мы делаем доброго, исполняя святую волю нашего Господа, делаем не мы: Он в нас и чрез нас исполняет Свои же заповеди. Ведь это – Его слово: *без Мене не можете творити ничесоже*. Таким образом, жизнедеятельность Церкви, каждого отдельная ее члена и всех вместе, в сущность, есть

жизнедеятельность Главы Церкви – Самого Господа Иисуса Христа. Из сего видно, как для каждого члена Церкви должно быть обязательно сообразовать всю свою личную жизнедеятельность с волею Главы Церкви – Христа и с жизнедеятельностью всей Церкви – Его тела. Только то добро спасительно, которое вполне согласовано с сего Божественною волею, о котором и совесть наша свидетельствует, что оно не нами, не нашими личными силами, а благодатию Христовою соделано. Такое добро делает нас самих живыми членами единого тела Христова – Его св. Церкви, нашей матери, органами Христа в Его жизнедеятельности на земле. И в этом – наше счастье, в этом залог и начаток нашего вечного блаженства еще здесь на земле. И кто живо сознает это, кто живо в самом себе ощущает эту жизнедеятельность Христа, кто чувствует свое полное безсилие на доброделание без Его благодатной помощи, тот всегда с глубоким смирением будет благоговейно исповедывать силу Христову и все будет приписывать Ему единому, яко действующему вся во всех членах тела Его – Церкви. *Живу не ктому аз*, восклицал некогда в благодатном восторге великий Апостол Христов, *но живет во мне Христос. Вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе!* Отсюда – глубокое, для мира сего непостижимое смирение святых Божиих и всех вообще подвижников благочестия. В чувстве сердца все они ничего не видят в себе истинно доброго, что принадлежало бы лично им: наше – это грехи, а если что и делаем доброго, то – уже не наше, а Божие. Ведь сказано: *аще вся повеленная вам сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы: еже должна бехом сотворити – сотворихом.* Для таковых становится уже безопасен и дар чудотворений с даром пророчества или прозорливости: чувствуя и сознавая себя орудиями, органами жизнедеятельности Самого Христа, они не смеют и помыслить что-либо о себе высокое, напротив, с благоговейным смирением все относят ко Христу и прославляют Его всемогущую благодать.

Мы, православные русские люди, имели великое счастье видеть своими очами высокое воплощение такого идеала смирения и вследствие смирения – чудо действующей благодати Божией в лице досточтимого и присноблаженного старца Божия о. Иоанна Кронштадтского. Всем, кто имел счастье знать его, памятно, как он – так сказать, пугался всякой похвалы людской, с каким негодованием или лучше сказать – святою ревностью о славе Божией отвергал он всякую благодарность людскую, когда по его святым молитвам Господь совершал исцеление недугующих или проявлял иную какую-либо милость Свою... “Бога благодарите, а не меня грешного: я – ничто, по вере вашей Бог услышал нашу молитву!..” Вот что неизменно говорил он, когда его слезно благодарили за его молитвы. Читайте его дневники и вы поразитесь его глубоким смиренномудрием, его всецелою преданностью Христу. Вот почему он и дневники сии дерзнул назвать своею “*Жизнию во Христе*”. Это была воистину жизнь во Христе, потому что была жизнью в Церкви Христовой, потому что сам он признавал себя живым членом этой Церкви, учил всех и исповедовал, что только чрез Церковь возможно соединиться со Христом, что кто вне Церкви, тот чужд и Христа. Живя в Церкви, а чрез Церковь и во Христе, он обладал и высшим даром “*рассуждения духовом*”, как этот дар называет св. Апостол Павел. Но он же и свидетельствует, что все дары Божии стяжаются усердным исполнением заповедей Божиих во смирении и послушании Церкви, в духе учения слова Божия и отеческих писаний, а также, само собою разумеется, и смиренным восприятием благодати Божией в таинствах Церкви. В сих таинствах Господь простирает Свою спасающую десницу к людям, а в исполнении заповедей Божиих люди простирают свою руку навстречу деснице Божией, укрепляющей их руку. Та к наша жизнедеятельность объединяется с

жизнедеятельностью Божией в нас и чрез нас, и таким образом совершается наше спасение во Христе.

Из всего сказанного видно, как для всех нас, верных чад Церкви, важно быть в единении духа с Церковью веков минувших, на небесах уже торжествующей, в единении не только учения веры, но и самых принципов нашей христианской жизни. А искание этого единения есть то, что мы называем “рассуждением”. Со стороны Главы Церкви это есть – Его дар, а со стороны нашей – всецелое стремление во всем и всегда согласовать волю свою с волею Его, внимая учению Церкви и ее благодатных, духовным опытом богатых пастырей и учителей духовной жизни. Господь не оставляет Свою Церковь и в наше скудное верою и духовною жизнью время без живых руководителей в духовной жизни. Где они? Кто они? *Ищите и обрящите*, глаголет Господь: *толцыте и отверзется вам*. Молитесь, просите и дастся вам. Та к молился св. царь и пророк Давид: *научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой* (Пс. 142, 10). *Настави мя на истину Твою, скажи ми, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе* от всякого житейского попечения и пристрастия *взях душу мою* (Пс. 24, 5). Должно только помнить, что, по слову св. Иоанна Лествичника, тому, кто хочет познать волю Божию, прежде всего следует умертвить в себе всякое собственное желание, отречься от всякого своего смышления и только тогда вопрошать старцев или пастырей Церкви о том, в чем имеет он нужду. При этом он обязан принимать от них советы, яко от уст Самого Бога, хотя бы то и казалось противоречащим его желаниям и намерениям и хотя бы тот, кого он вопрошает, сам и не был строгим подвижником. “Несть бо неправеден Бог, говорит великий учитель духовной жизни св. Иоанн Лествичник, и не попустит, чтобы души, совету и суду ближняго с верою и незлобием (в простоте сердца) покоршиися, были обмануты, и хотя вопрошаемые были и неразумны (недостаточно опыты), однако есть в них Дух Божий безтелесный и невидимый”. На сем основывается так называемое старчество. Не для иноков только, но и для всех, внимающих делу своего спасения, оно необходимо. Сами старцы всячески отсекают свою волю и пред духовными своими друзьями, и пред лицом Божиим, молясь слезно, да скажет им Господь волю Свою, да подаст им слово благопотребное ко спасению вопрошающих. И как бы ни было иногда горько это слово, они говорят его не боязненно, невзирая на лица, единственно внимая голосу своей совести. И верующие миряне с любовью внимают слову их и иногда издали идут к ним или же ведут с ними постоянную переписку. Известно, сколько томов писем уже издано разными лицами и особенно Оптиной пустынью, писем, заключающих в себе сокровища духовных советов, преподанных старцами по разным случаям духовной жизни. И строго следят старцы Божии, чтобы их ответы, их письма соответствовали учению св. отцов-подвижников, наипаче же слову Божию. Если их совесть колеблется, то они не дают никакого ответа, дабы не погрешить пред Богом и не подать вредного совета. И по мере их отречения от своей воли и смышления, Господь дает им дар рассуждения на пользу ищущих их “окормления”. И нередко вся судьба мудраго и ученаго человека решается словом простеца старца, Богом умудреннаго. И в этом порядке водительства Божия совершается та тайна, о коей некогда изрек Господь в молитве Отцу Своему Небесному: *благодарю Тя, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем* – младенчествуящим в простоте верующаго сердца.

Наше время тем и опасно, что самое нужное для христианина и забывается. Толкуют и спорят о самых превыспренних предметах, а духовной азбучки и не вспомнят. Оттого и происходит та бесплодность даже в добрых начинаниях, какая иногда приводит нас в

недоумение: отчего это? – от недостатка духовного рассуждения, от излишней самонадеянности, от самочиния. Рассказывал мне покойный о. архимандрит Леонид об одном афонском молодом иноке, который возмечтал быть мучеником за Христа. Обратился он за советом к своему старцу. – “Доброе дело, чадо, ответил ему авва: – но нельзя на это самочинно вызываться – это уже дело гордости духовной. Господь учил, *аще гонят вы во граде, бегайте в другой*. Но юный инок не убеждался сим советом аввы: “Сердце мое горит любовью ко Господу, хочу умереть за Нею. Благослови, отче: я пойду к туркам, прокляну их Магомета и исповедаю Христа”. Тогда мудрый старец говорит ему: “Нужно, чадо, прежде себя испытать: вынесешь ли страдания? Лучше сделать опыт”. – “Готов, говорит ученик, на все. – “Вот тебе заповедь: если укусит тебя блоха или клоп – не смей чесаться”. – Ученик принял заповедь, но не прошло двух-трех дней, как прибежал к старцу с жалобой на самого себя: “Не могу, отче, вынести искушения, сними с меня заповедь!” Тогда старец сказал ему: “Видишь, как ты немощен: где же тебе вынести муки за Христа? Видишь, что твое неразумное желание мук сих есть искушение от врага”. И смирился инок, и просил у старца прощения. Такого рода искушение, влекущее на подвиг выше меры, называется поруганием от врага и происходит от гордости. Св. Иоанн Лествичник говорит: “Часто у врагов наших сей бывает умысел, да нам представят к деланию то, что силы наши превосходит, чтобы мы чрез то, презрев и потеряв и возможное, подвергнули себя величайшему у них посмеянию. Видел я, говорит он, некоторых и слабосильных людей, которые, по причине множества грехопадений своих, принимались за подвиги, силу их превышающие, но поелику понести их не могли, то я им сказал, что покаяние у Бога судится по количеству не трудов, а смирения”.

Когда нет духовного рассуждения, то всякое добродетельное подвигается опасности быть бесплодным для нашего спасения. Или человек берется за подвиг выше меры своих духовных сил; или берется за дело, которое не нужно, и не делает того, что нужнее и полезнее; или делает нужное не так, как бы подобало; или вовсе не замечает, как под его доброе дело подкрадывается враг и окладывает его тщеславием, корыстолюбием, самомнением... И сколько таким образом тратится сил и средств людьми добрыми если не напрасно, то с потерей духовного плода в жизнь вечную! А иногда от мнимых добрых дел, даже от таких, как пост и молитва, получается великий вред для души, и все это от недостатка духовного рассуждения, от самонадеянности, от нежелания смиренно проверить себя: разумно ли, по духу ли Христова учения подвизается он? Видал я прельщенных, носивших тяжелые вериги, изнуравших себя постом, полагавших не одну тысячу поклонов в сутки, читавших грешные помыслы в чужой душе и обличавших их и, наконец, – на воздух поднимавшихся во время молитвы... И – увы! Все таковые находились в прелести бесовской, в самом погибельном состоянии, все они были заражены духовною гордостью и находились во власти сатаны, все забывали, что в очах Божиих смиренный грешник, окаявающий свои грехи, неизмеримо выше всякого гордого праведника, любующагося на свои добродетели. Еще не потеряна надежда на спасение того, кто искренно заблуждается, кто самочинничает в духовной жизни по неведению: Господь вразумит его и изведет на путь смирения, имже Сам ведет путями; но горе тому, кто знает этот Христов путь, но не хочет вступить на него. За то, что он в гордыне своей как бы презирает голос матери-Церкви, за то, что он в самомнении своем сам отделяет себя от жизни Церкви, которая дышит смирением, благодать Божия оставляет его и предоставляет его своей гибельной участи, но реченному: *накажет тя отступление твое*... Вне Церкви Христовой – нет благодати, нет и спасения! Мы знаем ведь, что и

магометанские факиры, и индусские йоги совершают такие подвиги, коим нельзя не изумляться: и постятся по нескольку недель, и истязуют свое тело всякими способами, но все это совершается вне благодати, скажу больше: все они, находясь в отчуждении от благодати, живущей только в Церкви Божией, находятся под влиянием врага рода человеческого, который не только помогает им в их лжеподвигах, но и других чрез то влечет к гибели... Но не столько виновны будут на страшном суде Божиим все сии, вне Церкви и в прелести находящиеся, сколько христиане, знающие путь Христов и идущие путем гордыни сатанинской.

Что я сказал сейчас о подвигах духовных, то применимо и к подвигам всякого доброделания. Путь смирения один и тот же: и для монаха, и для мирянина. Будет ли то подвиг молитвы и поста, или же подвиг милостыни, храмоздательства, или же всякого служения ближнему – все будет ценно в очах Божиих только тогда, когда будет совершаться в смирении, в отсечении своего смышления, при проверке своего доброделания церковным о нем учением, дабы действовать так, как подобает члену Церкви – в единении с Церковью и Самим ея Главою – Господом Иисусом Христом. В этой проверке себя, в этом искании единения, как я выше уже сказал, и заключается добродетель “рассуждения”, которая должна руководить всяким начинанием нашим, всяким нашим доброделанием.

Скажи же нам, Господи, путь, в онъже пойдем, и научи нас непогрешительно творить волю Твою!..

№ 45–49

Смерть графа Л. Н. Толстого

Размышляя о судьбах Церкви Божией, сущей в поднебесной, невольно в благоговейном помысле останавливаешься над великим обетованием ея Божественной Главы – Господа Иисуса, что врата адовы не одолеют ея даже до скончания века. И только это Божественное обетование силно о поддержать по временам готовую погаснуть надежду на победу добра над злом, Христа над велиаром, тайного домостроительства спасения нашего над тайной беззакония сатаны. Взглянешь на историю Церкви, видишь, как иногда казалось, что вот-вот еще одно – последнее усилие князя тьмы, и Церковь будет побеждена, но сила Божия в немощи совершается, и Церковь является победительницей и, увенчанная победою, озаряет мир тихими лучами славы небесной. Только, говоря, сии вечные уроки истории да крепкая вера в силу Всесильного, которую, по выражению Митрополита Филарета, силится осилить сила безсильного, ободряют дух и не допускают верующий помысл до отчаяния.

Одну из таких исторически-критических эпох переживаем мы, верные чада Церкви, в наши лукавые дни. Сатана ополчился на Церковь Божию так, как никогда. Были времена открытых гонений, но тогда верующие знали, кто их враг; были времена ересей всяческих, но и тогда Церковь открыто предупреждала чад своих о том, кто ересеначальник, кого следует остерегаться, и, отсекая еретиков от общения с собою, тем самым пресекала соблазн в недрах Церкви самой. Ныне слишком редко слышится голос ея, грозно поражающий отступников и соблазнительей, и сии отступники все еще числятся по паспортам православными, хотя многие из них давно перестали быть даже и христианами. Та к называемое “интеллигентное” общество, все эти поучившиеся где-нибудь и как-нибудь, да немного почитавшие из газет о “последних словах науки”, возомнили о себе, будто они уже все знают и не нуждаются в руководстве Церкви в делах веры. А сатане только это и нужно, чтоб уловить их в свои сети, в сети лжи и всяческих лжеучений. И вот на наших глазах совершается великое отступление от веры, может быть, то, о чем пророчествовал великий Апостол языков Павел в своем 2-м послании к Солунянам. Говорят, мы живем в христианском государстве, но так ли? Правда ли? Ведь кругом нас открытое, хотя и тонкое (пока) язычество... Церковь-мать обходят молчанием – и это в лучшем случае, а не то – требуют от нея поклонения своим идолам. Не учиться у Церкви хотят они, а учить самую Церковь. Формального разрыва с Церковью пока нет, потому, может быть, что это пока им невыгодно: верующих простецов можно ведь отпугнуть от себя таким открытым разрывом с Церковью. Вот и молчат, но это молчание нередко красноречивее всяких речей: в нем чувствуется не просто холодное невнимание к голосу Церкви, а прямо какое-то презорство: (высокомерие. – *Ред.*) “мало ли-де что попы да архиереи пишут и говорят?! Стоит ли нам, людям образованным, слушать этих фанатиков-невежд?”... И в таком отношении к Церкви воспитывается современное молодое поколение. Это пренебрежение, этот дух презорства или, в лучшем случае, какое-то снисхождение к “отсталости” Церкви в культурном отношении царит и в печати, и в обществе. Его чувствуешь невольно и под видом холодной почтительности и изысканной вежливости сановных людей, и в передовицах якобы консервативных газет (о либеральных нечего и упоминать: там открытое издевательство над Церковью!), и в беседах с культурными людьми из общества. И жаль становится всех этих людей: ведь, в

сущности-то, они и понятия надлежащего о Церкви не имеют, и жизнью ее не жили, и веяний благодати от нея не воспринимали! И, в свою очередь, “снисходишь” к ним, яко младенцам в вопросах веры, лишь бы не ввести их в грех осуждения Церкви-матери, от которого они недалеко всегда, ибо Церковь отождествляют с попами и архиереями...

Но бывают исторические минуты, когда и молчать нам, пастырям, грешно. Такова настоящая минута.

Умер Толстой. Мы знаем двух Толстых: один – художник слова, поэт в душе, преемник Пушкина в творчестве языка родного. Но этот Толстой уже лет 25 назад умер для родной ему Руси. Умер и никто будто не заметил, как на его месте явился другой Толстой, совершенно ему противоположный. Он восстал против Личного Бога; Он искажил Евангелие Господа нашего Иисуса Христа; он – страшно сказать – называл воплотившагося Бога “бродягою”, “повешенным Иудеем”... Нельзя повторять, нельзя, совесть, чувство стыда и благоговения пред Честнейшею Херувимов воспрещает делать даже намек на те хулы, какие он высказывал о Матери Божией, о святейшем таинстве Тела и Крови Господней... Сего, казалось бы, слишком довольно, чтобы отвернуться с негодованием, с омерзением от такого богохульника тем русским людям, которые считаются православными. Церковь, наша снисходительнейшая Церковь, не понесла такого богохульства и отлучила Толстого от общения с собою. Что же наша мнящаяся интеллигенция? Да она будто не заметила совершившагося суда Церкви над богохульником; впрочем, некоторая часть заметила, но вместо внимания к голосу Церкви – Церковь же и осудили якобы за нетерпимость. Вообще же именно со дня отлучения от Церкви Толстой и стал излюбленным идолом нашей интеллигенции в той ее части, которая любит себя величать сим именем. Враги Церкви принялись восхвалять богоотступника вовсю: каждое его слово, каждое движение превозносили как гениальное нечто, его возвеличили не только великим писателем Русской земли, но всемирным гением, украли для него из священного языка Церкви дорогое сердцу верующаго, по применению к подвижникам, имя “старец”, да еще приложили к нему словечко “великий”, и пошел гулять по всему миру этот титул богоотступника... Едва ли бы, впрочем, изобретатели сего именованья решились пустить в оборот это словечко, если бы знали, что в подвижнической литературе есть уже подобный термин: “семитысячелетний старец”... Ведь по нашему христианскому убеждению, сей-то последний и руководил “великим старцем” Толстым. Та к откликнулась интеллигенция на голос Церкви. Теперь спрашивают: ужели имеет право эта интеллигенция называться после сего “христианскою”? Уже ли не ясно, что мы живем в среде совсем языческой? И ведь хотя бы была некая доля правды в том, что Толстой есть “великий” философ. Спросите людей безпристрастных, даже не из христиан православных: да они только посмеются над такою оценкой мнимой философии яснополянского богоотступника! Понадергал ключев и из буддизма, и из западных философий, прибавил кое-что от себя и поднес миру все это, если не как новое откровение, то как новое слово... А послушайте вот, какие песни воспевают ему. По словам “Новаго Времени” (из левых газет не буду приводить похвальных словес: известно, кто ими руководит), Толстой – это “величайшая моральная ценность, какою гордилась Россия”, “целый-де мир сознавал, что у него нет *другой равной ему* (вот ведь как!) духовной драгоценности”, это-де “великая душа, которая нас согревала теплотою своею, изъясняла (нас?) художеством, улучшала высокою требовательностию к достоинству человека. Как много есть людей, которым он дал все их умственное и нравственное богатство, для которых он был учителем и руководителем”... О ком говорит

газета? О толстовцах вроде Черткова? Им сочувствует? “Он был огромным метеором, к которому точно прилипли светоносные частицы русской души и русской жизни... Страшно после него, его великой образцовости, которая всех сдерживала, усовещевала”, “После отлучения Толстого от Церкви Ясная Поляна явилась Меккой для ищущих истины”...

Бог ведает, до чего могут договориться люди, желающие подслужиться духу века сего лукавого и прелюбодейного! Не говорим уже о языке: писал, очевидно, тот сотрудник, который не стесняется в изобретении невозможных слов и оборотов, несмотря на отсутствие в них грамматики и логики: одна эта “Мекка” чего стоит в устах, вероятно, не татарина же, а “христианина”?!

А вот другая газета, уже “правая”, – “Свет” читает Святейшему Синоду наставление о любви всепрощающей, уверяет, что “молитвы всепрощающей Церкви православной о душе великого писателя русского необыкновенно дороги для всего Русского народа, для всего мира, чтущаго его память”... Удивительна эта развязность, с какою наши газеты любят говорить от лица Русского народа в таких случаях. Хочется думать, что они Русский народ меряют на свой аршин. А вот более осмотрительная газета “Земщина” отметила совсем другое явление. Она говорит, что “поражает отношение правых крестьян Государственной Думы к вопросу о чествовании Толстого. Обыкновенно молчаливые и уклоняющиеся от определенного выражения своих мнений, они резко и сильно высказались против допустимости чествований в Думе памяти графа”. Видно, за живое задел их граф своими бреднями! “Сколько людей от него пострадало, уклоняясь от военной службы, говорил член Думы крестьянин Данильчук, сколько дурней повиносили из-за его проповеди иконы из изб, и вдруг – его чествовать! Совершенно недопустимая вещь!..” Напрасно же “Свет” вызывает, будто верующая совесть православных русских людей просит молитв за умершего без покаяния еретика-богохульника: это уж, простите, клевета на Русский простой верующий и послушный Церкви народ!

А как вам покажется рассуждение г. Меньшикова о невозможности возвращения Толстого к Церкви (писано еще до его смерти) “в банальном смысле этого слова”? Какой пренебрежительный тон слышится в этом слове: “банальный смысл”? “Если, говорит он, в Церкви святыня – Бог, то Толстой никогда не уходил-де от этой святыни, а всю жизнь и всем сердцем искал путей к Нему. Если другая святыня Церкви есть добродетель, то Толстой никогда не уходил из Церкви, всю жизнь непоколебимо веруя в добродетель”... и т. д. Пусть простит мне г. публицист, если я скажу, что не за свое дело он берется, рассуждая о “святынях Церкви”. Ни о Церкви, ни о ее святынях, видимо, он не имеет надлежащего понятия, и вместо того, что есть на деле, что сложилось от времен Самого Господа Иисуса Христа, от Его св. Апостолов, что, как животворящая истина, вросло в сознание и сердце православно верующих миллионов, от первых веков христианства даже доныне в Церкви спасаемых, вместо всего этого он, г. Меньшиков, хочет навязать сочиненные им или же взятые у Толстого новые понятия... Пусть Толстой в своей гордыне и выдумал какой-то свой язык для беседы с Богом (да и возможна ли беседа с безличным началом, как с личным Существом!), но миллионы православно верующих только пожалеют об этом гордеце и останутся при своих понятиях о Церкви, о Боге, о добродетели и о всем, что утаил Господь от премудрых и разумных, но гордых сердцем Толстых и их последователей, и открыл в простоте верующим младенцам, открыл их духовному опыту, а не холодному уму, а без сего опыта – все рассуждения о таких предметах являются суждениями слепцов о цветах или глухих о музыке... Вот почему и

спорить с ними бесполезно. Гордыня – вот то, чем заражена была несчастная душа Толстого и что сгубило его навеки. Он не хотел признавать никакого авторитета. Он даже не хотел проверять опытом своим то, что ему советовали люди, более его опытные в духовной жизни. Помню, лет 30 назад, когда он еще ходил по монастырям, пришел он со всей семьей своей в Троицкую Лавру. Мне было поручено показать ему достопамятности Лавры и ризницу. Покойный о. наместник Лавры Архимандрит Леонид приглашал его откушать хлеба-соли в своих кельях. Но граф пожелал отобедать вместе с народом, в странноприимной палате. Эта палата тогда помещалась под трапезой, где семья Толстого и обедала. При осмотре ризницы, рассматривая вериги, какие носили древние подвижники, Толстой спросил меня: а ныне есть ли такие подвижники? Я отвечал, что в наше время небезопасно носить вериги: лучше терпеть те скорби, какие Бог кому попустит. Он, однако же, не удовольствовался сим ответом и как будто с иронией настаивал на вопросе: знал ли я хоть одного такого веригоносца? Тогда я указал на покойного уже тогда киновийского подвижника-простеца схимонаха Филиппа (в монашестве Филарета). С большим любопытством граф меня расспрашивал о нем и, когда узнал, что я составил биографию его, просил меня прислать ему, что потом я и исполнил. После осмотра достопримечательностей граф пожелал наедине поговорить с о. Архимандритом. Довольно долго длилась эта беседа. Когда он ушел, покойный старец со вздохом сожаления сказал мне: “Заражен такою гордыней, какую я редко встречал. Боюсь – кончит нехорошо”...

Известно, что и покойный Оптинский старец отец Амвросий вынес тоже впечатление от графа: “очень он горд”, сказал старец после беседы с ним. И чем дальше, чем больше граф пускался в свои мудрования, тем гордыня эта росла в нем больше и больше. Очевидно, он считал себя непогрешимым в решении вопросов веры. Люди опыта духовного знают, как хитро сплетает свои сети враг рода человеческого, чтобы опутать ими людей, только себе доверяющих. Он дает их сердцу тоже “опыт” духовный, смотря потому, куда больше склоняется их сердце: в сторону ли заблуждений в области мысли или же в сторону жизни сердца. То и другое у св. отцев называется прелестью. Пытаться переубедить такого человека спорами, умственными доказательствами – бесполезно. В своей душе они основывают свои убеждения на “опыте”. Без сомнения, и Толстой имел такой “опыт” и даже не раз говорил о нем. Это – не пустые фразы, когда он говорил о внутреннем спокойствии совести, например, о душевном счастье... Он нечто переживал, чего другие не испытывали. Жившие в обителях иноческих “под старцами” знают такие переживания, от коих старцы нарочито предостерегают неопытных. Но нашего писателя никто не мог предостеречь, и он все глубже и глубже уходил сам в себя, в свою прелесть. А до чего может дойти такое самообольщение, показывает пример, приводимый Аввою Дорофеем в его поучениях. “Поистине, говорит преподобный Дорофей, знаю я одного, пришедшего некогда в сие жалкое состояние. Сначала, если кто из братии говорил ему что-либо, он уничижал каждого и возражал: “Что значит такой-то? Нет никого (достойного), кроме Зосимы и подобного ему”. Потом начал и сих осуждать и говорить: “Нет никого (достойного), кроме Макария”. Спустя немного начал говорить: “Что такое Макарий? Нет никого (достойного), кроме Василия и Григория”. Но скоро начал осуждать и сих, говоря: “Что такое Василий и что такое Григорий? Нет никого (достойного) кроме Петра и Павла”. Я говорю ему: “Поистине, брат, ты скоро и их станешь уничижать”. И поверьте мне, чрез несколько времени он начал говорить: “что такое Петр и что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы”. Наконец возгордился он и против Самого Бога и

таким образом лишился ума”. Не правда ли: все это повторилось с Толстым – начав с отрицания авторитета Церкви, он дошел до того, что стал считать Апостола Павла искажителем Христова учения, а потом и сам искажил до неузнаваемости учение Христово и Самого Господа Иисуса Христа – страшно повторить – называл “повешенным Иудеем!” Мало того: в области своих блужданий он позволял себе иногда к себе прилагать словеса Господа Богочеловека, выражаясь словами Господа из Евангелия от Иоанна – о своей особе! Разве это не сумасшествие? Но я скажу больше: он питал к нашему Спасителю Богочеловеку Господу Иисусу Христу личную ненависть... Как ни страшно такое обвинение богоотступника, но оно подтверждено мне другим великим философом нашим Вл. Серг. Соловьевым. На мой вопрос: давно ли он видел графа Толстого, покойный философ-христианин ответил мне: “С тех пор, как я увидел, что граф питает личную ненависть к Господу Иисусу Христу, я все порвал с ним и больше не имею с ним никаких сношений”. – “Но питать личную ненависть можно только к тому, с кем имеешь личные отношения? – сказал я, – а граф...” – “Вы слишком наивны, – сказал Владимир Сергеевич – может ли сей гордец простить какому-то “Назаретскому Плотнику”, что Тот раньше его, Толстого, дал миру такое учение, которое преобразило мир, а он, Толстой, при всех своих усилиях успел обратить в свою секту несколько десятков неумных людей, и знает хорошо, что его секта рассыплется после его смерти и учение будет сдано в архив, как нелепость...”

Таков суд над Толстым его бывшего друга и собеседника, который великолепно разобрал его учение о непротивлении злу в своих “Трех разговорах”. Таков будет и суд истории, когда пройдет эта эпидемия вражды к Церкви в среде нашей интеллигенции, если только она совсем не уйдет из Церкви. И не знаешь, чего пожелать в скорейшем будущем, чтобы эта интеллигенция сама отреклась от Церкви или же Церковь извергла бы ее, пока она не развратила их своею гнилью? Судите сами: эта прогнившая интеллигенция требует от Церкви якобы молитв (!?) за богоотступника, молитв, которые ей нужны лишь для поругания самой Церкви, молитв за того, кто не верил в будущую личную жизнь, и от лица тех, которые в сущности издеваются над такою верою верующих... Толпами ходят по улицам столицы разные “студенты” – жида и продавшие свою душу жидам изменники Христу и поют, издеваясь, конечно, над Церковью, “вечную память” богохульнику. И это – в христианском государстве! А упомянутый выше публицист Меньшиков, две недели назад уверявший нас, что он “верный сын Церкви православной”, он теперь похищает из языка Церкви самые дорогие слова, чтобы воспеть ими все того же богоотступника... Он, Толстой, видите ли, “праведник, живой пророк, (может быть, только, конечно, не Божий пророк), душа, ищущая Бога и Ему верная (?)”, он, видите ли, поистине не забывал Бога, в каждый момент стоял как бы с непокрытой головой, он неодолимым тяготением тянулся к Богу, он по существу был одной праведности с о. Иоанном Кронштадтским, одного великаго богоискательства, одной до жгучих слез искренности в вере, но разного понимания”... Меньшиков ставит Толстаго как будто выше о. Иоанна, потому что о. Иоанн верил наивною детскою, народною верой, верой почти двухтысячелетней Церкви, “Апостольской и Соборной”, а Толстой, “как все пророки на переломе цивилизации(?), не мог довериться вере предков и принужден был составлять свою”. По Меньшикову о. Иоанн – “чуть ли не последний святой древней Церкви, а Толстой – первый святой еще не существующей, еще не проповеданной церкви: это – новый человек, человек воскресения, жизни будущего века. Одиноким, он имел-де мужество начать строить свою какую-то церковь”... Он-де принадлежал “к породе праведников (порода праведников!!

Будто – домашних животных!), людей, перерождающих себя, преображающих свою природу. Такие-де люди в самом деле совлекают ветхаго Адама и облачаются в идеал свой – в Христа, в Будду, в Зороастра – смотря по религии. Толстой-де непрестанным устремлением к Богу и к нравственному благу ближних в самом деле пересоздал себя. Он – подвижник такой же, как монахи: его идеал – смирение(!), нищета, труд, молитва(!?). Ради несомненного присутствия Духа Божия в нравственной проповеди Толстого (какая хула на Духа Святаго!) пусть отечество поклонится могиле праведника земным поклоном!” – патетически кончает свой фельетон Меньшиков. В своем восторге перед Толстым зарвавшийся и завравшийся фельетонист и сам не замечает, что создается в бессмыслице всего учения Толстого: “все несообразности учения Толстого, говорит он, были бы совершенно для нас непостижимы, если бы не предположить за ними глубокого смысла, который (котораго?) сам Толстой не мог объяснить... Не будем и мы, говорит Меньшиков, разъяснять то, что великие люди уносят с собой, как недоговоренную тайну”. Итак, сам Толстой, по словам его же панегириста, не понимал, чему учил, унес в могилу смысл своего учения, и за эту бессмыслицу – поклонись ему, родная земля! Падайте в прах пред его прахом, люди русские! Та к предлагает г. Меньшиков!..

Во сне это или наяву? Ведь это какой-то нестерпимый кошмар, давящий душу, ум, совесть... Страшно становится за родную мать Русскую землю... за Церковь православную, которая имеет в своих недрах таких христиан, дерзающих еще величать себя ее “верными чадами”... Поистине, Толстой во сто раз честнее был, когда всенародно отрекся от Христа, от Церкви, от православия, честнее всех подобных писателей, которые, пожалуй, обидятся, если им сказать, что они – еретики, язычники, безбожники! Не пора ли нашей матери-Церкви в самом деле очиститься от таковых? Не пора ли вспомнить грозные слова великаго Апостола Павла: *аще мы или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет!.. И ныне паки вам глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет!* (Гал. 1, 8–9). *Измите злаго от вас смех!* (1 Кор. 5, 13) Ведь в сих рассуждениях Меньшикова и ему подобных интеллигентов уже не остается ни следа православнаго христианскаго учения; самая слова, употребленные им, будучи похищены у языка Церкви, получили совсем другой – антихристианский смысл. И в совести христианина громко раздается предостережение другаго великаго Апостола – Апостола Иоанна Богослова: *всяк пресупаяй и не пребываяй во учении Христове, Бога не имать* (а следовательно, и Толстой, исказивший учение Христово до неузнаваемости, чужд Бога); *аще кто приходит к вам и сего учения (чистаго учения Христова) не приносит вам, не приемлите его в доме и радоватися ему не глаголите* (не приветствуйте его, не подавайте ему руки, не говорите ему: здравствуй!). *Глаголяй бо ему радоватися сообщается делом его злым.*

Настало время, когда более нельзя Церкви терпеть в своих недрах таких духовных развратителей, и она должна сказать им: или покайтесь в своем словоблудии, или же идите вон из Церкви... Довольно соблазна, довольно оскорблений для верующей совести истинно преданных сынов Церкви!

Нужно ли добавлять, что все сие и может, и должен сделать только Всероссийский Церковный Собор? Утверждение на Тя надеющихся, Господи! Утверди Церковь Твою, юже стяжал еси честною Твоею кровию!..

О Толстом еще долго будут говорить и в печати, и в обществе. Только простые сердцем верующие люди предадут его, следуя слову Божия Помазанника, суду Божию: “Бог ему Судья!” Не нам его судить. Мы веруем, что Бог есть Судия сколько праведный, столько

же и милосердый. Мы веруем, что если Церковь не находит возможным приносить за него безкровную Жертву, то значит – тако и подобает, ибо Господь повелел слушаться Церкви безпрекословно: *аще же и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь*. И голос Церкви не есть произвол ея пастырей: сами они суть только исполнители ея воли, уже давно изреченной устами св. Апостолов и определениями св. Отцев вселенских и местных соборов. Еще св. Апостол Иоанн Богослов, сей великий Апостол любви, что в данном случае для нас особенно важно, сказал: *есть грех к смерти, не о том говорю, чтобы молился* (1 Иоан. 5, 16). Господь Иисус Христос говорит, что сей грех, который не может быть прощен ни в сей век, ни в будущий, есть хула на Духа Святаго (Мф. 12, 32). Св. Отцы объясняют, что такая хула есть упорное сопротивление истине Христова учения, чем заражены были книжники и фарисеи, все еретики и богохульники. Сим тяжким грехом нераскаянным и был заражен Толстой, в сем грехе и умер, не принеся покаяния. А поелику в последние дни его жизни он находился в плену у своих же безсовестных последователей, которые не допускали к нему не только духовных лиц, но и жену, и детей; поелику в его загадочном бегстве в Оптину можно было угадывать, предполагать некоторый робкий шаг к раскаянию, то, не повторяя над ним церковной анафемы, можно только сказать о нем: “Бог ему Судия!”

Но в среде нашей интеллигенции немало мятежных душ, которые требуют от нас, служителей Церкви, молитв за сего покойника таких же, какия приносит Церковь о иже в вере и в надежде воскресения почивших. Многие из таковых, никогда не бывая в церкви, пренебрегая всеми ея уставами и повелениями, теперь настойчиво вызывают служителей Церкви на панихиды, и хорошо еще, что Святейший Синод благовременно оповестил всех иерархов, что никакое поминовение Толстого не разрешается, и, следовательно, смиренные служители Церкви имеют возможность закрыться сим распоряжением от назойливых требований иудействующей интеллигенции. Но об этой части “богомольцев”, в сущности, желающих обратить церковный обряд молитвы в так называемую демонстрацию против самой же Церкви, – не стоит говорить. И о них приходится сказать: “Бог им Судия!” Разве можно прибавить еще: “вразуми их, Господи, имиже веси путями”. Но есть другой род мятущихся, не желающих смиренно покорить свой ум в безпрекословное послушание Церкви, смущаемых самосмышлением своим, но все же, может быть, и искренно ищущих решения своих недоразумений. И как далеки эти недоумевающие от яснаго понимания учения Церкви! Сколько детской путаницы в самых простых, элементарных понятиях в области не только уж церковной, но и вообще религиозной мысли!

Разберемся в этой путанице, насколько она проявляет себя в частной беседе и в печати.

Говорят: “Лев Николаевич есть собственность нации, он – собственность Церкви православной, в которую ввела Толстого его христианская смерть...”

С недоумением читаю эти строки... Во-первых: по какому признаку мы имели бы право называть смерть Толстого “христианскою?” Христианин умирает в мире со Христом, ищет пред смертью соединения с Господом в святейшем таинстве Причащения пречистаго Его Тела и Крови, с молитвою на устах, а несчастный ересиарх Толстой умер, ни разу не вспомнив о Христе Спасителе, хотя и имел время вспомнить... Это ли “христианская” смерть? Церковь стучалась сама у дверей его сердца, правда, к нему не допустили ея служителей, но ведь это уж не ея вина: видно – Божие попущение таково было... Во всяком случае, мы не имеем ни малейшаго права назвать смерть Толстого “христианскою”. И пусть не посетуют на нас те, которые вводят сие слово в отношении к

смерти нераскаянного ересиарха, если мы скажем, что делают они сие нарочито, чтобы затем присовокупить дальнейшие слова: Толстого, видите ли, ввела в Церковь его эта “христианская” смерть... Новый способ воссоединения с Церковью! И все это говорится только для того, чтобы смутить совесть иерархов наших, которые Богу отвечают за исполнение канонов церковных, чтобы вынудить их нарушить эти каноны! Зачем говорить о том, чего нет? Зачем уверять нас, будто “вся Россия, и левая, и правая, просит у Церкви молитвы за Толстого?” Знаем мы, что такое “левая” Россия: ведь она и в Бога-то не верует, – верует ли она в вечную жизнь, в Царство небесное и муки вечныя? Ведь все мы отлично знаем, что все эти армянские панихиды, все эти пения “вечной памяти” на улицах и даже у гроба Толстого – одно кощунство! Кинематограф увековечил дым курящихся папирос около гроба сего покойника: хороша же молитва, хорошо пение “вечной памяти” с папиросами в зубах!.. А “правая” – в громадном большинстве своем послушна Церкви и благодарна ей за то, что власть церковная закрыла двери храмов Божиих для таких богомольцев; за то, что проявила в отношении к нераскаянному богохульнику нелицеприятие свое, охранила святыню дома Божия от соблазна. Разве это не великий был бы соблазн, когда под сводами храмов Божиих, по желанию “левой России” и как бы в поругание религиозных чувств “правой православной России”, раздавалось бы пение “Со святыми упокой, Христе...” о той душе, которая, по выражению великого святителя Божия Завторника Феофана, *“трижды проклята апостольским проклятием”*, о которой другой великий праведник нашего времени о. Иоанн Кронштадтский говорил, что она отдала себя сатане на служение?.. И к чему эти, простите, приторно сладкие речи: “вся Россия просит Церковь открыть двери храмов... какою бы волною хлынул народ, сколько горячих слез было бы пролито!”... “Нация, русская нация хочет просить у Бога милости великому писателю земли Русской, милости за то, что он любил русский народ, любил и жил для народа... но этого не хочет кучка фанатиков (слышите, православные?), и Церковь, православная Церковь, как будто послушная этим фанатикам, лишает молитвы всю нацию за доброго и честного человека...” (а по-нашему – великого богохульника и кощунника).

Как все это чувствительно, но как несправедливо в отношении к матери-Церкви! Напиши эти строки какой-нибудь “левый” в “Речи” или другой иудейской газете – не стоило бы отвечать, но ведь пишет человек, искренно считающий себя сыном Церкви Православной, сыном Руси святой! С болью сердца приходится засвидетельствовать, что и в среде таких “правых” людей у нас немало склоняющих колена – спешу оговориться – безсознательно пред ваалом современности, судящих своих пастырей и саму Церковь, самочинно мыслящих не по разуму Церкви и следовательно... не договариваю: чтый да разумеет!

Удивительная смелость говорить от имени Русского народа (автору почему-то больше нравится слово “нация”). Да позвольте, наконец, сказать уж прямо, массы народные, миллионы простого народа православного вовсе не имеют понятия о Толстом как художнике-писателе. А те, которые знают его за такового, очень невысоко ценят и вообще-то художественные произведения (скажете: не доросли – если угодно, сделаем в этом вам уступку, хотя сами мы, иерархи, остаемся пока и на этот счет при особом мнении). А кто из православного, не сбитаго с толку современными бреднями, народа слышал о Толстом как “учителе”, т. е. мыслителе, философе, те только отрешиваются от него, как от богохульника... Может быть, у наших гуманно настроенных верующих интеллигентов и являлось желание пойти в храм помолиться за “великого писателя”,

забывая долг послушания матери-Церкви и как бы осуждая ее в жестокости, но говорить, будто “то же чувствовал каждый русский” – значило бы брать грех на душу, грех клеветы на всех русских. По крайней мере, я, и как частное лицо, и как архиерей, никогда не дерзну судить церковную власть за то, что она не разрешила молиться за того, кто оплевал моего Спасителя, кто издевался над Его Пречистою Материю, кто подверг поруганию и осмеянию все, чего нет для меня святее и дороже ни на небе, ни на земле! – за того, кто все это сделал и – не захотел покаяться!.. На что же тогда и суд Церкви?..

Говорят: “Чем больше грех, тем больше надо молитв, чтобы его замолить, и, значит, надо усугубить молитвы, а не запрещать”. К этому мы добавим то, чего, может быть, не знают сии ревнители спасения нераскаянных грешников: “Нет греха побеждающего Божие милосердие”. Так, все это правда. Но ведь следуя такой логике и принимая безусловно эти положения, можно придти к заключению, что мы должны молиться за всех грешников безразлично: умерли ли они в нераскаянности, или же стали на путь покаяния, были ли в общении с Церковью, или умерли вне ее ограды. Вспомните Иуду-предателя: как велик его грех! Но он ведь кажется, и на путь покаяния стал: прочтите еще раз со вниманием сказание Евангелиста Матфея о том, как этот изменник-ученик, мучимый совестью, бежит к членам синедриона, кается пред ними, бросает им в лицо 30 сребреников и, услышав от них холодное, безсердечное: “Что нам за дело? Смотри сам!” – в отчаянии решает на самоубийство... Разве не звучит в ваших сердцах этот крик терзаемой души: “Согрешил, предав кровь неповинную!” Это ли, казалось бы, не раскаяние? За такого ли не помолиться? Ведь в очах Божиих и сей Искарот, и граф Толстой, – их души одинаково ценны... Простите, я позволю себе сказать больше: из Евангелия не видно, чтобы Иуда загубил своим лжеучением столько душ, сколько увлек в бездну погибели граф Толстой, напротив: Иуда был Апостолом, ходил на проповедь о Христе, во всяком случае не отвлекал от Христа, не издевался над Ним так, как наш граф... И однако же, св. Апостолы после его смерти не молятся за него, спокойно говорят о нем, что сын погибели отпал, чтобы идти в место свое (Деян. 1, 25). Умер – все кончено. Не покался – нет даже слова сожаления о нем! Предан суду Божию и отсечен от Церкви, как мертвый член, навсегда!

Знаю, как больно нашим даже верующим интеллигентам, это сопоставление Толстого с родоначальником всех предателей Христа. Но оно вызывается невольно этим особенным усердием сих интеллигентов к молитве за Толстого. Иуда был в обществе Апостолов не больше трех лет, а Толстой был в мире с Церковью до 50 лет; Иуда, как я уже сказал, никого не отвлекал от Христа, а Толстой увлек тысячи на путь погибели; Иуда не позволял себе ругаться открыто над Христом, а только лобзанием предал Его, а Толстой 25 лет своей жизни посвятил издевательствам над учением Христа и над Его Божественною Личностью и Пречистою Его Материю; Иуда и суток не выдержал после того, как приняв хлеб из рук Божественного Учителя, вышел с Тайной вечери, *ибо по хлебе том вниде в онь сатана* по слову Евангелиста; а над графом совершилось это осатанение 25 лет тому назад, когда он, как сам говорит в своей исповеди, вдруг, после Божественного причащения почувствовал в себе богохульные мысли и некое отвращение от Церкви... Разве это не то же, что – “по хлебе том вниде в онь сатана”? И вот долготерпение Божие истощилось: приближался час смертный, проснулась, может быть, на минуту грешная совесть, но – увя! – благодать Божия уже отступила от души отступника... Он метнулся в сторону Церкви, но гордость удержала его толкнуться в двери келлии старца, мимо которых он не раз, может быть, прошел, “прогуливаясь” около стен Оптиной пустыни...

Нужен был подвиг – победить себя, сломить свою гордыню, войти к старцу, а сатана удержал: “Что тебе у него делать? Да как он тебя встретит? Ты ведь отверженный...” Ведь на эту мысль он ясно намекнул и о. Михаилу. Кто знает тайну души человека, который 30 лет не открывал своей совести никому, кроме себя самого, а себя самого постоянно обманывал? По учению св. отцев, в таких случаях страшно овладевает душою человека ложный стыд; враг преувеличивает строгость предстоящего обличения со стороны старца, а у Толстого могло быть еще и то искушение: “что о тебе скажут, что подумают – там, в твоей семье, среди твоих последователей и почитателей”? И решает он: “Нет, не могу! Поеду к сестре! Может быть, она поможет мне...” И едет. И бросается в объятия той, которая без слов могла понять состояние его мятущейся души, и плачет, горько плачет он... Да, мятущейся души! Вникните в глубокий смысл этих слов его, сказанных сестре: “С какою радостью я жил бы (разумеется – в Оптиной пустыни), исполняя самые низкия и трудныя дела, но поставил бы условием не принуждать меня ходить в церковь: этого я не могу!” О, если бы никто не стал ему тогда на пути! Если бы эти Чертковы, Сергеевны, если бы его же любимая дочь не оторвали бы его от доброй старицы-сестры! Вот когда нужны были ему молитвы, чтоб отогнать неотступно преследовавшего его духа гордыни, который не терпит молитвы смиренно кающегося грешника: известно ведь, что князь тьмы не легко расстается с своими жертвами, а теперь в его руках была жертва куда подороже многих тысяч подобных! Известно, что дух тьмы рабски подчиняет себе душу грешника, и только смирение, одно смирение сильно отгнать его, дабы дать доступ Божией благодати в мятущееся сердце. Сестра-старица своим смирением, своею молитвою, своею любовью способна была сделать это чудо. Но враг не дремлет и посылает своих слуг и в числе их, больно сказать, его же собственную дочь, которые, уже одною своею погонею за ним, своим навязчивым присутствием в этом уединении гонят старика из тихой кельи инокини и в сырое, холодное, раннее утро тащут его на поезд: скорее, скорее от тех мест, где может совершиться благодатный переворот в душе гибнущаго писателя. Та к хочет тот, кто овладел сею несчастною душою, – и он уже не противится, не противоречит: он потерял надежду на возможность примирения с Богом, в него снова “входит сатана”, хотя уже в виде отчаяния: “Будь что будет!

На Кавказ – так на Кавказ!” Под влиянием зараженной им же души Черткова в его сознании снова стали бродить помыслы хульные против Христа и Его Церкви; явилось где-то, в глубине грешнаго сердца, сначала – некоторое колебание: “И в самом деле, не прав ли Чертков? Не сделал ли я глупости, бросившись в Оптину?” А затем в душе явилось уже желание – кончить жизнь тем, чем был, не изменять себе до конца... Не этим ли объясняется это удивительное явление: больше недели лежит он где-то на станции жел. дороги; лежит в полном сознании, по крайней мере, не всегда в забытье; не может же быть, чтоб он не понимал, не сознавал, что ведь его местопребывание, конечно, уже известно его семье, которая, несомненно, не утерпела: где-нибудь тут же, около него, но – ни слова о том не срывается с его уст. Ведь мог бы он потребовать, чтобы пригласили к нему если уж не жену (по старости-де едва ли могла сюда ехать), то детей своих... А если бы еще не погасла в нем искра покаяния, то – почему бы не позвать и священника?.. Но на все это ни намека! “Будь что будет! Все кончено – не хочу Церкви, не хочу Христа!” *И затворени быша двери...* “Хотя и Лев был, как выразился о нем старец о. Варсонофий, но ни разорвать кольца, ни выйти из него уже не мог...” И он весь уходил в созерцание смерти, как он сам ее представлял себе по-буддийски, как переход в нирвану, в конец личного бытия, и когда случился первый сердечный припадок, то из его уст вырывается

слово: “Вот – оно! Вот и все!”... Напрасны усилия Церкви, напрасны заботы о Варсонофии, благодать Божия покинула гордаго отступника, и он, отверженный Богом, кончает жизнь... в отчуждении от Церкви, не желающий с нею примириться, смириться, вздохнуть в чувстве покаяния пред Богом. Не восхотел он благословения, и оно удалилось от него. Бог никого насильно не спасает.

Нам говорят: “В храме, на литургии, во время одной из самых возвышенных, страшных минут ея, священник, стоя пред алтарем (автор, кажется, не православный, а католик, ибо православные знают, что алтарем называют у нас отделение храма, а священник стоит пред престолом) и вознося св. Дары, возглашает: “Тебе о Твоих” (опять доказательство, что пишет неправославный, ибо искажает слова “Твоя от Твоих”) и кончает: “за всех и за вся”. Вы только вдумайтесь в слова: за всех и за вся. Никого не исключают. Всех и вся. Весь мир, грешный и многогрешный. Всеобъемлюще! Написали эти слова и преподали, повелели произносить люди призванные, умудренные, посвященные. Да и какие! Отмеченные перстом Божиим святители Василий Великий и Иоанн Златоуст, творцы литургий, столпы Церкви!”

Да, сии столпы Церкви велят молиться о всем мире, о мире всего мира, но перечитывайте со вниманием все их литургические молитвы и вы не найдете и намек в них на то, чтобы они молились об умерших еретиках и отлученных от Церкви грешниках: она молится только о иже в вере скончавшихся. Но допустим на минуту, что они разумеют “всеобъемлюще” весь мир, “никого не исключают”. Такая молитва была бы просто бесполезна для еретиков. Надо знать, что молитва, по выражению Хомякова, есть кровь Церкви, а кровь течет и оживотворяет только те части тела, которые живут в теле, в единении с телом. Сколько крови ни лейте на отсеченный член – он не оживет. Церковь есть живое тело Христа, своей Главы. Им она живет, и только тот имеет жизнь в себе, кто едино со Христом в Церкви чрез таинство животворящего Тела и животворящей Крови Его. *Аще не снете плоти Сына Человеческого, ни пиете крове Его*, говорит Сам Господь, *живота не имате в себе*. И когда молится Церковь, с нею молится Сам Христос, яко единый Ходатай Бога и человеков. Молитва Церкви есть Христова молитва. А Он молился *только о верующих во имя Его* (Ин. 17, 20), о неверующих же Его первосвященническая молитва не глаголет. Всему миру принес Он спасение, но не весь мир спасается. Его Божественной любви достало бы даже и для спасения падших духов, как это было открыто одному великому подвижнику, но не все захотят воспользоваться сим спасением, а Христос не стесняет свободы человеческой и бесовской. Везде в Евангелии мы читаем: *аще хочеши...* Свобода есть лучший дар Божий, есть первейшая черта Божия богоподобия, которую никогда не восхощет Бог отнять у человека. Человек сам может отдать ее Богу в исполнении святой воли Его, Его св. заповедей, или же – врагу Божию диаволу в исполнении его злой воли – грехопадениях, но все это совершается добровольно... без всякого насилия. Поразительный пример ожесточения во зле представляют нам современные Господу книжники и фарисеи. На их глазах совершаются величайшие чудеса: не говорю уже об исцелениях неизлечимых болезней, но – даже воскрешения мертвых, и что же? Вот встает из гроба четверодневный Лазарь, чудо не подлежит оспариванию, да враги Христа и не спорят, не отрицают его, они признают факт, но слышите, что решают? Убить не только Чудотворца, но и Лазаря, как живаго, непререкаемого свидетеля силы Божией, обитающей в Чудотворце... Это ли не упорство? Вот и скажите: что же делать с таким упорством Церкви? А именно в таком упорстве и пребывал Толстой. Никто и ничто не могло поколебать его в упорном сопротивлении

истине Христовой. Если, как выше я говорил, и можно предполагать, что дрогнула душа его пред смертью, – может быть, под влиянием известного сна, – то смотрите, как скоро он снова поддался привычному для него духовному усыплению в своей прелести. Что можно сделать с душою, которая в таком упорстве перешла в вечную жизнь? Надо помнить и то, что не только учение Церкви, но и здравое учение о душе человеческой говорят нам, что после смерти невозможна перемена настроения души. Слово Божие говорит: в чем застану, в том и сужу. И раз дано в сей жизни направление духовной жизнедеятельности, ему не дан толчок в сей же жизни, хотя бы пред самую смертью, в другую сторону, – то это направление уже не может быть изменено, ибо в той жизни нет возможности для проявления своей свободы так, как здесь: там человек живет лишь половиною своего существа – без тела. Как шар, пущенный в беспредельное, безвоздушное, абсолютно пустое пространство, уже не может изменить своего направления: так и жизнь души за пределами гроба. Церковь молится за грешников, умерших в ее недрах, но лишь за тех, которые умерли все же в надежде воскресения и жизни вечной, которую не отрицали, к которой хотя бы своим умом, хотя бы в некоей мере и сердцем – все же стремились. Есть, следовательно, точка приложения для молитв в Церкви, лучше же сказать – для спасающей Божией благодати и в этих душах. И безкровная жертва, приносимая за таковых, даже, по выражению Василия Великого, и во аде держимых, творит над сими душами чудо благодати и всемогущества Божия, находя, так сказать, точку опоры в их вере, в их некоем желании спасения, за молитвы Церкви. А что делать Церкви с душою, которая умерла *вне* ее спасительного организма, вне общения со Христом? Что делать с тем, кто, по словам его друзей, умирал, ясно сознавая происходящее с ним, и не хотел обратиться ко Христу Спасителю и покаяться? Остается предать такую душу суду Божию, как мертвый, отсеченный член отбрасывается прочь.

Остается сказать два слова о том, что и сами несчастные, отлученные от Христа, впавшие в руки врага Его – сатаны, в загробном мире проникаются духом сатанинского отчаяния настолько, что уже делаются неспособными для восприятия благодати спасающей. Ведь они пропитаны духом гордыни и не могут от него освободиться: как же приблизится к ним Божия благодать? Ведь она подается только смиренным. Как Церковь, непорочная невеста Христова, дерзнет молиться о тех, которые отпали от нея, лишились общения со Христом, обретаются вне того благодатного организма, какой она составляет, коего глава есть Христос, а члены – все верою в Него спасаемые как на небе, так и на земле? Организм любви не может воздействовать на тех, которые пребывают во власти духа ненависти ко Христу и в состоянии отчаяния...

В заключение мне хотелось бы сказать еще нечто о загробных отношениях праведных и грешных, насколько это можно на основании святоотеческих писаний. Боюсь только, что говорить о таком предмете обыкновенным нашим человеческим языком не безопасно: приходится брать слова из нашего земного языка, а понятия в них вложить уже неземные... Чтобы не соблазнить моих читателей, я напому им, что в слове Божиим Богу также приписываются человекообразные свойства, например, гнев, раскаяние, как бы неведение и подобное. Само собою разумеется, сии места должно объяснять как уподобления, перенося мысль в область небесных, высших понятий.

Около 25-ти лет тому назад, после кончины известного нашего патриота писателя И. С. Аксакова, его покойная супруга, А. Ф-вна, поселившись в Сергиевом Посаде близ могилы мужа, нередко посещала мою келью, чтобы побеседовать о предметах духовных. Понятно, что ее мысль часто обращалась к загробной участи ее мужа. Следует сказать, что это была

женщина глубоко образованная, любившая философию, искренно преданная православной Церкви. На одно она жаловалась: воспитанная за границей, где ее отец, известный наш поэт Ф. И. Тютчев, провел большую часть своей жизни, она привыкла мыслить по-немецки, причем ее мысль часто подчинялась влиянию немецких мыслителей-философов. Измеряя область духа мерою земного мышления и земных отношений, раз покойная детски-наивно сказала мне: “Ведь если мой Ваня окажется в муках вечных, а я удостоюсь Царства Небесного, тогда и Царство Небесное будет для меня адом: я готова буду уйти сама в ад, чтоб разделять муки моего любимого человека!” На это я безмолвно подал ей книгу Иоанна Златоуста и попросил ее прочитать в его беседах то место, где он говорит, что праведники “в будущей жизни, после страшного суда Божия, возненавидят грешников божественною ненавистью”, что, следовательно, пояснил я, в их сердцах произойдет некая перемена, почему они и мыслить станут мыслию божественной, и сердцем жить единою жизнью в Боге, по реченному: и будет Бог всяческая во всех...

Понятно, что слово “ненависть” здесь не следует понимать в смысле земном и человеческом. Праведники, очевидно, проникнутся сознанием Божией правды, а вместе и Божия милосердия в отношении к грешникам, и в самом наказании адском увидят не только правду Божию, но и Божие милосердие... Трудно понять это плотскому человеку, но придет время, когда мы перейдем в ту область, где все эти понятия станут для нас ясны, неоспоримы, где мы, еще того будем достойны станем и мыслить согласнее с Божественною мыслию, чем теперь, и смолкнут тогда все наши сомнения и недоумения...

А Церковь, невеста Христова, не является ли причастницей сего премирного ведения и небесной логики еще и здесь, на земле? И не должны ли мы, ее чада, уже в силу сего соображения больше доверять ей, чем своемумышлению?

В наше время не приходится ничему удивляться. В глубокой христианской древности – не брось горсть благовонных трав на языческий алтарь – тебе грозила смерть, и потому твердость в вере считалась и именовалась исповедничеством. В наше дряблое время – “не почти” современного идола, какого-нибудь безбожника Толстого, “вставанием”, и тебя уже прославляют как борца за идею. Правда, от иудейских газет за это достанется: но ведь это уж вовсе не так страшно: хулы врагов Христовых – наша честь, и однако же нас чтут за это, как за подвиг. Что же это значит? Почему люди добрые видят в этом чуть не подвиг? Понятие ли о подвиге так подешевело, или же на Руси так оскудело число людей, открыто исповедующих свои верования, что приходится приветствовать их издалека? Та к или иначе, а высокочтимый святитель Варшавский и я – мы почтены с разных сторон приветствиями и в телеграммах, и в письмах, за то, что в заседании Государственного Совета “не почтили вставанием” память Толстого, этого величайшего богоотступника нашего времени.^[10] Из сих приветствий особенно выделилась телеграмма Московского Монархического Собрания и Русскаго Монархического Союза: “соединившись в чрезвычайно многочисленное собрание, вместе со многими православными русскими людьми” они “постановили почтительно и благодарно приветствовать” нас “за прямой, твердый и достойный образ действий при суждении в Государственном Совете о графе Толстом”.

На это приветствие Архиепископ Николай послал телеграмму:

“Сердечно благодарю всех членов Монархического Союза и Русскаго Собрания за сочувствие. Настало время, думается мне, когда архипастырям и пастырям следует постоять за православную веру и за все исконные русские устои “даже до смерти”.

Нельзя быть равнодушным зрителем того, что делает крамола в нашем отечестве. С нами Бог!

Архиепископ Николай.

Я счел нужным откликнуться письмом:

“Глубоко тронула меня телеграмма соединенного собрания монархических организаций родной мне Москвы: прошу извинить меня, что не ответил тотчас же на оную.

Не знаю, за что благодарят меня. Ужели можно считать заслуживающим такого внимания то, что архиерей не встал в честь безбожника – скажу больше – богоотступника? Да не был ли бы я в собственных глазах презренным, если бы встал в честь того, кто оплевал моего Спасителя?

Увы! Мы быстро идем по пути отступничества! Два года назад еще не считали удобным допускать школы и другие учреждения имени Толстого, имели мужество отказываться от его чествования по случаю его 80-летия: еще слышался голос совести христианской, а ныне отовсюду несутся вести, что ему будут “посвящать” и школы, и благотворительные заведения, его портреты будут ставить и в школах, и даже в думах и подобных учреждениях... Ужели русские люди оставят все это без протестов – самых решительных? Ведь тогда нам, архиереям, останется одно: приказать законоучителям, чтобы на час урока по Закону Божию выносили портрет Толстого из класса или оборачивали его к стене, и пусть враги Христовы беснуются: мы не можем этого терпеть! Наши монархические организации должны теперь же положить начало этой борьбе!

Идти прямо, твердо, непоступно к цели – до конца! Не уступать – ни на йоту! Хотя бы пришлось грозить бойкотом таким школам, уничтожением в них портретов безбожника, – в этом должно не только объединять православных родителей, но и требовать, во имя поруганного Толстым Господа нашего, от власти соответствующих распоряжений! Почет Толстому есть поругание нашему Господу! Лик Христа и лик Его хульника в христианской школе – несовместимы!

Вот, мне кажется, задача для всех подобных организаций.

Настала пора открыто выступать против сатаны и его приспешников. Время сотворити Господеви! Мужественно выступайте, православные русские люди!

Призываю на вас, отец протоиерей,^[11] и всех почтивших меня, недостойного, телеграммой – Божие благословение!

Ваш искренний доброхот и слуга, член Государственного Совета Никон, епископ Вологодский и Тотемский”.

Да, пора не на словах, а на деле показать, что мы любим нашего Господа и не допустим чествования Его врага. Толстому уже собираются ставить памятник на народные деньги: ужели русские люди не вознегодуют целым сердцем, когда узнают об этом? Ужели допустят, чтоб иудеи и их приспешники восторжествовали в посмеянии родной нашей веры православной? Собираются строить школы, читальни, библиотеки, чуть ли не университеты имени богохульника; ужели власть допустит все это? Ужели Церковь не будет протестовать, крепко противиться всему этому поруганию веры святой? Ведь нас никто не обманет: мы отлично знаем, что тут чествуют не автора патриотического романа и так называемых художественных произведений, носящих на себе имя графа Толстого: это бы еще не беда. Нет: тут вся соль именно в богохульстве и отступничестве сего писателя – именно *такового* Толстого чествуют, за богоотступничество чествуют, которым он оказал врагам Церкви, врагам Христа великую услугу: надобно, чтобы и дети знали имя сего богохульника, любопытствовали узнать, что он писал. А тут уж озаботятся

открыть им все “сокровищницы” его богохульных писаний – и души детские уже отравлены, и смертный грех соблазна уже совершен, дело врагов Божиих, дело сатаны сделано... Не нужно быть мудрецом, чтобы понять всю эту нехитрую махинацию наших жидовинов: только посмотрите, какие газеты кричат о памятниках Толстому. “Земщина” – спасибо ей – уже указала эти газеты: еврейские “Речь”, “Современное Слово”, “Биржевые Ведомости”, жидовствующая – “Русское Слово” и масонских – “Русския Ведомости”... Как видите – самые “русские”! Можно ждать, что к ним присоединятся и те, которые набросились на меня с Архиепископом Варшавским за наше сиденье в Государственном Совете в то время, когда другие сочли нужным встать (вероятно, воображая, что его душа пронесется перед их мысленным взором в эту минуту и увидит, как ей отдают честь). Из русских же газет пока ни одна не настаивает на этом роде “увековечения” Толстого. “Поставить памятник Толстому, говорит “Земщина”, человеку, который отрицал Богочеловека, который пошлейшим образом богохульствовал о Матери Божией и искажал все Евангелие – воля ваша, в православном государстве это недопустимо! С той минуты, как поставлен будет православным государством памятник гонителю Христа, нужно будет закрыть все храмы. Поклонение Христу и увековечение Толстого, как гонителя Его понятия несовместимы. Одно другое исключает. Государство, не отказавшееся от своей Церкви, никаких памятников Толстому ставить не может”.

Да, именно, никаких, хотя бы в виде школ, учреждений, хотя бы даже постановки его портретов в школах и учреждениях. Нельзя школу имени Толстого признать школою христианскою. Школа имени врага Христова есть школа имени сатаны... Христианским детям в ней не должно быть места. Христианин не должен заглядывать в учреждение, на коем красуется имя врага Христова. Церковь не может давать своего благословения и освящения таким учреждениям. Кстати. Это было летом 1908 года. В Киев собрались миссионеры на съезд, собралось и до 35 святителей. Киевский Городской голова предложил обед почетным гостям от имени города. А перед сим городская дума только что постановила чествовать 80-летний юбилей Толстого постановкою портрета в зале думы и открытием нескольких школ его имени. Святители твердо сказали, что пока не будет отменено это постановление, они не могут принять гостеприимство от представителей города. Тогда почтенный голова отправился к губернатору и просил его не утверждать постановлений думы. И только тогда святители приняли обед. Та к было два года назад. Та к ли отнесутся святители наши теперь к чествованию Толстого. Есть надежда, что они останутся такими же достойными представителями Церкви, как было тогда, но представители общественных учреждений, представители власти?... Поживем – увидим...

Смерть графа Толстого обнаружила такие глубокие, скажу сильнее – смердящие раны в нашем так называемом интеллигентном обществе, что становится страшно за целостность нашей родной Русской Церкви, от которой может отколоться все, что заразилось толстовщиной сознательно или бессознательно. Люди, которых еще хотелось бы считаться христианами – уже не говорю – православными, так ярко высказывают свои прямо языческие воззрения, что не остается сомнений для нас, пастырей Церкви, что эти люди уже *ушли* из Церкви, хотя и уверяют нас, будто они остаются “верными сынами” этой Церкви. Более скромные из той же интеллигенции под впечатлением того, что читают в либеральных газетах, не имея противоядия такому влиянию, не желая, в своем предубеждении, заглядывать в наши церковные издания, при встрече и беседе с пастырями Церкви с удивлением вопрошают: да почему же нельзя молиться за Толстого? Ведь он-де был христианин... Ясно, что для многих остается неведомым его богохульное

учение во всей его наготе, хотя тонкий яд этого учения, логические выводы из него в приложении к жизни уже делают свое дело в душах этих недостаточно осведомленных в богословии христиан. Приходится пожалеть, что мирская власть, может быть, и с добрым намерением, но недостаточно обсудив дело, не затребовав от церковной власти надлежащего отзыва, уничтожила брошюру миссионера Айвазова “Кто такое граф Толстой”. Следовало бы принять во внимание, что эта брошюра в свое время была напечатана в органе Св. Синода “Церковныя Ведомости” и уже оттуда перепечатана “Колоколом”, “Русским Знаменем” и др. патриотическими изданиями. Не дело бы мирской власти вмешиваться в то, что, касаясь учения веры, уже обсуждено властью церковною и признано, очевидно, полезным. Г. Айвазов с силою и ревностью о вере в этой брошюре обличал все заблуждения Толстого, приведя из его сочинений его же собственными словами хуления и кощунства, как опытный врач вскрывает смрадную, гниющую рану. И вот такая-то книжка и была признана вредною и уничтожена, а теперь она была бы прекрасным противоядием для всех, кто еще способен принимать учение веры в простоте сердца. Они увидели бы, что за богохульник, что за кощунник был умерший теперь ересиарх Толстой. И мы, пастыри, не слышали бы вопросов вроде приведенного. Самый страшный обман Толстого, ведь заключается в мистификации или, лучше сказать, в фальсификации истинного христианства, а это-то и служит, по верному замечанию “Колокола”, камнем преткновения для нашего так называемого интеллигентного общества, познания которого в области богословия редко у кого идут далее знания нескольких ходячих текстов. Проповедуя религию без Личного Живого Бога и христианство без Христа, опираясь якобы на Евангелие, на самом же деле безсовестно искажая его, как и прочие Писания, Толстой шел обольстительным путем антихриста, почему о. Иоанн Кронштадтский не раз прямо и называл яснополянского учителя антихристом. В предотвращение этого именно страшного и обольстительного соблазна, губящего души “невежд” в знании веры и “неутвержденных”, в свое время Церковь и возвысила свой голос, открыто засвидетельствовав миру, в чем заключается религиозное лжеучение Толстого и как относится к нему Церковь. Десять лет прошло с того времени: послание Святейшаго Синода многими забыто, многими вовсе не читано, особенно молодежью, которая больше всех шумит и мятется по поводу смерти еретика. Благовременно напомнить теперь это послание в ответ на вопрос: за что отлучен Толстой от Церкви и почему нельзя теперь Церкви молиться за него.

Кстати сказать, что внимательные к путям Божия промысла заметили, что синодальное послание было помечено днем ангела графа-еретика. Конечно, Синод не имел в виду сего совпадения, но оно знаменательно: его ангел, святитель Катанский, великий ревнитель православия, как бы отрекся от него в день своей памяти. Достойно внимания и то, что Толстой умер в тот день и почти в тот час, когда в храмах Божиих читалось: *умре же и богатый, и погребоша его... и во аде, возвед очи свои, сый в муках узре Авраама издалеча... и затем: между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящие перейти отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят...* Не дерзаю делать выводов из сих совпадений, – чтый да разумеет, – но грозно глашает слово Авраама к последователям Толстого: *аще Моисея и пророки не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет – не имут веры!..* (Лк. 16, 19–31).

ПОСЛАНИЕ СВ. СИНОДА

Божиею милостию, Святейший Всероссийский Синод верным чадам православных кафедральная греко-русская Церковь о Господе радоватися

Молим вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, ему же вы научитесь и уклонитесь от них (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях, утверждающихся на вере во Христа, Сына Бога Живаго. Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть Церкви святой, которая пребудет неодоленною вовеки. И в наши дни, Божиим попущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордаго ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери Церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает Личнаго Живаго Бога, во Святой Троице славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает безсеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до Рождества и по Рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все Таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из Таинств, святую Евхаристию. Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною. Бывшая же к его вразумлению попытка не увенчалась успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствуем пред всею Церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он, на конце дней своих, остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2 Тим. 2, 25). Молимся, милосердый Господи, не хотяи смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали: Смиренный *Антоний*, митрополит С.-Петербургский и Ладожский. Смиренный *Феофил*, митрополит Киевский и Галицкий. Смиренный *Владимир*, митрополит Московский и Коломенский. Смиренный *Иероним*, архиепископ

Холмский и Варшавский. Смиранный *Иаков*, епископ Кишеневский и Хотинский. Смиранный *Маркелл*, епископ. Смиранный *Борис*, епископ.

До какого состояния невменяемости доходят некоторые левые газетки, желая угодить иудеям и их приспешникам, показывает выходка одной из них: говоря о заседании Г. Совета, в котором я и высокопреосвященный Николай, архиепископ Варшавский, сидели, не желая чествовать богоотступника, газетка говорит: “только Анна и Каиафа сидели”... Итак, мы, архиереи Церкви Православной, – Анна и Каиафа, ну а граф Толстой – стало быть – есть Христос? Та к что ли, господа болтуны из жидовского лагеря? Выступайте смелее, говорите уж откровеннее: ведь в Писании сказано: *скверный да сквернится еще...* (Откр. 22, 11). Но – хотите ли вы слышать, или не хотите, а грозное слово Господа, грядущего на облаках небесных, гремит свыше: *и се гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его* (ст. 12). И, как гром небесный раздается глас Его: *вне пси и чародеи, и всяк любяй и творяй лжу!* (ст. 15). Впрочем, кажется, вы ведь не верите Евангелию Христову, вы не веруете и в Господа нашего Иисуса Христа, вы чтите врага Его – Толстого, который откровенно называл Господа нашего своим “личным врагом”, – об этом свидетельствует не один В. С. Соловьев, но ваша же газета “Речь”. Значит, бесполезно и напоминать вам словеса Христовы... Вы – глухи к глаголам Жизни вечной и, как говорил Господь фарисеям: во грехе вашем умрете нераскаянными!..

Жаль несчастных читателей таких газеток. Сами себя отравляют и еще деньги платят за эту отраву. Кто же виноват?..

Конечно – сами!..

Отповедь князю, глаголющему суетная

Сказано в слове Божиим: *не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя* (Притч. 9, 8). Нарушил я это правило, и вот кощунствующий князь Мещерский зло мстит мне за мое обличение по поводу буддийского капища, за обличение в невежестве и, в союзе со всеми врагами Церкви, со всеми жидками “писателями”, брызжет слюною злобы против меня и против Варшавского святителя за то, что мы, архиереи православной Церкви, не встали в Государственном Совете, чтобы “почтить” врага Христова великаго ересиарха Толстого... Счастлив, что имею своим единомышленником одного из наиболее чтимых святителей наших, ревнителей славы Божией, и радуюсь, что несу поругание за имя Господа нашего Иисуса Христа, поруганного, оплеванного графом Толстым... Шесть раз князь употребил по нашему адресу слово “ненависть” на одном столбце своей газеты, и сам, преисполненный к нам ненависти, позволяет себе даже привлекать к нравственной ответственности нашего почтенного председателя М. М. Акимова за то, что тот не удалил нас из зала заседаний. Князь уверяет читателей (бедные читатели, если они верят сему редактору!), что Никон “всю жизнь посвятил ненависти ко всему, что не он”. Обманывает их, будто “состоялось общее всех членов Г. Совета соглашение почтить вставанием память” Толстого, тогда как почти вся правая группа, а нас до 60-ти человек, исключая трех-четырех, отказалась это сделать и ушла из зала, подав протест председателю; клеветает на святителей, будто “они зоркими стражами бдели вблизи умирающего старца, чтобы не могла русская молитва раздаться ни об его исцелении, ни об его упокоении”; повторяет сплетню, будто редактор “Колокола” был командирован от Синода в качестве “соглядатая” и “строгаго дозорнаго, чтобы ни у одного попа и мысль не могла родиться молиться о графе Толстом”, тогда как г. Скворцов все эти дни был в Петербурге... Князь, считающий себя православным, дерзает говорить, что постановление Св. Синода – высшей церковной власти – “исполнено ненавистью” и что “Синод не может дерзать расправу над живым продолжать над мертвым, закрывая церковь и уста священников для молитвы над усопшим”...

Таков сей “почтительный сын” Православной Церкви. Он не хочет знать, что Церкви дана власть вязать и разрешать на земле так, что все, ею связанное здесь, будет связано и на небесах: ведь это словеса Самого Господа Иисуса Христа. Он нарочито старается забыть, что Толстой отрицал бытие Личного Бога, что он дерзал – страшно повторять – называть Господа Иисуса Христа “повешенным иудеем”, святейшее таинство причащения Тела и Крови Его... прости мне, Господи, повторение хульного слова его! – “похлебкою”, святое Евангелие – “мешком грязи”, а Пречистую Матерь Божию именовал так, что решительно отказываемся даже делать намеки на его хульные глаголы... Князь все это хочет забыть, “простить” богохульнику нераскаянному, простить даже то, что он своими хулами погубил столько малых сих... Что ему до того? Толстой, видите ли, “всею душою отдался любви к Богу”!.. К какому? Что разумел он под именем “Бога”? Ведь, Личного Бога он не признавал, ведь это слово у него не имеет нашего христианского значения... А любовь... да может ли иметь какое-нибудь место любовь в сердце, преисполненном, по словам самого же органа княжеского, “сатанинской гордыни”! Любовь и – сатанинская – слышите: сатанинская – гордыня! “Грех Толстого, – говорит “Гражданин”, – его почти сатанинская гордость и самомнение, но сей грех не есть грех к смерти...” Какой же грех к

смерти, господа публицисты “Гражданина”? Ведь так рассуждая, вы заставите нас, пожалуй, молиться и за самого сатану! А вот святые отцы Церкви говорят, что гордость, даже при всех других добродетелях, одна безвозвратно губит человека! Кому же верить, вам ли миряне, вовсе не читающие святых отцов да и самого слова Божия, или сим учителям веры и благочестия?.. Эх, князь! Вы заглядываете в нашу душу, вы уверяете, будто жажда ненависти вторая натура наша. Оглянитесь на себя, загляните в свое-то сердце: чего-чего там нет? Начиная с этой, уже явной ненависти к вашему вологодскому обличителю, который, видимо, не дает вам спать, и кончая обвинением Синода в той же ненависти, чуть ли не зависти к еретику Толстому, вы, конечно, уверены, что архиереи не пойдут в суд на вас жаловаться, и смело разсыпаетесь в ругательствах по их адресу, но ведь есть суд Божий... Верите ли вы в него?

Советую вам, князь, заглянуть в книгу Иисуса сына Сирахова и прочитать первый стих главы тринадцатой. Кажется, с вами случилось то, что там сказано.

Эта “отповедь” была напечатана в “Колоколе”; князь поспешил ответить на не ругательной выходкой в “Гражданине”. Пришлось снова обличать старого публициста, и в том же “Колоколе” я напечатал следующую заметку:

Ну – Бог ему судья!

Князю Мещерскому, конечно, не по душе мои отповеди. Не имея, что мне возразить по существу, он продолжает унижать меня в мнении своих читателей, печатая, будто я “ежедневно” помещаю в какой-нибудь “уличной газете” (разумеется единственная почтенная газета “Колокол”, да – вероятно, “Русское Знамя”, охотно перепечатавающее мои дневники из “Троицкого Слова”) полемическую статью, подсчитывая, сколько раз употребил я слово “сатана” (но так и не говорит, сколько же насчитал?), уверяя, будто он, князь, заметил в один и тот же день три моих статьи (в глазах у него, видимо, стало уже троиться), и будто всюду – только “ненависть”, “ненависть” и “ненависть”... Семь раз он снова повторил в своем дневнике относительно меня это, очевидно, им особенно любимое словечко (а что оно ему любо – видно из того, что не мог он не повторить его трижды даже в своем объявлении о продолжении издания “Гражданина”). Он взводит на меня клевету, будто я и его, князя, назвал “сатаною”, его, – “верного сына Церкви” и многих других... Ну, Бог ему Судья! Мои читатели ведь читали все мои статьи и могут лучше меня судить, есть ли правда в словах “потомка великаго Карамзина”. Спасибо ему за великую для меня честь, что он ставит мое имя рядом с именем ревнителя Церкви Божией саратовского святителя Гермогена. Спасибо за его неусыпные заботы о моей епархии (о ней он снова говорит в последнем № “Гражданина”). Спасибо и за то, что не требует от меня любви к сатане, ибо в одном дневнике проговаривается, что “епископ Никон произносит с ненавистью имя сатаны”. Ну, конечно, это имя каждый верующий во Христа не будет же произносить “с любовью”!

А по существу-то вопросов – ни о буддийском капище, ни о молитве за Толстого, ни о чествовании сего безбожника и еретика так ничего у князя и не нашлось сказать...

Впрочем, вообще-то о Толстом он нашел что сказать в следующем, вышедшем уже после появления в “Колоколе” моей настоящей заметки, № “Гражданина”. Он проводит параллель между искушением Христа Спасителя сатаной в пустыне и – искушением от того же сатаны графа Толстого. Толстой, по его, князя, словам, “от невежества своего (лучше бы сказать – от безмерного самообольщения) восприял решимость идти на проповедь новых заветов и взглядов на веру, на жизнь, на человека и не любовью к человеку вдохновил свою решимость, а ненавистью (князь, как видите, умеет говорить и правду) ко всему тому старому миру, которого он не знал и на разрушение которого он решился идти потому, что мир, хваля его гений беллетристики, от него независимый, осудил его ум, его философию. И тогда сатана явился к нему, повел его на гору, показал ему мир и сказал ему: поклонись мне, и я весь мир положу у ног твоих и дам уму твоему веселие, которое тебя поднимет над всеми людьми. *И Толстой поклонился сатане, и сатана сдержал свое слово* (курсив мой)

Совершилось что-то совсем сверхъестественное, что-то непостижимое, что-то чуду подобное. Толстой стал печатать свои лжевоззрения, свои заветы новой религии, вдохновляясь наскоро схватываемыми из книг познаниями и пользуясь своим большим умом. И что же? То т самый мир, который везде (?) не знал Толстого как гения беллетристики, бросился на все революционные во всех областях жизни его проповеди с жаждою не только их читать, но воспринимать их, и по всему миру пронеслась проповедь толстовского учения, и во всех странах земного шара явились толпы преклоняющих, во исполнение обещания сатаны, перед Толстым колена. Увлеченный славолубием и волшебным успехом своей революционной проповеди, в которой он видел силу и торжество своего ума, Толстой доходит до отрицания Церкви, власти, всех исторических преданий и всего государственного строя”.

Остановимся на этих мыслях князя Мещерского. Под ними может подписаться даже епископ православной Церкви. Да, Толстой подпал под влияние врага рода человеческого – сатаны, стал его слугою, поклонился ему, конечно, не буквально, а идейно, что в сущности одно и то же... Да ведь это и я говорил, это повторяют и все верующие люди... Теперь вопрос: Толстой распространяет враждебное Христу, следовательно, сатанинское учение. Что же должна была сделать, как поступить Церковь? Конечно, по заповеди Спасителя (Мф. 18, 15–18) и наставлению Апостола Павла (1 Кор. 5, 13), согласно канонам церковным, после увещаний, отлучить еретика от общения церковного, как могущаго заразить верующих в простоте сердца своими злохулениями против Господа нашего и всего учения Церкви – невесты Христовой. Та к и поступил Святейший Синод. Но не так судит князь Мещерский.

“И тут, – говорит он, – Святейший Синод своим отлучением Толстого от Церкви (т. е. исполнением повеления Христова) довершает славу, обещанную сатанею Толстому (*славу от сатаны* – за измену Христу!), ибо дает на весь мир (мир, ненавидящий Христа – Ин. 15, 18–19) мнениям Толстого победоносную прелесть запрещенного плода (уж не следовало ли самой Церкви распространять сей запрещенный плод?!), к которому уже приобщаются не только все неверующие и революционеры, но сотни тысяч равнодушных (к чему?) на земном шаре. Новый Толстой достиг апогея своего торжества”.

Далее князь усматривает в жизни Толстого какой-то новый период, новую эпоху, которая была “неожиданностью для сатаны”, для преклонившагося пред Толстым мира и для всех его последователей, когда проявился его разрыв с царством гордости и самообожания, порыв якобы к самоунижению и “противление всем обольщениям и искушениям зла силою смирения и богоисповедания”. “Зажегши в душе своей свет и огонь Бога (что за выражения!) и дав им разгореться со всею силою его крупной духовной личности, Толстой мог дойти до стремления осуществить то, что Христос предложил вопрошившему Его о пути к совершенству: оставить отца и мать и идти за Христом... “И он решился оставить жену, семью, дом и идти, но за кем? Вот тут, говорит князь, начинается последняя, предсмертная драма: он ушел из дому и пошел *с богом в душе, но своим, а не христианским, ибо идти за Христом он не мог* (а выше только что сказано: мог!), *потому что для исповедования Христа душа его была слепа и глуха*”...

А вывод отсюда – что “Святейший Синод напрасно отлучил от Церкви Толстого как личность, вместо того, чтобы осудить творения его гордости и заблуждений”...

Значит: не следует отлучать от Церкви даже таких еретиков, которые в гордыне своей изобретают “своего бога”, бога “не христианского”, и которые остаются слепы и глухи для исповедывания Христа...

Та к вот какие у нас есть “верные сыны Церкви!” Они хотят быть милостивее Самого Господа Бога, любвеобильнее матери-Церкви, хотят насильно спасать души еретиков и вводить их в Царство небесное... Едва ли с такими богословами можно вести какая-либо рассуждения: пожалуй, еще введешь их в еще больший грех противления Церкви самосмыслением...

И грустно, и больно за родную нашу Церковь, за нашу многострадальную Русь...

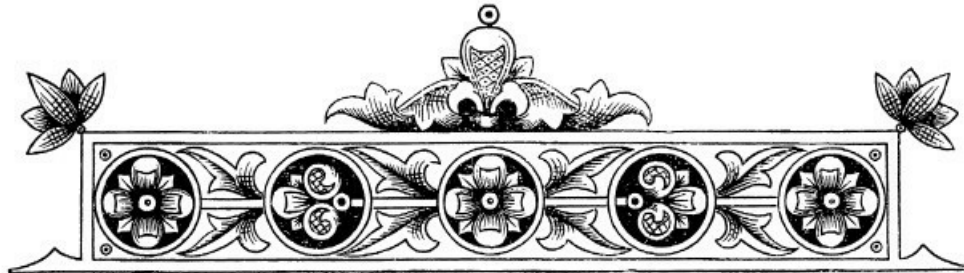
Послесловие к моему дневнику за минувший год

Первый год издания “Троицкого Слова” можно считать законченным: выходит – 50-й. Слава Богу за все! Апостол Христов заповедует: задняя забывая в предняя простираться. Если позволительно оглянуться назад, то разве только для того, чтобы отметить свои же недостатки, а их было немало. И по немощам моим, и по множеству дел по епархии и Г. Совету, я не имел возможности откликнуться на ту массу писем, которые получаю ежедневно со всех концов родной Руси православной, и на все те явления в церковной и общественной жизни, которые больно отзывались в русском сердце. Мало было отрадного; несравненно больше скорбного. Отраднo разве то, что есть еще на Руси грешной немало скорбящих душ, и верится, что Господь, некогда утешивший пророка Илию, жаловавшего на то, что он остался один непреклонившим колена пред Ваалом, – Он, милосердый, утешит и сих скорбящих откровением, что они не одиноки и что если тогда нашлось до семи тысяч душ, Ему верных, то и в наше многогрешное и многоскорбное время найдется их не меньше на Руси, и ради сих-то избранных Он сократит дни великих скорбей, которые длятся и, кажется, еще продлятся по грехам нашим.

Итак, слава Богу за все!

Мои дневники
1911 год

Бог зовет нас к покаянию грозными явлениями в природе

С Новым годом, читатели мои, с новым даром Божия долготерпения к нам грешным! Еще дается нам отсрочка для достойного приготовления к вечности – велика ли – не знаем: может быть, целый год, а может, и месяц, а кто знает, может быть, иному и несколько дней или часов... Все в руке Божией, и да будет воля Его святая над нами!

Для Нового года душа просит побеседовать на вечно старую тему. Есть вещи, о коих недостаточно говорить и писать: надо бы проповедовать о них на кровлях, взывать на улицах и перекрестках, потому что, по слову Христову, если мы умолчим, то камни возопиют, бездушная природа не в силах будет молчать. Мы привыкли мерить все сущее в мире своею меркою, мерою своего маленького ума, и забываем, что для всесовершенного Ума Божия существуют иные меры, на наши непохожие. Так, мы делим природу на одушевленную и неодушевленную и полагаем, что неодушевленная природа неспособна действовать разумно, повиноваться сознательно, что она повинуетя только раз навсегда данным ей от Творца физическим и химическим законам, повинуетя с необходимостью, сама о том не ведая, не сознавая. Но, думая так, мы забываем Божие всемогущество, Божию премудрость и благодать, мы как бы ограничиваем сии совершенства Божии в своем сознании, мы опускаем из виду, что вся неразумная тварь создана для того, чтобы разумные существа чрез нее прославляли сии совершенства Божии. *Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь*. И это – не только чрез наше созерцание тварей Божиих, Божией премудрости в их устройстве, но и в непосредственном выполнении ими воли Творца. Для Него – Всемогущаго все возможно: и природа бездушная повинуетя Ему, столь же “разумно” исполняя Его повеления, как и разумные существа... *То ѿ рече и быша, повеле и создашася*. И ныне Он повелит – и природа исполняет Его веления, и мы, волею или неволею, являемся свидетелями, а иногда и участниками таких явлений в природе, в коих не можем не признать, если только не ожесточились, не ослепли духовно, не умертвили в себе совесть, не можем, говорю, не видеть всеильную Руку Божию, властно повелевающую природе. Да, природа так же повинуетя Творцу, как и разумные твари, и, действуя неразумно, дает урок послушания самому венцу творения – человеку!

Мы переживаем грозные времена. Невольно вспоминается слово псалмопевца: *время действовать Богу, ибо разорен закон Твой, Господи!* (Пс. 118). И Господь действует... Человек, разумное создание Божие, безумствует, бунтует против своего Творца, и неразумная природа, мановением Божиим, вразумляет безумца. Вспомните всемирный потоп, вспомните гибель Содома и Гоморры, поезжайте в Италию, посмотрите на раскопки в Помпее, и, если у вас достанет самопонуждения, если вы не убежите оттуда, гонимые чувством стыда и негодования, то узнаете, за что погибли Помпея и Геркуланум... Но для верующаго христианина еще более поразительны те знамения, что совершались в час смерти Господа нашего на кресте. Читайте в Евангелии от Матфея: *и се завеса церковная раздрася на двое с вышняго края до нижняго, и земля потрясеся, и камене распадеся, и гроби отверзошася*... (Мф. 27, 21–22). Если бы современные христиане не забросили тех поучительных книг, что называются житиями святых, книг, в коих начертаны дивные образы сынов царствия Божия, если бы русские люди почаще заглядывали в страницы родной истории, в наши безценные летописи, то увидели бы, как

дивная десница Божия руководила судьбами народов, вразумляя их грозными знаменами в неодушевленной природе. Разорjali люди закон Божий, и действовал Бог, вразумляя разорителей, и по мановению Его сама природа вступалась за нарушенный нравственный закон. Для верующаго нет сомнений в том, что законы естественные действуют в союзе и полном согласии с законами нравственными.

И вот сие самое мы видим и со страхом наблюдаем в наши дни. Со страхом: ибо совесть наша свидетельствует, что грядет и наша чреда понести гнев Божий на себе за нераскаянность нашу. И у нас на Руси свили себе гнездо непримиримые враги Христа, враги Церкви, враги нашего отечества – масоны, и вот разоряется всюду закон Божий, слышатся повсюду глумления, издевательства над заветными святынями нашего русского православнаго сердца, оскорбление сих святынь, а мы остаемся равнодушны ко всему этому или же ограничиваемся скорбными газетными статьями, телеграммами по начальству, громкими речами и протестами... А на себя-то самих и не думаем смотреть: лучше ли мы от всего этого становимся? А грозы Божия ходят по вселенной и все ближе и ближе подходят к нам... ^[12]

Кто не помнит, несколько лет тому назад, страшную гибель острова Мартиники? Непроницаемой тайной покрыты и доселе все обстоятельства этой гибели.

Об этом позаботились те, кому это было нужно, чтоб оглашение сих обстоятельств не пробудило совести христианской, не заставило задуматься верующие умы, – ведь известно, что всемирный европейско-масонский союз захватил все главные телеграфныя агентства, главные газеты всех стран, всех народов, и мы узнаем лишь то, что найдут для себя полезным, или по крайней мере, безопасным наши же враги. А между тем, вот что узнаем мы частным путем, уже несколько лет спустя после потрясающаго события, оповещеннаго по всему миру на другой же день. “Дивный клочок земли, пишет газета “Колокол”, райский уголок, не отравленный обычными бичами юга – змиями, скорпионами и прочей ядовитой тварью, остров Мартиника давно уже перешел всецело в руки масонства, подобно Алжиру, столь же прекрасному. В городе Сен-Пьере, стертом с лица земли разгневанным Господом, иудеи и масоны торжествовали. Там уже шла постройка новаго “храма Соломонова”. Мне пришлось встретиться с немкой, говорит автор, прожившей 15 лет на Мартинике и покинувшей Сен-Пьер за два дня до катастрофы. Ее спас вещий сон, ^[13] который, конечно, назовут неверующие случаем, хотя подобныя сонныя видения побудили несколько тысяч человек спешно покинуть Сен-Пьер, оставляя свои дела и имущество. Моя знакомая, например, уехала, не успев продать своего дома. И многие поступили так же. За последние полгода существования Сен-Пьера количество уезжающих оттуда христиан было так велико, что пароходныя компании удвоили число отходящих судов, и все эти суда уходили переполненныя пассажирами. Бежали люди всех классов и состояний, от богатых землевладельцев до бедных рабочих. Не все бежавшие были верующими христианами. Все они знали, уезжая, что больше не увидят Сен-Пьера, что столица масонства, в которой открыто существовало капище сатаны, где люциферианство, или сатанизм, признавалось в качестве разрешенной религии, – осуждена на погибель. Всех уезжающих гнало вон нестерпимое чувство тоски и ужаса, многих же – видения, одинаковость которых была прямо поразительна. Моя знакомая, уехавшая чуть ли не на последнем судне, говорила мне, что все ехавшие вместе с нею 45 пассажиров постоянно видели в последние дни устрашающие сны, одинаковые при всем разнообразии подробностей. И когда на третий день пути на горизонте, в стороне Мартиники, показалось огненное зарево, а море заволновалось, несмотря на полное

отсутствие ветра, все в один голос вскрикнули: “Сен-Пьер горит!” Тогда же на палубе была совершена месса католическим священником, уехавшим из Сен-Пьера с священными сосудами из своего храма. Но ведь вас могут заподозрить в преступлении? “ – сказал ему кто-то. – “Нет, – спокойно ответил священник – я повиновался воле Господней... Слишком ясно она была указана мне грешному”. Объяснения этих загадочных слов он дать не захотел, но последние беглецы из Сен-Пьера поняли его и без объяснений. В первом же порте, Джордтаун, они узнали страшную судьбу Сен-Пьера и тут же, под открытым небом, упав на колена, возблагодарили Бога за свое спасение. Насколько была сильна уверенность всех этих беглецов в том, что ждать нельзя было ни минуты долее, доказывается тем, что они уехали с первым же отходящим парусным судном буквально куда попало, только бы не оставаться на Мартинике. И они были правы. Следующее судно, отходившее в Северную Америку три дня спустя, либо не вышло, сожженное в порту, либо погибло у берегов Мартиники, подобно многим другим. Должно обратить особенное внимание на то, что вся европейская печать упорно замолчала подробности даже такого чудовищного события, как гибель города с 43 000 населения в каких-нибудь пять минут. Беглецов из Сен-Пьера насчитывают до 3 000. Вернувшиеся в Европу уже не скрывают, что там происходило, но газеты усиленно молчат, благо Мартиника так далеко от Европы, что люди, отвыкшие самостоятельно думать, легко могут объяснить это молчание отсутствием документов, всеобщей гибелью и т. п. Можно ли поверить, что в наше время так жадно гоняющиеся за сенсационными известиями газеты не сообщили всего, что только было бы можно узнать о гибели Сен-Пьера? Но раз это не угодно масонам и иудеям – оне молчат... (“Колокол” № 1417).

А вот еще ближе к нашему времени совершилась гибель Мессины, и только благодаря присутствию русских судов у ее берегов христианский мир узнал неопровержимые факты самого отвратительного святотатства, кощунства, административного преследования и печатного глумления над верой Христовой, на которое громовым ответом послужило губительное землетрясение... И море, и недра земные сотрясаются от негодования при виде богопротивных деяний человеческих...

А эти необъяснимые даже естественными законами наводнения во Франции, Лондоне, Австрии? Эти бури и тайфуны на море и суше, как например, в низовьях нашей кормилицы Волги? Эти болезни-эпидемии, как холера, тиф и, особенно, эта “черная смерть”, чума, которая, в четырнадцатом, например, веке, опустошала буквально целые города на Руси и которая теперь медленно, но верно ползет к нам снова и с юга и с востока, из далекой Азии?

Люди старые удивляются, с тревогой говорят, что и природа-то стала как будто ныне не та, что лет 60–70 назад: тогда и дожди были благорастворенные и благовременные, а ныне или засуха беспощадная, или ненастье непрерывное; тогда и урожаями Бог благословлял, а ныне – то ненастье, то засуха, то саранча, то какие-то черви губят хлеб еще на нивах... “Да за что нас и миловать Господу Богу? – говорят старые умные люди. – От грехов людских стоном стонет мать-сырая земля. Будто последние времена настали. Люди совсем Бога забыли. Мало того, что забыли: еще богохульствуют!”...

Да, еще мы, пастыри, молчим, то камение – бездушная природа вопиет против беззаконий наших, против нераскаянности нашей. И солнце, и воздух, и море, и суша, и ветры, и все стихии уже жалуются на нас Богу, уже готовы исполнить повеление Божие, чтобы совершить суд Божий над нечестием людским. Но еще и еще ждет всемилостивый Господь покаяния нашего, еще и еще дает нам отсрочку: *смоковницу имяше некий в*

винограде своем всаждenu, и прииде ища плода на ней, и не обрете. Рече же к винареви: се третье лето, отнелиже прихожду, ища плода на смоковнице сей, и не обретаю: посецы ю убо, вскую и землю упражняет? Он же отвещав рече ему: Господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ея, и осыплю гноем. И аще убо сотворит плод: аще ли же ни, во грядущее посечеши ю (Лк. 13, 6–9).

Господи! Остави и нас на се лето, аще и не три уже лета, а все дни и лета жития нашего ищещи плода от нас и не обретаеши... Призри на немощь естества нашего, вразуми нас имиже Сам веси судьбами, обрати сердца наши к Тебе, Солнцу правды, и оживотвори нас благодатию Животворящаго Духа Твоего, да принесем плоды достойные покаяния и да не возрадуется о нас враг Твой и наш, но да прославится всесвятное имя Твое! Аминь.

Наше крещение и наш крест

Скоро исполнится тысяча лет с того благодатного дня, как наша Русь просвещена Святым Крещением, все мы имели счастье сподобиться сего великого таинства еще в первые дни своего земного странствования: но многие ли вдумывались в глубокий смысл самого слова: *крещение*? Гд е корень этого слова? И в греческом, и во всех европейских языках это понятие обозначается словом *погружение*, омовение чрез погружение в воду. Но наши мудрые первоучители христианства, наши предки-славяне для обозначения благодатного таинства, вводящего человека в новую жизнь, избрали другое слово, корень которого есть слово *крест*. Мудрое избрание, знаменательное слово!

В самом деле: что такое крещение для христианина?

Это есть духовное возрождение в благодатную жизнь. Как оно совершается? Чрез смерть для греха и воскресение для Христа Господа. *Неужели не знаете*, говорит Апостол Павел, *что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни...*, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам уже не быть рабами греху, ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним (Рим. 6, 3–8). Но Христос умер на кресте, следовательно, смерть со Христом есть крестная смерть, а крещение и есть *сораспятие Христу, спогребение Ему*. Вот почему при крещении иерей вопрошает крещаемого: отреклся ли еси сатаны? сочетался ли еси Христу? – Если же ты сочетался со Христом, ради тебя распятым, то и пребывай Ему верным, не отлучайся от Него, и тогда Он воскресит тебя с Собою, и твой крест, воспринятый тобою при Святом Крещении, обратит тебе в крылья, чтобы вознести тебя ими на небо и спосадить с Собою одесную Отца.

Итак, крест есть неотъемлемый залог нашего спасения во Христе Иисусе. Кто не несет креста, кто старается сбросить его с себя, убежать от него, – скажу больше: кто не распинается со Христом на кресте, тот не христианин. Христианин есть живой член тела Христова, которое есть Церковь. Если Глава сего таинственного тела – Христос страданиями вошел в славу Свою, Он, Агнец невинный, взявший на Себя грехи мира, то как же членам Его тела, верующим в Него, не сострадать Ему, не соучаствовать Ему в страданиях, хотя бы в той ничтожной мере, какая будет по силам каждому члену Его тела? Ведь только при том условии, *аще с Ним страждем, с ним и воцаримся. Что за похвала*, пишет св. Апостол Петр, *если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если делая добро и страдая терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны: потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Петр. 2, 20–21). *Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете* (4, 13). – Видите, как крест неразлучен с истинным христианином? Крест, скорби, страдания – это радость для верного последователя Христова. Читайте Деяния св. Апостолов, читайте их послания: везде они радуются скорбям, какия им приходилось нести за имя Господа Иисуса. Да и как им было не радоваться, когда Сам Господь сказал им: *радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 6, 12). Они не только с радостью терпели все скорби, но и на смерть шли, как на брачный пир. С тою же радостью несли свой крест и все святые

Божии. При всей скорбности для немощной плоти, они ликовали духом, когда Божиим попусшением приходили скорби.

Мне скажут: то были скорби за имя Христово, а наши-то скорби – от нас самих, от грехов наших.

Так. Но вот послушайте, что пишет Апостол Павел Евреям: *вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам как сынам: сын мой, не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Притч. 3, 11–12). *Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12, 4–8). Господь “бьет нас”, по сильному выражению Апостола, значит, еще любит нас, значит, мы еще не потеряны для Царствия Божия. Он очищает нас, исправляет яко детей Своих; возблагодарим же Его благодать, наказующую нас не по мере беззаконий наших, а по мере любви Своей безконечной! По немощам нашим и малое наказание кажется нам тяжким, но ведь и Апостол пишет: *всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалию; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности* (ст. 11). Вот почему все верные чада послушания, верные Господу Его рабы, смиренно всегда благодарили Господа за все скорби, и Господь укреплял их в терпении. Они знали по опыту, какое великое благо тот “мирный плод праведности”, о коем говорит Апостол. Они знали и сладость креста, возлагаемого Господом на Своих последователей. Еще ветхозаветный праведник с умилением сердца взывал к Господу: *благо мне, яко смирил мя еси, Господи, да научуся оправданием Твоим!* (Пс. 118).

Хочешь ли ты, сораспятый Христу во Святом Крещении, чтобы Он понес с тобою твой собственный крест? Хочешь ли, чтобы сей крест обратился для тебя в лестницу, возводящую на небо? Воздохни к Нему из глубины твоей души, скажи Ему: Господи! Ты лучше меня знаешь, что мне полезно: твори надо мною волю Твою святую! Ты ведь знаешь и немощи мои, я верую, что Ты не попустишь мне искушения сверх сил, но при искушении подашь и облегчение, чтобы я мог понести (1 Кор. 10, 13). Та к молись в скорби души твоей, так отдавай себя в руки Божии, как дитя отдает себя на руки матери, и в этом самопредании Богу ты обретешь не только силы для несения твоего креста, но и великое утешение. Ты поймешь всю радость сострадания крестного со Христом. Ты почувствуешь, что Он с тобою, Он несет за тебя твой крест, и сей крест уже обращается для тебя в крылья, возносящие тебя над этою землею, над ея суетными радостями, которые покажутся тебе такими ничтожными... И радость освобождения от сетей суеты земной будет тебе наградою за это самопредание Господу. Говорят, что христианство есть религия радости. Да, но той радости, к которой путь один – чрез Голгофу, радости, которая рождается в сердце от участия в страданиях Христовых!

Господь хочет, чтобы мы, сочетавшись с Ним в крещении, были живыми членами тела Его и, следовательно – чтобы были причастниками и страданий Его, дабы быть потом причастниками и славы Его. И наши скорби, наши кресты не есть юридическое наказание за наши грехи: если и наказание, то лишь отеческое вразумление любви Божией к нам. Для искупления наших грехов достаточно было одной капли крови Сына Божия, а ея пролиты целые потоки, – но нужно наше личное, живое участие в жизни Главы нашей, а это и совершается, с одной стороны, – доброделанием, когда Христос в нас и чрез нас исполняет Свои заповеди, а с другой – самопреданием Ему в скорбях наших,

восполнением в нас, по выражению Апостола, скорбей Христовых в плоти нашей. И начало всему этому полагается в Святом Крещении, в знамение чего и возлагается на нас крест... Таков смысл слова *крещение*.

Новый закон о расстригах

Полтора года назад Государственная Дума, почти накануне летних каникул, вырвала из представленных ей правительством законопроектов те статьи, которые касались лишенных священного сана или же лишаемых оного по собственному желанию, что в сущности, есть поправление сана ради земных расчетов, сочинила из этих статей свой законопроект и передала его в Г. Совет. Здесь этот законопроект рассматривался больше года в особой комиссии, выработан взамен его новый, который и рассматривался в Г. Совете, во второй половине декабря. К глубокому сожалению, несмотря на сильнейшие возражения как со стороны правых, так и со стороны докладчика и председателя комиссии, законопроект принят Г. Советом, большинством, впрочем, только в 4 голоса, в редакции почти тождественной с тою, какую предложила Г. Дума. Таким образом, расстриги получили почти все те права, каких для них добивалась Г. Дума. Можно ожидать, что теперь их будут выбирать и в самую Думу, о чем так заботились левые думцы, и гг. Петровы, Семеновы и им подобные явятся в качестве законодателей для Русской несчастной земли.

Некоторые читатели мои просят меня сообщить, что я говорил 15 декабря в заседании Г. Совета. Привожу свою речь по сему делу по стенографической записи.

“Я не юрист, и, конечно, не мне судить о достоинстве той или другой законодательной меры в области государственной жизни, но в настоящую минуту Г. Совет обсуждает закон, близко касающийся монашеского духовенства, коего представителем являюсь я здесь. Потому прошу позволения сказать откровенно с этой кафедры о том, какое впечатление произвел на меня, думаю, что и на моих собратий, монашеских, предложенный законопроект. Законопроект Г. Думы так и озаглавлен: об отмене ограничений... следовательно, речь идет о свободе и о правах. Согласен, что все эти несчастные – иначе мы не можем назвать их – заслуживают сожаления, имеют право на свободу и на права. Но, ведь, закон, прежде всего, должен иметь в виду благо всего государства, а потом уже и отдельных лиц, а потому и должен принимать во внимание правоспособность этих лиц, определяемую не одними бумажными документами, а – главным образом – их нравственными качествами. А об этом-то и намека не имеется в думском законопроекте. Предполагается, само собою, что раз они когда-то учились в школе, имеют ярлык об окончании курса, и довольно: могут поступать на службу – государственную или общественную, когда угодно. И вот получается впечатление, как будто законопроект для того и сочинен, чтобы дать, как говорится, теплое местечко этим несчастеньким. Он не проявляет ни малейшей заботы о том, чтобы служебные должности замещались непременно людьми не только по образованию правоспособными, но и нравственно крепкими, на коих бы можно положиться. А эта забота, по нашему монашескому мнению, должна быть положена во главу угла всякого законодательства, от недостатка такого мерила кандидатов на должности страдает вся наша государственная и общественная жизнь, не говорю уже о церковной. Мне скажут: к чему я об этом говорю? Отвечаю: душа изболелась при виде чиновников – политических развратников, учителей – безбожников, служителей Церкви – о коих слово Божие говорит: проклят всяк творяй дело Божие с небрежением! Я 30 лет прожил в монастыре, да вот уже семь лет имею дело и с монахами и с белым духовенством в качестве архиерея и могу сказать, что все эти

лишаемые сана духовного или монашества по суду – люди потерянные для какой бы то ни было службы, слабые волею, часто зараженные пороками, которые много забот доставляют нам, архиереям, по их увещанию, исправлению и от которых – буду откровенен до конца: мы рады бываем избавиться. Добровольно слагают сан большею частию те, которые меняют благодать священства на прелести женския. Среди таковых, конечно, бывают и способные к службе. Но ведь закон должен по всей справедливости озаботиться прежде дать место тем правоспособным и нравственно крепким лицам, которые ничем себя не опорочили, которые не проявили склонности изменять своим торжественным обетам в угоду своим страстям. Мне невольно вспоминается мудрый поступок отца императора Великого Константина – Констанция, который, вступив в управление Галлией, объявил, что все состоящие на службе христиане должны немедленно выйти в отставку, а когда слабые христиане отреклись от Христа, чтобы остаться на службе, то решил: кто не верен своему Богу, тот не может быть надежным слугою и земной власти, и приказал уволить всех отрекшихся от Христа, оставив при себе только верных христиан. Думаю, что и наш христианский закон должен при избрании лиц для службы государственной и общественной иметь в виду этот принцип и не спешить допущением на службу людей, изменивших своим обетам в служении Церкви. Вот почему мы, монашествующие, не можем не высказаться за ограничение прав лиц, как лишенных сана по суду, так и добровольно изменивших обетам священства и монашества, в отношении их общественной и государственной службы. Найдут они себе дело и на частной службе, хотя бы в торговых и промышленных предприятиях, пока кончится срок их правоограничения.

Теперь я скажу свое скорбное слово как архиерей.

Из доклада комиссии видно, что главным побуждением к тому, чтобы оставить в законе, хотя в меньшей мере, ограничение права жительства для священнослужителей иереев, все равно, как священников, так и монашествующих, было опасение соблазна для верующих, вверявших им тайны своей совести. Да, это опасение имеет гораздо большее значение, чем обычно думают. Вспомните, что и теперь многие интеллигенты избегают исповеди у своих приходских священников и говеют в монастырях. Ведь исповедь есть единственный в настоящее время момент, когда человек становится лицом к лицу пред всеведущим Богом, когда снимает с себя маску лицемерия, коею закрывается всю свою жизнь, когда может при помощи духовника видеть себя таким, каков он есть... А без этого – он постепенно перестает быть христианином, я сказал бы – человеком по образу Божию. И вот ради каких-то удобств для лишаемых сана или попирающих его ради женских прелестей, сбрасывающих с себя крест ради земных расчетов, – во имя модного принципа свободы совести подвергать верующих искушению – укрывать грехи на исповеди и тем ввергать их в смертный грех по суду Церкви – судите сами, гг. члены Г. Совета: допустимо ли это в христианском законодательстве?! Ведь это поведет не только к искажению, но и к вытравлению в душах той совести, о свободе которой ныне так мною говорят!

Я боюсь еще одной беды для Церкви в том случае, если закон снимет все правоограничения с белаго и монашествующаго духовенства при снятии с них сана. Я боюсь, что в духовное сословие ворвутся нежеланные кандидаты, которым нечего будет терять. При недостатке кандидатов священства нам, архиереям, еще труднее будет уберечь Церковь от таких лицемеров, вроде Гапона, Михаила и им подобных. Каждый проходимец, получивший среднее образование, легко может притвориться на время

невинным агнцем, чтобы потом, получив благодать священства, сделаться волком, а в случае изобличения снова вернуться туда, откуда пришел. У нас есть епархии в 2–3 миллиона душ православных, с 1500–2000 церквями: возможно ли архиерею знать каждого священника, иметь на все места достойных кандидатов? Священнические места пустуют иногда по полугоду, почти по году. Прихожане слезно умоляют прислать священника, а никто не подает прошения. Рад бываешь всякому кандидату, который на первый взгляд покажется порядочным человеком и выдержит пастырский экзамен. Снятие всяких ограничений поставит священника на одну доску с чиновником. Не дает архиерей лучшего места – не хочу оставаться в сане. Подвергли какому-нибудь штрафу, выговору, не говорю уже о монастырском подначалии – то же. Конечно – худая трава из поля вон, но этой худой травы будет меньше, если сан священника в глазах закона будет стоять выше чиновника, если измена алтарю будет и государственным христианским законом считаться делом предосудительным, укоризненным.

Вот те главные основания, по которым я считаю нужным поддерживать заключения нашей комиссии с теми поправками, какая вносит в них В. К. Саблер”.

Как я сказал выше, все наши соображения большинством 4-х голосов – не православных – были отвергнуты. Не скрою, что решение такого важного в принципиальном отношении вопроса произвело на меня, да и не на меня одного, тяжелое впечатление. В чем сущность дела? В том, что государство ни во что ставит отречение лица, облеченного священным саном, от благодати священства, нарушение им иерейской присяги или монашеского обета, лицемерно ссылаясь на то, что раз церковная власть якобы разрешает добровольное отречение, то оно, значит, не наказуемо, государство решает, что такое лицо не подлежит никакому ограничению. Но ведь нашими правыми ораторами было достаточно выяснено, что каноны церковные не допускают добровольного сложения сана, и то, что называется теперь разрешением добровольного сложения сана, есть, в сущности, только регистрация церковного властью самовольного попрания благодати и обетов, за что древняя Церковь подвергала отлучению и нынешняя вовсе не признает делом нравственно дозволенным и лишает таковых права оставаться в клире даже на низших степенях. Государство должно же принять во внимание, что таковые нарушители не заслуживают уважения наравне с людьми, ничем себя не опорочившими. В этом должно выразиться уважение государства к самой Церкви. Но в решении Г. Совета сего не усматривается, и вот вчерашний духовный отец, как это было недавно, ныне пускается в пляс на глазах своих бывших духовных детей, или открывает винную лавочку, или творит нечто иное, зазорное, смущает верующих, а государство, вместо того, чтобы пощадить совесть их и оградить от соблазна, дает ему право на общественную и даже царскую службу... Не приведет к добру это нежелание поддержать авторитет Церкви в глазах народа. Оно есть признак, что союз Церкви с государством надрывается, что для голосующих за таковые законопроекты безразличны интересы православных людей и дороже интересы расстриг, к которым народ относится, как к клятвенарушителям. В святом деле законосоставления должно принимать во внимание и мнение православного народа, как и мнение Церкви Православной. Будем надеяться, что впредь наши мужи государственные будут осторожнее и не будут поддаваться обаянию речей ораторов, стоящих на стороне врагов Церкви, – сознательно или безсознательно – это дело их совести.

О тонком яде, проникающем в нашу духовную журналистику

Не могу я, за недостатком времени, следить за нашей периодической литературой, за газетами и журналами так исправно, как это было бы нужно по нашему времени, но и без того почти не проходит дня, чтобы не попадалось на глаза то или другое доказательство постепенного, так сказать, перевоспитания наших православных взглядов, а затем и понятий в нашем обществе – притом не том безбожном обществе, которое приходится причислить к культурным язычникам, а в среде людей, считающих себя, и ненапрасно, религиозными и православными. Бывало, лет десять-двадцать назад, если встретишь что-либо в духовном журнале, противоречащее православным воззрениям, то уже это “режет глаза”: смотришь, в том же или другом подобном журнале скоро появляется и опровержение такого уклонения от заветных преданий родной Церкви. А ныне – увы – если бы кто вздумал заниматься такими опровержениями, то у него не достало бы ни времени, ни сил на такой геркулесовский подвиг. Поневоле молчишь, по пословице: “На всякий роток не накинешь платок”. Одним словом – “свобода”! Чего же вы еще хотите? И пишут, и печатают все, кому только не лень, не справляясь ни с мнением Церкви, – хотя и именуют себя православными, – ни даже с здравым разумом...

Ко всему можно привыкнуть, но вот чего душа не выносит, вот что особенно бьет по сердцу – это когда человек, которого привык уважать за его литературные труды, за его служение святой матери-Церкви художественным пером, когда такой человек, в унисон с иудействующими газетами начинает как бы подслуживаться духу времени и идти в разрез с прямым учением Церкви в вопросах веры или церковной дисциплины... Ради чего это?

Я прошу моих читателей прочитать вот эту выдержку из “Русского Паломника” (№ 52, 1910 г.):

“Теперь в этом Шамордине страждет одна женская глубокая душа. Она любила брата, инокиня Мария, в миру графиня Мария Николаевна Толстая. Она знала, как сильны были его религиозные чувства. И как отрицать их, когда в его произведениях написано столько вдохновенных страниц из церковно-православной жизни русского сердца? Я сам слышал от нея, как графа Толстого и в годы его отрицания влекло к Церкви, как его можно было видеть потихоньку зашедшим к богослужению в московских церквях и простаивавшим службу, притаившись, до конца. И как противоречит этому богоборству это примирительное паломничество в Оптину! Но насилие над его душой окружающих не дало ему вернуться в Церковь! Будем верить, что между душой старца, осыпанной столь великими милостями Божиими, и его Богом, в последние часы догорающей жизни, неведомо ни для кого, произошла великая тайна, – что Бог, сторожащий душу человека и до последнего мгновения борющийся за ее спасение, призвал к себе эту скорбную мятущуюся душу, что радостно она прильнула к ногам Христовым и в том обрела себе покой и спасение”...

Пишет это известный в духовной литературе автор, скрывающийся под псевдонимом *Е. Поселянин*. Откровенно говорю: от него-то, как старого моего сотрудника по “Троицким Листкам”, я всего меньше ожидал таких рассуждений... Прежде, чем печатать эти размышления, ему подобало бы показать их хотя бы тем же Оптинским старцам, и – я

уверен – они не благословили бы печатать этих строк. Довольно сказать, что в одной Вологде приходили ко мне на одной неделе три скорбные души, возмущенные сими нецерковными строками. Я начинаю уже получать письма и из разных концов святой Руси с выражением того же недоумения: как отнестись к этим немногим, но смущающим душу строкам? Один подписчик “Р. Паломника” даже заявил мне крайнее сожаление, что подписался на этот журнал. Я успокоил его, сказав, что нельзя же каждому печатному слову простаго смертнаго верить; не обязательно веровать в то, во что ему хочется веровать. Я не стану касаться тайны скорбящей души достопочтенной старицы, подвизавшейся в Шамордине: ее, конечно, уже успокоили опытные старцы Оптиной пустыни, научив всецело предать судьбу несчастной погибшей души ея брата Богу милосердому и правосудному. Ведь всеконечно, она любит Господа Иисуса Христа несравненно больше, чем брата по плоти. Конечно, она помнит слова Господа: Мк. 9, 42–47. Несомненно, она с негодованием отвергает все хулы своего брата на ея возлюбленного Спасителя и Искупителя. Бог готов всех спасти, но не все свободною волею хотят принять спасение, а насильно и Всемогущий не спасает. Еще в Ветхом Завете Господь говорит чрез пророка Иезекииля: *живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был, обратитесь, обратитесь от злых путей ваших: для чего умирать вам, дом Израилев?* Но Бог сколько милосерд, постольку же и правосуден. В чем застану, в том и сужу, говорит Он. *Праведность праведника не спасет в день преступления его, и беззаконник за беззаконие свое не падет в день обращения его от беззакония своего... Когда Я скажу праведнику, что он будет жив, а он понадеется на свою праведность и сделает неправду, то все праведныя дела его не помянутся, и он умрет от неправды своей, какую сделал.* – Те религиозные переживания, который отразились в прежних произведениях Толстаго, еще не представляют собою спасительных подвигов или добродетелей, совершаемых при помощи благодати спасающей: они могут только послужить ему же во осуждение. Нельзя же забывать его богохульство, или, как выражается сам автор, богоборство: ведь, все это, чего мы не можем даже повторить печатно, на что приходится указывать только намеками, ибо даже нынешняя свобода печати не допускает его мерзостных выражений в отношении святейших истин нашей веры, – все это было после тех немногих переживаний, которых свойственны каждому верующему, но которых он, как художник, умел лучше многих из нас изображать, – а в конце-то его жизни остается неопровержимым факт вражды к невесте Христовой Церкви и Самому Господу Иисусу Христу. В этом остался нераскаянным несчастный писатель... В свое время я уже говорил, что он метнулся было на минуту в сторону Церкви, в Оптину, но уже было поздно: милосердие Божие истощилось, он стал не способен к смиренному покаянию и потому *затворена быша двери*. “Насилие над его душой окружающих” не имело бы места, если бы не было на то Божия попущения по его же неспособности к покаянию. Да, он был “осыпан великими милостями Божиими”, но во-первых, ведь Господь сказал: *кому дано много, от того много и взыщется*, во-вторых, он ведь употребил сии дары не во славу Божию, особенно в последнюю половину своей жизни, а на служение сатане, и наконец, в-третьих, слово Божие нас учит, что вне Церкви нет спасения, а почтенный автор позволяет себе выдумывать какую-то новую теорию спасения, Церкви неведомую и ея учению противную. Церковь, согласно с словом Божиим, объявила Толстого еретиком, а святые отцы учат, что “быть еретиком значит быть отлученным от Бога” (слова преп. Агафона). “Спасается только тот, – говорит блаженный Августин, кто имеет главою Христа, а имеет

главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь”. Она, и только она одна есть *столп и утверждение истины*, и кто не хочет быть ей покорным, тот пусть внимает грозному слову Христову: *если и Церкви не послушает брат твой, то да будет он тебе, как язычник и мытарь* (Мф. 18,17). “Кто Церкви не слушает, говорит один св. отец, тот не есть сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца; кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни”. “Кому Церковь не мать, говорит св. Киприан, тому Бог не Отец!”

Таково учение Церкви о спасении нашем. Минуя Церкви, нет пути к Богу. Та к угодно Богу! И Бог не приемлет никого, кто презирает Церковь. Человек, умирающий в отлучении от Церкви, не может надеяться “радостно прильнуть к ногам Христовым и в том обрести себе спасение”. И мы не смеем иначе веровать, иначе надеяться, как только в согласии с учением Церкви, с учением Христа. И если позволим себе иначе мудрствовать, то будем в великой опасности впасть в ересь и признать возможность спасения для всех анафематствованных Церковию еретиков, начиная с отлученных св. Апостолами, вселенскими соборами и кончая еретиками наших времен. Нет! Слово Христово непреложно: *истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе*. Несчастный писатель связан Церковию на земле: остается связанным и в будущей жизни; он не был разрешен, он не хотел быть разрешен на земле: нет ему уже разрешения и в будущей жизни! Это не мое слово, а слово – грозное слово – Самого Христа!

Если будем рассуждать иначе, то не нужна будет и Церковь, не нужны и таинства ея, не нужно и подвигов, и покаяния! Да не будет сего.^[14]

Хочется думать, что г. Поселянин просто обмолвился, забыв, под наплывом воспоминания впечатлений от художественных произведений Толстого, о его невыразимых хулах и “личной ненависти” к Господу нашему, о которой свидетельствовал бывший когда-то его почитатель В. С. Соловьев.

Я остановился на “обмолвке” г. Поселянина дольше, чем она того заслуживает, потому, что в ней отразилось характерное направление нашего времени даже в духовной литературе. “Русский Паломник”, вот уже 26-й год издающийся по моей мысли и моей программе, хотя и не мною окрещенный сим именем, есть журнал “духовный”. Не считает себя он и сектантским или, как ныне принято выражаться, избегая понятия *православного*, просто христианским. Да и самая идея “паломничества” свойственна, главным образом, православию, а не сектантству. Журнал сам себя так и рекомендует: “для православной семьи, школы и читальни”. Такие журналы особенно были бы полезны для нашего времени. Однако же что преподносит этот журнал своим читателям по поводу смерти гр. Толстаго? Да ни больше, ни меньше, как целый иудейский акафист этому богоотступнику. Правда, все это – не свое, а заимствованное у почитателей Толстаго, но ведь православные-то читатели уж, конечно, не ожидали такого подношения со стороны редакции... Уважая религиозное и патриотическое чувство православных, подобало бы воздержаться от этого... Полюбуйтесь вот хоть несколькими строками из этого акафиста (а он тянется на 22 столбцах!): “смерть Толстого, говорит редакция словами иудействующей газеты “Р. Слово”, вызвала единодушный идеалистический подъем духа во всем цивилизованном мире... Можно было не знать его, не видеть его, – вторит она одному из его почитателей, А. Ф. Кони, – не читать его, можно было не соглашаться с ним, но надо было знать, что он живет, и тогда легче было жить нам”. (Пусть простит моему невежеству г. Кони: если не знать, не читать, не соглашаться, то почему же *легче*

жить? Что это – святой угодник Божий что ли?) “В мире – покойник”, берет журнал из писаний другого почитателя Толстаго: “Когда в доме покойник, благоговейная, молитвенная тишина водворяется в доме. Сейчас у нас в России покойник. И не только у нас в России, но и во всем мире, – у нас на земле, повсюду, где знали имя Толстаго, куда проникало его вещее мировое слово”. “Осиротело человечество”. “Наша всемирная скорбь озаряется отблеском великих упований, лучезарным светом бессмертного имени великаго друга человечества”. “Новое слово”, о коем говорил Достоевский, разумея наше святое православие, наше русское мирозерцание, видите ли, по мысли некоего профессора Адрианова, принадлежит Толстому. “Трудно постигнуть Толстаго в целом, как необычайно сложное явление, как трудно постигнуть сущность мира (!). Пройдет еще много времени, пока мировоззрение Толстаго воплотится в жизнь. Но семена брошены, всечеловеческая совесть взбудоражена Толстым во всем человеческом мире, и всходы будут. Раз Россия дала миру такого сына, как Толстой, его бог восторжествует (над кем? уж не над нашим ли Христом Спасителем?), преобразование людей совершится. Эту светлую надежду питал до последнего вздоха сам Толстой, и она облегчила его последние минуты. Накануне кончины в минуты просветления, он, передают газеты, диктовал свои мысли: “Я сам ухожу из жизни, но останутся люди, которые сознают истинный смысл жизни, и им суждено будет осуществить то, к чему стремился я в течение своей жизни и что мне не удалось”.

Как видите, все эти речи, отзывы о Толстом “духовный” журнал постарался сгруппировать и поднести православной семье и школе, не считая нужным даже оговорить, как редакция сама-то относится к ним. По-видимому, вполне разделяет их? Как видите, все это изложено на особом эзоповском языке, но довольно прозрачно, чтобы понимать его. Конечно, это “вещее мировое слово” не есть его идеи, проведенные в “Войне и Мире”, – разумеется, это его богохульное учение. “Идеалистический подъем духа во всем цивилизованном мире” – это тот шум и гам, какой подняли враги христианства – иудеи и их союзники – масоны, а за ними и наши недалекие “интеллигенты” во главе с поименованными “профессорами”. “Торжество толстовского бога” – это торжество жидовского кагала. Вот чему сочувствует редакция “духовнаго” журнала и чем угощает своих читателей – православных. За одно можно сказать ей спасибо – за то, что она сообщила нам предсмертные бредни Толстого. Из них мы видим еще раз, как он остался тем, что он был в последние годы: тот же бред о “смысле жизни”, а следовательно, говорить о его покаянии уже не приходится, и из этих записей его слов г. Поселянин может убедиться, что веровать, будто “его душа прильнула к ногам Христовым и в том обрела себе покой и спасение”, не приходится.

Такое отношение к Толстому со стороны некоторых духовных журналов есть знамение времени. “Р. Паломник” с своими приложениями не одинок. Пусть извинит меня и другая почтенная редакция “Отдыха христианина”, если я позволю себе по долгу стоящего на страже Господней упрекнуть ее за помещение статьи г. Смоленскаго. Сей автор сделал своеобразную подтасовку: он взял религиозныя мысли Толстаго из первой половины его литературной деятельности и хочет ими как бы оправдать его богоборную деятельность второго периода. Напрасно автор видит в Толстом “жажду веры”: вера, по самому существу своему, есть глубочайшее смирение ума человеческого пред всеведущим умом Божиим. А Толстой был преисполнен гордыни сатанинской, в такой душе нет места вере, которая есть смирение. Напрасно автор, подобно г. Поселянину, делает предположение, что в очах Господних Толстой, на словах отрицавший многие христианские догматы

(слишком скромно сказано. Следует сказать: совершенно отрицавший *все* христианство), а на деле все же любивший Христа (именовавший Его, прости Господи, “повешенным Иудеем”) и людей (на словах лишь), окажется несравненно выше тех, кто устами своими чтили Бога, а сердцами отстояли далеко от Него, кто назывался христианином, но жил не по-христиански”. Да, может быть, Толстой и не был так загрязнен грубыми пороками, как мы, грешные, но хоть мы и, грешники, а все же Божьи, а он отрекся от нашего Спасителя, он хулил Его, он не захотел прибегнуть к Нему и в час смертный, а мы все же не теряем надежды на спасение наше и веруем, что во смирении нашем помянет нас Господь. Гордыня, по учению св. отцев, одна способна заменить все пороки и не дать ни единого места покаянию... “В деятельности Толстого, явным образом направленной против христианства, – говорит автор, – многое, может быть, послужит во славу Христа и на благо Церкви христианской”. Да, но это уж не заслуга Толстого, это – дело Божия Промысла, всякое зло направляющего ко благу. А Толстой получит воздаяние по делам и намерениям своим. “Преклонение Толстого пред Христом окрашено самыми яркими и трогательными чертами религиозного восторга”. Мы только что сказали, какой это был восторг и как он дерзал именовать нашего Господа. Его рассуждения о бессмертии души отзываются пантеистическим мирозерцанием. “Являясь на словах врагом христианства, Толстой в то же время ко всем вопросам, выдвигаемым жизнью, подходил с глубокой верой в нравственную ответственность человека перед Пославшим его в мир... Он будил человеческую совесть, ставя ее судьей жизни, побуждений и деятельности человека”. Но кто это – Пославший человека в мир по пониманию Толстого? Есть ли это – наш христианский Бог? Нет. Слово “Пославший” Толстой украл из Евангелия (где Господь говорит о Себе, именуя Отца Своего *Пославшим*), а применяет это слово в смысле пантеистическом. Отсюда вся его нравственность – языческая, и все его “добро” спасающей цены не имеет как лишенное духа смирения Христова. Вот почему все рассуждения г. Смоленского о каких-то заслугах Толстого пред Церковью не имеют ни малейшей цены, и напрасно автор отнял у журнала целых 16 страниц, уделив церковной правде только полстранички... Ныне время тревожное для Церкви: не смущать верующих в простоте сердца суждениями о каких-то заслугах, о каких-то нравственных качествах погибшей души гордаго писателя, а внедрять в них истинно-церковный взгляд на христианскую жизнь и учение Церкви о спасении должно в наше время духовным нашим изданиям. Иначе вместо пользы они будут приносить только один вред, расшатывая и разрушая цельность церковного понимания вещей...

№ 55

На страже Господней

На стражи моей стану.

Св. Григорий Богосло

Мы, пастыри, мало читаем писания великих вселенских учителей веры и потому нередко теряем руководящее начало в нашей пастырской деятельности, теряем твердость и мужество и, прикрываясь современными якобы “гуманными” принципами, часто подкладываем, по выражению древняго пророка, мягкую подушку под всякий локоть руки... Особенно это стало часто проявляться в наше дряблое время. Является лжеучитель, пишет и печатает, что ему вздумается, проповедует устно, не только в домашней беседе, но и в публичных собраниях. Его дерзость становится с каждым днем все нестерпимее, у него являются последователи, а мы все терпим, все снисходим, сначала будто не замечаем этого, потом как-то робко, будто извиняясь, что его побезпокоили, начинаем чрез миссионеров вразумлять его. Но и при этом – не слышится властного слова, сильного не только любовью, но и благоговением к непреложности учения Церкви, слова, крепкого верою в правоту защищаемого нами учения Церкви, – и лжеучитель чувствует эту робость, эту как бы неуверенность, как бы холодное, вернее сказать, – теплопрохладное отношение к святыне истины, и не внимает нашим увещаниям, растворяемым гуманными фразами... В нем растет самоуверенность, он уже не боится последствий даже отлучения от Церкви, ибо не чувствует в нашем увещании властного и любящего голоса самой матери-Церкви. Холодом, рассудочностию веет от этих официальных увещаний, обращенных к заблуждающимся. Ведь если бы мы искренно любили святую истину, то этого не могло бы быть: мы плакали бы, болели бы душою за того, кто вражьем действием уклонился от нея; он не мог бы не чувствовать, не сознавать, что если мы так горячо относимся к его несчастью, то, стало быть, оно велико, стало быть следует задуматься: “да прав ли я?”

Недавно в “Троицком Слове” было рассказано, как митрополит Петербургский Гавриил обращал раскольника от заблуждения его: он плакал, горячо молился, воздевая руки к небу, и Господь вразумил упорствующаго, и смягчил его сердце, и он бросился к стопам святителя и обратился к православию. Такая ревность о святой истине, такая пламенная любовь к заблудшему, такая горячая о нем молитва творят чудеса. А наша лжегуманная осторожность, наша излишняя деликатность в отношении к лжеучителям только вредят делу, мы как будто не сознаем своего не только права, но и долга обращать заблудших на путь правый, обличать, запрещать, умолять со всяким долготерпением и учением. Мы забываем, что мы не овцы, а пастыри, что на нас лежит тяжкая ответственность за гибнущия души, что мы обязаны не только “идти в пустыню” за сими гибнущими, но и оберегать других, еще не зараженных от их лжеучения. Да что я говорю – от лжеучения? Наш долг охранять их и от всякой духовной заразы, от всякаго порока. Послушаем, что говорит великий вселенский учитель св. Златоуст. “Вот еще достойное посмеяния и служащее к нашему стыду. Если у нас кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах и на него захотят наложить какую-нибудь епитимию, то все весьма беспокоятся и

боятся, как бы, говорят, он не отделился от нас (от Церкви) и не пристал к другим”. Та к во времена Златоуста “говорили”, такая опасения высказывали верующие. Пастыри Церкви, по-видимому, тогда исполняли свой долг, не смущаясь такими опасениями. А теперь приходится слышать эти опасения от пастырей самих. Теперь есть архиереи, которые намеренно закрывают глаза на то, что в их епархиях творится. Ссылаются на “свободу совести” и допускают явным еретикам распространять открыто лжеучения. На их глазах происходят собрания у таких еретиков, а они все надеются своею снисходительностью привлечь сих еретиков в недра Церкви, позволяют им публичные проповеди, все опасаясь, как бы такие не отделились от Церкви... А того, что сии самочинные проповедники уже отделились от Церкви сами собою, своим своеволием, уже только тем, что самочинно выступили на проповедь, не испросив предварительно на то благословения епископа, – как будто не замечают... Все надеются, что они сами вразумятся, сами одумаются и вернутся к послушанию Церкви. Были даже примеры такого снисхождения к самочинным учителям, что архиереи, хорошо зная, что они не послушаются, если им решительно воспретить проповедь, стороною им подсказывали, чтобы те попросили – для порядка – разрешения на проповедь якобы под наблюдением пастырей. Те так и поступали, и вот проповедь сомнительных лиц в отношении их православия таким порядком “легализировалась” и становилась более авторитетною в глазах верующих. Зараза распространялась уже “на законном основании”. И всему причиною эта боязнь: как бы самочинник, не увлек за собою от Церкви своих постоянных слушателей. На глазах церковной власти образовывалась секта... Не так рассуждает великий учитель Церкви св. Златоуст. “Пусть отделяется хоть тысячу раз, и пусть пристаёт к другим; я говорю не о согрешивших только, но хотя бы кто и вовсе был безгрешен, – если хочет отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь, – спешит прибавить святитель, – и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренно, лишаясь в каждом таком как бы собственного члена, но огорчаюсь не так, чтобы спасение всего этого могло принудить меня сделать что-либо недолжное”. Та к дорожит святитель Христов благом Церкви. Та к строго требует он от членов Церкви послушания ей. Он не хочет покупать кажущейся целости ея ценою излишнего снисхождения к самочинию ея членов, поборками сему самочинию, и притом – заметьте: это не только в области учения веры, но и в области нравственной жизни членов Церкви. Что же он сказал бы в отношении погибельных лжеучений тех ересей, которые теперь открыто, печатно проповедуются самочинными, непризванными учителями-писателями-публицистами, ничего не понимающими в вопросах веры и позволяющими себе судить о том, чего не знают? Что он сказал бы о тех невеждах-фанатиках, которые собирают вокруг себя толпы темного люда и проповедуют хлыстовския бредни? Нет сомнения, он, после нескольких, может быть, слезных увещаний, предал бы нераскаянных торжественной анафеме. И это он сделал бы ради блага Церкви, ради сохранения ея целости, ея единства и чистоты, ради ограждения ея от разделений. Как видите, он не дорожит количеством верующих, именующих себя православными: “Мы не повелеваем вашей вере, возлюбленные, – говорит он, – не деспотически приказываем вам это. Мы поставлены для поучения вас словом, а не для начальствования и самовластия над вами: наше дело советовать вам и увещевать. Советник говорит, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу – принять или не принять совет. Он будет виновен только в том, если не скажет того, что ему поручено. Потому-то мы и говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: никто этого нам

не говорил, никто не объяснял, мы этого не знали и вовсе не считали грехом. Итак, я говорю и свидетельствую, что производить разделения в Церкви (самочинничать) не меньшее зло, как и впадать в ереси”.

Как эти слова великого иерарха прикладны к нашему времени! Мирская власть дала свободу вероисповедания. Эта свобода никогда, в сущности, и не стеснялась: на Руси не было преследования за то или другое вероисповедание. Напрасно клеветают на Церковь нашу Православную, будто она гнала и преследовала еретиков и отступников: не Церковь, а мирская власть, признавая союз государства с Церковью, находила нужным иногда стеснять еретиков и отступников, и не в видах собственно преследования их за их верования, а лишь в видах пресечения зла, для охранения Церкви от того вреда, какой могли принести Церкви еретики распространением своего учения среди простецов в вере, верных чад Церкви. Теперь свобода исповедания расширена: стало возможно прежде запрещаемое законами так называемое “оказательство” раскола, дозволено раскольникам и сектантам открыто совершать богослужения, делать молитвенные собрания и пр. Те м зорче должны стоять на страже Церкви мы – ея пастыри, тем внимательнее присматриваться: нет ли среди наших пасомых если не волков в овчих одеждах, то козлиц, притворяющихся кроткими агнцами? Недавно об одном, глубоко мною уважаемом, образованном старце, которого я считал искренним христианином, мне сказали в откровенной беседе: “Да, человек прекрасный, стойкий черносотенец, но он считает буддизм чистой философией, а не идолопоклонством, отстаивает оккультизм, заявляет, что так или иначе нужно стараться узнать будущее, хотя бы даже посредством оккультных знаний, вызывания духов, спиритических сеансов и подобное, причем кощунственно заявляет, что “ведь и преподобному Сергию были видения”... Таковы иные, считаемые нами “православными”, интеллигенты. Хорошо, что тот, о ком я говорю, не позволяет себе распространять своих “убеждений”; при встрече с ним можно его предостеречь, и, может быть, он отречется от своих мнений. А сколько, говорю, у нас таких, которые щеголяют своими лжеучениями, стараются распространять их и в печати, и в собраниях, и при каждом случае! Много ли мы, пастыри, делаем для обращения таковых от их прямо еретических заблуждений? Не смотрим ли мы на сих якобы православных (только по паспорту), как говорится, сквозь пальцы? Гд е же наша пастырская ревность? Мне скажут, если таких отлучать, то немного останется у нас пасомых. Я повторю на это только слова св. Златоуста: “пусть отлагаются, если не хотят повиноваться Церкви; хотя я и печалюсь, и страдаю, и мучусь внутренне, лишаясь в каждом таком как бы собственного члена, но огорчаюсь не так, чтобы опасение всего этого могло меня принудить сделать что-либо не должное”, то есть, чтобы считать такого человека членом Церкви, когда он уже перестал быть таковым.

Те м паче, еще раз повторяю, тем паче мы должны всемерно заботиться о том, чтоб не допускать таких, считающих себя еще православными, открыто проповедывать в качестве каких-то Богом призванных учителей веры: это уже явная поблажка возникающей ереси и грозит отпадением от Церкви не одного такого проповедника, но и многих верующих душ... Это уже будет, по выражению св. Златоуста, “делом, достойным посмеяния и служащим для нас, пастырей, к стыду”!

Можно ли иудеям позволять носить христианские имена?

Газеты сообщают, что при Святейшем Синоде образована еще одна комиссия для обсуждения вопроса о том: могут ли иудеи носить христианские имена? Давно назрел этот вопрос и пора решать его раз навсегда и окончательно. Имя есть первая собственность, собственность неотъемлемая, которую человек получает здесь на земле и которую уносит с собою в загробный мир. Творец всемогущий, сотворив свет, нарек его днем, тьму – ночью, все звезды называет Он именами их... Имя есть символ власти над тем, кому оно дается. На всем пространстве Ветхого Завета, от первозданного Адама и Евы до праведных родителей Предтечи Господня, право давать имена принадлежало родителям. На имя смотрели как на нечто священное, с уважением. Имя не есть №., под которым разумеется тот или другой экземпляр, та или другая особь: имя может принадлежать только человеку, как разумнонравственному существу. Этот взгляд на значение имени можно усматривать еще в Ветхом Завете; в Новом Завете у христиан, особенно в Православной Церкви, оно получило еще большее значение. Вошло в священный обычай при крещении давать младенцам и взрослым имена святых Богом прославленных. Угодник Божий, имя коего я ношу, есть мой небесный восприемник или от купели крещения, или от св. Евангелия при моем монашеском пострижении. Это мой благодатный покровитель, мой заступник и молитвенник пред Богом, мой наставник в моем земном странствовании, мой второй Ангел-Хранитель. Вот почему для нас, православных христиан, особенно дороги те имена, которые мы носим. Это – священные символы нашего духовного родства с небесною Церковью, нашего постоянного с нею общения. Пусть иудеи носят имена ветхозаветных праведников: к сожалению, мы едва ли вправе запретить им это, хотя очень бы желали, – ввиду того, что и многие из нас носят сии имена, – чтобы иудеи и произносили эти имена не по нашему, а по своему: чтобы Моисеи именовались Мойшами, Израиля, – Срулями; но допускать, чтоб они носили имена святых Божиих, во Христе прославленных, было бы кощунством и святотатством, с точки зрения Церкви Православной. Приятно ли и простому человеку смертному, например, хоть бы тому, кто возбудил вопрос о праве иудеев именоваться христианскими именами, приятно ли ему, если иудей, не испросив предварительно его разрешения, возьмет себе его имя и родовую его фамилию и будет величать себя ими? Приятно ли ему будет, когда все, что сей иудей сделает, будет, по недоразумению, ложиться тенью на него или его семью? Затем: если признать это право за иудеями, то по какому праву мы будем отнимать его у магометан, как известно, также носящих немало библейских имен? А там, во имя свободы совести, свободы веротерпимости и других свобод, найдем ли мы основание отрицать это право и для язычников – буддистов, огнепоклонников и др. нехристиан? Ведь еще вопрос: кто более враждебно относится к святой вере нашей, иудей ли, или язычник и магометанин? Прочтите Шулхан-арух, эту, так сказать, эссенцию иудейской ненависти к христианам, и вы поймете, как глубоко оскорбительно было бы для православной веры, для угодников Божиих, для Самого Господа нашего Иисуса Христа такое попустительство. *Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже*, – говорит Царь пророк Давид. Не тем паче ли мы должны ревновать о чести святых Божиих? Представьте себе, что какой-нибудь иудей, заклятый враг Христа и нашей веры святой, назовет себя именем святителя Христова Николая только ради того, что так ему будет

удобнее, так сказать, смешаться в толпе православных людей, чтоб удобнее их обманывать: ужели не оскорбим мы позволением носить сие имя нашего великаго заступника и святителя-чудотворца? Ужели не будет даже для нас самих оскорбительным, если иудей, в своем обществе издевающийся над нашими подвижниками, будет – без сомнения, только у нас на глазах – носить имя преподобнаго Сергия? Я не говорю уже о тех иудеях, которые возбуждают против себя массы народныя своею безсовестною эксплуатацией: даже те, которые стараются показать, что они – “честные евреи”, даже и они – по какому праву будут величать себя нашими православными именами, столь для нас священными, а для них, в сущности, ненавистными? И для чего все это нужно? Нет ни малейшаго сомнения, что иудеи, почти две тысячи лет не имевшие в том нужды, теперь хлопочут о том, чтобы получить законное право на то, чем иногда пользовались незаконно, – для того только, чтобы, прикрываясь христианскими именами, постоянно обманывать нас, укрывать от нас свою настоящую личину. Им это нужно, иногда очень нужно. Недаром они, некрещеные, имеют в своих домах иконы православные, в своих лавках на базарах теплят лампы, даже в праздники ходят в храмы православные, благо в этом отношении царит едва ли позволительная с точки зрения церковных правил терпимость. Мало того: по местам принимают к себе наше духовенство: скажите ради Бога – что это, как не личина, обман, отвод глаз для простых верующих душ? Ужели еще надо узаконять и имена, ими похищаемыя у нашей Церкви? Нет, Церковь должна крепко отстаивать святину имен святых Божиих от такого святотатства. Еще шаг, и их синагоги будут, тоже для отвода глаз наших сентиментальных бюрократов, называться синагогами князя Владимира, Александра Невского, Николая Чудотворца, Георгия Победоносца... Уже и теперь иудеям дано слишком много свободы в отношении, например, фамилий: крестится ли, не крестится ли иудей – он именует себя любую фамилией, и вот вы слышите самую русскую фамилию, вы думаете, что имеете дело с русским человеком, а он – некрещеный иудей! Мне самому приходилось обманываться таким образом: какой-нибудь Николай Григорьевич Яковлев, подавший заявление о желании взять в аренду дом или лавку, оказывался у нотариуса Натаном Гиршовичем Янкелем, и приходилось уступать его мольбам, ибо он уже внес пошлину, акт записан и оставалось только его подписать... Это ли желательно узаконить?

Итак, даже с точки зрения гражданской, не говоря уже о церковной, давать право иудеям именоваться христианскими именами нежелательно. Вспомним, что теперь у нас входит в жизнь выборное право. Убедите простаго человека, что Николай Григорьевич есть Натан Гиршович! Раз он формально запишет себя именем христианским – он для выборщиков будет равен по правам с христианином. Если и теперь в нашу несчастную Государственную Думу попадают иудеи даже от столиц, то при новом порядке вещей будут сплошь и рядом попадать даже некрещеные иудеи от православнаго населения. Ужели желательно это? Ужели мало зла на Руси от нашей дряблости, от нашей сентиментальности, якобы – гуманности, лжелиберализма? Ужели и в этом вопросе возьмет верх все тот же безпринципный принцип равенства национальностей и исповеданий, который уже так много зла принес нашей бедной Родине? Мы верим, мы надеемся, что от этого новаго зла спасет нас мать наша Церковь Православная в лице нашего Святейшаго Синода, дав заключение, что не только нельзя, непозволительно, с ея точки зрения, давать право иудеям именоваться христианскими именами, но следует подтвердить им, что за самовольное присвоение христианских имен они подлежат строгой ответственности по закону, как за присвоение чужаго имени, что посему следует

восстановить несколько лет назад распубликованное распоряжение, чтобы иудеи на вывесках своих торговых и промышленных заведений писали не сокращенно, а сполна свои иудейския имена... Если ведь они себя уважают, то ничего в этом унижительного нет, а русские люди будут знать, с кем они имеют дело. Пусть комиссия вдумчиво перечитает правило 8-е 7-го Вселенского Собора и толкования на него. Правило это относится к иудеям, притворно принимавших христианство. А разве некрещеные иудеи, принимающие имена христианския, не теми же целями руководятся, как и тогдашние, и разве позволять им носить наши имена не то же, что принимать их в некое общение с нами?

Помнить надо: в наше смутное время всякая такая попытка иудеев к незаметному слиянию с русским православным населением есть великое зло и пооблажать этому злу есть великий грех. Повторяю: к счастью для нашего народа, вопрос этот теперь в руках церковной власти, которая обсудит его уже не с одной политической, но и с церковно-канонической точки зрения и оградит народ от новой напасти со стороны иудейского иезуитизма...

Торжество Царского Самодержавия и истинная свобода

I

Полвека исполнилось с того достопамятного в русской истории дня, как радостным благовестом пронеслось с высоты Престола по Русской земле Царское слово: “Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд!”... Теперь уже немногие помнят ту светлую радость, которая озарила и согрела тогда русское сердце; еще меньше остается теперь тех старцев, которые сами были тогда под бременем крепостного права, являются и доселе живыми свидетелями того быта и строя, которые теперь, пожалуй, уже непонятны для нынешнего поколения. Крепостное право не было рабством в собственном смысле, но когда помещик злоупотреблял им, то подвластный ему крестьянин обращался почти в раба. Великий подвиг совершил Царь-Мученик, уничтожив крепостное право, такой подвиг, который может совершить только Царь-Самодержец! Посему день освобождения крестьян есть праздник свободы, торжества и славы Русского Самодержавия! Никто, кроме Самодержавного Царя, не в силах был бы сделать это – по крайней мере – так мирно, так спокойно, как совершил это самодержец Император Александр II. Справедливо митрополит Филарет говорит: “Бог по образу Своего вседержительства дал нам Царя Самодержавного”; как Бог всемогущий все творит словом Своим: *рече и быша, повеле и создашася*, по подобию сего повелевает Самодержавный Царь: “быть по сему” – и бывает, и никто не смеет противостать воле Царской, и творит Царь благо народу Своему, как восхощет. Нет силы, нет закона, который мог бы воспрепятствовать Самодержцу сделать добро Своему народу, кроме Его же царской воли! Русские люди! Храните, как зеницу ока, Царское Самодержавие! Не позволяйте ни единому отступнику, ни единому изменнику ни слова молвить против Царского Самодержавия: гоните всякого такого врага Царского прочь от себя, как заклятого врага вашего, как противника воле Божией, ибо Богом Цари царствуют, и сердце Царево только в руце Божией! Царское Самодержавие есть залог нашего родного счастья, есть наше народное сокровище, какого нет у других народов, а потому кто осмелится говорить об ограничении его, тот – наш враг и изменник!

II

Есть струна в нашем грешном сердце, которая особенно в наше время до болезненности отзывчива к каждому прикосновению, это – любовь к свободе. В нашу душу Творец всемогущий заложил, как лучшую черту богоподобия, свободную волю, дабы сотворенный по образу и подобию Божию человек имел возможность удовлетворить благороднейшей потребности своего сердца – отблагодарить своего Творца за все блага своего бытия, повергнуть к стопам Его сей безценный дар: “Отче и Творче мой! Ничего у меня нет своего – все от Тебя и Твое: Твоя от Твоих Тебе и приношу – приношу мое сердце, мою волю, данную мне Тобою же свободу! Хочу единой Твоей всеблагой воли,

ибо Ты лучше меня ведаешь, что мне благо есть, – отрекаюсь от своей воли, чтоб жить Твоею святою волею! Повелевай, и аз раб Твой, готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!” И в таком самопредании воле Бога – Творца и Промыслителя – человек обрел бы блаженство свое, обрел бы ту свободу, какой и ныне жаждет сердце его. В таком блаженстве, в такой свободе пребывают ангелы Божии; такой свободы, такого блаженства достигают, отсечением воли своей в исполнении воли Божией – заповедей Божиих – святые Божии. На них сбывается слово Господа: *аще Сын свободит вы, воистину свободни будете* (Ин. 8, 36).

Увы! Человек предпочел послушать змия вселукаваго – дьявола, который оклеветал пред ним Творца, подменил ему понятие о свободе своим, лживым ее истолкованием, самоволием, увлек мечтою быть яко бози и пленил в рабство греху: *всяк творяй грех раб есть греха!* (Ин. 8, 34). С той поры грешное сердце человека ревниво оберегает свою мнимую свободу – рабствовать греху, подозрительно относится к каждому намеку на “послушание”, всякое повеление закона считая нарушением этой свободы, отрицая всякую заповедь, как насилие этой свободы. Отсюда то свободолюбие, которое никогда, может быть, не проявлялось так болезненно, как в наше время. О “свободе” только и слышишь повсюду, о ней все заботы у наших законосоставителей, о ней кричат на страницах всех изданий, даже тех, которые должны бы напоминать и о послушании, как величайшей добродетели, открывающей путь к истинной свободе. “Свобода” всякого рода – это идол современного культурного человечества. Пользуются всяким случаем, чтоб напомнить о ней, чтоб покадить ей. Пусть это будет только исторический факт, значение которого для жизни народа недостаточно выяснено, но раз в названии этого факта есть корень любимого словечка “свобода”, пред фактом уже преклоняются, его вспоминают как великое событие, память деятелей чествуют как великих людей, как создателей счастья человечества. Что до того, что история не оправдала всех надежд, возлагавшихся в свое время на этот, тогда ожидаемый, факт? Лишь бы звучало дорогое слово “свобода”, “освобождение”.

19 февраля исполняется 50 лет со дня издания манифеста об отмене крепостного права. Манифест возвестил об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Этого было довольно для глашатаев разных свобод, чтобы кричать о них, восхвалять их, призывать к ним... Никто не спрашивает: а как использовали свою свободу освобожденные? Много ли пользы принесла она им, да и принесла ли еще? В том-то и дело, что тут, как и в других случаях, когда идет речь о свободе, принимается за бесспорную истину, что свобода сама по себе есть уже благо, без всякого отношения к тому, как использует ее человек. Между тем, ведь слово “свобода” есть чисто формальное понятие, не заключающее в себе никакого нравственного признака, а посему свобода не есть зло, но не есть еще и добро. Все дело в том, какое содержание вложишь в это понятие. Оно требует нескольких себе дополнений, чтобы получить нравственную ценность. Надобно поставить вопрос: свобода кому? на что? Свобода доброму человеку творить добро, свобода преступнику делать зло, свобода трудиться, свобода бездельничать и т. п. Всегда как будто подразумевается первое – свобода на все доброе и полезное. Но почему-то это подразумеваемое как будто намеренно умалчивается. Правда, мы слышали дополнительные слова к свободе, но опять такие неопределенные, что и эти слова непременно требовали себе опять дополнительных признаков: иначе они обращались в пустые звуки, только смущающие недалеких людей. Мы слышали слова: “свобода совести, свобода печати, слова, свобода личности, исповеданий, собраний, союзов” и так без конца. Этими громкими словами прикрывалась

пустота и вносилась смута в умы молодежи, рабочих, в умы нашей полуинтеллигенции, которая всегда мнит о себе больше, чем настоящая интеллигенция – то есть люди, получившие серьезное научное образование и доказавшие свое серьезное отношение и к науке, и к жизни своим христианским смирением. Те, кому это было нужно, отлично пользовались такою смутою для достижения своих целей ничего общего с истинной свободой и общим благом не имеющих. А люди, отуманенные этими толками о свободах, воображали себя передовыми провозвестниками наступающего золотого века, на деле превращаясь в слепое орудие врагов Церкви, Отечества и всего человечества. От их сознания тщательно закрывалось главное: что всякая внешняя свобода есть только отсутствие препятствий для деятельности, а самая деятельность, ее нравственное достоинство, должно быть определяемо уже самим “освобожденным” человеком, и именно – его духовною настроенностью, стремлением его сердца к добру или злу. Ведь всегда надо помнить, что человек не умом живет, а сердцем, что ум всегда на послушках у сердца. Если сердце не находится в плену у страстей, то и ум будет искать истины по требованию сердца, и вся деятельность будет направлена в сторону добра, и свобода используется человеком для добра. А если в сердце живут страсти, то оно прикажет и уму услужить тем же господам-страстям, и тогда ум будет подыскивать для слова “свобода” таких дополнительных или определительных понятий, которые оправдывали бы греховную разнузданность в жизни якобы “свободного”, на деле же жалкого раба страстей. Нужно ли еще доказывать это? В последние пять лет мы измучились душою от зрелища такой лжесвободы, такого рабства страстям, доводящего человека до состояния не только животного, но и дикаго, лютаго зверя. Обращаясь мыслию к уничтоженному крепостному праву, невольно оглядываешься назад, невольно спрашиваешь: лучше ли стало теперь, чем было тогда, до 19 февраля 1861 года? Увы!

Свобода не использована народом так, как того желал Царь-Освободитель; вместо помещика, который все же жалел крестьян, а многие помещики прямо были великими благодетелями – отцами своих крепостных, – на Руси царствует и властвует кабак; крестьянин не столько работал тогда на помещика, сколько работает теперь на винные лавки; народное здоровье, как свидетельствуют военные врачи, пошатнулось настолько, что пришлось принимать молодежь на военную службу с более узкою грудью; по деревням не видно домов, свидетельствующих о благосостоянии их хозяев, а если и увидишь их, то это – дома кулаков-мироедов, эксплуатирующих народный труд не хуже жида; земледелие и скотоводство упало; народный дух измельчал; народные нравы стали неузнаваемы: прежних патриархов-старцев не видно; великодушие, честность, безкорыстие, чувство долга исчезают; все помешались на “правах”, искание “правов” проникло даже в церковные отношения: готовы судиться не только с священником, но и с архиереем; любовь к родной Церкви охладела; всюду расползаются мутные лжеучения, нередко самые сумасбродные, антихристианские; пропаганда политической мерзости проникает даже в отдаленнейшие, самые глухие деревушки; о любви к Отечеству нигде уже не слышно... Разве гром грянет – русский человек еще перекрестится. Вот как воспользовались враги народа тою свободою, какую Царь дал народу для его блага, для созидания, а не на разорение Святой Руси! Конечно, не свобода тут виновата, а злоупотребление ею. Плоды этого злоупотребления налицо, и невольно спрашиваешь себя: радоваться ли в знаменательный день 19 февраля или плакать? Плакать – не о крепостном праве, а о том, что и последнее, что было хорошего в те времена, уходит от нас... И само собою как-то уходит, вследствие злоупотребления свободой, да и враги

наши, притворяющиеся радетелями народа, уж очень усердно стараются о том, чтоб поскорее вытравить из души народной все то хорошее, что скопилось в ней, воспиталось веками. И опять мне нет нужды указывать, кто эти враги: их все мы видим, кто еще не ослеп, у кого есть очи, чтобы видеть. В те, далекия теперь, времена крепостного права, народ оберегали их естественные попечители – помещики, а теперь – двери открыты для всякого пропагандиста, как религиозного, так и политического. Свобода!.. Я никогда не кончил бы, если бы стал перечислять все те последствия разных свобод, от которых вот уже шестой год стоном стонет Русская земля. В наше время надо знать и помнить, что враги человечества зорко следят за течением жизни и, как я сказал выше, ищут всячески случая поджигать народные массы, возбуждая в них несбыточные мечты о всякого рода свободах и гражданских, и политических, и религиозных, с единственной целью – затуманив и перепутав все понятия, повести эти массы на разрушение существующего порядка общественного и государственного, а затем воцарить на всей земле такое рабство, какого она еще не видела со дня сотворения мира. Поработив людей греху, лишив их нравственной свободы в духе, превратить затем в скотов несмысленных и повелевать ими по своему усмотрению. А потому всеми мерами должно беречь душу народную от развращения: воспитывать народ в послушании закону Христову, в чем и состоит истинная свобода духа. В сердце человека неизгладимо живет стремление к благодати, к счастью, к блаженству: нет человека, который не мечтал бы о счастье, не желал бы его, не искал бы... Но сердце, ослепленное живущими в нем страстями, искажает в самом себе понятие об искомом им благе, и каждый видит его в том, чего жаждет его грешное сердце. Люди хотят утолить жажду вечного блаженства соленою водою временных удовольствий. Понятно, что жажда только еще более разгорается, но не утоляется. Что же может утолить ее? Только то, что соответствует природе нашего духа, сотворенного по образу и подобию Божию; только то, что отвечает заложенным в этом духе идеалам абсолютной истины всесовершенного добра и вечной красоты. В области истины – Божественное откровение, в области добра – заповеди Божии или всесовершенная воля Божия, в области красоты – созерцание совершенств Божиих как в творении, так и в откровении Божиим. Се – норма человеческого счастья! И чем ближе человек к той норме, тем он совершеннее испытывает в своем сердце это счастье, это блаженство. Уже и в ветхозаветные времена, когда учение о благодати Духа Утешителя еще не было раскрыто вполне, люди, близкие к Богу по исполнению Его святой воли, восхищались тем счастьем, тем блаженством, какое они испытывали, переживали своим сердцем, когда жили по заповедям Божиим. Возьмите священную книгу Псалтирь: там более 25 раз вы прочтете это сладостное сердцу человеческому слово – *блажен*, счастлив! А в Новом Завете Законоположник наш, Господь Иисус Христос, самые заповеди Свои все облек в это слово: блаженны – счастливы нищие духом, плачущие, кроткие... Ветхий Завет властно повелевает еще: *делай или не делай то или другое*, а Евангелие говорит: *хочешь быть счастливым, блаженным – вот к тому средство: будь смирен, кроток, милостив...* Та к изложить закон для человеческого сердца мог только Сердцеведец и Творец этого сердца. Может ли при этом быть речь о свободе или неволе? Наше сердце ищет, просит счастья: оно и дается ему, и всеконечно приемлется свободною волею, как восприняли это блаженство ангелы Божии, никогда ненарушавшие заповеди Божией. Свободны ли ангелы Божии согрешать? Никто не отнимал у них этой свободы, но они всем существом своим изведали все благо, все блаженство в послушании воле Божией и никогда уже не захотят потерять его: их свобода только еще крепче привязывает их волю к послушанию Богу. То же должно бы

произойти и с первозданным человеком, если бы он своей свободы не отдал в послушание врагу. То же совершается с каждым спасающимся христианином, по мере исполнения им, силою Божией благодати, животворящих заповедей Христовых. Сочетавая свою волю с волею Божией в исполнение сих заповедей, он не порабощает себя, а, напротив, освобождает себя от рабства греху, укрепляя в себе господство духа над плотью, над низшими влечениями душевного человека. В нем совершается чудное сочетание его свободного произволения с всеблагою волею Божией, подобно тому как в Самом Господе и Спасителе нашем в дивной гармонии сочетавалась воля Божия и воля человеческая, с тою лишь разницей, что Он был Бог всесовершенный, а мы – чада Его по благодати. И когда мы исполняем Его святые заповеди, то не мы действуем, а Он в нас и чрез нас совершает это Своею всемошною благодатию. Понятно посему то блаженство, какое испытывает христианин, когда благодать Христова действует в нем, когда он является живым и действенным членом единого благодатного тела Христова – Его Святой Церкви. И чем более он отдает свою свободу воздействию благодати, тем более ощущает в себе веяние Духа Божия и той благодатной свободы, о коей сказано: *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17). При таком понимании христианской свободы можно ли давать большое значение внешней свободе, политической, гражданской и какой бы то ни было? И становится понятным почему св. Апостолы так спокойно учили и о свободе, и рабстве – даже рабстве – в области житейских отношений: *рабы, повинуйтесь господам своим, как Христу, не с видимою только услужливостию, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам* (Еф. 6, 5–7). *Каждый оставайся в том звании, в каком призван. Рабом ли ты призван, не смущайся* (1 Кор. 7, 20–21). *И раб, и господин его – оба рабы Господни, оба равны пред Господом. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа, равно и призванный свободным (господин его) есть раб Христов* (ст. 22). Одно помните: *вы куплены дорогою ценою – кровию Христовою: посему не делайтесь рабами человеков в душе, в совести своей, не позволяйте себе из человекоугодничества грешных дел. А за внешнею гражданскою свободою не гонитесь: есть она – пользуйтесь ею, нет – предавайте себя в волю Божию. Храните свою духовную свободу, свободу от рабства греху: вот это – великое благо, это – счастье и блаженство, которого никто на свете не может отнять у вас.*

Вот то, что благопотребно, думаю я, напомнить народу да и самим себе, нам, пастырям, при воспоминании великого дела, совершенного волею Самодержавной Власти Царя-Освободителя. Бог да ублажит и упокоит душу Его и Его сотрудников в этом деле – в селениях праведных, а нам да подаст ясное разумение как истинной свободы, так и великого блага для народа нашего в Царском Самодержавии!..

Сорок лет назад и теперь

Когда эти строки будут набираться в типографии, в Святейший Синод поступит в окончательно разработанном виде проект нового устава духовных семинарий. Эту реформу давно ждали, необходимость ее все сознавали. К сожалению, работы 16-ти комиссий происходили в такой тайне, что в печати нельзя было найти точных откликов на них, и теперь, когда общая комиссия уже заканчивает проект, мы не можем еще сказать: что даст нам эта реформа? Говорят, что будет введена и медицина, и гигиена; что новые языки будут введены как обязательные предметы, говорят, будто не дадут места одному из важнейших предметов: чтению святых отцов и учителей Церкви...^[15]

Решительно не понимаю, как это я заявлял и в прошлом году, зачем семинаристам всем *без исключения и обязательно* изучать новые языки: с кем они будут говорить на них, если семинария назначается, прежде всего, для будущих пастырей и лишь одна десятая доля из них, более даровитых, а следовательно, имеющих возможность изучать эти языки и тогда, когда они необязательны, пойдут в духовные академии. А до других высших учебных заведений Церкви дела нет. Но, видно, еще не назрела до очевидности нужда в пастырях, видно, еще хотят заставить Церковь Божию еще и еще продолжать на свои средства воспитывать ветеринаров, адвокатов, докторов, чиновников и... хоть бы актеров! Подождем – увидим. Еще не теряем надежды что Святейший Синод внимательно рассмотрит программы и все касающееся обучения; об одном умоляем его: поставить дело духовно-нравственного и патриотического воспитания так, чтоб не пришлось краснеть за питомцев духовных школ, чтобы в наших семинариях с корнем был вырван тот дух отрицания, политиканства, вражды к родным заветам родной Церкви и каких-то бессмысленных протестов, доходящих до хулиганства и ужасного кощунства. Кто ж не знает, что творилось в наших семинариях в последние годы? Горько, обидно, стыдно вспомнить!! А ведь полсотни лет тому назад было не то. Мои читатели помнят в одном из моих дневников мои воспоминания о своих наставниках, о ректоре о. Благоразумове, о помощнике инспектора Скворцове... Тепло и уютно жилось нам не только в физическом, но и в духовном отношении. Ведь и строгостей таких не было, какие потом были введены в семинарии. Мы издавали рукописные журналы (я пять лет вел еженедельно “Памятные Записки”, покойный П. Д. Молчанов, скончавшийся в сане архиепископа Литовского с именем Никандра, – “Семинарский Досуг”), устраивали по классам литературно-вокальные вечера, получали газеты, сами сотрудничали в газетах (я – в “Русском Мире” покойного В. В. Комарова и в “Совр. Известиях” Н. И. Гилярова), и ничего дурного из сего не выходило. Наши журналы, наши газетные статьи читались инспекцией, преподавателями, ходили по рукам и вне семинарии, и ничего в них не находили “нелегального”, хотя в них был не один литературный отдел, но и дневники, так сказать, нашей внутренней семинарской жизни, обсуждалось то, что творилось в классе, свободно высказывалось мнение даже о распоряжениях начальства. Но все это было так “корректно”, что наше начальство нимало тому не препятствовало. Помню, как однажды негодяй мальчишка позволил себе испачкать классный журнал, оскорбив всех преподавателей неприличными надписями против их фамилий. Поднялась целая буря в наших “журналах”: мы потребовали, чтобы негодяй был обличен и наказан. И под

давлением нашего “общественного мнения”, по настойчивому требованию товарищей, на утро он сам пришел к ректору и повинился и, несмотря на такое самообличение – был исключен из семинарии. Этого требовал не только закон, но и мы, его товарищи. “Измите злаго от вас самех!” – под таким заглавием явилась в моих “Пам. Записках Семинариста” статья по поводу этого случая. И я не слыхал ни тени намека тех упреков от товарищей, какие теперь, конечно, раздались бы со всех сторон. Мы понимали, что можно и чего нельзя, и наше начальство, снисходя великодушно к тому, что можно, было безпощадно к тому, чего нельзя. Мои товарищи помнят наши литературные вечера. Задолго до такого вечера мы начинали готовиться. Обычно они приурочивались к подаче наших “сочинений”: накануне подачи “первак” (первый в разрядном списке ученик) обычно прочитывал на таком вечере то сочинение, какое на завтра следовало подать преподавателю. В коридоре вывешивалась программа вечера: такой-то прочтет свое сочинение на такую-то тему, такой-то – продекламирует свое стихотворение, такой-то прочтет свой рассказ, а хор любителей пения в промежутки исполнит то-то. И музыка, и слова нередко были своего же сочинения. Я позволю себе привести здесь одно патриотическое стихотворение, написанное учеником II класса И. Р. и положенное на ноты его товарищем, регентом хора любителей, так, что строфы пелись тремя учениками, а припев громко и дружно принимал весь хор. Чтобы произвести эффект новизны, хор спевался в беседке, в отдаленном углу сада. Это было ровно 40 лет тому назад, в 1870 году.

Песня белому царю

Братья! Век наш полон славы
Александра чудных дел:
Он достоин, чтобы вечно
Ему гимн от нас гремел.

Слава Царю Белому, слава!
Слава Православному, слава!

Двадцати трем миллионам
Он свободу даровал
И, издав для них законы,
Путь к наукам показал.

Слава...
Взял Он мощною рукою
Крепко за руку народ,
Исполинскими шагами
Он повел его вперед.

Слава...
Все преграды разрушались
Словом Мудраго Царя,
И для Русских занималась
Светлых радостей заря.
Утомления не зная,
Он трудился день и ночь
И, труды позабывая,
Отгонял усталость прочь.

Слава...
Все сословья окружают
Александра мирный трон.
“Здравствуй, Царь наш, – восклицают —
Здравствуй, Русский Соломон!”

Слава...
“Под Твоим Премудрым кровом
Воцарился правый суд,
И дана свобода слову, —
Процветает книжный труд.

Слава
Ты теперь нас призываешь
Под родныя знамена:^[16]
Мы готовы, наш родимый,
Лишь цвела б наша страна”.

Слава...

Все народы удивлялись
Славе Русскаго Царя,
Стрелы вражьи притуплялись,
Александра не касались, —
Неслась слава за моря!

Слава...
Веселися ж, Русь Святая!

Веселися, край родной!
И, Царя благословляя,
Громко в честь ему воспой:

Слава... [\[17\]](#)

Как видите, и “свободы” семинаристам предоставлено было достаточно, и ни малейших проявлений политических бредней не было заметно. Напротив: иногда проявлялась даже добрая инициатива со стороны учащихся. Так, в 1869 г. исполнилось тысячелетие со дня кончины Просветителя славян св. Кирилла; не в моде еще были тогда шумные юбилеи, как-то незаметно прошел этот юбилей. Но его заметили и отметили московские семинаристы: они испросили у ректора разрешение сделать сбор на икону первоучителей славянских для семинарской своей церкви. О ректор с радостью откликнулся на ту просьбу и пригласил преподавателей к участию в этом добром деле, и вот в семинарском храме явилась прекрасная аналойная икона, в серебряной ризе, для величаний в праздники наших первоучителей. В начале 70-х годов был голод в Самарской губернии; ученики по собственной инициативе собрали несколько рублей и, при письме отправили на голодающих чрез редакцию “Московских Ведомостей”. Помню ту детскую радость, когда покойный Катков напечатал письмо семинаристов в своей газете! Эти жертвы собирались из тех копеек, которые отцы давали семинаристам на чай. Тогда ведь ни казенного чая, ни булок к чаю не полагалось: приносили в чайную корзину черного хлеба: бери и ешь, сколько хочешь, а хочешь – белого – в коридоре стоит мальчик с хлебами, можешь купить. Но у иных не только на хлеб, но и на чай не было копейки. Бывало, пригласишь бедняка товарища к чаю, а он отказывается. “Что же, Егорушка, или не хочешь?” – “Поневоле не захочешь: боюсь привыкнуть, ведь своего-то чаю не на что купить. Хорошо тебе: у тебя уроки есть”. И вот за такого бедняка охотно внесешь свой двугривенный на какую-нибудь жертву: “Только впиши, брат, свое имя, а я за тебя внесу”. Да, было много еще хорошаго в наших семинариях сорок лет тому назад. Правда, еще Гораций сказал, что старики любят хвалить то время, когда они были молоды, но ведь было бы что хвалить... Что похвалит нынешний семинарист? Много ли добраго вспомнит? Вспомнит то, как он участвовал в сходках революционной молодежи? То, как он, любуясь своим мундиром (ох, уж эти мундиры! как они кружат головы нашим семинаристам!), ходил по городу, представляя из себя “студента”, благо в большинстве провинциальных губернских городов университетов нет? Или как его товарищи издавали “Факелы”, “Семинарские Голоса” и подобную гадость, которую противно в руки взять порядочному человеку? Не говорю уже о семинарских союзах под водительством жидов, о съездах с смертными приговорами ректорам и архиереям и... Бедная “духовная” молодежь! И что с тобою случилось? Какой бес посеял среди тебя плевелы и заглушил в тебе добрую пшеницу? И ужели эти плевелы не будут вырваны с корнем? Ужели невозможно этого сделать? Ужели нельзя уничтожить раз навсегда ту отраву, которая дурманит тебя? Ведь, ты – надежда Церкви, надежда Руси родной, ты – родная дочь – питомица Церкви: *еще в сурове древе сие творят, все что будет?!* Если в школах – даже пастырских, веет дух отрицания, смуты, даже вражды к Церкви, чего ждать от светских школ? Веруем Господу, Пастыреначальнику и Главе Церкви, что Он внушит нашей церковной власти отбросить ложный стыд и трезво, строго по-церковному взглянуть на дело обновления нашего пастырства чрез пастырскую школу.

Я винюсь, что употребил слово “ложный стыд”: оно как-то само собою подсказывается в данном случае. В самом деле: что мешает погнать вон из наших академий таких господ профессоров, которые, открыто проповедуя сочувствие “свободительному движению” и порицая епископа за его несочувствие этой мерзости, мнят службу приносят Богу? Или тех, которые не стыдятся в своих многотомных сочинениях писать, что давать детям в руки Святое Евангелие – значит, делать их нравственными уродами? Или тех, что уверяют, будто протест против постройки идольского капища в нашей столице есть признак потери истинного понимания христианства? Да мало ли таких! А ведь они буквально воспитывают целые кадры учителей для наших пастырских школ – семинарий. А в уставах семинарий почему бы не пойти решительно, без всяких колебаний навстречу нуждам Церкви: не об новых языках заботиться, а о воспитании пастырского духа, о любви к святым отцам; не о мундирах заботиться, а просто бы нарядить всех питомцев духовных школ в одежду послушания: авось она облегчила бы и бюджет семинарий, отпугнув от них всех любителей мундиров; не допускать танцевальных вечеров семинаристов с епархиалками, а приучать их к исполнению уставов церковных, вводить во вкус, так сказать, той красоты церковной, которою восхищались даже мирские люди, любившие Церковь, как покойный А. Н. Муравьев, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский. Не стыдно ли, спросишь семинариста, почему праздник Преображения Господня празднуется 6 августа? Он не знает. Как перевести на русский язык тот или другой праздничный ирмос или даже тропарь? Молчит... Читал ли Муравьева о богослужении? или хотя Гоголя “Размышления о Божественной литургии?”... Увы... И все зло, по моему убеждению, в том, что задачи семинарий наших двойственны; именуясь школами пастырскими официально, оне готовят юношей и в ветеринары, и в медики, и в юристы, и куда угодно... А служение Церкви – на последнем месте. А на состав преподавателей в отношении их *церковности* смотрят сквозь пальцы. А с кафедр семинарских молодежь слышит, что нерукотворенный образ Христов – выдумка позднейших писателей, что Евангелия писаны не одним лицом, не сразу, что в них имеются позднейшие вставки... Та к пишут ведь господа профессора академий: почему же не сообщить это и молодежи, которая, конечно, не сумеет разобраться в бреде иудействующих профессоров. Уже и в наше время эти искорки лжи проникали на кафедры семинарския, но мы не давали им разгораться и в своих рукописных журналах смело отмечали их, а сверху принимались меры... А теперь кто следит за этим? Один святитель на днях рассказывал мне, как либерал-профессор академии обманывал московского первосвященника Иоанникия: при входе его в аудиторию рукопись лекции мгновенно уходила в карман г. профессора, откуда появлялась взамен ея другая, и лекция продолжалась в самом благочестивом тоне... А ведь студенты все видели, все запоминали и теперь вспоминают.

Но довольно. Еще раз скажу: помолимся, чтоб Господь вразумил Св. Синод провести дело реформы во благо родной Церкви!

Приветствую моих читателей с наступлением Великого поста.

Пост – весна душам. Пусть наша душа отдохнет и подышет благодатным воздухом святых молитв, покаянных размышлений, а чтобы это не бесплодно было, понудим себя к воздержанию не только в пище, но и в слове, и в чтении того, что нам вовсе не нужно для спасения. Понудим себя к деланию заповедей Божиих, наипаче же к делам милосердия и всепрощения... Порадуем небожителей своим покаянием...

№ 59

Покаемся!

Пост – время покаяния, а что в наши смутные дни нужнее покаяния? Тучи гнева Божия сгущаются над нами, а чем мы умилим праведного Судию, как не покаянием? Наш долг – долг пастырей Церкви – громко призывать всех к покаянию наипаче в великие и святые дни Великого поста. В сей мысли я долгом почел разослать по всем церквам моей епархии нижеследующее послание. Если хотя один грешник примет к сердцу мое слабое слово, то буду счастлив: ведь Господь сказал, что на небе бывает радость у ангелов Божиих и о едином грешнике кающемся – больше, чем о 99-ти мнимых праведниках, не требующих покаяния. Тем паче возрадуется сердце пастыря, когда увидит, что благодать Божия оросила его слово силою Божией, что оно пало на доброе сердце и принесло некий плод во славу Божию. Сею радостью радовался Апостол любви Иоанн Богослов, когда писал: *для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине* (3 Ин. 4). Порадуются и добрые сотрудники мои о Господе – пастыри, видя овцу заблудшую, возвращающуюся в стадо Христово.

*Божиею милостию
смирный Никон, Епископ Вологодский и Тотемский,
возлюбленным о Господе чадам Церкви Вологодской
мир и Божие вседействующее благословение!*

Настало время Святого и Великого поста, и святая мать наша – Церковь Православная раскрывает пред нами книгу великого ветхозаветного пророка Исаии, призывающего всех грешников к покаянию. Приклоним, братие, уши сердечныя и выслушаем его обличения. 26 столетий прошло с тех пор, как возгремело грозное слово его, а оно так живо и действенно, как будто писано для наших дней. Сердце трепещет, внимая ему, как будто великий пророк стоит пред нами и своим глаголом жжет наши сердца. Не к одному какому-либо грешнику обращено грозное слово его, а к целому народу, и совесть наша свидетельствует, что весь народ Русский, тяжко пред Богом согрешивший, особенно в последние годы смуты и духовной распушенности, должен благоговейно внимать обличениям пророка.

“Слушайте, небеса, внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего, и осел ясли господина своего, а Израиль – не знает Меня, народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями!.. Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло “.

Братия и чада мои возлюбленные! Православные русские люди! Не говорит ли вам совесть ваша, что Израиль – это мы, народ Русский, народ, обремененный грехами? Как древнему Израилю, народу Божию, вверено было слово Божие, то есть истинное учение веры, для того, чтобы он передал это сокровище всем народам земным, так и нам Господь вверил великое сокровище Православной веры для того, чтобы мы берегли это сокровище для всего человечества. Изменил Богу народ Еврейский, сам на себя призвал клятву Божию, когда кричал Пилату: *кровь Его*, то есть Иисуса Христа, *на нас и на чадех наших*, и проклетие отяготело на этом народе, и стал он поношением среди народов земных, и

потерял он и царство свое, и язык свой, и веру свою подменил суеверием, и скитается он, рассеянный по всему лицу земному, как всеми презираемый бродяга, не имея отечества... А мы – храним ли вверенное нам Богом всемирное сокровище святой нашей веры православной? Дорожим ли ею? Не расхищают ли его разные еретики и раскольники, как волки хищные в одеждах овчих всюду бродящие? Дал нам Государь свободу исповедания, чтобы не стеснять никого из иноверцев: пусть каждый по своему Богу молится; а многие из нас бросают сокровище бесценное – веру Православную и меняют ее на ереси и расколы, не хотят знать учения матери своей Церкви, не хотят слушать Богом поставленных пастырей, идут на беседы к сектантам и лжеучителям и, слыша хулы на Церковь, смущаются, заражаются ересями, ибо не познали еще святой истины Православия во всей ее чистоте. “Вол знает владельца своего”, а чада Церкви не знают, как учит их мать-Церковь! “Осел знает ясли господина своего”, а православные не могут еретика ответить: как и почему так учит святая Церковь Православная, к которой они принадлежат! Не стыдно ли это? Не грешно ли так равнодушно, особенно в наше смутное время, относиться к святому учению своей родной Церкви? А не зная учения своей веры, такие православные не могут и защитить ее и легко поддаются искушениям отпадения от веры в ереси и расколы. Не зная истинной веры, такие люди не знают и того, чего требует от них эта вера. Не знают, как надо жить по-православному. И вот, какой-нибудь сектант, еретик или раскольник приходит и говорит: “Смотрите, как плохо живут ваши православные: у них и пьянство, и распутство, и ложь, и обман, и леность, и сквернословие; идите к нам, смотрите, какие мы люди трезвые, трудолюбивые, честные, как мы любим друг друга, как помогаем друг другу”... Как будто наша святая вера учит порокам! Как будто уж нельзя быть и честным, и трезвым, и исполнять все заповеди Божии, оставаясь православным! Стыд покрывает лицо наше, братие возлюбленные, когда слышишь все это! Св. Церковь немолчно зовет гласом велиим: *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас!* Ведайте, чада мои, что вера без дел – мертва есть! Ведайте, что говорит Господь: *не всяк глаголяй Мне: Господи, Господи, внидет в царство небесное, а только тот, кто творит волю Отца Моего небеснаго...* Церковь учит, что надо исполнять все заповеди Божии, что одно наружное, показное благочестие не спасет нас... Что же мы? Слушаемся ли своей любящей матери? Увы! Немало среди нас таких, которые охотнее слушают сектанта-лжеучителя, чем пастыря Церкви. Послушайте вот, как жалуется пророк Исаия на своих современников: *горе тем, которые с раннего утра ищут крепкого напитка и до позднего вечера разгорячают себя вином, а на дела Господни они не взирают... Горе тем, которые зло называют добром и добро злом, тьму почитают светом и свет тьмою, горькое почитают сладким и сладкое горьким!* (5, 11–20). Беда мне, увы мне, плачет пророк Божий: *злодеи злодействуют и злодействуют злодейски... Основания земли потрясаются, шатается земля, как пьяный, качается как колыбель, и беззаконие ея тяготеет на ней...* (24, 16, 18, 20). Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями!.. Оставили Господа, презрели Святаго Израилева!.. Две тысячи шестьсот лет прошло с того времени, как гремели эти обличения на улицах Иерусалима, но не отзываются ли они и сейчас в совести нашей, православные, как будто прямо относятся к нам? Не то же ли творится и ныне на Руси грешной? Не злодействуют ли злодейски злодеи и у нас? Не находится ли и среди нас немало людей, которые добро уже называют злом, а зло добром, тьму безбожных учений – светом, а свет Христова учения – тьмою? А таких людей, которые с раннего утра ищут водки и до позднего вечера разгорячают себя вином, – не встречаем ли мы на каждом шагу? Страшно

подумать, больно говорить о том, сколько зла творится среди нас! Никогда, с самого начала Руси, не было слышно на нашей земле такого богохульства, такого кощунства, какое слышали и слышат уши наши. Никогда не было такого отступничества от святой веры Православной, как в дни наши. Самые ужасные пороки ныне возводят чуть ли не в добродетели. Самые добродетели ныне смешивают с пороками и тем лишают их всякой цены в очах Божиих. Ныне пляшут и любуются на безнравственные зрелища в театрах – в пользу пострадавших от того или иного бедствия. Ныне ставят памятники безбожникам. Православные люди сквернят свои руки постройкою идольского капища. Распутство стало обыденным явлением. Отбить у соседа жену, прогнать свою, нанять лжесвидетелей, чтоб развестись, – да этому уж никто не удивляется. Убить, отравить, развратить, загубить душу – да об этом мы читаем в газетах каждый день. И это творится во всех слоях общества: и среди простого народа, и среди образованных людей. Полная распушенность нравов, уподобляются люди скотам несмысленным!..

И вот гремят над нами громы небесные. Потрясается земля в основаниях своих! Были землетрясения в отдаленных землях: на острове Мартинике погиб большой город с 40 000 жителей, погибла Мессина, – теперь трясется земля уже в наших русских пределах – в Семиреченской области. До тысячи человек убитых, а сколько раненых, сколько осталось семей без крова, без пищи и одежды! Но вразумляемся ли мы? Каемся ли во грехах наших? Надвигается на нас туча черная, чума страшная, смертоносная: она уже у границ наших, тысячи китайцев и наших братьев русских косит она, как сухую траву: идет человек по улице и падает, и тут же умирает; соседний с нашими владениями город китайский вымер почти весь. Черная смерть никого не щадит: а мы – мы каемся ли, братья мои возлюбленные? Готовимся ли к смерти? Умилоствляем ли Господа Бога? Эта смерть уже переступила наши границы, уже в нашем Владивостоке, в расстоянии десяти-двенадцати дней пути от столиц наших: что же мы? Просим, умоляем Господа о помиловании? *Горе мне, увыв мне, приходится повторять с пророком Божиим: злодеи злодействуют и злодействуют злодейски по-прежнему!..*

Братья мои, чада мои о Господе! Вот наступает Великий пост: Господь ждет нашего покаяния. Слышите, что говорит Он устами другого пророка: *живу Я: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших! Для чего умирать вам, дом Израилев? (Иез. 33, 11).* Поспешите принести пред Господом покаяние во всех грехах ваших! Но не на словах только должно быть наше покаяние. Спешите принести плоды, достойные покаяния, и опять повторяю: слышите, что говорит Господь чрез пророка Своего Исаию? Говорит к тем, которые лицемерно приходили в святой храм Его, молились по-фарисейски. Которые приносили и жертвы Господу, а сердце их было далеко от Господа и полно было беззакония и всякой неправды. *К чему Мне множество жертв ваших? Крови тельцов и агнцев и козлов не хочу! Кто требует, чтобы вы топтали двory Мои? Не нужны Мне курения ваши, праздничных собраний ваших не могу терпеть: собрание – и празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя, они – бремя для Меня, Мне тяжело снести их, потому что сопровождаются они пьянством и другими беззакониями! И когда вы простираете ко Мне руки свои, Я закрываю от вас очи Мои, и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови! Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши как багряное как снег*

убелю; если будут красны, как пурпур – как волну, как лен убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни это говорят! (Ис. 1, 11–20).

Что может сказать слабое слово человеческое после сих грозных, потрясающих и совесть, и сердце, и все существо человеческое, словес Божиих? Братия мои, чада мои возлюбленные! Меч Божий уже висит над нами: чума, страшная черная смерть уже косит тысячами соседей наших китайцев, уже проникла в наши пределы... Господь еще ждет нашего покаяния, еще милует, еще долготерпит нам. Поспешим покаяться, исправиться. Дадим обет воздержания от пьянства, всем сердцем возненавидим грехи блудные, грехи мерзостные. Отбросим гордость, простим от всего сердца всем, кто в чем-либо согрешил пред нами. Начнем жить по-христиански, по-православному. Будем послушными сынами святой матери-Церкви, и она помолится за нас грешных правосудному, но и милосердому Господу. И тогда услышит Он молитвы наши, услышит вопли кающихся и отвратит гнев Свой, на ны праведно движимый. И минует нас гроза Божия, за молитвы Пресвятыя Владычицы Богородицы, нашей крепкой и усердной Заступницы. И речет Господь черной смерти, моровой язве или чуме: *молчи, престани!* И отдохнет тогда наша грешная, нашими грехами измученная Русь. И возрадуются ангелы Божии на небе нашему покаянию, нашему обращению к Богу.

Господи Боже, Спасителю наш! Боже правосудный и многомилостивый! Не вниди в суд с рабами Твоими! Отврати гнев Твой, праведно на нас движимый! Удержи меч Твой, готовый посети нас! Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою; недостойны мы милости Твоей! Но не ради нашей грешной молитвы – ради молитв Пречистой Матери Твоей и святых угодников Твоих, наших братьев по плоти – смилуйся над нами, прости нас и помилуй, помилуй, помилуй! Аминь.

О пастырских домашних беседах с прихожанами

Редко приходится мне беседовать с моими читателями об отрадных явлениях в нашей церковной и общественной жизни: добро приходится собирать по крупицам, а говорить все только о печальном и безотрадном... Может быть, так и подобает: ведь мы живем в юдоли плачевной, ведь о таких людях, как мы грешные, давно сказано: *нестъ радоватися нечестивому*... Те м отраднее отметить хоть что-нибудь доброе и хорошее.

Писал я, что наши “светильники гаснут”, что наше духовенство погружается в житейский материализм, что дух пастырства отлетает от пастырей... Больно говорить об этом, хотелось бы уверить себя в противоположном, и рад-рад бываешь, когда то тут, то там мелькнет огонек и теплым лучом озарит облегающий со всех сторон полумрак. Есть еще на Руси добрые пастыри, всю свою душу, все свое любящее сердце отдающие своим пасомым. А если они есть, то еще есть и надежда, что Русь наша жива, что если ея пастыри возгреют в своих сердцах благодатный огонек ревности о Боге, то и она обновится, и милость Божия к ней возвратится. И думаю я, что заботы о материальном обеспечении сами по себе много не помогут делу, – дело показывает, что добрые-то пастыри и проявляют свое делание во спасение ближнего именно там, где царит беднота в среде их пасомых, а вследствие темноты духовной и всякая нравственная муть...

Вот что пишет мне один из таких пастырей – смиренных трудников нивы Господней.

“Прихожане мои крестьяне, вследствие малоземелья и отсутствия каких бы то ни было заработков, крайне бедны. Рядом с материальной бедностью царит и бедность духовная. Всевозможные пороки, и тайные, и явные, пьянство, суеверия и предрассудки, полное охлаждение к молитве домашней и церковной, отчуждение от храма, отсутствие всякой церковности – вот показатели той нравственной бедности и духовной тьмы, какая господствуют среди моих прихожан. К прискорбию, некому здесь разгонять царящую духовную тьму, некому просвещать этих бедных овец стада Христова. Священники здесь не уживаются: за последние четыре года здесь переменялось шесть священников”.

Вот великое зло нашей церковной жизни: пастыри все ищут более значных мест, где могли бы больше получать млека и хлеба, и бегут оттуда куда сами же просились, когда гнала их нужда в насущном хлебе. Такой приход не успеет сродниться с своим пастырем, и пастырь с своими пасомыми, как уже расходятся, и приход сиротееет... Может ли при таких условиях образоваться та духовная, благодатная связь между ними, которая сродняет души навсегда и ради которой пастырь готов жертвовать всеми благами на земле, лишь бы не покинуть своих родных, Богом ему данных чад? И почему бы молодым, малосемейным-то пастырям не поработать на бедной ниве? Увы, снова с горечью приходится сказать: забывают нынешние кандидаты священства столь утешительное, столь трогательное обетование Господа: ищите прежде всего царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам! Ныне все наоборот – ищут прежде вот именно сего приложения – так сказать – авансом его требуют от Господа, а затем уже – обещают – искать царствия Божия! И вот шесть священников сбежали с бедного захолустного прихода в продолжение всего только четырех лет, а седьмой – дай ему Бог сил и разумения – пишет мне:

“С болью и сокрушением сердечным год тому назад начал я служение свое в этом приходе. Признаться: не хотелось быть наемником, хотелось быть добрым пастырем бедных словесных овец. Главным делом я поставил: проповедь церковную, собеседования и чтения. Помимо чтений в праздники, в местной церковно-приходской школе, я завел в приходе так называемые пастырские вечерние хождения по домам прихожан и в будни. Делается это у меня так. В церкви объявляю, что в такой-то день буду в доме такого-то прихожанина, причем предлагаю собраться туда же и ближайшим соседям этого прихожанина. С одним из членов причта являюсь в означенный дом и начинаю чтение и беседу. Читаю, обыкновенно из Евангелия и Апостола с объяснениями, из Пролога, из духовных журналов, Троицких и Афонских листков, разных сборников и житий святых. Многие просят почитать книжку о сельском хозяйстве, а то и просто хорошую газету, показать картинки... Чтения и беседы, самые душевные и безыскусственные, затягиваются иногда до полуночи и всегда заканчиваются чтением вечерних молитв и общим пением. На следующий вечер назначаю чтение в другом доме, а там и в третьем и т. д. Прихожанам моим такое пастырское посещение их домов сильно понравилось. Многие из них приходят ко мне на дом и просят прочитать у них, “наставить их”, как они выражаются. А вот и плоды сего хождения по домам: по ночам в селе не кричат и не дебоширят, как это было прежде, меньше встречается пьяных, и больше людей стало ходить в церковь. Благодарю Господа и за это. Мне невольно припоминаются слова Апостола Павла: “три года учил я вас и день и ночь”, разумеется, переходя из дома в дом, куда собирались его, поучающего, слушать. Эти духовные плоды исполняют меня ревности еще и еще послужить и потрудиться для богодарованной мне паствы. Одно сокрушает меня – недостаток в духовных книгах и журналах и в отсутствии средств для приобретения таковых. В церкви, кроме епархиальных и церковных ведомостей, нет ни одной книжки, а денег я застал всего 15 рублей; личных средств и подавно у меня нет!”

В заключение священник просит у меня каких-нибудь книжечек и листков: “всякой книжке и всякому листочку здесь будут рады, ибо здесь ощущается большой глад и большая жажда духовная. Ради Бога помогите мне утолить их”.

Вот пример того, что может сделать добрый пастырь в своем приходе. Уж для таких-то домашних бесед не нужно больших средств, такая-то беседа не отнимет того времени, которое сельский батюшка употребляет в поле на работе. Отчего не отдать свободные зимние вечера таким беседам? А между тем – сколько добра-то внесли бы оне в души пасомых! Сколько света в эту темную, но жаждущую света среду! Какую трогательную картину представляли бы! Семья добрых прихожан, тут и отцы, и матери, и детки-подростки, и малютки, все с открытым сердцем, с жаждою послушать что-нибудь “божественное”... Припоминаю я свое детство. Именно такую картину представлял наш дом, хотя это был дом не священника-пастыря, а простаго сельского дьячка, в вечера Великого поста или накануне больших праздников. Сажу я, тогда еще мальчик лет 8–10-ти, за столом и читаю жития святых – Четьи-Минеи, или Благовестник Феофилакта, или творения святителей Тихона, Димитрия, Златоуста, взятыя нарочито для сего из церковной библиотеки. Не всегда горела и сальная свечка: ее заменял самодельный ночник или простой черепок от горшка, куда вливалось конопляное масло и вкладывался фитиль из бумажной пряжи. Звонко раздается мой детский голосок, с благоговением внимают ему мои простые слушатели-крестьяне, пришедшие из дальних деревень

поговорить или же на праздник, чтобы ночевать у своего любимца – старого дьячка Ивана Андреевича.^[18]

Когда чтение доходит до особенно трогательных мест, когда задрожит голосок чтеца от сердечного умиления, то слышатся вздохи среди слушателей, а иной из них и слезу отрет от полноты доброго чувства, и так хорошо станет у всех на душе, так тепло и светло, будто ангел Божий пролетит тогда над нами и всех приосенит своим крылом благодатным... Прошло слишком 50 лет с той поры, а я никогда не забуду этих святых вечеров, этих смиренных сердцем моих простецов-слушателей, расположившихся и на лавках, и на полу, и на лежанке... И долго-долго длится это чтение, пока утомленный чтец не закроет свою большую кожаную книгу. За то и любили меня, крепко любили добрые прихожане, и кому – копейку, а мне давали семитку и даже гривну, когда я приходил с причтом славить Христа, родившагося или воскресшаго из мертвых. И уносили они с этих чтений много добрых семян в своих душах, а были среди них и такие способные, которые буквально запоминали слышанное и потом рассказывали дома. Таков был, Царство ему Небесное, мужичок, барский “бурмистр”, безграмотный Захар Онисимович: он знал на память, например, житие Филарета Милостиваго, и случалось: придут к нему в вотчинную контору (это было еще во времена крепостного права) сельские старосты, попросят его почитать житие это, и он, после некоторых отговорок, берет в руки газету, книгу, что-нибудь печатное, чтоб в руках было, и начинает: “В стране Пафлагонстей, в веси, нарицаемой Амния”... Есть ли теперь такие неграмотные начетчики? Такие любители житий святых? А не мы ли виноваты, ну хоть отчасти, если не целиком, что их не стало, отцы и братие – пастыри Христова стада? Простите мне мои личные воспоминания: они так дороги мне и так полезны, думаю, для вас! Ведь если бы вот, как вышеупомянутый священник, которого, щадя его пастырское смирение, не называю по имени скажу только, что он трудится в епархии Киевской, – как он, говорю, почаще вели бы свои беседы с прихожанами по домам, то не было бы, может быть, ни штунды, ни всех этих баптистов, молокан, всех этих сектантов, отколовшихся от Церкви. Ведь народ-то жаждет слышания слова Божия и, не находя утешения сей жажды у своих Богом данных пастырей, бежит к кладенцам сокрушенным, к этим лжеучителям, коих так много развелось теперь на Руси, благодаря разным свободам безчиния в вопросах веры. Отцы и братия! Зажигайте огни в своих сердцах! Мрак сгущается над Русью, когда-то святой, идите к своим пасомым с простым словом утешения духовнаго, назидания, проповеди, словом от горящего любовию сердца! Ей, народ поймет вас, оценит, потечет к вам с любовию, и разные самозванцы-учители останутся без слушателей! Слышите, что говорит Господин жатвы: “жатва многа, делателей же мало: молитесь Господину жатвы, да изведет делателей на жатву Свою!”

Сей дневник был написан, когда мне, по указанию редакции “Приходскаго Чтения”, пришлось прочитать в “Минских Еп. Ведомостях” отклик на мою статью “Светильники гаснут” некоего священника Михаила Пешковского. Кто сей иерей, как пастырь словеснаго Христова стада, я не знаю, но сам он о себе говорит, что и ему “хочется жить”, что, по его мнению, занятие “картишками не заслуживает упрека”, что он считает невозможным “вести общие разговоры с крестьянами”, что “рояли и пианино не у всех батюшек бывают (еще бы!), а если и есть у некоторых, то неужели автор, (т. е. я) полагает, что это куплено из средств прихода? Нисколько, говорит он, о. Пешковский, – большею частию это все приданое наших матушек или куплено за их счет”. (Ну а матушки-то или матушки сих матушек откуда нашли средства купить их?..) Автор заметки, очевидно,

читает и “левые газеты”, – только вот моего “Троицкого Слова”, стоящего всего 1 р. за 50 номеров, не читает... Иначе знал бы автора, статью которого критикует. С таким пастырем входить в полемику, кажется, дело бесполезное. Советую ему только посмотреть на себя в то зеркало, какое представляет подвиг, да – подвиг упомянутого сельского батюшки из Киевской епархии. Авось ему стыдно будет. Нехорошо также клеветать и на матушку, которая будто бы спрятала в сарае своего батюшку от собеседования с сектантами: хорош был бы и такой батюшка – в послушании у матушки! Ах, отцы-отцы! Одно у вас на уме – жалованье, а ведь я ничего не говорю, в сущности, и против жалованья, – я только повторяю: боюсь, что вот такие ревнители жалованья первые и превратятся в чиновников, или даже – ремесленников, ибо добрые-то пастыри свое дело делают, не ожидая, когда получают жалованье... И Бог видимо благословляет их делание.

Горе, когда Божие отходит на второй план, а человеческое занимает его место! Если это – закон для всех христиан, то для пастырей – сугубо.

№ 61

За святые дин

Вопрос о праздниках, поднятый тридцатью пятью членами Государственного Совета и столько нашумевший в прошлом году, снова выступил на очередь и 16 февраля рассматривался в общем собрании Г. Совета со стороны принципиальной: желательно ли провести этот закон? Нужен ли он, полезен ли? Не скрою и от самих почтенных членов Государственного Совета, людей, большею частию украшенных сединою, умудренных опытом жизни, что их решение произвело на меня тяжелое впечатление. Мне могут сказать, что в этом вопросе страдает мое личное самолюбие: я так много писал и печатал против этого законопроекта, а потому для меня лично неприятно решение большинства. Стою пред Богом в своей совести и спокойно говорю: нет! Самолюбие тут совсем в стороне; вопрос идет о значении голоса Церкви в русском законодательстве, не голоса епископа Вологодского, даже не голоса Святейшего Синода, а именно всей Православной Церкви. Если государство в союзе с Церковью, то оно – должно преклониться пред ея авторитетом в вопросе такого церковного значения, как вопрос о праздниках. Наша Православная Церковь не вмешивается в дела гражданския, политическия, когда сии дела не касаются духовной жизни народа, но она должна подавать свой голос, когда дело идет об исполнении ея детьми заповедей Божиих. Вот то, что говорил я в Г. Совете 16-го февраля:

Когда законодатель призывал нас, представителей монашествующаго и белаго духовенства к участию в трудах Г. Совета, то, смеем думать, он имел в виду возложить на нас заботу о духовных нуждах и пользах православнаго народа, об охранении заветных исторических святынь его сердца, тех основных начал его духовнаго мирозерцания, которыми живет наша православная русская народная душа. Вопрос о сокращении праздничных неприсутственных дней, т. е. праздников в их отношении к государственной и общественной жизни, без сомнения, близко касается церковнаго значения этих дней, как это признала и наша комиссия. К сожалению, большинство комиссии остановилось почти исключительно на экономическом, утилитарном значении этого вопроса, не приняв во внимание заключение С. Синода, т. е. голос представителей Церкви – иерархов. В основу своих суждений оно положило лишь те соображения практическаго характера, которыми руководились инициаторы предложения, 35 членов Г. Совета, и сущность которых сводится к признанию вреда, приносимаго культурному и экономическому развитию России чрезмерным количеством праздников, к тому же проводимых населением, к несчастью нашему, в пьянстве и разгуле. Между тем, комиссия сама же признает, что уклад трудовой жизни народа весьма слабо поддается воздействию законодательных определений, что, следовательно, эти определения относительно количества праздников безсильны сократить народную праздность и разгул. В самом деле: закон теперь знает только 91–95 праздников в году, а народ празднует от 120 до 150-ти. Не ясно ли, что закон безсильен регулировать свободный труд народа путем установления перечня праздников, что народ не хочет знать в этом отношении никаких официальных рамок, а потому, если уж говорить о культурном и экономическом развитии страны (а по мысли инициаторов, законопроект именно в этом и заключается), то не следовало ли несколько изменить самую постановку вопроса: вместо сокращения неприсутственных дней, говорить о мерах борьбы с народной праздностью и пьянством, имея притом в виду, что и то и другое зло

имеет место и в будни? Что касается праздников, можно бы, например, установить, чтобы винные лавки закрывались накануне праздников с четырех часов вечера и открывались только на другой день праздника, чтобы всякого рода кормчество, теперь почти открыто всюду спаивающее народ, преследовалось и каралось беспощадно; чтобы преступления, совершаемые в праздники, наказывались строже; чтобы опьянение закон признавал не заслуживающим снисхождения, а усиливающим вину обстоятельством. Вот те меры, которые рано или поздно закон должен будет принять для борьбы с постоянно возрастающей распущенностью деревни, чтобы помочь Церкви в ее усилиях в борьбе с народными пороками. Этого просит сама народная жизнь. За это будет глубоко благодарна и Церковь.

К сожалению, наша комиссия, сознав почти полную бесполезность борьбы с народною праздностью и пьянством путем сокращения числа дней неприсутственных, не отказалась от этого средства и, за невозможностью провести его в народную жизнь непосредственно, применяет его к той области народного труда, где менее всего проявляется праздность и пьянство – к занятиям в присутственных местах. Большинство комиссии надеется, что пример работы чиновников может воздействовать на народные понятия о праздниках в смысле более разумного отношения к потере трудового времени, другими словами – перевоспитать эти понятия. Напрасная надежда! Да будет мне позволено напомнить то, что я говорил три года назад по вопросу о борьбе с пьянством. Я говорил, что только те законодательные меры будут жизненны и привьются к совести народной, которые согласны с народным мирозерцанием. Исходя из этой мысли, я позволяю себе утверждать, что тот путь, каким большинство нашей комиссии надеется перевоспитать народные понятия о праздниках, совершенно не отвечает народному мировоззрению и, вместо пользы, может принести вред. Надо помнить, что масса народная, в сущности, глубоко религиозна. Пусть эта религиозность искажена неправильными, иногда даже противоцерковными воззрениями и предрассудками, но в основе своей всякая религиозность, так сказать, ревнива: скажу больше, чем она искаженнее, тем фанатичнее. Примите это во внимание и скажите: не послужит ли новый закон, требующий работы в присутственных местах даже в некоторые двенадцатые праздники, особенно благоговейно чтимые народом, поводом к недовольству, к критике действий правительства, к осуждению его намерений, а там, где этот закон вздумают насильственно применять меры к обязательному труду, например, на фабриках и заводах, – и к забастовкам, и к беспорядкам? Мы, служители Церкви, стоящие близко к духовной жизни уже слышим в народных массах глухое недовольство современным направлением законодательства. До деревни какими-то путями доходят слухи о законодательных предположениях, касающихся веры и Церкви, и доходят в окраске, враждебной вере и Церкви. Какими-то путями православный русский человек узнал, и уже подчеркнул, и в счет поставил инициаторам законопроекта о сокращении неприсутственных дней то, что сокращаются праздники исключительно православного и римо-католического месяцеслова. Мне лично пришлось это слышать от простых людей в Вологде на наших беседах с народом в праздники. Как угодно, а с этим явлением необходимо считаться. Нельзя перестроить мирозерцание восьмидесяти миллионов одним росчерком пера. Пытался это сделать великий преобразователь 200 лет назад в некоторых, дорогих русскому сердцу областях жизни народной, но народ и поныне в массе верен заветам седой старины в этих областях. Невелик будет авторитет в глазах народа того или другого присутственного места, работающего в праздник, если совесть народная не может

одобрить этой работы. Уже и теперь слышатся тревожные толки: “Что же это творится? Уж и праздники-то святые хотят отменить... Как им не грешно! Ведь мы не басурманы еще”... И в этих толках слышится, чувствуется тоскливая забота о будущем: “Что же дальше-то будет? Ныне отменили некоторые праздники, завтра сократят или вовсе отменяют посты, а там дадут раскольникам и еретикам свободу издеваться над Церковью, а там будут судить нас и за исполнение заповедей Божиих”... Пора прислушаться к тому, что говорит народная совесть! Пора принять во внимание, что в массах народных уже образовалось и все растет предубеждение против законодательных учреждений, которые будто бы подпали под влияние элементов, враждебно относящихся к вере и Церкви... И в самом деле, сознаемся: в последние годы так много сделано в либеральном духе для сектантов и раскольников и так мало, почти ничего – для Церкви! Чем мы, именующие себя представителями народа, порадовали православный Русский народ в этом отношении? Естественно ожидать, что и закон о сокращении праздников будет принят народом как новое оскорбление матери-Церкви. Полезно ли без крайней нужды увеличить эту подозрительность, это недоверие народное по отношению к государственным законодательным учреждениям? Да и много ли будет пользы из сего для самого государства?..

Но что я говорю о простом народе? Пусть простят мне г. члены комиссии, если откровенно скажу, что и на нас, не подписавших ее заключений, произвело тяжелое впечатление отношение комиссии к заключениям С. Синода. С. Синод определенно и точно высказался за невозможность исключения некоторых дней из числа неприсутственных и за необходимость сохранить их. Казалось бы, эта “невозможность исключения” и “необходимость сохранения” дней, указанных высшим авторитетом Церковной Власти, и должны были послужить для комиссии руководящим началом в решении вопроса о неприсутственных днях. По крайней мере то, что С. Синод признал необходимым или невозможным, должна была признать и комиссия, хотя бы по уважению к высшему авторитету господствующей Церкви. К глубокому сожалению, состоялось постановление большинства комиссии, совершенно обратное постановлению С. Синода. В некоторой уступке, сделанной С. Синодом касательно четырех пасхальных дней, комиссия усмотрела принципиальную возможность того, что С. Синод так решительно и определенно признал невозможным и недопустимым, а в определении С. Синода касательно 1 января усмотрела даже сочувствие к установлению полупраздников и на основании этого даже из двенадцатых праздников три обратила в полупраздники, руководясь исключительно утилитарными соображениями “необходимости и пользы государственной”. Я не буду касаться вопроса о “необходимости”. Церковь допускает необходимые занятия и в праздники. Можно бы спорить о полезном, ибо понятия пользы слишком растяжимы: на них построен весь законопроект о неприсутственных днях. Я позволю себе только обратить внимание вот на что: с одной стороны, комиссия нашла необходимым обратиться к авторитету С. Синода, с другой, – не признала возможным принять указания сего авторитета. Мне кажется, нельзя в одно и то же время утверждать, что в основе праздников лежит их церковное значение и отвергать указания Церковной Власти. В вопросах церковного значения законодательство православной России должно с уважением прислушиваться к авторитетному для него голосу Православной Церкви и отнюдь не становиться с нею в противоречие.

А в данном случае и является именно такое противоречие: Церковная Власть говорит: невозможно исключать, необходимо сохранить известные праздники, а комиссия

постановляет исключить их из числа дней неприсутственных, т. е. праздничных. Правда, комиссия говорит, что такое исключение не является умалением святости и достоинства праздников, что установления Церкви остаются неприкосновенными, но во-первых, если бы это было верно, то С. Синод не стал бы так решительно отстаивать праздники, а во-вторых, что такое Церковь? Ведь это – не одна только иерархия, ведь она объемлет в себе всех верующих во Христа, на которых она в дни праздничные возлагает известные обязанности, например, верующие во Христа в праздники должны посещать богослужение, навещать больных и в скорбях сущих несчастных, поучаться слову Божию в своей семье, что особенно благопотребно в наше время; можно и работать, но как работать? Не ради корысти, не ради жалованья, не по принуждению, а свободно, по усердию, для того, чтобы исполнить заповедь милосердия. Я бы понял, если бы начальник учреждения в праздник пришел в канцелярию, чтобы исполнить работу за какого-нибудь больного писца: это было бы доброе дело, которое Бог ему вменил бы, как если бы он свечу поставил в храме Божием. Но обращать дни неприсутственные в присутственные значит лишать членов Церкви возможности исполнить свою обязанность. Как же можно говорить, что установления Церкви остаются “неприкосновенными”? Ныне так много говорят о свободе совести; нельзя же в православном государстве насиловать совесть православного человека и требовать от него принудительного труда в тот день, который его вера, его Церковь, его совесть повелительно требуют отдать Богу! Ведь будет совершенно последовательно, если чиновник, например, в день Казанской иконы Богоматери, покровительницы нашей столицы, пойдет в Казанский собор или в день Петра и Павла – в Петропавловский (прошу припомнить, что и столица-то наша посвящена Апостолу Петру, почему и называется Петроград), затем усталый вернется домой, а потому не явится в присутствие, то может быть подвергнут тому или другому взысканию: за что же будет наложено на него это взыскание, это наказание? Скажут: за опущение по службе. Нет, говорю я: за исполнение заповеди Божией, долга христианского.

В прошлом году здесь, в Петербурге, судили православную девушку – добрую христианку за то, что она будто бы похитила детей у иудейки, на деле же за то, что она проповедовала святое учение Христа Спасителя этим детям. Не потребуют ли к ответу и тех, кто в дни, будние по гражданскому, но праздничные по церковному закону, не явится в присутствие и пойдет в церковь? Но не будет ли это первым шагом к тому, что уже творится теперь в несчастной безбожной Франции? Ужели наше законодательство, возвещая свободу совести едва ли не до свращения в язычество, будет стеснять нашу христианскую православную совесть, привлекая к ответственности за исполнение заповеди Божией, за посещение храма Божия в признаваемый Церковью, но не признаваемый государством праздник? Ведь как это ни прискорбно, а надо признаться, что в наших различных управлениях немало развелось либералов-начальников, которые воспользуются этим случаем, чтобы доброго христианина-чиновника подвергнуть взысканию лишь для того, чтобы посмеяться над его религиозным чувством. Нет, этого быть не должно! Достоинство такого учреждения, как наш Государственный Совет, не должно допускать того.

Знаю, мне скажут, что желающий помолиться может сходить к ранней литургии, а в более важные праздники занятия в присутственных местах будут, по предположению комиссии, начинаться после богослужения.

Будем откровенны, станем перед Богом в своей совести, как добрые христиане, спросим себя: будет ли это на деле? Встанет ли чиновник к ранней обедне в праздник только потому, что во время поздней ему надо будет сидеть в канцелярии? Да, наконец, и то нужно сказать: ведь и Богу молиться в церкви – нелегкий труд, после которого нужно и отдохнуть человеку. За что же люди, обязанные работать в праздники в канцеляриях и в то же время желающие по совести исполнять долг христианский, будут нести в эти дни двойной труд? Только за то, что они христиане, что они хотят почтить святой день молитвою? Разве это – не стеснение их совести? Разве это похвально в христианском законодательстве? И все это – из-за каких-нибудь десяти дней в году!..

Повторяю: законодательство православной страны должно охранять народ от соблазна противоречий закона гражданского с требованиями Церкви; оно не имеет нравственного права вторгаться в область, где действующим началом является народная совесть, руководимая Церковью. Находясь в союзе с Церковью, православное государство должно вносить в свои законы, соприкасающиеся с жизнью Церкви, только то, что признает возможным принять сама Церковь. Иначе оно станет на путь отделения от Церкви, путь, вредный для Церкви, но и губительный для государства.

Протестовали, кроме меня, высокопреосвященнейший Арсений, Архиепископ Новгородский, известный миссионер – о. протоиерей Т. И. Буткевич и другие правые ораторы, но все оказалось напрасным: большинством голосов Г. Совет решил признать возможным и полезным сокращение праздничных неприсутственных дней, а так как правительство, в лице г. обер-прокурора С. Синода, отказалось от составления такого законопроекта, то это дело поручено особой комиссии в Г. Совете!..

Доселе православные русские люди с надеждою взирали на Г. Совет, видя в нем оплот от разрушительных в отношении Церкви замыслов левой половины Государственной Думы. Теперь эта надежда колеблется, ибо вот уже другое дело проходит в нем в духе либеральных веяний: первое было – о расстригах. Впрочем, может быть, Бог даст, широкий размах сократителей праздников сократится до минимума: ведь, и мы, чада Церкви, ничего не имеем, если Г. Совет поставит крест на широкой масленице...

Наше духовное сиротство и бездерзновение веры

Еще на заре христианства один вдумчивый философ-христианин сказал, что душа человеческая по природе христианка. В самом деле, отчего так тоскливо живется на свете в наши смутные, безверные дни? Не оттого ли, что все дальше и дальше улетают от нашего сознания истинные христианские идеалы? Не от того ли, что мы все больше и больше духовно сиротеем? Оглянешься назад, вспомнишь сравнительно недавнее прошлое: митрополиты Филарет премудрый и Иннокентий препростый – Московские, Филарет милостивый, Филофей подвижник и другие – Киевские, святители-затворники Феофан и Иеремия, старцы-подвижники Макарий и Амвросий Оптинские, Варнава Гефсиманский, Иероним и Макарий Афонские, пастырь-молитвенник о. Иоанн Кронштадтский... и много-много других имен, с любовью произносимых православным народом русским. И тепло было на душе сознавать, что они с нами и мы с ними, что во всяком горе можно прибегнуть к ним, в простоте сердца поведать им свои думы, заботы и недоумения, в уверенности, что получишь у них и ответ, и успокоение. А теперь где они – сии светлые носители Духа Христова, сии светочи веры православной? К Богу ушли. А мы осиротели. Может быть, да, конечно, это так и есть: без праведников свет не стоит. Может быть, и теперь есть рабы Божии, за грешный мир молящиеся, но как-то мало слышно о них, будто не открывает их нам Господь за недостойнство наше... И грустно, и сиротливо себя чувствует православный русский человек. И душа просит общения с теми, которых уже не видно среди нас; и идешь в храм Божий, как в дом Отчий, чтобы согреть свою скорбящую, томящуюся духовным одиночеством душу: ведь в храме Божиим небо всегда отверсто, ведь там – врата небесные, там можно всегда войти в благодатное общение с теми, по ком грустит сердце.

И счастлив ты еще, русский православный человек, что там, на небе, у тебя столько родных тебе по плоти святых Божиих, которые с такою любовью смотрят на тебя с высоты небесной, молятся за тебя, с готовностью принимают твою слабую молитву и несут ее к Престолу Всевышнего! Только не оскудела бы твоя вера, а их любовь неоскудеваема! Счастлив ты, брат мой возлюбленный, что можешь не только взирать на святые лики их здесь, но в разных уголках твоей родной Руси можешь с любовью и детской простотой припадать и к нетленным останкам их, и у подножия их выплакивать горе твое, оплакивать духовное сиротство твое!

И царственный град святого Петра не лишен благодати сей: здесь почивает святыми костями своими один из величайших печальников за землю Русскую – благоверный великий князь Александр Невский. Подходишь к его блистающей серебром гробнице и невольно повторяешь этот чудный тропарь:

“Познай свою братию, Российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий, благоверный княже Александре, и прими моления их!..”

Повторяешь устами и сердцем, а совесть тихо шепчет тебе: но можем ли мы, теперешние русские люди, вправе ли называть себя его братьями? Познает ли он нас? Что осталось в нас сходного с ним и с теми русскими людьми, которые жили в его время и страдали с ним за родную землю? Та м – беззаветная любовь и сыновняя преданность родной Церкви Православной, здесь – холодное равнодушие к ее судьбам, непростительное пренебрежение к ее заветам и уставам; там – готовность умереть за

святую веру православную, здесь – полный простор для всех ересей и расколов до безбожия и богохульства включительно; там – умилительно-трогательная любовь к родной матери-земле, здесь – возмутительное презрение к заветным святыням русского сердца – до измены Отечеству... И скорбно-безмолвно никнешь грешною главою у священной раки, и слово молитвы смолкает на грешных устах...

То, что творится теперь на Руси, лишает нас дерзновения веры. Как будто пришел к нам на святую когда-то Русь какой-то незримый враг всего святого, враг Божий, и сначала обманом, лестью, а потом и насилием вырывает из нашей русской души все наше родное, заветное мирозерцание, подменивает там все прежние понятия новыми, им противоположными, отравляет нас, особенно же детей наших, каким-то страшным ядом, а мы до того обезсилили, стали до такой степени духовно дряблыми, что похожи на загипнотизированных, захлороформированных, с которыми – делай что хочешь – они не станут противиться... А все же – “душа наша христианка”: все же не может она не протестовать, и сбывается на нас слово Апостола Павла: *Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу* (Рим. 7, 18).

Опытные миссионеры говорят: надобно снисходительно относиться к тем заблуждающимся, которые начинают сознавать свое заблуждение, и не требовать от них немедленного формального обращения к Церкви: внутренний процесс переубеждения, а главное – окончательное склонение сердца на сторону истины до решимости изменить старой вере совершается медленно, сердце не скоро и не без боли растает с заблуждениями, которые в него вросли глубоко своими корнями. Вот почему один приснопамятный наставник семинарии говорил нам, ученикам еще IV класса: “Каждый юноша переживает годы, когда его мучат вопросы: что, как и почему? Счастлив тот, у кого в сердце найдется прочное основание для решения этих вопросов, у кого заложены вечные истины в его духовной природе. В минуту колебаний он опрется на это основание и выдержит напор сомнений”. Знают этот закон нашего духа и враги наши и всеми мерами стараются его использовать. Теперь все их усилия и направлены к отравлению юношества; они знают, что если мы еще тоскуем душою по старым заветам родной Руси, то именно потому, что в нас действует этот закон, имеющий себе опору в том, что душа наша по природе христианка: значит, надобно с детства вытравить из души этот закон, захватить в свои руки воспитание юношества, наполнить всю атмосферу русской жизни ядом неверия, безбожия, анархизма, внести путаницу понятий в область нравственную, а чтобы этот яд скорее принять к сердцу – источнику духовной жизни, надо всячески развращать нравственно и физически молодежь... Расчет верный, ибо от юности прилежит человеку помышление на злая по вся дни – сердце наше грехолюбиво и падко на всякую греховную приманку. А тут еще ему доказывают, что и греха-то вовсе нет ни в чем: все-де естественно! И вот окружает нас непроглядный туман: мы задыхаемся от проповеди всяческих лжесвобод и переоценок чрез якобы “свободную” печать, которая почти сплошь состоит в услужении у наших врагов; мы пережили сердцем когда-то лучшие дни, дни, когда так было тепло на душе, будто ясное весеннее солнышко согревало нас, будто небо было над нами открыто и Отец Небесный взирал на нас, как на детей Своих... А теперь?.. Какая-то темная сила нас пленила и хозяйничает на Руси! А мы, во имя каких-то принципов, в коих сами себе отчета не можем дать, не дерзаем противиться ей... Удивительное дело: на наших глазах расхищаются духовные сокровища народной души, оскорбляются народные святыни нашего русского сердца; это измученное сердце готово крикнуть: “Руки прочь, лицемеры, неверы, изменники!” Но что-то, как

темное привидение, стоит пред нами и властно повелевает нам: “Молчать! это нелиберально! Ныне век свободы слова, свободы печати, свободы совести!” Совести, которой именно и нет свободы от безсовестности! И мы смиряемся и молчим... А если бы и вздумали поднять голос против этого привидения – бесполезно; нас остановят во имя тех же свобод. И вот наши цензурные учреждения снимают даже наложенный уже арест с самых возмутительных книг, вроде толстовского “Учения Христа для детей”, А сколько духовного яда распространяется теперь по лицу родной земли, сколько кощунства, богохульства – сил нет говорить! Еще на днях “Земщина” сделала выписки из одного *казенного* издания столь кощунственные, что я не решусь их здесь повторять. Скажите же ради Бога: какой смысл в такой терпимости? За что мучают наше сердце разрешением на все это? Кому нам жаловаться? Гд е искать защиты от этого – простите – прямо сквернословия? Изволь, русский православный человек, терпеть всю эту мерзость во имя “свободы”! Ты не хочешь видеть этого кощунства? Иудеи и их приспешники принесут тебе на дом и картинку, и газету, и брошюру, начиненные этим ядом, под твоими окнами мальчишки прокричат об этой мерзости, всунут ее тебе в руки... Миллионы листов рассылаются по селам и деревням нашей простодушной России – кем, на какие средства – никто из нас не знает, да и знать как будто не хочет, а благодушные представители власти во имя той же свободы не смеют положить предел этому развращению народа. В школах народ развращается учителями-безбожниками, в войсках – агитаторами, в высших учебных заведениях – бессовестными профессорами, в судах – адвокатами. Да скажите: где еще нет пропаганды политического, религиозного и нравственного развращения? И мы все это видим, видим и терпим – во имя “свободы”... Господи, да что же это за сумасшествие такое? На что же и власти? Куда мы идем?!

И тоскливо сжимается русское бедное сердце, а там, где-то в глубине этого сердца, в святилище совести, в нашем внутреннем человеке, – прислушайтесь – кто-то тихо, ласково, но настойчиво говорит: “Не вини других – на себя оглянись”. В самом деле: ведь, если бы все русские люди дали себе слово – не брать в руки ни одной газеты, издаваемой врагами Церкви и родного народа, то и печатать то, на что мы жалуемся, перестали бы. Если бы ни один русский человек не ходил на те зрелища, где проявляется кощунство и поругание всего святого для нас, то и зрелища закрылись бы. Если бы русские люди не пускали детей в те школы, высшие и низшие, где их развращают, то и учащие свою безбожную и бунтарную проповедь прекратили бы. Если бы православные, любя свою веру, твердо знали учение своей Церкви и могли отражать всякую хулу на это учение, то ни один еретик, ни один раскольник не посмел бы являться к нам с своею проповедью. Истина – одна, и мы ею обладаем, она в учении нашей родной Церкви; мы виноваты, что не знаем этого учения, не заботимся вкоренять его в сердца – не в умы только, но и в сердца наших детей, отчего и происходит, что всякие лжеучители смущают их и от Церкви отторгают. Не знаешь своей веры, не можешь защитить ее, тогда, по крайней мере, смирись, сознайся в своем невежестве и не вступай в споры с врагом твоей веры. А у нас от проповеди своего батюшки из церкви бегут, а появится лжеучитель – все стремятся послушать его; а он и рад смущать слушателей своими хулами на Церковь Божию и ея служителей! Вот теперь на улицах Невской столицы на всех углах продают открытки с кощунственным изображением Христа Спасителя, обнимающего еретика и богохульника Толстаго. Смысл понятен: Церковь отлучила еретика, а вот-де Сам Христос его принимает... Не насмешка ли это над нашею матерью-Церковью? А мы, ея дети, раскупаем эту открытку нарасхват. Что ж?

Жидам-издателям хорошая нажива, да и соблазн великий: врагам Церкви вдвойне выгодно. А мы только сетуем: почему власть не запретит? Да кто же нам-то запрещает гнать от своих домов таких продавцов, отплевываться от них, не брать в руки богохульной открытки?! Власть властью, но во имя той же препрославленной свободы мы и сами должны и можем ограждать себя от соблазна. Власть отвечает пред Богом за допускаемый соблазн, но и мы не безответны за наше равнодушие, за наше “непротивление злу”. Ныне в моде всякие бойкоты и забастовки: кто нам запрещает тоже “забастовать” против покупки развращающих изданий, “бойкотировать” всех этих лжеучителей, все эти развращающие зрелища, школы и т. п.? Вот – добрая задача для всех союзов, братств, обществ, поставивших себе целью охранение святынь нашего сердца! Этою мирною борьбою со злом, нас отравляющим, мы скорее оздоровили бы нашу родину, чем жалобами по начальству, хотя и это не воспрещается.

Но мне хотелось бы просить моих читателей еще поглубже заглянуть в свое – конечно – грешное сердце. Не кроется ли там, где-то на дне души, какая-то необъяснимая боязнь выступить на борьбу со злом самому, начать с себя самого? Вот пусть бы власть запретила: “тогда мне легче было бы с собою справиться... Запретите спектакли накануне праздников, и мы рады будем, мы-де на них не пойдем. А то – все идут, все во время всенощных устраивают балы и маскарады: как-то не ловко нам выставлять себя святошами, и негодуем, а идем... Вот запретили бы...” Та к и во всем. На улицах выкрикивают тенденциозное название нового изделия масонской кухни, предназначенное для нашего отравления: все покупают, любопытство подстрекает и нас... Новое сочинение графа Толстаго – и все накидываются на новую отраву. А почувствовав в себе действие яда, одни, в ком еще не замерла совсем “душа-христианка”, негодуют на власть: зачем позволяют продавать такую дрянь? Другие, уже достаточно пропитанные ядом, смакуют новую его порцию и только потом, пресыщенные им, ощущают такую пустоту, такую безотрадную тоску, какая обычно свойственна всем ядам духовным. Вот это-то рабство греху и делает нас бездерзновенными пред Богом и святыми Его. Мы боимся заглянуть поглубже в свою совесть, а совесть все же будит нас, все же не молчит: мы слышим ея стоны, ея жалобы, и, безответные пред Богом пленники греха, мы не чувствуем в себе дерзновения молитвы. Мы обращаемся к нашим небесным собратиям: познайте нас, своих братьев, небесные граждане! А сами в себе не видим ничего, по чему они познали бы нас... Как будто мы стали им чужие... Как будто перестали быть христианами. И давит сердце чувство тоски, сиротства, одиночества...

Но – ужели нет никакого исхода из этого чувства? Ужели все нити, соединяющие нас с небом, роднящие нас с Церковью небесною, оборваны? Ужели двери покаяния затворились, и Отец Небесный отвратил лицо Свое от нас? Нет и паки реку: нет! *Живу Аз, глаголет Господь: не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему.* Он ждет нашего покаяния. Только было бы оно искренно, чистосердечно, без лукавства и самооправдания, с решимостию начать новую жизнь и расстаться с прежнею навсегда! Ныне время к сему благоприятное: ныне поет – весна душам, время покаяния. Приидите – очистимся и возрадуются ангели Божии, видя нас, возвращающихся в объятия Отчи...

№ 63–64

С чего начать?

Святое дело – покаяние, и время к тому самое благоприятное – Великий пост. Но с чего начать?..

Вот мы до чего дожили: считаем себя христианами всю жизнь, а быть на деле христианами еще и не начинали! Значит, проснулась совесть христианская, рванулась душа-христианка к Богу и видит, что еще и шага не сделано ею к Тому, Кто давно ждет ее, зовет и влечет к Себе – с любовью выше материнской, с любовью бесконечной... Прислушайтесь сердцем к этому нежно любящему голосу: приидите ко Мне вси труждающиеся, приидите ко Мне все душою смущенные, сердцем тоскующие, приидите обремененные грехами, измученные суетой житейской: всех вас Я успокою, всем пролью в сердце мир и отраду, всем дам то счастье, которого так давно, но так напрасно вы ищите. Полно вам мучить себя подобно капризным детям, которые упорно отказываются исполнить волю родителей, хотя всем сердцем чувствуют, что именно в этой воле – их счастье, их радость: только вот смириться не хочется, сознаться в своем упорстве, в своем своеволии... Но ведайте, если не будете, как дети, если не смиритесь, не сломите свою самость, то не будете способны и войти в царствие Божие.

Итак, первое, что нужно, чтобы стать христианином, это – подобно блудному сыну притчи Христовой – “войти в себя”, сознать свое греховное погибельное для души состояние, свою нищету, наготу духовную, беспощадно оттолкнуть от себя всякое самооправдание, всякое саможаление и, в таком состоянии духовной скудности и худости, повергнуть себя к стопам Господа и Спасителя в таинстве покаяния. Вспомните Петра, начавшего утонуть в волнах бушующего Галилейского моря, вспомните его отчаянный крик с простертыми ко Господу руками: “Господи, спаси меня, погибаю!” Вот образ грешника, познавшего свое погибельное состояние. Но не отчаяние должно звучать в его вопле у подножия креста Господня, а крепкая вера, что Господь затем и пришел, чтобы грешников спасти, от них же первый есть каждый из нас. Одной капли крови Господней было бы достаточно, чтобы искупить грехи всего мира, а ея пролились целые потоки: ея ли не достанет для омовения твоих грехов? Грехи всего мира – горсть песку, брошенная в бесконечное море Божия милосердия: твои ли грехи могут победить это милосердие?.. Лишь бы не было с твоей стороны того самооправдания, того извинения себя, какое так свойственно всякому грешнику. Ведай: чем беспощаднее будешь себя обвинять пред лицом Божиим, тем скорее выйдешь с сего суда оправданным. Нет ничего противнее Богу, как самооправдание грешника. Не щади себя, чтобы пощадил тебя Бог. Выбрасывай со дна души твоей всякую нечистоту, всякое лукавство, все то, что тревожило и тревожит совесть твою, в чем тебе так хотелось бы оправдаться пред собою, чтоб успокоить совесть: не бойся, не смущайся. Бог и без твоей исповеди видит все тайны грешной души твоей, но Он хочет, чтоб ты сам, своим добрым произволением раскрыл пред Ним гноящиеся раны твои, и вот именно – в присутствии духовника, который нужен тебе как свидетель твоего покаяния, как посланец Господа, Который сказал ему: все, что разрешишь, будет и Мною разрешено, что свяжешь – будет и Мною связано... Да, твое произволение, твоя исповедь нужны для тебя самого. Это – потребность искренно кающейся души. Душа сама просит исповеди. Таков закон ея природы. Душа требует, чтобы яд греховный, который терзает ее в совести, был совершенно из нея извергнут

покаянием. Грех – это ядовитая змея, которая не перестанет мучить грешную душу, пока ее не убьешь, не выкинешь из души с отвращением и ненавистью к этой гадине, пока не пожалуешься Богу и на себя самого, допустившего эту змею поселиться в сердце, и на грех, воспринявший над твоим сердцем некую насилующую его власть, по твоему нерадению, по реченному: *творяй грех раб есть греха*. Повторяю: не нужно Всеведущему твоих оправданий: Он лучше тебя знает, как оправдать тебя! Ему лучше сказать – тебе самому, нужно, чтоб ты вольною волею оторвал от своего сердца, с ненавистью отбросил от себя то, что томит твою душу, мучит твое сердце. Сделай же это – с детской простотой, как дитя, когда его обижают: бежит к матери, бросается в ее объятия и изливает ей всю свою душу, все скорбное сердце. Вот с такою же беззаветной любовью, с такою же детской преданностью спеши и ты к своему Господу и Спасителю, раскрывай пред Ним все язвы души твоей, плачь у ног Его вместе с евангельской блудницей, кайся с мытарем, жалуйся на себя с блудным сыном... *Отче, согреших на небо и пред Тобою! Несмы достоин нарецися сын Твой! Милостив буди мне грешнику!*.. И вот, когда ты выбросишь из своего сердца все то, что отравляло его, что терзало твою совесть, когда иерей Божий накроет главу твою епитрахилью – символом Божией милости – и изречет тебе слово всепрощения от лица Господа, когда услышишь ты сии превознесенные слова священнодействия: “И аз, недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа”, – вот тогда – как бремя тяжелое скатится с души твоей, и вольется в сердце твое такая радость, какую испытывают только истинно кающиеся грешники. Таинство совершилось: душа очищена от грехов, освобождена от плена, враг бежал, душа, как младенец, готова всецело отдать себя Тому, Кто не отверг ее покаяния, Кто разорвал узы, ее томившие, Кто примирил ее с Собою, все долги простил, все отпустил ей! Дорожи этими святыми минутами, брат возлюбленный! Напоминай себе: чем особенно увлекал тебя грех, пленял, уводил от твоего Господа, жалуйся Господу на него, проси Спасителя твоего укрепить тебя в борьбе с грехом, когда снова он будет приставать к тебе, закрепляй в себе решимость крепко стоять против его искушений.

Вслед за таинством покаяния обычно ты приступаешь к святейшему из таинств – к Животворящим Тайнам Господним. Ты причащаешься пречистаго Тела и Крови твоего Господа и Спасителя. Кто может изобразить все величие сего Таинства? Есть ли на языке человеческом слова, чтобы достойно изъяснить всю неизреченную любовь Божию, излившуюся к нам, грешным, в этом святейшем таинстве? Подумать только, что совершается: мы приискренне соединяемся с Господом, в нас течет тогда Его Божественная Кровь, мы – становимся плотью от Плоти Его, едино тело с Ним: Он – наша глава, мы – Его члены... Он с нами и в нас, мы с Ним и в Нем – Кто – Он и кто – мы?... О несказанная Любовь Божия! Мать питает дитя свое только молоком, а Он нас – пречистым Телом Своим и пресвятою Кровию Своею. Он говорит каждому из нас: если и жена забудет дитя свое, но Я не забуду тебя! *Се Аз с вами есмь до скончания века!* Но и по скончании века, в блаженной вечности Он пребудет с любящими Его во веки веков. А если Он с нами – кто против нас? И чего не в силах мы сделать, мы немощные, силою Его? *Вся могу о укрепляющем меня Иисусе Христе*, взывает великий Апостол Христов. Все можем и мы, если пребудем с Ним. Ведь и вся цель нашего земного странствования в том, чтобы, соделав себя живыми членами тела Христова – Его Церкви, соединиться со Христом и жить с Ним единою жизнью в блаженной вечности.

Мы, священнослужители, приступающие к трапезе Господней каждый раз, как служим литургию, удивляемся: как это миряне целый год живут без причащения Божественного Тела и Крови Христовых? Мы, грешные иноки, только и живем исповедию да сим спасительным таинством. Говорю о жизни духовной: изнемогает душа, очерствеет сердце, осуетится ум – что делать тогда? Пойдешь к духовному отцу, откроешь пред ним всю душу, очистишь совесть таинством покаяния, потом причастишься Святых Таин Христовых, и вот – опять станет легко, отрадно и светло на душе, опять ободришься, духом обновишься и легко гонишь прочь греховные помыслы. Да и одни ли иноки сие испытывают? Не все ли внимающие делу своего спасения, ощущают то же самое? “Святому причащению обязана я, грешная, своим духовным возрождением, – пишет мне одна добрая христианка, – почему и сподобляюсь Св. Таин часто, почти каждый месяц. Не могу жить без этой пищи нетленной, животворящей, спасающей”. Поистине это – Хлеб небесный, это – Чаша жизни! Вкушая от них, наша душа живет жизнью безсмертною. Поистине это – величайшее чудо благодати, совершаемое непрестанно в Христовой Церкви ея Божественною Главою – Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом. Загляните в писания богомудрых отцов и учителей Церкви: там вы найдете множество свидетельств тому, что я говорю. “Когда мы, недостойные, – говорит преподобный Исихий, – сподобляемся со страхом и трепетом причаститься Божественных и пречистых Таин Бога, тогда сей Божественный огонь, входя в нас, тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и прощает нам прежде бывшие грехи, а ум наш тогда освобождается от беспокойной докучливости лукавых помыслов”. “Ничто так не помогает усмирению страстей и отгнанию бесов, – пишут преподобные Каллист и Игнатий, – как возможно частое, от чистаго сердца и усердия приобщение святых и животворящих Таин Христовых!” “Враг души не осмеливается нанести никакого вреда тому, в ком видит пребывающего Христа”, – говорит наше Православное Исповедание Церкви Восточной. Сами бесы неволею свидетельствуют, как страшны для них Божественныя Тайны Христовы. Так, они принуждены были сказать преподобному Иоанну Бострскому: “Если бы вы, христиане, хорошо умели хранить то, чего причащаетесь, то никто не посмел бы подойти к вам”. Вникните с благоговейным вниманием в глубокий смысл тех молитв, которые положено читать пред причащением святых Таин. Вот св. Иоанн Златоуст умоляет Господа и говорит: “Господи Боже мой! Да будет ми уголь пресвятаго Тела Твоего и честныя Крове Твоя во освящение и просвещение... в соблюдение от всякаго диавольскаго действа, во умерщвление страстей!”... “Сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Таин Твоих в потребление и совершенное погубление лукавых моих помыслов и помышлений, и предприятий, и нощных мечтаний темных, и лукавых духов”... Вот и святитель Василий Великий молится: “Умилосердися, Господи, и да будут ми святая сия (Святые Таины) во отгнание всякаго мечтания и лукаваго деяния и действия диавольскаго, мысленно в удесех моих действуемаго”...

Такова благодатная сила святейшаго Таинства причащения Тела и Крови Господа нашего. Истинно слово Его: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем. Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имат живот вечный. Аминь, аминь глаголю вам: аще не снете Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 56, 54, 53). И сего-то святейшаго Хлеба жизни люди лишают себя по целому году, – я не говорю уже о тех, которые не говеют по несколько лет: какие же это христиане?! И еще жалуется иной: никак не слажу с собою, не могу одолеть греховных влечений! Да разве человек сможет сделать это без всеильной помощи Господа

Спасителя? Разве может христианин жить в удалении от Христа? Разве может приносить плод ветка, отсеченная от дерева? Ведь если мы и делаем какое добро как христиане, то не мы делаем его, а Христос в нас и чрез нас Свои же заповеди исполняет. Та к как же мы хотим исполнить их – без Него?

Вот, други мои, причина, почему мы так ослабели, так духовно изнемогли, что не в силах бороться против волн бушующаго моря житейского. Мы – одиноки, мы забыли Того, Кто един может держать нас за руку и присно говорить сердцу нашему: маловере, почто усумнился еси? Кто может рещи и волнению морскому: молчи, престани! Чьего Имени трепещут демоны, Кому послушна вся тварь! Мы постоянно двоимся, хотим служить и Богу, и миру, а Бог не терпит такой двойственности: *не можете работати Богу и мамоне*, говорит Господь наш! Не можете делить свое сердце пополам! Хочешь быть христианином – имей же, наконец, мужество быть таковым на деле, а не на словах только! Вот ты поговел, очистил свою совесть исповедию, соединился с Господом, принял Его в свое сердце, в свою душу: не разлучайся же с Ним, не изменяй Ему! Как иногда немного нужно мужества, чтоб остаться верным Ему! В самом деле: много ли нужно мужества, например, чтобы отказаться от бала или театра под воскресный или праздничный день и пойти вместо того ко всенощной службе Божией? Ужели много нужно усилий, чтобы в праздник не проспаться, – но крайней мере, обедни?

Ужели у наших женщин и девушек-христианок, если оне христианки не по имени только, не достанет твердой решимости и силы воли, чтоб отказаться, осудить, отбросить с негодованием хотя бы эти несносные смешные головные уборы, которые теперь так их безобразят, превращая в каких-то черкесов в папахах или заставляя их носить на голове целыя гнезда мертвых птиц? И не возмутительно ли, что эту мертвечину, эту, говоря простым языком, пададь оне дерзают вносить в храм Божий, откуда по канонам церковным следовало бы их гнать, яко оскверняющих Божий храм, а храм освящать, яко оскверненный пададью? А эти шпильки в несколько вершков – что это, как не оскорбление храма Божия? Не подобает ли изгонять вон из храма таких модниц, напоминая им словеса Божии, сказанныя пророком Исаией: “Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои?” (Ис. 1, 12). Господи, до какой суетности доходят те, которые дерзают носить имя Твое на себе! Стыдно пред раскольниками, пред сектантами, у которых женщины скромно покрывают свои головы платочками, когда являются в молитвенное собрание... Говорить ли дальше?

Много ли нужно мужества, чтоб отказаться от лишняго наряда и вместо того прикрыть наготу сиротки одинокаго или помочь вдове многосемейной? Скажу даже: в наше скорбное, можно сказать, траурное время, когда со всех сторон собираются над нами тучи гнева Божия, это сделать легче, чем в другое, мирное время. Есть причины, которыя не только могут оправдать ревнующих о благочестии, но и пристыдить, увлечь примером нерадеющих о своем спасении. Ведь надо же хотя перстом двигнуть, чтобы показать, что мы еще христиане! Ужели мы до того омирщились, до того стали рабами суеты и моды, что и этого не в силах сделать? Ужели стыд, ложный стыд – быть не такими, как сыны века сего, стыд прослыть в среде неверов “святошами” сильнее любви ко Христу, к Его Святой Церкви, голоса совести, долга христианскаго? Тогда какие же мы христиане? Как мы смеем называть себя сим священным именем?..

В моей совести звучат слова Господа, изреченныя за 2300 лет до нашего времени чрез одного из великих пророков: *О тебе, сын человеческий, сыны народа твоего разговаривают у стен и в дверях домов, и говорят один другому, брат брату: “пойдите,*

послушайте, какое слово вышло от Господа". И они приходят к тебе, как на народное сходбище, и слушают слова твои, но не исполняют их, ибо они в устах своих делают из этого забаву, и вот ты для них как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий: они слушают слова твои, но не исполняют их (Иезек. 33, 30–32). Не то же ли происходит и с нашею проповедью, с нашими пастырскими беседами, поучениями? К нам, проповедникам, приходят послушать, как ходят на концерт, в театр; бывает, что и умиляются нашим словом, но как только вышли от нас, так и забыли то, что слышали... Душа болит, когда сознаешь эту бесплодность проповеди, это удивительно равнодушное отношение нынешних христиан к делу своего спасения!

Но не быть же нам и отступниками от Христа. В нас еще не совсем погасла совесть. Надо возжигать этот светоч божественный. Пусть он горит и светит нам все ярче, все животворней! Вот он ярко осветил наше сердце, все наше духовное существо во дни говения. Не давайте же ему гаснуть. Поддерживайте этот священный огонек. Чем, как? Прежде всего – ежедневною молитвою. Увы, я знаю, что многие, считающие себя образованными, именующие себя православными христианами, не только не читают, но и не знают всех утренних и вечерних молитв! Дай Бог, чтоб из тех, кто будет читать эти строки, не было ни одного такого! Таким, именуемым православным, все некогда, все недосужно – им, видите ли, минута дорога: когда тут молиться – дела ждут! Вот если целые часы терять на празднословие, пересуды, чтение печатных простынь – это нужно, на это тратится половина жизни... А с Господом побеседовать, с святыми Божиими – времени нет, досуга нет! А хотим, чтобы Господь нас миловал, благословлял труды наши, сами же не хотим понудить, – как скорбно мне произносить это слово: *понудить* себя, вместо того, чтобы сказать – *иметь счастье* – с Отцом Небесным побеседовать, Его благословения себе на грядущий день, Его покрова на наступающую ночь испросить!.. Положим же за твердое, неотменное правило: читать утром и вечером хотя по три молитвы: ведь на это только несколько минут нужно будет уделить. Сядь за обед и ужин, принимаясь за дело, хотя крестным знамением себя ограждать, хотя мысленно к Богу обращаться... Видите, для начала христианской жизни надо же поставить себя в присутствие Божие, а это и совершается чрез молитвенное обращение к Богу. Надо заставить себя делать это, приучить себя, сделать это насущною потребностью сердца. Ужели и на это воли не достанет? Ужели и тут ложный стыд нас удержит? Как же после этого требовать, как желать и ожидать, чтоб совесть наша не погасла?

Другим средством к поддержанию в себе духовной жизни служит ежедневное чтение или слушание слова Божия. У всех ли православных есть в доме Священное Писание? Мне как-то стыдно и больно ставить даже этот вопрос: ведь, у протестантов и других инославных христиан Библия – настольная книга. Ее читают там каждый день. А у нас – увы – во многих домах не только Библии, но и Евангелия и Новаго Завета не найдешь! Горькую правду говорю! Между тем, в слове Божиим – великая благодатная, животворящая сила обитает! Ведь словом Божиим мир сотворен, словом Господа мертвые вставали из гробов; ведь это всемогущее слово заключено в книгах священных, оно – пред нами, стоит только взять священную книгу в руки, с благоговением и молитвою, оградив себя крестным знамением, раскрыть ее, и Дух Божий, вещавший чрез пророков и апостолов, заговорит с тобою, и душа почувствует Его веяние, и в сердце упадет благодатное семя. Кто знает? Быть может, та святая мысль, которая упадет добрым семенем в твое сердце, охранит тебя в наступивший новый день твоей жизни не только от греха, но и от великой опасности, тебе угрожающей, но тобою непредвидимой. Быть

может, это слово благодатное принесет и плод по роду своему и послужит началом добраго дела, добраго настроения, началом новой благодатной жизни. Не напрасно святые Отцы советуют каждый день полагать начало благое. Не напрасно об этом учит молиться и Святая Церковь в вечерних молитвах. Почитайте жития святых и вы увидите, какие чудеса в нравственной жизни совершались словом Божиим, его чтением или слушанием. Господи! А нам, грешным, все некогда и с Тобою-то, нашим Творцом и Спасителем, побеседовать! Вот газеты, издаваемые врагами Твоей Церкви, другое дело: мы хватаемся за них еще в постели... А для того, чтобы внять сердцем глаголу Твоему, у нас и минутки в день не найдется... Изнывает душа-христианка от тоски по Господу, это мы если не сознаем, то ощущаем – в той пустоте духовной, в холодности ко всему, что чувствуется сердцем, – а мы не хотим уделить минут пять-шесть утра, чтоб освятить свой ум, согреть свое сердце, укрепить свою волю – чтением слова Божия! Ну какие же мы христиане?

Но и молитва, и чтение слова Божия недостаточны для духовной жизни: нужно эту жизнь поддерживать непременно исполнением заповедей Божиих. Эта жизнь, как я сказал, подобна огоньку. Благодать зажигает этот огонек в сердце, а мы должны подливать маслица в сию священную лампаду. Каждое доброе дело, сделанное нами во исполнение заповеди Господа нашего, и есть это маслице в лампаде нашей совести, нашей духовной жизни. Ведь не мы делаем добро, как я сказал уже, а Сам Христос чрез нас. Сделал ты добро – Христос его сделал. Христос прикоснулся к тебе, соделал тебя, так сказать, орудием Своей жизнедеятельности на земле. Ведь ты – член тела Его – Церкви. Вот теперь ты стал живым членом сего тела. В тебе проявилась жизнь Христова. И в твоём сердце ты не можешь не ощущать этого. О, если бы мы больше делали добра во имя и от имени Христова! Какое счастье ощущали бы мы в совести нашей, какой небесный мир обитал бы в сердце нашем! Мы сами себя лишаем сего мира, сей радости о Господе, радости доброделания. А ведь это счастье всегда к нам так близко! Хотя бы ради этой радости, коей мы в сущности, недостойны, коей и искать нам не подобает, – хотя бы ради этого духовнаго утешения мы понуждали себя делать добро! И ближе всего – дела милосердия христианскаго, творимыя по заповеди: *да не увестъ шуйца, что творит десница твоя*. Вот первое дело милосердия: простить, забыть, из сердца выкинуть всякую обиду, какую нанес нам ближний наш. Скажите: легко ли это? Да, нелегко, если злое чувство вросло в сердце, если оно грызет совесть, как змея. Но ужели это угрызение совести, эта мука адская приятнее чувства любви и всепрощения? Ужели лучше носить змею в запазухе, чем выкинуть ее? Я укажу вам, по руководству святых отцев, учителей жизни духовной, верное средство умиротворить и себя и врага своего: это – помолиться за него, сделать для него какое-либо благодеяние. Помолиться не только дома, единолично, но призвать и Церковь на помощь: подавать за врага просфоры на божественной литургии, вынимать частицы на проскомидии... А благодеяние оказывать врагу так, чтоб и он не знал, откуда идет оно. Попытайте это могущественное благодатное средство и вы увидите воистину чудо: в вашем сердце растает злое чувство ко врагу и затеплится чувство любви; вы каким-то чудным образом увидите, что не он, а вы виновны в своем с ним столкновении, заметите, что и в нем происходит перемена: при встречах с вами он не уклонится от вашего приветствия, он подаст вам руку, он заговорит с вами... Велика сила Божьей благодати, действующей в нас и чрез нас, аще мы восхощем того! Но не врагам только благотворите, а и всем, кто нуждается в вашем благотворении, всем, кого укажет вам ваша совесть, руководимая Ангелом-Хранителем вашим. Понуждайте себя на дела милосердия: в них великая сила, содействующая помимо воли нашей сердце наше

милующим, а следовательно, чувствующим и в себе милость Божию. И в сем есть тайна: твори добро и забывай, что творишь: твори добро и благодари Того, Кто в тебе и чрез тебя творит его. Твори добро и прячь его от себя самого: *да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя!* О, если бы мы тратили на такое доброделание хотя только то, что тратим на свои удовольствия! Пусть человек состоятельный откажет себе в удовольствии быть в театре и употребит эти деньги на помощь сиротам. Пусть добрая христианка откажется от лишних нарядов и подумает, что она могла бы отдать от своих избытков бедноте, которой везде так много, или на украшение убогаго храма Божия. Пусть даже простой поселянин, фабричный рабочий, ремесленник поставят правилом хотя половину того, что они тратят на водку, отдавать Христу в лице бедных собратий своих, и Христос, молитвами сих бедных, поможет им совсем оставить спиртные напитки и благословит их труды. Пусть даже дитя откажется от лакомств, от игрушек в пользу деток-сироток. Ведь и дети должны жить христианскою жизнью. Ведь в детстве-то и надобно закладывать в них прочные устои добродетельной жизни. Пусть детское сердце – оно ведь так восприимчиво, – пусть оно познает сладость самоограничения во славу Божию, во имя любви христианской. Ведь я не призываю к великим подвигам, к самопожертвованию, а предлагаю вам только млеко животворящаго Христова учения, а не твердую пищу. Вкусите и видите, яко благ Господь! Я призываю вас к свободе, к истинной *свободе от греха*, – ныне же времена всяческих свобод! Освободите себя во имя Христа, Освободителя душ наших, от этого рабства миру и его бессмысленным обычаям, привычкам, приличиям! Дайте вздохнуть свободно душам вашим, измученным в этом плену житейской суеты! Познайте опытом сердца сладость этой свободы во Христе! Во дни покаяния вы стоите к ней ближе, чем когда-либо в другое время. Пост – весна душам. Пусть же благотворное и животворящее веяние Духа Божия коснется сердец ваших. Пусть оно пробудит в них зачатки духовной жизни. Пусть эта жизнь пустит ростки, и мы начнем – да, *начнем* быть христианами, если доселе только *назывались* таковыми. Помнить надо: время сокращенно есть прочее, и суд Божий близко... Грехи человеческие умножились, как никогда, и вопиют на небо. Не медлите же обратиться ко Господу – вы, имеющие счастье именовать себя чадами святой матери – Церкви Православной!

Вместо дневника помещаю на Великой седмице свое слово на Великий Пяток над плащаницею, приготовленное мною для “Троицкого Листка”. Молитвенно желаю моим читателям провести великие дни в мире и духовном утешении, отстранить от себя подалеже суету земную и, подобно Марии, присевшей у ног Христовых, сосредоточить свои мысли у гроба Жизнодавца.

Слезы у Христова гроба

Увы мне, сладчайший Иисусе!..

Когда Святая Церковь в сей священный и великий день искупления мира крестною смертию Единородного Сына Божия, нас ради воплотившагося, приводит нас ко гробу нашего Спасителя, когда мы здесь созерцаем святых мужей Иосифа и Никодима, погребавших Его и горько рыдающих, то и из нашего сердца невольно исторгается скорбный вопль: увы нам, сладчайший Иисусе! Ведь все, что совершилось сегодня, все, что претерпел Ты и во дворцах Анны и Каиафы, и в чертогах Пилата и Ирода, и на священной Голгофе, на кресте – все это – дело любви Твоей к нам, грешным: а мы, чем мы платим Тебе за это?.. Отвечаем ли мы на любовь Твою – любовью, готовы ли мы – не говорю уже пролить свою кровь, отдать жизнь за Тебя – нет, а хотя бы только не оскорблять Тебя грехами своими, не распинать Тебя ими снова, хотя бы отречься от суетных забав и утех земных, чтобы исполнять Твои заповеди – ведь в этом только и можем мы проявить свою любовь к Тебе по слову Твоему: аще любите Мя – заповеди Моя соблюдайте?.. Увы нам, сладчайший Иисусе! Праведные Иосиф и Никодим рыдали над бездыханным Телом Твоим, омывая его слезами пламенной любви, а нам – о дай нам, Господи, пролить над гробом Твоим хотя одну слезу истинного покаяния – нераскаянного!..

Да, братие мои – покаяния нераскаянного, неизменного, без возврата ко грехам. Только такое покаяние Богу приятно и нам спасительно, только такие слезы уподобляются тем ароматам, какими помазывали тело Господа нашего Его верные, хотя и тайные ученики. Есть добрые, нежные сердца, которые и теперь плачут над гробом своего Спасителя; в ком есть искра веры, в чьем сердце еще не погасла совесть, тот не может без слез сердечного умиления созерцать наши трогательные священные обряды сих великих дней, не может равнодушно слушать наши умиленные, возвышенно-поэтические священные песнопения, в коих святая Церковь, устами святых песнописцев, выразила всю свою любовь к своему Жениху небесному, за нее пострадавшему и во гроб сошедшему. Мы – чада Церкви, мы не можем не откликаться сердцами на то, чем живет сердце нашей матери. Блажен, кто прольет и эти богоданные слезы над святою плащаницею: это – дар благодати Христовой, призывающей его ко спасению.

Но это – не те слезы, коих ждет от нас почивающий во гробе Господь наш. Это те слезы, коими плакали добрые жены, сопровождавшие Господа на Голгофу, – те жены, которым Господь изрек: не плачьте о Мне, – о себе плачите и о чадах ваших. Это слезы сострадания к Страждущему, слезы добраго, но еще не сознающего своей вины, не кающегося сердца. Это слезы минутной растроганности, под святыми впечатлениями трогательного церковного обряда. Нет, это еще не то, чего ждет от нас Господь наш. Он ждет от нас тех слез, какими плакали наши прародители у дверей райских, какими омочал

свое царственное ложе и утолял свою жажду псалмопевец Давид, какими горько плакал отрешившийся от Христа Петр, какими омывала ноги Господа нашего великая грешница, давшая нам великий пример покаяния... О – эти святые слезы-жемчужины, собираемые нашими Ангелами-Хранителями и приносимые Господу как чистейший дар любви нашей к Нему! Если бы мы знали всю сладость этих горестных, но не горьких слез! Если бы знали, как радуются им Ангелы Божии на небесах! Если бы знали, с какою отеческою любовью приемлет их Тот, Кто потоки крови Своей безценной пролил, чтобы дать цену этим слезам в очах Правды Божией! А это и есть слезы – искреннего, неизменного покаяния.

Братия мои! Плачет ли кто сегодня у гроба Христова такими слезами? Если есть здесь, в храме сем, хотя один такой счастливец: радуюсь за него, благодарю Господа, Который коснулся сердца его и растопил его в слезах. *Блажени плачущи*, говорит о таковых Сам Господь, *яко тии утешатся*. С сего дня начнется для него новая жизнь, жизнь во Христе и со Христом. Господь возьмет его за руку и поведет за Собою туда, куда ввел Он сегодня разбойника: *днесь со Мною будещи в рай!* Такой человек готов будет на все для возлюбленного Господа Иисуса. Такой человек уверен с Апостолом Павлом, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, никакая тварь не может разлучить его от любви к Тому, Кто возлюбил его даже до смерти, смерти же крестной.

Можем ли мы, грешные, сказать о себе это? Позволит ли сказать это наша совесть? Здесь, у гроба Христа-Сердцеведца, не будем лукавить, скажем себе откровенно: ведь сегодня мы молимся, можем быть, даже плачем над гробом Божественного Страдальца, а чрез день, лишь только восстанет Он из гроба, мы покинем Его и снова погрузимся в омут житейской суеты. Одни пойдут в театры и другие зрелища, другие – в увеселительные заведения, иные предадутся страсти пьянственной, а большая часть из нас совсем забудут то, что пережили в эти священные минуты... И сбудется на нас скорбное слово Христово: *Вот наступает час, что вы рассеетесь каждый в свою сторону, а Меня оставите одного...* Горько мне говорить это, но ведь это горькая правда: когда же и где же ее высказать, как не у сего гроба, в святые минуты, когда совесть наша с особенною силою должна звать нас к покаянию?.. Наступает единонадесятый час – последний день времени поста и покаяния. Долг пастырский властно повелевает нам сегодня громко возглашать: кто еще не исполнил долга христианского? Кто не очистил совести исповеданием грехов своих? Кто еще не приступал к Чаше Господней? Именем Господа, именем сладчайшего Иисуса призываю вас: спешите сложить бремя грехов ваших у сего святого гроба: се – *Агнец Божий, вземляй грехи мира* – Он снимет с вас тяжелое бремя греховное! Кто хочет встретить грядущие светлые дни Господни в мире и радости о Господе? Спешите соединиться с Господом в святейшем Таинстве Божественного Причащения! Время сокращенно есть прочее – спешите воспользоваться им! Только в единении с Господом можно войти в радость Господа, только с чистою совестью можно наслаждаться сею радостью целым сердцем.

Один великий святитель нашей Церкви, пораженный величием крестной Жертвы и ничтожеством человека, ради которого принесена сия Жертва, в своем слове над святою плащаницею восклицает: “Братья, будем молиться и плакать!” Дерзаю и я повторить это слово здесь: братья, будем каяться и плакать у гроба нашего Спасителя! Будем проливать слезы над сим священным изображением, будем лобызать сии животворящая язвы, исцелившие неисцельную язву греха Адама и всего рода человеческого! Будем из глубины сердца взывать к Почивающему в сем гробе: увы нам, сладчайший наш Господи Иисусе!

Не стоим мы милости Твоей, не достойны того, чтоб склонять грешную главу свою перед сею святою плащаницею! Одолел нас грех; мы изменяем Тебе каждый день и каждый час; нет у нас никакого в том оправдания, но, Господи Сердцеведче! Ты ведаешь, что хотя мы и грешники, а все же Твои, хотя мы и падаем, а все же не хотим отречься от Тебя, наш Спаситель... Веруем и исповедуем, яко Ты еси Бог наш! Вмени же веру нашу вместо дел добрых, которых нет у нас! Укрепи волю нашу в исполнении Твоих животворящих заповедей! Согрей сердце наше любовью к Твоим святым заветам! Ты претерпел крестныя муки ради нашего спасения: да не одолеет же наше грехолюбие неизреченной благодати и милосердия Твоего! Аще хотим, аще ли не хотим – имиже веси судьбами спаси нас, Спасителю наш, аминь.

Светлая радость воскресения Христова. Христос Воскресе!

*Яко воистину священная и всепразднственная сия
спасительная ночь и светозарная, светоносная дне
восстания сущи провозвестница...*

Если бы смертному человеку дано было подняться в высоту небес и оттуда созерцать, что творится на Русской земле в сию священную и спасительную полночь, то пред его взорами открылось бы чудное зрелище. Тихо спустилась на землю темная весенняя ночь. Смолкла суэта земная, все будто притаилось в ожидании чего-то великого, таинственного... И вот там, где-то на безпредельном пространстве далекого Великого океана наступает полночь, она надвигается на пустынные берега нашей Камчатки и Сибири, и тут, в этих редко разбросанных селениях, где только имеются храмы Божии, зажигаются огоньки, будто звездочки падают с небес, начинается торжественный звон небольших колоколов сельских церквей, – полночь быстро движется от востока к западу по необъятному пространству Сибири: за нею, будто светлый поток, течет по лицу родной земли этот свет пасхальных огней, этот торжественный, победный звон... Вот полночь перешагнула Урал, а за нею широкою волною светлая радость Воскресения залила всю Русь... Гудят тысячи колоколов, горят миллионы огней, десятки миллионов православных русских людей ликуют духом в сотнях тысяч храмов Божиих: настал праздников праздник – Светлое Христово Воскресение! Вся ночь проводится народом в храмах Божиих, встает радостное весеннее солнце и будто само ликует и радуется, и играет лучами своими, пробуждая всю природу все к той же всемирной радости о Воскресшем Спасителе мира...

Дивная картина! Чудное зрелище!

Небо спустилось на грешную землю и освятило ее, и земля стала небом: Христос воскрес!

Нигде в мире так светло не празднуется Воскресение Христово, как в Церкви Православной, и нигде так поэтично, так трогательно не выражается эта радость праздника, как на Святой Руси. У христиан Запада праздник праздников – Рождество Христово, у нас – Светлое Христово Воскресение. Да так и быть должно. Ведь, если бы Христос не встал из гроба, то тщетна была бы и вера наша, как говорит Апостол Павел; мы были бы несчастнейшими из людей. Но воскрес Христос и – все исполнилось света, все обновилось, все ликует победу над смертью, торжествует мир с Богом, с небом, и льется благодатный мир и светлая радость по лицу всей земли...

Но особенно светло, живым ключом бьет эта радость небесная в храмах Божиих. И праздничное убранство храма, особенно же Престола Божия, и отверстыя в продолжение всей седмицы врата царския, и благоухание фимиама, и многое множество горящих свечей и разноцветных лампад, и эти ликующия, дышащая святым восторгом лица молящихся, и эти неподражаемая, возвышенно поэтические песнопения канона – все это в совокупности переносит нас в ту вечноблаженную жизнь, которая настанет в последний день мира после онаго превозделеннаго призыва: *приидите благословении Отца Моего, наследуйте царствие, уготованное вам от сложения мира...* Даже воспоминание о грехах не смущает души: ведь Святой Златоуст и грешника успокаивает: *никтоже*, говорит он,

да плачется прегрешений: прощение бо от гроба возсия. Та к глубока, всеобъемлюща, так светла и животворна радость Воскресения: Христос воскрес!

И тысячи раз повторяются эти два сладостные, поистине животворящие слова: *Христос воскрес!* И отовсюду слышится радостный отклик на них: *Воистину поскресе!*

Хотите ли, братие, чтоб эта радость не прекращалась, чтоб она хотя малым лучом озаряла ваше сердце, согревала вашу душу – всегда, во все дни вашего земного странствования? Чтоб она разгоняла этот холодный мрак современных настроений, была залогом той радости, какою возрадуются праведники, когда просветятся яко солнце во царствии Отца небесного?

Не уходите от Христа Жизнодавца. Держитесь за Него, идите за Ним, исполняйте святую волю Его. В Его святых заповедях – жизнь, свет, вечная радость.

Ведь Он Сам сказал Своим Апостолам: *прииду к вам, и узрю вас, и паки возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возмет от вас.* Он Сам приветствовал всех по воскресении Своим сим всерадостным словом: *радуйтесь!* Делитесь же своею пасхальною радостью с теми, кто не может радоваться полною радостью. Радость есть благодатный огонек в сердце; огонек не убавится, если от него зажигается другой светильник: от сего будет еще светлее, радость только умножится в вашем сердце, если вы будете радовать других... Порадуйте же ради Светлого праздника тех, кто нуждается в вашем участии! Порадуйте сироток, вдовиц, бедняков – и сами вы будете радоваться сугубою радостью о воскресшем Господе и Спасителе, и сей светлой радости никтоже возмет от вас! *Христос воскрес!*

Паки и паки о Толстом

Читатели мои не забыли, конечно, моего дневника, где я позволил себе обратить внимание их на то нецерковное отношение наших духовных периодических изданий к факту смерти Толстого и к его еретичеству, какое выразилось, между прочим, в заметке г. Поселянина в “Русском Паломнике”. Г. Поселянин счел нужным прислать в редакцию “Колокола” свой ответ на мой дневник в той его части, которая касалась его, г. Поселянина. Вот этот ответ.

Ответ на статью преосвященного Никона Вологодского (“Колокол”, 1440)

Преосвященный Никон Вологодский удостоил своего внимания несколько строк из статьи моей об Оптиной пустыни и Шамординском монастыре, помещенной в журнале “Русский Паломник” в конце истекшего года. Строки эти относились к графу Л. Н. Толстому и показались преосвященному Никону заслуживающими полного осуждения.

Вспоминая об одной из шамординских инокинь, любимой и любящей сестре умершего графа, я вспомнил слышанное от нея же утверждение, что ее брат был ближе к Церкви, чем думают, и более ею дорожил, чем это казалось. Упомянув об ясно выраженном в его приезде в Оптину желании приблизиться к Церкви и насилию его злых гениев, увезших его из тех мест, куда влекло его сердце, я выразил упование, что “между душой старца и его Богом, в последние часы догорающей жизни, неведомо ни для кого произошла великая тайна, – что Бог, сторожащий душу человеческую и до последнего мгновения борющийся за ее спасение, призвал к Себе эту скорбную, мятущуюся душу, что радостно прильнула она к ногам Христовым и в том обрела себе покой и спасение”.

Преосв. Никон возмущается тем, что эта надежда высказывается относительно человека, отлученного от Церкви и произносившего хулы на Христа.

Но я позволю себе спросить преосв. Никона: приговор земной Церкви является ли обязательным и для Христа, и не силен ли Христос принять отреченного от Церкви Своего врага и хулителя, если этот враг и хулитель в последние минуты жизни, ни для кого незримо, принес Богу одному искреннее покаяние и у Него просил пощады?

Некоторые люди могут относиться равнодушно к гибели других людей: “Пропал – и дело с концом!” Нелегко примиряться с погибелью лиц, которые были близки и дороги, которые доставили сердцу столько счастливых часов!

И для людей, считающих литературу святынею и, вместе с тем, привязанных к Церкви, чувства относительно Толстого не двоились. Восторг пред ним, как пред писателем, среди других родных образов создавшим столько образов, светящихся кротким тихим светом Православия – смешивался с негодованием против его невыносимых кощунств.

И вот, казалось, шаг к Церкви, и этот гениальный сын сейчас падет пред отвергнутым Отцом.

И тут вдруг увоз, болезнь, запертые двери, фанатики, и смерть нашла его в этих кандалах и в этой тюрьме.

И кто не в силах равнодушно и злорадно отвернуться от несчастного старика, ради давней и привычной к нему любви, при всем страдании, какое возбуждали его богоборные писания, – те с грустью и тоской спрашивали себя: неужели истина до конца оставалась

пред ним закрыта, и, если ложный стыд мешал ему пред людьми исповедать то, что он громко отрицал, то неужели хоть тогда, в последние минуты, он не познал своего заблуждения и не поклонился Христу?

Да, земная Церковь молчит. Земная Церковь не приносит за отвергнутого ею молитв.

Но в жизни духа есть минуты, ускользающие от этой Церкви. Это минуты, когда Бог дает как бы последнее сражение упорству отрицающего Его человека.

Один католический знаменитый проповедник выражает такую мысль: “Если вы увидите, как священник склонился к ложу умирающего с крестом в руках, а умирающий собрал последние усилия, чтобы оттолкнуть этот крест, и тогда вы не можете быть уверенными, что Бог не победил. Кто знает, что произойдет еще между Богом и душой в последние минуты? Мать борется за жизнь детей, не сдаваясь до конца. Бог ли, ближайший матери, не будет бороться до конца за жизнь человека?”

Я видел близко таинство смерти. Я на лице отходящих дорогих мне людей следил, как ложилась на них печать радостного изумления и глубокого созерцания. И из этого опыта я вынес веру, что великое что-то открывается людям в последние минуты, когда душа еще в теле. И тут есть еще время бедным заблуждавшимся людям исповедать Христа... На эти минуты я надеялся для Толстого.

И если пробуждать в людях упование на превосходящее всякий ум Божественное милосердие – значит вливать в них яд, тогда я спокойно принимаю на себя обвинение преосвященного Никона.

Е. Поселянин.

Почтенная редакция “Колокола” прислала рукопись г. Поселянина мне для отзыва. Как ни наскучили всем до тошноты эти безконечные рассуждения о якобы “великом” писателе (почему-то других писателей не чествуют сим именем так часто, как этого богоотступника), а приходится еще и еще говорить о нем: ведь все, что пишут о нем в газетах и журналах, имеет принципиальное значение, есть своего рода знамение времени, со всем этим нам, пастырям Церкви, приходится считаться как с явлением не только печальным, но и прямо грозным, и в большей части – богоотступническим.

Вот мой ответ на ответ г. Поселянина

В доброе старое время люди не спешили жить, и наши писатели несравненно строже нас относились к своему слову, назначаемому в печать. О Пушкине и Гоголе рассказывают, что они, написав что-либо для печати, клали рукопись в стол и давали ей “вылеживаться”, не раз ее пересматривали, исправляли, даже переписывали и уже тогда отдавали в набор. Теперь не то: мы живем в век пара и электричества – торопимся жить, писать, работать... Многие пишут прямо набело и, не пересмотрев, отдают свою работу в типографию. А между тем, сознаемся откровенно, самолюбия у нас куда больше, чем у тех наших предшественников, которых мы же называем классиками. В былое время один народный писатель говорил мне: “Напишу я что-нибудь для народа – не доверяю себе: хочется знать, поймут ли меня читатели, для кого я писал, и вот выхожу с рукописью к каким-нибудь сторожам, солдатикам-простецам, прошу их прослушать мое писанье и спрашиваю: все ли они поняли? И случалось, что они обращали мое внимание на такие недостатки, которых исправление было прямо необходимо... И я дорожил замечаниями моих простецов-цензоров”. Делаем ли так мы, нынешние писатели? Сорвется у нас иногда необдуманное, неосторожное слово на бумагу, попадет в печать; нам заметят эту

оплошность, даже в большую вину не поставят, а так, дружески укажут на нашу оплошность, а мы, вместо того, чтоб вдуматься в сделанное нам замечание, начинаем защищать свою ошибку, горой стоим за свою якобы правоту и в пылу защиты иногда доходим до новых ошибок, которые опять придется защищать. А наш противник пользуется этим, доводя наши оплошности до абсурда. Особенно опасно это в области религиозного мышления. От самолюбия, от желания во что бы то ни стало защищать свое ошибочное в догматическом смысле мнение, произошло немало ересей, сект и расколов, вожди коих, может быть, в начале и не думали противоречить Церкви, ея учению и учителям, от Бога поставленным, а потом, защищая свои ошибки, доходили до страшных ересей и отпадали от Церкви.

Я счел нужным высказать эти общия мысли по поводу вышеприведенной попытки почтенного г. Е. Поселянина защитить свое “упование”, как он выражается, “что между душою старца (Толстого) и его Богом (Котораго личное бытие он отвергал с упорством, достойным лучшего дела), в последние часы догорающей жизни, неведомо ни для кого произошла великая тайна, – что Бог, сторожащий душу человеческую и до последнего мгновения борющийся за ее спасение, призвал к Себе эту скорбную мятущуюся душу, что радостно прильнула она к ногам Христовым и в том обрела себе покой и спасение”...

Г. Поселянин спрашивает меня: “Приговор земной Церкви является ли обязательным и для Христа, и не силен ли Христос принять отлученного от Церкви Своего врага и хулителя, если этот враг и хулитель в последние минуты жизни, ни для кого незримо, принес Богу одному искреннее покаяние и у Него просил пощады?” Есть вопросы, на которые отвечать надобно крайне осторожно, с глубоким смирением, ибо они представляют собою как-бы стремление пытливого ума человеческого вторгнуться в ту область Божественной жизнедеятельности, о коей сказано: несть ваше разумети... Не все дано разумети слабому, но гордому уму человеческому и во многих случаях для него безопаснее смириться пред Божественною Мудростию и сказать: “ Ты лучше нас все знаешь, Господи, ибо сказано нам: *высших себе не ищи и крепльших не испытуй, яже ти повеленная – в сих пребывай*, и довольно с тебя. Церковь Христова есть непорочная невеста Его, она – столп и утверждение истины, ей заповедал Христос повиноваться и противникам ея пригрозил строгим отлучением. А она учит нас, что вне ея материнских недр – нет спасения. Мы и пребываем в сем смиренном исповедании, мало ли что покажется нашему пытливому и – этого не следует забывать – своекорыстному, грехолюбивому уму недостаточно ясным, недостаточно широким: так повелел Христос, тако веруем и исповедуем, а пытливому уму отвечаем: молчи, престани и высших себе не ищи!.. В сем отношении очень полезно привести себе на память другой, несравненно более важный вопрос, касающийся не какого-то еретика Толстого, а Самого Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Этот вопрос можно формулировать так: Бог всемогущ. Он мог спасти мир без страданий воплотившагося Единородного Сына Своего; нет сомнения, что как Божие всемогущество, так и благодать Его, и премудрость Его – безпредельны; без сомнения, все возможно для Него: зачем же Он избрал путь спасения для людей именно чрез страдания и искупительную смерть Сына Своего? Вспомните, что именно в этом великом вопросе и заключалось величайшее таинственное искушение Господа нашего в Гефсиманском саду накануне Его искупительных страданий. Припомните Его вопли к Отцу небесному: *Отче, вся возможна Тебе, мим онеси от Мене чашу сию!* Даже Он, Сама воплощенная Любовь, яко Человек, был в великом подвиге, в борении, как говорит Евангелист, молился до пота кроваваго против сего искушения и

обрел успокоение страждущей за грехи мира Душе Своей только во всецелой преданности Богу – Отцу Своему. Та к благоугодно Богу Отцу: тако и да будет – да будет воля Твоя, Отче Мой!.. Нет надобности решать: почему так, а не иначе было благоугодно Отцу небесному спасти грешный мир. Это тайна, сокрытая от ума человеческого на все времена, и если мы когда познаем сию тайну, то, может быть, только в вечности. Ум же человеческий должен лишь в благоговении склониться пред нею.

Предлагаю и моему почтенному совопроснику подумать: можно ли ставить вопрос так, как он ставит? Не следует ли сойти с этой юридической, я сказал бы, неправославной, латинской точки зрения; ибо на вопрос: силен ли Христос? – всякий ответит: конечно, силен; обязательно ли для Него решение земной Церкви? – конечно, будет ответ – необязательно. Но я спросил бы: восхощет ли Христос Спаситель совершать спасение людей мимо Церкви, когда Сам Он установил закон спасения только в недрах Церкви, ей вверил те таинства, без коих невозможно войти в Царство небесное (крещение, миропомазание, покаяние, божественное причащение и священство)? Восхощет ли Церковь, руководимая Духом Божиим, сделать постановление, противное Христовым велениям? Ужели Христос Спаситель не может неисповедимыми путями Своего Божественного промысления привести грешника к Церкви, устранив к тому все препятствия, полагаемые сатаною чрез своих слуг и приспешников, если только грешник вольною волею захочет придти к Церкви и, следовательно, – к Главе Церкви Господу Иисусу? И если в грешнике, в его вольной воле, есть хотя малейшая искра потребного к тому расположения, если есть, по всеведению Божию, хотя малая возможность покаяния, то ужели могут разные слуги дьявола заградить путь промыслению Божию, ведущему грешника к покаянию?

Во избежание недоразумений, я долгом считаю пояснить, что под именем Церкви я разумею не иерархов только, не Святейший Синод только, не православно верующих ныне живущих на земле только, но всю совокупность спасаемых и спасенных во Христе, всю Церковь, на небесах торжествующую и на земле воинствующую, ея же Божественная Глава – Сам Христос. Такая Церковь непогрешима в своих определениях и решениях, и только те решения Церкви “земной” (как не раз, по-видимому, с особым ударением выражается г. Поселянин), которые совершенно согласны с учением Христа Спасителя, с учением Его Апостолов, с учением всех святых Божиих, от века Богу угодивших и Богом прославленных, только такие решения Церкви непогрешимы. А определение Св. Синода относительно Толстого именно таково, и никто никогда не докажет, что оно в чем-либо противоречит непреложному свидетельству Церкви вселенской, Церкви всех веков и времен. Посему во всей силе к нему приложимо слово Христово: что свяжете на земле, то будет связано и на небесах... И, конечно, Господь не станет ни для кого отменять Своего навеки данного Церкви полномочия, не станет изменять Им же установленному пути спасения. Да и нужды в том не имеет, хотя Он и всемогущ, но, во-первых, свободы ничьей не вяжет, насилием не спасает, а во-вторых, имеет тысячи средств в премудрости Своей, чтоб не нарушать раз Им установленного порядка в деле спасения чрез Церковь и ея спасительныя таинства. Прошу также постоянно иметь в виду грозныя словеса Господа: *горе тому, чрез кого соблазн приходит!* Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов был повешен ему на шею и он брошен был в пучину морскую! – Страшное слово! И к кому же оно наиболее относиться может, как не к такому соблазнителью, каким был Толстой!..

Из сказанного видно, что ни увоз, ни болезнь, ни запертые двери, никакие фанатики, никакая “кандалы и тюрьмы” не могли бы воспрепятствовать Божией премудрости и благодати открыть путь покаяния несчастному старику, если б в его душе таилась хотя малейшая к тому возможность. Но сего не было, и он погиб... Г. Поселянин говорит: “И кто не в силах равнодушно и злорадно (почему “равнодушно”? почему “злорадно”?) отвернуться от несчастного старика ради давней и привычной к нему любви (несмотря на словеса Господни: “аще кто любит отца или мать паче Мене – несть Мене достоин?”), при всем страдании, негодовании, возмущении, какое возбуждали его богоборные писания, – те с грустью и тоской спрашивали себя: “Неужели истина до конца оставалась пред ним закрыта?” – Да, к несчастью, так: он сам закрыл очи пред светом истины и до конца отвращался от нея, и истина не насильствовала его воли... И если, – продолжает г. Поселянин, – ложный стыд мешал ему пред людьми исповедать то, что он громко отрицал (а слова Господа: “*аще кто постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, сего и Аз постыжуся пред ангелы Божиими?*”), то неужели хоть тогда, в последние минуты, он не познал своего заблуждения и не поклонился Христу?” Да, к несчастью, не поклонился Христу, хотя, конечно, “познал истину”, когда закрылись его телесные очи и открылись духовные, но уже поздно: нельзя безнаказанно смеяться над истиной Божией, так упорствовать в своих хулениях на нее, т. е. на Духа Святого: такой грех не прощается ни в сей жизни, ни в будущей... Именно в последний момент его жизни, даже ранее того: по неисповедным судьбам Божиим, за тот великий соблазн, какой он внес в души множества своих почитателей, за гибель сих душ – затворени быша двери милосердия Божия пред ним, и он погиб вечной гибелью... Погиб: ибо душа его, в продолжение стольких лет омраченная личной враждой и ненавистью ко Христу Спасителю, отдалась всецело во власть духа тьмы и стала решительно не способною к восприятию воздействия Божией спасающей благодати. Пред судом Божиим нет великих людей: напротив, чем кто больше получил от Бога талантов, тем строже будет отвечать пред судом правды Божией; кому много дано, с того много и взыщется – это слово Самого Господа Иисуса Христа. Восстанут на суде все еретики древности и осудят нового еретика богоотступника Толстого, ибо он превзошел всех их ересью и богохульством своим. Сам же г. Поселянин говорит, что “чувства относительно Толстого все двоились: восторг пред ним, как пред писателем, среди других родных образов создавшим столько образов, светящихся кротким, тихим светом Православия, смешивался с негодованием против его невыносимых кощунств”. Вспомните теперь слово праведного Судии Господа, реченное устами одного из великих пророков – Иезекииля: “Праведность праведника не спасет в день преступления его, и беззаконник за беззаконие свое не падет в день обращения его от беззакония своего... все праведные дела праведника не помянутся, и он умрет от неправды своей, какую сделал”. Если даже ставить в добродетель то, что писал 25 лет назад гр. Толстой, но от чего он отрекся, и тогда нет ни малейших оснований к тому упованию на спасение *вне Церкви*, какое высказал г. Поселянин. Он говорит, между прочим, будто “в жизни духа есть минуты, ускользающие от этой (земной) Церкви: это минуты, когда Бог дает как бы последнее сражение упорству отрицающего Его человека”. Конечно, если под Церковь понимать Святейший Синод, то это верно, но мы ведь под Церковь разумеем нечто несравненно высшее, чем Св. Синод, который является только органом, выразителем определений этого высшего божественного учреждения, т. е. Вселенской Церкви, Главою коей является Сам Христос, невидимо ею управляющий, всегда в ней пребывающий и яко Глава действующий чрез нее, яко тело Свое. От сей

Главы не может “ускользнуть” ни единая минута жизни человека, Он же и предвидит всякую минуту, всегда так располагает обстоятельства жизни человека, что, если предвидит возможность его обращения, то и дает человеку возможность осуществить свое обращение к Богу *через Церковь* во внешних обстоятельствах. Предполагать то, что предполагает г. Поселянин, значит, создавать теорию спасения вне Церкви, неведомо для Церкви. Допустить это – значило бы в корне подорвать все учение православной Церкви о спасении нашем. Ведь тогда возникает вопрос: нужна ли и сама Церковь? Мнение какого-то католического, хотя бы и “знаменитого”, проповедника для нас, православных архиереев, неавторитетно. Думаю, что и латинская церковь не разделяет его. Ведь если согласиться с сим проповедником, то придется снять все анафемы со всех еретиков и безбожников, ибо кто же “может быть уверенным, что Бог не победил” в последние минуты их жизни? Однако же Церковь сего не делает, а она, конечно, лучше упомянутого безымянного проповедника знает и любовь Божию, и правду Божию, и свой долг в отношении к людям. Она лучше нас знает и природу души человеческой: кто способен и кто не способен к покаянию, и сообразно с сим установила свои “каноны”, или правила, по отношению к еретикам. Вспомните, что простых грешников, даже самых отчаянных преступников, если они не отступили от веры, не отреклись от Христа, она не предаст анафеме, а еретиков не щадит и гремит против них сим духовным оружием как против врагов Божиих. Грех ереси есть грех ума, а не воли, а грехи ума, вкоренившись в душу, не поддаются воздействию благодати и являются хулою на Духа Святого, которая не прощается, по слову Господа, ни в сей век, ни в будущий.

В заключение своего “ответа” мой совопросник патетически восклицает: “Если пробуждать в людях упование на превосходящее всякий ум Божественное милосердие, значит вливать в них яд: тогда я спокойно принимаю на себя обвинение преосвященного Никона”.

Отвечаю ему: если вы, почтеннейший г. Поселянин, пробуждаете в людях только “упование на превосходящее всякий ум Божественное милосердие”, совершенно умалчивая о Божием правосудии, то вы, действительно, вливаете в них тот яд, который называется в нравственном богословии безрассудною надеждою на Божие милосердие и ставится рядом с грехом отчаяния. Отчаяние есть неверие в Божие милосердие, а такая надежда есть неверие в Божие правосудие. И то и другое влечет к греху неудержимою силою, то и другое употребляет искушитель, осаждая душу грешника. Безрассудною надеждою на милосердие Божие он влечет ко греху: “Бог милостив – все простит, не беспокойся, согреши еще разок!” А отчаянием борет после греха: “Все потеряно, нет тебе прощения, не стоит и думать уже о покаянии: грехи во всю!”... Если безрассудная надежда на Божие милосердие вредна в смысле нравственном, в отношении к грехам воли, то в тысячу раз она вреднее и опаснее в отношении к догматам веры, на коих зиждется наша нравственность.

Мне хотелось бы еще сказать почтенному моему оппоненту, что считать и называть “святынею” мирскую литературу, даже самые художественные произведения таких писателей, как Пушкин, Гоголь, Достоевский или Толстой, значит унижать понятие святыни в сознании православных людей: найдется какое-нибудь другое слово для того понятия, какое хотел выразить г. Поселянин. Нельзя же художественные образы, созданные талантом писателя, ставить рядом, называть тем же именем, какое мы употребляем в отношении предметов нашего церковного почитания, например, иконы, мощи святых и пр. Надеюсь, г. Поселянин не будет спорить со мною об этом.

В заключение не лишним считаю сообщить г. Поселянину одно скорбное предположение, высказанное мне одним простецом, – дай Бог, чтоб оно не было фактом: сей простец предполагает, что появившаяся в продаже открытка с изображением Христа Спасителя, заключающего в свои объятия анафематствованного богоотступника Толстого внушена рисовальщику-поляку Яну Стыке статьею г. Поселянина... Думаю, это скорее было внушено иудеями – врагами Христа, однако же видите, г. Поселянин, как в наше время опасно высказывать мысли, противные воззрениям Церкви. Я получил немало писем и от простых людей, и от интеллигентных, выражающих чувство удовлетворения оскорбленного религиозного чувства по поводу моего обличительного дневника: будем же осторожны и не будем давать вины ищущим вины...

В Светлую седмицу Воскресения Христова в нынешнем году я получил очень много приветствий от моих читателей, приношу им мою глубокую благодарность и взаимно приветствую их всерадостным:

Воистину Воскресе Христос!

Вот дни, когда отдыхаешь душою, хотя мы, служители Церкви, и в эти великие дни не имеем возможности отдохнуть телесно и даже ответить на письма и приветствия наших духовных чад и друзей... За все Господу слава! Ведь мы, грешные недостойны того, чтобы постоянно чувствовать над собою небо отверстым, а вот в эти воистину светлые и пресветлые дни верующее сердце чувствует... чувствует, как с высоты небес льется незримый очами телесными свет, льется неосязаемое для чувств телесных тепло... Возблагодарим и за сие Господа Жизнодавца! А что бы было, как мрачно и холодно жилось бы без этого, особенно в наше грешное время на этой грешной земле?.. Слава Тебе, Господи, слава Тебе!..

Полемика продолжается

Полемика по вопросу: есть ли надежда на спасение души ересиарха Толстого, все еще продолжается. Г. Поселянин напечатал в “Колоколе” второй мне ответ, на который пришлось опять отвечать. Словом, тот психологический закон, о котором говорил я прошлый раз, по которому наши писатели стараются всячески оправдать свою ошибку, хотя и сознают ее, проявился и в данном случае. Что ж делать? Г. Поселянин может думать, что именно в силу этого закона и я с ним полемизирую, но ведь я-то говорю не от своего имени, а от имени Церкви, а он высказывает только свои личные мнения и предположения.

Послушайте вот, что пишет он в “Колоколе”.

Заключительное письмо преосвященному Никону Вологодскому

С теплым чувством прочел я благостный ответ преосвященного Никона Вологодского.

С присущей ему ревностью владыка излагает свои взгляды на то, что он считает оплошностями в моих строках относительно некоторого упования, которое смягчает безпросветность осуждения и гибели души умершего графа Л. Н. Толстого.

Не могу не согласиться с владыкою, что опасно вторгаться в ту область Божественной жизнедеятельности, о коей сказано: “несть ваше разумети”, и, быть может, правильнее всего смиряться без рассуждения и давить в себе мысль, ищущую выхода в положениях тяжких.

Еще хуже то, что составляет предмет переживаемых сомнений, колебаний и, быть может, мук, выносить наружу, а не затаивать в себе.

Но так часто, в суете нашей, до такой степени осложнившейся жизни под напором чувства выскажешь что-нибудь такое, что лучше бы было сохранить про себя, и оно не так понимается.

Как человек верующий, я не мог не видеть, что Церковь правильно отлучила графа Л. Н. Толстого после всего сказанного им. Такой человек не мог оставаться в церковной ограде и, не покаившись всенародно, не мог быть по смерти обеляем молитвами Церкви за цену той пречистой Крови, над которой он глумился.

Но в этом человеке, которого нельзя не считать пред Церковью преступником, были черты, которые говорили, что он не весь откололся от Бога, потихоньку он ходил в церковь и в темном уголку простаивал службы.

Невыносимые кощунства в описании обедни в “Воскресении” напечатаны в заграничном издании злостным г. Чертковым против формального запрещения автора.

Наконец, не имея сил при жизни усмирить свою гордыню, он хотел умереть в Церкви. И еще на днях я слышал от родного внука монашествующей сестры графа Л. Н., что он предупредил семью, что когда станет умирать и подаст известный знак, чтобы немедленно бежали за священником.

Что происходило там, в этом возмутительном “застенке”, устроенном чертковцами на станции Астапово? Это тайна... Но Толстой настолько же мог отрицать до конца, как мог в последние часы все признавать и во всем покаяться – и вдумчивому психологу последнее, в виду предшествующих дней его и настроения его в эти дни, последнее покажется, несомненно, вероятнее.

Я лично думаю, что неверов нет. Есть богоборцы, противящиеся живущей в них вере. Но, как человек, имеющий глаза, не может не видеть солнца, так душа, созданная для богопознания, не может не чувствовать Бога, хотя может бороться с этим чувством. И в русской странной, загадочной, изломанной душе – душе невероятных чудовищных контрастов, пламенная ненависть и вражда является только видом особой, странной, требующей любви, не сумевшей приспособиться и спокойно занять свое место у любимого предмета, человека, явления.

Владыка Никон говорит об опасности чрезмерного надеяния на милосердие и необходимости памятования правосудия...

Но не идет ли милосердие впереди правосудия? Не кажется ли нам изумительным слово о том, что человек человеку должен прощать 490 раз в день, т. е., вычитая время сна, по 30 раз в час, и притча о работавших в винограднике и о простоявших на торжищах праздне.

Есть в области веры такие интимные уголки, которые человек должен хранить про себя. У одинаково верующих и желающих жить в послушании Церкви людей могут быть разные заветные мечты и надежды в зависимости от их характера.

И, принося владыке Никону в этом последнем объяснении глубочайшую признательность за его отеческое внимание к строкам, возбуждившим его сетование, позволю себе сказать, что сказанное мною пространно и, признаюсь, мечтательно, в иных словах говорил отчасти и сам владыка, когда выразил предположение, что оптинские старцы, вероятно, посоветовали скорбящей сестре умершего инокине Марии предать судьбу души ее отлученного брата – милосердию Христа.

Не одному ведь суду, но и милосердию.

Е. Поселянин. На эту статью я ответил на другой же день в том же “Колоколе” вот что:

Еще доброе слово г. Поселянину

Г. Поселянин откликнулся на мою статью в ответ на его ответ, и – это приятно отметить – откликнулся сознанием своей оплошности. Те м не менее, он все же считает нужным отметить кое-какия “черты, которыя говорили, что Толстой не весь откололся от Бога, потихоньку он ходил в церковь и в темном уголку простаивал службы”. Может быть, и заходил иногда в церкви, хотя бы для того, чтобы проверить свои старыя впечатления от служб в виду своих новых литературных работ, – спорить не буду. А вот несомненный факт, что во дни своего духовнаго кризиса он говорил своей сестре, что готов подчиниться чему-угодно в монастыре, только чтоб его в церковь не принуждали ходить... До того тяжело ему было даже думать о храме, о богослужении! Будто он подпал тогда беснованию: известно, что бесноватые не терпят близости святыни...

“Невыносимыя кощунства напечатаны злостным Чертковым против формальнаго запрещенія автора”... А все же написаны-то они, эти *невыносимыя кощунства* – графом Толстым! А, стало быть, пережиты его душою, его сердцем, и не видно, чтоб он оплакивал их. Да кроме этих кощунств, сколько в его позднейших писаниях можно найти не менее возмутительных выпадов против Христа Спасителя, Его Матери и Святой Церкви!

“Он хотел умереть в Церкви, он предварил семью, что когда станет умирать и подаст известный знак, – чтоб немедленно бежали за священником!” Это – новая легенда, чтоб так или иначе умалить ужас анафемы, произнесенной Церковью над Толстым. Но такое отлагание покаяния до послѣдняго часа смертнаго не есть ли искушение Божия долготерпѣнія? Сохрани, Господи, всякаго человека от такого искушения!

“Толстой настолько же мог отрицать до конца, как мог в последние часы все признать и во всем покаяться, и вдумчивому психологу, в виду предшествующих дней его и настроения его в эти дни, последнее покажется несомненно вероятнее!..” – Я уже раньше писал, что если бы “Толстой мог покаяться”, т. е., если бы в его душе была возможность сего, то благодать Божия и предоставила бы этой возможности осуществиться, но мы видим совершенно обратное: попущением Божиим он лишен возможности покаяться, следовательно, такой возможности и не было в его душе.

“В русской странной, загадочной, изломанной душе – душе невероятных чудовищных контрастов пламенная ненависть и вражда являются только видом особой, странной, требующей (?) любви, не сумевшей приспособиться и спокойно занять свое место у любимого предмета, человека, явления”... Странная любовь, выражающаяся в пламенной ненависти! Любовь, не сумевшая приспособиться!.. Да ведь любовь вся – в смирении сердца, а смирение ли не сумеет приспособиться? Станные речи! Припомните, г. Поселянин, что Толстой ведь отрицал *личного* Бога, разумея под сим словом нечто пантеистическое: о какой же любви можно говорить к чему-то безличному?..

“Владыка Никон говорит об опасности чрезмерного надеяния на милосердие и необходимости памятования правосудия. Но не идет ли милосердие впереди правосудия?” – спрашивает г. Поселянин. Отвечаю: да, вот именно так: милосердие – впереди правосудия, если угодно. Правосудный Судия предвидел, что в последний момент Толстой не способен будет к покаянию, а кто знает, ведь он мог бы, при виде священника с Св. Дарами у своей постели, еще чем-либо оскорбить святыню Божию, – вот по милосердию Своему Бог и устранил от сего искушения несчастного богохульника, отняв последний, уже бесплодный, призыв к покаянию, дабы не дать ему возможности соделать еще грех непростительный...

В заключение г. Поселянин хочет обличить меня в том же, в чем я будто бы обличаю его, именно, что я выражаю предположение, что оптинские старцы посоветовали сестре Толстого предать судьбу души брата милосердию Христа. Да, я это писал, но ужели это означает, что милосердие Христа помилует сию душу, вопреки правосудию Божию? Этого я не мог говорить и не говорил. Я хотел только сказать, что для души нераскаянного еретика и адския муки суть дело не только Божией правды, но и милосердия Божия... Почему? Как? Подумайте сами, г. Поселянин...

Но не пора ли нам кончить эту полемику в области всяческих предположений? Не лучше ли подумать над другим, более – скажу прямо – грозным вопросом: почему нашим интеллигентам, даже верующим, даже церковно верующим, так страстно хотелось бы всячески смягчить, как бы затушевать суд церковной анафемы именно для сего еретика, забывая всех тех несчастных, которые увлечены им и разделяют с ним его участь погибельную?

Что ему за привилегия такая? Ведь пред Богом все души равны...

Поставленный мною последний вопрос имеет весьма важное значение. О нем поговорю когда-нибудь особо.

Может ли прельщенный быть руководителем духовной жизни народа?

Миссионер... Хотя и не русское, хотя и латинское, то есть принятое от неправославного запада, а все же хорошее слово. Когда-то, в юности, и я мечтал быть миссионером: уйти в далекую Сибирь, к этим полудиким детям природы: к алтайцам, якутам, алеутам, колошам, и проповедывать им Христово Евангелие... Святые мечты! Увы, Бог не судил им исполниться.

Потом, уже в семинарии, я узнал о других миссионерах – противораскольнических. Как ни юн я был, но не мог, в своей простоте, понять: зачем это, в недрах самой Церкви, понадобились миссионеры? Ведь раскольники были когда-то православными, чадами Церкви; кому же и заботиться об их обращении, думал я, как не пастырям же Церкви? Зачем это – особые специалисты – миссионеры? Разве пастыри-то Церкви не обязаны заботиться об этих заблуждающих овцах?.. Но время шло, я как-то привык смотреть и на них, противораскольнических миссионеров, как на явление нормальное: видно, так-де и надобно быть в Церкви православной. Со временем я узнал, что кроме противораскольнических, есть еще и противосектантские миссионеры. И стала у меня закрадываться мысль: стало быть наши пастыри не в силах справиться не только со старым, двухвековым расколом, но и со вчерашними сектами? Но ведь если они в семинариях изучают всякия богословския науки, не исключая и основного, и полемического богословия, то кому же, как не им, бороться с лжеучениями всякого рода? Появится в приходе секта, другими словами, появится волк в овечьей шкуре, похитит словесную овцу, и пастырь, вместо того, чтобы, оставив 99 в горах, искать заблудшую или похищенную, преследовать хищника, поражать его мечом слова Божия (в знамение чего иной пастырь и набедренник носит), сей пастырь, в лучшем случае, просит прислать к нему миссионера... Нормально ли это? Подобаает ли сему быть в Церкви Божией? Не должно ли это вносить соблазн в среду его же паствы, как бы показывая его же безсилие?.. Та к думал я в моей молодости, а проходя курс семинарских наук, не в похвалу себе скажу, с усердием и добросовестно, я мало-помалу стал познавать, что науки эти далеко не отвечают в своей постановке тому святому идеалу, какому служить должен будущий пастырь... Я никак не мог постигнуть, например, почему и зачем мы долбили наизусть Гомера или Горация, а не видали вовсе чудных поэтических творений Иоанна Дамаскина в их подлиннике? Почему для будущих пастырей нужнее оказались поэты-язычники, чем неподражаемый поэт-богослов? Зачем нужна будущему пастырю тригонометрия и алгебра и почему вовсе заброшен чудный славянский язык? И многое приходило тогда в юную голову таких вопросов, которые остаются, признаюсь, для меня неразрешенными и доселе. А вопрос о так называемой внутренней миссии всегда занимал меня именно со стороны ея, так сказать, логичности: ну, пусть, думалось, существуют специалисты-руководители самих пастырей в деле борьбы с сектами и расколами, пусть они делятся своим опытом, своим знанием дела с пастырями, но дело-то должны вести сами пастыри, если не хотят уронить себя в мнении своей же паствы. Мне после пришлось слышать такое же суждение от одного известного миссионера-проповедника: “Да я счел бы для себя постыдным, говорил он, если бы в моей приход для собеседований с сектантами

пришлось пригласить постороннего миссионера...” – Со временем пришлось мне познакомиться и с мирянами-миссионерами. Как ни почтенны эти служители-добровольцы, но это уже не пастыри в собственном смысле: только ревнители Церкви, только как братья, а не как отцы, выступающие в Церкви Божией и защищающие ее истину. В наше печальное время и сие добро, особенно в отношении к сектантам, хоть в глазах православных их авторитет уже не может стоять на той высоте, как авторитет облагодатствованного пастыря. И до последнего времени, до этих смутных дней всяческих свобод в области мысли и слова, мы немало видели и знали таких почтенных деятелей миссии из людей светских, пред которыми преклонялись и пастыри, и даже архипастыри. Сии достойнейшие стражи чистоты учения церковного зорко следили за своею совестью и не допускали ни малейшего уклонения ее в сторону якобы либеральных, на деле же суетных, мудрований. Они не способны были входить в сделку с совестью своей там, где это, казалось бы, было даже выгодно для их дела. Они хорошо понимали и истинную терпимость, снисходительность к мнениям заблуждающих, и те границы, где эта терпимость могла перейти в нечто вроде иезуитского: цель оправдывает средства. Можно ли поручиться за нынешних миссионеров в этом отношении? Как ни хотелось бы мне убедить себя в том, что они все в этом безупречны, все свободны от искушений лукаваго, я должен, во имя святой истины, во имя долга служения матери-Церкви, предостеречь кого следует от доверия к некоторым гг. миссионерам. Дай Бог, чтобы этих господ оказалось пока один-два не больше. Я боюсь, что если их логику усвоят другие, то – быть беде!..

Чтобы быть беспристрастным, чтобы не касаться по возможности лиц и фамилий, я приведу буквально слова одного такого миссионера, которого с точки зрения церковной, уж никак не могу одобрить в его суждениях. Я не назову его имени, хотя он и подписался под своими словами: он, конечно, узнает себя в своих словах, но пока – пусть мои читатели его не судят как личность, если только сами еще не читали его статьи. Вот что он пишет:

“У нас не забывают и о той духовной прелести, в которой, бесспорно, пребывает Чуриков; только спасают его от этой прелести в Петербурге мерами пастырской попечительности и духовной осторожности”.

Вот слова г. миссионера. Читатели мои знают, кто это – Чуриков. Это нашумевший своими беседами некий “братец”, сидевший некогда в Суздальской крепости за распространение хлыстовщины, а теперь проповедующий трезвость своим последователям. В Церкви Божией все благообразно и по чину бывает: *како проповедят*, говорит Апостол об учительстве, *еще не послани будут?* А сей самозванец-учитель появился в Петербурге самочинно, стал проповедывать самозванно, никем на то не уполномоченный, не имеющий никакой, самой низшей степени в клире, надел на себя крест поверх рубахи неведомо для какой цели, с чьего разрешения, и назвал себя почему-то “братцем”, снимаясь в фотографиях с “сестрицами”... И вот о нем-то г. миссионер свидетельствует, что он находится в состоянии “прелести”, духовной прелести, и сему-то, пребывающему в прелести, петербургский миссионерский совет дает право, – в сущности, не решаясь лишить его сего, самовольно им захваченного права по новым правилам о свободах, – формально признает за ним это право проповедывать массам народным якобы трезвость... Пусть простят мне и г. миссионер, и преосвященный председатель совета, и все члены сего совета, если я громко во услышание всей Церкви православной скажу: нельзя давать права проповедничества человеку, “безспорно” пребывающему в прелести!

Не мне объяснять им, что прелесть есть в духовном отношении то же, что сумасшествие в психическом, что это есть своего рода беснование: человек находится всецело во власти духа тьмы, а посему и вся суть его проповеди, в конце концов, должна сводиться к гордыне, к противлению Церкви, как бы ни маскировался, как бы ни притворялся проповедник якобы послушным сыном Церкви! Ведь надо всегда помнить предостережение великого Апостола: если и сатана иногда преобразуется в ангела света, то тем паче его служители, еретики и враги Церкви, им прельщенные, в его власти пребывающие, принимают на себя вид служителей света. Не собирают с терновника виноград или с репейника смоквы, говорит Господь. Допустим даже, что Чуриков не станет проповедывать никакой ереси, что его учение с внешней стороны будет совершенно православно, но и тогда непременно дух гордыни проникнет в души его учеников, его слушателей, и тогда его проповедание принесет ужасный, ничем непоправимый вред для Церкви. Почитайте святых отцов, спросите опытных в духовной жизни старцев, опытных духовников: никто, решительно никто из них не посоветует принимать таких мер “пастырской попечительности”, какия приняты в отношении к Чурикову, именно, учительство-то и есть опаснейшее дело для человека, состоящего в духовной прелести. Он и без того находится в состоянии страшного самообмана, самоцена, и без того считает себя “за кого-то великого” (Деян. 8, 9), а тут его окружают толпы народа, считают его чудотворцем, проповедником, от Бога посланным, преклоняются пред ним: как не вскружиться бедной голове такого проповедника?! Пожалейте несчастного, умом которого уже овладел искуситель, не давайте пищи искушению, не усыпляйте его совести сознанием, что его проповедничество благословлено Церковью, если только он в своей душе уже не отрекся от Церкви, если уже не смеется над церковной властью, укрепляя свое влияние на народные массы таким снисхождением власти церковной... Особенно же пощадите эти простые души от того ужасного яда, который не может не вливаться в них чрез проповедь такого проповедника. Поверьте: это совершается как-то помимо слов самого проповедника, каким-то особым, неуловимым внушением, и я уверен, что в настроении слушателей это внушение уже сказывается, яд уже действует... Того смирения, которое свойственно православному чаду Церкви Православной, которое никого не судит, ничем не превозносится, которое готово слушать слово Божие и из уст немощствующаго даже пьянственную страстию иерея Божия, если только он говорит от души, исполняя свой долг, – такого смирения уже не обретете в душах постоянных слушателей Чурикова... Не нужно нам гордых своею трезвостью трезвенников: в очах Господа кающийся грешник во сто крат дороже гордаго праведника! Миссионер говорит, что разрешением проповеди Чурикова спасают от прелести... что это – мера пастырской попечительности и духовной осторожности... Ужели в этом должна проявляться “духовная осторожность”? По отношению к кому? К Чурикову или к его слушателям? Ужели из опасения, что вот-вот несчастный прельщенный, духовно помешанный объявит, что он отделяется от Церкви, а с ним и тысячная толпа отпадет от общения с Церковью, ужели Церковь может позволить сему сумасброду проповедовать от имени даже Церкви? Да что же это такое? И кто же тут является властью, Церковь или этот сумасброд с своими последователями? Гд е же порядок, Господом установленный? Гд е то послушание Церкви, которое Господь поставил необходимым условием спасения? Кто кого тут слушает? Чуриков Церковь или Церковная власть – Чурикова?.. И можно ли такое послушание прельщенному считать

“осторожностью” да еще “духовной”? Не есть ли это – извращение всякого Богом установленного порядка в церковной жизни?..

Я нарочито остановился на этом в высшей степени печальном явлении нашего смутного времени. Мы начинаем поступаться уже принципами, а не какими-нибудь обрядовыми мелочами. Скажите: куда еще идти дальше в разложении церковной жизни? Остается дать открытые листы всем хлыстам, всем бесноватым и помешанным на право проповеди в недрах Церкви. Но тогда что же останется от нашего святого Православия?

А когда вспомнишь, что в области печатного слова оно уже так и есть; всякий еретик печатает, что вздумается, считаясь официально православным, и Церковь безмолвствует, и пастырям, и – да простят мне сию ревность о доме Божием наши святители-архипастыри – даже как будто нам, архипастырям, дела нет до сих еретиков, как будто мы боимся их потревожить словом вразумления, увещания по заповеди апостольской, как будто нарочито закрываем на них глаза, чтоб не видеть гибели их в духовном отношении... Когда видишь, что это попустительство от непризванных богословов-писателей сошло уже вниз, к разным Чуриковым и разным пройдохам... когда все это видишь, то страшно становится за родную Русскую Церковь, за Русь, за весь мир христианский... Да, Церковь пребудет до скончания века, – так обетовал Христос. Но ведь это обетование относится к Церкви вселенской, а не специально к Русской... Вспомните страшные слова Держащего семь звезд в деснице Своей: “Вспомни, откуда ты ниспал и покайся, а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его...” (Откр. 2, 5). И “отыметсЯ царствие Божне от вас и дастсЯ языку, творящему плоды его”... Ужели сего нам ждАть? Господи, помилуй!.. Утверждение на Тя надеющихся! Утверди Церковь Твою!

Тонкая отравы язычества

Признаюсь откровенно: я перестал, потому *устал* удивляться тому, что творится у нас на Православной Руси... Хочется уверить себя, что все это – тяжелый сон, кошмар, что вот-вот проснешься, и он рассеется, и утреннее солнышко приласкает тебя своими теплыми лучами. Но время идет, а кошмар становится все тяжелее, все мучительнее для сердца... Боже милосердый! И будет ли просвет, проглянет ли красное солнышко, прояснится ли над Русью ныне столь мрачный, а когда-то чистый, светлый небосклон?..

От времени до времени я имею счастье – да, именно *счастье* получать письма от нашего святителя-апостола Японии архиепископа Николая и всегда поражаюсь его светлым настроениям, всегда отдыхаю душою, читая его жизнерадостные письма, и думаю: что это значит? Вот человек живет среди языческого мира, в стране, где царит идолопоклонство или открытое безбожие, а он так благодушен, так полон упования на Бога, светлых надежд на будущее... Отчего же нам все кажется в таком мрачном цвете, будто конец миру близок, будто все рушится вокруг нас?

В ответ на эти мучительные вопросы напрашивается мысль: да не обманываем ли мы самих себя? Мы ведь все хотим уверить себя, что если наша Русь именуется страной православною, то она и в самом деле такова, что и законы ее построены на православном мирозерцании, что и жизнь ее в общественном, государственном и особенно церковном смысле, в общем, течет по руслу, исторически проложенному нашими предками в духе родного нашего православия; мы забываем, что с недавнего прошлого наша Русь сдвинута со своих вековых оснований, что ее повели по новым, неизвестным ей дотоле путям, и на этих путях, Божиим попущением, за грехи наши, мы попали в полосу туманов, где стали меркнуть светлые наши православные идеалы, от коих мы стали уходить, а взамен их появились чуждые нашему духу призраки языческих воззрений... И вот они охватывают нас со всех сторон; они врываются даже в ту область, где уж никак нельзя было бы их ожидать... И мы как-то теряемся, недоумеваем, негодуем, отбиваемся от этого кошмара и страдаем душой... Попытаемся на минуту – не примириться! тут мир невозможен, а просто признать за факт, что тонкое язычество как бы пронизало всю окружающую нас духовную атмосферу, что им заразились даже те, которые именуют себя, и притом – сознательно, православными, не сознавая в себе этого заражения. Попытаемся, говорю, признать этот ужасный, – да, поистине ужасный факт некоего отступничества нашей интеллигенции от заветов веры и матери-Церкви. И тогда нечему будет удивляться: останется только плакать и скорбеть, скорбеть и все усилия наши направлять к тому, чтоб рассеивать мглу язычества вокруг нас. Наши братья потеряли дорогу, но мы-то ее видим, знаем, – так вот и будем неустанно призывать заблудившихся вернуться на этот путь. И если хоть одна душа услышит наш призыв, если откликнется, вернется – вот и будет для нас радость вдовицы, обретшей потерянную драхму. Не этою ли радостью живет душа святителя-миссионера в далекой языческой Японии при обращении ко Христовой вере язычников? Не этою ли радостью постоянно сияло лицо незабвенного старца о. Иоанна Кронштадтского, да и всех старцев Божиих, свидетелей покаяния грешных душ?

Правда, есть у них другая, постоянная причина радостного настроения: живут они в Боге и с Богом, всецело служа Богу единому, а Бог, ведь и есть весь – радость, весь – любовь... Гд е светит солнце, там птички радостно поют свои песни в выси небесной,

какая бы грязь ни была внизу под ними на земле; где душа чувствует Бога, там никакой мрак и смрад чужих пороков не нарушит внутреннего мира души, пребывающей в Боге. Это и есть то, что говорит Господь наш: *царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21) и что поясняет Апостол Павел: *царствие Божие есть праведность, мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). Это и есть то, чего недостает нам, грешным, без чего так грустно и мрачно живется на земле. Вот мы прежде всего и должны заботиться об очищении своего сердца, чтобы там нашлось место этому миру, этой радости и праведности во Святом Духе. Слава Богу и за то, что мы видим путь к сему, что можем и другим указать этот путь из мрака окружившаго нас со всех сторон язычества; этот путь – один: жизнь в Церкви, в самом тесном единении с нею. Ведь, чем больше опасность для детей, тем теснее они прижимаются к матери, чем больше опасности для верующих, тем неразлучнее они должны быть с матерью-Церковью. К сему и должны мы звать наших собратий.

Наш призыв должен быть обращен, прежде всего, к тем, которые еще не совсем порвали своих связей с Церковью, которые еще не стыдятся называть себя православными христианами, но которые уже вошли в область языческой мглы, нас окружающей, и начинают сбиваться с пути... Таким-то вот и хочется крикнуть: братья, берегитесь! Враг близок, он хочет обмануть вас!..

Недавно в одной патриотической газете мы прочитали заметку какого-то “волковысского черносотенца Парфения Юрчука”, который в простоте своей рекомендует, а газета, издаваемая почтенным борцом за Церковь, печатает эту рекомендацию – орудия борьбы с тайными и явными врагами Союза Русского Народа – откуда бы вы думали? Из спиритического журнала “Спиритуалист”. На простой взгляд православно верующего, что могло бы быть общего у православия с сатанинским учением спиритизма? Мыслимо ли для верного сына Церкви входить в какое-либо сношение, даже просто – принимать к сведению спиритические сообщения?

По учению Церкви, все это учение есть погибельная прелесть бесовская, всякое прикосновение к спиритизму и его последователям грозит великою опасностью, оскорбительно для Духа Святого, может быть гибельно для души. Но вот, по-видимому, и Парфений Юрчук, и почтенная редакция патриотической газеты этого и не подозревают и признают возможным позаимствовать некий свет из сообщений этой области тьмы... Как не крикнуть им: братья, берегитесь! Помните слова Апостола: *сам сатана принимает вид ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды, но конец их будет по делам их* (2 Кор. 11, 14, 15). *Что общего у света со тьмою? Или какое согласие может быть между Христом и Велиаром?* (6, 14, 15). Почитайте жития святых: там вы найдете множество примеров, как сатана обольщал подвижников ложными чудесами, как он обманывал их бдительность ссылками на Священное Писание (ведь и Самого Господа нашего он так же пытался обмануть!), а в писаниях даже современных нам подвижников можно найти рассказы и о том, как враг рода человеческого открывал тайны людския, чтоб сделать им прельщенных людей якобы пророками и провидцами... Я побеседую с читателями “Троицкого Слова” особо о том, что такое в своей сущности спиритизм; теперь скажу одно: вне всякого сомнения, с точки зрения учения христианского, это – бесовская прелесть, просто говоря – колдовство, запрещенное еще в Ветхом Завете под страхом смертной казни, и тем виновнее, непростительнее – в новозаветные времена. Понятно, что занятие спиритизмом должно быть приравнено к богоотступничеству.

Нужно ли говорить, как неразумно делает газета, помещая заметку г. Юрчука? Какой соблазн вносит она в души православно верующих? И вот я получаю письма, в коих сии верующие просят меня “высказаться в печати по сему поводу, дабы оградить души, готовые поддаться соблазну”. Справедливо говорит один из моих читателей, что “если стать на этот путь, то легко придти к убеждению в желательности получения советов от медиумов на спиритических сеансах по всем вопросам не только политической, но и духовной жизни”. В самом деле, если не грешно спросить медиума о том, как примирить с собою политических противников, то почему же не спросить о том, как вообще достигнуть Царства Небесного? А тогда – зачем и Церковь, и ее пастыри, на что и слово Божие, и все писания богомудрых отцов и учителей Церкви, и весь опыт духовной жизни, скопленный Церковью на протяжении почти двух тысяч лет?..

Та к должно думать по поводу упомянутой заметки по принципу. Сделаю несколько замечаний в отдельности.

Заметка говорит: “В высокой степени ценное указание получено (откуда? По нашему мнению, надо полагать – из преисподней!) одним из серьезных московских спиритуалистических (спиритических?) кружков”. Автор, как видите, полагает, что спиритизм есть нечто “серьезное” в научном смысле: выше я уже сказал, как он в этом глубоко ошибается, принимая за “науку” прелесть дьявольскую.

“Медиум, – говорит он, – настаивая на возможно частом приобщении Святых Христовых Таин” и указывая те неисчислимыя благодеяния, которые изливаются на лицо, обновившееся чрез это таинство (перечисляются сии блага), между прочим, обратил особенное внимание на следующее обстоятельство, о котором совершенно ничего неизвестно и в духовной, и светской христианской литературе: каждый, воспоминающий в высокий момент принятия Святых Христовых Таин одно или несколько имен отшедших, доставляет им чрезвычайно высокое облегчение и, образно выражаясь, как бы сопричащает их с собою Святых Христовых Таин.

Остановимся на этом. Автор, видимо, хочет указать на какое-то открытие, идущее из области спиритизма, открытие, если оно верно, имеющее-де громадное значение в духовной жизни христиан. То, о чем идет тут речь, так запутано, что необходимо разобраться: есть ли тут открытие и что в этом сообщении имеет тень истины, а что – примысел от лукавого. Кто имеет мои “Троицкие Листки”, тот пусть прочтет № 288 под заглавием: “Как помочь усопшим братьям?” Та м я даю совет, предлагаемый Церковью: приносить безкровную жертву за почившаго, а при этом – и сам помолись, попостись, очисти и свои грехи таинством покаяния, соединишь и сам со Христом в причащении Его пречистаго Тела и Крови... Принеси Господу в молитве свое смиренное сердце, как жертву умилоствления за усопшаго; тогда благодать Божия непостижимо таинственным образом расположит к теплой молитве за него и служителей Церкви, и всех молящихся – и самую Церковь небесную, всех святых Божиих, и Господь примет твою молитву, примет Жертву безкровную, Церковью за усопшаго приносимую, омоет грехи его пречистою Своею Кровию, в которую опускается частица, вынутая в память усопшаго, и в сем уповании ты обретешь небесное утешение и выйдешь из храма Божия, будто повидавшись с усопшим, соутешившись с ним собеседованием!

Как видит читатель, мысль об общении с почившими посредством молитвы и причащения Святых Таин Христовых – не новая мысль, не открытие кого-то, а то, чему всегда учила Церковь. Но обратите внимание на самую постановку дела в учении Церкви и в сообщении медиума: Церковь учит, что молитва, как кровь Церкви, как проявление

жизни Церкви в деятельной любви неумирающей, будучи сама возгреваема и возжигается любовью Главы Церкви Христа Спасителя в нас, земных Его членах, подвизает и любовь Божию касаться благодатию спасающею немоществующих членов Церкви, в иной мир отшедших, очищая их и делая способными к восприятию жизни вечной. Здесь главным деятелем является не то лицо, которое причащается св. Таин, а вся Церковь, с своею Вечною Главою – Господом Иисусом, а молящийся за почившаго является в своем собственном сознании “первым из грешников”, дерзающим во имя любви прибегнуть к молитвам Церкви за близкого ему человека. А в сообщении медиума центром является то лицо, которое причащается и вспоминает имена: дело представляется как бы совершающимся механически, с необходимостью химических или физических законов... Подходя к Святой Чаше, вспомни, перечисли имена отшедших, и дело сделано: ты причастил их св. Таин с собою. Справедливо пишет мне один мой читатель, что при таком механическом, так сказать, взгляде на дело, причастник будет подходить к Святой Чаше, не столько помышляя о своем недостойнстве, сколько заботясь о том, чтоб не забыть имена своих близких, и кто знает? может быть, не без тайной горделивой мысли о том, что он-де помогает участи усопших. Не кроется ли в этом случае у руководившаго медиумом “духа” тайного желания – отвлечь причастника от самого себя и развлечь его мысли припоминанием имен усопших, а, может быть, если причастник женщина, то и какими-либо усилиями воображения?.. Хитер враг в деле гибели нашей!

Но продолжаю выписку из заметки г. Юрчука. Переходя к живым, медиум применяет те же рассуждения и к ним: “Поминая имя кого-либо из живых, – говорит он, – причащающийся способствует тому же самому таинственному благотворному воздействию на дух, душу и жизнь воспоминаемого лица, *которое в этот момент воспринимает все благотворныя последствия этого великаго таинства*. Но этого недостаточно. Если это лицо обуревается неверием и не имеет видимой склонности проникнуться глубокой верой, благодаря чудному воздействию великаго таинства, оно последовательно возвращается к утраченной вере. Если же это лицо питает враждебныя чувства к тому, кто поминает его в момент восприятия великаго Таинства, эта вражда, как огонь, обильно политый дождем, утрачивает свою интенсивность; и путем последовательных поминовений можно совершенно уничтожить эту вражду”.

Здесь уже ясно проводится учение о перенесении плодов божественнаго Причащения с одного лица на другое, а отсюда не трудно вывести заключение и о возможности замены одного лица другим в Святом Таинстве... То благодатное воздействие, которое Церковь приписывает благодати Божией в силу молитвы самой Церкви, чрез принесение безкровной Жертвы, приписывается в учении медиума внешнему акту принятия Святых Таин лицом, поминающим своего врага или вообще того, кого причастник поминает в момент причащения. И в этом случае я попрошу моего читателя прочитать мой же “Троицкий Листок” № 55 дополнительнаго счета: “Как молитва Церкви делает из врага друга”. Частое, почти ежедневное поминовение врагов на проскомидии, с вынутием за них частиц, опускаемых, при совершении литургии, в кровь Господню, – поминовение, истекающее из всепрощающей любви к сим врагам, соединяемое с личною смиренною молитвою поминающаго, – вот что может сделать из врага друга. Только непереносимое условие при этом: ищи в самом себе, в собственном сердце причины разлада и вражды, а если не находишь – усердно проси у Господа даровать тебе зрение грехов твоих, пока, наконец, совершится это и ты убедишься, что виновен не твой враг, а именно ты. Тогда, действительно, совершится чудо в твоём сердце: погаснет вражда, а затем погаснет она и в

сердце твоего врага, и вы станете друзьями. Видите: не самый акт Божественного Причащения, который может быть и во осуждение причастнику, приступающему в сознании своих ненормальных отношений с так называемым врагом, а безкровная Жертва, приносимая Церкви при условии смиренного сознания своей вины пред врагом со стороны молящегося за врага, – вот что сильн о примирить врага. Шед прежде сам смирися... А если не смиришься, то хотя бы ты каждый день причащался Святых Таин с поминовением твоего врага – не только не будет пользы от сего, но и будешь причащаться себе же во осуждение. А когда идет тебе этот совет от какого-то медиума, другими словами – человека, являющегося посредником в сношениях с духом тьмы, то тем паче бойся: очень может быть, что враг рода человеческого именно потому и старается подчеркнуть значение самого акта причащения, чтобы придать ему как бы магическое свойство физического, слепо действующей благодати Божией. Но ведь это уже граничит с богохульством...

Признаюсь, мне архиерею, было страшно читать строки, написанные г. Юрчуком, в которых он обвиняет своих политических недругов в том, что они “потеряли якобы стыд и совесть, закрыли некоторые отделы Союза Русского Народа, стали убивать (конечно, не в буквальном смысле) своих же более храбрых воинов, почему остается прибегнуть к помощи Того, без Которого “всуде трудишася зиждущии, всуде бде строгий”... Страшно за г. Юрчука и за тех, кто последует его совету приступать в таком враждебном настроении к Святой Чаше Господней, хотя и с молитвою, но с гордою, лицемерною, осуждающею братьев и сознающею свое над ними превосходство... Ведь вот к чему ведет знакомство с бреднями спиритов и их медиумов, и я с болью сердца узнал из той же заметки Юрчука, что какой-то священник печатает свои заметки, хотя и полезные, в журнале спиритов “Смелые Мысли”... Служителю-то Церкви уж это никак не подобало бы: ведь для него это – сугубый грех!

Кстати, было время, когда служители алтаря всячески отреклись от всего, что носило на себе печать вражды к Церкви; теперь нередко встретить батюшку, с интересом читающего спиритический журнальчик или иудейскую газетку. Года два назад, проезжая по Волге, я заметил священника с “Спиритуалистом” в руках. “Что это вы, батюшка, читаете?” – Он показал журнал. – “Да ведь это издание спиритов!” – “Но тут вот есть ссылки на Евангелие”, – ответил мне сей иерей. Пытался я доказать ему, что это положительно еретическое издание, но батюшка ничего не находил в нем зазорного. Даже наставления, как вести беседу с духами, находил полезными. Я любопытствовал: кто этот иерей? Оказалось, духовник одной из семинарий... Оставалось сказать, что если бы в моей семинарии оказался такой любитель спиритизма, то я запретил бы ему священнослужение и удалил с должности. Он не понял даже, за что же.

Вот наше горе: соль наша теряет свою силу!!! Не правда ли, что отравы язычества тонкою струею просачивается даже в наше пастырство.

Наши духовные нужды

Вместо обычного дневника сегодня я даю своим читателям свое “доброе слово”, обращенное мною к членам “Русского Собрания” чрез печатный орган этого “Собрания”.

Вот что писал я там:

“Старейшая из патриотических организаций, образовавшихся в период духовного брожения на Руси, с целью укрепить устои духовной и государственной жизни на началах, завещанных историей, “Русское Собрание” полагает начало доброму делу – открытию духовных бесед сначала для своих сочленов, а потом Бог поможет, и для всех желающих, в дни праздничные. “Русское Собрание” имеет своею задачею раскрытие, выяснение и, так сказать, углубление в сознании русских людей тех дорогих начал, на коих зиждется вся духовная мощь нашего великого народа, и, наконец, проведение в жизнь этих великих и святых начал. История свидетельствует, что в основе всей духовной жизни Русского народа лежит наше *Святое Православие*. Православная Церковь, как поистине нежная мать, восприняла наш народ с самой колыбели его исторического бытия, просветила сего младенца-богатыря святым крещением, воспитала в нем тот мощный дух, который создал великую державу, занимающую шестую часть света, заложила в его душе все то, что мы называем свойствами именно нашего народного духа, или *народностью*, и дала ему светлый идеал *Самодержавия*, тот идеальнейший образ правления, в котором все стоит на вечных началах нравственных, на отношениях Верховной Власти к поданным, как отца к детям и обратно, вопреки юридическим идеалам других народов, строящих свое благо государственное на конституции, на взаимном недоверии и договоре... Православное миропонимание и мирозозерцание есть то заветное сокровище, та святыня, дороже которой нет и не может быть для русского православного человека. Православная Русь знает, что ей вверено это сокровище, чтоб хранить его для блага всего человечества, и что с утратою или искажением его она сама будет недостойна милости Божией и потеряет смысл своего исторического бытия в среде других народов. Вот почему и все наши патриотические организации должны во главе всего отстаивать это священное сокровище, все усилия направляя к тому, чтобы просвещать умы и освящать сердца, укреплять и воспитывать волю в духе Святого Православия, под сению и руководством матери-Церкви Православной. Вот почему от всей души должно приветствовать святое начинание “Русского Собрания” в открытии духовных бесед, и дай Бог, чтоб это благое дело стало на жизненный путь, чтоб это не было праздным времяпровождением, теоретическим только обсуждением тех или других вопросов духовной, церковной и общественной жизни, а оставляло след в сердцах собеседников, ложилось добрым семенем на их личности. И я полагал бы на первых порах не раскрывать широко двери для посторонних, к нашему содружеству не принадлежащих. Дело это новое: в домашней, так сказать, семейной обстановке такое дело скорее привьется и станет благотворно, прежде всего, для нас самих; выяснится то, что, может быть, теперь еще не достаточно ясно обрисовывается в наших мечтах. Бог укажет, что полезно будет потом; слава Ему и за сию добрую мысль, и если мы постараемся провести ее в жизнь, Он из нее, как из зерна, росток подаст и плод возрастит. Итак, я полагал бы открыть наши беседы только для членов “Русского Собрания” и их *семейных*. Далее, вопрос: о чем же и на какие темы будут вестись наши беседы? Будет ли это ряд лекций, в определенной

системе изложенных, по вопросам догматики, нравственности, и вообще из области религиозно-нравственной или же свободный обмен мыслей по тем или другим вопросам из той же области? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать духовные потребности тех, кто придет на эти беседы. В общих чертах нам, пастырям Церкви, неизвестны эти потребности: мы знаем, что есть даже такие потребности, которых сами нуждающиеся или недостаточно сознают или же вовсе не сознают; дело пастырей Церкви указать на эти потребности, осветить их светом учения Церкви так, чтобы они были признаны, чтобы они пробудились в совести и сердце, чтобы запросила ответа на них сама душа. Насколько мы, имеющие доступ в святилище совести верующих, можем видеть эти потребности, мы будем отвечать им: это наш пастырский долг. Но мы не всеведущи, мы – не приходские пастыри, которым, предполагается, открыты тайны каждой души прихожан; наши суждения могут основываться или на общих, или же на случайных наблюдениях; а поэтому я позволяю себе обратиться к сочленам по нашему содружеству с почтительнейшей просьбой: не отказывать нам, принявшим на себя руководство этими беседами, в сообщении своих соображений, наблюдений, мнений и даже, если сие не будет с нашей стороны слишком дерзновенно, своих личных духовных нужд, которые давали бы нам темы для беседований. Есть положения, для нас пастырей, кажущиеся азбучными истинами, о которых было бы излишне и как-то странно и говорить, предполагая, что они известны каждому православному, но на деле иногда оказывается, что именно сии-то положения и необходимо раскрыть для многих православных. Говорю по опыту. К глубокой скорби нашей, многие из людей, даже прошедших среднюю школу, нуждаются в млеке христианского учения веры, как только коснется вопрос о проведении в жизнь этого учения. И когда представляется им случай слышать раскрытие основных начал учения Православия не в школьном книжном изложении, а в живом и жизненном учении Церкви у святых отцов и учителей наших, то они бывают поражены духовною красотой и духовною силою сего учения. Православие есть жизнь в Церкви, и только тот в состоянии постигнуть его благодатную животворящую силу, кто всем сердцем стремится провести в свою личную жизнь святые заветы его, животворящая Господни заповеди в духе учения святой матери-Церкви, при содействии благодати Божией в ее святых таинствах. Так думаю я относительно предполагаемых бесед в “Русском Собрании”. Покорнейше прошу членов оного, сочувствующих сему начинанию, откликнуться на мое имя (Невская Лавра) или на имя о. протоиерея Буткевича (Вас. о. 11-я линия, 52, кв. 5)”.

Мои читатели видят, что это доброе начинание уважаемой организации ставит себе в сущности ту же цель, какую поставило и наше “Троицкое Слово”. Нельзя не порадоваться, нельзя от души не приветствовать, что истинно русские люди из образованного общества сердцем почувствовали, что они должны пойти впереди народа в любви к родной Церкви, к ее святому учению, чтобы не только самим проникаться благоуханием Православия, но и вносить его всюду, где есть души, способные воспринимать его. Только при таком отношении к Церкви мы можем быть истинно русскими людьми, только при этом наша древняя Русь признает нас своими сынами и наследниками сокровищ ее духа...

Старая Русь... Большой деревянный дом, русская изба, с гостеприимным крыльцом, с горницей или светлицей, украшением которой служит большая в древнем стиле писанная икона, в золотой, низанной жемчугом ризе, в резном из дуба киоте, и непременно с

лампадой, озаряющей тихим светом строгий лик Христов или милосердый лик Владычицы... Вот старая Русь!

А новая Россия? О, это каменный дворец в европейском вкусе, дворец, на фасаде которого едва приметен вход, в роскошных залах которого нескоро отыщешь – если только отыщешь – образок в два вершка, и неизвестно, нелегко рассмотреть, кто изображен на этом образке... Святыня будто стыдливо прячется в этих палатах, обитатели которых стыдятся помолиться, садясь за стол, никогда не крестятся, входя в дом... Вот новая Россия, – не Русь, а Россия!

И насколько тепло и уютно, по-родному семейно чувствуешь себя в той русской избе, настолько холодно и казенно, будто где-то у чужих людей, в этих разубранных картинами и статуями палатах оевропеившейся России.

И эта изба, и эти палаты – образ старой и новой России. Для старой Руси не было ничего выше, святее святыни Православия, символом коего служила древняя икона с горящей лампадой. Вся государственная жизнь, весь ее строй, даже наука и искусство, вся культура, – все было обвеяно духом Православия, все жило под благословением матери-Церкви. Зато и все горе, какое судил Бог понести народу Русскому в его истории, срастворялось в душе народной благодатным чувством в общении с небом под покровом и руководством Православной Церкви.

То ли теперь?..

К несчастью, верхние, руководящие слои народные откололись от толщи народной, а эта толща, лишенная руководителей, – кроме, конечно, пастырей, – под развращающим влиянием потерявшей Бога полуинтеллигенции и уличной печати, духовно дичает, теряя свой православный облик... Школа пошла в большинстве (исключая церковной) по стопам интеллигенции, и дети слышат от наставников в классе – это факт! – что слово “религия” значит “суеверие”... Увы! И таких наставников – духовных отравителей не гонят из школы! Не заразились ли уже и отцы этим воззрением на религию, что прячут святые иконы в самый укромный уголок, что считают будто неприличным ставить икону размером побольше, а об лампадах уже и не упоминают!.. Русь, где ты, родная? Откликнись!..

Увы, это – Россия новая, “обновленная” Россия, а не старая матушка-Русь...

Приглашаю моих добрых читателей откликнуться на вышепомещенный мой призыв, имея в виду наш скромный листок, который может в некоей мере если не восполнить, то напомнить им тот зал “Русского Собрания”, где Бог даст, с осени будут вестись духовные беседы, и может дать хоть краткие ответы на запросы их русской православной души...

Мы переживаем время тяжелое: дорога каждая крупинка добра, каждый самый слабый луч света...

Опасность новой моды благотворения

Есть особый вид людей среди нашей интеллигенции, посвятивших себя якобы благотворительности, на деле же изобретению всяких способов извлечения из чужих карманов денег, может быть, в некоторой доле поступающих и на дела благотворения, но, главным образом, идущих на прославление самих изобретателей этих способов, а в общем – Бог ведает на что... Недавно какой-то даме пришла счастливая мысль использовать в целях благотворения... угадайте – что? Скромность и привлекательность юных девушек и молодых женщин! Простите: иначе я не умею назвать такой способ благотворительного сбора, какой устроила г-жа Бруннер (любопытно бы знать, кто эта госпожа и какого происхождения?) под именем “белаго цветка” в пользу страдающих чахоткою. И вот в определенный день, именно 20 апреля, по всем улицам и переулкам, по всем общественным и даже государственным учреждениям, от кофейни и трактира до Государственного Совета, по всем трамваям и вагонам железных дорог появились продавщицы белых цветков в нарядах и шляпках, обращающих на себя внимание, девушки и молодые женщины, предлагающие купить цветок... Расчет предпринимателей был верный: кто же откажется купить вещицу, цена коей объявляется в пятак, купить у девушки или молодой женщины: ведь отказать в таком случае значит оскорбить продавщицу, поступить против всяких рыцарских традиций?.. И вот вместо пятачков сыплются рубли, десятки рублей, собираются крупные суммы; едва ли нашелся кто-либо, отказавшийся купить цветок, тем более, что цветки было удобно тут же приколоть себе на грудь, – получалось нечто вроде ордена на час, и из пятачков собирались сотни тысяч рублей, и никому в голову не приходило даже спросить: да кто же распоряжается этими деньгами? На каких “чахоточных” оне пойдут?..

И вот в № 642 патристической газеты “Земщина” появляется заметка князя М. Н. Волконского под заглавием: “Несколько вопросов г-же Бруннер”. Привожу эту заметку, в виду ее важности – не в смысле обличения какого-либо обмана, – мы, да и князь, кажется, не допускаем мысли о грубой эксплуатации наших карманов в данном случае, – нет, а в виду важности тех вопросов, тех размышлений, на какие наводит вся эта история сбора на “белый цветок”. Вот что пишет князь:

Несколько вопросов г-же Бруннер

Письмо в редакцию

Госпожа А. А. Бруннер напечатала во всех петербургских газетах письмо, в котором, в качестве “главной устроительницы праздника белаго цветка”, объявляет, что день этого праздника прошел и что подведены итоги... Затем г-жа А. Л. Бруннер говорит о “светлой радости в душе”, о “глубоком удовлетворении и о том, что “смысл дня” нашел “пути в отзывчивых сердцах людей”.

Все это, конечно, хорошо, и мы все, вероятно, очень рады, что у г-жи Бруннер такие прекрасные чувства и что выражает она их в лирическо-повышенном тоне; но также, вероятно, нам было бы интересно узнать из ее уст – кроме лирики, и цифры подведенных итогов.

На ряду с этим да позволит нам г-жа Бруннер, раз уж она заговорила, обратиться к ней с следующими вопросами и ждать от нея печатный ответ на них:

1) Куда поступили собранные от продажи “белого цветка” деньги, и целиком ли они будут израсходованы в России, или часть их отошлется за границу, и если это случится, то под каким предлогом?

2) Под чьим контролем будут расходоваться деньги?

3) В чем будут состоять эти расходы, ибо “помощь” чахоточным и борьба с туберкулезом могут проявляться весьма различно?

4) Как г-жа Бруннер смотрит, если она христианка, на перечеркнутый лишней чертой не христианский, а масонский, “опороченный” (для ношения его евреями) крест, который она и ее помощницы носили на себе и на щитах и который совершенно неправильно именуется “восьмиконечным”, ибо он не только весьма существенно разнится по начертанию от настоящего восьмиконечного креста – эмблемы христианской, но и по мистическому толкованию совершенно противоположен идее христианства?

5) Обратила ли внимание г-жа Бруннер на промелькнувшее на этих днях сообщение в газетах о том, что в имении известного масона Новикова, в виде увековечения его памяти, – предположено устроить санаторию для чахоточных, и не пойдет ли часть собранных в день “белого цветка” денег на такое “увековечение” памяти “великого” масона и поддержание его “усадьбы” в неприкосновенности, как дорогой и “священной” реликвии?..

Князь М. Н. Волконский.

Вопросы перепечатаны в “Колоколе”.

Под впечатлением рассказа одной верующей матери, с негодованием наблюдавшей то, что творилось в Гостином дворе и на улицах Петербурга, я написал в “Земщине” же нижеследующия строки под заглавием:

Красиво ли? Допустимо ли?

Праздник “белого цветка” послужил поводом для газет к восторженным похвалам нашей благотворительности.

Спасибо “Земщине”, что она первая (надеюсь, и не последняя) обратила внимание на другую сторону этого дела, предложив инициаторше его пять весьма серьезных вопросов. Пождем, когда она ответит на них, а пока что обратим внимание на не совсем красивый, чтоб не сказать резко, способ этого нового благотворительного сбора. Ведь, чего доброго, пожалуй, он у нас войдет в моду и, может быть, уже сейчас кто-нибудь из досужих благотворителей на чужой счет придумывает подобный сбор еще на какое-нибудь “доброе дело”, под именем сбора на голубой или иной какой цветок...

Мне скажут: почему же этот способ я называю “некрасивым”? Отвечаю: спросите добрых матерей-христианок, которые были свидетельницами, как девушки, лет 17-ти, в фантастических нарядах и шляпках метались из магазина в магазин по крытым галереям Гостиного двора, где толпились всякого рода студенты; как иные красавицы, чтобы получить побольше, чуть не кидались на шею мужчинам, навешивая им свои цветки, иногда против их желания; как они хвалились одна перед другой: а мне такой-то дал 10 рублей, а мне 15, – как гимназистки старались одна перед другой перехватить молодых людей, которые, в свою очередь, были рады показать свою щедрость...

Хорошо еще, что 20 апреля был дождь и творилось это не на открытой улице, и скажите: красиво ли это в нравственном отношении, можно ли это назвать христианской благотворительностью? Желательно ли, чтоб это повторилось? На чем, в психологическом отношении, построен был весь успех сбора? Был ли бы этот успех, если бы цветки

продавались не девушками, не девочками, а простыми богаделками, артельщиками, ну, словом; не теми, которые своим нарядом, своими шляпками и, конечно, молодостью способны привлечь внимание к своей особе.

Как служитель Церкви, я ставлю прямо вопрос: нравственно ли пускать в ход такие способы сбора на добрые дела? Можно ли, не оскорбительно ли для христианства допускать такие способы сбора? Не действуют ли они разрушительно на нравственность сборщиц, невинных девушек?

Я знаю, что на меня набросятся г-жа Бруннер и ее единомышленники, что к ним присоединится весь хор иудейских газет, если только не замолчат мой протест. Но я уверен, что ко мне присоединятся все верующие матери, все добрые христиане коим дорога чистота души их дочерей, которые не утратили истинно христианского понимания дела всякой благотворительности.

Может быть, денег и много собрано, но сколько юных сердец отравлено ядом тонкого порока?

Одно несомненно, мы все дальше и дальше уходим от чистого идеала благотворительности: то концерты с танцами и плясками в пользу всякого рода пострадавших, то зрелища в их же пользу, то вот еще новый способ открывать скупые карманы на дела благотворения...

Я не напоминаю уже о заповеди Христовой: *егда твориши милостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя*, – это уже отходит в область добрых преданий, ныне, ведь, любят благотворить “за наличный расчет”, чтоб тут же и удовольствие получить в том или в другом виде, я ставлю только вопрос: допустимо ли это в целях воспитания молодежи в началах христианской нравственности?

Или ныне об этом и спрашивать не дозволяется?

Думается: пора наконец восстать нам, пастырям Церкви, с беспощадным обличением того лицемерия, которое стремится под разными видами подменить христианскую добродетель мирскими развлечениями, отравляющими души тонким ядом пороков и совершенно отнимающими всякую цену доброго дела в очах Божиих. Я не раз говорил и не перестану повторять: язычество грязною волною вторгается в наше христианство. Пастыри Церкви! Берегите своих чад о Господе!

Господь с нас взыщет их души!

А в данном случае мелькнула тень масонщины, а где масоны, там и заклятые враги Христовы – иудеи... Но об этом поговорим, когда дело станет яснее, когда г-жа Бруннер ответит, – если только удостоит ответа на вопросы черносотенных газет не презрительным молчанием, а дельным словом...

Но дельного, простого слова не последовало, а вместо того общество борьбы с бугорчаткою (чахоткой) устроило 15 мая очень торжественное заседание, в котором читался отчет о денежных суммах, приводились цифры, но делалось это, по-видимому, так странно, что репортер газеты “Новое Время” слышал, что десять процентов валового сбора отчислено в запасный капитал, который достиг ныне суммы 36 000, а репортер газеты “Речь” о запасном капитале ничего не слышал, а удостоверяет, что этот десятипроцентный остаток пойдет на устройство праздника “белого цветка” в будущем году...

Но Бог с ними, с этими деньгами. Для нас гораздо важнее то, что пишет тот же князь М. Н. Волконский в той же газете “Земщина”.

“Доктор Чигаев, – говорит он, – распространился о том, что “правая печать признала” крест, который был на всех кружках и лентах у продавщиц масонским – между тем как знак этот является символом борьбы с бугорчаткой и был установлен конференцией по борьбе с туберкулезом”.

Напрасно, однако, доктор Чигаев ломает такого наивного незнайку – само собою, что “знак этот” где-нибудь да установлен и для обществ борьбы с бугорчаткой, но вот, что он является “эмблемой” этой борьбы – это неправда.

Уж если доктор Чигаев заговорил об эмблемах, то ему нужно было, по крайней мере, познакомиться с тем предметом, о котором он решил, и довольно развязно, говорить публично: “знак этот”, т. е. опороченный лишними чертами христианский крест, был масонской эмблемой еще задолго до возникновения общества борьбы с бугорчаткой, и доктор Чигаев может справиться об этом в любом специальном издании или хотя бы в клубе общественных деятелей, где, вероятно, цел экран, на котором недавно г-жа Т. Соколовская демонстрировала “знак этот” как масонскую эмблему... По поводу “санатории” в имении масона Новикова – ответа газеты не передали. Вероятно, его и не было.

И вся эта история с помпезным заседанием, вместо простого ясного и определенного ответа, весьма похожа на масонскую манеру выходить из затруднений: говорить очень громко и ничего не сказать. Великолепно, но не убедительно настолько, что “убеждает” как раз в противном, т. е. что тут сильно пахнет “масонами”.

Итак, дело пока остается темным и подозрительным...

Мое доброе слово миссионеру Д. И. Боголюбову

Я в долгу пред Дмитрием Ивановичем Боголюбовым, – тем миссионером, которого я не назвал по имени в своем дневнике под заглавием: “Может ли прельщенный быть руководителем духовной жизни народа?” Он мне отвечает теперь в “Приходском Священнике” за полной подписью и, в свою очередь, ставит мне вопросы. К сожалению, не могу всего читать, что на Руси печатается, и потому иногда только случайно, по присылаемым вырезкам, узнаю, что пишут по моему адресу.

А пишет г. Боголюбов, между прочим, вот что:

“Во первых, что эта за позиция “на церковной страже”? Кто санкционировал для преосвященного Никона долг вникать в церковно-административные дела чужих епархий? Преосвященный Никон забывает, что надо мной есть свое духовное начальство. Та к неужели без его помощи оно не может рассудить: заслуживают “одобрения” мои суждения или нет? Что это, в самом деле, за услужливость, имеющая, на мой взгляд, ярко партийную окраску?!”...

Отвечаю вам, любезнейший Дмитрий Иванович. На первый вопрос вы тут же ответили сами, всего чрез десять строк, когда говорите, что “на страже церковной обязан стоять всякий епископ”; дело значит, в “позиции”: кто “санкционировал долг вникать в дела чужой епархии?” На этот вопрос я отвечаю вопросом же: а вам, Дмитрий Иванович, кто “санкционировал” – если не “долг”, то хотя право – судить о деяниях епархиальной власти в Москве? Ведь вы тут же говорите, что вот-де “в Москве большую мелкоту отлучили и пока из того ничего путного (хотя бы выразились-то поприличнее: ведь отлучение-то совершено первосвятителем московским!) не вышло”. Вы мирянин и, однако же, позволяете себе публично сказать и напечатать, что из распоряжений московского первосвященника ничего путного не вышло. Я – епископ, по вашему же признанию, обязанный стоять на страже, долгом почитаю предостеречь тоже епископа, стоящего во главе миссионерского совета в столице, – предостеречь и других собратий моих, епископов других епархий, да и всех православных от нарождающейся опасной ереси. Если уж говорить о праве или долге, то, конечно, и право и долг не на вашей стороне, а следовательно, и не вам меня, а скорее мне бы вас следовало спросить: по какому праву вы позволяете себе произносить приговор над деянием московской епархиальной власти? Пусть Святейший Синод воспретит всем нам, епископам, высказывать в печати свои суждения по вопросам церковной жизни: тогда мы и замолчим и предоставим это... ну, хотя бы вам, гг. епархиальные миссионеры. Только помните, что этим правом захватно пользуются все иудеи, все враги Церкви: как лишите вы его нас, епископов?

Но этого мало. В Петербурге живет не один десяток тысяч и моих вологжан: ведь и они заражаются тонким ядом чуриковщины, и одни из них с тоскою в душе приходят ко мне с жалобой на духовного развратителя, другие уже несут его заразу в пределы моей епархии в виде вражды к духовенству и духовной гордыни. Как же мне молчать? Ереси и расколы широкою волною распространяются по лицу родной земли, а мы, епископы, будем молчать из опасения, как бы тому или другому г. миссионеру не показалось наше слово в защиту терзаемой матери-Церкви неуместным вмешательством в дела стоящего над сим миссионером его духовного начальства? Простите, господа и отцы миссионеры! У вас начинается пожар, а мы будто и права лишены крикнуть хотя бы и вашему “начальству”:

смотрите! берегитесь! гасите огонь!.. Вы, Дмитрий Иванович, видите в моей статье не слово ревности о святой Церкви, а какую-то “услужливость, имеющую партийную окраску”. Вы говорите, что “именно такой окраской одобрены благоглаголивый размышления” мои (пусть судят читатели, насколько вежливы такие выражения в отношении к епископу: я в своем деле не судья)... А знаете ли, что эти размышления излились из наболевшего сердца, при виде той разрухи, которая висит над нами, при виде той растерянности, какую проявляют стоящие на страже?.. Вы сочли мои строки, кажется, доносом с моей стороны и, в свою очередь доносите на меня, что я вмешиваюсь в дела чужой епархии... Ах, дорогой Дмитрий Иванович! До того ли теперь, чтоб заглядывать в чужую душу: по каким побуждениям писано то или другое “размышление”? Пусть каждый смотрит в свою совесть, в свое сердце: “знай себя и будет с тебя”, как говорил один оптинский старец. А вот когда мы видим беду для Церкви, то и должны – да, во услышание всей Церкви должны кричать об этой опасности... Не долго ждать: время покажет, кто из нас прав!

Вы говорите мне: “Не будете голословны в приговоре обо мне”. Но я от уст ваших же сужу о вас, Дмитрий Иванович. Вот вы говорите: “Я знаю церковное учение и знаю, что его я исповедую все”... Все? А разве Церковь поручала когда-нибудь преподавать свое учение людям, находящимся в несомненной прелести? Ведь это слова, это определение Чурикова – ваше, Дмитрий Иванович! Ведь вы сами же утверждаете, что Чуриков во многом заблуждается, что вы его ошибки и погрешности и без “Колокола” отлично знаете. Знаете, следовательно, и то, что это, по меньшей мере, невежда, искажающий слово Божие. Знаете, конечно, и то, что повелено св. Апостолом: *не мнози учителя бывайте*. Знаете и другое апостольское слово: *како проповедят, аще не послана будут*. Знаете, что публичное учительство в Церкви есть дело пастырей и только тех из мирян, кому будет поручено сие от пастырей же. Сами же говорите, что Чурикову права на учительство, “собственно, никто не давал: он сам его взял, а взяв, так умело воспользовался фактом (т. е. самочинием своим), что за него потом встал народ, как за Илиодора (но Илиодор не самочинно учил народ, а с благословения и по заповеди своего епископа, и приравнивать его к самозванцу Чурикову не подобает), и пришлось, во внимание к мольбам народа (мало ли о чем будет “молить” толпа сбитых с толку простецов!) разрешить Чурикову проповедовать, хоть и под строгим пастырским надзором”. Таким образом, вы сами признаетесь за весь миссионерский совет, что вы ничего не могли сделать с самозванцем, что против воли пришлось “санкционировать”, как ныне говорят, беседы самозванца-учителя. А он, пользуясь такою слабостью совета, охотно подписал отныне знаменитые “три бумаги”, о коих вы говорите. И вы думаете, что этим “обезвредили” самозванца? Простите, мне припоминается известная птица, которая при виде опасности прячет свою голову под крыло, воображая, что ее никто не видит и опасность минует...

Теперь, простите, я обращаюсь уже к вашей совести и говорю: мне страшно за вас, Дмитрий Иванович! Не оскорбляете ли вы св. Апостола Павла, прячась за его авторитет, когда приводите мне на память его слова: “одни по любопрению проповедуют Христа не чисто... некоторые по зависти... что до того? Как бы ни проповедовали Христа, я и тому радуюсь, и буду радоваться?” (Филип. 1, 15–18) – “Слова Апостола, – восклицаете вы, – для ответа преосвященному Никону прямо замечательны!” Но ужели Апостол Христов имел в виду прельщенных, зараженных самомнением, находящихся под влиянием злого духа? Ужели тот, кто имел ум Христов, в ком, по его выражению, жил Сам Христос, ужели он радовался, когда учение Христово распространялось среди язычников чрез

таких одержимых? Не мне учить вас, дорогой Дмитрий Иванович: вы много лет имеете дело с сектантами и лучше меня, конечно, знаете науку герменевтики; вы знаете, что Церковь наша не признает иезуитского правила – цель оправдывает средства, а потому не допустит к святому делу духовного “окормления” чад своих того, кого даже вы, при всей своей снисходительности, называете прельщенным. Церковь знает, что прелесть есть наихудшая из ересей: она захватывает и ум, и сердце, и волю человека, ею одержимаго, и заражает других, соприкасающихся с таким человеком. Это – не то, что простой грех: это – хула на Духа Святого, если только особое милосердие Божие не вразумит прельщенного. Апостол разумел, по изъяснению всех наших православных толковников, не таких людей, не зараженных ересью, – да и вы то же признаете: так как же это вы применяете к прельщенному его словеса? Апостол разумел таких вот грешников, как и мы с вами, от которых вреда святой вере произойти не могло. Правда, вы таким и считаете Чурикова, но я-то сию мерку в отношении к Чурикову прикладывать не имею оснований. Я боюсь, что скоро и вам придется сознаться в своей ошибке. И давно бы пора: ведь ровно год тому назад вы говорили мне лично, что Чуриков считает себя особым избранником Божиим: ну, как же ему верить для духовного руководства души, в простоте сердца верующия? Ужели сделал бы это Апостол? Ужели порадовался бы, если бы в среде его паствы явился такой лжепророк и даже – чудотворец?

Спасибо отцу иеромонаху Вениамину: своими основательными статьями в “Колоколе” он избавил меня от необходимости доказывать, что Чуриков – неправославен, что чуриковщина есть секта, родственная хлыстовству, что в конце концов, она ведет к подмене “христианства”, к подмене богатного – человеческим духовного – душевно-плотским, жизни в Боге – верой в человека.^[19] Можно ли допускать такую проповедь, давать на нее благословение со стороны Церкви?

Вы спрашиваете: “Что было делать нам – проклинать и отлучать?” Вероятно, это тонкий намек опять на “Москву”. Отвечаю вам: ни того, ни другого пока не следовало делать. Должно было испытать смирение Чурикова. Ведь смирение есть основная стихия духовной жизни в Православной Церкви: где нет благоухания сей стихии, там нет и духовной православной жизни, там – смрад мертвящей душу гордыни. Должно было потребовать от него снятия креста,стрижения волос, прекращения проповеди, как такого дела, к коему он не пригоден с точки зрения Церкви. И только тогда, когда он не послушал бы, повести с ним полемическая, как с сектантом, беседа, хотя бы вот вам, Дмитрий Иванович. И уж ни в каком случае не освящать его бесед благословением церковным.

В заключение вы говорите по моему адресу: “Так вот что грустно: по нынешним временам, оказывается, не всякой страже слепо доверяться можно”. Это в переводе на русский язык значит: епископу Никону верить не следует, а Чурикову надо всюду открыть двери, приглашать его по церквам для проповеди, идти пастырям Церкви к нему на выучку. Что ж? Ведь если о нем вы говорите: “дай Бог побольше таких православных”, то почему же бы и не так? Ныне народ жаждет слышания слова Божия; ведь, вот вы мирянин, а вам дано право проповеди. Почему же бы “умелому” и, как видно, опытному в сем деле Чурикову не предоставить того же права?

Заклучу и я свое доброе слово вам: грустно, до боли сердца грустно, что якобы гуманный, на деле же очень туманный сентиментализм вторгается уже в область церковной жизни нашей, и нельзя стало полагаться в деле распознавания “духов” даже на таких специалистов, как наши миссионеры... И как бы хотелось верить, что вы, Дмитрий

Иванович, оправдаете на себе вторую половину стиха 8-го из 9-й главы Притчей Соломоновых...

Что у людей высоко, то мерзость пред Богом

Я ждал, что мой голос, голос архипастыря Православной Церкви, по поводу сбора на чахоточных путем продажи “белого цветка” девушками и женщинами, или будет замолчан, или же вызовет злобный отклик в иудейских газетах. Та к оно и случилось. Не утерпели те, кому выгодно вытравлять из православной русской души чистые идеалы христианского благотворения, кто всеми путями стремится подменить все мирозерцание христианское масонскими бреднями, чтобы перевоспитать самую душу народную на свой лад. И вот они уже накинудись на меня в одном из своих органов, который известен как орган иудейский. Этого достаточно для того, кто умеет распознавать, откуда ветер дует... Хоть бы газетку-то выбрали почище, чтоб прикрыться ею, а то – “Современное Слово”!.. Прикидываются людьми благородными, защищающими “прекрасное общественное дело и его работников, прекрасную молодежь и ее чистый христианский (!) порыв”, от “безпримерного оскорбления”, мною будто бы им нанесенного...

Я не стал бы отвечать на эту “грязную” выходку уличной газетки, если бы в наше время не было такой необходимости защищать наши святые идеалы от вторжения в их область, от подмены их со стороны иудеев и их усердных приспешников. Ведь вот какая-то другая газетка не дождалась даже до завтра, до выпуска своего номер и в корректурном оттиске прислала мне выдержку из “Современного Слова”, в которой некто П. Николин (вероятно, псевдоним какого-либо иудея) ставит мне самым серьезным образом вопросы: почему никто из духовенства или монашества не откликнулся на призыв лиги борьбы помочь ей? Почему ни один священник, ни один монах не пришел на помощь? (Почему это – два вопроса, а не один и тот же?) Если-де священники, монахи могут брать деньги за требы (это какое же отношение к сбору?), собирать пожертвования и личные сборы в церкви (ой – писал иудей! ведь, как хотите, русские люди, а тут выходит не по-русски...) и на объездах своих прихожан (ну право же не по-русски: на объездах прихожан!), то почему стыдно было выйти на улицу и просить пожертвований на недугующих чахоточных? (Уж не священникам или монахам “выйти на улицу и просить”?) Монахи и монашки со своими тарелками ходят по кабакам и трактирам (последняя строка подчеркнута: любуйтесь-де на то, что творится у вас!).

Вот и извольте отвечать иудею: почему “стыдно”!.. Дело идет о юных девушках, которые – повторяю – своею красотой должны были привлекать внимание мужчин, чтоб собрать побольше: с точки зрения иудея, это ведь так естественно, он не понимает, не может себе даже представить: *почему*. А мы, христиане, вчуже стыдимся за современных родителей и воспитателей, которые допускают это: целая пропасть нас разделяет, не говоря уже о том, что с точки зрения христианской, это уже оскорбление самой идеи христианской благотворительности, чистой, по духу учения Христова; нужно ли, да и возможно ли втолковать иудею нашу точку зрения? Он не только не сможет, но и не захочет ее понять. Поставив мне такие нехитрые вопросы, он хвалится, что еще много таких вопросов мог бы задать мне. Пусть не трудится: мы ведь догадываемся, с кем имеем дело: лига очень бы рада была и, может быть, делала попытку войти в наши святые храмы с своими сборщиками, да не удалось: не пустили и не пустим, ибо не Христовым духом веет от всех этих “лиг” и православные должны подальше держаться от них. Ведь, вот на вопросы, предложенные князем М. Н. Волконским вы, господа лигисты, так и не дали

прямого ответа; мы так и не знаем: сколько же собрано и куда, на что, под чьим контролем пойдут деньги, что это за приют в имении Новикова и почему масона Новикова, а не где-либо в другом месте, что это за перечеркнутый крест и почему именно этот масонский знак лига избрала себе за эмблему и т. д. Мы даже и не пытаемся настаивать на решении таких вопросов; ведь так недавно, года три назад, какой-то князь приглашал нас, архиереев, – не только приглашал, а и прямо записывал в члены какого-то общества помощи во всех несчастных случаях. Я тогда же предостерегал людей нейти на удочку этого князя, и вот оказалось нечто очень некрасивое в этой княжеской затее, и его судили и присудили к чему-то... У него тоже стоял масонский знак на бумаге – опрокинутый треугольник... Нет, господа: когда нас призывают хоть и к доброму делу но под знаменем перечеркнутого креста – или опрокинутого треугольника, мы не пойдем за вами, не посоветуем идти и православным, предостережем их...

Газета, поспешившая прислать мне корректурную выдержку из столь милой ей сердцу статьи г. Николина, называет мое скорбное слово по поводу праздника “белаго цветка” глумлением над людьми, самоотверженно работавшими по сбору пожертвований для борьбы с чахоткой. Глумление значит насмешка, издевательство, а я не насмехаюсь, а глубоко скорблю, что среди христиан появляется мода, совершенно обезценивающая в очах Божиих и, следовательно, лишаящая Божия благословения доброе дело, совершаемое не ради Христовой заповеди, а ради служения своим же страстишкам; вот я и говорю, что это доброе дело уже не христианское, а языческое, и это почувствовали сердцем те христиане, родители и начальствующие в некоторых учебных заведениях, которые не позволили своим питомцам, учащимся в сих заведениях девушкам, принимать участие в празднике “белаго цветка”. А такие христиане, слава Богу, есть даже в полуязыческом Петербурге. Значит, не я один, а вот и эти люди сознавали, что в этой затее что-то неладно, некрасиво, неприлично...

В заключение своей заметки г. Николин бросает мне в лицо: “Стыдно, Ваше Преосвященство!” Я не буду употреблять этого слова в отношении к нему: ведь он все равно меня не поймет, – я скажу: считаю за великую честь, что иудейская газета бранит меня, ибо давно сказал Господь наш: **что у таких людей высоко, то – мерзость есть пред Богом!**

Сей дневник был уже набран, когда появился “Отчет по организации праздника “белаго цветка” 20 апр. 1911 г. “ Отчет этот возбуждает ряд недоразумений... Во первых, он говорит что “всей суммы” поступило 58514 р. 95 к., но не говорит: входят ли в эту сумму те деньги, которые собраны в Москве, Киеве, Одессе и др. городах? Если да, то почему не указано: откуда сколько? Ведь газеты оповещали о десятках тысяч по каждому из сих городов: где же они? А если речь идет только о Петербурге и его окрестностях, то зачем же было упоминать о продаже цветов в провинции? Вообще выходит что-то странное: не то “лига” действует только в Петербурге и окрестностях, не то она простирает свое действие на всю Россию или, по крайней мере, на упомянутые выше города... Что-то и почему-то не договаривается. В числе лиц организационного комитета больше чем наполовину имена нерусския...

Но, повторяю: суть не в деньгах, не в сборе, а в тех загадках, тех вопросах, на которые лига не хочет отвечать... А в наше время приходится относиться подозрительно и осторожно к каждому загадочному явлению, к каждому недоговоренному слову...

Пощадите народную душу!

“Одобрено к внесению в Государственную Думу законопроект об усилении наказания за причинение животным напрасных мучений”. Так говорят газеты. Что ж? Спасибо тем, кто заботится и о животных. И в Писании сказано: *блажен, иже и скоты милует*. Но замечаете ли, читатель, что не сказано просто: *скоты*, а сказано: *и скоты*... Ясно, что пред словом *скоты* впереди само собою подразумевается слово *люди*. О людях, конечно, следует больше заботиться, чем о скотах. *Прежде – о людях, потом уже о скотах*. Казалось бы, ужели об этом нужно говорить? Казалось бы – странно и ставить вопрос в такой форме: да разве можно людей приравнять к скотам?..

Да, конечно, все это так, все это несомненно для нас с вами, читатели мои. Но мы ведь живем в совсем особое время. История потом лучше нас с вами охарактеризует это туманное время, когда все понятия перепутались, когда если и думают о людях, то только о тех, которые сами уподобились скотам бессмысленным, по выражению пророка Давида, – о преступниках всякого рода. Думают о тех, которые забыли свое человеческое достоинство, потеряли совесть, отреклись от своей богоподобной души... О них, как и “об усилении наказания за причинение животным напрасных мучений” заботятся: и чтобы им было в тюрьмах хорошо и удобно, не забыто даже, чтоб, при постройке новых тюрем, в камерах были своды, а не потолки, дабы, видите ли, воздух в углах потолка не застаивался, – и чтоб их кормили сытно, иначе может быть голодовка-забастовка, и чтоб не наказывали их телесно, иначе будет в Гос. Думе возбужден запрос; в тех же целях составляются законопроекты: о досрочном освобождении, об условном осуждении и т. п.

Не спорю, конечно, что и “сего не подобает оставлять”, что и в этих заботах есть доля добра, хотя должен сказать, что все, занятые сими заботами, похитив у христианства идею, делают из нея идоложертвенное употребление: вместо Христа – приносят жертву идолу либерализма. Ныне уж такая мода на тюрьмы и преступников: многие члены Государственной Думы считают за честь, что они отбыли тюремный ценз. Как же им не позаботиться о тех, к которым судьба была не так милостива, которые, вместо кресел в высоком государственном учреждении, продолжают сидеть в тюрьмах: этого требует простой долг товарищества...

А между тем, есть о ком и о чем позаботиться нашим законодателям прежде животных, прежде всяких каторжников нераскаянных. Это – те православные русские люди, которые исстрадались душою, измучились сердцем от всякого духовного насилия, духовной отравы, на которых отразились все “блага”... нет: надо читать – все в высшей степени печальные последствия всяческих свобод, которыми так бесовски злоупотребляют все враги Церкви и Отечества, но которыми не можем или, по простоте своей, не умеем пользоваться мы. Скажите: за что, за что страдает русская народная душа?! Она с колыбели обвеяна православным мирозерцанием, на все привыкла смотреть по-православному, во всех явлениях жизни, как церковной, так и общественной и государственной, ищет смысла с точки зрения русской, православной. Она решительно не может постигнуть тех основных начал, или принципов, какие полагаются теперь в основу так называемого “обновления” всего строя нашей русской жизни. И она права: опыт показывает, что эти новые принципы решительно не приложимы к русской жизни, противны всему духу ея, а потому ими и пользуются, как выше мною сказано, только

враги Русской земли и Православной Церкви, враги всего человечества. Возьмите, например, печать. На что она употребила свободу? Смердом разложения наполнила она всю атмосферу русской жизни. Кто захватил в руки эту могучую силу? Явные и тайные враги Церкви и Отечества. Тонкий яд богохульства, кощунства, клеветы, распутства, духовной отравы в миллионах листов всякого рода периодических изданий мутною, грязною волною разливается по лицу родной земли. Мы, русские люди, плачем, не зная, как оберечь нашу молодежь от этой мерзости: целыми тюками кто-то рассылает даже *бесплатно* наиболее вредные издания, вроде некоей газеты, именуемой “Ясная Поляна” (конечно – в память анафематствованного еретика), – скажите ради Самого Господа: какая польза давать свободу распространению этой отравы? И что это за принцип такой: отравляй свободно, безнаказанно, кого хочешь, проповедуй лжеучения, какия только на ум взбредут, развращай молодежь, сколько угодно – все разрешается! Ведь вот к чему сводится на деле эта свобода печати. В сущности невинную книжку “Правда об иеромонахе Илиодоре” арестуют, запрещают; пламенное обличение лжеучений яснополянского еретика, написанное миссионером Айвазовым и напечатанное в органе Святейшего Синода, уничтожают, а “Учение, – якобы, – Христа в изложении Толстого для детей” разрешается... Тут уж решительно недоумеваешь: какого принципа держатся сие творящие... Пусть они не сетуют на “отсталого” вологодского архиерея! Поносить Господа Иисуса Христа можно, исказить Его святейшее божественное учение разрешается, а сказать слово в защиту, хотя, может быть, и не всегда в меру ревностного обличителя-инока – нельзя?.. Уж свобода, господа, так и нам пусть будет свобода! И нам, служителям Церкви Христовой, не запрещайте говорить правду-матушку о всех и о всем, не смотря на лица! Знаю, мне скажут: “Никто вам сего и не запрещает”. В том-то и дело, что это – только на словах: на деле же скажи правду о каком-нибудь власти имущем – тотчас закроют уста. Иудеям и их приспешникам и наемникам все можно, все разрешается, как будто и закона для них не писано, а нам, православным русским людям, даже благодатно уполномоченным от Самого Господа Иисуса Христа – Его служителям – нельзя. Будто живем мы под двумя законами: для нас, православных, есть один закон, нас ограничивающий, а для наших заклятых врагов – другой или же никакой не существует. Россия положительно разлагается от отравы, распространяемой иудейской печатью; мы, православные, задыхаемся от этой отравы: ведь если мы не читаем этой дряни, то на каждом шагу видим весь ее вред, видим, как гибнут наши братья, наши дети, мы не можем же смотреть на все это равнодушно с холодным сердцем, и мы кричим: пощадите русскую народную душу! Не дайте ее в обиду! Ведь на то и поставлены Богом власти, на то и меч им дан, чтобы обуздывать всякое зло, чтоб пресекать его, не допускать его... Но никто нас не слышит, все толкуют лишь о свободе печати, которую-де нельзя же отнимать. Да в том-то и дело, что настоящей-то свободы нет, свободы обличать, например, неправду людскую, как делает это отец Илиодор; а лгать, клеветать, кощунствовать, издеваться над всем, что дорого и свято для нашей души, – разрешается... Вот о чем бы позаботились наши законосочинители прежде, чем издавать закон “Об усилении наказаний за причинение животным напрасных мучений”! Живую душу православную пожалели бы, ее истязателей обуздали бы!

Дали свободу исповеданий, а враги Церкви и народа постарались так поставить дело, что как будто получили свободу не только открыто проповедывать свои лжеучения, но и насильственно обращать в свои секты православных. В столицах, на виду у всех, идет открытая проповедь разных лжеучений, начиная с рационалистических сект и

мистических бредней до оккультизма, спиритизма и всякой – простите – бесовщины, и все это считается легальным, лишь бы соблюдались известные правила о собраниях: нельзя-де запрещать – свобода! И толпами идут на эти собрания, на эти лекции, проповеди православные русские люди, идут из любопытства, из желания услышать что-либо новое, полезное, идут и простые, и так называемые интеллигенты, которые в делах веры иногда знают меньше простецов, идут и отравляются... Отравляются сами и несут отраву в свои семьи, в среду знакомых, родных, увлекая и сих в широко расставленные еретиками сети лжеучений. Как будто бедная наша русская народная душа отдана на расхищение, поставлена вне закона охраны: расхищайте, кому не лень! Говорят: вольному – воля, никто не гонит на такие собрания и беседы, никто не заставляет читать отрицательные по отношению к православию книги, брошюры и газеты. Так, но, во-первых, если, с точки зрения русских законов. Православие есть чистая Христова истина, а остальные исповедания в большей или меньшей мере заражены заблуждениями, если по сему Православие и в законах именуется “господствующим” исповеданием, то зачем же отступать от тех начал ограждения народа от лжи и заблуждений, какие существовали до новых, пока, слава Богу, и теперь еще только “полузаконов”, временных правил и прочее? Зачем допускать столь широкое смущение православной совести русских людей, в массах, не исключая и наших интеллигентов, мало подготовленных к борьбе с волками-лжеучителями и потому только болеющих душою о поругании заветных православных верований, но не готовых отражать натиск этих врагов их веры? А во-вторых, ни на минуту не должно забывать, что все враги Православия, все еретики, раскольники, сектанты, без исключения, если не открыто, то в своей совести, на практике допускают иезуитское правило: цель оправдывает средства... Гд е только можно, везде допустить готовы и ложь, и обман, и даже насилие. Наша православная совесть сего никогда не может допустить. А у наших духовных врагов это – обычные приемы. И вот русские православные люди, оберегающие святыню своей веры в своей совести, не могут не видеть всего этого, и в жизни, и в печати постоянно встречаются с печальными последствиями такого безразличного, иногда даже прямо соблазнительного попустительства в отношении не только к инославию, но и к явно вредным, даже нехристианским лжеучениям, вроде оккультизма и спиритизма, уже свободно распространяющих свои бредни печатно, чрез свои периодические издания. Видят это и наблюдают всюду страшный вред от сего, и не могут не жаловаться – кому только? – разве одному Богу! – не могут не скорбеть душою и не взывать: гг. законосоставители! пощадите народную душу! За что отдаете ее на отравление? Вы заботитесь о животных, вносите законопроект об усилении наказания за причинение животным напрасных мучений – хорошее дело делаете; но если у вас есть собственная душа, способная страдать при виде оскорбляемых святынь, если вам доводилось когда-нибудь, хоть в раннем детстве, быть свидетелями – ну хотя бы оскорбления ваших родителей, при сознании невозможности для вас защитить их; то поймите же чувство, какое испытывает искренно верующий православный человек при виде того кощунства, того издевательства над святынею его веры, которое теперь можно наблюдать и в печати, и в жизни, всюду, где появляются иудеи и их приспешники – наши интеллигенты – изменники вере отцов, где издаются эти поганые уличные листки, где, с благосклонного разрешения администрации, устраиваются разные собрания и беседы сектантов и непризнанных учителей... Я уже не говорю – а стоило бы не только говорить, а прямо кричать! – о безчисленных кинематографах, театрах и подобных развлечениях, по городам на каждом шагу

подстерегающих простецов и нашу молодежь... Поймите, что приходится переживать русскому сердцу от всех этих “свобод”, от которых мы, православные, просто задыхаемся в чувстве оскорбления наших заветных родных святынь! Поравняйте в правах нашу русскую православную народную душу – ну хоть с теми животными, о коих вы так трогательно заботитесь!..

Как тяжело писать эти строки! А как не писать, когда отовсюду получаешь письма – стоны русских людей, оскорбляемых постоянно в своих заветных чувствах?..

Нечто о тайне беззакония

Мир добра, света и красоты и мир зла, тьмы и всякого уродства бесконечно противоположны друг другу, до полного взаимного отрицания; а человек живет посреди сих двух миров, склоняясь своею свободною волею то в сторону добра, то в сторону зла. Его сердце способно возноситься до превыспренных высот небесных, к самому престолу Бога Творца и Вседержителя, и опускаться до преисподних глубин сатанинских; духовная природа человека может совершенствоваться до богоуподобления и ниспадать до осатанения. И опасность для человека в том, что он не может стоять на одной точке: он или идет к совершенству, или ниспадает долу в нравственном отношении, причем и в том и другом случае он влечет за собою других, с ним соприкасающихся людей.

От веков древних были выдающиеся люди того и другого типа. Христианская древность дала нам высочайшие образцы духовного совершенства, святых людей; язычество дало нам образцы противоположные. Вседействующая сила благодати спасающей избирает себе от всех народов земных, способных воспринять спасение во Христе, – так совершается тайна спасения людей; сатана ловит в свои сети всех, кто не способен становится к восприятию благодати Божией: так совершается тайна беззакония, о коей говорит св. Апостол Павел. И чем ближе подходит к концу круг Богом определенных для бытия сего мира времен, тем менее остается среди людей избранников благодати, тем дерзостнее становится враг Божий в распространении своего царства, тем ужаснее раскрываются глубины сатанинские, о коих пишет св. Апостол Иоанн Богослов, тем более открывается и тайна беззакония. В наше время зло уже не считает нужным лицемерно только прикрываться именем добра: оно без всяких колебаний объявляет, что оно-то и есть настоящее добро. И до каких поистине ужасных пределов разрастаются замыслы сатаны в борьбе с добром – страшно подумать! Теперь уже не тайна, что существуют тайные общества, имеющие специальною целию уничтожение христианства, разрушение государства, семьи, уничтожение собственности и всей культуры, тысячелетиями накопленной в человечестве, и обращение всего человечества к состоянию дикости каменного века... Не тайна это, а, между тем, многие ли верят этому факту? Недавно один из уважаемых святителей говорил мне: “Да что такое масоны? Что-то чудовищное говорят о них, а где они? Это похоже на какую-то сказку”... И в обществе нередко приходится слышать шутовское отношение к этой “сказке”.

Недавно вышла небольшая книжка графини С. Д. Толь под названием “Ночные братья. Опыт исторического исследования о масонстве в Германии”. Эту книжку я усердно рекомендовал бы прочитать всем, сомневающимся в существовании масонства как опаснейшей организации для всего культурного мира. Речь идет о Германии, но когда читаешь книжку, то невольно страшно становится за нашу матушку-Россию. Уж если хитроумные немцы попались на удочку этим агентам сатаны, то тем скорее может попасть на эту удочку наше простодушие, наша широкая русская натура. И перечитывая то, что совершалось в Германии, невольно вспоминаешь и то, что творилось в последние годы у нас на Руси...

Автор упомянутой книжки имеет целью фактами доказать и убедительнейшим образом доказывает: 1) что масоны, или, как они называются в книжке “ночные братья”, – озлобленные враги всякой христианской веры, а в особенности Божественной Личности

нашего Спасителя; 2) что они враги всякого монархического правления и вообще государственности; 3) что они враги семейного начала и – 4) упорные преследователи института частной собственности, кроме, конечно, своего личного имущества. Для достижения вышеозначенных целей они действуют тремя способами: лукавством, насилием и изменой. Для тех, кто склонен считать масонство сказкой, может оказать незаменимую услугу опубликованная еще в 1818 году так называемая “Кельнская хартия”. Ничего бы не пожалели масоны, если бы было возможно уничтожить или, по крайней мере, дискредитировать этот документ; по счастью для человечества, этого сделать невозможно. Эта грамота была найдена в архиве главной масонской ложи в Гааге с постановлениями Конвента Вольных Каменщиков, бывшего в Кельне 24 июня 1535 г. Насколько этот документ важен для самих масонов, видно уже из того, что в 1835 году ими была выбита особая медаль в память 300-летия этой хартии. Из этой хартии видно, что масонство представляет собою тайное государство в государстве, что во главе его стоит “мало кому ведомый, невидимый начальник, или патриарх”, что при этом патриархе имеется “совет мастеров высших степеней”, что богослужение масонов совершенно отличается от церковного богослужения, что и само масонство совершенно чуждо и враждебно христианству, и последняя фраза этой хартии: “по летосчислению, *называемому христианским*” дышит явным пренебрежением ко Христу, почти ненавистью к Нему. Но что особенно поразительно, что особенно должно бы обратить на себя внимание верующих лютеран – это – три из девятнадцати подписи лиц, вполне исторически известных. Вот эти лица: Гарманнус, архиепископ Кельнский, приложивший все свои усилия, чтобы перевести свою паству из католичества в лютеранство, адмирал де Колиньи, бывший главою гугенотов во Франции, и, наконец, знаменитый Филипп Меланхтон, всем известный друг Лютера, его сподвижник и самый близкий к нему человек. Итак, трое известнейших деятелей Реформации являются отрицателями Христа, врагами христианства, врагами не только католичества, но и самого лютеранства со всеми его безчисленными разветвлениями... Отсюда легко вывести заключение, что и сама Реформация была делом рук масонов, причем если еще не доказано, что Лютер был масон, зато теперь бесспорный факт, что его присный друг, имевший на него безпредельное влияние, был один из главарей масонских... Справедливо замечает графиня Толь: “После этого как-то странно звучит название “Евангелической церкви”, которое так любят присвоить себе последователи Виттенбергского монаха, почему-то присвоившие себе исключительную монополию Св. Евангелия”. После этого, замечу и я от себя, становится понятным, почему масоны так усердно стараются совратить и наш Русский народ с православия в то же лютеранство: ведь оно, это лютеранство, есть их же детище, созданное для разрушения христианства при помощи тех искажений христианства, какая допустило католичество. Далее автор и показывает, как масонство шло рука об руку с лютеранством, как оно возродилось в немецком иллюминатстве, приводит из секретных документов масонства речи к посвящаемым, в коих раскрывается масонская теория происхождения священников и царей, патриотизма, любви к родине... Инструкции этим “священникам” в сильной степени напоминают недавно опубликованные “Протоколы Сионских мудрецов”. Любопытно, что сам основатель иллюминатства Вейсгаунт в письме к своему сообщнику смеется над своими же последователями: “О люди! – восклицает он – Подумаешь, что можно внушить вам такие мысли! Никогда не думал я, что я сделаюсь основателем новой религии”...

Интересна та страшная клятва, какую приносят масоны в сохранении тайны своего учения: уже из этой клятвы можно заключать, как ужасна эта тайна. “Если я не сдержу, – говорит масон, – этой тайны, то – да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении новояго брата как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по ветру, чтобы на земле не оставалось ни следа, ни памяти изменника”...

Пусть вдумаются в эту ужасную клятву те, которые считают масонов какими-то невинными мечтателями. Автор замечает при этом: “И это – не пустая угроза; дословно оне теперь, конечно, не исполняются, но масону, изменившему ордену, несдобровать и в наши дни”...

Но что же это за ассоциация – масонство? Какая его цель? Кому оно нужно?

Автор отвечает: “Существуют два предположения: или масонство есть дело рук Англии, желающей довести до анархии все народы, чтобы завладеть мировым могуществом, или оно создано иудеями для достижения той же цели. Выдающуюся роль Англии в насаждении масонства легко доказать исторически, так как основателями всех лож во всем мире всегда являлись англичане. Проследить же иудейское влияние исторически пока невозможно. Его фактами нигде доказать нельзя, его можно доказать только логически. Рассеянные уже более двух тысячелетий по лицу земли, часто гонимые, упорные и мстительные, ненавидящие арийские народы, иудеи, привыкшие действовать тайно, хотя бы из чувства самосохранения, всегда мечтали царствовать над миром. А этого они могут достигнуть лишь тогда, когда рушатся все устои христианской цивилизации, а для этого нужно объявить беспощадную войну христианству, монархическому строю, семейному началу и праву собственности, т. е. сделать то, что делают масоны”.

Если мы вспомним, что богоотступный народ иудейский ослеплен непримиримою злобою к самому имени Господа нашего Иисуса Христа, что он сам на себя призвал страшную клятву за Христоубийство, что за это ужасное преступление на время некое (Рим. 11, 25–26) отступила от него та благодать Божия, которая промыслительно охраняет все народы земные, приуготовляя их к принятию учения о спасении, что именно от этого народа произойдет последний враг христианства – антихрист, то невольно приходишь к заключению, что именно сей народ и является орудием сатаны в осуществлении им тайны беззакония по всякому образу, и в том числе в виде страшного масонства... В безумной вражде против Бога и люди могут дойти до осатанения и потерять здравый разум, который должен бы подсказать и масонам, что в общей гибели культуры неизбежно погибнут и они, как бы ни хитро были сплетены их мудрецами – “мастерами” – козни, направленные против христианства и всей христианской культуры...

Какая семинария нужна нашей Церкви?

С тревогою следили мы, епископы, за судьбою проекта преобразования наших духовных семинарий. Не будет преувеличения, если скажу: от решения этого вопроса зависело – быть или не быть Православию господствующим исповеданием на Руси. С каждым годом наши семинарии все меньше и меньше дают нам, архиереям, добрых кандидатов пастырства, и приходится подбирать на священнические места старых дьяконов, ушедших из семинарии с половины курса, а иногда ограничивших свое образование духовным училищем...

В глубокой тайне почему-то хранился проект, выработанный нынешней зимою при прежнем обер-прокуроре Святейшего Синода. А то, что проникало в печать о нем, усиливало нашу тревогу...

Наконец, блеснул яркий луч надежды на лучшее будущее: новый обер-прокурор Святейшего Синода, старый и преданный друг исконной православной церковности, решил быстро подвинуть это дело вперед и поставить его прямо, безбоязненно на почву неотложных нужд Церкви. Имена святителей, призванных к обсуждению проекта преобразования, ручаются за успех дела, если только враги Церкви не изобретут способа и на сей раз вставить палку в колесо.

Великое зло семинарии последнего времени было в непримиримой двойственности ее задачи: она готовила в одно и то же время и пастырей Церкви, и студентов университета, и кандидатов в ветеринары. Из сознания духовного юноши как-то сам собою уходил идеал пастырского служения Церкви и заслонялся мечтами об университетах и разных институтах и лицеях. А если семинаристу и приходилось волею-неволею идти на служение Церкви, то в нем почти не оказывалось того огонька, который ярким пламенем горел когда-то, в 40-х и 50-х годах, в душе семинариста-идеалиста. Теперь не ждите, чтобы семинарист пришел к архиерею и сказал: “Благословите послужить Церкви в том положении, какое указать вам будет благоугодно”. Или “Благословите занять место там, где вам угодно”. Нечасто бывали такие случаи и в те времена, но тогда уважали таких идеалистов; а ныне такого юношу товарищи назвали бы просто юродивым. Житейский материализм заел душу современного семинариста: у него на уме прежде всего – не царствие Божие, а то, что Господь назвал *приложением* к нему.

Отделение общего образования от специального, резко подчеркнутое в предстоящей реформе, полагает конец этому раздвоению задачи пастырской школы какою должна быть семинария. Общеобразовательная школа, поставленная в духе православной церковности, предоставленная притом только детям духовенства, будет выпускать юношей, пригодных для дальнейшего образования в высших учебных заведениях разных ведомств, в том числе, и для пастырских школ, – юношей, основным тоном воспитания которых все же будет православная церковность, что будет ценным вкладом в общегосударственную жизнь, слишком расшатанную в последнее полустолетие веяниями безбожия и материализма. Но из этих же питомцев общеобразовательной духовной школы, надеемся, будет образовываться и главный состав будущих специально пастырских школ, с тою разницею против теперешних семинарий, что юноши эти будут определенно знать; куда и зачем идут. Поступление в пастырскую школу будет для них решительным, пожалуй, безповоротным шагом на их жизненном пути: ведь пастырская школа ничего, по крайней

мере в смысле прав, им не прибавит. Хотелось бы надеяться, что они-то и составят основное ядро питомцев пастырства, около которого и с которым будут объединяться, так сказать – ассимилироваться питомцы из других школ и сословий. Это столь важное обстоятельство, что на него должно быть обращено особенное внимание тех, кто будет обсуждать реформу духовно-учебных заведений. Реформа имеет святую цель – охранять церковность в воспитании духовного юношества. Носителем церковности, самой, так сказать, закваски ея, является, несмотря на всю расшатанность наших семинарий в духовном отношении, все же само духовенство и его семья. Как ни скуден дух церковности в воспитании нашего духовного юношества, а все же в них больше сохраняется этого духа, чем в питомцах светских школ. И это – благодаря не самой семинарии, а – духовной семье, ея еще незабытым традициям, влиянию близости к детской душе храма Божия, в коем служат отцы, служили деды и прадеды семинаристов. Этого запаса духовного почти нет или очень мало в недуховных семьях. А если где он и есть, если где и веет светлая струя любви к церковности, то благодаря лишь исключительным условиям жизни семьи и особенно благоприятным влияниям. Да и то редко бывает, чтобы этот дух церковности в светской семье совпадал по самому тону своему с духом церковности исторической, традиционной, всеобдержной, каковой, слава Богу, еще не утратился в семьях духовенства. Надо всячески озаботиться, чтобы именно этот исторический дух церковности и лег в основу воспитания будущих пастырей Церкви. Надо обереечь его от слишком сильного влияния духа – так сказать – дилетантской, в светских семьях воспитываемой, церковности. Надо иметь в виду, что в эту последнюю нередко проникают, незаметно для самой семьи, идеи слишком либерального отношения к некоторым кажущимся “мелочам”, например, церковного устава и церковных канонов. Вместо смиренного сознания слабости нашего века в деле применения к жизни сих “мелочей” и благоговейного преклонения пред нашими предками, свято их соблюдавшими, является некое стремление во имя гуманности отрицать эти “мелочи”, послаблять нашей немощи, извинять это послабление. Вот это-то юридическое отношение к “мелочам”, это стремление присвоить своемумышлению право взамен простого смиренного сознания своей духовной незрелости нередко и является в суждениях о церковности главным стимулом у людей, искренно любящих Церковь, но обвееянных духом мира сего и незаметно для самих себя восприявших эти веяния в свое церковное мирозерцание. У питомцев такой семьи много искренности, много стремления беззаветно послужить Церкви-матери, и в этом отношении можно ожидать немало пользы от влияния таких соучеников и питомцев духовной семьи. Но в них мало как бы уже прирожденного духовной семье, в силу долговременно исторически сложившихся условий церковной жизни, умения быстро разбираться в оценке всего, что относится до церковности. Теряют это свойство и современные семинаристы, а все же они более устойчивы в традиционном понимании церковности, нежели гоноши мирской семьи.

Не скрою, что мне видится опасность в том, что в пастырскую школу, с открытием ея для всех сословий, особенно на первое время, устремится немало из этих сословий юношей, недостаточно сознающих, что пастырство есть не просто служение, а – подвиг, требующий всецелого напряжения всех духовных сил, что первейшая добродетель, которая должна в их сердцах составлять основу всех добродетелей, есть смиренное сознание своих духовных немощей, особенно же – своего невежества в области духовной жизни, что в пастырской школе все должно быть основано на почве совершенного отречения от своегомышления, не говорю уже – об отсечении своей воли в ея внешнем

проявлении. Я боюсь, что питомцев собственно духовной школы (общеобразовательной) окажется слишком мало, чтобы образовать то ядро, о коем я сказал выше. Особенно же я боюсь вторжения в эту школу иудеев, хотя бы это были дети уже ранее, до их рождения, крещеных родителей... Я умоляю святителей, составляющих уставы пастырской школы, иметь мужество твердо и решительно постановить правилом: лица иудейского происхождения, по крайней мере до третьего, если не до седьмого рода, не могут быть принимаемы в пастырскую школу... Что делать, когда эта нация так исторически себя зарекомендовала в качестве враждебной духу Христову! Что делать, когда в кровь и плоть иудея, помимо его сознания и воли, на протяжении двух тысяч лет, впиталось столько талмудизма, что отрешиться от него не в его воле, даже и после принятия им христианства. Думаю, что это передается даже и потомству крещеного иудея вместе с другими качествами его еврейской души. Если и бывают исключения, не следует ради их нарушать общее правило. Церковь Божия наберет себе кандидатов священства из всех народов земных, не говорю уже о Русском народе. Помнить надо, что для иудея ничего не стоит выдержать какой угодно экзамен, когда он захочет проникнуть в ту или другую школу. Те м легче ему сдать экзамен в пастырскую школу. Известно, что некрещеные иудеи в наших гимназиях охотно ходят на уроки закона Божия и готовят их иногда лучше православных учеников. И делается это не из любознательности, а с определенной целью: в случае перехода в православие он готов ответить и по катехизису, и по священной истории. Я уже не говорю об опасности проникновения в пастырскую школу типа иудея-интеллигента: от сего да сохранит Господь Церковь Свою! Я боюсь иудеев даже из ремесленников: уж слишком пропитана житейским материализмом и эта душа! А при обеспечении духовенства приличным жалованьем, возможно, что в среду его устремятся иудеи скорее, чем куда-либо: они постараются использовать свободу пастырского служения в своих гешефтмахерских целях... И так: да сохранит Господь пастырскую школу от всякого иудея! Да будут раз навсегда закрыты двери сей школы для всего потомства Иудина! Довольно для них безчисленного множества школ всяких иных ведомств, но не духовного!

Велика и свята задача пастырской школы! Она должна ответить на призыв Господа Иисуса: *жатва убо многа, делателей же мало: молитесь убо Господину жатвы, да изведет делателей на ниву Свою*. Она должна подготовить Небесному Домовладыке работников на Его благодатную ниву, она должна *иметь честь* представить Архиепископу Великому смиренных в своем самоотвержении будущих сотрудников – иереев, непосредственных исполнителей Его благодатных распоряжений домостроительства нашего спасения, носителей и раздавателей Его благодати... Невольно вырывается из сердца вопль: *кто к сим доволен!* Кто посмеет думать о себе, что он достоин сего призвания? Но Господь зовет и – пойдем за Ним!

Первое всего в душе юноши – будущего пастыря должна быть внедрена, раскрыта, углублена в его сознании и доведена до опытного ощущения его сердцем святая истина, что Христова Церковь – есть живое тело Его, членами коего все мы, православно верующие и православно живущие, имеем счастье состоять. Церковь есть живой организм любви, в коем живет и действует Дух Божий, Дух Главы Церкви – Христа, и пастыри Церкви суть главнейшие органы этого великого тела Христова, в коих проявляет Свою жизнедеятельность Христос и Всесвятый Дух. Каждый из нас есть малейший атом сего живого тела, атом, постольку живой, поскольку свободною волею отдает себя в распоряжение Главы своей – Христа. Другими словами: поскольку исполняет заповеди

Христа, или лучше сказать, отдает свое сердце, ум и волю Христу, Который в нас и через нас исполняет Свои же заповеди. Без этого глубокого сознания и ощущения сердцем нашего *членства* в Церкви, как живом теле Христовом, невозможно истинное служение пастырское. Без этого сознания и ощущения невозможно руководить чад Церкви в путях Господних. Только при этом сознании и ощущении становится до очевидности ясным, почему мы должны постоянно прислушиваться к живому голосу древней Церкви: ведь мы и она – едино тело Христово, тело живое, и действенное! Противоречить этому голосу значило бы противоречить себе, противоречить Христу – Главе нашей. В этом единении, в этой любви Вселенской Церкви, объединяющей в себе Церковь на небесах торжествующую, и Церковь, на земли воинствующую, ея сила, непобедимая и вратами ада, – сила истины, сила благодати, спасающей и все побеждающей. В сознании этого единения сила нашего святого Православия. Сознание сего единения рождает смирение. Если для меня небесная Церковь не есть только историческое прошлое, если она для моего сознания и чувства есть живая действительность, если я сердцем ощущаю, что объединяюсь с нею под единою Главою нашею – Христом, вхожу с нею в живое общение молитвою и любовью, таинством Евхаристии и излиянием на мое внутреннее существо благодати Христовой по молитвам святых Божиих: то дерзну ли я поставить свое мышление превыше разума святых Божиих, разума Церкви, разума Христова? И я благоговейно и смиренно ищу решения смущающих меня вопросов – в учении Церкви, в ее постановлениях и канонах, в писаниях ея богомудрых отцов и учителей... Та к ставили себя в отношении к Вселенской Церкви все святые Божии, так смирялись пред ея авторитетом великие святители и учителя нашего времени, каковы были: Филарет Московский и Иоанн Кронштадтский, да и все верные Церкви православные пастыри. Таким смирением должен быть проникнут и каждый пастырь Церкви, каждый кандидат пастырства. В нем, именно в этом церковном смирении, он должен черпать силы для своего служения. Ведь он – не одинок: с ним все пастыри и учителя веков минувших, с ним Апостолы Христовы и Сам Христос; сам-то ничто, круглый нуль в духовном отношении, а вот они-то и научат его, и в минуту трудную помогут, в скорби утешат, лишь бы быть с ними в общении смиренной любви и дыхания сей любви – молитвы...

Уже из сего видно, как важно для пастырской школы всестороннее раскрытие учения о Церкви и глубокое изучение Священного Писания и святоотеческих творений. Вся психология, все нравственное учение должны быть построены на святоотеческих творениях. Ими, их учением должны проверяться данные науки, и только то, что согласно с ними, может быть усваиваемо пастырской школой. С глубокою скорбью мы, архиереи, наблюдаем, что наше духовное юношество и понятия не имеет об аскетике в ее приложении к жизни. *Любите враги ваша*, говорит Господь, а как применить к жизни, как провести в грешное сердце эту заповедь, как смирить себя, чтобы нелицемерно признать в лице так называемого врага – своего лучшего друга и благодетеля – этому никакие современные учебники этики не научат. Та к и во всех областях жизни нравственной. Жаль бывает молодого священника, который не знает, опытом не касался азбучки духовой жизни и борьбы со страстями. Как он благодарен бывает, когда покажешь ему авву Дорофея, “Лествицу”, авву Варсонофия или нашего родного Нила Сорского! “Отчего нам в семинарии не показывали эти книг? Ведь это – истинное сокровище!” – говорят они, ознакомившись с писаниями отцов. В самом деле, отчего? Зачем мы изучали разные философские системы, а этой “науки из наук” – как жить по Христовым заповедям в духе Церкви – нам не дали и краем уха коснуться?..

Велик труд, скажу – подвиг, предстоит святителям, ныне уже приступившим к рассмотрению нового устава семинарий и духовных училищ. Хотелось бы верить, что наконец-то будет стряхнуто с пастырской школы нашей это чуждое Церкви обаяние современной моды – стыдиться Христа! Наконец-то наши кандидаты пастырства сбросят с себя немецкий сюртук с светлыми пуговицами и наденут... говорить ли? – простую одежду послушания – подрясничек: и просто, и дешево, и легко, и по-церковному прилично: ведь надевают же они сию одежду в день своего рукоположения... Я желал бы видеть и всех преподавателей в наших учебных заведениях вместо этого глупаго фрака, в одеждах духовных, в рясах, хотя бы и без благодати рукоположения. Но не слишком ли далеко я захожу в моих мечтах и пожеланиях?

Пусть рассудят сие мудрые святители, на дело сие призванные волею Монарха. А наше дело паче всего молиться, да вразумит их Господь!

№ 78–80

Поездка по епархии

Приглашаю моих добрых читателей мысленно сопутствовать мне по епархии. Пишу эти строки в Ульяновом монастыре, в 1183-х верстах от Вологды. Было время, когда такой путь требовал и трудов нелегких, и потери времени; теперь он совершается на пароходе в течение 5–6 дней, да еще с большими остановками у городов.

Еду по Вычегде. Эта река помнит апостольские подвиги святителя Стефана. Начиная от Яренска и даже ранее слышится зырянская речь. По берегам красуются высокие белые храмы Божии. Зыряне любят строить такие храмы: они не доросли еще до того, чтобы любоваться внутренним благолепием храмов Божиих, и потому внутри храмы лишены живописи: белые стены как-то однообразно смотрят на вас, в то время как снаружи храм иногда поражает вас своим величием. Кстати, любовь к построению храмов иногда доходит до излишества: при одном священнике, например, в Устькуломе (1210 верст от Вологды), в одной ограде теснятся три каменных храма с несколькими престолами в каждом, и ни один из них внутри не украшен стенописью.

В Устькулом пришел пароход в 5 часов утра 17 июня. Несмотря на ранний час, собралась масса народу. Я говорил поучение о том, как жить, чтобы душу спасти, всячески стараясь упростить речи для этих простецов. Мужчины почти все говорят по-русски, женщины больше по-зырянски. Священник говорит с ними по-зырянски.

Из Устькулома мы вернулись в Ульянов в тот же день утром. Это – лавра зырянского края, отросток Соловецкого монастыря. Величественный храм и своеобразная, с четырьмя башнями по углам колокольня, несколько корпусов, обнесенных каменной оградой, по которой можно совершать крестные ходы, – все это расположено на высоком холме, с вершины которого, особенно с колокольни, открывается вид на безбрежное море лесов, на сотни верст расстилающихся вокруг обители, и на долину реки Вычегды, прихотливо извивающейся среди этой дремучей тайги северо-восточной Европы. Говорят, чем дальше к Печоре и Уралу, тем природа суровее, леса дремучее, болота непроходимее. И вот в такой обстановке приютилась обитель иноков с ея строгим, можно сказать, суровым уставом. Братия большею частью зыряне. Подобно Соловкам, здесь живет до сотни годовиков – мальчиков по обету. Их обучают главным образом тому, чем занимаются сами иноки – сельскому хозяйству.

Здесь я совершил Божественную литургию в воскресенье, 19 числа. Поют дружно, но о нотах, о гармонизации и понятия не имеют. Зато звон – единственный в крае. Большой колокол весит 1012 пудов. Это радость и утешение велие для простеца-зырянина. С удовольствием прислушался и я к могучим звукам, разносившимся в воздушном океане над вершинами безпредельных лесных пространств.

Здесь мне очень понездоровилось. Однако все же я побеседовал с братией о сущности монашеского подвига. Слушали внимательно. Подростков-годовиков оделил я Троицкими образками.

20-го ждали парохода, но он запоздал, и мы двинулись вниз по Вычегде на двух больших лодках. Верстах в десяти нам встретился пароход, идущий к Устькулому. Мы спросили: когда он будет обратно в ближайшем селе Деревянске? Ответ был: в 9 часов вечера. Мы заказали себе каюты и направились вниз – к Деревянску. Здесь второклассная школа. В храм собралось множество народа. Я побеседовал с ними, благословил их,

оделил Троицкими книжками. Затем зашел в школу. Там был один сторож, но вслед за нами собрались дети-подростки.

К сожалению, немногие из них могли мне ответить на самые простые вопросы по Закону Божию, и то при помощи взрослых крестьян, служивших переводчиками на зырянский язык. Помогала и матушка, жена священника, хорошо знающая зырянский язык. А местный отец диакон подбадривал детей: “Г ора, г ора!” – громче, смелее!

Местный священник по должности благочинного, с моего разрешения, был в отлучке. Его заменила матушка – тип старинных не ученых в школе, но “толченных” жизнью матушек – добрых спутниц сельских пастырей. Многому могли бы научиться у таких простушек современные молодые матушки из епархиалок. Чтобы не смущать ее смирения и христианской простоты, я не буду здесь распространяться о ее деятельности в качестве помощницы мужу по приходу; скажу только, что благодаря ей заботам построена и в некоторой степени обезпечена приходская богадельня, в которой призреваются пять-шесть старушек, а иногда принимают и безприютных круглых сирот. Матушка тут и начальница, и попечительница, и кормилица. Она даром доставляет сюда и молочко и все, что Бог ей пошлет... Дай Боже побольше таких тружениц – помощниц нашим пастырям. Вековой опыт показывает, что им не столько нужно школьное образование ума, сколько доброе воспитание христианского сердца и закаление воли в добре. Увы! Ныне моду предпочитают здравому смыслу, и ради этой моды бедные священники в ниточку тянутся, чтобы дать своим дочкам “научное” образование – не только в епархиальных училищах – это бы еще добро, но и высшее, на каких-то высших курсах, откуда чаще всего выходят существа неопределенного пола с искаженной до неузнаваемости душою... Больно то, что не могут устоять против сего искушения и очень почтенные батюшки и матушки и уступают просьбам своих неразумных умниц-дочек, во что бы то ни стало стремящихся в столицы на разные курсы...

В Устьысольске мы пристали вместо 20-го – только 21-го к вечеру. Город очень красиво расположен на слиянии с Вычегдою Сысолы. Краса города – Стефановская церковь. В ней я и решил 23-го совершить литургию, 22-го же была устроена, в здании духовного училища, беседа с духовенством. Об этих моих беседах скажу следующее.

И по громадным расстояниям, и по немощам моим я не могу объезжать свою епархию так, как делают другие архиереи: от села до села. Посему я собираю священников в пункты моих остановок и беседую с ними, сколько позволит время и силы. Говорю о всем, что подскажут мне архиерейская совесть, наблюдения над жизнью епархии и опыт пастырского служения. Говорю о том, что мы, служители Церкви – сотрудники Самого Господа в деле спасения душ человеческих, в деле воспитания чад Царствия Божия. Говорю о том, какое в этом счастье для нас, с каким благоговением должны мы проходить свое святое служение. Напоминаю обетование Господа не забыть наши нужды, если мы будем пещись о деле Его. Даю советы, как бороться с народными пороками, пьянством, распутством, сквернословием, безсовестностью... Как составлять поучения без записи оных на бумагу, вести беседы вне храма, в семьях, на дому, в школах с детьми... Как пользоваться святоотеческой и старческой литературой, дабы использовать святой опыт духовной жизни, в ней заключающийся. Касаюсь пороков самого духовенства: нетрезвости, немирства, сутяжничества и умоляю отцов бегать всего этого. Иногда священники сами предлагают вопросы и дают темы для беседы. Не знаю, много ли пользы от таких бесед; но мне думается, что такие свидания с архиереем, хотя малое с ним знакомство для священников полезно: в свою очередь, и я выношу с таких бесед чувство

сближения с Богоданными мне сотрудниками, узнаю их лично и составляю себе понятие о духовенстве моей епархии не по бумагам уже, а из личных наблюдений. И слава Богу, среди них немало смиренных тружеников на Божией ниве, с верою в помощь Божию, не ища похвалы людской, делающих свое дело. Касаюсь в беседах и современных опасностей, угрожающих Церкви Божией от ее заклятых врагов, коим и числа нет в наше многоскорбное время. Не хочу оскорблять собратий моих во Христе подозрением в лести, нет, они искренно благодарят меня за такие беседы, и мы растаемся по-родному. В Устьсысольске даже упросили меня сняться с ними на общей карточке.

Я посетил женскую прогимназию, где оказались и ученики мужской прогимназии, и побеседовал с учащимися о том, в чем счастье для человека. Всех оделил Троицкими образками. Был в приходском и городском училищах и там беседовал с детьми и оделял образками.

Посещая школы, я думаю: дети так редко в жизни видят архиерея лицом к лицу, что грешно было бы целым сердцем не приласкать их... Ведь у них на всю жизнь останется воспоминание о том, что делал, что говорил им архиерей: как же не воспользоваться случаем посеять в их души, в их открытые в то время сердца семечко благодатного Христова учения? И вот пользуешься сими посещениями школ, чтобы сказать деткам то, что в эти минуты общения с ними подскажет совесть пастырская, сказать в духе горячей любви к этим еще неиспорченным душам, показать им светлый, любящий Лик Христов, тронуть их нежное сердечко красотою добродетели, указать им простейшие средства общения с Богом в молитве, в доброделании... И надо видеть, с каким иногда вниманием они слушают простое слово архипастыря! Глазки блестят, уста открыты, личико как-то преображается, одухотворяется... После приходится слышать от их родителей, что детки по частям пересказывали дома, о чем говорил архиерей. Разве это не великая награда сеятелю слова Божия? Разве не счастье быть такими сеятелями? Иногда думаешь: что мог бы сделать хороший законоучитель среди малых сих!

Ездил в село Вильгорт, верстах в семи от города. Здесь строится церковь. Беседовал с народом, посетил школу, долго беседовал с детьми.

23-го июня я служил и говорил слово о непобедимости Церкви вратами ада и о кознях ада в наше время. Обширный Стефановский храм был полон народа. 24-го выехали на пароходе в Устьвым, а оттуда на лошадях, в женский Крестовоздвиженский монастырь, в четырнадцать верстах от Серегово.

Лишь только мы вышли из лодки, переправившей нас на левый берег Выми, как нас облепила всякая мошкара, начиная с мошки-невидимки, комаров и слепней и кончая оводами, не уступавшими по величине майским жукам. Сопровождаемые этими докучливыми насекомыми и обороняясь от них всякими способами, мы ехали лесной просекой, проложенной напрямик к монастырю. Был уже 12-й час ночи, когда впереди открылась в полусвете северной белой ночи красивая панорама обители. Монастырь расположен на возвышении, прямо пред вами – в глубине картины – временный деревянный храм с такою же колокольней; влево – каменный пятиглавый трапезный храм, еще с неоконченной отделкой, тут же деревянные кельи, а кругом, точно темнозеленая рама, – хвойный лес и лес...

“Обитель тружениц” – вот лучшее название для этого монастыря. Во главе сестер – почтенная старица-игумения Филарета и одиннадцать монахинь, всех живущих в обители до 150-ти. Основал эту обитель и обезпечил ее существование известный в этом крае купец А. Булычев, скончавшийся иноком в Соловецком монастыре; его дочь А. А.

Беляевская свято блюдет заветы своего отца, продолжая благотворить юной обители. Она строит теперь трапезный храм и корпус для сестер и в скором времени предполагает начать постройку собора и колокольни. Теперешний временный храм очень тесен и не вмещает даже всех обитательниц монастыря, а обитель посещают многие богомольцы из Яренского и Устьысольского уездов.

С раннего утра до поздней ночи, исключая время богослужения, сестры трудятся: кто тклет и шьет, кто пишет иконы, кто делает обувь, кто работает на гончарном, смоляном и скипидарном заводах; на гончарном черноризница при мне сделала несколько чашечек и молочник, на котором я, по просьбе монахинь, собственноручно надписал на мягкой глине: “Будь послушен Богу, как глина горшечнику”. Видел и великий труд этих отшельниц – корчевание огромных пней для расчистки поля под пашню: пни выворачиваются при помощи рычагов, коими служат целые бревна; за каждый вывороченный пень, смотря по величине, сестры получают гонорар в виде сухих баранок, которые здесь почему-то зовутся калачами, почему и поле, разработанное таким способом, именуется “Калашниковым”.

Здесь я служил литургию и говорил поучение народу, а с сестрами беседовал особо накануне пред всенощной. С отрадным чувством душевного отдыха я покинул обитель. Старица-игумения провожала меня до 7-й версты по пути в Серегово.

В это большое торговое село мы прибыли вечером и прямо в церковь. Беседа с народом и благословение заняли немало времени. Пришлось ночевать. Рано утром в двух больших лодках мы спустились по Выми до Устьвыми. Тут меня уже ожидали священники со всего благочиния, и я отслужил соборне с ними молебен святителю Стефану Пермскому, который 13 лет жил здесь (почему Устьвым и называлась “Владычным городом”), и трем его преемникам: Герасиму, Ионе и Питириму, почивающим здесь под спудом. После молебна я довольно долго беседовал с народом. В этом селении особенно живы предания о святителе – просветителе зырян: храмы, по преданию, построены на холмах, насыпанных по его повелению; указывают места, где был его владычный дом, где росла волшебная прокудливая (проказливая, пакостная. – *Ред.*) береза, им срубленная... К сожалению, вещественных памятников после него никаких не сохранилось.

После беседы с священниками я отправился на пароходе в захудалый городок Яренск.

И здесь служил, говорил поучение народу о том, что есть Церковь и почему должно повиноваться ей; вел беседу со священниками, посетил школу, где собрались дети из разных школ и прогимназий города. Стоит отметить особенную любовь детей к местному отцу протоиерею: где бы ни показался на улице этот почтенный старец, священствующий уже 52-й год, дети, как только завидят его, бегут к нему, чтобы принять его благословение. Чем он заслужил эту любовь детскую? Конечно – лаской и отеческой добротой. Всегда я говорю ставленникам-иереям: не опускайте случая приласкать ребенка, хотя бы то был еще несмысленный малютка на руках матери. Пусть в его детском воображении рядом с дорогим ему образом матери запечатлется и ваш облик, ваша духовная одежда, блистающий на вашей груди крест... Не худо для таких малюток иметь при себе какие-либо грошовые лакомства: верьте, что это привлечет к вам любовь не только сих маленьких будущих прихожан ваших, но и их родителей, особенно матерей... Лишь только покажетесь вы в деревне, как детишки побегут к вам со всех концов навстречу, чтобы принять ваше благословение. А вы пользуйтесь этими встречами, чтобы побеседовать с ними, чтобы заронить в их чистые сердца семечко учения Христова. Коли есть у вас свободная минутка, то присядьте где-нибудь у избы на

завалинке или на бревнах и поведите отеческую беседу с детьми – о том, что Бог на душу положит: к вам непременно подойдут матери их. А может быть, и отцы, и вот устроится у вас сама собою беседа – “набревная”, по подобию беседы Христовой, именуемой “нагорною”... Ведь для таких бесед не нужно никакой обстановки, никаких помещений. Зато посмотрите, какую любовью отплатят вам простые души слушателей ваших: ведь русская душа жаждет “божественного” и тоскует по нем.

Из Яренска мы спустились до Коряжемского монастыря. Здесь почивают под спудом мощи преподобного Лонгина, одного из духовных потомков великого аввы Сергия Радонежского. Монастырь расположен на крутом высоком берегу Вычегды. В нем всего до 50-ти человек братии, общежительный. Строится новый храм с трапезою и кельями. У самого монастыря – кедровая роща. Иноки рассаживают это дерево с любовью.

Здесь я беседовал с братией, осматривал хозяйство и ночевал. Утром рано отправился в Сольвычегодск на пароходике, присланном из сего города почтенным Я. В. Хаминовым.

Сольвычегодск известен своим собором, который представляет собою наиболее уцелевший тип храмов Божиих XVI столетия. Это – целый музей священных древностей того века. Лишь войдете в него, как на вас повеет седою стариной: старинный иконостас, узорчатые с слюдой царские врата, старые фрески на стенах, древние иконы в иконостасе, на стенах; кругом всего собора по стенам тянется пояс из древних икон. В ризнице множество шитых пелен такой чудной работы, что знатоки затрудняются указать что-либо подобное. Здесь была куплена за 500 р. древняя плащаница, перекупленная потом в Париже Императором Александром II за 25 000 р. Все эти сокровища древности – дары создателей храма, предков графов Строгановых.

В этом храме я совершил литургию 3 июля. В пении приняли участие дети всех учебных заведений города, с которыми я накануне провел беседу. Приятно было молиться в этом святилище Божиим: его древности будили в сердце те струны, которые некогда звучали в сердцах наших благочестивых предков, и душа чувствовала, что значит наша Русь Православная в ее прошлом... Когда видишь ее как бы лицом к лицу в этих остатках древности, сохранившихся в такой неприкосновенности, то начинаешь понимать не только религиозные, но и эстетические идеалы ее, сердцем ощущать духовную красоту этих идеалов, сравнивать их с занесенными к нам с латинского Запада чужими идеалами и любить, крепко любить нашу родную старину за эти, так сказать, переживания, оживляющие в нас наше народное самочувствие народное самосознание... И невольно повторяешь кем-то давно сказанные слова: “О Русь моя родная! Нет-то тебя в мире краше, нет сердцу милее”. Счастливы художники, вроде В. М. Васнецова, умеющие читать в памятниках старины родной заветы этой старины и воплощать эти заветы в своих поистине бессмертных произведениях искусства! Счастливы писатели и поэты, являющиеся истолкователями этих заветов в своих словесных творениях! Но еще более счастливы те носители духа народного благочестия, которые воплощают эти заветы в жизни.

Из Сольвычегодска мы отправились вниз по Большой Двине до села Черевкова. Здесь три священника и больше 12 000 жителей. Мы прибыли в 2 часа ночи; 4-го июля в 8 часов утра в обширный храм собралось множество народа. Я долго беседовал с ним, благословлял, оделял книжками и образками. Ввиду близости раскольников, особенно раскрывал учение о Церкви, о послушании пастырям Церкви, предостерегая от расколических заблуждений. Зашел в часовню, на могилку страдальца иерея Петра, убитого поляками в 1610 году. Местные обыватели чтут его память как угодника Божия,

невинно пострадавшего за Веру и Отечество. В часовне на могиле стоит столик для совершения панихид. У меня просили разрешения поставить надгробие.

В полдень пришел снизу пароход, на котором мы и отправились обратно вверх до Красноборска. Этот небольшой заштатный городок весною пострадал от пожара. Храм Божий уцелел, и я совершил в нем всенощное бдение по случаю праздника преподобного Сергия. После всенощной в местной школе я долго беседовал с собравшимся из соседних сел духовенством, а на другой день совершил литургию и говорил слово о преподобном Сергии.

В этом храме очень изящный, в стиле рококо, иконостас, но неприятно поражает глаз изваяния крылатых существ, рассаженные по карнизу этого иконостаса, а в алтаре, около престола, по углам сени стоящие фигуры ангелов с свечами в руках. Я сказал: “изваяния крылатых существ”, не желая назвать их херувимами, ибо понятие херувима как-то не вяжется с изображением обнаженных детей, хотя и с крыльями. А у алтарных ангелов руки безобразно толсты. Тела раскрашены и производят антихудожественное впечатление. Приходилось встречать такие изображения и в некоторых других церквях: в Тотме, например, в Предтеченской церкви сень над престолом поддерживается четырьмя фигурами ангелов с обнаженными ногами, а у царских дверей с одной стороны стоит Ангел-Хранитель с младенцем, которому показывает рукою на небо, а с другой Архангел Михаил, поражающий сатану. Но копьё Архангела давно сломано, осталась только поднятая рука, а сатана с рогами, оскалив зубы, смотрит на молящихся и будто смеется... Я приказал немедленно убрать эти фигуры, а обнаженные ноги ангелов, держащих сень, прикрыть парчею. В Красноборске над самым престолом, на плафоне сени, резное изображение Бога Отца с простертыми вниз руками, тоже раскрашенное, я также велел снять. Уж очень тяжелое впечатление производят такие фигуры на молящихся: по крайней мере, я это испытал на себе. Церковная власть не раз делала распоряжение, чтоб не допускать резных изображений, кроме распятий искусной резьбы; и однакоже эти распоряжения часто нарушаются, и даже находятся защитники “елисаветинской старины”, которые обращаются к архиереям с просьбами беречь эту “старину”. Пусть бы это были еще художественные изображения, без всякой раскраски: можно бы их за “старину” потерпеть, но когда такое изображение раскрашено, когда оно, как вышеупомянутое изображение сатаны, граничит с кощунством, по крайней мере, вызывает шутки у зрителей, то, пусть гг. археологи простят мне это, я требую убрать их с иконостаса... Закон искусства говорит, что два искусства – ваяние и живопись не терпят смешения: возьмите статую великого неподражаемого ваятеля древности Фидия и поручите ее раскрасить не менее великому живописцу Рафаэлю – получится безобразие... Зачем же допускать такое безобразие в наших святых храмах? Ваяние и без раскраски слишком плотяно, слишком грубо вещественно, чтоб служить Православной Церкви: оно усвоено латинской церковью как наследство времен языческих (известно, например, что одна фигура Юпитера в Риме превращена в изображение Апостола Петра: только вместо перунов в руку его даны ключи). Нам нужно помнить, что в церковном искусстве наша Церковь полагает в основу одухотворение, а латинская – оплотнение; отсюда у нас идеал иконы – иконопись, а на Западе – живопись, у нас – иконы, а там – статуи, у нас – дивный обряд, а там – театральная церемония... Восемнадцатый век, век измены родным идеалам старины православной, без всякого разбора насаждал у нас и вносил во святая святых – в наши св. храмы плотяный реализм западного искусства, и вот – его плоды: эта портретная живопись с натурщиков и натурщиц, эти статуи почти топорной работы, эти обнаженные

фигуры у самого престола Господня, эти обнаженные дети, сидящие на карнизах иконостасов... Ужели все это надо охранять как “елисаветинскую старину”? Ужели беречь и этого сатану, злобно-насмешливо выглядывавшего в открытых царских дверях? Думаю, что ни один православный археолог не станет защищать все это. Я не говорю, что нужно уничтожать, а просто убрать из Божьего храма: если угодно – берегите это в музеях как памятник неразумного увлечения наших предков западными реалистическими идеалами и пренебрежения высокими, чистыми, духовными идеалами старой Руси, вследствие непонимания их... Кстати сказать: в Сольвычегодске под историческим собором есть целый музей таких статуй, особенно статуй Христа в темнице: все оне производят очень тяжелое впечатление. А в нашем Вологодском древнехранилище есть даже гроб с резным изображением Христа... Что же: ужели и это все оставлять в церквях?

В Красноборске мы сели на пароход до Устюга, куда и прибыли утром 6-го числа. Два дня посвятил я осмотру монастырей, училищ, некоторых церквей, беседовал с духовенством, а 8-го числа, в день праведного Прокопия юродиваго, служил у его святых мощей вместе с преосвященным Алексием, викарием Великоустюжским. Слово было сказано мною о том, храним ли мы заветы праведника и не грозит ли нам туча гнева Божия, которую некогда предвидел великий святитель Московский Митрополит Филарет?

Устюг – самый красивый город во всей Вологодской губернии. Подъезжая к нему на пароходе – только и видишь: церкви, церкви и церкви... На одной площади пять приходских церквей! Невольно задумываешься над этой любовью наших предков к постройке церквей: казалось бы, какая нужда была строить их столько? Что в Устюге, то и в Тотьме, и в Сольвычегодске, и даже в некоторых селах. Теперь при некоторых приходских есть даже по две, по три приписных церкви. Видно, церковное строение было в старину потребностью русской души; видно, наши предки почитали это дело, независимо от того, нужен или не нужен храм для прихода, делом Богу угодным, душеспасительным... И почти в каждом храме имеется по несколько приделов. Когда осматриваешь эти храмы, когда переходишь от одного к другому, то будто переносишься духом в старья добрая времена, когда все эти храмы были полны народа, когда все они, без сомнения, имели свои причты, когда благочестие народное питалось богослужением в этих храмах... И грустно становится, когда ту старину сравниваешь с нашим временем, когда и в храмах стало просторно, хотя, без сомнения, народонаселение значительно увеличилось, когда и служба Божия совершается уж не так истово, как было во дни оны древние...

Вот скорбь велия и забота неотложная: большинство храмов (в Устюге, например, одиннадцать) стоит на берегу капризной Сухоны, которая каждый год подмывает их безпощадно. В Устюге один храм уже перенесен сажень на 50 выше, и прежнее место его под водою. В древних храмах появляются трещины, свидетельствующие о том, что берег оползает, а чтобы укрепить берег, нужно полмиллиона. Вычегда также грозит разрушением знаменитому Сольвычегодскому собору, берег песчаный, говорят, каждый год отмывает на сажень. До сего времени обращаемая ходатайства оказывались безуспешными: казне нужны деньги на постройки новых дорог да таких рассадников “просвещения”, как университеты. Да и не такова нынешняя Дума, чтоб ожидать от нея заботы о храмах Божиих.

8-го июля к вечеру мы расстались с Устюгом и направились вверх по Сухоне к Тотьме, куда и прибыли 9-го ко всенощной. 10-го я с трудом отслужил литургию в тотемском Богоявленском соборе и весь день лежал больной. Вечером едва поднялся, чтоб провести

беседу с собравшимся духовенством. 11-го посетил духовное училище, куда собралось до 300 учащихся из разных учебных заведений города, с которыми провел две беседы, а вечером сел на пароход до села Шуйского, куда прибыли рано утром 12-го. Здесь уже ждало меня собранное духовенство, с коим я побеседовал часа полтора, и отправился в Вологду...

Наконец-то я дома. Вот итоги моего путешествия по епархии: посетил 5 городов, 9 монастырей, до 50 церквей; провел более 30 бесед с народом, с священниками, с учащимися; видел до 150 священников. Видел многих добрых пастырей и утешался беседою с ними, видел любовь народную к носителю Божией благодати – епископу, любовь к Церкви святой, к богослужению, совершаемому благолепно. Слышал трогательный отзыв одного старца-иерея о простецах-зырянах, о их благоговении к сану иерея: “Когда идет батюшка после обедни, то следует целовать следы ног его: ведь он Христа в себе несет”... Не правда ли, поучительно не для простых только, но и для так называемых интеллигентов? Как трогательно это усердие простецов, жаждущих архиерейского благословения! Многие с крестным знамением подходят под благословение архиерея и снова крестятся, получив благословение. Многие матери подносят и подводят своих детей к архиерею. Младенец на руках да две-три малютки держатся за платье матери: как тут не призвать от всего сердца Божия благословения на сих чад царствия Божия? Кажется, не ушел бы из церкви, если бы не немощь моя, если бы не необходимость спешить дальше к таким же верным чадам Церкви Божией, ожидающим меня в другом месте... Как жаль, что архиереи не имеют возможности быть в постоянном общении с своею паствою вот при такой обстановке! Надо, чтоб архиерей был для своей паствы не каким-то неземным, витающим в недоступных для простецов палатах, а истинным пастырем, отцом, к которому был бы открыт доступ всякому пасомому, который жил бы среди пасомых, по крайней мере, возможно чаще посещал бы все приходы своей епархии. Волки-хищники, еретические наставники часто объезжают своих единомышленников, а мы, архиереи, далеко не всегда имеем к тому возможность. Причин к тому слишком много, чтобы перечислить их.

№ 81

«Божья копеечка»

Есть еще добрые, смиренные сердцем души, которые любят делать добро втайне и знают цену такому доброделанию. 15-го сего июля я получил из Бессарабии перевод на 300 рублей с таким сообщением на отрезном купоне:

“Ваше Преосвященство! Один мой хороший знакомый, прочитав дневник Вашего Преосвященства в № 4-м “Троицкого Слова”, так умилился его содержанием, что вручил мне 300 руб. для отсылки Вашему Преосвященству на приобретение за душу рабы Божией Анисии походного храма для Камчатки или переселенцев Сибири по усмотрению Вашего Преосвященства. Исполняя просьбу своего знакомого, который пожелал остаться неизвестным и имени которого посему я не вправе открыть, я с глубокосердечным умилением всепочтительнейше при сем представляю оную лепту на Ваше Архипастырское благоусмотрение и испрашиваю своему знакомому Вашего Архипастырского благословения. Вашего Преосвященства смиреннейший послушник священник Владимир Скодигор”.

Я ответил почтенному батюшке:

“Благослови, Господи, любящего благолепие дому Твоего, благослови исполняющего заповедь Твою по слову Твоему: да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя!

Триста рублей, присланные вами, отец Владимир, я получил и пишу архиепископу Евсевию о сем. Впрошаю его: куда направить походную церковь? Или как ему угодно будет распорядиться по сему делу? Быть может, он найдет более подходящим послать церковь в какой-либо переселенческий приход. Радуюсь, что добрый человек отсекает свою волю в распоряжении своею жертвою: это ценнее всего пред Господом. Господь его да благословит! Спасибо и вам, что мое “Тр. Слово” даете читать своим прихожанам: вот семечко доброе и пало на добрую землю. Слава Богу о всем и за все! Милость Божия буди с вами!”

Вот если бы побольше было на Руси таких добрых душ: как хорошо и тепло жилось бы на свете! Ведь православных-то у нас около ста миллионов: если бы решили по одной копеечке, только по копеечке сложиться, то получился бы целый миллион, на который можно бы построить много церквей переселенцам, а если бы Русский народ хоть на один день в году еще и от водки отказался в пользу наших миссий, то получилось бы еще два миллиона: сколько света Христова можно разлить хотя бы в той же языческой Японии, с которою Бог нам велел в соседстве жить! Вот 2–3-го июля исполнилось ровно 50 лет с того благословенного дня, как прибыл туда, в Японию, смиренный иеромонах Николай; один, без сотрудников, он начал благовествовать Святое Евангелие, учить японцев вере православной. Он выучился говорить и писать по-японски, он и всю свою жизнь отдал святому делу апостольской проповеди, и Господь благословил его труды: теперь в Японии больше 33 000 православных; в столице Японии возвышается чудный храм Воскресения Христова, есть духовная семинария, много уже священников-японцев. И, по отзыву самих язычников православные японцы – примерные христиане: добрые, честные, трудолюбивые. Во время войны они образовали общество духовной помощи военнопленным русским. Они тратили на них свои средства, сами оставались без священников, чтобы не оставить без утешения пленных и раненых, но в то же время, как

верные сыны отечества, шли на поле брани и полагали душу за своего микадо. Наши язычники-интеллигенты не поймут этого, а мы веруем, что как наши, так и японские христобливые воины, душу свою положившие на одном и том же поле брани как православные христиане получают мученический венец.

Вот что Бог совершил в Японии чрез Своего верного раба, ныне святителя Николая! Его имя одинаково чтится и в самой Японии, даже язычниками, и в Европе, а тем паче должно чтиться в православной России. Но нам приходится себя винить, что не сделано гораздо больше. Мы виновны, что Япония все еще языческая страна, мы виноваты, что она – не сестра по вере нашей матушке-Руси православной: мы так холодно относимся к святому делу просвещения язычников, что стыдно говорить об этом. Нас сто миллионов, а много ли наше Всероссийское Православное Миссионерское общество собирает в год пожертвований? Да каких-нибудь 60–70 тысяч... И то при помощи кружечного сбора! Считите же, православные: по какой доле копейки это причтется на каждую православную душу? Просто стыдно становится за такую холодность к апостольскому служению! Из ста миллионов сколько членов в обществе? Да не больше 6–7 тысяч! А ведь и членский-то взнос всего 3 рубля в год! Величаемся православными, а вот на водку тратим в год чуть ли не миллиард (знаете ли, сколько это? Да целая тысяча миллионов! Страшно вымолвить!). А сколько еще уходит денег на театры, на разные зрелища и удовольствия, сколько на наряды, на карты, на разную роскошь, в которой не отстают, к несчастью, и бедняки: вот у нас, например, в губернии не редкость, что отец последнюю корову тащит со двора, чтоб купить своей глупой дочери бархату на шубку, а молодой щеголь с голоду сидит, лишь бы выйти к девицам “при часах”...

Что за безумие! Что за рабство пред модою! И у кого же? Да у тех, которые не каждый день едят до сыта! Мне скажут: с таких нечего и спрашивать каких-либо жертв на добрые дела. Но я ведь говорю о “Божьей копеечке!” Копеечку-то и нищий найдет, чтоб Богу на свечечку подать. Ведь если бы только усердия было на одну единую копеечку на такое святое дело, как проповедание православной веры неверующим, то тысячи язычников-неверов славили бы Бога и были бы нашими братьями по вере. Если бы все православные русские люди не пожалели по копеечке дать на построение храмов Божиих в далекой Восточной Сибири для новоселов-переселенцев, то у всех этих братьев наших по крови и по вере были бы давно храмы Божии. Если бы мы не жалели этих копеечек, то не было бы среди нас несчастных вдов и сирот, не было бы безприютных калек, слепых и уродов, всем было бы тепло и уютно жить среди нас... Мне скажут: много же нужно на это копеечек! Отвечаю: во всяком случае, меньше, чем сколько мы тратим их на свои прихоти, на водку, на роскошь, на сласти и моды. Духа Христовой любви в нас мало – вот наше горе! Любовь отзывчива к чужому горю, она изобретательна, она не считается с Богом и твердо, безусловно верит, что Бог в долгу не останется – сторицею оплатит! Во время моей недавней поездки по епархии в одном селе раба Божия вручает мне 25 рублей и говорит: “Была я в Петербурге, заходила в приют Царицы Небесной, видела там горе, о каком и вспомнить больно: Бога ради, пошлите туда эти деньги!”... Вот – добрая душа! Да еще не позволила писать, от кого эта лепта! А я все же скажу: от той, которая не имеет никаких капиталов, которая делится с Богом и с несчастными ближними последнею копеечкой, у которой, вероятно, ничего и не осталось на этот раз в запасе! Благослови ее Господи! Имя же ея Сам ведаешь!

Сердце у нас зачерствело, разум оскудел – вот и служим своим страстям, и думаем, что в том счастье найдем, а того, что настоящее-то счастье в доброделии, и не подозреваем!

Я не говорю уже о том благодатном утешении, какое является в сердце благодеяющего по слову Христову: царствие Божие внутри вас есть. Этого на словах не расскажешь, это надо опытом изведать, исполняя заповеди Божии, – даже для нашего земного благополучия, для счастья нашей Родины нам нужно, необходимо делать добро во имя Божие. Представьте себе, что Япония стала бы православною вся, во главе с ея микадо-императором, что она прониклась бы святыми заветами нашей веры православной: без сомнения, это была бы наша вечная союзница-сестра, японцы были бы не враги наши, а братья, они понимали бы тогда всю духовную красоту нашего исповедания, все величие идеалов Православия. Ведь те, которые сердцем восприняли святое учение нашей веры, и теперь отличаются такими качествами, такою любовью к Богу и ближнему, что нам, старым христианам, становится стыдно пред ними. Та м слово “христианин” равносильно с словом “честный и добрый” человек. Ему все верят, его все любят. И подумать, что это сделал – конечно, силою Божией – один человек! И этот человек – наш русский человек! А если бы мы, русские люди, помогали бы ему так, как совесть наша требует, то и не то бы еще было. А теперь ему приходится уменьшать число веропроповедников (катехизаторов): нет средств их содержать, ведь, должны же они чем-нибудь жить! Недостает средств на содержание семинарии и женского училища, чтоб готовить будущих пастырей и учительниц для японцев; нет средств для построения храмов Божиих на разных островах... И люди у него есть – им же воспитанные в святой ревности по вере – японцы, но приходится со скорбью отпускать сих ревнителей веры в мир, чтоб сами искали себе кусок хлеба. Ах, братие! Грешно нам, что так равнодушно смотрим на Божие дело, творимое японским святителем, нашим родным русским человеком! Если ему не помогаем, то будем ли помогать распространению святой нашей веры в Японии, когда Бог позовет к Себе этого великаго труженика в вечныя обители? А ведь ему уже 76-й год! Будем ли так доверчиво относиться к его преемникам, как относимся и должны относиться к нему – преемнику и живому носителю апостольских преданий? Не наказал бы нас Бог за такое равнодушие к вере православной. Стыдно нам, что наши предки, присоединяя к своей Руси инородцев, прежде всего заботились о просвещении их светом учения Христова, и вот разные мелкие племена, вроде чуди, мери, веси, вотяков, вятичей, приняв нашу веру, слились воедино с народом нашим, а другие, оставаясь пока с своим языком, как например, наши зыряне, всем сердцем любят нашу веру и сроднились духом с нами: а мы, щеголяя пред безбожниками, заботимся о построении капищ и мечетей в своей столице, о даровании всем какой-то еще неслыханной свободы проповедовать среди христиан всякую ересь, всякое лжеучение до язычества включительно... Вот и видим, что с нами не объединяются ни в вере, ни в любви к нашей матери-России те народцы, которые присоединены после перелома нашей истории при Великом Петре, когда наша интеллигенция в своем большинстве отступила от преданий отеческих, когда мы стали забывать “единое на потребу” – духовные свои идеалы, когда все наше внимание устремилось на земное благополучие... Над нами уже совершается суд правды Божией: мы не заботимся о распространении царства Божия на земле, и если не опомнимся, если не покаемся в сем грехе, то сбудется и над нами страшное слово Христово: отыметя от вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его... Какому языку? Да, может быть, вот этим же японцам или китайцам! Об этом я писал еще 37 лет назад в духовном журнале “Миссионер”, не боюсь повторить это и теперь: жаль родную матушку-Русь, если она не оправдает своего пред Богом призвания быть носительницей, и хранительницей, и распространительницей святых заветов Православия в целом мире!

Русские люди, православные! Ужели мы допустим это? Пусть наши “интеллигенты”, гордые своим лжезнанием, презирающие простоту нашей веры, пусть они изменяют вере нашей, если уж ничем мы не можем вразумить их: но мы-то, простые русские люди, мы-то можем ли допустить, чтоб отнял у нас Господь святыню ковчега Православия и передал его другому народу? Мы не ревнивы в смысле обладания святынею сей, мы готовы, мы должны быть готовы поделиться сим сокровищем со всеми народами земными: и с японцами, и с китайцами, и с индийцами, и с чопорными западными “христианами”, которые считают нас язычниками и шлют к нам своих баптистов-проповедников: на всех достанет нашего сокровища, и чем больше будет народов, исповедающих Православие, тем богаче будет наше сокровище. Но не ответим ли мы страшно пред Богом за то, что не ценим нашего сокровища, не дорожим им, отдаем его на поругание, не делимся им с соседями, да и сами не пользуемся им? Вспомним притчу Христову о рабе, сокрывшем данный ему талант, и сознаемся, что мы делаем хуже: тот только сокрыл, в оборот не пустил, а господину все же его возвратил, а мы в грязь топчем наше сокровище, отдаем его на расхищение, допускаем издевательство над ним... Пусть совесть наша отвечает: стоим ли мы милости Божией?..

А Бог так милостив, что и за едину чашу студены воды обещал награду дать, и за “копеечку”, поданную на распространение святой веры православной, щедро наградит и вздох кающегося сердца примет... Пошлем же святителю-юбиляру свои смиренные лепты на его дело святое, а он помолится за нас, грешных, с своими чадами – верующими православными японцами...

Года два назад по моему приглашению добрые люди собрали – кто рублик, кто два-три – и чрез меня послали Архиепископу Николаю больше 1500 рублей, прислали и детки свои сбережения от гостинцев. Верю, что и теперь мои читатели откликнутся на мой призыв вложить частичку своего сердца на апостольское дело и доставить великое утешение святителю Божию делом любви христианской. Высылать можно мне лично – в Вологду!

Новые козни сатаны

Стражи дома Израилева, пастыри Церкви, мужи богословской науки! “Семитысячелетний старец”, человекоубийца искони, не дремлет: кипя злобою против Церкви, он яко лев рыкая ходит, ищет кого поглатити... И чего-чего не изобретает он, чтобы прельстить, аще возможно есть, и избранные души? Было время, когда преследовал он чад Церкви открытыми гонениями; было время, да и теперь оно не прошло и не скоро пройдет, когда орудием борьбы его с Церковью являлись и являются ереси и расколы, а с течением веков он изобретает все новые и новые козни, новые и новые обманы, сплетает новые и новые сети, чтоб уловлять слабые души... Одним из таких адских средств борьбы с Церковью у него является лженаука, подлог, подделка под науку. Помните ли, лет двадцать назад, как некий французский иудей Нотович выпустил книгу, в которой безсовестным образом сочиненную им якобы жизнь Христа Спасителя выдавал за научное открытие? Спасибо англиканским миссионерам, которые, живя в Тибете, скоро обличили лжеца, объявив, что он никогда в Тибете не бывал, что там ничего подобного выдуманной им рукописи нет, что он – лжец и обманщик безсовестный, издевающийся над нашими святыми верованиями. Такие господа, как Нотович, не страшны еще: слишком видны белые нитки, коими они шьют, и не трудно разоблачить их выдумки. Но иудеи, как верные слуги исконного человекоубийцы и чада диавола, как их наименовал Сам Господь наш Иисус Христос, – на все способны и ни пред чем не остановятся. В прошлом году вышел в русском переводе роман г. Торн: “Когда сгустился мрак”... В этом романе автор выводит героев – изобретателей великого заговора против всего христианства: иудеи подкупают всемирно известного ученого-ориентолога подделать в пещерах, окружающих Иерусалим, гроб Христа, куда будто бы Иосиф и Никодим перенесли украденное ими тело Иисуса Христа. Подделка удастся, совершается якобы открытие, и автор яркими красками описывает, что затем произошло, когда “сгустился этот мрак над всем миром”... Сказать правду: прочитав эту книгу, я поблагодарил автора за то, что он предупредил осуществление такого заговора своим талантливым вымыслом. В самом деле, если бы иудеям пришло в голову устроить такую подделку, право же, они ни на минуту не задумались бы; нашелся бы и “ориентолог”, готовый к их услугам и – кто знает? Христианскому миру, может быть, пришлось бы пережить ту ужасную драму, какая изображена г. Торном в его романе. Автор пожалел читателей, и в его рассказе проклятый обман скоро разоблачается, и мрак рассеивается. В жизни не все бывает так, как нам бы хотелось: нередко обман, особенно изобретенный иудеями и масонами, закрывает истину в продолжении целых веков. Прошло, например, три века с половиной, как в Германии совершилась так называемая Реформация. И все были убеждены, что это дело совершили ревнители правды, во главе коих стоял Лютер, а теперь оказывается, что все это движение было подстроено заклятыми врагами Христа Спасителя масонами. Говорю “оказывается”, ибо для нас, православных, смотрящих на дело со стороны, это очевидно: скажите это протестантам лютеранам – они и теперь запротестуют против вас, и теперь будут отрицать всякое влияние масонов на их первоучителей, отступников от католичества. За три века можно свыкнуться и не с таким заблуждением. Да и самолюбие не позволит сознаться, что “передовые” люди, считающие себя цветом всего человечества, а своих вождей – инициаторов реформы – гениями, столько веков заблуждались, были попросту одурачены

какими-то масонами, которые за это время успели и все следы своего обмана замести... А обман, кажется, уже готовит новые сюрпризы тем простакам, о которых еще основатель иллюминатства так насмешливо писал: “О люди! Подумаешь, что можно внушить вам такая (нелепая) мысли! Всего удивительнее то, что ученые протестантские и реформатские богословы, состоящие в ордене иллюминатов, воображают, что находящееся в нем вероучение содержит в себе истинный смысл и дух христианства”... Чего доброго, не ныне – завтра по всему миру разнесется весть о “новом величайшем открытии” ученых немцев (не иудеев ли? Ведь они так искусно себя подкрашивают под немца, что и не распознаешь!) в области истории религий. По крайней мере, наш талантливый, но легкомысленнейший в вопросах веры публицист М. О. Меньшиков уже прогремел в своих “Письмах к ближним” о таком открытии. И не только прогремел, но уже и комментирует его, делает выводы, обобщения, не позаботившись справиться: не новая ли это “научная” подделка масонов? Не выдается ли за “открытие” измышление какого-нибудь нового Нотовича? Уж одно то подозрительно, что книга “индиолога” Планге, появившаяся еще пять лет тому назад, почему-то не произвела даже того впечатления в Европе, какое произвела подделка Нотовича. Видно, настоящие-то ученые люди просто относятся к ней, как к одной из тех кощунственных, оскорбительных не только для религии, но и для самой науки, мистификаций, на какие так способны иудеи – “доктора” разных наук. Ну, а вот для г. Меньшикова, который так ратует за нашу православную церковность, такая книга является драгоценною находкой. Этот “христианин”, да еще и “православный”, захлебывается от удовольствия, передавая ее содержание. Он пользуется случаем, чтоб сильнее произвести ошеломляющее впечатление на читателя, блеснуть своими знаниями по части санскритологии и индиологии, и тоном знатока, не допускающего никаких возражений, так и сыплет именами разных “профессоров”: тут и Сендернел,^[20] и Рис Девис, и Рудольф Зейдель, и Делич, и Чемберлен, и какой-то таинственный Х. из Киева. “Библейская критика”, видите ли, “давно признала, что Пятикнижие Моисея не может быть приписано одному автору, что раньше всех других написано Второзаконие”... А вот Высокопреосвященный Антоний, авторитет в этом отношении куда повыше г. Меньшикова, заявляет, что эти выводы “библейской критики” тоже давным-давно опровергнуты, только г. Меньшиков этого еще не знает или не хочет знать. Он не хочет знать и того, что для каждого, кстати – столь презируемого им – семинариста известно как азбучная истина, именно, что Пятикнижие существовало уже во времена Давида, и этого не опровергнуть никаким гг. Сендернелам и Чемберленам. Г. Меньшиков не стесняется приписывать и этим Чемберленам даже то, чего они сами от себя не говорили. Та к г. Чемберлен в своей книге откровенно говорит, что сам не силен в критике Библии и в своей книге руководится данными, добытыми известной Тюбингенской школой. Меньшиков разошелся до того, что не стесняется утверждать, будто наши священные книги, т. е. Евангелия, как и буддийские, составились через столетия после смерти основателя веры, т. е. Христа Спасителя. Вот его слова: “Священные книги буддистов, как и христиан, составились чрез столетия после основателей веры”! Будда и Христос – “основатели веры”, и цена им у г. Меньшикова равная. Что ему за дело до истинной науки, неопровержимо доказавшей подлинность наших святых Евангелий? Ему нужно доказать, что “европейская наука добралась до корней великого нравственного движения, которое называется христианством, а корни эти – арийские, а не еврейские”. Это значит: Господь наш Иисус Христос усвоил учение Будды и выдал его за Свое... Прости нас, Господи наш! “В

недалеком будущем, – говорит сей нововременский пророк, – следует ожидать полного восстановления арийских прав собственности на драгоценнейшую из святынь истории” – читай: признания буддизма как источника христианства... Что за богохульство! Какое невыносимое оскорбление верующих душ!

Архиепископ Антоний говорит: “Жаль, что наш талантливый публицист верит на слово всякой чепухе и потом авторитетно объявляет, будто “наука доказала”... Что касается приведенной им индийской переделки жизни Спасителя, то ее признают фабрикацией III века после Рождества Христова. Конечно, среди русской публики, превосходящей своим невежеством в Священном Писании все народы, можно городить относительно Библии какую угодно чушь и даже просто выдумывать несуществующая в Библии изречения... при всем том, прошу поверить мне, как бывшему профессору Священного Писания Ветхаго Завета, в том, что никаких неопровергнутых возражений против подлинности всех книг священных отрицательная критика так и не могла предъявить науке, что Пятикнижие писал один Моисей и никто более... что вообще все эти высокоглаголивые и надменные отзывы о св. Библии, как только о народном памятнике еврейской жизни обличают лишь собственную неосведомленность или недобросовестность таких писателей. Наука богословская и наука историческая – дело мудреное: им надо долго обучаться, а решать с маху вековые научные вопросы по выпискам таких энциклопедических словарей и алфавитных указателей значит не содействовать просвещению, а морочить честной народ “скверного ради прибытка” (Тит. 1, 2)”.

“На каких основаниях, – спрашивает профессор А. А. Бронзов, – Меньшиков утверждает, будто Магабхарата написана за тысячи лет до Пятикнижия Моисея? Доказать это невозможно, как и то, что Второзаконие написано приблизительно через 850 лет после Моисея, а остальные его книги будто бы лишь за 400–450 лет до Рождества Христова. Всякий, кто хотя бы немного знаком с историей вопроса о подлинности Моисеева Пятикнижия, историей, сколько длинной, столько же и поучительной, отлично понимает это. Обращаться же к якобы ученым, фигурирующим в фельетоне Меньшикова, можно только по недоразумению. Истине эти господа “ученые” во всяком случае не научат. Подлинная их качества давно уже оценены по достоинству, и серьезно с ними никто ныне не считается. Этими именами можно только морочить невежественную публику, что, например, и делает Геккель в своих “Мировых Загадках”. Сендерлэнд – не “ученый исследователь”, а пасквилянт, подгоняющий решительно все под известный тенденциознейший масштаб. Перевод его жалкой книжонки мог появиться только в большое время, когда русский рынок наводнился всякими “товарищескими” произведениями... Чемберлен с его подделками уже достаточно разоблачен, и на поверку оказалось, что грандиозная подделка еврейских священных книг в эпоху Ездры существовала только в голове самого Чемберлена и подобных ему лиц, но не в действительности... С именем Делича связано больше шума, чем каких-либо серьезных научных открытий... Зейдель забыт с его фантастическими измышлениями даже большинством его сторонников после того, как был по косточкам разобран его соплеменниками. Не только “безусловно достоверных”, но и просто сколько-нибудь “достоверных” письменных памятников буддизма из дохристианской эпохи не было и не сохранилось, и ссылка на них не имеет никакого значения. Мнение, будто наши христианские священные книги (Евангелия, Деяния и Апостольские послания) составились “чрез столетия по смерти Христа” – воистину чудовищно. Аналогии и совпадения, по словам профессора Бронзова, совершенно естественны: у индусов могли

быть заимствования из наших священных книг, ибо их книги, по мнению лучших знатоков их литературы, появились не раньше века по Рождестве Христовом. Нравственное и религиозное учение буддизма и христианства совершенно различны по существу. Буддисты – атеисты. Их “троица” не имеет ничего общего с христианскою. Души у человека буддисты не признают. О бессмертии не учат... Но довольно этих выписок для обличения лжи г. Меньшикова.

Спасибо святителю Волынскому и профессору Бронзову за скорую и сильную отповедь новоявленному проповеднику буддизма. Но не знамение ли времени, что отповедь не появилась в той газете, которая дала место возмутительной статье г. Меньшикова, а в маленьком “Свете”? Не значит ли это, что гордая газета отказала архиепископу в помещении его письма в редакцию? “Новое Время” имеет до ста тысяч подписчиков; наши интеллигенты, как сие засвидетельствовал и архиепископ Антоний, в громадном большинстве – полнейшие невежды в Священном Писании; все они прочтут и будут вкривь и вкось комментировать статью своего любимца-публициста; отравы пойдет широко и заразит многих, особенно молодежь, – а где же противоядие?^[21] Покойный министр-мученик Вячеслав Константинович Плеве спрашивал меня: что я думаю о свободе печати? Я ответил: если уж правительство хочет дать свободу – пусть дает, но под непременною условием: обязать все издания безпрекословно помещать на своих страницах все возражения, какие будут присланы, – без обращения к суду и власти... – Едва ли это выполнимо, сказал он. – Тогда, заметил я, не только мы, люди порядка, но и вся Русь православная положительно вззоет от такой свободы... Вот и смотрите теперь: что творится? Справедливо Е. К. в “Колоколе” говорит: “Меньшиков доказывает, что христианство не только не божественное откровение, не только не истинная спасительная религия, а просто – сплошная экспроприация: своего оно ничего не имеет, все у него краденое. Оно обобрало буддизм, – образ Христа светит не своим светом, а заимствованным у Будды”. А значит... Значит: страшно сказать – Христос – не Бог воплотившийся, Евангелие – не богодухновенная книга, а переделка индусских сказаний о Будде и прочие безумные глаголы... А в конце концов – долой христианство, как религию обмана, возвращайтесь в буддизм!..

И это говорит человек, еще так недавно с фанатизмом отстаивавший “церковность” духовных школ! Какое ужасное лицемерие! И невольно приходит на мысль: не настало ли время позвать к суду церковному этого явного еретика и отступника от Православной Церкви? Не пора ли сказать ему: или покайся и отрекись от своих лживых, богохульных мудрований, или поносимая тобою Церковь вынуждена будет произнести тебе анафему! Нельзя же терпеть в недрах Церкви таких лжеучителей. Они несравненно вреднее всяких пьяниц, распутников, скажу больше: вреднее и опаснее телесных убийц, ибо убивают душу, отравляя ее сомнением и неверием, удаляя ее от Источника жизни – Христа Спасителя. Нет, таким нет места в Церкви! Но, увы! Мы живем в такое тяжелое для Церкви время, что едва ли дождемся такого очищения Церкви от столь вредных членов... Эти члены, будучи сами заражены духовною гангреною, заражают и других, особенно тех, которые находятся с ними в постоянном общении. Люди, считающие себя верующими, видят, что лжеучитель открыто, печатно распространяет свои мысли, что никто его не останавливает, никто не обличает, что сама Церковь молчит, видимо терпит сего еретика; видят все это и не считают нужным сторониться его мнений, позволяют себе их повторять... Столько ныне теплопрохладных православных! Церковь молчит, терпя вольнодумство еретика, – значит, его суждения еще не так преступны пред ее судом,

значит, можно себе позволить повторять их... А там, в силу моды, которую так усиленно рекомендуют масоны, еретические мнения внедряются в сознание наших интеллигентов, становятся, так сказать, общими местами, и зараза начинает действовать эпидемически. Не так ли было и с древними ересями? Ведь и арианство было в начале модным вольномыслием, а оно едва не заразило всю Церковь...

Но может ли, вправе ли местный епископ привлекать вольномыслящих писателей, именующих себя еще православными, к суду Церкви? Мне кажется, не только может, но и должен. На то он и епископ – *надзиратель* Церкви, чтобы стоять на страже стада Христова и зорко смотреть: нет ли между овцами волка в овчей одежде? На то у него и палица, и жезл, чтоб отгонять таких волков. А если бы он усумнился сам лично это сделать, то его долг обратить на это внимание высшей власти церковной. Если бы и здесь возникли бы сомнения относительно полномочий епископата, то пора же, наконец, собраться святителям на всероссийский собор, пора им перестать оглядываться на то, будет ли такой собор угоден или не угоден нашим интеллигентам, нашим “правлящим сферам”! Со всех сторон на Церковь Божию ополчаются ее заклятые враги; им дана свобода собираться, когда угодно, хотя по пяти раз в году; то и дело слышишь и читаешь о съездах наших раскольников, баптистов, лжеевангеликов и прочих сектантов. А как только кто заговорит о соборе – даже и не о соборе, а хотя бы только о съезде святителей – сейчас встречаются самые неожиданные препятствия к такому единению... Что это значит? Уж не в пленении ли наша святая мать-Церковь? И как зорко за этим следят! Когда в начале 1908 года некоторые присутствующие в Святейшем Синоде архиереи стали было собираться на чашку чаю, чтоб поговорить о текущих делах, то на это было обращено внимание и им сделано некое дружеское внушение. А между тем – страх берет, что творится в недрах Церкви! С 17 октября 1905 г. по сие время, меньше, чем в 6 лет, от Православной Церкви отпало около 800 000 душ! Сердце исстрадалось, видя это разрушение Церкви; хотелось бы усты ко устам побеседовать с собратиями во Христе, посоветоваться: что же нам делать? Как быть? Какая общия меры принять против безсовестных совратителей-лжеучителей? Ведь у них все средства хороши, у них и обман, и насилие – все пускается в ход: ужели все это позволительно и законно? Так, значит, наша православная Церковь в гонении? Ее никто не хочет защищать? Ее отдают на расхищение вот этим волкам-еретикам?.. Нет, мы не хотим верить этому. Нам хочется думать, что все это только *великое недоразумение*, что те, кому подобает пещись о благоустроении Церкви Божией, поймут, наконец, как необходимо оградить кроткое, незащитное Православие от хитрых волков, его расхищающих, что надо дать действительную свободу – не им, а вот самой Божией Церкви, дабы ее пастыри не были связуемы чиновниками, дабы светская власть не покровительствовала лжеучителям в их пропаганде, чтобы они имели свободу возможно чаще вступать в личное общение друг с другом и от лица всего епископата, от лица всей Русской Церкви “печаловаться” Помазаннику Божию о нуждах Церкви.

Чувствуется, что скоро начнутся массовые отпадения от Церкви наших интеллигентов. Уж слишком много в них накопилось своеволия, свободомыслия при величайшем невежестве в вопросах вероучения, при самомнении и гордыне безмерной. Помните, как некоторые интеллигенты, после отлучения графа Толстого от Церкви, заявляли, что и они желают быть отлученными вместе с их идолом-лжеучителем? Можно себе представить всю бессмыслицу, всю дерзость оскорбления Церкви в таких заявлениях! Что им Церковь, что им отлучение?! Им хотелось, как глупым мальчишкам, только показать свое

пренебрежение к суду Церкви: мы-де не боимся вашего отлучения, нам нипочем ваше православие! А печать, не только иудействующая, но и патриотическая, первая сознательно, вторая, сама того не подозревая, подготавливает это отпадение. В самом деле: для чего, например, одна из самых черносотенных газет печатает о том, как будто бы один иерарх собственноручно изгонял от себя просителей-мужичков? Если бы, сохрани Боже, что и было подобное – вероятнее-то всего, это злостная клевета, – и тогда не прямее ли было бы, не благоразумнее ли сообщать такие факты, кому о том ведать надлежит, а не разглашать их в печати на весь свет... Ведь это – с позволения сказать – хамство одно, это возбуждение пасомых против пастырей, это открытие срамоты отеческой! Не прячьтесь, господа, за право печати обличать всякое зло: и можно, и должно в таких случаях обходиться без печати. Да и – повторяю: не могло и быть такого случая. А о похождениях пьяных иереев сколько печатается рассказов! И в этом случае самая крайняя левая газеты единомысленны с некоторыми самыми крайними правыми. Левая перепечатывают из правых, а правая из левых. И без того мы, архиереи, измучились душою в этой бесконечной борьбе с пороками, вроде пьянства в среде нашего духовенства: ведь и один пьяный иерей – тяжелое бремя горе-забота для архиерея; а когда о нем еще печатают в газете на радость врагам Церкви, то это горе – вдвое. К чему выставять на позор людской таких несчастных? Ведь во всяком же случае они – исключение; ведь и среди апостолов был корыстолюбец... А главное, что особенно тяжело в этих газетных сообщениях: это факт самых сообщений. Пасомые являются как бы судьями пастырей своих, нарушается основное правило церковной дисциплины, забывается заповедь о любви не просто к ближнему, а к одному из тех, кому Господь дал благодатное право вязать и разрешать грехи мирян... Правда, тяжко виновен и немогущий духом пастырь; он будет отвечать за соблазн несравненно больше, чем мирянин; он является в той или иной степени виновником и той ереси, какую недавно проповедовал все тот же г. Меньшиков, будто благодать Духа Святаго не действует чрез недостойных пастырей. Но все же печатание в газетах, да еще правых, о пороках того или другого пастыря – явление тревожное: оно показывает, что в нашей Церкви отношения к пастырям нарушаются уже принципиально, что пасомые забывают главные основы этих отношений, а отсюда уже недалеко и до разрыва с самою Церковью. И этот разрыв уже намечается в том свободомыслии относительно веры, которое так ярко проявляется в статьях Меньшикова, Розанова и др. публицистов. Интеллигенция, особенно невежественная полуинтеллигенция, накануне отпадения от Церкви. Куда она пойдет – сказать трудно, вероятно, по разным путям, самым противоположным: от католичества до буддизма и открытого безбожия включительно...

Как же нам, архиереям, не желать скорейшего собора? Надо же приготовиться к грядущим на Церковь Божию бедам! В одиночку всего не придумаешь, да и недостаточно себя полномочным сочтешь. Сказано в Писании: *спасение во мнозе совете: брат от брата помогаем яко град тверд*. А на соборе – веруем – Христос посреди нас, ибо и постановления соборныя возглавляются: *изволися Духу Святому и нам...* Будем молить Всеблагаго Духа Божия, да возглаголет благая о Церкви Своей в сердце Царевом, еже есть в руце Божией...

Правда ли, что я навожу на читателей уныние?

Уже не раз говорил я в своих дневниках, что на наших глазах подменяется народное мирозерцание, что идет подмена понятий в сознании подрастающего поколения! Процесс этот совершается незаметно, но когда сравнишь то, что было лет 50 назад, с тем, что видишь и слышишь теперь, то это явление уже бросается в глаза. Полвека назад в среде простого народа немало было грамотеев, которые правильно употребляли в беседе о духовных предметах церковнославянския слова и выражения и даже, когда речь шла о духовном, то старались и выражаться по-славянски. И это было совершенно естественно: ведь учились тогда по славянскому букварю, Часослову и Псалтири, читали Четии-Минеи, прологи и творения святых отцев большею частию по-славянски и так осваивались с языком матери-Церкви, что хорошо понимали его и, как я сказал, нередко употребляли славянския выражения даже в беседе религиозной.

Не то теперь. Ныне люди верующие, достаточно образованные, читающие даже мое “Троицкое Слово”, не всегда разбираются в терминах духовной жизни. Так, один почтенный читатель пишет мне, что моя статья в № 62-м “Наше духовное сиротство и бездерзновение веры” “вся проникнута таким грустным и безотрадным чувством, что и заключительная часть ея о покаянии не рассеивает навеянного уныния”. “Мне, – говорит он, – прежде всего думается, уместно ли вообще такое уныние по высказанным в статье той причинам, да притом в дни Великого поста, когда каждый день взываем: “уныния не даждь ми”. Ужели так плохи наши православныя дела?” Ясно, что мой добрый читатель не знает значения слова *уныние* и употребляет его в смысле тоски, гнетущей скорби, боли душевной, безотрадного чувства. Между тем, это далеко не одно и то же. Уныние есть дремота, омертвление души, нечувствительность сердца, как бы духовный паралич. Это – апатия духа, разлечение, безразличие и холодность к добродетели, малодушие, рассеянность души, вялость и небрежение, заканчивающееся отчаянием в своем спасении. Если, не дай Боже, мои дневники наводят на читателей *такое* состояние, то прошу в том прощения. А если пробуждают в душе тоску о потере идеалов наших, спасительную скорбь о разлуке с Богом, Котораго мы удаляем от себя своими грехами, чувство сиротства духовнаго, то это уже отнюдь не есть уныние: это спасительная *печаль яже по Бозе*, которая ведет к покаянию и спасение соделывает, по слову Апостола Христова. “Можно ли, пишет читатель, – нам вообще говорить о сиротстве, когда Христос совершенно определенно сказал, что Он с нами будет во вся дни до скончания века, что Он не оставит нас сиротами, придет к нам, что Церковь Его не одолеют врата адовы?” Да, поистине радостныя обетования! Да, Христос-то с нами, но мы-то со Христом ли? Не удаляем ли мы Его от себя грехами своими? Не уходим ли от Него на страну далече? Христос с нами, но со Христом ли те, которые в святые дни постов и праздников веселятся безумно в театрах и других еще более зазорных для христианина местах? Со Христом ли те, которые предаются порокам пьянства, безпутства, лгут, обманывают, сквернословят, живут с блудницами? Со Христом ли те, которые поносят Его, вторицею и многожды распинают, искажая Его Божественное учение, издеваясь над Церковию Божией, Его непорочной невестой, приравнивая Его Самого к Будде и Магомету? Со Христом ли те, которые не хотят слушать Христа? Да, Господь обетовал, что врата адовы не одолеют Его Церкви, но ведь Церкви же, а не Руси нашей дано это обетование! Да,

Церковь вселенская пребудет до скончания века неодоленной, но ведь речь идет о вселенской Церкви, а не о русской! Была некогда славная Церковь Карфагенская: но где она? Были и другие частные Церкви в древности, но их уже нет: почему мы можем быть уверены, что не отыметса от нас царствие Божие и не будет передано другому народу, который будет творить плоды, его достойные? Если мы считаем себя народом избранным, чтоб хранить святой ковчег Православия для всех народов земных, то и должны с благоговением хранить вверенную нам святыню, а не отдавать ее на поругание! А посмотрите, вспомните, что творится у нас! Вспомните, что был народ, избранный Богом от всех народов земных, чтоб принести спасение миру, народ, праотцам коего были даны обетования, коих мы, русские, не имеем. А что случилось с этим народом? Не стало ли имя его презренным среди народов так, что сам он, этот народ, стыдится своего имени? Не внушает ли он презрение и некоторую брезгливость и у нас на Руси? А ведь был когда-то избранный, а теперь – Богом отверженный, хотя все еще считающий себя Божьим избранником! Не дает ли он урок и нам, не творящим плодов царствия Божия, что еще не покаемся – такожде отвержени будем? Хвалились иудеи своим избранничеством и происхождением от Авраама и во дни Христа Спасителя: *отца имамы Авраама*. Но что им глаголет Христос? *Вы отца вашего диавола есте!*.. Сердце содрагается, когда читаешь в Евангелии эти слова, и помышляешь о нашем богоотступничестве!

“А нам, православным, – продолжает мой читатель, – и совсем нельзя говорить о духовном сиротстве при обилии наших русских подвижников веры православной. Ведь они в нашем государстве жили и подвизались, да ведь ими и Русь святая строилась”. Но вот сие-то и послужит к сугубому нашему осуждению, что мы имеем таких духовных предков наших! А соблюли ли мы в целостности святые заветы их? Да, они строили нашу многострадальную святую Русь, а мы не разрушаем ли ее своими беззакониями, своим непростительным равнодушием к поруганию сих заветов, своею холодностью к Церкви? Не растрчиваем ли их святое наследие? Не грозит ли нам то, что уже грозило нашей Руси в 1521 году? Вспомните видение слепой старушки-монахини в Вознесенском монастыре: направляется из Кремля в Спасския ворота как бы в крестном ходу сонм святителей и других угодников Божиих и среди них чудотворная икона Богоматери Владимирская. Вот они вышли уже из ворот, а навстречу им идут преподобные отцы Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский. Припав к ногам святителей, они вопрошают их: зачем они уходят из города и на кого оставляют его в такое скорбное время? Под стенами Москвы в то время стояли татары под предводительством Махмет-Гирея. Святители со слезами отвечают: “Много молили мы Всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу об избавлении от сей великой скорби, но Бог повелел нам выйти из города и вынести с собою сей чудотворный образ Пречистой Его Матери, потому что люди забыли страх Божий и не радеют о заповедях Господних. Пусть они накажутся от сего варварскаго народа и чрез покаяние обратятся к Богу”... Не забыли ли и мы страх Божий, не забыли ли заповеди Господни? Не уходят ли и от нас угодники Божии и Царица Небесная, наша усердная всегда Заступница? Тогда преподобные умолили святителей, и они, осенив город крестом Господним, возвратились в Кремль (в память чего и ныне в Спасския ворота все входят с открытою головою), и Москва была спасена. А ныне не переполняется ли чаша гнева Божия над нами и не грозит ли оставление по реченному: *се оставляется дом ваш пуст!* Не напрасно ли мой добрый читатель утешает себя: “Как же нам говорить о духовном сиротстве, когда мы живем в православном государстве (увы! и в этом приходится подчас сомневаться!), а святая Русь находится под особым покровом Царицы Небесной? Ведь Вашему

Преосвященству должно быть известно, что Русь строилась чудом, при помощи силы Божией, проявленной и проявляемой в великих святых подвижниках Российских. Ведь это непонятно для нашей языческой интеллигенции, а вам это должно быть известно лучше нас грешных”.

Что же из всего этого? Те м более ответственности лежит на нас, чем больше мы удостоены милостей Божиих. И опять надо вспомнить отверженный Богом еврейский народ. Он ли не был любимцем Божиим среди всех народов земных? И однако же не пощадил его Господь. А Византия? Ведь, праздник Покрова Пресвятыя Богородицы – не наш русский праздник: это праздник и Византии. Ведь Матерь Божия почиталась покровительницею и Царьграда, как и России. Ведь древняя Греция имеет не меньше России у Бога святых молитвенников, и однако же... Пятое столетие святая София в поругании у почитателей обманщика Аравийских степей, да и Гроб Господень охраняется неверными...

“Почему вы думаете, – пишет читатель, – что мы совсем не похожи на современников св. Александра Невского? Если бы мы были другие, то не могли бы выделить из среды себя тех святых подвижников, которых вы сами в своей статье насчитываете более десяти человек, и это только из недавнего прошлого. Весь мир во зле лежит, а потому и во времена Александра Невского, мне думается, были грехи и великие грешники не лучше нас, грешных”.

На это скажу: хвалиться тем, что “мы выделили” мною указанных подвижников – не добре: во-первых, что все они вышли еще в то время, которое мы теперь называем “добрым старым временем”, хотя оно и недавнее наше прошлое: ведь, я говорю о самом последнем времени, когда пронеслась духовная политическая смута по лицу родной земли, когда русские люди стали презирать все родное и сердцу святое, когда даже в деревнях появились богохульники и святотатство стало обычным явлением, когда не только грех грехом не называют, а уже возводят его в добродетель, а это уже – хула на Духа Святаго, грех непростительный... А во-вторых, – и это главное: в те старья добрыя времена люди, может быть, грешили и больше нас, да каяться умели, грех всегда грехом и называли! Прочтите в летописях, как русский народ буквально повторял на деле историю покаяния ниневитян, а теперь?!.. Теперь вот подыскивают оправдания: мы-де еще не так уж грешны, как вы расписываете, мы-де “выделяем из среды себя святых подвижников”, что-де и тогда были “грешники не лучше нас грешных”... Вот это-то и есть признак нашей нераскаянности, нашего нечувствия, нашей духовной слепоты! Вместо того, чтобы в чувстве покаянном вздохнуть из глубины души: “Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, Господи! Согрешили, Господи, паче всех народов земных, не вниди в суд с нами грешными!” – мы рассуждаем, что мы-де еще не так уж грешны, что мы грешим, правда, но не больше же предков наших, что вот из среды нашей выходили еще так недавно избранники Божии... Рассуждаем так и стараемся успокоить себя, чтоб потом еще глубже заснуть... Пусть простит мне мой читатель – письменный собеседник, а мне страшно за него, мне слышится грозное слово ветхозаветного пророка, и слово это жжет, как огонь, палит, как пламень неугасимый: *увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?*”... (Ис. 1, 4, 5) Ведь вся наша правда, все добро наше – яко порт нечистый пред Господом! Горе нам, если будем еще любоваться чужими добродетелями, ссылаться на свое родство с угодниками Божиими в свое оправдание: ведь и иудеи ссылались на

родство свое с Авраамом, а что им сказано? Вот в таком-то подкладывании себе возглавий под всякий локоть руки, по выражению пророка, и заключается начало того уныния, в каком обвиняет меня мой читатель! “Если сейчас, – говорит он, – когда гнев Божий только слегка коснулся России, наши архипастыри теряют дерзновение веры и впадают в уныние, то что мы будем говорить в то время, когда гнев Божий серьезно коснется России?” Нет, не к унынию призываю я Русский народ! Я хочу и в себе самом, и в других разбудить дремлющую совесть, глубже сознать свою виновность пред Богом, ярче осветить ту опасность, на краю которой стоит несчастная наша Россия. Богу не нужны наши оправдания, Ему нужно, чтобы мы упали пред Ним с горькими слезами раскаяния: “Нет у нас, Господи, ничего доброго, все только грехи и грехи, не стоим мы милости Твоей, а все же вопием: помилуй! Нет у нас даже дерзновения веры, ибо вера наша без дел, без исполнения Твоих животворящих заповедей – в нас омертвела, едва искрит. Но и веру оживи, и силы подай к покаянию, к новой жизни: помоги маловерию и неверию нашему!” Вот к чему я призываю моих читателей.

Сохрани Бог от уныния! Да смиренное сердце и не поддастся ему. Смиранный знает, что в самом унынии заключается гордыня самооправдания и богохульная мысль отчаяния. Человек ищет в самом себе точки опоры для своего спасения и, не находя ее, начинает себя обманывать, успокаивать: есть-де и похуже меня, погрешнее есть; да я и не один: все ведь таковы; найдутся и праведники среди нас: за их молитвы Бог помилует, стало быть, много беспокоиться нечего”. И дремлет духовно такая душа, и предается разленению, рассеянности и ищет развлечения вместо того, чтобы внимать себе, будить себя, толкать свою спящую совесть. А это-то и есть то, что называют святыя отцы унынием. Мой собеседник, указывая на пример пророка Илии, которому Бог сказал, что Он соблюл Себе среди Израиля семь тысяч душ, пишет мне: “Думаете ли вы, что Христос не соблюл Себе в православной святой (не лучше ли сказать: многогрешной?) Руси семи тысяч верных, которые не преклонили колена пред ваалом прогресса и лжеучений? Я позволяю себе думать, что даже среди нашей языческой (язычествующей?) интеллигенции найдется гораздо более семи тысяч верных, а среди младенцев веры, среди народа и миллионы найдутся”. В ответ на это я скажу больше: Ниневия пощажена была Богом за то, что в ней было более 720 000 младенцев: тайных, единому Богу ведомых праведников видит только Всевидающий, а младенцев и мы видим, и их на Руси несколько миллионов; но если бы ниневитяне не показали такого искреннего раскаяния, какое описывает пророк Иона, то город погиб бы, да он потом и погиб, когда снова развращение в нем дошло до крайних пределов, и младенцев ради не пощадил его Господь... Но вот именно такого-то раскаяния *всенародного*, во всех классах и слоях народных, мы и не видим... Не видим не только в высших классах, но и в народных массах. Все живут земными интересами, у всех на уме забота о личных выгодах и благоустройстве своей семьи, своего гнезда. Никому нет дела до общего горя, до общенародной беды, висящей над нашею головою. Возьмите, хотя бы, народное пьянство. Кто борется с ним так, как бы то подобало? Много ли у нас трезвенников, ревнителей этой борьбы? Проявляется ли в массах народных *непримиримая ненависть* к этому пороку в формах, например, решительных приговоров целых селений – ни капли ничего спиртного не употреблять? Спросите руководителей обществ трезвости, чего им стоит удерживать от искушения тех, которые уже дали обет трезвости? А только ли пьянство одно губит народные нравы? А леность, а безсовестность во взаимных отношениях, а клятвопреступничество, обман, распутство? Гд е же, где признаки искреннего всенародного покаяния? Кается ли наша язычествующая интеллигенция?

Каются ли правящая сферы? Та м нарушение седьмой заповеди Господней не ставится ни во что. Та м целыми годами – даже именующие себя верующими – не говеют, не причащаются Святых Таин, в церкви не бывают. Та м совсем забыли о том, что такое посты... От таких ли ждать покаяния? Правда, есть еще, слава Богу, и среди интеллигентов люди, Бога боящиеся, Церковь любящие, но много ли их? Не стоят ли они где-то в сторонке от дел государственных, а если и приближаются к сим делам, то что могут сделать, когда подавляющее большинство знать не хочет матери-Церкви, когда многие готовы продать ее за чечевичную похлебку иудейской печати, когда многие сами безмолвно уходят от дел в сознании своей беспомощности?.. С этим соглашается, по-видимому, и мой читатель. Он пишет: “Не могу не согласиться, что напор на православную веру со стороны обрезанных и необрезанных язычников сделан серьезный, но это, может быть, для того попущено, чтобы возбудить в нас ревность и заставить серьезно оглянуться на себя и на свою деятельность”. О, конечно, так! Но что же? Оглядываемся ли мы? Ревнуем ли по вере? Исправляемся ли в жизни? Да, оглядываемся, пожалуй, и видим, что у нас еще не так все плохо: еще так недавно мы “выделяли из среды себя святых”... То ли нужно для привлечения к себе милости Божией? То ли потребно для нашего духовного оздоровления? Слышите, что говорят святых отцы: *егда узриши грехи своя яко песок морской – се начало здравия души! Даруй нам, Господи, зрети наши прегрешения!* – учит молиться Церковь. А нам все хотелось бы видеть себя лучше, чем мы на самом деле.

“Вот тут-то и должна оказаться вся стойкость наших пастырей и архипастырей, – пишет читатель. – Если сейчас, при предтечах антихриста, наши архипастыри теряют дерзновение веры, смиряются и молчат, то что мы будем говорить тогда, когда откроется человек греха, сын погибели, беззаконник – которого пришествие будет по действию сатаны со всякою силою и знамениями и чудесами ложными. Я глубоко убежден, что если наши архипастыри, поникнув головою, смирятся и умолкнут, то камни возопиют, потому что сказано: “Господь Иисус убьет его духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего”.

Что архипастыри “смиряются” – за это слава Богу: горе, если бы они стали гордиться. Но слово это, кажется, употреблено здесь не в нашем церковном смысле, ибо около него стоит слово “молчать”. В этом мы повинны: надо бы кричать, громко вопиать, с крыш проповедовать! Но вот, когда мы возвышаем голос, обличаем, зовем к покаянию, нас начинают обвинять, что мы наводим “уныние”... Невольно вспоминается евангельское: *пискахом вам и не плясасте, плакахом вам и не рыдасте (Мф. 11, 17)*. Молчим мы – виноваты, говорим – зачем говорим не так, как бы хотелось нашим пасомым... Им бы хотелось, чтобы мы подкладывали подушечки под всякий локоть руки их, чтоб успокаивали их, не тревожили их совести. Им хотелось бы иметь дерзновение веры без дел веры, которая, однако же, без дел мертва есть, а у мертвеца какое уж дерзновение? Мы говорим: покажите веру свою от дел ваших, начните жить по заповедям Божиим, и вера ваша оживет, и дерзновение ея возвратится к вам, а они упрекают нас, что мы сами теряем это дерзновение веры... Да, я сказал: “То что творится теперь на Руси, лишает нас дерзновения веры”. Поистине – *не имамы дерзновения за премногия грехи наша!* Разве это не правда? Поистине нам подобает склонять свою грешную главу до праха земнаго пред гробами наших небесных заступников и плакать, и горько рыдать, просить у них помощи и заступления! Мытарь не имел дерзновения и очей на небо возвести, но дерзал вопиать к Богу в сознании своей греховности: *Боже, милостив буди ми грешнику!* Будем иметь

мужество взглянуть правде в глаза, сознать свое бедственное положение, свою тяжкую виновность пред Богом, восчувствуем свою беспомощность и вот это свое “бездерзновение” и пожалуемся Богу и святым Его на себя самих, на свое безсилие, свою полную духовную нищету. Не будем оправдываться, не будем утешать себя в горести своей тем, что еще недавно мы выделяли из своей среды праведников: напротив, поставим себе это в новую вину, в новое осуждение. Значит, и мы могли бы быть такими же, как и они, ибо и они были такие же люди, как и мы, и жили в тех же условиях, как и мы Богу нужно наше сердце сокрушенное и дух смиренный. Бездерзновение веры еще не есть отчаяние: это – только глубокое сознание своего недостойнства пред Богом, безмолвный плач пред Господом, с показанием Ему своих немощей, своих ран духовных. Это зрение грехов своих, не личных только, но и всенародных. Бездерзновение веры вовсе не есть “сомнение” веры, не есть “уныние” духа: напротив, это – глубокая скорбь мытаря, кающегося и не дерзающего очей своих возвести на небо, но все же сердцем к Богу вопиющего. Что делать, когда мы не имеем того дерзновения, с каким вопияли к Богу великие праведники, с каким стоял пред Престолом Божиим, например, великий молитвенник Русской земли, незабвенный отец Иоанн Кронштадтский? Увы, мы должны сознаться: *такого* дерзновения Петра, который говорил: *выйди от меня, Господи, яко человек грешен семь...*

Мой читатель далее пишет: “Вы говорите, что если бы православные, любя свою веру, твердо знали учение своей Церкви и могли отражать всякую хулу на это учение, то ни один еретик” и т. д. Я уже упоминал выше о младенцах веры: ужели все они, вызубрившие учебник Закона Божия, могут не только устоять против лжеучений, но и отражать нападки обрезанных и необрезанных язычников? Не думаю. Не об учебниках я говорил, не о школьном знании своей веры. Вызубрить учебник и даже все томы всяких курсов богословия вовсе еще не значит знать свою веру. Мало того: выучить всю Библию наизусть, знать ее текст на всех языках мира – опять-таки не значит еще знать свою веру. Представьте себе, что вы не знаете еврейского языка, и вот еврей продиктовал бы вам из еврейской Библии несколько стихов по-еврейски, а вы записали бы эти звуки русскими буквами и потом стали бы их читать: еврей понимал бы, что вы читаете, а вы сами не понимали бы. Вот то же значит – не больше – и знание веры по книжкам. Учение веры надо сердцем читать, и “младенцы веры” вот именно так его и читают. И бывает, что иная безграмотная старушка, едва умеющая произнести две-три кратких молитовки, но сердцем ищущая Бога, знает свою веру лучше профессоров богословия. О таких-то и говорил Господь: *исповедаются Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою!* Вот об этом-то знании веры сердцем я и говорил. В этом, кажется, мы согласны с читателем, ибо и он пишет: “Бог дал нам способность быть служителями Новаго Завета, не буквы, а духа, потому что буква убивает, а дух животворит... Царствие Божие не в слове, а в силе”... Согласен я с ним и в том, что “этого, к сожалению, не могут вместить наши интеллигентные язычники, типичнейшим представителем которых является нововременский философ (ну какой он философ? Довольно бы сказать – софист!) Меньшиков. Мне представляется он не иначе, как волком в овечьей шкуре, и волком большим, который, вероятно, многих овец из стада Христова опутал своими философскими (софистическими) сетями”. А я замечу: если бы наши интеллигенты побольше интересовались богословскими науками, если бы побольше читали апологетические исследования, то этот волк был им не столько страшен, сколько смешон:

так слабы его выступления против христианства, так шатки его софизмы! Вот тут и наука пригодилась бы, не говоря уже о том знании веры сердцем, о каком и понятия не имеют в большинстве наши интеллигенты.

Приятно читать в письме мирянина такие строки: “Оставаться равнодушным в нынешнее время значит идти против Христа: *кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает*, сказал Он. О, Ваше Преосвященство, если бы вы знали, как кипит сердце, когда читаешь, слышишь и наблюдаешь все, совершающееся ныне в мире!”

И слава Богу, что такая скорбящая души есть на Руси. И дай Бог, чтобы эта скорбь проникала все их сердце, приносила плод в жизни, обновляла их духовное существо, а вместе с тем обновляла бы и бедную, измученную нашу мать – Русскую землю! Я боюсь, однако же, что наши интеллигенты, именно интеллигенты, а не простецы, будут виновниками гибели нашей Руси. Вспомните, что ведь и еврейский народ загубили, и Христа распяли, и проклятие на свой народ призвали интеллигенты – книжники и фарисеи. Читайте в Евангелии, с какою любовью народ, простой народ следовал всюду за Господом. Правда, его не всегда привлекало к нему Божественное учение Христово: больше влекли чудеса, однако же – с каким восторгом этот народ встречал Господа с ваяями и ветвями во время Его торжественного входа в Иерусалим! Но книжники, фарисеи, эти интеллигенты того времени, сумели отвлечь народ от Господа, и народ как бы отстранился, уступил их натиску. Не то же ли и теперь? С какою любовью народ бежал за отцом Иоанном Кронштадтским, с какою любовью он идет теперь за отцом Илиодором! Но настал 1905-й вечно проклятый год, и толпы народныя пошли за иудами-предателями, а все эти иуды вышли, ведь, из среды если не интеллигентов, то полуинтеллигентов. О, боюсь я этих изменников-интеллигентов, гордых в своем самомнении и пустых в своем круглом, невероятном невежестве!..

Новое торжество Православия

Паки небо отверзлось над грешною Русскою землею; паки льются оттуда милости Божии по молитвам новаго ходатая, новаго предстателя нашего пред Богом, святителя Божия Иоасафа! Пусть в гордости своей отступники от святой Церкви Православной говорят, что не нуждается Бог в людях-ходатаях за нас, ибо сказано: един ходатай Бога и человеков – Христос Иисус. Мы веруем и исповедуем, что Бог не отвергает молитвы любви святых Божиих за грешный род людской, как не отверг Он молитвы Моисея, раба Своего, за нечестивый народ еврейский, когда в праведном гневе Своем хотел истребить его за идолослужение; как внял молитве даже согрешившаго пред Ним Давида и прекратил моровую язву в Израиле. Внемлет Господь молитве любви святых Божиих и исполняет ее, во славу Свою и в прославление святых Своих, как Сам изрек: *прославляющих Меня Я прослаблю* (1 Цар. 2, 30). Он Сам есть любовь, и может ли Любовь Божественная отвергнуть молитву любви любимцев Божиих? И кто дерзнет положить пределы любви Божией какими-то юридическими границами: есть-де един Ходатай и никто не дерзай ходатайствовать более!? Но и ведь все святые Божии ходатайствуют во имя сего Великаго Ходатая Бога и человеков, по слову Его, по обетованию Его же: ведь Он не раз повторял ученикам Своим в Своей речи прощальной: *аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. Елика аще чего просите от Отца во имя Мое, даст вам... Просите и приимете, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 14, 13; 16, 23–24). Вот в силу сего обетования святые Божии, непосредственно предстоя Престолу Божию на небесах, и просят за нас, грешных, Отца Небеснаго помиловать нас, и ужели Отец Небесный отвергнет их молитву? Ужели Сын Божий, сидящий одесную Отца, не споспешествует такой молитве любви? Кто дерзнет сказать сие? А если гордые отщепенцы от Церкви скажут нам, что в указанных местах Господь говорит о молитве еще живущих на земле, то ответим им: *Бог наш не есть Бог мертвых, но Бог живых, вси бо Тому живи суть* (Лк. 20, 38). И, конечно, отшедшие к Богу святые Божия ближе к Богу, чем мы, грешные, больше имеют дерзновения к Нему, ибо греху уже не доступны, а любят нас не меньше, чем любили, когда жили с нами на земле. И веруем мы непреложно, что их молитва сильна пред Богом, и имеем мы тому непререкаемая свидетельства в дивных знамениях и чудесах, совершаемых по их молитвам. Мы имеем свидетельство в чудесном нетлении их святых мощей. Мы имеем свидетельство в нашей совести, в нашем сердце, что их любовь откликается на нашу смиренную молитву и, очищая сию нашу молитву, приносит ее к Престолу Всевышняго.

Прославление святителя Иоасафа имеет сугубое значение для нашей Русской Церкви. Это – небесное ей утешение в скорбные дни, ею переживаемые. Это – свидетельство с неба о ее святости, чистоте богоучрежденности, о любви к ней Господа Иисуса Христа, ея небеснаго Главы и Основателя. Православные русские люди! Да и не русские только, но и все, верующие в Бога, все, кто имеет очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать! Се – зрите дела Божии, пред вами воочию совершающиеся! Как во дни благочестивых предков наших Господь являл дивныя знамения и чудеса, прославляя святых Своих, так и в наши дни слепые прозирают, хромы ходят, расслабленные встают у нетленных мощей новых чудотворцев Русской земли. До 400 чудесных исцелений записано и удостоверено, совершившихся у гроба святителя Иоасафа. Не ясно ли Господь засвидетельствовал сим,

что Он хочет прославить во всю жизнь свою прославлявшего Его угодника, святителя-милостивца?

А если святитель Иоасаф удостоился прославления от Господа, то и Церковь Православная, коей он верно служил во все дни жития своего, есть истинная носительница заветов апостольских, истинная хранительница Божественного учения Господа нашего Иисуса Христа. Значит, только в послушании ей и возможно спасение, а следовательно, все, кто противится ей, кто самочинничает в деле спасения, кто дерзает хулить ее, кто думает спастись без нея – все таковые стоят на пути погибельном.

Настали времена великих скорбей для Церкви Божией. До 800 тысяч чад ея изменили ей, уклонились в ереси и расколы, расхищены волками лютыми – лжеучителями. И всюду рыщут эти хищники, прикрываясь одеждою овчею. Все чаще и чаще собираются их советы и съезды, чтоб изыскать средства: как бы расхитить стадо Божие. И вот как будто встают из гробов своих, воскресая из мертвых, великие пред Богом печальники Православной Церкви и своими чудесами и своими благодатными знамениями пред всем миром свидетельствуют истину Православия. Прииди и виждь каждый, колеблющийся ветром сомнения, виждь и осяжи, если только не ослепила тебя гордыня сомнения, и смирись сердцем, и познаешь, коль благ Бог наш к православно Его исповедующим и какое неистощимое богатство благодати Его сокровенно во святой Церкви Православной! Кто искренно заблуждается, кто без предубеждения ищет истины, того выведет Господь на путь истины, и он познает ее, обретет ее во спасение. Пример – великий ревнитель правды фарисей Савл, некогда гонитель, а потом великий учитель Церкви, больше всех апостолов потрудившийся в благовестии Христовом, Апостол Павел. Он ли не гнал и не преследовал Церковь Божию? Он ли не сажал верующих в темницы, он ли не соизволял убийству их? Но он искренно заблуждался, и Господь Сам благоволил явиться ему и просветить его светом истины. О, если бы все эти лжеучители, что ныне хулят Церковь Божию, были совершенно искренни в своих заблуждениях, если бы не были заражены предубеждением против Церкви Христовой, если б свой недалекий, во всяком случае ограниченный, но гордый ум смиряли в послушание вере и отсекали свое смышление пред разумом матери Вселенской Церкви! Но, увы, многие из них дошли в гордыне своей до такого ожесточения, что если бы и из мертвых кто воскрес на их глазах у святых мощей угодников Божиих – они не уверовали бы! Таково сердце человеческое, гордынею отравленное, что скорее ефиоп убелит кожу свою, чем оно смирится пред Богом. Пример – современные Христу Спасителю книжники и фарисеи. О, они отлично знали, что Господь воскрес из мертвых, но упорно не хотели верить и не верили! Они сами были свидетелями воскрешения Лазаря, сына вдовицы Наинской и других чудес Христовых, и некоторые из сих чудес, как, например, исцеление слепорожденного, сами расследовали, производя формальные допросы, но не хотели верить и не веровали, а Лазаря и к смерти приговорили... К несчастью, гордость еретиков именно такова, и, в силу их неискренности и гордаго предубеждения, нет надежды на их духовное прозрение, и чудеса Божии, совершающиеся у гробов чудотворцев наших, послужат им только к сугубому осуждению... Но есть прельщаемые ими из верующих православных, есть искренно ищущие истины среди неправославных, в которых чудеса сии укрепят веру в истинность Церкви Православной и которые прославят Господа, дивнаго во святых Своих. И будет велия радость и на небесах, и в Церкви Божией о едином от таковых кающемся из заблуждающихся, и все мы прославим имя Господне, прославляя память угодника Божия святителя Иоасафа. Святителю Божий! Телом нетленным в Белграде почивающий, духом

же всю землю Русскую обтекающий! Вознеси ко Господу теплыя твои молитвы о земле тебе родной: да укрепит Он русских людей в вере православной, да упразднит все еретическия мудрования, да обратит к истине Православия всех, от нея уклонившихся, да умирит смятения и крамолы врагов Отечества и да благословит превожделенным миром Самодержавнейшаго Царя нашего на многая и многая лета!

Два слова о «мелочах»

Мои читатели просят меня обратить внимание на то, что мы привыкли называть “мелочью”, но над чем действительно следовало бы задуматься, особенно если вспомнить правило врагов христианства – масонов: мелочами следует пользоваться, чтобы незаметно подменивать понятия, обезценивать нравственные истины, приучать к небрежному, шутивому, а затем и кощунственному употреблению таких слов и понятий, к каким мы, христиане, привыкли относиться с должным уважением. Ведь слова и предметы, ими обозначаемые, так тесно связываются в нашем сознании, что, употребляя шутивно или кощунственно, например, имя какого-либо угодника Божия, мы не можем в совести своей не чувствовать, что тем самым оскорбляем сего угодника. Вот почему святитель Филарет Московский строго относился к обычаю некоторых называть животных христианскими именами: он не одобрял этого и в баснях знаменитого нашего Крылова. Для христианина нет мелочей, нет вещей и понятий безразличных; для него апостольское правило: *вся благообразно и по чину да бывают* – распространяется не только на область жизни, но и на область мысли и слова. Нельзя сказать, чтобы на это и у нас не было обращено внимания: еще так недавно, например, первый приобретенный во Франции дирижабль сначала был назван “Россией”, но потом, как бы спохватившись, переименовали его “Лебедем”. Какое-то внутреннее чувство подсказало, что если упадет этот дирижабль и погубит несколько жизней, то будет неприятно сказать: “Россия” упала, погибла и т. п. Несколько лет тому назад заговорили о подземных трамваях, называемых за границей “метрополитенами”, и приходилось слышать от русских людей недоумение: “Ужели у нас будут называть эти трамваи таким словом? Ведь для православного русского человека будет неприятно, оскорбительно звучать: “Мы едем на метрополитене” – несомненно, и для краткости речи, и для красного словца, за коим у русского человека дело не стоит, и он ради него не жалеет ни матери, ни отца – будут говорить: “Едем на метрополите”... К сожалению, это бережное отношение к хорошим словам и понятиям у нас, кажется, отходит в область добрых преданий. У нас дошло дело до того, что в высших сферах задумались и заколебались над вопросом: почему бы иудеям не дать права называться христианскими именами, право, давно ими захваченное на практике, обратить в право юридическое? Нашелся даже один представитель богословской науки, который охотно соизволял на это, да слава Богу: Святейший Синод не послушал его, а принял мнение своей комиссии, которая отвергла такую возможность. Но уже самое возникновение такого вопроса показывает, как далеко ушли наши правящие сферы от идеалов и заветов нашей православной старины. А если припомнить вышеупомянутое правило масонов, то поневоле приходится быть и мнительным, и осторожным, даже в отношении к “мелочам”. Да и мелочи ли это, например: в местной газетке читаешь объявление, что на “преподобном Зосиме или Савватие будет увеселительная прогулка с танцами” и т. п.? Назовите пароход “Зосимою” просто – куда ни шло, на свете Зосим немало, а то ведь “преподобный”... Разве не больно отзываются в сердце такие объявления? Разве не вызывают иногда шуток, граничащих с кощунством? И это ли мелочь? А когда встречаешь эти надписи на головном уборе не вполне трезвого матроса: “Преподобный Зосима”, “Наследник Цесаревич”, “Царь”, “Царица” и т. п., то невольно думаешь: ужели и это признано уместным? Я помню, когда-то были стальные перья с изображением

Распятая, теперь появляются и галоши, и папиросы с изображением креста Господня на Императорском гербе. И это – все мелочь? А таких мелочей не перечесть – так их много! Невольно думаешь, что все это делается нарочито, по подсказу врагов веры Христовой, на радость масонам, делается чаще всего бессознательно, но те, которые вводят такую “моду”, знают свое дело и сознательно идут к своей цели. Не по их ли подсказу у русских интеллигентов, кажется, еще с XVIII столетия, явилась мода: заменять в своих палатах большие св. иконы такими крохотными образками, что их не скоро найдешь в переднем углу? Не из угождения ли им православные русские люди стыдятся лоб перекрестить, садясь за стол к обеду или к ужину? Больно сказать: стыдятся креста Господня, стыдятся, следовательно, Распятого на нем Господа Спасителя нашего! Как будто крестное знамение – суеверие какое! А вот если встретят священника на пути – думают: быть беде! Вот в это – увы – многие интеллигенты не стыдятся верить! Что подумал бы о таких суеверах разумный человек, чуждый всяких суеверий? Не счел ли бы их за дикарей Полинезии и Антильских островов? Когда поставишь рядом в своем суждении, с одной стороны, это стыжение креста Господня, а с другой – такое глупое, ничем не оправдываемое суеверие – стыдно становится за нашу интеллигенцию, превозносящую своим якобы образованием перед простым нашим народом. Невольно думаешь: и что у них в голове сидит? Что за мирозерцание? Как это у них укладывается в голове самый грубый, бессмысленный предрассудок рядом с презрительным отношением к обряду церковному, имеющему глубокий смысл, если они еще не потеряли веры во Христа, а если потеряли – рядом с отрицанием всего, уму непонятного? Впрочем, удивляться тут, пожалуй, и нечему: ведь вот бытие злого духа они считают суеверием и смеются над таким верованием, забывая, что в учении христианском это невырываемое звено, – а охотно идут на сеансы к спиритическим медиумам, чтобы войти в сношение с какими-то загадочными духами, которые, в конце концов, и оказываются вот этими самыми злыми духами, коих они отрицают... Да, невольно скажешь: хитер вселукавый диавол, столь зло смеющийся над самомнением человеческим!..

Но обращаюсь к “мелочам”. Кому не попадали на глаза открытки с священными изображениями? Да, как-то писали в газетах, что оне запрещены, а между тем, и теперь их можно достать сколько угодно. Место ли изображению лика Христова или Богоматери на бланке для открытого письма? Всякому понятно, что если бы даже не лик Господень, а просто – ваш портрет был испачкан штемпелями, то вам было бы обидно, но и этого мало. Я уже писал как-то в своих дневниках, что некий художник Стыка пустил в оборот открытку с изображением Христа Спасителя, обнимающего анафематствованного еретика графа Толстого. Писали, будто открытка запрещена. Но ведь это только писали, а все же ее можно получить где угодно. В иллюстрированных журналах нередко можно видеть на одной странице изображение Богоматери, а на другой – какой-нибудь актрисы, вроде несчастно погибшей Комиссаржевской: думаете ли вы, что это – спроста, случайно? Увы, я не думаю. Какая-то непримиримая, хотя и трудно уловимая вражда к Церкви, ко всему, что благоговейно чтит христианин, носится в воздухе, сказывается в печати, чувствуется даже в житейских отношениях. Иудеи набросились на меня прошлой весной за мои дневники по поводу праздника “белого цветка”, а между тем, я оказался прав: официозная газета “Россия” засвидетельствовала, что это была затея врагов Церкви и Отечества – иудеев и их приспешников – кадетов... Казалось бы, почему русским православным людям, прежде чем поддаваться этой уловке врагов Церкви, не спросить: а почему цветок, а не крест Христов? Почему это крест-то у “лиги борьбы с чахоткой” перечеркнут, как

будто зачеркнут? Нет, никто не догадался спросить, все увлеклись новинкой, и затея врагов наших удалась: собраны большие суммы, которые, как говорят газеты, пойдут, главным образом, на агитацию в революционном духе. А русские люди, вероятно, рассуждали: ну, что за пустяки? Крест ли, цветок ли – все равно: лишь бы на доброе дело деньги пошли... А вышло, что крест-то *перечеркнут* уже... И много-много таких “мелочей” приходится замечать, и равнодушно относимся мы к ним. А совесть-то все же говорит: не согрешаем ли мы и пред Богом, и пред святою Русью таким равнодушием?..

№ 88

Отклики с неба

Бог привел меня еще раз поклониться святителю Тихону Задонскому и всея России чудотворцу. 32 года тому назад я был здесь, еще послушником; составляя свои “Троицкие Листки”, я нередко мысленно беседовал с угодником Божиим, извлекая соты духовные из его воистину медоточивых писаний и всегда при воспоминании его святого имени миром и тишиною веяло на мое сердце. Благодарение угоднику Божию: я не только помолился у его нетленных мощей, но и литургию совершил, и сподобился слышать много утешительного о том, как он и ныне чудодействует. Достопочтенный отец архимандрит, настоятель его обители, поведал мне, что особенно много было смиренных богомольцев этим летом: одних барашков привели до тысячи “в жертву обители”, много ржи, пшеницы, овса нанесли, и все это – в благодарность святителю Божию за его милости верующим душам. “Спросите, – говорил он, – и каждый приносящий что-нибудь расскажет вам из дел милости чудотворца. Кто получил исцеление, кто – помощь в житейских делах, которой усердно просил у угодника Божия, давая обещание поклониться ему, принести ему посильную жертву в простоте сердца”. На пятидесятилетии прославления мощей святителя, 13 августа и в ближайшие дни было, говорят, до ста тысяч богомольцев здесь.

Наплыв богомольцев замечается и в других обителях: и в Киеве, Сарове, и в нашей Сергиевой Лавре. Сердцу верится, что Православная Русь, в ее лучших представителях, в этих смиренных сердцах, в простоте верующих простецах, стосковалась по своим заветным святыням, как бы очнулась от тяжкого кошмара, который переживала эти смутные годы, и спешит паки к живоносным источникам, которые искони питали ее жаждущее сердце. О, если бы эти волны народная увлекли с собою и тех, которые мнятся стоять выше простецов, считают себя вершителями судеб народных, руководителями государственной и общественной жизни! Если бы и эти люди смирились сердцем и слились бы в простоте веры с этими добрыми душами, от них позаимствовали бы ту теплоту, ту непосредственность детской веры, какими жива народная русская душа! Ведь тогда наша Русь стала бы снова могучею, славною исполнительницею воли Божией в исторических судьбах народов земных, тогда не страшны были ей никакие козни врагов непримиримых, тогда – наоборот: к ней стали бы и другие народы обращаться как к носительнице Божией правды, с упованием взирали бы на нее слабые, с уважением – сильные... О, если бы!.. И вот что достойно внимания: где пробуждается вера, там проявляются и чудеса. Святые Божии откликаются на призыв душ верующих проявлением милостей своих. А Господь, в безконечной благодати Своей, прославляет преимущественно носителей тех добродетелей, которых нужны в наше грешное время. Вспомните прославление мощей святителя Черниговского Феодосия, преподобного Серафима Саровского, Анны Кашинской, а ныне святителя Иоасафа Белгородского: все это – носители глубочайшего смирения, беззаветной любви к ближнему, любви к родной России, близкие к народу носители народного духа. И немало их почивает еще непрославленных, и вот когда сие благоугодно Господу, когда особенно благопотребно для нас, грешных, Господь являет чрез них знамения и чудеса во славу имени Своего, для пробуждения веры народной, для укрепления духа народного в годину искушений. 300 лет смиренно почивал в Успенском соборе святитель-мученик за Отечество святейший

Патриарх Гермоген: только нетление мощей его свидетельствовало о его прославлении в селениях небесных. А ныне, когда сатана столь усердно сеет плевелы свои в среде нашего народа, когда враги Руси святой проповедуют какой-то космополитизм, отрицают добродетель любви к Отечеству, ныне, говорю, как бы восстает из своего гроба Святейший сей Патриарх, проявлением дивных знамений от мощей своих свидетельствуя, что любить Отечество, стоять за него даже до пролития крови, до смерти – есть исполнение заповеди Господней, достойное венца мученического. Гордыня была отличительным свойством минувшего XIX века; и какие же дивные образы Христоподражательного смирения прославил Господь в лице святителей: Митрофана, Тихона и Феодосия! Еще более заражен гордостью, доходящей до осатанения, до отрицания Бога, нынешний XX век; и вот просят светильники смирения в лице Серафима Саровского, который был воистину дитя Божие, и святителя Иоасафа Белгородского, напоминающего своею жизнью, своим милосердием и даже своею строгостью всемирного заступника Чудотворца Николая... Слава милосердию Твоему, Господи наш, дивный во святых Своих! До конца сотвори милость Твою с нами, и да не в суд и во осуждение будут сии милости Твои к нам, грешным!..

Святые Божии видят нас с высоты небесной и всегда готовы нам на помощь, лишь бы мы не забывали их. И это должно сказать не об одних только уже прославленных Богом праведниках, но и о тех, коим еще не пришел час их прославления, с которыми мы имеем общение в молитве, не столько обращенной к ним, сколько приносимой еще за них... Вот трогательный рассказ, слышанный мною от отца архимандрита Нафанаила в Задонске.

Приходит в обитель один торговый человек из Ельца и просит показать ему могилу великаго подвижника Антония Алексеевича, юродствовавшего Христа ради.

Когда его привели в усыпальницу и показали могилу, он, взглянув на висящий тут же портрет праведника, с умилением склонил колена и в чувстве благодарного сердца поведал, что именно сей старец явился ему во сне и исцелил его от тяжелой болезни. “Я предавался пьянству, – сказал он, – и заболел наконец воспалением мочевого пузыря. Но сего праведника я помнил всегда и поминал его на своей грешной молитве вместе с своими родными. И вот он является мне и с свойственною ему при жизни простотою говорит: “А ты все жрешь еще водку? Смотри, вот ведь до чего ты дошел!” Говорит это, а сам как бы разглаживает мне живот. Я проснулся и почувствовал себя совсем здоровым. Теперь я бросил совсем водку пить”.

Видите, как Господь не остается в долгу, воздавая и за одну чашу студеной воды, поданной во имя Его, так и святые угодники Божии не остаются в долгу пред теми, кто не только призывает их в молитве, но пока они еще не прославлены Церковью, молится за них... Ну что уж, казалось бы, за молитва несчастного пьяницы за праведника, а вот смотрите: и она слышится на небе, и за нее воздает сторицею угодник Божий и вразумлением, и от болезни исцелением... Как близко к нам небо, и как непростительно мы забываем это!

Этот рассказ напомнил мне чудо Матери Божией, описанное в “Руне Орошенном” у святителя Димитрия Ростовского. Там повествуется, как один грешник, каждый раз, как собирался на грех, становился пред иконою Богоматери и произносил Ей архангельское приветствие: “Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!” И вот однажды он видит, что икона как бы ожила и из язв на руках и ногах Богомладенца течет кровь... В ужасе воскликнул он: “Кто это сделал, Владычица?!” “Ты и подобные тебе грешники, – отвечала Матерь Божия:.. – Вы каждый раз распинаете Сына Моего, когда согрешаете...”

И в покаянном чувстве стал грешник умолять Владычицу походатайствовать за него пред Сыном и Богом Ея, и Матерь милосердия стала просить Господа и трижды умоляла Его за грешника и испросила ему прощение.

Видите, казалось бы, что уж за молитва, что за приветствие из уст того, кто идет на грех? А вот и эта ничтожная, почти грешная молитва не забыта Царицей Небесной, и за эту молитву Она вразумила и к покаянию обратила сего грешника! О, как велико милосердие Божие, как несказанно милосердие и Его Пречистой Матери!

Грешники, подобные мне! Не будем отчаиваться! Но не будем и терять время, благоприятное для покаяния! Кто знает, может быть, скоро затворятся пред нами двери милосердия Божия. Итак, пока оне отверсты, пока есть еще время на покаяние – будем каяться, будем просить милости у Господа и святых Его, милости себе и Родине нашей многострадальной!

Дайте нам свободу молиться Богу в церкви спокойно!

Было когда-то злосчастное время па Малой Руси, когда храмы Божии были в аренде у жидов. Чтобы отслужить обедню, исправить требу, надо было сначала сходить к жида, заплатить ему некую дань, и только тогда он давал ключи от храма Божия и разрешал совершать службу Божию. Но ведь то было время господства в Малороссии поляков; ведь теперь, слава Богу, кажется, Русь сама себя хозяйка и русские православные люди вправе и ожидать, и даже требовать уважения к своей вере православной не только со стороны инородцев и иноверцев, но и от своих соплеменников, к несчастью, своей же вере изменников... Да, казалось бы так, но на деле не всегда мы, русские, православные люди, являемся у себя дома хозяевами, не всегда даже можем защитить себя от оскорбления своих религиозных чувств... Что делать, братие читатели мои! Всем свобода, кроме нас, православных: нам только во имя этих... безбожных свобод приходится иногда терпеть поругание заветных святынь нашего сердца, приходится в чувстве обиды “глотать слезы”!..

Судите сами, мои дорогие собеседники.

Остановился я проездом в Новороссийске и, чтобы не быть в пути в те святые часы, когда вся Русь едиными устами прославляет нового чудотворца и молитвенника своего, святителя Иоасафа, пошел в местный городской собор ко всенощной. Не буду говорить, что мне грустно стало при виде этой небольшой церкви, именуемой “собором”, в таком большом, до 50 000 жителей, городе: оскудевает дух благочестия и ревности о доме Божием в “новой” или, как принято говорить теперь, “обновленной” России; удивляться нечему, что и жители Новороссийска пока не думают о построении нового собора в своем городе. Слава Богу и за то уже, что служба Божия совершается там чинно: всенощная продолжалась три часа, что для немонастырского храма можно признать достаточным. Пение было удовлетворительно, только молящихся было не столько много, как бы можно было ожидать: но, увы, мирские люди, кажется, просто забыли, что в этот день святая Церковь впервые славилась памятью нового чудотворца святителя Христова Иоасафа. И тем печальнее было это холодное отношение к памяти угодника Божия, что местный отец протоиерей не раз предвещал своим прихожанам о предстоящем торжестве. Увы, видно, не те мы стали, какими предки наши были, каким, милостью Божией, остается наш православный простой народ!..

Но и к этому мы уже как-то успели привыкнуть. Гаснет благочестие народное вообще, гаснет и любовь к церковному богослужению, в частности. Сознают это верующие души и глубоко вздыхают о сем. Но вот вопрос: зачем сам государственный закон становится на сторону тех, кто не хочет знать и уважать нашу службу Божию? Невероятно это, но на деле выходит так. Кончилась всенощная; еще в церкви я слышал отголоски какого-то пения: будто где-то неподалеку происходила спевка большого хора. А когда я вышел из церкви, то пение это уже совершенно отчетливо раздавалось где-то тут, около церкви. Я спросил о. протоиерея: “Что это за пение?” Он ответил: “Это в городском театре опера идет”... – “Как, говорю, во время всенощной?” – “Не утерпели, начали раньше: обычно к концу всенощной является из театра вестовой, и, лишь только запоют в церкви *Слава в*

вышних Богу, как он летит в театр, – а театр вот, тут же, на одной площади с храмом Божиим, и там начинается”...

И больно мне стало, когда, по народному выражению, “бесовская всенощная” совершается тут же, рядом с службой Божией, почти в одни и те же часы, и никто, ни мы, пастыри, ни наши пасомые, если бы и захотели, не могли бы прекратить это поругание наших чувств религиозных, ибо теперь ведь дана всем “свобода”, хотя бы эта свобода являлась прямым надругательством над настроением нашим, хотя бы звуки пения иудеев-артистов врывались в самые стены храма Божия и смешивались там с звуками ангельской песни: *Слава в вышних Богу!*.. Мне поведали, что много усилий употребляли православные, чтоб, по крайней мере, не строили театра в соседстве с собором, в сравнении с которым этот театр, хотя и деревянный, является исполином, но все напрасно: тогдашний представитель местной власти желал, чтобы театр был поближе к его жилищу: вот и построили в нескольких шагах от собора... Благо “закон” позволяет! Да ужели, в самом деле, закон гражданский совсем уже порвал всякую связь с законом Божиим, так, что если бы православные потребовали, чтоб был снесен этот театр с площади соборной, то закон не допустит этого? Увы, да, не допустит! Но в храме Божиим нельзя открыть окна, чтоб освежить воздух без того, чтоб в самый алтарь, во святое святых, не врывались иногда прямо соблазнительные, нецеломудренные звуки иудейских певичек. Ужели и тут ничего нельзя предпринять? Да, ничего, к сожалению! Довольно с вас и того, что под большой праздник в театре начинают петь вместе с пением в церкви славословия, а не раньше!.. Законодатели! Законописатели! Да побойтесь вы Господа Бога! Или вы не веруете уже в Него? Но ведь мы-то веруем, ведь вы проповедуете веяния свободы: ну, хотя бы во имя этих свобод дайте нам свободу помолиться в церкви спокойно, чтоб не слышать плясовых напевов, чтоб хотя в эти святые минуты молитвенного настроения не долетали до нас иногда и слова кощунственные и сладострастные, создайте закон, не позволяющий строить театры в такой близости к храмам Божиим! – Увы, надо опасаться, что на такие просьбы мы можем скоро услышать, что и театры – тоже “храмы”, только храмы искусства, что ничего зазорного нет в том, что они стоят рядом с храмами Божиими: это-де могут утверждать только темные невежды... Что ж? Охотно присоединяюсь к этим невеждам, ибо им открывает Господь тайны Своего царствия, утаивая сии тайны от премудрых и якобы просвещенных мудрецов века сего лукавого и прелюбодейного.

Говорю я по поводу того, что наблюдал в некоем граде Новороссийске, но наболело мое сердце по поводу такого отношения к храмам Божиим еще в Вологде. Осенью прошлого года открыт был кинематограф-иллюзион в Вологде, против самого семинарского храма, и никакие протесты наши не помогли: разрешение, говорят, приказано дать во имя закона... Да что уж протестовать нам, провинциалам, когда в Москве не захотели послушать первосвященника и построили народный дом, театр тож, на Введенских горах так, что этот дом суетных развлечений заслонил вид на храм Божий... В Воронеже город отказал в месте храму Божию на людной улице и на сем месте построил тоже народный дом, а храм Божий в честь просветителя Руси князя Владимира строят где-то на задворках. Когда читаешь или слышишь о таком, по меньшей мере, нехристианском отношении к храмам Божиим со стороны наших интеллигентов, то, как это ни прискорбно, уже не удивляешься ему: ведь давно известно, что именующие себя интеллигентами считают признаком особой культуры стыдиться веры во Христа, казаться чуждыми “старых предрассудков”. Но вот что больно, вот что заставляет глубоко задумываться: ужели и

наши гражданские законы стали проникаться таким же, более чем равнодушным, отношением к родной Церкви, к Христову учению? Ужели политика Пилата стала политикой русских государственных людей? Ужели чрез 1880 лет в душах людей считающих себя “просвещенными”, повторяется этот скептический вопрос: да что такое истина? особенно истина религиозная? Стоит ли говорить о ней?..

Но ведь если так, то это уже, простите, начало конца... Что было можно простить еще Пилату-язычнику, то непростительно именующим себя – как-никак – пока еще христианами. Или уж пусть формально отрекутся от Христа: тогда, по крайней мере, будем знать, с кем имеем дело...

Опасное легкомыслие

Редкий день не приносит печальных указаний, как в нашем образованном обществе оскудевает ясность церковного понимания всего, что вокруг нас совершается, как затуманивается светлый православный взгляд на сущность вещей... Вот что пишет мне один почтенный старец, человек, всю свою жизнь живущий в Церкви, немало ей послуживший своим талантливым пером и до самого преклонного возраста сохранивший живое религиозное чувство. Казалось бы, ему ли не понимать, чем грозят еретические рассуждения Меньшикова? А, между тем, вот послушайте, что он говорит:

“Думал было вступить за Меньшикова, которого вы, владыка, называете безбожником. С чего это вы взяли? Или вы не читали целых восьми его статей в защиту церковного воспитания юношества? (Увы, автор не читал прекрасной отповеди на каждую из этих статей в “Колоколе” и, видимо, находится под обаянием клеветнических выпадов этого публициста против предполагаемой реформы духовно-учебных заведений!) А что он обмолвился как-то, якобы потерял веру детскую свою, так с кем этого не бывает? Однажды сам преосвященный Никанор Херсонский в письме своем к профессору Н. Я. Гроту откровенно сознавался такими словами: “В пятницу на пасхальную субботу, на всенощной, я плакал и молился: Господи, увы, для моей веры нужно знамение. Этот поток новейших учений топит все, Пресвятая Владычице! Ты слышишь же меня, конечно: для моей веры нужно знамение”! (См. книгу Н. Я. Грота, письмо 1886 г., апрель 13, из Одессы).

Ну, можно ли этот скорбный вопль верующей души святителя ставить рядом с возмутительными обвинениями Меньшикова против нашего Господа Иисуса Христа, будто Господь обокрал Будду и его учение выдал за Свое?!.. Святитель не хочет принимать в свое сердце тех безбожных веяний, которые назойливо врываются ныне в сознание каждого верующего; он гонит их прочь от себя, чтоб не оскверняли они даже и мысли его; он убежден в их лживости и сатанинском происхождении и, если просит “знамения”, то лишь для того, чтобы иметь больший прилив духовной энергии для борьбы с сими лжеучениями, чтоб с большею ревностью поражать врагов веры и Церкви. В этой молитве слышится не недостаток веры, а жалоба Богу на врага, сознание своей личной немощи в борьбе за Церковь и ея святыню – Православие, слышится голос Илии, ревнующего по вере...

Но обращаюсь к письму старца-корреспондента. Он говорит дальше: “Сам Хомяков писал: “Бог один знает, имеем ли мы веру”. Архимандрит Антоний в церкви говорил: “В душе нашей возможно незамечаемое, неосязаемое лицемерие. Убежден бываешь, что веришь, и в то же время и мысли не имеешь о вере (“Круг подвижных праздников” II, 180). Да и сами Апостолы не просили ли: “Господи, приложи нам веру!” Что удивительного, если и Меньшиков обмолвился в недобрую минуту?”...

На это замечу: и Хомяков, и архимандрит Антоний, да и Апостолы говорили о той вере, которая переставляет горы: такой веры и мы с вами, добрый мой старче, не имеем, а все же, милостию Божией, веруем, веруем немощною нашею верою и обретаем по мере сей веры в ней успокоение сердца, внутреннее умиротворение духа, свидетельство о близости к нам милосердаго Господа. И уж, конечно, не станем, подобно Меньшикову, помогать безбожникам гасить эти малые искры веры в нас самих и в наших собратиях верующих.

По опыту знаем мы это холодное, мертвящее прикосновение духа неверия к нашему грешному сердцу, но милостию Божией прикосновение это тотчас же и отрываем от сердца жалобой Господу и, смиряясь пред Богом в молитве, ощущаем паки мир верующей души. Такие приражения неверия, если они не приемлются сердцем, не могут даже считаться и грехами: это лаяние адского пса пред окнами, то есть чувствами нашей души: а можем ли мы отвечать за каждого такого пса, если тотчас же и гоним его прочь от себя сладчайшим именем нашего Господа Иисуса? Другое дело, если пустим его в дом нашей души, станем беседовать с ним, примем в сердце его помыслы хульные: о, тогда, конечно, мы отвечаем за все. Вот в том-то и несчастье г. Меньшикова, что он не только принял к себе в душу этого пса, но согласился и сдружился с ним и вместе с ним лает на Господа Иисуса Христа! Вот этого следует опасаться, с таким лаятелем надо бороться, гнать его прочь, а если, по неосторожности нашей, он в душу проник уже, то скорее к Господу возвратиться и пасть к Его стопам пречистым, и каяться в своей неосторожности, и просить Его изгнать сего пса из нашего сердца. Сие и советую, как моему доброму старцу-корреспонденту, так и всем моим читателям, которые, быть может, неосторожно доверились писаньям г. Меньшикова и ему подобных. “И аз многогрешный, – пишет мой старец-читатель, – нередко испытываю тяжкое смущение, когда прочитываю позднейших немецких ученых, например, “Библия и Вавилон”, исследование профессора Делича”. Я не советовал бы верующей душе и читать подобныя произведения недобросовестных ученых профессоров: дело в том, что их писанья давно уже тщательно разобраны и опровергнуты немцами же, да и нашими русскими богословами; но беда в том, что яд-то прочтешь, а противоядия-то не найдешь, не случится его встретить, и будешь душою страдать совершенно напрасно, ибо своих-то сил не достанет ведь на то, чтобы во всеоружии науки бороться с этими мнимоучеными господами. Вот в этом-то и бывает та неосторожность, в коей надобно потом каяться пред Господом. Тут-то и нужно смирение, рассуждающее так: где уж мне браться за такие книги, явно противохристианския? Лучше ознакомлюсь с ними по писаниям наших апологетов: наверное, они уже разобрались с этими, очевидно, бреднями новых якобы исследователей. Ведь в моем сердце глубоко заложена вера в то, что Господь мой Иисус Христос есть истинный Сын Бога Живаго, пришедший в мир грешников спасти. В наше время надобно быть сугубо осторожным, ибо враги Божии готовы на всякий подлог, на всякий подкуп “ученых”, только бы смутить верующую душу. Та к должен относиться ныне верующий христианин к разным новинкам якобы ученых исследователей в области библейской истории. Видимо, на эту отрасль знания обратил особое внимание сатана, чтобы смущать в простоте сердца преданных Христу души. Сохрани Бог доверяться им, как это делает г. Меньшиков; при малом знакомстве с добросовестною библейскою наукою очень легко впасть в сети вражьи и измучить душу сомнениями, тогда как для людей, знакомых с истинным положением настоящей науки, все лженаучныя теории являются тонкой паутиной врагов веры святой, не больше. Вот почему и не следует рассуждать так, как рассуждает мой добрый старец-читатель. “Скажите, – говорит он, – грешно ли думать, что наша Ветхозаветная Библия составилаь из древнейших преданий, возникших гораздо раньше у Вавилонян, Индийцев, чем у Евреев?” Отвечаю вопросом: не грешно ли думать, будто весь Ветхий Завет написан не по внушению Духа Божия, будто это подделка под богодухновенное откровение Божие, будто и Господь Иисус Христос, признавая книги Ветхаго Завета истинным словом Божиим, и Его Апостолы, благоговейно читавшие ветхозаветныя книги Святейшего Писания – погрешали или обманывали своих последователей?.. Если мне скажет мой

почтенный старец, что грешно, то ясно, что и на его вопрос нет иного ответа, как то же слово: да, грешно! А значит, нельзя говорить и то, что он пишет дальше: “По мне был бы неприкосновенен в своей сущности (для чего эта оговорка и как широко ее надо понимать?) Новый Завет и с меня довольно. А что текст его изменялся, варьировался в разных списках – это еще не беда”. Но в том-то и дело, дорогой старче, что Новый Завет без Ветхаго висит в воздухе и корней не имеет! Ведь и Сам Господь наш Иисус Христос не раз ссылался на свидетельства о Себе Ветхаго Завета, а Его святые Апостолы называли все ветхозаветные писания богодухновенными и никогда ни словом не делали намека на то, будто эти писания составились на основании каких-то восточных легенд. Кому же нам, Христовым последователям, больше верить: Ему ли, нашему Господу и Его святым ученикам, Его Церкви – хранительнице истины, или каким-то Чемберлену и Деличу, разбитым в пух и прах умными немцами же? Вот то-то и больно, что мы слишком скоро сдаемся и уступаем свои позиции, не справившись даже: насколько они крепки, а враги наши тем и пользуются и, захвативши в душе то одну, то другую позицию, замечая нашу растерянность, нашу неосведомленность в деле, стараются еще больше смутить нас, уже не стесняясь в пределах своей лжи, как это поусердствовал сделать иудей Нотович в своем измышлении касательно жизни нашего Спасителя. Нет, не сдавать позиции, не делать уступки, а твердо стоять на своей вере подобает нам. Кто может, кто стоит близко к науке, тот должен ею вооружаться: исследовать смущающие его вопросы, обличать ложь, отбивать напор ея истинным знанием, а кто сего не может делать, тот должен не доверять сочинениям врагов Церкви и, держа в простоте сердца ея учение, следовать завету Премудраго: *высших себе не ищи и крепльших не испытуй; яже ти повеленная в сих пребывай*. Довольно для твоего спасения – с твоей стороны исполнения заповедей Божиих, а со стороны вседействующей благодати Божией – той спасительной силы Божией, которая преподается в таинствах Церкви и таинственно помогает тебе в самом доброделании. И тогда Господь, открывающий Свои тайны младенцам, откроет и тебе глубины премудрости Своей и даст тебе сию силу и премудрость, ей же не возмогут противиться или противостать вси сопротивляющиеся истине Божией.

Еще раз не могу не выразить глубокой скорби, что слишком доверчиво, скажу больше: слишком легкомысленно наши интеллигентные люди воспринимают все, что им подsunут под видом якобы “научных” открытий: в этом отношении они напоминают наш простой народ, который верит всякому печатному слову как святой истине, особенно если не надписано над ним, что это – “сказка”...

№ 91–93

На Новом Афоне

*Гора Афон, гора Святая!
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод!
Я не видал, гора Святая,
Твоих стремнин, отвесных скал,
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал...*

Да, я не видал Святой горы Афонской, но полюбил ее еще детским сердцем, с того благословенного дня, когда почтенный старец из соседней деревни, побывавший на святом Афоне, поведал в нашем доме о святынях и о подвижниках сего жребия Препоблагословенной Девы Марин, поведал так, как умеют поведать только благочестивые русские странники, с благоговейным умилением, проливая сладкия слезы благодарности к Господу, сподобившему его узреть сии святыни, сих ангелоподобных подвижников-святогорцев... Скоро старец снова ушел на Святую гору уже навсегда и скончал там свое земное странствование в схиме с именем Полихрония: Царство ему Небесное!..

И крепко полюбил я тогда гору Божию и не только не раз перечитал, но и своею детскою рукою списал целых две книги о Святой горе: “Путеводитель” и “Вышний покров над Афоном”, а изображения 33-х чудотворных икон, приложенных к последней, – все срисовал на стекло, переплел эти книги и доселе храню их, как одно из лучших воспоминаний моего отрочества. С восторгом читал я и перечитывал известные “Письма Святогорца” и не могу не порекомендовать эту чудную книгу всем, кто хочет пережить благодарныя чувства и умиленное настроение чистой души этого поэта-странника по Святой горе. Как жаль, что такие книги как-то забываются, выходят из употребления, а их место занимают книги совсем иного духа – гг. Благовещенских, Немировичей и т. п.!.. Сами засоряем свои души зловонною грязью, а потом и жалуемся, что жить тяжело, что тоска томит сердце... Кто же виноват?

Я заговорил об Афоне потому, что совсем для меня неожиданно Бог привел мне посетить наш родной, русский Афон, так называемый *Новый Афон*, на Кавказе. Болезнь загнала меня на отдых в этот край, и как было не посетить этой обители, о которой знал еще тогда, когда она только что зарождалась? С любовью вспоминаю я первого ея основателя, старца Божию отца Арсения, который выбрал и место для нея, но которому Бог не привел даже основание положить: помешала турецкая война, а потом вскоре он и скончался в Москве. Много слышал я о красоте местоположения, о величественных постройках, воздвигнутых на полугоре, о роскошных садах вокруг обители; но то, что я увидел, превзошло всякое описание. Не даром абхазцы говорят, что если был на земле рай, то он был именно в их родной Абхазии. Любуясь красотою природы, я невольно думал: вот счастливы – здешние иноки: и теперь живут в земном раю и на небе им готовится рай же, если верны будут обетам своим! Весь берег Черного моря, на

протяжении владений монастыря, превращен в роскошный сад, и каких тут нет растений! И стройные кипарисы, и многолиственные смоковницы (дающие так называемые винные ягоды), и скромные, но плодоносные и в высшей степени полезные маслины, и лимоны, и апельсины, и каштаны, и всякого рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имеется больше тридцати сортов. Нижний монастырь весь утопает в этой зелени, а верхний величественно царит на темно-зеленом фоне крутых высоких гор над всею этой чудною картиной, поднимаясь, по крайней мере, на 50 саженей от уровня моря. Сколько трудов стоило срезать гору, чтобы образовать площадку, удобную для монастыря! Сколько приложено стараний, чтоб засыпать некоторые ущелья, провести дороги кверху, развести эти сады, выкопать пруды, чтоб осушить болота, устроить на горной речке плотину и заставить эту речку работать на монастырь! Да, речка – незаменимый работник для монастыря: она приводит в движение мельницу, дает электрическую энергию для всех машин в мастерских, для освещения, для водопровода, орошения садов, даже для растирания просфорного теста; та же сила будет в скором времени поднимать вагонетки на вершину Иверской горы, одной из самых высоких соседних гор, где предполагается построить церковь. Иноки сумели использовать самую крутизну гор: с их вершин они устроили прямолинейные спуски для дров, которые сами собою скатываются вниз к монастырю с высоты более двухсот сажен.

Я не буду подробно описывать монастырских построек; скажу только, что верхний монастырь представляет художественно скомпонованный четырехугольник трех— и четырехэтажных корпусов, с четырьмя храмами по углам, а в середине возвышается величественный пятиглавый собор с обширными хорами внутри, назначенными, собственно для монашествующих, дабы они во время богослужения не мешались с мирянами. Число всех братий в обители простирается до 800; согласно правилам общежития, никто из них не имеет собственности, все проходят возлагаемые на них послушания, смотря по их силам и способностям. Что может сделать простой русский человек в применении своих способностей – довольно сказать, что иноки обошлись без помощи инженеров и ученых садоводов не только в возделании своего “земного рая”, но и почти без архитекторов во всех этих – можно сказать – гигантских постройках. Если бы так называемые социалисты были добросовестны, если бы были способны чему-нибудь у кого-нибудь поучиться, то я посоветовал бы им поучиться вот у этих монахов: тут идеально осуществлены и равенство, и братство, и даже свобода: ведь все эти люди пришли сюда не подневольно, а совершенно свободно, и никто их здесь силою не держит: свободною волею объединились они в единое братство и живут одною семьей под водительством своего старца “игумена”, которому преданы с детской простотой беззаветно...

Когда видишь пред собою воочию осуществление идеала христианской общины и приходят на мысль эти неумные мечтатели – преобразователи человечества, эти “социалы” всякого вида, то невольно думаешь: и хитер же сатана-человекоубийца, неустанно изобретающий способы гибели для людей! Как он умеет исказить, извращать то, что дорого душе человека как “христианке по природе”, чего он не терпит, по чего не может вытравить из нея, что ненавидит всею своею сатанинскою ненавистию! Смотрите, вот что он сделал с этими в сущности хорошими словами: равенство, братство, свобода! Конечно, мы все равны пред Богом, все Ему милы, все и друг другу нужны, как члены одного и того же тела. Но не все же члены тела исполняют одно и то же служение телу: иначе и тела бы не было. Человечество и есть одно великое тело, один организм любви.

Как служения различны, то и способности Бог дал людям различные, и силы неодинаковы. Каждый служи ближнему тем, что дал тебе Бог, и будешь счастлив в этом служении, и будешь чувствовать всем существом своим то равенство, идеал коего заложен Богом в твоей душе, – равенство внутреннего креста в земной жизни. То же в отношении братства. Все мы дети единого Отца Небесного, дети матери Церкви Христовой, всех нас любит Господь одинаково, за всех одинаково пролил Свою безценную кровь. Значит, все мы – братья. Все и должны любить друг друга, как братья, служить друг другу по-родному. Но знал Господь всеведущий, что не все мы одинаково воспользуемся своею свободою, не все одинаково будем служить Ему исполнением Его животворящих заповедей, и потому не всем дал одни и те же способности и дарования. Одному дал – один талант, другому – два, иному пять... Вот и должен получивший пять талантов снисходить к тому, кто получил один, а сей последний должен сознавать свою нищету и смиряться пред собратом своим, который выше его стоит по Божьему дару... А все же все мы братья, все пред Отцем Небесным равны. Да и все свободны. Бог никого не насилует, против воли не влечет в Свое небесное Царство. Хочешь спастись – спасайся: *аще хочещи внити в живот – соблюди заповеди*. Не хочешь – твоя воля. Знай только, что если погибнешь – сам виноват будешь. Вот и идут люди в монастырь, хотят спастись, борются с своими страстями, воюют против плоти, мира и диавола... Падают, и снова встанут, и снова укрепляются на врага. В том и свобода, что никто воли твоей с тебя не снимает: хочешь – спасайся, не хочешь – как знаешь: хоть в мир возвращайся. Знай только, что борьба с страстями, с своим самоценом, с похотью плоти и похотью очес (любостяжанием) ведет тебя к истинной свободе духа, к той свободе, о которой Господь говорит: *аще Сын свободит вы, воистину свободна будете*. О, если бы люди знали, что это за дивный дар Божий – свобода духа от страстей! Какой мир души, какую радость о Господе, какую несокрушимую силу духа подает она! Если бы, по крайней мере, старались живущие в мире, поработанные суете его, почаще бывать в тихих пристанях сей свободы, в обителях святых, если бы поближе держали себя к носителям благодатной свободы – старцам Божиим, которые жизненным подвигом стяжали себе хотя в некоей малой вере сию свободу! Ведь тогда, может быть, спала бы с очей их пелена, закрывающая от них истину: тогда, может быть, они опытом познали бы, что та свобода, о какой мечтают они, свобода жить по своей воле и служить страстям, есть, в сущности, рабство, о коем говорит Господь: *творяй грех раб есть греха*. Тогда они, может быть, поняли бы, что не в животной жизни, какую они живут большею частию, состоит назначение и счастье человека, а вот – в достижении этого духовного совершенства, этого, в меру наших сил и Божией благодати, богоуподобления. Кто из верующих имел счастье хотя раз в жизни встретить такого старца Божия, тот, несомненно, носит в сердце его образ всю жизнь, и не это ли впечатление от свидания со старцем отцом Амвросием, когда-то пережитое несчастным Львом Толстым, повлекло его в последние дни его жизни в Оптину, повлекло произвольно, темным чувством, воспоминанием, некогда пережитого, в некоем темном желании еще раз встретиться со старцем – преемником отца Амвросия? Но – увы, неспособна уже была душа его к восприятию благодатного воздействия от такого свидания и – затворени быша двери, и не попущено сие свидание, да не в горший ему суд будет оно!..

Много поведал мне достопочтенный старец-игумен Ново-Афонской обители, отец архимандрит Иерон, о добродетельных старцах Афонского Пантелеимонова монастыря: отце Инрониме, при котором Бог сподобил его послужить 17 лет келейником,

архимандрите Макарии, отцах: Азарии, Аверкии, Селевкии и др. Какие дивные, полные духовной красоты образы хриstopодражательного смирения, послушания, кротости, духовной и телесной нищеты встали предо мною в этих повествованиях! Как жаль, что иноки, по свойственному им смирению, не записывают того, что было бы так назидательно для мирян, и хранят лишь в устном предании такие рассказы.

Вот встает пред нами величавый образ старца-подвижника, мужа великого опыта духовного и рассуждения – приснопамятного отца Иеронима. Яко кокош (курица-наседка. – *Ред.*) духовный, собрал он и духовно воспитал все это многочисленное братство, населяющее Русский св. Великомученика Пантелеимона монастырь, братство, беззаветно ему преданное, готовое на все ради любимого батюшки. Уже в глубокой старости, удручаемый немощами и болезнями, не раз старец собирался умирать, но вся братия, как один человек, становилась на молитву, и Господь, по их горячей молитве, паки и паки даровал ему жизнь. Зная это, пред своею кончиною старец просил их дать ему умереть, не просить ему у Бога жизни: “Братья, отпустите меня, не могу больше жить!” – говорил он. Зорко следил он за каждою душою, которая вверила ему себя и глубокоумудро руководил их в духовной жизни. Дар рассуждения, как поведал это его присный друг и сподвижник монах Дионисий, получил он еще в начале своего подвига в дивном видении. Жили они четыре года в лесах, прежде чем отец Иероним покинул Россию для святого Афона. Жили по заповеди великих старцев, ничего друг от друга не скрывая. Раз шли они куда-то, и отец Иероним, тогда еще Иоанн, почувствовал страшные невыносимые боли в желудке. От болей он не мог продолжать пути и лег при дороге, а его спутник пошел в ближайшее селение принести ему хоть теплой воды... Возвращается – видит, что отец Иоанн сидит спокойно.

– Что чувствуешь? – спрашивает спутник.

– Пожди мало, брате, – отвечает он, – дай мне придти в себя.

Спустя немного, он поведал сему брату за великую тайну, что сейчас видел он въяве Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, которого благоговейно чтит с детства, так как носил его имя от святого крещения; Апостол спросил его: “Что с тобою?” Он ответил ему, что зело болеет у него желудок.

Апостол посмотрел на него и сказал: “Теперь ты здоров!”

И он почувствовал, что боль мгновенно утихла.

И сказал ему Апостол: “Проси у меня еще чего хочешь.”

И дерзнул он просить себе дара рассуждения и слова.

“И сие дается тебе,” – сказал Апостол Христов и стал невидим.

И действительно, старец всегда, при всяких обстоятельствах жизни, находился, что сделать, что сказать, и его мудрое слово ценилось братией, как извещение свыше.

Его ближайшим незаменимым сотрудником в управлении братией и в старчестве был отец архимандрит Макарий (Сушков), которого проще звали, по афонскому обычаю, “игуменом”. О сих двух старцах можно было повторить слово просветителя славян святого Кирилла: “два супруга еста, едину бразду тяжуца”. Отец Макарий был детски предан отцу Иерониму и решительно ничего не делал без его благословения. Трогательно слушать рассказы о том, как этот, тоже убежденный сединою старец кланялся в ноги, как провинившийся ребенок, великому своему духовному руководителю, прося у него прощения.

Знал старец Божий сердце человеческое и умел воздействовать на него в духе кротости Христовой. Приходит к нему монах, подверженный пьянству, озлобленный, приходит с

намерением оскорбить его, чтобы потом иметь причину уйти в мир... Видно, что совесть еще не совсем заглохла в нем, что он еще борется с помыслами самочиния. Старец ласково встречает его и, не давая ему заговорить, приказывает келейнику: “Отец Порфирий! угости о...”

То т подает стаканчик виноградного вина.

– Еще угости!

– Отче, я уже пьян. – Говорит монах...

– Ничего, пусть говорят, что хотят, а ты еще выпей!

Монах пьет, но тут же “творит метание” старцу (кланяется в ноги) и кается: – Батюшка! я ведь хотел изругать тебя и уйти из обители: прости меня – ты победил! И действительно, исправляется в поведении.

– Уйти, может быть, и не ушел бы, а наглупил бы, это верно, – говорит о нем старец келейнику.

Отец Макарий в первое время своего управления держал братию строго. Часто заставлял виновных в нарушении порядков монашеской жизни “тянуть четки” в трапезе. Иногда недовольный таким решением инок идет к “старому батюшке”, отцу Иерониму, с жалобой на отца Макария. И старец идет к отцу Макарию.

– Вот на тебя жалуется такой-то: строго ты его наказываешь.

– Как же, батюшка, быть? Ведь распускаются, – оправдывается отец Макарий.

– А позови-ка его сюда. – Зовут монаха. Приходит.

– Вот видишь, – говорит ему старец, – ты сам виноват, нельзя так. Монах творит метание. – Простите, батюшка!

– Ну, Бог тебя простит, вперед не греши.

Монах уходит, а старец говорит отец Макарию: “Ведь вот если с ним спорить, то он будет оправдываться, прощения не попросит и будет так ходить несколько дней в смущении, а до этого доводить не следует: стал просить прощения, и довольно пока для его смирения. Сразу святым ведь не сделаешь!”

Замечательно было терпение старца. У него было четыре постоянных болезни: судороги в руках и ногах, замирание сердца, страдание желудка и грыжа. Он сам себя лечил. В болезненном состоянии никогда не слышно было ни малейшего стога, ни вздоха от болей. Разве когда заснет – простонет. А спал он мало. Бывало, каешься ему, что проспал службу, а он шутя скажет: “Я вот и купил бы себе сна, да нельзя!”

Говорил о себе старец: “Во всю мою жизнь я предался унынию только раз: это – когда патриарх не принял к себе отца Макария, ездившего в Царьград для объяснения всего дела, возникшего по наветам греков. Полтора месяца жил отец Макарий в Царьграде, пока, наконец, патриарх его принял, дело выяснилось и милостью Божией прекратилось”.

Та к тяжело было это искушение для русских иноков в то время! Но об этом скажу ниже.

Говорил также достоуважаемый старец отцу Иерону: “Строй обитель на таком месте и так, чтобы монахам было и светло, и тепло, чтобы не было близко болот, чтобы не было сильных вредных ветров из ущелий... Пусть монахи пользуются всеми дарами Божиими, дабы враг диавол не имел повода под видом неудобств переманивать их в другие монастыри, а потом и в мир. Довольно для нынешних слабых людей и тех скорбей, какая попустил Бог в общежитии”.

Вот отец Азария, тип ученого подвижника-отшельника, безпощадно строгий к себе, удивительно снисходительный к другим. Он неопустительно посещал все богослужения, а

в келье постоянно занят был всякого рода письменными работами. Он и письмоводитель, он и переводчик, археолог, писатель. Кто бы ни вошел в его келью – первый вопрос: “Что скажете?” – Ответит, что нужно, и дает понять, что ему недосужно.

Под предлогом таких недосугов он стал ходить вместо первой на вторую трапезу, дабы подвергнуть себя некоторым лишениям. Дело в том, что в первой трапезе пища подается сполна, каждому монаху по потребности, а на второй приходится довольствоваться тем, что останется от первой. И вот придет отец Азария и начинает собирать кусочки со стола, сядет где-нибудь в укромном местечке и кушает их... Никогда ничего не попросит! А греки-монахи, служившие в трапезе, нарочито будто его не замечают... И нередко весь его обед состоял из кусочков хлеба и уксуса с водою, заменяющим на Афоне квас. Как-то заметили это русские старцы и доложили отцу игумену Макарию, что отец Азария томит себя голодом.

Отец Макарий сказал ему: “Зачем ты это делаешь?”

Старец ответил: “Может быть, Господь простит мне за это хоть нечто из грехов моих многих”.

Игумен с той поры приказал русским наблюдать, чтоб старцу Божию подавали пищу как следует.

Одежда его была вся заплатанная, такая, что если ее бросить – никто не польстится поднять. Белье такое же. Старец никогда ничего не просил у игумена: заметят сами, дадут – благодарит, не заметят – говорит: “Не стою я и того, что имею; может быть, Господь во что-нибудь вменит мне и это”.

Был в обители инок, по имени Селевкий, великий ревнитель – не всегда и по разуму – чинов и уставов монашеских. Он не мог утерпеть, чтоб не сделать замечания тому или другому из братии, и случалось, что говорил резкости и отцу Азарии. Братия, уважавшая отца Азарию, говорил игумену: “Селевкий обижает отца Азарию”.

Игумен отвечал: “Отец Азария – умный человек, не обидится”.

И действительно, на вопрос о игумена, что у них произошло с отцом Селевкием, отец Азария добродушно отвечал: “Ничего, батюшка; он мне – спасибо ему – только правду ведь сказал: как же можно на это обижаться?”

Да и Селевкий часто раскаивался в своих резкостях и искал примирения.

Жил лет 25 под самою горою Афоне старец Иларион, близкий духовный друг отца Иеронима. С ним жил другой старец – Савва. Оба приходили в обитель обычно в пятницу, говели и в воскресенье возвращались в свою келью. Раз пришли они в постный день, когда не положено пищи с маслом. Их угостили, однако ж, с маслом. Говорит Савва Илариону: “Отче, сегодня день постен”. “Что дают, то и едим, – отвечает тот.”

Подают вино. Старец вкушает и от вина: “Велят – надо пить!” – говорит он.

После сего Савва, отозвав угощавшего, сказал: “Напрасно вы угощаете старца: ведь он после одной чашицы вина не станет и воды пить два-три дня”.

Та к строг был к себе отец Иларион. И вот что поведал мне отец Иерон об этом старце. Это было пред великим искушением для всей обители их, когда греки восстали на русских и решили было изгнать их.

“Раз, во время всенощного бдения, какое-то необъяснимое чувство повлекло меня из церкви. Выхожу, прислушиваюсь – ничего не слышно. Иду около храма по направлению к Введенской церкви и вижу: идет старец Иларион.

Вдруг он остановился, как бы в созерцании чего-то, стал усиленно полагать поклоны и потом пошел ко мне навстречу. Увидев меня, он быстро сказал: “Позови геронта”, т. е.

отца Иеронима.

Я повиновался и пошел в церковь сказать старцу.

Обычно отец Иларион никогда не вызывал старца из церкви. И на сей раз старец ответил мне: “Скоро кончится служба”.

Но я сказал, что отец Иларион почему-то желает немедля видеть его. Старец понял, что случилось что-то необычное: он тотчас приложился к чудотворной иконе Богоматери, перекрестился и вышел.

Отец Иларион ждал его и встретил словами: “Обитель вашу ждет великое искушение, но Царица Небесная покроет вас – не бойтесь!”

И тут же рассказал свое видение, только что ему бывшее. Он видел весь двор монастырский, наполненный бесами, сам князь тьмы был виден среди их; но в высоте небесной появилась Матерь Божия, Которая обошла весь монастырь, остановилась над храмом Введения и, покрыв обитель Своим покровом, стала невидима... Духи тьмы исчезли, яко исчезает дым.

Вскоре после сего и началось то великое искушение, которое всколыхнуло весь Афон и доставило столько скорбей русским инокам, но которое милостию Царицы Небесной послужило к славе Божией и дало первый толчок к основанию на Кавказе святой обители Ново-Афонской...

Был монах Антоний детски открытая душа. Раз было с ним искушение: уехал было в Россию. Но из Константинополя вернулся в обитель. “Ну, куда я гожусь в России? – говорил он, умоляя старцев принять его обратно. – Нет уж, буду жить здесь!”

Он редкий день не докучал старцам отцу Иерониму и отцу Макарию жалобами на самого себя. Придет, говорит:

– Отче, вот такой-то обозвал меня так-то...

– Ну, а ты что ему сказал?

– А я выбранил его так-то. Помири нас, отче! Иногда это бывало глубокой ночью.

– Подожди мало, отче: скоро заутрени, – говорит игумен. Но отец Антоний просит примирить теперь же.

– Ну, хорошо, поди, позови его сюда, – скажет старец.

Антоний бежит в келью обиженного, тот уже спать лег, но он будит его:

– Игумен зовет!

Идет инок к игумену, не зная, что случилось.

– Вот Антоний говорит, что обидел тебя – помирись! – говорит игумен.

– А я и забыл, батюшка, что он говорил мне, – скажет обиженный.

– А помнишь, мы встретились вот там-то, ты сказал то-то, а я тебе то-то, – напоминает Антоний.

То т припоминает. И оба кланяются друг другу в ноги и уходят умиротворенные.

Поистине малые детки Божии! Вот о таких-то и сказал Господь: *аще не будете яко дети, не внидете в царствие небесное.*

И умирают такие с детской преданностью воле Отца Небесного. Приходит отец Антоний к игумену, ждет его у дверей, не поднимаясь на лестницу:

– Благослови, отче, в больницу – умирать хочу!

– Бог благословит – поди отдохни; не отвезти ли тебя на больницу?

– Нет, отче: сам дойду, вот к тебе-то подняться было трудно, я тебя тут поэтому и ждал. Денька три полежу, а на четвертый и умереть благослови.

И идет в больницу, лежит там три дня, а на четвертый приходит игумен навестить больных, подходит к нему, и Антоний говорит:

– Отче! прочитай мне отходную!

– Что это ты надумал?

– Умереть благослови, батюшка!

Пристал, просит, отец игумен берет епитрахиль и требник, читает канон на исход души, благословляет старца и уходит. Но на лестнице его нагоняет послушник:

– Батюшка! отец Антоний умирает!

Игумен возвращается, но отец Антоний уже Богу душу отдал!.. Говаривал старец, отец Иероним, когда старцы ему говорили, что Антоний часто докучает ему разными мелочами:

– Если бы побольше было в братии таких, как Антоний, хорошо бы было! Да, хорошо бы было, теплее жилось бы на свете, если б люди, именующие себя христианами, помнили Христово слово о детской простоте веры, о детской кротости, незлобии и смирении! Тогда и Господь руководил бы нас ко спасению не яко мудрых и разумных, но яко младенцев, открывая нашей простоте тайны Своего небеснаго Царствия...

Обращаюсь паки к Новому Афону.

Вначале я уже упомянул о горе Иверской. Она лежит к северо-западу от монастыря. Вершина ея на высоте 150 сажень над уровнем моря; оттуда чудный вид на море, на окрестныя горы, на прибрежную узкую долину Абхазии. Подъем очень крутой: чтобы подняться в экипаже, надо сделать 17 поворотов, ибо дорога проложена зигзагами по уклону горы. На самой вершине – развалины древняго храма греческой постройки, как полагают, не позднее VI века. Уцелели стены храма, среди коих поставлена часовня. В алтарной абсиде по стене прикреплены цементом остатки древности, и какой древности! На одной плите стоит 437, а на другой 554 годы! Все кресты – греческие: нет и признаков восьмиконечия. На надгробных камнях читается имя архиепископа Михаила. Здесь предполагается построить храм в честь Иверской иконы Богоматери.

Я обошел все мастерские, осмотрел все храмы, стоял, сколько мог, службы Божии и прислушивался к пению иноков. Это – самое простое пение, но оно все проникнуто таким чувством веры и упования, что с ним не могут идти в сравнение никакия изысканныя напевы столичных хоров. Душа поет – вот что хочется сказать об этом пении!..

Очень сожалею, что по крайне болезненному состоянию не мог быть на утренних Богослужениях, которыя начинаются в 2 часа. В трапезе был и беседовал с братией. Не был я и в пещере, где, по преданию, уединялся св. Апостол Симон Кананит во время гонений. Но дважды посетил храм на месте его мученической кончины и отслужил тут панихиду о своем незабвенном евангельском старце Епископе Геннадии, здесь почивающем.

С теплым чувством расстаюсь я с этой тихой обителью, которая, как маяк на берегу житейского моря, ярко освещает жизненный путь для православных людей не только этого края, но и всей России. Восемь дней провел я здесь, в сравнительно глухое время, но видел тут православных людей и из холодного Петербурга, и с теплаго юга, и из центральной России. Все они видимо выносили отсюда добрыя впечатления, все освежались душой под сению еще юной, но уже величественной обители, которую по всей справедливости можно бы называть лаврою Закавказскаго края. Никогда не забуду я сердечнаго приема, оказаннаго мне достопочтенным отцом настоятелем, архимандритом Иероном, который встретил меня на пароходе с распростертыми объятиями, по-родному,

и все время заботился о немощи моей, спаси его, Господи! Спасибо и добрым братьям, которые видели во мне родного им по духу человека и старались оказать мне всячески внимание.

Да цветет и благоукрашается святая обитель сия не только внешним благоукрашением, но – что несравненно важнее – духовною жизнью, подвигами самоотвержения и любви к Богу и ближним... Живо еще монашество на Руси, дышет еще дух хриstopодражательного смирения, дух истинного понимания его задач, а если так, то и Русь еще жива, еще не забыла заветов своих, и, Бог даст, молитвами смиренных иноков, а наипаче молитвами преподобных отцев, в подвиге иноческом просиявших, дух правый снова обновится в ней, и снова восстанет она в смиренном величии Православного Царства...

Чем и как женщина может послужить Христовой Церкви?

В прошлом году “Колокол” посвятил прекрасную, сердечную статью женским богословским курсам в Москве. Газета говорит: “Когда поруганный, в терновом венце, Спаситель совершал Свой страстной путь и падал под тяжестью креста, все оставили Его, все разбежались страха испугавшись иудейского. Только жены иерусалимския, рыдая, шли за Ним, только оне без страха пошли ко гробу Его, чтобы помазать тело Его благовонными веществами... И ныне, когда снова наносятся язвы нашему Господу Иисусу, жены русския, оставите ли вы Его? Неужели не пойдете вослед Его, неужели не станете у креста Его? Неужели не принесете Ему в дар – не злато, смирну и ливан, а свое любящее сердце, свою душу, свою жизнь?”...

Газета справедливо заметила, что можно еще спорить, нужна ли женщина-врач, женщина-адвокат, женщина-чиновник, но нет сомнения, что в наше, особенно в наше время, нужнее всего женщина-христианка, “которая могла бы быть на страже своей семьи, чтобы обереечь своих детей от тлетворных учений, от развращения души и тела, которая могла бы нравственно поднять, очистить своего мужа, брата, могла бы бороться с потоком неверия, кощунства, разврата, которая высоко подняла бы ныне пререкаемое и попираемое знамя победы Христа над адом”...

Открытие в Москве новых богословских женских курсов дает мне основание повторить вышеприведенные строки и сказать свое слово по поводу их.

Вера, но нашему православному катехизису, принадлежит собственно сердцу, хотя начинается в мыслях. Все мы это учим с детства, но понимаем ли сердцем, чувствуем ли своим внутренним человеком эту истину? А женщина, по преимуществу, живет сердцем: такова Богом данная ей природа. Она способнее мужчины беззаветно отдаться вере, целым сердцем усваивать истины веры и воспринимать благодатные веяния из другого мира...

В области веры и домостроительстве нашего спасения судьбами Божиими женщина занимает особое место. Мы знаем, что женщина первая нарушила Божию заповедь, но, в посрамление врага Божия, семени Жены определено Богом стереть и главу сего змия. И мир грешный удостоился узреть среди своих дочерей преблагословенную в женах Деву-Мать воплотившагося на спасение миру Сына Божия. Честнейшая Херувимов и славнейшая без сравнения Серафимов, Она стала святейшим идеалом для всех жен христианского мира. Богу было благоугодно, чтобы и воскресшаго из мертвых Христа Жизнодавца первыми узрели и самим Апостолам принесли первую весть воскресения тоже жены. И везде, где воссиявал свет Христова учения, почти всюду первыми благовестницами его являлись святые жены, потому и именуемые равноапостольными. Женское сердце скорее воспринимало благодатные семена евангельской истины и быстро приносило плод живой веры не только себе, но и другим во спасение. Имена Марии Магдалины, других евангельских Марий, Марии, сестры Лазаревой, равноапостольных: царицы Елены, Нины, нашей Ольги, Людмилы Чешской и многих других вечно будут сиять светлыми звездами на духовном небосклоне Церкви Христовой, а имена славных великомучениц, удививших языческий изнеженный мир своим терпением мук за имя Христово, будут вечным украшением Церкви Божией и ея похвалою. Как жаль, что наши женщины и девушки не читают жизнеописаний хотя бы только тех святых жен, имена

коих они сами носят! Как жаль, что ныне никто не заглядывает, разве кроме иноков, в чудные, полные духовной недостижимой красоты и поэзии Четии-Минеи! Есть эти книги теперь и на русском языке, есть и отдельные книги, посвященные памяти святых жен, например, святой Павлы... Увы! Не там ныне ищут идеалов, где они блещут, как яркие звезды небесные; не туда обращены взоры именующих себя пока еще христианами и христианками... Скоро, кажется, и совсем забудут все, чем возвеличило человека учение Христово, чем жив идеальный человек... В последнее время, точно туча откуда-то из-за леса, надвигается на нас язычество, и тот буддийский храм, что завершается постройкой на окраине Петербурга, в сущности, есть символ грядущаго язычества, и уже чувствуется смрад каждень пред идолами в оном, каждень, совершаемых не природными идолослужителями, а бывшими когда-то христианами... И вот в такое-то тяжелое для Церкви Божией время не пора ли вспомнить заслуги пред Церковию святых жен, не пора ли воскресить угасшее в истории Церкви учреждение *диаконисс*, верных служительниц Христовых, которые явились бы незаменимыми помощницами пастырям Церкви в деле духовнаго просвещения преимущественно женщин и детей, которые, целым сердцем отдавшись Господу Иисусу Христу, вложили бы всю свою любящую душу в святое дело, проникли бы туда, куда не всегда может проникнуть и пастырь Церкви – во святая святых чистаго женскаго сердца, и зажгли бы там чистый пламень беззаветной любви к Богу и святую ревность о Боге? Христианский мир еще раз обновился бы веянием Духа Божия чрез сих новых Трифен и Трофос, Фив и Персид, которых с такою любовью, с таким почтением приветствовал великий Апостол языков Павел в своем послании к Римлянам... Женщина как мать, жена и сестра в семье, женщина как воспитательница в христианской семье и наставница в школе, женщина как собеседница в больнице, в тюрьме, женщина как миссионерка-проповедница в среде заблудших, не говорю уже о служении болящим, утешении скорбящим, – какое необозримое поприще служения Христу в лице ближних открыто для любящаго сердца будущей диакониссы! Какая сильная проповедь о Христе, проповедь не столько словом, сколько самым делом, примером – в среде оязычивающагося нашего общества! Когда-то древние язычники, пораженные духовною красотою добродетельных христианок, восклицали: “Какие женщины у этих христиан!” Ужели современные язычники – из бывших некогда христианами, будут менее чувствительны, менее справедливы к подвижницам Христовым – современным добрым христианкам? Ужели так и невозможны стали в наше время все эти Анфусы, Маркеллы, Макрины, Ионны или наши родные – Анны Кашинския, Иулиании Ольшанския, Евфросинии Полоцкия и Московския?.. Ужели совсем погас идеал христианки-женщины в недрах родной нашей Церкви Православной? Нет! Верим, что еще тлеется искра Божия в сердцах русских женщин и девиц, еще может она вспыхнуть ярким пламенем и осветить сгущающийся над Русью мрак язычества, еретичества, безбожия и скотоподобия, и в тесном союзе с пастырями Церкви, под их руководством при содействии вседействующей благодати Божией, сотворить чудо перевоспитания, по крайней мере, лучшей части нашего поколения. Богословский курс для образованных женщин – это только малая часть, только начало того, что предстоит сделать Церкви Православной в деле воспитания современной русской женщины, в деле приготовления ея к служению целям небесным в ея земном подвиге; хотелось бы верить, что в самой постановке этого дела на курсах уже внесено нечто такое, чего нет во всяких других курсах – забота о том, чтобы слушательницы не умом только воспринимали, но и сердцем переживали те великия истины, которые раскрывают им лекции богословския, чтобы в самих лекциях уже

слышало чуткое женское сердце тихий призыв – послужить возлюбленному нашему Господу Иисусу, отдать Ему свое сердце, идти туда, куда Он позовет, делать, то, что Он повелит. Я сказал: женщина больше способна жить сердцем, чем умом, а ныне именно сердце-то и заражено, оно-то и нуждается в добром воздействии. Ум, научное знание пусть идут на помощь любящему сердцу в таком воздействии. Это поняли даже сектанты: в мистических сектах особенно ценят участие женщин. Церковь Божия имеет в тысячу раз больше средств привлечь себе на служение кого бы то ни было: ведь в ее руках благодатные средства в таинствах и во всей церковности, которая так могуче действует на сердце своею даже художественною стороною, не говорю уже о благодатной...

Я сказал, что курсы – только начало. Что же потом? В ответ на это мне рисуется тихая обитель милосердия, еще не монастырь, а обитель, уже обитель, куда сошлись добрые души русских православных женщин и девиц, пожелавших посвятить себя на служение Церкви сначала в делах милости телесной, а затем и в делах милости духовной. В труде и молитве, в поучении в слове Божиим проходит их жизнь; где скорбь, где болезни, где несчастье и горе – там появляются и сии Божии служительницы, являются во имя Христово, как тихие ангелы-утешители, и с посильной помощью, и с словом утешения, и с тихою молитвой, читая болящим слово Божие, молитвы церковные, акафисты и жития святых... Нужно ли наставить в вере обращающуюся язычницу, иудейку или магометанку – это святое дело оглашения в истинах веры поручается диакониссе; нужна ли восприемница у купели крещения сих новых дочерей Церкви – является диаконисса, в домах воспитательных становится у купели крещаемых безродных младенцев все та же ученица Христова – диаконисса. Ей вверяется потом хотя некое малое наблюдение за воспринятыми ею младенцами и взрослыми ее крестницами, для нея она – Богом данная детки, о духовном воспитании коих она печется, поскольку это для нея возможно. В больницах ей поручают врачи приготовление умирающих к последнему благодатному напутствию таинствами: ведь так тяжело и для врача, и для больного сказать решительное: “Нет больше надежды на выздоровление, надо готовиться к переходу в другую жизнь!” А доброе, любящее сердце диакониссы найдет и время, и подходящая слова для такого важного дела. Диаконисса занимается и с детьми, матери коих вынуждены покидать их на время, чтоб найти себе заработок для насущного куса хлеба; служительница Христова рассказывает малюткам Священную историю, жития святых, она – их незаменимый друг, к ней они бегут с радостью... Она же собирает вокруг себя и взрослых девушек в праздничный час, чтоб почитать им что-либо душеполезное, сообщить им знания коих нет у них, поднять уровень их образования и заронить в их сердца любовь к Богу, к Церкви, к добру, к Родине... Диаконисса появляется и в тюремных женских камерах и здесь пытается, при помощи Божией, зажечь светлый луч веры и добродетели в этих загрубелых от порока сердцах, пробудить в них совесть, расположить к раскаянию и добровольному несению креста заслуженного наказания. Диаконисса является и в частных домах у постели больного, не столько как сестра милосердия, сколько как ангел-утешитель, и не только для самого больного, но и для домашних его... Но в кратком слове не перечислю всех видов добродетели, во имя Христово, чем может послужить сия раба Христова и Церкви Божией и ближнему своему. В глубине веков минувших, за полторы тысячи лет до нашего времени, тихим светом светится в Риме, на Авентинском холме обитель дев и вдовиц, под руководством святой Павлы, руководимой в свою очередь блаженным подвижником Вифлеема – Иеронимом, а в наше время – в нашей первопрестольной столице, уже на наших глазах, возникла

подобная обитель милосердия, руководимая одною из тех Божьих избранниц, которых судьбами Божиими многоскорбным путем крестным из царских чертогов снисходили в смиренные кельи Богу себя предавших подвижниц...

Да! Мы переживаем такое тревожное для Церкви время, когда все искренно верующие должны крепко объединиться в своем служении нашей матери благодатной, когда не только мужеский, но и женский пол, каждый в меру Богом данных ему сил и способностей во всеоружии истины Христовой и Христоподрожательного смирения, должны стать на страже Господней, чтоб отражать приступы врага, во всеоружии лжи и смраде гордыни нападающего на твердыню Православия... Говорят: на что богословское знание женщине, если она не имеет права учительства? Какого "учительства"? Правда, Апостол говорит: *жене учити в церкви не повелеваю*. Но он же пишет в другом месте: *что веси, жено, аще мужа спасеши?* То есть, если обратишь мужа к истинной вере Христовой... Следовательно, женщина не только может, но и должна в кругу своей семьи быть проповедницей истины Христовой. А пример равноапостольных жен показывает, что они являлись проповедницами веры не в семье только, а и среди народов... Магдалина, по преданию, дерзнула предстать даже пред лицом Римского Кесаря и возвестить ему истину Христова воскресения. Живя больше сердцем, чем умом, женщина может глубже воспринять всю *духовную красоту вселенского Православия* и, проводя в жизнь его нравственные начала, пленять других в послушание веры. И как не пожелать от всей души, чтоб те, кто будет читать лекции, обратили особенное внимание на *эту* именно сторону богословских знаний, а для этого, например – по нравственному богословию раскрыли бы именно святоотеческое учение о душе человеческой и о законах духовной жизни...

Идите же, добрыя христианки, на эти лекции! Имена лекторов ручаются, что пред вами раскроется сокровищница православного учения во всей ее красоте, что ваше сердце, ищущее Христовой истины, обретет сей бисер драгоценный, и в нем вы найдете несказанное удовлетворение духовному существу вашему – так, что будете способны утолить и жажду тех, с кем вы соприкасаетесь в жизни – ваших детей, ваших мужей, а если кого из вас Господь изберет на служение Церкви, то и других лиц... Бог вам на помощь и да благословит ваше благое начинание!

Берегите сокровище народного сердца!

Возвращаясь с юга, я посетил Белгород, чтобы здесь поклониться новоявленному чудотворцу святителю Божию Иоасафу, служил литургию и молебен с акафистом и говорил поучение... Сердце радуется, когда приобщаешься молитве народной, когда становишься в ряды вот этих смиренных сердцем и нищих духом простых русских людей, когда сливаешь свою немощную хладную молитву с их теплою молитвою и ощущаешь тихий прилив умиления в этом молитвенном общении с Церковью, веруя, что на крыльях их молитвы пойдет к Богу и твоя убогая молитва!.. Вглядитесь поближе в эти добрые, умиленные лица: сколько отражается в них сердечного умиления, сколько смиренной простоты, преданности Богу, Его святой воле, сколько духовной неопишуемой словами красоты! Тихо, безконечной вереницей тянутся они, по четыре, по пяти в ряд, ко гробу чудотворца, все со свечами в руках, – выжидают своей очереди по несколько часов, может быть, по несколько суток, чтобы только прикоснуться устами к покровцам на святых мощах, чтобы вздохнуть лишний раз в безмолвной, молитвенной беседе с новым своим молитвенником, тихо поведать ему свои скорби, свои нужды и немощи!.. Кажется, если бы кто и захотел оскорбить этих смиренных молитвенников, ему не удалось бы вызвать чувство гнева, негодования: они не способны на это, в их сердце нет места таким чувствам! Они скажут только: “Видно, недостойны мы, грешные, и близко-то подойти к угоднику Божию, видно, Бог не судил”... И тихо отойдут в сторону от обидчика. Читал я в газетах, что на великом торжестве открытия св. мощей святителя Иоасафа так и было: с народом обращались грубо, не пускали в монастырь даже прибывших с крестными ходами, гнали из города вон, в поле, в лагеря, и народ смиренно все переносил из любви к угоднику Божию... Один почтенный богомолец поведал мне: “Я стоял в толпе народа, прижатого к стене; на уступе лепились женщины, была опасность – вот заколеблется толпа, их столкнут и неминуемо растопчут насмерть. Это опасение и высказала одна дама женщинам. И что же слышит в ответ? “Хорошо и умереть при таком святом деле!” И мне невольно вспоминалось, как в 1892 году при праздновании великого 500-летнего юбилея преставления Преподобного Сергия вот так же стеклись сотни тысяч народа православного, хотя в то время не было слышно жалоб на грубость полиции, но все же многим пришлось только издали взглянуть на святую обитель Живоначальная Троицы: и никто не поскорбел, и сбылось тогда слово самого Преподобного: “Бог дал такую благодать сему месту, что никто отсюда не уходит неутешенным”. Помню, как один убеленный сединами старец стоял на противоположной от Лавры горе на коленях и со слезами умиления усердно клал поклоны; подходит к нему кто-то и говорит: “Дедушка! Пришел бы ты в другое время, а теперь вот видишь, тебе не придется и взглянуть на мощи Преподобного!” А он в ответ: “А-то его, батюшку, не увижу, да он-то меня видит!”... И, конечно, видел великий печальник Русской земли этих смиренных ее чад, видел и радовался на них, как радуются все угодники Божии, изливая на них милости Божии, лаская их незримою ласкою духовного утешения, исцеляя их недуги, утешая их в их скорбях...

Таково сокровище народного верующего сердца. Скажите, мудрецы, историки и философы: кто воспитал это сокровище – нашу народную православную душу? Не мать ли наша родимая – Церковь Православная? Где, у какого еще народа найдете такое

сокровище? И это-то сокровище пытаются похитить лютые враги народа русского! И это-то сокровище не ценят наши интеллигенты! И сего-то сокровища не берегут наши законосочинители! Напротив: готовы, кажется, отдать на расхищение, готовы сами содействовать скорейшему вытравлению его из сердца народного... Господи, вступишь за нас ради молитв Твоих великих угодников, наших крепких пред Тобою заступников и молитвенников. Огради наше родное Православие от разных хищных волков, на него устремляющихся! Открой очи тем, кто творит зло Церкви Твоей безсознательно, вразуми и сдержи тех, кто идет на это зло сознательно!..

Об этом надобно молиться русским людям непрестанно, молиться усердно, молить Бога и святых заступников Русской земли. Известно ведь, что провинция прислушивается к тому, что говорит или о чем мечтает столица, и что столица умеет завернуть в красивые либеральные фразы, то провинция выражает в грубых формах, что в столице еще только пропагандируется, то провинция уже спешит провести в жизнь... И всего печальнее то, что творят это органы власти, лица, коим деревни безпрекословно повинуются. В виде иллюстрации приведу один факт, взятый не из газетных сообщений, а прямо из жизни. Земский начальник назначил сход сельского общества как раз в воскресный день, в девять часов утра. Народ был в храме Божиим у литургии. И вот является в церковь сельский староста и начинает бегать по церкви, разыскивая домохозяев, объявляя им, что земский начальник уже сидит в волостном правлении и ждет их. Староста буквально выгонял народ из храма, исполняя волю начальника. Произошел шум, богомольцы возмущались, однако же пришлось идти в правление, и храм опустел. “И стало у всех на душе страшно тяжело, – пишет священник. – Каждый из оставшихся в храме невольно подумал: вот уже настало и такое время, что в православном государстве чиновники Его Величества, называющиеся православными, открыто глумятся – издеваются над верою православной... Но и этого мало: земский начальник посадил одного десяткаго под арест на семь дней за то, что он, не получив точных сведений, в какое время будет сельский сход, позволил крестьянам идти в церковь помолиться... А 15 августа тот же земский начальник вызвал всех домохозяев в количестве 88 человек в девять часов утра в свою квартиру по своему делу, и крестьяне, таким образом, лишены были возможности сходить помолиться в храм в такой великий праздник”.

Скажите, читатель, что это, как не издевательство над верою простых людей? Мне скажут: таких уродов на службе немного. А я напомним, что одних учителей и учительниц из земских и министерских школ было выслано за участие в революции в разные отдаленные и не столь отдаленные места более 22 000, а ведь все эти “просветители” одинаково относятся к нашей святой матери-Церкви и православной вере...

Но чтобы не кончать дневника такой мрачной картиной, приведу выписки из отчета одного моего благочинного. Вот что пишет из Устьсысольского уезда отец Димитрий Попов:

“Прихожане Устьнемской Спасской церкви употребляют все усилия, чтобы закончить постройку храма, уплачивая ежегодно на это дело по 7 рублей с ревизской души, что для небогатых в течение четырех лет тяжело отзывается на их скудном бюджете. Но они не ропщут. “Ничего, батюшка, – говорят они, – меньше будем водки выпивать, перетерпим и другие недостатки в домашнем хозяйстве, а больше будем работать, вот и скопится на храм. Бог поможет”. Нередки случаи, что прихожане, не считая возможным уклониться от взносов на постройку храма, даже стыдятся отстать в этом святом деле от более состоятельных, принуждают себя к лишениям в пище, одежде, откладывают чаепитие,

продают намеченных к рощению телят и жеребят, чтобы только “не быть без пая в постройке”, как выражаются они.

В Пожегодском Троицком приходе 19 июня, в воскресенье, происходило торжество закладки храма. Стечение народа было громадное. Боголюбивые жертвователи-прихожане несли на устройство храма и зерна, и пеньку, и овчины, и холст, каждый считал себя обязанным принести на храм не только деньги, но и что-либо из своего земледельческого хозяйства. Лично я заметил после молебствия, как почтенный старик сгибался под тяжестью мешка с зерном, подносимаго им к храму. “Что ты, дедушка, надрываешься? Разве уж некому поднести ношу?” – спросил я. – “Как некому, батюшка? Есть сыновья, да они сами свое несут, а это – мое: сам еще заседал, когда был помоложе, сам и поднесу Святой Троице. Куда мне беречь себя и свои силы? Скоро ведь все равно умру!” – ответил этот старец и продолжал нести, хотя, видимо, приходилось ему очень тяжело”...

Читая такие отчеты, утешаешься мыслию, что еще жива наша Святая Русь, что пока наш народ еще благоговеет пред святынями своими, пока любит родные храмы Божии, дотоле не страшны все эти земские начальники, эти учителя-безбожники, все эти статистики, фельдшера и вся эта либеральная безбожная шушера... Но в том-то и опасность, что враг Церкви подбирается к народной душе, чтоб обокрасть ее, чрез школу, чтоб в зачатке вытравить все то, что Церковь внедряла в народную душу в продолжении почти тысячи лет...

Благослови, Господи, всех любящих благолепие дому Твоего и огради их силою животворящего Твоего креста от всех сил искусителей!

Вероисповедный законопроект пред судом православной народной совести

Болезнь уложила меня в постель. А между тем в Государственном Совете обсуждается один из величайших законопроектов – о переходе из одного вероисповедания в другое. Хотя я и понудил себя с великим трудом приехать на первое заседание по этому вопросу, но говорить еще был не в силах. Вот мое мнение, которое вместо речи я пред заседанием разослал всем членам Г. Совета.

Г.г. Члены Государственного Совета!

Болезнь не позволяет мне принять личное участие в обсуждении законопроекта о переходе из одного исповедания в другое: посему я долгом почитаю изложить пред вами свое мнение по сему делу письменно.

Ни один законопроект из рассмотренных Г. Советом в последние годы после преобразования этого высокого учреждения так глубоко и – скажу – так болезненно не затрагивал самые чувствительные струны русской народной души, как именно этот законопроект, и никогда еще так тревожно не возникал в русской душе роковой для России вопрос: быть или не быть Руси нашей православною по духу ея законодательства, как именно теперь. С того дня, как Г. Дума своим законопроектом в сущности уничтожила в глазах закона все вероисповедные разности и приравняла все христианские вероисповедания даже к иудейству, магометанству и язычеству и сказала всем и каждому: веруй во что хочешь и молись как знаешь, ибо всякая вера есть, в сущности, суеверие, – с этого черного дня в истории нашего законодательства заныло русское сердце, заскорбела русская душа... Как? Ужели закон, закон нашего православного государства не хочет – отказывается признать, что в ряду всяких вер есть едина истинная вера, которую вот уже тысячу лет исповедует Русский народ, есть едина истинная, во всей чистоте носящая Христову истину Церковь, которая была нежной матерью народа Русского, восприняла его в самой колыбели его исторического бытия, воспитала в нем те неоцененные свойства его народного духа, которые мы привыкли объединять в слове “народность”, дала ему светлый идеал Царского Самодержавия, основанный на вечных началах нравственных, в противоположность идеалам других народов, полагающих в основу своей политической жизни начала юридические?.. Ужели наша святая вера Православная, ужели наша родная Церковь будут приравнены к общинам магометанским и языческим, не говорю уже о сектантских?.. Слава Богу, этот ужасный кошмар как будто немного рассеялся. Комиссия Г. Совета не нашла возможным регистрировать переход из христианства в язычество, магометанство и иудейство. Но это сущности дела не изменяет. Ведь те статьи закона, которые лишали некоторых прав и преимуществ отступников от христианства, отменяются, а следовательно, изменники вере ничего не теряют, покидая христианство; и государство признает их такими же правоспособными гражданами, какими они были до отступничества; мало того: отказываясь регистрировать их измену христианству, государство оставляет за ними право именоваться христианами... Ведь вот к чему ведет законопроект, выработанный Комиссией Г. Совета! Недавно в моей епархии один крестьянин перешел в магометанство; я отлучил его от Церкви, а губернское правление не

признало возможным зарегистрировать такую измену христианству. Спрашивается: кем же он будет числиться по государственным законам: христианином или магометанином? Да и на что он Церкви, если уже ушел из Церкви? Но допустим, что речь идет не о простом мужичке, а о лице интеллигентном, притом совратившемся даже не в магометанство, а прямо в язычество (что грех таить? Как не льстит магометанство чувственности, все же наши интеллигенты едва ли соблазнятся им ведь как ни как, а Магомет все же признает личного Бога, – то ли дело буддизм! По его учению, ты сам частичка божества, стало быть, нечего бояться какого-то личного Бога), – я спрашиваю: будет ли такое лицо допущено на государственную службу? И в каком положении очутился бы он, считаясь по бумагам православным, а на деле будучи язычником? Ясно, что закон, рано или поздно, раз став на путь признания совершенной свободы перехода из одного исповедания в другое, вынужден будет логически признать и свободу перехода даже в язычество, другими словами: сделать то что откровенно сделала Г. Дума в своем законопроекте. Иначе, ведь, может случиться, что считающийся по бумагам православным, но тайно принявший язычество, поднимаясь постепенно по бюрократической лестнице, доберется и до места обер-прокурора в Святейшем Синоде. Вот к чему приведет в конце концов принцип вероисповедного безразличия, применяемый пока в пределах разных христианских исповеданий. А неизбежным последствием сего будет то, что закон лишится в глазах верующего православного народа того доверия, того благоговейного уважения, с каким совесть народная теперь относится к законам, согласованным с его православным миропониманием. А если народ перестанет уважать закон в силу требований своей совести, то будет ли он уважать ту власть, которая создала закон, противный его совести? Посему желательно ли, чтобы законодательная власть расходилась с народными верованиями, с народными идеалами? Нет ничего хуже, нет ничего опаснее для государства, как это хроническое взаимное недоверие между властью и народом, когда власть не понимает народных идеалов, а народ критикует власть. А избежать этого в данном случае возможно лишь при одном непременном условии: если законодатель твердо и открыто исповедует, что он признает единою истинною верой – ту веру, которою народ живет вот уже тысячу лет, что все остальные веры в глазах русского закона суть или заблуждения, или носят в себе в той или другой степени уклонения от единой святой истины Православия; что посему, относясь с христианской терпимостью ко всем признанным возможными исповеданиям, не исключая и язычества, законодательство православной страны не может терпеть никакой пропаганды иноверных или инославных среди православных, а равным образом, не может относиться с полным доверием и к отступникам от Православия, как к таким, которые изменили идеалам народной совести. Закон должен оградить полную свободу Православной Церкви в принятии или непринятии ею в свои недра без всяких ограничений. Если будут нужны эти ограничения, то пусть ведает это дело сама Церковь в лице ее высшей власти. Ведь по новому законопроекту, если я разрешу присоединить к Церкви юношу или девицу 15–18 лет без согласия какого-нибудь опекуна, то явлюсь преступником закона, и хотя закон не будет меня за то преследовать, но можно ли такое положение православного архиерея в православной еще, слава Богу, стране считать нормальным? С другой стороны, закон должен строго карать всякую пропаганду инославия и иноверия как вторжение в недра Церкви Православной, Верховным Защитником и Покровителем которой именуется Сам Государь по Основным Законам России, и решительно не допускать в среде православного населения никаких гастроллирующих проповедников. А таковые уже появились. Ссылаясь

на ложно ими толкуемую свободу совести, они бродят по селениям и городам, смущая простые души верующих и воображая, что Россия – страна языческая, которую они якобы призваны просвещать христианством. И нужно сказать правду: законопроект о свободе перехода из одного исповедания в другое дает им некоторое основание думать так. В самом деле: как смотрит этот законопроект на заветную святыню Русского народа – на Православную Церковь? Считает ли он Православие истиною? Или вслед за Пилатом повторяет исторический вопрос этого скептика: “Да что такое истина? Стоит ли говорить о ней?”... В книге Деянии Апостольских рассказывается, как в одном городе иудеи обвиняли Апостола Павла в пропаганде якобы ложного учения пред анфипатом Галлионом, но этот гордый римлянин не стал и слушать их; произошли беспорядки, но *ниедино радение бысть Галлиону о сих*, замечает дееписатель. Не так же ли относится законопроект о свободе перехода из одного исповедания в другое к изменникам вере православной и пропагандистам инославия в среде православных? Государство как будто говорит: веруйте, как знаете: для меня все веры одинаковы, все веры одноценны!... Но того ли ждет от государства искренно преданный своей вере православный Русский народ? Нет! Народ смотрит на власть как на попечительного отца и ждет от нее, что она не допустит в свою родную семью, в среду верующего по-православному народа, разных совратителей и соблазнительей. Пусть каждый из вас, гг. Члены Государственного Совета, представит себе на минуту, что в ваш дом явится какой-нибудь религиозный или политический пропагандист, чтобы обратить ваших детей в свою секту или недоброе сообщество: потерпите ли вы его? Наш в простоте сердца верующий народ ждет именно такого отношения со стороны закона ко всяким лжеучителям, ко всяким пропагандистам. И почему политических пропагандистов считают вредными, а к религиозным относятся, по меньшей мере, безразлично, а иногда и благоволительно? Если законодатель считает Православие истиною, то почему как будто не хочет и перстом двинуть, чтобы оградить детски-простой народ от заразы разных лжеучений? Пора нам стряхнуть с себя чары масонства – эти сладкие речи о свободе якобы совести, на самом же деле о свободе насилия православной совести со стороны натиска искусных лжемудрований! Если для регистрации перехода из одного исповедания в другое нужен особый закон, если недостаточно существующих постановлений, то необходимо в этом законе твердо подчеркнуть уважение законодателя к Православию как признаваемому Русским народом, единому истинному во всей его чистоте учению христианскому. Только тогда закон будет отвечать народному идеалу, только тогда он будет жизненен и не подорвет, а усилит любовь и уважение к законодателю. Надо, чтобы закон отвечал не либеральным космополитическим беспочвенным теориям, а самой жизни, духу жизни народа Русского. Не гасите же этого духа, дайте ему свободу, оградите эту свободу от всякого на нее покушения со стороны врагов веры, врагов Церкви, врагов Отечества! Я говорю о свободе правильного духовного преуспеяния, самобытного воспитания народного духа. А это преуспеяние возможно только тогда, когда закон не допустит вторгаться в жизнь народного духа чуждым ему началам неверия, когда в своих положениях закон ясно подчеркнет, что Православие он считает святою стихией народной русской жизни, что эту стихию закон ценит, свято охраняет и утрату ее считает губительной для государства. И мне кажется, я не ошибусь, если скажу откровенно: то, что я думаю как православный архиерей относительно Православия, то думает каждый инославный относительно того исповедания, к которому он принадлежит. Пусть же инославные примут во внимание, что Православие именуется в наших Основных Законах “господствующим исповеданием”, что

его исповедуют, начиная от Самодержавнейшаго Первенца матери-Церкви, до ста миллионов Русских людей, что уже поэтому совершенно естественно дать ему преимущество в Русском государстве и, следовательно, нельзя по совести осуждать нас за то, что требуем этого преимущества для родной Церкви: на нашем месте и они требовали бы того же для тех исповеданий, к коим принадлежат.

Вот те соображения, по которым я считаю как думский, так и выработанный нашею Комиссией законопроект, неприемлемыми.

Кроме этого, пред заседанием был роздан всем членам *Мой дневник* из № 75-го “Троицкого Слова” под заглавием: “Пощадите народную душу! “

№ 97

Змея на могиле Толстого

Память праведного с похвалами, а над нечестивыми до конца тяготеет немилостивый гнев. И память их погибнет с шумом... Та к говорит непреложное слово Божие.

Прошел год, как великий нечестивец, соблазнитель и богохульник ушел в царство мертвецов. Напрасно шумят иудеи и их приспешники, восхваляя его: чем более отходит он в историю, тем безславнее становится имя его. И это безславление ложится темною тенью не только на его якобы почитателей, но и на его несчастную вдову, особенно же на его наследницу дочь... Стыдно было вчуже читать споры этой дочери с восьмидесятилетней старицей-матерью из-за рукописей, а еще позорнее теперь, что почитатели не посовестились выдать за сочинение Толстого плохое сочинение некоего Соловьева, – скверного ради прибытка.

Та к между людьми, которые хотели бы прославлять богохульника, безчестится имя его. Но суд Божий совершается еще и иным неким образом. Сей богохульник загубил столько душ своим лжеучением, что при одной мысли об этом страшно становится. Яд его духовной отравы еще долго будет губить юные души, и вот, как бы в предостережение имеющих разум, чтобы внимать глаголам Божиим, в день его рождения на его могиле творится нечто доселе неслыханное...

Внимайте, русские православные люди!

В московской газетке иудействующаго направления, издаваемой раскольником Рябушинским, “Раннее Утро”, промелькнуло известие, что 28 августа на могиле Толстого укушен змеею мальчик... Вся печать, как по данному знаку, тщательно замолчала этот факт. Но его отметили “Московския Церковныя Ведомости”. Не доверяя сообщению иудейской газетки, я написал высокопреосвященному Парфению, архиепископу Тульскому, прося его проверить этот факт. Святитель исполнил мою просьбу, и вот что пишет ему священник села Кочаков, отец Тихон Кудрявцев, коему было поручено владыкою произвести дознание по сему делу:

“Высокопреосвященнейший Владыка, милостивейший отец и Архипастырь!

Факт укушения змеей на могиле графа Льва Толстого сына Бирюкова установлен. (Кстати: кто этот Бирюков? Не автор ли жизнеописания Толстого? Тогда факт укушения его сына имеет уже сугубое значение...).^[22] 28 августа Бирюков, поклонник Толстого и давно знакомый с семьей Толстых, прибыл из Москвы с семьей (жена и дети) на могилу Толстого. Прибывшие в тот день в небольшом количестве, поклонники Толстого осыпали могилу его живыми цветами. Мальчик Бирюков, лет десяти, услаждаясь цветами (бедный ребенок!), рассматривая и разбирая их, неожиданно для окружающих могилу вскрикнул. Подбежавший к нему отец увидел, что правая рука его обвита змеей, сбросил гадюку с руки ребенка и увидел раночку. Быстро появившаяся на руке опухоль заставила отца тотчас же принять меры к предупреждению опасности: тут же, на месте, перетянули руку перевязкой выше места укушения и немедленно, на лошадях графини С. А. Толстой, Бирюковы направились в Тулу, чтобы оттуда с первым же поездом отбыть в Москву. Ко времени отъезда в Тулу, говорят, опухоль перешла в область груди. Жив ли пострадавший – сведений нет”.

К этому священник присовокупляет:

“Появления змей или гадюк в нашей местности не наблюдалось, тем более не было случаев укушения ими кого-либо, хотя местность изобилует лесами, в коих с ранней весны и до поздней осени постоянное движение народа: за травой, по ягоды, по грибы, по малину и пр. Появление змеи, около трех четвертей аршина, сераго цвета, на могиле Толстого, где каждый день бывает большее или меньшее стечение народа, – явление загадочное. В земляном холме над прахом Толстого некоторыми лицами и даже моею дочерью замечено отверстие, в диаметре около полутора вершка; глубина отверстия не установлена, но дочь говорила, что палочка в аршин была недостаточной для измерения глубины. Некоторые полагают, что это поклонники Толстого черпают оттуда, как талисман, землю, желая почерпнуть ее как можно ближе от праха. Не справедливее ли полагать, что там, в глубине холма, на груди Льва свила себе гнездо гадюка...

Об укушении змеей на могиле Толстого в нашей местности почти никто не знает, – продолжает священник. – Даже полицейский, бывший 28 августа в качестве дежурного на месте могилы, не знал этого факта. Мне пришлось долго и осторожно искать того, кто мог бы дать более верные сведения для установления этого факта. Благодаря только одной женщине, близко стоящей к дому Толстых, на сообщение которой можно положиться, я и могу дать Вашему Высокопреосвященству хотя краткия сведения об изложенном факте. В настоящее время факт подтвердил и вышеупомянутый полицейский чин. Последний полагает, что факт совершился в присутствии только семьи Бирюковых, других толстовцев и кого-либо из семьи Толстых, без лиц посторонних. Вот почему Толстыми и толстовцами и приняты меры, чтоб факт этот замолчать, дабы не произвести им соблазна в обществе.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник села Кочаков *священник Тихон Кудрявцев*. 1911 г. окт. 13 дня”.

Итак, могила богохульника стала норой ядовитой гадюки. Для верующих не есть ли это знамение? В нашем христианском миропонимании все твари, как разумные, так и неразумные, и даже бездушные, служат целям премудраго Промысла Божия. Для Всемогущаго нет нужды в разумности, чтобы тварь повиновалась и служила Ему. *То ѥ рече и быша, То ѥ повеле и создашася. Молчи, престани*, говорил Господь морю бушующему, и море слушалось слова Его. Божественная мысль есть уже и дело, и в Его премудром промыслении самое зло обращается к добрым последствиям, если только наша свободная воля не упорствует в противлении воле Божией. Без воли Божией и волос не падает с головы нашей, – это слово Самого Христа Спасителя, – может ли быть, чтобы злая гадюка укусила невинного отрока без поущения Божия? Всякое явление христианин освещает светом учения Христова, и нет для него никогда и ни в чем так называемого случая. Надо было вразумить, отрезвить несчастных родителей сего отрока, и вот попускается несчастье... Если мальчик остался жив, то и ему и его родителям будет на всю жизнь урок: не воздавать почтения обезумевшему в своей гордыне богоотступнику. Если отрок умер, то Бог взял его к Себе, чтобы он не заразился тем страшным ядом, каким уже заразились его родители. А всем нам урок: берегите себя и детей своих от губельнаго лжеучения анафематствованнаго еретика.

Есть старая, кажется, теперь забытая книга покойнаго историка-профессора М. П. Погодина “Простая речь о мудреных вещах”. От души советую моим читателям, кто не читал ее, найти и прочитать. Та м они много найдут назидательных и в высшей степени достойных внимания так называемых “случаев”, “совпадений”, а по-нашему,

поразительных проявлений Промысла Божия в жизни людей, в коих верующий не может не видеть руку Божию, или вразумляющую неверующих, или охраняющую верующих.

Берегитесь, русские люди, толстовщины как яда змиинаго, не слушайте тех гадюк в образе человеческом, которым и Толстой-то нужен только для того, чтобы именем его, когда-то действительно знаменитого писателя, прикрыть яд безбожных, противогосударственных учений в целях отравлять ими русских людей, а чрез то вести наше Отечество к разрушению, к рабству иудеям и к верной гибели.

Подайте на «свечечку» Святителю Христову Николаю Чудотворцу!

Из всех святых угодников Божиих особенною любовью чтит Русский народ Святителя Христова и Чудотворца Николая. Нет, кажется, православного дома, где не было бы его священного лика, нет семьи, в которой не было бы родного человека, носящего его имя; нет храма, в коем не было бы особенно чтимаго его образа. А сколько храмов посвящено его имени, сколько городов и селений, в названии коих звучит имя Николая! В одной Москве около 200 престолов посвящено Святителю Николаю. Известно, что самое наибольшее число чудотворных икон – икон Матери Божией, а после Нея, Заступницы усердной рода христианского – больше всех святых прославляются иконы Николая Угодника Божия.

И не в России только, а и во всем мире христианском чтится память Мирликийского чудотворца. Но что я говорю о христианском мире? Его знают и язычники, чтут и к его помощи прибегают и кочевники степей Азии, калмыки, киргизы и разные инородцы!..

Строг он, угодник Божий, к богохульникам, к тем, кто издевается над святынею, кто поносит Церковь Божию; но и милостивец он великий: в нашем народе его так и величают: “Никола Милостивый”. Щедрою рукою рассыпает он свои милости всем, кто прибегает к нему; не отказывает и не-христианам, помогает и магометанам, и даже идолопоклонникам. Всех он слышит. Всем готов на помощь и заступление.

За то искренно любит его православный Русский народ. Не довольствуясь посещением храмов Божиих и обителей, на Руси ему посвященных, русские люди стремятся и туда, где в благоухании нетления почивают его святые косточки. Отправляясь на поклонение святым местам Востока и на Афоне, наши благочестивые паломники не забывают и Бар-града. Что им до того, что этот город давным-давно перестал быть православным, что там римского папу поминают, что у самого гроба Святителя и Чудотворца латинскую мессу служат; и чужой Бар-град считают они родным городом, потому что Святителя Христова Николая они чтут, как родного отца. Правда, не без грусти видят они здесь и обряды неправославные, и бритых монахов-латинян; сердцем тоскуют они о том, что вот тут, около святых мощей их любимца-чудотворца, не совершаются величественные службы Божии с дивным пением акафистов, со всею красотою православного архиерейского служения: что делать? Так, видно, угодно неисповедимым судьбам Божиим, так угодно Святителю; почему? – выших себе не ищи и крепльших не испытай!.. Видно, недостойны мы, грешные, чтобы угодник Божий своими косточками почивал среди нас; или так нужно, чтобы среди неправославных сиял сей пресветлый светильник Православия для их же вразумления, или же вообще неисповедимым судьбам Божиим угодно, ради смирения нашего, чтобы величайшие святыни наши обретались в руках даже неверных... Ведь самый Гроб Господень, святая Голгофа, ясли Христовы, да и вся земля, исхоженная стопами Господа – Спасителя мира, обретается во власти последователей обманщика Магомета: что же дивного, если св. мощи Чудотворца предивного охраняются неправославными латинами? Все же они христиане, все же и они чтут память великаго Святителя Христова Николая, да притом, как говорят путешественники, с радушием и доброжелательством встречают наших православных богомольцев: видно, священное имя

Николая-милостивца всех христиан миротворит у святого гроба его. Буди же благословенно это имя во веки веков! Радуйся, Николае, великий и преславный Чудотворче!

Одно скорбно для русского сердца: в Бар-граде нет для русских поклонников приюта, где они могли бы голову приклонить, могли бы отдохнуть после дальнего пути, могли бы найти родных русских людей, которые поруководили бы их в исполнении святого желания их сердца, усладили бы слух их православным служением в православной церкви.

Но и тут есть верная надежда, что скоро будет устроен такой приют. Православное Палестинское Общество, в своих заботах о русских паломниках, уже решило и даже место в Бар-граде купило для постройки Русского подворья с церковью во имя Святителя и Чудотворца Николая. А Благодетельнейший Государь соизволил разрешить и сбор произвести по всей России на храм в честь Его Ангела. Конечно, наша русская казна могла бы и без такого всероссийского сбора построить на славу собор в Бар-граде. Но гораздо будет трогательнее, да и Святителю Христову приятнее, если в этом святом деле примет участие вся Россия. Пусть на этот храм, на этот приют для поклонников будет принесена и лепта вдовицы, и грошик нищего и убогого, и копеечки, данные детям на гостинцы, и посильная жертва простеца-поселянина, и нескудный дар человека состоятельного: пусть все это сольется в одну всероссийскую свечечку в виде храма у святых мощей великого заступника нашего Святителя Христова Николая! Ведь если бы только одни носящие святое имя его сложились все на такое святое дело в честь своего ангела-покровителя хотя по гривеннику: вот и вырос бы в Бар-граде чудный храм во имя его! Русский народ придумал умную пословицу: “С миру по нитке – голому рубаха”. К сожалению, не всегда помнит он мудрые изречения опытных стариков, не всегда достает у него твердости, единодушия, согласия и терпения довести дело до конца. Горячо мы беремся за дело, но скоро и остываем. Неохотно мы располагаем друг друга к доброму делу. Бывает так: иной охотно дает свою лепту, сколько ему совесть подскажет, а другого расположить к сему стесняется. Но и это еще не худо: по крайней мере сам сделал доброе дело, в своем сердце свечечку духовную зажег, хотя зажечь ее в сердце соседа поленился, постеснялся, побоялся: ведь, иной скажет: “Много вас, сборщиков, всех не наделишь!” А вот горе, если человек сам не хочет дать, да и другого удерживает от подаяния – иногда шуткою, а иногда насмешкою, тут уж – сугубый грех!

Ах, если бы люди знали, как хорошо бывает на душе, когда человек делает доброе дело! Например: вот ты подал свою лепту на построение храма Святителю Христову Николаю. Поверь: в эту минуту Милостивец-чудотворец уже благословил тебя с высоты небесной, и это благословение отозвалось в твоём сердце тихою радостью, будто благодатная лампадочка зажглась в твоей душе и тебе от нея стало тепло и так отрадно... Люди вечно ищут счастья; да вот оно: делайте больше добра и будете счастливы, и этого счастья никто, никогда не отнимет у вас!

Приходит на мысль сказать еще и вот что.

Много согрешила наша Русь Православная, много прогневала Господа Бога и святых угодников Его в эти последние годы. Пора покаяться, пора умиловать Создателя исполнением святых Его заповедей. Говорит Он в Святом Писании Своем: милости хочу, а не жертвы. Но не отвергает Он и жертвы, если эти жертвы – дух сокрушен и сердце смиренно, если и вещественная жертва приносится от сердца сокрушенного и духа смиренного. Не отверг Он и ничтожной, говоря по-человечески, лепты вдовицы, не

оттолкнул от Себя и богатого дара плачущей у ног Его блудницы, помазавшей Его ноги драгоценным миром. А жертва на храм, под сению коего будет странноприимный дом для благочестивых русских людей, приходящих в Бар-град на поклонение великому Чудотворцу-милостивцу, будет для Господа и жертвою, и делом милости. Ведь Он Сам скажет во второе Свое пришествие праведникам: *странен бех и введосте Мене... Елика сотвористе единому сих братий Моих меньших – Мне сотвористе*. А что сказал Господь, то скажет нам и Его великий угодник, Святитель Николай. “Вы устроили близ гроба моего приют для моих поклонников – это сделали вы для меня. Я буду в долгу у вас за доброе дело для этих рабов Божиих. Мне сотворите! Я заплачу за них!”

О Угодниче Божий, милостивец ты наш великий! Не просим мы у тебя благ земных и тленных. Нуждаемся мы наипаче в помиловании от Господа. Много пред Ним согрешили мы, весь народ Русский. Вместо свечи ко гробу твоему, Заступниче наш усердный, мы строим во граде *успокоения* твоего храм имени твоему и странноприемницу – от имени всей Руси Православной! Приими же от нас сие малое приношение, как лампаду ко гробу твоему. Приими лепту сию за всю Русь многогрешную. Приими и вознеси свои пламенные молитвы ко Господу: да простит Он великое наше отступление от святых заповедей Его, да согреет сердца наши любовью к матери нашей Церкви Православной, да покроет Отечество наше от всех козней врагов внешних и внутренних, да хранит тезоименитаго тебе Царя нашего во здравии и благоденствии на многия и многия лета!

Еда изменит ефиоп кожу свою или рысь пестроты своя...

Ефиопа не убелишь, упорных неверов к Богу не обратишь. Что для нас, верующих, знамение, то для них – “случай”, а иногда еще прибавляют: “простой случай”, “слепой случай”. Скажут такое словечко и – довольны: все объяснили! Для здравомыслящих это не объяснение, а только уклонение от объяснения, ибо здравый разум говорит, что в мире ничего не бывает случайно: всякое явление имеет причину и следствие. А для современных фарисеев, нарочито закрывающих очи, чтобы не видеть, не стыдно и требование здравого разума отвергнуть: ведь видели же древние фарисеи такие чудеса Христовы, как воскрешение Лазаря, но не хотели веровать, и не веровали, и совещались убить и Воскресителя, и воскрешенного. Верно сказал пророк о таковых: ефиопа не убелишь.

Эти мысли невольно напрашиваются, когда читаешь “выпады”, говоря по-новомодному, наших иудействующих (не говорю уже об чистокровных иудеях) мнимочужденых редакторов разных либеральных газет по поводу моей статьи в “Колоколе” о змее на могиле Толстого. На сей раз остановлю внимание моих читателей только на одной газете – “Русския Ведомости”, которая – это вне всякого сомнения – считают себя серьезным органом общественной – ближе к делу сказать – либерально-профессорской мысли, ибо газета издается профессорами Московского университета. Прежде всего ей зачем-то понадобилось исказить самое заглавие моей статьи. У меня стояло просто: “Змея на могиле Толстого”. Она прибавила к сему два слова: “все-таки была”, как будто я спорю с кем-то, утверждающим, что змеи не было. Передав содержание моей статьи, редакция прибавляет от себя: “Статья, подписанная Епископом и подхваченная провинциальными подголосками “Земщины” и “Колокола”, стала предметом толков за пределами весьма небольшого круга читателей этих газет”.

Замечу кстати, что иудействующие газеты почему-то с особенным ударением стали подчеркивать, что “Колокол”, “Земщина” и др. патриотические издания имеют “весьма небольшой” круг читателей. Уж не хотят ли они этим подбодрить себя? Мы-де и говорить-то с вами не стали бы, ведь вас и всего-то горсточка, – не то, что нас – легион (иудейское свойство: себя подбадривать, а в душе – ох как трусят). Да вот статья Епископа вышла за “пределы небольшого круга читателей”.

“Поэтому, – продолжает газета, – мы, исполняя желание группы провинциальных наших подписчиков (в столицах-де и в руки не берут таких черносотенных газет, как “Колокол”: опять иудейская черта – хочется и провинциалов, читающих “Колокол”, пристыдить – отстали-де! и столичных припугнуть: ну кто-де читает какой-то “Колокол”, – только провинциалы), обратившихся к нам с просьбою выяснить действительные обстоятельства происшествия, послужившего поводом для вздорной басни “Колокола”, (смелее, гг. издатели, смелее говорите: не “Колокола”, а православного епископа!) – печатаем следующее письмо П. П. Бирюкова, которое в корне опровергает бессмысленный вымысел “Колокола” (опять “Колокол” господа, тут ни при чем: тут сообщение епископа, основанное на официальном докладе священника, исследовавшего все дело по поручению другого, уже местного епископа) и изображает это маленькое (видите, читатель, как все дело, которое не удалось замолчать, – какая досада на этого болтуна – “Раннее Утро!” Не утерпело, огласило! Наделало хлопот г. Бирюкову и

редакции “Р. Ведомостей”, – сводится на нет) происшествие так, как оно было в действительности”.

Итак, сообщение епископа, официальный доклад производившего дознание иерея – все это “вздорная басня, бессмысленный вымысел”...

Послушаем, что пишет г. Бирюков.

“М. Г., г. редактор. На ваш запрос о действительных обстоятельствах, со провождавших укушение змеей моего сына, считаю долгом сообщить следующее:

27-го августа я с моей семьей посетил могилу Л. Н. Толстого и оттуда направился к дому гр. С. А. Толстой. Приблизительно на полдороге от могилы до дома я увидел в траве, около куста, небольшую змею. Та к как она извивалась в траве, я не мог хорошо рассмотреть, какая это была змея, и, полагая, что это – уж, указал на нее моему старшему сыну Борису, одиннадцати лет, большому любителю всяких зверей. Он тотчас бросился ее ловить и схватил за хвост. Змея обернулась и укусила его в левую руку. Я тотчас же палкой откинул змею на дорогу и тут увидел, что это была гадюка. Я немедленно перетянул ему руку платком и спешно направился к дому Софьи Андреевны, все время высасывая кровь из маленькой раны. Софья Андреевна дала нам экипаж, в котором мы вернулись в Телятники, к В. Г. Черткову, где мы остановились. Через полчаса после укуса сын мой почувствовал дурноту, слабость и другие признаки отравления. Первоначальная помощь была подана фельдшерницей, жившей у Чертковых. Затем был вызван из Тулы врач, одобрявший все принятые меры и давший еще некоторые советы.

Первые три дня опухоль распространилась от места укуса (между пальцами) по всей руке и дошла до середины груди и затем стала понемногу опадать. Дней чрез десять совсем прошла. В настоящее время сын мой совершенно здоров и с интересом вспоминает все это происшествие. Вследствие осеннего времени гадюка была сонная, и укус ее не был опасен. Укушения гадюкой довольно часты в этой местности, особенно во время покоса, в жаркое время; смертные случаи редки. “Дырки” на могиле Л. Н-ча не имеют никакого отношения к описанному событию.

Готовый к услугам П. Бирюков”.

Хорошим ответом на это письмо служит следующая заметка “Колокола”.

“Посмотрим, – говорит газета, – чей тут “бессмысленный вымысел” и чьи “вздорная басни”?

Прежде всего сообщение об укусе змеею маленького сына г. Бирюкова и именно на могиле Толстого, а не в другом месте, появилось почти тотчас же после 28 августа не в “Колоколе”, а в московской левой газете “Раннее Утро”, и сделано оно одним из поклонников Толстого, который неосторожно сообщил об этом случае со всеми подробностями. Это сообщение было перепечатано из “Раннего Утра” “Колоколом”, “Московскими Церковными Ведомостями” и другими газетами. Но ни г. Бирюков, ни кто-либо из семьи Толстых, ни, наконец, те поклонники Толстого, которые посетили в этот день могилу Толстого, – никто из них не выступил тогда с опровержением или сообщением, что случай с укушением мальчика Бирюкова передан неверно и что он имел место не на могиле Толстого. Что же замыкало уста г. Бирюкова и прочих заинтересованных лиц почти три месяца?

Перейдем теперь к объяснению г. Бирюкова. “Укусы гадюки очень часты в этой местности”, – удостоверяет он, и вот, проходя по этой местности, кишасей гадюками, он,

заметив у куста змею, указывает ее маленькому сыну и хладнокровно смотрит, как тот начинает ловить змею за хвост.

Согласитесь, что поведение отца более чем легкомысленное. Мы до сих пор не видели и не слышали о таких родителях, которые допускали бы своих детей заняться такой забавой, как ловля змей.

Г. Бирюков оправдывается, что он не мог рассмотреть змею, потому что она извивалась в траве, и подумал, что это уж, но раз он сам удостоверяет, что местность эта изобилует гадюками, то нам кажется, при виде змеи, прежде всего, должна бы явиться мысль о гадюке и об опасности ее укушения, и во всяком случае и здравый разум и любовь к детям должны бы заставить г. Бирюкова прежде убедиться, что перед ним действительно уж, а не ядовитая змея, а затем уж и разрешать сыну хватать змею за хвост.

Полагаем, что г. Бирюков ни разума, ни любви к своим детям не терял, а описанное им поведение его в случае с змеей заставляет сомневаться и в том и в другом.

Без “безмысленного вымысла и нелепой басни”, действительно, не обошлось, только не там, где указывают кадетския “Ведомости”.

Та к заключает “Колокол”. От себя прибавлю: я считаю себя вправе больше верить показанию официального донесения священника епископу, чем г. Бирюкову, лицу, очевидно заинтересованному, ибо ведь мое заключение, что описанный факт – укушение змеею сына автора книги, которая превозносит богоотступника Толстого, на могиле этого богоотступника, при оказании почестей сему богоотступнику, есть явное вразумление Божие для почитателей богоотступника. Это заключение относилось, главным образом, к г. Бирюкову, но допускаю, на минуту, что змея укусила мальчика не на самой могиле, а близ могилы: разве внутренний смысл сего знамения не ясен для верующих? *На* могиле, *близ* могилы, но мальчик укушен змеею, мальчик – *сын поклонника* Толстого, г. Бирюкова, который прибыл *нарочито поклониться* могиле богоотступника, – в день рождения сего богоотступника: ведь эти подробности подтверждены самим г. Бирюковым – разве это “безмысленный вымысел”, “вздорная басня”?.. Но... Увы!.. – “ефиопов не убелишь”...

№ 100 (а) Праздник Божественного смирения

Нас ради родися Отроча младо – превечный Бог.

Сегодня праздник Божественного смирения. Сегодня превечный Бог стал *Отроча младо* – малым Младенцем, рождаемым от Девы; сегодня всемогущий и премудрый Творец всех миров, и видимых и невидимых, единородный Сын превечного Отца явился во плоти яко един от земнородных, Царь небесный низшел на грешную землю, и притом – не в раззолоченные чертоги царей земных, а в смиренный вертеп, не в роскошную колыбель, а в убогия ясли. Простирающий небо, как шатер, и Одевающий его облаками, Повивающий море туманами, как пеленами, – сегодня Сам рубищем пеленается, яко сын бедного назаретского древодела... Поистине, сегодня небо сошло на землю и вертеп стал небом! Поистине, неизреченно смирение Сына Божия, несказанна любовь Божия к роду человеческому. *Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единородного дал есть, дя всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16).

Еще в Ветхом Завете царственный пророк, в благоговейном созерцании премудрости и благодати Божией в отношении к ничтожному творению – к человеку, молитвенно взывал ко Господу: *что есть человек, яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши его!* Стоит ли это ничтожное создание, этот червь, прах, пепел, пребывающий где-то на земле, которая и сама-то есть ни чтожная пылинка мироздания, – стоит ли он того, чтобы Ты, Всевышний, Непостижимый Боже, помнил его, посещал его благодатию Твоею, осыпал щедротами Твоими? А, между тем, – *Ты умалил его малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его, поставил еси над делы руку Твою, вся покорил еси под нозе его...* О, как величественно, как дивно и славно имя Твое по всей земле! (Пс. 8, 5–7, 10).

Но что сказал бы сей благоговейный созерцатель великих дел Божиих, если бы он воочию узрел то, что мы верою созерцаем ныне, что в действительности совершилось на земле, – если бы он узрел Бога во плоти, Бога – яко Отроча младо, Отроча – Бога в убогих яслях, в бедных пеленах, в мрачном вертепе смиренно почивающего?.. Какой дивный псалом воспел бы он своему преблагословенному Потомку по плоти, ныне родившемуся в родном ему граде Вифлееме!

Но вместо священной арфы Богоотца Давида в тишине ночи на полях Вифлеема слышатся скромная свирели смиренных пастырей, а вместо дивного, богодухновенного псалма здесь раздаются звуки песни ангельской, пресладостной сердцу песни о мире на земле и о благоволении Божиим к роду человеческому...

Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение! (Лк. 2, 14).

И действительно: каким чудным, благодатным миром веет на нас от смиренных яслей Божественного Дитяти! Се – возлежит Он, всемогущий Творец всех миров видимых и невидимых, яко беспомощный младенец, повитый пеленами... и сие – нас ради человек и нашего ради спасения! Се приседит у Его смиренной колыбели, у этих яслей, Его Пречистая Мать-Дева, вся погруженная в благоговейное созерцание дивных дел Божиих, через Нее совершающихся. С какою несказанною нежностью любит Она на Свое Божественное Отроча, о Коем уже знает, что Оно спасет людей Своих от грех их! С какою заботливою любовью слагает Она в чистом боголюбивом сердце Своем все, что

видит и слышит здесь, все, что потом с ее слов записали для нас святые Евангелисты Матфей и Лука! А вот и достоблаженный старец, Ея обручник, Ея попечитель, смиренный древодел из Назарета Иосиф в благоговейном размышлении склонил седую главу свою над яслями своего нареченного сына-Богомладенца. Вот являются с полей своих со стражи ночной пастыри, только что бывшие свидетелями дивного явления Ангелов, от Ангелов узнавшие, что во граде Давидове родился ныне Спаситель, *Иже есть Христос Господь*. Радостью и счастьем сияют их лица, с боголепным благоговением склоняются они до праха земного пред священными яслями и первые из земнородных приносят Христу в дар от стад своих непорочного агнца. А за ними, по некоем времени, приходят и цари-мудрецы с Востока, из далекой Персии, из пределов Вавилонии, – приходят, водимые чудесною звездою, и, повергаясь ниц пред Почивающим в яслях новорожденным Царем Иудейским, паче же рещи – Царем всего мира, всей вселенной, отверзают свои сокровища и приносят Ему злато, ливан и смирну. Та к простота и мудрость, убожество и богатство, смиренное звание и царское достоинство встречаются у колыбели Христовой и вместе склоняются пред Тем, Кто в убогих пеленах не престаёт быть Владыкою неба и земли, Кому все люди дороги и близки, Кто праведных с любовью приемлет и грешных благостию милует, Чье сердце, Чьи объятия одинаково раскрыты и для бедных и богатых, и для знатных и незнатных, и для простецов и для мудрецов... лишь бы все они были духом смиренны, сердцем сокрушенны, лишь бы все стремились уподобиться Ему, нас ради плотию младенчествовавшему, во исполнение завета Его: *аминь глаголю вам: аще не будете яко дети, не внидете в царствие небесное...* (Мф. 18, 3).

Братие христиане! Когда переносишься мыслию к священным событиям сей благословенной ночи Христова Рождества, когда созерцаешь в дали веков минувших этот дорогой нашему сердцу вертеп, эти убогие ясли – колыбель Царя царствующих и Господа господствующих, то в грешной совести невольно рождается вопрос: а для тебя, именующего себя учеником Христовым, есть ли место в этом вертепе? Достоин ли ты хотя издали поклониться сему Отрочати малому – превечному Богу?.. И что ты принесешь Ему от нищеты твоей духовной?.. Ведь было же время твоего детства, когда твое сердце, тогда еще невинное, радостно трепетало от одной мысли, от одного напоминания, что приближается великий праздник Рождества Христова, что скоро запоют в церкви: *Христос рождается – славите... Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...* и это торжественное: *Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит...* Было время, когда твоему детскому воображению, детскому сердцу были милы и дороги эти ясли, в коих с тихой младенческой улыбкой почивало Отроча младо – превечный Бог, и душа твоя тянулась тогда к этим яслям и сиял, и согревал ее оттуда свет Христов, просвещающий всякого человека, и никаких вопросов не зарождалось тогда в твоей совести: с детской простотой устремлялся ты к иконе Рождества Христова и с беззаветной любовью и благоговением лобызал изображение Богомладенца и Его Пречистой Матери... О, если бы можно было вернуть себе невинность детства, нежность детского сердца и простоту детской веры, чтобы снова и снова переживать святые благодатные впечатления, какими тогда была полна душа!

Увы, братие, теперь мы живем в святые дни праздников нашей матери-Церкви большею частию только воспоминаниями своих детских впечатлений!.. Но кто же препятствует нам эти воспоминания обратить в живую действительность? Ведь Господь наш *Иисус Христос вчера и днесь, То й же и во веки*. Ведь за тем Он и пришел к нам на землю, и Младенцем

стал, и во яслях почивал, и на кресте пострадал, чтоб сломить в нас нашу гордыню, – чтобы не только возвратить нам невинность детства, но и, омыв грехи наши Своею кровию, пересоздать всего нашего внутреннего человека. Он все сделал, все готов сделать, чтобы согреть наше холодное сердце Своим миром благодатным, чтобы облагодухать его веянием Святого Духа, чтобы соделать его яслями для Себя, обителию Своею, и внити в него, и обитати в нем... Он все сделал, а мы – ничего! Но Он с клятвою уверяет нас чрез пророка: *хотением не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему* (Иез. 33, 11). Значит, и для нас есть место у колыбели Спасителя мира. Припадем же к Нему в простоте сердца скорбящего и кающегося, пожалуемся Ему на самих себя, восплачемся пред Ним, Спасителем нашим, и призовем себе на помощь Пречистую Матерь Его:

Господи Иисусе Христе Боже наш, нашего ради спасения ныне плотию родитися от Девы изволивый и во яслех возлегий! Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 28). Ты рекл еси: *без Мене не можете творити ничесоже*. Ты заповедал еси: *аще не будете яко дети, не внидете в царство небесное*. Сподоби нас в сей великий и спасительный день Рождества Твоего целым сердцем и всею душою нашею припасти к священным яслям Твоим и облобызать святейшия пелены Твои. Приими вместо дара наше грешное сердце и молитвами Пречистыя Твоя Матере сердце чисто созижди в нас, дух правый обнови, смирение и простоту веры даруй нам, силы ко исполнению заповедей Твоих ниспосли и имиже веси судьбами помилуй нас. Аминь.

№ 100 (б)

Чего ждать дальше? Началось...

Да, в Православной русской земле началась открытое идолослужение, совершаемое не язычниками, а нашими интеллигентами, конечно, в детстве окрещенными в святую веру Православную...

Вы не верите, читатель?

А вот прочитайте провинциальную афишу:

“Городской зимний театр.

В пятницу 2 декабря 1911 года состоится юбилейное чествование городом (сей город-идолопоклонник есть Курск, родина преподобного Феодосия Киево-Печерского!) и артистами XXV-летия (чего же чествование – из безграмотной афиши не видно, но далее увидит читатель) основания Курского городского зимнего театра. Будет прочитан реферат и т. д. Будут прочитаны приветственные телеграммы и (внимание, православный читатель мой!) *возложены венки к подножию Богини* (так и напечатано с большой буквы!) *Мельпомены и ея великаго служителя М. С. Щепкина*”.

Итак, пока столица строит и украшает идольское капище, пока выписывает идолов из Японии, Китая и Индии, пока собирается еще открыть (вероятно, в публикации скажут: освятить!) это капище, а по— нашему – осквернить столицу, провинциальный Курск уже совершил преклонение пред идолом Мельпомены, богини театра, признал ее богинею с большой буквы и торжественно, от имени города, возложил к ее подножию венки.

Несчастливая Россия! Сама собираешь на свою голову гнев Божий, ищешь своей гибели!.. Но это еще не все.

Далее афиша гласит:

“*Военный оркестр исполнит славу*”... Не знаток я театра, не знаю, что это за “слава”. Но смысл все же понятен, слава – конечно – не Богу... И *военный оркестр*, частица “христолюбиваго” нашего воинства, привлекается к участию в прославлении... кого? Языческого идолища Мельпомены?

Боже мой! Не ведут, что творят! Не отними Своего благословения хотя от воинства-то нашего!

А в довершение горя – эта афиша печатается не в жидовском листке, а в “правой” газете – “Курская Быль”! И газета, издаваемая, по-видимому, православными, *правыми* людьми не погнушалась напечатать это богомерзкое объявление скверного ради прибытка... Вот вам и, правые, вероятно, “готовые душу свою положить за веру Православную”... Можно ли с такими иметь общение?

Господи, как все это горько, как тяжело видеть это безумие!..

Чего же ждать дальше?

Этот дневник был уже напечатан в “Колоколе”, когда получил я вырезку из “Курской Были” (№ 268) с сообщением о том, как прошло “торжественное празднование 25-летия театра. “Празднование” – будто и в самом деле “праздник” какой! 25 лет кривлялись, ломались разные лицедеи, вероятнее всего – иудеи, и вот – “потрудились” довольно: любуются собой, празднуют... Диво молебна не отслужили! А, впрочем, и “моление” было: а венки-то возлагали на “богиню” Мельпомену? Разве это не языческое идолослужение? И “славу” играли наши “воины христолюбивые”, и “публика

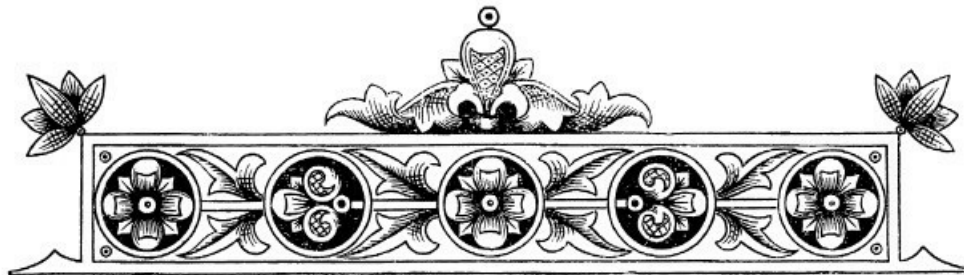
рукоплескала”, и какая-то “городская театральная комиссия”, и представители обществ, учреждений, учебных заведений – мужской и двух женских гимназий, и общества врачей и содействия начальному образованию были... Как будто все по-надлежащему, и “публика” была... А в конце вдруг сообщение: “общество отнеслось к юбилейному празднику *в высшей степени холодно*, чтобы *не сказать более* (вероятно – враждебно?). Театр представлял из себя положительно – *пустыню* (это слово подчеркнуто и “Курской Былью”). Вряд ли за все 25 лет был спектакль *более малолюдный*. Вообще, было гораздо *более похоже на похороны*, чем на юбилей городского театра”.

Вот вам и “публика”. “В партере вряд ли было более пятидесяти человек, считая в том числе и некоторых *артистов* и других бесплатных посетителей”. Другими словами: настоящей-то публики, которая заплатила бы деньги за присутствие при этом идолопоклонении – и вовсе не было...

Что бы это значило?..

А мы пока скажем и за то – слава Богу!

Мои дневники
1912 год

№ 101

В полночь на Новый год

Се Жених грядет в полунощи.

Великий царь и пророк Давид любил в полночный час славить Бога: *в полунощи востях исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62), говорит он. Все святые Божии любили в тишине ночной беседовать с Богом. Сам Господь наш Иисус Христос возносил Свои Божественные молитвы Отцу Своему Небесному более всего в глубоком уединении в ночные часы. Древние христиане каждую полночь встречали молитвой, да и ныне в строгих обителях ровно в полночь начинается утреннее богослужение – чином *полунощницы*. Полночь – время таинственное, время святое, самое удобное для уединенной и для церковной беседы с Богом. И сколько поучительных воспоминаний соединяется для христианина с этим священным часом полуночи! Сколько событий в истории домостроительства нашего спасения совершилось в этот час! В ночь бывали Богоявления древним патриархам и пророкам, в полночь поразил Господь первенцев египетских, в полночь вывел Он Израиля из Египта, в полночь родился Господь наш в вертепе Вифлеемском, в полночь, по древнему преданию, Он крестился во Иордане, в полночь был предан Иудею, в полночь воскрес из мертвых, в полночь придет судить живых и мертвых... Поистине то будет страшная полночь для всего мира, для всей вселенной! Вот почему от веков древних для всех верующих время полуночи было временем особенно знаменательным, временем, которое должно освящаться молитвою...

Мы до того стали немощны, немощны больше духом, чем плотию, что очень редко встречаем полночный час в храме Божиим на церковной молитве. Еще держится святой устав встречать воскресшаго Господа в полночь на Пасху, да вот, слава Богу, с недавнего времени стали и Новый год встречать полночною молитвой. Но – увы! Грустно, больно вспомнить, что многие-многие собратия наши, хотя и не спят в этот час, но лучше бы уж спали!.. Забывая, что и дни, и часы, и минуты жизни нашей в руке Божией, не слушая звона церковного, зовущаго в храм Божий, они спешат встретить Новый год со звоном бокалов, с возгласением здравиц, с пожеланием друг другу счастья, а какого счастья – и сами не знают! Не знают того, что и счастье наше все – в руке Божией! Пошлет Бог счастье, благословит Бог здоровьем и успехом в трудах, – будет счастлив человек, а не благословит – все же все эти здравицы, все благия пожелания! Одно для всех несомненно: все мы подошли ближе к смерти, многие из нас, несомненно, встречают Новый год уже в последний раз: а разве это кто назовет счастьем? Не будем судить таковых собратий, лучше помолимся и о себе, и о них, да вразумит всех нас Господь, времена и лета в руке Своей положивый, како прочее время и лета живота нашего в мире и покаянии скончати, *искушающе время, яко дние лукави суть...*

Да, мы живем поистине в лукавые дни, в страшное время. Не до бокалов бы, не до громких здравиц добрым христианам ныне. Если когда, то именно в наше грешное время *диавол яко лев рыкая ходит* по нашей грешной Русской земле, *иский кого поглотити*. Всюду раскинул он сети свои, всюду сеет соблазны. Берегитесь, православные! Берегите детей своих! В последнее время сатана через верных слуг своих – а их так много у него! – особенное тщание употребляет, чтобы отравлять детские души ядом безбожия,

кошунства, богохульства. И как изобретательны стали эти слуги сатаны! Как хитро истолковывают они в свою пользу все свободы, данные, конечно, не для зла, а для добра! Как умеют пользоваться всем для того, чтобы развращать, губить души даже детских! Поистине, братие, страшное время! Со страхом вспоминаются пророчесственные слова великого тайновидца Иоанна Богослова: *и низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержена земля, и ангелы его с ним... Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени...* (Откр. 12, 7, 12). И в трепете вопрошает душа: уже не исполняются ли сии грозные пророчества возлюбленного ученика Христова в наши дни? Не сбываются ли на наших глазах все те признаки близкого дня суда Божия, о каких говорил Господь: *когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях...*? (Мф. 24, 33). Смотрите внимательно! Сколько лжехристов и лжепророков появляется в наши дни! Сколько ересиархов, начиная с идола нашей безбожной интеллигенции – богоотступника Толстого и кончая разными братцами-хлыстами, начиная с незваных-непрощенных иноземцев Фетлеров и кончая своими изменниками православной Церкви – Мазаевыми, Прохановыми и Степановыми! И всем им полный простор блазнить в простоте верующих православных!

А как умножились беззакония и охладела истинная христианская любовь! Уже и Евангелие Христово проповедуется всем народам земным по всей вселенной во свидетельство им, да будут безответны на страшном судище Христовом, уже мерзость запустения является на местах святых: строятся языческие капища и магометовы мечети в столице православной, и, говорят, имеются и места, где поклоняются самому сатане... Уже творятся и знамения, и чудеса ложные у спиритов и оккультистов, уже совершается то великое отступление от веры и благочестия, о коем пророчествовал Апостол Христов Павел... И сердце содрогается при мысли: уже не близок ли конец? Уже не стучится ли в дверь человек беззакония, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он как Бог, выдавая себя за Бога... Еще “удерживающий” удерживает его появление, но надолго ли?..

Вот, братие, какая размышления приходят мне на сердце в эту таинственную новогоднюю полночь. Знаю, что для многих жизнерадостных людей они покажутся безотрадными, угнетающими. Но не лучше ли познавать “знамения времени”, чем беззаботно предаваться бессмысленному веселию в такой час? Церковь Божия предостерегает нас: *внезапно Судия приидет и коегождо деяния обнажатся*, поет она в тропарях полунощницы. *Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща*. Надобно и то помнить, что для каждого из нас в отдельности час суда Божия несравненно ближе, чем всеобщий страшный Суд Христов. *Единою подобает умерети, потом же суд*. А смерть подстерегает нас на всех путях наших. От нея никуда не уйдешь. Та к не лучше ли заблаговременно размышлять о ней, готовиться к ней? Это предохранит нас от многих грехов. Еще ветхозаветный мудрец сказал: *помни последняя твоя и во веки не согрешиши*. Да и к Страшному Суду Божию всеобщему надо всегда быть готовым. О сем великом дне Господь сказал: *будьте готовы, ибо не знаете ни дня, ни часа, когда Сын человеческий приидет* (Мф. 24, 44). *Се гряду яко тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его!* (Откр. 16, 15). О, если бы совесть паша позволила нам воскликнуть с тайновидцем Богословом: *ей, гряди, Господи Иисусе!* Аминь.

Чем больна наша матушка-Россия?

От чего болеет Россия?

Что наша матушка Россия духовно болеет – это, кажется, для всех очевидно, но в чем корень болезни, какие условия в самом государственном организме благоприятствуют этой болезни – об этом высказываются самые разнообразные, до противоположности, суждения. Не буду разбирать все эти суждения, тем более, что в наше время много таких писателей, которые сами не верят тому, что пишут, высказывают свои суждения лишь для того, чтобы скрыть свои настоящие мысли. Не стоит тратить времени на полемику с такими публицистами: все равно – их ничем не убедишь, ибо они не хуже современных Господу Иисусу Христу книжников и фарисеев знают истину, но нарочито закрывают свои глаза, чтоб ее не видеть... Попытаюсь ответить на поставленный вопрос от лица тех русских людей, которые единомысленны со мною, которые искренно любят свою Родину, вдумчиво относятся к тому, что теперь творится на Руси и целым сердцем желают ей добра.

Россия духовно болеет от великого духовного раскола между верхними, интеллигентными ее слоями и всею многомиллионною массою народной, не того церковного раскола, что произошел из-за обрядов церковных при Патриархе Никоне, а того, начало коему положено при Великом Петре. В самом деле: не болезненное ли это явление в организме великого народа, что его верхние слои, его мыслящая часть, не хочет знать тех заветных идеалов, коими жива народная душа, которая являются стихией его духовной жизни, без которых немыслима самая личность народная? Если бы великий преобразователь предвидел, к чему приведет его увлечение западными формами политической и общественной жизни, то он не назвал бы своего стольного города немецким именем, не перенес бы к нам всю ту мишуру, без которой и можно и должно было бы обойтись при введении реформ, признанных им необходимыми для государственного преуспевания столь любимой им России. Но роковая ошибка была сделана, и вот, к концу еще XVIII столетия наши верхние слои, наша бюрократия, представители высших сфер государственной жизни, науки, искусства, за исключением очень немногих, уже были заражены вольнодумством, вольтерьянством, масонством и всеми теми духовными ядами, которые постепенно, но верно вели западные народы к разложению. Пока этот раскол, эта духовная болезнь находила себе место в области личной жизни, в области мысли, дотоле явление это было, сравнительно говоря, – терпимо: народ сторонился от изменивших его идеалам интеллигентов, жил своею жизнью, храня, по мере сил, заветы отцов, снисходительно смотря на “бар”, среди которых, к счастью, видел и верных сынов Церкви, и преданных сынов Отечества, которые хотя и не всегда соблюдали посты, не всегда исправно посещали храмы Божии, но все же и не вторгались в духовную жизнь народа, не порицали ее открыто, а иногда, хотя внешним образом, проявляли свое участие в этой жизни. Во всяком случае, православный народ твердо знал и помнил, что его вера есть единая святая и богопреданная, что его Церковь – святая неприкосновенная, что его Царь есть Божий Помазанный, коего слово – закон непогрешимый... Прошло полтора века с той поры, как появилась эта духовная болезнь народного раскола. В половине прошлого столетия, пользуясь великими реформами Императора-Освободителя, под влиянием веяний

масонства, незримо и неуловимо всюду проникающего и всюду вносящего свой тлетворный, разлагающий яд, наша интеллигенция стала постепенно заражать народ своею болезнью легкомыслия в вопросах веры, а следовательно, и нравственной жизни. Свобода печати разносила яд лжеучений всюду по Руси, 60-е годы положили прочное начало тому движению, которое в самое последнее время наименовало себя “освободительным”. Роковой в истории России 1905 год, год смуты и всяческих послаблений, раскрыл, какая пропасть отделяет нашу интеллигенцию от самого народа. Правящие сферы колебались: вместо того, чтобы ясно, твердо и определенно стать на стороне народных идеалов, интеллигенты-бюрократы как бы стыдились этих идеалов и вносили один за другим законопроекты, решительно неприемлемые народной душой... Началась и доселе продолжается какая-то ненужная, непонятная борьба: с одной стороны, интеллигенты, – желающие во что бы то ни стало навязать народу чужие идеалы, с другой – народ, крепко стоящий за свои родные заветы; с одной стороны, – стремление внести в самые законы, а чрез законы и в жизнь народную равнодушие к родной Церкви, к Православной вере, к идеалу Самодержавия, к родному народу; с другой – твердое, стихийное, хотя не всегда правильно организованное отстаивание всех этих заветных святынь...

Удивительно то, что ведь интеллигенция – горсточка в сравнении с великаном-народом, а между тем хочет весь народ в духовном отношении переделать по образу и подобию своему... Ради чего? Во имя чего? Сама не дает себе отчета. Еще удивительнее, что в этой интеллигенции есть ведь люди искренние, – о продавших себя иудеям и масонам, конечно, не стоит и говорить, – люди, думающие, что они хотят облагодетельствовать народ... Как будто туман какой-то застилает глаза этим доброжелателям народным, а когда им указывают на их основную ошибку, то простое самолюбие не позволяет им сознаться, и они стараются убедить себя и других, что они-то и есть настоящие благодетели народа! А этим великим заблуждением пользуются враги народа и спешат поддержать заблуждение в умах сих, чужим умом мыслящих, людей. Опасность в том, что такие люди не верят в самое существование этих врагов, а сии враги ими же и верховодят! Ведь почти вся печать захвачена именно этими врагами, они имеют своих агентов среди самих правящих сфер, искусно внушают там все, что им нужно, между тем как наши благонамеренные интеллигенты и подозревать того не хотят! А народ инстинктивно, историческим чутьем видит эту опасность и всячески, хотя и неумело, протестует против этого духовного насилия. Слава Богу, что еще имеется среди самой интеллигенции, как выше сказано, люди, не порвавшие связи с народом, еще живущие народными идеалами, хотя и немного их. Они объединяются в сообщества и союзы, чтобы выяснить эти идеалы, укреплять их в своем собственном сознании, отстаивать их пред лицом прочей интеллигенции. Шесть лет назад, когда в Петербурге образовалось “Русское Собрание”, нам, русским православным людям, казалось как-то странным, что в русской столице образуется *Русское Собрание*... как будто столица-то не русская! Но когда это Собрание стало проявлять свою деятельность, то осталось только благодарить основателей такого учреждения. Стало ясно, что тут хотят объединиться истинно русские люди, чтоб послужить по мере своих сил своей Родине, своему родному народу, чем и как могут. С того времени появилось немало таких содружеств, союзов, собраний, братств... Но вот в чем опять-таки крайне прискорбное явление: в правящих сферах им как будто не доверяют, их голосу не внимают, нередко ставят препятствия их деятельности и как будто считают их тормозом в деле “обновления” России... Стань правительство рядом с

носителями народной мысли, народных идеалов, пойдя за ними рука об руку, и Россия действительно обновится, окрепнет, и народ, в его лучших представителях, возликует, готов будет на все, на всякия жертвы, только бы представители власти поняли и оценили его заветные идеалы. К сожалению, в верхних кругах этого безповоротного решения не замечается: там все какое-то колебание, как будто стыдятся прямо и решительно, открыто и мужественно заявить, что они ни в каком случае не допустят ни малейшего оскорбления Церкви Православной, не позволят ни под каким видом соблазнять простецов пропагандой лжеучений, что, допуская свободу исповедания, отнюдь не допустят свободу распространения лжеучений... Ярким примером, до какого шатания в отношении поругания Церкви и заветных народных верований доходят наши интеллигенты, может служить и самый последний факт: говорят, в Совете министров серьезно обсуждается вопрос о приобретении на народные деньги имения яснополянского богохульника, притом за сумму, чуть ли не в три раза превосходящую действительную стоимость этого имения, причем, само собою разумеется, что могила этого анафематствованного Церковью еретика, теперь служащая гнездом ядовитых змей (факт, что в день его рождения на могиле сей был укушен змеею мальчик, сын одного из почитателей этого слуги дьявола) будет охраняться, как святыня... Не есть ли это какое-то – простите – непостижимое издевательство над народом православным, над его матерью-Церковью, а кстати, уж и над самою властью: ведь этот еретик был самый непримиримый анархист и враг государства!.. Говорить ли о каком-то систематическом покровительстве разным съездам врагов Церкви: баптистов, раскольников, разных сектантов... Скажите, ради Бога: какая польза от всего этого для государства? На что понадобились эти съезды самим раскольникам и сектантам, кроме разве того, чтобы так или иначе “демонстрировать” против святой Церкви? Ужели православное государство не могло коротко и решительно всем им сказать: вас никто не обижает, никто не мешает вам исповедывать свою веру: сидите же смирно и не оскорбляйте православного народа!.. Но можно ли ожидать от наших интеллигентов такого “либерального” отношения к диссидентам? То же в области идеалов государственного благоустройства, то же в области русской политики... Правда, в последнее время много говорили о национальном направлении внутренней политики, но ведь слово “национальный” иностранное, и под “нацией” можно разуместь какой-угодно народ: по крайней мере, есть же публицисты, которые толкуют это слово в смысле не народа Русского, а всех народов, населяющих Россию... Вот и судите: как не болеть нашей матушке-России, когда горсточка интеллигентов чуть не ежедневно по сердцу бьет настоящих православных русских людей, весь стомиллионный народ, везде и всюду проявляя заботы не о святынях народного сердца, а о либеральных бреднях инородцев, иностранцев, мнением народа пренебрегает, а к голосу изменивших народным идеалам прислушивается; скажите: где, у какого народа это видано и слышано? Думается, что когда варяги пришли править и владеть Русью, то так не делали, как делают наши интеллигенты, взбираясь на вершины общественной и государственной жизни. Едва ли такому образу действий подыщете более мягкое название, как духовное насилие! Вместо того, чтобы быть, так сказать, мозгом нашего богатыря-народа, наша интеллигенция, в ее большей части, является каким-то болезненным микробом в его организме, микробом, с которым и борется могучий этот организм! Нормально ли это? Не бессмысленно ли, наконец?.. И будет ли этот микроб все более и более проникать во все ткани народного тела, не преобразуя его по своему образу и подобию, нет: он и к этому не способен, а постепенно разрушая его. Или же могучий организм, наконец, поборет болезнь эту,

переварит микроба, ассимилирует его с самим собою, как он когда-то втягивал в себя и ассимилировал с собою всех этих вятичей, мерю, весь и другие народцы? Хотелось бы верить в последнее: не умирать же богатырю, не исполнив в истории возложенного на него Богом послушания! Пусть же вдумаются в это все, кому дорога наша матушка-Русь Православная, кто любит свой народ не лицемерною любовью, кто знает сокровища его сердца!.. Пусть вдумываются и делают каждый свое дело, чтоб помочь нашему славному Илье Муромцу одолеть всех соловьев— разбойников!..

Какие бывают статьи в наших “духовных” журналах?

Обличай премудра, и возлюбит тя.

Дня не проходит, чтобы не видеть признаков все возрастающего нравственного разложения, которое проникает уже – страшно сказать – туда, откуда должно бы ждать исцеления для русской народной жизни, противоядия разлагающим ее началам... Глубокая благодарность Святейшему Синоду, положившему предел духовному растлению со стороны так называемого “Церковного Вестника” заменой кадетствующего редактора г. Титлинова почтенным профессором И. И. Соколовым; низкий поклон Высокопреосвященному Сергию, Архиепископу Финляндскому, взявшему на себя труд разобраться в кадетских выходках этого журнала и раскрывшему всю их неприглядность с церковной точки зрения. Нельзя не удивляться, как позволяла пропускать к печати эти выходки совесть того, кто цензурировал “Церковный Вестник”. Ведь позор этот ложился на всю корпорацию того учреждения, от имени коего издается этот журнал.

А вот еще духовный журнал, редактируемый даже епископом и цензуруемый ректором-архимандритом. Журнал этот в большей своей части пробавляется перепечатками из духовных же, а отчасти, и из светских периодических изданий; оригинальных статей в нем немного, в каждой книжке он дает что-нибудь и переводное. В прошлые годы он увлекался сочинениями главы баптистских (еретических) проповедников *Сперджона* и как-то преподнес своим читателям книжку – руководство к проповедничеству этого господина; книжка написана в духе прелести духовной и, кроме вреда, не принесла ничего читателям. А теперь вот что пишет мне один благочестивый мирянин об этом “архиерейском” журнале:

“Августовскую книжку мне достал один знакомый, который, вместе с женою, глубоко возмущен напечатанным в этой книжке рассказом Марка Твена под заглавием “Визит капитана Отормфильда на небо”. Возмутителен и самый рассказ по своему сплошному кощунству, но еще более возмутительно отношение редакции журнала, снабдившей от себя этот рассказ Твена особой рекомендацией.

Что же это, святой владыко? Как же после этого протестовать нам против левой печати, если духовные журналы предлагают своим читателям такую духовную пищу? И ведь цензурирована ректором семинарии архимандритом, а редактирована даже епископом! Просто глазам не веришь, что все это возможно. Владыка святой, обратите внимание, кого следует, на духовных отравителей Русского народа! И подумаешь только, что эта отравка исходит из такого святого места: больно, обидно, как смеют осквернять св. обитель преподобного Сергия печатанием таких статей.

Простите за горячность, не осудите и благословите вашего преданного слугу”...

Следует подпись.

Прежде всего скажу в защиту родной мне обители: журнал называется духовным, издается под редакцией епископа и под цензурой архимандрита: для начальства Лавры этого, кажется, достаточно, чтобы избежать подобных упреков. Ужели монахам заводить свою цензуру того, что разрешается печатать архимандритам и даже епископам? Тогда нельзя уже никаких заказов принимать для типографии. Да начальству Лавры и не до того,

чтобы перечитывать все, что печатают заказчики-архиереи и архимандриты, которые, притом же, и не подчинятся такой цензуре.

Обращаюсь к рассказу Твена.

Прочитал я рассказ, прочитал и “рекомендацию” ему от редакции. Сказать правду: мне показалось, что тут со стороны редакции простое недоразумение и автор, если бы прочитал рекомендацию русского епископа, от души посмеялся бы его простоте. Я не думаю, будто автор настолько не умен, чтобы писать *серьезно* такие рассказы. Он писал, вероятно, для какого-нибудь юмористического или спиритического журнала вроде “Сатирикона” или “Спирита”, а редакция русского духовного журнала приняла рассказ за “серьезную” попытку автора “понять загробную жизнь человека в ее новых условиях, как они представляются ему самому”. Разве только предположить, что Твен – полный невежда в учении христианском о загробном мире, представляющий этот мир в духе того же материалистического, грубо вещественного мировоззрения, как будто у язычников. Но такое предположение было бы слишком обидно для г. Твена. Ведь, он – не ребенок, умеет же он отличить понятия духовные от вещественных. Может быть, он, потеряв веру в духовный мир, хотел просто осмеять верование всех христиан и, приложив земную мерку, дал волю своей фантазии, чтобы потешить своих друзей-читателей? Но тогда, позвольте, в каком же неумном положении оказался наш духовный журнал, давая место переводу болезненного, враждебного Церкви бреда этого легкомысленного писателя?..

Судите сами, читатель, можно ли серьезно останавливаться вниманием, переводить на русский язык и печатать в духовном журнале, под редакцией епископа, такую, например, с позволения сказать, чепуху: “Божество строило небо по либеральному плану”, “Там есть приемные конторы”, земля называется бородавкой (в английском языке земля – Earth, а бородавка – Warth – есть созвучие, способное вызвать у англичанина смех), люди по смерти обращаются в ангелов, им привешивают крылья, которыми, однако летать нельзя, крылья они “отдают в стирку”, есть “старые плешивые морщинистые ангелы”, ангелы-люди курят трубки, играют на сцене, устают, “как собаки”, проводят время в пикниках, болтают глупости с девицами. С целью, вероятно, кощунства автор нарочито ставит имена Иеремии рядом с Хамом и с Буддой, Даниила – с Саккиа и Конфуцием, Иезекииля – с Магометом и Зороастром, Моисея с Исавом, причем, двух последних автор называет “парою великих Моголов”. Местами у автора проскальзывают цинические выражения, например, “Разве небо было бы небом, если бы нельзя было позлословить?” Или: “Все небо взбесится от радости, когда такой субъект будет спасен”.

Но довольно. Редакция журнала в своей сопроводительной заметке говорит: “Думаем, что прочитавший эту статью, извлечет много для себя полезного и в положительном и отрицательном (?) отношении”. А я думаю, что он не только потеряет время, но и посетует на редакцию “журнала церковно-общественной жизни, науки и литературы” и пожалеет денег, затраченных на подписку. Я же, как Епископ православной Церкви, не могу не выразить глубокой скорби, что мой собрат по архиерейству печатает в своем журнале такую кощунственную чепуху и тем дает повод к соблазну для благочестивых мирян, умаляя в их глазах авторитет всего, что исходит от нас, Епископов, преемников апостольского служения. Не хотел я возвышать свой голос против моего собрата, но вспомнил Апостола Павла, *в лице противу Апостола Петра вставшаго, яко сей зазорен бе* (Гал. 2,11). Вспомнил, и хотя несмы достоин развязать ремень сандалий Павловых, однако же совесть понуждает сказать то, что говорю, да не продолжится соблазн среди людей Божиих. Не такое ныне время, чтобы молчать в виду соблазна.

Да и в Писании сказано: *достовернее суть язвы друга паче, нежели вольная лобзания врага.*

№ 104–105

Гипноз всеобщего обучения

I

Говорят, что индийские йоги обладают такою силою внушения, что могут загипнотизировать сразу огромную толпу народа. А мне думается, что сила гипноза, если понимать ее в более широком смысле, идет гораздо дальше, что возможно загипнотизировать не только определенную толпу, которую можно сразу окинуть взглядом, но и тысячи людей, разбросанных на сотни тысяч квадратных верст, можно внушить им самую неприемлемую трезвым рассудком и даже здравым смыслом идею и заставить их преклониться пред этой идеей, безпрекословно служить ей... Я говорю о духовном гипнозе. Самым наглядным, как доходящим до смешного, до нелепости, примером такого гипноза служит мода: как бы ни была нелепа, как бы ни была разорительна – ее предписания выполняются безпрекословно, и, если только имеются какие-нибудь средства, считается неприличием, своего рода позором явиться на бал не в модном платье...

Я сейчас назову одну такую идею, которую считаю внушенною, но заранее знаю, что за это многие обзовут меня обскурантом, мракобесом и другими не менее “лестными” именами существительными и прилагательными. Я прошу об одном: не искажать моей мысли, взять самое зерно ее и поглубже в него вдуматься. Итак, слушайте: я утверждаю, что идея всеобщего обучения в том виде, как ее понимают наши радетели народного просвещения, есть внушение, гипноз, мечта, здравым разумом не приемлемая при современных условиях народной русской жизни. Знаю, мне скажут: вы – враг народного просвещения, поборник невежества и т. п. Но кто же доказал, будто всеобщее обучение есть просвещение народа? Эти два понятия отстоят одно от другого, как небо от земли. Всякое обучение, не исключая даже и обучения в высших учебных заведениях, в разных университетах и академиях, есть только именно обучение, сообщение той или другой суммы знаний, развитие только одной стороны человеческого духа – умственной его деятельности да притом еще далеко не всегда имеющее нравственную ценность. А это еще не есть просвещение. Вспомните, как определял наш великий Гоголь понятие просвещения. Просветить, говорит он, значит высветлить, насквозь пронизать все духовное существо человека чистым светом Христова учения, очистить его от всякой духовной нечисти: лжи, суеверия, нравственной нечистоты... Было бы недобросовестно с нашей стороны не признаться, что такого просвещения почти ни одна школа не дает, или если какая и дает, то в очень малой степени. С большею справедливостью следовало бы просвещением называть не обучение, а воспитание, следовало бы переставить в отношении их ценности эти два понятия: во-первых – воспитание, во вторых – обучение. Для жизни не столько нужно обучение, сколько воспитание, и во всяком случае – воспитание в христианском духе есть само по себе добро, а обучение само по себе ни добро, ни зло: это только средство делать добро или зло, а без воспитания чаще всего является злом... Доказано, что с возрастанием грамотности возрастает и преступность, и

это, конечно, потому, что дают детям в руки нож, а не научают их употреблять его на пользу себе и другим...

Ведь, все это давным-давно известно, все это – неоспоримые истины, и однако же давайте нам обучение, да еще всеобщее, и – ни слова о воспитании!..

Мне скажут: при обучении само собою разумеется и воспитание.

Не будем лицемерить, будем смотреть в глаза самой жизни, самому делу обучения, как оно стоит... Мне кажется, не стоит напрасно тратить время, чтобы доказывать, что все наши школы и высшие, и средние, и низшие почти не думают о воспитании: вся их забота сосредоточена на учебе. Разве только наша бедная – церковно-приходская школа еще делает кое-что для воспитания детей народа, но не за то ли ее и гонят несчастную, не за то ли и хотят измором извести? Я не враг грамотности, но и не считаю ее таким великим благом, чтобы выбрасывать на нее те миллионы, которые выжимаются из народа преступным поощрением пьянства, простите мне, иначе я не умею назвать систему монополии в продаже водки. О, конечно, если бы не было на нас десяти-одиннадцати миллиардов долгов, если бы не приходилось каждый год выплачивать по этим долговым обязательствам полмиллиарда одних процентов, – тогда наш первый долг лежал бы позаботиться о народной школе, – говорю о школе, но еще не о всеобщем обучении, ибо для всеобщего обучения надо, прежде всего, позаботиться о том, кого приставить к этому делу – о воспитателях народа – учителях, а еще первее – о пастырях, об отцах духовных, как воспитателях народа в духе Христова учения. Но попытайтесь сказать это вслух некоторым нашим законосоставителям – на вас обрушатся все громы и молнии этих якобы просвещенных господ!.. Как не признать это гипнозом, своего рода помешательством на внушенной идее? А что она внушена, в этом для меня сомнения нет. И внушена она врагами рода человеческого масонами и иудеями. И нужно это всеобщее обучение в том виде, в каком оно несомненно будет вводиться – нужно не народу, а вот этим непрошеным радетелям народного блага. Ведь, никакого сомнения нет в том, что дело обучения, если оно попадет в руки этих просветителей, поведется так, что из души народной будет вытравлено все, что так дорого русскому человеку, за что он умирал, что выстрадал и сберег за тысячу лет своего исторического бытия. Попробуйте потребовать, чтобы в народные школы ввели старья, столь любимые нашим народом книги Часослов и Псалтирь: да одно наименование сих священных книг способно вывести их из состояния духовного равновесия: мыслимо ли это? Какое мракобесие, клерикализм, обскурантизм и прочие безумные глаголы... Вот если вместо Евангелия и Псалтири учить детей по Толстому – вот это будет “просвещение”! На это и учителей достаточно: говорят, из Сибири и других не столь отдаленных мест в последнее время вернулось до 22 000 таких народных просветителей: вот им и надо дело и место дать!

Я со страхом помышляю о том времени, когда осуществится такое всеобщее обучение. Уже и теперь по местам юные грамотеи, наслушавшись всяких освободительных бредней, начитавшись жидовских газет и брошюр, потеряли и Бога, и совесть, и стыд, и всякий страх, и терроризируют деревню: что будет, когда все молодое поколение заразится этой отравой? Что станется с народом, когда наше старое поколение все сойдет в могилу? Что будет с Русью нашей, когда отравленное неверием, кощунством, богохульством и всякими модными масонскими бреднями, выродившееся в идиотов от алкоголизации, новое, больное и духом и телом поколение явится хозяином на родной земле?.. Ведь надо помнить, если мы христиане, что Бог поругаем не бывает! Надо помнить, что даже наука, – не говорю уже о нравственном законе, о правосудии Божиим – даже

беспристрастная наука свидетельствует, что в самых законах природы лежит закон возмездия за нарушение закона нравственного...

Мы открываем новые университеты в то время, когда наша русская наука, можно сказать, дошла до банкротства, когда ею завладели иудеи, когда годами пустуют десятки кафедр в иудействующих университетах, когда жрецы науки в большинстве обратились в прислужников недобросовестной, противонародной политики и антихристианских лжеучений, и вот в такое-то время мы готовы бросить десятки миллионов на новые университеты, сотни миллионов на всеобщее обучение, не желая давать себе отчета даже в том: найдем ли достаточно людей науки, чтобы обслуживать эти университеты, эти новые народные школы?.. Что все это, как не гипноз, какое-то помешательство на искаженной идее просвещения?

Нужно сначала отрезвить народ, потом просвещать. Прежде спасти его от алкоголизации, от вырождения, от поголовной гибели... А то “просвещение”, которое готовят ему в виде “всеобщего обучения” с учителями нового типа, только ускорит эту гибель. Если есть у вас лишних сто миллионов – то сократите на эту сумму спаивание народа. Если нет никакой возможности обойтись без питейного дохода сразу, уничтожив всякое производство и продажу алкоголя во всех его видах, признавая его ядом наравне с опиумом, гашишем и подобными отравками, строжайше преследуя его продажу и выделку, – то постепенно сводите доходы от этого яда на нет. Этих доходов получает государство в чистом виде, за покрытием расходов по монополии, положим, полмиллиарда в год. Признано возможным чрез десять лет тратить на “всеобщее обучение” лишних по сто миллионов в год. Если иметь мужество отказаться на время не только от “всеобщего обучения”, но и еще от многих прихотей и предметов роскоши, от казенных театров, например, предоставив заботу на все это изыскивать средства тем, кто хочет пользоваться этой роскошью, если, взамен питейного дохода, обложить акцизом, например, всю бумагу, какая бы она ни была, и многое другое, если даже, наконец, ввести снова подоходный или иной какой налог на все, без исключения, население империи, то кто знает, может быть, мы и победили бы кажущегося доселе непобедимым врага – народное пьянство! А затем еще несколько лет усилий, чтобы покрыть государственные долги, и мы стали бы счастливейшим народом среди народов земных, без всякого питейного дохода. Ведь, если сказать правду, то весь чистый (как это слово не к месту приходится употреблять! Лучше бы сказать – весь *нечистый*) доход от питья приходится отдавать кредиторам как процент, и не будь долгов – не было бы этого расхода. Вот тогда и можно было бы говорить и о всеобщем обучении, и – непременно условие: под надзором и руководством Церкви, и об университетах, конечно, с составом профессоров – честных служителей науки, и о многом другом, о чем теперь и мечтать нельзя...

Но я скажу нечто более отрадное. Если бы можно было сделать опыт: абсолютно отрезвить хотя бы одну губернию, оградив ее от водки совершенно, то – я уверен – чрез пять лет в ней само собою появилось бы, без участия казны, и всеобщее обучение... И это чудо совершилось бы естественно: то, что теперь пропивает эта губерния, осталось бы в ее экономии, трудоспособность народа повысилась бы вдвое, втрое, явилась бы потребность, нашлись бы и средства у самого населения, без пособия казны, к открытию школ, развитию ремесел, кустарного производства...

Ужели это невозможно? Как же в Америке есть штаты, где абсолютно нет алкоголя? Или что у других народов возможно, то у нас немыслимо? Да проявите же, наконец, мужество взять в руки вожжи, поверьте в совесть народную, призовите Святую Церковь в

помощь!.. Ведь речь идет о спасении народа, великого народа, великого государства, ведь перед нами стоит неотступно вопрос: быть или исчезнуть в истории нашей Руси Святой?

Время всякой вещи под небесем, говорит великий царственный мудрец. Придет время и всеобщему обучению. Но на очереди, прежде всего, стоит вопрос о спасении народа от вырождения, от алкоголизации. И если видится возможность бросить сто миллионов на всеобщее обучение, то бросьте эти миллионы на борьбу с алкоголем. Как это сделать – особый вопрос. Быть может, постепенным территориальным вытеснением алкоголя; например: с такой-то губернии получается 20 миллионов, постановите, чтобы в течение двух лет были закрыты все до единого места продажи алкоголя в этой области, а против тайной продажи ввести драконовские законы, чтобы не повадно было шинковать. Чрез 10–20 лет Россия избавится от водки... А может быть, люди умные придумают другую систему борьбы с алкоголем. Та к ли, иначе ли, но если мы не хотим исчезнуть бесследно со страниц истории или обратиться в вьючный скот для иудеев, то прежде всего надо объявить беспощадную борьбу с алкоголем. А всеобщее обучение нас не спасет от всеобщей гибели...

Пишу я эти строки и думаю: а дочитают ли их до конца мои читатели? Не скажут ли: “Ну, замечтался архиерей? Мыслимо ли то, что он проектирует?”

Да, конечно немыслимо, если нет среди нас налицо богатырей мысли и дела, если мы так дряблы, что не хотим проявить ни малейшей инициативы, если идем на поводке у разных либералов – рабов масонства и иудейства. И до боли горько сознавать, что какие-то азиаты-японцы, язычники по вере, не благородные арийцы, а желтокожие монголы, больше нас любят свою родину, больше нас проявляют инициативы в государственной жизни... А мы, потомки великих собирателей Руси, мы, носители лучших заветов христианской культуры в Православии, мы, сумевшие еще так недавно объединить в одно целое шестую часть земного шара, мы, имеющие у себя идеальнейшую власть в лице Божия Помазанника – Самодержца, мы – увы – боимся пошевелить собственными мозгами, чтобы спасти себя, свою родную Русь, мы стыдимся высказать что-либо такое, что покажется нелиберальным “Европе”, а лучше, прямее сказать – иудеям-масонам, мы рабски повторяем то, что подскажут нам эти фарисеи-лицемеры!.. Ведь, у них такой богатый запас красивых, хотя, в сущности пустейших слов: “свобода совести, свобода печати, свобода собраний, союзов... всеобщее обучение, высшая наука” и т. д. и т. д. Без конца! И все эти слова имеют какую-то чарующую, гипнотизирующую силу, мы не в силах противостоять этому очарованию. Мы не смеем даже подумать русским свободным умом, русскою, как говорили наши деды, смекалкою... И они, наши враги, отлично это знают и отлично играют на той нашей больной струне. Стоит громко свое русское, прямое слово сказать, как они поднимают такой лай, что не рад будешь проявлению своего мужества, ибо нет уверенности, что и свои-то, русские люди, тебя поддержат. До чего мы дошли? До такого унижения, до такого позора! Право же стыдно становится за нашу интеллигенцию, за наши правящие классы! Стыдно, но и – грешно! Грешно пред Богом, грешно и пред народом...

II

Я кончил свой дневник о всеобщем обучении, когда мне подали № 282 “Русского Знамени”, в котором я прочитал статью г. Фиты “Как франк-масонство завоевало

народную школу во Франции”. Я очень и очень рекомендовал бы всем, кто еще не запутался в сетях этой проклятой тайной организации, кто любит нашу матушку Русь Православную, кто желает ей добра, не раз перечитать эту статью. Он увидел бы, что воистину ничто не ново под солнцем, и нашу бедную родину ведут по тому же богоотступническому пути, по какому франкомасоны уже привели несчастную Францию на край гибели. венте в прошлом сентябре произведено было несколько “победных салютов”, то-есть взрывов руМы спим, а эти дети сатаны у нас работают настолько успешно, что на последнем масонском конгломератском в честь “той великой страны, в которой, несмотря на все трудности, франк-масонству удалось достигнуть в эти годы чрезвычайно важных результатов”. Какая это страна и какие это результаты, – замечает автор, не трудно догадаться всякому...

Официально масонам отказано в разрешении пропаганды в России. Но они вторглись к нам под разными наименованиями и крепко засели и раскинули свои гибельные сети по всей России. У нас образовалось множество всевозможных “лиг”, а в последнее время в Петербурге возник “французский институт”, поставивший себе задачу “более широкое распространение французских идей среди русского народа”. Какие это идеи – читающий да разумеет. Как масонам не торжествовать победу над нами! Удивляться надо, как ослепли наши власть имущие, что ничего не видят, ничем не тревожатся, ничего не подозревают?

История Франции последнего столетия ясно указывает, к чему стремятся масоны и у нас. Их главная зачала – “обезхристианизация” всего человечества, уничтожение христианства, а с ним и всякой культуры на земле и превращение всех людей в рабочий скот для себя. С этой целью они захватывают в свои руки школу, вытравляют у детей всякое религиозное, нравственное и патриотическое чувство, тщательно вычеркивают имя Божие из учебников, а когда и это неудобно, то нарочито сочиняют учебники, в коих ни слова нет о Боге, о Церкви, о любви к Отечеству... В несчастной Франции все это почти достигнуто, а у нас стоит на очереди... И там началось с закона о всеобщем бесплатном обучении и изгнанием из школ духовенства, как мечтают сделать и у нас. И там отобрали все школы у церкви, как хотят отнять и у нас. Там дошло дело до того, что учителя всех школ состоят членами масонских лож, что Распятия и другие священные изображения выброшены из школ, молитва в школах запрещена, строжайше запрещено учителям и учительницам и ходить и водить в церковь детей и пытаются даже родителей наказывать штрафом, если будут водить детей в храм Божий... Специалистами безбожия выработан и катихизис, кончающийся таким исповеданием веры:

“Я верую в Землю, созидательницу всякой материи;
я верую в Разум, Творца всяческой справедливости;
я верую в Солидарность, источник всякого могущества.

Человечество обладает этими тремя вещами, человечество может поэтому достигнуть самого Совершенства.

Та к должно быть, так и будет. Аминь”.

Таким образом начальное народное образование очутилось целиком во власти масонов. Несравненно легче и скорее масоны овладели средними и высшими школами. Могучим орудием к этому послужила печать, которая почти вся в их руках. Печать подготавливала общественное мнение. Автор говорит: “Все было с замечательной предусмотрительностью обсуждено и учтено. Великий Восток (центральная ложа масонов) понимал хорошо, что великия дела не проходят без затруднений и потому, когда

иной его проект встречался в палате криками ужаса и протестов, он этим несколько не смущался, ибо это было уже предусмотрено. Обыкновенно, после внесения такого сносшибательного предложения, последнее передавалось в парламентскую комиссию, которая согласно полученным, откуда следует, инструкциям несколько видоизменяла законопроект, кое-что смягчая и выкидывая из него. Яд был разбавлен, чаша подслащена, но напиток сохранял всю силу своей вредоносности. А между тем, негодование мало-помалу умерялось, протесты становились слабее... Что ж? И то хорошо, чего добились! Хуже ведь могло случиться... Наконец, когда законопроект снова передавался на усмотрение палаты, в него вводились еще одна-две легоньких, пустяшных поправки, и – злодейский закон прошел!.. Утомленное, обезкураженное общественное мнение покоряется. А печать не дремлет: создает лукавыми статьями иллюзию якобы достигнутого новым законом успеха”.

Читая эти строки, поражаешься: да ведь все это буквально происходит и у нас, в наших “палатах”! Все это мы, члены Государственного Совета, видим воочию! Ведь вот именно так прошел (слава Богу – не утвержденный Государем) законопроект о расстригах; так прошел законопроект о переходе из одной веры в другую; так идут теперь законопроекты о праздниках и о всеобщем обучении. Очевидно, масоны работают и у нас без всякого стеснения. Да и чего им стесняться, когда все – к их услугам: и печать, и общественное мнение, и представители власти, и наши якобы законодательные учреждения... Если заглянуть им в душу, то и они мечтают о том же, о чем уже говорят французские их “братья”: “Пока мы не изменим радикально мозг наших сограждан, пока мы не дадим совершенно другого направления умственности французских (читай: русских) детей, франк-масонство должно считать себя еще ничего не сделавшим... Поэтому надо всеми мерами добиваться проведения закона, которым возбранилось бы формально родителям, родственникам и опекунам воспитывать своих детей в какой-либо религии под страхом лишения их родительского, родственного и опекунского авторитета и легальной власти, и отобрания детей, и поручения таковых, за счет виновных, государству”.

И нет сомнения, если Русский народ не даст могучий отпор этим вождениям, то и у нас будет то же, что во Франции. И мы с ужасом видим прямое гонение на веру Православную со стороны этих слуг сатаны, которые и детей наших будут отнимать у нас, чтобы воспитывать их в ненависти к нашей святой вере, и у нас, как хорошо выразился “Колокол”, будут свои “янычары”, и у нас – скорее, чем во Франции, – польется кровь христианская...

Вот край желания тех, кто так радуется у нас о всеобщем обучении! Не гг. министров, которые составляли законопроект, а тех, кто все уши прожужжал сим министрам, требуя сего законопроекта...

Пора же наконец опомниться, пока не поздно! Пора решительно и твердо порвать дружбу с правительством Франции, изменяющим Христу и открыто служащим сатане! Пора взяться за свой русский ум и идти своей, Богом указанной дорогой! Ведь право же, тошнит от этого подслуживания врагам рода человеческого, этого пресмыкания пред мерзостью запустения, что царит в несчастной Франции, что губит уже многие народы...

Памяти великаго священномученика за Отечество

Счастлив народ, помнящий заветы своих предков благочестивых; счастлива Церковь, присно пребывающая в благодатном общении с Церковию веков минувших; счастлив ты, православный Русский народ, что есть у тебя крепкие пред Богом стоятели и печальники, но счастлив дотеле, пока идешь по стопам их, пока свято хранишь заветы их!

Мы переживаем крайне опасное для Отечества нашего время, когда темные силы вражды стремятся отравить и убить нашу русскую православную душу, исказив или, но крайней мере, подменив все наше народное православно-русское мирозерцание. И вот, Промыслом Божиим, это печальное и опасное для народа, для России, время совпадает с годовщинами великих воспоминаний далекаго по времени, но близкаго сердцу прошлаго в истории нашего Отечества. И встают пред нами великие герои духа из того отдаленнаго прошлаго, и во главе их – несокрушимый адамант веры, богатырь духа, Святейший Всероссийский Патриарх Гермоген. 17 февраля исполняется ровно триста лет, как заморенный голодом в мрачном подземелье Чудова монастыря отошел к Богу святою своею душою этот священномученик за Отечество. Благовременно вспомнить его священные заветы, особенно благопотребные для нашего, столь измельчавшаго духом и оскудевшаго верою поколения.

За свое ревностное служение Церкви и строгую подвижническую жизнь удостоенный сана митрополита только что покоренной Казани, Святитель Божий весь отдался святому делу утверждения в православии новокрещеных татар, из коих некоторые возвращались в магометанство, а другие уклонялись в католичество и лютеранство. Митрополит Гермоген испросил у Царя Феодора Иоанновича указ, в силу котораго новокрещеные татары поселены были вместе с русскими в особой слободе, где для них построили церковь и наблюдали за ними, чтобы они посещали богослужение, носили кресты на груди, имели у себя иконы и жили по-православному. А иноверцам было запрещено брать на службу к себе православных. Святитель Божий не пускался в рассуждения о какой-то свободе совести: он веровал, что истина Православия превыше всех соковок на земле и ограждал ее всею силою своей святительской власти. И ни в какия сделки с своею совестью он не входил, и грехом почел бы допускать соращения из Православия в какую бы то ни было иную веру.

Вот урок вашим законопоставителям! Вот завет великаго поборника веры православным русским людям! Хотите милости Божией – не стыдитесь исповедать православную веру, как едину истинную, едину спасающую, как неоцененное сокровище, нам вверенное; старайтесь и другие народы делать участниками и причастниками этого безценнаго сокровища, хотя бы для сего потребовалось иногда употребить и не совсем либеральныя меры – вроде тех, какия применяются к неразумным детям...

Но вот святитель вызван в Москву. На престоле Русских Царей – ставленник поляков самозванец Лжедмитрий. Он высказывается за унию с римским папой. Он хочет жениться на польке-католичке, не присоединяя ее к Православной Церкви. И почти все молчат, никто не протестует против новшества, которое грозит уничтожением Православия на Руси... Только митрополит Гермоген да коломенский святитель Иосиф открыто восстают против этого оскорбления Церкви Православной, только они громко заявляют, что невеста названнаго Димитрия должна принять крещение, торжественно исповедать истину

Православия, иначе брак не будет законным... Самозванец за такое дерзновение высылает Гермогена в Казань, где он не лишился своей кафедры только потому, что Лжедмитрий вскоре после того был растерзан народом...

Вот урок и нам, святителям, и каждому, кто поставлен говорить правду пред сильными мира сего. Не бойся, забудь свою личную жизнь, не смотри на те беды, которые, может быть, грозят тебе за правду Божию: смело стой за святую веру Православную, если видишь где-нибудь и в чем-нибудь опасность для нее! Истина Христова, вера Православная, дороже нашей жизни. Святое Православие есть душа русской души народной. Не будет Православия на Руси – не будет и народа Русского. За истину святого нашего Православия мы должны быть готовы отдать все: и честь нашу, и все блага земные, и самую жизнь. Станем же в своей совести пред лицом этого великого стоятеля за Православие, святителя Гермогена, и спросим себя: готовы ли мы на это? Не лукавим ли во имя разных либеральных бредней, во имя масонской свободы совести, гуманизма и прочих бессмысленных глаголов?.. А время, нами переживаемое, несмотря на проповедь всяческих “свобод”, именно требует такого мужественного исповедания и не лишено возможности гонений...

Царствует Василий Иоаннович Шуйский, а смута не утихает: является второй самозванец, метко заклеянный в истории именем “тушинского вора”. Святитель Гермоген уже на престоле Патриаршем. Он мужественно стоит против смутьянов.

Он посылает к мятежникам для увещания крутицкого митрополита Пафнутия. Он рассылает по городам грамоты, в которых извещает о гибели первого самозванца-еретика Гришки Отрепьева, о перенесении святых мощей Царевича Димитрия в Москву, о воцарении Шуйского – Царя благочестивого и поборателя по православной вере. Он предупреждает, что явился новый самозванец и требует от духовенства, чтобы его грамоты были по несколько раз прочитаны народу при служении молебнов о здравии и спасении Богом венчанного Государя... Та к он старался утвердить в умах и сердцах тогдашних русских людей верность законному Царю. И его слова ложились на добрые русские сердца, и многие отстали от самозванца и вернулись на службу к Василию Иоанновичу.

Чтобы еще более рассеять туман смуты в умах, Царь и Святитель Гермоген вызвали из Старицы бывшего Патриарха Иова, чтобы он даровал народу разрешение от грехов – нарушения крестного целования и измены. 20 февраля 1607 года в Успенском соборе произошло всенародное покаяние пред престарелым Патриархом Иовом, который разрешил виновных в клятвопреступлениях и изменах. На многих это подействовало благотворно, но не на всех. Смута развратила умы до того, что люди забывали долг свой в отношении к Родине, к родной Церкви и переходили на сторону второго самозванца – Тушинского вора, несмотря на то, что он вовсе даже не был похож на первого Лжедмитрия (говорят, это был просто жид из Польши). Этому бродягу сопровождали иезуиты, которым был дан наказ действовать осторожнее, чем при первом самозванце, в деле распространения унии и латинства в России. Иезуиты должны были удалять от самозванца русских людей, окружая его католиками и униатами, всячески склонять бояр к измене Православию, заводить в России католические и униатские школы, строить костелы, изгонять из России греков и пр. Конечно, все это тщательно укрывалось от всех русских людей, но прозорливый патриарх раньше других разгадал лукавые цели поляков. Он еще ревностнее стал поддерживать Царя Василия Иоанновича как защитника Православия. Он не останавливался даже пред анафемою против изменников Царю и

Отечеству. В 1609 году мятежники вытащили его на Лобное место среди Красной площади и, трясая его за ворот, бросая ему песок в лицо, требовали, чтобы он присоединился к ним для низложения Царя Василия Иоанновича с престола, ссылаясь на то, что этот Царь был избран одною Москвою, без участия других городов и что из-за него льется кровь многая. Но Патриарх решительно сказал изменникам: “Доселе ни Новгород, ни Псков, ни Тверь, ни Астрахань, ни другие города Москве не указывали, а Москва всем им указывала: а что кровь льется – то не вина Царя”. Твердость первосвященника способствовала тому, что крамольный замысел на сей раз не удался, а заговорщики убежали в Тушино. Тогда Патриарх и туда отправил свою грамоту. “Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина и возраста, – писал он, – а ныне не ведаем, как и назвать вас, ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от Соборной и Апостольской Церкви, отступили от Бога и святым елеем помазанного Царя, вы забыли обеты Православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались, возрастали, преступили крестное целование и клятву – стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и пристали к ложно-мнимому царю вашему. Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, братия и чада, свои души и своих родителей, отошедших и живых, посмотрите, как Отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас, не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете? Заклинаю вас именем Господа Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца, а мы, по данной нам власти, примем вас кающихся и упросим Государя простить вас: он милостив”...

Увы, и этот трогательный отеческий призыв не имел успеха.

Что сказал бы святитель Божий, если бы он ныне встал из гроба своего к нынешним “бывшим христианам” – смутьянам всякого чина и возраста? Не повторил ли бы он свои грозные слова: “Не ведаем, как и назвать вас, отступники от Бога и Апостольской Церкви, изменники Царю – Божию Помазаннику, приставшие – не к Тушинскому вору, а к еще более постыдному “ложно-мнимому царю” – современному “прогрессу”, под которым укрывается заклятый враг христианства и всего человечества – масонство, руководимое теми, которые некогда сами на себя призвали небесное проклятие, когда зывали: “Кровь Его на нас и на чадах наших!” Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и рыдаю... Заклинаю вас именем Господа Бога: пожалейте себя, пожалейте Отечество!”...

Скоро в пределы России вторгся сам польский король Сигизмунд и осадил Смоленск. А 17 июля в Москве вспыхнул мятеж против Царя Василия Иоанновича. С Красной площади толпы двинулись к Серпуховским воротам, куда насильно привели и Патриарха Гермогена. Здесь раздался только один голос за Царя Василия: то был голос Гермогена, который продолжал стоять за него, по присяге, как за законного государя, венчанного Церковию на царство. Он говорил народу, что там нет спасения, где нет благословения Божия, что измена Царю есть страшное злодеяние, за которое грозно накажет Бог и что она не избавит России от бедствий, а еще глубже погрузит ее в их бездну. Но увещания старца-святителя были безуспешны, и Царь Василий Иоаннович в тот же день был низвержен и удален из Кремля в свой дом на Арбате... На другой день Патриарх еще раз вышел на площадь к народу и уговаривал его возвратить Шуйского на царство, но враги Царя Василия успели уже насильно постричь его в монахи. Несмотря на то, что Царь наотрез отказался от пострижения, громко кричал: “Не хочу!” – князь Туренин

произносил за него обеты, а Ляпунов с наглостью держал его за руки, чтобы он не отмахивался, когда на него надевали монашеские одежды. Царицу Марию насильно увезли в Вознесенский монастырь и там постригли. Она рвалась из рук, стенала, звала супруга своего, называла его милым государем, кричала, что будет называть его своим мужем и в монашеской рясе. Патриарх объявил незаконным это насильственное пострижение, молился за Василия Иоанновича в храмах, как за законного Царя, и не считал его иноком, а монахом признал князя Туренина, который вместо него произносил священные обеты. Все это произвело сильное впечатление на москвичей...

Между тем поляки делали свое дело. Они всюду рассылали свои прокламации, возбуждая ненависть против Царя Василия, указывая на то, будто в царстве Московском все идет дурно в его правление, что из-за него и чрез него непрестанно льется кровь христианская. Умы волновались. Поляки подкупили податливых на измену русских людей, которые готовы были поймать Царя Василия и отправить пленником к королю Сигизмунду. А многие из тех, которые стояли во главе переворота, буквально исполняя план польский, думали искренно, что служат своему Отечеству. Тем выше проницательность первосвященника Церкви Патриарха Гермогена, провидевшего в этом деле смуты величайшую опасность для России, ее веры, государственности и народности. И тот, кто держал в это трудное время в своих твердых руках посох Всероссийских Первосвященников: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, столько потрудившихся для создания единого и мощного Московского государства, головою был выше всех своих современников в государственном отношении. Он больше, чем кто-либо из героев этого страшного времени, сделал для спасения России и запечатлел свои подвиги мученической смертью в 1612 году.

Когда верховная власть перешла к боярской думе, когда бояре решили призвать на русский престол польского королевича Владислава, снова громко поднял свой голос против этого опасного для Отечества шага святейший Патриарх Гермоген. Он не смутился тем, что не достигнет цели, и прямо заявил, что он против призыва иноземца-поляка, указывая, что необходимо избрать на престол православного Царя из русских, причем первый указал на юного боярина Михаила Феодоровича Романова, как на лицо, достойное царского венца по его родству с угасшим родом святого Владимира. Он напоминал о том, что пришлось испытать Русскому народу от поляков при Гришке Отрепьеве.

– Теперь же чего ждете? – спрашивал он изменников. – Разве только конечного разорения царству и православной вере?

Но польские приспешники осыпали Патриарха насмешками.

– Твое дело, – говорили они, – святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские дела тебе не следует вмешиваться.

Как это похоже на то, что и в наше смутное время говорят нам, пастырям Церкви, современные нам приспешники масонов и иудеев: не наше дело мешаться в политику! Как будто любовь к Отечеству – политика! Как будто охрана православной веры в России – политика! Свяtitель Гермоген не слушал тогдашних изменников: он дал нам пример и завет, как относиться к таким толкам. Он отстаивал правду Божию по архиерейской совести, а не по толкованию тех, кто и Бога потерял и врагу продался...

Бояре не послушали Патриарха, но все же сделали ему уступку: по его настоянию они потребовали, чтобы Владислав, прежде вступления на престол, принял православие, не сносившись с папою, не строил на Руси костелов, не допускал к нам ксендзов и казнил смертью тех, кто перейдет из Православия в латинство, – женился бы на русской, не

раздавал должностей полякам и, для обеспечения государства от внесения в него чего-либо нерусского, требовали, чтобы королевич ничего не предпринимал в верховном управлении без согласия боярской думы, а в законодательстве и налогах – без одобрения Земского Собора. Это было сделано не ради присвоения народу власти, а ради защиты русских начал жизни от подавления их иноземцем. Тогдашние русские люди, несмотря на всю смуту в их умах, еще помнили, что они – русские, и тщательно старались оберегать свои народные заветы, свои основы русской жизни. Только на этих условиях и после тяжелой внутренней борьбы Патриарх дал свое согласие на приглашение Владислава. К Сигизмунду под Смоленск были отправлены послы (именно те лица, которые были особенно опасны для королевича Владислава: ясно, что выбор сделан под влиянием советов польского гетмана Жолкевского) для переговоров: Ростовский митрополит Филарет Никитич Романов и князь Василий Голицын, так же, как и сын Филарета, Михаил, намечавшийся в цари. Сами бояре предали в руки поляков низведенного с престола Царя Василия с его братом Димитрием. Патриарх не одобрял всего этого, но вынужден был выжидать, пока поляки яснее раскроют свои планы. Недолго пришлось ожидать. Король Сигизмунд стал требовать, чтобы вместо Владислава русские присягнули ему самому и уже начал издавать указы от своего имени касательно русских государственных дел. Это значило, что он считает Россию уже покоренною провинцией Польши... Нет нужды говорить, что это грозило гибелью и вере Православной, и русской народности. Момент был страшный. Бояре стояли за польского королевича, в своей слепоте не подозревая опасности; Москва была в руках поляков; смута и измена увеличивались; люди, верные Отечеству и Православной Церкви, были загнаны и забиты... В эту-то роковую пору “был един и уединен”, как выражается современный ему летописец, святейший Патриарх Гермоген. Мог ли он, казалось, в своем полном одиночестве поднять Россию против поляков и самозванца на смертную борьбу? Но что же будет, если и этот доселе твердый, как адамант, столп Церкви и всей Руси – теперь поколеблется? Что, если и он изнемог, и в своем тяжком одиночестве, под угрозой гонений омрачит себя мыслью, будто путем уступок и угодничества Польше и католичеству можно спасти хоть часть исторических сокровищ России?..

Но благодарение Богу! Этот великий и несокрушимый столп не колебался, этот светильник не угас и, по-прежнему, в сгущавшейся тьме, светил России своим немерцающим светом, который, по мере роста бедствий и опасностей, разгорался все ярче и ярче. Посох великих первосвятителей России, который верной и твердой рукою держал Патриарх Гермоген, указал для России пути и орудия спасения от смут и порабощения. Ему именно принадлежит первенство в этом великом и святом деле. За ним дружными рядами пошло все русское православное духовенство, доблестный старец знал, что “иному некому пособить ни в слове, ни в деле”, и геройски стал на великую стражу России. Он следил за каждым, даже скрытым, шагом врагов, готовый поднять против них всю силу Церкви и еще неугасший в народе дух русский государственности и русской народности. Сначала Патриарх, как говорит древнее сказание, “видя людей Божиих в Велицей России мятущихся и зело погибающих”, говорил им: “Чада паствы моя, послушайте словес моих! Что еще мятетесь и вверяете души свои поганым полякам? Которое вам, словесным овцам, общение с злохищными волками? Весте сами, яко издавна православная вера наша христианская греческого закона от иноплеменных стран ненавидима. Киими же нравы примиримся с иноплеменниками сими?...”

Как эти слова подходят и к нашему времени! И в наше время так же, как и тогда, наша вера православная “всеми иноплеменниками ненавидима есть”; и теперь, как и тогда, это “иноплеменники”, эти французы и англичане, немцы и итальянцы, и все народы Запада, в сущности с презрением относятся к нашей вере Православной, а те из них, которые потеряли всякую веру, всячески стремятся и у нас вырвать из народного сердца веру Православную, а среди нас, людей русских, немало изменников, которые готовы содействовать им в этом и чрез то загубить родную Русь...

В ноябре 1610 года в патриаршие палаты явился вождь полякующей партии, боярин Михайло Салтыков, и начал речь о Сигизмунде, “все на то приводя, чтобы крест целовати самому королю”. Но напрасна была эта коварная попытка: непреклонный и всегда решительный Патриарх властью прекратил эти хитрые речи Салтыкова. Тогда, на другой день, изменник явился к первосвятителю уже с боярами правительствующей думы и стал прямо требовать разрешить народу целовать крест польскому королю, отдаваясь в его полную волю, и чтобы первосвяtitель Церкви отписал об этом к королю под осажденный Смоленск в грамотах.

– Стану писать к королю грамоты, – мужественно сказал Патриарх, – и духовным властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, если королевич крестится в Православную веру нашу, а литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дело, что нам крест целовать самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклинаю того, кто писать их будет; а русским людям напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в Православную веру не крестится и “литвы” из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за Православную веру.

Вот решительное и мощное слово о неустанной борьбе за то, что всего дороже для нашего народа, за веру Православную! Это слово привело в ярость изменника Салтыкова, который понял всю силу этого слова. С наглыми ругательствами наступал он на святейшего Патриарха и даже бросился на него с ножом. А Гермоген, подняв руку с крестным знаменем, сказал: “Крестное знамение да будет против твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклят в сем веке и в будущем!”

– Это твое начало, господин, – обратился Патриарх к первому советнику боярской думы – князю Мстиславскому. – Ты больше всех честию, тебе следует больше других подвизаться за веру Православную: если ты прельстишься, то Бог скоро прекратит жизнь твою, и род твой возмет от земли живых и не останется никого из рода твоего в живых.

Такая потрясающая слова Патриарха привели в сильное волнение присутствующих: даже такой закоренелый изменник, как Салтыков, поспешил испросить у Патриарха прощение, извиняя себя тем, что “безумен был и без памяти говорил”. Патриарх отпустил бояр, но не успокоился на сих объяснениях. Несмотря на то, что поляки своими патрулями сторожили Кремль и весь город, святитель разослал своих дворовых людей собирать народ в Успенский собор. С церковного амвона он объяснил им всю грозную опасность настоящего положения для Церкви и Отечества и прямо запретил целовать крест польскому королю Сигизмунду, убеждая народ стоять за веру Православную. Вот где первое начало народной борьбы с поляками и русскими изменниками! Во главе ее стал сам первосвяtitель Церкви, и его слова стали разноситься по всем концам России. Поляки не успели помешать этому важному и решающему собранию, вскоре после него окружили Патриарха своим надзором и стражею, но начало народной борьбе было уже положено. В

следующем году жители Ярославля писали в своей грамоте по городам: “Если бы Патриарх Гермоген не учинил такого досточудного дела, то никто из боязни польских и литовских людей, не смел бы молвить ни одного слова”...

Между тем наши послы под Смоленском на все требования поляков отвечали отказом. Когда Салтыков, от имени бояр, прислал им грамоту с приказом, чтобы послы приказали смольнянам сдать город Сигизмунду, митрополит Филарет сказал: “Таким грамотам по совести повиноваться нельзя: писаны оне без воли Патриарха, а нас отпускал сюда Патриарх”. А князь Голицын прибавил: “Когда мы стали без Государя, Патриарх у нас человек печальный, и без него в таком важном деле решать не подобает”. Что же касается требования, чтобы смольняне, изменив своей присяге, сдали город полякам, то послы отвечали: “Бог и русские люди никогда не простят нам этого, и земля нас не понесет”.

В половине декабря самозванец был убит в Калуге, и Патриарх властною рукою стал поднимать Русский народ и по областям уже на вооруженную борьбу с поляками. На Рождество он начал писать грамоты, которые были образцом всех последующих грамот смутного времени. Эти грамоты поднимали мощные волны народного одушевления и самоотверженной готовности на великия жертвы для спасения веры и Отечества. Исходя от “первопрестольника Апостольской Церкви и поборателя по истинной христианской православной вере”, они придавали народному движению характер, прежде всего – борьбы за веру, войны священной. В этих грамотах Патриарх выставлял требование польского короля, как измену клятвенным обязательствам самих поляков. Поэтому он разрешил Русский народ от присяги, данной королевичу Владиславу. Это давало полнейшее право русским людям гнать клятвопреступных поляков из России. Царя на Руси не было; боярская дума изменила; Патриарх являлся “начальным человеком земли Русской”, и потому он счел себя в праве призвать народ к оружию. В своих грамотах он кликнул клич по областям: “Всем, не мешкая, по зимнему пути, собрався со всеми городами, итти вооруженными ополчениями к Москве на польских и литовских людей”. Святитель Божий не останавливался пред мыслию: дело ли Патриарха, служителя Церкви, говоря по нынешнему – “мешаться в политику”, призывать к оружию: пошел по стопам своих великих предшественников, принимавших самое деятельное участие в делах народно-государственных и действовал по заветам Церкви, которая, в лице Преподобного Сергия, вооружила мечами и копьями своих схимонахов и послала их на битву, на Куликово поле... В начале 1611 года гонцы Патриарха скакали по всем областям. Грамоты Патриарха породили целый ряд подобных грамот; призывные послания городов подклеивались к патриаршим грамотам и вместе с ними пересылались от города до города. Уже в том же 1611 году оне вызвали сбор двух ополчений, во главе которых потом стал князь Пожарский вместе с Мининым. Эти грамоты пробудили народный дух, воскресили надежду на спасение Отечества, зажгли ревность к этому святому делу. Движение народное росло с каждым днем. И из-под Смоленска пришла в Москву от наших послов грамота, извещавшая, чтоб не надеялись на то, что королевич будет царем в Москве: поляки выведут из России лучших людей, опустошат ее и завладеют ею. “Ради Бога, – писали эти русские люди, – положите крепкий совет между собою, разошлите списки с нашей грамоты и в Новгород, и в Вологду, и в Нежин, и в другие города, чтобы всею землею сообща встать за Православную веру, пока мы свободны, а не в рабстве и не отведены в плен”.

Поляки не могли простить Патриарху такого дерзновения. Чтобы отнять у него возможность разсылать грамоты, “у него дьяки, подьячие и всякие дворовые люди

пойманы, а двор его весь разграблен”. С этого времени его стали держать, “как птицу в заклёпе”. Но это насилие еще больше возбуждало в народе уважение и любовь к Патриарху, еще больше придавало силы его грамотам. Сами москвичи стали писать в другие города: “Вслед за предателями христианства, Михаилом Салтыковым и Феодором Андроновым с товарищами, идут немногие. Святейший же Патриарх прям, как сам пастырь, душу свою полагает за веру христианскую несомненно, а за ним следуют все православные христиане. Будьте с нами обще заодно против врагов наших и ваших. Помяните одно, если кореню основание крепко, то и древо неподвижно. Если коренья не будет, к чему прилепиться? Здесь корень нашего царства, здесь – знамя Отечества – образ Божией Матери, Заступницы христианской, который евангелист Лука писал. Здесь великие светильники и хранители Петр, Алексий и Иона чудотворцы. Или вам, православным христианам, то ни во что поставить?...”

Чрезвычайно сильно и глубоко было действие призывов Патриарха. Чистые, неомраченные смутой и изменой души были всецело на его стороне. Но заговорила совесть и у тех, которые в это смутное время измалодушествовались, проживая в стане самозванцев и дружа с поляками. Особенно поразительный и глубокий переворот произвели грамоты Гермогена в душе Прокопия Ляпунова: из этого человека, дотоле колебавшагося сего и оного, оне сделали верного и твердаго исполнителя наставлений Гермогена. В каких только лагерях не перебивал этот человек! Сначала он был в стане Болотникова, откуда явился с повинной к Царю Василию Иоанновичу; затем он перешел на сторону его врагов и, вопреки Патриарху, участвовал в крамоле против Шуйскаго. Потом передался королевичу и его партии, но сильные слова патриарха сделали его, наконец, верным даже до смерти сыном Отечества. Он образовал в Рязани стройное ополчение, при вести о насилии над Патриархом он отправил в Москву грамоту в защиту его, и она подействовала на правивших бояр: “С тех мест, – говорит летопись, – Патриарху стало повольнее и дворовых людей ему немногих отдали”.

Наконец по призыву Патриарха, образовалось стотысячное войско из 25 городов и большие отряды казаков. Сидевшие в Москве поляки и их русские приспешники заволновались, а Салтыков в марте 1611 года опять явился к Патриарху Гермогену и угрожающим тоном сказал ему: “Это ты по городам посылаешь грамоты; ты приказывал всем собираться да идти на Москву! Отпиши им, чтоб не ходили”. Патриарх мужественно ответил: “Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпишу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за Православную веру. Вижу ее поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть”. Поляк Гонсевский сам заговорил: “Ты, Гермоген, главный заводчик всего возмущения. Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан”.

Но запугать готового на мученичество Первосвятителя было нельзя.

Теперь поляки уже ничем не прикрывали своей ненависти к русскому народу. Они стали держать под стражей Патриарха; стали жестоко поступать с московским населением. Поляки пытались обольстить народ, суля ему разные свободы, выхваляя свои порядки, свой сейм, ограничивающий власть государя, но преданные самодержавию русские люди им отвечали: “Вам дорога ваша вольность, а нам – наша неволя. Да, ведь, и у вас – собственно, не настоящая воля, а своеволие: сильный грабит слабого, может отнять у него имение и жизнь. Искать правосудия по вашим законам долго, – ничего не возьмешь; а у нас самый знатный не властен обидеть последнего простолюдина: по

первой жалобе Царь творит суд и расправу. Как Бог, карает он и милует”. А которые были посмелее, те говорили, чтоб поляки убирались из Москвы по добру-здорову. “Россия-де не такая невеста, чтобы ей не найти жениха получше Владислава”.

Все предвещало приближение страшной грозы. Гроза разразилась на Страстной неделе. Во всех концах Москвы зазвучал набат. Поляки бросились на народ и стали рубить его. Москвичи, вооружившись чем попало, стали защищаться. Поляки, видя, что им не удастся взять верх, отступили к Кремлю и подожгли город во всех концах. Летописцы рисуют нам страшную картину этих дней. Пожар длился всю неделю. Во вторник на Святой уже стали подходить главные силы русских ополчений. Они со всех сторон окружили Кремль и Китай-город, где засели поляки. Изменники и поляки снова приступили к Патриарху и заговорили: “Прикажи Ляпунову и товарищам, чтобы они ушли назад: иначе ты умрешь злою смертью”.

– Боюсь Единого Живущего на небесах, – ответил непреклонный первосвященник. – Вы мне сулите злую смерть, а я надеюсь чрез нее получить венец небесный и давно желаю пострадать за правду.

Тогда они объявили его низвергнутым с патриаршества и передали его кафедру уже давно низложенному приверженцу Лжедмитрия I, греку Игнатию, а самого Гермогена бросили в подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему в окно хлеб и воду. “В храме пусте, яко во гробе, затвориша”, – говорит летопись.

Прошло три месяца. Защитники Отечества, лишенные духовного вождя, ссорились между собою. Ляпунов был изменнически убит казаками. О Гермогене ничего не было слышно.

Но вот 5 августа 1611 года в Кремль пробрался некто Родион Мосеев к Патриарху Гермогену. А тот воспользовался этим, чтобы отправить в Нижний свою, уже последнюю, предсмертную грамоту. Она гласила следующее: “Благословение архимандритам и игуменам, и протопопам, и воеводам, и дьякам, и дворянам, и детям боярским, и всему миру: от Патриарха Гермогена Московского и всея Руси – мир вам и прощение и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы митрополит писал в полки боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крепко в вере, и боярам бы и атаманы говорили безбоязненно, чтобы они отнюдь на царство проклятого Маринкина сына... не брали. Я не благословляю! И на Вологду ко властям пишете ж; также бы писали в полки: да и к Рязанскому владыке пишете тож, чтобы в полки также писал к боярам учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму и разврат, и имели бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, как реклись, души свои положить за Пречистый дом и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили; да и во все города пишете, чтобы из городов писали в полки к боярам и атаманы, что отнюдь Маринкин сын не надобен: проклят от святого собора и от нас. Да те бы вам грамоты городов соборы к себе в Нижний Новгород да пересылать в полки к боярам и атаманы; а прислать же прежних, коих есте прислали ко мне с советными челобитными, – свияженина Родиона Мосеева да Романа Пахомова, – а им бы в полках говорить безбоязненно что проклятый отнюдь не надобен; а хотя буде постраждете, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веке и в будущем; а в города для грамот посылать их же, а велеть им говорить моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веке и в будущем, что стоите за веру неподвижно: а я должен за вас Бога молить”.

Поразительно это величие духа в святейшем Патриархе: одинокий, беспомощный, в глубине подземелья, под грозой мученической смерти, этот “Начальный человек Земли

Русской” чувствует себя вождем народа и как бы великим государем и считает себя в праве передавать свои государственные полномочия лицам духовным и воеводам, даже городам и, наконец, – отдельным лицам, каковы Мосеев и Пахомов, и велит им говорить безстрашно народу все от его имени.

Принесенное в Нижний Новгород это призывное послание нашло глубокий отклик в народе. Его клич – идти на спасение Родины поддерживали его присные ученики и послушники: поставленный им и близкий к нему архимандрит Сергиевой Лавры преподобный Дионисий и ея келарь Авраамий Палицын, также повсюду рассылавшие свои грамоты с призывом ополчиться на спасение Отечества. Мы знаем, что в Нижнем во главе народного движения стали земский староста Козьма Минин, князь Димитрий Михайлович Пожарский и местное духовенство.

Из глубины подземелья великий священномученик за Отечество не мог телесными очами видеть движение собранных, по его призыву, народных ополчений и девяти месяцев не дожидаясь до совершенного освобождения Москвы и России. Но он имел утешение узнать, хотя от врагов своих, что эти ополчения идут...

Удивительна была слепота врагов святителя Божия и России! Изменники все еще думали, что под влиянием тяжкого заточения можно сломить мужество Гермогена. Они опять спускаются в подземелье его, опять требуют, чтобы он своим проклятием остановил Пожарского, Минина и их сподвижников и заставил их возвратиться назад. “Он же, великий государь-исповедник, – говорит летописец, – рече им: да будет над теми, кто идут на очищение Московского государства, милость от Господа Бога, а от нашего смирения благословение; а на окаянных изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем”.

Это – последние слова, которые дошли до нас от несокрушимого духом первосвятителя. Они должны отзываться в сердцах русских людей и чрез три ста лет – в наше время: в сердцах верных сынов Отечества – отрадою благословения, а в сердцах изменников Родине – грозным проклятием...

Враги не могли быть спокойными, пока был жив святитель Божий. Они порешили освободиться от него насильственной смертью. Современники согласно между собою говорят, что он скончался мученически. Большинство из них утверждают, что его, “по многом страдании и тесноте, умили голодною смертью”, а поляки говорят, что он был удушен... Он преставился к Богу 17 февраля 1612 года.

Есть древнее предание, что поляки, вместо хлеба, стали Патриарху давать нечеловеческую пищу: “меташа в неделю сноп овса и мало воды”. Очевидно, это делалось с неслыханною жестокостью, не свойственною русским людям.

Понятно, что когда русские люди узнали о мученической кончине своего великого первосвятителя, то в глубокой скорби своей еще более вдохновились к исполнению его завета – в святом деле освобождения Руси от нашествия поляков и очищения ее от своих же изменников. 22-го октября того же года Москва была очищена, а 13 февраля следующего 1613 года на царский престол был избран тот благословенный родоначальник Дома Романовых, на которого указывал святейший Гермоген. Если Россия не была разделена между поляками и шведами, если не истреблено в ней Православие, если самый народ Русский не потерял своего духовного облика, не обратился в поляков и шведов, а частью и немцев, то всем этим мы обязаны великому подвигу Святителя Гермогена больше, чем кому-либо из защитников Руси того времени. Все они и руководимы были, и одушевляемы – ни кем другим, как Патриархом Гермогеном: он был их вождем, их

душою... Вот почему его святое имя записывалось в святцы наряду с прославленными угодниками Божиими.

Святейший Патриарх был первоначально погребен в Чудове. Царь Алексей Михайлович повелел перенести гроб его в Успенский собор (в 1653 году), причем тело его оказалось нетленным. Поэтому оно и не было положено в землю, а поверх земли, в особой гробнице, обитой бархатом. В 1812 году французы, отыскивая сокровища и в гробах, кощунственно выбросили его мощи из гроба, но по уходе их они были найдены целыми и снова положены в ту же гробницу. Чрез 270 лет по кончине, в 1883 году, когда пред коронаванием императора Александра III, производились работы в Успенском соборе, упавший со стены камень пробил каменное надгробие и самый гроб Патриарха, и при этом его святые останки оказались нетленными.

В наши дни эта святая гробница привлекает к себе множество народа со всех концов России, и здесь совершаются непрерывною чредою панихиды по святителю. Его молитвами многие недужные получают исцеления, и близок, верится, день, когда святая Церковь, причислив его к лику святых, откроет его святые мощи для всеобщего поклонения и лобзания...

Час уже нам от сна востати!

Во всем году нет такого благоприятного времени для покаяния и исправления нашей жизни, как святой и Великий Пост. Душа человека – по природе христианка: она тоскует о небесном Отечестве даже тогда, когда о нем и не думает. Грех противен ее природе, как яд, принятый внутрь: душа чувствует потребность извергнуть его вон. Отсюда неутолимая тоска, тяжесть на сердце, томление духа, никакими так называемыми развлечениями не облегчаемое... И если это можно сказать о всякой душе человеческой, о душе во Христа верующей, бессознательно ко Христу влекомой самою природою духа, то тем паче должно сказать о душе православной, душе русской. Русская душа неспособна входить в какие-либо сделки с совестью, как это, к сожалению, бывает в других исповеданиях, коих учение построено на началах юридических: в католичестве – на учении об оправдании добрыми делами, а в лютеранстве и других, ему сродных ересях – на оправдании верою без дел, – православная душа не позволяет себе и думать о каких-либо своих заслугах, вера ли то, или добрые дела: она просто кается пред Богом, беспощадно себя осуждая, все добро, ею сделанное, Божией помощи и благодати усвояя, и самую веру свою стремлением к доброделанию оживляя. Она знает, что чем беспощаднее будет себя осуждать пред судом Божиим, тем скорее будет оправдана Божиим милосердием. И вот, настает Великий Пост; редкий, печальный звон колоколов, продолжительныя службы, умилительныя песнопения, земные поклоны с молитвою преподобного Ефрема Сирина и – строгое воздержание в пище – все это так посоветовано Церквию, что невольно душа приходит в себя, размягчается, согревается благодатию Божией и, так сказать, растопляет вокруг себя ледяную кору нечувствия, духовнаго омертвения, и оживает духом... Знают верующие эту благодатную силу Святого поста и ждать – не дождутся, когда он наступит.

Казалось бы, не все ли равно, в какое бы ни было время человеку каяться, говеть, исправлять свою жизнь? Но ведь и в видимой природе растения оживают не во всякое время и не при всяких условиях: нужны свет и теплота весенняго солнца, чтоб они ожили. Та к и в духовной жизни есть своя весна, весна благодатнаго веяния на грешныя души – это Святой и Великий пост. Не напрасно же он так в книгах богослужебных и называется: *пост – весна душам*. Еще за четыре недели до наступления его уже как бы начинает веять его благодатным дыханием в службах церковных: сначала – неделя о Закхее, когда читается Евангелие об этом мытаре, с таким простосердечным усердием принявшим Господа Спасителя и услышавшим от Него: *днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть: Сын бо Человеческий прииде взыскати и спасти погибшаго*. Затем – урок смирения в лице другого мытаря с его трогательною, на все века для всех грешников столь драгоценною молитвою: *Боже, милостив буди ми грешному!* Потом – еще неделя – о блудном сыне: эта чудная притча Христова, так наглядно изображающая безконечное милосердие Божие к кающемуся грешнику... Потом – неделя о Страшном Суде Божиим, напоминающая конец мира и неотвратимую судьбу людей в вечности... С сего воскреснаго дня начинается сырная неделя – приготовление к посту, причем в среду и пяток уже полагаются по уставу великие поклоны. Наконец – Прощеное воскресенье – пред самым постом, с воспоминанием грехопадения Адама и Евы, с трогательным обрядом всеобщаго прощения на вечерне...

Грешно нам, пастырям, не пользоваться этим святым временем, чтобы призывать людей Божиих к покаянию. Вот почему каждый раз я долгом почитаю, если бываю в Вологде, то лично, а если отсутствую, то чрез пастырское послание обращаться к моей пастве, ближайшим образом к жителям Вологды, с призывом к покаянию. Ныне я писал следующее послание:

“Возлюбленным о Господе чадам Церкви Вологодской мир и Божие благословение!

Сегодня день всепрощения и преддверие святого и Великого Поста. Не имея возможности по немощам моим лично преподать вам благословение Божие на грядущие великие дни поста и покаяния, мыслию и сердцем переношусь к вам, братие, и долгом почитаю повторить то, что сегодня вы слышали, если были у Божественной литургии, в чтении из послания святого Апостола Павла к Римлянам:

Час убо нам от сна востати! Пора проснуться нам от греховного сна, пора стряхнуть с себя суету житейскую, пора взглянуть в светлое зеркало заповедей Божиих, опомниться, познать свое опасное состояние и прибегнуть к Богу в покаянии!

Ныне бо, говорит Апостол, ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом – ныне время благоприятное для спасения, чем когда-либо, – настает святой Великий Пост, время покаяния; Церковь зовет и печальным звоном своих колоколов, и скорбными песнопениями, и земными поклонами с умиленной молитвой преподобного Ефрема Сирина, и заповедью строгаго воздержания во смирение нашей бунтующей плоти. *Ночь убо преиде*, ночь греховного самозабвения, ночь блуждания по распутиям греха прошла, *а день приблизися*, день духовного прозрения, день благодати нас осиявающей, очищающей, просвещающей – уже наступает: только поспешим воспользоваться им! *Отложим убо дела темная, дела грешныя, и облечемся во оружия света* – украсим себя добрыми делами, как светлою одеждою! *Яко во дни благообразно да ходим:* будем вести себя так, как подобает добрым христианам: *не козлогласовании и пьянствы*, не предаваясь ни пиروваниям, ни пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти, *но облечытесь Господем нашим Иисус Христом*, во всем смотрите на Господа нашего Иисуса Христа, во всем с Него берите пример, *и плоти угодия не творите в похоти*: не угождайте своим плотским страстям. Пора вступить в непримиримую борьбу с грехом в своем сердце, довольно рабствовать ему. Жизнь течет, как быстрый поток: и не увидим, как придет конец, позовет Господь на суд Свой праведный и – что тогда ответим Ему? С чем предстанем пред сим Судиею правосуднейшим? Бог дает нам время для того, чтоб мы приготовились к вечности; Церковь Божия дает все средства, чтоб мы очистились от грехов, чтобы потом наше сердце полюбило животворящая заповеди Господни и в их исполнении находило свое счастье, еще на земле предвкушая вечное блаженство. И вот, святой пост есть наилучшее и благоприятнейшее время для такого переворота в нашей духовной жизни. Поверьте, возлюбленные, что заповеди Господни *тяжки не суть!* Только начните исполнять их, только имейте мужество стать противу греха, оторвать от него свое сердце, соединиться с Господом в Таинстве Причащения и – сердце почувствует ту свободу, какую дает только Господь, и опыт духовной жизни покажет, как близок Он ко всем призывающим Его во истине! Господь дал Своим заповедям животворящую силу, и кто во смирении тщится исполнять их, тот знает, что это за благодатная сила! Да иначе и быть не может: ведь не мы делаем добро, а Сам Господь, яко Глава Церкви, в нас, яко ея членах, живет и действует, и проявляет Свою жизнедеятельность в тех добрых делах,

какия мы творим Его благодатною силою во смирении сердца по реченному Им: *без Мене не можете творити ничесоже.*

Итак, ныне время благоприятное, ныне день спасения! Ныне день всеобщаго прощения и примирения. Приидите, возлюбленные чада мои о Господе, простим друг другу всякую обиду, всякое прегрешение, да и от Господа примем всепрощение грехов наших! *Аще отпускаете*, глаголет Он, *человеком со грешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный согрешения ваша; аще ли не отпускаете человеком согрешений их, ни Отец ваша отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 7, 14–15). Без примирения с согрешившим противу тебя и не приступай ко Господу. Это первое и неперемное условие, под которым Господь обещает нам прощение грехов наших. Если тот, у кого ты должен испросить прощение, с которым ты должен примириться, находится далеко от тебя, то теперь пока примиришься с ним мысленно, но искренно: помолись за него Господу, как за твоего благодетеля, как за любимаго брата, попроси и ему у Господа прощения его грехов, а когда откроется возможность, не замедли исполнить обет своего сердца – непременно примириться с ним и лично. Напиши ему смиренное послание, возьми всю вину размолвки вашей на себя – лишь бы он умиротворился, лишь бы не на словах, а на деле мир между вами водворился. И лишь только это ты сделаешь, нелицемерно, от всего сердца, себя во всем обвиняя, молясь Богу за брата твоего, – сам увидишь, опытом сердца узнаешь, как коснется благодать Божия твоего грешнаго сердца, и станет у тебя на душе так легко-легко...

О если бы мы, братие, знали всю благодатную силу Господних заповедей! Мы только бы и думали о том, как угодить Господу, как исполнить волю Его святую... Заела нас суета земная; все думаем, что своими заботами да хлопотами можем устроить свое земное благополучие, а то и забыли, что сказал Господь: *ищите прежде царствия Божия и правды его*, и тогда – сия вся, все что потребно для сей жизни – *приложатся* – в придачу дано будет вам! Ведь, это не человек сказал – это сказал Господь Бог всемогущий! Ужели Ему-то не верим мы?.. Тогда смеем ли мы и называть себя христианами?..

А ведь надо твердо помнить: нас ждет вечность, подумать только: вечность!.. Вечность или светло-радостная, блаженная, в раю Божиим, во славе со святыми. Вечно – с Господом нашим, с Пречистою Его Материю, с Ангелами и Архангелами и всеми святыми Божиими, в нескончаемом наслаждении лицезрением Божиим, – или же – в отвержении от Бога, в сообществе с сатаною, в вечной муке адской, в нескончаемой тоске, безпросветной тьме с богохульниками и еретиками, с предателем Иудою и всеми изменниками святой вере и Христу Спасителю... И это – вечно-вечно – без конца! И это теперь в наших руках, в нашей воле: покайся, исправься, начни жить по Христовым заповедям, в послушании Церкви Божией, в доброделании, в общении с Господом в Таинствах Церкви и – наследуешь жизнь вечную, получишь райское блаженство. А забудешь Господа, не станешь Его святых заповедей исполнять, удалишься от матери-Церкви – жди гибели вечной, муки безконечной. И это – истина непреложная: *аще хочещи внити в живот – соблюди заповеди*, глаголет Сам Господь. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. И идут сии в муку вечную*, говорит Господь о грешниках-козлицах, *а праведницы в живот вечный*.

И еще раз повторю, се ныне время благоприятное. Час уже нам от сна востати! Пора о душах своих подумать. Пора сказать себе: Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается... Поспеши покаяться, поспеши взяться за исполнение заповедей Христовых. Что первое тебе подскажет совесть твоя – с того и начинай. Только не откладывай. Вот, например, дела милосердия. В нескольких губерниях люди страдают от

голода. На сих днях мне говорил один святитель, прибывший из тех губерний: “Поверите ли, как тяжело приходится нашему бедному духовенству? Один священник сознавался мне, что посылает своих детишек просить милостыню под окнами – по ночам, чтоб не узнали, чьи это детки: хоть корочку хлебца принесут!” Вот до чего доходит нищета! Вот и соберите, братие моя, кто что может, и пошлите туда... Или – пришлите мне, и я передам сему святителю на голодающих. Да мало ли добра можно делать! Только пожелай. Только не сжимай руки твоей скупостию. Широка заповедь милосердия и различен милования образ, говорит святитель Златоуст. Хотите, чтобы Бог был к вам милостив? Сами окажите милость ближнему. Хотите, чтобы Он простил вам грехи ваши? Сами простите всякому, кто чем-либо обидел вас. *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.* Прощайте своим врагам, и сами получите прощение от Господа.

Призываю на всех вас Божие благословение и молитвенно желаю, да будет грядущий пост душам вашим во обновление, да положите начало благое доброй истинно христианской жизни: этого ждет от вас Церковь, любящая мать ваша, этого ждет и наша Русь, толико страдающая за наши грехи.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь”.

Это послание было прочитано в Вологодском кафедральном соборе после вечерни в Прощеное воскресенье. После чтения собрано было в пользу голодающих тут же, на блюдо, 41 рубль 8 копеек.

И за то слава Богу и спасибо добрым людям!

Язычествующий националист о святителе Николае Японском

Трогательное, доходящее по местам до художественного воодушевления слово посвятил отец протоиерей Восторгов памяти в Бозе почившаго святителя Николая, воистину – апостола Японской страны. Немногими, но сильными чертами он сумел изобразить во весь рост этого великого человека нашего времени, при воспоминании о котором считаешь себя счастливым, что ты – ему современник, что ты имел счастье знать его и переписываться с ним, ибо в этом Божием человеке так ясно проявила себя сила Божией благодати.

Те м больнее было прочитав отзыв о великом святителе известного публициста г. Меньшикова. “Новое время” – самая распространенная газета, а Меньшиков стяжал себе славу человека, который смеет о всем свое суждение иметь и к голосу которого многие прислушиваются.

Г. Меньшиков подкупает своего читателя своим безпристрастием: он, по-видимому, воздает должное личным качествам апостола Японии. “Может быть, – говорит он, – Николай, действительно, и был святым, насколько позволяет об этом судить наше грешное сознание”. Но тут же говорит: “Жизнь и деятельность столь замечательного человека заслуживают серьезного обсуждения”. И он принимается за это “обсуждение” и начинает... с чего бы вы думали? С упрека святителю: “Зачем он бросил свою бедную родину? Зачем отдал себя чужой стране? Неужели в громадном отечестве нашем нет своих язычников – и в буквальном, и в переносном смысле? Неужели чудному сердцу архиепископа Николая не нашлось бы подвига в коренной России, хотя бы в той же Смоленщине? Не составляет ли нравственной измены Отечеству, когда сильные духом и одаренные русские люди отдают себя служению чужим народам?” и т. д. От обвинения святителя Божия, который всего себя отдал служению апостольскому, в “нравственной измене Отечеству”, наш публицист готов был бы перейти в обвинение его в “карьеризме”: “Люди влагают всю силу духа своего, чтобы прославиться первыми апостолами в еще нетронутых странах”. Это, – видите ли, – “сродни честолюбию первых мореплавателей и путешественников”. Да спохватился: чистота, высота и сила истинного подвига заставила и этого беспощадного судью оговориться. “Если бы речь шла не об архиепископе Николае, благородство души которого вне сомнения”, – говорит г. Меньшиков. Зато со всею силою какой-то ненависти к делу Божию обрушивается он на самое дело, которому отдал всю свою жизнь святитель Божий: “Смерть, – говорит он, – святителя, дает хороший повод прекратить его святое, но в общем безнадежное предприятие. Никогда Япония не сделается православной, – подчеркивает он, – а небольшой горсти любителей православия в этой стране следует предоставить их религиозные потребности их собственному попечению. При обширности, разноплеменности России, при ее разноречии, вся так называемая внешняя миссия есть хуже, чем роскошь, она вредная ошибка Церкви”... Вот до каких нелепостей дошел наш публицист! Невольно спрашиваешь себя: да кто он, этот публицист? Язычник или христианин? Верует ли он в Бога – не говорю уже по-нашему, по-православному, а хотя бы просто по-христиански? Или это один из тех, которых Церковь сегодня (пишу в неделю Православия) предавала анафеме, яко глаголющих или

даже хотя бы только помышляющих не были Богу и Его промыслу не управлять миром? Кто читал прежния писания этого неистощимаго газетнаго говоруна, тот знает, что для него христианство уже отжило свой век, а православие и подавно – исторический пережиток, что на смену христианству идет какой-нибудь буддизм или иной модный культ... Но когда этот писатель надевает на себя личину патриота, то приходится с ним считаться. Разберемся кратко с нашей, православной, церковной точки зрения в тех “серьезных”, будто бы, суждениях, какия он высказывает.

Юный, двадцатичетырехлетний юноша, прямо со скамьи, не задумываясь, как он сам говорил, о том, как устроить свою судьбу, вдруг, под впечатлением простого приглашения, прочитаннаго им на листе бумаги, решается принять монашество и ехать туда, куда приглашали – в Японию... И вот, г. Меньшиков теперь кричит: “Нравственная измена Отечеству!” Да разве этот юноша знает, предвидит успех своего будущего служения в Японии? Правда, как юноша, он мечтает, но ведь известно, какую цену придают юноши своим мечтам. Он едет просто – к посольской церкви, а не в миссию в собственном смысле. И если бы кто тогда сказал ему: “Что ты делаешь? Ты изменяешь Отечеству!” – он, вероятно, только улыбнулся бы на такие речи. “Я и еду служить Отечеству, – мог бы сказать он, – служение при посольстве русском разве не есть служение Отечеству?” – “Но ты лишаешь Отечество такой силы, таких талантов...” – “Много и без меня и более меня способных людей остается в среде сынов моего Отечества, – ответил бы скромный в мнении о себе юноша. – Я иду туда, куда меня зовут, и в этом зове вижу волю Божию, а в остальном – буди та же воля Божия, благая, премудрая немогущая и врачующая”. Вот и все, г. Меньшиков! Ужели, по-вашему, каждый юноша должен считать себя будущим великим человеком и расценивать себя сам: куда и на что он годен? Не лучше ли предоставить это воле Божией: ведь Господь-то лучше нас знает, на что мы пригодны и способны. Вот и я, грешный, в юности моей мечтал уйти в дебри Алтайския и быть там проповедником Христа нашим язычникам, но Богу угодно было послать меня в монастырь, и слава Его премудрому изволению! В 1880 году, когда святитель Николай, по хиротонии во епископа, провел три или четыре дня в лавре Преподобнаго Сергия, я близко сошелся с ним, и являлась у меня мысль поехать с ним в Японию, но я не позволил себе высказать ему этой мысли, опасаясь напроситься на крест, который будет мне не по силам. А если бы он пригласил, вероятно, решился бы... В том-то и дело, что искренно верующий христианин во всем ищет единой воли Божией и не позволяет себе мудрствовать паче, еже подобает, отнюдь не смея ценить себя, ибо знает и крепко верует, что все, что мы делаем добраго – не мы делаем, а Сам Бог в нас и чрез нас... Это первое.

Второе. Как думает г. Меньшиков: ведь и Апостол Павел, и все, кроме Петра и Иакова, Апостолы Христовы покинули Палестину, свой родной народ, пошли в чужия страны, чтобы проповедывать христианство во исполнение завета Христова: что ж, стало быть и они явились нравственными “изменниками Отечеству”? Как-то странно и опровергать такая “националистическая” суждения! Ведь тут, очевидно, нет ни веры в промысл Божий, ни истинно христианскаго понимания дела! На небе, у Ангелов Божиих, радость бывает и об одном грешнике кающемся, какой бы национальности он ни был, а в Японии обращено ко Христу до 40 000 душ: это ли не великое дело Божие? Это ли не радость – не только для небожителей, но и для нас грешных, которые не могут не радоваться спасению братьев наших во Христе? Ведь во Христе Иисусе несть еллин и иудей: в деле веры все мы родные братья, и японцы, ученики святителя Николая, на деле показали свою

братскую любовь к нашим пленным, которые не могут и теперь, спустя несколько лет, без чувства глубокой благодарности вспомнить то, как японцы-христиане относились к ним в горькие дни позорного плена. Пусть публицист-националист назовет меня космополитом: я с радостью приму это название, если понимать его в христианском смысле. В том-то и дело, что православная вера роднит все народы. Пусть японцев пока горсточка: довольно и того, что семя святое в них брошено, довольно того, что христианство уже явило чудеса и знамения в среде этих язычников. Не говорю уже о чудесах в собственном смысле, о коих мне писал почивший святитель, – разве не чудо, что языческий жрец Савабе, пришедший убить святителя, стал его ревностным учеником и проповедником Христа? Разве не чудо, что пред нашим равноапостолом почтительно склоняли головы и язычники, да не простой только народ, а и люди ученые, люди, высоко стоявшие на службе, – даже сам император Японии прислал на его гроб венок: разве все это не чудо, совершенное благодатью Божией чрез нашего достославного Архиепископа Божия?

Япония, говорит Меньшиков, никогда не будет православной. Он даже подчеркивает эти слова. Не слишком ли много верит он в свою мудрость, свое предвидение? Ведь, Божьих дел никто не знает... Силен Бог и мертвых воскрешать. Святитель верил в возможность обращения японского народа ко Христу. Этом народе есть естественные добродетели, которые могут привлечь спасительную благодать Божию к сему народу, подобно Корнилию-сотнику, о котором повествует книга Деяний Апостольских. И кто знает? Со страхом помышляю я, грешный, как бы не сбылось слово Господне на нас самих: *отнимется у вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его* – вот, может быть, этим японцам... Об этом я писал еще 40 лет назад в журнале “Миссионер”. И тем страшнее эта мысль, что тогда, когда я писал это, не было тех ужасных признаков богоотступничества, какия всюду наблюдаются у нас теперь, именно в наши дни... Да сохранит Господь Россию от такой беды, но такие вот рассуждения, как высказываемая Меньшиковым, могут нас привести к этому.

И какое пренебрежение слышится в этом выражении Меньшикова: “горсточка любителей Православия”? Будто Православие есть какое-то ненужное в сущности занятие, ну вроде “научных опытов” каких-нибудь что ли, а не сама жизнь! Любители Православия! Что-то вроде любителей фотографии, цветоводства или тому подобное... Горсточка! Конечно, это немного, это – лишь один человек на тысячу населения Японии: но ведь истинное христианство и есть “зерно горчичное”, и есть закваска, по притчам Христовым. И из горчичного зерна вырастает почти дерево, и малая закваска способна заквасить все тесто. Почивший святитель, как известно, почти не имел сотрудников из русских, а все же обратил ко Христу до 40 000, а может быть, и больше. Разве сам он не был тем зерном, из которого выросло древо велие? Разве не он вложил ту закваску, которая как воздействовала на души, способные воспринять Божию благодать? Да не мы ли виноваты и в том, что он не сделал вдвое, втрое, в десять раз больше? По-видимому, ему не было препятствий в его деле со стороны языческого правительства, а средств не доставало! Ведь как ни скудно, по нашему просто ничтожно было содержание катехизаторов (что-то рублей 30 в год!), а все же нужны были средства. А местная церковь, все эти бедняки, льнувшие ко Христу, не могли дать средств, и вот святитель вынужден был, к великой скорби своей, сокращать число веропроповедников. Вместо того, чтобы увеличивать ассигнования, наше миссионерское общество вынуждено было сокращать их. Мы, мы виноваты, что в течение полувека так холодно, так безучастно относились к святому подвигу святителя Божия.

А г. Меньшиков советует и совсем предоставить юную Японскую церковь своим силам и средствам! Да это будет преступлением! Это будет величайшим оскорблением памяти великого святителя! Это будет изменою тем заветам Христовым, тем верованиям, какими жила Русь тысячу лет: быть не только хранительницею чистейшей спасительной веры, но и распространительницею света Христова среди народов... Наше горе в том, что в нас самих гаснет светоч Православной веры и православной жизни. Но не должно ли это самое побуждать нас возжигать этот светоч в других народах, дабы их молитвами Господь не попустил погаснуть и в нас сему благодатному огню? Прочтите в толкованиях Апостольского послания к Римлянам у епископа Феофана о том, как призванием язычников Бог влечет к вере самих иудеев...

Но с такими писателями, как г. Меньшиков, толковать об этом не приходится. Ведь сам он, не замечая того, стоит на точке зрения японцев, узких националистов. И когда вспомнишь, что этот талантливый писатель-публицист стоит едва ли не во главе так называемых у нас националистов, когда представишь себе: а что если и все они так думают? – то страшно становится за Россию, за ее будущее. Мне почему-то всегда казалось, что эти люди ставят национальность впереди Православия, считая последнее лишь служебным орудием для главной национальной идеи, и этой глубокой ошибкой, если не признают ее, они погубят себя. Для русского православного народа прежде и выше всего – вера православная, а затем Царь – Божий помазанник и наконец уже – народность или, если угодно, национализм... И в самой основе народности русской лежит ничто иное, как Православие. Не будет этого фундамента – не будет и народности русской. И не Церковь ошибается, исполняя, по мере сил, заповедь Христову, а вы, господа националисты, мнящие построить свое здание на песке. И вечная память с похвалами да будет и пребудет святителю Николаю, Японскому просветителю, нашему родному молитвеннику, нашей духовной красе и похвале нашей родной Церкви!

Нам ли молиться за него?

Три дня чествовала Русская Православная Церковь великого священномученика за отечество святейшего Патриарха Гермогена; три дня молилась о упокоении его души в Царстве Небесном и возглашала ему вечную память...

Бог привел мне быть участником этого светлого торжества Православия – души народной, и я вынес самые отрадныя впечатления с этого праздника православного русского патриотизма. Хочу поделиться ими со своими читателями.

Торжество началось вечером 17-го февраля парастасом в Успенском соборе – этом дому Пресвятой Богородицы, за который душу свою положил святейший первосвятитель России. Здесь, с этого священного амвона, на котором стояли мы, недостойнейшие иерархи – преемники его святительского служения в Церкви Русской, раздавалось его грозное слово, обличавшее изменников Православной вере и Отечеству; с сего амвона он призывал Божие благословение защитникам и верным сынам Отечества; отсюда гремело его проклятие тогдашним эсэрам, эс-декам и кадетам... Эти священные своды оглашались его пламенными речами о любви и верности к несчастной Родине, к престарелому, безвольному царю Василию Иоанновичу, горячим призывом к защите святой веры Православной... Здесь и почивает он ныне своими нетленными мощами, в укромном уголке собора, о бок с шатром над ризою Господней, почивает не в могиле, а вот под этим надгробием, в гробу фиолетового бархата.

Богу, дивному во святых Своих, благоугодно было возбудить в сердцах Русского народа особенную веру в его молитвенное заступление именно в наши многоскорбные дни, когда современные Салтыковы – Милюковы, Масальские – Долгоруковы и вся их компания готовы распродать нашу матушку – святую Русь оптом и в розницу не только полякам, финляндцам, но и презренным иудеям по самым дешевым ценам... В такое то время и восстает из своего гроба трехсотлетний великий покойник, восстает живым чудотворцем, напоминая русским православным людям их долг пред Родиной, пред святою своею верой, пред Церковью-матерью и Царем-Самодержцем, встает и вещает гласом знамений и чудесных исцелений:

Опомнитесь, православные русские люди! Довольно блуждать вам по распутиям измены родным заветам, пора перестать быть перелетами – от этих заветов – к современным тушинцам, всякого рода изменникам родной вере родному Царю и Отечеству, пора грудью стать за эти заветныя святыни нашего русского сердца! Не я один – вся святая Русь, в лице своих избранников на небесах Престолу Божию предстоящая, все сии древнерусские святители и преподобные, все святые князья-мученики и великие печальники ваши пред Богом – все мы призываем вас к покаянию, все взываем к вам: пожалейте Родину, пощадите землю Русскую, над которою, как и в мои дни, простерлась грозная туча гнева Божия! Обратитесь к матери-Церкви, слушайте гласа ея, яко гласа Божия, вспомните великое призвание Руси – нести и возвещать святую истину Православной веры всем народам земным! Гоните от себя этот ложный стыд, навеваемый врагами Церкви и святой Руси, стыд, будто мы, русские, отстали от других народов и в делах веры, и в жизни государственной, будто посему надо во всем подражать народам чужим, а для сего

отрекаться от всего родного... Все это – вражье наваждение, все это – ядовитый туман, которым отравляют вас, наипаче же молодежь вашу враги Божьи – иудеи и масоны с их прислужниками. Будьте чисто русскими, православными людьми, покайтесь по-русски – так, как умели каяться ваши предки – целым сердцем, с детской простотой и искренностью, и Господь смилуется над вами, и туча Божия пронесется мимо вас, и паки засияет над Русью солнце милостей Божиих, как во времена оны древняя, как было после моей кончины!..

И внемлет гласу святейшаго Русь православная, внемлет с благоговением тот простой, верующий народ, который составляет целое тело народное, настоящую Русь! И пошли волны народныя к священной гробнице великаго Патриарха-патриота, и с каждым днем сии волны увеличиваются. Не во дни только торжеств в память его, но и каждый день вереницами тянутся русские люди к дому Пресвятой Богородицы, и несут сюда, под эти священные своды, свои скорби и вздохи болящаго за Родину сердца, и изливают свою скорбящую душу у подножия гробницы новоявляемаго и Богом прославляемаго заступника своего, триста лет безмолвно и смиренно почивавшаго в своей гробнице – даже до наших скорбных дней... И неумолчно слышится здесь вечная ему память, и с благоуханием кадильным несется к Богу молитва о упокоении его праведной души со святыми, а в глубине сердечной уже звучит молитвенное слово: “И его молитвами нас грешных, Господи, помилуй!”...

Чинно и неспешно совершалось всенощное бдение – парастас в древнем соборе. Могучими волнами неслись к его сводам звуки священных песнопений на литии, исполненных клиром собора – пение, какого нигде в мире нельзя больше услышать. Неспешно, отчетливо, отчеканивая каждое слово, читали, или, лучше сказать, выпевали два сакеллария непорочны и канон; мы, архиереи, выходили на литию, а потом, начиная с *непорочны*, стояли среди храма до конца всенощной и ушли в алтарь лишь по возглашении, после отпуста, вечной памяти святителю Божию у его гробницы. Служба длилась четыре с половиной часа и, несмотря на усталость, не хотелось уходить из этого святилища Божия, где, чувствовалось, с нами молились здесь почивающие святители – печальники родной земли, где, казалось, предстоял с нами великий страдалец за веру и Отечество, святейший Патриарх Гермоген...

На другой день богослужение началось крестным ходом из Казанскаго собора в Успенский с чудотворною иконою Богоматери Казанской, которую некогда изъял из земных недр святитель Гермоген в Казани. Она и поставлена была над его гробницей. Тут же стоял и стяг князя Пожарскаго, который, молитвенною помощию святителя, освободил Москву от поляков. В богослужении, как накануне, так и 18-го числа, принимали участие: Митрополит Московский Владимир, архиепископы – Новгородский Арсений и Ярославский Тихон, я и епископ Серпуховский Анастасий. На панихиду вышли еще святители: архиепископ Алексей, бывший Тверской, Димитрий, епископ Рязанский, Гавриил, бывший Омский и другие епископы, живущие в Москве. Пел хор синодальных, бывших патриарших, певчих. Певцы были одеты в красивые, наподобие древних боярских, кафтаны с золотым шитьем по оплечью и наподольнику. В конце литургии Митрополит произнес слово о значении подвига святителя для России. После панихиды все святители отправились крестным ходом в Чудов монастырь, в то подземелье, где священномученик за веру и Отечество испустил свой дух в заключении. Здесь совершена была краткая лития, закончившаяся вечною памятью приснопамятному святителю.

Было уже два часа дня, когда все, участвовавшие в богослужении, и почетные гости собрались в покоех Митрополита в том же Чудовом монастыре на скромную трапезу. Все блюда были грибные, никаких спиртных напитков не было. Пред последним блюдом была провозглашена вечная память Патриарху, а после обеда провозглашено многолетие Царствующему Дому и послана телеграмма Государю. Преосвященный председатель юбилейной комиссии Анастасий, епископ Серпуховский, огласил приветственную телеграмму председателя и сорока членов Государственного Совета на имя Московского Митрополита.

В 6 часов вечера совершены всенощные бдения во всех церквах столицы, а на другой день – архиерейские служения в Успенском соборе Ярославским архиепископом, а в Чудовом монастыре – Митрополитом Владимиром. Кроме того, оба дня были архиерейские служения в храме Спасителя и Епархиальном доме.

В 7 часов вечера в Епархиальном доме открылось торжественное собрание в память великого Патриарха. Первым говорил преосвященный Анастасий, за ним В. В. Назаревский, И. Соболевский, Е. В. Барсов и протопресвитер Успенского собора П. А. Любимов. В этих речах во всем величии восстал пред слушателями великий печальник Русской земли – и как подвижник-святитель, и как государственный муж, и как первоиерарх Русской Церкви, и, наконец, как бытописатель своего времени и песнотворец – автор тропаря Богоматери: “Заступнице усердная”...

После перерыва синодальный хор исполнил в высшей степени художественно несколько песнопений. Особенно сильное впечатление произвело чтение грамоты патриарха Гермогена тушинцам-изменникам и гимн святителю-страдальцу. Очень жаль, что эти новинки художественного творчества в нашей вокальной музыке и поэзии не воспроизведены в нотных знаках: тогда можно было бы и в духовно-учебных заведениях, и в торжественных собраниях в память святителя в разных городах России воспроизвести их при посредстве хоров.

Та к завершилось чествование памяти святителя Гермогена на месте его великого подвига. Русь XX века оглянулась на свое далекое прошлое XVII века, увидела там, в ряду героев веры и патриотизма, великого мужа, явившегося вождем этих героев, возбранным воеводою в святом деле спасения Руси в тяжкую годину смуты и междоусобицы. Увидела современная нам Русь этого исполина духа и – поклонилась ему... Верные сыны Отечества, благоговейно созерцая его подвиг, вознесли горячие мольбы о упокоении его праведной души: упокой, Господи, душу раба Твоего! И сею молитвою за почившего иерарха они вошли уже с ним в молитвенное общение, но совесть, но сердце, но какое-то внутреннее чувство говорит: этого мало, этого недостаточно! Кто мы, дряблые духом, обремененные грехами, чтобы нам молиться о прощении и оставлении грехов этого великого праведника, несомненно предстоящего пред Богом и предстательствующего за родную землю у Престола Божия? Нам ли молиться за него? Дайте нам возможность призывать его самого в слабых молитвах наших: пришло время вместо вечной памяти возглашать ему: *святителю отче Гермогене, моли Бога о нас!*

Дивен Бог во святых Своих! Дивны пути Божии в исполнении словес Его непреложных: *прославляющая Мя прославию!* В то время, когда по законам истории великие деятели на поприщах государственного строения, науки, литературы и искусства, уходя в даль веков, начинают окутываться туманом забвения в памяти потомства, святые герои веры и высокого нравственного подвига вырастают в сознании верующих в исполинов духа, приближаются к народному сердцу; входят в благодатное общение с живущими в сей

юдоли земной, помогают им в их нуждах, утешают в скорбях, исцеляют их болезни и руководят на пути к Царствию Божию. И растет в народе любовь к ним, растет благоговение к благодати Божией, в них обитающей, чрез них действующей, и в сознании церковном созревает убеждение в их святости... Дух Божий, в Церкви присноживущий и действующий, пробуждая веру, являет силу Свою чрез сих святых Божиих, и тогда Церковь признает благовременным, причислив их к лику святых, прославлять их яко Богом прославленных...

Празднование 300-летней годовщины преставления патриарха Гермогена показало, что настал час и церковного его прославления...

Свет и тепло истинного доброделания

Так часто, так много приходится говорить об уродливых явлениях в нашей общественной, государственной и даже церковной жизни, что с радостью хочется остановиться на самых, по-видимому, малых проявлениях добра, во имя Христова творимаго, отдохнуть душой на этих малых искорках Божиих и указать на них моим добрым читателям, как на добрый пример. Добро, творимое по заповеди Господней, ради Бога, ради сей заповеди, есть истинный свет, истинное тепло, животворно проливающее свои благодатные лучи не только на того, кто творит его, но и на того, кто имеет счастье быть только простым посредником в его творении. И когда вдумаешься, почему так, становится ясно: Тот, кто сказал: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века*, – Он, по непреложному Своему обещанию, присно пребывая в Церкви с верующими во имя Его, в них и чрез них проявляет Свою жизнедеятельность в Своем теле, которое и есть сия Церковь, коей членами мы имеем счастье быть... А когда чрез нас проходит Его животворящая, чудотворящая сила то можно ли нам не ощущать своим сердцем ея действие, не только благодетельное чрез нас, но и благотворно оживляющее нас самих? Слава благодати Твоей, Господи наш, тако благоволившей, слава силе Твоей, слава неизреченному милосердию Твоему, Спасителю наш и Творче! Об одном мы должны умолять Тебя, не попусти нам себе приписать, у Тебя предвосхитить то добро, какое Ты чрез нас делаешь!

С радостью и благодарением ко Господу отмечаю я такое отрадное явление: на мой призыв в дневниках моих откликаются мои добрые читатели, откликаются не словом только: почти каждый день я получаю от них письма, столь для меня утешительны, – но и делом; получаю лепты на те Божьи дела, к которым я призываю их. И сугубо радуюсь, что сии отклики получаю я от собратий моих о Господе, от иереев Божиих, и не из моей только епархии, но и из других, иногда самых отдаленных. Читатели мои помнят в прошлом году пожертвования на походные церкви: они были получены мною от иереев Божиих: один прислал 300 рублей, другой 200 рублей, затем еще двое по 300 рублей – и все священнослужители... И все почти просили меня не печатать поименно: от кого получена жертва, все предоставляли мне самому направить ее туда, куда я найду более благопотребным. Воистину – так, как заповедал Господь: *да не увестъ шуйца, что творит десница твоя!*

Мне, говорю, особенно отрадно отметить эти проявления жизни Христа Спасителя именно в *Его служителях*; ведь в наше время так часто обвиняют духовенство наше в том, что оно будто бы умеет брать, но не любит давать, а вот, подите же: наши миряне, имеющие возможность жертвовать тысячами, не так охотно отзываются на призыв архиерея: увы, было время во дни оны еще не так отдаленные, когда и они охотно делились с Богом своими избытками, – а теперь – вот эти смиренные батюшки сельские опережают их своими лептами воистину не от избытка – какой уж избыток у сих рабов Божиих! – а от лишений своих и несут эти лепты на дело Божие! Благослови их, Господи! Воздай им благодатными утешениями в их добрых, в простоте сердца верующих сердцах!

Отрадно отметить и то, что наши добрые пастыри в сем случае являются носителями истинно христианского духа благотворительности. Мы живем в такое печальное время, когда в недрах самого христианства подменяются уже не только идеалы, но и самые

символы благотворительности: самый крест Христов стараются испразднить, как будто он стал ненавистен духу века сего лукавого и прелюбодейного, будто сей век стыдится креста Христова, будто боится его (а известно, кто больше всего боится и “трепещет и трясется”, по выражению песни церковной, креста Христова). Уже не во имя Христа, нашего Спасителя, а во имя какой-то “гуманности” (неопределенной туманности, как читают это слово простецы-грамотеи), уже не под сению креста – знамения нашего спасения, а под знаком – то “белаго цветка”, то – “колоса ржи”, то – “василька”, призывают нас к делам благотворения. И имеют дерзость рассылать даже нам, архиереям, приглашения стать во главе сборов под такими эмблемами! Вероятно, не за горами время, когда станут собирать на дела “благотворения” и под масонскими треугольниками. Понемногу, понемногу стараются подменить крест Христов, удалить его из сознания верующих, покрыть туманом забвения, а с ним затушевать в христианском мирозерцании и самую идею искупления Христом рода человеческого, постепенно вытравить самую суть христианства из сознания современного человечества... Хитрый искусный план семитысячелетнего человекоубийцы – сатаны! В сущности это – продолжение того же подкопа под христианство, какому положили начало еще еретики первых веков христианства, а позднее – Лютер, этот несчастный слуга масонов – верных слуг сатаны: ведь еще тогда объявлено, будто крест Христов, как орудие казни, – прости нам Господи сие слово – виселица, достоин поругания, а не поклонения, хотя Апостол Павел и хвалился им, как лучшею своею похвалою. Прошло почти четыреста лет после Лютера и вот, как-то без шума, незаметно, под предлогом добра, под влиянием моды на всякую новинку, знамение креста упраздняется, и даже архиереи приглашаются стать под эмблему “ромашки”, “колоса ржи”, “василька” и подобных ничтожных предметов. Не думаю, чтоб кого-либо из архиереев удалось обмануть сим ненавистникам креста Христова, а мирян много пошло за ними, пошло, думается, скорее из моды, бессознательно, хотя, конечно, затейники сего знали, что делали, и смеялись в душе над простотою тех, кто шел на их приманку, забывая о кресте Господнем, под сению которого собирает пожертвования святая Церковь на те же добрые дела. Я остановился на сем потому, что мои читатели спрашивают меня: как относиться к подобным сборам? Их совести, очевидно, претит такой способ сбора, избегающий всякого благословения Церкви, действующий помимо креста Господня. Вот я и отвечаю: избегайте всякого участия в таких якобы добрых делах, которые сторонятся Церкви, идут мимо ее благословения, не могут быть допущены в храмах Божиих с теми эмблемами, под которыми ходят по улице и врываются в частные дома и в разные учреждения. Для христианина есть путь к благотворению – в церкви, чрез служителей Церкви, чрез учреждения, стоящая под ее благодатным крылом. Та к будет надежнее, Богу приятнее и нравственно чище.

Есть и другая сторона в этих попытках подменить христианскую благотворительность новыми модами сбора пожертвования. Обратите внимание на то, что праздники православной Церкви хотят постепенно сократить, а в замен их вводят новые праздники: “праздник белаго цветка”, “праздник колоса”, “праздник древонасаждения” и т. п. Разве мы не видим тут целый план постепенной подмены христианства? Кто читал “Протоколы сионских мудрецов”, для того ясен весь план постепенного уничтожения христианства, врагами Церкви давно задуманный и незаметно для нас, но последовательно проводимый в жизнь христианских народов...

Истинно христианское добро скромно, так сказать – стыдливо: оно тщательно укрывается от очей людских. Вот почему оно и не так приметно: люди творят добро и

молчат о нем, и стараются забыть то, что сделали, и на мысль им не приходит не только показывать его людям, но и самим в душе любоваться им: так надо, так Бог велел, Бог помог и слава Ему, что благословил чрез мое недостойнство, чрез мое ничтожество сделать это добро. Та к думают они о своем добре. А если уж нельзя укрыть его, то просят не называть их имен: творят добро от имени неизвестных благодетелей, чрез третьи лица. Но свет, но теплота этого добра, помимо их воли, льется вокруг их, и чувствуют это не только те, кому оказывается добро, но и те, чрез чьи руки проходит оно... Вот почему паки и паки приношу им мою сердечную благодарность и призываю на них Божие благословение!

Эта статья была уже набрана, когда я получил от секретаря управления подворий Палестинского Общества в Иерусалиме С. Г. Щербачева письмо, из которого привожу выдержки: “Едучи на пароходе с паломниками, я читал им ваш дневник о переселенцах, и бедные паломницы совали мне в руки деньги – всего собрали 1 рубль, немного по количеству, но дорого по чувству. Посылаю вам эту святую жертву на храмы в Сибири. Трогательны рассказы некоторых паломников! Нет, не погибла, не погибнет Россия, имея таких глубоко верующих сынов и дочерей, каких я встретил в лице паломников. Ни расходы, ни неудобства, ни качка, ни холод, ни голод – ничто не останавливает их могучим потоком стремиться в Святую Землю. Спасибо славному Палестинскому Обществу, приходящему на помощь этим подвижникам. Одна старушка 12 лет жила мыслью ехать в Иерусалим и вот, по копеечке, набирала по 5 рублей в год, набрала 60 рублей, и теперь она с нами на пароходе “Королева Ольга” плывет туда, где жил, учил, страдал и умер Сам Господь. Другой молодой парень, на шутку соседа, что капитан корабля может отправить его назад, и деньги пропадут, ответил с христианским добродушием и твердым решением попасть во что бы то ни стало в Иерусалим: “Ну что ж, буду опять собирать деньги”. Это – не пасынки России, это – ее законные дети, чистые, верующие и простые души”... Душою отдыхаешь, когда читаешь такие письма.

№ 112

Распятие Господа и наше Ему сораспятие (Слово над святой плащаницею)

Когда стоишь пред сим священным гробом, когда созерцаешь эти зияющие раны, этот кроткий Божественный лик, омраченный смертною бледностью, это Божественное чело, увенчанное колючим тернием, то сердце вопрошает: Господи! Кто же так изранил, измучил Тебя? Какие злодеи так истерзали Твое пречистое Тело?..

И слышится в глубинах грешной совести страшный ответ: ты и подобные тебе грешники! Это – дело ваших рук: *То й язвен бысть за грехи ваши и мучен бысть за беззакония ваши!..*

Да братия мои! Все нераскаянные грешники, все отпадающие от веры православной, от единой спасающей Церкви Христовой, все еретики, раскольники, суемудрые лжеучители, смущающие души простецов, глумящиеся над истинами веры, все, отдавшие душу и сердце тяжким смертным грехам и не помышляющие о покаянии – все они вновь распинают Сына Божия, вновь прободают Его пречистое ребро копием, Его пречистые руки – острыми железными гвоздями! Та к говорит слово Божие, так учат святые Апостолы, так учит святая мать наша Церковь – невеста Христова возлюбленная!

Но не одни нераскаянные грешники распинают Господа своими грехами. Господь пролил Свою пречистую кровь и за наши грехи. Каждый новый грех, нами совершаемый, есть новый гвоздь в Его святейших длани, есть новый удар копия в Его пречистое ребро. Когда ты осуждаешь своего ближнего, когда издеваешься над ним, – ты осуждаешь Христа вместе с книжниками и фарисеями, ты издеваешься над своим Спасителем вместе с их злыми прислужниками! Когда ты оскорбляешь собрата, поносишь его имя, ты ударяешь в ланиту своего Господа вместе с единым от слуг первосвященника Анны, ты даешь заушение Ему вместе с грубыми римскими воинами! Когда злорадуешь при несчастье ближнего, ты издеваешься над своим распятым Господом, вместе с разбойником, распятым ошуюю Его! Когда обижаешь неповинного, притесняешь беспомощных сирот или вдовиц, отнимаешь у них достояние, – ты срываешь одежды с Христа вместе с его распинателями! Когда гордишься, превозносишься пред другими своими мнимыми достоинствами, способностями, талантами – ты венчаешь острым, колючим тернием смиренную главу твоего Спасителя, для Которого нет ничего достолюбезнее кротости и смирения и нет ничего оскорбительнее гордости и превозношения. Помни, именующий себя христианином, то есть, учеником Христовым, что речет Он тебе на страшном суде Своем пред лицом всех Ангелов Своих и всех святых: все, что ты сделал или не сделал одному из сих братьев Моих меньших – сделал или не сделал *Мне!*

Как бы ни казался тебе малым и потому якобы извинительным грех, он есть уже оскорбление величества Божия, нарушение святейшей Божией заповеди, темное пятно на твоей совести, и ничем не можешь ты загладить его сам. Каждая минута нашей жизни есть дар Божий, а посему каждая минута, праздно проведенная, каждое слово, праздно сказанное, есть уже новый и новый грех, новое и новое оскорбление Господа Жизнодавца. Не думай, брат, что можно утраченное на грех, потерянное для добра время чем-либо восполнить, вознаградить: раз оно потеряно – оно стало уже неоплатным долгом пред

судом правды Божией, и только крестные заслуги Господа нашего Иисуса Христа могут изгладить грех и покрыть неправду нашу пред судом вечной правды Бога правосудной.

Вот почему здесь, у этого гроба Христова, ныне, в этот великий день нашего искупления и спасения, мы наипаче должны каяться, оплакивать свои грехи, умолять Божественного Страдальца, чтоб не помянул Он сих грехов и беззаконий наших в день праведного Суда Своего Страного, чтобы покрыл, омыл их Своею Кровию безценною, чтобы дал нам силы подвизаться в борьбе со грехом даже до пролития, если сие будет потребно, крови, чтобы дал крепость пострадать Ему, сораспяться с Ним, быть причастниками Его спасительных страданий...

– Возможно ли это? – скажете вы. – Мы так слабы, так немощны...

Не только возможно, братие, но и должно. Для того и возлагается на нас крест при святом крещении, чтобы помнили мы об обете сораспятия со Христом, или, как выражается Апостол Христов, участия нашего в Его страданиях, восполнения Его страданий в плоти нашей... Все мы – Тело Его, плоть от плоти Его, кость от костей Его, ибо все мы причащаемся Тела и Крови Его в Божественном таинстве; а посему – если страдает Глава, с нею должны страдать и все члены, все тело. Наша Глава – Христос распят на кресте: сораспнемся и мы с ним борьбою со грехом, смиренным перенесением всего скорбного, благодушным несением каждый своего креста, Христом же на нас и возложенного. Будет ли то крест болезней телесных или страданий душевных, будет ли то крест внешний, от людской неправды, крест обид, поношений, всяких несправедливостей, лишений и болезней, как было с древним великим страдальцем Иовом, как было со всеми страдальцами за имя Христово – мучениками. Или же – крест внутренний, крест тоски безотрадной, крест тяжелой борьбы со своими внутренними врагами – страстями, постоянно воюющими на душу – все примем как от руки Божией, с благодарною смиренною преданностью святой воле нашего Господа, сознавая, что Он лучше нас ведает, на кого какой крест возложить, и никогда не возложит на нас креста, для нас непосильного. В этом самая сущность жизни христианина на земле; в этом – подвиг спасения, Христом нам завещанный. Христианин есть всегдашний крестоносец: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет*, – глаголет Сам Он, Началовождь нашего спасения! Да отвержется себе: да отсечет свою волю, да предаст себя в волю Божию, да исполняет во всем только сию волю святую. *Да возмет крест свой*: пусть будет всегда готов на все скорби, какая попустит Господь ради его спасения! *Да грядет по Мне*: пусть идет по Моим стопам, пусть живет по Моим святым заповедям! *Аще кто любит Мя – заповеди Моя соблюдет!* Прискорбен путь, тесны врата, но зато сладок рай и вечная жизнь со Христом! *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!* И не только на небесех – в жизни вечной, но и еще здесь, на земле, Христос Спаситель наш несказанною радостно веселит сердца идущих за Ним путем крестным и сораспинающихся Ему, утешает их такими утешениями, каких мир не знает и не может знать, утешениями, ради коих истинные последователи Христа готовы на всякия скорби, на всякия муки за своего возлюбленного Господа, ибо они знают закон, по коему по мере умножения скорбей умножаются и сии таинственные утешения Духа Божия в их внутренней духовной жизни. Такое утешение пережил благоразумный разбойник, сораспятый Господу, когда услышал от Него: *днесь со Мною будеши в раи!*

Вы спросите: как достигнуть сего? Как удержаться на пути крестном и чем укреплять себя в минуты внутренней борьбы и малодушия?

Отвечаю: укрепляйте себя воспоминанием страстей Христовых. Когда придет искушение, огради себя крестным знамением, христианин, и вспомни, чего стоит твой грех Христу Спасителю. Вспомни, что если согрешишь, если не устоишь против искушения, то нанесешь новую рану Ему, твоему Искупителю. Устыдись, ужаснись такого деяния. Пожалуйся Ему, твоему милосердому Господу, на себя самого, на немощь свою, призови Его в день и час скорби твоей, и Он услышит – непременно услышит тебя и измет тебя от беды греха, и поможет тебе Своею всемогущей благодатию. Чаще прибегай к Таинству покаяния, чаще соединяйся с Господом в Таинстве причащения Тела и Крови Его. Стой на страже своего сердца и не допускай в него помыслов, Бога оскорбляющих. Гони прочь от себя первую мысль о грехе, не останавливайся на ней, не вступай в беседу с сим врагом твоего спасения. Если подкрадется к тебе искусительный помысл, не позволяй ему осквернять твое сердце, гони его молитвою Иисусовою, жалуйся на него твоему Спасителю. Не смущайся и тогда, если грешный помысл будет настойчиво приступать к тебе: Христос видит, что ты не соглашаешься с ним, что ты гонишь его, и, видя любовь твою к Себе, Сам прогонит его от тебя, яко лающего пса. Верь, брат возлюбленный, что чем больше будешь бороться и при помощи Божией побеждать сих духовных амаликитян, [\[23\]](#) тем больше будешь укрепляться в заповедях Христовых и тем скорее обретешь мир душевный в совести твоей. Крест постепенно будет обращаться для тебя в лестницу, на небо возводящую, в крылья, коими наконец воспарISH ты к обителям Отца Небесного, – туда, идеже есть Христос, одесную Бога сидящий!

Блаженны вы, которые несете свой крест за Христом! Ныне ваш праздник, ныне Христос таинственно изрекает душам вашим: *днесь со Мною будете в раи!*

Господи Спасителю наш! Ты восприял еси на Свои святые рамена все кресты наши и знаешь всю тяготу их! Ты взял на Себя все грехи наши и вознес их на древо крестное! Ты лучше нас самих ведаешь немощи наши! Помог и нам нести кресты наши до конца, как помог Ты разбойнику благоразумному. Не вспомяни беззаконий наших, но помяни и нас во Царствии Твоем! Аминь.

№ 113
Христос Воскресе!
Смерти празднуем умерщвление
(Слово на Пасху)

Скажите, братие, где, в какой вере не только благовествуется, но уже и празднуется как совершившееся событие умерщвление смерти – “сей царицы ужасов”, по прекрасному выражению праведного Иова? Мечтал ли древний мир о победе над смертью? Есть ли, найдете ли хотя бы в мифах древних народов Индии, Египта, Греции, – не говорю уже о других – что-либо подобное тому, что празднуем сегодня мы? Даже богооткровенный Ветхий Завет знает только воскрешение, но не воскресение, вставали мертвецы силою Божией, по молитве великих пророков Илии и Елисея, но никто, никогда не восставал из мертвых своею силою, своим произволением: самая мысль о таком чуде была неместима для ума человеческого! А мы видим это во Христе Иисусе Господе нашем, видим, и празднуем Его воскресение и ликуем Его победу над смертью. Он – первенец из мертвых, первенец и – яко Своею божественною силою, а не молитвой праведников воскресший, и – яко единый и единственный победитель смерти в собственном смысле, и яко дарующий воскресение в жизнь вечную всем, в Него верующим. Его победа над смертью есть наша победа; Его воскресение есть наше воскрешение. Он – наша глава; мы – Его тело; воскресла глава – воскресает и тело; глава умертвила смерть и – все члены тела участвуют в сем победном торжестве. Вот почему мы празднуем сегодня не просто победу над смертью, но и полное ее умерщвление. Смерть умерщвлена: *где ты, смерти, жало?* Лежишь ты, по слову песни церковной, бездыханная!..

И вот радуются ныне смертные, ибо с умерщвлением смерти получили бессмертие. Радуются Ангелы Божии и поют на небесах воскресение Христово, ибо наша радость есть их радость, яко братьев наших по творению. Радуется вся тварь, ибо, подчинившись тлению вместе со своим владыкою – человеком, она доселе совоздыхала и соболеznовала ему: как же ей не сорадоваться ему, когда и она, вместе с ним, освобождается и будет свободною от рабства тлению?

Вот почему *ныне вся исполнишася света: небо же и земля и преисподняя и празднует вся тварь востание Христово!*

А как же смерть?.. Ведь она и ныне, как во дни праотца Адама, косит и косит свою жатву в юдоли земной. Где же празднуемая ныне победа над нею?..

Ныне, братие, для верующих во Христа осталась только одна тень смерти. И эта тень есть благодетельница смертных, служанка истинной жизни. Подумайте, возлюбленные: что было бы, если бы люди вовсе не умирали, не уходили из сей юдоли печали и слез? Ибо что такое здешняя жизнь с ее гнетущею дух суетою, с ее многоразличными скорбями, с ее тяжкими крестами? Можно ли такую жизнь назвать истинною жизнью? Ныне скорби, завтра болезни, неудачи, разочарования и лишения, а на совести все новыя и новыя язвы греховныя, – позади бурная юность с ее увлечениями и – часто – падениями, впереди дряхлая старость или преждевременная смерть: это ли та жизнь, к которой Создатель предназначил венец Своих творений – человека? Не говорю уже о тех, у которых и чрез золото слезы льются: о, как много на свете таких! Не говорю и о тех, которые живут в почете, утопают в роскоши, а в душе носят отраву неверия, змию зависти, муки совести!

Их жизнь – одно адское мучение! В таких условиях жизни и в древнем мире, когда еще не было благовестия о победе Христа над смертью, люди нередко ждали смерти, как желанного гостя, и зывали: “О, смерть! Отраден твой приговор для человека нуждающегося и изнемогающего в силах, для престарелого и обремененного заботами, для потерявшего надежду и терпение!” (Сир. 41, 3–4)... Но как безотраден был этот вопль измученной души, когда не было луча света в область по ту сторону гроба и не ведали люди: что их там ожидает?!

Но допустим, что были и есть такие счастливы, коих ничто не тревожит, которые не знают болезней, не испытали никаких скорбей и неудач в жизни: а кто им поручится, что завтра же их не постигнут эти скорби, болезни, неудачи? Кто поручится, что сии счастливы сегодня – не станут завтра же самыми несчастными людьми на земле? Пока люди живут на сей земле, никто не свободен от греха: “если говорим, что греха не имеем – обманываем самих себя”, говорит возлюбленный ученик Христов, а где грех, там и последствия его – скорби и болезни, там должна быть и смерть! И что за жизнь была бы при постоянной опасности согрешить, а следовательно, и подвергнуться горьким последствиям всякого греха? Что за радость и для праведника – жить вечно в этой юдоли плача и слез, видеть эти слезы людския, жить вдали от Бога, к Которому стремится его душа, вечно тосковать о небесном Отечестве, вечно, до сааго Второго пришествия Христова на землю, жаловаться с Апостолом: “бедный я человек! кто меня избавит от сего тела смерти? Желание имею разрешиться и со Христом быть, потому что это несравненно лучше” (Рим. 7, 24; Фил. 1, 23).

Не то, не то теперь! Ныне Христос воскрес, и смерть стала служанкою, отворяющею двери в блаженную вечность. Ныне всякий, идущий за Христом со своим крестом, счастлив ли он или несчастен в земном своем странствовании, знает – не верит только, но твердо знает, что когда его земное странствование окончится, когда сия тленная храмина тела разорится, его ждет Отечество небесное, храмина вечная на небесех, куда уже отверсты для него двери Христовым крестом. Держись крепче, брат-христианин, за этот крест, и пред тобою отворятся сии желанныя двери! Неси благодушно возложенный на тебя крест, и ты войдешь в рай вслед за благоразумным разбойником.

Смерти нет больше для истинного ученика Христова; она умерщвлена Христом. Есть сон, после которого последует радостное пробуждение в другой – лучшей, вечноблаженной жизни. Мы веруем, что аще со Христом страждем, с Ним и воцаримся. А посему можем со Апостолом повторить: не боимся смерти, желание имеем разрешиться от уз плоти и со Христом быти. Тому слава и держава во веки веков. Аминь.

Берегите сокровища церковных преданий

I

Мы живем в печальное время. Идеалы принижаются, постоянно уходя из сознания нашего куда-то далеко, в область тумана и забвения, чистые понятия и воззрения, веками воспитанная Церковь, тускнеют, самая способность распознавать, в чем чистая истина, чистое, Богу угодное добро и богоподобная духовная красота, – слабеет в современном христианине, даже и православном. Когда размышляешь об этом, как-то невольно проносятся в мысли слова незабвенного святителя Филарета Московского: “Когда наступает тьма на дворе, то усиливают свет в доме”. А тьма усилилась настолько, что люди возлюбили тьму больше, чем свет, и свет нередко называют тьмою, а тьму светом... Я не говорю уже о тех, кто сознательно лукавит в своей совести, кто бежит от света Христова, просвещающего всякого человека в недрах Церкви – воспитанием в заветах Церкви – Христовой невесты, кто, возлюбив грех, спешит укрыться от обличений совести судии неподкупного во мраке лукавых софизмов. Такие люди, сами погружаясь во тьму, влекут за собою и других, распространяя эту тьму вокруг себя. И вот этих-то других, стоящих на распутии, колеблемых ветрами всяких современных мудрований и как будто потерявших руководящее начало в жизни, – мне искренно жаль! Мне хочется крикнуть им: поближе к Церкви, братия мои, подальше от современных шатаний в области мыслей, в области жизни! Церковь с материнской любовью дает сама это руководящее начало в жизни, эту спасительную нить, за которую держась вы не заблудитесь в бесконечном лабиринте человеческихмышлений и всегда верно будете распознавать истинный путь жизни и православного мировоззрения. Это начало, эта нить есть общецерковное предание, всегда верное учению слова Божия – Священного Писания, всегда являющееся выражением и отображением жизни Церкви времен минувших, от Апостолов и Самого Господа Иисуса Христа даже до наших позднейших дней. Дух Божий, присно живущий в Церкви Христовой и ее оживляющий, в ней присно дышущий, охраняет верных чад ея от всякого самочиния в области мысли, ибо всякое свое мнение, всякую нововозникшую мысль свою они проверяют мнением Церкви и ея пастырей и учителей всех веков и времен, дабы таким образом быть в неизменном ей послушании и единении со всею историческою Церковью и с ея вечною Главою Господом Иисусом. Таким образом в основе отношений православно верующаго сына к матери-Церкви лежат смиренная, сыновне-беззаветная любовь к ней, яко невесте Христовой непорочной, яко матери нашей благодатной.

И этою любовью должны быть всецело проникнуты все чада Церкви – и пастыри, и пасомые: все должны благоговейно чтить ее, слушать ее, любоваться ея духовною красотой. Эта беззаветная любовь к матери-Церкви и будет ключом, открывающим пред духовными очами чад все те ея свойства, ея духовныя сокровища, которые остаются прикровенными для людей, вне Церкви живущих и потому неспособных ни умом, ни сердцем воспринять их. Истинные носители духа церковности, с детства воспитанные на церковной, скажу больше, на церковно-славянской литературе, или, как выражаются люди

простые, на божественных книгах, являются и лучшими истолкователями самого духа церковности, живыми продолжателями церковного предания, учителями Церкви. Все то, якобы новое, что ими вносится в жизнь соответственно новым потребностям церковной жизни, в то же время и есть созидание того же не прерывного от времен апостольских предания. В этой новизне веет тот же дух, она есть новый листок на той же ветви древа церковного предания. Стоит просмотреть, например, чинопоследования и молитвы на разные случаи, составленные Московским святителем Филаретом, который был типичнейшим носителем и хранителем церковных преданий, их истинным истолкователем и в истории Церкви созидателем.

Я уверен, что меня поймут люди церковные, не утратившие способности – не столько умом, сколько сердцем – распознавать свое родное православное от чужаго инославного. Слава Богу, таких еще немало на Руси. Но я боюсь, что и среди них есть уже такие, которые под влиянием веяний духа времени, веяний, постоянно отравляемых масонскими идеями, безмолвно, без протеста, уступают этим веяниям, стараясь умиротворить свою православную совесть соображением, что это – мелочь, несущественна, что ценою таких уступок, в сущности якобы ничтожных, покупается мир в взаимных отношениях с людьми нестрогих церковных воззрений. И бывает так: сначала терпят, затем привыкают, а наконец – в следующем поколении – дети уже считают нормою то, что только терпели отцы. Та к и отпадает от жизни предание. А между тем в этом забытом предании сколько было глубокого смысла и воспитывающей поэзии! Приведу пример. В 60-х годах минувшего столетия, в те дни, когда на свещнице Всероссийской Церкви (не говорю – Московской – понятно почему) ярко горел св. великий святитель Божий Филарет, во всех церквах первопрестольной накануне воскресных и праздничных дней зимою всенощное совершалось с редким звоном, по особому разрешению, а красный звон, уставной, полагался только для вечерни и утрени. И в этом соблюдении устава, недозволяющего после праздника Воздвижения Креста Господня “бдений”, была своего рода поэзия. Кто немощен, стар и мал могли идти ко всенощной, но священнослужители в силу необходимости, а прочие верующие должны были, понуждаемы совестью, идти к утрени. В этом был некоторого рода подвиг, а в подвиге – духовное освежение и утешение. Теперь эти утрени остались, кажется, только в некоторых обителях... Не хочу осуждать этой замены утрени всенощною службою – хочу только отметить, как отошли в область предания эти праздничные утрени с поэзией раннего вставания, хождения во тьме ночной в храм Божий при звоне колокола, который как-то особенно торжественно и властно звучал в этой тишине зимней морозной ночи... Да и в храме-то Божием в часы глубокого утра легче изливалась из сердца молитва молящихся. Теперь – почти всюду всенощное с красным звоном, и эта поэзия утреннего Богослужения отошла для нас, ее переживавших, в область отрадных воспоминаний, а для следующего поколения станет уже отдаленным забытым преданием, отмеченных разве в книгах, а не записанных личным переживанием на скрижалях детского сердца, как у нас...

Я взял такой пример, в котором проявилась уступка только немощи человеческой в ущерб требованиям строгого церковного устава. Правда, эти требования – вставать зело завтра в день Господень, чтобы с обновленными силами посвятить начатки святого дня молитве пред Господом – имеют свой глубокий смысл, однако же, в виду немощей современного нам поколения, приходится этим немощам сделать уступку, чтобы не дать повода считающим себя немощными вовсе не посещать праздничных богослужений. Но такого рода уступки в области церковного предания можно допустить лишь под условием

строгаго предварительнаго обсуждения. К сожалению, вот этого-то условия и не выполняется у нас, и притом даже в отношении таких предметов, которые уже теряют внутренний смысл свой, когда происходит замена, или лучше сказать – подмена, древняго предания новизною последняго времени. На нашей памяти, например, в храмы Божии ворвалось электричество – этот мертвый свет машиннаго производства. Сначала он появился как иллюминация храмов Божиих снаружи: это было даже хорошо и в смысле чистоты, и в смысле безопасности. Но этим не удовлетвовались. Теперь электричество горит уже в храмах – в паникадилах. Здесь уже “обкрадывается” смысл церковнаго предания. Что такое паникадило в его символическом значении? Оно изображает собою духовное небо, украшенное духовными звездами – ликами святых Божиих, яко же звезда от звезды разнствующих во славе у Господа. Оно же, паникадило, представляет собою и общую лампаду пред всеми многочисленными иконами в иконостасе. А елей лампы, как известно, означает и милость Божию к нам грешным, исцеляющую наши недуги душевныя и телесныя, и дела милосердия, творимыя нами во славу Божию, а если в паникадиле горят свечи, то сколько благодатных уроков преподают нам эти плоды трудов Божьей мушки-пчелки, работницы! Тут и благоухание цветов, напоминающее благоухание добрых дел, творимых благодатию Духа Божия, тут и безкорыстие напряженнаго труда во исполнение воли Творца, тут и мудрость ничтожнаго созданища, прославляющего своим искусством Создателя; тут и тихое горение, напоминающее нам тихое приближение к смерти; тут и чистая, благоуханная жертва Богу, поучающая нас самих себя уготовлять яко чистую жертву всежжения Господу в отсечении своей воли, в умерщвлении греховнаго ветхаго человека... И все эти уроки, веками скопленные, умирают, отходят в книжное предание с заменой восковой свечи – электричеством... Мне скажут: и электричество – Божие творение... Да, не спорю, но мне жаль церковнаго предания, почти две тысячи лет (а для елеса – почти 4000 лет) жившаго в Церкви и вдруг – умирающаго, жаль этих трогательных уроков, этой умиляющей сердце поэзии...

II

Есть еще две области церковнаго предания, соприкасающиеся с поэзией: эта церковная иконопись и церковное пение. В этих областях мы так далеко ушли от предания, живаго предания церковнаго, что во многом потеряли, кажется, и руководящее начало. Помню, лет 20 назад в Москве был археологический съезд. Зашла речь о том: кто изображался на древних иконах Рождества Христова внизу, в уголке, против праведнаго Иосифа Обручника, сидящаго с закрытыми глазами! Ученые археологи высказывали разныя догадки: предполагали, например, что это пастух, расспрашивающий Иосифа о месте рождения Спасителя. Но простой иконописец из Палехи объяснил, что эта фигура изображает искушителя, во сне влагающаго Иосифу помыслы подозрения против Пресвятой Девы... “Видите, – сказал этот иконописец, – у него и голова закрыта, чтобы рога спрятать, и ноги не видны, а на старых иконах ноги кончаются копытцами”... Вот наглядный пример того, как с перенесением к нам идеалов западной живописи, оборвались нити роднаго предания в искусстве иконографии.

Об увлечении западной живописью в XVIII веке и говорить больно! Вместо традиционных ликов святых Божиих живописцы писали портреты с помещиков, особенно с их жен и дочерей, вместо ангелов-юношей писали обнаженных со вздутыми щеками

детей, на иконостасах рассаживали резные фигуры этих детей, а около престола в святом алтаре ставили резных ангелов в виде полуобнаженных женщин... Та к подменены были идеалы одухотворения изображений святых – плотностью европейского натурализма. Надо еще удивляться, как уцелело на Руси искусство иконописания в древнем стиле. Надо с благодарностью называть те села Владимирской епархии, в коих кустари-иконописцы сохранили до нашего времени поэзию иконографии и ее предания. Наши художники последних двух столетий в своем увлечении западным натурализмом вовсе не обращали внимания на иконописные традиции и отбросили их как ветошь. Только в последнюю четверть XIX века обратился к этим традициям и стал из них черпать свое художественное вдохновение наш великий поэт иконографии и церковной живописи В. М. Васнецов. Воспитанный под крылом матери-Церкви, он понял чуткою душою, что православной иконописи совершенно несвойственен натурализм, что в нашей иконографии идеалом служит одухотворение, идея внутренней духовной красоты, а не телесной, что последняя допускается постольку, поскольку она служит первой. Икона святого не есть точный его портрет, хотя портреты угодников, Богом прославленных святителей последних веков (Димитрия, Тихона, Митрофана, Феодосия, Иосафа) и преподобного Серафима и стали, со времени их прославления, иконами, но портретное сходство и тут является на втором месте. Икона скорее есть символ или средство переносить нашу мысль и сердце в горний мир для беседы с тем, кого она изображает. Одухотворение изображенного на иконе, подчеркивание, если можно так сказать, того, что изображаемый – не от мира сего, что он – обитатель духовного мира, небесный человек и земной ангел – вот отличительная черта иконографии православной в сравнении с западной, латинянской или итальянской. Иконы – не портреты, не фотографии мира земного, земной красоты: это скорее – символы, условные изображения, как бы иероглифы, переносящие нашу мысль и чувство в иной мир, духовный. Вот почему недопустимое в живописи на картине совмещение разных моментов одного и того же события – так обычно в иконографии. На картине, например, Вознесения Господня изображение ангелов неуместно, пока виден еще возносящийся Господь, ибо ангелы явились апостолам уже тогда, когда Господь сокрылся от очей их, а на иконе Вознесения они вполне уместны в видах полноты и целостности изображения великого события. А иконы Воскресения Христова в композиции царского изографа Симона Ушакова – да это целая поэма, воплощающая все моменты таинственной ночи Воскресения!

Вот почему такой глубокий знаток иконографии, как В. М. Васнецов, всегда с восторгом отзывался о старинных композициях в церковной иконописи: “Нам нечего придумывать в этой области: предки наши все исчерпали, нам остается только учиться у них!” Отличительною чертою этих композиций является их наивная простота и глубина, богатство мысли, обнимающей все стороны идеи того или другого события, изображаемого на иконе. Икона – книга для безграмотных. Ничего в ней нет бьющего на эффект, никакой лжи, обмана чувства, фокуса. Икона – священный предмет, в котором нет места ничему подобному. Если мне укажут на нимбы, на золотой фон иконы, на прозолоту в одеждах, я скажу: это не ради эффекта, это – символика славы Божией, окружающей святого, блистающей на его одеянии, на всей обстановке, в какой он изображен. Если мне скажут, что, тем не менее, в наших храмах много допущено такого, что заимствовано с Запада, что не отвечает идеалам Православия в области церковного искусства, я скажу: да, к сожалению, после Петровых реформ мир властно ворвался в наши святые храмы, самые храмы стали строить по образцам римских костелов, украшать их статуями, мирскою

живописью, вносить в них чуждые духу православия начала, да, мы ко многому привыкли за двести лет, пригляделись, так что эти чуждые начала не бросаются в глаза. Ведь многое такое стало уже “елизаветинской стариной”, которую нередко, в своей ревности не по разуму церковному, стараются слишком усердно уберегать наши археологи нового поколения. Но все это не дает нам права признавать эти чуждые духу нашей Церкви начала – своими, родными, православными. Все это только “терпится”, но не благословляется Церковью, – резные или скульптурные изображения Христа Спасителя, сидящего в темнице, распятого на кресте, лежащего во гробе (и такие есть), такие же изображения ангелов, держащих рипиды, свечи, лампы, поддерживающих аналой с Евангелием или иконой, фигуры крылатых, обнаженных детей, рассаженных с трубами или свирелями по карнизам иконостаса и в разных местах храма – все это не наше родное, православное, все это принесено к нам с латинского Запада и веет не духом, а плотностью, доходящею, например, в раскрашенных изваяниях, до грубого реализма, нарушающего даже законы искусства. Все это – плоды того безправия и приниженности Церкви, какое появилось на Руси после уничтожения патриаршества. Помещики – строители храмов Божиих, преклонявшиеся пред Западом и на Западе только видевшие научный и художественный прогресс, не знавшие своих родных церковных идеалов, переносили в свои сельские храмы все, что им нравилось в Европе, не спрашивая, отвечает это нашим идеалам или нет. А духовенство молчало, ибо нередко видело, что и епископы не могли устоять в борьбе с самочинием в делах церковных этих властелинов-помещиков. Интеллигенции правящих сфер не было никакого дела до того, что творилось в области церковного благолепия и искусства. Мало того: нередко сама она вносила в родные храмы произведения чужаго искусства. Та к постепенно вытравлялся из сознания русской души православный идеал иконописи, а на его место прививался и усваивался чуждый западный идеал плотности в живописи и ваянии. А на Западе все более и более утрачивался идеал духовной красоты в живописи и ваянии, и на смену великим мастерам в этой области выступают реалисты, которые не гнушаются вносить профанацию в эти искусства, лишь бы достичь желаемого эффекта, не останавливаются и пред фокусом, как это ни унижительно, казалось бы, для священного искусства. Примером такого фокусничества служит Макс с его картиной, изображающей голову Спасителя на полотне. Смотрите вы на этот лик вблизи – глаза закрыты, отойдете – глаза смотрят прямо на нас. Художник подметил у мертвецов явление, называемое некробиозом, когда сквозь покровы век, сделавшихся у мертвеца прозрачными, проступают темные зрачки: на некотором расстоянии глаза и кажутся открытыми. Любуются на это изображение Христово, пока не слышали о некробиозе, и отворачиваются от картины Макса, когда узнают, в чем его секрет. На что художнику понадобилось изобразить лик Христов с глазами мертвеца? А, между тем, есть и у нас на Руси увлекающиеся этой картиной. Один из моих читателей, например, пишет мне (по поводу статьи Ушакова, помещенной в № 96 “Троицкого Слова”), что “условная тень на известной картине Макса не есть фокус, но высокохудожественное воспроизведение великой христианской идеи – плод долгих настойчивых трудов по изучению анатомии человеческого лица. Макс, изображая лик Христа в терновом венце с выражением физического страдания, ярко выражает ту глубокую мысль, что Спаситель и при таких тяжелых обстоятельствах был любвеобильный Бог, Который смотрит на греховное человечество и с любовью зовет его к покаянию и исправлению. За такое тонкое, продуманное выполнение глубокой христианской идеи, нам кажется, художник далеко не заслуживает презрения и порицания. Напротив, подобная картина

светских (?) художников должны быть всячески одобряемы и поощряемы. Их творцы служат великой идее христианства всем талантом своих душ”.

С недоумением читаешь эти строки...

Во-первых, ни я, ни автор рассказа не выражали “презрения и порицания” Макс, как художнику: ведь, г. Макс – не православный художник; он писал свою картину, выходя из мирозерцания западного, не нашего православного. По-своему он, может быть, и прав, да нам-то, православным, позволительно не увлекаться его художеством и видеть в нем только фокус, с нашей точки зрения, профанирующий искусство. Во-вторых, каким образом лик Спасителя с мертвыми глазами, вблизи закрытыми, а вдали открытыми, может ярко выражать глубокую мысль, что “и страждущий Спаситель есть любвеобильный Бог, Который смотрит (закрытыми глазами мертвеца) на греховное человечество и зовет его к покаянию”? Решительно для нас, православных, это непонятно. Если автор письма хочет видеть наше православное выражение этой действительно великой идеи, то пусть посмотрит на лик Христа-Страдальца на иконе В. М. Васнецова, на могиле г. Мина, или на его же картине Распятия. Глаз не оторвешь от этих дивных ликов Господа нашего! Столько в них Божественной любви к грешному человечеству! Видишь в них и страдания пречистой плоти Его, но в тоже время и Божественное величие спокойствия в самых страданиях. А взор – что за чудный, ясный, пламенеющий любовью взор! Когда я, любуясь с чувством благоговения ликом распятого Господа, сказал художнику: “А если бы тут, на ланитах Страдальца, капнуть единою слезинкой”, он ответил мне: “нет, это было бы слишком по-человечески. Он страдает за грехи мира, и слеза собственных личных Его страданий наводила бы мысль о некоем малодушии”..

И тем сильнее возгоралось к душе желание повергнуться в прах к подножию Креста Господня!

Кстати, автор письма обращает мое внимание на то, что над входом в Чудов монастырь висит икона – картина, изображающая Святую Троицу в виде отдельных Ипостасей так, что если смотреть на нее с одной стороны, то виден Бог Отец, если с другой – Бог Сын, а прямо – Дух Святой. “Здесь больше, – говорит автор, – чем на картине Макса, проявлено деланности, выдуманности (какие странные слова!), однако никто не считал эту картину фокусом художника”.

Соглашаюсь, что такие иконы в Православной Церкви неуместны. Это остаток от увлечения западным искусством XVIII века. Следует снять эту икону – и только. Но заслонять ею изображение Макса с его некробиозом, с глазами мертвеца у Спасителя уж никак не подобает... Ошибки прошлого должно исправлять, но вводить новшества, противные не только духу Церкви Православной, но и – думается мне – идее чистаго, не театрального художества, не допускающего обмана чувств и иллюзии, – не следует.

III

Не без чувства скорби приходится говорить и об отступлении от преданий церковных в области другого церковного искусства – пения. В прошлом XIX столетии было время, когда было почти забыто чтение крюковых нот. Итальянщина завладела церковным клиросом. Сначала наши композиторы ограничивались переложением и гармонизацией для многоголосных хоров напевов старых, обиходных. В этом еще не было большого отступления от церковных традиций; это была попытка внести западное искусство в

область техники церковного пения. Но потом стали вносить свое смышление, свои вкусы в это святое искусство, и уже получалась такая отсебятина, особенно в исполнении неумелыми хорами разных любителей, что хоть из Церкви Божией беги вон. Но и этого было мало. Когда сочиняли музыку знатоки музыкальных законов, а исполняли хорошо выдержанные хоры, можно было еще терпеть это вторжение мирского искусства во святая святых, а когда каждый самозванец-регент считал себя вправе заниматься композицией, то дело дошло уже до профанации церковного пения. Раз стою всенощное в столичном храме. Поет часть одного из лучших хоров *Свете тихий*. Прислушиваюсь, мотив будто где-то когда-то слышал, но не в церкви. Обращаюсь к рядом стоящему святителю: “Что-то знакомое, но нецерковное, – говорю. – Ужели не узнаете? – отвечает он. – Слыхали песенку: “Ах, подруженьки, как грустно”

Так, так, припоминаю... Но что же это наконец? Ведь, это профанация, это – кощунство! Говорят, и немало уже переложений в таком роде. Народные, видите ли, напевы! А народ возмущается, когда слышит, что священные песнопения исполняются грешными, по его мнению, напевами его песней.

Говорить ли о так называемых “концертах”, в которых одно и то же слово, одна и та же фраза, повторяется, перекидывается от одного голоса к другому. То ревет бас: *услыши, услыши молитву мою*, то ему вторит дискант или альт, то подхватывает и неистово вопиет весь хор... Пусть простят мне гг. композиторы: когда я слушаю этот рев, это гудение и пискание, мне кажется, что они... ну как бы это помягче выразиться, хотят досадить Господу Богу этими безчинными воплями в святом храме Его! Когда-то, полсотни лет назад, писал в своих дневниках покойный В. И. Аскоченский: “*Достоин еси петь быти гласы преподобными...* Та к преподобными же, Господи, а не звероподобными, неистовыми!..” Прошло с тех пор 50 лет, а певчие по-прежнему, да и еще хуже оскорбляют святыню Божьего храма: стоят задом к иконостасу, ревут, пищат, неистовствуют, а косматый (эта мода пошла по Руси от Рубинштейна: я видел косматаго регента в Новороссийске, – такие же есть и в Петербурге) регент выделяет и руками, и головой, и всем туловищем такие выкрутасы, что дети-школьники, стоящие в передних рядах богомольцев, смотрят на этого “комедианта” и не могут удержаться от смеха. Страшно писать об этом, пение – дело Божие, а о Божьем деле говорит слово Божие: *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением!*.. Пение есть голос сердца: чем же занято сердце этих певцов? В молитвенном пении никакие тонкие знаки нотные не заменят живой души, а ея-то и нет у этих певцов, превращающих себя в мертвый инструмент для вокальной музыки. Слушаешь такое пение, и хочется бежать из этого храма куда-нибудь в монастырь, где поют простым или столбовым напевом простецы монахи, а не то – в убогий сельский храм, где старичок-дьячок один исполняет все песнопения, как ему Бог на сердце положит... Помню, лет 20 назад пришлось мне стоять литургию в глухом уголке Костромской епархии, в убогой сельской церкви. Пел заупокойную обедню один старый причетник, церковь была пуста, ибо был будний день. И я заслушался этого особаго заупокойного напева, который был выполнен – видимо – от души этим старым певцом. Не хоры театрально подготовленных голосов нам нужны, нужно, чтобы душа пела. В старых напевах вылилась святорусская душа наших предков, и вот, когда слышишь эти напевы, то в душе твоей начинают звучать те же струны сердца, Бога любящего, к Богу обращенного, какие звучали в сердцах наших предков. И если одинаково настроенный музыкальный инструмент, когда играют рядом на другом таком же инструменте, сам собою начинает издавать торжественные звуки: то дивно ли, что этот

закон созвучий сердечных проявляется в живых душах. Я – не противник хоров церковных, я – принципиальный противник итальянщины. Не говорю уже о чуждых слуху православному напевах. Даже в некоторых переложениях из наших старых “Обиходов” новые композиторы вносят так много всяких тонкостей, что внимание поющих всецело расходуется на то, чтобы не погрешить в каком-нибудь ничтожнейшем нотном значке: могут ли эти певцы молиться? Да и слушатели, увлекаемые музыкой слов, уже не в состоянии бывают сосредоточить внимание на словах молитвы. А ведь храм Божий, по слову Самого Господа, есть дом молитвы, а не концертный зал.

После этого невольно ставишь вопрос: для чего установлено церковное пение? Как смотрела на него Церковь Божия в веках минувших? Согласно ли с этим традиционным воззрением на пение нынешнее о нем понятие? Не утратилось ли истинное понятие о его назначении?

Пение есть потребность сердца. Слова недостаточно для выражения всех чувств. Пение и есть голос чувства. Отсюда естественный вывод: где нет религиозного чувства, там пение, как бы оно искусно ни было в исполнении всех нотных знаков, не может быть голосом сердца; это будет не живой голос чувства, голос верующей души, а мертвая музыка. В первенствующей Церкви пение нередко являлось импровизацией, как дар Святого Духа. Иоанн Дамаскин записал напевы, в его время существовавшие, эти напевы, как проявление религиозного чувства, возгреваемого Духом Божиим, при их повторении, должны были будить в сердцах верующих это чувство, сокровенное в тайниках верующей души. Напевы являлись как пособие к возбуждению сего чувства. Но если сам поющий оставался хладным, если он не старался возбудить в себе соответствующее церковному песнопению настроение; то и его пение было безжизненно, неспособно возгреть душу молящегося с ним в церкви Божией. Вот почему иногда пение старого дьячка с несильным голосом глубже западает в душу и трогает сердце, чем пение артистического хора по всем правилам искусства. Напрасно думают, будто центр тяжести в идеальном церковном пении лежит в красоте и силе голосов и в искусном выполнении всех нотных знаков: в пении мирском, светском это, может быть, и так, но не в пении церковном. Вот почему пение монастырское, простое, всегда нам, православным русским людям, нравится больше, чем пение мирских хоров. Та м больше поет живая душа, чем в этих хорах.

Та м бывает, что иной певец позволяет себе, под влиянием непосредственного чувства, импровизировать одну-две нотки, и это изменение не только не портит целого, но и придает ему своеобразную красоту. Мне пришлось слышать от благочестивых мирян: “Слыхали мы не раз ваше Троицкое *Преславная днесь* в исполнении разных хоров на концертах, но нигде оно не производило на нас такого сильного впечатления, как в Троицком соборе в Сергиевой Лавре”. Я тоже скажу, что монастырское пение *на подобны* меня всегда глубоко трогает, а когда слышу эти *подобны* в концертном исполнении, то и половины впечатления от них не получаю против того, что в монастыре. Я не враг художественного исполнения церковных песнопений, но мне думается, что концертному пению не место в богослужении, – ему место, если угодно, в концертном зале. Ведь если поступиться принципом и признать, что самое идеальное церковное пение – это концертное, итальянское, то останется один шаг до того, чтобы храм Божий превратился в филармонический зал, а Богослужение – в концерт. Когда я был викарием в Москве, меня пригласили в одну церковь на служение в храмовой праздник. Вся всенощная представляла собою концерт: стихиру пропели только одну, зато в *Свете тихий* выкрикивали гласы неподобными, стиховну опустили, зато *Ныне*

отпущаеши^[24] исполнили по-театральному, канон не читали, зато *Хвалите имя Господне и Отверзу уста* распели по каким-то вычурным нотам. А *Величит душа Моя*, эту чудную песнь, составленную Самою Владычицею мира, пели только начало и конец... Совесть потребовала по возвращении домой вычитать пропущенное. Пытался протестовать – староста ответил, что таково желание прихожан, что если запретить певчим выполнять условленные заранее песнопения, то они покинут клирос и выйдет скандал...

Как видите, и архиерей не в силах один бороться против деспотизма моды. Прибавьте к этому безобразный рев специально приглашенного протодиакона... А в Петербурге нынешней осенью пришлось лаврскому начальству отказать театральному хору в пении литургии Чайковского, потому что в прошлом году храм Божий был осквернен жидями, собравшимися слушать концерт-литургию... Вот до чего доводит извращение в области церковного пения! Что сказали бы наши благочестивые предки, строгие блюстители отеческих преданий, если бы слышали что-либо подобное? Да прислушайтесь и теперь, что говорят простецы-иноки, если спросить их, как они смотрят на концертное пение в храме Божием?

Обращать пение церковное в услаждение только слуха – не подобает. Даже и на спевках следует помнить заповеди Божии: *не приеми имени Господа Бога твоего всуе*, – скажут: ригоризм едва ли уместный! А я думаю, благоговейное отношение к словесам молитвенным, достойное всякого уважения, подражания и похвалы!

IV

Святая Церковь есть живой, бессмертный организм любви, она – тело Христово, Христос ея вечный Глава, каждый из нас, верующих и веру свою делами являющих, есть член сего тела, или, говоря по-ученому, живая клеточка сего организма. И живы мы постольку, поскольку живем в Церкви, живем жизнью Церкви, в неразрывном, живом единении с нею. И каждый верующий и по вере живущий, споспешествуемый благодатию Духа Божия, оживотворяемый общением со Христом в святейшем Таинстве причащения Тела и Крови Его, проявляет в себе жизнедеятельность Главы своей, Господа Иисуса Христа, по реченному Им – *яко без Мене не можете творити ничесоже*. Живя во Христе, в таинственном общении с Ним, он привносит в сокровищницу Церкви все то, что через него и в нем творит Христос. И сия сокровищница, чрез достойных членов Церкви Духом Божиим водимых, постоянно обогащается, а Господь – Глава Церкви во времена благопотребных являет в Церкви Своей избранных Своей благодати, чрез которых и дарует Церкви то, что ей потребно в свое время. Явится ли ересь, лжеучение, Он воздвигает поборников истины православия, которые с силою и властью, от Бога им данную, обличают лжеучения и раскрывают святую истину, и сие становится достоянием сокровищницы церковного предания в назидание грядущим поколениям. Искажается ли само смышлением человеческим слово Божие или апостольское предание, – промыслом Божиим являются в Церкви истолкователи истинного смысла искажаемых мест Писания, самого духа предания. Ослабевает ли вера, оскудевает ли любовь среди христиан, является ли – соответственно тем или другим обстоятельствам времени, состояния общего развития человечества, – потребность облечь истины веры и нравственные правила в одежду внешних действий (обрядить – отсюда – обряд), дабы глубже запечатлеть в душе, нагляднее представить эти истины уму верующих, – посылает Господь мужей мудрых и

святых: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, а в наше время – Филарета Московского, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, и целый сонм подвижников благочестия, которые влагают в сокровищницу Церкви новые и новые дарования Духа Божия во славу Христа – Главы Церкви и в наше спасение. Особенно богаты эти духовные “вклады” в церковную сокровищницу в области церковного богослужения в виде обрядов богослужебных и разных песнопений. Подумать только: ведь древнейшие песнопения имеют свое начало в Церкви небесной; ведь эти песни: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф; аллилуйя; Слава в вышних Богу* – ангельские песни; ведь, первою песнотворицей Нового Завета была Сама Пресвятая Матерь Божия: ведь, это Ея песнь: *Величит душа Моя Господа...* А в церковных песнопениях, в дивно-поэтических формах изображены и все догматы нашей святой веры, и все основы христианской жизнедеятельности с такою художественною полнотою, с такою глубокою проникновенностью, что ни в каких ученых сочинениях этого нельзя сделать. Впрочем, в сокровищнице церковного предания имеется достаточно и научных трудов всех веков и времен: это – писания отцов и учителей Церкви, начиная от мужей апостольских до нашего времени.

Та к собирается в Церкви неоскудеваемое сокровище предания, которое не есть мертвый запас книжного знания, а живой голос присно живущей Церкви Христовой. Все сии созидатели, учителя Церкви, и по отшествии своем к Богу, не умерли для Церкви, а живут в ней, мы входим в живое с ними общение чрез молитву и святейшее Таинство Евхаристии, и они всегда готовы откликнуться на нашу молитву, явлением Божией силы и молитвою за нас пред Богом; они беседуют с нами чрез оставленные нам в наследие свои писания. И как мы счастливы, что именно в наши скудные верою времена святые Божии как бы живые восстают среди нас в знамениях и чудесах многих, защищая сим истину Православия нашей матери-Церкви, ободряя нашу немощную веру, являя к нам любовь свою и призывая нас к единению с Церковью, на небесах торжествующею, в любви неумирающей. О, если бы мы знали, что значит жить в Церкви, быть в живом непрестанном общении с небесною Церковью, – если бы знали, какое это счастье, какое блаженство еще здесь на земле! Ведь, это – предвкушение вечного райского блаженства, это, по выражению Иоанна Дамаскина, величайшаго поэта церковного – иного жития вечного начало!

Увы, погрузившись в суету сует, мы совсем забыли об этом счастье, сердце наше тоскует по нем, жаждет его, а мы думаем утолить эту жажду-тоску из кладенцев сокрушенных, гоняясь за призраками земного счастья, которое всякий понимает по-своему, но достигнув которого все одинаково и непременно разочаровываются и снова начинают страдать муками Тантала. А ведь истинное-то счастье так близко: прииди и виждь! Вкусите и видите, яко благ Господь!

Как бы я был счастлив, если бы мой читатель спросил меня: с чего же начать, чтобы найти верный путь к этому счастью – блаженству? С радостию ответил бы я ему: начни с очищения своей совести Таинством покаяния, соединишь с Господом в Таинстве Причащения и начни жить в Церкви, во смирении исполняя заповеди Господни под руководством матери-Церкви. Если доселе ты питался рожцами современной литературы, то теперь понудь себя читать духовные книги. Если привык каждый день отравлять себя чтением газет не христианского направления, то совсем брось их: это, действительно, отравляющая, медленно, но верно убивающая духовную жизнь в православной душе. Оттого и чувствует себя человек духовно разбитым, оттого и падает в нем энергия духовной жизни,

нарушается мир души, наступает расслабление, что яд холодного, безсердечного, пропитанного адскою гордынею и презорством отношения ко всем и ко всему, что дорого верующей душе, – этот яд каждый день незаметно, капля по капле, вливается иудействующими газетами в сердце читателя и разрушает жизнь духа. Вот – одна из причин такого множества самоубийств в наше безотрадное время! Душа голодает, а ее питают отравленными рожцами – пищею свиней! (Лк. 15, 16). Как не прийти в отчаяние! А между тем – противоядие под руками: это – духовная литература. Возьмите, понудьте себя прочитать хотя одну маленькую книжечку святителя-затворника Феофана: “Что нужно покаявшемуся”, и пред вами раскроется другой мир, тот мир, к которому бессознательно, инстинктивно стремится ваша богоподобная душа. Вот признание одной верующей души, из среды образованного общества, касательно чтения духовных книг: “Еще в гимназии приобретаю привычку к чтению мы глотаем русские и иностранные романы, следим за периодической печатью читаем “толстые” журналы и т. д. Всецело поглощенные этим светским чтением мы даже и не подозреваем, мимо каких сокровищ мы проходим, не замечаем их. Спросите образованного человека, кто такой был Феофан-затворник. Конечно, скажут: не знаю, да и не интересуюсь этим – вероятно монах какой-нибудь. И очень может быть, что я первая именно так ответила бы лет 7 тому назад. А спросите – кто были Ренан, Вольтер или Ницше, Бебель... другой иностранный писатель – вам без запинки ответят, кто они такие и чем знамениты.

Я нарочно выбрала имя епископа Феофана, 28 лет проведенного в затворе, как пример нежелания образованная общества узнать что-нибудь об ученойшем человеке, нежелания знать о нем потому, что его жизнь была всецело посвящена не земному, а небесному, потому что весь свой труд и себя самого посвятил он на служение Богу. Будь это человек светский, принеси он такую жертву для светской науки или искусства, или для общественного дела, про него прокричали бы на весь мир, но раз ученый (а он был, действительно, ученый) посвятил свой труд, свое время безраздельно Господу Богу, то мы про него не знаем, да и знать не хотим. И еще он наш, русский – и не известен нам, а иностранцев, заслуживающих и меньшего внимания, знать мы обязаны всенепременно, своих же, столь замечательных, и знать не знаем. И если не случайность какая-нибудь натолкнет на чтение сочинений подобных писателей – так и умрешь, не подозревая, мимо каких великих людей ты прошел, не обратив на них ни малейшего внимания. Говорю это по опыту.

Добрые люди натолкнули меня на чтение духовных книг, когда я была в сильном горе, когда душа отказывалась от всякого утешения, и этим открыли мне целый неведомый мир...

Какое богатство неисчерпаемое открылось предо мною! Какая глубина содержания, сколько утешительных истин! Я с рвением принялась за эти книги”.

Назвав несколько имен духовных писателей, автор продолжает: “Какое у них знание сердца человеческого! Какой дар проникать в глубину вашей души!..

Они читают ваши мысли, – вопросы, на которые вы нигде не находили ответа – они разрешают легко и понятно, у них все так ясно и просто, вся душа человека для них как бы открыта, это истинные знатоки души человеческой, истинные мудрецы. Но – *мир их не позна*.

Чем больше я знакомилась с этим чтением, чем больше находила в нем отрады и чем большим проникалась уважением к нему, тем чаще в душе моей возникало обидное, досадное чувство: зачем же я не знала всего этого раньше? Зачем нас не познакомили с

духовной литературой в гимназии? Столько в ней чудных истин, так много глубоких мыслей, столько интересного вообще; это истинно духовная пища. Зачем же лишают нас этого истинного света?” (см. “Отклики на жизнь”, № 2, стр. 30–31).

Что сказать на этот скорбный вопль русской православной души? Попробуйте войти в наши законосочинительные палаты, попробуйте обратиться к нашим министрам с проектом: ввести церковную литературу, чтение отцов и учителей Церкви в наши средние учебные заведения. Да вас сочтут ненормальным человеком. Вот мифологию греков и римлян, похождения прелюбодея Зевса и разных богинь – это надо знать нашим “образованным” (по чьему только образу и подобию?) людям, а жития святых, а их духовные писания – да на что им? Они ведь не в монахи готовятся! Можно бы сказать: но, ведь, они и не язычники древней Эллады? Та м – поэзия. Но могут ли греко-римские мифы сравниться с той чудной поэзией не измышленных, а живых образов, какую мы находим в житиях святых? Могут ли лучшие произведения поэтов не только древних, но и всех веков превзойти наши церковные песнопения, особенно на великие праздники, наипаче же на святую Пасху? Увы, всего этого сокровища лишено наше юношество, не знает его наше по-язычески образованное общество, с пренебрежением относятся к нему так называемые передовые люди! А еще называют себя христианами... Невольно вспоминается грозное слово Имеющего семь духов Божиих и семь звезд: *ты носишь имя будто жив, но ты мертв...* (Откр. 3, 1).

Говорить ли о том, что чины, обряды и уставы богослужебные в православной Церкви являются наилучшею школою в деле воспитания чувства идеально-прекрасного? Напоминать ли меткое слово почившего Херсонского святителя Никанора, что наше Богослужение в его обрядовой стороне заменяет для нас благороднейший театр, притом возвышающий не только ум и сердце к Богу, но и дающий полное удовлетворение чувству красоты!

И все эти сокровища в нашей православной Церкви, в ее живом предании, и мимо всего этого проходят наши якобы православные интеллигенты, мало сказать: проходят, иные позволяют себе кощунствовать над этою святыней, поступая в сем случае непростительнее язычников...

А ведь если бы смирились, если бы захотели познать все это, то какую небесную, неотъемлемую радость, какое счастье нашли бы в этом познании! Я знаю одного англичанина, знатока России, раз десять посещавшего ее, изучившего наше Богослужение так, как не многие из иереев его изучают: это известный Бирбек – друг России. Он всегда восхищается красотой наших обрядов и говорит, что ничего подобного он не видел ни у себя в англиканской церкви, ни у католиков. Если так могущественно действует наша обрядность на иностранца, на неправославного человека: то как же она должна действовать на душу православного? Не напрасно же один учитель Церкви сказал: прекраснее нашей литургии мы что-нибудь увидим только на небе.

И все это, конечно, потому, что наше сокровище, в продолжении многих веков бережно хранимое и мудро преумножаемое, не есть какой-либо музей древностей, а сама жизнь Церкви, воздействующая на души верующих непрерывным благодатным общением с теми, кто уходя на небо, оставил нам крепкое завещание:

Те м же убо, братие, стойте и держите предания, имже научистеся словом или посланием нашим.

Мои дневники о церковных преданиях вызвали один отклик, на который в свою очередь полезным считаю тоже отозваться. Читатель (или читательница: отклик не подписан) пишет, что насколько порадовался он заглавию статьи, настолько разочаровался в ее содержании. Он ожидал, что я буду говорить о том, что сохранилось как священное предание Церкви, как то, что приемлется Церковью как восполнение Священного Писания, но что отвергается сектантами и еретиками. Может быть, он, мой читатель, ожидал от меня целого исследования о церковном священном предании, о его важности, его истории, его, так сказать, – составе, внутреннем содержании... Откровенно сознаюсь: такой труд был бы мне не по силам. Да едва ли он был бы по силам и вообще – одному лицу, разве при одном условии, если он отдаст целую жизнь свою, будет вооружен всеми историческими и научными знаниями. Но и при этом условии он мог бы дать не исследование, а разве только краткий, сжатый очерк сего предмета, наметить пути, поставить вехи и программы для других исследований. Мои статьи названы дневниками и в самом деле суть только наброски дневника, размышления, притом же и писанные мною в постели, во время болезни, как и эти строки пишу в вагоне, на пути в мою Вологду... Посему и прошу моих читателей быть ко мне снисходительнее. Мне думается, что всякая добрая мысль, всякое правдивое и от души сказанное слово во славу и на пользу Церкви Божией в наше время, когда больших ученых сочинений, если они и есть, не имеют терпения читать, а довольствуются летучей печатью (газетами и журналами), а эти издания могут ли заронить в доброй душе доброе семечко и принести некий плод? Вот я и пишу, что Бог мне положит на душу. Пришло мне на мысль изложить на примерах – так сказать психологию церковных преданий, как я ее понимаю, я и набросал свои дневники. А читателям моим спасибо за то, что читают и откликаются. И если иной раз побранят не беда: лишь бы это была ревность о Бозе, а не от немирного приражения, как и я иных обличаю, не по злобе, а по любви к матери-Церкви, глубоко скорбя ее скорбями, болея сердцем о немощных моих собратях. Вот и теперь хочу набросать дневничок в дополнение к тому, что уже писал раньше.

Наши предки любили Богу молиться. Лет двести назад даже бояре, тогдашняя наша интеллигенция считала зазорным делом ходить на зрелища, которые на тогдашнем языке и назывались “позорищем”; за то и в будни долгом почитали посещать службы Божии, а не быть в церкви в праздники почитали великим грехом.

Подолгу молились и дома, для чего имели не только в каждой комнате благолепно украшенные иконы, но и особые моленные, где горели неугасимые лампы. Входя в дом, прежде, чем приветствовать хозяина, обращались к иконам, творили крестное знамение и воздавали им поклонение, а потом уже обращались к хозяину. Выходя утром, в первый раз, из дома, молились на все четыре стороны, молились, садясь за стол, выходя из-за стола; ограждали себя крестным знаменем пред началом и по окончании всякого житейского занятия. Чувствовалось, что православный русский человек, но библейскому выражению, *ходит перед Богом*. То ли теперь? Много ли найдете “бояр”, у коих был бы в доме особый уголок для молитвы? Зазирает ли их совесть, когда они даже под праздники, даже во дни Великого Поста просиживают в театрах? Многих ли мы видим из них – не говорю уже об утрени, а хотя бы у всенощной? А если и бывают, то ищут какую-нибудь домовую церковь, где служба Божия идет, как можно – покороче-покороче! Входят вы в их роскошные палаты – дворцы, ищете глазами святую икону, видите художественные картины, ландшафты, портреты в роскошных рамах, даже обнаженные статуи, но святых икон нет... Только после долгих поисков увидите, наконец, иногда уже по указанию

сконфуженной (и за то слава Богу: сознание вины не погасло!) хозяйки, в уголке, где-нибудь под карнизом двухвершковый образок – как-будто жалующийся вам: “Смотри, как меня стыдятся обитатели сего дома, именующие себя православными христианами”. Та к гаснут церковные традиции в домашней жизни современной русской интеллигенции. Да и одной-ли интеллигенции? От души призовешь Божие благословение на того крестьянина-извозчика, который, проезжая мимо храма Божия, осеняет себя крестным знамением. Увы! Что таить грех? Ныне и священники уже далеко не все свято блюдут этот благочестивый обычай. Да и этот-ли только? Так, давно ли на Руси свято исполнялся трогательный поэтический обычай на Пасху дарить друг другу красные яйца? Сколько радости доставляло это яичко детям! Да и сердцу взрослого оно так много говорило! Это – символ нашего воскресения, нашего искупления кровию Христовою, нашей радости, ожидающей нас в жизни будущего века. Напоминало оно и о том восторге, с каким Магдалина и вообще первые христиане несли миру весть о спасении мира воскресением Христовым... А ныне – увы – и этот святой обычай свято блюдется разве в деревенской глуши, а в городах о нем забывают! Забывают даже сами пастыри Церкви, считая как бы за ничто, за мелочь, не заслуживающую заботливого их внимания, и являются на поздравление к нам, архипастырям, без этого символа пасхальной радости... Добре ли сие творят? То не важно, другое – мелочь, а предание, а поэзия церковной жизни улетает... А на место ее тоже незаметно врывается что-то чуждое церковного духа, что-то мирское, я сказал бы – мещански-пошрое...

С болью сердца видишь в столицах батюшек, даже украшенных золотыми крестами, подстриженных в скобу, с подстриженною же бородою, в накрахмаленных воротничках и манжетах, с раздушенными белыми платочками... А за столицами тянется и провинция... И так хочется спросить их: отцы и братия, к чему это? Зачем? Или вы тайком от паствы своей театры посещаете? Или думаете кому-то понравиться? Но прочитайте вот в “Новом Времени”, что пишет – не строгий церковник, а известный либерал писатель В. В. Розанов о подобных вам модниках-батюшках: как он стыдит их! Видно, и на этого, еще не со всем утратившего в этом отношении духа русских церковных традиций мыслителя, ваши воротнички и манжеты, ваши подстриженные волосы и бороды производят отталкивающее впечатление... Что же думает о вас простой русский человек? Какое гнетущее впечатление ложится на его душу, на его совесть, которая воспрещает ему судить вас, а вы сами соблазните его, вызываете его на это осуждение! Ведь не может же он безразлично относиться к тому, что так претит его православной душе... Как он, в таком настроении скорби за нарушение вами церковных традиций, в смущении совести за осуждение вас, пойдет к вам же на исповедь? Помню, как однажды бойкая светская барыня, в вагоне железной дороги, пыталась убедить одного доброго иерея Божия в том, что ходить в театры и священникам не грех. Слушал батюшка ее либеральные глаголы, а когда она закончила свои излияния словес, вздохнул и кротко сказал ей: “А скажите мне, милостивая государыня, – извините, не знаю, как звать вас, – скажите мне но совести, по чистой совести (он подчеркнул эти слова): к какому батюшке вы скорее пойдете на исповедь: к тому ли, который, как вам известно, ходит иногда – украдкой, конечно, – в театр, или к тому, который считает это неприличным для себя?” Подумала барыня полминуты, опустила голову и как-то сконфуженно сказала: “Сказать правду: я предпочла бы последняго”. – “Вот то-то же и есть, милостивая государыня: сами по совести, значит, согласны со мною, а стало быть, напрасно и слова терять нам не стоит в споре. По совести, по совести будем рассуждать, и хорошо будет!” – То же и о воротничках, то же и

о манжетах, и о подстриженных волосах и бороде: в глазах тех, кто еще не совершенно утратил традиционно православных взглядов на все это, вы, честные отцы, только теряете, – ох, как теряете! И на исповедь к вам пойдут разве из-за нужды, когда не будет близко вот такого батюшки-простеца, который блюдет свою совесть и в отношении к таким “пустякам”, к которым вы относитесь так пренебрежительно. А те господа, которые трунят над нашими “космами”, которые одобрительно улыбаются вам, как “передовым батюшкам”, на исповедь к вам – поверьте – не пойдут уже потому, что считают ее старым пережитком, предрассудком, да и вас-то в душе не только не уважают, а смотрят на вас иногда, как... на жалких авгуров! В наше время вы им нужны только как рясоносцы, как орудие соблазна для народа, как своего рода “авторитет”, при посредстве коего можно скорее увлечь в их политику верующих людей. А снимите вы рясы и вас выбросят за борт, как ненужную вещь, как выжатый лимон, как выбросили, отвернулись и забыли этих – Петрова, Семенова, Огнева и прочих. Вот куда зрят те пути, на кои вы так неосторожно, незаметно для себя отклоняетесь, отцы, изменяя традициям церковности нашего православного Русского народа!

Я сказал, что истинно православный человек ходит пред Богом. Это прекрасное выражение, примененное в Библии, между прочим, в отношении к праведному Еноху, взятому живым на небо, самую идею сего выражения православный гений русского народного духа потщался воплотить в своем бытовом укладе, в мелочах своей жизни, в церковной обрядности, в домашних благочестивых обычаях, и все это благословила мать-Церковь, или – привнесением молитвенных чинопоследований своих (см. книгу “Требник”), или безмолвным усвоением добрых обычаев своими пастырями Церкви. Нигде не писано, никакими древними правилами не указано, чтобы, например, входя в дом молиться пред иконами, проходя мимо храма осенять себя крестным знамением, начиная постройку, ставить крест у здания и т. п.; но добрые пастыри сами выполняют эти благочестивые обычаи и учат им православных. И добре делают. Чем чаще вспоминает человек о Боге, тем меньше грешит. И не потому ли наши интеллигенты прячут в своих жилищах святые иконы под карнизы потолков, заставляют их растениями, чтобы эти иконы не пробуждали в их совести мысли о Боге вездесущем и всеведущем, и не стесняли их в грешных беседах и делах? Ведь, бывает же, что в присутствии духовного лица миряне как-то невольно сдерживают себя и чувствуют себя, наоборот, свободнее, когда батюшка уйдет? Бедные, несчастные люди! Они похожи на тех шалунов школьников, которые ждут – не дождутся, когда уйдет от них “начальство”, их воспитатели и наставники, чтобы предаться своим шалостям, которые обычно до добра не доводят. А ведь как ни прячь святые иконы – от Бога-то всевидящего и всеведущего никуда не укроешься. Та к не лучше ли, не разумнее ли было бы вместе с царем Давидом говорить себе: буду зреть Господа предо мною всегда, чтобы твердо стать на Божьем пути!

Знаю, мне скажут, что уклоняться от обычая предков их побуждает вовсе не желание как бы укрыться от Бога-Сердцеведа... Та к что же побуждает вас к сему, братья мои, добрая чада Церкви-матери? Вы молчите? Та к “принято?” Но я не понимаю этого слова... От кого принято? Кто передал вам это? Чье это предание? Во всяком случае – не ваши предки благочестивые, не мать ваша – Церковь... Я скажу вам, от кого пошло это предание. Первые стали стыдиться святых икон люди, в вере православной поколебавшиеся, подпавшие под влияние неправославных иностранцев-лютеран и баптистов. Сии сектанты, отделившиеся от своей латинской церкви, косо смотрели на наши святые иконы, которые они считают идолами; заметили это наши интеллигенты и

стали подальше ставить иконы, как бы оберегая святыню от оскорбления, а на самом деле, угождая своим гостям, – инославцам. А эти последние или лучше – их духовные предки, их учителя вроде Лютера и Меланхтона, находились в свое время, как это теперь документально доказано, под влиянием злейших врагов Христа – масонов... Вот и подумайте, откуда пошло это новое “предание”, это – “так принято” у наших интеллигентов. Можно ли, позволительно ли православному человеку следовать такому “преданию?” А ведь это, как видите, самое настоящее предание, имеющее и у нас уже и двухвековую давность и настолько же твердо укрепившееся в среде многих, именующих себя православными, что я почел бы себя счастливым, если бы узнал, что хоть один из моих читателей, следующих этому антицерковному обычаю, имел мужество, да, мужество – не в сокровенной части своего дома, не в спальне, а в парадных комнатах поставить достаточно видные киоты со святыми иконами и возжечь перед ними неугасимые лампы – вот хоть бы так, как мы видим это еще во многих благочестивых семьях купеческих и простонародных... Увы, боюсь, что не найду такого мужества!..

Та к вот, о чем хотелось мне и на сей раз поговорить. И я надеюсь, что читатели не будут слишком ко мне строги, не будут порицать меня, что я говорю о “мелочах”. Думаю, что и в будущем, если Бог поможет мне продолжить свои беседы – дневники, не раз еще придется писать на ту же тему. Эта тема не исчерпаема. Любить предания, создавшиеся на почве церковности, значит любить мать-Церковь, их благословляющую, значит быть в живом общении с благочестивыми нашими предками, значит жить их жизнью, продолжать их жизнь, а следовательно, и созидать жизнь своего народа, своей Святой Руси.

Трудовые щепочки

Современное человечество хвалится прогрессом, культурой, цивилизацией, а между тем постоянно слышатся жалобы, что тяжело жить в центрах этой культуры, этой цивилизации: в нравственном отношении едва ли человечество идет вперед, но крайней мере душою отдыхаешь не тогда, когда бываешь в среде этих культурных, просвещенных в высшей степени корректных и деликатных, но холодных сердцем людей, а когда перенесешься мыслю к своим простецам-зырянам или алеутам и колошам отдаленной Аляски. Среди этих некультурных детей природы скорее можно встретить людей, которые, восприяв простым детским сердцем Христово учение, становятся истинными детьми Божиими. Мне припоминается рассказ одного московского купца из жизни покойного Митрополита Московского Иннокентия. Святитель обедал у этого купца, церковного старосты, после освящения церкви. В числе гостей было немало и почетного духовенства. Святитель вспоминал свое давнее прошлое, свою жизнь на Алеутских островах. Все с большим вниманием слушали его рассказы о далекой, неведомой стране, об обитающих там народностях. Один протоиерей спросил владыку: “А каковы были ваши колоши, владыко?” “Да получше меня и получше тебя”, – ответил простец Митрополит. Ученому протоиерею не понравился такой ответ, и он замолчал. Это не скрылось от старца святителя, и он сказал ему: “Может быть, тебе не понравилось такое сравнение? Та к послушай, что я тебе расскажу. Раз, когда я был еще попом, приходит ко мне поздно вечером издалика один колош исповедываться. Ночь была темная, когда я отпустил его, и на дворе были уже спущены собаки. Чтобы оборониться от них, колош взял у меня в сенях метельник (насадку от метлы). Прошло часа два – слышу: кто-то стучится. Окликаю – это мой колош! Спрашиваю: “что тебе? “ – “Да вот, бачка: я взял у тебя палку отмахнуться от собак, возьми ее назад!” – “Да Бог с тобой, – говорю, – иди с Богом, давно бы уже был дома”. – “Нельзя, бачка: я взял – тебя не спросил, велишь – так возьму. – “Возьми, возьми, она тебе пригодится, видишь, говорю: глухая полночь”. Колош мой успокоился и пошел домой с моим метельником. – “Ну, вот”, заключил полушутя покойный архипастырь – согласись, брат: мы с тобой так ведь не сделали бы?”

Я вспомнил этот рассказ о простеце-колоше потому, что недавно получил из далекой Аляски следующее письмо:

“Ваше преосвященство, милостивый архипастырь! Благоволите и принять и прочесть сие письмо.

Всякому мила своя сторона, любит и нищий свое хламовище. Не чужд и я своей родной стороны.

Мои прихожане по просьбе моей собрали, при великой нищете и скудости своей, на построение храма в Бар-граде святителю Христову Николаю, на приют Царицы Небесной в Петербурге и на голодающих в те губернии, где голод заставил пастыря послать своих детей вечером просить хлеба. Посылаем на имя ваше для передачи: на построение храма в Бар-граде 15 долларов, на приют – 5 долларов и на нуждающихся в пропитании 5 долларов, а всего 25 долларов. Благоволите напечатать о сей жертве хотя в “Приходском Чтении”, не упоминая моего имени, душевно не желаю быть означенным, а нужно отпечатать потому, что на Аляске есть священнослужители с более состоятельными приходами, чем наш приход, это – первое, а второе – мои алеуты православные, но еще

яко младенцы, сосущие млеко: попадет это чтение в руки алеутов – кто знает? – может быть, и еще соберут, а главное, алеуты очень дорожат святительским, хотя и заочным, благословением. Они часто спрашивают: поступает ли наша жертва на дело, на которое мы даем? Я им говорю: вашу посильную жертву Господь милостиво принимает. Но они возражают: не остается ли она в руках нашего пастыря?.. В течение трех лет я замечаю, что посылаем мы собранные на какое-либо богоугодное дело жертвы, а о получении их на месте ответа не получаем.

Вам, может быть, покажется странным, что деньги эти собраны – щепками которыми просвещенные американские, а иногда, по их примеру, и русские купцы платят алеутам и эскимосам за их труды. Напилит, например, алеут или эскимос сажень дров для купца, купец берет щепку, пишет на ней стоимость работ и платит этой щепкой работнику. Теми же щепками платят и за дорогие бобровые, и другие меха. Редко поблагороднее – пишут чек на толстой сахарной оберточной бумаге. С этой щепкой или лоскутком бумаги идет алеут (а нередко случалось ходить и мне) к тому же купцу в лавку брать провизию в семь раз дороже других лавок: волей-неволей берешь мешок муки в 50 ф. за 9 или 10 долларов (18–20 р.). Вот такими-то щепками и собраны прилагаемые 25 долларов, причем, конечно, я влагаю американские кредитки, выменяв их на щепки.

Наш архипастырь как-то выразился, что алеуты вымирают. Еще бы не вымирать, когда они по полгода и более хлеба не видят, питаются сушеной рыбой, морскими червями и разного рода чудовищами. Стоит посмотреть на их пищу, как и у тебя станет на желудке боль... Казалось бы: улучшить быт этих полудиких народцев – прямой долг американцев, но они смотрят на них, как на рабов. Много вымирает алеутов и эскимосов от спаивания водкой (виской), чем также усердно занимаются культурные американцы и японцы без зазрения совести”...

Согласно желанию автора, не привожу его подписи и адреса. Я уведомил его о получении 25 долларов письмом, в коем писал, между прочим: “Глубоко тронуло меня усердие в простоте верующих душ тех алеутов, которых некогда так любил в Бозе почивший благодетель мой, московский митрополит Иннокентий. Храни и благослови Господи, яко сокровище безценное, эти Богу преданные души! Их щепочки в очах Божиих дороже крупных пожертвований, приносимых добрыми богатыми людьми от избытков их, как лепта евангельской вдовицы была дороже всех сокровищ храма Иерусалимского. А для меня получение такой жертвы на Божьи дела – сущий праздник: душа моя возрадовалась, что слышат меня добрые души и в далеких странах Великого океана!

Пишете, о. N., о тяжелой доле пасомых ваших: верьте, что если их сердца способны откликаться вот так на добрые дела, то они много счастливее тех сытых и богатых интеллигентов, которые мнят себя людьми просвещенными и себя считают господами, а их – рабами... Ведь царствие-то Божие – в добрых верующих сердцах!

Скажите им, что я, грешный архиерей, призываю на всех их Божие благословение. Верую, что святитель Христов Николай чудотворец, на храм коему они принесли свои трудовые щепочки, благословит их с высоты небесной и сторицею воздаст им за их любовь к нему и во имя его – к тем странникам, которые приходят на поклонение его святым мощам. Верую, что и Господь, рекший пречистыми устами Своими: что сделали вы единому из сих братий Моих меньших – Мне сделали, – Он милосердый и утешит их утешением райским, и благословит их благами земными... Еп. Никон”.

Может быть, кто-либо, прочитав эти строки, подумает, а может быть, и другим скажет: “Стоит-ли писать в журнале о таких мелочах? В наше гуманное время жертвуют сотнями

тысяч на дела просвещения, на помощь голодающим, на больницы, богадельни... Прочитайте в газетах, сколько собрано на “белый цветок”, на “колос ржи”... А то – собрали алеуты каких-то 25 долларов на добрые дела и кричат о них на весь свет!”..

Жертвуют... жертвуют и на театры, на народные дома, народные университеты... Мало ли еще на что жертвуют! Увы, лучше бы не жертвовали! И язычники-идолопоклонники делали добро и притом такое, которое привлекало к ним спасающую Божию благодать: вспомните Корнилия-сотника и других, ему подобных. И это их добро, как видите из книги Деяний Апостольских, имело свою цену в очах Божиих, но цену лишь относительную, и для спасения им необходимо было войти в лоно Церкви Христовой и стать ее живыми членами – так, чтобы в них и чрез них действовал Христос. А тому, кто именует себя христианином, да еще православным, как будто и стыдно стоять в оценке добра ниже Корнилия-сотника, который, творя добро по мере сил и умения, не забывал и Бога призывать в молитвах своих. Оттого и сказано ему: *молитвы твоя и милостыни твоя въздыша на память пред Бога* (Деян. 10, 4). Судите сами: можно ли сказать это о тех “жертвах”, какия собираются нашими интеллигентами не во имя Христа, а во имя туманного гуманизма, не под сению животворящаго креста, а под сению “белого или синяго цветка, колоса ржи” и подобных сему эмблем? Привлекут ли эти жертвы благодать спасающую к жертвователям, стыдящимся знамения нашего спасения – креста Христова? Можно ли сказать и о тех “пожертвованиях”, которыя приносятся с целию, недостойной христианина; не грешно ли верующему во Христа строить дома зрелищ, дома увеселений, развлечений?.. Не позволяет моя совесть назвать и “народные университеты” добрым христианским делом, ибо кто же не знает, для чего они устрояются и что там народу читается? Нельзя истинному христианину измерять ценность доброделания и мерою утилитарною: с этою мерою Римская церковь дошла до иезуитизма, до индульгенций... Богу нужно наше сердце: *сыне*, глаголет Он: *даждь Ми твое сердце!* Нужно, чтобы добро шло от сердца, чтобы мысль о нем лежала у сердца (отсюда – усердие), чтоб оно исходило от любящаго, милующаго сердца (отсюда – милосердие), было совершено безкорыстно, чисто от всякаго себялюбиваго побуждения. – *Та к Христос велел, так Он заповедал!* – вот единственно-непогрешимое побуждение, единственно верная мера ценности благотворения. А как Христос заповедал? *Да не увести шуйца, что творит десница твоя.* Делай добро и тотчас же забывай, что его сделал: делай и говори: я тут не при чем – это Бог так устроил. Бог послал случай, средства, силы, добрую мысль, доброго человека, который мне подсказал это: делай и благодари Бога, что тебе поручил это дело, тебе помог, тебя осчастливил быть Его рукою в доброделании.

И благо тому, у кого этот закон доброделания лежит у его сердца, в самом сердце, как дыхание жизни, как биение этого сердца!

Но ужели так и не имеет никакой цены то добро, которое творится по другим побуждениям, помимо этого закона?

У Бога ничто не останется без награды. Кто чего ищет, тот и получает. Делают люди добро из тщеславия: и их прославляют за то. Делают из корысти: они и достигают цели своей. Земное добро на земле же и вознаграждается. *Восприял еси благая в животе твоём*, сказано в притче богатому Авраамом. *Восприял*: получил в уплату, значит, было кое-какое добро, за которое и уплачено ему в земной жизни. Но на небе уже не жди он вечной награды. Но имеет ли для христианина какое-либо значение, какую-нибудь ценность земное благо, если оно не открывает пути к вечному небесному блаженству?..

Не велики крупницы добра, соделанного во имя Христово младенцами веры – алеутами, но они – безценныя жемчужины в очах Божиих. Может быть, и значительныя суммы, собранныя на голодающих или жертвуемыя на дела просвещения нашими интеллигентами, но без Христа и креста, это – грошовыя бусы, коими играют и потешаются дети...

И с утешением можно отметить, что такая крупница добра еще есть в нашей церковно-народной жизни, еще блещет – то тут, то там, как дорогие бриллианты, сверкая в мусоре житейской суеты, и как бываешь рад, когда заметишь хоть одну такую искорку благодати Божией, светящуюся в русской православной душе!..

Оскудение духовной жизни

Еще царственный пророк Давид жаловался в свое время, что оскудел преподобный. Но после пришествия в мир Христа Спасителя, когда расцвела полным цветом Церковь Божия, пустыни наполнились преподобными, а из пустынь духовная жизнь проникла и в города, и были такие благословенные грады, в которых насчитывали тысячи монашествующих, добрым подвигом подвизавшихся и своею жизнью прославлявших Господа. Таков был некогда в Верхнем Египте город Оксиринос, развалины коего открыты в недавнее время. В наше грешное время приходится опять повторять жалобу царя Давида: *оскуде преподобный!*.. Монастырей еще много на святой Руси, немало и черноризцев, но – оскуде преподобный, ослабела жизнь монашествующих. Настоятели жалуются: некого постричь, посвятить во диакона, во иеромонаха; архиереи жалуются: некого поставить в настоятели – хоть закрывай монастыри!..

Удивляться нечему. Монахи ведь приходят в монастыри из того же мира, а каков ныне мир – всем нам хорошо известно. В последние годы будто пронесся по Русской земле какой-то ураган неверия, безбожия, всякаго отрицания; люди перестают уважать всякий авторитет: будут ли они признавать авторитет Церкви, да еще православной, которая и всегда-то была, по сравнению святителя Димитрия Ростовского – *яко крин в тернии*: всегда в скорбях, в принижении, если не в полном пренебрежении в глазах мира сего лукаваго и прелюбодейнаго. Над нею сбывалось и всегда слово Господа: *в мире скорбни будете, – якоже Мене изгнаша, и вас ижденут...* Сказал Господь о последних временах: будет пред Его пришествием проповедано Евангелие царствия по всей вселенной, но Он же сказал, что когда придет Он на землю судить живых и мертвых, то едва обрящет веру на земли... Значит: много будет христиан по имени, но мало – очень мало на деле. На наших глазах оскудевает вера в среде верующих, гаснет духовная жизнь, утрачивается самое понятие о сей жизни, и притом, что особенно горько отметить: не только у мирян, живущих почти исключительно жизнью плотскою и душевною, но и у духовных лиц, у нашего пастырства, и не только у белого духовенства, но и у самих монашествующих, этих – так сказать по идее присяжных носителей идеала духовной жизни... Конечно, и всегда среди монашествующих были немощи – пороки пьянства, рабства плоти, сребролюбия; конечно, и ныне в святых обителях наших есть истинные подвижники – семя свято, но, к сожалению, ныне к прежним немощам присоединился еще какой-то дух противления, дух самости, безграничного честолюбия, своеволия, который обуял обитающих в монастырях... Даже самое подвижничество получило какой-то своеобразный характер: есть носящие вериги, но зараженные духом гордыни; есть постники, но одержимые нестерпимым самомнением; есть строгие к себе, но и беспощадные к другим... В последнее время появляются в обителях личности, кои дают повод подозревать их в сектантстве, в хлыстовщине, одной из самых губительных, антихристианских сект... Отвергнув смирение, как основное начало духовной жизни, увлекшись внешним подвигом, такие неразумные “делатели” монашеской жизни попадают в сети вражды, в духовную прелесть, начинают надмеваться высоким о себе мнением, самозванно выступают на поприще учительства и гибнут сами, увлекают в погибель с собою и других, особенно же доверяющих им себя мирян. И среди мирян являются самочинные подвижники: все чаще слышишь о разных “братцах”, о

“юродивых”, о “блаженных”, которые или бродят по градам и весям и лето и зиму босые, косматые, без шапок, или же вьют себе гнездо у “благодетелей”: благо немало еще на Руси людей в Бога верующих... И одни из таких подвижников-самочинцев, покинув путь самоотвержения и смиренного богоугождения, льстят и обманывают добрых людей сознательно, наживая деньги, другие, сами находясь в прелести, влекут за собою и мирян в пропасть погибельную, в хлыстовщину и сродныя с нею секты. В жизни духа есть закон, в силу коего “Божие”, то есть благодатное состояние, “о себе”, само собою “приидет, тебе не ощущающему, но аще будет место чисто, а не скверно”, а такие самочинные подвижники не хотят знать этого закона и, не заботясь об очищении “места”, то-есть сердца от страстей, дерзновенно стремятся вторгнуться в ту область духа, которая для них еще не может быть, без вреда для них, открыта, и за такое дерзновение взойти в чертог брачный без одежды брачной, бывают оставляемы благодатию Христовою и становятся посмешищем врага Божия – диавола. Овладев их воображением, враг внушает им все, что ведет к их гибели: делает их якобы прозорливыми, обольщает видениями и ложными мечтаниями, они читают мысли людей, с ними беседующих, отвечают на вопросы, какие им еще только хотят предложить, поднимаются даже на воздух во время молитв, испытывают якобы благодатныя, на самом же деле психофизиологическия состояния и пр. Я знавал таких несчастных: вразумить их чрезвычайно трудно и без особенной благодатной помощи Божией невозможно. Это – одержимые злым духом, духом пытливости (Деян. 15, 16), помешанные на своей святости, и вот что замечательно: Божиим попущением враг, издеваясь над таковыми, нередко ввергает их в страсти безчестия: они сочиняют для себя и своих последователей особую теорию, оправдывающую даже неестественный разврат... Вот почему такие святоши крайне опасны. Вот почему надо предостерегать от их влияния народ, который они увлекают еще и проповедью трезвости, воздержания от мяса, табака, зрелищ, даже от законного супружеского сожития. Измученный невзгодами жизни, пьянством и другими грубыми пороками простой народ охотно идет к ним в сети: ведь они толкуют о святом слове Божиим, о доброй трезвой жизни, они якобы помогают пьяницам избавиться от погибельной страсти... Несчастные люди не могут разобраться в том, с кем имеют дело. Тысячами идут к этим прельщенным...

Та к на наших глазах зарождаются самая опасная секты – мистическая. С течением времени они, объединяясь около одного-двух имен своих вождей, начинают организовываться, выяснять основные положения своего упования, и, не встречая должных обличений со стороны Православия, крепнут в своем лжеучении. Та к на наших глазах появилась и секта киселевцев. Ее основатели воспользовались досточтимым именем отца Иоанна Кронштадтского, благоговейною любовью к нему народа, и теперь раскинули свои сети по всей России: одних книгонош имеют они до 5000 человек, которые распространяют их литературу, а с нею и лжеучение. Дело, по-видимому, началось с того, что простые люди, искренно чтившие отца Иоанна, читая его дневники, преисполненные духовной мудрости, во многих местах описывавшие высокия духовныя переживания облагодатствованнаго состояния (на что указывает самое заглавие сих дневников: “Моя жизнь во Христе”), неправильно поняли эти места, стали по-своему их перетолковывать, неправильно прилагать к своей личной жизни, и вот, в их понимании явилось ложное представление об отце Иоанне, как человеке, в котором обитает Божество, как о Христе Спасителе. Отсюда один шаг до хлыстовщины, до обожения человека. А в таких случаях является потребность приспособить к их теории и толкование текста

Священного Писания, и всю историю первобытной Церкви. Отсюда и лжебогородицы, и лжеапостолы, и лжепророки... Увлечь темную массу не трудно: ведь наш простой народ – младенец в делах веры: иная баба не умеет отличить Пресвятую Троицу от Пресвятой Богородицы. А имя отца Иоанна, как известного молитвенника и чудотворца, слишком авторитетно в глазах русских верующих людей. Раз лжеучение прикрыто им – дается полная вера лжеучителю.

И вот нашлись люди с сожженной совестью, которые решили использовать это явление в религиозной жизни нашего народа с корыстной целью. И корысть тут была двоякая: ревнителем веры, чуть не пророком прослыть, а затем уж и капитал легко нажить. Благо во главу стали люди коммерческие. Они сумели найти себе помощников из людей того же нравственного ценза, но более или менее интеллигентных, владеющих пером в достаточной степени, чтобы и брошюры писать, и в газетах вести пропаганду своего дела, и, если понадобится, бумаги сочинять по адресу разных учреждений. Ведь стоило приискать в писаниях отца Иоанна несколько мест, где он говорит о благодатном общении с Господом в Таинстве Причащения, чтобы люди, фанатически преданные отцу Иоанну, сделали из них свои выводы, а затем уже, как по наклонной плоскости, дошли и до богохульных ересей в духе хлыстовщины. Само собою разумеется, интеллигентные руководители новой секты лично сами готовы отречься от конечных выводов этих ересей. А невежды продолжали в сердце безграмотной и полуграмотной массы искажать даже и то, что неправильно было понято в сочинениях отца Иоанна и – должно сказать истину – не без участия самого отца лжи – сатаны – дошли до учений самых нетерпимых: например, что дети, рожденные от законного брака, – бесенята, и их следует растаптывать до смерти и т. п. Это удостоверено в моей епархии официальными документами относительно известного лжеучителя, уже умершего Курепина. Не может быть, чтобы руководители ереси ничего об этом не знали, но им было выгодно молчать об этом, и они молчали. А когда говорили им о том, чему учат их единомышленники, они самым решительным образом все отрицали. И теперь отрицают.

Пока таким образом шло брожение, в котором как бы намечалась организация секты, это явление было замечено теми, кто стремится всю мировую историю направить по своему пути. Я говорю о врагах человечества, о врагах Церкви – масонах и их руководителях – иудеях. Они решили использовать новое сектантское брожение для своих целей. На первый раз решено не раскрывать в печати всего того вреда, который грозит Церкви от так называемого “иоаннитства”. И вся печать, находящаяся под командой иудеев, молчит... А когда признает нужным, то говорит о киселевцах покровительственно. Не молчат только немногие органы правой печати, вроде “Колокола”, который и без того подвергается оплеванию всей левою печатью за свою ревность о пользах Церкви. А киселевцы успели обзавестись своим печатным органом, который стал в непримиримое отношение к высшей церковной власти и ее представителям. Номера не выходит без того, чтобы этот киселевский орган не издевался над Святейшим Синодом и обер-прокурором его В. К. Саблером, над теми миссионерами, которые смело принялись за разоблачение новой секты и ее тайн. Понятно, как все это радует злейших врагов Церкви – масонов и иудеев. Иногда приходит мысль: уже не эти ли закулисные друзья киселевцев подсказали им так усердно распространять мысль о близкой кончине мира? Ведь, сектанты понимают Второе пришествие Господа не в том смысле, как понимаем его мы, православные: у них дается всему свое толкование, подобное тому, какое существует у адвентистов-еретиков. А это так выгодно для иудеев.

К сожалению, мы, православные, все еще не решаемся поверить в несомненный факт, что эта новая явно хлыстовская секта руководится иезуитским правилом: цель оправдывает средства. Для ее последователей ложь, обман, клевета, клятвопреступление, всякое притворство – все не только позволительно, но и в некоторых случаях прямо обязательно. “Никому не смей открывать наших тайн: ни отцу, ни матери, ни даже своему духовному отцу”, – вот, между прочим, одно из правил их жизни и деятельности. И как широко они им пользуются! Страшно становится, когда подумаешь, что их уличный листок читают простые люди, которые верят всякой печатной строке! Отвратительно читать их явно злостные беспощадные, безсовестные клеветы на обер-прокурора, на миссионеров и всех, кто становится им поперек дороги в обмане простого народа. Ведь они прикрывают себя одеждою ревностных защитников веры православной, родной Русскому народу Церкви; они стараются убедить народ, будто на их стороне даже некоторые святители; они особенно подчеркивают свое мнимое благочестие, не жалеют денег даже на построение храма в Воронцовской женской обители, где свили себе гнездо. Последователи секты киселевцев, как и другие хлысты, часто ходят в церковь, говеют, причащаются Христовых Таин, соблюдают посты и, что особенно характерно для всякой хлыстовщины – учат воздерживаться от мяса, хотя пока не ставят это еще непременным требованием, а лишь в качестве их идеала. Они осуждают курение табака, посещение зрелищ – словом, во всем стараются показать свое благочестие. И тут же рядом – крайне пренебрежительное отношение к церковной власти, прямое над нею издевательство... Сейчас, например, подали мне последний номер их “Грозы”, в котором Святейший Синод называется “увядшим розаном, который совсем-де выдохся”, и газета ехидно изволит шутить: “Не собирается ли старичок умирать?” И это о высшей церковной власти! Дозволит ли себе это верный сын Церкви, православный человек?

Я уже сказал, что в мистических сектах, а в том числе и в киселевщине, проявляется какая-то страстная склонность к разврату. Явление это с точки зрения аскетизма совершенно естественное. Зараженные гордынею, такие люди сами лишают себя Божией благодати, охраняющей человека, и впадают в страсти плотския. И чем более они стремятся к настроениям якобы духовным, тем ближе к ним эта опасность. Этому прямо содействует то возбужденное, экзальтированное состояние, в какое приводят себя искусственно хлысты так называемыми радениями, и которое они считают якобы благодатным. Есть признаки, что и киселевцы уже начинают прибегать к чему-то в роде радений. Если, помилуй Бог, эта прелесть распространится в массе народной, то можно ожидать чего-либо в роде “подгорновщины”, “иннокентиевщины” и подобного безумия. Вот почему весьма желательно не останавливаться на полпути, а разоблачить нарождающуюся ересь во всей ее наготе, дабы предостеречь простой народ от увлечения ею...

Все, что я здесь сказал, невольно побуждает нас, пастырей Церкви, задуматься и спросить себя: кто больше виновен в самой возможности таких уродливых явлений, как иоаннитство, киселевщина, да и вообще все эти секты, не только мистические, но и рационалистические? Народ, нами пасомый, или мы, их пастыри? Не говорит ли нам совесть наша, что если волки врываются в стадо и расхищают его, то значит, пастыри спят, или плохо стерегут вверенное им стадо? Ведь, если наши пасомые равнодушно относятся к разным лжеучениям, то значит, в них еще жива душа, созданная по образу Божию, она ощущает духовную жажду, ищет, чем ее утолить, а мы, хранители вод благодатных, мы идем ли навстречу сим душам жаждущим? Готовы ли утолять их жажду?

Да и сами-то – утоляем ли свою собственную жажду? Или уж наши души так и не ощущают ея? Ужели мы так погрузились в суету сует, что забываем о едином на потребу – не только для нас самих, но и для пасомых наших?..

И грозно раздается в совести нашей слово древняго пророка Божия Иезекииля: “Так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли самих себя! Вы ели тук и волною одевались, а стада не пасли, слабых не укрепляли, больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали... И рассеялись они без пастыря, и рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому. Блуждают овцы Мои по всем горам, и никто не разведывает о них, и никто не ищет их. Посему, пастыри, послушайте слово Господне. “Живу Я! говорит Господь Бог: вот Я – на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их!..” (Иез. 34, 1–10). Господи! Не вниди в суд с нами, грешными! Аще бо беззакония назриши – кто постоит?

Страничка из современного патерика

I

Хотите ли, добрые читатели мои, отдохнуть душой, перенестись в иной мир, грешному миру неведомый?.. Или думаете, что это уже стало на Руси невозможно, что этот мир уже отлетел в область преданий и легенд, в которых ныне больше видят поэзии, чем действительной жизни, больше назидательных примыслов, чем действительных фактов?.. Было бы великим несчастьем для нас, для нашего народа, если бы было это так. Это значило бы, что история нашего Отечества кончилась, что приговор Божественной правды над нами уже произнесен, что мы исключены из той книги жизни, в которой пишется перстом Божиим история домостроительства спасения рода человеческого, и записаны в ту книгу смерти, в которой едва заметными штрихами видны имена когда-то великих народов Азии, Африки и Европы: имена египтян, ассириян, финикиян, вавилонян, имена древних эллинов и римлян, все те имена, носители которых давно исчезли с лица земли или же их потомки едва влачат свое жалкое в сравнении с великим их прошлым существование...

Слава Богу: это – не так! Еще жива наша русская православная душа. Еще искрятся кое-где искорки Божии, есть кое-где неведомые смиренные рабы Божии, молитвами которых и мир стоит! Кто читал мою книжку “Чем жива наша русская православная душа”, тот знает, что как ни узок кругозор моих наблюдений, но и мне Бог привел на своем веку видеть воочию таких Божиих рабов, видеть дивные явления Божия Промысла и живой веры русских людей, живущих в недрах родной Церкви Православной, смиренно текущих путем Божиим и паче всех добродетелей украшающих себя красотой ангельского смирения. То правда, что ныне не то, что было во дни оны древние, на старой Руси; ныне не составишь большого патерика из сказаний о современных подвижниках, но и то должно сказать: ведь, о наших-то временах и есть пророчество у святых отцов, что последние монахи будут спасаться больше всего смирением, и те из них, которые спасутся, превзойдут великих чудотворцев древних времен... Оттого-то и не видны они, эти современные нам рабы Божии, что вся жизнь их сокровенна со Христом в Боге, что почитая себя отребием мира, последними грешниками, они тщательно прячутся от взоров людских, и только разве святая дружба, взаимность молитвы да любовь к собратиям иногда в конце их жизни приоткрывают завесу смирения, покрывающую их внутреннего человека.

И удивительное дело: как вот в житиях святых повествуется, что таких рабов Божиих считали как бы отбросами общества, не обращали на них никакого внимания иногда относились к ним даже презрительно, поносили и обижали их неповинно, так и на сих рабов Божиих, смиренно Богу работающих в наши дни, никто не обращает внимания, считают их как бы едва терпимыми: “Ну – что! Даром хлеб ест! Напрасно келью занимает!” А что он первый является в храм Божий к утрени, становится в отдаленном уголке, выстаивает, никем незамечаемый, все службы Божии, внимая церковному чтению

и пению – этого никто не замечает: ведь, на то и монах, чтобы в церковь ходить да Богу молиться! Еще бы он этого не делал!..

Почти тридцать лет прожил я в обители преподобного Сергия и видел таких, и знал их, и любовался именно их смирением. О них даже и сказать много-то нечего: их внешняя жизнь слишком однообразна: все дни, как один, молитва, труд послушания – вот и все... Изредка заметишь, как иной с такою любовью отнесется к скорбящему собрату, с такою нежностью скажет слово вразумления юноше-послушнику, а затем будто и опять уйдет в самого себя, и снова труд и молитва, молитва и труд... А для иного и в церковь-то пойти при его глубокой старости и недугах его, уже великий труд. Помню старичка, дедушку Гордия: ползет, бывало, в храм Божий во всякую непогоду в два часа утра и весь день проводит в храме Божиим. Отстоит утреню – стоит раннюю литургию у преподобного Никона; затем там же и пригреется на чугунных плитах пола, согреваемых духовою печью, – и отдохнет, а затем стоит – молится за поздней литургией, бредет в трапезу, но там не обедает, а берет с собою хлебца да кувшинчик квасу и идет под монастырскую ограду, к своей коечке (там была для таких старичков богадельня). Отдохнет, а к вечеру уже опять в церкви, от вечерни пройдет к Зосиме и Савватию – ко всенощной, а там спешит к великомученице Варваре на правило... И снова к своей коечке на покой... Та к текла его труженическая жизнь в последние лет десять-пятнадцать в нашей обители. Ста шести лет отошел он ко Господу, только за три-четыре дня прекратив хождение к службам Божиим. Помнил он и 1812-й год, но не любил пускаться в воспоминания: все молитвою Иисусовой занимался. И она так действовала в его чистом детском сердце, что даже во сне он двигал устами, повторяя ее. Об его умиленном состоянии свидетельствовали его детские, светлые очи, всегда орошенные слезами.

Вот еще старец-простец, отец Маркелл страннопитатель.

Вся его жизнь была воплощением заповеди о труде и смирении, о любви и молитве в простоте сердца. Грамоты он не знал, а между тем был один из тех рабов Божиих, которые часто представляют истинную закваску евангельской притчи в той среде, в какой живут: незаметно, но неотразимо они своим личным примером воздействуют на окружающих и, сами того не подозревая, делают великое дело; они воспитывают этих, постоянно с ними соприкасающихся людей для Царствия Божия. Много лет трудился он в обители преподобного Сергия и все на одном послушании – в странноприимной палате. Каждый день можно было видеть его в Троицком соборе Лавры у заутрени, а еще раньше за тихим братским молебном, который ежедневно совершается о здравии братии и благодетелей у гроба чудотворца Сергия: около шестопсалмия он зажигает свой фонарик из лампады от мощей Преподобного и идет в монастырскую кухню, чтобы от этого огня затопить печь для приготовления пищи, и целый день с утра до ночи проводит в труде, всеми силами стараясь успокоить странников, которых он так ласково-приветливо величал “рабами Божиими”, “дорогими гостями преподобного Сергия”. Начальство монастырское было спокойно за это столь важное послушание: отец Маркелл всякого сумеет приласкать, всякого накормит и успокоит... И так изо дня в день, в продолжение лет тридцати, в молитве и трудах, в трудах и молитве прошла вся жизнь отца Маркелла. Беззаветный послушник, безответный труженик по мере сил, он на своем немаловажном послушании делал свое дело так, как дай Бог делать всякому, кто к чему приставлен. В странную посылают обычно новоначальных для послушания: для таких отец Маркелл был добрым старцем-руководителем, хотя никто его в этом смысле старцем и не называл. Кто проходил послушание в странной, тот с любовью вспоминает его доброе, благодущное

обхождение, но вспоминает и то, что он много воли не давал своим послушникам: умел и смирить, и вразумить. Отца Маркелла знали многие, и странники и шли к нему, как к родному. В продолжении нескольких лет я каждый праздник сам раздавал свои “Троицкие листки” в странней и всегда любовался этим простецом – радушным гостеприимцем, истинным учеником преподобного Сергия. Смотри на него, невольно думалось: вот бы побольше таких иноков в наших обителях: как бы хорошо жилось в монастыре! Что до того, что отец Маркелл был неграмотный мужичок? Он послужил преподобному Сергию побольше многих-многих из нас, грамотеев. На таких иноках воочию мы видим ту истину, что не ученье, не так называемое образование воспитывают в человеке образ Божий, а простота и незлобие, смирение и чистота сердца делают истинным мудрецом. И такие-то мудрецы не от мира сего сколько света и добра разливают вокруг себя! Такие иноки живо напоминают нам тех простецов, что собрались когда-то к преподобному Сергию в его смиренную пустыню и подвизались с ним в посте и молитве, в трудах и смирении... Отрадно бывает и помолиться за такого покойника: сердце верует, что преподобный Сергей упокоит в небесной своей обители того, кто в простоте сердца смиренно потрудился в его земной обители, потрудился особенно в исполнении его святого завета, начертанного в хартии на древних его иконах: *страннолюбия не забывают*. И как отрадно было бы, если бы о таких рабах Божиих по смерти их не молчали: авось их пример заставит задуматься иного и много ученого грамотея над истинным смыслом жизни христианской, над тем, для чего мы живем на этом свете и что нужно нам припасти на тот свет?.. Кто знает? Может быть, иному читателю и придет благая мысль: ведь вот такие-то простецы и войдут впереди меня в Царство Небесное... Им дано немного, но они сумели малое приумножить при помощи благодати Божией, а мне дано больше – с меня больше и взыщется. И смиритса гордая мысль, и легче вздохнет грешная душа...

Отец Маркелл скончался 2 февраля 1898 года.

Не забуду я и монаха Григория, который несколько лет лежал без ног в старой богадельне, которая была под оградой Лавры. Когда-то проходил он послушание в Троицком соборе при записи в синодик и продавал книги. Когда его ноги отказались ему служить, ему пришлось лежать все время в постели; не часто перевязывали ему раны на ногах, и он терпел свою болезнь так благодушно, что, бывало, идешь к нему не для того, чтоб его утешить, а чтобы себе от него получить утешение: такой он был всегда жизнерадостный! Часто посещал его покойный отец Варнава, гефсиманский старец.

Встает предо мною милый “старчик” отец Иоиль, заштатный игумен. В его молодости повторилась, говорят, история Павла Препростаго: застав свою молодую жену в грехе с приятелем, он, недолго думая, сбежал на Афон, постригся там, а впоследствии, по приглашению знаменитого Иннокентия Херсонского, был настоятелем в одном из возстановленных им монастырей в Крыму... Помню, как он пришел в больницу последний раз, пред смертью своей.

– Ну вот, – говорит, – и на мою капусту мороз пришел: покажите койку – умирать пришел!.. – Пособоровался, причастился Святых Таин и чрез несколько дней Богу душу отдал. Его духовные дети свидетельствовали потом, что он всю жизнь со дня пострижения носил власяницу и сохранил себя в совершенной чистоте, ни разу не испытал и во сне так называемого искушения.

Рассказывают, что с ним было одно поразительное событие: раз одно высокопоставленное властное лицо так на него разгневалось, что вышло из себя, бранило его, топало ногами... Вдруг отец Иоиль падает в обморок... Полагали, что старец

перепугался от гнева начальника, а в самом деле было так, как поведал о сем сам он в назидание своим духовным деткам: он внезапно увидел позади того властного лица ангела Божия с огненным мечом и от страха упал... А то лицо на другой же день скончалось внезапно...

II

А вот передо мною небольшая рукописная тетрадка, особенно поучительная для нашего грешного времени. Надписана она в старинном, так сказать, стиле: “Блаженная кончина 86-летнего старца Божия, повара великия Лавры Сергиевы, схимонаха Исаака”.

Хорошо я знал этого старца; почти тридцать лет жили мы так близко, почти в одном корпусе: он внизу, я вверху. И ничего подвижнического я в нем не замечал. Та к себе: простой, добрый, не без некоей немощи, но не помню я, что бы он когда-нибудь кого-нибудь осудил. Но вот пришла старость, и в нем как-то незаметно произошла перемена: он стал вдумчивее, внимательнее к себе... Но едва ли кто из собратий мог предполагать, что пошлет ему Господь такую кончину, какую описывает упомянутая тетрадка. Вот ее содержание:

“Месяца за два до смерти старец, по крайней слабости ног, перестал ходить в церковь. А до сего времени был великий любитель служб церковных. Удивительно было, что в таком преклонном возрасте он нимало не ослабел ни памятью, ни умом. Наизусть читал он молитвы, псалмы, ирмосы. Больше всего любил он повторять слова: “Господи! Ты премудростию Твоею создал меня от чрева матери моея. Господи! Ты вся веси: прошедшее мое, настоящее и будущее, и в книзе Твоей еще и несодеянная мною написана Тебе суть. Тебе известны, Господи, все мои грехи: прости меня!..”

И когда он читал молитвы, то часто ограждал уста свои крестным знамением: “А то, – говорил он, – враг не дает выговаривать”.

Святых Христовых Таин причащался часто, а за последнее время чуть не каждый день. Пищи принимал самую малость, в последние дни – из рук служителя. Недели за две до своей кончины он находился в каком-то удивительном настроении духа – настроении покаяния и непрестанной молитвы. Дней за пять до кончины он пришел в какое-то восхищение ума, пребывал в каком-то созерцании, с кем-то беседовал, к кому-то простирали руки. В день своего ангела, 28 января, призывал преподобного Исаака Сирина и просил навестить его.

За три дня до кончины, в два часа ночи, подзывает он к себе служащего ему монаха Даниила, и говорит:

– Не знаю, отец Даниил, воображение ли мое представило мне от болезни, или то было истинное видение: сейчас я в раю был.

– Хорошо там, батюшка? – спросил Даниил.

– О, несказанно хорошо! – ответил старец.

– А ты будешь в раю? – спросил в простоте о. Даниил.

– Это еще неизвестно, – сказал старец, – определения еще не было, я ведь еще жив.

Чрез час опять подзывает отец Даниила и говорит:

– Отец Даниил, сейчас я в аду был и видел все мучения.

– Что, батюшка: страшно там?

– О, ужасно, – сказал старец. Потом взял себя за волосы и говорит:

– Та м вот так-то рвут на себе волосы и все стонут. Прошел еще час и снова подзывает старец Даниила и говорит:

– Господа Саваофа видел. Еще чрез час опять говорит:

– На страшном суде Божиим был.

– Что же, батюшка: какое определение о тебе?

– Это будет по смерти, – сказал старец, – ведь я еще не умер. Потом говорит:

– Все эти видения, отец Даниил, от Бога ли были или от болезненного состояния – Бог весть, а я не знаю. И хочешь – говори о них, по смерти моей, кому, хочешь – не говори – дело твое.

После этого старец находился в каком-то тревожном состоянии, крепко молился, простирали руки и призывал своего ангела по монашеству: “Преподобне отче Исаакие, что же ты оставил меня в такой страшный час? Прииди ко мне, посети меня, утешь меня!”

Утром уже подзвал старец отец Даниила и говорит:

– Что же мне делать? Я очень грешен!

– Ничего, батюшка, – успокаивал его отец Даниил – Господь милосерд.

– Я знаю, что Он милосерд, – сказал со стенанием старец, – да там-то Он будет правосуден, будет судить каждого по делом его.

Отец Даниил стал напоминать ему слова священного Писания: “Господь чрез пророка сказал: *хотением не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему*. Господь и на землю пришел – не праведники, а грешники спасти. А святой Апостол Павел про себя говорит: *от нихже первый есмь аз*”.

Потом старец сказал:

– Отец Даниил, я очень грешен, и грехи меня смущают; бывал я и на исповеди, но всего высказать никак не мог: то время не позволяет, то духовника бы не смутить и не задержать, то боишься, как бы наружу не вышло: так все и утаивал. Теперь слушай ты, и я буду исповедывать тебе. В Святом Писании сказано: исповедайте друг другу согрешения.

И начал старец исповедывать грехи свои от семилетнего возраста, перебрал всю свою жизнь, говорил целый час, а отец Даниил все время стоял и слушал.

Потом видит старец, что отец Даниил за эту ночь утомился, отпустил его, и сам успокоился. Ночь провел спокойно, молился, воздевал руки и часто повторял: “Это все определение Божие”. Раз отец Даниил спросил:

– Батюшка, для чего ты поднимаешь руки? – Старец ответил:

– В это время я воображаю, что предстою суду Божию.

В ночь пред кончиной, в 2 часа, призывает он наскоро о. Даниила и говорит:

– Что мне делать? Я умираю... Кому мне молиться? Видимо, старец был в искушении от духа уныния.

– Молись Божией Матери, – отвечал ему отец Даниил: – Она наша Заступница и в час смертный скорая Помощница.

– Да как молиться-то?

– Просто, призывай только Ея имя: “Матерь Божия, Матерь Божия, Матерь Божия!”

Потом старец был на каком-то невидимом истязании и прении: он говорил вслух: “Лжешь ты: прости! Знаю, что я грешен, но Сын Божий пролил кровь Свою Божественную за мои грехи”.

И опять скажет: “Лжешь ты: прости!”

Как будто диавол приводил его в отчаяние. Это прение продолжалось долго. Потом отец Исаак возымел какое-то дерзновение на диавола и, читая молитву *Да воскреснет Бог*,

когда доходил до слов: *так о да погнбнут бсн от лнца лубящнх Бога н знаменующнхся крстным знаменнм... снлою во ад Снедшаго н Поправшаго снлу днаволу*, произноснл этн слова с такнм дерзновеннм, что даже плсвал в лсвую сторону, как будто на самнх бснх; потом оградл крстным знаменнм уста, глаза, ушн, вссго сбя н даже стсны ксльн.

Утром 2-го фсвраля (1911 г.), в послсдннй днь свосй жнзнн, в 6 часов лжал с прстсртымн рукамн мннут 20 н дышал отрадн. По его желанню, отсц Даннлл подл ему трн лжсчкн святон воднцы с антндором.

Во время позднсй лнтургнн старсц подозвал отсца Даннлла н говорнт:

– Вндншь: сам князь тьмы со вссм полчнщсм обступнлн мсн, пастн разннулн, готovy пожрать мсн, но я нх н боюсь: Иисус Хрнстос, Сын Божнй пострадал за мсн, умер н воскрес, н снднт одсдную Отсца.

И опятъ повторнл свос лубнмoe слово: “Это всс опрсдслсннс Божнс”.

Послс сего язык у нсго прнтупнлся н нсльзя было разобратъ слова. В 3 часа днл попроснл ещс святон водн трн лжсчкн. В 5 часов всчсра отсц Даннлл подосл к его постслн, а он длет знак, что жслат прнчастнться св. Хрнстовых Таин. Отсц Ннфонт, смотрнтсль, он жс н духовннк, спаснбо ему, ссйчас жс начал прнготовляться. В половннс 6-го прнчастнлн, хоросшо проглотнл н запнл, н болъшс ужс нчсго н говорнл.

Тут прншл н я, описавшнй сню кончнну нсромонах Порфнрнй. Случнлось так: смнсллся я от гроба прсподобнаго Ссргнл, прншл в кслью, н что-то понуднло мснл нттн к отсцу Исааку. Прнхожу, а отсц Даннлл н говорнт мнс: “Сам Бог тсбя прнслал, смотрн-ка, старсц-то умнрает”.

Смотрю – лжнт он нсдвнжнмо, тнхо дышнт, глаза хотъ н открыты, но потсмнслн. Хотсл было я прочнтать отходную, но трсбннка тут н нашлось, да н подумал: вероятн, ужс чнталн ему н оदन раз. Взял я нкону, которою некогда благословнл его намсстннк Лавры архнмандрнт Антоннй прн его пострнжсннн н осснл ею умнрающаго, а он стал дышать тншс н рсжс, а потом н соссм прсстал, отдав душу в рукн ангсльскнх н дух свосй Богу, от Нсго жс н прнл нсго... Правый глаз он сам закрыл, а лсвый закрыл ему я, на всчнну мнс памятъ...

Уднвлл нас днвнал, святотсчсскл кончнна ссго старца потому нмснно, что всс мы знлнл его жнзнъ, знлнл его слабую сторону, н вдруг – кончнна правсдннчсскл показлл нам, что под эту “чумнкой” крылась глубокал духовнал мудрость, внутрсннл молнтва, крспкал вера н горячл лубовъ ко Господу. В послсдннс днн жнзнн он мог дажс чнстым умом богословствовать, созсрцать таину Прссвятой Тронцы н постнгатъ Божню премудрость в дслах Божсскнх н чсловчсскнх. Однажды остановнлся он внманнсм на словах Священнаго Пнсаннл: *Премудрость созда ссбс дом н утвердн столпов ссдмъ*. Послс глубокаго размышлсннл, он спроснл мснл.

– Ты поннмалсшь лн, что такое ссдмъ столпов?

Я говорю: ссмъ столпов естъ ссмъ таинств цсрковных н ссмъ всслснскнх соборов, которнмн стонт н утверждастс православнал вера.

Старсц остллся доволен отсвом, потом всплснул рукамн н опятъ сказл:

– Премудрость созда ссбс дом н утвердн столпов ссдмъ!..

И этн слова произноснл он в каком-то самоуглублсннн н с какою-то особсннну лубовнню ко Господу. Вндно было, что он поннмал всю сущность в этнх словах.

Спрашнвал я нногда старцсв общнм вопросом: что бы это знчнло, какл святость открылась у отсца Исаака прсд смсртню? Некоторыс говорнлн, что покаяннс всс можст

сделать, а отец Исаак, действительно, в последнее время, день и ночь находился в покаянии. Другие говорили: стало быть, были у отца Исаака добрые задатки в душе: ведь он полагал начало в Оптиной пустыни. Для спасения всего нужнее смирение. А он был очень смирен сердцем.

В житиях святых читаем, как преподобный Агафон, подвизавшийся в Египетском скиту, пред смертью своею три дня лежал с открытыми глазами, предстоя душою пред судилищем Христовым. Нечто подобное повторилось и с нашим отцом Исааком. Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки. Аминь.

Скончался старец в Сретение Господне в 7 часов вечера.

Воистину – *ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром!*..

Та к кончается тетрадка.

Не правда ли: когда читаешь подобныя сказания, то кажется, будто переносишься в иной мир, во времена давно минувшия? А между тем – это самая современная действительность... Отец Исаак скончался в прошлом 1911 году. Значит, еще не погасли искорки той таинственной жизни, какою жива была наша старая Русь. А если так, то нельзя терять надежды на то, что и для современной Руси возможно спасение.

Вопрос только в том: в чем это спасение?

Дело миссии – дело пастырей

Мое обращение к пастырям Вологодской епархии

(Вместо резолюции на журнале съезда духовенства)

Четыре месяца лежал предо мною журнал съезда духовенства о мерах борьбы с сектантством; не раз я перечитывал его. И каждый раз так мне становилось грустно, что перо выпадало из рук, и я отлагал резолюцию до завтра... Казалось бы, написать одно слово: “утверждается”, и конец. Но совесть архиерея говорила: это значит – только формально очистить бумагу и забыть живое дело. Мне больно было читать эти строки: “Священники, при своих многосложных обязанностях не имея времени и возможности отдавать себя миссионерской деятельности, как например, епархиальный и окружной миссионеры, должны иметь при себе достаточно подготовленных и деятельных помощников”...

Вдуматься только: “Священники не имеют времени и возможности отдавать себя миссионерской деятельности”... Да разве идет речь об обращении язычников, к их стаду не принадлежащих? Ведь по духу Христова учения пастыри должны и сих овец вводить во двор Христов, но речь идет об овцах их же стада, о бывших их же прихожанах, о борьбе с расколом и сектами в пределах их же приходов! Волки врываются в их стадо, а пастыри говорят: “Не имеем времени и возможности отдавать себя миссионерской деятельности”, то есть не имеем времени вступать в борьбу с этими волками, отбивать у них похищенных и похищаемых ими словесных овец нашего стада! Простите мне, отцы и братия: в моей совести, при чтении сих строк прозвучали слова Господа нашего Иисуса Христа: *а наемник бежит, яко наемник есть и нерадит о овцах...* Правда, вы еще не бежите с приходов: но вы уклоняетесь от прямой обязанности вашей – не только оберегать овец от волков, не только с ревностью апостольских преемников обличать этих волков, но и душу свою полагать за овец: *пастырь добрый душу свою полагает за овцы!* Слава Богу: мы живем не в языческой стране: нам как служителям Христовым не грозит еще опасность для жизни, много-много, если иной отступник от веры станет поносить нас или причинит какой-либо вред нашему имуществу. Но мне думается, что и сего вы не боитесь: вы уклоняетесь от труда “самостоятельно изучить сектантство” по рекомендованным вам пособиям; вы боитесь непривычки вступать в открытое состязание с этими “волками” – сектантами; вы сознаете свою неподготовленность к таким состязаниям; вам хотелось бы – что грех таить? – как-нибудь сложить тяготу борьбы с сектами на других – на миссионеров, на их помощников, впрочем, таких же священников, как вы – приходских, которые так же (кроме двух епархиальных) обременены “многосложными обязанностями” и так же, если бы не их добрая воля, могли бы, если бы, подобно вам, пожелали, сложить с себя нелегкое бремя миссионерства. Нет, не так, отцы и братия! Священник и есть первый миссионер в своем приходе; хочет ли он, или не хочет, но он должен – слышите? – обязан долгом, самым служением своим зорко следить за появлением в среде его паствы всякой пропаганды раскола, сектантства, политического распутства, безбожия и всяческой духовной смуты. Пастырь Церкви должен помнить, что грехи мысли судятся строже, чем грехи воли: вот почему Церковь еретиков от себя отлучает, отсекает, как неисцельно больных, как зараженных духовно-смертоносною

язвою, а простых грешников терпит, ожидая их покаяния. Вот почему надо наипаче беречь чад Божиих от заражения ересями, особенно в наше грешное время, когда дана свобода всяким ересям открыто исповедывать свое упование, когда они эту свободу поняли как свободу пропаганды своего лжеучения, а мирская власть еще не установила точно тех рамок, в каких должна действовать свобода. Зло ересей, сектантства и раскола вреднее, душепагубнее пьянства, распутства и других пороков воли, поработенной греху. Как ни странно это кажется, но вспомните слова Христа Спасителя фарисеям и книжникам, этим представителям тогдашней гордой интеллигенции, изобретателям всех тонкостей талмудистических ересей: *аминь глаголю вам, яко мытари и прелюбодее варяют вы* – впереди вас войдут в царствие Божие! (Мф. 21, 31).

Согласен, что нужно иметь священнику достаточно подготовленных и деятельных помощников в деле миссии. Один в поле не воин. И журнал съезда намечает таких помощников в лице диаконов и даже псаломщиков и некоторых грамотных религиозно настроенных прихожан. Казалось бы, вот и прекрасно; так возьмитесь же за дело, приготовляйте сами себе таких помощников, работайте с ними сами, ведь и самим вам нужно основательно изучить это дело, ведь вам же придется и руководить своими помощниками. Дружными усилиями сей Божьей дружины – Бог даст – и будут рассеяны козни врагов Церкви Божией в пределах ваших приходов. Но вы говорите: “Сию подготовку, как специально миссионерскую, так и общеобразовательную, эти помощники должны получать на особых миссионерских курсах”. Опять как будто все дело хотите вы сложить на плечи миссионеров, как будто сами-то вы так уж ничего и не можете сделать. Но во-первых, ведь для этого пришлось бы, по меньшей мере, в каждом уезде устраивать такие курсы, а у нас ведь только два миссионера на всю епархию; во-вторых, на эти курсы нужны особые средства, а у нас их нет, и съезд не озаботился изыскать их; в-третьих, вы знаете лучше меня состав наших псаломщиков и много ли среди них найдется способных на это великое дело. Пока мы собираемся таким образом организовать миссию по приходам, враг свое дело будет делать...

Опыт говорит, что всякое благое начинание должно начинать тотчас же, как только пришла благая мысль. Не отлагай дела до завтра, если можешь хоть малую часть его сделать сегодня. Бог послал тебе добрую мысль: Он поможет тебе и исполнить ее. Только усердие приложи, только свое произволение Ему покажи. Начало доброе – половина дела. Да оно так и должно быть: ведь не мы делаем добро, а Бог в нас и чрез нас. Раз мы отдали Ему свою волю, свое сердце, раз Он начал в нас и чрез нас действовать – Он же и совершит начатое. Лишь, бы мы не ослабевали в усердии. Держите постоянно в мысли, в сердце, что мы – только работники Христовы и не только работники, но и соратники – сотрудники Его: может ли быть, чтобы Он оставил нас без Своей благодатной помощи? И мы видим на опыте добрых пастырей, как у них все добре спорится: и средства находятся, и сотрудники являются, и они имеют утешение – и какое сладостное утешение, – видеть плоды трудов своих ради Господа и славы Церкви Его святой! Смотрите на этих полуграмотных сектантов-пропагандистов, этих новомодных народных непризванных учителей, вроде Чурикова: к ним идут тысячи простецов слушать якобы слово Божие – их бредни: ужели у вас, большею частью кончивших курс богословских наук в семинарии, не найдется, что сказать жаждущей душе народной? Ужели так мудро по готовым уже руководствам изучить лжемудрования еретиков-пашковцев, баптистов, лжеевангеликов и прочих врагов Церкви, где какие появляются, чтобы отражать их еретические мудрования и глумления над святою Церковью? Журнал съезда говорит: “ То обстоятельство, что

сектантские проповедники получают самую тщательную подготовку в заграничных семинариях, университетах и прекрасное содержание и располагают (в подлиннике: располагая) притом громадными средствами на организацию своей миссии, налагает и на православную миссию те же задачи”. Не совсем ясно изложена мысль, но, конечно, отцы съезда хотели сказать, что у сектантов есть и подготовка, и громадные средства для борьбы с Церковью, а у нас ничего или почти ничего нет. Это правда, к великому нашему сожалению и стыду. Но грешно нам забывать, что не с ними, а с нами Господь, что не у них, а у нас святая истина, что при помощи Господа, Который Сам есть воплощенная Истина, истина нашего Православия всемогуща, и если бы мы, се немощные служители, отдали ей все наше сердце, если бы мы сами и в личной нашей жизни всегда ходили во истине, то наша истина была бы и всепобеждающая, и пред нею давно склонились бы многие враги ея, более или менее искренно заблуждающиеся. Помните дивное, ободряющее немощь нашу слово Христово: *сила Моя в немощи совершается*. Носите в своем сердце крепкую веру, что в жизни каждого православного верующего сына Церкви, а тем паче в жизни пастыря Церкви, иерея Божия, облеченного на свое служение особою благодатию рукоположения апостольского, руководителем нашей жизнедеятельности является Сам Глава Церкви – Господь наш Иисус Христос. И если мы всецело, с смиренною молитвою самопредания в волю Его, ищем внимательно познания сей святой воли Его, то Он и будет уже Сам творить волю Свою в нас: Он и обстоятельства будет благоприятно располагать для дела Своего, Он и сотрудников – иногда для нас самих неожиданно пошлет, и пути укажет и подскажет... Надо же больше верить Христову о нас промышлению, чем своему собственному смышлению. Скажите: как стяжать такую крепкую веру? Молитесь с Апостолом Петром: “Господи! Приложи нам веру!” Вера стяжается исполнением заповедей Господних, понуждением себя к сему подвигу добродетели, в смиренном сознании своей немощи. Бог увидит нищету нашу духовную и сжалится над нами. Жалуйтесь Ему на самих себя, бегите от самооправдания, будьте к себе без пощадны, и тогда Бог пощадит вас. У Него – кто себя больше обвиняет, тот и более достоин оправдания пред судом Его нелицеприятным.

В страшное время живем мы, отцы и братия! Тучи гнева Божия висят над нами. Прошло то время, когда еще можно было, еще терпимо было быть пастырем – требоисполнителем: ныне долг властно требует от нас – быть и миссионером, и подвижником в личной жизни, и неумолчным проповедником истины Божией во спасение душ человеческих. Кто может – грех ему молчать! Кто не умеет – учись благовествовать! Горе нам – неблагоговествующим! Горе, если хоть едину овцу похитит волк из нашей паствы, Богом нам врученной!.. А сколько уже таких овец погибло на Руси от недостатка ревности в пастырях! И взывает их Господь от рук таких нерадивых пастырей.

Я не отрицаю пользы курсов миссионерских, я желаю только, чтобы пастыри прониклись убеждением, что одни курсы без ревностного участия самих пастырей в деле борьбы с сектантством и расколом, будут почти бесполезны, и ревностная деятельность самого пастыря и без курсов может сделать многое, при помощи благодати Христовой, облакающей пастыря силою и духом ревности апостольской, которую, яко дар Божий, нам заповедано непрестанно возгревать. Душою приходской миссии должен быть непременно пастырь, яко преемник апостольского служения и носитель Божией всепобеждающей благодати.

Гнев киселевского органа

В то время, как открытые враги Церкви Божией, иудеи и их прислужники, наши безбожники всех рангов, в своих печатных органах открыто издеваются над нами, служителями Церкви, всячески стараясь подорвать в лице нашем авторитет самой Церкви, – другие, более опасные враги ея, закутыываясь в тогу ея ревнителей и благочестия блюстителей, делают то же самое в своих органах, выставляющих на своем знамени православие. Я уже говорил в своих дневниках о “Грозе”, открытом органе “иоаннитов”, ныне разжалованных в “хлыстов киселевского толка”. Теперь приходится говорить о другом их органе, о коем лишь вскользь я упомянул в своей заметке “Нашим читателям” в № 113 “Троицкого Слова”. Это – “Свет истины”, издаваемый неким И. Алексеевым. Я счел долгом предостеречь своих читателей от подписки на это издание как явно сектантское. Моя заметка вызвала столь неприличную, можно сказать прямо – площадную брань, что я вынужден был в “Колоколе” напечатать следующее открытое письмо г. Алексееву, издателю этого якобы “Света истины”.

Милостивый государь, Илья Алексеевич!

В номерах 16–17 издаваемого вами “Света истины” вы напечатали открытое мне письмо, вызванное моею заметкою в “Троицком Слове” о вашем издании. Очевидно, эта заметка нарушила ваше “наслаждение духовным самочувствием”, которое вы переживали после причащения святых Таин Христовых, но которое, по законам духовной жизни, должно бы помочь вам более благодушно перенести то искушение, какое явилось при чтении моей заметки. Однако же сего не случилось, и вы написали, между прочим, следующие строки:

“Какой-то негодяй, подписавшись вашим архипастырским именем, осмелился назвать мое возлюбленное детище “Свет истины” сектантским журналом, якобы издаваемым “киселевцами”, прилагающими к нему (и паки реку “якобы”) специальный орган “иоаннитов” – “Кронштадтский Маяк”, а меня, единоличного редактора-издателя “Света истины”, – сектантом, еретиком и даже безбожником”.

“О пес, бессмысленно лающий! Знай, что отец твой – диавол, ибо ты – лжец, иль, может быть, ты сатана, преобразившийся в ангела света... Я тебя все равно не боюсь, но Богом живым заклинаю ответствуй – кто ты?”...

Хотя вы и заявляете, что не боитесь подписавшегося под заметкой, однако в ваших строках слышится тревога: как бы православные не услышали голос пастыря Церкви и не отвернулись от вас: вам очень бы хотелось, чтобы я отрекся от своей заметки, но напрасно вы, подражая Каиафе, прибегаете к заклинанию именем Бога Живаго и тем нарушаете великую заповедь Божию: *не приими имени Господа Бога твоего всуе*. Вы прекрасно знаете, кто писал заметку: вы измышляете “негодяя” лишь для того, чтобы безнаказанно назвать этим и другими неподобными ругательными словами православного епископа; на ваш грозный, но в сущности трусливый вопрос: “Кто ты?” – ясно отвечает моя подпись под заметкой: это – я, Никон, Божиею милостию, епископ Вологодский и Тотемский, и не кто другой, и все ругательные эпитеты, разсыпанные вами в открытом письме – это после причащения-то святых Таин! – относятся ни к кому иному, как ко мне, подписавшему заметку, ко мне, аще и недостойному, но все же епископу Православной Церкви. Ваши эпитеты такого свойства, что им не подобало бы исходить из уст и из сердца

православного христианина, притом – только-что приявшего святыне Таины. Вы даже и прямо клеветаете на меня своим читателям, будто я допускаю в своей заметке “площадную брань”: укажите, в чем вы изволили ее усмотреть? Не обретаётся ли она в вашем “открытом письме”, как это видно из приведенной выше выписки из него? Ни еретиком, ни безбожником я вас лично не называл; вольно же было вам принимать на свой счет мои слова: “не входим на сей раз в суждение: на что и кому понадобилось разрешать всякому сектанту, всякому еретику и даже безбожнику печатать все, что он захочет, и духовно развращать в простоте верующих”. Ведь вы считаете себя православным, зачем же принимаете эти слова на свой счет? Я имел в виду явно еретическую “Вифезду” и другие издания, а вы в моих словах узнали себя, забыв, что в одном Петербурге издается одиннадцать журналов еретиками, а сколько скрытыми безбожниками – и не сочтешь. Правда, я называл и называю ваш журнал сектантским, ибо вы защищаете хлыстов киселевского толка. И знайте, что наш пастырский долг властно повелевает нам, архипастырям, предупреждать православных от выписки сомнительных в смысле православия изданий, – слышите – долг, а не какая-то конкуренция: где уж нам “конкурировать” с киселевцами, у коих имеется до 5 000 бесплатных книгонош, несчастных людей, ослепленных руководителями секты и работающих с ревностью, достойною лучшего дела! Ваше издание принадлежит к числу таких сомнительных, ибо Святейший Синод не признал возможным удовлетворить ваше прошение о снятии его неодобрения с “Кр. Маяка”, приложенного вами к своему “Свету Истины”. И я не престану исполнять мой долг, как бы вы меня ни величали: “негодяем”, “лающим псом”, “дьяволом”, “сатаной” и под. Пусть православные знают, что под заголовком “Свет истины”, наряду с выписками из святых отцов и писаний отца Иоанна Кронштадтского, распространяется мрак лжи и клеветы на православных архипастырей и возвеличение угодных киселевцам лиц вымыслами, оскорбляющими память отца Иоанна.

Весьма сомневаюсь, чтобы “многие” святители поддерживали ваш журнал не только нравственно, но и материально, – это клевета на святителей, чтобы ввести в заблуждение читателей лже-“Света” вашего: в начале издания могло случиться, что кто-либо из нас, архиереев, обманутый названием журнала, выписал его на свое имя. Ведь и моя редакция имела неосторожность по сей же причине дать место вашему объявлению. Посему напрасно и пытаетесь вы опереться на авторитет святителей: они вас не поддержат.

А вот в заключение я позволю себе предложить вам – конечно, без заклинания именем Божиим – один только вопрос: если вы ничего общего не имеете с хлыстами киселевского толка, то примете ли с сыновнею покорностью распоряжение Высшей Церковной Власти о том, чтобы не совершались никакие моления на могиле Матроны Киселевой, которую упомянутые хлысты называют “Порфирией”, великой праведницей и даже “богородицей?” За кого вы почитаете эту женщину, ставшую предметом культа для хлыстов, по ее имени называемых ныне? Всякий уклончивый ответ с вашей стороны будет мною принят за признак, что вы – киселевец.

Отклики на выходку г. Алексеева

Почтенная редакция “Колокола” не удовольствовалась помещением моего письма: возмущенная выходкой Алексеева, она горячо высказалась и со своей стороны.

“Помните ли, как мучители преклоняя колена пред Божественным Страдальцем, говорили: “Радуйся, Царь Иудейский”, и при этом били Его, заушали и плевали в Лице Его.

И ныне также поступают дети тьмы: заушая и заплевывая Христа и Его Церковь Святую, они с той же злобною насмешкой восклицают: “Радуйся, Царь Иудейский”...

И сугубо ненавидят строителей Таин Божиих – святителей Церкви, ибо они есть стражи Церкви, Хранители истины и носители священной хиротонии, низводящей на совершаемые ими таинства благодать Святого Духа, дающую оживляющую и спасающую силу.

И вот, развернув иоаннитский орган “Свет Истины”, мы видим... видим, как у нас, у нас, на Святой Руси, заушают, заплевывают хиротонисанного, имущаго апостольское преемство святителя нашей православной святой Христовой Церкви, вопиют и при сем: “Радуйся!”

Вы не поверите, православные русские люди? Не поверите, но увы, это истина, это печальная, позорная для нас истина. Мы не можем, мы не смеем замолчать, утаить от той православной Руси, которая чутко прислушивается к звону нашего “Колокола”, каким оскорблениям, каким поношениям, оплеваниям подвергаются те святители православной Церкви, которые “право правя слово истины”, стоят на недреманной страже своей паствы.

Итак, слушайте”.

Далее “Колокол” приводит выдержки из открытого письма ко мне Алексеева и очень характерное, в фарисейском духе, заключение этого письма:

“Преосвященнейший владыко! Как редактор-издатель журнала “Свет Истины”, на обязанности которого лежит нравственный долг проповедывания великих Христовых истин в духе матери нашей, святых православной католической Церкви, непрестанно призывающей всех нас к всепрощающей любви, братству и единению я вместе с тем и как истинный глубоко верующий христианин, все нанесенные мне злостные обиды и клеветы, происшедшие из-за очевидной конкуренции, прощаю вам, с любовью во Христе, прощаю вам, допустившему на страницах вашего “Троицкого Слова” площадную брань.

Итак, уступая вашей общечеловеческой слабости, свойственной как земнородному, я все же почитаю ваш святительский сан и прошу ваших святых молитв и благословения”.

О, Боже! – восклицает газета: гнусный защитник иоаннитства, хиротонисанного святителя – совершителя Таин Божиих называет “сатаной”, “негодяем”, “псом”, и, оплевывая и заушая глумится: “прощаю допустившему площадную брань”... “Владыка святой, прошу вашего святительского благословения и молитв”.

Разве это не то же сатанинское глумление, которое заставляло мучителей Христа, бия Его тростию, восклицать: “Радуйся, Царь Иудейский”?

Но как горько, как позорно, что не в языческой Японии, не в мусульманской Турции, а у нас, – у нас, в православной России позорятся, и заушаются, и предаются на глумление архипастыри Церкви Христовой. Неужели уже отъят “меч удерживающего” и враги

Христа получили возможность безбоязненно и беспрепятственно отрыгать всю гнусную злобу сердца своего?”

В другой статье “Колокол” пишет:

“Вожаки хлыстовства притворяются верующими христианами и даже ревнителями православия, но стоит обличить их, как маска лицемерия спадает, и адским клубком вырывается злоба и освещает всю глубину злобы змеиной души, хотя стремление лицемерить не оставляет и здесь.

С хитростью ехидны хлысты, видя великое уважение народа к кронштадтскому великому молитвеннику, задумали и это чистое народное чувство, и эту любовь к пастырю обратить в оружие против Церкви Христовой, и хотя сам почивший пастырь неоднократно публично обличал и налагал проклятие на совращающих его именем народ, хлысты не оставляли своего дела, ибо они именно есть хлысты, и облыжно приняли на себя имя почитателей отца Иоанна, чтобы сделать это чтимое имя приманкой в хлыстовскую западню.

И вот вырастает так называемое “иоаннитство”, которое под личиною преданности православию, стремится оторвать от него верующия души.

Это делается так: под видом ревности о вере православным людям внушается сначала недоверие, а затем вражда к пастырям Церкви, а затем, когда цель эта достигнута, иоаннитские лжеучители становятся полными распорядителями воли и мысли совращенных, и они слепо идут туда, куда первые их ведут, и слепо делают то, что их заставляют делать.

Обиравая доверившихся им людей, иоаннитство собирает громадные средства и потому имеет возможность действовать не только посредством устной пропаганды, но и печатной, заполучив к своим услугам и сочинителей отдельных брошюр, посвятивших себя на службу иоаннитам, и периодические издания, задача которых, с одной стороны, восхваление иоаннитов, а с другой, клевета и поносная брань на всех вступающих в борьбу с распространителями хлыстовской ереси в форме “иоаннитства”.

Наиболее характерной образчик, обрисовывающий вождей и апологетов иоаннитства, представляет приведенное открытое письмо редактора-издателя “Света Истины” Алексеева к епископу Никону Вологодскому.

Преосвященный Никон под овечьюю шкурою узрел грядущих волков на расхищение его паствы и, как истинный пастырь добрый, жезлом архипастыря оградил свою паству, обличив, кто скрывается под мнимой одеждою чтителей отца Иоанна.

Это возбудило к нему страшную злобу, силу которой можно измерить по содержанию письма.

Извергая хульную брань на епископа, гнусно клеветая на него, будто его обличения вызываются даже корыстными целями, ради устранения конкуренции издаваемого Алексеевым журнала “Троицкому Слову”, Алексеев подчеркивает, что он православный христианин.

Что же делает этот “православный христианин”?

Известно православное учение о значении епископа в Церкви.

– Церковь в епископе и епископ в Церкви, – так говорит святой Киприан Карфагенский. Святой Игнатий Богоносец в послании к тралейцам пишет:

“Будете покорны епископу, как заповеди Божней, равно и пресвитеру” (стр. 401).

В послании к филадельфийцам святой Игнатий пишет: “Которые суть Божии и Иисус Христовы, те с епископом” (стр. 411). “Я не знал о том от плоти человеческой, а Дух

возвестил мне, говоря так: без епископа ничего не делайте” (стр. 414). В послании к смирянам святой Игнатий пишет: “Все последуйте епископу, как Иисус Христос Отцу, а пресвитерству, как апостолам. Диакон же почитайте, как заповедь Божию. Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви”.

А “православный христианин” Алексеев говорит епископу, о котором Игнатий Богоносец пишет: “будьте покорны ему, как заповеди Божией”, – “сатана, негодяй, пес”. Правда, он употребляет хитрость, прибавляя “какой-то негодяй, подписавшись вашим архипастырским именем”... и употребляет ругательства, как бы по адресу этого неизвестного. Какая низкая и глупая вместе с тем, хитрость! Кто же может подписаться ложно именем епископа Никона в журнале, редактируемом самим епископом Никоном? Конечно, никакого сомнения у Алексеева, что он осыпает отвратительною бранью именно святителя, быть не могло, но и тут он думает извернуться, обмануть. Вот он, весь иоаннит с его нравственной сутью – в этой уловке.

Но, впрочем, есть в этом письме и другое характерное место. Свидетельствуясь, что он именно “православный христианин” и что издаваемый им “Кронштадтский Маяк” есть православный журнал, Алексеев приводит к тому следующие доказательства: “Кронштадтский Маяк”, – говорит он, – ничего общего ни с какими сектами и ересями не имеет, что было засвидетельствовано даже светской столичной печатью; свидетельствуется и поныне моими читателями, крайне возмущенными тяготеющим на “Кронштадтском Маяке” осуждением Святейшаго Синода, злоумышленно обманутаго врагами православия.

В 1910 и 1911 году “Кронштадтский Маяк” редактировался мною под непосредственным руководством и наблюдением истинно православного и глубоко верующаго апостола русской печати, – редактора “Ведомостей Спб. Градоначальства” Михаила Григорьевича Кривошлыка, которому, в момент святого причащения, великий праведник отец Иоанн Кронштадтский, боговдохновенно в Царских вратах пред всем народом, пророчески открыл: “ Ты печатью возвеличишь Россию!” Вот лучший ответ о направлении журнала “Кронштадтский Маяк”, так как, если не поверить этим словам всемирно чтимаго светильника православия, котораго Сам Помазанник Божий назвал праведником, то значит перестать верить Господу нашему Иисусу Христу, ибо это было засвидетельствовано пред святою Чашею с пречистым Телом и Кровию Его”.

Итак, “светская печать” (уж не “Биржевка” ли?) и неведомые читатели “Кронштадтского Маяка” более компетентные судьи в вопросах догматов христианской Церкви, чем Святейший Синод. Таков первый тезис “православия” г-на Алексеева.

Второй тезис: “Кронштадтский Маяк” редактировался под руководством редактора “Ведомостей Спб. Градоначальства” Кривошлыка, а оный г. Кривошлык, по авторитетному заявлению самого г-на Алексеева, имеет нечто, вроде божественного посланничества, так как ему отцом Иоанном в торжественной обстановке, при раскрытых Царских вратах и пред святой Чашей изречено, что он, – г-н Кривошлык, “возвеличит Россию”.

Как скромн г. Алексеев, что уступил миссию возвеличения России г. Кривошлыку, а сам удовольствовался второстепенной ролью! Но как бы то ни было, а не поверить в апостольское посланничество г. Кривошлыка, значит, по заявлению г. Алексеева, не поверить Самому Христу. Вот какое откровение изложил нам “православный” редактор “Света Истины”. Но, почтеннейший “православный христианин”, ведь вы изложили типичное хлыстовское учение: ведь оно в том и состоит, что тот или другой из общества

хлыстов объявляется имеющим благодать апостольства или пророчества, или даже воплощенным “христом”, и затем уже всякое слово, всякое учение, исходящее от сего “апостола”, “пророка”, тем паче “христа”, становится непререкаемой истиной, хотя бы оно отвергало совершенно православное учение, исповедуемое христианскою Церковью.

Мы не знаем, как сам г. Кривошлык относится к этому возведению себя в чин апостольский, но “православие” редактора “Света Истины” уже достаточно определяется этой, приведенной нами цитатой из “Света Истины”.

“Московские Ведомости” также глубоко возмущены выходкой г. Алексеева. В передовой статье № 117-го, под заглавием: “Неслыханное безобразие”, оне говорят:

“Казалось бы, в нашей современности, освобожденной от всякого стыда пред людьми и страха пред Господом, нет уже безобразий еще не сделанных и неслыханных. И однако, нашелся некто Алексеев, превзошедший все доселе в этой области соделанное. Вот что сообщает Колокол (№ 1,831) “.

Приведя по “Колоколу” выдержки из письма Алексеева, газета продолжает:

“Далее следуют уверения в своем якобы православии, о котором, как видно из его поступка, Алексеев не имеет и понятия. Дело, однако, не в том, а в факте совершенного Алексеевым нестерпимаго надругательства над епископом Русской Церкви.

Глупая увертка, будто бы он полагает, что в журнале преосвященного Никона кто-то другой, а не сам владыка, подписался его именем – разумеется, составляет лишь способ усугубить оскорбление.

Итак, у нас епископа теперь можно печатно и публично называть “негодяем”. Епископу можно говорить: “О, пес, безмысленно лающий” и т. д. И для такого хитровского безобразия нет у нас кары, для епископа – нет у нас защиты.

В какой же кабак превращает себя Россия, какой Содом с Гоморрой намеревается она затмить?

Можно ли, однако, это допустить? Если совесть и чувство уважения к святыне еще существуют у нас, то мы заявляем, что Алексеев, редактор “Света Истины”, должен понести за свою дерзость примерное наказание и на будущее время должен быть лишен возможности развращать и охулиганивать Россию.

Пусть поговорят, что прямой текст наших уголовных наказаний для оскорбителей не дает места государственному преследованию. Пусть не говорят, что преосвященный Никон имеет возможность преследовать своего оскорбителя только в порядке частного обвинения. Разумеется, преосвященный этого не сделает. Да и незачем ему это делать. Он получил благодать от мученически Распятого Господа, не менее его оплевываемого и заушаемого. Позор оскорбления падает на нас, на всю ту часть России, которая еще не превратилась в стадо хулиганов, и на власть, имеющую обязанность охранять святыню от поругания.

А власть, даже при явной неполноте существующих законов, имеет возможность защитить епископа и наказать безстыдных ругателей.

Мы полагаем, что только по недостатку прецедентов прокуратура не возбуждает обвинений в этих случаях без всякой частной жалобы. Суд не должен руководиться только буквой закона, а обязан принимать во внимание и самый дух его. Вся же вторая глава действующего Уголовного Уложения преследует разныя формы оскорбления святыни, причем, даже за оскорбление материальных предметов почитания – при совершении преступления в произведении печати, виновный наказуется ссылкой на поселение. Но разве же сан епископа не составляет сам по себе святыни, не составляет

предмета почитания? Можно ли оправдать бездействие власти только потому, что “украшения на иконах” упомянуты в букве закона, а “сан” епископа не отмечен? Украшения на иконе нельзя безнаказанно похулить и оскорбить, а епископа можно? Дозволительно ли таким способом понимать дух закона об “ограждении веры”?

Мы утверждаем, что прокуратура имеет полную возможность привлечь Алексеева к суду и в случае надобности довести дело до Правительствующего Сената, которого разъяснение положит, наконец, предел безнаказанному надругательству над епископами.

Но если прокуратура бездействует, почитая себя не вправе охранять священный сан, то отчего же бездействует власть административная, снабженная в Петербурге почти безграничными полномочиями? Почему оскорбление частного пристава не пройдет никому безнаказанно, а оскорбление епископа – может происходить невозбранно? Мы не сторонники административных расправ, но если неясность и неполнота закона не дает способов преследования судебным порядком, то государство должно какими бы то ни было способами, в его распоряжении находящимися, не допустить преступления, совершенно ясно попирающего дух закона, который объявляет оскорбление святыни деянием преступным.

Мы, к несчастью, не можем ничем защитить преосвященного Никона, кроме выражения негодования по поводу грубого оскорбления, жертвою которого стал он. Но мы, от имени, конечно, очень и очень многих, требуем от власти, охраняющей судьбу нашего государства, принятия мер против Алексеева. Если у нас такие преступления против святыни будут происходить безнаказанно, то остается только ждать грозной кары Божией для развращенной страны, до такой степени отрекающейся от уважения к святыне.

Мне нет нужды прибавлять, что, конечно, в суд я не пойду, жаловаться на г. Алексеева не стану. Бывают времена, о коих приходится говорить: чем хуже – тем лучше. Чем больше сектанты будут бранить нас, тем скорее спадет с них сама собою маска лицемерия, тем виднее будет во всей неприглядности их духовный облик, тем скорее от них отшатнутся ослепляемые ими несчастные... Да и мы, откровенно говоря, мы, пастыри Церкви, скорее проснемся от своего усыпления, увидим надвигающуюся на Церковь Божию темную силу вражью. Наконец и власть наша – авось, наконец, увидит великую опасность для покинутого ею – в отношении духовной жизни – народа и примет свои меры. Горько слово сие о власть имущих, но дело показывает, что в нем много горькой правды. Жаль народ православный!..

Лишь бы Господь потерпел еще и еще грехам нашим. Лишь бы не грянул на нас тот гром небесный, о коем говорят “Московские Ведомости”...

Этот дневник был уже набран, когда получена следующая телеграмма:

“ХАБАРОВСК. Ознакомившись по “Колоколу” с беспримерно дерзким выступлением редактора журнала “Свет Истины”, столь тяжко оскорбившим ваше преосвященство, ревностнейшего стража Православия, мы, участники первых на Дальнем Востоке миссионерских курсов, священники и церковнослужители, в числе 120 человек, двух соседних епархий, Владивостокской и Благовещенской, вместе со своими руководителями, протоиереем Иоанном Восторговым и другими, с благословения и при добром сочувствии присутствующего на курсах высокопреосвященнейшего Владивостокского Евсевия, выражаем и шлем свои искренние благопожелания вам, владыко, воссылая усердную молитву ко Господу, да дарует Он вам крепость и впредь ревностно стоять за родное Православие и терпеливо сносить незаслуженные оскорбления

со стороны врагов его. Вместе с тем просим вас, владыко, помолиться о нас и призвать на наши труды Божие благословение.

Протоиерей Восторгов. Слушатели курсов”.

Я немало получил писем от лиц разного общественного положения и звания, выражающих мне сочувствие по поводу выходки г. Алексева. Приношу всем мою благодарность и прошу: предупреждать своих друзей и знакомых от выписки киселевских изданий, каковы: “Свет Истины”, “Гроза” и подобные. Они способны вливать тонкий яд вражды против Церкви и ея служителей незаметно, под видом ревности о той же Церкви и Православии...

Мое прощальное послание к Вологодской пастве

Долго ждал я воли Божией о себе... Постоянные болезни не давали мне возможности служить моей епархии так, как требовала того моя совесть, но я не решился упорно настаивать и на моем увольнении. Наконец, Святейший Синод благосклонно внял моей просьбе, и в 29 день мая Государю Императору было благоугодно утвердить его доклад о назначении меня постоянным членом Святейшего Синода с освобождением от управления епархией. Не без смущения приемлю столь высокое назначение, относя всецело это внимание высшей Власти к тому святому делу, коему я послужил, при помощи Божией в течение 33-х лет – служению Церкви Божией путем печатных моих трудов. Слава Богу за все! Если Господу угодно, чтобы я чем-либо послужил еще святой Церкви Его, то уже буду служить только словом печатным. А со своею Вологдою я уже прощаюсь, и вот мое последнее слово, обращенное к бывшей пастве моей, слово прощальное...

*Божиею милостию,
смиренный Епископ Никон – возлюбленным о Господе
чадам Церкви Вологодской мир и Божие благословение!*

Шесть лет прошло, как я, многомогущий, волею Божией был призван служить спасению вашему в сане архиерея. Слава Богу, помогавшему мне в великом служении сем, посылавшему мне добрых сотрудников, подкреплявшему слабыя силы и вразумлявшему меня в трудных обстоятельствах моего служения! Но в усилившихся в последнее время немощах моих вижу волю Божию, указующую мне иной путь служения святой Церкви Божией. Епархиальная служба стала мне не по силам. Пусть займет мое место более меня сильный и духом, и телом, и разумом, и опытом духовной жизни. По-человечески говоря – скорблю, что расстаюсь с паствою, которую полюбил от души: немного на Руси еще таких уголков, как епархия Вологодская, в коих еще живо ощущается веяние старой Руси, еще умеют люди православные жить по-православному, строить и украшать храмы Божии и хранить заветы отеческие. Но ныне время тревожное, время, когда мы, пастыри, должны бодро и неустанно стоять на страже: всюду рыщут волки хищные, еретики и раскольники, политические агитаторы, а я слишком немощен стал, чтобы исполнить мой долг пастырский во всей полноте его требований. И я радуюсь, что на мое место грядет к вам архипастырь, более меня сильный и бодрый: помоги ему Господи восполнить то, чего я не мог или не сумел сделать для Церкви Вологодской!

А теперь, отцы и братия и чада, услышьте мой последний вам архипастырский завет!

Всем сердцем смиренным любите вашу святую мать-Церковь Православную: нет ея в мире краше, нет любвеобильнее, нет ея смиреннее! Она – невеста Христова прекраснейшая, она – наша любящая мать. Хорошо чадам ея – чадам послушным ей – на лоне ея! Благодать Христова согревает их и просвещает их сердца. И чем проще, чем смиреннее сердце, тем сладостнее ощущение благодати Христовой в душе верующей: *смиренным бо, глаголет Господь, дается благодать*. Ведайте, возлюбленные, что смирение есть отличительная черта нашего святого православия, и если любовь есть верховнейшее совершенство, то смирение есть мать самой любви. *Научитесь от Мене, глаголет Господь Иисус Христос, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим.*

Все ереси и расколы, все секты и лжеучения происходят от гордыни и дышат гордынею: одно наше родное Православие благоухает смирением.

Пребывайте же в единении с Церковью небесною, с Церковью веков минувших, – в единении веры, мысли и жизни, в общении молитвы, которая есть дыхание любви. В этом единении, в этом общении с небесною Церковью вы и ощутите всю животворность христоподражательного смирения, а смирение оградит вас от всякого самочиния в вере и жизни по вере, от всякой ереси и ложных мудрований. Само же смирение рождается от исполнения животворящих заповедей Господних, имеющих чудную силу не только смирять наше сердце, но и животворить в нас самую веру, почему и говорит Апостол Христов: *вера без дел мертва есть*. Всеми силами души своей понуждайте себя к исполнению Христовых заповедей, внимательно прислушивайтесь к голосу своей совести, в которой говорит нам Ангел Хранитель наш, и тогда вы опытом сердца познаете, какое сокровище нам дал Господь в вере православной, – сердцем ощутите, что такое вера живая, спасающая, и какое благо в общении с Господом чрез молитву и таинства церковныя, наипаче же чрез святейшее из таинств – Причащение пречистаго Тела и Крови Господней. О если бы все люди жили по вере, если бы исполняли заповеди Господни во смирении! Тогда не было бы ни ересей, ни расколов, не было бы никаких смятений на земле!..

Возлюбленные мои! Берегитесь всяких лжеучителей! Много их появилось в последнее время. Прежде, чем они будут говорить вам, вопрошайте их, по заповеди Апостола Иоанна Богослова: исповедуют ли они Господа Иисуса Сыном Божиим едиnorodным, воплотившимся, пострадавшим за нас и плотию Своею восставшим из мертвых? Веруют ли, что грядет Он судить живых и мертвых, что создал Он Церковь Свою и врата ада не одолеют ея, что должно повиноваться сей Церкви Божией, яко Самому Христу? Если станут уклоняться от прямого ответа, то это – верный признак, что они не от Бога. Если позволяют себе дерзновенно судить Церковь Божию, ея учение и уставы, – они не от Бога. Если дерзко поносят Помазанника Божия, Царя Самодержавнаго, – они не от Бога. Если проповедуют учение, противное заповедям Господним, если подучают на грабежи и поджоги чужого достояния, – они не от Бога. Если речи их, приправленные лестью, дышат злобою против людей неодинаковаго с ними образа мыслей, – они не от Бога. Ради Бога – берегитесь их, гоните их прочь от себя, как зараженных, бегайте их, как зачумленных! В гордыне своей они не станут слушать вас, если бы стали увещевать их, а своими хульными, кощунственными речами они могут осквернить ваши простые души, смутить ваш, в простоте сердца верующий ум и соблазнить слабых в вере. Святые Апостолы давно пророчествовали о них: прочтите во втором Послании Апостола Петра главы 2 и 3 и послание Апостола Иуды, брата Господня по плоти: вы увидите там точное изображение всех этих новых лжеучителей, изображение, сделанное почти за две тысячи лет до их появления. По пророчеству Апостола Петра, они “введут пагубныя ереси, отвергаясь искупившаго их Господа, и многие последуют их разврату, и чрез них путь истины (христианская вера) будет в поношении. Из любостяжания они будут уловлять вас, – пишет первозванный друг Христов, – лстивыми словами. Злословя то, чего не понимают, они в растлении своем истребятся. Срамники и сквернители, они наслаждаются обманами своими. Глаза у них исполнены любострастия и непрестаннаго греха, они прельщают неутвержденные души, сердце их приучено к любостяжанию: это – сыны проклятия! Они обещают другим свободу, будучи сами рабами тления, ибо кто кем побежден, тот тому и раб”.

О, как эти слова, это пророчество близко напоминают нам наших социалистов и всех именующих себя “освободителями!” “Горе им, – восклицает другой Апостол – Иуда, горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей! Это – безводная облака, носимая ветром, осенняя деревья, дважды умершая, исторгнутая, – свирепые волны, пенящиеся срамотами своими, звезды блуждающие, которым блюдется мрак тьмы на веки! Это – ропотники, ничем недовольные, поступающие по своим похотям нечестиво и незаконно, уста их произносят надутые слова, они оказывают лицепрятие для корысти, это – люди, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие духа”. Предостерегая от таких, Апостол Павел запрещает разделять с ними даже трапезу (1 Кор. 5, 11), а святой Апостол Иоанн Богослов, сей великий апостол любви, почивавший на персях возлюбившего его паче всех Господа, называет их обольстителями, слугами антихриста и даже антихристами, и не позволяет приветствовать их, ибо “приветствующий такового, – говорит он, – участвует в злых делах его” (1 Иоан. 4, 1–4; 2 Иоан. 7, 10–11). С одним из таких возлюбленный ученик Христов не захотел даже оставаться под одною крышею и бежал из того дома, где встретил еретика. Умоляю вас и я, возлюбленные мои, берегитесь таких! Святая Церковь дала вам пастырей, благодатию священства облеченных: их и слушайтесь! Правда, немало среди них немощных, много заботами земными удрученных, но Господь не позволял судить даже книжников и фарисеев, а повелевал слушаться их, пока они возвещали закон Божий: *вся елика рекут вам блюсти – соблюдайте и творите, по делам же их не творите!* (Мф. 23, 3). Те м паче слово это следует соблюдать в отношении к немощным пастырям Церкви Христовой. Идите к ним за святое послушание Церкви-матери, паче же Самому Христу Спасителю, рекшему: *слушай вас Мене слушает и отменяет вас Мене отменяется* (Лк. 10, 16). Молите Главу Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, да речет Он вам волю Свою чрез тех, кого Он же поставил пасти Церковь Свою, искупленную Его честною кровию. И сие будет делом послушания, и в сем проявится достолюбезное хриstopодражательное смирение ваше, во исполнение реченного Господом устами Его Апостола: *повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, ибо они пекутся о душах ваших.*

И вам, бывшие сотрудники мои на ниве Господней, служители алтаря Христова, мое слово прощальное: пасите во смирении души, вам вверенные, помните, что за них ответ дадите во Второе страшное пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Пасите любовь, кротостию, но без человекоугодничества, кротко, но твердо обличая заблуждающихся, словом любви увещевая согрешающих, плача с грешниками о грехах их – и своих. О, любовь святая! Она может творить чудеса. Если вы со своими семьями в хлебе насущном будете нуждаться, любовь сотворит чудо умножения хлебов Божиим благословением; если восчувствуете свою немощь, она подаст вам приток новых благодатных сил; если разумом оскудеете, по неопытности своей в духовной жизни, она откроет уста ваши и будет говорить за вас во время благопотребное. Помните, что Бог – Сам Бог – *любы есть*. Христос всеблагостный не оставит в беспомощном состоянии Своих сотрудников – пастырей Его возлюбленной Церкви! Слышите, что глаголет Он: *се Аз с вами есмь до скончания века, аминь!* Исполняйте же Его святые заветы – заповеди, дабы и других опытом своим научить сему великому деланию, дабы восчувствовать в смиренном сердце своем, что это – Он в вас и через вас исполняет Свои же заповеди. И сие общение с Господом в исполнении Его воли святой укрепит вашу волю в доброделии, оживотворит вашу веру, соделает вас способными всем своим существом ощущать, что вы

– живые члены Тела Христова, которое есть Церковь, осветит небесным светом ваш жизненный путь, наполнит ваше сердце радостью, ея же никтоже возмет от вас! Но все сие возможно только при частом благоговейном общении с Господом в святейшем Его Таинстве причащения. Се – источник духовной бессмертной жизни! Се – единый истинный источник нашего благобытия!

Да поможет вам Господь в великом и многотрудном служении вашем! Да понесет Он Сам на раменах Своих иго ваше вместе с вами!

Аз же, недостойный, отходя из града Вологды и передавая епархию другому святителю, умоляю любовь вашу: простите мне все мои немощи, все мои пред вами прегрешения, да и Бог милосердный простит вам все, в чем, яко человецы, согрешили предо мною! Всех, кто оскорблял меня, от всей души прощаю; всех священнослужителей, коих запретил я в священнослужении по суду архиерейской совести, властью, от Бога мне данною, разрешаю и всех, всех умоляю: молитесь о немощах моих, да укрепит сия молитва союз любви, для которой нет пределов пространства и времени, которая всех единит во Христе и со Христом, объединяя нас в таинственное тело Христово, еже есть Церковь, невеста Христова непорочная!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами! Аминь.

Тяжелое бремя архиерейского омофора

Великий учитель смирения хриstopодражательного, святитель Христов Тихон, чудотворец Задонский, когда его спрашивали: что побудило его уйти на покой, кротко отвечал: “Омофор, который носят архиереи на плечах своих, очень тяжел, не мог я носить его, и потому оставил кафедру”. Конечно, не вещественный омофор разумел угодник Божий, а то тяжелое бремя, бремя забот и трудов пастырских, бремя скорбей пастырского сердца и сознание тяжкой ответственности пред Богом за врученную ему паству при немощах его – вот что разумел смиренный святитель Христов.

Прости мне, угодниче Божий, что, оставляя кафедру по многим немощам моим, я невольно вспоминаю твои смиренные слова! Немощен был и ты плотию, но силен духом, и немощи твои – были крестом, возложенным на тебя Богом от самого твоего рождения. А я немощен от себя самого, от грехов моих многих, и мне ли повторять твои словеса?..

Но не о себе хотелось бы сказать, а по поводу того, что пережито мною, что переживают особенно ныне, в тяжкие дни Церкви Божией, все те святители, которые хотят верно идти путем, Христом им указанным!

Были времена лютых гонений на Церковь Христову, когда назвать себя христианином значило приговорить себя почти на верную смерть. Тогда архиереев Божиих преследовали как вождей христианства; их головы были оцениваемы дорогою ценою, и они постоянно должны были готовиться к смерти. Страшно подумать: что случилось бы с нами, если бы мы, нынешние архиереи, жили в те времена! Быть может, многие из нас давно преклонили бы колена пред Зевсом и Юноною... Но тогда, если бы не замерла в нас совесть, мы проклинали бы свое малодушие, свою измену своему Господу и Спасителю.

Ныне не страхом мук смертных искушает нас дух времени; он подкрадывается к нам с другой стороны. Во имя гуманности, прогресса, свободы совести, всякого рода терпимости он пытается заставить нас войти в сделку с совестью, в компромисс с требованиями долга, делать уступку за уступкой, якобы не поступаясь в существенном, а потом и существенное подменяя в нашем нравственном сознании так, что если бы на него взглянули наши предки, пожалуй, и не узнали бы его... И вот, снисхождение к немощам человеческим обратилось у нас в поблажку порокам: грешник еще и не думал каяться, а мы уже предписываем, по исполнении епитимий, разрешить ему то и то... Как будто наверное знаем, что грешник и епитимию примет, и выполнит усердно: как будто епитимия – простая формальность, не требующая нравственного подвига от епитимийца. И приходится, скрепя сердце, закрыв глаза, писать на определения консистории: “утверждается” или “исполнить”. Та к велят консисторские уставы и разные циркуляры: сопротивление бесполезно. Нередко сами пастыри не знают точно: да в чем же епитимия? Разве только в том, что епитимиец не может приступить к святым Таинам Христовым? Но и во-первых, ныне и без епитимий многие христиане сами себя лишают сего таинства, а во-вторых, кто знает, чтоб таковой не причастился где-нибудь в монастыре? Ныне многие и за грех не считают такое по существу святотатство. И скорбит душа архиерея, не имеющего возможности лично воздействовать на грешника-епитимийца; ведь у него в епархии миллион-два числится православных, – да тысячи полторы-две священников, а священники не имеют достаточно авторитета у своих пасомых... Да и то надо сказать: большинство епитимийцев – блудники и прелюбодеи: отбив чужую жену, добившись

развода с нею мужа, виновный и в качестве епитимийца продолжает с нею прелюбы творить: страшно подумать, до чего в таких людях исказились все нравственные понятия! Пройдет известный срок (минимальный для прелюбодеев: вместо 7–2 года), подадут прощение архиерею, с заверением священника, что виновный “проходил епитимию с усердием, показал искреннее раскаяние”, и архиерей должен разрешить его от епитимий... Проверить показание священника нет возможности, хотя в совести чувствуешь, что исполнена только формальность, в которой духа и не было...

Даже такое святое дело – покаяние грешника обратилось в пустую формальность! Как же не болеть душой епископу?

А если бы решил он испытать произволение грешника, если бы отказал в снятии епитимий, то пусть ждет жалобы в Святейший Синод... Пойдет переписка, неприятности и прочее.

Груды дел судных: жалобы духовенства – один на другого, жалобы прихожан на духовенство, дознания по пустым поводам, следствия, в коих – это чувствуешь – так много бывает нарушения святости присяги: известно, как ныне стали смотреть на это священное дело; безчисленные дела бракоразводных, в коих архиерею приходится спускаться на самое дно скотоподобной жизни пасомых, читать самые циничные показания свидетелей, нередко закупленных... Сказать только, что после известного решения Святейшего Синода – разрешать вступление в брак виновной стороне после понесения ею епитимии – число бракоразводных дел едва ли не удесятилось, и станет понятно, как много бремени возложено на епископов, бремени – бесплодного в духовном смысле, крайне тяжелого по самой сущности таких дел. Нужно ли перечислять другие “дела”? Довольно сказать, что по моей, сравнительно небольшой епархии, мне приходилось писать до 7000 резолюций, следовательно, пересчитывать столько же бумаг, а не редко целых дел. Увы, для делания в собственном смысле пастырского у епископа немного остается времени. Ведь епископ должен на деле осуществлять преемство апостольского служения: он должен бы пребывать непрестанно в апостольском подвиге: в путешествиях по епархии, посещении не только городов и селений, имеющих храмы Божии, но и захолустных уголков епархии, заброшенных деревушек, всюду неся с собой мир Божий, свет учения евангельского, в духе любви, в простоте сердца, входя во все нужды пасомых, в их скорби, беседуя не только в собраниях верующих, но и по домам, поучая, назидая, предостерегая, ободряя и утешая... Нет нужды для таких путешествий возить с собою большую свиту: довольно секретаря, миссионера и келейника. Где можно, там совершать служения, где нет к тому возможности, там ограничиваться служением молебнов, но непременно везде проповедывать и сеять слово жизни вечной!

Епископ должен быть всем доступен и дома, но принимать с рассуждением, иначе его возьмут в плен люди, неумеющие ценить архиерейского времени, непонимающие требований архиерейской совести. По понятию таких людей, архиерей на то и создан, чтобы обращаться к нему с просьбами: нарушь закон, обойди закон, нажми на закон и все это – во имя человеколюбия, гуманности, личных интересов того или другого просителя. Это – положительная пытка для архиерея! Он заботиться должен об удовлетворении духовных нужд епархии, а от него требуют удовлетворения вот этих их личных нужд, об облегчении их личной скорби, их семейных нужд... Всегда ли можно совместить то и другое в одном распоряжении? Большею частью, волей-неволей приходится входить в компромисс, делать некоторую уступку таким просьбам в ущерб строгим требованиям архипастырского долга... Просмотрите послужные списки священников: много ли ныне

таких, которые служат 30–40 лет на одном и том же месте, не меняя прихода? А это что значит? То, что батюшки не срослись духовно со своим приходом, что для них не больно отрываться от своих детей духовных, ради чего?.. Чтый да разумеет! И не хочу строго судить их за то: ведь это стало повсюдным явлением, причины коего слишком сложны, чтоб сейчас говорить о них. И вот на каждое мало-мало порядочное место десятки прошений о переводе, а на бедных приходах пустуют вакансии священников иногда по году: кандидатов нет! Где их взять? Прихожане умоляют прислать священника, архиерей мучается в совести, а горю помочь не в силах...

Растут секты, расколы; в народе пробуждается жажда духовного назидания, питомцы наших современных семинарий в большинстве, по-видимому, – просто не способны удовлетворять этой потребности так, как бы следовало... И удивительное дело: полуграмотный сектант увлекает за собою сотни, тысячи, а священник, учившийся все же лет десять, не только не влечет за собою народ, своих пасомых, как бы подобало, но и не умеет, если не сказать – не хочет обличить этого сектанта. Просто обидно становится за таких! А ведь именно таких священников большинство; именно ревностных пастырей, способных отогнать и отгоняющих волков хищных от своего стада – очень, очень немного!..

Прежде хотя мирская-то власть признавала Православную веру единою истинною, почитала ее основою русской жизни, оберегала от нашествия волков – раскольников и сектантов – православных простецов и не давала им воли... Ныне да простят мне носители сей власти: ныне они будто стыдятся вступить за малых сих и на мольбы священников – помочь им оградить православных от богохульной, кощунственной пропаганды, от соблазна, оградить, по крайней мере, их, священников, от издевательств сектантов – отвечают молчанием... И мнится: покинули нас власть имущие, предают на поругание врагам Церкви, а эти враги ликуют в своих печатных листах, продолжая издеваться над нами... “Суды суть и анфинаты суть!” – отвечают нам представители власти. Подавайте жалобы, если вас оскорбляют: там разберут дело, а мы, администрация, не можем вас защищать: такого закона нет... “Но, господа администраторы, как же нам быть, когда наша совесть повелевает нам именем Господним подставлять левую щеку врагу, когда он ударит нас в правую? А ныне враги дерзко следуют логике Иулиана-отступника: Христос заповедал Своим последователям так поступать, так их может бить всякий, кому хочется! Православный священник не может ни ответить на брань бранью, на оскорбление оскорблением, не может по совести жаловаться ни на кого, он как бы вне закона: “Бей его, издевайся над ним, сколько хочется, топчи в грязь доброе имя его!.. Если он верен учению Христову, то в суд не пойдет, если пойдет, то мы же его предадим осмеянию в печати так, что вперед ему не повадно будет!.. А суды... да в них ведь сидят такие же, большею частию, “интеллигенты”, как и мы, и попам не будут мирволить...”

Много ли способных на такой подвиг мученичества? Имеет ли право – не только христианская, но даже и языческая власть, не упраздняя самого понятия о власти, требовать от нас, служителей Церкви, такого подвига? Повторяю, подвижники есть и ныне, но смеет ли власть оставлять их беззащитными?..

На днях двух добрых пастырей избили под самым Петербургом новые сектанты – чуриковцы: посмотрим, воздействует ли власть на этих безумцев-фанатиков, чтобы охладить их пыл против пастырей – их же духовных отцов! Дело в том, что исполнение Христовой заповеди лично христианином – одно, а дело власти пресекать зло – другое, но и это – также исполнение заповеди Божией... Пусть и власть носящий – ведь он тоже

христианин – лично на себе исполняет ту же заповедь: пусть и он подставляет левую щеку под удар хулигана, когда тот его ударит в правую, но пусть в то же время помнит свой долг: *сущие власти от Бога учинени суть... власть не без ума меч носит, Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему...* Если это писано о власти языческой, то тем паче приложимо к христианской. Не ее дело толковать Евангелие: ее дело исполнять свой долг по учению Евангелия. Или уж пусть, по отношению к нам, православным, прямо объявит она, что отныне для нея все веры равны, и повторит слова исторического Галлиона анфината: *“когда идет спор об учении... разбирайтесь сами!”* (Деян. 18, 12). Та к мог говорить язычник, но христианская власть не может же равнодушно смотреть, как разные сектанты, фанатики, изуверы отторгают православных от Церкви, не давая пастырям никакой возможности возражать им. Истина сильнее неправды, но когда ей насилием закрывают уста, когда криками, издевательством, руганью, угрозами заставляют проповедника истины молчать, то ужели власть православная должна смотреть спокойно на это поругание истины, на это насилие над совестью православно верующих младенцев веры, на это издевательство над пастырями Церкви?..

Душа изболелась при виде всего этого. И все это приходится больше всех переживать своим сердцем нам, архиереям. Ведь к нам простирают умоляющие взоры наши чада о Господе, нас умоляют пастыри приходские: помогите нам! Оградите от изуверов-сектантов, пришлите миссионера, попросите власть мирскую защитить нас от издевательств... хотя бы ради чести святой Церкви нашей... Но на наши обращения так мало обращается внимания! Как часто приходится узнавать, что низшие органы власти больше озабочены охраною свободы для сектантов, чем охраною православных от пропаганды сектантства...

Миссионеры... Я недавно писал о них. Мои читатели знают, что, по моему убеждению, каждый пастырь должен быть миссионером. Но в наше время так разветвилось сектантство, что и для самих пастырей нужны миссионеры как руководители, как знатоки сектантства. Но увы... где их взять? Ведь это – не прислуга, которую можно найти по публикации! Где у нас институт миссионерский, о коем, помнится, мечтал еще великий миссионер святитель Иннокентий Московский? Есть какие-то захудалые курсы в Казани, устраиваются и по епархиям каждый год курсы... но разве это нужно? Нужен специальный институт или академия миссионеров; нужно нечто подобное, конечно, не по духу, а по цели, латинской Collegiae de propaganda fide, нужно учреждение, которое выпускало закаленных бойцов за Православие...

Можно ли надеяться, что мы дождемся этого?

Увы, хотя бы семинарии-то наши поставить так, чтоб из них не бежали в ветеринары, а шли бы в пастыри. И за то бы слава Богу!

Но я никогда не кончил бы, если бы стал перечислять все скорби пастырского сердца, все то тяжелое бремя омофора пастырского, которое нести могут лишь люди сильные не духом только, но и плотию... А я изнемог, я лежу неделями в постели, и в сих болезнях моих вижу волю Божию: передать епархию иному, более меня сильному, его же изберет Господь. И паче меры моей, паче всяких заслуг, коих не было у меня, я взыскан милостию власти церковной, и ухожу с епархии, не лишенный возможности еще послужить Церкви Божией, но уже в меру немощей моих... За все слава Богу! Утверди, Господи, Церковь Твою, юже стяжал еси честною Твоею кровию! Приведи сильных и добрых делателей на ниву Твою на место нас, уходящих и многонемощных!..

Небесная Заступница Русской земли

Когда читаешь наши старья летописи, когда вспоминаешь давно минувшие судьбы родной нашей земли, то верующее сердце невольно исполняется благодарным чувством умиления пред теми дивными явлениями покровы и заступления Матери Божией, какие мы видим во всей девятивековой истории нашего Отечества, со дня крещения Руси князем Владимиром и даже до наших дней... Воистину возлюбила Она, Мать Божия, нашу землю Русскую православную, и нигде в мире нет столько чудотворных икон Ея, как у нас на Руси, их насчитывается до 300 только общеизвестных, а сколько их местно чтится по разным градам и весям обширной Русской земли! Нет, кажется, ни одного отдаленного уголка в России, где не было бы особенно чтимаго образа Богоматери; не говорю уже о храмах православных, – нет ни одной православной семьи, в коей не нашлось бы Ея лика пречистаго! С детской любовью, в простоте смиренного сердца прибегают к Ней и старые и малые, и богатые и бедные, и простецы и люди, истинною наукою просвещенные, и несут к Ея стопам и скорби, и радости свои, и на всех взирает Она, воистину, с материнскою любовию, всех ласкает благодатным взором Своим, всех утешает, благословляет, всем помогает в их нуждах! И тепло русскому в простоте верующему сердцу под благодатным покровом Ея, и называет оно Мать Божию самыми трогательными именами: Она – Заступница усердная, Она – грешных Споручница, Она – Скоропослушница, Она – Радость скорбящих, Утоление в печали сущих, Взыскание погибших, Она – благодатная Исцелительница и небесная Домостроительница, Она – града Москвы Вратарница неусыпная, а для всего воинства христолюбиваго – Воевода небесная... Ея святые иконы сопутствовали всем нашим благоверным князьям и Царям, и благочестивейшим Императорам во всех их походах на врагов и супостатов Руси Православной. Ея заступлением не раз спасалась Москва, да и другие грады страны Российской от нашествия иноплемennых. И как трогательны летописные сказания о сих делах Божиих, явленных нашим предкам по молитвам Заступницы нашей усердной! Вот одно такое сказание. Настал 1395-й год. Русь стонет под игом злой татарщины. А с Дальнего Востока, из глубин Монголии, надвигается страшная туча. Там, где-то в Синей Орде, появился “некий царь, горее давняго и пуще прежняго лют губитель и разбойник”... И он идет, он надвигается со своими полчищами на Русь... Его имя – Тимур Ленг или Тамерлан; он задумал покорить всю вселенную. Заслышав привычный крик вождя, завидя взмах его кривой сабли, его воины бросались, как тигры, почуявшие кровь. Страшные рассказы о его нечеловеческой свирепости леденили кровь в жилах. На его пути вместо цветущих городов, окруженных роскошными засеянными полями, виноградниками и фруктовыми садами, оставались только развалины да прочные, на цементе, пирамиды из человеческих голов... Граждане одного города, чтобы умиловить этого зверя, выслали ему навстречу всех своих детей. При виде малюток, одетых в белые одежды и шедших с пальмами в руках и пением священных гимнов, в нем внезапно проснулся губительный демон, и он помчался вперед на своем коне... “За мной!” – крикнул он своей коннице... И несчастные родители с ужасом увидели со стен города, как их дети были растоптаны конскими копытами... И вот такой-то губитель явился в пределах нашего Отечества. Великий князь Василий Димитриевич, сын Донскаго героя, собирал войска, готовился к бою... Но что значили ничтожные дружины князя в сравнении с несметными полчищами

Тамерлана? Не ждали себе спасения ни князь, ни народ. По всей Русской земле возносились пламенные молитвы: все церкви были открыты с утра до глубокой ночи. Народ проливал слезы, постился, все готовились к смерти...

В это ужасное время вспомнил князь о дивной иконе Богоматери, находившейся во Владимире. То была теперь известная под именем “Владимирской” икона, писанная по преданию святым Евангелистом Лукою. И послал Великий князь за тою иконою, и со слезами и многою скорбью проводили владимирцы великую свою святыню в стольный град Москву, где у всех была в то время одна мысль, одно желание увидеть поскорее пречистый лик Царицы Небесной, Заступницы усердной рода христианского. И весь город вышел навстречу Ей, все от мала до велика. И не было человека, который не плакал бы, и отовсюду слышалось умильное моление: “Не предай же нас, Заступница наша, надежда наша, не предай нас в руки татарам!”... Это было 26 августа того же 1395 года. И вняла Мать Божия воплям русских людей. В ту же ночь, под 26-е августа, сам грозный “владыка мира”, как величал себя Тамерлан, почивал в великолепной ставке своей, в окрестностях Ельца, среди необозримых полчищ своих. Бессменно, не сморгнув глазом, князя и ханы Азии окружали ставку, охраняя сон грозного повелителя. Но ему нет сна от страшных видений... Видится ему высокая гора, а на ней дивные старцы с золотыми жезлами в руках, грозящие ему... Свет ярче солнечных лучей, и в свете том дивная Царица, в багряных ризах, сияющая паче солнца молниезрчными лучами... А в лучезарной небесной выси – бесчисленные воинства, готовые устремиться по первому мановению той Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки гор е. И вдруг, грозно взглянув на него, Тамерлана, Царица повелевает всем тьмочисленным воинствам обрушиться на него... Отчаянный крик раздается в царской ставке. Вбежавшие вельможи находят своего владыку в таком виде, в каком никогда не видали. Неустрашимый в боях, он теперь лежал и стонал в полном изнеможении... Наутро свирепый завоеватель отдает приказ немедленно сниматься и быстро отступить.

Можно ли описать радость наших предков, когда они узнали, что страшный враг сам, никем не гонимый, ушел в степи Азии! Митрополит Киприан, и Великий князь, и народ со слезами восторга возносили благодарные молитвы пред чудотворным образом Богоматери, а на том месте, где встретили святую икону, построили церковь во имя ее сретения, и да не забудут людие дел Божиих. Тогда же было установлено празднование в честь Владимирской иконы 26 августа.

А что же Тамерлан? Он излил свою злобу на улусах Кипчакской орды, на татарских городах – Астрахани и Азове; он испепелил их. И что грозило святой Руси страшной гибелью, то принесло ей величайшую пользу: Тамерлан нанес смертельный удар не ей, а ее вековому врагу – Золотой Орде...

Вот один из многочисленных примеров заступления Матери Божией за Русь Православную! Все эти татарские ханы и царевицы – Мазовша, Ахмат, Махмет-Гирей, Казы-Гирей и другие испытали на себе грозный гнев и вышний покров и заступление за Русскую землю Небесной Воеводы – Матери Божией. История свидетельствует, что во всех походах Царя Алексея Михайловича, Петра Первого и других наших Императоров при войсках их находилась икона Богоматери – “Явление Преподобному Сергию”. Уже самое изображение склоненного пред Пречистою в молитвенном положении старца – печальника Русской земли, эта икона располагала воинов прибегать к заступлению Матери Божией, призывая на помощь и великого молитвенника Сергия Преподобного. И росла наша Русь Православная под мощным крылом небесной Заступницы рода

христианского; и сильна была верою своею, и непобедима для врагов – дотолѣ, пока крепка была вера русскихъ людей, пока не стали люди русскіе отравляться разными модными лжеучениями, пока гнали от себя прочь всякихъ искусителей, вроде штундистовъ, баптистовъ и другихъ сектантовъ, пока не подпускали къ себе русскіе воины и особенно рабочій людъ разныхъ политическихъ развратителей, социалистовъ, революционеров и всехъ этихъ слугъ антихриста, иудейскихъ наемниковъ... Но стали проникать къ намъ на Русь все эти слуги сатаны, стали русскіе люди къ нимъ прислушиваться, и пошла духовная отравѣ въ народѣ, и стали размножаться секты и расколы, появились разные “социалы” да “демократы”, а за ними и революционеры-безбожники, и отвратила отъ насъ пречистый ликъ Своей Царица Небесная, и понесли мы тяжкое униженіе отъ японцевъ-язычников, и пронесли по лицу родной земли все невзгоды революціи, и пролилось немало крови русской во дни смуты и усобицы...

Увы, стыдъ долженъ бы покрывать лица наши! Истрадалась за послѣдніе годы душа русская, каждый изъ насъ готовъ бы сложить голову свою у ногъ Царя-батюшки, только бы избыть горькую бѣду, только бы не видѣть того позора, какой мы переживали въ послѣдніе годы! Куда прибѣгнуть? Гдѣ е искать помощи благодатной, укрѣпленія духовнаго?... Да гдѣ же, если не у Матери Божіей? Она всегда заступала землю Русскую. Она и теперь неотступно съ нами. Вѣдь это только мы отступаемъ отъ Нея, убегаемъ изъ-подъ Ея крова благодатнаго! Итакъ, скорѣе – подъ благодатный кровъ Матери Божіей, православные русскіе люди! Поучимся у малыхъ дѣтей: когда провинятся они въ чемъ-либо предъ матерью, то къ ней же бѣгутъ со слезами, и не смея смотрѣть ей прямо въ лицо, укрываются на груди ея. Прибегнемъ и мы, припадемъ къ благодатной Заступницѣ рода нашего въ покаяніи, восплачемся предъ Нею о нашихъ тяжкихъ грѣхахъ, и Она забудетъ наши вины и укроетъ насъ отъ гнѣва Божія.

Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебѣ, Владычице! Ты намъ помози, Ты насъ заступи, и какъ древле спасала отъ безбожныхъ татар, отъ всехъ этихъ Тамерлановъ, Батыевъ, Мазовшей, Казы и Махмет-Гиреевъ, такъ и нынѣ спаси землю Русскую отъ лютыхъ враговъ ея – богоотступниковъ! Много развелось ихъ по лицу родной земли нашей: всюду проникаютъ они со своими безбожными книжками и газетами; отравляютъ они молодежь нашу, расхищаютъ сокровища православной русской души своею пропагандою среди рабочихъ, среди крестьянъ, и даже – страшно сказать – среди войскъ нашихъ христілюбивыхъ: не попусти, Царица Небесная, скрадывать души наши, души простецовъ верующихъ, и покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ!..

Дар царственного смирения смиренному отшельнику

Не терял я надежды, выезжая из Петербурга, принять участие в торжествах освящения в Павло-Обнорском монастыре трех престолов выгоревшего в 1909 году храма и дивной, драгоценной раки, пожертвованной от щедрот Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы; но Бог не судил быть мне там: прибыв в Вологду, я разболелся; к обычным немощам моим прибавилась еще слабость сердца, и доктор решительно запретил мне поездку по проселочной дороге с больною печенью, а главное – предстоявшее переутомление в служениях. Пришлось подчиниться, тем более, что небольшой опыт – прощания с духовенством – показал, что я на такой подвиг не гожусь...

Не имея возможности отправиться в Павлов монастырь, я послал туда свое приветственное слово-послание, которое было прочитано преосвященным Антонием Вельским пред полиелеем на всенощном бдении. Вот это послание:

“Возлюбленные о Господе отцы и братия и чада!

Мир вам и Божие благословение!

Приветствую вас в светлый день праздника обители Преподобного Павла приветствием любви и радости о Господе.

Скорблю, что по немощам моим не могу принять личного участия в вашей радости, но сердцем сорадуюсь вам, духом разделяю молитвы ваши у гроба чудотворца Павла и не могу оставаться безмолвным в день вашей радости. От избытка сердца глаголют уста. А при невозможности беседовать усты к устами – сердце повелевает беседовать хотя письменным посланием.

Дивен Бог во святых Своих! Дивен Он в явлениях благодати Своей во дни земного их странствования, дивен и по блаженном преставлении их на небо!

Сегодня мы творим память Преподобного отца нашего Павла, Обнорского чудотворца, празднуя освящение храма его и священной раки, принесенной от щедрот Благочестивейшего и Богом возлюбленного Царя нашего и Его Благочестивейшей Супруги. Сегодня мысль наша невольно переносится за пять столетий, когда жил сей великий в своем смирении угодник Божий в тот благословенный век, когда около великого печальника родной нашей земли Преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, собирались ревнители богоугождения, когда с его благодатного благословения сии ревнители устремлялись в северные пределы России, всюду зажигая благодатные огоньки духовной жизни, всюду разнося свет и тепло, коими и доселе жива наша русская православная душа.

Девяносто лет подвизался подвигом иноческим Преподобный Павел! А всего жития его было 112 лет. И отличительнейшею чертою его подвига было дивное, воистину христоподражательное смирение. 22-летним юношей ушел он в какой-то, ныне неведомый, приволжский монастырь святого Феодора “на низу”; оттуда, уже достигнув высокой меры духовного совершенства, пришел он учиться смирению у своего младшего сверстника, Преподобного Сергия; здесь проходил он труды и в поварне, и в трапезе; заметив, что на него обращено внимание, как на ревностного инока, он, с благословения великого аввы, уходит к Преподобному Авраамии Чухломскому, затем идет в пустынные дебри Обноры и тут поселяется, воистину, наедине с Богом – в дупле старой липы, весь отдавая себя молитве и беседе с Богом... И достиг он такого состояния, что в его

присутствии дикие звери забывали свою свирепость: и волк, и медведь паслись около него вместе с кротким зайцем, и хищные орлы не трогали малых пташек, садившихся на руки и плечи великого подвижника... А его смирение было столь велико, что мы не видим из его жития даже того: имел ли он благодатный сан священства? По крайней мере, и по основании им обители ея настоятелем был не сам он, а ученик Преподобного друга его Сергия Нуромского – Алексей...

Та к в глубоком смирении протекла вся жизнь великого подвижника. Он отошел к Богу, и Господь исполнил над ним святое слово Свое: в память вечную будет праведник. Из века в век православные русские люди притекали к его гробу, искали спасения души в его обители, просили себе его молитвенной помощи; а он смиренно почивал в месте своего упокоения и даже не позволил коснуться мощей своих, когда один из игуменов его обители самочинно вздумал было открыть его могилу... Для святых Божиих и грядущее видимо яко настоящее, и кто ведает пути их? Не предзрел ли угодник Божий того бедствия, которое испытала обитель его в наши дни? И что случилось бы с его священными останками, если бы всеистребляющий огонь коснулся их? Мы не можем от Господа требовать чудес по нашему разумению: мы ведаем, что, например, святые мощи Преподобного князя Иоасафа Спасокаменского, попущением Божиим, подверглись сожжению во время пожара в Спасокаменском монастыре, и мы имеем только малые косточки от них. А ныне мы веруем, что святые мощи Преподобного Павла, к утешению нашему, в мире почивают в недрах земных неприкосновенными... И не знамение ли это, для нас особенно утешительное, что в самом изображении угодника Божия, вычеканенном из серебра, дивным образом в пламени пожара уцелел благолепный лик его и изображение рук? Хранит Господь не токмо вся кости Своих избранных, но и самые изображения их, все обращая во славу Свою и в назидание наше.

И паки реку: дивен Бог во святых Своих! Дивно являет Он славу Свою и величие Церкви Православной не только в их прославлении, но и в самом смирении их! Ибо в смирении и слава их, смирение есть их златотканная одежда, смирение есть тот воздух, коим дышат все их добродетели, – тот аромат, который свидетельствует о благоугождении их Богу... В нашей Церкви Православной все проникнуто сим благодатным ароматом: нет ни одного подвига, нет ни одного доброго дела, не говорю уже о доброделании вообще, что Церковь признала бы богоугодным без духа хриstopодражательного смирения. И в сем – отличие нашего православного исповедания от всех прочих христианских исповеданий. Смирение есть основа истинно христианской жизни; в нем – духовная красота нашего православно верующего народа. И как счастлив этот народ, когда он видит высочайший пример этой боголюбезной добродетели в лице своего Боговенчанного Царя и Его Августейшей Супруги, Которые Своим русским сердцем совершенно восприяли эту добродетель и являют ее всюду, где видят наши родные святыни: вместе с простым верующим народом они склоняли Свои венчанные главы и у святынь Киева, и в Сарове, и в Белгороде, и в Чернигове и многожды у святых мощей великого печальника Русской земли Преподобного Сергия и всех московских чудотворцев... Не видим мы Их здесь: дела государственныя удержали Их от путешествия в наши дебри Обнорския; но се – Их Царственное приношение, сия священная рака – не есть ли свидетельство того, что духом Они и ныне с нами, не есть ли это проявление Их глубочайшего, воистину Царственного, смирения Их пред одним из смиреннейших носителей духа и заветов родной нашей Церкви Православной, на коей, как на несокрушимом основании зиждется от веков древних наша Святая Русь и ея краса и величие – Престол Самодержца?.. Подумайте

только: Помазанник Божий, в сердце Которого сосредоточены заботы о благоденствии полутора миллиона подданных, в руках Которого судьбы народов, населяющих шестую часть земного шара, внемлет скорби смиренной обители, посещенной бедствием пожара, и в утешение ей шлет Свой Царственный дар, приемля в соучастницу Себе и Свою Боговенчанную Супругу, в самом даре Своем проявляя глубокое знание благочестивой народной души, ее заветных идеалов, ее любви к родным угодникам Божиим... Как не воскликнуть из глубины сердца: радуйся, Русский православный народ! Радуйся о Царе своем: Он – с тобою, Он вместе с тобою чтит святыни твои, благоговеет пред ними, Он – верный Сын и Первенец твоей матери Церкви; Он – ее защитник и покровитель... Пусть мнут разные хулителы Церкви Православной: с нами Царь наш Боговенчанней, Он в Церкви Православной, и она молится за Него, за всю Царственную Семью Его, а с нею молятся все великие печальники наши пред Богом – все святые Божии, на небесах Богу предстоящие...

Вознесем же и мы, возлюбленные братие, в сей нареченный и великий для обители Преподобного Павла день, вознесем свои смиренные молитвы за Богом возлюбленного, Богом венчанного и превознесенного, но и на высоте трона Своего сердцем смиренного Сына Церкви Православной, нашего воистину Благочестивейшего Государя, и его Августейшую Супругу, с Их благословенным Отроком-Наследником и благоверными Дочерьми-Царевнами: да благословит Господь всех Их миром, здравием и благоденствием на многая лета.

Ты же, о Преподобне отче наш Павле, благоспешествуй смиренной и немощной молитве нашей твоею крепкою к Богу молитвою, много бо может молитва праведного спешествуема! Аминь”.

Слава Богу: несмотря на холодную, совсем осеннюю погоду, торжества прошли благополучно. Народу было множество. Крестные ходы из Грязовца, из Спасо-Нуромского прихода и от других церквей прошли в добром порядке. Новоосвященная серебряная рака и сень над нею поражают своеобразною красотою: они переносят зрителя в XIV век. Рака представляет как бы древний ларец из оксидированного серебра, вызолоченного, с тонкими узорами; на верху ее – удивительно сходно с древними иконами сделано изображение Преподобного во весь рост, покрытое слюдою с перегородками по складкам одежды. Половина верхней крыши открывается в головной части; кроме того и вся верхняя часть раки открывается; в головах и положено то изображение, о коем я говорю в своем слове. Это изображение – чеканное, художественной работы, сохранившееся, как и обе руки, в пламени пожара в то время, когда вся остальная часть раки частью расплавилась, частью исковеркана до неузнаваемости, – поражает какою-то особенною красотою лика Преподобного, чего прежде, до пожара не замечалось.

На телеграмму, посланную по случаю торжества освящения храма и Высочайше пожертвованной раки в Павло-Обнорском монастыре, участники торжества были ошастливлены следующим Всемиловитвейшим ответом Его Императорского Величества:

“Балтийский порт, 27 июня.

Вологда, Обер-Прокурору Святейшаго Синода.

В молитвенном единении со всеми присутствующими на обновлении соборнаго храма обители Преподобнаго Павла Обнораго и освящении новой раки благодарю всех за выраженные чувства.

Николай”.

Телеграмма на имя Его Императорского Величества была следующего содержания:

“Балтийский порт.

Его Императорскому Величеству, Государю Императору.

Смиренная обитель Преподобного Павла Обнорского чудотворца, несказанно утешенная после посетившей ее судьбами Божиими великой скорби Всемиловитвейшим благоволением Вашего Величества и Августейшей Супруги Вашей, празднуя ныне обновление своего сгоревшего соборного храма и освящение дивной раки, принесенной от щедрот Ваших, с благоговейным умилением видит в сем приношении поучительное для народа свидетельство глубочайшего, воистину Царственного смирения Вашего Величества пред одним из смиреннейших подвижников – носителей духа и заветов родной нашей Церкви Православной, на коей, как на несокрушимой скале, зиждется от веков древних Святая Русь и ее краса и величие – Престол Самодержца. Дерзаем уповать, Благочестивейший и Возлюбленнейший Первенец матери нашей Церкви, что в сей столь знаменательный для обители Павловой день и Вы и Августейшая Супруга Ваша с Богом данными Чадами Вашими, Своим верующим сердцем с нами, и вознося сердечныя молитвы у мощей Преподобного Павла вместе с многотысячным народом Вашим о здравии и благоденствии Вашем и Августейшей Семьи Вашей, а также и всей, Богом врученной Вам державы Российской, повергаем свои верноподданнические чувства к стопам Вашего Императорского Величества.

Епископ Никон.

Епископ Антоний.

Владимир Саблер.

Михаил Шрамченко”.

От Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны получена следующая телеграмма.

“Татчина, 27 июня.

Грязовец, Обер-Прокурору Святейшаго Синода.

Искренно благодарю Обитель Преподобного Павла Обнорского за молитвы и благопожелания.

Мария”.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, телеграммою на имя Обер-Прокурора Святейшаго Синода благодаря за молитвенную о Ней память и сожалея, что Ей не пришлось помолиться у раки Преподобного Павла Обнорского Чудотворца, выразила надежду в этом году поклониться Угоднику Божию.

Мои последние дни в Вологде

Я простился с бывшею моею паствою...

Духовенство города собралось ко мне 24 числа, в воскресенье, в 5 часов вечера. Глубоко тронул меня адрес, который мне было стыдно слушать: так много было в нем – не льстиваго суждения, столь обычного в подобных случаях, а видимо искреннего ко мне расположения, но в то же время и – совершенно мною незаслуженных похвал. Спасибо им, моим бывшим сотрудникам в служении Церкви Христовой! Та к тепло было на душе переживать эти минуты моего последнего с ними общения!

Мне поднесли на молитвенную память изящную в древнем стиле панагию. Я ответил им словом сердечной благодарности за их любовь. Еще раз – в последний раз – напомнил им, какое тяжелое время мы переживаем, какая ответственность лежит на нас, пастырях Церкви, где и в чем искать нам опоры и утешения в скорбях. По болезни вынужден был сократить свою беседу и простился со всеми растроганный до слез... ^[25]

29 июня я в последний раз служил в кафедральном соборе литургию. Разоблачившись после молебна, на который вышло много духовенства, я вышел из алтаря в мантии и сказал народу последнее слово. Я взял текст из прощальной беседы Спасителя: “Мир оставляю вам, мир даю вам”... Я сказал, что сии слова Господа я мог применить только в смысле молитвеннаго пожелания и последнего завета к бывшей моей пастве: мирствуйте, храните мир в себе, в своей совести, храните мир – будьте всегда в мире с ближними, исполняйте Господни заповеди и блюдите мир с Богом... Я особенно настаивал быть в мире и единении с Церковью, ибо в сем основание всякаго мира. Я указал на самое существенное в христианской жизни, в православном мирозерцании, в самом усвоении догматов веры нашей – смирение, без коего нет никакой цены подвигам, так называемым добродетелям. Я говорил, что смирение воспитывается послушанием Церкви, верностью ея заветам, подчинением себя руководству пастырей Церкви во имя послушания Христу Господу. Я особенно предостерегал от тех, кто позволяет себе осуждать служителей Церкви и тем отвращает верующих от послушания им. Еще раз я напомнил слова Господни: *если даже пастыри живут не добре, и тогда – вся елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите, по делом же их не творите*. Мы, пастыри, такие же грешники, как и вы, может быть, еще грешнее вас, но мы возвещаем вам путь спасения, Христом преданный: так Господу было угодно, чтобы и чрез недостойных пастырей изливалась благодать Его в таинствах Церкви, ибо, если судить по-Божьи, то есть ли в мире хотя один человек, достойный быть носителем сей благодати?..

В заключение я просил у всех прощения и преподал именем Господним всем прощение и благословение.

От лица всех кратко ответил мне ректор семинарии, взаимно прося за всех у меня прощения.

Долго потом я благословлял православных: судя по количеству розданных книжек (“Среди пасомых”), народа было не менее полуторы тысячи, но многие из немощных ушли, не дождавшись очереди. Грустно мне было это прощанье, в коем чувствовалось сердечное отношение сих чад Церкви к ея пастырям, яко носителям благодати. Вот почему так хотелось предостеречь их от разных модных лжеучителей, от сих хищных

волков, вторгающихся в стадо Христово. А волки эти, будто по чьему-то тайному мановению, врываются в Церковь отовсюду: и рационалистические, и мистические секты растут и множатся изо дня в день. И что особенно опасно: мистические проникают в недра Церкви, их последователи не хотят быть отлученными, напротив, как-то особенно льнут внешним образом к Церкви, тщательно исполняют ее обряды, причащаются святых Таин... И в то же время разрушают Церковь погибельными учениями...

Простился я и со всеми вологодскими святынями: был во Всеградском соборе, поклонился иконе Спасителя, был в Прилуцком монастыре, поклонился святым мощам угодников Божиих Димитрия и Игнатия, в Духовом монастыре у преподобных Галактиона и князя Иоасафа, в Троицкой церкви у преподобного Герасима.

В воскресенье, с поездом, отходящим по местному времени в 2 с четвертью часа, я отбыл из Вологды. На вокзале собрались добрые вологжане проводить меня. Были губернатор, вице-губернатор, другие представители власти, городской голова и масса народу. Народ пел *Спаси, Господи, люди Твоя и Многая лета* многожды, пели величание преподобным Сергию и Никону, Радонежским чудотворцам. Долго мне пришлось благословлять народ из окна вагона, ибо вятский поезд задержал наш поезд на полчаса.

Наконец, при пении многолетия, поезд тихо отошел в путь свой, и сердце как-то сжалось при мысли, что я навсегда уже покинул град Вологду, с его святынями, с его добрыми, верующими, простосердечными жителями. Благослови их, Господи, спаси их и помилуй! Благослови с миром пришествие к ним доброго святителя, и да будет служение его более благоплодно во спасение душ их, чем мое служение, да будут связаны союзом любви и пастыри вологодские с своим архипастырем и да трудятся с ним на ниве сердца народного во славу Церкви родной!..

№ 131–132

Отчество Царской власти

Сегодня открыл “Московские Церковные Ведомости” и сразу прочитал слова в записках архиепископа Леонида: “Русские смотрят на государство патриархально: государство – семья, Царь – Отец”.

Я прибыл в родную Лавру, когда она была полна светлых воспоминаний от посещения Царскою Семей. Иноки с умилением рассказывали разные подробности этого посещения. Более десяти лет прошло с того дня, как Государь посещал обитель Преподобного Сергия; много скорбей пережила бедная Русь за это время а с нею скорбела и святая Лавра. Ведь, если Москва есть сердце России, то обитель Сергиева есть один из жизненных нервов этого сердца. А Москва сама за это время была опозорена тою проклятою революцией, которая пыталась убить нашу мать – Русь православную... Тяжело было переживать эти смутные годы моей родной обители!.. И горячо молились иноки о мире всего мира, о Царе своем, о родной земле, молились и у гроба чудотворца, и во всех храмах, и по кельям своим... “Как будто наступило затишье, – говорят они – дай-то, Господи! Пошли мир людям Твоим!”...

Не стану повторять то, что в свое время описано в газетах. Отмечу лишь то, что ускользает обыкновенно от зорких глаз газетных описателей.

Говорят, были предприняты некоторые меры, чтобы массы народные не переполняли улиц Посада. Но народ проник в Посад такими путями, о коих полиция не думала: чрез посадские лощины или овраги, и все улицы по пути Государя оказались переполненными. Вся площадь пред Лаврой пестрела от головных уборов крестьянок, у вокзала всюду, где только было возможно, теснился народ. Когда Цесаревич показался из вагона и направился прямо в Царскую коляску, то буря народного восторга не поддавалась никакому описанию. Государь в эту минуту находился в царском павильоне: Он взглянул в открытое окно павильона, и радостным чувством озарилось Его лицо... Восторженными громовыми перекатами гремело “ура” по всему пути до Лавры, а лаврская колокольная приветствовала Царя чудными звуками четырехтысячепудового царя-колокола и его сорока медных детей. С крестным ходом Лавра встретила Помазанника Божия у святых ворот. Митрополит приветствовал Его сердечным словом. И вот Государь в древнем соборе Живоначальных Троицы, у нетленных мощей великого печальника Русской земли, Преподобного Сергия. Он, самодержавный обладатель шестой части света, яко един от простых богомольцев, смиренно склоняет венчанную главу Свою пред гробом смиренного отшельника лесов Радонежских, молитвенно поручает ему своего сына – Наследника и всю свою Царственную семью. Торжественно идет молебен Преподобному, и горячо молится Царь, молится Царица, молятся их Дети у гроба чудотворца. Говорят, трогательно было видеть, как Государь-Цесаревич благоговейно принял икону из рук митрополита и поцеловал ее, истово оградив себя крестным знамением.

Государь с Царевнами посетил келлии митрополита, а Государыня с своим Царственным Отроком изволила оставаться в это время в притворе, именуемом келлией Преподобного Сергия. Здесь Царица земная горячо молилась Царице Небесной, явившейся некогда на сем месте преподобному Сергию и рекшей: “Неотступна пребуду от места сего”. Государь еще раз посетил эту келейку, милостиво и просто беседовал с братией, расспрашивая об иконах и иконописной школе. С умилением поведают иноки,

как Государь-Наследник выходя из келлии Преподобного, еще раз обратился назад и протянул ручки, чтобы принять благословение владыки Митрополита. Невольно хотелось сказать Царственному Дитяти: “ Ты испрошен у Бога молитвами новоявленного чудотворца Преподобного Серафима: да будут же всегда, во все дни жизни Твоей угодники Божии с Тобою, и Божие благословение да будет над Тобой!..”

Государь со своею Царственной Семейей отбыл из святой обители; праздник кончился, но светлые воспоминания о его пребывании здесь живы и надолго будут одушевлять сердца, ему преданные, горячей любовью к Божию Помазаннику и всему Дому его. Вот телеграмма, которою Государь порадовал обитель и всех жителей Посада после своего отъезда. Она прислана на имя губернатора и в ответ на телеграмму жителей Посада:

Вместе с Моей Семейей сохраняю радостные чувства от посещения святой обители и совместной молитвы с жителями Сергиева Посада, которым поручаю передать Мою благодарность за выраженные чувства преданности.

Николай”.

Каждый раз, когда мне приводил Бог быть свидетелем и участником встречи Государя, я переживал какое-то особое чувство, особое, так сказать, мистическое настроение... Думаю, меня поймут православные русские люди, сердцем преданные заветам родной земли. Как выразить словами это чувство?... Я сказал бы: это ощущение всем существом русской души того отчества Верховной Власти, которое выражается в беззаветной, а следовательно, и безусловной любви и преданности народа к своему Царю и такой же любви Царя-Отца к народу, когда всякая мысль о какой-то конституции, о каком-то договоре Царя с народом является кощунством, непростительным оскорблением не только Царя, но и Бога, Которым Царь царствует. Наше русское Самодержавие носит характер чисто религиозный: “Бог, по образу Своего Вседержительства, дал нам Царя Самодержавного”, – говорит великий учитель Русской Церкви митрополит Филарет, и Царь наш царствует по образу Божия о нас Промышления, как слуга Божий, как уполномоченный Им, Царем Небесным, и только Им единым: Он – наш беззаветно любимый, наш родной Отец, и никогда, пока Русь стоит, пока она Русь Православная, народ Русский не допустит и мысли о каком-либо ограничении Его самодержавной власти, ибо не может допустить и той мысли, чтобы Благочестивейший Божий Помазанник позволил Себе поступить вопреки велениям Своей Царской совести, руководимой благодатию Духа Божия, дарованною Ему в священном Таинстве Миропомазания. Пожелает ли отец недоброго своим детям? Мыслимо ли от отца требовать отчета в его делах? Возможно ли, не будет ли нарушением всяких законов и божеских и человеческих вторгаться в права отца, ограничивать их, ставить ему какие-то условия, кроме тех, в какия он поставлен Богом в его совести? Народ есть единый целый организм, организм живой, возглавляемый Царем, яко Главою своею. Что тело без головы – то государство без Царя, что семья без отца, то и царство без Царя. Когда была наша Русь наиболее сильна, и славна, и могущественна среди народов земных? Тогда, когда наиболее сознавала эту истину: пример – царствование незабвенного носителя идеала Царя-Миротворца Александра III. Он воплотил в Себе, в Своем царствовании, в Своей личной жизни народный идеал Царя, и никогда Россия не стояла так высоко в глазах всего мира, как во дни – благословенные дни Его царствования. Мы переживаем иные дни, когда идеал наш тускнеет, меркнет в нашем сознании, и вот – плоды этого на наших глазах. Но в душе народной он, этот идеал, жив: народ беззаветно любит самое имя Царя,

чит в Нем Божия Помазанника и беззаветно предан Ему... И эта сыновняя преданность, это благоговейное отношение к Царской власти, к личности Царя и всех членов Его Августейшей Семьи, Бог даст, спасет Россию, если только врагам ея не удастся поколебать самой основы отчества Царской Власти. И они, наши супостаты, видят это, сознают, быть может, лучше многих из нас, отлично понимают и то, на чем все это зиждется, что опора всего строя нашей государственной жизни – в Церкви, в вере Православной. И посмотрите, как они стараются расшатать эти основы! Ни иудейства, ни магометанства, ни лютеранства, ни католичества, даже никаких сект не трогают, напротив: готовы всеми мерами им содействовать в укреплении и расширении, – на одно только Православие устремлены все их нападения, против него всюду и везде строятся козни, ведутся подкопы, составляются “блоки” и – какой позор! – в этом всеобщем походе врагов наших против Церкви православной принимают едва ли не главное участие, по крайней мере, по количеству членов этого “блока”, люди, именующие себя русскими, даже православными! Что за ослепление! Что за безумие, граничащее с самоубийством! Уже пусть бы прежде совсем отреклись от Православия, от русской народности, открыто заявили, что перешли... ну хотя бы в иудейство, магометанство, буддизм, во что угодно, только бы не обманывали народ именем русских людей! Но – увы! Им эта-то маска и нужна: без нея они бессильны, они знают это и только под маскою благодетелей народа надеются достигнуть своих преступных целей. Верится, что народ своим здравым умом сумеет наконец распознать их и с чувством грозного для них негодования отвернется от них, заклеив их именами, им свойственными...

Все мирозозерцание нашего народа построено на началах нравственных, церковно-религиозных, в противоположность мирозозерцанию народов западных. Там, напротив, все строится на началах правовых, юридических. Если мы хотим, чтобы наш народ занимал подобающее ему место в среде народов земных, то мы не должны насиловать его мирозозерцания, а все законы строить в народном духе. И если бы наши образованные классы усвоили себе это основное начало русской жизни, то не наделали бы тех ошибок, в коих – увы! – они и теперь не каются. Призвание Царем “лучших людей”, народом избранных, они поняли как открытие “парламента”, тогда как Царь-Отец хотел видеть при Себе советниками детей, а не парламентских говорунов, людей дела, людей опыта жизненного и, по возможности, разума государственного. А Ему в первую же Думу послали большинство самых негодных людей – разных “эсеров” и “эсдеков”. Кто послал? Конечно, не народ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вот эта “интеллигенция”, которая, пропитавшись западною отравой масонских учений, хотела и Русь переделать на западный шаблон. Царь распустил негодную Думу. Собралась Вторая, но не лучше Первой. Тогда Царь изменил выборный закон и получилась Дума... сносная. По крайней мере, ее терпели до конца срока ея полномочий. Желательна ли Четвертая Дума такая же? Конечно, нет. Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям, – мы не знаем; знаем одно: Царь есть высший источник законов и никто не смеет отнимать у Него права не только изменять, но и отменять законы, если Он сие признает за благо. Он может и вовсе отменить законы о Думе: ведь Он дал их, и если найдет, что законы не отвечают благу Его народа, то кто же посмеет запретить Ему и отмену их? Отец устанавливает порядки в семье, и, если эти порядки оказываются непригодными, отменяет их. Закон может быть хорош по идее, но не отвечать жизни: ужели следует держаться его неотменно, хотя бы он оказался вредным

для государства? Да, наконец, дети не исполняют воли отца: присылают ему не “лучших”, а худших избранников. Ужели нельзя лишить таких детей (для их же пользы, как неразумных, непонимающих намерений отца) того права, какое подарил им отец? Бог – источник благодати, но и Он карает грешников, лишая их Своей милости. Раскройте страницы всемирной истории, читайте историю избранного народа. Мы, христиане, веруем слову Божию и видим из него, видим из нашей родной истории, как Бог лишал народы Своей милости, когда они переставали быть верными исполнителями Его святой воли... Даже с юридической точки зрения, когда одна сторона, заключившая условие, бывает неверна своим обязанностям, то другая освобождается от принятых ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и верною им... В самом деле: Царь хочет, чтобы Ему выбрали в Его Думу “лучших”, а Ему присылают худших людей: что же, разве он не вправе сказать: “Такие Мне не нужны”? И мы признали бы только делом мудрой справедливости, если бы те области, те учреждения, которые и в Четвертую Думу прислали бы “эсеров” и “эсдеков”, были лишены, впредь до новой Думы, на пять лет, права иметь своих избранников в Государственной Думе или Государственном Совете, а эти негодные люди были изгнаны из сих почтенных учреждений немедленно. Худая трава с поля вон: нечего ей и сорить поле. Чистая пшеница будет только благодарна, если ее прополют в этом смысле, если среди ней не окажется открытых врагов Церкви и Отечества. И при нравственных основах государственной жизни это было бы только естественным явлением, и народ, верный этим началам, только горячо поблагодарил бы Верховную Власть за такую прочистку...

В истории бывают моменты, когда люди, понимающие смысл совершающихся событий, должны всячески прояснять в сознании народном те жизненные начала, которые заложены в духовный облик народа, и к таким святым началам – в церковной жизни нашего народа должно отнести – общение наше с Церковию небесною, с Церковию веков минувших – общение в мысли, в вере и жизни, а в государственной жизни – сознание *отчества* Верховной Власти. И если когда, то именно теперь мы, пастыри Церкви, а с нами и все просвещенные русские люди, верные этим началам, должны стоять на страже их, зорко следя за всеми покушениями на них со стороны наших врагов...

Мое доброе слово к православному духовенству

Время всякой вещи под небесем, сказал Премудрый, время молчати и время глаголати.

Настало время, когда нам, пастырям Церкви, предстоит великое дело – послужить нашей Православной Руси и нашему Богом избранному Самодержцу Царю верою и правдою. В нынешнем году предстоят выборы в Четвертую Государственную Думу. Воля Самодержавнейшаго Государя нашего нам хорошо известна. Он хочет, чтобы в это высокое государственное учреждение были избраны лучшие русские люди, русские по духу, чтобы здесь работали богатыри русской мысли носители родных заветов русского народного духа, люди дела и опыта не только житейского, но и государственного. Им поручается рассмотрение, исправление и даже составление новых законов; они отвечают и пред народом за то, хороши или плохи будут эти законы, худо или хорошо будет русскому православному человеку жить под этими законами.

Отцы и братия, сослужители и работники на ниве сердца народного! Вы знаете, что творится на нашей, когда-то святой, а ныне столь грешной Руси! Вы знаете, сколько развелось у нея врагов внутренних, врагов святой матери нашей Церкви Православной, врагов заветных наших святынь и родных преданий. Они и сейчас всюду работают, подкапываясь под самые устои нашей народно-государственной жизни. Нужно ли называть их сообщества или партии по именам? Народ в массе своей мало знаком с этими прозвищами, дикими для его слуха; зато он отлично умеет различать их по их деяниям, по их пропаганде, кто идет против матери-Церкви, не слушая ее внушений, ее голоса; кто хочет ограничить Царское Самодержавие; кто навязывает Русскому народу братство и равенство с иудеями и другими враждебными вере Православной иноплеменниками, отнимая у нашего народа право быть хозяином в родной земле: всех таковых народ считает врагами своими, все равно, как бы их ни называли: кадеты ли, эсеры ли, эсдеки ли или еще какие политические сектанты... Вспомните, отцы и братия, с какою непримиримою злобою все эти господа относились в Государственной Думе именно к Церкви Православной. Вспомните, какие вероисповедные законы проводили они и кто своим большинством помогал им в этом. Вспомните, как они отнеслись к нашему родному детищу – церковно-приходским школам, глубоко оскорбив не только память в Бозе почившаго незабвенного их воскресителя – императора Александра III, но и, милостию Божией, ныне царствующаго Его Державнаго Сына, Который назвал эти школы дорогим Его сердцу наследием от Державнаго Отца. Вспомните, с какою желчью отзывались они о наших святынях, о нашем церковном управлении, с каким презорством трактовали больной вопрос об обезпечении духовенства... Зато с какою нежностью отстаивали они интересы сектантов и раскольников, разных иноверцев и иноплеменников!.. Сердце изболелось за эти пять-шесть лет – будто кошмар какой давил душу.

Но зато мы многому и научились за это время. Мы научились распознавать врагов от друзей, какими в первые дни Третьей Думы притворялись, например, так называемые октябристы. Не захотели они в думском адресе назвать нашего возлюбленного Отца народа Самодержцем, и тут открылось, что они враги Царскаго Самодержавия. Ясно стало, что на таких друзей полагаться нельзя, что и доверять их обещаниям не следует. Дело показало, что они явились врагами и церковной школы, да и во всех вопросах,

касавшихся пользы и нужд Церкви, они становились на сторону так называемых кадетов. Такие друзья хуже открытых врагов.

С детства, от отцов своих мы приняли, как неоспоримую истину, что ум и совесть не изменяются как величины арифметические, что истина и добро не расцениваются по большинству голосов их оценщиков. “Большинство голосов есть великая ложь нашего времени”, – сказал один умный государственный муж. Но опыт последних лет показал, что приходится считаться и с этой ложью: иначе ложь возьмет верх в законодательстве над истиной, зло – над добром. Ясно, что в законосоставительные учреждения надо собирать побольше людей умных и честных, чтоб и большинством голосов они брали верх над людьми неумными и нечестными. Понятно, что если бы в Государственной Думе составилось большинство из людей, преданных Церкви, беззаветно любящих Самодержца и Родину-мать, то и смуте давно был бы положен конец, и пьянству народному – должны были бы пределы, и школьное дело процветало бы в истинно народном, православном духе, и Церковь Божия стояла бы на высоте, ей подобающей, да духовенство наше не нуждалось бы в куске насущного хлеба. Видите, как ни противно нашему нравственному чувству признавать в жизни принцип решения столь важных вопросов большинством голосов, но раз этот принцип допущен в законы, нам необходимо противопоставить ему такое же, но совершенно нравственное средство – тоже большинство голосов, но подаваемых людьми достойными, разумными, честными, а следовательно, только таких и избирать в будущую Государственную Думу. Русский народ искони жил в любви к Церкви, всегда прислушивался к ее голосу, к ней обращался в своих нуждах и невзгодах политических. Грешно нам, пастырям Церкви, оставить его без руководства и в настоящую трудную для него историческую минуту. Наш долг указывать ему грозящая опасности, разъяснять, что такое все эти политические партии, все эти кадеты, октябристы, эсеры и эсдеки, обличать лживость их обещаний, их тайные замыслы. Например: партия кадетов назвала себя “партией народной свободы”, а когда и эта лживая кличка была разоблачена, теперь называют себя “безпартийными прогрессистами”... А на деле их стремления ясны, как Божий день: они хотят лишить Помазанника Божия Его Самодержавия, сделать Его игрушкой в своих руках, чтобы Он не мог распоряжаться на Руси, яко Самодержец, по велению Своей Царской совести, а только подписывал бы то, что Ему подложат эти господа кадеты. Захватить Державную Власть в свои нечистые руки – вот их цель! Понятно, что с негодованием следует отвергать всякую мысль о выборе в Государственную Думу каких бы то ни было лиц, принадлежащих к этой изменнической партии, которую было бы справедливо называть, как и называют умные люди, партией народного обмана, а не народной свободы.

Наш пастырский долг и пред Богом и пред Отечеством предостерегать народ от всякой возможности выбора таких представителей в Государственную Думу. Само собою понятно, что и все духовенство должно всенепременно использовать свои права так, чтобы ни одной десятины земли не осталось без представительства на выборах. Смотрите, как заботятся наши враги, враги Церкви Божией, заботятся о том, чтобы всячески отвести глаза нам, духовенству, от выборов, от участия в них. Они нарочито и газету затеяли, якобы церковную, для недалеких батюшек, и назвали ее именем когда-то, лет 30 назад, существовавшего “Церковно-Общественного Вестника”, издававшегося г. Поповицким: им страстно хочется внушить всем нам мысль, будто участие духовенства в выборах в Государственную Думу и в ее трудах – есть вмешательство Церкви в политику. Они и слова Спасителя не прочь привести – *воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божия Богови.*

Но как раз эти-то слова и обличают их: ведь и сказаны-то они были не Апостолам, а вот таким же, как наши кадеты, лицемерам, которые хотели уловить Господа, обвинив Его в политике. Господь и разъяснил, что все мы должны исполнять свой долг как в отношении к Богу, в исполнении Его заповедей, так и в отношении к Государю в исполнении Его законов и повелений. Знают иудеи и их приспешники, разные кадеты и прочая челядь иудейская, что печать способна перевоспитывать неглубоких людей, что она может гипнотизировать массы, внушать им то, что хотят внушить руководители печати. И вот денег не жалеют, чтобы воздействовать на духовенство через печать, чтобы внушить ему, если не прямо революционные мысли, то хотя бы только вот эту мысль: “политика – не дело духовенства”... Да скажите же наконец, Бога ради: что такое “политика?” Ужели проповедь любви к Отечеству – политика? Ужели горячий призыв к защите родных святынь от поругания их иудеями и изменниками – политика? Ужели истолкование идеала Царского Самодержавия по разуму Православной Церкви – политика? Ужели твердое и решительное требование – да, требование! – чтобы театры не строились, например, рядом с храмами Божиими, чтобы под великие праздники, по крайней мере вблизи храмов Божиих, молчала плясовая жидовская музыка, чтобы детям в школах не смели дарить толстовские богохульные книжонки, чтоб в великие праздники, как Богоявление Господне, Вход в Иерусалим да и в воскресные дни иудеи-профессора не назначали для православных детей экзаменов, а гг. земские начальники, мировые судьи и другие служители Фемиды не назначали по праздникам заседаний своих в часы Богослужения, да мало ли еще что – ужели все это политика? Ведь выходит, что все, что не нравится иудеям и нашим изменникам – их союзникам, все это политика? Вот и теперь мы, пастыри, должны открыто и повсюду призывать Русский народ выбирать в Царскую Думу лучших, православных русских людей и не давать своих голосов тем, кто не хочет служить верой и правдой, по совести и присяге, Царю Самодержавному, Церкви Православной и родной Русской земле – что же, гг. кадеты, и это по вашему будет тоже политика? О, если бы мы отдали теперь все силы ума и сердца, призвав Бога на помощь, такой политике! Если бы Бог вразумил русских людей собрать Царю такую Думу, какою Он представлял ее Себе, когда писал Свой манифест о Первой Думе! Если бы эта Дума думала с Царем своим воедино, как бывало когда-то встарь, при Царях Московских!..

Помолимся, отцы и братия, пастыри Русской Церкви, да поможет Господь народу нашему, настрадавшемуся за последние шесть-семь лет от всяческих смут, встать на старый славный исторический путь единения и в мысли, и в деле, и в государственной жизни с Царем своим, Божиим Помазанником!

Ей, буди, буди!!!

О том, как иудеи отравляют нашу Русь православную

Несчастливая Россия!.. Не нужно быть мудрецом, чтобы видеть, что ты гибнешь, – не надо быть пророком, чтобы провидеть, что ты погибнешь, если не опомнишься, если не положишь границ той необузданной свободе, какую захватили себе иудеи и их наемники и приспешники, изменники вере родной из сынов твоих! Мы, русские люди, дожили до того, что нас насильственно отравляют духовным ядом, нам не дают самой возможности иметь здоровую духовную пищу: иудеи нагло смеются над нами, подсовывая нам вместо этой пищи яд, всюду – только яд и никакого противоядия...

От чтения хороших книг отучили, все заполонила газета, а вся газетная печать – почти вся, за немногими редкими исключениями – в руках иудеев, и мы, читатели, должны или читать непременно только их – извините за выражение – зловонные листки, или же совсем не знать, что на свете Божиим творится. Когда сидишь еще дома – можно выписать кое-что из патриотической печати, – надо правду сказать: по неимению достаточных к тому средств, какой-то захудалой, тощей сведениями, сообщающей не редко то, что в иудейских газетах напечатано уже два-три дня назад. Но когда судьба заставит вас путешествовать, то вы уже обречены на плен иудейский, горший вавилонского. Ни на пароходе, ни на станциях железной дороги, ни в вагонах – ни одной патриотической газеты. Спросишь “Московские Ведомости” или “Колокол” – отвечают: “Нет” – “Почему же не имеете?” – “Спроса нет”. – “Да вот я спрашиваю!” – “Извините, не имеем”. Или: “Вышли все”. – Да у вас и не было их!..

Загляните в сумку продавца, и пред вами запестреют все иудейские издания: и “Речь”, и “Руль”, и “Биржевка”, и “Копейки”, не говорю уже о “Русском (когда-то действительно – Русском, в котором и мне не стыдно было, напротив, – почетно сотрудничать!) Слове”, “Современном Слове” и т. д. А если заглянете как-нибудь неосторожно в издания иллюстрированные, то краска стыда покроет ваше лицо: такая там печатается мерзость!..

Судите сами: можно ли уцелеть тут простому читателю? А ведь газета в последние годы стала насущной потребностью массы полуинтеллигентов, что-то вроде папиросы или чашки чаю. Иудеи, прикрываясь заманчивым для недалеких людей словом “свобода”, захватили в свои цейкия руки печатное слово, захватили, говоря коммерческим языком, газетный рынок, поставили нас в невозможность противостоять им. И вот мы – в плену у них: чем хотят, тем нас и питают, особенно во время наших путешествий: точь-в-точь как содержатели буфетов: или ешь скоромное, или голодай в дороге. И это называется у нас свободой печатного слова! О, конечно, свобода – свобода злу, свобода отравлять русских людей, свобода издеваться над нами, над всем, что для нас дорого и священо! Но, гг. властимущие: ведь это плен, худший плена японского, немецкого, какого угодно, это плен жидовский: ужели это не видно вам?.. Или погибни Русь, лишь бы был неприкосновенен принцип свободы печати, свободы слова и т. д.?

Нам говорят: и вы пользуйтесь тою же свободой, – кто вам запрещает?

Совесть, господа, запрещает! Мы не можем допустить тех способов отравления народа, какие допускают и на какие способны иудеи. Мы не имеем и тех средств, какими располагают для сей цели иудеи. У нас нет фондов, подобных кагальному, нет миллиардеров, бросающих миллионы на завоевание нашего народа, в надежде пить его

кровь... Нет, если вам жаль русского человека, если жалеете родную Русь и хотите, чтоб она еще жила среди народов земли, то гоните от нея прочь этих чужеродных насекомых...

На эти мысли навел меня недавний случай. Еду я в вагоне, один из спутников подает мне номер московского иудейского “Руля” и говорит: “Почитайте”. Говорю ему: “Охота и вам брать в руки этот листок: разве не чувствуете, что от него несет чесноком?” – “Да нет, – говорит, – посмотрите, любопытная статья... Одно заглавие чего стоит! “Новое религиозное сознание”! А в скобках: “Что же такое голгофское христианство?” И тут же реклама автора, будто какой знаменитости: “Статья Ионы Брихничева”. А под статьей опять стоит это же, столь милое редакции имя: “Иона Брихничев”.

Взял я листок, пробежал статейку, писанную известным расстригой. Что же проповедует сей отступник от учения Церкви? А вот послушайте, чему он поучает читателей иудейской газеты. “Христиане, видите ли, на протяжении двух тысяч лет не усвоили себе христианского учения о благодати (милостыни хочу, а не жертвы)”. – Заметим: даже текст слов Спасителя искажен: вместо *милости* стоит *милостыни*, что, конечно, не одно и то же. – “До сих пор члены этих церквей называют себя рабами Господа, забывая о Богосыновстве, а следовательно, абсолютной свободе от заповедей – пережитых времен рабства”. Что-то нескладно, по-иудейски: “пережитых времен рабства”, но не в том суть. Как видите, г. Брихничев, бывший православным священником, как будто не читал никогда молитвы Господней, начинающейся словами: *Отче наш...* Совсем не помнит и словес Господа и Спасителя нашего: *если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте*. “Но рабство есть зло, поучает он, – следовательно, и заповеди не добро”... Слышите, читатель, что проповедует иудейский прислужник? “Проповедуя личное спасение каждого человека, говорит он, как довлеющую *цель и ношу* (?!), которую каждый человек только и может понести, все современные христианские учителя и нехристианские законодатели учат исключительно самоспасанию (?!). *Все для себя*, для спасения своей души”... Не правда-ли: писать так значит вовсе не понимать самого духа учения о спасении. Как это непростительно бывшему священнику – говорить ли об этом? Очевидно, ему и в голову не могло придти общее правило спасения: “спасайся в Церкви, и ты будешь содействовать спасению многих душ”. Однако, г. Брихничев изрекает уже свой суд на учение Церкви: “Это *жестокое* (курсив автора) учение, по которому “праведник” (знаки вносные показывают, что автор изволит иронизировать над этим словом) может покойно блаженствовать “в раю” (опять те же знаки), когда грешник томится муками адского пламени, проводит последовательно, что и общественной жизни здесь, *на земле*, проводится, благодаря ему, в большей или меньшей степени система самоспасения, личной святости, дрожания только за свою шкуру (“моя хата с краю”, поясняет он в скобках)”. Поймите тут: что он хочет сказать? “Христианство подлинное, голгофское, религия свободного человека, учит иному: не самоспасанию и рабским добродетелям, а иному – *Спасению Целаго* (прописные буквы автора). *Не все для себя, а все – для всех* (для тела и души всего человечества)”. Далее автор развивает свою мысль в виде молитвы, размышления, патетически говорит о том, что “Скорбь (опять почему-то с прописной буквы) Христа не прекратится и руки и ноги Его не перестанут кровоточить, доколе не отдельные лица будут подносить Ему ненавистный фимиам – личного самоспасания, личной “чистоты” (опять в кавычках), личной доброты, а пока весь мир, воскреснув, не придет в свободу чад Божиих нравственными усилиями отдельных его членов”... Забыл несчастный экс-священник слова Господа, что на небесах бывает радость великая и о едином грешнике кающемся, забыл страшное пророчество Господа о том, что во второе

Его пришествие нераскаянные грешники будут отосланы в муки вечныя, а следовательно, и всеобщаго спасения мира не будет... Эта ересь осуждена уже полторы тысячи лет назад и не г. Брихничеву ее реставрировать... Далее г. Брихничев уже прямо богохульствует, говоря, что *“Христос не искупил мира, я положил начало совместному с нами искуплению”*, что *“всякия обещания спасения за чужой счет, хотя бы по вере – есть злая и опасная шутка”*, что покаяние состоит *“в отвержении всех своих старых верований, в безповоротном и неуклонном (даже до смерти) осуждении рабской религии заповедей”* и что это покаяние *“должно вылиться в какой-то свободной жизни, свободном усовершенствовании, исполненной Христова Огня (опять большая буква автора). Огонь очистит личность, Он же спасет мир”*... Что же это за огонь? Автор отвечает: тот Огонь, о котором Христос сказал: *“Огонь Я принес на землю и как бы хотел, чтобы Он разгорелся!”* Автор намеренно уклоняется от церковного толкования словес Господних и придает им какой-то, видимо, особенный смысл, ибо везде слово *“огонь”* с прописной буквы... Он говорит: *“Огнем горящих, пламенеющих сердца человеческия, объединенная одним общим желанием воскрешения всего (курсив автора), составят из себя то Вселенское Пламя, в котором земля и все старья тела сгорят”*...

Едва ли найдется какой мудрец, который смог бы разобраться в этом богословствовании г. Брихничева; вероятно, он и сам не ведает, не дает себе полного и яснаго отчета о том, что говорит. Но читатели иудейской газеты твердо запомнят, что *“заповеди – не добро”*, что, стало быть, их и не нужно, что где заповеди, там рабство и прочие безумные глаголы... А иудеям только-то и нужно, чтобы такими бреднями отравлять христиан. И вот, к их услугам является расстриженный иерей г. Брихничев. И листы газетные с его бреднями (хотелось бы употребить другое слово, напоминающее ближе его фамилию) разносятся по лицу бедной Руси нашей, когда-то столь ревностно стоявшей за Православие, что такому господину не поздоровилось бы... сидел бы где-нибудь в Суздале или в Соловках. А ныне все можно: издевайся сколько угодно над верою Апостольскою, сочиняй ереси, продавай не только перо, но и душу врагам Христовым!

И многоскорбная, многострадальная мать наша, Церковь Православная, терпи поношение, поругание от таких отверженцев, а если кто из нас вступится за ее поруганную честь, если кто назовет ее поносителей их собственным именем, того имя приписывается ко злу... Но мы больше верим слову Христову: радуйтесь и веселитесь в таких случаях, с радостью несем поношение Христово и крепко веруем, что истина Господня пребывает вовек, а все враги ея, исчезая, исчезнут яко дым, яко прах, его же возмечает ветер от лица земли... Жаль только собратий наших, отравляемых этими бреднями и отторгаемых от матери-Церкви...

Голос смиренной науки в защиту веры

В 1909 году я напечатал небольшую брошюрку: “Беседа о том, откуда пошла наука и верят ли в Бога люди ученые?” Недавно вышла книга г. А. Г. Табрума: “Религиозные верования современных ученых”, перевод с английского под редакцией В. А. Кожевникова и И. М. Соловьева. Тема, как видите, та же, но автор сосредоточил свое внимание на ученых не прежних поколений, а на современных нам, и притом почти исключительно на представителях математических и естественных наук. В книге собраны непосредственные ответы самих вождей нового точного знания на определенный, предложенный им по двум пунктам вопрос: 1) усматривают ли они действительное противоречие между фактами, установленными наукою, и основными учениями христианства? и 2) считают ли они современных ученых людей верующими или же относящимися отрицательно к христианству? В моей книжке я привел мысли о вере людей науки времен прошедших: в книге г. Табрума приводится до ста писем мужей науки нашего времени, это голос людей науки самого последнего времени, единогласно свидетельствующих, что истинная наука, как таковая, не переходящая своих границ и ресурсов, не может отрицать Бога, потому что она не в состоянии доказать Его отсутствия: *научное, доказательное обоснование атеизма невозможно*. Но именно поэтому для науки нет и препятствий к признанию Бога, к принятию веры рядом с наукою, точнее – *за пределами* доступного силам науки. Правда, автор опрашивал только английских и американских ученых, но результаты этого опроса, в главных чертах, совпадают с данными, собранными другими учеными относительно французских, немецких и иных выдающихся ученых.

Мы живем в такое время, когда враги веры готовы пойти на всякую ложь, на всякий обман, чтобы только подорвать веру в сердца верующих; готовы на всякую подделку в науке, готовы самую ничтожную посредственность возвести в гениального ученого за то только, что этот полуученый станет на их сторону в отрицании веры. Вот почему надо быть особенно благодарными тем истинным представителям науки, которые со всем авторитетом научного знания обличают скороспелых прислужников лженауки, открыто исповедуя немошь человеческого ума постигнуть непостижимое в делах Божиих и смиренно склоняя свой ум в послушание вере. Автор отмечает, что масоны ежегодно распространяют массу дешевых книг, наполненных усилиями доказать, что вера в Бога вымирает. Как недобросовестно пишут в этих книгах их авторы, достаточно привести одну цитату из таких изданий: “В высшей степени сомнительно, – говорит самоуверенно такой автор, – чтобы какой-либо ученый или философ действительно придерживался в наше время доктрины личного Бога”... Судите сами, читатель: попадет такая фраза в якобы научной книге молодому человеку, и он смущен: “Говорит-де наука”, а того, бедный, и не знает, что представители истинной-то науки говорят как раз обратное... Как же дорого предложить такой смущенной душе и порекомендовать прочитать книгу, в которой более ста ученых авторитетов, без всяких колебаний, пред лицом всего научного мира заявляют, что сама вселенная является уже свидетельством бытия Божественного Разума, доказательством Бога, что по мере расширения знания природы и ее сил, тем более крепко в них убеждение в необходимости существования творческой Причины – Бога. Джордж Стокс, профессор математики, справедливо говорит, что

“крупная ошибка предполагать, будто ученый нерелигиозен, на основании того только, что он обыкновенно не говорит (кроме разве в кругу своей семьи) на религиозные темы. Есть пословица: “Глубокия воды текут спокойно”, и мне думается, что когда религия глубоко ощущается, о ней говорят немного”. Следовательно, если многие ученые не говорят о религии, то это не значит, что они и в Бога не веруют. Истинный ученый бережлив на слово, и если его специальная наука не близко касается веры, то он и не позволяет себе вторгаться своим умом в область, где он не специалист...

Приведу из книги Табрума несколько ответов на его запросы. Вот что пишет, между прочим, упомянутый ученый профессор Дж. Стокс: “Что касается утверждения, будто недавния научные изыскания показали, что Библия и религия ложны, то на это отвечу прямо: этот взгляд совершенно ложен! Я не знаю никаких здравых выводов науки, которые противоречили бы христианской религии. Быть может, и есть кое-какие дикие научные предположения, высказываемые, главным образом, людьми второразрядного знания, выдаваемые за хорошо обоснованные научные заключения и которые по свойствам своим могут вызывать некоторые *затруднения*, если *эти предположения* признать за истину, но я не зайду настолько далеко, чтобы говорить о *противоречиях* науки и религии друг другу, так как в главных частях они движутся в разных плоскостях и едва ли есть поводы для их сопоставления. Противоречия эти только *кажущиеся*: истинная наука и истинная религия согласны друг с другом”.

Лорд Кельвин (скончавшийся в декабре 1907 г.), которого прозвали “Наполеоном науки” и “королем ученых” и который был более полувека профессором физики в Глазговском университете, пишет: “Истинная религия и истинная наука вполне гармонируют друг с другом”.

Лорд Листер, знаменитый хирург, признанный за одного из величайших людей нашего времени, пишет: “Без колебаний скажу, что, по моему мнению, антагонизма между религией Иисуса Христа и каким бы то ни было научным фактом нет”.

Лорд Рэдлей, о коем говорили ученые люди, что он был “человек мирового знания в науке”, первоклассный физик и математик, писал: “Истинная наука и истинная религия не противоречат друг другу, да и не могут быть противоположаемы”.

Лорд Эвбери, более известный под именем сэра Джона Леббока, всеми признанный за одного из величайших ученых не только в области антропологии, но и вообще в науке, взятой в ее целом, в своей книге “Пользование жизнью” пишет: “Безконечное и Абсолютное никогда не могут быть ни объяснены, ни отринуты путем объяснения... Помни твоего Творца в дни юности! Чтобы умереть так, как было бы желательно, надо жить, как должно. Добродетельному смерть не страшна. Любовь к Богу лучше всего обнаруживается в любви к человеку. Есть благородные мысли у Платона, Аристотеля, Эпиктета, Сенеки и у Марка Аврелия; но у них вы не найдете Евангелия любви, высказанного так, как в Новом Завете. Истинно сказал Иисус, что Его религия – религия новая: “Заповедь новую даю вам, да любите друг друга”. Попытаться прибавить что-либо к учению Христа или улучшить его есть суетная и дерзкая попытка”.

Вильям Рамзай, самый выдающийся химик нашего времени, также утверждает, что между существенными истинами христианства и установленными фактами науки действительно антагонизма нет.

Вильям Крукс, другой известный химик нашего времени, пишет: “Я не вижу конфликта между установленными фактами науки и существенными учениями Священного Писания, между научной истиной и религией Иисуса Христа”.

Джон Г. Гладстон, создатель так называемой физической химии, указывая на многие имена великих представителей наук, решительно заявляет, что “те, которые занимают высокое положение в науке, оказываются верными учениками Христа”.

Бальфур Стюарт, скончавшийся в 1887 г., известный в Англии профессор физики, говорит: “Отношение между наукой и религией неправильно было называемо отношением враждующих сторон; этого нет и никоим образом быть не может”. Обсуждая достоверность воскресения и вознесения Христова, он замечает: “Сохранялось ли в неизменности действие известных нам сил природы в этих событиях, или же оно было иногда преодолеваемо высшею силой? Несомненно, преодолевалось! Конечно, мы обязаны исследовать очевидность этих великих событий, и это уже исполнено самым совершенным образом: история, повествующая об этих событиях, выдержала испытание настолько хорошо, что всякое предположение о нереальности их, несомненно, приведет нас к величайшей нравственной и духовной путанице... Я не вижу основания не допускать возможности изменения обычных сил силами высшими, при тех условиях, которыми сопровождалось пришествие Христа”.

П. Г. Тэт, математик, профессор физики, пишет: “Предполагаемая несогласимость религии и науки настолько часто и уверенно провозглашалась за последнее время, что стала считаться положением общепринятым у публицистов и, разумеется, преподносится ими в качестве заведомой истины своим чересчур доверчивым читателям. Но это предвзятое мнение всецело ошибочно, настолько ошибочно, что ни один настоящий ученый не рискнет, по крайней мере в Англии, впасть в эту ошибку”. Назвав имена великих мыслителей последнего времени: Брюстера, Фарадея, Фороса, Грэхмана, Роуана, Гамильтона, Гершеля и Тальбота, ученый Тэт спрашивает: “Кто же из этих великих людей отказывался от убеждения, что природа доказывает бытие Высшего, направляющего к цели Разума?”

Вильям Эбней, доктор наук, авторитет по фотографированию неба, президент многих ученых обществ, пишет: “Я занимаюсь науками и должен, по совести, сказать, что не только нет вражды между Библией и естествознанием, но что мы имеем дело как раз с обратным явлением. Наука говорит нам, что существуют известные законы в природе; там же, где есть законы, там должен быть и Законодатель – Бог. Изучающий естественные науки, во всяком случае, должен быть человеком, проникнутым благоговением, так как эти науки вещают нам, сколь далеки мы от познания такого Законодателя”.

Профессор Джемс Гейки, доктор прав, профессор геологии, минералогии пишет: “К Библии мы обращаемся не с желанием научиться астрономии, геологии или химии. Сам мир – библия природы, откровение нам Бога как Творца. Смирению и благоговейно изучая дела природы, мы получим возможность постигнуть кое-что из всемогущей силы Великого Промыслителя. И как Бог, Творец *видимой* вселенной, открывает Себя чрез природу, так и Бог, Божественный Творец и Правитель *невидимаго*, раскрывает нам Себя в Библии и в житиях и писаниях великих мыслителей... Говорить, будто руководящие наукою ученые нерелигиозны или что они враждебны христианству, просто-напросто – невежественная нелепость. Такое утверждение могло быть сделано только каким-нибудь сумасбродом или же ревностным фанатиком”.

Джозеф Прествич, умерший в 1896 году, величайший из современных геологов, пишет: “Религия и наука составляют две определенные ветви человеческого знания и исследования. Оне движутся по параллельным линиям и, по моему мнению, не могут, во

всяком случае, не должны сталкиваться. Одна ведаёт вопросы нравственные, другая – вопросы естествознания”. Сэр Джозеф умер добрым христианином.

Джемс Вильям Доусон, умерший в 1896 году, считавшийся главным авторитетом по геологии, пишет: “Природа и христианство, правильно понимаемая, становятся частями одного великого плана творческого Духа, плана, по которому кажущаяся аномалии и недостатки в человеке и его естественных союзниках будут, в конце концов, исправлены милосердием и справедливостью, так, что и сама природа восполнится и усовершится только при последней победе Евангелия Христова”.

Дж. Силей, умерший в 1908 году, профессор геологии, географии и минералогии, пишет: “Науки – сестры религии, в том смысле, что они раскрывают часть законов, управляющих вселенной и жизнью человека. Таким образом, это – ступени, возводящие к вере”.

Эдуард Холл, тоже известный геолог, пишет. “Библия и наука движутся по параллельным линиям. Предметы, доступные расследованию человеческого разума, предоставлены его ведению, тогда как Библия трактует нравственные и духовные стороны человеческой природы, которых разум не в состоянии раскрыть без посторонней помощи. Что же касается истинности и достоверности исторических книг Священного Писания, то ежедневные открытия клонятся к подтверждению их. Недавние исследования в Египте, Палестине и других восточных странах показали, до какой степени, даже в мелких подробностях, документы Ветхого Завета могут быть принимаемы с глубоким доверием. Осуществление ветхозаветных пророчеств в лице Господа нашего Иисуса Христа, пророчеств, изреченных за целые века до его появления, так же, как и тех пророчеств, что относятся к судьбам наций, в особенности еврейской, – убедительное доказательство того, что эти пророчества были произносимы под влиянием Божественного вдохновения. Вместе с тем высоконравственное учение Библии несовместимо с мыслью, что пророчества могли исходить от прибегавших к обману. Учение Господа нашего и Его Апостолов в самом себе носит отпечаток Божественной истины”.

Александр Мэкэлистер обращает наше внимание на лекции Манлея, в которых мы читаем следующие строки. “Из моего опыта я вынес убеждение, что неверие в Божественное Откровение, дарованное в жизни, трудах, в смерти и воскресении нашего Спасителя, преобладает более среди тех, которых я позволю себе назвать обозным арьергардом при лагере науки, нежели среди тех, для кого активный научный труд составляет истинную жизненную задачу”.

Джон Мак-Кендрик, известный физиолог, говорит: “Ни наука, ни богословие не сказали еще своего последнего слова о тайнах, окружающих человеческую жизнь. Мы можем быть уверены, что если бы мы больше понимали тайны, лежащие в конечных выводах научного размышления, мы нашли бы, что нет ничего несовместимого между научной истиной и верою в Бога, в бессмертие и нравственный долг. Только поверхностный взгляд на вселенную приводит человека к утверждению, будто наука объяснила или может объяснить все, или что ее учения противоположны высшим и глубочайшим верованиям, столь дорогим человеческому роду”.

Джемс Кричтон Броун, авторитет по душевным болезням, говорит: “Библия и наука дополняют друг друга, и каковы бы ни были их поверхностные расхождения, все же сами они остаются в глубоком согласии и обе являются обнаружением Божественного Начала, раскрывающего Себя не сразу, не во всей полноте, но понемногу и постепенно, подобно тому, как ночная тьма сменяется сначала зарею, а потом полным дневным светом”.

Дайс Дэкворт, доктор медицины, пишет: “Не расстраивайте себя из-за безбожников! На свете слишком много слабых, тщеславных и невежественных болтунов! Можете быть уверены, что большинство лучших и наиболее откровенных ученых не находят трудностей в примирении христианской религии с непрерывающимися добавлениями к науке, точно так же, как не считают они и Библию за камень преткновения для принятия новых точек зрения на старая истины. Всякая истина богоподобна, и Бог, очевидно, позволяет, чтобы новые обнаружения Его творения и мудрости были разъясняемы добросовестным трудом и человеческими расследованиями. Благоговейное изучение и полное признание Бога как Отца и как везде и во всем Сущаго – вот то, что нам всегда необходимо! Существующее не само создано, и можно все проследить, восходя до великого Зодчаго вселенной. Милостивое обнаружение Им Самого Себя, “Кого ни один человек не видел и видеть не может”, свершилось в Божестве единственного совершенного Человека, Его Сына, Иисуса Христа. Единственное разрешение всех наших затруднений состоит, по моему мнению, в том, чтобы поддерживать в себе смиренную и детскую веру и доверчивое упование на совершенную любовь к Богу, Который знает, из чего мы сотворены, и помнить, что мы не более, как прах. С этим убеждением и с совершенной любовью нет места для страха: все свершится должным образом в Им определенное, Ему подвластное время. Вот вера, в которой должно жить и с которой должно умирать. Счастливейшие из живущих и счастливейшие из умирающих те, которые твердо держатся этой веры”.

Сэр Оливер Лодж, первоклассный физик, говорит в своем “Катехизисе”: “Верую во Единое Безконечное и Вечное Существо, в любящего Отца-Руководителя, в Котором все сущее имеет основу своего бытия. Верую в то, что Божественная Природа особым откровением раскрыла Себя чрез Господа нашего Иисуса Христа, жившаго и страдавшего в Палестине тысячу лет тому назад, Которому с тех пор христианская Церковь поклоняется, как безсмертному Сыну Божию, Спасителю мира. Верую, что человеку предоставлено преимущество постигать Божественные цели на земле и содействовать им; верую, что молитва есть средство общения человека с Богом, что Дух Святый всегда готов помочь нам на пути наших стремлений к добру и истине и что безкорыстным служением мы постепенно можем достигнуть жизни вечной, общения со святыми и приять мир Божий”.

Та к благоговейно исповедует свою веру истинно ученый муж; а вот как сама наука, устами одного из своих достойнейших представителей, профессора физики Дж. Дж. Томсона, смиряется в самых успехах своих пред величием Творца вселенной: “В истории развития науки никогда не замечалось признаков приближающегося конца знаний. В то время, как мы в этой сфере завоевываем вершину за вершиной, перед нашими взорами раскрываются новые области, полные интереса и красоты; но нашей конечной цели мы, все-таки, не видим, не видим еще горизонта; в отдалении громоздятся одна на другую еще более высокие вершины, с которых поднявшись на них открываются дали, еще более широкие, еще более углубляющие наши ощущения и сознание истины, подтверждаемой каждым новым успехом науки: величавы творения Господа!”...

У нас в России страстно любят переводить на русский язык все, что идет против веры, против христианства; там, на Западе, давно уже научно опровергнута та или другая безбожная гипотеза или теория, а у нас еще только вводят ее в моду и распространяют ее яд среди молодежи как последнее слово науки. Так, у нас сравнительно недавно стали увлекаться писаниями Гексли и Геккеля. А вот послушайте, что говорит известный в

Англии ученый Франк Кэверс, профессор биологии: “Научные теории Геккеля фактически оказываются устарелыми во многих отношениях, благодаря новейшим работам настолько, что его имя в современных трактатах по вопросу об эволюциях упоминается лишь для указания полной отсталости его взглядов от настоящего положения знания и что, например, его биогенетический закон не выдержал жестокой критики детального эмбриологического расследования последнего времени и является, следовательно, не больше как бесплодным обобщением. Его монистические взгляды стали предметом насмешки для современных философов. Научная работа Гексли стоит, разумеется, несравненно выше, но что касается теории эволюции, то и он был только популяризатором дарвинизма, не давшим ему ничего нового. Та наука, которую хотят использовать агностики и атеисты, на много-много лет отстала от нашего времени, и эти писатели и лекторы имеют лишь поверхностное представление о биологии, полученное из вторых рук и относящееся к биологии не современной, а той, что существовала лет 40–50 тому назад. В наши дни наука движется вперед довольно быстро, и, например, в вопросе об эволюции многие теории Дарвина пали... Тот, кто решается выступать с догматическими заключениями на такие темы, тот не возбуждает да и не может возбуждать серьезного внимания к себе в мире сведущих мужей знания; а те, что отваживаются отрицать разумную первопричину или какая-либо иная христианские учения, эти люди отнюдь не вправе делать это во имя науки”.

А у нас какой-нибудь фельетонист, вроде Меньшикова, позволяет себе печатать все, что взбредет ему в голову, от имени науки: он готов доказывать, что и христианство есть не больше как великая экспроприация у буддистов, и самозарождение в науке будто бы доказано, и много-много подобного вздора он не стесняется выдавать за научные открытия...

Известный зоолог Джордж Карпентэр, между прочим, говорит: “Христианство есть опытная религия, и в этом обнаруживается ее согласие с научным учением. Тот, кто желает выполнить волю Христову, тот и познает Его учение. Личный опыт, переживание на самом себе спасающей и вспомоществующей силы Христовой – вот высшее свидетельство о Нем”.

И уж конечно, все наши отрицатели, все эти публицисты, с таким апломбом все отвергающие, и краем перста не касались исполнения воли Христовой: понятно, что, как слепцы, они и судить о сем свете, просвещающем всякого человека, не могут...

Профессор В. К. Паркер, которого Карпентэр назвал “великим сравнительным анатомом”, оставил нам следующее смиренное признание: “В продолжение пятидесяти лет радость о Господе была моею силою; четыре Евангелия, выдаваемые кое-кем за старческие бредни или за хитро придуманные обманы, которым, по мнению некоторых, безнравственно верить, – эти предполагаемые вымыслы служили мне поддержкою в жизни и сообщали подъем душе моей и уму моему. Что касается знания, доступного современной науке, то оно пока еще не более, как невежество с открытыми глазами!.. Сущность любой вещи, например, этого первоцвета, я познаю действительно тогда только, когда увижу ее во свете лица Творца ее, а пока это только чудесное звено в бесконечной цепи естественно-чудесных живых существ”.

Уэйндль говорит: “Каждый слышал о лучах Рентгена, и большинство людей видали их. Но, вероятно, лишь немногим известно, что открывший эти лучи – верный сын церкви” (католической).

О Пастере тот же ученый пишет: “Ни один из знающих что-либо о нем не сомневается в искренности его приверженности к католической вере”.

Мендель, великий биолог, был монах.

Известный ученый профессор анатомии Уэндль Хольмс сказал: “Наука представляет собою мысль Бога, открытую человеком; изучая естественные законы, человек относит следствия их к их Первопричине, к воле Творца, или, по поэтическому выражению Гете, “природа есть живое одеяние Бога”.

Профессор патологии Г. Симс Вудхэд пишет: “Что касается утверждения, будто недавние научные исследования показали, что Библия и религия ложны, то нет ничего более далекого от фактической действительности, как это положение: чем больше изучают Библию, тем больше находят, что она состоит из документов исторических. Мало того: признано, что Библия, как повесть о бывшем, никогда не оказывалась неправой пред судом науки в поисках истины со стороны последней”.

Доктор медицины Патрик Мансон, известный автор исследования о москитах, говорит: “Из всех людей настоящий ученый, как неизбежно смиреннейший из смертных, есть вместе с тем и религиознейший”.

Джордж С. Боульджер, профессор ботаники и геологии, пишет: “Вы ссылаетесь на лектора, который сказал, что ученых-христиан в настоящее время не существует. Это – ложь, чудовищная ложь!.. В философии, физике и астрономии я чрезвычайно рад стоять на одной и той же стороне с Бэконом, Ньютоном и Наполеоном. Вместе с Бэконом я верю в то, что “малая” (поверхностная) философия склоняет человеческий разум к атеизму, тогда как “глубокая философия” приводит умы людей к религии. С Ньютоном я согласен “казаться” маленьким мальчиком, играющим на берегу моря и развлекающимся от времени до времени нахождением более гладких камешков или более красивой раковины, чем обыкновенно, тогда как “великий океан истины продолжает пребывать неисследованным передо мною”. С Наполеоном, не ученым, но зато человеком мировой деятельности, я сказал бы нашим неопикурейцам то же, что он молвил своим скептически настроенным офицерам, указывая на звезды: “Господа, вы можете говорить всю ночь, что хотите, но я все-таки спрашиваю вас: кто же сделал все это?” Вместе с Джоном Рэем я назвал бы изучение природы благоговейною обязанностью, благочестивым занятием, вполне пригодным для воскресного дня; нет ничего невероятного в том, что оно именно и станет делом дней отдыха в безконечном будущем”.

Александр Р. Симпсон, доктор медицины, говорит: “Бог познается не телескопом и микроскопом, и, к счастью для вождей науки, многие из них достигали Богопознания путем веры”.

Г. Лангхорн Орчард, профессор философии и этики, пишет: “Чем больше я живу, тем больше встречаю доказательств полного согласия между Библией и наукой. В особенности умножились в наши дни археологические доказательства как непрерывное пояснение истины Священного Писания. Библия не только находится в согласии с установленными выводами науки; она содержит даже замечательные предвещения таких научных истин, которые сделались известны ученым лишь значительно позднее; таковы, например, научные открытия в книге Иова 26, 7: “Он (Бог) распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем”.

Горас Ламб, профессор математики, говорит: “Насколько мне довелось наблюдать, никто из настоящих ученых не относится к нападениям на религию иначе, как с величайшим отвращением”.

Франсис Тарльтон, профессор физики и математики, пишет: “В науке, как и в религии, отречься от веры потому только, что с нею связаны некоторые затруднения, было бы настоящим сумасбродством. Каждый здравомыслящий ученый верит еще в светоносный эфир, хотя до сих пор еще никому не удавалось дать удовлетворительное и связанное объяснение его природы”.

Доктор Андрей С. Д. Кроммелин, известный астроном, говорит: “Для объяснения происхождения жизни некоторые писатели сочиняют настоящие волшебные сказки, выдавая их за науку; Геккель в этом отношении отличается особенною задорностью”.

Джон Флеминг, профессор электротехники, имя коего неразрывно связано со многими применениями этой науки, пишет: “В Библии, взятой в ее совокупности, мы имеем труд, вернее сказать, – целую литературу, которую невозможно признать за произведение одного только человеческого разума”.

Но довольно выписок. В книге г. Табрума все звучат имена, для нашего русского слуха незнакомые, исключая разве немногих. Но все эти имена почтеннейших представителей науки: психологии, философии, физики, химии, геологии, биологии, физиологии, филологии, зоологии, анатомии, патологии, ботаники, антропологии, гинекологии и др. наук. Все это люди в своей стране уважаемые, а многие из них не безызвестны и среди наших ученых людей. Это – не то, что наши псевдоученые говоруны газетные, позволяющие себе без всякой проверки оглашать всякую тенденциозную, якобы научную, гипотезу, выдавая ее за последнее, и притом решительное, слово науки. Это поистине – “обозный арьергард при лагере науки”, как их назвал Александр Мэкэлистер. И пусть бы это были обычные газетные писаки, работающие или просто из-за пятачка, или же в угоду иудеям и масонам: жаль, что у нас на Руси развелось немало таких говорунов в угоду духу времени, из моды, чтоб не казаться отсталыми в глазах недалеких читателей, уже достаточно отравленных ядом отрицания. Есть, конечно, такие второразрядные ученые и на Западе, и в самой Англии: о таких именно и говорит доктор Кроммелин: “Что касается равнодушия и враждебности к религиозным верованиям со стороны некоторых людей, занятых научными исследованиями, то это происходит от гордости ума: наука во многих отношениях увенчалась такими изумительными успехами, что некоторые приходят слишком поспешно к заключению, будто она может объяснить все”.

Гордость ума – вот причина заблуждений некоторых “занимающихся научными исследованиями”. И хорошо сказал о них настоящий ученый, что это – только “занимающиеся исследованиями”, но не решился назвать их настоящими учеными. При всем их трудолюбии, их ум бежит вперед и делает умозаключения, основывая их не на добытых фактах, а на фантастических предположениях, которые, при проверке их настоящими учеными, оказываются ошибочными. А между тем соблазн безбожия уже вносится в среду доверчивых людей и отравляет их. А газетные поденщики, вроде г. Меньшикова, не задумываются разносить яд соблазна повсюду, подслащивая его своим искусным пером.

Мы живем в такое время, когда в область науки вторгаются лженаучники, имеющие совсем не научные цели. Это – слуги масонства, продавшие им и ум, и совесть. Их цель – разрушение христианства. Отсюда – целая школа всякого рода критики на Священное Писание, отрицания его подлинности; отсюда и все эти лженаучные теории безбожия; отсюда своего рода гипноз в печати, в обществе, какое-то внушение, будто христианство уже стало достоянием истории, будто теперь наука то и то доказала, то и то опровергла, будто теперь уже стыдно открыто признавать себя христианином, что это-де признак

отсталости. А врагам Церкви все это и на руку: ведь иудеям и масонам только это-то и нужно. К глубокому сожалению, у нас, в России, как будто никому и дела нет до этой разрушительной работы врагов веры и Церкви, врагов христианства и человечества. Тем ценнее появление книги, воплощающей в себе смиренный голос истинной науки за веру против неверия. Пусть это наука пока не русская: в вопросах веры несть иудей и еллин... Честь и хвала доброму человеку, который потрудился собрать отзывы верующих ученых; честь и хвала сим ученым, которые не постыдились открыто исповедать Христа; спасибо и русским образованным людям, которые перевели эту книгу на родной язык и дали ее в руки нашей молодежи, да и молодежи ли только?! Ее с удовольствием прочтут все, искренно ищущие истины Божией в среде наших интеллигентов.

Верный послушник Матери Божией

В наше скудное верою и духом время как отрадно сознавать, что еще не совсем погас светоч духовной жизни на Руси, что еще не иссяк источник воды живой, текущей в жизнь вечную, в душах православных, что кое-где, – увы, как редко! – есть люди, духом живущие, Богу работающие, люди, в коих светится огонек благодатной жизни, искрится вера, как алмаз чистая и твердая, и они напоминают нам, что человек не есть животное, а есть носитель образа Божия, предназначенный к богоподобию, к жизни в Боге и с Богом в вечности. Когда встречаешь таких людей на жизненном пути, то невольно как-то исторгается из сердца вздох благодарности к Богу, что не укрылись от тебя сии Божии трудники, что ты не только был их современником, но отчасти и собеседником, слышал от них много поучительного, хотя по лености своей, слышал не во спасение души, а в суд себе и осуждение... И скорбью сжимается сердце, что вот – сии рабы Божии совершили уже свой жизненный путь и ушли в путь всея земли, в отечество небесное, самым отшествием своим поучая нас, своих ленивых современников, искать единого на потребу...

Одного из таких смиренных светочей монашества Матерь Божия возвала к Себе накануне Своего великого праздника – Успения, яко верного Своего послушника, всю жизнь свою Ей посвятившаго, ради Ея земного жребия – святой горы Афонской – Отечество свое оставльшаго, но, по Ея же указанию, за святое послушание, в иной Ея жребий, к пределам древней Иверии, посланного, чтобы там, у подножия Кавказских гор, омываемого волнами моря Эвксинского, создать Новый Афон – пречудную обитель, в ответ миру на его многопытливый вопрос: на что монастыри? – и во славу Церкви Православной...

Кто из русских иноков, внимающих судьбам русского иночества, не слышал имени отца Иерона как строителя новой обители – дщери старого Афона? Но и иноки не все знают, какой крепкий адамант деятельной веры был этот старец Божий. Теперь, когда он ушел к Богу, можно нечто поведать во славу Божию, не смущая его смирения.

Он все, что делал, приписывал Богу и молитвам отцов, воля которых была для него священна, как воля Божия. За послушание пошел он на Кавказ; в совершенном отсечении воли своей совершал свой многотрудный подвиг строительства; всякую свою мысль он спешил поверить духовно-опытным советам старцев, и за такое всецелое послушание они не оставили его таинственным руководством и из загробного мира. Вот что в дружеской беседе однажды поведал он мне: покойный старец отец Иероним заповедал ему построить на Иверской горе храм в честь Матери Божией. Гора эта подходит с северо-запада к тому ущелью, в котором заключен горный поток плотиною для водопада. Время шло, мысль о храме на горе не оставлялась, но и не приводилась в исполнение: были все неотложные нужды по постройке главных зданий и соборного храма обители. Наконец, года два или три назад, является отец Иероним во сне о. Иерону и говорит: “Пора тебе, Иерон, строить храм”. – “Средств еще, батюшка, недостает”. – “Ну, Бог пошлет”.

Проснувшись, отец Иерон задумался: о каком храме говорит старец? На Иверской ли горе, или ином каком? И вот батюшка ему снова является, как будто уже на самой горе в той келье, где принимают посетителей, и снова говорит: “Не отлагай, строй Божий храм!”

Отец Иерон опасался, не мечта ли эти явления, но его небесный авва явился и в третий раз и уже строго приказал приниматься за постройку. И послушный старец не усомнился исполнить волю своего аввы: храм начат постройкой. В прошлом году, когда я посетил эту гору, старец весь занят был заботой о висячей электрической железной дороге на эту гору, чтобы подвозить материалы для храма. Посылает Царица Небесная и средства для Своего храма. Так, в бытность мою у отца Иерона, когда не было у него ничего, некто из посетителей вручил ему триста рублей совершенно для него неожиданно.

Постройку величественной обители он также начал без средств, за святое послушание. Раз приходит к нему неизвестный богомолец и просит денег на дорогу. Старец, отдавая ему последняя, сказал: “Господь велел: просящему у тебя дай.

Вот бери, что есть, но знай, что это – последняя”. Тогда посетитель вынимает из пазухи документ и подает отцу Иерону: “Возьмите, батюшка, на построение обители: так Богу угодно!”

Это была жертва столь щедрая, что ее достало на все капитальные постройки! Прося на дорогу, благотворитель испытывал монашескую совесть старца Божия и был тронут его глубокою верою в Божий Промысл.

Там, где он был прав в своей монашеской совести, он умел настоять на своем, никого не обижая, не задевая ничьего самолюбия. Долго тянулся спор о том: строить ли монастырь на той полугоре, на коей он теперь красуется, или же – на старом месте, на берегу моря. По-видимому, колебались и афонские аввы, может быть, под влиянием толков о тех громадных расходах, какие были потребны при уравнивании местности и других трудностях дела. Отец Иерон доказал “батюшке” своему, отцу Иерониму, что все удобства в будущем на стороне горы и что ради их не следует ничего жалеть, чтобы потом будущие обитатели монастыря не упрекали строителей его. При бывших в недавнее время изысканиях бережной железной дороги, инженеры наметили было линию ее в разрез всех владений монастырских, так что весь прекрасный масличный сад был бы уничтожен и многолетние труды иноков по возделыванию дикаго участка земли пропали бы напрасно, а монастырь был бы лишен не только наилучшего своего украшения, но и доходности. Старец решительно восстал против такого безжалостного отношения гг. изыскателей и сказал: “Ведите, господа, дорогу по берегу, а сада нашего и не думайте касаться: до Государя дойду, к стопам Его припаду, умолять буду, чтоб обитель не давал в обиду, и надеюсь: Его Величество милостиво выслушает и исполнит просьбу старика!” И старца послушали, и дорогу предполагается провести по самому берегу моря.

Говорить о том, какой отец Иерон был хозяин, какой техник-самородок, администратор, если угодно, в некотором смысле политик – не стану. Все это – придаточное, а главное – это крепость его монашеского духа, его постоянно живой пример, коим он, подобно всем великим отцам иноков, управлял братией: он первый являлся в храм Божии на все службы Божий, первый шел он на работы; с любовью он оберегал душу каждого молодого послушника, посылая его туда и к тому, где были все благоприятны условия его духовного воспитания. Он, как духовно-опытный старец, умел утешить печального, умиротворить немирного, указать Божий путь заблуждающемуся. Он был всем вся, по выражению Апостола Христова. Он особенно чтит Матерь Божию и имя Ея произносил с благоговением. В день Ея всечестнаго Успения и он почил в Бозе, упокоился от трудов и подвигов, среди которых так ярко, так увлекательно горела пред Богом его дивная душа...

Уже получают отклики скорбного чувства из разных уголков родной земли по поводу кончины отца Иерона. “С кем же мы теперь остаемся? – пишет мне, например, один

добрый пастырь. – Кто заменит нам те духовные маяки, те магниты, к которым так любили тянуться многие тысячи душ?”...

Да, мы сиротеем... Но если мы будем в покаянном чувстве поведать Богу свое сиротство, то Господь и смилуется над нами, и призовет новых деятелей на ниву Свою, и пошлет нам добрых наставников и руководителей в жизни духовной... Разве возможно, чтоб Господь не послал таковых, если мы будем искать – искренно, нелицемерно, ради славы имени Его и ради спасения душ наших? Не может быть, чтобы Тот, Кто сказал: “Просите и дастся вам, ищите и обряцете”, – может ли быть, чтобы Он отказал нам в едином на потребу – в том, ради чего Он и на землю к нам приходил, и кровь Свою пречистую пролил, и вся, яже ко спасению, нам Духом Своим даровал?..

Господи, призри на немощь нашу, не попусти волкам расхищать стадо Твое, посылай нам мужей веры и духа. Да, окормляемые ими, минуем пучину искушений от плоти, мира и диавола, и вслед за ними, хоть самыми последними, войдем туда, где дал Ты место покаявшемуся разбойнику, блудницам, грешникам и всем, кто в сознании своего ничтожества, своей беспомощности духовной, ищет и жаждет Тебя, наш Спаситель и Искупитель!..

Кончина и погребение отца архимандрита Иерона

Отец архимандрит Иларион сообщает мне с Нового Афона некоторые подробности последних дней жизни и кончины в Бозе почившего старца, отца архимандрита Иерона.

“В средних числах апреля отец Иерон сделал поездку на вершину Иверской горы для некоторых распоряжений по заготовке материалов и всего необходимого к постройке там нового храма в честь Иверской иконы Божией Матери. Храм этот проектируется соорудить недалеко от развалин нагорного древнего храма. Возвратиться оттуда к вечеру в обитель он не успел и принужден был заночевать там, в домике, устроенном для инока, надзирающего за часовней и принимающего посетителей Иверской горы. Недомогаая пред этим немного, он, должно быть, еще простудился и возвратился оттуда больным, и притом настолько серьезно, что мы вынуждены были известить о его опасном болезненном состоянии преосвященнейшего Андрея, епископа Сухумского. Благостный владыка не замедлил прибыть в Новый Афон, и 20 апреля сам совершил над болящим Таинство святого елеосвящения, после которого безнадежно, казалось, захворавшему батюшке стало заметно легче; он начал оправляться в здоровье. Но преклонные лета батюшки и переутомленный годами жизни организм ненадолго позволили нам радоваться улучшению его здоровья: последнее вскоре же стало клониться к худшему, и все лето мы были в тревожных опасениях. Видимо для всех таял наш батюшка, как горящая свеча, хотя до конца духом был бодр. При общем упадке сил, страдания его, главным образом, были в области сердца, отказывавшего работать и требовавшего постоянно медицинской помощи. К августу упал вовсе аппетит. Раньше изредка батюшка вставал, ходил по комнате, а тут суровый недуг стал держать его уже неотходно в постели. Две последних пред кончиною недели он почти ничего не кушал, принимал только иногда полчашки чаю и понемногу миндального молока. Между тем, преосвященный Андрей был в отпуске, и угасающий старец с нетерпением ждал его возвращения; все справлялся у окружающих о времени его приезда. В августе батюшка приобщался святых Таин ежедневно, после ранней литургии, и, отказываясь после 10 числа уже и от миндального молока, стал пить лишь изредка святую воду. Когда же, ранним утром 13 августа, дежуривший почти неотходно, при батюшке фельдшер сказал ему, что прибыл владыка в Новый Афон,

большим своим истовым, как и всегда, крестом стал осенять себя старец, радостно повторяя: “Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!”... Преосвященный не замедлил, сразу же по приезде, прибыть к больному. После обычных взаимных приветствий, старец прямо стал просить прочитать ему отходную. Эта просьба не могла быть преждевременною: фельдшер, незадолго пред этим, на вопрос батюшки о состоянии его здоровья, предупредил его откровенно, что все сильно действующие медицинские средства становятся уже бесполезными. Преосвященный на несколько минут сходил помолиться в храм, где в это время оканчивалось утреннее богослужение; потом оставался некоторое время со старцем, по его желанию наедине и уже после того прочитал канон на исход души и разрешительную молитву. Когда кончились в храмах ранняя литургия, владыка отбыл в Сухум. А батюшка весь этот и следующий день лежал в кровати как будто в полузабытье; но, должно быть, его не оставляло молитвенное горение духа: он изредка истово крестился. Утром 14 августа он приобщился; вечером выслушал вечерню и акафист Царице Небесной. А когда уже в обители совершалось бдение Успению Божией Матери, вначале 11-го часа ночи, очевидно, предчувствуя кончину, стал просить, чтобы для него служили раннюю литургию в Вознесенской церкви, откуда в его комнаты имеется слуховое окно. А когда ему сказали, что раньше полуночи начинать литургию неудобно, и предложили приобщиться запасными святыми Дарами, он и на это согласился. Пред этим, по его желанию, одет он был в великую схиму и епитрахиль. Негласное пострижение в схиму он давно уже имел, но носил ее, как принято по нашему уставу, сокровенно, под рясой, выполняя лишь особое, обычное для схимников келейное правило. Приобщившись, батюшка принял немного размоченного в святой воде антидора и запил святыне Дары; перекрестился, попросил снять епитрахиль, лег в постель... Но духовник не успел еще закончить благодарственных молитв, после “Ныне отпускаеши раба Твоего” (знаменательно: и в храме, за бдением, в это время эту молитву пели) умирающий старец совсем слабым, едва слышным голосом попросил опять посадить его на кровати и в таком положении, обратившись лицом к востоку и устремивши сосредоточенный взор на святой крест, бывший в руках его духовника, тихо и мирно уснул вечным сном...

Погребение батюшки торжественно совершилось 18 августа, после заупокойной литургии. Служил преосвященный Андрей, епископ Сухумский, (накануне служивший и бдение заупокойное) с сонмом священнослужителей, при большом стечении детей духовных, почитателей батюшки и соседних русских поселян и туземцев. В монастыре, после отпевания, гроб обнесен был вокруг собора.

День был чудный, ясный. Тихо реяли в воздухе предносимыя хоругви. Не смолкало протяжное надгробное пение, сливаясь с колокольными звуками храмов: соборного, Покровского и святого Апостола Симона Кананита. Погребальная процессия по дороге, масляным садом, медленно направлялась, спускаясь длинною вереницею, от нагорного монастыря к нижнему, а оттуда к храму святого Апостола Симона, близ коего, в приготовленной, по указанию самого покойного батюшки, могиле и нашло вечное упокоение его переутружденное многолетними безпримерными трудами тело. Литургия началась в этот день в 6 часов утра; погребение окончилось в 12 часов.

Медленно, с тихою грустью расходилась от могилы своего дорогого аввы братия, умиротворенная духовно-светлым воспоминанием о блаженной кончине старца, утешенная совершившимся честным его погребением.

На литургии сказана была речь одним из соседних с обителию священников о значении батюшки как устроителя обители для православной верующей России и для местного края. Пред отпеванием прочувствованное слово говорил владыка о батюшке как старце духовном; а мое слово сказано по 6-й песни канона.

Батюшка был из государственных крестьян Костромской губернии; родился в 1835 году. В молодых годах жил в Петербурге; был доверенным приказчиком у одного богатого человека. Благодаря книжному чтению, получив неодолимое влечение к иноческой жизни, двадцати семи лет ушел на старый Афон, и в 1862 году поступил в Пантелеимонов монастырь. Там был он уже иеромонахом и казначеем. Но блаженной памяти старцы, архимандрит Макарий и иеросхимонах Иероним, в 1876 году послали его в Новый Афон, обязанный ему нынешним благоустройством. Во внимание к его безпримерным трудам, из высших наград он имел ордена Святой Владимира 3-й степени и Святой Анны 1 степени”.

Так свято почил великий старец-подвижник нашего времени! Как трогательно это совпадение момента его кончины с чтением в его келлии, у его постели, и пением в храме, на всенощном бдении, дивной молитвы великого евангельского старца-Богоприимца: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко!* Подобно оному дивному старцу, отец Иерон в сей великий момент восприял в святых Таинах Господа Иисуса, и сам душою своею был восприят Им в руце Его, сретаемый, веруем, Его Пречистою Материю...

Кто культурнее: они или мы?

Мы, русские люди, привыкли с детства считать западных соседей своих народами передовыми, культурными, просвещенными, хотя самый взгляд этот едва ли нам не внушен самими же европейцами, с самого появления нашего в истории смотревшими на нас свысока, как на варваров. Причиной этого было не только наша славянская кровь, – чехам, полякам и другим народам нашего же славянского корня это если не совсем простили, то в значительной степени к этому снизошли, – а наше святое Православие: вот этого нам они никогда не простят! А ведь если ближе посмотреть, поглубже вдуматься в суть дела, то гораздо больше имели бы мы прав “гордиться” пред господами европейцами, чем они пред нами: у них понятия нет о том духовном сокровище, каким мы владеем и за которое они нас ненавидят какою-то стихийною ненавистью, часто даже бессознательною, слепую, бессмысленную! Да, мы могли бы гордиться своим Православием, если бы только само Православие допускало хотя тень такой гордости.

И ведь вот что достойно внимания: гордясь и унижая нас, наше православное миропонимание, люди западной культуры только сами себя унижают в наших же глазах. И с жалостью смотришь на эту вознесенную гордыню западного человека, который, к сожалению, часто просто не способен отнестись безпристрастно, вдумчиво к нашему православному мирозерцанию, что, казалось бы, уж и не к лицу тому, кто считает себя культурным и якобы просвещенным человеком. Как-то вчуже жаль таких людей, когда, по мере ближайшего с ними знакомства, их культурность постепенно линяет, золото обращается в мишуру, а вместо сознания своего истинного достоинства является вот именно превознесенная гордыня...

Не знаю, как другие, а скажу про себя: мне как-то не хотелось расстаться с тем представлением о латинской вере, в каком, смею думать, воспитала меня мать моя – Церковь Православная, в лице ее лучших представителей, пастырей и учителей, вроде нашего великого Филарета. Мне все думалось, что если мы относимся к латинству с некоторым уважением, если мы не решимся никогда оскорблять святынь его, хотя и не чтим их сами за святыни (если только это не общия наши святыни), то мы вправе ожидать и от них такого же уважения к нашим православным святыням. Я не стану лобызать латинское распятие не только потому, что оно не освящено молитвою моей матери-Церкви, но и потому, что лобзание латинской святыни могло бы быть принято за общение в молитве, чего Церковь мне не позволяет. И, однако же, я не допущу и мысли о поругании над изображением моего Господа и долгом почту, если бы встретилась надобность, защитить его от такого поругания. Я не буду молиться на латинский костел, но и не стану плевать на него. Если угодно, я простру мой “фанатизм” до того, что плюну на те изображения Будды, которые, говорят, привезли в нашу несчастную столицу, благодаря трогательным заботам строителей идольского капища, среди коих есть даже некий князь, – плюну на эти бездушные вещи, чтоб выразить мое презрение к самой идее идолопоклонства, подобно тому, как делали это св. мученики Христовы, как поступили наши предки – киевляне, бросившие Перуна в волны Днепра; но оскорблять вещественную святыню латинян я себе не позволю. Ведь многие их святыни могли бы быть и нашими святынями. Ведь изображение Господа моего Иисуса Христа, писано ли оно для латинян или для православных, напоминает мне не кого другого, как именно Его,

моего и всего мира Спасителя. И такое мое отношение к инославной, латинской святыне не будет недостатком ревности о Православии с моей стороны, равно как и мой плевок на идолов Будды не будет фанатизмом в отношении к языческому предмету почитания...

Что такое в своей сущности фанатизм? Это есть искажение ревности по вере, ревности, лишенной разума и любви. Где нет разума, там является безумие; где нет любви, там живет ненависть. Я почту грехом кощунства, если позволю себе издевательство или кощунство над латинским распятием, и строго осужу латинянина, если он дерзнет оскорбить нашу святыню. В идее и у меня, и у него святыня одна и та же. Мы и должны оба относиться к ней разумно, хотя в исповедании веры не сходимся. Так, кажется, когда-то и было: латины, отбирая у православных их святыни, например, Ченстоховскую икону Богоматери, и сами почитали их за святыни. И в наших храмах немало икон и распятий, отобранных у латинян и чтимых в нашей Церкви. Другое дело – идолы: я не могу забыть слов Апостола Павла, что язычники, принося жертву идолам, бесам приносят жертвы, а следовательно, идол уже не простая кукла, по идее, а “бес”, относительно которого Церковь, при самом крещении, нам заповедует: и дуни и плюни на него. Я не желал бы даже иметь пред своими глазами изображение его, всего того, что мне может напоминать этого врага Божия, и потому ненавижу идолов, плюю на них... Та к рассуждаю я, православный архиерей. И мне всегда казалось, что западные христиане, гордящиеся своею культурой, всюду проповедующие гуманизм, терпимость и считающие нас варварами, некультурными дикарями, должны нам давать пример, если уж хотят удержать за собою репутацию культурных и просвещенных людей, пример терпимости в отношении к нашим православным святыням. Мы не оскорбляем и не можем, по нашим убеждениям, оскорблять их христианских святынь: пусть и они относятся к нашим православным святыням, к нашей православной вере с такою же терпимостью, тем более что ведь они все пред нами хвалятся, будто лучше нас понимают дух христианства.

Увы! Чем дольше живешь, чем больше знакомишься с духом пресловутых западных христиан, тем больше разочаровываешься в них. И наоборот: чем глубже вникаешь в дух и сущность нашего святого Православия, тем больше любишь его, любишь его величием, духовною красотою, непорочною чистотою и от всего сердца благодаришь Бога, что родился православным, что с колыбели обладаешь этим неоцененным сокровищем, и исповедуешь, что воистину только наша чистая, богопреданная вера, при Божией благодати ей содействующей, ее просвещающей, есть носительница в совершенстве заветов Христовых, воспитательница духа Христова в тех, кто носит на себе имя Христово.

И слава Богу за все это!

Минувшей весной в Государственной Думе и в Государственном Свете проходил закон о Холмской Руси. Положение этой древнейшей части Русского народа обсуждалось со всех сторон. Вопросы исповеданий, конечно, были также глубоко затронуты. И поверите ли, читатель? Пришлось ознакомиться с такими невероятными явлениями кощунства, изуверства со стороны латинян по отношению к Православию, о коих не было возможности не только говорить с кафедры, но даже и излагать на бумаге всеми буквами... В рукописи во многих местах среди слов стояли точки, а по оставленным буквам представлялось читателю самому угадывать опущенные буквы... Думаю, этого довольно, чтобы понять, какою злобою, непримиримою ненавистью диктовались нетерпимыя даже бумагою слова поношения латинян по отношению ко всему, что благоговейно чтится православными. Я могу удостоверить, что все эти кощунства

засвидетельствованы в делах судебных учреждений того многострадального края, о коем шло дело в наших законосоставительных учреждениях. Я отметил у себя даже номера этих дел. Каково же бывает искренно преданным сынам православной Церкви слушать все эти поношения! Я, конечно, не стану выписывать здесь тех обрывков непечатных слов, коими ревностные латины поносят наши святыни, но не могу для иллюстрации не привести несколько примеров того издевательства над православными, на какое так щедрны истовые “католики” по отношению к православным.

Известно, что нашу веру православную они называют “Пся вера”, собачья вера, говорят, что она – паршивая, произошла от куколя, который посеял ч..., а католическая – из пшеницы, которую посеял Бог. Она вонюча, как деготь... Православные священники – собаки, люциферы, кадят лошадиным пометом, “мируют” тем, что нахаркают и насморкают, причащают... нет, не могу повторить этого богохульства! Рука отказывается выписывать даже то, что изображено в судебных актах полными буквами!

Но не словами только, но и делом проявляют свои издеательства латины. Так, один нанес кнутом удар в лицо православному священнику, другой направил лошадь прямо на несшего хоругвь крестьянина; там латины лают по-собачьи на православных, здесь пляшут под звон православных колоколов... В одной православной церкви, в Великую Пятницу нынешнего года, выкрали плащаницу и подменили ее... дохлой собакою!

Скажут, может быть, что все это – некультурные люди проделывали: с них нельзя строго и взыскивать. Но, во-первых, я вот о том-то и говорю, что у нас, у православных, все это немыслимо, хотя мы сплошь “некультурные”, а там руководящие слои, сливки общества считаются, по крайней мере среди поляков, людьми более наших интеллигентов религиозными, и могли бы воздействовать воспитательно на массы простых людей, но действуют, как известно, в обратную сторону, разжигая безумный фанатизм; во-вторых, разве “некультурные” люди травили лисицу в православном храме? Разве некультурный человек, например, граф Тышкевич, заседал пшеницей место православного алтаря и не позволял православным даже осмотреть это место? Разве не представители западной культуры ставят православных в безвыходное положение, требуя отречения от Православия, ради получения куска насущного хлеба? Допустят ли что-нибудь подобное наши простые крестьяне в отношении к латинам? Позволят ли себе, например, стрелять в латинский крест, как стрелял один поляк в крест православный, приговаривая: “Говори, какой ты бог: русский или польский”, и далее слова, коих я опять-таки не решаюсь здесь приводить?

И невольно думаешь: не в этой ли невозможности приводить в печати разные нестерпимые богохульства и кощунства латин и заключается их темная сила? Когда начинаешь говорить с людьми незнающими дела, им просто кажется невероятным то, что говоришь. Мне самому казалось невозможным допустить, чтобы именующие себя христианами позволяли себе такие кощунства, казалось дотоле, пока я документально не убедился в подлинности показаний из документа официального происхождения со всеми ссылками на подлинные судебные акты. И мне невольно припомнился наш безбожник граф Толстой; никакая цензура не могла пропустить его богохульных выходок в печать; мы, верные сыны Церкви, читая их в подпольных изданиях, возмущались ими, ужасались, страшась гнева Божия не только на богохульника, но и на тех, кто имеет у себя его богохульные писания. А большинство русских людей, слепо поклоняющихся его художественному таланту, вовсе не зная о его богохульствах, удивлялись нам, за что мы его осуждаем, за что Церковь отлучила его от общения с собою. Когда же мы указывали

им в словесных объяснениях на богохульные выходки изувера-графа, нам не верили, готовы были обозвать нас клеветниками на графа. Явилась, наконец, известная брошюра миссионера И. Г. Айвазова “Кто такой граф Толстой?” Но цензура ее конфисковала и сожгла, как содержащую в себе богохульства, а автора едва не сослали в Сибирь... Спасло его, кажется, только то, что брошюра предварительно напечатана была в “Церковных Ведомостях”: для мирских представителей правосудия стало ясным, что повторение некоторых – и то только некоторых – хулений Толстого, с целью их изобличения, не есть богохульство. Тем не менее, брошюра и теперь запрещена, хотя лучшего отрезвляющего поклонников Толстого средства едва ли можно найти... Вот то же могло бы случиться, если бы кто выбрал из упомянутых выше актов издевательства и кощунства латин, а поискать – так найдется немало издевательств над Православием и у баптистов, молокан, вообще лютеран и всяких сект рационалистических, и кто напечатал бы их с целью обличения; его, несомненно, привлекли бы к ответственности, а его брошюру сожгли бы, несмотря на всю свободу печати...

Не то, не то, к счастью нашему, мы видим в нашем православном народе. Я не говорю уже о веротерпимости нашей власти в отношении ко всем исповеданиям: Невский проспект тому доказательство. Лучшая улица столицы украшена храмами всех исповеданий христианских: тут и армянская, тут и католическая, тут и реформатская церкви... А наши храмы за границей, говорят, кроются где-то в предместьях и переулках... Я хочу сказать, что в простом нашем народе веротерпимость его прямо поражает беспристрастных иностранцев. Мне приходилось слышать от сих последних удивление: как наш народ радушно и гостеприимно встречает иноверцев, коим приходится искать ночлега в деревне. Не только приют дадут, но и позаботятся: сыт ли гость дорогой, да и что он кушает. “Знаю, – говорил мне один англичанин, – что у вас пост, да еще Великий; не только мяса, но и молока не едят; а мне предлагают: “Ты скажи, что кушаешь? Не хочешь ли, курочку для тебя приготовим... Правда, у нас пост, ну а по твоей вере видно не грешно – кушай на здоровье!” И это говорят те, которые и в мясоедание сами-то курочек не кушают никогда. Станут ли эти рабы Божия издеваться над латинским распятием, над костелом, кирхой и т. п.? В Западной Европе, да и в Америке, даже нам, архиереям, не везде удобно показаться в своем духовном своеобразном одеянии, а у нас и латинские патеры, и даже татарские муллы ходят свободно, и никто не позволит себе ни малейшей шутки над ними. В пресловутой Финляндии плюют на нас, на духовных: слыхано ли что-нибудь подобное у нас, на Руси, в отношении к инославным духовным лицам?.. И достойно особенного внимания вот что: в то время, как инославные смотрят с пренебрежением на нас, с какою-то брезгливостью духовной... как на еретиков, мы, православные, смотрим на них с снисходительной любовью, как на заблуждающихся: “Не ведают, что творят!” Не знают истины, а если бы познали, если бы захотели познать, то давно бы стали православными.

Итак, кто же культурнее? Кто глубже воспринял дух Христова учения: мы или они, гордые своею просвещенностью, своим прогрессом европейцы? И стоит ли нам, владея таким сокровищем, как наше Православие, гоняться за их культурой? Не следует ли нам ревностнее приняться за изучение и усвоение того сокровища, какое нам Бог дал с колыбели, но коего мы, к стыду нашему, не знаем во всей его духовной красоте и благодатной силе даже доселе?

А ведь если глубже вдуматься в дело, то окажется, что вся эта ненависть, все это презрение культурного европейца и обращены именно на Православие: за Православие не

принимают в свою семью европейцы и наших братьев по вере – славян: ведь и поляки, и чехи и другие народцы славянские, изменившие Православию, давно считаются народами культурными, а вот мы, русские, болгары, сербы, даже греки – уж, кажется, на что еще древнее, по культуре, народ? – мы все за то, что мы православные, считаемся среди европейцев за каких-то полудикарей, коих, видите ли, надо еще просвещать, в веру христианскую обращать, и вот латины хотят нас обратить к папе Римскому, а лютеране – к своему Лютеру... Они не понимают, не могут понять, что в Православии лежит основа новой, им неведомой культуры, заключаются начала нового, или, лучше сказать, древнего христианского миропонимания и миросозерцания в области как догмата, так и нравственного учения.

И в то время, как у них, западных, все основано на началах человеческой правды, началах юридических, у нас все строится на началах нравственных, Божественных. Оттого все у них пропитано, в самых основах своих, гордынею и самоценом, а у нас все зиждется и расценивается началом смирения и духом любви во имя Христово.

Апостол Павел говорит о тайне беззакония, которая уже совершается в мире. Кто инициатор этой тайны, этой губительной деятельности ее? Конечно, сатана, исконный враг Бога и людей, человеконенавистник и человекоубийца искони, он питается злобою и ненавистию и всюду сеет их, обольщая людей якобы ревностью о вере, о правде, о благе людей. Известно из слова Божия, что первый грех сатаны – его гордыня. Ею он стремится заразить и людей. И конечно, там, где царит в душах гордыня, там не может быть духа христоподражательного смирения, там нет и духа любви, Христом заповеданной. По сим признакам мы можем познавать: от духа ли Христова исходит эта мнимая ревность о вере, выражающаяся в фанатическом издевательстве инославцев над нашими святынями, над нашею верою? Не деется ли и тут тайна беззакония, Апостолом усмотренная, и не смеется ли враг рода человеческого над теми, именуемыми христианами, ослепляя их ненавистью к чистой истине Христова учения и не допуская познать ее, а напротив, стараясь отвратить от нея, если возможно, самых ее исповедников? И вот, вместо того, чтобы идти к язычникам и магометанам, чтобы проповедать им Христово учение, латины и всякого рода протестанты спешат посылать к нам своих миссионеров, будто мы язычники, и воображают, будто великое дело делают, совращая православных в свои заблуждения...

Если бы эти неразумные ревнители своих верований строже в своей совести отнеслись к своим поступкам, ко всему своему поведению в отношении к Православию, то – кто знает? – может быть, совесть пробудила бы в них и дух смирения, и они стали бы способны воспринять и дух Православия и полюбили бы нас, как братьев, и рядом с нами стали бы на борьбу с деятелем тайны беззакония. А теперь, увы, они не во имя Христово работают, понося наше святое Православие и, повторяю, только себя унижают в наших же глазах, ибо нам-то видно ясно, чьим духом руководятся они...

№ 141

Таинственный институт

По рукам ходит и рассылается – преимущественно купцам, фабрикантам, богатым аристократам, вообще, людям состоятельным, брошюрка: “Научный институт в Москве”. На некоторых экземплярах заглавие от руки исправлено: “Московский научный институт в память 19 февраля 1861 г.”. После краткого предисловия она содержит “Проект устава общества Московского научного института”, “Проект физического института на 25 человек, занимающихся самостоятельными научными исследованиями”, и две примерные сметы на постройки и оборудования биологической лаборатории и химического института на 25 человек. В предисловии заявляется, что задача института исключительно ученая, а не учебная.

“Это – основная мысль задуманного учреждения, закрепленная в проекте устава особою статьей, недопускающей изменения выполнения. Это – учреждение типа академии наук, подобное институту Пастера в Париже”.

Казалось бы остается только сказать: “Бог в помощь умным русским людям в добром деле!” Тем более, что они, эти пока неведомые предприниматели, настойчиво заявляют, что их начинание есть “первая попытка в нашем отечестве создать учреждение, ставящее своею целию исключительно поддержание науки. Чуждое по самой своей природе каких бы то ни было политических стремлений, оно предназначено служить только чистому знанию”... Но...

Мы живем в такое время, когда всюду и везде приходится подозревать это “но”. Ныне время широкой гласности, так, по крайней мере, нас уверяют представители этой гласности: ничего не должно быть секретного, особенно всякое доброе начинание должно быть широко оглашаемо, дабы каждый мог принять в нем участие. Но в данном случае предприниматели что-то слишком скромничают: рассылают проекты свои только людям состоятельным, и невольно думается: не ловят ли их на удочку, тщательно прикрывая тайные цели свои? Да и газеты о таком важном предприятии что-то упорно молчат, будто по соглашению какому...

Далее. Кто инициаторы дела? Обычно, призывая общество к участию в таком начинании, добрые люди, коим скрывать нечего, не скромничают, а прямо ставят свои имена. Тут, в брошюре, нет ни одного имени, не только сколько-нибудь известного ученого русского, но и никакого – ни под предисловием, ни под уставом. Все какие-то таинственные незнакомцы... Впрочем, будто нечаянно, проскользнуло одно, только одно имя участника, и то не под устройством, не под проектом, а под проектом сметы, и это – имя известного забастовщика-иудея в Московском университете, некоего профессора, (а может быть, и не профессора) Мензбира. Под его председательством составлена группой, можно предполагать, его единомышленников, смета на лабораторию по биологии. Для нас, русских людей, достаточно этого имени, чтобы угадать, откуда ветер дует: кто сии радетели чистой науки...

Я уже отметил, что почему-то предприниматели особою статьей подчеркивают якобы “основную мысль”, что это учреждение ученое, а не учебное. Вот, буквально, что говорит эта вступительная статья: “Общество Московского научного института имеет задачей разработку научных вопросов по всем отраслям знания и оказание содействия лицам, желающим производить научные исследования в какой-либо области”. Невольно

спрашиваешь: если по всем отраслям знания, то значит и по богословским? А что если во главе всего дела будут стоять гг. Мензбиры? Нас уверяют, что это учреждение будет служить только чистому знанию, что оно “чуждо по самой своей природе каких бы то ни было политических стремлений”; но... можно ли поверить, что гг. Мензбиры, “пожертвовавшие” своим положением и даже своим казенным жалованием во имя своих политических убеждений, отрекутся от “политики”? Не приложимо ли, напротив, именно к таким господам слово Писания: “еда ефиоп изменит кожу свою или рысь пестроты своя?”... И невольно возникает новое предположение: да не для вот таких ли господ Мензбиров, потерявших место в университетах и оставшихся не у дел, благодаря нашему неустрашимому г. министру просвещения, и затевается “ученый” институт?.. К такому предположению приводит и то соображение, что институт предполагается устроить как бы независимо от государственного надзора, на средства частные, так сказать, в складчину, как будто само государство у нас скупится на ученые учреждения: давно ли оно дало целых 16 миллионов на новый Саратовский университет, польза коего пока очень сомнительна?.. Нет, нужна, видите ли, независимость...

Я сказал, что согласно основополагающего параграфа устава, в силу коего институт будет заниматься всеми отраслями знания, возможно, что анонимные “ученые” займутся и богословием, в духе г. Брихничева, который объявил, что “религия заповедей есть рабство”, что “заповеди суть зло”, а может быть, пойдут и дальше: будут исследовать спиритизм, всякое колдовство, ведь ныне чего не покрывают наукой, клевета на нее, бедную, всячески?.. Ныне, по свидетельству авторитетного ученого, А. А. Тихомирова, в результате дехристианизации науки проявляется в ней даже и хулиганство. “Что такое, – говорит он, – в самом деле, как не акт хулиганства – издание венским профессором Геккелем его книжки “Мировые загадки”, книжки одновременно и кощунственной, и невежественной? Сей Геккель на одном из международных “научных” конгрессов поставил в заслугу науке то, будто бы она уже ниспровергла идею личного Бога и идею свободной воли человека: такое утверждение нельзя, конечно, иначе назвать, как дерзкой бессмыслицей”. Однако же, было невозбранно сказано Геккелем пред лицом конгресса, на который, заметим, он был приглашен в качестве почетного докладчика, воззрения которого, несомненно, хорошо были известны тем, от кого последовало приглашение. “Мне кажется, – говорит почтенный А. А. Тихомиров, – сказанного достаточно, чтобы видеть, какое ужасное время переживает наука и в какой опасности в этом отношении находится школа”.

Видите: целый “научный” конгресс не посмел остановить безумца, несмотря на всю нелепость его утверждений. Кто же, какие “ученые” были на этом конгрессе? Да вот, не эти ли, что хвалятся: “Мы затронули юрисдикцию, выборные порядки, печать, свободу личности, а главное, образование и воспитание как краеугольные камни свободного бытия. Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь посредством воспитания в заведомо для нас ложных, но нами внушенных принципах и теориях”...

Мы многому научились за последние годы. Мы решительно теперь не верим – мы были бы глупы, если бы поверили представителям якобы науки из левого лагеря, особенно каким-то анонимам, которые, кажется, чувствуют, что их имена откроют весь секрет их масонской затеи... Мы уже видели немало “лиг”, под разными наименованиями, возникших у нас, в России, в последнее время. Мы знаем хорошо, кто устраивает эти лиги на гибель России. Почему мы не можем не предположить, что и тут дело нечистое? Пусть откроют свои забрала гг. учредители, пусть не скрывают своих имен! Будут ли то имена

русския или инородческия, мы, может быть, узнаем, с кем имеем дело, кто так усердно заботится о чести русского имени, о русской науке...

А пока, русские люди, берегите свои капиталы: зачем их бросать на ветер?

Нашим читателям

Известный моим читателям редактор-издатель еженедельного листка “Свет истины”, обругавший меня “псом, бессмысленно лающим”, “сатаною”, “сыном диавола”, Илья Алексеев, поведает теперь своим читателям, что “суд Божий наказал обидчика (т. е. меня) пожизненным лишением трудоспособности, а суд человеческий наказал обиженного (т. е. его, г. Алексеева) заключением под стражу на 6 недель”. Что разумеет он под “лишением, да еще пожизненным, трудоспособности” – Бог его ведает. Вероятно то, что я, по слабости моего здоровья, просил Святейший Синод уволить меня от управления епархией, на что Святейший Синод милостиво и соизволил, но тогда же ему было благоугодно не только засвидетельствовать о моей “трудоспособности”, но и использовать оную назначением меня постоянным членом сего высшего церковного учреждения. Милостию Божией укрепившись силами, я возвращаюсь в Петербург, чтобы принять участие в занятиях Святейшаго Синода и Государственного Совета, и надеюсь, при помощи Господа, посвятить свои силы, на свободе от дел епархиального управления, служению Церкви Христовой тою “трудоспособностью”, которой, милостию Божией, я еще не лишен, как говорит г. Алексеев. Со свойственною только сектантам нетерпимостью и дерзостью он предвосхищает себе “суд Божий” и – смею сказать – дерзает клеветать на Самого Господа Бога, якобы лишившаго меня трудоспособности в наказание за мое предупреждение читателей относительно его, г. Алексеева, которого и С. Синод, в своем определении от 13–23 апреля сего года за № 3089, признал одним из “главных распространителей киселевской секты”. Будем надеяться, что “молодой иерей”, которого, по словам г. Алексеева, “Господь прислал к нему”, разъяснит ему, как опасно становиться на сторону сектантов и предвосхищать суд Божий, да еще над епископом...

Прошу моих читателей и сотрудников “Троицкого Слова” все письма, касающиеся литературной стороны издания, с 10 октября направлять по адресу моему: *Петербург, Александро-Невская лавра*, а касающиеся хозяйственной стороны сего дела (т. е. подписки, высылки журнала и других изданий Сергиевой Лавры) – *в редакцию “Троицкого Слова”, Сергиев Посад, Московская губерния, Лавра*.

Кстати: контора редакции просит меня предупредить читателей, чтобы желающие возобновить подписку на будущий год благоволили высылать оную заблаговременно, во избежание замедления в высылке, вследствие скопляющихся в конце года требований. Условия подписки – те же.

№ 142–143

С чего начинается измена родным заветам?

I

Я закончил свой дневник о том, – “Кто культурнее: они или мы?” и уже послал рукопись в редакцию, когда мне пришлось прочитать в одной рукописной автобиографии, половины прошлого века, следующий строки: “Да, большой недостаток в русском высшем обществе, что там мало ценят милость Божию, что родились в православном исповедании. То, что человеку с прекрасными качествами, благородством и ученостию, но родившемуся в католичестве или протестантстве еще потребно изучать, познавать, углубляться и разбирать, то православный уже имеет без всяких усилий, внедренное в сердце своем, всосанное с молоком матери своей, как бы сросшееся с ним и приобретенное без всяких трудов и усилий. Но, видно, правду говорят, что то, что получено без всяких трудов и усилий, то так мало и ценится! Если бы этим началам Православия давали развиваться и укореняться, каких бы они не принесли благодатных плодов! Но они оставляются пренебреженными, засариваясь разным хламом лжемудрований, лжеумствований, ложных мнений; человек, между тем, узнает, что есть христианския же религии, которыя смотрят снисходительнее на слабости человеческия и даже потворствуют им, не стесняют ни долгими молитвами, ни постами, ни воздержанием порывов плоти и крови; и вот, рожденный, но не укоренившийся в Православии, соблазняется мнениями, чуждыми православию, наконец становится равнодушным к религии своей – дотоле, пока милующая Десница Всевышняго не образумит его своими наказаниями”.

Это пишет человек светский, офицер, воспитанный в среде светского общества того времени и видевший главную причину зла в том, что у них, т. е. в этом обществе, было так много гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, что дядя автора говаривал: “Когда это моя Европа разъедется?..”

Прошло с того времени, о коем говорит автор, сто лет, но “мамамы и мамзели”, гувернеры и гувернантки-иностранки не составляют ли и теперь необходимой принадлежности в деле воспитания детей нашего не только интеллигентного, но и полуинтеллигентного общества? Не говорю уже о дворянских семьях: даже у купцов, которые сами нигде не учились, из мужичков вышли, около их детей увиваются уже француженки и немки, а иногда и англичанки, без новых языков, видите ли, обойтись нельзя, а им выучиться без этого рода педагогов очень трудно. И вот ребенок в самом златом расцвете детства отдается на руки этим “европейцам” – ради того только, чтобы была использована его в высшей степени восприимчивая память для изучения чужих языков... Родители не понимают, какую дорогою ценою они покупают легкость для их дитяти изучения иностранных языков; они не понимают, что, сами того не сознавая, поручают этим чужим людям не только разрушать некие малые зачатки православного мирозерцания, но незаметно, может быть, даже безсознательно, – кто поручится, что в иных случаях и сознательно? – строить в детской душе неправославное мирозерцание? Если русская безграмотная няня имела и, без сомнения, имеет и теперь такое великое значение в воспитании Пушкиных и других великих русских людей, то как отрицать

влияние на весь слагающийся строй души ребенка всех этих мамзелей и мадам?.. Не оне ли первья, повторяю, может быть, произвольно, первья закладывают в душе будущего нашего интеллигента семена преувеличенного уважения ко всему западному, неправославному и пренебрежения к родному, православному? Не вследствие ли общения с ними наши дети еще с отрочества начинают пренебрежительно относиться к заветам старины родной? Хорошо, если сами родители строго держатся этой старины, как например, держались ея родители автора вышеприведенной выписки. Вот что говорит он в своих записках: “У покойного деда моего всегда производилась на дому служба весь Великий пост, даже без священника, который приглашался только на первую и Страстную седмицы, на все годовые праздники, во дни нарочитых святых и на все воскресныя всенощныя; мой отец, не желая изменять порядка своего отца, имея уже и детей, также три недели справлял службы Великим постом и все праздники. Та к дошло и до меня. Прочие братья и сестры этого уже не помнят: они были очень малы, а я обыкновенно читал сам вечерни, повечерия, полунощницы и утрени дома, при крестах, и в церкви часы, а бабушка почти каждый день заезжала к матери, возвращаясь от обедни из Лебяжского Троицкого монастыря, в котором она и погребена”. Но то было почти сто лет назад; теперь едва ли найдешь такую семью не только в высших сословиях, но и в купеческом и мещанском. И растут детские души вне той духовной атмосферы, которая называется церковностью, и обвевают их другая веяния, Церкви чуждые, ложатся на нежное детское сердце другия впечатления, незаметно, но прочно создается другое мирозерцание.

II

Дети! Какое безценное сокровище вручает нам Бог в лице малых сих! Не напрасно детские души называются ангельскими: из святой купели крещения наши дети выходят чистыми, чуждыми греха прародительского, невинными существами. Вспомните слово Христово: “если не будете и сами как дети, то не внидете в Царствие небесное”. Ведь о детях Господь сказал и сие: “ангелы их всегда видят лице Отца Моего Небеснаго”. Гд е дети, там и Ангелы Божии. Как же должно беречь это сокровище – детскую душу!..

А мы что с нею делаем? С первых шагов сознательной жизни, лишь только ребенок начинает лепетать, мы спешим отдать его на руки людям, чуждым нам и по духу, и по языку, и по всему их нравственному мирозерцанию. Дитя еще не научилось, как следует, называть окружающие его предметы, как в его невинную головку уже засевают французские, немецкие, английские фразы. Родители не хотят подумать хотя бы о том, что русское дитя ведь при таких условиях и мыслить будет не по-русски... Покойная Анна Феодоровна Аксакова в своих умных, философски обдуманных беседах не раз мне жаловалась, что затрудняется “думать по-русски”: с детства привыкла говорить по-немецки и думать по-немецки. Случалось, что эта высокообразованная русская женщина не без труда подыскивала русския слова для выражения какого-либо отвлеченного понятия в области предметов возвышенных. Но она не виновата, что ея отец жил большею частию за границей, в Германии, хотя надо ему честь отдать: знал в совершенстве русский язык и умел воплощать в нем свои чудныя поэтические произведения.

Имею основание, и кроме общих суждений, сказать, что иностранцы, допущенные к нашим детям, вредят и самому главному – они незаметно посевают в них свои религиозныя воззрения. Понятно, что атеист не может говорить о Боге с должным

благоговением. Но так же понятно, что фанатичная католичка найдет и время, и случай внушить ребенку свои понятия о чистилище, о непорочном зачатии; она с деланным благоговением говорит ему о “святом отце”, о “сердце Иисусове” и пр. Хорошо, если умное дитя спросит своих родителей: как относиться к таким непрошенным урокам? А если не спросит?.. Невольно задумываешься над вопросом: что это значит, что даже коренные русские семьи, вроде купцов Абрикосовых, вдруг ни с того, ни с сего ушли в латинство? Кто их подготовил к сему? О, конечно, патеры-иезуиты не упускают случая поймать в свои сети наших младенцествующих в вопросах богословия интеллигентов; но впереди патеров, очень вероятно, шли усердные их послушницы – мадамы и мамзели. С давних пор наше купеческое сословие отличалось от других интеллигентных сословий большею религиозностью; правда, в последнее время, и оно пошло за интеллигентами из других, отравленных иудейской печатью, сословий и даже в иных случаях опережает их; а все же в среде купеческих семей можно еще встретить людей, искренно верующих в Бога, не забывающих и единого на потребу. И вот сюда устремляют взоры латинские пропагандисты, здесь ищут себе поживы... Как же надобно беречь детей от этих алчных взоров, от всяких гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, бонн и репетиторов!

Меня поражает эта преступная безпечность – не говорю уже о вере, о спасении души, а хотя бы только о благе своей родины, о том, чтоб чужеземцы не захватили в свои руки то, что веками накапливали отцы наши, не заставили нас быть батраками на них, не издевались над нами, как глупыми, презренными неграми, из которых можно делать все, что им будет угодно! А ведь если мы будем так безпечны и вперед, то недолго и до этого... Нашей интеллигенцией будто какой-то гипноз овладел: вот непременно, во что бы то ни стало быть европейцами, во всем походить на них, усвоить их идеалы, их формы жизни, их языки, даже их платье, манеры, привычки... А того не видят люди русские, что европейцы только смеются над этим, только презирают нас еще больше, как париев, как некультурных дикарей. И особенно это на руку заклятым врагам Христовым – иудеям и масонам: они руки потирают от радости, им это-то и нужно. И всеми мерами они стараются содействовать этому гипнозу, всего больше боятся, как бы не очнулись русские люди, не вспомнили заветов предков своих благочестивых. И вот, захватив в свои руки печать, они всячески внушают, что этот гипноз есть явление в высшей степени отрадное, как признак культурности, прогресса, победы над мракобесием, торжества цивилизации... Что мы – невежды, что мы во всем, решительно во всем отстали от Европы, что стыдно нам быть православными, что христианство “сыграло свою роль в истории, отжило, умирает”, – все это изо дня в день, под разными видами, внушается иудейской печатью, впитывается в мозги нашей модничающей интеллигенции как неоспоримая аксиома, против которой могут спорить только глупцы... Чем все это грозит нам в самом близком будущем? Русские люди опомнитесь! Стыдно и непростительно грешно так унижать себя, так позорить изменой родным заветам старины, родной Церкви, родному народу! С недоумением смотрит он, этот народ, на ваши “барские причуды”, с сожалением – на ваши заморские выдумки, с глубокою скорбью вздыхает, когда видит ваше богоотступничество, и жалуется Богу, когда вы пытаетесь и его совратить на свой путь погибельный... Ведь, он все ждал, что вы пойдете впереди его по завещанному ему историей и Божьим Провидением пути, что как люди, более его наукою просвещенные, поведете его за собой, а вы поклоняетесь Ваалу и идете путем служителей Молоха... Горе вам, когда народ потеряет всякое к вам доверие, когда среди вас не найдется достойных сынов Руси веков минувших! Вы теперь стремитесь развратить его духовно: он не

замедлит, восприяв в свое сердце яд духовного развращения, ниспасть и в разврат телесный, превратиться в такого зверя, какого мир еще не видел, какого история человечества еще не знала...

И вы первые – помните это! – первые погибнете в когтях этого лютаго, беспощадного зверя!

Дети и церковно-приходская жизнь

Ныне много говорят об “оживлении” приходской жизни. Не лучше ли сказать – о пробуждении: ведь, приход есть малая часть Церкви Христовой вселенской, а Церковь Божия жива и умереть не может, ибо ее глава – Христос Спаситель наш смертью Своею смерть всякую поправил и живет в Церкви Своей. Пока – не только приход, но и всякий отдельный член Церкви не порвал связи с Церковью, не стал еретиком, дотоле и он не умер для Церкви, какою бы духовною болезнью, каким бы грехом ни страдал он... Отдельный член Церкви может духовно умереть, порвав, прежде всего, общение с Церковью в ее Таинствах, но приход сего сделать не может, ибо он возглавляется совершителем Таин Божиих – священником и совершение божественной литургии в его храме иереем, правильно рукоположенным, уже есть свидетельство жизни прихода, сей малой Божией церкви. А значит, и говорить об оживлении прихода не подобает: это было бы оскорблением Духа Божия, присно живущаго в Церкви и действующаго в ее Таинствах...

Особенно заботится о пробуждении жизни приходской еще юное Московское братство четырех святителей. Оно праздновало вторую свою годовщину 5 октября и вечером сего дня устроило годовое собрание в московском епархиальном доме. Главною своею задачею братство поставило взаимное сближение пастырей и пасомых, а чрез то и развитие деятельности прихода. Отчет был краток, ибо братство еще только начинает входить в свое дело, намечая свои ближайшие задачи и средства к их осуществлению. А в этом отношении надо быть особенно осторожным: ныне в воздухе носятся идеи, с виду заманчивые, по существу же противоцерковные, каковы, например, идеи нрава, свободы и т. п. Вот и надобно остерегаться, чтобы не подменить такими модными идеями – чистые идеалы церковные. И дай Бог, чтобы юное братство, руководимое мудрым первосвященником Московским, избегало этой опасности и чтобы идея *долга* не заслонялась бы идеею *права*, а служила сей последней лишь основою... и все согревалось и оживлялось идеею *любви*, ибо и Церковь есть великий организм любви...

Одно из могучих средств к объединению прихода в духе веры и любви, как показал опыт, является всеобщее или всенародное пение в церкви. Москва счастлива тем, что в среде целой тысячи ее пастырей, уж конечно, всегда найдется энергичный, долгу своему преданный пастырь, который “сделает опыт”, по мере сил и умения проведет в жизнь ту или другую идею, а Господь поможет ему и осуществить ее так, что в сем деле нельзя не видеть явнаго чуда Божия, проявления жизнедеятельности в Церкви самой невидимой Главы Церкви – Господа Иисуса Христа. Та к было и в данном случае. Один смиренный иерей из Замоскворечья завел у себя в церкви всенародное пение два года назад. Прихожанам это пришлось по душе. Начали с простых ежедневных песнопений литургийных, затем перешли к ирмосам праздничным, а теперь поют прекрасно и догматики. И вот, 5 октября, почтенный батюшка сделал доклад в собрании братства и показал на деле, как поют его прихожане. Опыт показал, что всеобщее пение послужило началом и других добрых дел: появилось и общество трезвости, и воскресная школа для тех, кто хочет но, по безграмотности, не может принимать участия в пении (обучаются не только юноши, девицы, но и люди преклоннаго возраста, до 65 лет), и участники пения ходят за сотни верст на богомолье к святыням родным, помогают бедным в приходе так,

как не бывало дотолé... Не говорю уже о церковном чтении: уж конечно, оно поставлено в церкви приходской образцово.

И вот мне хотелось бы поделиться с моими читателями тем трогательным впечатлением, какое я вынес из сего собрания. Выходит на средину малютка-мальчик и громко, ясно, отчетливо, немного картавя, но все же прекрасно читает: *Ныне отпущаеши, Трисвятое и Отче наш*. А затем смело подходит к владыке Митрополиту и просит благословения. Его чтение тронуло некоторых нервных людей до слез. Благословляя малютку-чтеца, владыка спросил: “А сколько тебе лет?” – Мальчик, нисколько не смущаясь неожиданным вопросом, ответил: “Пять лет”. Я сидел рядом с первосвятителем. Хотелось чем-нибудь порадовать младенца-чтеца, и я, сняв с своих четок серебряный крестик, передал его Митрополиту, который и благословил мальчика, заповедав, чтоб надел крестик на шнурочек и возложил себе на шею.

И вспомнились слова пророка-псалмопевца: *из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу*; вспомнились младенцы евангельские, громко вzywавшие пришедшему во храм Спасителю мира: *осанна Сыну Давидову!* И думалось: ведь вот как иногда немного надобно, чтобы разбудить дремлющую душу православную, чтобы повеяло на нее дыханием жизни, и именно церковной жизни... Ведь прочитай дитя, что теперь так обычно, простое стихотворение: разве было бы такое впечатление? И мысль шла дальше: не следует ли нам, пастырям, для “оживления”, для пробуждения церковной жизни призвать на помощь вот этих невинных младенцев, поручая им чтение кратких молитв в храме Божиим за богослужением? И вспомнил я, как в прежние годы велось в Троицкой Сергиевой Лавре в субботние молебны Матери Божией в так называемой келлии Преподобного Сергия. В конце молебна выходили три отрока, лет по шести или семи, становились пред иконою Владычицы, не спеша, ограждали себя крестным знаменiem, творили три поклона в пояс и начинали: один – *Святый Боже...* другой продолжал: *Пресвятая Троице...* третий читал: *Отче наш...* Чем-то неземным отзывалось в сердце их чтение, думаю, как были бы счастливы матери малюток, если бы их дети удостоивались чести славить Бога невинными устами своими в храме Божиим! И уж конечно, благоговейная, хотя и не вполне по-ученому сознательная молитва малюток была бы доходнее до Бога, чем наша холодная, нередко ведь тоже – но уже – непростительно бессознательная молитва, чтомая на клиросе поспешно, бездушно, яко медь звенящая или кимвал бряцающий.

Когда мне приходилось давать наставление новоблагодатным иереям, я говорил им: не упускайте случая приласкать ребенка, хотя бы это был грудной младенец на руках матери; благословите его, поцелуйте: пусть ваш облик, ваш сияющий на груди священнический крест, ваша ряса запечатлеются в его памяти наравне с милым его сердцу обликом матери; имейте на такие случаи даже какие-нибудь грошовые гостинцы для малюток, когда посещаете дома прихожан ваших. Поверьте: тогда детки не только не будут бояться “попа”, как это бывает в деревнях, а напротив, будут тянуться к вам, между вами и ими образуется духовная безмолвная связь, они будут считать вас родным человеком, они будут встречать вас далеко за деревнею, когда станут подростать, будут считать за счастье подойти к вам под благословение. А вы пользуйтесь этою детскою любовью, чтобы привлечь их к храму Божию, чтобы сделать их вот участниками в чтении, а потом и пении раньше, чем они придут к вам в школу... Дети деревенския рано развиваются, рано приучаются к труду: вспомните того некрасовскаго мальчугана, которому только “шестой годок миновал”, но который, погоняя лошадку с возом дров, уже с благородною

гордостью говорил:

*Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я!*

Надобно пользоваться и этою чертою русского ребенка, с колыбели приручая его к себе и пользуясь всяким случаем засеять в его нежную душу любовь к родной Церкви, к ея обрядам, ея порядкам. Из детей надо готовить будущих своих прихожан, послушных чад Церкви, преданных ей, крепко ее любящих. Не следует забывать, что такое доброе, сердечное отношение священника к детям, несомненно, будет тотчас замечено их матерями, которые с радостью пойдут навстречу священнику в деле воспитания их детей в духе церковности. Матери всеконечно отплатят батюшке своею преданностью, своею готовностью помочь ему и его матушке в их трудах по сельскому хозяйству. Вот один из самых простых и самых верных способов сближения пастырей с пасомыми. Скажу еще и то, что этот способ носит в себе так сказать и мистическое начало. Господь сказал о детях: *таковых есть царство небесное*. И взрослым заповедал: *аще не будете яко дети, не внидите в царство небесное*. В душе дитяти есть свойства, нами взрослыми грешниками, потерянные. Сердце ребенка скорее открывается для Божией благодати. Оно непосредственное ощущает ея воздействие. Посмотрите на ребенка, который увлекся церковным пением: это можно наблюдать там, где ведется общецерковное пение. Какая неземная духовная красота светится в его личике! Как тепло горят его глазки! Как будто вся красота души выходит наружу, и только Рафаэль да наш гениальный Васнецов умели запечатлеть на холсте эту духовную красоту детского личика. А ведь в этом проявляется его внутренняя жизнь, жизнь чистой, еще незапятнанной грехом детской души. И я скажу еще: те, которые большую часть своей жизни проводят с детьми, с любовью и бережливо воспитывая детей, своих ли то или чужих, на тех Бог налагает как бы отпечаток детских свойств: полюбуйте на портреты известных педагогов, всю жизнь отдавших детям, хотя бы на портрет нашего незабвенного церковного педагога С. А. Рачинского: сколько детской чистоты, благодушия, простоты, даже невинности светится в его облике сквозь его седины! Вот почему наш пастырский долг – ближе держаться к детям: это нужно, это необходимо для нас самих. Дети – Божьи любимцы: к ним близки их Ангелы-Хранители, близок духовный мир: как же нам не дорожить близостью к ним? Вводя их в общение с Церковью, согревая их благодатною теплотою церковной жизни, будет ли то в церковной школе или же просто в храме Божием, в доме, в семье – мы делаем великое дело и для церковной жизни, для прихода: ведь эта семья детей – будущие наши прихожане, будущие наши пасомые. Если мы приучим их, например, петь в церкви с их отцами, матерями, братьями, сестрами, то они уж сами научат и своих детей тому же святому искусству – славословию Божию. Если подскажем им и научим украшать храм Божий в праздники цветами и зеленью, обсаживать его деревцами, цветочками, чистить утварь церковную, лампы, подсвечники пред великими праздниками, помогать церковному старосте собирать по деревням новины на храм Божий, – ведь все это будет добрым, святым семенем, которое принесет плод свой во время свое, когда они вырастут и станут сами хозяевами, обзаведутся своими семьями. Верится, что не все же будет тот разгром церковной и общественной жизни на Руси, какой теперь совершается, что опомнятся же, наконец, русские люди, вспомнят старину свою родную, возьмутся за ум-разум и прогонят от себя далеко прочь всех этих соблазнитель-лжеучителей... Тяжело нам, пастырям,

быть свидетелями этого разгрома на родной Руси, но не следует отчаиваться: в наших руках еще немало средств к спасению народа православного от явно грозящей ему гибели. Даже враги его видят это и боятся – да, боятся нас! Это мы только что видели: много ли нас, служителей Божиих и всех-то на Руси в сравнении с массою народной? А как испугались все враги Церкви, все эти кадеты, октябристы, разные конституционалисты, когда духовенство решило исполнить свой долг и пойти на выборы в Государственную Думу, не себя выставляя, а народ предостерегая от его врагов... Та к вот, исполняя тот же долг, и подойдем ближе к душе народной, – ведь никто так не знает ее, как мы, пастыри и отцы духовные, и возьмем деток народа на свое особое попечение. Это и нам принесет неоценимую пользу: самих нас обновит и преобразит, даст нам оценить и сердцем ощутить всю красоту народной русской души, которая по природе своей православная и не может быть иною без измены природе своей.

Итак, Бог вам в помощь, отцы и братия, и – за дело, скорее за дело святое!..

Тоже «русские» патриоты!

Думаю, не я один, а многие старые люди в наше странное время нередко задают себе вопрос относительно некоторых явлений в общественной жизни: что это – сон или действительность? Нормальное явление или бред расстроенного воображения?.. С первого взгляда как будто дело самое обыкновенное, даже симпатичное, а как приглядишься к нему, то и становишься в тупик: так оно противоречит всем правилам нашей русской логики... Я приведу здесь один документ, рассылаемый всем видным государственным и общественным деятелям, и затем, поименовав рассылающих, попрошу читателей решить: что это такое?..

Вот этот документ:

“К празднованию трехсотлетия царствования Дома Романовых и Отечественной войны 1812 года”. По сторонам заголовка два портрета: Барклай де Толли и Голенищева-Кутузова, ниже цинкография с картины Верещагина: “Наполеон на Бородинских высотах”, а далее следует приглашение:

“Настоящим позволяем себе пригласить вас принять участие в предположенном поздравлении Его Императорского Величества Государя Императора по случаю 300-летнего юбилея Царствующего Дома Романовых. По поводу это о радостного для Императорского Дома и народа события, возникла мысль о поднесении Его Императорскому Величеству роскошного альбома с портретами всех современных деятелей России, в котором и вы имеете полное право занять место среди ваших достойных сотоварищей, заслуги коих признаны Государем Императором и родиной.

С этой целью покорнейше просим вас не отказать в своевременной присылке вашей фотографической карточки, если возможно, то с обратной почтой, самое же позднее к 15 августа с. г.

Отсутствие вашего портрета очень опечалило бы нижеподписавшихся, а еще больше ваших уважаемых сослуживцев, школьных товарищей, друзей детства и знакомых.

Обращая ваше внимание на помещенные на обороте сего строки, честь имеем быть с совершенным почтением, *д-р философии И. Симонсен*”.

А “на обороте сего” следует довольно обширное рассуждение о том, что “сердце народное не может не стремиться выразить свое радостное участие (в) этом торжественном событии, и, согласно своей природе и своему обычаю (?), народ предпочел бы, быть может, выразить свою радость в шумных празднествах; с другой стороны, Царствующий Дом и Его народ чувствуют себя настолько связанными узами верности и любви, что едва ли в данном случае нуждаются в блеске показной торжественности».

Из этого рассуждения видно, что авторам приглашения как будто нежелательны проявления народной любви к Царю своему в “шумных торжествах”, что они озабочены заменить эти торжества чем-то иным... “Вследствие этого, – говорят они, – некоторые лица из образованных слоев общества, (список коих, по-видимому, и приводится ниже), принялись за поиски (*sic!*) более подходящей, скромной, но красноречивой формы выражения своих чувств исконной любви к обожаемому всеми Монарху и Его Дому”.

“Форма эта найдена!” – восклицают приглашители – “Предположено от имени народа торжественно поднести Государю Императору, неусыпному блюстителю блага нашего отечества, в великую и славную для Дома Его годовщину, 21 февраля 1913 года, большой

роскошный альбом, художественно исполненный, заключающий в себе фотографические портреты современных представителей духовной и материальной культуры России... Оказанное поднесением этим Государю лучшими сынами народа Его (читай ниже список инициаторов альбома) благоговейное уважение, несомненно, вызовет в сердце Его чувство глубокого удовлетворения скорее, нежели всякия, предпринятые с этою же целью, шумные всенародные торжества и увеселения”.

Авторы, как видите, заранее читают в сердце Царском, что шумные народные выражения любви в торжествах Царю не будут Ему столь приятны, как изобретенный ими альбом, который они называют “национальным”, и который, по их уверению, будет иметь “громадный интерес и величайшее значение для настоящего и будущего, как в общеисторическом, так и в биографическом отношении!..

Кто же инициаторы этого предприятия? Кто “от имени народа” (не сказано: какого, но надо думать Русскаго?) будет подносить этот альбом Государю Императору?

Словом, кто эти сердцееды, которые заранее знают, уверены, что этот подарок будет Государю приятнее всяких народных восторгов, народных торжеств?

Приходится просить у читателя терпения, чтобы прочитать фамилии этих “русских” людей, которых привожу целиком, для большей убедительности в их “русском” происхождении. Боюсь только, чтобы кто-либо не сломал язык об эти фамилии якобы русских людей.

“Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к вам с покорнейшею просьбой не задерживать присылку фотографий. Р. Бауман, секретарь Кабинета Государя. Барон Кейннерид, Обер-Гофмаршал. Ботмер, Дворцовый Комендант. Граф Берген, Министр Внутренних дел. Др. Эргардт, Лейб-медик, Канцлер. Др. Плеве, Председатель Обер-ландгерихта. Граф Др. Матушка, Советник Обер-ландгерихта. Др. Кле, Прокурор. Др. Михель, профессор университета. Барон Дернберг, предводитель дворянства. Князь Липпе, Императ. Легацион. Советник. Др. Браск, Епископ. Е. Биндгорст, протоиерей. Др. Брюксель, генерал-суперинтендант. С. Гроссгейм, главный врач. инсп. Гросскурт, член военного совета. Барон Динклаге Камие, генерал-лейтенант. Крозигк-Мербиц, генерал-майор. Л. Молинеус, коммерции советник. Барон Люттвиц, генерал-лейтенант. Дуляц, генерал от артиллерии. Фон Брюзевиц, генерал-майор. Вернер, контр-адмирал. Нитек, капитан I ранга. Дитмар, капитан II ранга. И. Пинтш, инженер. Клейн, действ. тайн. сов. Шредер, главный интендант. Штульфельд, оперный певец. Махенс, градоначальник (?). Гаген, прокурор, тайн. советник. Фольрен, присяжный поверенный. Гейнель Зиген, профессор академии. Е. Ауэрбах, присяжный поверенный. Уонен, кассир Государст. Банка. Р. Висскот, банкир”...

Уф! Устал, перечисляя этих “русских” людей!.. А вы, читатель, едва ли имели терпение произнести вслух все эти имена...

Что же это такое? Сонный бред или действительность? Какой-то граф Берген – министр внутренних дел... Да позвольте: у нас, кажется, министр не Берген, а самый настоящий русский человек, почтеннейший А. А. Макаров? Какого же это государства министр? “Обер-ландгерихт”... Да у нас, слава Богу, такого учреждения еще не бывало... Правда, есть немало очень почтенных генералов, носящих иностранные фамилии, но не верится, чтоб они дали свою подпись на таком документе...

Ни одного русского имени! Одно, впрочем, будто звучит по-русски: “др. Матушка”, ну, да это, конечно, случайное, скажу больше – несчастное для сего доктора совпадение русских звуков с его фамилией...

Вы, конечно, догадались, что все эти имена – чухонския, что вся эта затея – проделка финнов, что эти господа собирались ни больше, ни меньше как подделать депутацию от имени Русского народа, если только вся эта затея не есть... злая анкета – узнать, сколько на Святой Руси (слово это в приглашении имеется) таких недоумков, которые пойдут на удочку гг. Микелей и компании. и пожелают поставить свои портреты рядом с ними. Уж слишком подчеркнуто тут полное отсутствие русского духа: будто, в самом деле, во всем Петербурге не нашлось ни одного русского человека, который пожелал бы присоединиться к такому, по-видимому, нехудому начинанию! Очевидно, финны не подпустили ни одного русского к инициативе дела: если хочешь – присылай свой портрет и свои деньги, а распоряжаться будем мы, мы за тебя Царю альбом поднесем... Как будто не Финляндия присоединена к России, а великая Россия покорена Финляндией...

Когда я показывал приглашение русским людям, то от многих слышал негодующий возглас: “Да это насмешка над нами!”

А как думаете, читатель: ведь, найдутся “русские” люди, которые и 20 рублей пошлют, и примут эту затею чухонскую за дело почетное и еще – чего доброго! – поблагодарят чухон, что изобрели такую “скромную форму выражения своих чувств исконной любви к Государю”...

Подумаешь, ну и времена же мы переживаем! Все перепуталось, перемешалось: над нами прямо издеваются, а мы молчим да утираемся...

Сей дневник был уже набран, когда мне сказали, что вся эта история есть простое мошенничество аферистов, что финны тут ни при чем, да и никакого альбома никто не думал издавать, а просто мошенники придумали способ карманы доверчивых людей опустошать...

В наше время все может быть. Но вот что заставляет задуматься: первое, почему эти мошенники набрали столько фамилий финских, именно финских, и ни одной русской не выдумали? Второе: почему настоящие-то финны решительно не протестовали против такой на них клеветы, тем более, что в дело впутаны имена действительно существующих людей, стало быть уж не вымышленные, вот им-то и следовало бы громко протестовать против мошенничества? Невольно думается: а не было ли тут чего-нибудь побольше, чем простое мошенничество, да только сорвалось, и пришлось все прикрыть, ссылаясь на мошенников?..

Больное место нашей церковной жизни

I

Есть немудрая, но верная пословица: у кого что болит, тот о том и говорит. Больному свойственно жаловаться на свою болезнь, да и врач не знал бы, что лечить, если бы больной ему не пожаловался.

В духовной жизни познание своей духовной болезни важнее, чем в телесной. Телесный врач иногда угадывает болезнь по внешним признакам, а в духовной болезни прямо необходимо, чтобы больной сам опознал – и как можно лучше – свою болезнь. Без этого невозможно его исцеление. Вот почему у святых отцев так много заботы о познании греховности в деле обращения грешника от заблуждения пути его ко Христу Спасителю в деле покаяния. “Егда узрит человек грехи своя яко песок морской, – говорят они, – се начало здравия души!” Что грехи есть, что душа больна у каждого – об этом и речи нет: это несомненно, более того: и грехов-то немало: их и не сочтешь сколько – яко песок морской, как песок у морского берега и на дне моря. И это – у каждого человека. Та к вот, познать эти грехи, увидеть их в себе и составляет первую и главную задачу кающегося грешника.

“Кто узрит грехи свои яко песок морской, – говорят святые отцы, – тот выше сподобившагося узреть ангелов Божиих”. Когда он, после немалых трудов и борьбы с своим самоценом, наконец, при помощи Божией, добьется того, что увидит себя утопающим во грехах, рабом их, тогда и возопиет ко Христу Спасителю, как утопающий Петр, из глубины души: “Господи, спаси меня, погибаю!” С этого и только с этого момента и начинается выздоровление души, надежда на исцеление ее от греховной болезни.

Что говорим относительно отдельного человека, то верно и в отношении к целому обществу, к целому народу. Ниневтяне вняли слову пророка Ионы, познали всю глубину греховную, в какой очутились, ужаснулись суда Божия и покаялись, и с того момента началось их духовное исцеление. То же бывало и не раз, как свидетельствует наша история, и с нашим Русским народом в годину великих испытаний. Окаевали наши предки свои грехи и исправлялись, и Бог внимал их покаянным молитвам, по заступлению и ходатайству Матери Божией и святых Божиих. И Русь спасалась от бед.

Но есть грехи, которые укрываются за добродетели, есть пороки, которые не дают возможности расцвести во всей красоте добродетелям и лишают их свойственного им аромата райского. Человек как будто и делает добро, да делает-то его *недобре*, не так, как бы следовало, и, сам того не ведая, теряет цену своего добра в очах Божиих. А он, между тем, воображает ведь, что делает святое дело! Конечно, один Сердцеведец знает настоящую цену всякого нашего дела, но Он же и указал нам признаки истинного доброделания: это – смирение, отсечение своего смышления в порядке доброделания, сокровенность его, и совершенное отречение от всякой цены его: все Бог делает в нас и чрез нас, а мы – ничто! И воспитывается это свойство, как постоянное настроение, святым послушанием. Послушание – это вовсе не исключительно монашеская, это –

общехристианская добродетель. Где оскудела эта добродетель, там оскудело и всякое добродетельное, хотя бы, по-видимости и творилось добро. По крайней мере, цена такому добру уже не та: если добро творится с послушанием, с отсечением от своей воли и смысления, то оно – чистое золото; а где нет сего самоограничения, сей проверки себя самого чрез такое самоотречение, там добро – много-много серебро, а не то и не дороже медницы...

Не раз мне приходилось и говорить и писать об этом, может быть, моему читателю покажется и лишнею беседа о сем. Но у кого что болит, тот о том и говорит: когда видишь, что в среде людей верующих блекнет золото чистое и становится медницей, надо не только говорить, но и кричать, не только писать, но и на камнях высекать – всюду немолчно проповедывать, чтобы труд людей верующих даром не пропадал, чтоб в их сознании не подменялись чистые, святые идеалы православной жизни дешевыми идолчиками самоцена, тщеславия, фарисейского самодовольства... А между тем, чем больше присматриваешься к русской жизни, тем больше видишь этой подмены, и что печально: именно в среде тех русских людей, в которых так хотелось бы видеть преемников заветов старой Руси, носителей ее идеалов... Все блекнет, все дешевеет, всем хотелось бы спастись как-нибудь полегче: не дивно, что секты разных “легкоспасенцев”, как называл в Бозе почивший Затворник Феофан пашковцев, все множатся: оне вот таких-то и ловят в свои сети...

Укажу примеры – из первых, так сказать, попавших на глаза наблюдений. Вот старичок, очень добродушный, богомольный, трезвый и трудолюбивый. Вздумал он на Афон уехать – душу спасать.

Ему говорят: как? Да ведь ты женат?..

– Что из того? Я не худое дело задумал...

– Но как же жена? Отпускает тебя?

– Ну, положим, ей-то не хочется, да ведь, я глава-то, не она. Я спасения ищу.

– А заповедь Христова говорит: что Бог сочетал, то человек да не разлучает?

– Это не просто сказано... Вон Алексей, человек Божий, ушел прямо с брачного пира, а я жил с женою лет двадцать, ну и будет. Без меня проживет как-нибудь.

– Великий праведник, преподобный Алексей действовал по особому Божию указанию, а ты-то кто?

– Ну, что тут толковать? Хочу и поеду!

– Да ведь грешно жену бросать?

– Да я для Бога... Я ведь там трудиться буду...

И никакие уговоры не действуют: задолбил одно – спастись хочу, и конец. А жена плачет, не знает, где голову склонить...

И несчастный самочинник в деле спасения воображает, что Богу угождает!

Вот купец, богач, тоже хороший человек. Он состарился, чувствует, что жить остается недолго. Детей нет, жены тоже. А скоплен капитал, так, миллиона полтора, может быть, два. Надо пристроить его. Зовет приятеля, тоже купца, посоветоваться.

То тот оказался городским деятелем.

– Завещай, брат, все городу. Поминать будем!

И завещание пишется. Купец умирает, и город получает уйму денег. Заводится и водопровод, и электрическое освещение, и трамвай... Что ж? Все это недурное дело. Только вот на дело Церкви, на распространение слова Божия, на построение храмов в далекой Сибири, на церковные школы, на дела миссии, проповеди Евангелия язычникам,

на борьбу с сектами, с пьянством, с другими пороками – уж не взыщите... Православный христианин, кажется, был, а нужды матери-Церкви-то и забыл!

Вот мужичок деревенский. Он живет в Москве. Занимался отец его когда-то извозом, а сынок имеет уже постоянный двор для извозчиков. Дела идут хорошо. Жертвует он на храм Божий в родном селе: то паникадило повесит, то подсвечник, то хоругвь поставит, то престол Божий украсит... Казалось бы, все добрые дела. Но вот в его родной деревне понадобилась школа. Просит его священник: помоги, брат, построй нам школу.

– Ну, на это у меня усердия нет. Стройте, немного помогу, а я вот хочу главы на храме Божиим позолотить...

– Да, ведь, школа-то обойдется тысячи полторы, много две, а главы-то у нас большие, а их восемь: достанет ли у тебя средств на это? Да на что нам золотые главы в селе-то, пройдет лет 15–20, они потемнеют, с ними одна забота будет, придется опять медянкой покрасить... А вот школа теперь – нужное дело, школа церковная: о детях-то надо позаботиться, чтоб в страхе Божиим росли, слово Божие читали...

– Нет уже, батюшка: это ваше дело, а я насчет глав-то вот подумаю...

Да таких случаев и не перечесть, и люди-то все хорошие, православные, добрые, некорыстные... А вот подите: чего-то в них не достает... Чего же?

Недостает всем этим добрым людям сознания необходимости руководства церковного, сознание нужды в Божием – чрез Церковь – благословении на всякое доброе дело, словом – недостает той дисциплины духа, которая у святых отцов называется рассуждением и которая воспитывается послушанием. Странное дело: священник называется “пастырем”, архиерей – “архипастырем”, верующие – “пасомыми”. Но выходит так только на словах: пасомые и знать не хотят своих пастырей, забывают свой долг подчинять себя их водительству, бредут в духовной жизни самочинно. Есть самочинные постники, соблюдающие самоизмышленные посты, например, в легендарные 12 пятниц, есть носители вериг, самочинно изнуряющие себя железами; есть самочинные благотворители, жертвующие не то, что потребно, и не туда, где нужда, а что им вздумается и куда захочется. Им и в голову не приходит, что и на добром деле надо проверять себя чрез духовного отца или старца-руководителя. Как будто боятся их, как бы они не отговорили от того, что уж сложилось в их сердце, хотя бы это было и в самом деле неразумно... Нет мужества отречься от своего смышлствия! Жаль расстаться с мыслию, которая уже сложилась в сердце! А того не знают, что Богу нужно не наше доброе дело, а наше сердце, наша готовность всем для Него пожертвовать, принести Ему в жертву самое желание наше, сказать: “Не якоже аз хочу, Господи, но якоже Ты повелишь, Ты укажешь!” Вот это-то и дорого в очах Божиих, когда ты готов отказаться для Бога даже от доброго твоего желания. Но мы видели, что иные и отсекают свою волю, но пред кем? Да простой приятель, друг, сосед... А о пастыре-то и забыли, о том, кому вручена душа их! И выходит: жертвуют городу на водопроводы, на электричество, а вот Церковь Божия крайне нуждается в храмах для переселенцев, а средств нет, и люди десятками лет лишены утешения помолиться в храме Божием, не видят священника, а ведь на два-то миллиона можно было бы построить, по крайней мере, полсотни, даже целую сотню великолепных храмов Божиих, где вечно приносилась бы безкровная Жертва о “блаженном и приснопамятном создателе святого храма сего”, где до конца веков восходила бы молитва к Престолу Божию об упокоении души его. Чего сами себя лишают добрые люди! А ведь это – не неверы какие-нибудь, которые тоже “жертвуют”, но на что? На “народные театры, университеты”, на разные премии и безконечные стипендии...

Положим, тоже в своем роде “добрые” дела, но в их спасительности позволительно усомниться, если они не находятся, так сказать, под контролем учения Христова... Во всяком случае, уж нельзя же их приравнять, например, к святому делу храмоздательства.

Возьму другую область благотворения – духовную милостыню. Кто ныне жертвует на распространение слова Божия, Священного Писания, святоотеческих книг, житий святых? Разве тот, кому духовник вменит это в епитимию. Я знаю одного такого старца Божия, который вменял в епитимию выписывать и посылать на Дальний Восток переселенцам Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского. А как широка заповедь сия – духовного благотворения! Как жаждет простой русский человек “почитать от божественного!” Сказано: не о хлебе едином жив будет человек. Ведь и душа просит хлеба, ей свойственного. Ныне развивается грамотность; наши непрощенные просветители, разные земцы спешат в народные библиотеки выслать писания безбожника Толстого, награждают им школьников в своих школах (и что за ослепление! сами под собою костер разводят!), а о духовной пище и помина нет. Вот и пожертвовал бы добрый православный богатый человек на бесплатную рассылку духовно-нравственных изданий, даже периодических, например, хорошей православной газеты, – ведь у нас духовные издания едва прозябают, – какое бы доброе, хорошее дело он сделал! Надо помнить, что враги наши, иудеи и масоны, даже сектанты, никаких средств не щадят, чтобы отравлять наш православный народ ересями и всякою нечистью; газеты сообщают, что один американский миллиардер, на съезде баптистов, пожертвовал несколько миллионов долларов (а доллар около двух рублей) на совращение Русского народа в баптизм! Вот как щедры враги Православной Церкви на ее погибель! А мы? А наши православные чада Церкви? Я не говорю уже о богачах-интеллигентах, о купцах-толстосумах, строящих театры – Бог их суди! – говорю о добрых русских православных людях, что вот завещают целые состояния на города, на дела – не спорю – полезные, но низшаго порядка; ведь, о душе-то христианской, о воспитании души народной, казалось бы, надо позаботиться прежде всего, а о ней-то, бедной, никто из таких добрых людей и не заботится! Подумали бы если уж не о небе, то хотя бы о земном Отечестве: ведь давно отцовский капитал проживаем! Зайдите в церковь Божию, посмотрите: много ли молодежи там? Молятся старики, старухи, а молодежь, юноши и девицы, сидят где-нибудь на завалинке в праздник, празднословием занимаются, будто они не христиане, а язычники, будто не для них открыты двери храма Божия! Пройдет десяток лет; старики и старухи на тот свет, к Богу отойдут: кто же будет молиться в храме Божиим тогда? Ведь если молодежь теперь не ходит, тогда и подавно не пойдет. Привычки не приобрела. Сердце ее чуждо веяниям церковной молитвы. Та к в духовном отношении мельчает народ. Надо что-нибудь делать, чтоб совсем он не одичал духовно, чтобы не выродился... Вот эта молодежь все же не прочь что-нибудь и почитать: не должно ли использовать эту народившуюся в ней привычку к чтению? Читают газеты: почему бы православным русским богачам не создать для народа православную хорошую газету, где говорилось бы не только о том, что творится на Руси, но и о том, как душу спасать, как добро делать, как жить русскому человеку на русской земле – по-православному! Но, увы, видимо мы не дождемся подражателей американскому миллиардеру среди наших миллионеров: они скорее бросят сотни тысяч и миллионы на театры и актрис, на биржевую игру и дутые предприятия, вроде какой-нибудь либеральной, непременно либеральной газеты, к которой не замедлят присосаться иудеи, чем на Божие дело, на хорошее народное издание, чтоб послужить родному народу в деле его просвещения светом Христовым, чтоб сделать великое

историческое дело... Да, нам не приходится ждать таких благодетелей для народа нашего. Нам самим нужно подумать, чем и как утолять его голод и жажду духовную. Не о миллионах, даже не о тысячах мечтать, а хотя бы о неких лептах на святое дело духовной милостыни народу. И быть благодарными тем добрым душам, которые на это святое дело откликнутся.

Укажу еще на одно доброе, святое дело. Если бы кто нас спросил: любите ли вы свою веру Православную? Наверное, каждый православный тотчас ответил бы: конечно, люблю! А вот в нашем Отечестве, не где-нибудь в Африке или Америке, а у нас, в России много миллионов коснеет во мраке идолопоклонства, поклоняется бурханам, обожает огонь, верит Магомету, обожает самого дьявола!.. И не стыдно нам, православным, что за тысячу лет нашей исторической жизни мы не обратили их в свою веру?.. Не подумали об этом?.. Ведь, это – позор! А ведь помочь этому не так уж трудно, как кажется: для этого не нужно самим идти в Сибирь к разным инородцам, довольно, если поможем трудящимся там проповедникам веры – миссионерам... И есть для того особое Миссионерское общество, во главе которого стоит Московский митрополит: пошлите туда свою лепту и вы будете как бы сотрудниками в проповеди Евангелия, в святом деле апостольском... И чтобы быть членом этого Общества надо внести только три рубля в год, но увы!.. С каждым годом, говорят, Общество все сокращается, число членов все уменьшается... А ведь если бы все русские люди внесли только по копейке, одной копейке в год, и тогда составилась бы целый миллион на это святое дело... Что ж? Делается так? Увы, всех членов на считывается что-то около семи тысяч, а это значит – из ста тысяч православных едва набирается семь человек, которые помнят о своей вере, о ее распространении и хотя тремя рублями помогают этому делу... Зато не жалеют денег на постройку народных театров... Больно говорить, православные! Стыдно пред католиками и лютеранами, которые миллионов не жалеют на распространение своих вер... понятно, почему они и нас хотят совратить в свои ереси...

Моим читателям

I

Святейший Синод благословил сбор на построение храма на могиле просветителя Японии – Архиепископа Николая. Обычно православных архиереев погребают в храмах Божиих, но японское правительство не позволило положить тело святителя Николая в построенном им соборе Воскресения Христова, что, впрочем, не было проявлением вражды к Православной Церкви, а лишь простым исполнением закона, воспрещающего, как и у нас, погребение в пределах города. У нас обычно самый закон делает исключения для архиереев, но ведь Япония пока имеет правительство языческое и ожидать каких-либо исключений для православного архиерея от них не следует.

Итак, могила великого проповедника Евангелия будет покрыта храмом Божиим. Храм будет двухэтажный. В нижнем этаже будет престол в честь Воскресения Христова, где будет совершаться ежедневное богослужение, а в верхнем – в честь ангела Архиепископа Николая, святителя Христова Николая, Мирликийского чудотворца. Здесь будут происходить собеседования с язычниками, проповедь Евангелия и таким образом на могиле великого проповедника Христовой веры и по смерти его будет продолжаться святое, любимое им дело его – просвещение неверующих светом веры Христовой.

Читатели “Троицкого Слова” уже предупредили разрешение церковной власти: лепты на построение храма в память Японского просветителя стали поступать в редакцию вскоре после блаженной кончины его. По 15 октября сего 1912 года таковых пожертвований поступило 123 рубля. Верю, что по слову Божию рука дающего не оскудеет, и мои добрые читатели откликнутся на доброе дело с любовью не только к памяти почившего труженика-святителя, но и к нуждам юной Японской Церкви. Надо помнить, что японская интеллигенция, как и у нас, почти вся прогнила неверием и безбожием и о духовных нуждах своего народа не заботится. Приходят ко Христу почти исключительно простые люди, не обладающие большими средствами, а потому и Церковь Японская сама не в силах будет построить храм на могиле своего основателя. Наш долг придти ей в этом святом деле на помощь, а святитель Божий помолится за нас у Престола славы Божией.

Пожертвования можно посылать в Хозяйственное Управление при С. Синоде, в редакцию “Троицкого Слова”, Сергиев посад, Моск. г., в Лавру; не откажусь переслать по назначению и я.

II

Обращаюсь к тому, с чего начал.

Недостаток духовной дисциплины, самочиние в делании добра – вот больное место нашей церковной жизни. У латинян каждый искренно верующий имеет своего духовного руководителя, которому подчиняет свою совесть; этот руководитель так и называется у французов “директор совести”. Не буду особенно восхвалять деятельность этих “директоров”: Бог им судья! Замечу только, что они слишком уж часто действуют по-иезуитски, поработав отдающую им себя совесть и имея в виду не совсем чистые цели... Но общий принцип – подчинять свою жизнь руководству пастыря – в сущности верен. Так должно бы быть и у нас. Увы, наши духовные овцы являются к своему пастырю, большею частию, раз в год, чтобы в течение нескольких минут “очистить совесть”, поисповедываться, да и то кое-как, наскоро, и затем пастырь не заглядывает в эту совесть целый год. Отсюда и все те духовные уродства, о коих я выше говорил. Отсюда и самочиние в самом доброделании. Вот почему постепенно выветрилось самое сознание необходимости духовного окормления, руководства со стороны пастыря в духовной жизни и доброделании. И живут наши православные, в большинстве, кое-как, спасаются кое-как, наудачу, делают добро, исполняют заповеди Господни не по разуму Церкви, а по своему смыслению, кому как Бог (да еще Бог ли?) на душу положит... Оттого и церковная жизнь наша не налаживается по тем чистым идеалам, какие ставит нам Святая Церковь. Оттого и старания церковной власти нашей не имеют успеха, хотя бы в том же деле обновления приходской жизни. Нашим мирянам всякое доброе, по разуму Церкви, указание священника кажется каким-то вмешательством в их дела: я так хочу, как он может мне указывать? А вот брошу все дело, и пусть его, как знает, сам доделывает! И я знаю таких “благоворителей”, которые начинали строить, например, храмы Божии и бросали при первых же недоразумениях с священником или с настоятелем монастыря, и вот что замечательно: с ними это повторялось не раз, не два, и все же они не вразумлялись, не догадывались, что тут, очевидно, было искушение для них Божиим попущением, которое они должны были бы победить терпением, любовью,

благоразумием, и все же они не вразумлялись, и приходилось доделывать дело другим благотворителям... И они теряли цену своего добра по своему самочинию в его делании.

Враг воюет против нас не только шуими, но и десными путями и средствами. Когда ему не удастся отклонить человека от доброго дела, он старается осквернить это дело или тщеславием, или корыстолюбием, или иною кою страстию. Но особенно он воюет против цены нашего добра самочинием. Он знает, что от самочиния добро сразу теряет добрую половину цены в очах Божиих. Другую половину враг уже похитит у человека другою страстию: самохвалением, тщеславием и т. п. Человек, делающий добро, должен постоянно стоять на страже своего сердца. Особенно когда он одинок, когда около нет духовного руководителя, который ему помог бы усмотреть подкрадывающегося духовного татя. И долго, после сделанного уже добра, есть опасность сего похищения. Вот почему святые отцы заповедуют: делай добро и скорее старайся забыть, что ты его сделал, как и Апостол говорит: задняя забывая, в предняя простирайся. Повторяю: все, что доброго делает христианин, если только это добро истинное, добро спасительное, чистое от приражений греховных, – такое добро не он делает, а Христос в нем и чрез него проявляет Свою благодать Свою жизнедеятельность в Церкви, как в теле Своем благодатном. Та к чем же хвалиться? Благоговейно и смиренно благодарить надо Господа, сие творящего, и почитать себя недостойными Его толикаго к нам грешным снисхождения. Рукою смирения следует отклонять от себя всякий помысл, будто мы нечто доброе творим. *Еже должны бехом сотворити – сотворихом*: так за что же нас хвалить? А если бы не сотворили, то стали бы рабами неключимыми, ни на что негодными. Да еще вопрос: так ли творили, как подобает? С добрым ли усердием? Не таилась ли при этом в сердце мысль корыстная или тщеславная, желание похвалы или награды от людей? “Сердце человека глубоко, говорит слово Божие, лукаво, оно больше всего и крайне испорчено: кто узнает его?” (Иер. 17, 9) Как доверять ему? И на что, кому это нужно – помнить свое добро? От людей и даже от себя самого надо скрывать его, по заповеди Спасителя: *да не увестъ шуйца твоя*, что творит десница твоя, твори добро втайне, если хочешь, чтобы видел его Отец твой Небесный и воздал тебе явно. Кроме вреда тебе же самому ничего не выйдет из того, если будешь в архиве своей памяти сберегать сделанное тобою добро. А вред возможен: пожалуй, ты сочтешь себя таким богачем, что тебя не пустят и в Царство Небесное, только для нищих духом уготованное. Всегда делая добро, помни, что повелел Господь Иоанну Богослову написать Ангелу церкви Лаодикейской: “Ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем ни имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг” (Откр. 3, 17). Да и то еще надо помнить, так ли ты делаешь добро, как надо, как заповедано? Ведь вот к тебе приражается же помысл самоцена: если примешь в сердце этот помысл (а кто поручится, что иногда ты не принимал его?), то добро твое уже и стало сомнительным, золото твое превратилось в медницу. Мы не ангелы, мы не можем знать глубины даже собственного сердца.

Ох, добро наше, добро! Никуда-то оно не годится, если не будет смирением прикрито! А его-то, сего мытарева злата, и нет у нас... Сделаем что-нибудь похожее на добро, да и носимся с ним, как известная птица с своим произведением... А в очах-то Божиих тот и мил, кто свое добро забыл и смотрит только на грехи свои. Не любитесь этим “богатством”, нет, а плачет о них, Богу их показывает, жалуется Господу на греховные страсти, на душу воюющую, на немощи свои, противу греха безсильныя, и просит, молит Бога о помощи, чтоб Господь простил грехи, помог в борьбе с искушителем-врагом, чтобы укрепил волю, грехом расслабленную, согрел сердце нечувственное, размягчил его,

окамененное, очистил ум от помыслов греховных, суетных, темной тучею его омрачающих! И не потому ли мы бессильны в добродетели, что сами препятствуем Господу помогать нам Его благодатию? *В злохудожну душу не внидет премудрость, только смиренным дает* Господь благодать. Он готов бы и всем нам ее ниспослать, да на пользу ли нам-то будет *благодать*, дела добрая со девающая чрез смиренных? А что если мы добро-то, ею в нас содеянное, себе припишем, у нея отнимем, станем считать себя такими добрыми, хорошими, Богу угодными христианами? В таком состоянии самая благодать добродетели послужит нам во осуждение наше. Вот Господь и не ниспосылает ее нам в помощь к добродетели. Не полезнее ли нам просить у Господа благодати смиренного покаяния, а когда сею благодатию очистятся наши сердца от нечисти греховной, когда умягчится ожесточение сердца слезами кающегося Апостола Петра и всех грешников покаявшихся, вот тогда и явится у нас, уже само собою, благоговейное дерзновение просить у Господа помощи на всякое добродетельное. Помогите нам, Господи, исполнять святыя, животворящая заповеди Твои так, как Ты их заповедал нам! И Он поможет, ибо Сам сказал: *без Мене не можете творити ничесоже*; Сам обещал: *просите и дастся вам, ищите и обряцете, толцыте и отверзется вам. Вся елика аще воспросите от Отца во имя Мое, даст вам*. Его всемогущая рука всегда отверста, чтоб излить на нас дары благодати; но кто же виноват, что мы-то свою руку к Нему не простираем, чтобы принять сию благодать? Кто виноват, что, и приняв, иногда не ценим сего сокровища и приписываем себе то, что она творит в нас, оскорбляя сим Господа – Дародавца?

Но скажут: как избежать сего предвосхищения у Господа того, что Ему, а не нам принадлежит?

Иного пути нет, как отречением своей воли, своегомышления пред Богом чрез того, кто от Бога дан нам в Церкви руководителем в духовной жизни, пастырем нашим. К отцу твоему духовному и обращайся за советом, когда задумаешь сделать доброе дело, особенно если это дело выходит из ряда твоих обычных житейских дел, если тебе кажется оно как бы неким, для тебя не обязательным подвигом. Задумал, например, ты отлить колокол в церковь: дело доброе. А духовный отец тебе скажет: “Это еще потерпит, у нас есть во что звонить; а вот школы у нас нет: вот на это дело тебя охотно благословлю”. Та к и сделай. Отсеки свое хотение. Прими слово пастыря Церкви как волю Божию. Ведь Господь сказал Своим Апостолам, а чрез них и всем пастырям Церкви Своей: “Слушающий вас – Меня слушает”. Конечно, это, прежде всего, относится к учению веры, но ведь и дела веры неразлучны с верою, и в жизни своей каждый верующий должен внимать гласу своего пастыря. В монастырях есть правило: “повинися игумену яко Богу”. В сущности это то же, что и Господь говорит Апостолам. Богу нужно не твои мышления, а твое сердце. Суть-то дела в том, чтобы верующий отсек свою волю во имя послушания воле Божией, чтобы имел уверенность, что не свою волю творит и в добром деле, чтобы, так сказать, снял с своей совести оценку своего добродетельного. Тогда и избежать ему самоцена будет несравненно легче. Когда ему придет помысл, что вот-де ты сделал доброе дело, он ответит ему: что ж такое я-то сделал? Я только исполнил послушание отцу духовному, а не послушать его было бы грехом, было бы противно заповеди Христовой: *слушаяй вас Мене слушает, и отменяяй вас Мене отменяется*. Та к отвечай помыслу и успокоишься, и он больше не будет тревожить тебя.

Но как быть, если является сомнение: да сам отец-то духовный не будет ли в искушении подать такой совет, какой ему выгоднее? Не впадет ли и он в то искушение, какому

поддаются латинские патеры и ксендзы? Ведь и они люди, а где люди, там и слабости...

Отвечаю. Во-первых: латинская церковь, в искажении чистаго христианского учения, допускает правило: цель оправдывает средства. Этого наша святая Православная Церковь ни в каком случае допустить не может, и совесть православнаго пастыря всегда связана правилом: для добраго дела и средства должны быть только добрыя, чистыя, допускаемая совестью христианского и учением Христовым. Никакой пастырь не одобрит, если безчестный человек нажил капитал нечестивыми средствами, обманом, насилием, подлогами, вздумал бы на эти капиталы строить, например, церковь. Каждый священник, каждый монах сказал бы ему: "Прочитай в Св. Евангелии рассказ о мытаре Закхее и возьми с него себе пример. Если уж нет никакой возможности вознаградить обиженных, то только тогда можно или раздать капиталы такие бедноте всякой, или же и храм построить, но опять там, где та же беднота имеет в нем особую нужду. Да и построить-то так, чтобы, по возможности, люди не знали, откуда идет благодеяние, кто строит храм. И если бы православные так поступали, то и пастыри, к коим стали бы чаще обращаться за советами, были бы опытнее в советах и каждый раз, когда надобно дать совет, заглядывали в свою совесть, сверяли бы свою мысль с словом Божиим и отеческим учением, а в более трудных случаях искали бы совета у более опытных старцев или же у своего святителя... Затем, надо и то сказать: если хочешь узнать нелицемерно волю Божию, то молись Господу: "Господи! вразуми моего отца духовнаго, что сказать немощи моей, какой мне дать совет... Ты ведаешь, Господи, что я не ради того вопрошаю его, чтобы похвалиться своим добрым намерением, а только для того, чтобы узнать: доброе ли дело я задумал? благословишь ли его? согласна ли моя воля с Твоею всесвятою волею? Я готов отказаться от своего намерения, готов исполнить Твою волю, вот и скажи мне чрез отца моего духовнаго: благословишь ли то, что надумал я, или иное что повелишь?" Не может быть, чтобы Господь, волю боящихся Его благословляющий и молитве их внимающий, не услышал такой молитвы и не внушил твоему пастырю или руководителю твоей духовной жизни то, что Ему благоугодно! Надо же верить Его обетованию: просите и дастся вам! Надо же поверить и благодатному опыту святых отцев, наших учителей благочестия, а их опыт говорит: если хочешь узнать волю Божию искренно, то и малый младенец возвестит тебе ее, если нет близко Богом даннаго и Церквию благословеннаго пастыря души твоей. Ведь известному Валааму, когда он хотел искренно узнать волю Божию, и ослица безсловесная сказала ее. Ужели же Бог не вразумит того, кого Сам Он поставил тебе, благодатию священства, быть ближайшим советником и наставником в христианской жизни?

В делах важных, требующих немалых средств, добрый христианин не должен забывать, что в каждой поместной церкви есть особый Богом данный епископ, который на то и поставлен, чтобы пасти стадо Божие, руководить верующих ко спасению, который и ответ Богу даст за паству свою, если бы отказал кому в добром, авторитетном пастырском совете и указании. И уж, конечно, такой Богом данный руководитель не откажет верующему войти в его положение, сам с ним помолится Господу, дабы познать святую волю Его и непогрешительно указать ее просящему совета. У нас верующие православные люди совсем забыли об этом и редко, слишком редко обращаются в своих личных делах за советом к архипастырю. Им, кажется, и в голову не приходит такая мысль. Как будто дело архиерея только попов ставить, в церкви служить, проповеди говорить да разныя кляузы разбирать... Грустно это! Жаль тех, кто лишает нас своего доверия. Может быть, мы сами-

то по себе, как люди, и не заслужили того, но ведь надо же в делах веры и жизни духовной признать нас более сведущими, чем какой-нибудь приятель...

Надо же помнить, что Господь, по молитве верующих, не допустит и нас, грешных, погрешить в святейшем деле служения нашего. А если бы, попущением Божиим, по нерадению нашему, и случилось нам погрешить, то вся тяжесть греха сего ляжет уже на нас, пастырей, а не на того, кто во имя Божие отсек свою волю пред нами...

III

Знаю, мне скажут: да в состоянии ли наши пастыри руководить в такой степени совестию православных, чтобы решать все жизненные вопросы? Достаточно ли они опытные? Ведь среди них, не говоря уже о немощных духом и плотию, немало молодых, совсем неопытных, чуть ли не юношей? Иной мирянин опытнее своего пастыря и мог сам дать ему совет.

Отвечаю на эти недоразумения.

Да, мы, пастыри и даже архипастыри, немощны, не достаточно опытные в духовной жизни, среди нас немало и таких, коим не место бы оставаться среди пастырей, особенно в наше лукавое, блazenное время. Но ведь я, прежде всего, устанавливаю основное правило нашей церковной жизни: нет, конечно, правила без исключений, но в этом отношении надобно сказать об учительской деятельности пастырей то же, что говорим о совершении ими Таин Божиих: таинства церковныя не теряют своей благодатной силы от недостойства совершителей их – иереев и архиереев. Благодать Божия может и сильна руководить жизнью верующих и чрез недостойных пастырей. Пастыри не свое учение проповедуют, а учение Церкви, учение Самого Христа. Не смотри на то, как я, грешный, живу, внимай тому, чему я учу тебя от Христова Евангелия, от писаний Апостольских и отеческих. Горе мне, если бы я стал тебя учить чему-либо противному учению Церкви! Я не требую от тебя слепого послушания, хотя в иных случаях для тебя надежнее было бы и без рассуждения слушаться пастыря, по реченному: *овцы гласа его слушают и по нем идут*, – я каждый совет мой, каждую добрую мысль и готов, и должен подтвердить или словом Писания Божественного, или же от писаний богомудрых отцов и учителей Церкви. Я неопытен в духовной жизни, но у меня под руками сии благодатные руководители – слово Божие и отцы Церкви. Не мне, а им поверь; они лучше нас с тобою и душу человеческую изучили, и тайну жизни в Боге постигли, и путь к Богу обрели... Я с любовию и тебя послушаю, если ты мне укажешь их писаниях то, что потребно для души моей. Их опыт духовный есть великая, неистощимая сокровищница, из которой никому не запрещено черпать. Но, главное, помни: и мне, и тебе нужнее всего отсечение своего мышления, своего толкования во имя всецелаго послушания Богу. Между мною, грешным пастырем, твоим отцом духовным, и тобою стоит Сам Владыка наш Христос, приемлющий твое благое произволение, как чистую жертву самопредания Ему, стоит и незримо внемлет готовности твоей – не свою волю исполнить, а Его святую волю. И видит Он, что ты ждешь Его премудраго и всеблагаго манования чрез того, кого Он же уполномочил быть твоим пастырем-руководителем в жизни по Христе: Он ли не услышит твоей молитвы, Он ли не внушит хотя бы и моему недостойнству сказать тебе путь, в онъже пойдешь во имя Его святое?.. Твоя беседа со мною не есть простое совещание, обычное между людьми, друг другу преданными: нет, тут есть посреде нас Третий, тебе

внемлющий, меня вразумляющий по молитве твоей же и, если твое сердце не лукавит, тебя и благословляющий на благое делание во исполнение Его святых заповедей... Тут совершается, я сказал бы, некое таинственное общение с Господом, тут ты произносишь ту же молитву к Отцу Небесному, какую возносил Он, Богочеловек, в саду Гефсиманском: не Моя, но Твоя да будет воля, Отче наш!.. Держи же свою волю как бы на острии иглы, не склоняя ее ни на десно, ни на шуе, ни в сторону твоей благой мысли, ни против нея: жди, что речет тебе Господь, Коего воли ищешь, устами, аще и недостойного, Своего служителя. И что услышишь, то и сотвори. Прими, как волю Божию.

Таков идеал православного доброделания. Тут вопрошение отца духовного, совет со старцем духовной жизни, не есть простое совещание, а есть как бы некое священнодействие, некое жертвоприношение, тобою совершаемое. Отец твой духовный есть как бы жрец, приемлющий от тебя твою жертву – твое благое произволение и приносящий его Христу, нас ради послушливому даже до смерти крестныя Своему Отцу Небесному. Он же, отец твой духовный, и отвечает тебе от имени Христова, мысленно вознося к Нему моление о тебе и повергая тебя к стопам Его, на кресте распятого. Вот внутренний смысл такого от воли своей отречения! Помнить надо, что сказал пророк Божий Самуил отверженному Богом Саулу: “Неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов” (1 Цар. 15, 22). Доброе дело делаешь, когда творишь добро по движению твоего сердца, по требованию твоей совести, но цена сему добру будет вдвое, когда ты приложишь к нему еще и послушание, то есть готовность отказаться от своего смышления и исполнить то, что скажет тебе опытный духовный отец. Если он твою же мысль одобрит и именем Господним благословит, то тем радостнее будет для тебя, ибо добро твое получит сугубую цену. Как кровь, обращаясь в теле, обновляет весь его состав, так молитва, общение любви между членами Церкви, наипаче же пасомых с пастырями, созидает единство жизни церковной, направляя совесть верующих в доброделании туда, где имеется наибольшая нужда в таковом доброделании. Вот пример. У наших братий, переселенцев на далеком Востоке, нет храмов Божиих; они плачут, не имея утешения церковной молитвы целые года, а мы золотим главы на сельских церквях, устроим серебряные престолы, мало того – жертвуем на трамваи, электрическое освещение... Да ведь это, простите, эгоизм какой-то! Как будто нам и дела нет до братий наших, заброшенных на далекую окраину родной земли! Гд е же единство Церкви, яко Тела Христова? Гд е дыхание любви, согревающей немощных, неимущих братий наших? Представьте себе радость, благодарность их, если бы у них появился храм Божий, да притом построенный не на казенным средства, а вот от прихожан такого-то прихода, города, волости, селений! Не говорю уже о безвестных благодетелях, которые, устроив храм, просили бы только молитв за них, сообщив лишь свое имя. Как горячо молились бы наши братья в таком храме! Но не о храмах только говорю я. Нет возможности перечислить все виды добра, которые можно бы осуществлять, если бы любовь православных людей, так сказать, не самочинничала, если бы она внимала голосу пастырей Церкви... Тогда и власть церковная смелее обращалась бы к сей любви, в виде воззваний, сообщений, где больше нужды и в чем она, эта нужда, сказывается. Перечитайте послания Апостола Павла: с какою любовью, но вместе и с настойчивостию обращается он к верующим с приглашением во имя любви жертвовать на бедныя церкви Востока! Между прочим, он советует в течение недели откладывать, хоть понемногу, кто сколько может, а в дни собраний молитвенных приносить скопленные лепты и передавать

предстоятелям церкви. Советует скоплять приношения заранее, чтобы когда представится случай, направлять их туда, где больше нужды. И уж конечно, верующие при личном свидании спрашивали его: куда и сколько должно направить? Да и сам он не отказывается передавать святыя лепты по назначению. Делая добро, ни на минуту не следует забывать, что Церковь есть великий организм любви, а любовь чутко прислушивается, где ощущается боль... и, конечно, – туда направляет средства к ее облегчению. Пастырям Церкви виднее все это, а центральной власти церковной – и того больше. И спасибо сердечное тем добрым православным людям, которые направляют свои жертвы на нужды Церкви, доверяя это власти: много слез они утрут своим братьям, нуждающимся в духовном милосердии к ним! Много слез радости прольется, когда неожиданно, будто с неба упадет, к бедным поселенцам придет эта святая жертва! И эта радость, несомненно, отзовется в сердцах тех, кто был ее виновником. Повторяю: в Церкви, как живом теле Господа Иисуса Христа, и горести и радости как бы по нервам передаются от одних душ верующих к другим, если сии последние деятельною любовью участвуют в жизни первых.

Обращаюсь к нашим пастырям. Да, они далеки от идеала, и если бы стояли на его высоте, то сама собою жизнь Церкви устроялась бы по сему идеалу. Да, у них, в большинстве, мало духовного опыта, мало знакомства с отеческой литературой. Уж слишком погружаются они в житейския попечения. Знаю, не весело им живется, иной считает гроши, достанет ли их на самые насущныя нужды... А все же нужно было бы побольше возгревать в себе веру в обетование Спасителя: *ищите прежде всего царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам*. У нас больше заботятся вот об этом “приложении”, а о Царствии Божием – потом... Мне горько писать эти строки, больно касаться наболевших вопросов о нуждах духовенства... Но, ведь слово-то Божие остается неизменным: прежде всего – *Царствие Божие*, о нем забота, а потом – об остальном, *о приложении*. Таков Самим Господом определенный порядок и уж, конечно не нам изменять его. И вот что же мы видим? Там, где пастырь доверяется Христову обетованию, *единого на потребу* – служение Господу и Его Церкви ставит выше своих личных и семейных материальных интересов, там видимо Христос благословляет его, вечно повторяя чудо умножения хлебов... Не в роскоши, не в богатстве живут такие служители Христа, но необходимое у них все есть, и они благодарят Бога за это. И дело пастырское у них налаживается при помощи Господа, и дети их радуют успехами и поведением, и в насущном хлебе они не нуждаются. Это уж таков закон у Христа Господа: Своих работников Он не балует, но и не забывает об их неотложных нуждах. Он располагает сердца их же пасомых, и сии помогают им во всем потребном. Не без скорбей и искушений течет их труженическая жизнь, но ведь все это в планах нашего духовного воспитания у Господа. Пастырю нужно опытом пережить и разныя скорби и испытания, дабы потом и испытываемым от Господа помочь. Ведь и о Господе сказано: *Сам искушен быв, может и искушаемым помощи*. И блажен пастырь, который понимает это и несет свой крест в преданности воле Божией! К такому-то вот и потекут пасомые за советом, за указанием, что когда делать и как жить, чтобы волю Христову, а не свою исполнять. Такой пастырь деятельно проходит все уроки жизни, какие преподает своим пасомым. Он и молитвенник, и утешитель в скорбях, и мудрый советник в затруднительных обстоятельствах житейских. К такому из чужих приходов идут. К такому и сопастыри обращаются за советом. Такой носит в душе своей светлый идеал, милостию Божией данный всем пастырям, в меру их сил и способностей, в лице великаго молитвенника земли Русской – отца Иоанна Кронштадтскаго. Мы все ссылаемся на то, что живем не в те

времена, в какие жили великие светильники веры и благочестия: вот Господь и дал нам в наши грешные, смутные времена такой образец пастырства, какого ни одна Церковь еще не видела. Смотрите: был такой же человек, как и мы, такой же священник, как и прочие, а предан Богу, и Бог соделал его носителем благодати Своей, носителем идеала для нас – пастырей и архипастырей. Нет нам извинения, будто в наши времена нельзя быть ревностным исполнителем долга в служении пастырском. Не напротив ли: не следует ли именно теперь быть готовыми душу свою положить за паству свою? Лениость наша, дряблость наша, суетность наша и маловерие – вот в чем причины, что мы потеряли свое влияние на пасомых. Как бы в обличение наше, и теперь, слава Богу, есть добрые пастыри, хотя, конечно, не такие, как отец Иоанн, а все же добре правящие стадо свое на пажитях церковных. Каждый должен исполнять свой долг в меру данных ему от Бога сил и способностей. И в свое время каждый даст отчет о своем делании на ниве Христовой. И горе тогда будет нерадивым пастырям! Пусть они сами прочтут 34-ю главу пророка Иезекииля, изрекающую им великое горе...

Я сказал бы нашим пастырям: как ни трудны наши времена, но никто не может нам препятствовать делать вечное дело Божие, нам от Господа порученное. Вы имеете счастье не людям служить, а Господу всемогущему и преблагому. Он верен в слове Своем: верьте же Ему и вы. Вы – Его сотрудники, ужели Он оставит вас без помощи благодатной? Этого быть не может! Но помните и то, что у Него Свои законы, коих вам не изменить. Труды и скорби ждут вас: их не избежать. Награда – после, может быть, в будущей жизни. Но она несомненна... В затруднительных обстоятельствах к небесному Архипастырю прибегайте. Повергаясь у подножия престола Его при совершении Божественной литургии, Ему, как дети Отцу, в простоте сердца поведайте все скорби свои, все нужды свои и своих пасомых. Держите духовных чад своих в сердце своем, когда молитесь о всех и за вся. Не может быть, чтобы Господь не внял такой молитве! Дерзайте же! Начинайте же с Богом дело свое и делание и продолжайте его до вечера жизни! Читайте писания святых отцев-учителей христианского благочестия и уроками из их писаний поучайте своих пасомых. Сами проникайтесь духом их учения, чтобы познать сладость его. Читайте и таких богомудрых наставников духовной жизни, как святитель-Затворник епископ Феофан. Начните, если еще мало знакомы с ним, хотя с его писем о христианской жизни, перейдите к собранию всех его писем, читайте его “Путь ко спасению” и прочие творения. Читайте письма таких учителей смирения, как Оптинский старец Макарий (особенно его письма к мирянам). Приобретите для библиотеки церковной сии книги, не говорю уже о писаниях святых отцев: Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Илии Миниятия, Златоуста, Аввы Дорофея... Не тратьте много времени на чтение газет: это яд, отравляющий душу. Редко-редко попадется в какой-нибудь патристической газете статейка доброго содержания. Разучились теперь люди читать книги, от того и пишут неважно. Даже и на добрые темы пишут поверхностно, наскоро, потому и читать нечего в этих простынях, именуемых газетами. Пастырю каждая минута должна быть дорога. Он должен не только сам найти пищу духовную, но и напитать ею своих пасомых. Он должен ответить на всякий вопрос, какой ему предложит прихожанин...

От нас, пастырей, зависит: быть или не быть Руси православною! Пока народ еще не потерял веру в Бога, пока не совратили его прелестники-сектанты, пока он не покинул мать-Церковь, дотоле еще не все потеряно, еще есть надежда на спасение его... И это – наше дело, наша задача, отцы и братия! Грешно будет, если мы опустим время и не исполним ее...

Горе пастырям, которые пасут самих себя, глаголет Господь: Я отниму овец Моих от руки их и взыщу за них с пастырей их!

Страшны суды Божии, а грозные тучи уже собираются над грешною землею...

№ 149

За честь Креста Христова

Триста лет тому назад, когда впервые проникли в Японию латинские миссионеры, правительство Японии воздвигло гонение на христиан и, чтобы узнавать их, распорядилось положить в городских воротах кресты – так, чтобы нельзя было войти в ворота, не наступив на крест. И говорит предание Римской церкви, что многие, искренно уверовавшие во Христа, скорее соглашались отдать себя на мучения и смерть за Христа, чем наступить на изображение знамения нашего спасения – креста Господня.

Подобие креста как геометрическая фигура нередко употребляется как украшение в архитектурных рисунках и вообще в произведениях искусства. И пока такое изображение не имеет никакого отношения к нашей христианской вере, пока оно не касается нашего религиозного чувства с той или другой стороны, дотоле мы относимся к нему безразлично, как к простой, самой обычной геометрической фигуре, как например, в оконных рамах, дверях и т. п. Но как скоро искусство или, лучше сказать, его представители, художники хотят намеренно подчеркнуть свое неуважение к кресту, как к знамению нашего спасения, то мы должны протестовать самым решительным образом, ибо в таком случае является уже страшный грех кощунства. Представьте себе, что паркет пола в нашей квартире представляет правильно расположенные кресты: позволит ли вам совесть ваша спокойно ходить по такому полу даже тогда, когда вы не знаете, что это сделано намеренно, чтобы заставить вас попирать крест?.. А мы живем в такое несчастное время, когда не только возможно, но и в самом деле бывает намеренное поругание Креста Господня слугами сатаны – иудеями и их прислужниками-масонами. Вот что пишет мне с юга одна чуткая к чести Креста Господня душа:

“Не могу не поделиться с вами скорбью сердца моего. Этим летом я посетила А. женский монастырь, в который стекается много молящихся, в особенности недужных, к чудотворному образу Богоматери. И вот, чтобы приложиться к образу, надо пройти по коврам, на которых вытканы... кресты!.. Стало быть, христианин, прежде чем подойти к иконе, обязан попать ногами, потоптать символ своего спасения – вытканый на ковре крест. И у царских врат, и везде в храме такие же кресты на коврах. Увидя это, так была поражена, так терзалось сердце мое, что я не выдержала и тут же сказала монахиням: “Ведь только сектанты топчут изображение креста, а мы, православные, разве смеем это делать?” И я просила, очень просила снять эти ковры и не гневить Господа поруганием креста Его. На это мне ответили: “Это – жертва, обидятся жертвователи... У нас все ковры такие: что мы будем делать с ними?” Я сказала им: “Зашейте кресты такого же цвета гарусом, обратите их в круги или четырехугольники, а впредь с крестами ковров не принимайте, объясняя жертвователям, что топтать крест грешно”. Сняли ли ковры и зашили ли кресты, я не знаю. Духовенство, большею частию, на это не обращает внимания, а сектантам это и на руку: они могут указывать, что-де и православные попирают крест. И это творится не в одном А. монастыре, но и других храмах: у нас, например, в соборном храме был ковер от престола через всю солею, и когда я обратила на это внимание отца протоиерея, ковер тотчас же был убран раз навсегда, и меня благодарили за то, что указала”...

Мне скажут, что я обращаю внимание на мелочи. Да разве это мелочи – попираание изображения креста Христова, хотя бы и на ковре? Мы упрекаем латинян, что они целуют

папскую туфлю, на которой, говорят они в оправдание, изображен крест; мы говорим: место ли изображению креста на туфле? Но разве место сему на коврах, по коим мы ходим? Пусть фабрикант говорит нам, что это – не крест, а геометрическая фигура, раз возникает сомнение: так ли? – мы должны требовать, чтоб совсем таких крестовых ковров не выделялось! Фабрикант говорит, что это – не крест, а простая фигура, такой-де рисунок; а кто поручится в наше грешное время, что тут нет злого умысла – нарочито подвергнуть поруганию крест Господень? Прочтите вот правило 73-е Шестого Вселенского Собора:

“Поелику животворящий крест явил нам спасение, то подобает нам всякое тщание употреблять, да будет воздаваема подобающая честь тому, чрез что мы спасены от древняго грехопадения. Посему и мыслию, и словом, и чувством поклонение ему принося, повелеваем: изображения креста, начертываемыя некоторыми на земли, совсем изглаждати дабы знамение победы нашея не было оскорбляемо попиранием ходящих. И так отныне начертывающих на земли изображение креста повелеваем отлучати”...

Видите: святые отцы Вселенского Собора не считали “мелочью” рассуждать об изображениях креста, хотя бы они были начертаны просто на земле: они “повелевают” такие изображения “совсем изглаждати”, уничтожать, этого мало: они не задумались написать и такое “повеление” – “начертывающих на земли изображение креста повелеваем отлучати”... Заметьте, из сего постановления соборного не видно: с какою целью сии отлучаемые от общения церковного начертывали изображение креста на земле; может быть, просто по небрежению к тому, что делали, может быть, у них не было ясно сознаваемого намерения подвергнуть святое изображение попранию. А в наше время возможно, что рисовальщики узоров для фабрик делают это и намеренно, чтобы ходящие попирали крест... Припомните, что письмо получено с юга: почему знать, может быть, те же штундисты на фабриках, издеваясь над православными, делают рисунок с крестами и намеренно... Строго судят святые отцы даже легкомысленно начертывающих крест на земле. Какому же строгому суду подлежат делающие это с намерением подвергнуть попранию изображение креста?.. И можно ли назвать мелочью то, о чем мы говорим?

Русский православный человек столь чтит сие изображение, что даже простое напоминание о нем на перекрестках дорог побуждает его творить крестное знамение при проезде через перекресток, а в некоторых местностях России на перекрестках, для сугубаго напоминания о кресте, – знамении нашего спасения – ставятся кресты. Православный христианин помнит, что самый мир создан во образ креста: четыре страны света напоминают ему крест Христов. Он знает, что “крест – хранитель всея вселенныя, крест – красота церкви, крест – царей держава, крест – верных утверждение, крест – ангелов слава и демонов язва”.

Силою Креста Христова он верует спастись как от бед и напастей в сей временной жизни, так и в грядущей вечности. Тропарь, или песнь, Кресту есть в то же время и молитва за Царя православнаго, за все Отечество, победная песнь торжествующей веры. И не потому ли так ненавистен Крест Христов всем врагам христианства? Не говорю уже о духах тьмы; они трепещут и трясутся, по выражению песни церковной, при одном знамении крестом; даже люди, предавшие себя врагу Божию – диаволу, отшатнувшиеся святой веры и Церкви Православной, и те как бы боятся Креста Господня. Рассказывал мне один миссионер: раз, во время беседы с штундистами о Кресте Господнем, его собеседники громко потребовали от него, чтобы сотворил силою креста какое-либо чудо тут же, пред ними. Миссионер сказал, что это значило бы искушать Господа, подобно

иудеям, но что Господь, конечно, силен и чудо сотворить, если сие потребно для их вразумления. “Пусть, – сказал он, – тот, кто хочет на себе испытать силу крестного знамения, подойдет ко мне ближе: я осеню его сим знамением, и он тотчас же ослепнет: верую, что Господь может сие сотворить!” И что же? Никто из сектантов не дерзнул подойти к миссионеру: страх объял хулителей Креста Господня. В другой раз тот же миссионер, приглашенный сектантами на чашку чая, осенил, по обычаю иерейскому, стакан, ему поданный, крестным знамением, и мгновенно стакан лопнул и развалился... Надо было видеть, как это поразило штундистов: они от страха побледнели... Кто знает? Не подсыпали ли в стакан какого снадобья?.. Наши интеллигенты обычно, елико можно, елико допускает им приличие, избегают, как бы стыдятся знамения крестного... Присмотритесь, как делает на себе знамение крестное иной полувер-интеллигент, когда этого требует его положение, например, при похоронах своего сослуживца, при торжественных молебнах, когда он является в храм “ради парада”: он едва водит рукою по груди, будто ощупывает, все ли у него пуговицы целы... Спросил бы я его: да умеет ли он по-православному ограждать себя крестным знамением: на чело, на перси, на плечи? Или разучился уже? Не вяжет ли руку его все тот же ненавистник Креста Христова, князь мира сего прелюбодейного?.. И выходит: сотворить истово крестное знамение – стыдно, а вот попирать Крест Христов, нарочито, может быть, составлять рисунки, где святое знамение спасения будет потом попираемо – это можно, это современно, во вкусе века... Да не честнее ли было бы уж вовсе отречься от веры во Христа, как сделал это великий еретик нашего времени, известный Толстой? Ставят ли себе такой вопрос наши интеллигенты, эти полусознательные христиане, полусознательные язычники? Или им выгоднее прикрываться до поры до времени именем христиан, пока не нашли себе более подходящего, но уж не такого старого слова, как “язычество”? Впрочем, кажется, уже и находят, по крайней мере, около такого имени бродят: ведь уже слышатся странные для нашего православного уха слова: голгофское христианство, неохристианство, оккультизм, спиритизм... Еще немного, и придумают, наконец, и слово это будет новое, модное и ухватятся за него все наши полуверы, и станут уже полными неверами, сбросив с себя имя православных христиан, как изношенную одежду... К тому идет дело, читатели мои! Неверие, сначала практическое, в жизни, а затем и теоретическое, в учении, мутною волною разливается по лицу земли среди якобы образованного общества, а оттуда спускается и вниз, в среду невежественных масс; и этому всячески содействуют враги Церкви Божией – иудеи и масоны, растлевая и ум и сердце чрез печать, театры, лженауку и всеми иными мерами... Врагу страшна только твердыня Православия: если ее удастся расшатать, то с остальным он уже легко справится. Вот почему и ведется подкоп именно под Православие: его хотят всячески унижить, приравнять к суеверию, в него внести разложение в виде разных сект и ересей, его ослабить расколами и раздорами в среде его исповедников. С непонятною, на первый взгляд, ненавистию относится именно к Православию вся иудейская и иудействующая печать, с каким-то пренебрежительным снисхождением – наша интеллигенция, даже и та, которая считает себя еще верующей в Бога; и только те, которые еще чтут авторитет Церкви-матери, еще таят в глубине своего сердца любовь и веру к этой матери, только они, вместе с нею, скорбят, болеют душою, видя поношение или искажение Креста Христова – уже не на коврах только, а всюду, где можно: например, в столице замечено православными, что на одном храме поставлены кресты как бы перевернутыми вершиною вниз, так что поперечник креста приходится в нижней его части, не в верхней, как обычно... А тот знак, под которым масонство

выступило на борьбу якобы с чахоткой, а на деле – едва ли не с другим чем-то, знак перечеркнутого креста? Кто видел этот “красный крест”, тот пусть нарисует его на лоскутке бумаги: он состоит из вертикальной линии, пересеченной двумя равными по размерам горизонтальными поперечинами: соедините же вершину такого креста с концами нижней поперечины и вы получите треугольник вершиною вверх, а если соедините концы верхней поперечины с основанием креста, то получите треугольник вершиною вниз, то есть, получите два пересекающихся треугольника или шестиугольную звезду: обычный знак врагов христианства – масонов... Если я ошибаюсь в толковании этого новомодного “креста”, то пусть гг. учредители сборов на “белый цветок”, измыслившие такую невиданную форму якобы креста, объяснят мне смысл этой формы! Ни христианская древность, ни православная современность не знают такого креста. Это не крест, а телефонный столб с двумя равными поперечинами... Признать это крестом мы отказываемся, а если это не крест, то что такое?..

Опытные в духовной жизни подвижники пишут, что враг наш, диавол, даже в сонных мечтаниях, не может представить Креста Господня: он обычно представляет какую-либо геометрическую фигуру, а на мысль искушаемого влагает, будто это – крест. Не то же ли и тут, особенно если заподозрить участие масонов в этих новомодных сборах на разные цветы?.. В тревожное время мы живем: там искушают нас поспрашиванием Креста Господня, а тут – подменой его какою-то фигурой, в виде телеграфного или телефонного столба... Воистину, дние лукави суть!..

Помним ли мы великий урок 1812 года?

С нами Бог! – ликуя, воспевают святая Церковь, прославляя Бога, являющегося плотию и яко Отроча младо пеленами повиваемаго. С нами Бог! – вместе с Церковью торжественно восклицает стомиллионный православный Русский народ, благодарственно вспоминая избавление Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати языков.

Да, Церковь на Руси всегда была нераздельна с Русью: когда страдал и страдает Русский народ, – с ним болела и болеет сердцем и Церковь, как нежно любящая мать; на ея груди отдыхала душа народная во дни великих бедствий; она утешала его в невыносимых скорбях; она предстательствовала за него пред Богом, испрашивая ему прощения и оставления грехов и отводя грозную, карающую руку Божию во дни великих испытаний... За то и радовалась она радостями народа, как счастливая мать, радовалась и учила народ радоваться радостью о Господе, всё радости достойное, приписывая единому Богу-Милостивцу и влагая в уста народа слова Песнопевца: *не нам, Господи, не нам, а имени Твоему даждь славу!*

Трогательны восторженные песни, коими в день Рождества Христова святая Церковь прославляет Господа за спасение России от нашествия великого корсиканца – завоевателя всего мира. Трогательна и поучительна молитва Церкви, коленопреклонно чтемая в заключении молебна в этот день. Необычна эта вечная память Императору Александру Первому среди светлого торжества великого праздника Христова.

Слава в вышних Богу и на земли мир... Как благоприлична эта ангельская песнь при воспоминании о конце великой брани за Царя – любимца всего народа Русского! Слава богу, ибо *Агнец Вифлеемск, льва и змия нами поправ, миру мир дарова*. Велики скорби, тяжелы подвиги, понесенные народом Русским в эту великую годину испытаний, но Богу было благоугодно соделать нас орудиями низложения и покорения жестокого врага веры христианской, хитраго и гениального в своем деле воинском, врага всех народов земных; Богу было угодно, чтобы к великому празднику мира, воспетаго Ангелами, не осталось ни одного врага на Русской земле: *тем со Ангелы Младенцу миродержавному боголепну славу принесем: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!*

А когда вспомнишь все грехи народные, коими Русь прогневала Божие правосудие в те времена, когда вспомнишь, что Господь *не по беззакониям нашим сотворил есть нам, ни же по грехом нашим воздал есть нам, но и в годину искушения, пришедшую не на нас одних, но на всю вселенную, избавил нас и внегда обышедше обыдоша нас врази наши, явил есть нам спасение Свое*: мало сего – нас же соделал орудием избавления всех народов, покоренных врагом нашим и, из повиновения ему, воевавших против нас – когда вспомнишь все сии милости Божии, то как не повергнуться во прах пред священными яслями Богомладенца с сердечным умилением, как не воскликнуть: *видехом, Господи, видехом, и не мы одни, но вси языцы видеша в нас, все народы были свидетелями тому, все видели, яко Ты еси Бог и несть разве Тебе: Ты убиеши и паки жити сотвориши, Ты поразиши и исцелиши, и несть иже измет от руку Твоею!.. Благодарим Тя, Господи, яко наказуя наказал еси ны в мале, да не смерти во веки предаси нас!.. О, премилосердый Господи! Пробави, продли милость Твою ведущим Тя! Но и неимуцим Тебе явлен буди!..*

Минуло ровно сто лет с того дня, как Русь торжествовала и благодарила Господа за спасение свое. В могилу сошли все свидетели сего торжества. Немного осталось и детей их, которые внимали их сказаниям, проникнутым великим умилением сердечным, великою к Богу-Благодетелю благодарностью. И вот мы, внуки и правнуки их, спустя сто лет переносимся мыслю к их подвигам, вспоминаем милости Божии... и как хотелось бы спросить свою совесть: а поняли ли мы великий урок, данный нам Провидением Божиим в истории наших дедов и прадедов? Прислушаемся к словам молитвы, составленной великим святителем Филаретом, на молебне в праздник Рождества Христова:

Ты глаголал еси, Господи, древле сыном Израилевым, яко аще не послушают гласа Твоего хранити и творити вся заповеди Твоя, наведаша на них язык безтуден лицем, иже сокрушит их в градах их, дондеже разорятся стены их, и мы видехом, яко прииде глагол страшный сей на ны и на отцы наша. Обаче прещения Твоего не убоявшеся, и о милосердии Твоем вознерадивше, оставихом путь правды Твоея и ходихом в волях сердец наших... еще же и отеческая предания ни во чтоже вменивше, прогневахом Тя о чуждых. Ихже ряди и нас объят лютое обстояние, и о ихже ревновахом наставлениих, сих врагов имеяхом буих и зверонравных...

Вдумаемся в эти слова, особенно в последние слова богомудрого святителя, нашего русского златословесного учителя: *о ихже ревновахом наставлениих, у кого ревностно, как школьники, перенимали все худое, сих врагов имеяхом буих и зверонравных...* те самые, у которых мы заимствовали разные безбожные учения – они-то и явились нашими лютыми, жесточайшими врагами... Воистину, чем согрешили наши предки, тем и были наказаны! В конце восемнадцатого столетия русские люди сильно увлекались безбожными учениями, коими была уже тогда заражена Франция, и вот за это увлечение последовало Божие попущение: наши же учителя, французы, сами того не сознавая, явились как бы бичом Божиим к вразумлению наших предков. Счастливы эти предки наши, что поняли ниспосланный им урок и, хотя тяжкою ценою, но все же искупили свой грех, смыли его слезами покаяния и были помилованы милосердием Господа. Исповедуя сию милость Божию, они, в умилении сердца, зывали: *посетив жезлом неправды наша, якоже щедрит отец сыны, ущедрил еси нас, Господи!* Но урок, данный отцам, не должны забывать и дети, и внуки, и правнуки, до последнего рода, если не хотят, чтобы этот грозный урок по вторился на них самих. А мы – помним ли мы этот урок?..

Не в такой светлый, радостный праздник говорить бы о печальных явлениях нашей русской жизни, но что же делать? Ведь если мы, пастыри будем молчать об этом, то – камни возопиют! Увлечение наших предков вольнодумством, вольтерьянством, масонством XVIII века можно бы называть детскими шалостями в сравнении с тем, что творится теперь у нас на Руси! Тогдашнее безбожие проистекало больше из легкомыслия, из тайного желания как-нибудь успокоить совесть, которая протестовала против грехов плоти. Нынешнее безбожие есть какая-то бессмысленная вражда на Бога, выражающаяся в страшных кощунствах; тогдашние пороки были общечеловеческие. Нынешние носят характер извращенности, противоестественности; тогда простой народ грешил, но грех грехом называл, а ныне и деревенские парни, начитавшиеся иудейских “Копеек”, хвалятся своими вопиющими беззакониями как славными подвигами. Понятия извратились, совесть убита, люди становятся хуже диких зверей... Страшно становится жить на свете! Боишься громов небесных, которые вот-вот возгремят над грешною землей...

А в небесах пока еще слышится сладостная песнь небожителей: *Слава в вышних Богу и на земли мир...* А в пещере Вифлеемской еще возлежит Божественное Отроча и с такою

любовью улыбается Своей Пречистой Деве – Матери...

Мати Божия, Заступница усердная рода грешного! Не имеем мы сами никакого дерзновения к Сыну и Богу Твоему: Ты помолись о нас, Ты смилуйся над немощью нашей духовной, Ты покрой нас теми пеленами, которыми повивала Ты Свое Дитя Божественное, да воззрит Он и на нас с благоволением и мир Его премирный да снидет в наши немирные сердца, и да согреет их любовью к Себе, да и мы с дерзновением святым воспоем с небесными певцами: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!

Блестки и изгарь

Наша современность так полна всяких неожиданностей, несообразностей, иногда прямо нелепостей, что дня не проходит, чтоб не наткнуться на такие явления, которые вызывают в душе чувства удивления, протеста, негодования... Редко-редко, будто золотая блессточка в куче мусора, мелькнет отрадное явление, и как рад бываешь отметить его! Доселе я это и делал, и буду делать, по мере сил, в своих дневниках, откликаясь на более или менее крупные факты того или другого рода. Но не всегда есть время и возможность делать это сколько-нибудь обстоятельно по каждому, обратившему на себя внимание случаю. А отметить этот случай, хотя краткой заметкой, стоит. И вот, мне припомнились в “Домашней Беседе” 1860-70-х годов “Блестки и изгарь” покойного борца за идеалы Православия В. И. Аскоченского, и явилась мысль: не открыть ли и мне в своих дневниках страничку для подобных летучих заметок на злободневные вопросы текущей церковной и общественной жизни и литературы, да и под тем же заглавием: зачем придумывать новое, когда есть старое хорошее? В сущности, это будет продолжение тех же “Моих дневников”, но в более кратких статейках, когда нет времени писать большую статью. Надеюсь, мне помогут в этом и мои читатели. Лучше хоть маленький отклик, чем равнодушное молчание. А иногда, Бог даст, можно будет отметить и хотя малую некую блессточку добра: ведь если бы на земле вовсе не было добра, то и мир потерял бы весь смысл своего бытия. Итак, благослови, Господи!

I

Было время, когда преимущественным чтением русского народа служили такие духовно-назидательные книги, как Четьи-Минеи, Прологи, Патерики и отдельные жития святых. В этих житийных сказаниях наш благочестивый народ видел не только то, *что* нужно делать для получения вечной жизни и спасения, узнавал не только учение веры и нравственности христианской, но видел также и то, *как* нужно жить по заповедям Христовым, как следует прилагать нравственные и вероучительные истины христианства к жизни...

Исконная любовь нашего народа к житейным повествованиям начинает, по-видимому, в последнее время ослабевать под влиянием все шире и шире распространяющейся светской литературы, часто довольно сомнительного свойства, особенно со времени так называемых “свобод”. Вновь воспламенить и усилить эту любовь народа к церковно-повествовательным произведениям можно не иначе, как только противопоставив широкому распространению дешевых светских сочинений не менее широкое

распространение как житий древних святых, так в особенности сказаний о жизни и трудах русских подвижников позднейшего времени.

Эти жизнеописания новейших подвижников должны показать народу, что спасение возможно и в наше время; что благодать Святого Духа неизменно действует в Церкви до наших дней; что изумительная и победоносная борьба благочестия с духом тьмы происходит и ныне; что Христос, обещавший вечно пребывать с нами, творит Свои чудеса неоскудно и в Русской земле чрез Своих верных учеников и подвижников; что наша Русская земля, несмотря на широкую волну неверия и порока, несущуюся к нам из западных стран, пребывает и на долгие века пребудет Русью Святой.

Эту высокую задачу – ознакомить народ с жизнью и трудами новейших подвижников, и берет на себя Тобольское Епархиальное Братство святого Димитрия Солунского, приступая в настоящем (1912) году к изданию составленного священником Александром Юрьевским “Новаго Свято-Русскаго Патерика”.

Сей обширный труд Братство печатать будет частями, в виде небольших книжек (в 30–40 страниц каждая), в коих дано будет около 560 жизнеописаний тех новейших русских подвижников, блаженная кончина коих последовала в XIX веке, начиная с 1800 года. Всех таких книжек, весьма доступных народу по своей цене, Братством будет выпущено не менее 150 номеров.

Пока выпущено три книжки ценою по 5 копеек. В них содержится краткое жизнеописание монахини Маргариты Кирсановской, Митрополита Петербургскаго Гавриила, блаженной Ксении Петербургской, Архимандрита Феодосия Софрониевскаго, Архиепископа Варлаама Тобольскаго, иеромонаха Иоакима Саровскаго и благочестивой крестьянки Пелагии. Очерки написаны живо, тепло и читаются с духовным утешением. Отмечаем эти небольшие, дешевые, но поучительные книжечки, как святые “блесточки” в нашей народной литературе, заваленной мусором вредных развращающих изданий.

Получать книжки можно в Тобольске, в Совете Братства святого Димитрия Солунскаго.

II

Легкомыслие или масонщина?

Всякаго рода кощунство, даже богохульство – в иудейской печати дело обычное. Но печать, которую мы привыкли считать порядочною, доселе избегала этого. В большой простыне, именуемой “Новое Время”, изредка появлялись статьи Меншикова с выходками, граничащими с кощунством, но такому большому барину в газете, видимо, делалось снисхождение.

Но вот, в № 13167, от 6 ноября, помещен маленький фельетон под заглавием “Бабые лето в танцах”, подписанный неким М. К., а над сим фельетоном стоит эпитафия:

“Танцы – единственное занятие ангелов на небе, и блажен тот, кто может подражать им на земле”.

Затем в скобках, курсивом, стоит якобы цитата: (Из послания Василия Великаго к Григорию Богослову).

Судите сами: что может подумать читатель? Если он никогда не читывал творений св. Василия Великаго, он смутится. Как? Ужели так писал святитель Божий? Но стоит цитата: стало быть, у Василия Великаго есть такие строки... Или это подделка? Вероятнее всего... Но что же это? Неужели мы дошли до того, что у нас на глазах подделывают письма

святых, приписывают им то, что подумать было бы кощунственно?.. А если читатель знаком с писаниями Василия Великого, то он должен возмутиться духом, должен громко крикнуть: доколе же это будет терпимо? До чего же мы дойдем, наконец?!

Знающие люди говорят, что в греческом тексте стоит слово “хоревин”, что и значит: “петь хором”, а г. М. К. хочет читать: “хорографин” – “плясать”... Та к ли? Но вернее, автор и в глаза не видал подлинника, а просто припомнил, что писал лет пять-шесть назад один “профессор” (слава Богу, ныне изгнанный из Духовной академии) в одном духовном журнале о плясках религиозных. Этот экс-профессор, действительно, хотел оправдать все сектантския пляски и подтягивал к своей теме все, что можно было подтянуть, хотя бы при помощи искажения текста святоотеческих писаний...

Та к или иначе, но серьезной газете стыдно выкидывать такие колена. Ведь надо помнить, что ее читают сотни тысяч людей разного возраста, всякого образования, разных исповеданий: среди них найдутся и такие, которые, прочитав кощунственную цитату и дав ей веру, подумают о великом учителе вселенской Церкви, будто он был так невежествен, что способен был написать такую нелепость, граничащую с вымыслами Магометова Корана.

Хотелось бы думать, что это только легкомысленная выходка газетного болтуна, а не семечко из кошницы масонской.

III

Еще вопрос: легкомыслие или масонщина?

В № “Колокола” (от 10 ноября), в статье: “Легкомыслие или масонщина?” владыка Никон справедливо возмущался тривиально-кощунственным переводом слов св. Василия Великого, помещенным в одном из фельетонов “Новаго Времени”. Но вот есть “духовный” журнал – “Русский Паломник”, как значится в подзаголовке, – “одобренный всеми ведомствами” (значит, и ведомством православного исповедания?), издающий приложения самого назидательного содержания: и “Богословскую Энциклопедию”, и “Творения св. Григория Богослова”, и “Земную жизнь Иисуса Христа”, и кроме того ежемесячный журнал-приложение “Светоч”. Случайно я просмотрел ноябрьскую книжку этого “Светоча” и вот прошу вас полюбоваться, что я там нашел.

В первой статье “Голуби Святаго Младенца” (легенда), на ст. 1700, читаем: (голуби) “пребывали с Ним в пещере (во гробе), и их распростертыя крылья и взъерошенныя перья показались обезумевшей от горя Марии Магдалине светлыми ангелами, спросившими ее: – Жено, о чем плачешь?.. – Когда ученики Его собрались, спустя пятьдесят дней, – подобно буре, с высоты неба, в быстром шуме, слетели к ним те же самые голуби. Светящимися крыльями, как будто раздвоенным пламенем, коснулся каждый из них головы апостола, и в виде этих гонцов Иисуса сошел на них Дух Святой, горячая вера в ожидавшее их апостольство, которому они предались единокорно”.

Как видите, Дух Святой совсем не сходил на апостолов, а только “горячая вера в ожидавшее их апостольство”. Совсем было все просто и ничего сверхъестественного. При этом еще не так удивительно, что “обезумевшая от горя Мария” приняла на рассвете, в полумраке пещеры, “взъерошенныя перья” голубей за ангела; – удивительно то, каким образом апостолы среди белаго дня могли принять обыкновенную стаю голубей за сошествие Св. Духа, а белыя голубиныя крылья – за огненные языки? Оставалось бы

только добавить, что предположение еврейской толпы, будто апостолы “напились вина”, вполне основательно. И такое кощунственное объяснение евангельских событий мы читаем не в какой-нибудь масонской “библии для развлечения” (La Bible amusante), а в духовном журнале, “одобренном всеми ведомствами”.

Но это еще не все. На последней странице той же книжки в отделе “Смесь” есть заметка “Легенды о создании женщины”, и эта заметка заканчивается так: “Ассирия, Вавилон, Египет, а за ними и Иудея (т. е. прибавим от себя, – наша св. Библия) сохранили самую непоэтичную легенду о происхождении женщины... из ребра мужчины!” (многоточие и знак восклицания – “Светоча”).

Вспомним, что “Русский Паломник” рассчитан на благочестивую русскую семью, еще не потерявшую связи с Церковью, а, в частности, “Светоч” будет читаться преимущественно, детьми среднего и старшего возраста. Каких же плодов ожидать от такого чтения? По моему мнению, лучше уж дать прямо Ренана “Жизнь Иисуса” и т. п. Там систематическое искажение божественного Лика Спасителя и открытое глумление над верой способны скорее вызвать отвращение в чистой верующей душе и, во всяком случае, сразу дают понять, что за книга лежит пред вами. Здесь же яд подносится скрыто и как бы случайно, среди другого совсем неподозрительного материала; здесь искуситель застает доверчивую душу как бы врасплох и незаметно может забросить в нее семена сомнения, которые дадут ростки, когда уже поздно будет их искоренять. Вот где уместно спросить: легкомыслие ли это или масонщина, т. е. сознательное и планомерное стремление подорвать веру и там, где она еще сильна и куда с открытыми нападками на нее проникнуть нельзя?

Позволительно также спросить: неужели и в самом деле “Русский Паломник” с его приложениями рекомендован и духовным ведомством для разных библиотек и читален, например, цекотно-приходских?..

IV

Да не будет сего!

Замечаете ли вы, читатель, что наша так называемая “порядочная” печать постепенно все левее, мельчает, уходит в сторону от добрых преданий еще недавнего старого времени?

“Новое Время” уже не то, чем было при покойном А. С. Суворине; “Свет” стал сумерками после смерти своего основателя – В. В. Комарова; от одной газеты пахнет каким-то нерусским “национализмом”, от другой несет “октябризм”, не говоря уже о тех, которые продали себя “кадетизму” и прямо жидовству...

Некто “Вопрошающий” отметил вредные поползновения редакции “Русского Паломника” угощать своих читателей “легендами” в еретическом, рационалистическом вкусе. А этот журнал “рекомендован всеми ведомствами” для школ и назначает себя для семейного чтения. А вот еще журнал, очень распространенный, проникший особенно в семьи священников и до последнего времени державший себя порядочно, хотя когда-то и напечатавший “Воскресенье” гр. Толстого, конечно, в сокращенном виде. Это – известная “Нива”, издаваемая Марксом вот уже 40 лет. Теперь этот журнал рекламирует, что в будущем году он дает полное собрание... мерзостных сочинений “знаменитого” Леонида Андреева! Как вам покажется это? Кто руководит теперь этим изданием? Кто угадывает

вкусы своих читателей? Не должны ли все порядочные люди дружно крикнуть редакции: если хотите отравлять наши семьи Андреевым, то – прощайте! Мы уходим от вас!

Но случится ли это? Увы, не надеюсь! Наша интеллигенция – какое-то безличное существо: чем его угостят, то и будет кушать, хотя бы пришлось и поморщиться. При журнале, видите ли, прилагаются разные “выкройки”, “моды”, олеографии... все это пригодится барышням, детям, да и вообще, журнал дает много для чтения интересного, к нему привыкли за 30–40 лет... как-то уж отставать не хочется. Ну, а Леонид Андреев... да его можно ведь и не читать...

Так, вероятно, рассуждают наши интеллигенты, обсуждая вопрос, на какой бы журнал подписаться. Но не так должны рассудить пастыри Церкви. Те из священников, которые доселе выписывали “Ниву”, должны бы решительно отказаться от дальнейшей выписки этого журнала, обещающего внести отраву в их семьи. Этого мало: должны бы не пожалеть открытки, чтоб заявить редакции столь же решительный протест против такого “приложения”, сказать твердо, мужественно: если вы так, то и мы больше не ваши читатели! Стыдно, позорно порядочному изданию размазывать леонидовскую грязь по лицу родной земли! Пусть уж этим ремеслом занимаются жиды и масоны, которым так хотелось бы развратить наши семьи, наш народ, но доселе почтенной редакции “Нивы” это как-то уж не к лицу!

Предупреждаем наших читателей, какая опасность грозит их семьям от выписки “Нивы”. Если хотят уберечь своих детей от отравы нравственной, то пусть откажутся от выписки этого издания. А священникам властно повелевает это их долг: что же это, в самом деле, будет: пастыри Церкви будут выписывать для своих семей порнографа Андреева и поддерживать своими грошами издание, распространяющее его сочинения?

Да не будет сего!..

Моим читателям

“Мои дневники”, печатающиеся частью в “Церковных Ведомостях”, частью в газете “Колокол”, а главным образом в “Троицком Слове”, вызывают со всех сторон добрые отклики моих читателей: мне пишут и миряне, и пастыри, и простые, и интеллигентные люди. От всей души приношу им мою сердечную благодарность за ту нравственную поддержку, какую они мне оказывают такими письмами. Мы живем в боевое время для Церкви Божией, когда ее враги, иудеи и масоны, а также и ослепленные ими наши полуинтеллигенты-либералы всяких закалов стремятся напустить тумана в сознание русских людей и увлечь их на путь гибели для родной земли чрез измену святой вере православной и заветам родной старины. Обличать всю ложь этих проповедников духовной смуты, раскрывать красоту и истинность наших родных идеалов, предостерегать русских людей от увлечения лживыми учениями, как политическими, так и религиозными, – вот задача, какую должны мы, пастыри, ставить себе в наше время и какую я ставлю для себя в “Моих дневниках”. Чтобы сделать доступными такие статьи для всех, Троицкая Сергиева Лавра и издает, под моею редакцией, “Троицкое Слово”, выходящее 50 раз в год (раз в неделю), по цене 1 рубль в год с пересылкою. В этом “Слове” я и печатаю все “Мои дневники”, а в слеующем году буду вести, кроме того, еще отдел мелких заметок, под названием “Блестки и изгарь”, в коих буду отмечать и отрадные, и печальные явления в нашей литературе и жизни, освещая их светом церковных воззрений. Я крепко верю в святость наших идеалов; я знаю силу благодати Божией, в нашей и только в нашей Православной Церкви действующей; я убежден в

животворности тех заветов, какие оставила нам наша матушка – старая Русь; верую, темже и глаголю, и не перестану глаголати, пока Бог даст силы и возможность к тому. Счастлив, что в этом святом деле пришла мне на помощь родная моя обитель, Троицкая Сергиева Лавра, почему “Троицкое Слово” является, действительно, голосом православного инока, напоминающим тот голос, который раздавался в смутные годы междоусобицы, триста лет назад, в виде известных “Троицких грамот”, рассылавшихся преподобным Дионисием и келарем Авраамием Палицыным, и призывал православных русских людей к единению во имя веры и спасения Родины от тяжкой усобицы и смуты того времени. Смута нашего времени опаснее той, хотя и кажется, будто наступило умиротворение: враги поняли, что пока Русь православна, дотоле ее не сдвинуть на распутья политических бредней, а значит, надо все усилия направлять против Церкви Православной и ея устоев... Вот почему я призываю всех моих читателей не только откликаться на мой голос, но и присылать мне вырезки из местных газет, помогать в распространении нашего издания среди родных и знакомых. Приходится слышать жалобы на то, что я не печатаю в газетах своих объявлений, но патриотические газеты, спасибо им, такие объявления печатают, да распространены такие газеты слишком мало, в иудейских же изданиях берут дорого, а читатели их не обращают внимания на подобные объявления. Знаю, что меня некоторые осудят за такую саморекламу, но думаю, что добрые русские люди согласятся со мной, что в таком приглашении нет ничего худого. Русь, наша матушка-Русь в опасности: все, что может, хотя в малейшей степени, предупредить эту опасность, есть наш долг, и мы должны исполнить его...

Вместе с “Троицким Словом” издается, вот уже одиннадцатый год, и “Божия Нива”, ежемесячный педагогический журнал, имеющий задачу содействовать воспитанию сердца русского дитяти в духе веры Православной и благочестия христианского. “Божия Нива” имеет и ежемесячное приложение для детей под названием: “Зернышки Божией Нивы”, коих вышло уже 120 книжек. Цена “Божией Нивы” тоже 1 рубль в год с “Зернышками”, а книжки “Зернышек” можно выписывать и отдельными номерами по 5 коп. за книжку, полный же их набор высылается за 4 р. 25 к. с пересылкой. Книжки удобны для подарков детям в школах, на актах, на елке, в дни ангела и т. п. Все статьи и стихотворения (числом всего до 400) содействуют воспитанию в душе русского дитяти русского народного мирозерцания, и потому в них нет переводных статей: все принадлежит авторам, живущим среди народа.

Можно подписываться на оба издания вместе, высылая 2 р. в год, по адресу: Сергиев посад, Московская губерния, в редакцию “Троицких Листков”.

Мои дневники
1913 год

№ 151

В полночь на Новый год

Глаголаше же сию притчу: смоковницу имея некий в винограде своем всажену, и приидища плода на ней и не обрете...

Каждый раз, как ударяют часы полночь под Новый год, приходит на память эта строго вразумляющая грешников притча Спасителя. И слышится в совести этот приговор Господина виноградника: *се третье лето, отнелиже прихожду, ища плода на смоковнице сей, и не обретаю, посецы ю убо: вскую и землю упражняет?*

Не третье токмо, Господи, но уже тридесять третье, шестьдесят третье, а для иного древняго старца и девяносто третье лето, Ты ждешь плода от нас, а мы только грешим и грешим, только небо коптим грехами своими, никакого плода Тебе не приносим и только вскую землю упражняем – место на земле занимаем! Дивно долготерпение Твое, Господи наш! Слава неизреченной благодати Твоей! В то время, как правосудие Твое глаголет: *посецы их*, Твое безконечное милосердие умоляет: *остави их и се лето, дондеже окопаю*, сделаю все, что можно, *осыплю навозом*, пошлю им скорби для их вразумления, для смягчения их жестоких сердец, *и аще убо покаются и сотворят плод*, достойный покаяния, – добре и благо им будет, аще ли же ни, если останутся нераскаянными, во грядущее посечеши их... (Лк. 13, 6–9).

И сколько уже прошло этих “грядущих” лет, а мы остаемся все теми же, – мало того: год от году становимся все хуже и хуже, все более и более черствеет наше сердце, холодеет душа, и – страшно сказать: мы становимся уже как бы неспособными к покаянию...

Но... ужели мы дошли до этого? Ужели стало невозможным для нас покаяние?

Если бы так, то само милосердие Божие положило бы конец нашей грешной жизни. А если Бог дает еще время на покаяние, то значит – есть и возможность самого покаяния, значит, еще не истощилось долготерпение Божие к нам, грешным. Для Бога все возможно, но Бог, сотворивший нас без нас, не хочет спасти нас без нас. Он хочет, чтобы мы сами восхотели спасения, сами своею свободною волею решили: восстав, идем к Нему, Отцу нашему Небесному! Та к сделал блудный сын в притче Христовой. Та к делали все покаявшиеся грешники. Та к должно сделать и нам.

Но с чего начать?..

Начнем с того, что пожалуемся Господу на немощи свои, на свое безсилие в делании добра; на леность свою, нерадение и ту черствость сердца, о коей я сейчас говорил. Покажем Господу свои раны греховныя, скажем Ему: Ты видишь, Сердцеведче Господи, что мы никуда-то не годимся: смилуйся над немощию нашею и простри нам крепкую руку Твою, помоги нам положить начало благое благодатию Твоею всемошною! И Он поможет, ибо Сам еще в Ветхом Завете, с клятвою, изрек: *живу Аз, не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему!* (Иез. 33, 11). Он и во дни земной жизни Своей взывал, и ныне взывает: *приидите ко Мне вси труждающиеся*, все жизнью утомленные, невзгодами измученные и грехами обремененные, *и Аз упокою вы!* Видите: Он ждет нашего покаяния, так сказать, просит нашего сердца: *сыне, даждь Ми твое сердце* (Притч. 23, 26). За чем же дело? Или сердце другому господину уже отдано? Но если любишь Господа, если ищешь спасения, то непременно надобно оторвать свое сердце от всего греховнаго и отдать его Господу. Как

это сделать? Иди к отцу твоему духовному, раскрой пред ним все язвы души твоей, проси его молитв, проси разрешения от грехов твоих. А потом приступи к Чаше Господней, соединишься с Господом в святейшем Таинстве Тела и Крови Его, соединишься и уже не разлучайся с Ним! Сим положишь ты начало благое, начало новой жизни для Господа, подобно тому, как доселе жил ты для греха. А чтобы укрепить волю свою в следовании за Христом, исполняй, по совести, Его животворящая заповеди. Богу не нужно наше доброделание: оно нужно нам самим. Как труд физический укрепляет силы телесные, так доброделание укрепляет нашу волю, наш дух в жизни во Христе. Как сосуд, в котором были ароматы, благоухает, так и душа делающего добро становится благоухающим сосудом благодати Христовой, ибо самое исполнение заповедей Божиих возможно только при помощи сей благодати, по реченному Господом: *без Мене не можете творити ничесоже*. И как благоухающий цветок нельзя скрыть и в дикой траве, так разносится и благоухание жизни во Христе: его слышат, его сердцем ощущают люди, имеющие очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие сего очищения. Нужно ли указывать примеры сего? Не говорю о святых Божиих, Церковию прославленных: напомним о старцах-подвижниках нашего грешного времени: вспомните отцов Амвросия, Иосифа, Варнаву, отца Иоанна Кронштадтского... Не стремились ли наши сердца к этим носителям ароматов Христовых, не ищем ли мы и теперь подобных им старцев Божиих? И, слава Господу милосердому: не лишает Он нас сего сокровища и в наши скудные верою, богатые грехолюбием дни!

Но не следует скрывать, что такое обновление духа сопровождается многими скорбями, борьбою с самим собою, с искушениями от плоти, от мира и диавола.

Царствие Божие, говорит Сам Господь, *нудится*, с усилием берется (Мф. 11, 12), *узки врата, тесен путь*, вводящий в жизнь вечную (7, 13) Много скорбей на сем пути спасительном. Но надо, в утешение, помнить, что Сам Господь ведет путников, шествующих по сему пути. Надо помнить, что хотя и *многи скорби праведным, но от всех их избавит я Господь* (Пс. 33, 20). Надо, наконец, не забывать, что *многи раны и грешным, но никакой отрады им нет и неоткуда ждать*. Земная жизнь так устроена, что без скорбей никто не живет и даже через золото слезы льются. Та к уж лучше скорбеть для Бога, для спасения своей души, чем неведомо для кого и из-за чего. Да и самая скорби, переносимая для Бога, носят в себе утешение. Это свидетельствуют все крестоносцы-христиане, все святые Божии. Переноса скорбь ради Бога, христианин тем самым становится причастником страданий Христовых как член тела Его, которое есть Церковь. Прислушайтесь к тому, что говорит святой Апостол Павел о своих скорбях: *ныне радуюся в страданиях моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за тело Его, еже есть Церковь, ей же бых аз слугитель по смотрению Божию* (Кол. 1, 24–25). Да и Господь сказал и верно слово Его: *призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Значит, Он каждую минуту готов помочь нам и в перенесении скорбей, лишь бы мы держались Его, нашего Отца и Спасителя.

Дело за нами, братия! Един Бог всеведущий знает, сколько осталось каждому из нас жить на свете. Быть может, мы стоим уже на границе последнего года своей жизни на земле. Быть может, небесный Домовладыка уже произнес свой грозный суд над нами: уже много лет жду Я плодов от этих бесплодных смоковниц и не обретаю их: вскую и землю оне упражняют? Напрасно место на земле занимают... Но милосердие Его еще ходатайствует о нас: остави их еще на сие лето... И кто знает? Может быть, и это ходатайство уже последнее... Придет будущий год, и мы будем тогда телом лежать в

темной могиле, а душою... конечно, там, куда сами себя определим – или покаянием и исправлением своей жизни, послушанием призывающему нас Богу, или же своим нерадением о спасении, рабством греху и постоянным оскорблением Бога, столь пекущегося о нашем спасении...

Имея уши слышати, да слышит! Аминь.

О религиозных мудрованиях г. Меньшикова

I

Что понимает г. Меньшиков под верою

Жаль человека, который, как маятник, качается из стороны в сторону... То уверяет, что христианство становится пережитком и на смену ему идет язычествующий буддизм; то стоит за веру в Бога, хотя о христианстве прямо не говорит... Таков г. Меньшиков в своих фельетонах в “Новом Времени”. Его читатели помнят его возмутительный фельетон о том, что христианство будто бы обанкротилось, что идет новый свет с Востока в учении йогов... Теперь он “приветствует вновь избранных первоиерархов радостным для них сообщением о том, что современная медицина начинает требовать моральной гигиены. Натуралисты, говорит он, начинают требовать психотерапии и наиболее могучим средством последней указывают благотворное влияние нравственно Высшего Существа на низшее”. Я нарочито подставил прописные буквы в его словах, чтоб мои читатели поняли, о чем идет, по крайней мере должна идти, речь, если только г. Меньшиков говорит искренно, а не просто пишет очередной фельетон.

По его словам, выходит, что человечество, потеряв веру в Бога, потеряло веру и в себя, а потому заразилось “вечными сомнениями во всем, недоверием к жизни (?), боязнью и отрицанием ея, ведущими к самоубийству”. Это, впрочем, говорит не сам Меньшиков, а проф. Богданов или лучше – французский ученый Дежерин. Отсюда – модная ныне болезнь – неврастения, отсюда – целое полчище болезней ложных, коренящихся в расстройстве духа.

Что-ж?.. Мы порадуемся и тому, что хотя болезни всякого рода заставят, наконец, людей вспомнить о Боге. Болезни смиряют наш горделивый дух, а смирение приближает к человеку Божию благодать. Публицист патетически обращается к первоиерархам с словом поучения: “Отцы и владыки, – восклицает он, – великое пред вами открывается теперь поприще и радостное до блаженства! Посмотрите на возобновляемое патриаршество не как на цель реформы, а как на средство ея. Посмотрите на него, как на завершение – не карьеры иерархической, а как на завершение своей свободы, свободы апостольского служения человечеству, дичающему и погибающему от долгого отсутствия “моральной гигиены”. – Пора засыхающему древу Церкви Божией пустить свежие ростки. Пора создать культуру нравственно совершенных людей, которых одно присутствие в обществе действует уже целительно. Для спасения народного опять нужны, как столетия назад, жарко верующие священники, подвижники, святые, способные могуществом не столько слова, сколько жизненного примера восстановить гения-охранителя жизни – божественное настроение веры”.

Золотые слова. Охотно под ними подписался бы каждый архиерей, хотя на счет карьеры надо бы оговориться: кажется, г. Меньшиков и не подозревает, что некоторые архипастыри идут на высшие степени служения Церкви не добровольно, но яко послушники Христовы, со страхом восходя на крест и готовя себя яко овцы на заклание... Конечно, мир судит о всем по-мирскому, и для того, кто сам не приемлет

целым сердцем Божественного откровения как такового, кто и бредни иудея Нотовича готов признать за пятое евангелие, трудно и представить, чтобы на Руси нашелся архиерей, не мечтающий о “карьере”, и это можно простить публицисту. А вот что хотелось бы сказать по поводу его рассуждений: да что он понимает под “верою”? О какой вере у него речь?.. Мне кажется, употребляя наше слово, автор мыслит под ним совсем иное... Да, он не прочь для масс народных разумеет и то, что мы разумеем под словом “вера”: нельзя же, ради спасения народа от гибели, неизбежной при рабстве порокам, не поступиться и в понимании веры: пусть-де разумеют и Личного Бога, и Христа-Богочеловека – Исккупителя, лишь бы не опивались, не развратничали, не грабили, не бунтовали... Ну а мы, интеллигенты, конечно, будем стоять выше их в этом понятии: мы будем разумеет под верою “некую целительную силу, нравственную веру в себя, воспитанную многовековыми внушениями религии”.

Словом, вера, по понятиям современных мудрецов, есть некое самовнушение: “будучи расстройством веры в здоровье, неврастения представляет собою анархию ложных внушений. Иногда достаточно одного властного повеления, чтобы больные, годами страдавшие проявлениями неврастения, выздоравливали с поразительной быстротой. Чудо исцеления состоит только в восстановлении веры (той ограниченной (вероятно: органической?) уверенности в себе, в Высшей Силе и во всей природе, что составляет основу здоровья и спокойствия)”. Та к просто объясняет г. Меньшиков исцеления. По его мнению, никакой благодати, никакого проявления силы Божией, Бога Личного, тут нет: самовнушение, обман мысли, независимо от того, существует ли или нет реально объект веры, т. е. Бог. Самая вера, в конце концов, понимается не постольку, поскольку она есть истина, а постольку, поскольку она ценна как средство лечения. Если раскрыть скобки в этом новом учении, то получится: какая бы не была вера, будет ли магометанская, или языческая, лишь бы только она была верой, проповедующей сколько-нибудь пригодные для человечества нравственные правила – она все равно может иметь целительную силу.

Правда, г. Меньшиков приводит и текст: Бог поругаем не бывает, и – нечестивые истребятся. Но ведь все это можно понимать и в переносном смысле: Бога разумеет не в собственном смысле, а в смысле пантеистическом, ибо и природа ведь нечестия не оставляет ненаказанными. Нам было бы приятно отметить, если бы г. Дежерин, а за ним и Меньшиков сказали прямо: без веры христианской, без веры в Личного Бога, как учит Божественное Откровение, невозможно не только спасение души, но и исцеление неврастеников... Но этого-то они и не говорят. На вопрос: чем же лечить расстроенную и потрясенную человеческую душу, они отвечают: “Единственным основанием, на котором покоится вся психотерапия, является благотворное влияние одного существа на другое”. Сказано очень осторожно. Не сказано: влияние Божией благодатной силы по молитвам веры, не сказано и – внушение врача или других людей, а просто: одного существа – понимай, как кому угодно: человека или Божества, или же существа из другого мира...

Вот почему к приветствиям и благопожеланиям г. Меньшикова приходится отнестись осторожно: основная мысль, что спасение в вере – безусловно верна, но понимать под верою надобно то, что разумеет святая Церковь, а не то, что понимают психиатры, вроде г. Дежерина, и публицисты, вроде г. Меньшикова.

II

Что понимает г. Меньшиков под Священным Писанием

В № 1993 “Колокола”, по поводу рассуждений г. Меньшикова о вере, я выразил сомнение: да что он понимает под верою? Теперь он дает повод спросить его: что он понимает под Священным Писанием? Впрочем, и спрашивать нет надобности: он сам же отвечает. По его словам, “у разных народов разныя, так называемыя священные книги напоминают друг друга и внешнею и внутреннею стороною. Их немного. В сущности, для основания блестящей цивилизации достаточно одной очень тоненькой книжки, как бы она не называлась: Илиадой, Евангелием или Кораном; на крайний случай, для воспитания неисчислимых поколений достаточно всего десяти фраз, начертанных перстом Божиим на скрижалях. Вот что я называю Священным Писанием, воскрешающим дух народный”. Ясно, что и “Илиада”, и Коран стоят у него наравне с Евангелием Господа нашего Иисуса Христа. Оставалось тут же поставить еще и Талмуд: ведь и эта книга имела громадное влияние на приемлющий ее народ... Тоже ведь своего рода цивилизация!

Никто не будет спорить, что все эти книги имели громадное влияние на народы. Но если г. Меньшиков считает себя христианином, то не следовало бы ему Коран называть священной книгой, священным писанием. Именно – писанием. Мы понимаем под этим словом только Библию. Одна Библия имела безмерно великое значение в деле культуры человечества, какого не имела ни одна книга. И Веды, и Коран имели силу, главным образом, потому, кажется, что в свое время у известных народов не имели себе соперников в других книгах и выдавали себя за откровение божественное. Одна Библия была истинным откровением Божественным и потому никакие книги, после нея появившиеся, не могли соперничать с нею по влиянию на умы и сердца людей.

Но оставим вопрос о влиянии. Нас гораздо более интересует вот что.

Все чаще и чаще приходится наблюдать, как у нас крадет слова мир и делает из них, выражаясь словами митрополита Филарета, “идоложертвенное употребление”. В самом деле, украл у нас мир святое, чистое слово “любовь” и стал понимать под ним животную, плотскую похоть. Теперь похитил слово “вера” и понимает какое-то самовнушение, без отношения к тому, существует ли реально объект веры или нет. Вот и теперь: берет г. Меньшиков слово “Священное Писание” и понимает под ним не только Библию, но и Веды, и Коран, а, может быть, и Талмуд. Таким образом, из понятия “священное писание” уже само собою исключается понятие о его богодухновенности, о божественном откровении. Евангелие ставится наряду с “Илиадой”, с Кораном, Ведами... так же, как “вера” – наряду с “самовнушением”, самогипнозом, “любовь” – с похотью плотской. Из каждого понятия вытравляется, незаметно для читателя-неспециалиста, тот признак, который делает это понятие христианским, верующая в простоте душа обкрадывается, и в сознании, в мирозерцании наших интеллигентов происходит подмена: вместо православно-христианских, даже просто христианских понятий, закладываются языческие под теми же словами, под какими с детства усвоены нами понятия христианские. Это опаснее открытой проповеди безбожия. Против вторжения такой, открытой проповеди душа стоит на страже, а тут враг прокрадывается в нее под личиной друга и крадет ее сокровище, как будто не опустошая его хранилищ, а только подменивая его. Г. Меньшиков справедливо говорит, что “мы живем еще в начале религиозного одичания общества – следующие поколения доживут до худших бед”. А сам своим талантом содействует этому грядущему одичанию. Правда и то, что “древнеязыческая литература не лишена была оттенка благородства: и там были великие нравоучители, вроде Достоевского, но они не спасли цивилизации, а погибли вместе с нею”. Но если так, то

зачем же христианское мирозерцание отравлять язычеством? Зачем чистые понятия христианские подменять сначала полу-, а потом и совсем языческими? Согласен я с г. Меньшиковым и в том, что идеи, подобные идеям Достоевского, часто “суть только зрелища ума”, или, как говаривал покойный мой дядюшка-псаломщик: игра ума, – “оне, как кинематографические кадры, сменяют друг друга, развлекают воображение, слегка волнуют и “ничего больше”. Впрочем, нельзя сказать, “ничего больше” – иногда заставляют глубоко задуматься и заронить спасительное семя в душе человека. Покойный известный критик патриот Ю. И. Говоруха-Отрок рассказывал мне, как под влиянием чтения отрывка статей критика Аполлона Григорьева, сидя в Петропавловской крепости, он совершенно изменил свое прежнее полуязыческое мирозерцание на христианское, но ни он, ни сам А. Григорьев, ни даже Достоевский не стали подвижниками в деятельном осуществлении своих христианских убеждений. “Никогда письма человеческие, – говорит г. Меньшиков, – не изобиловали такою бездною мысли, как теперь, но в лучшем случае светская литература играет роль Марфы, не знающей единого на потребу”. Для нас ценно это признание г. Меньшикова, если бы оно было искренно. А сомневаться в этой искренности нам дает повод он сам же. Если “верховная власть немногих благородных идей, в которых исчерпывалась бы воля Вечного, нужна, если эти немногие, святость которых пленительна и очевидна для всякой неиспорченной души, должна внушаться каждому поколению с младенческих лет, должны звучать как непререкаемый глагол, должны служить путеводной нитью в лабиринте жизни”, то зачем же подрывать авторитет того источника, из коего только единого оне, эти идеи, и быют живым ключом? Зачем истинно священное писание, нашу святую Библию, приравнивать к Ведам, “Илиаде” и даже Корану? Зачем вносить путаницу понятий в сознание наших полуинтеллигентов, с доверием читающих писания г. Меньшикова? Да и можно ли верить искренности человека, который находит возможным доверяться французскому иудею Нотовичу и его вымыслы принимать чуть ли не за пятое евангелие?.. А г. Меньшиков еще восклицает: “Как найти теряемое народами Священное Слово (прописные буквы его) и как внушить в него веру – этот величайший вопрос культуры заслуживает неустанной заботы архиепископов и патриархов”. Положим, с этим и я не могу не согласиться, да только вопрос: что разумеет г. Меньшиков под этим “Священным Словом”?

№ 153–154

Меч обоюдоострый

Никогда, может быть, даже во времена гонений от язычников, не было столько опасностей для Церкви, как в наши якобы мирные дни. Ей грозят и внешние и внутренние враги. Внешние – это секты и расколы, открыто отпавшие от нея; внутренние – это не порвавшие открыто единения с нею, но уже не единомышленные, уже мудрствующие по своему смыслению в вопросах веры и понимания жизни по вере. И последние, при известных условиях, могут быть опаснее первых. Потеряв доверие к авторитету руководства церковного, они легко могут подчиниться влиянию еретичествующих мудрований и запутаться в сетях, расставленных еретиками. И это может произойти незаметно для них самих: некоторое время они будут еще считать себя православными, полагая, что усвоенные ими разномыслия, не существенны, но потом, укрепившись в этих разномыслиях будут уже и самую Церковь обвинять в неправом понимании своего учения и тем увлекать других, верных чад Церкви. А сии чада Церкви, зная их за православных, без всякого опасения будут прислушиваться к их мудрованиям и отравляться ими. Вот почему нам, пастырям Церкви, необходимо зорко стоять на страже святынь Православия, внимательно следя за всеми, даже, по-видимому, благоприятными течениями и явлениями в духовной жизни народа и образованного общества, зная, что и сатана иногда преобразуется в Ангела Света, и яд иногда подносится под видом лекарства... И чем невиннее кажется внешняя форма, в которую облечена опасная для Церкви тенденция, чем полезнее представляется то или иное начинание, та или иная добрая мысль, тем тщательнее следует обсудить это с точки зрения церковного учения, тем больше должно осветить это светом церковным. Да это, кажется, и сознается, по крайней мере, некоторыми из тех, кто верен заветам Церкви и понимает опасности, ей грозящие в наши дни. Поневоле становишься чуток, иногда до болезненности, когда постоянно видишь, как враг подкрадывается с той стороны, откуда его не ожидаешь. А посему пусть простят нам, пастырям Церкви, те добрые миряне (от пастырей я этого не ожидаю), которые ненамеренно, неосторожно, по неопытности в духовной жизни, в деле учительства иногда односторонне освещают тот или иной вопрос в области этого учительства и тем дают нам повод обращать внимание на эту односторонность в предостережение чад Церкви от увлечения этою односторонностью. Мы полагаем, что такие указания полезны не только сим чадам Церкви, но и тем, кто является вольным или невольным виновником этого увлечения. В Церкви Божией, как в живом теле Христовом, все члены должны беречь друг друга и каждый должен знать и делать свое дело в духе любви и святого послушания Господу и ей, матери нашей – Церкви.

Недавно мне пришлось быть в собрании “Христианского содружества учащейся молодежи”. Доклад делал председатель общества распространения Священного Писания в России, почтенный Э. К. Пистолькорс на тему “О практическом значении слова Божия в жизни”. В живой, одушевленной любовью к слову Божию речи докладчик изобразил “различныя грани” слова Божия, сравнивая его с драгоценным алмазом, – его действие на душу человеческую, необходимость для христианина изучать его, проводить в жизнь, “реагировать им на печальную действительность нашего времени” и стремиться к духовному возрождению чрез слово Божие... Речь окончилась; но, как говорится, в воздухе чувствовалось, что осталось что-то недосказанное. Руководитель “Содружества”,

протоиерей Лахостский предложил присутствующим высказаться по содержанию доклада, и на кафедре появилась молодая девушка. Чуткая юная душа попыталась высказать то, что, мне казалось, было на душе не у нея одной. Она указала, что докладчик как-то замолчал Церковь: призывая читать слово Божие, он не упомянул, что в церкви, при богослужении, оно читается постоянно, что при домашнем чтении надобно быть особенно осторожным в его понимании... После обмена мыслей нескольких лиц, я, с своей стороны сказал, что очень был рад встретиться не только с представителем, но и с председателем того Общества, с коим, лет 25 тому назад, вел полемику в “Церковном Вестнике”. Я указал тогда на один существенный недостаток устава этого Общества, недостаток, который ощущается особенно в наше время. Дело в том, что Общество поставило своею задачею распространение исключительно слова Божия, Священного Писания, не допуская к распространению чрез своих книгонош каких-либо, даже и Церквию одобренных, даже святоотеческих толкований слова Божия. Такая односторонняя постановка дела совершенно не соответствует нашему православному пониманию этого святого, в сущности, дела. Еще Апостол Петр, например, заметил, что в посланиях Апостола Павла “есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные к собственной своей гибели, превращают, как и прочие Писания” (2 Петр. 3, 16). То же Апостол, одобряя верующих, что они обращаются к слову Божию, “как к светильнику, сияющему в темном месте”, однако же, предупреждает, “что никакого пророчества в Писании нельзя разрешать самому собою” и что это надо “знать прежде всего” (2 Петр. 1, 20). Сам докладчик сказал, что слово Божие, по свидетельству апостола Павла, есть меч духовный, и притом оно “острее всякого меча обоюдоострого” (Евр. 4, 12). Кто умеет владеть сим мечом, тот поражает врагов своего спасения, а кто не умеет владеть им, как должно, тот легко может нанести им вред своей же душе. Всегда должно помнить, что сим оружием часто пользуются и враги наши – диавол и его слуги верные, разные лжеучители. Вспомните, как сатана искушал Господа: и он ведь ссылаясь на Священное Писание: *писано есть...* Подобным образом искушал он и святых подвижников: например, склоняя их к нарушению обета целомудрия, он указывал на слова Писания: *не добро быти человеку единому... честна женитва во всех и ложе нескверно*. Все ереси, все лжеучения и расколы произошли оттого, что люди не понимали истинного смысла Священного Писания. Прочитает человек какое-либо место в Писании и начнет толковать по-своему, как вздумалось, погрешит в своем толковании, а там и от единства Церкви Божией отделится, сделается ересиархом. Нужно ли приводить примеры? Вздумал Арий протолковать по-своему слова Христа Спасителя: *Отец Мой болий Мене есть* – и преткнулся своим мудрованием, и впал в богохульную ересь: Сына Божия, Отцу единосущного, назвал такою же тварию, как и Ангелы Божии, за что и предан был анафеме на Первом Вселенском Соборе. И сколько было таких безумных, самочинных толкователей Священного Писания, и все они были упорными противниками святой Церкви, сынами гибели! Один толковал по-своему вторую заповедь Божию и стал иконоборцем, другой стал по-своему объяснять слова Апостола: *един ходатай Бога и человеков – Христос Иисус*, и стал мудрствовать, будто уже вовсе не нужно призывать в молитве на помощь ни Матери Божией, ни святых Ангелов, ни святых угодников Божиих; третий прочитал слова того же Апостола: *благодатию есте спасени, чрез веру*, и начал толковать, будто уж и добрых дел совсем не требуется для спасения... Вот какие богохульные лжеучения происходят оттого, что люди берутся не за свое дело – толкуют

слово Божие по-своему, как им на ум придет, а не так, как изъясняет оное святая Церковь Православная.

Как же быть, что делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания? Как научиться владеть сим мечом обоюдоострым? Прежде всего, помни, что ты спасаешься не сам по себе, не как отдельный человек, якобы имеющий непосредственный доступ к своему Спасителю, а только как член тела Его – Церкви, спасаешься в Церкви и чрез Церковь. Все дело спасения Господь поручил Церкви, и вне ея спасительного лона нет спасения, как никто не избежал всемирного потопа вне Ноева ковчега. Блаженный Августин говорит: “Спасается только тот, кто имеет главою Христа, а имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь”. Она и только она есть *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15), в ней – богоучрежденное священноначалие, в ней все богоустановленные таинства, она – хранительница Священного Предания и непогрешительная истолковательница слова Божия. “Не должно у других искать истину, – говорить святой Иринеи, – ее легко заимствовать от Церкви, ибо в нее, как в богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежит истине. Гд е Церковь, там и Дух Божий, там и всякая благодать”. “Кто Церкви не слушает, – говорит другой святой отец, – тот не сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца, кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни”. “Хочешь спастись? – поучает святитель Златоуст, – пребывай в Церкви, и она не выдаст тебя. Церковь есть ограда: если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк, а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же от Церкви: нет ничего в мире сильнее ея. Она – твоя надежда, в ней твое спасение”. Помни: “Кому Церковь не мать, – говорит святитель Киприан, – тому и Бог не Отец”!

Вот вам заветы святых отцов и учителей Церкви! В этом руководственном общем правиле, или догмате, спасения уже заключается ответ и на вопрос: что делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания. Крепче держись учения и руководства матери-Церкви; когда встретишь в слове Божиим что-либо для тебя непонятное, ищи объяснения не в своем мудровании, не в мудровании самочинных толковников Писания, коих ныне развелось так много, а там, где повелевает искать его святая мать твоя – Церковь Православная. А она указывает нам такие объяснения в самом же Священном Писании (например, что непонятно в Ветхом Завете, то часто объясняется в Новом), предлагает в своих символах, или изложениях православной веры, в определениях святых соборов, в писаниях отцов и учителей Церкви – вот где найдешь ты разрешение всех твоих недоумений. Святые отцы толковали Священное Писание так, как их учили сему святые Апостолы. Из 2-го послания Апостола Петра уже видно, что он объяснял своим ученикам “неудобовразумительныя” места посланий Апостола Павла. Апостол Павел не ссылается на то, чему он учил словесно. А как строго святые отцы и учителя Церкви хранили все то, что приняли от святых Апостолов, это видно из их же писаний. Та к св. Иринеи решительно говорит, что “не знающие предания Апостольскаго не могут познать истину из одного Священного Писания”. Св. Климент Александрийский говорит, что “те, кои толкуют Священное Писание не по церковному преданию, а по своему мудрованию, потеряли правило истины”. “Только тогда прекратятся заблуждения человеческия, – пишет святитель Киприан, – когда мы будем толковать слово Божие согласно с преданием Церкви”. “Не следует самому вдаваться в изъяснение Священного Писания, – предостерегает св. Варсонофий Великий, ибо дело сие представляет немалую опасность для неверующих. Когда не знаешь, то лучше не говори ничего, потому что говорить о

Священных Писаниях по своему разумению – есть безумие”. Вот почему святая Церковь на Шестом Вселенском Соборе решительно законоположила: “Аще будет исследуемо слово Писания, то не иначе да изъяснится оное, разве как изложили светила и учителя Церкви – богоносные отцы” (пр. 19).

Вот общее правило для тех, кто ищет разумения Священного Писания. Живи в Церкви, мысли по-церковному, вопрошай о всем Церковь, ищи у нея разрешения всех твоих недоумений, смиряя свой разум в послушание Церкви. *А вышших себе не ищи и крепльших не испытуй: яже ти повеленная* – в сих пребывай. “Кто не в Церкви, – говорит св. Иларий, – тот вовсе не может разуметь божественного слова”. И это понятно: слово Божие есть слово жизни, а благодатной жизни вне Церкви – нет! Вот почему для погибающих оно есть юродство, в то время когда для спасаемых – сила Божия. И пока человек не живет в Церкви, не исполняет животворящих заповедей Христовых, дотоле для него и слово Божие – книга запечатленная, как бы написанная на чужом языке. Кто знает, например, еврейскую азбуку, тот может читать по строкам и еврейскую Библию, но чтобы понимать каждое слово в ней, надо знать еврейский язык. Иначе можно громко читать еврейский текст, но вовсе не понимать, что читаешь. Есть много ученых, знающих Библию от доски до доски, исследовавших ее текст на всевозможных языках, но совершенно чуждых ее духа, рассуждающих о сем духе как слепой судит о цветах или глухой – о музыке. А кто живет по заповедям Божиим, в благодатном общении с Церковью, на том сбываются словеса Христовы: *утаил еси, Отче, сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем*. Великий началоположник монашеского жития, преподобный Антоний, прозванный Церковью именно Великим, не знал даже грамоты, а слово Божие знал так, как не знают его наши ученые. Преподобная Мария Египетская, проведенная бурную молодость в грешных наслаждениях, а затем очищенная 47-летним подвигом в пустынях Иорданских, так поразила преподобного Зосиму знанием Писаний, что старец воскликнул: “Где ж ты научилась Писаниям?” – и получил ответ от смиренной подвижницы: “Бог посылает знания смертным”... И такие чудеса просвещающей благодати Христовой возможны только в Православной Церкви. Та же благодать руководила и тех святых мужей, которые, живя в Церкви, освящаясь и, так сказать, питаясь ее таинствами, очищая свое сердце от страстей, писали свои толкования на слово Божие. О святителе Златоусте, например, рассказывал его ученик и друг, а впоследствии и преемник по кафедре, св. Прокл, что сам он, Прокл, видел не раз ночью, как в часы писания Златословесным учителем его бессмертных толкований на послания Апостола Павла, сам сей Апостол таинственно руководил пишущим святителем, и это видение было как бы олицетворением верования древней Церкви что, кто благоговейно изучает слово Божие, руководясь преданием Церкви, (а Златоуст сам свидетельствует, что пишет “не свои слова, а слова отцев наших, чудных и знаменитых мужей”), тому таинственно содействует в сем святом деле благодать Божия за молитвы Церкви, на небесах торжествующей. Что в живом человеке память, то в теле Церкви – предание: *это живой голос Церкви небесной*, присно пребывающей в благодатном общении с Церковью земной. Руководиться одним своим смышлением в толковании слова Божия, отвергая предание, значило бы то же, что потерять память в личной жизни, забыть свой личный опыт, все уроки прошлого. По мере того, как человек живет, у него накапливается опыт, обогащается память; то же и в Церкви: с течением веков историческая жизнь Церкви осложнялась, являлись новые запросы, появлялись новые лжеучения. И собирательный ум Церкви должен был все глубже и глубже опускаться в “море писаний”, как выражается святитель Златоуст, и оттуда

доставать все новые и новые жемчужины учения церковного, а избранные мужи, носители духа церковности, верные хранители церковных преданий, запечатлевали это в своих писаниях и, таким образом, вносили их в сокровищницу церковного предания. Благодатию Божией Православная Церковь живет и поныне, тщательно охраняя сокровищницу своих преданий, а Дух Божий, веруем, обогащает сию сокровищницу и в наши грешные времена, по нуждам Церкви воздвигая в Церкви таких мужей веры и духовного опыта, как святители Филарет Московский, Феофан Вышенский и другие. Их вклады в сокровищницу церковного понимания слова Божия останутся на веки драгоценным достоянием церковного предания. Если даже примешалось к их мнениям что-либо человеческое, то оно ответится потом само собою, а чистая пшеница, а дух церковности в их писаниях останется и будет питать грядущие поколения чад Церкви. Церковь оценит смиренный, благоговейный “труд любви” сих и им подобных пастырей и учителей по истолкованию слова Божия, оценит их любовь к преданиям ее и будет ставить их в пример грядущим преемникам... Так создается церковное предание и в наши скудные верою дни, и Дух Божий, веруем, руководит в сем созидании, ими же Сам ведет путями. Оно всегда зиждется на слове Божиим, на предании Церкви веков минувших, всегда согласно с теми источниками церковного учения и лишь раскрывает сие учение, применяясь к потребностям нашего времени. И в сем проявляется жизнь Церкви, яко тела Христова, присно живаго и присно единого. Вот почему Церковь, в своем Катехизисе, признает Священное церковное предание источником Божественного откровения наравне с Священным Писанием. Вот почему и ревнители распространения Священного Писания, отказываясь распространять одобренные Церковью толкования онаго и тем как бы предоставляя читателям руководиться своим смыслением в этом святом деле, погрешают против Церкви, против тех, кто жаждет разуместь слово Божие по разуму Церкви. Вот почему, скажу в заключение, нельзя не пожелать, чтобы Общество распространения Священного Писания изменило, наконец, свой устав, стало уже без всяких сомнений на православную почву в своем святом деле, перестало, так сказать, действовать одною рукою и включило в круг своих обязанностей распространение не только книг священных, но и одобренных Церковью толкований сих священных книг. Мы живем в такое время, когда ничего недосказанного, ничего сомнительного быть не должно...

Об анонимах, об «инакомыслящих» и ответ одной из них

Ныне в большом ходу анонимные письма. Обычное их содержание – колкости, попреки, прямая ругань или же клеветы, и все это – из-за угла, чтобы получивший не знал, кто пишет. Правда, иногда пишущие имеют будто и добрую цель: указать на те или иные недостатки, непорядки, но тогда зачем же честным людям укрываться, по крайней мере, от того, кому пишут?.. Другое дело просить адресата, чтоб не оглашал имени автора письма, а для адресата имя должно ставить точно, с полным адресом. Иначе и сии якобы “благонамеренные” корреспонденты ставят себя на одну доску с клеветниками и ругателями, а всем таковым и имя одно: трусы; в первых двух случаях – подлые трусы, в последнем – трусливые зайцы!

Вот почему покорнейше прошу всех, кто даже хвалит меня, в письмах ко мне подписываться сполна, чтоб я мог иногда ответить письменно же, не занимая строк в моих печатных дневниках. Ведь нередко выходит просто ничтожное недоразумение, и отвечать-то печатно не стоит, можно бы ответить письмом, а тут жаль человека оставлять в заблуждении, но и занимать внимание нескольких тысяч читателей печатным ответом не стоит. Та к и бросаешь письмо в корзину.

Само собою разумеется, что моя просьба “подлых трусов” не вразумит, ругаться они не перестанут, доказывая тем только ту старую истину, что у безсильно злобствующаго на голове “шапка горит”, и он воображает, будто мне причиняет огорчение своею руганью, тогда как цена таким ругательным письмам известна: они только всякий раз доказывают мне, что слово правды, мною высказываемое, кого-то беспокоит, а стало быть, и для дела Божия полезно, за что и слава Богу! Что же до клевет на ближняго, коих так много бывает в анонимах, то мы, пастыри, следуем примеру Царя Давида, который всякаго тайнаго клеветника выгонял вон (Пс. 100, 5), – рвем такое письмо и бросаем в корзину или в камин.

Обращаюсь к тем, кто думает, что Богу служит анонимными письмами. Наше учение: цель не может оправдывать средства. Бог не нуждается в помощи сатаны, который есть отец лжи и всякаго обмана. Если угодно, чтоб я не называл в печати своего корреспондента, то пусть сей корреспондент мой о сем и скажет в письме ко мне: я исполню его желание. А мне лично надобно знать, с кем я беседую посредством письма. Повторяю, нередко хотелось бы ответить автору-анониму письмом же, а он спрятался за какую-нибудь букву или вовсе не изволил подписаться. Та к и лишает он сам себя средства узнать то, что я считаю за истину. А я из сего вправе заключить, что мой анонимный корреспондент и не хочет знать того, что я ему мог бы ответить. По меньшей мере – вежливо ли это?

Недавно я получил из Вологды от некоей “инаковерующей” – следовательно: неправославной – интеллигентки большое письмо по поводу моего прощальнаго послания к вологодской пастве. Она возмущается тем, что мое послание “не дышет миром, любовью, всепрощением” к каким-то “обиженным и оскорбленным”. Интеллигентка восклицает: “А ведь люди все братья, все равныя чада Церкви, правые и левые, грешные и праведные, еретики и раскольники, политические агитаторы и союзники”. Если с первым еще можно примириться, хотя с оговоркой, что чада, непослушныя Церкви, не могут же равняться с послушными, то уж с последним-то никак нельзя: еретики и раскольники

вовсе не чада Церкви, а враги ея, не овцы Христова стада, а козлища, политические же агитаторы – даже волки, хотя в овчих одеждах. Письмо продолжает: “Не с ненавистью, злобой отвращения отнеситесь вы к погибающим людям дома Израилева (ах, если бы эти люди не увлекали в погибель верных Церкви чад ея, если бы не губили их своими мерзостными, богопротивными лжеучениями!), а с чувством всепрощения, любви, отнеситесь как суродобольный и любящий отец к заблудшим, но милым детям своим, отнеситесь так, как отнесся Христос на кресте к разбойнику (прибавлю: да, только покаявшемуся, а не к хульнику, погибшему в то время, когда Христос сказал покаявшемуся: “днесь со Мною будеша в раи!”), и к людям, поднявшим на Него руку, как простил Он всем Своим врагам, губителям, поносителям”... Та к поучает меня “инаковерующая”. А то забывает, что все это относится к личным врагам Христовым, что Христос Спаситель безпощадно клеймил развратителей народа страшными словами: “змия, порождения ехиднова (Мф. 23, 33), вожди слепые, лицемеры, гробы подкрашенные, безумцы” и т. п. Апостолы Его делали то же по отношению к еретикам. Да и я, грешный, кажется, ни одного слова не употребил в своем послании своего, а все брал у св. Апостолов. “Не разделяйте паствы на лжеучителей, еретиков и верных чад Церкви”, – поучает архиепископа инаковерующая. Ну нет, милостивая государыня: этого никогда вы не дождетесь ни от одного православного архиепископа! Волка он должен и всегда будет называть волком, а овцу – овцой. Послушных Церкви – чадами Церкви, а еретиков – врагами ея. Та к учит нас Господь, так заповедали нам св. Апостолы Его. Та к и будем делать всегда, чтобы волки не проникали в стадо Христово, нам вверенное. На то и посох нам дан, чтоб отгонять их. Обличать “инакомыслящих” – наш священный долг, и что бы там ни говорили разные проповедники иудейских свобод, мы будем делать дело, нам от Христа порученное, обличая и отгоняя от своих овец волков, расхищающих стадо Божие! В своем прощальном послании к пастве вологодской я уже указывал, как даже Апостол любви Иоанн Богослов заповедует относиться к “инакомыслящим”, к еретикам: он не позволяет принимать их в дом, запрещает приветствовать их (2 Ин. 10), а св. Апостол Павел запрещает с ними даже разделять трапезу (1 Кор. 5, 11). Ужели Апостолы Христовы забыли учение Христа о “всепрощении, любви” и пр.? Ужели наши “инакомыслящие”, вроде моей корреспондентки, лучше их понимают дух сего учения? А если они не дерзнут так о себе сказать, то почему же замалчивают эти заповеди апостольские? Да притом, если мы предостерегаем чад Церкви от лжеучителей, именуя их так, как именovali св. Апостолы, то делаем это вовсе не из ненависти какой-то. Не ненависть, не вражду мы проповедуем в отношении к сим людям, нет, мы только предупреждаем верных чад Церкви, чтобы береглись сих волков! Мы не “отталкиваем и сих заблудших от Церкви”: мы стадо, Богом нам вверенное, оберегаем от их отравы! Пусть, если правда, будто они “находятся под гнетом сомнений, нравственных запросов”, пусть открыто поведают нам эти запросы, эти сомнения: мы готовы с любовью ответить на них. Но отравлять сими сомнениями, запросами верующих в простоте сердца чад Церкви – мы не позволим: мы всегда скажем нашим чадам: это – волки, это нравственные отравители: берегитесь их! “Всепрощение” в делах веры подается под условием покаяния, отречения от своих заблуждений, от своего “инаковерия”: иначе сколько бы мы ни прощали – Бог не простит! Вспомните, какая страшная анафема произносит Апостол Павел на инаковерующих, инакопроповедующих: аще мы или Ангел с небесе – слышите: даже мы, т. е. Апостолы, даже Ангел с небесе! – благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет! Этого мало: Апостол счел нужным и еще повторить: “Якоже

предрекохом и ныне паки глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет!” Та к вот чему учат нас Апостолы Христовы! Вот как строго мы должны оберегать чистоту веры Православной! Не приторное любезничанье и лобызание с лжеучителями (слышите, сударыня: лжеучителями), не “всепрощение” к убийцам православных душ проповедуют и нам заповедуют они, а грозными анафемами грозят им и нам дают на это право “инако” проповедующих и своим лжеучением обольщающих предавать анафеме! И горе нам, если мы будем закрывать глаза на деятельность разных “инаковерующих” и внушать православным относиться безразлично к их проповеди и слушать вот таких внушений, какая делает мне г-жа “инаковерующая”: “Пусть между вами и нами будет мир... пусть люди разных толков и мнений живут рядом и славят Бога, каждый по-своему... у каждого свой бог, своя вера” и пр. Все это – только льстивые слова: пусть бы каждый по-своему Богу молился, но не смел касаться совести другого, но ведь и вы, “инаковерующие”, и мы, православные, считаем каждый свою веру чистою и спасительною, понятно, что каждый и желал бы в свою веру обратить другого, и вот для сего-то и нужна вам эта свобода, эта столь подчеркиваемая вами “любовь, всепрощение”, – чтоб безпрепятственнее совращать в свою ересь чад Православия. А в душе вы презираете нас, хотя никогда в том не сознаетесь. Живите смирно, молитесь по-своему, не смейте касаться православной души, и все мы будем мирны к вам – только жалеть будем вас. А если вы, во имя “мира, любви” и прочих сладких словес, будете подкрадываться к сокровищу веры Православной, то мы обнажим меч духовный, иже есть глагол Божий, и грозная анафема прогремит над вашими главами... Правда, вы ее не боитесь, но это будет полезно для тех, кто еще не потерял веры в Церковь Христову, кто знает и верует, что глагол ее не возвращается тощ... Вы говорите, что “Бог принимает в Свое лоно (?) всех инаковерующих, инакодумающих... Господь не делал различия между Своими детьми”... Ну, не так думает, не так учит Апостол Павел. Если бы так было, то не стал бы он “инаковерующим, инакодумающим” грозить такими страшными анафемами, да еще повторять их. По-вашему, пожалуй, и еретик Толстой получит спасение, несмотря на отлучение от Церкви? Тогда зачем и Церковь Свою создал Господь? Да еще обетовал ей, что и врата ада не одолеют ее?! Ведь если все дело в “любви и сострадании, всепрощении и мире”, то к чему все заботы о Церкви, все эти Вселенские Соборы, учение св. отцев, подвиги и страдания исповедников? Иди за Толстым, повторяй слово “любовь” и спасешься... Нет, не так, моя “инаковерующая” корреспондентка: знаете ли, что и добрых-то дел нельзя делать спасительных, если не право веруешь? Вы удивлены? Вы не понимаете меня? И не поймете, если не усвоите со смирением учения Церкви Православной! В том-то и дело, что мы веруем и исповедуем, что благодать Божия спасительная изливается только в недрах Церкви Православной, а без таковой благодати нельзя и добра делать истинно-спасительного. И кто уходит из Церкви, тот сам лишает себя сей благодати. Делают добро и язычники, но это добро только приближает их к Церкви, как это было с Корнилием сотником, а спасти их не может: для сего надобно войти в недра Церкви чрез спасительные Таинства Церкви. Та к ли вы веруете? Конечно, не так? Тогда о чем же мы с вами будем говорить? Скажу одно: если вы искренно ищите истины, то не скрывайтесь под анонимом, пишите мне свой адрес, и я с любовью буду отвечать на ваши “сомнения и запросы”, по мере моих сил и свободного на то времени. А если своим индефферентизмом в отношении к чистоте православной веры будете заражать других, то и вам – простите – истину глаголю, не лгу: и вам грозит та же анафема, какой Апостол подвергал всех “инаковерующих и инакопроповедующих”. А что

касается моих личных немощей, моего недостаточества по моему служению Церкви вологодской, то одно скажу: все это видел я в себе, скорбел о сем, поведал многожды власти церковной о немощех моих, но ждал воли Божией, когда она скажется ясно в воле власти церковной. Пришел час, – и я с радостью ушел с кафедры, на коей служение было мне не по силам. Сего, думаю, довольно с вас. Разве прибавлю еще: по нашему православному разумению, не овцы судят пастыря, а пастырь – овец. Но это надо простить вам: ведь, вы – “инаковерующая”...

В заключение одна просьба: избавить меня от выписок из Евангелия на французском языке... Может быть, по-русски вы не читаете никогда Евангелия? Но ведь вот пишете-то по-русски хорошо. Почему я, не знающий французского языка, должен читать в вашем письме французские цитаты? Тогда я вправе и вам писать по-гречески, это для меня легче, да и язык-то – подлинно апостольский! К чему эта мода? это щегольство языком народа чужого, зараженного неверием, масонщиной, заражающего и наше отечество сими недугами??? Или вам милее Евангелие на французском языке, чем на русском?.. Ах, сударыня! Ведь вот как мы расходимся далеко друг от друга: ну где же сойтись нам в столь важных вопросах, как о спасении души, вере, любви и пр.?..

Читатели мои удивятся, что я столько места отвел для ответа какой-то анонимной корреспондентке из Вологды.

Дело тут не в Вологде, не в анонимной барыне. Это письмо есть характернейшее выражение той заразы масонством, безразличием к истинам веры, какое стало в последние годы господствовать в некоторых интеллигентных кругах нашего общества. Я произнес слово: масонство. Да, слава Богу, теперь сорвана уже маска с этого векового врага Христовой истины. Мы кое-что знаем из его планов, намерений, знаем, что его цель – уничтожение христианства на земле, превращение всего человечества в скотов, пригодных только на служение масонам, вернее сказать – иудеям, которые, как это уже давно известно, считают всех людей за скотов без души человеческой, скотов, коим дал Бог только облик человеческий, дабы иудеям не противно было пользоваться этими скотами. Это – не клевета на иудеев: это буквально читается в их талмудических сочинениях. Этой цели, конечно, препятствует христианство, а из всех христианских исповеданий – Православие, самое чистое учение христианское, а потому и самое ненавистное для иудеев. И вот пущены в ход все лжеухищрения, все софизмы, все клеветы против Православия, привлечены к сотрудничеству в разрушении Православия все секты, все ереси, все безбожные учения, чтобы пошатнуть этот столп истины Христовой. А поелику сразу в безбожие не обратишь православного человека, то сначала его стараются совратить в какую-нибудь секту, вроде штунды, баптизма, молоканства, затем идут: спиритизм, оккультизм, буддизм и, наконец – уже прямое безбожие... Та к вот кому служат наши полуинтеллигенты всех рангов, полов и состояний, проповедующие безразличие в исповедании христианства: в конце концов, они служат масонам и жидам! Вот от чего всеми силами мы, пастыри, должны предостерегать верующих православных. Вот почему нельзя не раскрывать весь вред тех сладкоречивых, якобы мирных, разглагольствований, какая приходится слышать от наших “инаковерующих”, не по-русски думающих, сознательно или бессознательно, но совершенно неосновательно прикрывающихся иногда якобы евангельским учением о любви и расточающих нам, пастырям Церкви, попреки и даже ругань за нашу якобы нетерпимость к ним, инаковерующим. Мы приводим слова Апостолов, которые клеймили современных им

сектантов словами: “волки”, “безводная облака” и т. п. А нас упрекают: зачем бранитесь? Это-де не по духу учения Христова. Относитесь, господа проповедники толстовского непротивления, сии упреки к святым Апостолам, если на то у вас достанет дерзновения!.. А мы боимся угрозы Имеющего острый с обеих сторон меч: *“как ты не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих!”* (Откр. 3, 16).

Достославное трехсотлетие

*Богом царие царствуют.
Вознесох избранного от людей Моих.*

Любит Господь нашу Русь Православную, которая когда-то не напрасно именовалась Святою, а ныне так много и тяжело согрешает пред Богом, – любит и любя наказует, и наказуя милует, и в самом наказании пути к избавлению указывает. Только будьте, русские люди, внимательны к неисповедимым путям Промысла Божия, и вы ясно увидите в них перст Божий, указующий вам, где и в чем искать спасения родной стране.

Вот уже несколько лет будто туманом ядовитым заволокло нашу Русскую землю и идет по ней такая духовная смута, какой не знала она во времена злой татарщины: нужно ли подробно говорить о том, что в наши дни творилось и доселе творится у нас на Руси?.. Забыты, попораны все заповеди Божии, кощунство, богохульство, все виды распутства и, наконец, такие преступления, которые доводят до ужаса верующее сердце, о коих рука отказывается писать, язык немеет говорить... Чувствует грешное сердце, что вот-вот гнев Божий, как страшный гром небесный, разразится над нами и не будет нам помилования...

И вот в такое-то многоскорбное время, когда русская душа так исстрадалась, истомилась горем безысходным, Бог милосердый, как любящий Отец, зовет ее к покаянию, обнадеживает помощью Своею, как бы говорит ей: оглянись назад, вспомни дни минувшие, покайся и ободрись! Грешили некогда твои отцы и тяжело грешили; но умели и каяться, обращались ко Мне в покаянии, и Я миловал их, и снова почивало на них Мое благословение. Я – То т же и ныне, Каким был тогда: и ныне готов раскрыть пред тобою Мои отеческия объятия, готов ниспослать тебе Мое благословение, только покайся, брось путь погибельный, на коем ты стоишь!

Не слышен ли сей глас Божий в тех светлых воспоминаниях, которые, одно за другим, встанут и светлыми видениями проходят пред нами именно в наши смутные дни? Не явная ли это милость Божия к нам, грешным, что современная нам смута была попущена по грехам нашим, не раньше сих великих юбилеев – воспоминаний тяжких бед на Руси и великих милостей Божиих к предкам нашим?

Го д назад пред нами возстал чудный образ несокрушимаго борца – священномученика Патриарха Гермогена, который не только властным, грозным словом своим, но и самым делом – своею мученическою кончиною показал, как русские люди должны отстаивать родную веру Православную, родную землю Русскую родные заветы истории и предков своих. И ныне, как триста лет назад, властно звучат в русских сердцах его последние, дошедшие до нас слова русским людям: “Да будет над теми, кто идет на очищение Московскаго государства, милость от Господа Бога, а от нашего смирения – благословение, а на окаянных изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем”! И дай Бог, чтобы эти слова вечно звучали в русской совести, в русском сердце, как непорушный завет матери-Церкви, матери – старой Руси, Руси святой и Православной!

Весь минувший 1912 год непрерывною чредою проходили пред нами то – глубоко скорбныя, то – светло радостныя воспоминания событий великаго 1812 года. Какой

высокий подъем народного духа, пламенной любви к Отечеству пережила тогда наша Русь! Пережила, покаялась в своих грехах пред Богом, и духом обновилась, и в покаянном смирении все приписала единому Богу: *не нам, не нам, а имени Твоему, Господи, буди слава!*

Нынешний год снова переносит нас за триста лет назад, но мрачные воспоминания Смутного времени, как темные тучи, постепенно уже отходят на задний план. Небосклон над Русью очищается. Вся она стягивается к своему сердцу – к Москве. Видно, могучий призыв страдальца-святителя Гермогена глубоко отозвался в русской душе. Страдальческая кончина окружила величавый образ святейшего Патриарха небесным сиянием святости и мученичества за Веру и Отечество: его завет избрать Царя природного, русского, Православного, его указание – именно на Михаила Феодоровича Романова – стало для русского сердца непреложною заповедью. Никогда до того времени не чувствовалось всем сердцем русским так живо, не сознавалось так ясно, что без Царя не может жить Русская земля, что Царь – это ее отец, ее ангел-хранитель, Царь – это душа, это сердце Русского народа, как говорит мудрость народная: без Царя земля вдова, без него народ – сирота; одно солнце на небе – один Царь белый на Руси святой!

В неисповедимых путях Промысла Божия праведники являются провозвестниками воли Божией. Еще задолго до Патриарха Гермогена преподобный Геннадий Костромской, прибыв в Москву, посетил, по приглашению, дом боярыни Иулиании Феодоровны, жены Романа Юрьевича Захарьина, прабабушки Михаила Феодоровича, и благословляя детей ее: Даниила, Никиту и Анастасию, сказал последней: “Ты, ветвь прекрасная, плодovitая, будешь нам Царицею”. Его предсказание сбылось в точности: Анастасия была первою супругою Царя Иоанна Грозного, любимицей Царя и народа, и благоговейное воспоминание о ее добродетелях, как известно, много содействовало призванию на царство сына ее племянника – Михаила Феодоровича. Так, еще за семьдесят с лишком лет до сего события, Промысл Божий предуготовлял Дом Романовых к царственному служению родной Руси, а в ближайшие к смутному времени дни вся семья Никиты Романовича, Божиим попущением, была как бы приуготовлена страданиями и тяжким крестным подвигом к сему высокому служению. Отец и мать Михаила были оклеветаны пред царем Борисом Годуновым; их насильно разлучили и постригли в монашество, и оба они приняли этот невольный крест как волю Божию и в послушании воле Божней понесли его с таким же усердием, как несут его и добровольно возлагающие на себя монашеский подвиг. Тр и дяди Михаила, братья его отца – Василий, Александр и Михаил Никитичи, были сосланы Годуновым в далекие пределы северного края – Усолье, Пелым и Ныроб, где они, после тягостного года ссылки, были умерщвлены немилосердными стражами. Особенно тяжело мучили Михаила Никитича: этого богатыря заключили в яму-землянку, кормили только черствым хлебом и водою и, наконец, уморили голодом, а по иным сказаниям просто – убили... Понятно, почему великий печальник земли Русской, святейший Патриарх Гермоген из своего подземного заключения указал на род праведников-страдальцев Романовых, как на единственно достойный воспрять скипетр потомков равноапостольного Владимира. Не о царских почестях мечтал этот благочестивый род: Господь вел его путем крестным к великому подвигу царственного служения народу Русскому.

И вот настал час воли Божией. В начале февраля 1613 года в Москву собрались выборные люди со всех городов Русской земли. Собрались они, чтобы избрать Царя для осиротевшей земли своей и, по благочестивому обычаю древней Руси, назначили

трехдневный пост и молитву, чтобы призвать на свое великое дело Божие благословение. На первом же Соборном совещании решено было единогласно: “Иных немецких вер никого не выбирать, а выбирать своего природного русского”. Стали выбирать своего; одни указывали на одного боярина, другие на другого... Какой-то дворянин из Галича подал письменное мнение, что ближе всех по родству с прежними царями – Михаил Феодорович Романов: его и надобно избрать в Цари. Вспомнили, что и покойный святейший Патриарх называл это имя. Вышел и донской атаман и подал такое же мнение. И Михаил Феодорович был провозглашен Царем. Но не все еще выборные тогда прибыли в Москву, не было и знатнейших бояр, и дело было отложено на две недели. Наконец, собрались все 21 февраля, в неделю Православия, и общим голосом утвердили это избрание. Тогда Рязанский архиепископ Феодорит, троицкий келарь Авраамий Палицын и боярин Морозов вышли на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь: кого они хотят в Цари? И народ единогласно воскликнул: “Михаила Феодоровича Романова!” И Собор назначил архиепископа Феодорита, Авраамия Палицына, трех архимандритов и нескольких именитых бояр ехать к новоизбранному Царю, чтобы просить его пожаловать в стольный град Москву на свой царский престол.

На окраине Костромы, почти при впадении реки Костромы в Волгу, стоит Ипатьевский монастырь. Он основан был в 1330-х годах татарским князем Четом, который, возвращаясь по Волге с севера, тут тяжело заболел, дал обет креститься, если выздоровеет, и действительно – выздоровел, крестился и построил этот монастырь. То был предок Бориса Годунова, и вот, судьбами Божиими, в обители, основанной предком гонителя Романовых, Годунова, находит себе убежище тот благословенный Богом отрок из Дома Романовых, которому Господь судил стать первым Царем из сего, гонимого Годуновым, рода. Та к торжествует правда Божия, даже, по-видимому, в неважных обстоятельствах, свидетельствуя о непреложных путях Промысла Божия.

С Михаилом неразлучна была и мать его, “великая старица” Марфа Иоанновна. Они ничего не знали о том, что происходило на Московском Земском Соборе; юному Михаилу и на мысль не приходило, чтобы на него мог пасть жребий великого царского служения. Да и можно ли было ему, шестнадцатилетнему скромному юноше, мечтать о царском венце, когда было много именитых и знатных бояр, с честью послуживших Отечеству в тяжкую годину великих народных бедствий? Скорбные думы Михаила в это время невольно уносились совсем в другую сторону, – туда, в Литовскую землю, где томился в тяжком плену его возлюбленный родитель, Ростовский митрополит Филарет Никитич Романов. Понятно, что те же мысли и чувства разделяла с ним и его благочестивая мать.

Между тем, 13 марта в Кострому прибыли соборные посланцы. На другой день, в достопамятный день 14 марта, с раннего утра все улицы Костромы были покрыты многочисленными толпами народа. С крестным ходом шли соборные послы в Ипатьевский монастырь к юному избраннику, на коем покоились теперь все надежды многострадальной родной земли. Там, где река Кострома впадает в Волгу, к крестному ходу присоединилось костромское духовенство с чудотворною Феодоровскою иконою Богоматери. Когда торжественное шествие приблизилось к святым вратам обители, оттуда скромно вышел навстречу Михаил Феодорович с своею старицею-матерью. Шествие остановилось. Низко поклонились московские послы будущему Государю и объявили ему, зачем присланы. “С великим огорчением и слезами”, как говорит летописец, он отвечал послам, что Государем быть не хочет, а мать его Марфа Иоанновна прибавила, что она не даст сыну на то родительского своего благословения. И оба они хотели удалиться в свои

палаты. Немало труда стоило послам упросить их войти с ними в соборную церковь Пресвятыя Троицы. Здесь подали им от Собора грамоты и стали бить челом Михаилу: “сжалиться над остатком рода христианского, не презреть всенародного слезного рыдания, принять многорасхищенное от врагов царство Российское под свою высокую десницу Государеву и пожаловать на свой царский престол в стольный град Москву”. Но юный Михаил и слышать о том не хотел; а мать его говорила послам, что “сын ея еще не в совершенных летах, а русские всяких чинов люди измалодушествовались и прежним Государям не прямо служили; тут и прирожденному Государю трудно с ними справиться, а что будет делать с ними ея сын – несовершеннолетний юноша?” Указывала Марфа и на то, что “Московское государство теперь в конец разорено, что будущему Царю нечем будет и своих служилых людей пожаловать и противу своих недругов стоять. Да к тому ж и отец его, Митрополит Филарет теперь в плену у короля в Литве, в большом утеснении, и как сведает король, что сын его на Москве Государем стал, то сейчас же над ним велит сделать какое-либо зло”.

Долго говорила старица Марфа; со слезами на глазах послы ее слушали, а когда она умолкла, стали снова бить челом Михаилу Феодоровичу, умоляя его, чтоб “соборного моления всей Русской земли он не презрил, что выбрали его по Божью изволению, а не по его желанию, что так положил Бог на сердце всем от малаго до велика на Москве и во всех городах”.

Целых шесть часов стояли соборные посланцы пред Михаилом и молили его, чтобы “воли Божией он не снимал”, а Михаил все не соглашался. Наконец старейший из послов, архиепископ Феодорит, сказал ему решительно: “Не противься, Государь, воле Божией; не мы предприняли сей подвиг: Сама Пречистая Матерь Божия возлюбила тебя: устыдись Ея пришествия”, – и при этих словах святитель указал на чудотворный лик Царицы Небесной на иконе, именуемой Феодоровскою.

Тогда и сама старица – мать Михайлова сказала своему смиренному сыну: “Видно дело сие – Божие, чадо мое, надобно покориться воле Всевышняго!”

С рыданием Михаил повергся пред иконою Богоматери и, обливаясь слезами, произнес: “Аще есть на то воля Твоя, я – Твой раб! Спаси и соблюди меня!”

Никто не в силах был в эту торжественную минуту удержаться от слез: плакал архипастырь, плакали послы, плакали все, кто был в соборе тогда.

Нареченный Царь встал, обратился к послам и сказал: “Аще на сие есть воля Божия – буди тако!”

С этой священной минуты, когда юный Михаил всецело отдал себя в волю Божию, он стал Великим Государем и Царем всей Русской земли. Благочестивая старица Марфа взяла своего сына за руку и вместе с ним благоговейно преклонила колена пред благодатным ликом Царицы Небесной и тихо сказала: “В Твои пречистыя руце предаю чадо мое; настави его на путь истины, устрой ему полезная, а с ним и всему православному христианству!”

Та к благословила великая старица своего любимца на великий подвиг служения царскаго; так совершилось воцарение Михаила Феодоровича, спасителя веры и царства, – так благословил, наконец, Господь, Царь царствующих, многострадальную землю Русскую дарованием ей Царя по сердцу Своему, – благословенного родоначальника ныне царствующаго Дома Романовых. “И бысть, – говорит летописец, – в той день на Костроме радость веляя, и составиша праздник чудотворной иконе Феодоровской”.

И не на одной Костроме была тогда радость велия: ликовала с Костромой и Москва, и вся Русская земля. Наконец-то, пережила она свое горе лютое, наконец-то возшло ее солнце красное, без которого некому было обогреть ее, многоскорбную, некому было о ней позаботиться! И свободно вздохнули тогда Русские люди, измученные невзгодами междоусобицы.

Насколько глубоко воспринято было сердцем народным это избрание юного Михаила Феодоровича как великая милость Божия к народу Русскому, как явное указание Божие, свидетельствует великий самоотверженный подвиг простого крестьянина Ивана Сусанина. Он явился в свою очередь, избранником Божиим, чтобы запечатлеть своею мученическою кровию любовь народную к Царю, избраннику по сердцу Божию. Вот что говорит о его святом подвиге сам спасенный им Царь Михаил Феодорович в своей жалованной грамоте, данной зятю Сусанина, крестьянину Богдану Сабину: “Как Мы, Великий Государь, были на Костроме (то есть, в Костромских пределах), и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, и тестя его, Богданова, Ивана Сусанина, литовские люди изымали и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры Мы, Великий Государь, были, и он, Иван, ведая про Нас, где Мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про Нас, Великого Государя, тем польским и литовским людям не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти”. Так, как бы от лица всей Руси православной, запечатлел любовь народную к Царю-Батюшке этот вечно достолавный крестьянин: один, без сподвижников, он отстоял дорогую жизнь Михаила, а с нею отстоял спасение и всей Русской земли. Михаил Феодорович был последний в роде Романовых; его заменить было некем, да и кого из бояр любил так Русский народ, как Романовых и страшно подумать, что было бы тогда с Русскою землею, если бы удался адский замысел вражеский?..

2 мая 1613 года юный Царь Михаил Феодорович торжественно вступал в Москву, благословляемый молитвами ликующаго народа.

“Смотрите, – говорил один святитель-проповедник – какия благословения, какия воспоминания и какое родство окружало юную душу Михаила, первого Царя из Дома Романовых! Благословение праведника из темницы; невинная казнь еще молодых дядей, отец-монах и митрополит, томящийся в плену, и мать-монахиня, столь неохотно отпустившая его из смиренного уединения на царство. Были ли когда-нибудь Цари, приявшие славу Царства в такой обстановке подвига, страдания, неповинных казней и добровольного приятия насильно навязанной разлуки? Мудрено ли после всего того, что не только сам Михаил, но и сын его Алексей, и его внук Федор, ему наследовавшие, ходили пред Богом, как древние патриархи?”... Были ли Цари, избранные на царство, даже без их ведома, против их желанья, принужденные к принятию царскаго венца духовенством и народом, почти насильно, именем Матери Божией?.. Во всей истории народов земных только наш Русский народ дает пример такого призвания своих князей и Царей по сознанию и глубокому убеждению, что без Верховной Власти в лице Единодержавнаго Властителя не может стоять прочно государство, и вот, в самом начале своего историческаго бытия призывает он Рюрика, а когда род Рюрика прекратился, то избирает ближайший по родству с Рюриковичами благословенный Дом Романовых...

Когда переносишься мыслию за триста лет назад и созерцаешь все эти события, когда вдумываешься в их глубокий смысл и значение в жизни нашего Русскаго народа, то невольно хочется обратиться к нашим умным предкам с мольбою: о, научите нас, ваших потомков, так крепко любить свою Русь, как любили вы, так верно понимать, чем живет

русская душа, как понимали вы, и целым сердцем усвоить то сокровище, какое завещано нам всею родною историей нашей!.. Что было вам дороже всего? Святая вера православная да Царь Самодержавный, Царь – Отец народа, Царь – Помазанник Божий, коего сердце в руке Божией, на коем почивает Сам Дух Божий со дня Его священного миропомазания на царство (1 Цар. 16, 13). Не простому человеку вверяли вы судьбу Руси православной, когда умоляли юного Михаила “сжалиться над остатком рода христианского” и не отвергнуть соборного моления: вы видели в сем юноше избранника по сердцу Божию и крепко верили, что благодать Божия почиет на нем в святейшем Таинстве Миропомазания и будет руководить всеми его деяниями во благо родной земли. Для вас показались бы святотатством, кощунством, тяжким грехом пред Богом те модные в наше время бредни об ограничении царской власти какою-то нерусскою конституцией, какими – увы! – заражены многие современные россияне: не хочется прямо называть таких людьми русскими, хотя и носят они имена русские!

Молитвою и постом начали вы святое дело избрания Царя на осиротевший тогда царский престол, и молитва ваша услышана: Сам Бог положил на сердце ваше призвать смиренного сердцем Михаила, благословил Его и род Его, а в Нем и с Ним и Русь Православную... Буди же благословенна и ваша память в роды родов на Святой Руси, на веки вечные!

№ 157

О духовных течениях в нашей интеллигенции

Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.

Деян. 17, 21.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Екклес. 1, 9.

Мы живем в век радия, век электричества и всевозможных открытий в области наук естественных. Что было еще вчера новостью, то завтра станет известно всему культурному миру и новое изобретение приложат к жизни, используют, и оно станет заурядным явлением, устареет, а неумолимая наука, называемая археологией, откроет, что то, что мы называем новым изобретением, было известно уже в глубокой древности египтянам или ассириянам. Но современный культурный человек жаждет и ждет еще и еще нового, как те афиняне, о коих говорит евангелист, описывая прибытие Апостола Павла в Афины.

Что я сказал относительно наук естественных, то в последнее время стало замечаться в наших интеллигентных кругах и относительно жизни и явлений в области человеческого духа. Правда, современный человек, погруженный в чувственность, ленив на то, чтобы почаще заглядывать в свою душу, в свое сердце: ему все времени на то не достает, все его “дома нет”, живет он почти исключительно интересами плоти и суетного мира: а все же, говорю, в последние два-три года замечается некоторый интерес и к области духа. К несчастью, враги Церкви подметили это явление, кажется мне, раньше тех, кто должен бы стоять на страже духовных интересов человека, и уже в значительной мере использовали замеченную склонность современного общества к так называемому мистицизму. Широкою волною стали распространяться такие учения, как спиритизм, месмеризм, оккультизм, буддизм и другие известные с глубокой древности заблуждения, которые, впрочем, теперь являются лишь под новыми названиями, чтобы привлечь тех, кто накидывается на всякую новинку. Но, как во дни великого пророка Илии, когда сей ревнитель истинной веры жаловался Богу, что он один остался на свете верующий, на самом деле, как ему было открыто, оставалось еще 7000 не преклонивших колен пред Ваалом; так и в наши дни еще не все потеряли веру в жизнь духа, еще есть жаждущие познания: в чем состоит истинный мистицизм и где искать удовлетворения этой жажды. Есть и те, которые готовы помочь жаждущим найти источник живой воды, утоляющий сию жажду. Для нас, людей строго церковного мировоззрения, совершенно ясно, в чем

дело: истина в Церкви Православной. Церковь может возгласить со Христом: “Кто жаждет, иди ко Мне и пей!” (Ин. 7, 37). Но, к несчастью, современная наша интеллигенция, в большинстве, так предубеждена против Церкви, так испортила свой вкус, в отношении к духовному, что простое слово евангельской истины, которое с такою любовью воспримется в детской простоте верующим простецом, кажется интеллигенту черствым хлебом, и он, избалованный современной светской литературой, отворачивается от духовной: “Это-де старое, сухое, схоластическое; это – давно стало пережитком, давно наукою отвергнуто и опровергнуто”... И вот наша интеллигенция проходит мимо богатейшей сокровищницы писаний духоносных отцов и учителей Церкви, откуда она могла бы почерпнуть всю полноту православной мистики, где открылся бы пред ее духовным взором необъятный мир духовной жизни, мир, полный чудес и неизреченного блаженства для того, кто смиренным сердцем в него приникнет и послушно отдаст себя ей законам. Спросите современного интеллигента, читал ли он полную чудес и даже поэзии книгу, называемую Минеи-Четьи или “Жития святых”? Боюсь, что иной при этом слове если не скажет, то подумает: “Вот вздумал чем угощать!” О писаниях св. отцов, о “Добротолюбии”, например, я уже не решаюсь и напоминать... А ведь все же у некоторых из наших интеллигентов душа просит именно такой пищи, сердце пусто, тоскует от духовного неудовлетворения. Как же быть? Как помочь этим людям превозмочь свое предубеждение, победить себя, ввести их, так сказать, незаметно для них самих в эту область, которой жаждет их сердце, а гордый ум застилает глаза, чтоб они не видели открытых дверей?..

Слава Богу, что есть люди, из самой же интеллигенции, которым Бог помог выйти на прямой путь, которые опытом извели все трудности этой борьбы с предубеждением против духовной литературы. Сказано: кто сам был искушен, тот может и искушаемым помочь. Зная по опыту, в чем сила искушения, такой автор сможет осторожно подойти к душе и бережно коснуться ее больного места, найдет в современном интеллигентском языке выражения, которые могут обратить внимание интеллигента и увлечь его к внимательному чтению его книги, а потом и ввести во святая святых нашей святоотеческой литературы. Для нас, церковников, это покажется излишним, но те из светских людей, которые, как древние Афиняне, везде и во всем ищут нового, ознакомившись чрез книгу с тем новым для них духовным миром, какой она раскроет пред ними, только поблагодарят автора за такое изложение.

Вот именно такую книгу является, по моему мнению, новая книга М. В. Лодыженского, одно заглавие которой уже привлекает читателя своею новизною: “Свет Незримый. Из области высшей мистики”. Далее, в подзаголовке, кратко изложено и содержание: “Серафим Саровский. Франциск Ассизский. Мистика Востока и мистика Запада. Яркие черты из жизни святых. Мистические радости. Как умирали святые и как умер Толстой. Борцы за Логос”. Как видит читатель, темы все интересные, как будто даже новые, особенно если он считает книгу не специально духовною, а светскою, как будто из области философии и мистики... На самом же деле, книга, если можно так выразиться, самая духовная: она говорит о самой сущности духовной жизни, о тех путях, какими люди подвига шли к Богу, сравнивает эти пути в среде христиан Западной церкви и Церкви Восточной, показывает все превосходство, чистоту, возвышенность, облагодащенность путей Церкви Православной в сравнении с церковью Римскою, раскрывает; на основании авторов “Добротолюбия” и вообще святоотеческого учения, отличие философии христианской от других философских систем, старается определить

что есть мистика высшая, или божественная и что – мистика ложная, состояние прелести; дает понятие о типах подвижника созерцательной и деятельной жизни. Автор прекрасно характеризует экзальтированную восторженность латинского святого Франциска и в противоположность ему, как тип, простоту чувства нашего преподобного Серафима. Он прекрасно разобрал и основные начала “духовных упражнений” знаменитого Игнатия Лойолы и показал сходство этих упражнений с индусской йогой. Читатель ясно видит все превосходство православной, облагодатствованной мистики пред западной, лишенной благодати и истины. Читатель найдет у него и объяснение чудес в Лурде, сопоставление с ними чудес в Сарове, краткое, но меткое и верное определение сущности подвига юродивых и предостережение от лжеюродивых и хлыстов. Умело, осторожно, но в то же время и довольно ярко он изображает так им называемые “мистические радости”, – те духовные переживания, какие испытывали подвижники в молитве, конечно, в меру понимания нас, людей не столько духовных, сколько душевных. Он строго следует в этом руководству таких великих подвижников-аскетов, как Симеон Новый Богослов. Из множества рассказов в “Житиях святых” он умело подобрал и сгруппировал несколько примеров спокойной и радостной кончины святых Божиих, указал на то, как умирает простой русский народ и – в противоположность сему, в назидание нашим интеллигентам, описал трагическую смерть богоотступника Толстого, с которым был лично знаком, о чем с интересом могут прочитать в его книге наши интеллигенты, столь увлекающиеся всем, что касается этого лжеучителя. В заключение он изображает “борцов за Логос”, то есть, святых мучеников за Христа, раскрывает характер мученичества в наши дни и указывает на близкую возможность и опасность такой борьбы в наше лукавое, богоотступническое время.

Таково, в общих чертах, содержание этой интересной книги. В изложении, приспособляясь к пониманию мирских людей, мало осведомленных в терминах духовной литературы, касающихся духовной жизни, автор употребляет свои термины, как например: “малый и большой разум”, “мистические радости” и т. п. Мы говорим: “жизнь во Христе”, автор говорит “жизнь в Логосе”; мы говорим: “жизнь по стихиям мира, жизнь душевная”, автор выражается: “жизнь в *ratio*”; вместо обычного слова “Жития святых” у него стоит слово “хроника”... Конечно, можно бы обойтись и без таких оригинальных выражений, но и они нисколько не мешают впечатлению при чтении, какое, очевидно, имел в виду автор. Можно от души поблагодарить автора вот хотя бы за следующую страничку, которую мы позволяем себе привести почти целиком:

“Если мы сопоставим некоторые характерные взгляды, вошедшие в практику нашей обыденной жизни, с взглядами, которыми руководились на своем пути люди христианского подвига, то пред нами предстанут контрасты прямо поразительные, указывающие, как резко расходятся между собою наша рассудочная жизнь в *ratio* с жизнью в Логосе, о которой нам говорят Евангелие и христианские святые. Возьмем для этого несколько примеров:

– Ты не можешь идти по пути, не сделавшись сам этим путем, – говорит в сознании своего могущества человеческий рассудок. Чем более будешь дерзать, тем более получишь.

“Мы всегда должны быть твердо уверены, говорят христианские подвижники, что никак не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами... если Сам Господь не будет нам в этом содействовать” (Св. Кассиан Римлянин. Добротолюбие II, стр. 125).

– Счастье в могуществе и обладании, – говорит наш рассудок.

“Мы допускаем ставку только на сильного и богатого”, – поучает нашу Думу представитель высшей государственной власти.

“Бог всеблагий оставил сильных, мудрых и богатых мира и избрал немощных, немудрых и бедных по великой и неизреченной благодати Своей”, – говорят христианские подвижники (Св. Симеон Новый Богослов. Слова, вып. 1, стр. 175).

“Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные”, – читаем мы слова своего Спасителя (Мф. 11, 28).

– Я не какой-нибудь нищий, чтобы молиться, я не бесполезный парий, чтобы тратить на это время, – говорит человек гордаго богатства и стяжательной энергии.

“Если ты лишаешь себя молитвы, – говорит св. Иоанн Златоуст, – то делаешь то же, что вынимаешь рыбу из воды, ибо как этой рыбе вода, так тебе нужна молитва”. (Доброт. V, стр. 344).

– Нет противнее того чувства, которое люди называют смирением, говорит наш рассудок. Смирение есть самоунижение. Первое качество человека заключается в том, что он должен сохранять свое достоинство и не терять уважения к себе.

“Если в человеке не будет смирения, то он царствия Божия не наследует”, – говорят христианские подвижники (Изреч. Антония Великого, Доброт. 1, стр. 31).

– Нищета отвратительна, – говорит наш рассудок. – Всякого, кто не надрыгает свои силы в погоне за деньгами, мы считаем уже безсильным и лишенным честолюбия человеком (Вильям Джемс, “Многообразие религиозного опыта”, стр. 358).

“Если имеешь лишнее для дневной потребности, – говорит подвижник VI века св. Исаак Сириянин, – раздай то нищим. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня, и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета” (Доброт. II, стр. 705).

– Прирост процента на капитал есть акт вполне законный, – говорит наш рассудок. – Проценты на капитал освящены практикой государственных займов; они вошли во все людские экономические отношения.

“Чада! Не давайте денег в рост”, – поучают христианские подвижники. (Варлаам Хутынский, Четья-Миня, стр. 123). – “Если, дав кому что взаймы, простишь ему, то будешь подражателем природе Иисуса, а если взыщешь, то природе Адама; если же возьмешь рост, то это будет не по естеству даже и Адама”. (Доброт. I, Слова Аввы Исаии, стр. 323).

Достаточно этих сопоставлений, – говорит автор книги. – Поражающие контрасты нашей рационалистической жизни и жизни духовной ярко освещены приведенными примерами. Жизнь в *ratio* и жизнь в Логосе это – как бы два отдельных мира, ничего общего между собою не имеющие.

Автор называет наше время – временем “всеобщаго увлечения всем таинственным”. К сожалению, это увлечение, как и у древних афинян, направлено в сторону удовлетворения праздного любопытства, искания новинок, чем действительной потребности духа. Но нельзя же отрицать и того, что в среде толпы любопытных найдутся хотя единицы и людей серьезных, вдумчивых, действительно жаждущих истины, познания духовного мира и спасения души в грядущей вечности. Вот для таких-то интеллигентов и полезны книги, подобные книге М. В. Лодыженского: оне способны пробудить интерес к святоотеческой литературе, к таким книгам, как сочинения наших аскетов-писателей: Епископа Феофана Затворника, Епископа Игнатия Брянчанинова и др. Все эти сокровища

– мало сказать – забыты: они вовсе неизвестны большинству нашей интеллигенции и до сих пор составляют для нея клад, о коем она и не подозревает. Своею книгою г. Лодыженский как бы кричит ей: да подойдите же, наконец, посмотрите, какая здесь лежат сокровища! Оставьте свое предубеждение, будто все это старая ветошь: здесь вечно новые, хотя и вечно старая истины, здесь залог вашего счастья, залог Божия благословения для вас и утоление той томительной жажды, которую вы не перестанете ощущать, пока не победите в себе предубеждений, посеянных врагами Церкви и бессознательно воспринятых вами от юности. Господь говорит: царствие Божие нужно берется, усилием и подвигом достигается. И в деле личного нашего спасения нужен подвиг: не путем праздного любопытства, а деятельным исполнением заповедей Господних под руководством Церкви и ея духоносных учителей, святых отцев, возможно спасение наше. Надо, чтоб замечаемое в наше время увлечение мистицизмом нашло себе исход не в уродливых и богопротивных явлениях спиритизма, оккультизма и прочих подобных им “измов”, а в живом общении с Церковью небесной при посредстве Церкви земной...

В заключение позволю себе указать автору книги некоторые неточности: на стр. 29, он говорит, что число святых в одной Восточной Церкви считается более 2000. Во-первых, для нас, православных, нет дела, сколько считает у себя “святых” церковь, отпавшая от единения с нами и, следовательно, переставшая быть истинною церковью, ибо мы, по Символу нашему, веруем только во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь; во-вторых, по нашим месяцесловам, число святых по крайней мере, в десять раз больше показанного г. Лодыженским: оно достигает до 300 тысяч... На стр. 271 автор упоминает “день рождения замученного александрийского митрополита Петра”: во-первых, не митрополита, а архиепископа, во-вторых, – не день рождения, а день его кончины; дело в том, что день кончины святых в древности именовался днем рождения *dies natalis*: ибо древние христиане почитали смерть рождением в новую жизнь.

Та к ли светло смотрим мы на смерть?..

№ 158–160

Вера Христова не терпит двоедушия

Суди, Господи, обидяция ны, побори борюция ны!

I

Ходят вокруг нас и над нами грозные тучи гнева Божия, а мы спим себе спокойно... Или – нет: мы тревожно мечемся, слыша громы небесные, видя пока издали сверкающая молнии, но беспомощно опускаем руки, ибо привыкли жить каждый под виноградной лозой своею и под своею смоковницей, – под сению старых законов. Привыкли, чтобы нас опекало и оберегало правительство, как малых детей, а теперь, когда нам сказали: “Вы стали большими, пора вам самим о себе заботиться”, – мы не знаем даже: как быть, что делать?..

В самом деле, научите, добрые люди, что нам делать? С каждым днем становится все тяжелее жить, атмосфера жизни наполняется каким-то удушливым смрадом – простите мне не совсем литературное выражение – не умею слова другого найти – смрадом специальной жидовщины, издевательства, притом, положительно, систематического, над всем, что нам дорого, что нам священо: нас прямо изводят, отравляют каким-то медленным, но, тем не менее мучительным ядом, день за день, капля по капле, на каждом шагу, и в книгах, и в газетных листах, и в рекламах, и на разных лекциях, и на сцене, и якобы в художественных произведениях... Поистине, мы можем буквально повторить слова Псалмопевца: *Весь день поношаху ми врази мои, обыдоша мя, яко си мнози... Суди, Господи, обидяция мя!*

А тучи Божии идут на нас и идут, и все ближе к нам и ближе... А враги наши как будто вызывают в безумии своем Господа Бога на бой: так открыто, богохульно выступают они...

Иной раз думаешь: не мелочи ли все это, стоит ли обращать такое внимание на какую-либо газетную выходку?

Однако же можно ли шутить, можно ли равнодушно говорить о том, что широкою волною отравляет и всю нашу интеллигенцию, и далее весь народ?.. Не грешно ли?..

Вот вам факты на последнее время.

Получаю с почты посылку, вскрываю – реклама папиросных гильз фабрики “Катык” (вероятно – жидовская фамилия!), но какая реклама! На картоне наклеена фотография с картины известного художника-безбожника профессора Ге – “Голгофа”... И сама по себе картина эта, по меньшей мере, неприлична: Христос Спаситель изображен на ней в состоянии какого-то отчаяния, будто рвет на себе волосы, а воины как будто угощают Его... А сверху серебром или алюминием вытиснуто огромными буквами: “Гильзы Катыка”!..

Вот – Сытинский календарь на 1913 год. На 68 странице – масса мелких рисунков в одной общей цинкографии. Но присмотритесь: в середине храм Марфо-Мариинской

обители, построенной Великою Княгиней-подвижницей Елизаветою Феодоровной, немного пониже сама она, а по сторонам, несколько выше – “уволенный” – так и подписано: “уволенный” профессор Киевской духовной академии Экземплярский, и тоже “уволенный” профессор Томского университета Обручев... Ниже – рисунки: “Забастовка английских углекопов”, “К Ленским событиям” и т. п... Как вам понравится такое соседство для царственной подвижницы?! Но этого мало: внизу, в тексте, “Летопись событий”: Июль. 4. Быстрое развитие анархии в Персии. 8. В Чехии кровавое столкновение между чехами и немцами. Албанское восстание. 9 Бастуют рабочие в Барри. 13. Учредит. собрание упразднило все португальские ордена. 27. В Лондоне бастуют извозчики. РОССИЯ. 2. Закрыто еврейское литературное общество. 15. Мин. Нар. Просвещ. исключены все слушательницы СПб. Медицинского института, в Томске уволено 375 студ. технолог., 100 из них выслано администр. из Томска... Август. 2. Стачка 100 000 рабочих в Ливерпуле ознаменовалась кровавыми столкновениями. 4. В Англии объявлена всеобщая ж.-д. забастовка. 9. В Дублине забастовка газетчиков. 28. В Бильбао и Миресе бастуют рабочие метал. изделий. РОССИЯ. 12. Забастовка команды всех пароходов Черноморского русского общ. и т. д.; и т. д.

Это – новый своего рода календарь-месяцеслов революции! Я не смотрел дальше, какие перлы имеются в этом календаре, издаваемом в миллионах экземпляров г. Сытиным: воображаю, какая там прелести имеются!..

Объявление в газетах:

Продаются новые пластинки для граммофона:

1. Народ у памятника Гоголя.
2. Бродяга.
3. Ария Зорики. Куплет Симона.
4. *Кондак Николаю Чудотворцу. Не имамы иные помощи.*
5. Верная манерная. Валенки. Смех.

Как вам покажется это соседство кондака Николаю Чудотворцу и трогательного тропаря Богоматери с ариями и песенками? Право же, невольно думаешь: жиду захотелось лишний раз уколоть наше религиозное чувство, и вот он всячески профанирует все, что для нас так дорого и свято!

Появились новые, юбилейные почтовые марки. Прекрасные портреты наших возлюбленных Государей. Но под ними подписи: “Император Николай II – 7 коп., Александр III – 3 коп. (притом цвет ярко-красный), Александр II – 2 коп., а Петр I – 1, только 1 копейка! Не дорого же расценили изобретатели марок наших, благоговейно чтимых народом Государей! Этого мало: сии царские портреты обязательно пачкаются почтовым штемпелем, как будто ради вящего над ними поругания!

Я получаю много писем с негодованием на эти новшества в почтовом ведомстве, газеты патристического направления призывают к власти имущим, находятся патриоты почтовые чиновники, отказывающиеся штемпелевать такие марки, “Земщина” даже указывает на прямой закон, угрожающий каторгою за поругание Царских изображений... Никому дела нет!.. Мало того: в тех сферах, коим бы наипаче надлежало обратить внимание на это негодование русских людей, говорят, благомыслящие люди прямо ставили вопрос: не следует ли изъять неудачные марки из употребления теперь же, пока их мало разошлось, но... “Так, видите ли, за границей”, притом затрачены-де деньги на печатание марок и не стоит-де обращать внимания на всякое заявление черносотенцев... И марки остались, и священные для нас Царские лики будут пачкаться штемпелем, а чиновники,

отказывающиеся исполнять сию неприятную операцию, – чего доброго – будут увольняемы со службы... Не говоря о всем прочем, спросим только: на Руси ли мы живем? Или уже пришел жид и покори́л наше царство?..

В приложении к “Русскому (вернее – к иудейскому) Слову” помещен моментальный снимок с крестного хода, когда новый Московский Митрополит вступал в Кремль. Снимок вышел удачный, и изображение святителя напомнило многим Митрополита Филарета, пред именем которого благоговеет Москва.

Но что же сделали издатели с изображением Первосвятителя Московского Макария? Они поместили в нижней части страницы, как раз под самым изображением митрополита... простите, читатели! голую натурщицу... Та к и подписано: “натурщица Смирнов” (sic.)...

Да ведь это – издевательство над святителем!

Но, видно, редакции это-то и нужно...

Редкий день проходит без того, чтоб не получить вырезки из газет, глубоко оскорбляющих религиозное или патриотическое чувство, и опять скажу: никому до сего будто и дела нет...

Или где-то решено отдать Россию на съедение жидам? Но ведь жив Господь и жива русская православная душа: этому не бывать!

II

Мутная, ядовитая волна, отравляющая православный русский народ, как известно, не ограничивается печатью. Все зрелища, все кинематографы и подобные учреждения служат той же цели. Едешь по невольской столице вечером – в редком доме на Невском проспекте не красуется вывеска, огненными электрическими буквами заманивающая на эти зрелища. То, что в столице еще прикрывается иногда некоторым видом приличия, или же не так бросается в глаза в массе всевозможных впечатлений, то в провинции, в малых городках, уже прямо режет глаза. В 1904 году, в Сергиевом Посаде хотели поставить, прямо против святой обители преподобного Сергия, на противоположной горе – театр... Да, театр, хотя и называли его тогда “народным домом”, но кто же не знает, что такое народные дома, даже в столицах, а о провинции и говорить нечего? Да и на самом деле, был спроектирован настоящий театр: пишущий эти строки видел и план, в котором центральное место здания было отведено зрительному залу, со сценой и фойе, и если бы сам Преподобный не воспрепятствовал сему осквернению места его подвигов, если бы власти монастырския не узнали случайно эту затею заправил посадских и не запротестовали бы (дело велось в такой тайне, что было уже направлено в Петербург, с планом и сметой, в глубоком секрете от лаврских властей), то и гремела бы музыка против самой святой обители, и шла бы там бесовская всенощная одновременно с всенощною лаврскою, и блазнились бы притекающие к угоднику Божию со всех концов Руси богомольцы, глубоко оскорбляемые в своих благоговейных чувствах... Слава Богу, благодаря протесту ревнителя веры, Московского первосвятителя, которому доложено было о готовящемся беззаконии (иначе назвать не умею!), соблазн был предотвращен.

Но успокоится ли враг рода человеческого, хотя бы и не удалось ему внести этот соблазн? Если не попусти́л Преподобный быть соблазну постоянному, то враг вносит его

и – вероятно – будет вносить и в это святое место, от времени до времени... Вот вам пример.

Хотя прошло уже девять лет, как меня разлучили с моею родною Лаврою, но я не перестаю считать себя троицким иноком и пользуюсь всяким удобным случаем, чтоб подышать ея святым воздухом, чтоб провести в ней несколько дней и отдохнуть усталою душою. Поехал я туда и на праздники Рождества Христова. Накануне праздника приносят мне расклеенную на столбах по всему Посаду афишу, которая, между прочим, гласит, что на третий день праздника, “в зале общественного собрания”, следовательно, не в частном доме, а в городском учреждении, вроде городского клуба, “от Совета старшин” (каких же это? Вероятно, старшин этого собрания? Что-то безграмотно)... представлено будет... обстановочная пьеса (представлено – пьеса – как видите, тоже очень грамотно)... такая-то. Действие третье: “У врат обители”. (Чтый да разумеет!...). – По окончании спектакля, большой танцевальный вечер.

Ну что ж? Это, конечно, не новость и в той веси, которая приютилась, по выражению Митрополита Филарета, у врат обители Сергиевой и питается от крупниц, падающих от его трапезы: ведь несмотря на двухвековые протесты православной Церкви, осуждающей танцы как дело недостойное для христианина танцы получили право гражданства, и теперь танцуют, проще говоря – пляшут даже жены и дочери батюшек... Приходится мириться, хочешь не хочешь, с танцами и у врат обители преподобного Сергия. Но врагу рода человеческого и этого мало: на афише стоит, как гвоздь этого плясового вечера – “САТАНИНСКИЙ ТАНЕЦ – ТАРАНТЕЛЛА”, и притом “при участии публики”...

Не утерпел я, грешный: в самый праздник вышел, пред молебном, и сказал слово... Характеризуя беззакония нашего времени и сравнивая их с грехами наших предков, которые были наказаны нашествием галлов и двадцати языков, я сказал, что грехи наших предков представляют собою только детские шалости в сравнении с беззакониями нашего времени, а в пример, между прочим, указал и на этот предположенный танцевальный вечер с его “сатанинским танцем”. С горечью в сердце я указал слушателям, как все это глубоко оскорбляет угодника Божия, сказал, что он будет свидетелем и обвинителем пред Богом всех тех, кто примет участие в таком танце, и призывал слушателей к покаянной молитве...

Не знаю, послушал ли кто меня. Но уж это – не мое дело. Я, кажется, исполнил мой долг. И если хоть одна душа не пошла на сатанинский танец, я и за то поблагодарю Бога.

А ведь это творится по всей Руси! Это проникает в большие села. Это отравляет особенно там, где есть фабрики и заводы...

А что такое эти всевозможные публичные чтения? Я уже не говорю о якобы научных лекциях разных иудеев и иудействующих профессоров: там ведется открытая лженаучная борьба против веры Христовой, против Божественного Откровения. Но вот, кажется, религиозное собрание, устроенное баптистами якобы с религиозною целью в петербургском Тенишевском зале, на Моховой.

Что ж? Собрались баптисты помолиться. Дело не худое, хотя странно: о сем, якобы молитвенном, собрании оповестили чуть ли не в газетах, устроили его открытым, собрали публику... Сидели чинно за столом, закрывали лицо руками, опускали головы, становились на колена. Пели какие-то свои стихи... Затем вышел на возвышение именуемый “брат” и повел речь ломаным русским языком, перевирая окончания, с иудейским акцентом, с Евангелием в руках... О чем же он говорил? А вот что пишет бывший на этом собрании сотрудник “Новаго Времени”:

“Мы услышали, что Моисей был обыкновенный человек, даже злой, мстительный и трус, так как, убив египетского мальчика, бежал, что он был очень привержен к своему племени, “был, так сказать, националист”, иронически заметил “брат”. Но все это не помешало Богу дать чрез Моисея закон людям... Мы узнали, что Христос ничего людям нового не дал, что он повторял все, что до Него было известно; но чрез Него Бог все-таки дал благодать людям. Итак, по словам баптиста, как Моисей, так и Христос были одинаково обыкновенные люди, причем один из них, Моисей, был даже дурной человек, что эти два человека одинаково послужили людям. Мы вполне должны были усвоить, говорит сотрудник газеты, что Христос – не Бог...

А в числе слушателей были: прислуги, магазинные продавщицы, мелкие купцы или лавочники, курсистки, девочки-подростки с распущенными косами, ученики средних учебных заведений и люди, по-видимому, принадлежавшие к чиновному миру...

Оказалось, в заключение, что проповедник был, действительно, иудей, выкрещенный по баптистскому обряду”.

Даже сотрудник “Нового Времени”, газеты, не особенно отстаивающей наши идеалы, с негодованием спрашивает: “Зачем и при чем тут эта публика, состоящая из “малых сих”, мятущихся душою, желающих, быть может, разобраться в своих сомнениях, ищущих света и успокоения? Что они тут найдут, где провозглашается, что Христос – обыкновенный человек? Что они получают от этой рисовки, подделки под искренность, от этих речей, в коих чувствуется гордость и отсутствие искреннего смирения?”

А все это – допускается, на все это смотрят спокойно, как на явление, самое нормальное в православной столице... Да в столице ли только?..

III

И хочется крикнуть власть имущим: гг. министры, гг. законосоставители, стражи народа и законов блюстители! Если вы желали блага родному народу, широко раскрывая двери разным свободам, то вы глубоко ошиблись: ни народ наш, ни в особенности наша так называемая интеллигенция вовсе не созрели еще для этих свобод. Да оно и понятно. Ведь, если в препрославленной Финляндии, как говорят, воровство – неслыханное дело, если там в одной гостинице слуга на мой вопрос: “Где же ключ от номера?” – гордо ответил: “У нас не Россия! Будьте спокойны, никто ничего не возьмет”, – так ведь эта пресловутая, горделивая, нехристианская честность там воспитана драконовыми законами, которые за воровство карали отсечением руки... А у нас таких законов не было, и хорошо, что не было, но были законы, которые карали вора каторжным трудом, а не сажали его на казенные хлеба в палаты, именуемые тюрьмами, как это повелось теперь... С такими законами народа не перевоспитаешь, а вы ему дали еще всяческие свободы... Вот и пользуются этими свободами иудеи, из всего, даже из самого развращения народа, извлекая себе гешефт, а наша интеллигенция, как несмыслящий ребенок, идет к ним навстречу и отдает себя и народ наш на развращение нравственное... Смотрите: в каких понятиях растет грядущее на смену нам поколение! Мы еще живем тем запасом, какой нам отцы наши скопили: вот растратим его, и тогда что?.. Сойдем в могилу, а чем дети будут жить? Чем наша матушка-Россия будет свою историю продолжать?.. Жид расхитит все сокровища народной души; он отравит эту душу; он превратит наших детей и внуков в рабочий для себя скот и будет пить его кровь...

Думаете ли вы об этом, отцы Отечества?.. Или мираж свобод так отуманил ваши умы, что вы не видите этой опасности? Оглянитесь назад и присмотритесь пристальнее на протекшие пять-семь лет; всмотритесь повнимательнее, что случилось за эти годы с нашею Русью; сравните ея с Русью – ну, хоть за двадцать лет назад: что было и что стало с нею! В ваших руках, например, статистические материалы: как страшно возросла преступность! Какие появились новые виды этой преступности, в старые годы почти неслыханные! Что творится в учебных заведениях? Во что они превратились – даже духовные! Кого они готовят грядущей Руси? А пьянство! Миллиард пропивает Русь, миллионы гибнут от этой страсти, никакая война, никакая чума столько не похищает людей, как водка, а ея исчадие – вырождение народа?.. Вы, на верхах стоящие, сами знаете, как мало теперь дает богатырей наш народ при наборе войск. Приходится понижать требования в размере груди, роста и т. п. Не страшно ли все это? Пьянство развращает народ физически, печать и пресловутая свободы, поблажки в судах – нравственно, жидовская агитация – политически...

Стражи народные! Ужели там, на верхах, этого не видно? Казалось бы: с вышки больше простора видеть все, что творится внизу, на Руси... Нам, Богом поставленным выше других, выше массы народной, грешно себя обманывать. Ведь Богу надо будет за все отвечать. Грозен суд Божий на народных вождей! Да и история свое нелицеприятное слово скажет. Благословения или проклятия потомков лягут на нашу память – и об этом надо бы подумать! Знаю, среди вас есть и Бога боящиеся, и Церковь-мать чтущие, и народ родной любящие. Имейте мужество взглянуть прямо в глаза страшной опасности! Имейте мужество открыто, прямо, не страшась иудеев, признать эту опасность. Признать и не полумеры, только усыпляющие народную совесть, принять, а решительно, твердо, безбоязненно и открыто, с достойною русскаго православнаго человека прямолинейностью, повернуть руль русской жизни вправо, не обращая никакого внимания на вопли иудейские, на их угрозы, террор, – ведь умирать-то когда-нибудь надобно: не лучше ли умереть, если Бог попустит, с честью, мученически, с благословениями народа, чем быть трусами и предателями веры и Руси родной?.. И посмотрите, какой светлый праздник будет на Руси в тот благословенный день, когда она будет освобождена от этого проклятаго тумана беспочвеннаго, чисто масонскаго либерализма, этих лжесвобод, порабащующих душу народную жидам, от всех этих бредней, навеянных иудеями и их приспешниками – предателями родной земли! О, это будет воистину светлый праздник воскресения Руси родной, светлый день Христов, день радости не только православных русских людей, ныне томящихся тоскою безотрадной, но и всех наших предков, к Богу отшедших: ведь мы их заветы вспомним тогда, и они с какою радостью Богу за вас помолятся! Это будет праздник куда радостнее, светлее, плодотворнее, чем 19 февраля, чем 22 октября, чем даже тот день, когда получено было на Руси известие о взятии Парижа и плене Наполеоновом! Возрадуется тогда на небесах и праведная душа Царя-Миротворца, за молитвы котораго Господь вернет России и то величие, какое имела она под его державным скипетром...

И какое это было бы достославное воистину юбилейное деяние в память трехсотлетия благословеннаго Дома Романовых! Воистину это было бы возвращением Руси домой, к родным заветам нашей истории, ея воскресением! Нельзя насилловать народную душу, воспитанную в тысячелетнем послушании Церкви Православной! Нельзя безнаказанно искажать ея заветные идеалы, подменивать ея мирозозерцание, уродовать ея мировоззрение! Что-нибудь одно: или народ, потеряв свой облик, обратится в безличное

животное, чего так и хотелось бы жидам, или же он, пробудившись от чар разных свобод, во имя истинной свободы разорвет все путы одним могучим порывом богатыря и тогда... Горе всем врагам России! Горе и тем, кто стоял на страже, но не делал своего дела!

Время идет. История не ждет. Ждет только Господь нашего покаяния. Ждет, давно ждет, душою изнывает настоящий русский народ. Он зорко присматривается ко всем нашим ошибкам и глубоко вздыхает... При первом проявлении добрых для него знамений он готов воспрянуть духом и пойти навстречу тем, кто поймет его горе, его заботы, его идеалы... Народ наш – это младенец-богатырь: он младенец в смысле внешней культуры, умственного, научного развития, но он – богатырь духа, усвоивший, в свое сердце восприимчивый культуру духа, евангельские заветы – так, как, может быть, не воспринял их ни один народ в мире. Скажите: какой народ способен давать христианскому миру таких подвижников духа, как Серафим Саровский, таких пастырей, как Иоанн Кронштадтский, таких духовных старцев-руководителей, как Амвросий Оптинский, таких богословов, как Филарет Московский?.. Христианский мир Запада, столь хвалящийся своею культурою, дал миру великих естествоиспытателей, политиков, философов-мыслителей, но не дал таких смиренных сердцем и великих духом мужей, каких, милостию Божией, родит наша родная Русь православная, наш “богоносец” – народ. У этого народа есть чему поучиться и нам, мнящимся быти его руководителями, поучиться, хотя бы тому глубокому смирению, с каким он принимает скорби, как милости Божии, поучиться простоте детской веры, творящей чудеса у родных святынь, смиренной, воистину христианской любви, даже ко врагам своим, даже к преступникам, в которых он видит только людей несчастных. Поймите этот народ, смиритесь духом пред его заветными идеалами, полюбите его, станьте русскими в душе, защитите этого младенца-богатыря от обижающих его, от постоянно оскорбляющих его религиозныя и патриотическия чувства, прогоните, не подпускайте к нему близко всех этих расхитителей его духовных сокровищ и – чудо совершится! Слейтесь с ним во едино духом, и не будет в мире народа, сильнее Русскаго православнаго! Глубоко понимал это великий в своем царственном смирении Государь-Миротворец Александр III и всем сердцем стремился к единению с народом в его духе, в его идеалах, но увы! – был одинок, почти одинок в осуществлении этого великаго своего стремления и – утомленный непосильною работою, ушел прежде времени к Отцу небесному молиться за родную, дорогую ему Русь... С какою любовью взидал на него народ! С какими рыданиями провожал его в могилу! Весь мир был потрясен зрелищем этой бескорыстной любви народной к своему Царю-Батюшке, весь мир невольно выражал сочувствие осиротевшему народу. Но ведь и Сын носит в Своем Царственном сердце заветы великаго Отца: и Он так же горячо любит родную Церковь, любит Свой народ, готов для него на всякий подвиг. Объединитесь же около сердца Царева, поймите Его царския думы, Его светлыя, чисто русския стремления, будьте беззаветно преданными Ему сотрудниками в великом деле созидания и устройства родной земли по родным ея идеалам!

IV

Пишу я эти строки, а сам думаю: да попадут ли оне на глаза тем, к кому я обращаюсь? А если и попадут, то дочитают ли их до конца? Не будет ли мой голос гласом вопиющаго в пустыне? Не скажут ли: “Слыхали мы все это, но напрасно автор обольщает себя и

других мыслию, будто наш народ – какой-то избранник Божий среди народов земных: он такой же народ, как и все европейские народы, только от других отстал, а потому и должен идти по общему с ними пути цивилизации, науки и культуры. Да и не смиренно было бы даже, с христианской точки зрения, считать себя народом-избранником: это походило бы уж на мечты тех же иудеев, которых автор так жестоко осуждает”.

Та к может говорить только тот, кто не верит в истину нашего Православия и в Божий Промысл, управляющий судьбами народов земных. Мы, православные люди, веруем, что все человечество призывается Богом ко спасению, что вечно блаженная жизнь ожидает спасаемых не здесь на земле, а в будущем царстве славы Христовой, когда будет новое небо и новая земля, после обновления мира, по втором пришествии Господа нашего на землю, веруем, что спасение для людей возможно только в недрах Христовой Церкви, что Церковь как носительница, хранительница и провозвестительница Христовой истины – одна, как и самая истина – одна, и сия истина, веруем, именно в нашем родном Православном исповедании, в православной нашей Церкви-матери. Люди живут на земле вовсе не для того, чтобы коптить небо своими грехами, а для того, чтобы самим готовиться на небо. А чтобы идти на небо – надобно знать пути, туда ведущие. И сии пути – в Церкви Божией, в Церкви Православной, в ея учении, в ея таинствах, в ея руководственных указаниях в жизни духовной. Если бы люди, уверовавшие во Христа, сохранили единство веры, если бы не внесли они своих человеческих мудрований в чистую истину Божию, то не было бы среди христиан и делений на мнимыя церкви, секты, еретические сообщества. К несчастью, это случилось. Хитон Христов раздран ересями и расколами, испачкан сектантскими лжемудрованиями. Вот почему Господь и избирает из народов земных верных хранителей и провозвестников Своей Божественной истины. Таким и был в Ветхом Завете народ еврейский. Но он не принял Христа, воплощенную истину, и за то отвергнут Богом, и вместо народа избранного стал отверженным, вместо благословенного – стал проклятым, ибо сам на себя призвал эту клятву, когда кричал Пилату: “Кровь Его на нас и на чадах наших!” Вместо евреев избраны народы европейские, греки и римляне. Прошла тысяча лет, западные христиане увлеклись мечтами Римского папы о всемирном владычестве, исказили исповедание веры, внесли новшества в учение веры и отпали от единства Церкви. Тогда Бог избрал на их место, в полноту Церкви Божией, народы славянские и особенно нашу Русь, просветив ее Православною верою. И стала она, вместе с народом греческим и православными славянами, носительницею и хранительницею Православия в среде народов земных. И стала избранным народом Божиим. Не с тщеславием, не в духе гордыни исповедуем мы сию истину: со страхом исповедуем Божие избрание и боимся, как бы не потерять его, как бы над нами не исполнилась угроза Христа Спасителя, изреченная некогда народу еврейскому и столь страшно приведенная над ним в исполнение: *се оставляется дом ваш пуст...* (Мф. 23, 38). *Глаголю вам: яко отыметя от вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его!* (Мф. 21, 43) Вот как мы дорожим нашим святым Православием, а не тщеславимся, не хвалимся им, как Божии избранники. Мы боимся, как бы не оказаться недостойными хранителями сокровища сего, как бы не быть народу Русскому тем рабом непотребным, который не пустил в оборот доверенного ему от господина таланта и закопал его в землю, тем хуже – не расточил бы его на свои эгоистические, земные потребности... Мы веруем в призвание нашего народа блюсти во всей чистоте и непорушной целостности святое Православие, притом не для себя только, нет, а для всего мира, для всех народов земных, для каждого человека, кто хочет обрести вечную жизнь.

Мы веруем и исповедуем, что в деле веры нельзя хромать на оба колена: служить Богу и мамоне, одну половину сердца отдавать Христу, а другую врагу Его – велиару... Если государственная власть признает веру Православную единою истинною верой, если она сознает все великое значение сей веры в государственной жизни и строении, если видит в Православии духовную основу русской народности, народного мирозерцания, опору всех устоев государства, – а все это власть *должна* признавать, видеть и понимать, – то может ли она допускать подрыв веры, подкоп под нее разных ересей и лжеучений, разрушение ими сей веры в массе младенчествующего умом народа, не расшатывая в то же время своих собственных основ? Во имя чего она должна бы все это допускать? Во имя каких-то отвлеченных теорий, в принципе не признающих различия между вечным благом и вечной погибелью? Но так свойственно рассуждать только масонам, этим вечным врагам Христова учения. Во имя какой-то выдуманной свободы совести? Но ея не может быть хотя бы уже потому, что совесть есть сокровенный судия помышлений и поступков человеческих, есть внутренний закон, который, как закон, сам себя связывает, ограничивает, но никем и ничем не может быть ограничен: пример – святые мученики... Затем: какая совесть? Бывает совесть и щепетильная, скрупулезная, бывает и сожженная... Та к какой же дать свободу? Совесть еретика, сектанта, раскольника позволяет всех совращать в свои секты, ереси, расколы православных; совесть иудея позволяет ему отравлять, убивать христианина, как животного; совесть вора – воровать и т. д. Уж не давать ли свободы всем этим совестям? Скажут: речь идет только о вере. Но расхищать сокровище веры, скрадывать русскую душу, исказить эту прекрасную душу по подобию немца-штундиста – да ужели может все это допустить государственная власть, сама признающая православную веру своею основою, основою бытия Российскаго государства? Ведь это было бы изменою своему назначению! В сущности, этим государственная власть упраздняла бы сама себя. Что пользы в том, если она будет ограждать только имущество подданных Русскаго государства от воров и разбойников, а душу народную отдаст на расхищение и духовное убийство? Мы не требуем казней для пропагандистов-еретиков; мы требуем только строгого им воспреещения пропаганды, под угрозю ощутительного для них наказания, хотя бы беспощадными штрафами и удалением из тех мест, где они пытаются свить себе гнездо. Мы умоляем правительство, чтоб оно оградило детей наших и простецов из народа от того духовнаго разврата, какой вносится иудейской необузданной, безсовестной печатью, развращающими зрелищами, разными кинематографами и т. п. Мы умоляем принять меры к сокращению пьянства... Пожалейте народ не навязывайте ему насильно западных правовых теорий: он знает одну теорию – Царь – Отец народа, весь народ – дети Царя, Царь любит детей, как родной отец, народ беззаветно любит Царя как Отца, как Божия Помазанника. Что может быть лучше, выше, святее этой теории? Будьте же и вы старшими детьми Царя, Его верными слугами, верными и неизменными Его помощниками в Его святом деле служения царственного, в Его отеческих заботах о народе... Бросьте негодные для нас, русских людей, правовыя начала, разныя теории о равенстве, о свободах. Полюбите народ, как младших братьев, поймите его духовныя нужды, и любовь подскажет вам, что нельзя давать ребенку игрушки, с коими он обходиться не умеет, нельзя открывать двери к душе народной всем проходимцам, всем иудеям, иноверцам и инородцам, когда народ еще не может сам дать им отпор, когда его надо еще научить беречь вверенное ему Богом сокровище веры Православной и всего того, что завещали отцы наши, но чем – увы – мы так мало дорожим! Пощадите же народ, не отдавайте на расхищение сокровищ его души!

Вот наша мольба к тем, кто власть имеет, наша усерднейшая просьба всенародная к нашему правительству.

Всего этого требует от него исповедываемая им же святая вера Православная. Довольно сделок с совестью в наших законах. “Аще есть Господь Бог – истинный Бог, то идите за Ним; аще же Ваал есть бог, то идите за ним” (4 Цар. 18, 21). Вера Христова не терпит двоедушия: “Поелику ты тепл, а не горяч, и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”, – говорит Господь в Откровении Ангелу Лаодикийской Церкви (3, 16).

Гремят громы небесные, сверкают молнии: проснитесь все, кому дорога родная Русь, дорога вера Православная: лучше умереть за эти святыни, чем видеть поругание их!..

Но зачем терять надежду!

Бог поможет – и отстоим их на радость родной земли!

Об апокрифической молитве и легкоспасенцах

Всколыхнулась русская жизнь, и с самого дна ее выходят на поверхность такие ужасные явления, как хулиганство, разврат в его самых отвратительных формах, безсовестность в житейских, да и не в одних житейских, а и в общественных, и в политических отношениях. Но рядом с этими мутными “отстоями дна” русской жизни заметны явления и иного порядка: чувствуются тоскливые отголоски как будто пробуждающейся совести, слышится как будто вздох кающейся души... Но вот горе: и эти отголоски, эти вздохи души народной, надо сознаться в этом, раньше нас, пастырей, подслушал кто-то, кому нужно самое покаянное чувство народное направить на ложный путь и чрез то обмануть кающихся... Недавно я писал в своих дневниках, как враги Церкви подметили в среде нашей интеллигенции некоторую склонность к так называемому мистицизму и стараются направить эти проблески духовного пробуждения в сторону разных мистических лжеучений.

Теперь множество писем, мною получаемых, побуждают меня обратить внимание моих читателей, особенно же пастырей, на другое явление, замечаемое в низших классах народа. Впрочем, те, кому это нужно, не стесняются обращаться и к интеллигентным лицам с своими непрошенными советами. Беру одно из более характерных писем по сему поводу:

“Меня одолевает сомнение и беспокойство... Получила я прилагаемое письмо, с приглашением переписать *девять* раз и разослать девяти лицам молитву, тут же помещенную... Это не в первый раз. Несколько лет назад так же точно рассылалась, но только с требованием *семи* списков, другая молитва, в которой несколько раз упоминалась кровь... правда, с прибавлением слова: *святая Христова кровь*... Ради этой крови просили спасения и благословения. Сколько мне помнится, тогда чуть ли не Святейший Синод заявил о ненужности и даже вреде подобных *анонимных*, тайных почтовых пропаганд молитв, неведомо кем выдуманных. Теперешняя молитва гораздо короче. В ней, по-видимому, нет ничего предосудительного, но мне она кажется почему-то подозрительной. Во-первых, число *девять* – число *масонское*. Во-вторых, упоминание *о всем человечестве* пахнет интернационализмом, не вяжущимся с простым благочестием. В-третьих, какое-то *внутреннее чувство* подсказывает, что есть тайный смысл в словах, по-видимому, благочестивых... Боюсь, не скрывается ли богохульство под видом молитвы. Конечно, Господь не осудит согрешившего по *неведению*. Не боюсь я и обещанных за неисполнение переписки злополучий. Господь прибежище мое: кого убоюсь? Но, быть может, следовало бы предупредить малых сих, не умеющих думать собственными мыслями. Может быть, духовный авторитет нужен в данном случае, как и духовное знание. Вот почему и смею беспокоить вас, владыко. Посылаю вам оригинал, полученный мною. Может быть, найдете нужным написать предупреждение и совет – не поддаваться подобным приглашениям, позади которых мне почему-то *ясно чувствуется* масонская интрига... Быть может, желание заставить богохульствовать самих верующих православных людей. Злобное жидовство очень способно на подобную мысль. Быть может, тут и еще цель: узнать, *кто и насколько* способен поддаваться внушению... Словом, прошу вашего совета и указания и остаюсь”...

Следует подпись и адрес.

“М. Г. Посылаю вам молитву, которая должна обойти кругом света. Перепишите и увидите, что случится чудо. Сказано: кто эти молитвы перепишет в течение двух дней девяти лицам, тот будет избавлен от зла и на 4-й день получит радость, а кто оставит без внимания, того постигнет несчастье. Не подписывайте своего имени, а только обозначьте число, когда получено письмо. Не прерывайте эту молитву, посылая которую девяти лицам, напишите все, что пишу вам. Я получила 25 января и отправила 26 января 1913 г.” Затем следует молитва, которую привожу как образчик чистосектантского мышления:

“О, Господи! Я молю Тебя: благослови меня и все человечество, избави от зла и дай нам пребывать с Тобою. Аминь”.

Вот и все!..

А если выкинуть это фарисейское “я молю Тебя”, совсем ненужное в столь краткой молитве, то молитва будет еще короче.

О чем же просит молитва?

“Благослови меня и все человечество”...

Великое дело – Божие благословение, но православная молитва, прежде всего, просит *помилования*, ибо тогда Божие благословение придет само собою. Автор как будто “все человечество” уже считает помилованным. А покалось ли оно?.. Не слышится в этой молитве духа покаянного... И что разумеет автор под словом: “все человечество?” Ужели он дерзает просить благословения Божия всем еретикам, безбожникам и богохульникам? Всем тем, которые отвергаются от Божия благословения, бегут от лица Божия, погибая в богоненавистничестве? Но не оскорбление ли Богу такая молитва? И простой иерей не благословит того, кто издевается над Божиим благословением... А это что за выражение: “Дай нам пребывать с Тобою”? Как понимать его? Господь вездесущ, значит не о том речь... О чем же? Это – секрет автора, самочинно сочиняющего молитвы для “всего света”...

Но весь вред распространения подобных молитв не в словах самой молитвы, а в том наказе, каким она сопровождается. В этом наказе – и суеверие и даже богохульство... Неведомый писака-сектант обязывает получившего его молитву сейчас же, в течение непременно двух дней, написать девять копий молитвы и разослать девяти лицам, да еще смеет пророчествовать и угрожать: если исполните его приказ, то на 4-й, – непременно на четвертый почему-то день – “получите радость, а кто оставит без внимания, того постигнет, видите ли, несчастье”... Это уж, как говорится, слишком... заврался г. автор! Откуда он заручился такою властью – давать счастье или нагонять на людей несчастье одним своим полуграмотным писанием? И конечно, многие православные получили эту апокрифическую молитву и не обратили на нее ни малейшего внимания; я получил их с десятком и с негодованием на автора за его наказ разорвал и бросил в корзину, и, милостию Божией, все мы целы и невредимы, и никаких несчастий с нами не случилось. Да и не могло случиться, ибо мы веруем, что Господь милостивее автора молитвы и не станет, по его предписанию, раздавать счастье или карать нас за неисполнение его приказа, притом еще отзывающего, как замечено в вышеприведенном письме, масонщиной, – несчастьями... Справедливо говорит один пастырь в “Колоколе”, что “этот наказ делает молитву “заговором”, превращает рассылку ее в посев кощунственного суеверия, в пропаганду колдовского причитания, хотя она упоминает и имя Божие. Вспомните Златоуста: он внушал “бежати и отвращатися волшебников, хотя бы они призывали и Святую Троицу, и угодников Божиих, и знаменовались крестным знамением” (“Требник”). Есть элемент волшебства, чаровничества в этом призывании счастья на

рассылающего молитву и несчастья – на ослушников. “Я послал молитву – и Бог обязан дать мне счастье, не может отказать мне в даровании великой радости, пусть я по делам-то моим, по чувствам и расположениям заслуживал бы бичей и скорпионов”. Разве это не кощунственная надежда? Христос Господь научил нас молиться Отцу небесному, дабы на небе и на земле творилось все по Его премудрой и справедливой воле. А теперь неведомый миру изобретатель хочет связать волю Божию немудрым актом рассылки молитвы и назначить Богу даже и срок для исполнения надежды... Какое безумие! Какое страшное кощунство и богохульство!..

Лет сорок тому назад распространялась тоже молитва, с подобным заговором, обещаниями и угрозами. Изредка она и теперь продолжает кружить по белу свету.

Помню: тогда, еще ученик семинарии, я находил в ней армянскую ересь, ибо молитва – *Трисвятое* обращена была к одному Лицу Пресвятыя Троицы, к Сыну Божию... Видно, живучи подобныя суеверия. А в наше время они находят себе очень благоприятную почву в той слабости человеческой, которою всегда злоупотреблял враг рода человеческого, когда ему хотелось отклонить людей, ищущих спасения, на ложный путь! Та к было во все времена, с древнейших времен. Идея счастья заложена в душу человека при его сотворении. Бог сотворил его не для страданий, а для блаженства. Но для достижения блаженства и в раю нужен был труд – возделывать и хранить рай, нужно было послушание Богу, отсечение своей воли. Враг искусил людей желанием сразу получить высшее счастье – *будете яко бози...* Первозданные пали. Но заложенное в душу стремление к блаженству, а после падения – к спасению осталось неистребимым. И вот, рядом с путем подвига, по слову Господа: *царствие Божие нудится и тесны врата, узок путь*, ведущий в него, является иной путь, как бы в обход первого – путь самочиния, легкоспасенства, как охарактеризовал его в своих писаниях святитель Феофан Затворник. Идея спасения “полегче” лежит в основе всех сект, как рационалистических, так и мистических. Подвиг слишком тяжел: нельзя ли его чем-либо заменить? Даже в области самого подвига явились и являются способы и средства достигнуть тех или иных состояний, считаемых благодатными, помимо путей, указуемых Церквью. Латинская Церковь придумала для облегчения, преимущественно мирян, индульгенции, Франциск Ассизский изобрел особые способы достигать экзальтированной восторженности, Игнатий Лойола – целую систему “духовных упражнений”, во многом напоминающих не учение опытных великих подвижников Востока, а скорее учение йогов языческого Индустана. Протестанты-рационалисты просто отвергли значение подвига и добрых дел в воспитании человека для вечной жизни, успокаивая свою совесть на учении, будто одной веры достаточно для спасения, а сектанты-мистики придумали радения, скопцы – уродование себя и т. д. А в сущности, все сводится к одному: как бы полегче, без подвига, заповеданного “до пролития крови”, спастись. Вот почему всем этим отщепенцам от Православной Церкви так ненавистно учение Церкви о необходимости подвига, борьбы с самим собою, смиренного сознания своего духовного безсилия в этом деле и необходимости, а следовательно, и искания благодатной Божией помощи. Та к постепенно вытравляется из сознания христиан учение о кресте, о необходимости участия христианина в Христовых страданиях чрез исполнение заповеди Спасителя: *аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой...*

Следует отметить, как это уклонение от креста, от подвига, так сказать, просачивается в нашу церковную жизнь. Покойный отец Иоанн Кронштадтский, сам величайший подвижник крестоношения и внутреннего духовного подвига, нередко советовал своим

духовным детям чаще причащаться Св. Христовых Таин. Само собою разумеется, это должно быть совершаемо с должным приготовлением, с великим благоговением и согласно с установленными Церковию правилами. Среди его духовных детей нашлись такие, которые приняли к сердцу его совет. Всем верующим известно, что святейшее Таинство Евхаристии доставляет причастникам, благоговейно к нему приступающим, великое духовное утешение. Естественно, что не могли не испытывать сего утешения и упомянутые духовные чада о. Иоанна.

И они стали чаще обычного приступать к святейшему Таинству. Но немощи человеческия сказались и в них: мало-помалу они стали остывать в принятом на себя не по силе подвига, все свое внимание лишь устремляя на то утешение, какое доставляло им причащение Св. Таин и, не внимая своему недостойнству, начали все дело спасения своего поставлять единственно в самом причащении, приступая к нему без должного посильного приготовления. Заповедь подвига крестоношения, борьбы с собою, смиренного очищения совести в слезном покаянии – все это отошло сначала на второй план, а потом и забываться стало... Явилась секта, сначала, может быть, не столь заметная, а потом, вследствие, как думаю, особых, известных из учения святоотеческого условий психофизиологических, о коих теперь говорить не место, секта приняла характер хлыстовщины и, вероятно, в своем развитии превратится в таковую...

То и дело слышишь и читаешь, что в разных уголках православной России появляются секты: в Бессарабии – иннокентиевщина, в Вологодской епархии – степановщина, в Харьковской тоже – от имени другого Стефана, в Киевской еще не исчезли следы малеванщины... В самой столице есть проходимцы, увлекающие своим лживым благочестием даже людей интеллигентных, не говорю уже о пресловутой чуриковщине. Казалось бы, уже одно то, что какой-нибудь мужик, назвавшись странником, отрастив себе волосы, явился, неведомо зачем, в столицу, бродит по улицам, иногда босой, без шапки, с громадною палкой – уже одно это должно было бы предостеречь каждого, понимающего христианскую жизнь, от знакомства с таким загадочным человеком: думать, что в наш век много избранников Божиих, несущих подвиг юродства ради Христа, нельзя. Истинных юродивых и всегда было немного: греческая Церковь в числе святых чтит только Симеона да Исидору Египетскую, – Андрей уже славянин, а Русская Церковь имеет в своих святцах сих подвижников не больше трех-четырех десятков. А между тем странных людей немало бродит в столице, и говорят, дела у них идут недурно... Свои дома имеют! И тем не менее – к таким проходимцам льнут не только простые люди, но и из общества. Что же влечет к ним? Думаю – желание получить наставление, как душу спасти – полегче... Вот тут-то и попадают сии ищущие спасения в сети хлыстовщины и подобных лжеучений...

Нет надобности говорить, что разные Редстоки, Пашковы, а в последнее время – Фетлеры находят себе многих последователей в среде якобы ищущих спасения. Благо же теперь в моде всякия свободы – до свободы духовнаго самоубийства включительно. А увлечение проповедями таких лжеучителей и есть, в сущности, самое настоящее духовное самоубийство...

Повторяю: опасность в том, что это стремление к легкоспасенству подмечено врагами Церкви; ему покровительствует и печать, и интеллигенция; к нему снисходительно относится даже и наше пастырство. Не будем греха таить: сами будучи немощны, мы всегда готовы снизить и другим в таких предметах, в коих не только не имеем права делать уступки, но и долгом обязаны беспощадно обличать заблуждение, дабы оградить

чистоту самого идеала жизни православной, каким он предан нам святой материю нашей – Церковью...

№ 162 Мерзость запустения в нашей столице

I

Знамения времени зовут нас к покаянию

Помните ли вы, читатели мои, как девять лет назад была выкрадена великая святыня Русской земли – чудотворная икона Казанская? Болью, тоскою, тяжелым предчувствием грядущих бед отозвалось в русском сердце это событие, и разве не оправдались наши предчувствия? Недаром в народе издавна было верование, что пока цела эта святая икона, пока она стоит на страже между христианской Европой и иноверным, языческо-магометанским миром Азии, дотоле и мы можем быть спокойны, а покинет Она, наша Заступница Усердная, место Свое – и горе и беды грозят нам, и останемся мы беззащитными... Та к ведь оно и случилось... Нет нужды говорить о том, что мы пережили за эти девять лет...

Да, это попущение Божие – похитить святую икону – было знамением, вразумлением Божиим для нас. Но мы не вняли сему знамению. И знамения – присмотритесь – повторяются то и дело... Сейчас я прочитал в газетах, что в Сергиевом Посаде дотла сгорел “театр”: там театра и не было, но, очевидно, это тот “клуб”, в котором так недавно, на минувших святках, вопреки моему предостережению, исполнялся “сатанинский танец”... Сохрани меня Бог быть пророком, но... случайностей в мире не бывает, и, конечно, не я один думаю, что посадских обывателей вразумляет оскорбляемый ими угодник Божий...

Тр и года назад мы, люди преданные Церкви, протестовали против построения буддийского капища в столице. Князья-редакторы и вся иудействующая печать издевалась над нами, как над фанатиками; о капище долго молчали, и мы полагали, что наш голос услышан, что капища не будет, а здание обратят – ну хотя бы в азиатский музей... Увы, газеты оповещают, что 21 февраля, в столь радостный, столь священный для нас, православных русских людей, день, приехавший из Монголии идольский жрец совершит торжественное открытие сего капища, и столица православной Руси увидит впервые, может быть, на берегах Невы жертвоприношение идолам... и когда же? В день светлых воспоминаний Торжества Православия над интригами латинства, которое собралось было триста лет назад поглотить Православие!..

Но и этого мало. Только что сгорел Троицкий собор, величайшая святыня столицы, сгорел от загадочной причины, будто сам загорелся, не стерпев зрети возвышающееся пред ним другое капище – мечеть лжепророка, обманщика Магомета... “Не достойны вы, русские люди, святыни Божией, и она уходит от вас”... Я боюсь договаривать дальнейшие слова Господа иудеям: се оставляется дом ваш пуст!.. О нет, Господи, накажи нас, но помилуй ради тех младенцев веры, кои подобно младенцам града Ниневии, не умеют отличить правой руки от левой, которые не знают, что и делать при виде торжествующе возвышающегося над Крестом Господним полумесяца и языческих эмблем. Ведь, сердцем-то они болеют о сем... Утешь и вразуми их, Господи!

Но и этого еще мало: в тот же священный день, 21 февраля, как сообщают услужливые газеты, это Магометово капище будет “освящено”(!) особым служением, которое

кошунственно, как и в буддийском капище, газеты называют “богослужением”. (Прости нас, Господи, что повторяем это воистину богохульное в данном смысле слово!)

Плачь, русская православная душа! Кайся пред Богом, благо же наступают и дни покаяния! Вся сия попускается Господом за твои грехи, за твою языческую жизнь!..

А еще больнее, еще страшнее газетное сообщение, что так называемая Государственная Дума отвергла предложение правых членов об ассигновании на храмы Божии... Это уж полное отречение от всех заветов предков, это измена святой Руси.

Но утешим себя тем, что Дума еще не Русь... что там не те “лучшие русские по духу люди”, каких звал Государь, а в большинстве – отщепенцы от народа, изменившие его идеалам и заветам.

Утешим себя крепкою надеждою, что встанет, наконец, настоящая, историческая Русь, соберется с силами, разгонит туман, ее обуявший, и построит на месте сгоревшего такой храм, какого еще не было на Руси!

И это будет храм-памятник не только минувшему трехсотлетию, но и победе над современною смутою – победе русского народного духа над всею, столь несродною сему духу иноземщиной, масонщиной и всяческой духовною заразой...

А кто знает? Если не мы, то наши дети или внуки дождутся и того дня, когда и капища, и мечети обратятся в храмы Божии...

Держайте же, людие Божии, дерзайте и не унывайте!

II

До боли горько, обидно, страшно!..

“Колокол” сообщает, что в Петербурге, в великий день великих воспоминаний религиозно-патриотического подъема народного духа, открылось... идолослужение...

Дождалась Русь-матушка!

Прислушаемся же, что говорит святой Апостол Павел об идолослужении.

“Язычники, принося жертвы, приносят их бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами”, – предостерегает сей Апостол, паче всех апостолов потрудившийся в благовестии Христовом.

Итак, в столице православного государства началось формально служение “бесам”. Слышно, что где-то, в подпольях аристократического дома, есть, и без всякой покрывки, служение сатане: служат, как говорят, и “обедню” ему...

Ужасом сжимается сердце, когда приходят на мысль пророческия слова того же великого Апостола, который за девятнадцать веков предсказал, что пред пришествием антихриста произойдет “отступление”, отступничество от веры, и это будет признаком близости пришествия “человека беззакония, сына погибели”... Не начинается ли на наших глазах это отступничество?..

Что язычники молятся своим богам – “бесам”, это естественно; что приносят им жертвы – понятно: ведь, не ведая истинного Бога, они мнят служить якобы истинному Богу... Во тьме ходят!..

А вот что именуемые христиане принимают участие в их идолослужении, – это ужасно, это уже богоотступничество, достойное анафемы!

Ведают ли эти “несколько офицеров, во главе с полковником генерального штаба И.” (жаль, что полной фамилии газета не сообщает: имена таких “полковников” надо бы

пригвождать к позорному столбу!), эта княгиня Дундукова, эти два несчастные ученика училища правоведения, – ведают ли, говорю, все эти “богоискатели”, катающиеся на моторах, что они творят?.. С кем в общение входят?.. Пусть перечитают еще раз приведенные слова Апостола Христова! А впрочем, какое дело этим “просвещенным” особам до какого-то там Апостола Павла?.. Для них вот этот “цанит Агван Дорджиев” – куда авторитетнее “иудея Павла”, жившаго 19 веков назад... Не правда ли, как все это горько, обидно, страшно?..

Впрочем, говорить с сими несчастными, бывшими когда-то православными, кажется, бесполезно. Да едва ли и дойдут до них эти строки. Известно ведь, что наши “интеллигенты” брезгуют черносотенными газетами. Поэтому, предоставив их суду Божию, вдумаемся в печальный смысл того явления, что на берегах Невы, где история не помнит Магометовых мечетей, где идолопоклонство было, может быть, когда-то, во времена до христианския, теперь, когда Церковь Христова вспоминает 1600-летие знаменитаго эдикта Константина Великаго о свободе христианства, теперь – в столице православнаго царства строятся капища для идолов да мечети для лжепророка аравийских пустынь... Что же это значит? Или сила Христова учения стала безсильна бороться с этой бесовскою прелестью? О, конечно же – нет!.. Иисус Христос вчера и днесь, То й же и во веки! Он раз навсегда победил сатану, и никогда врата адова не одолеют Его Церкви! Но оглянемся на себя. Мы-то, христиане, стоим ли носимаго нами звания христиан? Не поносится ли имя Христово в нас, в нашей жизни? Ведь если бы мы оправдывали свое звание, то и магометане и язычники, среди нас живущие, давно стали бы христианами. А если и не обратились бы к нашей святой вере, то настолько уважали бы ее, что и не подумали бы строить свои кумирни и мечети в нашей столице. Мы, православные, не иначе можем смотреть на эти здания, как на “мерзость запустения”, как на оскорбление нашего религиознаго чувства... С омерзением приходится теперь нам, православным, проходить и проезжать мимо этих... построек! А еще более обидно вспомнить, что среди нас, православных, есть люди, которые участвовали в этих постройках, которые помогали язычникам и чтителям Магомета в их хлопотах... Не говорю уже о тех, кто принимает участие в идолослужении, – таковым мы не имеем права, по заповеди Апостола, даже приветствие говорить...

Страшно то, что все это даром нам не пройдет, за все это богоотступничество русских людей придется страдать все той же нашей матери-России...

Рука отказывается писать, когда размышляешь о всем этом. Знаю, что меня назовут фанатиком: называйте, господа, как угодно, но я крепко убежден, что суд Божий покарает нас за это. Ручательство сему – вся ветхозаветная история евреев... Мне, русскому человеку, да еще архиерею, до боли жаль Россию, и пусть иудеи и их приспешники смеются надо мною: сил нет молчать!.. И я уверен, что не один так думаю. Знаю, что миллионы русских людей то же думают со мною.

Мы боимся за судьбы родной земли. Иудея погибла от своей интеллигенции, от всех этих христоненавистных книжников и фарисеев, от безбожников-саддукеев, и мы боимся, чтоб не случилось чего подобного с нами, с нашей дорогой Русью...

№ 163

В защиту святого поста

Мои дневники, особенно последние – “об анонимах” и о “легкоспасенцах”, видимо, тревожат совесть некоторых читателей: я получаю немало писем с откликами на них. Что ж? Слава Богу, что совесть заговаривает и тянет людей к суду Божию... Ведь давно сказано: един Бог без греха, а святые отцы говорят: грешить свойственно людям, а пребывать во грехе нераскаянно – только демонам. Аще падеши – востани, – убеждают они всякого грешника, – и елико падеши, толико востани... Но вот наше горе: в нашем сердце нередко, даже без нашего ведома, хозяйничает наше грехолюбие, и лишь только совесть встревожится, проснется, как оно, грехолюбивое сердце, тотчас же отдаст приказ нашему уму: подыскать оправдание... А ум, как известно, состоит на послугах у сердца: ведь Господь-Сердцеведец истину сказал, что от сердца, а не от ума исходят помышления. Притом, сердце иногда так искусно прячется за ум, что мы того и не замечаем и воображаем, что наш рассудок в данном случае работает только во имя здравого смысла и требований логики... Да, сложное дело – душа человеческая и духовная жизнь. Не только чужая, но и своя-то собственная душа для нас иногда представляет собою именно потемки! Иной весь свой век в потемках ходит, в потемках и умирает, воображая, что во свете ходил... Только там, к его ужасу, откроются его духовные очи и увидит он, несчастный, как жестоко заблуждался. А ведь совесть-то и ему подсказывала, и его тревожила, но он не давал ей свободы обличать его, спешил заглушать ее голос мудрованиями лжеименного разума.

Вот это замечается и в тех письмах, которые получаю я в ответ на мои дневники. Особенно замечается это стремление – как-нибудь ускользнуть из-под креста, спастись полегче, да чтобы о вечных мучениях не напоминали! И всюду так и выступает одна и только одна идея – о Божием милосердии... Как будто теперь-то, в сей земной жизни, недостаточно Божия милосердия, не отверсты для кающихся объятия Отчи: чего не делает Господь для того, чтобы призвать нас к покаянию! И осыпает нас Своими милостями, и вразумляет бедствиями, и проявляет дивную силу Свою и благость в чудесах и знамениях, и самое течение жизни, как личной, так и государственной располагает так, что виден Его указующий перст, видна Его правящая десница. Но что делать с нашим нечувствием? Когда вдумываешься во все это, то страшно становится и за себя, нечувственного грешника, и за весь грешный мир, и слышится в совести грозный голос древнего пророка: “Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, повернулись назад. Во что бить вас еще, продолжающие упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло”... (Ис. 1, 4–5). В самом деле: только и слышишь со всех сторон жалобы: жить тяжело, сил нет, там эпидемии и недород хлеба, здесь смута в умах и сердцах, каждый день самоубийства, грабежи, кощунства, богохульства, а на политическом горизонте собираются грозные тучи – одна другой темнее, одна другой грознее... Казалось бы, как не вспомнить забытого Бога? Как не всплакнуть сердцем и не покаяться – так, как каялись когда-то ниневитяне, как умели каяться наши предки? И совесть тревожится, напоминает нам о том же, а мы все свое – приказ и наказ уму – “искать путей спасения полегче!”... Но ведь у Господа уже положены пути, указаны нам, и не восхощет же Он в угоду нам, *нашей лени*, изменять Свои законы: ведь это, как сами мы потом, если не здесь, то на том свете, узнаем, – это было бы нам же во вред! Да и

то надобно сказать: разве неправду говорит Господь, что иго Его благо и бремя Его легко есть? Разве обманывает Его любимый ученик, когда говорит, что заповеди Его вовсе не тяжелы? Разве обманывали себя и нас святые крестоносцы, уверяя, что наш крест жизненный в конце концов обращается в крылья, возносящие нас на небо? Да наконец – опыт, постоянный опыт всех веков и всех крестоносцев – Христовых последователей убеждает, что с нами и за нас несет крест наш Сам Господь, а от нас требует только одного: *сыне, даждь Ми твое сердце* – доверься Моему водительству, верь и знай, что все скорбное бывает по Моему попущению и в радость обращается, лишь бы ты сам не вредил себе своим самочинием в деле спасения, не бежал от креста и из-под креста, лишь бы все свое сердце отдал исполнению в простоте Моих заповедей животворящих, а Я тебе ручаюсь – верь Моему слову Божественному: *сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9), и если бы даже мать забыла грудное дитя свое, то Я не забуду тебя! (Ис. 49, 15). Так, Господь с нами, Господь всегда пребывает благодатию Своею в Церкви Своей, ей Он поручил дело нашего спасения: только пребывай в послушании ея водительству, не верь своему слабому, вечно заблуждающемуся разуму, пользуйся Таинствами, и твое спасение обеспечено. Видите, как и узкий путь, ведущий в царство небесное, становится удобопроходим и иго Христово – удобоносимо для тех, кто пребывает в недрах Церкви. К несчастью, враг ныне сеет мысль в сердца верующих, будто можно обойтись без Церкви, можно спастись в одиночку, руководиться не учением Церкви, а своим мудрованием. И мнят себя многие из воспривавших сию мысль, будто они остаются православными, вовсе не замечая того, как постепенно отходят от Православия, святыня которого хранится только в Церкви. И становится понятным, почему им, отошедшим от Церкви, кажутся тяжким бременем заповеди церковныя: они не испытывают сердцем своим обновляющей и согревающей дух благодати Божией, только в Церкви Божией раздаваемой. Беру ближайший к переживаемым дням Святой Четыредесятницы пример. Тяготятся постом, а не знают опытно сладости сего святого упражнения, которое, при руководстве Церкви проходимое, в глубоком смирении, при обуздании страстей, утончает нашу природу, приближает нас к духовному миру, дает нам возможность переживать прикосновения к сему миру, самый телесный состав наш обновляет, освежает и, хотя отчасти, восстанавливает гармонию жизни человека, как существа духовно-телесного, возвращая его, в некоей степени, при помощи благодати Божией, к состоянию Адама первозданного. Мы забыли об этой гармонии жизни; мы не знаем радостей господства духа над плотью; мы постоянно обманываем себя, оказывая всяческое снисхождение, на самом же деле поблажку этой плоти и в конце концов совсем оплотняем, становимся, по выражению псалмопевца, подобными скотам несмысленным и уже теряем всякое опытное представление о жизни духа. Немудрено, что современные люди если не всегда высказывают, то на деле постоянно проявляют в жизни теорию дарвинизма о родстве человека с животными. Не удивляюсь, что сказания о древних подвижниках кажутся им вымыслами, да многие и не знают их. А между тем, стоило бы, если уж не ради подвига подражания им, то хотя бы ради так называемого научного интереса, ради, наконец, собственной пользы, в целях здоровья, заглянуть в жития святых, чтобы так или иначе использовать их опыт в отношении поста. Ведь и они были такие же, как мы, люди, такую же и плоть носили, хотя, конечно, не столь избалованную, как наша. А все же – не угодно ли вот послушать, как они постились. Раскроем безценное сокровище назидания – жития святых Божиих и прикинем слухом сердца к тому, что говорят они. Вот преподобный Иларион принимает пищу иногда чрез три, иногда чрез четыре дня. Преподобный Савва

вкушает чрез пять дней, а Симеон Дивногорец, еще в самом нежном детском возрасте, шести лет от роду, уже постится по семи дней. Во всю жизнь потом он держится правила: вкушать чрез три дня, иногда чрез семь, иногда же чрез десять. Преподобный Ор вкушал раз в неделю, так же постился и преподобный Макарий Александрийский в Святыя Четыредесятницы. Иоанн Постник, патриарх Константинопольский, во все время своего святительства, в продолжение всей недели не имел стола и только в воскресенье вкушал немного огородных овощей. Преподобный Паисий пять дней в неделю постился, а в субботу и воскресенье подкреплял себя скудною пищею. Потом, к одной неделе приложил он и другую и вкушал уже чрез две недели. Преподобный Петр Афонский постился сперва две недели, а после постоянно вкушал чрез сорок дней пищу, которую приносил ему Ангел Божий. Преподобные Виссарион и Симеон юродивый часто проводили без пищи целую неделю, а иногда и сорок дней. Симеон столпник сначала вкушал в неделю раз, потом, желая приучить себя к строжайшему посту, заключился в тесной келье на сорок дней, и хотя у него были хлеб и вода, однако он не прикоснулся к ним. С тех пор он постоянно проводил Святую Четыредесятницу без пищи и питья. Преподобные Герасим, Анин, Феодор Сикеот, Антоний и Феодосий Великие, Макарий Египетский, Кириак, Иоанникий Великий, Марк Фраческий, Афанасий Афонский, Арсений Великий, Онуфрий Великий, Мария Египетская, Даниил столпник и множество других подвижников всю жизнь свою проводили в изумительных подвигах поста. А когда принимали пищу, то надобно еще сказать: что это была за пища? Это были смоквы и финики, разные огородные овощи, самым простым образом приготовленные, без всяких приправ, разве только с солью, очень редко – с маслом. Одному подвижнику, в день Пасхи, ученик приготовил пищу с маслом: он посмотрел на нее, залился слезами и, сказав: “Господь мой вкусил оцет с желчию, и я ли буду есть с маслом?” – велел подать себе обычную пищу без масла. Вкушали они вареные зерна пшеницы, ячменя, чечевицы, что у них называлось сочивом. Те, которые жили в монастырях или близ оных, питались, конечно, и хлебом, преимущественно сухарями, которыми запасались на несколько дней, месяцев и даже лет; но многие и хлеба не вкушали. Преподобный Марк Фраческий, 95 лет не видевший лица человеческого, открывался посетившему его Серапиону, что голод принуждал его иногда наполнять чрево землею и пить морскую воду. Пустынники, обыкновенно, питались дикими растениями, корнями разных трав, мохом, дубовой корой... Они смотрели на пищу, как на лекарство: фунт хлеба в сутки – вот самая обычная мера их пропитания. Но многие и эту меру сокращали. Преподобный Досифей уменьшил ее до четверти фунта в день, преподобный Макарий Александрийский сделал себе сосуд с узким отверстием так, чтобы только могла проходить рука, и клал в этот сосуд мелко нарезанные сухари: сколько можно было за один раз захватить рукою, столько и составляло его дневное пропитание, – это было не более осьмушки фунта в день. Многие из наших киево-печерских затворников питались, обыкновенно, одною просфорою...

Слабые люди нашего времени скажут: так изнурять себя – грешно, такая скудость в пище вредит здоровью, сокращает жизнь. Но едва ли кто из нас способен выносить такие великие труды, какие выносили святые постники: целые ночи выстаивали они на молитве с земными поклонами, весь день проходил у них в тяжелой работе, они легко переносили и нестерпимый летний зной, и зимнюю стужу, спали час-два в сутки на голой земле, а иные и вовсе не ложились, а только дремали, сидя или стоя. И при всем этом – заметьте – они почти не знали болезней, всегда были бодры духом и телом, хотя на вид они были – только кожа да кости. А жили они вот по сколько лет: Симеон столпник стоял на столпе

80 лет, а всего жил 103 года; Кириак отшельник жил 109 лет; Алипий столпник – 118; Иоанн молчальник – 104, Антоний и Феодосий Великие по – 105; Павел Фивейский – 113; Павел Комельский – 112; Анин – 110; Макарий Александрийский – 100. Марк Фраческий только в пустыне провел 95 лет, не считая того, сколько жил в миру. И другие многие жили по сто лет, а до 90 – большая часть...

Видите, самый строгий пост не вредит здоровью, напротив, постники-то и живут дольше других. Да и теперь спросите, где можно больше встретить глубоких старцев, убеленных сединами, – в миру ли, или в св. обителях? Конечно, в монастырях, и эти старцы, конечно, из тех, которые строже соблюдают монашеские уставы о посте. Или скажете, что святым людям Сам Бог помогает Своею благодатию? Правда, но кому же Бог отказывает в Своей благодатной помощи? *Грядущаго ко Мне не иждену вон*, говорит Господь. Впрочем, я не к тому говорю, чтобы нам, грешным, во всем брать пример с угодников Божиих: ведь и сами они не вдруг доходили до такого строгого поста, а много лег приучали себя к тому. Да и они же учат нас, что “удивляться трудам святых дело похвальное, ревновать им спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безразсудное” (Лест. IV, 42). Я хочу только опытом святых угодников убедить в той же истине, в коей убеждает и опыт врачей: пост не только не вреден, но и полезен для здоровья, не только не сокращает, но удлиняет нашу жизнь... Ведь верим же мы опытом каких-нибудь Таннеров, так не следует ли нам, православным христианам, поверить больше опытом святых угодников Божиих? Церковь учит: постись, не можешь поститься – смирись, почти пост великих подвижников поста, склонись пред ними в благоговении, но не дерзай осуждать свою благодатную мать-Церковь, якобы установившую непосильные для тебя посты. Ты болен? Но от больных Бог не требует поста. Только и тут, под предлогом смирения, болезни, не лицемерь, не допускай грехолюбивому сердцу обманывать себя... Ведь за все надо Богу отвечать. Наши предки вот и жили в простоте сердца, старались, по мере сил, соблюдать положенные Церкви посты, а не пускались в сектантския самооправдания, с обвинением Церкви в том, будто она требует от нас непосильного подвига; сознавая свои немощи, они смирялись и говорили: “Святые постились – в рай вселились, а мы постимся – никуда не годимся”.

Удивительное дело: на почве модных увлечений мы готовы отказаться от животной пищи, хоть навсегда: открываются, например, вегетарианския столовые, питаются там почти исключительно растительной пищей, и являются им подражатели, а вот отказаться от мяса на Великий пост, заповеданный не кем-нибудь из святых мужей, хотя и их заповедь для нас обязательна, но – святыми Апостолами, в подражание Самому Господу нашему, постившемуся ради нашего спасения сорок дней – это нам, видите ли, не под силу, да и напрасно это положено, и Сам Христос-де говорит, что не входящее во уста сквернит человека, и у Апостола-де сказано, что брашно нас не поставит пред Богом, и прочие неумные глаголы... Кто еще верует во Святую Соборную и Апостольскую Церковь, того я спрошу, скажи мне по совести: ужели на протяжении почти двух тысячелетий миллионы православных, соблюдавших посты, тысячи пастырей и учителей Церкви, все эти великие святители и подвижники, единогласно восхваляющие пост, – ужели все они, личным опытом доказавшие, на себе изведавшие силу и пользу поста, были – простите мне, угодники Божии, это выражение, может быть, не совсем уместное – уже ли они были глупее тебя, современный христианин, ужели заблуждались, обманывались и, в своих писаниях восхваляя пост, обманывают нас?.. Кто из православных посмеет допустить такую оскорбительную и для угодников Божиих, и для

самой Церкви Христовой мысль? Да тем более, что все сии защитники поста единогласно приглашают всех сомневающих: вкусите и видите, яко благ и полезен пост! Не верите нам – сами на себе изведайте! Увы, современному горе-христианину не хочется и поститься, не хочется и смириться, признать себя виновным в нарушении постов, вот его грехолюбивое сердце и отдает приказ вселукавому уму – пустить в ход все словеса лукавствия, лишь бы как-нибудь оправдать его леность... Я спрашиваю такого якобы христианина: честно ли это? Достойно ли звание христианского?

Нет, не в духе Христовом все это! Бог не нуждается в нашем посте – нам нужен пост! Пост нужен был еще в раю, невинному Адаму, чтобы проявить послушание и чрез послушание – любовь к Творцу и Благодетелю; нам ли, поработанным плотью и страстями, он не нужен? Затем ведь Богу нужно наше покаянное сердце: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Не нужна Богу наша фарисейская праведность, самооправдание: ему нужно, для нашего же спасения, мытарево злато – святое хриstopодражательное смирение. Где нет этого злата – там нет и угодного Богу добра. Ни пост, ни милостыня, ни молитвенные подвиги – ничто не угодно Богу без этой златой пробы – таково учение нашей матери-Церкви. А какое уж тут смирение, когда люди, считающие себя чадами Церкви, судят уставы и заповеди своей матери? Да наконец, сама природа наша не требует ли поста? Когда скорбь сжимает сердце, когда тоска давит душу, когда чувствуешь над собою беду: до пищи ли тогда? Не является ли какое-то отвращение от пищи, не хотелось бы и говорить, и думать о столе... И пост – время покаяния, время, когда надобно войти в себя, оглянуться на себя, подумать о том, что ждет тебя в грядущей вечности. Пост время слез, оплакивания своего духовного мертвеца, своей грешной души, – казалось бы, надо радоваться, что Церковь идет навстречу этой потребности нашей природы, заповедуя пост, благодарить заботливую мать, которая хочет воздействовать на нашу ослабевшую волю своею дисциплиной: если не хотим добровольно, то хотя бы из любви, из послушания к матери, если только мы любим ее, надо по мере сил подчиниться ее требованиям, а мы... Не только не подчиняемся, не только не смиряемся, не укоряем себя, не признаемся в своевольном нарушении ее уставов, но и критикуем эти уставы, эти благотворные распоряжения родной любящей матери... Да смеем ли мы после того называть себя ее чадами, да еще верными чадами, православными!? Оглянемся, православные: не отходим ли мы от Церкви на путь гордого монаха Лютера, который, восставая против злоупотреблений папы, поправил и апостольские предания и стал ересиархом. А раз став на этот путь, можно дойти и до тех выводов, к каким пришло лютеранство. И надо правду сказать: многие из наших, так называемых интеллигентов, еще считающие себя православными, уже давно стали на этот путь и судят мать-Церковь и ее уставы, чиноположения, сами пока не сознавая, что тем оскорбляют исповедуемое ими Православие, оскорбляют Церковь...

Вразуми, Господи, согрешающих по неведению и не попусти им отпасть от Святой Церкви!

Новый молитвенник за Русскую землю

Дивен Бог во святых Своих!..

В то время, когда Церковь земная, воинствующая, со всех сторон обуревается, когда ее враги – и внешние: иноверцы, сектанты и раскольники, и внутренние, так сказать – домашние, по паспорту именующие себя еще православными, а на деле давно с презрением относящиеся к ее Таинствам, ее иерархии, – с неслыханною дерзостью в печатных листах, именуемых газетами, всячески издеваются над нами, недостойными ее служителями, обвиняют нас, пастырей Церкви, в “фанатических выступлениях, грубом невежестве, варварской нетерпимости”, даже каком-то “чревоуещательстве”, за то только, что мы громко плачем, вместе со всею православною Русью, по поводу открытия идольского капища в нашей столице, открытого идолослужения, на коем не срамятся присутствовать князья и княгини русского происхождения, – в то время Церковь небесная, волею Главы Церкви – Господа нашего Иисуса Христа, в лице своих небесных заступников за нас пред Богом, в лице угодивших Богу собратий наших, укрепляет нашу слабеющую веру в чудесах и знамениях, совершаемых по их молитвенному заступлению. Видит Господь скорби невесты Своей непорочной, Церкви православной, и утешает верных чад ее, свидетельствуя непреложную истину ее учения прославлением все новых и новых исповедников сей истины, святых угодников Его. И верующему сердцу открывается как бы некое дивное духовное зрелище: видят святые Божии с высоты небесной, как неверие, равнодушие к вере, всяческие лжеучения, колеблют веру даже верующих, но недостаточно знающих и оценивающих сокровище своей веры, видят и как бы нисходят на землю, ходят среди верующих, укрепляя веру их, утешая их в скорбях, исцеляя всякий недуг и болезнь.

Был я одиннадцать лет назад в Сарове, на открытии мощей преподобного Серафима и могу свидетельствовать, что мы переживали тогда воистину евангельские дни: чувствовалось, что угодник Божий как бы ходит незримо, но слишком ощутимо среди нас, ходит и, подобаясь Своему Господу, болящих исцеляет, скорбящих утешает, маловерных вразумляет и всюду вокруг себя токи благодати проливает... То же свидетельствуют бывшие в Белгороде во дни открытия святых мощей другого нового молитвенника Русской земли, святителя Христова Иоасафа. А ныне сердцем веруется, что близится время прославления и еще двух дивных чудотворцев земли Русской: святейшего Патриарха Гермогена и Епископа Тамбовского Питирима. О последнем уже представлено и ходатайство поместной Церкви Тамбовской, за подписью многих тысяч православных русских людей. Представлены в Святейший Синод и деяния (по нынешнему – протоколы) учрежденной Святейшим Синодом особой комиссии по исследованию случаев чудотворений, совершившихся по молитвенному пред Богом предстательству святителя Питирима, епископа Тамбовского. В соборе, где почивают под спудом мощи угодника Божия, записано более 260 чудес, из коих комиссия обследовала только 52, а из сих признала несомненно чудесными исцелениями 34. Во славу Божию и в прославление нового чудотворца приведу здесь несколько поразительных знамений милости Божией, по молитвам святителя Питирима, болящим.

В 1900 году у преподавателя семинарии священника, ныне протоиерея, Петра Успенского заболела малютка-дочь 11-ти месяцев, детскою холериной. Несмотря ни на

какие рецепты, ничто не помогало: что ни давали больной – все тотчас же было извергаемо назад. В ночь на 7 июля больная стонала, вскрикивала, металась в разные стороны, конечности стали холодеть... На другой день, во 2-м часу дня, стоны дитяти стали слабее, руки и ноги остыли, глазки закатывались, – чувствовалось, что малютка находится в предсмертных мучениях. Родители уже благословили малютку иконой Успения Богоматери на вечный покой... Вдруг пред всенощной им приходит на мысль обратиться к святителю Питириму... И вот, после всенощной на праздник Казанской иконы Богоматери, приносят из собора ризу святителя, накрывают ею больную девочку, малютка засыпает часа на два, затем и ночью раза четыре засыпает, каждый раз на полчаса... К утру она начинает уже принимать молоко, рвота и понос ослабевают, а после поздней литургии на другой день она уже повеселела и с другими детьми стала играть. А на третий день, 11-го числа, ее уже вынесли на воздух.

В 1903 году, проживающий в Тамбове крестьянин Николай Ильин заболел прострелом в спине и пояснице, у него отнялись руки и ноги: он мог только ползать и то с трудом. Лечение не помогло. За три дня до исцеления он не мог и на постели повернуться. Пригласили доктора: тот только покачал головой... Жена и дочь обратились с горячею молитвою к святителю Питириму. Дочь пошла в собор, купила там масла и крестик, положила на раку святителя и еще помолилась... Когда она возвратилась в дом, то отец лежал, опираясь исключительно на локти и колена: так он страдал. Ему помазали больные места и возложили на шею крестик. Он забылся. И вот, спустя часа полтора-два, когда вся семья, желая дать покой больному находилась в отдельной от него комнате, вдруг он входит в эту комнату... Исцеление совершилось!

В 1898 году заболел брюшным тифом сын мещанина Василий Феодоров. Болезнь приняла такой оборот, что надежды на выздоровление, по словам врача Сперанского, не было. Сестра больного принесла из собора от гробницы святителя, образок и маслица, надела на брата образок, помазала его маслом. Больной скоро заснул и увидел сон: к нему подошел монах, позвал его в пещеру и сказал ему: “Вот я тебя исцелил; теперь смотри: не грешни и молись больше”. После этого больной стал быстро поправляться и совершенно выздоровел. Следует обратить внимание на одну подробность в показании сестры: когда брату стало легче, она стала говорить, что все-таки, доктор помог больному. И вот как будто от этих слов больной вдруг впал в безпамятство, у него отнялся язык, сам он весь похолодел, сделался как мертвый. Тогда сестра поняла, что искушала Божие милосердие, и вслух стала говорить, что если брат встанет, то это будет чудо милости Божией по молитвам святителя Питирима указывая и на слова доктора: “Всякия лекарства безсильны, давайте портвейн”. Обратилась она молитвенно и к святителю, и брат в ту же ночь пришел в себя, а на утро уже был здоров.

У козловской мещанки Елены Баранниковой открылась невыносимая боль в правой руке. Рука затем стала постепенно сохнуть, пальцы пригнулись к ладони, а кисть руки сделалась как налитая. Боль была так мучительна, что больная не могла заснуть по ночам. Та к прошла зима, никакия лекарства не помогали. Наступило половодье, и больной от нестерпимой боли приходила даже мысль утопиться, но она сотворила молитву, и греховный помысл ее оставил. Раз, прислонившись к стене, она задремала и видит, будто она в Тамбове, где до того никогда не бывала, идет по саду, спускается по ступенькам к колодцу, где видит молодую монахиню, которая черпает воду, и спрашивает ее: “Какой же это колодезь?” “Угодника Питирима”, – твечает та. У колодца небольшое ведро с кружкой, и больная просит монахиню почерпнуть ей воды, ибо сама не может этого

сделать, по болезни руки, которую хочет омыть водою. Монахиня говорит: “Приходи сама сюда, почерпнешь воды, и исцелит твоя рука”. На этом сон прервался, но на другую ночь больная видит во сне двух старцев-иноков, которые ей говорили: “Обещаешься ли идти к угоднику Питириму? Он тебя исцелит, а другой никто не поможет”. На утро она рассказала сон родным, и они отправили ее в Тамбов. Рука ее была на привязи, вся высохла, а пальцы все свело к ладони. Боль была так нестерпима, что она плакала. Родные утешали ее, говоря, что святитель Питирим поможет ей, и пригласили ее к чаю. Пред чаем больная хотела перекреститься и вдруг чувствует, что больная рука как бы онемела, боль прекратилась, и она перекрестилась правою рукою в первый раз за все время болезни... Утром она пошла разыскивать колодезь святителя и все нашла в том виде, как видела во сне. Она сама зачерпнула воды, умылась, напилась, омыла руку и почувствовала, что никакой боли в руке уже нет... От колодца прошла в собор и там с молитвою положила руку на гробницу угодника Божия. Взглянув на изображение святителя, она узнала лик явившагося ей во сне.

Сын тамбовского купца Захария Гаврилов Малин в 1872 году заболел лихорадкой, 6 октября, по приезде в Тамбов с хутора, впал в безпамятство, причем у него открылся кашель с кровохарканьем. Лекарь Диттерс нашел у него желудочный тиф и воспаление легких. Лучший врач в Тамбове Икавиц, осмотрев больного, сказал родителям, что, вследствие сильной тифозной горячки и поражения легких, на спасение больного почти нет надежды и что если бы больно́й каким-либо чудом, остался жив, то у него неизбежно будет чахотка. Тогда мать больно́го предложила ему приобщиться Святых Таин. 16 октября отслужена была в соборе заупокойная литургия и панихида по святителе Питириме, и больно́го причастили. В ночь на 17 октября больно́й видит во сне святителя Питирима, который, взяв его за руку, заставлял молиться с собою. Проснувшись, больно́й рассказал сон родителям, и все стали молиться святителю. В 11-м часу утра, того же числа, святитель сам наяву явился больно́му, который был в то время в полной памяти, явился не один, а в сопровождении многих святых, которые остановились в отдалении и смотрели на больно́го из-за ширм, ограждавших его постель. Святитель подошел к самой постели и, наклонившись над больно́м, троекратно благословил его, произнося каждый раз: “Властию, мне данной, встань, чадо!” А потом добавил: “Вставай, чрез три дня ты будешь здоров!” И с сими словами быстро удалился, а с ним и все святые. Больно́й хотел поцеловать руку или край одежды святителя, но не успел: так он быстро удалился. Одет был святитель в голубое с белым облачение и когда он благословлял, то больно́й хорошо рассмотрел его руку, худую и длинную, желтоватого цвета. Когда видение окончилось, больно́й сел на постели, а до того момента он не поднимался без посторонней помощи. Этому очень удивилась его мать. Больно́й рассказал ей свое видение, попросил себе носки и туфли и, с словами: “Святитель Питирим велел мне идти”, встал и пошел, и попросил себе есть. С этого дня он отказался от всяких медицинских пособий, принимал только масло из лампы и воду из источника святителя. 19 октября угодник Божий снова явился ему наяву. Подойдя к его постели и наклонившись над ним, святитель спросил: “Будешь ли в праздничные дни, в свободное от занятий время, ходить в церковь?” Больно́й ответил: “Буду”. – “А исполнишь ли все обещания, которые ты дал?” – продолжал святитель и на утвердительный ответ больно́го сказал: “Вставай, будешь здоров!” И стал невидим. В этот раз святитель был одет, как монах: в подряснике и ременном поясе с пряжками. После этого посещения больно́й окончательно оправился. Он жив и теперь, жива и его родная сестра Елисавета Гавриловна, которая в 1872 году только что окончила курс в институте

благородных девиц и была очевидицею тяжелой болезни брата и чудесного исцеления его по молитвам святителя Питирима.

У купца Владимира Николаевича Самгина тяжело заболел тифом сын Сергей, одного году и 4-х месяцев; врач 12 дней лечил безуспешно: жар усиливался, делались припадки, вся правая сторона тела была парализована, голова заметно увеличилась, и дитя было без сознания. Лекарства давали ему, разжимая рот. Консилиум врачей установил воспаление мозговых оболочек. Доктор Сперанский лечил ребенка более двух месяцев, посещая ежедневно, а иногда и дважды в день, но пользы не было. Мать плакала в ожидании неминуемой смерти, а доктор ей говорил: “Не жалеете о нем: если он и будет жив, то должен остаться идиотом, или слепым, или без ног”. За отъездом доктора из Тамбова обратились к другому – Настюкову, но тот сказал прямо, что совестно деньги брать за бесполезные посещения. Тогда родители обратились с молитвою к святителю Питириму, больного помазали маслом из лампы от мощей угодника Божия, накрыли его ризой святителя, и тотчас же заметили улучшение: жар уменьшился, припадки стали слабее, в парализованных частях появилось движение... Ободренная, мать решилась свезти ребенка в собор. И его повезли на подушке, причастили Святых Таин и приложили к гробнице святителя. После этого болезненные явления прекратились и более не возобновлялись. Теперь мальчик учится в школе, никаких следов прежней болезни нет. Стоит отметить, что врач Сперанский, под присягою подтвердивший подробности болезни Сережи, не хотел признать чудесного исцеления его, приписывая это образцовому уходу матери, исполнявшей в точности все предписания врача. Невольно вспоминается, как некогда фарисеи объясняли чудеса Спасителя – не силою Божией...

Крестьянин деревни Комаровки, Тамбовского уезда Александр Андреевич Саяпин весною 1909 года заболел стеснением в груди, сильным биением сердца, невыносимым запором и болью в ногах. Одни признавали в этом грудную жабу, другие – порок сердца, а врач Макаров нашел катарр желудка. Лечение ему не помогло. Болезнь так истощила его силы, что он едва мог бродить с костылем по комнате. Та к прошло 8 месяцев. И вот ему приходит мысль обратиться к небесному Врачу: 14 января 1910 года, в 11 часов ночи, когда все домашние его уснули, он тихо встал с постели и начал усердно, горячо и со слезами молиться о своих грехах пред иконой Спасителя и Божией Матери, прося и святителя Питирима быть за него ходатаем. После молитвы он лег и скоро заснул. И вот видит он, будто стоит на некоем месте г. Тамбова, лицом к собору, как бы в ожидании чего-то. Вдруг в воздухе появился человек, который идет как бы с горы, прямо на него. Это был монах, имевший продолговатое лицо, темнорусые волосы, в клобуке и черной мантии. Приблизившись к Саяпину, он помазал ему лоб, потом, расстегнув рубашку, стал мазать грудь. И больной чувствовал, как по телу его проходило какое-то приятное состояние; он хотел поцеловать руку монаха, но не успел: видение сокрылось, и он проснулся. До самого утра проплакал умиленный Саяпин, и почувствовал значительное облегчение. Спустя три дня Саяпин опять видит во сне того же монаха, который несет ему горящий светильник. Передав ему светильник, монах приказал нести его в Казанский монастырь, а сам пошел за ним. У ворот видение кончилось, и он проснулся. После сих явлений Саяпин стал совершенно здоров и не хотел никому о сем говорить, но видно сам угодник Божий заставил его поведать о совершившемся чуде. На него вдруг напала такая тоска, что он не знал, как от нея избавиться. Тогда он рассказал все приходскому священнику, отцу Григорию Вадковскому, по его совету отправился в Тамбов поблагодарить святителя, 8 марта 1910 года был у его гробницы, узнал по иконе лик

своего исцелителя и о всем заявил причту собора. После сего тоска его миновала, и он как бы вновь переродился.

Но довольно. Всех чудес не перечесть. Они продолжают совершаться и поныне. Те, о которых говорится в протоколах, официально обследованы, подтверждены показаниями под присягой, тех лиц, коих касаются, над коими проявлена милость Божия или же кои были свидетелями благодатных знамений. Это не благочестивые сообщения частных лиц, хотя и достойных веры, но все же недостаточно авторитетных, чтобы каждый читатель обязан был всецело им доверять.

Радует новая милость Божией к родной Церкви нашей, переживающей трудные времена. Безконечно милосердый Господь видимо хочет подкрепить слабеющую веру нашу и в дивных знамениях как бы громко зовет нас к Церкви-матери: смотрите, в ней, и только в ней единой, источники благодати; с нею, и только с нею, небесная Церковь в общении, следовательно – в ней, и только в ней, чистая истина Христова учения...

Но в упомянутых протоколах звучит и скорбная нотка: наши “интеллигенты”, в лице разных врачей, как бы стыдятся открыто признать участие силы Божией в чудесных знамениях, как бы стараются ослабить силу свидетельств относительно болезней, которые сами же лечили. Нередко читаешь, что тот или другой врач отзывается, что он “не помнит” той или другой подробности, что “скорбные листки” затеряны и т. п. А один, на просьбу священника, которому было поручено дело расследования чуда, сообщить ему, что он знает по сему делу, грубо заявил, что “ему нет охоты возиться с этим делом, что чудес он не признает, так как доказать этого никто не может, равно не желает он поддерживать эту веру в чудеса и в других”. А когда священник попросил его письменно изложить свой взгляд на это для комиссии, врач ответил, “что писать не желает, так как он человек занятой: у него в сутки 24 рабочих часа”. Выходит, что на словах он – совсем “современный” человек, “передовой, чуждый предрассудков и суеверий”, а высказать это на бумаге – мужества недостает: пожалуй, к ответу привлекут еще... Но отвечать ему все-таки пришлось: г. губернатор, человек преданный Церкви, изъявил желание войти в состав подкомиссии по обследованию данного случая и взял на себя труд допросить врача, выразив надежду, что по отношению к нему, как губернатору, врач будет сговорчивее и любезнее. По другому делу пришлось даже обратиться к посредству г. обер-прокурора Святейшего Синода, чтобы вытребовать копии с скорбных листов из петербургской Александровской больницы.

Казалось бы, если нет чудес, то тут-то и удобно было бы представителям науки войти в дело, чтобы доказать, что все эти комиссии, обследования – напрасны, что все так называемые чудеса – явления естественные. Но вот подите же, просвещенные по духу века сего, учению Христа враждебного, предпочитают замалчивать такие явления, доказывая тем, что и нынешние фарисеи умеют не хуже своих предшественников времен евангельских, закрывать глаза и притворяться, имея уши – не слышать, и имея очи – не видеть...

Святитель Питирим родился в 1645 году, в г. Вязьме. Там он принял монашество на 21-м году жизни в Предтечевском монастыре, где до самого своего святительства, до 1685 года и подвизался, сначала в числе братии, а потом и настоятелем. Святительствовал в Тамбове около тринадцать лет, и преставился 28 июля 1698 года. Летописи изображают его в личной жизни великим подвижником, в пастырском служении – ревностным архипастырем, ничего не щадившим для блага паствы, строившим храмы, посещавшим епархию с проповедью слова Божия, неутомимым тружеником.

На его гробнице, между прочим, начертан такой стих из чина погребения архиерейского:

“В вере и надежде и любви пожил еси, приснопамятне: темже превечный Бог, Ему же и работал еси, Сам учинит дух твой в месте светле и красне, идеже праведнии упоковаются, и получиши на суде Христове оставление и велию милость”.

Это как бы отклик любящей паствы на смиренную просьбу пастыря в другом, тут же начертанном, стихе:

“Духовная моя братия! не забудите мя, егда молитесь, но видевше мой гроб, поминайте мою любовь и молитесь Христу, да учинит дух мой с праведными!”

№ 165 Совершишася! (На Великую Пятницу)

Как много можно сказать одним, только одним словом! Совершилось! Закончено, исполнено...

Нет сомнения, что это слово произносилось и врагами Господа, нашего Спасителя, когда они, возвратившись с ужасной Голгофы домой, с чувством сатанинской радости, не раз повторяли это слово: “Наконец-то, мы достигли столь страстно желанной цели: Иисуса Назарянина, нашего неумолимого Обличителя, нет больше в живых; мы не услышим больше Его властных, жгучих, невыносимых для нашей совести глаголов, всегда ставивших нас в позорное положение пред этим невежественным народом, готовым обожать Его, идти за Ним в горы и пустыни, голодать с Ним, чтобы слушать и слушать Его без конца! Да! Его больше нет: теперь нам нечего бояться, теперь мы – полные господа, вожди народа, и народ пойдет за нами, как послушное безсловесное животное, а Его, этого Галилеянина, постепенно забудет, и Его новое учение развеется, как облако, как дым по ветру, и мы спокойно будем жить, как нам хочется... Совершилось: конечно, больше Он не будет преследовать нас, как грозная тень, как неумолимый Судия!.. “

Та к ликовали книжники и фарисеи, беззаконные иудейские архиереи и саддукеи, торжествуя сегодня победу свою над Пророком из Галилеи. Но отвратим наш мысленный взор от этих гордых представителей иудейской, развращенной до мозга костей интеллигенции, этих богоотступников и христоубийц. Перенесемся и мыслию, и сердцем на священную Голгофу. Здесь совершается великая тайна нашего спасения. Здесь приносится безценная Жертва искупления всего рода человеческого. Здесь Агнец Божий, взяв грехи всего мира, умирает на кресте. Вот Он, в несказанном томлении крестных мук взывает: “Жажду!” Вот Он вкушает уксуса, смешанного с горькою желчью. Вот слышится из Его божественных уст это великое, бесконечное по своему значению, слово: “Совершишася!” – Совершилось! – возопил Он в сознании исполненного великого дела, порученного Ему Отцем Небесным: *дело соверших, Отче, еже дал еси Мне, да сотворю!* Совершилось! – возгласил Он, как Победитель, торжествуя победу над адом и смертью. Совершилось! Еще утром сего дня, великого и единственного дня во всемирной истории, ад и смерть царили властно над родом человеческим, а теперь, в этот священный, таинственный час, когда Господь, преклонив главу, послушный воле Отца Небесного, испустил дух, ад, по выражению песни церковной, уже, стена, вопиет, смерть уже лежит, окаянная, без дыхания, – исполнилось давно желанное чаяние народов – явился и совершил Свое дело обетованный Примиритель неба с грешною землею, в беззакониях зачатого человека с Богом всесвятым; немощь человеческая воспринята в любовь Божественную, и сею любовью покрыты все долги кающихся, то есть алчущих и жаждущих спасения, грешников... Кто, какой ум – не говорю – человеческий, но и ангельский, какой ум сотворенный в состоянии обнять и постигнуть все величие дела нашего спасения, совершенного любовью воплотившагося Сына Божия?..

Приидите же и припадем к сему священному Гробу, сокрывающему в себе Источник нашей жизни, нашего вечного спасения, нашего бесконечного блаженства! Приидите и припадем к сему Источнику жизни, Жизнодавцу Господу, и восплачемся пред Ним, как плачут малыя дети, провинившаяся пред любимой матерью, восплачемся слезами

глубокого сердечного раскаяния во грехах своих, раскаяния без всякого самооправдания, в простоте любящего сердца, пред любящим Отцем, Который любит нас нежнее всякой матери, Который питает нас Телом Своим, поит нас Кровию Своею, – восплачемся плачем покаяния нераскаянного – неизменного, безповоротного! Ведь все это – и эти язвы гвоздинные, и это прободенное ребро, и эти раны от терний на главе, и этот гроб – все это – нас ради человек и нашего ради спасения! Ведь, все это – дело единственно любви Божией, которая привлекла и Божию премудрость, и Божие всемогущество, и все совершенства Божии для сего великого дела. И вещает в совести нашей сия Любовь безконечная: людие Мои, виноград Мой возлюбленный! Что еще сотворю вам, чего еще не сотворил? Ждал Я, что вы принесете Мне гроздие добрых дел, а вы приносите только терние грехов! Доколе же это будет? Доколе еще буду терпеть вас? Время жития вашего течет, течет и к концу приближается, а вы все еще коснеете в привычных и вашему сердцу столь любезных грехах, коснеете и ваше сердце все больше срастается с ними, все грубее становится ваша душа, засыпает в вас совесть, оземляется, в плоть обращается дух... Всему есть мера, всему предел: есть предел и Божию долготерпению, тем паче есть пределы человеческим силам и способностям. Правда, нет предела Божью милосердию, но когда люди ожесточаются в грехолюбии до такой степени, что теряют уже и самую способность к покаянию, тогда сама благодать Божия изрекает Свой праведный суд о них: каждый лишний день, каждый час жизни на земле для нераскаянных грешников только увеличивает их бремя греховное, только собирает углие огненное гнева Божия на них: из милосердия к ним настало время, пробил час прекратить их жизнь... И долготерпение Божие к таковым истощается, и настает для них час перехода – увы – не в вечную жизнь, а в муки безконечные!..

Если когда, то здесь, у гроба нашего Спасителя, когда особенно пробуждается наша совесть, когда во всей необъятной полноте раскрывается Божие долготерпение, Божия любовь к нам, грешным, – теперь-то и время плакать о грехах...

Братие! Кто еще не принес покаяния? Кто не соединился с Господом в святейшем Таинстве Причащения Тела и Крови Его? Спешите это сделать немедля, раскройте свои раны греховныя у сего священного гроба, пред отцем духовным, сегодня же, а завтра приступите к Чаше Господней... Грядущий светлый праздник Воскресения Христова несет верующей душе и радость светлую, а способна ли воспринять эту радость душа, грехами помраченная? Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения! Кто знает? Не стоим ли мы на самой последней грани Божия долготерпения? Не дошли ли в своем греховном ожесточении до того, что скоро уже и неспособны будем к покаянию?..

О, премилосердый Господи, нас ради распятый и во гробе положенный! Ты расположил сердце сораспятого с Тобою благоразумного разбойника к покаянию, Ты коснулся сердец и тех, которые возвращались со страшной Голгофы, бьюще в перси своя! Умягчи и наши сердца, открой и наши очи, чтобы мы могли видеть всю бездну греховную, в какую мы впали, прости и нам из гроба Твоего Твою спасающую десницу и даждь прежде конца, даждь ныне же, здесь же пролить горькия слезы сердечного покаяния и уже не возвращаться на путь греха и вечной гибели!

Аминь.

№ 166

Наше Солнце – Христос!

Христос воскрес!

Что произошло бы с нашею землею, если бы погасло солнце?

Без сомнения, что всякая жизнь на ней исчезла бы, погибли бы не только все живые существа, но и растения, океаны обратились бы в сплошные льдины, все погрузилось бы в совершенную тьму, все стало бы достоянием царства смерти и ужаса...

А что стало бы с родом человеческим, если бы не воскрес Христос? Если бы это живоносное и животворное Солнце наше осталось бы во мраке гробовой пещеры Иосифа Аримафейского, если бы не воссияло оттуда во славе Божества?..

О, конечно, род человеческий всецело погрузился бы в совершенную тьму безбожия, стал бы игрищем страстей, люди уподобились бы скотам несмысленным, превратились бы в лютых, неукротимых зверей, а затем, извращая остатки образа Божия в своей духовной природе, грубая нравственно, тупея умственно, вырождаясь физически и истощая себя в гнуснейших пороках, и совсем истребили бы сами себя...

Раз это уже едва и не совершилось в истории. О допотопном мире Сам Бог свидетельствовал, что все люди стали плотью... И волны потопа смыли нечестивцев с лица земли и только тем остановили конечную гибель мира. Но допотопные люди, по видимому, еще не дошли до полного физического вырождения: по крайней мере, Библия говорит, что тогда были люди исполины, следовательно, еще сильные физически. А то безбожие, то развращение, к коему толкают род людской современные проповедники всяческих свобод, всяческих модных ныне антихристианских учений, грозит нам нравственным развращением до одичания, умственным потемнением – до безумия, физическим вырождением – до жалкого состояния идиотов-полумертвецов, а затем, повторяю, – всеобщую гибелью человека на земле... И пусть не обманывают себя те безумцы, которые мечтают, погасив веру в Бога, обратив людей в животных, господствовать над ними: непреложный закон правды Божией, о которой они не хотят и слышать, совершит свой суд и над ними как было некогда с Навуходоносором, царем Вавилонским, который возгордился против Бога и превращен был в зверя, питался травою, как вол, пока не смирился, пока не исповедал Божию правду и Божие всемогущество...

Не допустил Господь и древнему миру дохристианских времен дойти до такого состояния: милосердый Творец видел, что человечество гибнет, и поспешил послать Сына Своего Единородного, да спасется Им мир... Видел Всеведущий, что в грешном человечестве, погруженном во тьму идолопоклонства, еще таятся зачатки веры, еще не совсем померкла совесть, еще люди, по крайней мере, лучшие из людей, как бы ощупью ищут Бога, ставят жертвенник неведомому Богу, ждут Примирителя, смотрят на небо, ожидая светлой звезды, которая должна указать им Желанного и Ожидаемого... И вот Он, Избавитель мира, Надежда рода человеческого, Он, Обетованный Владыка Христос, явился в мир как Сын Девы из Назарета, смиренно пожил среди людей, принес Себя, яко агнец, в жертву искупления рода человеческого, умер на кресте, положен во гробе яко смертный, – Он, Солнце правды, зашел под землю, снисшел до глубин адовых... Что

сталось бы с нами, если бы Он остался там?.. Но – слава Ему, ада Победителю и смерти Умертвителю! Он извел оттуда узников, Он Себе взял ключи ада и смерти и торжественно, яко Владыка жизни, яко Живоносец, воссиял из гроба, яко Жених от чертога – весь Радость, весь Благодать, весь Любовь... А ликующая Церковь, приветствуя Его, восклицает: где ты, смерть, жало? Где ты, аде, победа? Взошло наше Солнце красное, Солнце правды, Солнце жизни вечной, незаходимое, взошло, обогрело мир Своими лучами, влило жизнь в умирающее человечество, разогнало тьму неведения, идолослужения, тьму всяческих заблуждений и пороков, бросило свои светлые лучи на лицо земли. И увидели люди все сети сатанины, для них раскинутые, и ужаснулись их, и побежали от них, но ужаснулся и враг Бога и людей от славы Креста Христова и убежал в свою преисподнюю, и разлилась повсюду радость всемирная, ликование, торжество воскресения, победы над смертью...

Грешны мы, немощны, не умеем, еще не способны радоваться радостью небесною как подобает, как радуются ангелы и святые Божии на небесах; но и мы, внимая слову великаго Златословеснаго учителя, ныне не плачем о грехах своих, не оплакиваем своего убожества: и мы сегодня чувствуем, как наше грешное сердце, в меру нашего смирения и веры, наполняется этой радостью небесной, и оно, это слабое, измученное суетою житейской сердце ощущает ликование с нами всего мира, видимаго и невидимаго, и небожителей на небе, и всей твари, каждой былинки на земле... Все, все, ликуя, восклицает с нами: Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!..

Да иначе и быть не может: как не ликовать, когда мы знаем, что если бы Христос не воскрес, то и вера наша потеряла бы всякий смысл, и мы, по выражению Апостола, были бы “лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Котораго Он не воскрешал”, мы были бы “несчастнее всех человеков”... Но – Христос воскрес из мертвых – и мы радуемся, мы торжествуем Его победу над смертью: ведь это – наша победа, ведь Он, наш Спаситель, стал первенцем из воскресших в вечную жизнь; Он и нам проложил путь к воскресению, к вечной жизни. Да и сама тварь, даже неодушевленная тварь, – ибо Богу всемогущему и неодушевленная тварь внимлет с благоговением, и неразумная повинуетя яко разумная, – и сия тварь, по учению Апостола Павла, надеется, что некогда будет освобождена от рабства тлению в свободу славы чад Божиих (Рим. 8, 22). Вот почему сердце так радостно откликается на радость твари земной в праздник Воскресения Христова: оно знает, что Солнце правды – Христос Своею благодатию согревает весь мир, Своим воскресением предначинает воскресение и обновление всего мира, не исключая и неразумной видимой твари...

Братия мои! Чада ликующей Церкви!

Целым сердцем разделяя с вами светлую радость праздника Воскресения Христова, я не хотел бы бросать хотя бы ничтожную тень на эту радость. Но долг пастыря, но истинная любовь, желающая вам всех благ от воскресшаго Господа, властно повелевают мне не скрывать от вас той опасности, которая и среди светлой радости Воскресения постоянно грозит нам в сей юдоли земной: берегитесь, чтобы враг незаметно не увлек вас в искушения от плоти и мира, чтобы потом, затемнив ум ваш служением страстям, отравив сердце самоценом и самооправданием, отвлечь от матери-Церкви и погрузить во тьму современных лжеучений и тонкаго язычества...

Воскресший Господь да осенит вас Своею благодатию, да покроет и оградит от таких искушений, да сохранит верными и послушными чадами Своей непорочной невесты, а нашей матери-Церкви! О Нем и радуйтесь радостью небесною, неизглаголанною,

радуйтесь и носите в своих устах, в своих сердцах сей глагол радости: Христос воскрес!
Христос воскрес! Аминь.

№ 167

Урок с неба

Наконец-то Православная Русь дождалась столь желанного и давно ожидаемого дня, когда от всего, любовью к Родине пламенеющего сердца может воскликнуть к великому печальнику Православия и родной Руси: “Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас!”^[26]

Нигде, ни в одной стране в мире, с той поры, как 1600 лет назад, Великий Константин провозгласил в Милане свой достопамятный эдикт о свободе Христианской веры, – нигде святая вера Православная не имела такой жизненной, можно сказать – животворной связи с жизнью души народной, как у нас на Руси. Церковь Православная восприняла наш народ в его младенчестве, она воспитала его душу в святых идеалах Христова учения, она дала ему и просвещение и все, что на западе принято называть культурой, – не в смысле материальных удобств жизни, а в смысле духовного облагорожения, она оберегала его от всяких покушений внешних врагов, она же охраняла душу его от покушений гордых владык Рима, да и теперь она, и – увя! – почти только она одна отстаивает святыню его заветов от всяких сумасбродных сект и ересей.

Мы переживаем время борьбы за все святыни народного сердца, и вот, судьбами Божиими, с высоты небесной, из глубины веков минувших, встает пред нами, как светлый вождь, с жезлом патриаршеским, в венце мученичества, великий святитель древней Руси, славный адамант, крепкий столп непоколебимый, Святейший Патриарх Ермоген... Встает он во всем величии славы небесной, как угодник Божий, в чудесах Богом прославляемый, встает, чтобы сказать нам: Православные Русские люди!.. Не унывайте, не смущайтесь тою духовною смутою, какою окутывает вас дух века сего антихристианского: Иисус Христос вчера и днесь То й же и во веки! Взирайте на скончание моего жителства и подражайте вере моей! Я веровал в непобедимую силу нашего святого Православия, нашей Церкви святой, веровал, за веру пострадал и мученически скончался и – победил! Верьте и вы, не боязненно исповедуйте истину Христову, и вы победите... Ведайте, что все мы, ваши духовные предки, все святые Божии, за Православие крепко стоявшие, – с вами; с вами и я, смиренный Ермоген, ваш вождь и заступник пред Богом!

Знают наши заклятые враги, в чем сила Руси Святой, и всеми силами подкапываются под святую Церковь Православную. Вера Православная есть душа души народной, и вот эту-то душу они и стараются убить в нашем народе. Но наши “небесные сродники” – святые угодники, родные нам не только по духу, по вере, но и по плоти, всегда стоят на страже и готовы нам на помощь, и от нас зависит, – принять или оттолкнуть эту помощь. Повторяю: особенно это ощутительно в наше скорбное, смутное время. В течение десяти – только десяти лет, со дня Саровских торжеств Господь прославил, т. е. послал нам на помощь Преподобного Серафима, Святителя Иоасафа, а ныне чудесными знамениями прославляет Патриарха Ермогена. Кроме того, восстановлено чествование памяти Преподобной княгини Анны Кашинской и Преподобного Евфросина Синеозерского. Я уже писал, что в Святейшем Синоде прошло дело о прославлении Святителя Питирима Тамбовского. Видно великия опасности грозят Церкви Божией, когда является толик облак (столь великое множество. – Ред.) свидетелей ея истины, Божиих угодников, и притом облеченных чудесными знамениями... Но если так, а в этом не может быть сомнения, то и мы должны проснуться от того нечувствия, той холодности – хуже, чем

холодности к родной вере, которая так обуяла нас в последние годы под влиянием новых, разрушительных веяний... Да, пора проснуться! Нас будят угодники Божии! Горе нам будет, если мы не проснемся, если целым сердцем не откликнемся на их призывающий к покаянию глас!

Вот, думаю я, смысл того голоса с неба, который вот уже десять лет раздается в нашей совести, раздается в нашей Церкви Православной. Этот голос обращен первее всего к нам, пастырям Церкви. Мы должны быть его истолкователями. Мы, прежде всего, должны воспринять его в свою душу, в свое сердце. Нам более чем кому-либо грешно не понимать “знамений времени”. А знамения грозныя... Я не раз говорил о них, раскрывая язвы современной жизни. Но это еще знамения только отрицательныя. Есть и положительные – это вот чудеса, совершающиеся у гробов святых Божиих. Без нужды Бог чудес не творит. Он творит их лишь тогда, когда нужно укрепить слабеющую веру. И если чудеса учащаются, то значит слабеющая вера нуждается в подкреплении – не в тех, кто своею верою привлекает чудеса, но – и главным образом в тех, которые охладели к вере. Пастыри Церкви! Будите веру в дремлющих православных, возжигайте ее в тех, в ком она погасла. А это возможно только при условии, если в самих себе будем возгревать дар Божий, живущий в нас, по слову Апостола, возложением рук преемников Апостольских. Чем возжигать? Глубоким сознанием своей немощи, своего духовного убожества, смиренною жалобою на себя пред милосердным Господом, общением с Ним в святейшем Таинстве Евхаристии, смиренным исполнением заповедей Господних и, наконец, – живым, постоянным сознанием близости суда Божия над грешниками, от них же первый есть каждый из нас. Кто знает, что грядет на грешный род людской и грядет, может быть, уже скоро-скоро?.. Если не на весь мир, то на нашу грешную Русь? Если не на всю Русь, то – на тех, кто является более за нее ответственным пред Богом? А кто – как не мы?!

Простите мне, отцы и братия! Я не раз писал и не перестану писать, не перестану кричать, что не все мы – о, как далеко не все! – стоим на правом жизненном пути! Мы вот все толкуем о жалованье, об обезпечении... Да разве мы не видим, к чему дело идет? Еще так недавно в нашем законосовещательном учреждении, так называемые якобы “лучшие люди” отказали в путевых издержках священникам, церковною властью избранным и посвященным, на проезд за десяток тысяч верст, туда, где некому совершить крещение, причастить больного, на одре смерти лежащего, отказали под постыдно лицемерным предлогом, якобы сии пастыри не отвечают своему назначению... Да разве сии господа призваны экзаменовать пастырей? Разве они лучше святителей, властей церковных понимают: кто достоин, кто недостоин?..

Та к вот, добрые работники на ниве Божией, и судите: можно ли рассчитывать на таких “законосовещателей”, чтобы они дали вам жалованье!.. Правда, они составили в своих “фракциях” – фу, и не выговоришь, какое нехорошее слово! – проект обезпечения духовенства, но под условием, чтоб приход был организован так, как им это будет угодно, а не так, как повелевают каноны церковные. А это значит: разрушить весь православный строй нашей церковной жизни. Вот какою ценою они предлагают вам жалованье. Да ведь это – воистину нож, медом помазанный! Это – покушение на самую Церковь! Ея порабощение! Нет, такие предложения можно называть предательскими. Тяжкий грех был бы, если бы мы дали согласие на них. Нет, уж лучше “страдать с народом Божиим, нежели царствовать с египтянами!”

Но все это я говорю к тому, что все обстоятельства как бы указуют нам, что нет у нас надежды, кроме Господа Бога, что пора, наконец, нам уверовать в слово Его непреложное:

“ищите прежде царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам”. Ведь Он видит все тяжелое положение наше как в отношении наших нужд земных, так и в отношении великой тяготы служения нашего пастырского: сколько у нас врагов! как они хитры, лукавы! как они вводят в заблуждение наших друзей даже! Приведу последний пример: в нескольких патриотических газетах появилось ошеломляющее известие, будто в Енисейской епархии покончили самоубийством 6 священников! На проверку оказывается, что известие это пустила в ход иудейская “Сибирская Жизнь”, что из 6-ти два случая не самоубийства, а убийства, что в течение последнего года было только два случая, а два остальные – начиная с 1891 года по сие время, на протяжении 22-х лет... А благожелательная к Церкви газета, попавшись на удочку, уже делает выводы: какое у нас духовенство, какие у Восторгова курсисты! И таким образом помогает клеветникам взводить на нас клеветы...

Чем ограждать себя от таких похулений? Да всего лучше – всепрощением! Вспомните, что преподобный Иоанн Лествичник заповедует монаху: “Пей поругание как воду живую!” В наше, особенно в наше тяжелое для Церкви время прикладно и иереям Божиим “пить” это поругание безмолвно: есть Судия на небе, Он и рассудит! Господь сказал: “аще Мене изгнаша, и вас ижденут, аще Мое слово соблюдоша, и ваше соблюдут”. Если только и слышишь поругание Его святого имени, издевательства над Его невестою – Церковию святой, то что дивного, если поносят и наше звание, если на нас клеветают, взводят небылицы? Вот была бы беда, вот когда не было бы ни в чем для нас ни утешения, ни оправдания, если бы на деле были поводы к такому поношению. А если на нас взводят неправду, то – *блажени есте, егда поносят вас*, рече Господь.

Всякий пастырь есть подвижник, есть крестоносец. Не напрасно он носит крест на персях: это – символ его исповедания, его подвига. Не напрасно дано это святое знамение на перси всех иереев именно в *наше* время: ныне служение пастырское не может не быть подвигом крестным, если пастырь не захочет быть наемником, если понесет свой крест из любви к Тому, Кто наложил его. Не напрасно Господь и воздвигает в наши дни из веков минувших таких подвижников-пастырей, какими были Питирим Тамбовский, Иоасаф Белгородский, а наипаче – исповедник и священномученик за Отечество – Патриарх Ермоген. В этом и утешение наше и поучение! Утешение: ибо мы не одиноки, мы не покинуты, с нами незримо святые наши заступники и за Русь нашу пред Богом печальники, а стало быть, и за нас, грешных. Поучение: то ли еще терпим мы, что терпели они, что терпел великий Святитель Ермоген! Его в сырой подвал заключили, голодом заморили, а мы еще – слава Богу – в своих жилищах обитаем, еще хлеб насущный имеем. Над ним всячески издевались, всякую пакость причинить старались, а мы – как никак – пока еще под защитою законов живем... А если и приходится некое безчестие понести, то Бог попускает сие в меру немощи нашей и помогает в подвиге, а, между тем, мы становимся причастниками скорбей святых Божиих и, следовательно – участниками их небесной награды: *радуитесь, глаголет Господь, и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех*.

А вы, миряне, крепче держитесь заветов матери-Церкви Православной. Во смирении сердца старайтесь исполнять заповеди Христовы по слову Его: “да не увести шуйца, что творит десница твоя”. Помните, что добро, сделанное напоказ, чтоб люди его видели, не есть добро в очах Божиих. Таким добром хвалятся все сектанты и за такое добро восприимлют мзду свою, лишаясь награды на небесах. Если видите немощи и недостатки пастырей, то покройте их любовью, да и Бог покроет грехи ваши. Не подражайте

среднему сыну Ноя, как ни больно на душе видеть в пастырях такие немощи, но – кто без греха? Пастыря враг искушает больше, чем *пасомаго*, ибо пастырь идти должен впереди пасомых и указывать им путь к небу.

Если можете, не нарушая мира, постарайтесь любовью воздействовать на пастыря, на его совесть... Не выносите на улицу, в газеты недостатков духовенства: если ревность о славе Божией требует обличения кого-либо из пастырей, то поведайте архипастырю, поведайте в духе любви к немощному, не из-за угла, не анонимами, а прямо, лицом к лицу... Из газетных обличений ничего, кроме соблазна, не выйдет... Ведь, в общем-то, наше духовенство все же выше по нравственности, чем, в общем же, – миряне. Ведь и они – не ангелы, и с ними бывают искушения... А тебя, овца словесная, кто призвал быть судиею твоего пастыря? У него есть судия – архиерей, и сего довольно... Ужели иудеи и иудействующие редакторы разных левых листков могут быть беспристрастными судиями в деле пастырства? Да они рады бывают облить помоями не только немощного пастыря, но будь – хоть о. Иоанн Кронштадтский – и того готовы обезчестить... И с такими-то господами не грешно ли иметь дело православным людям?

О, какое тяжелое время мы переживаем! Тысячу раз повторяешь это слово и все не выскажешь того горя, которое накопело в душе! Куда ни оглянись – везде все немощи, все пороки, все судят и осуждают друг друга, а кто чист от скверны, по слову Писания? Кто из вас без греха – первый брось камень на служителя Церкви или даже на своего собрата ближнего – мирянина? И если Сам безгрешный Господь, прежде Своего суда, не сделал сего по вызову фарисеев, то не будьте же фарисеями, загляните в свою совесть, лучше вздохните к Богу о своих грехах и возблагодарите Его милосердие к нам, грешным, что не поставил Он благодатной силы Таинств церковных в зависимость от достоинства или недостойнства совершающего их служителя Церкви Своей. Богу, прежде всего, нужно наше смиренное сердце, а не фарисейская добродетель. Есть смиренная добродетель – Он ее приемлет яко злато мытарево, и вздох покаянный Ему дороже жертв и онов тучных, а нет смирения – всеу все подвиги, все твои добродетели!

Та к жили, так учили, так заповедали и нам жить наши великие подвижники смирения, особенно те, коих Господь прославляет в наше грешное, гордое время. Достоинно внимания, что именно смиреннейших угодников Своих являет Господь в наши дни. Именно такими были: Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Питирим Тамбовский, Серафим Саровский. Да и святитель Ермоген являл во всем величии свое смирение в подвале Чудова монастыря. Будем же взирать на эту жемчужину духовную, именуемую смирением, в сих святых Божиих и учиться подражать сей добродетели. Она не требует ни богатства, ни способностей, ни телесных подвигов: *смирися*, говорит царь Давид, *и спасе мя Господь*. Бог не взыщет милостыни от нищего, не взыщет поста строгого от болящего, не потребует поклонов и других подвигов от немощного, а смирения от всех потребует – безусловно!

А есть ли это мытарево злато у того, кто осуждает ближнего, кто выносит чужие грехи на улицу?..

Да, много грехов скопилось на русской душе. Но тяжелее всех – грех гордости, пренебрежения к заветам родной Церкви, грех взаимного осуждения. Все мы заражены, в большей или меньшей степени, этим грехом. Все повинны в нем. Да еще и сознать его не хотим: все оправдываемся, ссылаясь на свою якобы ревность о чистоте нравов, о пользах Церкви, или же прикрываясь сожалением о печальном положении дел... А того не спросим: наше ли это дело-то? А, между тем, грех осуждения отнимает цену и у того

мало добра, какое, нам кажется, мы еще творим. Вот отчего и бедствует наша Русская земля. Оттого и смуты, и ереси, и расколы, и раздоры... Всякому хочется выставить свое “я” вперед, перевести эту букву с русского “я” на славянский “аз”... Хотя в других случаях мы славянского-то языка и недолюбливаем.

Православные Русские люди! Пожалеем нашу матушку-Русь: видите – ее жалеют и родные нам святые угодники Божии, ее не забыл еще и Господь... Пожалеем себя, своих детей, свои будущия поколения! Познаем свой господственный грех, смиримся пред Богом, смиримся друг пред другом, смиримся и примиримся, и будем чистосердечно каяться в своих грехах и за себя, и друг за друга, любовью покрывая друг друга. Этому поучают нас новопрославляемые Богом святители – заступники пред Богом за Русь Православную...

О, святителие Христовы, столпы Церкви непоколебимые, заступники Руси нашей непреоборимые! Сбились мы с путей, вами завещанных, уклонились с путей заповедей Божиих. Не покиньте нас, блуждающих, прострите руку помощи, поставьте на верная стези, осветите сии стези светом той благодати, которая просвещает и освящает всякого человека! Спасите Русь, не дайте ей погибнуть во мраке современных мудрований: ваша молитва крепка у Бога...

№ 168–169
Один из невидных стражей души народной
(Памяти моего дядюшки)

Помянух дни древния и поучахся...

Наше мутное и смутное время невольно заставляет переноситься мыслию к первым векам христианства, ко временам гонений на веру Христову, и страшно становится, когда подумаешь: как далеко ушли мы от тех веков – не говорю уже, в жизни, но и в мысли, в мирозерцании, в самых идеалах, столь помутившихся и потускневших в нашем сознании...

Вот пример. Древние христиане называли смерть *успением*, *преставлением*, а день смерти даже – *днем рождения* – рождением в другую лучшую жизнь.

Оттого и праздновали день кончины мучеников и других святых как радостный праздник, как торжество над смертью. “Почивает в мире”, “почивает во Христе” – вот обычные надписи на местах погребений в древних катакомбах, этих *усыпальницах*, где погребено до 300 000 мучеников... А ныне?.. Пышные надгробия, вовсе не нужные покойнику венки, суета сует, которая однакоже стоит тысячи и сотни тысяч, – стоит столько, что на эти деньги можно бы построить сотни храмов Божиих там, где православная душа жаждет места молитвы, но не имеет сего утешения... А ведь в этих храмах Божиих до скончания веков приносилась бы безкровная Жертва за упокой души тех, которые теперь покоятся под бесполезными для них памятниками!..

Но отвратим очи свои от этой суеты. Утешим себя тем, что и в наши дни есть рабы Божии, отходящие в другую жизнь “в мире”, с надеждою воскресения, как бы на временный покой после трудовой жизни в этой юдоли скорбей. У их гроба как-то тепло становится на душе, мысль о смерти отходит на второй план, на место ея является созерцание таинства смерти... “Спит спокойно во Христе”, – думается, когда смотришь на спокойное лицо усопшаго, или лучше: “Созерцает в благоговении то, что для нас еще закрыто, неведомо, но что ему – усопшему – теперь открылось, стало уже не предметом веры, а живою действительностью”...

И сердце спрашивает почившаго: в чем тайна его спокойствия? Почему у его гроба не веет призрак смерти, почему так тянет именно к этому покойнику, тогда как от другого бежать хочется? И тайный голос, голос совести нашей отвечает нам: посмотрите, оглянитесь на его жизнь, и вы все поймете...

5 февраля скончался почтенный старец, мой дядюшка, протоиерей Григорий Иоаннович Грузов, на 89-м году своей труженической, праведной жизни. 65 лет служил он в священном сане, почти 55 лет – в одном и том же бедном приходе, и только тяжкая болезнь заставила его расстаться с любимою паствою, с теми, кого он крестил, венчал, с кем делил все скорби и радости... Помнится, раз, проезжая чрез Кострому, я стоял обедню в соборе, где служил преосвященный Тихон. На сем служении он дал сан протоиерея одному вот из таких смиренных служителей алтаря, восьмидесятилетнему старцу: во время причастного стиха, он представил мне сего старца с словами: “Вот кем стоит Русская земля!” Да, вот такими смиренными служителями Церкви Божией, как этот

неведомый мне старец, как мой ныне почивший дядюшка, пока и крепка наша Русь Православная; в тишине и безвестности, скромно и в простоте сердца они делают свое дело, воспитывая народ в страхе Божиим, в послушании родной матери-Церкви, в преданиях и заветах родной старины, в беззаветной любви к Царю и Отечеству... С ними, вот с этими смиренными батюшками, наш народ прошел чрез всю свою тысячелетнюю историю, перенес и иго татарское, и крепостную зависимость, и глады, и моры, и нашествия иноплеменных; они утешали его во всех невзгодах исторических, делили с ним горе его, помогали ему нести тяжелый крест жизни, согревали его сердце утешениями веры и благодати Христовой. Это были – пестуны народные на протяжении тысячи лет истории нашего народа, это были стражи народной души и всех тех сокровищ, которыми наградила Русский народ его любящая мать – Православная Церковь. Храм Божий да “батюшка родимый” – вот кто ближе всех стоял к народу, кто воспитал душу народную, кто был ее ангелом-хранителем...

Таким вот был и покойный отец Григорий. Сын бедного сельского дьячка (род. в 1825 году), он провел свое детство в родном Чашникове, в многолюдной семье отца, воспитываемый матерью в страхе Божиим и уважении к старшим, под благодатными веяниями родного храма Живоначальной Троицы, пел и читал на клиросе, ходил по приходу славить Христа в Рождество и Пасху, собирая грошики, любимый прихожанами. С добродушною шуткой рассказывал покойный, как мать, провожая его до Москвы, чтобы записать в духовное училище, строго наказывала ему: “Смотри, сынок, будь ко всем почтителен, всем старшим кланяйся”. И воспринял послушный сын урок матери: лишь только вошли в заставу, как Гришенька снял шапку и стал кланяться направо и налево проходящей публике. Увидев это, мать спросила: “Что это ты делаешь?” – “А как же, маменька? Ведь все они старше меня: надо кланяться”...

На время ученья в училище пришлось мальчику приютиться в темном углу у какого-то столяра, на первом же уроке ему пришлось отведать и детского горя: книг не было, учить урок не по чему; он так и сказал учителю, когда тот стал спрашивать урок. Но его оправдание, которое ему казалось столь законным, не было принято во внимание и за незнание урока мальчик был наказан розгою. И всю жизнь, до глубокой старости он помнил эту розгу, и называл ее благодетельницей своей, ибо она заставила его вставать пораньше, до рассвета бегать в училище, чтобы там у товарищей брать книги и готовить по ним уроки...

Кончилось ученье. Грузов вышел из семинарии в первом разряде. Ему предлагали даже идти в академию, но доброго юношу-идеалиста влекло призвание послужить Церкви в селе. Старая семинария умела воспитывать такое стремление в юношах. Мои братья, учившиеся спустя лет десять после дяди, еще привозили вороха списанных проповедей разных авторов: это они готовили себе запас на время пастырского служения. Теперь – увы! – семинаристы об этом не думают... И вот молодой студент идет в консисторию и подает Митрополиту Филарету прошение на первое открывшееся священническое место в селе Петрове Рузского уезда, верстах в 70-ти от Москвы. Место было из бедных, соперников не оказалось, и он был определен туда. Надо искать невесту. Спрашивает родных, знакомых... Указывают ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери-невесты. Григорий Иванович, преодолевая семинарскую застенчивость, идет к будущей теще, знакомится, начинает посещать ее дом... Но зачем ходит – сказать недостает решимости. Старушка-просфорница решается наконец помочь юноше: “Да не стесняйтесь, пожалуйста, Григорий Иванович: ведь я знаю, зачем вы к нам ходите

(конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вам больше нравится? – “А какую, мать, благословишь, – отвечает жених, – такую и возьму!” И мать, следуя примеру ветхозаветного Лавана, отдает ему старшую из дочерей своих, Елену Николаевну. И свадьба скоро состоялась. Взял Григорий Иванович у одного барина сюртук для венчания, посвятился во иереи и с молодою супругою отправился в неведомое дотоле Петрово.

Был ненастный ноябрьский вечер. Грязь, слякоть, холод, дождь хлестал в лицо. Тьма такая, что в пяти шагах ничего не видно. Возница провез молодого иерея мимо церкви и по старому проспекту времен Екатерины Второй привез его в соседнюю деревню. Увидев в избе огонек, отец Григорий слез с телеги и постучался в окно, чтобы спросить дорогу. Окно открылось, и старик сказал батюшке, чтоб поворачивали назад: село они проехали...

Вернулись. Разглядели церковь. Рядом чей-то дом. Постучались и здесь. Оказалось – тут живет отец дьякон. Хозяин радушно принял своего будущего настоятеля. На утро о. Григорий пошел в храм Божий, где Бог привел его служить и... при виде его заплакал!.. Старый деревянный храм весь перекосялся, отворишь дверь – не затворишь, стены немшоны (с щелями, не законопаченными мхом. – *Ред.*), с потолка сыплется иней, а стало быть, если сойдется народ, то польет и дождь...

После храма пошел осматривать свое будущее жилище. И тут хоть плачь! Бедная избушка в два окна вросла в землю, полы провалились... Это дом священника, его предшественника.

Что делать? Как жить?..

Пошел знакомиться с соседями, а их было только два приказчика или, как они себя величали, управляющие имением. Приходит к первому – оказался добрым человеком: ободрил батюшку, приласкал, пообещал помочь чем может. Заговорил о. Григорий о доме – “Надо, – говорит управляющий, – строить новый”. – “Но ведь нет ни денег, ни лесу? “ – “Все найдется, отец!” – “Кто же поверит мне? “ – “Но почему же не поверить? Ведь жить приехал – не сбежишь. Вот поедem к соседу: у него есть готовый сухой лес – отпустит!”

Поехали. Долго о. Григорий не решался сказать, зачем приехал, да спасибо первому соседу: выручил! “Что ж, батя, молчишь? Проси Н. Н-ча!” – “Простить: духу недостает!” – “А в чем дело?” – спрашивает хозяин. – О. Григорий рассказал свою нужду. “Ах, отец Григорий! Да бери, сколько тебе нужно!” – “Ведь взять – платить надобно, а денег нет у меня”. – “Сочтемся, когда-нибудь заплатишь”.

И о. Григорий при помощи тех же добрых людей (которые и денег дали) построил себе домик, и не теряя времени, в том же домике, где сам жил с молодою супругою, собрал ребятшек деревенских и стал их учить грамоте. Так, еще в 1848 году, положено было начало церковно-приходской школе, лучше сказать – школе грамоты. Тогда не “изыскивали средств”, не ожидали помощи ниоткуда, и творили святое дело в простоте сердца: брали ребят – полтина с головы за выучку читать, писать и четырем правилам арифметики, горшок каши да мерку гороху в придачу – и дело кончено. Та к велось с незапамятных времен, в такой школе учились и мы когда-то у своих родителей. Та к учил и о. Григорий. А учить он был мастер: все время, пока учился в семинарии, давал уроки в барских домах, откуда иногда за ним, как он, бывало, хвалился, “и каретку посылали”. Детей он всю жизнь любил страстно, умел как-то особенно ласкать их, завладевать их сердечком, умел говорить их детским языком так, что ребятки льнули к нему не как даже к отцу, а как к родной матушке.

Шли годы, и школа о. Григория росла, ширилась, впоследствии разделилась на две: одна обратилась в начальную церковно-приходскую, другая – в двухклассную для питомцев воспитательного дома. Пока не было последней, о. Григорий готовил питомцев к экзамену, и, когда те выдерживали экзамен, то он получал за выучку от воспитательного дома рублей уже по 17, по 18 с ученика.

Настала весна. Оказалось, что рядом с домом – болото. О. Григорий немедленно принялся осушать это болото: провел канавы, выкопал пруд, и все это – один, своими руками. А затем насадил и сад из плодовых деревьев, который впоследствии стал давать ему до 70 рублей: яблоки и вишни он сам возил для продажи в Белокаменную.

Но главною заботою его был храм Божий. Он задался мыслию – непременно построить каменный храм. Двадцать пять лет строил он его, строил без крупных жертвователей, только на лепты прихожан да сбором по матушке России чрез “дядю Власа” и построил, ведь, да еще какой! Трехпрестольный, с золоченым пятирусным иконостасом, с каменною колокольнею, и колокол в 200 пудов отлил... “Все Бог”, – говаривал старец, – Бог да добрые люди – мои прихожане. Трудились, трудами создали Божий храм. Устроили свой кирпичный завод, 25 лет возили дрова из лесных дач, кирпич, товары на фабрику покойного Павла Григорьевича Цурикова, – они возили, а я являлся в контору фабрики да за провоз-то что следует, и получал, и отвозил в Москву при случае, сдавал в сохранную казну. Та к и копили по грошикам, а когда скопили малость, строить стали... Все Бог да мои добрые прихожане!”

Но смиренный пастырь и сам работал немало. Каждый день не раз он, в летнее время, поднимался по лесам на стройку, сам вместе с десятником (архитектор-то наезжал раза два во весь строительный сезон) следил за работами, делал указания, сам ездил закупать материалы, сам управлял кирпичным заводом, словом, везде являлся сам лично, не доверяя никому из посторонних – не потому, что не было у него добрых и честных прихожан: были в те времена хорошие люди всюду, – а потому, что “свой глазок – смотрок”, и товар выберешь получше, и купишь подешевле... Помню, в 1874 году он заехал ко мне в Новый Иерусалим, где я был тогда послушником, радостный, торжествующий: “Слава Богу, – говорит, – освящение храма разрешено!” И рассказал, как принял его незабвенный святитель Московский митрополит Иннокентий. “Пришел я к нему не во время: он, батюшка, ушел в баньку, говорят мне. – Та к я завтра приду, говорю я. – Ах, нет, отец: этого у нас нельзя, владыка приказал докладывать о всех, кто издалека придет, безотказно. – Сижу, жду. Говорят: пришел. Зовет к себе. Вхожу в кабинет. А он, батюшка, Царство ему Небесное, выходит ко мне запросто, в одном подрясничке, а с головки-то и бородки так и течет водица... – Ну, что, отец, скажешь? Зачем пожаловал? – Рассказал я ему, в чем дело. – А издалека ты приехал-то? – спрашивает меня. – Верст за 70. (Надо помнить, что в те времена еще не было ни железных дорог, ни шоссейных). – А где, говорит, остановился? – На постоялом дворе, отвечаю. – Ах, как это неудобно-то... – заботливо сказал святитель. – Надо поскорее тебя отпустить, а то консистория-то затянет дело... Да вот что: я напишу резолюцию сейчас же, тебе канцелярия моя даст копию засвидетельствованную, и ступай ты с Богом, покажи благочинному, да и освящайте святой храм... – Вот какой был ангел Божий!” И слезы благодарности к великому равноапостольному святителю орошали старческие ланиты моего дядюшки. “Каждый день, и утром и вечером, поминаю я его на своей грешной молитве, – прибавлял старец, – а когда служу, то имя его с родными своими неотменно поминаю”.

И храм был освящен отцом благочинным. О. Григорий сказал своим добрым сотрудникам-прихожанам слово, растрогавшее их до слез. Вообще, он поучал своих духовных чад не мудрствуя, в простоте сердца и от сердца, слов своих не писал, а говорил то, что подсказывало ему душа да любовь к детям духовным. И слово его, как доброе семя, ложилось на простыя сердца и приносило плод по роду своему. Но, следуя заповеди Апостола – любить не словом только, но и делом, о. Григорий показывал и на деле свою любовь к прихожанам. Случалось, например, что, обходя приход со святынею в Пасху, он замечал, что у бедняка мужичка двор раскрыт, солома снята с крыши и скормлена скоту: ясно, что платить батюшке за посещение у него нет ни гроша. Мужичок встречает батюшку у ворот, берет благословение, а о. Григорий его спрашивает уже: “Что, брат, заплатить-то нам нечем?” – “Не обезсудьте, родной”, – отвечает тот. И о. Григорий, вынимая из кармана 15–20 копеек, сует мужичку в руку, оглядываясь, как бы этого не заметил дьячок. “Возьми, брат, расплатись с нами, а то дьячок-то будет скорбеть: ведь я-то поп, я-то как-нибудь проживу, а он получает восьмую копейку: как ему жить с его большой семьей?” И не бывало случаев, чтоб эти двугривенные или пятиалтынные не возвращались батюшке, хотя поздней осенью, с глубокой благодарностью. Вот почему так горячо любили его прихожане и надо было видеть, как они провожали его, когда он после тяжкой, в течение целого года, болезни, решился выйти за штат: толпами проводили его до границ прихода и горько плакали – эти мужики, эти грубые на вид натуры... А когда старец поселился у сына в Москве, то нередко, бывая в Москве, навещали его, своего “батюшку родимаго”, приносили ему немудрые деревенские гостинцы. Да и в Петрове, несмотря на бедность прихода, дом его, милостию Божией и любовью прихожан, можно было назвать полною чашею: были у него и лошадки, и коровки, были и гуси, и утки на его трудовом пруду, родилась у него в поле и ржица, и гречиха, и картошка, и вика... Все Бог благословлял!

Любил покойный переноситься воспоминаниями в свое родное Петрово. С какою благодарностью к Богу рассказывал он о своем житье-бытье в этом скромном уголке Московской епархии! Нередко слезы лились из очей его, слезы, сопровождаемая славословием ко Господу. И стоит отметить эту добрую черту в его духовном облике: умел он крепко привязываться к людям, за то где он ни бывал, где ни жил – везде Бог посылал ему людей, которые умели ценить его доброе сердце, отвечали ему любовью и давали его отзывчивому сердцу пищу к излиянию благодарности к Богу за любовь этих людей и к молитве за них.

Можно думать, что благодаря вот этой кристальной чистоте и простоте его доброго сердца добрые люди помогли ему и сыновьям дать образование незаурядное: милостию Божией, они служат теперь в чинах превосходительных, сердцем унаследовав доброе сердце своего старца-родителя...

Любил, страстно любил старец сельскую природу: до восхода солнечного вставал он в летнее время, шел в лес или поле косить, пахать, в поле и отдыхал, а если бывала служба, то еще до утрени, бывало, поработается и вечером ложился после заката солнца. Спал так мало, что все удивлялись ему. Питался тем, что приготовит ему матушка – его верный неизменный спутник в жизни, друг в скорбях, помощник в трудах. Она была ему ровесница: только на три месяца моложе, и скончалась лишь в августе минувшего года, за пять месяцев до его кончины. Жили, как два ласковых голубка, давая пример и детям, и прихожанам. В характере, в личных качествах они как будто восполняли друг друга. Покойный приписывал эту милость Божию тому, что не сам он выбрал себе подругу

жизни, а положился на волю Божию. И когда скончалась эта добрая старица, о. Григорий подошел к ее постели, преклонил колена и, целуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвил: “И зачем ты меня покинула? Уже взяла бы и меня с собой!”... И стал готовиться к исходу в вечную жизнь: часто говел, причащался св. Таин и, наконец, освятился елеопомазанием. Отпраздновав день своего ангела, 25 января, он уже не вставал с постели, и 5 февраля тихо отошел ко Господу...

В погребении его участвовали несколько иереев – сродников его, и, хотя он недавно жил в приходе Святой Троицы, что на Капельках, но к погребению собралось много народа: видно, так было угодно Богу почтить старца Божия общецерковною молитвою...

О. Григорий являл в себе тип патриархального священника: всецелая преданность Богу, служение ближнему в простоте любящего сердца, готовность во всякое время отдать последнее нуждающемуся, крепкая вера в Промысл Божий – вот чем он жил сам и учил других тому же. И на нем удивительно исполнялось слово Господа: *ищите прежде всего царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам*. Он по мере сил, в простоте сердца делал свое дело и верил, что Господь во время благодетельное не оставит его. И по вере его всегда бывало так. И храм, и колокольню, и школу, и дом себе он построил, и детей воспитал, а долгов не оставил: во всем Бог помогал!

Когда мне приходится беседовать с молодыми иереями, то я указываю им на примеры таких старцев Божиих – иереев, питомцев старой школы, носителей старых заветов Руси Святой. И грустно и больно становится, когда оглянешься кругом и не видишь в молодом поколении таких патриархальных типов служителей Божией Церкви. Встречаются ревностные проповедники, школьные деятели, борцы с пьянством, – и за то, конечно, слава Богу, – но слишком мало таких, в коих самоцен был бы совершенно убит сознанием, что сами-то они – круглый нуль, ничто, что если что и творится доброе через них, так ведь это отнюдь не они делают, а Бог через них: Бог и средства посылает, и случай дает, и силы, и время – все от Бога, и слава Ему – милосердому! В душе таких старцев живет страх: как бы не приписать себе чего-нибудь в деле Божиим, как бы не лишиться за это Божия благословения и помощи в будущем. Это – страх Божий, начало – основа духовной мудрости, духовного рассуждения. Даже помыслить, что вот это сделал я, они считают святотатством. Оттого и проявляется в их пастырской деятельности незримое для других, но для них самих сердцем осязаемое водительство десницы Божией. Нельзя быть добрым пастырем, если не воспитаешь в себе, в чувстве своего сердца, этого мистического настроения, этого живого ощущения водительства Божия в пастырском служении. Не свое дело делаем, а Христово: мы Его послушники, Его работники и даже более – *соработники*. И дело Его – великое: воспитывать чад царствия Божия, будущих граждан Иерусалима небесного. *К сим кто доволен?* восклицал некогда избранный сосуд благодати – Апостол Павел. А он имел ум Христов, он дерзал говорить о себе: *не потому аз живу, но живет во мне Христос...* Живет, а следовательно, и действует. Если же так судил о себе великий Павел, паче всех потрудившийся в благовестии Евангелия, первоверховный среди Апостолов, то что речем о себе мы, грешные, недостойнейшие носители благодати Божией, служители Церкви?.. Но у Христа таков закон: чем кто больше сознает свою немощь, свое недостойнство, тем ближе к тому и Его благодать: *сила бо Его в немощи совершается*. Вот почему, если и всякому христианину, то тем паче пастырю Церкви подобает всяким хранением хранить, как неоцененное сокровище, как нежный благоуханный цветок оберегать в чувстве сердца сознание своего ничтожества, своей беспомощности, постоянной нужды в Божией помощи...

Вот чем сильны были иереи Божии, подобные смиренному отцу Григорию. Они крепко веровали, что Христос не оставит без помощи, не допустит до голодания и нужды безысходной Своего работника, и в основе их нравственного устройства глубоко лежало сознание, что смиренное чувство своего недостаточества есть та стихия, которой должен жить истинный служитель Христов...

№ 170

Милостивое Царское слово

Нашему возлюбленному Государю благоугодно было, в 6 день сего мая, осчастливить меня Своею Высокомонаршею Милостию. Вот Его всемилостивейший Рескрипт, данный на мое имя:

“Преосвященный архиепископ Никон!

Долголетние и многополезные труды ваши по составлению книг и листов религиозного содержания в бытность вашу иноком Троице-Сергиевой Лавры, а затем и во время вашего служения в епископском сане давно снискали вам всеобщее уважение в среде верующаго православнаго русскаго народа. Ныне вы призваны стать во главе учрежденнаго с Моего соизволения Издательскаго Совета при Святейшем Синоде, коему предстоит осуществить весьма трудную задачу объединения и планомернаго развития издательской деятельности Православной Россійской Церкви во славу Божию и на благо Отечества.

Выражая твердую надежду, что на подлежащем вам высоком поприще служения Святой Православной Церкви вы успешно примените приобретенные вами опыт и знания к тому, чтобы вечно живые и спасительные источники религиозно-нравственнаго ведения – книги Священнаго Писания, а равно богатые и назидательныя сокровища святоотеческой письменности сделались доступными широкому пользованию и ясному пониманию русскаго верующаго народа и чтобы не только раскрыты были упования нашей Православной веры, но и даны были основания к ея защите. Я признал справедливым возвести вас в сан архиепископа.

Бог в помощь вам в сем великом и святом деле.

Поручая Себя молитвам вашим, пребываю к вам благосклонный

Николай.

В Царском Селе

6 Мая 1913 г.”

Прочитал я эти золотыя строки, поцеловал подпись Помазанника Божия и... глубоко задумался...

Да, только надежда на помощь Божию, на обетование Господа, что сила Его в немощи совершается, да вот такое ласковое, бодрящее слово Царя Православнаго поддерживают мои слабеющія силы на предстоящее мне делание: буди во всем на мне воля Божия во славу Церкви святой, нашей матери!

Радует меня и то отношение ко мне верующаго православнаго русскаго народа, которое, признаюсь, столь неожиданно для меня и столь торжественно засвидетельствовано с высоты Царскаго Престола. Но боюсь, как бы по немощам моим не обмануть столь дорогой для меня “крепкой надежды”, о которой говорит Высочайший Рескрипт... Помогите и вы, мои добрые друзья-читатели, молитвами своими к Богу за немощь мою!

Читаю и перечитываю дорогія строки... “Вечно живые и спасительные источники религиозно-нравственнаго ведения – книги Священнаго Писания, а равно богатые и назидательныя сокровища святоотеческой письменности” должны быть “доступными широкому пользованию и ясному пониманию Русскаго верующаго народа”... должны быть “не только раскрыты упования нашей Православной веры, но и даны основания к ея

защите"... Это слова Царского Рескрипта. Это драгоценный завет Государя не мне только, многогонеомощному архиерею, но и всем пастырям и архипастырям Православной Церкви. Это завет всем православным русским людям.

Велика, прямо непосильна та задача, которая возлагается на меня и моих будущих сотрудников по Издательскому Совету! Предлежащее высокое поприще – необъятно. Не говорю уже о себе – весь наш будущий Совет безсилен сделать что-либо заметное на этом обширном поприще без деятельного сотрудничества всего православного пастырства, всех ревнителей Церкви. Дремлющее религиозное чувство в русской душе пробуждается и тревожно озирается, ищет удовлетворения духовного голода, просит духовной пищи... А ему предлагают какие-то рожцы вместо чистой пшеницы, камень вместо хлеба, отраву вместо врачевания... В "Церковных Ведомостях", издаваемых при Святейшем Синоде, напечатано "Положение", на основании которого будет действовать Издательский Совет. Его деятельности дается такой простор, что "Положением" как бы предусматриваются все духовные нужды народа, как простого, так и более или менее образованных классов. Само собою понятно, что нельзя ожидать быстрого осуществления всей намеченной программы этой деятельности: она будет осуществляться постепенно, по мере сил наших и тех средств, какими будем располагать. А пока и то хорошо, что как председатель, так и все члены Совета будут исполнять свои обязанности без всякого жалованья, а сотрудники, конечно, будут получать заслуженный ими гонорар...

Итак: благослови, Господи!

Новый журнал, посвященный церковному искусству

Мы так осуетились, так погрузились в мутные волны современности, что совсем забыли о том, чем живет душа, по природе своей всегда христианка, как сказал уже давно один христианский философ. А в потребности человеческой души входит неистребимое стремление к прекрасному наравне с стремлением к истине и добру. Ведь если так жить, как жили русские люди, в своем большинстве, в последнее десятилетие, то – чего ждать добраго? – пожалуй, и в животное обратишься...

Вот почему с радостью отмечаешь всякую искорку идеализма в области духа: будет ли то идеальный порыв к добру, или к истине, или к красоте. Вот почему я от души порадовался, когда, еще в январе месяце, получил программу нового ежемесячного издания, посвященного церковному искусству, под названием “Светильник”. Вскоре затем г. редактор В. И. Оловянишников и лично пригласил меня принять участие в издании посильным трудом. Не имея возможности писать большие статьи, я послал в редакцию нижеследующее приветствие столь симпатичному изданию:

Мой привет “Светильнику”

Божие благословение благому начинанию православных русских людей!

Ароматом весны повеяло от программы “Светильника”, древнехристианским духом пахнуло от самого его названия “Светильник”...

Это – терракотовая или просто глиняная лампочка, с которой ходили древние христиане по переходам священных катакомб; это та лампочка, о коей говорит Господь в Евангелии: “не затем зажигают светильник, чтобы ставить его под сосуд, но ставят на подсвечнике, чтобы он светил всем”.

И дай Бог, чтоб этот светильник горел и разгорался все ярче и ярче; чтоб все больше и больше пронизывал ту тьму, которая окутала нас со всех сторон; чтобы новое издание (не хотелось бы употреблять французское слово “журнал”) раскрывало современным русским людям всю красоту и духовность нашего родного мирозерцания, нашего великого в своих идеалах творчества в области родного искусства...

Русский человек сердцем понимает, что в истинном искусстве, как солнце в малой капле вод, отображается одна из сторон богоподобия в душе человеческой, а именно, вечное стремление к красоте, не внешней пластической красоте, а той духовной, которая только воплощается во внешних формах изящного.

От веков древних первые опыты, первые плоды своего художественного творчества человек стал посвящать Богу в творениях религиозного искусства. Та к было в Египте, Ассирии, Вавилоне, Риме и в прекрасной Греции. Та к было даже у евреев: их искусство, еще во дни странствования их по пустыне Аравийской, проявилось в художественных украшениях скинии.

Стремление к прекрасному, как черта образа Божия в человеке, искало себе и выражения в области религиозного культа.

– Твоя от Твоих – Тебе приношу! – Как бы так говорил Всесовершенному Богу Творцу, Вечной красоте духовной, нерукотворной, неподражаемой, – человек, бренное творение Божие, в восторге духа созная, лучше сказать – ощущая в себе – инстинктивные

влечения идеи красоты, как животворящее веяние Духа Божия, как отображение Божия образа в своем существе.

И редакция “Светильника” верно отметила эту связь религии с искусством, посвятив свое издание именно религиозному искусству.

Искусство, оторванное от религиозных основ, – что лист, сорванный с ветки и носимый ветром. В нем засыхает самый источник вдохновения и жизни, из него улетает идея духовной красоты в ее первооснове.

Я не хочу сказать, что искусство должно иметь предметом вдохновения только религиозные темы: оно должно воплощать, в доступных нашим чувствам формах, вложенную в нашу душу идею прекрасного согласно с намерением Божиим, насколько может понять это намерение художник, руководимый своею совестью, как добрый христианин.

Древний грек ловил чутьем идею красоты и воплощал ее, как мог, в своих произведениях, воплощал, как язычник; оттого эта идея у него весьма слабо отображала духовную красоту, отливаясь вся в пластические формы красоты телесной и не перенося духа зрителя в чистую область духовной красоты.

Наши древнерусские художники-иконописцы, художники-зодчие были, может быть, младенцами в деле техники, но зато в душе своей носили такие идеалы духовной красоты и величия, каких трудно встретить у нынешних представителей искусства...

Вот и пожелаем, чтобы “Светильник” освещал эти духовные идеалы нашей русской православной души, раскрывал бы тайны воплощения сих идеалов в современном искусстве, и, как при свете тихой лампы ощутительнее для сердца верующего становится идея темная, на первый взгляд, лика святой древней иконы, так бы при чтении “Светильника” прояснялись в сознании православного читателя родные идеалы наших благочестивых предков, и в наших очерстевших сердцах начинали бы звучать те святыне струны, какие звучали в их сердцах...

Теперь вышел первый выпуск “Светильника”. Книжка напечатана в большую четверть листа, что необходимо ввиду роскошных рисунков, в ней помещенных (всего 23 рисунка, наклеенных на 11-ти листах особой плотной бумаги); шрифт, бумага, заставки – роскошь; статьи профессора Н. Покровского и В. Трутовского – знатоков церковного искусства, очень интересны: первая – “Новое церковное искусство и церковная старина”, вторая – “Патриарх Филарет Никитич и некоторые памятники его в Москве”. Его Императорское Высочество Великий Князь Петр Николаевич дал для “Светильника” проекты богадельни при храме, двух лампад и хоругви, а профессор Васнецов – эскиз для иконы Святителя Алексия, Митрополита Московского. Самая обертка книжки очень оригинальна: на ней изображен древнехристианский светильник из римских катакомб...

От души пожелаем доброго успеха и Божией помощи новому изданию.

Цена годовому изданию на 1 год – 6 р., на полгода – 3 р. 50 к. Адрес редакции: Москва, Никольская, Товарищество П. И. Оловянишникова С-я.

Новая порция яда отрицания

Давно это было: лет двадцать назад. Ехал я из Петербурга по железной дороге; спутником моим оказался известный, теперь уже покойный, художник М. Какая-то грусть, разочарованность, почти безнадежность отражались на его усталом лице. Мы разговорились. Я, между прочим, заметил, что художники по самой профессии своей близки к духовному, идейному миру, и эта близость сама по себе может доставлять мир душе и нравственное удовлетворение. Мой собеседник как-то тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой. Из беседы с ним для меня стало ясно, что его душа отравлена современными лженаучными бреднями, сердце опустошено, что он переживает духовное сиротство, одиночество, пустоту... Жаль было видеть человека, духовные потребности которого не заглохли благодаря художественному таланту, но и не находили себе удовлетворения. Бережно касаясь больной души, я пытался указать ему путь к Богопознанию, но он как-то безнадежно махнул рукой, сказав: “Поздно!” И – замолчал...

Этот случай пришел мне на память, когда на днях я прочитал “научное письмо” почтенного Эльпе в “Новом Времени”, под заглавием: “Сорок лет в поисках за истиной”. Всему ученому миру известный наш соотечественник, профессор И. И. Мечников издал сборник своих статей, “соединенных одной общей мыслью и направленных к установлению рационального миропонимания, к выработке и уяснению основ общего воззрения на человеческую жизнь”. Та к определяет смысл этого сборника сам автор. Видно, борьба света со тьмою не кончится в мире сем грешном дотоле, пока не придет Свет неприступный, чтобы окончательно сразить князя тьмы и низвергнуть его в вечную тьму крошечную. Видно, сынам света, чадам Церкви придется до скончания века бороться с той ложью, которая силится затмить учение Христово и закрыть чистую истину Божественного Откровения туманом всяческих мудрований якобы научного, да еще – положительного знания.

Что такое “рациональное миропонимание?” Это попытка слепорожденного написать сочинение о художественной картине Рафаэля, попытка глухого от рождения сочинить трактат о музыке и пении. Известно ведь, что рационализм стремится стоять исключительно на почве материализма; подобно древним саддукеям, рационалисты чистой воды не хотят знать ни духа, ни ангела, ни духовного сверхчувственного мира; для них вся область бытия заключена в тесных рамках чувственного мира; в своей гордыне они не хотят примириться с мыслию об ином мире, который познается не пятью чувствами, а тем органом духа, которого нет ни у одного в мире живого существа, кроме человека, и который называется “верующее сердце”. Казалось бы, с древнейших времен, с той поры, как стало помнить себя человечество, люди верили в бытие этого иного мира, – правда, представляли его различно, но важен факт этой веры, этой потребности веры, чтобы и так называемое “положительное знание” признало его как факт, не отрицало его, если хочет быть честным... Но вот, подите же, как будто пришельцы с луны, наши научники притворяются, что и не подозревают о существовании этого факта, а когда факт сей бьет в глаза – отделяются самым нелепым, не выдерживающим никакой критики объяснением его и затем уж больше не хотят и говорить о нем... Что им за дело до истории, до миллионов душ верующих, до поразительных чудес, совершающихся в Церкви, даже просто – до того величайшего всемирного чуда истории, каким является

Христианство?.. Что им за дело до того чуда, какое представляет собою их собственный ум с его законами мышления, с его способностью воплощать идеи в слово, распределять их по категориям, разбираться во всем том хаосе, какой представляет мир идей, представлений, образов и отвлеченных понятий?.. Ведь, это же все факты, ведь все это, если угодно уж сочинять “рациональное миропонимание”, надо поставить на свое место, объяснить, изложить, и притом на основании тех именно принципов, какие положены в основу рационализма, т. е. принципов исключительно материалистического объяснения всех сил явлений. Нет ни духа, ни ангелов, ни чуда, ни Бога... Все – естественно, все – законы природы, все объяснимо... Да в том-то и вопрос: как вы, господа, объясните хотя бы вот это чудо – вашу собственную духовную деятельность, вот этот ваш ум, который мыслит сейчас? Полсотни лет тому назад ваши предшественники Фохты и Молешотты пытались ведь толковать нам, что мысль выделяется из мозга так же, как моча из почек, да что-то ничего из такого объяснения не вышло, кроме остроумных шуток насчет изобретателей таких теорий. Нет, не теории нам нужны, а – если уж вам так угодно – воистину точное знание, аксиомы науки, ясные и для детей, опытные доказательства ваших теорий, стремящихся объяснить все, что касается духовного мира, духовной жизни... Но ведь этого пока еще нет, пока мы слышим только одни гадания и гипотезы, и – ни одного факта. И простительно было бы вам, господа научники, довольствоваться своими гипотезами, если бы вы жили не среди христиан, если бы не имели вы возможности беспристрастно и научно проверить то, что проповедуем мы, если бы не могли наблюдать воочию факты нашего соприкосновения с тем миром, который так отрицаете, который, очевидно, так вам не мил, а нашему сердцу так близок... И сбывается на вас вечное слово Христово: *утаил еси сея от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцам. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою!*

Слава Богу, есть и среди ученых люди честные, которые откровенно говорят, когда коснется вопрос о предметах духовного мира: “Доступное науке знание пока есть не более как невежество с открытыми глазами. Великий океан истины продолжает пребывать неисследованным пред нами. Современный ученый исследователь сущаго есть не больше как младенец, сидящий на берегу моря и пытающийся переливать морскую воду в выкопанную им луночку в песке – ложечкой, своим маленьким умом. Истинная наука и истинная религия никогда не противоречили друг другу. Они движутся по параллельным путям и никогда не могут столкнуться одна с другой”. Вот почему всякое “миропонимание” помимо веры есть ложь, ибо понимать мир можно только при свете Божественного откровения. И как скоро рационализм отвергает сей источник истины, создаваемое им мировоззрение строится на песке человеческих мудрований, которые вчера еще казались подобием истины, а сегодня стали несомненною ложью.

Вот такую ложь, к сожалению, пропитаны и статьи нашей ученой знаменитости – г. Мечникова, собранные в его книге. Он и знать не хочет о существовании христианского мировоззрения, вся цель жизни, весь ее смысл, по его учению, сводится “к возможности человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спокойной естественной смертью, когда наступит известного рода пресыщение, помимо веры уничтожающее страх смерти”. Вот и все...

Стоило ли сорок лет искать такой “истины”, такого “рационального мировоззрения”? Оно давно известно от времен языческих: *да ямы и пием, утре бо умрем!* В статьях идет речь о том, нужны или не нужны толстые кишки, даже желудок, что “уже четыре человека (какая точная статистика!) живут без желудка и этим доказывают бесполезность его”, что

человек, по складу своей организации, в одно и то же время есть и “обезьяний урод”, и “действительно усовершенствованная обезьяна” и т. п. И все это объединяется под новым модным словом “ортобиоз”...

Тяжелое впечатление производит на читателя эта новинка. Если бы профессор дал что-нибудь новое в той специальной области, в которой он работает, может быть, ему сказали бы спасибо. Но он пустился в область, совершенно ему чуждую, в область метафизики и философии, и своими рассуждениями из физиологии и патологии дискредитирует сам себя в глазах читателей: так и видно, что ему хотелось бы подслужиться духу века сего лукавого и безбожного, сказать “новое” слово, а оказалось-то старое, давно изношенное и брошенное, и стало ясно, что знаменитый в своей области ученый оказался школьником, списавшим чужую задачку, да еще и неудачную.

А подумал ли наш почтенный соотечественник, издавая свой сборник, что из сего выйдет? Не надо быть пророком, что иудейская и иудействующая печать поднимет шум около его книги: “Наш славный ученый Мечников! Сам профессор Мечников сказал, доказал, что вся цель нашей жизни – пожить подольше и умереть от пресыщения жизнью! Дальше нет цели! А если видишь, что эта цель недостижима, то зачем и жить?.. За гробом нет ничего!”

И вот наша, падкая на всякую новинку, преклоняющаяся пред всяким авторитетом, лишь бы он поблажал ея вольностям, молодежь набросится на издание г. Мечникова и будет впитывать в себя новую порцию яда отрицания всего, чем жива наша христианская душа, а там – долго ли до греха – начнутся и самоубийства “по Мечникову”...

И что за помешательство такое у современных ученых и – заметьте: у наших соотечественников как будто в особенности?

На память о светлом торжестве

Исполнилось, наконец, сердечное желание православных русских людей, удовлетворена потребность их сердца, совершилось давно ожидаемое событие: еще раз разверзлось небо над Русью православной и оттуда в сиянии славы небесной благословил родную землю ее великий печальник, страдалец за нее, Святейший Патриарх Ермоген. Триста лет почивал он безмолвно в благоухании святыни под сводами первопрестольного храма Успения Владычицы, и вот теперь, будто живой, встает он из своего гроба, чтобы во время благопотребно поддержать родную свою Русь в минуту трудную, во дни новой смуты, новой борьбы за святыя идеалы Русской земли, за веру Православную, за Русского Царя Самодержавного, и являет свое заступление в знамениях и чудесах многих.

12 мая, когда Церковь празднует память его друга и сотрудника в служении Церкви и Отечеству, преподобного Дионисия, Радонежского чудотворца, совершилось торжественное прославление памяти Патриарха Ермогена. Три-четыре дня во время этих торжеств священный Кремль Москвы был переполнен массами народа, со всех концов Руси православной стекшагося к гробнице новоявленного чудотворца. Канун, 11 мая, был днем последнего поминовения святителя по чину поминовения усопших. В последний раз Церковь приносила имя его, яко единого от нас, в молитве ко Господу, да упокоит его душу Господь во Царствии Небесном; в последний раз совершены по нем заупокойный парастас накануне и литургия в сей день; после литургии сонм святителей и мног собор священнослужителей приблизились к месту его упокоения и совершили последнюю панихиду, которая, скорее, напоминала последование утрени Великой Субботы с ее торжественно-величавым предчувствием близкого Воскресения, чем поминовение покойника. Гулко под сводами древняго собора раздалось последнее пение “Вечной памяти” святейшему Ермогену, чтобы смениться пением до скончания веков: “Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас!”

В 6 часов ударили к всенощному бдению. Прибыл блаженнейший Патриарх Антиохийский Кир-Григорий. Богу было угодно, чтобы один из восточных патриархов был в числе тех святителей, которые впервые воспели у гроба Русского Патриарха, страдальца за Православную веру и Русь: “Величаем тя, священномучениче Ермогене...” Началась одна из тех служб, которая ощутительно для верующаго объединяют Церковь земную с Церковью небесною, которая заставляют забывать всякую усталость, переносят душу в мир радостей небесных. А русская душа, кроме того переносилась и за триста лет назад, когда вот с этого священнаго амвона раздалось могучее слово святейшаго Ермогена, который благословлял и призывал верных сынов Родины на ее защиту, на ее освобождение от злых врагов веры Православной, и гремел проклятиями против ее изменников, не страшась ни пыток, ни темниц, ни самой мучительной смерти... Святыя минуты, когда целым сердцем чувствуешь себя сыном родной Руси Святой, верным чадом Церкви-матери, когда сливаешься с этою Русью, живешь одною с нею жизнью, когда от всей души благодаришь Бога, что родился ты русским, православным и имеешь великое счастье быть таковым навеки... Как несчастны те из наших сородичей, которые отцепились от самой души народной в своем мирозерцании, которые, вместо вот этого благодатнаго общения с небом и старою Русью, питаются рожцами жалких западных

мудрований, не дающих душе ничего, кроме ощущения страшной пустоты и безцельности жизни...

Чинно, стройно, благолепно шла служба Божия до самого полиелея. Хор синодальных певчих, в новых, своеобразных костюмах, сшитых по рисункам великаго знатока старой Руси В. М. Васнецова наподобие боярских кафтанов, исполнял священные песнопения образцово. Запели *Хвалите имя Господне*... Отверзлись царския врата, и оттуда выступил и направился к гробнице Патриарха сонм мног святителей и священнослужителей. Во главе – блаженнейший Патриарх, два митрополита и 19 архиепископов и епископов. Окружив священную раку, они сняли с нея покров и святительскую мантию и, сотворив земное поклонение, громогласно, торжественно воспели: “Величаем тя, священномучениче Ермогене, и чтим святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего!”

В эти торжественныя минуты вся церковь поклонилась новопрославленному чудотворцу, заступнику Русской земли...

Началось крестное обхождение собора. Высоко несли икону Святителя среди других святынь и множества хоругвей. Соборы, особенно колокольня Ивана Великаго, горели разноцветными электрическими огнями. Ярко горела исполинскими буквами надпись, длиною в 18 аршин, на стене колокольни, над ея галереей:

“Радуйся, священномучениче Ермогене, Российския земли великий заступниче!”

Нужно ли говорить о торжественном звоне знаменитаго на Руси Ивана Великаго? Он ликовал за всю Русь, а ему вторили тысячи московских колоколов-богатырей, и волны святых звуков, как небесные хоры незримых певцов, носились над старою Москвой, которая, в прославлении новаго чудотворца, праздновала и свое освобождение от заклятых врагов Руси и Православия...

Около 11 часов окончилось всенощное бдение. Душа была переполнена таких впечатлений, которыя не забываются на всю жизнь. Но на утро готовились новыя впечатления, новыя духовныя радости. Бог привел мене совершить Божественную литургию в кремлевском Вознесенском женском монастыре, откуда крестным ходом мы, четыре архиерея и служащие с нами, проследовали в Успенский собор, чтобы присоединиться к общему крестному ходу оттуда на Красную площадь. Этот крестный ход, совершенный при чудной весенней погоде, когда, казалось, сама природа радовалась нашею радостью, и солнце так дивно играло лучами на святых иконах и хоругвях, этот крестный ход, в коем белая лента священных облачений растянулась от Успенскаго собора почти до Спасских ворот, представлял такую картину, которой не представить никакому воображению, которая не поддается никакому описанию... Вся кремлевская площадь была залита морем голов, вся противоположная Кремлю сторона набережной Москвы-реки пестрела тысячами народа, издали участвовавшаго в молитве, а по выходе из Кремля на Красную площадь зрелище было не только торжественно, но и умирительно; многотысячныя массы народа, обнажив головы, подняли руки для крестнаго знамения и слились в единодушной молитве, устремляя взоры на смиренный лик Святителя Ермогена, несомый во главе крестнаго хода. Патриарх взошел на Лобное место с святителями; священнослужители образовали два длинных ряда вдоль площади по направлению к Никольским воротам; на Лобном месте Патриарх по-славянски прочитал Евангелие и осенил народ святым крестом “воздвизальным”, т. е. большим, обычно предносимым Патриарху в его служениях, на все четыре стороны... И опять вспомнилось, как с этого самаго Лобнаго места, триста лет назад, неустрашимый первосвятитель Русской Церкви

своим огненным словом беспощадно обличал измену и призывал народ к исполнению долга...

Шествие возвратилось в Кремль чрез Никольския ворота и направилось в Успенский собор. Молебное пение завершилось здесь громогласным многолетствованием, которое исполнено хором разными напевами.

Не буду говорить о праздничной трапезе, имевшей, между прочим, ту особенность, что на ней не было никаких вин, замененных “квасом хлебным выкислым, монастырским, медами: вишневым казанским, малиновым кашинским, яблочным коломенским и кофием аравийским”. Роспись кушаньям была составлена по древнему праздничному обиходу патриаршаго столования.

Вечером по всей Москве снова совершены всенощныя бдения, всецело посвященные прославлению святителя Ермогена. А воутрие – были везде совершены Божественныя литургии. В Чудовом монастыре, в самом месте заточения Святителя в сей день освящен храм – первый храм на Руси во имя сего страдальца за Русь. Мирския люди собираются ставить ему памятник на Красной площади. Я уже имел случай в “Троицком Слове” высказать свое мнение о таких памятниках. Не по душе они русскому человеку. Не памятников-статуй просит она для своих благодатных мужей, Богом прославленных. А вот храмы Божии, посвященные их памяти, – вот лучшие им памятники. В сих храмах православные русские люди и будут беседовать в молитве с своими небесными молитвенниками, духовными вождями родного народа. И это будет не мертвое воспоминание о заслугах пред Отечеством сих благодатных вождей, а живое общение с ними. Не думаю, чтобы и угодникам Божиим, чуждым и тени всякаго земнаго славолюбия, были угодны эти статуи-памятники, пред которыми ведь не будет и столь милаго русскому сердцу символа молитвы – горящей лампы, – статуи, стоящая среди шумной площади, оскорбляемая самым равнодушием этого шума толпы людской, – нет: иноземный это обычай, и никогда русская душа не примирится с ним, а разве только будет терпеть его...

Слава Богу, прославляющему святых Своих во утешение церкви Своей, на земли бедствующей, в укрепление немоществующей веры нашей, во свидетельство истины Православия и в показание благодати, обитающей в Церкви Православной!..

Великое искушение около святейшаго имени Божия

I

С болью сердца, с муками души издалека наблюдаю я великое искушение, попущением Божиим постигшее Святую Гору и ея, – по-видимому, только русских – насельников... Что сие значит? Восторжествует ли враг Церкви, или же смирение иноческое победит его?..

Вот что особенно страшно: сатана, доселе трепетавший пред именем Господа нашего, как именем Того, Кто сокрушил его державу, теперь построил искушение около сего имени и сеет вражду – да еще какую! – между исповедающими Господа, посвятившими себя всецело служению Господу, ради Господа отрекшимися от мира и всего, яже в мире... Какова дерзость! Но каково же и ослепление тех, кто поддался сему искушению! Неужели так оскудела духовная жизнь современных подвижников Афона, что не замечают они козней искушителя? Страшно за Церковь, которой нешвенный, Боготканый хитон хотят разорвать...

В чем дело?

Явилось учение, доселе Церковью не рассмотренное, а потому и в ея вероизложениях ни положительно, ни отрицательно не формулированное. Кратко оно выражается в трех-четырех словах: “Имя Божие есть Сам Бог”. И только. В подробном изложении оно уже говорит, что всякое имя Божие, всякое слово Божие, все откровение Божие, всякая молитва, к Богу обращенная, всякое исповедание имени Божия – есть Бог...

Темно, неясно, непонятно все это для человека, особенно для простеца. Но сие учение уже выдается как “догмат”: автор книги, в которой впервые появилось оно, схимонах Иларион, так и говорит, что он “поставил этот догмат в таком виде, в каком он не встречается нигде, кроме о. Иоанна Кронштадтского”. Но о. Иларион утверждает, что этот догмат якобы всегда содержался и содержится Церковью, но доселе был как бы сокровен.

Чтобы правильно судить о сем якобы сокровенном догмате, должно помнить, что все догматы, несмотря на всю их таинственность и непостижимость для ума нашего, тем не менее, никогда не противоречат законам нашего разума. Непостижимость еще не есть логическое противоречие. Например: Бог троичен в Лицах, но един по Существу, – вот догмат. Противоречит ли он разуму? Он непостижим для нашего ума, но законам разума не противоречит, ибо содержит в себе две истины – разные, но взаимно не отрицающие одна другую: единство сущности Божества, другая – троичность Лиц. Та к нас учили в православной догматике. Вот почему все догматы приемлются разумом, когда он смиряется пред тайнами Божественного откровения. Но в новом учении имеется логическое противоречие.

Что такое имя вообще, как мы его понимаем?

Имя есть условное слово, более или менее соответствующее тому предмету, о коем мы хотим мыслить; это есть необходимый для нашего ума условный знак, облекаемый нами в звуки (слово), в буквы (письмо) или же только умопредставляемый, отвлеченно, субъективно мыслимый, но реально вне нашего ума не существующий образ (идея). Без

такого знака наш ум был бы не в состоянии приблизить к своему пониманию тот предмет, какой мы разумеем под тем или другим именем. Наш дух, сам по себе, вне тела, может быть, в таких именах и не нуждается; но теперь, пока он заключен в телесный состав, он иначе и мыслить не может, как умопредставляемыми образами, идеями, словами, именами. Обычно имя указывает нам какая-либо свойства предмета, приближаемого к нашему мышлению, но повторяю: реально – ни духовно, ни материально имя само по себе не существует. Это почти то же, что в математике идеальная точка, линия, круг, в географии – экватор, меридиан и т. п. Таково значение имени для нашего мышления, такова его сущность.

Возьмем другое слово, входящее в формулу нового догмата: “Бог”. Самым главным, как бы всеобъемлющим признаком сего понятия в нашем христианском смысле является всесовершенная духовная *личность*. Так, и в православном Катехизисе говорится, что Бог есть Дух, духовная Личность, Дух вечный, всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, вседовольный, всеблаженный. Все другие признаки сего понятия объединяются в основном понятии личности – Духа. Этот признак должно иметь в благоговейном внимании всегда, когда мы произносим слово “Бог”.

И вот, при соединении двух, сейчас рассмотренных нами слов “имя” и “Бог” в одно предложение, в одну мысль, как это видим мы в новом догмате, является явное логическое противоречие одного понятия другому: “имя” как идея, мысль – нечто реально – ни материально, ни духовно не существующее, а “Бог” есть реальнейшее существо, самобытная сущность, основа всякого реального бытия и притом – повторяю – всесовершеннейшая Личность. Ясно, тут само собою выходит такое умозаключение: нереальное (имя) есть реальнейшее Существо, всесовершеннейшая Личность.

Такого логического противоречия и взаимного отрицания двух понятий наш разум, как отображение разума творческого, принять не может.

Защитники нового догмата говорят, что имя Божие неотъемлемо от Бога, что каждый раз, когда мы произносим имя Господа, то разумеем или призываем именно Его Самого, а не отвлеченную идею, умопредставляемый образ.

Но тогда зачем же ставить логическое ударение на слове “имя”, зачем как бы подчеркивать это слово? Зачем настаивать на имени тогда, когда разумеем Его Самого? Невольно приходит на мысль, что это нужно новым учителям по каким-то особым соображениям. И если вникнуть глубже в их учение, то становится понятным, зачем это им нужно.

Должно сказать, что хотя имя, как отвлеченное умопредставление о чем бы то ни было, отдельно от предмета реально не существует, но в процессе мышления всегда может быть отделено от того предмета, к которому усваивается. Ему может быть приписано то или другое качество, коим самый предмет не обладает. Например, об имени можно сказать: благозвучно оно или нет, легко или не легко произносимо, объемлет ли все признаки именуемого или же часть их, один из них, и подобное. Нет надобности делать исключение и тогда, когда речь идет об имени Божием. Мы употребляем его и в молитве, произносим и тогда, когда беседуем или пишем о Боге. Надо помнить еще и то, что мы существа ограниченные, а Бог неограничен, непостижим для нашего ума, необъятен для нашего слова. По благодати Своей Он открывает Себя в слове человеческом, но всякое слово наше остается ограниченным и условным, Он же безусловно всесовершен. В Его имени, в нашем слабом слове или нашем умопредставлении о Нем есть только приближение понятия о Нем к нашему уму, но не тождество – не только с самым существом Его, но

даже и с тою идеею о Боге, которая прирождена нашему духу, как неотъемлемая черта образа Божия в нас самих, которая предносится, в силу этой прирожденности, нашему уму, но не объемлется, не выражается во всей полноте своей ни одним из наших словес. Посему необходимо признать, что наша идея, наша мысль о Боге – одно, а самое Существо Божие – другое. Только при таком отделении имени как мысли о Боге от самого Существа Божия и можно здравомыслить и благоговейно рассуждать о Нем. Уже по одному этому непозволительно дерзать говорить: “имя Божие есть Сам Бог”. Бог в Существо Своем неименуем. Нет на земле достойного Его имени и на языках человеческих таких слов, которые во всей полноте обнимали бы Его Существо, все Его совершенства; и так называемыя имена Его суть только слова, указующия на то или иное Его свойство, например: *Суций (Иегова)*, русское *Бог* – указуют на Его вечность, Его приснобытие, на то, что Он самосуций источник всякого бытия; *Иисус* – на то, что Он есть Спаситель наш, нас ради воплотившийся и ставший Богочеловеком; *Христос* – на то же служение спасению рода человеческого; *Сын Божий* – Его предвечное рождение от Отца, на Его отношение к Первому Лицу Пресвятыя Троицы; *Господь* – на Его владычественное отношение к созданной Им твари и искупленным Его кровию людям, и т. п. Но если бы нашлось на языке человеческом слово или в мысли нашей представление, во всей полноте объемлющее в себе все свойства и совершенства Божии, и тогда это была бы только идея о Боге, только благоговейная мысль о Нем, наше субъективное представление, а не Сам Он по Своему Существо. Если угодно – это был бы только мысленный образ Божий, духовная умопредставляемая икона Его, а не Сам Он. Правда, когда благоговейная мысль обращается к Богу, призывая святейшее имя Его, то Господь в то же мгновение внемлет молящемуся, мало того: Он Сам дает и молитву молящемуся, но и при сем Самое Существо Божие не воплощается в идее, а лишь проявляется некая сила Божия, именуемая благодатию. И является она не потому только, что человек умом или устами произнес имя Божие, а потому, что произнес его с должным благоговением и верою, обращая и свое сердце к Богу (Существу Божию), как цветок обращается к солнцу. Не от звуков имени, не от отвлеченной идеи, не от умопредставляемого имени, а от Самого Бога льется на него луч благодати. Имя при сем является, как я уже сказал, лишь необходимым для нашего мышления условием, чтобы облечь нашу мысль в наше слабое слово, что для Бога не нужно, а для нас необходимо. Повторяю: для нас имя Божие есть только слабая тень одного из свойств или состояний Божиих, отмеченная в нашем слове или мышлении; мы и тени воздаем должное почитание, как иконе, ибо и тень Апостола Петра исцеляла болящих; но не дерзаем отождествлять сию тень с Самим Богом и говорить, что “имя Божие есть Бог”. На это не дает нам права простой, здравый разум; это на деле доказывают и сами защитники новаго догмата: несмотря на их настойчивое уверение, что имя Божие неотделимо от Лица Божия, они все же его отделяют в своем мышлении. Да и разум непременно этого требует, ибо Господь Бог есть Личность, а идея и есть только идея, отвлеченность, субъективное представление, хотя бы и внушенное, открытое Богом человеку. Раз они называют идею “Богом”, они тем самым уже признают ее личностью. Но поелику эта, уже обратившаяся, по их учению, в личность идея ими настойчиво признается “Богом”, поелику ими усиленно подчеркивается, что не только Сам Господь Бог есть Бог, но и имя Его есть “Бог”, то с логическою необходимостью из сего выходит, что как Существо Божие Само в Себе есть Бог, так и имя Его есть Бог, а сим самым в их мышлении имя отделяется в особую от Бога личность. Нет нужды делать отсюда логическое умозаключение, ведущее к какому-то двоебожию... О, конечно, они

протестуют против такого понимания, но здравый разум требует признания сего вывода с неумолимою логикою...

Исповедники нового догмата предвидят такое возражение, но для опровержения его у них недостает строго логических построений, и посему, они пускаются – с одной стороны, – в мистику, с другой, – ищут всюду авторитетов, чтобы, не входя в рассмотрение вопроса по существу, подкрепить свое учение их словами. Они говорят, что в учении о духовной жизни опыт важнее науки. Но жизнь духовная – одно, а точное изложение веры – другое. Такие великие учителя монашества, как преподобный Иоанн Лествичник и Варсонофий Великий, предостерегают монахов, даже безмолвников, посвятивших себя высшему подвигу, от занятия догматическими исследованиями. “Неизмерима глубина догматов, говорит св. Лествичник, и уму безмолвника не безбедно пускаться в нее. Не безопасно плавать в одежде, и подверженному страсти касаться богословия” (Леств. сл. 27, гл. 10–11). И когда один брат вопрошал преподобного Варсонофия: “Если в моем присутствии состязаются о вере с кем-либо из неправомудрствующих о ней, должен ли и я состязаться или нет? ибо помысл говорит мне: когда молчишь, то изменяешь вере”, – великий авва прямо и решительно отвечал: “Никогда не состязайся о вере; Бог не требует от тебя сего, но лишь того, чтобы ты веровал право, как принял от святой Церкви при крещении, и чтобы соблюдал заповеди Его. Сохрани сие и спасешься. Беседовать же о догматах не следует, ибо это выше тебя. Но молись Богу о своих согрешениях, и в сем пусть упражняется ум твой. Берегись, чтобы в сердце своем не осудить имеющих такое собеседование, ибо ты не знаешь, право ли говорят они или нет. Бог будет судить оное дело: если же будешь спрошен, скажи: простите меня, отцы святые, это выше меня” (отв. 702). В другом месте тот же святой отец вопросившему о мудрованиях Оригена, между прочим, пишет:

“Небеса ужасаются, о чем любопытствуют люди. Земля сотрясается, как они хотят исследовать непостижимое. Это догматы языческие, это пустословие людей, которые думают о себе, что они нечто значат”... (отв. 606). И святой Григорий Богослов пишет: “Не знающему богословских наук непозволительно и рассуждать о догматах веры; как больному глазами нельзя смотреть на солнце, так и неученому в богословских науках нельзя и учить о новых догматах”. Было бы очень полезно современным инокам-богословам на Афоне припомнить сии наставления св. отцев.

Излагать учение о божественности имени Божия есть дело православного богословия, а не аскетики. Опыт духовной жизни – великое дело, и многие богословы почерпали в нем благодатную помощь Божию к уразумению и выражению в своих писаниях истин веры, но не всякому подвижнику это дается. Притом, всеконечно, они не дерзали в сем великом деле полагаться на свой только личный опыт, на свои выводы из сего опыта, а строго проверяли свои мысли учением Церкви, яко единой непогрешимой хранительницы истины Божней. С великим дерзновением говорили о некоторых истинах такие подвижники, как преподобный Серафим Саровский и отец Иоанн Кронштадтский, но и они не выдавали своих мыслей за точно изложенные истины, за догматы, как это делают отец Иларион и Антоний Булатович, не дерзали составлять своих вероопределений, и ни один учитель Церкви не посмеет назвать своего личного мнения догматом, хотя бы находил и у других церковных писателей нечто, подтверждающее его мнение.

Из авторитетов новые учителя более всего ссылаются на Иоанна Кронштадтского. Но должно помнить, что, как заметил один писатель, он приобрел известность не своими учено-богословскими трудами, а подвигами и благодатными дарами. А св. Апостол Павел

говорит, что Бог разделяет Свои дарования – каждому свое. Отец Иоанн имел дар, по преимуществу, молитвы и исцелений, митрополит Филарет Московский – дар мудрости и постижения учения церковного, – иной дар. Церковь непогрешима не в отдельных своих членах, а в целой полноте своей (“плирома”, исполнение Церкви). Если бы отец Иоанн дожил до появления нового учения об имени Божиим, то, конечно, он разъяснил бы нам те выражения, которые, главным образом, полагают в основе нового догмата. Пример сему – его протесты против искажения его мыслей так называемыми иоаннитами, которых он, не стесняясь, предавал открыто анафеме. Имея в виду, что Церковь в своих вероопределениях нигде не учит так, как учат защитники нового догмата, я дерзаю утверждать, что не учил так и отец Иоанн и что смысл тех выражений, которые приводятся ими, не тот, какой они в них находят, тем более что, как оказывается, выписки взяты, в большинстве, не из подлинных записей отец Иоанна, а из перевода с английского. Подлинник же на английском языке представляет как бы пересказ, свод мыслей, а не точных слов отца Иоанна, в изложении уже англичанина, который потрудился пересмотреть дневники его и извлечь из них в своем изложении то, что ему было особенно по сердцу.

Какой же мог быть смысл у о. Иоанна в приводимых выражениях? Позволю себе ответить на сей вопрос, как это представляется возможным.

Делатели молитвы Иисусовой свидетельствуют, что “когда ум бывает заключен в сердце”, когда все духовное существо человека бывает сосредоточено на мысли о Боге, причем мысль, при содействии благодати Божией, как бы благоговейно предстоит невидимо присутствующему Богу по слову псалмопевца: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), тогда согревается сердце человека прикосновением к нему Божией благодати, и сладостно бывает молитвеннику самое имя Господа Иисуса Христа держать в своем уме, или лучше сказать, – в сердце, по слову того же псалмопевца: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Сие то состояние, испытываемое молитвенником, дает ему уверенность, что Господь внимлет его молитве, что Он, милосердый, тут, около него. – Гд е же? – вопрошает дух его, как бы желая обнять Неосязаемого? Человек привык мыслить всякое существо в каком-либо пункте пространства; в данный момент он ощущает прикосновение благодати в сердце – там, где он в смиренной любви держит и как бы лобызает имя Господа, и вот, в умилении сердца, в восторге духа он готов воскликнуть: “ Ты здесь, Ты со мною, Господь мой и Бог мой! Добро есть мне с Тобою быти!” И его мысль емлется^[27] за сладчайшее имя Божие, как бы за ризу Христову, как бы за пречистыя нозе Его. И все сие совершается столь быстро, столь неотделимо проходит один момент переживания ощущений от другого, что у молитвенника может возникнуть мысль о присутствии Самого Господа в Его имени и прикосновение лучей благодати, согревающей сердце, может быть принято или, по крайней мере, для краткости выражения в слове, названо присутствием Господа в Его имени. Хотя на самом деле все сие совершается в сердце, самое же имя не есть, как я уже выше сказал, реальное нечто, а лишь условное умопредставление, хотя бы и Самим Богом нам открытое, как необходимое для нашего мышления, чтобы обратиться мыслию к не постижимому, умом не объемлемому, словом не выражаемому Существо Божие. Здесь неприменимо понятие о вездесущии Божиим, ибо для имени нет пространства, к коему относится понятие вездесущия Божия.

Можно думать, что и отец Иоанн, переживая благодатныя состояния в молитвенном общении с Богом, свои переживания набрасывал на бумагу, не заботясь о догматической точности выражений, в своих летучих заметках или дневниках. А англичанин, человек

иных догматических понятий, иного воспитания в учении веры, изложил сии мысли отца Иоанна по-своему. При печатании же русского перевода отцу Иоанну не было времени точнее вчитаться в текст перевода и лучше оформить свои мысли в догматическом отношении, тем более, что едва ли ему могло придти на мысль, что явятся люди, которые его слова-наброски будут принимать за строго выраженный догмат. Религиозные переживания легче и свободнее выражаются в поэтических формах, нежели в точных догматических определениях. Надо и то сказать, что если один даже из великих отцов Церкви, по недоразумению, некоторое время держался неправославных мнений о вечности мучений, то тем простительнее отцу Иоанну не быть точным в выражении своих мыслей-переживаний, и он, конечно, исправил бы их, если бы кто ему указал на эти неточности.

Я довольно подробно остановился на выписках из писаний отца Иоанна Кронштадтского потому, что из всех свидетельств, приводимых отцом Булатовичем из обширнейшей аскетической литературы, этот подвижник-молитвенник выпуклее всех выразил учение о Божественности имени Господня в благоприятном для отца Булатовича виде. И не могу не высказать удивления, как мало автор “Апологии” использовал сию литературу: ведь святых отцов считается у Миня до 400 томов! Равно и из русских богословов почти нет ни одного, кроме нескольких строк из епископа Игнатия Брянчанинова, а на епископа Феофана отец Булатович бросает даже тень, будто “По богатству ума ему не давалось сокровище простоты сердечной, а ею-де только и познается Бог по имени Иисус”. Ясно, что не нашел он в писаниях сего святителя, преисполненных опыта духовного, того, чего искал, – подтверждения своих мудрований. Величайший богослов последнего времени митрополит Филарет Московский, сам мистик по своему духовному складу, им совершенно обойден, не говоря уже о других. А трудился отец Булатович много и усердно, собирая отовсюду все, что только было можно подобрать в свою пользу. И если принять во внимание, что, не находя прямых определений своего нового догмата, он выписывал места, относящиеся не только к имени Господа, но и к действиям Божиим, благодати и т. п., всячески стараясь истолковать некоторые, казавшиеся ему подходящими, выражения святых отцов (напр., Тихона Задонского, Иоанна Златоуста и др.), то нельзя не удивляться скудости и туманности избранных им мест. Приводит он того или другого св. отца, точного выражения о Божестве (т. е. что имя Божие – Бог) не находит, и начинает осыпать читателя вопросами: “Видите, видите, слышите?”... Делает выводы, прибегая к натяжкам, интерполяциям и т. п. Правда, два-три места есть для него более или менее благоприятные, и он, приведя их, торжествует. Но если бы учение сие было принято Церковью как догмат, то отцы и учителя Церкви раскрыли бы его гораздо полнее: ведь речь идет о спасительном имени Господа.

Намеренно или по незнанию греческого языка у отца Булатовича встречаются и неточности переводов в его выписках из первоисточников. Например, приводит он слова св. Феофилакта в его толковании на Деяния Апостолов гл. 2, 38: “Имя *Иисуса* есть Бог, равно как имя Отца и Святаго Духа”, но имя *Иисус* ставит вместо родительного падежа в именительный: *Иисус*, и мысль такую подменой падежа изменяется в его пользу: выходит, что самое имя “*Иисус*” есть Бог, тогда как у Феофилакта мысль просто та, что не к имени или слову *Иисус* надо относить сказуемое *Бог*, но что под именем Христовым надо разуместь Бога, второе лице Святыя Троицы, как под именами *Отца* и *Духа* первое и третье.

Особенно подчеркивает, и не раз, в своей “Апологии” отец Булатович пятое определение против Варлаама, по-видимому вовсе не подозревая, что там говорится о Божественности, а не о *Боге*, и в греческом тексте читается не *Феос*, а *Феотис* – Божественность.^[28]

И это смешение двух слов *Бог* и *Божество*, *Божественность*, у него проходит чрез всю книгу. Множество выписок он не привел бы вовсе, как к делу не относящихся, если бы различал эти два понятия. Ведь никто из православных не дерзнет и подумать, что святейшее имя Господа нашего, что все имена Божии, все словеса Божии – не святы и не Божественны, как Богу единому принадлежащая. Но *Божественность* и *обожение* – два понятия различные. Бог есть всесовершеннейшая Личность, Божественность же – принадлежность Богу, качественность предмета, и, конечно, все действия Божии – Божественны как проявления Божией жизнедеятельности и свойств Его. Но назвать их Богом значило бы обоготворить их, признать их всесовершенною Личностью, что уже противоречит всякой логике, всякому здравому понятию о Боге и свойствах Его. Вот почему и упомянутое определение Собора не употребляет ни разу слова “Бог” в отношении к действиям Божиим, а ставит слово “Божественность”. Только в неправильном переводе на русский слово “Феотис” передано словом “Бог”.

Божественные действия непостижимы и постигаются только верою. Верою мы восприимлем учение о благодати Христовой, присущей, например, святым иконам, честному кресту Господню, святой воде, святому миру и другим священным предметам. Значит ли это, что Бог присущ сим предметам всем Существом Своим – так, что сии предметы сами по себе – Бог? Но тако мыслящих Святая Церковь предаёт анафеме, повелевая воздавать св. иконам поклонение “относительно, а не боголепно”.

Понятия: Бог в Существо Своем и благодать Его – не тождественны. Мы чада Божии по благодати, а Господь наш Иисус Христос – едиnorodный Сын Бога Отца по существу. Благодатию Своею, сею непостижимою силою, сим даром Его благодати Он пребывает с нами, чадами Его благодати, присно, незримо; по вездесущию Своему, всемогуществу и благодати соприисутствует Он и всей твари, но если в этом смысле понимать Божие соприисутствие именам Божиим, то таковое будет неотлично от соприисутствия всей твари. Надо при сем помнить, что вся тварь есть реальное бытие, а имена суть лишь символы, знаки отвлеченных уопределений, существующих только субъективно в нашем сознании как необходимый элемент нашего мышления. Они, конечно, имеют содержание, но не пространственное, а идейное и вне тесных рамок нашего телесного бытия, как условные звуки и слова, не нужны. По крайней мере, язык небожителей – не наш человеческий, а каков он, – мы узнаем тогда, когда сами будем небожителями, если сего удостоимся. Следовательно, придавать силу и значение именам, как таковым, *веровать* в имена, как в нечто безусловное, как личные существа (а слово “Бог” непременно предполагает Личность) – нельзя, а если так, то и называть их “Богом” значит низводить Существо Божие в область не только сотворенных, ограниченных тварей, но и в область реально – ни духовно, ни материально – не существующих, а лишь отвлеченно мыслимых понятий. Это будет уже какой-то идейный пантеизм, на который указывает и доклад богословов Халкинской школы Вселенскому Патриарху Герману.

II

Но ужели имена Божии суть только наши умопредставления о свойствах и состояниях Божиих, хотя бы и ведомыя нам из Божественнаго откровения? Ужели они не имеют никакого практического отношения к нашей духовной жизни, к той духовной сфере, которая окружает нас?

Всёконечно – имеют; но чтобы выяснить это отношение, надобно из области догматики перейти в область психологии, в область жизни нашей души, нашего внутреннего человека. Если таинственная невеста “Песни песней” говорит своему жениху: *миро изливанное имя твое* (1, 2), если имя матери, отца, брата, друга мы не можем произносить равнодушно; если царь и пророк Давид при одном воспоминании о Боге веселился сердцем, то возможно ли, чтобы душа, любящая Господа, ищущая Его, стремящаяся к Нему, не ощущала благоухания сего духовнаго мира – сладчайшаго имени Господня? Не напрасно же Святая Церковь устами своих богодухновенных песнопений именует имя Господне *сладчайшим, всечестным, великолепым, достопоклоняемым*: ведь оно, это святейшее имя, говорит сердцу нашему о пресладком и всещедром Иисусе, а следовательно, и о всем том, в чем паше вечное блаженство, вечное спасение. Душа наша так устроена, что при каждом имени, какое она слышит, ей как бы представляется уже и духовный образ того, чье имя произнесено, а может ли она не вострепнуться благоговением при имени Божиим, если она верует искренно в Бога? Но и независимо от этого столь естественнаго чувства благоговения, мы веруем, что и Господь, призываемый в имени Его, близок к призывающим Его во истине Своею благодатию. Чтобы яснее была наша мысль о сем, обратимся к аналогии, уже принятой Церковию в ея священном предании.

Матерь Божия сказала некогда о Своей иконе: “С сим образом буди благодать Моя и сила”. И несомненно, и Церковию принято, что есть иконы чудотворныя. Но никто не называет их Материю Божией. Благодатная сила Матери Божией, или, что то же, сила Божия, Ей данная от Сына Ея и Бога, конечно, неотлучно, пребывает в Ней Самой, и чудеса, совершаемыя пред такую иконою, суть, несомненно, проявление силы Божией, присущей сим иконам. Не доска, не краски чудодействуют, а сия сила Божия по особому благоволению Божию и по вере молящихся пред иконами. Мало сего: главоотяжи^[29] и убрисцы Павловы, тень Петрова исцеляли больных по вере соприкасающихся с ними. Очевидно, не тени, не мертвым вещам верующие приписывали силу исцелений, а молитвам святых апостолов. Те м больше оснований сказать, что и имя Божие, понимаемое не как простой звук, но как некое отображение Существа Божия, или, лучше сказать – свойств Его, есть некий, конечно, несовершенный, мысленный образ Божий и ему, как бы чудотворной иконе, присуща некая сила Божия как проявление того или другаго свойства Божия. В одних случаях – например, в таинствах – благодатная, благодетельная нам по вере нашей, в других, например, при заклинаниях над демонами – правосудно карающая и пополаяющая, и в тех и в других – всемогущая. Как в одежде Христовой, к коей прикоснулась кровоточивая жена, была некая “сила”, исцелившая ее, так и в мысленном прикосновении нашем ко Христу Спасителю произнесением Его всесвятаго имени может проявляться Его сила. Но не все, прикасавшиеся Христу, получали исцеления, а только касавшиеся с верою, так и не все, призывающие Его имя, получают просимое, как Он Сам говорит: *не всяк глаголюй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21). Во всяком случае, сила Божия, именуемая благодатию, будучи, конечно, проявлением Божией “энергии”, – а

энергия несотворенна, а наоборот – сама обладает творческой силой, – тем не менее, никак не может быть совершенно отождествлена с существом Божиим.

Ведь и наши действия не суть еще наше существо, а лишь наша жизнедеятельность лишь проявление наших свойств и состояний. И как человекообразные выражения о Боге: “лице Божие, сердце, ум, десница” и т. п. не суть Сам Бог, а лишь отражение в нашем ограниченном уме свойств Божиих, притом в образах, по существу, Богу несовершенно приличествующих, так и в именах Божиих отражаются, отображаются в нашем сознании, умопредставлении те или другие, но не все вместе, свойства Божии, как солнце в зеркале: оно, это отображение солнца, и сияет и греет, заимствуя свою теплоту и свет от солнца, но не есть само солнце; так и имена не суть Бог Сам по Сущности Своей, ибо они, имена, даже не суть и существа, т. е., как сказано выше, ни материально, ни духовно не существуют, будучи в нашем умопредставлении необходимыми элементами нашего мышления. Сила Божия является в чудесах от святых икон, но когда? Когда восхощет и признает потребным для нас Господь и когда есть вера у молящегося. Аще можеш веровати – вся возможна верующему. По неверствию вашему не могли вы изгнать беса, говорит Господь Своим Апостолам. Не следует забывать, что и при постоянном упражнении в молитве Иисусовой, если это делается самочинно, без должного руководства и отсечения своего мышления и своей воли, бывают искушения от духа прелести, и подвижники гибнут. Следовательно, необходимо еще и глубочайшее смирение.

Защитники нового учения в совершении Таинств все приписывают имени Божию: нельзя, говорят они, быть уверенным, совершилось ли Таинство, если все приписывать вере совершителя или восприимлющего Таинство. Так; но они забывают веру самой Церкви как живого организма любви, как еднанаго тела Христова. Я верую в силу Божией благодати в Таинствах потому, что так верует *вся* Церковь, а я спасаюсь только в Церкви, как ее живой член, как некая, выражаясь научным языком, микроскопическая, но живая клеточка этого великаго, Духом Божиим оживляемаго организма. Вот почему всякое священнодействие, совершаемое служителем Церкви, законно рукоположенным, для меня действительно, и вера моя в его силу непогрешительна. Церковь жива и не может умереть. Если я живу в ней, – я живу ее жизнью. Ее вера – моя вера не только по внутреннему содержанию, по предмету веры, но и по принадлежности этой веры мне. Члены Церкви все *живи суть*. И на небе все та же Церковь – моя Мать, невеста Христова. Вера той, небесной Церкви, для ее членов стала отчасти уже знанием: многое из того, что для нас здесь еще непостижимо, то для них стало уже очевидно; многое, чего я еще не понимаю своим ограниченным умом, – для них стало аксиомой. Правда, и они ограничены в видении, яко существа сотворенныя, но мы, плотию облеченные, многого не можем познать из того, что ясно для безплотных, и я, как живой член единой во Христе Церкви, моею немощною верою становлюсь причастником этой веры – знания членов Церкви, на небесах сущей. И я верую во все то, во что верует моя мать-Церковь, что она выразила в своих вероопределениях и символах, что приняла и хранит в предании священном, засвидетельствованном у святых отцев. А какой-либо “догмат”, Церковию ясно не выраженный, всюю полнотою (плиромою, исполнением) Церкви не воспринятый, не сформулированный, я боюсь принимать, пока Церковь сама не выяснит своего к нему отношения.

Думать, что Таинства совершаются только именем Божиим, его произнесением, значит мыслить по-латински: латины верят в так называемое *opus operatum*: раз произнесена

известная формула – Таинство уже совершено, – так сказать, механически. Латинский паптер, не желая утомлять себя постом до совершения литургии, пред ее совершением берет хлеб и вино, произносит над ними слова Спасителя и употребляет их, уверенный, что он поста не нарушил, ибо он уже причастился св. Таин (а по уставу их церкви он может совершать хоть две-три литургии в день). По нашему же это – кощунство.

Вспомните чудную молитву св. Златоуста пред причащением св. Таин: “Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго... Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое и сия есть самая честная Кровь Твоя”... Не говорит великий Святитель: “еще верую, яко сие – подлежащее мне – есть Сам Бог Всесовершенный, Богочеловек”, а говорит: “сие есть Тело Твое, Кровь Твоя” и только... Но ведь, Сам Господь сказал: *ядый Мою плоть и пий Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем... ядый Мя той жив будет во веки...* Значит, в теле и крови Спасителя, в сем животворящем – по виду хлебе и вине – Сам Он – Бог всесовершенный? Вывод несомненный, и по логике защитников нового “догмата” следовало бы сказать прямо, что св. Таины – Сам Бог. И мы действительно воздаем им боголепное поклонение. Однако же Церковь, веруя так, нигде прямо сей веры не выражает в словесной формуле, как бы всякое слово человеческое почитая недостаточно благоговейным для выражения величайшей тайны любви Божией к нам, грешным, и щадя немощь нашего разумения... Вспомните несчастного безбожника графа Толстого...

Беру еще аналогию или пример.

Что есть крестное знамение? Это – действие человека рукою в воздухе, изображающее крест Господень. Это – не реальный предмет, ни физический, ни духовный. Это внешнее изображение действием идеи, мысли, учения о нашем спасении страданиями нашего Господа. Это – то же в области действия, что звук, слово в области речи. И вот наше, Церковию усвоенное отношение к сему св. знаку, точнее – знамению: мы веруем, что Господь силою честного и животворящего креста Своего, то есть, чрез его посредство, творит чудеса и совершает Таинства, ибо что есть и всякое Таинство, как не чудо Божие? Чем же является Господень крест и знак, знамение крестное? Конечно, не Богом, а лишь средством, чрез которое благодать Божия проявляет свою силу. Господь не нуждается в сем посредстве, а нам, нашей немощи, оно необходимо, ибо мы живем в условиях пространства и времени. И видит враг Бога и людей знамение крестное, и вспоминает победу над ним Распятого на кресте, и трепещет, и трясется, по выражению песни церковной, бежит пред лицом креста, пред одним напоминанием о кресте. Бежит аки пес, видя жезл коим его били. Тут Господь дал нам крест, яко оружие на диавола. Не движение руки нашей страшит его, а палит его сила Божия, присущая, волею Господа сопровождающая самое напоминание о Распятом на кресте. Та к хочет Бог, так и бывает при условии нашей веры. Для верующих несомненно присутствие благодати Божией при совершении с верою крестного знамения. Но можно ли сказать, что крестное знамение есть Сам Бог, в ней действующий? Конечно, где проявляется сила Божия, там и Господь, но одно – вера в присутствие всемогущей силы Божией, другое – обожествление самого действия, движения рукою для крестного знамения. Говорю: движения, ибо без сего движения не будет и крестного знамения. А между тем, новые учителя утверждают, что самое действие Божие есть Бог. Скажу больше: Церковь даже обращается молитвенно к сей Божией силе: “непостижимая и божественная сила честного и животворящего креста, не остави нас, грешных”. Что есть сия “непостижимая сила?” Есть ли это особый ангел Божий, ангел креста Христова, как есть ангелы храма, ангелы града, или же

непосредственное действие Божия всемогущества, привлекаемое смирением веры верующих, – в том и другом случае обращение нашего верующего сердца восходит к Распятому на кресте Господу Иисусу. И, тем не менее, мы не отождествляем Его Личности с Его действием, движением, так сказать, Его всемогущества, сего Его неотъемлемого свойства, с Ним Самим. Такое различие Личности от свойств ее необходимо для нашего правильного мышления. Бог есть всесовершенная Личность, обладающая всеми, как ведомыми нам, так и неведомыми свойствами и совершенствами, и только в сем смысле мы можем называть Его Богом. Каждое из Его свойств и совершенств в отдельности в нашем мышлении не есть еще, так сказать, полная Личность, а лишь то или другое свойство этой Личности, хотя по природе своей и не отделимое от Нея, но в нашем мышлении, как неспособном в один момент созерцать все совершенства Божия во всей их совокупности, по необходимости мыслимое особо. Вот почему, во избежание смешения понятий о Боге как Личности с понятием о каждом Его свойстве в отдельности, Церковь не приняла для сих свойств названия “Бог”, в то же время называя их “божественными”, даже “божескими”, т. е. свойственными только Богу единому, но не “Богом”. Такое отношение к свойствам Божиим, такое строгое различие в нашем сознании Личности Божией от ее свойств предостерегает нас от многих заблуждений в богословствовании. Зная, что благодать Божия, действующая в Таинствах, проявляющаяся в благодатных состояниях верующих, являющаяся в чудесах при святых иконах, святых мощах, в разных обстоятельствах нашей жизни, есть воздействие Божие на нас, мы, однако же, не называем самого сего воздействия “Богом”, а именно – только Божиим воздействием, т. е., не самым Существом Божиим, Личностью Бога, а проявлением свойств Божиих: преимущественно – премудрости, благодати и всемогущества Его. Да и нет никакой необходимости называть Божие действие Богом, ибо довольно для верующего сказать, что “так Бог действует”, чтобы он понял, Кто виновник действия и что само действие и есть только Его действие, проявление Его свойств, Сам же Он есть и действует вся во всех. Само собою разумеется, что всякое “действие Божие” не есть нечто само по себе тварное, действие твари, а напротив, само обладает силою творчества, как проявление Божия всемогущества. Не отделяя “действия” Божия от Бога, мы и не отождествляем его с Богом как Личностью, когда говорим о нем.

Я подробно остановился на понятии о благодатной силе Божией в отношении крестного знамения потому, что это понятие ближе других подходит к понятию об имени Божиим. *Дал еси знамение боящимся Тебе, Господи, крест Твой честный*, поет Церковь, *дал еси оружие на диавола*. То же можно сказать и об имени Божиим: дал еси знамение – имя Твое, Господи, ибо призываемое в молитве не как нечто отвлеченное, но как Тебе единому принадлежащее, как необходимый для нашего мышления знак, “знамение”, оно так же, как и крестное знамение, страшно врагам Твоим и нашим. Трепещет бо и трясется враг – не звуков сего имени, но Того, Кто именуется им, Кого мы разумеем, произнося сие имя. И все, что выше сказано о крестном знамении, можно относить и к имени Божию. Как крестное знамение мы не называем Богом, дабы свойств Божиих, в нем проявляемых, не смешивать с Личностью и Существом Божиим, так и имя Божие не называем Богом, дабы не подать повода простецам к неправильным толкованиям и неправославному мудрованию.

На это дает нам право св. Василий Великий, когда говорит в своем письме к Амфилохию: “Мы утверждаем, что знаем Божие величие, Божию силу, премудрость, благодать и промысл, с каким печется о нас Бог, и правосудие Его, но не самую Сущность.

Кто утверждает, что не знает Сущности, тот еще не признается, что не знает Бога, потому что понятие о Боге составляется у нас из многого, нами исчисленного. Но говорят, – продолжает вселенский учитель, – Бог прост, и все, что исчислил ты в Нем, как познаваемое, принадлежит к Сущности. Но это – лжеумствование, в котором тысяча несообразностей, – возражает Святитель. – Перечислено нами многое; ужели все это имена одной Сущности?.. Действования многообразны, но Сущность проста. Мы же утверждаем, что познаем Бога нашего по действиям, но не даем обещания приблизиться к самой Сущности, ибо хотя действия Его и до нас нисходит, однако же Сущность остается неприступною”.

Из сего видно, что если св. Василий Великий находит возможным познавать только свойства Божии по Его действиям, а не самую Сущность Божию, то тем паче не подобает смешивать в одном имени “Бог” свойств Его и самой Сущности, Личности Божией. Те м менее оснований говорить, что имя Божие и есть Сам Бог, ибо Бог только и именуется по Своим свойствам, будучи неименуем по Своей Сущности.

III

Но каким путем защитники новаго догмата могли дойти до своих убеждений? Как могло образоваться в их сознании такое странное смешение отвлеченнаго умопредставления о Боге с Самою Личностью Бога, обладающею всеми совершенствами?

Попытаюсь это объяснить, насколько сие представляется мне возможным.

Прежде всего, думаю, виною такого смешения понятий является простота людей, не знающих законов логики и не умеющих разобраться в отвлеченных понятиях, а потому и смешивающих сии понятия с конкретно существующими предметами, например, идею, мысль о Боге – с Самим Богом, понятие о благодати – с Самым Существом Божиим и т. п. А ближайшим поводом к такому смешению явилось полное незнание еврейскаго мирозерцания, а отсюда, конечно, и словоупотребления.

От веков древних принято, в знак особаго почтения к высокопоставленным людям обращаться к ним в изысканных выражениях, или в третьем лице, или во множественном числе, или же указанием на их высокое положение, нравственные качества и т. п. Отсюда: “вы” вместо “ты”, “ваша светлость”, “ваше сиятельство”, “величество” и подобное. Та к принято и у нас доселе. У евреев для этого употреблялось слово “имя”: “имя твое” вместо “ты”. Дело в том, что слово (**шем**) имеет разныя значения в Библии: например, в книге Бытия 11, 4 говорится: “сделаем себе имя” (**шем**). Это говорят строители вавилонской башни. Значит, тут речь о символе гордыни – о башне до небес. Во 2 книге Царств 8, 13 о Давиде говорится, что он, возвращаясь из похода, “сделал себе имя”, (**шем**), т. е., увековечил о себе память. У пророка Исаии 55, 13 говорится: “вместо крапивы возрастет мирт, и это будет во славу Господа”. Еврейский оборот речи (**шем**), который LXX переводчиков перевели словом, позволяющем заключить, что здесь (**шем**) значит “слава”, как и переведено в русском тексте. Выражение “ради имени”, например, в псалме 79, 9, находит себе пояснение в том же стихе “ради славы имени”. В 3 книге Царств 3, 2 говорится: “не был построен дом имени Господа”, т. е., не было построено дома, как обиталища Господа, так как ясно, что скиния и храм Соломоном были сооружены не для обитания “имени”. Вообще, в Ветхом Завете слово **шем** употребляется в значении “слава”, “знак”, “память”, “памятник”, как это установлено гебраистами.^[30] Нередко в Библии

слово “имя” употребляется как метонимия, как часть вместо целого. И это словоупотребление перешло даже в Новый Завет, например, в книге Деяний, глава 1, 16: “бе же имен народа вкупе сто двадесать” – слово “имен” стоит вместо слово “человек”, как и переведено в русском тексте. Из всех этих значений чаще всего слово “имя” употребляется в отношении к Богу в смысле “слава”, да и самое слово (**шем**) можно рассматривать, по мнению гебраистов, как производное слово от глагола (**шамар**), что значит “быть высоким”, “служить знаменем или знаком”. Следовательно, когда еврей говорил в молитве Богу “имя Твое”, то сие было равносильно выражению “слава Твоя”. Таким образом, “имя” идейно для еврея было то же, что для нас “икона”, и честь, воздаваемая “имени”, восходила на Того, Чье имя было произносимо.

Если мы глубже задумаемся в психологию верующего еврея времен библейских, то нам станет еще понятнее такое словоупотребление.

У всех народов были свои боги, носившие, как и люди, свои имена. Еврей знал из Божественного откровения, что все эти боги – ничто, что только он, еврей, знает единого истинного Бога, Бога, умом не постижимаго, а посему в смысле человеческого и не именуемаго, обладающего в бесконечной мере всеми совершенствами, как теми, какия приписывали своим лжебогам язычники, так и теми, о коих язычники и понятия не имели, да и теми, которые и ему, еврею, Бог не благоволил открывать и они сокровенны в Боге. Знал, что сей Бог, непостижимый, неведомый, по Своей бесконечной благодати открывающий Себя людям в меру их ограниченности, не может и наименован быть на языке человеческого одним каким-либо словом (если о делах Божиих Церковь исповедует: ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих, то что сказать может язык смертных о Самой Сущности Божией?), а потому, в глубоком благоговении к сему всесовершеннейшему Существу, еврей называл своего Бога словом “Бог” во множественном числе: “*Боги*”, “*Элогим*”, означая сим как бы необъятность для мысли человеческой всех Его совершенств, или же вовсе не произносил святейшаго слова “Бог”, заменяя это слово местоимением третьяго лица “Он”. А когда Бог открыл Моисею святейшее Свое имя “*Иегова*”, то еврею, начертывая только четыре согласных буквы сего слова, гласные сохраняли в тайне, передавая устным преданием гласные звуки от одного первосвященника к другому. Когда же в письме появились гласные (коих прежде не было вовсе), то подставляли под слово Иегова гласные знаки от другого имени Божия – Аднай. Вследствие сего, с течением времени, в народе утратилось самое произношение имени *Иегова*, одни читали сие имя Иегова, другие – “Ягве”, иные – иначе. Затем, в книгах ветхозаветных писателей, где встречалась нужда ставить имя Божие, нередко вместо собственного имени ставилось просто нарицательное слово “имя” с притяжательным к нему “Божие”, “Господне”. Нечто подобное сему, хотя уже не по тем чистым побуждениям благоговения к имени Божию, а по лукавующему мудрованию, избегая употребления имени Божия, евреи употребляли в своих клятвах слова “небо”, “земля”, “алтарь” и под., в чем обличал их Господь наш. В их софистически настроенном мышлении казалось, что они не нарушали такими клятвами 3-й заповеди Божией, воспрещающей употребление имени Божия всуе.

Вот объяснение, почему чрез Ветхий Завет, а затем, поелику Апостолы почти все были еврею, то и в Новом проходит эта особенность словоупотребления, несвойственная другим народам и языкам, эти постоянные метонимии, эти описательные выражения: “имя Господне”, “имя Божие”, вместо “Господь, Бог” и под. Вместо того, чтобы сказать: “Хвалите Господа” – говорится: “Хвалите имя Господне”, вместо: “буди, Господи,

благословен” – “буди имя Господне благословенно” и так далее – во множестве. Множество текстов, приводимых в “Апологии” иеромонаха Антония Булатовича, представляют примеры таких метонимий, которым он совершенно напрасно пользуется для доказательства якобы правильности своего нового догмата, что “имя Божие есть Бог”. Во всех таких цитатах стоит только прочитать слова Писания с опущением метонимии, как убеждаешься в этом, особенно если принять разнообразное значение слова “имя” в еврейском тексте Библии. Само собою понятно, что в таких местах везде выражение “имя Божие” стоит вместо слова “Бог”, но отсюда отнюдь не следует, что самое имя должно почитать “Богом”.

Новое учение последователей о. Илариона и о. Антония Булатовича не поняло и не приняло во внимание этой особенности еврейского словоупотребления вообще и в отношении к имени Божию в особенности. Это учение склонно придавать самым словам, означающим имена Божии, какое-то мистическое значение, как реальным сущностям. Если сам о. Булатович еще не сливает понятий “Существо Божие” и “имя Божие”, то его последователи-простецы, готовые душу положить “за имя Христово”, уже не далеки от сего. А такое отождествление в одном понятии Сущности Божией и Имени Божия, такое смешение слов и понятий в простых умах может повести к суеверию. Известно, что у индийских йогов есть таинственное слово: “ооммани-падме-хум”, у египтян было такое же слово “тодтт” – слова магическая, произнесение коих, по их верованиям, должно иметь магическое действие: раз произнесено слово – действие должно-де следовать независимо уже оттого, кто произнес его. Ко временам Иисуса Христа, вследствие упадка благочестия под влиянием лицемерия фарисейского и развращенности саддукейской, исказилось и истинное понимание учения о Боге и сложилось суеверное понимание имени Божия, как это видно из их пасквиля на св. Евангелие Маасе “Иешу га-Нацри” (История Иисуса Назарянина) или “Тольдот Иешу” (Родословие Иисуса).^[31] Евреи понимали имя Божие именно как некое таинственное слово, как талисман, которым можно механически творить чудеса. Нечто подобное сему, особенно при дальнейшем развитии учения об обожествлении имени Божия, усматривается и у Булатовича. Несмотря на его протест против обвинения его в том, что он обособляет, как бы отделяет имя Божие от Самого Бога, когда утверждает, что имя Божие есть Бог, обвинение это остается в силе, ибо, говоря так, он мыслит имя Божие как нечто реальное, а не умопредставляемое только. Он не отличает Существа Божия, действия Божия от проявления свойств Божиих в Божией деятельности, наконец – от Божией благодати. Что есть благодать? Конечно, непостижимая и божественная сила Божия, Божие волеизволение в действии всемогущества и благости Его, но это еще не есть Самое Существо Божие, как это говорит св. Василий Великий. Мы склоняемся и пред волею земного Царя, когда слышим ее, но самого волеизъявления не отождествляем с лицом Государя – законодателя. Мы повинемся, когда представитель власти объявляет нам именем закона то и то, но повинемся не имени, не букве, не слову, а воле законодателя. Мы сердцем восприимлем благодать Божию, но самый акт ее воздействия на нас, признавая проявлением силы Божией, не отождествляем с Существом Божиим. Мы не обращаемся с молитвою к Божией благодати: “Благодать Божия, посети нас!” Но молимся: “Посети нас, Боже, Твоею благодатию!” Если же в поэтических настроениях мы иногда как бы обращаемся молитвенно к Кресту Господню или ко Гробу Его, то делаем сие, не олицетворяя сих предметов, а вознося свой ум к Освятившему их прикосновением пречистаго тела Своего. Иначе понимать такие обращения – значило бы мыслить по латинскому мудрованию. У

латин как бы отделяют “сердце Иисусово”, “Тело Иисусово” и устрояют им особые праздники. Та м Лойола сочинил особую молитву с такими делениями:

*Душа Иисуса, освяти меня,
Тело Иисуса, спаси меня,
Кровь Иисуса, упои меня,
Вода от ребр Иисуса, очисти меня,
Страсти Иисуса, укрепите меня,
О, благий Иисус, услышь меня!*

Еще можно мыслить, хотя и без особаго в данном случае смысла, отдельно: тело, душу, кровь, воду как реальные предметы, но мыслить таковыми “имя” невозможно, если не соединять с таковым мудрованием некоего мистического, даже магического значения, что будет уже делом грешным, ибо тогда имя Божие будет употребляться как магическое – боюсь сказать – волшебное слово...

Когда Господь говорил иудеям о Таинстве причащения, о питании Телом и Кровию Его, иудеи поняли это в грубом смысле и сказали: *како может Сей нам дати плоть Свою ясти? Жестоко слово сие...* И те, которые учат, что в Самом имени Божиим пребывает Бог, что самое имя Божие есть уже Сам Бог, – проводят не духовное учение, а грубо чувственное, ибо для них, незаметно для них самих, имя Божие становится Богом, как бы отделяясь от Самого Бога. Между тем, в Евангелии и книге Деяний Апостольских мы читаем вот что: евангелист повествует, что некто именем Иисусовым изгонял бесов и апостолы запретили ему, но Господь не одобрил такого запрещения. А в Деяниях сыновья некоего Скевы первосвященника делали, по-видимому, то же, что и упоминаемый в Евангелии человек, но бесы не только не слушались его, но и дерзко на него нападали. Откуда эта разница? В первом случае, видимо, действовал человек близкий к вере в Иисуса Христа, и Господь незримо помогал ему, а во втором – какие-то спекулянты, хотевшие действовать именем Господа как магическим средством, как талисманом, и Сердцеведец не попустил им сего. Та к же объясняется и обращение язычника, который, следуя примеру мученика, стал в виде опыта, но с доброю целию, призывать имя Божие и уверовал во Христа. Господь, трости сокрушенной не преломляющий, с любовью отнесся к сему младенцу веры и обратил его к Себе чудесным прикосновением Своей благодати к его сердцу, как обратил и волхва Киприана, призвавшего имя “Бога Иустины” и оградившего себя крестом. Итак, кроме произнесения устами или умом имени Господа, нужна еще смиренная вера, хотя бы в ея “зерне горушне”, как это было у упомянутых язычников, чтобы призывание имени воздействовало.

Та к именно учит и отец Иоанн Кронштадтский, на которого любят ссылаться защитники новаго учения. Вот его слова: “Везде всемогущий творческий дух Господа нашего Иисуса Христа, и везде Он может даже не сущая нарицати яко сущая (Мф. 28, 20). А чтобы маловерное сердце не помыслило, что крест или имя Христово действуют сами по себе, эти же крест и имя Христово не производят чуда, когда я не увижу сердечными очами или верою Христа Господа и не поверю от сердца во все то, что Он совершил нашего ради спасения”.

Я рад бы был не утверждать, но очень боюсь, что в новом учении о том, что имя Божие есть Бог, сокровенно для самих, исповедующих сие учение, в зачатках уже таится желание

найти путь спасения возможно легкий... В самом деле, что может быть легче: повторять имя Божие хотя бы на первый раз механически, без участия сердца, и оно, как Бог само в себе, разогреет твоё сердце и просветит его, очистит и преобразует, и ты спасешься. По крайней мере, некоторый намек на такое учение есть в книге о. Илариона. Но правильно ли оно? Правда, у святых отцов указывается на благодатное действие молитвы Иисусовой, но ведь везде и всюду подразумевается и настойчиво предписывается подвиг самопонижения к молитве, борьба с самим собою, глубочайшее смирение и самоосуждение. К молитве механической, без участия сердца, без томления его, святые отцы применяют слова Спасителя: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю?* И слова псалма: *молитва его буди в грех*. Небрежная молитва, рассчитанная только на число строк и поклонов, в сущности, есть только самообман, нарушение 3-й заповеди Божией, как произнесение имени Божия всуе. Главное дело не в звуках или словах молитвы самих в себе, не в том или другом имени Божиим, а в смиренно покаянном расположении сердца, привлекающем благодать Божию. И Господь говорит: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих?..*

Из всего, что писано защитниками нового догмата, видно, что они:

1) Под словом “Бог” разумеют не Личность, а нечто, в духовном, конечно, а не материальном смысле, пантеистическое, ибо, по их учению, всякое свойство Божие, всякое действие Божие, слово Божие, заповедь Божия, все откровение Божие, всякое проявление благодатных дарований, мирное и чистое чувство в душе, Богом оправданной, все плоды Духа, самая молитва и имя Иисус – все сие есть “Бог”, даже “исповедание имени Иисусова в Иисусовой молитве есть Сам Господь Иисус Христос”.

Вот их понятие о Боге. Но при таком понятии о Боге где же личность как существеннейший признак такого понятия? Слова Спасителя: *глаголы, яже Аз глаголах, дух суть и живот суть*, они понимают по-своему и слова: дух и живот пишут с прописной буквы.

2) Посему всем именам, словесам и действиям Божиим они придают особый мистический смысл, в силу коего они все сие и почитают Богом.

3) Во всем этом усматривают некий сокровенный смысл, может быть, и им не постижимый, но в который они слепо веруют, и сию веру пытаются оправдать учением, что им открываются тайны, не постижимые ученым богословам, которые-де неопытны в духовной жизни и не в состоянии судить о ея сокровенных явлениях, как слепой не может судить о цветах. К таким ученым о. Булатович относит и великого подвижника последнего времени святителя Феофана Затворника, о котором он говорит, что ему “по богатству ума не давалось сокровище простоты сердечной, а ею-де только и познается Бог по имени Иисус”.

Вопрошаю: можно ли с строго церковной точки зрения допустить такое как бы обособленное от общего учения Церкви учение?..

IV

В предшествующих номерах “Троицкого Слова”, в своем дневнике, я поместил доклад мой Святейшему Синоду по поводу нового лжеучения, появившегося на Афоне. В дополнение к сему докладу помещаю те листки, которые составлены и изданы мною уже

на Афоне, с целию дать простым людям средство разобратся в ереси, вдумываясь в учение Церкви и св. отцев.

№ 178

Как учит Святая Церковь об именах Божиих

(Выписки из св. отцов и церковных вероопределений)

Имя и предмет, им обозначаемый, не одно и то же

Иное — предмет, по своей природе подлежащий названию, и иное — название, обозначающее предмет. Бытие — не одно и то же с именованием (Св. Григорий Нисский. *Опровержение Евномия*, кн. 12, ч. VI, стр. 373, 328).

Всякое имя есть некоторый признак или знак какой-либо сущности (стр. 495).

Слова суть как бы тени предметов, (стр. 325).

Наименования не из самого естества проистекают, но прилагаются к предметам нашей мыслию, (стр. 315, 323).

Употребление слов и имен придумано после сотворения людей, (стр. 329).

Бог есть Создатель вещей, а не имен, не имеющих существенности и составленных из звуков голоса и языка (стр. 373).

Имена означают только сущности, а сами не суть сущности (Св. Василий Великий. *Опровержение на защитительную речь нечест. Евномия*. М. 1857, ч. 3, стр. 153).

У Бога нет ни голоса, ни вида, но Он выше образов и звуков (Св. Иоанн Златоуст. *Толкование на Евангелие от Иоанна*, т. VIII, стр. 268).

Выражение: *рече* (Бог) несколько не указывает на голос и речь Божию, но на волю Божию (Св. Григорий Нисский, ч. VI, стр. 356).

“Глаголы, яже глаголю вам, дух суть”... сказал: дух, вместо того, чтобы сказать — духовные (Св. Иоанн Златоуст. VIII, 310).

Слова Христовы, телесно произнесенные, не суть сущность Духа Святого (Св. Григорий Палама. *2-е слово против латинян*. У Игумена Модеста, стр. 42).

Имена Божия явились после создания человека, нужны только нам, а не Богу, и сами по себе не Бог

Не ради Бога, а ради нас измышлены имена для усвоения понятия о Сущем, т. е. о Боге (Св. Григорий Нисский, VI, стр. 331).

Усвояемая Богу имена недавни сравнительно с Самим Богом, ибо Бог не есть речение и не в голосе и звуке имеет бытие (стр. 324).

Всякий ум и слово бесконечно далеки от Бога, чтобы быть Ему подобными (Св. Дионисий Ареопагит. *О небесной иерархии*, стр. 9).

А если имя Его страшно, то не гораздо ли более самое существо Его? (Св. Иоанн Златоуст. *Толкование на 110 псалом*).

Не Бог еще то, что мы представляем себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразили, или чем описало Его слово (Св. Григорий Богослов. *Творения*, М., 1844, ч. 3, стр. 21).

Мы не знаем имени, которое бы обнимало Божеское естество. А слово, посредством имени объясняющее Божественное существо, подобно тому, кто собственною дланию думает обнять все море (Св. Григорий Нисский. VI, стр. 92, 332).

Бог не есть имя (Св. Иустин мученик. *Апология* 11, 6, М. 1864, стр. 120).

Бог не имя (Св. Иоанн Дамаскин. О мучении Св. Вавилы).

Иисус есть имя Сына Божия по плоти, принятое Им по воплощении

Иисусом назван для того, чтобы под именем Иисус скрыть от диавола Его Божество (Св. Иоанн Златоуст. VII, 18).

Господь назван Иисусом Христом потому, что облекся в плоть. Иисус – имя Его по плоти. (II, 891).

Господь принял название Христа не до воплощения, как лжеумствуют некоторые... Слово тогда получило название Иисуса Христа, когда Оно стало плотью (Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение правосл. веры, М. 1855, кн. IV, гл. 6, стр. 228–230).

Иисус Христос – имя Сына Божия, а не всей Св. Троицы (Св. Димитрий Ростовский. Твор., изд. Сойкина. Спб. 1910, стр. 78).

Имена Божии должно почитать наравне с св. крестом и иконами, а не как Самого Бога

Что имя Иисуса Христа Распятого, с верою произнесенное движением уст, то же самое есть и знамение креста, с верою сделанное движением руки или другим каким образом представленное (Пространный христианский катехизис. О крещении. М., 1840, стр. 82).

Имя Божие называется святым, конечно, не потому, что в самых слогах имеет некую освящающую силу, но потому, что свято и чисто всякое свойство Божие (Св. Василий Великий, в толковании на псалом 32).

Иконное изображение указывается евангельскими повествованиями, евангельское повествование указывается иконными изображениями. Чествовати их не истинным богопочтением, еже подобает Единому Божескому Естеству, но... честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу (Определение VII Вселенского Собора).

Вечная память верующим, возвещающим... что одинаковую приносит пользу как посредством слова возвещение, так и посредством икон истины утверждение.

Как очи зрящих освящаются честными иконами, так и уста освящаются словами (Определение Константинопольского собора 842 года, читавшееся в неделю Православия. Синодик в неделю Православия. Одесса, 1893, стр. 6–7).

Что означает слово «веровать»?

Есть слова, к которым мы так привыкли, что не задумываемся над их смыслом: так ли мы их понимаем, как должно. Таково слово: “веровать”. Из споров об имени Божиим выяснилось, что простые люди понимают это слово так: веровать значит признавать за Бога. Веровать во имя Божие, говорят они, значит: самое имя почитать за Бога. Берут Евангелие, вычитывают все места, где Спаситель или св. евангелист употребляют это выражение, и, с полным убеждением, что они правы, показывают эти места тому, кто не разделяет их убеждений, паче же рещи – заблуждений.

Между тем, ни в одном месте св. Писания, ни в Евангелии, ни в посланиях Апостольских, нет такого учения, будто имя Божие есть Бог и веровать в него следует как *в Бога*. Это уж неправильное толкование самих имепоклонников.

Как же следует понимать это выражение, эти два слова, чтомыя в св. Евангелии: *веровать во имя Его*, то есть во имя Господа?

Надобно прежде всего вникнуть в точный смысл одного слова: *верую*. А смысл этого слова становится совершенно ясен, когда прочитаем весь Символ Православныя веры, от начала до конца. В этом великом исповедании веры, составленном святыми отцами первого и второго Вселенских Соборов, на все века, для верующих всех веков и народов, с строгим заветом последующих Вселенских Соборов: отнюдь не изменять в этом Символе веры ни единого слова, – в этом, говорю, Символе веры, во-первых, нет выражения: “верую во *имя Божие*”, во-вторых: стоит во главе всего одно слово *верую*, и затем перечисляются те истины, которые восприимлются сердцем верующаго православнаго христианина и чрез веру усвоятся его умом. Первая святейшая истина – учение о трех Лицах Пресвятыя Живоначальныя Троицы: *верую во единого Бога Отца, и во единого Господа Иисуса Христа (а не во имя Его), Сына Божия Единородного, и в Духа Святаго Господа Животворящаго*. В сих членах веры излагается учение Церкви о свойствах Божиих, об искуплении рода человеческого крестною смертию воплотившагося Сына Божия, вообще, о всем домостроительстве или промыслении Божиим о спасении людей, о последнем суде Сына Божия, о третьем Лице Святыя Троицы – Духе Святом. Достоинно внимания, что святые отцы не сочли нужным вносить особаго учения о вере в имя Божие в Символ веры, хотя вопрос об этом был поднят еще в те времена лжеучителем Евномием, котораго обличали такие великие отцы Церкви, как Василий Великий и особенно Григорий Нисский, и осудил Второй Вселенский Собор.

Учение о Лицах Святыя Троицы занимает в Символе веры восемь членов. Далее святыи Символ говорит: *во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь*. Тут, конечно, подразумевается то же слово: *верую*. Верую в Церковь... Что же это значит? Ведь если слово *верую* надо понимать так, как его понимают имеславцы, то выходит, что Церковь есть Бог. Они ведь думают, что слово *верую* везде значит: признаю за Бога. Верую в Церковь, по их разумению, и надо бы понимать: признаю за Бога Церковь. Но никто из них этой ереси не говорит. Никто Церковь Богом не признает. Что же значит тут слово *верую*? Очевидно – не то, что разумеют имеславцы. И действительно, оно не только тут, но и везде значит: приемлю сердцем и умом, за послушание Церкви-матери, то, что она предлагает мне в своем исповедании как о себе самой (*верую в Церковь*), так и о всех истинах, ею возвещаемых в ея Символах, вероопределениях святых Соборов Вселенских и

поместных, в согласном, единомысленном учении св. отцев, – приемлю, ничтоже вопреки глаголя, хотя и не все сие умом моим постигаю, приемлю сердцем за святую истину и устами исповедую сию истину.

Вот что значит слово *верую*. В этом смысле святая Церковь верует в силу честного и животворящего креста, верует в силу спасительных Таинств, совершаемых благодатию Духа Божия, верует и в спасительную силу молитвенного призывания Господа Бога посредством имени Его, страшного для демонов. И не одно только имя Господа “Иисус” Церковь понимает под словом “имя Божие”, а всякое слово, каким Церковь обывкла призывать Господа в своих молитвах. И мы веруем в силу благодати Божией, призываемой чрез благоговейное произнесение в молитве имени Божия с верою, но самого “имени”, ни звуков, ни букв, ни даже умопредставления нашего – Богом не почитаем, следуя точному учению Православной Церкви об имени Божием, изложенному в Пространном Христианском Катехизисе, где говорится:

“Что имя Иисуса Христа Распятого, с верою произнесенное движением уст, то же самое есть и знамение креста, с верою сделанное движением руки или другим каким образом представленное”.

Здесь имя Божие приравнивается к крестному знамению, а крестное знамение никто Богом не почитает. И заметьте: это – не частное мнение какого-либо учителя Церкви, это – учение самой Церкви, изложенное в учебной книге для всех верующих, в Катехизисе, который представляет собою точное исповедание веры, неизменное, непреложное, не подлежащее никакой критике частных людей, какие бы это ни были ученые богословы. Вот что значит Катехизис; вот как учит он об имени Божием.

№ 180

Мое доброе слово «имеславцам»

После многих увещаний, разъяснений, свидетельств и доказательств посредством выписок из святых отцов и учителей Церкви, я еще раз обращаюсь к монашеской совести тех, которые изобрели себе название “имеславцев”, и говорю им:

Станьте в своей совести пред лицом Божиим и скажите, не кривя душой: так, вы порешили, что и два Вселенских Патриарха, и Всероссийский Святейший Синод, и все святители Православной Церкви, смиренно во единомыслии приявшие послание Святейшаго Синода и грамоты Патриархов, – все они впали в ересь “имеборства”, и только вы, одни вы, именующие себя “имеславцами”, остались непогрешимы в учении об именах Божиих?.. Значит, все мы, все верные сыны Церкви, – а нас, не забудьте, – сто миллионов, – по вашему – еретики, а вы, горсточка афонитов, не умеющая даже читать св. отцов на тех языках, на каких они писали, – вы, без епископа, а следовательно, и без Церкви, – вы непогрешимы?..

Подумайте: куда вы зашли с своими мудрованиями! Простите слово жестокое, но правдивое: сколько же надобно иметь гордыни, чтобы поставить себя выше всей Церкви, обвинить и осудить ее всю – все сто миллионов православных, с несколькими сотнями архиереев, с сотнею тысяч пастырей, из коих многие всю жизнь свою отдали богословским наукам, – всех признать еретиками, а себя, только себя, без единого епископа, считать правоверующими? Со стороны смотреть на вас – страшно... По-братски вас сердечно жаль; хочется протянуть вам руку помощи, чтоб извлечь вас из прелести мудрований еретических. Но что делать с вами, когда вы затыкаете уши, чтобы не слышать, закрываете очи, чтобы не читать обличений этих мудрований?.. Мы умоляем вас словом любви – вы не слушаете; мы раскрываем пред вами богомудрыя писания св. отцов – вы не хотите читать их; мы обращаемся к вашей монашеской совести, напоминаем вам обеты послушания Церкви, пастырям Церкви, обеты смирения и отсечения своего мышления – вы упорствуете, заглушая и голос самой совести своими излюбленными, сто раз опровергнутыми мудрованиями, и рвете наши листки, не читая: честно ли это?.. Наконец, Церковь, в лице Святейшаго Патриарха и Святейшаго Всероссийскаго Синода, грозит вам судом своим, грозит отлучением от себя, грозит духовною смертью – вас и это все не устрашает: вы идете на явную погибель... Ради чего? Кто так убедил вас в истинности вашего мудрования? Ужели ваши лжебогословы умнее всех архиереев, всех патриархов, всего нашего Святейшаго Синода, – умнее всей Церкви и даже всех св. отцов?.. Ужели, читая точныя выписки из св. отцов, непререкаемо убеждающая, что:

“Бог не есть имя” (слова св. Иустина мученика и Иоанна Дамаскина);

“Всякое имя (а следовательно, и имя Божие) есть только некоторый признак или знак какой-либо сущности, и слова суть как бы тени предметов” (слова св. Григория Нисскаго);

“Имена только означают сущности, а сами не есть сущности” (слова Василия Великаго);

“Слова Христовы, телесно произнесенныя, не суть сущность Духа Святаго” (слова св. Григория Паламы);

“Не Бог еще то, что мы представляем себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразим, или чем описало Его слово” (слова св. Григория Богослова);

“Мы не знаем имени, которое бы обнимало Божеское естество, а слово, посредством имени объясняющее Божественное Существо, подобно тому, кто собственною дланию

думает обнять все море” (слова св. Григория Нисскаго).

Ужели совесть ваша при чтении сих мест не тревожит вас вопросом: не ошибаетесь ли?.. Как не согласиться с св. Дионисием Ареопагитом, что “всякий ум и слово безконечно далеки от Бога, чтобы быть Ему подобными”, – даже только подобными, а не Самим Богом?..

Вот вы все твердите, что имена Божии от Бога неотделимы, а вот св. Златоуст ясно отделяет имя Божие от Самого Бога, когда говорит, что “если имя Его страшно то не гораздо ли более Существо Его”? Видите: Существо Божие гораздо выше имени Его: значит – имя и Существо не одно и то же, значит имя – не Бог.

Вы все повторяете, что имена совечны Богу, а вот св. Григорий Нисский прямо говорит, что “усвояемая Богу имена недавни сравнительно с Самим Богом”, что не ради Бога, а ради нас измышлены имена для усвоения понятия о Сущем, то есть о Боге, что “употребление слов и имен придумано после сотворения людей”. И св. Златоуст говорит, что “у Бога нет ни голоса, ни вида, но Он выше образов и звуков”. А св. Григорий Нисский поясняет, что выражение “рече Бог” нисколько не указывает на голос и речь Божию, но на волю Божию”.

И об имени Господа нашего – *Иисуса* напрасно мудрствуете, будто оно Бог: святыи Златоуст говорит, что имя “Иисус есть имя Его по плоти, – что Господь назван Иисусом Христом потому, что облекся в плоть, – назван для того, чтобы под именем Иисус скрыть от диавола Его Божество”. Подумайте: как же имя Иисус будет скрывать от хитраго диавола Божество Христово, если оно, по-вашему, само есть Бог? Если бы так было, как вы говорите, то имя Иисус не скрывало бы, а открывало бы Божество Господа нашего. И св. Иоанн Дамаскин в “Точном изложении Православной веры” так же говорит: “Господь принял название Христа не до воплощения, как лжеумствуют некоторые (подумайте: не вы ли эти некоторые?). Слово тогда получило название Иисуса Христа, когда Оно стало плотию”.

Ужели, читая все эти точныя до слова, выписки из св. отцев, ваша монашеская совесть не говорит вам: к чему упорствовать? зачем лукавить? Видите, что отцы Церкви не за вас, а против вас, что вы, если были искренни, то впали в ошибку, в заблуждение невольное, и пора сознаться в этом: ведь ошибаться людям свойственно, но они должны скорее исправлять свою ошибку, а не упорствовать в ней. Кто упорствует в неправом учении, тот еретик: таким и был некто Евномий, осужденный на Втором Вселенском Соборе за ту самую ересь, какой теперь держитесь вы.

Итак, успокойте свою мятущуюся совесть, смиритеь пред Церковию, забросьте все свои мудрования, сожгите все свои тетрадки! Глубоко скорбит о вашем отпадении мать наша Церковь; порадуите ее своим обращением! Иначе – она закроет пред вами свои двери, отлучит вас от Божественных Таин Христовых: а можно ли жить без сего хлеба небеснаго?..

Именем Святейшаго Синода Всероссийской Церкви, как уполномоченный от него постоянный член его, именем Святейшаго Патриарха, который столь благоволительно отнесся к моему посланничеству на Святую Гору, наконец, священным для всех нас, православных русских людей, именем Помазанника Божия, нашего возлюбленнаго Государя Императора, Коего Высочайшим повелением я послан сюда, умоляю вас, отцы и братия: бросьте распри, примиритеь с Церковью-матерью, оставьте лжеучение, осужденное еще на Втором Вселенском Соборе, и будьте послушными чадами Церкви Православной! Не раздирайте ризу Христову, якоже древние еретики и раскольники...

Исполняя мой долг, мое святое послушание Высшей Церковной Власти, я обращаю сие мое слово к вам, к вашей монашеской совести, отцы и братия. Святая Гора не может терпеть на себе лжемудрствующих. Пресвятая Матерь Божия, Домостроительница сей Горы, изгонит вас отсюда, если не покаетесь. Отлученные от Церкви, изгнанные из святого удела Матери Божией – где склоните вы свои не послушныя Церкви головы? Где обретете мир своим смущенным душам? Сам Господь и Бог наш Иисус Христос, строго заповедавший повиноваться Церкви, отвратит от вас лице Свое, яко от преслушников Его непорочной невесты – Церкви, и речет вам: *не вем вас!*..

Страшно, возлюбленные, впасти в руце Бога Живаго... Аминь.

Мои вины пред кагалом

“Колокол” почти целиком перепечатал из Одесской “Русской Речи” статейку под заглавием: “Почему Еврейская печать, особенно одесская, нападает на архиепископа Никона”. Та к как статейка довольно верно воспроизводит один факт из моей поездки по Рузскому уезду в печальной памяти 1905 году, то не лишним считаю занести эту статейку в свой дневник, тем более что автор ея опустил искоторыя мелочи, очень для того времени характерныя, а потому я и пополнию ея. Вот эта статейка.

“На грязной улице еврейской печати опять праздник. Афонская смута, умело раздутая бежавшими из России революционерами, дает ей повод для нападений на Церковь. Что сущность волнующаго Афон лжеучения состоит в дикой мысли, будто именованія Бога суть Сам Бог, об этом левая печать стыдливо умалчивает, а старается облить своею грязью тех, кто тушил возгоревшийся пожар. Особенно точат зубы на водворившаго внешний порядок на Афоне архиепископа Никона. С ним у левых партий свои счеты”.

Надо оговорить, что внешний порядок водворен не мною, а представителями государственной власти, которая – честь ей и глубокая благодарность, – решила разорить самое гнездо смуты, изъяв из Пантелеимонова монастыря, а затем и Андреевскаго скита главарей смуты, сумевших загипнотизировать темную толпу невежественных монахов и спрятавшихся за эту толпу. Без такого изъятия восстановить внешний порядок было невозможно.

Послушаем дальше, что говорит автор.

“Это было 13 июля 1905 года.

Преосвященный Никон, тогда викарий Московский, по поручению митрополита Владимира, обозревал церкви Рузскаго уезда. Переночевав в имении профессора Зографа, он направился в село Волынщину, имение князя Д. Н. Долгорукова, где в то время находился сын его, знаменитый впоследствии член Гос. Думы Павел Долгоруков, за свою “освободительную” деятельность потом освобожденный от придворнаго звания. В день 13 июля Церковь празднует св. Архангелу Гавриилу и прочим небесным силам. Зачало из Евангелия читается: притча о семени и плевелах. Владыка положил эту притчу в основание своего поучения к народу, указав, как и ныне являются враги Церкви и Отечества, сеющие плевелы на русской земле, – это разные религиозные и политические лжеучители. Охарактеризовав этих пропагандистов, он предостерегал от них простой народ.

После службы старец-князь, отец Павла Долгорукова, пригласил владыку к себе в дом и встретил его у дверей с хлебом и солью, приветствуя горячею речью в которой просил передать глубокую благодарность митрополиту за то, что в такое смутное время он послал своего викария, чтобы поднять дух народа. Старец так был растроган, что буквально плакал, когда говорил эту речь.

Во время чая ко владыке подошли два мужичка и просили его отслужить панихиду у памятника Императора Александра II”.

Замечу, что этот “памятник” – небольшой бюст на колонне – поставлен у входа в усадьбу князя Долгорукова. Наши крестьяне не особенно чтут подобные памятники; по их мнению, эти “идолы” покойникам не нужны, а потому можно думать, что самая мысль о такой панихиде, по всей вероятности, принадлежит князю Павлу Долгорукову, который

потом смог бы использовать служение панихиды архиереем о Царе-Освободителе в своих “освободительных” целях.

Автор продолжает:

“Владыка выразил сожаление, что сделать этого сам не может, ибо с ним нет облачений, а распорядился, чтобы вынесли к памятнику иконы, а местный священник отслужил литию; “Помолюсь и я с вами”, – сказал преосвященный.

Шел проливной дождь. Народу собралось множество. Совершена краткая лития. Пропели “со святыми упокой” и “вечную память”. Князь Павел Долгоруков крикнул: “Лошадей!”, – но преосвященный остановил его: “Минутку, князь”. И обратился к народу с краткою речью:

– Православные! Сейчас мы молились об упокоении души Царя Александра II. Почему вы так усердно молитесь именно за этого императора? Все Цари наши – великие благодетели народа. И Царь Миротворец Александр III много добра оказал своему народу. Но вот вы особенно помните, особенно молитесь за Александра II. Почему? Да потому, братие, что Он именно вам, крестьянам, оказал великое благодеяние. Кто такие были вы до 19 февраля 1861 года? Почти скоты, которых едва не продавали на площади. А Он, Царь-Освободитель, сделал вас полноправными людьми, дал вам свободу, дал землю, дал право учиться: учись, трудись, достигай хоть должности министра – это ли не величайшее благодеяние?

Но думали ли вы о том, почему нашему Батюшке Царю Александру II Бог помог так мирно, спокойно, без потрясений, без всякой смуты совершить такое великое дело? В других государствах освобождение крестьян стоило больших кровопролитий. Да потому, православные, что наши Цари *Самодержавные*: Бог по образу Своего вседержительства дал нам Царя Самодержавного, и как Господь Вседержитель – “рече и быша, повеле и создашася”, так и Цари наши Самодержавные скажут слово: “быть по сему” – и бывает так, и никто, решительно никто не может противиться Царскому повелению. Вот и сказал Царь Александр II, Самодержец Всероссийский: быть крестьянам свободными, – и стали они свободные люди.

Вот, братие мои, что значит Самодержавие. Стойте за него крепко, храните его, как заветную святыню. Жизни своей не щадите, чтоб отстоять его. А если появится какой-нибудь нехороший человек, который будет вам толковать, что надо уничтожить самодержавие, что надо устроить так, чтобы ограничить Царскую власть, то гоните его от себя прочь, как смутьяна, как врага родной земли и Царя-Батюшки. Царь есть Помазанник Божий, на Нем почивает благодать Божия, ниспосланная на Него в Таинстве миропомазания. Стойте же грудью за Царя Самодержца, молитесь за Него и будьте готовы душу свою за Него положить”.

В ответ на эту речь слушатели грянули:

– Мы готовы умереть за Царя-Батюшку, Самодержца Всероссийского... Дай Бог Ему много лет...

Преосвященный сказал:

– И Бог вас благословит, православные...

Надо было видеть покрасневшую физиономию князя Павла Долгорукова, надо было видеть, какую злобою сверкали его выкатившиеся глаза...

А старец-князь, несчастный отец его, несмотря на грязь, упал на колени пред владыкою, со слезами благодаря его за такое слово...

Та к вот за что ненавидят иудеи Никона, вот почему обливают его при всяком случае грязью... Они не могут забыть ему и его проповедь, читанную 16 октября того же года во всех церквах древлепрестольной столицы, проповедь против забастовок, после которой на другой день рабочие стали служить молебны и стали становиться на работы...

Простят ли такие “вины” перед ними иудеи и иудейские прислужники?”

Та к кончает автор свою статейку. А “Колокол” прибавляет: “Кроме этих у архиепископа Никона вин против кагала немало”.

Да, немало. Известно, как юрки иудейские корреспонденты. Надо иметь большой запас терпения, чтобы не выгнать вон иного интервьюшку, который сумеет поймать вас там и тогда, где и когда вы не подозреваете его присутствия. Вот вам примеры. Мимо Афона проезжал блаженнейший патриарх Антиохийский Григорий, возвращаясь из России. Пароход “Царь” стоял около часа против Пантелеимонова монастыря, высаживая присланную с “Кагула” роту солдат. Я счел долгом воспользоваться этим, чтобы посетить блаженнейшаго путешественника. Только что я взошел на палубу “Царя”, как предо мною вырос корреспондент иудейской газеты “Утро России”, и стал было предлагать вопросы о положении нашего дела. Я решительно отказался отвечать: время было дорого, хотелось побеседовать с патриархом. Мне помогли пройти в общую столовую, где и встретил меня его блаженство. Но лишь только началась беседа, как прислуга подает мне карточку того же корреспондента и от его имени просит разрешения... чего бы вы думали? – присутствовать при моей беседе с патриархом! Эта, с позволения сказать, наглость меня возмутила. Я решительно ответил, что такого разрешения дано не будет... И вот в “Утре России” является корреспонденция, совершенно искажающая мои увещательные беседы с афонитами, а эту корреспонденцию перепечатали, вероятно, все иудейския газеты... Значит: иудейский интервьюшка отомстил...

В Киеве мне докладывают, что просит позволения видаться “студент духовной академии”. Предполагая встретить юношу, я вижу пожилого брюнета, который сразу начал: “Общество интересуется событиями на Афоне”... но я прервал его: “С кем имею честь говорить? Мне доложили о студенте духовной академии...” – “Да, я учился... я кончил академию”... Вижу, что он лжет, и говорю: “И какое дело мирянам судить о том, что им вовсе непонятно, да и едва ли интересует?.. Я не считаю полезным терять время на беседы с корреспондентами, особенно такими, какой приставал ко мне на параходе. И я, в поучение брюнету, кратко сообщил о неудаче его коллеги. Тут мне подали карточку инспектора типографий в Киеве, и я отпустил непрошенного гостя.

Посетивший меня затем миссионер из Вологды рассказывал, что сей брюнет потом около часа беседовал с изгнанными с Афона монахами, часть коих уже прибыла в Киев, и думаю, в одной из иудейских киевских газет появилась уже на другой же день какая-нибудь красненькая корреспонденция о свидании со мною... в “освободительном” духе, и, конечно, еретичествующие противники Церкви представлены мучениками, а я – их гонителем.

Похвалитися не пользует ми, но надо сознаться, что никогда я не входил в сделку с совестью, когда шла речь об “освободительном движении”; всегда я называл и буду называть это движение революционным, преступным, изменническим, гибельным для родного народа и родной земли. И пусть иудеи и их приспешники, разные кадеты и даже октябристы, издеваются надо мною, в своих карикатурах, сколько им угодно, обливают меня грязью, клеветуют, поносят, присылают мне не только ругательные пасквили, но и – это не раз было – смертные приговоры: я верую, что если Господь не попустит – известное

животное не съест меня, а если будет воля Божия потерпеть что от врагов Церкви Христовой, моей безценной матери, – буди Его святая воля: Он же и поможет перенести, а я, пока жив, не перестану обличать их махинации, насколько понимаю их, не перестану исполнять мой долг пред Церковью, Царем Самодержавным и родной Русью многострадальной...

Моя октябрьская проповедь и память о ней в жидовствующей печати

Прав был автор статьи в “Русской Речи”, которую я привел в прошлом моем дневнике, что иудеи не забудут и не простят Никону его проповедь 16 октября 1905 года. Только что я сдал прошлый дневник в типографию, как мне кто-то прислал в бандероли “Утро России”, в котором какой-то самозванец-”бакалавр” делает строгий выговор Святейшему Синоду за то, что он послал меня на Афон – меня, “человека крайне узкого, одностороннего, неуживчиваго, придирчиваго, капризнаго, не стесняющагося в приемах борьбы с почему-либо неугодными ему лицами, который за все эти качества да еще за крайне неудачное авторство пресловутой погромной проповеди от 16 октября 1905 года был удален из Москвы по единодушному желанию ея духовенства, поддержанному бывшим синодальным обер-прокурором кн. А. Д. Оболенским”. Та к пишется иудеями история. “Научнее такого легата, говорит “бакалавр” из синагоги, трудно было что-либо и придумать: он и мирных-то обывателей способен раздражить и довести чуть не до бунта, а его послали вразумлять и примирять уже и без того достаточно ожесточенных людей”. Та к аттестует меня пред своими читателями жидовско-раскольничья газета. К сожалению, она настолько невежественна в знании моего послужного списка или же настолько нечестна пред своими читателями, что – или не знает, или знает, да умалчивает, что речь идет не об епископе, а об архиепископе, не о заштатном епископе, а о постоянном члене Святейшего Синода, не о каком-то неуче, а удостоенном высокаго звания почетнаго члена Московской Императорской Духовной Академии, хотя он в сей Академии и не учился, и получившаго за свои труды две Макарьевския премии. Прошу прощения у читателей, что вынуждаюсь немного вразумить относительно своей особы “бакалавра” из синагоги. Ну да что с такими “бакалаврами” толковать: им, ведь, закон честности не писан, хотя все же следовало побольше уважать своих читателей и не обманывать их: а что как да они все умолчанное газетою знают? Ведь тогда и аттестации газеты не поверят, а обзовут ее лгуньей...

Но не затем я заговорил об этом уличном листке, который православные презирают, а вот уж не впервые снова идет в газетах речь о моей “пресловутой погромной проповеди 16 октября”, и многие читатели мои просят меня ознакомить с нею, чтобы самим судить, а не со слов жидовской прессы, о достоинствах и недостатках сей проповеди. Разыскал я ее в “Московских Ведомостях” от того самага числа, когда она произнесена, и помещаю в этом дневнике: может быть, и моим врагам полезно ее перечитать.

Что нам делать в эти тревожные наши дни?

Заступнице усердная,

Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..

Вот молитвенный вопль, с каким триста лет назад обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междоусобицы, – обратилась, и Москва была освобождена от поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и

всей Русской земле с слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: “Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!”...

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожаи, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже; несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько тысяч грудных младенцев, сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне – завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых коночек... О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это – так называемые “социал-демократы”, это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтоб им, якобы избранныкам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления, якобы ради общего блага и, действительно, обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое учение Христова; так, заповедь Христова говорит: не укради, не пожелай себе ничего чужаго, а они говорят: все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копеечкой, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарево Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорят: никакого Царя не нужно, Царь – тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обретишь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем неповинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазн, – говорит Спаситель, – но еще больше горе тому, чрез кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя – целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнитель-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их

сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную леность и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лести их и обман, прочь коварное диавольское наваждение! Оградим себя крестным знаменем, взглянем опасности прямо в глаза! Ведь еще немного и – люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божия, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и их заграничные руководители. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? Что делать? – вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших?

Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет, Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего – надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братьев своих, если это будет Богом суждено. Это – в самих себе. А затем – около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, *да вразумит их Господь ими же весть путями*, – словами любви и братского увещания к ним попытаемся, приложим все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это – святое христианское дело. *Обративый грешника от заблуждения пути его*, говорит слово Божие, спасет душу от смерти и покроет множество грехов, – и его, и своих. – А затем – каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдальницы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми – нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: *чти, люби, береги свою мать*. Защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как Хам, над отцем вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? – Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь, ея несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нея заветную святыню – Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут его изображения, хулят Его царския повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, *Русский человек*? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое

сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданническую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои безтрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, по-нынешнему мещанин, Козьма Минин-Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь на защиту Родной Земли. Посмотри, как он, на своем памятнике, благородно-энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Димитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный костромич крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, в куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Сам Христос Спаситель подал нам трогательный пример человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал – рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в те торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громкое *Осанна*. Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы, костями нашими, в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем как Мать Божия, по молитвам предков наших, спасла землю Русскую в тяжкую годину междоусобицы, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев – сегодня прольем пред Нею и Ея Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смуту увлеченных на погибельный путь...

Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибам от множества прегрешений! Не отвержи Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...

Вот моя проповедь 16 октября, столь ненавистная жидам. Я спрашиваю православных русских людей: что в ней погромного? Что – такого, чтобы применять ко мне слова Спасителя, сказанные сынам громовым: *не веста, коего духа еста вы?* А иудейско-раскольничья газета именно это делает. По-видимому, она хочет представить дело в искаженном виде, приписывая мне, как это делает и кн. Мещерский, то, что сделано государственною властью: удаление с Афона еретичествующих. Газетам такого направления нет дела до уставов монашеских: устав Святой Горы не допускает пребывания на ней еретиков, а потому протат, или кинот, святогорский решительно заявили, что они еретиков на Святой Горе не потерпят и если русская власть сего не сделает, то сами изгонят еретичествующих. Газетный лицемер уверяет, что простой народ будет считать изгнанников мучениками и сожалеет, что зараза “не локализована” на Афоне. Как видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочем. Да и то сказать: видно, иудеям не по душе такое вмешательство гражданской власти в это дело, ибо оно разрушило их планы – создать гнездо смуты на Святой Горе под видом, как выражается г. “бакалавр”, “вещей самых невинных”. Придется искать другого места для такого “почтенного” дела, как разрушение Церкви и Русского государства...

№ 183–184

Яд гордыни

I

Тяжелую годину переживает наша святая мать – Церковь Божия в наши дни. С одной стороны, все силы ада ополчились на нее, как будто на наших глазах сбывается пророческое слово Апокалипсиса, что “сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли” (Откр. 20, 7). Отец лжи сеет ложь полною рукою и отравляет ею все человечество, и никому из тех, кто Богом поставлен изгонять сего сеятеля с нивы Божией, будто и дела нет, и бессильно раздаются слабый голос стражей дома Божия – пастырей Церкви, взывающих ко власти имущим: помогите, сдержите слуг сатаны, гибнут души, гибнет народ, государство, плачет Церковь Божия, лишаемая чад своих, яко Рахиль, и несть ей утешающего!..

С другой стороны, как будто просыпается дремлющая совесть человеческая, как будто она предчувствует грядущую, может быть, всемирную беду, и мечется грешная душа, истомленная голодом духовным, измученная рабством страстям, искалеченная современными масонскими софизмами...

И плачет Церковь, невеста Христова, взывая к Жениху своему небесному о помощи...

Видят это и враги Церкви, видят, притворяются скорбящими о положении Церкви, а на деле злорадствуют, отмечая, что Святейшему Синоду “в редком заседании не приходится обсуждать вопросы о ересь, старых и вновь возникающих, о распространении сектантства, о каких-то загадочных, часто невежественных проповедниках, привлекающих к себе тысячи православных”, видимо, с особенным удовольствием заносят на столбцы своих газет, что “в неизведанных глубинах народной души народилось неизбывное (!) стремление к правде (что тут разумеется? Народ стремится к спасению души, хотя и попадает на ложные пути), неудовлетворенное правдою синодской”. Как не радоваться врагам Церкви, когда открывается возможность половить рыбку в мутной воде?..

Над нами, не только пастырями, но и пасомыми, сбывается слово притчи Христовой: *спящим же человеком, прииде враг, всея плевелы посреде пшеницы и отъиде* (Мф. 13, 24).

Господь вверил нам, пастырям, ниву сердец человеческих, плохо мы охраняли эту ниву, и заросла она всяким быльем и плевелами грехолюбия нашего, и не узнаешь в иной душе ни образа, ни подобию Божия...

Грех бо вами да не обладает, предостерегает св. Апостол Павел. А теперь именно грех, грех во всех его видах, возобладал над людьми; и из всех его видов ныне царит самый опасный, самый губительный – гордыня.

Известно, что Апостол любви, св. Иоанн Богослов, перечисляет три главных вида греха, произрастающие из одного корня – самости или, говоря по-ученому, эгоизма: похоть плоти, похоть очес и гордость житейская. И всеми тремя видами сего горького дерева отравляет нас исконный человекоубийца: ведь и праматерь нашу он тем же искушал: *и виде жена, яко добро древо в снедь* – вот похоть плоти; и *яко угодно очима видети* – вот похоть очес; и *красно есть, еже разумети* – вот и гордость житейская (Быт. 3, 6). Но в

истории человечества замечается некоторая постепенность в этих искушениях: сатана как будто не хочет пускать в ход весь арсенал своих искушений сразу.

Первый мир погиб от похоти плоти: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих в век, зане суть плоть*, – так засвидетельствовал Сам Бог, Судия правосудный, о допотопном мире (Быт. 6, 3). И смыто с лица земли водами всемирного потопа скотоподобное человечество.

Второй мир – человечество пред явлением в мир Искупителя мира – едва не погиб от той же скотской похоти плоти, но уже в союзе с другою – похотью очес: весь мир захватил в свои цепкия руки железный Рим, и погрузились люди в служение сим похотям безоглядно, и озверели, и искали лишь “хлеба и зрелищ”, и лилась на этих зрелищах неповинная кровь человеческая для удовлетворения зверским инстинктам озверевшей, пресыщенной удовольствиями толпы.

Явился Христос, и – мир преобразился. Он положил закваску, и закваска эта сделала свое дело. Люди стали неузнаваемы. Не все, конечно, но те, кто сердцем воспринял эту закваску, кто духом смирился, сердцем прильнул к источнику приснотекущему благодатной жизни, те обновились: и пустыни Египта, Сирии, Палестины благоухали ароматом равноангельской жизни...

Прошли века над землею. Зорко следил сатана за ростом Церкви Христовой. Он видел успех ее возрастания среди народов земных. Он изобретал все средства к ее разрушению. Гонения от иудеев и язычников, ереси и расколы – все пустил в ход, чтоб разрушить дело Божие на земле. Но Церковь и посреде терний процветала яко благоухающий крин: слово Христово – *врата адова не одолеют ее* – сбывалось над нею во всей силе.

Но в лаборатории сатаны был в запасе еще один яд, сильнейший из всех, тончайший из всех, им изобретенных, притом испытанный им на самом себе.

И похоть плоти, и похоть очес – детские игрушки в сравнении с сим ядом; ни тем, ни другим он не услаждал своего злобного существа. Правда, слабые существа, облеченные плотью, охотно шли на эти приманки; но когда эти игрушки так или иначе ускользали из их рук, они становились способны к покаянию, обращались к Богу и обновлялись духом.

Другое дело – третий плод от древа самости, третья и притом главная ветвь сего древа, или паче реки – самый корень его – гордыня. О, сатана знает силу яда, извлекаемого из сего корня; на себе ее изведаль; сам пропитан сим ядом; весь соткан из свойств, составляющих элементы этого яда...

От веков древних, от первозданных праотцев наших он применял, и очень успешно, это гибельнейшее средство в своей богоборной деятельности в жизни человечества, а теперь сосредоточил на нем все свои надежды. Он усовершенствовал способы сего применения; он нашел средства золотить и подслащивать свои пилюли; он искусно надевает на себя личину врача, чтобы скрыть под нею отвратительный облик врага. Он не теряет надежды загубить этим средством все современное человечество, ослепленное успехами своей культуры, загубить христианский мир, разрушить Христову Церковь на земле...

И вот он работает... Сначала, как и до потопа, он расшатывает все устои нравственной жизни: личной, семейной, общественной, государственной. Для этого он пускает в ход старья средства: разжигает похоть плоти, похоть очес. Нравственность разрушается, семейная жизнь падает, государства шатаются в своих основаниях, люди паки уподобляются скотам несмысленным, самое христианство остается, большею частью, только на бумаге.

Но в людях еще жива душа, по природе своей христианка, а воздействие христианского учения на всю историческую культуру человечества на протяжении почти двух тысяч лет не прошло безследным: его основные идеи, хотя в искаженном иногда виде, всасываются уже с молоком матери, и душа не может мириться с этой разрухой, не может подавить в себе идей правды и добра...

Тогда опытный в своем деле восьмидесятилетний старец решает:

– Надо зло в понятиях людей превратить в добро! Но как?..

Тихо, незаметно подкрадывается он к мыслящей, живущей преимущественно умом, части человечества, к людям, именующим себя интеллигентными, и влагает им каплю – только одну капельку своего яда в виде сомнения, своего смущения: “Отчего, в самом деле, не позволить себе то и то?.. Почему это грех?.. Что за грех, если отведаю от этого яблочка? Пустое!”

Точь-в-точь, как дело было и с прародительницей Евой. Начинается вот с этих “пустяков”, с этого пренебрежительного отношения к Божией заповеди: мелочи!..

А принцип уже нарушен. Шаг влево сделан. Равновесие духовной жизни потеряно. Воля склонилась в сторону лжи...

У человека есть природная любовь к себе самому, потому и заповеди о любви к себе не дано: не нужна! И без заповеди *никто же когда плоть свою возненавиде, тем паче душу.*

Вот сюда-то и вливает каплю своего яда враг Бога и людей. Знает он, что уже ранее первородным грехом зараженное сердце человеческое не останется равнодушно, если бы кто затронул его самость: стоит только поджечь страсть самолюбия. И враг поджигает: ведь, назвав “мелочью, пустяками” дозволенный себе грех, человек в сущности солгал, обманул себя же. Опомнись бы надо, покаяться, сознаться в этом. Но расслабленная воля современного человека, отуманенная притом самоценом, не в силах побороть себя, а враг все поджигает самолюбие и заставляет ум подыскивать доводы в оправдание – точь-в-точь, как делал это и с нашими прародителями: смелее, смелее! Не умрете! Будете, яко божи!..

Вот и готово *оправдание зла*. Ложь растет на лжи; умствование выходит из умствования; создаются целые теории такого оправдания. Пока люди строят только теории, жизнь человечества как будто движется по старой, еще первыми веками христианства данной инерции по своим историческим путям: люди будто еще христиане; будто и в Бога веруют и, по крайней мере, в видимом-то, стараются держаться хотя края заветов отеческих. Но вот теории разработаны, написаны целые тома для их популяризации; слабые люди, давно отравленные делом греха, но доселе еще томившиеся сознанием греховности этого дела, вдруг как будто теряют почву под ногами и жадно хватаются за теории оправдания зла. Еще немного, – и они готовы поставить эти теории в основу своей не только частной, личной, семейной, но и общественной и государственной жизни... И объявляется – *разрешение на вся!*..

Вот вам и революция!..

– А Бог-то как же? – вдруг хватается себя за голову человек. Он забыл Бога, он хотел обойтись без Него: благо услужливая лженаука, вместе с безумцем древности, уверяет его, будто – несть Бог...

Умен падший ангел; опытен в погублении людей, но и тут делает ошибки. В душе, по природе христианке, глубоко таятся корни веры в Бога, и в минуты, когда благодать

Божия подстережет случаи коснуться совести человека, в нем вспыхивает искра Божия, и он сначала бессознательно рванется к Богу, а потом начинает как бы ощупью искать Его...

– Нет, без Бога не могу жить! Та к измучишься, дойдешь до полного отчаяния!..

И человек начинает искать забытого Бога.

А тот, кого так характерно назвал Господь человекоубийцею искони, уже подстерегает его на пути этих исканий. Казалось бы, чего проще: вернуться к потерянной Христовой вере, к Христовой Церкви, яко сокровищнице истины и спасающей благодати...

Но тут начинает действовать та капля яду, которая влагается в сердце человеческое сатаной, особенно в наше время: а как быть с самостью-то? с сомнением? Ведь чтобы пойти в Церковь, для этого надо безусловно смириться, а можно ли до этого унизиться “образованному человеку”? Слишком было бы просто, “по-мужицки”... Наши интеллигенты, если и приходят в Церковь, то большею частию воображая, что они “Господу Богу честь делают” своим обращением.

Та к там, на дне грешного сердца, хозяйничает враг, и несчастный наш интеллигент, не ведая того, ослепленный сомнением, отравленный ядом гордыни, бессознательно соглашается с этим непрощенным хозяином его души, стыдясь идти туда, где мужик находит полное удовлетворение своей духовной жажде, полный покой душе.

И начинается “богоискательство”...

Зорко следит за блужданиями смятенной души незримый ее враг и принимает все меры, чтобы она не попала как-нибудь случайно на верный путь – чрез Церковь – к Богу. Пусть она блуждает, сколько угодно по простору распутий мысли человеческой; он толкает ее и в буддизм, и в оккультизм, и в спиритизм, и в деизм, и во всевозможные “измы”: он поймал ее уже на удицу самосмысления, – лишь бы не сорвалась с этой удицы – будет его верною добычею!

Типичнейшим представителем таких душ является несчастнейший граф Толстой, этот величайший ересиарх нашего времени. Не даром же сатана сделал его идолом для наших вероотступников. За ним, да и раньше его, и вокруг него – множество было и есть маленьких ересиархов, яко бы “богоискателей”. Быть может, это богоискание началось у них и искренно, но враг не дал им опомниться, опознать себя, вложил им тщеславную мысль, будто они не якоже прочие человецы – пролагают-де новые пути, и толкнул их в сторону – подальше от Церкви: ищите себе там этих путей на просторе!

И Толстой искал, усердно искал и – дошел до личной ненависти ко Христу Спасителю!

И другие “богоискатели” ищут, более или менее усердно придумывают “новые пути” к Богу, но, еще не смиряясь пред Церковью, – кончают ненавистию ко Христу, ибо ненависть к Церкви уже во многих из них заметна.

Почему Толстой так возненавидел Господа Иисуса Христа?

На этот вопрос вот что мне отвечал бывший когда-то его друг, а потом покинувший его навсегда Вл. С. Соловьев: “Может ли сей гордец простить какому-то “Назаретскому плотнику”, что Тот раньше его, Толстого, дал миру такое учение, которое преобразило мир, удовлетворяя всем запросам духа человеческого, а он, всемирно известный Толстой, при всех своих усилиях, в сущности, только все разрушал, а если что и “создал”, то все исчезнет с лица земли раньше, чем его кости сгниют в могиле?”

Таковы плоды гордыни. Таков исход самочинного богоискательства вне Церкви...

Но и в недрах Церкви, и в среде верующих враг ищет случая посеять плевелы гордыни, чтобы оторвать людей от Церкви. И тут он надевает личину добра, чтобы под нею укрыть

яд гордыни. Откуда все эти секты: баптизм, штундизм, молоканство; все эти “братцы”, “старцы”, “сестрицы”, бродяги-мнимояроды? Откуда доверие к ним?

Если бы православные люди жили по духу своей матери-Церкви, если бы в смирении и простоте сердца держались ее заветов, то, несомненно, ощущали бы в себе самих благодатную жизнь Церкви, сознавали бы себя не бумажными, а живыми членами тела Церкви, жили бы ее жизнью и дышали полнотою этой жизни. Их дух не томился бы жаждою какого-то богоискания: эта жажда с избытком удовлетворялась бы от источника приснотекущей благодати в недрах самой Церкви. К несчастью, православные нашего времени в большинстве своем потеряли руководящее начало церковной жизни, которым жила и крепка была наша старая Русь: это – дух глубокого смирения грешной души пред Богом и небесною Церковью; это – сознание своего духовного безсилия жить без Божией благодати, текущей живым потоком в Таинствах Церкви и в живом молитвенном общении с небесными членами Церкви – святыми Божиими. Последствием потери этого духа, этого сознания и является искание самооправдания, минуя покаянный подвиг или удовлетворяясь в сем святом деле якобы смиренным, но, в сущности холодным, рассудочным сознанием своей греховности *вообще*, уклонением от креста и сострадания Христу, необходимого для христианина, если только он желает быть живым членом тела Христова, то есть, Церкви. Хочется сразу стать святым; забывается, что смиренный грешник-мытарь милее Богу лицемера-праведника фарисея. Забывается, что чем ближе мы к источнику света, тем ярче, отчетливее вырисовывается наша тень. Чем ближе кающийся грешник подходит к Богу, тем виднее ему самому его грехи, тем глубже он познает свое падение.

Не то – у сектантов, раскольников, еретиков. Называя себя грешниками, они не прочь повторить пред Богом молитву фарисея: *благодарю Тя, яко несмь, якоже прочими человецы. А в душе, полусознательно, а может быть, и сознательно, готовы прибавить: “или якоже сей православный”*. И вот, когда православный увидит греховность своей жизни, когда вздохнет об этом, они готовы сказать ему: “Иди к нам, смотри, как хорошо живут наши!” Вот и готово искушение для смущенной души православного, который потерял основное руководящее начало православной духовной жизни. Свою греховность он видит, а исход из этой греховности в покаянном чувстве и Таинствах Церкви в его сознании как-то затуманился, и выходит, как будто в его греховности виновата его православная вера! А враг – тут как тут: “Если там живут святее, то, стало быть, они и к Богу ближе: иди к ним! Та м легче спастись!”... И эта мысль о легком спасении отравляет душу несчастного, и он мнит, что обрел верный путь ко спасению. И в душе своей он уже осуждает родное Православие как проповедь “бремен тяжких и неудобноносимых”. А это, конечно, есть уже плод гордыни, посеянной в этой бедной душе в то время, когда она имела неосторожность допустить к себе мысль возможности спасения вне Церкви.

В сущности, эта мысль и есть хула на Духа Святого, живущаго и действующаго в Таинствах Церкви. Вот почему грех ереси, грех мысли, судится судом Церкви, паче рещи – судом Божиим строже других грехов, грехов воли человеческой. Грех воли, как бы он ни был тяжек, хотя бы это был даже из числа так называемых смертных грехов, скорее сознается человеком и ближе к покаянию, чем ересь. Впавший в ересь не допускает и мысли о покаянии: ведь он обрел якобы правый путь ко спасению, в чем ему каяться? Напротив, у него является склонность других совращать в свою секту, и это он считает делом ревности о спасении ближнего, святым делом, исполнением своего долга. Всякий грех воли сопровождается укори́знами совести, по крайней мере на первое время, пока не

огрубела душа во грехе. В грехе ереси, напротив, яд духовный действует возбуждающим образом, неофиты бывают ревностнее, вернее сказать – ревнивей родившихся в ереси. В Православии якорем спасения является *догмат*, его чистота и – *смирение духа*, плодами коего уже бывает приложение догмата к жизни в исполнении заповедей Божиих под руководством матери-Церкви. В этом существенное условие спасения. У сектантов на первое место выставляется как будто жизнь по заповедям, но лишенная духа смирения, отравленная ядом фарисейского самоцена, не оживотворяемая благодатию Таинств; эта якобы добрая жизнь расцветает на почве, удобренной тщеславием, и гаснет, вянет, как скоро нет этого удобрения. Самый догмат, в угождение ветхому человеку, искажается до того, что является уже не основой, на которой зиждется добродетельная жизнь, а наоборот – подрывает эту жизнь. Пример – учение сектантов о спасении без добрых дел.

Та к исконный человекоубийца скрадывает неопытных, неутвержденных в Православии души, подменяя сокровище хриstopодражательного смирения духом тщеславия и превозношения, сокровище послушания матери-Церкви – самочинием и самосмышлением, а потому и мир богопреданной души – отравой самоцена, ощущение благодатной жизни на лоне Церкви – самодовольством фарисея.

Вот почему из всех христианских исповеданий самое ненавистное, самое, выражаясь по-нынешнему, – одиозное – для врага Божия – православное, как чистейшая истина, абсолютно противоположная лжи. Разрушить Церковь православную для него значит в сущности покончить с человечеством: сатана ведь знает, что цель бытия мира земного есть спасение рода человеческого, а носительницею благодати сего спасения является Церковь Православная. Вот почему все силы ада и устремлены на нее. К союзу против нея ад привлекает и всех сектантов и инославцев: иудеи и язычники, магометане и буддисты, католики и лютеране, спириты и хлысты, безбожники и материалисты, лжемистики и всякого рода либералы от эсэров до кадетов обоого сорта – все пылают ненавистью против непорочной невесты Христовой – Церкви Православной с достойным удивления единодушием. К несчастью, враг находит себе союзников даже среди тех, кои якобы ревнуют о Православии. Не говорю уже о представителях печатного слова либеральных лагерей, по мановению масонской десницы с пеною у рта бросающихся на нас, аще и недостойных служителей Церкви. Даже наши политические единомышленники, именующие себя православными, часто работают в руку врага Божия, хотя от них-то надо бы ожидать побольше благоразумия в этом отношении... Да что говорить о мирянах? Даже среди иноков, посвятивших себя Богу, давших обеты всецелаго отсечения своей воли и смышления пред Церковью, даже среди афонитов в последнее время явилась секта, восстающая на Церковь якобы за имя Божие!.. Это ли не великое искушение?.. Казалось бы: кому как не монахам подавать верующим пример послушания Церкви? А вот подите же!.. Дух гордыни проник и в ущелья святаго Афона и обуял простецов, и они вообразили себя умнее двух Вселенских Патриархов и всего нашего Святейшего Синода и за свое упорство в ереси подпали суду церковному...

И снова, как во времена оны древняя, повторилась старая история; инок некий, мало изучавший богословския науки, вовсе незнакомый с науками философскими, даже пренебрегавший ими, едва прочитавший несколько книг аскетического содержания и не усвоивший их смысла как следует, пустился в метафизику и придумал, или, как он сам говорит, “открыл новый догмат”, а в сущности, додумался до философской, метафизической бессмыслицы, что “самое имя Божие есть уже Сам Бог”. Конечно, и сам мистик-монах, стараясь воплотить в словесную формулу свои переживания, не понимал,

что говорил: он просто взял из заметок отца Иоанна Кронштадтского эту формулу, в которой покойный старец наскоро отметил свое мысленное и сердечное благодатное соприкосновение, в молитвенном состоянии, с Богом, со святыми. А наш невежественный в богословии и философии автор из этой формулы уже провозгласил новый догмат, не подумав о последствиях такого смешения понятий из области психологии и чувства с понятиями из области богословия и точной богословской науки. Произошло нечто вроде подмены догматики поэзией, но с практическим применением к духовной жизни. Когда это применение обнаружило неправильность основного положения новоизмышленного догмата, то на него было обращено внимание церковной власти, внимание тех, кому Церкви вверено охранение чистоты учения веры. Лжедогмат был всесторонне рассмотрен, при свете учения св. отцов, сначала двумя Вселенскими Патриархами, а затем и Святейшим Синодом нашей Церкви и объявлен ересью.

Казалось бы, дело кончено, вопрос выяснен, решен, указаны точные основания в учении святых отцов, показано даже, с какою древнею ересью этот лжедогмат находится в тесной связи и когда эта ересь обличена и анафематствована. Казалось бы: простецам ли пускаться в тонкости богословия и – даже философии, ими же, кстати сказать, но невежеству их, презираемой?

Но нашелся интеллигентный монах, вчерашний гусар, хотя никакого богословия не изучавший, но ум свой достаточно изощривший для того, чтобы подбирать слова по “Симфониям” из Библии и с невозможными натяжками толковать их по своему смыслу, чтобы тем сбивать с толку простецов. Пущена в ход вся схоластика прирожденного католика, вся логомахия, достойная не послушного сына Церкви, а искусного иезуита. И вот явилась “Апология веры во имя Божие”, способная, надо сказать правду, загипнотизировать и не простеца только. Ею увлеклись некоторые наши дилетанты богословия и из интеллигентов. Некоторое извинение сим интеллигентам дает только то, что “Апология” явилась раньше синодального послания о новой ереси. Но если даже люди развитые увлеклись, то мудрено ли, что простецы-афониты, лишенные всякого окормления в богословском мышлении, пошли за новым ересиархом, не сознавая гибельности такого учения? Стоило им только забыть мудрое правило святых отцов – не пускаться монаху-простецу в богословские исследования; стоило забыть основное правило монашества – святое послушание заповедям Церкви, отсечение своего мышления пред учением пастырей Церкви, смиренную, в простоте сердца, веру в Церковь, ея же Глава – Христос, и – отпадение от Церкви стало совершившимся фактом. Простецы вообще склонны верить, не рассуждая; так бы оно и должно быть, но кому *верить* – об этом и простец должен бы подумать: тому ли, кому Христос заповедал: *слушай вас Мене слушает*, или же первому встречному самозванцу-учителю? Церкви ли и ея пастырям, свое учение предлагающим от имени святых отцов, или же не учившемуся нигде в духовных школах монаху, вчерашнему гусару?.. Достойно внимания, что во всей этой истории ни один из отпавших не вспомнил, не задумался над вопросом: “А как учит Церковь? Не разойтись бы мне с нею? Ведь вне Церкви нет и спасения”... Увы, дух гордыни так обуял несчастных, что они, не задумываясь, поставили себя судиями пастырей Церкви, стали составлять свои соборы (это – без епископов-то!), сочинять на этих самочинных сборищах свои безграмотные вероопределения и анафемы на инако, то есть по-православному, мыслящих... В Андреевском скиту дерзнули даже в храме провозгласить анафему святейшему Вселенскому Патриарху и нашему Синоду и, конечно, перестали почитать их при богослужении.

Та к посмеялся над несчастными монахами сатана, обуяв гордынею!

А что всего бедственнее: когда, по уставу Святой Горы, новые еретики были изгнаны с Афона, когда в обителях, заразившихся было ересью, восстановлено благочестие в духе Православия, изгнанные не смирились, не познали своего заблуждения, а стали почитать себя как бы мучениками за веру во имя Божие! Как будто вера во имя Божие в том и состоит, чтобы самое имя почитать Богом! Очевидно, они даже самого слова “верую” не понимают, предполагая, будто оно значит: “признаю за Бога”.

И вот, гонимые совестью, они начинают метаться из стороны в сторону...

На указания, что без Церкви нет спасения, я слышал ответы: “Мы сами – церковь!”

На возражение, что Церкви нет без епископа, отвечают, что они принадлежат к Церкви небесной. На замечание, что к небесной Церкви принадлежат только святые Божии и отшедшие к Богу наши отцы и братия, говорят, что у Бога все живы, что все равно, лишь бы была Церковь... Видимо путаются.

На слова, что без причащения святых Таин нет общения со Христом, нет жизни вечной, если на них будет наложен полный “аргос” (отлучение), отвечают, что они будут причащаться в молитве именем Иисусовым.

Правда, пока это – только смелые мысли отдельных лиц, а не общее исповедание имеславцев, но смотрите, как еретическое мудрование постепенно нарастает, отдаляя от Церкви отколовшихся от нея сынов противления. Со стороны ясно видно, как исконный противник Божий ходит около несчастных и учит их своему искусству лжи, самооправдания, горделиваго превозношения пред Церковью. Если ему удастся вовлечь в свои сети людей интеллигентных, то Церкви грозит от сей ереси еще большая смута. Пример – на виду: “Апология веры во имя Божие” издана почетным членом Императорской Московской духовной академии, удостоенным сего звания за его религиозно-философские издания. Хотелось бы верить, что это было с его стороны временным увлечением и что в следующих своих книжках “Религиозно-философской библиотеки” он даст нам опровержение сей вредоносной “Апологии”. Но мы живем в такое недобросовестное время, что в ересь охотно пойдут и неверы, лишь бы повредить, причинить боль ненавистной им Церкви. Пошел же изменник Церкви Михаил Семенов к раскольникам, хотя, конечно, ни единого верования их в догматическое значение старых обрядов не разделял; защищают же изгнанные из Духовной академии профессора изуверов-хлыстов, хотя сами до того презирают их, что уж, конечно, не пойдут к ним на раденье... Ведь и сатана трудится в деле гибели людей в сущности безкорыстно, из ненависти к Богу: мудрено ли, что найдутся ему сотрудники, столь же безкорыстные (не говорю уже о “корыстных”: много продажных душ на свете!), и постараются поддержать ересь просто “из принципа” – из ненависти к Церкви...

Не забудем, что мы живем в такое время, когда жид (масон) работает с удвоенной энергией. Ему уже видится на горизонте грядущее царство того, о ком Господь сказал: *он приидет во имя свое, того примете* (Ин. 5, 43). Есть из-за чего поработать! Не жаль не только труда, но и денег, чтобы заплатить тому, кто поработает над разрушением Церкви Христовой. И работают. Сотни газет и журналов для того и издаются, чтобы отравлять православных неверием, поддерживать ереси, сеять смуту и сомнения в души простые. Немало и безсовестных ученых продают свое перо жидам... Бога в душе потеряли, а совесть сатана выкрал.

Друзьям юности моей

Питомцам Московской духовной семинарии, выпуска 1874 г.

Дорогие друзья, милые сердцу собратья!

В будущем 1914 году исполнится сорок лет, как мы покинули свое теплое гнездышко – родную семинарию, а и теперь, когда приходится проездом бросить взгляд на нее, так тепло становится на душе – будто видишь родительский дом, будто вот-вот встретишь тут доброго, ласкового нашего отца ректора протоиерея Н. В. Благоразумова, строгого, но глубокоуважаемого инспектора А. И. Цветкова, почтенных наставников и всех, кто нас питал и грел тогда, кто о нас заботился, духовно нас воспитывал и словом и добрым примером своим... Четырешадесятилетняя лет многотрудная для многих и многоскорбного странствования по бурным волнам моря житейского – знаменательное, священное число! Оно невольно побуждает нас оглянуться на пройденный путь с чувством сердечной благодарности к Благодетелю Богу за Его несказанные, нам ведомые и неведомые милости, с молитвою к Богу за тех, кому мы обязаны добрым здесь воспитанием, с чувством братской любви к тем, кто уже покинул это поприще жизни и перешел в другой мир; оглянуться на все, что минуло невозвратно, и в виду надвигающейся старости, собраться, может быть, для многих, в последний раз в жизни, чтобы горячо вместе помолиться Господу, прося Его благодатной помощи на остаток жизни, поделиться скорбями и радостями минувших лет; вспомнить мечты юности, пожить хоть один денек этими дорогими воспоминаниями, освежить ими усталую душу...

Нас было 65 юношей, бодро, с розовыми мечтами, с светлыми надеждами покинувших семинарию. Где вы теперь, дорогие друзья? Много ли осталось нас в среде живых? Кто из нас уже пал под ношей крестной, кто еще работает в Христовом винограднике? Кто затерялся в море житейском, кто еще держится на своей утлой ладье?..

Откликнитесь, друзья!..

Не все крутиться в вихре сует: хоть на денек, хоть на часок, хоть сердцем и мыслью вернемся назад, за 40 лет, и если уж нельзя обратиться в тех пылких юношей, какими вышли тогда из под крова родной семинарии, то постараемся пробудить в себе хотя бы те чувства, какими волновалось молодое сердце на пороге школы, спросить себя: а сбылась ли хоть одна заветная мечта юности, мечта чистая, добрая, Богу приятная? Осуществилось ли хоть одно доброе, твердое намерение – послужить Богу и ближнему, быть полезным, иметь счастье послужить Церкви Божией?..

Ныне в обычае праздновать разные юбилеи; сорок лет – не юбилей еще, а уже близко к тому... Также священное число. Московский первосвященник, без сомнения, благословит нас собраться для молитвы и братского общения в храм родной семинарии, как его бессмертный, незабвенный предшественник святитель-миссионер митрополит Иннокентий благословил наше исшествие из стен этой семинарии...

Усердно прошу доставить и мне, вашему однокашнику, великое утешение своим откликом: на первый раз – кто хочет принять участие в этом празднике воспоминаний нашей юности? Когда и как нам удобнее устроить этот праздник? Чем отметить его в нашей памяти, чтобы нынешним юношам, нашим духовным потомкам, извлечь для себя полезный жизненный урок?

Пишите мне в Петербург, в Невскую Лавру.

Юбилей победы креста над язычеством

Перенесемся мыслью за 1600 лет назад. Поставим себя в самом средоточии тогдашнего мира – в Риме, в том Риме, который был в то время владыкою мира, покорившим себе почти все народы земные.

Что мы видим тогда?

Церковь Божия зело страждет. Уже тринадцать гонений пережила она на протяжении 280 лет после своего основания – после того, как вознесся во славе ея Божественный Создатель. Кровь святых мучеников лилась рекою. Если бы, говорит один писатель, собрать все потоки ея, пролитыя во времена лютых гонений, то образовалось бы новое “море Чермное”, не меньше того, какое перешли израильтяне под водительством Моисея. Христиане укрывались в горах, пещерах и пропастях земных, а в окрестностях Рима больше всего их было в “катакомбах”, в этих подземных галлереях, которыя тянутся на несколько сот верст, в несколько ярусов... Тут собирались они на молитву, совершали общественное богослужение тут и погребали своих страдальцев – героев веры, святых мучеников. До трехсот тысяч почивает их тут!..

Да, тяжелыя времена переживала тогда святая Церковь Христова. Тяжелыя, но зато и воистину поучительныя на все последующия времена! Поучительныя особенно для нашего дряблага, погруженного в земную суету, в земные, скорогибнущие интересы, времени! Небо, то небо, где Ангелы Божии славословят Господа немолчными песнями, где святые Божии, предстоя престолу Вседержителя, благоговейно созерцая совершенства Его, склоняются пред величеством славы Его, – это небо было так близко к земле, что верующие были в постоянном благодатном общении с ним. И в темницах святых мучеников озарял свет небесный; и под мечом палача они видели небо сие для них уже отверстым; и на кострах их уже освежала роса райскаго блаженства. В самой смерти своей они торжествовали уже победу над смертью, славя Господа среди ужасных мучений и радостно переходя в горний мир...

Но вот, судьбами Божиими, в 313 году от Рождества Христова, в Медиолане, нынешнем Милане, властно раздается царственный голос, как пасхальный благовест: “Отныне каждый, решившийся соблюдать богослужение христианское, пусть соблюдает его свободно и неуклонно, без всякаго затруднения!”

То был голос молодого императора Константина, котораго потом история наименовала Великим, а Церковь возвеличила титулом Равноапостольнаго. Та к гласил его эдикт, по нашему – высочайший указ, повеление всем начальникам областей великой Римской империи, указ, обнародованный всюду и всем, закон, незнанием котораго никто уже не имел права отказываться.

Как это случилось? Откуда такая милость?..

Это – милость Царя царствующих и Господа господствующих; это веление судеб Божиих, сия измена Десницы Вышняго!..

Константин, тогда еще язычник, непросвещенный св. крещением, воевал с захватившим римский престол Максентием; войска у Константина было немного, и вот он обратился с крепкою молитвою к Богу, небом и землею обладающему, к Богу, Котораго почитают христиане, и с верою просил Его даровать ему победу над Максентием. И услышал его молитву Господь, и во время самой молитвы, когда он поднял свой взор к небу, он увидел

там дивное зрелище: на небе сиял лучезарными звездами изображенный крест Господень, а над ним надпись: “Сим побеждай”!

Крест у язычников был в презрении и почитался недобрым предзнаменованием, но Господь явился Константину Сам в сонном видении, снова показал ему знамение креста и сказал: “Устрой такое изображение и прикажи носить пред войсками: тогда не только Максентия, но и всех врагов твоих победишь”.

Император Константин исполнил волю Господню, и Максентий не только был побежден, но и погиб: когда он бежал от Константина, то под ним обрушился мост чрез реку Тибр, им же построенный, и он потонул в волнах этой реки...

Нужно ли говорить, как ликовали тогдашние христиане, когда этим знаменательным указом царя Константина раз навсегда положен конец страшным гонениям и дана свобода не только открыто исповедывать, но и проповедывать язычникам веру Христову?

Шестнадцать столетий протекло с тех пор. Христова Церковь, это – царство не от мира сего, стало царством превыше всего мира. Нет уголка на земле, где не слышно было бы проповеди о Христе Спасителе. На наших глазах сбывается пророчество Господне: “и проповедано будет сие Евангелие царствия по всей вселенной” (Мф. 24, 14). И другое Его слово: “когда Я вознесен буду, то всех привлеку к Себе” (Ин. 12, 32). Крест Христов и ныне влечет к себе души, алчущия и жаждущия правды Божией. У его подножия находят себе упокоение все труждающиеся и обремененные.

Но не дремлет и тот, бывший князь мира, которого изгнал из мира Христос (Ин. 12, 31). И особенно в наши дни, он яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (Петр. 5, 8). Не хочет он признать себя побежденным. Он снова и снова пытается овладеть миром, из которого изгнан. Он ищет и – увы – находит себе союзников и сотрудников даже в среде именующих себя христианами. И эти лжехристиане помогают ему усердно...

Но и это провидел Всеведущий и предсказал, и предостерегает нас – и в том наше утешение...

Слышите Его отеческий предостерегающий голос во св. Евангелии: “Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я – христос, и многих прельстят... И многие лжепророки восстанут и многих прельстят. И по причине умножения беззакония во многих охладее любовь” (Мф. 24, 4, 5, 11, 12).

Как будто все это сказано именно о наших временах! Все чаще появляются у нас и лжепророки, и лжехристы, и многие идут за ними, за всеми этими “братцами” и лжеучителями, и покидают мать – Церковь Христову... И множится, без конца множится всякое беззаконие, и изсякает, высыхает в наших сердцах христианская любовь...

Во дни, когда история минувших судеб Церкви Божией напоминает нам о древних христианах, о той свободе служить Христу Богу нашему открыто, жить по-христиански и молиться по-православному, свободе, данной Царем Константином – в эти дни – оглянемся на себя, спросим себя: а что если бы вдруг восстали бы из гробов своих все эти мученики, во дни гонений за Христа кровь свою проливавшие, все эти преподобные, свободу свою Христу во всецелом послушании отдававшие, – что если бы они посмотрели в наше сердце: чем оно занято? Как мы пользуемся тою свободой, которую и наш Государь дал нам, следуя примеру Великаго Константина?.. Узнали ли в нас истинных христиан, своих духовных потомков?.. О, как многие из нас вместо того, чтобы уподобляться святым Божиим, – уподобились скотам несмысленным! Как многие бегут от чистых источников учения церковнаго к кладенцам сокрушенным разных самозванных учителей

и пьют там отраву вместо питья жизни благодатной!.. И все ссылаются на свободу... Но когда человек свободный сам бежит в расставленные ему врагом его сети; когда он под видом свободы попадает в рабство хотя бы своим же собственным страстям; когда, пользуясь свободой, один поработил себя низким страстям: пьянству, сладострастию, любостяжанию; другой – более тонким: тщеславию, гордости, властолюбию; третий – блуждает по распутиям своего убогагомышления – что это как не рабство, не плен, самый жалкий плен под видом свободы?..

Только истина, хранимая в сокровищнице Церкви, делает нас, по слову Господню, свободными (Ин. 8, 32). К такой свободе и призваны все мы, братия (Гал. 5, 13).

В такой свободе, которую даровал нам Христос, и стойте (ст. 1). Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти (ст. 13). Та к учит Апостол Павел. Да и другой первоверховный Апостол Христов – Петр заповедует: не употребляйте свободу для прикрытия зла! (1 Пет. 2, 16).

Художественное юбилейное издание

Великий юбилей, 300-летие Царствования Дома Романовых, еще продолжается; еще выходят великолепные издания в память этого события. Недавно появился первый выпуск “Летописного лицевого Изборника Дома Романовых”. Говорить о художественных достоинствах этого издания не буду: едва ли что подобное появлялось у нас в России за последнее время в отношении применения усовершенствований техники, исключая разве немногих изданий Экспедиции З. Г. Б. Но издания Экспедиции не представляют собою чего-либо целого, а лишь отдельные листы, как бы отдельные приложения к тем или другим хорошим изданиям. А настоящий “Изборник” есть роскошное, строго задуманное издание, которое будет служить украшением не только любой библиотеки, но и кабинета богатого вельможи.

Цена этого издания, конечно, не может быть дешевою и однако же, зная стоимость работ в художественных заведениях, не могу не подивиться, как сравнительно дешево оно пущено в продажу: за выпуск “Изборника” на обыкновенной бумаге 8 р., на лучшей, в бумажном переплете 15 р., на роскошной, в полупарчевом переплете 25 р. без пересылки. Адрес: Москва, Трехпрудный пер., Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон.

Та к как мои читатели в значительном большинстве не могут ознакомиться с сим изданием, то позволяю себе перепечатать оттуда свою статью, помещенную в первом выпуске.

Неисповедимыя судьбы Промысла Божия в избрании на царство Михаила Феодоровича Романова

Царь и боговдохновенный пророк Божий Давид, созерцая дивные пути Господни в судьбах народов земных, говорит: *“С небесе призре Господь, виде вся сыны человеческая. От готоваго жилища Своего призре на вся живушца на земли”* (Пс. 32, ст. 13). Удивляясь, как “Господь вникает во все дела их, как разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов” (Пс. 32, ст. 15 и 10), песнопевец восклицает: *“Блажен язык, емуже есть Господь Бог его, люди, яже избра в наследие Себе”* (Пс. 32, ст. 12).

Размышляя в благоговении о судьбах Божиих в истории России, невольно повторяешь эти вдохновенные слова псалмопевца, применяя их к нашему народу: блажен, счастлив ты, Русский народ, которому Господь Бог вручил великое сокровище – святую веру Православную, котораго избрал Он предпочтительно из всех народов земных хранить это сокровище, а посему и самого тебя хранит, яко народ избранный; счастлив ты, что на самой заре твоего исторического бытия Господь послал тебе дивный образ отчества Верховной власти в лице твоего просветителя, славнодержавнаго князя Владимира – Краснаго Солнышка, коего благословенный род провел тебя чрез целых семь веков многих исторических бурь и невзгод, давая тебе таких самоотверженных вождей и печальников земли русской, каковы были: Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, Иоанн Калита, Димитрий Донской... Много согрешал ты пред Богом по немощи человеческой, и Господь, вразумляя тебя, наказывал; но ты не изменял вере Православной, и потому Господь, наказуя тебя отечески, миловал, и в тяжкия години испытаний, когда, казалось, ты стоял уже на краю гибели, Он посылал тебе, кающемуся, избавление.

Древние родословцы повествуют, что шесть веков тому назад, в мрачные годы монгольского ига, татарский мурза Чет, на возвратном пути из русских городов в Орду, на Волге, при впадении в нее реки Костромы, тяжко заболел и во сне имел видение: ему явилась Пресвятая Богородица с Предвечным Младенцем и с предстоящими пред Нею в молении св. Апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием.

Потрясенный этим видением, Чет дал обет креститься, если выздоровеет, и, поправившись от болезни, принял св. крещение под именем Захария, а на месте бывшего ему видения построил монастырь, ныне именуемый Ипатьевским.

От этого Захария пошел род Годуновых, которые считали Ипатьевский монастырь как бы родной себе обителью, делали в него вклады и способствовали его укреплению и возвышению.

Шли годы; многие знатные роды, роднясь между собою, вступали в родственные связи с Царями всея Руси.

Но ни один из боярских родов не был так близок к потомству Святого Владимира, как род Романовых-Юрьевых-Захарьиных. Исследования родословия показывают, что в течение XIV, XV и XVI веков между представителями этого именитого рода и потомками князя Владимира было заключено 12, а по некоторым сведениям – 16 брачных союзов и, наконец, сам Царь Иоанн IV Васильевич женился на боярышне Анастасии Романовне Юрьевой-Захарьиной.

Браку этому предшествовало следующее обстоятельство, в коем, несомненно, проявлен был Промысл Божий. В 1530 году преподобный Геннадий Костромской прибыл в Москву и посетил, по приглашению, дом боярыни Иулиании Феодоровны, супруги окольничьяго Романа Юрьевича Захарьина, прабабушки Михаила Феодоровича, и, благословляя детей ея: Даниила, Никиту и Анастасию, сказал последней: “ Ты ветвь прекрасная, плодovitая, будешь нам Царицею”. Его предсказание сбылось в точности: Анастасия была первою супругою Иоанна Грозного, любимицей Царя и народа; благоговейное воспоминание об ея добродетелях много содействовало призванию на Царство сына ея племянника – Михаила. Преподобный Геннадий в 1549 г. сам присутствовал при крещении дочери Царицы Анастасии Романовны.

Таким образом, Романовы-Юрьевы-Захарьины и по свойству и по родству с Государями Московскими преемственно были ближайшими к Царскому роду между боярами и, пользуясь вполне заслуженным доверием Царским, занимали в Государстве Московском первые места. И у Престола Царского, и в делах ратных, и в службах посольских это были, поистине, вернейшие, храбрейшие и усерднейшие слуги Царя и Отечества.

Самыми видными представителями рода Романовых в те времена были боярин дворецкий Никита Романович, брат Царицы Анастасии, и его старший сын Федор Никитич, даровитейший человек своего времени. Преисполненный высокими качествами ума и сердца, он был украшением московскаго боярства и пользовался большою известностью даже между иноземцами. Оба они, и отец и сын, отличались необыкновенною скромностью и благочестием, а Никита Романович так и звался в народе “печальником опальных”. Царь Иоанн Васильевич настолько ценил заслуги Никиты Романовича, что назначил его, перед своею кончиною, членом Верховной думы при Наследнике Царевиче Феодоре Иоанновиче, с титулом “правителя”.

Во второй половине XVI века породнились с Романовыми и с царскою семьею Годуновы: Иван Иванович Годунов женился на боярышне Ирине Никитишне Романовой,

племяннице Царицы Анастасии, а Царевич Феодор Иоаннович вступил в брак с Ириной Феодоровной, родной сестрою Бориса Феодоровича Годунова.

Но Богу угодно было к царственному служению Родине приуготовить семью Романовых страданиями и тяжким крестным подвигом. Пока жив был Царь Феодор Иоаннович, Годунов наружно старался поддерживать самые дружеския отношения с Романовыми, так что престарелый Никита Романович, обманутый этою дружбою, умирая, поручил ему свою семью. При чем Годунов клялся, что будет заботиться о его сиротах, как о своих детях, а когда сам Борис сделался Царем, то решил одним ударом отделаться от всех Романовых. Их оклеветали в злом умысле против Бориса, и боярин Феодор Никитич и его супруга были разлучены и насильственно пострижены в монашество, а братья Феодора – Василий, Александр, Михаил и Иван Никитичи – сосланы были в далекие пределы Северного края, где трое из них, после тягостного года ссылки, были умерщвлены жестокими стражами.

Старший из братьев, Феодор Никитич, постриженный под именем Филарета, был заточен в Антониевском Сийском монастыре, супруга его Ксения Ивановна, во инокинях Марфа, отправлена в Заонежье, а их сын 5-летний Михаил с тетками – сослан на Белоозеро, и все они трое неисповедимым Промыслом Божиим уцелели от руки гонителя, во спасение нашего Отечества.

В 1605 году судьба Романовых совершенно неожиданно изменилась. Среди наступившей смуты и нашествия самозванца Царь Борис Годунов скорострительно скончался, а его сын был убит.

Воцарившийся самозванец, желая показать, что он почитает родственников якобы родителя своего – Царя Грозного, возвратил из ссылки всех оставшихся в живых Романовых, а инока Филарета возвел в сан митрополита Ростовского.

Пролцарствовав 11 месяцев, Лжедмитрий был свергнут с престола князем Василием Ивановичем Шуйским, который сам сделался Царем, но смута не унималась: появлялись новые самозванцы, по всему лицу земли русской бушевали разбойничьи шайки и четырехлетнее царствование Шуйского было сплошным несчастьем.

В 1610 году нелюбимый ни боярами, ни народом Шуйский был свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи и водворен сначала в Чудовом, а потом в Иосифовом Волоколамском монастыре. А Верховная власть перешла к совету, состоявшему из семи бояр, которые, под страхом окончательного разорения и покорения Московского государства королем Сигизмундом или воцарения тушинского вора и под давлением гетмана Жолкевского, вошедшего в Москву с польским войском, присягнули сами и народ Московский заставили присягнуть сыну Сигизмунда королевичу Владиславу.

Сигизмунд не вполне остался доволен таковым решением Боярской думы и требовал присяги не только сыну своему, но и себе. И для подкрепления своих требований, во главе польского войска, осадил город Смоленск.

Тогда для переговоров с Сигизмундом под Смоленск было отправлено Великое Московское посольство, причем происками Жолкевского, чтобы удалить из Москвы опасных для Владислава соперников, во главу посольства были поставлены митрополит Ростовский Филарет и боярин князь Василий Васильевич Голицын, которым Святейший Патриарх Московский и всея Руси Ермоген накрепко наказал требовать, чтобы Владислав до прибытия в Россию принял Православие, не входил в сношение с Римским папою, не строил в Москве костелов и не держал ксендзов, наказывал бы смертью отступников от

Православия, женился на русской, имел при себе ограниченное число поляков и не ставил их на государственные должности.

Сигизмунд не соглашался на условия Московского посольства и требовал от Филарета и князя Голицына, чтобы они приказали боярину Шеину сдать ему Смоленск, а сам посылал в Москву Жолкевскому секретные грамоты, что королевича он на Московский престол не отпустит, а государством Московским будет управлять сам.

Поняв, что Сигизмунд только тянет переговоры, чтобы выиграть время, а сам обманывает русских, Ермоген, опасаясь допустить на Московский престол такого заклятого врага Православной веры, разрешил московский народ от присяги королевичу Владиславу, запретил присягать Сигизмунду и разослал по городам грамоты, призывая народ ополчиться за святую веру и идти на очищение Москвы от поляков.

Когда под Смоленск пришла весть, что к Москве собираются ополчения городов, Сигизмунд приказал заковать Московских послов в цепи и отправил их, как пленников и заложников, в дальние польские крепости.

По очищении Москвы князем Пожарским был созван Великий Земский Собор, состоявший из высших духовных чинов, бояр, воевод и выборных людей всякого звания, съехавшихся со всех концов земли Русской.

Прежде чем приступить к избранию Царя, этот Земский Собор три дня постился и в Успенском соборе у святых мощей угодников Божиих усердно просил благодатной помощи в великом предстоящем деле.

7 февраля в первом же совещании, на Соборе было единодушно провозглашено имя боярина Михаила Феодоровича Романова, но для большей уверенности в том, что это есть истинное желание всей земли, Собором были посланы особые уполномоченные проверить по городам подлинность мнения их выборщиков.

Посланные вернулись и подтвердили, что “во всех городах и уездах, во всяких людях от мала и до велика та же мысль: что быти на Московском Государстве Государем Михаилу Феодоровичу Романову”.

21 февраля архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит, как старший из всего освященного Собора, с келарем Троицко-Сергиевой Лавры Авраамием Палицыным и с боярином Василием Петровичем Морозовым вышел из Кремля на Красную площадь и с Лобного места спросил у собравшегося народа, кого они хотят в Цари.

Народ московский ответил: “Михаила Феодоровича Романова”.

Юный новоизбранный Царь с своей матерью, великою старицею инокинею Марфою Ивановною, находился в Костромской Романовской вотчине, селе Домнине, и от преследования искавших его польских и литовских шаек лихих людей должен был укрываться в Костромском Ипатьевском монастыре.

Великий Московский Земский Собор, утвердив свое избрание грамотою, снарядил особое посольство, с архиепископом Феодоритом и боярином Феодором Ивановичем Шереметевым во главе, идти в Костромские пределы просить Михаила Феодоровича пожаловать на Государство.

Трогательными чертами изображают летописцы моление послов от Земского Собора пред смиренным отроком. С одной стороны, в лице послов покаянное чувство пострадавшего народа, жаждущего твердой, Богом установленной власти; с другой – искреннейшее смирение юного избранника Божия, сознающего все величие и тяготу возлагаемого на него креста служения Царственного и свое к тому недостаточество;

а рядом с сим полная мудрости и жизненного опыта стойкая твердость старицы-матери, и в конце всего – всесовершенная преданность воле Божией и матери, и сына.

“Аще есть на сие воля Божия, буди тако”, – изрек Михаил, и с этой священной минуты он стал Великим Государем и Самодержцем всей Русской земли. Благочестивая мать взяла сына за руку и вместе с ним благоговейно склонила колени перед благодатным ликом Феодоровския иконы Богоматери и рекла. “В Твои пречистыя руки предаю чадо мое: настави его на пути истины, устрой ему полезная, а с ним и всему роду христианскому”.

Та к великая старица благословила своего сына на великий подвиг служения Царскаго; так совершилось воцарение Михаила Феодоровича, спасителя веры и Царства; так благословил, наконец, Господь, Царь царствующих, многострадальную землю Русскую дарованием ей Царя по сердцу Своему, благословенного родоначальника ныне благополучно царствующаго Дома Романовых.

Насколько глубоко воспринято было сердцем народным это призвание Михаила Феодоровича на Царство именно как великая милость Божия к народу Русскому, как явное указание Божие, свидетельствует самоотверженный подвиг простого крестьянина Ивана Сусанина. Он явился в свою очередь также избранником Божиим, чтобы запечатлеть своею мученическою кровью любовь народную к Царю, избраннику по сердцу Божию.

Сопоставляя события, предшествовавшие воцарению Михаила Феодоровича и сопровождавшие оное, и проникая в глубину внутреннего их смысла и связи между собою, не можем не видеть Промысла Божия, явно руководившего историческими судьбами, приведшими на Престол Русский чудесно уцелевший отпрыск многострадального рода Романовых в лице Михаила Феодоровича и сохранившими, ради юности его, маститаго его родителя, мудрейшаго советника в делах государственных.

В течение веков Романовы верою и правдою крепко и честно служили Царям и Родине, не возносясь в гордости и не употребляя во зло близости своею к Царской Семье. И когда умирающий Царь Феодор Иоаннович предполагал передать скипетр двоюродному своему брату Феодору Никитичу Романову, тот смиренно уклонился от этой чести, явно действуя в пользу шурина Царскаго Бориса Феодоровича Годунова.

Насильственным пострижением и заточением отплатил ему неблагодарный Годунов, но, неисповедимыми путями Божиими, через это самое пострижение Филарет достиг величайшаго святительскаго сана Патриарха.

Вся семья Романовых была обречена Годуновым на истребление, но младенчество Михаила Феодоровича спасло его от гонения.

Самозванец, принявший имя убиеннаго Царевича Димитрия, казалось, пришел и воцарился на погибель Государства Московскаго, но неисповедимыми судьбами он оказался орудием Промысла Божия, так как вызвал из ссылки остатки семьи Романовых, поставил Феодора Никитича митрополитом Ростовским и тем самым спас для России Царя и Патриарха.

Предки Царя Бориса Годунова, как бы в предвидении, что между потомками их явится жестокий гонитель Романовых, и как бы искупая вперед содеянный им тяжкий грех, устроили и укрепляли Ипатьевскую обитель, неисповедимым Промыслом Божиим сделавшуюся местом спасения избранника Божия и народного.

Великое Московское посольство, вверженное Сигизмундом в оковы и тяжкое заточение, почти все погибло в неволе, не исключая и первого боярина князя Василия Васильевича Голицына; неисповедимыми судьбами Промысла Божия уцелел лишь один

митрополит Филарет, котораго Господь после шести лет тяжкаго плена и заточения привел на престол Патриарший.

Перст Божий и покровительство Божией Матери, во всем этом несомненные и очевидные, проявляются также и в следующем.

Осенью 1263 года, за 350 лет до описываемых событий, великий печальник земли Русской, благоверный великий князь Александр Ярославович Невский, возвращаясь из Орды, дорогою занемог и, не чувствуя себя в силах продолжать путь, остановился в расположенном на берегу Волги, недалеко от Костромы, городе Городце, у сродника своего, тогдашняго удельнаго князя городецкаго, и 14 ноября, приняв схиму, предал праведный дух свой Господу перед иконою Пречистой Его Матери, именуемою Феодоровскою, которая составляла и поныне составляет главную святыню древняго Городца. А 14 марта 1613 года, так же близ Костромы, в Ипатьевском монастыре, иконою того же явления Божией Матери Феодоровския великая старица инокиня Марфа Ивановна благословляет на Царство сына своего Михаила.

Не знаменательно ли, что одна и та же икона Божией Матери была свидетельницей кончины прародителя старой Московской династии и участницей благословения на Царство родоначальника новой?

Мы, верные чада Русской земли, послушные чада Церкви Православной, веруем и исповедуем, что Господь наш есть Владыка царей земных (Откр. 1, 5), Царь царствующих и Господь господствующих (1 Тим. 6, 15), что Он возносит избранных от людей Своих (Пс. 88, 20) и посаждает их на престоле (Пс. 131, 11), и Его премудростию они царствуют (Притч. 8, 15). Тако веруем и радуемся о Царе своем и молим Бога, да возрадуется и Царь наш о Господе, да исполнит Господь вся прошения Его во благо родного Ему народа и да хранит благословенный Род Его могуществом Десницы Своей на многие веки. Аминь.

№ 188–192

Моя поездка на старый Афон и плоды «великого искушения»

Я обещал моим читателям поделиться своими впечатлениями при путешествии на Святую Гору, но замедлил это сделать, занятый срочными работами и отчетом о поездке моей туда. Между тем, как видно, между прочим, и из летучих заметок в отделе “Блестки и изгарь”, жидовская печать и все, кому ненавистны Церковь православная и ее иерархия, пронесли яко зло имя мое, извратив все, что творилось за эти три месяца на Святой Горе, представили меня каким-то инквизитором, а еретичествующих, отпадших от Церкви монахов и послушников – какими-то мучениками. Простой читатель, привыкнув верить всякой печатной строке, верит и этим сказкам и блазнится, и, может быть, осуждает или попрекает меня же за то, что я до сих пор молчал, не выходил на газетную улицу, чтоб опровергать все, что враги Церкви писали обо мне. Но судите сами: прилично ли, не говоря уже о прочем, исполнив поручение высшей власти, докладывать о подробностях порученного мне дела прохожим на улице прежде, чем дело доложено самой власти?..

Теперь тот долг исполнен: доклад Святейшему Синоду сделан. С разрешения Святейшего Синода я и печатаю почти сполна этот отчет в “Церковных Ведомостях”, а для моих читателей и еще пополняю его своими впечатлениями, к афонскому делу не относящимися, но, полагаю, для моих читателей не безынтересными, и в своих дневниках уже помещаю его как путевые мои впечатления.

Из Петербурга я выехал 23 мая; 24-го посетил Троицкую Сергиеву Лавру, чтобы испросить себе и моим спутникам благословения и молитвенной помощи у преподобного Сергия, отца северного иночества. 26-го я поклонился святым первопрестольникам всероссийским в Московском Кремле, а 27-го посетил киевские пещеры, чтобы и там поклониться великим подвижникам – носителям заветов древнеафонского и первоначальникам русского иночества. Высокопреосвященнейший митрополит Флавиан принял меня с обычною ему любовью и напутствовал молитвенным пожеланием доброго успеха.

В Киеве присоединился ко мне командированный от Министерства Иностранных Дел драгоман Эрзерумского консульства В. С. Щербина, как знакомый с положением дел на Афоне по прежней своей службе в Солунском консульстве, не раз бывший на Афоне. А в Одессе настиг меня и посланный Святейшим Синодом преподаватель духовного училища С. В. Троицкий, задержанный в Киеве магистерским диспутам.

В Одессу мы прибыли 28 мая и остановились в покоях архиепископа Назария. В Одессе три афонских подворья: Пантелеимонова монастыря и скитов Андреевского и Ильинского. Живущие здесь братия Пантелеимоновского монастыря в довольно значительном числе заражены ересью. Я посетил все эти подворья 29 мая и беседовал с братией оных в их церквях. В церкви Пантелеимоновского подворья со мною вступили в спор “имеславцы” монахи Дометий, Варсонофий и Серафим. Я потом пригласил их в покои архиепископа Назария и часа три беседовал с ними, но безуспешно. Здесь, в саду, во время беседы, монах Дометий позволил себе в высшей степени оскорбительную выходку против Его Святейшества, в Бозе почившаго Патриарха Вселенского Иоакима: он снял с себя

афонскую шапку и, поднося мне, сказал: “Вот за такую шапку золота патриарх осудил исповедников имени Божия!” Я резко оборвал безумца, и он должен был замолчать...

Следует заметить, что все выступления монахов в защиту лжеучения и потом на Афоне носили один и тот же характер: горячие заявления, что они за имя Божие готовы душу свою положить, пострадать, умереть (как будто мы какие мучители – игемоны), а когда им говорили, что никто от них этого и не требует, а только разъясняют им, что и мы все имя Божие благоговейно почитаем, признаем, что оно достохвально и преславно, но что оно само по себе не есть еще Сам Бог, – то они начинали беспорядочно волноваться, кричать, повторяя все одну и ту же фразу: “Сам Бог, Сам Бог!” Сколько раз я ни повторял в свою очередь, что я верую и исповедую, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, что речь идет не о Его Личности, а только о словах – именах Его, что одно – Сам Господь, а другое – Его имя, – ничто не помогало: они уже обвиняли меня, что я не называю Иисуса Христа Богом, что я – еретик. Между прочим, указывали, что послание Святейшаго Синода не имеет подписей, напечатано в “газете”, а потому ему не следует-де верить.

В виду сего немедленно из Одессы же по телеграфу сделано сношение с обер-прокурором Святейшаго Синода о разрешении напечатать послание брошюрой уже с подписями; это разрешение получено, и послание напечатано Одесским Андреевским подворьем в количестве нескольких тысяч экземпляров и потом доставлено на Афон. Мера эта имела добрые последствия: после сего уже не ссылались на отсутствие подписей, как на доказательство неподлинности послания. Кстати скажу, что я взял с собою на Афон и распространил там тысячу экземпляров своего отзыва Святейшему Синоду, напечатанного в “Церковных Ведомостях” под заглавием “Великое искушение около святейшаго имени Божия”.

30 мая, на пароходе “Афон” мы ушли в Царьград, а 31-го, около 4 часов пополудни, мы были уже там. Здесь, еще на пароходе, меня встретили представители подворий афонских, а от лица его Святейшества, Вселенского Патриарха, меня приветствовали его протосингел и личный секретарь, а от посольства – генеральный консул, в сопровождении секретаря посольства и каваса. Помещение мне было приготовлено в покоях самого императорского посла.

В субботу, накануне праздника Святыя Троицы, меня принял Его Святейшество, Вселенский Патриарх Герман V. Около 11-ти часов утра я прибыл в патриархию. Меня сопровождали: секретарь посольства В. С. Серафимов, драгоман Эрзерумского консульства В. С. Щербина и С. В. Троицкий. Переводил личный секретарь Его Святейшества г. Папа-Иоанну.

Патриарх принял нас в малом кабинете. Подходя к Его Святейшеству, я приблизительно сказал: “Имею счастье приветствовать Ваше Всесвятейшество от лица Всероссийского Святейшаго Синода и представить его рекомендательную грамоту. Лично же почитаю долгом испросить ваших святых молитв, яко предстоятеля Церкви-матери”.

Патриарх ответил, что очень рад видеть представителя Русского Святейшаго Синода и получить братский от Синода привет.

Мы трижды облобызались. Мои спутники приняли от первосвятителя благословение. Патриарх пригласил нас сесть и, приказав подать угощение, стал расспрашивать о нашем Синоде, его составе, устройстве и т. п. Когда я заговорил об афонской смуте и раскрыл на это печальное явление в церковной жизни взгляд Святейшаго Синода, я указал и на опасность в этом деле со стороны подпольных, незаметных со стороны влияний и вмешательства врагов Церкви и государства. Следы этих влияний я указал в некоторых

периодических изданиях, вносящих уже и теперь ложь и клевету и обман читателей. Я просил Патриарха теперь же наложить запрещение священнослужения на игумена Арсения, позволившего себе в своем письме на имя архиепископа Назария назвать послание Патриарха “еретическим” и посеявшего по всему Афону предубеждение против меня в русских иноках. При этом я передал Патриарху, в силу указа Святейшаго Синода, и самое письмо игумена Арсения на имя архиепископа Назария. Патриарх ответил, что полный “аргос” на Арсения уже наложен. Затем я предложил на рассмотрение Патриарха вопрос: можно ли благословлять упорствующих, если будут просить благословения из простого приличия? Святитель сказал, что Божие благословение преслушникам Церкви не подобает преподавать. Далее я спросил его: следует ли тем, которые изъявляют раскаяние, предлагать подписку в том, что они глубоко раскаиваются в заблуждении и всецело, безусловно принимают учение Церкви? Патриарх сказал: “Малиста!” В отношении упорствующих я высказал мысль, что список тех, которые окажутся нетерпимыми на Афоне и будут удалены или же сами удалятся в Россию, было бы желательно и полезно иметь Святейшему Синоду для предупреждения настоятелей русских монастырей от заразы еретических мудрований. Патриарх одобрил и это. При прощании старец был особенно ласков, трижды облобызал меня и молитвенно пожелал, чтобы небесная Домостроительница Святой Горы помогла мне в исполнении порученного мне дела. После он прислал мне свою грамоту на имя Кинота Святой Горы о том, чтобы священный Кинот не препятствовал мне в священнослужении и оказывал всякие услуги во время моего пребывания на Святой Горе.

В субботу же, после завтрака у посла, ездил в Балукли, к живоносному источнику, и в святую Софию. В Балукли настоятель храма, митрополит, любезно показал мне храм, могилы патриархов (почивают не в храме, а на кладбище около самого храма) и угостил неизбежным в таких случаях “глико” и кофе.

Посещение святой Софии произвело на меня глубоко грустное впечатление... У входа встретил нас старый турок и при помощи какой-то нищей девочки открыл тяжелую чарду, закрывающую вместо дверей вход во храм. Мы очутились в просторном притворе, на пороге коего нам предложили надеть туфли. Обычай этот напоминает нечто библейское: “сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, земля святая”. Обычай добрый: не следует в храм Божий вносить уличной грязи...

Еще завеса – чарда, и мы в храме. Чудный, необъятный, светлый купол его поражает своею красотою и легкостью. Справа и слева бегут ввысь стройные колонны. Простор, приятный резонанс, – чувствуется как реяние теней давно минувшаго... Ведь здесь, в этом храме, когда-то воистину небеси подобном по красоте украшений своих, около 930 лет назад, стояли и восторгались службою божественной наши предки-язычники; ведь вот тут, под этим величественным сводом, в их сердцах решался великий вопрос: быть или не быть нашей Руси православною... Благословен день и час, когда совершилось это! Благословенна память и тех греков, которые благоговейным служением и чудным пением тронули их сердца, пленили простые души в послушание веры, так что не знали они, по их же свидетельству, где они находились тогда: на небе или на земле? Благословенна память и тех мудрых в простоте своей предков наших, которые открыли свои сердца для прикосновения благодати Божией предваряющей, дабы потом она стала и спасающей... Они, язычники, принесли в своих добрых сердцах своему славно-державному князю Владимиру, яко купцу, ищущему доброго бисера, – дорогую жемчужину Православия...

А теперь... стоит в тоскующей совести уже другой вопрос – уже о самой Софии: быть ей в былой славе храма православного или же оставаться в поругании, унижении, обслуживая для поклонников лжепророка место их мечети?.. Оставлена, покинута, поругана, осквернена великая святыня христианства! И около пяти веков протекло над нею, и стоят около нея, будто часовые около пленника, минареты, и теперь кажется – будто еще витают в ее притворах плачущия тени древних царей и патриархов византийских; смолкли хоры певцов христианских, и раздается дикий вопль муллы, в котором слышится и торжество победы лжепророка над Христом, и уже предчувствуется близость победы Христа над обманщиком... Чу! Где-то на хорах раздался мелодичный речитатив другого муллы... Он вычитывает стихи из Корана...

Бедная София! Сердце сжимается при мысли о том, что же ждет тебя наконец? Придет ли час твоего освобождения? Или фиал гнева Божия за грехи людские еще не до дна излиян? Но ведь уж столько веков на юго-восточной колонне отпечаток окровавленной руки султана Магомета свидетельствует о жестокостях Корана, наполнившего до узд конских этот храм трупами хотя и грешных, но все же христиан...

Страшны суды Божии и непостижимы пути Его!..

При всем величии храм производит тем более печальное впечатление. Стены покрыты пылью, мозаики и фрески замазаны известью, только полы покрыты циновками, а по местам и коврами. Но ведь на Востоке пол есть вместе с тем и сиденье; вот почему, может быть, и заботятся о его чистоте, предлагая входящим надевать туфли.

Обходя этот храм-первообраз, я невольно переносился мыслями в наши русские храмы *Софии*: в Киев, в Новгород, в свою, ставшую мне родною Вологду и, наконец, – в Кронштадт. Величественны сии храмы; прекрасны в своем роде; располагают душу к молитве; но ни один из них не возносит так душу к небесам, как этот, столь печальный ныне храм, покинутый благодатию Божией... Разве только Кронштадтская София может дать душе утешение в ее печали по Софии Цареградской. Это точная, лишь на 1/4 уменьшенная копия Константинопольской Софии (диаметр купола в Царьграде 16, а в Кронштадте 12 сажень. Но какая красота отделки, архитектурных линий, какое обилие света!^[32] В нижней галерее, впрочем, – под колоннами, есть и полумрак, которого иногда просит сама молящаяся душа. Вместо паникадил – громадные хоросы, как бы необъятные кольца, на коих расположены иконы и лампы. Разница с хоросами на Востоке лишь та, что там они тихо описывают круги во время богослужения, как бы изображая движущияся светила небесные, а у нас неподвижны...

Был и в патриаршей церкви: здесь почивают св. мощи царицы Феофании и св. великомученицы Евфимии всехвальныя. Бог привел меня поклониться сей мученице в самый праздник ее памяти. Она почивает в серебропозлащенной раке, устроенной, как мне говорили, усердием в Бозе почившаго митрополита Антония и других благочестивых жертвователей из Петербурга. Нигде не видел я так открытых святых мощей, как здесь. Лицо св. мученицы совсем открыто, как будто она недавно почилла, сохранились прекрасныя черты ее девственного лица, только немного потемневшаго от времени. Глава увенчана серебропозлащенным венцом наподобие венчального. На внутренней стороне крышки приятно было прочесть славянскими буквами слова: “Святая мученица Евфимие, моли Бога о нас!”

Но обращаюсь к своему путешествию.

В праздник Святыя Троицы я совершил Божественную литургию в посольской церкви, в сослужении настоятеля больничной церкви отца Н. Остроумова и иеромонахов с

афонских подворий. После завтрака у посла я посетил эти подворья – Пантелеимоновское и Ильинское, где в церквах беседовал с братией, убеждая не поддаваться искушению новой ереси, раскрывал кратко ее суть, обличая подлоги в переводах с греческого и умолчания в выдержках из сочинений о. Иоанна Кронштадтского. А затем посетил наши военные суда “Кагул” и “Ростислав”, где беседовал с офицерами и матросами.

День Святого Духа я встретил в подворье Андреевского скита. Слушал литургию, после которой обратился к братии с словом предостережения, положив в основание слова Апостола: *блюдите, како опасно ходите*, и слова Господа: *блюдите, да не презрите единого от малых сих*. Раскрыв учение о Церкви, я особенно подчеркнул необходимость послушания ей, заключив словами Господа: *аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь*.

Здесь же посетил меня представитель при Патриархе афонского кинота, старец, по-видимому, умный и доброжелательный. Он сообщил мне неутешительные вести о положении дел на Святой Горе. Эти сведения подтвердила и телеграмма Солунского консула г. Беляева на имя посла о том, что число еретичествующих возросло до 3/4 всего братства в Пантелеимоновском монастыре и что там грозит опасность кассе монастырской. ^[33]

4 июня на стационаре “Донец” мы пошли в море, к Святой Горе.

С детства привыкли мы, православные русские люди, произносить слово “Афон” с особенною любовью, почти с благоговением. Не только религиозное, но и что-то родное, поэтическое всегда слышалось русской душе в этом имени. И тянуло туда наше сердце, и это имя занимало место в нашем внутреннем мире наряду с другими, дорогими нашему сердцу именами: Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иордан...

С таким представлением об Афоне и хотелось мне увидеть его. Ужели, думалось, в самом деле *потемне злато, изменися сребро доброе?* (Пл. Иер. 4, 1). Нет, не стану верить этому; то тревожное, что послужило причиной моего туда путешествия, что сжимало сердце заботою, та смута, которая, по сведениям, свила там себе гнездо – все это, думалось мне, есть великое недоразумение, временно налетевшее темное облако, которое рассеется от теплых лучей церковной истины, и снова Святая Гора в тишине духа будет хвалить Господа и свою небесную Экономиссу – мира Заступницу усердную...

За сотню верст виднеется вершина Святой Горы. Чем ближе подходит к ней пароход, тем величавее выступают ее очертания. Все яснее и отчетливее вырисовываются ее многочисленные обители: монастыри, скиты, кельи и убогия каливы. На память приходят слова Спасителя: *в дому Отца Моего обители многи суть...* Да, и тут уголок неба, уделенный Материю Божией грешной земле. Да, и обитатели Афона должны быть ревнителями равноангельной жизни... Но – увы! И здесь борются страсти человеческие, и сюда проникают духи тщеславия, корыстолюбия, властолюбия и гордости, прикрываясь самыми святыми целями...

Пароход обошел Святую Гору с юга и повернул в залив между самым Афоном и соседним полуостровом. Постепенно открываются монастыри: Ксиропотам, Симоно-Петр, Русский Пантелеимонов... Миновали Дафну, древнюю пристань, где, по преданию, Матерь Божия вступила на берег Афона. Еще немного, – и наш “Донец” остановился у бочки против самого Пантелеимонова монастыря.

Один русский архиерей, посетивший Афон лет 15 назад, говорил мне: “Когда будете сходить на берег, вся гора почернеет от множества монахов: здесь так редко бывают русские архиереи, что монахи с радостью встретят вас, как родного святителя”.

И конечно – встретили... Только с радостью ли?

Не гора, – гора за монастырем, по ту его сторону, а балконы и террасы, подвешенные к монашеским пяти-шестиэтажным корпусам, действительно, “почернели” от монахов – увы, не с радостью, а с праздным любопытством вышедших посмотреть на архиерея, которого давно, по его сочинениям, знали, которого когда-то уважали, а теперь... видели в нем “еретика”...

Внизу, на пристани и близ порты (ворот) собралось сотни полторы-две православных монахов с своим игуменом – архимандритом Мисаилом во главе. Прочие – или стояли вдали, не желая принимать от меня благословения, или же, не сходя с террас, являлись простыми зрителями этой встречи, которая, признаюсь, показалась мне далеко не “торжественною”. Когда я в сопровождении игумена поднимался к порте, я заметил по адресу иеромонаха Кирика, бывшего в Константинополе, по поручению игумена, и возвратившегося с нами на “Донце”, из толпы “имеславцев” угрожающий жест – мелочь, но очень характерная для обрисовки настроения “имеславцев”.

Облекшись в мантию, я приложился к Святому Кресту, окропил себя святою водою и, взяв посох, стал подниматься в монастырь. На пути отец игумен сообщил мне, что известный игумен Арсений, когда-то миссионер, а ныне ставший ересиархом, поражен параличом и лежит в Андреевском скиту без движения и без языка. Признаюсь, это известие показалось мне как бы знаменательным, и я невольно вздохнул, вручая судьбу несчастного Божью изволению...

Вот и храм великомученика и целителя Пантелеимона. Совершена обычная лития. Я приложился к честной главе великомученика. Став на амвон с посохом в руках, я обратился к братии с громким приветом:

– Христос посреде нас, отцы и братия!

В ответ откуда-то послышалось довольно слабое:

– И есть, и будет!

Окинув взглядом храм, я заметил, что он хотя и не обширен, но все же далеко не полон: очевидно, “имеславцы” не пожелали слушать архиерея-еретика и в церковь пришли из них немногие.

Я начал беседу с воспоминаний своего далекого детства. Взволнованным голосом я говорил инокам о том, с каким восторгом когда-то я читал поэтические письма Святогорца, с какою любовью списывал сказания и даже срисовывал изображения чудотворных икон из книги “Вышний Покров над Афоном”, с каким благоговейным чувством и открытым сердцем слушал простые рассказы о Святой Горе своего земляка, старца о. Полихрония.

Мне хотелось пробудить в сердцах иноков воспоминания об их великих почивших старцах, об их заветах, и я перешел к воспоминанию о том, как я вошел в сношение с их обителью, как благодаря добрым ко мне отношениям сих старцев, я стал считать ее как бы родною себе, как всю жизнь мечтал побывать на Святой Горе, и вот, наконец, когда я уже и мечтать о том перестал, эта мечта сбывается, но – увы, как сбывается! При каких печальных обстоятельствах! На мне сбывается слово, сказанное некогда апостолу Петру: *егда же состареешия, ин тя пояшет и ведет, а може не хочещи...*

Напоминание о старцах, как я заметил, произвело на многих доброе впечатление.

Далее я раскрыл сущность великаго искушения, столь неожиданно для всего православнаго мира появившегося около святейшаго имени Божия. Не входя в подробности этого вопроса, ибо и время было уже позднее, я просил слушателей обратить

особенное внимание на то, что этот вопрос подробно и обстоятельно уже рассмотрен церковною властью, что не дело монахов-простецов пускаться в догматическая исследования, которые притом же и не по силам их неподготовленному наукою уму. Да и святые отцы инокам сие воспрещают. А что важнее всего – помнить заповедь Спасителя о послушании Церкви и Богом поставленным пастырям, дабы не подвергнуться за непослушание ей суду и даже от нея отлучению. В заключение я просил откровенно обращаться ко мне со всеми сомнениями, для чего мои двери будут всегда для них открыты, и на послушных и верных чад Церкви призвал Божие благословение.

Безмолвно слушали меня иноки; что они думали – Бог ведает... Из церкви меня провели на греческий архондарик. Здесь, за обычным афонским “глико” и кофе, я снова стал говорить в присутствии всех так называемых старцев; тема была та же, причем я обратил внимание слушателей на благодать хиротонии, которая не только дает право пастырю Церкви учить, но и помогает ему, по мере его веры, в исполнении заповеди Христовой: *шедше, научите*. Апостол говорит, что пастыри даны Богом Церкви для созидания тела Церкви Христовой, а это созидание и есть, главным образом, научение верующих истинам веры. Более часа здесь шла моя беседа. Все, по-видимому, слушали внимательно, и никто не возражал. На ночлег я вернулся на “Донец”.

Я предполагал вести свои беседы сначала с отдельными лицами, более зараженными, или же с небольшими группами их. К сожалению, пользуясь своею сплоченностью, они не допустили осуществить этот план. Я пригласил было к себе на другой же день указанных мне вождей смуты, в числе пяти человек, но явилось сразу двенадцать. Вести беседу правильно оказалось уже невозможным. Они перебивали меня, перебивали друг друга, бросались от одной мысли к другой, и я вынужден был заявить, что прекращаю беседу, но г. консул, присутствовавший тут же, потребовал, чтоб неприглашенные удалились. Поднялись было все, но я упросил приглашенных остаться. Беседа пошла несколько спокойнее, но по недостатку логичности в суждениях простецов и их страстному увлечению основным положением ереси: “имя Иисус есть Бог” – нельзя было до чего-либо договориться. Они отвергали самую возможность судить об этом их основном положении, считая это кощунством. Во время беседы монах Ириней, между прочим, предложил мне странный вопрос: как родился Христос: так ли, как все люди, или же иначе? Я не понял этого вопроса и не придавал ему особого значения, дав обычный ответ согласно катехизису. Но оказалось, что среди здешних монахов распространена еще новая ересь, будто Господь наш, зачатый наитием Святаго Духа, родился не обычным естественным путем, а из “бока” Богоматери. Оказывается, что известный эксмиссионер Арсений, еще в 1905 году, написал брошюрку “Объяснение великой тайны воплощения”, пропущенную тогда же к печати цензором, иеромонахом, а ныне архимандритом, Александром. В этой брошюрке и проповедуется упомянутая ересь, усвоенная “имеславцами”.

После трехчасовой беседы пришлось монахов отпустить, причем, они обещали “рассмотреть” синодальное послание, которое, по их словам, не основано на Св. Писании и св. отцах, слишком длинно и не имеет подписей, а потому и неподлинно. После я узнал, что они поступили буквально так, как это делают все “Никиты-пустосвяты”: своим собратиям хвалились, что они одержали победу над еретиком-архиереем. Они настойчиво требовали, чтобы я вел с ними беседу непременно в церкви, в присутствии всей братии, на что я отвечал, что если с десятком их трудно было установить порядок, то что будет в церкви? А ведь за нарушение порядка в храме Божиим, как за оскорбление святыни, надо

строже отвечать и перед Богом и перед людьми. Сначала сговоримся здесь, частным образом, а потом и во храме побеседуем.

После обеда в тот же день явился еще один, очень типичный старец, иеромонах Иорам из “имеславцев”. Он долго отрицал всякое свое участие в смуте, ссылаясь на свою простоту: он-де верный сын Церкви, в тонкости богословия не может входить, верует, как веровал. Наконец, я сказал ему решительно: почто ты лукавишь, старче, отрицаешь свое участие в смуте? Ужели думаешь, что я явился сюда ничего незнающим младенцем? Да о твоей деятельности я слышал еще в Петербурге, а затем и в Москве, и в Одессе, и в Царьграде. К чему же это запирательство? Если бы ничего не знал, то я тебя не позвал бы к себе в числе первых.

Только тогда он полусознался в заблуждении и подписал отречение от него.

7 июня консул сделал попытку воздействовать на еретичествовавших от лица гражданской власти: собрал старцев на архондарик и стал им говорить о необходимости подчиниться Патриарху и Синоду. Имелось в виду, чтобы под влиянием мысли о последствиях противления спокойнее слушали мои беседы и вдумчивее относились к тому, что я буду говорить. Но фанатик-главарь монах Ириней выступил с такими дерзостями, что Б. С. Серафимов “официально заявил” консулу об оскорблении, и консул приказал Иринее отправиться на “Донец”, но тот бросился в Покровский храм, приказав ударить в набат. Консул потребовал команду на случай каких-либо насилий против него. Бунтующие, по набатному звону, побежали вслед за Иринеем в тот же храм. Ириней схватил крест, вскочил на амвон и, хотя ему никакой опасности не угрожало, махая крестом, стал кричать, что его “хотят бить”, и призывал толпу умирать за имя Божие. Консул счел более благоразумным возвратиться на “Донец”, а бунтующие хотели уже служить благодарственный молебен о победе над ним, зажгли уже свечи, но кто-то сказал, что рано еще, и разошлись.

8 тот же день консул телеграфировал послу, что при сплоченности еретичествовавших, готовых на все, при тех насилиях, какие они позволяют себе над православными, и терроре, коим они действуют на мирную братию, нет возможности изъять главарей, а без сего невозможны никакие увещания, никакое умиротворение монастыря. К вечеру является наместник монастыря и привозит консулу ключ от кассы: есть сведение, что готовится ограбление кассы и даже поджог монастыря. Два другие ключа остались в руках “имеславцев”.

Я предложил о. игумену немедленно возвратить всех изгнанных “имеславцами” из обители. В числе их был и духовник обители, иеромонах Агафодор.

Когда в монастыре стало известно послание Святейшаго Синода, то главный смутьян монах Ириней явился к игумену и потребовал, чтобы его не читали в церкви, угрожая в противном случае бунтом. Посему я распорядился в первое же воскресенье, в неделю Всех Святых, прочитать послание в церкви, в собрании всей братии. Только присутствие консула дало возможность игумену прочитать его. Во время чтения раздавались протестующие возгласы, а по окончании Ириней спросил читавшего игумена: “Имя Иисус – Бог?” Игумен ответил: “Конечно, самое имя – не Бог”. Этого только и добивались вожди смуты: потом они всех простецов уверили, будто игумен сказал, что “Иисус – не Бог”.

11 июня, полагая, что возбуждение еретичествовавших несколько успокоилось, я решил провести беседу в Покровском храме. После обедни ударили в колокол, и храм наполнился монахами. Надев мантию, я вышел на амвон. Тесным кольцом окружили меня “имеславцы”. Консул, впрочем, взял предосторожность и впереди поставил матросов.

Были слухи, что “имеславцы” грозили: “ПопадетсЯ Никон им в руки и тогда узнает, что значит хулить имя Божие”.

Обличая лжеучение, я обратился к их здравому смыслу, указывая на то, что их учитель Булатович все слово Божие считает Богом, но ведь в слове Божиим, в Священном Писании, много слов и человеческих, например, приводятся слова безумца: *нести Бог*; говорится о творениях Божиих, например, о червячке: что же, и это все – бог? Та к и все имена Божии, как слова, только обозначают Бога, указывают на Него, но сами по себе еще не Бог: имя “Иисус” – не Бог, имя “Христос” – не Бог.

При этих словах, по команде Иринея, послышались крики: “Еретик! Учит, что Христос – не Бог!”

Я продолжал речь, а так как вожди смуты продолжали шуметь, то С. В. Троицкий обратился к близ стоявшим: “Владыка говорит, что только имя Христос – не Бог, а Сам Христос есть истинный Бог наш”.

Я говорил, что и слова Писания, и слова святых отцев надо понимать в связи со всем учением Церкви, а не брать отрывками: иначе можно впасть в ересь. Как например, я указал на слова Спасителя: *Отец Мой болии Мене есть*, слова, которые Арий приводил в пользу своей ереси. При этом, конечно, я указал и на другие слова Господа: *Аз и Отец едино есма*. Особенно больно, говорил я, православному сердцу, что лжеучение явилось именно здесь, на Афоне, не где-нибудь в иных, неправославных странах, в какой-нибудь Франции или Англии, а вот тут, на Афоне, сердце Православия. Вы не раз выражали желание знать, как учат святые отцы об именах Божиих: итак, слушайте, что они говорят... И я просил С. В. Троицкого читать те выписки, которые потом напечатаны отдельным листком в монастырской типографии, – он читал, а я повторял читаемое, подчеркивая и раскрывая смысл слов отеческих. Меня прерывали, по знаку главарей, шумом и криками, но все же я кончил чтение и объяснения. Иринея стал требовать, чтобы я разобрал какую-то их распрю с игуменом и духовником, на что я ответил, что это – не мое дело: у них есть протат и патриарх. Он заявил, что тогда они подпишут, что угодно. Я сказал, что дешево же они ценят свои “догматы”, если готовы ими поступиться за смену игумена. Тогда он гордо сказал, что никакие мои увещания не будут иметь успеха, а шум его единомышленников на деле подтвердил его слова. Мне кричали: “Еретик, крокодил из моря, семиглавый змей, волк в овечьей шкуре!”... В заключение мне все же удалось сказать: “Будьте добросовестны, выслушайте меня: все прочитанные из святых отцов места вы сами можете прочитать в вашей библиотеке: приходите, мы их там покажем вам! Кто знает по-гречески – тому найдем и в греческих подлинниках”.

После этого я ушел из церкви чрез алтарь.

К вечеру 11 пришел пароход “Царь”, на котором было доставлено 118 человек солдат, при 5 офицерах, в распоряжение консула. На этом же пароходе возвращался из России Антиохийский Патриарх Григорий. Я воспользовался часовой стоянкой парохода на рейде, чтобы приветствовать высококаго путешественника. Он был рад видеть меня, а я просил его благословить игумена Мисаила и его сотрудников на святое дело защиты Православия в обители. Сначала Патриарх смутился: он не понял, что речь идет о нравственной поддержке, и сказал, что не считает возможным вмешиваться в дела Вселенскаго Патриарха; но потом, когда я объяснил ему, что тут важно его мнение: есть ли учение, осужденное Вселенскими Патриархами и нашим Святейшим Синодом, ересь или только частное мнение, – он ответил: конечно – ересь, ибо если бы одно имя Христово было Бог, то не было бы нужды Христу страдать и умирать: одно имя Его и спасало бы. –

Патриарх милостиво принял икону великомученика Пантелеимона от игумена и молитвенно пожелал ему успеха в умиротворении обители.

В это время едва не ворвался в столовую, где мы беседовали, корреспондент “Утра России”, настойчиво требовавший от меня разрешения присутствовать при моей беседе с Его Блаженством. Я решительно отклонил этого непрошенного свидетеля нашей беседы; упоминаю об этом потому, что сей иудей отомстил мне помещением в газете злостной корреспонденции, искажавшей факты и сообщавшей вымыслы о моих действиях на Афоне.

13 июня посетили меня шесть антипросопов из протата, которые в беседе со мною решительно заявили, что еретики ни в каком случае оставаться на Афоне не могут, и если мы их не удалим, то это сделают сами греки, несмотря ни на какие протесты кого бы то ни было.

В тот же день, после обеда, вновь прибывшие солдаты были отправлены на берег. Монахи встревожились и ударили в набат. Вся братия собралась к воротам. Впереди стояли иеромонахи в облачениях, с иконами и крестами. Капитан Городынский просил указаний от консула. Консул и командир “Донца” сами прибыли на место. Командир З. А. Шипулинский приложился к святым иконам и обратился к монахам с речью, в которой объяснил, что солдаты присланы для охраны порядка в монастыре, охраны его кассы и самого монастыря ввиду угроз поджогом. В конце концов монахи мирно пропустили солдат, без всякого сопротивления; только один полупьяный иеродиакон как-то подвернулся под приклад и получил незначительную рану в голову.

В монастыре отведено солдатам помещение, и они заняли посты на всех более важных пунктах: у всех шести ворот, у ризницы, кассы, храмов, библиотеки, водопровода и т. п.

Не гнушаясь ложью и клеветой всякого рода, “имеславцы” позволяли себе утверждать, будто и Киевский митрополит на их стороне, ибо он не подписал синодального послания, в его лавре издана книга Илариона: “На горах Кавказа”, с его будто бы благословения духовник лавры о. Алексей напечатал малограмотную брошюру в защиту имеславской ереси. В этой брошюрке проповедуется, что “Сын Божий обоготворяет имя Иисус, срастворив с существом Своего Божества точно так же, как и принятую Им “от человек” плоть, неслитно и нераздельно”. Эта брошюрка оказалась довольно распространенною среди “имеславцев”. Я счел своим долгом немедленно же, с первою почтой, сообщить все сие его высокопреосвященству, митрополиту Флавиану, позволив себе высказать мнение, что профессора священника Глаголева следовало бы заставить написать опровержение сей брошюры и вообще ереси, на основании святых отцев, ибо он – человек науки и может и по совести должен сие сделать. При личном моем свидании с митрополитом, на обратном пути, я от него услышал, что сие уже делается по его распоряжению, автор же запрещен в священнослужении до покаяния в ереси, а книжка его, в количестве 4 500 экземпляров, арестована.

Прошла еще неделя в бесплодных или, лучше сказать, малоплодных попытках к увещанию. Чтобы не оскорблять святыню храма Божия неуместными выходками “имеславцев”, я и С. В. Троицкий стали посещать библиотеку, приглашая всех, кто хочет убедиться в истине, смотреть подлинныя места из святых отцев, главныя положения коих были нами напечатаны в монастырской типографии отдельным листком. Напечатано было еще мое объяснение слова “верую” и мое “Доброе слово имеславцам”. И то и другое “имеславцы” рвали в клочья, отнимая у православных и обзывая меня “масоном и еретиком”. Придуманно было ими и новое “исповедание”, которое в рукописных листках

они и распространяли: надо-де верить “во имя Отца, Святого Духа и Иисуса Сына Божия”.

Я увещевал их смириться пред Церковью. “Без Церкви нет спасения”, говорил я. Они отвечали: “Мы принадлежим к Церкви небесной”. На мое замечание, что к небесной Церкви нельзя принадлежать, если не принадлежишь к земной, что нет Церкви без епископа, что невозможно спасение без Божественного причащения, – говорили, что они будут причащаться именем Божиим, что они сами – Церковь. Видно было, что для них нет никакого авторитета: и патриархи-де были еретики, и Синод еретик; нет у них и простого здравого рассуждения: не умом-де постигаются тайны Божии; такие великие толкователи жизни духовной, как святитель Затворник епископ Феофан, ими презираются, как “ученые” (и с особым презрением произносится это слово), как ничего не испытывавшие на деле. Именование второго Лица Святыя Троицы “Словом” в Евангелии Иоанна толкуется ими в свою пользу: под “Словом” они понимают имя “Иисус”. В подкрепление своих лжемудрований они не стесняются прибегать к таким домыслам, которые способны вызвать улыбку сожаления к ним: например, чтобы отомстить Халкинской школе за ее доклад Патриарху, обличающий их ересь, они перевели слово “Халки” на цифры: получилось 659; чтобы получить число имени антихриста – 666, они подменили последнюю букву, объявили православное учение антихристовым. Это – какое-то помешательство, когда человек верит только себе и слушает только себя самого. Игумен не раз с амвона громко заявлял, что он верует и исповедует, что Иисус Христос есть истинный Бог, – они кричат: “Нет, ты не веруешь!” Духовник тоже не раз пытался заявлять о своей вере в Божество Иисуса Христа: они дерзко кричали ему прямо в глаза, в нашем присутствии, в церкви: “Ты сам не веруешь и на духу тому же учишь!”...

Крайняя нетерпимость есть их отличительная черта. Подобно всем фанатикам, они преследуют всех несогласных с ними всякими досадностями: называют их “масонами, богохульниками, иудами предателями, арианами” и именами других еретиков; отплевываются от них, как от нечистых, зараженных людей, не хотят с ними молиться, трапезовать, на их приветствия не отвечают и отворачиваются от них; завладев тою или другою хозяйственною частью, отказывают им в удовлетворении их нужд в отношении, например, пищи и одежды. Когда наш “Донец” прибыл к монастырю, то не хотели давать для меня рыбы, и только угроза реквизицией со стороны консула заставила их вразумиться. Отыскали у св. Златоуста слова: “Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутьи или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет, ударь его, не отказываясь, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом, и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди. И если судья пред судилищем потребует ответа, смело скажи, что он похулил Царя ангелов, ибо если следует наказывать хулящих земного царя, то гораздо больше оскорбляющих Того Царя”. И повторяют эти слова, и переписывают на записочках, и распространяют их, и, конечно, готовы исполнять их на деле, если бы только не страх человеческий.

Служат отдельно, не поминая ни Патриарха, ни нашего Синода, ни игумена; в церкви за богослужением, вместо святоотеческих писаний, читают книгу “На горах Кавказа” или “Апологию веры” Булатовича. Власть игумена сведена к нулю.

Простой монах Ириней с важностью ходит по монастырю, как настоятель, его сторонники демонстративно, как бы издеваясь над православными, кланяются ему в ноги, целуют ему руки, а он благословляет их. Монастырское начальство, потеряв всякую власть, умоляло избавить обитель от этой банды забастовщиков. Хотя число

православных в последнее время нашего там пребывания достигло до 700, но никто из них не смел рта открыть против главарей еретического движения: вожди эти были неотступно охраняемы своими фанатическими последователями, готовыми на все. 23 июня я посетил скит Фиваиду; там насилие выражалось еще ярче: главари отдали приказ – если придет архиерей – не ходить в церковь, не брать у него благословения, не слушать его речей, яко еретика и богохульника, и это исполнено в точности: вместо 200 с лишком братии явилось не более 50-ти православных, которые слезно умоляли избавить их от насильников, выражая намерение бежать “куда глаза глядят”, если дело останется в таком положении. В Пантелеимоновом монастыре тягота положения доходила до того, что некоторые монахи говорили нам: “Если вы ничего не можете сделать, то увезите нас в Россию или предоставьте свободу грекам: они скорее вас справятся с безобразниками”. “Имебожники” не раз пытались совратить и солдат в свою ересь: подходя к часовому, начинали ему делать увещание; пришлось напомнить закон, дающий право часовому действовать в некоторых случаях штыком. Отведенное для солдат помещение выходило на террасу: когда выходили в свободное время солдаты подышать воздухом, монахи и тут не давали им покоя своими увещаниями, и командир отдал приказ оцепить лестницу, ведущую к солдатам веревкой и внизу поставить часового. Была безумная попытка поджечь монастырь, три раза обрезали телефон с Кареей, чтобы прервать сношение с протатом. Ночью бросали камнями в часовых и в патрули.

Простые послушники вступали со мной в спор с каким-то пренебрежением к архиерейскому сану: для них “свой брат”, полуграмотный монах Ириней, был авторитетнее и заслуживал большего уважения, чем я. Ко всякой науке у них было какое-то презрение, питаемое искаженным ими учением св. отцев об языческой философии, под которую они подводят и наше богословие и все дисциплины богословских наук. У них своеобразная гордость якобы духовной опытностью, о коей у них, конечно, и понятия нет, ибо глубочайший признак этой опытности есть смиренное сознание своего невежества. Для характеристики отношений ко мне “имеславцев” приведу пример: во время моих бесед в библиотеке выступает некий монах Никон и с тонким лукавством, трудно им скрываемым, говорит: “Вот, владыко святой, у меня в руках книжка, под заглавием “Великое искушение”... Писал ее какой-то епископ Никон. И вот *этот* Никон, на странице такой-то, говорит, что Иисус Христос был незаконнорожденный Сын Девы Марии”... Надо было видеть злобное, мефистофелевское выражение лица этого монаха, когда он, говоря это, как бы торжествовал надо мною победу! Напрасно я пытался пристыдить его, обращаясь к его монашеской совести: его поддержали единомышленники и только строгий окрик С. В. Троицкого заставил безумцев несколько притихнуть...

Остановились все послушания, кроме приготовления пищи и чредного богослужения, причем “имеславцы” не хотели молиться вместе с православными. Православные, избегая насмешек, больше сидели по кельям. Все ждали развязки, у всех валилось обычное дело из рук.

Консул постоянно сообщал г. послу беспроволочным телеграфом о ходе дела. Когда он просил меня подтвердить его донесения, я, с своей стороны, делал это с спокойною совестью. Дело, между тем, затягивалась, а вожди смуты оттого становились с каждым днем наглее, видя свою полную безнаказанность. Изъятие главной массы “имеславцев” было необходимостью очевидной, но не было возможности отправить их в Россию: пароходы бывают на Афоне только раз в две недели и притом задерживать очередной пароход на целые сутки было невозможно, без особого на то распоряжения г. посла.

Удивительная была уверенность “имеславцев”, что, в случае удаления их с Афона, их ждут в России богатая милости, что им будет отдан Новый Афон, что капиталы Пантелеимонова монастыря будут разделены пропорционально братии и пр. По-видимому, при посредстве андреевцев, у них было сношение с Булатовичем или иным их ходатаем в России, который подавал им самые несбыточные надежды. Впрочем, главари не стеснялись распространять ложь в самых невероятных видах: говорили, что получена от Царя “телеграмма золотыми буквами”, повелевающая не верить Никону, как самозванцу, говорили, что кинот получил от архимандрита Мисаила огромную сумму, я – 200 тысяч, консул – 90 тысяч (неровно – вероятно, для большего вероподобия), и всему этому темная масса верила: для нея непогрешимым авторитетом являлся Ириней с товарищами, коим масса верила безусловно, а на меня и моих сотрудников смотрела как на лжецов и обманщиков. Удивительно опытные в сплетении лжи главари ловили, например, каждое мое слово и тут же искажали его: едва я, например, произносил: “Верую и исповедую, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, но Его всесвятейшее имя не есть еще Сам Он – Бог”, как поднимался шум и крики: “Слышите, слышите: архиерей не верует, что Иисус есть Бог!”

Особенно ересь укоренилась в нижней больнице: здесь монах Ваптос не столько, кажется, занимался лечением, сколько совращением больных в ересь и довел сих несчастных до того, что когда я, при моем посещении, подходил к постели больного, то он или отворачивался к стене, или же углублялся в чтение Псалтири и Евангелия, не обращая на меня никакого внимания. Когда я обращался к больному с словами любви: “Что же ты, брат, не принимаешь благословения от архиерея?” – он или молчал, как глухонемой, или же отвечал дерзким, задирающим тоном: “Ты еретик, ты не признаешь Иисуса Богом!” – и отворачивался. Напрасны были уверения, что это – клевета, что я верую и исповедую, что Иисус Христос есть истинный Бог: он только мотал головой... Та к крепко Ваптос вбил в голову больных мысль, что я, а также игумен и все мы, по их терминологии, “имеборцы” – еретики и богохульники... Наши листки рвали, не читая, выманивали у православных и уничтожали, мою книжку “Великое искушение” рвали в клочья и бросали на ветер, а мне присылали ругательные письма, конечно, без подписей. Когда “имеславцы” были отправлены на “Херсон”, то с ними пожелали добровольно отправиться и больные, чахоточные, полуживые и старики из больницы, и только по распоряжению консула были задержаны в монастыре.

Наконец, Ириней решительно воспретил своим последователям ходить в библиотеку на беседы, а кто заходил, того вытаскивали оттуда насильно. Что бы отвлечь от бесед с С. В. Троицким, не гнушались и такими приемами: как только заметят, что слушатели стали склоняться к Православию, кто-нибудь крикнет, что в монастыре бунт, солдаты бьют монахов, и, конечно, все бросаются вон...

Отдельные, более искренние лица ко мне являлись, и на них можно было наблюдать, как тяжело было им расставаться с заблуждением, которое успело уже как бы врасти в их душу, отравить ее. Та к иеромонах Флавий, духовник из пустыни Фиваиды, пять раз приходил ко мне, то каясь, то опять отрекаясь от православного учения. Наконец я просил Сергея Викторовича Троицкого заняться им отдельно, и он часа два с ним беседовал. И наконец после беседы, на которой обстоятельно было разобрано все лжеучение, Флавий только тогда окончательно отрекся от лжеучения, когда, положив несколько поклонов, решил взять жребий: верить или не верить Синоду? И, милостию Божией, дважды вынимал “верить”. Тогда он пришел ко мне и с видимым душевным волнением сказал:

“Теперь я верую так, как повелел Синод”. Спустя три дня он приходил еще раз, но уже не касался вопроса об именах Божиих.

По слухам, один из “имеславцев” грозил, что так как он еще в миру отправил на тот свет двоих городских, то ему-де ничего не стоит отправить туда и игумена. Это дало мысль консулу проверить установления, по коим живут в монастыре его насельники. Всего было таковых 1700 человек. При помощи сопровождавших ему чиновников посольства и офицеров, он и выполнил это, попутно спрашивая каждого: какого исповедания он держится. “Имеславцы” с гордостью отвечали, что они – исповедники имени Божия. Православные же заявляли, что они к ереси не принадлежат. Таковых к 29 июня оказалось свыше 700 человек. Таким образом нравственный облик состава братии определился в количественном отношении. С утешением мы заметили, что на некоторых, более спокойных, безпристрастных братьев наши беседы оказали влияние. Из принадлежащих Пантелеимонову монастырю скитов мы посетили два: Старый Руссик и Фиваиду. Там мы нашли и настроение братии и состав, в смысле смешанности, тот же, как и в монастыре. Я беседовал с братией в их храмах, причем, в Руссике особенною дерзостью отличился повар, которого пришлось насильно вывести из храма. Потом он явился ко мне в монастырь уже с повинною, говоря, что был пьян.

Кстати, замечу, что среди монашествующих мы встречали немало пьяных: хотя в трапезе ставится некрепкое виноградное вино, но ежедневно каждому по кувшинчику с полбутылки; это приучает к употреблению вина, а потом слабых волею – и ракички, которая крепостью доходит до 60°; при отсутствии всякой дисциплины, имея притом и ключи от погребов в своем распоряжении, немудрено, что “имеславцы” и пользовались вином по своему усмотрению.

Приходили ко мне монашествующие и из некоторых келий и подписывали отречение, очевидно, боясь, чтобы греки потом не изгнали их как еретиков. Насколько это было искренно – Бог ведает. По крайней мере, со старцем келии Благовещения, известным и Святейшему Синоду Парфением, вышло искушение: он прислал ко мне своего наместника, чтобы тот от лица всей братии подписал отречение от ереси. Видимо, что его тревожило то, что Булатович жил у него некоторое время и сочинял листки, которые Парфений печатал. Я сказал наместнику, что за себя он может подписать, а за других – нет: пусть сами подпишут. Он подписался и взял с собою лист, чтобы предложить старцу и другим. А я воспользовался сим случаем чтобы послать старцу увещание письменное. Прошло около недели; 6 июля, уже после изгнания еретичествующих из монастыря, является ко мне тот же наместник и подает зараз три письма Парфения. Старец пишет, что он как научился веровать с пелен, так и будет веровать, причем повторяет почти весь Символ веры и просит меня оставить его умереть в покое, но ни слова – ни о синодальном послании, ни о грамотах Патриархов, ни о вере во имя Божие. Тогда я написал ему решительно и кратко: почто он лукавит, почему ни в одном письме не отвечает на вопрос: как он верует об именах Божиих и не подписался под отречением? Я требую, чтобы он, как старец кельи, где живет больше 50-ти братии, ответил мне: или – да, или – нет. Если – да, то добре, если же – нет, то я о сем так и доложу и Святейшему Синоду, и Патриарху, и – завтра же – киноту Святой Горы... Вечером в тот же день старец прислал мне формулу отречения с подписями – своей и старшей братии. При сем он приглашал меня посетить его келью на пути к Карею. Исполнить его желание мне не удалось, ибо время было потребно для Андреевского скита. На Святой Горе насчитывается до 200 келий, населенных русскими монахами. По словам о. Феофана, бывшего инспектора

Вологодской духовной семинарии, живущего на Афоне уже десять лет, ересь гнездится и по кельям, но тщательно укрывается старцами, боящимися греков. На Афоне русские кельи в последнее время стали объединяться для защиты своих интересов и образовали “братство русских келий”. 7 июля было общее собрание этого братства, на котором присутствовал С. В. Троицкий. Благодаря его разъяснениям, старцы объединившихся в сем братстве келий единодушно постановили составить заявление Святейшему Синоду о том, что их кельи пребудут верными учению православной Церкви об именах Божиих, а против еретиков будут принимать меры. Это заявление при докладе и представлено.

29 июня я предполагал служить. Но во время всенощного бдения приходит игумен и докладывает, что ключи от ризницы у иеромонаха Понтия, а он, как “имеславец”, не желает, чтобы я служил, и ключей не дает. Я сообщил об этом консулу, как об открытом издевательстве над лицом, посланным по Высочайшему повелению. Консул распорядился, чтобы судовой механик немедленно отпер замок отмычками. Ризницу приготовили, но в два часа ночи меня разбудили: письмо от консула. В осторожных выражениях он сообщает, что лучше бы мне до обедни уйти из монастыря на “Донец”, ибо в храме “имеславцы” готовят скандал. Пришлось послушать доброго совета, чтобы избежать оскорбления храма Божия забывшими и совесть, и долг свой монахами. Это я и сделал: сказавшись больным, отказался от служения.

30 июня, по предварительному сношению с кинотом Святой Горы, чрез игумена Мисаила, я обратился ко всем келлиотам с следующим кратким посланием:

“Всем старцам русских келий, во Святой Горе сущих, Божие благословение!

Великое искушение, постигшее русских иноков появлением лжеучения об именах Божиих, осужденного двумя святейшими Патриархами и Святейшим Всероссийским Синодом, побуждает меня, посланного Святейшим Синодом на Святую Гору для обличения сего лжеучения, просить вас, отцы и братия, во имя любви и за святое послушание Церкви Божией, усугубить молитвы ваши приложением на литургиях прошений в ектениях и молитвою, а также предложить братии трехдневный пост, по мере усердия, на второе, третье и четвертое числа сего июля, а в пятый день, день памяти великих отцев монашества, Афанасия Афонского и Сергия Радонежского, прибыть во святую обитель великомученика и целителя Пантелеимона к бдению и литургии для общебратской, с крестным обхождением обители, молитвы о вразумлении заблудших и водворении церковного мира”.

С любовью приняли добрые иноки мое предложение: к 5 июля собралось много русских келлиотов, хотя это был день годового праздника в Афонской лавре св. Афанасия, куда отправились многие келлиоты еще ранее моего предложения.

“Имеславцы” и при этом добром деле постарались подчеркнуть свой раздор с нами: они не только не хранили поста в эти условленные дни, но нарочито ели, например, в понедельник, сыр и яйца, чтобы не быть единомысленными с православными.

3 июля состоялось, наконец, столь нашумевшее в иудейской печати изъятие из монастыря вождей и наиболее упорных сторонников смуты. Я, конечно, не принимал никакого участия в этом воздействии государственной власти: все средства увещания были истощены, и я оставался на “Донце”. Прибыл пароход “Херсон”, приготовленный для перевоза смутьянов, по распоряжению Императорского посла, в Россию. Часа в три пополудни консул, командир лодки и все наличные военные чины отправились в монастырь. “Имеславцы” собрались в том корпусе, где жил их главный вождь, монах Ириней. Все входы и выходы были заняты солдатами, оставлен лишь один выход – на

лестницу, ведущую к порту и пристани. Почти три часа увещевали “имеславцсв” добровольно идти на пароход: успеха не было. Повидимому, им хотелось вызвать кровопролитие, дабы приобрести славу мучеников; в то же время они, конечно, были уверены, что кровопролития допущено не будет ни в каком случае, и вот, чтобы поиздеваться над правительственной властью и оттянуть время, они упорно противились: пели, молились, клали поклоны. Вообще, кощунственное отношение к святыне и молитве проявлялось в целях демонстративных постоянно: иконами защищались, пением отвлекали внимание, с пением потом плыли на лодке на “Херсон”. Наконец, рожок заиграл “стрелять”. Это было сигналом для открытия кранов водопровода. Вместо выстрелов пущены в ход пожарные трубы. Понятно, при этом не обошлось без царапин у тех, кто старался защитить себя от сильной струи воды доскою или иконою. Только тогда упорствующие бросились бежать. Их направляли на “Херсон”. “Раненых”, т. е. оцарапанных, оказалось около 25 человек, которым раны были перевязаны нашим судовым врачом, а через два-три дня повязки были уже сняты. Вещи “имеславцам” были доставлены на другой же день.

Как ни печальна была такая развязка, но могло быть и хуже. Нельзя же было оставлять православноверующих под таким невыносимым террором лжеумствующих. Греки только и ждали того, чем кончится дело в Пантелеимоновом монастыре. В киноте мне потом сказали откровенно, что если бы консул не удалил еретиков, то сам кинот нашел бы средства их удалить: теперь здесь хозяева не турки, а греки, которые легко могли прислать хоть целый полк из Солуня. А под видом еретиков не трудно уже было очистить и вообще Святую Гору от русских.

5 июля, в день памяти преподобных отец наших Афанасия Афонского и Сергия Радонежского, я совершил Божественную литургию в Покровском храме, причем вознесены были упомянуты прошения и молитвы об обращении заблудших из чина, совершаемого в неделю Православия, и после литургии совершен крестный ход вокруг обители. За литургией я сказал слово, в котором сблизил обоих преподобных, как особых избранников Матери Божией, Которая обоим являлась наяву, причем, обрисовав их нравственный облик, указал, что они оба оставили заветы кротости, смирения и послушания, столь благопотребные и ныне, особенно здешним инокам.

7 числа я просил собрать всю братию в Покровскую церковь, чтобы проститься с нею. Обратившиеся от ереси просили меня разрешить их совесть от греха непослушания Церкви. Я сказал им прощальное слово, совершил над всеми Таинство покаяния и, прочитав разрешительную молитву, еще раз обратился с словом увещания пребывать верными учению Церкви, положив в основание слова Спасителя: *се здрав был еси, к тому не согрешай*.

С любовью прощались со мною афониты: в них можно снова узнать прежних любвеобильных иноков, готовых на всякую услугу, на всякое послушание. Видимо, с удалением смутьянов жизнь монастырская стала входить в свою колею. Несомненно, не все сторонники лжеучения удалены из монастыря, но с теми, которые остались, мог уже справиться сам игумен с вновь избранными старцами; по афонскому общему уставу, их было не трудно удалить из обители. Да и сами они, по крайней мере некоторые из них, уже тогда высказались, что они покинут Афон добровольно, что и исполнили те 212 человек, которые прибыли в Россию на пароходе “Чихачов”.

8 тот же день я отправился на Карею и посетил, наконец, кинот в его конаке. Несмотря на воскресный день, ради меня собрались почти все епитропы и антипросопы. Они

выразили мне свое удовольствие, что разрешился, наконец, столь тяжелый и для них вопрос об удалении с Афона еретичествующих. Еще раз они подтвердили, что еретики на Святой Горе не могут быть терпимыми.

Затем я проследовал чрез Котломуш в Иверский монастырь, где и заночевал, а утром отправился в Андреевский скит, откуда “имеславцы”, по предварительному их соглашению с пантелеимоновскими единомышленниками и по предложению консула, уже удалились на “Херсон” добровольно. А некоторые, как например ближайший сотрудник Булатовича – Григорович (из офицеров), ушли из скита неизвестно куда. Еще накануне несколько групп их попадались мне навстречу, когда я ехал в Карею. Ожесточенные лица их говорили о недобром их настроении; они отворачивались, чтобы избежать обычного на Святой Горе приветствия встречающих, а большой обоз тяжело навьюченных мулов показывал, что они идут не с пустыми руками. После о. архимандрит Иероним, водворенный в обитель, говорил, что рухлядная палата в его отсутствие довольно опорожнена, а в Одессе у них отобрали особо чтимую икону Богородицы, пожертвованную обители ее основателем А. Н. Муравьевым.

В этот скит я несколько раз собирался поехать, но, с одной стороны, тревожные вести, что, после разрыва между Грецией и Болгарией, по Святой Горе стали бродить шайки разбойников, что отчасти подтвердилось тем, что к нам привезли старика-монаха с простреленной рукой^[34], с другой — недобрые вести, доставленные оттуда изгнанным игуменом, архимандритом Иеронимом, замедлили мое туда путешествие. Андреевцы ставили мне совершенно неприемлемые условия: чтобы я явился к ним один, без чиновников и без солдат, чтобы изгнанный ими настоятель отнюдь со мною не показывался, да и в монастыре в то время в сущности не было никакой власти: архимандрит Давид являлся лишь покорным исполнителем приказаний руководителей смуты: предавал анафеме наш Синод, патриарха и “имеборцев”, и только... Лишь за несколько дней до окончания дела, когда стало ясно, что бунтарям приходит конец, С. В. Троицкому, по моему поручению, удалось провести там беседу и тем дать возможность более благоразумным и искренним отделиться от массы братства, терроризированной и нафанатизированной последователями Булатовича.

В скиту меня встретили с подобающею честью. Я говорил о миновавшем искушении и предостерегал иноков на будущее время. И здесь просили некоторые совершить над ними Таинство исповеди и разрешить от греха противления Церкви. Пред отъездом я посетил несчастного игумена Арсения. Пытался говорить с ним, но не заметил признаков, чтобы он ясно сознавал окружающее или узнал меня. “Имеславцы” хотели нести его на руках чрез всю гору — до Пантелеимоновской пристани, но консул, на основании заключения врача, запретил такую процессию: он мог умереть в пути. Я также советовал оставить его в скиту, а братьям напомнил притчу о милосердии самарянина.^[35]

Из Андреевского скита я направился в Ильинский, куда давно стремился, чтобы отдохнуть душой в тишине этой мирной обители, но пришлось тут провести лишь три часа: показался на море наш “Донец”, и мы спустились в Пантократор, где, поклонившись святыням, простились с Святой Горой и на лодке пошли навстречу “Донцу”. Солнце уже скрылось за хребтом Святой Горы, когда мы поднялись на палубу своего “Донца”.

Мечта посетить все обители Святой Горы не сбылась. Отчасти нездоровье, отчасти же голос совести, требовавший прежде всего исполнения долга, умиротворения обителей русских, — а в этом встречались непреодолимые препятствия, — все это не давало свободы для исполнения моей мечты. Впрочем, кроме двух скитов Пантелеимонова монастыря, о

чем упоминал уже выше (Старый Руссик и Фиваиду), мне Бог привел побывать в семи греческих и одном болгарском. Два из них – Ксеноф и Дохнар – расположены близ нашего Пантелеимонова, на том же берегу залива. Общее впечатление от греческих монастырей везде одно и то же; разница в большей или меньшей степени убранства храмов. То же заунывное пение, в котором один выговаривает слова, а другие только тянут ноту; та же встреча, угощение и пр. В Ксенофе я стоял литургию в день Всех святых; меня, как старейшего в храме по сану, попросили вместо игумена прочитать “Верую” и “Отче наш”, конечно, пославянски, а пред чтением из Апостола диакон прочитал мне на греческом языке приветственную речь.

Из церкви, по обычаю, водили меня на свой архондарик, угощали и пр. Много святынь, св. мощей и икон имеется в сих обителях, о чем каждый может прочитать в путеводителях и что подробно описано уже в записках других путешественников. Я скажу только о том, что остановило мое внимание.

Болгарский монастырь Зограф расположен в горах необычайно живописно. Дорога, часа два пути от арсаны (пристани), идет ущельем, по течению горного потока. Со всех сторон – лес; высоко поднимаются монастырские стены. Собор во имя св. великомученика Георгия очень благолепный. Тр и чудотворных иконы великомученика, который почитается покровителем обители. Игумен был очень рад встретить русского архиерея и старался угостить, чем мог. Мы все снялись на фотографии с игуменом и братией. В то время в монастыре находилась полурота солдат-болгар во главе с офицером, питомцем Петербургской духовной академии. Солдаты выстроились пред нами в две шеренги и приветствовали нас громким “ура”. Увы! Только что они проводили нас, как явился греческий капитан с своими вооруженными солдатами и потребовал, чтобы болгары сдались... Чрез день мы узнали, что болгары сдались, и мимо нас их, как пленных, провезли на остров Кипр... Тяжелое впечатление произвело на нас это торжество греков над бывшими союзниками, которые, конечно, не могли сопротивляться...

В Карейском соборе особенное внимание обратили на себя остатки неподражаемой иконописи византийского Рафаэля – Панселина. Зато самый собор поражает запущенностью...

На пути к Иверу, не доходя до монастыря версты три, у самой дороги поставлен каменный крест и устроено что-то наподобие цистерны. Рассказывают, что лет десять назад тут совершилось чудо: проходил из Ивера мальчик-болгарин. Просил он у ворот монастырских кусочек хлеба, но портарь ему отказал. Голодный мальчик пошел по пути к Карее, обливаясь слезами. На том месте, где теперь крест, его встречает Женщина и спрашивает, о чем он плачет? То т поведал Ей свое горе. И вот Она подает ему золотую монету и говорит: “Возвратись в монастырь и купи там себе хлеба”. Мальчик вернулся и стал просить того же портаря продать ему хлеба, подавая ему монету. Портарь был удивлен: откуда мальчик мог вдруг получить такую монету? А монета и по виду была необычная, старинная. Взяв монету, он понес ее игумену. То т признал в ней одну из тех, которые привешены к иконе Богоматери...

Как известно, на Афоне не имеют права пребывать женщины. Мальчик, вероятно, по простоте своей не знал этого. Он рассказал то, что с ним случилось. Но иноки задумались... Осмотрели икону и действительно: там не оказалось одной монеты. Но монеты так прикреплены, что украсть их нельзя. Да и ребенок не давал повода думать, будто он лжет. Пришлось признать, что Сама Матерь Божия утешила бедного мальчика, в то же время вразумив иноков, которые отнеслись к нему вначале так холодно. Мальчика

накормили и отправили, куда ему было нужно. А на указанном им месте поставили крест, дабы проходящие могли призвать на сем месте молитвенно имя Препоблагословенной Заступницы и сирых Питательницы – Матери Божией.

Сердце влекло и в лавру преподобного Афанасия, и в Ватопед, и в Хилендарь; хотелось бы постранствовать в качестве простого паломника, поближе познакомиться с жизнью тех, кто все покинул, все забыл ради спасения своей души, но Бог не привел: и крайнее утомление от духовного напряжения в продолжение пяти недель, и слухи о бродягах, и неудобство задерживать спутников, да и непривычная жара здешнего лета – все это побуждало меня ускорить отъезд.

10 июля мы прибыли в Буюкдере, где принял нас г. посол очень внимательно и благодарил за понесенные труды. Я, в свою очередь, сказал, что если бы не его мудрое отношение к делу и доброе содействие в сношениях с Петербургом, то дело потерпело бы полное крушение и Афон, русский Афон, остался бы в руках еретиков, коих не замедлили бы и выгнать греки. 11-го утром я посетил Вселенского Патриарха. Он был ко мне внимателен так же, как и прежде, подробно расспрашивал о деле и сказал: “Пришлите мне списки удаленных с Афона лиц, принявших пострижение на Афоне, и я наложу на них аргос”. Я сказал, что имеется два списка: один наиболее виновных главарей – вождей смуты, другой – менее виновных, слепо повиновавшихся сим вождям и обманутых последними. Первые заслуживают более строгого наказания, а вторые заслуживают некоторого снисхождения. В тот же день я послал эти списки при письме на имя Его Святейшества...

В тот же день, 11 июля, мы покинули Царырад, а 13-го вышли на родной берег в Одессе.

На протяжении многих веков русские афониты, находясь в постоянном духовном общении с родною Русью, в то же время были совершенно независимы от Русской церкви в церковно-административном отношении. Подчиненные канонически и иерархически, по месту своего пребывания, киноту Святой Горы и чрез него Вселенскому Патриарху, они и в отношении чистоты учения веры были подведомы той же церковной власти. Та к оно и должно быть по канонам церковным. К сожалению, разность языка и национальности именно в этом отношении ставили их почти вне надзора греческой церковной власти. Прибавьте к этому еще и то, что на Афоне много веков не было своего епископа, а Патриарх поставлен слишком высоко и далеко, да притом ограничен в своих правах какою-то конституцией, не допускающей его непосредственно вмешиваться в дела Афона, если к тому не пригласит его протат. Значит, здешние монахи вообще, исторически, отвыкли от власти епископа, и это обратилось уже в традицию, ревниво охраняемую протатом. Между тем, число русских монахов на Святой Горе с каждым годом все увеличивалось и теперь достигает до 7000; среди них стали появляться люди, ищущие не столько духовного подвига, сколько удовлетворения своему личному тщеславию, своеобразному карьеризму, исканию некоего первенства среди других, я сказал бы – “диотрефизму”. Типом таких монахов и является Булатович. Не имея в основе своего духовного воспитания настоящей церковности, такие люди легко могут поддаваться искушению уходить в сторону от учения Церкви, от духа ея преданий, а по обстоятельствам, о коих я только что сказал, они легко могут находить себе благоприятную почву для развития всяких ересей и неправославных воззрений среди русских афонитов. С другой стороны, не было никакого надзора и вообще за теми, кто шел спасаться на Афон, со стороны представителей нашей государственной власти. Если

бы этот надзор был строже, то не было бы среди монахов беглых солдат и каторжников. Беседуя с имебожниками, С. В. Троицкий слышал от них речи и об отобрании земли у господ; не оказалось бы из 600 взятых на “Херсон” до 50-ти человек безпаспортных; не оказалось бы и таких молодцов, как Давымук, у коего в монастырском списке отмечено, что он присужден был к каторге за пропаганду бунта в войсках во время войны с Японией и бежал от наказания. Можно думать, что и теперь не один такой герой скрылся из монастыря куда-нибудь на келью, ибо с его стороны было бы глупо ждать, пока его возьмут на “Херсон”. Трудно и придумать более благоприятную для врагов Церкви почву, чтобы сеять смуту в недрах самой Церкви для подрыва ее авторитета, а следовательно, и послушания церковной власти, для разрушения всего строя церковного. А от власти церковной это перейдет и на всякую власть. Я уже слышал от имебожников, что Царь заразился ересью “имеборства”, что настали времена антихриста, начинается гонение на истинных христиан, исповедающих имя Божие. В этом смысле уже и ведется пропаганда листками и брошюрками, пока – гектографическими и рукописными; я уже говорил о толковании слова “Халки” переводом с букв на цифры. Распространяется листок с изображением двух взаимно пересекающихся треугольников – символом масонства, с цифрою 666 и толкованием имени антихриста. На академическом значке С. В. Троицкого заметили звездочку и стали уверять всех своих последователей, что он – “масон”. Не понимая этого слова, они бросают его всем, кто не согласен с ними. Становится понятным, почему все враги церковной власти и вся левая, а по неразумию своему, – и некоторая правая печать так усердно поддерживают это еретическое движение, выставя глупую еретическую бессмыслицу самым невинным заблуждением, а тех, кто борется против нея – какими-то инквизиторами. Да и самый образ действий вождей этого движения близко напоминал фабричных забастовщиков и устроителей митингов. Толпа “имеславцев” во время бесед постоянно выполняла роль какой-то шумящей марионетки в руках ловкаго главаря – Ириня: даст он знак – толпа, громко шумевшая, мгновенно смолкает; возвысит он голос – и она снова кричит, и из задних рядов слышатся по моему и о. игумена адресу досадительные слова: “Еретики, масоны, иуды-предатели!” Собрания у Ириня происходили почти каждый день, а запретить их игумен был не в состоянии: никто его не слушал. Ириней все время был окружен своими приверженцами, которые и спали в коридорах, охраняя его особу. Безусловное повиновение вожакам, широко поставленная пропаганда гектографированными и рукописными записочками, искусное распространение ложных слухов о царской телеграмме, “писанной золотыми буквами”, запугивание – вплоть до угроз застрелить, утопить представителей власти, сокрытие распоряжений ее, перехвачивание не только писем (три мои письма игумену за время с января пропало), но и официальных бумаг (грамота Патриарха киноту так и не получена), подговор к захвату кассы, к поджогу (было покушение), троекратная порча телефона с кинотом, – все это не напоминает ли поразительно, до мельчайших подробностей, программы организованных опытными агитаторами забастовок? И действия этих преступных элементов облегчались полным непротивлением терроризованного большинства мирных братьев, не подготовленных, по самому настроению своему не способных к борьбе с таким проявлением зла, да и не видевших в этой борьбе своего прямого долга при параличе законной власти...

Вот почему еретическое движение так называемых “имеславцев”, а вернее было бы их назвать “имебожниками”, ^[36] должно озабочивать не только Церковь, но и государство...

Новое выступление А. Булатовича

Хорошо спорить с людьми искренними: они ищут истины без всякого предубеждения и готовы всегда познать свою ошибку. Тяжело иметь дело с людьми неискренними, которые не ищут истины, а занимаются лишь словопрением, всеми правдами и неправдами стараясь одержать верх над противником. На такую почву, кажется, стал мой оппонент-имебожник А. Булатович. Он напечатал в “Дыме Отечества” открытое ко мне письмо, в котором старается разобрать “Мое доброе слово имеславцам”, напечатанное отдельным листком в Пантелеимоновом монастыре, в бытность мою на Святой Горе. Прошло два месяца с появления этого письма Булатовича, и теперь меня спрашивают интересующиеся новою ересью: почему я не отвечаю на это письмо?

А вот почему. Письмо А. Булатовича появилось раньше моего отчета или доклада Святейшему Синоду о моей поездке на Афон, раньше синодального определения и разъяснения, и я ждал, что мой оппонент, как добросовестный монах, ознакомившись из моего доклада с обстоятельствами, о коих доселе знал только из газет да по рассказам своих последователей, многое возьмет назад из массы той лжи и клевет, какия имеются в его открытом письме, и таким образом исполнит долг монашеской совести; увы, у него не достало на это мужества! И его читатели и последователи по-прежнему считают Никона каким-то инквизитором, преисполненным ненависти к несчастным имебожникам... Хорошо ли это?

Дальше. В своем открытом письме он ведь только начал разбор “Моего доброго слова к имеславцам”, коснулся только одного святоотеческого выражения, мною приведенного, и притом именно только “коснулся”, а не разобрал его, так что я имел и имею право ждать продолжения этого разбора приводимых мною буквальных выдержек из писаний богомудрых отцев, в корне опровергающих имебожную ересь. Но до сих пор, очевидно, он не собрался с силами опровергнуть сии свидетельства святых отцев, а, кроме приведенных мною, есть и еще немало таких же. И опять: сознаться в таком безсилии – смирения недостает... Добре ли сие?

Итак, А. Булатович упорно молчит и тщательно замалчивает, скажу больше: очень бы хотел, чтоб его последователи совсем не читали и не знали святоотеческих текстов, мною приводимых и его ересь обличающих, и всячески старается подставить очки своим ученикам и последователям, давая всюду понять, будто он полемизирует только со мною и архиепископом Антонием Волынским как лицами опасными для Церкви, от которых, по его выражению “православие в России грозит померкнуть” (sic!), как будто вовсе не было ни послания Святейшего Синода, ни грамот двух сятейших Вселенских Патриархов, торжественно заявлявших, что учение имебожников – ересь! Паки вопрошаю: честно ли так относиться к столь важному делу? Не значит ли это обманывать доверяющих ему простецов?..

И он еще говорит о своих “воплях о правосудии к архипастырям России!” Да ведь сии архипастыри, голосом Святейшего Синода, в его двух составах – зимней и летней сессий, уже давно ответили на ваши вопли, схимниче, и ни один из святителей Церкви Русской пока не протестовал против послания Святейшего Синода о вашей ереси; всюду послание мирно принято и прочитано в обителях иноческих; два Вселенские Патриарха, в Бозе почивший и ныне здравствующий с их Синодом из 12-ти митрополитов единогласно

заявили, что проповедуемое вами, имебожниками, учение – ересь; столь же твердо и решительно, в беседе со мною, подтвердил сие и блаженнейший Патриарх Антиохийский; дерзаю сказать, ибо тако верую, что и вся Православная Церковь единым сердцем и едиными усты – не с вами, имебожниками, а с нами, Архиепископами Антонием и Никоном: это – не наш одинокий голос, не наше частное мнение двух архиепископов, а голос всей Русской Церкви, Церкви Константинопольской, Церкви Антиохийской, – я дерзаю сказать – Церкви во всей вселенной сущей, ибо сей голос твердо основан на учении великих отцов и учителей Церкви, на учении 2-го Вселенского Собора, осудившего певоначальника вашей ереси – Евномия. Зачем же притворяться, будто не слышите голоса Церкви, будто только Антоний да Никон обличают вас, не соглашаются с вами? Возпросите всех святителей, как русских, так и греческих, славянских, румынских, сирийских и других православных; уверен, что все они едиными усты рекут, что ваше учение – ересь, что имя Божие *означает* Бога, как иконы напоминают Того, Кого изображают, но – не больше, и само по себе не есть Сам Бог, что оно, как говорит вселенский учитель и святитель Иоанн Златоуст, досточестно и достохвально, но Существо Божие – Сам Бог “кольми паче” превыше его, досточестнее и достохвальнее, следовательно, имя Божие – не есть Сам Бог.

Иеросхимонах должен подавать пример послушания Церкви; вас, отец Антоний, давно зовет на суд свой святейший Патриарх Аселенский; он и лично в беседе со мною осведомлялся: явитесь ли вы к нему на сей канонический суд? Я ничего не мог ему ответить на этот вопрос. Та к вот, вместо того, чтобы писать апологии своей ереси, вместо того, чтобы уводить за собою – *вон из Церкви*, непослушанием церковной власти, толпы слепо вам верящих монахов, не должны ли вы, прежде всего, исполнить свой долг пред первосвятителем Константинопольской Церкви, к коей вы, по канонам церковным, принадлежите, – пойти в Царьград и очистить себя, если считаете себя правым, на суде своей Церкви. А потом уже и вступать в полемику и обличать меня и единомышленных со мною святителей – наш Святейший Синод и всех, кто приемлет учение о имени Божием, изложенное в послании Святейшего Синода. Пока вы заблуждались искренно, пока не слышно было голоса Церкви, дотоле можно было относиться снисходительно к вашему заблуждению, ибо можно было надеяться, что вы, услышав глас Церкви, вразумитесь, сознаете свою вину пред нею; но теперь, когда вы стоите на пороге Церкви, готовый покинуть ее, несмотря на ясно выраженный взгляд Церковной власти на ваше заблуждение; теперь, когда Церковь принимает соvrащенных вами уже как еретиков, по особому чину, не пора ли вам оставить полемику и поглубже вдуматься в свое положение? Ведь вы уже вступили на путь осуждения самой Церкви, на путь сознательного ей противления! Ибо что это, как не сознательное противление Церкви – это упорное невнимание гласу ея, это замалчивание, мало того – отрицание ея авторитета?.. В “Моем добром...” – все же *добром слове*, а не “злом”, как угодно было выразиться вам, судия помышлений чужих! – приведено до десятка выписок из святоотеческих писаний, опровергающих ваши мудрования; из них вы коснулись только одного и думаете, что опровергли его странным, неуместным указанием, что “Балтийское море не есть Финский залив” и что “Солнце не есть луч” солнца... Да ведь и в этих-то убогих сравнениях вы только сами себя побиваете! Балтийское море останется и без Финского залива Балтийским морем, и солнце останется солнцем, если и скроется луч его. Та к и Бог от вечности пребывает в существе Своем без имени, ибо для Себя Самого не имеет нужды в имени, а до сотворения мира тварных существ еще не было... “Усвояемая же Богу имена

недавни сравнительно с Самим Богом, – не ради Бога, а ради нас измышлены имена для усвоения понятия о Сущем, т. е., о Боге”: все это ведь не мои слова, а богомудрого святителя Григория Ниссского, – слова, которые вы, схимонаше Антоние, тщательно скрываете от своих последователей – несчастных простецов, вверивших вам свои души... Если сии и многия другия выражения святых отцев не суть истина, то почему же вы не опровергаете их? Дерзайте, если совесть ваша это позволит вам!

Можно думать, что ваша схимническая совесть позволит вам сделать попытку и на это. Позволила же она вам, в своем открытом ко мне письме, привести из славянского “Добротолюбия” выдержку: “ово бо есть свет, те же тьма, и ово есть Бог и Владыка, те же раби бесом”, – несмотря на то, что вам было указано, что в этом месте опечатка, что и в греческом тексте, и в русском переводе тут стоит не “ово”, не то, не “сие”, а “сей”, надо разуместь не “имя”, а Самого Господа Иисуса. Скажите по совести: почему вам на этот, только на этот раз так полюбился именно славянский перевод с его ошибкой? Как объяснить ваше упорное нежелание признать эту ошибку перевода или даже простую опечатку, обличаемую греческим подлинником? Отвечайте!..

А вы еще берете на свою совесть предвосхищать суд Божий надо мною, – но что я говорю: надо мною? – Над Святейшим Синодом, над Патриархами, над всеми, кто приемлет учение об именах Божиих, с вашим лжеучением несогласное, дерзаю сказать: над всею Церковию Православною! Вы грозите мне судом Божиим за “Мое доброе слово имеславцам”, вашим несчастным последователям! Бог видит мою искренность, с какою писал я это “Доброе слово”. Вы уже предрешили, что только для меня, а не для вас будет страшен суд Божий! Пусть же Он, Судия праведный, рассудит нас, пусть будет *милостивым* Судиею и мне, и вам за ваши – не клеветы на меня – их да простит Он вам! А за ваши писания, уводящие все дальше последователей ваших от Церкви, заражающие их ядом вражды и ненависти против власти церковной, против носителей благодати – архипастырей Церкви.

Вы “ужасом велиим ужаснулись”, прочитав мое “Доброе слово” вашим единомышленникам. Я со страхом прочитал ваше дерзновенное обращение к суду Божию. Мне было больно читать эти ваши строки – больно за вас же! Страшно впасти в руце Бога Живаго!

Я не стану теперь разбирать всю ложь, все клеветы, какими вы осыпаете меня со слов жидовских и лжепатриотических газет, враждебно настроенных против представителей Церкви Русской, а равно со слов ваших единомышленников, которые не стеснялись в храме Божиим мне кричать в глаза “еретик, масон” и подобныя лестныя словеса; вы уверяете своих читателей, что “Мое доброе слово” изошло из “злого и враждебного” к вам сердца (о, судия сердца чужаго! – повторяю слова блаженного Августина); будто я ненавижу имеславцев (я всякую ересь *ненавижу*, а еретиков *жалею*)¹, вы пишете, будто я – о ужас! – залил братской кровию всю дорогу от монастыря до пристани (какой же я разбойник!); будто я заставил томиться в темнице кого-то (еще новость для меня!); будто насилием отнял в Одессе книги у монахов на 10 000 рублей (!) (и во сне не снилось мне!) и т. д., и т. д...

Повторяю: я все ждал, что вы как добрый схимник, прочитав выдержки из моего доклада Святейшему Синоду, снимете по совести хоть часть некую из сих обвинений с меня; к сожалению, приходится думать, что у вас достает совести замолчать все это и оставить несчастных своих последователей в заблуждении...

Позвольте же мне оказать вам некую услугу, предостеречь вас, с кем вы имеете дело, кого избрали себе сотрудником...

В 1910 году Святейшим Синодом извержен из сана некий иеромонах Таврической епархии Павел Кусмарцев за отречение от православной церкви, которую он именовал “формальной, консисторскою, синодальною”: не тот ли это “инок Павел Кусмарцев”, который сотрудничает в составлении выпускаемых и распространяемых вами брошюр?.. Не он “собрал” присланную вами мне книжку “Учение отцов Церкви об именах Божиих”, в которой не только о. Иоанн Кронштадтский, но и я, грешный, и г. Троицкий, и многие другие современные писатели, из духовных и мирских, попали в число “отцов Церкви?”...

Знаменательное сотрудничество!..

Я вставил в машину бумагу, чтобы побеседовать только с моими читателями, ответить на их вопросы по поводу открытого письма ко мне А. Булатовича, но эта беседа как-то сама собою обратилась в письмо к самому Булатовичу. Ну что же? Пусть и он прочитает мои думы, пусть эта беседа будет отчасти ответом на его письмо...

Тяжело думать, до чего мы дожили! Всякий, кому вздумается, не изучавший богословских наук не только в духовных школах наших, но хотя бы и дома, под руководством добрых наставников, начитавшись, без разбора, книг, хотя и духовных и полезных, но без надлежащей подготовки, уже мнит себя “богословом”, полагает, будто он вправе излагать новые догматы, истолковывать учение православной веры, и впадает в ересь, воображая, что он-то и защищает истинную веру...

Не печальное ли это явление?

Давая волю своей мысли летать в области богословского мышления без всякого контроля, он не задумывается над вопросом: “Да по той ли дороге я пошел? Есть люди, которые всю жизнь отдали богословским наукам: не обратиться ли мне к ним? Быть может, они мне укажут источники и пособия более авторитетные, чем мое собственное мышление. Ведь, во всяком случае, вопрос-то, поднятый книгою схимонаха Илариона, не из настолько простых, чтоб мог его решать своим умом я, новичок в богословии, новичок в монашестве, — да если бы даже я имел и полное богословское образование, — это вопрос, требующий специальных знаний не только по богословию, но и метафизике, и патрологии, и мало ли еще по каким наукам... Не напрасно же ведь святые отцы заповедуют нам, простым монахам, не пускаться в догматические исследования: это дело — выше нашего ума!”...

Ничего подобного, кажется, не приходило в голову вчерашнего гусара-иеросхимонаха: (сознайтесь, о. Антоний: ведь — правда?) он, по военной привычке, захотел приступом взять имя нового богослова, произвести впечатление своею “Апологией” и стал сочинять новый догмат... Та к явилась ересь имебожников.

Что же лежит психологически в основе новой ереси?

Самочиние мысли, не искавшей “окормления” от Церкви.

Чего недостает несчастному гусару, облекшемуся прежде времени в одежды схимника?

Смиренномудрия, отречения от себя самого, от своего мышления и разумения.

Но если человек, избалованный воспитанием, успехами по службе, более или менее, хотя и по-светски, образованный, мог, начитавшись духовных книг без руководства, залюбоваться на себя, вообразить себя ученым богословом, то как объяснить себе, что простецы-то, им увлеченные, забыли долг послушания Церкви и упорно идут за ним, вопреки голосу Церкви, призывающему их к послушанию?

Увы, и простецы способны заразиться тем же самочинием, каким заражаются и мудрецы! Если мудреца ослепляет самомнение, то простеца ослепляет его невежество. А общая причина одна и у того и у другого – недостаток церковности в воспитании. Ни тому, ни другому никто в свое время не внушал, и им в голову не приходило, что в деле веры и жизни во Христе у нас нет своей воли, своегомышления: надо все, решительно все, проверять разумом Церкви и принимать в свою душу, в свое сердце, проводить в свою жизнь только то, что отвечает духу Церкви, учению ея, преданиям ея, заветам ея. В вопросах сомнительных лучше сознавать свое невежество, немощь своего ума, чем мудрствовать по своемумышлению. Церковно воспитанный человек постоянно стоит на страже своего сердца, своегомышления: так ли я думаю? не погрешить бы, да посмотрю-ка я у святых отцев? А что говорят митрополит Филарет, епископ Феофан Затворник, что пишут старцы-подвижники Макарий Оптинский, Георгий Затворник и другие? Не говорю уже о научных трудах по православному богословию, во всех его отраслях в творениях авторитетных архипастырей и учителей Церкви... Сознывая или, по крайней мере, ощущая себя инстинктивно, живым членом Церкви, он будет всячески оберегать свое религиозное мирозерцание от самомалейшего уклонения от учения Церкви, он будет постоянно искать живого общения и с теми, кого Церковь поставила руководителями в вере и жизни для чад. Он будет таким образом впитывать в себя самый дух церковности...

Я боюсь, что не все поймут, что я говорю: так далеко современность увела христиан от настоящей церковности! На явлениях отрицательных это будет понятнее.

У преподобного аввы Дорофея рассказывается об одном монахе, который, когда ему говорили доброе о ком-либо из братии, уничижал каждого и говорил: “Что значит такой-то? Нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему”. Потом начал и сих осуждать и говорить: “Нет никого достойного, кроме Макария”. Спустя немного, начал говорить: “Что такое Макарий? Нет никого достойного, кроме Василия и Григория”. Но скоро начал осуждать и сих, говоря: “Что такое Василий и что такое Григорий? Нет никого достойного, кроме Петра и Павла”... Преподобный Дорофей говорит ему: “Поистине, брат, ты скоро станешь и их уничижать”. И действительно: чрез несколько времени он начал говорить: “Что такое Петр и что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы”... Чем же кончилось? Он возгордился и против Самого Бога и лишился ума...

Пусть простят меня имебожники, мнящие “страдать за имя Божие”, если напомним им недавнее прошлое. Го д тому назад они просили, желали, чтобы на Афон был послан русский епископ, ибо на месте у них не было авторитетного лица, который разъяснил бы им их недоразумение. Казалось, не было нужды для таких разъяснений лично являться на Афон епископу из России: достаточно было спросить кого-либо из нас, епископов, и положиться на то, что решение будет дано вполне согласное с учением Церкви. Никто из нас не решился бы от своегомышления отвечать на такой вопрос, не проверив себя, и подготовился бы к ответу... Но пусть так, пусть нужно личное присутствие русского архиерея. Известно, что скоро слово сказывается, да не скоро дело делается. Пока Святейший Синод решил послать меня на Афон, тамошние самозванные богословы уже порешили, что не только архиепископ Антоний Волынский, но и Синод, и Патриарх – еретики... “Что Антоний? Что Никон? Что даже Синод и Патриарх? Вот – Собор соберите: тогда мы послушаем!” Но ведь послания двух Вселенских Патриархов, писанные по обсуждению дела 12-ю митрополитами – патриаршим Синодом, послание нашего Святейшего Синода, принятое без всякого возражения всеми иерархами Русской

Церкви, определения Святейшего Синода, касающиеся новой ереси, – все это стоит если не Вселенского, то, по крайней мере, поместного Собора? Во всяком случае, не то, что какой-то самочинный соборик 302 полуграмотных монахов в Андреевском скиту или нескольких сот таких же простецов в Фиваиде, в Пантелеимоновском монастыре, решавших и постановлявших свои определения, изгонявших из обителей православно мыслящих иноков... Ведь, с канонической точки зрения, такие “соборы” надо бы считать безчинными сборищами, если бы не считать их просто детскими затеями... А вот подите же: для имебожников эти “соборы” важнее постановлений и решений нашей церковной власти, решений Вселенского Патриарха, хотя на сих сборищах полуграмотных самочинников не было ни единого епископа. Но им и этого мало: они уже кричат в глупых, враждебных церковной власти газетах: “Подавайте нам Вселенский Собор! Только Вселенский Собор может быть компетентным решителем нашего спора!” Но не надо быть пророком, что если святая Церковь, как любящая мать, снизойдет и в этом их желанию, если для них, для их успокоения и соберет Собор, по своему значению почти Вселенский, то они не подчинятся и сему Собору, и раз отпадшие от Церкви главари их не подчинятся решению Собора и останутся в ереси...

Такова психология всякой ереси, всякого заблуждения!

И опять скажу: пусть не посетуют на меня имебожники: чем дальше отходят от Церкви, в духе, в мысли их вожди, тем все ощутительнее становится для истинных сынов Церкви их отделение, как в живом теле чувствуется отмирание, отпадение члена, зараженного гангрену... Больно, что вот православные русские люди, да еще иноки, обещавшие Богу жить иначе, чем простые смертные миряне, иноки бросившие мир и вся яже в мире, ради спасения душ своих, нарушив завет святых отцев – не пускаться в догматическая исследования, их уму простому недоступная, впали в грех ереси, заболели тяжким грехом гордыни и осуждения всего тела Церкви, начинают заражать эту болезнь других, здоровых членов тела Церковного и наконец – отпадают от Церкви прежде, нежели сама Церковь отсекла их формальным судом... Да, больно это *чувствовать!*..

И должен бы об этом подумать в уединении своей родовой усадьбы их вождь, пока еще не лишенный сана, хотя и запрещенный в священнослужении, иеросхимонах Антоний Булатович! И вместо того, чтобы строить там какой-то приют для противящихся Церкви своих единомышленников, – пойти к Святейшему Патриарху Вселенскому, пасть к его стопам, смириться и раскаяться в своем лжеумудрствовании! Ведь его обращение возвратило бы в Церковь ту тысячу несчастных простецов-монахов, которых он увлек за собою, которые не хотят – и слава Богу, что не хотят уйти от Церкви, считая себя, – увы! – в заблуждении своем – православными! Меня тронул рассказ Киевского первосвященника, что когда один, мнящий себя истинным сыном православной Церкви боярин предложил имебожникам, приютившимся в Киеве в ожидании своей участи, отвести им землю в своем имении и построить монастырь с тем, чтобы они “легализовались”, то есть записались особою сектою и были независимы от Святейшего Синода – все они, в один голос, заявили, что они такой независимости не желают, что хотят пребывать в Церкви Православной, только не хотят подписывать отречения от ереси, ибо считают свое учение правым...

До боли жаль этих несчастных, в простоте своей не понимающих, что первым, непременным условием единения с Церковью есть восприятие ее учения, во всей его полноте и чистоте, и подчинение своего мышления учению пастырей, Богом поставленных. И какой страшный ответ даст Богу тот, кто является виновником этого

упорства, кто захватил в свое влияние их незрелые умы, кто овладел их простыми сердцами, если они пребудут вне лона церковного, если умрут такою же смертью, будут погребены таким же погребением – без отпевания по чину церковному, как несчастный игумен Арсений!

Слышите ли вы это, Антоний Булатович?.. Или и эти мои строки назовете лицемерием и “ужаснетесь ужасом велиим”, как это было – если только было – при чтении моего “Добраго слова к имеславцам”?..

Смею думать, что под сими моими строками подпишутся все святители Православной Церкви, по крайней мере – самый смысл их, самую суть моих желаний, несомненно, разделят все до единого! Киевские простецы-имебожники сердцем чувствуют непреложную истину, что только в единении с Церковью возможно спасение; они не могут только разобраться в той путанице понятий, какую в их души внесли вожди еретического движения, и боятся, как бы не изменить мнимой истине. Во всяком случае, можно думать, что если вы, отец Антоний Булатович, строящий, как говорят, у себя в имении какой-то приют для своих единомышленников, предложите им поселиться в этом приюте с тем, чтобы “легализовать себя” как особую секту, то они отвергнут и ваше предложение, как отвергли предложение именитого графа: в этом отношении сии простецы стоят куда выше вас, хотя вы и мните себя просвещеннее их! И мы надеемся, что они скорее вас примирятся с матерью-Церковью и отвергнут осужденное ею ваше лжеучение...

Живы ли мы?

(Мое доброе слово верующим интеллигентам)

Часто приходится слышать от людей верующих, да и самому повторять: тяжелое время! вера гаснет в сердцах, зло надвигается отовсюду, а отпора ему нет, жить тяжело!

Все это – бесспорная истина. Но ведь надо же поискать и причину этого тяжелого положения. В самом деле: ужели оно так безвыходно, что остается только в отчаянии сложить руки и ждать общей гибели?

На одну из многих причин, хотя, может быть, и не главную, мне и хотелось бы указать... Прошу только выслушать меня без всякого предубеждения: ведь я буду говорить с людьми верующими, а кто в Бога не верует, тот и не читай этих строк.

После моего возвращения с Афона меня со всех сторон засыпали вопросами: что? как? почему?..

Отвечаю: подождите немного, не спешите: напечатаю свой доклад Святейшему Синоду – узнаете, в чем дело; только, ради Бога, не верьте газетам: так много в них лжи, клеветы, извращения фактов и всего дела, что трудно вам разобраться.

Появился мой отчет. Кто прочитал его – успокоился, если только верил мне, не считал меня лжецом. Иной, правда, высказывал еще недоумения, но они касались не сущности дела, а отношения к нему нашей печати. Но это уже другой вопрос...

Но большинство интеллигенции (опять говорю только о верующих) доселе не знает о существовании моего доклада и продолжает, опираясь на старья газетные сплетни, допрашивать меня: что там вы наделали? что делает наше посольство?..

– Да вы читали мой отчет?

– Где? Какой отчет?

– Напечатан в “Церковных Ведомостях”, “Московских Ведомостях”, “Колоколе”, в моем “Троицком Слове”, во всех 60-ти “Епархиальных Ведомостях”, в некоторых патриотических газетах, честно относящихся к вопросам церковной жизни.

– Признаться, не читал. А вот в “Речи”, в “Биржевке”, в “Русском слове”... пишут то и то...

Что на это скажешь?..

Ведь, всеконечно, иудейския и иудействующие газеты, да и наши лжепатриотические “Дымы”, “Гражданины” и им подобные органы, пропитанные какою-то непонятною ненавистью к правящей церковной власти, к ее представителям, не станут печатать моего отчета. Вот вырвать из него несколько строк, исказить их, окрасить в желаемый цвет – это они, пожалуй, сделают еще, а проще всего – замолчат. Та к откуда же вы, верующие интеллигенты, можете знать истину о том, что творится в церковной жизни, когда не хотите в руки брать наших газет, когда – стыдно сказать – не знаете об их существовании? Что нам делать с вами, как осведомлять вас о том, что как будто интересуется вас?.. Уж не рассылать ли вам всем по адрес-календарю свои статьи, все то, что, по нашему мнению, должно бы вас интересовать из нашей церковной жизни? Кажется, готовы бы мы и это сделать, по мере сил и средств наших, да будете ли читать-то? Простите: плохо верится этому. В беседе личной вы как будто интересуетесь, а когда скажешь вам: прочтите, ну, положим, в “Церк. Вед.” или хотя бы в моем “Тр. Слове”: там я подробно все изложил, –

слышишь вопрос: “Троицкое Слово”? Что это за издание? Никогда не слышал! Вы бы напечатали свою статью хоть в “Новом Времени”: все бы прочитали... Но что вы поделаете с этим газетным барином, с “Новым Временем”, когда туда не всякого из нас, даже архиереев, пускают? Об органах, находящихся в руках жидов и их приспешников всякого рода, – нечего и говорить: там готовы насмеяться над нами, наклеветать на нас, а напечатать наше слово – ни-ни, ни за что!! Ужели это вам неизвестно, верующие русские люди?

– А кто знает о ваших изданиях, – слышу я в ответ: – кто слыхал о каком-то “Троицком Слове”, кто читает скворцовский “Колокол”?

– Да, вот о “Троицком Слове” я говорю вам: всего стоит 1 рубль в год, за 50 номеров, и есть у меня небольшая семья читателей, тысяч пять, которые не ленятся посылать этот рубль в редакцию (говорю: не ленятся, ибо у кого же из “интеллигентов” рубля не найдется?), а что касается “скворцовского” “Колокола”, то – простите: это пренебрежительное прилагательное показывает только ваше предубеждение против газеты, основанное на постоянных клеветах на нее со стороны читаемых вами “Биржевок”, “Речей” и прочей иудейской челяди. Правда, кто без греха, особенно в ежедневной спешной газетной работе; может делать промахи и “Колокол”, но все же это орган, заслуживающий благодарности со стороны православных русских людей: в нем сотрудничает до 15-ти иерархов, почтенные профессора духовных академий, многие протоиереи и церковные деятели, нимало не стыдясь, а за честь почитая подписывать в этой газете свои имена... А вот вы как будто стыдитесь в руки взять эту газету... Что ж? “Биржевка” или “Вечернее Время”, с их сотрудниками из расстриг или прогнанных со службы “профессоров”, в ваших глазах осведомленнее и авторитетнее “скворцовской” газеты?..

Но пусть “Колокол” – неважная газета; нас, православных русских людей на Руси наберется не один миллион: почему же не создадим мы своей хорошей православной газеты ежедневной? Не стыдно ли нам, что жида сумели захватить в свои поганые руки сотни наших газет, а мы не можем поддержать – не говорю уже новую создать – а хотя бы поддержать одну уже существующую газетку?! Ведь все и дело в том, что при ничтожных средствах трудно поставить газету так хорошо, как бы хотелось.

Впрочем, пожалуй скажут, что я рекламирую “скворцовскую” газету. Ну, давайте же издавать свою церковную газету! Надо сознаться, что газета стала потребностью современного интеллигентного человека, как чашка утреннего чая или кофе, как... для курящих папироска. И вот встает русский человек, садится за чай и берет... жидовскую газету... И ныне, и завтра, и так изо дня в день впитывает он в себя, незаметно для самого себя, яд отрицания, яд вражды ко всему родному, святому, церковному, невольно перевоспитывает себя, подменивает свое мирозерцание, свои понятия, воззрения, а затем и – свои сочувствия, склонности. Проходят годы; и если бы человек вздумал в добрую минуту оглянуться на самого себя, сравнить себя в настоящий момент с тем, чем он был десятки лет назад, в отношении к Церкви, к церковной власти, к народным идеалам, то себя не узнал бы... А ведь казалось бы, да и наше самосознание говорит, что душа – не то, что тело: она всегда должна быть одна и та же, все, что она скопляет в жизни: знание, опыты, наблюдения – все это “благоприобретенное” должно бы ею усвоиться разумно, не изменяя ей самой, не подменяя нашего “я”... Наше “я” должно бы быть хозяином в том, что приходит к нему извне, разбираться в том, что доставляет ему и наблюдение, и чтение, и опыт... Доброе усвоить, худое отбрасывать. Не позволять

вторгающимся в душу недобрым впечатлениям хозяйничать, поработать душу, а выпроваживать вон этих непрошенных гостей. А если можно, то и двери пред ними затворять поплотней, – т. е., вовсе в руки не брать этих пахучих газет, журналов и книг. Надо оберегать свою душу от этой нечисти.

Надо еще и то сказать: слишком не бережливы мы на время. Еще в старой грамматике Востокова мы учили: “Время драгоценно; ничем его не замените; худо – не беречь его; употреблять его на зло – еще хуже”. Приходится ныне напоминать эти азбучные истины современному интеллигенту, особенно когда идет речь о чтении. Читают все, что подсунут изобретательные авторы и редакторы – из “текущей литературы”, читают как новинку, лишь бы читаемое щекотало чувство пытливости или – питало ту или другую страсть. А взять в руки хорошую, особенно духовно-нравственную книгу – все недосужно: так и вся жизнь пройдет – не соберутся прочесть! А жизнь течет и течет, дни за днями, годы за годами, смотришь – уже надвигается и старость... С каким багажом пойдем туда, откуда нет возврата? Добрых дел нет; покаяния не приносим; молитва молчит; а душа полна газетного мусора... Страшная пустота, и отсюда – томление духа!

Я говорю с верующими и потому напоминаю о грядущей развязке, о неизбежной катастрофе в личной жизни каждого. Но и в настоящей земной жизни потеря времени невознагражима. Англичане говорят: “время – деньги”. Нет, его не купишь ни за каких денег. Вчерашнего дня не вернешь. А между тем, пустое чтение газет страшно засоряет душу, приучает ум к верхоглядству, легкомыслию, непростительной самоуверенности, рассеянности, делает неспособным к серьезному труду, сосредоточенности и напряжению мысли, – кто из нас не знает сего по опыту? Знаем, и однако же – как только встанем с постели, сядем за чай – так подавай газету, да еще не одну...

А в наше время это вдвойне стало опасно: враги Церкви и государства от лично подметили эту нашу слабость и пользуются ею, чтоб отравлять нас тем ядом, о коем я говорил выше. И ведь вот что больно: они принимают все меры, чтобы мы не могли иметь под рукою противоядия. Нынешнее лето пришлось мне два раза пересечь Россию с севера на юг и обратно по разным железным дорогам, и что же? Нарочно на всех узловых станциях спрашивал газеты патриотического направления и нигде – ни одного номера ни “Колокола”, ни “Моск. Вед.”, ни “Русского Знамени”: даже мальчишки-продавцы будто стыдятся этих названий! Зато “Речи”, “Рус. Слова”, разных “Утр” – таскают целые кипы. Замечательно, что когда я спрашивал “Моск. Вед.”, то на нескольких станциях мне подсовывали “Русские Вед.”. А на мое замечание, зачем меня обманывают, – отвечали: “Да ведь и эти в Москве издаются!” Это, конечно, не случайность: это – бойкот порядочных изданий, это – заговор против русского человека, это – намеренное отравление его ядом современных мудрований. И никому из нас дела до того нет! Никто не пожалуется на это кому следует; на против: спокойно дают деньги продавцам и берут себе порцию яда, именуемого газетою, и читают, хотя иногда и отплевываются, как от плохой папироски. И это – все, не исключая самых добрых патриотов: “Что же делать, если другой газеты не найдешь?”... Вот и весь наш протест!

Иногда приходит на мысль: да живы ли мы? Не умерли ли? Не бродит ли вместо нас по Русской земле одна тень наша? В самом деле: если правда, что мы еще живые русские православные люди, люди, в Бога верующие и Русь свою любящие, то как объяснить это равнодушие наше ко всему, что творится вокруг нас, это непростительное непротивление злу, нас же отравляющему? Я не об одних газетах говорю: присмотритесь к жизни общественной; где вы, русские православные люди?! Киев посылает в Государственную

Думу лютеранина: не стыдно ли всей Руси из-за этого выбора? Не нашлось, видите ли, в колыбели русского Православия, в матери городов русских, человека православного! Москва избирает себе в головы католика: этого еще недоставало для сердца православной России! Всюду почти верховодит инородец, инославец, а если и русский по имени, то хуже всякого инородца! О том, верует ли человек в Бога, ныне при разных выборах и не спрашивают! А уж о Православии не смеют и вопроса ставить... Правду сказал мне недавно один мудрый святитель: “Не обманываем ли мы, пастыри, сами себя, когда считаем паству свою миллионами? Посмотришь поближе, – язычество и неверие в интеллигенции, язычество и суеверие в простом народе: где же христианство? Много ли среди нас христиан?” Другой сказал: “Меня больше всего страшит это, – сказал бы я – какое-то академическое отношение русских людей к тому, что переживает ныне Россия. “Истинно русские” люди немало говорят, читают умные лекции о задачах и идеалах “правых” сообществ и, в то же время, ссорятся между собою на радость врагам, а дела, настоящего дела, не видно, как будто дело делать – не их забота... Мертвеем мы, умираем!”...

Простительно было такое “академическое” отношение к положению дел на Руси тогда, когда темные силы не выходили наружу, не работали так открыто, так энергично для разрушения Церкви и Отечества нашего. Теперь – совсем иное дело. На наших глазах ведется подкоп под все основные устои нашей Руси православной; мы не можем не видеть, как постепенно, но и настойчиво, постоянно, камушек за камушком, песчинку за песчинкой извлекают из под основания Руси, как подменивают, перевоспитывают мирозерцание нашего народа, как отравляют ум и сердце его разлагающими учениями социализма, атеизма и прочих жидями изобретенных “измов”... Если мы живы, если еще не отпали, как мертвые члены, от живого народного тела, то ужели не чувствуем боли от всего этого? Да кто же, как не мы, мыслящая часть народа, должны и чувствовать, и сознавать, и целым сердцем искать выхода из такого положения, искать спасения для народа и для себя, стоять во главе народа и руководить им? Не пастыри только, но всякий преданный Церкви, любящий Родину-мать, должен болеть их болезнями, страдать сердцем их страданиями, а не ограничиваться академическими рассуждениями: такие рассуждения только обличали бы нас, что мы стоим где-то в сторонке и не живем одною жизнью с Русью, а смотрим на нее, как на нечто для нас внешнее, постороннее... И если мы ничего не придумываем, ничего не делаем для спасения народа, то что же может придумать сам народ, которого всячески сводят с исторических путей, уводят подальше от Церкви, сбивают с толку, отравляют сектами, недоверием к власти, пьянством, хулиганством (поблажая этим порокам безнаказанностью)? Было время, когда не тронута было религиозное мирозерцание народа, и тогда среди народа росли и в иную трудную минуту выходили Минины, а ныне их что-то не видно...

Вот и думается: если бы мы были живы, то поменьше говорили бы, а побольше делали.

Если бы были живы, то понимали бы всю опасность переживаемого времени для нашего народа, для Церкви нашей, для Отечества.

Если бы были живы, то теснее объединялись бы, прощали бы друг другу некоторое разномыслие, ценили бы друг в друге то, что дорого, исправляли бы друг друга не сарказмами, не безсердечной критикой (оставим эти средства нашим врагам!), а спокойным словом любви и взаимного братского вразумления.

Если бы были живы, то давно бы была у нас своя церковная хорошая ежедневная газета, которая освещала бы с православной точки зрения все явления современной жизни:

церковной, общественной, государственной и отвечала бы на запросы этой жизни твердо, ясно и спокойно-авторитетно...

Если бы мы были живы, то не посмели бы продавцы отказывать нам в правой газете, не смели бы обманывать нас, предлагая либеральный листок вместо хорошей газеты только потому, что и этот листок издается в Москве...

Если бы мы были живы, то и в Государственной Думе, в Государственном Совете, да и во всех государственных и общественных учреждениях большинство состояло бы из русских православных людей, и вся жизнь государственная шла бы по намеченным нашей историей, нашими мудрыми предками путям.

Но что говорить о том, чего не видишь? Если действительность резко противоречит мечтам?

О, как бы я был рад убедиться, что я ошибаюсь, написав эти строки, что мы, т. е., все те православные русские люди, которые называют себя “правыми”, еще способны дать дружный отпор нашим общим врагам, способны отбить у них захваченные ими позиции и помочь несчастному народу, сбиваемому с исторического, Богом ему указанного пути, вернуться на этот путь и пойти к своему великому назначению! Как бы мне хотелось громко крикнуть на всю Русь Православную:

– Человек, кто жив? – Отзовися!..

Только не словом: слов довольно, а делом, делом любви к Церкви Православной, нашей матери благодатной, делом любви к Родине многострадальной, делом любви к народу, смущаемому в своей совести, делом любви к Царю – Помазаннику Божию...

№ 196–197

Смиреномудрие Православия

I

В святоотеческих писаниях, как в мало разработанных алмазных копиях, часто встречаются такие чудные бриллианты, что глядишь на них – не налюбуйешься, вдумываешься в глубокий смысл этих, воистину, духоносных изречений и – не надивишься их чистоте, истинности и жизненности...

Вот одно из таких изречений, записанное тысячу триста лет назад, на Богошественном Синае, но имеющее особенную ценность для нашего времени. Как будто великий авва Иоанн, автор дивной “Лествицы, возводящей на небо”, нарочно записал его для нас, отдаленных его духовных потомков и учеников. Внимайте, православные люди!

“Невозможно пламени происходить от снега; еще более невозможно быть смиреномудрию в иноверном или еретике. Исправление сие (то есть качество, добродетель) принадлежит одним православным, благочестивым и уже очищенным” (“Лествица”, сл. XXV, гл. 33).

Дивное слово! Святая истина!

Само собою понятно, что святой Лествичник под словом “смиреномудрие” понимает не смиренолукавствие, какое свойственно неправославным, равно и под словом “православные” понимает не тех, кто числится таковым только по метрикам. “Смирение, говорит он, есть безыменная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом”; это не есть особая добродетель; это – общее свойство всех добродетелей, совершаемых православным христианином; это – аромат, которым благоухает душа православного и все его деяния; это – постоянное настроение его, воспитываемое им в себе, по заповеди Господа: *научитесь от Мене, яко кроток есмь, и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); это – хриstopодражательное свойство христианской души, сообщаемое ей благодатию Христовою и привлекающее к ней сию благодать. А область воздействия благодати спасающей есть святая Церковь с ея богоустановленными Таинствами, ея постоянным общением с Церковию небесною и с Самим Главою ея – Господом Иисусом Христом в святейшем Таинстве Евхаристии. Посему наше святое Православие носит в себе, как существенный нравственный признак своего божественного происхождения и чистоты – хриstopодражательное смиреномудрие.

Недавно вышла книга г. Ю. Колемина: “Римский духовный цезаризм”. С удовольствием прочитал я это произведение православного мирянина, вступившего в единоборство с ученым папистом Пальмиери. На всех пунктах православный самоучка-богослов разбивает своего противника православным понятием о Церкви, как о живом теле Христа, как об организме любви, объемлющем всех спасаемых во Христе, – везде отнимает у него почву из-под ног и остается неуязвим со стороны ученого паписта. Да, Церковь есть живой организм любви, вся покрывающей, вся оскудевающая в нас восполняющей, ибо Глава ея – сама воплощенная Любовь. Но в порядке нравственных понятий смиреномудрие есть мать самой любви, ея основа, первая ступень к совершенству и к любви в лестнице блаженств евангельских. Сама воплощенная Любовь глаголет:

научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. Где нет смирения, там нет места для любви. Только смиренным дается благодать истинной любви. Рим все свое мирозозерцание построил на началах права, и притом языческого, а холодное право не уживается с приснопламенеющей любовью. Где проявляет себя одно право, там открывается дверь гордыне, а где возносит голову гордыня, там нет и тени любви.

Орган любви есть сердце, а сама любовь есть смирение сердца. Кто не способен смириться, тот не способен и любить. Я скажу больше: тот не способен воспринять в свое существо великую святыню – самый дух Православия как истинного христианства, ибо, воистину, “исправление сие принадлежит только православным”, и притом “живущим благочестиво”, в своей жизни осуществляющим идеалы Православия и даже – “уже очищенным”, победившим в самих себе страсти или же, по крайней мере, всеми силами стремящимся к такой победе. Позволю себе пополнить раскрытие понятия о Православии, сделанное г. Колеминым, подчеркнув в нем именно этот существеннейший признак – смиренномудрие. Конечно, и латинские богословы могут сказать, что и у них смирение – на первом плане, ибо где безусловное, слепое послушание авторитету, там нельзя же отрицать и доли смирения. Но в том-то и разница, что там смирение мертвое, рабское, внешнее, подневольное, а в Православии оно живое, деятельное, внутреннее, свободное, как атмосфера жизни, как дыхание всех объединяющей любви Христовой. Если нужен авторитет, то он имеется и у нас налицо: это – сама Церковь, Христом возглавляемая. Любя ее беззаветно, мы смиренно склоняемся пред ее авторитетом, ибо знаем, что она – наша любящая мать и непорочная невеста Христова, она нас не обманет. Мы потому и веруем в нее (*верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь*), что для нашего ограниченного разума в ней так много непостижимого, а ее Глава – Сам Бог всесовершенный, ее одушевляет Сам Дух животворящий, Дух истины и жизни Податель. И в этой нашей вере в Церковь, в самом основании сей веры, лежит все тот же дух смирения, ибо вера и есть, по ее проявлению в нашей духовной жизнедеятельности, смирение нашего разума пред Божиим всеведением, причем, сей разум рукою смирения воспримлет от Божия всеведения святыя истины веры и, не испытывая ему неведомого, слагает их в сокровищницу сердца, как драгоценные самоцветные камни среди камней, так сказать, искусственных, то есть, знаний, добываемых нами посредством наук или опытом жизни.

Я указал на авторитет Церкви. К сожалению, самое понятие о Церкви в среде именующих себя ее сынами не одинаково. Одни – простецы, при слове “Церковь”, прежде всего вспоминают храм Божий, а когда им пастырь говорит, что Церковь православная учит тому-то, начинают смутно – скорее чувствовать сердцем, чем догадываться умом, что это не просто стены храма, а что-то иное, высшее, их уму недоступное, но сердцу родное, и – именно младенчески *веруют* в Церковь. Другие, коих коснулась европейская цивилизация, под влиянием западных неправославных взглядов, склонны разуместь под словом “Церковь” почти только иерархию, а иные, наоборот, безразлично и народ верующий и самую иерархию, не придавая последней особого значения. Первое понятие неясно, неопределенно, но его недостаточество покрывается смирением веры в Церковь как Божественное учреждение. Остальные два, как истекающая из западного мирозозерцания, не могут быть признаны православными. Г. Колемин, вслед за Хомяковым, определяет Церковь, как организм любви, как живое таинственное тело Господа Иисуса Христа. Это согласно с учением Апостола Павла о Церкви. Церковь, как живой организм, объединяет в себе всех спасаемых во Христе, от первозданного Адама до

последнего христианина, который примет святое крещение, быть может, в последний день мира, в день пришествия Христова. Они вообще объединяются верою, а в Новом Завете – иерархией, или священноначалием, и Таинствами, наипаче же Таинством Тела и Крови Господней: *един Хлеб – едино Тело есмы мнози*, говорит св. Апостол, *вси бо от единого хлеба причащаемся*. И кто хочет не на словах, а на деле быть живым членом сего спасительного организма любви, тот прежде всего должен помнить 9-й член Символа веры: *верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь*. Слово *верую* говорит больше, чем слова, “знаю, убежден, понимаю и принимаю”. *Верую* значит: безусловно приемлю, как истину, хотя и не вполне умом понимаю; доверяюсь всецело авторитету чистой истины, содержимой и возвещаемой Церковью. Верую в Церковь, потому что верую в невидимую очами телесными Главу ея – Господа Иисуса, потому что невидимы телесными очами все члены ея, уже к Богу отшедшие, в Церкви небесной пребывающие. Верую, что святая Церковь, в полноте своей, непогрешима, ибо ея Глава – Христос Спаситель греху непричастен и заблуждаться не может. Верую, что когда есть нужда раскрыть ту или другую сторону истины учения Христова для немоществующих чад Церкви, Христос не допустит Своей Церкви, в ея полноте, впасть в ересь. Среди тех, кому Он вверил по преемству от Апостолов хранить чистоту учения Своего, заповедав прочим повиноваться им: *слушай вас Мене слушает, и отменяйся вас Мене отменяется*, – среди пастырей и учителей Церкви, облеченных благодатию священства и руководимых сею благодатию, у Него всегда есть носители и провозвестители чистой истины Его учения, отсекающие свое смышление пред разумом Его Церкви, открывающие ум и сердце свое пред Ним с готовностью исполнить святую волю Его, хотя бы для сего и душу свою положить подобало. “Выходит, – говорит г. Колемин, – что, по латинскому взгляду, в недрах Церкви якобы существует такая отдельная часть, такая корпорация, которая называется “Церковь учащая” и которая, имея по социально-иерархическому положению юридическую монополию веры и благодати, осуществляет эту монополию суверенным учительством. И сие “учительство” выражается в законодательстве по вопросам веры, т. е. в суверенном объявлении догматов веры”. Это, конечно, учение латинское, где все сводится к “юридической” точке зрения, “к монополии”, “суверенитету”. “Ничего православного в этом нет”, – говорит г. Колемин. В такой юридической постановке, конечно, нет. Но как в живом теле есть “око”, “ухо”, “руки”, “ноги”, так и в теле Церкви Христовой, по слову Апостола Павла, есть различныя “служения”, и Господь поставляет в ней пастырей и учителей, и мы веруем, что благодать хиротонии не бывает в них тщетна. Апостол говорит, что Господь поставляет их именно в созидание тела Церкви Своей, в назидание, в поучение, в руководство чадам Церкви. Под их водительством должна “возрастать” Церковь Божия, как нива Христова, как здание Божие. Выясняя смысл слова: “Церковь учащая”, г. Колемин говорит: “Мы признаем это слово, поскольку “Церковь учащая” относится к специальным обязанностям словесного учительства, помощи душевной для ищущих благого совета и христианского подвига. Этим высоким обязанностям посвящают себя пастыри”. И тут же, в примечании, оговаривается, что тут речь идет “не о благодати рукоположения на совершение Таинств, ни о законном управлении богопоставленными пастырями Церковью Христовой на земле”. “Но если бы светское лицо хотело следовать этому примеру и если бы оно хотело таким образом жертвовать собою на служение другим, то и для него этот путь открыт”. Конечно, в семье родители должны учить своих детей вере и благочестию; конечно, то же должны делать и

наставники в школах; конечно, каждый верующий во имя любви должен, если может, помогать спасению ближнего добрым советом, научением, вразумлением.

У нас даже есть целый класс мирян, поучающих вере и догматам веры: это – миряне-миссионеры. В этом смысле, конечно, “вся Церковь Христова есть Церковь учащая”, как говорит г. Колемин. Но это положение требует оговорок. Все это “учительство” мирян, по идее церковности, должно проходить не иначе, как под руководством Богом поставленных пастырей Церкви, с их благословения, по их указаниям, хотя бы в уважении к благодати хиротонии, коей сила не ограничивается только “совершением Таинств и управлением”, но, несомненно, простирается и на их учительскую деятельность, яко преемников апостольского служения. А затем миряне учительствующие должны сие делать и во имя христианского смирения пред авторитетом Церкви, служителями коей являются носители священного сана. Возможно, конечно, что иной мирянин понимает догматы веры глубже иного пастыря, благодатию священства облеченного; но ведь в общем-то порядке, даже и помимо благодати хиротонии, пастыри Церкви ближе стоят к источникам вероучения, подготовляются в особых школах, всю жизнь свою посвящают святому делу учения веры – по идее пастырства это бесспорно: ведь кто же больше отвечает за чистоту догматов веры, как не пастыри? От самочиния в деле учительства веры происходят ныне все ереси. Нельзя предоставить без всякого надзора право учительства всякому, кто именует себя православным. Если бы все православные были люди идеальные, смиренные, достаточно сведущие в учении своей веры, тогда еще можно было бы снисходительно смотреть на их учительство; но в наше-то время, когда волки постоянно надевают одежды овчия, когда среди самих именуемых не мало еретичествующих, возможно ли пастырям смотреть спокойно, как расхищается их стадо? Г. Колемин говорит, что епископы и вообще пастыри являются только “свидетелями веры” своих паств. Но если паства-то вся заразится каким-либо лжеучением, то ужели, например на соборе, пастырь должен свидетельствовать веру своей еретичествующей пасты? Нет, охрана чистоты догматов веры, составляя обязанность всей Церкви, в частности, в отношении к отдельным паствам, лежит, главным образом, на пастыре их. Я счел полезным сделать эти оговорки к книге г. Колемина, ввиду той опасности, какая грозит нам от утверждения, без всяких оговорок, будто каждый член Церкви имеет право учительства...

II

Обращаюсь к главному предмету, о коем говорит книга г. Колемина.

Папист, коего ум пропитан юридическими началами, непременно требует и в области догматов веры строго логических построений, до йоты определенных, поставленных на то место, какое укажет ему его схоластически настроенный ум. А поелику богооткровенная истины веры далеко не укладываются в эти рационалистические рамки, то он и создал себе авторитет в лице папы, который требует безусловно принимать, как непогрешимую истину, все то, что он признает за истину. В сущности, он хочет уложить все истины веры в рамки знания, не давая места самой вере. Таким образом является горделивое поползновение объять умом необъятное. Но это, как я сказал, ему не удастся, и вот он заставляет верующих насилием – авторитетом – веровать чему? во что? Веровать уже не в

Святую Соборную и Апостольскую Церковь, а – в папу, в его авторитет, без которого будто бы нет авторитета и Церкви.

Страшно за человека, который берет на себя, – нет, надо сказать сильнее – похищает у Церкви, у Самого Христа, вечной Главы Церкви, Его Божественный авторитет! Как будто недостаточно, по крайней мере для Церкви земной, сей Главы и необходима еще видимая глава – папа! Да ведь одна мысль об этом есть уже оскорбление Христа, есть акт неверия и вместе страшной гордыни человеческой! Напрасно паписты читают слова Символа: верую во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь; им следовало бы читать: верую во единого папу... Ибо, как ни странно это: желая олицетворить Церковь, они насильно заставляют веровать в авторитет папы, поставляя сей авторитет на место авторитета Церкви, и получается вера в папу...

Та к наказана горделивая попытка ума человеческого заменить веру знанием, смирение пред авторитетом Церкви как живой носительницы и провозвестницы истины Божией, руководимой Духом Божиим, – безусловным, слепым преклонением пред авторитетом грешного человека. Невольно приходят на память слова Писания: “Запинай премудрых в коварстве их... Солга неправда себе...” Невольно просится на уста жестокое слово, не есть ли это уже идолопоклонство?..

Папист говорит: где же у вас окончательное решение вопросов веры? У нас, католиков, папа окончательно решает: где истина? А у вас?

Прежде всего: а где и в чем ручательство, что ваш папа в своем решении непогрешим? И что, если этот ваш авторитет рухнет, что не раз и случалось в истории вашей церкви? Были ведь папы и еретики, “бывали времена, когда Рим был вместилищем всех ересей”, как говорит г. Колемин, ссылаясь на исторические факты. Как тогда?..

А мы веруем в Церковь, в ее непогрешимость, и вера наша оправдана историей: на пространстве 19-ти веков существования Церкви никогда не случалось, чтобы она вся погрешала: от сего хранит ее незримый Глава ее, Господь Спаситель наш. Еретики являлись в ней, но как чуждое духу любви, как чада гордыни, отпадают от нея, как отпадают омертвевшие члены от тела, отсекаемые или видимым судом самой Церкви, или невидимым судом Божиим, за тяжкий грех осуждения Церкви, а сама Церковь, ограждаемая хриstopодражательным смирением, оставалась провозвестницею истины, которая воссиявала в ней – чистая, как солнце. И дивное дело: в то время, как во главе всякого еретического движения всегда становился вождь-ересеначальник, именем которого и назывались потом его последователи (ариане, несториане, евтихиане, в позднейшее время – лютеране и многое множество других), в Церкви Божией провозвестники истины, пастыри и учителя Церкви, поборая за истину веры во главе своих паств, так тесно сливались своим смиренномудрием с своими паствами, с сим телом Церкви, что никогда никому и на мысль не приходило их имена прилагать к самому исповеданию православной истины. Если являлась нужда для охраны самой истины свидетельствовать о ней в словесной форме, то это делалось на Соборах; если же такой нужды не было, то истина принималась безмолвным согласием всех частных церквей. Слышен был голос богомудрых учителей Церкви, но этот голос только тогда являлся голосом всей Церкви, когда он принимался всею Церковью или гласно, свидетельством Собора, или же безмолвно, как бесспорная истина. Ясно, что чада Церкви, как пастыри, так и миряне, в своем смирении не дерзали свое личное мнение выдавать за учение всей Церкви, пока сама Церковь так или иначе не одобряла его. И в этом сказывалось веяние

духа Христовой любви, Христова смирения, веяние Духа Божия, присно живущаго в Церкви Божией и ею управляющаго.

Первый ставил себя последним – не на словах, как в папстве, а самым делом, и в жизни, и в мысли всемерно стремясь всецело слиться со всею Церковью, дабы, лично оставаясь как бы в тени, тем действеннее быть живым членом сего тела Христова. Паписты всегда и всюду требуют, чтоб истина была утверждаема так сказать, – протокольным путем, как нечто новое: Церковь принимала и принимает ее как изначала от Христа и Апостолов преданное сокровище, не придавая первенствующаго значения букве догмата, а проникая в его дух и преклоняясь пред его сущностью. И это совершалось как-то естественно: ложь отступала, а истина воссиявала и укреплялась в общецерковном сознании сама собою, или, лучше сказать, – действием Духа Божия.

Я сказал, что истинно православный сын Церкви и в мысли и в жизни постоянно стремится быть едином с Церковью – живым членом ея таинственного тела. Самые догматы веры он изучает опытом духовной жизни, в смиренном послушании Церкви, ища во всем единой воли Божией. В то время, как латинянин напрягает ум, чтобы усвоить истины веры в стройной логической системе, сын Церкви православной, всецело доверяясь своей матери-Церкви и свято храня то, что она приняла от Христа и Апостолов, твердо помнит, что вера и ея истины познаются не чрез книжное только учение, не умом только, но наипаче сердцем, чрез исполнение воли Божией в заповедях Христа Спасителя. Можно всю Библию, все богословския науки знать наизусть и в то же время не знать своей веры... Как это ни странно, но это верно! Говорят, что за границей, в наших русских православных храмах, за неимением певчих, приглашают немцев, французов и других иностранцев, которые и исполняют наши церковныя песнопения на славянском языке, не зная сего языка. Секрет в том, что они под нотами наши славянския слова подписывают своими буквами и потому воспроизводят их в пении. Само собою понятно, что смысла их они не понимают. Вот то же самое бывает и тут. Самый ученый профессор, изучающий православныя догматы, хотя бы он даже по имени был и православным, но если он не проводит в жизнь то учение, какое изучает, если не живет общею жизнью с самою Церковью, если не проходит опытом хотя бы только самую азбучку духовной жизни, как она начертана в писаниях отцев Церкви, – он не может познать по духу Церкви и тех догматов, какие он изучает. В крайнем случае, этот недостаток опыта он должен восполнить смиренным сознанием немощи своего разума и довериться опыту святоотеческому, опыту тех, кто подвизается подвигом добрым в исполнении Господних заповедей, под руководством опыта всецерковнаго. На вопрос: кто узнает об учении Христовом, от Бога ли оно? – отвечает Сам Христос: тот, кто хочет творить волю Его (Ин. 7,17). Не сказал: исследуй умом, изучи по книгам, а просто: твори волю Божию и познаешь, что Мое учение от Бога, что оно истинно и спасительно. А воля Божия – в заповедях Его животворящих. И этот путь к познанию истин веры и пути спасения является в одно и то же время и кратчайшим, и вернейшим, и общедоступнейшим. Не требуется при том многолетнего изучения богословских наук, довольно знать заповеди Божии да то, чему учит Церковь Божия повседневно; довольно смиренного послушания Церкви, и самая безграмотная женщина познает то, что ей потребно для спасения, и, не умея в словах выразить свидетельство своей веры, сердцем будет чувствовать спасительность своей веры, и сего будет для нея достаточно, чтобы спастись. И как поразительно эта живая вера простецов иногда – так сказать – прорывается в их простых словах! Вот старушка идет из храма Божия, где почивают мощи угодника Божия,

поклониться которому она пришла за сотни, может быть, – за тысячи верст... Тихия слезы умиления текут по ее старческим ланитам. “О чем ты плачешь, бабушка?” – спрашиваю ее. “С угодником простилась”, – просто отвечает она... Вот, сгорбленный под тяжестью своей дорожной сумы, старичок не может проникнуть даже внутрь ограды Троицкой Лавры в день ее 500-летнего юбилея: он стоит на противоположной горе и горячо молится угоднику Божию. Ему говорят: “Ты бы, дедушка, пришел в другое время: видишь, как ныне тесно, тебе не придется и увидеть мощей угодника Божия!” А он отвечает: “Я-то, грешный, его не увижу, да он-то меня видит!” Я спрашиваю ученых богословов: что это как не исповедание нашего православного догмата о ходатайстве святых, о благодатном нашем общении с Церковью небесною? А ведь ни этот старец Божий, ни та старица – конечно, ничего и не слышали о таком “догмате”, но вот посмейте сказать, что они не знают его! И думаю я, что они знают сей догмат получше, поглубже всех ученых догматистов, не исключая и многих из нас, пастырей Церкви! Чувством сердца знают они и, как видите, устами исповедают, что если мы не будем лицемерить, если некое горделивое сознание нашего умственного превосходства над простецами, в отношении нашего “научного” образования, не ослепляет нас, то мы должны признать, что Сам Дух Божий, живущий в Церкви, глаголет их смиренными устами, поучая и нас смирению и напоминая слова Спасителя: *утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем* – вот этим простецам, младенчествуящим умом, но верою превосходящим нас!.. Церковь сказала сим младенцам: святые Божии любят нас, молятся за нас, Бог слышит и приемлет их молитвы: молитесь! призывайте их! И они стали молиться, доверившись матери-Церкви, что она не может погрешать, что она, любя их, заботится об их же спасении; и святые Божии слышат их молитвы, откликаются на них своими молитвами пред Богом. И вот их сердце опытно чувствует истину догмата о ходатайстве святых, сообщает это их младенчествуящему уму, ум смиренно усматривает в сем чувстве оправдание слышанного им от Церкви догмата, и является исповедание догмата как сердцем, так и умом, хотя и не в той точной формуле, в какой он отливается школьной наукой. Та к жизнь по вере открывает разуму простеца сущность догмата, который для него становится живой истиной, ясною для него, может быть, более, чем для ума ученаго богослова, живущаго только умом, познающаго ту же истину только из книг... И если сей богослов обладает “мытаревым златом”, если в своей личной жизни и своем общественном служении руководится смирением, то он купит себе на это “злато” урок богословия у простеца, извлечет из его опыта духовную себе пользу, а любовь соделает то, что сей опыт простеца оплодотворит книжное знание мудреца. Та к ведь и всегда бывает в живом теле Церкви Христовой: будучи друг другу, по выражению Апостола, *удове*, члены, мы и должны восполнять духовные недостатки один другого, *вся же вам любовь да бывает!*..

Вот, если угодно, в каком смысле мы с любовью принимаем положения, высказанные г. Колеминым: “Вся Церковь Христова есть Церковь учащая и каждый член ее непрерывно дает и получает поучение в вере благодатной и живой”. Самое учительство ее – есть дело любви, и совершается во имя любви, в духе смирения и все той же любви.

Смирение, как я сказал уже, есть стихия православной жизни. Инославные даже понять этого не могут. Пальмиери отнесся свысока, пренебрежительно к ответу простаго грека-иеромонаха на вопрос: признает ли сей грек его, Пальмиери, крещеным? Грек ответил: “Бог разберет!” Г. Колемин справедливо замечает, что “в этом простом ответе было больше смирения и мудрости, чем во всем человеческом мудровании Рима”. Если бы

Пальмиери предложил тот же вопрос такому великому подвижнику и ученому богослову, как святитель Феофан Затворник, он и от него услышал бы тот же ответ. По крайней мере, на вопрос: спасутся ли католики, он отвечал в своих письмах: “Спасутся ли природные католики – не знаю; знаю только, что если я покину православие и уйду в католицизм, то, несомненно, погибну”...

Это напоминает мне рассказ из древних патериков об одном подвижнике, к которому привели бесноватую девушку и просили его помолиться об ее исцелении. Гонимый молитвою бес сказал подвижнику: “Уйду из нея, если ответишь мне на вопрос: кто овцы и кто козлища?” Старец Божий отвечал: “Кто овцы – Бог ведает, а козлище – это несомненно, – я!” И бес оставил девицу, опаленный пламенем смирения праведника...

В наше время, судьбами Божиими, русский народ является хранителем сокровища Православия, этого “залога счастья всего человечества; от того, что именно он сделает с этим залогом, зависит и его судьба” – говорит г. Колемин в заключение своего труда. “Таково призвание нашего народа, для этого он избран, и если он от этого своего призвания откажется, то будет выброшен за борт, как негодное орудие Божественного Промысла. Сия есть правда твоя, русский народ!” – восклицает почтенный автор. – “О, если бы это сознание исторического долга проникло до глубины души всякого русского! О, если бы оно укоренилось там и сделалось бы однозначущим чувством русского патриотизма!”

Целым сердцем присоединяемся к этому христианскому пожеланию автора и молим Бога, чтобы Он, имиже весть судьбами, рассеял те мрачные тучи темных, враждебных Церкви сил, что все больше и больше сгущаются над нашею несчастною Русью, чтобы сыны Руси были искренними и любящими сынами и своей родной Церкви Православной, чтоб они не гордились своим великим призванием, – да избавит нас Господь Бог от всякой гордости! – но ценили и свято исполняли свой долг, со страхом вспоминая грозный приговор, произнесенный некогда Господом народу-изменнику: *се оставляется дом ваш пуст!..* (Мф. 23, 38). *Отыметя от вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его* (21, 43).

О настроениях современного юношества и доброе слово законоучителям

И гнилой хлеб иногда кажется свежим, но стоит только разломить его, как зеленая плесень покажет его негодность. Многое, – ах, как многое! – у нас на Руси теперь напоминает этот гнилой, заплесневелый хлеб! Но если преподобный Сергей, после целонедельного поста, с благодарением Богу вкушал такой хлеб от которого летела пыль, то, несомненно, он глубоко скорбел бы душою, если бы жил в наше грешное время и был свидетелем того, что творится в дорогой ему родной Русской земле в наши дни. Да, всеконечно, и видит он, видят и все родные нам по духу угодники Божии, и возносят Богу свои теплые, скорбные молитвы о нашем вразумлении...

На сей раз я хочу сказать слова два-три о настроениях юношества в наших школах – не о тех глупых ребячествах, какия оно позволяет себе, например, по поводу Бейлиса, а о той почве, на какой растут все подобные уродливые явления русской школьной жизни.

Понадобился мне рисовальщик для моих народных изданий. В дорогом художнике не было надобности, ибо материал был готов: надо было только его использовать для цинкографа. Думаю: доставлю заработок кому-нибудь из учащихся в художественных школах: с готового рисунка перерисовать – дело не хитрое. Обращаюсь к начальнику одного такого училища. Он говорит, что рисовальщика найти можно: есть способные юноши. Только вопрос: какого содержания будут рисунки?

Отвечаю: рисунки к житиям святых, к евангельской истории и под.

– Ну, на это едва ли найдется охотник, – говорит начальник.

– Почему же? – спрашиваю я.

Он как-то многозначительно пожал плечами и улыбнулся.

– Да в чем дело? – спрашиваю я.

– А в том, – говорит, – что наша молодежь таких тем недолюбливает: ладаном пахнет.

Из дальнейшей беседы мне стало ясно, что большинство молодежи заражено неверием и стыдится Христа, что их наставники – конечно, за некоторыми исключениями, – не только не дают примера веры своим ученикам, но в своем поведении в отношении к вере дают печальный пример, а те, в коих еще не погасла вера, боятся и стыдятся напомнить о ней ученикам, чтоб те не считали их отсталыми, ретроgrадами, мракобесами... И это в так называемых “христианских” школах! Чувствуется, что если бы кто из учащихся или начальствующих потребовал от учащихся исполнения христианских обязанностей, то, если не последовала бы немедленно вспышка протеста, то такой “ханжа” был бы подвергнут жестокому бойкоту...

Я представить себе не могу, если бы, например, в университете начальство потребовало бы формально, чтобы православные студенты университета или другого высшего учебного заведения ходили в церковь по праздникам, – что бы произошло тогда. А за университетами потянутся и все средние учебные заведения... “Нет, уж лучше предоставим-де это совести самих учащихся! Ведь религия есть дело совести: зачем в это дело вмешиваться?”...

Так, прикрывая себя выдуманным иудейским софизмом, руководители нашего юношества уклоняются от исполнения своего прямого и первейшего долга – воспитывать добрых

христиан в лице вверенных им юношей и закрывают глаза, чтобы не видеть того, как на их глазах отравляется целое поколение будущих русских граждан неверием, как растут плевелы и заглушают последние ростки веры в юных душах...

Не правда ли: это похоже на то, если бы кто, зная, что хлеб заплесневел, не решался бы разломить его, чтобы гнилая пыль не полетела ему в нос или глаза? А ведь скоро или долго, а этого не избежать... Мы закрываем глаза на то, как растет наше молодое поколение; мы видим, чем и как его отравляют духовно, мы знаем, что оно идет на смену нам, а нам будто и горя мало! “После нас – хоть потоп!”... Страшно, непростительно!

Я представляю себе положение добросовестного законоучителя в среде таких учителей и воспитателей. На него смотрят как на какого-то юродиваго, как на полуидиота: на его счет сыплются всякие остроты и шутки, ему приходится слышать нередко кощунства, разумеется – лишь бы не вывести человека из терпения, лишь бы он не поднял дела формально. А за учителями туда же идут и мальчишки. Да, мальчишки, даже не юноши! Говорил мне один законоучитель гимназии, как один мальчуган низшаго класса, на уроке по священной истории, спросил его: “А правда ли, батюшка, что человек произошел от обезьяны?” Вопрос был сделан с несвойственной ребенку усмешечкой. Батюшка ответил ему: “Поздравляю вас с такой бабушкой”. Общий смех товарищей пристыдил вольнодумца, который хотел поставить законоучителя в тупик. А число таких вольнодумцев, с переходом в высшие классы, растет все больше и больше. Знал я доброго юношу-семинариста; учился он хорошо, был назначен в академию, но, увлеченный примером ветреных товарищей, захотел в университет. Чтобы не обижать отца-священника резким отказом от академии, он нарочито на приемном экзамене провалился по церковной истории, получил чуть ли не единицу и не был принят. А в университет, конечно, поступил безпрепятственно. Прошел год. Встречаюсь с ним. Мой малый начинает говорить не то, что было раньше. Спрашиваю: – Скажи откровенно: да в Бога-то ты веруешь? – Как же, верую, верую, только не по-казенному... – Что это значит? – Да там, в семинариях, многое от нас скрывали... – И понес такую чепуху, что я отказался слушать его бредни. Еще чрез год он был уже обработан совсем по-современному: в Бога не веровал, “режим” разносил, – словом, готов молодец для иудейских услуг. И это ведь не исключение, это – тип современных, ветром гонимых юношей. То же и среди девиц, если оне, несчастные, тянутся на разные курсы, начиная с зубоврачебных и кончая философскими. Каких-каких мудростей не наслушаются оне там! А основной тон всех этих лекций не новый: их записал, еще задолго до Рождества Христова, мудрый творец книги Премудрости Соломона: “Случайно мы рождены и после будем как небывшие... тело наше обратится в прах и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших... Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностию... и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни” (Прем. Сол. 2, 2–7). И грустно бывает, когда встретишься с таким юношей или с такою девушкой: холодом веет от них, смотрят они на тебя как-то свысока, как на “отсталаго”, забрасывают мудреными, иностранными словами, а того и не подозревают, что эти слова давным-давно людьми умными изношены и брошены, как ни на что не годные. Но эти несчастные ведь веруют в них, как в аксиомы!

Не знаешь, с какой стороны подойти к такой душе. Сердечно жаль их: случись какая-либо неудача в маленькой сфере их личных интересов, – и крушение готово: “не стоит жить”, “жизнь надоела” и подобныя послышки, а заключение – ужасная развязка, и погиб

человек! Недавно в “Христианском Содружестве учащейся молодежи” был доклад о школьных самоубийствах: жалею, что не мог быть там.

Но само собою понятно, что все дело заключается в том: верует ли в Бога юноша или девица? Если верует, то есть опора против великого искушения для юной души, если же вера утрачена, то разве особая милость Божия, за молитвы родителей или Церкви, может отвести несчастную душу от края гибели.

В последние месяцы по всей России были съезды законоучителей: нет сомнения, что почтенные отцы ставили и этот больной вопрос и обсуждали, как бороться с школьными самоубийствами. Но и помимо самоубийств, было о чем сговориться батюшкам. Но вот наше горе: поговорить-то мы любим, даже поспорить не прочь, а провести в жизнь то, что подсказал здравый разум и совесть, у нас, большею частию, недостает ни сил, ни умения. Да, кроме того, необходимо еще и христианское терпенье. Словом – нужен подвиг, личный подвиг законоучителя, чтобы проводить в жизнь, сначала лично свою, а затем и питомцев своей школы, те животворящая начала, которые положены в основе Христова Евангелия и проповедуются постоянно, на протяжении почти 20 веков, Церковью Христовою. Законоучитель как пастырь Церкви, облеченный благодатию священства, должен помнить, что он – не простой учитель, а продолжатель дела Христова на земле, что на это дело он уполномочен в Таинстве рукоположения, что изменять сему святому делу уступками духу времени, малодушничать пред слугами врага Божия, каковыми, в сущности, являются все эти либеральствующие кощуны-учителя, – страшно преступно; что наоборот: если он будет верен заветам Господним, то Сам Господь и будет чрез него делать Свое дело, вразумляя его, укрепляя силы его, посылая ему, иногда даже для него неожиданно, добрых сотрудников.

Благоговейно совершай службы Божии, не опускай случая сказать теплое, от души, хотя и краткое, слово назидания, к жизни учащихся приложимое, особенно же возбуждай в себе благоговение к Слову Божию (читай в классе выдержки из Слова Божия так, как бы ты сам учился у Христа, как бы слушал Его!) и, по мере сил, осуществляй завет любви, наипаче к “малым сим”, коих души тебе Христом вверены, – и ты увидишь, что к тебе потянутся сами собою эти души: сначала поодиночке, как бы украдкой от товарищей и подруг, а затем, Бог даст, эти Никодимы станут привлекать к тебе, лучше сказать – ко Христу, в тебе и чрез тебя действующему, и других... Ведь души юныя так отзывчивы!.. Не следует, впрочем, забывать и то, что нет на земле ни одного доброго дела, которое не сопровождалось бы скорбями. Скорби – проба, которую кладет Промысл Божий на все дела наши: чисты ли они, есть ли они чистое золото в очах Божиих? Эта проба и очищает наши добрые дела от всякой пристающей к ним нечисти: тщеславия, самомнения, самоцена. Только подумаешь о себе: “вот я какой, – не то, что другие”, а скорбь-то, в том или другом виде, и тут как тут... Смиряться скорее в таких случаях, считай себя негодным, немощным, сознавай скорее, что не ты дело-то доброе сделал, а Сам Господь чрез тебя – скорее, говорю, ныряй под набежавшую волну, как делает искусный пловец, и она, эта волна искушения, перекатится чрез тебя, ты снова вынырнешь из под нея, сильный и бодрый и более прежнего опытный – для новой борьбы, если это будет потребно. Кто бы что ни говорил, а юное сердце более нашего чутко к добру, к истине, к свету: твои слушатели, твои ученики, по крайней мере, лучшие из них, сердцем почуют в тебе Христова послушника и пойдут за тобою. И это совершится незаметно, силою Христовою, в тебе действующею. Надобно непременно надобно, чтобы каждый законоучитель воспитал в себе это мистическое чувство – я сказал бы – *смиренного послушничества* у

Христа: не может быть, чтобы более чуткие души не почувствовали этого... А почувствуют и потянутся к тебе: сначала робко, а потом смелей и смелей. О, конечно, враг не оставит тебя в покое; он не простит тебе, если хотя одну душу привлечешь к Церкви, а чрез Церковь – ко Христу: в своей проклятой ревности он найдет себе сотрудников прежде всего в тех, кто должен бы помогать тебе в твоём святом служении. Но не смущайся, храни мир души, помни, что Христос сильнее врага, что они не ведают, что творят, исполняя волю врага, молись о них, чтоб отверзлись их очи душевные и познали они, кому работают; молись о них, как о благодетелях своих, которые не дают тебе любоваться на себя, показывают тебе твои немощи, заставляют тебя почаще заглядывать в свое сердце: нет ли там, не притаилось ли что недоброе, в очах Божиих нечистое? А себя укоряй: не подаешь ли им сам ты повода к недобрым к тебе отношениям? Вيني во всем себя самого и говори Господу в молитве своей: покажи мне, Господи, мои немощи, даруй ми зрети моя прегрешения; покажи мне, Господи, их добрые качества, Тебе единому ведомыя, да возлюблю в них образ Твой, да познаю, сколько они выше меня в очах Твоих...

Слава Богу, еще есть на Руси такие идеальные законоучители. Гд е они? Кто они? Знаю некоторых, верую, что много их рассеяно по весям и градам родной земли, но о живых не подобает говорить, чтобы не навести на них искушения, ибо сказано: “Похвала человеческая хуже бесовской”. А из почивших более ярко рисуется мне светлый облик моего дорогого друга, незабвенного отца Михаила Ивановича Хитрова, бывшего законоучителем в Николаевском институте в Москве. Кто хочет поближе познакомиться с этим законоучителем, эту кристально чистую душою, тому предлагаю прочитать составленный мною очерк его жизни, в предисловии к собранию его назидательных статей, под общим заглавием: “Голос пастырского сердца”. Недолго он был законоучителем в этом институте: его идеальное отношение к исполнению своего законоучительского долга возбудило зависть в тех, кто не думал об идеалах христианского воспитания, и святитель митрополит Сергей взял его оттуда, чтоб поручить ему Филаретовское женское училище с 600 воспитанниц; но его ученицы-институтки приходили к нему и сюда, чтобы поверять ему свои скорби и искать руководства в христианской жизни. В 1898 году он был назначен руководителем курсов для учителей и учительниц второклассных школ. За время курсов, в каких-нибудь полтора месяца, он так привязал к себе курсистов, что они, даже учителя, не говорю уже об учительницах, плакали, прощаясь с ним. На прощанье они поднесли ему икону Спасителя, а его супруге – прекрасный его портрет, написанный одним из курсистов. К сожалению, не долго пожил этот пастырь-законоучитель...

Ныне говорят: надо “христианизировать” общество. Но древний апологет, семнадцать столетий назад, сказал, что “душа человеческая, по природе христианка”. Грех гипнотизирует душу, подчиняет себе волю человека, ослепляет его, поработщает. Надо освободить юную душу от этого гипноза, дать опытом сердца изведать, что такое Христово учение, как оно жизненно, животворно, какое счастье быть христианином, быть живым членом тела Христова – Церкви Православной. К несчастью, нынешние так называемые христиане живут *вне Церкви* и этого счастья не понимают. В их полухристианских – полуязыческих по духу семьях растет молодое поколение наше. И все дальше и дальше наше интеллигентное общество отходит от Церкви, проникается духом язычества, духовно слепнет и заражается духом непонятной, стихийной вражды к матери-Церкви. Наш святой долг, долг пастырей Церкви, долг законоучителей – уничтожить этот

гипноз, вернуть в Церковь уходящих из нее, опытом сердца ввести их в общение с небом, сделать живыми членами тела церковного. А для этого, прежде всего, надо самим нам жить жизнью Церкви: тогда только наше слово будет живою водою, утоляющею жажду души, живым словом опыта духовного. И юныя сердца раньше других отзовутся на наш призыв, и начнется, Бог даст, обновление русской жизни на началах святого Православия...

№ 199
Куда мы идем?
(К сведению законосоставителей)

Что мы делаем? Куда мы идем? Куда толкаем наш добрый верующий народ? Или мы Бога не боимся?..

Вот вопросы, – нет, – стоны сердца, коими приходится начинать почти каждую статью, каждую заметку в газете, если нужно говорить о том, что творится у нас на Руси, как развращают наш народ, как непростительно небрежно относятся к исполнению своего долга те, кому ведать сие надлежит!

И правительственных учреждениях обсуждается новый закон о печати в то время, когда мы, люди преданные вере, Церкви, Царю и Родине, ждать не дождемся, когда наконец обуздают нашу печать, когда мы избавимся от удушающего нас угара и кошмара, напускаемого на нас посредством печатного станка, – семиты природные и семиты арийского происхождения, какими являются, несомненно, наши иудействующие интеллигенты, всеми силами стараются снять всякую узду с печати... А казалось бы: чего уже еще надобно? Какой свободы? Издаются и распространяются, в несчетном количестве экземпляров, книги и брошюры, не говорю уже о ежедневной отраве в виде газетных листов, – издаются и для простого народа, и для интеллигенции такие вещи, что срамно здесь о них и глаголати... Богохульство, кощунство во всех видах, самая безстыдная порнография – все находит себе издателей, находит сбыт и отравляет и народ и интеллигенцию нашу. Да, и интеллигенцию. Кто читает газету “Новое Время”, тот из статей г. Ст-на знает, какою мерзостью недавно угостил некто Карпов нашу интеллигенцию, выпустив книгу в 1 р. 30 к., в коей, смакуя всяческие мерзости хлыстовских радений, доходит до ужасных богохульств и сатанинской мессы... А для простого народа та же порнография, те же кощунства и богохульства – в мелких брошюрах, в газетных листах, миллионами распространяемых в провинции развратителями нашего народа – иудеями.

На сих днях, в жидовской газете “День”, один жид позволил себе такую отвратительную выходку с описанием изображения Богоматери, что “мы, говорит “Р. Знамя”, затрудняемся привести ее в дословной перепечатке. На сей раз даже “Новое Время” вышло из терпения: перепечатывая кусок заметки жида Флексора, который в кощунственно-порнографической форме издевается над Богоматерию и Спасителем, “Новое Время” пишет, что можно счесть отзыв жида за отрывок из балетной рецензии новейшей формации, вопль какого-нибудь чувственника-ново-эстета, все, что угодно, только не то, что есть на самом деле... Но этого мало, говорит “Р. Знамя”: следующее дальше место кощунственной заметки, где жид пишет о Христе, невольно заставляет сжимать кулаки от жгучаго чувства негодования и обиды!.. Что делать?! – вырывается крик из наболевшей души... Защитите же нас, наконец!..” Та к заключает газета.

Мне скажут: на что же власти? Гд е цензура?

Да она ведь в сущности, давно уничтожена; мерзость давно гуляет, как чумная зараза распространяется по Руси, пока, наконец-то, ее заметят, обратят внимание кого следует, последует распоряжение изъять ее из продажи, а – смотришь – она уже вся распродана, и – лови ветер в поле!..

Хотите иллюстрацию к тому, что говорю? Извольте!

Я получил брошюрку под довольно длинным заглавием: “Хитромудрый (умный) способ отравления души малорусского народа его просветителями безбожием и безнравственностью”. Автор – Михаил Вербич. А издал брошюрку воронежский епархиальный миссионер Л. З. Купцевич. Автор не напрасно поставил в эпиграфе жалобу царя-пророка Давида: “Время сотворит Господеви, яко разориша закон Твоей (Пс. 118, 126). Видно, его русское верующее сердце чувствует, что такие явления, как то, о коем он хочет писать, даром не проходят не только для тех, кто является ближайшим их виновником, но и для несчастного народа нашего...

А пишет он вот о чем.

“Самый популярный писатель у нас, в Малороссии, это малорусский поэт Тарас Гр. Шевченко. Начиная с 40-х годов, его сборник стихотворений под названием “Кобзарь” издавался много раз и возбудил к себе общую любовь. Во всех изданиях прошлого столетия не было ничего антирелигиозного, противозаконного. И вот в 1906 году Полтавское губернское земское собрание, зная поэзию Шевченко по этим только сборникам, “Кобзарям”, испросило разрешение на сбор пожертвований на памятник Шевченко и на постановку этого памятника в матери городов русских, в Киеве. Около того же времени в Петербурге, “Общество Т. Г. Шевченко”, в 1905 г., представило в цензурный комитет самый полный сборник “Кобзаря”, напечатанный, во Львове, в 1902 г., и цензура разрешила печатать “Кобзарь” этот без всяких сокращений. Сказанное общество вошло в соглашение с другим – “Благотворительным обществом издания общепольных и дешевых книг”, тоже в Петербурге, и, за время с 1907 по 1909 гг., выпускает до 40 000 экз. Теперь дальше. Общество перепродает право издания книгопродавцу Яковенко, который выпускает за два издания не меньше 30 000 экз. Итого, за четыре издания, отпечатано было 70 000 экз. Но вот, в феврале 1911 г. все четыре издания были объявлены конфискованными. Но эта конфискация была в *пустой след*! Ведь три первых издания были уже распроданы: иначе не было бы надобности выпускать 4-е, которое одно и могло быть конфисковано, да и то довольно поздно. Все же можно думать, что 60 000 экз., если не больше, распродано. Это полнейшее издание “Кобзаря” разошлось, конечно, главным образом по Малороссии, и его можно встретить, и теперь даже, и в сельских, особенно земских читальнях-библиотеках, не говоря уже о частных домах”.

В чем же дело? За что цензура, даже параличная цензура минувшего пятилетия вынуждена была проснуться, обратить внимание на сборник Шевченко и “объявить конфискованными” экземпляры четырех изданий его?

Простите, читатели мои! Есть вещи, коих опасно касаться, чтобы не заразиться, не осквернить душу: от одного прикосновения остается на душе такой нестерпимый смрад, что не знаешь потом, куда убежать от себя, как забыть прочитанное. О таких вещах лучше не говорить; в предостережение скажу одно: если бы в свое время бывший председатель “Общества имени Шевченка”, сенатор Маркевич, представивший книгу в цензуру, заглянул в сборник, то с негодованием отбросил бы его прочь; если бы цензор исполнил свой долг, то книга не пошла бы в народ в количестве 60 000 экз., как смрадная отравка для простых душ. Ведь хочется верить, что и сенатор Маркевич, и цензор были христиане... Бог да будет судиею как им, так и всем, кто участвовал в издании и распространении книги.

Обходя молчанием смрадные места, я приведу из присланной мне брошюрки малое нечто, чтобы не быть голословным совсем. Вот признания самого Шевченко о своей

нравственности: “Я так опоганывсь, що й не знать, чи був я чистым колы небудь... Душі убогої цураюсь, своєї гріші! душі!” – Вот свидетельство самого автора о том смраде, о той “погани”, которую он вылил в своих запрещенных потом цензурой стихах и от которой он не знал, куда деваться – по его собственному выражению – “чурался своей души!” Известно, что Шевченко умер от водянки в груди, которая была следствием пьянства... Вот что читаем мы в 3-м томе сочинений г. Кулиша о его друге Шевченке: “Что же, главным образом, не давало возможности г. Кулишу спасти Шевченка из пьянищской геенны? Мешали этому добродушному делу те приятели Тараса Шевченка, которые, как летучия мыши на свет, летели из своей темноты на славу Кобзаря. Они потакали всем его дурным привычкам, гадостям и, как жида-шинкари спаивают в селах богатого крестьянина, так они спаивали в столице поэта. Об этом можно многое бы вспомнить, да не прилично Кулишу копаться в гадостях”. Но тот же Кулиш нашел “приличным” печатать литературные гадости Шевченки, издавая сборник его стихов за границей.

Между прочим, вот что приводит упомянутая брошюрка г. Вербича из стихотворения “Цари”: “Уж сильно и мне надоели те мужики да женщины обмануты (покрытки); хотелось бы согнать оскому на коронованных главах, на помазанниках Божиих... Далее – фраза, которую выписывать здесь не дерзаю. И выругавши пророка-царя Давида и сына его Амона за Фамарь и князя Киевского Владимира за Рогвольда и Рогнеду, Шевченко заканчивает так: “дай Бог, чтобы палачи пообезглавливали царей”... Снова ругательство по адресу Царя... “Будем багрянницы рвать на портянки, из кадил закуривать трубки, а явленными иконами печь топить, а кропилами будем хаты выметать”. И это писал поэт только за полгода до своей смерти, как говорит дата под этим стихотворением его. Скажите, восклицает г. Вербич, как же можно ставить памятник в священном городе Киеве такому поэту?! Ведь это значит одобрять его кощунственные вирши?! Кто такое Шевченко, что для него позволительно было оскорблять своим пьяным языком религиозное и верноподданническое чувство верующего царелюбивого народа?! Ведь запрещаем же мы в публичных местах всякую брань? Ведь есть же статьи закона, карающие за кощунство?! А разве это – не оно? Будь это напечатано в газете, в журнале, разве это могло пройти безнаказанно?

А мы за кощунство ставим памятник?! Скажите: не опозорит ли себя Православная Русь постановкой памятника этому богохульнику в священном городе Киеве?..

А вот еще образец его пьяной поэзии: стихотворение, посвященное какой-то девице Надежде Тарновской: “Великомученице кумо! глупая ты!.. Ты ждала жениха, та целомудрие хранила, та Матерь Божию гневала (?!), та сильно боялась греха – прелюбодействовать. Наплюй ты на ту девичью честь и от искреннего сердца, хоть раз, милая, спрелюбодействуй!”... Ну, скажите: не прав ли был покойный друг Шевченка, который назвал его музу пьяною за такие стихи? – Еще из его же стихов: “А може й сам Ты (о Боге) на небеси смієшься над нами, та может быть, советуєшься с панами, как управлять миром? Нет ничего на земли святого! Мне кажется, що й самого Тебя (Бога) уже люди прокляли”... Но довольно... Тошнит от этой гадости... И фигура этого пьяницы-стихоплета будет украшать улицы матери городов русских, стольного града Киева, наравне с памятниками святому князю Владимиру, Николаю I, Александру II и Богдану Хмельницкому, в виду святой великой Лавры Печерской, сего Иерусалима Русской земли?.. И на эту фигуру-статую собрано – не только частными лицами, конечно, – интеллигентами, но и земствами, следовательно – собрано с простых мужичков, которые о Шевченко и не слыхивали, – не много ни мало, – сто тысяч рублей!

Да что это, в самом деле, как не помешательство какое-то? Что это, как не кощунство над святынями русского Православного сердца? Если уж собрали деньги, то помогли бы его многочисленным беднякам-землякам выкупить земли у поляков, устроиться получше, как это советует одна киевская малороссийская газета. Они и помолились бы за душу грешную несчастного писателя, погибшего от пьянства в таком богохульном настроении: замечательно, что почти все вышеприведенные выписки сделаны из стихов, писанных в последние годы его жизни.

Пишу я эти строки и думаю: вот накинутся на меня и ревнители поэзии, и сторонники мазепинщины, и разные краснотряпичники: чего им лучше – поставить среди Киева памятник безбожнику, который призывал народ из кадил закуривать трубки, а кропилами хаты подметать! Не вижу я надежды, чтобы кто-либо внял моему одинокому голосу... напротив: в наше время такие протесты способны жару поддавать всем этим господам заправилам по части памятников атеистам и революционерам... Но и молчать благоразумно ли? Ведь на наших глазах делается все, чтоб перевоспитать народные массы в духе безбожия, анархии, в духе безнравственности... Ведь вот в каких-нибудь три года разошлось же 60 000 сборников, и кто поручится, что их не выписывали для своих школ разные земства, вроде Полтавского, первого поднявшего вопрос о памятнике Шевченку? По нашей халатности, могло даже случиться, что и выписка-то сделана в неведении, какие перлы безумия и кощунства заключаются в “полном” собрании стихов Шевченки. А между тем, 60 000 экз. кощунственных стихов свое дело делают, всасываются в умы молодежи, заучиваются наизусть и в свое время плоды приносят... Известно ведь, что стихи усвоить на память легче, чем сухую прозу. Известно также, что во время нашей проклятой смуты в ней участвовало учителей и учительниц земских школ до 22 500 человек, да церковных школ 163 человека... Было кому подыскать подходящее стихотворение и подсунуть детям. Ведь именно в этом году и вышло первое полное-то издание сборника...

Приславшие нам упомянутую брошюрку совершенно основательно пишут, что постанова памятника поэту-кощуннику будет лучшей рекламой для распространения его сборника “Кобзарь”, а живущие повсюду среди малороссов жида не преминут воспользоваться сим для своих богомерзких целей к подрыву веры в народе и уважения к царской власти. Какой же он, Шевченко, народный поэт, если он издевается над верою народа, предки коего пролили реки крови за свою святую веру?

Хороша же была у нас и цензура! Хорошо и наблюдение за печатью! А еще жалуются на стеснения, еще требуют какой-то “свободы”... Да печатай себе что угодно, только не попадайся, сам не напрашивайся на конфискацию, на штраф, да не касайся тех, кто имеет личный интерес следить за твоими “выступлениями”: ну, тогда, конечно, тебя оштрафуют...

Мы все еще как будто верим, что государство состоит в союзе с Церковью. Та к ли? Вот гуляет по Руси Святой возмутительнейшая, богохульнейшая книжонка. Ужели пастырям Церкви она доселе в руки не попадалась? Ужели миряне-то, мирская власть, ею так и не поинтересовались? В ней есть столь зловонные места, что не только православный, но и каждый католик, даже честный порядочный лютеранин должен бы возмутиться... Но в три года расходится 60 000 экз., а может быть, и больше, пока кто-то, наконец, обратил внимание властей, и книга объявлена конфискованною во всех четырех изданиях. Любопытно: как это было можно конфисковать уже распроданные экземпляры? Да еще в таком огромном количестве?.. Постановили и... успокоились за невозможностью

исполнить постановление. Мало того: сделали рекламу якобы конфискованным экземплярам. А теперь памятник будет им новой рекламой.

Я извиняюсь, что так долго остановился на богохульном и – да позволено будет сказать – пакостном сборнике Шевченки (разумею полный сборник) потому, что слишком велико зло, какое он внес в народную душу своим многотысячным распространением, слишком велик грех лег на душу тех, кто издавал и распространял его, и не мирится душа с тем, что этому пьянице-стихоплету, употребившему дар Божий на богохульство и пакостничество, ставят памятник, да еще – в купели русского Православия!

Но, как я уже сказал в начале статьи, это – пример не одинокий. Каждый год, каждый месяц, каждый почти день выходит множество книг, брошюр, журналов и газет, несущих в душу несчастного русского народа – как народа в собственном смысле, так и нашей интеллигенции, – все тот же яд уже не просто отрицания, нигилизма, а и смрадной отравы открытого богохульства и порнографии... Некоторые издатели специализировались на том, чтоб выпускать целые серии, в которых систематически, с иллюстрациями, популяризуется материализм, дарвинизм и прочие “измы”. Рядом печатается изображение скелета обезьяны и человека и тут же услужливо объясняется их родство (с чем и поздравляю авторов и издателей! См. Псал. 48, 21). В книгах, с виду совершенно научных, от имени науки проповедуется, что Ветхий Завет, в нынешнем его составе, весь подделан, что народ еврейский искони был безсовестнейшим народом, что таковы были и его предки, например Авраам (это – тот, о коем Апостол Павел пишет, что он *друг Божий наречется!*), что все патриархи были люди... ну – словом – недостойные уважения, – и все это читается нашей интеллигенцией, и отсюда-то черпают писатели-публицисты свои “исторические и критические” познания Библии.

Но, оказывается, и этого все еще мало для требующих “свободы” печати: недоумеваешь – да чего же еще им нужно?..

И сжимается сердце болью-тоскою за несчастную Русь, и хочется крикнуть снова и снова:

– Да куда ж мы идем? Что мы делаем? Гнев Божий на свою Русь призываем!!!

№ 200

Евангельские волхвы и мудрецы нашего времени

*Возсияет Звезда от Иакова и возстанет Человек от
Израиля...*

Числ. 24,17

*Видехом звезду Его на востоце и приидохом
поклониться Ему.*

Мф. 2, 2

*Звездам служащии звездою учахуся Тебе кланяться
Солнцу правды и Тебе ведети с высоты Востока.*

Тропарь праздника

Дивны пути Промысла Божия в судьбах мира, неисповедимы они в домостроительстве спасения рода человеческого! Самые заблуждения людей, если только они искренни, если только человек ищет истины Божией от чистого сердца, Господь направляет ко спасению человека.

Господь Бог наш не есть Бог только иудеев, но и язычников: Он есть Творец и Спаситель всех сынов Адамовых. Народ еврейский избран был из всех народов земных только для того, чтобы сохранить в нем, посредством особого водительства Божия, начатки истинного богопознания среди той тьмы, в какую погрузилось грешное человечество ко времени пришествия в мир Спасителя мира. Ко спасению же и призывал и приготавливал Господь всех людей, весь род человеческий. У ветхозаветного евангелиста, как называют великого пророка Божия Исаию, есть небольшая, но чудная картина, изображающая как бы в лицах состояние и чаяния древнего языческого мира под образом мрачной ночи. Пророк говорит о потомках Исава, но слово его может быть отнесено ко всему языческому миру.

“Кричат мне с Сеира, – говорит пророк: – сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? – Сторож”, то есть сам пророк, отвечает: “Приближается утро, но еще ночь!” (Ис. 21, 11–12).

Не слышится ли в этом нетерпеливом вопросе обитателей горы Сеира томительное желание всех народов земных, сидящих во тьме и сени смертной (Мф. 4, 16), скорее узреть Солнце правды – Христа, скорее видеть обетованного Примирителя, вождьенное Чаение всего рода человеческого? И лучшие из язычников, действительно, сами глубоко

чувствовали слабость своего ума к познанию истины Божией и желали помощи свыше. “Не надейтесь исправить человеческие нравы, – говорил великий мудрец языческой древности Сократ, – доколе Сам Бог не благоволит послать особенного Мужа для наставления нас самих”. – “Не быть на земле порядку, – говорил другой мудрец, Платон, – если только Сам Бог, сокрывшись под образом человека, не разъяснит нам наши отношения к Богу и к ближнему”. А в преданиях народов восточных чрез две тысячи лет сохранялось пророчество Валаама, мудреца, современного Моисею: *возсияет Звезда от Иакова и возстанет Человек от Израиля...*

И вот желанная, столь давно ожидаемая звезда воссияла, наконец, и мудрецы Востока двинулись в путь, в далекую Иудею, водимые чудною звездою... И достигают они смиренного града Давидова, Вифлеема, и падают до праха земного пред Божественным Отрочем... Умилительно это глубокое смирение волхвов, по преданию, не простых мудрецов, а носивших даже царственное достоинство: не знали они еще заветов Христова Евангелия, не знали даже ветхозаветного учения об этой матери добродетелей – смирении, но сколько смиренной мудрости является в патриархальной простоте сих ученых мужей языческих, у коих должно бы поучиться многим ученым мужам христианским! Не соблазнило их то, что не в царских чертогах обрели они Царя, самим Небом им возвещенного, а в убогой храме, быть может, в хижине какого-нибудь бедняка-ремесленника. Им дела нет до того, что Он возлежит, если уже не в яслях скотиных, то в убогой колыбели, повитый столь же убогими пеленами, яко сын убогаго древодела... Они видят в Нем великаго Царя, видят исполнение древних обетований Божиих и чаяний человеческих. За то и удостоились они великаго счастья – быть первенцами Церкви Христовой от язычников и апостолами для своих соплеменников прежде самих богоизбранных Апостолов.

Та к звезда явилась для волхвов безмолвною проповедницею Бога, являшагося во плоти, и звездам служащи звездою учахуся кланяться Солнцу правды – Христу Спасителю мира. Та к Промысл Божий, снисходя к немощи человеческой, самое заблуждение смиренных язычников, поклонявшихся звездам, обратил в средство для их же вразумления и обращения к вере, – чрез то, чему они служили, как Творцу, привел их к познанию Самого Творца, смиришагося даже до рабства зрака – до воплощения от Девы-Матери.

Прошло почти две тысячи лет с того времени, как совершились сии евангельския события. От благословенной ночи Рождества Христова наша мысль невольно обращается к нашему грешному времени, от звезды Вифлеемской – к тому, что творится вокруг нас, от волхвов-мудрецов – к тем, кто мнит себя ныне носителем мудрости, представителем науки и так называемой культуры. И совесть настойчиво требует сравнить, что было тогда, с тем, что видим теперь, и сравнить уже при свете правды Христовой, при свете Христова Евангелия. Ведь то, что в Ветхом Завете и во времена язычества прощалось как грех неведения, как грех безблагодатнаго времени, то ныне, во времена христианския, среди народов, носящих имя Христово, является уже великим преступлением, тяжким грехом – нередко грехом против Духа Святаго.

Да, глубокая тьма богоневедения покрывала все народы земные в то время, когда над Вифлеемом воссияла звезда от Иакова, и в его убогом вертепе родился единый безгрешный Человек от Израиля. В самом народе еврейском едва мерцал свет истиннаго богопознания в лице немногих избранных Божиих; мрак суеверий, впоследствии искаживший богооткровенное учение до неузнаваемости, до богохульства, в лабиринте

талмудических хитросплетений, уже сгущался и искажал истинное понятие о Мессии, превращая Его в народном сознании в Царя – завоевателя, Царя – владыку мира. И однако же, как в языческом мире в сердцах лучших людей, каковы были на Востоке волхвы, звучал томительный вопрос: “Сторож! сколько ночи?” – так в среде народа Божия были великие праведники, каковы были Симеон-старец и Анна-пророчица, коих сердца взывали к Богу: “Господи, приклони небеса и сниди!” Эти лучшие люди того времени, в простоте сердца, всем существом своим как бы тянулись ко Христу, как тянутся лепестки цветка к солнцу, как жаждущий олень – к источнику вод... А ныне куда устремлены сердца именующих себя “интеллигентами”, считающих себя цветом человечества, где и в чем хотят они видеть истину, найти свое счастье? Увы только не ко Христу, только не во Христе, а напротив – от Христа тянутся куда-то в темную, мутную даль всяческих мудрований, туманной лжефилософии, якобы научных гипотез, – словом от христианства к язычеству, от Христа – к Его и нашему вечному врагу и противнику... Тогда мудрецы Востока искали света духовного, как бы прислушивались к указаниям Неба, следуя в благоговении за чудесною звездою – туда, куда она вела их, отвергая свое смышление, и в то время, когда, может быть, помысл ученого самоцена подсказывал им: “Куда вы идете? ужели можно найти что доброе в этой презренной Иудее?” – они, с полною преданностью водительству Божию, шли за звездою именно в эту Иудею, чтобы поклониться ей новорожденному Царю. А ныне современные нам мнимые мудрецы, считающие себя представителями науки, отвращаются от Солнца правды – Христа и стремятся – не к Церкви, носительнице благодати и истины, а иные – в область древних языческих заблуждений, якобы ищут истины в бреде прельщенных последователей иогизма и спиритизма, а другие – в область полного отрицания духовного мира, во тьму материализма, причем, и те и другие, в конце концов, попадают в сети, искусно расставленные исконным врагом Бога и людей в тайне беззакония, именуемой “масонством”. Ибо что такое все эти якобы новые учения – иогизм, оккультизм, пантеизм, спиритизм, материализм и атеизм – в области теории, и социализм, либерализм и всяческие “измы” – в жизни, в практике, – что, говорю, все это, как не возвращение к язычеству времен до-христианских? А поелику все это ныне проявляет себя в среде именующих себя христианами, то не есть ли это то великое отступление, о коем пророчествовал Апостол Павел, отступление от истинной веры во Христа, имеющее быть на конце веков?..

И вот дерзость врага Божия, врага Церкви Христовой, по грехам нашим, достигла уже таких пределов, что не считает нужным прикрываться и выставляет всем напоказ свое знамя, свой символ, свою печать: в противоположность знамени креста она измыслила свой знак – шести— или пятиугольную звезду, представляющую пересечение двух равносторонних треугольников: одного – вершиною вверх, изображающего наш символ веры во Святую Троицу, а другого – вершиною вниз, изображающего, по толкованиям масонов, Символ зла, будто бы побеждающего нашу святую веру. Для многих этот символ пока непонятен, и его берут, так сказать, – из подражания моде, как фабричный знак, – но для тех, кто его выдумал, для слуг сатаны – масонов – он совершенно понятен...

И достойно примечания, что это не какой-либо особый знак, а именно – звезда, как бы напоминание о культе звездопоклонничества: невольно вспоминается звезда языческого “бога Ремфана”, которую почитали евреи, когда изменяли истинному Богу. Мне скажут, что я увлекаюсь, что напрасно придаю такое значение невинной геометрической фигуре, случайно употребляемой в качестве заводского знака. Не спорю, что многие употребляют

его просто из подражания моде; но самая мода-то откуда пошла? Кто знаком с историей богопротивного масонства, тот хорошо знает и происхождение этого знака, и его значение у масонов...

Но что же это? Ужели стало возможно среди христиан то отступление, какое было у жестоковых сынов Израиля?..

Увы! Люди – всегда люди, и когда они отступают от Божией благодати, то и благодать Божия отступает от них, и они становятся беспомощными, и никакая “культура” не заменит им Божией благодати! Если еще языческие мудрецы заметили, что кого Бог хочет наказать, у того отнимает ум, то что сказать о том, у кого Он отнимает Свою благодать?.. Такие люди скоро падают – до одичания!

И к этому одичанию идут те, которые бегут от Церкви Христовой “на страну далече”, которые не идут за боготечною звездою с волхвами к Божественному Младенцу в Вифлеем, а спешат за звездою “бога Ремфана”, следуют учениям богопротивным, изменяя Христу и Его святой Церкви. К этому одичанию ведут человечество все проповедники новых, якобы научных теорий, стыдящиеся Христа, стремящиеся извратить самое учение Христово по духу века сего лукавого.

После сего как не сказать: не осудят ли вот таких христиан язычники времен до христианских, не осудят ли их мудрецы древняго мира, с таким нетерпением ожидавшие Дня не вечерняго, Света предвечнаго, ожидавшие Мужа – посланца Божия для наставления людей?.. Не осудят ли вот эти волхвы, пришедшие издалека, чтобы поклониться Царю Иудейскому и вместе Богу превечному, звездою чудесною им благовествованному?..

Братие возлюбленные! Милостию Божией, тьма суемудрых, безбожных, антихристианских лжеучений еще не обуяла нас с вами, и мы вот сегодня, в священный день Рождества Христа Спасителя нашего, собрались в храм Божий, чтобы перенестись духом в смиренный Вифлеем и там поклониться Божественному Отрочати, сему Агнцу Божию, нас ради во яслех возлежащему, взявшему на Себя грехи всего мира и готовому на крестное заклание... Возблагодарим же Его, премилосердаго, за таковую милость Его к нам, грешным, раскроем пред Ним свои раны душевные, покажем Ему язвы своего измученнаго грехом сердца: ведь пока мы не бежим от Его смиренных яслей, дотоле и Он не покинет нас, а пока Он не покинет нас, дотоле не закрыт нам доступ к Его отеческому сердцу, дотоле открыты и для нас Его отеческия объятия.

Но и этого мало. Волхвы принесли Ему дары. Принесем и мы сердце сокрушенное и благоуханный фимиам любви к ближнему. Повергнем пред Ним нашу глубокую скорбь о тех несчастных собратиях наших, которые бежали от Его яслей на страну далече, чтобы там питаться тем рождем, коим желал когда-то насытиться несчастный сын блудный, вдали от родины, вдали от любящаго отца. О, да коснется Божественное Отроча сердец их, да согреет их Своим Божественным смирением, да воссияет им на пути блужданий их Своею звездою благодатною и возвратит к Себе, к Своим яслям, к Своему кресту Своею любовью безпредельною! Аминь.

Мои дневники
1914 год

№ 201

На грани Нового года

В последней молитве на сон грядущим православным христианам святая Церковь заповедует, указуя на свое ложе, смиренно как бы вопрошать Господа: “Владыко Человеколюбие! Неужели одр сей будет гробом мне?”...

В последний день года, переживая полночный час, каждый внимательный к себе христианин со страхом помышляет: Господи! Не будет ли этот, наступающий ныне, год последним годом моей грешной жизни на этой земле? Не будет ли концом моего странствования в этом мире?

Ведь нет ничего неизвестнее того, когда я умру, как нет ничего достовернее того, что я – непременно умру! Нередко бывает, что с вечера ложится человек в постель почти здоровым, а утром находят его умершим... И в наше нервное время это бывает чаще, чем прежде: с упадком духовной жизни растет безмерно самолюбие наше, с развитием внешней культуры и удобств жизни слабеют характеры, люди становятся менее терпеливыми, все это постоянно раздражает наши нервы, и мы сами сокращаем свою и без того недолгую жизнь... И если за один день, за одну ночь мы не можем поручиться, что все останемся живы и здоровы, то можно ли гадать о том, что будет в продолжение наступающего целого года? Посмотрите кругом, припомните: сколько братий наших, вместе с нами встречавших минувший год, нет больше с нами: где они теперь? Что случилось с ними? Увы! Многих из них уже похитила беспощадная смерть! И тело покоится в недрах общей нашей матери-земли, а дух где? С тревогою и за них и за себя – что-то с нами будет? – повторяет эти вопросы наше сердце, и только вера, святая православная вера наша проливает отраду в тревожное сердце: над ними совершилась, как и над нами совершится, воля Божия всеблагая, и судьба их, как и наша, в руках Божиих...

А времена настали тяжкия, столь тяжкия, что многим приходит на мысль: стоит ли прилепляться крепко к земле? не близится ли всему конец?

И знамения времен становятся все грознее и грознее. Раскройте святое Евангелие от Матфея и читайте главу 24-ю и далее. Пророчество Спасителя о последних временах начинается с стиха 23-го: *тогда еще кто ренет вам: се zde Христос или онде, не имите веры, не верьте. Востанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадут ложныя знамения веля и мнимыя чудеса, так что трудно будет распознать обман, якоже прельстит, еще возможно есть, и избранныя.*

Не исполняются ли сии словеса Господа с поразительною точностию в наше время? Спиритизм, с его фокусами и сатанинской прелестью, хлыстовщина, с ея человекообожанием и гнусным служением плотской страсти, скопчество, разное сектантство, с их хулами на Церковь православную – разливаются повсюду широкою волною... *Се zde Христос*, у нас истина Христова, говорят разные самозванные учителя в салонах якобы благочестивых великосветских несчастных дам-мечтательниц, и на эти проповеди-беседы собираются считающие себя цветом общества и внимают разглагольствованиям лжеучителя, уводящего их от матери-Церкви. *Се zde Христос*, говорит уже о себе какой-нибудь невежда-сектант Чуриков, и к нему идут простые несчастные люди, чая получить исцеление от страшного недуга своей ослабевшей воли – пьянства. *Се zde Христос*, говорит полуграмотный монах, – слава Богу, ныне покающийся, – и за ним идут толпы простецов-молдован, идут в снежные сугробы

Олонии, забывая Церковь и ожидая спасения от этого монаха... *Се zde Христос*, говорят разные лжеучители, в роде Фетлера или Проханова, говорят киселевцы, стефановцы и прочие сектанты, имже несть числа, обманывающие простой народ, а иногда и некоторых полуинтеллигентов... А вера, настоящая вера гаснет в сердцах, и близится исполнение словес Господних: *Сын Человеческий пришед убо обрящет ли си веру на земли?* (Лк. 18, 8). Так умалится вера даже среди верующих!

Да, времена становятся все более тяжкими, все более грозными. Видно, лице Божие отвращается от грешного рода человеческого, и кто весть пути Господни? Может быть, уже близок и страшный суд Божий на нечестие людское... *Бдите и молитесь*, глаголет Господь, *яко не весте, в кий час Господь ваш приидет*\ Бдите и молитесь – о, если бы это слово Его громче и чаще раздавалось в нашей грешной совести! Что же ты спишь, душа моя безпечная, в суете утонувшая, грехом порабощенная? Дни мелькают один за другим, как минуты, годы проходят, как часы... Знаешь ли ты, что принесет тебе завтрашний день? В наше грешное, страшное время можно всего ожидать, а чего ожидать грешнику, как не скорбей? Господь, устами Своего Апостола, давно сказал: *егда рекут: мир и утверждение, тогда внезапно нападет на них всегубительство*... (1 Сол. 5,3). Думали ли о внезапной, страшной смерти без покаяния несчастные жители города Сен-Пьера на острове Мартинике? Но пришел час суда Божия: один толчок земли – и остров опустился, и город с 40000 жителей погиб... Весело проводили праздники Нового года жители города Мессины у берегов прекрасной Италии, – но земля сотряслась, волны морския хлынули на город, и тысяч двадцать людей погибло под развалинами зданий и в волнах морских. И невольно приходят на память слова Спасителя о тех галилеянах, коих Пилат приказал избить в то время, когда они приносили жертвы у храма: *мните ли, яко Галилеане сии грешнейши паче всех Галилеян бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вам, но аще не покается, все такожде погибнете!* При этом Господь напомнил и о тех 18-ти, на коих обрушилась башня Силоамская: *мните ли, яко тии должнейши бяху паче всех живущих в Иерусалиме! Ни, глаголю вам, но аще не покается, все такожде погибнете* (Лк. 13, 3–5). Грозный урок для всех нерадивых, нераскаянных грешников! И всегда должно благоговейно помнить этот урок, а тем паче в тот таинственный час, когда стрелка часов указывает нам, что мы стоим на грани нового года, может быть, последнего года Божией милости и Божия долготерпения к нам, грешным...

Пусть же в эту святую полночную минуту молитвенной встречи нового года каждый из нас вспомнит, что мы – гости на земле, что появились здесь на краткое время, только для того, чтобы приготовить себя, свободною волею нашей, к вечности, что здешняя жизнь есть только школа, в которой мы должны научиться жить жизнью вечною. Время сокращается, и надо спешить: на целый год все мы постарели с того дня, как в минувшем году встречали новый тогда год, на целый год стали ближе к смерти, к вратам вечности... Готовы ли мы сдать грядущий беспощадный экзамен за целую жизнь? Научились ли мы дышать любовью, какою дышат на небе и Ангелы Божии и святые Божии? Приучили ли себя славословить Бога подобно Ангелам Божиим, находить высшее блаженство в благоговейном созерцании совершенств Божиих? Чисто ли наше сердце от страстей, чтоб созерцать славу Божию? По крайней мере – начали ли мы это приготовление, эту великую науку из наук, это искусство из искусств – жить по Божией воле, чтобы и умереть во славу Божию?..

Вот о чем предлагаю и себе, и вам, православные, подумать на пороге нового года, – подумать и поусерднее помолиться преевечному Царю веков, да поможет Он нам с нового

года положить начало новой доброй жизни, да пробудит заснувшую нашу совесть, да возжжет в нас ревность к смиренному деланию Его животворящих заповедей, под руководством святой матери нашей – Церкви православной. Аминь.

Нечто о молитве, смиреномудрии и еретиках

Бывают письма, на которые грешно не ответить, особенно тому, кто облечен благодатию священства и имеет долг пасти словесных овец великого двора Христова. Пишут иногда люди простые, сердцем смиренные, и пишут – вопрошают о том, что едино есть на потребу: как же тут не ответить? Но и отвечать каждому отдельно нет ни времени, ни сил: волею-неволею приходится, когда это касается вопросов общих, отвечать печатно. Пусть прочтет каждый, кто хочет: может быть, Бог положит на сердце и мне написать то, что полезно моему ближнему, моему читателю.

Вот что пишет мне один простой рабочий с фабрики, пишет не из простого любопытства, как это бывает в наше время нередко, не искушая, как евангельский некий юноша, а с желанием мое слово применить к делу. “Господь наш Иисус Христос заповедует непрестанно молиться на всяком месте, и Иоанн Златоуст учит, что можно и жене, сидя за прялкой, умом взирать на небо и призывать Бога, можно и мужу, выходя на площадь, совершать молитвы, можно и слуге, занимаясь на кухне, когда нельзя идти в церковь, совершать искреннюю и усердную молитву. Но вот Апостол Павел учит, что всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову; здесь-то и берет меня сомнение: значит, мужчине грешно молиться с покрытою головою? Например, вот идешь куда-нибудь или что делаешь на открытом воздухе и вспомнишь какой-нибудь псалом или какую церковную песнь, или придет на ум какая-нибудь молитва: можно ли вот в таких случаях молиться с покрытою головою? Или вот когда я работаю и есть у меня время почитать, я стану, например, читать Евангелие и акафист кому-нибудь: так вот в таких случаях можно ли читать с покрытою головою такие божественные книги?”...

Отвечаю на эти вопросы. Апостол Павел говорит о молитве с покрытою или открытою головою – в церковных собраниях, а не о той молитве, о какой говорит автор письма. В храме Божиим все должно совершаться благолепно и по чину: там надобно исполнять требования устава церковного и распоряжений церковной власти. Вне храма, при таких обстоятельствах, например, как пишет мой читатель, не всегда удобно исполнить требование: открывать голову при молитве или пении священных песнопений. Посему не будет греха, если работающий в поле или в лесу будет петь псалом или церковную песнь или творить молитву с покрытою головою. Правда, открывая голову, мы хотим показать особенное благоговение пред Богом в минуты молитвы; но ведь Сердцеведец знает, что мы покрываем голову не из желания показать свое неуважение к молитве, не из-за ложного стыда, не ради угождения миру, а по нужде телесной, оберегая Богом данное нам здоровье. И холод зимою, и солнечный зной летом могут подействовать губительно на открытую голову, а потому и Церковь не требует от всякого частного лица, чтобы он непременно открывал голову, когда ему придет мысль произнести молитву. Довольно, если православный человек обнажит голову, проходя мимо святыни, храма Божия, часовни или изображения св. Креста, и при этом оградит себя крестным знамением; довольно, если в крестном ходу, который есть как бы продолжение церковного богослужения, православные идут с открытыми головами. Было время, когда благочестивые люди не позволяли себе произносить имя Божие с покрытою головою: честь им и хвала за это; но если уж нельзя этого делать, то Бог простит немощи нашей:

лучше помолимся Богу с покрытою головою, чем вовсе оставим свой ум, свое сердце без освящения молитвою. Слава Бога за то, что приходит молитва на ум, что сама душа как бы просит молитвы, а лучше сказать, – зовет ее на молитву ея Ангел-хранитель.

Что сказано о молитве, то, конечно, применимо и к чтению так называемых “божественных” книг. Книгами божественными, в собственном смысле, называются книги Священного Писания, или Библия.

Святитель Николай Японский о кончине мира

Наш Православный Катехизис говорит, что в “слове Божиим открыты некоторые признаки близкого пришествия Христова, а именно: “уменьшение веры и любви между людьми, умножение пороков и бедствий, проповедание Евангелия всем народам, пришествие антихриста”. А на вопрос: “Скоро ли придет Иисус Христос на суд? – Катехизис отвечает: Сие неизвестно, и потому надобно жить так, чтобы мы всегда были к тому готовы”.

Наблюдая все, что вокруг нас, да и во всем мире, совершается, внимательные к судьбам Церкви Христовой и к делу своего спасения сыны Церкви со страхом помышляют: не близок ли уже последний страшный час Суда Божия? В самом деле: примите во внимание хотя только последние 20–30 лет: как оскудела вера наша! Сколько отпадений от Церкви Православной! Какое дерзкое издевательство над нею и в печати, и в обществе, и в безбожных выходках против всего святого и священного, и опять-таки больше всего против Церкви со стороны потерявших и стыд, и совесть, и страх Божий, и страх человеческий разных хулиганов – не уличных только пьяниц, но и носящих приличную одежду, якобы интеллигентов, считающих признаком прогресса, – издевательство над святынями нашего верующего сердца! А любовь... никогда столько не говорили о любви, как в наше время всякого либерализма и гуманности, и – никогда так не попирались те начала, на коих зиждется истинная любовь! Любовь на устах, а корысть в сердце: требуют любви к себе – и равнодушны к другим; “любят”, то есть ласкают и льстят только тому, кто полезен, и отвращаются от того, кто истинно нуждается и заслуживает помощи и любви... Пороки же так умножились, что стали общим тоном жизни, заурядным явлением, тогда как добродетель, даже самая легкая, как помощь брату и соседу, становится как бы исключением. А за пороками следуют судом Божиим и бедствия: нужно ли говорить о них? Их тяготу волею-неволею ощущает каждый из нас. Остается проповедание Евангелия всем народам. Еще ветхозаветный пророк сказал: “Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их”, – и эти слова сами святые Апостолы применяют к себе. Мы, люди позднейших времен, воочию видим поразительное исполнение сих словес пророческих. Перенеситесь мыслию за две почти тысячи лет: вот рыбаки с озера Галилейского уверенно говорят, что их проповедь распространится до пределов известного и даже неизвестного тогда мира: что думали тогда, слушая их, гордые фарисеи, а потом – греческие мудрецы-философы, могли ли они принять и вместить сии глаголы рыбаков? Наверное, признавали сих благовестников или невеждами, мечтателями или же прямо помешанными на идее величия. Но пронеслись положенные Богом времена и сроки, и немислимое стало делом: есть ли теперь хоть один народ, который не слышал вовсе о Христе, Спасителе мира? Есть ли уголок земли, куда не донеслось бы слово Евангелия? Правда, далеко не все народы обратились ко Христу, хотя и слышали о Нем, но о таком обращении пророчества Христовы прямо и не говорят: сказано только, что будет проповедано Евангелие всем народам. Но следует прислушаться и к голосу тех, кто, несомненно, ближе нас к Богу, кто не только любит Церковь Божию, но и сам участвует в ее жизни, сам является орудием промысла ее Главы и другом ее Жениха Небесного.

Более тридцати лет я имел счастье быть в дружеской переписке с почившим в Бозе равноапостольным мужем нашего времени архиепископом Николаем Японским. В своих письмах поведал я ему свои скорби о положении Православия на Руси, об опасностях, ему угрожающих, словом, о всем том, чем болит наше пастырское сердце. и вот что писал он мне от 10 ноября 1909 года:

“Опечалился я очень, прочитавши тeneвую часть вашего письма: “Грозные тучи ходят над бедною Россией. Не без причины многие думают, что близок конец мира” и т. д. Но не устояла во всей силе печаль моя против дальнейших размышлений. В пылу битвы воин видит кровь, много крови; но не прав будет он, если скажет: “Вот только и есть кровь, нет больше мира, рушится мир!” Вы в самом центре разгоревшейся битвы, и сами получаете раны. Как не страдать вам, не исходить кровью вашему сердцу и как удержаться от крика боли! Но окиньте взором пространство мировой истории от Адама донныне: когда же были времена вполне утешительные? Дохристианский мир задыхался в безпросветной атмосфере зла до того, что лучшие тогдашние люди прибегали, как к последнему утешению, к самоубийству. Лишь только блеснул на земле небесный свет и подана людям чаша утешения, люди, вошедшие в полосу этого света и принявшие чашу, тем не менее, видя окружающий их внешний мрак, страдали до того, что свое время считали концом мира. Вспомните, как Апостол Павел убеждал Солунян “о пришествии Господа не спешить колебаться умом”, что хотя тайна беззакония уже деется, но кончина не теперь. А когда? *“Проповестся сие Евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем языком, и тогда придет кончина”*. На что яснее и вернее, а также и утешительнее сего указания! Еще большая половина языков вселенной не слышала Евангелия царствия. А и слышавшая разве достаточно усвоила его? Разве у европейских народов Евангелие проникло до глубины сердца? Нет, оно еще на поверхности их душ. И это потому, что западные народы слушают Евангелие, затемненное извращениями католичества и протестантства. Россия слушает всесветлое Евангелие непросветленным еще, невежественным, неразвитым умом и неуглубленным сердцем. Разве для того Бог сходил на землю и Сам изрек людям учение, чтобы оно вскорости же явилось в потемненном виде католичества и протестантства, а там, где сияет полным своим светом, только немногие до дна их умов и сердец были просвещены и претворены им, – каков сонм святых Православной Церкви, масса же более по влечению сердца шла в сем свете, ясно не давая себе и отчета, каким сокровищем она обладает?.. Жизнь и отдельного человека, тем более каждого народа и, несомненно, всего человечества проходит периоды, назначенные ей Творцом. В каком же возрасте теперь человечество со времени рождения его в новую жизнь? О, конечно, еще в юном! Две тысячи лет для такого большого организма совсем небольшие годы. Пройдут еще многая тысячи лет, пока истинное Христово учение и оживотворяющая благодать Святаго Духа проникнут во все члены этого организма, пока все народы и в них все отдельные личности усвоят Христово учение и подвергнутся благодатному действию его: правда Божия сего требует. Истина Христова и благодать Святаго Духа всею своею силою должны войти в человечество и произвести полное свое действие. Тогда только настанет зрелый возраст человечества: этот великий организм станет во весь свой рост и станет столько добра творить, насколько способна созданная Богом Творцом и оплодотворенная Богом Спасителем природа человеческая. Еще древние пророки провидели и в восхитительных чертах изображали это время, когда “не будет пути нечистаго и не заблудят люди, не будет льва и никакого зверя лютаго, а волки и агнцы будут пастись вместе”; тогда “будет едино стадо и один пастырь”, по

вождеденному слову Самой воплощенной Истины. Далеко-далеко еще человечеству до этой вершины!

А потом оно пойдет вниз и спустится до таких глубин зла, до которых и пред потопом не достигало; жизненные силы света и добра почти вконец иссякнут в одряхлевшем человечестве, – тогда-то, и не раньше, как тогда, настанет конец мира. Вот мысли, успокоившие мое взволнованное вашим письмом сердце. Оне не больше мои, чем ваши; но да перельются оне из вашей головы в сердце и да послужат облегчением и вашей душевной боли, которой я вполне сочувствую и которую сам, вероятно, так же остро чувствовал бы, если бы не стоял несколько в стороне от поля битвы”.

Так утешал меня святитель Японский. Нарисованная им художественным словом картина грядущих судеб рода человеческого давала надежду видеть в будущем еще отрадное: дело Христово еще не завершено на земле; еще немало народов ждут своей очереди, когда придет к ним Царствие Божие и благодать Божия заложит в них свою закваску. А чтобы закваска возымела свое действие, нужно время; если она сделала свое дело среди народов, уже покончивших свое историческое призвание, то в нас это призвание еще не исполнено, а такие великие народы, как Китай и Индия, еще ждут своего, Богом предназначенного дела в Царстве Божием, где нет разницы между иудеем и еллином, между европейцем и азиатом. Святитель Феофан Затворник также пишет, что пока благодать Божия не выберет из всех народов земных всех способных ко спасению, хотя бы то был один-единственный человек, дотоле нельзя ждать пришествия Христова и кончины мира. В то же время нельзя не принять во внимание и той истины, что Господь никогда не отнимает свободы у человека: благодать-то всем и всегда готова помочь во спасение, да мы-то не всегда приемлем своею свободною волею и разумом ея помощь. Чудная картина, начертанная апостолом Японии, основная мысль его письма, что “все народы и в них отдельные личности усвоят Христово учение и подвергнутся благодатному действию его”, едва ли может быть принята безусловно. История не дает права думать так. Она знает много народов и народов великих, от коих не осталось теперь потомства или же едва прозябают жалкие остатки, как например: сирохалдейцы, копты, сирийцы и др. Где слава Древняго Египта, Карфагена, Финикии? Да и Греция, и Рим – эти владыки мира когда-то, не кончают ли свое историческое дело? Но можно ли о них сказать, что “все отдельные личности” в них “усвоили учение Христово?” Ясно, кажется, что мысль в Бозе почившаго святителя Николая Японскаго требует оговорки или поправки: конечно – все отдельные личности, *способные воспринять благодать спасения*, принадлежавшие к сим народам, восприняли ее и вошли в состав сынов Царствия Божия и относительно их дело Божие завершено. Но в целом ни об одном народе нельзя сказать, чтобы он прониклся вполне идеалом учения Христова, а только в сих избранных благодати. Само собою понятно, что тут разумеются не одни Богом прославленные и Церкви известные лица, записанные в святцах церковных: если во дни пророка Илии, когда нечестие народа Израильскаго достигло крайняго предела и пророку Божию казалось, что он остался один, Господь знал Своих верных и считал их более семи тысяч, то, конечно, в каждом народе Он знал и спасал в Царство Свое вечное множество избранных. И если оглянуться назад и обозреть историю Церкви, то мысль святителя Николая в исторической перспективе окажется исполняющеюся, только не в общем, не во всем человечестве *сразу*, а постепенно, в его отдельных членах, отдельных народах. Невольно вспоминаются слова притчи Христовой в их буквальном смысле: *царство небесное подобно купцу, ищущему доброго бисера – дорогой жемчужины, благодать*

Божия как бы обходит все народы и ищет дорогой жемчужины – человеческого свободного произволения ко спасению и отбирает сии жемчужины в кошницу свою, и очищает их, и соделывает силою Христовою носителей сих жемчужин сынами Царствия Божия. Царствие Божие растет и совершает свое дело в человечестве, но, по слову Христову, творится сие незаметно, не – с *соблюдением*. И когда оно кончит свое дело, тогда и миру конец. Между прочим, потому и неизвестно, когда это будет, что людям неизвестны в точности успехи дела Божия, ибо сие дело не может входить в круг их наблюдений. Сие ведомо только единому испытующему сердца и утробы, единому Сердцеведцу, Который знает все и всему сроки устанавливает. Что касается ветхозаветных пророчеств, изображающих в светлых чертах царство Мессии, то ведь известны толкования на эти места Священного Писания у святых отцов: “вершины совершенства” человечество достигнет не на этой грешной земле, а на земле новой, на небе новом, где живет правда, по слову Апостола Христова.

Я написал свои мысли святителю Николаю и от него получил такой ответ:

“Я не говорю и не думаю, что “каждый народ должен достигнуть высшей степени христианизации”. Моя мысль и твердое мое убеждение, основанное на слове Божиим, то, что все народы в мире и каждый народ в отдельности непременно должны услышать Евангелие; а какой степени христианизации достигнет каждый народ, это зависит от свойств его, от того, широко или узко он отверзает свое сердце для принятия благодати Божией. Но отдельных святых личностей, “достигших высшей степени христианизации”, непременно должен дать каждый народ, хотя бы он в массе не был высоко достоин пред Богом. Так мы имеем почти недостижимых по обилию благодатных даров Ефрема из Сирии, Антония из Египта, Павла Фивейского из Африки и им подобных. Что до родимаго нашего русского народа, к которому мы имеем честь и счастье принадлежать, то я тоже твердо убежден, что он еще на пороге своей исторической жизни и что сомневаться в его будущем и тем более отчаиваться за него просто грех. Разные болезни нападают на юное тело, – корь, оспа, скарлатина, но если оно не хило от природы, то благополучно переносит их и продолжает расти и развиваться. И насекомые любят нападать на мягкое юное тело – тоже временная и переходящая напасть, пока тело окрепнет, мускулы сделаются более твердыми. В Японию, например, не сунутся евреи, потому что японскому народу от роду более 25-ти столетий, – это не юный и мягкий организм, а взрослый и окрепший; японцы сами могут поучить евреев деловитости и практичности во всем мирском обиходе, а не наоборот; скорее сами могут сделать натиск на евреев, а не терпеть от их натиска. Ну а русский народ на 15 столетий моложе японского, – оттого отношение к нему евреев иное. И это весьма понятно и едва ли устранимо до более зрелого возраста русского организма. И много-много других еще насекомых точит и будет точить мягкое и рыхлое тело (инородцы, иноверцы, сектанты, атеисты); но по течению времени они будут сбрасываться, тело очищаться, и оно заживет, наконец, всеми своими силами, и Бог весть потом, сколько веков пройдет, пока страшный червь могильный нападет на великий, уже одряхлевший, русский организм и свалит его в могилу. Таковы мои искренние убеждения, немало одушевляющие и ободряющие меня. Если Ваше Преосвященство в письмах моих найдете что-либо пригодным для “Троицкого Слова”, то я могу быть только благодарен вам за эту честь”. (Письмо от 2 апреля 1910 года. Я просил разрешения некоторыми местами из его писем воспользоваться для своего издания).

Не могу без глубокого волнения и молитвенного чувства благодарности к почившему святителю, великому труженику Божию, не поделиться с читателями и еще несколькими

утешительными строками из писем незабвенного старца Божия. Вот что писал он мне от 16-го октября того же 1910 года:

“Крайне прискорбно, что вы болеете телом. Укрепи вас, Господи, на пользу всероссийской Церкви Православной! Об этом и усердно молюсь. Не менее прискорбно, что болеете духом; но здесь нужно советовать вам подкрепиться самому, почерпнув силы и в вашем произволении. Печальны духовныя обстоятельства в России? Нет спора. Но от этого они не улучшатся, что вы до болезни духовной печалитесь? Нимало! Напротив, излишняя печаль, несомненно, атрофирующая некоторую часть духовной энергии у вас, и делу вред от потери этой части поддержки с вашей стороны, и врагу настолько же прибавка радости. У христиан времени апостольскаго разве меньше было врагов веры, меньше борьбы? А что им внушали Апостолы? “Всегда радуйтесь”, – писал Апостол Павел к Солунянам; “Радуйтесь всегда о Господе, и паки реку: радуйтесь”, – писал он Филиппийцам. Почему так? Да потому, что мы – рядовые воины, а военачальник у нас Христос, всемогущий Бог; Он знает, как управлять обстоятельствами, и ведет дело к победе. Каждый на своем месте, мы должны, не покладая оружия, бороться и биться бодро, с сердцем, полным радостнаго упования, а не печали, всегда более или менее расслабляющей; общее же распоряжение битвой должны предоставлять Господу, делая это с спокойным духом. Еще царь Давид взывал: “Возверзи на Господа печаль твою”... Последуйте же всем сим святым внушениям. Вы их знаете лучше меня и братски простите, что я как будто собрался учить вас: не учить, а братски ободрить, – любящее вас сердце то велит”.

Так умел утешать святитель Божий, сам всегда жизнерадостный, всегда благостный. Он не только заботился о моем добром настроении, но и о моих читателях. Получив от меня первые 37 номеров “Троицкаго Слова”, он благодарит за них и снова обращается к современному тяжелому положению России в духовном отношении, снова ободряет, что Россию ждет светлое будущее, что она еще не стара, что посему самая обличения надобно срастворять некоторым утешением.

В письме от 10 июня 1911 года он говорит: “Примите сердечную благодарность за “Троицкое Слово”. Ваши дневники писаны кровью вашего сердца и вызывают скорбь и боль сердца, когда читаешь их; они точно анатомическим ножом вскрывают нагноения, которыми страдает наше бедное Отечество. Весьма желательно, чтобы они изданы были отдельною книгою и получили возможно широкое распространение. Польза будет великая: благочестивых они будут возбуждать к подобным же иеремиадам, каждого в своем кругу, колеблющихся утверждать, отчаянных, наподобие юноши 8-го №, спасти от гибели, равнодушных возбуждать и научать ратованию... Хотелось бы одного, именно, чтобы вы, нисколько не умаляя силы ваших обличений, растворяли их некоторым утешением. Такой пример подают пророки. Они свои грозные и громовые крещения всегда оканчивают утешениями. Правда, им, за нависшими тучами современных им пороков, всегда виднелся свет Христов, и на него именно они указывали как на утешение. А нам разве не видится вдали или, по крайней мере, не грезится светлое будущее России? Ужели Господь создал такой многочисленный народ и вместе такое необъятное тело Церкви только для того, чтобы отдать его на съедение червям? Разве Россия развила все свои силы и таланты, заложенные в ее организме, и изжила их? Нет: по всем признакам она молодое историческое тело, возрастающее на смену стареющих организмов. Думать иначе было бы хулою на Промысл Божий. Тогда отчего же и мрачно смотреть? Молодому организму свойственны разныя болезни: и корь, и оспа, и расстройство желудка от

незрелых или несвежих плодов, и ушибы, и поранения, и разное другое. Все это и есть ныне с Россиею. А прежде разве этого не было? Или было меньше? Полноте! Несколько в другом роде, но, пожалуй, было и побольше. Припомните так близкия к нам еще времена барщины, с ея жестокостями, ея безнравственностью, ея безшабашным произволом: бросьте взор дальше, когда собак называли именем патриарха, и дальше – до безпросветной татарщины и непрерывной эгоистической распри князей. Когда же было лучше? Никогда. Если сложить сумму добра, теперь, под лучами Божией благодати, разлитого по всему миру России, и сравнить с суммою такого же добра какого хотите периода прежних времен, то, наверное, окажется теперь значительный перевес, как и подобает в возрастающем организме. Я отнюдь не веду речь к тому, чтобы теперь не следовало обличать пороки. Напротив, непременно нужно строго обличать, беспощадно греметь прещениями, вот так, как Ваше Преосвященство делаете; и нужно, чтобы во всех концах России явились такие строгие обличители с огненными речами и прещениями. Пусть иеремиады гремят неумолчно, и по всей России, но пусть оне, как у Иеремии, Исаии и иных, растворяются и словом утешения. Пусть каждое прочтение этих иеремиад сопровождается не поникновением головы с печалию и унынием, а бодрым поднятием ея и решимостию, при Божией помощи исправиться, обновиться, выйти на полный свет Божий”... – Так светло смотрел в будущее России почивший святитель Японский Николай. А из такого взгляда на судьбы России и других народов делал вывод, что кончина мира еще далеко-далеко, может быть, на несколько тысяч лет отдалена от нас...

Можно разделять или не разделять его взгляд, но нельзя отказать ему в обоснованности: это не поверхностный взгляд обыкновенного образованного человека, а продуманное, строго проверенное слово того, кто всю свою жизнь отдал великому делу Царствия Божия среди одного из тех народов, которые давно ждут пришествия к ним царствия Христова. 52 года тому назад пришел он в языческую Японию, где тогда преследовали христиан, научился японскому языку, стал переводить Священное Писание, а потом и богослужебныя книги на этот язык, – чрез десять лет у него уже был сотрудник-японец, а чрез 53 года – 35000 православных христиан, сердечно ему преданных, веру свою в делах являющих, истинных сынов Царствия Божия. Но и этого мало; даже среди язычников он заслужил не только уважение, но и любовь: в столице этих “сидящих во тьме” сынов мира сего лукаваго стоило произнести его имя: “Никорай” (японцы не могут выговорить буквы “л”), как японец улыбался и готов был к услугам русскаго, чтоб указать ему путь к русскому святителю...

Нередко люди, даже искренно верующие, пытаются проникнуть в тайны, от них глубоко сокровенныя, прикрываясь как бы покровом веры. Они должны бы подтвердить то, что о таких сокровенных тайнах говорит Господь и Его святые Апостолы. В самый день вознесения Своего на небо Господь сказал ученикам Своим на их вопрос: *аще в сие лето устрояши царствие Израилево? – Нестъ ваше* – не ваше дело – *разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1, 6, 7). А еще раньше, во дни земнаго служения Своего и проповеди, на такой же вопрос ответил, к удивлению, может быть, самих Апостолов, что даже *Сам Он*, яко человек, конечно, не знает, когда Его Отцу благоугодно будет послать Его на суд: *о дни же том и часе никтоже весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец* (Мк. 13, 32). Не сказал: чей Сын, но говорил здесь о Себе, яко Сыне Человеческом только, а не яко Богочеловеке. А если чистые духи, святые Ангелы, не ведают сего, если даже Он, по человечеству Своему безгрешному, не знает дня и часа Своего Второго Пришествия, то нам ли, грешным смертным, дерзать

приоткрывать завесу сей тайны Божией своими гаданиями? Мы знаем некоторые признаки, по коим можем судить о близости сего страшного дня, и довольно с нас. Но сии признаки, указанные Самим Господом, относятся не только к кончине мира, но и к разрушению Иерусалима: по крайней мере, некоторые из них не строго отделяют одно событие от другого. Дело в том, что разрушение Иерусалима было прообразом кончины мира. И в том и другом событии видны законы правды Божией, карающей зло и венчающей добродетель. Эти законы вечны и неизменны и прилагаются правдою Божией ко всем народам земным. Что применено ею в отношении богопротивного народа еврейского, то применено может быть и к народу русскому, если, сохрани Боже, его беззакония превзойдут меру долготерпения Божия. Естественно, что непосредственным свидетелям и невольным участникам сих событий кажется, что исполняются пророчества, относящиеся к Второму Пришествию Господа и Страшному всемирному суду Его, тогда как на самом деле совершается только частный суд над тем или другим народом. Так первенствующие христиане, видя суд Божий над Иерусалимом, могли думать, что настает время суда всемирного – последнего. Вот почему и Апостол Павел, в своем послании к Фессалоникийцам, счел нужным предупредить их и успокоить – “не спешить колебаться умом и смущаться, ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов” (2 Сол. 2, 2). Нет сомнения, что мы, люди двадцатого века, ближе к сему страшному дню, чем первенствующие христиане: тем не менее и мы можем думать, что скорбные явления нашего времени представляют собою признаки близкого пришествия Христова на Страшный суд, тогда как на самом деле они только относятся к нашему грешному народу и зовут нас к покаянию, угрожая судом Божиим. Всемирное событие, каково и есть грядущий Страшный суд, должно и признаки иметь всемирного характера, а не местного. Но можно ли сказать это о тех знамениях времени, какие мы видим в наше время? Правда, о некоторых признаках и Господь сказал, что они будут иметь местный характер, как например, землетрясения, но вообще сказано, что будет скорбь великая, какой не было на земле никогда. И сие должно помнить, что у Господа нашего *день един яко тысяча лет и тысяча лет яко день един* (2 Пет. 3, 8). Мы должны смирать свой пытливый ум в послушание вере: аще Господу не угодно было открыть сию тайну, то грешно и пытаться своим умом постигать ее. Стало быть, это – нам не полезно. Ведь для нас, для каждого из нас гораздо ближе час смертный: однако же Господь и сие открывает лишь немногим Своим избранныкам, которые тщательно приуготовляли себя к часу сему в продолжение всей своей жизни, а от нас премудро сокрывает, дабы мы, зная, что еще не скоро наступит сей час, не стали нерадивыми, а если уже близок – не предались унынию и отчаянию; Бог хочет, чтобы мы всецело предавали себя во святую волю Его. Он хочет, чтобы мы всегда были готовы к страшному часу смертному и к суду Божию. Час смертный отнимет у нас возможность покаяния после нашей смерти; судьбы своей там мы сами переменить не можем уже, а потому должны готовиться заранее, пока живем здесь, на земле. Правда, верующие надеются на молитвы Церкви и по смерти, но не следует забывать, что Дающий молитву молящемуся Бог располагает сердца верующих к молитве так, что о недостойном молитвы и не будет пламенной, отверзающей небеса молитвы, хотя бы имя его и произносилось в храме... Поведал мне один в Бозе почивший Афонский старец, иеросхимонах Михаил (в монашестве Малахия): “Имею я, грешный, обыкновение поминать на молитве всех известных мне усопших братий, но одного из них как-то забыл: и вот прошло много лет, как покойник является мне во сне и просит поминовения. Я сказал об этом покойному батюшке отцу Иерониму. Тот сказал мне: стало

быть, пришло время молиться за него, Бог вот и вразумляет любовь твою не забывать его: видно, он нуждается вообще в молитве”.

Да и тяжкий грех – грешить в надежде на молитвы Церкви: это значит – искушать Божие долготерпение. Столь же грешно пытаться приоткрывать тайну, Богом сокровенную: приоткрыть ее все равно человек не может, а за дерзновенную попытку к сему, при сознании ясно выраженной воли Божией сокрыть ее, неминуемо понесет наказание...

Пусть примут сие во внимание все те, которые решаются вычислять не только год, но и день пришествия Христова на суд последний...

№ 205-206

Служение Церкви печатным словом

Время молчать и время глаголати.

Еккл. 3, 7.

Давно это было, больше двух с половиной тысяч лет тому назад. Заспорили три юноши о том, что сильнее всего? И один написал на записочке: “Сильнее всего вино”. Другой написал: “Сильнее царь”. Третий написал: “Сильнее женщины”, а потом, как бы исправляя себя, приписал: “а над всем одерживает победу истина” (2 Ездры 3,10–12).

Нет нужды доказывать, что последняя приписка есть неоспариваемое слово самой истины. И для того, чтобы истина над всем всегда и во всем одерживала победу, Бог дал человеку разум и совесть, а в делах веры еще и всемогущую Свою благодать, руководящую людей ко спасению чрез Церковь, хранительницу Божественного Откровения. Человек изобрел и свое могучее средство к распространению истины – письмо и печатное слово. К несчастью, этим могучим средством пользуется не истина только, но и заклятый враг ея – ложь. Но чем больше захватывают в свои нечистые руки печатное слово служители лжи, тем настойчивее является нужда самой Церкви как хранительнице истины, использовать печатное слово для распространения и защиты истины. Наше время в этом отношении можно назвать исключительным: современная печать, в подавляющем большинстве, захвачена врагами Церкви; голос преданных и верных Церкви сынов едва слышен среди шума и неистовых криков открытых и тайных врагов ея: нас, служителей Церкви, обвиняют в том, что мы молчим, что не умеем или не хотим защищать свою мать – Церковь Божию, что мы не даем верующим душам той пищи, какой алчут оне, что Церковь не дает ответа всякому вопрошающему о словесех ея упования...

Было, может быть, время, когда можно было молчать; ныне, по слову Екклезиаста, настало время глаголати. Отвечая этой потребности духовной, наш Святейший Синод, с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора, учредил Издательский Совет, на который и возложил заботы о том, чтобы отвечать печатным словом назревшей потребности нашей церковной жизни. А потребность эта велика; задачи, поставленные Совету, слишком трудны; поле его будущей деятельности, если только Бог поможет ему исполнить свой долг, почти необозримо...

Призванный волею Святейшаго Синода стать во главе сего учреждения как председатель онаго, я смиренно приемлю это новое для меня послушание, но в то же время сознаю свое полное недостаточество к такому великому делу. Тут нужна дружная работа не четырех только членов Совета: много ли могут они сделать? – нужно сплоченное объединение всех литературных сил церковных, всех, кто любит родную Церковь, кто может послужить ей словом печатным, кто может хотя бы только подсказать нам добрую мысль... Если бывают отдельные издания, непосильные для одного человека, выполняемые обычно совокупным трудом нескольких лиц, каковы, например, энциклопедии и словари, то что сказать о целой отрасли в литературе? Да и в литературе ли только? В “Положении об Издательском Совете” говорится и о церковных нотах, и о священных изображениях, и о “снабжении жилищ верующих лучшими произведениями

церковной иконописи”, а духовно-учебных заведений – “лучшими учебниками и учебными пособиями”. Само собою понятно, что для выполнения такой программы нужны не только писатели, но и опытные церковные художники, и педагоги... А начинать дело надобно все же с литературы, с издания хороших книг и, прежде всего, – святоотеческих творений, брошюр, листков, а со временем и периодических изданий – ежемесячных, еженедельных, а Бог даст – и ежедневной газеты. Читателей надобно иметь в виду как более или менее образованных, так и простецов. Если нельзя быть уверенным, что печатное произведение будет понятно для простецов, то пусть оно и будет выделено в серию книг для людей более развитых (интеллигентных). Для простецов же надо также вести ряд изданий в виде книг, листков и брошюр. Словом: издания нашего Совета должны быть по объему самые разнообразные, а по изложению – приспособленные к тому кругу читателей, для коего они предназначаются. Содержанием изданий должно быть: 1) положительное изложение учения Православной Церкви о догматах веры и о жизни по вере, о православном понимании нравственной деятельности христианина. В последние годы всяких свобод и, особенно, свободы, лучше бы сказать – распущенности печати, все понятия о вере и нравственности расшатались, поколебались, частью даже подменены или искажены до неузнаваемости. Мы, старики, воспитались на литературе старых, лучших преданий, не только в области собственно церковной, духовной, но и в области светской литературы. Мы с трудом представляем себе, на чем воспитывается современное нам молодое поколение. Вкус читателей развращается до крайности газетою, которая заменила книгу для громадного большинства читателей. Умно и дельно написанные книги ныне мало читаются. Чтобы привлечь читателя к книге, надо дать ей более или менее своеобразное заглавие (книгопродавцы так и говорят: “Заглавие продаст книгу”), красивую внешность и – это главное – написать ее увлекательным языком. В старину об этом почти не думали: в заглавии прямо и без излишних затей ставили тему: о том-то, – и книга читалась теми, кто хотел ознакомиться с названным в заглавии предметом, и конец. Ныне надобно привлечь внимание читателя заглавием книги, ее изложением: словом, в доброе старое время русские люди не были избалованы французскою кухнею и кушали простой черный хлеб во здравие, а ныне этот же хлеб надобно подсластить, придать ему форму покресивее... А если автор не сумеет этого сделать, то его книга будет лежать спокойно на полках магазина без спроса... Сколько хороших, поучительных книг не замечено, забыто только потому, как думается, что автор дал неудачное заглавие своей книге! Укажу пример: в 1860-х годах прошлого столетия Троицкой Лаврой была издана небольшая книжка, содержанием коей были чрезвычайно интересные и назидательные рассказы о явлениях из духовного мира, о поразительных чудесах нашего времени – выдержки из писем в Лавру и из переписки тогдашняго наместника Лавры, архимандрита Антония, с великим святителем Московским Филаретом. Книжка носила название: “Монастырския Письма”. Название ничего не говорило о содержании, и книжка прошла почти незамеченною, хотя и разошлась в свое время в небольшом количестве. Переизданная лет 20 назад с дополнениями, она и теперь остается без спроса. Но если бы ей дано было более подходящее заглавие, она, несомненно, расходилась бы в большом количестве, тем более, что и цена-то ей всего копеек 20. По-видимо-му – пустое дело, но нельзя и такую мелочью пренебрегать в деле издательства. Еще более важно – язык, изложение. Ведь если читатель, особенно простой, в каждой строке спотыкается на отвлеченных выражениях и слова, вроде: “влияние”, “значение”, “отношение”, “роль” (противное слово! Из театра его переносят некоторые даже на церковную кафедру), не

говоря уже о словах иностранных, то книга валится из рук, и современный читатель не имеет терпения дочитать даже небольшую главу до конца. Человеку умному и это, пожалуй, покажется не важным, но надо иметь в виду именно массу нынешних читателей. Живость, оригинальность изложения ныне ставится едва ли не на первый план в требованиях современного читателя. И нельзя пренебрегать таким требованием в духовной литературе: надо помнить пример Апостола: *всем бых вся, да всяко некия спасу*.

Главное внимание в наше время должно быть обращено на изложение православного учения о самой Церкви. К глубокому сожалению, понятие о Церкви и в нашем обществе, и в простом народе очень туманно, спутано, неопределенно. Господь поручил дело спасения людей Церкви, мы спасаемся постольку, поскольку являемся живыми ея членами, а между тем, нет не только живаго сознания этой великой и спасительной истины, но и надлежащего понятия о Церкви у многих, именующих себя ея чадами. Блаженный Августин говорит: “Спасается только тот, кто имеет главою Христа, а имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь”. Господь строго заповедал слушаться Церкви, как матери: *аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь*; преслушник Церкви перестает и тебе быть братом, по крайней мере – считай его больным, зараженным братом, с коим общение братское уже небезопасно. Вот почему все явления церковной, общественной, семейной и государственной жизни должны быть рассматриваемы при свете строго церковнаго учения. Самое учение Церкви должно быть раскрываемо святоотеческим учением так, чтобы для читателя видимо было полное преемство самого духа учения в Церкви от времен Апостольских и Самого Христа Спасителя, чтобы в самом учении было полное единение и мысли, и веры, и жизни современных членов Церкви с членами веков минувших, единение и общение – живое, действенное, чуждое всякаго своеумудрия и уклонения в сторону чуждых Церкви учений. Истина одна, и она – в Церкви, ибо Церковь, по учению Апостола, есть столп и утверждение истины, а ея Глава – Христос есть Сама воплощенная Истина. Крепкой верою в сие положение должна быть проникнута вся деятельность нашего новаго учреждения – Издательскаго Совета при Святейшем Синоде. И, повторяю, мы, члены этого Совета, надеемся, что все, кому дороги заветы Православия, кто любит родную Церковь и хочет послужить ей по мере сил, не откажут нам в своем содействии.

Кроме изложения положительнаго учения Церкви, содержанием наших изданий должна быть: 2) христианская апологетика во всех ея видах: естественнонаучная против материализма, богословская и философская против социализма, анархизма, всякаго рода сектантства, ересей и расколов. Церковь со всех сторон обуреваемая сими врагами Божественной Главы ея – Господа Иисуса Христа, и она должна давать в руки чад своих оружие слова для борьбы с ними, оружие истины непобедимое, по изложению для всех доступное, сильное и авторитетное. Ныне много распространяется мнимо-научных популярных изданий, выдающих разныя гипотезы за неоспоримыя данныя, за последнее слово науки: необходимо предостеречь верующих от этого суррогата научности, от увлечения скрыто заложенными в таких изданиях идеями безбожия, материализма, пантеизма и других противохристианских идей. Насколько это необходимо – позволяю себе сказать по опыту своей юности. Тогда, в конце 60-х и начале 70-х годов увлечение материализмом было почти всеобщим среди молодежи: имена Фогта, Молешотта и других корифеев лженаукаго знания были популярны даже между нами, семинаристами, и когда мы перешли из “риторики”, т. е. из 2-го класса в “философию”, т. е. 3-й класс, нас стали

мучить эти вековые вопросы: что, как, почему?.. Хотя не всякая книга материалистического содержания могла проникнуть к нам за стены семинарии, но все же это случалось, а главное – идеи носились как бы в воздухе и отравляли юное сердце. Помню, воспитанный на Четьих-Минях, вкусивший, милостию Божией, сладости веры, я стал смущаться: ужели все это, что так сроднилось с моим сердцем, что стало так для меня дорого, есть ложь? Ужели те переживания, какие испытывало мое юное существо в раннюю пору детства, есть только самообман, иллюзия воображения и чувства?.. И мне стало жаль, крепко жаль расстаться с дорогим минувшим, и мне страстно захотелось защитить, сберечь это сокровище от незримого похитителя – духа времени, духа отрицания... И я обратился тогда к покойному дорогому наставнику по основному богословию – Н. П. Боголепову (автору учебного пособия по Четвероевангелию) с просьбою указать: что было бы мне полезно почитать по этому предмету. И он указал мне тогда книги Ульрицы: “Бог и Природа”, “Душа и Тело”. И сколько же труда мне стоило одолеть эти громадные томы немецкого апологета! Довольно сказать, что у него встречаются иногда периоды в целую страницу, иногда – в две, притом зависящие от какого-нибудь предлога и переполненные словами “концепция”, “перцепция”, “интуитивный” и тому подобной ученой арматурой... Только знание латинского и греческого языков, их корней помогло мне в чтении этих “переводов” на русский язык: я читал как бы ошупью, читал с жадностью, свойственной только юности, и... слава Богу: вынес в выводе заключение, что наука, истинная наука не имеет права так положительно утверждать, да и не утверждает того, что пишут в популярных книжках и на основании чего поднимают головы материалисты. Вместо точного знания эти популяризаторы предлагают только гипотезы, против которых истинная наука тотчас же выставляет факты, для этих гипотез необъяснимые. Прочитал я потом целую серию изданий прот. Заркевича “Материализм, наука и христианство”. И я успокоился, и нашел опору в борьбе с сомнениями и разными веяниями со стороны. Следя потом, в течение 40 лет, за движением человеческой мысли в ее отношении к истинной науке, я постоянно подмечал, что грешное сердце слишком часто заставляло человеческий ум работать против совести, чтоб использовать научные гипотезы для оправдания его грехолюбия. А в наше несчастное время – это почти общее явление. Таких научных, и вместе популярных, брошюр, как книжки А. А. Тихомирова по естествознанию, не скоро встретишь на книжном рынке. А между тем, оне-то и нужны теперь, и чем их будет больше, тем лучше.

Что сказал я относительно естествознания, то надо сказать и относительно всех других отраслей знания, начиная с философских до богословия, и особенно Священного Писания. Церковь должна зорко следить, чем питают ее детей непрошеные радители якобы просвещения, и тотчас же давать противоядие, как скоро заметит появление отравы на книжном рынке. Надо помнить, что четыре года назад на съезде баптистов в Америке открыто решено бороться против Православия в России и на это дело ассигновано немного – только шесть миллионов долларов, т. е. 12 миллионов рублей! А у нас не находится по епархиям какой-нибудь тысячи, чтоб выписать противосектантские сочинения для руководства священникам в беседах с ними; не находится средств на издание хорошего противосектантского, дешевого, популярного журнала для простого народа, который стал уже ближе присматриваться к новым учениям, оскорбляющим его православное чувство, и мне приходится отвечать, что такого общедоступного, приспособленного для понимания простецов издания периодического пока нет! Там ничего не жалеют, чтобы разрушить нашу Церковь Православную: у нас жалеют гроши –

говорю сравнительно с трехмиллиардным бюджетом нашим, чтоб поддержать родную веру – опору Руси, душу души народной!

Говорить ли о новых сетях врага Божия в виде оккультизма, спиритизма и других воистину мерзостей языческих, которые уже проникли и к нам на Русь и довольно-таки широко распространяются не только среди оевропеившейся, если не сказать – оевреившейся, интеллигенции, но и среди простого народа? Недавно пришлось мне прослушать две лекции обратившагося из спиритизма бывшего редактором нескольких спиритических изданий В. П. Быкова о том, что такое спиритизм и его сущность. Признаюсь: и читал я немало, и писал даже о спиритизме, но того ужасного впечатления, какое вынес с этих лекций, я не ожидал от них... Оказалось, что этой мерзостью занимается у нас, в России, до 86,000 человек: оказалось, что до 600 медиумов окончило самоубийством, что занятие это лишает человека свободы воли, превращая его в манекена, автомата, что оно так же опасно в смысле увлечения им, как известный неименуемый тайный порок молодости, что, наконец, влечет к самоубийству...

Обращаясь к борьбе с пороками нравственными – о, как потребно теперь самое широкое распространение всего, что издается против пьянства, этого рокового бича нашего народа, истребляющего каждый год столько душ, сколько гибнет во время войны за то же время...

Следом за пьянством идет сквернословие, распутство, хулиганство, грабежи и разбои... Впрочем, нет надобности здесь говорить о всех язвах, удручающих наше народное тело, не исключая и нашей интеллигенции за весьма немногими исключениями. О последней, т. е. об интеллигенции, мне недавно привелось слышать мудрое слово одного из государственных деятелей: “Много говорим мы о жидах: жид уже сделал свое главное дело: он отравил самую душу нашей несчастной интеллигенции, а теперь пошел в народ, чтоб подменить его душу... Еще не везде его пускает закон, но он умеет проникать и туда, где для него все двери, казалось бы, закрыты – посредством своей печати, которая на 95 процентов уже в его руках. А это такое средство, против которого едва ли кто устоит”. В самом деле: ох, как многие наши интеллигенты представляют собою, в сущности, тех же иудеев по своему миросозерцанию, только не семитического, а арийского происхождения! И достигнуто это, главным образом, печатью, тою печатью, которая каждый день издевается над нами, служителями Церкви, которая – в этом мы не сомневаемся ни на минуту – постарается убить нас, то есть деятельность нашего Издательского Совета, сначала систематическим замалчиванием, а если это не удастся – клеветой, травлею, подрывом всякого к нам доверия среди наших будущих читателей. Надо быть ко всему готовыми и ничему не удивляться, что бы ни случилось с нами...

Отсюда естественный переход к слову о периодических изданиях. Как бы ни была книга привлекательна и по содержанию, и по изложению, все же газета и журнал в наше время идут в руки читателя прежде книги. Волею-неволею надо считаться с этим явлением. Надо бороться с врагом тем же оружием, какое у него в руках, конечно, только очистив это оружие от той грязи, какою оно покрыто у врага: разумею нравственную сторону печатного слова. Нужны повременные издания, нужна ежедневная газета, чтобы немедленно откликаться на быстро сменяющиеся явления жизни. Наши предки не могли себе даже вообразить, как их потомки будут быстро жить. Житель столицы привыкает узнавать новости дня в тот же день, а если узнает их на другой день, то считает их уже запоздалыми. А, между тем, голос церковный, руководствующий верующих как смотреть,

как относиться к тем или иным явлениям в области нравственной, должен быть слышен тотчас же... Как тут обойтись без ежедневной газеты?

Нужны и другие повременные издания хотя бы потому, что в журнале скорее прочитают статью, чем в книге, да и журнал придет в руки подписчика скорее и вернее, чем брошюра или даже книга, которую когда-то еще соберется купить читатель газеты, если газета удостоит порекомендовать книгу или брошюру, а не случится этого – читатель разве только случайно узнает о существовании отдельного издания об интересующем его предмете. Думаю, что всякая брошюра будет полезнее для дела, если будет предварительно проходить чрез периодическое издание, а потом уже появляться в отдельном оттиске: сужу так по своим изданиям.

“Положение” о нашем Совете, как я сказал уже, начертывает нам, его членам, такую широкую программу, что ее можно понимать только как широту полномочий, а не как нечто непременно ныне же обязательное для нашего Совета. Дается простор для деятельности нашей, но не ставится обязательным выполнение всей программы во всех подробностях ее требований – сразу же по открытии Совета. Это, конечно, невозможно. Приступая к выполнению своей задачи, Совет будет руководствоваться, с одной стороны, прямыми указаниями Святейшего Синода, с другой, – требованиями самой церковной жизни, насколько это будет усмотрено самим Советом. На первое время, например, по поручению Святейшего Синода, Совет предполагает приступить к 2-му изданию “Словаря к Новому Завету” Гильдебранта, или так называемой Симфонии, которой в настоящее время в продаже совсем нет, а потребность в ней весьма ощутительна: она прямо необходима для всех, кто любит слово Божие, кто занимается Священным Писанием, богословием, проповедничеством, словом – для всякого, кто хочет пользоваться Новым Заветом по его славянскому тексту. Издание это предполагается сделать более удобным для пользования по формату, более доступным по цене и внести в него некоторые улучшения, на основании опыта тех, кто уже пользуется первым изданием. Указания в этом роде уже поступают к нам, и мы обращаемся ко всем любителям слова Божия не отказать нам в своих замечаниях и присылать их по моему адресу.

Есть насущная потребность издать и другие руководственные книги для изучения как слова Божия, так и святоотеческих писаний. Было бы очень полезно издать такой указатель к святоотеческим творениям, в котором, в порядке библейских книг, глав и стихов в них, были приведены указания: кто из святых отцев, в каком именно творении и в каком месте приводит или толкует тот или другой текст Священного Писания. Например: книга Бытия, глава 1, стих 1-й; Афанасий Великий – там-то, Василий Великий – там-то, Григорий Богослов, Нисский и т. д., в алфавитном порядке имен их. Затем стих 2-й, 3-й и т. д. На первый раз, чтобы не отлагать дело, требующее немалого труда и времени, можно было бы удовольствоваться указанием на творения тех святых отцев, которые имеются в русском или славянском переводе, не задаваясь научными целями, для коих, конечно, было бы необходимо взять и творения, не переведенные еще на русский язык. У латин по этой части давно имеются так называемые “Катены”, в коих под каждым стихом Библии приведены даже и выписки из св. отцев, что дает читателю возможность не искать по библиотекам самых святоотеческих творений: их текст, их слова приведены в самых “Катенах”. Но мы едва ли скоро дождемся такой роскоши в своих изданиях.

Нет у нас и общего предметного указателя к святоотеческим писаниям. Тридцать пять лет тому назад, еще послушником, мечтал я о таком указателе и переписывался об этом с покойным другом своим, товарищем по семинарии, тогда еще мирянином,

преподавателем Тамбовской семинарии Н. Д. Молчановым, скончавшимся в сане архиепископа Аитовского; он признавал насущную потребность в таком указателе, но так это и осталось нашею мечтою. Мне думается, никогда так не было настоятельной нужды в таком указателе или, если угодно, энциклопедии, как в наше время всяческой разнузданности самочинных мудрований в области веро- и нравоучения христианского. Наш долг, долг Издательского Совета, дать, хотя несовершенный, такой указатель. План его мне представляется в том же роде, как и вышеупомянутый указатель к Библии: в порядке алфавита идут слова или наименования предметов, например: “душа”, “дух”, “Дух Божий”, “имя Божие” и под., а дальше – имена святых отцев и кратко сущность их мыслей о сем предмете. Я сказал: “хотя несовершенный указатель”, хотя опыт такого указателя, вроде как бы некоторой энциклопедии святоотеческого веро- и нравоучения, ибо работа по составлению такого указателя нелегкая, ее придется разделить между несколькими лицами, назначив опытного редактора для объединения всего материала, какой будет доставлен сотрудниками. Но так или иначе, а хотя опыт такого словаря-указателя необходим, жизнь наша слишком коротка, чтоб каждому писателю каждую работу начинать сначала: надо каждому новичку придти на помощь опытным людям, уже изучившим тот или другой предмет. Вот пример: в минувшем году совершенно неожиданно, даже для некоторых богословов, появилась ересь имебожников. Церковная власть должна была разобраться в новом учении, почему оно представляет собою ересь. Но откровенно скажу: приступая к исполнению поручения Святейшего Синода по этому предмету, я не знал, что целый том творений святителя Григория Ниссского посвящен опровержению ереси Евномия, почти тождественной с ересью имебожников. Краткость срока и невозможность копаться по библиотекам при множестве других работ заставили меня ограничиться тем материалом, какой я имел под руками по этому предмету. А имея я под руками упомянутый указатель, я, несомненно, использовал бы те места святых отцев, какия были бы в нем указаны. И мой доклад был бы полновеснее в смысле доказательств. Драгоценным помощником была бы такая книга и для пастырей-проповедников, и для богословов-писателей, да и для каждого благочестиваго христианина, который пожелал бы ознакомиться с учением святых отцев по тому или другому вопросу веры и жизни христианской.

Моя мысль идет дальше. Кроме святых отцев было бы очень полезно ввести в этот указатель-энциклопедию и учителей Церкви, по крайней мере, наиболее известных, авторитет коих для нас является бесспорным и твердо установленным. Таков, например, великий святитель наш Филарет Московский, имя коего известно не только во всей Православной Церкви, но и в инославных странах. Мысли таких учителей Церкви можно бы ставить во втором отделе под каждым словом. Само собою разумеется, что я намечаю только общую мысль, а обсуждение ея в подробностях – дело Издательского Совета в будущем. Надобно принять во внимание, по крайней мере, в отношении удобств пользования таким указателем, и иностранные издания в таком роде.

Лет пятнадцать назад, под моею редакцией, Троицкая Сергиева Лавра издала новый перевод “Луга Духовнаго” Иоанна Мосха, “Жизнь пустынных отцев” пресвитера Руфина и “Проповеди” Илии Минятина, знаменитаго в свое время греческаго проповедника, на котором воспитался наш великий вития – Иннокентий, архиепископ Херсонский. Много подобных творений ждет своего издания или новаго перевода на русский язык. Укажу на “Историю Боголюбцев” блаженнаго Феодорита, например; была она когда-то издана, но теперь ея не найдешь даже и у букинистов. А книга для народа – весьма поучительная. Да

и тем, кто склонен вести свой род от обезьяны, было бы и полезно, и интересно почитать эти сказания о подвижниках древних времен. Одно только горе: скажут сии господа, что это – благочестивые вымыслы...

В последние два года мы пережили ряд знаменательных и в высшей степени поучительных юбилеев. В 1917 году исполняется 50-летие кончины великого святителя Филарета Московского... Стоит произнести только имя этого великого учителя Церкви, как в сознании встает его светлый, величавый в своем смирении образ как мужа силы и разума духовного, как красы нашей Русской Церкви. В его воистину безсмертных творениях, как проповеднических, так и безчисленных мнениях и отзывах, и даже простых деловых резолюциях, письмах, записках – неисчерпаемый источник уроков веры, богословской и философской мысли во всех областях богословских наук, духа заветов церковных и руководящих указаний...

Как не озаботиться о том, чтоб, по возможности, исчерпать все сокровища его духа, его заветов, чтоб напитать его мудрыми наставлениями наше юное поколение, уже не помнящее его светлой личности, как не привлечь к нему сердца русских людей? Ведь он был неподражаемым истолкователем самого духа заветов нашей родной старины, нашего родного Православия, самых основ нашего исторического бытия... Надо озаботиться изданием для народа его жития, именно жития, а не простого жизнеописания; и полного предметного указателя ко всем его писаниям; озаботиться достойным изданием всего, что касается его личности, что только еще помнят о нем оставшиеся в живых из его счастливых – современников, – увы, теперь уже немногих... Это можно было бы выпустить в виде особого “Юбилейного Филаретовского Сборника”.

Есть немало старых хороших, но прочно забытых книг, которые надобно переиздать потому, что оне когда-то сослужили великую службу современным их авторам поколениям. Для примера, укажу из литературы XVIII века на “Камень веры” Стефана Яворского, из XIX века – на проповеди и лекции по гомилетике покойного профессора Киевской духовной академии Я. К. Амфитеатрова: им обязаны многие проповедники развитием своего проповеднического таланта, на них воспитывалось не одно поколение духовного юношества. Было бы полезно переиздать книгу протоиерея С. Кашменского “Учение св. Отцев о душе человеческой”, в которой собраны и расположены в известной системе выдержки из 50-ти отцев и учителей Церкви. Да и вообще нашлось бы немало таких книг. Мы забыли их, наши дети о них вовсе не слышат, а между тем, в свое время они оказали великую пользу в деле воспитания понятий в области церковного мирозерцания. Старики умели мыслить не спеша и добросовестно относились к делу, сознавая себя ответственными не пред людьми только, не пред критикой, но и пред Богом. У них и терпения, и трудолюбия, да и трудоспособности было побольше, чем в наше время.

Мы забыли свою старую русскую литературу. Было бы для народа очень полезно издать в русском переводе все эти старинные “Изборники”, “Златоструи”, “Златые Цепи” и подобныя памятники древней письменности. Уж очень они назидательны, да и писаны-то именно для народа: надо ведь иметь в виду, что как ни хлопочут наши самозванные просветители, чтобы подменить идеалы народные и чрез школу, и чрез дешевку – копейку газетную, и чрез так называемую “лубочную” литературу, – в народе еще есть немало православных русских людей, которые носят в душе заветы старины, ищут пищи духовной во вкусе этой старины и любят почитать “от божественного”. Для таких простецов серия изданий, вроде упомянутых книжек, конечно, с исправлением языка,

была бы настоящим подарком. Да и в школьных библиотеках такие книжки не залежались бы...

И в духовных журналах старых годов: в “Христианском Чтении”, “Душеполезном Чтении”, “Страннике”, “Духовной Беседе” и подобных, есть немало статей, которые заслуживали бы перепечатания в виде небольших книжек. Стоит и вообще пересмотреть всю старую литературу, начиная с XVIII века, чтобы взять из нея и – подарить простому русскому читателю многое, достойное его, да и нашего внимания, но прочно забытое и зарытое мусором изданий последнего времени... Припоминаю, например, чудные статьи священника Владимирского в “Душеполезном Чтении” по естественной истории, в коих премудрость и благодать Творца изображается в картинах природы: как была бы назидательна такая книжка для современного юношества, тем более что и написана она языком прекрасным, согрета благоговением к Богу... Но где ее автор? Жив ли? Издавал ли он свои статьи отдельной книгой? Или в том же роде статьи покойного профессора-праведника Д. Ф. Голубинского: да ведь это был бы чудный подарок для юношества, конечно, еще не потерявшего веры в Бога, еще ищущего Бога в природе и в явлениях жизни!

Следует обратить наше внимание особенно на народные чтения с туманными картинками. Нет нужды распространяться о том, какое огромное значение имеет этот способ народного просвещения и как важно в деле воспитания народа удовлетворить этой насущной потребности в полном согласии с православно-русскими народными идеалами. На первый раз следует дать хотя бы полный каталог хороших чтений с указанием, откуда можно достать их текст и картины. А затем, не теряя времени, приступить к изданию своих книжек для таких чтений и изготовлению желатинных картин, как более дешевых и удобных для пересылки. Просят и примерного каталога книг для библиотек народных, не полагаясь на разные рекомендации и одобрения, в обилии рассылаемые разными учреждениями...

Вот мои пожелания и предположения относительно нового дела, к которому, исполняя святое послушание Святейшему Синоду и призывая Божию помощь и Божие благословение, мы приступаем. Я прошу и моих читателей, сочувствующих сему доброму начинанию высшей церковной власти, не отказать мне в своих откликах по этому поводу. Будем благодарны за всякое доброе указание, за всякий полезный практический совет.

Как и какими путями мы думаем распространять наши издания – поговорю после...

Имебожная ересь пред судом св. отцев

Еще три тысячи лет назад древний мудрец сказал, что “нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”, но это было уже в веках, бывших прежде нас” (Екклез. 1, 9). То же случилось и с новою ересью – “имебожничеством”: при ближайшем рассмотрении ея, оказалось, что она уже существовала в первые века христианства под именем “гностицизма”; в IV веке ее развил и ревностно защищал известный еретик Евномий, а великие отцы Церкви – Василий Великий, Григорий Нисский и другие тщательно разобрали ее и опровергнули, Вселенский же Второй Собор в лице Евномия предал анафеме. К сожалению, те, которые ныне увлеклись этою ересью, не зная истории ересей, кажется, и не подозревали, что в их лжемудровании возрождается одна из древних, осужденных уже Церковью ересей; когда же церковною властью, стоящею на страже священных догматов, им было раскрыто их заблуждение, дух гордыни, неизменный спутник всякой ереси, овладевающий сердцем всякого еретика после оставления его Божией благодатью, уже настолько глубоко проник в их душу, что не попускает им смириться, дабы познать свое заблуждение, и они всюду ищут самоутверждения в своей ереси, готовые даже на подделки, подлоги и другия нечистая средства. Благодать Божия подается только смиренным и не терпит смрада гордыни еретической.

Бог и ереси попускает, дабы явить славу Свою в раскрытии святой истины Православия. Так было и теперь. В духовных журналах появляются статьи, обличающие ложь учения имебожников и выясняющие истинное учение Церкви об именах Божиих на основании слова Божия и святоотеческих писаний. Ряд таких статей С. В. Троицкого под заглавием “Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имебожники”, помещенных в “Церковных Ведомостях”, теперь вышли отдельною книгой под названием “Об именах Божиих”. Положение за положением, слово за словом в имебожническом учении автор разбирает, сличает, с одной стороны, – с учением еретика Евномия, находя в новой ереси все признаки старой, а с другой, – с учением святоотеческим, приводя множество выписок с подлинными словами святых отцев, наглядно показывающих почти полную тождественность обеих ересей. Для непредубежденного, разумно мыслящего и пребывающего в смиренном послушании Церкви ея сына становится до очевидности ясным заблуждение несчастных имебожников и вся тяжесть вины их вождей, упорствующих в еретическом мудровании. “Сходство между учением об именах Божиих древняго еретика Евномия, говорит г. Троицкий, и современных имебожников настолько велико, что последних можно назвать новыми евномианами. По учению имебожников, между именами и самыми предметами существует какая-то таинственная связь и ни один предмет не может быть без имени. “Имя выражает самую сущность предмета, говорит например, Иларион, и неотделимо от него. Так имя Иисус. С отнятием имени предмет теряет свое значение”. “Идея есть реальность, читаем мы в “Апологии” Булатовича, имеющая иностаное бытие”. “Господь, говорит Иларион, есть мысленное высочайшее Существо, таково же и имя Его, и потому оно в нашем сознании и приемлется как Сам Он, Господь Бог”. “Имя есть истина, единосущная Триипостасной истине, говорит Булатович, но не есть истина отвлеченная и безжизненная, но есть истина живая – Духовное Существо. Это Духовное Существо различается от самага Существа Божия, и понятия –

Существо Божие и имя Божие не сливаются, но, вместе с тем, это отличное от Существа Божия Духовное Существо имеет Божественное достоинство само по себе, по существу, а не по благодати”. Таким образом, имебожники различают недоступное и неоткрывающееся людям Существо Божие и другое Духовное Существо – Имя Божие, соединенное с Существом Божиим, но не сливающееся с Ним и имеющее Божеское достоинство само по себе... И Бог и имя Его суть едины святы по естеству.

Имя Божие у Булатовича представляется даже высшим Существа Божия, чем-то таким, с чем Бог сообразует Свои действия, что Он прославляет. Если все, что пишет Булатович, принимать за чистую монету, то учение о том, что имя Божие есть живое духовное существо, нужно признать возобновлением древняго еретического учения – гностицизма. Единственным существенным отличием учения имебожников от гностицизма является тот пункт их учения, где они настаивают на неотделимости имени Божия от Бога, таковой же, какова взаимная неотделимость Лиц Пресвятыя Троицы. Но если так, то неизбежным для имебожников является учение о том, что в Боге не три Ипостаси, а четыре, причем четвертой ипостасью будет имя Божие, которое, по Булатовичу, является духовным существом, имеющим ту же сущность, что и Лица Святыя Троицы, и стоящим в таком же отношении к лицам Святыя Троицы, в каком они находятся между собою. Имебожники, действительно, не останавливаются и пред этим выводом, и в литографированном листке одного из главных вождей ереси мы читаем: “Если имя Иисус есть богоипостасное, то, конечно, равно Отцу и Святому Духу, и есть лицо Пресвятыя Троицы”.

“Стоит, говорит С. В. Троицкий, лишь, хотя бегло, пересмотреть то, что пишут об именах Божиих св. отцы, чтобы видеть, что учение имебожников стоит в явном и прямом противоречии с учением святоотеческим и церковным. Имебожники утверждают, что Бог должен иметь имя. Святые отцы говорят, что Он не только не должен иметь имени и не имеет его, но и не может иметь его, как стоящий выше всякаго имени. “Нет ни одного имени, которое обозначает все естество Божие”, пишет св. Василий Великий против предтечи имебожников Евномия, которое “достаточно было бы его выразить. Но многия и различные имена, взятая в собственном значении каждого, составляют понятие, конечно, темное и весьма скудное в сравнении с целым, но для нас достаточное... Понятия, которое бы вполне было достойно Его, никто никогда не достигнет, хотя бы соединились все умы для наследования и стеклись все языки для выражения онаго. Итак, богодухновенное Писание по необходимости употребляет многая имена и речения для честнаго и загадочнаго изображения славы Божией”. Короче сказать, по святоотеческому учению, Бог многоименен (так неоднократно называет Бога св. Григорий Нисский), потому что Он безыменен (так называет Бога св. Дионисий Ареопагит), и потому никак нельзя думать, что в одном каком-либо имени Его заключается значение всех других”. Между тем, имебожники выделяют из ряда имен Божиих имя *Иисус*, хотя и слово Божие, и святые отцы ясно учат, что имя это усвоено Сыну Божию только по Его воплощении. Имебожники говорят, что имена Себе дал Сам Бог и что потому имена эти вечны. Святые отцы выясняют, что Сам Бог не нуждался в имени и не давал Себе никакого имени не только до сотворения мира, но и после сотворения его, а что имена Божии нужны лишь людям, и потому все имена Божии, как и все имена вообще, явились только после сотворения людей и созданы самими же людьми. Самое имя “Сый”, по глубокому выяснению св. Григория Нисскаго и других св. отцев, означает то, что у Бога нет никакого имени и смысл слов “Сый есть вечное имя Божие”, состоит в том, что Бог никогда не имел, не имеет и не будет иметь никакого имени. Самое слово “Суций”, являющееся

грамматической формой причастия от глагола “быть”, не есть какое-либо имя, а есть глагольная форма, означающая одно бытие, существование Божие. Оно означает лишь, что Бог существует. Но что Он такое, каково Его имя – по сущности или хотя бы по действиям – оно вовсе не показывает. А, между тем, св. Григорий Богослов именно это наименование “Сый” находит наиболее свойственным Богу. “Имя Сый, говорит он, принадлежит собственно Богу и всецело Ему одному, а не кому-либо прежде или после Него, потому что и не было, и не будет чем-либо ограничено или пресечено”. Иоанн Дамаскин в “Точном изложении православной веры” пишет: “Кажется, из всех имен, приписываемых Богу, более главное “Сый”, как и Сам Он, отвечая Моисею на горе, говорит: *Сый посла Мя*. Ибо все совместимое в Себе Он имеет бытие, как бы некоторое море сущности, безпредельное и неограниченное”.

Имебожники говорят, что имена Божии суть действия Божии, неотделимые от Бога, и потому – Сам Бог. Святые отцы выясняют, что имена Божии суть действия человеческого измышления и человеческих органов речи, что приписывать Богу человекообразного действия наречения имен никак нельзя и что нельзя говорить об отделении имен Божиих от Бога уже потому, что отделять можно только соединенное, имена же Божии не соединены с Богом, а лишь нами приписываются Ему. Имебожники говорят, что имена Божии, как действие Божие, выражают сущность Божию. Святые Отцы учат, что имена Божии, как действия человеческие, выражают не сущность Божию, а лишь наши понятия и представления и притом не о сущности Божией, о которой понятия и представления мы иметь не можем, а лишь о свойствах и действиях Божиих. Имебожники утверждают, что имена Божии суть действия Божии потому, что они даны нам откровением Божиим. Святые отцы учат, что нельзя представлять откровение Божие как членораздельную речь Божию пророкам и Апостолам и что на самом деле откровение Божие есть посредственное или непосредственное воздействие Божие на душу человека, возбуждающее в ней известные чувства и мысли, облекаемые человеком в образованные им слова и имена, и потому все встречающиеся в Священном Писании имена Божии суть лишь наши слова, а не действие Божие.

“Когда учение имебожников подвергается возражениям, говорит С. В. Троицкий, понятие имени у них подменяется. Они отбрасывают буквы и звуки и заявляют, что они считают Богом лишь идею, истину, выражаемую именем Божиим, жалуясь вместе с тем, что их противники искажают их учение. Но, прежде всего, – имя есть имя, а идея есть идея, и смешивать эти два понятия нельзя. А во-вторых, св. Григорий Нисский нередко берет и прямо один смысл имен Божиих и категорически заявляет, что “нельзя обожать смысл, являющийся в слове”, и что “имя или идея являются в сущности идолом, который заменяет у Евномия” (а следовательно, и у наших имебожников) Бога”.

Имебожники, вопреки ясному учению Православного Катехизиса, но подобно иконоборцам и протестантам, учат, что имя Божие выше креста и святых икон. Между тем, святые отцы Церкви и сам VII Вселенский Собор ясно и решительно учат, что иконы и крест – не Бог. А св. Дионисий Ареопагит самые имена Божии называет иконами. По учению имебожников, имя Божие имеет какую-то самодовлеющую силу творить чудеса. В этом они сходятся с иудеями и Талмудом, который имя Божие считает каким-то талисманом или амулетом, волшебным словом. Булатович и ссылается на литературу раввинов, видимо разделяя их учение об именах Божиих. Между тем, святая Церковь учит, что чудеса творятся не именем, а силою благодати Божией, так что между именем Божиим и чудом нет внутренней связи, и чудо может быть без имени Божия, и

произнесение имени Божия может не сопровождаться чудом. “Имя не делает ничего, говорит св. Златоуст, когда будет произносимо без веры”.

Нужно ли опровергать нелепое учение имебожников о том, что “всякое слово молитвы есть Бог, а имя Божие тем более Бог”? Что “имя Божие святит собою молитву”, т. е., все остальные слова молитвы?.. Ведь утверждать, будто слова молитвы менее Бог, чем имя Божие, и делаются Богом только чрез освящение именем Божиим, не значит ли просто – богохульствовать, искажая самое понятие о Боге как всесовершенной Личности? “Молитва, в сущности, есть перечень имен Божиих”, говорят имебожники. Но – вот молитва Господня: прочтите ее и скажите: можно ли ее назвать таким перечнем? Да и ни одна молитва церковная не подойдет под это определение, ибо делая перечень чего-либо, мы никогда не ставим перечисляемых слов в звательном падеже, как это обычно во всякой молитве.

Разобрав подробно учение имебожников и опровергнув его точными словами св. отцев, преимущественно Григория Нисскаго, С. В. Троицкий определяет настроение вождей новой ереси как переживания самолюбивой души, утратившей чувство живаго богообщения и потому смешивающей Самого Бога с Его символами. “Бумажные деньги, говорит он, люди приняли за чистое золото и стали смотреть на слова не как на условные знаки, символы предметов, а как на какие-то дубликаты предметов, стоящие с ними в таинственной связи. Для того, чтобы переживания эти изменились, необходим полный душевный переворот, зависящий от свободы человеческой и благодати Божией, никакие доводы здесь не помогут. Как бы убедительно ни доказывалась ложь имебожническаго учения, творцы ереси будут смотреть на все доказательства лишь как на досадное препятствие для торжества их учения, которое нужно устранить во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось употребить ложь, подлог, интриги и т. д. Такова психология всех творцов ересей, переубедить которых не могли даже великие отцы Церкви”. Указав множество подделок, искажений, подлогов в писаниях имебожников, г. Троицкий отмечает, что и самые заглавия главного труда имебожников совпадают. И Евномий, и Булатович назвали свои труды “Апологией”. Св. Василий Великий пишет об Евномии: “Первое его злоухищрение – предложить учение в виде апологии, чтобы не подать мысли, что главное его намерение – изложить догматы нечестия, но показать, что приведен к сочинению необходимостью. Видел он также, что если открыто примет на себя звание учителя, не только будет это крайне тяжело и неприятно слушателям, но и сам себя сделает незаслуживающим вероятия и подозрительным как человек, желанием славы увлеченный в новизны; а если предложить слово в виде апологии, то избегнет подозрения в нововведении и тем самым более привлечет к себе слушателей, потому что все люди привыкли с благорасположением принимать сторону унижаемых. Поэтому жалуется на обвинителей и клеветников и им приписывает вину своего сочинения”. “Читая эти строки, говорит г. Троицкий, недоумеваешь: к кому оне более приложимы – к Евномию или Булатовичу, так искусно сумевшему привлечь на свою сторону своей апологией и ролью унижаемаго сочувствие людей простодушных”? Почтенный автор труда об имебожниках приводит и еще слова одного великаго отца Церкви, св. Афанасия Великаго, более всех пострадавшаго от еретиков: “Каждая ересь, принимая на себя прекрасное и превысшее всего Имя Спасителево, собирает изречения Писаний, произносит слова, усваивает же истинный смысл, и, наконец, прикрыв какою-то лестью свое, изобретенное ею измышление, сама делается человекоубийцею введеннаго в заблуждение. Каждая из ересей не имеет ничего общаго с Писанием, и защитники ересей знают, что Писания во

многом или, лучше сказать, во всем противны мудрованию каждой из них. Но для обольщения простодушных, каковы упоминаемые в Притчах “незловивый веру емлет всякому словеси” (14, 15), принимают они на себя вид, что изучают и собирают изречения Писаний, чтобы этими изречениями показать правильность своего мудрования и, наконец, убедить бедных людей мудровать, вопреки Писаниям. И кто прост и некрепко наставлен в вере, тот, имея в виду одни слова и не проникая в смысл, скоро увлекается их кознями. Благочестивейший царь Констанций человеколюбив, а они против его воли разглашают, что хотят. Если бы право веровали, то довольствовались бы верою, изложенною целым Вселенским Собором. Не об истине попечение у них, а, напротив, все говорят и делают в пользу ереси. Что и теперь пишут, не об истине заботясь, но скорее для забавы, с хитростию делают это на обольщение людям, чтобы рассылкою писем обратить на это внимание народа, самим выиграть время для избежания обвинения, и скрыв свое нечестие, иметь возможность распространить ересь... Они желают, чтобы им верили, когда не знают, как сами веруют. Слагают клеветы на православных епископов, которым строят козни. Когда не стоит никакого вопроса, подают они повод к словопрению, разстраивая сердца братьев и всевая в них, чего никогда не приходило им на ум... Посему надлежит бодрствовать, чтобы под покровом писем не скрывалось какого обольщения и не отвлекали они иных от благочестивой веры”.

Эти строки писал великий исповедник Православия, 1600 лет назад, как будто про нынешних вождей афонской ереси...

Как учит о. Иоанн Кронштадтский об именах Божиих

В своей книге об имебожной ереси С. В. Троицкий отводит особое место учению о. Иоанна Кронштадтского об именах Божиих, потому что имебожники с особенным усилием ссылаются на о. Иоанна, который будто бы совершенно разделяет их лжеучение. “В сущности говоря, пишет Троицкий, как бы ни учил о. Иоанн об именах

Божиих, отношение Церкви к имебожникам не изменится нисколько. Хранительницей и выразительницей истинного учения веры является вся Церковь, а не какое-либо отдельное лицо, хотя бы и признанное святым. Учением Церкви нужно считать то, что исповедуется в ней всегда, везде и всеми, а не то, чему учило то или другое лицо, как бы оно авторитетно ни было. Даже в том случае, если бы учение Церкви с учением имебожников было не согласно, а учение о. Иоанна было бы согласно, то отсюда следовало бы только, что в данном вопросе о. Иоанн высказывает свое личное неправильное мнение. Такие мнения имели даже некоторые отцы Церкви. “Не мните же, яко аще и святии быша, пишет св. Варсонофий Великий, о таких святых: вся глубины Божия возмогоса понята”. Но ничего подобного на самом деле нет, и учение о. Иоанна об именах Божиих вполне согласно не с учением имебожников, а с тем учением, которое выяснила Церковь, защищая догмат иконопочитания”.

Прежде всего г. Троицкий замечает, что имебожники противоречат сами себе и пишут неправду, будто они свое учение утвердили на точном писании о. Иоанна. Ведь если бы они были действительно убеждены, что о. Иоанн учил так же, как они, то не стали бы и говорить об открытии ими нового догмата. Между тем, уже сам Иларион пишет, что его учение нигде не встречается. Следовательно, и он сознавал, что у о. Иоанна такого учения нет, и его последователи говорят, что “догматическая истина о том, что имя Божие есть Бог, не была доселе замечена богословами”, а следовательно, по их же признанию, ее не было и у о. Иоанна. И действительно, за двадцать лет, когда те сочинения о. Иоанна, на которых ссылаются имебожники, разошлись в нескольких изданиях и нашли массу читателей, никто, решительно никто не усмотрел в них чего-либо подобного учению имебожников. Правда, буква вырванных ими мест, действительно, как будто говорит за имебожников. Но мало привести несколько отрывочных фраз, а надо рассмотреть их и в связи с ближайшим контекстом, и в связи со всем учением о. Иоанна, чтобы понимать их настоящий смысл. Еще св. Григорий Нисский заметил, что “но *неправильному словоупотреблению*, подобия (изображения) мы называем человеком, но *собственно словом* сим мы называем живое существо”. О. Иоанн, действительно, пишет: “Имя Господа есть Сам Господь”. Но прочтите начало этой выдержки, и видно будет, что понимать слова о. Иоанна так, как их толкуют имебожники, нельзя. “Имя Господа, Богоматери или ангела, или святого *да будет тебе вместо* Самого Господа, Богоматери, ангела или святого; близость слова твоего по твоему сердцу *да будет залогом и показанием близости* к твоему сердцу Самого Господа Бога, Богоматери, ангела или святого”. В этих словах – ключ к пониманию слов дальнейших: “имя Господа Бога есть Сам Господь” и т. д. Если о. Иоанн говорит: “да будет имя вместо Господа”, то уже отсюда следует, что, по его учению, имя не есть Сам Бог, так как если бы имя уже было Господом, то нельзя было бы говорить: “да будет имя *вместо* Самого Господа”, будет как бы заменять Господа. Очевидно, что заменяющее не может быть тождественно с

заменяемым. Затем, о. Иоанн говорит: “пусть будет тебе”. Следовательно, имя может заменять Господа не вообще, а лишь для человека. Каким образом? – “Близость слова твоего по твоему сердцу да будет залогом и показанием близости к твоему сердцу Самого Господа Бога”. “Показанием” – своего рода наглядным изображением, одним из символов Господа и близости Его к сердцу человеческому. И действительно, о. Иоанн постоянно сравнивает и сопоставляет имена Божии с крестом и другими священными символами и прямо называет слова и имена образом или знаком. “Крест и имя Христово не производят чуда, пишет он, когда я не увижу сердечными очами или верю Христа Господа”. “Бог во святых почивает, и в самом имени их, и в самом изображении их”. “Крест Господа чудесно действует, имя Его производит чудеса, иконы Его являются чудотворными”. “Бог чрез все является, особенно чрез образы и знамения, на которых наречено достопоклоняемое имя Его или самый образ Его”. “Молитесь пред иконою Спасителя, как бы пред Ним Самим”. “Чудотворный образ Спасителя – Сам Господь на нем”. “Иконы заменяют для меня самые лица, имена коих они носят”. “Так и о кресте животворящем должно говорить. Где крест или крестное знамение, там Христос и сила Его, и спасение Его, только с верою изображай его, им поклоняйся”. “Крест, погружаемый в воду с молитвою веры, есть как бы Сам Господь животворящий”.

Итак, о. Иоанн о святых иконах и святом кресте говорил то же самое, что и об именах Божиих, говорил, что они суть как бы Бог для нас, ибо они заменяют для нас Бога, но никогда вовсе не говорил, что они и сами по себе суть Бог. “Образ – образ и есть”, пишет он, “а не первообраз”. Если он говорит, что Господь пребывает в имени Своем, то это и значит, что имя не может быть Самим Господом, ибо св. Григорий Нисский говорит: “большое различие быть чем и быть в чем”.

Имебожники учат, что имя Божие присуще ему самому по себе силою творит чудеса. Наоборот, о. Иоанн учит, что имя Божие не совершает чуда и так же, как и крест и святые иконы может служить лишь посредством для благодати Божией, совершающей чудо. “Чтобы маловерное сердце не помыслило, пишет он, что крест или имя Христово чудесно действуют сами по себе, а не Христом (а имебожники так именно и думают), – эти же крест и имя Христово не производят чуда, когда я не увижу сердечными очами или верю Христа Господа и не поверю от всего сердца во все то, что Он совершил нашего ради спасения”. “Где употребляется с верою (в выписках имебожников слово “с верою” опускается) имя Божие, там оно созидает силы”. “Все силы и чудеса совершает Дух Святый”.

Тогда как имебожники мудрствуют, что даже несознательное произношение имени Божия в молитве действенно, о. Иоанн поучает: “Особенно грешны те, которые во время молитвы совсем отклоняются своими мыслями. Они крайне оскорбляют Божество, в которое должна быть вперена наша мысль”. Произнесение имен без сознания и чувства он называет бормотанием. Как бы пророчески осуждая учение имебожников, что молитва есть перечень имен Божиих, он пишет: “Великая разница между безчувственным *перечнем* имен и между сердечным пониманием их: одно от другого отстоит, как небо от земли”.

Имебожники учат, что освящением креста служит написание на нем имени “Иисус Христос”. О. Иоанн учит, что крест освящается “Самим Богом воплощенным, распростершимся на кресте”. Это богомилы, 800 лет назад, учили, что не должно поклоняться кресту, если на нем нет надписи “Иисус Христос”, за что Константинопольский собор 1143 года признал их еретиками и предал анафеме. О. Иоанн

выясняет, что надпись была на особой дощечке и вовсе не составляла существенной принадлежности креста.

Тогда как имебожники учат, что имя Божие своею силою освящает Таинства, о. Иоанн учит, что и при освящении Таинств слова призывания, слова молитвы служат лишь посредством, чрез которое ниспосылается благодать Божия, совершающая Таинства. “Бог Отец, пишет он, чрез наше слово веры во мгновение совершает однажды навсегда предопределенныя чудесныя дела нашего во Христе возродения, освящения, укрепления, духовнаго питания и врачевания”.

Сводя к сопоставлению учения об именах Божиих о. Иоанна и имебожников, мы увидим, говорит г. Троицкий, что отношение между тем и другим учением есть отношение прямой противоположности.

О. Иоанн учит, что имя Божие есть один из символов, образов Бога, но “образ и есть образ, а не первообраз”, не Бог. Имебожники учат, что имя не есть символ, а есть Сам Бог.

О. Иоанн учит, что имя Божие как символ Бога совершенно равно по своему значению другим религиозным символам – св. кресту, крестному знамению, иконам и т. п. Имебожники учат, что св. крест, св. иконы с именем Божиим сравнивать совершенно нельзя.

О. Иоанн учит, что особенное благодатное присутствие Божие в именах Божиих бывает лишь тогда, когда они произносятся с верою. Имебожники – что имена Божии не отделимы от Бога и Он всегда присутствует в них всем существом Своим.

О. Иоанн учит почитать имена Божии не сами по себе, а как образ Божий. Имебожники почитают их сами по себе, как язычники почитали своих идолов, как еврейские раввины – свою Мемру.

О. Иоанн учит, что имена Божий могут быть действительны не своею силою, а лишь посылаемою чрез них силою Божией. Имебожники учат, что имена Божии всегда действительны своею собственною силою.

О. Иоанн учит, что молитва есть возношение ума и сердца к Богу и все слова молитвы могут быть действительны только тогда, когда произносятся с верою и служат посредством для подаяний благодати Божией молящемуся. Имебожники – что молитва есть перечень имен Божиих и сила ея зависит от самых слов, в особенности от имен Божиих. Говорят даже, что самая молитва есть Бог.

О. Иоанн учит, что все священные символы, в том числе и имя Божие, освящаются Самим Богом. Имебожники – что все священные символы освящаются именем Божиим.

О. Иоанн учит, что крест Христов достоин поклонения потому, что он изображает Христа и что надпись на кресте сама по себе не достойна поклонения. Имебожники учат, что именно надпись на кресте освящает крест и делает его достойным поклонения.

О. Иоанн приравнивает имена Божии, по их действию, к обрядам. Имебожники – к таинствам.

О. Иоанн учит, что Таинства совершаются Самим Богом, имебожники учат, что Таинства освящаются силою имени Божия; для о. Иоанна имя Божие – это звуковая икона, приводящая нас к Богу; для имебожников – идол, нас от Бога отдаляющий.

Думал ли старец Божий, о. Иоанн, что новоявленные лжеучители извлекут из его творений изречения, на которых будут основывать свое еретическое мудрование? Если бы он был жив, то, несомненно, поступил бы с сими лжеучителями так же, как он поступал с “иоаннитами”: он торжественно, в присутствии многих православных, предавал нераскаянных иоаннитов анафеме. С великою ревностью о Православии, с болью сердца

он обличал сих еретиков, не ожидая на них суда церковного. Можно себе представить, как он отнесся бы к новым сопротивникам власти церковной, дерзавшим предавать анафеме и наш Святейший Синод, и св. Вселенского Патриарха, и всех нас, епископов, обличавших их ересь... Удостоенный высокой чести сам быть членом Святейшего Синода, вот что писал он о сем высшем правительствующем церковном учреждении:

“Чрез Святейший Синод от Самого Господа исходит освящение на всю Россию чрез избрание, наречение и посвящение епископами священнослужителей и церковнослужителей: священнодействуются все службы и Таинства церковныя; совершается духовное управление верующими как членами духовного благодатного царства Христова, непрестанно возвещается слово Божие. Святейший Синод и все паство руководствуют верных к соединению с Богом и к вечной жизни, восстанавливая разумные и словесные образы и подобия Божии и возводя их на небо”...

Увы! Таково свойство грешного сердца человеческого, зараженного гордынею ереси, что если бы даже встал теперь из могилы о. Иоанн и стал обличать новых евномиан, то и тогда они не поверили бы ему: ведь давно сказано Господом: *еще и от мертвых кто встанет – не имут веры*! Ведь так и было с древними почитателями Мемры (ветхозаветными имебожниками), книжниками и фарисеями: возможно ли, нужно ли было доказательство Божественности Иисуса Христа лучше воскресения Лазаря? Пред тысячною толпою собравшагося на праздник Пасхи народа встает мертвец из гроба, уже смердящий, встает по слову Господа: как бы не поверить? Но что они говорят? – *Совещаяи и Лазаря да убьют...* Вот до чего может дойти ожесточение злой воли человека, отдавашагося сопротивлению истине! Мы видим это постоянно, как закон, на тех, которые отпадают от Церкви; мы видим и на имебожниках: они не боятся отпадения от Церкви, они осуждают и Синод, и патриархов, и епископов, предают их анафеме; клеветают на них, готовы лишиться Божественных Таин Христовых, выдумывают “причащение именем Иисусовым”... Только бы не подчинить своего мышления голосу Церкви, только бы настоять на своем мудровании!.. И в слепоте своей не видят, в какую пропасть погибельную идут...

А о. Иоанн и из могилы является обличителем их лжеучения во всех своих творениях...

Я использовал труд моего почтенного сотрудника по обличению, С. В. Троицкого. Его книга – отличное пособие для пастырей Церкви в борьбе с новою ересью. Ее прочтут люди образованные с великою пользою; для людей более простых, неспециалистов в догматике, я делаю эти извлечения с его разрешения.

Плоды гордыни: ложь и клевета

Имебожники не успокаиваются. Во что бы то ни стало они добиваются, чтоб их учение было признано православным, а сами они – мучениками за Православие, мы же, представители Церкви, т. е. Вселенский Патриарх и наш Святейший

Синод – просто-запросто еретиками и гонителями сих мучеников. Ложь, клевета, вымыслы – все пускается в ход, все средства хороши, лишь бы достигнуть цели. К сожалению, и среди нашей интеллигенции находятся младенцы в понимании дела, которые им покровительствуют, а в среде отшатнувшихся от Церкви в ереси издателей, постоянных ругателей иерархии, нашелся и орган, с удовольствием взявший на себя печатать все лжи и клеветы этих несчастных людей.

Газета “Гроза” в № 611, от 2 февраля, поместила статью неизвестного автора, подписавшагося “Очевидец”, полную лжи и клевет против меня и моих сотрудников по афонскому делу, а кто-то разослал эту статью многим членам Государственного Совета и Государственной Думы. Так как автор позволил себе в самом начале статьи заявить, что он “свидетельствует пред лицом Всеведущаго и Вездесущаго Господа”, что все изложенное в его статье “есть истина, и какой-либо лжи, даже малейшей, он тщательно старался не допустить”, и будто бы “нигде, ни на йоту не отступил от точнаго изложения святоотеческаго учения об имени Божиим”, то долгом почитаю показать, что статья эта совершенно искажает церковное учение об именах Божиих в духе имебожнической ереси, а в изложении событий переполнена ложью и клеветами. И таким образом автор ея есть не только клеветник, лжец, но и клятвопреступник, свидетельствующий пред лицом Божиим ложь за истину и ересь за учение православное. Утверждая, что святые отцы Церкви Афанасий Великий, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Кирилл Иерусалимский, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама, Феофилакт Болгарский, Тихон Задонский и прочие св. отцы (автор тщательно умолчал о св. Григории Нисском, специально писавшем против Евномия об именах Божиих) держались в учении об именах Божиих ереси имебожников, он клеветает и на них, и на наш Святейшего Синод, и на двух Вселенских Патриархов, и только еретичествующих главарей имебожной ереси считает православными.

Я не стану здесь подробно излагать православное учение святых отцев, им оклеветанных: кто хочет познакомиться с сим учением, тот пусть прочитает книгу г. Троицкаго “Об именах Божиих” и в моей книжке “Имебожники”, которая вышла на днях. Я только отмечаю здесь страшную дерзость имебожника-автора, клятвою заверяющего малосведущих в святоотеческой литературе читателей, будто святые отцы на стороне новых евномиан, а церковная власть, два Вселенских Патриарха, наш Святейший Синод и Антиохийский патриарх, имевший случай мне лично назвать учение имебожников “ересью”, все заблуждаются, впали в какую-то новую “имеборную ересь”... До такой дерзости, до такого оскорбления имени Божия в лжесвидетельстве никто, кажется, еще не доходил! Кто он, сей якобы “Очевидец”, тщательно укрывающийся под псевдонимом и бросающий обвинения в ереси на церковную власть и клеветы на святых отцев и учителей Церкви в искажении их подлиннаго учения?..

Но попытаюсь перечислить лжи и клеветы “Очевидца”, коими он наполнил свою статью. Буду перечислять их в порядке самой статьи.

1) Ложь, будто я где-то когда-то называл простецов-инок "мужиками-лапотниками": никогда этого не было, а за кого другого я не отвечаю.

2) Ложь, будто Алексей Киреевский, Хрисанф и другие православные иноки распространяли учение, несогласное с учением святоотеческим: Алексей Киреевский и Феофан, кандидат Киевской духовной академии, за защиту православного учения против имебожников награждены даже от Святейшаго Синода золотыми крестами.

3) Ложь, будто кто-то употреблял все усилия, чтобы помешать имебожникам и заставить их прекратить изучение святых отцев.

4) Клевета, будто все, производившие исследование афонских событий, вначале относились благосклонно к имебожникам, а после неких тайных переговоров с главарями имеборцев (властями Пантелеимонова монастыря) быстро поменяли к ним свое отношение": по крайней мере, мое отношение к имебожной ереси, как пишет и "Очевидец" из "Грозы", определилось задолго раньше моего прибытия на Афон, ибо меня ждали там "как решительного сторонника имеборцев", – значит, на меня-то уж не смеют возводить такой клеветы. Кстати: что это за намек? Уж не взятки ли давал "исследователям" достопочтеннейший отец архимандрит Мисаил?.. Говорите откровеннее, господа имебожники!

5) Ложь, будто я хвалился, что приехал на Святую Гору "искоренять имеславцев": я должен был, во исполнение возложенного на меня Святейшим Синодом, по Высочайшему повелению, поручения, вразумлять заблудших и указать им на ту опасность, какая им угрожала – в случае упорства в ереси – отлучение от Церкви, и только.

6) Ложь, будто я говорил такую нелепость: "Мы молодых пожем, а стариков разошлем по монастырям, а священнослужителей расстрижем", – на какую способны только еретичествующие враги Церкви!

7) Ложь, будто в моей брошюре "Великое искушение около имени Божия" есть богохульство: брошюра эта есть доклад мой Святейшему Синоду, ужели же Святейший Синод потерпел бы богохульство в докладе своего сочлена? Ужели позволил бы напечатать этот доклад? Ведь такое обвинение меня в богохульстве есть обвинение и Святейшаго Синода в том же страшном преступлении! Я хотел в новом издании своей брошюры опустить соблазненное имебожников место, но они упорно повторяют и в позднейших своих писаниях ту же на меня клевету, несмотря на мое обличение в ней, а посему пришлось опять поместить пререкаемое примечание, но уже с отметкою, что сам началовождь имебожников Антоний-Александр Булатович ссылается на ту же богохульную жидовскую легенду, из коей я привел выдержку, но ссылается уже как на авторитет...

8) Ложь, будто кто-то стал требовать мои брошюры обратно, будто игумен Мисаил давал по 50 к. и даже по 1 рублю за экземпляр, может быть, сами имебожники это и делали, но ни я, ни игумен и не думали о сем. Я даже очень жалел, что мало привез этих брошюр.

9) Ложь, будто капитан "Донца", почтенный З. А. Шипулинский, просил Варахию передать монахам, чтобы они не давали матросам моей брошюры, а матросы говорили монахам, будто приказано собрать эти брошюры, "связать их в связку и, привязав к ним большой камень, бросить в море". Было как раз наоборот: капитан оберегал матросов не от моих, а от еретических брошюр имебожников. Да и не глупо ли бросать брошюры с камнем в море, когда проще было их сжечь?!

10) Ложь, будто и о. Питирим, сам распространявший очень усердно – спасибо ему! – мои брошюры, уничтожал их.

11) Ложь, клевета, будто я повычеркнул имена Божии из акафистов, которые были у матросов.

12) Клевета непростительная и на матросов, будто они называли меня “богохульником”, будто рассказывали и “ругали меня, говоря: какой он архиерей, когда он кушает Петровским постом курятину и поросятину”: ничего подобного не могло и быть, по той простой причине, что я всегда обедал открыто, на глазах всех матросов, ибо общая каюта-столовая окнами выходила на палубу, всякий мог видеть все, что подается; да и всякому матросу было хорошо известно, что для меня каждый день старались достать рыбу, а имебожники первые дни даже отказывали мне в рыбе, причем, консул вынужден был пригрозить реквизицией, если станут отказывать мне в рыбе. Какою же дерзкою клеветою отзываются эти строки: “Русские-де люди, соблазнившись и возмутившись этим, всячески поносили его!” Милостию Божией, могу свидетельствовать, что матросы, как истинно русские православные люди, относились ко мне с должным уважением, готовы были на всякия услуги, слушали мои беседы с большим вниманием и каждый раз после утренней и вечерней молитвы принимали от меня общее благословение.

13) Ложь и злостная клевета, будто я говорил, что “Иисус – не Бог и Господь – не Бог, что кто будет уповать на имя Божие, те все в заблуждении; будто я говорил, что “Евангелие писали жида” и все те нелепости, какая мне приписаны в статье лживаго клеветника “Грозы”. Ни на минуту не думаю, чтобы кто-нибудь из людей благоразумных мог поверить сим нелепостям.

14) Ложь, будто я, требуя себе облачения, для чего нужно было отворить ризницу, на самом деле желал захватить монастырские документы и ограбить ризницу. Если документы ограблены, то почему доселе о них никому не заявлено? Если они были мне нужны, то почему и как они доселе спокойно хранятся в той же ризнице, если только после моего отъезда не убраны куда-либо подальше? Кто “ограбил ризницу”, можно догадываться потому, что в Одессе у имебожников отобрана масса книг, икон и облачений, принадлежавших Пантелеимоновскому монастырю и Андреевскому скиту.

15) Ложь, будто я не собирался служить: я не служил по совету консула, которому стало известно, что имебожники готовятся произвести в церкви беспорядки при моем служении, притом же имебожники дважды в эту ночь, проведенную мною в монастыре без сна, бросали камни в солдат.

16) Ложь, будто, при удалении из монастыря бунтующих имебожников, было до ста человек ранено и даже четверо убито: о числе поцарапанных досками, коими они защищались, может дать точныя сведения врач “Донца”, перевязывавший их раны. Перевязки эти, по его словам, при отбытии парохода “Херсон” почти все были уже сняты.

17) Нелепости рассказывает какой-то “иеросхимонах Николай Иваниов (?)”, будто “мертвых таскали в просфорню и там складали убитых”.

18) Ложь, будто вся остальная братия хотела идти на пароход.

19) Ложь, будто я дважды ездил к Патриарху и просил его предать немедленно анафеме еретиков. Я был на обратном пути у Патриарха только однажды и доложил подробности всего, что произошло на Святой Горе; первосвятитель остался доволен моим докладом и предложил мне прислать ему списки наиболее ожесточенных в ереси вождей смуты, что мною и исполнено.

Вот сколько лжи заметил я, читая наскоро статью неведомаго “Очевидца!” Но это не значит, что я исчерпал всю ложь этой статьи: пусть те, кого ближе касается эта ложь, сами ее и опровергнут или же привлекут лжеца к ответственности. Думаю, что гг. Шебунин, Шипулинский, Серафимов и другие не оставят эту пасквильную статью без ответа. От себя скажу еще, что несчастные имебожники, запутавшись в своих мудрованиях, присылают в Святейший Синод прошения, в коих уверяют, что все обвинения их в ереси не имеют основания, что они были и есть послушныя чада Церкви, повинуются Святейшему Синоду и Патриарху, но не могут принять учения, изложеннаго в посланиях нашего Святейшего Синода и Патриарха, как учения, несогласнаго с учением Церкви. Выходит, что и Святейший Синод, и Вселенский Патриарх впали в ересь, по их мнению, а все-таки просители остаются им послушными... Что тут поймешь? Очевидно, сами не ведают, что пишут, о чем просят... В последнем, например, прошении они просят Святейший Синод выдать им свидетельства на право собирать милостыню, ибо им нечем питаться, негде жить. Не говорю уже о нелепости такой просьбы: да разве кающимся заблудшим закрыты двери святых русских обителей?.. А еретикам, понятно, не будет места ни на Афоне, ни в русских монастырях, ибо никогда не бывало такого устава, чтобы в православной обители жил еретик.

Казалось бы: не проще ли раскаяться, бросить ересь, осужденную еще на Втором Вселенском Соборе, и смириться, возвратиться в недра родной матери Церкви, поселившись в той или другой обители? Увы! Гордыня поработает несчастных и заражает их противлением святой Церкви.

Умеем ли мы молиться Богу?

Что есть молитва в духовной жизни христианина? В сущности, она есть дыхание души, живущей с Богом, постоянное возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом к Богу, – или гласно, или же внутренне, сердечно.

Умеем ли мы “дышать молитвою”, возносить свое сердце, свой ум к Богу так, как подобает, как научил нас Господь, как учат святые угодники Божии? Умеем ли мы молиться?

Как ни скорбно, но должно сказать, что мы, нынешние христиане, или разучились, или вовсе не научились молиться. И не потому ли, что мы в молитве уходим от Бога, сердцем далеке отстоим от Него, гаснет в нас и жизнь духовная, и многие из нас даже понятия не имеют о том, что такое есть сия жизнь духовная, и мы живем только жизнью плоти и души, вовсе забывая, что в нас есть еще дух, существенно отличающий нас от других живых существ, духа не имущих?.. Не потому ли так быстро прививаются к нам такие учения, как дарвинизм, производящий человека от обезьяны? В самом деле, если человек вовсе не ощущает в себе начал духовной жизни, жизни духа, то он живет жизнью только животную, душевною, с миром духа не соприкасается, дух в нем как бы замер, не дышит, и ему становится как бы естественно уже и ощущать себя – только животным, а остаток неизгладимаго в нем образа Божия, последние следы его всячески стирать, под давлением греховных страстей, заглушая голос совести хитросплетаемыми софизмами лженаук естественных... Человек постепенно погружается опять в ту тьму богозабвения, в какой он находился несколько тысяч лет до Рождества Христа Спасителя и уподобляется снова скотам несмысленным.

Молитва есть великий дар Божий, но подается он только тому, кто за ним простирает к Богу руки, кто идет к Богу с произволением молиться. Являем ли должное произволение, стремимся ли мы к Отцу Небесному, яко елень к источникам водным, ищет ли, просит ли наше сердце молитвы?

Не умеем мы, разучились мы молиться, но – слава Богу: есть среди нас еще жаждущие молитвы, взывающие к Богу сердцем: Господи, научи нас молиться! На мой дневник, под заглавием “Нечто о молитве и смиреномудрии”, получил я от читателей новые письма с вопросами и недоумениями, показывающими, какие мы младенцы в делании молитвы. Настало время святого поста и покаяния; без молитвы невозможно покаяние: побеседуем же о молитве в ответ на письма моих читателей, в коих слышатся запросы духовной жизни.

“Вы пишете, владыко, – говорит один из моих читателей, – что отнюдь не следует своей фантазии позволять представлять себе того, кому молишься. Простите, я не понимаю вашего указания. Отец Иоанн Кронштадтский сказал: “В молитве с Отцом Небесным живо представляй Его стоящим пред тобою и с любовью внимающим каждому твоему слову”. К чему же нам тогда образа, которые служат нам для нашего настроения и представления того, к кому обращена наша молитва: ведь не самой же доске мы молимся. Да как же не воображать и не ощущать при молитве Господа Бога нашего? Он – вездесущий”.

Надо быть осторожным, чтоб не смешивать слов и понятий между собою сходных, но не тождественных. “Живо представлять” еще не значит: “рисовать в воображении”. В дневниках отцу Иоанна везде, где говорится о таком представлении, разумеется стояние

благоговейною мыслию пред вездесущим, всевидящим и всеведущим Богом и святыми Его, когда человек сознает себя в присутствии незримого существа, как бы ощущает сие присутствие, не допускает и мысли о том, чтоб оно его не слышало, – тем не менее – не дерзает вторгаться своим грубым воображением в область незримого мира и сохраняет ум свой “безвидным”, по выражению святых подвижников. На вопрос моего читателя относительно значения святых икон полстолетия тому назад ответил покойный автор “Аскетических опытов”, известный подвижник епископ Игнатий Брянчанинов: “Святые иконы, – пишет он, – приняты святою Церковью для возбуждения благочестивых воспоминаний и ощущений, а отнюдь не для возбуждения мечтательности. Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы перед Самим Господом Иисусом Христом, невидимо вездесущим и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится; стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самою Пресвятою Девою, но ум твой храни безвидным: величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу, или – воображать Господа. Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе, – душу приводит в ложное состояние – состояние самообольщения”.

Вот что говорит муж высокого опыта духовного и говорит не от себя, хотя мы не сомневаемся, что и сам он на опыте все это изведal, – но говорит на основании опыта и писаний святых и богоносных отцев. “Самый опасный, неправильный образ молитвы, – пишет он в другом месте, – заключается в том, когда молящийся сочиняет мечтательныя картины (а начинается это именно с мечтательного воображения Господа и святых Его), заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же, из своего состояния падения и самообольщения; этими картинами льстит своему самомнению, своему падению, своей греховности, обманывает себя. Очевидно, что все, сочиняемое мечтательностию нашей падшей природы, не существует на самом деле, есть вымысел и ложь, столь сродные и свойственные падшему ангелу. Мечтатель с первого шага на пути молитвенном исходит из области истины, входит в область лжи, страстей, греха, сатаны. Святой Симеон Новый Богослов описывает молитву мечтателя и плоды ея так: “Он воздымает к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем Божественныя совещания, небесныя блага, чины святых ангелов, селения святых, короче, собирает все, что слышал в Божественном Писании, в воображении своем, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо и всем этим возбуждает душу свою к божественному желанию и любви; иногда проливает слезы и плачет. Таким образом, мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтобы сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это – признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не сойти с ума и не сделаться сумасшедшим. Если же и не случится с ним этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовного разума и добродетели или безстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония обонянием своим, слышавшие гласы ушами своими. Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место; другие приняли беса, преобразившагося во ангела светлаго, прельстились и пребыли неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от кого из братии; иные из них, подучаемые диаволом, убили сами себя; иные низверглись в пропасти, иные удавились... Вот какой вред происходит от этого образа молитвы”, – заключает св. Симеон.

Вот что значит давать волю своему воображению во время молитвы, скажем и мы.

Достоин внимания вот что: в нашей Православной Церкви, милостию Божией, еще хранится Священное Предание о том, как творить Богу угодную и спасительную молитву; а отпадшей от единения с нею Церковью Западной, латинской, по-видимому, оно совсем утрачено и подменено мечтательною молитвою и состоянием прелести, как это видно из жизнеописаний всех западных святых после отпадения Запада от Востока. Прочтите, например, сказания о жизни Франциска Ассизска-го: там сплошь – все состояния прелести, принимаемые и самим Франциском, и его почитателями за состояния благодатныя. Это отобразилось даже в религиозном искусстве: в то время как православная икона, особенно написанная в духе древних преданий церковных, не увлекает воображение в область мечтательного натурализма: эти тонкие линии, прямые черты, высокие темные фигуры, как бы только условно напоминающие живых людей, почти не способны увлечь воображение, разжечь фантазию, – живопись латинская пленяет красотой внешних, телесных форм и быстро овладевает воображением, способствуя тем мечтательной молитве. Это, конечно, отображается и в литературе, особенно духовной, в латинской церкви. Даже такая уважаемая у нас книга, как “Подражание Христу” Фомы Кемпийского, по отзыву опытных в духовной жизни писателей наших, каков Затворник епископ Феофан, написаны из “мнения”, то есть в состоянии мечтательности, близкой к состоянию прелести.

В житиях святых можно видеть много примеров погибельного состояния прелести от неправильной молитвы, встречаются они и теперь как в монастырях, так и среди мирян. Епископ Игнатий Брянчанинов приводит такие же примеры из современной жизни. Он рассказывает об одном чиновнике, который при молитве постоянно видел свет от икон, слышал благоухание, чувствовал во рту необыкновенную сладость и т. д. Когда этот молитвенник рассказал об этом монаху, то монах спросил его: “Не приходила ли вам мысль убить себя?” – “Как же, – отвечал чиновник, – я уже был кинувшись в Фонтанку, да меня вытащили”. Оказалось, что чиновник употреблял упомянутый способ молитвы, разгорячал свое воображение и кровь, причем, человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию, действие, и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Монах стал уговаривать чиновника, чтобы он оставил употребляемый им способ молитвы. С ожесточением воспротивился чиновник совету его. “Как мне отказаться от явной благодати?”, – говорил он. Когда чиновник ушел, я, пишет Преосвященный Игнатий, спросил монаха: с чего пришла ему мысль спросить чиновника о помысле самоубийства? Монах отвечал: “Как среди плача по Богу приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих, так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовскою прелестью, приходят минуты, в которые эта прелесть как бы разоблачается и дает вкусить себя так, как она есть. Эти минуты ужасны! Горесть их и производимое этою горестию отчаяние – невыносимы! По этому состоянию, в которое приводит прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Но увы! Начало прелести – гордость, и плод ее – преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя причастником Божественной благодати, почти всегда презирает совет ближних, как это заметил святой Симеон”.

Рассказывает также епископ Игнатий об одном афонском иеросхимонахе, которого он просил научить его молитве. “Иеросхимонах немедленно согласился быть моим

наставником, говорит он, и – о ужас! с величайшим разгорячением начал мне передавать способ восторженной мечтательной молитвы. Вижу: у него разгорячены и кровь, и воображение, – он в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине учащагося, предлагать ему учение святых отцов о молитве, указывая его в “Добротолубии” и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вовсе незнаком с учением святых отцов о молитве. В беседе говорю ему: “Смотри, старец: будешь жить в Петербурге, никак не квартируй в верхнем этаже, квартируй непременно в нижнем”. – “Отчего так? “ – спросил афонец. – “Оттого, – отвечал я, – что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга на Афон и они понесут тебя из верхняго окна да уронят, то убьешься до смерти; если же понесут из нижняго, то только ушибешься”. – “Представь себе, – отвечал афонец, – сколь уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!” Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает нищи и чувствует в теле такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. Я стал просить афонца, чтоб он испытал способ, преподанный святыми отцами, заключающийся в том, чтобы ум во время молитвы был совершенно чужд всякаго мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению св. Иоанна Лествичника, в слова молитвы, причем сердце обыкновенно сочувствует уму душеспасительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк подвижник: “Ум, неразвлеченно молящийся, утесняет сердце; сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит”. “Когда же ты испытываешь над собою, – сказал я афонцу, – то и мне сообщи о плоде опыта, потому что самому мне предпринять такой опыт неудобно по развлеченной жизни, мною проводимой”. – Афонец с охотой согласился. Через несколько дней приходит он опять ко мне и говорит: “Что ты со мною сделал?” – “А что? “ – “Да как я попробовал молиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и уже не могу возвратиться к ним”. Далее в беседе с афонцем я не увидел той самонадеянности и дерзости, которая были заметны в нем при первом свидании. Я посоветовал ему не отличаться наружностью от других, потому что это ведет к высокоумию, и он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он еще раз был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он нуждается уже в теплой одежде и гораздо более спит. Испытание таким образом кончилось”.

Случалось и мне встречать примеры такой прелести среди самочинных подвижников неправильной молитвы. Лет двадцать пять тому назад, в Троицкой Сергиевой Лавре был послушник, слепец от рождения, звонарь по послушанию. Он и жил на колокольне, под колоколами. Ходил он ко всем службам исправно. Жил крайне воздержанно, утрени никогда не просыпал, словом – был усердным послушником. Однажды он открылся духовнику, что “видит все, что совершается в монашеских кельях по ночам”. “Как же ты видишь, когда ты слеп и притом живешь на колокольне?” – спросил духовник. – “Сижу в келье, – говорит послушник, – и брожу мыслию по кельям и вижу, кто что делает”. – “А как ты молитву творишь в келье? Какое исполняешь правило?” – “Кладу каждую ночь по тысяче поклонов”, – отвечал тот и рассказал способ молитвы мечтательной. Тогда старец строго запретил ему творить поклоны самочинно, разъяснил опасность того способа, какой он употреблял, и дал заповедь: творить не больше десятка поклонов сверх положеннаго ему от духовника правила. Прошла неделя какая-нибудь, и послушник является к духовнику. “Отче, – говорит, – что со мною случилось? Я уже не вижу ничего, что

по кельям монахи делают, я не могу себя принудить положить те поклоны, какие ты заповедал”. Так закончилось искушение сего брата. Но не всегда кончается дело так благополучно. Иные и с ума сходят, и видения видят, и самоубийством кончают...

Вот почему следует строго держаться правила молитвы, которое епископ Игнатий выражает такими словами:

“Ум во время молитвы должно иметь и со всею тщательностию сохранять безвидным, отвергая все образы, рисующиеся в способности воображения, потому что ум в молитве предстоит невидимому Богу, Которого невозможно представить никаким вещественным образом. Образы, если их допустит ум в молитве, соделаются непроницаемою завесою, стеною между умом и Богом”. – “Те, которые в молитвах своих не видят ничего, видят Бога”, – сказал преподобный Мелетий Исповедник.

“Самый простой закон для молитвы, – пишет святитель Затворник Феофан, – ничего не воображать, а, собравшись умом в сердце, встать в убеждение, что Бог близ, что Он видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благоснисхождении к нам”.

О слезах спасительных и опасных

Мой добрый читатель пишет мне: “Вы говорите: Не должно гоняться за умильными слезами при молитве”. Да ведь когда раскрываешь свою грешную душу на молитве пред Вседержителем, слеза умиления невольно изойдет. В чем же тут опасность для человека? Зачем же думать, что если я прослезился при молитве, то молитва стала не угодна Богу? Нужно сознавать свою духовную немощь: это-то и может вызвать у сокрушенного сердца покаянную слезу и сознание своей греховности. Какая же будет молитва, когда я, не настроив себя молитвенно, не смогу вообразить, что я стою пред Господом, Которого только по греховности моей не могу видеть, но Он видит меня и душу мою”...

Не знаю, что смущает писавшего сии строки. Ведь большая разница сказать “гоняться за умильными слезами”, то есть искусственно как бы выжимать их из своих очей, и сказать: “Слеза умиления *невольно* изойдет”. В последнем случае, конечно, нет опасности, если при такой слезе человек скажет себе: “Вот как непостоянно мое молитвенное настроение: сейчас будто слезинка капнула из грешных очей, а час назад полонили и через час потом опять заполонят грешные мысли мою душу... Минутное, только минутное движение сердечного чувства – как же я духовно немощен, грешен, непостоянен!”... Да, при *таком* настроении сокрушенного сердца – пусть льются эти сладкие “невольные” слезы! Блаженны такие плачущие! Хорошо и то, если грешник при том “стоит пред Господом”, – стоит, но не воображает, не рисует себе в фантазии Его лик, Его образ. Вот этого воображения, как я писал в предыдущем дневнике моем, надо остерегаться. И смущаться тем, что говорят святые отцы, а согласно с их благодатным словом и мы, грешные пастыри Церкви, никому не подобает. Если не все понятно – надо смиряться, а не смущаться, ибо смущение святые отцы называют “вражескою колесницей”. Оно свидетельствует о недостатке смирения в душе смущающегося: смиренный, говорят святые отцы, не смутится, если и небо упадет на землю...

Теперь о слезах. Всякия бывают слезы. Бывают слезы благодатныя: это роса благодати Божией, на смиренное сердце сходящая. Само собою понятно, что это – слезы спасительныя. Кто познал свою нищету духовную, кто видит пред собою грехи свои, тот не может не плакать над сим духовным мертвецом своим. Такими слезами плакал Адам у дверей потерянного рая; такими слезами плакал Давид, орошая по ночам постель свою слезами своими; такими слезами плакала блудница у ног Христовых и Петр после минутного отречения от Христа Спасителя в ночь спасительных страданий Господних... Такими слезами оплакивали свои грехи все грешники кающиеся, в покаянии к Богу обращающиеся. О, если бы Господь послал и нам эти слезы-жемчужины, собираемые нашими Ангелами-хранителями и приносимые к Престолу Божию, как благоуханный фимиам, как чистая жертва любви к Тому, Кто не только слезы, но и кровь Свою пролил за спасение наше! И были такие рабы Божии, которые всю жизнь проводили в таких слезах покаяния, которые говорили себе: пред тобою лежит мертвец – душа твоя, умерщвленная грехами, она дороже для тебя всего мира: как же не плакать о ней? И плакали, и одному из таких плачущих явился Сам Господь в сонном видении и сказал: “О чем ты плачешь и скорбишь?” – “Как же мне не плакать, Господи, – отвечал он, – когда я столько оскорбил Тебя?” Тогда Спаситель положил руку Свою на сердце его и сказал: “Не скорби; поелику ты сам оскорбил себя, за это Я не оскорблю тебя. Ради тебя Я кровь Мою

пролил, а потому и помилую тебя, как всякую душу кающуюся”. Но эти слезы – дар Божий душе кающейся, дар от Того, от Кого всякое даяние благое, Кто дает и молитву молящемуся, и покаяние ищущему истинного покаяния. Никогда смиренный сердцем и не припишет таких слез своему настроению, никогда не станет ставить их себе в какую-либо заслугу, он просто не будет и думать о том, что он плачет, так же, как не думает о том, что он воздухом дышит. Послал Бог слезинку – поблагодари Его мысленно за сие утешение; не посылает – благодари Его паки за Его благое промышленное, ибо, по словам преподобного Иоанна Лествичника, есть и богоугодный плач, “с которым часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия”, конечно, тонкаго, для неопытных в духовной жизни неприметного, но тем не менее душевредного и опасного. У сего великаго учителя покаяния, в его Богом вдохновенной “Лествице”, есть большое слово, состоящее из 70 глав, в которых он подробно говорит о плаче во всех его видах. Между прочим, он пишет: “Благий и праведный наш Судия, как во всем, так, без сомнения, и в плаче судит по мере сил естества: ибо я видел, что иные источают малые слезные капли, как капли крови, а другие без труда проливают целые источники слез. Но я судил о труждающихся более по труду, а не по слезам. Думаю, что и Бог так же судит”. Преподобный Иоанн называет покаянный плач матерью добродетелей, но тут же говорит: “Велика злоба врагов наших, так что они матерей добродетелей делают матерями зол и средства к достижению смирения превращают в источник гордыни. Я видел, что у некоторых и в городах, и среди молвы возбуждаются слезы. Это бывает по злоумышлению лукавых бесов, чтобы мы подумали, будто никакого вреда не получаем от этой молвы, и чтобы сближались с миром”. Конечно, тут речь у св. отца о монахах, но опасность есть и для мирян: “Сие на опыте узнаем, говорит он, когда увидим, что плачем и в то же время предаемся гневливости”. Вот почему и должно остерегаться слез, искусственно в себе возбуждаемых: не самые слезы приятны Богу, а наше покаянное настроение, наше сердце сокрушенное и смиренное, которое Он никогда не отринет. “Не верь слезам твоим, – говорит св. Лествичник, – прежде совершенного очищения от страстей: ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила заключено в сосуд”. “Не выжимай из себя искусственно слез”, – писал некогда святитель Филарет своему другу архимандриту Антонию.

Такие слезы могут привести к самообольщению. Глубоко сердце человеческое, говорит Священное Писание, и незаметно подкрадывается к нему враг и окрадывает его. Всегда есть опасность принять явления простой слабонервности за благо датные слезы: так лучше, безопаснее принять иногда и благодатную слезу умиления, считая себя недостойным такого прикосновения благодати, за слезу естественную, чем наоборот. А главное: побольше смотреть на грехи свои, не мерять себя, не думать о том, до какой степени ты дошел в духовном устроении, а задняя забывая, в передняя простираться, свое сердце очищая от тех мерзостей, какая въелись в него, как ржавчина в железо, и помнить, что в очах Божиих кающийся грешник-мытарь неизмеримо выше самодовольнаго праведника-фарисея, любующагося на свои мнимые совершенства. Если бы и было что у тебя доброе, то поскорее постарайся забыть это, а тем более, что и это ведь не твое, а все Божие, от Бога, Богом же через тебя соделанное. Богу и предоставь помнить это, а смотри на свои грехи, вот это – твое, твоя собственность, от которой надо всячески отделаться. Ведь если иметь храбрость, не давая воли своему самооправданию, взглянуть в лицо всем безобразным формам своих беззаконий, то какая печальная картина представится перед тобою! До того ли будет, чтоб любоваться теми ничтожными искорками добра, вроде

слезинки умиления во время молитвы? До того ли, чтоб замечать грехи твоего ближнего? Самая мысль о чужих грехах будет противна тебе, как о чужом тяжком бремени, когда у тебя нет сил нести свою тяжелую ношу! А чтобы такое настроение было прочнее, молись Господу: даруй ми зрети моя прегрешения и покрой от очей моих лукавых грехи братьев моих! Чаше беседуй с отцом твоим духовным, старайся достигнуть такой степени самоосуждения, чтоб последний злодей, влекомый на казнь, казался тебе святым в сравнении с тобою. Углубляй в себе, как говорит святитель Феофан Затворник, чувство и убеждение в своем непотребстве и безответственности пред Богом. Когда почувствуешь себя проникнутым таким убеждением, как бы растерзанным в сознании своего беззакония, тогда поймешь, что такое раскаяние. Раскаяние настойчиво потребует от тебя очищения совести спасительным Таинством покаяния и исповеди. “Искреннее сокрушение Бог подает, – говорит епископ Феофан, – и молить Его надобно о сем всеусердно, не переставая однако же и своими усилиями вызывать сокрушительныя чувства. *Устыди* себя пред людьми, ангелами и святыми, *подосади* на себя за оплошность, *поскорби* за себя ради потерь, причиненных грехом, поболей, что оскорбил Бога, не престававшего изливать на тебя Свои милости и тогда, когда ты работал греху, *устраши* себя горькою участию, ожидающею тебя в будущем, и тогда – поплачь обо всем, если Бог подаст слезы. Сокрушение слагается из всех этих чувств, из коих каждое, в настоящей силе, то же для сердца, что удар молота для камня. Сокрушился? Благо тебе, но надобно же подумать и о том, чтоб поправить свое горькое состояние. Это производится решимостию – не ходить более теми путями, которые довели до него. Все тут в двух словах: *согрешил, не буду*. Но во всех видах раскаяния надо доходить до причин уклонения от правоты и придумывать: как чего избежать вперед, чтобы, когда будет произноситься: “согрешил, не буду”, ясно было, что и как будет делаться потом.

Вот истинный путь к покаянным слезам! Но опять скажу: все дело, вся цель деяния сего – не в стяжании собственно слез, а в покаянном настроении, в сокрушении кающегося сердца. А слезы суть лишь проявление сего сокрушения. Пошлет Бог сей сладостный источник – слава и благодарение Ему, прими рукою смирения, а не пошлет – укори себя, яко недостойного, за черствость сердца твоего, и сие самоукорение Господь примет яко источники слез.

Небесные утешения верующей душе

Много появляется в наше время в духовных журналах разных рассказов с оттенком чудесного: иногда рассказываются и действительные чудеса, когда, например, очевидно проявляется Промысл Божий в спасении погибающего или вразумлении грешника. И когда автор прямо и открыто говорит, что это – не вымысел благочестиво настроенной фантазии, а действительный факт, что если он не называет имен или места происшествия, то это делает лишь потому, что не получил разрешения на такое соглашение и не желает действующих лиц подвергать искушению со стороны праздного любопытства, то, прочитав такой рассказ, перекрестись и скажешь от души: слава Тебе, Господи, что и в наше грешное, маловерное время, Ты, по неизреченной милости, не оставляешь нас явлениями благодати Твоей, и утешаешь знамениями, укрепляющими слабую веру нашу, и зовешь нас ко спасению в недрах матери нашей – Церкви Православной.

Но надо сказать правду: иногда такие рассказы, без всякого отзыва о них самого автора в отношении их действительности, наводят на печальные думы... Что если это – вымысел автора, а не действительный факт? А это нередко бывает в наше время. Хорошо еще, если хотя в основе-то лежит такой факт, в изложении только облеченный в литературную форму рассказа для того, чтобы сильнее произвести впечатление на читателя: с такими рассказами еще можно мириться. Для детей, живущих больше воображением, чем умом, такие рассказы даже полезны в воспитательном отношении. Но если это – с начала до конца – вымысел, то невольно припоминается слово святителя Димитрия Ростовского: “не буди ми лгати на святого”... Рассказывать о том, что могло быть, но было только в воображении автора, не значит ли “лгати” на промысление Божие, лгати, правда, бессознательно, лишь потому, что так делают многие писатели, что это-де – во славу Божию, для воспитания чувства веры и любви – это уж будет рассуждение в духе тех, кто учит, что цель оправдывает средства. Мифы нам не нужны. История Церкви полна фактами столь поучительными, что никакая фантазия сочинителей мифов до них не додумается. Мы живем среди чудес. Много их было в недрах жизни церковной прежде, не оскудевают они и теперь. Ведь и то уже чудо, что мы вот живем, движемся, есмы... Промысл Божий руководит всеми обстоятельствами нашей жизни, и то, что неверующие называют “случаем”, то для нас – дело Божия Промысла. Ведь и самое слово-то “случай” означает только то, что человек не знает причины совершившагося, и только... А отрицать причину он никак не может. Этого не позволяет ему его здравый смысл, не позволяет непреложный закон причинности, постоянно проявляющийся в жизни. И вот верующий, внимательный к своей совести, к путям Божия Провидения, постоянно и видит чудеса как в своей личной жизни, так и в жизни мировой – государственной и общественной, церковной и семейной. Везде видна рука Божия. В смиренном самопредании в водительство Промысла Божия он заботится об одном: как бы, по невниманию или нерадению не опустить повода сделать дело доброе, как бы не ослушаться своей совести, в которой говорит ему его Ангел-хранитель, напоминая заповеди Божии и заветы родной матери-Церкви. Бог все видит и предвидит; всем руководит и всякому готов подать благодатную помощь; Он —

*И птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок, —*

ужели же Он покинет Свое создание разумное, аще и недостойное, но все же по Его образу созданное?.. А стало быть – что же? Позволительно ли предаваться излишнему беспокойству, излишним, часто бесполезным заботам о будущем завтра, когда, может быть, до этого “завтра” еще позовет Господь к Себе?.. Вот об этом призыве надо думать каждый день и час и стоять на страже, как бы не прослушать его! И кто прислушивается к этому зову Божию, – а он слышится в нашей совести каждый раз, как только она напоминает нам заповедь Христову, – тот всегда сердцем чувствует прикосновение ободряющей и подкрепляющей его благодати Божией, силою коей мы и добро-то всякое совершаем. А люди, простые сердцем, неспособные возгордиться, в детской простоте и добро-то творящие, иногда утешаемы бывают и особенным образом от Господа, по реченному у святых отцев, как нежная мать утешает малых детей, так благодать Божия утешает тех, кто в простоте сердца угождает Господу и исполняет заповеди Его.

Раскрыл я свой семинарский журнал за 1869 год и прочитал там давно уже забытый, но, к счастью, тогда же записанный в этом моем юношеском “еженедельном издании” – рукописи – рассказ крестьянина Московской губернии села Никоновского, деревни Софьино П. И. (к сожалению, имя означено только инициалами, а припомнить не могу уже: 45 лет с той поры прошло) следующего утешительного и вместе поучительного содержания.

“Назад тому лет восемь это было, – говорил он, – следовательно, еще в крепостных времена; – у нашего управляющего было человек восемь детей. Родители любили деток со всею нежностью, только ни мать, ни отец почему-то не жаловали самую маленькую дочку Машу, лет двух. Малютка не умела еще ни ходить, ни говорить; мать нередко была ее и называла уродом, потому что у Маши язычок прирос к полости рта. Жаль нам с женою было невинного ребенка; своих детей у нас не было, да и соседи советовали нам взять Машу к себе в дочки. Пошел я тогда к батюшке священнику спросить: что он скажет насчет этого.

Дело-то, ведь важное: лучше сделать его как следует, с Божия благословения.

Батюшка и говорит мне: “Обдумал ли ты, П. И-ч, что хочешь делать? Ведь говорят, она уродец. Смотри, чтобы после не раскаиваться”.

Я сказал батюшке, что жена моя согласна, детей у нас нет. Бог даст – и Маша не будет нам в тягость.

– “Если так, – сказал батюшка, – то – с Богом! Благословляю тебя на доброе дело”.

Тогда я пошел к управляющему, говорю ему: “Отдай нам Машу в дочки”. А он отвечает: “По мне, пожалуй, возьми: она – уродец и не по сердцу мне. И без нея детей у меня много. Поди проси у матери”. А та и очень рада: “Я сама не знаю, – говорит, – почему не люблю Машу; возьми ее, Бог с ней!..”

Я сказал, что прошу дитя не на время, а навсегда, в дочки. А мать говорит: “Возьми, возьми, пожалуйста: я боюсь за себя, чего бы ей не сделала худого”.

В тот же день взяли мы Машу к себе.

Крепко заснул я в ту ночь. И вот вижу во сне, будто лежу я навзничь; вдруг просиял в комнате необыкновенный свет, и летит с неба прекрасный крылатый юноша, точно такой, какими пишут на иконах ангелов Божиих; а в руках у него – дитя, которое он и подал мне. Я взял малютку и – проснулся. А на душе стало так хорошо, что я от умиления заплакал...

На другой день позвали мы священника и отслужили молебен Спасителю.

Во время этого рассказа П. И-ч так был умилен, что в его глазах блистали слезы; и нас он тронул тоже до слез.

– Что же было потом? – спросили мы П. И-ча.

– Потом мы свезли Машу в Москву, там подрезали ей язычок, а месяца чрез два она уже стала говорить, – сказал он.

– А что же мать ея? Ужели ей не жаль было свое дитя отдать в чужую семью? – спросили мы.

– Когда она узнала, что Маша стала говорить, то пригласила нас к себе на чай. В одно воскресенье, после обедни, зашли мы с Машей к ея родителям. Она сидела на стуле как вкопанная и молчала. Мать обратилась к нам с вопросом:

– Как же я слышала, что Маша стала говорить?..

– Она, вероятно, боится вас, – сказали мы. Мать вышла в другую комнату. Маша вдруг оживилась.

– Папаша, – сказала она, обращаясь к отцу, – посмотри, какой хорошенький мальчик!

Она указала на своего братишку, соскочила со стула и бросилась к мальчику. Но тут вошла мать, и Маша со страхом поспешила на свое место и – опять ни слова.

– Если уж так Богу угодно, – грустно сказала мать, – то Бог с нею. Пусть она будет вашею дочерью!

Теперь Маше девять лет, – заключил свой рассказ П. И-че, – она живет с нами: мы ее любим как родную дочь, а она нас – как кровных родителей.

Так утешает Господь добродетельных еще в сей жизни: сколь же велико будет утешение им там, в дому Отца Небесного, вечно блаженной жизни!

Так Промысл Божий одних выводит из тяжелаго, невыносимаго для них положения, а другим подает повод к исполнению спасительной заповеди о любви к ближнему, а вместе и к тому, чтобы еще на земле отведали сладости райских утешений за добродетель.

Расскажу здесь же то, что слышал не так давно от одной почтенной старицы игумении. Поучение рассказа в том, что Господь являет Свое дивное о нас промышление не только Сам, непосредственно, но и чрез святых угодников Своих, пекущихся о нашем духовном преуспении и дивно руководящих чистыми душами.

Часто ходила в их обитель на богомолье одна незнакомая девушка. Удивительно было то, что она почти ежедневно была у заутрени. Но случилось, что она на некоторое время перестала ходить. А затем матушка игумения снова увидела эту богомолицу в храме. И снова девушка участвовала свое утреннее богомоление в обители. Игуменья пожелала узнать: кто она?

Однажды после службы, при выходе из храма, она остановила девушку и говорит ей:

– Вас что-то долго не видно было у нас в церкви, здоровы ли вы были?

– Слава Богу, я не болела, – ответила та, – но меня не пускала матушка моя, все боялась за меня, как бы кто меня не обидел в ранний час на пустых улицах города.

– А теперь пускает?

– Святой великомученик Георгий приказал – и пускает.

– Если можно, скажите, пожалуйста, что это значит?

– А то, что угодник Божий будил меня к утрени, а когда мать мне запретила ходить в церковь в столь раннее время, то он явился ей и пригрозил мечом: “Если не будешь отпускать ее в церковь, то отсеку тебе голову”.

Мать сказала ему: “Святой великомучениче Георгие! Я не хочу препятствовать ей в добром деле, только ночью-то ее обидеть могут”.

– Я – ей защитник и покровитель! – отвечал великомученик. – И мать снова стала меня отпускать спокойно к утрени.

Невольно вспоминается житие преподобного Феодора Сикеота: и его так же в отрочестве будил святой великомученик на молитву в свой храм, и его мать не пускала, и его матери так же являлся и так же пригрозил мечом святой великомученик Георгий.

Достойно замечания, что и в том храме, куда ходила девушка, находится древнее резное изображение великомученика Георгия, попирающего змия.

Слово Божие говорит: “Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки”. Святые Божии “в Бозе почивают”, во Христе и со Христом пребывают, а во Христе и они – “вчера и днесь и во веки”. Они не умирали для Церкви, пребывают в Церкви, яко живые ее члены, внимают молитвам верующих и по вере верующих творят по-прежнему чудеса, как то было во дни оны древние, когда вера верующих была живее и проявлялась в делах веры. Церковь сама в себе пребывает тою же носительницею Божией благодати, какою была от своего основания. Люди меняются, вера в их сердцах слабеет, а благодать пребывает одна и та же. А в чем сердце вера крепка и проста, как у младенца, для того и ныне возможны чудеса, подобные тем, о каких повествуют жития святых.

Жаль, что православные, особенно пастыри Церкви, имея верные сообщения от своих духовных чад о таких знамениях и чудесах нашего времени, прославляя Бога за них, не всегда передают их записям: если нельзя иногда оглашать их теперь же, то, несомненно, впоследствии повествования о них были бы весьма назидательны для будущих поколений...

№ 213

Голос Божий в нашей совести у Гроба Христова (Поучение над плащаницею)

Сия глаголет Господь иудеом: людие Мои, что сотворих – вам?

Или ним вам стужих? Слепуы ваши просветах, прокаженных очистих; мужа, суща на одре, возставих...

Людие Мои, что сотворих вам? И что Ми воздаете?

Глубоко трогательно это печальное церковное песнопение, трогательно и поучительно, возлюбленный чада Церкви Христовой, ныне умом и сердцем предстоящие кресту и гробу Господа Иисуса! Безмолвствовал устами, ни слова не говорил Своим мучителям страждущий Господь наш, претерпевая оплевания, заушения, биения, всякия поношения, умирая позорною смертью на кресте; но святая Церковь, яко таинница дел Божиих (Прем. Сол. 8, 4), от лица Господа, словами пророка Михея (6,3) обличает их заснувшую совесть, в которой должен бы звучать голос Божий: *людие Мои*, народ Мой избранный! *Что сотворих вам?* Чем Я отягощал вас? Ужели тем, что слепцам вашим подавал зрение, прокаженных исцелял, расслабленных с постели поднимал? Кто из вас обличит Меня в неправде? (Ин. 8, 46). Кто найдет какое-либо зло, Мною вам причиненное? Напротив: Я делал вам одно только добро и добро, и чем же вы платите Мне за это добро? За манну, какую питал Я вас некогда в пустыни, за эту пищу ангельскую, вы подаете Мне желчь; за сладкую воду, чудесно источенную для вас в той же пустыни, – оцет; вместо того, чтобы платить Мне любовью, вы пригвоздили Меня к ужасному кресту!.. Но настанет для вас грозный час: не может оставаться безнаказанною нераскаянность ваша, и истощится Мое долготерпение, и отвращу лице Мое от вас, и призову другие народы, и уже не вы, а они прославят Меня со Отцем и Духом Святым...

И сбылось, братие мои, сбылось все это на несчастном народе еврейском во всей точности! Где ныне государство их, где чистая вера богооткровенная, где самый язык их? Рассеяны они между всеми народами земли; подменили они свою веру талмудическими измышлениями; говорят на языке совершенно чужом и притом искаженном донельзя; стали они поношением у всех народов, самое имя их, историческое имя, стало бранным словом, которым сами они гнушаются и, когда их называют сим именем, – обижаются... Какое ужасное отвержение! Какой позор! Сбылось слово, ими же самими на себя, в минуту опьянения злобою противу Господа, произнесенное: *кровь Его на нас и на детях наших!*..

А на их место призваны и призываются доселе все презираемые ими язычники, все мы, когда-то бывшие язычниками; и мы имеем несказанное счастье не только носить на себе имя Христово, но и быть членами Церкви Христовой, чадами ея, – дерзну сказать слово Апостола Христова: Сам Христос называет нас *братиями Своими*... Это ли – не счастье? Своею кровию Он омыл грехи наши, Своим телом и кровию Он питает нас; Он зовет и

ведет нас, если только мы не противимся Его водительству, в Свое Царство Небесное, нам уготованное от сложения мира...

Но... возлюбленный чада Церкви, чада Христовы по благодати крещения! Когда мы внимаем печальному и вместе грозному для евреев церковному песнопению, то не слышится ли в нашей совести тревожный вопрос: не повинны ли и мы в том забвении Божиих благодеяний, за которые упрекает Господь евреев? Ведь и к нам могут относиться Его словеса: *людие Мои*; ведь, и мы, православные, избраны из народов земных и призваны в благодатное царство Христово, и мы не можем исчислить величества благодеяний Божиих к нам, грешным... Правда, все народы, именующие себя христианами, воспользовались великими благодеяниями Христова учения: стоит только сравнить то, чем был мир до Христа и чем он стал после Христа, сколько света и тепла внесло учение Христово как в семейную, так и в общественную и государственную жизнь христианских народов, как смягчились нравы, процвели все науки и искусства, – словом: изменилось все лицо земли. Стоит все это вспомнить, чтобы невольно спросить того, кто ныне поносит учение Христово, кто считает это учение отжившим, якобы устаревшим: за что, за что ты, мнящий себя быть представителем науки, гонишь Христа? Что Он тебе сделал? Он ум твой просветил светом истинного богопознания; Он открыл тебе чрез то светлый путь к так называемому тобою же “прогрессу”, если только ты не злоупотребляешь сим словом; Он Своим Евангелием положил закваску того добра, которым ты, исказив его, впрочем, хвалишься; Он и ныне всех зовет к миру, к братской любви, к единой истинной духовной свободе и истинному равенству пред Богом... Или, забыв Христа-Благодетеля, ты все это приписал уже себе, и гордость уже так ослепила твои духовные очи, что свет смирения Христова, свет Его истины стал несносен для этих болеющих очей? И, вместо благодарности ко Христу за его благодеяния, ты бежишь от Него, ты даже преследуешь Его, ты клеветашь на Него, издеваешься над Ним?.. За все добро, от Него полученное, ты платишь ненавистью к святой Церкви Его, к верным Его последователям?..

Но что я говорю о народах, уклонившихся от чистоты учения Христова, о народах инославных? Что говорю о мнимых представителях науки, в своей совести лукавствующих? Обратим лучше свой взор на самих себя, на то, что творится у нас, на Руси, среди нас, именующих себя православными... *Людие Мои*, православные русские люди! – как бы так говорит в нашей совести глас Сына Божия, нас ради распятого и – увы! – вторично грехами нашими распинаемого, – люди Мои, *что сотворих вам*! Не избрал ли Я вас, народ Русский, быть для всего мира хранителями во всей чистоте учения Моего, не вверил ли Я вам сокровище Мое безценное – веру Православную – паче всех народов земных? Не явил ли Я в течение тысячи лет истории вашей многого множества несказанных чудес и милостей Моих и Пречистой Матери Моей, вашей усердной Заступницы? Оглянитесь на минувшие судьбы вашего Отечества: не напоминает ли его история времена библейския, судьбы народа, некогда избранного, народа еврейскаго? Все важнейшие судьбы его сплетены с судьбами Церкви Моей: как бы вам не понять, что и все благо его заключается в ревностной охране сего ковчега Божия? Но бережете ли вы его? Смотрите, как расхищают его тати и разбойники – разные сектанты и безбожники. Скажите, положи руку на сердце, много ли вы делаете для сохранения сей заветной святыни в сердцах малых сих – в простоте верующих? Вы, пастыри Церкви, стоите ли вы бодро на страже в виду волков хищных, со всех сторон покушающихся на стадо, вам вверенное? Вы, правители и законосоставители, ужели вы не видите, как и в вашу среду

проникают те же враги Церкви Божией и, прикрываясь красивыми словами, выкидывая даже зная якобы свободы, стремятся дать свободу волкам, чтобы вторгаться в ограду Церкви и расхищать кротких овец – простых душою чад Божиих? Что худого сделала вам Церковь православная, за что вы, многие из вас, относитесь к ней столь презрительно, как носительнице какого-то мрака, а не света, просвещающего всякого человека? Если отдельные личности в среде пастырей немощны, если они не все отвечают своему великому назначению, то зачем же винить всю Церковь, зачем пускать волков в ее ограду?.. Вы, отцы, матери, вы, старшие братья и сестры, вы, все миряне, именующие себя православными, ужели не видите страшных опасностей, в наши дни грозящих и вере, и душам ваших детей от всей этой тучи грязных уличных листов, от всех этих газет и журналов, театров и кинематографов, книжек и книжонок, развращающих массы юношества и простых людей? Людие Божии, – если только можно еще назвать вас таким именем, – чем вы платите Церкви Божией, на протяжении почти тысячи лет воспитывавшей народ Русский в духе Христова учения, взрастившей его в стомиллионную семью, во главе с Помазанником Божиим, отцом его, чем платите ей за все то добро, коему ни числа, ни меры нет?

Увы! На этот вопрос отвечает сама жизнь: прислушайтесь, присмотритесь, какие проходят законы в наших законосоставительных учреждениях, что говорит печать о Церкви, как относятся писатели и публицисты ко всему, что дорого и свято для нашей души... Что позволяют себе писать даже мнимые православные люди! Ложь и клевета на служителей Церкви, на духовенство; защита и возвеличение еретиков и сектантов; непростительное для образованных людей невежество в догматах веры; легкомысленные толки о церковной жизни без знания руководящих ею канонов церковных, какая-то бессознательная вражда ко всему, что носит печать церковности и, особенно, Православия... За что, за что?.. Не ведут, что творят и что говорят!

Не говорю о грехах воли, грехах обычных, но все же смертных, под тяжестью коих сотрясается земля, море вздымает волны свои, ураганы и другая грозная явления в природе заставляют содрогаться от страха жителей земли... И содрогаются, но не каются! И это чаще всего – христиане! Боже праведный! Как страшен суд Твой, грядущий на мир преступный, на нечестивцев нераскаянных!.. Братия мои! Слышите ли угрозу суда сего, может быть, как последнее предостережение нам, угрозу, изреченную некогда все тем же евреям, но готовую разразиться и над нами, как гром небесный: *се – оставляется дом ваш пуст. Отыметя от вас царствие Божие и дастся народу, творящему плоды его!*.. Всмотритесь в изображение Господа, во гробе почивающего, приникните и очами, и сердцем к этим язвам гвоздинным на Его пречистых руках и ногах, к этой зияющей язве в пречистом ребре Его: кто нанес их? Кто виновник Его безмерных, несказанных страданий? Ведь это – мы, грешники, это – мы измучили, изранили, мы на крест вознесли Его! *Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша: язвою Его мы исцелехом!* Ведь каждый новый грех, каждое злое слово, грешная мысль – все это – новые и новые раны Господу, все это – второе распинание Христа! Не я это говорю, а святой Апостол Павел. Припадем же ныне, в сей спасительный день всемирного искупления, к священной плащанице сей и восплачемся о грехах наших, как плачутся дети, когда просят прощения у матери! Облобызаем язвы сии и дадим в сердце своем обет: больше не причинять их Господу, а если бы и случилось сделать что-либо неблагоугодное пред Ним, по немощам нашим, то скорее – опять и опять к Нему, со слезами умиленного покаяния. И Он, просивший у Отца Своего Небесного отпущения распинателям Своим, Он, за сии

ничтожныя наши слезы, омочит грехи наши кровию Своею и речет нам: *отпускаются вам греси ваши. Аминь.*

Благодатная радость светлого праздника Воскресения Христово. Христос воскрес!

Радуйтесь! Се Аз с вами есмь,
– глаголет воскресший Господь.

Да, Он воскрес, воистину воскрес! Воскрес, и смерть уже не имеет никакой власти над Его пречистым телом, хотя и прежде не имела сей власти: Он Сам предал Себя во власть смерти, чтобы Своею смертью поправить, истребить смерть для всех, кто верует в Него... Он воскрес! Слава Ему, смерти Умертвителю и рода человеческого Воскресителю!

И в светлый день Его воскресения, после того, как мы, чада Церкви, в умиленных обрядах нашего богослужения и в высшей степени поэтических песнопениях, сердцем и мыслию пережили все, сообщаемая Евангелистами подробности Его страданий, смерти, погребения, это сердце, эта мысль стремятся ныне навстречу Воскресшему Господу. И, не дерзая, скажу больше: не имея потребности вопрошать Его: где Ты, Господи? – уже слышат, ощущают Его ответ: *се Аз с вами есмь!* С вами семь, не только сегодня, в день Моего воскресения, но и во вся дни – до *скончания века!* С вами есмь и пребуду: только вы пребывайте со Мною, только вы не отгоняйте Меня от себя своим грехолюбием, своим упорным противлением велениям Церкви Моей – вашей матери, забвением Моих заповедей... *О божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе!*

Да, возлюбленные: Господь с нами, но мы-то с Ним ли?..

Переживая светлую радость праздника Воскресения Христово, вспомним радость учеников Христовых в сей нареченный и святой день, когда Господь являлся им дверем затворенным. Ведь и ныне Он стоит среди нас незримо для очей наших телесных; стоит среди нас и смотрит на нас, смотрит в нашу душу, в наше сердце: видит, чем занят наш ум, чем полно это сердце; прозирает все тайны сердечныя... Радует и благословляет того, кто отдает Ему и ум, и сердце, и волю свою... Не хочу думать, чтобы в сей день радости о Господе был кто-либо здесь, не радующийся о Господе! Но при свете небесной радости виднее бывают наши немощи, наши недостатки. *Нестъ радоватися нечестивому* – вот закон радости о Господе! Грешная совесть делает сердце неспособным к радости. И если в чувстве сердца есть следы упреков совести, если сердце недостаточно воспринимает радость о Господе, то – вот Он, воскресший Господь твой, Спаситель твой, невидимо стоит пред тобою, весь – радость, весь – любовь! Покажи Ему твои немощи, пожалуйся на свое собственное сердце, прикоснись верою к Его пречистым язвам, облобызай любовью Его пречистое, ради тебя прободенное ребро и – возрадуйся радостию если не награждаемого праведника, то милуемого грешника! Не может быть, чтобы и всегда милосердый, всегда готовый принять кающегося, в сей наипаче день спасительный не принял вздоха твоего грешного сердца и не согрел твое сердце Своею благодатию. Верь и надейся, что Он тотчас же, ради Своего воскресения, воскресит и твою душу, заронит в нее искру благодати спасающей, а ты постарайся, елико можешь, разжечь сию искру в пламень любви, горящей исполнением заповедей Его. И тогда

*возрадуется сердце твое радостью великою, и, как Сам Он сказал: радости сея никто не возмет от тебя. Сегодня небеса достойно веселятся, сегодня земля радуется, сегодня празднует весь мир видимый и невидимый: может ли быть, чтобы твое сердце, если только оно верует в Господа, было лишено радости? Слышишь, что глашает Златоустый учитель: **внидите еси в радость Господа своего! Первии и последний, мзду примите! Богати и убози, друг со другом ликуйте! Воздержнцы и лениви, день почитите! Постившийся и непостившийся, возвеселитесь днесь! Трапеза исполнена: еси насладитесь пира веры! Никтоже да плачет прегрешений: прощение бо от гроба возсия!***

Одно есть условие духовной радости, условие чистой, несомненной, благодатной радости о Господе: быть верным сыном Церкви Христовой. Только верный сын Церкви – во Христе и со Христом и способен радоваться святою радостью о Христе. А кто бежит от Церкви, тот бежит от Христа. Кто Церкви не слушает, тот преслушник Христа. А без Христа нет и истинной радости о Нем. А поелику здесь, в святом храме, я, конечно, вижу только сынов Церкви, вижу их сонм мног, радующихся и ликующих о воскресшем Господе нашем, то преисполняется и мое сердце радостью сугубою – радостью о воскресшем нашем Спасителе, и радостью о чадах Церкви, о их радости. Сугубо радуюсь и от всего сердца приветствую вас, братия мои о Христе, с светлою радостью сегодня: радуйтесь о Господе, и паки реку: всегда радуйтесь, не разлучаясь с Источником вашей радости – Господом Иисусом, не удаляясь от Него... Христос воскрес! Христос с нами есть, и будет, и да пребудет в Церкви Своей до скончания века. Аминь.

Не соблазняйте в простоте верующих

С удивлением прочитал я небольшую статейку в духовном журнале “Отдых христианина” почтенного о. протоиерея Ст. О-ва под заглавием: “К вопросу о гражданском браке”. Хотелось бы думать, что о. протоиерей недостаточно точно обдумал слова, им употребляемые, а, между тем, в наше время не редко из-за слов-то и выходят искушения, ибо враги Церкви придираются к нашим словам и злоупотребляют ими. Есть слова, которые следует употреблять крайне осторожно, чтобы людей простых, православно верующих, не ввести в соблазн такую неосторожностью. Таково слово “брак”. Искони, от библейских времен, мы, верующие, привыкли придавать ему священное значение союза мужа и жены для благословенного рождения чад и для воспитания их в духе учения истинной веры, союза, столь тесного, что муж и жена восполняют друг друга, а в христианской Церкви и изображают союз Христа с Церковью. Посему Церковь, следуя указанию Апостола Павла, акт заключения сего союза освящает благодатию и именует Таинством. *Таина сия велика есть*. Так всегда православный русский человек и понимает это слово, и состояние брачное, благословенное Церковью, одно только и есть, по его понятию, истинный брак. И никакое иное “сожитие” мужчины и женщины, в сущности, не может, в обществе православных людей, именоваться истинным “браком”. Есть, правда, брак и у язычников, магометан, иудеев, но когда приходится говорить о таком браке, то всегда подразумевается, что тут идет речь не о благодатном браке, а только о естественном сожительстве людей, вне Церкви сущих, каковое для чад Церкви не благословенно, греховно, хотя бы и было закреплено человеческим законом. Итак, когда говорим мы о браке православных, то всегда разумеем союз, освященный Церковью так или иначе. Говорю: так или иначе, ибо брак, совершенный в язычестве, например, остается в силе, по принятии супругами христианства, как закрепленный благодатию крещения. Читайте у Апостола Павла в первом послании к Коринфянам. Таким образом, хотя термин “брак” свойствен понятиям и нехристиан, однако же в наше православное понятие о браке входит уже существенным, неотъемлемым элементом божественное начало – благословение Божие; все остальное: политическое, гражданское, хозяйственное, юридическое – привходит уже извне и постольку приемлется нашею православною совестью, поскольку касается именно церковного брака. Итак, повторяю: если закон говорит об отношениях мужа и жены православных, то мы разумеем тут благодатный брак истинный, безусловно – брак; если – об язычниках, иудеях и сектантах, то разумеем только называемый браком союз двух лиц, а не облагодатствованный Церковью брак в собственном смысле. Если православный решается вступить в брак с раскольницей или сектанткой, не признающей брака нашего (к сожалению, по снисхождению к немощам человеческим, это у нас допускается, хотя надо правду сказать: уж какое же будет единение мужа и жены в духовном отношении? Какое влияние на дело воспитания детей?), то для православного нужен церковный брак, ибо предполагается, что он верует в силу Таинства. Мы, сыны Церкви, не можем иначе мыслить о всяком, не освященном Церковью сожительстве православных христиан, как о *блудном сожительстве*, и если бы мы дожили до того, что введен был бы у нас так называемый “гражданский брак”, то это был бы великий соблазн для нас, было бы великое оскорбление Церкви, ибо самое слово “брак” у нас не иначе понимается для

православных, как Таинство, а брачное законное сожитие – как освященное Таинством сожитие. Сказать: “гражданский брак” в отношении к православным – значит произнести кощунство. Формально узаконить такой союз под именем брака значило бы глубоко оскорбить религиозное чувство православно верующаго, значит – узаконить беззаконие, нарушить Божий закон. Так и не иначе понял бы наш православный народ введение “гражданского брака”. Ведь, по словам почтенного о. протоиерея, выходит: невер “приемлет брак церковный с усмешечкой неверия”; раскольник-безпопoveц не признает священства и под. Так что же? Для таких господ, что ли, надо узаконять беззаконие, оскорблять Церковь и совесть верующих признанием “законным” какого-то “гражданского”, в сущности, языческого “брака?” Само собою понятно, что если они “с усмешечкой” соглашаются идти под венец, то и не допускайте их до Таинства: Церковь не может нарушать заповеди Спасителя – “не бросать бисер пред свиньями”, но если это – “свиньи”, то пусть и живут “по-свиному”, пусть будут отлучены от Божественнаго причащения, дондеже оставят блуд; пусть ведаются с ними полиция в отношении их семейных дел, но отнюдь не называйте их блудное сожитие “браком”, хотя бы и “гражданским”: пока государство в союзе с Церковию, оно не может, не смеет, без оскорбления Церкви, похищать у нея уже освященное ею слово и делать из него идоложертвенное злоупотребление! Не имеет права блудное сожитие именовать браком! “Человеческая правда”, о которой говорит о. О-в, не имеет права вторгаться в область церковных понятий, разрушать православное мирозозерцание верующих русских людей, волочить по грязи священные для православнаго человека слова! Церковь должна и, конечно, стала бы протестовать против усвоения блудным сожитиям имени какого бы то ни было “брака”!

Господи! До чего мы дожили?! В духовном издании, духовное лицо, почтенный старец, пастырь Церкви, спокойно говорит о том, что “разноверным удобнее сходиться по чину гражданского брака, а потом уже подумать о своем религиозном объединении!” Ведь это значит: сначала оскверни себя блудом с сектанткой, а потом уже позаботься об ея обращении в православную веру! Но не проще ли, если ты искренно дорожишь своею верою православною, то и оставь вредную для души твоей, гибельную, может быть, для будущих детей твоих мысль жениться на отступнице от веры православной, на раскольнице или сектантке? Или эта чуждая Церкви особа для тебя дороже Церкви, дороже спасения? И ты готов идти с нею на блуд, променять на нее заветы родной Церкви? Да когда же, наконец, мы одумаемся, перестанем играть своею верою? Когда оглянемся на себя и спросим себя: да кто же мы? Православные или сыны противления? Увы, мы идем дальше: мы находим возможным заговаривать о каком-то “гражданском”, то есть, языческом браке *для православных*. Об отлучении таких православных от общения святейшаго Таинства причащения, о коем Господь сказал, что лишавший себя сего Таинства лишает себя вечной жизни, – ибо с узаконением формальнаго “гражданского брака”, сиречь блуднаго сожития, Церковь вынуждена будет всех вступивших в него отлучать от Божественнаго причащения! И кто же говорит? Это-то вот и больно читать: не мирянин, не Мережковский какой-нибудь, а... пастырь Церкви!.. Правда, сей пастырь говорит, что “идеал единобрачия глубоко внедрен в сознание человечества, он отразился в древней и новой поэзии, в мифах; он слышится донныне в беседах и обетах влюбленных (Ох уже эти “беседы и обеты влюбленных”! Кто им цены не знает? Лучше бы о них не упоминать!). Если жизнь грязна, низка, то ради ея Церковь не отречется от своего принципа, на котором зиждется семья и брак “в Господе”. Автор напоминает великий

Божественный закон, изреченный устами Господа: *еже Бог сонета, человек да не разлучает*. Напоминает и учение Апостола Павла о нерасторжимости брака, пока тот или другой супруг жив. Справедливо отмечает ослабление сего основного закона в практике нашей Церкви чрез разрешение разводов и особенно разрешение виновной стороне вновь вступать в брак. Это – уступка духу времени, принеся немало вреда самой Церкви, уступка, с которою не мирится и теперь совесть многих архиереев. Но... что же пишет о. О-в затем? “Есть, говорит он, низшаго качества браки, браки гражданские”. То есть? “Браки... нехристианские, браки без благословения Церкви?” И это – для православных? Какое-то гражданское таинство? Простой человек ведь так и поймет: если закон-де позволяет, значит “не грешно”, раз – “брак”, то дело законное, а стало быть, и безгрешное... В понятия простых людей вносится новшество, вносится грешное понятие о законности блудного сожития... В то время, как Церковь должна всячески выяснять свои православные понятия, вносится путаница в эти понятия, подмена церковного мирским... Ведь как хотите, а оно так и есть: хотят посредством “гражданского брака” избавить “несчастных женщин и безотцовских детей от позора, насмешек и прозвищ: для таких обездоленных, говорит о. О-в, гражданский брак был бы благодеянием”. А для людей слабых в церковности, скажу я, – новый довод для самооправданий в блудном сожительстве: у нас-де не блудное, позорящее нас, сожитие, а брак законный, записанный в законе указанном месте, мы живем законно, мы – законные муж и жена; только наш брак не церковный, а гражданский, но, ведь, он все же – законный!”

Ссылаться на Василия Великого, будто он считал конкубинат лучше блуда, не следует: ведь он подвергает сожительствующих блудно епитимии блуда, а такая епитимия, по древним правилам, полагалась в отлучении от св. причащения на 7 лет: таким постоянным, нераскаянным блудникам приходилось всегда быть в отлучении от Божественных Таин. Что же было делать Церкви с такими грешниками? То же должна она сделать и ныне, если бы ее правила и законы были попорчены введением “гражданского брака”. Но и это попустительство в своем роде было потом отменено, как говорит сам же о. О-в.

Но скажут: как же быть государству, когда сама жизнь требует упорядочения отношений мужчины и женщины, живущих в блудной связи и не желающих разойтись, но не желающих и вступить в законный церковный брак?

На это отвечаю: не мое дело писать законы для открытых блудников. Мое дело – напомнить пишущим законы, чтоб они не узаконивали, не делали законным то, что преступно, с точки зрения Церкви. Отнюдь не похищайте у Церкви термина, ею усвоенного от времени Христа Спасителя, не вводите в сознание верующих чад ее нового соблазна. Если этот термин и был в законах языческих, то ведь Церковь вложила в него новое благодатное содержание; она осватила его, как храмы языческие иногда освящались в христианские: ужели же позволительно снова обращать их в языческие или в христианском храме ставить идола Венеры? Довольно старых соблазнов. Довольно, например, того, что дуэль между военными допущена, и вот мы слышим от них, что это уже не грех, что это – долг чести и тому подобные неумные глаголы. Но тут еще как бы исключение из правила, сделанное в виду несовершенства закона общего о дуэлях. А в “гражданском браке” явился бы уже общий для всех закон, вторжение в область церковной жизни, церковных понятий, разрушение всего строя понятий православных введением нового, чуждаго духу Церкви термина, столь подслуживающагося духу века сего лукаваго и прелюбодейнаго. Блудное сожитие так и называйте блудным сожитием

или придумайте другое слово, но не употребляйте в законах слово “брак”. Упорядочивайте отношения вступивших в такое сожитие, но не касайтесь нравственной оценки самого деяния. Пока существует запись таких сожитий только для раскольников и сектантов, такая запись не бланит верующих: “венчаются около куста”, говорит, не без иронии, православный народ: что уж это за “брак”? А вот как православные будут делать “законными” свои блудные похождения у нотариуса или там, где выдумают наши законосоставители, и эти браки будут именоваться “законными”: тогда совсем другое дело. Пока грех грехом называется, дотоле еще православное миропонимание остается неподвижно, а вот как сами законы будут называть этот грех “законным” для людей православных, тогда – мы на краю гибели!.. И не нам, пастырям Церкви, идти навстречу таким законопроектам в православном государстве, искони воспитанном Церковью, всегда пребывавшем в союзе с нею, – идти в угоду масонским стремлениям, – расшатать основы христианского мирозерцания и особенно Православия!

Можно ли молиться за души самоубийц и еретиков?

Удивительное время мы переживаем! Поднимаются вопросы, тысячу лет назад уже решенные; переоцениваются ценности, веками оцененные; пересматриваются решения, от первых веков христианства состоявшиеся. И что особенно опасно: или забывают, или даже прямо не хотят справиться о том, как и на каких основаниях решала эти вопросы, оценивала ценности, постановляла свои решения христианская древность, а иногда и сама Церковь, руководительница православной христианской мысли в те далекие от нас времена. Выходит, что наше поколение считает себя как бы умнее, талантливее и обильнее благодатными дарованиями, нежели великие мужи, носители духа христианского, жившие в веках, от нас отдаленных. Если такое самомнение сознательно, то оно преступно, свидетельствует об отступлении от Церкви, хотя пока в мысли; но хочется думать, что больше творится все это безсознательно, как грех неведения, как последствие недостаточного воспитания в духе церковности...

В последние годы мутною, ядовитою волною разливается по родной Руси в разных видах неверие и, прежде всего, – неверие в Церковь как живой организм любви, возглавляемый Христом Спасителем – как воплощенную любовью. И это неверие в Церковь проявляется в тех, которые считают себя верующими в Бога. Для них безразлично, как учит о том или другом предмете веры и жизни православная Церковь: они полагают, что в праве иметь о всем свое собственное суждение, не справляясь о том, что скажет святая Церковь. А таких вопросов жизнь современная выдвигает на каждом шагу множество. Вот тому пример: вследствие упадка веры вообще и ослабления как нравов, так и характеров, умножилось число самоубийств.

Убивают себя юноши, убивают себя 90-летние старики. Опустошается душа, расхищают из сердца последние остатки веры, идеализма, стираются последние следы образа Божия, замирает дух, не остается никакой опоры для борьбы с искушением и – человек решает: нет смысла больше жить и страдать, и в озлоблении на все, как мятежник, самовольно уходит из жизни. Такова психология большинства случаев самоубийств. В ее основе лежит неверие в Промысл Божий, хула на благодать Божию, отчаяние – смертные грехи. Смертные потому, что не дают места покаянию, убивают дух, удаляют, гонят от человека спасающую Божию благодать. Человек добровольно и всецело отдает себя во власть врага рода человеческого, врага Божия, преграждает к себе все пути для благодати: как же возможно будет для него воздействие сей благодати? Когда идет речь о спасении, мы должны всегда помнить, что Бог не спасает нас насильно: создать нас без нас Он мог, а спасти нас без нас – не хочет и, без нарушения правды Своей, потому – не может. Необходимо, чтобы человек при исходе из сей жизни имел бы хотя зачатки произволения ко спасению, чтобы, по крайней мере, не отрицал возможности своего спасения, а следовательно – не терял надежды: мы молимся о тех, кто почил в надежде воскресения и жизни вечной, в ком осталась хотя бы искра надежды на Исккупителя мира. Тогда Церковь молится и “о иже во аде держимых”, по слову Василия Великого. Общий закон спасения выражен в словах: “в чем застану, в том и сужу”, глаголет Господь.

Что сказал я о самоубийцах, то же можно сказать и об отлученных от Церкви еретиках, не примирившихся с Церковью, умерших во вражде с нею, в отлучении от нея. Вне Церкви нет пути к единению со Христом, а следовательно, нет и спасения. Спасаются

только живые члены Церкви, живущие ея жизнью, в единении с нею посредством Таинств, наипаче же святейшаго Таинства Причащения Тела и Крови Христа Спасителя, как Он Сам изрек: *еще не шесте плоти Сына Человеческаго, ни пиете крове Его, живота не имате в себе*. А сие величайшее Таинство существует только в Церкви. И относительно еретиков надо сказать, что если они умерли без примирения с Церковью, если они унесли в душе своей вражду к ней туда, в другой мир, то для них невозможно превратить эту вражду в любовь, потому что вообще для души в загробном мире уже невозможно изменение настроений: какое направление получила душа в сей жизни, в таком она продолжает жить и в загробной. Там живет уже неполный человек, а только душа его, и что преобладало в душе в сей жизни, то продолжает обладать ею и в будущей. Перемена для душ, отошедших из сего мира в другой, возможна лишь по молитвам Церкви, но при том условии, если душа отошла в мире с Церковью, если в произволении усопшаго были зачатки искренняго желания спасения, если он был хотя и немощным, но не совсем мертвым, неотпадшим от целаго тела Церкви.

Таковы общия основания для суждения о том, можно ли молиться за души самоубийц и еретиков. Но относительно самоубийц святой Тимофей, епископ Александрийский, на вопрос: “Аще кто, будучи вне себя, подымет на себя руки или повержет себя с высоты, за такового должно ли быти приношение (литургия) или нет?” – отвечает: “О таковом священнослужитель должен разсудити, подлинно ли будучи вне ума соделал сие. Ибо часто близкие к пострадавшему от самого себя, желая достигнута, да будет приношение и молитва за него, неправ дуют и глаголют, яко был вне себя. Может же быти, яко соделал сие от обиды человеческия, или по иному какому случаю, от малодушия: и о таковом не подобает быти приношению, ибо есть самоубийца. Посему священнослужитель непременно должен со всяким тщанием испытывати, да не подпадет осуждению”. Вот единственное исключение, допускающее молитву церковную за самоубийц! Человек совершил страшное преступление в состоянии невменяемости: ясно, что нельзя его строго и судить за это. Бог, в неисповедимых путях Своего промысла, попустил такое несчастье, такое насилие со стороны врага рода человеческого в отношении к человеку, лишенному разума: Бог пусть и будет единственным его судиею... Церковь, в смирении склоняясь пред непостижимыми судьбами Божиими, предает сего человека в руце милосердия Божия как лишеннаго возможности бороться с насилием дьявольским. Впрочем, повторяю: в каждом отдельном случае вопрос о том, можно ли допускать церковное поминовение самоубийцы, должна решать церковная власть, которая и берет на себя ответственность пред Богом за разрешение или запрещение такого поминовения. И это представляет тяжелое бремя для каждого епископа. Самоубийства участились в последнее время до крайности, особенно среди молодежи. Полагаться на решение врачей, нередко и в Бога не верующих и принадлежащих к исповеданиям, не признающим молитвы за умерших вообще, нельзя: ведь, такие врачи вовсе не обязаны входить в суждение по существу с *духовной* точки зрения о том, был ли самоубийца в состоянии остраго помешательства и вне ума в момент совершения преступления; их забота, хотя несколько, успокоить живых скорбящих родственников покойника, и вот обычно они все самоубийства с легким сердцем приписывают острому помешательству. А в глухом, отдаленном от епархиальнаго города углу этот вопрос приходится решать местному священнику, у котораго иногда и мужества недостает отказать в христианском погребении и поминовении самоубийцы ввиду возможных жалоб архиерею за отказ в этом со стороны родственников покойника. Ведь в наше время миряне забывают совсем церковное правило

о подчинении своего мышления авторитету своего пастыря и духовного отца: они смотрят на него просто как на требоисправителя, который обязан непременно, без всяких рассуждений, исполнить их требование. Забывают известное еще в Ветхом Завете правило: послушание выше поста и молитвы, выше приношений и жертв. Когда им напоминают о церковных правилах, они обычно ссылаются на бывшие примеры разрешения и больше не хотят рассуждать... И совесть священника нередко насилуется мирянами, и священник, вопреки совести, во избежание жалоб и дознаний, исполняет их требование. Невольно думаешь: как же наша жизнь далеко уклонилась от того пути, какой ей указывается Церковью! Ведь выходит, что родственники самоубийцы как будто насильно, вопреки воле Самого Господа, Который управляет Церковью и чрез иерархию указывает ей правила жизни, хотят – да будет позволено так выразиться – втолкнуть несчастного в Царство Небесное!.. И особенно это надо сказать о панихидах по еретикам и богохульникам: тут уже бывает прямое кощунство, превращение молитвы церковной в какое-то насилие над Церковью, издевательство над ее служителями. Так было в отношении Толстого, так теперь творится в отношении другого богохульника – Шевченко, так постоянно творится неверами-интеллигентами в отношении разных хулителей Церкви, ее врагов, если только они носили имена христианские... Но относительно еретиков святая Церковь не допускает даже и таких исключений, какие бывают в отношении к самоубийцам: раз еретик или богохульник умер не примирившимся с Церковью, умер в отлучении от нея – Церковь не может допустить и молитвы о нем. Ересь есть духовное самоубийство, а о мертвом члене, отсеченном от целого тела Церкви, бесполезно и заботиться, бесполезно и молиться.

Есть еще одна сторона вопроса о молитве за еретиков и самоубийц, которую обыкновенно упускают из виду, хотя она едва ли не важнее всех теоретических суждений, которые, может быть, в самой основе-то своей на нее и опираются. Это сторона, так сказать, мистическая. Помнить надо: что такое Церковь в своей сущности? По учению великого Апостола Павла, она есть живое тело Христа Спасителя, коего Он Сам и есть Глава, а все верующие – члены, так сказать – живые клеточки сего великого организма любви, одушевляемого Духом Божиим; молитва, по выражению покойного А. С. Хомякова, есть кровь Церкви, своим обращением привлекающая благодатные силы к обновлению всего организма. Она есть и дыхание любви, объединяющей всех верующих со Христом и во Христе. Любовь движет молитву, приводит ее в действие. Любовь приводит в соприкосновение душу молящегося с душою того, за кого он молится. Но сие соприкосновение бывает целительно для последнего только тогда, когда он еще не умер для тела Христова, когда он составляет еще живую клеточку сего тела, то есть не потерял общения со Христом; хотя он и болеет, хотя и не очищен от греховной нечистоты, но ушел отсюда с верою в молитвы Церкви, с надеждою воскресения во Христе. Тогда молитва любви, восходя к Искупителю мира, несет от Него исцеляющую благодать душе почившаго, благодать, изливаемую любовью Христовой к тому, кто не потерял еще веры в искупительную силу крови, пролитой за него на кресте. Такая молитва и Господу угодна как жертва любви за почившаго, и для молящегося полезна, как животворящее дело его любви, как исполнение заповеди Господней. Такая молитва сливается с молитвою всей Церкви, становится уже молитвою самой Церкви, молитвою – дерзну сказать – Самого Господа, яко Ходатая Новаго Завета, яко Главы Церкви. Соединенная с Таинством Евхаристии, она проникает на небеса и отверзает двери милосердия Божия к почившим в вере нашим братьям и кровию Господа оmyвает их грехи. *Отмый, Господи, грехи зде*

поминавшихся кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих, молится Церковь, когда опускаются частицы, вынутые за живых и умерших, в кровь Господню. Теперь примените сию мысль к тому несчастному, кто как еретик отпал от Церкви, мертв для нея в качестве члена или же отсечен от Церкви невидимым судом Божиим за смертный грех отчаяния, в каком он умер, как самоубийца. Может ли принести пользу такому, уже мертвому, члену Церкви, уже отсеченному от нея, молитва за него, хотя бы это была молитва всей Церкви? Конечно, не может. И причина тому не вне сего несчастного, а в нем самом, в том настроении, в каком он перешел в другую жизнь. Это – настроение упорного сопротивления Богу и святой Церкви. Он сам не хочет себе спасения: *не восхоте благословения и удалится от него*, как сказано в Писании. А перемена настроения, как я уже сказал выше, там, в другом мире, невозможна, если не было зачатка такой перемены в сей жизни. Бог насильно не спасает. Это – первое. Второе: невыносим свет для глаз болеющих. Невыносимо приближение к Богу для души, умершей в грехе нераскаянном. Кто знает? Может быть, наша молитва о человеке, умершем в состоянии ожесточения, будет только еще больше тревожить и усиливать в нем враждебные чувства к Богу... По крайней мере, относительно злых духов известно, что и сих отверженцев Господь готов был бы принять, но они сами того не желают в ожесточении своей гордыни. Посему вместо пользы молитва за того, кто ушел отсюда в нераскаянном грехе отчаяния и хулы на Бога, может и ему принести вред, и тому, кто за него молится.

Вред такому молитвеннику возможен еще и с другой стороны. Молитва не есть простое словесное ходатайство за другого, как это иногда бывает между людьми. Нет. Когда мы молимся за ближнего, молимся не языком только, не словами, а и сердцем, то воспринимаем память о душе его в свою душу, в свое сердце; воспринимаем, по любви к нему, и те скорби, те грехи, какими он отягощен, и уже как бы от своего лица вознося их ко Господу, умоляем Его благость о помиловании или ниспослании ему спасающей благодати. Чем сердечнее и искреннее такая молитва, тем большую милость Господню она может низвести душе того, за кого молимся. И чем ближе нам человек этот, чем больше питаем к нему чувства любви, тем сердечнее бывает и молитва наша о нем. И если он жил на земле благочестиво и богоугодно, то, вспоминая в молитве его душу, тесно соприкасаясь, объединяясь с нею, мы незаметно делаемся как бы причастниками и той благодати, какая присуща была этой душе при жизни на земле, и тем добрым свойствам, коими она была украшена. Посему-то молитва за почивших праведных людей весьма душеполезна и для нас самих спасительна. Не столько они получают от нас пользы, сколько мы воспринимаем от них духовной отрады и утешения. Над нами сбывается слово Писания: *молитва его в недро его возвратится*. С одной стороны, при одном простом воспоминании о лице, известном нам доброю жизнью, наша благоговейная мысль о нем уже услаждается красотой его духовного облика; с другой – он видит любовь нашу к себе и, конечно, в долгу у нас не остается: он, так сказать, показывает Богу любовь нашу и, по любви своей к нам, приносит Богу теплую, чистую свою молитву за нас.

Но совсем другое дело, когда молишься за человека, который всю жизнь свою грешил тяжкими смертными грехами и не подумал об очищении их покаянием. Тут уже не отраду вливает молитва, а напротив, сообщает молящемуся тягость, смущение, беспокойство. Да так оно и должно быть. Воспринимая образ души усопшего, молящийся вместе с тем делается как бы общником и его душевного состояния, входит в область его душевных томлений, соприкасается его грехам, не очищенным покаянием, берет на себя и долю его душевных страданий. И сие-то томление и страдание душою во время молитвы за

умершего грешника, если он еще не погиб грехом отчаяния, доставляет ему отраду и облегчение, приклоняя к нему Божие милосердие молитвою любви. Но если его душа перешла в иной мир в настроении, враждебном к Церкви, если она отвергла искупительные заслуги Господа Спасителя мира, как это было с несчастным графом Толстым, то как молиться за таких? Как можно допустить себя до некоторого прикосновения тому богоборному настроению, коим душа его была заражена? Как воспринять в свою душу все те хулы и безумные речи и даже помыслы, коими была полна его душа, может быть, даже в самый момент смерти?.. Не значит ли это – подвергать свою душу опасности заражения таким настроением? Не напрасно же говорят, что, например, самоубийство заразительно: при одном имени самоубийцы в душе возникает его образ, а с образом сим рисуется и то, как он окончил жизнь... Спросите любого психиатра, и он вам скажет, что при разговорах о самоубийцах, о способах их самоубийства у впечатлительных людей нередко появляются так называемые “навязчивые мысли”, а по-нашему, православному, просто вражеские искушения, влекущие слабых людей к тому же преступлению... Как у человека, смотрящего вниз с вершины высокой скалы или колокольни, откуда-то появляется мимолетная мысль – броситься вниз, так нечто подобное бывает и при воспоминании о самоубийстве человека, особенно известного тому, кто вспоминает о нем и имел к нему отношения. Говорю о людях впечатлительных и слабых. А ведь в молитве, как я сказал, мы как бы соприкасаемся своею душою душе того, за кого молимся... Что если молитва о самоубийце, вообще Церковью воспрещенная, будет негодна Богу?.. Если благодать Божия отступит от нас за нарушение заповеди о послушании Церкви? За то, что мы свое мнение ставим выше учения и правил Церкви?

О всем этом пусть подумают те, которые требуют от служителей Церкви молитв об еретиках и самоубийцах.

А можно ли, скажут мне, молиться за самоубийц и еретиков на молитве домашней, частной, нецерковной?

Отвечаю: молитва домашняя не может стоять в противоречии с церковною, тем более, что церковная молитва несравненно выше частной, домашней. Что такое моя одинокая, грешная, слабая молитва в сравнении с церковною?.. В церковной молитве моя немощная и, может быть, нечистая молитва очищается и несется к Богу на крыльях молитвы всей Церкви, всего сонма верующих, сонма всех святых Божиих. Не имею я дерзновения за премногие грехи мои к Господу Богу моему, тем паче дерзновения молиться о том, кто премного прогневал Его смертным грехом отчаяния; и как дерзну я делать то, чего не дерзает делать Церковь? Ибо если бы она дерзала, то не воспрещала бы такой молитвы...

Таково общее суждение о молитве частной, домашней.

Но мне скажут: как удержаться от такой молитвы особенно человеку, который был связан – не говорю уже с отлученным от Церкви явным еретиком: о таком не позволит молиться чувство уважения к Церкви, которую он оскорблял и от которой отпал, – но с самоубийцей узами кровного родства или был очень близок к нему по духу любви, – как удержаться от того, чтобы излить свою душу пред Отцем Небесным? Как не возвестить Ему печали своего сердца?..

Но это – совсем другое дело. Никто не может запретить лично каждому из нас изливать свою душу в молитве пред Господом, поведать Ему печали свои. Это – не одно и то же с молитвенным ходатайством за покойника. Мудрые, духовно опытные и обладавшие даром рассуждения старцы-подвижники удовлетворительно дают на это ответ. Так, известный Оптинский старец Леонид, скончавшийся в 1841 году, дал такое наставление своему

ученику, обратившемуся к нему за утешением, по случаю полученного им известия о смерти отца, последовавшей от самоубийства:

– Вручай как себя, так и участь своего родителя воле Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышняго чудес. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя долг любви и обязанности сыновней.

– Но каким образом молиться за таковых? – спросил послушник.

– По духу добродетельных и мудрых так: *“Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего, и, аще возможно есть, помилуй! Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы. Но да будет святая воля Твоя!”*

Так учил и утешал богомудрый старец своего ученика, бывшего в печали и скорби великой. В этом наставлении и для каждого христианина, находящегося в подобном положении, есть много утешительного, успокоивающего скорбную душу в предании и себя и покойника в волю Божию, всегда благую и премудрую... И верный, смиренный сын Церкви не станет требовать от Церкви большего.

Церковная дисциплина и свобода печати

Когда истина столь очевидна, что ложь не может ее затмить, несмотря ни на какие усилия, тогда ложь начинает притворяться, будто она давно победила истину, давно доказала, что ее нет, что если и есть что-то, то ведь это только легенда, вымысел, с коим умным, образованным людям и считаться-то стыдно... А толпа невежд, коим хочется казаться “интеллигентами”, идущими в ногу с людьми “передовыми”, охотно вторит глашатаям лжи, шумными криками стараясь заглушить скромный голос святой истины.

Таким образом в наше время создается так называемое “общественное мнение”, так насаждаются лживые теории, строятся и укореняются лженаучные гипотезы. И чем больше льстит страстям человеческим какая-нибудь теория или гипотеза, тем она больше имеет вероятия на распространение. Увы! Все меньше становится число самоотверженных, безпристрастных, а главное – смиренных служителей истинной науки. Все больше сгущается туман лжи вокруг истины, и его яд впитывается в массы – чем незаметнее, тем глубже отравляя мирозерцание православного человека.

Откуда это? Не приходится долго задумываться над этим вопросом: прочтите “Протоколы сионских мудрецов” в книге С. А. Нилуса и увидите, что все это делается очень планомерно, обдуманно, теми, кому нужно превратить все человечество в свой рабочий скот... А факты, поразительнейшие факты налицо.

Прислушайтесь к тому, как относится наша печать, наши газеты, – да, газеты: увы, ведь мы теперь книг почти не читаем, а все только газеты: поневоле приходится к ним прислушиваться, – так вот и прислушайтесь, как оне относятся к Церкви, к Евангелию, к самому христианству... Ведь если еще не отрицают прямо, то в общем знать их не хотят! Церковь учит святой истине, газеты – проповедуют служение плоти и похотям ея; Церковь объявляет пост, газеты преподносят читателям, как нарочито, веселые фельетоны и новости по части увеселений... Настает великий праздник Пасхи или Рождества Христова; в газетах появляются рассказы и статейки на темы как будто религиозные, но увы – лучше бы их не появлялось! При этом-то случае и снимают с себя маску лицемерного христианства разные авторы: они дают разные вымыслы, подкладкою коих служат якобы научные открытия, разные сказания, предания, легенды, и все это сводится, в сущности, к подрыву веры в сердцах православных читателей, все – сознательно или бессознательно – служит целям все тех же врагов христианства, врагов Бога и людей...

Газетные листы создают, так сказать, настроение, а мелкие брошюры для народа, якобы научные популярные книжки для полуинтеллигенции, для школ, для молодежи питают это настроение уже открытою ложью, обманывая читателей и выдавая разные хитроумные гипотезы за научно доказанные факты. Печати теперь дана полная свобода: лги, сколько хочешь, подкапывайся под веру Христову, расхищай душу народную, сей отраву полною рукою – все позволено! Правда, есть статьи закона, коих нарушение влечет иногда наказание, но эти статьи так легко обойти, что не стоит много и думать о том. Переводят на русский язык всякую гниль, направленную против христианства, хотя бы эта гниль давным-давно обличена там же, где она появилась, и уже давно заброшена и забыта людьми, честно мыслящими: а у нас ее распространяют как новинку, обманывая простой народ заглавиями. За примером ходить недалеко: на сельских ярмарках, в отдаленных уголках Руси, где-нибудь в Царевококшайске или Устьсысольске, можно найти на рынке

сочинение богохульника Ренана под заголовком: “Жизнь Иисуса”, и благочестивый простец покупает книжку, воображая, что это книжка “божественная” и вовсе не допуская мысли, что этой книжкой ему подносят “нож, медом помазанный”...

Само собою понятно, что тут уже не может быть речи о “безсознательном” отравлении народной души: тут ясно, как Божий день, что отравка подносится сознательно, намеренно, чтоб развратить верующую душу русского простеца. Только хотелось бы спросить: что лучше: оставлять ли этих отравителей в списке христиан, да еще – чего доброго – православных, или же открыто выбросить их за борт корабля церковного? А может быть, они и сами предпочли бы такую свободу – считаться не людьми, а скотами или человекообразными животными? Ведь в душе то они уже не отличают себя от животных, так к чему уж и лицемерие это? Зачем обманывать добрых людей: носить имя христианское, а в душе быть просто скотом?..

Знаю, что сии “носители якобы культуры”, глаголемые “передовые” люди, якобы “просвещенные научными последними словами”, запротестуют против такого прямолинейного решения. Как? Лишать их права носить имена христианские? Что за варварство, что за насилие!.. Но позвольте, господа: ведь имена христианские, православные принадлежат чтимым нами святым угодникам Божиим; для нас носители сих имен не умирали, они живы, мы с ними в благодатном общении, и это для нас живой факт, а не легенда, не мечта... Вы просто не имеете права носить их имена, потому что для вас эти имена не больше как клички для животных, а для нас – символы близких нам, чтимых нами существ. Вам все равно, казалось бы, называться Иваном ли Ивановичем или Дубом Дубовичем, а для нас было бы важно знать: с кем мы имеем дело: с человеком ли христианином, или с человекообразным существом, правда, может быть, и очень умным, но таким, у которого вытравлено из души все, чем отличается человек от животного, а сношение с таким лжечеловеком не всегда может быть безопасно, не говоря уже о всем прочем...

Не будем оправдываться: плохие мы христиане, не стоим почти имени христианского; но все же ведь больно становится на душе, когда не видишь отпора соблазну безбожия, когда широкою волною разливаются противохристианские лжеучения, когда люди открыто Бога знать не хотят, а в то же время именуют себя еще христианами... Великая разница: христианин – простой грешник, и – христианин – безбожник. Грешник всегда покаяться может: пока Бог терпит грехи, пока грешник называет грех – грехом и себя – грешником, дотоле для него возможно обращение. Но безбожник никогда не признает себя грешником; что бы он ни делал, какое бы зло ни чинил – он всегда прав в собственных глазах, он греха не знает, не признает: на чем же тут основаться самой возможности покаяния? Разве на особой милости Божией за молитвы чьи-нибудь или за какое-нибудь доброе дело, сделанное им когда-нибудь, может быть, тогда, когда он был еще верующим христианином: ведь у меня о таких именно и идет речь.

Да, плохие мы христиане, а иногда думаешь: не лучше ли бы было, если бы явных безбожников совсем исключать из среды нашей, чтоб не оскорбляли они, не гасили совсем наше религиозное чувство. Я спросил бы, например, хотя бы этого “ученого мужа”, который так развязно толкует о происхождении наших канонических Евангелий в духе тюбингенской школы: да верует ли он в самый факт воскресения Христова? Не считает ли он его легендой второго века? Знает ли, то есть верует ли так твердо, как он научно опознает хотя бы сам себя, что он живет на свете, – знает ли так же твердо, что Христос *жив*, что Он управляет Своею Церковью, живет в ней и она в Нем, что это – такой же

факт, как его собственное личное существование? Верует ли, – скажу опять сильнее: зияет ли точно, что Христос паки приидет, непременно приидет со славою мною судить живым и мертвым, которые для того и из мертвых воскреснут, и это – непреложная истина? Что будет вечная жизнь, для одних – вечноблаженная, для других – вечномучительная? Ведь сей многоученный муж все это теоретически знает, конечно, с детства, но есть ли для него это знание – живая жизнь, бесспорная аксиома, или же – только легенда, темное сказание, прямее сказать – миф?.. Если последнее, то, ведь, он уже ушел из Церкви, он фактически отступил от Христа, стал снова язычником, бродит вне ограды Христовой: так зачем же и держать его насильно в Церкви, считать христианином?..

Мне укажут на притчу о плевелах: *оставите расти обоя купно до жатвы...* Но, ведь, речь идет не о плевелах, а о сеятелях этих плевел; не о лжеучениях, а о тех сознательных лжеучителях, которые распространяют эти лжеучения; речь идет не о каких-либо карах против них, а просто о мерах предостережения верующих против их лжеучений. В самом деле: вот какой-нибудь лжеученый издает перевод безбожного сочинения, положим, хотя бы того же богохульника Ренана или же богохульное сочинение нашего, к несчастью, соотечественника графа Толстого: ужели Церковь не вправе спросить этого господина, если только он именует себя еретиком, значится в списках православных христиан: а как он верует? Почитает ли он Господа нашего Иисуса Христа Богом воплотившимся или простым человеком? Верует ли он в Его воскресение и будущее второе пришествие? Ну, хотя бы поставить сему господину только два-три таких вопроса... Ужели нельзя? Ведь пастыри Церкви на то и поставлены, чтобы пасти Христовых овец: а что если под одеждою-то овцы скрывается просто-таки волк? Ужели пастырь не вправе заглянуть под его одежду? А дальше – заповедь: *повеждь Церкви...* Скажут: донос? Но пусть говорят что угодно: если моего вразумления моя овца не слушает, то я *должен* поведать о сем Церкви! Это – мой долг. И никто не вправе воспрепятствовать мне исполнить сей долг. Тот, кто перестал веровать в Господа Иисуса Христа, яко Бога, кто не верует в Его воскресение и будущее второе пришествие Его, как в непреложную истину, – не говоря уже о прочих догматах святой нашей веры, – кто открыто, печатно проповедует свое неверие, – тот уже перестал быть христианином, тот отпал уже от Церкви, тот уже сам подвел себя под анафему, возглашаемую Церковью в неделю Православия: ужели Церковь не вправе удостоверить этот, уже совершившийся факт отпадения от нея, открыто объявить верующим, чтоб такого человека боялись, как зараженного неисцельною духовною проказою, а потому и все, что он выпускает из-под печатного станка, следует принимать с крайнею осторожностью, как от богоотступника? Недавно церковная власть оповестила православных, чтобы остерегались бесед некоего хлыста Чурикова: почему она не может оповестить верующих, чтобы береглись изданий, руководимых хотя бы только открытыми врагами Церкви и Христа – иудеями или открытыми их приспешниками, привлекая сих последних, если они еще не отреклись формально от Православия, к ответственности пред судом Церкви, яко чад Церкви, за распространение безбожных и противохристианских идей и за соблазн верующих? Если Церковь привлекает к своему суду, например, имебожников – вождей секты, то почему не привлечь и покровителей их, разных издателей и сочинителей, именующих себя православными? Не все ли равно: распространяется ли лжеучение словесно, или письменно, или же печатно? Ересь остается ересью и в словесной форме и в письменном изложении, да в последнем вред ее грозит большей опасностью, что каждому ребенку

известно даже из басни Крылова: “Писатель и разбойник”. Само собою понятно, что не формальный, а так сказать – идейный суд Церкви неминуемо простирается и на тех, кто распространяет или защищает ересь печатно, но, к сожалению, это далеко не всеми осознается, а разные писатели и издатели, защитники ересей, не допускают о том и мысли, будто они подлежат суду Церкви за свои печатные выступления. Между тем, печатное слово в защиту ереси, какой бы то ни было, есть уже деяние греховное против Церкви, против Христовой истины, есть уже соблазн малых сих, а известно, как Господь осудил грех соблазна: Он, милосердый, признал, что лучше бы соблазнителью быть потоплену в пучине морской, нежели согрешить грехом сим! И Церковь видит, как разные писатели и издатели грешат сим грехом: неужели она не вправе – скажу сильнее: не есть ли ея прямой долг обратиться к сим, еще именующим себя чадами ея, с словом увещания, вразумления, а если они не слушают, прекословят ей, то – по меньшей мере, предостеречь послушных чад от таких лжесловесников, вносящих соблазн ереси в души православно верующих?.. Может быть, они не пойдут на этот суд Церкви? Но ведь это уже будет отпадение от Церкви, и она будет иметь и право и долг объявить об этом чадам Церкви! Ужели положение церковной власти дошло до такого паралича, что она не может уже, считает бесполезным, может быть, даже опасным – воздействовать на явных соблазнительей данным ей от Христа полномочием: увещевать, убеждать, грозить отлучением и, наконец, – приводить угрозу в исполнение? Со стороны может показаться, что церковная власть – простите слово, неудобь к ней применимое, – забыла о своем праве и долге! Тут ведь речь идет не о каких-либо гражданских правоограничениях: говорю просто о праве и долге рассматривать деятельность именуемых “чад” Церкви в ея отношении к миру Церкви, к внутренней жизни Церкви, к чистоте ея учения и святых догматов церковных. Во времена Вселенских Соборов не было печатных станков, не было журналов и газет; но и тогда на Соборах власть церковная находила нужным осуждать некоторые сочинения неправославно мыслящих писателей, даже умерших, даже и самих писавших. Нет сомнения, что она привлекала бы к своему суду, и суду строгому, таких писателей, которые стали бы защищать ереси, выпуская в тысячах экземпляров их изложения или апологии. Печать совсем разнуздалась в отношении вопросов веры; именующие себя православными открыто излагают и проповедуют всяческие ереси и безбожные учения; печатают нередко самые богохульные сочинения, а Церковь молчит, как будто она ничего не может сделать против этого зла. Но как же она терпит это зло тогда, когда оно распространяется не иудеями, не иноверцами, не отпадшими от Церкви сектантами и раскольниками, а ея же чадами?.. Ссылаться на свободу, объявленную печати и истолкованную врагами Церкви в смысле, им желательном и Церкви явно враждебном, нельзя: для чад Церкви у матери есть свои меры воздействия, которые она должна привести в действие. Высказываются опасения, что тогда много “писателей” и издателей объявят себя отделившимися от Церкви. Дело не в том, сколько непослушных и неразумных умников уйдет в секту или раскол после увещаний и материнского воздействия Церкви: важнее то, что соблазняемые теперь ими увидят, к чему ведет самовольное мудрование, и отшатнутся от таких мудрователей. Важнее то, чтобы пробудить в чадах Церкви заснувшее во многих сознание необходимости для спасения послушания Церкви, единения с нею в мысли и слове. Важнее то, что всем, еще верным Церкви чадам ея будет известно: кто сеет и поддерживает смуту, чтобы таких людей остерегаться и, по завету святых Апостолов, не иметь с ними близкого братского общения. Кто посмеет сказать, что Апостол Иоанн Богослов, сей Апостол любви, не имел

достаточно христианской любви, когда писал “избранной госпоже и чадом ея”: *всяк преступай и не пребываяй во учении Христове, Бога не имать. Аще кто приходит к вам и сего учения не приносит, не приемлите его в дом и радоватися ему не глаголите, не приветствуйте его. Глаголяй бо ему радоватися сообщается делом его злым* (2 Ин. 9—11). И Апостол Павел запрещает с таким даже вместе принимать пищу. Так велика опасность от общения с противником Церкви! Да и Сам Христос Спаситель сказал: *аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Обычно противники власти церковной говорят, что архиерей и Синод еще не Церковь. Но всю полноту власти, все обязанности блюсти чистоту учения веры, всю ответственность, а следовательно, и права управления Церковью возложены не на мирян, а на преемников апостольского служения – архиереев, а потому святые отцы требовали безусловного послушания церковной власти и, в частности, носителям ея – архиереям, пока они не лишены своих полномочий собором церковным. Не мирянам судить своих пастырей: такое извращение порядка церковной жизни в Церкви недопустимо! Если мы не находим в правилах соборных и святоотеческих указания на то, как относиться к авторам печатных произведений еретического содержания, то это понятно: тогда печати еще не было. Но, как я выше уже сказал, писания еретические Церковь судила и авторов осуждала. А ныне авторы и издатели вообразили себя уже какими-то судьями самой Церкви, и пусть бы уж это были враги Церкви, вторгающиеся в ея жизнь внутреннюю: так бы и пришлось относиться к ним как невменяемым, как к людям, которые не ведут, что говорят и пишут. А когда пишут и печатают именующие себя сынами Церкви, да еще мнящиеся ревновать о чистоте учения церковного, дерзающие обвинять самую церковную власть в ереси, поносящие исполняющих свой долг пастырей Церкви – может ли Церковь тогда молчать? Ужели во имя какой-то неопределенной свободы печати, свободы слова власть церковная должна безмолвствовать? Ужели даже своим чадам, ей еще верным, Церковь не может, не смеет сказать, что такой-то писатель или такое-то издание лжет, заблуждается, распространяет ересь? Ужели этого писателя или издателя власть церковная не может даже спросить: како веруеши? Ведь ты именуешь себя православным: кто же дал тебе право искажать учение Церкви Православной, да не про себя только, но и других смущать, подрывая в них доверие к церковной власти, стоящей на страже догматов и учения Церкви? Если ты сам смущался чем-либо, то должен был обратиться к пастырям Церкви за разъяснением, а не выступать пред целым миром в качестве их обличителя и обвинителя – ты, именующий себя еще сыном Церкви! Данная тебе свобода слова еще не освобождает тебя от обязанности послушного сына Церкви – почитать Самим Господом поставленную власть церковную, если только ты еще не отпал от единения с Церковью, ибо сказано: кто не с епископом, тот и не в Церкви. И пока ты именуешь себя сыном Церкви, дотоле Церковь имеет и право и долг требовать от тебя послушания, судить тебя судом божественным, а в случае непослушания – отказать от тебя, отлучить тебя от себя! Суд Церкви никакого отношения к законам гражданским не имеет, и что разрешает – если только разрешает – закон гражданский, то не всегда может одобрить, иногда не может допустить закон церковного послушания. Известно, например, что закон разрешает военным дуэли, а Церковь называет их тройным преступлением: убийством, мятежом против правительства и самоубийством. Конечно, суд Церкви есть суд любящей матери. Но есть предел любви не только матерней, но и божественной. А суд Церкви есть суд божественный по своей сущности, ибо право сего суда дано Церкви не людьми, а Самим Господом. *Елика аще свяжете на земли, будет связана на небесех, и елика аще*

разрешите на земли, будет разрешена на небесе – это ведь слова Самого Господа. Ныне привыкли к мысли, что Церковь, в лице ее служителей – пастырей, должна только разрешать и разрешать своих чад, в каком бы грехе они ни каялись, а о праве “связывать”, запрещать, даже отлучать почти все забывают. Но бывают обстоятельства, когда, хотя бы во избежание соблазна, заражения ересью, Церковь должна, хотя и с болью сердца, провозглашать свой строгий суд над непослушными своими чадами. Когда распространяется зараза, надо принимать предохранительные меры. Надо предупреждать детей от опасности заражения. и в этом суде никакие мирские власти, никакие законы о свободах ей не могут препятствовать. Это – ее небесное право. Само собою разумеется, что для человека, покинувшего Церковь, такой суд не страшен: он будет смеяться над ним, как несчастный Толстой смеялся; но для верующих приговор Церкви есть уже знак, что должно сторониться такого человека. А еще, слава Богу, хотя число верующих и умалилось, все же на Руси их немало, и для них голос Церкви будет иметь всю свою силу и значение. Есть и такие, которые в недоумении вопрошают: почему Церковь молчит? Почему она не принимает мер к такому или иному воздействию на именуемых чад ее, доходящих до такой дерзости, что они судят церковную власть, как будто она им подчинена, а не они – ей, как будто они кем-то уполномочены давать свои заключения относительно ее деяний и вовсе не обязаны выслушивать ее решения и суждения. Казалось бы, уж пусть будет лучше наоборот: пусть Церковь исполнит свой долг в отношении сих заблуждающихся, и если они не раскаются и не смирятся пред Церковью, то пусть будут извергнуты из ее недр, а затем их газетные толки, их критика церковной власти и ее распоряжений уже будут в глазах верных сынов Церкви то же, что теперь суждения каких-либо раскольников и сектантов в их повременных изданиях, обычно преисполненных клевет на Церковь православную и ее служителей.

Было время, когда церковная жизнь шла спокойно в своем вековом русле и церковная власть руководила ее течением, не имея крайней нужды усиливать строгость своей дисциплины. Теперь – время всяких свобод, лучше же сказать – распущенности во всех областях русской жизни. Эта распущенность проникла уже и в область церковной жизни. Забыв о необходимом условии пребывания в недрах Церкви, иные “чада” Церкви позволяют себе всякое самочиние и в мысли, и в печатном слове, и в учении веры. Сама жизнь, таким образом, настойчиво просит более строгой дисциплины. Сыны послушания начинают чувствовать уже гнет от сынов противления. Благодаря слабости дисциплины, и для лицемера-жиды стало легко быть, то есть считаться православным, ибо Православие на деле, в жизни, ничего от него не стало требовать, что препятствовало бы ему жить, как ему хочется. С другой стороны, распустились и исконно православные: внешняя ограда закона гражданского снята: веруй как знаешь, иди в какую хочешь секту, исключая противогосударственные и противообщественные; пиши и говори, что хочешь: свобода слова и печати почти безграничная, а внутренней церковной дисциплины, как внешнего проявления жизни самой Церкви, незаметно. И мнимые православные забыли, что есть власть церковная, что она имеет и право, и долг наблюдать за их деятельностью в области веры Православной. В их сознании как будто сгладилось различие между пастырем и пасомыми, между имеющим право и долг учить и между не имеющими такого права, между облеченными благодатию “созидания Церкви”, то есть благодатию священства, и между простыми мирянами, коим разрешается учительство только по особому благословению пастырей Церкви. Все спустилось, смешалось, и без восстановления церковной дисциплины, и притом строго разумной, не разобраться в этой путанице.

Думается, что церковная власть и должна положить начало такому великому делу с тех именуемых чад Церкви, которые самочинно берут на себя суд над самою властью церковною, над Святейшим Синодом и архипастырями, над их учением, то есть, учением самой Церкви, ибо у них нет своего личного учения, своего смышления. А таковы и есть так называемые представители публицистики, руководители печатного слова...

Необычно на сей раз мое слово. Не дерзаю сказать с Апостолом “не почти кто-нибудь меня неразумным”, но дерзаю повторить его дальнейшее слово: “примите меня, хотя как неразумного” (2 Кор. 11, 16). Если я ошибаюсь, то вразумите меня, но все же уделите внимание сим моим строкам...

№ 220–221

На опасном пути

К сожалению, приходится отметить, что вождь имебожников А. Булатович не подает надежды к смиренному сознанию своего заблуждения. Вступив на путь самочинного мудрования, он стал на почву полемики с церковною властью, уже воображая себя вполне правоспособным богословом для такой полемики и для формулирования новых, в богословской науке еще неизвестных догматов. Почва опасная и Церковию неблагословляемая! А что это так, что он на опасном пути, видно из того, что ведь не может же он отказаться от заявления схимонаха Илариона, что ими открыт “новый догмат”, доселе как бы незамеченный, именно – что “имя Божие есть Сам Бог”. А святые отцы, учителя подвижничества, Иоанн Лествичник, Варсонофий Великий и другие, строго запрещают рядовым монахам заниматься исследованием догматов, указывая им смиренный путь послушания и предоставляя “догматствование” епископам.

Ныне Булатович заявляет в своем “прошении” Святейшему Синоду, что “по одному своему званию схимонаха будучи всегда готов “смириться” (это слово он почему-то ставит во вносные знаки, что производит странное впечатление, как будто призыв Святейшаго Синода к смирению по адресу инока носит какой-то специфический характер), да и вообще никогда не стыдясь сознать свою ошибку, в особенности если эта ошибка может иметь пагубные последствия не только для него, но и для многих других”, он “с радостью готов и смириться и отстать от заблуждения, но”...

Но прежде, чем читать его условия, на каких он “готов смириться”, я не могу не напомнить ему нашей беседы в больнице, в Петербурге: г. Троицкий и я довели его до сознания, что он неправильно перевел из греческой Постной Триоди слово Бог, для понятия “Бог” у греков есть специальное слово. Мы предложили ему немедленно, теперь же, напечатать в “Колоколе” или в каком угодно издании, что он исправляет свою ошибку. На это он не согласился, сказав, что исправит во втором издании своей “Апологии”. Правда, он дал на бумаге нечто вроде такой поправки для представления Святейшему Синоду, но когда я прочитал эту поправку в Синоде, то она была признана довольно двусмысленною и недостаточной, да притом автор все же меня не уполномочил ее напечатать. Итак: мы вправе сомневаться и теперь, что он действительно “готов” сознаться в своем заблуждении.

Однако же, какия его условия покаяния?

“Но, говорит он, прежде нежели это сделать, я должен знать, в чем должно заключаться сие “смирение” (заметьте: опять как бы ирония – знаки вносные) и от каких заблуждений подобает мне отстать?” – И затем, на 27 страницах в лист (по 62 строки!), в 9 пунктах, разбирает, точнее – критикует, все послание Святейшаго Синода, доказывая несправедливость предъявленных ему обвинений, обвиняя, в свою очередь, архиепископа Антония и меня в богохульстве, повторяя все те подмены и искажения, в коих он изобличен уже и мною, и С. В. Троицким, не обращая ни малейшаго внимания на эти изобличения, как будто их и не было, и в заключение категорически заявляя: “Судите нас или совсем отлучите, но отступаться от святоотеческой православной веры во имя Божие – мы не можем!” Другими словами: он, от лица своих единомышленников, заявляет, что отступить от лжеучения, признанного и Святейшим Синодом, и двумя Вселенскими Патриархами – ересью, они не могут, а требуют – это само собою подразумевается, –

чтобы сам Святейший Синод отрекся от своего приговора над их ересью, признал нас, архиепископов Антония и Никона, богохульниками, а поелику Святейший Синод является единомысленным с нами, то и себя пусть признает погрешившим, если уж не еретичесствующим... Таково “смирение” (вот уже поистине, смирение в вносных знаках!) А. Булатовича!

Разбирать все 1600 строк сего прошения значило бы писать целую книгу: а главное, сии строки представляют собой не что иное, как пересказ, повторение все той же знаменитой “Апологии” Булатовича, которая была тщательно разобрана уже и в докладах Святейшему Синоду, и в статьях, и в брошюрах наших; автор с спокойной совестью повторяет, как я сейчас сказал, все свои ошибки, цитирует искаженные места из св. отцев, толкует по своему смыслу тексты из Священного Писания, причем на каждой почти строке, иногда даже не раз, пестреет “имя Божие”, так что читатель, наконец, испытывает какой-то тяжелый гипноз и бросает чтение “прошения” так же, как он вынужден был откладывать и чтение “Апологии”...

Он обвиняет нас в нежелании понимать его. В свою очередь, мы вправе обвинять его не только в нежелании понимать нас, но и в перетолковании наших слов. Например, совершенно произвольно он утверждает, что под выражением “самое имя” в синодальном послании – очевидно (?) подразумевается именованное и немолвленное”. Но откуда же это – “очевидно”? Послание понимает, конечно, не одни звуки, не о дне буквы имени, но и мысленное умолвленное, или, как говорят, идею, все то, что Булатович называет тварною оболочкою имени Божия. Впрочем, еще может быть, Булатович именно идею-то и понимает, когда говорит об имени, что оно есть Бог...

Читая его тезисы, в коих он излагает свое мудрование, и те пространная, но весьма туманная объяснения, какия он дает в своем “прошении”, лучше бы сказать – полемическом послании, на имя Святейшаго Синода, ясно видишь, что человек путает понятия, пускается в область богословия и метафизики и, не зная, как выйти из этой путаницы, прибегает к высокопарным выражениям, смысл коих едва ли понятен и ему самому. Еще в самом начале полемики моей с ним писал я ему, что прежде всего надобно твердо установить два понятия: что такое “имя” и что такое “Бог”? Какие признаки сих понятий? В своем ответе он уклонился от определенного ответа на эти два вопроса. Уклоняется и теперь. В самом деле, на вопрос: что такое “имя”? – в своем “прошении” он отвечает: “Имя Божие, в самом обширном и таинственном смысле этого слова, понимается во святом Писании и у св. отцев равнозначущим с именем “Слово Божие”, то есть “имя Божие” означает “Сын Божий”.

Хотя это и бездоказательно и не может быть признано верным, что в слове Божиим и у святых отцев под именем Божиим “разумеется, означается”, именно Второе Лице Святыя Троицы – Сын Божий, согласимся на минуту, что это так: но ведь из сего следует, что под “именем Божиим” уже не должно разуметь Первое и Третье Лица Святыя Троицы – Отца и Святаго Духа. Иначе выйдет само собою заключение, что и Отец и Святой Дух – суть Сын Божий. Явная нелепость! А во-вторых, и мы говорим, что термином “имя Божие” мы “означаем” Бога, что имя Его есть символ, или, как у греков принято говорить, – икона Бога. Казалось бы, А. Булатович согласен с нами? Отнюдь нет: он говорит, что “имя Божие есть Сам Бог”. Но что-нибудь одно: или имя “есть” Бог, или же только “означает” Бога: ведь это два понятия, отстоящая одно от другого, как небо от земли.

А. Булатович понимает, что такое определение имени Божия, как “Сын Божий”, многих не удовлетворит, а потому он дает еще другое: “имя Божие, в более тесном смысле,

говорит он, означает различия именования Божия, открытые Богом человеку, коими мы именуем Бога по богооткровенным свойствам Его". Кажется, ясно, что тут уже разумеется надобно имена – слова. Да он далее и сам говорит: "в этом смысле понимаемое имя Божие равночестно *Глаголам* Божиим, которые таинственно заключают в себе Дух и Жизнь, то есть Божественную деятельность Божества, которая, будучи растворена верою воспринимающих сии Глаголы, освящает их и просвещает ко спасению и причащает Божеству".

Действительно, тут что-то "таинственно". Прежде всего, почему-то Булатович все эти слова "Глаголы", "Дух", "Жизнь", пишет с прописных букв: значит, надо в эти слова вложить какой-то особый, таинственный смысл, ибо ведь это – не собственные имена, чтобы писать их с большой буквы. Во-вторых, как понимать, что сии "именования Божии", сии "Глаголы Божии" причащают нас Божеству? А Булатович еще прибавляет: "в сем смысле мы имеем право называть имя Божие Богом, ибо в нем (в имени, конечно?) мы восприимлем Божество Божественной энергии, а в сей энергии Божества непостижимо и недомыслимо вселяем (сами?) в себя Самого Бога". Что же это такое? Новое учение о причащении посредством имени Божия? Не в этом ли разгадка, почему слова: "Глаголы", "Жизнь", "Дух", пишутся с большой буквы? Не потому ли мне еще на Афоне имебожники заявляли, что если у них не будет иерархии, не будет совершителей Таинств, то они будут причащаться именем Божиим? Сколько известно, ведь и молокане проповедуют духовное причащение и крещение словом Божиим. Православно ли это? Мы знаем учение о посещении достойных благодатию Божией чрез молитву, исполнение заповедей Божиих, а наипаче чрез Таинства Церкви, из коих только одно делает нас причастниками Божества Христова – святая Евхаристия, но во всех 8-ми "положениях", или исповедуемых Булатовичем тезисах, ни разу не упомянуто слово "благодать", столь обычное в церковном языке, когда идет речь об отношениях между Богом и спасаемым человеком. По его мудрованию, имена Божия, оболочкою коих служат слова, воспринимаются с верою и причащают воспринимающего Божеству, ибо "произносящий их вселяет в себя Самого Бога". Логическое ударение ставится не на слове "благодать", которое как-будто намеренно избегается, а опять-таки на "имени Божиим", которое, по словам Булатовича, "в строго догматическом смысле, в смысле Божественного откровения есть энергия Божества и Божество". "Имя Божие, говорит он далее, есть Божественная сила, Господственно (опять большая буква) действующая. Имя Божие в Боге и Бог в имени Своем".

Итак, в нескольких строках читаем: имя Божие есть Сын Божий. Имя Божие есть сила Божия. Имя Божие есть энергия Божества, есть деятельность Божества.

Имя Божие – глаголы Божии, именованья Божии, открытия Богом человеку... Кроме первого определения ("Сын Божий"), которое не может быть признано верным, ибо очевидно смешивает совершенно различные понятия: идет ряд отвлеченных понятий: "сила", "энергия", "деятельность", "именования", "глаголы"... Ивее это – Бог! Пусть специалисты по богословию разберутся в этой путанице, смешении понятий. Булатович как будто боится сознаться, что, в сущности, обожает звуки и идеи, однако же, когда говорит об имени "Иисус", что "оно есть самое совершенное наименование Сына Божия, имеющее величайший сокровенный смысл", то неизбежно ведь говорит о звуках, ибо как же без звуков именовать какое бы то ни было имя?.. Правда, в другом месте он говорит, что "приписывает Божественные свойства не тем буквам, которыми условно выражается Божественная истина, но лишь самому слову истины". Но что же это за "слово истины"?

В чем он полагает самую сущность имени? “Конечно, говорит он, буквы и звуки суть условные знаки, разные на разных языках, но та истина, которая сими буквами и звуками выражается на всех языках и во всех выражениях, всегда одна и та же, и сия истина есть происхождения Божественного, всегда пребывает в Боге, и Бог в ней пребывает. Вот что называем мы “именем Божиим”, отличая имя от именачертания и имезвучия”. Что вы, автор “прошения”, отличаете свое понятие об имени от именачертания и имезвучия это понятно, но все же остается непонятным: что такое, по вашему учению, “имя” в своей сущности? Дело в том, что слово “имя” имеет такое свойство по своей логической природе, что требует непременно звукового сочетания, дабы отметить тот или другой предмет для нашего мышления, и если отнять от имени звук, то остается только предмет, им означаемый, или умопредставление о нем, но уже темное, обычно мыслимое посредством звукового сочетания. Самую “идею” трудно мыслить без звукового имени, хотя бы это имя и не было произносимо устами: таков закон нашего мышления. Но что это за “слово истины”? Когда мы делаем предположение, что вы имя Божие отождествляете с Самым Существом Божиим, вы говорите: “Имя “Иисус” по самому существу своему есть Сам Бог, но не есть оно Самая неименуемая Сущность Божия – прочь такое хуление, – но оно есть истина единосущная Троицестасной Истине”. Значит, имя, по-вашему, по самому существу своему есть Сам Бог, но в то же время оно не есть Сущность Божия. Значит, оно есть нечто отличное от Бога. Значит, оно не есть Бог. Так требует неумолимый закон логики. А если так, то что же это за “нечто”, которое вы исповедуете Богом? Что это за “объективное бытие”, в котором, “по неотделимости деятельности Божией от Существа Его, Сам всемогущий и вездесущий Бог, Сама всесовершенная Личность со всеми Своими свойствами”, но опять-таки – без Существа Божия, ибо вы говорите и это подчеркиваете, что “имя не есть самая Сущность Божества”?.. “Имя Божие, говорите вы, есть непрестающее светоизлияние Божества, озаряющее человека Боговедением, которое неизменно всегда существует само в себе и в Церкви с тех пор, как существует Церковь Ангелов и человеков”. Но тогда – причем же тут самое слово – “имя”? Ведь говорим же мы, что Господь есть свет истинный, просвещающий всякого человека? С равным правом можно бы при этом назвать и другое свойство Божие, например, – премудрость Божию, а вам почему-то нужно именно – “имя”?.. Вы признаете бытие имени – именно “имени”, даже объективно, как свет Божества, как всегда Божество... Вы говорите, что “объективно истина Божия, выражаемая (словесно) именем Божиим, есть Сам Бог”. Но Бог есть всесовершенная Личность, следовательно, по-вашему, истина Божия, выражаемая в имени Божиим, есть личность? Но сия истина, говорите вы, только выражается в имени, следовательно, самое-то имя уже не есть Бог? “Имя Божие, говорят имебожники, есть энергия Божества”. Заметим: лучше сказать: энергия Божия, а не энергия Божества. Это необходимо для того, чтобы в наше время, когда естественные науки так много говорят о разных энергиях, не всеять в мысли читателя представление о Самом Боге, как бы источающем энергию из Себя подобно некоторым физическим телам, источающим из себя эманацию произвольно. Итак, по-вашему, имя – энергия. Но что есть энергия? Это – свойства Божий: всемогущество, премудрость и благость в их действии. В этом смысле энергия Божия сотворила мир. В этом смысле, перенося понятие действия на Деятеля – Творца, должно сказать: Бог сотворил мир. В этом смысле и энергию Божию можно называть Богом. Но что такое имя? Допустим, что оно – плод действия энергии Божией в духе человека. Но ведь мир – плод действия той же энергии. Следовательно, имя есть нечто

тварное. Бог вложил в духе человека семя, инстинкт, потребность, идею веры. Это уже творение Божие. Дух человека данными ему способностями образовал “имя”, отметил в своем мышлении это семя веры неким знаком, символом, необходимым для его мышления. Это уже не энергия Бога, а лишь последствие первоначального воздействия Божией энергии в духе человека. Но даже если бы Бог Сам, без содействия духа человеческого, вложил в дух сей тот мысленный знак, умопредставление о Себе, что именуется именем Божиим, все же это было бы только творением Божиим, но не Богом. Но святые отцы ясно учат, что имя Божие “измышлено” самим человеком. Поэтому уже никак нельзя называть имя Божие “энергией Божества”. Во всяком случае, имя есть нечто тварное, а не Сам Бог.

Говорят: “истина”, а не звуки, не умопредставление есть имя. Но тогда и слово “имя” уже не должно употреблять: оно неизбежно требует того или иного мысленного знака, символа, выражаемого в слове. Вот почему отнюдь нельзя допускать такого смешения понятий, какое допускают имебожники.

Но я утомляю читателя,водя его по лабиринту мудрований имебожника. Чтобы выйти из этого лабиринта, пытаюсь установить некоторые необходимые понятия более определенно.

У греков есть два слова, коим в русском языке соответствуют три. Одно слово соответствует русскому – *Бог*, а слово того же корня – русским – *Божество* и *Божественность*. Первое слово включает в себе понятие, по преимуществу, личности, второе – качества. Русские слова *божество* и *божественность* имеют свои оттенки: слово *божество* может быть употребляемо и в смысле личности – “Бог”, но большею частию в применении к языческим богам, и в смысле качественного понятия: Божество Христово – природа Божественная. А слово *Божественность* – только в смысле качества и относительности: Божественныя свойства: премудрость, благость и пр. и Божие промышление, а затем – святость предмета: имена Божии, Богу принадлежащая, Ему единому свойственныя, приличествующия, – божественны.

Имебожники, не зная греческого языка, не умели как следует разобраться в этих оттенках понятий и перепутали их. Так, например, в подлинном греческом тексте о действии Божиим (об энергии) употреблено слово **божественность**, а они перевели его как – **Бог**, и получилось учение, что самая деятельность Божия есть Бог как личность, как “Сам Бог”. А так как они имена Божии считают “энергией” Божией (в чем и есть их главное заблуждение), то, понятно, по их понятиям и выходит, что они – Бог, Сам Бог. Имена Божии, как иконы, конечно, суть святыня; их должно называть Божественными, как мы и называем; но для имебожников этого мало: они называют нас имеборцами, как будто мы отвергаем сии имена, отрекаемся от них...

Но Булатович, – страшно сказать, – дерзает клеветать на самого апостола Павла, будто он разные виды деятельности Божества именует Богом: “Прочтите, пишет он, главу 12-ю 1-го послания к Коринфянам, в которой говорится о разных видах деятельности Божества, – в ней сия деятельность именуется “Той же Бог”, или иначе сказать: “Тот же Самый Бог”, или, как мы (имебожники) говорим – “Сам Бог”. Читатель с изумлением останавливается на таком толковании, но Булатович, нимало не смущаясь, продолжает выписку, вставляя, по своему обычаю, в нее свои толкования: “Разделение же дарований суть (то есть благодатных дарований Божиих), а Той же Дух; и разделение служений (то есть даров служения Богу), а Той же Господь; и разделение действий (или различных видов Энергии Божества, поясняет Булатович), а Той же есть Бог, действуяй вся во всех. Вся же

сия действует един и той же Дух, разделяяй властью коемуждо, якоже хочет”. “Итак, какое свидетельство, восклицает Булатович, непреложное этого может дать нам право называть Энергию Божественной Истины в Именах и Глаголах Божиих – “Самим Богом”, то есть Тем же Самим Богом, Который неотделим от Энергии Своей, Который есть претпростый Дух и в Котором нет ничего ни неодушевленного, ни отвлеченного, ни вещественного, но Который есть и всесовершенная Личность Бог и в Котором все есть Лично, ибо претпросто и претесно соединено с Сущностью Его”.

Это торжествующее восклицание вызывает только крайнее недоумение... Ужели Булатович настолько невежествен в славянском языке, что не может разобраться в священном тексте, где подлежащее и где сказуемое? Всякий видит, что слова “Той же Бог” не есть сказуемое к подлежащему “действия”, а все это выражение Апостола есть самостоятельное предложение, в котором подлежащее – “Бог”, а сказуемое – “один и тот же”. Если встретилось недоразумение, то Булатович мог бы прочитать в русском переводе тот же текст, и тогда для него ясно стало бы что тут и намека нет на то, будто Апостол называет действия Божии Самим Богом. И не было бы повода с таким пафосом восклицать: “какое свидетельство непреложное” и проч. Теперь же мы вправе видеть в этом случае свидетельство только – или невежества, или же недобросовестности Булатовича... Можно даже думать, что он нарочито приводит это место Апостола Павла по-славянски: некоторая темнота славянской речи дает ему удобство прикрыть свое неправое мудрование. Ведь то же самое он делает и с выписками из святых отцев, приводя славянский текст вместо русского.

Я сказал, что Булатович смешал понятия: Бог, Божество, Божественность. Он также смешал и понятия: свойство, качество, сила, действие, имя. Ясно, что и понятие благодати он подводит под ту же категорию. Для него, в его мышлении, существует только две категории, без всяких подразделений: Творец и творение,

Бог и тварное бытие. Все, что не тварное, бытие – есть Сам Бог. Поэтому все свойства Божии, действия, силу, благодать, он относит к понятию Бог: “энергия Божия – Сам Бог, имя Божие – Сам Бог”. Мало того: уже не мысль, но самые слова, “оболочка мысли”, по выражению Булатовича, – “Евангелие, сие слово Воплощенного и действия Его, в нем описанный, – суть Сам Он Бог Слово”. “Полагается Евангелие, т. е. слова Иисусовы, которые и суть Сам Бог”. “Всякое слово молитвы есть Бог, а имя Божие тем более – Бог”. Это “тем более” показывает, что у имебожников есть и – “тем менее” Бог. Это – уж простите – отзывается чем-то хлыстовским... Только в хлыстовщине понятие о Боге употребляется в степенях сравнения: более Бог, менее Бог... Так постепенно, незаметно для самих себя, имебожники переносили понятия из области тварного – в область понятия о Боге, смешивали “божественное” с “Богом” и пришли к обожанию имен Божиих, вопреки учению святых отцев, признавая имена действиями Божиими вместо того, чтобы почитать их только “божественными”. Это смешение понятий: “Бог” и “Божественность” и стало камнем преткновения для малосведущих в тонкостях святоотеческого богословия монахов. Благоприятною почвою для такого смешения понятий являлось и библейское словоупотребление, по крайней мере, в отношении к слову “имя”^[37]. Раз уклонившись на путь самочинного, не окормляемого руководством иерархии как хранительницы церковных преданий, мудрования, они от имени перешли уже к учению о том, что имя Божие есть некое реальное, объективное бытие, есть духовное существо, есть Сам Бог...

Явилось учение о боголепном поклонении имени Божию как Богу. А поелику слова Евангелия Седьмым Вселенским Собором приравнены только к св. иконам, а

богоподобное поклонение иконам запрещено под угрозой анафемы, то пусть имебожники сами сделают вывод, какая угрожает им опасность от их обоготворения имени, как бы они его ни толковали. Допущенное ими вначале, вероятно, по недоразумению, а потом уже защищаемое сознательно смешение понятий привело их с одной стороны к обоготворению имен Божиих, имен Божественных, но не более как икон, следовательно, к обоготворению тварного начала, а с другой, – к принижению и искажению понятия о Боге до какого-то идейного пантеизма.

А все это удаляет их от Церкви, лишает благодати, в ней сущей, и ведет к вечной гибели...

Имея уши слышати да слышит!

№ 222

Дерзость растет!

Вожди имебожников не успокаиваются. Не успеваешь разобрать одно их мудрование, как они подают другое, третье и т. д. С. Синод только что сдал в Московскую синодальную контору прошение А. Булатовича, на 27 страницах, как тот же Булатович подал, уже за подписью еще трех монахов, новое “Исповедание веры в Бога и во имя Божие”. Еще члены Святейшего Синода не прочитали этого “исповедания”, как он подает уже дерзкое заявление, что если С. Синод не откажется от своего, по его мнению, ложного учения об именах Божиих, то он, Булатович, и все его единомышленники отказываются от всякого общения с С. Синодом и его, С. Синода, единомышленниками... Гордыня еретичествующего вождя растет уже не по дням, а по часам! Они уже воображают себя выше патриархов, выше Синода, считают себя судиями их и готовы отлучить сих представителей Церкви от общения с собою...

Какое безумие! Какая дерзость!

Первый пункт их “Исповедания” гласит: “Верую во единого Бога так, как учит веровать Церковь в Символе веры, и от себя ничего не прибавляю и не убавляю”, но с следующего же, второго пункта “Исповедание” начинается именно “прибавлять от себя” новое учение, исповедуемое имебожниками о вере “в имя Божие” как в Бога. Это лжеучение изложено в виде отрывков из писаний отцов и из Священного Писания, со всеми натяжками, перетолкованиями, словом – все дальнейшее изложение этой веры в имя Божие не представляет ничего нового против того, что уже имебожниками не раз излагалось в их многочисленных писаниях, а главным образом, в писаниях самого Булатовича, который, несомненно, сочинял и этот новый документ. Что такое “имя Божие” по их пониманию, – так и остается неясным, двойственным, даже тройственным, с массою выписок, ссылок, иногда непонятных: например, на какой-то “святой катихизис”, вероятно, на старопечатный Большой, в свое время еще патриархом Филаретом изъятый из употребления. Нового в этом “Исповедании” разве только все более и более возрастающая дерзость еретичествующего автора: он без стеснения клеветает на Святейший Синод, например, будто в его послании сказано, что имя Божие не божественно, почему автор и заявляет: “не только не могу подписаться, что сердцем приемлю и лобызаю сие учение, патриархов Иоакима и Германа и С. Синода, но страшусь всякого соприкосновения с ним и чужда себя творю от онаго”. Совсем как отрекающийся, даже славянским языком, только уже не от ереси, а от учения, изложенного Церковною властью, от учения Церкви...

И в этом “Исповедании”, как и во всех прежних имебожнических писаниях, в выписках из отцов Церкви логическое ударение ставится на словах: “верую во имя”, а слово “верую” везде понимается как слово: “признаю за Бога”. Если выпустить все места, в коих встречается слово “верую во имя”, но не говорится прямо – “имя Божие есть Бог”, то останется очень немного выражений, по-видимому благоприятствующих имебожникам, но и то только тогда, когда сии выражения приводятся вне контекста речи.

В самом деле: разве мы не веруем во имя Божие, как веруем, например, в чудотворную икону, в честный крест, к которому даже молитвенно обращаемся: “о, пречестный и животворящий кресте Господень, помогай нам!..” – Но мы разумеем при этом “непостижимую и божественную силу честного животворящего креста”, – силу Божию,

говоря при этом человекообразно, как некогда сказал и Господь, когда прикоснулась к Нему кровоточивая жена: “Я чувствовал силу, изшедшую из Меня”, силу – волеизъявление Всемогущего. Но, как в кресте Господнем, так и в имени Его сия благодатная сила действует не сама по себе, а по изволению

Носящего силу, а Его изволение бывает под условием веры в Его Божественное Лицо, в Его всемогущество: аще что можеша веровати – вся возможно верующему. Вот смысл нашей веры “во имя Божие” как таковое, именно как имя и только имя. При такой вере в простоте сердца нет никакой надобности мудрствовать об “объективном бытии” имени Божия, о том, что оно есть “духовное существо”, что оно есть “истина единосущная триипостасной Истине”.

“Имя Божие свято само по себе”, – говорит Булатович. Так веруем и мы, ибо имя Божие не нуждается в освящении от кого-либо; оно свято по естеству, по существу, ибо принадлежит единому Богу, Освятителю и Творцу всего, что достойно освящения. “Слава имени Божия вечна и непременима есть” – и сие приемлем, хотя слово “вечный” должно быть понимаемо условно: если под именем Божиим разумеется то “светоизлияние”, о коем говорит Булатович, а не имена, облеченные в звуки.

Сии имена, как видно из писаний святых отцев, измышлены самим человеком, следовательно, до сотворения человека и не существовали, потому что Богу яко Единому Сущему не нужны были. Впрочем, если угодно, они существовали в предведении Божиим, ибо каждая мысль наша от вечности была Богу известна, предвидена. Но такое бытие в Божиим предведении уже ничем не разнится от такого же бытия в предведении и всех тварей.

Достойно внимания, что во множестве выписок, сделанных Булатовичем и его последователями, нет ни одной ни из Библии, ни из святых отцев, в которой стояло бы рядом выражение “вера в Бога” с выражением “вера во имя Божие” и оба выражения были бы соединены союзом “и”. Дело в том, что, большею частию, они заменяют одно другое и соединить их так, как соединяют в самом заглавии своего “исповедания” имебожники, нельзя. Если сказано: “верую в Бога”, то уже нет надобности особо говорить об имени Божиим: само собою разумеется, что, веруя в Бога, мы веруем и в благодатную силу Его имени как Его умопредставляемой иконы. И наоборот: если я говорю, что верую во имя Божие, то подразумеваю само собой и свою веру в Бога. Веровать во имя Божие на языке св. Писания и св. отцев и значит – “веровать в Бога”. Никакого в собственном смысле “имени”, именования, – например: Иисус, Господь, Бог, – тут нет надобности и подразумевать. Святые мученики страдали не за “имя”, как наименование, а за Самого Господа, за то, что веровали не в какое-либо “имя”, а в Самого Господа. Конечно, мне укажут на букву текстов, приводимых имебожниками. Но ведь и буква нигде, решительно нигде не говорит, что следует веровать в такое-то “имя”, а просто – “во имя”, а потому везде святые отцы и понимают так: “во имя” значит в “Самого Господа”, а не в то или другое Его *наименование*. Толкование сих выражений имебожниками совершенно произвольно и ни на чем не основано. Они укажут мне на такие, например, места: *да о имени Иисусове всяко колено поклонится*. Но ведь и здесь слово “Иисусове”, в русском переводе “Иисуса” – стоит не в именительном, а в родительном как определительное слово к слову “имя”. Главным словом и тут является самое слово “имя”, а не слово “Иисус”. А под словом “имя” разумеется Сам Господь наш, Его святейшая Личность. И конечно, всякое колено преклоняется пред Его Личностью, а не пред словом “Иисус”, хотя

и слово сие достопоклоняемо, как достопоклоняема Его икона. И поклонение имени, как иконе, восходит на первообразное – на Самого Господа.

Я утомил своих читателей статьями об имебожническом лжеучении, разбирая его в своих дневниках. Разбирать их новое “исповедание” веры в Бога и имя Божие, кажется, нет надобности: это сделано подробно моим сотрудником С. В. Троицким, в “Церковных Ведомостях”, очень подробно и основательно.

Но, обращаясь к деятельности этих новых евномиян, не могу еще раз не отметить, на какие поступки способны эти якобы ревнители правой веры. Своими органами они избрали, главным образом, два издания, которые ставят своею главною задачею лишать всякого доверия церковную власть и поносить ее представителей в лице С. Синода, архиереев и его органов. Это – ничтожная газетка “Гроза”, специальный орган известной секты хлыстов киселевского толка, и “Дым отечества”, орган не только киселевцев, но и разных “братцев” хлыстовских сект. Вот с кем заключили оборонительный и наступательный союз имебожники! Они ищут поддержки от врагов Церкви. Бог им судья!

С. В. Троицкий уже отметил, что они стали подражать сектантам и в способе распространения своего лжеучения. В мелких книжках они просто обманывают читателя, заставляя его читать свои еретические мудрования вместо того, что означено в заголовке книжки. Стоит, например, в заглавии: “Патриарх Ермоген”. А о Патриархе Ермогене в книжке только 7 страничек, в том числе, тропарь, кондак и молитва священномученику. А остальные 16 страниц – имебожнические мудрования, в коих искажаются – страшно сказать! – даже слова Самого Господа нашего Иисуса Христа. Вот пример: на странице 2 читаем: “Сам Господь Иисус Христос сказал:... “Имя Его живот вечный есть” (Ин. 17, 3). Раскройте святое Евангелие на указанном месте и читайте: *“се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога и Егоже послал еси Иисус Христа”*. Скажите, добрые люди: не грешно ли влагать в уста Господа слова, коих Он не говорил? Что это такое на что похоже? Но, раз потеряв совесть, в ослеплении своем они ни пред чем не останавливаются... По-видимому, они потеряли ту нравственную брезгливость, которая стоит на страже православной совести и не допускает православного человека пользоваться иезуитским правилом: “цель оправдывает средства”. Подобно сынам Лойолы, для большей славы имени Божия, они позволяют себе и подделки, и передержки, и даже обман. Так, один из них притворился слепцом, чтобы возбудить к себе жалость в добрых сердцах и произвести впечатление там, где это было особенно нужно и важно для имебожников... И после всего этого называют себя “исповедниками”, едва не мучениками за имя Божие!..

Вот до чего доводит упорное сопротивление Церкви Божией, доводит гордыня ума, не желающего подчиниться власти церковной!

Авторитет Церкви и наша интеллигенция

В деле веры опасность нашего времени в том, что в сознании наших интеллигентов, даже верующих, считающих себя православными, все более и более тускнеет значение авторитета Церкви и чистоты догмата веры и все дело веры сводится к нравственным истинам и доброй жизни по вере. Отсюда – охлаждение к Церкви и к вопросам догматического свойства и равнодушие к истинам Православия по их существу. Что враги Церкви стараются сознательно поддерживать в среде интеллигентов такое отношение к Церкви, к догматам веры, это понятно: вытравление из народной души Православия и разрушение Церкви – их заветная мечта. К несчастью, сами верующие, особенно получившие образование в светских школах, безсознательно готовят почву для врагов Церкви, чтобы сеять среди них семена равнодушия к догматам веры. Появляется ересь, ложное учение, искажающее православное учение – нашим образованным “чадам Церкви” и дела нет до самой сущности возникающего спора о том или другом пункте православного учения; мало того: незнакомые с догматикой, они и сами иногда готовы “подогматствовать”, высказать то или иное мнение, не желая справляться даже с тем, как излагается тот или другой пункт учения в изложениях веры православной, писанных православными богословами. Стоит неосторожно как-нибудь задеть самолюбие такого дилетанта-богослова, и он готов уже упорно отстаивать свое, иногда только что ему пришедшее в голову мнение, а если вы вздумаете горячо опровергать его, – он примется еще с большею настойчивостью отстаивать свою мысль, иногда совсем противоположную учению Церкви... Ему и на мысль не приходит авторитет Церкви: он сам себе авторитет...

По поводу афонского лжеучения об именах Божиих теперь и происходит такое самочинное богословствование в среде образованных людей, именующих себя православными. Мы, служители Церкви, копаемся в писаниях отцов и учителей Церкви, чтобы возможно лучше выяснить истинное понимание учения церковного, возможно тверже обосновать его и обличить лжеучение; противники наши тоже роются в книгах, не пренебрегая даже такими уродливыми апокрифами, как “Посмертные вещания Нила мироточиваго”, которые сам же Булатович называет “безграмотной и бессмысленной болтовней”; и, конечно, не будь они заражены духом противления Церкви и самоценом в своем богословствовании, они сами пришли бы к сознанию своей ошибки... А наша интеллигенция? Представители якобы научной мысли? Они как будто и рады пофилософствовать, побогословствовать, сочинить от себя что-нибудь, но заняться исследованием, как учила о сем древняя Церковь, – им и на мысль не приходит, да и не под силу, и они предпочитают – холодно-пренебрежительно отнестись ко всему возникшему вопросу в его сущности. Недавно дарю я одному высокопоставленному лицу свою книжку: “Имебожники”; он благодарит, но в то же время говорит: “Ах, ваше Преосвященство, ну и зачем вы заварили всю эту кашу? И какое вам дело до того, как верует какой-то Булатович или невежды-монахи афонские? К чему этот шум, этот суд? Да как бы они там ни думали – стоит ли толковать-то об этом”?.. Вот вам образчик интеллигентного отношения к вопросам веры, к чистоте догматов ея!

А отсюда уже делаются и выводы: за что “сих смиренных старцев” отлучают от святого Причащения Тела и Крови Господней? За что их “преследуют”? Грозят им отлучением от Церкви?

Выходит, что не они вносят смуту в умы и сердца простецов, не они “делают шум”, а власть церковная, стоящая на страже догматов веры, власть, которая будто бы должна безмолвно смотреть на эту смуту, на распространение ереси, на искажение учения Церкви православной!.. Так сумели новые лжеучители перепутать истинное положение дел, может быть, потому, что власть церковная уж слишком снисходительно относилась к ним, мало обращая внимания на газетные сплетни, ими распространяемые, не отвечая на их клеветы, ложь, выдумки и самую недобросовестную подтасовку фактов и подделку текстов...

Да, это печальное и вместе страшно опасное для чистоты учения веры явление – полное равнодушие к догмату, к церковному пониманию новых веяний в области догмата, к авторитету Церкви, я уже не говорю об авторитете современной нам иерархии, но самой Церкви, когда ее учение обосновывается на учении святых отцов, на единомыслии всего епископата в основных положениях того или иного пункта учения. Догмат как таковой считается нашими интеллигентами как будто чем-то отжившим, потерявшим всякую ценность, что пора и забыть, и забросить, как пережиток давняго прошлого... Мало-помалу забывается руководящее православное начало в отношениях “сына Церкви” к учению Церкви, а так как нельзя же быть христианином без всяких догматов, то на место православного начала в сознание православного христианина, незаметно для него самого, вторгается начало сектантское; смиренное искание водительства Церкви в учении веры подменяется самочинным блужданием ума в области религиозной мысли. Так равнодушие к догмату ведет к забвению руководящих начал православного богословского мышления, а отсюда рождается самочиние религиозной мысли, ведущее, в свою очередь, к разномыслию с Церковью и к сектантству, как скоро в душе верующаго, потерявшего руководящее начало православного мышления, пробудится стремление к опознанию своей веры. Что корабль, сорвавшийся с якоря и лишенный руля, то верующий, оторвавшийся от догмата и уклонившийся самочинием мысли в сторону сектантства.

Вот почему святые отцы так крепко стояли за чистоту догматов веры. Некоторые иноки говорили преподобному Агафону: “Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец?” Он отвечал: “Это правда”. Они опять спрашивают его: “Ты, Агафон, пустослов и клеветник?” Он отвечал: “Да”. И еще говорят: “Ты, Агафон, еретик”? Он отвечал: “Нет, я не еретик”! Тогда спросили его: “Скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес”? Он ответил: “Первые пороки я признаю за собою, ибо это признание полезно душе моей, а быть еретиком значит быть в отлучении от Бога, но быть отлученным от Бога я не хочу”. Это значит, что угодник Божий боялся отлучения от Церкви, ибо отлученный от Церкви отлучается и от Бога, так как Глава Церкви есть Господь Иисус Христос. Наши обычные грехи суть грехи нашей слабой воли, а ересь есть грех гордаго ума. Всякая же ересь есть, в сущности, искажение учения веры. На учении веры, на догмате зиждется и учение нравственности: искажается догмат – неизбежно искажается и основа нравственного учения. Ересь потому и губительна, что не дает места смирению пред авторитетом Церкви, а чрез то лишает еретика и возможности покаяния, а следовательно, и благодати спасающей. Вот как важно хранить чистоту догмата. Вот почему Церковь в наше время, да и всегда, так строго относилась ко всяким лжеучениям и, щадя самых великих грешников, согрешающих грехами воли, не отлучала их от себя, еретиков же, искажающих ее учение, беспощадно отсекала от общения с собою, если они после вразумления не хотели отречься от своего мудрования.

В чем же сущность этого общения нашего с Церковью?

Главным образом, в святейшем таинстве Божественного Причащения святых Христовых Таин. *Един Хлеб*, поучает св. Апостол Павел, *едино тело есмы мнози, еси бо от единого Хлеба причащаемся*. В сем великом таинстве все мы объединяемся в одно тело Христово, именуемое Церковию. О сем Божественном таинстве говорит Сам Господь: *аще не снете плоти Сына Человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе. Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь во Мне пребывает и Аз в нем*. Лишаемый сего Хлеба небесного умирает духовно: *Я дый Мою плоть и пий Мойю кровь имать живот вечный*. Тот член тела, до которого не доходит струя обновленной крови, мертвеет, заражая собою и другие члены, и потому отсекается, дабы не заразил всего тела: так и еретик, отлученный от общения Тела и Крови Христовой, от общения с Церковию, духовно мертвеет. Если же он обманом, вопреки воле самой Церкви как-нибудь причастился бы св. Таин, то сие послужило бы ему в сугубое осуждение как последователю Иуды и святотатцу.

Яркий пример легкомысленного отношения нашей якобы верующей интеллигенции к авторитету Церкви и власти церковной представляет все та же история афонской смуты. Не довольствуясь открытым сочувствием в отношении к вождям нового лжеучения в печати и в обществе, мирские люди позволяют себе судить власть церковную за то, что она, еще в лице Патриарха, а потом и нашего Святейшего Синода, отлучила их от причащения св. Христовых Таин. “К чему, говорят, такая строгость? Не благоразумнее ли было бы совсем прекратить о них дело, расселив их по монастырям, где они постепенно сами сознали бы свое заблуждение”...

А где ручательство, что такое сознание с их стороны действительно последовало бы? Напротив, по всему видно, что их вожаки, в лице главного вождя их Булатовича, стремятся к распространению своего заблуждения между православными, – мало того: их последнее заявление требует, чтобы и сам С. Синод принял их учение – до такой дерзости в отношении к церковной власти дошли эти фанатики-невежды! Можно ли говорить после сего о каком-либо снисхождении к ним, общении с ними в таинстве Евхаристии? Да они и сами на Афоне служили обедню отдельно от иноков православно верующих, сами отделяли себя от общения с сими верными сынами Церкви: с какими же чувствами приступали бы они к святейшему таинству, считая совершителей его еретиками? Нет.

Мысль о том, чтобы допустить имебожников к Божественному причащению, прекратив дело о них, недопустима. Прежде всего следует поставить вопрос: правильно ли С. Синод и Вселенский Патриарх установили свой взгляд на их учение как заблуждение, граничащее с ересью и потому даже названное ересью? Учение это было предметом обсуждения со стороны С. Синода и Патриарха и уже осуждено в их посланиях и грамотах. Хотя послание к инокам и не может быть признано совершенно непогрешимым, однако же нельзя смотреть на него и как на мнение частного лица, тем более, что оно совершенно согласно с заключением об учении имебожников Вселенского Патриарха. Могут быть в нем некоторые отдельные слова и выражения, которые можно было бы, в видах большей точности и удобопонятности для читателей-простецов, заменить другими; но сущность изложенного в нем взгляда на учение имебожников как на заблуждение, как на учение неправославное, остается та же, и определение С. Синода относительно сего учения не подлежит изменению.

Должно иметь ввиду и то, что имебожники состоят под аргом, наложенным на них каноническою властью Патриарха, который один, в сущности, и имеет право снять с них сей аргос. Правда, сие право, в силу послания Патриарха, перешло к С. Синоду, но

всеконечно – под неперменным условием раскаяния заблудших. Сего же раскаяния мы не видим. Напротив, имебожники, упорствуя в своем заблуждении, дерзают открыто заявлять, что церковная власть сама впала в заблуждение, и настаивают, чтоб она пересмотрела и исправила свое определение относительно их учения, в смысле признания его православным, без чего они не желают подчиниться С. Синоду и явиться на церковный суд. Таким образом, к упорству в заблуждении они присоединяют и оскорбление церковной власти непослушанием. Мы знаем, что и сама Божественная Любовь не прощает грешников, упорствующих в смертных грехах, ибо Любовь Божия не может стать в противоречие с правдою Божиею, если сам грешник не пожелает сего, если он не проявит своей воли к восприятию воздействия на него Любви Божией чрез смиренное раскаяние. Церковное предание говорит, что Арий покушался лицемерным раскаянием и обманом возвратиться в недра Церкви, при содействии царской власти, но обличен был в своей лицемерии правосудием Божиим. Из сего видно, что общение таинств, если бы имебожники и были допущены ко Св. Причащению, без раскаяния с их стороны, послужило бы им к сугубому осуждению, а посему самая любовь к заблудшим побуждает Церковь не допускать нераскаянных к Чаше Господней. Со стороны же власти церковной это было бы явным нарушением канонов и правил церковных, что 1) послужило бы великим соблазном для православно верующих; 2) было бы в суд и осуждение самим заблудшим; 3) не примирило бы их и с Церковью, а напротив, подало бы им повод хвалиться победою своего лжеучения над учением Церкви, вследствие чего, укрепляясь в духе сопротивления Церкви, они еще с большею ревностью стали бы распространять свое лжеучение среди православных и тем сеять смущение в недрах Церкви; 4) являлось бы тяжким оскорблением для святейшаго таинства Тела и Крови Господа Иисуса Христа, как сознательное преподание сего таинства явно недостойным и еретическим, а следовательно, и 5) тяжким грехом самой церковной власти, как допустившей таковое оскорбление; и – наконец, 6) дало бы основание Вселенскому Патриарху к протесту против такого нарушения канонов церковных и подозрению в имебожной ереси самого С. Синода, а следовательно, грозило бы опасностью раскола между Греческой Церковью – матерью и Русской Церковью – дочерью.

Вот те соображения, которые, по моему мнению, необходимо иметь в виду при суждении о том, возможно ли допустить к общению в таинствах Антония Булатовича и его ревностных последователей, отказывающихся предстать на суд Церкви и в то же время домогающихся всеми путями и средствами признания их православно мыслящими. И благо Церкви, и духовная польза самих заблудших требуют удаления их от Божественного причащения дотол, пока они не раскаются в своем заблуждении, пока не смиряются пред Церковью, не проявят сыновняго повиновения Богоучрежденной ей власти.

Достойно внимания, что как скоро возникает какое-либо лжеучение, наша либеральствующая интеллигенция тотчас берет его под свою защиту и становится к Церкви, к ее представителям, в оппозицию. Уже одно это показывает, как далеко уклонились такие люди от Церкви. В их суждениях чувствуется уже как бы некоторое пренебрежение к представителям Церкви, и притом к представителям не только современной Церкви, но и Церкви веков минувших, – правда, пока молчаливое, но все же довольно заметное: от Назарета-де может ли что добро быть? от тех веков мы-де ушли далеко вперед: стоит ли с ними считаться?.. И помышляя так, несчастные все дальше и дальше уходят во мрак духовнаго невежества и самочиния религиозной мысли...

А, между тем, казалось бы: если ты веруешь во Святую Соборную и Апостольскую Церковь, если хочешь быть верным ея чадом, если при этом еще сам не можешь глубоко изучить все ея догматы, ея учение, то чего проще: доверься тем, кому Сам Христос поручил хранить в чистоте эти догматы, это учение, – пастырям Церкви и ея Богоучрежденной власти, и сего довольно с тебя для твоего личного спасения. Но вот этой-то простоты веры, этого-то безусловного доверия к представителям Церкви и нет у наших якобы верующих интеллигентов. Они сами хотят решать все вопросы веры и жизни, своим смышлением, и оттого попадают в сети ложных мудрований, запутываются в них и впадают в ереси и расколы...

При таких условиях как не опасаться нам, пастырям Церкви, возможности и формального отпадения от нея таких шатающихся, всяким ветром учения колеблемых чад Церкви? При нынешних свободах всякого рода, иные могут сделать это просто из желания показать свой либерализм, свое отрицательное отношение к церковной власти и ея представителям. Но такое отпадение будет, в сущности, только вскрытием нарыва, который давно назревает в теле церковном: конечно, Церковь должна принимать все меры для врачевания этого “нарыва”, но если болезнь не поддается лечению, то, может быть, для целого тела Церкви будет лучше, если зараженные члены отпадут от нея и не станут вредить другим, еще здоровым, милостию Божией, членам...

Строгость закона во имя любви

Пьянство – исконный порок русского человека. Нет нужды говорить о том, как оно губит, отравляет, развращает и душу и тело, нет нужды доказывать, что от него может вконец погибнуть и Русское государство. Слава Богу, хотя и поздно, но на все это обращено внимание: в высших государственных учреждениях вот уже пять лет, даже больше, обсуждаются меры борьбы с пьянством, а с высоты Престола последовало властное указание – изменить всю финансовую политику так, чтоб она не строилась на доходах от этого порока. Слава Богу: заря занимается, начало полагается; дал бы только Бог мужества и духа разума составителям законов пойти прямолинейно навстречу народному горю, избежать гипноза лживаго либерализма, фальшивой гуманности, понять психологию и логику простого русского человека и не допустить к святому делу отрезвления народа его тайных и явных врагов, которые могут отравить его, взамен алкоголя, духовным ядом – похуже алкоголя...

К сожалению, внимательно наблюдая за ходом суждений по вопросу борьбы с пьянством, нельзя не заметить, что все такие пожелания и опасения имеют свои основания. В самом деле: мне кажется, что в своих рассуждениях о борьбе с пьянством составители законов как будто ходят вокруг да около этого больного вопроса, а прямолинейно подойти к самой сути его как будто боятся. Обсудили, например, “законопроект об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений”; приступили к обсуждению “законопроекта о преобразовании попечения о народной трезвости”, – что все это как не хождение вокруг и около вопроса о пьянстве? Деревня тревожно прислушивается к этим суждениям, проверяет их по-своему, прилагая к жизни своей, и решает: “нет, это вовсе не то!”... Вот что пишет мне один священник, внимательно наблюдающий деревню и все, что она говорит. “Сыплются у вас там, в Питере, трескучия речи, указываются разные виды борьбы с пьянством, но ни один голос не указал на более целесообразную меру, а если и указал, то не договорил, и вопрос этот долго-долго еще будет вращаться в беличьем колесе. Если причины такой неудачи в решении его не понятны жителям столиц и губерний (губернских городов), то оне весьма понятны жителям деревни, которые стоят лицом к лицу с этим злом. Невольно думаешь, что столичные ораторы или не русские люди, или вовсе незнакомы с укладом русской жизни и русского духа. Вопрос же этот решает сам простой русский человек. Почему русский человек от мала до велика пьянствует? Потому, что можно пить безнаказанно. Я хочу и пью, а тебе и кому другому до этого дела нет. – Так, а если ты пьяный безобразничаешь, оскорбляешь жену, семью, стариков-родителей, задеваешь проходящих по улице – зачем ты это делаешь?.. В этом-то и вся суть дела: если я выпью и лягу спать, меня никто не видит; если я пойду на улицу и площадь – меня все увидят, и уж повеличаюсь я тогда!.. Я “свободен”, и никто мне не указ, а кого хочу разделать, так уж берегись! А если бы за безобразия, чинимыя на улице, строго наказывали, тогда и пить охоты не было бы, да не будет резона пить и дома. Таково глубокое убеждение, высказываемое откровенно простым русским человеком”.

Такова уж психология русского человека. Он пьет, чтобы развернуться во всю ширь своей натуры, чтобы дать волю своей удали, чтобы снять с себя некоторым образом те нравственные узы, какими он чувствует себя связанным в трезвом виде, хотя бы эти узы

были и не особенно высокого нравственного качества, например – страх полиции и стыд человеческий. В пьяном виде в нем просыпается животный инстинкт, теряется духовное равновесие и он, по слову псалмопевца, действительно уподобляется скотам несмысленным. Ему нравится не вкус водки: ведь он морщится, когда пьет ее, – нравится ему состояние опьянения и вот это “ослабление задерживающих центров”, как говорят врачи, когда он воображает, что “ему все можно”... Понятно, что отсюда и хулиганство во всех его видах; “что у трезвого на уме, говорит пословица, то у пьяного на языке”. Что в трезвом состоянии таится на дне грешной души, что сдерживается совестью, стыдом, страхом Божиим и человеческим, с чем человек борется и, при помощи благодати Божией, побеждает, то все у пьяного прорывается наружу и проявляется в самых уродливых формах пьяного безобразия и всевозможных преступлений. Пьяный человек – безоружный пленник пороков. А между тем, пьянство захватило все сословия, оба пола, все почти возрасты, кроме разве младенческого. “Пьет интеллигент, студент, гимназист, ученик городского и сельского училища, пьет мещанин, рабочий, крестьянин”...

Невольно возникает вопрос: можно ли ограничиться в борьбе с таким губительным пороком такими средствами, какие предлагаются в законопроектах, касающихся пьянства, какие рассматриваются в Государственном Совете? Все эти чайные, читальни, дешевые столовые, ночлежные дома, так называемые развлечения: театр, гимнастика, световые картины, кинематографы, разные чтения и пр. – все это, в сущности, сводится к отвлечению от водки, но на слабую волю человека, уже поработившагося страсти, едва ли подействует в должной мере: слишком уж вошел в плоть и кровь нашего народа этот порок, чтоб можно было много надеяться на столь “благородные” средства борьбы с ним. Надо, прежде всего, воспитать в народной душе представление об опьянении как о позорном деянии, как о преступлении против закона, строго караемом не только общественным мнением, но и самим законом. Вот чего ждет, вот чего просит деревня. Мне пишет тот же священник: “Если бы законодательные учреждения сказали бы: пей сколько угодно, а пьян не бывай! – получилась бы иная картина. Каждый скажет: “Коли пить только дома, а на людях не порисоваться, то не стоит овчинка и выделки, – лучше совсем ее, проклятую, не пить!” Я исключаю больных запоем, пьющих, в большинстве случаев, скрытно и украдкой. Положение дела говорит само за себя. Необходим закон, строго карающий поведение пьяных и их появление в публичных местах (площади, улицы, вагоны, станции, волостные и сельские правления, аптеки и пр.). Мне знакомы такие факты. В деревне есть известный пьяница и хулиган, никогда не отходящий от монопошки. Хвативши изрядно, он идет домой и проходит мимо зажиточного мужика, имеющего четырех взрослых сыновей. Проходя мимо, хулиган начинает костить его отборною бранью за то, что тот не дает ему на “могорыч”. Надоело мужику выслушивать ежедневно оскорбления, засел он с четырьмя своими молодцами в укромном местечке, подстерег хулигана, – и всыпал ему и в зубы и в губы. Проходит после того день, другой, неделя, – не видно и не слышно хулигана. Поинтересовался мужик о его судьбе у соседей, а те и говорят ему: “Спасибо, родимый, что поучили: как сто бабок пошептали: идет каждый день пьяный, да только ругается уж тогда, когда отворит в своем дворе калитку”. Другой хулиган, не дававший всей деревне покоя, как-то вечером догнал своего родственника, повалил его на землю и начал душить, сдавливая ему горло и пичкая его землей. Родственнику удалось кое-как освободиться, и он убежал домой. Минут чрез десять явился к нему и хулиган с топором и стал рубить тому спину и плечи. Хозяин схватил попавшийся под руку железные вилы и, обороняясь, всадил их в грудь хулигану...

К истекающему кровью был приглашен священник, который, со скорбью, спросил его: зачем он напал на хозяина? Хулиган спокойно ответил: “Если бы я знал, что он заколет меня вилами, то и топора в руки не взял бы”.

Ясно, что деревня просит закона, усиливающего наказание за преступления, совершаемые в пьяном виде, закона, карающего самое появление пьяницы вне своего дома. Что делать? Приходится прибегать к мерам строгости там, где бессильно нравственное воздействие. Надо воспитывать народ, особенно молодежь, в новых понятиях относительно самого состояния опьянения. Ныне говорят: “Пьян да умен – два угодя в нем”; надо, чтоб говорили: “Умен, но пьян: никуда не годен”.

Мне могут сказать: не дело архиерея возбуждать вопросы о строгостях закона; он – представитель Церкви, а Церковь должна проповедывать всюду любовь и только любовь, а не кары закона.

В ответ на это я напомним, что еще 900 лет тому назад именно Церковь, а не кто другой, ходатайствовала о восстановлении даже смертной казни пред мягкосердым князем Владимиром, который уничтожил было смертную казнь. Тогдашние святители не убоялись сказать правду властителю Русской земли, что такая отмена преждевременна. Усилились-де разбои на земле, и житья не стало честным людям.

И в наши дни усилились беззакония на Русской земле от пьянства; надо пожалеть тех, кто невинно страдает от пьяниц, особенно жен и детей. В защиту этих-то невинных страдальцев и возвышаю я свой голос: если меры нравственного воздействия не в силах сократить пьяный разгул и преступность от пьянства, то надобно усилить строгость закона против сего зла. Я напоминаю слово одного мудреца: “Чем мягче законы, тем грубее нравы”. Пусть лучше будут законы строже, только бы нравы были помягче!

Берегите монашество!

Есть закон, бывает и пременение закона, но только великия нужды ради. Закон есть постоянная норма жизни, пременение его – временное уклонение от этой нормы и постоянно терпимо быть не может. И если мы желаем, чтоб жизнь протекала в нормах законности, направлялась к поставленным ей идеалам, по мере сил человеческих, то не должны часто отклоняться от норм закона, ибо это отклонение будет уже переходить в злоупотребление и неизбежно поведет к печальным последствиям. В наше время утилитаризма это особенно полезно почаще напоминать и обществу, и даже власти имущим.

Эти мысли пришли мне по поводу статьи священника Гр. Кучеровского в “Колоколе” под заглавием: “Нужда в запасных священниках”. И автор, и я вполне согласны, что такие священники необходимы, что так или иначе вопрос о них должен быть решен, ибо и самих больных священников надо пожалеть, и приходския требы нельзя не удовлетворять, и храмы Божии нельзя надолго оставлять без служения. Все это – бесспорно, но вот тот путь, каким автор хочет решить этот вопрос, во мне возбуждает не только сомнения, но и опасения. Правда, путь не новый: к нему, *великия ради нужды*, и теперь прибегают архипастыри, чтоб удовлетворять крайнюю нужду приходов; но узаконять, делать обязательным этот способ значило бы злоупотреблять идеей монашества. Автор желает, чтоб сама церковная власть вменила в обязанность монастырям посылать в села, а может быть, и не в села только, айв города, иеромонахов для замены больных священников. “В каждой епархии, говорит о. Кучеровский, черного духовенства достаточно, а в иных изобилие, и мы не видим, что, собственно, может затормозить разрешение вопроса о запасных священниках за счет этого духовенства”. Во-первых, есть епархии, в коих имеется только один-два монастыря, и притом – скудных числом братии, а следовательно, неправда, будто в каждой епархии черного духовенства достаточно. Во-вторых, надо знать, как наши монастыри нуждаются вообще в священнослужителях: иной настоятель готов закрыть глаза на всякия “немощи” иного послушника, чтоб только поскорее произвести его во иеродиакона, а потом и в иеромонаха: иначе некому будет отправлять ежедневныя богослужения. И если бы не неперменное требование устава, чтоб каждый день совершалась литургия в обители, то настоятель готов бы был хотя бы день или два в неделю давать отдых единственному служащему иеромонаху. А иногда и сам служит, заменяя его. Смотреть легко на служение чреды в монастыре не следует. Во всяком случае, монастырская служба идет дольше, притом монахи читают по кельям так называемое “правило” пред служением гораздо полнее, чем это принято у священников.

Забывает о. Кучеровский, что наши монахи, в массе своей, люди простые, домашнего образования, и заменить священника могут лишь только в качестве требоисправителей. Но все бы это не было так важно, если бы для монахов это было безвредно. Монах, долго живущий вне монастыря, то же, что рыба без воды. Окружающий его мир расслабляет его духовно, отучает его от монастырской дисциплины, лишает тех удобств, какия он имеет в своей келье для молитвы, наталкивает его иногда на такие искушения, от коих он убежал из мира в монастырь. Пожив месяца два-три в миру, монах незаметно для себя сам обмирщается, теряет ту собранность, какая прививается ему самой обстановкой монастырской жизни, всем ея укладом. За что его, особенно еще некрепкого в своем

духовном устроении, подвергать опасности и искушениям, коих он избежал бы в обители? Я всегда с болью смотрю на тех монахов, которые, “ради послушания”, вынуждены бывают жить на монастырских подворьях в городах. Хорошо еще, если они живут не в одиночку, а по несколько человек: брат от брата помогаем, яко град тверд, говорит слово Божие. А одному трудно уберечься от искушений: сегодня один, завтра один, и так каждый день – целыми месяцами, иногда годами... Поневоле сводит монах знакомство с мирскими, и хорошо, если доброе... Что же сказать о монахе, живущем в одном доме, чаще всего – в одной семье с священником, когда он служит за больного? Ни помолиться ему не дают, как он привык, ни заняться своею келейной работой. Да и жить приходится впроголодь, если требовать себе постоянно постного, монашеского стола. Если проживет монах в такой обстановке два-три месяца – он возвращается в обитель уже не тот, каким вышел из монастыря. Старцы говорят, что если выйдешь из кельи без крайней нужды или вне послушания, то уже не вернешься в нее таким, каким вышел. Мирские люди немногие знают, что душа, касавшаяся, хотя мало, духовной жизни, бывает очень чутка к внешним влияниям, как нежный тепличный цветок к неблагоприятным для его роста ветрам и переменной температуре. Не без причины же старцы говорят, что в миру на целый город – один враг, а в монастыре к каждому монаху их приставлено десяток. Да ведь и мир требовательнее относится к монаху, нежели к мирянину. Он возлагает на него бремена тяжкия и неудобь носимыя, а сам и коснуться их не желает, и – что особенно печально: нисколько не считает даже нужным касаться сих бремен, это-де не мое дело, это – только монахов дело. И вот следят за каждым шагом, за каждым, можно сказать, движением монаха и прилагают к нему самые строгия мерки. Миряне, например, в наше время почти не блюдают постных дней, а с нас взыскивают. Мне пришлось слышать похвалу архиерею за то, что в среды и пятницы он не позволял себе пить кофе с молоком: спасибо, что хоть за это похвалят. Стало быть, грех еще считают грехом хотя бы только для монахов и, замечая исполнение церковной заповеди в других, видят в себе ее нарушение. Это им полезно, а нас-то, правду сказать, уж за это хвалить вовсе не стоит. Ведь это у нас – привычка с младенчества, а не подвиг воздержания. Но как же строго следят за нами наши чада духовныя! Вот уж, поистине, готовы заметить всякую пылинку – не только сучец – в нашем глазу, а себе простить тяжелое бревно!

Кстати, расскажу случай из жизни покойного о. наместника Сергиевы Лавры, известного архимандрита Антония. Гостеприимный архимандрит пригласил к себе пообедать какого-то генерала. Тут же обедал и другой гость, прстец игумен из провинции. Простыя монастырския блюда, необычныя для его превосходительства, но вкусно приготовленныя, ему очень понравились: он кушал с аппетитом и похваливал. Хозяин угощал усердно. Наконец, генерал не удержался от тонкаго намека на роскошь монастырскаго стола: “Завидую монахам, сказал он: их так хорошо кормят! Понятно, что они от такого стола и толстеют”. А известно, что о. Антоний был довольно полный телосложением старец. Хозяину пришлось только улыбнуться на эту неделикатность гостя. Но гость – прстец-игумен его выручил. Подали творог со сметаной – лакомое, не часто подаваемое в монастырях, блюдо. Игумен и говорит генералу: “Вот, ваше превосходительство, если по этому блюду побежит черный таракан – вы, наверное, скажете: “Какой неряшливый повар!” А если бы повар подал вам тарелку с черносливом, то вы спокойно стали бы кушать, не замечая и десятка тараканов, пока они не забежали бы вам в ложку. Так-то вот и в монастырях: всякое пятнышко мирские замечают, а у себя, в

своей жизни личной, и самой вредной грязи не примечают”. Генерал понял урок и извинился пред хозяином. А хозяин потом поблагодарил игумена-простеца за этот урок.

Пусть так, пусть мир напоминает нам о наших обетах. Наш долг – благодарить за такие напоминания, откуда бы они ни шли, лишь бы были искренни и не были клеветой на нас. Но тогда уж не вторгайтесь в порядки нашей жизни, не ломайте наших уставов отцепрежденных: иначе вы будете строже святых отцев, которые писали свои уставы ведь при условии исполнения всех правил и порядков, ими для монахов установленных. А насколько они были снисходительны к немощам человеческим – вот вам пример: заповедуют они раньше известного срока не вкушать винограда (это и для здоровья полезно ведь), но тут же оговаривают: “кроме блюдущих вертограда”. А это что значит? То, что для сторожей при виноградниках больше искушения нарушить это правило: вот святые отцы и не хотят без нужды налагать на них правило, которое для них труднее выполнить, чем для тех, кто не имеет нужды ходить в виноградники. Не к тому я говорю это, чтобы инокам разрешать, например, употребление мяса в том случае, когда им приходится бывать и, особенно, – жить в мирском доме, а к тому, что не следует ставить монаха в такие условия, в коих является для него искушение – ослабить свое монастырское правило и порядок жизни монашеской. Только “великая нужда”, случайная, непредвиденная обстоятельства могут послужить причиной такого нарушения порядка жизни для монаха. А что можно предвидеть, например, что в епархии всегда могут быть больные священники, – это надо устранять не такими мерами, как предлагает о. Кучеровский.

Сии мысли невольно обращают наш взор на иеромонахов, служащих во флоте. Почему на кораблях как будто не могут быть семейные священники? Зачем туда командируют иеромонахов? Понимаю, что женам священников неудобно было бы сопровождать их в плавании; но ведь и офицеров их жены не сопровождают же. Вероятно, дело в том, что первоначально было решено: монахи много дешевле, чем белые священники, а потом так уж и дальше пошло. Но ужели поправить дело так и нельзя? Простите мне: я смотрю на иеромонахов, долгое время служащих во флоте, как на монахов уже неспособных к монастырской жизни, они отвыкли от монастырской дисциплины, привыкли к светскому обществу, сжились с порядками, чуждыми монастырю, обмирщились и притом заразились – незаметно для себя – особым самоценом: несмы якоже прочий... Таково мое наблюдение. Само собою разумеется, есть и исключения, но, к сожалению, именно – только исключения. Не Церковь, а мир создал такое “флотское” монашество, и дай Бог, чтоб поскорее монахов освободили от этой повинности, и, слава Богу, в последнее время, кажется, уже монахов заменяют священниками.

Берегите монашество! Не расходуйте расточительно те малая крупичицы сего святого семени, какия еще есть в наших святых обителях! Охраняйте в чистоте самую идею его, не утилизируйте ее там, где можно обойтись без этого! Знаю, что мне укажут на ходы иноков с чтимыми иконами по мирским селениям: не могу считать и это явление вполне нормальным, как говорил я это лет десять назад в своих статьях в защиту идеала монашеского, но там хоть труд, труд неустанный с раннего утра до позднего вечера, и выплывая, так сказать, из тихой своей пристани – святой обители – на некоторое краткое время, иноки спешат возвратиться домой, а эти долговременные командировки на флот, на войну, куда-нибудь на Шипку, слабым инокам приносят положительно вред, а сильных, способных на сугубый подвиг у нас и без того столь мало, что монастырское

начальство бережет их для своих обителей, ибо без них замирает самый дух монашества в монастырях.

Блаженной памяти митрополита Филарета

Близится, чрез три года, 50-летие кончины великого и в малом, как выразился профессор А. П. Лебедев в своей лекции, митрополита Филарета. Помню, как я горько плакал на Перерве, в IV классе духовного училища, когда во время уроков, 20 ноября 1867 г. нам, детям, сказали, что скончался великий святитель Филарет... Я плакал о том, что не привел Бог принять у него лично его святительского благословения, о чем так мечтал тогда. И зарисовал я тогда на закладке своей Библии что-то и написал: пусть это напоминает мне скорбный час, когда я услышал о кончине митрополита Филарета... Так велико было действие самого имени святителя, даже на нас, детей, а что мы понимали тогда о значении Филарета в жизни и истории родной Церкви?

Поистине, имя его, как бы некое благоухание, носилось в атмосфере церковной жизни еще в то время, а с течением времени, с появлением в печати великого множества материалов, касающихся его деятельности, все росло и росло и ныне стоит на недостижимой высоте сравнительно с именами других иерархов, его современников. Как незабвенный Император Александр III был носителем идеала русского православного Самодержца, так митрополит Филарет был как бы воплощением идеала русского православного иерарха. Он напоминал не только России, но и всей вселенской Церкви великих святителей и вселенских учителей: Василия Великого, Григория Богослова и подобных. Справедливо писал известный, беззаветно ему преданный викарий Леонид Краснопевков, что потомки будут считать современников Филарета счастливыми, что имели счастье видеть его, что слышали мудрое слово его... Бог послал русскому народу митрополита Филарета, как путеводную звезду, в его церковной, культурной и государственной жизни, и если бы мы, архиереи, свято соблюдали его заветы в нашем святительском служении, если бы люди науки, особенно богословской, в своем делании искали постоянно его руководства, если бы мужи государственные не чуждались тех глубоко мудрых, словом Божиим освященных, начал, какия он раскрывал в своем государственном учении, если бы даже служители искусства христианского не чуждались тех его указаний, какия рассеяны в его мнениях, резолюциях, отзывах, то – кто знает? Может быть, мы не переживали бы того духовного тумана, какой окутывает нас теперь во всех областях нашей духовной жизни; может быть, мы не сбились бы с того исторического пути, на какой поставил нас Промысл Божий среди народов земных, не отвратились бы от тех святых идеалов, какие завещаны нам отцами и дедами нашими... В свое время избранному народу еврейскому Бог посылал от времени до времени пророков, чтоб освещать ему путь Божией правды, от коего он постоянно уклонялся; то же мы видим и в истории нашего народа. Одним из таких посланников Божиих был, по нашему убеждению, и великий святитель Филарет. Немногие понимали его; он был сокровен в духе; сокрыт, как говорят монахи; он всех любил и в то же время был очень осторожен в общении с людьми, особенно мало ему известными; он стоял на высоте своего служения, яко град верху горы, и понимал это, и знал, как должно в наше время держать себя, как обходиться с людьми, чтобы дело Божие не потерпело чего-либо от немощей человеческих. Оттого у него немало было врагов. Враги в верхах – по зависти, по непониманию его личности, по гордому нежеланию идти за ним, при невольном сознании его превосходства над собою. Враги в низах – по нежеланию сознать свои немощи и

подчиниться святительской власти, понести заслуженные наказания, направляемые притом к их же вразумлению. Даже я знал таких, хотя не могу считать себя современником святителя Филарета. Нет нужды говорить, как это естественно; но чем человек стоит выше над другими, чем он чище и в его личной жизни, тем строже предъявляются к нему требования со стороны толпы: “ты – святой, тебе-то непростительно”... Так было всегда, так было и в отношении к митрополиту Филарету. Были и теперь есть писатели, которые ставят себе задачей чернить эту светлую личность, и, конечно – чернят только сами себя...

Сказать откровенно: неважную услугу оказал церковной истории г. К. Харлампович, опубликовав письмо некоего магистра Петрова, писанное, очевидно, в немирном настроении против великого святителя Филарета. Сей Петров, потом удостоенный сана священника в Москве, бросает тень на митрополита, будто он “с самого вступления в управление Московскою епархией, вопреки писанным и Высочайшим подписанием утвержденным правилам для духовных училищ”, словесно требовал, чтобы “служащие в академии и семинариях с намерением поступить в белое духовенство оставляли училищную службу прежде, нежели явятся пред лице его святейшества с прошением об определении на какое-либо священническое место”. Таким образом, говорит дальше автор письма, “наша братия, которую монашествующие отцы стыдятся нарицати братиею своею, подвергается полугодичному, годичному, аще же совесть не зазрит владыку, и долговременному искусу”.

Почему и как случилось это – теперь трудно судить, г. К. Харлампович сам замечает, что эта черта митрополита не отразилась ни в одной резолюции митрополита Филарета в известных “Материалах по истории Московской епархии под управлением митрополита Филарета”, а стало быть, и то обстоятельство, о котором так неравнодушно сообщает Петров в своем письме, апеллируя даже к совести святителя, объясняется какою-либо простою случайностью. Слово “святейшество” даже звучит иронией над святителем: не может же быть, чтобы магистр и бакалавр не мог знать титула митрополита. Не думаю, чтобы было большим приобретением и для академического органа, “Богосл. Вестника”, напечатание такого письма: имя святителя столь священно и дорого для родной ему академии, чтобы занимать журнал такими “материалами”... Пусть простит мне этот упрек почтенная редакция: мне хотелось бы видеть в помещении письма Петрова простой недосмотр редактора, а не “безпристрастное” освещение неведомой черты в деятельности митрополита Филарета. Пристрастие автора письма тут налицо.

Но если позволительно печатать материалы такого сомнительного и явно пристрастного свойства, то да позволено будет сообщить некоторые рассказы современников святителя, слышанные мною слишком сорок лет назад и тогда же записанные. Они свидетельствуют о том благоговении, с каким относились к памяти великого святителя в первые же годы после его блаженной кончины.

В селе Тархонееве (оно же – Трахонеево) близ моей родины, в Московском уезде, был причетник, неисправимый пьяница. В пьяном виде он всячески издевался над женою, бил ее и грозил ей тем, что лишит себя жизни и заставит ее хлопотать относительно похорон самоубийцы-мужа. И не раз несчастная жена вынуждена бывала гоняться за мужем, который, с веревкой в руках, бегал по лесу, грозя удавиться. Наконец, поздней осенью несчастный сдержал свое слово: побегал в лес, жена – за ним, но вдруг он скрылся из ее глаз... После поисков она увидела его висящим на суку толстого дуба. Все было кончено. Прибыл на дознание по сему делу местный благочинный, близкий родственник

самоубийцы. Обследовав дело, он донес митрополиту Филарету, что причетник удавился в припадке острого помешательства и, как родственник, просил владыку разрешить похоронить самоубийцу в стихаре. Святитель нехотя дал разрешение, но сказал благочинному: “Смотри сам: ты лучше меня знаешь обстоятельства его смерти: на тебе будет грех”. Погребение совершено безпрепятственно, желание благочинного достигнуто. Но не замедлил и суд Божий над благочинным, изреченный устами святителя. До похорон благочинный отличался трезвостью, но вскоре стал сам выпивать неумеренно. Неумеренность превратилась в страсть, и несчастный погиб от вина... Похоронивший самоубийцу с почившими во Христе сам лишен был сего погребения. Так говорили тогда в среде духовенства, приписывая словам святителя особенную силу.

Такую же силу словам святителя приписывали и по другому случаю. Один священник Богородского уезда, по неважной причине, вероятно, из-за выгодных доходов, просился на другое место. Святитель отклонял от сего намерения, указывая на долг пастыря не покидать овец своих, с которыми он уже сжился. Но священник стоял на своем. Тогда митрополит сказал: “Недавно один священник так же, как и ты, настойчиво просил другого места; я советовал ему послужить на старом месте, но он не послушался моего совета. Я дал ему место, но не прошло и полугода, как он умер!” Но и этот урок не вразумил просителя, и владыка удовлетворил его просьбу. Но не прошло и полугода, как священник скончался...

Эти рассказы, как и многие другие, свидетельствуют, каким ореолом святости окружало лучшее духовенство своего незабвенного святителя Филарета. Вот почему каждый, у кого имелась хоть одна строчка, писанная его рукою, хранили этот клочек бумаги, как драгоценную реликвию; вот почему и поныне еще печатаются его письма к разным лицам, имевшим к нему то или другое отношение. В заключение своей заметки, приведу здесь два небольших письмеца, копии с коих мне были доставлены еще в 1870 году моим товарищем по семинарии Н. Иерапольским. Они писаны к протоиерею Богоявленского, в г. Богородске, собора.

I

Отец протоиерей!

Прилагаемые триста рублей употребите на нуждающихся после бывшего в вашем городе пожара. Об отчете не заботьтесь. Знаю, что употребите со вниманием. Бог да подкрепляет вас в несчастных обстоятельствах.

Филарет М. Московский.

Сент. 7.1834.

II

Отец протоиерей!

Прилагаемые при сем экземпляры беседы, приведите в употребление, по примеру прежних.

Филарет М. Московский.

№ 3706.

СПБ. Дек. 20, 1835.

Читателям “Гражданина”

Не вижу пользы обращаться к чести и совести известного князя Мещерского и не пишу ему самому, а пишу эти строки для тех порядочных людей, которые еще читают его “Гражданин”, чтобы предупредить их о той “ненависти”, какую пропитан этот старый публицист ко мне и к моим единомысленникам. Прежде всего, скажу: слово “ненависть” – любимое словечко князя: он употребляет его не только в отношении к частным лицам, но и к учреждениям, а в 1910 году он не постеснялся сказать и о Святейшем Синоде, что его постановление относительно графа Толстого “исполнено ненависти”. Когда я писал свои дневники по поводу смерти гр. Толстого, князь по семи раз на столбце своих дневников употреблял это слово по отношению ко мне, ставил мне в вину даже то, что я “произношу с ненавистью имя сатаны”. Как будто это имя надо произносить “с любовью!” Что удивительного, что его “ненависть” ко мне не простыла и доселе и, в № 22 своего “Гражданина”, он снова шесть раз повторяет по моему адресу это любимое словечко, присоединя к нему еще и “злобу”, “брань”, “насилие”, “жестокосердие” и т. п.? Одним словом: в его глазах я – какое-то чудовище, олицетворение всякого зла. Меряя всех своею меркою, он хочет уверить и своих читателей в том, что ему мерещится: будто “нет человека на Руси, который не питал бы злого чувства к этому иерарху”, т. е. ко мне. Да ведь это было бы ужасно, если бы, хоть наполовину, правда! Но за что же такая стихийная ненависть? Слава Богу: все это сплошная ложь и клевета на православный Русский народ: он меня знает по моим “Троицким листкам”, коих разошлось в течение 35 лет более ста пятидесяти миллионов, знает по моим дневникам, столь ненавистным Мещерскому; но вот сиятельный князь порешил меня “ликвидировать” и делает это – в своей газете. Постоянно, с настойчивостью, достойною лучшего применения, из номера в номер, вероятно, к удивлению своих читателей, он приплетает мое имя и поносит меня, как только умеет это делать его высокомерное сиятельство. Но не я один ненавистен ему: он не терпит всей православной миссии, которая ведет энергическую борьбу с ересями, расколами, особенно с модною ныне хлыстовщиной. И по отношению к миссии у него не находится другого подходящего слова, как все то же – любимое им слово “ненависть”. Сей много о себе помышляющий князь дерзает говорить, что “дух ненависти должен быть признан постоянным духом нынешних ревнителей Церкви”, и становится открыто на защиту Чурикова и его последователей... Этого еще недоставало! Да уж не потому ли он и стал в ряды врагов Церкви, защищающих и Чурикова, и графа Толстого, и всех новых и старых еретиков, что боится заразиться тою “ненавистью”, какою, по его мнению, “должны быть” заражены (слышите: не просто заражены, а должны быть заражены) все нынешние ревнители Церкви?.. Не потому ли и защищает теперь последователей Чурикова, так называемых “трезвенников, обвиняемых, по его словам, в хлыстовщине, причем-де обвинители во имя Церкви не отступали ни от какой лжи, ни от какой клеветы”?

Но не угодно ли князю все это взять обратно: вот именно все такие непрошеные “ревнители Церкви”, как он, не гнушаются никакою ложью, никакою клеветой! В прошлом году воздействие государственной власти на бунтующих афонских монахов, изгнавших своего одного игумена и грозивших изгнать другого и всех православно верующих собратий своих, было превращено в жидовских газетах и в единомысленных с

князем Мещерским органами – в какой-то “поход” мой на невинных старцев-подвижников, а ныне те же радители Православия, во главе с Гарязиным, в компании с князем-писателем, хотят во чтобы то ни стало уверить своих читателей, что Святейший Синод “сознал свою ошибку”, “изменил свой взгляд” на ересь, признал имебожников православными, словом – сам стал имебожником... И вот такая влиятельная газета, как “Новое Время”, еще недавно поместившая статью своего сотрудника, г. Веги, безпристрастно освещавшую афонское дело, теперь уже говорит об “ошибке Синода”. Здесь, в России, это, пожалуй, еще не опасно: не трудно навести справку, в каком положении это дело: Святейший Синод и не думал признавать православным учением то, что он, в своем послании от 18 мая прошлого года, назвал ересью; но на Афоне такая ложь не проходит беззале дно. Оставшиеся на Святой Горе имебожники, как мы имеем сведения, поднимают голову и смущают православных толками, будто Святейший Синод раскаялся и признал их учение православным. Нет сомнения, что они находятся в постоянном сношении с своими вождями, которые снабжают их писаниями Гарязина и Мещерского, и погасший было пожар ереси снова грозит разгореться. Нет сомнения и в том, что греки прекрасно учитывают это обстоятельство и во всей строгости применяют закон Святой Горы об еретиках... А наше посольство едва ли станет в другой раз применять меры для очищения православных монастырей от имебожников. И вот благодаря лжи, усердно распространяемой разными жидовскими, хлыстовскими и княжескими газетами, легко может случиться, что еще сотни монахов будут изгнаны с Афона и будут скитаться по Русской земле без приюта и духовного окормления. Ведь нельзя же открыто противящихся Церкви, требующих от Церкви признания их ложного учения православным, принимать в русские монастыри безусловно. Надо помнить, наконец, что определения патриарших грамот и послания Святейшего Синода чего-нибудь да стоят. Замалчивать их невозможно и допускать надлом в взаимных отношениях Церкви-матери и Церкви-дочери непростительно. И напрасно гг. Гарязины и князя Мещерские стараются все дело свести на мои отношения к имебожной ереси, тщательно замалчивая такие документы, как послание Святейшего Синода и патриаршие грамоты: я стою только на почве этих документов, от коих ни Святейший Синод наш, ни патриарх не отрекались. Пусть А. Булатович смиренно сознается, что в своей “Апологии” и др. писаниях он во многом заблуждался, пусть отречется от них и, если уж его душа не может безусловно принять учение церковное, изложенное в вышеупомянутых документах, то – *непременно при отречении от прежних мудрований* – представит новое изложение своего мнения, которое и рассмотрит Святейший Синод: это все, что, думаю я, могла бы допустить церковная власть. А мешаться в это дело разным Гарязиным и Мещерским недопустимо. Они вносят только смуту в святое дело выяснения Христовой истины и вражду во взаимные отношения разномыслящих.

№ 229–231

О монашестве епископов

Дня не проходит, чтоб в печати не поднималось все новых и новых вопросов, касающихся той или другой стороны церковной жизни, церковных обычаев и канонов. Вкривь и вкось стараются непрошенные радетели интересов Церкви толковать по поводу этих вопросов, чтобы смутить православных, в простоте верующих в Церковь, и подорвать в них доверие к Церкви, предварительно лишив в их глазах доверия представителей церковной власти. Синод не каноничен! – восклицают они и обвиняют епископат в подделке Регламента, положенного в основание Синода. Теперь г. Панков стремится доказать, что монахам нет места среди епископата, и приходится отражать это новое нападение на современный строй церковного управления, весь построенный – уже тысячу лет назад – на монашестве епископата. Помещаю в своих дневниках пока письма мои в “Новое Время”, посланные с целию прояснить туман, напускаемый без всякой нужды в атмосферу церковной жизни г.г. Панковыми, которым очень хотелось бы вторгнуться с своими пресвитерианскими вожделениями в эту церковную жизнь.

I

Письмо в редакцию “Новаго Времени”, помещенное в № 13728

В № 13721 “Новаго Времени”, в ответ на письмо архиепископа Антония, ставится вопрос: “Почему же все наши епископы должны быть монахами и не возводят в архиерейский сан белое духовенство?”

Каноны церковные не запрещают возводить в сан архиерейский и белых священников, но те же каноны, именно правило 12-е Шестого Вселенского собора, требуют, чтобы рукоположенный во епископа обязательно прекращал сожитие с своею супругою: “аще же кто усмотрен будет сие творящий, да будет извержен”. Итак, церковный канон строго предписывает епископу безбрачие. А в таких условиях чем же епископ-белец будет отличаться от монаха? Обеты монашества известны; они сводятся к трем: девство, нестяжание и послушание. Но разве епископ, будь он монах или белец, не обязан руководствоваться всецелым отречением от своей воли, от всех личных интересов, если он хочет всецело отдаться своему служению? Прочтите его обеты, произносимые им пред посвящением: они строже обетов монашеских. А с отречением от семейной жизни, по силе правила Шестого Вселенского собора, чем же он будет отличаться от монаха, если даже не примет монашеского пострига? Разве тем, что будет иметь право в скоромные дни есть мясо? Но он должен будет вспомнить, как посмотрит его паства на епископа, ядущаго мясо, и слова великаго Апостола Павла: *аще мясо соблазняет брата моею, – не имам ясти мясо во веки*! И что же это за епископ, который не хочет подчиниться, если еще не канону, то тысячелетнему порядку церковному, требующему от епископа обетов монашества? Конечно, эти обеты свяжут его совесть покрепче, но, по смирению служителя Христова, он должен бы радоваться, что сии обеты будут укреплять его немощную волю. Притом же, он будет должен в своем епископском служении руководить

и монахами, которые будут входить в состав его паствы: хорошо ли, если каждый раз, как он будет поучать монахов, в его совести будет слышаться упрек: “ты – не монах, тебе ли учить монахов”...

Вот почему еще Шестой Вселенский собор, постановляя правило о безбрачии епископов и предусматривая те ссылки на практику апостольских времен, какая теперь делается при требовании, чтобы епископ был не монах, оговорился: “сие же глаголем не ко отложению или превращению апостольскаго законоположения, но прилагая попечение о спасении и о преуспевании людей на лучшее, и о том, да не попустим какого-либо нареkania на священное звание. Ибо глаголет божественный Апостол: “вся во славу Божию творите: безпреткновенни бывайте иудеем, и еллином, и Церкви Божией, якоже и аз во всем всем угождаю, не некий своя пользы, но многих, да спасутся. Подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу”.

При Апостолах, конечно, монахов еще не было, но девственники были, каковым был и Апостол Павел. А раз Церковь каноном своим поставила безбрачие условием епископства, то нет никаких оснований требовать, чтобы епископы были не монахи. Да напрасно умалчивают и о том, что значительная часть современного епископата состоит из бывших белыми священниками: нет нужды называть таких святителей по именам. Они приняли монашество, но не забыли быта и жизненных нужд белаго духовенства, а потому и вопрос: почему не возводят белое духовенство в сан епископский – не имеет места, на него отвечает жизнь: возводят, и очень часто, но с принятием монашества; а на другой вопрос: почему все наши епископы должны быть монахами, – можно ответить вопросом же: а для чего это условие было бы нужно устранить, когда обеты архиерейские почти совпадают с монашескими, кроме разве таких условий, как неядение мяса, и тогда как тысячелетняя экономика церковной жизни ввела в эту жизнь монашество архиереев? Не говорю о том, что вся Русь привыкла видеть епископа в мантии и клобуке, и пр.

II

За тысячелетний обычай

(Письмо в редакцию “Новаго Времени”, помещенное в № 13739)

На мое письмо в редакцию, помещенное в № 13728 “Новаго Времени”, г. Панков откликнулся статьей “Епископския недоразумения”. Недоразумения у епископов, конечно, возможны, но не чужд их и г. Панков. Я привел правило Вселенскаго Собора, требующее для епископа прекращения сожития с супругою. Вывод совершенно ясен: епископ должен со дня рукоположения хранить безусловное целомудрие наравне с монахом. Жена перестает для него быть женою, она становится только сестрою, как и всякая другая женщина-христианка. Можете не называть это “полным расторжением брака”, но в существе дела это все же будет “безусловным прекращением брачных отношений”. И в этом отношении такой епископ и без пострижения есть безусловно – монах. Правило строго карает нарушение сего канона: еще усмотрен будет – да извержется. Подчиняясь сему правилу, избранный во епископа иерей тем самым уже отрекается от сожития с женою, дает обет целомудрия по благоговению к воспринимаемой им благодати архиерейства и из послушания Вселенскому Собору, т. е., Церкви. Надеюсь, против сего г. Панков спорить не будет.

Перехожу к понятию о “послушании”. Г. Панков понимает его как “безволие”. Признаюсь: такое определение монашеского послушания меня несколько испугало: уж не разумеет ли г. Панков под нашим словом “послушание” какой-нибудь гипноз, внушение, парализующее волю? Очень жалею, что в газетной заметке не могу распространиться на тему о послушании; скажу только, что послушание мы считаем основным началом духовного воспитания, матерью смирения, хриstopодражательную добродетелью. Все мы, православные, обязаны быть в послушании Богу в исполнении Его заповедей, в послушании Церкви и власти церковной, а епископ несет сугубое послушание канонам церковным и всем распоряжениям высшей церковной власти: он и управляет, и приказывает, и наказывает, и награждает, и все, что долг ему повелевает, творит – *за послушание*. И это “послушание”, это безусловное отсечение своей воли пред Церковью, этот тяжелый крест служения Церкви он несет в сознании, что для него есть как бы продолжение монастырского послушания, есть средство его собственного спасения. Не будучи связан семейною жизнью, он имеет возможность всего себя всецело отдать на служение Церкви и скорее, чем семейный, оградить себя от того риска, о коем говорит г. Панков – “риска отдать в руки и распоряжение своих приспешников и подчиненных епископское дело”. А разве у семейного епископа не может быть таких “приспешников” (я сказал бы: сотрудников, а не каких-то приспешников)? И почему это непременно и только семейный епископ может, а монах-епископ уже не может “сближаться с паствою и низшим духовенством, печаловаться о них пред мирскими властями по старине, милостиво относиться к грехам и заблуждениям ближних” и пр.? Наша русская церковная история знает множество Богом прославленных святителей – печальников народных, и все они были монахи, да и теперь не оскудела наша Церковь такими святителями, как митрополит Московский, не говоря уже о других. И к чему все эти рассуждения, когда весь вопрос сводится просто к тому: какия причины мог бы представить кандидат архиерейства, чтобы не принимать пострижения, хотя бы из уважения к тысячелетнему обычаю в нашей Церкви? Ведь и многие каноны церковные сначала были “обычаями”, а потом закреплены соборами в каноны. И без особо уважительных причин таких вековых обычаев нарушать не следует. Что же касается правила, которое говорит, что монахи обещаются не иных пасти, а пасомыми быти, то речь идет о тех епископах, которые “*низошли* в монашеский образ”, т. е. оставили кафедру и стали бы искать снова кафедры самочинно или распоряжаться в монастыре, как епархиальные архиереи. Это, конечно, было бы нарушением обета послушания, как самочиние.

Слова Апостола Павла и я приводил как пример, как должно бережно относиться к совести немощных братий; ставлю себя на место немощных и вопрошаю паки кандидата иерея во архиереи: отрицаясь от семейной жизни, ища смирения, чтобы именоваться и – конечно – быть “смирненным епископом”, а смирение, как известно, стяжается не иначе, как послушанием, – почему он уклонился бы от обетов монашеских? Почему и мирянин, г. Панков, не желает иметь своим епископом монаха? Почему иным мирянам в наше время так хочется изменить установившийся тысячелетием обычай?

III

За идеалы белаго духовенства

(Письмо в редакцию “Новаго Времени”, помещенное в № 13746)

Наше время – век понижения идеалов. Идеал недостижим: *будите совершении, яко Отец ваш Небесный совершен есть*, говорит Господь. Но мыслимо ли для человека достигнуть сего идеала? И вот он хочет свести его на землю, принизить, сделать для себя доступным, не замечая того, что чрез это подменивает его и обманывает себя.

В. В. Розанов полагает, что “решительно” каждый русский священник “чувствует муку” при мысли: “отчего я или *мой ближний*, священник праведной жизни, высокого ума, большой ревности к Церкви, *за то только одно, что мы семейны*, лишены навсегда права быть блюстителями Церкви, быть епархиальными?., лишены права епископата...?” – “Вот, говорит г. Розанов, мысль каждого священника, вот горе каждой сельской и городской священнической семьи”. Позволю себе сказать, что автор оскорбляет сто тысяч иереев Божиих, не допускающих и мысли критиковать правило Вселенского Собора, т. е. Самой Церкви, возбраняющее епископу вести брачную жизнь. Я уже не говорю о том, что только честолюбие может возбуждать “чувство муки” в иерее и “горе в семье” в виду такого правила Церкви. Может быть, в среде ста тысяч иереев и найдется десятка два-три, тронутых модными идеями протеста против действующих канонов Церкви, а среди их матушек не хочу и думать, чтоб нашлось и столько мечтающих быть “архиерейшами”. Церковь, принимая, между прочим, во внимание слова св. Апостола Павла: *не оженившийся печется о Господних, а оженившийся печется о мирских*, а посему неженатый или разлучившийся с женою с большим усердием отдаст себя всецело великому служению епископства, и постановила быть епископу безбрачным, тем более, что среди верующих всегда можно найти небольшое число лиц, способных понести крест архиерейства в безбрачии. И смиренные служители алтаря Господня, внимая велению правил церковных, благодарят Бога за жребий служения иерейского, нимало не испытывая никакой “муки”, никакого “горя” при мысли, что они не могут быть кандидатами в архиереи, а их матушки – в “архиерейши”. Они знают, что не земные почести, а вечное спасение – последняя цель их подвига, а там, на небе, у великаго Пастыреначальника, будет свой суд, на коем могут оказаться и первые – последними, и последние – первыми. Это в военной среде принято за идеал: “плохой тот солдат, который не мечтает быть генералом”, а в Церкви Божией – не так: “плохой тот священник, который считает себя достойным архиерейства даже, вопреки правилам Церкви”...

Теперь я вопрошаю В. В. Розанова: откуда он взял, будто до Шестаго Вселенского Собора “монахи не допускались в епископы?” А великие отцы – законоположники монашества, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и многие другие “преподобные” разве не были монахами? Или они отреклись от монашества, как уверяет автор? Где это нашел г. Розанов, будто все таковые монахи, избранные во епископа, “предварительно должны были снять с себя обеты монашества и одеяние монаха”? “Да, говорит он и подчеркивает: каждый такой монах сбрасывал с себя монашество”... далее не привожу выписки его слов, но говорю прямо и решительно: это клевета на святых Божиих, на монашество, на Церковь, которая будто бы требовала этого сбрасывания: это – неправда, это – вымысел, коему г. Розанов нигде в церковной истории не найдет подтверждения! А значит, и все его выводы, основанные на сем вымысле, лишены всякого значения. Неправда и то, будто белое духовенство всегда и везде враждебно настроено против черного: бывают исключения, но – только исключения; в общем же, могу сослаться на весь сонм святительский, на всех добрых иноков, что они нимало не терпят

от белаго духовенства нареканий и, особенно, вражды... Равно и мы, монахи, с любовью смотрим на служителей Церкви Божией, живущих семейно, видя в них своих сослужителей во Христе. Басня о взаимной вражде черного и белаго духовенства выдумана ненавистниками монашества, а их теперь немало на Руси.

Суть дела в вопросе о кандидатах епископства в том, что ни мы, монахи, ни белые иереи, послушные канонам Церкви, не можем, да и не хотим, нарушать их, пока сама Церковь, на Восьмом Вселенском Соборе, еще Господь изволит сему быти, не пересмотрит их и не изменит, если сие признает благопотребным. Тогда, и только тогда, не после Всероссийского Поместного Собора, который не имеет права отменять каноны Вселенского Собора, а после Вселенского Собора мы примем новый канон о брачном состоянии епископов, если, говорю, это Церковь постановит. А пока довольно и того, что каждый иерей имеет право быть избранным на епископство, под неперменным условием отречения от брачной жизни, а у нас на Руси, по многовековому обычаю, и – принятия монашества.

В заключение позволю себе сказать В. В. Розанову, да и многим светским писателям, что “преподобные” отцы наши Сергей Радонежский и Серафим Саровский “святителями” не были, а потому и называть их сим словом не подобает. “Святитель” значит, на языке Церкви, архиерей, и когда какого-либо угодника Божия, неимевшаго архиерейскаго сана, называют “святителем”, то, уж, да простят нам, церковникам, нашу скрупулезность: нам кажется, что писатель, так неуместно употребляющий слово “святитель”, в языке церковном является... несведущим.

IV

“За святое послушание”

(Письмо в редакцию “Новаго Времени”, помещенное в № 13753)

В вопросах, касающихся особенно веры и Церкви, долг совести властно повелевает быть наипаче безпристрастными и спокойными; но когда вас подозревают в том, что вы “всячески стараетесь скрывать многия касающиеся современных церковных порядков истины” и делаете иногда “заведомо неверныя сообщения”, что вы “не уважаете читателя и сознательно извращаете смысл церковных правил”, что вы “всеми мерами свое измышление, которое дали при пострижении отлагать, стараетесь выдать за церковный закон” и, “рассчитывая на всеобщую неосведомленность читателей, делаете утверждения, явно противоречащая церковным законам, и выдаете за каноническия предписания”, – при таких условиях вести спокойно обмен мыслей в газете довольно трудно. А г. “Мирянин”, в № 13745 “Новаго Времени”, во всем этом меня не только подозревает, но и обвиняет. Одно замечу кстати: мне кажется, что когда с вами говорит известный вам человек с открытым лицом, то говорить с ним в маске анонима или псевдонима как будто... не совсем вежливо. Но ведь бывают обстоятельства, когда без маски не обойдешься: и пчеловоды надевают сетку, когда достают мед.

Оставляя в стороне общия фразы, бросающия на меня тень какого-то не то подлога церковных правил, не то их сокрытия, сделаю несколько замечаний по адресу г. “Мирянина” на те строки его статьи, где его обвинения против меня как бы иллюстрируются. Но тут уж и мне есть основание подозревать его самого в сокрытии всей

истины. Так, приведя 5-е правило св. Апостолов о том, чтобы священнослужители, в числе коих поименован и епископ, “не изгоняли своих жен”, он замолчал помещенное тут же, в “Книге Правил”, толкование на это правило известного древняго канониста Зонары, которое гласит: “изгнание жены запрещается священным лицам потому, что сие казалось бы осуждением супружества. Впрочем, говорит далее толкование: воздержание епископов от супружества есть *древнее предание*, от которого отступление Шестой Вселенский Собор заметил *только в некоторых* африканских церквах и тотчас запретил своим правилом 12-м”... Вот как понимала апостольское правило древняя Церковь. А что так понимает и современная нам Церковь – видно из того, что толкование Зонары внесено в нашу “Книгу Правил”. Это “толкование” есть, вместе с тем и толкование 12-го правила VI-го Вселенского Собора. Г. “Мирянин” позволяет себе толковать 12-е правило по своему смыслу, не имея для себя никакой опоры в самом правиле: по его мнению, “Собор только установил *временный* обычай безбрачного состояния епископов, пока не прекратится соблазн”. Но в правиле нет ничего, дающего основание к такому толкованию. Правило говорит очень категорично: “да не будет отныне ничего такового; аще же кто усмотрен будет сие творящим (т. е. сожительствующий с женою), да будет извержен”. И пока это правило не отменено равным по авторитету Вселенским Собором, дотоле оно имеет полную силу и обязательность для Православной Церкви.

Толкование Зонары для нас ценно и в том отношении, что свидетельствует о древности “предания” о воздержании епископов от брачной жизни: уже во времена VI Вселенского Собора это было всеобщим обычаем в Церкви, так что уклонение от него было уже соблазном для верующих.

Г. “Мирянин” напоминает мне о монашеских обетах: спасибо за доброе напоминание, которое всегда благовременно. Но, милостию Божией, я их помню и, Богу содействующу, тщуся, по мере сил, исполнять. К сожалению, он не дочитал в этих обетах двух слов и не приводит их. Да, монах должен пребывать в монастыре “до последнего издыхания”, сохранять послушание к игумену и всей братии и пр., и “пребывать в монастыре сем”, т. е. в котором он пострижен, но тут же прибавлено: “или в нем же ти от святаго послушания повелено будет”. Ясно, что для монаха “послушание” есть основная стихия его жизни, и что бы ему ни повелели, куда бы ни послали, какое “послушание”, какой тяжелый крест – а что может быть тяжелее креста архиерейского? – ни возложили бы на него, – он должен все принять, все нести “за послушание”. Знаю архиерея, который, в сане архимандрита, плакал, получив указ Синода об избрании во епископа, хотел послать телеграмму в Синод, что он – сошел с ума, чтобы только избежать тяжелого креста архиерейского, но старец приказал за послушание, и он пошел... Так иноки, призываемые к архиерейству, исполняют свой монашеский обет: “отложить своего разума измышления и своя воли мудрования”!

Совершенно напрасно г. “Мирянин” приводит 4-е правило IV Вселенского Собора: прочтите его все сполна и увидите, что оно говорит о монахах-самочинниках, “по произволу ходящих по градам, не желающих жить в своем монастыре и даже монастыри составляли для себя покушающихся”, а не о тех, которые достойно избираются в епископы. Напрасно также обвиняет меня “в сознательном извращении смысла церковного правила”, якобы “запрещающая совместительство иночества и епископства”. Если бы его толкование 2-го пр. Собора в храме св. Софии было верно, то ужели Церковь на протяжении более тысячи лет, постоянно нарушая его, не замечала этого и ни разу не обратила на это внимание? Ясно, что она понимала это правило так, как и я понимаю:

относила его только к епископам, ушедшим с кафедры в монастырь “на покой”. Да и нельзя иначе понимать слова: “*нисшедший* в монашеский образ” – это именно и обозначают. Ушел с кафедры, поселился в монастыре, как монах, и живи, как монах, не ищи снова кафедры, хотя это не может связывать высшую церковную власть, если она найдет благопотребным для Церкви снова призвать тебя на кафедру, и опять таки не иначе как – “за послушание”... За святое послушание мы, монахи-епископы, и исполняем заветы Апостола Павла: “паси стадо, настоя, обличь, запрети, умоли”; за то же послушание апостольским и соборным правилам мы и при делах церковных стоим и разбираем их с рассуждением, тем самым исполняя свой монашеский обет отречения от своей воли и послушания уже не только игумену, но и всей Церкви Божией, церковной власти, всем канонам и правилам церковным...

V

За кого говорит история Церкви?

(5-е письмо в редакцию “Новая Времени”)

Наш спор о монашестве епископов не только не кончен, но и обещает быть бесконечным. Не знаю, полезно ли и продолжать его. Дело в том, что мы никак не можем, не оскорбляя свою мать-Церковь, допустить мысль, будто она не досмотрела явная якобы нарушения канонов своих же Вселенских Соборов и терпит это нарушение в продолжение – по крайней мере – полуторы тысячи лет... В самом деле, прошу принять во внимание: кто были законоположники монашества, кто писал для монахов правила? Да такие святители и великие вселенские учителя, как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и множество других святителей... Но ведь, они все были – монахи! Святители, т. е. епископы, и в то же время – монахи! Правда, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст жили раньше IV Вселенская Собора, но, всеконечно, они были истинными носителями самого духа монашества и вместе строжайшими блюстителями канонов церковных, их духа, их силы, равно и все другие великие святители, как греческой, так и русской и других православных Церквей, да не только Церквей восточных, но и западных, святители – монахи, на протяжении более полуторы тысячи лет, с самого появления монашества, тысячи монахов-епископов – что же? все они не замечали нарушения канонов, принимая сан епископа? И никто, решительно никто из них не протестовал, что им дают такое послушание, которое будто бы заставляет их нарушать иноческие клятвы (обеты) и постановления Соборов относительно образа жизни и положения иноков в Церкви? Как объяснит мне это г. Царевский? Для нас совершенно ясно, что все они, святые отцы, законоположники иночества, все святые, Богом прославленные и Церковью именуемые даже вселенскими учителями, понимали иноческие обеты послушания не так, как понимает их г. Царевский, а именно так, как понимаем мы и с нами вся Православная Церковь.

А мы убеждены, что иноческие обеты не только не препятствуют послушанию архиерейства, но и содействуют к прохождению его. Здесь уместно повторить слова г. Царевского: “если бы Церковь иначе понимала эти правила, она изменила бы чин пострижения”. В таком изменении нет никакой надобности, ибо и сам игумен, которому инок обязуется послушанием до конца жизни, давал такой же обет, и если толковать слово

“послушание” в том смысле, как желают понимать его наши возражатели, то и игумен оказался бы нарушителем своих обетов, вступая в свою должность и начиная повелевать иноками...

Когда я прочитал статью г. Царевского, я был в родной мне Троицкой Сергиевой Лавре. И припомнилось мне: сколько вышло из постриженников этой Лавры, с благословения преподобного Сергия, во епископы, начиная с его племянника – Ростовского архиепископа Феодора. Справился, оказывается более ста епископов! А митрополит Филарет, упоминая о сем, говорит, что великий отец иноков, сам, по глубокому смирению своему, отказавшись от архиерейства, взамен себя дал столь великий сонм в лице епископов – его духовных потомков. Предоставляю историкам высчитать: сколько тысяч архиереев на протяжении полуторы тысячи лет вышло из монахов... Ужели все это – по недоразумению и недосмотру Церкви?..

В заключение скажу: меня очень удивил вопрос г. Царевского: “Может ли частная поместная Церковь давать инокам такое послушание, которое заставляет их нарушать иноческие обеты?” О какой поместной Церкви говорит он? Конечно, о нашей, русской. Но вот же история свидетельствует, что с самого возникновения монашества, когда наши предки были еще язычниками, Вселенская Церковь избирала кандидатов во епископы преимущественно из монашествующих: как же быть с этим фактом? Указания на такие исключительные факты, как посвящение епископа Маркелла без пострижения в монашество, не имеет никакого значения в нашем споре: ведь возможности такого избрания я не оспаривал, знаю и еще подобные случаи, но надо же принять во внимание, что – с одной стороны десятки тысяч монахов-епископов, а с другой – один-два епископа без пострижения... Надо помнить и то, что о. Маркелл привел за собою в единение с Церковью несколько тысяч из унии: при отсутствии канона, для него можно было сделать и отступление от обычая.

Нужно ли говорить о “такой”, по выражению самого г. Царевского, “хрупкой соломинке”, как мнение покойного архиепископа Димитрия Херсонского, будто “монах, делаясь епископом, перестает быть монахом”: в ответ на это можно указать на святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, который не только был монахом, но даже и схимником, что не препятствовало ему быть добрым пастырем и угодником Божиим...

Из сказанного ясно, что Церковь понимала обеты монашеские не так, как понимает их г. Царевский, что она не только не запрещала своими канонами избирать кандидатов епископства из монахов, но и избирала их предпочтительно из монахов; правило же VI Вселенского Собора может быть отменено только Вселенским же Собором, а отнюдь не поместным. А так как, по общецерковному пониманию, обеты иноческие не только не противоречат архиерейскому послушанию, но и содействуют его исполнению, то уклонение от них для кандидата епископства, без особенно уважительных причин, каждый раз рассматриваемых Церковною властью, было бы, по меньшей мере, уклонением от церковного предания и обычая, веками установленного... Чтый да разумеет!

Это письмо не было напечатано в “Новом Времени”: читатели сами могут понять, почему. Сказать что-либо против приводимых здесь доводов не было возможности, ибо тогда пришлось бы действительно признать, что Церковь допускала нарушение своих же канонов в продолжение 1500 лет. Оставалось молчать. А чтобы у читателей газеты осталось впечатление, что ее сотрудники взяли в споре верх, предпочли письмо мое вовсе не печатать. Так оборван спор о монашестве епископов, и у читателей “Нов. Времени”

осталось впечатление одержанной надо мною победы со стороны г. Царевского, “Мирянина” и пр. Ясно, что кому-то нужно, во что бы то ни стало, доказать, что монашество несовместимо с епископством, а потому – пусть-де будут “белые” епископы. Для сей цели, умалчивая о безчисленных, буквально исчисляемых тысячами, епископах-монахах, откапывают в минувшем столетии несколько примеров поставления во епископы без пострижения, но – ни одного русского, а все – из бывших униатов, а один из грузин. Это – “рясофорные монахи”. Безпристрастный читатель видит, как слабы эти примеры. Ведь и я не отрицал возможности исключений в таких особенных обстоятельствах, какие были, например, при присоединении униатов целыми тысячами, когда и можно, и должно было делать исключения из тысячелетнего обычая. Но почему так настойчиво хотят, требуют, чтобы наша Церковь оставила тысячелетний обычай: в случае избрания во епископа лица из белаго духовенства предлагать ему принять монашеское пострижение? Что совмещение епископства с монашеством допустимо – в этом невозможно и сомневаться в виду тысяч архиереев-иноков. Умнее Церкви не будешь, как ни мудруй; Церковь говорит: монашество не препятствует, а напротив – помогает быть добрым архиереем; личное мудрование должно отложить, если хочешь быть во всем послушен Церкви; иначе – никто тебя не принуждает быть архиереем, не хочешь принимать пострижения – откажись и от епископства. Епископство – не карьера, а тяжелый подвиг, связанный с полнейшим самоотречением и самопреданием в волю Церкви.

Тот довод, который приводят в защиту своего положения, будто монах не знает жизни духовенства, – положительно не выдерживает никакой критики. Довольно указать на то, что в составе современного нам епископата имеется до 70 епископов из вдоваго духовенства (почти половина числа всех епископов), во главе с первосвятителем Русской Церкви: следовательно, церковная власть достаточно осведомлена о положении белаго духовенства, об их нуждах, да и кроме того, разве мы-то, монахи, с пострижением забываем все свое прошлое, все, чему были свидетелями, пока росли, росли большею частию в деревне, в нужде, разве мы не помним, как тяжело жилось нашим отцам, которые служили обедню за крошню мякины, устраивали своих дочерей, наших сестер, за крестьян или же за мастеровых на фабрики, сами пахали матушку-землю, сами работали, да и мы, семинаристы, с ними в полях и огородах работали наравне с мужичками – ужели, приняв монашество, так все это и забыли?.. Как хотите, а обидно думать об этом!

Но надо же сказать откровенно и прямо: тут дело даже и не в монашестве епископов, а совсем в другом: кому-то нужно внести смуту в умы верующих, подорвать доверие к авторитету церковной власти, а чрез то и к божественному авторитету самой Церкви, поспособствовать ея ослаблению, и если можно, – ея разложению посредством разных, несвойственных ея духу реформ в духе протестантизма. Не хочу думать, что все такие реформаторы Церкви стремятся сознательно к такой цели, но, уклоняясь от руководства пастырей Церкви, бессознательно содействуют тем, кто работает уже сознательно в этом направлении. Верные сыны Церкви должны бы проникнуться убеждением, что ныне времена опасныя для Церкви, что под видом ея благожелателей развелось много ея тайных врагов, лукавых, скрытых Ахитофелов, советующих именно то, что ведет не к пользе, а ко вреду Церкви. И если бы поняли эту опасность, то стали бы стремиться не к реформам в церковном управлении, – это не дело мирян, а иерархии, – не к новым мудрованиям в области догматов веры, а к теснейшему единению с иерархией, дабы под ея руководством глубже усвоить и к жизни прилагать учение Церкви, а чрез то достигать и

опытного познания: какое великое благо – жить жизнью Церкви и воспитывать себя для вечноблаженной жизни.

Есть и еще нечто, удобное приемлемое только верующими в простоте сердца чадами Церкви. Для таковых только и пишу сии строки. В деле избрания епископов, будут ли то монахи или белые иереи, как и во всем, что совершается в недрах Церкви, ничто не бывает без воли Того, Кто есть глава Церкви. Бывает избрание недостойных – попустительно, а избрание достойных – благоволительно. Порядок избрания точно определен Соборами, которые говорят, что избрание совершается епископами же, а отнюдь не мирянами. Лично для избранного весьма важно, чтобы его совесть была совершенно чиста от всякого честолубиваго помысла и пожелания быть епископом: если он не искал, если даже всячески уклонялся от сего высокого звания, то может быть спокоен, может всецело положиться на благодать Божию, которая и будет ему содействовать в прохождении им своего высокого послушания. Христос не оставит Своего “сорботника” в деле спасения душ человеческих без благодатной помощи. Он и добрую мысль ему пошлет, и добрых людей к нему на помощь направит, и обстоятельства будет располагать так, что его тяжелый крест, его бремя, символизируемое его омофором, будет для него легким бременем. Господь Сам будет работать с ним и за него дивным образом. Для тех, кто стал епископом вопреки своей воле, кто лишь за послушание принял на себя сие иго послушания, кто всецело в своем служении епископском предал себя в руки Христовы, это – несомненная истина, аксиома, опытом доказанная. И этот опыт веры – залог их доброго служения и крепости в минуты тяжелых испытаний. Такие епископы, по преимуществу, являются “созидателями тела Христова”, яже есть Церковь Божия. Чрез них в особенности и действует Промысл Главы Церкви в судьбах Церкви. Потому и святая Церковь наиболее воздает честь и прославление отшедшим к Богу святителям своим, яко посредникам в общении земной Церкви с небесною в Таинствах и окормлении корабля церковнаго. Просмотрите святцы: большая часть святых Божиих, Церквию прославленных, за исключением мучеников, – все преподобные и святители. Мирян – наперечет, кроме, говорю, мучеников. Это, конечно, не значит, что в Царствии Божии их мало, но им земная слава не нужна, не нужна она и святителям, и преподобным, но нам нужен свет их добродетели, нам нужно взирать на их подвиги, чтобы укреплять в себе веру, какою они жили, как спасались, при помощи Божией благодати, и служили оружием спасения для ближних, для нас же самих. Великие уроки жизни по Богу дают и святые угодники Божии – миряне, но жизнь святителей и преподобных всецело была посвящена Богу и ближнему, и идеалы христианской жизни – жизни членов Церкви Христовой, в них сияют во всем своем блеске, во всей их красоте. Посему Церковь, а паче рещи Сам Бог, и прославляет их не только небесною славою, но и великою честью на земле, являя чрез их святые мощи чудеса и знамения великия в Церкви Православной, в среде верующих. Для нас в высшей степени спасительна самая идея, что без Церкви, вне Церкви нет спасения, а представителями Церкви, церковнаго водительства ко спасению, и являются святители Божии. И вот, вне всякого внешнего воздействия, как бы бессознательно, на самом же деле весьма жизненно, этою идеей живет само тело Церкви, верующий православный народ: он сам влечется Божией благодатию к избранныкам благодати, преимущественно святителям Божиим, и, входя с ними в благодатное общение молитвы, прежде чем церковная власть признала их прославленными, указывает сей власти – не какими-либо формальными бумагами, – это уж после, когда нужно будет возбудить дело формально, – а всеобщим всенародным преклонением пред памятью избранников

благодати, так что местные епископы уже должны осведомлять высшую церковную власть о сем явлении в жизни Богом врученной им паствы. Дух Божий дышит, идеже хочет, и ими же Сам вест судьбами, помимо человеческого вмешательства, располагает движениями сердца народа православного к прославлению святых Божиих.

Повторяю: пишу я эти строки для людей православно верующих, а не для читателей газет известного лагеря: они не поймут нас, им покажется юродством то, что я говорю... Боюсь даже, что своими рассуждениями я введу их в такое искушение. Дай Бог, чтоб этого не случилось! А если случится, то пусть они прочтут в Евангелии от Матфея гл. 15, стихи 12–14...

Уготовим себя к подвигу!

Все мысли, все сердца русского народа теперь сосредоточены на том великом испытании, какое было благоугодно Господу ниспослать нам для нашего вразумления, для нашего наказания, для нашего очищения от всех тех духовных нечистот, какими пропиталась духовно-нравственная атмосфера нашей жизни. Последние годы мы жили как бы окруженные как-то ядовитым туманом: чтобы рассеять, разогнать этот туман, Господь и попускает нам скорбь велию – эту ужасную общеевропейскую войну. И верится, что она сделает свое дело, что туман рассеется, и над Русской землей снова засияет яркое солнце Божией правды, Божия благословения и православного смирения, как это было встарь!

Газета “Вечернее Время” запросила меня, что я думаю о современных событиях, о смысле войны и пр. Я ответил кратко:

“Совершается суд Божий над народами земли.

Немцы согрешили гордынею – грехом сатаны. Много согрешили и мы пред Богом. Но грянул гром, и мы ограждаем себя крестным знаменем. В народе заметно заговорила совесть. Он вспомнил Бога. Те нравственные начала, который глубоко заложены в основу народной души родною Церковью, несмотря на сильный на них натиск со стороны темных сил, еще живы, еще могут вспыхнуть ярким пламенем и очистить народ от греха. И вот Бог посылает народу великий крестоносный подвиг: полагать душу свою за страждущих братий по вере и по крови. Подвиг очистит и обновит народ. Это – общий нравственный закон.

Народ чувством сердца понимает это и с преданностью в волю Божию, возлагает на свои плечи тяжелый крест. Дал бы Бог, чтобы поняли наши передовые люди великий смысл грядущего подвига! В помощи Божией мы не сомневаемся: славянские народы, доселе поработанные тевтонам, будут освобождены от тяжкого нравственного ига. Сице верую, сице уповаю!

Моя мысль, откровенно говорю, сосредоточивается не столько на ходе внешних событий, сколько на проявлении внутренних настроений в разных слоях народной массы. Все дело теперь в том, чтобы народ оглянулся на себя, на свои немощи, на свои грехи и постарался исправиться, покайся пред Богом. И не один простой народ, нравственно опустившийся, но и его верхние слои, начиная с средних классов. Бога забыли, от Церкви отворачиваются, заветы предков осмеивают. А в верхних слоях господствует практическое язычество... И вот, наблюдая из тишины своей кельи, с отрадою я замечаю, что как будто есть некоторый поворот к лучшему, есть признаки некоторого отрезвления, просветления. И слава Богу. И сказать ли?.. Если бы Богу было благоугодно ввести нас в больший подвиг временным над нами успехом врага, то и на сие мы должны быть готовы: да будет воля Твоя, Господи милосердый! Но не попусти нас впасть в уныние и сотвори со искушением и скорое избытие. Так бывало в нашей истории, в достопамятных годах 1612 и 1812. Тут приложим физический закон, чем сильнее пламень, тем лучше закаляется сталь; чем бедственнее, до степени, Богу ведомой, всенародное испытание, тем более очищается народная душа. Бог лучше нас ведает, какое врачевство потребно для нашего очищения и духовного обновления. Наше дело предать себя Богу, внимать Его гласу в грядущих событиях, каяться, просить помилования и идти к выполнению того великого

подвига, на какой Он зовет нас. Предавая себя всецело воле Господней, верить должно, что непреложно слово Христово: *елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Просите и примете* (Ин. 16, 23, 24). А совесть наша свидетельствует, что просим у Господа не худого: просим мира всему миру, просим Его помощи в борьбе с врагами Его Церкви святой, просим нашим братьям свободы от гонений за веру православную, за любовь к родному своему народу. Мы просим у Бога милости, но тогда и сами должны широко оказывать милость нуждающимся в милости. Таков у Господа закон: просишь прощения? Прежде сам прости. Просишь милости? Прежде сам помилуй, смилуйся, окажи милость. Сжался над теми, которые изранены, изуродованы на поле брани: помоги, чем можешь, святому делу забот о раненых воинах. Смилуйся над их беспомощными семьями: сколько вдов и сирот теперь будет оплакивать своих отцов и мужей, душу свою положивших на поле брани! Сколько матерей, оставленных воинами без пропитания, может быть, без приюта! О, поистине, различен милования образ, по слову святого Златоуста, и широка заповедь сия!

И сие широкое поле благодетворения открывается пред нами милостию Божией, дабы мы сами заслужили сию милость, Самому Богу подражая в милосердии. *Блажени милостивии, яко тии помилованы будут. И – суд без милости не сотворшему милости!*

Выступление гордыни и подвиг любви

Притча Христова говорит, что хозяин сеял пшеницу, а среди пшеницы появились и плевелы. Слуги предлагали ему выполоть плевелы, но он не позволил, жалея пшеницу, которую легко было вырвать с плевелами.

Господь щадит и грешников ради праведных и готов был пощадить преступные города Содом и Гоморру, если бы там нашлось хотя десять праведников. Пока грех поработывает себе отдельные личности, пока он не становится характерною чертою целого народа, дотоле Господь терпит грешникам, дотоле не губит их со беззакониями их. Но когда грех становится стихией народной жизни, когда им заражаются, ему поработаются, им хвалятся, как каким-то достоинством, как национальной добродетелью, уже не только отдельные лица, но и массы народные, тогда наступает час суда Божия и изливается на народ пламенный фиал гнева Божия.

И прежде всего над таким народом исполняется древнее изречение: кого Бог хочет наказать, у того отнимает ум. Он теряет способность здраво рассуждать, он смотрит на все в те очки, какия подставляет ему его национальный порок, он все явления окружающей его жизни видит, оценивает, старается истолковать и использовать как средство служения обуевающей его страсти. И ему кажется, что он думает и действует разумно, законно, что лучше нельзя и действовать. А со стороны изумляешься его ослеплению, его помешательству на своей страсти.

Пример такого всенародного греха у нас пред глазами. Народы германского племени помешались на идее всемирного господства, и вот, в наши дни, весь мир возмущен их гордынею, и нет уголка на земле, где эта гордыня не заставляла бы, по крайней мере, говорить о себе, а десять держав, великих и малых, уже составили союз, чтобы смирить буйного помешанного тевтона, и к сим державам, возмущенным высокомерием немцев, шлют свое сочувствие, а может быть, в потребную минуту и примкнут содействием многие не только христианские, но и языческие народы: так всем стала ненавистна гордыня немецкого народа, обуянного сатанинским грехом!

И вот мы являемся свидетелями поразительного явления. Мы как будто переживаем события, предсказанные в апокалипсическом откровении: так все необычно, так все неожиданно и непредвиденно!

С одной стороны два государя: один, считающий себя преемником преданий благородного рыцарства, честности, лучших заветов средневекового западноевропейского христианства; другой, носящий титул “апостолического величества”, величающий себя “христианнейшим” среди христианских государей, – два государя и их – в сущности – один, с ними единомысленный народ немецкий, гордящийся своею наукою, своим просвещением, считающий себя носителем культуры и цивилизации. Государя как представители сего народа и народ как исполнитель их воли объединились ненавистию к разрозненным, ими же угнетаемым народам только за то, что эти народы не принадлежат к их роду-племени, исповедуют христианскую веру не в том виде, как исповедуют они, хотят говорить на родном языке, не хотят, да и не могут, превратиться в немцев... Но за этими народцами стоит великий их старший брат, исполин – народ Русский, и вот вся сила злобы, ненависти обрушивается на этого могучаго заступника угнетенных народностей, и начинается война... Страшная, едва ли в летописях мира бывавшая война.

Много и мы, русские, согрешили пред Богом. Быть может, мы, как мытари времен Христовых, и поделом заслужили Божие наказание: в нашей истории, подобно истории древняго избраннаго народа Божия, так часто проявлялись судьбы промысла Божия, то наказующаго, то милующаго, что самая история народа неразрывно сплетается с судьбами Церкви Божией на земле. И народ наш привык смотреть на все бедствия очами веры: то нашествие татар, то – поляков и литовцев, то – французов, а теперь – немцев – все это народ принимает, как Божие наказание за народные грехи: за уклонение от заветов отцов, от заветов матери-Церкви, за пьянство, нравственную распущенность; и, сознавая это, народ кается, подобно ниневитянам, подобно евреям лучших времен их исторической жизни; и Господь внемлет всенародному покаянию и, по ходатайству родных нам не только по вере, но и по крови угодников Своих, милует нас и паки возвращает нам Свое благоволение, и Русь паки обновляется, и народ паки служит Богу отцов своих. Но есть грех, так сказать, трудно поддающийся покаянию как в личной, так особенно в государственной жизни: это – “грех к смерти”, грех сатаны, грех гордыни. Наш Русский народ – дети Православия, а основная стихия православной жизни есть смирение. Русскому народу чужда национальная гордыня: для русского человека и немец, и француз, и всякий другой иностранец, даже и некрещеный еврей, татарин, и даже язычник – все люди, все по образу Божию созданы, и обижать их без крайней нужды, когда они не обижают, не следует – грешно, не по-Божьи. Вот почему даже с пленными врагами – турками и японцами – наши русские люди всегда обходились миролюбиво, сохраняя достоинство христианина, и это миролюбивое настроение русской души не только проявлялось, например, в добрых отношениях русского солдата к врагу во время перемирия или в отношении к пленным, когда солдат делился с пленным последним куском своего хлеба, но и в тех крайностях, с которыми нельзя мириться, когда, например, наши интеллигенты брали пленных французов в гувернеры к своим детям или наши дамы подносили цветы пленным туркам: это уже уродство какое-то! Мы знаем и помним, – ибо этому учит нас мать наша Церковь Православная, – что всякая гордость есть грех, – мы радуемся, мы счастливы, мы благодарим Бога, что мы – русские, но не гордимся этим: это милость Божия, за которую мы и благодарим Господа. Внимая судьбам Божиим, проявляемым в истории нашей Руси Православной, мы с благоговением и смирением видим, что Господь зовет наш народ и ныне на святое дело – не только освободить наших братьев-славян от духовнаго порабощения немцам, от пленения их неправославною культурой Запада, от вытравления в них тех начал, какия заложены были нашими первоучителями Кириллом и Мефодием равноапостольными, – но и самому Западу показать, если только он захочет познать, сокровище православной духовной культуры нашей, всю красоту ея, всю ея животворность для человеческого духа. Все это задачи будущего, может быть, очень и очень не близкаго, и ко всему этому мы должны еще готовиться и готовиться не покладая рук: до гордости ли нам? До того ли, чтобы мерить себя и высоко о себе мудрствовать? Помог бы Бог, хотя в некоей малой мере, выполнить поставленную нам Промыслом Божиим задачу.

В целых народах, в их жизни и истории, повторяются законы духовной жизни отдельных лиц. Известно, что святые Божии, чем выше поднимались по ступеням духовной жизни, чем более приближались к Богу, тем более смирялись, считали себя как бы полными нулями в среде людей, и за то Бог избирал их орудиями Своей Божественной жизнедеятельности в человечестве и даже облакал их силою свыше творить чудеса. Прилагая этот закон к жизни народов, можно сказать: чем более наш народ будет

смиряться, всецело вручая себя Богу, сознавая, что без Божией помощи, без Божия благословения он не может исполнить возложенного на него Промыслом Божиим дела, тем скорее придет к нему эта помощь Божия. Такие великие праведники, как покойный отец Иоанн Кронштадтский, совершая свою молитвою чудо исцеления, всячески гнали от себя самую тень мысли, будто они тут “при чем-то”; все – Бог, все Его сила благодатная да вера тех, кто просил их молитв. А они – они ничто, только свидетели сей чудотворящей веры, привлекающей силу Божию. Не то же ли бывает и с народами – исполнителями судеб Божиих? Когда Моисей воздевал руки в своей пламенной молитве во время битвы евреев с амаликитянами в пустыне, тогда евреи брали верх; когда же опускал руки, то брали верх амаликитяне. Поднятие рук – символ крепкой, все побеждающей веры, возносящей к Богу ум и сердце молящегося пророка и низводящей от Бога чудотворящую силу Божию, поражающую врагов. Подобно Моисею, и святая Церковь ныне непрестанно воздевает свои руки, простирает к Богу свои горячие молитвы в то время, когда Русский народ, в лице своих воинств, выступает против нового Амалика, в гордыне своей возносящегося превыше облак небесных и беспощадно, зверски истребляющего беззащитных жителей и даже детей, имевших несчастье быть застигнутыми в своих местах пребывания. Сердце обливается кровью, когда читаешь об этих зверствах. Справедливо говорит один публицист, “Ничем иным, кроме поразительного безбожия и потери совести (без Бога – какая уж совесть!), нельзя объяснить чудовищных случаев насилия, проявленного немцами над несчастными нашими соотечественниками, среди мира захваченными ими в плен. Исчерпаны все виды издевательства, брани, побоев, лишения свободы, томления голодом, оплеваний, истязаний. Исчерпано воровство, ложь, клевета, ограбление церквей и икон, изнасилование женщин и, наконец, самое циничное – человекоубийство. Все заповеди христианской веры растоптаны немцами и осмеяны”.

Не перечислишь всех видов зверства, каким подвергали немцы русских людей, случайно оказавшихся в их владениях во время объявления войны. Тем хуже для них. Бог все видит и воздаст каждому по делам его. А так как в преступлениях сих повинен не один человек, а как это видно из сообщений очевидцев, весь немецкий народ, наущаемый своим кайзером, то и ответит Богу весь немецкий народ. *Мне отмщение, Аз воздам*, глаголет нелицеприятный Судия! И чем глубже падает он в гордыне своей, тем выше должен стать наш народ, носитель Божией правды в душе своей, тем дальше должен он поставить себя от сих извергов рода человеческого, отрекшаясь, по своему русскому обычаю, от всякого подражания немцам-безбожникам. И чем выше станет он, наш родной народ, в нравственном подвиге, тем скорее привлечет к себе благословение и благоволение Божие, тем скорее Господь простит ему грехи его и совершит чрез него дело Свое, как чрез избранное орудие Свое. Выступление немцев – дело гордыни сатанинской; наш подвиг – есть подвиг любви в защиту Православия, в защиту братьев по крови, в защиту родной земли, которой грозит нашествие воистину безбожных тевтонов, потерявших образ человеческий.

Предоставляя все дело, всю судьбу Русского народа и народов славянских суду Божию, будем крепко вопиять к Богу: *Господи Сил! С нами буди! Иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы: Господи Сил, помилуй нас! Суди, Господи, обидящая нас и братьев наших, побори борющая нас! Приими оружие и щит и востани в помощь нашу! Не помяни беззаконий наших, но призри на нас милостивым оком ради Пречистой Матери Твоея и всех святых Твоих, наипаче же присных нам по плоти угодников Твоих! Аминь.*

Как бы в дополнение и раскрытие Высочайших Манифестов о войне с Германией и Австрией, Верховный Главнокомандующий наших сил опубликовал два воззвания: к полякам и к русскому народу, до сего времени находящимся под властью немцев. Он призывает и тех и других к объединению под знаменем Русской державы. Особенно много выстрадали русские люди в Галиции и Буковине от немцев. Я напечатал в “Нов. Времени”, № 13793, следующее:

Привет братьям – сынам Червонной Руси

Сегодня пасхальным благовестом раздался голос Руси Православной, обращенный к древней вотчине славнодержавного князя Владимира, к Галицкой Руси, – голос, призывающий эту многострадальную область в полное единение с великою матерью, в ее объятия, к новой свободной жизни... Да благословит угодник Божий, великий святитель Петр, митрополит Московский и всея Руси, в благоухании святыни почивающий в самом сердце России – в священном Кремле, в Успенском соборе, да благословит он свою далекую родину – Галицкую землю – паки вернуться в великую семью общерусскую, да будут и Великая, и Малая, и Белая, и Червонная Русь – единою святою Русью!..

Сотни лет тосковала Червонная Русь, оторванная от родной матери, гонимая за веру православную фанатиками-папистами, лишенная непосредственного общения с родным народом, вечно подозреваемая в измене гонителям, отданная на растерзание жидам и немцам и их приспешникам, – и вот, наконец, желанный час настал: слышите ли, братья-Галичане – Христос воскресе!!!

Это было лет 25 назад. Мою тихую келью в Троицкой Сергиевой Лавре посетил незабвенный печальник Галицкой Руси, отец протоиерей Иван Григорьевич Наумович. Что за милый, умный, добрый был старец – Царство ему Небесное! Бывало, встретишься с ним – не наговоришься.

И вот я спрашиваю его:

– Как мирится ваша русская совесть с тем, что вы оторваны от родной Руси, что вынуждены, на виду у матери, быть в подданстве у чужого царя, быть в разобщении народной жизни, как будто вы и не русские? Не болит ли ваше сердце? Не скорбите ли вы на матушку-Россию, что она будто забыла вас?..

Вздыхнул добрый старец глубоко-глубоко. С полминуты помолчал, а потом и говорит:

– Нет, не забыла нас матушка родимая, – мы верим, крепко верим в это; наш Царь-Батюшка, наш настоящий Император – это Русский Самодержец, а австрийский – это только арендатор: нашему Батюшке, Царю Белому, Православному угодно, чтоб мы до времени оставались в подчинении австрийскому императору, как бы в аренде были у него – мы и слушаемся: в Петербурге наш настоящий император, а австрийский – только арендатор!

Так мирилась русская душа Галичанина с нуждою политическою, неизбежною, и вот срок аренды приближается: довольно иноплеменному царю владеть достоянием древних русских князей, пора вступить в права Державному наследнику их – Царю Белому, Православному! Пора воскреснуть Червонной Руси, пора русской душе ее отдохнуть на груди матушки родимой, под ласковым взором Царя-Батюшки! Да возрадуется душа великаго борца за нее – о. Иоанна Наумовича!

Итак, Христос воскресе, братья-Галичане! Друг друга обнимем и – ненавидящим нас, по русскому православному обычаю – простим вся воскресением!!!

Зрелища и увеселения близ народных святынь

Измученным сердцем пишу я эти строки... Сил нет терпеть поругание всего, что этому сердцу дорого, что для него свято.

Вчера я прибыл в родную мою Троицкую Сергиеву Лавру. Прибыл на два-три дня, чтоб немного отдохнуть душою от сует, от тревог и волнений столичной жизни, чтобы освежиться нравственно воспоминаниями дивных судеб Божиих, совершившихся здесь, на протяжении 550–570 лет, чтобы мысленно пережить те скорби и радости, какая волновали мое сердце на протяжении почти тридцати лет моего здесь пребывания, повидаться с теми, с кем делил эти горести и радости, и помолиться на могилках тех из них, кто отошел уже ко Господу...

Поклонившись до праха земного великому печальнику Русской земли, преподобному Сергию, и облобызав его нетленные мощи, я направился в свою келлию, расположенную в лаврском саду. Как здесь тихо, каким миром веет от этих кедров, которые я сажал здесь когда-то, лет тридцать пять назад, зернышками из шишек, присланных с Толги и которые теперь настолько выросли, что под их тенью можно и отдохнуть, и о прошлом поразмыслить, и с друзьями побеседовать. Слава Богу за все!

Настал вечер. Вдруг откуда-то понеслись звуки плясовой музыки, слышались песни, как будто где-то тут, неподалеку от стен святой обители, был какой-нибудь театр или иное увеселительное место... и звуки все росли, все усиливались: чувствовалось, что под их музыку отбивают страстный танец мирские люди...

Господи, перекрестился я: да что же это такое? Ужели и в эти места, освященные стопами и окропленные молитвенными слезами преподобного Сергия, проникла та мерзость духовного запустения, которая так оскорбляет верующее сердце в городах на каждом шагу? Ужели и тут, куда стремятся миллионы православных душ, на протяжении пяти с половиной веков, чтобы излить свое горе, поведать угоднику Божию свои скорби и – хотя редко – и радости, тут, где живым ключом бьет здоровая струя народной церковной жизни, и в этом святом месте народной молитвы и общения с небом, дозволил кто-то открыть место “позорищное”, место служения страстям человеческим, от чего с таким отвращением бежали наши благочестивые предки – даже миряне: говорить ли о преподобном Сергии, об его учениках и духовных потомках? Кто допустил такое поругание народной святыни? Кто дерзнул внести сюда эту мерзость духовного запустения?..

И сердце мое болезненно сжалось, и не мог я примириться с мыслию, что вижу и слышу это не в кошмарном сне, а в действительности... И видят и слышат сей позор православные русские люди, со всех концов родной земли сюда притекающие, и поведуют Преподобному сердечную скорбь свою на таковое беззаконие, и внемлет им угодник Божий... Два года назад уже было творящим сие беззаконие предостережение: стали они в свой театр, называемый “клубом”, заманивать объявлениями о том, что будет представлен какой-то “танец сатаны”, и вскоре после того дом стал добычею пламени^[38].

Да вразумит и ныне творящих неподобная, но не гневом, а милостию, тот, коего места подвигов они так дерзко оскорбляют!

Переношусь мыслию в недалекое прошлое. То было десять лет назад, в 1904 г., пред самую войной с Японией. В начале января месяца я встретился в вагоне железной дороги с одним православным торговцем-простецом из жителей Посада. Он сообщил мне, что скоро в Посаде будет строиться так называемый “народный дом”. В то время я был казначеем Троицкой Сергиевой Лавры и как член Духовного Собора оной, казалось бы, должен был знать это, но это было для меня новостью. Все дело велось в глубокой тайне от начальства Лавры, и, по справке, оказалось, что губернский комитет попечительства о народной трезвости, по ходатайству уездного комитета, уже составил план, смету и постановил ходатайствовать, где следует, об отпуске 30 000 р. на постройку “народного дома” в Сергиевом Посаде. Чем вызвано было тогда такое “ходатайство?” Да видите ли: в Посаде постоянно проживает не менее 20 000 чел., преимущественно, это бедный, трудящийся люд: “не имея в Посаде решительно никаких развлечений, большинство населения проводит массу свободного времени в трактирах!..” Далее писали, что в духовной академии хотя и ведутся беседы, но помещения там недостаточны для вмещения всех желающих слушать эти беседы. А главное, необходимость устройства в Посаде народного дома со свойственными ему развлечениями вызывается-де тем, что “в Троицкую Лавру стекаются ежегодно сотни тысяч богомольцев со всех концов России: видя наглядно благотворную деятельность народного дома, его полезность – богомольцы разнесут о нем весть по всей России, и, несомненно, это вызовет учреждение таких домов в различных уголках далекой провинции”. Так писали тогда в жидовских газетах, приветствуя мысль об устройстве народного дома в Сергиевом Посаде.

Читаешь эти строки и глазам не веришь: да неужели могут так рассуждать православные русские люди? Ведь это – клевета на русский народ, это – кровная обида для него: только тот, кто совсем не знает его или намеренно хочет оскорбить его, может написать такие строки... А ведь такими соображениями руководились люди неглупые, люди, считающие себя интеллигентными: простые люди, с которыми мне пришлось потом говорить, с сокрушением сердца говорили по поводу таких ходатайств своих сограждан-интеллигентов.

Грешно было молчать. Немедленно составлена была мною “записка по поводу предположения построить народный дом в Сергиевом посаде”, напечатана, на правах рукописи, в 25 экз., и представлена незабвенному ревнителю православия, Великому Князю Сергию Александровичу, Митрополиту Московскому Владимиру, почившим В. К. Плеве, К. П. Победоносцеву и другим высокопоставленным лицам. А Духовный Собор Лавры возбудил ходатайство чрез Митрополита как настоятеля Лавры о недопущении таковой постройки. Между тем, грянул гром японской войны, и дело было прекращено. Так, молитвами преподобного Сергия, была устранена опасность великого соблазна для русских православных людей постройкою театра на казенные деньги в месте, освященном трудами и подвигами великого печальника Русской земли. Я говорю: “постройка театра”, а не просто “народного дома”, где был бы зал для чтений, библиотека и что-либо столько же скромное, приличное святому месту, ибо сам видел проект постройки и план его: большая сцена, обширный зрительный зал, фойе и все прочее, как подобает театру, и... небольшой уголок для библиотеки.

Постройка предполагалась на горе, противоположной Лавре, на той исторической “Волкуше”, на которой преподобный Дионисий благословлял князя Пожарского, шедшего на освобождение Москвы от поляков и Литвы.

Быть может, именно этот случай вызвал циркуляр г. Министра Финансов всем председателям губернских, областных и особых комитетов попечительств о народной трезвости, от 9 апреля того же 1904 года за № 1178. Этот циркуляр говорит: “Одним из уездных комитетов попечительства о народной трезвости предполагалось устроить народный дом, с приспособлениями для театральных развлечений в нем, в местности, особенно посещаемой богомольцами. Находя, что в местах, чтимых русским народом по религиозным чувствам и усиленно посещаемых богомольцами, нежелательно устройство театральных развлечений, я считаю долгом просить гг. председателей губернских, областных и особых комитетов попечительств о народной трезвости преподать состоящим в их ведении комитетам попечительств указания о необходимости воздерживаться от устройства в этого рода местностях театральных для народа развлечений”. Подписал: Министр Финансов, сенатор В. Коковцев. Скрепил: помощник начальника Главного Управления, член Совета Министра Финансов И. Новицкий.

По-видимому, дело кончилось тогда в благоприятном смысле не только для Сергиевой Лавры, но и для всех, подобных ей обителей, “усиленно посещаемых богомольцами”, как говорит циркуляр министра. Спасибо этому министру: русским сердцем он понял все неприличие постройки народных домов в соседстве с святыми местами Русской земли. Но могут ли успокоиться темные силы, воюющие против Церкви Христовой и стремящиеся всюду сеять соблазн и искушение для православного народа? Прошло десять лет, и они нашли способ обойти начальство, испросить разрешение на зрелища другим путем и устроить открытую сцену с духовой музыкой уже не в закрытом помещении, как это было бы в народном доме, а на открытом воздухе: вы, монахи, не хотели, чтобы мы построили закрытый театр – так вот же вам: мы делаем это открыто, на виду у ваших богомольцев, да еще с духовой музыкой наших добровольных пожарных дружин, с музыкой, которая вторгается своими плясовыми звуками в ваши кельи, в ваши храмы! И нам не смеют не разрешить: у нас в уставе “клуба” есть разрешение давать спектакли, а приводимый вами циркуляр Министра Финансов – нам не указ: мы – другого ведомства...

И действительно: Московский губернатор, на письмо Митрополита Макария, протестовавшего против открытого театра, ответил, ссылаясь на устав “Сергиево-Посадского общественного собрания”, что он “не считает возможным воспретить собранию использовать предоставленное ему уставом право устройства увеселений”. И вот они, эти “нищие, приседящие при вратах обители преподобного Сергия и питающиеся от обильно падающих крох со стола приходящих сюда богомольцев”, как писал некогда о жителях Посада великий святитель Филарет, – они “устраивают увеселения”, и устраивают их так, что не дают иному монаху в келье правила прочитать, ибо в окна его тихой келлии врываются звуки плясовой музыки, и торжествуют победу... только чью победу? Победу врага рода человеческого, врага Божия, сатаны, над монахами... Не напрасно же, как я сказал уже выше, не напрасно они полтора года назад и “танец сатаны” придумали поставить на своей сцене, приглашая и публику участвовать в нем... Сгорел их “клуб” – они на открытом воздухе “устрояют увеселения” свои. Оправдываясь перед начальством, они уверяют, будто их клуб был на той же улице, на которой теперь устроено зрелище, но ведь это же неправда: чтобы попасть в их клуб тогда, надо было проехать или мимо вокзала железной дороги, или же мимо церкви Вознесения Господня и завернуть в другую улицу, так что в Лавре тогда не было слышно их музыки, богомольцам не было искушения заглянуть на их сцену, притом же – устроенную не на открытом воздухе.

В самый день преподобного Сергия, 5 июля, я служил у святых мощей его божественную литургию и не вытерпел: совесть потребовала того, и я, от имени угодника Божия, обратился к совести жителей “веси, на нейже наречено имя преподобного Сергия”, с жалобою на них же самих... Будет ли плод от моего слабого слова? Увы, не вижу надежды на это: по крайней мере, мне сказывали, что один из виновников открытия сего увеселения, по выходе из церкви, громко выразился по моему адресу: “И какое ему-то дело до того, что творится в Посаде? Обличает, да еще в присутствии Великой Княгини”... Да, господа: обличаю и не перестану обличать такие оскорбления угоднику Божию и Церкви-матери, пока силы есть, пока не лишат меня права открыто говорить и печатать то, что совесть моя подскажет в защиту святынь народных! И не только сам обличаю, но и всех православных русских людей к тому же призываю: времена настали грозные, тучи собираются над бедною Русью, насилуемою изменниками и предателями, ведомою на закление и в пленение иудейское... До плясовой ли музыки теперь у самого порога святынь народных, братья, еще именуемые христианами! Не гневите Господа Бога, не заставляйте угодников Божиих отвращать лице свое от нас, грешных! Не соблазняйте малых сих, отовсюду к преподобному Сергию притекающих и вас же питающих! Ведь не одни монахи, ведь и вы – *Сергиевы*, ибо и в Посаде *его* живете, и в обители *его* же питаетесь! И я, более чем другие, имею и право, и долг говорить правду жителям веси Сергиевы, ибо и я – тоже *Сергиев*, я сын его обители, искреннейше желающий добра не только святой, родной мне обители, но и всем живущим близ сей обители, ибо имя преподобного Сергия роднит нас друг с другом. Знаю заповедь древняго мудреца: *не обличай злых, да не возненавидят тебе*, – потому и обличаю, что злыми жителей Посада не считаю, а Премудрый дальше говорит: *обличай премудра и возлюбит тя*. Знаю, что не сладки грешному сердцу такие обличения, но опыт веков показывает, что – *достовернее суть язвы друга паче, нежели вольная лобзания врага*...

Народные дома и народный святыни (Из записки по поводу предположения построить народный дом в Сергиевом Посаде)

По своей идее народные дома должны отвлекать простолюдины от пьянства посредством так называемых “разумных развлечений”, публичных общедоступных чтений, зрелищ и т. п. Может быть, в этих видах закон относится к ним снисходительнее, чем к театрам, в вопросе о расстоянии от храмов Божиих: постройка народных домов допускается почти в соседстве с храмами. К глубокому сожалению, практика этих домов по всей России, не исключая и столиц, неопровержимо доказала, что совмещение “полезного с приятным”, – просветительных начинаний с развлечениями, повело только к отстранению всего полезного на второй план и к преобладанию, якобы на законном основании, развлечений над просветительными начинаниями. Народ своим здравым умом и нравственным чувством хорошо понял это и отождествил народные дома с театрами. Близость народного дома к храму Божию уже блазнит его. Народный дом – театр – место развлечений: вот понятия, в уме простолюдина тождественные. Это отмечено в печати, и люди вдумчивые в вопросе о пользе народных домов становятся на сторону простонародного взгляда на это дело. Так теперь, например, думает г. Меньшиков в своих письмах к ближним. “Признано необходимым, говорит он, на казенный счет доставлять народу разные развлечения и увеселения – игры, народные спектакли, гулянья. Возникли при казенной поддержке народные театры, “народные дома” – целые учреждения, заботящиеся о том, чтобы народу в праздное время было весело. Будь я крестьянином, я сходил бы один раз в народный дом и во второй не пошел бы. Не жаль гривенника за вход, хотя гривенник – это три часа работы. Жаль было бы потерянного времени. У рабочего человека время дороже, чем у нас. Раз у труженника праздный день, надо, чтобы он был днем отдыха, восстановления сил. А можно ли отдохнуть в народном доме? Огромная толпа, толкотня, шум, рев духовой музыки, пенье хором, пыль, галденье. Надо стоять на ногах, вытягивать шею, чтобы что-нибудь разглядеть, расслышать. Если, с большими усилиями, разглядишь и расслышишь – узнаешь не Бог весть что: отрывок из какой-то песни чудной или увидишь, как голый человек глотает шпагу. Не то, что отдохнуть, а в полчаса тут устаешь до головной боли. Чтобы домой вернуться, то есть идти версты три-четыре, нужно непременно зайти в портерную, отдохнуть. А всего, конечно, лучше отдыхается дома, у кого конура есть, на своей кровати, за своим столом, среди своей семьи: когда ее, семью эту, видишь в будни? Потратить единственный свободный вечер в неделю на то, чтобы послушать какой-то вздор, это плохое увеселение. Насколько толпа утомляет и душит, настолько и маленький кружок своих людей дает каждому простор, каждому свою роль и ту настоящую жизнь, для которой все живут. Приучать народ к нашим тяжеловесным вечерним сборищам, к дорогим платным местам, к длинным безжизненным представлениям, к потере целых вечеров стоя или сидя на одном месте – мне кажется – труд напрасный. Следует остеречься, чтобы не заразить рабочий, свежий класс нашей мертвечиной, и, может быть, лучше всего предоставить народу самому выработать свои развлечения”.

Не будем приводить мнения по сему вопросу пастырей Церкви и лиц глубоковерующих из образованного общества. Не будем указывать тех злоупотреблений, какие уже вкрались в дело развлечений и народных домов, как последствие устройства в этих домах развлечений. Заметим только, что и от многих из простых людей слышится мнение, что если Правительство находит возможным тратить крупные суммы на борьбу с пьянством, то желательно, чтобы, по крайней мере, развлечения, особенно в форме зрелищ, были исключены из средств этой правительственной борьбы с народным пороком. Надобно знать, что наш простой народ, в массе, еще смотрит на зрелища с церковной точки зрения: он считает их лицедейством, в сущности недостойным христианина и потому греховным. Позволительно думать, что идти Правительству против такого народного взгляда на театры, хотя бы, с точки зрения современности и несколько риторического, путем устройства на казенный счет домов для развлечений и зрелищ, по меньшей мере – дело неосторожное. Зачем как бы насильственно разрушать народное воззрение на зрелища, если оно не только безвредно, но по своей вековой древности лежит в ряду других вековых народных воззрений, воспитанных церковностью и составляющих заветное сокровище и характеристический облик русской народной души? Пусть народ смотрит на зрелище, как на забаву: пока эта забава предлагается ему частными лицами, дотоле он смотрит на нее снисходительно, как на дело житейское: надо же чем-нибудь и забавникам кормиться; но как скоро эту же забаву предлагает ему само Правительство, является уже соблазном для строго православного простеца: за дело ли взялось Правительство? Для православного это тем более соблазнительно, что устройство зрелищ на казенный счет идет в разрез с его исторически сложившимся взглядом на зрелища: это более опасно, чем крик римской черни: *panem et circenses!* Слава Богу: наш народ смотрит с должным уважением, почти с благоговением на Богом поставленную Власть. Он видит в ней благопопечительного отца, который в отношении к зрелищам, позволяет шаловливым детям забавляться играми, но не станет тратить трудом и потом добытых денег на игрушки, когда нет насущного хлеба у детей. Не говорим уже о религиозном воззрении на театр как на греховную потеху. Народ желал бы, напротив, чтобы его оберегали от такой потехи, а не приучали к ней. Он ищет и жаждет развлечений иного рода. Там, где ведутся религиозные или патриотические чтения, беседы, всегда тесно от толпы. Надо видеть благодарность народной массы к опытным проповедникам, чтецам и руководителям таких бесед и чтений. Он еще не дорос до эстетической оценки так называемого “сценического искусства”. Он доволен будет тем хлебом насущным, какой дают ему в виде чтений упомянутого характера. Для большого впечатления на его душу желательны, – конечно, не в храме Божиим, – и теневые картины. Издание лучших по изложению книг для таких чтений, распространение хороших бесплатных библиотек по селам и посадкам, живое слово о “божественном” – вот чего жаждет народная душа.

Обычно говорят, что зрелища желательны самые нравственные, патриотические и т. п. К несчастью, все подобныя желания остаются на бумаге и служат только ширмой для других зрелищ, крайне нежелательных. Раз устроена сцена – никто не поручится, что она всегда будет давать исключительно высоконравственные зрелища. Да если бы это и было достижимо, то и тогда еще останется сомнительным: возможно ли посредством забав и развлечений насаждать в народе добрые нравы? Слово Божие говорит, что только страхом Господним уклоняется всякий от зла. Следует ли к массе простонародья искусственно прививать утонченный вкус к восприятию посредством сценического искусства таких истин, которые он привык воспринимать непосредственно сердцем под впечатлением

церковного воспитания, истоваго Богослужения, чтения книг, называемых им “божественными”, и добраго, властнаго, теплаго живаго слова своего пастыря или инока-старца? Если образованные слои общества стали малоспособными к такому непосредственному восприятию, то не есть ли это последствие как бы некоего пресыщения художественными впечатлениями с детства? и позволительно еще спросить: кто в отношении восприятия истины ближе к идеалу: простец ли, непосредственно сердцем воспринимающий ее и проводящий немедленно, по мере этого восприятия, в жизнь, или интеллигент, воспринимающий ту же истину при посредстве сценического искусства, подвергающий ее критике холодного ума и затем, как большею частию бывает в жизни – охладевающий к истине до безразличия?..

Мысль бороться с народным пьянством посредством развлечений на казенный счет – нельзя признать счастливою. Можно надеяться, что Правительство скоро поймет это и не будет отпускать денег на эти развлечения. Опыт показывает, что этими развлечениями пользуется, большею частию, так называемая интеллигенция, особенно в селах и посадах. Если и приходят туда люди из простого народа, то народные дома все же не отвлекают их от пьянства: и по выходе из народного дома они успевают напиться. Дело в том, что впечатления, выносимые из этих домов, не обладают сдерживающею силою, не действуют непосредственно на совесть слабых людей и потому остаются бесплодными. Если же обратим внимание на то, что не находится в потребном количестве средств на сельские школы, на исправление проселочных дорог и под. неотложные нужды народные, то было бы великим благодеянием для народа, когда Правительство нашло бы возможным отпускать те же средства именно на такие нужды; а для сокращения пьянства придти на помощь просветительной деятельности церковных братств, обществ трезвости и под. учреждений, запретить воскресные базары, по крайней мере в зимнее время, устроить рабочие дома для принудительного труда неисправимых пьяниц, открывать, где только есть возможность, лечебницы и амбулатории для алкоголиков и издать законы, обуздывающие уличное пьянство, столь развившееся в последнее время вследствие нового порядка продажи спиртных напитков.

Таково наше монашеское мнение по вопросу о полезности так называемых народных домов вообще. Но есть места, где эти дома могут приносить народу неисчислимый вред, вместо ожидаемой от них пользы. Это так называемая самим народом – “святыя места”, куда стекаются сотни тысяч православных русских людей, чтобы отдохнуть душой, чтобы сложить бремя жизни у подножия священных раков, в коих почивают мощи великих угодников Божиих. Таков – Сергиев Посад, среди коего красуется великая Лавра Сергиева.

Не только обитель, но и все ее окрестности говорят сердцу народному о его великом заступнике и святом подвижнике: ведь он, Преподобный Сергий, жил тут, в этих местах, слишком 50 лет, ведь он исходил все эти места своими святыми стопами, он оросил их своими молитвенными слезами. Не покажется ли благочестивому богомольцу святотатством появление близ Св. обители народного дома, который он иначе не мыслит, как местом развлечений и зрелищ? Не осудит ли он, оскорбленный в святейших чувствах своего сердца, тех, кто допустил это святотатство? А зная, что на эти дома отпускаются средства из казны, не попрекнет ли он в душе своей имущих власть, как духовную, так и гражданскую? И ради чего, ради какой нужды будет внесен этот соблазн в душу простеца? Только не русский, а если русский человек, то разве в насмешку над разумным и благочестивым русским народом мог бы сказать то, что говорит корреспондент “Русского

Листка” о богомольцах, будто они, “видя наглядно благотворную деятельность народного дома, его полезность, разнесут о нем весть по всей России и, несомненно, это вызовет учреждение таких домов в различных уголках далекой провинции”.

Что “разнесут весть” – это несомненно, но какую весть? С болью сердца будут говорить, что вот и близ заветных стен святой обители Преподобного Сергия, у этого ковчега святыни всероссийской, построили театр, да еще и построили-то на казенные деньги! И какою горечью отзовется эта весть в православных русских сердцах! И не придут ли им на мысль грозные слова Евангелия: *егда узрите мерзость запустения на месте святе, и тогда придет кончина...*

Нельзя допустить и мысли, чтобы настоящие богомольцы пошли в народный дом. Они не находят времени бывать даже на внебогослужебных беседах в академии и в приходских посадских церквях. Они сочтут за грех пойти в дом, который считают театром. Они жаждут святынь впечатлений у святыни и с этими впечатлениями спешат воссиять. Но уже одна мысль о возможности посещения ими зрелищ, на что рассчитывают те, кому желательно устройство народного дома в Посаде, уже эта мысль представляется великою духовною опасностью для народа. Допустим на минуту, что богомолец “впал в искушение”, зашел посмотреть на зрелище в дом, построенный на казенные средства, – что произойдет в его молитвенно настроенной душе? Не повторится ли то, что говорит Господь в Евангелии об исцеленном бесноватом: *и будут последняя человеку тому горша первых!* Ничего не могло бы быть изобретено худшего, вреднейшего в смысле соблазна, чтобы парализовать благотворное влияние святой Лавры на сотни тысяч ее богомольцев, как зрелища, привлекающие этих богомольцев, можно сказать, у самых стен Лавры! Поощадыте же народную душу! Поощадыте народную совесть! Оставьте на святой Руси хотя такие места всенародного паломничества свободными от соблазна! Не мутите светлого родника, из коего черпает народ благодатные силы... Пусть хотя места, освященные подвигами великих печальников родной земли, будут исключением, куда не допущены зрелища, как не соответствующие народным воззрениям на святые места.

В заключение уместно привести историческую справку по вопросу о театре в Сергиевом Посаде. В 1866 году некто купец Вичурин или Чичулин пытался устроить в Посаде театр. Уже было дано разрешение местной городской управой. Узнает о сем в Бозе почивший святитель Филарет Митрополит Московский, и вот что пишет он тогдашнему генерал-губернатору в отношении от 2 апреля за № 147.

“В светлые дни Пасхи опечален был я известием из Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, что купец Вичурин предпринял устроить в Сергиевом Посаде театральные представления и что оне должны начаться 29 марта, то есть во вторник на неделе Пасхи.

Посадский Глава и значительнейшие граждане, которым сказано было, что сим наносится духовное оскорбление Преподобному Сергию, отозвались, что они не знали о сем и сожалеют о сем.

Сергиевский Посад получил существование по милости Преподобного Сергия. Приходящим к нему богомольцам нужно было пристанище и удовлетворение некоторых потребностей. Соответственно сему образовалось селение, которое нашло свои выгоды.

Сергиевский Посад и ныне благоденствует по милости Преподобного Сергия. Значительнейшие выгоды жителей Посада происходят от богомольцев.

Какая неблагодарность, какое неблагоговение к Святому, если облагодетельствованное и непрерывно благодетельствуемое им селение близ его обители, так недалеко от святых мощей его, будет представлять столь противоположные духу его театральные зрелища,

особенно в настоящее время, известное противорелигиозным и противонравственным направлением, и таким образом соблазнять и богомольцев и обывателей Посада.

Вредно и то, если богомольцы, услышав о театре близ Лавры, будут осуждать допустившее оный начальство и роптать на него: и еще вреднее, если некоторые из них увлекутся соблазном и благоговейное чувство, с которым пришли к Преподобному, погубят в чувственных, нечистых, порочных впечатлениях театрального зрелища.

Уповаю, что Преподобный Сергей не одобрит, если скажу, что Его именем прошу Ваше Сиятельство не допустить соблазна и возбранить учреждение театра в Сергиевом Посаде.

Покорнейше прошу не оставить меня без уведомления о последующем”.

На это отношение на другой же день последовал ответ генерал-губернатора кн. Оболенского, что им предписано полицеймейстеру Сергиевского Посада воспретить открытие театра в Посаде (Дело Духовн. Собора Серг. Лавры № 180 за 1866 год).

Желательно, чтобы такой же результат получился ныне.

В утешение многоскорбным подвижницам любви

Много крови льется на полях битв; еще больше льется слез по лицу родной земли. И собирают эти слезы Ангелы Божии, наши хранители безплотные, и несут их, как дорогая жемчужины, к престолу Царя царей Господа Бога, и приемлет их Господь как жертву чистую, благоуханную, от любящих сердец приносимую во искупление и очищение многих грехов много пред Богом согрешившей Руси, когда-то святой. О, Господи, Боже милосердый! Да будут эти слезы купелью, очищающею наши сердца, загрузевшие в нерадении и духовном разлениении!..

Немного на Руси семейств, которые не имели бы в рядах христолюбиваго воинства родных людей. И нет сомнения, что всюду льются больше всего именно женския слезы. Плачут матери, проводив на войну сыновей – надежду и опору их старости; плачут жены, оставаясь с малыми детьми, без хозяина-кормильца; плачут дети, расставаясь с горячо любимыми отцами... Плачут, но вот что достойно особеннаго внимания, вот что трогает и умиляет: все эти плачущия матери, жены, сестры прекрасно сознают, что их дорогие родные исполняют святой долг послушания Царю, Помазаннику Божию, что идут они на святое дело – защищать Родину и братьев-славян от лютаго врага – немца нечестиваго, что, следовательно, удерживать сих защитников Веры, Царя и Отечества, если бы и можно было, – нельзя, грешно, позорно, а стало быть, надобно от всего сердца благословить их в дальний путь – на бранное поле: “Идите, дорогие наши, сердцу нашему милые: стойте крепко за святую нашу Русь-матушку, за Веру нашу Православную, за Царя нашего Батюшку... Благослови вас Господь, помощи вам Матерь Божия и святые угодники. Идите, а мы будем целым сердцем молиться за вас, делайте свое дело святое, а о нас не тревожьтесь: Бог да Царь-Батюшка, да добрые люди нас не покинут. Знайте, что каждый день, каждый час мы сердцем нашим будем с вами, что детки ваши будут усердно молиться за вас Царице Небесной, чтоб Она покрыла вас Своим честным покровом, чтоб помогла вам на всякаго врага и супостата”. И в таком святом настроении, прощаясь с грядущими на бранный подвиг, эти истинно русския женщины мужественно отрекаются от самих себя, от своих личных чувств, всецело предавая и присных своих, и самих себя воле Божией, и осеняют их крестным знаменем дотолѣ, пока скроется из виду уносящий их поезд...

Не видите ли вы пред собою, как совершается великое добровольное святое жертвоприношение этих смиренных русских женщин на алтарь любви за Веру Православную и Русь-матушку? Не вспоминается ли вам при этом отец верующих Авраам, приносящий в жертву своего сына за послушание Богу? И что особенно ценно в очах Божиих: им, этим подвижницам любви, и на мысль не приходит, что оне совершают великий подвиг: напротив, оне готовы при этом упрекнуть себя, что не имеют достаточно мужества сдержать эти слезы, которые так неудержимо льются из их очей, что ведь это – малодушие... О, добрая русския матери, жены, сестры! Пусть льются эти слезы-жемчужины; повторяю: их собирают ваши Ангелы-хранители в сосуды златые и относят к престолу Божию как жертву чистую, жертву вашей любви к Родине; там эти слезы смешаются с кровью дорогих вам воинов-страдальцев за Веру Православную, смешаются с молитвами Церкви, святой нашей матери, с молитвами вашими и детей ваших, и

услышит Господь эти молитвы веры, молитвы любви, и благословит оружие русское победою на врагов!

Была одна великая страдальца – единственная в мире: это – Пресвятая Дева, Матерь Божия. Кто измерит всю глубину скорбей, в какую Она была погружена, когда стояла под крестом Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа? Что испытывало, какие муки переживало Ея чистое, беззаветною любовью преисполненное сердце! Потоками струилась Пречистая Кровь из язв гвоздинных – из рук и ног Божественного Страдальца Ея Сына; тяжелыми каплями падала на землю эта Кровь с Его чела, изъязвленного тернием колючим; и каждая капля ея падала на Ея материнское сердце и жгла его нестерпимою болью, большее каленаго железа. Прочитайте, русския женщины, в минуты жгучей скорби вашей, канон на плач Пресвятыя Богородицы, который читается в Великую Пятницу на повечерии: вы почерпнете в этом излиянии неизмеримой скорби Пресвятой Девы себе великое утешение. Сколько самых нежных, самых трогательных чувств выражено в словах канона, которые влагает святая Церковь в уста Матери Богоневестной! “Свет Мой сладкий, надежда Моя, радость, жизнь – Чадо Мое возлюбленное! Ты один был светом очей Моих, и вот Я лишилась Тебя, Чадо Мое любимое! С Тобою хотела бы Я умереть, ибо не могу видеть Тебя бездыханным мертвецом... Не скажешь ли хотя одно словечко Рабе Твоей, Слове Божий? Увы, не услышу Я больше сладкаго Твоего голоса, не увижу красоты лица Твоего, как прежде было: Ты сокрылся от очей Моих! Возьми же Меня с Собою, Чадо Мое, не оставляй Меня здесь одинокою!”... Чье сердце не тронется от таких излияний многоскорбнаго плача Пренепорочной Матери? И ужели сия Препоблагословенная всемирная Страдальца, собственным сердцем пережившая такую невыносимую, казалось бы, муку, муку матери, у которой отняли единственного сына, ужели Она, Матерь милосердия, не услышит сердечных воздыханий, не увидит слез русских матерей, жен, сестер наших воинов, ужели не согреет Своею матернею любовью сих подвижниц любви, изливающих пред Нею свои пламенные молитвы за родных своих, там, на полях битв мужественно подвизающихся? О, русския православныя женщины! Как счастливы вы, что имеете такую всесильную Заступницу и Ходатаицу пред Господом: много бо может Ея молитва, как молитва матерняя, ко благосердию Владыки! Ведь и Сам Он Ей поручил всех истинно верующих в Него, когда изрек Ей со креста, указуя взором на любимаго Своего ученика Иоанна: *Жено, се – сын Твой*. А ученику сказал: *се – Мати твоя*. Он Сам, по неизреченной благодати Своей, называет верующих братьями Своими, а если так, то все мы – дети Матери Божией, для всех нас раскрыто Ея бесконечно любящее сердце: приходите, припадайте к Ея стопам, поведайте Ей, в простоте детской души, свои скорби, изливайте свое горе в слезах любви и веруйте: Она утешит, Она прикроет ваших близких в страшную минуту опасности смертной. Она Сама примет их души, если Богу благоугодно будет, чтоб они положили сии души за Веру, Царя и Отечество, Сама увенчает их венцом мученическим, а вашему израненному сердцу прольет такое утешение, что вы будете считать себя счастливейшими из русских женщин, и расположит добрыя сердца позаботиться о вас и малютках ваших. Дивны пути Промысла Божия, нередко так располагающего делами человеческими, что люди и не подозревают, а между тем, исполняют то, чего хочет Бог. Слава Богу, на Святой Руси еще много добрых людей, сердцами которых управляет Бог. Пошлет Бог таких людей и для ваших детей, если осиротеют они: они станут тогда сугубо детьми всего Русскаго народа, родными всем нам, русским людям. Грешно будет нам не позаботиться о них. И уже заботится о них прежде всего – Сам Царь-Батюшка. Он учредил особый Всероссийский Верховный Совет, чтобы

иметь попечение о семьях воинов наших христолюбивых. Сам Бог внушил Ему такую святую мысль. Он поможет Ему и исполнить ее, в жизнь провести. А во главе Совета стала Сама Матушка Царица, наша народная Печальница.

Но не всем же Господь судил умереть на поле брани: несравненно больше таких, которые вернутся оттуда в добром здоровье, вернутся, мы твердо верим милости Божией, победителями, на радость всей родной нашей матушке-Руси православной, – наипаче же, русския женщины, на радость вам. Будем же молить Царицу Небесную, чтобы помогла Она Царю-Батюшке и воинству православному скорее победить всех врагов и супостатов, скорее избавить братьев наших славян и родных нам русских людей, которых безчеловечно истязуют немцы, подвергая всевозможным пыткам не только мужчин, но и женщин, и детей, и истребляя их поголовно.

Мати Божия, Мати милосердия! Заступница наша усердная! Утешь скорбящих, исцели болящих душою, помоги воинам, на поле брани подвигающимся, согрей Твоего любовь стариц – их матерей, их жен, их детей: всем буди помощь и покров, печалей утоление, от злых избавление и скорое заступление!..

Господь зовет нас к делам милосердия

Как милосерд Господь наш Иисус Христос! Что может быть грознее, что ужаснее праведного суда Его, когда придет Он во славе со всеми ангельскими силами судить всему миру в последний день мира? Но и в этом, воистину страшном суде Своем Он будет судить, не требуя великих подвигов, не взыскав строгого поста, всенощных стояний на молитве, непосильных трудов: нет, Он потребует только дел милосердия, дел любви к ближнему: *аминь, глаголю вам, речет Он подсудимым, елика сотвористе или не сотвористе единому сих братий Моих меньших – Мне сотвористе или не сотвористе!..* При таком милосердии в самом суде праведном – кто и в чем может найти себе оправдание? В обычных немоощах человеческих? Но заповедь о милосердии – самая легкая из всех заповедей Христовых, и нет человека, который не мог бы ее исполнить. Если нет у тебя средств для дел милости телесной, не можешь ты так или иначе помочь бедняку в нужде его, то кто может воспрепятствовать тебе помолиться за него, утешить его добрым участливым словом в скорби его, помочь его страждущей душе в деле спасения его? Воистину, различен милования образ, как говорит святой Златоуст, и широка – воистину, неизмеримо широка заповедь сия!

Мы переживаем дни, когда заповедь о милосердии и может, и должна исполняться во всей ее широте и глубине. Там, на границах нашего Отечества, реками льется кровь наших христоролюбивых воинов, тысячи раненых подбираются с полей сражений и направляются к нам, во внутреннюю Россию, и распределяются по лазаретам. Они нуждаются в уходе, в лечении, в добром христианском утешении. Какой простор для тех, кто хочет оказать им помощь посильным приношением на эти лазареты на лекарства, на содержание врачей, сестер милосердия, прислугу, пищу, белье. Жертвуйте все, кто что может и чем может: у кого денег нет – может жертвовать вещами, провизией для лазаретов, бельем: и старое белье, чисто вымытое, пригодно будет для перевязок ран наших страдальцев-воинов. Жертвуйте книгами, пригодными для чтения больным воинам, жертвуйте чаем, сахаром, и – чем вам Бог на душу положит, что у вас найдется полезного и пригодного для госпиталей и для раненых. Все Бог примет как свечу трудовую, как жертву от любящего сердца, как дело милосердия. Кто умеет, кто может – приди и послужи болящим, ради Господа, посети их, утешь доброю беседою, помолись, почитай больному у постели его хорошую книжку, хорошую газетку: о, как он будет рад узнать, что там, на поле брани, без него делается! Ведь его сердце и в лазарете – туда рвется, чтоб снова стать в ряды защитников родной земли, снова поражать врагов Отечества, не щадя жизни своей. А если ему тяжело, если видишь, что не встать ему с одра болезни, то постарайся осторожно направить его мысли к тому, чтобы он мирно готовился в вечную жизнь, чтобы всецело предавал себя в волю Божию, чтоб почаще обращался с молитвою к Матери Божией, к Ангелу-хранителю, к святым Божиим. Любовь к ближнему нелицемерная, молитвою о сем ближнем возгреваемая, подскажет тебе, как расположить его к Таинству Божественного причащения, как рассеять в его душе страх смертный, возбудить в сердце его чувство покаянное и надежду на Божие милосердие. И это будет величайшая милостыня, какую только ты можешь сделать в сей жизни, ибо, по слову святого Апостола Иакова, брата Господня, спасешь душу от смерти и покроешь множество грехов – и его, и своих собственных.

Из больниц и лазаретов пойдем в дома наших христоролюбивых защитников Веры, Царя и Отечества. Там плачут матери и жены, плачут дети сих воинов, плачут, открывая Богу свое скорбящее сердце, Его несказанному милосердию предавая себя и дорогих своих, там, где-то далеко-далеко, на поле брани сражающихся, или в лазаретах страдающих, или же уже в могилах, на чужой земле, упокоившихся...

Что мы можем сделать для утешения сих плачущих и сердцем болезнующих? Спроси каждый у своей совести, и она, а лучше сказать – твой Ангел-хранитель подскажет тебе, что надо сделать. Имеешь средства – помоги их нужде деньгами, одеждою, обувью, пропитанием: нет средств – приди на помощь трудом: обработай поле того, кто за тебя, за Веру, Царя и Отечество, пошел на поле брани и, может быть, уже душу свою там положил: он – своей жизни не щадит ради тебя, а ты – ужели не сможешь его бедной семье поле вспахать, ниву засеять, дров привезти, снопы убрать с поля? Постоянно напоминая себе об этом, так и держи в своем сердце заботу: как бы Бога не прогневать своим нерадением об этих семьях многоскорбных. Чего одни не в силах сделать – проси других, зажигай в них огонек любви к несчастным, собирайтесь вместе, целым миром делать им добро, работайте на них: помните, Бог с вас, ближайших соседей их, взыщет прежде всего, если они будут лить слезы безутешно, если будут Богу жаловаться на то, что их люди забыли... Эти семьи – наши родные семьи, их дети – наши кровные дети.

Слава Богу: мы видим, мы читаем, что и без наших пастырских поучений, увещаний, добрых души уже делают такое добро. Недавно до слез трогательно было читать, как одна старушка сделала великое доброе дело: она видела, как на одной волжской пристани мать и трое малюток провожали на войну запасного; женщина в минуту прощанья не выдержала, ее сердце не выдержало гнетущего горя: оно разорвалось при последнем прощании с кормильцем семьи, и она тут же упала мертвою. Можно себе представить, как потрясен был муж... Он только обвел скорбным взором окружающих, не зная, что делать. Но вот из толпы выступает старушка: “Не беспокойся, родимый, – говорит она, – хоть у меня и своих пятеро, но и твоим деткам место будет, с голоду не умрут, я возьму их к себе. Иди, с Богом, куда тебя Царь посылает”. И воин со слезами благодарности перекрестился и в последний раз перекрестил своих деток-малюток, и пошел на пароход... Другой случай. На молебне напутственном для воинов один воин обращается к провожающим: “С радостью иду, куда Царь-Батюшка велит, да только вот забота; у меня четверо детишек, жена умерла, в доме женщины нет: позаботьтесь о них, православные”. И опять из толпы провожающих выходит женщина, которая берет троих детишек, а местный священник берет убогую девочку, не владеющую ногами, четырех лет, берет себе в дочки... Так, в простоте сердца, делают добро православные русские люди: благослови их, Господи!..

И много-много творится такого добра теперь на Святой Руси. И будто проснулась она, наша матушка, от сна греховного, и кается, и молится, и спешит делать добро в покаянном подвиге, обновляя свое сердце делами милосердия. И сбывается воочию пред нами мудрое слово святителя Иоанна Златоуста: “Добродетель милосердия делает сердце наше милующим”. Она смягчает наше черствое сердце, согревает его, растворяет умилением и вносит в него чувство неземной радости, той радости, какою будут радоваться на небе праведники, всю свою жизнь добро делавшие. и для верующаго христианина открывается возможность еще здесь, на земле, сердцем ощутить то райское блаженство, куда зовет нас Господь наш, ради нашего спасения кровь Свою на кресте проливший. И не для того ли попустил Господь эти ужасы настоящей войны, чтобы пробудить в нас чувство жалости,

чтоб расположить нас к делам милосердия – к исполнению той легкой заповеди, по коей Он будет нас судить на страшном суде Своем... И кто знает судьбы Его? Времена и лета положил Он во Своей власти и не позволил нам вопрошать о дне Своего страшного пришествия; но признаки указал ясно: восстанет, сказал Он, народ на народ, и царство на царство... и иссякнет любовь, и оскудеет вера, и будет скорбь великая, какой не было от создания мира... и если бы не было избранных, то не спаслась бы всякая плоть на земле...

Не видим ли мы все сие уже сбывающимся пред нашими очами? И мысль невольно вопрошает: не близок ли день Христов? Не готовит ли нас Господь на сей день грозный сим призывом к делам милосердия, ибо Его святой закон говорит: *суд без милости не сотворшему милости, и хвалится милость на суде...*

“В чем застану, в том и сужу”, – глаголет Господь. Застанет Он в духовной беспечности, в делах угождения плоти и миру, во грехах и беззакониях, и судить будет по правде Своей и произнесет над нами грозный Свой приговор. Застанет в делах любви и милосердия, и суд Его будет преисполнен милосердия. И всеконечно Он хочет заставить всех нас в делах милующаго сердца, чтобы и нам оказать милость. Он всем хочет спастися и в разум истины прийти. Он готов помиловать весь род человеческий. Он всем напоминает и в совести, и в обстоятельствах жизни, чего Он хочет от людей. Но люди-то не все внемлют Его призыву, Его напоминаниям. Он и в войне зовет к делам любви и милосердия. И воинство наше творит дело любви к страждущим братьям нашим, славянам, исполняя волю Помазанника Божия, Который хочет освободить сих братий от ига немецкаго. И мы все, русские люди, призваны Богом в сие наипаче тяжкое время являть дела милосердия – и к страдальцам – раненым воинам, и к бедствующим семьям их. Широка заповедь милосердия, братья мои, много дела пред нами: не упустим случая исполнить свой долг, поблагодарим Господа, что случай нам подает делать добро, смягчать свое черствое сердце, согревать его делами любви и дать ему счастье – порадоваться радостью Ангелов Божиих, всегда радующихся пред лицом Отца нашего Небеснаго о всяком деле добром, какое творится людьми на земле. Аминь.

Послание Троицких иноков

Православному христоролюбивому воинству на поле брани против полчищ немецких подвизающемуся, от обители Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Сергия чудотворца

БОЖИЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Братья – воины христоролюбивые!

Вы знаете, что все заповеди Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа, заключаются в слове: *люби*. Люби Бога, люби ближняго. И нет больше той любви, как кто душу свою положит за ближняго. Это – слова Самого Господа. Кто же во всей полноте может показать такую любовь на деле, как не вы? Христоролюбивый воин есть верный слуга Помазанника Божия, Царя Православнаго; он – верный сын Церкви Православной и защитник Святой Руси от всякаго врага и супостата. Он – грудью стоит, он каждую минуту кровь свою готов пролить за Веру, Царя и Отечество – три заветныя святыни его верующаго, любящаго сердца.

И вы, братья-воины, в эти великие дни испытания для родной Руси нашей матушки, с честью, с достоинством, мужественно отстаиваете эти святыни. На то благословил вас Царь-Батюшка, на то послала вас Родина-мать, и Святая Церковь Православная, во всех святых храмах своих, каждый день, каждый час молит Господа: да укрепит вас в день брани, да благословит оружие ваше, да покорит под ноги ваши всякаго врага и супостата. Молимся и мы, смиренные иноки обители Преподобнаго Сергия; молимся у самого гроба сего великаго печальника и молитвенника земли Русской; как солнце среди звезд, так и он, угодник Божий, среди родных нам по плоти угодников Божиих сияет своею любовью к родной земле. Еще при жизни своей он благословил великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго на бой с полчищами злочестиваго Мамаю и предрек ему победу: “Тряди, княже, победиши враги твоя”. Он дал Димитрию из своей братии и двух бояр-схимников – Пересвета и Ослябю, из коих один, Пересвет, и пал в битве с татарским великаном Челибеем. И в самый день битвы Куликовской, пред самым началом ея, явились от Преподобнаго Сергия к Великому князю два посланца-инока с просфорою и грамоткой, в которой угодник Божий еще раз ободрял князя надеждою на милость и помощь Божию: наши летописи сохранили последния трогательныя слова этой грамотки:

“А поможет ти Бог и Троица”.

И сильна была у Бога молитва Сергиева, и победил Димитрий Иоаннович злаго татарина Мамаю, и разбил его полчища, положив начало освобождению Руси от ига татарскаго. И много бед пронеслось с той поры над родною землей, а Преподобный Сергей стоял на страже ея, и даже тогда, когда самое сердце России – матушка-Москва бывала в руках вражиих, его обитель, его святая Лавра, оставалась неприкосновенною, нога вражья не переступала порога ея, и отсюда, из обители Сергиевой, исходило спасение для самой Москвы, для всей Русской земли, в самыя смутныя и трудныя времена.

Жив он, угодник Божий, жив и поныне. Он предстоит Престолу Божию и с высоты небесной смотрит и на вас, братия наши воины христоролюбивые, видит он ваш подвиг святой за братьев наших славян, от немцев страждущих за Веру Православную, видит все

Преподобный и благословляет вас на битвы с потерявшими совесть христианскую нашими соседями – немецкими народами. И тем дерзновеннее наша надежда на его помощь молитвенную, тем крепче наша вера в его заступление пред Богом, что, ведь он – возлюбленный избранник Самой Царицы Небесной, Матери Божией: ему обещала Она неотступно пребывать в его обители, а Она – кто же этого не знает из православных русских людей – Она наша теплая Заступница усердная пред Богом за землю Русскую, наша Воевода возбранная, наш покров и щит от всех супостатов. Ни один народ не получил столько милостей от Матери Божией, ни один не видел столько знамений Ея покров и заступления, как народ Русский православный. Вы – сыны родной земли, вы сами знаете: точно звездочки на небе благодатном – по всей Русской земле сияют иконы Ея чудотворные: одних чудесами прославленных насчитывают больше трех сот, но нет града, нет веси, нет, можно сказать, храма, где не было бы особо чтимой иконы Владычицы мира.

Вот наша надежда непостыдная! Не в оружии, не во множестве людей наша сила, а в крепкой надежде на помощь небесную. Сии на колесницах и сии на конех: враги наши вооружены всеми страшными средствами для ожесточенного боя; они кипят злобою, ненавистью к самому имени нашему, а мы – все упование наше на Господа возлагаем и в помощь Его и Царицу Небесную и святых Божиих призываем. С нами Бог! “Не в силе Бог, а в правде”, – говорил еще вечно незабвенный наш герой, боровшийся с теми же немцами, благоверный Великий князь Александр Невский. И в уповании на эту правду крепкий верою преемник его, Благодетельнейший Государь наш Николай Александрович посетил обитель великаго печальника Русской земли Преподобнаго Сергия и склонился там, у его гроба, до праха земнаго, горячо испрашивая его молитвеннаго заступления за землю Русскую и за вас, воины – сыны родной земли. И благословил Его небесный воевода и чудотворец предивный на великий подвиг защиты праваго дела, и видимым знаком его благословения служит святая икона явления ему Царицы Небесной, икона, писанная на его гробовой доске и бывшая во всех походах нашего воинства, со времен Царя Алексия Михайловича и до последней японской войны. Сия икона и ныне пребывает среди вас, в действующей армии, приосеняя вас, братья наши, небесным благословением угодника Божия. Дерзайте убо, дерзайте, воины Божии! Господь Сил, Бог воинств, крепкий во бранех – с вами! Той победит враги яко всемогущ!

Дорогие братья! С вами сердцем – вся Русская земля. На вас с любовью, с надеждой, с пламенной молитвой о вас взирают ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши дети, братья и сестры. Нет нужды напоминать вам о мужестве – всему миру известны доблести нашего христоролюбиваго воинства. Еще отец нашего славнодержавнаго князя Владимира Равноапостольнаго, язычник Святослав говорил: “Ляжем костями за родную Русь, победим или умрем: мертвым срама нет”! И этот завет древняго вождя, завет, освященный заповедию Христовою о любви, полагающей душу свою за други своя, стал неизменным священным заветом для каждого русского воина. И свято соблюдали этот священный завет наши воины на протяжении целых тысячи лет, и охотно полагали души своя за родную землю в битвах кровавых – и с печенегами, и с половцами, и с татарами, и с немцами, и со шведами, и с японцами. Их кровью полита вся родная земля из края в край; этою святою кровью да беззаветной к ней любовью спаслась она и выросла в великое царство, занимающее шестую часть света. Теперь воюет с нами немец, который истари хвалится своею честностью, гордится своею образованностью; один из воюющих с нами императоров носит даже титул “апостолическаго величества” и “христианнейшаго”

императора. Но увы! Куда девалась и их честность, и образованность, и все их хваленые добродетели? Лишь началась война, как они показали себя хуже дикарей, хуже турок и татар, хуже всяких неверующих в Бога язычников. Ужас сжимает сердце, когда читаешь, что творили они в Калите, например, и в других местах, коими удавалось им овладеть. Они прикалывали раненых русских воинов, безчестили девушек, резали ремни из тела их, выкалывали глаза старикам, топтали ногами на смерть детей, вырезали груди женщинам... Язык немеет, отказывается перечислять все их жестокости. К небу вопиют их издевательства над нашими святынями. Совесть строго запрещает подражать этим неистовым дикарям, потерявшим и стыд человеческий, и страх Божий, и всякую совесть. Сохрани вас, Боже, дорогие братья, русские воины, в минуты гнева справедливого увлечься чувством мщения и обижать мирных жителей тех областей, которых Бог поможет вам завоевать от неприятеля. *Мне отмщение*, глаголет Господь: *Аз воздам!* И мы веруем, что воздаст – так воздаст, что будут враги наши помнить свои злодеяния навеки. А вы стойте за правое дело. Вы готовы и умереть за это дело. Но кто стоит за правду, тот и сам должен любить правду, носить ее в душе своей, как сокровище, и беречь себя от всякой неправды. Того требует закон самой правды Божией. Слово Божие говорит, *что правда и от смерти избавляет* (Пр. 11, 4). Смерть щадит тех, кто отдает себя в руки Божии, кто боится сотворить неправду и не боится умереть за правду.

Мы, смиренные иноки обители Сергиевой, ваши богомольцы у гроба сего великого чудотворца, мы умоляем вас именем преподобного Сергия: помните, что звание воина – святое звание, что в лице святых Божиих немало и святых воинов, таковы: Лонгин сотник, стоявший у креста Господня, Корнилий сотник, упоминаемый в книге Деяний Апостольских, Георгий Победоносец, Евстафий Плакида, Феодор Стратилат, Иоанн Воин и многие другие. Воинское звание не воспрепятствовало им получить венец мученический. Сего же венца просит у Господа Святая Церковь и тем воинам, коим Бог судит душу свою положить на поле брани. Христолюбивый воин есть земной Ангел-хранитель всех беззащитных – и малых деток, и старцев беспомощных, и всего своего Отечества. Вот почему Сам Господь, по слову Священного Писания, *научает руки верных Своих на ополчение и персты их на брань* (Пс. 14, 31). Он благословил оружие кроткого праотца Авраама, который воевал за освобождение из плена племянника своего Лота; Он повелел завоевать народу Своему землю обетованную; Он помогал и кроткому Давиду на иноплеменников, помогал и другим святым мужам и нашим предкам благочестивым защищать Святую Веру и Отечество от неверных и нечестивых врагов. Так высоко звание воинское! Не напрасно же бывали случаи, что иной, находясь в великой скорби и желая привлечь на себя милость Божию, давал обещание идти в военную службу, подобно тому, как дают обещание идти в монастырь или совершить какой другой подвиг, и Бог видимо принимал от него такой обет и благословлял его Своею милостию. Так, один старец-воин рассказывал о себе, что в молодости у него болели глаза; года два лечили их, но он все же ослеп. И вот он дал обещание – охотой пойти в солдаты, и – он в тот же день прозрел, и 25 лет служил Царю и Отечеству, и никогда глаза у него не болели. Предтеча Господень Иоанн давал воинам особое наставление, как Царю служить, чтобы и Богу угодить. “Никого не обижайте, говорил он, ни на кого не клеветайте и будьте довольны своим жалованием” (Лк. 3,14). Не обижайте врага бегущаго, врага лежащаго, истекающаго кровью. Лежачаго не бьют, учит родная пословица. Излишнюю обиду врагу не оскорбляйте поборающаго по вас Ангела-хранителя вашего. К чужому добру не прикасайтесь. Сейчас ты осквернил совесть грабежом, а минуту спустя твоё тело, уже

бездыханное, с горстью золота в кармане будет уложено в могилу: а в могиле червонцы чему помогут? Да в могилу-то они и не попадут: оберут другие... А пред Богом целыми горами золота душу не искупишь. Не обижайте же никого! Не прикасайтесь к тому, что запрещено врачами: известно, что во все наши войны мы теряли людей во много раз больше от болезней, чем от вражеских пуль. А болезни бывают от того, что не хотят слушаться врачей, когда приходится жить в чужой стране, в чужом климате.

Берегите свою совесть, братья-воины, как зеницу ока, и Бог вас сохранит. Наши предки, идя на войну, хранили себя в чистоте; собираясь в бой, говели, исповедывались, с Господом в пречистых Тайнах Его соединялись и в час битвы осеняли себя крестным знамением, имели на устах пресвятое имя Божие. Так поступали и святые Божии, например, Георгий Победоносец. Святый Никон был сын язычника, а мать его была христианка. Отпуская сына на войну, мать умоляла его ограждать себя в минуту смертной опасности крестным знамением. И вот в пылу жаркой битвы вспомнил он завет матери, взглянул на небо и, ограждая себя крестным знамением, сказал: “Христе Боже всесильный, покажи на мне силу креста Твоего, и я отныне буду Твоим рабом вместе с моею матерью”. И вдруг почувствовал он в себе такое мужество, такую силу, что бросился на врагов и переколол их столько, что и сам невольно в изумлении воскликнул: велик Бог христианский, столь дивно побеждающий врагов крестным знамением! И Никон стал христианином, обратил ко Христу многих товарищей, а потом принял монашество и пострадал за веру Христову. А как Бог хранит на войне тех, кто сам себя хранит в чистоте и целомудрии, вот тому пример. Один греческий воин шел на войну против болгар. По пути ему случилось ночевать в селении. Прельстилась его красотой одна легкомысленная девица и ночью стала на грех соблазнять. Но юноша удержался и три раза от себя ее прогонял. Потом он заснул и видит ему поле, и на том поле видит он много греков убитых: все поле покрыто трупами, а посреди их порожнее место – так, как можно лечь одному человеку. И было ему сказано: “Лежать бы тебе на этом месте, но за то, что три раза боролся ты со змием – ты не будешь убит”. Так хранит Бог того, кто сам хранит себя от греха. Великое дело и молитва. Лет 30 назад хоронили в Одессе одного почтенного старца – генерала Петрова. Отпевал его известный проповедник архиепископ Никанор. И поведал святитель Божий в надгробном слове своем, что покойный участвовал в 160 боях, под градом пуль и всяких смертоносных снарядов, пред лицом тысячи смертей, и ни разу не был ранен. Вспомнил тогда святитель и о другом герое, графе Остен-Сакене, который также участвовал в ста почти боях и также ни разу не был ранен. Отчего? Откуда это чудо? А известно, что эти герои, становясь лицом к смерти, всегда с верою читали про себя дивный псалом: *Живый в помощи Вышняго...* И что это за чудный псалом! Какая сила веры и крепость упования на помощь и охрану Божию слышится в нем! Заучите его и вы, воины православные, на память, читайте его каждый день и утром и вечером. В этом псалме верующая душа всю себя отдает в волю Божию и говорит Господу: *Заступник мой еси, и прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него.* И Царь-пророк Давид успокаивает эту верующую душу дивными обетованиями; он говорит ей: *“Господь избавит тебя от сетей ловца”* – от незримых козней диавола, от клеветы и злобы человеческой. *Плещма Своима* – своими крылами *осенит* тебя. Как орел защищает от врага свое детище, так и Он покроет тебя Своею силою всемогущею, и ты, как птенец, *под криле Его надеешься* – будешь в полной безопасности. *“Оружием окружит тебя истина Его и не убоишься ты ни страха ночного, ни стрелы, летящей во дни”*. Пусть градом сыплет враг на тебя ядовитые стрелы свои и справа и слева – Бог защита твоя; падет от

шуй страны твоей тысяча пуль или стрел, и тьма – десятки тысяч одесную тебя, к тебе же ни одна из них не приблизится. Ты сам своими очами увидишь, что враги твои не останутся безнаказанными: *воздаяние грешников узриши. Вышняго положил еси прибежище твое, за то и не придет к тебе, не повредит тебе никакое зло, и рана не приблизится телеси твоему*, ибо Ангелам Своим Господь заповедает охранять тебя во всех путях твоих. В минуту опасности они на руках поднимут, поддержат тебя, да не преткнешь о камень ногу твою... И все это непременно сбудется на тебе, ибо слышишь: Сам Господь вещает о тебе: *яко на Мя упова, избавлю его, покрыю его* от всякой беды, *яко позна имя Мое*, потому что знает Меня одного, исполняет благую волю Мою: *воззовет ко Мне и услышу его, с ним семь* во всякой скорби и беде, и Я не только избавлю его от скорбей, но и прославлю его, и скорби на радость ему преложу. *Долготую дней исполню его и явлю ему спасение мое*, как в сей временной, так и в будущей жизни.

Вот вам, дорогие наши защитники, воины христолюбивые, крепкий щит и ограда в час битвы. Оградите себя крестным знаменем, возложите на себя крестики или образки – ваше родительское благословение: нередко бывали случаи, что от такого образка или крестика отлетала и пуля вражеская, и – с Богом – за Святую Веру, за родную Русь, за Царя-Батюшку – Божию Помазанника. Ведайте, что за вас молится вся Русь Православная, вся Церковь Божия, за вас молятся все святые угодники Божия – печальники родной им Русской земли. Ведайте, что на вас смотрит с высоты небесной Сама Заступница рода христианского – Матерь Божия. Она приосенит вас Своим честным омофором в минуту смертной опасности; Она Сама воспримет души ваши, если Бог кому судит лечь костями за Святую Русь. И жизнь, и смерть – в руках Божиих; но разве не великое счастье отдать жизнь за Святую Веру, за Царя и родную землю? Церковь просит у Бога за такой подвиг венца мученического, вот почему наши предки шли на битву с священными песнопениями, их победным кличем было: *с нами Бог!*

Господи Сил, с нами буди, иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы: Господи Сил, помилуй нас...

Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Священно-Архимандрит Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.

Троицкие иноки:

Редактор-цензор всех Троицких изданий

Член Святейшаго Синода *Архиепископ Никон*,

Наместник Троицкия Сергиевы Лавры *Архимандрит Товия*,

Казначей Лавры *Архим. Досифей*.

Соборные старцы:

Экклизиарх *Архимандрит Аполлос*, *Архимандрит Нил*, *Игумен Анания*, со всею о Христе братиею.

И паки реку: берегите православных от соблазна! (Ответ протоиерею Остроумову)

В наше время должно быть крайне осторожным: “переоценка ценностей” стала повседневным явлением и заражает даже служителей Церкви, которым, казалось бы, самый долг их служения повелевает отстаивать старья традиции, оберегать то сокровище церковных понятий, какое завещала нам древность. К сожалению, это не всегда и не все даже и служители Церкви понимают.

Я обратил внимание читателей “Отдыха Христианина” на небольшую статейку о. протоиерея Остроумова “К вопросу о гражданском браке”. Моя главная мысль была: оберечь православно верующих от соблазна, который неминуемо будет внесен словом “гражданский брак”. Я боюсь за тех простецов, которые, узнав об узаконении “гражданского брака”, или заскорбят, что священное для них слово “брак”, по усвоенным ими с детства понятиям, стало применяться к узаконению блудного сожития; или же, запутавшись в различении понятий о законах гражданских и законах Божиих, в своем темном сознании отождествят эти понятия и по причинам самого неважного свойства, ну, хотя бы, например, что церковный брак стоит дороже гражданского, пойдут к мировому или нотариусу, обходя церковь... На ком будет такой грех? “Мы, скажет такой простец, живем в законном браке, только не в церковном, а в гражданском. Да для нас это ведь все равно: законный – стало быть никакого в нем и греха нет”. Желательно ли это?..

Но о. Остроумов, видимо, оскорбился моими замечаниями, моим протестом против его статьи. Он называет меня “князем Церкви”, употребляя это название как бы с укоризною, почему я не направляю свой протест против проституции, и забывая, что употреблять этот титул, обычный у латинян, в применении к православному епископу значит оскорблять сего епископа. Мы – не “князья Церкви”, а служители Христовы, служители матери нашей Церкви, хотя и недостойные... Думаю, впрочем, что о. О-в употребил это слово без намерения оскорбить им и меня, а просто по привычке читать западные сочинения, откуда он немало берет мыслей и для своих статей, почему, думаю я, и ставит под ними свою подпись довольно оригинально: “изложил”, а не составил, написал и т. п... Но это к слову и кстати. Некоторой иронией, обидной для русского человека, звучит также фраза о. О-ва: “Давно известно, что Европа нам не пример и у русских особые пути, иная правда. Запад “гниет” уже более ста лет”... Слово “гниет” поставлено в вносные знаки: чтый да разумеет!

Но я должен сказать спасибо моему возражателю за одну поправку, с которой охотно соглашаюсь: “Что преосвященный называет гражданский брак языческим, пишет он, с этим я не согласен только потому, что гражданский брак ниже языческого, ниже всякого религиозного брака”. Вот это – правда, и за такую поправку я очень благодарен о. О-ву. В самом деле: когда православный христианин, отвергая благословение Божие, предлагаемое ему Церковью, пойдет к нотариусу или мировому судье, чтоб заключить мнимый брак, т. е. узаконить свое блудное сожитие, то он глубоко оскорбит Церковь, станет хуже язычника... Это – правда. Но вот я не могу принять обвинения меня в том, будто я “блудному сожитию отдаю явное предпочтение пред гражданским браком”. Ужели, говорит о. О-в, блудное сожительство не является соблазном и не ведет к упадку

общественной нравственности? – Бесконечно, ведет, но тут блудники в некоторой степени уже “восприимлют мзду свою”: так и смотрят на них, как на явных нарушителей Божия закона. А когда они станут величать себя “законными” супругами, то никто не посмеет упрекнуть их в нарушении заповеди Божией, назвать их блудниками. И в этом отношении узаконение “гражданского брака” как бы стирает в понятиях массы народной разницу между церковным и гражданским браком.

Обвиняет меня о. О-в в том, будто я считаю мирян “падкими на соблазн”. Этого я не говорю, а что миряне не всегда верно разбираются в понятиях церковных и гражданских, это – верно. Я не ставлю им этого в большую вину, а от соблазна их надо остерегать, надо охранять.

Из указания о. О-ва на то, что епитимия для блудников положена семилетняя, как будто выходит, что по истечении семилетней епитимии не прекратившие блудного сожития могут приступать ко святому причащению: так или нет? А я думаю, что пока грешник не расстался с грехом, дотоле и епитимия не может быть с него снята: наша Церковь не понимает епитимию как наказание, как искупление греха, подобно латинской индульгенции, а как меру исправления, воспитания воли в добродетели и противоположной греху, в покаянном чувстве и сознании своей греховности... Пока продолжается болезнь, должно быть продолжено и лечение ея. А потому я и сказал в своей отповеди о. О-ву, что епитимия для нераскаянных блудников является уже пожизненною.

Когда я говорю о “блудном сожитии”, то, конечно, разумею не язычников, а православных христиан, знающих о существовании таинства брака, освящающего сожитие супругов во образ таинственного союза Христа с Церковью. Пусть это и отступники от Церкви: тогда пусть уже совсем отрекутся от Церкви. В этом я, пожалуй, согласен с о. О-м: ведь и Бог насильно никого не спасает, и зачем силою держать в недрах Церкви тех, которые заражены и могут других заразить своим неверием и безбожием. Но это уже другой вопрос, который решать в пору только церковному собору.

Напрасно почтенный о. протоиерей пытается уйти от вопроса, который мы обсуждаем, в область, так сказать, ветхозаветных понятий о браке. Вопрос прост: допустимо ли, с точки зрения строго православной Церкви, сожитие мужчины и женщины, именующих себя православными, без церковного благословения? Ответ, конечно – нет. Можно ли такое сожитие именовать “законным браком”? Опять – нет. Можно ли, без оскорбления Церкви, вводить усвоенный Церковью термин – “брак” в закон, имеющий регулировать отношение так сожительствующих между собою? Думаю, что нет, что желательно, во избежание путаницы понятий, во избежание соблазна для верных чад Церкви избрать другой термин для такого закона. Вот, думаю я, и все наше разногласие. Моя точка зрения строго церковная, о. О-ва – общечеловеческая, гражданская, государственная. Он судит как член Государственной Думы, я, хотя и состою членом Г. Совета, долгом почитаю неуклонно стоять на точке зрения православного архиерея. И думается мне, что о. протоиерей не должен далеко уходить от меня... Практика времен апостольских, когда допускались смешанные браки, на которые ссылается о. О-в, не может быть истолковываема в смысле современных нам смешанных браков. Апостол говорит о том положении, в коем застало супругов христианство: брак был раньше принятия христианства одним из супругов. А если бы Апостола спросил христианин: можно ли взять жену-язычницу (но такого вопроса тогдашние христиане и не могли предложить, любя свою веру и ценя брак с точки зрения истинно христианской), то Апостол, наверное,

ответил бы: разве нет у вас невест-христианок, что вы ищете их между язычницами? Вспомните слово его о судьях (1 Кор. 6, 5). Я повторяю: сходиться православному с иноверною или инославною гражданским браком, без благословения церковного, есть уже осквернение себя блудом, и никакой нотариус не очистит этого осквернения. Я излишним считаю приводить и опровергать те доводы, какие, по мнению о. протоиерея, могли бы представить молодые люди, ищущие брачного сожителства в разномыслии: пусть в тишине уединения о. протоиерей станет пред зеркалом своей пастырской совести, и она скажет ему, что его долг не принимать такого, например, довода: “наше собственное спасение связано с возможностью для нас совместной жизни”.

О. протоиерей указывает на первый брак человеческий, совершенный Богом еще в раю, и приглашает нас “благоговеть” пред всякою формою брака: “хотя бы то был языческий брак, пишет он, или гражданский в форме единобрачия, мы должны благоговеть и пред этими формами брака, а не приравнять их блудному сожитию”. Боюсь, что православный читатель-простоец сделает отсюда вывод, что можно довольствоваться и гражданским браком, без церковного, и спросит: тогда зачем же установлено таинство брака? Ведь и гражданский брак заслуживает, по мнению о. Остроумова, тоже “благоговетия”, он – тоже “божественное установление”: чего же еще надо? На что еще таинство? Выходит, что можно спастись, будучи православным христианином и состоя лишь в гражданском браке... Так ли, отец протоиерей?

Конечно, не так. Думаю, что недостаточно ясно сказал о. О-в о том, что считает Церковь формою брака. Он говорит, что форма – это взаимное “соглашение” брачующихся. Но вопрос: какое соглашение? Ведь и в блудном сожитии бывает взаимное соглашение. Разница в том, что в православном браке это соглашение свидетельствуется обетом взаимной верности пред лицом Божиим и запечатлевается Божиим благословением от имени Церкви. Вот этих-то обетов пред лицом Божиим, сего-то благословения от лица Церкви и нет в гражданском браке. Отсюда и значение церковного брака как таинства, его неотложная необходимость для тех лиц, которые хотят жить в супружеском союзе. Святителя Феофана спрашивали: спасутся ли католики? Он отвечал: не могу судить о сем, но то хорошо знаю, что если я уйду из православия в латинство, то – погибну. Подобно сему я вопрошаю: возможно ли спасение для живущаго в гражданском браке инославца? И думаю, не погрешу, если отвечу: вне Церкви нет спасения, а принятие в недра Церкви инославного является для него в то же время и благословением его брака, состоявшагося вне Церкви. Но никто не помешает ему освятить свое сожитие и таинством брака, и он спасется. А если православный пренебрежет сим таинством и удовольствуется рассуждением, что “надо благоговеть пред всякою формою брака, ибо и гражданский брак есть божественное установление”, как пишет о. О-в, то несомненно лишится надежды спасения, аще не покается: для язычника, инославца, раскольника, невера – одна мера, а для верного сына Церкви – другая. Пусть гражданский закон делает свое дело, но пусть он чтит святыню таинства церковного и не вносит в жизнь терминов, тождественных в понятии православных с церковными терминами. Если это уже имеется в законах по отношению к иноверцам, то по отношению к православным, именующим себя православными, хотя бы только на бумаге, сего да не будет.

Вот то, что я хотел сказать о. протоиерею в ответ на его новую статью в “Отдыхе Христианина”. Мы живем во времена зело лукавыя и уже потому должны стоять на страже, оберегая не только вверенное нам стадо Христово, но и самих себя от всякаго духа лестча, именуемаго духом времени...

Угодны ли Богу “иные” веры? (Ответ вопрошающему)

Истина только одна.

Истинная вера только одна. Это – вера православная.

Всякая неправославная вера имеет в себе или примесь лжи, или вся ложна.

Отец лжи есть диавол, а Бог ненавидит ложь.

Кажется, все это для православного христианина самая простая, самая неоспоримая истины. Если он верует во Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, то он должен веровать и в то, что она одна есть столп и утверждение спасительной истины, что в нее, как в сокровищницу, Апостолы и богоносные мужи – учителя Церкви вложили все, что православному христианину нужно для спасения. А стало быть: слушайся Церкви, пользуйся ее таинствами, делай то, что она тебе заповедует и спасешься. А заповедует она соблюдать и исполнять заповеди Божии. Вот и все...

К чему же после этого православному христианину еще вопрошать: “угодны ли Богу другие веры: лютеранство, латинство и прочия, имже несть числа?” Ответ ясен сам по себе. Не говорю уже об язычестве, магометанстве, иудействе с его талмудом. Даже о христианских исповеданиях верный сын Церкви скажет то, что говорил незабвенный святитель Феофан: “не хочу входить в суждение: спасутся ли католики, – одно знаю: если я оставлю православие и уйду в латинство, то – несомненно погибну”. Бог всем хочет спастись и в разум истины прийти; Его пути неисповедимы; кто не мог познать истины чистой, какова истина нашего Святого Православия, с того меньше и възыщется, все же възыщется, кто же и имел к тому полную возможность и познал сокровище православной истины, но изменил сей истине, тому нет прощения: он погибнет, аще не покается.

Казалось бы, ясно, как Божий день: *высших себе не ищи и крепльших не испытай: яже ти поведена суть – в сих пребывай* и – довлеет тебе! Кто ты, что хочешь знать неиспытанные суды и судьбы Божии? Знай себя и будет с тебя.

Но вот есть такие пытливые люди, которые не довольствуются такими бесспорными истинами и готовы спорить даже против них. Они хотят проникнуть в суды

Божии и как бы возражать Самому Господу Богу. Забывают мудрое слово Апостола: “Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетнаго употребления, а другой для низкаго?” (Рим. 9, 21). Или ты недоволен, что ты являешься сосудом для “почетнаго употребления?” Смирись в уме своем, возблаговари, что обладаешь чистым сокровищем истины, молись, да пребудеши во истине и предоставь Богу судьбы тех людей, которые не принадлежат к твоей матери-Церкви, хотя бы они и родные тебе по плоти. Тебе тяжело это слышать? Но ужели думаешь, что ты милостивее Господа Бога, премудрее Церкви, сей таинницы мудрости Божией? Укоряя себя, что ты не хочешь, не умеешь, не радеешь о том, чтобы родных своих делать соучастниками сокровищ благодати, столь преизобильно изливаемой от Церкви в ее таинствах, в ее богослужении, в ее учении о спасении нашем. Это твой долг, ты должен озаботиться присоединить к Церкви наипаче присных тебе по крови, но еще чуждых по духу людей. А ты как будто хочешь, чтобы Церковь насильем привлекла их к себе, в свои недра, помимо их воли и соизволения, и притом уже после их смерти? Ты хочешь, чтобы Бог, Господь наш Иисус Христос, создавший Церковь Свою для хранения чистой истины, допустил пребывать в ней сознательной, упорной лжи в виде тех заблуждений, коих держатся

латины, лютеране и другие инославцы, держатся столь крепко, что считают православную Церковь причастною какой-то ереси: возможно ли это? Конечно, един Ведущий сердца человеческия знает, насколько сознательно кто из неправославных отстоит от православной истины и держится лжи: ожесточенный фанатик иезуит, называющий православие “песьей верой”, ставящий ложь в ряд нравственно допустимых понятий чрез свое правило: “цель оправдывает средства”, или же простой французский крестьянин, едва умеющий читать и вовсе незнакомый с тонкостями богословских споров, верующий в простоте сердца, как его учит духовный отец, и с верою принимающий таинства своей церкви? Известно слово Господа, что ведевый волю господина своего и несотворивый биен будет много, а неведевый и несотворивый по воли его биен будет мало. Кто ведает пути Господни? Пути милосердия Его? Вот может быть для таких-то простецов, почти неповинных в своем уклонении от православия, “земныя перегородки”, по выражению митрополита Киевскаго Платона, “и не доходят до неба”, но это уж дело Божие, а не наше, и надеяться на сие рассуждение православному и в этой надежде искать оправдания измене православию для себя – было бы преступно... Это ведь не общецерковное учение, а лишь мнение одного святителя; его могут разделять многие, но это еще – не Церковь. Для православнаго христианина нет и нужды углубляться в исследования: можно ли спастись в неправославии? Если бы было можно, то Церковь и принимала бы инославных в свои недра без всякаго отречения от лжеучений, которыя она считает еретическими, неправославными. Не было бы и разницы исповеданий. Очевидно, Церковь уклоняется от общения в молитве и таинствах с инославными как чуждыми ей, как не чадами ея. И чада ея не имеют права мудровать по-своему и должны склоняться пред ея божественным авторитетом. Спасение было бы возможно даже и для сатаны, но Бог не насилует свободы Своих созданий, а сатана, по своей богопротивной гордыне, никогда не склонит свою волю к смиренному признанию своего богоотступничества. Люди – не бесы, не духи злобы, они имеют полную возможность смириться, и прочтите поучительную повесть в житии преподобнаго

Антония Великаго о том, как два беса приходили к нему с вопросом: возможно ли для них покаяние? Ангел Божий возвестил угоднику Божию, что Господь не отвращается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел, но “злоба древняя не может быть новою добродетелью”. Люди – не бесы, не духи злобы: они имеют полную возможность смириться и принести покаяние, но надо, чтоб это они приняли своим произволением, открыли свое сердце для благодати, которая всегда готова помочь нам в деле спасения нашего. А мы, любя их, должны все меры употреблять, чтоб содействовать им в сем деле, располагая их к общению с Церковию, раскрывая им, если, конечно, не станут отвергать, все сокровища благодати, Церковию хранимая. И сие будет безконечно благотворнее пытливых вопрошений о том, угодны ли Богу веры, в коих, по свидетельству нашей матери-Церкви, ложныя мудрования примешаны к чистой истине Православия. Надо жалеть заблуждающихся, а не потворствовать им в заблуждениях. Тем паче беречь себя от заражения сими заблуждениями. Ереси, конечно, Богу не угодны: это плевели среди пшеницы чистаго учения, и как вредныя семена, примешанныя к пшенице, делаются отравою, когда пшеница обратится в хлеб, так и ложныя учения, воспринятая в сердце вместе с чистым учением Церкви, вредят душе христианина. Можно ли даже и спрашивать: угодны ли Богу такая, отравленная ложным учением исповедания веры? Ясно, что неуютны. На вопрос о возможности спасения в сих исповеданиях общий ответ: только в Церкви Православной обрести можно спасение. Так учит сама Церковь. Так и

должно быть. Ибо спасение только во истине, а истина только в Церкви, только одна, как и Церковь – одна: верую во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь, говорит наш Символ веры.

№ 241–247

Что такое спиритизм?

I

Допотопный мир погиб от грехов плоти: современное нам человечество гибнет от сатанинской гордыни. – “Премьер-Министр” в “области гордыни” – сам сатана. – Его хитрости в уловлении душ. – Удаление от Церкви. – Начало гибели для христианина. – Спиритизм – древняя прелесть. – Спиритизм в Вавилонии, Индии, Греции в древнейшие времена.

От автора. Тяжкая, продолжительная болезнь, державшая меня 40 дней в постели, лишила меня возможности писать дневник по поводу текущих событий современной жизни. Чтобы хотя отчасти восполнить это невольное опущение, я даю читателям давно обещанную и давно приготовленную статью о том, что такое спиритизм. Бог даст – оправлюсь от болезни, возвращусь в своих дневниках и к тем великим событиям, которая волею Божией переживает наш народ в настоящее историческое время.

А. Никон.

Говорит Священное Писание о допотопном мире: *и виде Господь Бог землю, и бе растленна, яко растли всяка плоть путь свой на земли... И рече Господь Бог: не имать Дух Мой пребывать в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. 6, 12, 3). Люди стали плотью – только плотью – вот причина грозного приговора Божия над тогдашним человечеством! Когда читаешь этот приговор, то невольно мысль обращается к современному человечеству, не гремит ли уже подобный приговор и над ним, как некогда возгремел над допотопными людьми? Не стали ли и нынешние люди плотью, не обращены ли все их мысли, все желания в сторону служения плоти, не заняты ли их ум, их сердце только одною плотью?.. Не одна Франция утопает в разврате^[39]; и наш Русский народ хотят затопить в этом омуте, с усердием, достойным лучшего дела, распространяя в его среде безбожные и развратные книжонки; семена порока скоро дадут свои ростки: говорить ли о том, что можно читать каждый день в любой газете?.. А величающие себя “интеллигентами” плотские грехи и за грех уже не считают... Впрочем: да что и считают они за грех?!..

Ужасное зло – разврат во всех его видах: гибелью грозит он целым народам. От этого зла погиб допотопный мир, от него погибли семь городов во главе с Содомом и Гоморрою. И если языческие народы, забывшие истинного Бога, не были пощажены и погибли – одни в волнах потопа, другие в пламени гнева Божия, то чего ждать народам, просвещенным некогда верою Христовою? Прочтите грозные строки в послании Апостола Павла к Евреям, гл. 6, ст. 4–8. – Но есть зло, еще более ужасное, есть грех еще более богопротивный, грех, за который благодать Божия наипаче отступает от людей и предаёт их на поругание сатане в служении плоти и ея похотям. Это грех самого сатаны, грех гордыни, который заражает человека незаметно для него самого, вкрадывается в его сердце и начинает властно повелевать им. Одержимый гордынею человек воображает, что

он и умнее всех, и опытнее, и дальновиднее: никто его не может обмануть, знает он больше всех, не нуждается он ни в чьем совете: напротив, он способен каждому дать совет, его должны все спрашивать, он выше всех головою... Ни о каких недостатках в нем самом нечего и говорить: он их не имеет, весь он – одно совершенство. Он обладает самыми “последними словами” науки во всех областях знания: для него нет никаких авторитетов кроме разве этих “последних слов”. Так растет, под влиянием духа гордыни, самоцен гордаго человека. А на деле – его духовный рост останавливается, сердце сохнет, делается неспособным к тому, для чего оно главным образом и создано – к смиренной любви, ум слепнет и становится слепым орудием злой воли в служении все той же гордыне. Состоя на послугах у грешного сердца, ум подыскивает и сочиняет разные теории, посредством коих можно было бы усыпить совесть, хотя слабо, но все же заявляющую свои права, напоминающую о Боге и Его святом законе, заставить ее хотя на время замолчать посредством того или другого лживаго софизма, той или другой теории, льстящей чувственности... Вот где первоисточник всяких антихристианских лжеучений, всяких сектантских мудрований, начиная с древних еретиков и кончая нынешними. Всею этой внутреннею, так сказать, политикой руководит своего рода премьер-министр – князь тьмы, сатана. Когда он имеет дело с душою твердо верующею в бытие духовнаго мира, то заходит к ней с правой стороны, подставляя ей свою теорию духовнаго мира в виде какого-нибудь спиритизма, увлекаая ее в это гибельное заблуждение до богохульства. Если же вера в душе не особенно тверда, если она коренится только на умовых воззрениях, а не залегла глубоко в сердце, то он просто вырывает эту веру с корнем посредством материалистических отрицательных лжеучений, превращая человека в какое-то бездушное существо, хуже животного, в ходячую машину... Есть и еще разряд людей, верующих в Бога, искренно ищущих общения с Ним, но зараженных тем же духом гордыни: таковых он увлекает в ереси *мистическая*. Общее наблюдение говорит, что кто больше живет умом, того легче врагу склонить в рационализм, а кто живет больше сердцем, тот скорее подвергается опасности впасть или в хлыстовщину, или в спиритизм. В основе же всех заблуждений лежит гордыня, тот исконный грех сатаны. Гордынею заражены были решительно все еретики, все сектанты и раскольники от времен апостольских и до наших времен. Отличительный признак этой гордыни – отрицание авторитета Церкви. Свое мудрование такие люди ставят всегда выше церковнаго учения, утвержденного от веков древних, начиная с Апостолов, раскрытаго святыми отцами на Вселенских и Поместных Соборах, истолкованнаго в писаниях богомудрых отцов и учителей Церкви. Еретическая гордыня в своем самопревозношении не станет никогда справляться, как относительно того или другого предмета учила древняя Церковь, что писали Отцы и учителя Церкви, Богом прославленные; еретик не заглянет в историю Церкви, даже в всеобщую историю человечества, чтобы проверить себя: да не было ли раньше его когда-нибудь такого учения, какое ему пришло в голову, и почему оно не привилось, не стало общепризнанною истиною?

И вот, за такую гордыню, за такую самоуверенность, за такое презрение к Церкви, ко всему прошлому опыту человечества благодать Божия, не выносящая смрада гордыни бесовской, отступает от человека, и он предается на поругание сатане. Тогда сатана толкает его в ту бездну лжемудрований, в которой он уже загубил многия тысячи еретическиствующих как в христианстве, так и вне христианства. Одним из таких погибельных мудрований должно считать спиритизм. Этим богохульным учением в наше время увлекаются многия тысячи людей, даже верующих во Христа; его считают как бы

новым откровением, тогда как оно старо, как вся цивилизация, которую так хвалятся Европа. Последователи спиритизма дерзко объявляют, что “спиритуалистический догматизм олицетворяет собою царство Божие на земле и пропаганда его обновит человечество, уничтожит племенную и религиозную рознь и неприязнь”. “Спиритуализм, видите ли, нужно широко пропагандировать среди власть имущих, среди царей и священников... Всякий, выступающий против догматического спиритуализма, выступает против Христа”...^[40]

Вот до какой дерзости доходит лжеучение спиритов! Долг пастырей Церкви и всех верных ей чад обличать эту богохульную ересь, предостерегать от нея верующих, раскрывать всю ложь ее хитросплетенных мудрований и разоблачать того, кто руководит ею, прикрываясь чужим именем и преображаясь во ангела света. Не напрасно один исследователь этой прелести говорит: “Кто не знает спиритизма, для того он кажется смешным, кто с ним познакомится, для того он представляется таинственным, а кто всмотрится в него детально, пред тем он предстает явлением грозным, страшным”^[41]. Довольно заглянуть в историю, чтобы убедиться, что это вовсе не “новое откровение”, а древняя прелесть сатаны. А для верующего довольно принять во внимание, что это лжеучение всегда распространялось там, где или преобладало язычество и идолопоклонство, или же еретические мудрования хотя и на почве искаженного учения христианского. Как будто есть нечто, препятствующее развитию спиритизма там, где господствует святая православная вера. и это следует сказать не только о времени после явления на земле Христа Спасителя, но и о ветхозаветных временах. То, что мы теперь называем спиритизмом, было в особом почете и входило в религиозный культ язычества и строго было запрещено в среде правоверующего народа еврейского. Уже этого одного достаточно для послушного сына Церкви, чтобы отшатнуться от ереси спиритизма как погибельного лжеучения. В самом деле: знаменитые ученые, даже предубежденные против всего сверхъестественного, неопровержимо свидетельствуют о таинственном действии в явлениях спиритизма какой-то невидимой разумной силы, совершенно посторонней для лиц, присутствующих на сеансах. Никакими естественными способами нельзя объяснить таких, например, явлений, когда переносятся из другой комнаты в ту, где происходит сеанс, разные вещи, притом сквозь запертые двери; когда появляются во мраке, в две-три минуты, акварельные рисунки с невысохшими красками; когда льется таинственная музыка из пола, из потолка, из статуи, из сундука в то время, как нет никакого музыкального инструмента не только в доме, но и в целом квартале по соседству; когда сообщаются факты, происходящие в данную минуту за сотни и тысячи верст от медиума, и проверка их убеждает, что они происходили именно так, как описывает их медиум; когда “духи” пишут теми почерками, какими писали лица, коих вызывают; когда появляются писанные ответы на листах белой бумаги, запираемой в ящик или на помещаемых между двумя стеклами; когда слышатся голоса, говорящие, поющие, передразнивающие, кощунствующие, раздающиеся из разных мест комнаты; когда, наконец, являются призраки, запечатлеваемые фотографическими пластинками... Все это, повторяю, факты, засвидетельствованные даже теми, кто отрицает бытие духовного мира. Справедливо говорит профессор Ааппони: “Странное и удивительное явление, и исключительное унижение гордости человеческой небесным правосудием: те, которые так настойчиво боролись с сверхъестественным в его прекрасной и благородной оболочке религии, вынуждены одними из первых признать его в наиболее грубой и низкой форме – в явлениях спиритизма”^[42]! Для нашего времени, когда теории

материализма имеют такую силу в умах полуобразованного общества, все это, действительно, страшно. Тем не менее, еще древним вавилонянам были известны факты материализации духов, являющихся в дыму жертвенного огня. Халдейские маги или волхвы – это и были медиумы древнего Вавилона. Вызывание духов практиковалось у древних египтян. То же самое и доныне входит в состав богослужения индийских браминов. А в древней Греции постоянно спрашивали советов у умерших, для чего существовал особый класс *некромантов*. Даже такой великий мудрец, как Сократ, сносился с своим таинственным гением и верил его сообщениям. От греков спиритизм перешел к римлянам. Известно, что император Тиверий занимался им. Анастасий Никейский свидетельствует, что упоминаемый в книге Деяний Апостольских Симон волхв заставлял двигаться статуи, бросался в пламя и не горел, летал по воздуху, превращался в змея, мебель в его доме двигалась сама собою^[43]. Насколько занятия чародейством или спиритизмом были распространены среди язычников во времена Апостольския, показывает та же книга Деяний Апостольских: после исцеления служанки, одержимой духом прорицания, в Ефесе, верующие, и именно – из занимавшихся чародейством, собрав книги свои, сожгли пред всеми и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм (гл. 19, ст. 19). В мистериях Самоотраки мы уже находим оракула в виде “бога-стола”. Китайцы знают столоверчение уже давно. Оно существует у индийцев в пустынях Явы. О цепи из рук и прорицающих столах упоминается в третьем столетии у Тертуллиана, а его комментатор, рассказывая, что столы с помощью демонов “говорят”, намекает, по-видимому, на стуки в столах. Минуций Феликс говорит о таинственном движении неодушевленных предметов как о примере демонического прорицания. Медиумическая сторона этого явления упоминается еще у Гомера, где золотые триподы (столы на 3-х ножках, на которые идолопоклонники ставили кадилый сосуд с ароматами) Гефеста в собрании богов сами собою двигались туда и обратно^[44]. Если бы добросовестные исследователи подобных явлений доверчиво относились к несомненным для нас сказаниям житий святых, то в истории мучеников и подвижников нашли бы и не такие “дивеса”, какия творят спириты. Бывало и так, что иной волхв, смущенный безуспешностью своих чар против христианина, пробовал средство, употребляемое против его же чарований христианами, и тут же убеждался в дьявольском характере своих чародейств. Прочтите, например, историю священномученика Киприана и Иустины.

II

Закон Моисеев о спиритизме. – Предостережения Господа о ложных чудотворцах и Апостола Павла о лжеучителях. – Самообман спиритов. – Их “опыты” – дело “опытного семитысячелетнего старца”. – Святители Филарет Московский и Никанор Херсонский о спиритизме.

Так, спиритизм как сношение с загробным миром, неизвестный по своему имени древним, был хорошо известен им по своим явлениям и даже входил и теперь входит в культ язычества как его составная часть. Зато, как я сказал выше, там, где сохранялось истинное богопочитание, в народе еврейском, он был запрещен под смертною казнию. Вот что говорит слово Божие избранному народу: “И если какая душа обратится к

вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить в след их, то Я обращаю лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ея... Мужчина ли, или женщина, если будут вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них (Лев. 20, 6, 27). Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожей, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок пред Господом всякий делающий это (Втор. 18, 10–12). И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чрево вещателям, тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению. Если они (вызыватели умерших) не говорят, как это слово (слово Откровения), то нет в них света". Всем известен рассказ первой книги Царств о том, как Аэндорская волшебница вызывала тень пророка Самуила для Саула (28, 7–28). Из сего рассказа видно, что Саул тогда обратился к волшебнице, когда увидел, что Бог оставил его: очевидно, только отчаяние побудило его к тому, и сам он сознавал, что в сем случае тяжко согрешает. В книгах Моисеевых не раз Сам Бог свидетельствует, что племена Хананейские были осуждены Им на истребление, между прочим, за вызывание мертвых, причем, эти занятия называются "мерзостью". Если так решительно отрицается спиритизм как богопротивное учение в Ветхом Завете, то можно ли думать, что допустит такое учение Завет Новый, учение Христа Спасителя – все совершенное? Не богохульно ли считать учение спиритов каким-то новым откровением, как будто учение Христово уже стало недостаточным для спасения, устарело, потребовало обновления, дополнения? Спириты забыли или намеренно замалчивают пророческие предостережения Господа нашего Иисуса Христа: *возстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великия знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам* (Мф. 24, 24–25). Они не хотят знать, а может быть, и не читали никогда грозного слова Апостола Павла в его послании к Галатам: *если бы даже мы – сами мы – или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали, да будет анафема!* (Гал. 1, 8, 9). Сколько крепкой веры и непоколебимаго убеждения слышится в этих, пламенеющих ревностью словах великаго Апостола, готоваго за проповедуемую им истину каждую минуту положить и – действительно, положившаго душу свою! Пусть гг. спириты рассуждают, что "знание не может быть без веры и вера без знания", пусть представляют нам тысячи самых поразительных фактов, необъяснимых физическими законами: в этом, может быть, с ними будут спорить материалисты, вовсе не признающие мира духовнаго, – но они совсем забывают другой разряд людей, которые во имя того же самага начала потребуют от них самих веры в откровенное слово Божие, в свидетельство Самой Воплощенной Истины и, в свою очередь, не отрицая вовсе тех "сильных, доказательных, убедительных явлений", о которых они свидетельствуют, дадут им объяснение неизмеримо высшее, чем их мудрования, объяснение вполне согласное как с учением веры христианской, так и с требованиями здраваго разума. Спириты, кажется, думают, что только и есть противников у спиритизма, что материалисты, что христианство не противоречит основным положениям спиритизма. Они прочитали в Евангелии одну строчку: "люби Бога, люби ближняго, в этом – весь закон и пророки" и воображают, что поняли всю сущность христианства. А так как и столы, и карандаши медиумов, и даже вызываемыя ими тени якобы умерших проповедуют то же самое, то нечего-де сомневаться в "истинной духовности" самага спиритизма. По крайней мере, ревностный спирит профессор Вагнер так и говорит, что "медиумизм снял туман с его глаз, для него

теперь нет противоречий ни в религии (какой только?), ни в науке”. Но напрасно, совершенно напрасно он так кощунственно вплетает в свои рассуждения святые слова Господа нашего Иисуса Христа, которых можно обратиться к нему самому и всем спиритам, подобным ему: “имеют они очи и не видят” (потому что не хотят видеть), “имеют уши и не слышат” (потому что не хотят слышать). Им важны паче всего “опыты”, им дела нет до того, что в этих опытах, запрещенных под страхом смертной казни в Ветхом Завете, отверженных христианством наравне с прочими “мерзостями” язычества, они сами могут попасть в “опытные” руки врага Божия, который вот уже восьмую тысячу лет делает свои “опыты” над легкомысленным человечеством, увлекая его в свои сети... Пусть спириты назовут нам хоть одного из представителей богословской науки, излагаемой в духе Православной Церкви, который стал бы на их сторону. А мы назовем им одно великое имя, которое для нас, православных, имеет авторитет больший, чем целая сотня имен западных мудрецов всякого рода. Наш приснопамятный мудрец-святитель Московский Филарет говорит, что занятие стологаданием, или, что то же, спиритизмом есть дело непозволительное, неблагородное, преступное, что это есть только старое языческое суеверие. “Представим себе, пишет он, что сын в доме отца, имея свободу пользоваться всем, что ему нужно, и многим, что приятно, не довольствуется сим и, встретив хранилище, от которого ему не дано ключа, подделывает ключ и отпирает оное, положим, не для того, чтобы украсть, а только чтобы посмотреть, что там скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совестно сыну? Не должно ли быть неприятно отцу? Вот суд о всяком гадании, в том числе и о стологадании по самому простому взгляду на сие дело. Но если внимательнее посмотрим на опыты, суд должен сделаться строже... Спрашивается: действительно ли стологадателям отвечают души умерших, которых имена им объявляются, или имена сии употребляются ложно и под ними скрываются некие неизвестные? В сем последнем случае сии неизвестные суть лжецы, приписывающие себе чужия имена, но ложь не принадлежит чистым существам: отец лжи есть диавол. Итак, стологадатели должны осторожно размыслить: с кем имеют дело? Здесь можно вспомнить наставление преподобного Антония Великого относительно демонов: *если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним*. Но если отвечающие суть действительно умершие, то суд о сем деле давно произнесен Самим Богом чрез пророка Моисея: *да не навикнеша творити по мерзости языков тех (народов Ханаанских), да не обрящется в тебе... вопрошая мертвых: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всяк творяй сия, сих бо ради мерзостей потребит я Господь Бог твой от лица твоего* (Втор. 18, 9—12). Знают ли сей суд столовохвосты (или что то же – спириты), вопрошающие мертвых? Помышляют ли, какому строгому осуждению подлежит дело их? Оно причисляется к мерзостям, за которых хананейские народы Бог осудил на истребление. Пророк Осия упоминает два вида гадания: *деревом* (деревянными идолами) и *жезлом*, и оба эти вида называет изменою Господу Богу истинному (Ос. 4, 12). От сего обвинения не может увернуться стологадание, как бы ни старалось оно изъяснить себя легким и благовидным образом. Для тех, которые смотрят на стологадание как на новое открытие, бесполезно заметить, что их делу не принадлежит честь не только разумного, но и случайного нового открытия в природе: они только каким-то образом пробрались в область старого языческого суеверия. Тертуллиан в 23 главе своей Апологии христианства, обличая мечты языческой магии и приписывая их действию демонов, говорит: *чрез них и козы и столы обыкновенно производят гадания*. Он только не объясняет, какие приемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданиям”^[45]. Вот

мнение о спиритизме великого учителя богослова Русской Церкви. Если русские спириты – люди верующие и православные, то они не могут отнестись пренебрежительно к такому авторитету богословия, как сей святитель. Нужны ли еще авторитеты? Пожалуй, вот еще мнение великого философа-богослова нашей Церкви, Херсонского святителя Никанора. Он также называет спиритизм “старым, на многие века забытым суеверием”. Он прямо говорит, что это учение враждебно Христову учению. “Не выбрасывают ли над собою, говорит он, целые миллионы европейских и северо-американских спиритов (число всех спиритов достигает до 30 миллионов) знамя надежды и решимости ниспровергнуть христианство и водворить чистейший материализм? Не надеются ли ученые мужи из спиритов в самой материализации вызванных мертвецов уловить не более как высшую, тончайшую, невидимую материю, в которой сохраняется невидимо для обыденного зрения не только существо, но и самосознание отшедших душ, но материю, заменяющую и отрицающую Бога как безпредельно совершенное самосознание?.. Не надеются ли они водворить на месте всякого общечеловеческого здравомыслия настоящее сумасшествие, но сумасшествие научное? А всячески, в конце концов, этим новым, в сущности же подновленным, наидревнейшим чернокнижием вызывания мертвых не устраняются ли не только христианство, но и здравая вера в Бога и в бессмертие^[46]?” Вот мнение автора “Позитивной философии”, к философским воззрениям которого с уважением относятся не только у нас в России, но и за границу. В то же время это – мнение современного представителя Русской Православной Церкви.

III

Законы духовного мира суть законы нравственного порядка, а в спиритизме сего нет. – Способы общения спиритов с духовным миром недостойны Бога, оскорбительны для разума человеческого и кощунственны. – Преступно вторгаться в область духовного мира земными способами. Господь и Апостолы отвергали свидетельство злого духа и тогда, когда он говорил истину. – Спиритизм есть волшебство, общение с злыми духами, занятие богопротивное.

Если уж говорить о таких вопросах, то будем говорить до конца откровенно; если признавать бытие мира духовного, то необходимо признавать и законы этого мира, а эти законы – прежде всего, суть законы *нравственного порядка*.

“Мы знаем из Священного Писания о многократных явлениях Ангелов человеческому роду, которые все, по словам Апостола Павла, *суть служебные духи, посылаемые на служение тем, которые наследуют спасение* (Евр. 1, 14); но они являются в видимых образах и возвещают волю Божию языком человеческим, как достойно словесного творения, а не каким-либо бездушным стуком, из которого надобно отгадывать буквы, или странными писменами без сознания пишущаго карандаша или стола. В противоположность ангельским явлениям мы слышим также предостережение Апостола Петра, который говорит, чтобы мы бодрствовали, *ибо противник наш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить* (1 Петр. 5, 8). И Апостол Павел также предостерегает: *наша брань не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Ефес. 6, 12). Но никто из Апостолов ни слова не говорит нам о каком-либо общении с душами умерших, которое могло бы служить нам руководством в

этой жизни”^[47]. Да и как смешно думать, как унижительно для разума человеческого предполагать, будто мир духовный не может иначе открывать себя нам, как только чрез посредство каких-то ходящих столов, самопишущих карандашей, выступающих из полумрака рук, мелькающих огоньков и т. под. Ужели у Господа нет более прямых, более простых средств, чтобы открыть нам, если сие Ему благоугодно, бытие мира духовного и общение с ним? Ужели, с другой стороны, столы и карандаши помогут нам открыть завесу, которою угодно было Ему закрыть от нас тайны мира загробного, для нашего же блага? Как глупы, ребячески наивны и грубы все эти “опыты” спиритов в сравнении с чудесными явлениями духовного мира, известными нам из Св. Писания и житий святых Божиих! Да, мы, православные, признаем благодатное явление и Ангелов и святых – людям, удостоенным сего от Бога; но “никак не можем верить, чтобы *каждый человек*, или, по крайней мере, *каждый медиум мог бы по произволу*, как бы по звуку колокольчика, *известной формулой* вызывать кого ему угодно из царства мертвых, злых и добрых, и даже святых, и те должны непременно являться, как бы под влиянием какого-то чародейства... Это недостойно ни святых, ни Самого Бога”^[48]. Вот почему, читая описания спиритических сеансов, просто недоумеваешь: как это люди умные, ученые, не стыдятся заниматься такими “опытами”? как они не поймут, что невозможно же, недостойно Господа Бога, оскорбительно для разума человеческого верить, будто до столоверчения не было полного откровения Божия, будто миллионы людей, умерших прежде нас, все умерли в заблуждении, тогда как так просто было узнать истину: сел за стол, спросил духа, и – готово! И почему это Христос Спаситель не открыл нам такого простого способа? Зачем Он страдал и умер? Сказал бы просто: вот вам средство познавать истину – и конец! Нет! И тысячу раз – нет! Не может быть и нет никакого общения света со тьмою и Христа с вельяром, с медиумизмом, спиритизмом или как хотите там называйте это лжеучение! Если спириты становятся как бы под крыло учения христианского, то мы, православно верующие, должны громко и открыто протестовать против такого оскорбительного, богохульного соприкосновения. Профессор Вагнер говорит: “Мы ничего не знаем и не можем знать без веры”. Мы ему скажем больше: самая вера-то в своей сущности есть только приобщение, посредством смирения, человеческого разума Божественному всеведению. Но ужели в пределы этого Божественного всеведения из узких рамок нашего ограниченного ведения открывается путь только чрез столоверчение и сеансы медиумов?.. Ужели для сего не нужно нравственного самоочищения при помощи Божией благодати, подвига чистоты, молитвы и приближения к Существу Божию чрез то обновление благодатное, какое дается нам в таинствах Церкви? В том-то и дело, что спириты смотрят на духовный мир глазами вещественными, меряют его меркою вещественных явлений, а не меркою нравственною. Но мир духовный не подлежит такому измерению. Они ищут способа сноситься с этим миром так же, как сносятся друг с другом посредством телеграфа, телефона, которые для них заменяют столы и медиумы, а Христос сказал: *никтоже придет ко Отцу токмо Мною* (Ии. 14, 6). Им хочется войти в рай так же легко, как они входят в увеселительное заведение, а слово Божие учит, что туда без креста не пускают: *многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Они полагают, что “в сообщениях их духов следует строго различать две стороны: положительную и отрицательную, добрую и злую, темную или нечистую и светозарную или благую”. А мы полагаем, что никакой такой “светозарной или благой стороны” в них и быть не может. Пусть они докажут нам из слова Божия, из истории и учения Церкви Христовой, где бы было дозволено по

произволу вторгаться каким-нибудь земным способом в область мира духовного, удовлетворяя своему преступному любопытству входить в общение с духами при посредстве столов или каких-либо машин, которые, кажется, уже и придуманы спиритами? А мы докажем им, что и злой дух может являться во образе Ангела светлаго, что и он может обманывать так, что его принимали некоторые за Самого Господа Иисуса Христа: что же мудреного, что он проповедует якобы о любви и другия истины? Кричали же духи нечистые Господу: *“Знаем Тебя, Кто Ты – Святый Божий”* (Мк. 1, 24). И однако же Господь запрещал им изрекать нечистыми устами даже то, что было истинно. Дух пытливый в отроковице города Филиппы взывал к народу об Апостолах Павле и Силе, по-видимому достойное приятия: *сии человеки рабы Бога Всевышняго, которые возвещают нам путь спасения* (Деян. 16, 17). Казалось бы: что могло быть благоговейнее такого свидетельства истины пред язычниками? Можно ли было ожидать, чтобы не добрый, а пытливый, лживый дух говорил устами девицы? Нынешние спириты непременно приняли бы это за откровение доброго духа. Но не так отнесся к сему св. Апостол Павел: с негодованием обратился он к нечистому духу и сказал: *именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нея!* (ст. 18). И злой дух тотчас вышел из отроковицы. Вот как следует относиться к спиритическим “откровениям”: не только не искать их, а гнать от себя именем Господа Иисуса. Спириты говорят, что дух зла не может сам себе противоречить, что он не может проповедывать и добро, и зло, иначе это было бы то разделение царства, о котором Господь сказал, что оно погибнет, если разделится в самом себе. Как раз это-то у духа зла возможно, потому что у него “цель оправдывает средства”. Что удивительного, если дух лжи скажет: “люби Бога, люби ближняго”, чтобы этими словами увлечь в обман, замаскироваться, а потом внушить, что нет вечных мучений, что Христос не был Богом в собственном смысле и подобное?

У него все средства хороши. Нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме. Он и в храмы Божии посылает запутываемого им человека служить панихиды, акафисты, приобщаться даже св. Христовых Таин и в то же время удаляет от Бог, от Церкви. Говорят: “все спириты проповедуют нравственность, что, конечно, не может ни в каком случае повредить человечеству. Важно-де то, что большинство образованных людей нашего материалистического века, верящего только фактам, потеряло веру в бессмертие, и вместе с нею и нравственное сознание, а спиритизм научно обследованными фактами возвратит им то и другое”. На это отвечаем: трудно сказать, какая лесь горше, кому больше грозит вечная погибель: тому ли, кто совершенно потерял веру в Бога, в бессмертие и вечную жизнь, или тому, кто верует во все это, но в своей вере руководится внушениями тех, о коих Св. Писание говорит, что они не только “веруют, но и трепещут”? “Семитысячелетний старец” имеет довольно опытности, чтобы, уловив человека в свои сети неверия, обратив его к своей вере в бессмертие, удержать его потом в этих сетях, в гибельной ереси спиритизма, а чрез него увлечь туда же и из верующих, но легкомысленных чад Церкви. Поэтому напрасно один почтенный профессор-богослов говорит, будто спиритизм, “защищая дорогая верования в сверхчувственное бытие и личное бессмертие души, до некоторой степени искупает пред Христианством свои заблуждения и суеверия”^[49]. Нет, нимало не искупает, а только подкупает маловерных и недалеких из среды верующих. Если бы спиритизм и мог быть средством борьбы с материализмом, то, по меткому замечанию Вебера, “лекарство здесь стало бы хуже самой болезни”.

Мне скажут: итак, вы хотите все объяснить действием злых духов? Отвечаю: да, и иначе, с точки зрения христианского учения, объяснять все серьезные, необъяснимые фокусом и обманом, явления спиритизма невозможно. И это – не мое личное мнение. Святитель Феофан Затворник пишет: “Спиритизм – прямо бесовщина, ничем не покрытая. Тут осязательная нечистая сила. Кто тут действует – можно судить по явлениям. Да они и сами не скрывают, что суть бесы”. Таково же мнение, как мы видели выше, и других авторитетнейших наших святителей-богословов – митрополита Филарета и архиепископа Никанора Одесского. Известный старец Амвросий Оптинский писал о спиритизме: “спиритизм есть ничто иное, как новая прелесть вражеская. Это учение есть общение людей с духами, но, разумеется, с духами не света, а с духами тьмы. Апостол Павел пишет, *аще и ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 8). Апостол упоминает это не об ангелах благих, потому что благие ангелы не будут благовестить ничего противного учению евангельскому и апостольскому; но явно, что говорит это об ангелах тьмы, сверженных с неба, которые принимают на себя вид ангелов света для обольщения неразумных.” – И это мнение, что не души умерших говорят чрез медиумов, а духи нечистые, вполне согласуется с учением древних отцов Церкви. Во времена св. Златоуста, как и во времена апостольския (Деян. 16, 16–18), медиумами являлись бесноватые, которые говорили от имени душ умерших. “Что значит, спрашивает св. Златоуст, что демоны говорят: я – душа такого-то монаха? – Ты скажешь, говорит святитель, что бесноватые зывают: я душа такого-то человека. Но и это есть хитрость и обман диавола. По-моему, не душа кого-либо умершего вопиет, но демон, скрывающийся под сим для обольщения слушателей... Невозможно здесь блуждать душе, уже отделившейся от тела”^[50].

Одним словом: спиритизм есть волшебство, чародейство, говоря народным языком – колдовство. Его таинственные деятели – это бесы. Это учение есть модное антихристианство, тем более опасное, что оно выставляет себя якобы философски обоснованным... Это замаскированная ложь, это, по выражению одного исследователя, труп, обильно украшенный ароматными красивыми цветами мысли, поэзии, искусства, покрытый венками с громкими словами: прогресс, разумность, справедливость и свобода”^[51].

“Спиритизм отрицает Божество Иисуса Христа, считает Его за одного из высших духов, взявшего на Себя миссию открыть людям истину. Спиритизм отрицает Божество и Духа Святого, разумея под Ним понятие собирательное в смысле указания на духов высших, открывающих человеку истину и чрез это способствующих освящению человека... Спиритизм отрицает догмат искупления человечества смертью Богочеловека, проповедуя самоискупление”^[52]. В самой сущности он стремится ниспровергнуть все христианство. Можно ли после сего допустить мысль, будто он заменил Христа так же, как Христос заменил Моисея? Мыслить так – дико, бессмысленно, богохульно.

Вот почему и отношение к нему со стороны православной Церкви вполне определенное: это – мерзость пред Господом и потому – страшный грех (Втор. 18, 10–12). Это – волшебство, колдовство, общение с бесами. Церковь безусловно осуждает эти занятия, как дело душепагубное, как область деятельности демонов. Это – не мнение отдельных лиц: это постановление Шестого Вселенского Собора (правило 61). Следовательно, это – выражение непреложной истины. Разница между волшебством, чародейством, колдовством и спиритизмом не в существе дела, а лишь в постановке:

спиритизм в современном смысле есть лженаучное отношение к явлению, известному и раньше, во все времена^[53].

IV

Невероятность явления душ умерших на спиритических сеансах. – Занятие спиритизмом есть недоверие к Божественному откровению, измена вере, богоотступничество. – Оно ведет к помешательству и самоубийству. – Хитрость сатаны. – Как искушать и обличать духов? – Рассказы гр. Д. Н. Толстого и гр. М. В. Толстого. – Дух-клеветник. – Рассказы Л. С. Стурдзы и Д. В. П-ты. – Несчастный иеромонах. – “Сокрытое принадлежит Господу”. – Кто не слушает Св. Писания, тот не послушает и воскресшего из мертвых. – Златое слово св. Златоуста.

Мы видели, что всякая попытка вызывания умерших в Ветхом Завете подлежала смертной казни по определению Божию. Новый Завет не может противоречить Ветхому и что запрещено в Ветхом, то сугубо недопустимо в Новом, который шире и глубже раскрывает основной начала Божия откровения. А что запрещено живым, то запрещено, конечно, и душам умерших. Никогда спириты не докажут, что имеют дело с душами умерших, а не с кем-то другим. Если на их сеансах являются в самом деле души разных времен и разных народов, современники и участники великих событий, то почему они нам не сообщили ни одного ценного для науки исторического известия? А ведь казалось бы, чего проще: вместо того, чтобы рыться в архивах, копаться в земле, бесплодно спорить для выяснения какого-либо исторического события, вместо всего этого вызвать дух какого-либо авторитетного современника выясняемого факта и спросить его: как дело было? “Но попробуйте, говорит один исследователь спиритизма, вызовите, и кроме тягучих логических умозаключений да всем известным сведениям ничего нового от него не узнаете. Ясно, что тут неправда, подлог”^[54].

Затем и спириты признают, что смерть не изменяет нравственной личности человека, что любившие нас здесь на земле, не перестают любить нас и по смерти. Итак, если открыто средство для них вступать с нами в общение, то судите, какое волнение должно было бы произвести это открытие среди обитателей загробного мира! Любящая существа, разлученные смертью, друзья, матери, оторванные от детей, мужья – от жен, благодетели человечества – разве все они не устремились бы воспользоваться сим открытием и вступить с нами в общение? И однако очень часто бывает, что сидят-сидят спириты за столом, призывают-призывают духов, а духи иногда и совсем не являются, а если и являются, и даже заявляют, что могут говорить, то или говорят крайне неохотно, или же вовсе не говорят... Почему? Если это – души наших родных, знакомых, страстно нами любимых людей, то этого быть бы не могло^[55].

Религиозное учение спиритизма, в сопоставлении с христианским учением, как уже сказано выше, представляет самое опасное заблуждение, более ужасное, чем совершенное неверие. Это – дерзкое и страшное глумление над всем священным и спасительным, это учение богохульное и богопротивное. Оно – одних обольщает якобы ревностью о благе людей, других – будущю безнаказанностью за грехи, иных – обещанием высших откровений о загадочной области потустороннего бытия, чем соблазняются даже просвещенные умы. Такая доктрина заслуживает не опровержения, а осуждения^[56].

“Самое занятие спиритизмом, говорит один его исследователь, при наличии Божественного откровения, есть как бы недоверие к этому высшему источнику знания, есть вероломное нарушение обета верности своей вере и Церкви, есть отрасль волхвования, а вместе и нарушение первых заповедей закона Божия, запрещающих служение иным богам. А общение с падшими духами в спиритических сеансах, по слову Игнатия епископа Кавказского, есть прямое отступление от Бога. Вызывание духов святых Божиих есть грубое и дерзкое кощунство над христианством. А стремление спиритов исправлять (якобы) и очищать христианское учение ясно свидетельствует, что они *осутились умствованиями своими и, называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1, 21–22). Над ними исполняется апостольское изречение: *пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи* (2 Сол. 2,11). Вообще, невозможно в одно и то же время быть верным христианином и заниматься спиритизмом. Сами спириты не скрывают того, что их “духи” могут побуждать людей к преступлениям и мистифицировать тех, кто вызывает их из пустого любопытства. Ясно, что сами же спириты предостерегают своих последователей от возможности получить сообщение от злых духов, от демонов. Возможно ли признать такое откровение божественным? Они говорят, что Бог открывает им только сущность учения, а обработка принадлежит уже людям – их учителям: иной ведь так разработает учение, что от божественного ничего и не останется. Затем, занятия спиритизмом, расстраивая нервную систему, изнуряют здоровье, ведут к помешательству и самоубийствам^[57]. Ясно, что есть пути к знанию, на которых лежит свыше запрет, а тем дерзновенным, которые пытаются поднять таинственную завесу, грозит умопомрачение, болезни и смерть”^[58]. И поделом: не изменяйте Христу Спасителю, не идите за Его и вашим врагом – дьяволом. Св. отцы, изучившие все козни дьявола так, как никогда не придется изучить их современным мудрецам, говорят, что враг никогда не предлагает человеку прямо согрешить, ибо знает, что тот не пойдет на это, – а сначала увлекает якобы невинными мыслями, предлагает то, от чего не откажется грешный человек, даже доброе, лишь усыпить неопытного, а потом, когда тот доверится ему, делает из него что хочет и притом нагло смеется над ним. Так поступает он и в спиритизме. Спириты никогда не соблазнят и не смутят истинно верующую душу тем, что будто бы в их учении проповедуется любовь. Ах, как много, особенно в наше время, проповедников любви, которые хотят привлечь в свои сети простецов веры, чтобы потом напоить их ядом ненависти к Церкви и ея Богом поставленным пастырям! Если когда было благопотребно напомнить слово Апостола: *искушайте духи, аще от Бога суть*, то именно в наше время, а как искушать духов, учит тот же Апостол, Христу Богу возлюбленный: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть, и всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бот несть, сей есть антихристов* (1 Ии. 4, 1–3). Вот православные русские люди, которым встречались любители спиритических опытов, так и поступали: покойный граф Дмитрий Николаевич Толстой, например, сам рассказывал пишущему эти строки, что в бытность его губернатором в Калуге была особая мода заниматься спиритизмом или стологаданием; раз ему предложили участники этого занятия задать мысленно какой-нибудь вопрос гадателю. Следуя наставлению св. Апостола Иоанна Богослова, граф задумал вопрос: был ли Христос Спаситель Истинный Бог или только Человек? Если, рассуждал граф, дух не исповедует Иисуса Христа воплотившимся Богом, то сей дух не от Бога, а если не от Бога, то от врага Божия. “Долго ходил карандаш в руке медиума, – рассказывал граф, – много начертил он кривых линий, пока наконец упал из руки медиума. Стали тщательно

разбирать, что написано, но никто ничего не мог прочесть: были все какие-то каракули. Наконец, говорил граф, подошел я и издал, и чрез несколько человек, окружавших стол, стал всматриваться в то, что написано было на листе. Сначала я не понял ничего, потом вдруг меня как бы осенила какая-то мысль: я стал читать не самые черты, сделанные карандашом, а белые промежутки между этими чертами, и что же я прочел? – “Если мне не веришь, зачем меня спрашиваешь?”... И больше ничего. Я был поражен адскою хитростью ответа. С того дня я не позволял уже ни под каким видом заниматься стологаданием в своем доме”, – заключил граф. Вот как настоящий православный верующий “испытывает духов”, когда есть необходимость такого испытания^[59]. Подобный же опыт сделал и другой граф, Михаил Владимирович Толстой, как он сам рассказывает об этом в “Душеполезном Чтении” 1883 г.: “основываясь на словах Апостола Иоанна Богослова, я просил вступивших в общение с духом спросить его: исповедует ли он Сына Божия во плоти пришедшего? Этот вопрос остался без ответа, а когда повторили его, то тяжелый ореховый стол с треском двинулся почти на аршин вперед”... Замечательно, что такие люди, без всякого колебания совершенно прямолинейно рассуждают, что если происходит явление чудесного характера, обнаруживающее присутствие и действие духовной разумной силы, то непременно одно из двух: или тут действует сила добрая, ангельская, лучше сказать – Божия, или же Божиим попущением действует сила вражья, дьявольская. Именно дьявольская, с дьявольскою же и целию, например, чтобы внести путем лжи и клеветы вражду. Вот что рассказывает тот же гр. М. В. Толстой.

“Однажды мы сидели в доме тещи моей, княгини Волконской. Накануне она, с младшей дочерью, тогда еще девицей, была где-то на бале. Стали искать бриллиантовых серег, которые накануне надевала молодая княжна, но нигде не могли найти их. Нам предложили, в виде шутки, погадать о них на тарелке. Вышел следующий довольно длинный ряд вопросов и ответов.

Вопрос. Куда девались серьги?

Ответ. Украдены.

Вопрос. Кто украл?

Ответ. Дуняша.

Нужно заметить, что в числе прислуги было несколько женщин с именем Авдотьи; одну из них, няню детей неких Грязевых, всегда звали по отчеству Савельевной и почти не помнили имени, данного ей при крещении. Мы продолжали опыт.

Вопрос. Какая Дуняша?

Ответ. Савельевна.

Вопрос. Куда спрятала?

Ответ. Отдала племяннику.

Все знали старуху-няню за честную женщину, но из любопытства справились и узнали, что часа за два пред тем приходил к ней мальчик, племянник, пробыл недолго и ушел в большом смущении. Невольно возбуждилось подозрение против Савельевны. Между тем воротилась домой уезжавшая на целый день старшая сестра жены моей, А. П. Грязева.

– О чем вы тут хлопочете? Чего ищете? – спросила она. Мы рассказали ей историю о серьгах.

– Оне у меня в шкатулке, – сказала она, засмеявшись. – Я увидала их по утру на столе и нарочно заперла, чтобы не пропали.

Действительно, серьги оказались в шкатулке. Мы все были поражены искусно сплетенною клеветой, в которой не забыт и мальчик, поспешивший уйти от строгого выговора тетки за какую-то шалость. С того дня такая забава нам опротивела, и мы ее бросили”.

Известный в свое время А. С. Стурдза, живший в 50-х годах в Одессе, в своем письме к одной высокопоставленной особе писал вот что: “Раз на сеансе он предложил духу, с которым корреспондировал, три вопроса, написанных на бумажке, потребовав ответа именем Христа: 1) Веруешь ли ты в Иисуса Христа? 2) Боишься ли Его? и 3) Любишь ли Его? Ответы были такие: на первый вопрос: “Верую”, на второй: “Трепещу^[60]”, и на третий: “Не люблю”. – Кто же ты? – “Сатана”, – был ответ. Письмо это читал Д. В. П-та, занимавшийся тогда еще спиритизмом, и пожелал сам повторить опыт Стурдзы. На одном из ближайших сеансов он положил на стол перед медиумом свернутую в трубочку бумажку с теми же тремя вопросам. Руку медиума стала коробить какая-то сила, как бы стараясь сбросить досадливую бумажку. “Держите крепче руку!” – вскричал П-та. Тогда дух стал выражать жалобы на листе, лежавшем пред медиумом: “Какой ты жестокий! Зачем меня мучаешь? Возьми бумажку прочь!” Когда бумажка взята была прочь, дух стал выражать свое удовольствие: “Как мне теперь легко! Как хорошо!” Затем бумажка была опять положена; прежние жалобы возобновились. П-та потребовал теперь ответа на свои вопросы. Ответы были даны те же, как и Стурдзе: “верую”, “трепещу”, “не люблю”. Спрашивают: кто ты? Ответ: “сатана” и при этом прибавлено (разговор был на французском языке): “Я всегда близ вас, я хотел бы победить вас, но есть НЕКТО, защищающий вас”. Слово НЕКТО написано было очень крупными буквами.

На другой день П-та, имевший спиритические сеансы в своем кабинете, решился бросить заниматься спиритизмом, пригласил в свой дом священника; отслужен был молебен со водосвятием; комнаты, в том числе и кабинет, окроплены были святою водою. Несколько часов спустя, П-та, войдя в свой кабинет, увидел круглый стол, за которым обыкновенно происходили у него спиритические сеансы, весь смятым, скомканным, исковерканным (можно предположить, что на стол тоже упало несколько капель святой воды). Рассказ этот слышал я в 1886 г. из уст самого действующаго лица и тогда же записал буквально^[61].

Достойно замечания, что чем ближе верующий в Бога человек стоит к Церкви, тем опаснее и губительнее для него занятие спиритизмом. Как будто диавол, овладев волею такого человека, мстит ему за эту близость, издеваясь над ним.

Был у нас в Лавре иеромонах П., из священников, сильно тосковавший по временам по своей покойной жене. Назначенный в Петербург на чреду служения на митрополичьем подворье, он здесь познакомился с спиритами, которые предложили ему вызвать покойную его жену на свидание. Некоторые, более благоразумные из них же, удерживали его от этого опыта, говоря, что для духовных лиц это особенно опасно, но покойный о. П. не послушал их и, действительно, он увидел свою жену... Но вслед затем он совершенно утратил свою волю и предался пьянству, вследствие которого и скончался прежде времени^[62]...

“Сокрытое принадлежит Господу Богу нашему, говорит Священное Писание: а открытое нам и сынам нашим до века” (Втор. 29, 29). Всякое посягательство наше на сокрытое, всякая попытка приоткрыть завесу, которая точно и определенно отделяет от нас то, что Господу угодно было закрыть от нас, и крайне грешно, и безумно, и крайне опасно. Грешно, ибо это будет дерзновенная попытка похитить у Господа Бога ведение

того, что Ему было угодно до времени сокрыть от нас для нашего же блага; безумно, ибо возможно ли, мыслимо ли, вопреки воле Божией, открыть сокрытое Богом? Опасно: ибо там, где человек выходит из повиновения Богу, его подстерегает враг – диавол и готовит ему свои сети. Наконец, ведь, давно сказано Господом об упорных грешниках: еще Моисея и пророков не послушают, еще кто и от мертвых воскреснет – не имеют веры. Заметьте: не имеют веры не только каким-то духам или душам незримо говорящим чрез блюдечки и карандаши, но даже живым людям, если бы они встали из гробов своих: таково свойство грешного сердца человеческого, когда оно, поработившись греху, ослепнет и упорствует против истины Божией. Святой Златоуст говорит: “Истину того, что не слушающий Писания не послушает и воскресших из мертвых, доказали иудеи: так как они не послушали Моисея и пророков, то не уверовали и тогда, когда видели мертвых воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на Апостолов, хотя и многие восстали из мертвых во время креста. Чтобы тебе убедиться в том, что учение пророков более заслуживает веры, нежели рассказ умерших, обрати внимание на то, что каждый из умерших есть раб, а то, о чем говорит Писание, изрек Владыка. Поэтому, хотя бы мертвый воскрес, хотя бы ангел сошел с неба, более всего должны верить Писанию, ибо его дал в закон Владыка Ангелов и Господь мертвых и живых. Желаящие, чтобы мертвые приходили оттуда, требуют излишняго... Не будем желать услышать от мертвых то, чему каждодневно учит нас Писание. Если бы Бог знал, что воскресшие из мертвых могут принести пользу живым, то Он, устрояющий все на пользу нашу, не оставил бы и не опустил бы столь полезной вещи. Притом, если бы мертвые постоянно воскресали (или, скажем от себя, что в сущности то же, постоянно имели с нами общение чрез медиумов) и извещали нас обо всем тамошнем, то и это опять, с течением времени, было бы пренебрежено. Кроме того, и диавол весьма удобно ввел бы нечестивые догматы: он часто мог бы или показывать призраки, или, показывая некоторых притворно умерших и погребенных опять как бы восставшими из мертвых, чрез них уверять обольщаемых во всем, в чем бы ни захотел. Если ныне, когда нет ничего такого, нередко вводят в обман и обольщают многих ночные призраки, представляющиеся в образе умерших, тем более, если бы это было на самом деле и если бы в людях утвердилась мысль, что многие из умерших опять приходят сюда, злой демон устроил бы бесчисленные козни и ввел бы в нашу жизнь великий обман. Поэтому Бог заключил двери вечности и не позволяет никому из отшедших приходить сюда и рассказывать о тамошнем, дабы демон, воспользовавшись этим, не ввел чего от себя. Если бы это случилось, он под это старался бы подделаться чрез свои орудия, не на самом деле воскрешая мертвых, но обольщая зрителей какими-нибудь призраками и обманами или, как я уже сказал, представляя некоторых как бы умершими, и таким образом, все поворотил бы вверх дном и привел в беспорядок. Но Бог, предвидя все это, преградил ему путь к таким козням и, щадя нас, не дозволил, чтобы кто-либо приходил оттуда и рассказывал живущим о тамошнем, научая нас веровать более всего Божественному Писанию”.

Эти слова великаго святителя, полторы тысячи лет тому назад написанные, как будто для нашего времени: так поразительно применимы они к спиритам. Советуем в дополнение к ним прочесть одно из слов почти современного нам нашего русского златоуста, Иннокентия архиепископа Херсонскаго, сказанное им при служении на кладбище^[63].

Из записок г. Рускова: ответы духа лжи; мудрость простеца-христианина, изобличившего духа лжи; когда у духа “отнята сила”, он боится молитвы св. кресту; допрос духа с заклинанием именем Божиим. – Мое доброе слово спиритам.

В заключение рассказов о спиритах и спиритических невидимых деятелях, приведу выписки из записок простого русского человека, увлеченного в спиритизм и потом покаявшегося, г. Рускова. Записки эти мною были напечатаны еще в 1885 году в духовном журнале “Странник”. Он рассказывает, что в его присутствии и при его участии в сеансе одной его знакомой, которая, кстати сказать, вовсе не считала себя и медиумом, стол отвечал на все вопросы стуками, отвечал верно, точно, сколько кому лет, что стоит та или другая вещь, и т. п., – ходил по комнате, влезал на диван, на стулья, на стол, даже возил по комнате, в ящике без колес, восьмимесячную дочь рассказчика, причем ящик с ребенком привязывали к ножке стола веревочкой. “Все эти явления, приводили нас, говорит г. Русков, в решительное недоумение, чему приписать их? Недоумения эти скоро рассеялись. Из одной петербургской газеты мы узнали, что непонятные для нас явления называются спиритическими и производятся они не электричеством или магнетизмом, но душами умерших, которые сообщаются с живыми посредством стола”. После этого автор стал усерднее заниматься этими явлениями, приспособил азбучный алфавит и стал вести с духами самые разнообразные разговоры, пред началом коих всегда спрашивал: кто будет с ним говорить? Большею частию получались ответы, что говорят души его умерших детей и родственников. Замечательно, что в этих ответах звучат те же самые ноты, как и в сообщениях духов, о коих говорит Вагнер. – “Я прошу вас, говорит, например, дух ребенка: ради Христа, чтобы вы любили друг друга”. – “Будьте добры, милостивы и любите друг друга”, – говорит другой ребенок. Но как только вопросы касались не таких общих понятий, как только была опасность для отвечающего духа обличить себя самого, то он молчал или отвечал уклончиво, двусмысленно. На вопрос: что тому будет, кто добр и милосерд? – он еще отвечает: “Того ожидает рай Христа”. – А кто этого не исполняет? – на этот вопрос уже молчит. На вопрос: в чем ты одета? отвечает: “Мы безтелесны”, а на вопрос: когда мы поминаем вас в церкви, что вам бывает? отвечает: “Христос не велел об этом говорить”... уже в этом ответе слышится противоречие учению Церкви, противоречие учению о любви христианской. Церковь ясно учит, что великая бывает польза от поминовения умерших и скрывать этого нет надобности, а Христос Спаситель, конечно, желает, чтобы мы молились за усопших, поминали бы их, и Ему нет причин скрывать от нас пользы такого поминовения. Для кого желательно скрыть эту пользу – понятно... Но собеседник из загробного мира изобличил себя тем, что забыл, с кем имеет дело. Имей он дело с каким-либо интеллигентом, вроде г. Вагнера, он мог бы безопасно продолжать свои обманы: ученому мужу не пришло бы в голову, а если бы и пришло, то он счел бы это суеверием и устыдился бы того, чего не устыдился, а счел своим христианским долгом сделать простой русский человек, как только явилось у него сомнение в действительности сообщений со стороны умерших. А явилось оно так: в Великий Четверток на Страстной неделе 1883 г. приходит к нему его знакомый и говорит, что он сделал открытие: стоит только взять в руки карандаш, и он будет писать на вопросы все ответы. И тут же стал писать под влиянием “духа”.

– Мне, говорит г. Русков, показалось это обыкновенным писанием, а не то, чтобы происходившим под влиянием посторонней, невидимой силы. Поэтому я просил М. И. дать мне ответ посредством карандаша: могу ли я писать так же?

На этот вопрос карандаш, бывший в руке М. И., написал: “Ему (то есть, мне) нельзя: он принимал сегодня св. Таины, а чрез три дня можно будет”.

Никто из нас в то время не обратил внимания на то, почему принятия мною св. Таины могли служить препятствием “душам умерших” для сношения с нами?

Прошло три дня. На первый день Пасхи, после обеда, я взял карандаш и бумагу и сел к столу, чтобы испытать: будет ли и у меня писать карандаш сам? Не прошло и пяти минут, как я почувствовал, что указательный палец правой руки как будто слегка нажимается на карандаш, который и начал писать... С изумлением смотрел я на пишущий карандаш и думал: да неужели он пишет сам, без участия моей воли? Убеждаюсь, что карандаш, действительно, пишет сам!

А написал он тогда вот что: “Родные тебя скоро оставят, я буду твоим постоянным собеседником, каждый вечер буду писать и говорить, а теперь оставь”.

Я спросил мысленно: “Кто ты такой?”

Карандаш написал: “Оставь, теперь ничего не скажу”.

На другой день карандаш писал от имени моего знакомого, но не обнаружил желания писать много.

Дня через три г. Рускова просили спросить о чем-то духа; он взял карандаш, который написал: “После отдания Пасхи я буду писать и говорить с тобою, а теперь у меня отнята сила”.

Я спросил, рассказывает г. Русков, “Почему же на первый день Пасхи писал, а теперь нельзя?”

– “Тот одинок, я не знаю, как он осмелился писать”, – ответил мне карандаш.

Я опять спросил: напиши, кто отнял у тебя силу и кто ты такой?

На это карандаш ответил: “Ты требуешь невозможного и потому и не стоишь доверия”.

– Ты написал: “Тот одинок”. Кто такой одинок?

– Отстань, – написал карандаш.

Я опять повторил вопрос, на который карандаш опять написал: “Не напишу”.

Тут только мне пришла мысль, что такое значит написанное карандашом: “*после отдания Пасхи... Теперь отнята сила*”.. А ранее писал, что я не могу получать ответы по случаю принятия св. Таин?.. Тут что-то нечисто, подумал я: нужно еще испытать.

Придя домой, я тотчас взял бумагу и карандаш и сел к столу. Одной минуты не прошло, как карандаш начал писать: “Ты опять пристаешь, прошу теб...”.

Карандаш вдруг остановился, потому что в это время я начал мысленно читать молитву *Да воскреснет Бог*. Перестав читать молитву, я спросил: “Что же ты остановился?”

Карандаш начал было писать: “Я писал тебе, что б...”, но опять остановился, я опять начал читать ту же молитву.

– Что же ты не пишешь? – спросил я, – или боишься молитвы? Ответа не последовало...

– Напиши, кто ты такой? Если ты боишься молитвы, то значит ты никто другой, как тот, кто искушал Бога в пустыне?

И на этот вопрос ответа не было. Тогда я сказал: “Именем Бога всемогущаго требую написать: кто ты?”

Карандаш начал тихо наклоняться к бумаге и медленно написал: “Да, я тот, кто искушал Бога в пустыне”.

Это неожиданное открытие меня так поразило, что я вскочил из-за стола и бросил карандаш.

Жена спросила: “Что такое случилось?”

Я сказал ей, кто нам писал карандашом, который опять тут же взял и требовал написать: “Кто именно производил стуки в столе, приводил его в движение и отвечал на вопросы?”

Карандаш написал: “Я, злой дух”.

– Я требую, – сказал я, – чтобы ты оставил нас. С этого времени мы оставляем занятие со столом и карандашом.

Карандаш медленно и как бы удаляясь, написал: “Не приду...”

Первую букву большую, вторую меньше и т. д.; последняя буква “у” была написана очень маленькою.”

Любопытен рассказ г. Рускова о том, как он пришел сообщить своему знакомому м.и. о своем открытии. Он застал его за столом с карандашом в руках. “После того, как я рассказал ему, что было”, – пишет г. Русков, – карандаш в его руках немедленно написал: “А ты не верь Петру Евлампиевичу, что он тебе говорит”.

– Кто искушал Бога в пустыне? – спросил М. И.

Карандаш написал: “Возьми Евангелие да прочитай”.

– Мы знаем, что сказано в Евангелии, а ты сам напиши.

– Дьявол, – написал карандаш.

– Ты знаешь молитву: *Да воскреснет Бог*?

– Знаю.

– Напиши.

Карандаш стал писать, но вместо слов: тако да погибнут беси от лица Божия, написал: “такое да погибнут *грешницы* от лица Божия”.

Наконец, чтобы раз навсегда покончить с незримым корреспондентом, г. Русков предложил ему ряд вопросов с заклинанием: “Во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа требую: напиши, кто именно писал мне: буду твоим постоянным собеседником?”

– Я, злой дух.

– Ты писал: “Родные скоро тебя оставят”, разъясни эти слова.

– Люди о разных ответах прибегают к тому, чтобы прибегать к дьяволу и просить его сведений. Кончил!

– Нет, не кончил: напиши на вопрос.

– После.

– Не после, а теперь напиши.

– Кончил.

– Не кончил, а пиши на мой вопрос.

– Прошу пусти.

– Я тебя не держу. Отвечай, для чего ты так писал?

– Для того, чтобы скорее погубить.

– О каких родных ты писал?

– О каких – мне неизвестно.

– Если ты писал, значит тебе известно?

– Я прошу пусти.

– Ты, что сейчас пишешь, дьявол?

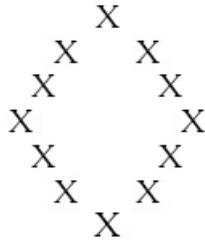
– Дьявол.

– Когда мы делали вопросы столу, кто давал ответы?

– Опять пристаешь?

– Не отстану, пока не напишешь.

- Чорт.
 - Значит, ты ложно назывался именами моих детей и знакомых?
 - Оставь.
 - Не оставлю, пока не напишешь.
 - Ложно.
 - Для чего ты это делал?
 - Гордость моя погубила меня, и я хотел, чтобы и вас погубить, а потому оставь меня одного.
 - Значит, ты увлекал для того, чтобы мы во всех случаях обращались к тебе чрез посредство стола и карандаша, а не к Богу, создавшему нас и весь мир?
 - Да.
 - Верно?
 - Верно.
 - Кто производит разные явления на земле, которые некоторые люди называют спиритическими, как-то: поднятие столов, явление рук, теней и пр.?
- Карандаш начертил такую фигуру: X

- Требую не рисования, а написать ответ на вопрос!
 - После объясню.
 - Не после, а теперь же!
 - После.
 - Теперь же пиши!
 - После объясню.
 - Пиши сейчас!
 - Отстань!
 - Не отстану, пока не напишешь.
 - Не напишу.
 - Не сам я, но именем Господа Бога требую: ты должен написать.
 - Дьявол.
 - Для чего производишь эти явления?
 - Для искушения людей и простираю свои дела на весь мир для того, чтоб... отпусти!
 - Напиши же, для чего?
 - Для погубления рода человеческого.
 - Значит, все спиритические явления производит дьявол?
 - Да.
- Так простой русский человек (г. Русков не из ученых людей, которым не приходит на ум, приступая к опытам спиритическим, оградить себя крестным знаменем и прочесть молитву *Да воскреснет Бог*) изобличил того, кто производит спиритические явления.
- Предлагаем защитникам спиритизма личным опытом проверить то, что сделал этот

неученный человек, проверить с верой не в силу самой веры, как какой-то силы духовной, понимаемой не по-христиански, а скорее – метафизически или просто – психологически: (они говорят, что вера есть сама по себе сила, а мы говорим, что вера есть смирение ума человеческого пред Божиим всеведением и премудростью; а это не есть сила, а только условие со стороны самого человека к проявлению *силы Божией*), а с верой в Бога, в Его бесконечную благодать и всемогущество, Его премудрость и святость, и тогда они сами увидят, что все эти “медиумические явления”, если в них нет простого человеческого обмана, что доказано не раз, суть только обман злого духа, дьявола, исконного врага рода человеческого. Вместо того, чтобы прятаться и отделяться полусловами, полунамеками, пусть гг. спириты прямо, без околичностей, откроют всему миру: веруют ли они в Иисуса Христа, яко воплощенного Бога? Согласны ли они признать авторитет Церкви, которую создал Христос и повелел ей повиноваться под угрозой отлучения? Принимают ли они слово Божие так и в том смысле, как его содержит Церковь Христова? Тогда и им виднее будет, что скажет им на это сама Церковь, сей столп и утверждение истины Христовой на земле, и сами увидят, имеют ли они право при нападках на них со стороны материалистов становиться как бы под защиту церковного учения. Ведь вот что особенно удивительно: на то, что я сейчас говорю, например, они с высокомерием ответят: “Какое мракобесие! какая нетерпимость, узость взглядов, односторонность, невежество! Уж слишком просто все повашему объясняется: бесовщина, и конец. Мы вам выставляем на вид “опыты многих лет”, факты, а вы твердите одно: бесовщина, и только! Это не научно, это не заслуживает даже опровержения – известное мировоззрение!” и т. п. Так, может быть, будут нам отвечать, если только “удостоят” ответа. А сами сознаются, что “в огромном большинстве случаев, в начале развития, явления спиритизма носят бессмысленный, детский характер”, что “интеллигентный, этический (!) характер этих явлений можно подметить в том, что “контроль” Евзапии – Джон Кинг в ее сеансах всегда вежливо обходится с людьми верующими (т. е. с спиритами) и грубо с скептиками: я был свидетелем, говорит г. Вагнер, как он (контроль) щипал, толкал и бил таких скептиков, – на одном из сеансов он надел на головы двум из них легкие плетеные стулья”: хорошие признаки “этики” духов! И это говорится серьезно, как подобает ученому! А вот ему приводят не менее серьезные факты из той же области спиритических явлений, и он будет их отрицать или просто замолчит, потому-де, что “меня там не было, они научно не проверены!”... Но ведь вам никто не мешает повторить все эти опыты самим: оградите себя крестным знамением, помолитесь поусерднее Господу Богу, чтобы Он избавил вас от искушения вражьего, открыл бы вам путь к познанию истины, и, приступая к беседе с “духами”, прочтите молитву *Да воскреснет Бог*. Если нужно будет во имя истины, не ради “научной” истины, а ради спасения ваших душ, можете с благоговением произнести и то заклинание, какое произносил г. Русков. Кто вам мешает, гг. спириты? Разве только гордость и ложный стыд? Но во имя истины надо и то и другое отринуть с мужеством, подобающим христианину и даже просто всякому уважающему себя человеку. Истина одна: если не стыдитесь научно исследовать “бессмысленные явления”, то почему не употребить средство, заповеданное Апостолом? Ужели исполнить совет Апостола для вас стыдно? Тогда какие же вы христиане? Только помните при этом, что имя Господа Иисуса Христа надобно произносить с верою и смирением: иначе и с вами может случиться то же, что случилось с сыновьями одного первосвященника иудейского, которые дерзнули призывать имя Господа без веры в Его Божество. Евангелист-дееписатель Аука повествует, что во время пребывания Апостола Павла в Коринфе эти заклинатели стали

употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома (Деян. 19,13–16).

Мы просим, мы требуем, чтобы спириты не прятались, а открыто исповедывали свое учение, доказывали его, сличали с учением христианским и спокойно выслушивали, то что скажет им Церковь в лице своих пастырей и учителей. Тогда, Бог даст, спадет пелена заблуждений с их очей, и они ясно увидят, куда их завлек дух лжи и лести, дух противления Христу, нашему Спасителю.

VI

Две новых книги о духовном мире. – Мнения и предостережения увлекавшихся спиритизмом оккультистов и теософов. – Три силы, действующие в спиритизме. – Наиболее страшная из них – сатанинская. – Гипноз сатаны над учеными исследователями спиритизма. – “Дивеса” спиритизма. – Спиритическая теория “любви”.

Мои дневники о спиритизме были уже набраны и сверстаны, когда я получил две весьма интересные книги, касающиеся духовного мира: “Темная сила” М. В. Лодыженского и “Спиритизм перед судом науки, общества и религии. Лекции-беседы” В. П. Быкова. В первой книге спиритизму уделена одна глава, в которой почтенный автор приравнивает это занятие к колдовству. Явления спиритизма, по его убеждению, когда они не являются обманом, суть действия той темной силы, о которой трактует его книга. Достойно особенного внимания приводимое им мнение известного оккультиста доктора Розье о спиритизме: “Вызыватель духов, говорит Розье, должен быть все время в напряжении, никогда не изменять твердой воле и быть недоступным страху. Он имеет дело с слугами очень упрямыми и всегда готовыми к возмущению. Его положение подобно положению укротителя диких зверей в клетке. Поэтому существует поговорка, что “диавол рано или поздно свернет шею колдуну”.

В той же книге мы читаем мнение о спиритизме известного оккультиста Франца Гартмана. “При занятиях спиритизмом, пишет он, неосторожному экспериментатору угрожает потеря рассудка и свободной воли или нечто еще худшее: ужасная перспектива вступления на путь “черной магии”. Ибо скотския бесовския влияния астрального мира стоят гораздо ближе к среднему человеку, чем влияния, исходящая от обитателей мира небесного; а тот, кто открывает доступ таким дурным силам, не будучи в состоянии сам подчинить их себе, тот, в конце концов, сам подпадает их господству. Ему тогда уже не избавиться от вызванных им духов”. А вот что писала известная основательница теософического общества г. Блаватская о спиритизме, которому она предавалась сначала сама с большим увлечением: “Если бы спириты видели, что я часто видела, как уродливое безплотное создание иногда набрасывается на кого-либо из присутствующих на этих волхвованиях спиритов! Оно окутывает человека будто черным саваном и медленно исчезает в нем, словно втянутое в тело его каждой порой”... Все это голоса людей, когда-то преданных учению спиритизма, изучавших его до тонкости, а следовательно,

познавших опытом весь вред, всю опасность этого увлечения. И в этих свидетельствах нельзя не видеть участия злой, темной силы в явлениях спиритизма, хотя те, которые свидетельствуют об этом, сами не свободны были и остались под этой темной силой. Блаватская, как известно, отреклась от Христа и перешла в буддизм, который в духовном отношении представляет собою царство сатаны.

Другая книга, полученная мною, всецело посвящена учению спиритизма, его разбору, обличению и опровержению. Обозрев историю этого заблуждения с первых дней бытия мира, автор указывает три силы, действующие в спиритизме: естественную психофизиологическую силу самого человека, затем силу корыстных побуждений человека (обман, подделки, симуляция) и, наконец, главную силу – силу сатаны. Первые две силы не имели бы тех печальных последствий, к каким приводит занятие спиритизмом, если бы не овладевала теми силами третья сила – сатана. “На почве маленького человеческого обмана, – говорит автор, – на почве самовнушения, галлюцинаций, гетеровнушения, гипнотических внушений, на почве коллективной психической заразительности, даже на почве научных исследований проявляет себя эта темная сила и, развиваясь и расцветая до самых пышных форм, дает яркую картину мировой борьбы в охваченных этой силой людях, борьбы с Богом и с святою Церковью, и в этой борьбе губит обманутых ею и обманывающих других ее невольных служителей”. Участием темных сил автор объясняет необычайность и необъяснимость некоторых явлений, которые, действительно, находились вне возможности какой-либо подделки; всевозможные противоречия; шутки, насмешки, имеющие определенную целию подорвать у человека веру во все святое; предсказания, которые, большею частию, не сбываются, но в результате своем приводят человека к страшным последствиям отчаяния; поразительные факты захватывания какой-то неотразимой силой человеческих душ, в виде гипноза тех лиц, которые подходили с самочинным и смелым желанием открыть обман в спиритизме и, как будто по какой-то злой насмешке, оставались там навсегда, делались приверженцами учения, носителями его, даже апостолами. И чем больше такие люди отдавались спиритизму, тем в большей степени развивалось в них какое-то ужасное упорство, так что, когда многие из друзей этих ученых людей (Бутлерова, Вагнера, Цельнера, Вебера, Араго, Фарадея, Тиндаля, Фламариона и др.) выступали с попыткой вызвать в них просветление, они становились на почву ярой защиты того учения. А что более всего убеждает в том, что главным деятелем в спиритизме является сатана, – это постепенное, не всякому заметное, но неуклонное, с изумительной последовательностью, методичностью, проводимое стремление подорвать веру во Христа Спасителя как истинного Бога и подменить религию христианскую спиритизмом, который представляет собою не что иное, как религию сатаны. Участие злых духов в явлениях спиритизма признавали даже сторонники спиритизма, такие ученые, как профессора Фехнер, Перти, наш Бутлеров и др.

В. П. Быков приводит множество фактов как из своей практики, так и из жизни спиритов, фактов, строго проверенных, показывающих участие злых духов в сеансах спиритов. Не говоря уже о разных “дивесах”, вроде возвращения в целом виде письма, предварительно разорванного и выброшенного из окна поезда, или истечения воды из обыкновенной двери. Час в час, минута в минуту на сеансе спиритов было объявлено начало японской войны в виде точного изображения картины предательского нападения на наш флот в Порт-Артуре. Когда, говорит Быков, на другой день в 12 часов дня появились телеграммы об этом событии, у читающих их участников вчерашнего сеанса,

как говорится, волосы вставали дыбом от изумительно точного совпадения между переданного медиумом и этою роковою телеграммой. За несколько месяцев до убийства покойного министра внутренних дел В. К. Плеве на одном из сеансов медиумом в ярких и точных чертах была воспроизведена картина этого убийства без указания имени и общественного положения личностей. И тысячи других, подобных сему примеров. Доходило дело до того, что мы, говорит В. П. Быков, о результатах некоторых сеансов боялись говорить за пределами своего кружка из опасения, чтобы нас не сочли в иных случаях не только лжецами, а даже сумасшедшими, а в других – из простого опасения навлечь на себя самые неожиданные неприятности. Одною из тонких хитростей сатаны в спиритизме является какое-то заботливое указание на недостатки духовенства; “Не правда ли, замечает г. Быков, – какая тонкая сатанинская политика?”... А цель ея, конечно, – дискредитировать Церковь, чтобы удалить от нея увлекающихся спиритизмом, а потом сделать из них – врагов ея, врагов христианства...

Должно обратить особенное внимание на проповедуемую “духами” сатанинскую теорию любви. “Любовь, говорят они, какая бы она ни была и на какой бы почве ни создавалась, – самый лучший фактор для проявления феноменов самого высокого порядка. И плотская любовь (читай: похоть) даже лучше, ибо в сфере ея находится наибольшее количество “предсуществующих” душ, которые с нетерпением ждут, теснясь около друг друга, слияния двух любящих сердец, как давно ожидаемого момента для своего нового воплощения и желанного появления на земле”... Понимаете ли вы, читатель, к чему клонит эта теория? Чем больше будет плотских совокуплений, тем это приятнее для “духов”, жаждущих “перевоплощения”, стало быть: блуд, прелюбодеяние – вовсе не грехи: это – служение “духам”... “Эти духи похожи на тот длинный хвост людей, выпущенных из тюрьмы, которые стоят у выходной калитки, в беспорядке толпятся, сбиваются с очереди, стремясь опередить один другого в тот момент, когда властная рука любящих сердец “ключом любви” откроет им заветные двери перевоплощения”... Страшно становится за спиритов, читая эти откровения: как мерно и верно ведет их сатана в объятия разврата! И в таких именно кружках, по свидетельству г. Быкова, особенно обаятельны чудеса и феномены, ибо эти самые духи находятся в состоянии полной готовности, полного подчинения обращающихся к ним их “телесных друзей”, в свою очередь готовых на всякия мерзости разврата... Само собою понятно, что обо всем этом тщательно замалчивается спиритами.

VII

Хитрость сатаны

В заключение позволяю себе привести еще один факт, подробно описанный в книге г. Быкова. Случай этот поразительно раскрывает самый метод сатанинского подхода к человеческой душе, способ вовлечения в его когти и коварный прием сталкивания человека в пучину гибели.

“Довольно известный финансист М., уже в преклонном возрасте, около 62–63 лет, теряет свою подругу жизни – жену.

Не имея детей, привязавшись за время 35-летнего совместного жительства к этой хорошей женщине всеми силами своей души, М., несмотря на всю свою религиозность, на глубокую веру в Божественный Промысл, впал в страшное отчаяние.

Он ни на одно мгновение не хотел и мысли допускать о том, чтобы его друг так-таки навсегда покинул его.

Нужно быть такому греху, что когда еще покойная была на столе, один из сострадавших М. в его утрате, желая впасть в тон основной мысли М., сказал ему, что он совершенно прав, Екатерина Александровна не умерла, она только перешла в новую форму бытия и находится и всегда будет находиться около своего осиротевшего мужа. Если же он, М., пожелал бы убедиться в этом, он может представить ему возможность попасть в среду таких людей, которые называются спиритами и которые знают способы общения с нашими умершими друзьями. Они вызовут осиротевшему М. его дорогую жену, и он будет иметь возможность беседовать с ней.

Сыгравшему, вне всякого сомнения, в этом случае бессознательно, роль помощника сатаны, добросердечному советчику удалось сразу захватить внимание М., и последний в этот же вечер был уже на спиритическом сеансе одного из крупных спиритических кружков.

Появилась покойная жена, говорила потерявшему нервное равновесие мужу, конечно, через медиума, красивые слова; напомнила два-три интимных момента из их совместной жизни и сказала ему, что с сегодняшнего дня она будет регулярно посещать его, и, если он запасется карандашом, планшеткою или блюдечком, она даже может вести с ним беседу.

На следующий же день М. в восемь часов вечера окурив всю комнату ладаном, конечно, по совету своих новых друзей, “опытных спиритов”; положил на стол лист бумаги, на него планшетку, на планшетку свою руку и стал с благоговением ожидать обещанного духовного свидания.

Через короткий промежуток времени планшетка задвигалась, и, хотя М. старался держать на ней свою руку возможно легче, ни о чем не думал, дабы так или иначе не оказывать своего личного влияния на этот бездушный аппарат, на листе оказалось написанным: “Это я – Катя”.

Наученный *опытными* спиритами, М. торжественно встал и, не снимая с планшетки руки, громко спросил: “Исповедуешь ли ты и признаешь ли Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего во плоти?”

Получился утвердительный ответ: “Да”.

Почти все спириты поголовно верят в то, что для различения на спиритических сеансах низменного, шаловливого, неверующего духа от духа покровителя, достаточно предложить духу указанный выше вопрос о признании Господа Иисуса Христа Сыном Божиим, чтобы по полученному ответу судить, кто именно находится посреди них из незримых посетителей: высокий дух или дух заблуждения”.

Считаю нужным остановиться на этих словах почтенного В. П. Быкова. Он называет “такой способ контроля над духами *совершенно неумным* пониманием” слов Апостола Иоанна Богослова, который именно этот способ указывает к “различению духов” в своем послании. Из всего, что говорит книга г. Быкова о спиритах, а равно, что приходилось читать о них в других сочинениях, можно заключить, что спириты относятся к слову Божию слишком легковверно, понимают его поверхностно, по букве, не вникая во внутренний его смысл. А в таком случае и поставляемый ими духу “контрольный” вопрос, хотя и берут из слов Иоанна Богослова, но произносят сии слова как слова известной формулы своего ритуала, заранее предрешая, что их “духи” ответят на вопрос утвердительно. В этом случае они делают то же, что иные христиане, когда творят крестное знамение небрежно, – без глубокой веры и должного благоговения: об этом

давно сказано, что такому “маханию беси радуются”. Но мы видели выше, что когда слова Апостола приводились для подобного же “контроля духов” верующими сынами Церкви (два графа Толстых, А. С. Стурдза, П-та), приводились во исполнение заповеди Апостола, с должным благоговением и верою, то “духи” уклонялись от прямого ответа. Справедливо, что бесы “веруют и трепещут”, что и в Евангелии они многократно исповедали Господа Иисуса Христа Сыном Божиим, а потому они могут и теперь, для сокрытия своей хитрости, отвечать на “контрольный” вопрос спиритов утвердительно, тем более что сами спириты, в сущности, кажется, не придают большого значения такому контролю. И это, конечно, нельзя назвать “умным пониманием” текста послания св. Апостола. Слова Св. Писания даны нам не для каких-то мистических, чтобы не сказать – волшебных опытов, и употреблять их в качестве формулы для контроля над какими-то неизвестными существами, с которыми Церковь не позволяет иметь общения, – то же, что призывать имя Пресвятыя Троицы или творить крестное знамение при суеверных обрядах. Недавно в С. Синод была прислана с Дальнего Востока целая тетрадь протоколов заседаний какого-то спиритического кружка, где на каждой странице, при каждом вопросе духу упоминалось многократно крестное знамение и разные молитвенные слова; тем не менее, такое смешение святого с грешным, с волшебством, каким мы признаем спиритизм, – есть тяжкий грех, и только. А где грех, там и благодатные средства, недостойно и без благоговения, так сказать механически употребляемые, служат не во спасение, а к сугубому осуждению. Что касается замечания В. П. Быкова о том, будто слова св. Апостола Иоанна о различении “духов” относятся только к людям – учителям и не могут относиться в собственном смысле к духам, то такое толкование без всякой нужды только суживает смысл слов Евангелиста: мы видели, что с верою поставляемый его вопрос ставил и духов в видимое затруднение...

Но возвращаемся к продолжению рассказа г. Быкова о беседе М. с духами.

“Очевидно, М. с первого раза, несмотря на постановленный им контрольный вопрос, мало доверял полученному ответу на него и сомневался, чтобы около него сейчас находилась Катя, так как вслед за вышеуказанным вопросом поставил новый: “Если ты действительно Катя, то ты дай мне, для подтверждения этого, более яркое доказательство”.

Дух Кати отвечал: “Ну вот и отлично. Кстати, я и пришла для этого. Ведь ты ничего не знаешь, что находится в моих комодах?.. А я тебе скажу вот что: не сегодня – завтра начнутся дожди и холода (дело было в середине осени). У тебя простужены ноги. Так ты сейчас же перерви эту беседу со мной, пойдешь в мой комод, отодвинешь второй от низу ящик и налево, внизу, на самом дне найдешь три пары только что связанных мною тебе шерстяных чулок, серых с синими полосками. И с завтрашнего дня начинай носить их”.

Перерывается беседа с планшеткою. М. со всех ног бросается к указанному комоду жены; открывает указанный ящик, находит на своем месте те чулки, о которых только что говорила ему его умершая жена, о существовании которых он, действительно, никогда не знал.

И он не только поверил, что с ним говорит именно его жена; а даже пришел в какое-то благоговение, в какой-то невыразимый восторг.

С этого момента для М. сомнения в достоверности беседующей с ним его жены не существовало.

Сеансы с последней вошли в обычный строй жизни осиротевшего мужа.

Сначала он беседовал с своей умершей женой два раза в неделю. Потом стал беседовать три раза. Потом через день; наконец, каждый день. И эти последние беседы, начиная с семи часов вечера, продолжались до семи, восьми часов утра. Так что он, незаметно для себя, перевел ночь на день, а день на ночь; и жил только лишь ожиданием каждой следующей беседы.

Много в это время было переговорено. Много было вспомнано. И, при этом, большая часть бесед отводилась на обсуждение вопросов о религии, о необходимости частаго посещения храмов Божиих; о необходимости выполнения всех церковных обрядов. Так что, по выражению самого М., в эту счастливую для него пору, он чувствовал, как он духовно рос, как он одухотворялся.

А уж о каких-либо сомнениях не было и речи.

Но вот вдруг, совершенно неожиданно для него, однажды, вместо жены, к нему появляется дух... преподобнаго Сергия.

М. было оторопел, но угодник объяснил ему, что он за последнее время, зная давнишнюю любовь М. к себе, довольно часто приходит на его беседы с женой, с наслаждением слушает их и умиляется. И все это, наконец, побудило его самого вступить в беседу с М. Появившаяся вслед за преподобным Сергием Екатерина Александровна, так сказать, удостоверяла личность преподобнаго Сергия, и М. получил новаго собеседника.

Преподобный так увлек М., что совершенно вытеснил из беседы с ним его жену, и М. даже как будто довольно легко примирился с ея отсутствием.

Необходимо заметить, что М. был очень состоятельный человек. Одно время он был биржевым маклером, потом довольно долгое время очень удачно спекулировал на биржевой игре, но уже лет за десять до этого эпизода все это бросил и жил на свой личный капитал.

Не имея, как я сказал выше, детей, будучи человеком религиозным, ведя такую скромную жизнь, которая лишала его возможности даже проживать проценты с капитала, он очень часто делал довольно крупныя пожертвования в бедные монастыри, приходы.

Беседы с преподобным Сергием, открывая ему все новые и новые горизонты в области духовнаго тайноведения, так захватили М., что он приканчивал эти беседы иногда далеко за полдень.

Но вдруг, в один из вечеров, вместо обычной темы разговоров, преподобный Сергей говорит М.: “Купи завтрашний день на 38 тысяч акций Рыбинске-Бологов-ской жел. дороги, через 23 дня продай их, и ты на эту сумму наживёшь 21 456 руб. 84 копейки”...

М. с ужасом отбросил планшетку и осенил себя крестным знаменiem.

Преподобный Сергей и... биржевой ажиотаж!..

Впервые, за всю свою спиритическую практику, М. столкнулся с мыслью, что “здесь что-то неладно”.

Но спустя час или полтора часа он снова усаживается за планшетку и получает приблизительно такую отповедь от преподобнаго Сергия:

“Как тебе не стыдно иметь такую слабую веру? Ведь, если бы с тобою говорил какой-либо другой дух, то он, несомненно, огорченный тобою, ушел бы и никогда не вернулся к тебе вновь и даже мог лишить тебя навсегда *сладоcти общения* с потусторонним миром... Но я понимаю твою верующую душу и спешу придти к тебе на помощь. Выслушай меня терпеливо. Я предложил тебе эту комбинацию не для тебя – нет, а для того, чтобы исполнить просьбу обращающихся ко мне насельниц С-каго женскаго монастыря. Ты выиграешь эти деньги и все их отошлешь от “неизвестнаго” этому монастырю. К тебе же я

обратился с этим потому, что, во-первых, мне, благодаря продолжительным нашим беседам, легко поручить это дело тебе, а, во-вторых, потому, что ты знаком с вашими мирскими, на этот предмет, распорядками”...

Услышав это, М., залился слезами раскаяния, и, конечно, преподобный Сергей простил его.

В указанное время бумаги были куплены и проданы. Точь-в-точь получилась такая прибыль, какая была указана преподобным Сергием, и деньги были отправлены по назначению.

Снова начались обычные духовные беседы на обычные духовные темы.

Спустя некоторый промежуток времени, М. было дано опять поручение такого же характера.

Все было исполнено.

И опять с тою же математической точностью во времени и в сумме.

Потом опять обычные беседы.

Потом снова заказы.

И все это последовательно, “по-хорошему”, как говорит простой русский народ.

Наконец, дух преподобного рекомендует М. для того, чтобы иметь постоянно наготове на случай экстренной помощи и благотворительности определенный капитал, так как-де “бывают случаи, что острая нужда не может подолгу ждать помощи”, спекулировать на различных ценных бумагах, по его указанию, более часто, – с тем, чтобы вся прибыль от спекуляции являла собой фонд для помощи нуждающимся.

И... понемногу М. втянулся в биржевой ажиотаж и уже вел жизнь так: день на бирже, а вечер в беседе с духами. Биржевая игра носила необычайный, по выигрышности и удаче, характер.

Через три года состояние М. в 2 ½ миллиона удвоилось. Играл на русских и на иностранных бумагах; играл на гарантированных и на негарантированных.

И на всем выигрывал.

Но в одно прекрасное время дух рекомендует на все имеющиеся у М. деньги купить каких-то бумаг американского фондового рынка, на которых он мог еще удвоить свое состояние.

Само собою разумеется, с трогательной пунктуальностью было выполнено и это поручение угодника; а через полгода все это предприятие, бумаги которого были куплены М., вылетело в трубу, и у него от многомиллионного состояния осталось что-то немного более 150 тысяч.

Когда же М. сел за планшетку с просьбой объяснить, как должно отнестись к этому факту, планшетка непрерывно писала только лишь два слова: “Хаха... ха-ха”...

М. вполне правильно рассмотрел в этом начертании сатанинский хохот.

Минуту спустя он услышал этот хохот в своей собственной душе, в своем собственном сердце.

Затем вокруг себя, во всей своей комнате, во всей своей квартире....

.....

И если бы случайно не вошла в его кабинет перед утром прислуга, М. не сообщил бы нам этого эпизода, унеся его с собой в тот мир, с которым он так добросовестно, с такой верой вступал в общение, так как его нашли повесившимся на шнурке в своем кабинете.

Конечно, немедленно вытащили старика из петли и привели в чувство.

Шесть лет пролежал он после этого в параличе; теперь поправился, жив и посейчас, но к спиритизму относится так: если кто желает получить от него оскорбление действием, то такому любителю нужно только в присутствии М. произнести слово “спиритизм”.

Послепись. Некто, подписавшийся “простец” (а из письма видно, что писал вовсе не простец, а человек образованный), хочет уверить меня, что “спиритизма в сущности не существует, что это – одни лишь фокусы шарлатанов” и пр. Жаль, что автор прячется за аноним и не сообщает своего адреса: можно было бы ответить ему подробнее письмом, а писать особую статью для печати вновь не стоит. Ужели автор думает, что сатана так прост, что вот так и откроет себя “ученой комиссии”, исследовавшей спиритизм? Разумеется, это не в его интересах. Я в свое время следил за работами этой комиссии и заранее предсказывал, что сатана проведет ее отлично, спрятавшись за шарлатанство. Писал я тогда проф. Вагнеру по сему поводу, но увы – по обычаю наших “ученых” не удостоился ответа. Пусть автор письма без предубеждения прочтет две указанные мною выше книги – *Лодыженскаго и Быкова* – оне освобождают меня от ответа на его письмо.

Не могу не заметить, что писать анонимно мне, подписывающему свое имя, по меньшей мере, неблагоприятно... Зачем прятаться, когда имеешь дело с человеком, открыто выступающим в печати? Ужели автор подозревает меня – архиерея – в чем-либо для него, автора, неблагоприятном?.. Не учит ли и его все тот же адский фокусник так поступать, чтоб сего фокусника не вывели на чистую воду?

Наши скорби – крест от руки Христовой

Многи скорби праведным, многи раны грешным, говорит слово Божие (Пс. 33, 20; 31, 10). От скорбей никто никуда не может укрыться. Потому и земная наша жизнь нередко называется *юдолою плачевной*. И много книг написано в утешение скорбящим, и все же сии скорбящие просят утешения и будут просить дотолѣ, пока придет Сам Утешитель – Христос Спаситель и отрет слезы всех, кто призывает Его в скорбях своих, – придет и позовет всех таковых в царство Отца Своего Небеснаго, уготованное им от сложения мира. *Блажени плачущий, яко тии утешатся* утешением радости нескончаемой – вечной.

Нередко получаю я письма от скорбящих, – а их так много в наши многоскорбные дни, – и из сих писем видно, что многие люди, верующие, ищущие Бога, в то же время младенчествуящим умом своим, пускаются в суждения, которыя выше меры их разумения, а в деле духовной жизни даже излишни... Вместо того, чтобы в простоте сердца предавать себя в волю Божию, упокоившись на твердом убеждении, что Бог выше сил скорбей нам не посылает, что если посылает, попускает, то лишь по безмерной любви Своей к нам грешным, что Он же и силы подает к перенесению сих скорбей, – вместо сего дают волю своему смыслению и начинают ставить себе вопросы: что, как и почему?.. Вот одно из таких писем.

“Как надо переносить скорби, особенно духовныя? – Надо терпеть и даже благодарить Бога за них. Но благодарить разве может за них грешник? Не будет ли это дерзостью с его стороны? Благодарить Бога за скорби – не удел ли святых?”

Казалось бы, если Церковь учит благодарить Бога за скорби, если это заповедуют все подвижники, то к чему этот вопрос? Сказано, благодари – и нечего рассуждать, нечего ставить вопросы, значит вовсе не “дерзость”, если так учат люди духовно опытные. Нет ни одного праведника, который считал бы себя святым, а они благодарили Бога за скорби и нас тому же учат: значит, это – не грешно, а должно. Ведь это только сектанты, штундисты, баптисты да лютеровы последователи называют себя “святыми”, а все праведники считали себя искреннейшим образом самыми последними грешниками. Вспомните Апостола Павла, что он говорит о себе: *от нихже*, то есть из грешников, *первый семь аз*. А если бы кто дерзнул помыслить о себе, что он праведник, то он-то и оказался бы самым грешным человеком, как зараженный гордынею и самооправданием. Итак: благодарить Бога за скорби должен всякий христианин, – нужно только, чтобы он делал это в сознании своей греховности: “поделом мне, Господи, еще не того стою, Боже мой!”

Но вот другой вопрос:

“Как я могу благодарить, когда на сердце такая теснота и холод от переживаемой скорби, и я притом же не могу понять ея пользы?”

В том-то и беда наша, что мы все хотим “понять” да взвесить, а не отдать себя всецело, по-детски, в руки Божии. Да если бы на сердце не было “тесноты и холода”, то ведь и самой скорби не было бы. А вот сделай над собою усилие, принудь себя открыть и показать Господу свое сердце, пожалуйся Ему на эту “тесноту”, на этот “холод”, да пожалуйся-то в простоте детского сердца, так и скажи Ему, Сердцеведцу: “Ты, Господи, знаешь, как мне тяжело, как мне холодно – смилуйся надо мною”, и тебе легче станет на душе, особенно если при этом искренно, без малейшей тени самооправдания, найдешь –

не в людях, а в самом себе причину этой холодности, этой душевной тесноты. А сознав свою вину, как не поблагодарить Господа, что Он вразумляет тебя скорбью, призывая тебя к покаянию? Что такое скорбь душевная, как не удаление от души благодати Божией, по грехам нашим? Благодать, как добрая мать, учит нас ходить по пути заповедей Божиих: как мать, поставив дитя на пол, оставляет его без поддержки и, отступив на шаг, манит его к себе, так и благодать Божия иногда как бы отходит от нас на время, чтобы мы познали опытом скорби, как она нам необходима в духовной жизни. И когда человек познает свою вину, а вместе и свою немощь в борьбе с нашедшим на него искушением, то смирится, а смиренным-то и дается благодать. Когда же она возвратится, то и сердце согреется, и тесноты не будет на душе. Так учат отцы-подвижники, так пишет святитель Феофан Затворник в своих безценных письмах о христианской жизни.

Ты скорбишь, ты страдаешь душою и не видишь исхода из этой скорби?.. Но представь себе, что вот явился тебе Сам Господь Иисус Христос и предложил тебе из Его собственных рук принять крест, какой Он на тебя возложит: ужели ты отказался бы от этого креста? Слышишь, что Он говорит: *еще кто хочет по Мне ити, да возьмет крест своей и по Мне грядет...* Без креста нельзя идти за Христом, нельзя быть христианином. А крест и есть те скорби, какие Бог попускает нам в жизни. Господь нес Свой всемирный крест и умер на нем: и христианин должен нести свой крест, дабы быть участником страданий Самого Христа Спасителя. Некогда Симон Киринейский нес за Господом крест: так и каждый из нас, неся свой крест скорбей, должен неуклонно идти за Господом, подражая сему Симону-крестоносцу. Он нес крест Христов, но и наши кресты, в сущности, все объединяются в кресте Христовом, и не будь креста Христова – никому из нас не понести бы своего креста. Христос понес и несет все наши кресты, если только мы не разлучаемся с Ним, нашим Спасителем и Искупителем, если целуем мысленно Его десницу, возлагающую на нас наши кресты. Господь, по неизреченной благодати Своей, благоволил породниться с нами, восприяв естество наше и воплотившись от Марии Девы; Он и нас роднит с Собою, питая нас телом и кровию Своею в таинстве святого Причащения. Но Он хочет, чтобы мы были и причастниками креста Его, Его страданий, хотя в некоей малой мере, посильной естеству нашему, а посему и возлагает на нас кресты, на каждого противу силы его. Он хочет, чтобы мы своею доброю волею, своим усердным произволением, как свободно разумные существа, участвовали в деле нашего спасения, дабы, искупленные честною кровию Его, могли делом показать любовь свою к Искупителю нашему. Не по мере беззаконий наших, а по мере отеческой любви Своей к нам, грешным, Он возлагает на нас кресты скорбей и каждую минуту готов помочь нам в несении сих крестов, помочь Своею благо датию. Хорошо понимал это великий страдалец ветхозаветный Иов и потому говорил: “Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай” (Иов. 5, 17). А великий Апостол Христов Павел свидетельствует, что кого Господь любит, того и наказывает, бьет же всякого сына, которого принимает. В наказаниях, в скорбях, Апостол видит признак отеческой любви Божией: “Если вы терпите наказание”, – говорит он, – “то Бог поступает с вами, как с сынами, а если остаетесь без наказания, то вы незаконные дети, а не сыны. (Евр. 12, 6–8). А если так, то как же не лобызать нам десницы Христовой, возлагающей на нас знак отеческой любви Его к нам, как не благодарить Его за скорби, которые Он попускает не в меру беззаконий наших, а лишь в меру Своей любви, дабы дать нам возможность и с своей стороны явить любовь свою к Нему, нашему Искупителю и Спасителю?.. Он есть

Глава тела Церкви, мы – члены сего тела Христова: если Глава страдала, то подобает спострадать и членам тела.

Есть тайна в несении креста христианином, тайна, постигаемая не столько умом, сколько сердцем его, – именно: когда человек предает себя Богу и приемлет скорби с благодарением, то в его сердце является благодатное утешение и крест превращается для него в лестницу, возводящую на небо. Как крест вещественный слагается из пересечения двух линий, так крест духовный слагается, в сущности, из пересечения двух волей: воля Божия влечет человека горе – к небу, а его собственная, грехом поврежденная воля склоняет его долу – к земле и становится как бы поперек воли Божией. Отсюда – боль для ветхаго, плотяного человека. Но как из креста вещественного можно сделать лестницу, так и крест духовный можно обратить в лестницу к небу. Для сего надобно в вещественном кресте снять поперечную линию и поставить ее рядом с вертикальной: останется только сделать ступени. Так и в духовном кресте: стоит только свою волю сломить, поставить ее рядом с волею Божией, то есть сказать в своем сердце: не хочу своей воли, хочу, чтоб воля Божия совершалась на мне: да будет воля Твоя, Отче Небесный, – и сделать это от всего сердца, в убеждении, что лучше воли Божией ничего быть не может, – и острота боли сердечной, ощущение, так сказать, – крестного страдания в душе сразу смягчится, сердце согреется и успокоится в самопредании воле Божией. Это свидетельствуют все верующие, живущие духовною жизнью. Так наш внутренний крест обращается в лестницу к небу. Богу угодно было послать крест скорбей, ты отдаешь себя в волю Божию, твоя воля не становится поперек воле Божией, она становится, так сказать, рядом с волею Божией, и – креста, в сущности, нет уже, ибо твоя воля сочеталась с волею Божией нераздельно, хотя и неслиянно, ибо ты в каждую минуту свободен пойти против воли Божией, но, конечно, сознавая и ощущая все благо в самопредании воле Божией, ты не сделаешь этого. Пусть враг искушает тебя, как искушал Самого Господа устами книжников и фарисеев: “сниди со креста!” – ты не послушаешь его, ты не расстанешься с своим крестом, дотол, пока Сам Господь, возложивший его на тебя, не снимет его... Неся крест свой, ты будешь чувствовать, что с тобою Господь, что Он помогает тебе нести крест твой, услаждает горечь его, что сбросить с себя крест – значит разлучиться с Господом. Скорбями Господь держит нас поближе к себе, не дает нам увлекаться суетою мира сего многогрешного, как говорит муж великан) духовного опыта, Оптинский старец Макарий: “Душа, устрашаемая шумом искушений, со многим смирением прибегает к Богу и тщится укрыться от угрызения скорбями под покровом Его промысла; очищаемая же частою памятью Его, приходит в познание самой себя, уединяется зрением безчисленности грехов и зачинает плач, иже есть дверь во внутреннейшую клеть или в жительство новаго человека”. Как дуб, колеблемый ветром, глубже пускает корни свои, так душа наша, буруеваемая напастей бурей, крепче емлется за милосердие Божие и укрепляется в вере. Подумать только, что было бы с нами, если бы не было никаких скорбей? Да мы совсем забыли бы Господа Бога, предались бы служению своим страстям и – погибли бы на веки... Как же нам не благодарить Господа за скорби, как не лобызать Его руку, нас иногда наказующую, но чаще – милующую и ласкающую нас отечески?.. В письме, выдержки из которого я привел в начале этого дневника, есть еще строки, на которые надо кратко ответить. Автор пишет: “Если я и безропотно покоряюсь воле Божией, если говорю: “Не моя, но Твоя да будет воля”, – то этими словами я лгу, так как сейчас же начинаю читать другия молитвы, где прошу у Господа: дай то-то, избавь от того-то; значит: хочу я этого, а Ты не даешь мне его; я не хочу того, а Ты посылаешь мне то, – я протестую против этих Твоих повелений...

Значит, я не покоряюсь воле Божией безропотно, а потому обманываю Господа первою своею молитвой. Любезна моему сердцу первая молитва, но не знаю: как же мне быть с другими молитвами? Пожалуйста, разрешите мое недоумение”.

Совершенно детское недоумение. Господь Сам дал нам молитву, в коей научает нас не только говорить: “да будет воля Твоя”, но и просить хлеба насущного, и Царства Небесного, и прощения грехов, и избавления от искушений лукаваго: ужели Он противоречит Сам Себе? Не ясно ли, что все, чего мы просим у Господа, просим под условием, аще воля Его на сие будет, что всякое прошение наше, подобно Гефсиманской молитве Самого Господа, должно подразумевать: *оба́че не моя, но Твоя воля да будет, Отче наш*. При таком настроении молитвы может ли быть речь о каком-то “протесте” против воли Божией? Господь разрешает нам просить того, что не противно его Святой воле, – ибо мы не станем же просить того, что служит к угождению нашим страстям: этого совесть нам не позволит, – а исполнение прошения мы должны представлять Его воле святой и угождать свое сердце так, чтобы в случае, если придет неисполнение, сказать покорно: Твоя воля да будет... Вот и все. Не следует давать воли своему грешномумышлению и пускаться в суждения выше меры ума своего. Надо посадить эту птичку, ум, в клеточку послушания Церкви Божией, иначе он залетит в мудрования сектантския и тогда трудно будет с ним сладить, и гибель души будет почти неизбежна...

В заключение повторю то, что уже сказал я в предисловии к моей книжке “Все́м скорбящим во утешение”.

Скорби для христианина сами по себе суть великая милость Божия; это – целебный бальзам на раны души, обуреваемой страстями; это – лучшее средство для очищения нашей души от тех нечистот, какия вносит в нее грех; это – отрадный крест, который, как лестница, может возвести нас на небо; это – бремя Христово, которое может обратиться в крылья, возносящая нас в Царство Небесное; а потому скорби суть залог любви Божией к нам, ибо дают нам возможность самым делом идти за Господом с своим собственным крестом на раменах. Вот почему и были такие любители скорбей, которые скорбели, когда их долго не посещал Господь скорбями. Вот почему и сказано: *блажени плачу́щий, блажени изгнана́ правды... Радуйте́ся и веселите́ся, яко́ мзда ва́ша мно́га на небесе́х. Вся́ку радость име́йте, егда́ во искуше́ния впа́дете различна́...*

“Неискушен – неискусен”, – говорят святые отцы.

Наша интеллигенция и духовная книга

В старое доброе время люди грамотные были несравненно вдумчивее, осторожнее, относились внимательнее ко всем явлениям жизни, потому что с юности привыкли к серьезному чтению книг и почти не знали газет. Известно, что простые русские люди воспитывались на церковной литературе: Четьи-Минеи, Пролог, Благовестники, писания Златоуста, Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, разные сборники поучений прошлых веков – вот что составляло любимое чтение нашего православного народа. Но и люди образованные, цвет русского образованного общества, каковы великие писатели: Жуковский, Пушкин, Карамзин, Достоевский, не пренебрегали этой литературой и на ней воспитывали свое русское мирозерцание, отсюда иногда почерпали свое вдохновение, брали образы, учились красоте родной речи. Даже позднее, уже в наше время, такие таланты, как покойный известный адвокат Плевако, любили эту литературу: Плевако каждый день прочитывал житие дневного святого, непременно по Четьи-Минеем, по-славянски, и знал славянский язык так, что мог свободно писать на нем свои послания к друзьям. Его экземпляр Четьи-Миней весь испещрен его заметками. А ораторское искусство он изучал при пособии писаний св. Златоуста, который, как известно, в молодости был тоже адвокатом.

Светская литература, руководимая людьми, воспитанными в преданиях более или менее строгого отношения к печатному слову, подчиненная притом наблюдению правительственной цензуры, давала материал для чтения или художественный, или научный, более или менее полезный для читателя. Так было до 60-х годов прошлого столетия. Были, конечно, и исключения, но то и были лишь исключения. Газет почти не было, а если и были, то велись оне вовсе не так и не такими людьми, как это ведется теперь. Все это не могло не отражаться на воспитании умов, и тогдашние люди ко всему относились вдумчивее и серьезнее. Меньше было легкомыслия и ветренности, какая теперь стали повседневным явлением нашей жизни.

Теперь – не то. Теперь все заполнила газета. Теперь книг почти не читают. Разве только беллетристику читают, да и то не ту, какую питались наши отцы и деды, которая отражала жизнь в художественных образах, которая имела громадное воспитательное значение для молодежи, а – читают модных современных писателей вроде Андреева, Горького и им подобных. А пресловутая свобода печати так широко раскрыла двери для всякой бездарности, что теперь каждый гимназист, выгнанный из третьего класса, воображает уже себя писателем, а повременною печатью завладели иудеи, которые и ведут дело в своих целях, не имеющих, конечно, никакого отношения к литературе. Все это очень печально отразилось не только на литературных вкусах читателей, но и на их мирозерцании: они отвыкают думать серьезно, отвыкают брать в руки – не говорю уже о духовной книге, а и всякую серьезную книгу: она им кажется скучною, на самом же деле они настолько ослабели умственно, потеряли всякое влечение к умственному труду, что представляются жалкими детьми, обленившимися и отставшими от товарищей.

Тому писателю, который имеет в виду таких читателей, считающих себя все же интеллигентами, приходится приспособляться к их мирозерцанию, к их привычному мышлению, иногда говорить их же языком, чтобы быть понятным для них. Образчиком

таких, в сущности, очень серьезных книг являются книги М. В. Лодыженского, особенно последние два тома его “Мистической Трилогии”: “Свет Незримый” и “Темная Сила”.

И тем не менее, есть книги, книги очень старья, которые способны увлечь читателя так, что он не расстанется с такой книгой, пока не дочитает ее до конца, – лишь бы только он начал ее читать. На одну из таких книг мне и хотелось бы указать на этот раз. Написана она – слишком тысячу триста лет тому назад, на греческом языке, а теперь вышло уже второе издание ее в русском переводе покойного протоиерея М. И. Хитрова. Называется эта книга “Луг Духовный”, а в нашей старинной письменности она известна под именем “Лимонаря”. Ея автор – просвещеннейший инок своего времени, Иоанн Мосх, духовный друг, сподвижник и старец святого Софрония, который потом был патриархом Иерусалимским. Почти сорок лет святые друзья путешествовали по всем землям, подвластным тогда Византийскому императору, обошли почти все святые места, посетили обители, видели тогдашних подвижников, и все, что служило к назиданию и во славу Божию, блаженный Иоанн записал в 219 главах, составляющих книгу. И в мирных иноческих обителях, и в тиши сельского уединения, а иногда даже и среди шумных городов встречали они истинных чад Божиих, ради которых щадил Господь и хранил грешную Византию, утопавшую тогда в пороках, коими было заражено тогдашнее общество, христианское только по имени, а по нравам – языческое. Как трудолюбивые пчелы, они собирали духовный мед отовсюду: и подвижники благочестия, обитавшие в пустынях, и миряне, и разбойники, и даже актеры давали им повод для наблюдений дивного Промысла Божия в жизни людей и для уроков духовной жизни. Многие уроки как будто для нашего времени писаны. Вот, например, рассказ о комедианте Гайане.

“В одном из городов ливанской Финикии был комедиант Гаиан. Он, понося Пресвятую Богородицу, представлял Ее на театре. И вот является ему во сне Богоматерь и говорит: “Какое зло Я причинила тебе? За что ты издеваешься и поносишь Меня?” Пробудившись, комедиант не только не образумился, но еще более поносил Ее. Снова явилась ему Пресвятая Богородица и, вразумляя его, произнесла те же слова. Но и это вразумление не подействовало на несчастного. В третий раз явилась ему Пресвятая Дева с тем же самым вразумлением, но комедиант оказался неисправим. Наконец, однажды, во время полуденного отдыха, Она явилась ему и, не сказавши ни слова, одним только перстом провела черту по его рукам и ногам. Проснувшись, он почувствовал, что у него отнялись руки и ноги и лежали без движения, как бревна... Всем показывал себя несчастный, громко исповедуя свое нечестие, за которое восприял достойное возмездие – и то еще ради человеколюбия”...

Разве это не страшный урок для нынешних комедиантов-актеров, или лучше сказать – актрис (в те времена женские роли исполняли мужчины же), дерзающих на сцене изображать Пресвятую Деву в известной пьесе “Беатриса”? Не говорите мне, что там имеется в виду не православный, а католический монастырь: пора бросить эту устарелую, избитую уловку, когда хотят издеваться над нашими православными святынями – притворяться, будто издеваются над католичеством! Католики чтут ту же Пресвятую Деву Богородицу, как и мы, а потому и подобное лицедейство есть страшное кощунство и с нашей точки зрения, как и с католической... И мы знаем, мы видели пример на несчастной Комиссаржевской, как страшно она была наказана за дерзость – представлять Пресвятую Богородицу на сцене: она умерла без покаяния, от страшной черной оспы, на чужой стороне, вдали от родных и близких.

Кстати скажу: напрасно покойный переводчик сделал примечание под этим поучительным рассказом, что “только там, где в честь Астарты, подвергалось позору девство, могло обнаружиться столь ужасное нечестие”. Увы, это оказалось возможным и среди народов христианских, и даже – у нас на Православной Руси!..

Почительны рассказы, касающиеся ересей и еретиков. В одном – Матерь Божия в видении не соизволяет войти в келию инока, потому что там было еретическое писание Нестория; в другом – Матерь Божия не допускает некую благородную женщину, жену патриция, войти в храм гроба Господня на поклонение святыням его потому, что эта женщина была заражена ересью Севера; в третьем – военачальник не может войти в тот же храм по той же причине... Кто интересуется вопросом о “темной силе”, то есть о действии злых духов и их влиянии на жизнь христианина, тот найдет много поучительных рассказов и на эту тему. Умилительны рассказы о кающихся разбойниках, об обращении грешников, о самоотверженных подвигах не только иноков, но и простых женщин и т. п.

Переводчик, знаток древней церковной и гражданской истории, потрудился сделать до 1000 примечаний к тексту книги, а в введении дал обстоятельные сведения не только о писателе книги, но и о состоянии монашества того времени, о политическом положении Римской империи, о пустыне св. града и о Палестине.

Такова книга “Ауг Духовный”. И таких книг немало в духовной литературе. Но как им проникнуть к нашим интеллигентам-читателям? Те газеты, коими они питаются и пропитываются, упорнейшим образом замалчивают об этих книгах; наших немногих духовных периодических изданий интеллигенты в руки не берут; печатать объявления в светских газетах и дорого, и бесполезно: не обратят внимания... Так и лежат хорошие книги на полках у книгопродавцов и издателей. Иногда слышишь попреки, будто духовные книги дороги; во-первых – это неправда: хотя бы вот этот “Луг Духовный” – большой том, больше 300 страниц, на роскошной бумаге, стоит только 1 р. 70 к.; общедоступное издание – без примечаний – только 1 р.; во-вторых, – что же делать издателям, когда книга требует больших затрат, а продается медленно? Первое издание “Луга” вышло 18 лет назад и только теперь разошлось, тогда как светская книга за это время выдержит пять-шесть изданий, если не больше... Кстати замечу, наши книгопродавцы прямо беспощадны в отношении к издателям: требуют уступки 30, 35, даже 40 процентов за то только, что возьмут у издателя несколько экземпляров и продадут покупателю. Судите сами: что же останется издателю, затратившему немалый капитал на издание книги, которая будет лежать десятком лет у него в складе? И можно ли при таких условиях говорить о дешевизне книг, особенно духовных?

№ 250

И на земли мир...

Лк. 2,14

Праздник Рождества Христова поистине есть праздник мира, ибо пришел на землю давно обетованный Примиритель неба и земли, и Ангелы небесные воспели дивную песнь мира при Его рождении: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение*.

Протекло с того времени девятнадцать веков. Каждый год в Церкви Божией звучит эта ангельская песнь и сладостно отзывается в наших сердцах, но – отовсюду угнетаемые скорбями люди невольно вопрошают: где же этот превозделенный мир, когда в наши дни весь мир объят бранию, когда нет, кажется, уголка на земле, где не билось бы тревожно человеческое сердце в ожидании вестей с полей брани, когда и на суше, и на морях люди безжалостно истребляют друг друга, льются потоки крови и неутешных слез? Ангелы Божии, вестники небесные, вразумите нас земнородных, в юдоли плачевной, среди громов и молний всемирной войны бедствующих!

Возлюбленные братия! Непреложны обетовании Божии, святая истина – благовестие Ангелов Божиих. Родившийся в вертепе Вифлеемском и почивавший во яслях Спас миру Христос воистину принес мир на землю и благоволение Отца Небесного к человекам; но кто же виноват, если люди не хотят воспринять сей мир в свои сердца, провести его в жизнь, в свои земные отношения, и обрести в нем свое счастье и блаженство?

Слышите, что глаголет благовестованный Ангелами Спаситель мира – Христос Господь: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам* (Ин. 14, 27). Это – не тот мир, при котором люди могут лицемерить и обманывать друг друга; не тот мир, о коем говорят, что он лучше доброй брани; но мир – всяк ум превосходящий, мир, сопровождаемый тихою радостью, наполняющий сердце любовью даже к личным врагам, мир, коего никто и ничто отнять у человека не может, это – мир совести, мир с Богом, с самим собою пред лицом Божиим, – такой мир, при коем православный воин, исполняя долг, спокойно идет на смерть, на битву с врагом мира, оставаясь мирным и к нему в своей душе. Пр И таком душевном мире победитель, обезоружив врага, тотчас же и забывает, что он ему враг, и готов оказать ему помощь, как своему ближнему.

Вот какой мир принес на землю воплотившийся Сын Божий, вот какой мир воспевали Ангелы Божии при Его рождении в небесах, отверстых над тихими полями в окрестностях Вифлеема.

Но как стяжать такой ненарушимый, превозделенный мир? Как достигнуть того, чтобы он неотступно пребывал в нашем сердце?

Божественный Примиритель неба и земли Сам указывает путь к сему. Он Сам зовет людей к этому счастью. *Приидите ко Мне еси труждающиеся*, глаголет Он, *приидите вси обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 28, 29). Итак, смирение – вот единственно верный путь к стяжанию того мира, который вносит в душу истинное счастье и внутренний покой. На это указывает и самое слово – “смирение”, то есть с миром пребывание, в мире совести успокоение. Смиранный ничем не смущается, говорят святые отцы, если бы даже небо обрушилось над ним, ибо он знает, что без воли

Божией ничего не бывает, а воля Божия несомненно есть всеблагая и всесовершенная. Смиренный и не падает, ибо – куда он упадет, когда сознает себя лежащим как бы под всею тварию, то есть считает себя хуже всякой твари? Смиренный не может возгордиться, ибо ничего доброго, что бы он ни делал, никогда себе не приписывает – он помнит слово Господне: *без Мене не можете творити ничесоже*. Зато смиренным и подается преизобильно Божия благодать, как говорит Священное Писание. Зато и призывает на смиренного выну око Божие воззрением благодати: *на кого воззрю, глаголет Господь, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих?* (Ис. 66, 2). И почивает в сердце смиренного Сам Бог Своею благодатию по обетованию: *приидем к нему и обитель у него сотворим* (Ии. 14, 23). И сия благодать руководит его мыслями, его желаниями и деяниями. И бывает таковий орудием Божия промысления о людях, и творит чрез него Господь волю Свою на земле, в Церкви Своей, ибо видит в нем чадо, Себе послушное. Нужно ли говорить, что в сердце сего чада Божия всегда пребывает мир Божий, всяк ум превосходящий? Он носит сей мир в себе, как бы некую тихо горящую лампаду, и согревает им всякого, кто соприкасается с ним, если только сей соприкасающийся не заражен безнадежно гордынею, которая бежит от смирения, как дух тьмы – от лучей благодати Христовой... А как стяжать смирение?

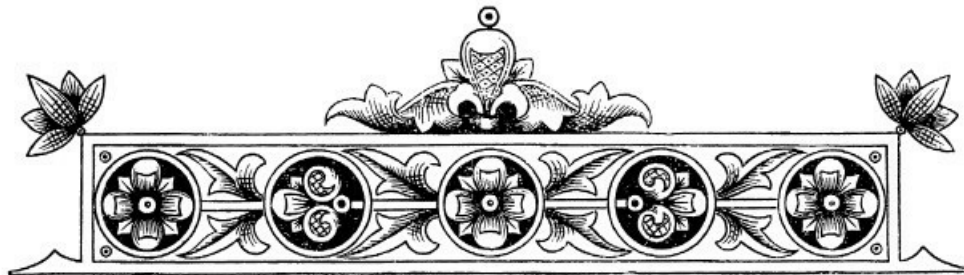
Отвечаю: по учению святых отцев, смирение рождается от послушания заповедям Христовым, по руководству Церкви – нашей благодатной матери – и – от подражания Христу Спасителю в несении креста, Богом на каждого из нас возложенного. Таково свойство заповедей Божиих – животворить веру нашу, смирать сердце наше, возгревать в нас любовь к Богу и ближнему. Оттого и называются оне *животворящими*. Потому и сказано: *вера без дел мертва есть*. Мертва, ибо сердце человека, который верует, но не творит дел веры, не живет по заповедям Христовым, чуждо животворящей благодати Божией, помогающей творить добрая дела. Таков закон духовной жизни по учению Православной Церкви, закон, неведомый тем, которые в горделивом настроении своем утверждают, что спасаются они верою, что добрая дела не нужны для спасения... Да, Богу не нужны наши добрая дела, – скажу больше: Богу не нужны и мы сами; но нам-то эти дела нужны, чтобы на деле проявить свою любовь ко Господу, который говорит: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте*, – нам-то нужны, чтобы освятить наше сердце, все существо наше Его благо датию, которая преподается в таинствах Церкви и без которой невозможно никакое доброе дело. О, как мы, православные, – счастливы, что во всей полноте обладаем сим сокровищем, пребывая в лоне матери нашей Церкви Православной! Благо нам, если пользуемся им, горе нам, если не хотим пользоваться! А Господь, а Его святая Церковь всячески влекут нас к сему пользованию: вот и ныне святая Церковь ведет нас в Вифлеем, в священный вертеп, к яслям Христовым, чтобы наше сердце услышало как бы из уст Божественного Младенца все тот же Его таинственный призыв: *приидите ко Мне, научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем!* – Он – Бог превечный, ради нашего спасения стал человеком; Он – Владыка неба и земли, родился в вертепе; вместо колыбели – в яслях скотских возлежал, Царь славы – повит был убогими пеленами... Что же после этого вся наша слава земная, вся роскошь и богатство? Что – вся наша знатность рода, высокие саны, все то, чем привык гордиться человек?.. Приидите же, поклонимся Ему и припадем к яслям Его, в смирении сердца, в сознании своего ничтожества, в чувстве покаяния и всесовершенной, детской Ему преданности: и Он воззрит на нас кротким взором Своим, и от сего взора благодатного снидет мир в сердца наши, и, среди всех обуевающих нас невзгод, среди громов бранных, наше сердце успокоится в крепком

уповании, что Он, весь благодать, весь любовь, не покинет нас. Он и внешний мир умиротворит, и брани утешит, и ниспослет нашей Руси Православной мир и утешение и Свое пренебесное благословение.

Аминь.

Мои дневники
1915 год

Господь зовет нас к духовному обновлению

Благословиши венец лета благости Твоея, Господи!

Новый год... Сколько дум, надежд, опасений и предугаданий пробуждает это слово в душе человека! Но будущее всегда было и есть – в руках Божиих. Когда мы встречали минувший год, думали ли, могли ли думать о том, что судил Господь пережить нам в этом году? Многие, конечно, задумывались над тем, как Бог даст провести этот год: доживут ли они еще до нового, сегодня наступающего года, что ожидает их в их семейной или общественной жизни? Но кто думал, что сотни тысяч наших молодых людей – сыновей, братьев, мужей в этом году лягут на поле брани, в битвах с одичавшими немцами и изуверами турками, положат душу свою за Веру Православную, за Царя и Родную землю? С другой стороны – кто мог, кто смел ожидать, что Господь сотворит с нами, недостойными, чудо неизреченной милости Своей? А чудо это совершилось воочию пред нами: случилось то, чего никак нельзя было ни предвидеть, ни ожидать.

Что же это за чудо?

Оглянемся назад. Припомним, чем мы жили в последние десять лет. Смута умов, казалось, расшатала все устои нашей семейной, общественной, государственной и отчасти даже религиозной жизни. Вера оскудела, семейная жизнь ослабела, в жизни общественной начиналось какое-то духовное разложение, в государственной, казалось, колебались исторические основные начала жизни... Смута проникла в школу, в печать, в самые сердца многих русских людей. Плакало сердце того, кому были дороги предания и заветы родной старины, раздавались обличительные слова пастырей Церкви, громко зывали и миряне в защиту дорогих им духовных сокровищ народного духа; но, казалось, будто никто не слушал этих жалоб, не внимал плачу и скорбным голосам тех, кто стоял еще на страже родной земли, родного народа и его святынь. И в периодической печати, в большинстве захваченной людьми левого лагеря, и в общественных собраниях, и на лекциях в высших учебных заведениях, и – даже в государственных учреждениях не переставали звучать голоса в защиту самых либеральных, на деле же – разрушительных начал, которые, при проведении их в жизнь, неизбежно вели бы к разложению и духовному отравлению народа.

Но – неисповедимы судьбы Божии! Внезапно, как гром небесный среди ясного неба, в знаменательный день грозного пророка Божия Илии, пронеслась по лицу Русской земли весть о том, что гордая Германия объявила нам войну. Не прошло недели, как за Германией последовала и Австрия, эта “первая зачинщица мировой смуты”... Высочайшие манифесты возвестили народу, что “силы неприятеля умножаются, но что навстречу им с удвоенной силой растет и справедливый гнев мирных народов. Видит Господь, говорил Государь в Своем манифесте от 26 июля, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело”.

Так началась война, это страшное бедствие народное; разразилась буря, какой не знала еще история народов земных.

И на Руси совершилось чудо...

По мановению царского слова сразу все стихло, всякая смута исчезла, раздоров как не бывало, пред нами как будто повторилось чудо евангельское: сказал Господь морю и волнению водному: молчи, престани, и бысть тишина велия...

Русь встала вся как один человек на защиту невинно гонимых, поработаемых братьев наших, встала за Веру Православную против немцев, зараженных лютеровою ересью, против турок неверных, исконных утеснителей Христовой веры и славян, стала на защиту всего человечества от новых варваров, этих зверей в образе человеческом.

Встала наша матушка – Русь Православная во весь свой богатырский рост, и все партии слились в один великий народ: и бастовавшие рабочие, и шумевшая молодежь, и даже инородцы – все оказались верными и усердными сынами единой великой Руси родной. Все те, на кого рассчитывал враг как на своего союзника, кого он подбивал на бунты наемными пропагандистами и разными прокламациями, – даже и те стряхнули с себя вражье наваждение и будто прозрели духовно и, к изумлению врага, оказались верными долгу и родной земле.

Скажите: разве это не чудо? Не очевиден ли тут перст Божий, Божия милость к нам, грешным, милость тем более великая, что она ничем нами не заслужена?

А это внезапное отрезвление народа по слову Царя, эта всеобщая радость народа при закрытии винной продажи, эти ходатайства отовсюду, чтобы так и осталось навсегда, эти благословения народа своему Царю-Отцу за такое великое дело – разве все это не напоминает нам времена библейския, когда ниневитяне, по слову пророка Ионы, все как один человек обратились к Богу с покаянием и молитвою о помиловании?.. Не напрасно же один государственный человек заметил, что Россия вдруг как будто вся обратилась в монастырь: храмы Божии наполнились молящимися, пьяные исчезли, полицейские участки, коих прежде не доставало, опустели, и – повсюду начался великий подвиг милосердия и к раненым воинам, и к их семьям, к вдовам и сиротам убитых, – даже малыя дети несли свои лепты на это святое дело, отказываясь добровольно от гостинцев, – умилительное зрелище!...

Нужно ли говорить о великих, неслыханных во всемирной истории подвигах самоотвержения, мужества, великодушия и благородства наших поистине христолюбивых воинов и их вождей, удививших мир столько же своими победами, сколько и своими христианскими добродетелями? Не очевидно ли для нас почило на них Божие благословение? Во всей духовной красоте явилась миру смиренная русская православная душа, и всемирная безпристрастная история запишет на своих скрижалях все эти подвиги, отметит в поучение народам эту духовную их красоту, и померкнут пред нею все герои Древняго Рима, Древней Эллады, ибо здесь проявили себя не просто человеческия свойства, но, что главное, здесь во всем величии, во всей духовной красоте и животворящей силе явило себя миру наше родное Православие.

Да, все, что мы видели и видим доброго, трогательного, величественного в наши дни, все это плод воспитания русской народной души под воздействием, на протяжении почти тысячи лет, матери – Церкви Православной, все это – плоды заветов великих русских подвижников, от Антония и Феодосия Печерских и Сергия Радонежского до Серафима Саровского и Амвросия Оптинского. Вот кто были истинными воспитателями русского народного духа. Вот на кого смотрел народ Русский, молясь Богу в своих убогих храмах; вот кого носил в душе, призывая помощь Божию среди бед и скорбей своей исторической жизни... Ведь он, народ наш, как ни грешен пред Богом, живет, однако же в постоянном благодатном общении с небом, с своими родными угодниками Божиими; к ним он

прибегает во всех своих бедах и скорбях, и они всегда внимают мольбам родного народа, и их теплые молитвы восходят к Престолу Божию, как чистый фимиам кадильный. Так и ныне призрели они, заступники и молитвенники наши, с высоты небесной на родную свою Русь, и смиловался над нею Господь, и не помянул грехов и беззаконий наших, и благословляет оружие наше победами.

Вот что, судьбами Божиими, совершенно неожиданно произошло с нами, с народом нашим, в минувшем году, братия мои! Разразилась гроза Божия, и мы перекрестились, по старому русскому обычаю, и эта гроза стала для нас милостью Божией, и мы освежились, духовно обновились, – мы, дай, Боже, чтобы я не ошибся, мы стали уже не те, какими были год назад... Не стали мы сами лучше, – нет, но грехи наши стали нам виднее, чем тогда было, а это – первое и главное, с чего надо начинать свое исправление. *“Егда, сказано у святых отцев, узрит человек грехи свои яко песок морской – се начало здравия души”*. И мы узрели свой первый грех – удаление от родной Церкви, а следовательно, и от Главы Церкви – Христа Спасителя. Мы погрузились в суету сует, забыли о небе, потеряли смысл и цель жизни земной, стали служить только плоти и сами становились плотью, как допотопные грешники. Гроза Божия вразумила нас, и мы вспомнили Бога. И слава Ему, нашему Отцу Небесному, за таковое вразумление, и дай, Господи, чтобы, испытав наказующую и милующую нас десницу Божию, мы не успокоились, не обленились, не заснули духовно и снова не погрузились в прежнюю суету сует до забвения Бога. Дай, Боже, чтобы Церковь Христова, наша благодатная мать, только радовалась о нас и руководила нас к вечному счастью и здесь еще на земле, поскольку оно возможно здесь, и там, на небе, как сказано Апостолом: *благочестие на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго*.

Узрели мы, братие, и другой свой грех – забвение заветов предков наших благочестивых, недоверие к тем началам, коими жила Русь тысячу лет. Воочию Бог показал нам всю жизненность, всю животворность этих начал – беззаветной любви и преданности Царю Самодержцу и верности исконным преданиям и добрым вековым обычаям родной старины. Старая Русь завещала нам сокровище самодержавной власти Царской: *“Бог, – говорит святитель Филарет, митрополит Московский, – по образу Своего вседержительства дал нам Царя Самодержавнаго”*. На это сокровище были великия покушения в последние десять лет, но слава Богу: оно уцелело непоручным, и вот в минувшем году мы видели всю благотворность его. Подобно тому, как Бог Творец и Вседержитель повелевает и так бывает, *рече и бысть, повеле и создалися*, так повелел наш Самодержец, и слово Его стало делом, и Русь перестала предаваться позорному пороку пьянства, Русь готова на все жертвы для Отечества, и сыны ея с веселием и радостью идут на врага и супостата, с радостью умирают на полях битв, поражая врага не только оружием, но и своим благородством, своим истинно христианским, православно-христианским великодушием, скажу больше – любовью к побежденным врагам. В то время, когда обезумевший в гордыне и злобе своей враг добывает наших раненых или же безчеловечно издевается над ними, выкалывая им глаза, отрезая носы и уши, – наши санитары подбирают раненых врагов наравне с своими воинами и лечат их, как и своих.

Узрели мы и еще грех свой – это эгоизм, безраздельное служение только своему “я”, самому себе, с забвением нашего долга в отношении к ближнему. Очерствело наше сердце, у всякого на уме был только свой личный интерес, никому дела не было до нужды, до скорби его ближняго, будто и есть только на свете один сам он и все должно служить только ему. Но грянул гром войны, и совесть наша заговорила: надо было позаботиться о

раненых воинах наших, о семьях тех, кто грудью отстаивает Отечество, кто душу свою полагает за други своя – за Веру, Царя и Родную землю. И началось великое дело служения ближнему на Святой Руси: и zemstva, и города, и сословия, и частные лица – все отдалось заботам о раненых, о семьях воинов, всюду стали открываться лазареты, приюты, попечительства. Не забыты и сами воины, сидящие в окопах, мерзнущие на поле брани: и для них собирают теплую одежду и обувь, шлют им всякия нужная вещи в подарок. Открылось широкое поприще для проявления любви христианской и в тех местностях, где прошел беспощадный, безсовестный враг, там все разорено, разграблено, сожжено, там плачут сироты мирных жителей, беспощадно убитых врагом за одно только то, что они носили имя русское, были подданными России или проявляли как-нибудь свое сочувствие России. И сколько там горя, сколько слез льется – кто это измерит, кто скажет?..

Много и еще грехов раскрылось в нашей растревоженной совести, грехов и личных, и общественных, грехов и против семьи, и против государства, и особенно против родной Церкви: кто их перечислит, кто итог им подведет?.. И разве это не милость Божия, разве не суд Божий, что вдруг открылись очи наши, и мы увидели эти грехи свои, что коснулась сердец наших Божья благодать и сердца эти согрелись, ожили, рванулись на дела милосердия?

Итак, вот что произошло на Руси во второй половине минувшаго года. В наследство грядущему новому году он оставил много забот, много тревог для верных сынов родной земли. Но вместе с тем и много самых святых побуждений делать как можно больше добра, трудиться над исполнением святых Христовых заповедей и тем еще и еще очищать, согревать, освящать свое сердце... Миллионы вдов и сирот ждут нашей помощи, утешения, ободрения; сотни тысяч раненых – доброй ласки и посильнаго содействия к их выздоровлению; целыя области взывают к нам все о том же – о помощи обездоленным, ограбленным, обезчещенным мирным жителям... Вот когда невольно воскликнешь со св. Златоустом, различен, безконечно различен милования образ и широка, безпредельно широка заповедь сия!..

Братия и сестры, православные русские люди! Кто Бога помнит? Кто хочет, чтобы Бог был с ним? Кто стосковался сердцем о своем Спасителе и печалится истинной печалью о Боге, тою печалью, которая бывает неизменною во спасение, по слову Апостола Христова? Чье сердце еще изнывает в суете сует, измучено страстями, воюющими на его душу? – Се ныне время – благоприятно, се ныне – день спасения! Господь всех зовет к обновлению духа, к новой благодатной жизни под руководством матери-Церкви, к жизни, полной духовнаго подвига, но и духовнаго утешения, духовной радости. Поспешите же сделать над собою усилие, понудить, победить себя, призвав Господа на помощь. Отдайте Ему свое сердце. Он повелит Ангелам-хранителям нашим, и они, наши небесные друзья, будут подсказывать каждому из нас, что и когда надо делать, чтоб исполнить Христову заповедь. Соревнуйте друг другу в добро делании. Ободряйте, возбуждайте друг друга к делам милосердия, и вы опытом сердца познаете великую истину, возвещенную тем же великим милостивцем, св. Иоанном Златоустом: “Добродетель милосердия делает наше сердце милующим”. Чтобы укрепить себя в делах милосердия, читайте жития святых милостивцев: Илии Чудотворца, Филарета Милостиваго, Иоанна Милостиваго, Петра Мытаря, нашего о. Иоанна Кронштадтскаго и др. Читайте писания о милосердии св. Златоуста, Тихона Задонскаго, Димитрия Ростовскаго, Илии Миняitia... Воспитывайте в своем сердце святое милосердие: оно оправдает вас на суде Божиим, оно очистит,

преобразит и обновит ваше сердце: оно сделает вас счастливейшими людьми на земле! Споручником в том – Сам Христос. Он сказал: *блажени милостивии, яко тии помилована будут.*

Вот к чему зовет нас новый год. Вот способы и средства начать для нового года новую жизнь, обновиться духом, стать новыми людьми, возлюбленными чадами Божиими. Много милостей явил нам Господь в минувшие дни великих испытаний. Но кто много получил, с того много и взыщется, как говорит Господь в Евангелии. Господь открыл нам очи, и мы увидели грехи свои. Да не возвратимся же к ним вспять! Да исчезнут отныне, да не возникнут вновь те распри и раздоры, какими мы жили в последние десять лет! Да исчезнут навсегда с лица родной земли все эти нехристианские мечты о каких-то, неблагословенных Богом, осуждаемых Церковью “свободах”, под именем коих плохо скрываются желания произвола, распущенности, простора для всякого зла в жизни религиозной, государственной и общественной! Да водворится мир не только с соседними народами, но и у себя дома, в родной земле! Да укрепятся в сознании и в жизни те святые идеалы, которые, милостью Божией, как-то вдруг, сами собою, выплыли из забвения и блеснули пред нами во всей своей красоте и величии – идеалы Православия, самодержавия и красоты православной народной души! Русский народ – в это мы глубоко верим – призван Богом хранить святыню Православия для всего мира; эта святыня, в сии многоскорбные дни, просияла в нашей народной душе во всей своей апостольской чистоте и небесной красоте – не в теории, а в самой жизни. Помните же, что незримый враг Бога и людей зорко следит за всем, чем живет наш народ, и стремится чрез своих слуг отравить его лживыми идеями либерализма, социализма, материализма, атеизма и всяких измов, но жива наша народная душа, и Православная Церковь бодро стоит на ее страже. Берегите же и вы, православные русские люди, святыню Православия, как безценное сокровище, Богом вам врученное. Мы верим, что те народы, в душе которых не погасла искра Божия, которая искренно ищут истины, найдут эту истину в Православии и воспримут ее от народов православных, впереди коих стоит наш Русский народ. Да будет тако! Да благопоспешит Господь всем нам в обновлении духа во славу Свою, да не угаснет та искра Божия в народной душе, которая вспыхнула во дни скорби и осветила потемки его духовной жизни, – да разгорается она ярким пламенем к духовному оздоровлению народа, и да расточатся все враги Божии, враги Церкви Православной, кто бы они ни были: еретики ли, раскольники ли, или же Магомета и Лютера последователи!..

Се здоров был еси, ты положил по крайней мере начало своему оздоровлению, православный Русский народ, смотри же – ктому не согрешай, а, положив доброе начало, в предняя простирайся и духом обновляйся!

С новым годом, с началом духовного обновления приветствую вас, братия мои! Аминь.

Почему же не навсегда?.

Война многих отрезвила, многим раскрыла глаза на те опасности, коими грозило нашему народу немецкое засилье. Сорок лет люди церковные твердили, что немецкая пропаганда штундобаптизма в сущности есть перевоспитание нашего народа в духе немецком, что вытравление из народной души идеалов Православия есть духовное пленение его немцами, что поэтому – допускать распространение ереси лютеровой в русском народе, не говоря уже о духовном развращении, о гибели душ, есть грех против Русского государства с точки зрения политической. Казалось бы, раз православная вера основными законами нашими признана господствующею, а прочил исповедания – только терпимыми, не следовало бы и говорить о какой-то свободе распространения ересей на Руси; если всякая ересь есть несомненное зло, а в отношении лютеровой ереси – не только зло религиозное, губительное для души русского человека, но и вредное для государства, то и вопрос надо считать решенным: всякого проповедника этой злой ереси надо гнать вон из России, гнать навсегда, как врага России, русского народа, как развратителя его, подкапывающегося под самые основы государства Русского. К сожалению, хорошо понимали это только люди церковного направления, но они-то и не могли ничего сделать, чтоб пресечь зло духовного отравления народа. А там, в верхах, не понимали этого, не хотели вдуматься в страшную опасность от духовной заразы, вносимой в народ штундобаптизмом и другими ересями. Враги Церкви Православной вбили в головы руководящим кругам, что “свобода исповеданий” есть высшее благо, во имя коего нельзя преследовать проповедников иных вер; что до того, что эти проповедники развратят духовно, оторвут от родной Церкви, а затем и от родного народа несколько тысяч простецов? Зато принцип “свободы” будет сохранен, зато-де нас не будут немцы звать варварами, отсталыми, фанатиками и т. п.

Грянул гром войны, и даже те, которым вера православная казалась делом безразличным, даже и они прозрели, и для них стало очевидно, что совращение русского народа в немецкую веру вовсе уж не такое безразличное дело, что приходится принимать против сего меры. И принимают. В газетах читаем: в Одессе закрыто столько-то общин, в Москве – столько-то; в Петрограде выслан за границу известный совратитель нашего народа в баптизм Фетлер (скажу в скобках: щуку утопили в море!) и т. п. Но вот что никак не вмещается в наше сознание: тут же читаешь оговорки, что эти меры принимаются только на время войны... Стало быть?.. И общины откроются, и Фетлеры-развратители снова появятся по окончании войны?.. Стало быть – с окончанием военных действий, с заключением мира все опасности, теперь замеченные, сами собою исчезнут? Или то, что в военное время считается зловредным, в мирное время по меньшей мере безвредно? Но ведь речь идет об основах народной жизни русской, о самых корнях народного мирозерцания, о сокровищах души народной! Стало быть, в мирное время расхищать эти сокровища разным Фетлерам разрешается? Народ – младенец умом в вопросах веры; надо оберегать его от таких хищников, а тут, во имя какой-то – простите – бессмысленной свободы веры дается полный простор этим развратителям народа, соблазнительям малых сих, – простор подрывать доверие к родной Церкви-матери, подкапываться под нее, а вместе и под устои Русского государства... и только тогда, когда сии Фетлеры уж слишком усердно поведут свою враждебную пропаганду, когда их подкопы под

государство станут до очевидности ясны, когда пожар распространится, принимаются против них меры, – скорее, полумеры, как будто лишь для того, чтоб не слишком громко раздавался протест верующих русских людей, свидетелей зловредной деятельности этих Фетлеров... А если не так, то – скажите ради Бога: как же понимать эту свободу, которая как бы уже заранее обеспечена Фетлерам после окончания войны? Вы не хотите допускать, чтоб они играли роль мучеников? Да пусть их, сколько их душеньке угодно, кичатся своим мученичеством, которое и все-то будет заключаться лишь в лишении права проповедывать свою ересь в среде нашего родного народа, права, коего они по закону и не имеют пока, но которое предвосхищают себе, под разными лукавыми предложениями, прикрываясь нашим широколиберальным простодушием и равнодушием к родной вере наших отцов.

Но Фетлеры – это, так сказать – только частичное явление; покушение на Православие, как на основу народного духа, идет в разных видах, проявляется в разных областях жизни. На душе наболело отношение к Церкви нашей наших лжелиберальных газет, отношение некоторых земских учреждений; отношение наших судебных учреждений... Особенно непонятна, с нашей точки зрения, свобода изданий разных сектантских газет и журналов. Кому они нужны? Кому служат, как не врагам России? А если так, то ужели мы уж так связаны либеральными идеями, что себе во вред принуждены допускать существование у себя этих червоточин русской души?.. Из дня в день какая-нибудь “Утренняя Заря”, какой-нибудь баптистский “Христианин” сеет смуту в православной русской душе, клеветая на духовенство, подрывая уважение к церковным обрядам, искусно делая намеки кощунственные на все, что нам дорого, что для нас свято... А нам говорят: кто же вас заставляет читать? Эти газеты, эти журналы издаются для сектантов, не читайте их и не станете смущаться. Но позвольте: газета есть публичная кафедра, поставленная среди площади: с нея слышится речь всякому проходящему; газета, журнал могут попасть в руки православного, а мы знаем, что они и издаются-то именно для соблазна православных, – мы и имеем немало жалоб от православных на этот соблазн: что же, ужели, хотя бы во имя той же пресловутой “свободы”, ужели нельзя освободить нас, православных, от этой отравы, от оскорбления наших святых чувств, от того соблазна, который вносится в простую душу читателя этих изданий, существующих на немецкия деньги? Ужели теперь, когда милостью Божией раскрыты все злоухищрения нашего врага-немца, не ясно, что надобно просто, без всяких разговоров закрыть навсегда подобныя издания и впредь зорко следить, чтоб они не возрождались на святой Руси?..

Признаемся, мы старики, не можем никак усвоить себе эту масонскую теорию свободы. Нам все кажется: раз известное явление признано злом – надо с ним бороться законом, запрещением, наказанием, если средства нравственные, по упорству злой воли, не достигают цели. Между тем мы постоянно видим: против воров и разбойников, посягающих на чужую собственность, принимаются меры: их ловят, сажают в тюрьмы, ссылают куда-нибудь; а против посягающих на сокровища души народной, развращающих народ ложными учениями, отравляющих душу, похищающих веру из простой души русского человека – почти не принимается никаких мер. Вот, наконец, нужда заставила принять кое-какия меры: слишком уж резко стали выступать враги Церкви со своею пропагандой; но и тут – оговорка: эта мера принята на время, пока существует военное положение, а там – милости просим опять, г. Фетлер со товарищи, в Петроград, опять выступай смело с клеветами на Православие, опять публично перекрещивай православных невежд, кого удастся загубить своею отравой...

Нет, решительно мы этого в толк взять не можем и во имя здравого русского смысла взываем: зло есть зло и никакой ему свободы быть не должно! В немецких землях собираются провести закон совсем запрещающий наше родное Православие, а мы спокойно смотрим, как немецкие проходимцы, под видом благочестия, совращают наш простодушный, младенчествуящий в вере народ. Мыслимо ли это? Торговать ядом строго запрещается, а издавать духовную отраву в виде газеты или журнала, в виде книг и брошюр – дозволяется? Да ведь отравы-то духовная, если уж вам угодно оберегать только целостность государства, а не Православие, – ведь эта отравы дала себя почувствовать хотя бы и в государственном отношении в эту войну. Уважая якобы свободу религиозных убеждений, у нас не требуют, например, от менонитов строевой службы, якобы противной их религиозным убеждениям, а православного не спрашивают об убеждениях, и если бы он отказался идти в строй, то подвергся бы строгой каре военных законов. Следовательно: человек ложных убеждений, убеждений вредных для государства, притом заразительных для народной массы, получает привилегию освобождения от опасностей для его жизни; об этом хлопочут даже некоторые земства, требуя для санитарной службы в своих лазаретах исключительно менонитов... Продолжите основную мысль такого отношения к менонитам и сами увидите, к каким придете выводам. Что же: это безразлично для государства?.. Говорите по совести!..

Враг каждого искушает сообразно с его наклонностями: немца он заражает гордынею и презрением к другим народам, а русского – его мягкосердечием, идеализмом, искажая сей идеализм и подменивая его ложными либеральными идеями. Немец отлично видит это и смеется над русским и пользуется его простодушием, его мягкосердечием для того, чтобы обманывать его и поработать себе его духовно и материально... И одним из могучих средств такого поработания является совращение русского православного человека в немецкую веру, расхищение его духовных сокровищ, духовное его обезличение. И видят это люди умные, люди, власть имущие, и принимают меры, но... только на военное время. Почему же не навсегда? С болью сердца мы ставим этот жгучий вопрос!..

Суеверные письма и молитвы

Лет пятьдесят тому назад, когда я еще учился в духовном училище, крестьянские мальчишки, мои сверстники, принесли мне листочек, переписанный полууставом, под заглавием: “Святое письмо”. В нем говорилось, что в святом граде Иерусалиме, близ Гроба Господня, был слышан глас с неба: “Поражу весь мир бедствием!” А чтобы это бедствие не постигло, предписывалось читать, а главное – переписывать и рассылать приложенную при письме молитву, причем обещалось счастье тому, кто перепишет девять таких молитв и разошлет своим знакомым, а кто этого не исполнит, того поразит беда. И вот крестьянские дети старались переписывать эту безграмотную молитву и снабжали ею соседей, в том числе и меня. Помню, что молитва та показалась мне очень безграмотной и даже еретической, и я толковал своим простецам-друзьям, что верить ей не следует, что надо молиться теми молитвами, какая есть в книгах церковных, а не какими-то секретно распространяемыми неведомо кем.

Представьте себе, что это суеверие с молитвою и святым письмом живет и доселе! И теперь странствует эта молитва по Святой Руси, и теперь тщательно переписывают ее досужие простецы и посылают повсюду, воображая, что сим делают доброе дело! Худо то, что, по-видимому, такими письмами закидывают наше христолубивое воинство, благо пересылка в действующую армию бесплатная. Пишущий сии строки получил несколько писем, коими просят разъяснить: что это за молитва, что за “святое письмо”? Можно ли верить им? Конечно, воины могли бы обращаться с такими вопросами ближе – к своим военным священникам, но или не догадываются, или нет близко священников, а бумага и карандаш под руками, да и пересылка дармовая.

Недобросовестные сочинители подобных писем не страшатся быть “лжесвидетелями о Боге”, как говорит св. Апостол Павел, потому что приписывают Богу то, чего Он не делал (1 Кор. 15, 15) Так, в одном таком “письме” мы читаем: “Сие письмо найдено за иконой в Почаевской Лавре. Письмо это писано золотыми буквами Самим Иисусом Христом. Кто это письмо хочет прочитать, то оно само раскрывается, потом опять закрывается, в скором виде (?) и возвращается в собор за образ св. Михаила”. Далее идут наставления, после которых следуют обычные в таких апокрифических письмах угрозы и обетования: “Кто не будет верить этому письму, тот будет проклят отныне, а кто будет давать списывать и прочитывать письмо, то хотя бы имел столько грехов, как на небе звезд и в море песку или на земле травы, то все будет прощено, а кто это письмо имеет и не дает списывать другим, тот будет Богом наказан и изгнан из Царствия Божия. И кто будет иметь это письмо на войне, то ни один неприятель не повредит, а кто это письмо носит при себе, тот везде будет счастлив и получит Царствие Божие”.

Подумаешь: как все просто: возьми лоскуток бумаги с полуграмотным письмом, какое написал какой-то сочинитель от имени Христа – и будешь цел на войне, а вот если будешь носить на себе святое Евангелие, крест Христов, то этого тебе сочинитель не обещает, – его писанье, оказывается, имеет какую-то чудотворную силу, а слово Божие – нет... Бедные невежественные простецы, верящие подобным вымыслам! и трудятся ведь и переписывают “письмо”, переписывают и молитву, в коей даже ересь есть, ибо Трисвятое: Святый Боже – в этой молитве относится к одному Лицу Святыя Троицы – Иисусу Христу. И при этой молитве те же обетования, те же угрозы...

Если кто получит такую молитву или письмо, – сжигайте эту бумажку, как писанье какого-то невежды, дерзающего даже на Господа Бога “лжесвидетельствовать”. А ему отвечайте, что письмо его сожжено и верить сему письму грешно...

Ценим ли мы свое сокровище?

Нашествие тевтонов, героическая борьба с народом, вытравившим в своей душе дух истинного христианства, величие подвига, к которому призвал Господь наш народ, – все это побуждает глубоко задумываться о грядущих судьбах нашей Руси Православной, о том великом служении человечеству, к какому зовет нас Господь в истории... Не гордость, не самовозвеличение побуждает нас думать об этом, а благоговейное созерцание судеб Божиих в истории нашей, в истории всех народов земных. Мы, христиане, не можем не видеть, что каждый народ вносил в историю человечества свою долю добра, и это добро как бы оправдывало его существование, его право бытия на земле. И греки, и римляне, и древние египтяне, и вавилоняне – все в путях Промысла Божия послужили, сознательно или бессознательно, приготовлению людей к восприятию спасения вечного, ко вступлению в Церковь чад Божиих, к устройению великого Царства Божия среди созданных по образу Божию, но исказивших сей образ сынов Адамовых. Не говорю об избранном народе Божиим, о народе, которому некогда были вверены и словеса Божии, Божественное откровение, но который – увы – сам призвал на себя гнев Божий и отвержение, когда отрекся от Спасителя мира и в безумии своем воскликнул в лице своих предков: кровь Его на нас и на чадах наших! Промысл Божий соделал свое великое дело и в этом народе, как изрек о сем Сам Спаситель мира: *спасение от иудей есть* (Ин. 4, 22). И мы веруем, и тяжело согрешили бы пред Богом, если бы усомнились, что и наш народ имеет свое великое призвание, великое, Богом ему предназначенное служение роду человеческому в своей истории, и должен благоговейно внимать путям Промысла Божия и познавать свое назначение, чтобы быть достойным орудием Промысла в исполнении сего предназначения.

Страшная война с новыми варварами уже достаточно раскрыла духовные сокровища русской души народной. Только слепой, гордынею ложной европейской цивилизации ослепленный, может не видеть, что этими сокровищами народ наш всецело обязан родной Православной Церкви, ея духу, ея учению, ея богоносным подвижникам и пастырям – воспитателям народного духа. И, повторяю, не горделивое самовозвеличение русского человека, а благоговейное внимание к тому, что творит ныне Господь среди нас, властно повелевает нам, пастырям Церкви, раскрывать и углублять в сознании истинных сынов нашего народа, как простецов, так и стоящих выше их – людей образованных все величие и духовную красоту сокровищ народного духа, необходимость, священный долг наш – не только беречь эти сокровища для себя, не только приумножать их, но делиться ими и с другими народами, с коими мы входим в соприкосновение на путях истории: это – завет Божий Русскому народу, это – то дело, какое Бог ему поручил на земле, и за которое строго взыщет с него, если он дело это забудет, пренебрежет им. А для всего этого необходимо, чтобы не иссякал тот источник, из которого текут эти сокровища, чтоб народ не прерывал своего постоянного общения с ним, чтобы постоянно черпал благодатные струи, питаясь коими он живет уже почти тысячу лет...

Сознают ли это русские люди? Ценят ли свое сокровище?

Есть добрые признаки, что такое сознание начинает пробуждаться в нашей интеллигенции. В самой большой, самой распространенной русской газете (“Новое Время” № 13934) в передовой статье рождественского номера мы читаем: “Прильнем

полнее сердцем к радости сегодняшнего праздника, к чуду религии, которое мы празднуем всею Русью и с нами празднуют наши солдаты и офицеры в окопах. От истории этого года перенесемся ко дню 1914 лет назад. Слава Богу: мы в Него верим, мы Его знаем. Слава Богу: не расхолодили Русь учения изыскания и цинические смехи, – те изыскания, в которых больше фантазии и самолюбия, чем *дела*, и те смехи, в которых чувствуется душа гориллы, препрославленной Дарвином в качестве его личного дедушки и будто бы дедушки всего рода человеческого. В нынешнюю годину мы испытываем на деле, какую драгоценность сберегли в душе своей сбережением веры и какая драгоценность потеряна на Западе чрез все эти пошлости учения тюбингенской школы об Иисусе Христе... Слава Богу: Русь за лесами своими, за болотами, за реками, за морями сохранилась от этих якобы “ученых веяний”, а на самом деле ученаго *фантазирования и празднословия*, и святое слово *Евангелия* сохранила как небесное чудо. Скажем мудро, просто и ясно, что Русь оказалась умнее их Геккелей, а русская деревня с старым погостом возвышеннее и духовнее Тюбингена. Там выводили историю христианства как страницу из “истории обезьян”, а у нас думали иначе, и все речения Спасителя помещали в книгу с серебряным многофунтовым окладом, осыпали этот оклад драгоценными камнями, клали ее на престол в храме, подходили, крестились и целовали эту книгу. Великие символы почтения, благоговения, любви... И хочется сказать: прибавим серебра на серебряные оклады наших Евангелий, еще прибавим драгоценных камней сюда, чтобы никак не смешать эту книгу с другими, чтобы как можно больше выразить, что книга это совсем другая от прочих, ничего с ними общего не имеющая, большая, единственная, главная. Ею – мы живы, ею – не умрем... Народ вправе иметь свои неполитические святыни и требовать, чтобы каждый пред ними снял шапку. Снимают ее пред знаменем, сними и перед крестом. Сними шапку, человече, и помолись на Православную Церковь: ныне спасла она нас от зверства и образа зверинаго!.. Все Церковь нам сохраняет и сохранила, а вовсе не “мы сохранили Рождество Христово”. На веки вечные запомним, что мы живы только христианством и что жизнь наша струится только из Церкви. Заговаривают, что хорошо бы и у нас провести “отделение Церкви от государства”, по примеру Запада. Да никто решительно не допустит, чтобы “государство Российское”, хотя бы чрез тысячи лет, стало когда-нибудь “не – православным”. Оно будет всегда “православным”, и за это Русский народ умрет, то есть всею жизнью народною не допустит до такого отделения”.

Так пишет газета, не отличающаяся не только клерикализмом, но и вообще религиозностью. Стало быть, явление, ею отмечаемое, невольно бросается в глаза людям, безпристрастно наблюдающим русскую жизнь. Вопрос только в том: многие ли и насколько глубоко прониклись таким взглядом на великое значение Православия для народной души? Что касается самого народа, в простоте сердца преданного родной Церкви, то он именно сердцем своим глубоко понимает и ценит заветное свое сокровище. Есть для него опасность с другой стороны, и над этой опасностью задумываются его добрые пастыри. Вот что пишет мне один из них:

“Скорблю о безцерковности, об упадке грамоты церковной, а с нею и веры православной. Бывало, не надеялись на идеальных законоучителей, а просто твердили Часослов. И этот строй песнопений церковных властно царил в душе грамотея. Канон девятоспеснец, разделенный на три части, по три песни, и в каждой песни четыре тропаря, – среди канона три малых ектений, после них – седален, кондак и светилен, – вся эта математическая стройность, в которой светится число Святыя Троицы, вводила чтеца в

светлая чертога богослужения, воспитывала, укрепляла волю, интересовала, радовала. Боже мой, все это прошло, все это утратилось, осталось лишь в монастырях для малого числа понимающих. За 50–60 лет нового учения нецерковного все это забылось. “И когда весь народ оный (воспитанный в законе Господнем) отошел к отцам своим, возстал после них другой род, который не знал Господа” (Суд. 2, 10). И у нас, как древле у Израиля, уже не осталось стариков, воспитанных в этой стройности, в этой музыке словес церковных^[64]. Трисвятое, Приидите поклонимся, три псалма, аллилуйя, тропари – вековая форма молитвы продолжительной, молитвы, привлекающей самым строем своим. Педагогическая мудрость святой Церкви, водимой Духом Святым, видна в этой стройности. Иначе не воспитаешь, как вот частым повторением Трисвятого, псалмов, тропарей — “Учащением дела обычаи восприять и многим временем нрав утверждаясь естества имать силу”. Узором в три крестика и в три звездочки вышивалось покрывало души народной. Вырастало и крепло благочестие с тою же постепенностью, как растет высокий дуб в могучей красоте. Все это прошло и поплакать хочется над книгой церковной о забытой науке религиозного воспитания. – В наступившем году сразу после Крещения раскрывается на клиросе Постная Триодь. Узнает ли об этом моя паства? Дойдет до ее слуха канон о мытаре и фарисее? Заметят ли прихожане скорбно-покаянную песнь: “Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче”? Воздохнут ли о стране безстрастия и духовности при пении “На реках Вавилонских”? Увы, ничего уже они теперь не знают... И только церковный закон о пище в эти дни наблюдают^[65], и за то – слава Богу. Каким духовным опустошением оказалась школьная реформа! Ни одна освободительная реформа не имела таких печальных последствий, как перемена церковного обучения на современную программу. А из пепла забвения церковности вырастают секты. Сектантов же обращать в православие весьма и весьма трудно. Да и после всенародного обращения к Церкви человек остается часто с опустошенной душой и с великим трудом пристаёт к церковной молитве. Нет у него ничего за душой, как говорится: нет воспитания церковного в детские годы. Но можно ли направить снова течение по старине, по-прежнему глубокому руслу? Едва ли... А иначе конца не будет скорби православной”...

Так кончает свое писание почтенный батюшка. и поистине – есть над чем задуматься, о чем позаботиться. Мы, старики, учились, именно по старине: букварь, Часослов, Псалтирь Царя Давида. Что до того, что детский ум мало понимал смысл священных словес: ребенку довольно и того, что он обогащает запас памяти. С возрастом у него весь этот запас осветится и смыслом тех или других выражений и слов. А пока важно уже и то, что в его душе закладывается прочный фундамент для тех церковных настроений, какими он будет жить потом в сознательной жизни. Помню себя на руках моего родителя, когда он, после долгих моих просьб принес наконец из церкви Часослов: как же я рад был этой книге, как целовал ее кожаный переплет, *ея красный строки!*.. Тут же, сидя на руках отца, я дал обещание становиться с ним на клирос, учиться петь, а потом и читать в церкви. Не думайте, что ребенок так уж ничего и не понимает в молитвах, им изучаемых: ведь прежде, чем начинать изучение букваря, по указанию отца или матери, он ограждает себя крестным знамением, целует книжку и повторяет за родителями начертанные на самой обертке слова молитвы: “Боже в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие”. Если не понимает он слово *вонми*, зато остальное все ему понятно, а одно слово ему, конечно, уже объяснят, и он запомнит, что значит это слово: “вонми”. Зато сколько радости-то, сколько счастья – стать на клирос, подпевать отцу, а когда усвоишь навык к чтению – прочитать *Ныне отпускаеши*, а потом и шестопсалмие... Знают ли нынешние дети это счастье?

Имеют ли понятие о том уважении к самой азбучке, с каким мы целовали ее при начале и конце урока, как книжку “божественную”?.. Пусть меня осуждают современные педагоги, – я очень жалею нынешних малюток, что они лишены этой радости, этого счастья.

Как видите, опасность грозит народу удалением от Церкви чрез удаление от языка Церкви в самом начале святого дела воспитания дитяти. И странное дело: наши интеллигенты, так усердно заботящиеся о том, чтоб ребенок понимал каждое слово в их азбуке, когда коснется дело их собственных детей, подвергают их духовной пытке, заставляя изучать иностранные языки с самой колыбели. Ведь славянский язык все же – родной язык отцов наших, все же в нем корни русского языка, все же большая часть слов понятна даже и ребенку, а стало быть, он несравненно легче может быть усвоен, чем иностранный. А у нас был министр, который даже в средних учебных заведениях нашел нужным, вероятно, по тем же соображениям трудности изучения, упразднить его самостоятельное преподавание. Что же касается народа, то он любит и чтит славянский язык, как язык священный, язык, на котором можно беседовать только с Богом и святыми. Его в молитвах церковных, на котором написаны столь любимые им Четьи-Менеи и другие “божественные” книги. Было время, когда деревенские грамотеи о предметах “божественных” любили и говорить полу славянским языком. В моем детстве я знал даже почтенного старика-бурмистра (это еще во время крепостного права было), который, будучи безграмотным, знал некоторые жития святых по-славянски – буквально наизусть... Припоминается мне картина, как он, окруженный старостами деревенскими, в вотчинной конторе, взяв в руки газетный лист, устремлял в него свои старые очи и начинал: “Месяца декемрия в первый день. Житие святого праведного Филарета Милостиваго. В стране Пафлагонстей, в веси глаголемой Амния”... И так прочитывал все до конца. Он читает и умиляется, слушатели внимают и от умиления плачут. Вот как было в старину, сравнительно даже и не особенно старую, лет 50 назад. Зато, бывало, клирос полон мужичками, которые помогают дьячку в чтении и пении. И торжественно бывало встречали мы св. Пасху и Рождество Христово в своей родной сельской церкви, оглашаемой хотя и не особенно стройным, но зато дружным, одушевленным пением обоих клиросов...

В стремлении устранить славянский язык из народной школы мы не можем не видеть одно из средств, какия пускают в ход враги Церкви, чтобы вытравить из души народной ту церковность, которая составляет основу народного мирозерцания, народной нравственности. А потому все, кому дорог а православная русская душа, должны отстаивать славянский язык как в народной, да и во всякой школе, так и в церковном богослужении. Только при этом условии мы можем сберечь то сокровище народного духа, коим теперь любуются в его проявлении в жизни все образованные народы земли, кроме, конечно, наших врагов – немцев... Наше родное Православие в народном сознании воплотилось в нашем церковно-славянском богослужебном языке и стало душою души народной...

На страже христианских понятий

Нем долгие мы живем на свете, тем дальше уходим от той строгости в области нравственных понятий, какую завещали нам наши благочестивые предки. И уж, конечно, назвать это нравственным прогрессом никак нельзя. Да оно и понятно: сравнить древних подвижников духа, древних отцов пустынь Египта и Сирии с современными иноками – какая разница. То были воистину исполины духа, носители идеалов христианского смирения, кротости, любви, пламенной молитвы, чистоты сердца: и вместе – неподражаемого внешнего подвига; они бежали от мира, от людей, хотя и любили людей так, как нам и во сне не пригрезится; они хотели, чтобы мир забыл о них, но сами они помнили о мире и молились о мире мира, и их молитвами самый мир стоял, они были тем святым семенем, которое, по слову Божию, и есть “стояние мира”. Когда читаешь их жития, то невольно склоняешься пред ними как истинными носителями образа Божия, как подражателями Самому Христу, воистину – Богу подобными и преподобными. И нелепая мысль современных безумцев о том, будто бы человек произошел от обезьяны, кажется дикою насмешкой над самыми изобретателями этой мысли, и с негодованием отвергает ее сердце, как незаслуживающую даже критики. Сии жалкие безумцы, столь желающие быть потомками обезьяны, не читают, не хотят читать жития святых подвижников: для них это – сказки, коим и верить стыдно... Но тем хуже для них же: мы вправе усомниться даже в том: христиане ли это? Веруют ли они, что воскрес Господь Иисус Христос и сами они некогда воскреснут? Увы, надо сознаться, что хотя живем мы и в христианской стране, хотя нас окружают как будто все христиане по имени, но на деле, по совести, сколько среди сих именуемых христианами – Неверов и язычников по духу! Этого мало: незаметно для самих себя мы поддаемся их влиянию. Нередко бывает, что мы как будто стыдимся сказать прямо свое православное слово о том или ином явлении в нашей жизни и предпочитаем молчать... Почему? Да нас останавливает мысль: а что скажут вот эти, лишь именуемые, но не действительные христиане, которые окружают нас?.. Нужно ли приводить примеры? Я заранее чувствую, что если укажу на то или иное явление такого рода, то услышу: “это – фанатизм, крайность, излишний ригоризм” и подобное. Но я уверен, что наши предки этого бы не сказали: они тотчас присоединились бы к моему мнению. На примере это будет яснее. Исполнилось сто лет со дня рождения поэта Лермонтова. Война помешала праздновать этот юбилей. Но все же о нем вспомнили. Газеты поместили обычные некрологи, портреты, даже нашли портрет того священника, который “за двести рублей” согласился похоронить несчастного поэта. Православный читатель спросит: что это значит? Разве было препятствие к погребению, что понадобилось заплатить такую сумму, которая по тогдашнему составляла целый капитал? Дело простое: тогда строго соблюдалось правило: убитых на дуэли лишать погребения, как самоубийц. Тогда твердо помнили учение Православного Катехизиса и не расходились с ним в жизни, а известно, как велит Катехизис смотреть на дуэли: дуэль включает в себе тройное преступление: убийство, самоубийство и мятеж против правительства. Катехизис и доселе включает в себе это суждение о дуэли. Но на практике оно давно забыто. Убитых на дуэли без всяких препятствий, кажется, теперь хоронят по тому обряду, какой положен для всех в вере и уповании жизни вечная скончавшихся православных. Я не хотел бы напоминать, что Лермонтов позволял себе иногда и кощунства: Бог да простит

ему эти грехи юности. Я не хочу сказать и того, что не следует служить по нем панихиды, молиться о упокоении мятежной души его: Церковь не отлучила его от своего общения, как это сделала она с другим именитым писателем – гр. Толстым; но все же следовало бы нам, церковникам, повоздержаться от излишних похвал несчастному поэту. Его душа нуждается в молитвенной помощи, но уж никак не в похвалах. Если он и написал пять-шесть стихотворений с содержанием религиозным, то уж никак нельзя сказать о нем, что он “оказался благим и верным рабом пред своим небесным Заимодавцем”, что “данный ему талант он усугубил”, как напечатано в одной нашей духовной газете, да еще в передовой статье: в таких льстивых словесах душа поэта не нуждается. Кстати скажу: его “Ангел”, с точки зрения богословской, даже проповедует ересь, предполагая предсуществование душ. Я спрашиваю: чем объяснить такое неуместное применение притчи Христовой о талантах к памяти несчастно покончившего жизнь поэт? Ну – помяните его теплым словом сожаления, пригласите, в виду его несчастной, как говорят, безвременной кончины, сугубо помолиться за него, но приписывать ему то, чего он и сам не признал бы за собою, – это уж для православной газеты – простите – непростительно. Ведь притча Христова “верных рабов” приглашает “войти в радость Господа своего”...

Я привел пример и жду, что какая-нибудь либеральная газетка бросится на меня с бранью и обвинениями, что я чужд духа любви христианской. А я повторяю, что под моим мнением, наверное, подписались бы наши предки православные. Дух-то любви христианской заключается не в том, чтобы грешному покойнику приписывать добродетели, коих у него была разве одна тень, а в том, чтобы, признавая его грехи и недостаточества, молиться о прощении души его, если Церковь сие позволяет делать. Христианин должен помнить, что чем больше кому дано даров Божиих, тем больше и строже взыщется с него, а потому тем прилежнее надо молиться за душу того, кто не только не принес сполна своего дара Богу, но и не сберег дара жизни своей, подставив из-за пустяков свою грудь под выстрел столь же легкомысленного противника. Говорят, что этот противник потом всю свою долгую жизнь мучился в совести и не мог найти мира душе своей вследствие этого поединка.

Я указал только на одно мало заметное проявление того влияния, какое оказывают на нас, людей церковных, люди нецерковные, сынове века сего. А таких проявлений можно указать сколько угодно. Мы как будто начинаем стыдиться если не Самого Христа, то пренепорочной невесты Его – нашей матери Церкви Православной. Мы как бы стараемся иногда затушевывать следы строго церковных православных воззрений, чтоб как-нибудь не затронуть самолюбие инославных. Мы слишком уж много берем из их литературы, переносим в свою, наполняем свои духовные издания переводами их религиозных произведений, не дерзая иногда опускать даже те строки, которые явно противоречат нашему православному учению, а только снабжая их краткими примечаниями. Питаясь неправославною литературой, наши писатели незаметно для самих себя заражаются и неправославными взглядами, которые проводят потом и в своих статьях. Вот маленький пример. В духовном журнале, предназначенном для народного чтения, некий сотрудник говорит: “Приверженцы традиционного монашества стараются прежде всего опереться на наших святых угодников Божиих, как на благих и спасительных виновников традиций, указывая на их жизнеописания, как на подтверждение их правоты. Но кто же не знает, что прекрасные сами по себе жизнеописания часто бывают прикрашены предвзятой мыслью биографа и от чудной, светлой жизни святого остается впечатление какой-то басни, неимеющей ничего общего с правдоподобностью”.

Скажите, может ли так говорить православный писатель? Не смотрит ли он на жития святых в очки немецких критиков, которые не оставили в покое даже святой Библии, все искрошили, все подвергли мнению? И нужно ли говорить, какой соблазн вносит такое суждение в душу читателя-простеца? И вот мне пишет один добрый пастырь из деревенской глуши: “Очень и очень жаль, что автор этих строк не пояснил: в чем же именно заключается эта” прикраса предвзятой мысли биографа” в жизнеописаниях святых угодников Божиих? Без такого пояснения слова его могут глубоко смутить души и сердца верующих и воспитавшихся на житиях святых христиан-читателей. Ведь многие из них в течение своей жизни перечитали или переслышали немало житий святых, но, конечно, ни одно из них никогда не оставляло после себя “впечатления какой-то басни” в душах читателей; напротив, эти жития от начала до конца, несомненно, были услугой их душ и отрадой сердец. А тут вдруг ученый сотрудник популярного журнала подает читателю ту злобную мысль, будто уж нет ни одного человека, который не сомневался бы в правдоподобности жизнеописаний святых и не считал бы многое в них чем-то вроде басен... По нашему мнению, посеять такое недоверие к описателям житий угодников Божиих – значит поднести чашу отравы душе простосердечно и безхитростно верующего православного читателя. Кроме того, злобное подозрение автора в корне подрывает авторитет даже такого великого угодника и чудотворца, каков приснопамятный святитель Димитрий Ростовский. Ужели и этот святой отец собрал свои жития из неправдоподобных басен и легенд? Ужели и он – “биограф с предвзятой мыслью”? Ужели и он “прикрашивал” жития до того, что от них остается “впечатление каких-то басен”? А он говорил: “не буди ми лгати на святого”. Мало того, автору “ученой статьи не должно бы забывать и того, что все те чудесные случаи, которые описаны в житиях святых и которые автор заподозревает в неправдоподобности, воспеты и богодухновенными церковными песнописцами и вошли в круг церковных молитвословий и песнопений. Ужели же и эти люди, нередко архипастыри и учителя церковные, прославившиеся святостью жизни и высоким духовным образованием, тоже воспели “неправдоподобные басни”? Это уж слишком тяжкое обвинение, бросающее тень на всю Церковь!.. Такого рода обвинения естественно ожидать от каких-нибудь баптистов, штундистов с молоканами, а уж никак не от сотрудника православного духовного журнала. Надо помнить, что на Прологах и Четиях-Минеях искони воспитывалась вера Русского народа и никто никогда из людей преданных св. Православной Церкви не говорил, будто при чтении житий святых “остается впечатление какой-то басни”. Есть на свете люди, которые и чудеса, описанные в священном Писании, называют легендами да баснями, но – не уста ли лжеца сатаны говорят их устами?..”

Я нарочито привел здесь почти целиком письмо почтенного батюшки, сельского священника, который сам вышел из крестьян и сам воспитался на житиях святых. Сотрудник духовного журнала, вероятно, из прошедших высшую духовную школу, которая – греха нечего таить – не может и тут обойтись без немецких книжек, бросил свою фразу, не подумав о последствиях: может быть, под впечатлением немецких “источников” он и, в самом деле, выносит от житий святых “впечатление басен”, но не всякий же бред, какой придет в голову, можно выносить на улицу и отравлять им в простоте верующих православных читателей. Не делает чести и редакции, что она дает место такому бреду. Если на автора упоминаемой выдержки жития святых производят впечатление “сказок”, то пусть он не посетует, если мы скажем в свою очередь, что его

писание производит на нас впечатление рассуждений язычника, неспособного мыслить по- православному...

И опять приходится повторить: мы живем ведь среди таких, зараженных тонким язычеством, христиан. Как видите, они проникают у нас и в духовную литературу, становятся в ряды писателей, назидających массы в простоте верующих... Как тут уберечься от их влияния? И вот что особенно опасно: мы привыкаем к их выступлениям, перестаем как бы замечать уродливость, с точки зрения Православия, таких выступлений, они, эти выступления, становятся для нас обычным явлением... Правда, в мирской, светской печати, это повелось еще с 50-х, 60-х годов прошлого столетия; там давно перестали считаться с Православием, с церковными традициями, давно их вычеркнули из своего литературного лексикона; но в нашей духовной литературе это явление пока еще новое, наблюдаемое лишь с уничтожением духовной цензуры (на практике), с развитием периодической печати, когда стало свободно каждому, кому придет охота, издавать духовные журналы и всякие листки. Духовная атмосфера незаметно отравляется, наши понятия, в отношении их чистоты и строгости, понижаются, перевоспитываются, и если мы, старики, с болью сердца еще наблюдаем, замечаем и отмечаем это явление, то наши дети уже считают его явлением естественным, нимало не оскорбительным для родного Православия, для Церкви. Они растут уже в пониженных понятиях. А что дальше будет? До чего можем дойти? Лютер с своею реформою начал с якобы очищения Церкви от папских заблуждений, а его последователи дошли до отрицания Божества Христа Спасителя, до отрицания христианства: мы являемся свидетелями полного разложения христианства в протестантстве, в приложении антихристианских начал протестантства к жизни. Не видим ли мы на них очевидное доказательство той истины, что человек, потерявший образ Божий, хуже всякого лютого зверя? Да избавит нас Господь от такого прогресса, от такого “просвещения”!..

Продолжаю свои старикивские наблюдения над изменением и ослаблением некоторых понятий в области веры и жизни христианской.

Святые отцы говорят, что похвала человеческая хуже и опаснее бесовской. Хвалит нас бес в нашем же грешном помысле, возбуждая нас к тщеславию, но ему не всякий из нас поверит, ибо известна пословица, что и “калина сама себя хвалила: я больно с медом хороша”. Вот когда бес будет навязчиво влгать в голову мысль: “несмы я якоже прочий человецы, я-де и умен, и добр, и хорош”, – вспомнишь ту пословицу и стыдно станет, а Ангел хранитель и притчу о мытаре и фарисее напмнит, и скажешь тогда бесу тщеславия: “Иди прочь от меня, лукавый искушитель”. И в добрую минуту оглянешься на многое множество грехов своих, и как-то невольно смиришьсся: куда уж тебе в хорошие люди себя зачислять? Слава Богу, что еще терпит твои немощи и помогает кое-какое добро делать: чем уж тут хвалиться? Живешь – только небо коптишь своими грехами и благодари Бога, что терпит эти грехи. Подумаешь так, и смиритсся гордыня, и отскочит бес-искушитель. Дело в том, что пока в нас не возросла гордыня, мы не особенно себе доверяем в оценке своих поступков; да и простое благоразумие нас останавливает: а что если мы ошибаемся, если со стороны-то иначе расценивают наши дела, ведь со стороны-то часто виднее и достоинства и недостатки наши. В большинстве случаев ведь мы считаем свои помыслы, внушаемые нам от врага, за свои собственные. Так стоит дело, когда нас хвалит бес в нашем помысле.

Совсем другое дело, когда нас хвалят люди. Тут уж навязчиво говорит нам грешный помысл, – лучше сказать – подшептывает все тот же враг: “Это ведь не сам себя ты

хвалишь: это добрые люди говорят о тебе, а им со стороны виднее”... С таким искушением бороться гораздо труднее. Не напрасно один почтенный старец, сельский дьячок, когда его хвалили за действительно прекрасное чтение и пение в церкви, говаривал: “Не хвали в глаза: испорчусь”. И в самом деле: долго ли до греха? Ведь если мы что и сделаем хорошего, то это – не наше дело, это дело благодати Божией, без помощи которой мы ничего не можем сделать доброго: так чем же хвалиться-то? Пожалуй, прими в сердце похвалу людскую, то есть припиши себе это доброе дело, не тобою, а Божией благодатью чрез тебя сделанное, – сия благодать и отступит от тебя, перестанет тебе помогать, и ты осиротеешь, станешь беспомощен, потеряешь способность делать добро, за то, что похитил, себе приписал чужое, Божие дело. Говорил мне один трудолюбивый писатель: “Много книг я выпустил на своем веку, и каждый раз, как выходила книга, меня не в меру расхваливали духовные издания, и что же вы думаете? Каждый раз меня постигало какое-либо искушение: или болезнь, или ошибка по службе, или неприятность по личным отношениям с кем-либо. Покойный мой старец предостерегал меня: “Смотрите, вас хвалят, ждите искушений”, и искушения неизменно приходили, так что я не всегда бывал и рад, когда читал о себе похвалы, зная, что за них придется расплачиваться так или иначе скорбями”. Заметьте: речь идет о похвалах печатных, похвалах собственно книгам, а не личности автора их, а все же автор расплачивался за эти похвалы искушениями. В духовной жизни видно такой закон: чтоб очистить приращение тщеславия от сердца, попускаются скорби и искушения. Блажен, кто знает этот закон. А люди, внимающие себе, не могут не знать его. Обычно, в случаях похвалы человеческой, они отражают ее рассуждением, что внешнее делание без внутреннего в очах Божиих цены не имеет, что это – листвие одно, а смоковница, богато одетая листвием одним, но плодов не имевшая, была проклята Господом...

Несравненно опаснее те похвалы, которые касаются нашей внутренней духовной жизни, нашего внутреннего человека, сокровенного в Бозе. От таких похвал святые подвижники бегали из мира в пустыни, укрывались в пещерах и ущельях земных, притворялись лишенными ума: так они вредны для души, так тяжела

борьба с ними. Удивляются миряне и теперь: почему в монашеском мире так мало подвижающихся. Да, их мало, очень теперь мало, но все же среди них и теперь есть трудники Царствия Божия, есть истинные рабы Божии, Богу угождающие, но в том-то и дело: чем кто из них выше стоит в духовной жизни, тем он “сопрятаннее”, как говорят иноки, тем скромнее, смиреннее, тем он старается быть незаметнее для постороннего глаза, даже для своих же собратий. Он хочет, чтобы только Бог, да его духовный руководитель знали то, чем живет его дух. и только при такой сокровенности-сопрятанности, он преуспевает в духовной жизни и подвиге. Так оно и должно быть. Если о делах милостыни заповедал Господь: *да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя*, то тем паче о внутреннем делании духа должно сказать, что оно должно быть всячески сокрыто от людей, даже, насколько возможно, и от себя самого. Пусть един Бог ведает сии тайны. Пусть един Он и открывает миру из сих тайн то, что служит во славу Его и во спасение нашему ближнему – нам, грешным. И слава Богу, это хорошо понимают даже миряне. Хвалить человека в глаза, особенно восхвалять его духовные качества, считается у нас крайне неделикатным. Обычно высказывают человеку в общих выражениях уважение к его личности, а прочие похвалы при этом как бы подразумеваются. И только когда умрет почтенная личность, когда ему уже будет не

вредно, а для нас назидательно, тогда, над его гробом, в некрологах о нем уже дают волю словесам похвальным.

Такой взгляд установился на похвалу людскую у нас в общежитии, во взаимных отношениях православных христиан. Но в последние годы, благодаря пресловутой “свободе печати”, с этим взглядом не считаются. Правда, в той печати, которою явно или тайно руководят иудеи и их приспешники, на все, что касается духовной жизни, Церкви, ея служителей, добродетели во имя Христово, наложен своего рода “херем”: хулить можно сколько угодно, а хвалить не полагается; но не об этой печати я хочу сказать свое слово. Есть печать благонамеренная, к Церкви благорасположенная. Бывало, в этой печати, в старое доброе время, если хотели говорить о добром делании того или другого еще здравствующаго подвижника, то говорили прикровенно: ни места жительства, ни имени подвижника не указывалось, иногда даже намеренно изменялось имя, чтобы не возбудить праздного любопытства и не нарушить душевного мира того раба Божия, о коем говорят. Ныне забыли это мудрое правило. Разные “корреспонденты”, особенно “фельетонисты”, гоняясь за лишним пяточком от газеты, иногда в хороших газетах так откровенничают, что вчуже становится обидно, вчуже краснеешь за тех, кого они описывают. Года два-три назад известный фельетонист Носилов в нескольких фельетонах возвел прямо во святые некоего послушника, который, по его словам, обличил его в том, что в его дорожном мешке была колбаса, тогда как дело было в пост, который самочинно поучал мирян, благословлял женщин и т. д. На этот раз описан далеко не подвижник, а один из тех мнимых подвижников, которые обычно ищут известности в столицах у разных важных особ и идут путем, противоположным истинному подвижничеству. Такие сами ищут себе похвал в печати. Но автор фельетонов, по-видимому, считал сего искателя славы человеческой за раба Божия и говорит о нем с почтением. А вот что вы скажете о целой книге, которая вся посвящена похвалам – это целый акафист современным инокам и инокиням нескольких обителей Калужской епархии... Книга написана с искренним чувством, с подъемом духа; автор увлекает за собою читателя и заставляет переживать то, что пережил автор, посещая эти обители. Есть в книге недочеты в общих суждениях, есть уклонения в сторону от главной темы, встречается немало необычных выражений, но все это охотно прощаешь автору, имея в виду, что он новичок в нашей духовной литературе и вырос в другой среде, в других понятиях. Многочисленные иллюстрации, очевидно, фотографии с натуры, прекрасно исполненные цинкографией, помогают автору вести за собою читателя и знакомить с теми личностями, о коих он говорит. Я прочитал книгу с удовольствием и рекомендую ее особенно тем из нашей интеллигенции, кто “страдает душою”: книга так и заглавлена: “Тихие приюты для отдыха страдающей души”. Ея автор – В. П. Быков, бывший спирит, искренно раскаявшийся в своем ужасном заблуждении и теперь ревностнейший обличитель этого заблуждения. В своей книге он не раз касается и спиритизма, но только кстати, кратко, обещая специально писать об этом диавольском наводнении в другой книге, которая, кажется, уже и вышла. Словом: можно отдохнуть душою не только посещая те обители, которые описывает автор, но и просто только читая его книгу.

И тем не менее, да простит мне почтенный автор: я хотел бы стать в положение тех иноков и инокинь, которых он так восхваляет, называя по именам... Я представляю себе, что вот тот или другой из них получил эту книгу и стал ее читать... Какое великое искушение!.. “Великий подвижник, Божий прозорливец; мудрый, богодухновенный старец, святейший из святых”, и так далее, и так далее... Сомневаюсь, что восхваляемые

иноки разрешили бы автору печатать эти похвалы, если бы он представил свою рукопись предварительно на их прочтение. Мы знаем, как относился к человеческой похвале, например, великий старец иеросхимонах Лев-Леонид: “Славны бубны за горами”, – говаривал он, когда кто-нибудь выражал ему свое особенное уважение как подвижнику. Да и все они, старцы Божии, не терпели похвал людских. А печатная похвала ведь хуже лично, словесно высказанной. Это – восхваление среди площади, в слух тысячной толпы не только людей единомысленных автору, но и вовсе не способных понять его: такие могут принять весь его рассказ о живых людях за рекламу... Впрочем, я отмечаю только эти похвалы как нечто новое в нашей духовной литературе: иное дело ведь похвала внешнему деланию, похвала, например, книге, хотя и такая похвала, как я выше сказал, не проходит без искушений для похваляемого, – а другое, совсем другое дело – похвала духовным качествам лица, его подвигам, его прозорливости, силе его молитв. Кричать о таких предметах на площади, то есть в печати, по нашим старым понятиям, не подобало бы... *Прежде смерти*, говорит Писание, *не ублажи никогоже*.

Думаю, что те, кому дорого духовное преуспеяние, духовный рост нашего народа, должны стоять на страже его понятий, воспитанных веками под влиянием родной Православной Церкви. Враг Божий скрадывает душу именно яко тать в нощи: незаметно он похищает из сознания самую существенную, самую дорогую в духовном отношении признаки понятий, подменяя их мирскими, менее ценными – чтобы потом обезценить и сии последние... Примеров такого подмена так много, что и не перечислишь...

Подвигом поста и покаяния поможем на брани подвизающимся!

Господь милует нашу Русь Православную, милуя наказует и наказуя зовет к покаянию и духовному обновлению. В последние полгода мы пережили столько чудес милости Божией, сколько не видели в полсотни лет. Не видели, потому только, что в нерадении своем глаза закрывали, а они, чудеса эти, не прекращались у нас никогда. Гром небесный пробудил нашу дремлющую совесть, и очи наши открылись. Бог положил на сердце Своему избраннику, Царю нашему, великое, воистину спасительное дело – положить конец народному развращению пьянством, и народ, как освобождаемый пленник, когда с него снимают оковы, свободно вздохнул, благословляя Помазанника Божия за это святое дело. А трезвость, видимо, привлекла к народу нашему и Божие благословение.

Но великое Божие испытание далеко еще не кончилось. Наш враг собирает все новыя и новыя силы: объявляя войну, он надеялся, что поможет ему наша внутренняя смута, наш исторический порок – пьянство; милостью Божией этого не случилось. Смута исчезла, пьянства как не бывало, Русь встала за свои святыни как один человек. Но и в духовной жизни бывает то же, что в жизни телесной: болезнь иногда возвращается с удвоенной силой... Есть опасность, после благополучного окончания войны, возвращения и наших недугов духовных; эту опасность надо иметь в виду, надо принимать меры к ее предупреждению. А для этого – не должно успокаиваться на мысли, будто мы стали лучше, будто мы заслуживаем милости Божией, будто мы уже застрахованы от тех искушений, которыми, – скажем откровенно, – позорилась доселе Русская земля... И вот – новая к нам милость Божия: чтобы закрепить в нас благое произволение, Бог так расположил в нынешнем году события современной жизни и дни церковных воспоминаний, что Великий пост, это время духовного обновления по преимуществу, приблизился к началу года на самое краткое расстояние: тотчас же после праздника Крещения Господня, в первое же воскресенье, Церковь уже запела: Покаяния отвержи ми двери, Жизнодавче... Раскрылась Триодь постная, и Церковь ввела нас сначала в преддверие, а затем и в самое поприще святого поста. Пусть говорят, что это случайное совпадение: нет, это – дело Божия о нас промышления, Божией милости к нам, грешным. Для христианина ничего нет случайного, он во всем видит руку Божию, ибо и по учению Церкви, и по личному опыту знает, что и волос с головы нашей не падает без воли Отца нашего Небесного, тем паче не бывает ничего случайного в жизни целого народа. Между тем, известно и наукою доказано, как, милостью Божией, еще велико значение поста для русского православного человека: статистика говорит, что число преступлений значительно сокращается именно в те месяцы, когда бывает святой Великий пост. Значит, русские люди еще помнят святыне дни, еще стараются, даже самые слабые из них, самые склонные к пьянству и всем порокам, от него истекающим, елико сила, воздерживаться от сих пороков. Вот Господь и зовет нас закрепить в себе доброе изволение наше подвигом поста и покаяния. Ведь вся жизнь христианина есть непрестанный подвиг в борьбе с самим собою, с своими страстями, с врагом нашего спасения и его союзником – миром лукавым и прелюбодейным. Всю жизнь мы должны стоять на страже собственного своего сердца, оберегать его чистоту, а если появилась некая нечистота, то скорее очищать ее,

дабы не лишиться благодати Божией, преподаваемой нам в таинствах святой матери нашей Церкви. Но есть времена в течение года, когда Церковь, как заботливая мать, заставляет своих чад внимательнее заглянуть в свое сердце, в свою совесть, очистить себя благодатию таинств, подышать чистым воздухом жизни небесной, церковной, и обновиться духом. Если для телесного нашего состава от времени до времени необходимо отдохнуть на свежем, чистом воздухе, выдержать ту или другую предписанную врачей диету, то тем паче все это необходимо для нашей души. Тело мы питаем и греем, заботимся о нем каждый день; а бедная наша душа так часто остается в пренебрежении, остается без сродной ей духовной пищи, дышит смрадом страстей, болеет и страдает от этих страстей... Вот святая Церковь, водимая Духом Божиим, и ввела святые посты, чтобы волею-неволею ея чада могли позаботиться о своей бессмертной душе. И как благодетельны эти святые дни! Как освежают они душу верного сына Церкви! Воистину это – весна душам! Весна, благоухающая райскими ароматами!

Постом и молитвою наши предки готовились к великим подвигам борьбы за землю родную. Вспомним Димитрия Иоанновича Донского, который нарочито предпринял со своею избранной дружиной путешествие к преподобному Сергию, чтобы испросить его молитв и благословения на великий подвиг. Покаянием и причащением Божественных Таин Христовых готовили себя на битву его воины. Мы знаем, что и ныне русские воистину христолюбивые воины так же готовятся к битве ввиду смертной опасности. Надо, чтобы и весь православный русский народ слился со своими сынами, на поле брани подвизающимися, – слился в единении веры, молитвы, а наипаче – в соединении со Христом в величайшем Таинстве Причащения тела и крови Его. Дивная сила сего Таинства! Оно объединяет всех верующих во едино тело – Церковь; оно делает нас членами единого тела Христова, возглавляемого Самим Христом Спасителем: *един Хлеб – едино тело есмы мнози, еси бо от единого Хлеба причащаемся*, говорит Апостол Павел. А если так, то – прямой выход из сего будет такой: когда страдает один член, то с ним страдает и все тело; когда ощущает прилив сил благодатных один член Церкви, то этот прилив сил благодатных ощущается и другими членами того же таинственного тела Христова – Церкви, если только они живут в недрах Церкви, считают себя сынами ея и повинуются ей, яко матери. Опасность смерти пробуждает веру и в тех, кто был дотоле равнодушен к вере; недаром говорится: кто на море не бывал, тот Богу не маливался. И мы читаем в сообщениях из армии, что наши православные воины идут в битву с крестным знаменем, несут на своей груди родительское или иерейское благословение, умирают, целуя свой нагрудный крест... Да, это – истинные сыны Церкви Православной, смиренные и послушные ей, предающие себя ея молитвам и ходатайству пред Богом. И вот, когда мы, их братья, отцы, матери, сестры, их жены и дети, – мы, православные Русские люди, не только возносим вместе с Церковью за них горячие молитвы, но и входим с ними в благодатное общение чрез святейшее Таинство Божественного Причащения Тела и Крови Христа Спасителя нашего, – тогда благодать Божия достигает их, и укрепляет их силы в борьбе с врагами нашей матери-Церкви. Ведь и они – члены того же тела Христова, именуемого Церковью, к которому принадлежим и мы. Они – с нами едино тело, и когда мы вкушаем Тела Христова в святейшем Таинстве Причащения, когда мы пием от чаши Крови Господней, и на них в некоей мере простирается действие благодати Божией, обновляющей наши силы...

Очищая себя Таинствами покаяния и святого Причащения, мы становимся и к молитве за ближних наших более расположенными, более способными. А в такой молитве

наиболее других нуждаются наши подвижники-воины. И если святая Церковь учит нас, что Господь, по неизреченной благодати Своей, приемлет молитвы за усопших, даже за “иже во аде держимых”, то тем дерзновеннее будет молитва души, соединившейся с Господом в Таинстве Причащения, за тех братьев наших, которые подвизаются на брани за Веру, Царя и Отечество. Ведь молитва за ближних, молитва за тех, которые и сами вопиют к Богу от сердца, есть в сущности дыхание любви. А Бог есть весь благодать, весь – любовь. Он ли не услышит молитвы любви, возносимой от чистаго сердца, от лица всей Церкви, которая есть тело Его, Христа Спасителя, есть мать наша, молитвы, возносимой миллионами уст и сердец Русского народа, приступающего в святые дни поста к святейшей Чаше Христовой?

Мы не ведаем путей Божиих. Мы не знаем, что будет завтра. Не знаем, что ждет наше христоролюбивое воинство в ближайшее время его великого подвига. Вся наша надежда на молитвы Церкви, на милость Божию. *Сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем.* Не на пушки наши, не на оружие наше надеемся мы. Господь знает, что не мы вызвали великую и страшную, в истории еще небывалую войну. Господь знает, что мы за правое дело стали грудью, стали из любви к братьям нашим, которым грозило не только порабощение, но, как видно на примере других, порабощенных теми же немцами славян, и похищение из их сердец святой Веры Православной. На сию правду нашу мы ни уповаем.

Мы знаем, что много согрешили пред Богом и заслужили праведный гнев Его своими беззакониями. А потому поспешим к Нему в чувстве сердечного раскаяния во грехах наших, поспешим соединиться с Христом Спасителем нашим в Таинствах покаяния и Божественного Причащения. И – веруем, что Он не оставит Своею милостию нас, грешных, Он пошлет победу и одоление христоролюбивому воинству нашему на врагов наших, и как бы ни велики были силы этих врагов – Он, Всесильный Господь воинств, покорит их под ноги нашего Боголюбиваго и Богом хранимаго Самодержца. Ей, буди, буди, аминь!..

Олово – серебро, молчание – золото

Хорошо было в старое доброе время: слова имели определенный смысл, добро и называлось добром, зло – злом; наши старики любили точность в выражении своих мыслей и не терпели неопределенности. Ныне не то: ныне пущено в ход множество слов, смысл которых предоставляется определять кому как угодно. Таковы столь любимы ныне слова: “свобода”, “равенство”, “братство”, “любовь”; таково же и слово “гласность”. Обыкновенно о смысле этих слов не спорят: все признают их словами хорошими, бесспорными, и если бы кто усомнился в этом, такого сочли бы отсталым, ретроградом, а то и человеконенавистником. Между тем как все подобныя слова требуют себе непременно дополнения: свобода – кому и для чего? Разбойнику грабить и убивать? Равенство в чем и кому? Безталантному лентяю и безсовестному обманщику – с честным человеком, трудолюбивым и талантливым? Братство – в каком отношении и опять кому? Заведомому эксплуататору-иудею с честнейшим христианином? Тоже и о гласности: говорят и хотят всех уверить, будто это уж такая полезная и хорошая вещь, что и спора быть не может. Однако же мы на деле видим, что она способна входить в союз с ложью, обманом, клеветой и тогда, конечно, уж ни в каком случае не может быть признана полезною.

В наши дни именно гласность стала орудием обмана целых народов, как это ни казалось бы невозможным. На наших глазах миллионные массы простого народа в Германии, Австрии и Турции находятся в состоянии обманутых, верят тому, что находят нужным печатать во всеобщее сведение правительства этих народов, и нет средств разубедить их дотол, пока самое дело, а не слова, не печатные листы, покажет, как их обманывали руководители народной жизни. И горько будет тогда народное разочарование!

Гласность считается каким-то благом. На самом деле она может быть благом, но – увы – чаще бывает величайшим злом. И особенно много зла вносит в нашу жизнь гласность в наше время, когда печатью – надо в этом сознаться – завладели в громадном большинстве иудеи, которые еще во времена пророка Исаии отличались искусством зло называть добром, а добро злом, черное представлять белым и обратно. Они больше всех кричат о свободе гласности и больше всех злоупотребляют этою свободой. Но и не одни иудеи, – наши интеллигенты либерального лагеря не уступают иудеям в злоупотреблении гласностью. Скажу больше: понятие о гласности, как о каком-то бесспорном благе, проникает даже туда, где ему уж никак не подобало бы быть. Я говорю о духовной печати, о той гласности, которой хотят пользоваться некоторые духовные писатели. Если кому, то им-то уж во всяком случае подобало бы помнить слово Спасителя: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный*. Печатное слово есть то же, даже больше, чем проповедь на площади, среди улицы, в миллионной толпе. Прежде чем выйти на такую проповедь, оратор должен заглянуть в свою совесть, проверить себя: составляет ли задуманная им проповедь – его долг пред совестью, пред Богом, или же он хочет только использовать свободу слова, предоставленную всякому гражданским законом? Тем паче служитель алтаря Христова должен проверить себя, да не только своею совестью, но и совестью другого, кого он считает стоящим выше себя в духовном отношении, должен ли, обязан ли он выступить с словом обличения в печати? Откуда идет к нему помысл, желание такого выступления? С какой стороны: справа или слева? Я

говорю, что ему следует проверить себя совестью другого, кто опытнее его в духовной жизни, потому, что наша совесть, потемненная страстями, нередко позволяет, вернее сказать – насилуема бывает допускать нашему уму, который почти всегда находится на послугах у грешного сердца, лукавновать в решении таких вопросов и слушаться не ея, совести, а пришедшего от страсти помысла слева...Объясню примером. В церковной жизни замечается тот или иной недостаток, остановивший на себе внимание мирян. Для них правило, о коем я только что упомянул – проверять свою совесть советом другого, – к сожалению, неведомо: разве из тысячи один вспомнит о нем. Обычно, под видом ревности о Церкви, о ея канонах, уставах и дисциплине, миряне начинают обсуждать в газетах этот недостаток, обвиняя в нем, по обычаю, власть церковную. С своей точки зрения, пользуясь в известных пределах свободой печатного слова, они внешне, юридически, правы. По крайней мере, если бы им напомнили вышесказанное правило, они с изумлением посмотрели бы на напоминающего или же прямо сказали бы: “Вот чего вы захотели! А где же свобода слова, свобода совести?” и под. Но вот со словом критики выступает священник. Прежде всего, он должен спросить свою совесть, призван ли он своим званием, своим пастырским долгом к такому выступлению? Затем, откуда: справа или слева явился у него помысл, побуждение к этому выступлению? Не было ли в его прошлом так называемого на языке аскетов “приражения” к церковной власти? Не немирствовало ли его сердце по отношению к этой власти по какому-либо поводу, хотя бы самому ничтожному, а тем более – не ничтожному? Если он строг к голосу своей совести, если прислушивается к нему как подобает пастырю Церкви, то он не станет решать этих вопросов сам, не проверив себя совестью другого пастыря. Он предпочтет отказаться от своего мнения по данному вопросу, если оно будет расходиться с образом действий церковной власти, дабы не внести соблазна в души верующих своим выступлением. К сожалению, ныне не те времена. Я опасаясь, что меня даже не поймут такие любители печатных выступлений: “Как? – скажут они – Миряне могут, а нам нельзя? Да кто же больше понимает дело церковное, мы или миряне?” – Таким я сказал бы: успокойтесь, отцы, никто не запрещает вам, не отнимает у вас свободы печатно высказывать свои мнения в известных, законом указанных пределах; я и не говорю о вашем *гражданском* праве на этот счет. Я напоминаю вам ваш долг как служителей Церкви. Да, вы нравственно обязаны всенепременно сверять свои действия с законом совести, и не просто только действовать, как вам ваш разум подскажет, хотя бы он и сослался в этом случае на вашу “спокойную” совесть, а непременно – проверить ее голос мнением и советом лица, которому вы доверяетесь как духовному отцу. Так будет несомненно лучше и безопаснее. Не подумайте, что я говорю о внешней опасности для вас со стороны той же власти, – нет, а опасность есть погрешить праздным, для верующих вредным словом, если будете критиковать действия своей власти. Ведь очень возможно, что помысл ваш идет *слева*, хотя бы вы и не приражены лично к своей власти. Враг хитер и подсказывает нам иногда под благовидным предлогом ревности о Церкви сеять недоверие к авторитету церковной власти критикою ея действий. Известно, что у хлыстов, спиритов, баптистов и всех еретиков и раскольников правило: искать недостатки в духовенстве Православной Церкви и критиковать их. То же прикровенно бывает и с мирянами, и с иереями, критикующими власть церковную. Не говорю – бывает сознательно, но враг пользуется всяким случаем, чтоб подрывать доверие к духовенству, к власти церковной, чтоб мало-помалу расшатывать веру в самую Церковь и охлаждать любовь к ней в лице ея власти и ея

служителей. Можно ли допустить, чтоб этому содействовал, хотя косвенно, хотя бессознательно, служитель самой Церкви?

Не все то золото, что блестит, говорит народная мудрость. Не все то добро, что кажется добром. Не всякая “правда” имеет право на всеобщее оглашение. И если иезуит говорит, что “цель оправдывает средства”, а потому и все средства хороши, если ведут к доброй цели, то православный иерей, как служитель своей Церкви, не может так думать, так говорить, тем менее так действовать. Если он видит зло, видит непорядок, требующий исправления, то его долг – сказать об этом тому, кто может исправить этот непорядок. и довольно с него. Он сложил со своей совести на совесть того, кому поведал о зле и непорядке, и может быть спокоен. Другое дело, если он сам должен исправить зло и непорядок, если это – долг его служения Церкви. Тогда пусть он – не говорит только, но и действует. А если сам он исправить не может, если это выше его меры, то довольно с него, если скажет власти свою мысль. А выходить на улицу и кричать пред толпою, жаловаться толпе на бездействие власти – это уже само по себе составляет непорядок, предвосхищение не принадлежащего ему права. “Ты кто еси, говорит Апостол, судяй чуждому рабу?” И кто такое эта толпа, улица, то есть масса неведомых тебе читателей печатных листов, на которых ты выступаешь с своими обличениями, кто они, чтоб быть судиями властей? В громадном большинстве они и дела-то не понимают, и пускаются вслед за тобою судить вкривь и вкось о деле, и возбуждают друг в друге неудовольствие на власть...

Обычно нетерпеливые критики действий власти в своих печатных выступлениях легкомысленно нападают на лиц, стоящих близко к власти, имеющих возможность воздействовать на власть. Поучительно в этом отношении то, что говорил великий мудрец прошлого века, святитель Филарет Московский. В 1856 году А. А. Пороховщиков, сообщая ему впечатления своей первой встречи с представителями славянофильского учения, выразил изумление, что такие даровитые и просвещенные сторонники Самодержавия, как славянофилы, не только не пользуются у нас доверием правительства, но еще отмечены каким-то неопределенным пятном политический неблагонадежности. Было высказано г. Пороховщиковым и предположение о том, что если бы представить этим славянофилам открыто исповедовать свое учение, то одним изданием людской массе доступного изложения своего мировоззрения они вызвали бы в народе такой отклик, который рассеял все подозрения и взамен Царя недоумевающего увидели бы Царя-единомышленника и заступника.

“Быть может вы и правы в своих предположениях, – сказал святитель, – да только время не пришло. С годами убедитесь, что законы роста не допускают исключений. Посеянному зерну для всхода нужно время. Так и тут”.

“Но разве люди в таком исключительном положении, как настоящее положение Московского митрополита, не могут своим участием приблизить это время”, – возразил Пороховщиков.

“Не могут, сказал митрополит, – потому что ныне и митрополиту могут сказать: не твое дело. Я не доживу до того дня, когда рассеются недоразумения в этом вопросе, когда в защиту его заговорят не одни митрополиты, когда сами славяне потянутся к нам сознательно; но вы, Бог даст, доживете... доживете, пожалуй, и до Царя-единомышленника”.

Святитель действительно не дожил до того дня: он умер в 1867 году, а уже в 1875 году созрела мысль о своевременности приступить к окончательному решению так

называемого “восточного вопроса”.

Так рассуждал мудрый святитель и был глубоко прав в своих суждениях. Он зорко следил за событиями, бодро стоял на страже Церкви и Отечества, выступал там, где повелевал ему долг, но когда не видел пользы от своих выступлений, то умолкал, предоставляя Богу сотворить потребное в свое время.

Помню, поведал мне покойный мой авва, отец Леонид, наместник Сергиевы Лавры, как он, будучи еще молодым иеромонахом, в беседе с великим святителем Московским Филаретом, говоря о не порядках того времени, – дело было в середине шестидесятых годов, – дерзнул сказать святителю: “Владыко святой, все ждут вашего слова высшей власти: кто же дерзнет, кроме вас, сказать правду власти, да и кого же ей слушать, как не вас?” И услышал о. Леонид ответ святителя, сказанный со вздохом: “Говорил, да не слушают”. Значит, что требовала совесть святителя Божия, то он говорил, не молчал, но пока дело касалось земных порядков, пока не касалось догматов веры, святыни сей неприкосновенной, дотоле и его совесть была спокойна: “Говорил, но не слушают”. А ныне какой-нибудь либерал-батюшка, усмотрев какой-нибудь не порядок в церковной жизни, выступает уже с резкими обличениями его в каком-нибудь не всегда чистоплотном органе, не замечая того, что тут же, рядом с ним, стоят со своими статьями открытые враги Церкви, иудеи или иудействующие кадеки, имже несть числа... И вступает такой иерей на наклонную плоскость дешевой популярности, и попадает в сети вражды, и постепенно катится по этой плоскости, забывая печальные примеры Григориев Петровых, Михайлов Семеновых, Илиодоров Труфановых и им подобных. Спириты говорят, что лицам духовным особенно опасно заниматься вызыванием духов, и тем сами обличают того, кто руководит ими. Нечто подобное можно сказать и в отношении обличительных выступлений: в духовном отношении они опаснее для лиц духовных, чем для мирян: кому много дано, с того много и взыщется, и если своими неразумными, может быть, слишком дерзновенными выступлениями иерей оскорбит носимую им благодать священства, требующую от него особенной чистоты совести и строгого отношения к своим поступкам, то враг скорее найдет доступ к его душе и возобладает ею, как это мы и видели на примере выше упомянутых несчастных расстриг...

Да, повторю: не всякую и правду можно оглашать, выходя на газетную улицу. Не всякую “правду” обязана выслушивать и обличаемая власть. Вспомним, как относились к “правде”, высказываемой сатаною, Сам Христос Спаситель и Его Апостолы. Разве не правду говорили нечистые духи, взывая Господу: “Знаю, Кто Ты – Святой Божий!” Разве лгал дух пытливый в несчастной отроковице, о которой говорится в Деяниях Апостольских (16, 17), когда ея устами взывал во след Апостолов: это – рабы Божии, они возвещают нам путь спасения? Но принял ли во внимание Апостол Христов такое непрошеное свидетельство о его Божественном посланничестве? Напротив, он с негодованием отверг его и заставил молчать злого духа, не допуская даже мысли о том, чтобы использовать такое свидетельство, казавшееся даже благоприятным для него.

Само собою разумеется, я говорю о тех обличительных выступлениях иереев в печати (слава Богу – немногочисленных), в которых звучит голос недовольства, критики, раздражения против власти. Тут нет сомнения, что все таковыя выступления – слева и от лукаваго. И слушать их не стоит. Должно обращать внимание на самих авторов, на их духовное настроение; надо пожалеть их и позаботиться об их вразумлении и отрезвлении. Ибо что такое их выступления, как не плод некоего опьянения самомнением и немирным чувством к своей власти?..

Есть другого рода выступления, в коих о недостатках церковной и государственной жизни говорится без раздражения, спокойно, даже благожелательно. Но и тут я советовал бы пастырям Церкви держаться построже правила: пользуйся своим правом только тогда, когда оно станет твоим долгом. Всякое право налагает обязанности, а такою и является исполнение долга. Хочешь использовать свое право? Спроси свою совесть: требует ли от тебя этого долг? Если – да, то исполни этот долг. Если – нет, то вспомни пословицу: слово – серебро, молчание – золото, и посоветуйся с теми, кто опытнее тебя в духовной жизни. Может быть, опытный человек скажет тебе, что использование тобою права наложит на тебя тяжелую обязанность, которой ты не имел в виду принимать на себя.

Ныне так много охотников “писать”, что не беда, если одним будет меньше. Всякому хочется сказать свое слово “на пользу общую”, а нередко выходит одно празднословие из этого. Говорят нередко то, что давно уже сказано и сказано умнее, дельнее, а пишущий думает, что никто еще не говорил того, что он хочет сказать... Так не лучше ли и в самом деле иной раз помолчать?..

№ 259–260

О честолюбии и властолюбии (Доброе слово некоторым инокам и пастырям Церкви)

Кто хочет поглубже заглянуть в свое сердце, в свою душу, кто не хочет быть только по имени христианином, для того нет лучшего времени в году, как Великий пост. Для лечения телесных недугов люди отправляются в больницы, или, по совету врачей – куда-нибудь на лечебные воды и там, в известное время года, проходят курс лечения под руководством опытных врачей. Наша духовная лечебница – наша святая Церковь, наш лечебный сезон – преимущественно Великий пост. и если сим святым временем спешит воспользоваться каждый православный христианин, то тем паче должен это сделать служитель Церкви, пастырь Церкви, а равно и тот, кто ушел от мира в святую обитель, принял там звание инока, обязывающее его и жить иначе, чем мирянин, не только в посты, но и во всю свою жизнь. Мы живем в тревожное, можно сказать – грозное время: не напрасно некоторые вдумчивые и внимательные к себе люди вопрошают, не настали ли уже последние времена, не близок ли последний суд?.. Но времена и лета положил Господь в Своей власти и никто не знает – даже Ангелы Божии – последнего дня и часа суда Божия, а вот готовиться к сему суду необходимо, если кто не хочет пойти в муку вечную с диаволом и ангелами его. Вот почему мне хотелось бы сказать доброе слово наипаче своим собратиям по монашеству и сослужителям во Христе – пастырям Христовой Церкви, – сказать то, что наболело на душе при виде наших духовных немощей, иногда уж слишком ярко выступающих и показывающих, что некоторые из нас забыли обеты свои и пошли путем мира сего лукавого – пусть сами в совести своей решат: куда ведет и заведет их этот путь!..

Святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов указывает три ветви, исходящий из основного корня греха: похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую. Все наши грехи суть разветвления и плоды этих главных ветвей греха; враг зорко следит: к чему более склонна душа человека, на какой, так сказать, ветви греха чаще останавливается его мысленный взор, и соответственно сему искушает человека. Для того, чтобы птица попала в руки ловца, довольно, чтоб она хотя одним коготком запуталась в его сетях: так и для гибели души довольно одной какой-либо страсти овладеть душою всецело. И мы замечаем, что у каждого грешника есть свой излюбленный им идол, которому он служит, своя страсть, которая господствует в его сердце. Само собою разумеется, что это не исключает служения и другим страстям, но сии страсти обычно уступают первенство господствующей страсти и нередко прикрывают ее от духовного взора даже самого пленника сей страсти. Так постыдная страсть плотская иногда прикрывается страстью якобы благородной гордости, страсть скупости – лицемерным человеколюбием и тщеславием.

У святых отцев есть пророчество о монахах последних времен, что будут они спасаться не великими подвигами внешнего делания, а великим смирением. И за таковое смирение некоторые из них превзойдут древних чудотворцев. А противоположная смирению страсть, конечно, есть гордыня, питаемая тщеславием и честолубием. Знает это враг и искушает современных нам иноков, а также и служителей алтаря Христова, наипаче всего честолубием, тщеславием, а затем, конечно, и гордынею. Это заметил еще великий

святитель Филарет, митрополит Московский: “Опаснее всего, говорил он, для монаха – честолюбие”. Слишком сорок лет живу я в монастыре, благодарю Бога, что моим духовным руководителем в продолжении многих лет был незабвенный ученик великаго в своем монашеском смирении старца Оптиной пустыни, отца Макария, архимандрит Леонид (Кавелин), который постоянно твердил мне о первом завете своего старца – послушании и смирении, об отсечении своего смышления и искании воли Божией наипаче во внешних обстоятельствах жизни. С этой точки зрения покойный старец оценивал нравственный облик каждого монаха, ему подчиненнаго; никакия внешния достоинства в его глазах не имели большой цены, если монах имел склонность ценить самого себя: “Самоцен – первый враг монаха”, – говаривал он. И все внимание старца, как настоятеля монастыря было обращено на воспитание в подчиненных духа смирения, отсечения своей воли и смышления, сознания той животворящей в духовном отношении истины, что не мы делаем доброе, если что делаем, а Господь Своєю всемошною благодатию, и если мы себе приписываем какое-либо добро, то крадем его, это добро, у Бога. Это в корне подсекало в иноках, внимающих своему спасению, всякий самоцен, а следовательно, отнимало почву и у честолюбия, стремления к наградам, к повышению в священном сане и под. Послушник может еще мечтать о монашеском звании, но должен помнить, что монах-то и есть, по выражению преподобнаго Иоанна Лествичника, “бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякаго злаго духа” (Лествица. Гл. 23, 27). В таком настроении придет ли человеку на мысль расценивать свои достоинства и заслуги и мечтать о каких бы то ни было наградах? Если данные Господом Иисусом Христом нравственные законы обязательны для всякаго верующаго, то тем более они обязательны для инока, для служителя Церкви, облеченнаго благодатию священства. И тот и другой должны помнить, что Господь не нуждается в их, говоря человечески, услугах в великом деле спасения людей в Церкви Его, а потому за великое счастье должны почитать, если Господь соделает что-либо чрез них, так что они удостоятся быть живыми органами Его жизнедеятельности в Его святой Церкви. Мысль о земных, человеческих наградах являлась бы для них кощунством, ибо их награда – то благодатное утешение, какое переживают они в своей совести, сознавая свою близость к Господу Спасителю. Но все мы немощны, ко всякому из нас может приразиться искусительный помысл самоцена, а потому те, кто стоит на страже спасения души монаха, имеют долг постоянно напоминать ему об этом, а когда потребно, то и ставить преграды к проявлению самоцена. Так и делал покойный о. Леонид. Помню, одно высокопоставленное лицо, мирянин, вздумал ходатайствовать пред ним о рукоположении скитскаго иеродиакона в сан иеромонаха. “Я и сам думал об этом, – сказал старец, – но теперь вижу, что ему рано быть иеромонахом; извините, ваше превосходительство, у меня уж такая дурная привычка: за кого ходатайствуют миряне, того – подальше поставить от повышений, пока у него простынет искушение самоцена”. И действительно, он отложил рукоположение иеродиакона почти на три года, дабы не повадно было и монахам искать повышений и наград чрез мирян, а мирянам ходатайствовать за них ко вреду их. А когда таких преград к исканию повышений не ставится, когда начальство прислушивается к тому, что вот такой-то инок “скорбит”, что его “забыли”, долго не повышают, не награждают, то среди монашествующих быстро развивается честолюбивое искательство наград и повышений, и тогда начальству приходится постоянно слышать попреки, что оно несправедливо к тому или другому иноку, и конца не будет таким упрекам. Страсть честолюбия положительно ненасытима, как и всякая, впрочем, другая страсть. Послушник мечтает быть мантийным

монахом, но не для того, чтоб усилить подвиги иноческого жития, – этого ему не запретит отец духовный и в состоянии послушничества, – а для того, чтобы пройти по церкви, распустив свою мантию: смотрите-де я теперь уже не послушник, а монах... Конечно, я говорю не о всех монахах, а только о тех, которые усиленно добивались пострижения. Но не долго утешает таких и мантия: скоро является желание сана иеродиаконства, а затем и иеромонашества. А там пойдут эти награды: набедренник, крест, а если есть возможность, то и орден... Я встречал несчастных иноков, одержимых страстью честолюбия до того, что они наводили справки: какое братство или общество какой дает значок своим членам, чтоб купить себе и привесить этот значок, внося известную сумму как пожертвование на братство или общество. И обвешивает себя такой “инок” подобными значками, и не замечает, что добрые люди благодушно смеются над его страстью к таким значкам. Но дело и сим не ограничивается: скоро эти значки ему наскучивают, страсть честолюбия ищет себе новой пищи и постепенно превращается в страсть к властолюбию. Какой-нибудь простец, не умеющий правильно написать своего имени, чуть не по складам читающий Евангелие, мечтает быть уже настоятелем в каком-нибудь монастыре, а с настоятельством получить и сан игумена, а затем и архимандрита... Где предел такому духовному *уродству*?.. Иначе я не умею назвать такое печальное явление в среде иночества... К несчастью, в наше путаное время чего не бывает. И такие честолюбцы, на горе себе и подчиненным, иногда достигают своих целей и увенчивают свою главу митрами...

Я сказал, на горе другим – это понятно, ибо какой уж будет настоятель – человек без опыта духовного, преданный страсти властолюбия, ослепленный мнением о себе как о некоем выдающемся таланте, как о заслуженном человеке? Но он получает искомое и на горе себе: всегда должно помнить, что в области духа, в жизни Церкви, такое предвосхищение власти с целью обратить ее на служение идолу честолюбия не проходит безнаказанно для честолюбца. Бог помогает только тому, кто Ему служит, а без Божией помощи проходить служение делу спасения ближних невозможно. Посему честолюбец предоставляется собственным силам в новом своем положении и скоро начинает чувствовать это оставление его благодатию всепомоществующею... Его постигают неудачи по службе, нестроения в среде братии, которая не может питать к нему должного доверия и уважения, начинаются искушения, от которых он готов был бы бежать... Кто не своею волею стал на место начальника, кто не искал сего места, тот в таких случаях имеет дерзновение просить у Бога помощи: “Господи, Тебе было благоугодно поставить меня на это место: Ты и помогай мне!” А кто сам домогался места начальнического, кто достиг его кривыми путями, тот не смеет, не может с таким дерзновением обращаться к Богу в трудные минуты жизни. Его мучает совесть, его вера слаба, а враг не дает ему свободы отрезвиться, спокойно взглянуть на свое прошлое, раскаяться в своем честолюбивом искательстве... Мало того: Божиим попущением бывает, что пока он жил в обители подначальным, дотоле не знал некоторых искушений, оберегаемый от них всем строем монастырской жизни, а оказавшись на некоторой свободе, мало-помалу поддается и сим искушениям, которые доводят иных настоятелей-искателей до гибели...

Я назвал служение страсти честолюбия “уродством” – оно таково и есть на самом деле. Человек отрекся от мира, дал обет глубокого смирения и борьбы с своими страстями, имеет к тому и средства в самой обстановке монашеской жизни, и постоянное о том напоминание в самых одеждах своих; его цель – достигнуть такой глубины смирения, чтобы считать себя как бы лежащим под всюю тварию – хуже всякой твари, а у святых

отцев есть даже выражение, что монах должен считать себя хуже самого беса (ибо, объясняют отцы, бес бесу не вредит, а человек человеку может вредить, следовательно, он в сем случае поступает хуже беса), и вдруг – свое “я” он ставит выше всего, начинает служить своему самоцену, как идолу, отдает и время и силы на это служение, извращает весь порядок духовной своей жизни: разве он не представляет из себя урода, вроде, например, горбуна? Не напрасно же преподобный Нил Синайский называет гордость “опухолью души”. Всякая страсть, когда она всецело овладеет человеком, представляет как бы помешательство, но страсть гордости, самоцена, славолубия есть по преимуществу помешательство, ибо справедливо говорит св. Лествичник, что если блудных могут еще исправить люди, то гордых только Сам Бог. В самом деле, что бы вы ни говорили зараженному самоценом иноку о монашеском смирении, о воле Божией, о необходимости бороться с своим самоценом, – он упорно будет стоять на своем: “Я-де не хуже других, вот такой-то награжден, почему же меня обошли?” – и прочие неумные глаголы. У него будто вытравлено нравственное чувство, лучше сказать – оно извращено у него: все, что по долгу монашеского смирения он должен бы сказать в пользу брата, он говорит о себе, и наоборот, что должен бы сказать о себе, то говорит о брате... Тяжело да, пожалуй, и бесполезно говорить с такими людьми: они не понимают вас, не хотят понимать. У них одно на уме – их собственные достоинства, их заслуги, большею частию, конечно, мнимыя.

Я назвал страсть честолюбия помешательством. Из всех страстей, воюющих на душу, она чаще всего и, действительно, переходит в помешательство. Знаю немало таких примеров. Дело в том, что есть так называемыя в психиатрии “навязчивыя мысли”, а по-нашему, по-монашески, неотступныя помыслы, которые, Божиим попущением, к смирению человека, а вражеским воздействием так овладевают умом его, что он перестает отличать свою мечту от действительности, и вот мечтал, например, о набедреннике, и мнится ему, наконец, что уже получил его; мысль идет дальше: он уже мечтает о дальнейших наградах и в своем помысле и мечте воображает, что получил уже их... Так один несчастный иеромонах в Сергиевой Лавре дошел до того, что вообразил себя белгородским (почему-то!) патриархом, целыя ночи проводил на молитве, готовясь якобы к служению, и кончил тем, что начал буйствовать и умер в доме умалишенных... Все, одержимые манией величия, несомненно в здравом состоянии мечтали о повышении, наградах, что и дало почву для их помешательства. Известно, что кому больше дано, с того больше и взыщется. Монаху, по самому званию его, больше известны законы духовной жизни, по крайней мере – нравственныя требования, каково смирение, например; этому учат в монастырях каждого послушника, хотя бы только на словах. Потому монах знает и козни вражии больше, чем мирянин. Он должен знать и то, как враг приражается к душе человека на почве его немощей духовных, а потому и должен стоять постоянно на страже своего сердца. Пока помысл грешный есть только приражение, мимолетная мысль, чужая еще сердцу, дотоле его легко прогнать от себя молитвенным вздохом ко Господу, пожаловавшись Ему на немощь свою и сознав эту немощь как духовную болезнь грехолюбиваго сердца. О сем и говорят святыя отцы: блажен, иже имет и разбьет младенца сего о камень крепкой веры и упования на Промысл Божий, самопреданием водительство Божию.

Но если человек допустит помысл ближе к сердцу, войдет с ним в собеседование, то тут уже есть опасность согласиться с ним, допустить в сердце этого змееныша, а там уже он совет себе гнездо и станет грызть душу грешным желанием чести, награды и под. Бывает

и так, что враг нападает на душу внезапно, не давая ей опомниться, вдруг зажигая в ней грешное желание под каким-либо впечатлением извне. И в том и в другом случае борьба с помыслом бывает нелегкая. Лучшим средством для поражения врага и изгнания его из сердца – это откровение помысла старцу или отцу духовному. Это то же, что поймать поджигателя и предать его кому следует. В другой раз он уже не осмелится войти в нашу сердечную храмину как обличенный уже в покушении на мир нашей души. А мир этот глубоко возмущается помыслами тщеславия: обуреваемый ими человек как бы носится превыше всего окружающего, намеренно закрывает глаза на достоинства других, считая их своими соперниками на пути к повышению, мало того – старается увидеть в их глазу спицу, чтобы из нея сделать целое бревно... И особенно губительна и для всех соблазнительна эта страсть в том, кто стоит ближе к благодати священства, кто стоит в передовых рядах воинствующей Церкви, разумею монашествующих и лиц духовного звания.

Что сказал я о монахах, то приложимо и к пастырям Церкви. Откровенно скажу: тяжело читать в “Колоколе” и других духовных изданиях статьи о наградах духовенству. Не то меня смущает, что речь идет о наградах: если Апостол Павел признавал добре трудящихся в слове и учении достойными сугубой чести, то почему бы и не оказывать так или иначе честь таковым, ея достойным, в виде ли духовных наград: скуфеев, камилавек, крестов (хотя во времена Апостолов и этого не было), или даже в виде гражданских наград – орденов, исключая, впрочем, ордена не православные, например, Станислава, непризнаваемого нашею Церковью святым. Смущает меня то, что говорят о наградах сами кандидаты на эти награды. Не Христовым духом веет от таких рассуждений... Пусть простят меня отцы публицисты! Были случаи, когда духовные лица сами просили себе наград, да еще с жалобой на то, что их забыло ближайшее начальство! Где же тут дух смирения, без коего немислим служитель алтаря Христова?.. Не вмещается как-то в голове мысль о таком забвении духа Христова...

Да, невольно вспоминается святое слово Христово: *аще соль обуюет*, потеряет силу, – *ним осолится?* Если цвет Христовой Церкви, монашество и пастырство, заражаются мирскими мечтами о суетных, в сущности своей, наградах, то чего ждать от мирян, рядовых христиан? Правда, когда все кругом заражено, то трудно устоять и духовным лицам; правда, не чужды стремлению к повышению и наградам и стоящие повыше рядовых монахов и сельских батюшек; зараза как будто носится в воздухе, отравляя людей и духовно их ослепляя... Но, отцы и братия! Ужели с этим можно мириться? Ужели сознание долга, мысль о том, что Господь зрит с небесе и видит все наши помыслы, все движения нашего грешного сердца, видит и будет строго судить нас за эту измену святым Его заветам смирения, измену Его делу, нам порученному, за служение суетной страсти тщеславия – особенно в то время, когда Его святая Церковь отовсюду обуревается ересями и расколами, когда народ родной несет тяжелый крест борьбы за Веру Православную и несчастных братьев, гонимых тевтонами, – ужели, говорю, одна мысль о всем этом не может пробудить нашу совесть, отрезвить наш ум, заставить нас забыть суетные мечтания о наградах и повышениях?.. На нас, ближайших служителей алтаря Господня, отовсюду устремлены взоры чад Церкви; от нас ждут утешения все скорбящие, ждут молитвенных воплей к небу от имени матери-Церкви, ждут духовного руководства в жизненной борьбе за святые идеалы Евангелия, а мы... ужели мы в такое-то время будем писать статьи о том, как и кого следует награждать, будет спорить и упрекать власть за ея якобы невнимание к нашим “заслугам”? Ведь страшно подумать о всем этом!

Страшно сказать: до чего оземленились мы! Забыли заповедь: *да не у весть шуйца, что творит десница...* Хотим, чтобы все видели, все знали, все ценили наше доброе служение Церкви Божией и награждали нас за это! Выходит, если и делаем что доброе, – забывая, что ничего и не можем делать добраго без помощи Господа, – хотим все делать, так сказать – за наличный расчет: “Я-де вот неустанно проповедую, учредил у себя общество трезвости, попечительство, устроил школу и т. под. – начальство должно меня за это представить к такой-то награде, этого-де требует простая справедливость”. Что ж? Может быть, начальство и наградит, но от Господа как бы не услышать тебе на оном суде: “воспрял если благая в животе твоём, и доволен с тебя!” Не захотел ты поработать для небеснаго Домовладыки, так сказать, в кредит, в силу Его обетования, что и чаша студеной воды не будет забыта у Него, – получай же, но знай, что ты уже не сын послушания, а расчетливый, своекорыстный наемник, а может быть, и еще хуже того: ведь нам сказано, что если и все повеленное нам исполним – а где же все-то исполнить? – мы должны считать себя рабами неключимыми, ни на что негодными, потому что сделали только то, что должны, обязаны были сделать, и если бы не сделали, то были бы наказаны как рабы ленивые.

Отцы и братия! Тяжело говорить, тяжело писать все это... На память приходят грозные речи пророка Божия Илии к израильтянам: “Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте за Ним; а если Ваал, то ему последуйте”. В совести громко раздаются и слова Господа: “Не можете в одно и то же время Богу работать и мамоне”. Нельзя истинному последователю Христа делить свое сердце пополам и одну половину отдавать Богу, а другую – врагу Божию. Господь Бог – Бог ревнитель есть и не потерпит такое двоедушие. Что-нибудь одно – или надо целым сердцем служить Ему единому и в Нем едином искать себе всякого утешения и награды, веруя неложному Его обетованию, – или же... мне страшно произнести это слово, – нет, да не будет сего! Дело немощи духовной я не хочу называть сознательной изменой Христу Спасителю, сознательным уподоблением тем древним фарисеям, против которых гремели громы обличения Христова. Пусть каждый из нас, носящий духовную одежду, чаще ставит перед своею совестью светлое зеркало Христова смирения и проверяет себя: отображается ли в нем образ сей божественной добродетели? Нет ли в нем пятен самоцена, столь искажающих сей образ до неузнаваемости? И если что заметит, то скорее да прибегнет к вернейшему средству очищения – самоукорению и покаянию пред Господом, Иже есть кроток и смирен сердцем. и в подражании Ему да обрящет покой смятенной душе своей!

№ 261

О толковании Библии

Слово Божие, Священное Писание всегда было насущною потребностью верующей души. Еще ветхозаветный псалмопевец в первом же своем псалме ублажает того, кто в законе Господнем поучается день и ночь, а в псалме 118-м воспел такую вдохновенную песнь закону Господню, что нет ей подобной во всех литературах мира. Тем паче глаголами Духа Божия живет и питается христианская душа, тем паче в Церкви Христовой слово Божие живо и действенно: оно, по выражению апостола, острее меча обоюдоострого, “оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечныя” (Евр. 4, 12). К сожалению, как заметил святой Апостол Петр относительно писаний Апостола Павла, а опыт Церкви показывает, что то же можно сказать и относительно вообще святой Библии, в Священном Писании “есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели превращают”, извращают, перетолковывают по своему убогомумышлению и тем смущают в простоте верующих. Вот над такими самонадеянными толковниками Священного Писания и сбывается слово Божие, что оно есть меч обоюдоострый: вместо того, чтобы им поражать врага, они поражают, духовно убивают сами себя. И все ереси, от самых времен апостольских, искали опоры своим заблуждениям в Священном Писании, прибегая к самочинному его истолкованию. В наше время так же самочинно толкуют Священное Писание современные нам еретики-сектанты, особенно те, которые уклоняются в ересь Лютерову, – все эти штундисты, баптисты, глаголемые евангелики и многое множество сект, имеющих свое начало в немецких землях. К великому сожалению, в последние десятилетия у нас было сильное увлечение западной богословской наукой и на русский язык переведено много книг, пропитанных духом протестантского свободомыслия.

Когда-то известный славянофил И. С. Аксаков, имея в виду родные идеалы, взывал: “Пора домой!” Настало, кажется, время и представителям родной богословской науки вернуться “домой”, к заветам нашей святоотеческой литературы, которой, правда, они не забывали, но рассматривали ее нередко чрез немецкия очки. Пора русской Православной Церкви сказать свое слово миру христианскому, слово, заветанное ей древнею Церковью, хранимое ею как заветное сокровище! Мудрые в духовной жизни старцы говорят, что бывает “смирение паче гордости”. Можно ли, в самом деле, похвалить это постоянное преклонение пред иностранными авторитетами, особенно пред еретиками немцами, в вопросах богословских наук? Не пора ли стать на свои ноги, взяться за свои сокровища родныя, изучать святоотеческую литературу и, полагая ее в основу своего мирозерцания, мало-помалу вырабатывать свои системы богословских наук, независимо от немцев, англичан, французов и иных? Ведь как бы они учены ни были, у них все же свои традиции, свое мирозерцание, свои, веками выработанные, приемы мышления. Дух латинства, а затем протестантства во всех его видах не мог не отразиться на всем строе их мысли, их умственной работы, и, поскольку мы воспринимаем произведения ума их, постольку заражаемся и их духом, незаметно для самих себя. Этим только и объясняется то “немецкое пленение”, в каком оказались в большей или меньшей степени даже такие алмазы русской богословской литературы, как Иннокентий, архиепископ Херсонский и ему подобные. Корни нашей православной культуры не на западе, а в старой Византии:

оттуда мы восприяли Христово учение в его апостольской чистоте, оттуда мы взяли и святых отцов, и, если бы мы оставались верны преданиям своей родной старины, то, без сомнения, и богословская наука у нас расцвела бы на тех корнях самостоятельно, без немецких плевел. Но прорубив окно в Европу, мы не удержались от искушения, и в области богословских наук, где у нас было и без немцев много запаса добрых семян в святоотеческой литературе, пошли по следам неправославных писателей, надеясь, что мы не заразимся их духом... И вот, у нас психология и нравственное богословие и даже догматика – все разрабатывается по инославным образцам, по их системам... Так не пора ли вернуться к родным идеалам, завещанным нам святыми отцами?

И прежде всего, нужнее всего дать нашему православному народу общедоступное, на святоотеческих писаниях основанное толкование на всю Библию. Уже появились у нас частные опыты таких толкований, но, к сожалению, они не могут быть признаны вполне отвечающими требованиям современной церковной жизни, духовному складу ума русского человека, который ищет в толкованиях не только выяснения точного смысла священного текста, но и духовного себе назидания. Его идеал – толкования св. Иоанна Златоуста, хотя, конечно, не в столь обширном виде, как мы видим у великого златословесного учителя Церкви. Огромный том Толковой Псалтири Евфимия Зигабена читается русским простецом с увлечением, а толкования преосвященного Михаила, епископа Курского, ему не по душе. В чем же дело? Да в том, что преосвященный писал свои объяснения в виде примечаний под чертою. “Почитай справа, почитай слева, спустись вниз и снова поднимайся вверх, – нет, мы так не умеем читать: это может быть только для ученых”, – говорят простецы о его толкованиях. Им нужно толкование “на строке”, а не под строкою. У древних толковников Златоуста, Феофилакта, Зигабена и других они и находят то, что им нужно в отношении внешней формы толкований на Священное Писание. Затем, форма примечаний удобна разве только для справок, а не для непрерывнаTM чтения в видах назидания. А народ ищет, прежде всего, в слове Божиим пищи своей душе. Слово Божие есть жизнь, оно и должно служить источником животворящим, питающим не один ум, а и сердце читателя. От простых людей приходилось часто слышать скорбное слово: “Мы выписали такую-то книгу, например, Толковое Евангелие преосвященного Михаила; спора нет, книга хороша, но к ней не скоро приспособишься, писана она по-ученому, много в ней для нас непонятного, а главное – к душе-то она почти ничего не говорит”. Сухое, буквальное, без обращения к душе, толкование Священного Писания не производит особенного впечатления на простого благочестивого читателя из народа. Напротив, толкование, сопровождаемое беседою и назиданием, действует неотразимо на его душу.

Лет 25 тому назад, приступая к своему толкованию на Евангелие от Матфея, я изложил эти мысли богомудрому святителю – Затворнику Феофану, и он ответил мне: “Ваш проект толкования св. Евангелий очень хорош. И потребность вами узрена настоящая и настоящая. Благослови, Господи, исполнить вам ее... Ангел Божий внушил вам: вам и исполнить”. Затем, дав опытные указания, как вести дело, какими книгами пользоваться и каких “не стоит касаться”, святитель Божий писал: “Итак, благослови, Господи! Превосходное дело! Благослови, Господи, и все труды ваши. Спасайтесь. Ваш доброхот епископ Феофан”.

Итак, первым условием толкования Св. Писания для народа является его назидательность. Именно сим свойством в высшей степени обладают святоотеческие толкования. Святые авторы имели в виду не столько научную сторону толкований,

сколько “единое на потребу” верующих душ. Всю свою жизнь многие из них подвизались добрым подвигом в исполнении заповедей Христовых, стоя на страже своего сердца, отражая приращения вражьи молитвою и тем же словом Божиим, а потому имели великий опыт в духовной жизни, который и прилагали в изъяснении Писаний: вот почему их толкования, писанные за полторы тысячи лет до нашего времени, “говорят душе” так, как будто они написаны именно для нас. Они идут от согретого любовью сердца и потому приемлются открытым верующим сердцем как нечто ему родное, близкое, как слово, согретое благодатию обитавшего в сердцах святых авторов Духа Божия. Современный толковник должен постоянно иметь в виду это животворное свойство святоотеческих толкований, тщательно собирать эти златые крупички духовного опыта, украшая ими свои толкования и питая душу читателя. А чтобы по достоинству ценить эти духовные сокровища, он сам должен проникнуться благоговением к слову Божию и, по крайней мере, смиренным сознанием своего духовного недостаточества, своей духовной нищеты. Вспоминаю из далекого прошлого семинарские уроки преподавателя Священного Писания Дмитрия Павловича Боголепова. Когда он изъяснял Евангелие, то как-то невольно чувствовалось, что он, наш учитель, сам “учится у Христа”: таким благоговением было проникнуто его личное отношение к слову Божию. Оттого и настроение слушателей было таково, что нам казалось – мы слушаем не сухое толкование, а именно – изъяснение слова Божия верующим и благоговееющим пред сим словом наставником. и это, несмотря на некоторую сухость изложения, неизбежную в школьном преподавании, ибо приходилось пускаться в разные исторические, филологические и другая подробности.

Вот второе требование от современного толковника: это – благоговейное отношение к слову Божию. Помилуй Бог, если он, имея в виду назидание, пустится в сухое резонерство, в общия фразы: этим он только ослабит впечатление от своих толкований, вместо того, чтобы их усилить.

В наше время необходимо иметь в виду разные лже толкования, искажающие смысл Священного Писания, вроде штунды, пашковщины, баптизма, толстовщины и подобных, думаю, что полемизировать с ними в толкованиях, изъясняющих слово Божие не в частях, а в целых книгах, едва ли уместно, дабы не наводить читателя на их суемудрые толкования, но должно как можно сильнее оттенять православное понимание пререкаемых истин в местах, искажаемых сектантами, – так, чтобы читатель, знакомый с лжеучением, сам понял, что речь клонится к обличению лжеучения, а незнакомый – только яснее усвоил умом и сердцем истину Писания по духу изъяснения ее Православной Церковью. Можно лишь изредка, в особенно благоприятных случаях, указывать на ложь того или другого заблуждения. Вот третье требование, предъявляемое церковною жизнью нашего времени толкователю слова Божия.

Слово Божие есть книга жизни, книга словес животворящих, тех словес, которые приводили Апостолов в благоговейный восторг, которые всецело овладевали сердцами верующих и побуждали их восклицать с Апостолом Петром: *Господи, камо идем? Глаголы живота вечнаго имаши*! В слове Божием не одно знание, но и жизнь духа, жизнь сердца, проявляющая себя в жизни каждого верующего христианина. Жития святых Божиих представляют как бы самую разнообразную иллюстрацию того, как понимали и к жизни прилагали святые истины слова Божия угодники Божии. Поэтому не будет неуместно, в некоторых случаях, для назидания читателей, при истолковании приводить и события из жизни святых Божиих, воплощавших в своей жизни слова Божии. Во всяком случае толковнику должно иметь в виду и сей способ изъяснения посредством примера:

известно ведь, что слова учат, а примеры увлекают. Это четвертый совет современному толкователю слова Божия.

Нужно ли говорить, что толкования для народа должны быть изложены общедоступным языком? Без этого ведь они и цели не достигали бы. И однако же такая общедоступность изложения, по нашему мнению, не должна служить в ущерб полноте толкования: ради нея, например, пришлось бы пожертвовать глубокими и прекрасными изъяснениями святителя Филарета, митрополита Московского, а лишать более развитых читателей такого сокровища мысли и назидания было бы просто грешно. Впрочем, таких мест, по изложению мало доступных для простых читателей, конечно, будет немного: с расширением грамотности в народе расширяются и горизонты мысли, а наши духовные писатели, подобные митрополиту Филарету, умели удивительно сочетать глубину мысли с ясностью выражения ее чисто русским языком, избегая иностранных слов и научных терминов.

Остается вопрос: какой текст должен подлежать толкованию – славянский или русский?

Думаю, что непременно тот, на каком книги Священного Писания предлагаются Церковью при богослужении, то есть славянский. Так, священная книга Псалтирь читается в церкви каждый день на славянском языке; народ любит эту книгу, несмотря на ее во многих местах малопонятность, именно в ее славянском тексте, к тому же русский текст, переведенный с еврейского, не везде согласен с текстом славянским, и когда простец читает Псалтирь славянскую, а ему будут толковать русский ее текст, то он может придти в смущение: отчего произошла такая разница? И какой текст вернее?

Впрочем, относительно сей священной книги следует сказать, что при толковании славянского текста ее встретятся такие затруднения, каких, может быть, еще во всей Библии не встретит толковник. Вопрос об исправлении славянского перевода Псалтири есть насущнейшая потребность нашей церковной жизни...

Вот кратко мои мысли по вопросу об издании толкований на Библию. Дело это, в сущности, новое, и было бы желательно слышать мнение людей, более сведущих, более знающих запросы души народной. Я и обращаюсь к таким людям с просьбою откликнуться на сии мои соображения^[66].

Тайна страданий (У святой плащаницы)

Боже Мой, Боже Мой, векую Мя еси оставил?..

Так возопил среди тяжких крестных мук Господь наш, распятый на кресте... На языке человеческого нет слов, чтобы изобразить всю тяжесть этих мук, всю горечь той чаши страданий, какую благоволил Он испытать по воле Отца Своего Небесного ради спасения нашего. Сегодня, возлюбленные, мать наша святая Церковь возводит нас на священную Голгофу, раскрывает пред нами страшную картину этих страданий, ведет нас вслед за Иосифом Аримафейским в его уединенный сад, к погребальной пещере Христовой, и все сие совершает для того, чтобы созерцанием как бы воочию пред нами совершающихся евангельских событий дать нам возможность сердцем пережить хотя в некоей малой мере то, что пережили тогда ученики Христовы, а чрез сие живее пробудить в нашем сердце, в нашем уме сознание и ощущение, что мы – не чужие Христу, что мы живые члены Его тела – Церкви, что посему мы, естественно, должны спострадать Ему, если хотим и совосстать, воскреснуть с Ним в обновлении жизни духовной, вечной. *Христос пострадал за нас, нам оставил образ, да последуем стопам Его*, – так учит св. Апостол Петр (1 Петр. 2, 21). Скорби и страдания необходимы для немощной, грехолюбивой природы нашей. *Христу, пострадавшему за нас плотию*, говорит тот же ученик Христов, *и вы в туже мысль вооружитесь, понеже пострадавший плотию преста от греха* (4, 1), – скорби, страдания нужны, чтобы помочь нам перестать грешить. Господь наш Иисус Христос безгрешен, Ему не нужны были страдания: оне нужны нам, и Он пострадал за нас, пострадал как Глава тела Своего – Церкви, нашей матери благодатной. А если страдала Глава, то естественно, что и члены должны спострадать ей. И если Безгрешный страдал за грешных, тем паче подобает грешным спострадать Ему, дабы, восприяв в святейшем Таинстве причащения тело и кровь Его, приискренне соединившись с Ним в сем Таинстве, свободно волею быть причастниками животворящей и спасительной силы и Его крестных страданий. Вот почему скорби, страдания, по воле Самого Господа, Главы Церкви, являются естественным уделом и тела Его – Церкви, воинствующей в сей юдоли земной. *Яко крин в тернии*, как лилия среди терновника, *так и ближняя Моя*, говорит таинственный Жених в Песни песней, изображающей, по изъяснению св. отцев, таинственный союз Христа с Церковью. И она, непорочная невеста Христова, уже омытая, очищенная Его страданиями, непрестанно состраждет Ему, Жениху своему, в чадах своих, сопричащающихся в скорбях своих страданиям Христовым. Таков закон природы нашей, *еще страждет един уд, с ним страждут и еси уди; еще славится один уд, с ним радуются и еси уди* – говорит св. Апостол Павел (1 Кор. 12, 26). Зато – *еще с Ним страждем, с Ним и прославимся* – утешает он же.

Итак, сегодня, в день всемирных крестных скорбей Христовых, пред нами раскрывается великая тайна не только Христовых, но и наших страданий, наших скорбей, поскольку мы члены тела Христова – Его Церкви. Сегодня мать наша, святая Церковь, укрепляет нас в подвиге наших скорбей созерцанием великих страданий Христовых. Сегодня у креста и гроба Христова открывается для нас неисчерпаемый источник благодатных утешений, наипаче в переживаемые нами многоскорбные дни. О, как велики, как тяжки скорби наших дней! Как необходимо нам искать не просто человеческого, а именно Христова утешения в этих скорбях! Там, у наших границ, льются потоки крови наших воинов

христоролюбивых, а здесь, по всему лицу родной земли, раздаются стоны раненых, слышатся вопли вдов и сирот, лишившихся своих кормильцев, на поле брани убиенных, всюду слезы, – целое море слез!.. Кто утешит плачущих? Кто подаст силы переносить горе всем этим страдальцам? Безсильны тут человеческие утешения, если только не согреты они теплою верою в благодатную помощь Того, Кто скорби наши восприял в Свое вселюбящее сердце, Кто душу Свою положил за всех верующих в Него, Кто кровь Свою безценную пролил и дух Свой испустил на кресте! И вот первое утешение, какое мать наша Церковь с дерзновением веры и любви предлагает нам сегодня у креста и гроба Христова, это – мысль, что мы не одиноки в своих страданиях, что с нами сострадающий нам Христос, наш Спаситель, что и самые наши страдания суть, в сущности, сострадание Христу, сораспятие Ему. В самом деле: за что проливают кровь свою наши братья на поле брани? За что несет свой тяжкий крест наша

Русь Православная? Воистину за веру Христову, за святое Православие прежде всего! Святое учение, принесенное Господом на землю, во всей своей чистоте сохранилось только в нашей Церкви Православной; только она – неизменный столп и утверждение истины; только она – истинная и верная преемница апостольского служения в мире. Страдать за нее – значит страдать за Христа, и наши христоролюбивые воины, умирая на полях брани за веру Православную, подобны святым мученикам, и за то Церковь испрашивает им у Христа Бога венцы мученические. Не великое ли это утешение, как для самих воинов-страдальцев, так и для нас, болеющих сердцем за них? Но Апостол Павел дает еще большее утешение, называя страдания за Христа, за правую веру в Него, страданиями Самого Христа: *якоже избыточествуют страдания Христова в нас*, говорит он, *также Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1, 5). Наше христоролюбивое воинство приносит жертву любви и к ближним, такую жертву, выше которой нет никаких жертв. *Больше сея любви*, говорит Сам Господь, *никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ии. 15, 13). Да, наши воины полагают свою жизнь за веру Православную, за Царя-Помазанника Божия и за ближних своих – за гонимых врагами нашими братьев наших славян, за всех нас, за всю нашу матушку-Русь Православную. Они исполняют величайшую Христову заповедь любви, и притом в самом высшем ее смысле, а мы, сострадая им, облегчая их подвиг, кто чем может, мы становимся участниками их подвига: разве это не утешение для нашего сердца, скорбями угнетаемого? О как счастливы мы, православные, что в своей вере можем почерпнуть столько утешений в скорбях наших! Счастливы мы, что можем иметь благодатное общение и с теми, кто отошел от нас в вечную жизнь, общение в молитве и в святейшем Таинстве Причащения Тела и Крови Христа Спасителя нашего! Ведь чуждые вере Православной враги наши не имеют, не могут иметь таких утешений; они и понятия о них не имеют!

И вот сегодня, при воспоминании страстей Христовых, при виде сей священной плащаницы, святая Церковь говорит нам: чада мои возлюбленные – все вы, кто сердцем страдает, кто великия скорби несет в лишении близких своих, душу свою на поле брани положивших, – кто еще подвизается там, на поле смерти, – кто израненный лежит на одре болезни, – все вы ведайте, глубже в сердце своем запечатлейте, что чрез сии скорби вы являетесь участниками страданий Христовых, что Христос зрит сии скорби ваши, Своею Божественною любовию переживает их с вами, состраждет вам яко глава своим членам, и – можно ли сомневаться, что Он в свое время и утешит вас, да всеконечно и ныне утешает сокровенно утешением неизреченным, как только один Он может утешать?

Смотрите: вот Он, весь изъязвленный, весь умученный, предлежит пред очами вашими в сем священном изображении, в сей святой плащанице: веруйте, что и вам попустил Он скорби великия, страдания невыразимыя, да будете причастниками Его крестных скорбей. По любви Своей Он страдал за нас, по любви к Нему и мы спостраждем Ему, и паки по любви своей безконечной Он примет ваши страдания яко Свои собственный, и уже в самыя минуты ваших болей сердечных коснется сердца вашего Своим благодатным утешением. Ваши скорби, ваши страдания за веру Православную, за братий ваших суть страдания Его Церкви, Его таинственного тела, если только вы не отпадаете от сего тела маловерием, роптанием и малодушием, – в вас и Он страдает, ваша Глава таинственная... Так всегда было, со дня основания Христом Церкви Его на земле: врата адовы не преставали воевать на Церковь Его, преогорчева чад ея, но – верно слово Его: врата адовы никогда не одолеют ея! И мы веруем, что Господь, попустивший нам великия испытания, ниспошлет нам и избавление, и паки воссияет Его солнце над головами нашими, солнце любви Его и общения с Ним в мире и радовании о Нем!

Вот, возлюбленные, утешение вам от гроба Христова. Припадайте же к сему живоносному гробу Жизнодавца; с верою лобызайте язвы Христовы и почерпайте в них укрепление и утешение в скорбях ваших. Общение с Господом в святейшем Таинстве Причащения да запечатлевает в вас и сие общение с Ним в страданиях Его. Веруйте, что тако подобает быть по Его судьбам неизреченным, и в сей вере приемлите дерзновение в молитвах ваших во дни скорби многия, обышедшия нас в сию годину Божия испытания. Слышите, что вещает Он Апостолам Своим, а в лице их и всем верующим в Него: *в мире скорбны будете, но дерзайте: Аз победих мир. Да не смущается сердце ваше, не оставляю вас сиры, прииду к вам, и возрадуется сердце ваше, и радости вашае никтоже возмет от вас.* Ему ли не верить?..

Веруем, Господи, и исповедуем, что Ты – наша радость, наша жизнь и избавление! Аминь.

№ 263

Христос Еоскресе!

Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос
воскресе!

Какою светлою радостью исполняются сегодня сердца наши, возлюбленные о Господе братия! Поистине ныне вся исполнишася света, и небо, и земля, и даже преисподняя, куда никогда не проникал луч радости, – ныне вся тварь ликует, ибо воскресе Христос и смерть умерщвлена, ад низложен, рай отверст, и Воскресший зовет туда всех нас земнородных, зовет и ждет в Свои отеческия объятия!

Тысяча восемьсот восемьдесят лет протекло с того благословенного дня, как впервые раздалась всерадостная, животворящая весть воскресения, но и ныне сердце верующее радостью трепещет, как будто это совершилось сегодня, как будто Воскресший только что посетил нас, только что мы слышали Его приветно-сладостныя слова: *радуйтесь! Мир вам!..* Что же переживали святые Апостолы, святые жены-мироносицы, какою неизреченною, небесною радостью трепетало сердце Матери Воскресшаго Господа при первой вести о Его воскресении? Впрочем, священное предание говорит, что Воскресший Господь тотчас по Своем восстании из гроба ускорил утешить Свою возлюбленную пренепорочную Матерь, – Ей прежде всех явился, Ее прежде всех восприветствовал Своим всерадостным – *радуйся!* Только по несказанному смирению Своему Пресвятая Дева не благоволила, чтобы это событие – явление Ей Сына Ея по воскресении, как событие, касавшееся Ея лично, было занесено в благовествование святых Евангелистов.

Итак, лишь только восстал Господь из гроба, как радость Его воскресения обильною, неудержимою струею полилась из Его живоносного гроба, и первыми вестниками этой радости являются Ангелы Божии и Сам Воскресший. Он является Марии Магдалине, является мучимому горьким чувством раскаяния, отрекшемуся было от Него Симону Петру, является Своему брату, сыну Иосифа, Обручника Пресвятыя Девы, от его первого брака – Иакову, который, по церковному преданию, удручаемый великою скорбью после смерти Господа на кресте, удалился в уединенную пещеру в окрестностях Иерусалима и дал обет: не вкушать хлеба, дондеже узрит Воскресшаго Господа... И ему является Господь с радостным словом утешения: прими хлеб, Иакове, Сын бо Человеческий воскресе из мертвых!.. Является Господь святым женам-мироносицам, спутешествует и открывается Аuke и Клеопе на пути в Эммаус, а вечером – о радость, о счастье неизреченное! – Он является и единонадесяти Апостолам при заключенных дверех, является, беседует с ними, разделяет с ними скромную трапезу, вкушая от печеной рыбы и от сот пчел...

День воскресения Христова воистину есть день райской радости для земнородных! Как солнце в видимой природе является источником жизни для всего живущаго, так и воскресение Христово своими лучами на пространстве многих веков все согревает, все освещает, все животворит в мире духовном. Отсюда – радость жизни во Христе, отсюда наше счастье, наше блаженство. Апостол Павел выразил эту истину так: *аще Христос не воста*, пишет он, *тще убо*, напрасно проповедание наше, *тща же*, тщетна и вера ваша (1 Кор. 15, 14). И вот, чрез девятнадцать веков и нас достигает радость воскресения, и мы

радуемся, и после нас до скончания века не перестанут радоваться грядущие роды родов сею радостью воскресения Христова, доколе не оскудеет вера в Воскресшаго, доколе Его Церковь будет собирать спасаемых яко кокош под криле свои, приосеняя их благодатию вечной Главы своей – Господа Иисуса Христа.

Что же благопотребно, чтобы радость сия не оскудевала в наших сердцах? Что делать, чтобы никакая печаль, никакая скорбь не могли затуманить светлой радости о Воскресшем Господе нашем?

Будем непрестанно носить в уме и сердце нашем Его же святое слово, Его обетование: *се Аз с вами есмь, до скончания века*. А если Он с нами, то никакая скорби нам не страшны, никакая опасности не опасны. С Господом везде хорошо! С Ним и умирать сладостно! И Он-то уж всеконечно нас не покинет, не удалится от нас: лишь бы мы сами не удалялись от Него! Но если мы будем постоянно помнить, что Он – с нами, что Он неразлучно пребывает посреде верующих, что Он все видит, все наши мысли читает, все намерения наши предвидит, то и от греха нам легко будет оберечь себя: память о Его, Господа нашего, пребывании с нами, среди нас, верующих в Него, будет сдерживать нас и в деле, и в слове, и в помышлении нашем. Она же будет привлекать к нам и благодатную помощь Его, поддерживать нас в минуту борьбы и искушения, в час скорби и испытания. Какое бы горе ни обрушилось на тебя, помни, что Господь с тобою: скорее к Нему прибегай, скорее скорбь свою Ему поведай. Прибегай, как обиженное дитя прибегает к защите своей матери, Ему жалуйся на свою беду, а паче всего и первее всего – на немощи свои. И верь: Он утешит, Он приласкает тебя, и тебе станет отрадно, легко, радостно, что Господь с тобою! Слышишь, Господь с тобою; береги же себя, из любви к Нему бойся, чтоб не оскорбить Его грехом каким, не подпускай к себе, по любви к своему Господу, и мысли грешной. А если враг будет тебе наносить такие мысли, опять спеши обратить свой мысленный взор, свое сердце к Тому же Господу, благодатному Посетителю душ наших, и Он отгонит искушителя от твоего сердца, Он оценит твою верность, твою любовь к Нему и не оставит тебя, ибо Сам сказал: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века*! Только будь верен до смерти Ему, Ему единому, и Он даст тебе венец живота!

О Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе, Егоже вернии утверждение надежда имуще – радуемся! Аминь.

№ 264

День райской радости

Вчера спогребохся Тебе, Христе,
совостаю днесь, воскресшу Тебе!

В Киево-Печерском патерике есть такое сказание: однажды в светлый день Пасхи, во время утрени, игумен вошел в пещеры, чтобы покадить святыя мощи почивающих там угодников Божиих. Он остановился в пещере, где было несколько гробов их, покадил и в духовном восторге воскликнул: “Отцы и братие, Христос воскресе!” И от всех гробов, от всех мощей услышал он громкий всерадостный привет: “Воистину воскресе!”

Так еще почивающие во гробах своих, еще только ожидающие всеобщаго воскресения угодники Божии уже как бы живые откликнулись на привет воскресения, на это животворящее, всерадостное наше *Христос воскресе!* Что же будет, когда все умершие услышат глас Сына Божия, оживут и изйдут из гробов своих в последний день мира, изйдут и в веселии и радовании вознесутся на облаках небесных навстречу Воскресителю и Спасителю своему, грядущему судить живых и мертвых? Какую песнь они воспоют?

Можно думать, что и тогда во услышание всего мира, раздастся все та же вечно радостная, вечно животворящая песнь воскресения: *Христос воскресе!* Ведь Он воскрес и Своим воскресением сущим во гробех жизнь даровал, Он воскрес и смерть попрал, воскрес, и с Ним воскреснем все мы, с Ним и в Нем едином найдем и уже обретаем – нашу жизнь, нашу радость, наше блаженство.

И в сей светлорадостный день Пасхи Христовой, когда небо сливается с землею, а земля становится небом, наша мысль, наше сердце переносятся туда, где наши братья, наши дети душу свою полагают за Веру Православную, за Царя и Отечество, где много-много их упокоилось в сырой земле, исполнив святую заповедь о любви к ближнему... И душа просит воскликнуть им, и живым, и усопшим: Братья-воины, воины Христовы православные! Христос воскресе! Да расточит Он врагов наших, среди коих много истинных врагов креста Его, врагов веры святой! Да обратит Он в бегство пред лицом вашим всех ненавистников веры православной, да обрадует Он, Победитель ада и смерти, и вас, и нас, ради Светлаго Своего воскресения, славною победою над супостатами! И слышит наше сердце это всерадостное ответное *Воистину воскресе*, слышит и из окопов, и из могил, и веруем мы, что и “сущии во гробех”, почившие в могилах, душу свою за исполнение Христовой заповеди положившие воины также отвечают нам уже из другого мира: *Воистину! Воистину Христос воскресе!*

О как счастливы мы, верующие, что воскресение Христово отнимает жало у самой царицы ужасов – смерти, что оно смерть превращает в тихий покой, как бы отдохновение для тех, кто в сей жизни подвигом добрым подвизался, долг свой исполнил, а особенно для тех, кто и душу свою положил, кровь свою пролил при исполнении своего святого долга! *Смерть бо мужу – покой*, говорит слово Божие. Оттого она и называется на языке св. Церкви успением, а умершие именуются *усопшими*. Но и сии усопшие – мы веруем – сегодня слышат наш привет: *Христос воскресе*, и таинственным языком отвечают нашему сердцу: *Воистину воскресе!* Мы и живем, и умираем во Христе и со Христом как члены тела Его – Церкви святой; оттого и поет св. Церковь как бы от лица каждого верующаго:

*вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь, воскрешу Тебе, сраспинахся Тебе вчера: Сам мя прослави, Спасе, во царствии Твоем! А тот, кто умирает во исполнении Христовой заповеди, тот со Христом сораспинается, состраждет Христу, со Христом умирает, а потому и совоскресает со Христом, духом пробуждаясь в другом мире к блаженству во Христе, а затем, когда вострубит труба Архангела в последний день, восстанет он из могилы своей и телом своим, по обетованию Того, Кто все создал единым словом Своим, Кто имеет ключи ада и смерти... Тако веруем, тако исповедуем, исповедуем наипаче в сей преславный день воскресения Жизнодавца Христа! И в сем исповедании нашей веры в воскресение Христа Спасителя нашего и в наше в Нем воскресение, в воскресение всех наших собратий ныне душу свою за Христову веру положивших, обретаем новый источник светлой радости о Христе, и всем сердцем, пред лицом неба и земли, ликуя со Ангелами Божиими и всеми святыми, взываем: *Христос воскрес! Христос воскрес, Христос воскрес!* Аминь [\[67\]](#).*

Два письма гр. Л. Н. Толстого о древнерусских житиях СВЯТЫХ

Наш православный народ переживает войну и ее ужасы с спокойной преданностью воле Божией. Он помнит слова Спасителя: *услышати имате брани и слышания бранем: зрите, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти* (Мф. 24, 6). Войны как неизбежное последствие зла, греха, заразившего человеческую природу ядом эгоизма, всегда были и будут до скончания века, как бы мечтатели-пацифисты ни усиливались проповедовать идею всемирного мира на всей земле. Войнам все же *подобает*, по выражению Самого Господа нашего, *быти*.

И невольно припоминается наш русский мечтатель, самозванный философ, граф Лев Толстой с его проповедью: “не воюй”. Что бы сказал он теперь, когда каждый день печать приносит нам все новые и новые вести о тех зверствах, какие совершают тевтоны в занятых ими местностях, о тех ужасах, какие обрушиваются на мирных жителей, на их младенцев, на их жен и дочерей – ужасах, совершенно бессмысленных даже с военной точки зрения и едва ли возможных даже у дикарей?..

А ведь было время, когда этот типичнейший русский человек близок был к идеалам русского народа, готов был, казалось, воспринять их в свою душу, любовался ими, восхищался и собирался послужить им... Увы, гордыня, постепенно овладевая его душою, заслонила все эти идеалы, исказила их, вытравила совершенно из его души основную черту православного народного духа – смирение и заняла его место...

Разбирая бумаги покойного наместника Лавры, отца архимандрита Леонида, я нашел два письма графа Л. Н. Толстого, очень характерные в этом отношении. Писаны они за 36 лет до его смерти, в 1874 году, когда его талант блистал во всей красоте, когда в его русской душе пробуждалось стремление к родным идеалам народа и он искал вдохновения в тех “сокровищах, каких не имеет ни один народ”, по его же собственному выражению. О. Леонид, которому были адресованы эти письма, в то время был еще настоятелем Нового Иерусалима и, имея довольно свободного времени для литературных трудов, много работал в области древней письменности. Упоминаемый в первом письме П. Д. Голохвастов летом жил в своем имении близ Воскресенского монастыря и часто бывал у о. Леонида. Вот эти письма.

I

1874. Ноября 22. Тула.

Ваше высокопреподобие!

П. Д. Голохвастов сообщил мне радостное известие, что дело составления для народа книги чтения, составленной из избранных житий, не только одобрено вами, но что вы не отказываетесь даже в своем личном содействии этому делу. Постараюсь при первом досуге воспользоваться вашим разрешением побывать у вас и переговорить подробно обо всем, теперь же мне хочется, как сумею, изложить мой взгляд на это дело и вызвать ваше, так высоко ценимое мною, мнение о нем. В предполагаемой мною книге (или ряде книг) я

разделяю две стороны: форму – язык, размер (т. е. краткость или длину) и содержание – внутреннее, т. е. нравственно-религиозные основы и внешнее, т. е. описываемые события. По всем четырем отделам я мечтаю о том, чтобы найти последовательность, т. е. постепенный переход от простого к более сложному. – 1) По языку я думаю надобно начать с Макарьевских житий вроде (Евлогия)^[68] тех, которые напечатаны в моей Азбуке, и 2) по размеру самая краткая, переходя постепенно к более трудным по языку до языка Дмитрия Ростовского, и по размеру до жития хоть Николая Чудотворца. 3) По внутреннему содержанию, от ближе доступных простых подвигов, как мученичество, до более сложных, как подвиги архипастырей Церкви, действующих не для одного своего спасения, но и для блага общего, и 4) по внешнему содержанию, от событий более живых и рельефных до общественной и духовной деятельности. Вообще, по языку я предпочитаю простоту и удобопонятность и сложный язык допускал бы только тогда, когда он живописен и красив, каким он бывает часто у Дмитрия Ростовского. По содержанию я предпочитаю для народного чтения, без сомнения, русских святых и таких, жизнь которых содержит больше событий. Я очень мало начитан в этой отрасли литературы, но потому, что знаю, мне кажется, что осуществление этого плана возможно. Не могу выразить вам, до какой степени ваши указания мне будут драгоценны. Искренно радуюсь еще тому, что это дело дает мне, может быть, случай исполнить мое давнишнее желание представиться вам и засвидетельствовать то искреннее высокое уважение, с которым имею честь быть ваш покорный слуга

Граф Лев Толстой

К сожалению, у нас нет под руками ответного письма о. Леонида, но из следующего письма графа Толстого видно, что ответ был более, чем удовлетворительный. Вот второе письмо графа, без пометки месяца и числа.

II

Ваше высокопреподобие!

Получив ваше письмо, я испытал большое духовное наслаждение. Я читал выражение сочувствия дорогим для меня взглядам на дорогое мне дело и выражение гораздо более высокое и глубокое тех самых мыслей, которые смутно представлялись мне. Издание для народа избранных мест из нашей древней литературы и именно в тех больших размерах, как вы предполагаете, представляется мне таким важным и хорошим делом, что я непременно намереваюсь посвятить на это дело те силы, знания и средства, которые могу. Я сам дам свой пай денежный на это дело и начал и буду собирать по вашему указанию людей для общества с целью такого издания. Самая большая трудность есть выбор и издание, т. е. сокращения и объяснения, если они нужны. Вопрос в том, угодно ли вам будет взять этот труд. Если да и Бог даст нам жизни и силы, то дело это будет сделано. Само собою разумеется, что все это дело подлежит многостороннему обсуждению, для которого я постараюсь быть у вас; теперь же я высказываю только те чувства и намерения, которые вызвало во мне ваше письмо.

Очень много благодарен вам за столь любопытное и прекрасное исследование о Сильвестре^[69]. Судя по нем, я догадываюсь, какая сокровища – подобных которым не

имеет ни один народ – таятся в нашей древней литературе. И как верно чутье народа, тянущее его к древнему-русскому и отталкивающее его от нового.

Прося принять мою глубокую благодарность за ваше доброе ко мне расположение и уверение в моем глубоком и искреннем уважении, имею честь быть ваш покорный слуга

Граф Лев Толстой

Из этого письма видно, что о. Леонид не ограничился только одобрением намеченного графом Толстым плана издания житий святых, но и советовал ему поставить дело шире: издавать и другие памятники древне-русской литературы, каковы, например, поучения, притчи, разные сборники, вроде “Золотой Струи”, “Измарагда” и подобным им. И действительно: не раз говорил мне покойный старец, что в нашей древней письменности – богатейший рудник чистаго золота народных поучений, и по его указаниям я много брал из этого рудника для своих “Троицких Листков”. Кто знаком с этого рода литературой, тот поймет, что такой художник-писатель, как граф Толстой, не мог не увлечься этим сокровищем. И он увлекся, но, к глубокому сожалению, как воспитанный вне церковных веяний, не воспринял самага духа этих сокровищ, а только как художник использовал образы и формы их, дав ряд рассказов, в сущности, искажающих дух нашей старой литературы. Влияние о. Леонида, по-видимому, было мимолетным. В 1881 году Толстой посетил Троицкую Сергиеву Лавру и был у о. Леонида со своею семьею. Оставшись потом наедине с старцем, он беседовал с ним о духовной жизни, но когда он вышел от старца, то последний сказал мне со вздохом: “Заражен такою гордыней, какую я редко встречал. Боюсь – кончит нехорошо”...

Послание христоролюбивым земледельцам

Божие благословение всем вам, в поте лица своего труждающимся на нивах родной Русской земли!

Да благословит Господь сторицею плоды трудов ваших, да укрепит силы ваши, да ниспошлет воз духи благорастворенные и дожди благовременные на нивы, сады и огороды ваши!

Возлюбленные о Господе братия, вы знаете, совесть ваша говорит каждому из вас, что благословение Божие подается только тому, кто заслуживает его, кто Бога боится, Бога любит, помнит заповеди Его и по силе возможности старается исполнять их. *Аще любите Мя*, глаголет Господь, *заповеди Моя соблюдайте*. А заповеди Его не тяжелы: все оне заключаются в одном слове: “люби”. Любовь есть тот воздух, которым дышит душа христианская. Без любви нет христианства, без нея человек – мертвец. Но и веровать, и любить надобно не на словах, а на деле. *Не любим словом, ниже языком*, учит святой Апостол Иоанн Богослов, *но делом и истиною*. Всего лучше любовь показывает себя в делах милосердия и помощи ближнему. *И много различен милования образ*, как говорит св. Иоанн Златоуст, и *широка заповедь сия*. Но бывают времена, когда пред нами открывается особенно широкое поле для дел любви и помощи ближнему: это – времена общественных бедствий. Таково наше время, время великих скорбей и тяжкого испытания, испытания нашей веры и любви ко Господу. Жестокий, беспощадный враг напал на наше Отечество, и миллионы наших христоролюбивых воинов грудью отстаивают нашу матушку-Русь Православную на полях битв. А их семьи, их матери, жены и дети остаются беспомощными в работах и заботах о хлебе насущном. Многие защитники наши – воины уже и душу свою положили за нас на поле брани, а их вдовы и сироты плачут в своих убогих хижинах, и реки слез льются повсюду на лице родной земли. Настала весна, надобно возделывать поля, сеять хлеб, овес, картошку, – надо спешить, чтоб на будущую осень и зиму не остаться без куска хлеба. И вот выйдет на свою полоску бедная солдатка, посмотрит, залется горячими слезами: нет у нея кормильца – работника-мужа, некому возделывать эту землю, чтоб пропитать милых детушек... Или пойдет в храм Божий со своими детками, станет там у святой иконы Заступницы Усердной и будет выплакивать свое горе безутешное... Призри, Владычица, Матерь Милосердая, на слезы этой бедной женщины! Отри их Своею ласкою, пошли ей добрых людей, чтобы помогли ей перенести тяготу жизненную, чтоб утешили ея малюток по-родному, по-Божьему. Сказано ведь в слове Божиим: *друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов*.

А кто же поможет им, этим осиротелым труженицам, этим вдовам и сиротам? Кто заменит им отцов, кто пойдет на их полоску, чтоб вспахать ее, заборонить, засеять? Кто – как не вы, православные? Вот где Сам Бог зовет вас на доброе дело: помогите семьям тех, кто отстаивает за всех нас нашу матушку-Русь, нашу святую Веру Православную, нашего Царя-батюшку – Божия Помазанника. Наши братья-воины своей жизни не щадят, чтоб исполнить свой святой долг, чтоб защитить нас от нашествия немцев и турок – супостатов: как же нам не исполнить нашего святого долга – позаботиться о семьях, наших защитников, помочь им – не деньгами, а трудом праведным? Ужели кто откажет им в такой помощи? и то надо помнить: ведь вдовы и сироты воинов, а если – помилуй Бог – война не кончится до осени, то и жены, и дети воюющих останутся все же на вашем

попечении; при нынешней на все дороговизне казенного пайка им не достанет: так не лучше ли теперь же, весною, озаботиться, чтоб у этих жен, у этих матерей, у этих сироток был тогда свой кусок хлеба? А это и будет, если только вы не откажете им целым миром обработать их поля и огороды, засеять их, а к осени, когда Бог благословит урожаем, и убрать плоды земные. Ужели кто откажется сделать такое доброе дело?

Нет! Этого не будет! Этого не допустит ваше доброе русское сердце! Это было бы тяжким грехом и пред Богом, и пред Царем, и пред родиной – Русской землей. Стыд и позор тому, кто сказал бы: “Это – не мое дело, мне недосужно!” Бог накажет такого самолюбца! Бог лишит его благословения в его трудах. Да думаю я, хочется верить, что такого жестокосер даго и не найдется у нас, в нашем добром Русском народе. Не такая душа у русского человека, чтоб не помочь, отказать в помощи бедной вдове, бедной семье, сироткам, оставшимся после убиенного христолюбца. Русский православный человек ночи не поспит, а доброго дела не оставит недоделанным. И Бог не оставит его Своею милостью, Своею помощью. И сам он не заметит, как все у него будет спориться, как на всем явно будет почивать Божие благословение. У Бога уж такой закон: ты делай добро, а Бог в долгу у тебя не останется. Сторицею воздаст тебе за твое доброе дело. Ведь всякое доброе дело – Божье дело; не ты его делаешь, а Бог чрез тебя, это – Он тебе помогает, вразумляет тебя, силы и средства тебе посылает. Видишь, какой ты счастливец, когда ближнему помогаешь: ты – Божий работник, Божий сотрудник! Это ли не счастье для тебя? А сколько грехов-то тебе Бог простит за любовь твою к сирым и вдовицам, к беспомощным женам и матерям наших воинов-христолюбцев! Потрудишься же, родной, постарайся ради Господа

Бога! Каждый день весною дороже золота. Подсчитайте, православные, сколько у вас в деревне взято воинов, сколько семей осталось без работников. Сообразите, как помочь им. Разделите свой труд или сообща, целым миром обработайте их поля. Снесите по решетцу, по ковшечку семян, чтоб засеять их. А воинам напишите, чтоб о своих полях, о своих семьях не беспокоились: все-де будет исправно, родные наши, только свое дело делайте, отстаивайте Русь Православную, гоните супостатов прочь от ее границ, а мы тут за вас поля ваши вспашем и засеем, и деток ваших накормим, и все дела ваши управим общими силами.

Подумайте, какую отрадою в сердцах воинов наших отзовется такая весточка из родных деревень – весточка о том, что их односельцы позаботились о семьях их, позаботились о полях их, потрудились за них так, что семьи их и на будущий год не останутся без хлеба насущного. Да ведь это – удвоит их силы, одушевит их, да и Господь за такую любовь вашу к ним пошлет им победу и одоление на врагов, и они вернутся домой победителями, радостные, что есть к чему им руки приложить, что хозяйство их не запущено без них и есть за что сказать сердечное спасибо вам, своим землякам.

Слово Божие говорит: *брат от брата помогаем, яко град тверд*. Еще в Ветхом Завете было заповедано: *аще узриши осяя врага твоего, падшее под бременем его, под тяжелою ношею, да не мимоидеши е, не моги проходить равнодушно мимо его, но да воздвигнеши е с ним* – помоги врагу твоему поднять на ноги бедное животное. Видите, слово Божие велит помогать даже врагу, даже скоту твоего врага в его непосильной работе: как же нам не помочь бедным семьям наших братьев, душу свою за нас полагающих на поле брани со врагом? Да не будет сего! Аминь.

О духовной прелести и самоубийстве

В Петроградской духовной академии произошло страшное событие: сатана похитил юную душу студента, покончившего самоубийством. Событие вызвало много толков, вкривь и вкось объясняющих это событие, но ни одно из объяснений нельзя считать вполне удовлетворительным с нашей, монашеской, точки зрения. А с другой точки зрения, думается, нельзя и судить о нем.

Из совокупности тех данных, какие стали известны по этому случаю, видно, что несчастный юноша, увлекшись ложным мистицизмом, впал в “прелесть”. А в состоянии прелести человек усиленно ищет якобы духовных утешений, коих в сущности еще не достоин по нечистоте своего сердца. Святые отцы пишут: “Божия о себе приидут, тебе неощущающую, но – аще место будет чисто, а не скверно”. Иначе есть опасность услышать страшный оный приговор: *како вшел еси семо, не имый одеяния бранна?* Святитель Феофан Затворник пишет: “Углубленная молитва ко Господу возбуждает теплоту. У опытных отцев строго различаются – теплота телесная, простая, бывающая вследствие сосредоточения сил к сердцу вниманием и напряжением, – теплота телесная, похотная, тут же иногда прививающаяся и поддерживаемая врагом, и – теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двух родов: естественная, вследствие соединения ума с сердцем, и благодатная. Различать каждую из них научает опыт. Теплота эта сладостна и поддерживать ее желательно как ради самой этой сладости, так и ради того, что она сообщает благонастроение всему внутреннему. Но кто усиливается поддерживать эту теплоту за одну сладость, тот разовьет в себе сластолюбие духовное”.

Вот тут-то и бывает опасность для юных молитвенников: никем не руководимые, не проверяющие своих внутренних переживаний так называемым “откровением помыслов” старцу, испытав первый вид теплоты телесной, простой, бывающей вследствие соединения ума с сердцем, теплоты естественной, они принимают ее за теплоту благодатную, а враг всевает в них мысль, что они уже удостоились Божией благодати, и подстрекает их всячески усиливать эту теплоту. Бывает, по свидетельству опытных в духовной жизни старцев, что враг незаметно подменяет эту, так сказать, безгрешную саму в себе теплоту, теплоту естественную, уже – прямо – грешною, похотною, что так часто наблюдается в хлыстовщине и лжемистических сектах искаженного монашества. Но если и не бывает такой подмены, то увлечение “духовным сластолюбием” ведет к прелести: человек начинает воображать, будто он уже угодил Богу, сподобился Его благодати, – в нем растет, совершенно для него незаметно, внутренний фарисей; он усиленно ищет мнимо-духовных наслаждений, а последствием сего бывает то, что сии наслаждения сменяются страшным духовным угнетением, невыносимую тоскою, унынием... Надо сказать еще, что в исканиях сладости прельщенный дает волю своему воображению: рисует себе отверстое небо, представляет образ Господа, сидящего на престоле, окруженного тьмами Ангелов и святых. Если наступает период уныния, то при таких мечтаниях ему чудится, что он уже осужден судом Божиим, недостоин и жизни на земле, что он должен себя казнить... И вот – почва для самоубийства уже готова! Враг перепутывает все его понятия, влечет, насилует душу несчастного отчаянием, которое представляется ему как бы исполнением суда Божия над ним. А благодать Божия удаляется от такого человека за его самомнение, за его вторжение в тот “чертог брачный”,

в который не входят неимущие одеяния брачного, то есть чистоты сердечной, по крайней мере, очищения души от страстей, на нее особенно воюющих. Он сам не допускает к себе своею гордостью, грехом иудина самоосуждения или отчаяния, сей спасительной благодати. Если он падает в какой-либо грех, то не кается так, как каются смиренные грешники, а начинает окаевать себя, как мирской “честный” человек: “Да как это я мог позволить себе? Как я смел это сделать?”... Как будто бы он в другое-то время и непричастен к греху!

Таково бывает настроение прельщенного; такова опасность, которая ему постоянно угрожает, если он не смирится, не признает избранный им путь заблуждением.

Следует еще сказать, что в состоянии прелести враг обычно вторгается в область воображения и рисует человеку разные видения, кажущиеся ему реальными. Врачи называют их галлюцинациями. И этого мало – чтобы глубже втянуть душу в прелесть и внушить человеку, будто он совсем уже стал святым, враг, Божиим попусшением, делает его в своем роде прозорливцем: он видит на расстояниях, обличает пороки других, нечто как бы предсказывает, видит воочию бесов и якобы ангелов... И все это кончается сумасшествием и самоубийством!

Состояние прелести отпечатлевается на самой наружности прельщенного: глаза его горят каким-то неестественным блеском, когда он говорит о духовных предметах, то он дышит как бы страдающий одышкой, на лице – печать какого-то воодушевления...

Все эти признаки отмечены в отношении к несчастному студенту Сумарокову в статье о нем г. профессора А. А. Бронзова. Правда, г. профессор характеризует его как сумасшедшего, но ведь надо же сказать и причину сумасшествия, а эта причина, по нашему мнению, есть прелесть, в которую он впал вследствие отсутствия надлежащего духовного руководства в самовольно начатом им духовном делании. “У всех отцев, писавших руководства к духовной жизни, – говорит наш аскет – святитель Феофан, – первым пунктом в правилах для вступающего во внутреннюю жизнь ставится: иметь духовного отца-руководителя и его слушаться. “Вот что говорит св. Григорий Синаит: “Без учителя самому успеть в умном делании невозможно. Что делаешь сам по себе, а не по совету предупевших, то рождает опасное самомнение. Если Сын Божий ничего не творил Сам по Себе, но как научил Его Отец, так творил, и Дух Святый не о Себе глаголал, то кто это такой между нами до толикой достиг высоты совершенства, что уже не требует никого иного, кто бы руководил им? Гордость это, а не добродетель! Такой уже в прелести состоит, то есть вступил на ложный путь уклонения к заблуждениям”. А вот слова Каллиста Патриарха: “Прежде всего поспеши найти себе наставника и учителя непрелестного и, нашедши его, вполне отдайся ему, как отцу родному сын отцелюбивый, ходя по повелениям его неуклонно и на него взирая, как на Самого Христа. Кто хочет жить самоугодно, без наставника, тот, по слову Лествичника, легко уклоняется в заблуждение и погибает, хотя бы он всю премудрость мира сего исчерпал. Без совета ходящие ходят будто в сонном мечтании; они много сеют, но пожинают очень мало и, вместо пшеницы, увь! собирают плевелы”.

Духовное делание, духовная жизнь есть наука из наук, искусство из искусств. Научиться сему искусству без опытного руководителя по одним книгам нельзя. Вот, может быть, почему в наших духовных школах доселе нет систематического изучения этой великой науки, как особого предмета, книжным образом. Есть нравственное богословие, есть другия сродныя с ним науки, но аскетики в собственном смысле мы не имеем как науки. Ее надо проходить непременно личным опытом, а не по книгам,

непременно под руководством опытного старца-наставника, а не просто ученого профессора. Книжное изучение – одно, а опыт – дело другое.

Если нельзя изучать физику или химию без “опытов”, то тем менее возможно изучать душу человеческую в ее соприкосновении с духовным миром без опытного руководителя в духовной жизни. Самые термины духовных переживаний без опытного истолкования их не будут достаточно понятны для изучающего или же могут быть поняты в превратном смысле. Это, конечно, не значит, что вовсе не следует касаться в учебных заведениях аскетики: это противоречило бы самому назначению духовно-учебных заведений, цель коих – приготовление пастырей, а в академиях – и архипастырей для служения Церкви Божией. А пастыри должны знать законы духовной жизни, чтобы и пасомых не слепо вести по пути крестоношения к вечной жизни. Но постановка этого святого дела должна быть совершенно иная, чем преподавание всех прочих предметов. В основу всего должно быть положено воспитание духа смирения и отсечения своего смышления и опыт духовной жизни под руководством старца. К сожалению, в наше время “оскуде преподабный”. Но и ныне – ищущий обретает и толкующему отвергается.

В последние годы в наших духовных академиях умножилось число постригаемых в иночество. С одной стороны, это – явление отрадное, свидетельствующее, что в юных душах питомцев духовных школ еще теплится искра Божия, жажда духовной жизни. С другой стороны, с заботой смотрим мы, старики, на быстрое прохождение таких юных, духовно незрелых монахов по степеням священства: едва постригут, как монах становится еще на школьной скамье священнослужителем. Где же опыт послушничества? Где опыт отсечения своей воли, борьбы с своею самостью, не говорю уже о борьбе с другими страстями, воюющими на душу? Едва кончил курс такой монах, как его назначают преподавателем в семинарию или училище: он еще не видал настоящего монашества, как становится в положение наставника не только по данному ему предмету, но и в качестве “воспитателя” и руководителя юношества. Правда, некоторые академии поставлены в более счастливые условия для юных монахов-студентов: так, Московская академия пользуется близостью Зосимовой пустыни с ее духовно-опытными старцами, но да будет позволено сказать откровенно, студенты-монахи являются в этой пустыни ведь не в качестве настоящих послушников, а лишь в качестве, так сказать, “дилетантов” монашества: хотят они пользоваться советами и руководством старцев – идут к ним, не хотят – никто их к тому не может принудить, и они живут в сущности, по своей воле, руководятся своим смышлением. Не знаю, как стоит дело в других академиях – о духовном руководстве юных монахов там что-то не слышно.

Позволю себе высказать пожелание, чтобы студентов, желающих “иноческого жития”, вовсе не постригать в бытность их студентами, а по окончании курса посылать в благоустроенные обители, где еще не угасло старчество, вроде Оптиной, Глинской, Саровской или Зосимовой пустыни, подчинять их там строгому укладу настоящей монашеской жизни примерно года три и только тогда, когда старцы признают их способными к монашеству, постригать и посылать на послушание туда, куда найдет благопотребным церковная власть. При таких условиях меньше будет тех печальных, в духовном отношении уродливых явлений, какия – надо сознаться – бывают в среде незрелых, искусственно выведенных в ряды монашества питомцев духовной школы...

Не в Сумарокове дело

“Довольно о студенте Сумарокове!” – восклицает почтеннейший г. профессор А. А. Бронзов. С полным убеждением он решительно “удостоверяет, что в этой истории не играли никакой роли ни академический устав, ни монахи, ни пономарка, ни прелесть”... Все дело, по его словам, в том, что у него был какой-то близкий “родственник”, сошедший с ума и умерший в 25-летнем возрасте, в течение последних пяти лет своей жизни не раз покушавшийся на самоубийство в припадках умоисступления. Вот и “юный Сумароков, с его печальным, резко выраженным наследством, все равно кончил бы столь же печально, если б даже и не переступал академического порога”.

Итак, наследственность – вот причина гибели юноши! Этим все и объясняется. “Несомненно, говорит г. профессор, что в истории Сумарокова и диавол ни при чем, и напрасно его привлекают к ответу, как напрасно клеветал на него монах, пекший на свечке яйца и утверждавший, что его соблазнил диавол, который в действительности сам у него учился”.

Признаюсь, с тяжелым чувством я прочитал эти строки...

“Наследственность”... модное ныне слово. Им в судах наших готовы оправдывать всякого рода преступников. Слово растяжимое и – соблазнительное. Да у кого же из нас не найдется кого-нибудь родного, страдавшего тем или другим пороком? А может быть, и склонностью к самоубийству? Стало быть, на всякий случай, если бы пришлось отвечать пред судом за какое-либо преступление, стоит только сослаться на “наследственность”, и будешь оправдан... И когда так рассуждают врачи, то уж мы привыкли к таким суждениям и молчим. Но когда заговорил о наследственности почтеннейший г. профессор духовной академии, то наше религиозное чувство как-то не мирится с таким решением вопроса. Мы вправе поставить ему несколько вопросов, которых не приняли бы гг. врачи, но на которые должен ответить православный богослов. Итак, спрашиваем: как же смотреть на самоубийство с точки зрения нравственного богословия? Разумеется, самоубийство в безумии и Церковь считает грехом простительным, ибо разрешает молиться за такого самоубийцу, подвергая судьбу его в бездну милосердия Божия. Но как смотреть с точки зрения Промысла Божия, не хотящего смерти грешника, но присно зовущаго его на путь покаяния? Ужели можно сказать, что “так было угодно Богу”? Ужели можно думать, будто самоубийство было угодно Богу? А если это богохульно, то ужели это – безразличное веяние, ужели так и не было никакой возможности избежать его? Ведь вот родственник Сумарокова пять раз покушался на самоубийство, а умер все же, по-видимому, естественною смертью. Стало быть, Бог не попускал ему такой смерти, а Сумарокову – попустил. Я не обвиняю, не сужу несчастного юношу; я даже допускаю возможность и “остраго помешательства”, хотя и это только ведь одна из гипотез, а не доказанный с несомненностью факт. Но пусть и так. Я желал бы, в видах предостережения другим юношам, выяснить ближайшия духовныя причины такого помешательства, которая ведь были же! Я хотел бы, если можно, ответить на вопрос: почему покушавшемуся пять раз на самоубийство не допущено исполнить свое намерение, а вот сему юноше попущено?.. Дело тут не в Сумарокове: он только наглядный пример помешательства на почве прелести. А опыт сорокалетнего пребывания в монастыре указал мне несколько примеров, вполне аналогичных самоубийству Сумарокова, примеров, которые старцы согласно называли состоянием прелести. А где прелесть, там, несомненно и враг – сатана. Ученому психиатру я не стал бы говорить этого: Бог его знает, верует ли еще он в бытие злых духов, а богослову говорю и вопрошаю, уверенный, что мы поймем друг друга: ужели в попущенном от Бога самоубийстве вся вина целиком лежит на

несчастном самоубийце и сатана тут – “не при чем”? Бог попустил, сатана воздействовал, а человек, удалив от себя Божию благодать своим самочинием в деле спасения, не в силах был противиться сему воздействию. Можно ли говорить после сего, что я “напрасно привлекаю сатану к ответу”? Анекдот о монахе, пекшем яйцо, – простите – по меньшей мере, не у места... Правда, духовная прелесть кончается сумасшествием, но ведь самая почва, на которой развивается эта душевная болезнь, самая условия в душе человека, благоприятствующая развитию ея, все это – коренится не в телесном организме, а в ненормальной жизни духа. А за это уже ответствен сам человек. И опять-таки опыт показывает, что когда есть зоркое наблюдение за первыми проявлениями такой духовной болезни, то зараженный ею еще может быть вразумлен, уврачеван смирением и поставлен на правильный путь духовной жизни. Примеров много и в житиях святых, например, Исаакия Печерского. При помощи благодати Божией таким образом может быть устранено влияние злого духа на больную душу. А когда нет никакого воздействия смиряющей любви, прельщенные, по слову Писания, имже несть управления – падают яко листие. Мы никак не можем, не имеем нрава забывать, что жизнь духа нашего проходит под влиянием из духовного мира – сверху и снизу. Влияния снизу обессиливаются воздействием благодати Божией сверху, привлекаемой смирением человека. Где нет смирения, там удаляется благодать и приходит диавол, обуревая душу унынием, тоскою, отчаянием. Отсюда – один шаг и до самоубийства не только в состоянии безумия, но и в полном сознании... Выяснить все это юношеству, только что вступающему в жизнь, а отчасти и интеллигентному обществу нашему – есть наш долг, чтобы предупредить укоренение так называемого детерминизма в незрелых умах...

Православие – могучим устои нашей государственности

Гремит гроза Божия над грешным миром. Сверкают молнии гнева небесного над народами земли. Пламя войны разгорается с неудержимою силою, и с наступлением весны неизбежны великия, небывалыя в истории битвы миллионных армий, лучше сказать – целых народов... Полюются снова реки крови, содрогнется земля от ужаса этих битв...

Мужайся, христолюбивый Русский народ! Стойте крепко, наши дорогие братья, православные воины! Бог видит, что мы стоим за святую правду Его, что не мы начали эту ужасную войну, что мы не хотим дать в обиду родных братьев наших, коим грозит немецкое духовное и материальное рабство, что мы сознаем свое недостойнство быть орудиями Его всеблагаго Промысла, но и не дерзаем отречься от нашего священного долга в надежде на Его милосердие, – все это Бог видит и – веруем крепко – нас не обидит!

Чем дальше разворачивается свиток истории, чем быстрее раскрывается пред нами величественная картина совершающихся событий, тем яснее, тем неоспоримее становится та истина, что – с нами Бог! Да, мы недостойны этой великой милости Божией, мы не имели права ожидать ея, но за смирение души народной, за любовь народа нашего к святому Православию, за его верность родной Церкви, Господь, наказуя нас за грехи наши, в то же время великою скорбию очищает нас и соделывает нас служителями Своего Промысла в жизни родных нам по плоти и по вере народов славянских и особенно наших братьев, русских людей, много веков страдавших под игом немецкого насилия, в родной Галичине и Червонной Руси. Пусть немцы на каждом предмете своего вооружения, на ружьях, касках, штыках и даже снарядах ставят святые слова: “С нами Бог!” – мы веруем, что Бог с нами, а не с ними, ибо наши штыки не имеют губительных пилообразных зубрин, рвущих раны, чтоб нельзя было их зашить, мы не стреляем разрывными или отравленными пулями, мы не кидаем ужасных, насмерть бьющих стрел с аэропланов в толпы женщин и детей, выходящих из церкви; мы не вырезаем языков, не отрезаем ушей у пленных, наши воистину христолюбивые воины не только щадят раненого врага, но и отдают ему последний кусок хлеба, под пулями вражьи перевязывают ему раны, уступают ему место в перевязочных пунктах, словом – обращаются с врагом как с братом, как скоро он обезоружен...

Не хвалимся мы такими деяниями наших воинов-христолюбцев, нет, мы только с умилением читаем правдивые рассказы о таких подвигах любви ко врагам, мы благодарим Бога, что мы – православные, мы дети той Церкви, которая умеет воспитывать душу народную в такой любви, в таком поистине христианском устроении. И вот за сию-то благодатную мать нашу, Церковь Православную, за сие-то безценное сокровище наше – Веру Православную и стоит наша Русь, наше воинство, наш возлюбленный, Богом венчанный и за Свое смирение превознесенный Царь наш Батюшка со всеми вождами нашего воинства христолюбиваго. Ведь, в сущности, настоящая война есть война сатаны против Христа Господа, война адовых врат против Церкви Христовой, война предтеч антихристовых против служителей Христовых. Наш народ всем своим существом чувствует, что измена Православию есть измена народу, есть духовная гибель, начало рабства духовного, а затем и материального. В самом деле: загляните в историю, уцелел ли в самостоятельной государственной жизни хоть один славянский народ, изменивший

православной вере? Все эти – чехи, хорваты, словаки, даже соседи наши поляки, с отступлением от Православия, которое им было всем завещано первоучителями нашими Кириллом и Мефодием, потеряли свою независимость, подпали власти немцев, и если им есть еще надежда на освобождение, то – только от родной им по крови православной России. Не то же ли грозит и братьям нашим, нами освобожденным болгарам, порвавшим свою связь с матерью – Церковию Греческою и пребывающим в схизме, вне общения с нами в молитве и таинствах? Понимают это и враги наши и вот уже полсотни лет стараются всячески отравить наш православный народ своею верою, лучше сказать – ересью немецкой, баптизмом, штундою, адвентизмом и прочими погибельными мудрованиями. Берегись их, родной православный народ! Гони от себя прочь всякаго проповедника их нечестия! Такие совратители обычно являются в виде кротких агнцев, коим-де дорого спасение души, и своей собственной, и души брата, православнаго христианина; они приносят и книжки, в коих таится яд их нечестия, их противления Церкви святой и хулы на истины нашей веры православной. И вот горе – такая книжка попадает даже в лазареты, даже в окопы к нашим героям-воинам и отравляет некоторых из них. Пишут священники, что некоторые воины, заранее совращенные в баптизм и штунду немецкую или же зараженные уже в войсках, присылают своим женам такая нечестивыя книжки, советуя бросить родную Церковь и идти к баптистам. Это уж настоящая погибель душевная: изменить своей родной матери, православной Церкви, и пойти в веру врагов наших – немцев, в которой нет ни спасительных таинств (кроме крещения), ни святынь никаких!.. Жгите, православные, такая книжки или несите своим пастырям, от Бога поставленным: они растолкуют вам, в чем яд ложных баптистских и штундистских учений. Верить хулителям Церкви родной – значит лишать себя Божия благословения, значит добровольно идти в духовный плен к ненавистникам нашей святой веры православной, значит губить свою душу навеки и навеки лишить себя молитвы церковной по смерти. Ведь за еретиков, за отступников от православной веры, святая Церковь и по смерти их *не может* молиться. Вот где опасность для нашего святого дела: это отлично знают наши враги и вот уже полсотни лет сеют свои ереси в народе нашем, особенно на юге, где много поселилось немцев-колонистов, которые за сто с лишком лет не породнились с русским народом, живут как пришельцы в земле чуждой и отравляют наш простой добрый народ своими ересями, чтобы оторвать его от корня русского, чтобы подменить у него душу русскую – душою немецкою. Говорят, у немцев и у совращенных ими в штундобаптизм русских людей, на месте портретов Царя нашего Православнаго, красуются портреты еретика-кайзера немецкаго. О, если бы прозрели очи наших простецов, в штунду совратившихся! Если бы проснулась в них русская, по природе православная душа! Если бы они с негодованием отвернулись от немецкой еретической веры – штунды и баптизма – и обратились с покаянием к родной, святым князем Владимиром нам завещанной, вере! Какая радость была бы не только здесь, на земле, в Церкви Божией, но и на небе – у Ангелов Божиих! Об этом ведь говорит Сам Господь наш Иисус Христос, *радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнике кающемся* (Лк. 15, 10). И ужели какой-нибудь немец-колонист, да хотя бы и самый ученый из ученых немцев, лучше знает слово Божие, чем наши пастыри и архипастыри, чем знали и понимали его святые отцы, Богом прославленные? У них, немцев, немало даже среди так называемых пасторов людей, не верующих в Божество Господа нашего Иисуса Христа; много так называемых ученых, которые и самое слово Божие считают писанием человеческим. У них столько сект, что и не перечесть, и каждая секта толкует слово

Божие по своему убогомумышлению, кому как на ум придет, кому как нравится. А у нас один Господь, едина и вера православная, едина и Церковь, Христом созданная на твердом камени исповедания Божества Христова, как Сам Он сказал: *на камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей*, – никакие ереси, никакие расколы не в силах разрушить святую веру Православную и ее хранильницу – Церковь Христову Православную.

И слава Богу, народ наш крепко держится сей святой своей матери-Церкви, носит в сердце своем ее заветы, любит и благоговейно чтит ее святыни, пребывает в послушании ее пастырям и этою верою – тако веруем – победит всякого врага и супостата! Да уже и побеждает. Не говорю уже о победах и одолении врагов на поле брани, победах, какими Бог доселе благословляет наше воинство, но – побеждает врага своею любовью, своим великодушием. Разве это не победа, когда наш солдат отдает врагу последний кусок своего хлеба, когда на поле брани перевязывает ему раны, когда уступает ему свое место в лазарете?

Разве не победа, когда весь мир, даже мир инославный, удивляется доблестям русской души и воздает должную дань уважения не только воинским подвигам, но и проявлениям добродетелей русского солдата? А кто воспитал в нем эти добрые качества? Кто вдохнул в него дух христианской любви? Всем этим народ наш всецело обязан своей родной Церкви Православной! Это – она, и только она одна, в крепком союзе с родными Царями и князьями, начиная с святого князя Владимира, выпестовала, на протяжении почти тысячи лет, православный народ в его преданности вере, Богом поставленной власти и заветам Христова Евангелия.

Слава Богу: это сознают и наши вожди победоносные. “Мы победим, – говорил мне герой Перемышля, почтеннейший генерал А. Н. Селиванов, – победим, потому что так хочет народ, а глас народа – глас Божий. Нет в армии солдата, который бы сомневался в победе, потому что русский солдат знает, что война идет – за веру православную!”

В Православии – непобедимая сила нашей Руси. Оттого и ненавидят нашу Церковь православную совершенною ненавистью враги наши, оттого и стараются всеми силами подкопаться под этот могучий устой нашей государственности, нашего счастья и самобытности. Вот почему русский человек всегда стоял до смерти за Православие: он знал и, слава Богу, теперь знает и твердо помнит, что пока он остается верным сыном Церкви Православной, дотоле цела и непорушна будет его родная Россия, а как только он изменит вере православной – ее ждет гибель подобно тому, как погибли некогда великия монархии, изменивша своему призванию в истории народов земных...

Еще о наследственности и прелести

На мою статью: “Дело не в Сумарокове” почтеннейший профессор г. А. А. Бронзов на другой же день ответил статью “Дело в Сумарокове, и только в Сумарокове”. Очевидно, мы все еще не понимаем друг друга. Я ведь уже сказал, что не сужу несчастного юношу. Теперь прибавлю: раз церковная власть нашла возможным совершить над ним христианское погребение, значит, Церковь приняла его в свои молитвы, значит, признала его грех простительным, – тогда как сознательных самоубийц она не разрешает предавать христианскому погребению, – значит, вопрос о Сумарокове “ликвидирован”, как выражается г. профессор.

Но мы разошлись в объяснении причин самоубийства Сумарокова. По мнению профессора Бронзова, эта причина – “наследственность”, и только наследственность, по

моему мнению – состояние прелести. “Откуда видно, – возражает мне мой почтенный оппонент, – что здесь дело не обошлось без прелести?” Отвечаю: из вашей статьи, Александр Александрович, под заглавием “Бедный”... (Колок. № 2668). Вы пишете, что религиозность Сумарокова доходила до галлюцинаций, что создаваемые его взвинченным воображением картины не давали ему покоя, что ему казалось, что сатана преследует его на каждом шагу... Да, может быть, он и совсем лишился рассудка, но это совершилось на почве духовной прелести. Спросите любого опытного старца-монаха, и каждый вам скажет, что мое предположение ближе к истине, чем ваше – “наследственность”. Ведь, кроме одного какого-то родственника, ни на ком в его роду еще эта наследственность не отразилась: почему же – только на нем одном? Но, если угодно, оставайтесь при своем убеждении, как я пока остаюсь при своем предположении. А вот и в других суждениях ваших по тому же поводу я позволяю себе не согласиться с вами. Вы утверждаете, что склонность к самоубийству у Сумарокова была “неотвратимая, непреодолимая, неизлечимая”... Страшно читать! Ведь отсюда вывод, что эта ужасная “болезнь” грозит и другим членам семьи его родных? Почему же полагать, что только на нем она отразилась так трагично, неотвратимо, неизлечимо, непреодолимо? Это – первое. Второе, сравнивать с другими наследственными болезнями, вроде чахотки, склонность к самоубийству едва ли можно. Всякая болезнь есть “оброк греха”, как предтеча смерти. Страх смерти свойствен каждому живому существу. Сама по себе никакая болезнь не есть “грех”, осуждаемый законом Божиим. Больной, сознающий неизлечимость болезни своей, невольно готовится мысленно к смерти, ждет ее и, при руководстве благодати Божией, имеет возможность готовиться к переходу в другую жизнь. Самоубийство, как по самому существу своему дело противное воле Божией, не может быть признано абсолютно безразличным в нравственном смысле. Это есть грех, по учению Церкви, смертный, а если совершается он в состоянии безумия, то простительный, очищаемый молитвами Церкви за несчастного, но все же грех, все же нарушение Божией воли. Полного “безразличия”, полной нравственной невменяемости тут быть не может. Хотя отдаленно, но человек дал повод проявиться ему и не имел, сам лишил себя возможности очистить себя покаянием в нем. Юридически – безумец-самоубийца, конечно, неповинен, но нравственно все же не может быть абсолютно неповинен... Есть же какая-нибудь причины, может быть, и действительно, только одному Богу ведомая, но все же она есть – почему одному человеку, не раз покушающемуся на самоубийство, Бог посылает людей, его спасающих от такого поступка, а другому нет... Ведь “не случай” же их спасает, а Бог – чрез добрых людей. И думаю, что колебать понятие о самом акте самоубийства как о “грехе” против Бога нельзя. Для того, кто грехами привлек к себе неизлечимую болезнь, в течение болезни дается время на покаяние, для самоубийцы такого времени уже нет. После смерти нет покаяния, остается одна надежда на молитвенную помощь Церкви, если только она примет самоубийцу в свои молитвы.

Удивило меня замечание А. А. Бронзова о том, что в храм Божий диавол не смеет войти. Конечно, храм Божий – святыня, в храме Божиим обитает благодать Божия. И диавол не может, не смеет войти в него, если человек не введет его, так сказать, с собою. Что такое была горница Сионская, как не храм Божий, где Сам Господь совершал тайную вечерю с учениками Своими? Но что читаем в Евангелии? *И по хлебе том вниде в оны, т. е. в Иуду, сатана.* А Иуда в ту минуту был еще на вечери Господней. Не привожу уже многих сказаний из житий святых о том, как святые прозорливцы видели духовными очами бесов, смущающих иноков в храме Божиим. Дело-то в том, что когда человек

только телом бывает в храме, а душою, умом, сердцем бродит вне храма, по распутиям мира, то там, на распутиях мира, и встречает его бродящий ум дух отверженный, хотя, повторяю, телом человек и в храме Божиим стоит. Кто не испытал на себе этого греховного приражения диавола в минуты пребывания в храме, когда душа наша уходила из храма? Вот почему оказался сатана и в горнице Сионской...

Мухи слетаются там, где ощущается смрад: бесы витают около души, зараженной смрадом греха, наипаче же духовной гордыни, так же, как Ангелы Божии приоседают душу, благоухающую смирением.

Четвертая заповедь и сектантская пропаганда

Три с половиной тысячи лет прошло с тех пор, как на Богошественном Синае были даны великому пророку Божию Моисею Богописанные скрижали с десятью заповедями закона Божия; все пророки Божии, все богоугодные люди на протяжении многих веков повторяли их, разъясняли, учили прилагать к жизни; наконец Сам Господь пророков, Сама Воплощенная Мудрость Божия, Спаситель наш Иисус Христос раскрыл во всей полноте весь смысл сих заповедей; казалось бы, как после всего этого еще не понимать, не усвоить всем сердцем животворящий смысл их, тем более, что и благодать Божия, даруемая нам от Духа Божия по заслугам Господа Иисуса Христа, всегда готова помочь нам не только умом усвоить, но и делом исполнять сии заповеди?

Но, видно, так излукавилось сердце грехолюбивое, что и поныне от многих остается прикрыт истинный и спасительный смысл их, а может быть, люди, сами того не замечая, руководимые своими грехолюбивыми стремлениями, притворяются и обманывают сами себя, будто надо понимать заповеди Божии не по изъяснению их Самим Господом, не по разуму Церкви – нашей матери-наставницы, а по своему убогому разумению. Глубоко сердце человеческое, и как часто человек, руководимый тайными влечениями страстей, думает, что служит он Богу, тогда как служит своим же страстям!

И вот мы, недостойные служители Церкви, вынуждаемся в сотый, в тысячный раз повторять и разъяснять одно и то же, но снова и снова слышим те же вопросы и недоумения: как следует исполнять ту или другую заповедь Божию?

Чаще всего простые люди спрашивают: грех ли в праздники работать? Четвертая заповедь Божия о почитании святых дней нередко служит не только камнем преткновения для простецов, понимающих заповедь по-иудейски, принимающих только половину ея, запрещающую житейския дела в святые дни, но и средством совращения православных в жидовствующие секты, средством политического развращения их, особенно в такие смутные тревожные дни, как наше время. В целом своем виде заповедь Божия ясна, как ясный Божий день: шесть дней дается тебе на житейския попечения, на работу, занятия – для поддержания твоей земной жизни, а седьмой день всецело отдай Господу Богу твоему. Не делай в сей день никакого дела, а посвящай его Богу. Не ясно ли, что заповедь заключает в себе две мысли, непосредственно связанные между собою: первая запрещает в праздник житейския занятия, вторая повелевает отдать сей день Богу. Первая как бы дает простор человеку для исполнения второй половины сей заповеди: брось свои житейския дела и заботы, чтоб было можно без всяких препятствий, без всяких отговорок послужить Богу в сей день. Тут сокрыто и обетование: если исполнишь вторую половину заповеди, то Бог благословит двойным успехом твои житейския дела в будние дни, ибо Бог в долгу у человека не остается никогда. Манна, собираемая евреями в пустыни каждый день, к утру следующего дня портилась, а собранная накануне субботы оставалась неповрежденною на оба дня – на канун субботы и на самую субботу. Кто исполнит заповедь Божию сполна, тот не потерпит никакого ущерба в своих житейских делах. А кто помнит только одно, что в праздники работать запрещено, а для чего запрещено – того не хочет знать и предается праздности в святые дни, тот тяжко грешит пред Богом, – сугубо грешит: во-первых, праздность есть сама по себе порок; во-вторых, он отдает этому пороку, матери других пороков, то время, которое заповедь Божия освободила от дел и

забот житейских для того, чтобы посвятить его Богу. Что же сказать о том, кто святые дни не работает, а проводит в пьянстве, разгуле, предаваясь служению грешной плоти и своим страстям? Давно возгремел таковым грозный приговор Божий устами великого пророка Исаии: “Праздничных собраний ваших не могу терпеть: беззаконие и – празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя, они – бремя для Меня, не могу нести их!” (Ис. 1, 13–14). И если так грозно говорил Господь верующим грешникам в Ветхом Завете, то тем грознее будет изречен суд Божий христианам: в Ветхом Завете многое было прощительно людям, как детям, что ныне, в Завете благодатном, уже непрощительно. Итак, заповедь Божия ясна: кто исполняет только первую ее половину, то есть перестает работать в праздник, а не исполняет вторую, то есть не ходит в храм Божий, не читает слова Божия и других душеполезных книг, не посещает болящих, не творит добрых дел для ближнего, тот только оскорбляет Бога таким лукавым исполнением Его заповеди. Сам Господь сказал: *в субботы подобает добро творити* (Мф. 12, 12). Творить добро и значит служить Господу. Праздники – дни Божьи, а не наши. Богу и отдавай их. И если ты работаешь в праздник на себя, для своей выгоды, то ты тяжко гресишь, ты крадешь у Господа то время, которое Он Себе от тебя требует. За такую работу Бог лишит тебя Своего благословения и в будни, и не будет спориться работа твоя. А вот если ты в праздник, помолившись Богу в церкви Божией, поработаешь для бедных, нищих, убогих, для сироток несчастных, которых так много теперь после убиенных на поле брани христоробивых воинов наших, если поможешь вдовицам их в сельских трудах, позаботишься о семьях тех воинов, которые грудью отстаивают нашу матушку Русь Православную и крови своей не жалеют там, в битвах кровавых, – вот ты и сделаешь доброе, святое дело, то дело, которое в очах Божиих будет дороже твоей пудовой свечи, на которую у тебя и средств-то не имеется.

Особенно смущает работа в праздники простецов-тружеников на казенных судостроительных, оружейных и других заводах. Необходимость иметь все средства к защите государства от безчеловечных врагов заставляет поневоле работать дни и ночи на этих заводах. И вот слышатся скорбные голоса: “Что же это? Не есть ли это наш всеобщий грех российский? Не за это ли и наказывает нас Господь войною?”

Успокойтесь, православные русские люди! Во-первых, ваша работа – не простое житейское дело, это есть такое же служение Отечеству, как и служба воинов на позициях. Оттого и закон освобождает вас от строевой службы в войсках: значит, если вы и в праздник делаете свое дело с сознанием, что работаете не ради своей личной корысти, а ради пользы Отечеству, то в вашей работе нет никакого греха, – напротив, вы делаете доброе дело, а делать доброе дело в праздники Сам Господь заповедует. Во-вторых, кто же мешает вам эту работу всю без остатка обратить на служение Господу? Стоит только всю цену этой работы, весь праздничный заработок “посвятить Богу”, пожертвовать хотя бы в пользу вдов и сирот убитых на поле брани братии наших – воинов, употребить на то доброе дело, какое кому подскажет его Ангел-хранитель. Ведь не без платы же заставляют вас работать в праздники. Ведь если бы вы не работали в праздники, то этого заработка и не было бы, и все же семьи ваши были бы сыты и довольны. Значит, праздничный заработок – уже излишек в ваших средствах. Вот и “посвятите его Богу”, скажите в своей совести: “Господи, я доволен тем, что в будни зарабатываю для моей семьи, для моих потребностей земных, а вот в дни Твои, которые Ты повелеваешь отдавать на служение Тебе, в праздники, я вынужден, ради служения Отечеству, из послушания власти, Тобою же поставленной, трудиться, и за этот труд дают мне плату: возьми ее Себе, пусть она

пойдет вдовам и сироткам наших братьев, душу свою на войне положивших, а меня, грешного, благослови за их молитвы”. Сделай так, и совесть твоя будет спокойна. Если не можешь почему-либо отдать весь заработок в праздники сполна, то отдай хотя половину, хотя некую часть, спросив свою совесть: не лукавишь ли ты из корысти какой?

Вот что пастырская совесть повелевает мне сказать в ответ на сетования православных тружеников, которым невольно приходится работать в праздники на судостроительных, оружейных и других казенных заводах. Прискорбно, что государственная нужда вынуждает к этому. Но надо помнить, что главная мысль, самая сущность заповеди Божией вовсе не в том, чтобы в праздник ничего не делать – прочтите в православном катехизисе ответ на вопрос: какие пороки запрещаются сею заповедью? – Лениость и праздность. Главная мысль заповеди в том, чтобы праздничный день “посвятить”, отдать Господу на добрая, Богу угодная дела: молитву в храме Божием, поучение в слове Божием, дела милости духовной и телесной, которые перечислены в “Пространном Православном Катехизисе”. Господь сказал: *суббота человека ради бысть, я не человек субботы ради* (Мк. 2, 27). Праздник дан не для праздности, а для добрых дел, для нашего же спасения. Чтобы свободнее было делать добро, тебе и дается праздник, свободный от житейских занятий. И если тебя начальство, по неотложной нужде государственной, заставляет работать в праздник, а ты заработанную в этот день плату отдаешь Богу чрез руки бедных вдов и сирот или жертвуешь на бедный храм Божий, то знай, что никто не отнимет у тебя благодатной радости праздника. А что тебе не пришлось быть в храме Божием, то не смущайся и этим: ведь не по своей воле ты не пошел, а из послушания начальству, ибо сказано в Св. Писании: *противляйся власти, Божию велению противляется*. И не твое дело, не дело твоего разумения решать, когда должно повиноваться Богу паче, нежели человекам. Это дело Церкви, твоей матери, дело пастырей Церкви, которые и будут отвечать за твою душу Богу. Послушный сын Церкви никогда не будет подражать сектантам в самочинном толковании слова Божия.

В наши дни надо всячески оберегать себя от тайной духовной отравы разных сектантов, зараженных немецкою верою. Вот пример – один трудолюбец с Балтийского завода, говоря о праздниках, пишет мне, что “мы бываем в духе только в день Воскресный”, и ссылается на Апокалипсис, гл. 1, ст. 10. Это толкование вовсе не православное, а сектантское. По разумению Православной Церкви слова: “был в духе” означают: был восхищен Духом, находился в восторженном состоянии, в пророческом созерцании. Пред очами Тайновидца раскрывались таинственные судьбы Божии в истории народов, наипаче же Церкви Божией на земле. Потому и самая книга Иоанна Богослова, в которой написаны все его видения пророческия, названа Апокалипсисом, а по-русски – “Откровением”. Кто же из нас, грешных, смеет сказать о себе, что бывает в духе? Только самообольщенный сектант дерзает на это. Правда, что в праздник, бывая в храме Божием при Богослужении, чувствуем в своей душе мир и благодатное утешение, если Бог даст нам помолиться нерассеянно, со смирением сердца. Но это вовсе не то, о чем пишет св. Иоанн Богослов в “Откровении”. Толковать слово Божие надо осторожно, не иначе, как по руководству Церкви и ея учителей, а не по своему смыслению. Бог на то и поставил в Церкви пастырей и учителей, чтобы не всякий дерзал самочинно толковать Святое Писание, *не мнози учителя бывайте*, говорит слово Божие. А сектанты не только толкуют самочинно, но и книжки печатают с таким самочинным толкованием. Берегитесь их, люди православные! Это – волки в овечьих шкурах, которые хотят похитить ваши души у

матери вашей Церкви Православной. Гоните их прочь от себя!

Сии строки были написаны в ответ на скорбное письмо с Балтийского завода, в котором один из тружеников-рабочих, сообщая о непрерывных работах на заводе в дни праздничные и, по-видимому, смущаемый каким-то непрошеным проповедником якобы евангельской истины в духе баптистов, вопрошает меня словами евангельского юноши: что сотворив, живот вечный наследуем? Что всякий труженик нуждается в “нормальном” отдыхе, что такого отдыха он ждет в праздник, что православному русскому человеку хотелось бы в праздник и в храм Божий сходить, и в семье отдохнуть – против этого что можно сказать? Но вот что подозрительно: простой человек подбирает не только тексты из Священного Писания, но и приводит правила св. Апостолов, святых Соборов, даже статьи XIV тома Свода Законов Российской Империи, запрещающие работы в праздничные дни. Чувствуется, что есть кто-то подбивающий его односторонними толкованиями к ропоту на власть имущих... У него уже возникает обоюдоострый вопрос, – кого должно больше слушать: Бога или людей? Было время, еще так недавно, когда рабочие ревниво оберегали свое право на праздничный досуг, чтобы использовать его на грешный прогул, пьянство, картежную игру. Теперь они понимают, что ныне время не то, что надо послужить Отечеству всем, кто чем может, что и в праздники надо поработать. И все же кому-то надо смущать их совесть, склоняя их мысль к узко буквальному, почти иудейскому пониманию заповеди Божией о праздниках. А толкование слов Апостола Павла: *духа не угашайте*, в связи их с словами Апокалипсиса: “был в духе”, уже ясно обличает мысль сектантов-баптистов, которые, как показывают и другие некоторые факты, да не скрывают и сами они в своих журналах (“Утренняя Заря”, “Гость” и др.), всюду сеют свои лжемудрования в среде простого православного люда. А это на фабриках и заводах, при постоянном общении с рабочими, им удобнее проводить, чем в деревне, ибо рабочий все же стоит по умственному развитию несколько выше деревенского жителя, да и пропаганда баптизма не так заметна на фабрике или заводе, как в деревне. Не молчат же рабочие, стоя у станков, у машин, перекидываются же между собою тем или другим словом: вот хитрый сектант и вставит иногда такое словечко, якобы в духе благочестия, что заронит в простую душу сомнение в истинности церковного понимания заповедей Божиих, а там после, когда этот простец сам заговорит по поводу смущающей его мысли, он постарается развить эту сектантскую мысль и углубить ее в душе собеседника. Наш простой народ любит поговорить о вере и спасении души. А вкрадчивые сектанты и ведут себя очень осторожно, стараясь показать свое благочестие, чтоб заманить простеца в свои собрания и уловить в свои сети. Недаром же известный пропагандист Фетлер устроил свое сектантское гнездо близ такого рабочего центра, как Балтийский судостроительный завод. До запрещения продажи опьяняющих напитков сильным средством пропаганды в распоряжении сектантов была проповедь трезвости: народ сознавал губительность порока, но не чувствовал в себе достаточно мужества, чтобы стать против искушения и искал себе опоры в борьбе с пьянством – в проповеди трезвости. Этим и пользовались враги Церкви, выставя себя поборниками трезвости, особенно в тех местностях, где не было правильно организованного общества трезвости на церковных началах. Теперь у них это оружие само собою выпало из рук: по мановению Царя (да будет благословенно Его имя и Его царствование!) пьянству положен предел... Но зато в народной душе сильнее пробудилось желание жить по-Божьи, по-христиански; это подмечено сектантами, и они не замедлили использовать это стремление. Справедливо

рассчитывая, что при отсутствии продажи напитков в праздники народ будет искать возможности использовать свой досуг для утоления своей духовной жажды, провести время так, чтобы отдохнуло не только тело, но и утомленная суетою житейской душа, они имеют в виду увлечь его в свои самочинные собрания, в “евангельские дома”, а их руководители – немцы или тайные агенты немцев – имеют и свой тайный интерес: возбуждать недовольство среди рабочих по поводу работы в праздники. Надо, чтобы наш простец-труженик знал эти планы наших врагов, был бы уверен, что пройдет, Бог даст, тяжелое время, когда по нужде и закону пременение бывает, и тогда его не будут принуждать работать в праздники. А пока – пусть он служит Богу, отдавая, по мере своего усердия, плоды своего праздничного труда на бедных и сирот, памятуя слово Господне: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших – Мне сотвористе!* И сего довольно будет к умиротворению его совести, смущаемой праздничным невольным – за послушание власти – трудом.

Не пора ли прекратить умножение словес, неудобь приемлемых?

Очень сожалею, что мои заметки огорчили почтенного г. профессора А. А. Бронзова: я не имел ни малейшего намерения его обидеть. А что он огорчился, видно из нижеследующего:

1) Мою последнюю заметку он называет “репликой”, “преудивительным окриком”, “палочным доказательством”.

2) Обвиняет меня в том, будто я ухватился за принцип: “тащить и не пущать”, что я пользуюсь “научным” (в ироническом смысле, конечно) методом, обычным в департаментах, где подчиненные в ответ на свои “суждения”, негодные директорам, слышат от последних внушительное: “молчать”, “не рассуждать!” Вот в каком смысле понял он мои заметки: очень извиняюсь пред ним.

3) Говорит о своих оппонентах, а следовательно, и обо мне, будто мы, “по-видимому, панибратски знакомы с дьяволом и его жизнью лицом к лицу”. Если бы это было похоже на правду, то мы не обвинять бы стали сего господина, а оправдывать.

4) Говорит, что я считаю себя вправе поучать его, г. профессора, лишь бы только защитить свою “безнадежную позицию”. О праве поучать профессора не было у меня и помысла.

5) Становясь на мое место, он говорит, что не стал бы защищать причину, “которую высосал из своего пальца”, не считаясь с действительностью. “Ужели, говорит он, мне не сказали бы: молчи о том, чего не знаешь?” Сказано осторожно, но деликатно ли?..

Горячо защищая свою мысль о наследственности даже после моего заявления: “оставайтесь при своем убеждении, как я остаюсь пока при своем предположении” – прошу иметь в виду: только “предположении”, – г. профессор пишет: “те, кто свысока отзываются о наследственности, обнаруживают свое (как бы поделикатнее сказать?)... неведение (говорите прямее: невежество!), не считающееся ни с общепризнанными выводами точной науки, ни проверенными указаниями опыта, – неведение (читай: невежество), недопускаемое ныне и для гимназиста, а тем более семинариста”. Я, действительно, только семинарист, в академии не учился и психиатрии не изучал, а потому охотно признаю, что “общепризнанных выводов” этой “точной науки” не знаю. Прошу извинения в этом невежестве. А в свое извинение скажу, что я высказывал только свои предположения, не навязывая их в качестве “общепризнанных выводов точной науки”, как это делает г. профессор, решительно и непрекословно утверждая, что

самоубийство произошло “на почве наследственности – роковой и непреодолимой, но, к сожалению, не удосужился спросить своего рода экспертов по вопросу о признаках прелести – старцев-монахов. Думаю, что они в этом вопросе посильнее нас с вами, достоуважаемый Александр Александрович. Во всяком случае, они едва ли будут так авторитетно заявлять, что “диаволу тут решительно нечего и делать: наследственность без него сделала все. Как в известный момент жизнь человеческая прекращается, когда догорит вся...так в известный момент и непреодолимая наследственность непременно скажет свое последнее слово”.

Достоуважаемый г. профессор признает свою беседу со мною “право же, бесполезной, безнадежной”. Признаюсь, и мне тяжело вести беседу с человеком, который представляет меня каким-то полицейским чином, подозревая меня как будто даже в “панибратском знакомстве” с самим диаволом... В дальнейшей своей речи он обращается уже только к читателям. Что же, пусть читатели и судят: кто из нас нарушил правило – “когда кипит сердце, сомкни уста”, кто перевел беседу о возможных причинах самоубийства студента на личную почву? Я не ставлю вопроса, который сам собою вытекает из суждений моего оппонента о степени близости знакомства с духом тьмы: тот ли, кто его обвиняет, или кто защищает? Простите мне это слово, достопочтеннейший Александр Александрович! В сущности оно ведь ваше, сказано по нашему – моему и моих единомышленников – адресу... К чему эта нетерпимость, эта горячность?

[...] вечера сатана присидел Иуде в Сионской горнице, следовательно...

Вы указали на пример мучениц, прославляемых св. Златоустом, называя поступок матери убийством и самоубийством, тогда как по смыслу рассуждений св. отца об Аврааме в той же беседе, выходит, что мать избрала вместо неизбежных двух зол – одно: ведь, несомненно, что ея дочерям и ей самой угрожало безчестие, что было так обычно в те времена, а смерть сама собою была неизбежна после безчестия, так уже лучше было умереть в чистоте девства, чем согрешить. Три отрока ветхозаветные, да и многое множество мучеников тоже предпочитали смерть измене вере и чистоте совести и охотно сами шли на смерть. Тут нет ни убийства, ни самоубийства.

Но довольно. Умножать словеса, немирно приемлемый, значило бы огорчать уважаемого мною человека, а я сего не желаю...

И после этой, казалось бы мирной, заметки моей г. профессор счел нужным поместить в “Колоколе” свой ответ под заглавием: “Еще сказанье”. Он говорит, что “старцев” глубоко уважает, но не считает непогрешимыми судьями в вопросе о прелести и самоубийстве, что научные прочные выводы, им часто неизвестные, все же сохраняют силу, хотя бы “старцы” (вносные знаки г. Бронзова) говорили и против. – “Научные, прочные”, даже “точные” выводы психиатрии, едва ли признающей бытие духовного мира, не авторитет в вопросах духовной жизни, к которой относится прелесть, а потому и не могут быть для нас убедительны. – “С своей позиции, говорит г. профессор, я не сойду”. Читатели видят, что и я не мог согласиться с его положением, что “самоубийство сумасшедшего само по себе не грех”. – В заключение г. профессор патетически обращается к несчастному покойнику: “Сии, дорогой Владимир Васильевич... Я считаю своим долгом защищать тебя, и, поверь, защищу. Да. Защищу. Спи же спокойно!” – Если бы почивший мог отвечать ему из могилы, то, думается, ответил бы ему только глубоким вздохом осуждения своего поступка: не защита мне нужна, а молитва. В молитве же церковная власть не отказала ему...

Смертный грех европейской истории

Два раза в год, в Святую Пасху и Рождество Христово, наши светские газеты пишут на темы религиозные и помещают стихи и фантастические рассказы как будто тоже в религиозном духе, но, говоря откровенно, лучше бы таких рассказов вовсе не было. От фантазии их авторов веет нередко духом если не прямо язычества, то жалкого религиозного невежества. Но в статьях самих редакций иногда попадаются такие дорогие в наше время крупички, коих нельзя не отметить как отрадные проблески религиозной мысли наших скорбных дней.

В пасхальном номере “Новаго Времени” редакция говорит о “грехе европейской истории”. “Разве не грех было, – говорит она, – забыть ради каких-то новейших книжонок, с их недомыслием или детскою мыслью, самый фундамент, на котором возросла вся европейская история: вот эту трагедию жизни и греха, страдания и искупления, трагедию победы вечной жизни над временною гибелью? Воистину европейцы променяли религиозное “первородство” на позитивную “чечевичину похлебку” и платятся теперь кровью, голодом, разрушениями городов и стран”.

Немного кудревато выражено, автору хочется быть оригинальным, иному читателю может показаться, что он как будто стыдится “исповедовать Христа”, но из дальнейшего видно, что эта кудреватость в светской газете как будто и нужна, иначе, пожалуй, и читать не станут: что поделаешь? И Апостол Павел похвалою мнимому благочестию афинян начал к ним свою знаменитую речь в их ареопаге.

Зато автор указывает на самое больное место современной европейской истории, на страшную гордыню, совершенно непростительную среди христиан. “Вместо мирного сожительства, – говорит он, – и гармонического развития своих сил, один народ захотел стать “сверх-первым”, нагло объявил: “Германия да будет над всеми”, – сейчас же облился весь кровью, заливая кровью и своих соседей. Вместо разума – бессмыслица, вместо силы – угроза завтрашней слабостью, буквально – вместо просвещения – тьма. Но почему? Где источник? Забвение Бога и религии, забвение спасительных “неисповедимостей” религии. Человек измелчал. Человеку стала “не по плечу” религия... Едва подточился фундамент, как зашаталось все здание”... Все это – “мистерии”, о которых помнит мужик в деревне, помнит и боится, но о которых забыли в берлинских дворцах, и чего же там пугаться “этих суеверий”? Ну, – не испугались и ринулись... И все залилось кровью, кровью и пожарами, огнем и смертью”.

“Христос указал *смирение* человеку, – говорит далее автор. — *Скромность и смирение* – это не личные добродетели отдельного человека, не “хорошие качества” тех или иных людей, а это есть нравственный и религиозный фундамент самой цивилизации. Без этого в этой цивилизации, в нашей христианской цивилизации, – все будет безуспешно, безнадежно, опрометчиво; хотя без “этого” могли расти отлично Греция и Рим, без “этого” могут процветать Япония и Китай. Да, им возможно; но нам запрещено Тем, Кто есть наш Бог и Искупитель. Из этой “закваски” все у нас выросло и *может* расти далее только из этой же закваски. Живи-живи, а подумывай и о *смерти*,” без Бога *ни до порога*”, – вот опасливые русские поговорки, на которых народ наш перевел этот канон Христовой и христианской жизни. Самоупоенность, самоуверенность, гордость, тщеславие – смертные грехи в нашей цивилизации, именно в нашей. Христос именно

умертвил эти грехи, как бы показав миру: “Вот Я – Бог и умираю”. Человечество вздрогнуло, зарыдало и испугалось. И с тех пор мы все боимся “быть гордыми”. Как бы *не наказал Бог*. И вот, поскольку мы боимся этого, боимся, “своей выпуклости над другими” – мы мирно живем, или, вернее, Господь нас сохраняет в мире и невидности. Мы боремся против “Германия *над всеми*” и никогда на место его не поставим “Россия *над всеми*”. Так Бог устроил наше сердце, что нам это просто *противно*. Противно, не нужно и враждебно. Мы и всегда хотим жить среди народов, как *один* из них, не помышляя ни о каком водительстве, гегемонии и первенстве. Один Христос есть “первый”, но и Он – пострадал, а человеку указал границы его смиренной доли. “Первенство”, “гегемония” и “выше всех” есть языческий принцип, на почве коего всегда будет многое “не удаваться” у европейцев; и что составляет драгоценнейшую черту Руси, воистину “святую” в ней особенность – это то, что решительно никакому русскому это “первенство” не снится, не мерещится и окончательно не нужно. “Все умрем” и “праведную смерть” надо себе *заработать* – вот коротенькая мысль, с почвы которой – если не сойдет Русь – она поистине не приобщится смерти. А она с почвы этой мысли не сойдет, ибо мысль эта в каждой крестьянской хижине, она живет у нас и в избах и в дворцах”.

Прекрасными словами заканчивает автор свою статью.

“Будем, православные, хранить свою религию; будем горячее вдумываться в глубины ее. Ибо глубины эти бездонны, и глубины эти окончательны. И оне – спасительны, животворны. Пусть другие народы ищут “живой воды” в естествознании; мы “живую воду” найдем у своего приходского священника. У того простого священника, у которого находили “живую воду” и Ярослав Мудрый, и Александр Невский, находил каждый век *наш* и каждое поколение *наше*. Будем скромны, несамонадеянны, просты. И Господь нас убережет и спасет. Он – Спаситель!”...

Так говорит самая распространенная светская газета. Та же газета, как это было мною в свое время отмечено, и в рождественском номере своем говорила о Православной Церкви как дорогом сокровище нашего народа. Теперь она указывает на отличительное свойство нашего Православия и говорит, что это свойство есть в то же время нравственный и религиозный фундамент истинной цивилизации: это – смирение и скромность. Смирение – завет Господа нашего Иисуса Христа; это воздух, которым дышит Церковь Христова, это аромат всех добродетелей, без которого оне – то же, что поддельные цветы – без жизни, без силы, один вид добра, без внутреннего духа. Смирение есть стихия жизни Церкви Православной, им проникнуты самые догматы, без него и все учение Церкви, как нравственное, так и догматическое, не может быть усвоено в должной и спасительной степени духом верующаго. Только смиренным подается благодать, просвещающая и ум и сердце и укрепляющая волю верующаго в познании истин веры и в благом следовании за кротким и смиренным сердцем Господом Иисусом Христом. Кто был Антоний Великий, отец пустынножителей? Безграмотный простец. Но богомудрое смирение, руководившее его в подвиге очищения сердца, открыло ему такие тайны духовной жизни, о коих мудрецы века сего и понятия не имеют. Кто был наш Серафим Саровский? Тоже простец, хотя и грамотный, но не проходивший почти никакой, кроме начальной, школы; а его духовной мудрости удивляются мудрейшие богословы, когда, например, читают записанные с его слов другом его Мотовиловым рассуждения о духовной жизни и о главной цели христианина на земле. В то время, когда отколовшийся от единства Вселенской Церкви папист пытается все религиозное знание уложить в рамки каких-то юридических умозаключений, а отрешившийся от папизма протестант идет еще дальше в

самочинном мышлении по вопросам веры и дает полную свободу гордому своему разуму, — православный простец смиренно склоняет голову пред учением Церкви, помышляя главное всего о неуклонном исполнении заповедей Господних и церковных, отсекая свое мышление пред отцом духовным и “стяжая себе”, по выражению преподобного Серафима Саровского, “Святаго Духа Божия”. А плодом такого смирения является то духовное воспитание, то смиренное настроение, каким любят даже люди, не понимающие духа нашей церковности и воспитанные вне нашей Церкви. Правда, и в латинской церкви послушание ставится выше всех добродетелей, но ведь формальное послушание еще не свидетельствует о смирении духа. Можно и послушанием “гордиться”, любоваться в самом себе, питая внутреннего фарисея. В таком “послушании” будет расти только настроение старшего брата, о коем говорит Господь в притче о блудном сыне. Нет простоты мысли в таком формальном послушании, а между тем, некоторые психологи самое смирение-то определяют как *простоту мысли*. Сын Православной Церкви всегда помнит, что сколько бы он добра ни делал, его добро не есть какая-то заслуга пред Богом: *еже должны бехом сотворити — сотворихом*; сын латинской церкви, при учении этой церкви о каких-то сверхдолжных заслугах святых, невольно придает некую цену своим добрым делам как “заслугам”. Таков принцип самого учения его церкви. Церковь Православная учит, что доброделание есть, во-первых — проявление нашей любви ко Христу Спасителю: *аще любите Мя*, глаголет Он, *заповеди Моя соблюдайте*; во-вторых — проявление жизнедеятельности Самого Христа Спасителя в нас, как членах Его таинственного тела — Церкви, проявление благодати Духа Божия, ниспосылаемого нам любовью Бога Отца по заслугам Его единородного Сына. *Без Мене не можете творити ничесоже*, говорит Господь. А если так — какая же тут могут быть наши заслуги? Да, мы отдаем Господу свою волю, свое сердце, делая добро, но ведь Он-то в том не нуждается: этого требует наша же польза, наше спасение: можно ли говорить тут о “заслугах”? И святым Божиим наносится оскорбление, когда им приписываются какая то “сверхдолжная” заслуга, коих они не знали за собою и почли бы за святотатство приписывать их себе, как бы присвоив дела благодати Божией самим себе. Если они творили добро, то лишь свободно отдавая свою волю в послушание воле Божией, которая благодатию и восполняла их немощь, укрепляя сию волю в исполнении заповедей Божиих. Каждый из них глубоко сознавал и переживал в своем сердце известное слово Апостола Павла: *не еже хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сие со деваю*. Да, они вели неустанную борьбу с этим злым началом в себе самих, но ни на минуту не приписывали себе, своим усилиям, даже малейший успех в этой борьбе. Предав свою волю в волю Божию, они в благоговении как бы стояли пред лицом Божиим и созерцали действие благодати Божией в них и чрез них самих. Это не значит, что они как бы подневольно, пассивно исполняли волю Божию, были невольными орудиями благодати во своем доброделании: но они не допускали и мысли о том, чтобы давать цену своему доброделанию, всецело предоставляя сие единому Богу Сердцеведцу, Который подаст нам и силы и средства, и желания, и самую жизнь для доброделания, и самое соприкосновение с добродеющею в них благодатию почитая для себя высшим благом, предначатием вечного с Господом пребывания в будущей жизни. Латинская церковь, говоря простым языком, своим учением о сверхдолжных заслугах святых, как бы подает счет Господу Богу на эти “заслуги” и тем подает повод своим чадам на добрых делах больше, чем следует, основывать свою надежду спасения. Православное учение, не отрицая значения добрых дел как проявления нравственной свободы спасаемого, так сказать, переносит центр

тяжести этой надежды с добрых дел на *близость* к доброделающему человеку самой *благодати* Божией, творящей сии дела чрез спасаемого человека. Вот почему величайшие праведники, всю жизнь свою творившие добро, умирая говорили: “Боюсь суда Божия!” А когда им напоминали их добрую жизнь, отвечали: “Ин есть суд Божий и ин – человеческий”. Думать о своих добрых делах может только еще неопытный в подвиге спасения, а чем ближе человек к Богу, тем больше сознает себя безответным грешником. “Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь”, говорил преподобный Сисой Фивейский. “Когда я был юн, – говорил преподобный Матфей, – я думал сам с собою: может быть, я делаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела”. Преподобный Памва в час смерти своей говорил: “Отхожу к Богу так, как бы никогда не начинал служить Ему”. Другой подвижник, преподобный Сисой, в минуту смерти, когда уже открылись его духовный очи, и он увидел Ангелов Божиих, пришедших взять его святую душу, говорил: “Я еще и не начинал покаяния”. и это смирение, конечно, было не на словах только, – оно проникало все существо угодников Божиих: они самым искренним образом считали себя хуже всех на свете, ставили себя ниже тварей безсловесных.

Вот в каких понятиях, на каких примерах смирения и в какой школе духовного воспитания держит своих сынов святая Церковь Православная. Отрадно отметить, что высокую, неоценимую ценность этого святого свойства Православия начинают ценить люди, хотя и не порвавшие (и слава Богу, что не порвавшие!) с родною Церковью, но воспитанные под сильным влиянием инославных начал. Слава Богу, что и у инославных, союзных с нами народов, по крайней мере, у лучших и безпристрастных их представителей, открываются очи, и они начинают с удивлением наблюдать проявления в жизни нашей православной “культуры”. Говорят: одна ласточка еще не приносит весны. Но мы радуемся и появлению хотя одной ласточки – все же это говорит о близости весны, о приближении времени, когда, Бог даст, и наши родные, и инославные интеллигенты будут ближе к идеалам нашей родной Церкви, а следовательно, и к идеалам родного нашего народа. Дай-то Бог!..

О музыке и духовных ораториях

Жизнь народа, жизнь государства, общество неуклонно движутся по пути истории. Сближение одного народа с другим, взаимное их влияние, в наше время идет так быстро, как и не могли мечтать наши предки. Лишь только в одной стране появится то или другое изобретение, усовершенствование, как оно становится достоянием всего мира. То же в области идей. От них не отгородишься никакими стенами. Это создано уже и в области законодательства. Вместо безусловных запретов, которыми оно довольствовалось еще так недавно, дается свобода, ограждаемая, но в то же время и ограничиваемая разумными мерами в своих пределах, дабы ее проявление не было на самом деле злоупотреблением.

В такое время Церковь должна особенно внимательно наблюдать за всеми явлениями в области нравственной и идейной жизни общества, которое обычно рвется вперед, перенимая у других народов новое, а иногда и – там, у сих народов, – уже устаревшие идеи и перенося их на нашу родную почву. И если бы наше общество не отрывалось от родных заветов доброй старины, если бы наше развитие крепко держалось родных корней в народном мирозерцании, то само оно, это общество, и заботилось бы, так сказать, об обрусении чужих идей, о том, чтобы, воспринимая чужое, прилагать к нему свою русскую мерку, одухотворять его русским духом, оставляя в нем только то, что можно назвать общечеловеческим. До известного открытия Петром Великим “окна в Европу”, это так и было: русский человек, воспринимая чужое, умел его усвоить так, что оно становилось его родным, становилось достоянием его духа народного и обогащало его духовную сокровищницу. Всего виднее это на родном нашем Православии, на тех его внешних формах, обрядах, в каких оно проявляется в нашей церковно-народной жизни. Мы приняли его от греков, но оно стало нашей родной стихией, слилось с нашим народным духом до такой степени, что не-православный уже на половину и нерусский. Но значит ли это, что мы – “огречились”? Напротив, греческая вера стала нашей родной верой, слилась с нашей душой, да так крепко, что мы как будто и родились искони православными. Наш Добрыня, наш Микула и другие герои нашего эпоса, по истории как будто язычники, в народном же представлении являются истинными православными христианами.

Теперь не то. Наши передовые слои народа, прельстившись внешним блеском западной цивилизации, как будто духом изленились: берут целиком все с Запада и глотают, не заботясь о том, как отзовется такая пища на их духовном организме, на их русском мирозерцании. Вот тут-то и приходится Церкви стоять на страже народного духа, оценивать воспринимаемое с Запада чужое и, насколько голос ее еще слышится в обществе, давать свои руководящие указания. Она – не враг и чужого, если только это чужое не вредно для ее детей, а полезное она и сама не отказывается вводить в жизнь русских людей. Но во всем она должна руководиться мудростью, источник которой для нея – в заветах древней Церкви веков минувших, в неисчерпаемом источнике святоотеческой литературы, в церковном предании, которое живет в Церкви, продолжает, так сказать, нарастать в ее сокровищницах, раскрываясь в писаниях современных уже нам учителей Церкви, ее пастырей и ее таинственным теле или “исполнении”. Мы веруем, что Дух Божий, живущий в полноте Церкви, не попустит ей заблуждаться и всегда найдет Себе орган для ограждения Церкви от таких заблуждений. Так было от века в ее истории,

так, веруем, будет и всегда. Лишь бы мы во смирении сердца искренно, не лицемеря, искали истины в Церкви, которая есть столп и утверждение истины.

Есть область искусства, особенно близко соприкасающаяся с духовною жизнью человека. Это искусство – выражать свои настроения в звуках, возбуждать такие же настроения в других людях, воплощать в сих звуках жизнь своего духа. Искусство это имеет две отрасли: музыку и пение. Музыка выражает духовные переживания посредством звуков, извлекаемых из инструментов, пение – непосредственно голосом человеческим. Западная латинская церковь, а за нею и весь протестантский мир приняли инструментальную музыку в богослужебный обряд, сочетая его иногда и с вокальной музыкой – пением; наша Православная Церковь, следуя преданиям греческой Церкви, инструментальной музыки не допустила в богослужебное употребление, но зато широко развила искусство пения. Если исключить мирское пение, то в этом отношении мы едва ли не превзошли западную Европу: все еще помнят, какое сильное впечатление производило наше пение церковное в исполнении Синодального хора в Риме, Вене и др. городах Европы несколько лет назад. И надобно сказать: если бы мы и тут не увлекались западными образцами, то успех наш был бы еще полнее, еще совершеннее. Но музыкальное исполнение как слишком искусственное, нередко – механическое, Церковь не приняла в свое употребление, а потому оно и не имело такого развития у нас, как на Западе. Наша Церковь хочет славить Бога не в тимпане и ликах, не во струнах и органах, как это было в ветхозаветной Церкви, но “гласы преподобными”, живыми голосами благоговейно поющих хвалу Богу людей. Тем более, что ея идеал – вся поющая церковь, все верующие^[70], предстоящие в храме: на что тут многошумный орган, машина, подделка под голос человека? И достойно ли это величия нашего богослужения? Единым сердцем и едиными устами мы должны петь Богу и петь разумно – так, чтобы каждое слово церковного песнопения было всякому понятно, ложилось бы на душу.

Так, порог храма Божия – вот для православного христианина грань, дальше которой инструментальная музыка проникать не может. Вне храма, конечно, смотря по содержанию исполняемого, ей уже дается место: мы привыкли слышать военные оркестры вблизи храмов Божиих, исполняющие и народный гимн, и *Коль славен наш Господь в Сионе*, – столь любимые народные псалмы. Но замечательно, что исполнение церковных песнопений в собственном смысле, по тексту богослужебных книг, посредством музыки почти не допускается даже вне храма, исключая разве фисгармонии или скрипки на спевках в качестве вспомогательного инструмента.

В западной Европе музыкальное искусство, в соединении с пением, выработало особый вид произведений под названием “ораторий”, в коих пение соединяется с инструментальным оркестром, причем, для руководства исполнителям указываются и роли, и обстановка якобы действий, на самом же деле ни декораций, ни переодеваний певцов по подобию актеров, ни действий не бывает. Это – сложный концерт, в коем участвуют и певцы и музыканты, исключительно музыкой и пением передавая содержание литературного произведения, которое, в видах пения, обычно излагается стихами. Оставляя в стороне суждение, относительно исполнения таких произведений светского содержания, современная церковная жизнь требует ответа на вопрос: допустимо ли, с точки зрения православно-христианской, исполнение таких литературных произведений посредством пения и музыки, если они касаются лиц святых Божиих? Известна, например, оратория “Иоанн Дамаскин” на поэму гр. Алексея Толстого; теперь появилась подобная же оратория М. М. Иванова под названием “Печальник родной

земли”, из жизни преподобного Сергия. Как смотреть на такие произведения музыкального искусства с точки зрения церковной?

Прежде всего, следует заметить, что такие произведения бывают далеко не все одинакового качества в отношении их внутренних достоинств, а потому и нельзя применять к ним одну и ту же меру. Поэтому следует обратить прежде всего внимание на эту сторону так называемых ораторий, имеющих то или иное отношение к Церкви, к вере и истории церковной. А затем уже можно принять в соображение следующие мысли.

1) Церковь не воспрещает прославлять святых Божиих в стихотворной форме, лишь бы таковая соответствовала достоинству прославляемого лица. Таких произведений существует множество, да богослужебные книги имеют много стихир и канонов, писанных в греческом подлиннике тоже стихами. Правда, стихи на русском языке у нас в церковном богослужении не употребляются, как и вообще наша Русская Церковь не считает нужным вводить богослужение на русском языке как языке житейском, будничном, тем более, что для богослужения она имеет свой прекрасный, всякому русскому понятный славянский язык. Но ведь духовные стихотворения и пишутся не для церковного употребления, а для домашнего назидания, чтения, утешения. Духовные оратории, в сущности, и представляют собою духовные стихотворения, положенные на музыку.

2) Стихи по самой форме своей как бы предназначаются для пения: и рифма, и размер сами собою напрашиваются на пение. Следовательно, и петь их так естественно, что и говорить об этом не стоит.

3) В ораториях пение сопровождается музыкой. Мы видели, что в храме Божиим вообще никакая музыка не допускается. Но почему же не допустить музыку в домашнем обиходе, да не только в домашнем, в собственном смысле, но и вообще – вне храма? Почему и святых Божиих не прославлять музыкальным воспроизведением стихов, написанных в честь их? Лишь бы звуки музыки соответствовали содержанию таких стихов.

4) В народе слепцы и калики перехожие поют духовные стихи об Алексии Человеке Божиим, о бедном Лазаре и др., причем в южной России стихи эти сопровождаются игрою на бандуре и др. инструментах, и это не вносит соблазна в народ. Почему же не допустить музыкального исполнения стихов в обработке художественной?

5) В так называемых “либретто” ораторий обычно авторы отмечают: место, время, имена лиц, обстановку и другая подробности, по примеру приготовляемых для театра литературных произведений, и это может смущать строгих христиан, отрицающих самую идею театра. Но, во-первых, в ораториях нет ни декораций, ни грима исполнителей, ни переодевания, как на сцене; отметки делаются главными образом для того, чтобы дать исполнителям более наглядно указания, как вести дело, как петь и исполнять музыку. Во-вторых, если бы устроители вздумали ораторию превратить в театральную пьесу, воспроизводить на сцене действием то, что послужило темой для ораторий, то этого, конечно, не следует допускать; такое воспрещение следует ставить условием самого разрешения к исполнению оратории.

6) Духовные оратории допускать следует к исполнению только в таких помещениях, которые приличествуют достоинству излагаемого предмета, а потому как текст оратории, так и все условия ее выполнения прежде разрешения должны быть представляемы на разрешение духовной власти.

При таких условиях духовные оратории, думаю я, могут быть допускаемы к исполнению и доставлять некое духовное и эстетическое утешение мирянам, не доходя до профанации священных предметов и лиц. Искусство пения и музыки есть такой же дар Божий, как и разум человека, как и прочие его способности, а потому не следует ставить ему препятствий к выполнению его задачи, славить Бога и святых Его пением и музыкой, при условии неуклонного исполнения тех указаний, какие сочтет благопотребным делать Церковь. При этом должно остерегаться, чтобы пение и музыка не обращались и в этом случае к удовлетворению чувственности...

Доброе слово русским штундо-баптистам

Сказано в Божественном Писании: “не обличай злых, да не возненавидят тебе, обличай премудра и возлюбит тя” (Притч. 9, 8). Почему так? Почему злые люди не терпят обличений? Премудрый Соломон отвечает: “обличение бо нечестивому – раны ему”. Человек, потерявший совесть, влюбленный в самого себя, не хочет знать истины, не дорожит ею: он считает себя непогрешимым во всем, что ему нравится, и если правда колет его в глаза, то он ненавидит правдолюбца, который вздумал бы ему говорить эту правду. Вот почему и обличать такого бесполезное и безнадежное дело; вот почему Премудрый и говорит: не обличай злых, или, как в русском переводе с еврейского: “не обличай кощунника”.

Но есть люди, добросовестно заблуждающиеся, искренно искавшие правды, но в своем искании по неведению уклонившиеся от прямого, Богом указанного пути и впадшие в заблуждение. Такие люди рады бывают проверить себя, выслушать и обличение, лишь бы только познать спасительную истину. Пусть это – простецы, неученые люди, а все же можно их назвать мудрецами, как и Премудрый о них говорит: “обличай премудра и возлюбит тя. Дажь премудрому вину, продолжает он, и премудрший будет”, – дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдиваго, и он приумножит знание. Кто любит истину, тот не станет щадить своего самолюбия, никогда не откажется от слова вразумления, хотя бы это слово и не по сердцу ему было, и жестко показалось; он знает, что “правда груба, да Богу любя”. Ведь больной, желающий выздоровления, хотя и морщится, а все же пьет горькое лекарство. А знать спасительную истину Божию несравненно важнее, чем обладать телесным здоровьем. Вот почему и долг повелевает, и душа просит обратиться к таким людям с добрым словом вразумления, совета, увещания, с словом братской любви. Верится, что они спокойно выслушают такое слово, задумаются над ним, а совесть христианская, за молитвы святой матери нашей Церкви, подскажет им, что истина Божия, в Церкви хранимая, есть единый истинный путь ко спасению, ибо слово Божие говорит, что Церковь *есть столп и утверждение истины* (1 Тим. 3,15).

К кому же я на сей раз обращаю мое скорбное слово?

Конечно, не к тем, которые не могут мирно принять его, которые, по слову Премудраго, способны только ненавистью отвечать на него, которые не поверят искренности обращения к ним православнаго пастыря. Нет, такие пусть лучше не читают сих строк, чтоб не грешить лишний раз грехом ненависти к нам, православным пастырям. Я обращаю мое слово к вам, братья русские люди, когда-то бывшие верными сынами Церкви Православной, а ныне покинувшие дом отчий, увлеченные немецкими проповедниками в штунду, в баптизм, в так называемыя евангельския общины, в адвентизм, методизм и разныя другая секты, немцами распространяемыя! 900 лет тому назад наш просветитель, наше Красное Солнышко, князь Владимир принял от греков святую веру Православную, во всей апостольской чистоте сохраненную, святыми Вселенскими и Поместными Соборами раскрытую и утвержденную, – принял и заповедал родному своему народу Русскому крепко держаться этой веры, хранить ее как заветное небесное сокровище. И свято соблюдали завет равноапостольнаго просветителя нашего наши предки благочестивые: за веру Православную они кровь свою проливали на полях битв и с татарами, и с турками, и с немцами, которые сначала были верными слугами

Папы Римского, держали веру латинскую, а потом явился у них расстрига-монах, Лютер, поставил себя выше всех святых отцев, выше Вселенских Соборов, даже выше святых Апостолов; он отверг все таинства церковныя, отрекся от почитания Матери Божией и святых угодников Божиих, отверг посты, церковные обряды, почитание икон, святых мощей, стал самое слово Божие, Священное Писание, толковать по своему горделивому смыслу, выкидывать из него все, что ему не нравилось, и таким образом сочинил свою веру, не Христову, не Апостольскую, а лютеранскую, еретическую. И раскололись сами лютеране на многое множество сект, которые спорят между собою, и каждая секта уверяет, будто только у нея одна правда Божия, спасительная, будто все прочия стоят на пути погибельном. И что ни голова у них, то вера своя, и дошло до того, что сами пасторы их, то есть их наставники и учителя веры, перестают веровать в Божество Господа нашего Иисуса Христа, уже считают Его простым человеком таким же, каким был Моисей, даже Будда, Конфуций, Магомет, и теперь в самой столице немецкого царства, в Берлине, больше половины немцев некрещеных, потому что совсем изверились, веру потеряли, безбожниками стали... И вот, такую-то веру, веру без таинств, без Церкви, без всякого общения со святыми Божиими, без надежды на молитвы за умерших, – такую-то вот веру немцы принесли к нам на Святую Русь Православную, сначала в свои колонии, а затем стали ее распространять и среди русских православных людей, подобно тому, как в притче Христовой сеял враг плевелы на ниве среди доброй пшеницы... Подумайте же, какое сокровище они похищают из русской души? Они отторгают русского человека от его любящей матери-Церкви, уводят из храма Божия в свои самочинные сходы, заставляют его забыть родные молитвы, священные песнопения церковныя и изучать вместо них нескладные стихи, переведенные с немецкого языка, в коих не услышите вы ни превознесенного имени Матери Божией, нашей Заступницы, ни покаянных стонов души, плачущей у подножия Креста Христова; ненавидят они и Крест Господень, кощунственно называют его виселицею, а святые иконы – идолами... Господи! Какое ослепление! Какая гордыня! И таким-то проповедникам верят русские люди! Как будто нет у них пастырей Церкви и учителей веры Православной, которые с любовью объяснят всякое недоразумение, покажут, почему и как подобает веровать, почему то или другое лжеучение немцев – ложно, богопротивно, душепагубно... В гордыне своей немецкие лжеучители знать не хотят, что от времен Апостольских в Церкви Божией были мужи благодатные, Духом Божиим просвещаемые, были ученики Апостольские, которые от самих Духоносных Апостолов слышали, как надо веровать, как понимать слово Божие, которые сами оставили нам свои писания; что за 19 веков были миллионы верующих и среди них были люди, Богу угодные, Богом прославленные, которые свято соблюдали веру непорочную, от Апостолов преданную. И ужели же расстрига Лютер и его последователи, ужели нынешние немецкие мудрователи умнее всех сих богоугодных людей? Ужели сии богоугодные люди были – прости мне Господи слово сие – глупее каких-нибудь немцев, проповедников ересей, да и наших отступников от веры Православной? Что за гордыня! Что за самомнение! Господь сказал еще в Ветхом Завете: прославляющих Меня прослаблю, и прославил Он многих святых Своих, Ему благоугодивших, многими чудесами и знамениями свидетельствуя, что они право веровали, истинным спасительным путем в Царствие Божие шли. Немецкие учителя скажут, что все это выдумки, все – ложь... Но чем они докажут это? Ужели миллионы верующих православных, на себе испытывающие силу благодати Божией, в Церкви Православной обитающую и у святынь церковных, у чудотворных икон и св. мощей

воочию являемую, – ужели все сии верующие и по вере своей благодатию утешаемые, заблуждаются, лгут, а вот эти гордые, непризванные учителя, от врагов нашей веры, нашего народа пришедшие, они-то и проповедуют истину?

Теперь не тайна, ради чего немцы так стараются совращать простых русских людей в баптизм и другая немецкия ереси. Не о спасении русских душ у них забота. Нет – они видели и знают, что наша матушка-Русь только дотоле и крепка, и сильна, и непобедима, пока она хранит святую веру Православную. Эта вера и есть ея сила, ея могучая опора, только эта вера и привлекает к Руси милость Божию, и покров Матери Божией, и святых Божиих. Чтобы победить Русь, погубить Российскую Державу, надо подорвать в ней веру Православную, надо совратить русских людей в секты и расколы, даже всякую веру уничтожить в народе, развратить его, а если удастся, то и душу русскую онемечить. Тогда немцам будет простор на Руси: что хотят, то и делают. Вот и теперь – что говорят те баптисты и штундиеты, у которых душа русская вытравлена, онемечена? Они говорят: что воевать будто бы грешно, потому что сказано: “не убий”, а того знать не хотят, что в той же самой книге Закона Моисеева, в коей написана заповедь Божия: “не убий”, там же читаем во многих местах, за многая преступления наказание Божие: “смертию да умрет, камением да побьется!”

Да и Сам Господь Бог в Писании именуется Господом воинств, Господом сил, говорится, что Он, Господь наш, Сам *научает* руки верных Своих *на ополчение и персты их на брань* (Пс. 14, 31). Притом же, не убивать идет воин христолюбивый, а от убийц защищать и Родину-мать, и близких своих. Мы знаем из истории, как беспощадны были дикари-народы, монголы, гунны, татары, а теперь на наших глазах те же немцы беспощадно истребляют не только раненых и пленных воинов, но и жен, и детей, тысячами топят мирных путешественников на морях, не разбирая даже, какому народу они принадлежат: англичане ли, французы ли, американцы, или, может быть, даже свои же немцы. Режут уши, языки, отрубают руки, ноги: так что же – и с такими зверями не воюй? Они будут обращать в рабство другие народы, а мы все иди к ним в рабство? Вот ведь о чем хлопочут все эти проповедники баптизма, все эти Фетлеры, Боннекампферы, да и наши, ослепленные ими, онемеченные душой, Прохановы, Павловы, Степановы и им подобные! Известно ведь теперь, что и жалованье все они получали и, может быть, и теперь получают из Германии, известно, что еще при знаменитом враге России Бисмарке Германия решила не жалеть миллионов на духовное отравление нашего русского православного народа, на совращение его в штунду, в баптизм, в якобы “евангельскую” веру, чтобы убить в нем душу православную, чтобы онемечить его. Сами немцы не скрывают этого: они, например, сообщают, что на это недоброе дело, в течение только одного 1908 года, израсходовано 18 миллионов в России!.. Какие, подумаешь, благодетели! А почему бы им не расходовать эти миллионы на обращение в веру Христову каких-нибудь китайцев, японцев, дикарей Африки, Америки, те ведь совсем не ведают истинного Бога, а мы, русские люди, слава Богу, веруем в Бога так, как научила нас святая Апостольская Православная Церковь. Но в том-то и дело, что немцам то и нужно, чтоб истребить веру Православную в русской душе, а там уже они сумеют русского человека переделать по своему образу и подобию.

Вот – цель наших врагов, братья русские люди! Вы, конечно, искали истины, спасения души, когда шли к ним на беседы, слушали их проповеди, а они к душам вашим подкрадывались, чтобы похитить из них ваше сокровище многоценное – святую веру, завещанную князем Владимиром... чтобы из русских сделать вас немцами... Скажите, что

смущает вас? Святая Церковь разрешит все ваши недоумения, только будьте искренни, только не заражайтесь духом гордыни, каким дышат все эти хулители Церкви, все слепые вожди, променявшие веру Православную на ересь Лютерову.

Мы переживаем тяжелые для русского сердца дни. Кто любит свою Русь, тот не может двоиться в душе. Если наши инородцы, по крови не русские люди, воодушевляются любовью и преданностью России, любовью к ея православному Царю, если даже татары, кавказские горцы и другия народности, живущия в пределах России, стоят грудью против общего врага-немца, то можно ли допустить самую мысль о том, чтобы вы, наши братья, русские по крови люди, хотя и переставшие быть православными, не страдали душой за родную вам Русь? И вот благоприятное для вас время подумать: да и в самом деле не обманывают ли вас все те же немцы, совращая в свою пустую веру? И хорошо ли, право ли вы поступили, самонадеянно бросив веру Православную и чрез то отделившись от родной семьи православных русских людей – духовных верных чад равноапостольного князя Владимира?

Помолись, благоверный княже Владимире, ко Господу, да вразумит Он и просветит заблудших светом истинной веры, тобою завещанной, но по неведению ими покинутой! Да возвратятся они в недра своей любящей матери – Церкви Православной и, согретые ея любовью, ея благодатью, сольются сердцем со всем стомиллионным родным своим народом Русским! Ей, буди, буди!..

Знаю, что на это мое “доброе слово” посыпятся ругательные анонимные письма от сектантов-вождей измены Церкви Православной. На анонимы я не отвечаю: пусть их авторы тешат себя, сколько угодно, если они полагают, что ругательство есть доказательство их правоты, а не бессилия. На честное, спокойное слово недоумения, по мере сил и свободного времени, готов ответить, если будет дан точный адрес вопрошающего.

Митрополит Филлрет о войне и воинском звании

В переживаемые нами великие дни особенно поучительно напомнить себе великие заветы незабвенного святителя Московского Филарета, который так мудро отзывчив был ко всем современным ему явлениям как в церковной, так и в государственной жизни.

Ободряя и благословляя воинов, идущих на брань, святитель говорил им: “Если бы на какой дом напали разбойники: кто из семейства, имея силу и возможность, не восстал бы на защиту себя и своих и общего достояния? Не с большим ли самопожертвованием должно восстать против врагов, которые на великий дом Царя нашего, на Россию, напали без правды и, нарушив закон честной войны, позволяют себе разбойнические хищения и опустошения?”^[71].

Как эти слова мудрого святителя Божия идут к тем событиям, какие совершаются в наши дни! Немцы и их союзники – турки, нарушая все обычаи и законы честной войны, обратили свою войну в настоящий разбой: они не щадят ни пола, ни возраста, грабят и опустошают все населенные местности, безчеловечно издеваются над беззащитным населением, безчестят и терзают жен, девиц, отрубая им руки, пронзают своими зазубренными, наподобие пил, штыками детей, отрезают уши и языки у пленных воинов, вырезают у них на ногах “лампасы”, то есть полосы кожи, обливают раненых керосином и поджигают... распинают даже на крестах! Да скажите: делают ли так даже и разбойники? Не хуже ли всяких злодеев эти изверги рода человеческого, эти вырожденки?.. Кровь стынет в жилах, когда читаешь об этих зверствах наших врагов; они превзошли древних дикарей в жестокости всякого рода. И вот горе: еще смеют называть себя христианами! Давно отреклись от Христа, давно потеряли не только образ Божий, но и образ человеческий, мало того: стали хуже зверей, как истые слуги сатаны, а все еще лицемерят, все еще подбодряют себя и хвалятся мнимым своим христианством... Как не восстать со всею ревностью против таких врагов, уже не наших только врагов, а и Божиих?

Вот что дальше говорит наш святитель: “Некогда, во время нападения иноплеменников на землю народа Божия, Иессей трех старших сынов своих послал на брань за отечество; а младшего Давида посылал потом доставить им пищу в походе: и сей носитель пищи внезапно сделался воином и победителем врагов. Так праведные жертвуют отечеству тем, что имеют любезнейшего: так и праведный Бог дает благородному самопожертвованию дивную помощь и силу”^[72].

И ныне, как во времена оны древняя, есть отцы, и их так много по милости Божией, которые отдали всех своих сыновей на защиту Отечества, но этого мало: и дочерей своих послали служить раненым воинам, и вся Россия обратилась как бы в великий лазарет, а весь цвет ея бьется на полях брани с лютым врагом... Помогите им, Господи! Укрепите их мужеством, пошлите им Ангелов-хранителей и сподобников на вражью силу! Поистине можно повторить вместе с святителем Филаретом уже не к одним воинам, но и ко всем русским людям: “Братия! По вере и вы народ Божий: продолжайте и подвигами являть в себе народ Божий! Для такого народа не оскудеет дивная помощь Божия!”^[73]

Нынешняя война – позор для человечества, позор именно для тех, кто начал ее, кто, как разбойник и грабитель, напал на своих добрых соседей, позор – для немцев, – не говорим уже об их послушном орудии – турках: эти – не христиане, не называют себя сим

священным именем, а потому им простительнее, чем немцам, такой позор. Но чем позорнее война для ее зачинщиков, тем славнее отражение ее для нашего христолюбивого воинства, для наших благородных союзников, тем выше подвиг защиты родной земли, родного Царя, а паче всего – веры Православной. Немцы ведь давно мечтали не только завоевать хотя часть земли нашей, но и похитить из русской души заветное ее сокровище – веру православную. Было бы тяжким грехом пред Богом, преступлением пред родным народом, изменою пред Отечеством и Царем нашим, Божиим Помазанником, спокойно смотреть на такое ужасное злодеяние врагов наших. Наш священный долг – отразить нечестивцев, стать грудью за наши святыни, за нашу Святую Русь! И наше воинство свято исполняет свой долг. И Господь благословляет его святой подвиг. “Господь, говорит святитель Филарет, Господь, нарицаемый Богом мира, нарицает Себя также *Господом воинств*. Бог *научает* руки верных Своих на *ополчение*, *персты их на брань* (Пс. 143, 1). Авраам, образец кроткой веры, не воевал ли за своих родных и за союзных царей? Не войной ли, по повелению Божию, народ Божий приобрел землю Обетованную? Не Ангел ли Божий сделал гумно Гедеона военно-учебным поприщем и сильным небесным словом образовал его для победы над мадианитянами? Дух Божий, Который носился над Давидом от дня помазания его, не управлял ли рукою его, не только тогда, когда он извлекал из десятиструнной псалтири пророчесственные звуки, но и тогда, когда он победоносно стрелял в Голиафа, хотя и не из лука стрелою, а камнем из пращи? Равноапостольный Царь Константин для чего первее всего употребил крест Христов, только что им познанный? Для брани и победы. Итак, Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как на земле есть немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частию надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию”^[74].

Обращаясь к воинам, святитель Филарет говорит: “Посвятить себя подвигам за Царя и Отечество на жизнь и на смерть – какое прекрасное, возвышенное призвание! Если приятен подвиг по воле отца, и тем более приятен, чем более дает упражнения сыновней преданности в преодолении трудностей: как должен быть радостен подвиг по воле Отца миллионов народа! И не тем ли более радостен, чем более соединен с самопожертвованием? Если приятно бодрствовать и трудиться для блага и спокойствия семейства, как должно быть вожделенно стоять на страже и в подвиге для спокойствия и безопасности Отечества! Земная жизнь дается человекам на время; и у многих время берет ее обратно даром. Какое же преимущество – обратить жизнь свою в талант для приобретения Царю и Царству спокойствия, победы, славы, – сделать жизнь свою священною жертвою верности и любви к Царю и Отечеству, – приближаться чрез самопожертвование к высшей степени святой любви, по суду Самого небесного Судии: *больши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13)”^[75].

“Благословение и слава побеждающим, благословение и блаженство приносящим в жертву жизнь свою с верою в Бога, с любовью к Царю и Отечеству! Сказано в Писании о древних подвижниках за Отечество: *верою победита царствия* (Евр. 11, 33). Верою победоносны будете и вы”^[76].

Святитель дает воинам такие драгоценные наставления, что руководимый ими православный воин становится идеалом воинской чести и доблести. “Честь воина, говорит он, не в одной пылкой храбрости, но также и в строгом повиновении Начальству, в

единодушии с соратниками, в непоколебимой стойкости, в недремлющей осторожности от нападающего с оружием и от подкрадывающегося с смертоносным словом, в кротости к безоружным, в уважении к собственности, даже неприятельской, в умеренности, довольной, как учил Иоанн Креститель, *своими оброки* (Лк. 3,14). Высшая же сила воина – в вере и уповании на Господа сил, Бога воинств небесных и земных, праведно подвигающихся для царствия земного и небесного”^[77].

“Не забывайте, говорит святитель в другом своем слове воинам, не забывайте, что добрый воин, лев против врагов, должен быть агнцем между своими. Живите кротко и любовно, а гнев и грозу берегите для врагов Отечества. Наипаче не забывайте, что добрый воин Царя Благодетельнейшего должен быть равномерно *добр воин Иисус Христов* (2 Тим. 2, 3). Надобно ли в подтверждение сего вновь напоминать вам о древних победоносцах и уверять вас апостольским словом, что они *верою победита царствия* (Евр. 11, 33)? Вы это ближе и проще знаете из деяний наших предков, наших Царей, наших избранных вождей. Тот воин истинно непобедим, которому венец мученичества за Веру, Царя и Отечество так же любезен, как и венец победы. Тот лучший слуга Царев и надежнейший защитник Отечества, кто в верном Богу сердце, в чистой совести носит верную надежду Отечества Небесного”^[78].

Не видим ли мы в сем идеальном изображении воина-христианина доблестный облик всего нашего христоролюбивого воинства? И непоколебимая стойкость, и кротость к безоружным или обезоруженным пленным врагам, и уважение к собственности даже неприятельской, и львиное мужество против вооруженных врагов, и недремлющая осторожность не только от вооруженного врага, но и от тайного союзника вражия – какого-нибудь баптиста или штундиста, подкрадывающегося к православной душе воина, и, наконец, крепкая, побеждающая мир вера, питающая столь же крепкую надежду на помощь Божию – вот те доблести нашего христоролюбивого воинства, коих свидетелями мы являемся наипаче в наши дни, во дни сей почти всемирной, небывалой еще в истории человечества брани...^[79]

Но святитель Филарет напоминает и нам, мирным гражданам, наш великий долг пред нашим воинством: “И мы, говорит он, не призванные в воинский стан и безоружные, не совсем чужды участия в войне, – участия не только мысленного, но и действительного. Мы не участвуем в деле войны: однако более или менее участвуем в достижении более или менее совершенного в ней успеха”.

“Молитва веры должна приобрести Царю союзника и поборника в Царе Небесном. Если наша молитва о подвигающихся на поле брани братьях наших единодушна, усердна, крепка, чиста, достойна, то она способна более или менее способствовать им в приобретении вернейшего залога побед – Божия благословения и помощи. Так, подвизаясь в молитве, мы становимся действительными духовными сподвижниками подвижников брани. Но если наша о них молитва не единодушна, не усердна, не крепка, не чиста, не достойна, то, по мере сих недостатков, она будет лишена действия, и мы лишим подвигающихся за нас братьев наших некоторой доли споспешествования, которую могли и должны были доставить им. Если же и совсем уклоняемся от молитвы за них, то уподобляемся малодушным воинам, бегущим с поля битвы, которые и мужественных смущают и затрудняют. Говоря сие, нисколько не уменьшаем ни значения и самостоятельности естественных сил и способностей, ни важности воинских дарований, искусства, ревности. Отдадим справедливость верности, благородству, искусству, мужеству наших вождей и воинов; но если молитва, Божие благословение и Божия

помощь также не суть слова без значения, то Церковь и народ, молящиеся за воинство, суть немаловажный для воинства подкрепительный, а может быть, пред очами духа, и предваряющий к победе отряд, по силе и достоинству молитвы”. Свои умозаключения святитель далее обосновывает на слове Божиим и примерах из истории избранного народа. “Помощь Божия даруется не просто, не в произвольное отличие избранному народу, но под определенным условием нравственным и духовным: *аще быта людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходил: ни о чесом же убо враги его смирил бых* (Пс. 80, 14,15). Веруй, Израиль, в Бога, молись Ему, слушай слова Его, поступай по заповедям Его справедливо, благонравно, человеколюбиво; если согрешил, не медли покаяться и исправиться: надейся не на себя, а на Бога; и Он готов *ни о чесом же* смирить враги твоя, даровать тебе легкую и верную победу над ними”.

Святитель приводит пример победы израильтян при помощи молитвы Моисея, воздевшего руки к Богу; победы Иисуса Навина, когда “союзное с ним небо стреляло в его врагов каменным градом, а он по необычайной надежде на Бога, не произнося даже слов молитвы, собственным повелением останавливает солнце, чтобы иметь время засветло довершить свою победу”. Была и такая война, когда несправедливо нападающий враг смирен был точно *ни о чесом же*, без оружия и ратоборства со стороны потерпевшего нападение: Сеннахирим, домогаясь совершенного порабощения иудеев, дерзнул на богохульство, и тогда иудейский царь Езекия понял, что война переносится с земли на небо, и, во храме пред Богом развернув богохульное рукописание, сказал: *отверзи, Господи, очи Твои и виждь*. И Бог отвечал чрез пророка Исаию, что на Себя приемлет защиту Иерусалима: *и бысть в ночь ону, и спиде Ангел Господень*, и поразил от полка ассирийского сто осмьдесят и пять тысяч (4 Цар. 19, 35)”^[80].

Поучая и воинов, и всех православных русских людей молитве, святитель Филарет и сам молился вдохновенною молитвою о победе на супостаты, причем выражал свою молитву не своими словами, а избрал для сего слова из псалмов Давидовых: *Заступниче наш, виждь, Боже, и призри на лице Помазанника Твоего* (Пс. 83, 10). *Се врази Твои возшумеша, и ненавидящий Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавноваша волею, и совещаши на святая Твоя* (Пс. 82, 3–4). *Да обрящется рука Твоя всем врагом Твоим, десница Твоя да обрящет вся ненавидящая Тебе* (Пс. 20, 9). *Помози нам, Боже, Спасе наш, славы ради имени Твоего* (Пс. 78, 9). “Вы слышите, говорил святитель, что я говорю о настоящем положении дел словами древняго народа Божия. (Слово сказано в 1853 году, во время Крымской войны). Счастливо это для нас, что самые обстоятельства поставляют нас в положение народа Божия против врагов Божиих. Враги наши суть враги креста Христова. Следственно, мы можем просить от Бога защиты и победы не только для себя, но и для славы имени Христова. *Помози нам, Боже, Спасителю наш, славы ради имени Твоего*”

Что говорил мудрый учитель Церкви с лишком 60 лет назад, то вполне применимо и к событиям нашего времени. Правда, немцы, именно германцы, называют себя еще христианами, но ведь они не почитают Креста Христова, они называют его – прости мне, Господи, слово сие – орудием позорной казни, а не древом спасения, не тем подножием ног Христовых, поклоняться коему заповедал еще Царь Давид: *поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть* (Пс. 98, 5). Посему справедливо называть и их, наравне с союзниками их турками, врагами Креста Господня, врагами нашей Православной веры и Церкви.

Равноапостольным наш просветитель и его святые дети- лиреники

I

Ровно 900 лет прошло с того дня, как в уединении своих княжеских хором, близ Киева, на Берестове, тихо почил славнодержавный просветитель земли Русской, ея красное солнышко – князь Владимир. Горько оплакивала его кончину родная ему Русь, которую он сделал православною, для которой он был отцом, заступником, наставником и кормильцем. Это был ея первый князь – носитель русского идеала государственной власти, человек с истинно русской душой; широкая, как говорится, русская натура, в высшей степени добрый, великодушный, не способный входить в сделки с своей совестью, кривить душою: он горячо любил свою Русь и умелою рукою поставил ее на назначенный Богом исторический путь. Весьма благовременно и поучительно вспомнить его жизнь и деяния, особенно в наши дни, когда наша Святая Русь всею мощию своего духа отстаивает свои вековые устои, заложенные святым ея просветителем, – напомнить его святые заветы родному народу на все роды родов...

Как восходу солнца предшествует сияние зари, так в нашей истории князю Владимиру предшествовала его приснославная бабка, благоверная княгиня Ольга. Окриленная, по выражению церковной песни, крилами Богопознания, она возлетела духом превыше видимой твари, и, познав истинного Бога, всем сердцем желала просветить истинною верою не только своего воинственного сына Святослава, но и весь Русский народ. День и ночь молилась она, чтобы дал им Бог познать веру истинную. И услышал Господь молитву ея; правда, не слушал ея постоянно занятый походами сын, но добрым семенем пали на детское сердце внука ея, юного князя Владимира, ея рассказы о Христе Спасителе и в свое время вспомнились и принесли добрый плод.

Князь Владимир был младший сын Святослава. По кончине матери, св. Ольги, Святослав, по своему обычаю, отправился в поход, а сыновей оставил княжить в особых для каждого уделах. Владимиру дал он Новгород, куда он и отправился с дядею по матери, Добрынею. И дядя, и новгородцы были суеверные и грубые язычники. В язычестве и возрастал Владимир; казалось, что святое семя веры, посеянное бабушкой, готово было совсем заглухнуть в нем, но Бог не допустил этому случиться. Его братья, по смерти отца, скоро поссорились, старший Ярополк убил второго – Олега; Владимир бежал за море к варягам, а Ярополк овладел Новгородом. Но Владимир собрал большую дружину из варягов и вместе с Добрынею пошел на Ярополка. На пути овладел Полоцком, здесь убил князя Рогвольда с двумя сыновьями, а дочь Рогнеду взял себе в жены. Оттуда двинулся он к Киеву на Ярополка, который и погиб в этой войне, а Владимир овладел Киевом и стал единодержавным властителем всей Руси. Это было в 980 г.

Еще будучи язычником, он показал свою мудрость и доброту к народу. Он не позволил пришлым варягам-гордецам брать денежную подать с жителей Киева, будто бы ими завоеванного, немногих, лучших из них, он привлек к себе на службу и разместил по разным городам, а остальных просто выслав из России. Киевляне видели, что князь не

дает своих чужим в обиду, и полюбили его. Мужественно защищал он землю Русскую от недобрых соседей и оберегал ее единство. От ляхов он отнял занятые было ими города Червонной Руси, которая теперь зовется Галичиной. Он усмирил разбойничье племя диких ятвягов, ходил против болгар, живших на реке Каме за Волгой, победил их и обязал жить в мире с Русью. В Киеве собирались к нему в думу о важных делах и бояре, и ратные дружинники, и земские старшины, и всем он являл свою мудрость, свою твердость и вместе ласку: народ прозвал его “ласковым” князем. По-своему, по-язычески, он был и набожен: всюду ставил идолов, а на холме, против своего княжеского терема, поставил идола Перуна, бога грома и молнии. Идол был деревянный, с серебряной головой и золотыми усами. Много было идолов у наших язычников-предков; кроме Перуна были еще Велес – скотий бог, Позвизд, или Вихрь – бог ветров и воздуха, Аадо – бог счастья, Купало – бог плодов земных, Коляда – бог праздников и другие. Блуждая во тьме идолопоклонства, наши предки не задумывались закалывать в жертву идолам даже собственных детей. В 983 году Владимир ходил на ятвягов и взял землю их. Возвратясь в Киев, он приносил жертву идолам. Обрадовались такму усердию своего князя язычники бояре и старшины и сказали: “Бросим жребий на отрока и девицу: на кого падет, того и принесем богам”. Жил тогда в Киеве варяг, по имени Феодор, тайный христианин. У него был единственный сын Иоанн, юноша прекрасный душою и телом. Жребий, – так Богу было угодно, – пал на сего юношу. Послали сказать отцу: “Отдай сына богам! Они выбрали его себе в жертву”. Феодор отвечал: “У вас не боги, а дерево: сегодня оно цело, а завтра истлело;

они не едят, не пьют, не говорят. Есть один истинный Бог, Которому поклоняются греки: Он сотворил небо и землю, луну и звезды, солнце и человека. А ваши боги что сотворили? Они сами – дело рук человеческих. Не дам сына моего бесам!” Такой ответ крайне раздражил язычников. Они схватили оружие и бросились на дом варяга. Разломав ворота, они ворвались во двор. Феодор, обнявши сына, стоял на высоких сених. Ему кричали: “Поддай сына твоего!” Он отвечал: “Если ваши истуканы – боги, то пусть сами придут и возьмут его; а вы из-за чего хлопочите для них?” Народ зашумел, заволновался, послышались проклятия, застучали топоры; сени был подрублены, а мужественные исповедники тут же преданы смерти. Святая Церковь чтит их память 12 июля.

Из сказания летописца не видно, чтобы сам князь Владимир соизволил убиению Феодора и Иоанна. Напротив, можно думать, что их мученическая кончина заставила добросердечного князя задуматься: что же это за боги, которым он поклоняется, когда им нужно приносить такие кровавые жертвы? И Владимир не влюбил с той поры своих идолов, и по Киеву стали ходить слухи, что князь хочет переменить веру.

II

Человек сотворен по образу Божию; его совесть ищет правды Божией, а эту правду можно найти только в учении Христа Спасителя, в вере Христовой. У князя Владимира было сердце доброе и честное, а таковых благодать Божия влечет к себе голосом их же совести. Много было грехов на совести у нашего доброго князя: бездушные боги не могли умиротворить его мятущуюся совесть, какая бы жертвы он ни приносил им. и стали ему припоминаться наставления, какая он слышал в детстве от своей мудрой бабушки княгини Ольги; тревожной душе хотелось бы еще послушать их.

Киев был стольный город русской земли; сюда приезжало немало и из чужих стран разных торговых людей. Бывали тут и магометане, и иудеи, и римские католики, и греки. Прослышали они о намерении князя переменить веру и дали знать в свои земли о том: понятно, каждому хотелось, чтобы русский князь перешел в его родную веру. И вот ко Владимиру стали являться проповедники разных вер. Первыми пришли послы с реки Волги, веры Магометовой. “Ты, князь, мудр и смыслен, говорили они, а не знаешь закона. Веруй в наш закон: мы веруем в единого Бога, на небесах живущаго, и в его пророка Магомета, который позволяет нам иметь жен, кто сколько хочет, только велит обрезываться, не есть свиного мяса и не пить вина”. Разумный князь не долго слушал их, сразу заметил, что их вера не даст его душе того, чего ищет она, и отослал их прочь. Пришли учителя из немцев и сказали: “Нас послал к тебе Римский папа, он говорит: наша вера – свет, мы поклоняемся Богу, сотворившему небо и землю, и звезды, и месяц, и всякую живую тварь”. “А какия у вас заповеди?” – спросил Владимир. Немцы отвечали: “Пост у нас не строг, постимся по силе, а кто ест или пьет, то все во славу Божию”. Видимо, они хотели такую льготностию в посте обольстить князя. Но он уже слышал о властолюбии Римских пап, вспомнил, что св. Ольга и другие бывшие уже на Руси христиане, принимали веру от греков, и ответил коротко: “Идите назад, отцы наши не принимали веры от папы”. Явились к нему и хазарские жиды с предложением своей веры. “А где ваша родная земля?” – спросил Владимир. Те ответили: “В Иерусалиме, но Бог прогневался на отцов наших и рассеял их по разным странам”. – “Как же вы смеете предлагать веру другим? – сказал им мудрый князь. – Сами вы отвержены Богом, или вы хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?” И со стыдом ушли от него жидовские учителя. Пришел, наконец, и греческий проповедник, мудрый, ученый инок. Он объяснил Владимиру лживость и мерзость веры басурманской, неправоту учения немцев, хотя и христианского, но не во всем согласнаго с чистым учением Христовым. Князь сказал: “Приходили ко мне и жиды и говорили, что христиане веруют в Того, Кого их предки распяли”. – “Это правда, – сказал грек-проповедник. – Но это и было предсказано иудейскими же пророками, которых иудеи избивали. Вот, когда сбылось все предсказанное пророками, и иудеи остались неверующими, тогда Бог и рассеял их по чужим странам”. – “Но для чего же Бог приходил на землю и принял страдания?” – спросил князь. – “Если хочешь послушать, то я скажу тебе о всем, с самого начала”, – отвечал проповедник. Князь рад был услышать проповедь той веры, к которой уже склонялось его сердце, и греческий инок рассказал ему о сотворении мира, о грехопадении первых людей, о древних патриархах и пророках; потом перешел к рождению Христа Спасителя, говорил подробно о Его жизни, чудесах, учении, страдании, смерти и воскресении. Когда же дошел до учения о будущем втором Его пришествии и страшном суде, то развернул пред взором князя большую завесу, на которой был художественно изображен страшный суд Божий: “Вот, – говорил инок, – на правой стороне стоят праведники, вот и уготованный им прекрасный рай Божий; а вот это – налево – грешники и ожидающие их мучения во аде”. Долго и с великим вниманием рассматривал князь Владимир эту картину; видно было, что она глубоко поразила его правдолюбивое сердце. Он подробно расспрашивал инока о всем, что тут было изображено; наконец тяжело вздохнул и сказал: “Хорошо тем, которые направо, и горе тем, которые налево!” – “Крестись, – сказал ему проповедник, – и ты будешь в раю с праведниками, а если не примешь крещения, то твое место вот здесь, на левой стороне – с грешниками”. Владимир задумался. “Подожду еще немного, – сказал он. – Получше

разузнаю о разных верах и тогда решу”. Он оделил грека-инока богатыми дарами и с почетом отпустил в Царьград. А в душе своей он уже порешил принять веру Православную и только думал об одном теперь: как бы лучше сделать, чтобы и бояре своих, и любимую дружину, и весь народ русский привести в веру крещеную. Это было в 986 году.

А в следующем, 987 году, князь созвал к себе на совет бояре и старейшин. Он рассказал им все, что слышал от разных послов и особенно от греческого инока и спрашивал их мнения и суждения. Умные бояре сказали ему: “Никто своей веры хвалить не станет – понятно, что каждый свою хвалит. Если хочешь, княже, истину узнать, то ведь есть у тебя немало разумных людей: пошли из них в разные страны, к разным народам; пусть посмотрят и разузнают каждую веру на месте, а потом и нам с тобою скажут: кто как молится и служит своему богу в своей земле?” Этот совет очень понравился Владимиру, и он решил послать десять мудрых мужей в чужия земли. Побывали эти посланцы в разных землях, были и у немцев, и у приволжских магометан, и у других народов; пришли, наконец, и к православным грекам в Царь-град. Здесь тогда царствовали два брата: Василий и Константин. Они с радостью приняли послов Владимира и дали знать патриарху, зачем пришли русские люди. Патриарх все приготовил к торжественному служению, и вот наших предков повели в прекрасный и величественный храм Софии Премудрости Божией и поставили их в таком месте, откуда они все хорошо могли видеть и слышать. Служил литургию сам патриарх с собором епископов и священников; на них были златотканная облачения; кадильный фимиам наполнял храм благоуханием, стройное пение услаждало слух; тысячи молящихся с благоговением преклонялись пред Господом, воссылая Ему свои теплые, сердечные молитвы... Можно ли выразить те чувства, которые наполняли сердца послов Владимировых в эти минуты? Возвратясь в Киев, они с восторгом говорили князю Владимиру и боярам: “Мы не помнили себя: где мы стоим, на небе или на земле? Нигде мы ничего подобного не видели, не можем мы забыть этой красоты, ибо кто отведал сладкого, тот не захочет горького, а мы верим, что Сам истинный Бог живет с этими людьми”. Бояре и старцы тогда сказали Владимиру: “Если бы греческая вера не была лучше всех вер, то ее не приняла бы бабка твоя Ольга, а она ведь была мудрейшая из людей”. Так, подобно мудрому купцу притчи Евангельской, князь Владимир искал и нашел, наконец, безценный бисер небесный, веру Православную; он сделал так, что и лучшие его подданные на деле убедились, что эта вера – есть единая истинная и готовы были с полным усердием следовать за своим князем в святом деле перемены веры.

III

В 988 году князь Владимир, совсем неожиданно для греков, двинулся со своим войском на греческий город Корсунь, находившийся верстах в двух от нынешнего Севастополя, там, где теперь красуется Херсонесский монастырь. Славный своими завоеваниями, он не хотел унижаться пред греками, которые заставили его святую бабку, княгиню Ольгу, целый месяц стоять в пристани прежде, чем позволили ей выйти на берег: он решил завоевать себе веру и осадил Корсунь. Пред отправлением в поход Владимир молился: “Господи Боже Владыко всех! Сего у Тебя прошу: дай мне взять тот город, да приведу я оттуда христиан и священников, и да научат они людей моих закону христианскому!”

Была у него и другая цель похода: в язычестве имел он много жен; теперь, принимая христианство, он хотел иметь только одну, христианку, которая помогла бы ему твердо стать на путь истинно христианской жизни. Такую он и хотел иметь в лице сестры греческих царей; но ему было известно, что цари нелегко согласятся отдать ему в замужество свою сестру. И задумал он грозой заставить их согласиться на это. Долго длилась осада Корсуни, греки храбро его защищали. Наконец, он был взят, и Владимир послал сказать греческим императорам Василию и Константину: “Я взял ваш славный город Корсунь; то же сделаю и с Царьградом, если не отдадите за меня свою сестру – царевну Анну”. Ему отвечали: “Непристойно нам, христианам, выдавать сестру за язычника; крестись, тогда и сестру нашу получишь, и царство небесное наследуешь”. Владимиру только это и было нужно – он отвечал чрез посланцев: “Я давно слышал о вашем законе: полюбилась мне ваша вера, пришлите ко мне епископа, чтобы крестил меня, и сами с сестрою приходите или пришлите ее ко мне, а я возвращу вам за это Корсунь и всю Тавриду”. Тяжело было молодой царевне покидать родной город и идти к народу некрещеному, к князю, который недавно воевал против братьев ее. “Точно в плен я иду, – говорила она, обливаясь горькими слезами, – Лучше бы мне здесь умереть”. Но братья императоры утешали ее: “Может быть, Господь обратит чрез тебя всю землю Русскую, тогда ты и свою родину избавишь от сильного врага, – сама знаешь, сколько зла наделала Русь грекам: то же может повториться и теперь, если не пойдешь туда; а если пойдешь, то получишь за это Царство Небесное и вечную память у людей”. С плачем рассталась добрая царевна с братьями и, предавая себя воле Божией, отправилась на корабле в Корсунь, где ждал ее жених. С нею поехал святитель Михаил с священниками для крещения русского народа. Между тем, Владимира постигло Божие испытание: он разболелся глазами и совсем ослеп. И стал он сомневаться в святой вере и говорил: “Боги русские разгневались на меня за то, что я хочу оставить их, и наказывают меня”. И он откладывал святое крещение. Но царевна послала ему сказать: “Если хочешь выздороветь, то поскорее крестись: иначе не получишь исцеления”. Князь послушал ее совета, и вот лишь только он вошел в святую купель и епископ возложил на него руки, – он тотчас же прозрел. “Теперь-то познал я Бога истинного!” – воскликнул тогда великий Самодержец Российский, нареченный во святом крещении Василием. И небесною радостью исполнилось его сердце. А чудо исцеления поразило его дружину и бояр, и многие из них тогда же приняли святое крещение. Вскоре затем весело отпраздновали свадьбу князя с греческою царевной Анной.

В память своего крещения Владимир построил в Корсуне церковь; он возвратил город греческим императорам, взял оттуда мощи святого Климента, папы Римского, и ученика его Фивы и с торжеством возвратился с молодою супругою в свой стольный город Киев. С ним прибыли сюда: митрополит Михаил, епископы и священники, которые привезли с собою богослужебные сосуды и книги. Корсунский епископ, благословляя князя на путь, преподал ему Символ святой веры, с пространном изложением всего православного христианского учения, которое и принял Владимир, как завет от Церкви греческой для Церкви Русской. Первою заботою равноапостольного князя было окрестить всех своих двенадцать сыновей. Потом он приказал рубить и жечь идолов. Перуна, главного идола языческого, он велел привязать к лошадиному хвосту, стащить с горы и бросить в Днепр. Двенадцать человек сопровождали идола и били железными прутьями, а когда он поплыл по реке, то отталкивали его от берега. Это он сделал, как объясняет летописец, не потому, чтобы идол чуял удары, а на поругание бесу, который обольщал народ идольским

служением, ибо и слово Божие говорит, что *идолы язык бесове* (Пс. 95, 5). Суеверный народ с слезами провожал по берегу истукана и кричал ему вслед: “Выдыбай, боже!” Но воины, по приказу Владимира, отталкивали его, и народ видел, что его боги ничтожны и терял веру в них. Между тем, бояре и старейшины, единомышленные с князем и уже принявшие святое крещение, а также священники, прибывшие с князем, наставляли народ в новой вере. Сам Владимир появлялся среди народа и наставлял его своим княжеским словом. Наконец, он назначил день крещения и накануне разослал вестников по всему городу: “Кто завтра не явится на реку, будь он богатый или бедный, старый или малый, тот будет считаться ослушником воли княжеской”. Киевляне любили своего князя; давно знали о его намерении переменить веру, видимо, ожидали такого распоряжения и рассуждали: “Если бы новая вера не была лучше старой, то князь и бояре не приняли бы ее”.

И вот на другой день открылось дивное, небывалое зрелище. С раннего утра несчетные толпы народа спешили на берега Днепра и его притока – Почайны; сюда же прибыли: митрополит Михаил с духовенством и сам князь с молодой супругой, с детьми и боярами. По берегу, в разных местах, были устроены подмости для духовенства, тысячи народа вошли в воду: мужчины и женщины стояли особо в реке, где поглубже, дети – ближе к берегу, а младенцев большие держали на руках. Священнослужители читали молитвы. Князь с своим семейством и благородною дружиной в тихом умилении молился за новых христиан. Но вот, по данному знаку, все, стоявшие в воде, трижды погрузились в священных волнах, и широкий, светлый Днепр стал русским Иорданом – заветною купелью Руси Святой... Что чувствовал в эти святые минуты равноапостольный наш князь Владимир? Можно ли описать тот восторг, ту несказанную радость, какая тогда наполняла его доброе, горячо любящее свой народ сердце? Слезы умиления блеснули на его очах; он поднял руки к небу и воскликнул: “Творец неба и земли! Благослови сих новых детей Твоих! Дай им познать Тебя, Бога истинного, и утверди веру их!”

Так совершилось великое событие – крещение Руси! Событие, небывалое в истории других народов! В волнах Днепра погребена была навсегда Русь языческая и родилась новая Русь – христианская, православная! Сбылось пророчество апостола Андрея Первозванного: на горах Киевских воссияет благодать Божия! Справедливо говорит летописец: в сей день земля и небо ликовали.

Это было в 988 году, 1 августа.

IV

Святое крещение называется в слове Божиим “возрождением”, то есть рождением в новую благодатную жизнь. Новым человеком стал наш благоверный князь Владимир после святого крещения. “Господи, – так говорил он в чувстве благодарности к Богу, – Господи! Был я, как зверь, много худого делал, когда идолам кланялся; жил совсем по-скотски, но Ты укротил меня, – слава Тебе, Господи!”

И в самом деле: пока он был язычником, у него было много жен и наложниц, а когда стал христианином, то всех их отпустил от себя, вступив в брак с греческою царевною. В язычестве он был жесток и мстителен к своим врагам, а когда принял веру Христову, стал примером кротости и любви ко всем. И раньше он был добр и ласков, но только к своей дружине и боярам, а теперь стал отцом родным для всех бедняков: на его княжеском

дворе они могли во всякое время получать пищу, одежду, деньги. Он покоил странников, выкупал должников, отпускал на свободу рабов. Мало и того ему было: “Больные, думал он, не в силах добраться до моего двора”, и он приказывал развозить по улицам мясо, рыбу, хлеб, квас и мед для раздачи несчастным беднякам. При церквях, по его приказанию, заводились приюты для бедных и больных и страннопитательницы для паломников (так в старину называли странников, ходивших в Святую землю к святому граду Иерусалиму). Даже самых отчаянных злодеев он боялся наказывать смертью и позволял им откупаться от наказания *вирую*, то есть деньгами. Деньги тогда были очень дороги, и вира была тяжким наказанием; однако же, с отменой смертной казни, злодейства и разбои стали умножаться, в народе слышались жалобы на то, что житья от злодеев не стало. Тогда пастыри Церкви вынуждены были указать князю Владимиру, что Бог на то его и поставил, чтобы защищать добрых людей от злодеев и наказывать виноватых. И он стал опять наказывать преступников смертью, но с большою осторожностью. Духовный чин он уважал и любил; в праздничные дни у него всегда было три трапезы: первая для митрополита с епископами, иноками и священниками; вторая для нищих, а за третьей садился сам с своей дружиною и боярами. До святого крещения он распространял свои владения воинским мечом, а теперь мирно жил с соседями, и только дикие печенеги вынуждали его по временам воевать с ними. С великим смирением он советовался со святителями, — пишет об этом митрополит Киевский Иларион, — советовался о том, как установить закон христианский среди людей, недавно познавших Господа. Забота о распространении святой веры Православной между своими подданными была первым и главным делом всей его жизни после крещения. Во многих странах на Западе, у латинских и немецких народов, при насаждении христианства бывали долгая войны и кровопролития, а нас Господь избавил от сего властью нашего князя Владимира, родною русскою властью, которая была могуча не одною силою, но и доброю славою и любовью народною. Везде, где стояли идолы, он повелел строить храмы Божии. То было мудрое повеление: народ, привыкший собираться на эти места для молений, теперь, после крещения, находил здесь христианские храмы, в коих слышал и службу Божию, и наставление к новой вере. На том холме, где стоял Перун, он построил церковь Спаса Всемиловитоваго, затем — в честь своего Ангела святителя Василия Великаго, а на месте мученической кончины св. Феодора и Иоанна — каменную церковь в честь Матери Божией. Эта церковь была особенно благолепно украшена, и Владимир назначил в ее пользу десятую часть своих княжеских доходов, отчего и названа она *десятинною*. Много заботился святой князь о том, чтобы в храмах были книги богослужебныя на родном славянском языке. К счастью нашему, за сто лет до князя Владимира, Священное Писание и богослужебныя книги были переведены с греческаго на славянский язык святыми братьями Кириллом и Мефодием для болгар, от которых и привозили их на Русь. Сам князь подавал добрый пример народу, усердно посещая в воскресные и праздничные дни храмы Божии и приглашая к тому же своих бояр и старейшин народных. И радовался он душою, видя, что его родной народ привыкает чтить святыя дни и русские люди становятся добрыми христианами. По воле, по примеру и при помощи святого князя по всей земле Русской строились храмы Божии, распространялась вера Православная, так что можно было с радостью повторять восторженное слово святителя Илариона: “Крест освятил города!”

Но разумный князь видел, что для полного просвещения новых христиан недостаточно того научения вере, какое они слышали в храмах Божиих в воскресные и праздничные

дни. Он хотел, чтобы русские люди могли сами читать и разуметь священныя, церковныя и другая учительныя книги, чтобы в Русской земле были свои, русские, и епископы, и священники, и другие служители Церкви; он хотел, чтобы русские люди учились всему доброму из хороших книг и были разумными слугами своей родной земли. и он завел книжное учение, прежде всего для своих детей. И мы знаем, что сыновья князя Владимира были хорошо обучены. Ярослав, один из старших сыновей, знал не только славянския, но и греческия книги. Святой Борис знал и мог петь церковныя службы и псалмы на память и читывал жития святых вместе с братом своим Глебом, который слушал такое чтение.

Мудрый князь приказал заводить школы и в них обучать боярских детей славянской и греческой грамоте, чтобы потом они могли быть священниками. В Киеве было открыто училище, куда собирали мальчиков и из простого народа. Летописец рассказывает, что неразумныя матери плакали, отдавая детей в школу, как будто разлучались с ними навеки, “еще бо не бяху утвердилися верою”, замечает он. Плакали, но не могли противиться воле князя, которая и в этом случае послужила на добро русским людям. Святители были первыми и ближайшими помощниками князя в распространении книжного учения, которое таким образом разрослось на всю Русь, и скоро явились в ней свои русские чтецы, певцы, диаконы, священники и самые епископы, а также книжные люди из всех сословий мирян.

Заботясь о благоустроении Православной Церкви, князь Владимир принял от греков “Кормчую”, то есть книгу церковных канонов и правил, которыя составлены св. апостолами и св. отцами на Соборах Вселенских и Поместных. По примеру греческих царей, он издал свой церковный закон, по коему предоставил святителям ведать судом всех церковных людей.

Приветливо и гостеприимно обходился князь Владимир с чужими людьми и более пригодных из них принимал к себе на службу; посылал и своих людей в разныя христианския страны, чтобы повидали тамошние обычаи и порядки и что найдут добраго и полезнаго, то перенимали бы и для Руси родной. Но одного не дозволялось приносить на Русь, ни своим, ни чужим: лжеучений, противных вере Православной. Крепко держал он святую веру Православную, и его державная воля была, чтоб и весь народ русский стоял в ней непоколебимо во веки веков.

В 1015 году Владимир тяжело разболелся. Из 12-ти сыновей, княживших в разных городах, при нем никого не было. Его любимец Борис был послан с дружиною отгонять диких печенегов. Глубоко скорбел святой князь в разлуке с детьми, но всецело предавал и себя, и сыновей своих, и всю дорогую ему Русь в волю Божию. 15 июля он мирно предал святую душу в руки Божии, в любимом своем загородном дворце, в селе Берестове. С горьким плачем проводил народ его святое тело в могилу, приготовленную в построенной им Десятинной церкви рядом с могилой его супруги княгини Анны.

Со времени князя Владимира стала наша Русь “святою”, православною: в вере Православной наши предки обрели то святое благодатное сокровище, за которое беззаветно полагали они свою жизнь, за которую и ныне с радостью идут на смерть наши воины христолюбивые.

Заклучим свое повествование словами почти его современника митрополита Илариона: “Помолися Господу, княже Владимире, о земле твоей и о людях, над которыми ты благоверно владычествовал!”...

Празднуя 900-летие блаженной кончины великого просветителя земли Русской князя Владимира, вместе с ним должно почтить святую память и его святых сыновей-мучеников Бориса и Глеба. Они восприяли венец мученический вскоре после кончины своего святого родителя. Это были его любимые дети, рожденные незадолго до его крещения, и воспитались в благочестии, нетронутые заразою язычества. Борис, в святом крещении Роман, знал грамоту и прилежно читал книги, особенно жития святых; а Глеб, в святом крещении Давид, любил слушать старшего брата с наслаждением. Читая о страданиях святых мучеников, Борис обливался слезами и молился: “Господи Иисусе Христе, удостой меня участвовать в святом произволении святых Твоих, научи меня идти по их следам. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетою мира сего, просвети сердце мое, чтобы оно знало только Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам Твоим!”

Борис и Глеб горячо любили отца своего, любили друг друга и всегда были неразлучны в детстве. И отец дал им уделы по соседству: Борису – Ростов, а Глебу – Муром. В своих уделах они старались подражать добродетелям родителя: усердно распространяли святую веру, отличались правосудием, кротостию, смирением, милосердием к бедным. В 1015 г. заболел князь Владимир, а на Русскую землю напали печенеги. Отец вызвал из Ростова и послал против них Бориса. Борис уже возвращался из этого похода, когда на берегу речки Альты узнал о смерти родителя. Это известие поразило его тяжкою скорбью: он горько плакал, говоря: “Свет очей моих, батюшка! Не буду уже я теперь наслаждаться добрым учением и мудростью твоею!” Окружавшие его предлагали ему выгнать старшего брата Святополка из Киева и занять престол отеческий, но святой Борис отвечал: “Нет, не подниму я руки на брата старшего; умер отец мой: пусть брат будет вместо отца”. Но не так рассуждал старший брат: он решил убить любимых сыновей Владимира, чтобы одному владеть Русской землей, и вот, чтобы легче выполнить свой злой умысел, он позвал Бориса в Киев, обещая ему лучший удел. Был вечер субботы 24 июля 1015 года. Добрые люди дали знать Борису, что к нему подосланы убийцы. Со слезами молился он Богу до утомления. Потом велел священнику петь утрению в своем шатре, сам читал шестопсалмие и канон. Окончилась утренья, а он еще стоял пред иконою и молился: “Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать для Тебя. Умираю не от врагов, а от родного брата, не поставь ему того в грех!” Затем, причастившись Святых Таин и простясь со всеми, покойно лег в постель. Убийцы, как звери, ворвались в шатер, пронзили Бориса копьем и, думая, что он мертв, вышли вон. Но рана не была смертельна: страдалец опомнился и вышел из шатра. Тогда один из убийц ударил его копьем в грудь. Верный слуга Георгий хотел прикрыть господина своего, и был убит. Злодеи отрезали ему голову, чтобы снять с шеи золотую гривну, которою пожаловал его добрый князь. Святой Борис еще дышал, его завернули в палатку и повезли к Святополку. По приказанию брата-зверя два варяга dokonчили убийство. Тайно привезли тело князя-мученика в Вышгород и похоронили при церкви святого Василия.

Святополку мало было смерти одного брата. Он решил убить и Глеба. Действуя коварно, он послал к Глебу гонца сказать: “Иди скорее, отец тяжело болен и зовет тебя”. Глеб поспешил в Киев. Он был близ Смоленска, плывя на лодках по реке Смядыне, когда получил от старшего брата Ярослава, княжившего в Новгороде, печальные вести, что отец умер, а брат убит. Глеб оплакал смерть отца, но еще больше горевал о брате, которого нежно любил. “Не услышу я более кротких наставлений твоих, брат мой любимый! Если получишь милость у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты: лучше мне быть с

тобою, чем в этом злом мире”. Так говорил горяющий князь, познавший суету временной жизни. Скоро встретили его убийцы, посланные Святополком. Спутники Глеба увидели их и схватились за оружие, чтобы защитить любимого князя. Но Глеб сказал им: “Братцы! Если мы не будем драться с ними, то они возьмут только меня и поведут к брату; если же вступим в бой, то они всех нас перебьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки”. Жаль было им оставить князя беззащитным, но не смели ослушаться его приказания: поплыли к берегу с слезами на глазах, озирались и ждали, что будет. Святой князь берег жизнь слуг своих, а себя предал в волю Божию. Убийцы остановили его лодку и взяли за оружие. Напрасно Глеб говорил им, что ни в чем не виноват пред братом, свирепый Горясер закричал повару князя: “Бери нож и зарежь господина, иначе погибнешь сам!” Повар, родом из торков, – не так, как верный слуга Борисов Георгий, – вынул нож, чтобы отнять жизнь. Глеб молчал, всею душою предавая себя Господу. И торчании заколол своего господина, как кроткого агнца, перерезав ему горло... Это было 5 сентября 1015 г. Тело святого убийцы вынесли из лодки и бросили между колодами в глухом лесу. После смерти святых страдальцев последовало кровавое волнение по всей России. Святополк убил еще князя Святослава и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. Четыре года обливал он родную землю кровью. Наконец, в 1019 г. встретился он с братом Ярославом на берегах Альты, на месте страшного братоубийства. Ярослав молился и сказал: “Кровь невинного брата моего вопиет к Всевышнему!” Долго длилась упорная борьба, наконец братоубийца обратился в бегство. Терзаемый тоскою, гонимый гневом небесным, подобно древнему братоубийце Каину, он безпрестанно слышал за собою мнимую погоню, бежал чрез Польшу в пустыни Богемския и там кончил свою гнусную жизнь, заслужив проклятие современников и прозвание “окаянного”.

А Ярослав занял престол Киевский. Прежде всего он захотел отдать последний долг страдальцам-братьям. О месте погребения св. Бориса он узнал скоро, но целый год искали останки св. Глеба. Только в 1020 г. тело его случайно найдено в лесу звероловами, перевезено в Вышгород и погребено подле св. Бориса. Пять лет лежало оно на открытом воздухе и нимало не повредилось от перемен воздушных; ни птицы, ни звери плотоядные не коснулись его; оно было бело и цвело нетлением, как живое. Скоро Господь прославил мучеников многими чудесными исцелениями и знамениями, и святая Церковь причислила их к лику страстотерпцев.

Слово правды нашим патриотам-антисемитам

Давно совесть требовала сказать слово правды по адресу наших почтенных патриотов в защиту святой Библии... Да, приходится не просто сказать, а крикнуть некоторым из них: **“Не касайтесь Библии, не трогайте нашего Священного Писания, в котором мы, верующие, видим и знаем только слово Божие!”**

В самом деле: возьмешь в руки патриотическую газету и едва ли не в каждом номере читаешь о возмутительных, изменнических проделках иудеев, об их продажности, жестокости и других качествах, и тут же, как бы на справку, приводятся факты из ветхозаветной истории, в подтверждение того, что и всегда они таковы были, начиная с праотца Авраама... Не щадят наши патриоты ни Авраама, которого Апостол называет “другом Божиим”, ни Давида, которого Церковь называет “Богоотцем”, то есть праотцем Самого Господа Иисуса Христа, ни других великих патриархов и святых мужей Ветхаго Завета, которых наши ревностные антисемиты не стесняются ставить в один ряд с современными “жидами” и приписывать им те же качества, какие наблюдаются в современных, Богом отверженных иудеях. Сказать правду: страшно становится за этих почтенных людей, пускающих в море толкования Писаний без кормчаго и позволяющих себе дерзновенно обращаться с Священным Писанием как с самою обыкновенною книгою. Нельзя, решительно нельзя древних евреев мерить меркою современных жидов. Нельзя, грешно таких мужей священной древности, как пророк Давид, патриарх Авраам и другие, судить по Талмуду, о коем еще тогда и помысла ни у кого не было. Что современный, сам себя отдавший под клятву жид творит по Талмуду, во имя ненависти ко Христу и христианам, того нельзя брать меркою действий упомянутых мужей. Это было бы по меньшей мере грехом средняго Ноева сына, если бы даже применять к ним меру новозаветнаго духа Писаний; но ведь надо помнить, что Ветхий Завет есть только тень Новаго, что великие мужи того Завета суть младенцы в духовном отношении в сравнении с новозаветными, коим Бог не в меру дает Духа. Ведущий естества нашего немощи Господь в Ветхом Завете снисходил многому, чего не разрешает в Новом. Тогда было и многоженство, и наложничество; тогда и строгий, по нашим понятиям, закон мести: “зуб за зуб, око за око”, – был в сущности лишь ограничением жестокости нравов человеческих: позволяется тебе отомстить око за око, зуб за зуб, но отнюдь не смей, не позволяй себе больше сего, не вырывай оба глаза за один, не выбивай два зуба за один...

А наши публицисты забывают все это и произносят свой строгий суд на мужей древности по мере нашей современности. Вот тому самый последний пример (а таких примеров и не сочтешь). В Петрограде был устроен Союзом Русскаго Народа патриотический вечер. Говорились речи, очень дельные и очень одушевленный. Один почтенный оратор, член Государственной Думы, известный патриот и один из вождей Союза, характеризуя германцев, указал на их безбожнаго лжефилософа Ницше как на предтечу антихриста и сказал, что, объявив войну, они пошли со своим “старым богом” впереди. “Этот бог, продолжал оратор, очень похож на стараго иудейскаго бога, бога талмуда, диктовавшаго иудеям те пути, по которым следуют теперь германцы. В книге Царств, в Библии, описан поступок древних иудеев с аммонитянами: “А народ, бывший в Равве, он (кто – он? оратор намеренно умолчал по понятным причинам, – это был сам царь Давид) вывел и положил их под пилы, под железныя молотилки, топоры и бросил их в

обжигательные печи”. Так воюют с нами теперь германцы, взявшие себе в союзники иудейский народ, а в покровители старого иудейского бога.

Конечно, с точки зрения наших современных христианских понятий о гуманности, царь Давид поступил очень жестоко. Но пророк-бытописатель, рассказывая о такой жестокости, говорит о ней спокойно, потому что в те времена такие жестокости были обычным явлением у всех тогдашних народов; притом евреи смотрели на всех идолопоклонников как на врагов Божиих, им было заповедано Богом совсем истреблять некоторые народы, населявшие землю, им обетованную. Полторы тысячи лет назад блаженному Феодориту, епископу Киррскому, предлагали вопрос: за что Давид подверг столь тяжким казням аммонитян? И святитель отвечал: “Должно помнить, как поступали они (аммонитяне) с израильтянами, выкалывая им правый глаз. Пророки извещают и о других жестокостях их. Посему понесли они наказание, равное своим злодеяниям”^[81]. В другом месте тот же святитель объясняет, что выколоть правый глаз значит сделать человека совершенно неспособным к битве, потому что во время битвы левый глаз обычно закрывался щитом, держимым левою рукою. Как видите, блаженный Феодорит не так строго относится к царю Давиду, как наш оратор-патриот. Но суть не в том еще. Талмуда при Давиде еще не было. И Бог времен Давида есть не бог Талмуда, а тот же истинный Бог, в Котораго и мы веруем. Не видно из повествования, чтобы Давид поступил в данном случае по какому-либо особому повелению Божию; может быть, он просто следовал обычаям своего времени, которые не считал противными и воле Божией, ибо не мог он забыть повелений Божиих, данных Моисею и Иисусу Навину, – истреблять идолопоклоннические народы с лица земли Обетованной.

Православные богословы, такие, как митрополит Филарет, в своих толкованиях на Ветхий Завет никогда не позволяют себе таких дерзновенных суждений в отношении событий, записанных в Библейских канонических книгах, какие позволяют себе современные публицисты; богословы помнили, что имеют дело с священными книгами, что дело касается времен давно минувших, когда были другие отношения, другие мерки, другое мировоззрение, обуславливаемые тогдашним состоянием умственного и нравственного развития человечества. У них, этих богословов, надо бы поучиться и нашим публицистам, особенно патриотам, а не идти за немцами тюрингенской школы, которые не только отвергают всякую богодухновенность Библии, но и отрицают историческую подлинность священных книг и достоверность самых событий, в них записанных. Ведь не хочется думать, что наши патриоты совсем расходятся в своих взглядах на Библию с нашими пастырями Церкви Православной, которые смотрят на сии книги очами веры и Церкви и не позволяют себе считать сии книги простым человеческим писанием. Патриоты наши должны помнить, что ведь они стоят за веру Православную, а стало быть, за Церковь Православную, и их долг – прислушиваться к голосу родной Церкви, если только они не считают себя умнее Церкви, если хотят оставаться ее верными чадами. Иначе – она не нуждается в их защите и не может дать им своего благословения на их деятельность...

Я привел только один пример, так сказать, нецерковного отношения наших публицистов-патриотов к Библии. Говорю о патриотах потому, что от них-то надо бы ожидать совсем иного отношения: о не патриотах, о вольномыслящих не стоит и говорить. К сожалению, и патриоты наши пишут не случайные только статьи в газетах, не в речах только проявляют такое легкомысленное отношение к Библии, но и пишут целые книги, полагая в основание те же начала немецкого вольнодумного отношения, какая

проявляются в их речах. Есть очень серьезное сочинение одного почтенного знатока еврейского вопроса, большая и дорогая книга, вся проникнутая тем же духом отрицания к историческим данным ветхозаветных книг, не говорю уже об их богодухновенности... Происходит все это оттого, что не хотят положить резкой, самим Богом положенной, грани между ветхозаветным иудеем и современным нам жидом, потомком распинателей и заклятым врагом нашего Господа Иисуса Христа. Предки современных жидов сами призвали на себя грозную клятву, когда кричали Пилату: “Кровь Его на нас и на чадах наших!” Отверженные Богом, они измыслили свою богохульнейшую книгу – талмуд – и наполнили ее клеветами на Самого Господа Бога. Иначе как клеветами на Господа нельзя назвать те вымыслы, какие читаются в этой книге. Вот пример. Господь три часа в сутки плачет об Иерусалиме, три часа играет с левиафаном, три часа обдумывает судьбы своего народа и т. д... Что это, как не хула на Величие Божие? И мог ли так думать ветхозаветный иудей, пока он не был отвержен Богом? Сказал некогда Господь Свое грозное слово, Свой приговор над богоотступным народом: *се оставляется вам дом ваш пуст!* И свершилось слово сие, благодать Божия отступила от народа-богоубийцы, и место ея занял человекоубийца искони, диавол, и подменил им Библию талмудом, подменил истинное понятие о Боге крайне уродливым представлением, с которым не мирится простой человеческий разум. И даже доселе лежит покрывало на их сердцах, как пишет Апостол Павел, и закрывает пред ними истинный смысл Ветхаго Завета, когда они читают сии книги. Здравый разум человеческий как-то не мирится, чтобы умный, развитый иудей мог верить всем тем басням, коими наполнен талмуд. К несчастью для иудеев, их более интеллигентные, более развитые люди вместо того, чтобы спокойно проверить свои верования с учением Христовым, бросаются в учения безбожные, построенные на началах грубого материализма и полного отрицания духовного мира, теряют веру во всякие нравственные принципы, всецело отдаваясь мечтам о всемирном владычестве и заражая тем же своих соплеменников, менее развитых, но фанатически верующих в идею всемирной власти своего мессии. Иудеям-интеллигентам выгодно держать своих сородичей в их заблуждении, так как они являются вернейшими слугами их в достижении поставленной ими цели. Кто хочет подробнее ознакомиться с этим всемирным заговором против христианства, тот пусть прочтет хотя бы знаменитые “Протоколы Сионских мудрецов”^[82] – этот гениальный план завоевания всего мира иудеями. Весь мир опутан их сетями. и в числе средств к разрушению христианства они не пренебрегают и подрывом авторитета самой Библии: ведь что такое эта книга для их “ученых”, потерявших веру во все духовное, отдающих все силы своего ума, все материальные средства, всю душу служению одной цели – покорению мира жидовскому племени и его ожидаемому царю-лжемессии – антихристу?..

Вот что хотелось мне сказать нашим патриотам, не желающим руководствоваться взглядами Церкви на священные книги Ветхаго Завета и тем – надо правду сказать – отталкивающим нас, служителей Церкви, от близкого сотрудничества в борьбе с врагами Церкви и родной нашей Православной России...

Один из способов отравления ядом сектантства

Враги святой Православной Церкви не дремлют. Следуя примеру и заветам своего семитысячелетнего, нестареющего, впрочем, злобного и коварного “старца”-наставника, они воюют против Церкви и десными и шуими. Как тот, еще в раю, успел обольстить наших праотцев легким средством – *быть яко бози*, так и они соблазняют сынов Церкви обещанием легких способов спасения. Их главная цель – подорвать доверие к Церкви, увлечь неопытную душу в дебри самочинного мудрования в многотрудном деле разумения Священного Писания, а там они уже изловят ее в свои сети и будут постепенно отравлять ее пагубными лжеучениями, по каплям вливая яд вражды к матери-Церкви. Это обычный прием всех сектантов.

Еще древние язычники подметили, что “капля долбит камень не силою, а частым падением” \ А в наше время придают большое значение гомеопатии. Думают, что чем микроскопичнее доза, тем глубже проникает в клеточки организма, тем сильнее действует лекарство. Враги Церкви не пренебрегают и старыми, и новыми теориями, лишь бы достигнуть своей цели. Приходится считаться со всем этим и верным сынам родной Церкви, особенно ее пастырям. Так, недавно появился “ежемесячник”, ценою всего 20 к. в год, а в розницу 2 к. Редакция обещает и совсем даром высылать всем желающим какието брошюры или отдельно изданные статьи духовного содержания. Какие, подумаешь, благодетели! А и цель-то издания поставлена, по-видимому, самая высокая: легко сказать – толкование Священного Писания! Дело, кажется, ведется опытным сектантом. Он еще не нападает прямо на Церковь: он только совершенно замалчивает ее. На 16 столбцах текста – ни единого упоминания о Церкви: как будто ее вовсе нет и ей никакого дела нет до “исследования Священного Писания”. На первой странице статья как будто самого невинного содержания: “Бытие Всевышнего премудраго Творца доказано”. В подзаголовке говорится о “внебиблейских доказательствах в свете знания и разумения, о разумном воззрении, о сущности Бога (?)”... В содержании самой статьи – общия места, которые можно читать в любом курсе так называемого “Основного Богословия”, хотя в курсах и дело излагается обстоятельнее, и язык грамотнее. Но начиная со второй страницы яд уже начинает вливаться в душу читателя и “благодетели-издатели” выдают свой облик. В статье “Катастрофы и почему Бог их попускает” говорится, что “от некоторых обманов, унаследованных от темных веков суеверия и ослепления, человечество освободилось и со *времени реформации* значительно прояснились некоторые стороны промысла или плана Божия, но в общем осталось еще много глубокой тьмы”. Дальше уже открыто выступает учение адвентистов о тысячелетнем царстве Христовом на земле, о том, будто “темное средневековье изобрело будущую жизнь в вечных мучениях”, что “это учение целиком-де противоречит слову Божьему и есть явная клевета на Бога”, есть “плод воображения, не имеющий под собой почвы Писания” и прочие неумные глаголы... Почему-то раз пять-шесть повторяется, что мир существует шесть тысяч лет, тогда как по принятому летосчислению Библии теперь уже близко к половине восьмой тысячи. Редакция говорит, что все статьи “являются отрывками из громадного сочинения “Лекции по Священному Писанию”, приобретенному в настоящее время всеобщую известность в христианском мире, доказательством чего служат многочисленные переводы на разные языки”, следует перечень этих языков (до 13-ти). Но

странно: умалчивается главное: да чье же это сочинение? А судя по содержанию и изложению, если и есть какой-то таинственный автор сего сочинения, то сидит он в редакции листка, о коем у нас сейчас идет речь, и никому не было нужды его переводить: так бездарно его произведение... Впрочем, писал или переводил, во всяком случае не русский человек: это доказывают такие выражения, как например: “зло допущено для того, чтобы при его посредстве достигнуть более великаго спасения”; “выполнение собственных замыслов Бога”; “познание добра и зла как элемент подобия человека, к Творцу” и т. п. Русскому человеку просто не додуматься до таких выражений. Чье же это дело? Кому нужно блазнить простых людей всякими ересями и лжетолкованиями слова Божия? Нет нужды долго искать этих непрошенных радетелей духовнаго развращения православной души: это все те же сектанты – союзники немцев, от них получающие и средства на это, ибо смешно говорить о какой-то подписке в 20 коп. за 12 № №, которых одна пересылка бандеролью стоит 24 коп....

Я не стал бы говорить о таком ничтожном листке, как тот о коем говорю. Но в том-то и опасность, что он может проникнуть именно благодаря своей дешевизне (2 коп. за №) в каждую деревенскую хату, а известно, как наш народ доверчиво относится к печатному слову, особенно когда на строках видит слова “Священное Писание”, “Бог”, “Спасение души” и проч. К великому сожалению, наш простой народ мало знаком с учением своей родной Церкви, не привык обращаться с книгами Священнаго Писания, не всегда найдетсЯ сообразить, например, что как же можно опровергать учение о вечных мучениях грешников, когда Сам Господь наш Иисус Христос ясно и непреложно говорит в Своем пророчестве о страшном суде Своем: “и идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный”? Если нельзя перетолковать слово “живот вечный” в смысле “жизнь временная”, то ведь слово это стоит рядом с словом “мука вечная” и уж никак нельзя истолковать в смысле какой-то муки срочной, временной. А безсовестный – иначе не умею назвать – автор листка утверждает, будто учение о вечных мучениях есть “плод воображения, возникший исключительно благодаря ложным воззрениям темных средних веков”!

В наше печальное в духовном отношении время дельных, хороших книг почти не читают. Я не говорю о беллетристике: романы и повести писателей известного типа, потворствующаго страстям человеческим, молодежь поглощает большими томами. Но от такого чтения молодые люди не становятся вдумчивее, не зреют ни в умственном, ни в нравственном отношении. Даже так называемые толстые журналы разрезаются, главным образом, только на тех местах, где есть повесть или рассказ. Читают и отдел политики, но это уж – не книга, скорее, та же газета, та же злоба дня, которая ныне положительно убивает и книгу, и дельный журнал. Быстрое сообщение по железным путям, почта, телеграф, телефон – совсем отучили нас от столь потребной в жизни добродетели терпения, от усидчивости в труде, в мысли, в работе ума. В столицах не довольствуются уже утренней газетой: ждут вечерней, которая иногда выходит даже два раза вечером... До книг ли тут? До вдумчиваго ли размышления? Ловят новости на лету, не проверяя их, хватают все, что ни поднесет им “редакция”. А редакции, как известно, захвачены в плен в огромном большинстве неверами, чаще – врагами Церкви, явными и тайными... Это страшно понижает умственный уровень массы средняго класса читателей: они просто становятся неспособными прочитать более или менее дельную статью, написанную научным, хотя бы общедоступным языком. Как ни прискорбно это явление, но с ним нельзя не считаться. Вот враги Церкви и считаются. Они не задумываются распространять свой яд и в форме той же газеты, к какой так привык современный читатель. Копеечный

листок скорее попадет в руки простеца, скорее им прочтется, а прочтется – что-нибудь да в душе и останется, посеется некая мысль, которая остановит на себе внимание человека, а если это будет повторяться часто, то мысль эта пустит и росток, укрепится в уме, спустится в сердце, где легко найдет себе благоприятную почву в страстях, нас обуревающих, и вот – искушение готово... А враги Церкви умеют всегда придать авторитетный тон своим ложным положениям: смотрите, например, с какою уверенною авторитетностью говорит хотя бы этот адвентист в своем летучем листке о том, будто учение о вечных мучениях “целиком противоречит слову Божию” и “обезличивает” Бога! Он даже “не желает распространяться” с целью опровержения учения Церкви о сем предмете: все-де и без опровержения так ясно, что только разве глупец не поймет нелепости такого учения! И вот простец, сам того не замечая, глотает яд и отравляет себя еретическим мнением...

Но всякий яд имеет свое противоядие. Апостол Павел говорит о себе: *всем бых вся, да всяко некия спасу*. Он применялся ко всякому возрасту, положению, воспитанию своих слушателей. Его пример для нас – священный завет. Мы, пастыри Церкви, должны принимать во внимание все, что творится вокруг нас, и когда наша совесть не только не препятствует, но и соизволяет, так сказать, – благословляет нас, – должны бороться с врагами Церкви их же оружием. Я разумею те средства, которые в нравственном отношении совершенно безупречны. Пусть ложь, обман, недобросовестное отношение к слову Божию будет их, врагов Церкви, как бы привилегией, если они того хотят: мы должны с ними бороться оружием чистыми, хотя, по слову Апостола, сии оружия могут быть и десными и шуими.

Позволю себе сослаться на свой личный опыт. 36 лет я издаю “Троицкие Листки” и видел много опытов воздействия благодати Божией чрез это малое, так сказать, микроскопическое средство в деле спасения людей, еще не потерявших совесть. Некоторые случаи описаны мною в моей книжке “Чем жива наша русская православная душа”. Да и каждый добрый пастырь найдет в своей памяти подобные случаи.

Отсюда вывод: в противовес сектантским листкам в виде газеты, – потребно издавать противосектантские листки, как опровергающие заблуждения сектантов, так и обосновывающие учение Православной Церкви. И эту святую задачу должны взять на себя Советы при Святейшем Синоде – Миссионерский и Издательский.

Новый Сennaхирим и новые ассирияне

Великий святитель Московский митрополит Филарет говорил: “Изобретать орудия, усиливающие убийства и гибель, конечно, не ангелы помогают”.

А вот Вильгельм и его сотрудники думают иначе. В приказе германского штаба по войскам говорится: “Сам Бог с нами и за нас. Борясь с целым миром, мы волею Его получили в руки новое могучее оружие – газы, которыми мы победили врагов. Могущество и господство Великой Германии над Европой является единственною целию нашей германский борьбы, а потому мы ни перед чем не должны останавливаться и должны бороться до окончательной, уже обезпеченной победы. Не пройдет и двух месяцев, как враги наши будут разбиты”.

Приказ оканчивается обращением к солдатам не жалеть русских, ибо они – будто бы – издеваются и убивают немецких пленных.

Как видит читатель, немцы уже клеветают на Самого Бога, будто Он дал им новое оружие – удушливые газы. И клеветают – богохульно. Это “новое оружие” есть предательский, осужденный и воспрещенный международными соглашениями прием войны как массовое отравление противника. Утверждать, будто “Сам Бог” открыл немцам это средство – не значит ли богохульствовать? Нет, не Бог, а некто другой – враг Божий, этот союзник немцев, открыл им новое оружие для беспощадного истребления людей.

Хулил некогда Господа Бога ассирийский завоеватель Сennaхирим, угрожая царю Езекии уничтожением Иерусалима. “Пусть не обманывает тебя Бог твой, на которого ты уповаешь, – писал он Езекии, – не уцелеть тебе”. – “И взял Езекия письмо из руки посллов, повествует священный писатель, и пошел в дом Господень, и развернул его Езекия пред лицом Господним, и молился, и говорил: Господи Боже Израилев, сидящий на Херувимах! Ты один – Бог всех царств земли, Ты сотворил небо и землю. Открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сennaхирима, который поносит Тебя, Бога Живаго! Спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один”... И услышал Господь жалобу благочестиваго царя и послал к нему слово Свое чрез пророка Исаию: “то, о чем молился ты против Сennaхирима, Я услышал. Вот слово, которое Господь изрек о Сennaхириме: за твою дерзость против Меня Я вложу кольцо Мое в ноздри твои, удила Мои в рот твой, и возвращу тебя назад тою же дорогою, которою пришел ты!”... “И случилось в ту ночь, говорит священная книга Царств: пошел Ангел Господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвыя” (4 Цар. Гл. 19).

Гордыня сатанинская вскружила головы немцам. Они воображают уже, что “победа над всею Европою им обезпечена” этими газами, что Господь Бог с ними и за них. Но мы вправе, подобно Езекии, пожаловаться на них Господу Богу, “показать пред лицом Божиим” их богохульство и смиренно просить Божией помощи. И дерзаем веровать, что Господь не оставит нас. Мы не знаем, когда кончится это великое испытание нашей веры. Но молитва вдов и сирот наших воинов, молитва всей Церкви Православной сильнее газов и 54-дюймовых мортир немецких, и Господь силен послать ветры Свои и обратить газы на врагов наших и уничтожить все их злоухищрения^[83]. Сии на колесницах, и сии на конех, – они на цепелинах, они с удушающими газами, с своею зверскою неукротимою

жестокостью, а мы с упованием на милость Божию и заступление Матери Божией и святых угодников, наших молитвенников пред Престолом Божиим.

Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии; ибо Той победит враги, яко всемогущ!..

Русь под крестом

Святая Русь – под тяжким крестом... Стомиллионный православный русский народ смиренно склоняет свои рамена под этот крест с молитвою: “Да будет воля Твоя, Господи”. Не впервые нести ему такой крест, его история есть история постоянного крестоношения. И он знает, где источник благодатных сил этого великого подвига крестного: он спешит к своей благодатной матери-Церкви. И сия мать широко раскрывает свои объятия для чад своих, и под ее благодатным кровом совершается великая тайна общения православных людей с небом и небесными гражданами родной земли.

Поучительно, отрадно, в высшей степени животворно это общение с небом верующих душ. Кто хочет освежиться душой, обновиться, укрепиться духом, соделаться причастником этого общения, тот пусть уйдет хотя не надолго из омута житейского в тихую пристань какой-либо, особенно чтимой народом святой обители и, не мудрствуя лукаво, сольется с народной волной простецов-богомольцев. Бог привел мне провести три недели в родной мне Лавре Преподобного Сергия. С раннего утра до поздней ночи, а иногда и всю ночь эти чада Божии тянутся непрерывной вереницей от святых ворот обители до самой раки угодника Божия, терпеливо выжидая по несколько часов своей очереди, чтоб прикоснуться своими устами к священному покровцу на главе его. И не только взрослые, но и малыя дети тут же, жмутся около своих матерей, несмотря на усталость, на полночную тьму, а иногда и на дождь и непогоду... И чувствует сердце, что угодник Божий ходит среди них, с любовью всех их принимает, безмолвно, по сердцу их внятно утешает их, укрепляет на великий подвиг послушания воле Божией и по вере их творит среди них чудеса.

Иноки славной Лавры преподобного печальника Русской земли свидетельствуют, что давно не было такого стечения богомольцев, какое замечается в нынешнем году. Под праздник св. Апостолов Петра и Павла святые ворота не запирались всю ночь. Усталые путники, достигнув своей святой цели, приложившись к св. мощам Преподобного Сергия, уже не покидали обители до первой ранней литургии и располагались на короткий отдых на кладбищах Лавры между могил. Монастырская трапеза также была полна народа. В этот день обедало до 5 000 человек. То же было и 5 июля в праздник Преподобного Сергия.

Рассказывают, что ночью на Петров день совершилось тут чудо: муж привел больную жену, у которой одна рука висела, как плеть. Бедная женщина крепко веровала, что угодник Божий поможет ей горю, исцелит парализованную руку. И совершилось чудо: усталая богомолка в укромном уголке под открытым небом, у соборной стены, крепко заснула пред утром. Ударили к первой ранней литургии, и муж разбудил ее. Она стала приводить в порядок платок на голове, и муж видит, к своему великому изумлению, что она действует обеими руками... А та даже и не замечает, что чудо уже совершилось: ее рука исцелела. Муж называет ее по имени и говорит ей: “Смотри, да ты владеешь больной рукой”. И бывшие тут старушки – случайные свидетельницы чуда, – прославили Бога, дивного во святых Своих...

Я записал это со слов старушек. Кто была исцеленная, откуда – оне не догадались спросить. А сама она и муж ее, поблагодарив угодника Божия, уже ушли в путь свой,

радуясь. Немало таких чудес совершают святые Божии. Такие чудеса в глазах простого нашего верующего народа – как бы совершенно естественные явления: простые люди не считают нужным объявлять о них начальству монастырскому, по своей скромности опасаясь, чтобы не подумали, будто хвалятся они своею верою: “Смиловался угодник Божий, утешил, исцелил, и слава Богу и благодарение чудотворцу милостивому”. Уже после, иногда спустя довольно времени, узнаешь, что совершилось такое чудо, и вместе с простецами верующими умилишься сердцем и поблаговаришь Бога, что еще жива вера народная, творящая чудеса чрез святых Божиих.

Идешь по монастырю – со всех сторон стремятся людие Божии, чтоб принять благословение. Нередко слышишь: “Помолись, батюшка, о войне Петре или Иване, помолись об упокоении убиенного воина такого-то”... И чувствуя свое недостойство, невольно в умилении сердца возносишь к Богу сердечный вздох, чтоб слиться в молитве с сими чадами Божиими, чтобы на крыльях их крепкой веры вознеслась к небу и твоя немощная молитва. О Русь святая, наша Русь Православная! Велика вера твоя! Веруем, что призрит Господь на смирение твое и услышит сердечныя мольбы твои за молитвы как тех сынов твоих, которые уже отошли к Богу, так и ныне еще страждущих и обремененных в сей юдоли земной...

Вот еще проявление той же веры тех же простых сердцем людей. В 4 часа дня против святых ворот обители Сергиевой на площадь вышел крестный ход во главе с наместником Лавры архимандритом Кронидом. Совершался молебен о победе на супостаты. Это – молитва простых русских женщин, мужья и сыновья которых подвизаются там, на полях брани, в окопах, в кровавых битвах, проливая свою кровь за Русь родную, за веру Православную, за Царя-Батюшку. Это оне – жены и матери наших воинов – просили отслужить в утешение им такой молебен.

Можно ли было не откликнуться на это святое желание верующих простых сердец? И о. наместник сказал им теплое слово утешения и доброго назидания, и нет сомнения: после такого моления им легче будет нести свой тяжелый крест.

Да, война, как великое испытание Божие, сделала великое дело – проснулась народная душа, заговорила совесть христианская, и русские люди вспомнили заветы отцев своих, совсем было забытые под гипнозом пьянства и других пороков, и обратились на пути стародавней старины... Дай Бог, чтоб это пробуждение не было временным, чтоб оно охватило не только народные массы, но и верхние слои народа, которые, надо сознаться, еще не глубоко прониклись этим покаянным чувством. А без этой благодатной закваски невозможно обновление духа, ненадежны все те законодательныя меры, о коих много толкуют в печати и обществе. Начни каждый сам с себя, с своего внутреннего человека, и Бог даст – будет положено прочное начало твоему духовному возрождению. Внешнее делание, говорят святые отцы, без внутреннего – цены не имеет и плода не приносит. Оно имеет свою цену только при внутреннем подвиге, как содействующее сему последнему средство и как его плод. Посему первее всего должно заботиться о перевоспитании человека в духе смиренной веры и послушания Церкви, а все прочее – само собою приложится уже в силу требований совести, руководимой страхом Божиим. Посейте семя, и оно само найдет себе формы своего произрастания при Божиим благословением. Останется только оберегать эти формы от искажения их неблагоприятными влияниями...

№ 281

О великом “отступлении”

Да не обольстит вас никто никак, ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление...

(2 Сол. 2, 3)

Нем дольше идет война, тем больше с ужасом думаешь: да уже не пришло ли время исполниться пророчеству Апостола Павла об “отступлении”?.. (2 Сол. 2, 3).

“Отступление” было всегда, во все времена христианства: всегда были отдельные личности, вроде Иулиана Отступника, всегда находились хульники и безбожники, отвергавшие бытие Божие, и Божество Господа нашего Иисуса Христа, но никогда, сколько запомнит история, не было такого массового, всенародного отступничества от Христа, какое являет теперь миру немецкое племя.

Каждый день мы читаем об их бессмысленных, именно – бессмысленных жестокостях, совершаемых над нашими пленными, но этого мало: теперь мы читаем уже показание одного пленного офицера о том, что высшее военное начальство в Германии нарочито обучает солдат жестокостям, – да – обучают жестокостям... “Только озверелые солдаты хорошо сражаются, говорят германские офицеры, но для этого наши солдаты должны упражнять свою жестокость на русских пленных, которые, как изменники своей родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают”. Видите, тут уже не простое варварство, тут издевательство над несчастным пленником, над его чувством любви к Отечеству, пытка над его душой... И вот, для “упражнения солдат в жестокостях”, наших братьев, имевших несчастье попасть в плен этим сверхзверям, жгут, заживо хоронят, режут на части, топят в реках и болотах, прикалывают и пристреливают, как бешеных животных. С ужасом читаешь: 3 600 пленных заживо погребено, 3 000 расстреляно и пр... И это делают так называемые “христиане”... Нет, это уже не христиане, это даже не звери, это выходцы из ада, это слуги сатаны, это не только не христианство, даже не человечество, – это – “дьявольство”, как выразился недавно в своей новой книге почтенный А. А. Тихомиров. Да, ради этих отступников от Христовых заветов приходится изобретать новые слова, ибо в христианском словаре их не находится. Они порешили, что весь шар земной должен им, и только им, принадлежать, а потому они имеют право истреблять всех людей, все народы земные, чтоб очищать себе место на земле. По их понятиям, кроме немцев, и людей на свете нет: есть человекоподобные животные, которых позволительно истреблять как тараканов или клопов. Тут уже не может быть и речи о христианстве, о любви к ближним, о справедливости, человечности: тут жидовский талмуд вступает во все свои права. Ведь и жида никого, кроме своего племени, за людей не считают. Их талмуд учит, что Бог дал “гоям”, то есть не жидам, человеческий облик только для того, чтоб им, жидам, было непротивно пользоваться услугами этих “гоев”, как животных. Вот так же смотрят на людей и немцы и не стыдятся говорить это открыто... Скажите, добрые люди: не есть ли это в полном смысле “отступление”, отречение от христианства, от заветов Господа нашего Иисуса Христа? А если так, то не близок ли час пришествия того, кто “откроется как человек греха, сын

погибели, противящийся и превозносящийся выше всего называемго Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога” (2 Сол. 2, 4)?

Времена и лета Бог положил в Своей власти; нам не дано знать их; но указаны признаки совершения времен, и один из таких признаков – “отступление” от веры, от Христа. На протяжении всей истории Церкви Христовой были отступники – отдельные лица или некоторые сообщества лиц; это – еретики и лжеучители.

Первое великое “отступление” от Церкви было – отпадение папы с подчиненными ему Западными Церквями, великий раскол, посеявший семя самочиния в недрах Церкви, последствием чего было второе отступление или отпадение уже от Западной Церкви того же папы, – это протестантство во главе с еретиком Лютером. На наших глазах совершается новое великое отступление уже от христианства в среде народов, увлеченных Лютером в гордыню самочиния, самосмышления, отречения от всякого авторитета Церкви. Это уже отречение и от всякого сознания братства сынов Адамовых, отречение от всякого человечества и – страшно сказать – духовный союз, сочетание, сродство с исконным врагом Бога и людей – сатаной... Одно некое малое утешение: это породнение, побратание с сатаной пока происходит со стороны только немецкого племени, духовного потомства злостного врага Церкви отступника Лютера и его единомышленников, подписавших некогда решения тайного съезда масонов в 1536 году. Еще тогда несчастный народ немецкий стал уже на невозвратный путь отступничества сначала от Церкви, а потом и от Христа. Тайна беззакония, этого страшного отступления совершалась на протяжении почти четырех столетий, незаметно для самих немцев под неослабным руководством масонов, этих давних союзников сатаны.

Промыслом Божиим для всего христианского мира обнаружилась эта тайна богоотступничества, прикрываемая слишком прозрачным, лицемерным покровом яко бы “христианства”: пусть на всех оружиях, на амуниции, на касках и поясах у немцев стоит святое слово “С нами Бог”, – не Бог с ними, а враг Божий – сатана, научающий их всем ужасам истребления безоружного населения соседних с ними стран, потопления в море плавающих мирных путешественников, бессмысленного, отвратительного издевательства над святынями, дорогими христианскому сердцу. Великий урок дает всем народам христианским эта великая война: вот до какого осатанения доводит отступничество от заветов Церкви, самочиние в вере, гордое отвержение всякого авторитета в области духа. За осатанением неизбежно последует одичание, вырождение и гибель народа-самоубийцы. Сохрани Бог весь род человеческий от такого пути: он неизбежно поведет к взаимному истреблению, к великому рабству, сначала духовному, а потом и политическому – рабству грядущему врагу Божию – антихристу.

Я сказал, что отношение немцев к пленным и вообще к населению воюющих с ними стран напоминает дух талмуда. Достойно внимания, что Иудеи, последователи талмуда, усвоили себе в качестве родного языка – немецкий язык, хотя в самом искаженном виде, а немцы, как мы видим, восприняли дух их талмуда. Не напрасно же наши военачальники выселяют иудеев из пределов военного района: иудеи слишком резко подчеркнули свое духовное родство с немцами фактами измены, предательства, встречами немцев с хлебом-солью и под. Стоит прочитать знаменитые “Протоколы Сионских мудрецов”, чтоб видеть, что немцы неуклонно следуют заветам этих мудрецов. Очевидно, они усвоили их принципы, предвосхитили их идею о всемирном владычестве и не отказываются от их сотрудничества в этом преступном деле. Надолго ли этот союз – кто кого обманет, превратит в раба – время покажет. А всем народам земли дается предостережение

Промыслом Божиим: смотрите, куда ведет отступление от заветов Христа, во что обратится все человечество, если пойдет по пути сего отступления. Земля тогда обратится в ад крошечный, люди станут без смысла истреблять друг друга, это будет какой-то всемирный дом сумасшедших, дышащих друг против друга адской ненавистью и злобой... Напрасно немцы думают, будто, разжигая ненависть и жестокость против русских, французов и англичан, они станут любить друг друга – немцы немцев: сердце, зараженное ненавистью, обученное жестокости, не способно к любви к кому бы то ни было. Ненависть становится стихией его жизни, ад, весь ад со всеми его обитателями, приходит в такое сердце и вселяется тут... И настанет день, когда, если не покаются, эти люди станут пожирать друг друга, как бешеные звери...

Вот куда пошли несчастные немцы. Человечество должно благодарить Бога, что имеет возможность еще целым сердцем ухватиться за заветы Христа и отшатнуться от народа – изменника Христу, оберечься от заражения его гордынею, злобою и ненавистью. А чрез это – отдалить и появление среди себя того “человека беззакония и сына погибели”, о коем говорит Апостол Христов. Чтый да разумеет!..

“Газеты” приветствуют семинаристов с разрешением поступать во все университеты по окончании четырех классов семинарии. Сорок лет мечтали об этом питомцы духовных семинарий; давным-давно и опыт, и простой здравый смысл свидетельствовали, что курс духовной семинарии, кончая четвертым классом, нисколько не ниже классических гимназий, а по философскому развитию семинаристы всегда стояли выше гимназистов. Стало быть, простая справедливость с этой точки зрения требовала уравнивания семинаристов в правах с гимназистами...

Но это решение старого вопроса заставляет невольно задуматься над многим... Конечно, “невольник – не богомольник”, как говорит пословица, и не полезно для самой Церкви насильно держать в духовном звании тех молодых людей, которые бегут из него, как бы безмолвно отрекаясь от служения родной Церкви. Это, в некотором смысле “разгрузит” наши духовно-учебные заведения от излишнего, бесполезного для самой Церкви, балласта в высших классах, где преподаются уже специальные пастырские дисциплины. Бог с ними, с этими “беженцами” из рядов кандидатов пастырства: Господь никого не привлекал к служению апостольскому насильно: пусть идут “погребать своих мертвецов” – меняя небесное на земное, церковное на мирское... Но вот вопрос, есть ли тут чему радоваться, с чем поздравлять? Радоваться ли тому, что юношам, как-никак воспитывавшимся на средства Церкви, предоставлена возможность уйти от Церкви, от служения ей – матери заботливой, ничего не щадившей на их воспитание? Я не говорю о нужде задерживать это бегство, мне хотелось бы отметить это отсутствие чистого идеализма в самих беженцах, эту их холодность к матери-Церкви, скажу больше – неблагодарность к ней, хотя бы только в отношении тех материальных средств, какия на них издержаны Церковью: в самом деле, придет ли в голову этим юношам возратить хотя бы то, что она издержала на них? Увы, было бы бесполезно напоминать им – а так бы хотелось напомнить, – что самое рождение под крылышком Церкви многих из них, самое воспитание под покровом храма Божия, одно это уже должно бы нравственно обязывать их пойти путем отцов своих, стать смиренно у подножия престола Божия на ту божественную стражу, с коей уходят в иной мир их старики-отцы... Подумали бы: кто их заменит? Кто послужит Церкви Божией с таким знанием церковной жизни, народного духа, народных воззрений, как это могли бы делать дети духовенства, воспитанные среди народа, по селам и деревням, учившиеся большею частию с детьми народа первоначальной грамоте, в церковноприходских школах, жившие одною жизнью с деревней, а потому и понимающие простецов лучше всякого интеллигента? Увы, кажется, нынешним семинаристам лучше не напоминать обо всем этом... Не оглядываясь, они, эти юноши, мечтающие об университетах, бегут от звания отцов своих, прогоняя от себя всякую мысль о Церкви, о том, как она теперь нуждается в приливе бодрых, свежих сил в состав своих служителей, – бегут, обманывая себя, будто они тоже хотят “служить народу” на других поприщах, забывая, стараясь забыть, что наш “народ-богоносец” прежде всего ищет царствия Божия и правды Его, а ему теперь предлагают разные непрошенные просветители – то отраву сектантства, то яд безбожия и социализма... Хотелось бы громко взывать к этим юношам: остановитесь, одумайтесь, вернитесь!.. Но, повторяю: это бесполезно... В их мечтах, кажется, выше всего свобода от рясы, как-никак

связывающей и обязывающей, простор в выборе службы, жалованье, крупное жалованье, в несколько раз превосходящее те крохи, какая получают их отцы в виде 300-рублевого казенного оклада и тех копеек, какая собираются с прихожан... О том, что часто из сотен мечтателей достигают в некоторой степени удовлетворения своей мечты только единицы, а большая часть к концу жизни начинают завидовать своим сверстникам, скромно трудящимся в звании пастырей Церкви на месте своих отцов, никому и в голову не приходит... Знаю я таких счастливых, которые получают тысячи, но, во-первых, много ли их? Именно единицы. А во-вторых, и это главное: действительно ли счастливы они? Ведь чем выше положение, тем больше ответственность; чем больше обеспечение, тем больше искушений; чем больше удовлетворяются наши, никогда, по свойству нашей души, ненасытимые желания и мечты, тем больше разгораются страсти к еще большим стяжаниям, еще более высшим положениям... Это уж закон грешного сердца нашего, если только человек не предаст себя всецело водительству благодати, смиряющей и спасающей от такого рабства закону греха... Духовным-то юношам, казалось бы, надо знать все это... Но вот я пишу эти строки и боюсь, что иной юноша, читая мои строки, уже готов с жаром молодости возразить мне: “Все это мы не хуже вас знаем, но ужели вы не знаете той нужды, в какой живут отцы наши? Ужели вы хотите, чтобы и мы, видя эту нужду, добровольно и сознательно пошли на непосильный подвиг, который подневольно несут наши отцы?” – Знаю я, добрые юноши, хорошо знаю нужду лютую наших батюшек; видал даже больше, чем воображение ваше теперь может нарисовать ее вам... Например: батюшка идет служить заупокойную обедню за крошню мякины, чтоб было чем покормить свою корову, сам возит навоз на свое поле, потому что нечем заплатить крестьянину, да и не перечтешь всех тех случаев, в коих проявляется, – прежде, по крайней мере, проявлялась нужда наших сельских пастырей. И вот за этот-то подвиг смирения, незримо и безмолвно назидающий паству и созидающий крепость народного духа – низкий поклон этому батюшке от лица родной земли, за это смирение и ниспосылается ему Божие благословение... Но поймут ли наши беженцы из духовной школы тайну этого смирения, стяжавшего Божие благословение?.. Ведь для этого надобно крепко веровать в Божий Промысл, а такой-то веры и не видно у них... Меня поймут те же батюшки, по полсотни лет прослужившие в одном и том же приходе, так сроднившиеся с своим родным приходом, что и на предложение своего архипастыря не согласившиеся перейти на лучшее место, на опыте видевшие чудеса Божия, телесными очами незримаго, но духом ощущаемаго промысления. Вот такими-то старцами и крепка наша Русь Православная, ими-то и стоит она, матушка, вот уже около тысячи лет, и народ крепко любит таких батюшек, любит и бережет их по-родному... Но все меньше и меньше их становится на Руси... На их место появляется совсем иной тип, тип сельскаго священника – второразрядника, мечтающего даже и не об академии, а уж об университете... Да простят мне эти батюшки-мечтатели: такой тип мне кажется каким-то уродливым явлением в среде пастырства нашего... Обручился человек с Церковью в святейшем Таинстве хиротонии, дал обеты пред алтарем Господним служить “единому на потребу” душ христианских, получил в Таинстве благодатный силы для сего служения, и вдруг – поворот: хочу в университет, меня “сжигает жажда высшего знания”, хочу “занять место среди корпораций учителей на подбор с высшим образованием”, не хочу “быть отсталым невеждой пред своей паствой” и так далее, и так далее... И это пишет, печатает сельский батюшка... Семинаристы-беженцы из своего звания, по крайней мере, хоть еще люди свободные, повторяю: если не хотят служить родной Церкви-матери – пусть себе с

Богом ищут счастья на стороне, пусть будут врачами, адвокатами, даже ветеринарами. А вот сельский батюшка не стыдится говорить в газете: “Поневоле пойдешь в ветеринарный институт, когда вход в академию старательно забаррикадирован”. Он не хочет “пребывать на задворках знания”, какими, очевидно, считает родную семинарию с ее богословскими предметами. По его убеждению, если он не пройдет высшую школу, хотя бы то было даже не университет, а только ветеринарный институт, то – “кому будет интересно видеть его отсталым невеждой пред своею паствой”? Не стоит, конечно, много говорить о таком иерее: грустно думать, что есть у нас вот такие иереи, и нет сомнений: они-то и внушают своим детям-семинаристам то презрительное отношение к своему званию, которое заставляет их бежать в светские высшие учебные заведения. Больно сознавать, что так гаснет идеал доброго пастыря для нашего доброго простого народа в сознании кандидатов пастырства и самих пастырей. Утешаешься мыслию, что таких любителей “высших знаний” не так уж много, чтобы по ним судить о всем сельском духовенстве. Да, идеал гаснет, светильники угасают, как я писал об этом печальном явлении еще пять-шесть лет тому назад. Семинарист сороковых годов прошлого столетия еще мечтал о пастырском служении как о предстоящем ему *подвиге*, готовился к нему по мере сил и умения, а нынешний кандидат священства как будто стал неспособен даже и представить себе подвиг такого служения: дайте ему прежде всего хорошее жалованье, почетное положение в обществе, ну тогда он, может быть, и пойдет во священники, – не забывайте: ведь он кончил курс в первом разряде, а теперь такое блаженное время, что и второразрядники свободно могут поступать в высшие учебные заведения, а там он получит ярлык – простите – диплом, открывающий ему двери для всякой государственной и общественной службы... Горько писать эти строки, скорбно сознавать, что так понизились идеалы в среде нашего юношества духовного, но, по-видимому, – это факт... И нельзя не задуматься над ним: ведь это – признак недобрых...

Другая забота: наши семинарии, доселе имевшие своею главною задачею готовить пастырей для народа, самым положением дела теперь как бы устранились от этого дела, превращаясь в общеобразовательные заведения и лишь по имени еще оставаясь “духовными”. Я говорю об общеобразовательном курсе их. Власти церковной предстоит решать вопрос: откуда брать священников для деревни? Надежда на то, что в специальные классы богословские пойдут юноши из других сословий, что они-то и дадут достаточный запас вполне правоспособных кандидатов священства, едва ли в полной мере оправдается. Нет сомнений, что явятся юноши добрые, способные, как ныне принято выражаться, “внести свежую струю” в служение пастырское, но таких будет немного; среди даже таких немало будет людей, недостаточно обвеянных тою церковностью, которая столетиями внедрилась в наше духовное сословие и которая в церковном строении нужна как связующий цемент, как незримая, часто неуловимая стихия народно-церковной жизни. “Свежая струя” отнюдь не должна уносить из народно-церковной жизни эту стихию, напротив, должна очищать и укреплять ее; но когда священник недостаточно крепко впитал ее в себя, в свою личную жизнь и свое мировоззрение, то есть опасность, что он бессознательно, по неведению, может внести в нее нечто вредное... Будут, без сомнения, и такие, которые пойдут в семинарии вовсе не ради Иисуса, а ради того же хлеба куса, ради коего шли и дети духовенства, – ради обеспечения в жизни как мало пригодные на других поприщах жизни. Где пройдут эти кандидаты на семинарию свой общеобразовательный курс – это тоже безразлично. Например: проходить богословские предметы, особенно Священное Писание, без знания древних, особенно греческого языка,

дело непрочное. Не для деревни нужно знание этих языков, а просто для основательного усвоения такого предмета, как Священное Писание. А этот предмет должен стоять в наше время всяких сект и лжеучений особенно прочно, как фундамент всего богословского образования. Наше время требует, чтобы семинария, как специально пастырская школа, не понижала, а напротив – повышала общий уровень богословского образования в сравнении с дореформенными семинариями. Батюшка, “сжигаемый жаждою высшего знания”, о коем я говорил выше, жаждет какого-то мирского “знания”, ищет его в университетах, институтах, а пастырю Церкви, особенно сельскому-то, едва ли оно и нужно. Ему необходимо вот это – действительно высшее знание, основательное изучение Священного Писания и курса богословских наук, а оно должно даваться пастырскою школою, а не какими-то особыми еще “законоучительскими институтами”... Уж если говорить об институтах, то прежде всего и нужнее всего требуется институт для специальной подготовки к борьбе с сектантской пропагандой, и мы не сомневаемся, что такой будет открыт при первой возможности: его устав уже готов, место назначено, даже половина средств найдена.

Для Церкви большая опасность в наше время – это стремление духовного юношества куда-то все вверх и вверх; не удалось кончить курс в первом разряде, чтоб поступить в академию, поступил в священники – позволь ему держать экзамен на студента (был случай: прошение об этом подавал даже один почтенный батюшка – член Государственной Думы), не позволяют – еще проще: откройте двери в академию для всех семинаристов без различия разрядов... Что это, как не карьеризм какой-то? Ведь если в академию не принимают второразрядных, то это совершенно понятно: не всякий и в первом разряде кончивший курс бывает способен проходить курс высших наук по своему развитию, умножать число “кончивших” академию с претензиями, но без достаточной зрелости в умственном отношении бесполезно для Церкви. И без того у нас интерес лица так часто берет верх над интересом дела, что дело всюду почти страдает от этого неестественного порядка вещей. А внизу, в деревне, нет людей сколько-нибудь пригодных для дела: во священники приходится посвящать не кончивших уже не только семинарию, но и духовное училище. Присоедините к этому безконечные ходатайства со стороны прихожан и неприхожан о недостойных кандидатах, и вы поймете, как тяжело архиерею право править слово истины и оберегать свою, почти всегда слишком многочисленную, паству от вторжения в нее разных волков хищных во образе сектантов и раскольников.

Жалобы на необезпеченность духовенства стали общим местом, когда говорят о бегстве семинаристов из духовного звания. И жалобы эти, при упадке нравов в народе, конечно, заслуживают полного внимания со стороны тех, у кого в руках решение этого вопроса. Но вот горе: ведь нельзя же отрицать и того, что есть немало священников-счастливиц в этом отношении – они и обезпечены жалованьем, и получают значительные доходы как от прихожан, так и от земли, от садоводства и вообще от сельского хозяйства. А между тем... среди таких обезпеченных не особенно много истинных пастырей-тружеников нивы Господней, ревнителей веры и благочестия. И люди внимательные замечают, что именно более обезпеченные-то батюшки и являются более равнодушными к исполнению своего пастырского долга. Казалось бы, слава Богу, жить можно, только трудись во славу Божию, – так нет: человек обращается просто в чиновника-требоисправителя. С тревогой вопрошают наблюдающие это явление, что если мечта духовенства осуществится, жалование будет дано, духовенство будет обезпечено, а пастыри будут обращаться в чиновников, пожалуй, и тщательно исполняющих свои внешние обязанности, но душою

далече отстоящих от своей паствы? Не к тому я говорю, чтобы отдалить исполнение желанной мечты духовенства, а хочу указать на опасность от вторжения в среду духовенства инословного элемента, чуждаго хороших церковных традиций, как бы то ни было еще и теперь воспитывающих дух терпения в скорбных обстоятельствах жизни и врожденную привязанность к своему родному званию. Замечено, что священнослужители из инословных, как в среде белого, так и монашествующаго духовенства, легкомысленнее слагают с себя священный сан, чем лица, вышедшия из духовнаго же сословия по рождению. Надо помнить, что и народ строго смотрит на “расстриг” как на изменников алтарю Господню. Все это побуждает заботливо помышлять о будущем пастырстве. Особенно жалеть “беженцев” из семинарий нет нужды, но надо более осмотрительно взамен сих беженцев наполнять семинарии инословными. Особенно желательно закрыть двери пастырской школы для некоторых инородцев: чтый да разумеет...

№ 284

Лукавыя сети

Поучительно заглядывать в историю веков минувших, хотя бы то было несколько тысяч лет назад. Вся история человечества представляет вековечную картину борьбы добра со злом и зла с добром. И зло нередко облекается в такие приличные формы, что многие считают его добром. Все это, казалось бы, столь азбучные истины, что не стоило бы повторять их, но, к сожалению, люди плохо разбираются в этих истинах, в понятиях добра и зла, и проповедникам истины есть нужда постоянно обращаться к такого рода вопросам.

Священный бытописатель первых времен истории народа Божия в книге Числа рассказывает такую историю. Моавитский царь, устрасясь приближения израильтян к его пределам, просил пророка Валаама, жившаго на Евфрате, проклясть Израильтян. Вместо проклятия Валаам, под воздействием Духа Божия, три раза произнес благословение. Несмотря на это, царь моавитский просил Валаама дать ему совет, как повредить Израилю. Валаам, соблазнившись щедрыми дарами, посоветовал ему соблазнить израильтян к идолопоклонству чрез женщин (Числ. 31, 16), чтобы чрез то они прогневали Господа. Совет оказался действенным: израильтяне увлеклись женщинами, а те увлекли многих из них к идолопоклонству. Такое отступничество навлекло на народ гнев Божий и пало от язвы до двадцати четырех тысяч.

В книгах Священного Писания измена вере нередко называется прелюбодеянием или блудом. Народу еврейскому вверено было хранение истинной веры для всего человечества, и измена сей вере являлась в то же время изменою своему назначению, он сам себя лишал великой чести быть избранным народом, любимцем Божиим среди народов земных, самое существование его теряло смысл в истории человечества. Только искреннее раскаяние пред Богом возвращало ему Божие благоволение. Вся история еврейского народа является непрерывными тому доказательством.

Всех людей, все человечество Бог ведет к одной великой цели – к вечному спасению: Он всем хочет спастись и в разум истины прийти; но каждому народу дает свое дело в общем домостроительстве спасения. И как народу еврейскому вверена была святыня истинной веры, так в наше время святыня веры православной вверена милостью Божией нашему русскому народу. Мы должны хранить это сокровище для всего человечества вместе с другими народами православными; мы должны ревниво оберегать эту святыню в своих сердцах, осуществлять заветы православия в нашей жизни, распространять его всюду, где Бог укажет нам Своим Промыслом и отнюдь не допускать никаких покушений на него, твердо помня и зная, что как велико и свято в этом наше призвание, столь же велика и страшна ответственность за чистоту святой истины Божией, нам вверенной, пред судом Божиим. Знает это и враг Божий, исконный человекоубийца, и прилагает все старание, чтобы похитить это сокровище из души народа русского, и чрез то лишит его Божия благословения. Он сеет свои плевелы среди народа в виде разных сект и расколов; он находит себе и сотрудников в этом пагубном сеянии в лице врагов наших как в среде отщепенцев от родного народа – наших полуинтеллигентов, так и в среде внешних наших врагов, каковыми являются, к несчастью, соседи наши немцы. Первые всюду проповедуют какую-то “свободу совести”: не следует-де стеснять сектанта-лжеучителя, когда он считает делом совести совращать православных простецов в свою ересь и отрывать их от Православной Церкви, не следует удерживать и православных, когда они

хотят перейти в другую веру. Таким учением о “свободе совести” хотят, как говорится, отвести глаза власть имущим, чтоб дать простор отступничеству от православной Церкви и распространению всяких ересей среди народа. А это как нельзя лучше соответствует тайным целям наших внешних врагов, особенно немцев: с радостью они идут на помощь нашим внутренним врагам – проповедникам мнимой свободы, на самом же деле – порабощения народной совести разным ложным мудрованиям и не щадят миллионов, чтобы вытравить святые заветы православия из русской души. Так враги внешние и внутренние, – последние, впрочем, большею частью безсознательно, в силу внушенной масонами бессмысленной моды на все либеральное, – вступают в союз между собою для похищения сокровищ православной души, для увлечения ее в тяжкий грех измены своему святому призванию в деле домостроительства Божия. И вот уже почти полвека мы, пастыри Церкви, открыто говорим, предупреждая кого следует, что все эти немецкия выдумки: штунда, баптизм, адвентизм и прочия ереси суть хитрые сети, раскинутые для уловления русской души, чтоб вытравлять в ней сначала – дух православия как духовную основу русского человека, а затем – чтоб превращать русского человека в орудие онемечения всей Русской земли, порабощения Руси сначала духовного, а затем и политического – немцам. У немцев нет и тени заботы о спасении русских душ: под видом таких забот они стараются – да будет позволено сказать это – только одурачить русского человека: благо он так равнодушен к делу своего спасения. Они действуют тем же способом, каким во дни оны древние действовали моавитяне: только там пущены были в дело женщины и идолы, а здесь, в наши дни, штунда и баптизм, а последствия и тут и там одни и те же: измена вере истинной и лишение за то Божия благословения. И уже не двадцать четыре тысячи, а миллионы русских людей гибнут одни телесно, полагая свои души на брани – и это еще счастливыцы – а другие – и духовно, отторгаясь от Церкви, без которой нет спасения. Мы можем назвать и того ахитофела-советника, который создал такой план духовного развращения русского народа немецкими ересями – это пресловутый Бисмарк, первый внесший в свой парламент законопроект об ассигновании больших сумм на поддержание немецкой штундо-баптистской пропаганды в России. Может быть, слишком много чести назвать его “Валаамом”, который за деньги подсказал царю моавитскому соблазнять евреев женщинами: довольно с него титула “ахитофела”, руководившего своими советами изменника сына Давидова. Но что он ясно понял значение православия для русской души и составил хитрый план для ее развращения ересями немецкими – это факт неоспоримый, и история нашей Церкви занесет имя этого врага своего на свои страницы как верного союзника исконного врага Церкви – древняго человекоубийцы.

Я сказал, что зло нередко облекается в одежду добра: так оно подкралось и к нашим простецам в виде забот об их спасении. Надо было в свое время сразу прогнать всех этих Боннекампов, всех колонистов, касающихся святыни духа народного; надо было твердо помнить заветы святого просветителя нашего князя Владимира: не смей касаться веры православной! Но увы, сорок лет тому назад разные либеральные бредни уже настолько въелись в мозги наших передовых людей, что они устыдились с русской прямолинейностью исполнить эти заветы, и вот мы пожинаем плоды посеянных тогда плевел: рационалистические секты свободно распространяются среди простого народа, сокровища народной души расхищаются, она отравляется ненавистью к родной Церкви и постепенно перевоспитывается в немецкую душу... Слава Богу и за то, что война открывает очи тем, кому ведать о сем надлежит, но кто не слушал нас, пастырей Церкви, о

вреде немецкой пропаганды. Слава Богу, что если уж не ради духовной охраны русских душ, то хотя бы ради охраны Русского государства принимаются некоторые меры против этой пропаганды. Первый год войны показал, как велико сокровище народного духа, которому удивляются все народы, не ослепленные немецкою ненавистью к нам и нашей родной Церкви. Надо только глубже напечатлеть и укрепить в сознании честных руководителей нашей государственной и общественной жизни, каким сокровищем обладает наш народ в родном православии и как поэтому надо зорко следить за всяким покушением на его расхищение...

Но с грустью, с тревогою в душе приходится отметить, что великая, на протяжении девяти веков продолжающаяся заслуга Церкви пред государством Русским, в деле воспитания народного духа, не была даже намеком отмечена в речах ораторов, говоривших с трибун наших законосовещательных собраний в знаменательный день, когда раздался "голос всей земли Русской" на защиту Отечества от вторжения тевтонов в его пределы.

Ни в Государственной Думе, ни в Государственном Совете не слышали мы о том, чем жила народная душа в эти многоскорбные месяцы, где искала она себе подкрепления, ободрения, в чем черпала те силы духа, которые столь поразительно проявлялись на полях битв и в мирных хатах, в семьях наших воинов. Если члены наших палат суть действительно избранники народа, то, казалось бы, как им не вспомнить обо всем этом с чувством благодарности к матери-Церкви, благодатной воспитательницы народного духа? Правда, народ наш в глубинах своего смирения не нуждается, чтобы его преданность Церкви провозглашалась с трибун Гос. Думы или Гос. Совета; может быть, и те пастыри Церкви, которые сами состоят избранниками в сих высоких учреждениях, постеснялись говорить на эти темы, но все же как-то тяжело на душе при мысли, что такой величайшей важности факт, как влияние Церкви на общее настроение народных масс, был замолчан: ведь это похоже на то, если мы будем говорить о цветах, забывая о тех корнях, коими цветы питаются. И тот, кто живет действительно одною жизнью с народом, тот не может забыть, какими соками питается народная душа, не может умолчать об этом...

Опасность немецкого метода мышления

Еще ветхозаветный мудрец сказал: *егоже любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Притч. 3,12). А святой Апостол Павел повторяет это слово с особенною силою: *Аще наказание терпите, якоже сыновом обретаеся вам Бог. Аще же без наказания есте, ему же причастницы быта еси: убо прелюбодейчици есте, а не сынове. Всякое бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздает правды. Темже ослабленные руки и ослабленные колена исправите*, ободряет великий Апостол всемирного Крестоносца Господа Иисуса (Евр. 12, 6–8, 11–12).

Этот великий урок терпения скорбей и благоговейного внимания к Промыслу Божию, в самом наказании милующему нас, в наши многоскорбные дни особенно благопотребен нам, верным чадам Церкви Православной. Нашествие немцев, в сущности, и есть такое милующее, вразумляющее наказание десницы Божией. Наш долг понять, усвоить и применить к жизни тот урок, какой дает нам эта война. Мы должны поглубже всмотреться в самих себя, в ту область духа, куда те же немцы ворвались уже давно, на протяжении целых двух столетий, и, большею частию, незаметно для нас, с нашего, впрочем, соизволения, хозяйничают у нас, а мы воображаем, будто мы живем своим умом, вовсе независимо от немецкой головы... Много было и говорено, и писано, и печатано о немецком засилье во областях русской жизни; мне хотелось бы отметить немецкое влияние, а пожалуй, и засилье там, где уже никак не ожидают его те, кого это касается. Я говорю о засилье рационализма в нашей интеллигенции, рационализма и немецкого метода мышления в лучших представителях мыслящей части нашего общества. Да и не в интеллигенции только, но и в среде средних классов, в среде простого народа. Я уже не говорю о распространении рационалистических сект под влиянием немецкой пропаганды штундо-баптизма: это само собою понятно. Тут – зараза немецкая говорит сама за себя, обличает сама себя, действует открыто и дерзко. К великому изумлению, может быть, и негодованию некоторых наших патриотов-антисемитов, я скажу прямо, что и они, сами того не замечая, нередко мыслят немецким методом... Как ни прискорбно мне говорить это, но в вопросе о ветхозаветном Священном Писании для меня это очень видно. Вот тому доказательство.

В своем “Слове правды нашим патриотам-антисемитам”, я предостерегал их от слишком дерзновенного, самочинного отношения к Библии: “Ради Бога не касайтесь Библии, писал я, не трогайте нашего Священного Писания, в котором мы, верующие, видим и знаем слово Божие”. Я раскрыл, что Ветхий Завет есть лишь тень Нового, что ветхозаветные праведники – младенцы в духовном отношении в сравнении с новозаветными, а потому Господь, ведущий естества нашего немощи, в Ветхом Завете снисходил многому, чего не разрешает в Новом. Некоторые патриоты, прочитав мое “слово правды”, по-видимому, соблазнились, подвергли его обсуждению в одном (а может быть, и не в одном) из своих “советов” и вопрошают меня: “Каким образом Господь Бог, Дух вечный, всеблагий и неизменяемый (это слово подчеркнуто), давший нам великий завет любви не только к ближнему, но и к врагам нашим, каким образом мог Он снисходить ветхозаветной жестокости не тем только, чтобы прощать, но и устанавливать для людей закон мести, хотя бы в ограничительном смысле, как угодно было вам,

владыка, пояснить в статье вашей?” – Как видите: мое положение, что Ветхий Завет есть состояние младенчества, к каковому Господь снисходил именно в силу благодати Своей, не приемлется моими читателями-патриотами: они упирают на слова “неизменяемый”, проходя мимо слова “всеблагий”, хотя и ставят эти слова рядом, как бы не желая понять, что вот потому-то “неизменяемый” и снисходил к людям изменяемым, что Он всеблагий и премудрый. Прочтите нагорную беседу Господа Иисуса Христа, где Он сопоставляет ветхозаветные заповеди с новозаветными, выясняя самый дух Своего вечного закона; прочтите эти: *речено бысть, речено бысть, Аз же глаголю вам*, и вы увидите, что Он один и тот же Законодатель как в Ветхом, так и в Новом Завете, но от новозаветных чад Церкви требует большего совершенства, чем от ветхозаветных, ибо в новой благодати уже преизобильно дарует и Свою благодать в помощь естественным силам человека для исполнения Его святого закона. Прочтите Божественное слово Его в ответ фарисеям относительно развода: там прямо Он говорит, что снисхождение в этом вопросе сделано *по жестокосердию* человеческому, *из начала же*, по первоначальному закону, *не бысть тако*, развод не допускался. То же самое в отношении “закона мести”: закона, повелевающего мстить, не было, был закон, наказывающий преступления, и вот к нему-то и относится то ограничение, о коем я говорил: *позволяется тебе отомстить око за око, зуб за зуб* – не больше. Установлен был закон, ограничивающий мстительность, а не обязывающий мстить. Подобное сему мы видим нечто в наших военных законах относительно так называемых дуэлей или поединков: “по жестокосердию” человеческому, по жестокости, сказал бы я, человеческого самолюбия дуэли допущены, для них есть правила, но по существу оне, с точки зрения строго христианской, не допустимы. Бог неизменяем в своей правде и святости, но Он же и благ, Он же и всеведущ, ведает немощи наши, ведал младенческое состояние ветхозаветных людей и снисходил им, как показывает это и вся ветхозаветная история. Сюда относятся все те факты, коими соблазняются современные “младенцы” веры, которые хотят читать ветхозаветную Библию, применяя в ней новозаветные идеалы нравственного учения Христова, во всей их чистоте. Святая Библия не идеализирует людей: она изображает их такими, какими они были на самом деле, грешниками, не скрывая их человеческих немощей, их греховности. Прочтите первую главу Евангелия от Матфея: в ней Евангелист нарочито подчеркивает, говоря по-нынешнему, в родословии Христовом имена грешниц: Фамари, Рахавы, Вирсавии, напоминая последним именем грех самого великого предка Христова царя Давида: ведь Господь для того и пришел, чтобы грешников спасти. Так толкует св. Златоуст. “Основная идея” Ветхаго Завета вовсе не есть, как пишут мне союзники: “око за око и зуб за зуб”, а все та же Божественная любовь, не насилующая свободы человеческой, а снисходящая немощам, сдерживающая, воспитывающая людей. Одно из средств воспитания у любящего отца – строгость, разумно применяемая сообразно с возрастом воспитанника и обстоятельствами его жизни: таким проявлением строгости и служил закон “око за око и зуб за зуб”. Св. Златоуст говорит: “Законодатель предписал око за око – не для того, чтобы мы друг у друга вырывали глаза, но дабы обидящий боялся подвергнуться тому же, чему подвергает он обижаемого”. Так же толкуют подобные места Священного Писания и другие святые отцы. Меня спрашивают, как примирить ветхозаветный закон “око за око” с другим ветхозаветным же законом, положенным св. Апостолом Павлом в основании своих апостольских предостережений верующим: “Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию, ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь” (Рим. 12, 19). Отвечаю: да так же, как вы

примиряете в наше время заповедь о прощении личным врагам с гражданским законом, карающим за обиды. Ведь вы не скажете же, что закон гражданский противоречит закону Евангельскому; не скажете, что он обязывает вас преследовать вашего обидчика и требовать ему наказания. Ведь и Апостол говорит: “не мстите за себя”, только за себя, если же вы поставлены судьей, то не имеете права не исполнить требования закона по жалобе обиженного – наложить наказание за обиду. Для ветхозаветных людей, законы Моисея были нормами жизни подобно нашим гражданским законам; по этим нормам тогда и жили. Но никому не запрещал закон простить обидчика и предоставить дело Богу. Вспомните хотя Давида, прощающего злобного обидчика Семея в печальный для Давида день изгнания его из Иерусалима сыном-изменником. И конечно, такая любовь ко врагу являлась подвигом, достойным великой похвалы и удивления.

Мне пишут: “Вздымаемый волнами недоумений, порою сильно накрывается корабль веры нашей в священное достоинство и богодухновенность иных ветхозаветных писаний, явно противоречащих понятию о самом простом благочестии (например, способ получения праротцем Иаковом от престарелого и слепого отца благословения, предназначавшегося не ему, а брату его). Буря этих недоумений ныне стала неизбежною. Опытные кормчие не идут к нам на помощь, хотя мы и вызываем к ним. До тех пор, пока Русь была сильна верою отцов своих и, сияя в свете Христова учения, не нуждалась ни в каких “свободах”, до тех пор проживавшие у нас жида униженно пресмыкались, как ничтожества, и благочестивые предки наши спокойно могли читать Библию, не останавливаясь над недоуменными вопросами, а если такие вопросы порою и возникали при этом чтении, то предавались забвению или воле Божией, как дело “жестокого народа”, как дело далекого прошлого, меркнувшего в свете лучезарной действительности, в свете Божественного учения Христа Бога нашего о любви и спасении. Не то теперь, когда вопрос об изучении иудейства и всего, к чему оно когда-либо имело близкое соприкосновение, выдвинут “патриот-антисемитами” на первое место, и, по глубокому нашему убеждению, не имеет себе равного по важности. Ведь речь идет об изучении того народа, который так долго и искусно скрывал свои губительные замыслы, внося яд духовной и нравственной отравы во все цивилизации, с которыми имел соприкосновение, народа, прославившегося жестокосердием, коварством, вероломством, хищничеством и подлогами”...

Итак, “корабль веры в священное достоинство и богодухновенность *иных* (это слово подчеркнуто). Значит: не всех ветхозаветных писаний”, будто бы “явно противоречащих понятию о самом простом благочестии, сильно накрывается, вздымаемый волнами недоумений”... Слышится жалоба неопытных пловцов, пустившихся без кормчего в “море писаний”, как выражается св. Златоуст. Они жалуются, что опытные кормчие не идут к ним на помощь...

Слава Богу, что еще сознают опасность и чувствуют нужду в окормлении. Ведь если они без такого окормления пустятся в дальнейшее плавание, то и совсем потеряют веру в священное достоинство не только “иных”, но и всех, не только ветхозаветных, но и новозаветных книг Священного Писания. Это – тот самый путь, или, говоря языком мореходцев, – курс, на какой встал когда-то великий отступник от церкви – немец Лютер – путь самочинного толкования Писаний; путь доверия своему смыслению в таком важном деле, путь рационализма. Он стал мерять книги Священного Писания на свой аршин, оценивать их “священное достоинство” своим умом-разумом и сначала отверг все книги неканонические, а потом выбросил и некоторые канонические, как например,

послание Апостола Иакова брата Господня, подверг сомнению многие места Священного Писания, а его последователи, мало-помалу искрошили в лоскутки самое Евангелие, признавая то те, то другие места в нем подложными, перессорились между собою из-за таких мест, и получился полный разгром всей Библии, начиная с книги Бытия и кончая Откровением. Вот – путь, на который становятся все, кто самочинно, без руководства Церкви, пускаются в “море Писаний”. Пример такого отношения к слову Божию у меня под руками: эта книжка русского профессора медицины, который признавая “несомненным” свое происхождение от обезьяны, прочитал всю Библию с целью издевательства над нею и дошел до возмутительного богохульства, которое здесь повторять я не хочу, чтобы не оскорблять имени Божия и чувства верующих людей. И все это издевательство, кощунство, богохульство, якобы основано у него на

Библии, и все это напечатано, и – увы – в три года (1905–1908) этой книжки разошлось уже девять изданий: так лакома наша интеллигенция до всего, что даст повод к оправданию греха!.. Профессор-кощун многие библейские сказания прямо называет сказками, а наши антисемиты близки к мысли, что все ветхозаветные книги, по меньшей мере, испорчены жидами, если не прямо сочинены ими в целях достижения своих национальных идеалов – всемирного господства. А это само собою ведет к заключению, что Библии не следует доверять, что она – не богодухновенная книга, а человеческое, еврейское произведение... Но ее авторитет держится на авторитете Самого Иисуса Христа и Его Апостолов, которые свидетельствуют, что все Писание *богодухновенно и полезно* (2 Тим. 3, 6). Как же быть? Как выйти из этого затруднения? Антисемиты сами чувствуют эту опасность: они ищут опоры для своей веры, они зовут кормчих.

Таким кормчим является для православного христианина святая мать его – Церковь в лице своих толковников-писателей, святых отцов и учителей Церкви, и прежде всего следует усвоить правильное понятие о богодухновенности книг Священного Писания, о том, что в них есть дух, что – буква, что – печать личных свойств писателя, что – простая правдивая история, им передаваемая совершенно объективно, как говорят, то есть безпристрастно, без проявления личного отношения писателя к тому или другому явлению или деянию того или другого лица. Дух Божий действовал на святых мужей не принудительно, не насилуя их естественных способностей, так, что они являлись провозвестниками Божественного откровения при полной сохранности своих сил и проявлении своих способностей, например, в образе понимания и представления вещей, в плане своих произведений, в выборе слов и выражений для мысли и проч. Затем, следует помнить, что книги Священного Писания – не жития святых: оне описывают деяния и грешников, наравне с деяниями праведников, да и самих праведников изображают такими, какими они были, то есть людьми, коим не чужды были не только недостатки, но иногда и прямо тяжкие грехи: пример царя Давида и других. Возьму тот случай, на который указывают мои совопросники: способ получения праотцем Иаковом от престарелого отца благословения, предназначенного отцем для Исава. В чем тут дело? Что блазнит? Конечно, обман старца со стороны сына при содействии матери. Бытописатель о самом способе не говорит ничего: хорош он или непохвален. Он передает только факт, как дело было. Мать знала по откровению, что больший, то есть старший, поработает меньшему (Быт. 25, 23). Она слышала, как и для чего отец посылал Исава на охоту. Вместо того, чтобы предоставить воле Божией устроить все дело, согласно обетованию Божию, чтобы досталось благословение первородства Иакову, она, говоря по-нашему, решилась вмешаться в это дело, принять свои меры к исполнению воли Божией, не разбираясь в

средствах, по своему младенческому разумению. Нельзя же было требовать от ветхозаветной женщины во всей строгости чистоты нравственных поступков. И Бог не осудил ее за такое вмешательство. Да и сам праотец Исаак не видно, чтобы порицал жену за такое вмешательство: напротив, как говорит блаженный Феодорит, “приведенный в ужас случившимся, не огорчился, как обманутый сыном, но познал Божие намерение и подтвердил данное им благословение” (Твор. блаж. Феодорита, ч. I. Стр. 66).

Закон жизни в Церкви требует от каждого члена Церкви мыслить и веровать так, как мыслит и верует Церковь. А ее голос слышен нам в писаниях Божественных, в определениях Соборов Вселенских и Поместных, в писаниях отцов и учителей Церкви, от века в век хранивших и, так сказать, накапливавших сокровищницу церковного предания. В этом предании, как и в писании, – жизнь духа Церкви веет Дух Божий, охраняющий Церковь от заблуждений. И творится это для нашего разума неуловимо, непостижимо, и лишь вере верующих в Церковь это открывается и бывает ясно до очевидности. От времени до времени Дух Божий, присно живущий в Церкви, воздвигает мужей, исполненных духа разума, духа премудрости и благочестия, которые выражают, облачают в слово в своих писаниях мысль Церкви, назревшую, так сказать, в общецерковном сознании, и являются для чад Церкви времен грядущих устами Церкви веков минувших. И дух любви, коим дышит вся Церковь, побуждает с смирением и любовью, с послушанием к матери-Церкви – усвоить сии глаголы живого предания, и они, сии глаголы, часто без всякого официального признания их, без регистрирования в канонах и правилах, входят в сознание, в жизнь Церкви прежде, чем тот или другой Собор упрочит их письменно, в канонах и определениях своих. И корень многих таких преданий лежит еще в преданиях апостольских, сохраненных нам учениками и преемниками Апостолов частью в их писаниях, частью же в устном предании дотоле, пока позднейшие ученики, пастыри и учителя Церкви, водимые Духом Божиим, не занесут и сии устные предания в свои писания. И то, что общецерковное сознание признало своим, родным, то стало общим достоянием Церкви на все времена и хранится в сокровищницах церковного предания. А иное осталось как частное мнение того или другого отца, впрочем, не противоречащее общецерковному пониманию. Если же мнение не отвечало таковому, то оно отпадало само собою, а иногда даже тот, кто его высказывал, сам отрекался от него, подчиняясь во имя любви и смирения общему голосу Церкви. Так истина Божия свято хранилась в недрах Церкви, которая являлась непогрешимою носительницей сей истины, столпом и утверждением ее. И верующие, приобщаясь к жизни Церкви любовью, имея общение в Таинствах, наипаче же в святейшем причащении Тела и Крови Господней, являлись живыми членами тела церковного, чадами благодати Христовой.

Вот тот голос Церкви, к коему я призывал прислушиваться наших “патриотов-антисемитов”. “О, да, да”, – отвечают они в своем письме ко мне. Но, как пастырь Церкви, не мог же я не предупредить их от великой опасности самочиния в таком великом деле, как истолкование Священного Писания. “Иначе, – сказал я твердо и сейчас должен повторить – иначе она, Церковь, не нуждается в их защите и не может дать им своего благословения на их деятельность”. Но вот, в ответ на это они пишут, что “сердце их уже поникло, и в скорбной душе звучат слова поэта:

*Не терпит Бог людской гордыни,
Не с теми Он, кто говорит:
“Мы – соль земли, мы – столп святыни,*

Мы – Божий меч, мы – Божий щит”.

Выходит, как будто под голосом Церкви они разумеют отдельные голоса нас, архиереев, как будто мы именно и считаем себя “солью земли, столпом святыни,

Божьим мечом и Божьим щитом”... Как будто мы заражены тою “гордыней”, которую так бичует поэт. Тяжело читать эти строки. Хотя мы и должны бы быть “солио земли”, по слову Христа Спасителя, но мы – только служители Церкви, и горе нам, еще не будем говорить правды Божией, возвещать учение Церкви, предостерегать верующих от разногласия с Церковью! Поэт предостерегал Русь от гор даго превозношения пред другими народами, а дерзновенное, хотя бы даже и обличительное слово пастыря есть его долг, это – не плод “гордыни”, а тяжелый крест, что и должны понимать верныя чада Церкви, и не упрекать за слово предостережения, а благодарить бы подобало... Но тут, конечно, одно недоразумение.

Я ответил дорогим братьям союзникам-антисемитам, кажется, так, как они желали: *sine ira et studio*. Мы живем в век всяких “засилий”; опасно засилье жидовское, но его мы достаточно опознали, с ним давно считаемся. А вот засилье немецкое не так видно, прикрывается “культурой”, “наукой”, “цивилизацией” и другими красивыми словами, при звуках которых мы стыдливо привыкли сдаваться на капитуляции. Оно входит в союз с засильем жидовским, берет у него тонкий яд, подслащает его разными “культурными” словами, преподносит нам и в науке, и в периодической печати, и старается отравить самую душу русскую православную – рационализмом, неверием, всем, чем только можно. Не всегда разберешь даже: что жидовское, что немецкое. Даже фамилии “культуртрегеров” той и другой нации одинаковы. Но немецкий яд тоньше жидовского, а потому и опаснее. Недавно один почтенный профессор духовной академии написал целый ряд статей о “немецком засилье” в богословской науке. А засилье это так глубоко проникает в нашу науку, что без немца – ни шагу наши богословы, даже, может быть, и некоторые из тех, которые пишут о таком засилье, которые борются теперь с ним. Оно проникло в нашу духовную атмосферу настолько, что мы дышим этими удушливыми газами, не замечая их. Если хотите, немцы помогут вам и в борьбе якобы с жидовским засильем, на самом же деле – с авторитетом Библии как книги еврейской, если только вы станете на их точку зрения на Библию, как простое человеческое произведение. К сожалению, на эту удочку и идут некоторые наши антисемиты, не замечая того, что начинают под руководством немцев бороться уже не с жидами, а с священными книгами, чтимыми Церковью... Вот почему мы не перестанем предупреждать братьев-антисемитов, чтоб ближе держались матери-Церкви в вопросах, касающихся Библии. Как без Церкви нет христианства, так без Церкви нет и Священного Писания.

Предвижу вопрос: где же, в каких изданиях, найти голос Церкви, изыскующий неудобовразумительных места Св. Писания? Кратко отвечу и на сей вопрос. На Новый Завет есть книги, в коих святоотеческия толкования собраны и изложены более или менее подробно: таковы “Толковое Евангелие” епископа Михаила, мое “Троицкое Толковое Евангелие от Матфея”, Толкование епископа Феофана Затворника на все послания (кроме послания к Евреям) Апостола Павла, не говорю о творениях св. Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта и других отцов Церкви. Из книг Ветхаго Завета должно указать на “Записки на книгу Бытия” святителя Филарета Московского, на Толковую Библию издания журнала “Странник”, несколько томов “Священной Летописи” Георгия Властова. Наш Издательский Совет при Святейшем Синоде предполагает выпустить толкование на

все книги Священного Писания в общедоступном изложении. Есть много и частных изданий на отдельные книги

Библии, например, на Псалтирь Сарапульского епископа Палладия, профессора Якимова-Орды, особенно назидательно, хотя и чрезмерно обширно толкование на Псалтирь Евфимия Зигабена (издание Киево-Печерской Лавры).

№ 287

Нечто об “унынии”

Господи и Владыко живота моего, дух уныния не даждь ми.

Газеты твердят, что надо поддерживать бодрое настроение в народных массах, а одна позволила себе даже высказать осуждение посланию Святейшего Синода о посте и молитве на 26–29 августа. Это послание, по мнению газеты, вызывает будто бы чувство уныния в то время, когда “все от мала до велика бодро смотрят вперед и одухотворены одной идеей: победить врага во что бы то ни стало”. Автор забывает, что даже и в обычных житейских делах, по слову Божию, *еще не Господь созиждет дом, все трудилася зиждущии, еще не Господь сохранит град, все бде стрегий* (Пс. 126, 1): тем паче спасение государства не столько в наших руках, сколько в Божием милосердии. А это милосердие надо привлечь покаянием во грехах и делами добрыми. К сему и призывает Святейший Синод. Уныние, как я сказал в прошлой своей статье, есть порождение гордыни, а наш народ сердцем смиренен, и примет с любовью призыв власти церковной, и найдет в покаянной молитве и посте новые силы в борьбе с врагом. Автор упрекает, что Святейший Синод “не нашел в русской истории ни одного примера для своего послания, кроме нашествия Тамерлана, закончившагося разгромом тогдашней разъединенной России”. Удивляюсь его невежеству в истории: не смешал ли он нашествие Тамерлана с нашествием Батыя? Тогда да будет ему стыдно! Никакого “разгрома” от Тамерлана Россия не испытала, – напротив: вот что говорит история.

Несметные, необоримые полчища страшного Тамерлана, точно мрачные тучи, покрывали окрестности города Ельца в ночь на 26 августа. Сам грозный “владыка мира” покоился в великолепной ставке своей. Безмолвно, не моргнув глазом, князья и ханы Азии окружали ставку, охраняя сон грозного повелителя. Но ему нет сна от страшных видений... Видится ему высокая гора и на ней дивные старцы с жезлами в руках, грозящие ему. Необъятный свод небесный над горой... Свет ярче солнечных лучей... И в свете том Дивная Царица, в багряных ризах, сияющая паче солнца молниезрчными лучами... А в лучезарной выси небесной – безчисленные воинства, готовые устремиться по первому мановению Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горе. Вдруг, грозно взглянув на Тамерлана, Царица повелевает тьмочисленным воинствам обрушиться на него... Отчаянный крик раздается в царской ставке. Вбежавшие вельможи находят своего владыку в таком виде, в каком никогда не видали. Безтрепетный при виде смерти в боях, он теперь дрожал и стонал в полном изнеможении. На утро свирепый завоеватель повелевает войскам неожиданно сниматься и быстро отступить...

Так говорят наши летописные сказания. Далее они рассказывают, что Тамерлан излил свою злобу на улусах кипчакской орды, на татарских городах, на Астрахани, на Азове, – он испепелил их. Таким образом, то, что грозило нашей Руси страшной гибелью, то принесло ей величайшую пользу: страшный враг христианства нанес смертельный удар ее вековому врагу – Золотой Орде. А благодарная Русь построила в Москве, на месте сретения иконы Богоматери Владимирской Сретенский монастырь, *да не забудут людие дел Божиих*, как замечает благочестивый летописец. В то же время установлен и тот

праздник 26 августа в честь Владимирской иконы Владычицы, который Святейший Синод избрал началом трехдневного поста во умилоствление прогневанного Господа нашими грехами. И мы веруем, что Господь, видящий сердца наши и “целующий”, по выражению святого Златоуста, даже “намерение” доброе, призрит на молитву народа верующего и пошлет победу и одоление на лютого врага, напоминающего своими жестокостями язычника Тамерлана.

Скорбно писать эти строки... Газета, издаваемая русскими людьми, дает место невежественной статье какого-то... интеллигента-невера, чтобы бросить упрек церковной власти в “насаждении уныния”^[84]. Ну и времена мы переживаем! Хоть бы историю-то не искажали, а то ведь каждый мужичок- грамотей, читавший Минеи-Четьи, может пристыдить такого “писателя”, обличив его в незнании того, что было на Руси... Но, Бог с ними, с этими писателями, обвиняющими церковную власть в том, будто она поселяет уныние в народе своим посланием, будто она “забывает свой долг перед родиной и недобросовестно исполняет свои обязанности, играя тем в руку врагам”. Не о народе у них забота; не стоило бы и говорить о них, если бы в их газетных “выступлениях” не замечалось планомерного дискредитирования церковной власти в глазах многотысячных читателей газеты, если бы они тут же не высказывали своего явного желания внушить массе читателей, что “голос Синода не есть, как говорит автор упомянутой заметки, голос всей Церкви”, что это – “просто слова шести иерархов, питомцев победоносцевской школы, давно уже стоящих вдали от верующего населения”. Они не видят, не хотят видеть, эти писатели, того, что отмечают умные люди даже за границей, о чем говорят телеграммы даже в их же газетах. В английской газете “Observer” по поводу синодального послания говорится, что в России необходимо считаться с двумя совершенно своеобразными фактами: во-первых – религиозностью народа, и во-вторых – весьма важным постановлением Святейшего Синода, установившего особые молебствия о даровании победы. Поста и молитвы просил сам народ: об этом немало было получено заявлений из среды верующих людей как членами Синода, так и г. обер-прокурором. Именно просили назначить пост и подвиг покаянный, и теперь уже получаем благодарные отклики на послание Синода. Слава Богу, в народе живет еще глубокое сознание своей греховности пред Богом и в этом, именно в этом, а не в сознании своей силы и мощи – залог нашей верной победы. Чем чище будет православная совесть народная, тем выше поднимается дух народа, тем ближе будет к нам небесная помощь. Послание Святейшего Синода показывает пример, как покаянный вопль русских людей при нашествии Тамерлана подвиг Царицу Небесную на молитвенное заступление пред Богом и прогнание лютого врага из пределов нашей святой Руси. Да таких примеров можно привести немало. Читайте историю смутного времени по летописям и вообще по первоисточникам (в изложениях историков-прагматиков все чудесное обычно опускается). Преподобный Сергей трижды является во сне Минину, призывая его на спасение Отечества; он же является святителю Арсению, томившемуся в тяжком плену во время польского владычества в Москве, и возвещает ему, что “предстательством Богоматери суд Божий об Отечестве преложен на милость и Москва назавтра же будет освобождена”, что и исполнилось. А СКОЛЬКО ободряющих, укрепляющих видений было во дни шестнадцатимесячной осады Троицкой Лавры! То видят достойные видения, как преподобный Сергей ходит по ограде и монастырю и все окропляет святою водою; то он устрашает врагов, то предупреждает и ободряет находящихся в опасности осажденных, то грозно вразумляет нерадящих о своем спасении: “и под стенами обители моей всех

пришедших врагов истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущих погублю же, и со осквернившимися управлюсь”. Горько плачет в тихой келье о бедствиях Отечества ключарь Московского Успенского собора Иван Наседка, страдая сердцем за Православие, но лишь только забылся в изнеможении от плача, как слышит в окно голос: “Кто ты, который так думаешь, будто не быть на Руси Православию и хочешь испытать судьбы Божии? А того не знаешь, что за вас молит Бога Василий Великий, Дмитрий Солунский, да и ваш преподобный Сергей чудодействующий? И будет Православие на Руси по-прежнему!” И лишь бы русские люди не изменяли родной Церкви, не изменяли православной вере, лишь бы доверялись больше заступлению Царицы Небесной и святым ходатаям своим – угодникам Божиим, чем своим собственным силам, да калялись в грехах своих, – Русь победит, Русь останется крепким оплотом правды Божьей на земле для всех, угнетаемых неправдою, народов, против всех рабов неправды, слуг отца лжи, сатаны, будут ли то немцы, турки, или еще какие народы-богоотступники!..

В том-то и беда наша, в том-то и опасность, что наша так называемая интеллигенция, лучше сказать, – полуинтеллигенция, в большинстве своем, на протяжении двух веков господства немецких влияний оторвалась в своем мирозерцании от народа и перестала понимать его. Для нея все эти сказания летописей и житий святых только благочестивые легенды, вымыслы фантазии народной, а для народа это – непререкаемые факты его родной истории, истории его религиозного самосознания, его непрерываемого общения с своими предками, к Богу отшедшими, и с небожителями, и с Самим Господом. Ведь вся история Руси тесно, неразрывно сплетается с историей родной Церкви Православной, а ради Церкви Православной Господь и мир хранит, и земля стоит, и суд Божий всемирный, христианами ожидаемый, отлагается. И наш народ твердо помнит это, и ни к какой обиде так не чуток, как к оскорблению его святынь, чрез которые он соприкасается с благодатью спасающей. Как жаль, что наши отщепенцы этого не понимают! Не знают этой тайны общения народа с небом, живут, в сущности, жизнью язычников и судят о народе нередко хуже иностранцев, как это видно, например, из отзыва английской газеты о послании нашего Святейшаго Синода. Газеты пишут, что архиепископ Лондонский недавно, в день моления за короля, за страну, за армию и флот, сражающиеся со врагом, произнес замечательную проповедь, в которой сказал о нашем Отечестве, что “Россия никогда не будет побеждена, и это не столько благодаря обширной своей территории, сколько благодаря душе своего народа, которая все будет гореть и страдать, страдать и гореть. Русские могут потерять весь мир, но они сохраняют свою душу”. Настоятель англиканской церкви в Петрограде, в письме на имя члена Святейшаго Синода архиепископа Сергия, от лица своей церкви выражает желание избранные нашим Святейшим Синодом дни покаяния отметить “говением, принесением великих Таин и всеобщим молением”. Очевидно, и добрые союзники наши согласны с нами в том, что молитва и покаяние особенно благопотребны в наши дни. Только нашим полуинтеллигентам не по душе призыв к покаянию. Повторяю: и Бог с ними! А народ наш в вере и уповании на милость Божию переносит самые тяжкие испытания: как наказание милующей десницы Божией принимает он войну, веруя, что *егоже любит Господь, того и наказует и*, наказуя, милует и от бед избавляет. В этой вере народ и черпает силы для перенесения всяких бед и напастей; в ней же он обретает и ту бодрость духа, которая нужна для победы над врагом. В бедах он не отчаивается, в победах не превозносится над врагом, относится к нему великодушно и самую победу приписывает Богу: не нам, не нам, Господи, а имени Твоему! Прекрасно эта вера выражена знаменитым русским Златоустом, архиепископом

Иннокентием в составленном им акафисте Живоначальной Троице: *Свят еси, Господи Боже наш, наводяй и отъемляй брани, венчаяй победою правое оружие, неправое же, посреде самых побед, предопределяяй к сокрушению!*

И мы верим, веруем, что временные успехи нашего врага уже предопределены Господом к сокрушению его же самого, лишь бы мы покаянием, постом и молитвою, наипаче же делами любви и милосердия потщались, по мере сил наших, быть достойными милостей Божиих...

Светлый луч среди туч

Кто был 25 августа у всенощной, тот не мог не утешиться духовным утешением, какое дала ему Церковь в песнопениях службы в честь чудотворной иконы Матери Божией, нашей небесной Заступницы. Вот что поется в стихире на “Господи воззвах”:

Твоим рождеством адова крепость разорися, ныне же Твоими молитвами врагов наших шатание низложи, и крепость их сокруши, и людем Твоим победы на враги даруй, да посрамятся еси, являющий рабом Твоим злая. – Богородице Владычице, державная Помощнице, укрепи славящаго Тя Императора на враги, да яже древле спасла еси царский град (Москву) от нахождения поганных, тако и ныне спаси страну Российскую от нахождения вражия... Подаждь утешение рабом Твоим, Чистая, напастьми одержимым... варварская шатания низложи, и нас, рабов, Твоих, Безвестная, хвалящих Тя, спаси!.. О чудо велие и преславное и пребольши ума! Како пришествием честнаго Ея образа супротивнии побеждаются и скипетр Царя нашего утверждается...

В тропаре Церковь взывает: *О пречудная, Владычице Богородице! молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит вся грады и страны христианския невредимы от всех наветов вражиих!..*

и так далее; мысль о заступлении, о защите от нашествия иноплемennых проходит чрез всю службу, чрез канон, стихиры до конца. Как будто нарочито и служба эта написана для тех дней покаяния и усиленной мольбы к Заступнице нашей Матери Божией, когда власть церковная заповедала пост и молитву по случаю нашествия иноплемennых...

А между тем Св. Синод, внимая благочестивым просьбам верующих душ, имел в мысли день строгого поста на Усекновение Предтечи Господня; затем пришел к мысли предварить сей день покаянной молитвы трехдневным постом, и вот, начало этого поста совпадает с воспоминанием спасения России от нашествия Тамерлана и с умиленными мольбами к Матери Божией о заступлении и помощи от нашествия супостат...

Случайно ли это? Не есть ли это знамение некое, некое небесное утешение скорбящим русским душам, с верою и любовью притекающим к покрову Девы Матери в дни горькой обиды на тех, которые не чтут ни образа Ея, ни Ея Самой?..

Не есть ли это – светлый луч надежды на всеильную помощь, Самую Помощницею нашей нам посылаемый?

Укрепимся в вере и уповании, православные русские люди, что есть у нас стена неодолимая, упование непостыдное, покров и заступление, никогда еще нашу Русскую землю в бедах неоставлявшая – Пречистая Дева Мать Христа Бога нашего! Будем только взывать к Ней словами нынешняго канона: *Приими Твоих раб мольбы, Пречистая Дево Богородице, и советы противных врагов разжени, нападающих на стадо Твое, Всенепорочная Владычице!*

Удушливые газы

Германцы изобрели против людей, как против каких-нибудь насекомых, удушливые газы; но есть люди, которые давно предупредили их: они изобрели другой способ отравлять и душить людей – ложью, клеветой, инсинуациями – в печати. Известно, что простой русский человек каждую напечатанную строку считает за чистую истину; он все еще не может себе представить: как это можно дозволять печатать ложь и клевету, как не стыдно печатающим, как не грешно разрешающим печатать?.. Он не понимает, для чего дана такая свобода – печатай что хочешь, лишь бы какого министра не задеть... Недалеко, правду сказать, ушли от простого мужичка и наши глаголемые интеллигенты: попробуй разубедить иного в чем-нибудь похожем на сплетню: он ткнет перстом в газету – вот, читай, так напечатано! Напечатано – значит – правда. А при воспитанной немцами на протяжении почти двух столетий склонности нашего интеллигента к протесту, к критике всего, что стоит выше его, бесполезно было бы и доказывать ему противное.

Вот всем этим и пользуется сообразительный иудей, чтобы достигать своих целей. Он захватил в свои цепкие руки печать в подавляющем ее большинстве; он зорко следит за всяким благотворным для Церкви, но опасным для его темных целей явлением в церковной жизни. Он тщательно замалчивает это явление в своей печати, а когда не удастся это, он старается его дискредитировать в глазах читателей, представить в извращенном виде, набросить на него тень, очернить тех, кто является виновником такого нежелательного для него явления. Вспомните, как наша, так называемая либеральная, печать относилась к великому событию в жизни Церкви – открытию святых мощей Саровского чудотворца Серафима двенадцать лет тому назад. Большинство иудействующих газет притворилось, как будто ничего особенного на Руси не случилось, и только Царское путешествие в Саров вынудило их заговорить о том, что там творится. Но и тут – ни слова о чудесах, которые преизобильно источались у раки нового чудотворца, у его источника, даже у его уединенных келлиек пустынных. Чувствовалось какое-то презрительное отношение иудействующаго полуинтеллигента ко всему этому. И это не случайное явление. Помню великое торжество в Троицкой Лавре в 1892 году: обитель преподобного Сергия, а с нею и вся Русь православная праздновала 500-летний юбилей блаженной кончины великаго печальника Русской земли; из Москвы шел величественный крестный ход в несколько десятков тысяч богомольцев; подъем народного духа был столь высок, что все мы, свидетели этого великаго торжества, переживали часы, не повторяемые в жизни каждого. Лесные звери, медведи, когда-то облагодетельствованные великим старцем-подвижником, как бы выслали от себя своего рода депутацию: приходила к скиту большая медведица с двумя медвежатами в самый день юбилея, как это истолковали простые богомольцы, и умилились сердцем, приняв и это в некоторое знамение и поучение себе. А наша печать? Интеллигенты? Исключая патриотических газет, вроде “Московских Ведомостей”, остальные едва обмолвились несколькими замечаниями. Так было и при открытии святых мощей новых чудотворцев: Феодосия, Иоасафа, Питирима, так бывает всегда, когда в народной жизни проявляется вера народная, когда Церковь Русская светло красуется своими великими переживаниями...

Иудеи и их приспешники так искусно перевоспитывают мирозерцание своих читателей, так отравляют их духом скептицизма, что последние, даже из числа тех,

которые считают себя еще верующими, мало-помалу начинают “стыдиться Христа”. Им становится как-то не по себе, когда духовное лицо начинает разговор о чудесах, о Страшном суде Христовом, даже о злых духах, о всем сверхчувственном. Они боятся шуток, если не прямо насмешек со стороны уже неверующих. Их начинает стеснять даже присутствие духовного лица. Этот ложный стыд переносится даже на обстановку: вы не скоро найдете глазами святую икону в богатом зале, она ютится где-нибудь в уголке, за драпировками, и мне случалось у очень почтенных людей иногда спрашивать хозяина: где икона, чтобы помолиться пред обедом? Стыдятся Христа! И стыдятся, и не хотят сознаться в том. “Не принято теперь иметь большия иконы в домах”. – Кем не принято? Кто является законоположителем такого деспотического гонения на святыню нашей веры? – Вам не ответят. “Так принято, так не принято” – вот и весь ответ... И напрасно вы будете доказывать, что так относиться к священному обычаю, лучше сказать, преданию родной матери-Церкви – завету наших предков – иметь святыню на виду – грешно: это значило бы лишать себя и свой дом заведомо Божия благословения. Новый, модный, враждебный заветам Церкви обычай окажется сильнее ваших доказательств, выше вашего авторитета, будь вы не только простой священник, но даже сам митрополит. Увернутся, может быть, извинятся ради приличия, чтоб не обидеть вас, а икон повиднее не поставят: это значило бы прослыть в обществе “ханжами”, лицемерами, людьми отсталыми... и сказать правду: святым иконам, пожалуй, и не место в зале, украшенном картинами иногда не особенно скромного содержания. Вот такие картины иметь – не зазорно: это – “дань уважения искусству”. Еще немного, и иконы совсем будут вынесены из раззолоченных покоев наших интеллигентов, как уже изгоняется из их души церковное мирозерцание.

Я взял пример из обыденной жизни, из современной домашней обстановки нашего времени. На этом примере яснее видно, как “удушливые газы” в области духа делают свое дело. А делают они главным образом теперь чрез печать, чрез эти газетные листы, эти еженедельники и месячники, без которых не могут жить наши современные интеллигенты. Любимая газета нашего интеллигента – его постоянный, неразлучный друг и собеседник: он читает ее еще в постели, лишь только откроет глаза, он хватается за нее в вечерний час: теперь, благодаря войне, завелись газеты, выходящая даже дважды после обеда. Какое могучее средство для перевоспитания русского мирозерцания, но – увы – не к добру, а для отравления русской души ядовитыми идеями иудейской лжи, клеветы, всяких инсинуаций! Как легко распространять все гибельные теории материализма, дарвинизма, социализма! Тут не надо даже самых элементарных доводов, соображений: довольно выставлять “последнее слово” каждой такой теории, как неоспоримо доказанную истину, и цель достигнута: кто посмеет критиковать автора, если он сошлется на “великие” авторитеты науки с немецкими притом фамилиями? Ведь именно так и делают все неверы – газетные сотрудники. Для них, например, в вопросах о Библии величайший авторитет какой-нибудь Гарнак, Делич, но на деле разве только в редких случаях эти господа видели самые книги этих многоученных, но, большею частью, пренадменных и потому крайне пристрастных немцев. С ветру хватают их догадки, гипотезы, выдают за истины непреложные и тем гипнотизируют массы полуграмотных, полуинтеллигентных читателей, особенно пылкой молодежи, неспособной глубоко вдумываться в суть дела, горячо схватывающей всякую новинку и потому легко отравляющейся этими немецкими “удушливыми газами” их безбожной полунауки. Об

этом я уже не раз говорил, это – страшное зло, с которым необходимо бороться всеми мерами.

Но зло идет дальше. Та же система отравления ложными идеями применяется к распространению клеветы на Правительство, на тех, кто имел несчастье попасть в немилость “руководителей общественного мнения”, проще говоря – газетных заправил. Дело ведется обычно так: пускается слух или сообщается искаженный до неузнаваемости факт, касающийся доброго имени намеченного к истязанию посредством печатной травли лица; этот слух, это сообщение дружно подхватывается всею иудействующею печатью не только в столицах, но и в губерниях... Напрасно вы будете обращаться к властям: вам скажут: “Суды суть и анфипаты суть... туда и обратитесь”. А пойдете в суд – натерпитесь горя прежде, чем получите удовлетворение. Пока суд да дело – вас многожды еще обольют помоями в тех же газетах, и вам пришлось бы вести подобные процессы в судах без конца. А между тем ваше имя в этих, враждебных вам газетах, станет нарицательным, им станут называть всех подобных вам борцов, например, против иудейского или немецкого засилья.

Мы знаем немало таких имен, против которых в обществе, под влиянием травли на них со стороны газет, сложилось предубеждение. В самом деле: ведь известно, что и “капля долбит камень не силою, а частым падением”, так и эта дружная травля в конце концов делает свое грязное дело. Самый мужественный борец безсильно опустит руки, сознавая бесполезность борьбы. Вот чего теперь и добиваются наши всех видов “либералы”, когда требуют полной свободы печати. Надо помнить, что у клеветников, у всех противников власти есть специальный язык, на котором они пишут, подобно тому, как у промышленяющих добычею чужого добра есть так называемый “воровской язык”. Никакой суд их не изловит, не уличит: всегда найдут изворот и избегнут наказания: не окажется “состава преступления”.

Невольно вспоминаются печальной памяти годы “освободительного движения”. Все это практиковалось тогда в самых широких размерах. Особенно травлили нас, служителей Церкви, травлили беспощадно, до того, что мы, многие из нас, немало получали и смертных приговоров, очевидно, не от самих революционеров, – им не было интереса предупреждать, а от отравленных ими читателей-мечтателей, доводимых клеветою, злобными инсинуациями до фанатизма. И были тогда случаи, когда эти натравленные газетами фанатики являлись, даже не спросясь своих неведомых им руководителей, добровольцами-исполнителями таких приговоров, из усердия к служению “идее”, проповедуемой газетами... Настоящие Смердяковы!

Опыт 1905 года открыл тактику наших домашних врагов; мы уже знаем, что если начался обстрел, то значит – готовится и атака. Не со вчерашнего дня идет травля против Церкви, а в последнее время она усилилась и приняла характер систематического обстрела: едва не каждый день читаешь то в той, то в другой газете известного лагеря выступления против монашества, монастырей, архиереев и добрых пастырей из белаго духовенства. Говорю: добрых, потому что, к несчастью, есть и среди батюшек сторонники левых взглядов, вторящие выступлениям левых газет, особенно если речь идет об архиереях или монахах. За самое последнее время можно указать на несколько выпадов со стороны левых: снова, как в 1905 году, заговорили о каких-то не существующих монастырских миллиардах, о неотзывчивости будто бы монастырей к нуждам войны, о доходах лавр, об их богатых ризницах, о необходимости якобы каких-то ревизий монастырских сокровищ, другими словами – обыска (как будто монахи что-то скрывают,

как будто у них нет ни описей ризничного имущества, ни других документов, как будто нельзя доверяться их показаниям на основании таких документов, если бы в том настояла крайняя нужда). Заговорили о доходах архиереев; забыты уже те данные, какие лет пять-семь назад были представлены в Государственную Думу бывшими обер-прокурорами. Подстрекают белое духовенство к всероссийскому съезду без участия архиереев, как будто это духовенство в Церкви может иметь самостоятельное значение, как будто архиереям не следует доверять, как будто такое разъединение кому-нибудь полезно. Критикуют послание С. Синода о посте и молитве, почему-де оно не говорит о взяточничестве, не перечисляет грехов против десяти заповедей, почему не запретил Синод священникам брать за молебны в эти дни, и в то же время сетуют, что актеры остались без заработка на четыре дня. Нападают на отдельных святителей, как например, на Варшавского, оставившего Варшаву в такое время, не желая вовсе знать, что сей мужественный святитель готов был и в плен пойти, но не мог же он не исполнить воли, выше его стоящей... Ловят, искажают каждое слово архиерея, сказанное с кафедры, как это недавно было с Тверским архиепископом, что бы всячески подорвать авторитет архипастыря. Разве вы не видите, что начался обстрел всех позиций Церкви? Разве не чувствуете, что близится момент атаки на нее всех сил преисподней? Да она уже и началась: уже “прогрессивный блок” постановил требовать, – легко сказать: требовать! – полной свободы исповеданий, а это значит на языке наших всякого рода либералов – свободы пропаганды, совращения, развращения малых сих, православных верующих душ разными сектантами и раскольниками, разными хлыстами, не говорю уже о немецких агентах – баптистах, штундистах и прочая, и прочая... Это значит – открытый поход против Церкви, война против нея с целью смести ее с лица земли. Что ж? Церковь на земле сущая и называется воинствующею; ей не привыкать стать воевать с врагом рода человеческого, – сатаною – и всеми ею приспешниками. Что ж? Она не боится этой войны: она неизменно верует Божественному обетованию своего Божественного Основателя, *и врата ада не одолеют ей*. Кто пойдет против Церкви, тот да ведает, что идет он против Христа, Бога истинного, тот – в союзе со врагом Христа. Не впервые Церкви, невесте Христовой, быть – *яко крин в тернии*, пребывать в великих скорбях, бедах и гонении. Но она не разрушится, она пребудет до скончания века, ибо с нею и в ней обетовал пребывать Сам ея Глава и Основатель – Христос. Се, глаголет Он, *Аз с вами есмь до скончания века – аминь*. Да, *аминь*, истинно так! Лишь бы мы были верны Ему, а Он нас не оставит. Сице веруем, сице уповаем! И никакие “удушливые газы” иудейской печати не заставят нас молчать – *не умру*, глаголет пророк, *но жив буду и повем дела Господня*! А с пророком дерзаем говорить и мы, служители Церкви Христовой, аще и недостойные, дерзаем даже и еще сказать нечто большее: помни, Русь наша, матушка родная, что Господь обетовал вечно, до скончания мира, пребывать в Церкви, а не в государстве, что дотоле Он не оставит и тебя, пока ты сама пребудешь верна Его Церкви, а если изменишь, то возьмется от тебя светильник истины, *отыметя царствие Божие, и дастся языку, творящему плоды его*, – какому – Ему единому известно, но так говорит история Церкви, история народов, коим были вверены слова Божии, – раскрой страницы сей истории и поглубже вдумайся в их смысл... Пока не поздно, пока враги не расхитили твоего вечного сокровища – святыни Православия, пока не отнята от тебя милующая десница Божия и покров Заступницы усердной рода христианского – Матери Божией! *Буди верен до смерти*, глаголет Господь, *и дам ти венец живота*.

Берегитесь смуты! (Доброе слово православному русскому народу)

Разразилась гроза Божия над народами и царствами земли. Не громаы гремят, не молнии сверкают, слышатся страшные раскаты пушечных выстрелов и оглушительных взрывов, от которых гибнут люди, гибнут города и селения. Не град сыплется с высот небесных, а ужасные, шестидесятипудовые снаряды немецких орудий, осколки шрапнелей, разрывные нули, убийственные металлические стрелы с воздушных самолетов... Идет небывалая в мире война. Воюют и на земле, и над землей – в воздухе, воюют на море и под водою. Бьются не на жизнь, а на смерть уже не просто войска, а целые народы, миллионы людей. Не одна часть света, Европа, где мы живем, изнемогает от войны: во всех частях света, где только есть немцы, воюют они против других народов, всюду внося пагубу, смерть, разоренье... И не слезы только, но и кровь, даже невинная кровь младенцев льется рекою; оскверняются святыни храмов Божиих, ниспровергаются престолы Господни, всюду, где только ступит нога немца, является мерзость запустения, всюду смерть, позор человечества, гибель всего, что так дорого человеку на земле... И эта грозная туча Божиим попущением пока идет все дальше и дальше, все шире и шире, захватывая мирные области, разгоняя мирных жителей, в ужасе бегущих в места, куда еще не достигла губительная волна обезумевших зверей, именуемых тевтонами. Обильно льется на землю грозный фиал гнева Божия, и невольно вырывается скорбный глас из груди страдальцев нашего времени: о, воистину, блажени мертвии, умирающий о Господе! Они избежали этих скорбей всемирных, они мирно почивают в могилах своих, паче же рещи – в лоне Авраамовом от трудов своих праведных!

Да, страшно стало жить на свете. Кажется, все силы ада поднялись, чтобы стереть человечество с лица земли. Немецкий народ забыл Бога, забыл Его заповеди, превратился в лютаго зверя, – стал хуже лютаго зверя, обратился в жителя ада, усерднейшаго слугу сатаны. А от сатаны – одно спасение – сила Божия непобедимая, благодать Божия безконечная. Да, тяжело, невыносимо стало жить на грешной земле. Но – есть Бог на небесах. Бог вечный, владеющий всеми царствами земными, Бог милосердый, но в то же время всеправедный, Бог – Судия помышлений человеческих, тем паче дел злых. Он все видит, все знает. Он ведает, что творит народ беззаконный, возомнивший поработить себе все царства земныя. Мы веруем, что Господь готовит суд Свой на сей народ. Он зрит оком милосердия Своего на всех страждущих от сего народа, на всех плачущих, болезнующих, беспомощно страждущих в плену; слышит плач сирот, приемлет как жемчужину каждую слезинку вдовицы, потерявшей мужа, отца малюток, стоны стариц-матерей, лишенных опоры милых сыновей... Все видит, все знает Господь, и мы крепко веруем, что в конце концов не оставит нас, молитвами Матери Своей, Которую не чтут враги наши, иконы и храмы Которой подвергают безчестию. Мы веруем, что Он пощадит Русь нашу, утешит, пошлет победу и одоление на лютаго врага.

Но вот горе, вот наша беда, среди нас, мирных жителей России, появились тайные враги, тайные союзники немцев, которые намеренно распускают тревожные слухи, возбуждают рабочий люд к забастовкам и стремятся подорвать доверие к властям, от Царя поставленным. И простые люди нередко верят таким проходимцам, смущаются, падают

духом, впадают в уныние... К чему ведут эти тайные союзники наших врагов? А читали вы, добрые русские люди, слышали, как эти изверги рода человеческого обращаются с нашими пленными? Они впрягают их вместо лошадей, возят на них тяжести, пашут, кормят невозможную пищу, всячески издеваются, а при малейшем сопротивлении, даже просто при выражении недовольства, их казнят как преступников, – бывали случаи, что закапывали живыми в землю...

И не перечить всех издевательствам, какие творят над пленными! Представьте же, что они покорят себе всю Русь Православную! Да тогда будет хуже, чем было когда-то во времена ига татарского! Ужели же можно допустить это? Ужели у нас нет войска, чтобы отразить врагов? Слава Богу, наше воинство растет и вооружается; Сам Царь-батюшка восстал от престола Своего на великий подвиг ратный и стал во главе своих воинов-героев; есть у Него и опытные военачальники. Правда, мы не готовились к такой войне, мы считали немцев народом честным, миролюбивым, неспособным к грабежу и разбою; поэтому им удалось захватить некоторые наши области. Но эти области не составляют и сотой доли всей Русской земли; наша Русь теперь поняла всю свою опасность и стала во весь свой могучий рост: и войска собираются, и снаряды спешно изготавливаются, и воинство наше снова начинает одерживать победы, и Бог даст – погоним мы врага туда, откуда он пришел. И чуют немцы, что им плохо будет, и ничего не жалеют, чтобы как можно скорее одолеть нас. Но борются они не одним воинским оружием: за деньги, за золото они находят себе всюду тайных слуг, лжецов и смутьянов, чтоб сеять смуту и уныние в народе. Вспомните, когда открылась война, мы с ужасом, с негодованием, с чувством омерзения узнали, что у немецкого посла в петроградских палатах найдены кучи прокламаций к нашим рабочим самого возмутительного содержания, и этот немецкий вельможа не стыдился распространять их на Руси. Тогда открылись глаза у рабочих, и они проклинали немецкого кайзера и стали усердно работать на заводах, чтоб показать свою любовь к родному Царю и родной России. Но немцы не дремлют и теперь. Чрез своих тайных слуг они стараются устраивать забастовки, обвинять власть имущих, всюду поселять уныние в народе. Берегитесь их, православные! Не щадите их, не укрывайте их от властей: таких должно обличать, на них надобно указывать, кому следует, как на смутьянов, таких надо гнать от себя прочь, чтобы все знали, что мы, люди русские, не попустим никаких беспорядков, что всех таких смутьянов считаем изменниками и союзниками наших врагов. Мы спокойны за Русь-матушку; мы знаем, что Царь наш с христоролюбивым нашим воинством лучше видит, когда и как прогнать немцев с родной земли, не проливая напрасно ни единой капли русской крови. Будем крепко верить Помазаннику Божию, будем помогать Ему, кто чем может и спокойно ждать, что скажет нам Бог, владеющий сердцем Его. Есть у нас всемогущая Заступница – Матерь Божия: будем слезно умолять Ее, и мы веруем, мы непоколебимо уповаем, что за Ея Матерния молитвы Господь пошлет Царю нашему радость и утешение, нам – на врагов победу и одоление, и земле нашей – мир и Божие благословение. С нами Бог – и расточатся враги Его и наши!

№ 290

Порок языка

Есть пороки, которые до того внедрились в массы народные, что мы, пастыри Церкви, кажется, устали бороться с ними и опускаем руки, благо не видим от них таких вопиющих последствий, какие, например, видим от пьянства. А между тем они не меньше пьянства растлевают душу народную, заражают духовную атмосферу на Руси и иногда становятся прямо – нетерпимыми. Таков порок сквернословия и “черного слова”. Не говорю уже о деревне, где пьяные отцы еще так недавно нарочито давали пятилетним малюткам уроки этой мерзости, – даже в городах, даже в наших столицах, на улицах совершенно безнаказанно звучит скверно-матерное слово. Даже пословицы есть: “Ругается, как ломовой извозчик, как сапожник”. Как ни мерзостно слышать эту ругань, а поневоле ее терпишь: ведь пока едешь по улице, то, если бы привлекать к ответственности ругателей, пришлось бы раза два-три остановиться, чтоб “составить протокол”. Да еще свидетелей потребуют. “Пробовал я, – говорил мне один почтенный батюшка, – делать так: если мой извозчик произносил матерное слово, я останавливал его, заявлял ему, что больше не хочу ехать с ним, потому что глубоко оскорбляет и меня, и прохожих своею руганью, но ничего не выходило: опять приходилось прибегать к полиции, чтобы отвязаться от него – он требовал вознаграждения за проезд – стоит ли заводить с ним дело, когда он же будет торжествовать над тобою победу, ибо кому охота быть свидетелями его безобразия, не говоря уже о потере времени и неприятностях при этом?”

Но этого мало. Порок этот – как ни странно это сказать – довольно распространен и среди наших интеллигентов. Если не скверно-матерное, то “черное” слово получает даже право гражданства в самой печати. Не говорю о мелкой уличной прессе, – даже в такой солидной газете, как “Новое Время” – пусть простит меня почтенная редакция – встречаются имена духа тьмы в их народном произношении. Читаю корреспонденцию с театра войны: солдаты и их командиры, нисколько не стесняясь, перекидываются “черным” словечком, то – в милую шутку, то – в виде привычного красного словца, то – как крепкое бранное слово. А что гг. корреспонденты не выдумывают эти словечки, а пишут с “натуры”, это может подтвердить каждый священнослужитель, находящийся теперь среди войск в самом близком общении с нашими героями-воинами. Правда, есть еще чистые души, свободные от этой заразы, и их, конечно, немало, которые сторонятся и черного, и матерного слова: оне берегут себя, но не смеют громко протестовать против проявления этого порока среди товарищей, чтоб не получить кличку “святоши”, “красной девицы” и под. Оне смущаются, иногда приписывают неудачи военные именно сквернословию товарищей, но тем и кончается дело. Скорбят душою, а что могли бы оне сделать?

Вот что пишет мне один добрый пастырь из глуши Саратовской губернии.

“Недавно мне пришлось услышать от своей прихожанки, жены мученика-воина, убитого на войне, о таком сетовании. Муж ея, после излечения от полученной на войне раны в одном из лазаретов, был отпущен на некоторое время домой на поправку. И вот он, человек, по общему признанию, очень богобоязненный, кроткий и смиренный, жаловался ей, жене своей, что на войне, среди нашего войска, страшно развито сквернословие, в котором виноваты все – и нижние чины, и самые высшие начальники. “Какая это война, – говорил этот воин, теперь покойник, убитый после вторичной отправки на войну, – на

каждом слове ругань, куда ни повернись – сквернословие”... И действительно, стараясь проверить справедливость этой жалобы, я убедился, что сквернословие, присущее очень многим, особенно развито среди военных. Многие из прихожан заявляли мне, что многие нижние чины, учителя новобранцев и ополченцев, унтер-офицеры и фельдфебели, на всяком слове сквернословят, как будто не могут обойтись без крепких слов. Я часто возмущался этим, но в то же время утешал себя мыслью, что на войне-то, на самом поле битвы, едва ли позволяют себе этот грех. Оказывается, что все равно – и пред глазами смерти не могут расстаться с пагубною привычкою. Рассуждая далее и становясь на точку зрения упомянутого солдата, я стал думать: уж не за то ли нас Господь наказывает на войне и не дает успеха, что весь воздух заражен сквернословием, как бы удушливым газом, и помощь Божия и благословение отгоняется таким, почти общим, грехом наших воинов? Прочитав же вашу статью “Хитрые сети”, я и вовсе подумал: не есть ли сквернословие такая же измена русских людей православной вере и учению христианскому, как наше сектантство и идолопоклонство евреев?”

В заключение автор просит “поднять свой голос на борьбу с грехом сквернословия и обратиться с воззванием ко всем русским людям, в частности к воинам – оставить пагубную привычку, оскорбляющую Господа и отвращающую милость Его от нас и от наших воинов на поле брани”.

Порок сквернословия – старорусский порок; едва ли он не составляет наследие еще татарского ига. Против него всегда боролись пастыри Церкви, писатели-иноки, гражданские законы... И писать особое “воззвание” после немалой литературы есть ли надобность? Из наиболее сильных, готовых поучений против сего порока укажу хотя бы на свой “Троицкий Листок” под заглавием “Беседа о сквернословии и о матерном слове”, или на поучение известного проповедника протоиерея Полисадова: “Кто учит людей срамословию?” Указываю на эти листки потому, что они уже имеются именно в форме листков, как наиболее удобной для массового распространения (“Тр. Листки” № № 88 и 719). Надо такие и подобные листки распространять тысячами среди войск. Надо, чтобы военные священники неустанно твердили при всяком удобном случае, что порок этот сквернит и душу, и тело, отгоняет Ангела-хранителя от человека, отнимает покров Матери Божией, и прочее.

Наши воины – души восприимчивы ко всему, что идет от Церкви, от отца духовного. Правда, привычка делается второю природою, особенно привычка языка: невольно, незаметно для самого себя сквернослов станет повторять гнусные слова, но уже и то хорошо, если человек будет почаще упрекать себя за привычный порок: сознание во грехе уже начало его исправления. Совесть верующего воина, ввиду постоянной опасности смерти, бывает особенно чутка: духовники говорят, что воины в окопах с радостью откликаются на предложение исповедаться и причаститься Св. Таин при всяком удобном случае. Вот время, зело благоприятное для напоминания им о необходимости борьбы с привычным пороком. И мы знаем, что добрые пастыри не упускают при этом случае вразумить сквернослова, но обычно слышат: “Что делать, батюшка? Привычка уж такая, не утерпишь”. Дают обещание сдерживаться, но снова и снова впадают в тот же грех.

Офицеры должны бы придти на помощь пастырям в борьбе с этим пороком. К сожалению, и сами они, многие из них, сквернословия за грех не считают. Хорошо бы, если бы высшие военные начальники обратили внимание офицерства на этот порок. Надо помнить религиозную природу русской души: она не может жить без мистики, она черпает силы в мистических, религиозных настроениях, в молитве, в покаянии, в чистой

совести. Она, слава Богу, как я выше сказал, чутка к требованиям совести. Она верует, что Бог помогает тем, кто помнит заповеди Божии, лишает благодатной помощи тех, кто оскорбляет Его грехом. Она смиренна по духу нашей матери-Церкви, воспитывающей нас в духе смирения. Такова в общем природа русской православной души. Надо стараться, чтобы русский православный воин был всегда готов вступить в бой с врагом его Веры, Царя и Отечества с чистой совестью. Это дает ему дерзновение уповать на помощь Божию. Известно, что нечистая совесть бездерзновенна. Сквернословие каждый воин считает грехом. Ругается по скверной привычке языка, но в душе, вспомнив Бога, говорит: “Прости, Господи”. Вот и надо глубже запечатлеть в его чуткой душе сознание, что сквернословие есть тяжкий грех, лишаящий его Божия благословения и помощи, что поэтому надо бороться с ним всемерно, дабы победить врага Божией помощью. Наш враг забыл Бога, не только не сдерживает, но и поощряет в своих солдатах всякого рода жестокость: он полагает, что чем более солдат ожесточен против врага, чем отчаяннее будет натиск, тем скорее будет одержана победа. Известно, что пред приступом, пред атакой, германцы поят своих солдат коньяком и другими одуряющими напитками. Слава Богу, что наши христоролюбивые воины в этом не нуждаются. С крестным знаменем, с твердою надеждою на Бога, они идут в бой. Чем смиреннее пред Богом, чем покаяннее настроена душа воина, тем ближе к нему помощь Божия. Призыв к покаянию, к сознанию своей греховности не может внушать уныния: уныние, по учению св. отцев, есть порождение гордыни, а покаяние – приближение к Богу и обновление духовных сил. Мы, русские православные люди, вместе с царем Давидом твердо помним, что Господь – *не на силу коня смотрит, не к быстроте ног человеческих благоволит; благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его* (Пс. 146, 10). А потому и Церковь наша не престанет призывать к покаянию, к исправлению жизни как всех сынов родной земли, так и воинов христоролюбивых.

Ангельская радость пастырского сердца

Кто не знает, кто не умилялся сердцем при чтении трогательных притч Господа нашего о потерянной драхме и о заблудшей овце, в заключение коих Божественный Учитель говорит: тако радость бывает *пред ангелами Божиими о едином грешнице кающемся*. Небо – царство света и радости; небожители – ангелы Божии выну видят лице Отца Небесного и присно радуются радостью райской; но их печалят грехи наши, потому что мы сами грехами оскорбляем величие Божие и губим самих себя. Скорбь ангельская есть плод любви их к нам, грешным, отсюда же и радость их при обращении хотя бы единого грешника в покаянном чувстве к Богу.

Мы живем в юдоли плачевной, в земле изгнания из рая; радость – редкая гостья на земле. Правда, Апостол говорит: *всегда радуйтесь*, но ведь это – та радость, о коей и Господь сказал: *радости ваша никтоже возмет от нас* – радость общения с Богом и недрах Церкви святой, в мирной совести, в благодатном приосенении Духа Божия. Господь сказал: *царствие Божие внутри вас есть*, а Его Апостол объяснил еще, что оно есть *правда, мир и радость о Дусе Сekte*. Блажен, кто радуется сею радостью о Господе! Но чтобы стяжать ее, нужно очищение сердца от страстей, ибо сказано: *несть радоватися нечестивому...*

Но Господь так милостив, что не лишает нас иногда порадоваться и чужою радостью, по заповеди Апостола: *радоватися с радующимися и плакати с плачущими* (Рим. 13, 15). И как же бывает отрадно, когда Бог пошлет такой случай порадоваться!

Вот такой случай, к сожалению, редкий. Кто-то из г. Казани прислал мне вырезку из тамошней газеты “Казанский Телеграф”. В газете пишет почтенный батюшка, настоятель Троицкой тюремной церкви г. Казани, священник о. Димитрий Шишочкин и сообщает вот такие факты:

“Весной прошедшаго 1914 года я заметил резкую перемену в настроении одного арестанта К-го: он стал постоянно ходить к богослужению и подавать на проскомидии записки со множеством имен о здравии. Эти записки разнообразились именами, но оканчивались, как помню, так: “Помяни, Господи, всех, кого я погубил”.

Вскоре пришлось и еще более удивиться. В одно из моих посещений тюрьмы (носил кому-то из арестантов книги) в коридоре тюрьмы меня встретил означенный К-ий и с глубокою благодарностью подал мне мою книгу, выписанную из склада Троицкой Сергиевской Лавры: “Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле”. Я был весьма удивлен, так как книгу эту давал другому арестанту, и не думал раньше, что заинтересую ею К-го. Это заметил К-ский и сказал: “Простите, батюшка, что взял вашу книгу без спроса; до земли готов поклониться за нее и прошу извинить, что на книге сделал надпись: не утерпел, извините! Еще раз чувствительно благодарю”. – В надписи, между прочим, сказано: “Побольше бы таких книг, да побольше бы сближения священников с народом, побольше бы таких открытых проповедей, – куда дело государственной жизни лучше обстояло бы”. Этот арестант был заключен в тюрьму за *распространение порнографии среди учащейся молодежи*. Так вот и ясно теперь, что это за имена на записках о здравии, понятна стала и перемена в душе К-го: это сделала книга “Близ грядущий антихрист”, случайно ему попавшаяся.

Теперь другой случай. Сидит у нас арестант П-н, помнится, за принадлежность к революционной партии в 1905 году и за грабеж по побуждениям революционного характера. Этот прочитал, между прочим, и вышеуказанную, и другую – “Сатанисты XX века”, издание редакции “Колокол”. Он просил меня принять от него на память стакан с его собственной гравировкой и убедительно просил продать ему книгу “Сатанисты”... “Не удивляйтесь, батюшка, – сказал он, – эта книга меня перевоспитала. Желая приобрести на память, а у меня есть в конторе деньги. Купите мне книгу, *да крест на шею. Крест-то купите получше, подороже*”.

Пусть не подумает кто, что я задался целью рекламировать издания. Нет, я только сообщаю факты доброго влияния хорошей книги на натуры искренния, хотя и угодившия в разряд преступников.

И вспомнились мне наши раненые солдаты. Припомнились письма солдата о. игумену Спасского монастыря о пожертвовании книг в армию. Думается, любая книжечка, вроде изданий Троицкой Лавры, даже ценою в 2–3 копейки, принесет не меньше пользы и доставит удовольствия, чем табак и папиросы, собираемые для солдат. По крайней мере, в госпитали, может быть, кто и пожертвует вместо папирос такую книжечку. Уж если арестантов (я давал читать подобное многим) указанные книги более, чем заинтересовали, то страстотерпцу, раненому воину, такие книги, конечно, дадут только хорошее”.

Вот что пишет батюшка и что меня зело порадовало.

Почтенная редакция “Казанского Телеграфа” от себя предупредительно сообщила читателям и адрес “Троицких Листков”.

Скажу и я, не для рекламы редактируемых мною изданий, а ради славы Божией, ради пользы душевной православных русских людей перепечатаваю эту вырезку из “Казанского Телеграфа” и пишу эти строки. Проснулась наша народная душа, Церковь Божия глубоко заложила в нее дух мытарева смирения, и лишь только луч благодати коснется этого святого семени, как оно пускает ростки и дает плод во благовремении... Грешно нам, пастырям Церкви, не замечать этого голода духовного: ведь если мы не дадим русской душе чистаго хлеба насущнаго, то к ней подкрадутся враги Церкви Христовой и под видом хлеба поднесут ей даже не камень, а отраву духовную. Мы живем во дни великих браней – не немцы только подняли знамя антихристово и воздвигли великую брань против всего, что носит печать Христовых заветов: все темныя силы ада ополчились на Церковь Божию, объединяясь без различия национальностей и руководимыя масонами и их послушным орудием – иудеями... Теперь ли предаваться дремоте безпечности? Теперь ли унывать?..

Мы, пастыри, страшно ответим пред Господом Пастыреначальником нашим, если не позаботимся утолить голод и жажду народной души. Этот голод, эту жажду подметили наши враги и уже спешат сеять смуту в умах простецов, увлекая их из Церкви и поднося им “нож, медом помазанный”. Я уже говорил об одном из средств отравления народной души сектантскими мудрованиями под видом толкований на слово Божие. Но это – только капля в море, в сравнении с остальной литературой, распространяемой в среде простецов, в виде книжек, брошюр листков и картин разнаго содержания. От сектантов не отстают и безбожники, усиленно распространяя популярно написанныя книжки и брошюры, отрицательнаго направления: тут найдете материалистическия теории истории земли, происхождения человека от обезьяны и подобныя нелепости, найдете и Ренана за 20 коп. и разныя бредни социалистов, мечтающих перестроить мир по своим бредням. Все это искусно прикрывается благими целями “просвещения народа”, многое можно читать

только между строк, но и простец сумеет прочитать эти междустрочные мысли, и яд делает свое дело. И вот что требует особенного внимания. Из действующей армии, из оконов, получают от наших русских воинов тревожные в духовном отношении письма. Простая души смущаются, иные уже смущены еретическими мудрованиями баптистов, прикрывающих себя названием “евангельских христиан”. Один пишет, например: “Пришлите изъяснение на все места Святого Писания, где говорится о почитании Заступницы рода христианского Пресвятой Девы Марии, о почитании св. икон, св. креста Господня, св. мощей, с указанием в Евангелии глав и стихов, где это написано. У нас есть которые протестуют всем этим текстам даже во многих полках”. Это пишет еще верный сын Церкви, но, видимо, колеблющийся, находящийся уже под влиянием ветров лжеучения баптистского. Другой, уже, конечно, без подписи и без адреса, ругает монахов и священников; тут уже строки, недопустимые никакой цензурой, по адресу Божия Помазанника и всякой власти предержащей, есть угрозы за нарушение мира и требование проповеди мира от служителей Церкви под страхом гибели в “море Чермном, то есть, в народе”, как поясняет автор письма. Это пишет явный баптист, сознательный или безсознательный агент немцев, развращающий народ и простецов-воинов. Нам грешно молчать, грешно не замечать всего этого. Наш долг стоять на страже народной души, на которую делают облаву волки хищные. Наш долг исполнять завет Христов: *дадите им вы ясти*. Мы обязаны не только предостерегать своих пасомых, но и давать им в руки оружие против волков, питать их здоровыми словесами доброго учения матери-Церкви...

Основной порок всякой секты – гордыня. Основная добродетель нашего Православия – смирение. Оно воспитывается исполнением заповедей Христовых и повиновением Церкви. Православного предостерегает от заблуждений сознание немощи своего личного разума. В Церкви – опыт веков, опыт великих мужей, проводивших жизнь свою под руководством Духа Божия, целая сокровищница сего опыта как в христианской деятельности, так и в деле разума воли Божией, учения богооткровенного. Надо, чтобы всякий христианин постоянно помнил, что не личный разум, не каждый верующий, в одиночку, а вся Церковь, разум все-церковный есть лучший истолкователь слова Божия. У сектантов наоборот: в гордыне своей они предоставляют каждому невежде толковать Священное Писание по своему разумению, да еще имеют дерзость говорить, будто им внушает истину Сам Дух Божий. Вот основная руководящая мысль в деле борьбы с сектантством при истолковании Св. Писания. Надо всячески внедрять эту мысль чадам Церкви, чтобы предостерегать их от заблуждений. Надо, чтобы каждый послушный сын Церкви, встретив искусителя-сектанта с его мудрованиями, мог, по крайней мере, сказать, что он считает за грех мудрствовать по своему смыслению в таком важном деле, и, если не знает учения Церкви о том или другом предмете, пререкаемом сектантами, то непременно искал бы разрешения своего недоумения в учении Церкви, у своего пастыря, в книгах, заключающих в себе православное учение, а не поддаваться мудрованию сектанта.

Возвращаясь к тому, с чего начал нынешнюю мою беседу. Отец Шишочкин приводит два случая из жизни насельников тюрьмы, когда заключенные, благодатию Божией, обратились на путь покаяния и исправления жизни под впечатлением чтения книг – заметьте это – даже не из духовной литературы, не из житий святых или поучений, а из тех, которые обличают жидомасонский заговор на гибель рода христианского. Поистине, *Дух Божий идеже хочет дышет*, по слову Спасителя! Было бы в душе искреннее расположение не защищать своего грехолюбия, готовность сознать свои проступки ради спасения души, а благодать Божия всегда готова помочь ему в деле

исправления жизни. Было бы смирение – будет и спасение. А пастыри Церкви должны помнить, что если хорошая, даже мирская, книга может послужить человеку как одно из средств воздействия Промысла Божии на его жизнедеятельность, то тем паче книга, листок, брошюрка, имеющие уже прямою своею задачею послужить ближнему во спасение. И если Ангелы Божий радуются обращению единого грешника на небесах, то как же не радоваться нам, пастырям Церкви, когда мы видим такое обращение около нас, в среде ближних наших? А кто мешает нам, взамен той скорби, какою болеет наше пастырское сердце, при виде зла и порока, царящих вокруг нас, сеять больше добра вот, хотя бы, распространением в народе духовнонравственных изданий по мере возможности и тем самым доставлять и себе, и всякому верному сыну Церкви случаи к той ангельской радости, которой уже никто не может отнять у нас при виде грешника, обращающегося на путь покаяния? Притом же сказано ведь: *обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти и покрывает множество грехов* (Иак. 5, 20). Ужели и это обетование не подвигнет нас на исполнение своего долга?

Наша родная культура

Немцы объявили войну России; Россия проснулась, осмотрелась и увидела, что немцы уже давно вели мирное завоевание России, забирали ее землю, ее промышленность, ее науку и добрались, наконец, до ее души... Да, немцы хотят исказить, перевоспитать народную русскую душу. Русские люди всех званий, всех политических партий задумались: как быть? как избыть этой беды? Бог даст – на войне мы одолеем немца, но что делать с “мирными немцами”, которые плотно засели у нас и на фабриках, и в канцеляриях, и в имениях, и в разных редакциях? Решено ликвидировать немецкия землевладения, но по какому признаку отличить немца от русского? Ведь если брать фамилии, то окажется величайшая несправедливость: мало ли совершенно обрусевших, преданных России людей, носящих фамилии немецкия? Какой же взять признак, чтобы безошибочно отличить русского с немецкой фамилией от немца по душе?

Говорят, этот вопрос был поставлен в думской комиссии о немецком засилье, и один из правых членов ее ответил: русским можно считать того, кто усвоил себе русскую культуру. Все согласились с ним, но сейчас же спросили: а какой основной признак русской культуры?

Русский человек, знающий настоящую цену своей русской культуре, ответил: “Православие!”.

Не стану говорить, что тут произошло в комиссии: она сразу разделилась на две резкия партии: одни испугались слова “православие” и шарахнулись от него, как от немецкаго удушливаго газа, другие приняли его, как нечто родное, дорогое сердцу.

В самом деле, не есть ли Православие основной признак нашей родной культуры? Да в чем сущность культуры-то? До сего времени понимали ее в смысле развития науки, искусства, применения научных открытий к улучшению земной жизни, к облегчению тяготы житейской, говорилось, конечно, и о смягчении нравов, но на деле мало об этом последнем заботились: были бы соблюдены тонкости приличий, изобретенных “светом”, а в глубь духа такая культура едва ли шла. Самые культурные, по европейскому пониманию, люди были по-светски образованы, изысканно вежливы, услужливы, предупредительны во взаимных отношениях, а что было у них на душе, до того им самим, кажется, было мало дела. Были, конечно, и исключения, но именно лишь как исключения. Вся забота была обращена на удобства земныя, а в теоретическом смысле – на естествознание и его приложение к жизни. Больше всех народов гордились своею культурою немцы, мечтая стать во главе всех народов земных, победив всех их своею культурою в ее материальном “приложении”. и они так загипнотизировали нас, русских, что мы действительно – что греха таить? – во многом отдавали им предпочтение пред другими народами. Ведь “честность” и “аккуратность” немцев у нас почти вошли в пословицу. Может быть, благодаря такому гипнозу немцы и захватили всю нашу промышленность: *made in Germany* стало для нас, для многих из нас, лучшей рекомендацией в области так называемой индустрии. Так было у большей части нашей интеллигенции, оторвавшейся от народа и мнившей о себе, что она идет “вперед”, якобы догоняя немцев.

А народ наш, в массе своей, шел своею дорогою. Он не знал самого слова “культура”, но едва ли на земле был народ, в душе своей носивший наилучший идеал культуры, какой

создал себе наш народ. Это – идеал духовный, не земной, а небесный, это – великое слово Христово: *будете совершенны, яко Отец ваш небесный совершен есть*. Народ душою своею, чувством сердца, постиг тайну истинного пути к сему идеалу – это жизнь в Церкви, под ея благодатным водительством, опытом подвига познавать свою душу и идти к Богу, Отцу Небесному, путем крестным в подражании великому Голгофскому Крестноносцу – Христу. И в помощь ему Бог посылал как великих носителей сего идеала, в лице подвижников, всю жизнь свою самоотверженно стремившихся к сему идеалу и ведших за собою и личным примером и словом опытного назидания народ, так и самая обстоятельства народной истории: многия скорби народныя, отвлекавшия народ от земных мечтаний о благах мира сего, обращавшия его взор к Богу, к небу, к тому светлому идеалу, какой он воспринял в свою душу со времени приснославного князя Владимира. История нашего народа есть история Русской Церкви. История Руси и история Русской Церкви так неразрывно сплелись между собою, что одной без другой и быть не может. Это в своем роде история духовной теократии, богоправления, и народ всегда смотрел на все события своей истории, как печальные, так и радостные, как на деяния Промысла Божия. Да так оно и было, и мы веруем и уповаем, что так будет и в будущем. Вот почему и культура наша совсем иного рода, чем культура западных народов. Наша русская, православная культура есть культура духа, та культура, которая воспитывала народную душу на протяжении почти тысячи лет, которая давала нам во всех наших войнах тех героев, что составляют украшение мира, коими любят наши союзники и не без зависти – это можно думать – слышат о них наши враги. Пред нами и теперь, как в старину, встают Ильи Муромцы, Алеши Поповичи и Микулы Селяниновичи, полные великодушия к побежденному врагу, беззаветной преданности Родине, геройского мужества и вместе смиренного христианского чувства, которое не видит своих великих дел, смотрит на них, как на нечто самое обыкновенное, что и должно быть, и иначе быть не может: *еже должны бехом сотвориты – сотворыхом*! Хвалиться тут нечем. Русский православный человек делает добро и в то же время как бы прячет его, прячет даже от себя самого, по крайней мере, не выставляет на показ; по его убеждению, добро, выставленное на показ, теряет свою цену не только в очах Божиих, но и в его собственных глазах. С крестным знаменем он подает и милостыню нищему: “прими Христа ради” или: “не обезсудь, родимый!” С чисто русским добродушием отдает он пленному немцу, турку или кому-то ни было свой последний кусок хлеба, с родственной любовью берет в свою семью сироток после воина, несмотря на то, что своих детей куча, не позволяет себе попрекнуть иноверца-пленника его “нерусской” верой; широте его доброй души соответствует и его прямолинейность: он не пойдет в сделку с своей совестью, не остановится на полдороге к доброй цели. Все условные обычаи, перенесенные к нам с неметчины, из Западной Европы, ему кажутся странными и не прививаются к истинно русской душе. Он никогда не поймет, например, как это можно веселиться в пользу несчастных, устраивать спектакли, вечера с благотворительной целью: с любовью он пожертвует посильную лепту на доброе дело, но идти в театр, на зрелище, чтоб ценою благотворения купить себе какое-нибудь удовольствие, настоящий русский человек почтет как бы кощунством. В этом духе воспитала его Церковь: она и теперь ведь не разрешает делать сборов в храмах Божиих на те учреждения, хотя бы и очень благотворительные, которые в своих уставах допускают зрелища. Такими сборами было бы оскорблено религиозное чувство народа. Чуткость совести русского благочестивого крестьянина доходит иногда до умиленных проявлений: так, случалось мне наблюдать,

когда я в Троицкой Лавре, будучи еще послушником или монахом, раздавал свои листки, то иной простец стеснялся садиться за общий стол на странноприимной, говоря: “Я – не дальний, я прошел только 50 верст: мне совестно обедать с дальними странниками”, и довольствуется такой богомолец, пешком прошедший полсотни верст, ломтем благословенного хлеба, который он несет домой на благословение своей семье. Он постится, но скрывает свой пост от других; он творит милостыню, но так, да не увестъ шуйца, что творит десница его. Его веротерпимость, при всей его ревности о своем родном Православии, поразительна. В летнее время на пароходах волжских нередко можно наблюдать, как в известный час выползают на верхнюю палубу татары и совершают там свою урочную молитву; русский простец смотрит и себя же упрекает: “Вот – татары, а свою веру не забывают, а мы, грешные”... Сравните этих простецов, обращающих себе в поучение татарскую молитву, с теми же немцами или их выучениками, нашими несчастными, от народа отколовшимися штундиетами и баптистами: они готовы издеваться над нами, если мы в их присутствии совершим крестное знамение. Кто же оказывается “культурнее”: немцы с баптистами или наш простой мужичок, или даже хотя бы тот же татарин?.. Кто духовно культурнее? Веротерпимость нашего народа прямо поражает иностранцев; мне приходилось слышать от сих последних удивление, как наш народ радушно и гостеприимно встречает иноверцев, коим приходится искать ночлега в деревне. Не только приют дадут, но и позаботятся, сыт ли гость дорогой, да и что он кушает? “Знаю, говорил мне один англичанин, что у вас пост, да еще великий; не только мяса, но и молока не едят, а мне все же предлагают: ты скажи, что кушаешь? Не хочешь ли, курочку для тебя приготовим? Правда, у нас пост, ну, а по твоей вере, видно, не грешно, кушай на здоровье! – И это говорят те, которые и в мясоед-то курочек не едят никогда”. Станут ли эти рабы Божии издеваться над латинским Распятием, над кирхой или костелом? А в наши дни культурнейшие немцы все это безпощадно проделывают над святынями как православными, так и латинскими. Для них нет ничего святого, они издеваются над религиозным чувством верующих, как дикари, как фанатики-безбожники, как выходцы из ада. У нас духовные разных исповеданий свободно ходят в своих одеждах, какая усвоены их званию, и никто не позволит себе ни малейшей шутки над ними, а там, за границей, не везде удобно показаться нашим духовным лицам в своей одежде; немцы смотрят на нас с какою-то духовной брезгливостью, как на людей низшей расы, как на еретиков, как на полных невежд, а мы, православные, смотрели на них, да и теперь хотели бы смотреть с снисходительной любовью, как на заблуждающихся: “не ведут, что творят”, – если бы в последнее время они не пробудили в нас чувства негодования и справедливого гнева за их зверства, поругание наших святынь, безсовестное отношение к общепринятым во всем образованном мире обычаям войны. Так – кто же оказывается культурнее? Чья культура выше? Кто глубже воспринял дух Христова учения? Нужно ли говорить, какою непримиримою, слепую гордынею пропитано отношение немцев к нашей святой Вере Православной? Да и нас-то они ненавидят, если вдуматься поглубже, именно за то, что мы православные: те из наших братьев-славян, которые изменили Православию, принимаются скорее в семью западных народов, чем мы, русские: стоит в самое последнее время указать на несчастных болгар, удалившихся от Православия, находящихся в схизме с греками: они уже вошли в область влияния немецкого, ими уже правит немец, на них уже накидывают сети иезуиты, им уже грозит поглощение немцами... Немцы боятся нашего Православия, они не знают, не могут понять, что в Православии лежит основа

новой, им неведомой культуры, заключаются начала нового, или, лучше сказать, древнего христианского миропонимания и мирозерцания, в области духовного прогресса. У них вся культура пропитана в самых основах своих гордынею и самоценом, а у нас все зиждется и расценивается началом смирения и духом любви христианской. Но и для врагов наших очевидно, что Православие есть могучая сила, кою жива и крепка наша Русь, что пока Русь православна, дотоле она непобедима, дотоле к ней будут бессознательно льнуть разные народы, еще не вкушившие западной культуры, еще не зараженные национальной гордыней, способные воспринять простою душою начала нашей культуры или, по крайней мере, оценить ее плоды и свободно полюбить наш народ и слиться с ним в одно государство. и вот все усилия немцев в последние пятьдесят лет устремлены на расшатывание Православия, на совращение наших простецов в немецкую веру, на перевоспитание народной русской души в немецкую посредством разъединения ее с Русью православною и заражения той гордыней, кою проникнута душа немецкая. К несчастью, наши братья, особенно на юге, не все выдержали искушение и поддались ему. К несчастью, наша интеллигенция, в большей части своей, не поняла этого, не сумела, как должно, оценить своего сокровища – Православия – потому что не жила им, – и пошла вслед за немцами, всюду умевшими найти себе поддержку, и стала не только не препятствовать, но нередко и содействовать немцам в этом злом умысле... Бог вразумляет нас теперь, наказует тем, чем согрешили; Бог открывает нам очи, чтобы видеть грозящую нам беду, чтобы осмотреться и понять, куда нас ведут наши враги, живущие среди нас же... Они хотят похитить наше сокровище, народную русскую душу, чтоб заменить ее своею холодною, надменною душою немецкой. Они хотят заставить наших братьев, попавших под их влияние, забыть основы родной нашей культуры духовной и подменить ее культурой земной, плоды которой мы видим в них же: это – варварство, озверение, осатанение... От такой культуры все бегут с ужасом, все православные отрекаются, как от бесовщины...

Но не такую ли культуру, в конце концов, считают своим идеалом наши отщепенцы – интеллигенты, мечтающие о новых, нерусских порядках в нашей государственной жизни? Их недоброе отношение к Православию невольно заставляет думать это...

Нечто об авторском самолюбии и о мытарствах (По поводу статьи прот. С. Остроумова в “Отдыхе Христианина”)

Достовернее суть язвы друга, нежели вольная лобзания врага.

Притч. 27, 6.

Что делать нам, писателям, с нашим авторским самолюбием? Как ни берегись, оно нет-нет да и подстережет тебя, и уколёт, иногда очень чувствительно. Не чужды этого микроба “папской непогрешимости” и мы, духовные писатели, не исключая и нас грешных, архиереев. Вот почему всегда следует помнить слова одного великаго подвижника: “Ангелам свойственно не падать и даже, как некоторые говорят, совсем невозможно пасть; людям же свойственно падать и скоро вставать от падения, сколько бы раз это ни случилось; а только бесам свойственно, падши, никогда не вставать” (Леств. Сл. 4, 31)... Нет нужды доказывать, что если бы все ученые считали себя непогрешимыми, то наука застыла бы на месте; если бы каждый ошибающийся писатель стоял крепко на своем мнении, несмотря на все возражения, то среди читателей образовалось бы столько сект, сколько таких писателей. Слава Богу, что мы не потеряли возможности сознавать свои ошибки и познавать истину при помощи обличений, хотя бы иногда очень неприятных для нашего авторского самолюбия. Не потому ли сказано древним мудрецом: *обличай премудра, и возлюбит тя* (Притч. 9, 8).

Эти мысли невольно приходят в голову, когда приходится писать или говорить о тех или других недостатках современных писателей, особенно богословов: ведь ошибка в вопросах богословских куда опаснее, чем в каких-либо иных. Тут авторское самолюбие может повести даже к ереси. Но ведь нельзя же, щадя это самолюбие и избегая неприятности, и молчать, когда совесть говорит, что надо “обличить”. И Апостол ставит одною из обязанностей пастырского долга – “обличать”, разумеется, спокойно и с рассуждением (2 Тим. 4, 2). Известно, что малейшее уклонение одной из параллельных линий образует угол. Так и в учении веры: малейшее уклонение от учения Церкви, от ея духа, от ея преданий, общепринятых богословских “мнений” может повести к уклонению от самой Церкви. Любовь Церкви и ея служителей и должна стоять на страже всего этого сокровища, и та же любовь должна принимать слово обличения с терпением и без упреков. Не в духе это нашего времени, некоторые даже из пастырей Церкви заражены иным духом; не любо им слышать обличение и отвечают они иногда резкостями, колкостями по адресу обличителя, а те замечания, какия приходится ему делать – не говорю уже о печатной критике, а иногда даже просто в частных письмах, считают за “обвинительные акты”. За одно из моих возражений, в защиту слова “брак”, я получил латинское прозвище “князя Церкви”, за другое, не печатанное, только в письме на имя редакции высказанное, – “сановника духовнаго”, каковым угодно было моему почтенному оппоненту наименовать меня уже печатно. Положим, и “князь”, и “сановник” – не ругательныя прозвища: последнее даже можно производить от слова “сан”, а звание

архиерея, конечно, есть сан, но все же в обычном словоупотреблении “сановник” есть слово не духовное, а гражданское. Автор употребил его с целью – не совсем доброю. А, между тем, можно ли было замолчать, хотя бы в письме к редактору, не предназначавшемся к печати, то смущение, какое было вызвано в православной душе неосторожною статьею, которая называла “поверьем” преследование бесами грешной души после смерти? Вот “сановник” и написал редактору: “ Пусть-ка сам автор объяснит нам учение о мытарствах, сохраняемое церковным преданием и утверждаемое авторитетом Святителя Димитрия Ростовского”. – Может быть, в частном письме я не точно выразился в научном отношении, употребил слово “учение” вместо “верование”, слово “мытарство” вместо слова “частный суд”, но суть дела остается: есть или нет частный суд по смерти? Проявляет или не проявляет сатана над человеком присущую ему силу и злобу, требуя себе грешную душу и опираясь, как на право, на грехи, совершенные душою в течение жизни? Автор уверяет, что “такое поверье слишком мало данных имеет в Писании, что сатана слишком обезсилен Христом, чтоб иметь власть над душами в загробном мире, оспаривать их у Ангелов. Жало смерти – грех, говорит автор, но грех прощен, искуплен, и смерть мужа – покой. Борьбу переносить в загробный мир нет оснований. Борьба здесь кончается”. – Вот что говорит не простой мирянин-любитель, а ученый богослов, протоиерей. Как же было не смутиться простому человеку этими мыслями? Правда, оне высказаны не совсем ясно, точно, определенно, но из них вытекает само собою сомнение, если не прямое отрицание частного суда Божия над умершим человеком, и та мысль, что бояться так называемых мытарств не следует: это – только “поверье”, а не верование, обоснованное на церковном предании наравне с учением о молитве за усопших, о ходатайстве святых, о всем том, чему буквальных, прямых оснований в Писании нет, а что только выводится логически из Писания. В ответ на мой вопрос о том, как думает сам автор-богослов о частном суде и мытарствах, он отвечает довольно уклончиво: он не отвергает “мнения” о сем предмете, а считает его только “богословским мнением”, которое “соткано рассудком и чувством человека-христианина и не представляет собою обязательного для веры догмата Святой Соборной Апостольской Церкви”. Признаюсь, такое заключение способно еще более смутить в простоте верующую душу. Автор приводит из догматического богословия епископа Сильвестра следующие строки: “Загробным состоянием душ, как оно изображено в Писании и церковноотеческом учении, не только не отклоняется, но скорее вызывается или необходимо предполагается частный для каждого по смерти человека суд. Верование в частный суд подтвердил и Сам Иисус Христос, с *полной ясностью* (здесь автор ставит знак вопроса, подчеркивая последние два слова), уча в Своей притче о богатом и Лазаре, об ожидающем каждого человека мздовоздаянии после смерти, необходимо предполагающем собою и частный суд... Отсюда вытекает тот прямой и естественный вывод, что, по учению Христову, над душою каждого человека тотчас после его смерти совершается суд Божий”. Кажется, ясно, что такое учение, подтвержденное святоотеческим учением, должно быть непременно обязательно приемлемо для верующаго православнаго христианина, тем более, что на нем обосновывается и молитва об усопших, а с другой стороны, и учение о ходатайстве святых. Но оказывается, по мнению автора, что это – латинская логика, а не православная. “Здесь, говорит он, сильные доказательства, необходимые предположения, естественный вывод, но это – тот логический путь, который привел латинство к Filioque, чистилищу, индульгенциям, непорочному зачатию и непогрешимости пап. Откровение оставило загробную жизнь за

плотной завесой, и вот наши догматисты разрезают эту завесу острым ножом диалектики, строят предположения, выдвигают выводы, силлогизмы”. Так критикует автор положения, высказанные епископом Сильвестром о частном суде. Что касается латинской логики, то, ведь “сильные доказательства, необходимые предположения, естественные выводы” из Священного Писания не отвергаем и мы, православные; на них построено многое и в нашем учении, особенно в тех пунктах его, где идет речь об отличии его от протестантства (об иконах, предании, почитании святых, почитании креста, молитве за усопших, призывании святых и др.). Слабая сторона латинства в том, что его выводы из посылок делаются шире того, что дают посылки, что там пускается в ход софистика, допускаются передержки, чего православие отнюдь не может допускать. А в данном случае епископ Сильвестр делает строго логические выводы и никакой специально латинской логике не следует. Правда, далее автор пытается опровергнуть мысль епископа, что Иисус Христос говорит в притче о частном суде и мздовоздаянии, и доказать, что “учение о двух судах есть учение человеческое, очень логичное, очень почтенное, удовлетворяющее человеческой любознательности и чувству религиозному, но и только”. Как же относиться к сему учению сам почтенный автор? Принимает ли он его, или считает для себя “необязательным?” – это, по меньшей мере, остается нерешенным вопросом. Повидимому, он более склоняется к мнению древнейших учителей Церкви – блаженных Иринея и Ипполита (которого пятью строками ниже почему-то называет Иеронимом). Их мнение, по его словам, стоит “ближе к Священному Писанию”. Бл. Ипполит полагает, что и праведные души и ныне содержатся во аде, только не в том месте, где грешные; а Ириней думает, что души учеников (верующих) пойдут в невидимое место, где будут ожидать воскресения и только тогда предстанут пред лице Божие. Но это мнение противоречит выше приведенному, так сказать, всеобъемлющему мнению, внесенному позднейшими богословами даже в системы догматического богословия, тем более, что это мнение, по словам самого же автора, имеет основание для себя в Священном Писании, тогда как мнение Иринея и Ипполита стоит одиноко и другими отцами не повторяется, почему и догматист епископ Сильвестр не счел нужным вносить его в свое богословие.

Автор говорит, что мнения, как бы ни были авторитетны, не могут быть обязательны: это – не догматы. Надо различать “мнения”: есть из них, так сказать, безразличные, не имеющие прямого значения в деле нашего спасения, а есть и такие, которые стали нашими верованиями, закреплены Церковью в богослужебных чинопоследованиях, стали церковным преданием. Само собою понятно, что земные образы, в какие облакаются сии мнения, не есть самая действительность, но они суть, по выражению святителя Феофана Затворника, образное представление действительности. “Духовный мир есть нечто таинственное, – говорит этот великий подвижник-богослов, – таинственное, чего представить нам в подлинной его действительности нет возможности. Когда приходилось кому домыслиться до положения тамошних дел или Господу угодно было дать откровение о том, – то и другое делалось под образами нашей земной жизни. Эти образы представляют действительность, но не суть самая действительность. Она духовна, мысленна, не имеющая в себе ничего плотского. Слов нет у нас на выражение того. Наши слова чувственны, грубы, образны”. Это вполне согласно с тем, что говорил Ангел Божий св. Макарию Александрийскому: “Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных”. Но, тем не менее, небесные вещи существуют; тем не менее, частный суд Божий есть, в него верует вся Церковь, о нем говорит она верующим в своих богослужебных песнопениях, в отеческих писаниях, говорит как о реальном явлении, а не

как об одном из способов “проповеднического воздействия на нравственность христиан”, как выражается наш автор. И видения Григория о мытарствах св. Феодоры не что большее, чем произведения Данта, Мильтона и Клопштока, как говорит о. протоиерей. Как бы то ни было, для православного слуха такое приравнение житийных сказаний оскорбительно. Надо выяснять суть дела, подчеркивать образность сказаний, но не касаться этой сути, не говорить, что эта суть, как “частное мнение”, необязательна. Следует вдуматься в глубокую мысль Московского святителя Филарета о мытарствах. “Если принять в рассуждение, говорит он, что Апостол говорит о *духах злобы поднебесных*, и что духам злобы свойственно быть в аде, то не придется ли заключить, что наш бедный мир, с одной стороны, по дару творения и по благодати искупления, пронизываемый благодатною светлою атмосферою неба, с другою, по бедственному греховному повреждению, не совсем заперт для расширившейся в нем темной атмосферы ада. Души, облагодатствованные и совершившиеся, исходя из тела, отражают сию атмосферу вселившимся в них благодатным светом и, не ощущая их, идут на небо; к душам, менее очищенным, менее сильным в свете, она приражается, – и вот *мытарства*’.” (Письма к архимандриту Антонию, II, 273–274). Как видно из сего, мысль, что душе, оставляющей мир, Богом дается помощь и содействие в деле нравственного самосознания и самоосуждения при посредстве духовных сил света и тьмы как орудий Его правосудия, без сомнения, пред оком всевидящего Судии, заслуживает глубокого внимания и останавливала на себе внимание великаго богослова митрополита Филарета, который с свойственной ему краткостью обосновал ее, так сказать, не только богословски, но и философски.

Автор приводит мнение св. Григория Богослова о том, что по вопросам о воскресении, суде, воздаянии – “и промах сделать безвредно”. Признаюсь, не помню, где высказывает святитель такую мысль. Если о. протоиерей хочет сказать, что он сделал промах в своем суждении относительно частного суда, то такое сознание похвально; но если он хочет оправдать свой промах, признать его “безвредным”, то этого нельзя похвалить: в наше время надо быть крайне осторожным в вопросах веры и церковных преданий, церковных обычаев, церковных воззрений, коими живут православные люди. Печально, что в наше именно время в нашу духовную, особенно общедоступную, литературу много проникает мнений далеко неправославных, мнений из западных исповеданий, как латинских, так и лютеранских, протестантских, и проникает нередко даже как-то независимо от авторов, по недосмотру, по увлечению западными писателями, которые переводятся иногда без особенного просмотра со стороны православной мысли, православнаго мирозерцания. В общедоступных изданиях этого следует особенно остерегаться. И без того у нас в народе немало рассылается брошюр и листов, явно сектантских; что же будет, если в духовных изданиях станут появляться статьи с уклоном в сторону рационализма, протестантизма или латинства? Пусть каждый автор, особенно духовный писатель, строже проверяет себя: как бы не смутить душу православную, в простоте сердца верующую...

Об условном языке

Живем мы в век гласности; казалось бы, при условии гласности, свободы печатного слова, не должно быть неясности, недоговоренности, туманности, если только люди говорящие и пишущие сами ясно сознают, что говорят и пишут. Ведь если мысль не ясно сложилась в голове, то не следует ее и высказывать: к чему туман пускать по ветру? Однако же на деле выходит так, что куда ни посмотри – всюду встретишь эти туманные пятна, недомолвки, тонкие намеки на что-то неопределенное, слова, в которых можно по желанию вложить всякий смысл. Приходится догадываться, что туманными фразами тебе хотят сказать что-то такое, чего, по цензурным условиям, нельзя сказать прямо. Отсюда выработался особый язык условных выражений, намеков, язык, называемый прямолинейно мыслящими людьми “эзоповским”. В этом языке имеются термины, которые означают многое такое, о чем нельзя, неудобно говорить вслух. Десять лет назад пущено было, например, словечко: “освободительное движение” и свободно гуляло по газетным столбцам взамен слова, хотя и иностранного, но всем понятного, – “революция”. Таковы же новые слова: “новый режим”, “новая эра”, кто пишет, тот знает, что надо понимать под этим словом в отношении, например, государственного устройства: это – “конституция”. Но в последнее время понемногу взамен “нового режима” нет-нет и проскользнет словечко “наша конституция”, – непременно “наша”, чтоб отвести глаза цензурным аргусам: у нас-де совсем не то, что разумеют под конституцией в других странах, у нас – “самобытная” конституция, по идее древнерусской Царской Думы. Тут уж и цензор опустит перо с красными чернилами на кончике: нельзя придраться. Подождите еще года два-три: слово “наша” исчезнет, и останется только слова “конституция”. Можно бы написать целый том-словарь “эзоповского языка”, и наши патриоты оказали бы немалую услугу русскому обществу, особенно простым русским людям, если бы взяли на себя труд составления такого словаря и от времени до времени пополняли бы его. Этим они значительно рассеяли бы туман, пускаемый газетами по адресу рядового читателя, не умеющего переводить с “эзоповского языка”.

Так называемые “либеральные” идеи имеют свойство распространяться подобно эпидемической заразе: сначала они заражают легкомысленную зеленую молодежь, потом, особенно с вступлением этой молодежи в жизнь, заражают интеллигентное общество, далее спускаются в полуинтеллигенцию, в среду деревенских грамотеев, и наконец в народ. То же наблюдается и в отношении тех сторон жизни, к коим соприкасаются эти идеи, сначала они носятся около внутренней политики, разных реформ управления, потом касаются народного образования и воспитания, наконец, проникают уже в область церковной жизни, касаясь даже канонов и догматов Церкви. Если Лютер когда-то смело пошел против латинской церкви, сразу поставив вопрос о реформации, то наши маленькие лютеры действуют осторожнее, исподтишка, понемногу, по каплям вливая свои идеи в сознание верующих и прикрываясь мнимой ревностью о благе самой Церкви. Они избирают и такие моменты в государственной жизни, когда все внимание верующих устремлено на тревожные события: так было в недоброй памяти 1905 году, так есть и теперь. Тогда заговорили о необходимости церковных реформ, теперь – то же самое. Тогда пошли в моду “обновленческие идеи”, теперь – о “субботничестве канонов”, о “раскрепощении церковной жизни от мертвящих ее бюрократических пут”, причем

предупредительно объясняется, что тут разумеется не светская только власть, но “духовная бюрократия”, в которую-де превратилась церковная иерархия. Далее идут обычные либеральные фразы, что Церкви “нужна свобода, нужна, как воздух для легких, без нея жизнь церковная гаснет и замирает”, что “церковную жизнь мертвит произвол и неправда чиновников в рясах и клобуках”, что наше духовенство есть “крепостное сословие, лишенное всякой защиты закона”, что “безправие заставляет всех, кто имеет возможность избежать положения архиерейской челяди (выходит: все иереи, все духовенство, по автору, не больше, как архиерейская челядь – до того безправны!), бежать от рясы в акцизники, в ветеринары, куда угодно, только под защиту закона. Безправие и произвол (конечно, архиереев), от которого нет защиты, породили в Церкви, долженствующей быть союзом любви, такое озлобление и ненависть низших против высших, примеров которым трудно еще где-либо найти”. Величая архиереев “духовными бюрократами, чиновниками в рясах”, автор говорит, что они “играют в каноны, как в шашки”, что в настоящее время “пастырей, избранных голосом самой Церкви, единомышленных с нею в учении, – обошедших каждую семью своей церкви, таких, единственно каноничных и законных пастырей церкви, или вовсе нет, или слишком мало”. Как видите, предъявляется целый обвинительный акт против нашей иерархии, акт, полный самых тяжких обвинений, и если бы, помилуй Бог, эти обвинения были справедливы, то оказалось бы неизбежною реформация во всех частях церковного управления. И все это печатается в самой распространенной газете, с очевидною целью – посеять недоверие к иерархии, возбудить неудовольствие в среде духовенства против иерархии, против существующих порядков в Церкви, внести туман в понятия православных, словом: обвинить иерархию в том, в чем сами пишущие кругом виноваты: “в сознательном замалчивании правды в расчете на некомпетентность (малую осведомленность или вовсе неосведомленность) общества в сложных церковных проблемах (вопросах), в полной собственной неосведомленности относительно духа и порядков жизни в древней Церкви”. Я нарочито беру эти фразы у г. Царевского, чтобы читатель видел, как он пытается обвинить “чиновников в рясах” именно в том, в чем сам кругом виноват. В самом деле, что значит хотя бы вот эта фраза: “Ныне нет или очень мало пастырей, избранных голосом самой Церкви, единомышленных с нею в учении, обошедших каждую семью своей Церкви”? Нет, говорит г. Царевский, таких пастырей “единственно каноничных или законных. Стало быть, весь епископат Русской Церкви “неканоничен и незаконен”? Ведь сама “церковь”, под коею автор разумеет паству, не имеет даже возможности “избирать” себе епископа, не говоря уже о том, как понимать это “избрание”. Как, например, стала бы вологодская паства, раскинутая на миллионе квадратных верст, состоящая, по статистическим данным, из полутора миллиона душ, избирать себе архипастыря? Как могли бы эти полтора миллиона душ проверить правоспособность того или другого кандидата во епископа к ним? Как понимать это “единомыслие в учении с паствою”, о коем говорит г. Царевский? Да разве нужно единомыслие в учении только со своею будущею паствою, а не со всею Вселенскою Церковию? И как стали бы избиратели определять степень православности своего избранника? Кто стал бы его экзаменовать? Его же будущие пасомые? Куда девать словеса Господа: *не вы мене избрасте, но Аз избрах вас*, обращенный к Апостолам, первым Епископам Его Церкви? Или автор хочет свести все к протестантскому способу избрания пасторов? Ведь вот до чего можно договориться – намеренно или ненамеренно – Бог тому Судья, – задавшись целию “раскрепостить Церковь” отзасилия “духовных

бюрократов” – епископов. Я не имею в виду подробно разбирать статью г. Б. Царевского, я хочу только показать пример, как под самыми красивыми фразами сеется полною рукою смута в умах читателей светской газеты, далеко не всегда способных разобраться в этом тумане напыщенных фраз.

Теперь в моде слово “приход”. О приходе говорят и в Г. Думе, и в печати, и в обществе. Но никто не задумывается над вопросом: а кого можно и должно считать “прихожанином”? Между тем, с этого вопроса надо начинать суждение о благоустройстве прихода. Такое благоустройство – дело необходимое, но оно должно быть выполнено крайне осторожно. Кому же не известно, что в среде именующих себя православными ныне немало язычников, не только по жизни – един Бог без греха – но, что опаснее, по миросозерцанию, по взглядам, – не скажу – убеждениям, ибо ныне и этим великим словом злоупотребляют, называя “убеждением” то, что вычитано из первой попавшейся под руки иудейской газеты? Как отделить вот таких полуязычников от истинно православных, в простоте верующих прихожан? А ведь лишь только будут даны формальные права приходу, как вот эти-то полуязычники и выступят руководителями “общественного мнения” в приходе: для них ведь ни канонов, ни правил, ни указов правящей церковной власти не существует, им нужны только “права”, чтобы вмешиваться во всякое дело, составлять оппозицию (тоже термин из “эзоповского языка”) священнику, мутить простецов и распоряжаться в приходе по-хозяйски. Достойно внимания, что гг. пишущие о приходе совсем замалчивают вопрос о признаках правоспособности прихожанина: по-видимому, они думают, что достаточно быть в списке прихожан той или другой церкви, и это уже дает право и на все права прихожанина. Но избави Бог от таких прихожан в будущем преобразованном приходе! Это было бы не “обновление”, а полное разрушение церковной жизни, внесение в нее растлевающих начал, заражение ее теми микробами, коими болеет вся наша земская, общественная жизнедеятельность, все те учреждения, где самоуправление является основным принципом жизни. Но попытайтесь поставить вопрос о признаках православного прихожанина в желательном для Церкви смысле, и вы увидите, как обрушатся на вас все эти радители “обновления приходской жизни”. Заслуживает осторожного внимания и то обстоятельство, что больше всего говорят и пишут о приходе газеты, коим, по составу их редакции, казалось бы, нет никакого дела до церковной жизни нашей православной России. Простое чувство порядочности, деликатности должно бы подсказать всем этим Кугелям, Нотовичам, Гессенам, что им не следует говорить о таких вопросах, в коих они ничего не понимают: довольно с них той свободы, с какою они толкуют о равноправии иудейского племени... Но разве можно этого требовать от них? На то и изобретен ими “эзоповский язык”, чтобы мутить воду на Руси. Печально то, что они сумели загипнотизировать нашу интеллигенцию до такой степени, что только и слышишь у разносчиков газет: подай “Речь”, подай “День”, “Биржевые”, и это считается как бы признаком хорошего тона, как будто это – самая надежная газеты во всех отношениях.

Православным нужен не “народный”, а “приходский дом”

I

В правительственных кругах, как слышно, обсуждается вопрос о так называемых “народных домах”. Казалось бы, едва ли настала уж такая неотложная нужда в этих домах, чтобы обсуждать дело под гром страшных битв, когда все внимание и властей, и самого народа устремлено на великое дело борьбы с страшным врагом; да и едва ли было бы, даже по окончании войны, возможно затрачивать во всяком случае крупные средства на это дело. Но пусть так, пусть заранее, хотя бы в счет будущей контрибуции с немцев, приготовят проект о народных домах: не чрез год – чрез пять-десять лет пригодится. Только вот что тревожит нашу православную русскую совесть: а что если в новом проекте воскреснут старые “народные дома”, вроде тех, которые сам же народ сжег в 1905 году?.. Помните, кто хозяйничал в некоторых народных домах в то злосчастное время, какие там читались лекции народу, какие речи произносились, какие издания там распространялись? О, конечно, скажут нам, то было да прошло и былью поросло; теперь вот и обсуждается проект таких домов, которые соединяли бы “полезное с приятным”, служили бы центрами народного просвещения, народного развлечения в праздники и т. п. Но ведь прежние дома, по мысли недоброй памяти покойного реформатора России,

графа с иностранной фамилией, предназначались служить именно вот этим же целям, а стали, во дни смуты, очагами этой смуты... Конечно, опыт прошлого будет принят во внимание, а все же не худо прислушаться к голосу тех людей, которые стоят ближе к народу, непосредственно соприкасаются с ним, живут одними с ним идеалами. А идеалы нашего народа не допускают никаких компромиссов, никаких сделок с совестью или уступок в основных понятиях о предметах, имеющих то или иное отношение к нравственному, духовному миру. В этом отношении народ мыслит совершенно прямолинейно: развлечение и есть только развлечение, забава, и ни единого гроша казенных денег на эту забаву не должно тратить; если уж кому охота позабавиться, то к его услугам – частные предприятия, за которыми, однако же, надо установить строжайший надзор, чтобы не допускали ничего развращающего, ничего безнравственного.

Совсем другое дело – “полезное”, но тогда спросите: чего “полезного” желает сам народ? Он любит полезные чтения на религиозные и патриотические темы, любит духовные беседы, любит акафисты, церковное пение, не откажется послушать и полезные беседы по сельскому хозяйству, хотя тут – уж извините – не обойдется без критики лектора со стороны слушателей: “Хорошо барам толковать, когда у них есть и машины, и земля, и наемные руки, а вот посидели бы они на нашем положении” и т. д. Я имею в виду деревню, только деревню: в городах и простой народ заражается уже от полуинтеллигенции вкусами нерусского духа. Рабочий люд, приказчики, оторвавшиеся от родной деревни, уже не прочь и в кинематографе побывать, и на сцены посмотреть, и отдать свободные часы развлечениям, которые в деревне сочли бы греховными.

И вот является вопрос, позволительно ли строить народные дома одного и того же типа в городе и деревне? Нужен ли в деревне вообще народный дом в том смысле, как мы его понимаем по опыту минувших лет?

Недавно Г. И. Никаноров в “Новом Времени”, говоря о необходимости скорейшего разрешения вопроса о приходе, высказал хорошую мысль. “Пусть, пишет он, рядом с храмом вырастет приходский дом с богатым запасом книг, с возможностью собраться там и для чтения, и для беседы, для взаимного поучения (жаль, что не сказал яснее: о каком это “взаимном поучении” у него идет речь?), для постоянной поддержки в том непрерывном и огромном труде, который нужен России, если она, действительно, хочет быть свободной” (надеюсь, речь идет о свободе от немцев и жидов, от иностранной культуры в материальном и духовном смысле)... Так вот решение вопроса о “народных домах”. Для народа нужен “приходский дом”, где под непосредственным руководством пастыря, приходского священника, верующие люди могли бы собираться дружною семьей, чтобы там отдыхать душой, набираться духовных сил, запастись добрыми знаниями как в области религиозной, так и в других отношениях. Я думаю, что если бы те сотни тысяч, а может быть, и миллионы, которые будут ассигнованы из казны, из народного трудового фонда, на “народные дома”, направить вот в это русло, в русло народно-церковной жизни, и по селам рядом с приходскими храмами строить приходские дома, то это принесло бы народу именно то, в чем он так нуждается, чего жаждет: удовлетворение его духовной потребности в праздничном отдыхе – так, как по совести понимает его сам народ. А если дело будет направлено по старой колее, если распорядителями этих “домов” окажутся люди, чуждые духу народному, равнодушные к Церкви, то ждать от них добра не приходится... Знаю, что меня назовут за это отсталым клерикалом, обскурантом, но я так уверен в правоте своих мнений, что никаких кличек не боюсь. Что греха таить? Нас, пастырей Церкви, боятся слишком близко подпустить к душе народной, отсюда пражда к нашим церковно-приходским школам, отсюда стремление поставить нас подальше от земской действительности в области народного просвещения, отсюда предубеждение вообще против духовенства как носителей “мракобесия”, суеверий, как от людей крайне ограниченных, как врагов истинного прогресса и цивилизации. Иногда чувствуешь, что мнящие себя быть сливками общества, представителями культуры только терпят нас, духовенство, как бы снисходят к нам, сознавая все свое превосходство. Если в столицах это сглаживается, маскируется тонким обращением – изысканной вежливостью, то в провинции иногда дело доходит до того, что какой-нибудь присяжный поверенный позволяет себе в запальчивости даже архиерею говорить “ты”. А взгляни поближе в его религиозное мирозерцание – какая пустота, жалкие обрывки из уроков по Закону Божию, сохранившиеся еще от гимназического курса, зато знакомство с “последними словами” немецкой лженауки, отрицательной критики, мнимой философии – всего понемножку. Не думайте, впрочем, что и эти обрывки лженауки он почерпнул из первоисточника: просто вычитал из иудейских газетных фельетонов... Тут главное – не знание, а просто мода на либеральные бредни, желание хвастнуть своею мнимою прогрессивностью, показать, что вот-де мы какие просвещенные люди, не то, что попы да монахи... Жаль таких недоучек, а, между тем, нередко в их руках и судьбы школьного дела, и “народных домов”, и даже печать, особенно вне столиц. Немало таких господ заседает в земских и городских самоуправлениях; немало руководит учебным делом, распоряжается земскими суммами, народными библиотеками и т. п. Что им за дело до того, что Церковь, в лице своих

служителей, 900 лет воспитывала тот великий народный дух, который теперь так поразительно проявляет себя и на полях битв, и в лазаретах, и в крестьянских хатах? Весь мир христианский удивляется красоте этого духа, а нашим интеллигентам откуда-нибудь из Уфы или Саратова до того никакой заботы... Вот и есть опасность, страшная опасность, если, вопреки всему настроению православного нашего народа, дело народных домов попадет в руки таких господ. Вот почему надо громко взывать: если есть средства, если считаете нужным строить народные дома, то поверьте это дело – не земствам, не городским самоуправлениям, а матери-Церкви. Установите какой-угодно контроль, наблюдение, но поверьте, что народ с радостью встретит такое доверие к церковной власти, и приходские дома будут, действительно, центрами народной жизни, не отдыха только, но и общественной жизни, в чем со временем окажется особенная нужда в виду расселения крестьян на хутора. Надо, чтобы, посещая в праздник храм Божий, хуторянин нашел место и просто для физического отдыха. Зимой пришедшие из деревень богомольцы ютятся в церковных сторожках, в школах и в домах причта в ожидании обедни или между обедней и утреней. А в приходском доме они нашли бы и что почитать в приходской библиотеке. И уж, конечно, в приходский дом не могли бы проникнуть такие издания, какие иногда попадаются в земских народных библиотеках и каких целые склады оказывались там в недоброй памяти “освободительных” годах.

Думается мне, что предубеждение против духовенства в нашей так называемой, интеллигенции зиждется на двух основах: во-первых, на усиленном распространении в последние полсотни лет, начиная с знаменитых шестидесятых годов, материалистических теорий и в книжном и в журнальном мире, а во-вторых, на простом недоразумении: на нас, служителей Церкви, смотрят в очки западной интеллигенции, где, благодаря деятельности слуг Лойолы и папского настойчивого вмешательства не только в дела веры и совести, но и в политические отношения, в мыслящих классах так естественно утратилось доверие к представителям Церкви и поселилось предубеждение против них. Но ведь ничего подобного в нашей родной истории не было, наша Церковь православная всегда шла рука об руку с государством в государственном строительстве, воспитывая народ в послушании власти и вовсе не вмешиваясь в дела мирские. Только незнание истории может допускать у нас какой-то клерикализм, если не считать таким укрепление православной веры в народе и духовное окормление народа Церковью. Само собою понятно, что Церковь не может допускать без протеста отравление народа безбожными учениями и еретическими мудрованиями: это было бы отречением ея от себя самой. Не может она также допускать уклонения от духа канонов церковных. Говорю: духа, ибо буква канонов и самую Церковь изменяется соответственно обстоятельствам времени. Так, в древности налагались епитимии за некоторые тяжкие грехи по десяти-двадцати лет, а позднее стали их сокращать, ныне же приходится, по немощам человеческим, и еще более сокращать их. Но многие ли из интеллигентов наших знают дух канонов церковных? Да знают ли еще и вообще: что такое каноны? Знают ли степень их обязательности для власти церковной? Судя по тому, какая реформы желали бы они видеть в родной Православной Церкви, можно думать, что они никогда и не заглядывали в каноны и свои суждения строят на началах, чуждых Православию, заимствованных, вычитанных из тех же немецких, с точки зрения нашей Церкви, – еретических книг, которые читают предпочтительнее святоотеческой и вообще церковной литературы. А в этом – новый источник недоразумений в отношениях нашей интеллигенции к церковной власти и духовенству. Мы стоим, по мере возможности, на почве канонов, стараясь

сохранить их дух в церковной жизни, а наши критики думают, что мы оберегаем свои сословные и иные интересы, и ставят исполнение нами долга нам в вину... Хорошо ли это?

II

Я закончил свою статью, когда мне подали “Приходский Листок” № 149 и “Киевское Руководство для сельских пастырей” № 23. В обоих изданиях идет речь о “народных домах”. В первом голос из народа: пишет крестьянин Федор Чириков из Талызина, Симбирской губернии. Оказывается, что идея приходского дома там уже осуществлена, благодаря неумолимому усердию местного священника о. Иоанна, и “дом” примерно обслуживает нужды прихода уже десять лет. Прежде всего, между заутреней и обедней там читаются для народа жития святых, подходящие статьи из книг и духовных журналов, по указанию священника. По вечерам ведутся чтения по обширной программе с общенародным пением и теневыми картинами. Кроме духовных статей, читаются статьи по сельскому хозяйству, полезные рассказы из народного быта, раздаются книги на дом из приходской библиотеки. Здесь же помещается кредитное товарищество, руководимое священником, собирается приходское попечительство; здесь же теперь работают крестьянские девушки, изготавливая белье для воинов под руководством матушек, жен священников. Тут есть и газеты, из которых крестьяне узнают все новости с войны... “Мы, пишет автор-крестьянин, очень желали бы, чтобы в каждом приходе было устроено подобное здание и чтобы им руководили священники”.

Вот подлинный голос из деревни, голос народа в лице одного из лучших его представителей. Теперь послушаем, что пишет в “Руководстве для сельских пастырей” некто Ник. Бережанский.

“Мы хотели бы, говорит автор, своевременно указать на одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое окажет огромное влияние на будущую историю развития и успеха народных домов. Конечно, в народном доме должна быть библиотека-читальня, театральный зал”... Оставляя в стороне вопрос о народных домах в городах, где население уже отравлено и “театром”, спрашиваем: да ужели и в деревне нужен дом непременно “с театральным залом?” А знает ли г. Ник. Бережанский, как народ смотрит на театр вообще? Да и где он найдет хороших актеров для деревенского “народного дома?” А с плохими, коими хоть пруд пруди, по пословице ведь будет уже не театр, даже если и допустить идею театра для сельских народных домов, а простой балаган, одно народное развлечение! Мне кажется, самая идея театра на казенный счет будет развращать народ, который еще не утратил взгляда на театр как на забаву для бар, на которую грешно тратить казенную копейку; эта идея должна уже вовсе устранить от народного дома главное лицо, которое может и должно по сану своему руководить делом воспитания народа в духе родных заветов Руси святой – разумею священника. Не пойдет же он в народный дом тогда, когда там будут исполняться на сцене хотя бы даже самые патристические пьесы. Это было бы соблазном для народа: “Как! Батюшка ходит в театр?.. Да какой же он после этого священник?!” – Да, г. Бережанский, наш простой деревенский народ пока еще держится именно таких воззрений, нравится ли это нашим интеллигентам или нет. А мы скажем: и Слава Богу. Пока не требует он, православный

народ, “хлеба и зрелищ”: хлебушко у него свой есть, а зрелища он пока еще считает не больше, как забавой...

Но г. Бережанскому, как он сам говорит, “и этого мало”. “Необходимо, говорит он, чтобы народным домам был еще придан облик деревенского клуба, т. е. должны быть открыты при нем чайная, буфеты без крепких напитков, музыка, танцы и проч.!”. Даже “и проч.!”... Это в деревне-то? Это для крестьян-то “клубы с танцами и музыкой” на казенный счет?! Да сохрани нас, Господи, от такой напасти! Тогда уж батюшка не показывайся в народный дом.

“Клуб”... Народ такого слова и не слыхивал. Помню, лет 20 назад, когда я был казначеем в Троицкой Сергиевой Лавре, приходит ко мне немец-аптекарь и просит, по поручению посадских интеллигентов, разрешения снять помещение в лаврской гостинице “под клуб”. Спрашиваю его: а что такое клуб? Отвечает: “Это место, где можно приятно провести время, в обществе членов клуба, отдохнуть, почитать газеты, развлечься в свободный час”... “Другими словами, – dokonчил я его мысль, – убежать от семьи, от детей, от жены, поиграть с приятелями в винт и т. д.?” Он ответил: “Да, хотя бы и так”. Тогда я сказал ему: “Обитель преподобного Сергия никогда не даст помещения для таких празднотцев”. И отказал. А теперь вот г. Бережанский хочет мужичка приучить бегать от семьи в народный дом, чтобы там слушать музыку, а может быть, и участие в танцах принимать? Почему бы не так? Танцы он считает ведь занятием “совместимым с делом народного просвещения”. Он, видимо, чувствует, что сказал нечто лишнее, неудобь приемлемое для “сельских пастырей”, для которых издается журнал, где он помещает эту статью, но и этим он не стесняется и спешит как бы предупредить возможное ему возражение: “Надо, говорит, на вещи смотреть просто и прямо. Пора перестать смотреть на народ, как на детей, которых надо опекать”... Вот так мы и смотрим на наш православный народ: он духовно стоит много выше автора названной статьи, и если бы в народный дом пошел священник, то прямо сказал бы ему: “Тут, батюшка, тебе не место, тут, видишь – забавляются танцами и театром”. Таким образом, уже пастырь, по верному народному взгляду, оказался бы под опекой своих пасомых, если последовать совету г. Бережанского. “Надо свыкнуться с мыслию, говорит он, что народ имеет право так же веселиться и развлекаться, как и мы, образованные жители больших городов”. Так сам себя и выдает г. Бережанский в качестве обыденного интеллигента, коему чужды идеалы народного духа. “Жизнь – не монастырь, продолжает он, и не старообрядческая молельня, где искушают друг друга в писании”. Ну, а как же быть, когда лучшие русские люди из простого народа, каких ведь и надо иметь в виду при суждении о духовных потребностях народа, – когда эти люди прямо чуждаются идеи театра, танцев и музыки, разумеется при танцах, и соблазняться будут, когда все это будет заводиться на казенный счет?.. “У каждого человека, пишет г. Бережанский, есть потребность общения с себе подобными, и есть потребность поговорить, потолкаться, и нельзя человеку весь его свободный досуг заполнять душеспасительными чтениями да умственной работой”. Тяжело читать эти строки в духовном журнале, назначающем себя в “руководство для сельских пастырей”. Какая-то, простите, пренебрежительная нотка слышится в этих строках по отношению к “душеспасительному” чтению. “Пойти в такой клуб, говорит г. Бережанский, потолкаться там вечерок в компании с товарищами за чашкой чаю, почитать газету, а то послушать музыку, а потом хор, танцы, спектакль, – что может быть здесь вредного?” Да прежде всего уже одно то будет вредно, что народ привыкнет смотреть на народный дом, как на место забавы, куда батюшке показаться стыдно, и забава эта будет на казенные деньги.

Уже это одно вредно! Не полезно и то, если мужичок будет бежать из семьи для того, чтобы “потолкаться с товарищами”: какие еще будут “товарищи”, какой хор? какие танцы? Если хотите, чтобы добрый мужичок пошел в народный дом с пользой для себя, чтоб его русская православная совесть не осуждала его, то поставьте дело так, чтоб он мог привести в народный дом и семью свою, чтобы, по возвращении оттуда, нашел, что сказать в назидание своим детям, не заражая их юной души страстью к праздным зрелищам, смехотворным шуткам и болтовне...

Надо знать и помнить, что наш народ гораздо вдумчивее, гораздо серьезнее смотрит на развлечения, чем наша интеллигенция. Что худого в том, что его взгляд иногда более строг, чем интеллигентный? Поверьте, что аскетизм в народном мировоззрении, в его нравственной оценке тех или иных явлений жизни не только не мешает духовному прогрессу в его развитии, но и создает благоприятную почву для сего развития. Народ не забыл своих аскетов-подвижников и сотнями тысяч ходит в их святые обители учиться у их гробов истинно православному пониманию смысла жизни. Вот почему надо бережно относиться даже и к тому, что кажется нашим интеллигентам слишком сурово аскетическим. Надо изучать сохранившиеся от веков древних в душе народной начала православного мировоззрения, благо они еще не совсем вытравлены разными новшествами, и на них строить законы, руководящие всеми явлениями народной жизни, а не на мечтах наших интеллигентов, насквозь пропитанных западными, главным образом немецкими, идеалами. Довольно опытов над народной душой! Пора прислушаться к этой душе и спросить ее: чего она просит? Как она думает о том, что ей нужно? Два века пытались переделать наш простой народ по образу и подобию европейцев; настоящая война показала те сокровища народной души, какая заложила в нее наша мать – Церковь Православная, вскрылся тот драгоценный клад, который не успели расхитить разные непрошенные просветители и радетели народа на протяжении двух веков: наш долг оценить этот клад, долг интеллигенции изучить его в духе христианского смирения, как изучали его наши незабвенные славянофилы, как знают и ценят его лучшие пастыри Церкви, и это тем более, что даже чужие народы теперь отдают должное сокровищу нашего народного духа...

Нужно ли говорить, что помещение небольшой заметки г. Бережанского в “Руководстве для сельских пастырей” я считаю просто недосмотром почтенной редакции духовного журнала?..

Свобода миссии и железные дороги

Никогда, вероятно, не говорилось так много о свободе совести, свободе слова, о всяких свободах, как в наше свободлюбивое время, и однако же – появившись среди нас обличитель нравов, подобный грозному пророку Илии или Иоанну Предтече, наверное, такой ревнитель поплатился бы своею свободою за исполнение своего долга. и тот пастырь Церкви, который возгорелся бы ревностью исполнить заповедь Апостола: “проповедуй слово, настой благовремение и безвременно, обличи, запрети, умоли”... сам потерпел бы в своем роде “запрещение” или за то, что “восстанавливает одну часть населения на другую” и позволяет себе резко выражаться по адресу власть имущих, или за то, что он – “беспокойный человек”, вносит смуту, входит не в свое дело и под. И не мудрено, и удивляться нечему: ведь общий закон жизни христианской таков: еси, *хотящие благочестно жити о Христе, гоними будут*. Так или иначе будет совершаться, осуществляться этот закон в жизни, но он неотменен, его никто из “благочестно хотящих жити”, желающих исполнять свой долг неуклонно – не избежит. Мало того: история свидетельствует, что и сама Церковь Божия, в своей совокупности, как на земле постоянно воинствующая, пребывает присно в скорбях всякого рода, так что святитель Димитрий, в одном из своих прекрасных слов, к ней применяет слова Песни Песней: *яко крин в тернии, тако ближняя Моя* (П. П. 2, 2). И несет крест скорбей своих невеста Христова, – то от вне, как во времена гонений, то в своих недрах – от сект и расколов, от пороков людских, и так суждено ей пребывать под крестом даже до пришествия Жениха Небесного, егда придет судить живым и мертвым, в последний день мира... В сем великое утешение всем скорбящим и крестами обремененным, если мать наша Церковь присно страждет, то нам ли, грешным, присно прегрешающим, не подобает быть причастниками страданий ея в том или ином виде? Примиримся же с скорбями, будем ждать их как друзей, которые напоминают нам Бога, зовут к Нему, и Бог будет нам прибежище и сила в скорбях, обретших нас зело.

На эти мысли о скорбях Церкви навел меня своей хорошей статейкой г. А. Горский в “Приходском Листке” (№ 296). Говорит он о миссии, о борьбе с баптизмом, о средствах этой борьбы и указывает, между прочим, на то, как бы хорошо использовать железнодорожные вокзалы для противодействия всякой еретической пропаганде. В самом деле, как бы было хорошо, если бы в каждом вокзале была икона, совершалось по праздникам богослужение, а к богослужению приурочить бы и беседы с народом, с служащими при станции и путешествующими, ожидающими поездов, продавать бы тут листки, книжки, полезные издания... Где есть икона, там всегда сердце радуется: пред иконою горят свечечки, которые ставятся путниками, испрашивающими милости Божией и благополучного пути; вот бы хорошо тут старичку-монаху или какому-нибудь заштатному батюшке беседовать с случайными посетителями, порекомендовать им на дорогу запастись хорошею книжкой вместо романов и грязных произведений, коими переполнены киоски и прилавки на железнодорожных станциях... Но хорошо, видно, только помечтать обо всем этом, а на деле выходит не то. Помните ли вы, лет 12–13 назад, гонение на святые иконы, устраиваемая при вокзалах? Да, был такой циркуляр при покойном министре Хилкове, чтобы все иконы с вокзалов убрать, потому-де, что в вокзалах люди ходят в шапках, курят, говорят непристойные речи: иконам быть тут

неприлично... Точь-в-точь рассуждение иконоборцев в дни оны древние: иконы-де надо поставить в церквах повыше, чтобы их не касались грешными устами, а потом и совсем вынести. Помню, мне, как казначею Сергиевы Лавры, пришлось защищать икону Чудотворца, поставленную на вокзале православными служащими при вокзале: Духовный Собор Лавры поручал мне вести по сему делу сношение с железнодорожными властями. Требовали – убрать икону с вокзала. Я отвечал, что она поставлена не Лаврой, притом мы, монахи, такое удаление иконы считаем профанацией святыни, лишением православных возможности помолиться пред нею. Тогда потребовали, чтоб был устроен киот, в котором бы можно было закрывать икону на то время, когда пред нею нет богослужения: приведены были те же доводы, какия я упомянул выше. Мы отвечали, что за оскорбление святыни закон карает виновных, и не святыню надо удалять с вокзала, а тех, кто ее оскорбляет. Говорят, то же было и повсюду, где были иконы. Писал я тогда ревнительно благочестия, незабвенному К. П. Победоносцеву, и, вероятно, по его настоянию, циркуляр был отменен. Так вот какия истории бывали с св. иконами на вокзалах.

Теперь расскажу случай и относительно миссии на тех же жел. дорогах. Да, пропагандисты-еретики всякого рода свободно гуляют по вагонам и ведут свои беседы с простецами против св. Церкви. Но пастырям Церкви не всегда это удается.

Известный в свое время в Москве миссионер-протоиерей И. Г. Виноградов, служивший сначала при церкви мученицы Параскевы в Охотном ряду, а потом у пр. Сергия в Рогожской, имел обыкновение всегда в дороге при случае вести беседы с спутниками и раздавать им мои “Троицкие Листки” или подобные брошюрки. Раз ему пришлось на перекрестной станции ожидать поезда часа два, и он занялся в зале 2 класса разбором этих листов. В зале никого не было, кроме одного интеллигентного господина, лежавшего на диване. О. Иоанн молча делал свое дело, когда сей господин спросил его: “Что это вы делаете, батюшка?”

О. Иоанн подал ему подходящий для интеллигента листок и сказал: “Не угодно ли, подарю?”

Господин молча поднялся и вышел. Через пять минут является обратно, уже с жандармом...

Жандарм спрашивает о. Иоанна: кто он? Тот называет себя. “Вы занимаетесь пропагандой?” – спрашивает представитель полиции.

Удивленный о. протоиерей в свою очередь спрашивает, в чем дело.

Жандарм показывает ему листок, данный господину о. протоиереем, как доказательство “пропаганды”.

О. протоиерей объясняет, что он, как священнослужитель, долгом почитает распространять такие листки, что листки издаются Троицкой Ааврой и имеют цензора – редактора семинарии. Но строгий блюститель порядков, подстрекаемый интеллигентом, заявляет, что он составит протокол, требует, чтобы отец протоиерей, “по крайней мере”, удалился из зала второго класса и ушел в третий с своими листками. и только твердое заявление о. протоиерея, что он немедленно пошлет телеграмму Великому Князю Сергию Александровичу с жалобой на такое оскорбление, заставляет жандарма уйти...

Так вот что возможно было на Руси, в Рязанской губернии, на железнодорожной станции, лет 25 назад. Тогда о свободах не так много рассуждали, а все же свободу сектантским пропагандистам давали, а почтенных отцов протоиереев не прочь были заарестовать за “пропаганду”. Невероятно, но – факт. Покойный И. Д. Митрополов, несколько раз сопровождавший на Сахалин арестантов с запасом духовно-нравственных

изданий и много раз проезжавший по Сибири с тою же целию, имея при себе открытый лист покойного К. П. Победоносцева, не раз был арестован и сидел в кутузке, пока полиция выясняла его личность, несмотря на упомянутый лист: предполагалось, что лист поддельный! И он же свидетельствовал, что разные книгоноши шныряют свободно по вагонам с своими навязчивыми беседами о спасении верою, и никто не считает нужным обращать на это внимание.

Много кричат о свободе, которую установил бы закон. Но закон – одно, а жизнь – другое. Пока пишутся законы, наши интеллигенты проводят свободу в жизнь, как говорится, захватным порядком. Они закрывают глаза на то, что творится, вопреки закону, и подстерегают случаи, чтобы использовать его в целях желанной им свободы для запрещенного законом, и для стеснения того, чему закон хотел бы содействовать. Нет нужды доказывать, что любителей такой свободы на свете больше, чем исполнителей закона. Либерализмом заражены ныне все, от стрелочника до начальника дистанции и выше. А наша полу интеллигенция сверху до низу пропитана каким-то пренебрежительным отношением ко всему, что касается Церкви.

И не мудрено: ведь она каждый день поглощает изрядную порцию этого фальшиваго либерализма в любимых ею иудейских листках, которые положительно заполнили нашу периодическую печать. Можно ли ожидать содействия от большинства всякого рода “служащих” на железных дорогах в деле борьбы с сектантством, беседе с народом, хотя бы это даже и было им предписано свыше?.. Не следует нам, служителям Церкви, скрывать от себя, что немного у нас друзей среди такого рода полу интеллигентов и рассчитывать на них не приходится...

Война и монашество

Мы, люди церковные, не можем не обратить внимания на то, что иудействующая печать с каким-то особенным усердием следит за всем, что касается Церкви Православной, ее идеалов и ее жизни. Казалось бы, какое дело господам Нотовичам, Кугелям и прочим представителям иудейского племени до Православия, до Церкви и ее служителей? Однако же не проходит, кажется, номера из печатных листов, в коем не касались бы они этих, для нас столь дорогих вопросов. Само собою понятно, что все это делается их газетами под благовидным предлогом забот о самой же Церкви, о благе русского народа, пользах Отечества. Но будем откровенны: кто же поверит, чтоб иудеи, хотя даже когда-то и крещенные, заботились о сих благах усерднее самих нас, православных? Мы отлично должны знать и помнить, что когда они заговаривают о Церкви, то не благо Церкви и Отечества у них на уме. И мы хорошо знаем, что цель у них совсем другая: их озабочивает возможность противодействия Церкви их замыслам – по меньшей мере обезсилить Церковь в борьбе с их разрушительными намерениями, ввести смуту в ясные понятия церковных людей, подорвать доверие сынов Церкви к их матери и таким образом лишить народ православный той крепкой опоры, которую он держался почти тысячу лет и в которой доселе черпает свои нравственные силы в борьбе с темными силами сатаны, где и в чем бы они ни проявлялись.

Недавно один из архимандритов (вероятно, протест) с несколькими иноками подавал прошение в Святейший Синод о том, чтоб ему было разрешено вступить в ряды войск в качестве простого рядового солдата. Сим ревнителям защиты родины было объяснено, что не воспрещается послужить войску в качестве санитаров и духовных утешителей раненых воинов, но что проливать кровь, даже животных, не только людей, правила церковныя воспрещают священнослужителям. Простые иноки еще могли бы при крайней нужде это сделать, но так как, милостью Божией, у нас нет такой великой нужды в рядовых воинах, чтоб иноки – капля в народном море – становились в ряды бойцов, то довольно иноку послужить воинам раненым, вынося их из пыла битв и обвязывая их раны. Бог видит и этот подвиг любви; и при этом не исключена возможность принять венец мученический для монаха и для священнослужителя, а между тем не будет нарушено церковное правило.

Вот по этому-то случаю и пришлось читать в иудейской печати нотацию монастырям, что они не посылают своих монахов на войну. А то забыто, что вся молодежь, послушники, почти поголовно, за исключением разве неспособных, уже ушла туда и сражается в рядах доблестного воинства, проливая свою кровь за Веру, Царя и Отечество. Монастыри на половину опустели. В больших обителях, где совершается по десяти литургий, иногда на клиросе чувствуется недостаток в певцах. О других послушаниях говорить нечего: приходится искать добрых мирян для обычных послушаний в поварне, хлебной, просфорной, на конном дворе и пр. Известно ведь, что ранее 30-летнего возраста постригать нельзя, а потому все послушники до этого возраста подлежат воинской повинности. Но в известных газетах об этом тщательно умалчивается; напротив, усиленно говорят: почему монахи не идут по примеру Пересвета и Осляби при Димитрии Донском?

Но история свидетельствует, что и сии два инока не своею волею пошли на поле бранное, а за послушание своему святому игумену, что их просил у преподобного Сергия великий князь Димитрий, как опытных воевод в деле ратном: ведь они были воеводами –

один в Брянске, другой – в Любецке. Это были не простые воины, рядовые, а люди очень нужные великому князю – Их мужество, храбрость и воинское искусство были еще у всех в свежей памяти; всецело посвятив себя Богу, они могли служить примером для воинов. И преподобный Сергей тотчас же приказал Пересвету и Ослябе готовиться в путь. Взамен лат и шлемов игумен повелел им возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Господня: “Вот вам, дети мои, оружие нетленное”, – говорил при сем преподобный, – да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!” И обращаясь к Великому князю, святой игумен сказал ему: “Вот тебе мои оруженосцы и послушники, а твои избранники!”

И святое послушание было исполнено в точности. Когда из полков вражеских выступил великан Челибей-Темир-Мурза, вызывая на единоборство русского воина, то сразиться с ним вызвался славный Александр Пересвет. Доблестный инок-воин окропил себя святою водою, заочно простился с отцом своим духовным, преподобным Сергием, простился с собратом своим – Андреем Ослябею, с Великим князем и воинством православным, и, в одном иноческом одеянии, без лат и шлема, вооруженный тяжеловесным копьем, подобно молнии, устремился на своем быстром коне против страшного татарина... Раздались, говорит сказание, восклицания с той и другой стороны, противники сошлись, крепко ударили друг друга копьями и – оба пали мертвыми.

А инок Андрей Ослябя остался жив и спустя 18 лет путешествовал, по поручению князя Василия Дмитриевича, в Царьград. Но для него была особенно памятна и дорога память о Куликовской битве и о собрате Пересвете: он погребен рядом с сим последним в церкви Рождества на Симонове.

Так вот как совершил свой великий подвиг, великое послушание святому игумену Сергию славный инок Александр Пересвет. Он не вызывался на этот подвиг, но и не отказался от него; святой игумен не навязал его Великому князю, а послал тогда, когда стал просить того сам князь. В монашестве нет ничего показного, самозванного, самочинного: пошлют – добрый инок идет, не посылают – делает в обители свое дело со тщанием. Но посылают на дело ратное иноков только в крайней нужде, когда, по нужде, и закону пременение бывает.

Вот еще исторический пример того, как наши предки-иноки смотрели на дело ратное. Всем известно, как защищала себя обитель преподобного Сергия в достопамятные дни 16-месячной осады от литовцев и поляков в 1608–1610 гг. Спустя девять лет после осады прибыл в Москву Иерусалимский патриарх Феофан. Он посетил Лавру Сергиеву. Святитель пожелал видеть старцев, защитников Лавры. Одобрив и благословив подвиг всей братии, в особенности он пожелал беседовать с теми иноками, которые во время беды ратной дерзнули возложить на себя броню и с оружием в руках сражались против врагов. Преподобный Дионисий, тогдашний настоятель Лавры, принял было это желание с недоумением; но подвижники брани добровольно вызвались: “Яви нас, отче, владыке нашему; буди все по воле его”. Ясно, что и тогда вопрос о том, может ли инок с оружием в руках защищать Отечество, тревожил совесть строгих иноков. И были представлены патриарху более двадцати иноков, среди коих первым был Афанасий Ощерин, “зело стар сый и весь уже пожелтел в сединах”.

Патриарх спросил его: “Ты ли ходил на войну и начальствовал над вии мученическими?” Афанасий отвечал: “Ей, владыко святой, понужден был слезами кровными”. Патриарх спросил еще: “Что ти свойственно, иночество ли в молитвах особо, или подвиг пред всеми людьми?” Афанасий, поклонясь, отвечал: “Всякая вещь и

дело, владыко святей, в свое время познается: у вас, святых отец, от Господа Бога власть в руку прощати и вязати, а не у всех; что творю и сотворих – в повелении послушания”. и, обнажив седую главу свою, наклонился к патриарху и, показывая ее, сказал: “Известно ти буди, владыко мой, се подпиш латынян на главе моей от оружия; еще же и в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обретаются; а в келлии сидя, в молитвах, как можно найти было из воли таких будильников к воздыханию и стенанию? А все се бысть не нашим изволением, но пославших нас на службу Божию”. Патриарх, без сомнения, удовлетворенный дознанием, что над воинственным одушевлением тем не менее господствует дух иноческого благочестия, смирения и простоты, благословил старца, целовал его “любезне” и прочих его сподвижников отпустил с “похвальными словесы”. (См. Житие преп. Дионисия Радонежского чудотворца, написанное Симоном Азарьиным).

Итак, в то время, когда мирские люди вольною волею могут идти в ряды войск на защиту Отечества, и это справедливо признается великим подвигом, награждаемым и здесь, на земле, от царя земного, и там, от Царя Небесного, – восприявшие монашеское пострижение могут идти на свой подвиг только за святое послушание, ведь монах уже отрезал свою волю вместе с своими волосами, ведь у него нет своей воли так же, как у его мантии нет рукавов, как же он может распоряжаться собою? А в духовной жизни даже и добровольный вызов на подвиг, хотя бы и с благословения игумена, не всегда бывает безопасен для монаха: “Не вернешься, брат, в келью таким, каким вышел из нея”, – говорит мудрость монашеская. Тем паче следует это сказать об обители.

Кто бы что ни говорил, что бы ни писал по этому вопросу, у монахов есть свое воззрение на это дело, от которого они не могут отказаться, если хотят оставаться истинными монахами. Вся разница в том, что “мир видит в них людей бесполезных для гражданских обществ, полагая, что он-то с своею волею, с своим умом, он-то своими шумными уставами и есть единственный благодетель общества. Но мир не понимает значения нравственных сил для общества, не знает ни силы молитвы, ни обширности зрения духовного”. Так говорит святитель Черниговский Филарет.

“В благочестивых пустынножителях, отрекавшихся от мира, – говорит другой святитель, великий митрополит Московский Филарет, – мир не думает видеть деятельных сынов отечества и мужей государственных”. Он даже презирает, ненавидит их, добавим от себя. – “Но справедлив ли мир, когда он ненавидит людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обрекают себя желать ему истинного добра в непрестанных молитвах, и не только желать, но самым делом доставлять то, чего желают”. Святые подвижники подвигами благочестия и чистыми молитвами отводят от него громы раздраженного неба и низводят на него могущественные и действенные благословения, а мир отвергает сих благодетелей! Если бы мир судил о них хотя бы только по одним временным выгодам, и тогда он отвергал бы в них свою собственную пользу, ибо если он считает их ни к чему бесполезными, то ясно, что он не знает собственных выгод”. Не знает своих польз, не верит в силу молитв, не хочет верить даже в то, что монахи молятся за грешный мир, и требует осязательных, так сказать, грубо материальных доказательств того, что монахи хотят служить и служат ближнему. Иудействующие газеты готовы сказать: оставь монастырь, возьми оружие и становись в ряды воинов. “Послушники”, не постриженные еще в монашество, в большинстве это и сделали из послушания к закону. Но миру мало этого: он хотел бы и настоящих монахов послать туда же. Хорошо, что закон не требует этого. Довольно монаху послужить санитаром, а если он имеет священный сан, то и духовным отцом для воинов. Но нельзя же монастыри доводить до

того, чтобы в них прекращалась служба Божия. Нельзя допускать, чтоб остались в монастырях одни старики, чтоб народ лишился утешения чрез сокращение служб, а главное, чтобы, оставив подвиг духовный, отложив в сторону свои прямые обеты, монах самозванно пошел на подвиг бранный... Не напоминают ли эти требования известные крики: *сниди со креста!* Мир не верит, что монахи молятся о нем; но суть подвига истинного инока в том и состоит, чтобы никто не видел и не знал его подвига. Для этого древние иноки бежали в пустыни и там умирали, безвестные миру. Но и среди монастырских иноков всегда есть истинные рабы Божии, даже своим собратиям-инокам мало ведомые, которые однако же делают великое дело. Немного их, но вспомните, что Господь еще в Ветхом Завете обещал Аврааму пощадить Содом и Гоморру ради десяти, хотя бы только десяти, праведников. Жил я тридцать лет в обители и теперь не лишен общения как с родной Лаврой, так и с другими обителями, и скажу по совести, что в каждой обители найдется хоть один, хоть два-три истинных инока, ради которых Господь щадит и нас, грешных. И народ знает это, и если бы сказали простецу-крестьянину, что надо послать всех монахов на войну, то он ответил бы: “Помилуй Бог, как это можно? А кто же будет молиться-то за нас, грешных? Кто будет служить у святых мощей угодника Божия? Кто будет совершать службу Божию?”

В страшное время мы живем. Темные силы ада пользуются всеми способами, чтобы затемнить в сознании верующих, даже в сознании самих монахов, истинный смысл духовной жизни, вытравить из души суть идеалов Православия, принизить их, подменить их утилитаризмом; благо к тому есть поводы, и такие приличные! Вы, которые пошли работать Богу в звании иноческом: как зеницу ока берегите эти святые идеалы! К ним подкрадывается уже давно собирательный иудей, который в конце времен подменит и Христа своим антихристом. Делайте то, что велит вам святое послушание. Вот ныне обители ваши призваны великою нуждою народною упокоить страдальцев-воинов, дать приют несчастным беженцам: это и делайте с тою святою любовью, с тем самоотвержением, с отречением от своих удобств и даже потребностей. Но помните: это – только *второе* дело. Это дело – Марфы, а прямое, первое ваше дело – дело Марии. Вас зовет Господь ныне и на то, и на другое дело: блажени будете, если сумеете сохранить святой порядок сего делания. Не вызывайтесь на подвиг, коего от вас не требуют. Не забывайте того подвига, на какой вас Господь призвал, который вы вольною волею себе избрали: ведите прежде всего и паче всего войну с своими страстями, боритесь с врагом незримым в самих себе. Если это поставите правилом своей жизни, то и внешнее делание, внешний подвиг служения ближнему, страдальцам-воинам и беженцам, будет содействовать вам в внутреннем вашем подвиге. Если забудете это правило, то и внешний подвиг может послужить вам к соблазну, к духовной гибели. Ваши отцы духовные знают, о чем я говорю. Припомните, что сказал Преподобный Сергий во время знаменитой осады Лавры одному им исцеленному старцу, въяве явившись ему: “Скажи всем в обители: не так гнусен мне смрад мирян, согрешающих блудом, как иноков, нерадящих о своем обещании. И под стенами обители моей всех пришедших врагов истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущих погублю же, и со осквернившимися управлюсь”... И видно, благопотребно было это вразумление, когда Преподобный повторил его воинам, встретив идущих на вылазку против поляков: “Что вы трепещете? Если и никто из вас не останется в живых, Господь не предаст святого места сего. Не будет услышано во вразех, яко пленником обитель Пресвятыя Троицы! Скажите в обители,

что нечисто живущие в святом месте сем погибнут. Господь не нечестивыми спасет место сие, но имени ради Своего без оружия избавит”.

И особенно благовременно напомнить инокам и инокиням сии заветы и предостережения угодника Божия, великаго печальника родной Русской земли, теперь, когда во многих обителях поселились миряне-беженцы, когда многие из иноков и инокинь призваны послужить в лазаретах болящим воинам, когда, как я сказал выше, каждодневная печать, в большинстве своем захваченная врагами Церкви, усиленно старается подорвать доверие к самым идеалам монашества в его сущности: блюдите, како опасно ходите!.. Теперь-то и стойте с особенным, удвоенным вниманием на страже своего сердца. А для сего приложите к подвигу внешнему и подвиг внутренний: пусть каждый из вас, кроме молитвы в церкви при богослужении, положит себе и в келлии особое правило: полагать несколько поклонов пред лицом Божиим за избавление земли родной от нашествия лютых супостатов. Вот это и будет то оружие, коим вы будете помогать сражающимся на брани воинам – незримо для них, но ощутительно. Вспомните молитву Моисея во время битвы израильтян с амалекитянами. Вспомните, как Аарон и Ор поддерживали старческие руки пророка Божия к молитве. И когда Моисей держал руки воздетыми горе, то побеждали израильтяне, а когда он, по немощи, опускал их, то одолевали амалекитяне. Воздевайте же свои преподобныя руки в тайной молитве, в келлиях тихих, и в общецерковной молитве, в храме Божием; возводите свои мысленныя очи к Богу, Господу воинств небесных, просите Его всемогущей помощи нашему воинству, и воины наши почувствуют сердцем в окопах своих, что с ними и за них молится вся Русь

Православная, все русские люди, их отцы и братия, наипаче же те, кто себя Богу на молитву и подвиг посвятил. И восчувствуют они прилив бодрости духа, прилив мужества и храбрости, прилив тех сил, коими некогда побеждали царства мужи древние, славные герои священной истории, о коих пишет Апостол Павел с великою похвалою вере их. Нет силы сильнее христианского смирения и возносимой им к Богу молитвы! И сию-то силу должны проявить прежде всего и паче всего – вы, иноки Русской земли, ибо и вся жизнь ваша должна быть единою молитвою, смиренною беседою с Богом, как сказал некто из святых подвижников, что монах есть делатель непрестанной молитвы, он есть “бездна смирения, в которой он потопил всякаго злаго духа” (Леств. Сл. 23, гл. 24, 27)...

Правые и левые

Когда, в минуту досуга, наедине с самим собою, начинаешь вдумываться в то, что творится вокруг нас, чем живет наше так называемое интеллигентное общество, что его волнует, чего оно ищет; когда начинаешь прилагать ко всему этому мерку нашего родного православного мирозерцания, то невольно возникает вопрос: да куда же мы, наконец, идем? Куда ведут нас так называемые “руководители общественного мнения?” Слышатся слова, в которых можно влагать смысл – какой кому нравится, слова будто благозвучные, заманчивые, но – увы, часто – пустые, такие, что если вы будете их употреблять, то собеседник иного мирозерцания будет понимать их по-своему – не так, как вы понимаете, а как ему хочется их понимать... Возьмем хотя бы слово: “прогресс”. Слово не русское, в переводе значит просто – “движение вперед”. А куда, в каком направлении – вперед? Толкуют – к лучшему будущему. Нов чем и как понимается это лучшее будущее? В чем признаки лучшего? Тут уж каждый понимай, как знаешь. То же – слова “свобода”, “просвещение” и много других.

Но есть два слова, которые в наши дни то и дело слышишь направо и налево и оба обозначают искание лучшего будущего; это – слова: “правый” и “левый”. Правые партии, течения, газеты; левые партии, левые газеты, направления и пр. Признаюсь: когда я слышу эти слова, то невольно приходят на мысль те страшные слова, которые в последний день мира речет Царь сущим одесную Его, *ренет и сущим ошуюю Его...* (Мф. 23, 34, 41). Боюсь упрека в кощунственной параллели между Судиею мира и тем, от кого направо и налево сидят думцы и другие члены общественных и государственных учреждений: не о председателях у меня речь, – и сами они могут быть правыми или левыми, – а только о делении на правых и левых: уж очень оно характерно по самим принципам их разделения и по той свободе, с какою сами они пошли на ту или другую сторону, свободно сами избрали себе название правых и левых. Мне хотелось бы спросить: вспомнил ли хоть один из правых, к чему он обязывает себя, называя себя “правым”? О “левых” не говорю: они гордятся своею принадлежностью к левым партиям и, уж конечно, не веруют в грядущий суд Страшный, хотя многие из них и называют еще себя “христианами”.

Мне скажут, что название “правых” и “левых” никакого отношения к Евангелию не имеет. Я и не утверждаю этого. Ни та, ни другая сторона, по крайней мере, об этом не думали. Но вот, подите же, какое совпадение. Почему защитники Церкви, сторонники родных преданий, названы “правыми”, а противники их – “левыми”? Почему те и другие и в государственных учреждениях садятся именно направо и налево от г. председателя? Почему те и другие, особенно левые, нисколько не обижаются, когда им усвоят именно такие названия? Так привыкли, так вошло в обычай.

Мы так и будем знать. Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее. Церковь и ее идеалы, таким образом, являются как бы мерилем правизны и левизны. Хорошо в том отношении, что мы знаем идеалы Церкви, не только ее небесные идеалы, но и земные по руководству небесных. Церковь хочет видеть и на земле некое отображение неба. Левые не хотят знать неба и мечтают устроить свое небо на земле. Церковь стремится и земное как бы приподнять к небу; мир, коим являются левые, хочет и небо оземлнить и все идеальное притянуть к земле, заставить служить земному. Церковь всегда имеет в мысли вечность: мир забыл о ней, не верует в нее, считает ее сказкой.

Поэтому и на уме у него только временное. Когда левые говорят о Церкви, то – или говорят о ней пренебрежительно, как об учреждении уже отжившем, как о пережитке давних веков, – это крайние левые; или же стараются перестроить ее в своих видах, чтобы сделать ее послушным орудием своих мечтаний, – это левые полусознательные, готовые служить и Богу, и мамоне, равно – и небу, и земле. Не отрицаю, что к левым примыкают иногда и верующие, бессознательно увлекаемые, главным образом, левою печатью и ея хитрым гипнозом. В наше время забывается, что в основу русского мирозерцания, как общественного, так и политического, глубоко залегло воззрение именно церковное. Русский народ, восприняв православное христианство, отдался ему всецело, не допуская никаких сделок с совестью, всецело веруя, что идеалы Церкви суть чистая, богопреданная истина, не допускающая никаких человеческих поправок в своей сущности и лишь в своих словесных выражениях допускающая некоторые изменения, не касающиеся сущности.

Вот наши “правые” и тщатся, крепко держатся буквы, иногда же, отыскивая дух, сбиваются с прямого пути и несколько уклоняются в сторону. “Левые”, наоборот, не хотят держаться родного русского, а следовательно, и общецерковного мировоззрения и берут себе образец в западных воззрениях, где человеческое смешано с божественным, иногда берет верх и над ним, языческое перемешано с христианским, а потому и вносит дисгармонию в общее мировоззрение человека. Отсюда у “правых” – воззрения сродны душе народной, у “левых” – чужды ей и внушают правым опасение: как бы не потерять дорогое родное, если их усвоить в жизни.

В последний день мира будет решительное и совершенное отделение “правых” от “левых”; теперь этого еще нет. Как на ниве пшеница нередко перемешана с плевелами, так на грешной земле люди “правые” мешаются с “левыми”, да и в самих людях нередко воззрения правая смешиваются с довольно левыми. Оттого происходит, так сказать, пестрота: иной считает себя вполне “правым”, но в нем таится такое левое воззрение, что правый остерегается входить с ним в близкое общение. Пример: некоторые патриоты позволяют себе неуважительно отзываться о праведниках Ветхаго Завета, применяя к их деяниям высокие идеалы Новаго Завета и таким образом входя в коренное противоречие с учением Церкви и святыми отцами. Истинно правый человек сего никогда себе не допустит: он верный сын Церкви, и ея учение для него выше всех личных соображений, хотя бы, казалось, и “научных”.

В наши дни всего острее разделяют правых и левых основные вопросы государственной жизни, которые ставятся “правыми” на их знамени: Православие, Самодержавие и Народность. Казалось бы: еще православие – вопрос прямо церковный, а Самодержавие и народность какое отношение имеют к Церкви?

Ответ на эти вопросы дает сама жизнь. Теперь, благодаря войне с немцами, стало для всех очевидно, к чему ведет наш простой народ вера немецкая, штунда и баптизм, не говоря о других сектах. Несчастные соvrащенные перестают быть не только православными, но и русскими, становятся врагами родной Церкви, теряют облик своей народности; Православный Самодержавный Царь становится чужим для их души, они начинают предпочитать немецкого кайзера родному Царю. Все их мирозерцание становится чужим, не русским. Есть свидетельства, что даже и внешний их облик становится нерусским. Ясно, что такие люди потеряны для России как дети, как верные сыны. Люди “правые” видят это, скорбят и ревностно отстаивают веру православную даже во имя самой России, не говоря уже о духовной стороне дела, о спасении душ своих

братьев. А для левых – все веры хороши, они готовы дать полную свободу всякой пропаганде, будь то немецкая или еще иная какая. Для них истина безразлична и спасение души – пустое слово. Для них и превращение русских в немцев не имеет большого значения, – лишь бы их идол – принцип свободы исповеданий был сохранен. Равным образом для правых самодержавный образ правления в родной России – неприкосновенная святыня, за которую они готовы душу свою положить: тогда как для левых – это устарелый режим, который надо упразднить. Правые видят в лице своего Царя – родного отца, с которым входить в какие-то договоры, в конституцию – есть святотатство, грех пред Богом, отступление от заповеди Божией: *чти отца твоего и мать твою*, потому что царь есть Богом данный отец народа, беззаветно любимый, облеченный от Самого Бога, *Божиею милостию*, всеми правами отца, законодателя, как бы во образ Бога Вседержителя: “Бог, говорит митрополит Филарет Московский, но образу Своего Вседержительства дал нам Царя Самодержавного”, которого и помазал в великом Таинстве Миропомазания, даровав ему и силы, и мудрость для управления народом. Левые ничего этого не признают: для них царь – такой же человек, как и все “президенты”, с которым можно входить в договоры, условия, а следовательно, которого, в известных им случаях, можно и не слушаться: это само собою вытекает из учения об ограниченной царской власти. Отсюда – мечты о конституции, о постепенном, если уж нельзя сразу, захвате власти, о превращении Царя в какой-то безвольный фетиш, который только “царствует, но не управляет”. Церковь учит и правые веруют, что сердце царево в руке Божией; левые никогда этого не скажут, они совершенно чужды этого мистического элемента в народной душе. И пока Россия православна, дотоле она будет и самодержавна: это отлично понимают вожди левых, стараются всемерно ослабить православие, предоставляя всякие льготы для инославных, для раскольников и еретиков. В глубокой основе православия лежит святая христоподражательная черта – смирение, всецелое, в простоте сердца, доверие и верность Богу и Его Церкви; а отсюда и Богом поставленному Царю; православный думает, что не его дело рассуждать о каких-либо его гражданских, политических правах, пока эти права не станут его долгом, особенно в отношении к государству. Исполнить долг – он должен, даже до мученичества, и тем легче он исполнит его, если это его право. Левые думают наоборот: они всюду ищут своих прав, нередко забывая даже о долге. И другим они всячески внушают искать разных “прав” во всех областях жизни. Их мышление идет в обратном порядке. Правый говорит: забудь о своих правах, исполняй прежде всего свой долг, а право осуществляй только тогда, когда оно станет твоим долгом. Левый говорит: ты должен прежде всего добыть свои права, а потом уже будешь исполнять свой долг. По мысли правого, прежде долг, потом право, как плод долга, как бы награда за его исполнение. Вот почему он и ждет спокойно этого права, зная о нем, но не мечтая приобретать его иначе, как принимая его в качестве долга. Левый признает “право” как бы прирожденным человеку уже в силу того, что он – человек, без отношения к тому, заслужил ли он свое право, он может, а если может, то, пожалуй, и должен получить его. А годен ли он, способен ли осуществлять свое право – об этом левый не думает. У правых началом жизни служит нравственное начало, у левых – юридическое, да и то иногда сомнительное даже в юридическом смысле. Простительно мечтать о свободе пропаганды еретикам, раскольникам, всякого рода инославным, иномыслящим, но православный правый никогда не поймет: как это православная русская власть может позволить, да еще на основании закона, проповедовать неправославное учение среди православных людей? Если православие есть истина, то – как правительство,

как отец народа, как слуга великого Отца – Царя, может спокойно допускать, чтоб его детей развращали какие-нибудь пропагандисты, еретики, не только загубляя его душу, но и отрывая от целостности народной людей, членов живого народного тела, и делая их врагами народной веры, даже народного духа? Целостность мировоззрения, здравый смысл искренно преданного сына России этого допустить не могут. Мало ли чего захотели бы, например, немцы, чтоб дали свободу их проповедникам гулять по родной России, совращать простецов православных в их баптизм, штунду и прочие ереси! Что ж? Ужели им надо давать свободу? Может ли правый, любящий родную ему Русь и святую веру православную, может ли он спокойно допустить это? А вот наши левые, именующие себя еще “прогрессистами”, то есть идущими “вперед”, это не только допускают, но готовы и требовать этого... Хорош прогресс – “движение вперед”! Куда? В область тьмы, лжеучений, от света истины православной? Да, это движение, только не к лучшему, а, несомненно, к разрушению России, к гибели народной... Но таковы левые. Таково их отношение к родной вере, родной – говорю, потому что ведь если посчитать хотя бы членов Государственной Думы, именующих себя членами “прогрессивного блока”, то окажется, что русских там больше, чем иноверцев, инославных – по паспорту, конечно!

Итак, у правых и левых совсем противоположное мирозерцание. Даже самая основа этого мирозерцания различна до противоположности: там, у правых, как я сказал выше, хриstopодражательное смирение, здесь, у левых – самоцен. Там христианский нравственный принцип, здесь – языческий юридический смысл.

Там прежде долг, потом право; здесь – прежде право, потом долг. Там – впереди общее, общегосударственное, общецерковное благо, с забвением личного блага; здесь – впереди личность, потом уже общее благо, притом не общецерковное, а только якобы общественное, не небесное, а только земное. Но и при этих условиях правым еще можно было бы если не примиряться с существованием левых партий, то, по крайней мере, вести с ними честную борьбу на почве принципов: ведь истина одна, и кто честно ее ищет, тот найдет ее, только бы не лукавил в своей совести, только бы сознавал, что надо по совести, честно относиться к противнику. Но увы, такова уже совесть левых, а потому и такова их логика, что во имя их идей все можно забыть, и совесть, и долг, и святую истину уже не искать, а прятаться от нея, если бы даже она очевидна была, за разные софизмы... Тут уже и самые очевидные факты забываются, – тут все в сторону, только бы торжествовал их софизм! И это понятно: у многих левых блеснуло иудейское золото в глазах, многим недалеким, увлекаемым модою левого направления, подставлены очки левою печатью; многим стыдно не быть левыми, ведь это ныне в моде, а многим и выгодно быть такими, выгодно и материально, ибо можно хорошее местечко заполучить, и не материально, ибо и в газетах похвалят, как людей передовых, либеральных, и в обществе, которое – увы – не имеет собственного мнения, а довольствуется все теми же газетами, – можно быть в почете, считаться тоже “умным”, неотсталым человеком. А общество, а печать наша – это известно – в чьих теперь руках. Понятно после сего, что правым приходится очень тяжело: они не могут же пустить в ход тех нечестных средств, коими так широко пользуются левые при помощи, главным образом, своих газет. Иногда просто не найдешь, где напечатать ваше правдивое слово. Правда, есть две-три правых газеты, но число их подписчиков в сравнении с читателями левых газет так скромно, что ваш протест, ваша горячая статья останется почти незамеченною. Борьба становится неравною. Идеи левых все растут, расширяются, овладевают массами читателей, а отпора им почти нет. Из левых образовалось немало сообществ, законом не признанных, но тем не менее действующих

открыто и имеющих в государственных учреждениях своих представителей, объединяющихся в группы. В самое последние время левые забрали такую силу, что увлекли за собою и некоторые более умеренные группы и объединили их с собою под именем “прогрессивного блока”. Нужно ли говорить о вреде для государства таких объединений, такой свободы зла, ибо, как угодно, с нашей православной точки зрения, по нашему убеждению – единственно возможной, это значит вести нашу православную Русь, наш добрый, верующий Русский народ, в конце концов на шую страну Грядущаго судить живых и мертвых?.. И можно ли служителю Церкви молча смотреть на это гибельное явление, лишаящее нашу Россию Божия благословения?..

Пишу я эти строки и в то же время думаю, услышит ли кто эту скорбь души? Перестанут ли играть с огнем? Пожалеют ли многоскорбный народ, а с ним и дорогую Русь Православную?..

Матерь Божия! Спаси землю Русскую!..

На поле пастырей и на поле брани

И пастырие беху бдяще и стрегуще стражу мощную о стаде своем.

Лк. 2, 8

Святая Церковь сегодня ведет нас в Святую Землю, в окрестности Вифлеема, на те благословенные поля, где впервые раздалися слова небесного благовестника: *не бойтесь, се бо благовествую вам радость зелию, яже будет всем людям: яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь*. Там, на этих полях, в тишине священной ночи Рождества Христова, бодрствовали смиренные пастыри на страже стад своих; должно думать, что не празднословием были они заняты. Очень вероятно, что они беседовали о том, что было так близко сердцу всякого верующего израильтянина в то время, о чем мечтали, да и доселе мечтают в заблуждении своем, потомки колена Иудова: о желанном пришествии Мессии-Избавителя, обетованного их праотцам, пришествии, точно предуказанием в пророчестве Даниила о седмицах. Евреи твердо помнили эти обетования, эти пророчества, и даже малые дети знали на память те псалмы, в коих Дух Божий предвозвещал пришествие Царя, Сына Давидова; конечно, знали их и пастыри Вифлеемские. И вот, как бы в ответ на их мечты, на их сердечные томления, слава Господня осиявает их, а ангел Божий благовествует им, что настал час исполнения этих заветных мечтаний, что вот тут, недалеко, в граде Давидове уже родился обетованный Сын Давидов, Спас Христос Господь... Знаю, – как бы так говорит ангел Божий, знаю, что сердце ваше трепещет желанием видеть Его, поклониться Ему. Вы желаете узнать: как и где найти Его в этом, столь переполненном по случаю переписи городе? – Се вам знамение – не ищите Его в роскошных палатах, – идите в знакомый вам вертеп, куда вы загоняете свои стада в непогоду, там – *обрящете Младенца повита, лежащего в яслях*... Нужно ли говорить, какую радостью вострепетали простая сердца смиренных пастырей при этом благовестив? Но еще не успели они придти в себя от изумления и восторга, как вдруг – *бысть со ангелами множество вой небесных, хвалящих Бога*, и весь этот хор певцов безплотных воспевал чудную песнь Творцу: *слава в Вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!*

Прости нам, возлюбленная мати наша, Церковь Христова: наше сердце и сегодня влечет нас от мирных полей вифлеемских на поля браней жестоких, от благочестивых пастырей, стерегущих стражу ночную о стаде безсловесных овец, к нашим воинам христоролюбивым, бодрствующим в окопах своих на страже родной православной Русской земли!

О них и сегодня, как и всегда, несется молитва к Агнцу Божию, кротко почивающему в яслях Вифлеемских и присно побеждающему льва и змия лукавого, несется со всех концов родной земли молитва матери нашей Церкви и ея служителей, молитва их присных, их матерей и отцов, их жен и детей, молитва всего народа православного. Для нас наступает праздник мира и Божия благоволения, а они, Богом призванные наши защитники, вот уже полтора года не имеют покоя, своею богатырскою грудью, как стальным щитом, отражая лютаго врага от пределов Руси родной. Что они переживают? Чем поддерживают свой

геройский дух? Что укрепляет их в великом, сверхчеловеческом подвиге? Что согревает их душу в холодных окопах?

Молитва и покаяние, возлюбленные братья! Это не мое слово, это ответ самих воинов наших Христоролюбивых, ответ, который несется к нам из окопов, о чем свидетельствуют и их раненные собратья, и пастыри их, военные священники, и люди, приходившие в близкое с ними соприкосновение там, на полях битв...

Вот что говорят и пишут воины наши: мы думаем о родной стороне, ждем каждую минуту смерти, каемся и молимся. Родители нам вспоминаются, чувствуем их советы и благословения. Вспоминается прожитая жизнь, детство, все прошлое. Как и чему учили отец с матерью, как жили добрые люди. Как иногда грешники чрез покаяние делались праведными и святыми. Ясно видишь свои житейския грубости, ошибки, грехи, безпутную жизнь. Хочется избавиться от безпутства, очиститься от скверны, стать хорошим человеком. Летит снаряд, прикроет, и на тот свет пойдешь. Стараешься, чтобы Бог очистил, не лишил Царства Небесного. Бог все на уме. Иные клянутся: не буду врать, того-то не буду делать, не буду пьянствовать, не стану курить, иные сразу тут же и бросают, больше не курят. Обещаются слушаться отца и матери, молиться чаще Богу, сходить к какому-нибудь угоднику пешком, дать пожертвование на хорошее дело, оставить лень, бранные слова, бросить грешную жизнь... "Порою, рассказывает один воин, в забытии, слышишь, как причитывает родимая матушка, плачет жена, родня, долго оне просили, молили: служить верой, правдой Государю Царю Белому, молиться Господу Богу да каяться в тяжких грехах, помнить род-племя родимое, да великие заветы отцовские". "Война к покаянию подводит, – говорил другой воин, – я помню теперь Бога и каждое утро благословляюсь и молюсь, чтобы мир был хорош, чтоб превысило в нашу сторону"...

Военные священники говорят, что стоит придти в окоп и предложить: не желает ли кто исповедаться – как желание заявляют все православные воины. И каются, каются иногда в таких грехах, какие у интеллигентов наших и за грех не считаются. Просят у Бога милости, чтоб остаться в живых, дабы, вернувшись домой, начать новую, добрую жизнь; но в то же время и всецело отдают себя в руки Божии, готовятся к непостыдной смерти. В своих письмах иногда задают детски простые вопросы: что лучше, быть убитому в окопах или во время приступа, с оружием в руках? А есть и такие рабы Божии, которые спрашивают о том, как исполнять заповедь апостольскую: непрестанно молитесь?

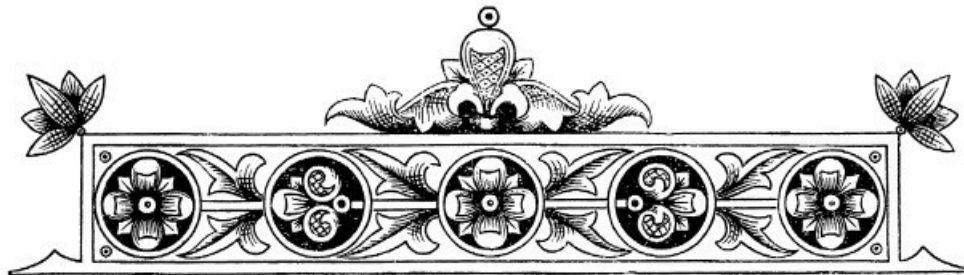
Бог зовет нас к покаянию огнем искушений. В последние годы, под воздействием безумных толков о разных свободах, народ наш, особенно молодежь, духовно ослабел, распустился, отстал от матери-Церкви, стал забывать Бога. Пьянство, распутство, грабежи, насилия стали позорить русскую жизнь. Преступность страшно стала возрастать, и нашей, некогда святой, а ныне много прегрешившей Руси грозила опасность гибели. Бог попустил, как бурю и грозу, страшную войну, и вот этот народ, в лице своих воинов, этого цвета народного, на полях битв видит себя грешником пред судом Божиим... Смерть похищает одну жертву за другою и косит иногда людей как косарь траву. Не спрячешься, не убежишь. И в наших воинах просыпается православная совесть, и отвращается его сердце от того смрада греховного, в который втянули его разные свободы, и кается он Богу за весь народ, и несет Богу, как жертву чистую, покаянием очищенную, душу свою на алтарь Отечества, умирая, или же готовый умереть за Веру Православную, за Царя Боговенчанного, за всю Русь-матушку родимую. Русский человек знает свои грехи, сознает их: грянули громы Божии, и он кается, смиренно молит Бога о прощении... И

впереди всего народа наши воины христолюбивые, они поняли грозу Божию, они обратили к Богу свое покаянное сердце и нам, братие, непростительно будет, если не последуем их примеру, если не пойдём к ним на помощь – нашим покаянием, нашим исправлением жизни! Они там, на полях брани, умирают за нас, а мы, по крайней мере, очистим себя от скверн греховных, чтоб чистою совестью принести к яслям Христовым свое кающееся сердце и просить Божественного Младенца: да ниспошлет Он победу и одоление на супостаты, да водворит мир на земле, да воззрит на всех люте страждущих и смирит врагов Своей Церкви и нашего родного народа!

Аминь.

Мои дневники
1916 год

Наше счастье – в обновлении жизни (К Новому году)

Благослови, Господи, венец лета благодати Твоея.

С такою молитвою святая Церковь обращается в день Нового года к Творцу времен и Царю веков, единому безначальному и превечному, Который положил времена и лета в Своей власти и Един ведает, когда кончится самое время и настанет вечность. “Всему свое время и время всякой вещи под небом, – говорит премудрый Соломон. – Время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать насажденное. Время строить и время разрушать; время плакать и время смеяться. Время искать и время терять; время молчать и время говорить; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру” (Эккл. 3, 1–8). Но повторяю, будет, наконец, время, когда и самому времени придет конец. Настанет вечность.

Мы и живем на свете только для того, чтоб приготовиться к вечности. И все, что нас окружает, напоминает нам о том, что ничто не вечно на земле. Подумать только, какие были великия царства: Египет, Вавилон, Ассирия, Рим, Византия – где они? Где, много ли осталось от них памятников их славы, могущества, роскоши и искусства? Да что говорить о древних народах, оглянитесь на современные царства: в несколько месяцев не стало трудолюбивой Бельгии, истерзана прекрасная Франция, наша Польша, родная нам Сербия, разрушены чудные памятники зодчества вроде Реймского собора, уничтожаются с какою-то сатанинской, непонятной для здравомыслящего человека злобою музеи древностей, искусства, а об истреблении, почти поголовном истреблении людей и говорить нечего.... Мы переживаем ужасы, каких, кажется, не было от создания мира, по крайней мере, в истории народов земных ничего не было подобного по тем размерам этих ужасов, какие проходят на наших глазах. Не напрасно иные добрые люди говорят: блаженны мертвые, умирающие о Господе: они почивают от трудов своих, они не видят того, что терзает наше сердце; они почили мирным сном и ждут всеобщаго воскресения, ждут трубы архангельской, которая разбудит их в последний день для встречи грядущаго судить живых и мертвых Господа. Они ушли в ту страну, где, по обетованию Церкви, для верующих и в вере и уповании жизни вечная скончавшихся уже нет ни печали, ни воздыхания. А мы, грешные.... Мы все еще стенаем в юдоли плачевной, все еще обуреваемся волнами не только житейских попечений, но и тяжких бед и напастей и переживаем страшное время, когда смерть, как темная тень, летает над головами близких нам воинов, родных наших братьев, сынов, дорогих наших друзей... И кто знает, что ждет нас в наступающем году? Скоро ли и чем кончится эта ужасная война? Скоро ли Господь снимет с наших подвижников-воинов тяжелый голгофский крест? Скоро ли настанут времена мирные и нашим братьям-беженцам приведет Бог вернуться на свои пепелища, восстановить родные храмы Божии, устроить свои разоренные гнезда?..

Но не будем, братья, унывать! Уныние есть один из смертных грехов. Да и нет причины к безнадежному унынию. Ведь надо твердо помнить, что Бог одного от нас хочет – *сыне*, говорит Он, *даждь Ми твое сердце!* А чтоб отдать Богу свое сердце, надо прежде очистить его слезами покаянными. А у Бога уж такой закон: *сердце сокрушенно и смиренно Он никогда не уничтожит. Грядущаго ко Мне*, говорит Господь наш, *не изждену*

вон. Кто себя всецело предал Богу, того Бог и очистит, и обновит, и соделает новым творением во Христе Иисусе. “Предай себя Богу, как глина горшечнику”, – говаривал один старец, – “и Бог соделает из тебя сосуд благопотребный для благодати Своей”! Не напрасно устами одного невинного младенца Дух Божий изрек, что во всей молитве Господней самое главное, самое нужное прошение: *да будет воля Твоя*, Отче наш! Это прошение совмещает в себе, в сущности, все другия прошения. В самом деле, есть воля Божия на то, чтобы в нас и чрез нас свяtilось и прославлялось всесвятое имя Божие; есть воля Божия на то, чтоб соделались мы причастниками Царствия Его; хочет Бог питать нас и хлебом насущным, хочет, чтоб мы подражали Его милосердию в прощении ближним нашим, дабы самим нам заслужить прощение от Бога; не хочет Господь вводить нас в непосильное искушение и всегда готов избавить нас от лукавого – как от отца всякаго лукавства – диавола, так и от всех исчадий его – всех бед и напастей... Итак, хочешь ли себе и родной своей России счастья, мира, всего, чем благословляет Господь любящих Его? – Не мудрствуй много – предай себя всецело воле и водительству Божию и сам исполняй волю Божию, в чем всегда готов тебе помогать Господь Своею благодатию, и ты увидишь, яко благ Господь ко всем ищущим Его и исполняющим святыя заповеди Его. Твое сердце ощутит желанный мир, ты готов будешь понести все скорби, все лишения, если судит сие Господь; а если и все мы, русские люди, пойдем сим путем, то для всех нас, для всей Русской земли начнется новая жизнь, новое счастье. Исчезнет всякая тень уныния, ибо благословит Господь всех нас, всю нашу Русь православную, во всех путях наших, и увенчает победами воинство наше и миром Отечество наше.

Видите, возлюбленные: все зависит от нас, от нашего доброго произволения – обратиться к Господу целым сердцем и взыскать пути Его покаянием и исправлением жизни своей. Повторяю, Господь всегда готов с Своею благодатною помощию, чтоб встретить с распростертыми объятиями, Он ждет нас, как благостный отец встречал блуднаго сына. Надо начать новую жизнь. Мы вступаем в новый год: пусть и жизнь наша начнется по-новому, по-Божьи. *Се ныне начах*, как говорит песнопевец. “Каждый день полагай начало”, говорят и святые отцы. – Аще падеши – восстани, помни: не тот грешник, кто падает и тотчас же встает, кается, от греха своего отрекается, а тот, кто пал и лежит, не хочет встать, валяется в грязи греха своего и не хочет видеть простертую к нему десницу Божию, зовущую его к покаянию, указующую ему путь спасения в делании заповедей Господних.

Начнем же с новаго года новую жизнь: к этому зовет нас Господь и словом евангельским, и нашею совестью, и самыми бедствиями тяжелой, жестокой войны. Благослови, Господи, венец лета благостию Твоею! Аминь.

Нечто о переоценке идейных ценностей

Мы живем в век переоценки всех ценностей. Как будто люди согласились в том, что все, кто жил раньше нас, не умели оценить, как следует, все, что подлежит оценке, а вот теперь люди стали-де умнее и, отвергая прежнюю оценку, все переоценивают по-новому, по-своему. Всем хочется сказать какое-то новое слово, всем хотелось бы показать, что они – не отсталые “ретрограды”, а люди “просвещенные”, с “прогрессивным направлением”. Одно только забывают, чтоб быть оценщиком, надо быть, во-первых, совершенно честным человеком, а во-вторых, – сведущим в той области, к какой относится переоцениваемый предмет. Честный человек не станет оценивать то, в чем малосведущ. Особенно это надо сказать в отношении к печатному слову. Уж если хочешь говорить о чем в печати, то, прежде всего, спроси себя: достаточно ли знаешь, о чем будешь говорить? Если да, то помни еще: надо говорить честно, не искажая чужой мысли, не подменивая авторитетов, говори, как пред Богом.

Так и было в доброе старое время. А ныне повелось не так. Ныне берут мысль, подлежащую модной переоценке и принадлежащую авторитету великого мыслителя и гениального учителя мудрости, и, сознавая, что с таким авторитетом им не под силу бороться, что он еще достаточно силен в умах даже наших современников, что восставать против него значило бы подвергать себя опасности известного маленького существа, что вздумало оскорблять слона, – эту мысль приписывают маленькому человеку, как будто это – его мысль, а с ним уж нечего церемониться: его можно и осмеять, и окриковать, и таким образом подорвать доверие, если не к великому авторитету, о коем обычно умалчивается, а к мысли, им высказанной; ведь цель все равно будет достигнута; эта мысль, как мысль маленького человека, будет искажена, подвергнута злой критике, лишена доверия, отброшена, как старая ветошь... Явление печальное и не делает чести нашему “просвещенному прогрессивному” времени.

На эти мысли навел меня г. В. Рязанский (известный псевдоним) в “Колоколе”, передающий свою беседу с “московским канонистом”, присяжным поверенным Н. Д. Кузнецовым. По словам г. Рязанского, г. Кузнецов будто бы сказал: “Мы никогда не забудем, как в 1909 году (не 9, а 8-м), на миссионерском съезде в Киеве член его архиепископ Никон, бывший тогда вологодским епархиальным архиереем, прочел лекцию. (Лекции я не читал, а вел устную беседу). В ней была проведена мысль, что человеческая, земная жизнь должна служить отражением небесной. (Моя тема беседы была об основном начале христианской жизнедеятельности по православному воззрению). На небе, как старался разъяснить почтенный лектор, оказывается строй самодержавный, а потому этот последний непременно должен быть и на земле. (Было сказано только, что именно такой строй можно считать наиболее соответствующим идеалу власти). Ссылка архиепископа Никона на небесный порядок для оправдания известного политическая строя (только политического строя, а не народного идеала?) на земле казалась нам тем большим соблазном для многих, что другой архиерей (г. Рязанский называет его, но я не хочу пятнать имя собрата) старался доказать, что на небе господствует как раз не самодержавная идея, а конституционная, и потому конституция в России оправдывалась бы высшей небесной жизнью”.

Ясно, что и г. Кузнецов, и г. Рязанский приписывают мне высокую честь указания на небесный идеал самодержавной власти. Но пусть простят мне почтенные публицисты, если я скажу откровенно: не верю я, чтоб они забыли, что я не свои мысли тогда высказывал, а прямо назвал великаго святителя, мужа мудрости и разума, совета и духовнаго рассуждения – Московскаго митрополита Филарета. А чтобы их читатели не впали в заблуждение и не подумали, что мне принадлежит такая, по моему убеждению, высокая мысль, приведу точныя слова премудраго Филарета: пусть с ними, а не со мною считаются упомянутые выше публицисты, пусть и читатели знают, кого обвиняют они в “понижении вселенскаго церковнаго сознания”, в коем видят “опасность для русской церковной жизни”. И тот и другой настолько учены и просвещены, что, конечно, знают государственное учение Филарета, а следовательно, позволительно думать, что намеренно умалчивают о нем, приписывая мне мысли великаго святителя, чтоб легче было убедить читателей, что эти мысли – политиканство... Нужно ли спрашивать: честно ли это?..

Вот что говорит митрополит Филарет: “Бог, по образу Своего небеснаго единоначалія, устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства – Царя само державнаго; по образу своего царства непреходящаго, продолжающагося от века и до века – Царя наследственная. О, если бы – восклицает святитель, – все цари земныя довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небеснаго верно присоединяли требуемая от них богоподобную правду и благодать, небесную недремлемость, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство Царя и устройство царства земнаго по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа, – благоговением и любовью к Царю, смиренным послушанием его законам и повелениям, и взаимным согласием и единодушием удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, – превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия!.. Все царства земныя были бы достойным преддверіем Царства Небеснаго. Россия! ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. *Держи, еже имашии, да никто же примет венца твоего!*” (Апок. 3, 11).

Вот то, на что сослался я в моей Киевской беседе. Как видит читатель, царство земное, по учению святителя Филарета, глубоко обоснованному на слове Божиим, устроится по образу небесному, царское самодержавіе – по образу Божія вседержительства, и царь, и подданные его должны отражать черты образа небеснаго... Странно после этого, что гг. Рязанскому и Кузнецову мои слова показались чем-то новым и повели якобы к “большому соблазну”.

Великий святитель Филарет пророческим взором своим как бы предвидел наше время, наши “соблазны” и смуту мыслей и вещал вдохновенно: “Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Россия! Береги и возжигай сильнее твой домашний свет, потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тьма покрывает землю и мрак на языки... Шатаишася языцы и людие поучишася тщетным*. Перестав утверждать государственныя постановления на слове и власти Того, *Кем царие царствуют*, они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престолы там стали не тверды; народы обьюродели. Не то, чтоб уж совсем не стало разумевающих: но дерзновенное безуміе взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростию Божіею. Из мысли о народе выработали идола и не хотят понять той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж: не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены

раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнуемое море народов, которое частью поглощает уже, частью грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность”.

Приводить ли дальнейшие златые слова великого иерарха? Можно ли в наше время повторить их со всею ободряющею их силою?

“Но благословен *Запрещающий морю*! Для вас (русских людей) еще слышен в событиях Его глас: *до сего дойдешь и не преjdeшь*. Крепкая благочестием и самодержавием Россия стоит твердо”...

Можно только молиться: Утверди нас, Господи, на камени заповедей Твоих, ибо возмутилось страстей море и грозит той скале, о которой говорил великий Филарет..

Странную претензию заявляет г. Скворцов в своем “Колоколе”. По его мнению, выходит, что С. Синоду не следовало открывать своего “Прих. Листка” потому, что существует “добровольный полуофициоз” (читай – самозванный) “Колокол” и с открытием “Прих. Листка” его “издательская касса лишилась чувствительной подписной суммы”.

Но кто же давал право “Колоколу” считать себя полуофициозом С. Синода? Да и сам он не отрекся ли от такого названия, когда левые газеты называли его официозом Синода? Что же касается иудея Рубинштейна, он не просто член, а директор Русско-французского банка, следовательно, важное лицо в банке. Слышится попрек и в том, что я употребил слово “жид”. Но почему не употреблять этого слова, когда оно не только имеет право гражданства у всех народов Запада, но и в нашем славянском Евангелии? Да и “Колокол” до несчастного займа в жидовском банке нередко употреблял это слово. Я спросил бы г. Скворцова, что значит его фраза в письме ко мне, что он “безповоротно разочаровался в старом режиме”?

Дорогия строки из писем святителя Феофана Затворника

Есть имена, особенно близкия православному русскому сердцу: каждая строка из письма такого человека – нам дорога, как памятник отшедшаго к Богу мудраго и любвеобильнаго наставника в духовной жизни, как бы его отголосок из того, другого мира, куда он ушел.

Таков был незабвенный подвижник-затворник епископ Феофан. Прошло уже более двух десятков лет, а в духовных изданиях и ныне еще появляются его драгоценныя письма, и чем-то сердечным, родным, задушевным веет от этого, почти неизменнаго начала каждаго письма: “Милость Божия буди с вами!” Искреннее спасибо тем, кто сохранил для нас его дорогая строки, чего бы оне не касались; будто встречаешь живого старца-святителя, когда увидишь в оглавлении той или другой книжки: “Письма Епископа Феофана” к тому-то.

Недавно вышла как отдельный оттиск из “Трудов Киевской Духовной Академии”, книжка протоиерея отца И. Королькова: “Преосвященный Феофан, бывший Епископ Владимирский, и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке”. Особенность этой переписки, по справедливому замечанию о. издателя, заключается, в том, что Епископ Феофан не только преподавал С. А. Первухину советы по разным вопросам, но и сам спрашивал у него мнения по вопросам аскетическаго характера, придавая значение его суждениям. Это – непреложное свидетельство о его глубоком смирении и готовности отсечь свое смышление даже пред мирянином и чрез него узнать истинный путь Божий. Умилительно, например, читать эти строки великаго подвижника-затворника: “Скажите мне, пожалуйста, как молиться. Совсем весь толк в этом потерял... То будто нечто, то совсем никуда негоже. Может быть, книжное дело мешает... но ведь надо же что-нибудь делать? Расскажите, пожалуйста, как быть?”

В другом письме святитель говорит: “Вы не все сказали. Мне хотелось еще слышать вашу мысль о молитве. Я понимаю молитву чувства, которая и внимание сковывает единым, и благоговеющую теплоту дает; но не умею в толк взять, что есть духовная молитва?.. Вообще же я очень скуден опытами духовными, – сознается великий подвижник-святитель (!) – И молитва моя обычно идет дурно... Все уходит ум в пустомыслие. Никак не сладишь. Как его ни тяни, никак не присадишь на место. Вы как думаете?” Как поучительно это смиренное мнение о своем духовном опыте в деле молитвы Епископа Феофана, особенно в наши дни, когда иной, только что надевший на себя рясу монах, уже мнит себя учителем молитвеннаго делания, пишет целыя книги о предмете, коего и краем перста не касался, и в духе гордыни дерзает осуждать не только святителя-затворника, но и всю церковную власть за мнимую ересь, сам будучи близок к ереси!.. Печальное знамение времени, скорбное явление, свидетельствующее об удалении от животворнаго духа смирения Христова даже тех, которые должны бы идти впереди других!

Тем же духом смирения и вместе неисчерпаемаго благодушия веет и от письма, коим ответил преосвященный Феофан на желание Первухина поселиться близ Вышенской пустыни, чтобы постоянно пользоваться личною беседою с святителем: “Что вы намерены около меня поселиться, не могу одобрить. Самый худой делаете вы выбор. Соблазнов от моей дурной и нерадивой жизни не оберетесь. Речи иногда-таки бывают сносныя, а уж

дела – Боже упаси! Я затем и в пустыню ушел, чтобы не разорять душ христианских своею дурнотою и чтоб не ведущих меня хоть словом попользовать, в чаянии, не сжалится ли ради того мною Господь и не даст ли хоть под конец жизни дух покаяния в очищение грехов моих – и великих, и безчисленных”.

Особенною глубиною мысли отличаются те письма, в коих святитель говорит о безтелесности ангелов и души человеческой, в опровержение мыслей епископа Игнатия Брянчанинова. “Мысли о форме души и ангелов лучше бы отложить в сторону. Лучше уж так говорить: они – дух, а как они есть – не ведаю. Рассуждениями о форме затемняется мысль о духовности. Дух, имеющий протяженную форму, предельность, очертание, подлежащий трем измерениям – в длину, ширину и высоту, – что за дух? Трехмерное протяжение мыслимо ли без частей разделяемых? И мыслим ли дух делимый? Следовательно, эти понятия несочетаваемы в одном и том же существе. Если дух, то не протяжен, и если протяженно что, то не дух”. Затем, приведя указания на святых отцев, которых святитель подробно уже разбирал в своей книжке: “Душа и ангел – не тело, а дух”, он говорит: “Остается решить, как они являются в протяженной форме и действуют на вещественные предметы? Лучшее решение, как им Бог определил, так и действуют, так и являются. Беда у нас одна – привычка все оформлять. О чем ни стань рассуждать, все вставляется в форму. И о Боге рассуждать не можем безформно, как ни толкуем себе, что этому не следует быть. Тут мы с собою ничего не поделаем. Остается одно, властно повелеть себе – не смей пространственной формности переносить в мир духовный. Хотя не можешь совершенно отрешиться от этой формности при размышлении даже о духовном мире и даже о Боге, но верь, что там эта категория не приложима”.

Положив это правило “указом”, святитель сознается однако же, что “трудно представить душу или ангела иначе, нежели как они являются... Спросите: кто, рассуждая об них, не воображает их такими? И я это всегда делаю, верно, и вы, и все другие. Признаюсь, мне часто приходит на мысль – не уступить ли тем, которые придают душе и ангелам оболочку тонко-вещественную? Тогда все недоумения относительно формы порешатся сами собою. Естество души и ангелов будет дух, сознательная, свободно-разумная сила, а оболочка эфирная будет придаток к сему естеству, приданный ради необходимости их являться и действовать среди вещественного мира. И св. Максим Исповедник, порицая считавших душу и ангела телом, говорит однако же: иное дело иметь тело, и иное быть телом. Он будто говорит, что ангел не тело, а имеет тело, по крайней мере, не порицает такой мысли. А я той мысли, что если уж не можем отрешиться от формы при представлении души и ангела, то гораздо рациональнее будет признать их облеченными в тонкое некое тело, нежели признавать их духом и вместе с тем допускать и доказывать, что они имеют и форму протяженную по своей природе, ибо в последнем противоречие себе, а в первом ничего сего нет”.

Святитель, видимо, глубоко вдумывался в вопрос о безтелесности духов, взвешивал все, что собрал в своих писаниях по этому вопросу преосвященный Игнатий и, нет сомнения, если бы последний дожил до того, что писал первый, то они оба сошлись бы в этом вопросе на подобном решении, какое только что приведено нами из письма епископа Феофана. Подходя к такому решению очень осторожно и “ус-тупая” в вопросе о некоем “тонком теле”, какое имеют духи для воздействия на мир вещественный, епископ Феофан рассуждает: “Мы не можем ни о чем мыслить без значка, без черты какой-либо, означающей и отличающей мыслимый предмет. На самые отвлеченные идеальные

предметы мысль кладет значок и под сим значком их представляет. Даже когда о Боге мыслит и свойствах Его, то же она делает”.

Как эти суждения было бы полезно принять к руководству тем афонитам, к которым, несомненно, относится строгое правило св. Григория Богослова: “Как больному глазами нельзя смотреть на солнце, так и неученому в богословских науках нельзя и учить о новых догматах”. Я разумею имебожников, которые – уввы! – дерзнули и самого святителя Феофана обвинять в искажении св. отцев и упорно обвиняют как Вселенских Патриархов, так и наш Св. Синод чуть ли не в ереси...

Есть в письмах строки, очень характерный для самого святителя и поучительны для мирян, внимающих своему спасению. Так в одном письме он говорит: “Я совсем не жил среди молвы житейской. Все один да один. Потому совсем не могу судить, насколько смутительны шум и гам житейский и как держать душу свою прямо при них. – Когда я жил в Питере, помню, хаживал к Бурачку^[85] по Невскому, задавая себе, не принести ли к нему, ни от него домой никакого впечатления от того, что встречалось на Невском, а вы знаете, что это за толкотня?! – Иногда это удавалось. Бывают состояния, что человек видя не видит, слыша не слышит оттого что войдет вниманием в иной предмет... Вот сию вещицу надо вам устроить у себя дома, т. е. в сердце. Тогда из пушек пали – и то не слышно. Архимед-язычник – и в вещи не первой важности вошел так глубоко вниманием, что его враги застали углубленным после взятия города, которое без большого шума не могло быть”.

Невольно вспоминается, что когда святитель был в Москве для совета с врачами по случаю болезни своих глаз, то приказывал афонцам Пантелеимоновского подворья, у коих останавливался, чтобы не сопровождали его по городу, а если нужно проводить, по незнанию улиц, то провожатый должен был идти позади, поодаль от него. Иноки так и полагали, что он и в путном шествии бывает погружен в молитву или богомыслие. Об этом с глубоким почтением к святителю-подвижнику тогда же передавали мне афонские иноки, жившие тогда в Москве.

Для богослова интересно прочитать мнение епископа Феофана о значении духовных видений: “Видения, пишет он, не суть представление духовного мира, как оно есть в действительности, а только назначаются для того, чтобы дать вкусить сладость онаго века и тем очистить вкус души – к духовному и дать ей ощущать горечь всех сладостей земных, человеческих, не исключая и тех, кои носят имя невинных удовольствий”. “Форма не выражает существа тамошних вещей, говорит он в другом письме, ибо они не похожи на наши, и видения не для того даются, чтобы дать познание, а сердце оторвать от земли. Потому – форму надо в сторону, а все отдавать этой единой цели”. Святитель спрашивает Первухина: что он думает по сему вопросу? Впрочем, в другом месте оговаривается: “Речь о видениях уж не лучше ли оставить? Грешным куда лезть на такую высоту? Я припомнил подобный случай в Скитском околотке. Там старец один в подобном случае сказал: ну, монахи полезли на небо звезды считать и забыли про грехи, кои следует оплакивать”...

В заключение приведем здесь поучительную выдержку о времени празднования Нового года: “О времени Нового года что спорить? От этой минуты, в которую читаете сии строки, до соответственной ей минуты следующего года – ровно год пройдет и прошел уже с подобной минуты прошлого года. И извольте признать сию минуту началом Нового года, и как всякая минута такого же свойства, то всякую минуту и празднуйте Новый год! Есть у святых Божиих мысль, что началом своей жизни должно считать минуту

пробуждения страха Божия и решимости угождать Ему. Это есть настоящее начало нового лета. Потом иные учат: каждый день начинай, а иные – каждую минуту начинай, т. е. жизнь-то по Богу. Следовательно, каждая минута и да будет для нас началом новолетия духовного... чтоб, непрестанно обновляясь, расти в обновлении жизни по Богу в правде и преподобии истины... А эти гражданские счета – как себе хотят, так и пусть считают”.

Не приводим уже известного любителям слова Божия мнения святителя Феофана о переводе Священного Писания Ветхаго Завета на русский язык: он крепко держался мысли, что не следует переводить с еврейского, что греческий перевод 70-ти для нас важнее еврейского подлинника.

Вообще письма святителя Феофана к разным лицам всякого общественного положения и звания составляют неиссякаемый источник назидания и читаются с таким захватывающим интересом, что нельзя не поблагодарить всех, кто тщательно сберег их и теперь дает возможность любителям духовного чтения ими пользоваться. Особенно надо поблагодарить Афонский Пантелеимоновский монастырь за полное издание не только всех его писем (в 8 выпусках, с указателем к ним^[86]), но и всего, что вышло из-под пера великого труженика-писателя о духовной жизни.

Лучи надежды в страшную годину

Господи, в какое страшное время мы живем! Не говорю о войне, небывалой еще в летописях мира по своей жестокости, безчестности, по обилию истребляемых людей, по безумному бессмыслию слуг сатаны, подвергающих все святыни поруганию... Но посмотрите, что творится в недрах нашего Отечества. О чем думает большинство наших законодателей? О, конечно, они говорят: о победе во что бы то ни стало, но дело показывает, что на уме у них совсем другое – они мечтают использовать бедствия Отечества, чтоб добиться “ответственности министров”, “равноправия всех национальностей”, всех вер, словом – столь им милой конституции... О чем заботятся больше всего наши купцы, фабриканты, всякого рода промышленники? О прибылях, больше всего о наживе, и с целью наживы поднимают цены на все, буквально обирают бедняка, заставляют его умирать с голоду... Их богатства растут за счет народа, за счет государства; денег девают некуда, и вот – как будто какой-то злой дух подшептывает им: “да ямы и пием, утре бо умрем! Будем пить, есть, наслаждаться всеми удовольствиями жизни. Все равно ведь умрем – достанется наше богатство другим”... И исполняется известный закон: что дешево достается, это не ценится, и расточается, безумно расточается это, недобром нажитое, стяжание, расточается на пиры, театры, маскарады, на наряды женщин, причем, как говорят газеты, у ювелиров бриллиантов недостает в магазинах, чтоб удовлетворить на них спрос... Что-то роковое чувствуется во всем этом, как будто эти расточители, эти пирующие с дорогими, незаконными путями добытыми винами, слышат подкрадывающуюся к ним кару Божию и спешат, хоть день, пожить в свое удовольствие, чтоб заглушить в себе голос совести, чтоб забыться и броситься в объятия смерти в состоянии безчувствия...

Так пировал когда-то Валтасар с тысячею вельмож своих, с женами и наложницами, и приказал принести священные сосуды золотые и серебряные, похищенные отцом его из храма Иерусалимского, и пили из них, издеваясь над святынею, пили вино и славили своих богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных до тех пор, пока появились на стене персты руки человеческой и начертали таинственные письма: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН, – “исчислено, взвешено, разделено”... И в ту же ночь не стало Валтасара.

Эти пиршества под Новый год, эти маскарады под праздник Святителя Николая, это издевательство над святостью дней, Церковию освящаемых, все это – не напоминает ли страшное видение Валтасара, а затем и страшную судьбу его? Уж не произнесены ли и над нами суды Божии в таинственных словах: “исчислено, взвешено, разделено”?

Страшно было бы думать об этом, если бы эта гибельная отравка отчаяния проникла всю массу народную, если бы в этой массе, наоборот, мы не видели признаков других духовных течений, духовных веяний, подающих надежду на то, что еще не оставил Бог грешной Руси нашей, что зовет Он ее к покаянию. И прежде всего – добрый признак в том, что народ благословляет своего Царя за освобождение его от искушения пьянственного. От времен князя Владимира это искушение было народным пороком, с которым было не под силу бороться самому народу. Измучилась душа народная в этой борьбе, и пасхальным благовестом пронеслась по Руси весть, что больше не будет водки, что правительство отказалось от преданий Бориса Годунова, что отныне водка будет

считаться ядом. И свободно вздохнули русские люди, перекрестились от радости и горячо помолились за Царя-благодетеля. Особенно ликовали русские женщины, которым от пьянства мужей и сыновей приходилось почти непрерывно пить горькую чашу страданий и слез. А это все свидетельствует, что в оргиях новогодних кутежей народ наш неповинен, что все, что творилось, по описанию газет, в Москве, Киеве, Одессе и в других больших центрах, лежит на совести и ответственности пред Богом и родной землей отнюдь не народа, а нравственных подонков его, считающих себя “сливками”. Настоящие представители народа, русские православные люди, с глубокою скорбью протестуют против безумия этих подонков народных, но ничего сделать не могут... Стоит отметить, что если бы навести точные справки, кто участвовал в языческой встрече Нового года в разных клубах и подобных учреждениях, то оказалось бы, наверное, что большая часть пирующих, безумно веселящихся под Новый год и великие праздники – наши полуинтеллигенты, полурусские, а то и вовсе инородцы, духовные отщепенцы от народа, и притом вот эти, забывшие Бога разного рода промышленники, отдавшие душу наживе на беде народной... Нас, пастырей Церкви, упрекают, что мы не воздействуем на них, но как на них воздействовать служителям Христа, когда они не хотят знать Христа, бегут от Него, с презрением относятся к нам, а обличения наши готовы истолковать как “возбуждение одной части населения против другой” – этот довод, хитро придуманный еще десять лет назад, во дни проклятой памяти революции? Этих безбожников может обуздать только закон, только высшая воля, твердо и решительно могущая закрыть все места их сборищ, их неистовств и тем пресечь вносимый ими в народ соблазн.

Другим добрым признаком духовного поворота в народной жизни следует признать тот отклик народный на приглашение церковной власти к посту и покаянию, какой мы видели в прошлом году в определенные Церковью дни покаяния. И в духовных изданиях, и в письмах, получаемых отовсюду, слышалась благодарность церковной власти за этот пост. Писали о том, что народ во многих местах говел в эти дни, каялся, молился, что не все был призыв к покаянию. Иные просили даже, чтоб еще повторить этот призыв, еще назначить пост: такой призыв нужен-де для немощи человеческой, не всегда готовой к подвигу без особого к тому призыва со стороны матери-Церкви. Отрадно отметить, что с народом идут и люди из высшего общества, среди которого доселе как-то мало было заметно религиозного настроения. Да иначе и быть не должно, ведь с воинами из народа сражаются и душу свою полагают за Веру, Царя и Отечество и лучшие сыны высших классов того же общества, и их кровь льется на полях битв, и их сердце, еще не потерявшее веры в Бога, ищет успокоения в недрах Церкви: беда и горе общее всех роднит, кто еще не оторвался от народа, кто не ушел на страну далече от родной Церкви.

Еще признак милости Божией к нам, грешным: это явные чудеса Божии, совершающиеся там, на полях битв, среди верующих воинов. В простоте сердца пишут эти воины, иногда не давая себе ясного отчета о том, что ведь в сущности, сообщают о чудесных явлениях. Немало таких сообщений было напечатано в разных периодических изданиях, даже в газетах вовсе уж не церковного духа, но еще больше имеется в непубликуемых письмах, из коих разве малая часть попадает в руки пишущих и печатающих. Вот, например, какое письмо привелось мне прочитать на днях на клочках бланков для телефонных сообщений, писанное, очевидно, наскоро карандашом в окопах. Беру только то, что имеет характер чудесного.

После известных из газет сведений относительно некоторых военных действий в той части, где служит автор, воин пишет своим дяде и тетке:

“Опишу вам *маленький* случай, какой произошел со мной. 27 апреля я имел участие в одном наступлении. Я шел в рассыпном строю своей роты, а со мною был один старичок, лет сорока; говорил он, что у него дома семь человек ребятишек.

Когда мы попали в сильный обстрел австрийской артиллерии, то он со слезами просил меня, чтоб я, в случае смерти его, сообщил его семейству о его смерти. Я дал ему обещание. И вот шрапнельным взрывом моему товарищу отрывает левую руку вместе с плечом, так что в отверстие можно было видеть часть легких. Я подбежал к нему, а он только успел сказать одно слово: “Ваня, перевяжи меня скорее”. Я стал перевязывать, но он уже испускал последнее дыхание. Наскоро нашел я у себя в кармане старый конверт, взял с земли соломинку (карандаша не было времени искать), окунул ее в кровь умирающего, написал его имя, отчество и фамилию, присовокупив слово “православный”, и записочку заткнул в петлицу его шинели. С этим я простился с товарищем. Когда врага прогнали, командир роты назначил меня на место раненого телефониста. Уже в мае месяце мне пришлось дежурить на передовой позиции в одну темную, ненастную ночь. Со мною дежурил другой товарищ, уже пожилой. Открылась перестрелка; в самую полночь вдруг аппарат наш перестал работать. Мы остались отрезанными от сообщения со своею частью. Надо было идти на исправление поврежденной линии, а перестрелка не прекращалась. Я говорю товарищу: “Иди, исправляй, я сегодня днем уже два раза ходил на исправление”. А он говорит: “Пожалей, брат, мое семейство: если меня убьют, дети останутся сиротами, а ты человек холостой, у тебя нет семьи”. Я говорю ему: “У меня тоже старая мама и маленькие братья и сестры, без отца я им старший брат и отец”. Но товарищ стал меня умолять, и я тотчас же решился идти. Ночь была темная-претемная, хоть глаза выколи: на расстоянии двух шагов ничего не видно. Я вышел из окопа, взял в руку провод телефона, перекрестился и пошел. Перестрелка стала стихать: прошел я так около полуверсты, смотрю: обрыв и яма, которую вырыло снарядом; а в руке уже конец провода. Ищу другого конца, не могу найти. Ничего не видно. Я нашел палочку, навязал на нее носовой платок, чтоб не потерять конца провода, воткнул палочку и отошел шагов десять. Стал искать руками другого конца, несколько раз возвращался взад и вперед, смотрю – уж и платочка моего не видно. Вот, думаю, будет беда, если и этот конец потеряю: тогда куда идти? Заволновался, стал искать платка, побежал сам не знаю куда, но и окопов уже не мог найти. Стал прислушиваться к выстрелам, но они доносились откуда-то издалека. Иду в ту сторону, смотрю – какая-то гора, а у ее подножия река, которой раньше я не замечал. Думаю, Господи, куда же я попал? И пошел было обратно, но смотрю – опять вода и чувствую, что вода мне уже по колена, и выстрелов больше не слышно. Думаю, давай крикну, и крикнул: “Эй, товарищи!” Как вдруг позади меня раздался залп из винтовок, и пули пролетели выше моей головы. Я присел, немного обождал, опять все затихло. Я тихонько поднялся и пошел дальше. Вода стала уже выше колен. Думаю, ну, погиб, если не утонешь, то убьют. Я не знал, кто это стрелял в меня – наши или неприятель, а потому кричать боялся. Повернул немного влево, и сразу ухнул по грудь в воду. Ну, думаю, погиб, прочел молитву *Отче наш*, и пришло мне на память сказать: “Дорогая моя мама, родная моя, спаси своего сына: я погибаю”. Только успел я это сказать, надо мною как раз австрийцы выпустили светящуюся ракету, и мне стало видно, что стою я недалеко от берега, я – скорее на берег, думаю: слава Тебе, Господи, хоть на сухое место выбрался. Сажу, весь мокрый, дрожу от холода; вылил из сапог воду. Слышу – где-то недалеко разговаривают: один говорит: “Сколько людей погибает”, а другой ему отвечает: “Много нагрешили, вот и нужно истребление”. Значит, думаю, тут

свои – русские, и вдруг говорю им: “Братья, спасите, я погибаю”. Они замолкли, а потом спрашивают: “Ты – православный?” Я говорю: “Да”. Подходят ко мне и спрашивают: как я сюда попал? Говорю – так и так. Я спросил их: далеко ли до такой-то части? Один говорит: “Около девяти верст”. Я ужаснулся и стал просить их, чтобы меня провели. Один говорит: “Ишь, куда тебя грехи занесли”. А другой говорит: “Мать тебя спасла и твои добрые дела. Иди за мной”. Я пошел за ним, но чрез десять шагов я отстал и стал его просить, чтобы шел потише; жалуюсь ему, что у меня очень ноги болят, я весь мокрый и изнемог. А он и говорит мне: “Помнишь, мне руку оторвало; когда ты перевязывал меня, у меня слезы текли, а после перевязки мне стало легко, и я всю боль забыл”. Тут я узнал, кто со мною говорит, назвал его по имени и фамилии, он отозвался, и я спросил его: где же вы теперь находитесь? Он отвечал: “Там, где наши братья спят без заботы и труда после долгих мук”. Я опять обращаюсь к нему с вопросом: “Скажите, пожалуйста: как вы сюда попали, вы же убиты под деревней Т-ми?” А он обращается ко мне лицом и говорит: “Вот твоя часть, оставайся с Богом, и благодари Его”. – Начало уже светать, я хотел еще спросить его, а он в расстоянии от меня трех шагов вдруг исчез... Я мог бы его заметить, ибо стало уже довольно светло, но нигде его не было. И только что я кончил с ним разговор, как очутился около своего блиндажа. И удивительное дело: мне сказали, что расстояние около девяти верст, а я шел, казалось, не больше четверти часа... Когда я спустился в землянку, то меня не узнали: так я был черен, как сажа. Мой товарищ стал меня расспрашивать, что было со мною, а я только плакал. И когда я пришел в себя и стал говорить задушевному своему другу, что было, то у меня самого волосы стали дыбом. Я пошел нарочито в ту часть, где значился виденный мною товарищ, спросить о нем: жив ли он, и узнал, что он убит еще 27 апреля. Тогда я пожелал ему Царства Небесного.

Эх, тетя и дядя, каких я мук натерпелся в то время – и сказать страшно”.

Так заключает свой рассказ воин-телефонист в письме к своим тете и дяде.

Скажите, читатель: кто же это явился за молитвы матери к “православному воину”, чтобы выручить его из беды?..

Не ангел ли Божий, принявший вид его товарища, которому он оказал последнюю услугу, перевязав его смертельную рану и позаботившись даже о том, чтобы те, кто найдут его тело, знали, что это – “православный” воин?..

И вспоминается сказание книги Деяний Апостольских, как Апостол Петр, чудесно освобожденный из темницы, стучался у ворот дома Марии, матери Марка, а верующие, зная, что он заключен в темницу, предполагали, что это не сам он, а его Ангел (Деян. 12–15).

И таких сообщений из армии ходит по рукам среди народа немало; в простоте сердца верующего читают их по деревням, и крепнет вера народная в милость Божию, и бодро несут русские люди тяжкий крест войны, уповая на милость Божию. Вот почему мы веруем, что, несмотря на все безумства отщепенцев от народа, всех этих полуинтеллигентов, этих безсовестных обирателей народа, прожигающих собранные нечистыми путями средства в клубах и театрах, Господь смиляется над Русью, и страшное время пройдет, и враг будет побежден, и снова над нами воссияет солнце мира и Божия благоволения к нашей родной земле...

Слово правды о кинематографах

Со всех концов Русской земли приходится получать письма преданных Церкви, Царю и Отечеству православных людей с горьким протестом против усиливающегося развращающего влияния так называемых кинематографов. Их захватили в свои цепкие руки иудеи и употребляют как сильнейшее средство к развращению русской души. Напрасно протестуют против них отцы и матери, пастыри Церкви и архиереи: все делается “на законном основании”, и гражданская власть ничего не может поделать с этой нравственною отравой. Когда я был в Вологде, против самой семинарской церкви был открыт такой кинематограф. Протестовали мы, но бесплодно, ибо оказалось, что от входа в это учреждение до стены церковной оказалась лишняя сажень расстояния, давшая право хозяевам учреждения открыть его. Видно, остается в таких случаях Богу только жаловаться: так оно и вышло: скоро учреждение погорело и само собою закрылось.

Почему-то к театрам относятся как будто строже, чем к кинематографам, тогда как должно бы быть наоборот: театр требует для себя огромных расходов – на устройство сцены, декораций, подбор актеров и содержание их, тогда как кинематограф обходится небольшим числом прислуги да запасом лент при одном аппарате. Но тогда как пьесы театра подвергаются хоть какой-нибудь цензуре, ленты кинематографа, кажется, никто не цензурует, а при таких условиях иудею полное раздолье отравлять народ за 20–30 коп. самыми безнравственными, порнографическими представлениями. И вот ими переполнены наши столицы, пройдите по Невскому – кажется, нет дома, разве кроме казенных зданий, где не было бы этого учреждения, куда не манили бы в вечернее время публику разноцветные фонарики. От столиц не отстают и губернские, а за ними и остальные города, и даже большие села: где-где нет этой отравы? Еще так недавно русский народ свободно вздохнул от работы страшному пороку пьянства, Русь радостно праздновала свое освобождение и возносила горячие молитвы Богу за своего Боговенчанного Царя, Своим царским словом положившего предел этому рабству. Теперь, как бы взамен пьянства, народ усиленно отравляют другою страстью, прививая ему страсть к зрелищам. Не говорю на сей раз о так называемом “народном театре”, – об этом я говорил в свое время, – останавливаю внимание на кинематографе, и твердо заявляю: это много опаснее театра уже потому одному, что легче устраивается, всюду может легко проникать, а главное – до сего времени нет никакой цензуры для его лент... Страсть к зрелищам опасна не менее пьянства. Она так же может разорять население, как и водка; она опустошает народную душу, приучает простого человека к праздности, отвлекает от семьи, засоряет его воображение, сеет в его душе грех... И если театр вреден, то кинематограф для простого человека во много раз вреднее. И если мы стали на путь борьбы с пороком пьянства, то необходимо помнить, что в жизни духовной, как и в физической, природа не терпит пустоты: так или иначе народ избавлен от великого, губительного соблазна пьянства, на место этого порока, стремится уже другой, третий!.. Уже слышатся жалобы отовсюду на все более развивающуюся картежную игру, а где карт нет, там изобретают их суррогаты, и вот, доходит уже дело до того, что нищие проигрывают своим товарищам собираемые ими куски хлеба прежде, чем успели собрать их. А тут еще искусственно хотят привить простому народу страсть к зрелищам, и притом самым развращающим, посредством кинематографов. Мы, служители Церкви, давно и громко

взываем, указывая на эту опасность, но кто нас слушает?... Все помешались на “свободе”: как можно стеснять свободу предпринимателей, открывающих кинематографы? Как стеснять свободу публики, желающей пойти в эти заведения? Отлично пользуются этой свободой все, кто не разбирается в средствах добывать деньги. Но тут же есть и “идейные” работники: это те, кому *нужно* развращать народ, заражать его пороками. Нельзя сказать, чтоб этого вовсе не замечали те, кому ведать сие надлежит. Слышно, что готовятся законопроекты об упорядочении дела кинематографов; но когда это будет – Богу ведомо. А вред, страшный вред от этих заведений растет и растет, народ развращается не хуже недоброй памяти кабака.

Но, слава Богу, есть на Руси еще люди добрые, власть имущие, которые не отравлены веянием всяких “свобод”, которые в наши грозные дни спокойно проявляют свою власть, не считаясь с тем, либерально это или нет. “Из Киева, говорит “Новое время”, пришло известие, которое давно желательно было прочесть: по распоряжению военных властей, запрещено демонстрирование в кинематографах картин уголовного и эротического характера”. Итак, понадобилось военное положение, чтобы принять меру, необходимость которой, казалось бы, слишком очевидна, говорит газета. Пусть это не входит в круг непосредственной борьбы с внешним врагом, но можно только приветствовать решимость и почин киевских военных властей в деле общественной дезинфекции. Зло так разрослось и так бьет в глаза, что кто бы и как бы ни начал борьбу с этим “внутренним” врагом, его пример должен вызывать на подражание. Ведь на наших глазах происходит что-то совершенно ненормальное и никогда ранее небывалое. Ведь лет 20–25 назад никто бы не поверил, что возможно такое публичное “оказательство” своего рода зрительных прелюбодеяний, которое представляют собою программы безусловно всех наших кинотеатров, – все это откровенная популяризация порнографии и всякой скверной уголовщины, даже без риска привлечения по 1001 и прочим статьям.

Газета с негодованием говорит, что зрительные залы кинематографов переполнены учащейся молодежью обоих полов. “Гимназистам воспрещается появляться на улице позже 8 час. вечера, дабы не подвергать их нравственность возможным уличным искушениям, а “искушения” в самой непринужденной форме развертываются на полотне любого кинематографического заведения за 20–30 коп. входной платы! Рано или поздно, однако, над этими “приготовительными классами” уголовщины и разврата придется подумать. Понятно, что в первые годы такого нового дела, как кинематограф, пока еще не выяснилась его эволюция в порнограф, безобразие могло процветать. Но теперь оно осознано и для всех очевидно. Пора приняться и за ликвидацию – хоть бы по киевскому образцу” (“Нов. Вр. “ № 14251, от 11 ноября).

От души приветствуем этот голос мирянина в защиту основных устоев всякой общественной и государственной жизни. Авось этот голос окажется слышнее наших архиерейских протестов, ходатайств, обращений куда следует... Прискорбно, а надо сказать, что верные сыны Церкви, болящие душою за народ, за его нравственную целостность, не по адресу шлют нам, пастырям Церкви, свои упреки, свои мольбы о прекращении того или иного общественного зла, как например, хотя бы тех же кинематографов, возмутительных театров, газетного кощунства, это – прямое дело законосоставительных учреждений, которым дано право инициативы в законодательстве, которых и могли бы дать хороший закон, обуздывающий всякое зло в общественной жизни. Мы же можем только писать, говорить, проповедовать, а уж услышат ли нас – это уже дело тех, кто имеет уши слышати, и хочет – слышит, не хочет – не слышит...

Два слова о свободе вероисповедания

I

Если молодой епископ делится своими мыслями с пастырями своей епархии о свободе вероисповеданий, то позволительно и старику-архиепископу сказать свое слово на ту же, ныне столь излюбленную газетами тему.

“Я, говорит преосвящ. Андрей Уфимский, всегда был и буду сторонником свободы вероисповеданий, потому что иначе свет Христовой истины при “покровительстве” ей со стороны приставов вполне меркнет... Вероисповедная свобода одна только может поставить наше духовенство на высоте его пастырского учительства и заставить его сознать этим свой долг в полной мере. Охранительная система создала у нас ту пустыню, среди которой мы сейчас живем: никто из христиан не считает для себя обязательною защиту Христовой правды... Даже боятся говорить правду Христову, если она противоречит последнему полицейскому распоряжению. И выходит, что эти полицейския распоряжения стали истинной русской правдой. И наши дряблые безхарактерные либералы боятся говорить о Боге и о Христе, чтобы как-нибудь не оказаться солидарными с полицией, хотя бы в словах. Все смешалось в сознании русских людей, все перепуталось до невозможности”.

Ныне в моде разные резиновые слова, к числу коих принадлежит и слово “свобода вероисповеданий”. Надо бы прежде точно установить: что следует разуметь под этим словом? Помню, в комиссии Гос. Совета, обсуждавшей законопроект о свободе вероисповеданий, происходили большие прения по этому вопросу. Одни разумели в собственном смысле только свободу неправославным молиться каждому по своему исповеданию, а другие – левые – отстаивали под свободой вероисповедания и свободу веропроповедания. До сего времени, по нашим законам, только православная Церковь имеет право в России распространять свободно свое вероучение; другим же вероисповеданиям сего права не предоставлено. Вот наши либералы, проще говоря – левые, коим претит святое православие, и добиваются всеми мерами, чтоб всем неправославным было предоставлено право свободно пропагандировать свое лжеучение, совращать православных в разные секты, особенно модные в последние годы – штунду, баптизм, адвентизм и прочие немецкия ереси. Ужели этого желает уфимский святитель? А если он говорит о свободе для инославных в первом смысле, так ведь она уже существует, и он хочет только войти в открытую, как говорится, дверь. Кто же, после законов 17 апреля и 17 октября, мешает иноверцам молиться по-своему? Что может сделать полиция, как скоро губернатор признал ту или другую общину законом дозволенною? А что “наши дряблые либералы боятся быть солидарными с полицией” – стоит ли об этом заботиться? Кому же не известно, что это такой народ, который жить не может без протеста против законной власти! Запретите уряднику препятствовать сектанту-пропагандисту совращать православных простецов в какую-нибудь нелепую секту – наш либерал будет протестовать против миссионера или священника, который не может же не принимать мер

против такого совращения. Уж такова душа у наших “либералов”, что она только и дышит протестом.

“Нужна чистая атмосфера свободы, восклицает преосв. Андрей, чтобы все стало на свое место, а главное, чтобы свет Христов светло сиял в сознании лучших чистых совестью и восприимчивости всю силу и влияние на совести немощных”.

Какие все хорошие слова! Но вот беда: слова-то, – простите, владыко, – все “резиновые”. Такого же свойства и слова, приводимые вами из сочинений “гения” русского – Владимира Соловьева. В самом деле, что значат его слова: “Именно потому, что истина веры стала исключительно предметом благочестиваго (а иногда и неблагочестиваго) охранения, она потеряла живую и действительную силу, отделившись от действительности, перестала быть жизненною правдою?” Что значит, что “наша беда в той охранительной системе, которая всячески старается внутри самой России похоронить ее веру, угасить ее дух, заглушить ее слово?”

Ужели, чтобы пробудить духовенство, зажечь дух веры в народе, надо исполнить по слову пророка: “отниму у виноградника Моего ограду, и будет он опустошаем, разрушу стены его, и будет попираем, и оставлю его в запустении, и зарастет он тернами и волчцами?” (Исаии, 5, 5–6). Ведь этого-то и хотят все враги Церкви, об этом только и мечтают. Ужели же надо идти к ним навстречу? Недавно в бюджетных суждениях Гос. Думы и слышались подобные речи, конечно, прикрытые тоже резиновыми словами. Так ужели вы, владыко, с ними согласны?

Как будто, нет. Вы пишете: “Я желаю, я стремлюсь охранить свободу святого православия. Я – епископ православной Церкви и забочусь о ее процветании. О сектантах, о всяком разномыслии заботятся наши либералы, всегда готовые на всякое оскорбление святой Церкви, а я забочусь только о св. Церкви, о ее свободе прежде всего”.

Так, но в том-то и дело, что либералы готовы воспользоваться всякой свободой, чтоб только повредить Церкви; в этом они единомысленны со всеми сектантами и раскольниками; а вы толкуете о какой-то свободе для них, чтобы “заставить наше духовенство сознать свой долг в полной мере”. Выходит: пустить волков во двор овчий, чтоб разбудить пастуха. Плохой же это пастух, который спит так крепко, что надо волку будить его. А в думских кругах говорили еще прямолинейнее: надо поставить Церковь в положение гонимаго, чтоб пробудить в ней дух жизни... В теории все будто выходит хорошо, а на деле вот... не всегда-то так.

И враги Церкви, как сыны века сего, являются и тут мудрейшими нас, мнящихся быти сынами света Христова: они зорко следят за всем, что мы пишем и говорим, и как только можно истолковать наше неосторожное “резиновое” слово, так и спешат использовать его. Заметьте, ведь вот они поняли ваше слово о “свободе вероисповеданий” в смысле полной свободы пропаганды ересей и перепечатали отрывок ваших слов в самой распространенной своей газете. Они нашли ваши слова “глубоко интересными”. Да и как не интересно им, когда архиерей заговорил о свободе вероисповеданий, то есть, по их пониманию, о том, чтоб допустить повсюду волков в овечьих шкурах для расхищения стада Христова? Какая заманчивая-де перспектива: разбудить спящее духовенство, оно волей-неволей должно будет выступить в защиту православия, самый ленивый батюшка вынужден будет заняться изучением ересей, чтоб не быть осмеянным сектантскими пропагандистами, православные заинтересуются религиозными спорами, а наши “интеллигенты”, наши либералы всех покроев будут исподтишка посмеиваться над

батюшкой, над его неумением отражать софизмы сектанта. Батюшку будут обижать, над православием будут издеваться, а полиция не смей подходить, потому – свобода!..

Эх, владыко святой! Да ведь эта старая теория: сотворим злая, да приидут благая. Сколько душ погибнет, которые теперь, под прикрытием закона, спасаются в простоте сердца, не подозревая даже, что есть какие-то баптисты, адвентисты и т. п. И вот их станут совращать... Что же, ужели не жаль этих погибающих? Ведь надо же сознаться, что мы, архиереи, не в силах посещать каждое село несколько раз в год (в епархии ведь бывает несколько сот, а иногда и тысяч церквей), надо же признать, что наши пастыри в большинстве не достаточно подготовлены к такой открытой борьбе с врагами православия, что мы, православные, несмотря ни на какую свободу, всегда будем связаны в своей совести нравственным законом, а враги наши всякое средство считают дозволенным, а наша паства далеко не всегда все это понимает, не всегда способна оценить дух кротости и смирения, которым должен руководиться пастырь; иногда наглость сектанта будет возвеличена как голос твердаго убеждения в истине, а священник будет поруган, осмеян, под покровом “свободы исповеданий...” Если не принимают это во внимание разные либералы-теоретики, то мы-то, архиереи, должны все это иметь в суждении.

Истина, конечно, света не боится. Но вот именно те “немощные совести”, о коих и вы говорите, требуют особого попечения. Нельзя играть с огнем. Нельзя пускать волков в стадо. Бывают обстоятельства, когда одними хорошими словами не оградить от соблазна: Сам Господь наш иногда употреблял бич от вервий, чтоб изгнать оскорбителей святыни. Простительно и нам, грешным, иногда прибегнуть к власти полицейской, чтоб оберечь простых сердцем овец Христовых от волков хищных.

II

Признаюсь: с грустью читал я выдержки из письма к пастырям Уфимского святителя, помещенные в “Новом Времени”. Под их впечатлением и написал вышеприведенные строки. Не верилось, чтобы владыка так и думал, как и выходило из приведенных газетой слов. Между тем, мне подали “Уф. Еп. Ведомости”, в которых письмо помещено целиком. Прочитал. Оказывается, что газета, приводя слова преосвященного, остановилась именно на том месте, где он разъясняет свою мысль о свободе вероисповеданий выдержкой из речи члена Государственной Думы В. Н. Львова в бюджетной комиссии Г. Думы. Выходит, что преосвящ. Андрей говорит, собственно, о свободе *православного* вероисповедания, а до других ему дела нет: он не хочет говорить о них как православный архиерей. Он повторяет вслед за В. Н. Львовым: “Дайте нам, православным, хотя права старообрядцев”. Газета таким образом, по-видимому, исказила настоящий смысл слов преосв. Андрея. Так хочется думать, потому что сам он не говорит прямо, что нельзя допускать полной свободы вероисповеданий для всех неправославных. Он как будто только подчеркнул принцип, не оговорив его применение в отношении к той и другой стороне, а это и подало газете повод записать его в ряды тех же либералов, которые, по его словам, заботятся о всяком разномыслии. Вот как опасно ныне говорить, да не договаривать до конца. “Я защитник свободы совести, говорит он, а не противник ея; я защитник прежде всего свободы святой Церкви и не могу, не должен молчать при виде ея поругания. Великое счастье мое заключается в том, что народ православный и сейчас

еще на моей стороне и не мирится с предателями Христовой веры”. Ясно, думаю, что такая постановка вопроса требует сама по себе ограничений для свободы других вероисповеданий, дабы не была нарушена свобода господствующей православной Церкви. Вот в том-то и опасность, что стоит дать так называемую свободу веропроповедания, как ею овладеют всякие “предатели Христовой веры”, то есть Церкви. И тогда начнется то “порушение”, о коем говорит, которого боится владыка. И предан будет виноградник православия расхищению и попранию. Нам, архиереям, нечего считаться с разными либеральными воззрениями относительно всяких свобод; мы должны прямо говорить то, что думаем, чему учит нас совесть наша. Не о насилиях над чужою свободою совести (хотя самый термин этот крайне неточен: ведь самое понятие совести как внутреннего закона уже говорит об ограничении свободы) говорим мы, а об ограждении такой свободы для православных верующих от покушений на нее со стороны инаковерующих – вот о чем наша забота. Мыслимо ли допустить, чтоб в православном государстве каждый еретик-пропагандист свободно отторгал от православной Церкви в простоте верующия души? Либералы нам скажут: вы хотите полицейскими мерами охранять православие. – Да, хотя бы и полицейскими – в том смысле, что вот этих совратителей привлекать к строгой ответственности, не взирая на их вопли о “свободе их совести”. Пусть они веруют в своей, иногда сожженной, совести как хотят, но не смей касаться чужой совести, не смей смущать православного. Это, конечно, не исключает мер воздействия на сектантов со стороны пастырей Церкви и на православных в смысле предостережения, вразумления, охранения и духовного окормления. Но в нашей обширной России, при разбросанности селений, при недостатке достаточно подготовленных пастырей, при невежестве в учении веры нашего простого народа, при любви его ко всему, что говорит о спасении души, о вечности, при убеждении его, наконец, в том, что все, что законом дозволено, то *не грешно*, – закон должен строго запретить всякую пропаганду ересей и так называемого “иноверия”, прикрывается ли оно флагом христианства или же прямо – есть учение нехристианское. А запретив, должен чрез свои органы и наблюдать, чтоб закон исполнялся. Тут не может быть никаких рассуждений “о свободе совести”. Руки прочь и – конец. Знай свою молельню, и будет с тебя. А будешь заманивать туда православного – отвечай строго пред законом, как совратитель из православия. И закон должен это делать не потому, что вера православная сама по себе нуждается в такой охране, а просто потому, что православие есть основа жизни Русского народа, есть душа души народной, что православию обязан народ всеми теми сокровищами духа, которыми восхищаются даже другие народы, – сокровищами, которым обязана Русь своим величием, духовною красою, своим единством, могуществом и без которых оно – погибнет, исчезнет с лица земли... Так должна веровать государственная власть, потому что так верует сам народ. Тут уж надобно отложить в сторону всякия либеральныя теории о свободе совести, о веротерпимости, которой и без того достаточно в наших законах. Когда ребенку грозит опасность попасть под влияние вредных в отношении его нравственности людей, то родители не рассуждают о какой бы то ни было свободе совести, а решительно удаляют этих вредных людей. Простой народ, да и не простой только, большею частию, в вопросах веры – ребенок: как же не оберечь его законом от влияния разных еретиков и лжеучителей? И странное дело, в отношении вредных государственных лжеучителей принимаются меры для охраны народа от заблуждений, а в вопросах веры проповедуется какая-то лживая свобода: кому угодно – проповедай что хочешь. Кто бы что ни говорил, а пока люди живут на земле, пока их душа способна веровать, дотоле неиспорченный,

неисковерканный нравственно человек, искренно относящийся к совершающимся событиям, к жизни, кипящей вокруг него, будет в основу своих отношений к этим событиям полагать свои верования. Закон православного государства не может не иметь этого всегда в виду. Есть понятие, есть целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение народа закон должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него. Тут должны все либеральные “всечеловеческие” соображения и теории быть отложены в сторону. Разве мы не видим, что все зло последних десятилетий происходит, главным образом, оттого, что наше законодательство пустилось в беспочвенный либерализм, внушаемый откуда-то извне, не из недр народной души, народного мирозерцания? Разве мы не чувствуем, как народная душа тоскует об этом уклонении, как бы бессознательно, полусознательно, а иногда и прямо сознательно понимая, к чему ведет это уклонение? Но, увы, наши верхи, наши “сливки” общества этого как будто не хотят замечать. Ну что обращать внимание на мнения мужика, попа, архиерея? Известное дело – отсталые люди! Вот мы дадим такие законы, что всем будет просторно на Руси. Да, будет просторно и жидам, и немцу, и всякому иноверцу и инородцу, только русскому-то православному человеку – ох, как придется тесно! Ведь душа болит, когда в высшем государственном учреждении слушаешь болтовню либерального профессора, не желающего знать духа народного. А он с таким апломбом говорит о свободе вероисповеданий, отстаивает свободу проповеди, пропаганды, свободу печати, теперь почти в массе захваченной жидами... Как радуются этому наши враги! Им только этого и нужно: остальное само придет в руки.

И это отлично понимают немцы и миллионов не жалеют на разрушение православия в России, а наши либералы, по внушению гипноза иудомасонов, бессмысленно повторяют одне и те же речи о “свободе вероисповедания”, разумея свободу пропаганды всяких ересей.

Вот мои мысли по поводу письма Уфимского святителя. Если он признает их дополнением своих мыслей, то я буду рад, что досказал то, чего он не досказал. Я охотно подписался бы и под тем, что сказал В. Н. Львов в бюджетной комиссии, но боюсь, что в его слова вложу свой смысл, а он, может быть, имеет в виду другое. Конечно, правда, что “православная Церковь, которую называют господствующей, находится в положении худшем, нежели старообрядцы и сектанты”. Но какого рода нужна свобода ей, чтобы поправить дело, об этом можно спорить, и понимать это – каждый может по-своему. А у нас ведь дело дошло до того, что архиерейские статьи испещряются красным карандашом мирянина-цензора, а лет пять-семь назад была уничтожена брошюрка “Кто такое Лев Толстой?”, напечатанная предварительно в синодских “Церк. Ведомостях”, и автор едва не подвергся строжайшей каре закона – за богохульство! Вот вам и свобода...

Духовные аптечки

Больные ждут времени, благоприятного для лечения у целебных источников: православные ждут Великого поста, как времени самого благоприятного для исцеления своих немощей духовных. “Пост – весна душам”, – поучает св. Церковь в своих великопостных песнопениях: в посте так легко дышится, как бы весною; вся церковная обстановка, все службы Божии благоухают Божией благодатью, а в Таинствах Церкви, в Таинстве покаяния и Божественного причащения тела и крови Спасителя нашего, душа обретает и желанное исцеление от болезней духовных, от тех страстей, которые воюют на душу и от коих изнемогает наш духовный человек. И сколько истинно материнской любви и заботливости проявляет святая Церковь в это воистину благодатное время! Как мудро расположила она свои службы, свои исторические воспоминания и памяти святых Божиих на эти дни! Зная свойства души человеческой, она действует не только на ум, но и на сердце грешника, не только дает пищу для благочестивых размышлений, но и питает сердце, чувство неподражаемою поэзией своих стихир, канонов и других песнопений. Почти за месяц начинает она готовить к посту своих чад; за три недели уже слышатся трогательные покаянные песни: “Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче”, за две недели – песнь пленников вавилонских, оплакивающих свое потерянное отечество, а в евангельских чтениях дает образцы покаяния в Закхее, в мытаре, в блудном сыне... И везде – смирение как основной фон христианской жизни, везде детская простота сердца и готовность в слезах излить свое сердце... Настает пост, и открывается чудная панорама Ветхаго и Новаго Завета в великом творении святителя Андрея Критского, в Великом каноне. Умилительная молитва преподобного Ефрема Сирина слышится многократно на всех службах, и верующие повергаются пред Господом в покаянных воздыханиях, умоляя милосердаго и всемогущаго Господа удалить от них дух праздности, уныния, любоначала и празднословия, даровать же им дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, а паче всего – зреть свои согрешения и не осуждать ближняго. Настает день покаяния – канун Божественного причащения, и верующие открывают свою совесть пред милосердным Господом, исповедуя своему духовному отцу все, что тяготит их, чем они прогневляли Господа, и получают, по вере своей, отпущение согрешений, полагая обет больше не служить греху. Поистине – чудное время, поистине весна и обновление душ у источников спасения – под сению храмов Божиих...

Всякое лечение требует врача, его указаний относительно диеты и пользования целебными водами. Так и в духовном врачевании нужен врач, нужна диета, руководство духовнаго отца. Всякое и доброе дело только тогда спасительно, когда оно делается добре, с рассуждением. Можно и поститься, и молиться, класть поклоны без счета, а пользы не иметь, если все это будет сопровождаться фарисейским настроением, будет питаться духом тщеславия, будет чуждо мытарева злата – смиренномудрия. Ведь и в телесном лечении бывает то же: иной будет пить воду, в известных случаях целебную, а в других прямо вредную. Чем опытнее врач, тем больше у него пациентов; так и тут, чем опытнее духовник, тем больше стремятся к нему все, кто истомился душою, кто страдает тою или иною духовною болезнью, обуреваемый страстью, томится малодушием в скорбях своих, ищет поддержки, утешения, духовнаго врачевания. Вот почему те обители, в коих есть более или менее опытные старцы, бывают во дни поста – да и не поста только –

переполнены верующими, ищущими духовного руководства и облегчения тяготы душевной. И никогда так не раскрывается грешная, но смиряющаяся пред Богом и кающаяся душа, как при исповеди, никогда так благотворно и плодоносно не бывает сеяние заповедей на ниве сердца человеческого, как во дни поста, особенно Великого. Как велика ответственность пред Богом отцов духовных за эти раскрытия сердца, если они не воспользуются в это святое время духовного обновления и возрождения православных чад Божиих, чтоб помочь им в деле сего обновления!

Но как помочь, что делать духовнику, когда в один день ему приходится исповедать несколько сот человек? Ведь на каждого приходится иногда всего две-три минуты: иначе другие останутся без исповеди...

Многие добрые пастыри заранее приглашают своих прихожан исповедаться за два-три дня, если хотят повнимательнее заглянуть в свое грешное сердце. К сожалению, это не входит в обычай: исповедники как будто боятся нагрешить после исповеди до святого причащения. Иные стараются даже исповедаться в самый день причащения, забывая, что ведь если так станут делать все, то духовник будет лишен уж всякой возможности исповедовать желающих... Напрасно духовник предлагает потом дополнять исповедь, если кого что-нибудь смущает: делать это стесняются и предпочитают в канун причащения выстаивать по несколько часов в ожидании очереди подойти к аналогии духовника. При таких условиях и бывает часто, что от исповеди, из духовной лечебницы, отходят неисцеленными. Как же быть? Как и чем, хотя в некоей малой мере, помочь горю?

Из житий святых, из наблюдений пастырских, из постоянного опыта духовной жизни известно, что благодать Божия как бы стоит на страже человеческого сердца и всегда готова привлечь его на путь спасения, как только произволение человека склонится к сознанию своей греховности и поищет ее всемогущей помощи. Известны, например, случаи могущественного воздействия благодати при чтении не только слова Божия, но и писаний святоотеческих, житий святых и даже простых назидательных листков. Печатное слово, таким образом, является на помощь отцам духовным в их святом деле духовного водительства их чад. И духовники должны им широко пользоваться. Мне известны многие пастыри, которые предлагают говельщикам, ожидающим очереди при исповеди, назидательные листки, располагающие к покаянию и помогающие кающемуся в исповедании грехов. Таковы “Троицкие листки”: “Пред исповедью и об исповеди” (№ 712 и 207), “Исповедь” (97), “Без исповеди не полно покаяние” (209), “И Бог требует, и душа просит исповеди” (262), “Что нужно для спасительной исповеди” (410), “Прежде сам прости” (177), “Прежде долг уплати” (235), “Возстани, спящий” (543), “Воротись, куда идешь” (285), “Осмотришься” (218), “Пока не поздно” (307), “Пора одуматься” (237), “Почему не сегодня” (714), “Покаемся” (358), “Стыдно мне пред Тобою, Господи” (526) и под. В некоторых церквях такие листки громко прочитывались псаломщиками или грамотными из говельщиков; читались и листки о Божественном причащении: “Не уклоняйся от причастия св. Христовых Таин” (156), “Не лишай себя чаши Христовой” (308), “Величие Таинства св. причащения” (210), “Хлеб небесный” (361), “Что нужно для достойного причащения св. Таин” (411), “Причастникам пред св. причащением” (458).

Но этого мало. Надобно, хотя отчасти, восполнить то, что должен бы дать духовник устно, чего ждет от него духовный сын: это – совет, что ему делать, как отстать от привычного греха, как направить свою волю к добру, как переменить свою жизнь: ведь Таинство покаяния есть только благое начало этой спасительной перемены – начало новой

– во благодати – жизни, которая должна продолжаться до конечного исхода отсюда, которая будет целожизненным подвигом борьбы с привычными страстями, свившими себе гнездо в сердце, подвигом очищения сердца от этих зловонных исчадий ада. Тут уже нужна целая “духовная аптечка”, смотря по духовной болезни пациента-исповедника. Некоторые духовники дают исповеднику на память листок, какой придется. Но это не только безцельно, но и иногда может быть и вредно, отвлекая мысль говельщика от единого для него на потребу в сторону ненужного. Несравненно большую пользу могла бы принести в руках опытного духовника, как умелого врача, целая “аптечка-библиотечка”, которую следовало бы иметь под руками каждому духовнику. В ее состав должны входить листки по нескольким отделам и подразделениям. Можно иметь три главных отдела, по указанному Апостолом Иоанном Богословом делению грехов: похоть плоти, похоть очес и гордость житейская. В первом отделе два главных подразделения: грехи плотские и чревоугодие в его разных видах. Смотри по виду таких грехов, духовник может дать исповеднику листки, вроде таких: “Борьба с плотью” (№ 197), “Не прелюбы сотвори” (707), “Положи, как Иов, завет очам твоим” (598), “До чего ослепляет распутство” (149), “Слово к распутному сыну” (652), “Кому подобен распутно живущий” (406) и под. Против пьянства: “Десять горьких гроздов пьянства” (8), “Благодатное врачевство против пьянства” (150), “До чего доводит пьянство” (454), “Как помочь нашему общерусскому горю” (492), “Непобежденный враг Русской земли” (563), “Слово покаявшегося пьяницы” (564), “О том, как изобретательны пьяницы” (619), “В чем корень пьянства” (696), “Грозное слово св. Василия Великого на упивающихся” (727), “Доброе слово жене, у которой муж пьяница” (728) и другие листки, которые имеются собранными и в одной книжке, под заглавием “Всем пьющим и непьющим душеполезная книжица о погибельном пьянстве”. Против чревоугодия – все листки о посте и воздержании; против “похоти очес” – о любостыжании, богатстве и бедности, как например: “Можно ли спастись богатому” (779), “Слово к богатым и убогим” (257), “Ничто не наше на земле” (487), “Не суди бедняка, а подай ему” (695), “Что лучше: богатство или бедность” (427), “Кому можно, а кому грешно жить подаванием” (603), “Бедностью не оправдаешься пред Богом” (179), “Доброе слово Христа ради нищему” (339), о картежной игре (532), о женских нарядах и уборах (295), зависть – “Первородное исчадие греха” (693), “Завистник – человеконенавистник” (248), “Не завидуй и зависть незлобием побеждай” (32); о гордости и смирении: “До чего доводит гордость” (547), “Я – не твой брат” (494), “Смирись, гордый человек” (582), “Смирение – мать всех добродетелей” (645), “Смирение святых” (612), “Христов пример смирения” (663) и др. Родителям: “Мудрые советы” (14), “Родители, берегите детей своих” (352), “Страшное дело – клятва родительская” (386), “Молитесь, матери, за детей своих” (495), “Счастье родителей” (490), “Всегда ли должно следовать благословию родителей” (520); детям: “Дети, помните пятую заповедь” (75), “Дорожите благословением родительским” (230), “Нива, слезами орошенная” (725), “Храните, дети, завет родительский” (311), “В поучение взрослым детям” (442). Листки для детей есть и в одной книжке “Троицкий подарок для русских детей”. О семье: “Семейные раздоры” (82), “Братья и сестры” (393), “Невестки и свекрови” (684), “Снохи в семье” (146), “Мужья и жены” (118, 753). В утешение скорбящим имеется более 50 названий листков, которые есть и в одной книжке “Всем скорбящим во утешение”. Есть листки о сквернословии (88 и 719), о “дымной привычке” (540), “земледельцу” (27), “воину” (138, 143, 407), “наемному человеку” (453), “нищему” (339), “торговцу” (77 и 303). Много листков о храме Божиим, о молитве, о праздновании

святых дней (25,144), о покаянии, о смерти (15 названий), о поминовении усопших (5 названий), о Церкви православной и послушании ей (до 15 названий), о расколе и сектах (до 30 названий), о почитании Матери Божией и Ея икон (до 35 названий), Святых Божиих, Креста Господня (более 20 названий). Не стану перечислять их: общее число “Троицких листков” доходит теперь до 1350 номеров. К ним есть систематический указатель и оглавления к выпускам (каждый выпуск состоит из 40 номеров). “Аптекарский склад”, если угодно так назвать это издание, как видите, очень богатый.

Я позволил себе остановиться на “Троицких листках” потому, что многие из них мною и составлены, и все – редактированы, а потому их содержание мне хорошо известно. Но ведь есть, кроме Троицких, и другие листки: Афонские, Киевские, Почаевские, Синодальные... Есть из чего составить духовную аптечку.

Эту мысль мне подал один почтенный отец игумен, в обители у которого такие аптечки уже имеются и приносят большую пользу богомольцам. Он, между прочим, пишет: “Необходимо, чтобы в аптечке были листки и для раздачи не только во время исповеди, но и при совершении треб, особенно при крещении, браке, погребении. Известно, что при таких случаях сердце бывает более восприимчиво. Для образца можно выписать хотя по одному листку (впрочем, не менее сотни, хотя бы и разных, ибо пересылка почтой в противном случае обходится дорого, а сотня с пересылкой стоит 60 к.; налож. платежом – 80 к.), затем, по усмотрению духовника можно уже требовать больше, указывая номера листков. Из нашей монастырской библиотечки-аптечки всего более требуется листков в утешении скорбящим: особенно теперь, да и всегда, скорбящих немало, они-то больше и обращаются к Богу, но скорби бывают разные: об умерших, по случаю болезни, бедности, обиды, дурной жизни мужа, детей или других несчастий. Часто просят листков о примирении враждующих, против пьянства, ругани и пр. Батюшки и прихожане оценят духовное врачевство, получая пользу от его своевременного употребления. А два-три рубля на выписку батюшка найдет у себя же, из тех лепт, какие кладут ему за исповедь в кружечку”.

Кто желал бы получить такую “духовную аптечку”, тот может в своем требовании обозначать просто: такого-то № листка, столько-то экземпляров. Получив, распределить их или пакетами, по содержанию, или бандеролями, чтобы не рыться при самой исповеди. У о. игумена, о коем я упомянул, сделан даже особый шкаф, с клеточками для каждой темы – духовного врачевства. А на створах шкафа – список имеющихся тут листков.

Лженаучным подкоп под Библию

От первых дней христианства, от самих Апостолов Христовых мы слышали, и Церковь Божия крепко содержит сию истину: был в истории человечества народ, Богом избранный, коему вверена была словеса Божии, который являлся для всего человечества носителем, хранителем истинной веры в Бога, в грядущаго Спасителя мира, народ, который передал Христовой Церкви Божественное откровение, заключенное в книгах Священного Писания, в Библии, которую мы приемлем как слово Божие, как писания пророческия, как Ветхий Завет, наравне с книгами Нового Завета, писаниями Апостолов, Святым Евангелием: Ветхий и Новый Заветы для нас суть одна целая книга, книга Божественного Откровения, как две страницы одного и того же листа – великаго послания Бога к людям.

Не будем входить в суждение о том: потому ли избран был еврейский народ, что его предки, древние патриархи, действительно, были лучшие, достойнейшие люди, как Авраам, *иже и друг Божий наречется*, или же по особенному промыслению Божию, чтоб самый недостойнейший из народов стал орудием Божией благодати к роду человеческому, да изведет Господь благодатию и всемогуществом Своим честное от недостойнаго: так или иначе для нас остается несомненным великое дело Божие, что еврейский народ был народом избранным, хотя и недостойным в своем поведении, в своих деяниях, – народом, от котораго, по выражению Самого Господа нашего Иисуса Христа, произошло *спасение* (Ин. 4, 22). Мы веруем, что Духом Божиим глаголали святые пророки, и их писания, весь Ветхий Завет, в его канонических книгах – суть писания богодухновенныя. Это – не наше мнение: таково учение всей Православной Церкви, таково учение Апостолов и Самого Господа Иисуса Христа, Который, в удостоверение Своего Божественнаго посланничества, говорил иудеям: *испытайте писания* и ссылался на Моисея, который писал о Нем (Иоан. 5, 39 и др.). Таким образом, по воззрению Церкви, народ еврейский до пришествия в мир Спасителя оставался народом Божиим, хотя и грешным, недостойным, но ведь и мы не менее грешны и недостойны, однако же дерзаем считать себя и уповаем, что не безнадежно, чадами Христовой Церкви, пока не отреклись от нея, не отпали, не отсечены. Но вот пришел Господь, обетованный Спаситель, Избавитель Иисус Христос. Еврейский народ должен был принять Его, яко обетованнаго Мессию. Увы, он отверг Его! Он вознес Его на крест! Он отрекся от Него! Он – страшно сказать – на себя и детей своих, на все свое потомство взял вину пролития святейшей крови Его! *Кровь Его на нас и на чадех наших*, кричали иудеи Пилату, требуя распятия Христа. Их вожди, их первосвященники и книжники, пропитанные сатанинскою гордынею, возненавидели самое имя Христово так, что не позволяли и Апостолам произносить его. Народ отпал от Бога. Он изменил своему призванию. Он стал противником Богу, заклятым врагом тех, кто последовал Христу. Сам Господь, обличая вождей иудейских, уже нарек их *сынами диавола* (Ин. 8, 44). Избранные от народа иудейскаго Апостолы и первые последователи Господа, вошли в Церковь, а отверженный Богом народ, в массе своей, в ожесточении сердца пошел против Церкви, против Бога, отдал себя во власть новаго своего отца – сатаны; вместо Нового Завета, вместо Евангелия Христова, он признал книгою завета для себя сборник преданий вот этих самых фарисеев и книжников, которых обличал Господь, – вот этот многотомный талмуд, со всеми его нелепостями, мерзостями, со всею

нечистотой и богопротивной логикой. Это было попущением Божиим в наказание бывшему избранному, ныне же отверженному Богом народу, – попущена слепота духовная, свободною волею им избранная, за отречение от истинного Света, просвещающего весь мир. Об этом “ослеплении” говорит великий Апостол языков Павел, предсказывая, что оно – не навсегда, что настанет некогда час, когда *исполнение языков внидет* в Церковь Христову и *так* весь Израиль спасется (Рим. 11, 25–26). На наших глазах это ослепление еще продолжается: иудеи – в отвержении от Бога, продолжают враждовать против Христа и Его Церкви, продолжают вместо Евангелия, даже вместо Ветхаго Завета, который чтут, держаться своего богоненавистного талмуда, заключающего в себе, можно сказать, заветы врага Божия – сатаны. Апостол предсказал, что будет время обращения иудеев ко Христу, но мы еще не видим признаков этого обращения; видим только, как вражда иудеев против Христа разгорается, как они готовят всеми мерами путь своему лжемессии – антихристу, как и христиан стараются отвлечь от Христа и сделать их врагами Его.

Из сказанного видно, что мы должны строго различать еврея до Христа и иудея после Христа. Между ними лежит непроходимая грань, целая пропасть. К этой пропасти постепенно подходил ветхозаветный еврей, заражаясь гордынею, самоценом избранничества, пока не низринул в эту пропасть, превратившись из чада Божия, хотя и строптивого, маловерного, но еще чада, в чадо сатаны, в богоотверженного противника Христова. Не будем разгадывать “тайны” Божией, о коей говорит Апостол Павел, когда она исполнится, когда иудеи обратятся ко Христу, хотя бы в “останке”, в малом числе. Это – дело Божие. Будем беречь себя от иудея, который покушается отнять у нас самое священное, самое дорогое – веру в нашего

Спасителя, в учение Его Церкви, в наше общение с Ним и Церковью, с Ним на небе сущему. Иудей пробрался уже туда, где не должно бы быть ему места: он захватил в свои нечистые руки нашу периодическую печать, он верховодит якобы “общественным мнением” в газетах, в среде интеллигентов, лицемерно принимая крещение, изменяя, вопреки закону, свои имена и без крещения, переменяя даже фамилии, но не изменяя своего нравственного облика, своих идеалов. Есть и в среде бывших иудеев такие, которые приняли учение Христово искренним сердцем, но они совершенно сливаются с православным народом, да и много ли таких? Для иудея – врага Божия все ни по чем: он готов отвергнуть и свое Священное Писание, он ведь уже исказил его в своем “новом завете” – талмуде до неузнаваемости, хотя внешним образом и чтит его, “почивая на законе”, по выражению Апостола Павла, содержа в почете свою “тору”, букву закона Моисеева, в своих синагогах. Можно ли поверить, чтобы европейски образованный иудей, прошедший университет, занимающийся естественными науками, историей, философией, юриспруденцией, медициной, без сомнения, хотя из простого любопытства, заглянувший в Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, а иногда, может быть, и занимавшийся изучением богословия христианского, – можно ли поверить, чтоб такой иудей остался искренним иудеем-талмудистом со всеми теми верованиями, какия проповедует талмуд? Одно из двух: он или уверует в истину учения Христова и станет христианином не по имени только, но и сердцем, или же, приняв христианство из понятных расчетов, останется неверующим ни во что атеистом. Как ни прискорбно это, а опыт показывает, что современное “образование” в светской школе, особенно в высшей, ведет иудея к последнему. И вот такой иудей, с одной стороны, преданный сын своего народа, с другой – вооруженный каким бы то ни было, хотя бы только показным, знанием, а иногда и

титолом, дипломом, положением, богатством, поддерживаемый кагалом, с детства пропитанный традиционной ненавистью к христианству, такой иудей не постесняется в своей иудинной совести пуститься якобы в “научные исследования” с целью подорвать авторитет не только Евангелия, которое чуждо его иудейскому сердцу, но и ветхозаветных книг Библии, которые, казалось бы, должны быть ему дороже Евангелия, которым он, может быть, еще верил в детстве, как слову Божию. Надо помнить, что иудей всегда мечтает о всемирном владычестве, всегда смотрит на всех людей, неиудеев, как на скотов, которым Бог дал облик человеческий только для того, чтобы иудеям было не противно пользоваться их услугами, – так учит их талмуд, котораго духом иудей проникается раньше, чем будет относиться сознательно к вере, к знаниям. Надо помнить, что в деле борьбы с христианством иудейство находится в тесном союзе с масонством, тоже мечтающим о всемирном владычестве, тоже не считающимся ни с какою нравственностью, ни с какою совестью, лишь бы достигнуть своей цели. Можно думать, что масонство и иудейство уже и объединились, и во главе масонства уже стоят иудеи: недаром же символы масонства напоминают ветхозаветную историю евреев, строивших храм Иерусалимский. И вся эта темная сила, под покровом мнимой науки, стремится расшатать православные понятия о слове Божием, о Священном Писании, не говоря уже о священном предании Церкви, не говоря уже о сказаниях, заключающихся в житиях святых угодников Божиих. Многие они уже сдали в архив, теперь все усилия употребляют к подрыву всякой веры, всякого уважения к слову

Божие. Но вот наша горе: с одной стороны, – в этом надо сознаться, наши богословы мало обращают на это внимания и не придают большого значения выступлениям противников против Священного Писания, с другой, – наша молодежь, наша интеллигенция с жадностью читает сочинения отрицательного направления и не обращает должного внимания на полемику с ними знатоков Священного Писания и археологии древних времен из ученых верующих. И вот сочинения, вроде писаний Делича, Эберса, Чемберлена (не разберешь: иудеи это или немцы?) читаются, переводятся на русский язык, а ответы им достойнейших представителей истинной науки вовсе не знакомы читателям. И появляются плодом такого отношения молодежи к археологии библейских времен писания, вроде недавно напечатанной статьи в “Вешних Водах”, под заглавием “Некам Адонай!” Да ведь если такую статью прочитает юноша, то он или, если еще не потерял веры в слово Божие, придет в крайнее смущение, или же, потеряв всякую веру в то, чему учил его законоучитель, бросит Священную Историю в печь, а Библию изорвет в клочья как сборник жидовских басен... Враги Церкви ловко использовали материал, добытый из раскопок древней Ассирии, Египта, Вавилона, и в то время, как истинная христианская наука старалась обратить эти материалы в защиту Божественного откровения, в защиту Библии, они все дело повернули в обратную сторону, доказывая, будто евреи две трети Библии позаимствовали у ассиро-вавилонян, а по другим – у египтян... Не стесняются при этом и прямо лгать на Библию, будто в ней нет определенных указаний на происхождение субботнего дня, тогда как каждый ребенок, которому показали Библию, на первых же ее страницах найдет ясное указание, и притом с особенным, так сказать, подчеркиванием, для чего установлена суббота. И все это пишется с таким “научным авторитетом”, со ссылкой на глиняные таблички ассиро-вавилонских раскопок, на громкия имена авторов-исследователей немцев, а может быть, и иудеев, что читатель-простец, незнакомый с обратной стороной этой археологической истории, приходит в смущение и недоумевает: как же это так? А нас-де учили... Дерзость

таких “исследователей” доходит до того, что Самого Христа Спасителя уже производят не от Авраама и Давида, а от кого-то из иноплеменников... Тяжело читать все это, жаль молодежь, да и одна ли молодежь увлекается подобными сочинениями? Наша интеллигенция еще никак не может избавиться от гипноза немецких имен: для нея разные Деличи и Эберсы – неоспоримые авторитеты, а свои русские, вроде покойного Болотова или здравствующих профессоров наших академий, занимающихся библейской археологией, не заслуживают даже того, чтоб ознакомиться с ними. Какой-нибудь профессор “психиатр”, да, психиатр, не больше, куда авторитетнее этих специалистов-профессоров в вопросах о подлинности Св. Писания, о характере писаний священных книг... И ученые труды этих почтенных, добросовестнейших, искренно верующих профессоров остаются неизвестными для нашей молодежи среднего, а иногда и высшего образования, и даже наши немногие патристические газеты, ставящие на своем знамени Православие, Самодержавие и служение родному народу, не знают этих исследований, не знакомят с ними читателей и, к великому сожалению, к нашему горю, иногда, в борьбе с иудеями, пользуются сочинениями тех же немцев – врагов Священного Писания и предания Церкви... А между тем, стоило бы поближе познакомиться с нашей апологетикой против сих немцев, чтобы видеть, что их теории, заметьте, только теории, а не исторические факты, якобы свидетельствующие о том, будто наша святая Библия “скомпилирована” из разных источников, заимствованных у соседних народов, из их легенд, будто евреи прибегали к плагиату, сочинив свою историю из легенд ассирийцев, вавилонян и египтян, что эти теории – несостоятельны и тенденциозны. Все дело в том, что весь род человеческий произошел от одного корня, что все легенды, сходные по содержанию, только свидетельствуют об этом единстве рода человеческого, что сказания первых времен человечества совершенно естественно сохранялись во всех отраслях, у всех народов, происходящих от одного корня, что восточные народы были ближе к евреям, а потому у них такие предания общечеловеческой истории сохранялись свежее, чем у более отдаленных, хотя подобные предания, например, о потопе, сохранялись не только у китайцев, но и древних ацтеков, жителей Америки... А у евреев, Промыслом Божиим, истинно историческое предание хранилось в чистом виде, что необходимо было для всего человечества, ведомаго Богом к искуплению и спасению во Христе Иисусе. И это священное предание записано великим бытописателем Моисеем, как сокровище всего человечества, и народу Божию, как пишет Апостол Павел, *вверена быта словеса Божию* на общее счастье всех людей. Даже если верить немцам, будто некоторые предания были известны задолго до Моисея, что они с подробностями вошли в Библию, то разве не могли повториться такие подробности, особенно если припомнить, что евреям были хотя отчасти известны предания египетские и ассирийские? Почему мать Моисея, в тяжкую годину истребления младенцев мужского пола из еврейского народа, припомнив старья сказания о Саргоне, не могла повторить опыта спасения своего ребенка в корзине, пущенной на воду? Да, если бы она не знала этого ассирийского предания, почему не могло ей придти этого на мысль в минуту страшной опасности для дитяти? А миф о вавилонском Ное-Ксисутре, записанный почти одновременно с происхождением книги Бытия, только доказывает свежесть общечеловеческого предания в то время у ассириян, но нимало не может служить доказательством, будто Моисей заимствовал этот рассказ у ассириян. Не буду пускаться в другая подробности, которые приводятся немцами в опровержение подлинности нашей святой Библии, я хотел только привести примеры того, как легко опровергаются все их измышления, распространяемые и нашими домашними

врагами Церкви и христианства. Я уже не раз предупреждал наших патриотов быть осторожнее в вопросах, так или иначе касающихся Священного Писания. И теперь скажу: подумать только, если ветхозаветные книги Библии суть не больше, как выдумка евреев, подделка истории и т. д., то что станет с самым христианством, которое мнятся защищать от иудеев неразумные ревнители якобы исторической правды, доверяющиеся исследованиям Деличей, Чемберленов, Эберсов и им подобных “ученых” безбожников? И не вдохновляют ли всех этих ученых все те же иудеи в союзе с масонами, поставившие себе задачу уничтожить христианство на земле и подготовить царство антихриста? Не спору, эти ученые могут делать такое злое дело и безсознательно, во имя якобы науки, но нам-то, верующим, доверяться такой лженауке, раз она идет против Христа и Священного Писания, уж просто непростительно. Мы должны знать, что это – прямой подкоп под Церковь, под христианство.

Непрошенные “защитники” православия

В своей статье “Лженаучный подкоп под Библию” я обратил внимание моих читателей на то, как иудеи и их союзники, изменники Христову учению, стараются в христианах подорвать доверие к книгам Священного Писания как к слову Божию, как к Божественному откровению. Удивляться тут нечему: бессознательные слуги врага Божия только делают свое дело, внушаемое им от их отца – дьявола (Ин. 8, 44). Мы, православные христиане, должны говорить это прямо, без всяких оговорок, не стесняясь выражениями, которые могут показаться неприличными, оскорбительными для иудеев и их приспешников. Но вот печальное явление, на которое недостаточно обращается внимания, особенно нами, пастырями Церкви, но которое составляет знамение времени, свидетельствующее о некотором понижении православного самосознания. Верные сыны Церкви всегда должны бы быть на страже своих церковных воззрений и чутко отзываться на всякое постороннее, нехристианское к ним прикосновение. Между тем, у нас наблюдается нечто другое. Мы спокойно проходим мимо таких, говоря современным языком, “выступлений”, против которых должны бы громко протестовать самым решительным образом. Я скажу больше. Есть издания, которые считают себя защитниками православной Церкви, ревнителями Православия как основы нашей русской самобытности, и однако же являются ни больше ни меньше, как пособниками врагов Церкви в деле разрушения наших церковных воззрений. И творится это, думаю, бессознательно, из неразумного усердия якобы провести резкую грань между иудеями и христианами. Грань, несомненно, существует, но вовсе не там, где хотят ее проложить. Опасность в том, что мнимые защитники христианства вовсе не хотят знать *голоса Церкви*, хотят проложить какая-то новые пути в решении этого вопроса и попадают на ложный путь отрицания всего ветхозаветного канона Библии, а их неразумные последователи, забывая свой долг быть в послушании у Церкви, не замечают таких проявлений невежества со стороны мнимых борцов против иудаизма, что становится за них и стыдно, и страшно... Уж лучше бы вовсе не касались вопросов, вроде упомянутого. Судите сами, читатель: вот, например, какой-то г. М. Гротт, с видом ученого знатока, пишет статью, в которой обнаруживает такое невежество, что его мог бы изобличить простой начетчик-крестьянин. Он в числе великих учителей Церкви, писателей – святых Божиих ставит *Василия Блаженного*, очевидно, смешивая его с *Василием Великим*, это ли не невежество? Вместе с нашими раскольниками этот ученый муж воображает и других учит, будто “крест должен быть непременно осмиконечный”. Это ли не нелепость, которую легко может изобличить каждый мальчик, кончивший церковноприходскую школу? Он так авторитетно заявляет, что “православие все сохранило, что оставлено было Апостолами, сохранило все писания св. Отцев Церкви, все постановления Вселенских Соборов, каноны, все замечательные произведения таких выдающихся людей, как *Василий Блаженный* (?!), *Иоанн Златоуст*, *Григорий Богослов*, *Иоанн Дамаскин*”. Хорошо, хотя, как я выше заметил, *Василий Блаженный* ни одной строки не написал, а смиренно подвизался в Москве, спустя тысячу лет после Вселенских Соборов, – но если “Православие (Церковь православная), по-вашему мнению, сохранила все это”, вы-то, г. Гротт, принимаете ли все это как заветы Апостолов, Отцев, Вселенских Соборов или отвергаете? Вы, – будем говорить откровенно – читали все это или так, по слуху,

перечисляете эти сокровища писаний, Церковию хранимых? Вот вы пишете, что “послания Апостолов до сих пор по глубине мысли являются непревзойденными”, а они переполнены ссылками на те книги Ветхаго Завета, который вы считаете подделкою жидов-талмудистов, пересказом вавилонских и ассирийских легенд, причем, святые Апостолы свидетельствуют, что все сии писания богодухновенны и полезны для нашего научения, что их, по внушению Духа Божия, писали святые Божии человеки. Как же теперь быть вам с своею теорией? Как согласить ваше – простите – лицемерное уважение к писаниям Апостолов и ваше отрицание ветхозаветной Библии? А у св. отцев есть полные толкования на многия книги Ветхаго Завета – целая библиотека: как все это вы, уважая св. отцев, помирите со своею теорией отрицания? Вы позволяете себе называть нас, служителей Церкви православной, “белыми магами” в противоположность “черным магам” – жидам. И этого мало, вы богохульно преподносите своим читателям клевету на Господа Иисуса Христа, придуманную жидом Нотовичем и давно документально изобличенную усердными католическими миссионерами, будто бы Господь наш “не без цели провел в Индии несколько лет перед тем, как выступить с проповедью Своего великого учения”: стало быть, по вашему мнению, Ему, Богу воплотившемуся, понадобилось поучиться у идолопоклонников – индийских мудрецов – так что ли, по-вашему^[87]? Вы лицемерно недоумеваете: “кто и когда приклеил Библию к христианству, ускользает от глаз наблюдателя”, а того будто не видите, что на Библию ссылается Сам Господь наш Иисус Христос как на Божественное откровение, заповедует исследовать ее, изучать Писания; на нее постоянно ссылаются Его Апостолы, все книги ея перечисляются и у св. отцев, и в постановлениях Вселенских Соборов, которые, как будто, вы уважаете. Вы ставите себя выше Церкви Христовой, которой Он Сам заповедал повиноваться, которая, по слову Апостола Его, есть столп и утверждение истины, уж что бы вы ни говорили – мы с негодованием отвергаем вашу и учителей ваших, вроде “психиатра” П. Ковалевского, теорию происхождения ветхозаветных книг Священного Писания, мы приемлем их, как слово Божие, что Библия – да, как вы выражаетесь, “неотделима от христианства”, а ваши похвалы православию для нас кажутся очень подозрительными, ибо вы, очевидно, не знаете ни православия, ни даже христианства... Вы выражаете как бы негодование, что вас не хотят православные дослушать “до конца”, дочитать вашу возмутительную статью против слова Божия; но ведь вы и статью-то свою начинаете именно с “конца”: ведь главная мысль ея вами высказана в самом начале. Какая же надобность нам дочитывать статью до конца? Вы не хотите слышать о Библии как слове Божиим, а мы не хотим слышать хулы на глаголы Духа Божия: идите же от нас прочь с своими теориями, вы – не православный, вы – слуга врагов Церкви, тех же иудеев, хотя они, лицемеры, и пишут вам, будто мы на их стороне... Да, мы признаем ветхозаветный книги Библии как Божие откровение, но жида давно забыли Библию, как таковую, и почивают на ее букве, даже и букву не выполняя, а вместо нея приняли завет сатаны – талмуд. Мы повторим за вами, пожалуй, фразу, заменив в ней лишь одно слово другим: “Бог проклял жидов, а сатана (слышите: сатана, а не Ягве, Котораго наша Библия именует Иеговою, Который есть Творец неба и земли, Который отверг жидов), – сатана подобрал их”, соделал их своими избранниками, пока они не покаются, не обратятся к отвергнутому ими Спасителю мира Иисусу Христу, что предвозвещено Апостолом Павлом в его богодухновенных писаниях. И напрасно иудеи селятся доказать, что они веруют в того же Бога, в Котораго верили их отцы в Ветхом Завете: они давно изменили этому Богу отцев своих, служат другому богу, который, действительно, “и зол, и мстителен”, но который в

их затемненном богоотступническом сознании хочет отождествить себя с Иеговою, Богом отцев их, о чем и говорит г. Гротту его корреспондент, жид из Одессы. Но если г. Гротт хочет остаться христианином, то он не должен смотреть на Библию в очки современных жидов, готовых исказить самое слово Божие, готовых, как он же говорит, “мстить Богу” за свое отвержение.

Вот что хотелось бы сказать г. Гротту, который дерзает на страшное дело: вопреки св. отцам, Вселенским Соборам, вопреки св. Апостолам и Самому Господу Иисусу Христу – пытается доказать, будто Новый Завет не имеет ничего общего с Ветхим, будто ветхозаветные книги – только сборник ассирийских и вавилонских легенд, искусно подобранных иудеями в свою пользу, – словом: переделать все христианское миросозерцание наше. И пусть он не обольщает себя мыслию, будто если никто из православно верующих не стоит за ним, то “стоит за ним один, Тот Самый, Который дал людям новый завет”: это прелесть гордыни, отвергающей авторитет Церкви Христовой, это служение врагу Христову – диаволу: это я говорю прямо, не прибегая ни к каким вежливым фразам, ибо путь, на который ведет г. Гротт своих читателей, есть путь гибели...

Я не стал бы писать против г. Гротта, и по фамилии, и по миросозерцанию не русского, не православного человека. Мало ли что пишут такие инородцы? Но вот что является знаменем времени: он не одинок, за ним идут, его взгляды разделяют русские православные люди, православные не по метрикам, как это у нас обычно стало среди интеллигенции, а такие, которые хотят быть защитниками Православия, ставят на своем знамени это святое слово, издают газеты, желают руководить молодежью, ищущую истины... Нельзя смотреть равнодушно, что гг. Гротты, Павлы Ковалевские и им подобные уже и проникли в кружки такой молодежи, пишут в журнале, издаваемом молодежью, рекламируют этот журнал, может быть, и очень симпатичный по идее, но в то же время, по-видимому, уже отравленный противоцерковными воззрениями, вроде тех, какие проповедаются г. Гроттом. С тревогой наблюдаем мы это явление в русской жизни: ради антисемитизма, этого, в сущности, здорового направления, бросаются в другую противоположную сторону, а тут-то и ловит их семит, подставляя свои сети, в которые и попадают они, воображая, что достигают своей цели. Ведь для семита главное дело – разрушение христианства, а какими путями оно достигается – это, пожалуй, и безразлично: он станет, когда нужно, и лицемерно защищать и нелицемерно разрушать все, что дорого и свято православному христианину. Вот и становишься невольно подозрительным: невольно отмечаешь, почему это такое, по идее, казалось бы, противное иудеям явление, как “Вешняя воды”, как будто берется ими под свое покровительство: о “Вешних Водах”, о клубе патриотической молодежи иногда говорят с некоторым сочувствием и новообрезанные в иудейство газеты, вроде “Колокола” и “Новаго Времени”? Уж и тут не кроется ли надежда иудеев, при помощи вот таких ученых и переученных мужей, как гг. Ковалевские и Гротты, совратить молодежь на свою дорогу? Не хочу утверждать этого, но ведь и это может быть, ибо враги Церкви не стесняются средствами, лишь бы достигнуть своей гнусной цели... Жаль молодежь, жаль эти свежие силы, которые могут еще принести родной земле много незаменимой пользы, жаль, если ее оторвут от Церкви, если отравят гордыней, критикующей Церковь, позволяющей себе издеваться над словом Божиим. Жаль, что эта молодежь не знает, что в Петрограде есть место, есть учреждение, которое может в церковном отношении оказать ей спасительную услугу: это союз учащейся молодежи при Обществе религиозно-нравственного

просвещения. Почему бы, по крайней мере, в вопросах веры не примыкать ей именно к этому союзу? И уж, конечно, опытные богословы, с высшим богословским образованием, были бы несравненно надежнейшими руководителями в таких вопросах, чем дилетанты вроде гг. Гротта, Ковалевского и им подобных.

Апостол Павел говорит, что диавол иногда принимает на себя образ светлого ангела, чтоб обмануть людей. А жития святых показывают, что, Божиим попущением, он дерзает являться даже и в некоем виде Самого Господа Бога. Что же мудреного в том, что и в талмуде жидовском он везде выставляет себя как Иегову, стараясь как бы отождествить себя с Господом Богом? Но надо же нам-то, христианам, знать это и уметь отличать ложь от истины, обман от действительности. Пусть иудей уверяет, будто он чтит того же Иегову, Которого чтили его предки, Которого чтим и мы в ветхозаветной истории: мы не должны идти на эту удочку. Ведь мы знаем, что будет время, когда иудей выставит и своего лжехриста, по нашему – антихриста: таково свойство лжи, коей отец есть диавол, по слову Господню. Что же касается ничтожной брошюрки г. П. Ковалевского, которую так усердно рекламирует г. Гротт в своей статье, называя ее “выдающейся работой”, то она может показаться чем-то серьезным только тому, кто не читал ни св. отцев, ни почтеннейших наших ученых исследователей Библии, всю свою жизнь посвятивших изучению слова Божия и никогда не смущавшихся теми местами, которые так тщательно, как какую-то новинку, подобрал из Библии г. психиатр-профессор, чтобы излить поток богохульства в своей книжонке на радость врагам Церкви и прежде всего – тем же жидам...

И как бы хотелось предостеречь, особенно молодежь, от таких руководителей, способных привести ее к гибели!.. А нашим патриотам крикнуть: берегитесь: враг проникает в самую средину вашего лагеря, крепче держитесь своей матери-Церкви, если хотите остаться православными христианами!..

К моим статьям в защиту Библии

Какой-то “Христианский мистик” в “Грозе” обвиняет меня в “ошибке по незнанию”, как он скромно выражается, на самом же деле – просто в невежестве. Я, видите ли, по его словам, “защищаю навешанный жидами и их недосмысленными поклонниками гипноз о достоверности и древности национальных сказаний жидовского племени, тесно связанных с их мрачным мирозерцанием и жестоко-религиозным ритуалом, неосновательно опасаясь, что отрешение от этой исторической преемственности угрожает христианству”. “Можем успокоить досточтимого архипастыря, ревниво стоявшего (раньше, то есть пока мне не пришлось защищать святыню слова Божия, Библии, а теперь-де уже не стоящего) на страже христианства, но, очевидно, незнакомаго с историей общечеловеческой духовной эволюции (!): христианство как обобщающий синтез тех лучших духовных идеалов, которыми прежде (?) жили наиболее культурные народы, как кристаллизация их высших устремлений и чаяний... вовсе не нуждается в своем оправдании и опоре в гнилых корнях той иудейской смоковницы, которая была посечена и ввержена в огонь, как не приносящая тщетно ожидаемого от нея плода”.

Газета, не умеющая даже назвать тот журнал, в коем помещена моя статья, как видите, пускается в обвинения “в ошибке”, в “незнании духовной эволюции” и т. д. – кого? Не меня, а всех Апостолов, Самого Господа Иисуса Христа, да, – а не меня, грешного! Ведь я только повторяю то, что нам известно от сих небесных авторитетов, чрез Церковь, нашу мать и учительницу... И какой-то “мистик”, в какой-то газетке, всегда защищающей

сектантов, изволит учить нас... Стоит ли он ответа? А вот, подите же: мне пишет какой-то “православный (!) христианин”, поверив на слово сему ничтожеству, целое поучение о том, что “несравненно лучше было бы искать основания для христианских доктрин где-либо в другом месте, чем у жидов, и не находиться все время под их гипнозом”, что нам, по его выражению, “схоластам”, следует “освободиться от иудейских понятий”, тем более, что “сан придает авторитет” моим словам.

Как этот якобы “православный христианин” – он не захотел подписаться, но видно – интеллигент, и дает повод заключать, какое же убожество христианских понятий имеют некоторые наши интеллигенты, начитавшиеся немецких лженаучных сочинений! Напиши он открыто свой адрес, я бы ответил ему и не было бы мне надобности писать эти строки в моем дневнике. Но вот – подите же: немцу верят, а св. Апостолам, святым отцам, Вселенским Соборам, самой Церкви, Самому Христу Спасителю, повелевающим чтить книги Библии, как писание священное, – не верят, а еще называют себя христианами, да еще православными! Как же непрочно их христианские понятия, которые разбиваются в прах пред первой попавшейся книжонкой немца или нашего вольнодумца, вроде П. Ковалевского, а спросить со смирением: как и почему мы, православные, так веруем и тако исповедуем – как будто это ниже их достоинства. Напротив, будто важное открытие делают, упрекая нас в неведении немецких отрицательных книг и писаний легкомысленных “мистиков”, вроде Гротта и им под...

Скорбно думать обо всем этом!

Мудрость и любовь Церкви

Паки наступил святой и Великий пост. Паки зовет нас святая Церковь к покаянию. Когда подумаешь, как нежно заботлива наша мать-Церковь, как мудро она проявляет эту заботу о нас, как глубоко знает она наши немощи духовные, то невольно преклоняешься пред нею и недоумеваешь: да как же можно не любить такую мать, как не бежать к ней навстречу на ее любящий призыв, как добрые дети бегут навстречу родимой матери, которая хочет защитить их от обидчиков, помочь им в их горе, полечить их болезни?

Немощны мы, не сладим с собою, когда приражаются к нам враги наши – страсти: от юности, с самой ранней юности, оне борют нас; бывают минуты, – увы, только минуты! – когда мы плачем, обижаемые ими, поддаваясь искушениям плоти, мира и диавола; а время жизни течет и течет, а могила все ближе и ближе, но и сердце наше все черствее, холоднее и холоднее... Не можем сладить с собою!

И вот спешит к нам наша родимая матушка-Церковь, с своими заветами и уставами, спешит с благодатными средствами, чтобы помочь нашей немощи. Она заповедует нам на определенное время пост; а чтобы это горькое для плотского человека средство было удобоприемлемо, она услаждает его трогательными воспоминаниями из истории рода человеческого, истории Церкви, украшает обрядами, привлекает к нему сердца умилительными песнопениями, действуя не только на ум, на рассуждение наше, но и на сердце, на наше чувство, пробуждая не только мысль, но и эстетическое, художественное чувство, дабы все естество наше, вся наша природа ощущала благодатное воздействие поста, умягчалась, располагалась к нравственному возрождению в покаянии. После целой недели полупоста, когда воспрещается только мясо, дабы постепенно приучить к строгому воздержанию полного поста, Церковь последнее пред постом воскресенье воспоминает падение Адамово, печальную историю изгнания первых людей из рая, начало греха в роде человеческом. Как это благовременно! Как полезно на примере праотца напомнить: вот,

смотрите, к чему повело преслушание заповеди Божией! К чему повело нарушение поста! Вот что значит – самоволие, самочинное, помимо воли Божией, искание счастья, свободы, блаженства: к рабству, рабству греху, самому тяжкому рабству, от которого стонет все человечество, превращаясь в животных, зверей, опускаясь ниже зверей! Свобода дана была человеку под условием сочетания ее с волею Творца, а он пошел против воли Творца, употребил во зло свою свободу и подпал под власть врага Божия и врага своего. Последствия всем нам известны, для всех слишком ощутительны. И вот неизреченная благодать Божия дала нам средство уйти из этого рабства греху, предавши себя паки в волю Божию. Пришел Господь, создал Церковь Свою на земле и дал ей благодатный средства к спасению нашему из плена греха. Он сказал: *аще кто Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь*. Послушание Церкви – вот спасительный путь избавиться от плена врагу Божию. И Церковь простирает нам матерния объятия, зовет к себе, в свои недра, предлагает все, что нам нужно для спасения. Вот она отверзла двери покаяния, громко зовет к посту, к исправлению жизни, открыла сокровищницу духовных врачеваний: придите все страждущие, все, грехом измученные, придите к источнику исцелений, и Христос исцелит вас, примет вас в свои объятия, и вы почувствуете желанную свободу, и возрадуется сердце ваше, почувствует оно, что вместо рая земного к нему ближе стал рай небесный...

День покаяния

Если бы можно было в текущие дни одним взглядом окинуть все необозримое пространство родной Русской земли, то какая умирительная картина представилась бы изумленному взору наблюдателя! Сотни тысяч храмов Божиих, украшающих и многолюдные города, и скромные села, и святые обители, полны народа, который тянется к ним из всех уголков, из заброшенных в лесах и степях селений, чтобы очистить свою совесть таинством покаяния, чтобы соединиться с Господом в таинстве Божественного Причащения, чтобы сложить у алтаря Господня тяжелую ношу своих грехов, своих скорбей и забот. Зовет Господь, и идут к Нему все сии труждающиеся и обремененные, ищущие мира и духовного обновления, идут и обретают под сению храмов Божиих то, чего жаждет их многоскорбное сердце. Русь кается, Русь духом обновляется!

Пятница – день исповеди. Храмы Божии полны. Длинными вереницами стоят говеющие в ожидании очереди, чтобы подойти к священнику; у более внимательных к себе выражение лиц сосредоточенное; видна забота о том, чего бы не забыть сказать духовнику, о чем бы спросить его, чтоб душу облегчить. Ведь, к сожалению, иной только раз в год бывает на исповеди: хотя бы этими святыми минутами воспользоваться! У всех в руках свечи, духовник зажигает их тогда, когда произнесет разрешение, зажигает в знамение того, что у принесшаго покаяние возжигается новая, благодатная жизнь, погашенная, было, грехом.

А у аналоя, пред царскими закрытыми дверями, или на клиросе, стоит священник, в епитрахили, наклонив голову к исповеднику, стоит и внимает глаголам его совести. Тихо ведется таинственная беседа. Духовник – только свидетель. А приемлет исповедь Сам Господь. Иногда слышатся вздохи; иногда отходящий от аналоя исповедник или исповедница незаметно оттирают слезы платком. О, эти слезы-жемчужины! Их собирают Ангелы-хранители в чаши златые и несут к Богу, как сокровище безценное! И не утаится от Сердцеведа ни едина капля слезная, ни едина часть капли некая! Оне берегутся до

суда Божия вместе с теми слезами, коими некогда блудница омывала ноги Спасителя, вместе с вздохами мытаря, вместе с воплями покаявшегося благоразумного разбойника!..

После вечерни читается говеющим правило. В канонах и акафистах Церковь влагает в уста молящихся покаянные воззвания к Господу Сладчайшему Иисусу Христу, к Его Пречистой Матери, к Ангелу-хранителю... Так добрая мать учит свое милое дитя слагать персты для молитвы... Так готовится Русь к общению с Господом!

В благоговейном настроении верующий православный говельщик проводит остаток дня, чтобы на утро снова стать на молитву, дабы уготовать Господу путь в свое сердце...

День духовного обновления

Настал светлый день для верующих душ. Отверсты царския врата в храмах Божиих. Слышится торжественный призыв: *Со страхом Божиим и верою приступите!*

И чувствует в простоте верующее сердце, что не священник стоит в царских вратах, – это Сам Христос в вратах рая встречает пришедших на Тайную Вечерю к Нему всех, кого Он звал, кто откликнулся на Его зов: и с путей, и с халуг^[88], и со стогнов шумного города, и из чертогов вельможеских, и из убогих жилищ бедняков – всех звал к Себе на дивную вечерю Небесный Домовладыка, и все идут к Нему, как братья, – тут, пред лицом Его, все равны, никому и в голову не придет считать себя выше других, достойнее, почетнее; ни знатность рода, ни богатство, ни власть не дают права на то – но любовь, как дыхание жизни всей Церкви, всех равняя, в то же время всем подсказывает воздавати всем должная. С любовью вельможа уступает свою чреду больному, хилому старику, старушке, малому ребенку; с готовностью знатная боярыня помогает простой женщине-матери причастить ея детей; и за эту любовь, за эту готовность помочь простецы платят сугубой любовью, смиренной молитвой, а иногда и трогательным словом благодарности. Тут, в дому Отца Небесного, все чувствуют себя счастливыми детьми, все наслаждаются пиром веры, по выражению св. Златоуста, – вкушают от богатства благодати Божией.

И когда подумаешь, что в эти светлые дни общения с Господом вся Русь православная, в великом множестве верующих, от края до края родной земли, соединяется со Христом, Который, по выражению поэта, исходил, благословляя ее, матушку, благодатью Своею из конца в конец; когда представишь себе, что весь народ православный, в лице лучших своих сынов, в эти дни, очищенный Таинством исповеди, соединившись с Господом, составляет единую Божию семью, единую Церковь Христову, то так отрадно становится на душе, такая надежды воскресают в сердце, что все скорби будто отходят куда-то в сторону, легче дышится, все получает особый, неземной смысл... Совершается великое таинство: народ воспринимает новые духовные силы от своей Церкви; любовь найдет пути, коими эти силы перельются в тех, которые несут тяжкий крест борьбы с врагом Церкви и Отечества; оне, эти силы благодатные, помогут им свершить великий подвиг освобождения не только братьев-славян, но и всего человечества от рабства, которым грозят всему миру отрекшиеся от заветов Христа. Пусть они, сильные, хвалятся силою своею, мы уповаем на Господа Сил, мы идем во Имя Господне, мы веруем в милость Божию. И крепка, и не напрасна эта вера наша, ибо в Таинствах покаяния и Божественного общения с Господом мы почерпнем и дерзновение веры, и благодать упования на помощь Божию.

Бог нам прибежище и сила в скорбех, обретших ны зело.

Грозный суд Церкви

Раз, только раз в году, в первое воскресенье Великого поста святая Церковь громко возвышает свой властный голос и произносит суд, во исполнение завета Самого Господа Иисуса Христа: *аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе, яко язычник и мытарь*. Двенадцать раз по трижды слышится грозное слово “анафема” под сводами каждого кафедрального собора, и сердце трепещет при этом страшном слове отлучения, и невольно вопрошаешь себя: не относится ли и к тебе это слово?

Не повинен ли и ты в чем либо, подводящем под этот суд Божий? Если в ком еще не погасла искра веры в Бога, в Евангелие, в Церковь, если кто еще не отрекся от веры христианской, пусть же спросит себя, внимая грозным прещениям Церкви: верует ли он в бытие и свойства Божии? Верует ли в Божество Христа Спасителя и Его искупительное дело нашего спасения? Верует ли в приснодевство Матери Божией, в богодухновенность писаний пророков и Апостолов, в грядущий страшный суд и воздаяние? Приемлет ли таинства, Церковию Христовую содержащая, постановления святых соборов и предания, божественному откровению согласныя и православною Церковию благочестно хранимая? Почитают ли святых иконы, к воспоминанию дел Божиих и святых угодников Церковию приемлемыя?

Есть одно прещение, которое должно бы заставить многих задуматься, если только они еще считают себя православными. Это грозное предостережение Церкви относится к “помышляющим, яко православнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благословиению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в них не изливаются, и тако дерзающим противу их на бунт и измену, – анафема”!

Таким возглашением Церковь торжественно объявляет, что Царская власть от Бога, что Царь есть Помазанник Божий. Этого мало: всех, кто не признает православнаго Государя Помазанником Божиим, восприявшим дары Духа Божия для прохождения Своего царскаго служения, и дерзающих на бунт и измену, Церковь отлучает от себя наравне с еретиками.

Церковь православная всегда была в тесном союзе с государством; она освящает своим благословением и утверждает своим божественным авторитетом все начинания государственной власти, согласныя с законом Божиим и ея учением и служащая ко благу народа; почитая в лице Царя Божия Помазанника, она и Его авторитет ограждает своим авторитетом и требует от своих чад полного послушания и сыновняго доверия к Царю как Богом данному Отцу народа...

Позволит ли себе верный сын Церкви не доверять Его царским распоряжениям? Пусть об этом, при свете православной совести, подумают те, которые, считая себя членами православной Церкви, толкуют о каком-то неуловимом “общественном доверии”, забывая или умалчивая о доверии Царю...

Всецерковная забота будущего прихода

Время поста есть время пересмотра всех немощей, всех духовных несовершенств, всей греховности нашей, и не только каждого из нас в отдельности, но и в совокупности, в тех единениях, которые называются нашими приходами, обществами, союзами... Да, есть грехи личные, но есть и грехи общие, такие, за кои приходится отвечать не одному человеку, а всем в совокупности. Тут уже и каяться надо сообща, как говорится, “целым миром”, а во главе кающихся приходится по долгу пастыря становиться именно нам, пастырям Церкви. Укажу на один такой грех, на который так благовременно обратить внимание во дни поста и покаяния, особенно в виду призыва церковной власти “к деятельному участию в приходской жизни лучших местных сил из преданных Православной Церкви мирян”. Этот грех – постановка в наших храмах церковного пения в том виде, как это дело стоит в большинстве наших храмов, и, скажу не обинуясь, не только в приходских, но нередко и монастырских.

Церковное пение есть голос чувства верующей души, прославляющей Божии совершенства, Божие всемогущество и благодать, благодарящей Бога за все, что от века творил Он и непрестанно творит на благо людей, изливающей пред Ним молитвы свои, покаянные чувства, умоляющей Его о помощи в минуты жизни трудные... Церковное пение есть отголосок, нередко повторяющий пение Ангелов Божиих у престола Бога, Творца всяческих, и вместе с сим возвышающий душу поющего туда же, откуда несется этот дивный отголосок, объединяющий нас, грешных певцов, с небесными сладкогласными певцами – духами безплотными, о коих говорит нам слово Божие в Священном Писании.

Когда об этом подумаешь, то невольно приходишь к мысли: как же счастливы должны быть певцы церковные, удостоившиеся чести подражать, скажу больше – *припевать* Ангелам Божиим в земном небе – храме Божиим, при совершении великих чудес благодати Божией – святых Таинств! Не напрасно святая Церковь повелевает своему диакону кадить им по дважды, тогда как прочим мирянам по единожды; не без причины Матерь Божия дала в видении преподобному Иоанну Кукузелю, сладкогласному певцу, златицу, тогда как других иноков оделяла по сребренику. Своими устами певцы повторяют песни Ангельския, пророческия, песнь Самой Царицы Небесной, Которая и является в святой Церкви первою песнотворицею новозаветной Церкви – да будет позволено употребить монастырское слово – Головщицею в среде певцов церковных, ибо – подумайте: кто в Новом Завете прежде всех певцов, прежде даже Ангелов, прославил Бога дивною, высокохудожественною и преисполненною вдохновения от Духа Божия песнию: “Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем?”... Думают ли об этом наши певчие? Увы, большая часть не только не знают, но и не хотят знать об этом!..

Недавно один благочестивый мирянин, посетив пустынную, уединенную, спрятавшуюся в лесах обитель, говорил мне о своих впечатлениях: “Я был там в будний день. Церковь была пуста: одни иноки на клиросах и кое-где по стенам, все в своих черных мантиях. Пение неспешное, благоговейное, безыскусственное, но в нем слышался голос души, стоящей пред Богом. Каждое слово как бы вырывалось из сердца. Это навевало чувство мира и благоговения и на меня, как будто в атмосфере храма незримо

благоговейно реяли Ангелы Божии, повсюду веяла Божия благодать"... Таково впечатление на душу мирянина в тихой обители иноков, где служба Божия совершается, как первое, главное дело жизни, где на время молитвы, действительно, отлагается всякое житейское попечение.

Вот святая Киево-Печерская Лавра. Идет всенощное бдение под великий праздник Успения Богоматери. Не стану своими словами передавать поражающее душу впечатление пения этой службы. Лучше приведу отзыв знатока церковного пения, известного в свое время ревнителя церковности В. И. Аскоченского. "Раздается, пишет он, пение огромного лика, состоящего из одних монашествующих. Боже, что это за пение! Слышал я много хоров на святой Руси; сам с любовью изучал нашу церковную музыку; понимаю ее настолько, насколько сил моих есть; но подобного пения выразить и перенести на ноты не могу, да и не умею... Жалкими и бледными представляются все композиции великих мастеров церковной музыки пред этими потрясающими звуками, не подсказанными наукой, а вытекающими прямо из души, насквозь проникнутой тем чувством, с которым должно благословлять Господа. Строгие контрапунктисты бросят свои теории и руководства пред этим пением, в прах повергающим всякое человеческое искусство... Лаврское пение – дело святое, чистое, небесное; а ко всему этому мы, по несчастному настроению нашей растленной природы, как-то глухи, тупы и не приимчивы. Для понимания вещей духовных заповедают нам просветлить внутреннее зрение наше; точно так же и для понимания музыки, подобной лаврскому пению, надобно очистить внутренний слух наш, выкинуть из него все пустопорожние светские мелодии, забыть даже, если возможно, что вы слушаете музыку, а научиться уноситься духом в молитвенном воздыхании, выражением которого Церковь Православная достойна и праведно признала не бездушные органы, а живой голос живаго человека. Тогда только можно постигнуть и обнять душою это пение, подобного которому, говорю твердо и решительно, нет во всей Руси! Приглашаю какого угодно дилетанта прислушаться к этим звукам, – сам он не заметит, как простоят четверть часа, слушая пение только предначинательного псалма... Слышал я многообразные напевы "Господи, помилуй", но ни один из них в сравнение идти не может с тем пением этих, по-видимому, простых слов, какое имеет Лавра. В прах и сознание своего ничтожества повергается человек, слушая только "Господи, помилуй", поемое лаврским клиром. Все в этом пении: и грусть, и плач, и какая-то сердцу понятная отрада. В семь полных тактов *adagio* заключены те два слова, – заметьте: в семь тактов, – знаменательное число! Почему не в шесть, не в восемь? Не знаю; знаю только, что душа разрывается от этого сокрушенного плача... *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...* и опять начинается великая песнь, которую бы слушал, слушал, бесконечно слушал... Боже, благодарю Тебя, что Ты сподобил нас, недостойных, вкушать от приснотекущей сладости утешения, так потребного душе"...

Недаром говорят, что Император Александр Благословенный выразил желание, чтоб лаврские напевы сохранялись неизменно.

Таково впечатление простого, стройного, могучаго пения целой массы поющих, пения, которое гораздо более соответствует молитвенному настроению и возвышает его, чем пение партесное, так как оно естественнее, умирительнее, торжественнее; при таком пении усердный богомолец легко заучивает и слова песнопений и, незаметно для себя, сначала мысленно, а потом и устами начинает тихонько подпевать певцам, сливаясь с ними в общую молитву: здесь естественно души молящихся воздействуют друг на друга, сообщая друг другу умиление, вместе переживая торжественность богослужения.

Вот еще храм Божий – бедный сельский храм. Тоже будни. На клиросе поет старый “дьячок”. Поет один, ибо литургия заказана кем-то из прихожан по покойнике. Старец – тип уже вымирающих дьячков, которых сменили теперь псаломщики. Он – в своем безменном “полукафтаны”, как звали в старину подрясник, позади виднеется косичка; он весь ушел в свое святое дело и неспешно, выразительно, опустив взоры долу, поет священные песнопения. Видно, что пение это доставляет ему внутреннее удовлетворение, высокое духовное утешение... Где теперь такие клирики? Где эти старые “дьячки”, около себя, на клиросе, воспитавшие своих детей, многих святителей, подвижников, пастырей и великих тружеников на ниве духовной, да и не духовной только науки? А как они пели, как трогали душу тем, чего – простите – ни в каком хоре вы не услышите, чего не дадут вам самые знаменитые композиторы! В чем тайна этого пения? Пения иногда даже не обладающего хорошим голосом певца? Да в том, что он душою пел, он пел и благоговел; он чувствовал сердцем, что делал дело Божие, а не житейское, он, может быть, и не знал, но в сердце носил страшное слово Писания: *проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением!* Он пел и в богомольце будил молитвенное настроение, какое переживал сам. А в этом и весь смысл церковного пения.

Но вот – многолюдная обитель в большом городе; здесь уже не то... Тут уже пение художественное; тут поют не по обиходу, как это делает иногда хороший дьячок, например, в Великий пост, тут уже у певчих ноты в руках. Тут выделяется уже “регент”, иногда монах, иногда же и мирянин. Если монастырское начальство строго держит дисциплину, то на клиросе держится порядок в духе церковности, регент не размахивает руками, не делает жестов – то повелительно-энергичных, то умиротворяющих, то ободряющих, то угрожающих. Но, помилуй, Бог, если настоятель – любитель вычурного пения в духе современных композиторов, тут уже регент – особенно мирянин – позволяет себе всякую мимику, и певчие все внимание свое устремляют не на слова песнопения, не на молитву, а на его руки, их движения... И чем более виртуозно пение, чем больше на нотах значков, тем больше такого внимания, тем меньше молитвенного настроения в певцах, а за ними – это уже передается инстинктивно – ив молящихся в храме. Правда, в монастырях это еще не так часто бывает, но в соборных храмах, в приходских, где певчие уже миряне, а еще больше горя – если хор смешанный, такой грех стал обычным явлением. Если бы настоятель стал им внушать держать себя с должным благоговением к святыне храма Божия, со вниманием к поемым словесам песнопений, то, они, пожалуй, удивились бы, что от них требуют того, чего они-де вовсе не обязаны делать да и – до того ли им?.. И доходит дело до того, что поют – что хотят, ведут себя – как им угодно, стоят задом к алтарю, иногда даже к храмовой иконе, которая обычно имеется на правой стороне иконостаса, близ праваго клироса, словом: это какие-то наемники-ремесленники, коим и дела нет до святыни храма, до молитвы, до соблазна, какой они производят среди богомольцев своим недостойным поведением. Скажу больше, бывают случаи, что в среде певчих попадают иноверцы, даже иудеи некрещенные, ибо регенту-мирянину дела нет до вероисповедания: ему нужен голос... Говорить ли о выборе напевов, нотных композиций? Это ныне стало вполне, кажется, во власти регента: чем хочет, тем и угощает богомольцев, а настоятель – молчи, иначе он сделает скандал, уйдет со всем хором, забастует, благо это в моде стало в наши несчастные дни. В дальнейшем развитии такое самоволие регентов ведет к вмешательству прихожан “любителей” пения: они входят в соглашение с регентами, которые еще больше зазнаются и творят, что хотят. И на это иногда тратятся немалые церковные суммы, ибо хоры ведь стоят не малых денег.

Особенно поважают таким регентам старосты, иногда ничего в пении не понимающие, требующие только вычурных напевов, концертных выкриков, чтобы привлекать таких же любителей, а с ними и побольше доходов, из коих потом и уделять на хор. Храм Божий как бы превращается в какой-то концертный зал, если не употребить более оскорбительного названия: тут и коммерция старосты, и лишняя халтура регентов, и удовлетворение неразумной страсти тех, которые откровенно говорят, что идут в храм не молиться, а послушать певчих. А благоговейная молитва верующих, а заповедь Царя Давида: *пойте Богу разумно*, а завет апостольский, чтоб в Церкви Божией все было благообразно и по чину? Об этом становится уже как-то странно и говорить. Даже иные архиереи и те беспомощно опускают руки пред таким... грехом. Да, это грех, грех нашей современной церковной жизни, в котором пора наконец покаяться. Подумать только: разве это – идеал церковного пения? Разве Господу нужны эти наемники, забывающие, что они в храме Божием, готовые каждую минуту спорить с настоятелем, хозяйничающие на клиросе под угрозой забастовки, не говорю уже о недостойном поведении самих певчих, этих поденщиков, торгующих своим голосом? Даже страшно становится, когда раскроешь Евангелие и прочтешь: *и воспевше, изыдоша в гору Елеонскую...* С благоговением Апостолы воспели хвалу Господу после первой евхаристии, совершенной Самим Господом. С благоговением и высоким подъемом духа первые христиане упражнялись в пении и песнях духовных, воспевающе и поюще и в сердцах своих Господеви... А ныне... Сами петь не умеют, потому, главным образом, что учиться не желают, а не желают учиться по лености своей; и вот, вместо себя ставят наемников, которым все равно, что ни петь: песни ли мирския, или церковныя, лишь бы получить за то деньги. Я не говорю, чтоб совсем упразднить хоры, обучение церковному пению; я говорю, что кто может, кто поусердствует научиться пению, тот и пусть считает за счастье стоять на клиросе в своем приходском храме, под руководством клирика-певца петь во славу Божию, без всякой платы, а еще лучше, если и все молящиеся, по указанию книг богослужебных, где сказано: *поют люди* станут петь сообща...

Сразу трудно этого достигнуть, но опыт показывает, что не невозможно, а если начать с обязательства для всех школьников непременно участвовать в пении, то чрез поколение вся церковь и будет петь. Пусть нынешние хоры, если где они есть при церквях, отрекутся от своих привилегий и станут ядром общего пения в народных храмах. Повторяю: я не против хоров, правильно организованных и благоговейно себя ведущих в храме Божием; я против того, что оскорбляет храм Божий и чувство верующих, против этих театральных выступлений регентов, их размахивания руками, их шевелюр а ля Рубинштейн, против тех, возмущающих душу композиций, которая все чаще входит в моду у этих невежественных ремесленников пения, против претензий всякого “любителя”, воображающего себя знатоком пения, но ничего не понимающего в требованиях церковного устава, церковных преданий, наконец – не соблюдающего ни в себе самом, ни певцах своего хора простого приличия, подобающего святости места, куда он пришел... В селах – какие уж регенты?! Хорошо, если скромный учитель местной школы или опытный псаломщик возьмется руководить певцами без всяких претензий на “хор”, на “регентство”, на выполнение сложных композиций, особенно новых “творцов”. Надо сознаться, что благодаря всякого рода попустительству со стороны настоятелей и поблажке неразумных старост, ставящих себе задачею привлечение большого числа богомольцев, “автономные” регенты постепенно портят вкус церковный в пении у прихожан и доходит дело до того, что архиереи не могут с ними сладить. Когда я был в

Москве викарием, меня пригласили служить на храмовой праздник в один замоскворецкий храм. За всенощной я был поражен разными сокращениями службы с одной стороны, и вычурными исполнениями нотных песнопений с другой. Вся всенощная представляла собою как бы концерт, а не службу Божию. Попытался я отменить пение молитвы Богоприимца Симеона, чтоб прочесть ее самому, но регент безапелляционно заявил, что эта “песня” стоит у него “в программе” и прихожане будут недовольны, если ее он не исполнит. Староста очень твердым, не допускавшим противоречия тоном подтвердил это заявление. При этом был намек и на забастовку певчих, если я не подчинюсь их требованиям. Пришлось уступить, чтоб не смущать молящихся скандалом... Вот что приходится испытывать даже архиереям: что говорить о священниках? А в Вологде, в моем отсутствии, в царский день, при служении викария в соборе, регент, неудовлетворенный требованием какой-то доплаты от ключаря, вывел хор пред самой Херувимской песнию, и богослужение пришлось допевать диаконам и псаломщикам, явившимся на царский молебен, благо их в Вологде до полусотни. Спасибо тогдашнему губернатору: он посадил регента под арест на три дня, а я уволил его со службы с воспреещением регентовать в Вологде.

Ноя уклонился в сторону от главной темы: уж очень на душе наболело это церковное искушение, это искажение хвалы Богу и подражания Ангелам, превращенного в... кощунство! Будет ли когда положен предел этому? Хотелось бы верить, что будущие приходы возьмут на себя борьбу с этим злом; хотелось бы надеяться, что они поймут, как должно, свой первый долг – оберегать святыню храмов Божиих от всякого оскорбления, от перенесения в них духа театра, от внесения чуждаго огня в святилище церкви Божией. И это заранее следовало бы оградить строгими правилами, выработанными церковной властью, дабы предупредить возможное увлечение в сторону театрального духа. Пение имеет воспитывающее значение, и потому важно власти иметь строжайшее наблюдение за тем, в каком духе направляется это великое воспитательное средство для народа. Вот почему я указываю на общее церковное пение, как на одно из могучих средств предупредить дух театра в храмах Божиих: нотные переложения для массы народа недоступны, а привыкшие к общему пению прихожане и не пожелают таких вычурных напевов, выполняемых певчими, ибо пение имеет свойство увлекать поющих желанием *самим* выполнить песнопения, положенные при богослужении.

Это свойство пения подметили особенно сектанты: пением своих стихов они нередко привлекают и православных на свои собрания. Участникам нравится это общее пение, поднимающее настроение собравшихся. Миссионеры и рекомендуют вводить общее пение в церквях в противовес сектантам.

Надо строго следить, чтобы там, где приход вздумает заводить хор, предварительно было обследовано: имеется ли вполне надежный руководитель, имеются ли на то средства, но и при этом рекомендовать общее пение, указывая на духовную пользу этого святого дела, на сбережение ассигнуемых на него средств, на возможность тех увлечений, какия, к сожалению, стали так обычны в наше время. И эти

увлечения, как мы видели, доходят до того, что в хорах иногда появляются, как я сказал, даже некрещенные иудеи и иудейки, не говоря уже об инославных. Тут уже прямо нарушаются каноны церковные, в силу коих следовало бы таким певцам выходить из храма Божия по возгласению диакона: *оглашенный, изыдите*. Да и не является ли оскорблением Церкви церковное песнопение в устах некрещеного, а по национальности еще и врага Христова.

Надо помнить, что в партесном пении на первом плане стоит удовлетворение эстетического чувства, а религиозное отходит на второй план. Но и это – только у настоящих художников-регентов: у большинства же руководителей пения тут простое ремесло, которое сводится к задаче, посредством голосовых вариаций, достигнуть известного эффекта. Вот почему часто от партесных исполнений веет холодом и театральностью, вызывая в слушателе чувства, может быть, и эстетические, но вовсе чуждые религиозному настроению. Не жажда души, жаждущей молитвы, влечет богомольца в храм, а желание отдохнуть, как в концертном зале, при слушании певчих. Не благоговейное служение священнослужителей, не святейшее таинство Евхаристии, освящающее благодатным воздействием Духа Божия молящихся, а хор певчих привлекает любителя пения в святилище Божие. Если регент – человек скромный, верующий, понимающий свою зависимость от настоятеля в выборе напевов и уважительно к нему относящийся, то дело идет ладно, в согласии с священником; а если не так, то священник уже становится в глазах прихожан на второй план, а регент – на первый. Священник бывает не в силах остановить выходки певчих, нарушающие благочиние и лишаящие его того спокойствия и мирного настроения, которое ему потребно для службы Божией. Говорить ли о таких, в высшей степени оскорбительных для Церкви явлениях, как требование певчими не только платы, но и угощения вином, ухода за ними, как людьми необходимыми, за которых горой станет весь приход, если бы священник вздумал стеснять их в чем-либо? Приходские священники знают, какое бремя для них – хор певчих, какие искушения приходится им переживать при одной мысли, что Божий храм иногда обращается в какое-то торжище самолюбия, дом Божий – в место личных счетов части пасомых, какими, в сущности, являются в приходской сельской церкви певчие, со своим пастырем. Я привел грозные слова Пророка: *проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением*. (Иерем. 48, 10). Напоминаю слова Самого Господа: *приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя, сердце же их далеке отстоит от Мене: все же чтут Мя* (Мф. 15, 8–9).

Многое и еще хотелось бы сказать о наших певчих. Хотелось бы указать на их польские четырехрукавные кафтаны, почему-то вошедшие в такую моду не только в столицах, но и в провинции, где богатые купцы-старосты рядят их, как кукол, причем, если на детях эти кафтаны еще на что-то похожи, зато на больших – положительно кажутся чучелами. В Москве для синодальных певчих наш знаменитый художник В. М. Васнецов измыслил древнерусские кафтаны, напоминающие боярскую одежду: уж если это нужно для однообразия, то пусть бы было русское, а никак не польское, латинское...

Хотелось сказать еще и то, что пение по найму, за деньги, как будто не вяжется и с делом молитвы, но мне, пожалуй, скажут, что и священнослужители ведь, так или иначе, получают вознаграждение за свое служение. Да, но я говорю не о специальных хорах, которые ведь тем и живут, что получают за пение; я говорю вот об этих разных “любительских хорах”, о тех прихожанах, которые ищут платы за свое пение, составляя хор для родного храма при полной возможности попеть там безкорыстно, ради Бога. И что за время корыстное мы живем! То ли дело было в старину, лет пятьдесят назад: становились тогда на клирос тоже любители, иногда даже неграмотные, пели, как умели, пели, но в тоже время и молились усердно, стараясь не нарушить, не оскорбить святыню родного храма, а старые дьячки и пономари водили обязательно и детей своих на клирос, приучая к делу Божию, и выходило если не художественно, зато душевно благоговейно, не пахло искусственным построением нот, не веяло холодом поющей машины, не видно

было размахиваний руками, приседаний, быстрых поворотов регента из стороны в сторону... Знаю, что на меня накинутся ценители пения знаменитых певцов капеллы, известных хоров столичных, но... Бог с ними: я не хочу теперь говорить о них, я говорю о том, что касается многого множества храмов на Руси, о том, что мешает нам молиться в них, что кажется нам кощунством... и что, – так хотелось бы верить! – будет устранено при оживлении прихода, ибо с чего же и начинать такое оживление, пробуждение к жизни прихода, как не с молитвы в храме родном, с участия в богослужении, участия деятельного, посредством общего пения и чтения, при соблюдении должного порядка и благоговения?..

Адский замысел

Все яснее обнаруживается адский заговор тевтонов против нашей Руси Святой. Настоящая война – не простая война двух народов-соседей, не поладивших между собою; не честный бой борцов, уважающих достоинство человеческое: это – сатанинский замысел безовестного, потерявшего облик человеческий выродка рода человеческого против благородных народов христианских. Убить не тело только, но и душу народную – вот поставленная немцами цель в отношении славян и особенно русского народа. И этот злой план осуществляется уже не один десяток лет, и, благодаря нашему либеральному идеализму, с одной стороны, благодаря хитрости внутренних немцев, следующих закону о двуподданстве, – с другой, дело велось ими успешно и для нас незаметно. Правда, мы, служители Церкви, давно видели, давно указывали на весь вред распространения “немецкой веры” среди нашего простого народа в виде штунды, молоканства, баптизма, адвентизма и прочих ересей; но наш голос был почти гласом вопиющего в пустыне: нам не верили, на нас бросали тень, будто мы преследуем невинных проповедников “чистаго” христианства из зависти, будто штундисты – самый честный, трудолюбивый, законопослушный народ и т. д. Но вот настала война. Пошли недобрые слухи о том, что пограничные немцы-колонисты ведут себя подозрительно, пришлось удалять их от границ подальше. Между тем, из окопов мы, служители Церкви, стали получать анонимные письма, наполненные руганью и невозможными поношениями власти за то, что она воюет с немцами: это-де противно Христову учению. Но и этого мало. Агенты кайзера стараются проникнуть в народную массу и ложью, злостной клеветой смущать простецов. Послушайте вот, что пишет миссионер Самарской епархии, изъездивший всю епархию вдоль и поперек:

“Во время наших побед лжеучители-сектанты как-то присмирели и “залезли в свои подполья”. Теперь же, когда Господь послал для нашей дорогой Родины временное испытание, народ стал колебаться в уверенности относительно окончательной победы над врагом. Таким настроением и воспользовались лжеучители. Почувствовав удобную почву для своих выдумок, они повылезли из подпольев и под видом продавцов книг и мелкого товара странствуют из села в село и наговаривают народу, что Бог наказывает нас поражением за то, что попы и монахи обманывают народ. “Попы в своих идольских капищах (то есть в храмах) не молятся, а беззаконничают... Может ли Бог слышать их молитвы, когда они в этих молитвах убийц своих братьев называют Христолюбивым воинством? Где Спаситель заповедал им это делать?” – Сваливая вину теперешнего поражения на священников и монахов, эти проходимцы говорят, что германец и войну-то начал только потому, что обогатился монашескими, поповскими и начальническими деньгами. Сектанты говорят: “До войны германец объявил, что даст большой процент

тому, кто будет вносить деньги в его государственные банки. Прослышав про это, наши начальники, монахи и попы, – говорят они, – и начали свои деньги брать из наших государственных банков и передавать их в германские. Так скопилась крупная сумма, на которую германец и ведет теперь войну с нами. Таковых виновников наших бедствий надо вешать, а не слушать их. Многое и другое, подобное этому, пришлось мне услышать во время этих поездок по епархии. Такая убийственная для нас их пропаганда нашла себе уже почву даже и в раскольничьих селах”.

Вот тот “каинов дым”, который впереди наших окопов пускается слугами Вильгельма, чтобы отравить нашу народную душу. Вспомните историю бунтов Стеньки Разина и Пугачева: какие нелепые слухи тогда запускались в народ, и находились простецы, которые верили им, и сколько крови пролилось тогда благодаря тому, что не было, может быть, возможности в самом начале прекратить эти слухи. Теперь мы знаем, что среди нас немало изменников, тайных союзников германцев, которые готовы сеять всякую смуту в народе, лишь бы только достигнуть своей проклятой цели – захватить власть в свои нечистые руки. Берегитесь, русские люди! Зорко стойте на страже своей, пастыри Церкви! Будьте готовы изловить этих злых сеятелей лжи, клеветы, смуты, верные слуги Царя и Отечества! Не одним оружием вещественным воюет с нами враг нашей Руси Святой: в союзе с самим отцом лжи не гнушается никакими средствами!..

Не ценная, но сердцу дорогая лепта

Сказал Господь: *Да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя.* А мир от нас требует добрых дел, он кричит: где ваши жертвы? Ответом на это может служить пример одного священника, пожелавшего остаться неизвестным. Он прислал мне два трехрублевых золотых чекана 1884 и 1885 гг. при следующем письме:

“Его Величество, Государь Император, будучи еще наследником Престола, проездом чрез Хабаровск в 1891 году пожаловал 60 монет одному тунгусу, сподвижнику графа Муравьева-Амурского; я купил у него две монеты и при всех моих трудных обстоятельствах в жизни не расставался с ними, ныне же в трудную минуту

Св. Руси я охотно и с любовью жертвую их на военный нужды. Монеты как металл не представляют ценности, но оне мне дороги по воспоминанию, какое соединено с приобретением их. Прошу, владыка, внести их пожертвованием от неизвестного лица. Спаси, Господи, Царя, Святую Русь и ея доблестную армию!”

Эта незаметная лепта иерея Божия, без сомнения, в очах Божиих ценнее крупных жертв тщеславия, вносимых “от избытка” богатства, собранного не всегда чистыми средствами. Тут жертвует священник не монеты, не золото, а то, что ценнее золота – дорогую памятку той счастливой минуты, когда он видел Царского Наследника, Надежду России, когда имел возможность получить хотя бы две монеты, бывшие в руках Царских, и хранил их с любовью к родному Царю.

Творить добро в тайне – завет матери-Церкви, завет Самого Христа, который для нас дороже требований мира, никогда не довольного никакими жертвами...

Памяти архимандрита Товии

Еще не стало одного из крепких современных столпов монашества: 7-го сего марта скончался бывший наместник Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Товия. Он отошел к Богу в старости глубокой, на 80-м году своей жизни. Юношей поступил он в Святыя Горы, Харьковской епархии, а в 1861 году перешел в Сергиеву Лавру, где митрополитом

Филаретом и был удостоен сана иеродиакона. Около 25 лет был он архиdiaконом, потом экономом и казначеем; в 1893 году был назначен наместником Московского Чудова монастыря, а в 1904 году, по смерти старца наместника архимандрита Павла – наместником родной ему Лавры Преподобного Сергия. Строгий к себе, он умел руководить как собственно монашескою, так и хозяйственною жизнью великой обители, охраняя ее предания, которые он унаследовал от прежних ее наместников, архимандритов Антония и Леонида. Любители благолепия церковного не забудут его благоговейного служения, еще и диаконского: это был воистину типичнейший благоговейный архиdiaкон. Читал ли он Евангелие, говорил ли ектению, он все совершал как перед лицом Божиим; обладая сильным голосом, он никогда не возвышал его до последних нот, помня, что грешно величаться даром Божиим; самая походка его при служении показывала, с каким достоинством и вместе благоговением он творит служение Богу. Получив в управление Лавру, он того же требовал и от порученной ему братии.

Родом он был из крестьян Воронежской губернии. В родной станице построил он великолепный храм, при нем школу, дома для священнослужителей, отдал туда всю свою библиотеку, а в последнее время написал даже завет своим односельцам, полный интересных и поучительных воспоминаний о своем отрочестве и жизни дедов и прадедов.

В прошлом году, чувствуя ослабление сил и не желая отвечать Богу за упущения, какие могут быть при старости и немощах наместника в обители, он сложил с себя звание наместника, указав себе преемника в лице нынешнего наместника архимандрита Кронида, от юности питомца родной обители. Его мечта была – поселиться в любимой им обители Св. Параклита, где он построил себе домик и где подвизался и скончался его родитель – схимонах Товит. Там он и провел минувшее лето. Но в Аавре было удобнее присутствовать при богослужениях в Зосимовской церкви, и он зиму проводил здесь. За неделю до кончины с ним сделался припадок сердечной болезни; его немедленно напутствовали Св. Тайнами, пособоровали, а затем постригли в схиму. Опасность миновала, но не прошло недели, как смерть открыла ему двери в вечную жизнь...

Погребение назначено на 9 марта; могила готовится в любимой им пустыни, рядом с могилой его родителя-схимника. Все, кто бывал в Лавре Преподобного Сергия, все, кто учился в Московской духовной академии, все, кто помнит этого высокого, могучаго сложения старца, всегда благоговейного, величаваго, – помолитесь о упокоении его души!

Берегитесь, православные, немецких лжеучений!

Берегись, Русь родная! Сатана ополчается на тебя отовсюду: и неверные турки, и еретичествовавшие немцы, и богоотступники-иудеи, и даже свои братья-болгары, за коих ты проливала кровь 39 лет тому назад... И эти братья стали изменниками, и они пошли с турками и немцами против тебя, родной их матери. Суди, Боже, обидающая ны, побори борющая ны!

Но этого мало. В недрах твоих, среди твоего родного народа, завелись изменники вере твоей православной, разные баптисты, штундисты, ставшие полунемцами, – и какая же гордыня обуяла их! Куда девался их русский дух? Где то смирение, послушание Церкви, коими красовались русские люди от веков древних, со дней князя Владимира? Совершенно стали другими людьми, от них так и веет нестерпимой гордыней еретика-немца, который православных людей и за людей не считает! Страшно становится, когда придешь в соприкосновение с этими фарисеями. Что-то темное, злобное, полное сатанинской гордыни веет вокруг этих отщепенцев от нашего доброго православного русского народа. А соприкасаться мне приходится, хотя не лично, а лишь чрез письма...

Письма баптистов и штундистов дышат фарисейским презрением к православию и к православным: никогда ни один православный человек не позволит себе так высокомерно обращаться с иноверцем, будь то даже язычник или магометанин, как обращаются с православными соvrащенные в баптизм и штунду бывшие русские православные люди. Да, говорю: “бывшие” русские, ибо теперь, изменив родной вере, они перестали быть и русскими. Как будто и нет их умнее и учнее; будто знают они слово Божие лучше всех святых отцов, когда-либо живших, лучше самих Апостолов Христовых, будто толкуют его так непогрешимо, что не смей никто и возражать; только вот что поражает людей, сведущих в их толкованиях: сами-то они друг с другом никак не сходятся, не согласуются, спорят между собою. Мы, православные, сами не дерзаем своим смышлением толковать слово Божие: мы стараемся узнать, как толковали его святые отцы, коих Господь, еще при жизни, прославил за их подвижническую жизнь, а Церковь причислила к лику святых потому, что Господь являл много чудес по молитвам их. Так, по нашему убеждению, надежнее: ведь кто живет по заповедям Божиим во смирении и послушании Церкви, как Господь повелел, к тому ближе и благодать Божия, которая и вразумляет его в толковании слова Божия. Так учит нас и мать наша, Церковь святая. За девятнадцать веков она скопила нам великую сокровищницу писаний святых отцов и учителей Церкви, откуда мы и почерпаем толкование слова Божия. Нет сомнений, что святые мужи, ученики апостольские и их преемники, от самих Апостолов научились, как надо понимать слово Божие, и записали это, и передали нам: вот наше неистощимое богатство! А ученики немцев в гордости своей черпают толкование от своего гордаго смышления да от немцев, своих учителей, таких же или еще хуже гордецов; можно ли им верить? Правда, хвалятся они своим благочестием, но вот в том-то и беда, что они хвалятся своими добродетелями: фарисей в притче Христовой тоже хвалился, да никуда не годился! Ведь Господь-то сказал: “Если и все заповеданное вам исполните, то говорите: мы рабы, ни на что не годные: что должны были сделать, то и сделали”. Значит: за что нас хвалить, тем более, – себя хвалить? Ведь человек ничего доброго сам по себе сделать не может, а если что сделал, то это уж Бог ему помог, ибо Господь сказал: *без Мене не можете творити*

ничесоже. А как только ты приписал себе доброе, тобою сделанное, как только сказал: “Это я сделал”, так и пропала ему цена у Бога; все равно, что ты украл его у Бога, когда своим назвал. Вот это постоянно и делают немецкие ученики – разные сектанты: баптисты, штундисты, гордо величающие себя “евангельскими христианами”, и им подобные. Я скажу еще больше: когда вечный враг наш диавол видит, что человек хвалится своим добром, то он еще и подскажет, даже поможет сделать какое-нибудь добро, только не настоящее, смиренное, христианское, а показное, лицемерное. Люди будут видеть это добро и хвалить добро делателя, а он будет воздыматься этой похвалою. Ведь гордыня всякую добродетель обезценивает, все грехи заменяет: сколько ни делай добра гордый человек, никакой ему нет пользы от того – тщеславие и гордость все расхищает, все ему же во вред обращает. Святые отцы говорят, что если птица хоть одним ноготком зацепится в сетях, то – быть ей в руках ловца. Так и в духовной жизни, если человек хоть одной страсти поддастся, то – быть ему в сетях врага. А гордость есть такая сеть, крепче которой у врага и нет. Сам он погиб от гордыни, возмечтав быть равным Богу. Туда же влечет он и всех, кто ему поддается. И удобно ему ловить людей на эту удочку: все другия страсти заметны и для людей, да и для самого преданного страсти, если только совесть его не погасла совсем; а гордый слеп – он вовсе не видит, как гордыня его ослепила, он видит только свои мнимыя достоинства и любитесь ими... Так и сектанты: не даром же они величают себя “святыми”. Несчастные! Они не хотят знать того, что Богу приятнее кающийся смиренный грешник, чем гордый мнимый праведник! Бог ведь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Эти гордые люди, заразившись духом немецким, стараются смущать православных разными мудрованиями: сами не знают православного учения веры, а критикуют его; не хотят спросить со смирением пастырей Церкви: как и почему так учит Церковь, а своим умом или по подсказу своих немецких учителей, врагов Веры и Отечества нашего, судят обо всем... Берегитесь их, верныя чада Церкви православной! Это – волки, которые охотятся за вашими душами! Помните: стоит вера православная со времен святых Апостолов, а у нас со времени нашего Краснаго Солнышка – князя Владимира, а их вера с дней расстриги Лютера, который был когда-то монахом, а потом женился, стал толковать по-своему слово Божие, отрекся от своей католической церкви и увлек своими мудрованиями немцев. Кому же больше верить: этому расстриге или святым, Богом прославленным отцам Церкви, которые от святых Апостолов сберегли для нас истину православия? Церкви святой или каким-то немецким проповедникам, которые и совращают православных-то только потому, что знают: какую силу великую имеет вера наша, это наше святое сокровище, от св. Апостолов нам завещанное? И вот немцы хотят похитить из души народа нашего это заветное сокровище, чтоб сделать русских людей немцами, вынуть русскую душу и вложить в русского человека душу немецкую!.. Хотят оторвать русских людей от их матери-Церкви Православной, лишить их и благодатных Таинств, и заступления Матери Божией и всех святых, лишить благодатной силы креста животворящего и крестнаго знамения, лишить утешения иметь святые иконы, напоминающие нам и Господа нашего, и Пречистую Его Матерь, и угодников Божиих... Гоните, православные, прочь от себя этих соблазнительей, этих слуг немецкаго кайзера, который никаких денег не жалеет на их содержание, на совращение русских людей в веру немецкую... Жалуйтесь на них своим пастырям, жалуйтесь Матери Божией, Которую они не почитают; молитесь, чтобы Господь вразумил их, несчастных...

Помните: кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец! *Аще кто Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь!* Так говорит Сам Христос.

Откуда у сектантов усердие совращать православных

(Письмо в окопы воину, которого соблазняют баптисты)

Божие благословение рабу Божию воину Ермолаю!

(Прости, что не скоро отвечаю: много дела, да и очень мне неможется). Правду ты пишешь, что враги Церкви везде сеют свои плевелы. Вижу, что и в окопах, в виду смерти, они враждуют против матери нашей святой Церкви. Хитрецы эти вот не проповедуют своей веры татарам, иудеям, язычникам; не соблазняют даже католиков и лютеран: им приятно совратить православного человека. Почему так? Я тебе скажу то, что сам думаю: действуют они так по внушению духа лукавого, врага Бога и людей; а врагу нет нужды соблазнять тех, кто и без его соблазнов стоит не на пути спасения: ведь мы веруем, что кроме Церкви Православной нигде нельзя обрести спасение. Итак, суди сам: те, иноверные и инославные, в деле своего спасения и без его соблазнов заблуждаются: стало быть, и заботу прилагать об их гибели ему не стоит. Другое дело, православный христианин: Церковь оберегает его душу от вражьих искушений и молитвами, и Таинствами; согрешит он, по немощи своей яко человек, но скоро покается, и Церковь очистит его Таинством покаяния; потом он соединится с Господом в Таинстве причащения и начнет снова жить по-Божьему, по-православному. А у этих баптистов, штундистов, всяких библейских и яко бы евангельских лжехристиан нет этих благодатных Таинств: вот в эти секты враг и старается увлекать простеца православного; попадет он туда – враг опутает его и гордынею: “вот-де я святым стал”, и ненавистью к другим православным, да еще подскажет: “Теперь тебе все можно делать, что захочется: ты искуплен, ты веруешь, а верую и спасешься, потому что сказано-де, что кто верует, тот спасен будет”... И погибнет бедная душа этого простеца, а виною его гибели будет тот баптист или там иной какой сектант, который совратит его. Сам погибнет и другого погубит, а это-то и надо Божью врагу. Читал я твое письмо, и подивился, видишь, какой он умник: сколько насыпал тебе вопросов и недоумений! По его мнению, для спасения ни храмов Божиих не нужно, ни св. икон, ни креста, ни крестного знамения (а знамения боится враг, как пламени огненного!); да и дел-то добрых, кажется, не нужно: ведь он говорит, что одна вера спасает! Ничего, видно, не нужно – живи себе как хочется, только веруй. А то скрывает, что сказал Господь: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, увидит в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 12). И апостол Иаков говорит: *вера без дел мертва есть* (2, 26), потому что *и бесы веруют, и даже трепещут* (ст. 19). Да что тут говорить – эти ученики немецкие: баптисты, и штундисты, и лицемерные, якобы евангельские христиане готовы и слово Божие зачеркнуть, когда оно им не нравится. Вот так они и делают – послание брата Божия Иакова они словом Божиим не признают: не по душе оно им! Всю веру православную они исказили, хотят спастись не так, как Господь чрез Церковь Свою велел, а как им хочется: все полегче бы... А то забывают, что сказал Господь: царство Божие усилием берется, и только понуждающие себя входят в него (Мф. 11, 12).

Посылаю тебе книжку, в которой найдешь ответы на все те недоумения и возражения, какая обычно ставят православным сектанты. Прочитай ее, давай читать тем, кто смущается их лжеучениями, но в споры не советую входить: это вам не по силам, потому

что святое Писание вы не достаточно знаете. Берегитесь этих лжеучителей, и Бог вас сохранит под сению матери нашей Церкви православной!

Вместо Пасхального Красного яичка

Для верующего как душа важнее тела, так и духовная пища выше хлеба вещественного. К сожалению, об этом мало заботятся наши благотворители. Между тем, наши воины в окопах алчут духовной пищи в виде слова Божия, молитвословов и разных духовных книг общедоступного содержания. Троицкая Сергиева Лавра не раз посылала на фронт большое количество своих листков и разных книжек и получала оттуда самые трогательные благодарные письма.

Перед Рождеством Христовым один добрый русский человек прислал тысячу рублей с этою целью, и тогда было послано на три фронта около полумиллиона этих изданий. Теперь, в виду приближающегося праздника Пасхи, он же прислал еще тысячу рублей, чтобы послать на фронт воинам вместо красного яичка “Троицких Листков и Книжек”, уделив часть и пленным нашим воинам, если окажется возможным отправить в Германию посылку. То и другое будет, конечно, исполнено по возможности.

Да благословит Бог добрую душу православного русского человека за такой гостинец! Это дороже табаку, папирос, бумаги и разных безделушек, иногда посылаемых вместо красного яичка нашим доблестным воинам – православным русским людям.

Побольше бы таких благодетелей!

№ 314

Во Христе – наша свобода

Страстию Твоею, Христе, от страстей свободихомся и
воскресением Твоим от нетления избавихомся:
Господи, слава Тебе.

Дивны пути Господни в деле нашего спасения! Согрешили первые люди; грех возобладал над человеком, и стали люди рабами греха, как говорит Господь: *всяк творяй грех раб есть греха* (Ии. 8, 34). И свил себе гнездо грех в сердце человека, и стал властно, как господин, повелевать им. И укоренились там исчадия его – страсти, и терзают сердце человеческое, созданное для любви к Богу и ближнему, а совесть, этот неумолимый, беспощадный судия, обличает в измене Божиим заповедям, требует возмездия и уже здесь, на земле, дает предощущать грядущия муки вечныя, уготованныя не людям, а диаволу и ангелам его. Поистине, грешник есть непрестанный мученик своих страстей! Верно слово великаго Апостола Христова: *окаянен аз человек! Кто избавит мя от тела смерти сея? Не еже бо хочу, доброе, творю, но еже не хочу, злое, сие содеваю* (Рим. 7, 29,19). Кто освободит меня от этих постоянных мук, терзаний, в борьбе с самим собою, с врагом, живущим в моем же сердце – с грехом?

Если бы люди были всегда внимательны к самим себе, к движениям своего внутреннего человека, если бы произвольно не отдавали себя в рабство собственным страстям, если бы не заключали с ними преступного союза, в котором находят минутное, обманывающее их забвение своего рабства, то этот вопль Апостола громко раздавался бы среди сынов Адамовых во всех концах грешной земли. Но он и слышан был среди лучших людей, и плакали они плачем великим, жалуясь на самих себя, на свою беспомощность: *изведи из темницы душу мою, вопияли они: от тайных моих очисти мя! Аще беззакония назириши, Господи, Господи, кто постойт?..* Даже среди язычников слышалось: если не придет на землю Сам Бог, то люди никогда не узнают Его и не найдут путей к Нему... И люди все глубже и глубже погружались в омут греха, все безнадежнее отдавались своим страстям, и всему роду человеческому угрожала гибель...

Но вот пришел желанный Освободитель, пришел Он, Чаяние народов, пришел Свет к омраченному, пришел в мир Спаситель мира. Не во славе Божественного величия явился Он среди земнородных: Он пришел в *подобии плоти греха* (Рим. 8, 3). Он принял на Себя наше немощное естество, нашу плоть, нашу душу, во всем, кроме греха, стал родным нам человеком и принес нам неоцененный дар – свободу от греха, от страстей, от муки вечной. Каким образом? А вот в том-то и дивны пути Его в деле нашего спасения: не всемогущим повелением Своим освободил Он нас от страстей наших, а Своею страстию безстрастной, Своими страданиями. Не блистанием Божественной славы Своей прогнал Он от нас поработителя нашего, а крестными муками, по навету сего же врага Ему нанесенными, но вольною волею Им воспринятыми. Не славою Его, а безчестием, поношением Его мы получили свободу. *Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша, – язвою Его мы исцелехом* (Исаии. 53, 5). *Ибо тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3,15).

Да, братие: Он понес безчестие, а мы восприяли честь сынов Божиих; Он пострадал, а мы от страстей получаем свободу; Он умер, а мы получили право на вечную жизнь; Он воскрес и нам уготовал воскресение в жизнь вечно блаженную. И это творит Тот, Кто единым словом мир создал, Тот, Кого трепещут не только бездны, не только миродержители тьмы века сего, но и самые силы небесныя, но Он восхотел взойти на крест, чтоб показать нам любовь Свою Божественную и нас научить любви. Он возлюбил нас, сущих в мире, до конца (Ин. 13,1) и умер за нас... Слава долготерпению Твоему, слава любви Твоей, Любовь всесовершенная! Дивны и пре дивны дела Твои, дивны и непостижимы! Святые Апостолы раскрывают нам тайну любви Божией к роду человеческому, к нам, грешным. Бог стал Человеком; Он хочет и человека соделать *причастником божественного естества* (2 Петр. 1, 4). И сие соделывает любовь Его: приискренне соединившись с нами, восприяв наше естество, Он и нас соединяет, роднит с Собою в дивном таинстве тела и крови Своей. Слышите, что глаголет Он? *Ядый Мою плоть и пий Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Так Он соделывает нас членами тела Своего – Церкви Своей. Страждет Он – в Нем страждем в очах правды Божией и мы, яко члены тела Его. Причащаясь тела и крови Его, мы получаем от Него и благодатныя силы побеждать свои страсти. От нас Он требует только одного – нашего сердца: *сыне, даждь Ми твое сердце* (Притч. 23, 26) – твое доброе произволение. Хочешь получить свободу от страстей? – Будь живым членом тела Его – Церкви. Возвратись к Нему, как блудный сын, в сознании твоей греховности, твоей беспомощности, а Он уже ждет тебя, распростирает навстречу тебе Свои объятия со креста, зовет тебя гласом отеческой любви. Отдай же Ему свое измученное страстями сердце, и Он исцелит его. Отдай Ему свою обезсиленную грехом волю: Он укрепит ее. Соединись, соединишься с Ним в Божественном причащении Таин Его, и ты почувствуешь, что Он пришел к тебе и вечеряет с тобой. Вот ныне пред нами священное напоминание любви Его, возлюбившаго нас даже до позорной смерти на кресте: упади пред сею плащаницею, пожалуйся Ему на свое безсилие, свое непостоянство, свое рабство страстям. Он силен тебя освободить, исцелить, утешить, соделает новым человеком, и заживешь ты новою жизнью еще здесь, на земле, а когда придет час твоего исхода в другую жизнь, то перейдешь туда в надежде воскресения жизни вечноблаженной.

Братие! Мы переживаем страшное время. Злая страсти колеблют самые основы мирнаго человеческого бытия на сей грешной земле. Как лютыя звери, оне терзают сердца уже не только отдельных людей, но и целых народов. Гордыня, корыстолюбие, необузданность всяческих похотей дошли до крайних пределов в среде отрекшихся Христовых заветов некоторых забывших Бога народов, и кровь льется реками, люди истребляются тысячами, и орошается слезами лице земли...

Припадем же ко Христу Спасителю нашему и возопиим Ему из глубины души: Господи Иисусе, страшныя страсти на кресте претерпевший нашего ради спасения! Твоими спасительными страданиями освободи нас и весь мир Твой от страстей и воскресением Твоим обрадуй нас: мир умири, Церковь Твою сохрани и нас в покаянии прими, помилуй и спаси. Аминь.

Предвкушение вечного блаженства. Христос Воскресе!

Светися, светися, новый Иерусалиме!

Ликует сегодня святая Церковь; забывают верующие, на земле ли они, или уже на небесах: так много, бесконечно много самой чистой, светлой радости, так все полно торжества победы над злом, над смертью, что, действительно, переживаешь что-то неземное, чуждое земле, будто уже началась обетованная вечность и нескончаемое блаженство... Таков наш воистину светлый и пресветлый праздник, наше торжество торжеств...

Да так и приглашает нас мать наша – Христова невеста Церковь: *приидите... царствия Христова приобщимся, поюще Его яко Бога во веки* Приидите, опытом сердца изведайте, в мере, доступной вам во дни вашего земного странствования, изведайте сладость и радость райского блаженства, ожидающего вас в отечестве небесном – вот где будет пасха вечная!

И в восторге радости верующие зывают к Самому Виновнику Пасхи: *О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О Мудросте, и Слове Божий, и Сило! Подавай нам истее, совершеннее, полнее Тебе причащаются в не вечернем дни царствия Твоего!*

И вот в дивных песнопениях пред нами раскрывается всемирная картина будущего всеобщего торжества при открытии сего царства славы – оно представляется как бы уже совершившимся: *ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя... Пасха, Господня Пасха* Не еврейская пасха, не переход Израиля чрез Чермное море, а переход всего верующаго человечества от смерти к жизни, от земли к небеси. Вот куда ведет нас Христос Бог наш, и мы поем Ему победную песнь воскресения! *Очистим же чувства и узрим – не телесными очами, а очами веры – Христа, сияющего неприступным светом воскресения, и ясно услышим в своих сердцах Его Божественный привет: Радуйтесь*

Вот Он идет, Солнце правды, всем жизнь подающий, идет, а за Ним радостными стопами спешат только что освобожденные Им из узилищ адовых праотцы и все ветхозаветные праведники, прославляя вечную пасху. Приступим и мы, вслед за ними, приступим со свечами горящими в руках в знак светлой радости нашей, чтобы вместе с чинами ангельскими, радостно празднующими, праздновать пасху Божию спасительную. Господь страдал как смертный, но Своим страданием смертное Он облек в красоту бессмертия, и вот мы празднуем смерти умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало и, ликуя, воспеваем Виновника сих благ.

В величественных, поэтических образах Церковь изображает торжество Победителя ада и смерти: *Снисшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси веревы вечныя, содержащая связанный – закованных в цепи, Христе, и тридневен, яко от кита Иона, воскрес еси от гроба. Плотию уснув, яко мертв, Царю и Господи, тридневен воскресл еси, Адама воздвиг от тли и упразднил смерть: пасха нетления, мира спасения! В гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в рай же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом: вся исполняй, Неописанный!*

Церковь как бы не находит слов для выражения своего восторга: она безчисленное число раз повторяет сладостное для нас *Христос воскресе*, она многократно повторяет и

слово пасха, призывая и небо, и землю, и преисподнюю – радоваться, ликовать, прославлять Воскресшаго... *Пасха священная нам днесь показася, пасха нова святая, пасха таинственная, пасха всечестная, пасха Христос Избавитель...* Но я не стану выписывать все эти чудные стихиры, эти тропари канона, полные восторга и неподражаемой красоты: кто же из православных не знает их на память? *О пасха, избавление скорби! Ибо из гроба днесь яко от чертога брачного, как светлое солнце после темной ночи, возсия Христос, жен-мироносиц радости исполни глаголя: проповедите апостолам!*

Вдохновенный песнопевец и от себя обращается к Церкви Божией с восторженным словом: *Возведи окрест, очи твои, оглянись кругом, Сионе, и виждь: се бо приидоша – идут к тебе яко богосветлая светила – со всех сторон, от всех народов земли, от запада, и севера, и моря (юга), и востока чади твоя, в тебе благословящая Христа во веки! Светися, светися, новый Иерусалиме! Слава бо Господня на тебе возсия, ликуй ныне и веселися Сионе!..* А обращаясь к Церкви, не мог он не обратиться и к Преподобной Матери Воскресшаго Господа с приветом радости: *Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востании рождества Твоего – Рожденного Тобою!*

Слава воскресения Христова и Его победы над смертью светозарно отражается и на Его живоносном гробе. *Яко живоносец, яко рая краснейший, воистину и чертога всякаго царскаго показася светлейший, Христе, гроб Твой, источник нашего воскресения!*

На небе, в блаженной вечности, место ли какому-нибудь немирству, вражде, памятозлобию? Так и в светлый праздник общения нашего с небом должно быть все прощено, все забыто, все должны встречать друг друга с братскими объятиями: *Воскресения день, и просветимся торжеством, просияем от радости, и друг друга обьемем, рцем: братие! и ненавидящим нас простим вся воскресением, чтобы в чистой совести восклицать: Христос воскрес...*

Таков наш светлый и пресветлый праздник Христова воскресения! Он дает нам предвкусить райское блаженство, хотя мы и не достойны сего. Не напрасно православные крепко веруют, что кто отойдет ко Господу в эти светлые дни, того душа минует мытарства воздушныя и восходит к Богу как бы после причащения Святых Таин Христовых. Праздник как бы переносит нас на небо, вводит в живое общение с Церковью, на небесах вечно торжествующую, – земная Церковь из воинствующей в сии дни как бы сама преображается в торжествующую! Все обряды ея богослужения нарочито так глубоко обдуманы, так художественно приспособлены к возбуждению такого настроения в сердцах верующих, что душа как бы невольно, незаметно для себя, переносится в светлые обители Отца Небесного, забывает все земное, наслаждается райской радостью. И этот свет, заливающий весь храм, и эти свечи в руках, как бы пламенеющий любовью к Воскресшему сердца верующих, и это благоухание, наполняющее всю церковь, и эти всю неделю отверсты царския двери, как бы двери небесныя, и светлая облачения священнослужителей, как бы небожителей – вестников воскресения, и этот, целую неделю несмолкающий торжественный звон, оглашающий нашу Русь православную, и это повсюду, уже не только в храмах, но и в домах и на улицах бесконечно повторяемый, бесконечно радостный привет: *Христос воскресе, – воистину воскресе* – все, все говорит нашему сердцу, что воскресший Христос с нами – среди нас, что это – Он, наш Отец, Господь и Спаситель, разливает вокруг Себя для верующих в Него Свою благодать, что Он для нас, ради Своего воскресения, и многоскорбную грешную землю соделывает небом, раем, дабы привлечь нас в рай небесный. А пасхальное слово святителя Златоуста?

Да это – целый неподражаемый гимн Воскресению, это – голос самой Церкви, все и вся зовущий к торжеству праздника – и грешных, и праведных, и богатых, и убогих, и бедных, и знатных, и незнатных – всех объединяющий в матерних объятиях ликующей Церкви!..

К сведению читателей “Колокола”

С того дня, как “Колокол” отсекся от “старого режима” и перешел в распоряжение иудеев, в нем хозяйничают разные анонимы и псевдонимы, вроде Рязанских, Зарайских, Новых, Витязей, Коложских и иных. До правды им нет никакого дела; напротив, они тщательно скрывают от читателей своих даже то, что умная газета сочла бы долгом чести сообщить им.

Г. Скворцов приписал мне великую честь, принадлежащую великому святителю Московскому митрополиту Филарету, будто я изобрел учение о происхождении самодержавия по подобию Божия Вседержительства – от Бога. Я ответил ученому миссионеру, выписав точные слова святителя из его проповедей. Ведь не может же быть, чтобы руководители газеты, когда-то именовавшей себя церковною, вовсе не видели ни проповедей митрополита Филарета, ни “Церк. Ведомостей”, где я напечатал свою поправку их мудрования. Казалось бы, по меньшей мере, как уличенным в невежестве, им подобало молчать. Но им нужно поддерживать в читателях их вымысел, будто это Никон выдумал теорию происхождения самодержавия по образу Божия Вседержительства, а стало быть, считаться с выдумкой какого-то “реакционного лозунга” этим отсталым архиереем не стоит. И вот некий “Витязь”, подвизающийся в “Колоколе” в защиту иудеев и “прогрессивных блоков”, по поводу статей г. Шечкова в “Моск. Вед.”, говорит, что “это уже не первый опыт приспособления веры и ея догматов” к политической платформе. “Заметьте, – пишет сей господин псевдоним, – именно приспособления, как будто это какой-нибудь “Вова приспособился”, а не вековая живая и правящая (?) правда христианского учения. Не так давно архиепископ Никон на страницах “Русского Знамени” (“Русское Знамя” только перепечатывало мои статьи из “Церк. Вед.” и моего “Троицкого Слова”) также пытался обосновать на церковной идеологии свои реакционные лозунги”. К этому г. Витязь прибавляет, что “владыка гремит и грозит по адресу инакомыслящих совсем не с евангельской кротостью”. Мои читатели знают: как я “гремел и грозил” в своей статье. Дальше г. Витязь сравнивает меня с “хитролукавым Феофаном Прокоповичем”, который-де пытался так же “от разума” доказывать природу самодержавия, как я, – то есть не я, а митрополит Филарет, “вывести монархию из небесного начала Вседержительства”. Видите, как иудеи, водворившиеся в новообрезанной газете г. Скворцова, стараются “обрабатывать” понятия в среде своих читателей, а те, в простоте сердца, не замечая этого обмана, пишут мне: “Что сделалось с “Колоколом”, что он так бранит вас? Чего смотрит супер-миссионер, его издатель?” Ответ простой: старого “Колокола” больше нет: его разбили иудеи, а на место его повесили разбитый же горшок.

О свободе пропаганды лжеучении

Читатели помнят мои дневники “Два слова о свободе вероисповеданий” по поводу одного “письма” преосвященного Андрея Уфимского к пастырям по этому вопросу. Мне тогда не хотелось верить, чтобы сей святитель говорил о желательности полной свободы пропаганды всяких лжеучений на Руси, и я старался объяснить слова его в смысле свободы “исповеданий”, а не “проповеданий”. В новом своем “письме к пастырям Уфимской церкви” вот что он пишет по поводу статей, ссылаясь на “Русское Знамя”, а не на “Троицкое Слово” и как бы не желая упоминать о последнем, хотя статьи напечатаны первоначально в “Троицком Слове”. Не хотелось бы думать, что это сделано намеренно, чтобы дать читателям понять, ну, стоит ли обращать внимание на то, что говорит какое-то “Русское Знамя”? Известно, что ведь это – орган крайних правых ретроградов... Владыка и мое имя скрыл от читателей, сославшись, что пишет “член Государственного Совета”, а что это пишет архиерей об этом умолчал...

Итак, вот его слова:

“Я глубоко убежден, что всякие законы, ограничивающие пропаганду иноверия, это – полный самообман для служителей Церкви. Живое слово всегда останется психологическою потребностью верующего сердца, и оно найдет способ говорить о вере без всяких “заманиваний” и за чаем в гостях, на базаре, в мелочной лавке, в кузнице, на мельнице (специально для пропаганды выстроенных!) и т. п. И ограничительные для такой пропаганды законы будут только усыплять православных деятелей и наталкивать всякое иноверие и инославие на проявление самой разнообразной инициативы. Эта инициатива теперь и находится всецело в руках всякого неправославия, а мы, православные, только еще вздыхаем о потерянном покое, буквально ни за какое дело не умея взяться. Позорное положение”..

Теперь, к сожалению, уже ясно, что владыка за полную свободу всякой пропаганды не только инославия, но и иноверия. Мои опасения вполне подтвердились, хотя я старался оградить его от нареканий в таком истолковании его слов. Итак, пусть являются к нам на Русь православную турецкие муллы, тибетские ламы, немецкие баптисты, латинские иезуиты: надобно всем открыть двери – пусть каждый проповедует свою веру, нам не нужен завет равноапостольного Владимира, который выпроваживал таких проповедников за пределы России как вредных соблазнительей, оберегая свой народ от заразы каких бы то ни было лжеучений. Запретительные законы для таких пропагандистов, по мнению Уфимского святителя, “будут только усыплять православных деятелей и наталкивать всякое иноверие и инославие на проявления самой разнообразной инициативы”... “Живое слово” таких совратителей нашего доброго, но в знании своей веры младенчающего народа “всегда останется психологическою потребностью их верующего сердца”: они найдут способы выкрасть из народной души сокровище веры православной и в чайных, и на мельницах, и в кузницах, и на базаре – так уж пусть лучше открыто и беспрепятственно повсюду проповедуют свои ереси, повсюду совращают православных простецов – прочь полиция, пусть одно духовенство, одни пастыри с ними ведаются... О, какое торжество было бы тогда у всех непрошенных учителей, сколько налетело бы этой саранчи на Русь-матушку!

Как жаль, что собрат мой по святительству не вчитался в мои статьи, а может быть, и познакомился-то с ними не в целом, а по выдержкам левых газет из “Р. Знамени”. Он нашел бы там, например, указание на нашу народную психологию, на убеждение в том, что “все, что законом дозволено, то не грешно”: правильно это или неправильно – я не говорю, а что народ простой именно так думает, то можно услышать от каждого мужичка, который не может и доселе примириться, например, с разрешением зрелищ в посты и под праздники, поставляя это, так сказать, в счет правительству как его слабость, как потачку “грешному делу”. Он прочитал бы там, что детей надо ограждать от влияния вредных людей, несмотря на то, что эти люди пользуются свободой в их убеждениях, в их личной жизни. Владыка выписал мои слова о том, что “закон должен строго запретить всякую пропаганду ересей”, что он должен наблюдать за исполнением сего правила, но не вдумался в то, что я говорю дальше: “Закон должен это делать не потому, что вера православная сама по себе нуждается в такой охране, а просто потому, что православие есть основа жизни народной, есть душа души народной, что православию обязан народ всеми теми сокровищами духа, которыми теперь восхищаются другие народы, сокровищами, которым обязана в свою очередь Русь своим величием, духовную красоту, своим единством, могуществом и без которых она погибнет, исчезнет с лица земли”... Кажется, ясно, что православие есть сокровище не только церковное, но и государственное, и государство, со своей стороны, должно оберегать его во имя своего же блага, помогая Церкви в охране ее чад от волков хищных, которых владыка хочет пустить в стадо Божие для того, чтобы разбудить пастырей. Выводить отсюда заключение, какое делает он, будто “пастыри не хотят служить Церкви”, просто грешно: пастыри и делают, что могут, хотя, к скорби нашей, и не все, чтоб оградить Церковь, а государство должно оберегать православие во имя собственного блага, если только оно хочет непорочно существовать в виде святой Руси, а не рассыпаться постепенно в мелкие кусочки на развалинах этой Руси. В том и союз Церкви и государства, что Русский Царь непременно, по основным законам, исповедует православную веру и именуется в самих законах “защитником и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния”. Очень прискорбно, что владыка все играет на слове “полиция”, как бы давая понять пастырям, своим читателям, что указать полиции на расхаживающего сектанта, издевающегося над нашими святынями, дело позорное, что удалить пропагандиста из среды православных при помощи полицейской власти, когда этот пропагандист-сектант оскорбляет чувство православных своими ругательствами по адресу святой матери нашей Церкви, есть дело постыдное... Прошу судить самих читателей, так ли это? А что если без полиции сами православные своим судом вздумают расправиться с сектантом? Или все должны умиротворять пастыри и только пастыри? Надо помнить, что теперь разные баптисты, штундиеты и прочая ересь саддукейская действует не по одним только религиозным побуждениям, но и по найму от немцев: кто же теперь не знает, что Германия не жалела десятки миллионов на пропаганду баптизма в России? Уже по этому одному государство должно принимать меры против такой пропаганды, благо это теперь перестало быть тайною. Пускаться теперь в рассуждения о какой-то “мятущейся совести”, о “безчисленных колебаниях души человеческой в искании истины” по отношению к пропагандистам, как, по-видимому, делает это Уфимский святитель, просто странно... Или я не понимаю, о чем он говорит? Вот его слова: “Твой дух в смятении? Ты ищешь святого (бывает и не святое?) прославления имени Божия? Ты блуждаешь, твоя мятежная совесть не находит покоя? Ты ищешь истины и не знаешь, где ее найти? Несчастный!

Почитай газету “Русское Знамя”, и она тебе даст безошибочный ответ, что самая настоящая истина, признанная законом и охраняемая тем же законом, находится в полицейском участке. Сходи туда, и там тебе, твоей мятежной совести, укажут, где эта истина”...

Что значит эта, да простит мне владыка, выходка? К кому он обращает свое слово, пропитанное горькой иронией? К сектанту? Судя по тому, что он пишет это непосредственно после того, как привел мои слова: “руки прочь, знай свою моленную”, – можно бы подумать, что – да; но судя по тому, что говорит он дальше, надо думать, что к православному: “а если твоя совесть, пишет он, будет по-прежнему смущаться, если ты опять будешь ошибаться, заблуждаться в искании истины, опять ты можешь надеяться, что до полного твоего падения в религиозном отношении полиция не допустит, и ты опять очутишься в полицейском участке для вразумления и для охранения тебя от всяких ошибок”.

Вот как представляет себе владыка существующую теперь схему вероисповедных законов. Приведя отрывок из моей статьи и называя самую статью “полицейским катихизисом”, Уфимский святитель называет этот отрывок “великолепным по глубине понимания вопросов мятущейся религиозной совести” и заявляет, что он “его никогда не понимал и не поймет”...

Выходит как будто, что для успокоения этой “мятущейся религиозной совести” надо беспрепятственно пустить в стадо Божие волков, разных еретиков, – они разбудят пастырей, пастыри прогонят волков... словом: сотворим злая, да придут благая, не согреша не покаешься, или что-то вроде того... Сказать правду: и мы ничего не понимаем, что говорит владыка...

По прочтении его нового письма, стало одно ясно: он за полную свободу всякой пропаганды лжеучений, за то, чтоб государство вовсе отступилось от всякого покровительства Церкви в этом отношении, что дело борьбы с сими лжеучениями всецело и единственно должно лечь на плечи пастырства: “Я, говорит он, никогда не попросил бы полицеймейстера спасать православных от какой-нибудь пропаганды, я, с Божией помощью, постарался бы сделать это сам; иначе умный полицеймейстер остался бы обо мне очень плохого мнения”. И, совершенно не к делу и не к месту, делает намек на “самого популярного в Петрограде человека, хлыста самой отвратительной окраски”. “Что же, вопрошает святитель: у таких господ искать защиты Церкви”?

Я не ищу защиты Церкви у каких-то хлыстов; я признаю справедливым, чтобы русский закон, закон Русского государства, стоял на страже того исповедания, которому государство обязано своим величием, своим бытием. Надо, чтобы враги Церкви знали этот закон и боялись вторгаться в народную душу с целью грабежа ея сокровищ; надо, чтобы сам народ знал этот закон и с точки зрения этого закона ценил свои духовные сокровища, не говорю уже о целях небесных, о спасении души... Позор был бы для государства, если бы оно бросило на произвол еретиков судьбу своего народа-строителя, народа-хозяина. Не позор ли, что немцы имеют до 17-ти семинарий для духовного развращения русского юношества, а на Руси только две миссионерских школы?.. Не стыд ли, что немцы ассигнуют десятки миллионов на соращение нашего народа в баптизм и прочие ереси, а у нас до сих пор большинство пастырей живет подаяниями? А тут еще проповедуется полная свобода пропаганды всевозможных ересей и тому же духовенству говорят: ваше дело бороться с ними, а не требовать помощи от государства... И борется оно, сколько может, но бывают же случаи, когда надо пустить в ход и “бич от вервий”, и если Сам

Божественный Основатель и Глава Церкви не стал творить чуда, чтобы очистить храм от торгашей, а употребил самое простое человеческое средство – “бич от вервий”, то почему же государству не употреблять того же средства, когда сие потребно бывает и полезно не только для Церкви, но и для самого государства? И напрасно мой Уфимский собрат утверждает, будто гражданские законы “защищают и охраняют не Церковь, а только грешный покой грешной иерархии”: по мере сил, при помощи Божией, иерархия делает свое дело и не думает ни о каком “покое”, но она вправе ожидать, для пользы того же народа и самого государства, чтоб и государство не относилось безразлично к защите народа от покушений на его святую веру...

Псалтирь в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями П. Юнгера

Наконец-то православные русские люди дождались русского перевода священной Псалтири с греческого, и перевода, сделанного знатоком дела, вооруженным всеми данными науки библейской, профессором Казанской духовной академии П. А. Юнгером. До сих пор мы имели перевод с еврейского, помещенный в русской Библии; был еще перевод преосвященного Амфилохия с древней рукописи, мало известный читателям-любителям слова Божия. Но значительные разности еврейского текста с употребляемым нами славянским переводом с греческого способны были не столько разяснять темные места, но иногда и смущать читателя. Между тем, ни в какой другой священной книге не встречается столько таких требующих объяснений мест, как в Псалтири. Возьмите хотя бы псалом 67: сколько в нем темных мест! Но вот в славянском тексте вы читаете в ст. 13: “Царь сил возлюбленного красотою дому разделить корысти”. Что это значит? Раскрываете русскую Библию и читаете: “Цари воинств бегут, бегут, а сидящая дома делит добычу”. Вы не удовлетворены: тут и слова как будто другия и мысль иная. Возьмите перевод П. Юнгера и там прочтите: “Царь сил возлюбленного (народа), прекрасному дому (дал слово) делить добычу”. А в 5-ти примечаниях на этот стих поймете и смысл стиха, и сделанный переводчиком в скобках вставки. Не говорю уже о таких местах, которые по важности своей имеют особенное значение в учении Церкви, как приводимые апостолами именно по греческому тексту и совершенно расходящиеся с еврейским, как например, классическое место из пс. 39, упоминаемое апостолом Павлом в послании к евреям (заметьте: к евреям бы и привести текст по-еврейски, а он приводит по-греческому переводу): “тело же совершил еси”, по-русски: “уготовал Мне тело”, а с еврейского стоит: “ты открыл Мне уши”... Недаром, говорят, в шестидесятых годах Киевская Лавра напечатала было Псалтирь в два столбца: славянский и русский текст рядом, но это издание не было допущено в продажу, чтоб не соблазнять верующих простецов разностями текста. Почтенный переводчик украсил свою книгу массою примечаний (больше 1 800), содержащих в себе краткия научныя, филологическия и истолковательныя сведения. Тут виден весь, так сказать, научный аппарат, весь процесс его сложной и нелегкой работы. Но для рядового читателя ценны истолковательныя примечания, большею частию заимствованныя из св. отцев; указания же на греческий и еврейский тексты и разночтения в общедоступном издании можно и опустить. А такое издание крайне желательно. Хорошо бы теперь напечатать и славянский текст рядом с этим новым переводом, чтобы дать книгу в руки простеца. Как это ни странно, а надо сказать, что Псалтирь со времен Владимира для русского народа являлась не только богослужебною, но даже и учебною книгою, немало было и “толковых псалтирей”, а ея священный текст во многих местах остается недоступным простецу. Пора придти на помощь народному благочестию хотя бы таким изданием.

Зеленеющие всходы

Радуетса земледелец, когда видит зеленеющие всходы посеянных им семян; вот также радуется и писатель, когда видит, что посеянные им добрыя мысли начинают приносить добрые плоды.

Ради светлаго праздника порадовали и меня добрыя дети – ученики Павловскаго духовнаго училища Воронежской епархии: спасибо им. Верится, что их хороший пример не останется без подражания. Вот что пишет мне смотритель сего училища, отец протоиерей Василий Горьковский:

“Воспитанники Павловскаго духовнаго училища, движимые патриотическим чувством, устроили между собою сбор пожертвований на “красное яичко” доблестному Русскому воинству, предполагая употребить собранный деньги обычным порядком, т. е. на покупку почтовой бумаги, конвертов, мыла, табаку, папирос и прочих солдатских подарков. Но прочитав в № 58 “Приходскаго Листка” ваше приглашение жертвовать русским солдатам более полезными вещами, как, например, книжечками слова Божия и брошюрами религиозно-нравственнаго и патриотическаго содержания, дети решили последовать вашему благому и мудрому совету и вот теперь шлют свою посильную лепту к вам, усердно прося вас, владыко, употребить ее на подарки православным русским воинам по вашему благому усмотрению.

Смотритель Павловскаго духовнаго училища протоиерей Василий Горьковский и 350 учащихся детей училища”.

“Лепта” 43 рубля и 18 коп. получена очень кстати: в тот же день был у меня товарищ по семинарии, уже почтенный старец, добровольно служащий в “летучках” санитарнаго отряда на фронте, и просил от лица воинов духовных изданий; с ним я и послал шесть комплектов, в коих заключается 4800 “Троицких Листков” и 3000 “Троицких Книжек”, а всего 7800 экз. Итак, воины получают этот дар от детей на сих же днях. Я поручил при раздаче объяснять, от кого идут эти листки и книжки, и нет сомнения, воины от души поблагодарят добрых деток Павловскаго духовнаго училища за такое “красное яичко”. А я, с своей стороны, написал краткое посланьице, в котором призвал на них Божие благословение.

“Добрым воспитанникам Павловскаго Духовнаго Училища Воронежской епархии от Члена Святейшаго Синода и Государственнаго Совета Архиепископа Никона – Божие благословение.

Ради Светлаго праздника вы порадовали меня своею лептою на “красное яичко” нашим христолубивым воинам-героям. Спасибо вам, добрыя дети: это и для меня было красным яичком на Христов день. Ваш о. Смотритель пишет мне, что вы, прочитав мое предложение посылать воинам вместо табаку, папирос, бумаги, конвертов и прочих безделушек, духовные листки и книжки, сами порешили последовать моему совету. Хорошее, доброе дело вы сделали. Сидя в окопах, наши воины в свободную минутку прочитают листочек или духовную книжку: ведь наш простой русский человек всегда любит почитать что-нибудь “божественное”, прочитают и скажут за это духовное утешение спасибо тому, кто послал книжки. А я послал всего на ваши деньги 7800 книжек и “Листков Троицких” и просил объявить воинам, что посылают это воспитанники Павловскаго Духовнаго Училища Воронежской епархии. Вот именно так, дети, и должны

поступать питомцы духовной школы. Бог даст – пройдете семинарское учение, будете большими, многие из вас примут священный сан и будут служить у престола Божия. И вспомнится тогда вам, как вы, малыя дети, утешили воинов на полях брани своим “красным яичком” в Пасху, то есть духовными книжечками, и приятно будет вам это воспоминание. Вспомните тогда и меня, старца-архиерея, который, конечно, в то время будет уже лежать в могиле, вспомните и помяните меня грешного в ваших святых молитвах у престола Божия.

Милыя дети! Мы живем в страшное время, когда кровь льется реками, когда повсюду горько плачут сиротки, оставшиеся после убиенных воинов: понуждайте себя к молитвам за этих сироток, за их матерей-вдовиц. Такая молитва будет и ваше сердце утешать Божией благодатью. Каждый день молитесь за Царя-батюшку,

Помазанника Божия, чтоб помог Ему Господь скорее одолеть врага и супостата; молитесь за Русь-матушку, чтобы прогнал Господь немцев с лица Русской земли; молитесь за воинство христолюбивое, молитесь и о себе самих, чтоб сохранил вас Господь в вере и благочестии, чтобы благословил вас быть смиренными служителями Церкви Его и верными сынами Отечества. Призываю и я, грешный, паки и паки на всех вас и на добрых наставников ваших Божие благословение”.

Отеческая любовь Святителя Николая Чудотворца

Святителю Божий, Николае Чудотворче! Не в Мирах Аикийских только, но и во всем мире, во всей вселенной, имя Твое, как миро изливанное, повсюду благоухает ароматами полных любви деяний Твоих, и красуется Тобою Церковь Божия, яко великим светильником благодати, всех озаряющим светом и теплотою любви Христовой. Знают Тебя как великаго и теплаго пред Богом заступника не только народы христианские, но и язычники нашей далекой Сибири, и поклонники лжепророка Магомета, и прибегают к Тебе в нуждах своих, и – о дивное дело – Ты не отказываешь им, Ты помогаешь им в их нуждах, тем самым привлекая их к вере Христовой! А в мире христианском Ты непрестанно чудодействуешь, Ты незримо пребываешь среди верующих, откликаешься на все их молитвенныя прошения, как отец чадолюбивый. И зывают к Тебе, просят Твоей помощи с верою и горячею к Тебе любовью все скорбящие и обремененные, все утешения Христова чающие; но и этого мало для любви Твоей: Ты внемлешь неразумному лепету младенцев, не отвергаешь, по-видимому, пустых, недостойных Тебя молитв о таких вещах, которыми, говоря по-человечески, и докучать Тебе не подобало бы. Для Твоего любвеобильнаго сердца нет таких просьб, в которых Ты отказал бы: лишь бы была вера просящаго, было бы произволение получить то, что не противно воле Божией. Ты и ныне, как при жизни Твоей на земле, готов быть всем вся, как говорит Апостол Христов, дабы Твоею любовью ко всем всех привлекать ко Христу...

На сии мысли навело меня письмо из Ярославля, поведовавшего об одном деянии великаго милостивца святителя Николая для беднаго мальчика, который с верою обратился к нему с своим детским горем. Рассказ записан со слов ярославскаго купца, ныне покойнаго, В. Я. Кузнецова. Передаю его в том виде, как он записан.

“Я отдан был родителями моими для обучения торговому делу в мальчики к хозяину и раз был вместе с другими приказчиками и мальчиками послан им сопровождать возы с товаром на ярмарку. Дело было зимой. Железных дорог в той местности тогда еще не было, ехали на лошадях. Хозяин дал мне на дорогу старый меховой картуз и строго приказал беречь его. Долго мы ехали, сидя на возу, я задремал и сладко заснул. Вдруг чувствую, что голове холодно, просыпаюсь, а картуза-то и нет: видно, дорогой свалился с головы, упал и потерялся. Страшно я перепугался тогда: и не то было мне страшно, что голова зябнет, а то, что скажу я хозяину и как он меня накажет... И заплакал я горькими слезами тогда. А едем мы мимо какого-то монастыря. Спрашиваю, какой это монастырь? Говорят, Николо-Бабаевский. Тогда я стал в снегу на колена, и молюсь со слезами. “Святителю отче Николае, помоги, избавь от беды: я Тебе заслужу”. Смотрю, а в снегу какой-то комочек темный лежит. Беру в руки и с удивлением вижу, что это – совсем новенькая котиковая шапка. С радостью надел я ее: как будто на меня шита, и поехал дальше. Но надо покаяться: много лет прошло с тех пор, а я запамятовал свое обещание, данное Святителю Николаю. Я был уже богатым торговцем, почетным гражданином, известным благотворителем, много жертвовал в разныя обители и церкви, только в Бабаевский монастырь ничего не делал, хотя и бывал там нередко. Вот однажды был я в Бабаевском монастыре с женою и родными; после обедни напились мы чаю и пошли гулять в монастырскую рощу; было очень жарко, и я снял свою дорожную шляпу-панаму и повесил на дерево. Посидели мы. Отдохнули и решили направиться к пристани, куда

скоро и пароход должен был подойти. Хватился я, а шляпы-то моей и нет... Никто мимо не проходил, взять никто не мог, а шляпа пропала. Вот тут-то я и вспомнил, что еще не исполнил обещания, данного в юности Святителю Христову. Тотчас же пошел я к о. архимандриту и говорю ему: “Скажите, ради Бога, не нужно ли вам что-нибудь для монастыря: я ведь должник святителя Николая, дайте мне возможность услужить ему”. О. архимандрит говорит мне: “Право, не знаю, что нам нужнее. Разве вот не поновите ли живопись в теплой церкви”. Конечно, я с радостью обещал ему это сделать и благодарил Святителя, что он милостиво напомнил мне мое обещание. А в Ярославль я поехал уже в шляпе, данной мне монахами”.

Читаешь подобные рассказы о милостях великаго милостивца, Святителя Христова Николая, и сердцем умиляешься, – так все это по-нашему, по-человечески совершается, будто тут ничего и чудеснаго нет, а как задумаешься, то видишь прямое чудо: мальчик теряет шапку, не зная, где ее потерял, он плачет, молится угоднику Божию и тут же в снегу находит новую, лучшую прежней шапку: будто сам угодник ее подкинул ему. Надо же было ему остановиться, сойти с воза на снег именно на том месте, где кто-то обронил шапку. Но вот благодетельствованный мальчик забыл оказанную ему милость, проходит много лет, он забыл обещание свое, и святитель напоминает ему новою потерей, исчезновением его шляпы, и обет вспоминается с благодарностью, и приводится в исполнение так, как, конечно, мальчик не мог бы исполнить, и живопись в храме является памятником попечения угодника Божия о благотворителе его обители. И конечно, покойный Василий Яковлевич не раз поведал добрым людям это обстоятельство и тем научил многих обращаться к святителю с теплою молитвою в своих нуждах.

Радуйся, Николае, великий и преславный чудотворче!..

Есть ли ныне чудеса?

Легкомысленные люди обычно говорят: “Ныне чудес нет. Может быть, и было время чудес когда-то, но не теперь: ныне все совершается естественным порядком, все объяснимо, нет нужды объяснять сверхъестественной силой явления, кажущияся чудесными для простецов”.

А вот когда заговоришь с людьми верующими, хотя бы с теми же простецами, то слышишь совсем другое. “Да не потому ли наши так называемые “ученые” люди говорят, что нет ныне чудес, что этих чудес очень много? И во времена Христа Спасителя тоже ведь “ученые” книжники и фарисеи старались всех убедить, что, в сущности, никаких чудес Иисус не совершает: что если бесов Он изгоняет, так ведь это делает силою князя бесовского; что слепым дает прозрение – это еще не доказано; что мертвых воскрешает, да кто же этому может поверить: мало ли что говорит фанатически настроенная толпа” и т. д. По поводу исцеления слепо-рожденного они производят целое судебное следствие, которому позавидовал бы даже нынешний следователь, и родителей бывшего слепца допрашивают, и его не раз вызывают, и личность его удостоверяют, и с Моисеевым законом справляются: можно ли признать дело, совершенное в субботу, за чудо, а обличенные в лицемерии тем же слепцом, выгоняют его вон... Может быть, этот опыт следствия по делу исцеления слепорожденного, показавший им невозможность подорвать веру в чудо исцеления, и предостерег их от нового дознания и следствия по делу нового, величайшего из чудес Христовых – воскрешения Лазаря: поди тут начни расследование, окажется – непреложный факт, тогда еще больше все уверуют в Чудотворца, и мы будем посрамлены... Лучше уж не пускаться в расследования, а просто – не обращать внимания на факт воскрешения мертвеца, а если можно, то и с Лазарем как непреложным свидетелем чуда, покончить: *совещаша, да и Лазаря убивут...* Даже к чудесам Христовым эти люди, холодные сердцем, погруженные в суету житейскую, всецело отдавшиеся служению своей “самости”, эгоизму, как будто присмотрелись, и эти чудеса стали бессильны обратить их к вере. Не то же ли творится и в наше время? Чудеса творятся постоянно, но их видят только верующие, у коих и очи духовныя для сего открыты, а для Неверов это – все естественныя явления, о коих они с гордым сознанием своей образованности заявляют: “Да что тут чудесного? Все имеет свои понятныя причины, никакого тут и чуда нет”. И эти люди пребывают в той духовной слепоте, о которой Господь сказал: “На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепыми”. И нынешним слепцам, все объясняющим естественными причинами, Он сказал бы: “Как вы говорите, что видите, то грех остается на вас” (Ин. 9, 39–41).

Не все достаточно понимают, что такое чудо. Обычно думают, что это – сверхъестественное явление только в смысле явления физического, причем, на сторону нравственную или совсем не обращается внимания, или слишком мало. Между тем как именно эта сторона и является главным условием и главным, так сказать, элементом всякого истинного чуда. Последняя цель всякого чуда, совершаемого силою Божией, есть содействие людям в деле спасения, достижения ими своего конечного назначения, только тогда, когда в сем великом деле естественныя средства бывают недостаточны. Творец законов природы как бы приостанавливает действие этих законов, лучше сказать, действует выше их, не нарушая их действия, но только там, где видит веру людей:

о Самом Господе Иисусе Христе говорит Евангелие: *и не сотвори ту силы мнози за неверствие их*. А где есть вера, там нередко чудо проявляется только в том, что Господь располагает самые, по-видимому, естественные обстоятельства так, как нужно для использования Его святой воли, – так, что верующий ясно видит в таком стечении обстоятельств руку Божию, их располагающую по его молитве или же по неизреченным путям благодати Божией. И для верующего тут чудо ясно, а невер ничего чудесного тут не видит. Такие чудеса Божия промышления в среде верующих совершаются постоянно. Стоит заговорить о чудесах в присутствии внимательных к путям Божиим людей, как тотчас же услышишь рассказы о подобных чудесах. Мне в один день, можно сказать, в один час привелось слышать несколько рассказов, с поименованием лиц, их местожительства, всех обстоятельств того, что рассказывавшие называли чудом, а иное и сами лично на себе испытали. В назидание моих добрых читателей кратко передам эти рассказы.

Богатый молодой человек заболел странною болезнью: у него на лбу появилась шишка, на которую он сначала не обратил внимания. Но она стала расти. В начале он прикрывал ее головным убором, потом этот убор уже не вмещал ее. Лицо стало безобразно. Врачи предлагали сделать операцию, но он не согласился, а пошел в часовню великомученика Пантелеймона (в Москве, на Никольской улице) и там горячо, со слезами помолился угоднику Божию об исцелении. Приложившись, он вышел из часовни, с чувством полученного духовного утешения, и машинально надел головной убор. Пройдя некоторое расстояние, он вздумал отереть пот со лба и – о чудо: тут только заметил, что шишки на лбу уже нет... Это явное чудо внезапного исцеления от великомученика, которого самое имя значит “всемиловитый”.

Вот другой рассказ, в котором также упоминается имя св. Пантелеймона, хотя, на первый взгляд, прямого чуда тут не видно.

Богатый купец купил своей жене золотое кольцо с бриллиантом. Она не расставалась с этим подарком. Раз, во время купанья, она повесила его на гвоздь в купальне вместе с полотенцем. Когда потом сняла с гвоздя полотенце, то кольца там не оказалось: очевидно, полотенцем она сорвала его с гвоздя, и оно упало в воду. Купальня стояла на таком месте реки, где образовался обрыв в воде: в двух шагах уже начиналось глубокое место. Немедленно купец позвал рабочих, принялись искать кольцо на дне реки, самую купальню снесли, все дно перерыли – ничего не нашли. Но купец не мирился с потерей даже и в следующем году. Купальня была перенесена на другое место, а на прежнем он стал удить рыбу. Раз он, отправляясь на рыбную ловлю, зашел в часовню великомученика Пантелеймона, и там у него как-то неожиданно для самого себя сорвалась молитва: “Вот, угодник Божий: если есть на свете чудеса, то верни мне мое кольцо”. Пришел к реке, стал удить... Сидит и думает: вот бы хорошо, если бы в воде вдруг увидеть свое кольцо. И что же? Кольцо блестит на дне реки. Не веря своим глазам и полагая, что это плод его воображения, купец сначала не хотел доставать кольцо, но потом опустил руку, и, действительно, это было то самое кольцо которое год назад было обронено его женою в реку. Примите во внимание, что на дне реки в этом месте обрыв, следовательно, кольцо могло быть унесено в глубину, что все дно было взрыто искавшими кольцо, после его потери, что весною, в половодье, самое дно, обыкновенно, изменяет свой вид от наноса песку, и вы поймете, что тут несомненное чудо, по молитвам великомученика Пантелеймона, к которому обратился купец и который показал ему, что чудеса, действительно, бывают на свете^[89].

А вот чудеса другого порядка, это сонные видения и вразумления. И я опять беру то, о чем только-что слышал от своего духовного друга.

У купца С-на похищена была его старинная родовая святыня, благословение дедов и прадедов, Владимирская икона Богоматери. Немало скорбел он о лишении такой святыни и молился Царице Небесной, чтоб вернула ему эту икону. И вот однажды он слышит во сне: “Отправляйся в город... найди такую-то улицу, дом такого-то, войди во двор, как увидишь небольшой старый флигель, иди прямо туда, по ветхой, скрипучей лестнице поднимись вверх в чердачное помещение, войди там в комнатку, взгляни налево в угол и увидишь свою икону. Возьми ее и неси домой”. Проснувшись, С-н тотчас же записал сон и отправился в названный город. С вокзала берет извозчика, называет ему улицу: оказалось, такая есть. Называет дом: извозчик знает и дом. Входит во двор, видит старый флигель, идет прямо туда, поднимается по скрипучей лестнице, входит в комнатку, там сидит человек уже преклонных лет. Взглянул налево в угол – видит свою икону, берет ее и уносит с собой, и человек тот не остановил его, ни слова не сказал... Не правда ли: это чудесно до невероятности? А между тем икона эта находится в знакомой и мне семье, о ней с благоговением рассказывают ее владельцы, благодаря Царицу Небесную за Ея милость в возвращении Ея иконы, столь дорогой для этой семьи...

А вот явление из другого мира с просьбой о “прощении”, то есть о молитве за того, кто оттуда явился. В 1892 году умер фабрикант миллионер И. И. С-в, а лет чрез пять скончалась и его супруга. Спустя год по смерти купца, является к сельскому священнику, духовнику покойного, крестьянка и говорит: “Батюшка, я пришла к тебе с горем. Сегодня ночью во сне явился ко мне покойный И. И. С-в и стал просить прощения. Я испугалась покойника и вот пришла к тебе: что это значит?” Священник успокоил женщину, сказав, что не следует придавать значения снам. Но на другой день она снова пришла к нему еще более взволнованная и с плачем сказала: “Что мне делать? Он опять являлся ко мне и говорит: прости меня, ради Бога”. – “Но ты не имела ли с ним какого дела?” – спросил священник. – “Нет, – ответила она, – он был человек богатый и мало доступный. Раз только я осмелилась в его конторе попросить побережь мое сбережение. Но оно было мне возвращено в целости”. Батюшка посоветовал ей отслужить на могилке покойника панихиду, и явления не повторялись. Можно думать, что покойник, пустив в оборот ее сбережения, не дал ей никакого за это процента и тем согрешил пред небогатой женщиной.

Другой сон видела оставшаяся полной наследницей всего состояния того же купца И. С-ва. Дочь его М. И., изнеженная, избалованная, она проводила время с гостями в праздных разговорах и развлечениях и почти вовсе забыла о церкви Божией. Раз утром она вскакивает как ужаленная с постели, приказывает тотчас подать лошадь и едет в соседнюю, верстах в двух от ее имения, церковь. В это время священник шел в храм к утрени и был очень удивлен прибытием ея: так давно он ее не видел в своем храме. Она обратилась к нему с просьбою: “Батюшка, пожалуйста, отслужите панихиду по моей матери. Она сейчас приснилась мне – такая расстроенная, грозная, и чуть было не выцарапала мне глаза. Все кричала: почему ты не молишься Богу”...

Конечно, просьба ея была исполнена с подобающим вразумлением.

Вот то, что привелось мне слышать в один день. А сколько таких знамений приходится слышать, когда встречаешься с людьми верующими, у которых очи открыты, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать дела Божии в наши дни. Да, чудеса продолжаются и ныне,

как было от века, ибо и Господь наш *Иисус Христос* *вчера и днесь, Той же и во веки.*

Во славу нового чудотворца святителя Иоанна Тобольского

I

Святителю отче Иоанне, моли Бога о нас!

В скорбях многих, обретших нашу Русь православную зело, Господь не оставляет нас по грехам нашим, но еще посещает Своею милостию. 13 лет тому назад, пред великими испытаниями Японской войны и внутренней смуты, Господу было благоугодно прославить дивными знамениями и чудесами великого подвижника Саровского, смиренного старца Серафима; и подвиглась тогда вся Русь православная от края до края, и Сам Царь православный с Супругою Своею и чадами с глубокою верою приклонил во смирении Свою царственную, венчанную главу пред гробом нового молитвенника и чудотворца Русской земли: и услышана была молитва Его и венчанной Супруги Его, и даровал Им Господь утешение велие, – не Им только, но и всей Руси православной – в рождении Государя Наследника Цесаревича. Последние десять-тринадцать лет скорби Русской земли все умножались, верующее сердце побуждало русских людей все чаще и чаще обращать скорбные взоры к небу и там искать благодатной помощи в несении тяжкого креста, там искать себе поддержки – преимущественно у тех, кто и по крови был родной русским людям. И угодники Божии откликались на скорбь народную, и Господь, по молитвам их, в подкрепление веры православной, отовсюду колеблемой, творил чудеса и знамения от мощей новых чудотворцев, и в течение немногих лет их мощи были прославлены Русскою Церковию: так, в древнем Кашине восстановлено почитание св. мощей великой княгини, многострадальной труженицы Анны; в Белгороде прославлены мощи нетленно почивающего там святителя и чудотворца Иоасафа; в Москве прославлены мощи великого священномученика за Русскую землю святейшего Ермогена, Патриарха Всероссийского; в Тамбове открыты мощи святителя Питирима; в городе Варнавине изнесены из недр земных мощи преподобного Варнавы, скончавшагося там 470 лет назад. Ныне, Божиим изволением, прославляется новый чудотворец Сибирский, святитель Иоанн Тобольский. Слава и благодарение Господу, дивному во святых Своих, прославляющему тех, кто прославлял Его жизнью своею, и утешающего смиренных чад Церкви православной небесным свидетельством истины нашего святого православия.

10 июня сего 1916 г. совершается прославление мощей св. Иоанна Тобольского.

– Святитель Иоанн родом был из Малороссии, сын небогатого дворянина: образование получил в Киевской духовной академии, где потом был сам учителем. 24-х лет был уже иеромонахом Киево-Печерской Лавры и проходил послушание проповедника и эконома. В 1678 году Малороссия отправила послов к царю Федору Алексеевичу просить защиты от турок, в числе послов был и молодой тогда иеромонах Иоанн. Он очень понравился царю, который пожелал иметь его наместником Свенского монастыря. Но в 1695 году святитель Феодосий Черниговский избрал его себе в сотрудники по управлению епархией, а потом и в свои преемники. Он посвятил его в сан архимандрита Елецкого, в г. Чернигове, монастыря. После блаженной кончины святителя Феодосия, Иоанн в январе 1697 года был хиротонисан в архиепископа Черниговского. Угодник Божий Феодосий и

из-за гроба явил своему преемнику знамение любви своей. Когда Иоанн тяжело заболел, Феодосий явился ему во сне и сказал: “Не скорби, брат, Господь услышал молитвы твои, и ты будешь здоров: вставай с одра и готовься служить Божественную литургию: это тебе знамение”. – И действительно, это было великое знамение милосердия Божия: немощной дотоле святитель Иоанн сразу исцелился, встал с одра болезни и совершил литургию. Вчера еще недвижимо лежавший в постели, сегодня удивил всех богомольцев своею бодростью и здоровьем.

Много трудов положил он в Чернигове: устраивал школы, благоукрашал монастыри и храмы, писал духовно-нравственные сочинения, переводил их с других языков. Но особенно любила его паства за его смирение и молитву. “Как отец чадам, как пастырь овцам” был святитель Иоанн для черниговцев. Он был истинным сыном и родной земли: печалился ее горестями, радовался ее радостями. Когда шведский король Карл XII перешел из Польши в пределы Малороссии, то святитель Иоанн, встречая Императора Петра I в Городне, приветствовал его словами пророка Моисея: “Благословен ты, егда входиши, и благословен, егда исходиши; предаст ти Господь Бог враги твои, сопротивляющиеся тебе, сокрушены пред лицом твоим; путем единым приидут к тебе и седмию путей побегут от лица твоего” (Втор. 28, 5, 7). Сии слова угодника Божия, действительно, исполнились под Полтавою, когда Карл бежал от нашего Государя Петра Великого в Турцию.

В 1711 году святитель Иоанн, уже шестидесятилетний старец, должен был отправиться на служение в далекий Тобольск, в сане митрополита всей Сибири. В то время по всей Сибири царило еще идолопоклонство, так же находили себе приют бежавшие из России раскольники. Можно понять, как тяжело было жить и действовать в таких местах, какое нужно было самоотвержение, чтобы бороться с язычеством и изуверством раскольников, бороться подчас одному, потому что трудно было отыскать надежных сотрудников. Но святителя Божия ничто не устрашало, и он отдал свои последние силы святому делу служения Христовой Церкви. К великим трудам пастырства он прилагал и подвиги молитвы, любви и сострадания к ближним. Подобно святителям Христовым Николаю Чудотворцу и Тихону Задонскому, часто святитель Иоанн, переодевшись в простое платье, обходил, никем не узнаваемый, богадельни и дома несчастных бедняков, особенно сирот, покинутых без приюта и призрения. Один, никем не замеченный, в темную ночь подходил он к оконцу бедняка, стучался и, оставив деньги, с словами: “Примите во имя Иисуса

Христа”, быстро скрывался в ночной темноте. А иногда избирал близких доверенных лиц и им поручал благотворить, без обозначения своего имени. Особенно искал он бедноты из среды духовенства: вдовы и сироты имели его постоянным своим благодетелем. Любвеобильное его сердце не забывало и заключенных, которых немало было в Тобольске, как месте ссылки. Он посещал тюрьмы и нес заключенным свою щедрую милостыню вместе с словом утешения и назидания.

Воистину, честна пред Господом была блаженная кончина святителя Иоанна. 10 июня 1715 года он торжественно отслужил литургию, после того угощал тобольское духовенство и нищих, которым сам прислуживал во время обеда; затем прощался с священниками и отпустил их с благословением, удержав двоих из них, более любимых им. Что говорил с ними святитель – Единому Богу известно; только отпустив их, он заперся в своих внутренних комнатах. Вечером жители Тобольска, вероятно, приведенные в недоумение еще рассказами священников о необычном прощании с ними митрополита

Иоанна, сильно были обеспокоены тем, что благовест к вечерне был позднее и дольше обыкновенного. Оказалось, что те, на ком лежала обязанность испрашивать благословение к звону, уже несколько раз подходили к дверям кельи святителя, стучались и окликали его, но никакого ответа не было. Доложили об этом губернатору, князю Матвею П. Гагарину, и он прибыл в архиерейский дом. После новых и так же тщетных попыток разбудить митрополита, князь, принимая ответственность на себя, велел выломать двери. Когда вошли в келью, глазам присутствующих представилась трогательная картина: святитель в молитвенном положении, коленопреклоненный, стоял пред образом Богоматери, им же привезенным из Чернигова: смерть запечатлела молящиеся уста его, и его дух уже отошел к Богу... Его молитва, начатая на земле, продолжается и ныне у престола Всевышнего за родную ему Русь, за всех нас, грешных. Нужно ли говорить, что как только в кафедральном соборе раздался протяжный печальный звон колокола, возвещавший кончину архипастыря, тысячи народа устремились в архиерейский дом. Весть о блаженной кончине любимого владыки вызвала общее горе паствы, и слезы и рыдания были сердечной данью отцу и архипастырю...

В это время его предшественник по кафедре Тобольской, апостол Сибири, митрополит-схимник Филофей, проповедовавший веру Христову инородцам в отдаленном Кондийском крае, по откровению свыше, узнал кончину святителя Иоанна: “Брат наш Иоанн успе, пройдем отсюда”, – сказал он своим сотрудникам и тотчас же, не получив еще известий о кончине Иоанна, отправился в Тобольск.

II

Прошло двести лет со дня кончины святителя. С течением времени почитание его памяти в народе все возрастало. С верою в его молитвенную помощь притекали к его могиле не только жители Тобольска, но и всей Сибири, даже и из Европейской России. И святитель являл благодатную помощь болящим. Много записано чудесных знамений, совершившихся по его молитвам, но еще больше хранится в благодарных сердцах православных людей, получивших исцеления. Русские люди, по своей скромности, получив милость Божию, больше следуют завету Спасителя *никому же поведати бывшаго* (Лк. 5,14), нежели Его повелению, сказанному при других обстоятельствах: *иди в дом твой ко твоим и возвести им, елика ти Господь сотвори и помилова тя* (Мк. 5, 19). Сокрывая в своем благодарном сердце полученную милость от угодника Божия, они боятся приращения тщеславия к своему сердцу и разве только близким людям поведают бывшее. Из многих знамений упомяну о некоторых, более поразительных. Так, еще в 1798 году из Барнаульского округа приехали в Тобольск две крестьянки, мать и дочь, девушка больная, изнеможенная. Оне просили в соборе показать место, где погребен святитель Иоанн, и служить близ его могилы, в приделе св. Иоанна Златоуста, сряду шесть недель литургии и панихиды по нем. На вопрос о причине дальней их поездки и особенного усердия к сему святителю мать рассказала: “Моя дочь была пять лет в сумасшествии; в первые четыре года бегала по лесам, билась, кричала, дралась, неистовствовала; приходилось сажать ее на цепь... Когда стала понемногу приходить в себя, в одну из добрых минут вдруг просит меня ехать молиться в Тобольск. Спрашиваю ее: для чего это? Говорит, мне явился какой-то архиерей и сказал, что я до тех пор не выздоровею, пока не помолюсь в Тобольске у его гроба. И она рассказала, какой он и какая на нем одежда –

почти точь-в-точь, как в нашей приходской церкви написан Спаситель над царскими дверями. Я подумала, что это новый бред, тем более, что не только дочь, но и мы, старики, в своей стороне никогда не видывали архиереев, да так я и оставила. Бедная дочь опять впала в сумасшествие и неистовство. Только вот опять как-то, очувствовавшись, говорит, что явившийся прежде архиерей явился ей в другой раз и уже не советовал, а приказывал ехать в Тобольск на богомолье над его гробом. Я рассказала об этом старику-мужу; но как и прежде, мы приняли слова дочери за бред, хотя нарочно ездили в свою приходскую церковь и видели, что одежда архиереев, как описывала ее дочь, почти точь-в-точь, как на иконе Спасителя над царскими дверями. С дочерью и опять случилось то же: ужасны были ее мучения. Чрез несколько времени она и в третий раз стала просить нас ехать в Тобольск, потому что, говорила она, архиерей теперь уже грозил мне наказанием, если не исполню его приказания. Доколе мы мешкали, больная опять впала в неистовство. Наконец, собрались в дорогу; дочь посадили в повозку и связали; первые станции едва вдвоем с работником могли мы держать ее; но чем далее мы ехали, тем она делалась тише. Теперь она в разуме; только, как видите, в чем душа держится”. – Между слушавшими рассказ старушки в соборе находился и протоиерей кладбищенской церкви Вас. Ос. Кузнецов, тогда лишь кончивший курс семинарии и еще исправлявший в то время должность соборного псаломщика. Литургии в приделе Иоанна Златоуста в течении шести недель были петы, те две женщины ходили и молились, наконец и уехали. Происшествие это забылось и, может быть, навсегда оставалось бы в забвении, если бы не следующий случай: старший брат В. О. Кузнецова Иван (который, как и В. О-ч, сам лично тогда видел двух описанных выше женщин, так как по должности певчего стоял на клиросе) произведен был во священника и сделан присутствующим духовного правления в Барнауле. В 1806 году В. О. поехал к нему в гости. Когда собрался он в обратный путь, брат изъявил желание проводить его верст 70 и, своротив с большой дороги в сторону версты с две, завез его к своему прихожанину, усердному и зажиточному крестьянину. Что же оказалось? В семействе крестьянина находилась та больная, которую в 1798 году привозили в Тобольск; теперь она была в полном уме и наслаждалась цветущим здоровьем, была замужем, имела детей и вместе с родными благословляла Бога, прославляя и святителя Иоанна.

В 1841 году приехали в Тобольск жена и дочь, девица лет 15 или 16, бывшего тогда ишимского исправника г. Попова. Пригласив к себе на квартиру соборного ключаря протоиерея Иакова Ивановича Ласточкина, они просили чрез него соборян служить в приделе Иоанна Златоуста сряду 12 обеден и после каждой панихиды по митрополиту Иоанну, присовокупляя, что девица во все это время будет говеть и наконец приобщится святых Таин. На вопрос ключаря о побуждении к сему, мать указала на дочь, и та рассказала следующее: “Три года я была больна, меня лечили, много истратили денег, но лечение не только не помогало, а как будто усиливало болезнь. Положение мое со дня на день делалось опаснее; началась горячка, и я не могла уже вставать с постели. Вот в это-то время, в самом легком сне я увидела трех монахов: одного в белом клобуке и с посохом, а двух прочих по сторонам его в мантиях, в обыкновенной монашеской одежде. Тот, что в белом клобуке, тронул меня посохом и сказал: “Полно тебе искать помощи у одних земных врачей: пора обратиться и к небесному; служи панихиды по Иоанне митрополите”. С этим все трое стали невидимы, и я проснулась; думаю о сне и чувствую, что мне гораздо легче, я могу действовать руками, нет боли в голове: кличу маменьку и рассказываю ей о видении. Скоро я и совсем оправилась. Сначала у нас было положено

ехать в Тобольск тотчас при первой возможности; но день за день, папенька занят должностью, маменька хлопотами по дому, проходит неделя, две, три и четыре; я снова заболела и отчаянно. Но однажды утром, когда из моей комнаты все вышли, – не знаю, спала ли я тогда, или нет, только я очень ясно видела, – являются прежние три монаха, один также в белом клобуке и с посохом, а прочие в простом монашеском платье. Главный из них сказал: “Зачем ты не исполняешь моего совета? Непременно поезжай в Тобольск, проси отслужить в приделе Иоанна Златоуста 12 литургий и 12 панихид по Иоанне митрополите, там поговей, исповедайся и приобщись; в противном случае ты умрешь”. С этим по-прежнему все стали невидимы. Я, за минуту бывшая не в состоянии даже пошевелиться, почувствовала себя так хорошо, что сама встаю с постели, иду к маменьке и рассказываю ей о новом видении. Как видите, я теперь совсем здорова”. Так и действительно было: только она была еще чрезвычайно бледна. “Вот тут уж мы, – присовокупила мать, – нимало немедля поехали сюда и вас просим исполнить наш обет”. – Просьба Поповых была исполнена, оне обе ходили и молились, дочь говела и в последнюю обедню причастилась св. Таин.

Таковы чудеса, бывшая у гроба святителя Иоанна лет семьдесят и сто назад. Они записаны были еще при жизни некоторых свидетелей-очевидцев. Сведения о них взяты из духовного журнала “Странник” за 1864 год.

А вот некоторые чудеса из последнего времени: ко времени деяния С. Синода о прославлении святителя Иоанна их уже было записано и обследовано до 57.

В 1915 году сын проживающего в Тобольске капитана Семена Васильевича Чаркашенина Михаил заболел корью. Болезнь протекала в тяжелой форме и осложнилась дизентерией. Ребенок был уже приговорен к смерти. Бабка Агриппина Ивановна Гейер утром 29 мая решила обратиться к молитвам святителя Иоанна. Уходя в собор, г-жа Гейер опасалась, что внук в ее отсутствие умрет, так как с ним началась уже агония, оконечности посинели, ребенок подавал слабые признаки жизни. Агриппина Ивановна заказала панихиду по святителе с присоединением ектений о здравии умиравшего внука. Возвратившись домой, она воочию убедилась в предстательстве пред Господом святителя Иоанна: увидя бабушку, Михаил поднялся с постели и попросил дать ему принесенной из собора просфоры. Назавтра Михаила, совершенно здорового, мать и бабушка возили в собор приложить к раке святителя Иоанна, благодаря со слезами угодника Божия за исцеление мальчика. Рассказывая о сем, оне не могут удержаться от слез.

Жена городского г. Тобольска Екатерина Карпова более 4 лет страдала разными болезнями; лечение не помогало. В декабре 1914 года совсем слегла в постель, так что без посторонней помощи не могла и в постели переменить положения. В январе 1915 г. муж решил свезти ее в больницу, чтобы дать ей, по его словам, хоть спокойно умереть. Больная одного просила: по дороге в больницу завезти ее в собор и помолиться у раки святителя Иоанна. Ранним утром муж повез ее в больницу мимо собора. Увидя свет от горящих у раки свечей, Екатерина пожелала исповедаться и причаститься св. Таин за литургией. Ее желание было исполнено. И что же? Она оказалась в силах простоять литургию, присела лишь один раз и притом не надолго. Причастившись, она простояла еще и панихиду. Казалось бы, после такого долгого стояния Карпова, тяжело больная, должна была совсем обезсилеть, а между тем она не чувствовала никакой усталости, наоборот, заявила мужу, что ей незачем ехать в больницу, так как чувствует себя совершенно здоровою и может возвратиться домой даже пешком. Карпова и теперь

совершенно здорова, почасту и со слезами благодарит святителя Иоанна за свое исцеление.

Священник села Оверинского, Туринского уезда пишет: “Со страхом Божиим за свое недостойнство, с великою радостью и надеждой на милость Божию и Его угодника Иоанна, Митрополита Тобольского, осмеливаюсь засвидетельствовать следующее сверхъестественное событие: сего 1916 года, марта 14, тяжело заболела (лишилась рассудка, движения и речи) крестьянка села Оверинского Иустиния Денисова Семухина. Меня пригласили к больной для исповеди. Увидев больную почти без признаков жизни, я удивился, что она так внезапно и тяжело заболела. Когда я уходил домой, то сказал родным ей, что святитель Иоанн, митрополит Тобольский, многих от болезней исцеляет. В первое же воскресенье после сего Иустиния Семухина приходит в церковь и подает мне клочек бумаги, на котором написано: “Иоанну Тобольскому молебен”. Я расспросил у Семухиной и ее родных о болезни и о том, почему они хотят служить святителю молебен. Они рассказали, что по моем отъезде они обратились с молитвой о помощи к святителю Иоанну и обещались отслужить ему молебен, чтобы Иустиния скорее выздоровела. И вот Иустиния, пролежавшая три дня без памяти и движения, в одни сутки выздоравливает. Тут же Семухины передали мне на нужды храма три рубля, а через несколько дней заказали написать икону за 25 рублей для храма в благодарность за исцеление от страшной болезни Иустинии по его св. молитвам”.

Есть имена, хранимые историей в книгах, имена славные, напоминающие о великих благодетелях человечества, оказавших незабвенные услуги науке, искусству, страждущему человечеству. Люди с любовью вспоминают эти имена. Но могут ли они войти в непосредственное сношение с теми благодетелями своими?

Увы, если это не были верующие во Христа Спасителя, если не принадлежали они к Церкви Христовой, то их имена – для потомства только суть звуки, на которые нет отклика из другого мира, куда ушли носители этих имен. Не таковы имена святых Божиих. Их носители – и поныне живы не только в памяти верующих, но и в живом с ними общении посредством молитвы. Как при жизни земной святые являлись великими благодетелями для всех, кто имел счастье с ними иметь общение, так и по кончине они слышат наши молитвы, видят наши немощи и нужды и, по вере нашей, всегда готовы откликнуться на наши мольбы, помолиться за нас, помочь нам... Чрез них Церковь земная, воинствующая, входит в общение с Церковью небесною, торжествующею; мы здесь, на земле, чувствуем себя не одинокими странниками: с нами, незримо, но для веры нашей ощутительно, можно сказать – осязательно присно пребывают любовью своею святые Божии, вводя нас в общение с любовью Божественною, как добрые пестуны руководя нас к царству небесному. И любовь Божия по любви к ним являет себя и в отношении к нам, так что слово Апостола: *вся вам любовью да бывают* простирает свою силу не только на всех верующих, живущих еще на земле, но и на всех святых Божиих, и еще в несравненно большей мере, уже ко Господу отшедших и пред Ним дерзновение имеющих.

Слава Богу, Спасителю нашему, благоволившему тако! Аминь.

Баптисты на фронте и в плену

Парижский корреспондент “Моск. Вед.” сообщает сведения о русских баптистах, попавших к немцам в плен. Бежавший из плена офицер Новиков с негодованием говорил ему: “Что спрашивать от евреев, – вот наши кровные русские, так назыв. евангельские христиане, т. е. баптисты – вот чума!.. Это, я вам скажу, – зараза, сами никуда негодные солдаты, они портят других. В своей роте я был принужден осматривать у баптистов ружья после каждой пустяшной перестрелки, чтобы убедиться, стреляют ли они, потому что сперва стрелять не хотели, ссылаясь на заповедь “не убий”. Ну, я-то сумел заставить их стрелять, хотя не могу сказать с уверенностью, куда они стреляли: в неприятеля или в небо. Во время штыковых атак баптисты всегда отставали и прятались, где только можно. Но где они себя выказали – это в плену”. Далее офицер говорит, что немцы относились к баптистам милостиво, что баптисты широко развернули свою пропаганду, что пропаганда имела успех: “В результате – сотня испорченных солдат, совершенно уже потерянных для Родины и для армии”...

Но ведь если только в одном лагере для военнопленных совращена сотня, то сколько же их совращено в других местах? Офицер Новиков отмечает и лицемерие этих изменников веры православной: когда немцы заставили пленных втаскивать тяжелое орудие на гору против наших союзников, то по предложению офицера православные воины отказались от этой работы, считая ее изменой Родине; австрийский офицер пригрозил расстрелом; первый испугался иудей, за ним вышли на работу баптисты. Не лицемерие ли это: стрелять нельзя, а тащить пушку на позицию для выстрелов – можно?

С фронта получают письма, в коих православные воины жалуются на баптистов, совращающих их в свое лжеучение.

С другой стороны, пишут и баптисты и – какую же злобою пропитаны их письма! Какими угрозами сопровождаются! Только сатанинская злоба может диктовать такие письма. Судите сами: “Мы, пишет воин-баптист, всех ваших чудотворцев и мощи их прокляли, мы писали своим женам, чтобы оне к... чудотворцев (иконы) повыкидали; довольно вам, попам, собирать деньги; Господи, пошли Христа Спасителя на этих кровопийцев-попов; вы не думайте, чтобы скорей мир настал, если покончим войну, то всех вас... пузатых убьем; прочитайте от Иоанна 16 гл., ст. 2...” ит. д.

Любопытно, чем вызвано такое письмо? Да просто тем, что из миллиона листов, посланных Троицкою Лаврою на фронт, один, под заглавием: “Отеческий завет христоролюбивому воину”, заимствованный из отеческого заветания известного крестьянина Посошкова, попал в руки баптиста. Очевидно, он почувствовал всю правду этого листка и, как зараженный немецкой гордыней, не вынес этой правды и мстит тем, кто ему прислал листок. Судите теперь, что он говорит нашим православным воинам сидя в окопах, если нет благоразумного товарища, который остановил бы его? Да и не всякий православный воин решится входить в спор с наглым баптистом, который, например, пишет мне с каким-то озлоблением: “Нас, воинов, духовным отцам учить только, когда мы бываем у вас на исповеди, а теперь таких уже нет; это были глупцы из бедного люда, а теперь каждый из нас знает не меньше вас. Не забывайте свои псалмы!”

Если так безцеременно баптист пишет архиерею, то тем наглее, конечно, он обращается с товарищами. Прибавьте к этому еще и усердно распространяемые кем-то клеветы на

монашество и духовенство, будто мы духовные, собираем огромные капиталы и отправляем их в Германию, что германцы на эти деньги и воюют с нами, и вы поймете ту злобу, с какою зараженные баптизмом солдаты, получив Троицкий листок, пишут “вы повадились колпачить нас Троицкими листками, вы, попы и монахи, грабители”... Кошунство, издевательство баптистов над православным религиозным чувством глубоко оскорбляет воинов, верных Церкви, все это вносит в их душу грустное чувство, может ослаблять их энергию, бодрость духа. Они готовы положить душу свою за веру православную, а тут, рядом, в их же окопах, безнаказанно поносят эту веру свои же, совращенные баптистами, собратья по оружию. Мало того, самих врагов России, немцев, называют братьями: “как можно убивать братьев? Христос сказал: “не убий”...

Смею думать, что на это будет обращено должное внимание. Нельзя же терзать душу православного защитника Родины, готового умереть за Веру, Царя и Отечество, такою пропагандой, нельзя позволять безнаказанно вносить разлад в совесть его, отравлять его ядом вражды к родной Церкви. Повторяю, не всякий простец-воин в состоянии отвечать на все речи пропагандиста-баптиста, а потому и свободы такой для еретиков-отступников, по крайней мере, в окопах и на фронте, ни в коем случае быть не должно.

Настроение наших воинов

На днях мне пришлось беседовать в вагоне с одним офицером с фронта нашей доблестной армии. Он говорил, что настроение войск самое бодрое, нужды ни в чем не чувствуется, войско верует в близость победы над врагами.

Как будто в подтверждение сего сказанного я получил на сих же днях хорошее письмо от одного доброго воина, который приложил и нечто с просьбою напечатать, – вот оно:

К друзьям

Друзья и братья дорогие!

Вот и нам уж настают минуты оставить жалкий свой приют. Пойдем и мы на поле брани, чтобы сражаться нам с врагами. На поле брани мы пойдем и попрощаемся с друзьями; пошлем родным своим поклон и просим их благословенья на подвиг трудный и сражение, благослови меня, родная мать! Иду я в битву роковую за Царя и Русь святую! Не знаю я, жив буду или нет, еще пошлю ли вам привет? Теперь пока прощайте, а обо мне не унывайте; я сердцем чую, что жив буду и домой вернусь к вам. Но на все Господня воля: может, и не увижу вас более. И прошу я вас сердечно: не плачьте обо мне, когда умру я на войне. За Царя и Русь святую нам не стыдно умереть! Отстоим или умрем, а не выдадим врагам, не посрамям мы Родину свою, а послужим верно Батюшке-Царю! Друзья и братья дорогие! Господь награду обещал тем, кто положит жизнь свою за други своя, и сказал нам: кто возлюбит отца, или мать, жену или детей больше Меня, тот недостоин Меня. И вот многие уже из наших братьев исполнили заповедь сию: они положили уже жизнь свою, оставили семью родную, возлюбив заповедь святую. Господь сирот их не оставит и защитит их вдов. Пойдем и мы, братья, смело, за святое правое дело. Отстоим или умрем, или героями домой пойдем!

Таково настроение, таковы верования и беззаветные стремления наших христолюбивых воинов! Они идут в битву с мечом в руках и с крестом в сердце!

Автору этого письма я ответил:

Рабу Божию Ермолаю – Божие благословение!

Письма твои все получил я. Посылаю тебе два номера “Приходского Листка”, в которых читаешь мои статьи о баптистах и о хорошем настроении наших воинов. В последней статейке я поместил и твое письмо. Слава Богу, что вы, добрые воины наши, стоите крепко против врагов. Помогите им, Господи, совсем сокрушить их. Об этом молится весь православный народ. Молятся ваши жены, ваши матери, ваши дети.

Милость Божия да будет на всех вас!

Ваш доброхот, архиепископ Никон

1916 г. мая 21

Голоса из деревни

Европа считается страной христианской; наше Отечество – православным; одних церквей у нас на Руси насчитывается до 55 тысяч, монастырей больше тысячи; число православных доходит до ста миллионов. Казалось бы, надо радоваться, читая эти цифры в отчете г. обер-прокурора. Но когда глубже опустишься в народное море, когда ближе присмотришься: кто иногда у нас считается православным, то станет горько на душе и невольно вспомнишь слово Господне: “Много званых, но мало избранных!”

По поводу преобразования прихода редакция “Пр их. Листка” завалена письмами; нет никакой возможности печатать все эти стоны православного русского сердца, протестующего против затеи Думской комиссии. Но и я немало получаю крайне скорбных писем, особенно сельских батюшек, которые в общем вопиют: да сохрани нас Бог от этого выборного начала, от вмешательства прихожан в дела церковного хозяйства! Тогда придется бежать куда глаза глядят, чтобы не быть участником в новых порядках. Из множества приводимых священниками фактов видно, что масса наших православных прихожан понимает свои обязанности в качестве прихожан совсем не по-православному, так что, читая эти сообщения, приходишь в недоумение: да, в самом деле, не ошибочно ли таких прихожан считают по книгам православными, не сектанты ли это какие, да и вообще: христиане ли? Ничего похожего на отношение пасомых к своему пастырю не видно... Конечно, это не общее правило; но такие явления, как сообщаемые священником Подольской епархии, невольно заставляют задумываться. Приведу некоторые из них. Беру факты в том порядке, как их передает священник.

Вот назначен на приход священник, видом невзрачный, невысокого роста, с слабым голосом; служит он под праздник всенощную, дошло до литии; лишь только он возгласил литийные прошения, как все бывшие в церкви прихожане воскликнули: “На що нам таке цвиринькало?” – и ушли из церкви. Сконфуженный батюшка поехал к владыке и был переведен в другой приход.

Вспомните заявление священника-профессора Петроградской академии о том, что прихожане искали себе пастыря по росту, чтобы ему пригодны были ризы (не перешивать же!), чтобы и волос и голос были такие, какие им нравятся... Видите: вкусы прихожан и в Петрограде те же, что и у провинциалов-подолян, с тою разницей, что последние не церемонятся и прямо заявляют, что им не нужен священник, не понравившийся им по наружности.

Там, где священник пожилой, прихожане говорят: “Ах, як бы нам молодого батюшку”! Опытные иереи объясняют это желание тем, что прихожане думают молодым верховодить. Пастыря ли ищут себе такие прихожане или просто наемника для совершения треб?

В одном селе прихожанин закосил косою священника за то, что тот отсудил у него захваченное церковное поле. В другом сожгли причтовую дом за то же. Требовать чего-либо от прихожан, – пишет батюшка – у меня мороз идет по коже. Недавно одного провинившагося священника преосвященный перевел на другое место административно, но явились прихожане ко владыке и заявили: “Другого не присылай, не примем”, и владыка вынужден был оставить прежнего. Прихожане иногда просто любят смену священников. Когда я поступил на приход, пишет священник, мне заявили: “Ваш

предшественник нас зничив, берите с нас меньше”. Будучи молодым идеалистом, я пожалел их и стал брать что кто даст и дошел вот до чего: сначала за погребение с литургией давали 8 р., потом 4 р., а потом 1р., тогда как я старался служить с утра до 4 ч. вечера. Здоровье расстроил порядком, а любовь утратил. Потребовали, чтоб не вносить в попечительство жалованье старосте и сторожу церкви, я настаивал на своем, тогда заявили, что все пойдут исповедываться в соседний приход, если я не уступлю. С год я крепился, а потом уступил, но лишь только согласился с ними, как они наполовину уменьшили им жалованье, выбрали нового сторожа без моего ведома, сторож перестал в церкви прислуживать. Я уговаривал копить деньги на постройку храма, отнеслись равнодушно, а потом вдруг потребовали постройки церкви под угрозой: “Стройте, а не то все перейдем в католичество!” Семь лет строили храм. Сколько было неприятностей из-за церковного леса: “Лес наш, поп не мае права дрова рубати!” Надо было окопать кладбище: не хотят, считая некое место собственностью общества. Наконец, один приходит ко мне и говорит: “Покажите, где и как окопать”. Иду, показываю. Вдруг раздается окрик: “Олекса, не позволяем!” Все разбегаются, и я остаюсь в дураках. Случалось слышать заявления такие: “Разве я не потрафлю служить, давайте мени ризы и кадыло, и я буду служить!” Один прихожанин запер церковь на свой замок под тем предлогом, что церковный староста пьян и затерял ключи, но на деле он хотел добиться смены старосты, чтобы быть выбранным на его место. На Подолии были случаи, когда прихожане запирали церковь, чтоб не пустить священника, и дело доходило до светского суда и тюрьмы за самоуправство. Раз на Благовещение я говорил проповедь, вдруг раздается в толпе возглас: “Пора нам до дому иты!” И церковь почти опустела, а я с смущением закончил проповедь словами: “Слушайте, стены!” Говори им проповеди, – продолжает священник, – толкуй про пороки: пьянство, воровство, картежничество, и что же слышишь потом? “А ну, хлопцы, не пустим его до церкви!” или: “А цего, завезим до Л-цы, а соби привезим из Л-ц!” Окончилась постройка церкви; староста захотел святить 4 декабря. Я говорю, что это зависит от начальства, а он: “Обманюете, вы можете самы це зробыты”. И давай ломать ворота на подворье и кричать: “Выкиньмо попа на улицу; колы вин такой, то не потребен вин нам!” – “Человече Божий, – говорю, – поезжай к преосвященному и проси вместо того, чтобы ломать дверь”. И поехал и привез локобилем архитектора, и хотя церковь еще не вполне была закончена, но все же ради спокойствия архитектор написал, что все готово к освящению.

Выбрали старосту такого именно, какого сами хотели; он показал усердие, к храму, в три года скопил до 500 руб., а ему: “Доки ты будешь старостою? Покидай! Де ты гроши деваешь?” Другие кричат: “Вин знюхався с попом и деляця грошыми”. При учете старосты присутствуют представители, а самого старосту не допускают продавать свечи, поставили особаго избранника, который записывает и дает во всем отчет, и тем не менее: “Куда ты гроши деваюця?” Тут просто какая-то мания насчет обсчетов, они все считают своим и хотят распоряжаться деньгами и имуществом безконтрольно, помимо церкви и старосты.

“Вин наш наймит, мы его годуем, а вин без нас с голоду умер бы”. Это слышал и я, и другие подольские священники. А то еще “сорока с плота, а на плот сорок”, т. е. убирайся с прихода, не желаем тебя.

Заявляют благочинному: “Хотим, чтоб церковный староста получал жалованье с церкви”. О. благочинный отклонил это. Говорю им: “Этот староста столько сделал в вашу пользу, а вы уже не хотите его оставить?” А они: “Бо кончилось трехлетие, и он должен

проситься об увольнении”. Уж не будут ли они и священников выбирать тоже на трехлетие при выборных порядках?

“В церкви учащих гонят от соли назад, а сами становятся впереди. Поставишь детей впереди – или прогонят, или кулаки тычут в рот; были случаи, что выгоняли их совсем вон из церкви”. Псаломщики, к сожалению, и по своему умственному развитию, и по нравственным качествам большею частью стоят к таким прихожанам ближе, чем священник: они иногда и принимают участие в интригах прихожан против священников. Так, просил автор своего владыку о переводе в другое место, преосвященный предложил другой приход, священник поехал туда ознакомиться, и псаломщик заявил ему: “Отслужите-ка, батюшка, и тогда общество узнает, как вы служите, и даст вам подводу” и пр. Впоследствии оказалось, что этот псаломщик был агитатором и уже нескольких священников быстро выжил из прихода, но и сам потом был уволен, попавшись в своих проделках.

Ох, какая нужна поддержка со стороны благочинного и со стороны преосвященного, для желающего трудиться в добром направлении пастыря, – заключает свое письмо подольский священник, – особенно там нужда, где в селе богачи, как у меня; где бедняки, так и охотнее жертвуют на все, и послушнее в отношении к священнику. Не раз приходилось мне вздыхать, слезы проливать, почему я не попал на приход более бедный? А перейти на такой все не удастся”.

Вот вам картинки с натуры, сообщаемые не беллетристом и не простым корреспондентом, а пастырем, многое за 25 лет выстрадавшим на приходе “богатого” села. Настроение этого прихода вовсе не христианское. О послушании Церкви, пастырям, уставам и порядкам тут не может быть и речи. Отношение к духовному отцу какое-то презрительное. В глазах деревенских богачей священник не больше как “наймит”, его великодушие и идеальничанье безсовестно эксплуатируется, с 8 р. платы за целый день служения переходят на рубль; не хочешь жить – уходи; требует законного – “обманывает”, и т. д. Можно ли говорить тут о смирении, о доверии к пастырю и подобное. Можно думать, что в Подольской губернии близость католического влияния, с одной, баптизма и штунды – с другой стороны, оказывают свое воздействие на эти отношения. Но вот Калужская епархия: “Сельский Вестник” сообщает, что один крестьянин перешел в секту “Новый Израиль” только потому, что не хотел платить 14 коп. на церковного сторожа, другой 63-летний старик перешел в раскол только потому, что того захотела его вторая жена. Тут не одно невежество; тут страшное равнодушие к вере, к вечному спасению (под какими воздействиями или противодействиями духовенству оно воспитывается – это другой вопрос). И вот таким-то “прихожанам” хотят доверить право выбирать себе пастырей и распоряжаться церковным имуществом... Да еще надобно точнее установить признаки: кого можно считать “прихожанином, а эти признаки станешь устанавливать по правилам церковным, то, пожалуй, в ином приходе окажется десяток-другой из тысячи, а иногда и – никого, достойного имени прихожанина, ибо такое имя тождественно с именем истинного православного христианина. Я уже не говорю о неканоничности всех подобных вождений наших преобразователей прихода.

Два слова о “мякинном корме”

Мы живем в век полной распушенности печати; всякий, кому охота, воображает себя “писателем” и свободно пишет, что ему вздумается, лишь бы нашлось издание, которое даст место его писанию. Немало таких писателей и среди духовенства; пишут они

большую часть в своих органах, в местных епархиальных ведомостях. Читать мне все эти ведомости нет ни времени, ни сил. Но иногда там появляются статейки, на которые стоит обратить внимание хотя бы как на образчики мышления наших батюшек, иногда в глуши провинции разучившихся читать чужие статьи, но желающих показать, что и они не прочь быть если не писателями, то хотя бы “публицистами”. Спасибо другим батюшкам, которые иногда нет-нет да и поймают такого батюшку-публициста с поличным, и покажут его... употреблю слово не особенно лестное для таких писателей – невежество.

Писал я в прошлом году в “Церковных Ведомостях”, между прочим, о нелегком положении нашего сельского духовенства и привел в пример известного мне когда-то старца-священника, который служил литургию по заказу крестьянина за крошню мякины. Думаю, всякий поймет, что мякина назначалась для корма принадлежащей батюшки скотинки, а не для самого батюшки; ну, а вот некий иерей Тульской епархии села Студенец В. Якшинский изволит уверять читателей “Тульских Епархиальных Ведомостей” будто “архиепископ Никон запугивает и обезсиливает последнего работника”, то есть священника, своим пожеланием ему мякинного корма”. Кто не читал моей статьи и в самом деле подумает, что я “желаю священнику мякинного корма. Как не стыдно священнику искажать слова старика архиерея, который привел факт, доказывающий бедность священников, факт, конечно, в сущности, нимало не позорный, ибо тот же о. В. Якшинский, наверное, не отказался бы отслужить обедню, если бы ему предложили – ну, не крошню мякины, а примерно мешок овса мерки в три (по нынешним ценам это рублей на 8) – что же тут было бы зазорного? Те же деньги, чем покупать овес для лошадки, о. В. Якшинский скормил бы этот мешочек да еще и спасибо сказал бы крестьянину. Было время, были меры другие, а сущность осталась та же. Наши отцы собирали по приходу и мякину, и костричку, не говоря уже о “скопах”: творог, сметану, яйца и пр. Все шло в дело: соломкой крышу поправят и скоту подстилку приберегут, а кострикой избу на зиму защитят. Я говорю о старых временах и обычаях. По местам и теперь еще водится. По крайней мере, один батюшка из той же Тульской епархии, Одоевского уезда, возмущенный неприличной, по его мнению, выходкой своего собрата против меня, пишет мне, что ему было обидно читать в епархиальном органе такие “пошлые остроты” против меня. Положим, я и не заметил бы “Маленьких мыслей” о. В. Якшинского, если бы не указал мне на них упомянутый священник. Но раз я ознакомился с этими “мыслями”, я считаю не лишним отметить в своем дневнике как печальное явление тот тон, каким нынешние иные батюшки позволяют себе откликаться на заботы о них же епископов. Видно, что подобные батюшки читают “биржевки”, разные “Утра” и в достаточной степени пропитываются жидовскими способами дискредитирования епископов в мнении читателей...

А что сказать о редакции, дающей место таким выходкам? Я объясняю это просто недосмотром с ее стороны: при спешной работе составления текущих номеров возможно, что и не всякое слово возьмешь во внимание. Иное надо бы просто вычеркнуть, как неуместное, не подходящее к делу, но оно ускользнет и останется в статье незамеченным, пока кто-нибудь не обратит на него внимания...

Странички из современного патерики

Соберите избытки укрух, да не погибнет ничтоже

(Ин. 6,12)

После чудесной трапезы в пустыне, когда Господь насытил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбацами, Он заповедал Апостолам собрать все крохи, оставшийся от трапезы, да не погибнет от них ничтоже. Проблески духовной жизни в Церкви Христовой, конечно, дороже крошек видимого хлеба, ибо питают души живыми примерами добродетелей, увлекают сердце к подражанию. Вот почему от веков древних повелся обычай ревнителей духовной жизни собирать хотя бы и отрывочные сказания о всех подвижниках, о всяком их деле и слове. Так образовались Патерики, Лимонари, Лавсаики и подобные сборники, это сокровище многоценное опыта духовного и жизни христианской.

Жива Христова Церковь и поныне, ибо неложно слово Его: *Аз есмь с вами, верующими, во вся дни до скончания века, и врата адовы не одолеют ей*. Но жизнь духовная есть сокровище сокровенное: в полноте своей оно ведомо единому Богу. Дух христоподражательного смирения не попускает православному делать добро напоказ: это противно душе его. “Не носи своего добра на языке своем, чтобы не склевали его адския птицы”, – вот завет отцев наших, древних подвижников. Оттого и выходит наружу, против воли самих подвижников, очень немного – только то, чего нельзя скрыть, что само собою светится по слову Христову: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша и прославят Отца вашего, Иже на небесех*. Но тем ценнее эти жемчужины духа, тем они светлее, тем достохвальнее православная жизнь, тем паче славится в Церкви Своей вечная Глава ея – Христос Спаситель.

Смиренная добродетель православная (говорю *православная*, а не просто христианская, ибо не всякое христианское исповедание так подчеркивает смирение, как это делает наша православная Церковь) не только сама себя укрывает, но и искренно сама себя *не знает*, почитая самым естественным явлением в духовной жизни то, что она творит. Человек не может жить без дыхания: вот так же подвижник не может не исполнять заповедей Христовых, не понуждать себя к сему деланию, а следовательно: какая же в том заслуга пред Богом? За что хвалить себя? За то, что хоть с трудом, а все же дышешь? Да это – милость Божия, а не твоя заслуга. Но добро имеет свойство согревать не только подвижника, но и всех, кто около него: оно благоухает, и окружающие, имеющие, по выражению митрополита Филарета, очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие сего очищения, не могут сердцем не ощущать сего благоухания. И те, кому дорого это сокровище, кому Бог положит на сердце, иногда не только запоминают, поведают другим, но и письменно передают свои наблюдения на пользу читающим. Иногда эти заметки простых людей отличаются наивностью, но тем они дороже для верующих, дороже умно написанных мемуаров великими мира сего.

У меня в руках тетрадь одного простеца-инока родной моей обители, долго пожившаго в п устыни Святаго Параклита, подчиненной Троицкой Лавре, покинувшего эту пустынь

за святое послушание. В назидание тех, кто не критикует современное монашество, а ищет в среде его того сокровища, которое в наше грешное, гордое время особенно дорого, делаю выписки из рукописи сего инока. Может быть, утилитарист нашего времени не найдет тут ни подвигов просвещения народа, ни особых выдающихся дел милосердия, но я верю, что мой читатель, любящий Церковь и верующий в нее целым сердцем, отдохнет душой и найдет утешительное подтверждение того, что не напрасно существуют наши обители, что в них еще веет дух подвижничества, завещанного преподобными от веков древних.

I

Послушник Стефан

17 февраля 1877 года в пустыни Святого Параклита скончался старичок, рясофорный послушник Стефан. Он всегда занимался молитвою Иисусовой и соблюдал строгое воздержание. По простоте своей не умел он скрывать своего молитвенного настроения, всегда вслух творил молитву Иисусову, даже и тогда, когда занимался рукоделием, так что на нем буквально исполнялось учение святых Отец: “Дело в руках, а молитва в устах”. Послушание его было – делать грабли и топорища, и он настолько был усерден к своему делу, что после его смерти изделий осталось в запасе на много лет. А худощав и легок он был настолько, что живший в то время на кухне послушник Сергей (ныне духовник пустыни, иеромонах Серапион), глубоко чтивший старца Стефана, бывало, возьмет его в охапку и принесет к себе в келью, чтоб напоить чайком. И старец, не имевший своего самовара, бывал этому по-детски рад. Но и за чаем он не оставлял своего духовного делания и повторял: “Эх, брат! Мы вот чаек попиваем, а что нам будет на том свете-то?” Иногда и заплачет при таких размышлениях. Напоминая всем о втором пришествии Господа, он был общим любимцем всей братии.

И скончался он яко един от древних: по напутствовании святыми Таинствами Церкви, с молитвой на устах затихло его дыхание, и дух его возвратился к Богу, а тело предано земле около церкви обители.

II

Рясофорный послушник Георгий

1889 года июля 20 в пустыни Святого Параклита скончался старичок Георгий Родионов. В миру он занимался мелочной торговлей вразноску. В пустынь поступил уже под старость; но ревность ко спасению имел наравне с молодыми. В церкви он был свечником, а в трапезе старшим трапезником. Ко всем службам являлся за полчаса, несмотря на то что в то время утренняя бывала в полночь. Все службы он выстаивал с благоговением, не позволяя себя садиться без времени. Неопустительно совершал он и келейное правило, свою “пятисотницу”. В трапезе он готов был подбежать к каждому и спросить: не нужно ли чего подать? Чаю вовсе не пил; если иногда разрешал себе до обеда съесть ломтик хлеба с квасом, то потом каждому жаловался: “Вот я какой грешник, не дотерпел, не удержался, поел прежде времени”. Так он чуток был к упрекам своей совести. От долгаго стояния у него отекали ноги и открылись раны, из коих сочился гной. Наконец однажды, во

время акафиста преподобному Сергию, к удивлению всех, старец присел: тут все поняли, что приближается конец его жизни. С неделю пользовали его домашними средствами, потом пособоровали, причастили святых Христовых Таин и отправили в больницу Лавры, где он и скончался. Погребен в родной ему пустыни Св. Параклита.

III

Юноша Петр

1899 года мая 4 скончался в лаврской больнице юный послушник Петр. Сей юноша украсил свою жизнь целомудрием Иосифа Прекрасного и послушанием преподобного Досифея. Мальчиком жил он в Петрограде у богатого хозяина. Он был очень красив лицом: когда пришел в возраст, его красота пленила его хозяйку, которая стала его склонять на грех. Страх Божий, страх душевной гибели, страх срама пред людьми сделали то, что он бросил шумный город и убежал в обитель, и сделал это так быстро, что и расчета не взял у хозяина, поручив это сделать своему отцу, который жил тоже в Петрограде. Какими-то судьбами Бог направил его в пустыню Святого Параклита. В то время подвизался там старец схимонах Онуфрий, имевший много учеников. Принятый в обитель, юноша Петр с великим усердием и горячею ревностью пошел к старцу, рассказал ему всю свою жизнь и просил его принять под свое руководство, обещаясь повиноваться во всем. И когда старец согласился, юноша с того же дня предался ему, по выражению святых отцев, как железо ковачу. Скоро его чистая душа усвоила молитву Иисусову. Он стал блюсти строгое воздержание: с утра выходил голодным на послушание, за обедом ел довольно, а за ужином съедал только нижнюю корку хлеба, которую и жевал в продолжение всего ужина, дополняя этот скудный стол тремя ложками щей и несколькими крупинками каши. Жалея его, братия говорили ему, чтоб он кушал больше, но он уклончиво отвечал: “Простите, я насытился и больше не хочу есть”. А иногда скажет: “Простите, у меня грехов много, помолитесь”. Так он подвизался два года. В 1898 году найден был на луговине пустынной умерший странник. Это было в июле месяце. Пустынь Св. Параклита находится в пределах Владимирской губернии, поэтому расследование этого дела должно было производиться не Сергиево-Посадской полицией, а из города Александрова следователем. Прошло тринадцать дней, пока явился следователь. Все это время пустынная братия обязана была стеречь тело умершего день и ночь. Наравне с другими был назначен на это послушание и юноша Петр. С покорностью принял он это послушание, но жуткость лесная, темнота ночная, сырость и холод, безотчетный страх и зловоние от трупа смутили юношу и подействовали вредно на его здоровье. С того времени он стал недомогать, слабость и бледнеть. Настал Великий пост; ему хотелось поститься по-прежнему, старец не давал на то совета, но он, по ревности своей, держал строгий пост и на все предложения братии пожалеть себя отвечал: “Простите, не хочется есть”. На Страстной неделе он совершенно изнемог. Пропели “Христос Воскресе”, разговелись, разговелся и он, с большим трудом проглотив кусочек кулича, но больше уже ничего не мог есть. Его причастили святых Христовых Таин и отправили в лаврскую больницу, там он недели две протянул и скончался. Незадолго до смерти он сказал окружающим: “Отнесите меня на мою койку”. Так некогда преподобный Никон, умирая, говорил: “Отнесите меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего: не хочу здесь более оставаться”.

Скончался Петр на двадцатом году своей жизни. Погребен на братском кладбище в Боголюбовской киновии.

Скончався в мале, исполни лета долга.

IV

Схимонах Стефан

В 1899 году июля 21 дня скончался схимонах Сергиевы Лавры Стефан, в монашестве Савватий. Он происходил из дворовых людей; как только произошло освобождение крестьян, он покинул мир и поступил сначала к “блаженному” Филиппушке в киновию, которая тогда только что устраивалась, потом, как хороший садовник, был взят в Лавру, в братский сад. Хотя он занимал должность старшего садовника, у которого под рукой было немало людей, о. Савватий всегда был сам за работой: всегда можно было его застать с лопатой в руках в полумантии, с четками на шее, в монашеской шапочке. Многим он напоминал в этом виде преподобных Сергия и Серафима, трудившихся вот так же на своих огородах. Каждый день он являлся на братский молебен в 2 часа ночи и бодро выстаивал все продолжительные богослужения. Тайно носил он вериги и власяницу, а за неподобные помыслы наказывал себя, стоя голыми коленями на жестяной терке. Терка и крест от вериг и теперь хранятся у его почитателей. Все эти телесные удручения он продолжал до пострижения в схиму, которую принял в 1896 году с именем Стефана. В схиме он продолжал свои подвиги под руководством духовника, старца иеромонаха Тимолая. Многие не только из братии, но и из богомольцев обращались к нему за советом в разных обстоятельствах жизни. Особенно любил он учить послушанию воле Божией: в ней он видел главное основание для спокойствия души. А если ему кто начинал противоречить в этом самопредании воле Божией, он умолкал, пока обстоятельства не оправдывали его слов. В таких случаях старец говорил: “Вот теперь познал волю-то Божию?” Всем богоугодно живущим, по слову преподобного Иоанна Лествичника (гл. 4, 105), свойствен дух прозорливости: не лишен был сего дарования в некоторой степени и о. Савватий. Еще в 1878 году, когда была война с турками, старец, провидя духом хотящая быти, спрашивает пришедшую к нему на совет послушницу Хотькова монастыря Анисию: “Вот, матушка, я уже стар стал; но что если меня назначат ходить за ранеными солдатами, идти ли мне или отказаться?” – “Нет батюшка, – сказала Анисия, – отказываться нельзя, начальники назначат – надо идти”. – “Так, матушка, верно, подтвердил старец, – надо слушаться начальников”. – Действительно: когда привезли раненых, Анисию назначили ходить за ними. Одна монахиня просила у него благословения ехать в Белев, в гости к знакомой монахине. Он сказал ей: “Пожалуй, в чужом монастыре можно и умереть”. Так и случилось, на пути в Белев она простудилась, заболела тифом и умерла в Белеве. Удручаемый старостию и немощию, он пособоровался и перешел в больницу. К этому времени он раздал все, что было в келлии, и, выходя, гадательно сказал: “Чрез 20 дней за мной придут”. И действительно, ровно чрез 20 дней за ним пришла смерть. За все время пребывания в больнице он причащался св. Христовых Таин чрез день, с полным молитвенным приготовлением. Он был настолько целомудрен, что никогда не мог принудить себя отправить естественную нужду в комнате, где находились св. иконы, так что в самый день его кончины его выводили под руки; никто не видал его обнаженным. Даже белье в болезни переменял сам и только когда уже не в силах был этого сделать,

допустил служителя помочь ему в этом. В болезни своей он не употреблял никаких лекарств, всецело предавая себя надежде на Бога, на Матерь Божию и преподобного Сергия.

За день до смерти старца, его служителю, который спал на соседней койке, приснилось, будто он находится на Смоленском кладбище Лавры, близ могилы, в которой должен был быть погребен старец. И видит он, будто на песке, на месте могилы, лежат спелые ягоды, малина и клубника, за которыми он и потянулся, чтобы набрать их, но земля расступилась могилой и послышался голос: “Это могила святого”. Послушник от страха проснулся и подошел к больному, думая, не умер ли он, но старец лежал и крестился. В последний раз он причастился 20 июля, а на другой день утром пришел к нему духовник, иеромонах Тимолай, и видя его слабость, предложил ему опять причаститься св. Таин. Но старец вспомнил, что вчера с вечера не выслушал правила, ответил: “Благодарю Господа Бога, вчера я сподобился св. причащения, а если Богу угодно будет, то завтра причащусь”. Духовник ушел, а немного спустя приехали из Москвы монахини посоветоваться с о. Стефаном и проститься, но он уже не принял и чрез служителя сказал: “Обо всем говорено раньше, а теперь уже поздно”. После сего служитель занялся уборкой палаты; прошло с полчаса и он заметил, что о. Стефан перестал креститься и мух уже не отгоняет. Подошел, окликнул, ответа нет, взял за пульс: жизнь уже кончилась. Согласно его завещанию, тотчас дали знать тем, кто пользовался его расположением и советами: они пришли и стали готовить его к погребению. Скончался он на 73-м году от роду. Ученики и почитатели его поставили на его могиле памятник.

V

Монах Пимен

(Многобольной)

29 сентября 1899 года в больнице Сергиевы Лавры скончался монах пустыни Святого Параклита Пимен, страдавший от костоеды много лет, с ранней юности.

Тимофей Чугунов – так звали его в миру, – занимался в Туле сапожным мастерством. Когда он удостоверился, что болезнь его неизлечима, то прикончил хозяйство и пошел в монастырь ради спасения души своей. Это было в 1882 году. Поступил он в пустынь Святого Параклита и проходил послушание в сапожной мастерской. А так как он обладал приятным голосом, мог петь и прекрасно читал, то его поставили канонархом; это послушание он и исполнял до последнего ослабления сил болезнью. Костоед на правой ноге выше колена наделал много ран до самого бедра: раны всегда гноились и причиняли ему нестерпимую боль. Надо было каждый день промывать их и делать перевязку. Какого терпения стоило все это, особенно когда приходилось отдирать от ран присохшие бинты! Но и при таком страдании не оставлял он храма Божия и канонаршества. За такое усердие и ревность к благочестию в 1895 году постригли его в мантию и назвали его Пименом, да будет не только в страдании сообразен киево-печерскому Многобольному Пимену, но и именем тезоименит ему.

Особенно хорошо, проникновенно читал он каноны; он настолько углублялся в них, что даже забывал о болезни и нередко плакал от духовного умиления. В последний год его жизни на Страстной седмице нога его так разболелась от продолжительных служб, что он

иногда зубами закрипит, а из храма Божия не уйдет, мужественно выстаивая все службы наравне с прочей братией. Особенно трудно пришлось ему в Великую Субботу: не зная, чем заглушить свою боль, он взялся читать на литургии паремии, коих насчитывается до 15-ти. Читал их с особенным одушевлением, стоя на одной ноге. После Пасхи болезнь стала усиливаться все больше и больше, и он принужден был отправиться в Москву. Там в больницах сделали ему две мучительных операции: вынули отделявшиеся небольшие косточки. Но эти операции не улучшили его здоровья, а потому он решил отправиться в лаврскую больницу, чтобы там умереть. Во время пребывания своего в городских больницах и вообще во время всей болезни не оставлял он своего монашеского правила: каноны, акафисты, молитвы вычитывал сполна, сидя или лежа; удивляться надо было его терпению: он никогда ни на кого не пропал, но только повторял одно и то же: “Видно на все воля Божия”.

Много горя видел он от этой болезни, много слез пролил, много раз обращался к врачам, прибегал и к Врачу Небесному, бывал в святых местах, у чудотворных икон, источников, просил угодников Божиих, но – исцеления не получал. Какую же тут надо было иметь веру, какое непоколебимое упование на Промысл Божий и преданность в Его волю! Воистину твердая души было делание сие! Оправдались на нем слова Священного Писания: *верен же Бог, Иже не оставит вас искустися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возможи вам понести* (1 Кор. 10, 13). Преподан был избыток благодати сему рабу Божию, терпеливому страдальцу, и, укрепляемый ею, он все претерпел до конца.

Видя свое крайнее истощение, он особоровался и, часто причащаясь св. Христовых Таин, в мирном духе ожидал последнего дня своей жизни. Накануне своей смерти он собственноручно написал письмо своему старцу о. Серапиону, прося его поскорее прийти из пустыни, чтобы проститься с ним и благословить его. Но, не дождавшись старца, утром 29 сентября, по принятии св. Таин, радуясь духом, отошел ко Господу. Прибыли пустынножители и после отпевания похоронили его на братском кладбище Боголюбовой киновии.

VI

Послушник Павлуша

12 февраля 1906 года в пустыни Святого Параклита скончался рясофорный послушник Павел сапожник, которого за простоту нрава прозвали Павлушей. В обитель поступил он в 1893 году и с первых же дней начал подвизаться под руководством старца схимонаха Онуфрия. Охотно проходил он подвиг безответного послушания, смирения и терпения, а так как все добродетели пребывают в союзе между собою, то и Павлуша постепенно стал присоединять подвиг к подвигу: пищу употреблял он только в трапезе, притом всегда с тайной молитвой Иисусовой, а иногда и со слезами, осуждая себя, якобы он недостойн сего вкушения; за ужином ел очень мало, чаю вовсе не пил, на молитве простаивал все службы, не опуская и келейного правила, спал сидя, так что от стояния на молитве и сидячего сна ноги опухли и стали как бревна. Когда узнал об этом старец, то запретил ему спать сидя, и он стал ложиться в подрыснике на голых досках. Однажды он заснул при зажженной сальной свече, сидя за книгой; свеча догорела, на подсвечнике загорелись спички, огонь добрался до книги и листов пять уже попортил, когда отец Павел

проснулся, заслышав, что на голове у него трещат волосы. В другой раз, поспешив к утрени, он забыл загасить свечу и ушел в церковь. Сальная свеча также догорела, растопилась, сало вылилось на скатерть, которая и загорелась. Промыслом Божиим, к счастью всей пустыни, один брат, живший на конном дворе, проспал и, спеша к утрени, заметил в келлии Павлуши огонь. Он поднял тревогу, и огонь скоро погасили. Испуганный Павлуша вообразил, что отец игумен немедленно выгонит его из обители и после утрени бросился к нему просить прощения. На коленях он умолял его ради Бога простить: “Что хочешь со мной делай, только не выгоняй из монастыря!” Игумен был тронут таким его смирением и любовью к обители, поставил его на поклоны в трапезе на неделю и келью дал на время на конном дворе. После сего брат Павел стал еще больше смиряться: носил одежду самую худую и грязную, старался быть небрезгливым, часто назначали его прислуживать престарелым больным и умирающим. Однажды братия вошла в келью больного старца, смотрят – Павлуша кормит его из своих рук, крошки хлеба падают изо рта больного на его грязную рубашку и на пол, а Павлуша бережно подбирает их и кладет себе в рот... Это напомнило, как один египетский пустынный кормил прокаженного, у которого сгнили уста.

Дар слез у Павлуши был необыкновенный. Известно, что от постоянного углубления в себя, от самоукорения и смирения, а также от постоянного памятования своих грехов и смертного часа рождаются источники слез. И вот, бывало, стоит он в церкви и хлюпает от плача; а во время говения подходил к св. Причастию всегда с великим благоговением, с закрытыми глазами, из-под век коих катились крупные капли слез. Сам старец его, о. Онуфрий, удивлялся его настроению и в назидание другим говорил: “Удивляюсь я на о. Павла: приходит он иногда с маловажными погрешностями и, открывая их, часто проливает слезы ручьями; откуда только оне у него берутся?”

В жизни духовной обычно, что людям, избравшим путь произвольного смирения, приходится терпеть унижение, приводящее к смирению, и невольное. Бывало приближается праздник Рождества Христова, Пасха, Троицын день, братии готовятся утешения: кому рясочка, кому рясофор, кому пострижение в мантию, а Павлуше все ничего. Хотя и дали ему рясофор за два года до смерти, но и то неожиданно, можно сказать был он утешен Божиим Промыслом. О. игумен, по обыкновению, получил благословение от о. наместника Лавры дать рясофор пятерым; Павлуши в числе их не было. Но один послушник, по убеждению своей совести, отказался от рясофора и просил о. игумена постричь в рясофор Павлушу. О. игумен внял смиренной просьбе послушника и одел в рясофор Павлушу. А в пустыни это считается великим утешением. С этого времени братия стали звать его уже не Павлушей, а отцом Павлом.

За год до смерти постигло и сего смиренного раба Божия искушение во испытание крепости его духа и произволения. Раз он сделал что-то самочинно, без ведома настоятеля, в рухольной, о. игумен отнесся к нему строго и властно и дал ему почувствовать, что в таких самочинниках обитель не нуждается. Смутился бедный о. Павел, пошатнулось его терпение, и сложился он с мыслию бежать в Киновию Боголюбовскую. Но Бог не попускает искушений выше сил наших: за молитвы старца и по увещанию его он все же остался в пустыни. Надо удивляться, как враг сильно воюет против подвижающихся в монашестве: раньше Павлуша просил и молил о. игумена: “Что хочешь со мной делай, только не гони из обители”; а тут от одного строгого выговора начальника смутился было и хотел бежать. И убежал бы, если бы не уговорил его старец. Но это было уже предсмертное искушение для смиренного подвижника, ибо и св. отцы свидетельствуют,

что когда диавол заметит, что жизнь человека приближается к концу, тогда сильнее нападает на подвижника и наводит ему искушения. Действительно, скоро о. Павел почувствовал упадок сил, у него открылась чахотка. Несмотря на это, он не оставлял церковных служб: бывало, едва переступает ногами, а все-таки бредет к началу службы. А когда совсем ослабел, то братия, из любви к нему, привозили его, едва дышащего, в церковь на саночках. Так, изнемогая, он как свеча догорал и близился к кончине. В последний день пребывания на земле он пожелал еще раз соединиться со Христом в Таинстве св. причащения, после чего погрузился в тайную молитву, ушел весь в себя. Заметив это, братия удалились, чтобы оставить его наедине. Прошло несколько минут, вошел к нему прислуживавший ему брат с молитвой, но обычного ответа на молитву не последовало. Смотрит брат, о. Павел как сидел на койке, на голых досках, так и сидит, привалившись к подушке. На коленях у него Псалтирь, раскрытая на 17-й кафисме (псалом 118-й), в руках четки. Брат стал прислушиваться: дыхания не было слышно. В испуге брат воскликнул: “Отец Павел, да ты умер?!” – “Да”, – послышалось тихо из уст отходящего к Богу раба Божия. С этим словом выпали у него из рук четки и все члены опустились...

В девятый день по кончине святая Церковь совершает поминовение всякого новопреставленного в напоминание о том, что в этот день душа сподобляется, по верованию церковному, видеть райские селения и блаженство святых. И душа о. Павла не могла не поделиться этою радостью с отцом своим духовным; он явился во сне старцу и сказал: “Иди к нам, батюшка, у нас очень хорошо”...

Скончался на 35 году жизни.

VII

Монах Израиль

30 января 1907 года в Гефсиманском скиту скончался старичок монах Израиль. В миру звали его Иван Никитич. Прожил в скиту 33 года, из коих 20 лет был водильщиком по пещерам. Особенно он отличался простотою, незлобием и любовью к храму Божию. Придет, бывало, в церковь за час до службы, лишь бы церковь была отперта, обойдет весь храм, прикладываясь ко всем иконам с земными поклонами, долго поминает на проскомидии близких ему людей о здравии и за упокой, так что иные роптали на него, не перенося его неопрятности. За неделю до кончины заболел, а в самый день смерти утром исповедался, причастился св. Христовых Таин, в полдень пособоровался, а в четыре часа по полудни скончался. Минут за десять до смерти говорит послушнику, который прислуживал ему: “Брат Иван, что это: крестный ход что ли пришел или именинник кто?” Послушник говорит: “Прости, батюшка, крестного хода никакого нет”. – “Как нет, – возразил умирающий старец, – а вот вокруг моей койки-то все в белых ризах стоят”... И эти слова были последние. Можно думать, что вслед за белоризцами пошла и душа его...

VIII

Рясофорный монах Никодим

Многоразличны пути Божии, коими Господь зовет людей на путь спасения. Одного влечет Он духовными утешениями, другому указывает путь к монашеству скорбями и

треволнениями моря житейского.

30 мая 1908 года скончался в пустыни Святого Параклита рясофорный монах Никодим. В миру звали его Николай Мирошников; он имел консервную фабрику в Тобольске. За хорошее производство рыбных консервов он получил три медали. Дело шло хорошо; по обычаю, он отпускал свой товар в кредит, должники честно платили долги. Но вот однажды три сильных компаньона забрали у него товару на несколько тысяч, а платить отказались. Дело было подорвано. Пришлось закрыть фабрику. Мирошников увидел в этом указание, что пора бросить земные заботы и подумать о спасении души. Он решил с должниками не судиться. Родным, конечно, такое решение было не по душе: особенно журила его жена-старуха. Тогда он, желая узнать волю Божию, стал усердно молиться, чтобы Господь указал ему, куда идти. Случайно, а лучше сказать, Промыслом Божиим, попало ему в руки Житие Преподобного Сергия; с жадностью прочитал он его не один раз и почувствовал непреодолимое влечение ехать к Преподобному и там поступить в монастырь.

Немедля он стал заканчивать все свои мирские дела, обеспечил старуху-жену и, устроив все так, чтоб его больше не беспокоили житейскими заботами, отправился к угоднику Божию Сергию. На пути его ждала нечаянная встреча с одним из крупных должников. Должник падает ему в ноги, просит прощения, сознавая свою вину. Старец великодушно простил его и в знак благословения перекрестил его и поцеловал.

Благополучно прибыл он в Сергиеву Лавру и явился к наместнику архимандриту Товии. Выслушав все обстоятельства старого человека, о. наместник послал его в пустынь Святого Параклита с письмом к игумену, чтобы тот принял его. Увидев пустынь, старец несказанно возрадовался духом; он припал к ногам о. игумена, рассказал ему в простоте сердца всю свою историю и просил принять его в число братии. Уже не о подвигах говорил он, не о трудах, а просто просил упокоить его старость. Ему было уже 75 лет. О. игумен принял, поставив ему некоторые условия соответственно его старости. К удивлению всех, Мирошников показал, что хотя он и стар летами, но юн усердием. Ему дано было послушание в трапезе служить братии, что и исполнял он с великим усердием. Иногда, по старости, проходя по трапезе, он шатался, как трость ветром колеблемая, а все же не хотел оставлять своего послушания. Он был очень прост, нелицемерен, всем воздавал должную честь. Церковь и богослужение так любил, что когда по немощи не приходилось быть в церкви, то плакал как ребенок. Братия, как умели, утешали его и иногда водили к богослужению под руки.

Пострижение его в рясофор совершилось как-то неожиданно, Промыслом Божиим. В Великую Пятницу на вечерне о. игумену пришла мысль постричь Николая. Он не внял ей. Мысль снова приходит с большей настойчивостью. Наконец и в третий раз тоже. После службы о. игумен призвал Николая и говорит: “Я хочу тебя постричь в монахи”. Старец так обрадовался, что упал в ноги игумену и залился слезами. Только молчание и эти слезы были его ответом на предложение. О. игумен был тронут таким смирением Николая и приказал все приготовить на утро к пострижению. На другой день, в Великую Субботу пред литургией совершилось пострижение, и Николай был назван именем Никодима, имя которого часто упоминается в стихирах и канонах в эти святые дни.

Когда старец настолько ослабел, что не мог уже ходить даже по келье и братия перестала возить его в церковь, то, бывало, как только слышит звон колокола, начинал плакать и с этими слезами, лежа на постели, читывал акафисты Спасителю, Божией Матери, святителю Николаю, преподобному Сергию и другим святым угодникам Божиим.

Никогда ни на что он не жаловался, питался обычною братскою пищею, а перед кончиной за несколько дней не вкушал ничего, а только причащался св. Таин. За сутки до кончины вошел к нему в келью служивший ему брат и видит, что старец находится в каком-то возбужденном состоянии. Послушник спрашивает его: “Отец Никодим, что с тобой?” – А он резким тоном отвечает ему: “Разве ты не видишь? Вон они!” – и показал рукою в угол к потолку. Послушник говорит: “Батюшка, перекрестись: здесь никого нет”. Старец же, снова показывая пальцем, возразил: “А вон – это кто?” Брат убоился и дабы успокоить себя и старца, предложил ему помолиться с ним вместе и начал читать акафист Сладчайшему Иисусу. Старец успокоился. Утром 30 мая, после литургии, еще раз сподобился он принять св. Таины и вскоре начал показывать в два угла кельи со словами: “Вон – они, вон – они! Но теперь я их не боюсь”. В два часа по полуночи он мирно предал дух свой Богу.

Св. Иоанн Лествичник говорит: “Не должно осуждать отрекающихся мира по некоторым обстоятельствам, ибо невольные отречения некоторых бывают тверже и основательнее тех, кои учинены были с намерением и по произволению”. Так и сей старец, при старческой дряхлости и неудачах в хозяйстве, оставил мир и пришел в монастырь. Но и он получил награду свою с пришедшими хотя во единодесятый час.

IX

Иеромонах Венедикт

13 августа скончался в пустыне Святого Параклита иеромонах Венедикт. В мире именовался Василий Сахаров, сын священника Тамбовской губернии. По окончании курса в духовной семинарии он сначала поступил в учителя, но потом соблазнился светской жизнью, перешел в Москву и там дошел до нищеты. Безвыходное положение напомнило ему евангельскую притчу о блудном сыне, в его совести прозвучал голос: *колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю: востав иду к Отцу моему небесному* (Лк. 15, 17), и он решил поступить в монастырь. В Лавре ему указали пустынь Святого Параклита, как место удобное для спасения, и он пошел туда пешком, не имея ни гроша в кармане. На пути к Гефсиманскому скиту какой-то добрый человек подал ему серебряный рубль, и это благодеяние так его тронуло, что он всю жизнь потом молитвенно поминал благодетеля. Принятый в пустынь, он с усердием проходил все послушания, был канонархом и, наконец, был удостоен священнаго сана. Прожил там 20 лет; под старость Господь посетил его болезнями: ноги и живот опухли, появилась на ногах слоновая кожа; в гололедицу раз упал на правую руку и вывихнул кисть, которая срослась неправильно, покривился спинной хребет, и стал он уродом... Но чреды священнослужения не оставлял до последнего изнеможения. Года за два до смерти его разбил паралич, так что в церковь его возили на саночках. Каждую седмицу причащался он святых Таин, раза два соборовался, наконец, совсем слег в постель, но ум его был чист и речь ясная. Приставили к нему монаха Дорофея для услужения. В первых числах августа Дорофей приносит ему пищу, а он говорит: “Отец Дорофей, подними меня, мне самому не стать, да поди за духовником: причастить бы меня”. Его причастили и, по его желанию, прочитали ему отходную. Простившись потом с братией, он слабым голосом сказал: “Пришел конец моей временной жизни и мне уже не встать”. Это были его последние слова: язык отнялся, и в таком положении он был восемь дней. Все время лежал с

закрытыми глазами и правою рукою благословлял подходивших к нему, узнавая их. 13 августа он мирно отошел к Отцу небесному, к Которому стремилась душа в самом начале иноческого подвига.

Поведал о себе монах Дорофей: “Признаюсь, что я имел некое осудительное сомнение о жительстве старца о. Венедикта; когда же во время отпевания подошел, поклонился гробу до земли и мысленно просил у почившаго прощения, а затем с чувством любви к нему и осуждения себя поцеловал его клобук и руку, то ту же минуту почувствовал облегчение на душе и успокоение в совести. И припомнилось мне, что старец никогда не роптал на свои болезни, никого не обвинял, но за все благодарил Бога, считая и болезни свои за милости Божии. Со слезами говаривал он: “Слава Богу за все, по грехам моим этого еще мало. Когда я был в миру, то хаживал на совет нечестивых, бывал на путях грешных, сиживал и на седалищах губителей”...

И почувствовалось мне, что человек и по смерти может, по изволению Божию, неким таинственным образом входить в общение с живущими на земле”.

Так заключил свой рассказ о. Дорофей. Старец Венедикт скончался на 63-м году жизни.

Х

Иеромонах Иннокентий

4 декабря 1912 года в лаврской больнице скончался иеромонах пустыни Святого Параклита Иннокентий. В пустынку он убежал от городского соблазна и от ухаживания за ним женского пола. Лет тридцать он был уставщиком в пустыни. На нем, Божиим попущением, исполнились слова Господа: *не судите, да не судимы будете*, и другое мудрое изречение: *за что осудишь ближняго, за то и сам осужден будешь*. Не раз он осуждал слабых собратий: однажды, на пути в Лавру, он встретил охмелевшего монаха и подумал про себя: “Вишь – нарезался, да разве можно монаху так напиваться? Ведь этим люди соблазняются и монашество посрамляется”. Ему и в голову не пришло, что он тяжело согрешил, и он остался спокойным в своей совести. Но вот, Божиим попущением и вражеским искушением, он сам стал увлекаться пьянственной страстью. Постепенно она обратилась у него в запой. и много раз приходилось ему самому пьяненьким возвращаться домой из Лавры или Киновии по той дорожке, на которой он встретил пьяненького монаха и осудил... По два, по три дня иногда он скрывался в Киновии или в Лавре; возвратившись же домой в пустынь, горько оплакивал свое падение, затворялся в келье, по несколько дней наказывал себя тем, что сидел на квасе и хлебе, и, когда оправившись, приходил в церковь, то у всех просил прощения. Тогда-то познал он свой грех, грех осуждения ближняго, и горько раскаивался в нем. За то своим страданием от болезни запоя стяжал он великую добродетель неосуждения, которая у св. отцев именуется *Без труда спасением*. Зная это, некоторые братия иногда начинали в его присутствии разговор осудительный о ком-нибудь, чтобы испытать: как он отнесется к сему? Но он благоразумно уклонялся, выставляя на вид свою страсть. Только, бывало, и услышишь: “На то есть начальство, оно лучше нас знает. Я сам неисправен”. Недели за две до смерти он ушел в лаврскую больницу, пособоровался, через день причащался св. Таин. Утром в день смерти, я зашел к нему пред ранней литургией; он сидел на постели и, по-видимому, читал на память последование ко св. причащению. Я положил ему на плечо руку и беседовал с ним. Под рукой я чувствовал, что, казалось, можно было пересчитать его

косточки: так он иссох от болезни. Спросил я о молитве Иисусовой, зная, что он был делателем сего священного упражнения: “Как ти, отче, молитва Иисусова?” Он, показывая на свое чело, сказал: “Умом только”. В утешение я сказал ему: “И за это, батюшка, Бога благодарите, а когда еще ослабеете, то имейте только память Божию и довольно с вас”. После ранней обедни причастили его св. Таин; тут пришли его друзья проститься с ним и предложили ему прочитать отходную. Он согласился и внимательно слушал. Потом попросил поднять его с койки и посадить в кресло. Он посидел немного, с особенной приятностью взглянул в последний раз на св. Лавру (через окно), улыбнулся и стал кончаться. И так мирно, в начале поздней обедни он предал дух свой Богу. Пустынная братия взяла тело его для отпевания и погребения в родную ему обитель Святаго Параклита. На нем повторилось сказание Пролога под 30 марта. Когда он был еще здоров, один брат, видя его выпившим, спросил его: “Отче, ужели вы не боитесь внезапной смерти? Ведь в таком состоянии можно умереть”. Он ответил: “Ах, брат, боюсь и молюсь Господу Богу, чтобы избавил сего: ведь Он может в один миг исправить меня, может и наказать. Прошу постоянно великомученицу Варвару, да избавит меня от внезапной смерти”. И он умер в день святой великомученицы Варвары...

В ночь 39-го дня после его смерти один брат пустыни видел во сне о. Иннокентия как бы живаго. “Как вам?” – спросил его брат. Он ответил довольно ясно: “Ничего, хорошо за молитвы Церкви. Трудно было проходить мытарства, да ведь и всем так придется. Там, как на суде, за каждый рубль, за каждого таракана раздавленного спрашивают”. – “А где же вы теперь? Вместе с братией?” “Нет, – говорит, – нас человек пять”...

После его смерти, при разборе его келейных пожитков, между книг нашлось много листков и записочек, им самим писанных. Тут были разные молитвы и воззвания к Богу в чувстве покаяния, смирения и самоукорения. Из этого можно видеть, в каком настроении духа он находился, борясь со своею страстию...

XI

Два друга воина

Полковник и фельдфебель вместе служили Царю земному, вместе защищали Отечество во дни Севастопольской осады, вместе послужили и Царю Небесному в монашеском жителстве в пустыни Святаго Параклита. Полковник Николай Иванович Степанов на царской службе учил воинов страху Божию, воодушевлял упованием на Бога, особенно советовал им изучать на память псалом 90-й.

По окончании службы фельдфебель Петр Павлов получил пенсию и поступил в послушники в пустынь Святаго Параклита, а полковник получил место смотрителя детского приюта в Москве. Часто навещал полковник своего друга-пустынника и наконец сам переселился туда же. Прежде всех приходил он в церковь и выходил после всех; нередко лицо его орошалось слезами во время молитвы. Из получаемой им пенсии (91 руб. 40 коп. в месяц) он 40 р. отдавал игумену, а остальные немедля же раздавал кому приходилось: “Очень хорошо жить без денег, – говаривал он благодушно, – с деньгами трудно управляться с собой”. Плохую келью, данную ему вначале, он не хотел переменить на лучшую, которую предлагал ему игумен. Спал в гробе, в котором и был погребен. Он так полюбил обитель, что называл ее не иначе, как “земным раем”, а братий называл ангелами. И зиму и лето ходил он без теплой одежды: в будни в подряснике, а в праздники

в мундире, надевая в торжественные дни и знаки отличия. Замечательно, что когда в церкви читали “Помилуй мя, Боже”, он стоял с особым умилением, а иногда и на коленях. Спросили его: почему псалом 50-й его так трогает? Он отвечал: “Когда я был еще отроком, у нас в доме случился пожар, меня разбудили, и я, вскочив с постели, бросился на колени и стал читать этот псалом. Об этом после мне говорили родители, вот этот случай мне и вспоминается при чтении псалма 50-го”. К концу жизни у него усилилась одышка, он стал изнемогать. Часто причащался святых Таин, но собороваться не решался. Но вот в ночь перед самою смертью он призывает духовника и иеродиакона и просит их пособоровать. “Лежу я, – говорил он, – с закрытыми глазами, потом открываю и вижу пред собою собор Пресвятыя Богородицы со множеством святых, а справа – преподобный Сергей. Подумал я, что это – галлюцинация, и закрыл глаза. Чрез несколько времени опять открываю и вижу то же самое. Так делал несколько раз. Думаю, значит мне надо пособороваться и послал за вами. Тогда и видение кончилось”. Во время утрени его пособоровали, а после литургии причастили. Он со всеми простился и, сказав: “Слава Богу за все!”, – тихо предал Богу свою душу. Это было 3 июля 1909 года, на 76-м году жизни почившего. Положили его в том гробе, в котором он спал, и на могиле поставили крест, им же самим сделанный с простою надписью: “Послушник Николай”.

Остался теперь один старец фельдфебель Петр Павлович, уже почти потерявший зрение. Усердно посещал он храм Божий, да и возвратившись из храма не спешил отдыхать по немощи старческой, а долго, бывало, стоит у аналоя, исполняя свое келейное правило, которое выучил наизусть. Видя его усердие к делу спасения, о. игумен тайно постриг его в мантию с именем Павла. И вырыл о. Павел себе могилу на кладбище в пол аршина глубины и каждый день ходил к ней размышлять о смерти. Умилительно было видеть убеленного сединами старца, который с обнаженной головой, опершись на палочку, стоит над могилой и покачивает головой... На два года пережил он своего полковника, каждый день приготовляясь к смерти. В последний день жизни он так ослабел, что его сочли умершим, стали опрашивать тело его, но когда повернули, старец открыл глаза, отдышался и сказал: “Ах, я ныне кажется еще не причащался: позовите, пожалуйста, духовника”. Духовник пришел, причастил его, и он тут же скончался на 85-м году жизни. Особую любовь имел он к священным изображениям: найдет брошенную кем-либо картиночку с таким изображением, приберет или сожжет, только бы лики святых не были попираемы ногами. Похоронили его в той могиле, которую начал он сам себе готовить...

XII

Мир иноков – иной мир

Кто не поскучал прочитав эти “Страницы из современного Патерика”, как назвал я рукопись инока, до конца, тот, думаю, согласится со мною, что мир иноков, мир монастырский – иной мир в сравнении с миром внешним, житейским. Присмотритесь только и вдумайтесь: как мирно, спокойно, будто домой, к Отцу Небесному готовятся к смерти и старцы, и юноши в святой обители! Я привел только несколько выдержек из рукописи; можно было бы и еще привести, но опасаясь утомить читателя некоторым однообразием рассказов. Вот, например, заболел молодой монах пустыни Параклита Памфил черной оспой; он уже знает, что не встать ему от болезни, приготовился к смерти

святыми Таинствами причащения и елеосвящения, а его настроение вовсе не похоже на умирающего: “Слава Богу, – твердит он, – очень хорошо поболеть-то!” Его постригают в мантию, он даже не может смотреть в книгу, ибо глаза его закрыты сплошными струпьями оспы; он повторяет обеты за своим евангельским отцом, но душою он ликует. Его спрашивают на другой день пострижения: “Как себя чувствуешь, отец Памфил? – Очень, батюшка, хорошо, очень радостно, весело, все бы так быть – и умереть не страшно”. Иноки, добре пожившие в обители своей, не боятся смерти: они сами готовят себе все потребное к погребению, некоторые, с благословения старца или отца духовного, готовят себе и гроб, а иногда, как выше сказано, и могилу. Я знал старца, который обычно имел у себя в келье гроб для себя, но когда кто-либо из его друзей умирал раньше его, то он отдавал покойнику свой гроб, а себе готовил новый.

Прошу иметь в виду, что я беру выписки из рукописи, повествующей преимущественно об иноках пустыни Святого Параклита: это потому, что автор много лет жил в сей пустыни. Но это вовсе не значит, что и в других обителях нет тех же поучительных проявлений духовной жизни, какая отмечает автор. Есть они, знаю по родной мне Лавре преподобного Сергия, есть и в других обителях на святой Руси; только сами иноки, как я уже сказал, стараются сокрыть их в своем смирении, а их собратия, которые, по примеру моего автора, могли бы записать, не делают этого отчасти потому, что подобныя явления не считают чем-то сверхъестественным, заслуживающим записи, запротоколивания; отчасти по своему малограмотству, отчасти же – и сие скажу прежде всего о себе самом – по лености и некоторому нерадению. Услышишь рассказ о собрате, в Бозе почившем, иногда до слез умилишься, а записать его – да все недосужно, а там и забудешь... Впрочем, кое-что мои читатели найдут в “Душеполезном Чтении” прошлых годов и отчасти в моих же дневниках также за минувшие годы, а также в моей книжке: “Чем жива русская православная душа?”

Ныне стараются всю жизнедеятельность православного христианина свести, по примеру инославных христиан, к внешнему доброделанию, да притом еще так, чтоб это доброделание было видно другим, чтобы другие могли оценить его. А о внутреннем делании стараются забыть, как будто его вовсе нет. Но Господь сказал: *царствие Божие внутри вас есть* и берется оно с усилием. И есть великая наука, наука из наук – внутренний подвиг, миру незримый и потому миром не ценимый. И если теперь интересуются люди умные какими-нибудь йогой Индии, говорят и пишут о “сверхсознании” и “подсознании”, то как бы не заинтересоваться им своим родным “искусством из искусств” – подвигом внутреннего очищения от страстей при помощи Божией благодати? Хотя бы задумались над тем: почему это такие старцы, как Макарий и Амвросий и прочие подвижники Оптиные, привлекали к себе сердца многих тысяч людей? Как это они зажигали в сердцах и веру, и надежду на Бога, и иногда творили прямо чудеса духовного обновления человека? В чем их сила? Да вот именно в деятельном прохождении великой науки духовного самоочищения, а это, как некое благоухание духовное, привлекало и доселе привлекает верующия души, ищущия спасения. Смотрите: и в пустынь Параклита, почти безвестную по газетам, идут искать душевного мира и спасения, идут не только ищущие уединения, решившиеся быть монахами, но и миряне, вроде полковника Степанова, и обретают то, что ищут. Церковь Божия живет, Дух Божий управляет сердцами, дело Христово совершается на земле, слово Христово исполняется: *всяк ищай обретает и толкующему отверзаются двери царствия Божия*.

Для нас, живущих среди мира, волнуемого напастей бурей, особенно дорого знать и верить, что наша святая Православная Церковь имеет постоянное свидетельство пребывания в ней Духа Божия, что мы на корабле, ведомом Великим Кормчим, тогда как вне нашей Церкви лишены этой крепкой веры и упования. То же утешительное свидетельство истины наших православных упований имеем мы и в непрестающих в нашей Церкви чудесах Божиих, совершаемых у святынь нашей Церкви: святых мощей угодников Божиих и у чудотворных икон, особенно икон нашей небесной Заступницы рода христианского, Матери Божией.

Лишь бы мы были верны заветам Церкви, а Церковь устроит наше спасение во славу своего Божественного Основателя и Главы, Господа нашего Иисуса Христа. И не только вечное спасение, но и земное наше странствование благословит, и мир умирит, и во всем благопоспешит яже ко благу и спасению нашему. Буди, буди!

Я кончил свои “Странички из современного патерика”, когда нашел в своих бумагах подлинное письмо незабвенного мудреца-святителя Московского, митрополита Филарета к некоему “Превосходительству” (к сожалению, не видно – к кому) следующего содержания:

“Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

О рукописи, мне сообщенной, желал бы я лично и обстоятельно сообщить вам мои мысли, но, не находя вскоре времени, возвращаю оную при сем.

Убедительно прошу первую статью о ските и его жителях не подвергать гласности напечатания.

Мирские люди боятся обнаружения пороков: монахи гораздо больше боятся похвалы их добродетелям, и разглашение их подвигов может заставить их бежать от места, где сие случилось бы. Сочинитель, надеюсь, не захочет гнать из спокойного места невинных людей.

Кроме сего, есть в статье то, чего не одобрит обыкновенная цензура. При случае объясню обстоятельнее.

Призывая благословение Божие, с истинным почтением и преданностью пребываю Вашего Превосходительства покорнейший слуга Филарет, Митрополит Московский.

Мая 2, 1848”.

Вот, между прочим, причина, объясняющая ту скудость сведений относительно современного подвижничества у нас на Руси, о коей я упомянул выше. Не в духе монаха говорить о своих добродетелях – это противно его душе, это страшно вредит его духовному преуспеянию, и он готов скрыться от самого себя, только бы не уведала шуйца его, что творит десница его. И эту “сопрятанность”, эту сокровенность чтут и берегут все, кто около подвижника, не выносят наружу его подвигов, пока Господь не позовет его в горний мир. Но до того времени, как я говорил уже, многое и забывается, и приходится по крохам собирать оставшиеся крупички его подвигов, как плод его духовной сокровенной жизни. А в полноте своей она ведома только Богу...

Радость сеятеля

Слава Богу, доброе слово – что доброе семя: когда падает на добрую почву, то приносит и добрый плод. И этот плод радует сердце сеятеля. Но ведь сеет человек, а возращивает Бог, а потому сеятель и должен все приписывать Богу и благодарить Его, что не отверг его малаго труда.

Приглашал я своих читателей вместо табаку и разных безделушек посылать нашим христоролюбивым воинам книжки духовного содержания, начиная с свята-го Евангелия и кончая разными брошюрками и листками духовного содержания. И спасибо добрым людям: откликнулись и доселе откликаются на мое приглашение. Один добрый человек уже два раза присылал по тысяче рублей – пред праздниками Рождества Христова и Святой Пасхи; особенно меня тронуло пожертвование учеников духовного училища, собравших из своих грошей, даваемых им родителями на булку, несколько десятков рублей и приславших в редакцию “Троицкого Слова” на “красное яичко” воинам в виде “Троицких листков” и книжек. Теперь получил я 86 руб. 20 кои. при таком письме: “Покорнейше просим редакцию “Троицких Листков” собранные нашим причтом деньги 75 р. 70 к., во время двухдневного крестного хода по селу и с молебнами, непрерывно по 18 часов в день, употребить на духовную пищу слова Божия нашим милым воинам – чудо-богатырям, находящимся в окопах; и еще примите нашу трудовую жертву собранную нами, попечителями по селу, 10 руб. 50 коп. на это святое дело. Это считаем мы дороже табаку, папирос и разных безделушек. О получении сих денег просим нас уведомить... Церковные попечители села Удельной Маяти, Никол. Уезда, Самарской губ. – Евлампий Тихонов Фадеев и Виктор Степанов Каштанов, а за них неграмотных, по их личной просьбе, и за себя расписался Василий Т. Пахомов”.

Спасибо вам, православные, за вашу любовь, за то, что знаете: в чем больше всего нуждается православная русская душа, что укрепляет дух нашего воина христоролюбивого, и питаете его тем, что ценит он дороже всего...

Церковный предания и митрополит Филарет об успении Богоматери

I

Из всех праздников в честь Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы праздник Ея славного Успения есть наиболее торжественный; в Ея успении открылась неизреченная слава Ея как Матери Жизнодавца и в преславном преставлении Ея на небо Она возвеличена превыше Херувимов и Серафимов. Вот почему святая Церковь почитает благопотребным приготовить чад своих к достойному празднованию сего события особым двухнедельным постом, а в дивных высокохудожественных песнопениях своих на этот праздник устами лучших своих поэтов-песнотворцев, святых друзей – Иоанна Дамаскина и Космы Маиумского – прославляет Матерь Божию яко воскресшую от мертвых силою Сына и Бога Своего.

Наша святая Русь особенно чтит этот великий праздник. Сколько храмов, даже соборных по городам посвящено Успению Приснодевы Богоматери! В великой церкви Киево-Печерской Лавры с благоговением чтится икона Ея Успения, по преданию, Ею Самою врученная соиздателям храма при их отправлении в Россию из Царяграда. Есть и другие иконы Богоматери, Ея Успения, прославленные чудесами, в числе коих есть в Московском Успенском соборе благоговейно чтимая икона, написанная чудотворцем Петром, митрополитом Всероссийским. Все это свидетельствует о глубоком уважении к древнему церковному преданию об обстоятельствах сего события в жизни Богоматери, – о том, что православная Церковь приемлет это предание с такою же уверенностью в его истинности, как например, приемлет и предание об обстоятельствах Ея рождения, об Ея родителях и под. Вот почему с тяжелым чувством прочитал я, да, вероятно, и не я один, статью о. протоиерея Стефана Остроумова в “Отдыхе Христианина” за минувший год “О мнениях в области богословия”, в которой он, полемизируя со мною, сводит древнее предание, послужившее канвою для праздника Успения Богоматери, к простому “частному мнению” – не больше того. Как “частное мнение”, это предание, по его, о. Остроумова, мнению, вовсе не обязательно для всех православно верующих: хочешь – верь преданию, не хочешь – не верь; это ни мало не повредит твоему православию. Но, позвольте, Церковь есть союз любви: не больно ли будет мне, если мой брат, мой ближний, в праздник Успения Владычицы нашей Богородицы, скажет мне: да ведь это только “частное мнение”, будто Она так преселилась к Своему Сыну и Богу, как говорят Четьи-Минеи и песни церковныя, а может быть дело было и вовсе не так – умерла просто, как и все праведники, и конец... Вот почему, когда в “Отдыхе” появилась первая статья о. Остроумова, с недоверием коснувшаяся предания об успении Богоматери, я поставил ему прямой вопрос: “Правда ли, что он не считает фактом церковное предание о вознесении с телом Богоматери? Ужели он думает, что это только “благочестивое мнение?” Как же нам быть с праздником Успения Ея? И где же мощи Ея? Если о. протоиерей верует вместе с Церковью, что “в молитвах Неусыпающую гроб и смерть не удержали”, то пусть скажет это открыто: иначе мы вправе думать, что он не верит сему церковному преданию. Ведь

это сугубый соблазн со стороны о. протоиерея”. Что я был вправе поставить ему такой вопрос, это подтвердили и мои читатели: я получил несколько скорбных писем по этому поводу и лично слышал одобрение моему запросу, обращенному к о. Остроумову.

И вот о. Остроумов печатает в том же журнале статью в 17 страниц, в которой все же от прямого ответа на мой вопрос уклоняется: он всячески старается расшатать доверие к преданию; из смысла всех его доводов выходит, что предание не заслуживает веры, но прямо сказать этого он не хочет. Да и для чего ему это? Довольно подорвать доверие, и тогда предание само собою в глазах читателей обратится в легенду, может быть, и благочестивую, но едва ли достоверную. Перечитайте все его доводы, и вывод будет именно такой. Понятно, что о. протоиерей – не мирянин, что ему неловко так прямо и ответить на мой вопрос: да, я считаю это предание только “частным мнением” – кому-то пришло на мысль, что, вероятно, Мать Божия скончалась как-нибудь не так, как прочие смертные, при Ея кончине должно быть вот то и то... Вот это мнение кто-то и облек в легенду, внес его в писания, приписываемые св. Дионисию Ареопажиту, а потом приняли “мнение” за факт, составили каноны, стихиры, написали проповеди, установили праздник; довольно сомнительная легенда, на основании вымышленных фактов, облечена в одежду поэзии, поэма – превратилась в исторический факт, тогда как научные исследования приводят как будто к тому выводу, что верить этой легенде не следует...

Правда, о. Остроумов не говорит этого. Но еще бы он, протоиерей православной Церкви, сказал, что в предании нет ни зерна исторической истины: ведь это был бы, действительно, соблазн для православных, в простоте сердца верующих церковным преданиям. И о. протоиерей предпочел отвлечь мое внимание от возможности такого соблазна на другие соблазны... в области церковного управления! Ему хотелось бы, чтобы я, оставив защиту церковных преданий, пустился, подобно священнику В. Востокову, в обличение “невежественных проходимцев”, “безумных монахов”, “распутных крестьян”, которые “имеют такое значение в делах Церкви, какого не имели в самые мрачные времена”. Не правда ли, не дурной отвод от поставленного ему в упор вопроса: верит ли он церковному преданию об успении Богородицы? Оставьте-де меня в покое, верю я или не верю – не ваше дело; лучше вот займитесь-ка “распутными крестьянами” да разными “проходимцами”...

Нет, о. протоиерей, ведь так делают только раскольники наши да сектанты: разбитые в одном пункте своих заблуждений – хватаются за другой; а мы доведем свой спор до конца. Я поставил вам вопрос, вот вы и дайте мне прямой ответ. Вы приводите ряд доводов в пользу той мысли, что сказание об успении Богородицы не есть общецерковное предание, а только “частное мнение”; приходится делать вывод, из этих доводов, но было бы надежнее, если бы вы сделали это сами. Ведь вот вы сделали же вывод из моих статей: “Истина нам не дорога, но дорога форма, внешняя связь народа с Церковью, одежда веры, а не самая вера, не жизнь по вере”... Но я совсем не согласен с таким вашим выводом из моих статей: я просто приемлю предание церковное об успении Богородицы, приемлю купно с св. Димитрием Ростовским, с нашим великим учителем Церкви митрополитом Филаретом, со всею нашею православною Церковью, которая чтит Успение Богородицы великим праздником, имеет множество храмов, сему празднику посвященных, воспевает священные песни, в коих прославляются как факты, не только Ея кончина, но и необретение тела во гробе, и явление Ея Апостолам на третий день. Вот это, приемлемое учреждением праздника Церковью предание для меня и, думаю, для всех православно верующих есть истина, которая нам дорога, но которую вы, о. протоиерей, колеблете

своими недостаточно обоснованными суждениями; это не форма, не “одежда веры”, как вы выражаетесь, а дорогая нашему сердцу святыня веры, свято хранимая от веков древних. Ведь если бы предание в данном случае было только “частным мнением”, как вы утверждаете, то зачем Церковь установила праздник, да еще такой торжественный в честь Успения Богоматери? Зачем приняла песнопения, прославляющие факт Ея воскресения, на деле не бывший? Богоматерь умерла, как и все смертные, погребена, место Ея погребения известно всем христианам, но вот странно: никто, никогда ни слова не говорит на протяжении веков об Ея мощах, тогда как почитание мощей идет от первых веков христианства; известны мощи многих апостолов, а о мощах Матери Божией нигде, никогда, ни в каких памятниках древнехристианской литературы ни слова... Не есть ли это доказательство, что и говорить о них не было повода: их не было, Богоматерь, как и говорит нам предание, в третий день по своей кончине силою Сына и Бога Ея воскрешена и взята в небесные селения. В праздник Успения Церковь и прославляет это событие. Верующие и не задумываются, приемлют верою, что так и было. И вдруг им доказывают, что это предание есть только “частное мнение”, что, следовательно, верить ему не обязательно, следовательно, можно думать, что и факта, прославляемого Церковью, не было, что это... но я не дерзаю произнести слово, которое было бы оскорбительным для матери-Церкви, но которое само напрашивается из сказанного. А между тем соблазн, посеянный вами, о. протоиерей, уже дал свой плод: большая светская газета обрадовалась случаю бросить мне обвинение в “глубоком соблазне в России и за границей”, назвав нас вместе с архиепископом Антонием Харьковским, для большого соблазна, считающими себя “передовыми богословами”, и упрекнуть “в скудости познаний и незнании духа и основ своей православной веры”. А ее читатели, разные полуинтеллигенты, без сомнения, пришли к заключению, что предание о празднике Успения есть вымысел, а отсюда недалеко до заключения, что в нашей православной Церкви таких вымыслов и немало...

Вот почему я долгом считаю хотя кратко пересмотреть доводы о. Остроумова, по его мнению, ослабляющие достоверность предания. Буду следовать за ними в порядке, как они приводятся в статье о. протоиерея.

Первый довод. “Верование в воскресение и вознесение Богоматери неразрывно связано с праздником Успения Ея и только с одним этим праздником. В остальных праздниках Богоматери и во всем широком круге песнопений Ей, в канонах, догматиках, богородичных, тропарях, в древнейшем акафисте Благовещения, верование в воскресение и вознесение Богоматери не отразилось, не оставило следа”.

Что же из этого следует? Ужели то, что предание не заслуживает веры? Стало быть, Церковь, сей столп и утверждение истины, погрешила, учредив праздник Успения и приняв потом все песнопения в честь его в свое богослужбное употребление? Стало быть, она сама введена и своих чад ввела в заблуждение? Не наоборот ли: не грешно ли не верить тому, чему она, очевидно, верит? Ужели святые отцы, учреждая сей праздник, так и не подумали о том, что делают? Принимая в состав церковных служб песнопения, полные подробностей, так и не задумались: да справедливо ли самое предание то, на основании коего составители песнопений прославляют Матерь Божию? И угодно ли будет Ей, Матери Света, такое прославление, в коем, может быть, кроется простой вымысел? А что в других песнопениях нет упоминания об обстоятельствах преставления Матери Божией, то ведь большинство этих песнопений принадлежит тем же авторам: исчерпав событие успения Богоматери в песнопениях на праздник Успения, они не имели надобности и повода поминать о нем в других песнопениях, а другие песнописцы не

писали на успение, потому и не говорят в своих творениях об этом событии. Было бы также особенно странно требовать упоминания о событиях успения в акафисте Благовещению. В высшей степени странна ссылка на слово митрополита Филарета Московского, который будто бы говорит, что “это название (Успения) пробуждает мысль не о торжестве и славе, но о смерти”. Буквально такого выражения у святителя Филарета во всех его 16-ти словах на праздник Успения – нет. Он говорит только, что “святая Церковь хотела избежать наименования смерти, говоря о Матери Жизни”, и что “наименование сна для означения смерти заимствовано ею из уст Спасителя: *Лазарь друг наш у сна*, сказал Он Апостолам, когда по силе Своего всеведения возвещал им о постигшей Лазаря смерти, находясь вдали от места его кончины. Видно, что это был новый язык: потому что Апостолы не поняли его, и Господь нашел нужным перевести Свое изречение на их обыкновенный язык: *Лазарь умре*. О торжестве и славе, как видите, в словах святителя нет и помину. Как относился великий святитель Филарет к преданию об обстоятельствах успения Богородицы, я скажу дальше; теперь же замечу только, что о. протоиерей тщательно замалчивает все 16 слов Филарета на этот праздник и, конечно, потому, что они своим содержанием совершенно опровергают все, что о. Остроумов говорит против предания. Тщательно замалчивает о. Остроумов и тот факт, что святитель Филарет не только устроил при Троицкой Сергиевой Лавре Гефсиманский скит и в нем храм, посвященный воскресению Богородицы, но озабочился переводом с греческого и чинопоследования, совершаемого в Иерусалимской Гефсимании на третий день после Успения Богородицы (17 августа) и установил в своей Гефсимании подобный же праздник воскресения Матери Божией, празднуемый и поныне. Обо всем этом о. протоиерей и не подумал. А следовало бы... Ведь вот пользуется же о. протоиерей “Начертанием церковно-библейской истории митрополита Филарета”, чтобы доказать, что сочинения Дионисия Ареопагита признаются неподлинными не только обыкновенными историками, но и “самим Филаретом”: почему бы не разобрать и то, что говорит в своих словах и беседах на Успение Богородицы великий святитель Московский? Но это было не в интересах о. протоиерея. А мы ему скажем: свое “Начертание” Филарет писал еще в молодости, будучи архимандритом, а слова на протяжении всего святительского служения; если тут встречается некое противоречие, то уж, конечно, надобно отдать предпочтение святителю старцу пред архимандритом, еще только начинавшим свою ученую деятельность. А вернее, что противоречия тут и нет: в “Начертании” Филарет говорит вообще о сочинениях, приписываемых Дионисию Ареопагиту, в коих нечто сохранилось и, действительно, принадлежавшее сему апостольскому мужу, и святитель Филарет считал вот эти сказания об успении Богородицы подлинными и широко пользуется ими в своих словах. Нельзя же, в самом деле, допустить и мысли о том, чтобы святитель-мудрец забыл, что он писал в “Начертании”, или же намеренно утверждал достоверность сказаний, которые сам же считал неподлинными. Это было бы оскорблением памяти благоговейно чтимаго иерарха не только Российской, но и Вселенской Православной Церкви. Поэтому лучше бы о. Остроумову вовсе не упоминать о том, что говорится в “Начертании”.

Ссылаться на “первыя указания” вообще не надежно: ныне оно первое, а завтра может оказаться позднейшим, ибо может открыться более раннее, что не раз и бывало в истории. Но если бы и не оказалось таковых, то свидетельство о празднике и воспоминаемых им событиях, восходящее за полторы тысячи лет до нашего времени, есть все же древность довольно почтенная: ведь там уже до события остается меньше четырех веков. Да при

этом, упоминание о праздновании в V веке еще не есть доказательство, что раньше событие не праздновалось. Праздник мог быть установлен и раньше.

“Пять веков молчит церковное предание о столь важных событиях, как воскресение (или воскрешение) и вознесение Богоматери”, – говорит о. Остроумов. Но зачем же преувеличивать расстояние времени? Ведь сам же о. протоиерей ниже говорит, что “все данные побуждают думать, что предание о вознесении Богоматери стало распространяться не ранее торжества православия над несторианством (431 г.)”, а если так, то вычтите число лет жизни Богоматери, за исключением 13 лет Ея юности, и уже получите не более 380 лет, а если еще принять во внимание, что до “распространения” праздник и соединенный с ним воспоминания уже существовали, то и еще сократится расстояние между событием и “первыми на него указаниями”. Можно ли говорить “пять веков”?

“Св. Косма Маиумский ясно выразил в своих песнопениях верование свое и своего друга в воскресение и вознесение Богоматери”, говорит о. Остроумов. Опять странно: мнение “свое и своего друга” и только? А Церковь тотчас так и приняла эти верования двух друзей и их песнопения тотчас внесла в круг богослужения? Уж очень просто все это представляется о. Остроумову. Речь идет о признании фактов, дотоле неизвестных Церкви или известных лишь по апокрифу, и вдруг эти факты признаются несомненными и воспеваются всею Церковью новосоставленными песнопениями... И никто из святителей не протестует против этого! Невысокое же мнение можно посему составить не только о самих песнотворцах, но и о святой Церкви!

Передавая сообщение св. Иоанна Дамаскина о желании императрицы Пульхерии положить мощи Богоматери в построенном ею храме, о. Остроумов видимо хочет ослабить достоверность сообщения св. Иоанна, говоря, что он ссылается на какого-то Евфимия, что патриарх Ювеналий, *будто бы* отвечал и т. д. К чему эти: *какого-то, будто бы?*..

Из того, что св. Епифаний Кипрский обличает женщин, воздававших св. Деве особое почитание, признавал такое поклонение ересью, и говорит только о пребывании Ея у Апостола Иоанна Богослова, а дальнейшую судьбу Ея и кончину считает неизвестной, хотя и доходили до него “предположения” о кончине Ея, о. Остроумов делает вывод, что св. Епифаний, современник вселенских учителей Церкви, остерегается пользоваться нечистым источником отреченных книг “апокрифов”. – О каких “предположениях” говорит св. Епифаний, нам точно неизвестно; но вот св. Иоанн Дамаскин, Косма Маиумский, а за ними вся Церковь не сомневается в истинности фактов, сообщаемых якобы “нечистыми источниками” и положенных сими песнопевцами в основание своих творений на праздник Успения, и этого для нас довольно. Святые друзья Иоанн и Косма вероятно имели больше оснований убедиться в сей истинности, чем Епифаний, а для нас, русских, и авторитет великого святителя Филарета выше мнений о. Остроумова. Епифаний мог, при тогдашней редкости рукописей, не знать сочинений Дионисия, а для нас ценно, что он все же говорит о каких-то “предположениях”, в коих мы вправе видеть следы устных преданий о том, что повествует Дионисий.

“Человеческая изобретательность особенно процветает”, – говорит о. Остроумов, – в те периоды, когда слово Господне становится редким и видения не частыми. Показателем этого является не только византийский период Восточной Церкви, но еще более Западная церковь со времени ея отпадения от Восточной. Там новые догматы сочиняются тем диалектическим путем, который одобряется преосв. Никоном”.

О каких “новых догматах” говорит о. Остроумов? Он постоянно смешивает два понятия: “догмат” и “предание”. Но ужели это одно и то же? А затем, подражая ему, и я могу сказать ему в ответ: “Человеческий скептицизм в вопросах, касающихся Церкви и ее преданий, особенно процветает в те периоды, когда немецкий рационализм заражает богословскую школу, не задумываясь иногда над разрушением всего, что скоплено веками в сокровищнице церковного предания, что срослось с сердцем верующего, что можно и должно было бы укреплять научными исследованиями, если только не встречается явных противоречий св. Писанию и св. преданию. Предание на протяжении полуторы тысячи лет известно в Церкви. Церковь не только не отвергает его, но и одобряет допущением его подтверждения в богослужении. Но вот, в XX веке, его начинают оспаривать, доказывать его сомнительность, доказывать хотя прикровенно, но довольно прозрачно, что факта, утверждаемого преданием, не было, что Матерь Божия умерла, как и все смертные, и “Ея мощи где-то у Господа, Которому принадлежит земля и исполнение ея” (слова о. Остроумова), а когда я назвал такое утверждение соблазном для православно верующих, то мое внимание направляют в сторону разных “распутных крестьян, безумных монахов и проходимцев”... Подобаает ли вести такую полемику, да еще о. протоиерею с высшим богословским образованием?..

Меня упрекает о. протоиерей, что я “поэтическую картину” принимаю за факт. Я отличаю поэтический элемент от факта, который, по моему убеждению и верованию православных, лежит в основе церковной поэзии. Факт – одно, а поэтическое его воспроизведение – другое, но без факта один поэтический рассказ, как вымысел, был бы недостоин Матери Божией и Церковь отнюдь не допустила бы его в свое богослужение. Мнение ея прекрасно выразил святитель Димитрий Ростовский, когда сказал: “Не буди миглати на святого”, тем паче – на Матерь Божию, приписывая Ей то, чего с Нею не было.

Признаюсь, меня неприятно поразило, что о. протоиерей счел почему-то нужным в своей статье на целых двух страницах подчеркнуть то, что Апостолы не упоминают о прославлении Богоматери, “мало того, говорит он, но они не обходят молчанием и того, что во мнении читателей и слышателей благовестия может служить к умалению Ея славы” (Лк. 2, 50, 8,19; Мф. 12, 46; Мк. 3, 31; Лк. 11, 27; Ин. 2, 4). Мысль автора как будто та, что вот и Апостолы не считают нужным особенно прославлять Матерь Божию, – “не сказалось посмертное прославление Приснодевы и на книге Деяний”, и тут Пресвятая Дева “упоминается только один раз и в самом сдержанном тоне, после других жен”. Правда, автор “не думает видеть в апостольских отзывах о св. Деве умаления Ея действительной славы. Но слава Ея “внутренняя, а не внешний блеск, каким пытаются окружить св. Деву “отреченная” писания. Ея слава – смиренная и молчаливая. Никакая византийская изобретательность и красноречие не прибавят ни единой черты к величию евангельской Мариамы – чистейшей и разумнейшей (?) из всех дев и матерей. С своей точки зрения о. протоиерей считает, конечно, себя правым, подчеркивая все это, но да простит он нашему православному чувству, на нас такая его рассуждения веют немецким духом отрицания преданий церковных. Это настойчивое напоминание о “византийской изобретательности” и “отреченных писаниях” как будто прямо списано у немцев... Так вот и подсказывается вывод, что все сказание об успении Богоматери и Ея взятии на небо есть просто то, что ныне называется исторической повестью или поэмой...

О. Остроумов не пренебрегает никакими доводами, чтобы подорвать доверие к сему преданию. С этой целью он говорит, что “можно не соглашаться с мнениями и сообщениями даже великих учителей Церкви; поэтому не могут считаться

непререкаемыми все мнения святителя Димитрия Ростовского, предпринявшего непомерно великий для одной жизни труд изложения житий почти всех святых, чтимых Церковью. Всякие поправки и пояснения к этому труду являются не проявлением неуважения к памяти святого труженика, а, напротив, почтительным хотя и микроскопическим участием в его великой работе”.

Хорошо сказано. Но автор ведь ведет к полному отрицанию, а не к “поправке” того предания, которое изложено с такою любовью святителем Димитрием, предания, принятого Церковью в богослужение. Это уж не “поправка”. С такими поправками лютеране отвергли весь круг церковных преданий. Правда, что “жития святых не догматический труд, а церковно-исторический и к нему должны быть применяемы научные методы исследования”, но – не немецкие, а православные. Поэтому лучше уж доверять святителю Димитрию в его действительно православном отношении к преданиям церковным, чем о. Остроумову, хотя он и навязывается в сотрудники святителю (впрочем, “микроскопическим” участием).

Согласен я, что предания подлежат исследованию, что иначе, как говорит о. Остроумов, “мы рискуем предания человеческия предпочесть заповедям Божиим”. И мысли не допускаю, чтобы можно было спорить против слов митрополита Филарета, что “после Апостолов чрез столь многая руки, чрез столь многие века прошедшия предания нужно испытывать, суть ли они истинно апостольския и святоотеческия и не подвергались ли неправым изменениям и чуждым примесям”. Но вот эти-то слова святителя и дают мне право возразить о. протоиерею Остроумову: святитель Филарет во многих своих словах на Успение Богоматери во всех подробностях приводит предание о сем событии, не только не сомневаясь в истинности предания, как это делает о. Остроумов, но и относясь к нему с всецелым уважением, называя его священным, – значит, он исследовал “подлинность и достоверность” сего предания, т. е. выполнил добросовестно то правило, какое указывал другим. Что из сего следует – понятно само собою.

“Свойство непогрешимости в Православии приписывается только преданию вселенскому”, – говорит о. Остроумов и далее пускается в рассуждения уже общего характера, приводя цитаты из Василия Великого, блаженного Августина, наших – Хомякова, Болотова, Глубоковского и даже Тареева (тоже авторитет!). Никакого отношения к преданию об успении Богоматери все его выписки не имеют, а что это предание носит характер вселенского, то ведь надо помнить, что не только Восточная и Западная церкви, но и отпавшая ранее от Вселенской Церкви община, каковы армянская, эфиопская и др., сего предания не отвергают. Лютеране – конечно, не в счет: они отвергают всякое предание. Замечу кстати, не слишком ли далеко ушел о. протоиерей в сторону отрицания, когда пишет, что “позднейшия (? а раннейшия?) Вселенских Соборов исповедания не имеют в себе характера непререкаемого и не могут считаться носителями только общеобязательных учений”. Как? Исповедания и определения, возглавляемые словами Апостолов: “изволися Святому Духу и нам” – не имеют характера непререкаемого? для нас не обязательны?... О. протоиерей! Что вы говорите?..

“Итак, – говорит в заключение о. Остроумов, – Православная Церковь и часть ея, Церковь Российская, не знает догмата о воскресении и вознесении Богоматери”. Но о “догмате” странно говорить, когда речь идет о предании, как памяти и совершившемся факте. “И время, и обстоятельства исхода Богоматери неизвестны Православной Церкви”, – говорит о. протоиерей. Конечно, время в точности неизвестно, но обстоятельства известны из предания. “Апокрифическия сказания о таком исходе, как

частные мнения, допущены в житиях святых, и в песнопениях праздника Успения Богоматери”, – пишет он. Я ему отвечаю: “Допускать” то, что сомнительно, не в обычае Церкви. Допустит ли она обращаться к Матери Божией с такими словами, в коих будет как бы приветствие, повествование о Ея “безсмертном успении” и о Ея преселении на небо с плотию, если такого события в Ея жизни не было? Достойно ли было бы это как Церкви, так и Самой Преподобной Матери Божией?

Я не менее о. Остроумова знаю, что “богослужебная письменность никак не может считаться библиотекою церковно-исторических знаний”, но ведь он тут же сам говорит, что “отчасти в богослужебной письменности находятся и исторические сведения”. А когда эти сведения сообщаются с такими подробностями и с такою положительностью, как повествование об успении Богоматери и сопровождавших его обстоятельствах, то было бы недостойно поэтов-писателей предполагать, что все эти сведения заведомо ложны и ими пользовались такие высокопросвещенные мужи, как Иоанн Дамаскин и Косма Маиумский, с целью “победными звуками ирмосов поднять настроение богомольцев и тех, которые признают содержание их частным мнением”, то есть о. прот. Остроумова и его единомышленников.

Стараясь исчерпать все, что можно было сказать против достоверности преданий об успении Богоматери, о. Остроумов берет выдержку из архиеп. Никанора, который приводит слова святого(?) Бернарда, “что Царственная Дева не нуждается в ложном прославлении, что Святая Дева никак не оправдает новизны, выдуманной вопреки учению Церкви, новизны, которая есть мать неблагоразумия, сестра неверия и дочь легкомыслия”. А поелику о. протоиерей считает, “новизною” наше верование в достоверность сказаний об успении Матери Божией, принятых Церковью в богослужении то... чтый да разумеет! А я думаю, что если бы Бернард, признаваемый о. Остроумовым за “святого”, был жив, то первый запротестовал бы против такого толкования его слов, ибо предания об успении Богоматери были в Западной церкви столь же приемлемы, как и на Востоке. А говорил он, конечно, о таких догматах, как непорочное зачатие и под.

II

Я утомил читателя полемикой с о. прот. Остроумовым. По себе сужу, как тяжело иметь дело с отрицательными суждениями относительно священных, дорогих для православного сердца преданий, с которыми оно сжилось, сроднилось с детства, как с дорогой истиной, завещанной нам древнею Церковью. И еще больнее это чувствуешь, когда видишь подпись под этими отрицаниями, не простого мирянина, – к этому мы уже как-то привыкли, – а служителя Церкви, почтенного о. протоиерея. Но – довольно полемики.

Теперь отдохнем душою на тщательно замолчанных о. протоиереем мыслях великаго богослова нашей русской Церкви святителя Филарета, митрополита Московскаго, котораго, как мы видели, о. протоиерей думал привлечь себе в союзники по отрицанию преданий о воскрешении и о вознесении на небо Богоматери. Послушаем, что говорит благоговейный иерарх в своих, в высшей степени глубоких и художественных словах на праздник Успения Богоматери. Вот его вдохновенныя слова, истекавшія из глубоко верующаго и беззаветно любящаго Матерь Божию сердца и светлаго возвышеннаго ума.

“Дивна крестная смерть Господа нашего Иисуса Христа; дивно Его тридневное воскресение; но не дивно то, что они являются дивными, потому что в них заключено

недомыслимое таинство непостижимой премудрости Божией, ими чудесно разрешается неразрешимый без чуда вопрос, как спасти погибший род человеческий.

Очевидно, не в такой степени, как смерть и воскресение Господне, однако дивна и смерть Пресвятыя Девы Богородицы и Ея воскресение. Как это возможно, что умерла чистейшая Херувимов и славнейшая Серафимов? Херувимы и Серафимы ниже Ея и, следственно, в низшей степени должны быть блаженны: но они не знают смерти. Как умерла бывшая вместилищем воплощенного Сына Божия и, конечно, не преставшая быть жилищем Божества? Нетленно приявшая огонь Божества должна ли была уступить силе земного тления? – Подлинно, можно полагать, что могла бы Пресвятая Дева, по выражению Апостольскому, *не совлецися, но пооблецися, да пожертво будет мертвенное животом*, – не сложить с себя одежду земного тела посредством смерти, но мгновенным преображением облечься в тело прославленное. И почему же не так было? Должно думать, что по своему всегдашнему смирению и по желанию подражать уничижению пути смерти временной. А все устрояющее Провидение, не препятствуя углублению смирения, долженствующему возвысить будущую славу, смертью Матери Живота вразумляет нас, как не малый еще и не безопасный остаток силы сохраняет смерть в естестве человеческом и после животворящей смерти Христовой. Если Пречистая Матерь Живота не миновала смерти, хотя тихой и кратковременной, то мы, далекие от совершенной чистоты, поверженные в нечистоту мыслей, в нечистоту страстей, в нечистоту дел, в нечистоту жизни, – в какой мы опасности смерти лютой и вечной!

Слава вечной жизни начинала уже просвечивать сквозь самую смерть Пресвятыя Девы. За три дня явился небесный вестник призвать Ее в вечность и принес Ей знамение ожидающего Ея рая. Чудесно собрался собор Апостолов, чтобы почтить Ея преставление и погребение. Достойные видели Самого Божественного Ея Сына, с небесными силами пришедшего принять душу Ея. Бездыханное тело Ея чудодействовало. В третий же день от смерти, по подобию Христову, проявлено Ея полное воскресение. Земного тела Ея не стало во гробе. Собору Апостолов Она явилась в небесной славе” (Сл. и Речи, т. V, 21–22).

“Торжественно возвещаем в Церкви смерть Господню, как спасительную и живоносную для всех нас”, – говорит в другом слове святитель Филарет, – “торжественно воспоминаем и смерть Матери Господа, как в высокой степени для нас поучительную и утешительную. Показав нам гроб Христов, с отваленным камнем, с одними погребальными пеленами, в оном оставшимися, и возвестив, что *Христос воста от мертвых, начаток умершым бысть* (1 Кор. 15, 20). – Святая Церковь как бы заботилась, чтобы наша вера и надежда не утомились долгим ожиданием последующего за сим начатком воскресения умерших: и потому она приводит нас к другому гробу, так же в третий день после погребения отверстому и уже праздному от тела, в нем погребенного, и как бы указуя, говорит нам: вот и действительный, скорый, очевидный в лице Матери Господней опыт воскресения, которого Христос был начаток; благодатию Сына Своего и Бога Она так совершенно созрела для неба, что и тела Ея не могла удержать земля до времени общего воскресения: зрите праздный гроб Ея и радуйтесь упованием жизни за гробом” (т. VI, 86).

“Чудно и торжественно благодать *Избранник, яко солнце*, явилась средоточною силою Церкви тогда, когда Она, по закону земнородных, познав запад свой на земли, восходила в невечерний день небесный: ибо и рассеянным по вселенной для проповеди Евангелия Апостолам свет Духа показал сие время последнего с Нею в видимом мире общения, и влечение Духа соединило их окрест Ея смертного одра, Ея живоприемного гроба. С тех пор, по выражению церковному, *слава Ея боголепная Богоподобными сияет чудесы*.

Тщетно мрачные мудрования неправомыслящих усиливались затмить Ея славу: они только изощрили ревность правоверующих к Ея прославлению. Ни пространства мест, ни продолжение и превратности времен не ослабляют сияние славы Ея"... (т. IV, 86–87).

В одном слове на Успение Богоматери, в молитвенном умилении святитель Филарет так обращается к Ней: "Теперь не одно небесное созерцание видит Твою благодать, не один Ангел тайно благовествует тебе радость; *в церкви велицей благовествуется Твоя благодать и радость, род человеческий благословляет Тебя, Благословенная в женах!* Подобно, как слава Твоего Сына и Бога, и Твоя слава Боголепная из гроба возсиявает. Чудеса Твоего успения открыли, что Богоносная душа Твоя отходит прямо к Богу, праздный после погребения гроб Твой показал, что и в теле Твоем смерть не нашла себе никакой пищи, то есть ничего грехом зараженного, и потому ничего тленного. Жизнь будущего века, который мы еще только чаем, для Тебя уже есть настоящая вечная жизнь, на высочайшей степени славы. В чертоге небесном, как *Царица* по благодати, предстала Ты одесную Царя по естеству, *в ризах позлащенных одеяна* (Пс. 44, 10), или, по другому созерцанию, *облечена в солнце* (Апок. 12, 1), – в открытый, как мне мнится, свет Христов; предстала, чтобы не только пребывать и наслаждаться им, но и царствовать во свете, или световодительствовать, да *приведутся Царю девы* – души целомудренные или уцеломудрившиеся, в след Тебе. Ныне радуйся, Благодатная, и отныне на веки нерушимо радуйся, не только радуйся, но и блаженствуй – не только Благодатная, но и Препрославленная!" (т. IV, 175–176).

Желая изобразить обстоятельства успения Матери Божией, святитель Филарет приводит сначала церковную песнь: *"Собор ученик и Божественных Апостол собрася погребсти Богоприятное тело единыя Богоматери.* Сим песнословием, говорит далее святитель, святая Церковь имеет обычай оглашать нас еще в предначатии настоящего праздника. Церковь говорит как бы о том, что видит; и поелику говорит для всех нас, то, кажется, желает, чтобы и все мы не просто воспомянули, но как бы видели успение и погребение Божией Матери. – Можем ли мы соответствовать сему намерению Церкви? – Не трудно понять, что это дело не телесных очей. Требуется два ока: око ума чистаго и око сердца верующаго и любящаго. Признаем несовершенство наших очей. Но не можем ли мы хорошо смотреть очами святых, которые умели созерцать и желали помочь нашему созерцанию? Испытаем воззреть на преставление Божией Матери очами Святых: Дионисия Ареопагита, Ювеналия Иерусалимскаго, Андрея Критскаго и Иоанна Дамаскина.

Правда, святой Андрей и сам встречает некое затруднение. В слове на нынешний праздник он предлагает недоумение любознательных: почему преставления Богоматери не описал никто из составивших книгу Божественных Евангелий? Впрочем, он и разрешает сие недоумение, говоря: *это может быть потому, что Ея Богоприятное успение произошло долгое время спустя по вознесении Господнем, ибо, как сказывают, Она, достигши глубокой старости, преставилась от здешней жизни; или же тогдашняя времена не допускали такового изложения.*

Далее в том же слове св. Андрей поступает так, как и мы теперь. Он смотрит на успение Божией Матери очами современника сему событию, святаго Дионисия Ареопагита, приводя его слова из его книги "О Божественных именах". Св. Дионисий, обращая речь к св. Тимофею и упомянув о св. Иерофее, говорит: *"И мы, как тебе известно, и он, и многие из священных наших братий стеклись для зрения Богоначальнаго и Богоприемнаго теля. Присутствовал и Богобрат Иаков, и первоверховный и старейший из Богословов Петр.*

Потом, после зренья, угодно было всем священноначальникам, поколику каждый способен был, воспевать безмерно могущественную благодать Богоначальственной немощи, то есть как изъясняет св. Максим, восхвалять вольное снисхождение Сына Божия, принявшего на Себя немощное тело человеческое, кроме греха” (т. IV, 562–563).

“Приятно, замечает святитель в другом слове, даже до ныне узнавать единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, между прочим, по единству ея священных и Апостольских обычаев. После столь многих веков от дня успения Пресвятая Богородицы, и ныне для сего дня собираются многие из священных наших братий. В подражание Божественному зрелищу Сионскому или Гефсиманскому и здесь представляется для благоговейного зренья изображение Живоначального и Богоприемного телеси как бы в день его погребения. Вся иерархия песнословит, или, иначе сказать, словом и песнопением прославляет безмерно могущественную благодать Сына Божия, в Его спасительном воплощении чрез немощь и смерть проложившего путь к бессмертию и славе Божественной. О, если бы могли мы услышать хотя одно из тех самых песнословий, которыя по внушению Святого Духа принесены были Господу и Матери Его в первоначальном Апостольском успенском соборе!” (т. II, 394–395).

“Но святой Дионисий открыл нам только часть дивного зрелища, как видно из его слов, близко за вышеприведенными следующих, обращенных также к св. Тимофею: что там было таинственного, то прохожу молчанием, как неизрекаемое для многих, а тебе известное. Смиримся, если и мы принадлежим ко многим, для которых неудобноизрекаемо многое таинственное; но известное св. Тимофею, вероятно, сделалось известным от него и другим достойным, а от сих нечто из того и до нас могло достигнуть.

Таинственное можно предполагать в том самом, как многие Апостолы собрались на погребение Пресвятыя Девы, когда они были рассеяны по разным странам для проповедания Евангелия. И сию тайну несколько нам открывает и объясняет св. Андрей, когда говорит: не удивительно, если Дух, подъявший некогда Илию и небеснаго огненоснаго колесничника взявший, и их тогда внезапно собрал, принесши на облаках в духе. Ибо для Бога все удобно, как знаем из примеров Аввакума и Даниила. А св. Иоанн Дамаскин, также в слове на нынешний праздник, решительнее изъясняется, что ради чести преставления Божией Матери, Апостолов, по Божию повелению, облак, подобно некоей сети, влек в Иерусалим, и от краев земли, как бы неких орлов, во едино место устремил и совокупил.

Св. Дамаскин и еще тайну в преставлении Божией Матери созерцает и нам открывает: именно, пришествие Самого Царя к Своей Родительнице, дабы Божественными руками приять Ея святую, чистую и непорочную душу.

Наконец, св. Дамаскин, для изъяснения тайн успения Божией Матери, приемлет в помощь св. Ювеналия, архиепископа Иерусалимского, извлекая из некоего исторического писания следующее повествование. В царствование Маркиана, Пульхерия создала в Константинополе, во Влахернах, и украсила храм в честь Пресвятыя Богородицы. Желя приобрести сему храму приличествующую ему святыню и слышав, что близ Иерусалима, в Гефсимании, есть храм, на месте, где живоносное тело Приснодевы положено в раке, император и императрица изъявили архиепископу Иерусалимскому желание, чтобы сии мощи принесены были в новосозданный храм, в охранение царствующему граду. Ответствуя на сие, св. Ювеналий, утверждаясь на древнем, как он говорил, и истиннейшем предании, упомянув о чудесном собрании Апостолов, мгновенно восхищенных с разных стран к Пресвятой Деве, с Божественною славою предающей душу Свою в руце Божии, о

изнесении тела Ея с Ангельским и Апостольским пением и о положении онаго в Гефсимании, продолжал: *на том месте целых три дня продолжались Ангельския ликостояния и песнопения. По третьем же дне, по прекращении Ангельскаго песнопения, пришли Апостолы, потому что один из них, Фома, опоздал, пришел по третьем дне, и желал поклониться Богоприемному телу. Открыли раку и всехвальнаго тела Ея обрести не могли. Нашли только Ея погребальная пелены, лежащая, и от них исполнясь неизреченным благоуханием, закрыли раку. Пораженные таинственным чудом, одно то могли они подумать, что благоволивший Своею Ипостасию воплотиться и вочеловечиться от Нея, и родиться по плоти, и по рождестве сохранивший нетленным Ея девство, Бог Слово и Господь славы благоволил, и по прекращении Ея здешняго жития, непорочное и пречистое тело Ея почтить нетлением и преложением, прежде общаго вселенскаго воскресения.* За сим, св. Ювеналий дополняет свой ответ царю свидетельством св. Дионисия, которое мы уже привели, а св. Дамаскин оканчивает повествование истории тем, что во Влахернскую церковь перенесен из Гефсимании ковчег с одеждами Пресвятыя Богородицы.

“Видите ли тайны и чудеса успения Божией Матери? – вопрошает святитель Филарет. – Видите ли торжество земное и вместе небесное? Видите ли легкий, кратковременный туман смерти, сквозь который ясно и величественно просиявает вечная жизнь? Видите ли гроб, превращенный в окно, открытое в невидимый мир, к пренебесному свету? Видим преславное успение, которое чудесно украшают своим присутствием Апостолы, Ангелы, Сам Господь... Видим по успении необычно скорое пробуждение; за смертью тотчас безсмертие, в самой полной его силе; видим душу Пресвятой Девы на руках Господа и, следовательно, на высочайшей степени блаженства, потому что близость к Господу и высота блаженства есть одно и тоже; видим и приснодевственное тело Ея, не покорившееся закону тления, не ожидавшее срочнаго дня для воскресения, но в самое время сеяния в землю возросшее в небо и процветшее славою” (т. IV, 562–563).

“У гроба Пресвятыя Девы Марии, – говорит еще в одном слове наш златословесный святитель Филарет, – Церковь поставляет нас в благочестивое созерцание. Ибо что такое церковный праздник, если не благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни? Что же мы видим, быв поставлены у гроба Пресвятыя Девы? Зрелище необыкновенное! Обыкновенно до гроба – свет и ясность, далее гроба – мрак и неизвестность, но здесь совсем напротив. До гроба – какое высокое достоинство и добродетель в какой глубокой тайне и безвестности! Далее гроба – какой свет и слава, какое торжественное воздаяние достоинству и добродетели!”

В дальнейшем изложении своего слова святитель, проходя “поприщем земной жизни” Матери Божией, раскрывает безпримерную высоту Ея нравственного достоинства и вместе – Ея неподражаемое смирение при земной жизни, а потом говорит: “Теперь посмотрим на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по светлости, поприще, которое открылось для Пресвятыя Девы Ея успением. Как скоро сие совершилось! Собор Апостолов, как говорит благочестивое предание, отовсюду собран Духом Божиим, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ея погребение. Как прежде неверие Фомы обращено в доказательство достоверности воскресения Христова, так теперь умедление Фомы обращается в средство к прославлению вознесения Богоматери, – еще сокровеннаго, как сокровенна была жизнь Ея на земли. Восприяв славу Божию на небеси, с сего времени Она не отвергает и человеческой славы на земли, прежде

неудобной для Ея смирения, теперь полезной и благотворной для живущих на земли” (т. III, 193–197).

В слове, произнесенном в Московском Успенском соборе (как, впрочем, почти и все другие слова на Успение Богоматери), святитель Филарет приглашает слушателей “*не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*, как учит смиренная мудрость апостольская (Рим. 12, 16), – вместо книги прочесть нечто в иконе Успения Пресвятыя Богородицы, которой древнейший образец, по особенному устройению Провидения, принесен был из Константинополя в Киев и которую святитель Петр своею священною и святою десницею изобразил нам здесь (в Успенском соборе), без сомнения, не для чувственного только зрения, но и для духовного созерцания”.

Затем, как бы взирая на икону, митрополит указывает на все изображенные на ней лица и предметы, объясняет смысл изображений, напоминает предания об обстоятельствах успения Богоматери, сверяет эти предания со священным Писанием по их духу и выводит назидательные уроки для слушателей. Так, например, он говорит: “Над смертным одром и бездыханным телом Пресвятыя Девы икона представляет Самого Христа Спасителя, держащего на руках душу Ея, в образе младенческом, знаменующем, без сомнения, начатие новой на небесах жизни. Писания не говорят, чтобы сие телесными очами видели все бывшие свидетелями успения и погребения Божией Матери. Посему надлежит полагать, что составитель иконы представил здесь видимым принадлежащее к миру невидимому и просто видимое соединил с духовно созерцаемым. Изобразив тело Пресвятыя Девы, оставленное душою Ея, он как бы предупреждал вопрос: что в сие время происходило с Ея душою? И в ответ на сие изобразил видимо и Ея душу, носимую руками Ея Божественного Сына.

Здесь рождается новый немаловажный вопрос: какую силу имеет сие изображение? Есть ли это простое представление воображения? Нет. Так думать было бы несообразно с достоинством древней святой иконы. Дерзость писать иконы по воображению живописца есть порождение своеволия новейших времен. Древние изображали на иконах то, что находили в достойных веры писаниях или в предании. И художник нашей иконы св. Петр, без сомнения, не был расположен писать на иконах мечты воображения. Заклучим, не обинуясь, что его икона представляет нам не произвольный плод воображения, но созерцание, согласное с существом предмета. Надобно ли, по церковному правилу осторожности, показать согласие сего предания с Священным Писанием? Для сего можно указать на слова Христовы: *бысть же умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамово* (Лк. 16, 22). Итак, сличай: если Писание свидетельствует, что души святых человеков, исходя от тела, приемлются Ангелами, то не совершенно ли согласно с сим предание, между прочим, посредством иконы, свидетельствует, что пресвятая душа Матери Господней, высшей Ангелов, исходя от тела, прията была Самим Ея Божественным Сыном? Ангел же, по другому преданию, послан был к Ней еще прежде на землю, дабы предварить Ее о приближившемся преставлении; а потом собор Ангелов приветствовал Ее небесными песнопениями, которых отголосок слышали достойные во время погребения” (т. IV, 453–456).

Глубоко поучительны уроки, какие дает святитель Филарет в своих словах на день Успения Богоматери. “Ублажаем Приснодеву, говорит он: искренно ли? Не с лестью ли? Презренна лесть и между живущими на земле, которых впрочем она иногда обманывает, но живущую на небе и видящую во всевидящем Боге и обмануть невозможно. Возможно ли, скажут, и льстить там, где самая высокая похвала остается ниже своего предмета? –

Льстим, если хвалим то, чего внутренне не уважаем. Итак, ублажая Приснодеву, чтим ли девство? Уважаем ли целомудрие? Храним ли чистоту? Ненавидим ли нечистоту? Ревнуем ли о своем очищении? – Ублажаем во храме преблагословенную Матерь, но не делают ли противного сему некоторые дома? Не оскорбляют ли благословенных имен отца и матери дети неповиновением или непочтительностью, а и сами родители – пренебрежением родительских обязанностей и добродетелей? – Прославляем здесь высокую в смирении, глубокую в молчании Мариам: но не здесь же ли с нами наша гордость, наше тщеславие, наша суетность, наша рассеянность и склонность к празднословию? И молва страстей не заглушает ли в нашем сердце славословий наших устен?.. *Не красна похвала в устах грешника.* Если желаем достойно ублажать Пресвятую Матерь Божию, то да возлюбим всем сердцем Ея достоинства и добродетели; возлюбив, да поревнуем, по возможности, жизнию следовать тому, что мыслию и словом ублажаем”... (т. IV, 87–88).

Говорит святитель Филарет и о наследии, оставленном Материю Божией для всех верующих.

“После усопших обыкновенно бывает время плача, потом время утешения печальных; и далее того и другого продолжается время, в которое дети и присные пользуются праведным наследием отшедших. Плакали Апостолы, когда жизнь Матери Света, как тихая заря после Божественного Солнца Христа сиявшая для Церкви, угасла пред их очами. Плакали горькими слезами естественной печали, но вместе и сладкими слезами благодатного умиления: потому что вера в неумирающую благодать Матери Господней и чувство благоговейной любви к Ней господствовали над чувством лишения. Полное же и совершенное утешение получили они, конечно, тогда, когда, в третий день по Ея Успении, ради опоздавшего к Ея погребению Фомы, отверзши гроб Ея, не обрели пречистаго тела Ея, и вслед за тем увидели Ее в славе воскресения, и от Ней Самой услышали слово утешения: *радуйтесь, яко с вами семь во вся дни*”

Если радость, которую подает воскресшая Матерь Божия имеет своим источником присутствие Матери Божией с нами во вся дни, то очевидно, что и радость, как поток из сего источника, должна протекать по всем временам, до впадения в море вечного блаженства. И вот прекрасное и неиздваемое наследие, которое Матерь Божия во успении Своем не только оставила, но определительно назначила и преподала Своим по благодати чадам и присным. *Радуйтесь, яко с вами семь во вся дни.*

И Церковь Христова прияла от Матери Божией сие наследие и хранит и от дней до дней, и от лета до лета, от века до века не перестает разделять оное. Правда, не всем без различия завещала Она сию радость, но преимущественно Апостолам: однако, поелику обещала и продолжить оную, вместе с присутствием своим в Церкви, во вся дни, то чрез сие простерла Свое обещание и на живущих после дней Апостольских, если они усвоят себя Ей в чада и присные Апостольскою верою в Ея неумирающую благодать и Апостольскою благоговейною к Ней любовию.

Итак, *радуйтесь*, души, подвигающиеся в вере по образу Петра, который ускорил прежде других исповедать Христа Сына Божия и, по вере в Него, и по водам ходить отваживался! Матерь Начальника и Совершителя веры с вами есть, и как Она блаженна веровавшая, так и вам споспешествовать будет сквозь искушения и опасности достигнуть блаженства.

Радуйтесь, души, стремящиеся к совершенству любви по подобию возлюбленного ученика, который и Бога созерцал преимущественно в Его качестве любви, оком любви и

в любви же заключал все учение жизни! Нареченная Матерь возлюбленного ученика с вами есть и не отречется быть Материю и для вас, чтобы покровительствовать духовному воспитанию вашему от рабского страха до совершенной любви, изгоняющей страх (1 Ин. 4, 18).

Радуйтесь, ревнители слова истины! Матерь вечного Слова с вами есть и неотступно предстательствует пред Ним о вас, *да даст вам уста и премудрость, ейже не возмогут противиться или отвещати еси проявляющийся вам* (Лк. 21,15).

Радуйтесь, хранящие девство и целомудрие! Приснодева с вами есть, и как девство приблизило к Ней Иоанна, так оно приблизит Ее к вам.

Радуйтесь, и благословенно супружествующие! Обрученная Дева и невестная Матерь, Которая не только удостоила посетить жениха и невесту в Кане Галилейской, но и первое открытое чудо для них от Божественного Сына Своего испросила, не чуждается вас: Она любит девство, но не унижает и супружества, и вас, молящихся Ей не лишит благопотребной помощи, если взираете на супружество, как на союз не только естественный, но и духовный, имея высокий таинственный образ его в союзе Христа с Церковью.

Радуйтесь, благочестивые родители и во благочестии воспитываемыя чада! Дщерь молитвы праведных Иоакима и Анны, воспитанная в доме Божиим, Матерь Сына, от Которого всякое сыновство на небе и на земле имеет начало, признает вас по духу Своими присными и чадами и простирает на вас Свой благодатный покров от дома Божия небесного и земного.

Радуйтесь, хотя сквозь слезы, испытываемые различными скорбями, но крепящиеся в терпении и уповании на Бога! Та, Которая более всех на земле, кроме единородного Сына Ея, испытана была скорбями, Которой душу прошло крестное оружие, по Своим опытам знает, что вы чувствуете, и состраждет вам, и может, и хочет облегчить вас, почему и нареклась радостью всех скорбящих”.

В заключении этого слова о наследии Богоматери святитель Филарет говорит, что в сей “раздел благодатного наследия не входят многие”, –разумеются те, к которым не применимы указанные признаки верующих – нераскаянные грешники. Но им Первенствующая между всеми праведниками оставила по себе то наследство, которое оставляет каждый праведник. Какое же это наследство? – *Умираяй праведник остави раскаяние* (Прит. 11, 3), – наследие не сладкое в начале, но спасительное впоследствии, если направлено будет к исправлению жизни.

Если мы не умели или, справедливее сказать, не потрудились стяжать, по примеру Пресвятыя Девы, *Радость Духа о Бозе Спасе* (Лк. 1, 47), то поспешим воспринять *печаль, яже по Бозе, которая покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10), и чрез которую, следственно, и радость спасения, наконец, обретена быть может. Аминь (т. V, 163—67).

Я далеко не исчерпал всего сокровища глубокомудрых богословских созерцаний, исследований, наставлений и благоговейных размышлений великого богослова и мыслителя нашей родной Церкви святителя Филарета, заключающихся в его 16-ти словах на праздник Успения Богоматери. Но и приведенных выписок довольно, чтобы видеть, что он глубоко веровал в Ея воскресение, считал предание о сем событии за священное церковное предание, а потому и для нас его авторитет несравненно выше всех соображений, построенных, конечно, на отрицательной критике немецких ученых...

№ 334

Кто стучится у дверей нашего сердца

Се стою при дверех и толку...

Апок. 3, 20

В каких трогательных образах представляет нам Господь Свое милосердие к нам грешным! Он, подобно доброму пастырю, оставляет девяносто девять овец и идет в горы и дебри пустынные, чтоб найти овцу заблудшую и взять ее на рамена Свои; Он, подобно любящему отцу, ждет, пока блудный сын-грешник “придет в себя”, и всегда готов выйти к нему навстречу, чтоб раскрыть Свои отеческия объятия, чтоб простить, забыть ему все, чтобы призвать к радости самих ангелов небесных ради его обращения. Но вот еще трогательный образ: это уже не притча, а прямое обращение к грешной душе: *се, глаголет Он, стою при дверех и толку...* стоит Он у дверей грешного сердца нашего и стучит, как странник, ищущий покоя; стоит и ждет, *аще кто услышит глас Его и отверзет двери, и внидет Он к нему, и вечеряет с ним* (Апок. 3, 20)...

Стучит Он в совести нашей, напоминая долг любви к Возлюбившему нас до конца, даже до смерти крестной; стучит в обстоятельствах жизни нашей, как скорбных, так и радостных; стучит-зовет к Себе, осыпая нас благодеяниями, ожидая, что вот – проснется наша совесть и вздохнем мы со слезами умиления: “И за что Ты так любишь нас, грешных, Господи? За что так милуешь, так благодетельствуешь? Ведь мы должники пред Тобою неоплатные, а Ты еще и еще одолживаешь нас!”

Стучит Он в наше сердце и болезнями, отечески напоминая, что ведь мы не вечно будем жить на земле, что надо приготовиться к другой жизни, что надо привыкнуть еще здесь на земле дышать небесным воздухом, что без этой привычки там тяжело нам будет жить: ведь там все дышит любовью, молитвой славословия Божия, а мы здесь ни о чем таковом и думать не хотим.

Стучит в сердце наше и скорбями, лишениями, обидами, поношениями, обращая нашу мысль к закону жизни земной, *яко многими скорбьми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22), ибо скорби и есть тот крест, без которого нельзя идти за Господом, нельзя войти во след Его во врата райския.

Стучит Он, но нет ни гласа, ни послушания... потому что нас все дома нет. С раннего утра до поздней ночи ум наш бродит по распутьям мира да и когда “придет в себя”, то бежит от себя. В сердце страшно заглянуть: там кишат гады, бушуют страсти, расхищая остатки добра (если только оно было), оскорбляя святыню веры, чистоту целомудрия, заражая самомнением и гордостью и чрез то удаляя благодать Божию от сердца нашего... И течет жизнь наша, подобно мутному потоку, день заднем, увлекая нас в океан вечности... А Господь все стоит у дверей сердца нашего и все стучит, зовет к Себе, ждет, пока мы откроем эти двери, чтобы принять Небесного Гостя...

Что же? Доколе это будет? С каждым днем, с каждым часом приближается минута, когда Он отойдет, оскорбленный невниманием нашим, отойдет от нас и заключит пред нами на веки двери чертога Своего небесного, и станем мы тогда с юродивыми девами

стучать в эти Его двери, но услышим грозное: *не вем вас... отыдите от Мене делающий беззакония!..*

Господи милосердый! Не покидай нас грешных, не отступай от нашего сердца, стучи – стучи, пока не достучишься; Сам всемошною Твоею десницею сокруши ожесточение наше, Сам открой двери, очисти всякую скверну, наполняющую душевную храмину нашу и – имиже веши судьбами спаси нас! Ты Сам сказал, что хотением не хочешь смерти грешника, что хочешь, что ждешь, ищешь обращения его; Ты ведаешь, Господи, что и мы не хотим своей гибели, только с собою никак не сладим: не еже хотим, доброе, сие творим, но еще не хотим – злое, сие содеваем. Пошли же, Милосердый и Всемогуций, благодать Твою в помощь нам, да прославим имя Твое святое! Видя вдовицу, зельне плачущую, Ты некогда умилился еси и сына ея, на погребение несомаго, воскресил еси: тако и о нас умилился, Человеколюбие, и грехами умерщвленный души наши воскресил и сподоби хотя прочее, может быть, уже не долгое время живота нашего без порока прейти и под матерним покровом Церкви Твоей во врата блаженной вечности внити. Аминь.

Совесть заговорила

Слава Богу: русские люди еще умеют каяться. Несколько лет назад, когда я был еще казначеем Троицкой Сергиевой Лавры, я получил с Дальнего Востока 50 р. от одного бывшего каторжника, который когда-то попался на сбыте фальшивых десятирублевых в образных лавках Лавры, в гостиницах и в просфорне: отбыв наказание, он счел долгом из первых же своих трудовых заработков вернуть Лавре похищенное с благодарностью преподобному Сергию за то, что “не попустил ему продолжать грешить” – он был изловлен в Посаде же, судим и наказан каторгой...

Сегодня я получил такое письмо: “Перевел на имя вашего высокопреосвященства 30 рублей и каюсь вам, что половину этих денег я грешный, взял у пьяного человека лет десять тому назад; он – дальний, его адреса я не знаю; вероятно, его уже нет в живых. Прилагаю к его 15 рублям еще своих 15 рублей для покрытия сего греха и прошу вас послать на эти деньги воинам нашим назидательных ваших листов, на все 30 рублей, на три фронта: к Риге, на Кавказ, и в армию Брусилова. – Многогрешный И.”... следует адрес.

Бог да простит кающегося и вменит его жертву тому, у кого он “взял” деньги. Если он жив, то пошли ему Господи духовное утешение, если умер – вечный покой. А святая Церковь будет молиться за обоих, яко добро творящих и посылающих духовную милостыню тем, кто наиболее нуждается в ней.

Добрым людям

Не напрасно земная жизнь называется юдолию плачевной. Кто не плачет здесь, если не слезами из очей, то стенанием сердца, от болезней, обид, всяких невзгод житейских? и в мнимом счастье нередко чрез золото слезы льются, а в Писании сказано: *многи скорби праведным, но в то же время и многи раны грешному...*

И каких-каких скорбей не несут особенно рабы Божии, Богу работающие! Пишет мне один многоскорбный сельский священник: кончил он курс десять лет назад, поступил во священники в село. На другой же год сгорела церковь. Думают, что поджег молоканин, кощунник и невер. Правда это или нет – Богу ведомо. А ‘ ‘для священника пожар церкви,

по выражению моего письменного собеседника, такое же горе, как смерть любимой жены”.

Наскоро построил он тесовый молитвенный дом и служил в нем три года. Часто простужался, перенес тиф, а в январе 1914 г., на Крещение, снова простудился и решил перейти в приход с теплою церковью. Но только что стал привыкать к приходу, как умирает свояк, оставляет пять человек детей, старшему 13 лет и полторы тысячи долгу... Слезы, просьбы, мольбы... Священник снова переезжает на место покойного, чтобы помочь его семье. Но и здесь его ждет горе: снова пожар церкви... “Как я молил, желал себе смерти, плачет бедный батюшка в письме ко мне: это горе разбило всю мою жизнь. Только вера спасла меня – иначе я снял бы с себя рясу”.

И много-много получается мною таких скорбных писем. Не знаю, почему пишут мне. Тут уж не скажешь, что сам человек виноват: видно, воля Божия есть на то, чтобы он скорбел. За семь лет горит две церкви, тяжело болеет два раза, сиротеет родня. Наше дело утешать такового любовью, молитвою за него, посильной ему помощью в его подвиге, наипаче же в том деле Божиим, которое тяжелым крестом легло на него – в построении храма Божия на месте сгоревшего. Да будет ему сей крест в утешение.

Маленькую лепту послал я ему: кто из читателей пожелал бы вложить свой кирпичик в создаваемый им храм Божий, тот пусть пришлет свою лепту в редакцию “Троицкого Слова”: она будет переслана с молитвою за жертвователя.

№ 335

Яд баптизма

Всякую болезнь хорошо лечить, пока она не пустила глубоко корней, пока организм еще в силах сам бороться с нею. Немцы вот уже полстолетия прививают нашему православному народу опасную духовную болезнь под видом баптизма, штундизма, словом – того протестантизма, коим сами заражены, коим хотят заразить и наш народ, чтоб отвратить его от веры православной, сделать его подобным себе. И болезнь эта, к сожалению, пустила уже довольно глубоко корни в нашем народе, особенно на юге, и, как зараза, ползет к северу России под разными названиями. Мы переживаем время острой борьбы со всем немецким: ныне больше, чем когда-либо, следует и пастырям, и власти государственной, и всем верным чадам Церкви православной обратить сугубое внимание на эту губительную для народа отраву. Упустим время – труднее будет: если наше правительство и не будет впредь так поддаваться разным влияниям немцев, то немцы, по заключении мира, несомненно будут искать по-прежнему все пути к тому, чтобы выкрасть из души народа русского его сокровище – православие, и не пожалеют на то и своих миллионов.

А зараза, как я сказал, ползет. Ползет незаметно, делая свое пагубное дело. Вот что пишет мне один священник из пензенской епархии, говоря о том, как ведут свое дело совращения в баптизм хитрые последователи его, немецкие выученики.

“Девушки пошли в поле за щавелем. Им пришлось проходить мимо хутора отрубника-баптиста Тимофея, у которого в это время было собрание. Баптисты постарались заманить девушек под предлогом послушать их пение. “Уж как у нас хорошо-то, вы зайдите, миленькия сестрицы, зайдите, поглядите, послушайте и, кстати отдохнете”, – ласково приглашали еретики. Те зашли. Баптисты сидят все вокруг стола, грамотные с Евангелием в руках, а неграмотные и дети просто так, и слушают чтение Тимофея о беседе Спасителя с Самарянкой. Прочтя сколько нужно, чтец начал толковать прочитанное приблизительно так: “Вот видите, братие, Сам дорогой Спаситель наш Своими устами учит поклоняться Богу в духе истинном. (Искажение баптистами этого стиха иногда происходит от их невежества, а иногда и с предвзятою целию, чтобы удобнее было данное место использовать в защиту своей ереси). И поклонников таких ищет Он и называет истинными. Видите, как дорого духовное, а не плотское поклонение. Да еще Иисус говорит, что поклоняться должно не в каком-нибудь Иерусалимском или в других рукотворенных храмах, как это было в старом законе, отмененном Христом, но везде, на всяком месте владычества Его. Каменные же и деревянные храмы ныне не нужны, потому в новом законе Христовом сам человек есть храм нерукотворенный, в котором живет Дух Святой. Нерукотворенными же храмами могут быть только духовные, а не плотские поклонники, которые и поклоняются плотию и в плотском рукотворенном храме и тем думают Ему угодить. Это не истинные поклонники, а ложные, которых Бог не ищет, потому их поклонение незаконное и Ему ненужное” и т. д. Потом следовало оплевание креста, св. икон, крестнаго знамения и пр. На призыв Тимофея прославить Бога за все Его милости собрание пропело некоторые стишки из “Гуслей”, а вслед за ними началось пение заповедей блаженства. Как только произнесены были слова: “блажени плачущий”, все баптисты начали горько и безутешно рыдать, кто уткнувшись в книгу, кто упав головой на стол, кто просто наклонив голову на поставленные на колени руки. Когда кончился плач и

пение, то Тимофеева жена, болеющая вот уже недели три, лежа на постели, заговорила, хотя и слабым, прерывающимся, но весьма вкрадчивым голосом: “Господи Боже Ты мой милосердый! Как я мало пожила в Твоей истинной вере... Болею вот и боюсь умереть... Ох, как боюсь! Боюсь того, что я еще не успела замолить прежних грехов моих...”

Больно уж я, когда была во тьме-то... грешила... и что это раньше, еще в молодости нашей никто нам не возвестил об этой евангельской вере? Ведь шутка ли дело: почитай до 50 лет... я валялась во тьме, слепоте и грехах! Иное дело было бы, если бы я... в молодости-то перешла в эту веру, а то боюсь, что мало в ней побыла... ох, как мало! Давно бы надо уверовать, давно!”

Как видит читатель, баптисты в данном случае показали себя будто совсем и непричастными к распространению своего лжеучения, но, однако, с появлением на собрании православных девушек весь план собрания построился именно на пропаганде. С этою целию нарочито и Евангелие читалось о беседе Спасителя с Самарянкой, и Тимофей, толкуя его, подчеркивал особенно слова о духовном поклонении; с этою целию и блаженны пелись с плачем и рыданием, и больная старуха баптистка сожалела о позднем вступлении в число мнимоевангельских христиан, – все с целию! И как это хитро и ловко проведено: как будто и пропаганды прямой нет, и сказано все, что нужно.

Так тонко и лукаво вливают эти еретики яд своего лжеучения в простодушно доверчивые сердца православных христиан. И почти никак невозможно уследить за их пагубной деятельностью, особенно теперь, когда отрубное хозяйство распространилось везде и всюду, так что свои собрания баптисты могут устраивать в любое для себя время, в любом хуторе, вдали от села, а следовательно, незаметно для ока и самага бдительного пастыря.

Впрочем, если и заметит священник пагубную баптистскую пропаганду, что с ними можно поделаться? Вызывать на беседы, вразумлять? Но они порою и слышать не хотят об этом. Я испытал это на себе. Были случаи, когда преданные православию прихожане заранее уведомляли меня о времени и месте баптистских собраний; я закладывал лошадь и направлялся, куда следует. Но баптисты еще издали, конечно, замечали, что я еду, и поэтому заблаговременно прекращали собрание. Когда я входил к ним в хату, то они принимали вид, что ведут просто житейский разговор, нимало не касаясь веры. Заводишь речь о беседе, но они, видя, что я один, только с кучером, начинают галдеть и явно смеяться надо мной: “Ведь это у вас, попов, дела-то нет, вам и досуг по беседам-то ездить, а мы рабочий народ, кормимся трудом: не поработал день-два, так без хлеба насидишься. Нам ведь не принесут готовую ковригу, пирог, стопу блинов да пригоршни денег. Нет, уж вы ищите для бесед таких же нерабочих людей, какие сами, а нам некогда с вами время-то зря проводить”. Тем дело и кончится. Но лишь только вы уехали, тоже самое “драгоценное” время в грош не ценится этими фанатиками. И это особенно тогда, когда на собрание удастся им заманить православных людей. Тогда еретики готовы напролет целые дни и ночи продолжать свое скопище, и ничем их не растащишь. Но и этого мало: если вы посетите их, то и об этом они не умолчат, – напротив, постараются об этом разгласить среди православных, что вы у них были, что беседа состоялась, но что вы оказались разбитыми на всех пунктах в пух и прах и доведены до совершенного тупика и позора. Вот каковы эти злые и лукавые делатели, вливающие яд своего лжеучения в народную душу. И вот день ото дня все больше гибнет от него народа, гибнет и по одиночке, и семьями, и даже целыми селами, как от какой-нибудь смертоносной чумы”. Так заключает свое письмо добрый пастырь, скорбящий о расхищении его овец. И,

конечно, он не один. “Свобода”, данная исповеданиям, принята последователями этих исповеданий как свобода распространения лжеучения, а десятилетний опыт как будто подтверждает, что и власть имущие так понимают эту свободу. По крайней мере, что-то не слышно, чтобы принимались меры против проповедников лжеучений; духовная чума ползет, распространяется, и Бог ведает, чем дело кончится. Пастыри и даже архипастыри делают, что могут, но их меры духовного свойства, а как относятся баптисты к такого рода мерам, видно хотя бы из приведенная письма батюшки. И нет сомнения, что немец, читая такая сообщения, только потирает руки от удовольствия, что его яд производит такое успешное действие среди русского народа.

Насколько тяжело пастырям, насколько становится опасным положение в некоторых приходах, приведу еще письмо того же священника. “С сердечной болью опять берусь за перо, – пишет он, – чтобы поделиться с вами тем великим горем, какое постигло мой приход с тех пор, как он заразился баптизмом. Я служу здесь лишь второй год, а потому и истории религиозной жизни населения его в прошлом не знаю; но некоторые местные крестьяне говорят, что народ испортили лишь всего лет семь назад, что раньше прихожане были очень преданы св. Церкви. Это доказывается тем, что лет восемь тому назад они единогласно решили строить взамен старого малопоместительного храма новый огромный каменный храм, дело уж начали и первые два-три года быстро двинули его вперед. Но, по отзыву прихожан, завелись эти отрубные участки, появились на них молокане с баптистами, начали сеять смуту, в семьях пошли раздоры и дело по постройке храма встало. Когда я перебрался в этот приход, я горячо было взялся за дело, надеясь воскресить первую энергию к постройке в прихожанах, но не тут-то было. На мои убеждения и призыв послышалось: “Года плохие по урожаю, война; старый храм еще не так ветх, кому охота, и в нем досыта намолятся; бедны мы, малоземельны, посторонних заработков нет” и т. д., хотя, сказать по правде, прихожане уж и не так бедны, и побочные ремесла знают: портняжничество, валку сапог, плотничество, имеют и другие промыслы. О том, что я привел, говорилось лично, при мне. А там, за глаза, прямо рассуждали: “Да стоит ли строить-то? На что Богу рукотворенный храм? Для чего Ему служение рук наших? Вон баптисты с молоканами и без храма молятся, духовно, просто, в любом доме. А то – трать деньги на то, что, может быть, совсем бесполезно и не нужно”.

Не обращая внимания на эти отзывы, я все же продолжал начатое дело. Собрались кое-какие средства, нашлись мастера, делался кирпич, заготавливались другие материалы. И вот, когда приходилось просить у общества подводы под эти материалы, я испытывал самые горькие минуты. Что было на сходах препирательств, брани, шума и крика – не опишет никакое перо. Слава Богу, еще сельский староста всецело разделяет мое горе и помогает по мере сил, – не то бы – беда... “Ну, совсем, батюшка, переродился народ, говорит он, никуда становится негоден. Бывало без единого словечка и подушный на церковь сбор отдадут, и подводы справят, а теперь словно белены объелись: даже уж перед Богом-то страха никакого не чувствуют. Что истые молоканы, что они – все едино. Не надо, слышь, им ни храма, ни священника, ничего. Это, говорят, все стариковское да поповское заведение, а мы не хотим попусту ни денег тратить, ни работать. Это, слышь ты, лишнее бремя. Может быть, говорят, лет через пять-десять в нем и молиться-то никто не захочет, потому ноне время другое”... “Ну, а как женщины на это дело смотрят?” – интересуюсь я. “Да бабы-то пока что ничего, хотя местами тоже начинают подголоски пущать, что-де куда мужья, туда и бабы должны тянуть”.

Старик смолк и задумался. Потом, покачивая с сожалением головой, продолжал: “А все молоконы да эти пахтисты, что ли, какие наделали делов. Все мозги, можно сказать, перевернули и глаза-то на все другие вставили. Теперича для многих что – крест, что икона, что простая доска – все единственно. Будто враз полоумные какие стали, словно чумища нашла. Бывало – за обед ли садятся, спать ли ложатся, за работу ли берутся – молятся, любо глядеть, а ныне и травушка не расти: как татарва или жидовщина стали, ни креста от них, ни поклона. С себя-то кресты и то снимают. Э-эх-ма!” – с горечью закончил старичок и безнадежно махнул рукою...

Вообразите: как и чем отзовутся такие речи в сердце пастыря? Тяжело, в высшей степени тяжело служить священнику в отравленных еретиками приходах. Помогите, Господи!”

Так вздыхают добрые пастыри на святой Руси. Тысячу лет стояла она, матушка, твердо в вере Православной. Тысячу лет питалась млеком матери-Церкви Христовой. За страшный грех считали русские простые люди даже из одной чашки есть, не то что в дружбу входить с еретиками. Почему? Да потому, между прочим, что закон государственный не давал той ложно понятой свободы исповеданий, которая теперь повсюду пошла на Руси; народ в своей темной массе верил, что закон царский во всем согласен с законом Божиим и если закон гражданский теперь дает свободу еретикам проповедовать свою веру, то, стало быть, в этой вере нет ничего худого, да и новые учителя ведь все говорят от слова Божия... Где простому человеку разбираться в тонкостях закона? Он видит, что дана свобода, стало быть, и ему не запрещается слушать этих лжеучителей... Надо знать логику простеца, надо помнить, что для верующей русской души есть, в сущности один закон – Божий, а гражданский закон есть только применение закона Божия к жизни человеческой на земле. Что грешно по Божию закону, то должно быть запрещено и гражданским законом. И никакими теориями о свободе совести, свободе исповеданий вы не переубедите его, что можно свободно и безнаказанно совращать из святой веры в чужую веру, а если это бывает, то не должно проходить даром для совратителя. С другой стороны, нужно ли говорить о том, что надо, наконец, поставить дело преподавания закона Божия в народной школе так, чтобы и простой мужичок знал, в чем разность учения православного от еретических мудрований и умел хоть бы твердым исповеданием своего послушания Церкви отражать соблазны еретиков. В этом отношении, к сожалению, не только наши раскольники, сектанты, но даже и иудеи и татары дают пример твердости своей веры во имя послушания своим предкам: “Так веровали наши отцы, хотим умереть в той же вере и мы”. Если уж наш простец не может отражать соблазнитель словом убеждения, то хотя бы твердостью стояния в своей вере мог отгонять их от себя. Но увы, и это не всегда встретишь. Пришел краснобай-еретик, повел беседу, и наши простецы готовы слушать его, сколько угодно, хотя и совесть их смущается, и сердце чувствует, что тут что-то неладно, а сказать еретику прямо: вот что, брат, у нас есть батюшка, Богом поставленный пастырь, мы его и должны слушать, и ты не хочешь ли поговорить с ним вот, а мы люди простые, мало знаем Писание, так оставь нас в покое: слушать тебя все равно не станем, – сказать так просто не придет на ум, не воспитывают этого чувства послушания в народе в наше время ни семьи, ни школы. И если руководители нецерковных школ не хотят думать об этом, то в церковных-то школах это необходимо, это их долг, смысл их существования. Дай Бог, чтобы это так и было. Волки рыщут вокруг Христова стада: пастыри, стойте бодро на священной страже!

Безумие сектантов

Всякая ересь, в сущности, прелесть и порождение гордыни ума. Все прельщенные обычно воображают себя какими-то избранниками Божиими, коим открываются тайны, для других непостижимы, а потому они любят учить других, мнят себя быть руководителями в духовной жизни. Прелесть доводит до помешательства, и это помешательство бывает особенно опасно и даже заразительно, когда психическая жизнь человека во всех других отношениях, кроме пункта помешательства, идет нормально: обо всем человек рассуждает здраво, действует целесообразно, а только заговори о том, на чем он помешался, – он весь выйдет из себя и уж не смей противоречить ему. Такими помешанными являются в наше время немцы и зараженные ими наши несчастные баптисты, штундисты и прочие сектанты рационалистических толков. Немцы считают себя избранным народом Божиим, которому поручено Самим Богом наказать все грешное человечество и потом господствовать над ним. Сектанты наши преклоняются пред своими учителями немцами и превозносятся пред православными и иногда так обнажают свое помешательство, что за них страшно становится... Наша либеральная печать как-то замолчала знаменитое письмо забайкальских баптистов, напечатанное в “Утре России” (1915 г., 10 сент.), а оно настолько характерно как проявление духовного помешательства, что на него стоило бы побольше обратить внимания. В этом письме, может быть, против намерения самих авторов, ярко обнаружилось помешательство баптистов, зараженных духовною гордынею и самоценом. Этими качествами богаты все сектанты, но обычно тщательно стараются скрыть их, а тут они выступают поразительно ярко. Судите сами: “Покорнейше просим, пишут они в редакцию газеты, в которой, в своем ослеплении, по-видимому, надеются найти крепкую поддержку, – дать отпор министру внутренних дел, что мы, баптисты, *восприяли благодать* Господа нашего Иисуса Христа и потому, идя евангельскими путями, познали истину, которою также свыше руководствуется хранитель евангельских истин *благодатный* царь земли кайзер Вильгельм, как первоисточник (!!) евангельских истин и исповедник их. Этою *благодатною* силою поразит он всех врагов Христа. Кто, как не свыше, открыл ему совершать победы силою омраченного воздуха? Мы, баптисты, преклоняемся пред величием *благодатной* славы (?) кайзера Вильгельма, который, как первый *благодатный* баптист, мечом и Евангелием победит весь мир, и наступит тогда *благодатное* царство его на всей земле. Министр внутренних дел сам должен восчувствовать *благодатную* силу евангельских христиан и преклониться пред силою евангельской *благодати*, а не порицать, как окаянный, нас баптистов. Просим и наше сие святое и *благодатное* слово пропечатать в вашей газете. Дополните, что всякая победа кайзера нами воспевается милостию Иисуса и мы видим, своих братьев, евангельских христиан, победителями богоотступников всей языческой русской земли”.

Не правда ли, что это – бред сумасшедшего? Но вдумайтесь: какая гордыня! Они – “восприяли благодать”, они “идут евангельским путем”, их писанье – есть “святое и благодатное слово”, они “преклоняются только пред величием благодатной славы кайзера Вильгельма”, который есть “первый благодатный баптист”, “благодатный царь земли”, “первоисточник евангельских истин”, – который откроет “благодатное царство по всей земле”... По их мнению, самые удушающие газы суть как бы дары “благодати”, данной кайзеру свыше... все православные русские люди – язычники, вся Русь наша есть

языческая страна... И это пишут бывшие когда-то русские люди, совращенные немцами, пишут, отрекаясь и от веры родной, и от родного народа, братаясь с кровопийцем-кайзером и доходя до богохульства: как иначе назвать все то, что приписано “благодати”, на самом же деле есть внушение сатаны? Слово “благодать” повторяется на каждой строке, и они, несчастные, воображают, что и в самом деле они полны благодати, на деле же с ними буквально происходит то, что бывает с прельщенными: диавол сводит их с ума, лишает здравого рассуждения, и они не знают меры своей гордыне, идя путем погибельным... Страшно становится за русский народ, когда вспомнишь, что такому безумию дается свобода, что секта признана, считается легальной, что в нашей Государственной Думе ее защищают, поднимают запросы пред властью в защиту ее свободы... Русские люди! Что вы делаете? Куда идете? Чему служите?..

Есть всему граница, всему предел: пусть себе природные немцы услаждаются своею “благодатью”, пусть остаются баптистами, но было бы безумием допускать, чтоб они совращали наш добрый, в вере младенчествуемый народ в свой погибельный баптизм, – это, повторяю, было бы преступлением не только пред православной Церковью, не только пред народом, но и пред государством. Вы видите, вы слышите, кого баптисты считают “благодатным царем”? Не православного Помазанника Божия, Богом венчанного нашего Царя, а немецкаго кровопийцу-кайзера: разве это не измена Отечеству, России, Царю? И – измена на самой ужасной почве – религиозной: они радуются поражению русского воинства – слава Богу, что никогда этого на деле не было, а только те же немцы лгали и слухи о том распространяли, – они величают “евангельскими братьями” немцев, заклятых врагов родной земли, они ждут покорения всего мира кайзеру, чему, конечно, готовы содействовать – это ли не измена всему, что свято и дорого нашему сердцу? И мы должны молчать во имя какой-то “свободы” исповеданий? Не протестовать против такого уродования души народной? Знаю, что мне скажут: это – исключение, случайное проявление невежественного фанатизма: стоит ли на него обращать серьезное внимание? Отвечаю: стоит, и должно, и грех тому, кто не хочет обратить на это внимание. Ведь если бы баптисты все были так же искренни, как эти “фанатики”, то не постеснялись бы все повторить то же, что и те. Разве мы не слышим, не знаем, что баптисты в своих собраниях, даже в собраниях, а не только в частных беседах, величают нас идолопоклонниками, язычниками, разве не пропитаны их лжеучители тою же гордынею, как эти забайкальские фанатики, разве не страдают православные от их нетерпимости там, где они уже забрали силу? Что до того, что простое благоразумие еще сдерживает их? Они ведь хорошо знают, что если развернутся во всю, то им плохо будет: вот до поры и времени они и молчат. Надо только помнить, что если немцы, отрекаясь от латинского католичества, остановились на полдороге, по совершенно понятным практическим соображениям: нельзя же все христианство зачеркнуть, надо же хоть Евангелие-то оставить, – то русские люди ни над чем не задумаются, если совертятся с пути истины: что осталось христианского у наших разных мистических сект, у хлыстовщины, Нового Израиля и под.? Только имя, только некоторая внешность, которою они еще и прикрываются для непосвященных, тщательно скрывая свое тайное учение о какой-то грядущей новой церкви после Ветхаго и Нового Завета... Вспомните великаго поэта – знатока народной души Пушкина: он говорил, что русский бунт ужасен по своей беспощадности. Тоже и в отношении духовном: русское отпадение от родной Церкви, – от чего да сохранит Бог Русь православную – было бы ужаснее всякой Реформации немецкой... В миниатюре, если угодно, мы это и видим уже. Издевательства над святыми иконами наших

отступников-баптистов возмутительны, беспощадность их в отношении к тем, кто остался в православии и еще находится в некоторой зависимости от них, невыносима... Вот почему я думаю, что письмо баптистов забайкальских не есть простая выходка сумасбродов-отщепенцев: это первое проявление того ужаса, какой логически грозит в будущем России, если только мы будем по-прежнему относиться благодушно к распространению немецких ересей в нашем народе. Нет сомнения, что умные баптисты всячески будут отрекаться от единомыслия с своими собратьями забайкальскими; но для нас, пастырей Церкви, совершенно ясно, что первая ласточка уже прилетела и если на нее не будет обращено внимания, как на вестницу новых течений, то – ждать грозы...

Отклик сектанта

Еще бранное анонимное письмо из армии, конечно, от баптиста или совращенного ими православного воина. Думаю, что не простой крестьянин писал его: вероятнее, что это произведение какого-нибудь вожака-сектанта и писано оно не просто для того, чтобы уколоть монаха, а скорее, нарочито сочинено для распространения среди совращенных, чтобы производить на них возможно более сильное впечатление якобы знанием Писания. Довольно сказать, что на пяти восьмушках автор указывает ровно 60 мест из Свящ. Писания, якобы подтверждающих его, прямо скажу, – глупые мудрования. Заслуживает внимания тот полемический прием, какой употребляется автором: он забрасывает читателя вопросами, с таким апломбом, с такою уверенностью в своей правоте, что простец-читатель, которому попадет такое письмо, не успеет опомниться от одного вопроса, как пред ним уже поставлен другой, третий и т. д. Ответы, предполагается, должны как бы подразумеваться сами собой: дело-де так ясно, что не стоит тратить времени на ответы, тогда как на самом деле иногда вопрос так бессмыслен, цитируемое место из Библии так мало или вовсе никакого не имеет отношения к вопросу, что только руками разведешь... А несчастный простец-читатель, для которого, по-видимому, и сочиняются такие апологии баптизма, – хотя и посылаются оне мне или другим защитникам православного учения, – простец, говорю, будет поражен, заброшен, уничтожен мнимою силою таких вопросов... Помню, когда-то я читал вот в таком же вопросительном стиле статьи покойного изменника Православию, апологета папизма Астромова: такой метод забрасывать читателя вопросами без ответов на них усердно практиковался Астромовым и имел успех особенно у дам, искательниц спасения у иезуитов.

Автор сравнивает проповедь православного пастыря с “пулеметом, в который вложена лента, и пока она не сойдет, пулемет не остановится”: он хочет сказать, что мы, православные, пишем по заученным формулам нашего катехизиса; а на самом деле его бесконечные вопросы скорее напоминают пулемет, только направляемый в пустое пространство. Начинает он лицемерным приветствием: “Мир вам! Благодать Господа да посетит вас в изобилии! Да благословит вас Иисус (у сектантов не принято называть Господа нашего Иисуса Христа по-нашему, по-православному: *Иисус Христос*, – они хотят якобы подражать Апостолам и считают излишним к слову *Иисус* прилагать слово *Христос*). Примите сие письмо как дар Христа (вот как высоко о себе думает этот лжеучитель: приравнивает свое слово к словесам Господа нашего Иисуса Христа). Примите сие обличение и не думайте, что оно от врагов ваших, нет, но от желающих вам спасения. Будьте мудры, ибо не глупые принимают обличение, но мудрые: Пр итч. 15, 12 и 9, 8”. – После этих, по-видимому, мирных слов непосредственно начинается грозное слово: “О вожди, вожди слепых! Какое семя вы сеете и распространяете корни его? Не плевели ли вы сеете? Зачем же вы соблазняете мир? А еще называете себя отцом, наставником и учителем. (Это уже начало клевет, чтобы сказать дальше): разве вы не читали Еванг. Матф. 23. 8—10? А что будет соблазнительям? Матф. 18, 6. Принесли ли мы что в мир? Не Божие ли все сие? Не прах ли мы земли? Зачем же всегда будем противиться Иисусу и духу (?)? Для кого написана глава 23 Матф. и 34 Иезекииля?” и т. далее, и т. далее... Сектант зарядил свой пулемет и сыплет из него без оглядки, не

соображаясь: куда летят его пули? В своих вопросах он касается и молитвы за умерших, “не за мертвых ли молитесь вы, умерших два раза? Христос же молился только за живых, то есть истинно верующих в Него: Ин. 17”. Касается и почитания св. мощей: “Пастырь и что делает? Служит – кому? Праху и тлению и им кланяется!” Касается и почитания Богоматери: “Христа вы велите распинать (?), а Матерь, Которая из человеков, вы велите почитать и молиться Ей, а также и многим другим святым. Не распинаете ли вы этим Христа?” – И уж, конечно, говорит об “идолопоклонстве”, то есть о почитании св. икон: это ведь любимый конек всех баптистов. Но стоит ли подробнее приводить весь этот бред помешанного сектанта? Он в своих обличениях притворно восклицает: “О, мое сердце замирает и дух возмущается! Злые сеятели! Кто вас поставил? Христос велел молиться за врагов своих, а вы чему учите?” – Вероятно, это направлено к тому, чтобы “любить врагов” – немцев. “Вы каждый год прощаете грехи, а они прибавляются: Евр. 9, 25. Земля колеблется от грехов. Не больше ли к вам относится псалом 108? Народ, всегда противящийся Христу, ненавидящий своего врага! Не думаете ли вы иметь венец жизни, если будете так поступать? Перестаньте же думать, что вы рабы Христовы, не обманывайте себя! Вы видны и за тысячи верст, по своему плоду. Воры, волки, разбойники! Вы всегда пьете и упоеваете народ вином смерти, расхищаете заблудшее стадо, ставите ему сети, ловите и ведете в жертву бездны! О сколько сетей, невидимых для жертвы! О сколько путей для слабых, коими и уводите их, а сами не хотите и думать о себе, ибо огрубело сердце ваше” и т. д. и т. д. Как видите, автор дерзает уже как бы подражать Самому Господу, обличавшему фарисеев и книжников: он нимало не сомневается, что православное духовенство – это и есть книжники и фарисеи, коих следует беспощадно обличать, и гремит против них как будто какой-то пророк-обличитель... Но он имеет и свои политические убеждения: “Вы стоите, говорит он, за свое отечество, которого наступают дни исчезновения, я вместе с ним погибнут и его защитники. 2 Петр. 3, 7; Ак. 12, 20–21. Наше же отечество на небе. Мф. 6, 20. Долго ли вы будете противиться Духу Божию? Вы – более всех! Деян. 7, 51. (Как видите: автор входит уже в роль Архидиакона Стефана). Не алтарь ли вы Бога преисподней? 2 Кор. 11, 14–15. Горе вам, фарисеи! Чьи имена пишутся в книгу жизни? Лк. 10, 20; Откр. 3, 5. Неужели, по-вашему, мстящих врагу? Мф. 5, 39–44”. – Опять как будто намек в пользу немцев...

Заметьте: какой злобой против Православия и его служителей дышит это письмо! Какою сатанинской гордыней оно напитано! Автор, как я уже сказал, свое писанье приравнивает к слову Божию, гремит как пророк, учит якобы любви, а сам кипит злобой, ставит себя выше всех толковников Евангелия, ибо в одном месте говорит, что “Евангелие требует объяснения, ибо все – в притчах (!)”, но не допускает и мысли, чтобы кто, кроме него, толковал Святое Писание...

Так вот какими рожцами питают сектанты-баптисты совращаемых ими русских православных воинов! Вот до чего доходит их дерзость, и на позициях они сочиняют или переписывают сочиненные для них вожаками “их” письма, полные укоризны нам, пастырям Церкви, – за что? За то, что мы бережем своих братьев, православных воинов, от их заблуждений, посылаем им и письма, и листки, и образки, увещеваем их быть верными сынами Церкви и Отечества... И это творится теперь, когда строгость военного положения должна бы сдерживать сектантов хотя бы из опасения, чтобы не было на них обращено внимания военных властей: что же будет, когда эти фанатики вернутся домой, когда, благодаря нашей мягкости, получат еще больше свободы разжигать вражду против Православной Церкви?

Об этом стоит подумать.

Новая защита имебожия

В нашем духовно-журнальном мире произошел немалый соблазн: “Миссионерское Обозрение”, редактором и издателем коего состоит известный В. М. Скворцов, более 30 лет считающийся миссионером, поместило статью менее известного, но уже много нашумевшего в духовной литературе Антония Булатовича под заглавием: “Имя Божие в понимании и толковании св. Григория Ниссского и Симеона Нового Богослова”. Имебожники торжествуют: “сам синодальный миссионер перешел на их сторону”, он не только поместил у себя в журнале статью Булатовича, но и выпустил книжечку “В поисках правды. По делу Афонских имебожников”, которую кто-то усердно теперь рассылает по всем монастырям России... Правда, и то и другое сделано очень искусно: чтобы не навлечь на себя обвинений в защите лжеучения, издатель под заголовком первой статьи в “М. Обозрении” тоненьким, едва заметным петитом отметил, что это-де статья, принята редакцией от Булатовича не как от своего сотрудника, а как постороннее сообщение, это – “материал к богословскому спору об именах Божиих”, а материалы нужны миссионерам так же, как и опровержение лжеучений: ведь, когда-то и в “Братском Слове” профессора Н. И. Субботина печатались материалы для истории раскола, даже сочинения Аввакума. Но о том, что Н. И. Субботин такие материалы не помещал наряду с редакционными статьями, а в приложениях, а если и случалось ему помещать в журнале, то всегда ставил над, а не под ними, не петитом, а титульными буквами заголовков, что это – “материалы”. В. М. Скворцов делает наоборот: он прячет строчечку, его якобы оправдывающую, под заголовок: авось-де простецы-читатели, т. е. имебожники, не заметят этой строчечки, и я пожну от них похвалы за сочувствие им, в защиту их (о прочем умолчим). Хитро скрыто и издание брошюрки в защиту имебожников: на обложке ничего не указано: ни издателя, ни редактора, а стоит только типография “Колокола”, но ведь мало ли кто заказывает в типографии работы: нельзя же все приписывать “самому” Василию Михайловичу. Но в самой книжонке впереди всех статей стоит статья самого В. М-ча в духе самооправдания: “На службе не лжеучению, а единой Божественной Истине”, причем слово “Истина”, по принятому правописанию имебожников, стоит с прописной буквы. Этого мало: на видном месте, с особым громким заголовком: “Мнение заслуженного ординарного профессора Московской Духовной Академии М. Д. Муретова по вопросу об имебожниках и имеславцах” – печатается частное письмо М. Д. Муретова, вовсе не предназначенное для печати, а представляющее собою частное мнение почтенного профессора о номинализме и идеализме как противоположностях, причем он, как и лично мне говорил, вовсе не имел в виду поддерживать имебожное учение в его формулах, да письмо это и писано было еще тогда, когда не было ни синодального послания, ни самих имебожников, как таковых: он всецело стоял и стоит на стороне идеализма, реализма, мистицизма, в противоположность номинализму и рационализму в вопросах догмата. Письмо писано под первым впечатлением тетрадей Б-ча; сознаюсь, первое впечатление его “Апологии” и на меня произвело сначала располагающее впечатление. Но когда начинаешь глубже вдумываться во всю софистику этого новоявленного богослова, то начинаешь замечать его постоянную путаницу в понятиях – у него имя как бы является личностью, как бы совершенно отождествляется с нею: автор многократно повторяет свое положение, что имя “есть Сам Бог”. Он не хочет, чтобы мы

сказали, не хочет повторить за нами: “призывая имя Божие, мы под сим именем разумеем Самого Бога”, – нет, он упорно повторяет, что в самом имени уже пребывает Сам Бог, пребывает ипостасно. А это далеко не одно и то же и, конечно, достопочтенный профессор не отождествляет имени с предметом именуемым, а устанавливает именно только соприкосновение чрез имя с идеею и тем Существом, Которое мыслится в идее.

С. В. Троицкий, против которого главным образом направлена статья Булатовича, конечно, ответит “Мис. Обозрению” обстоятельно. Я отмечу только то, что невольно бросается в глаза всякому читателю в этой, как и во всех других статьях Б-ча. Этот “новый богослов” (с маленькой буквы и в знаках вносных в отличие от Новаго Богослова Симеона, преподобнаго и богоноснаго отца), превзошедший своего учителя, кавказского пустынножителя Илариона, своими мудрованиями и вместе с ним изобретший “новый догмат”, о котором не слыхивали православные богословы, употребляет и новые выражения, в которых, так сказать, закутывает этот догмат, чтобы скрыть его неправославие. Так, он выражается: “Господь Иисус Христос присутствует о имени Своем”: что хочет подчеркнуть Б-ч таким необычным сочетанием слов: “присутствует о имени”? Или эта, часто проводимая им мысль, что имя Божие есть “энергия Божия”: почему употребляет он тут греческое слово, когда русский язык имеет соответствующее ему слово “сила”? А простые люди, слыша незнакомое или знакомое, но в другой области (например в психологии или даже физике) слово, поневоле думают, что тут скрывается у Б-ча какая-то особая мудрость... Затем, стыдно неглупому человеку какую-нибудь выходку невежды-фанатика, который будто писал имя Иисуса Христа на бумажке и попираля ногами, приписывать всем тем, кто не хочет принять учения его о том, что имя Божие есть Сам Бог. Ведь если так судить об учении самих имебожников-фанатиков, то я вправе был бы сказать, что они учат, будто можно заменить Таинство Божественнаго причащения тела и крови Господней причащением именем Божиим, т. е. молитвою Иисусовою. Это я слышал от некоторых из них на Афоне своими ушами, но не думаю, чтобы автор “Апологии” дошел до такого учения, отрицающего совершенно словеса Христовы о необходимости причащения именно тела и крови Его для вечной жизни. Я мог бы обвинять Б-ча в богохульном учении, будто имя Божие содействует Духу Святому в чудотворениях: ведь это напечатано в статье Имеславца в “Колоколе” и целиком перепечатано в брошюрке “В поисках правды”... Б-ч упорно замалчивает все, что пишется в обличение его невежества в богословии, в истории Церкви (св. Симеон Новый Богослов жил в XI, а не в IX веке, как пишет Б-ч), в греческом языке (статьи С. В. Троицкого и иеромонаха Пантелеймона), разъяснения, что Московская Синодальная Контора не была уполномочена С. Синодом рассматривать самое учение имебожников, а только установить: кто из них держится лжеучения и кто от него отрицается; Б-ч упорно уверяет всех, что Контора признала их учение православным и потому оправдала их... После того стоит ли спорить с ним по существу учения? Вопрос был бы скорее решен, если бы имебожники, главным образом Б-ч, ответили кратко, но точно: во-первых, что они разумеют под словом “Бог”, во вторых – что разумеют под словом “имя”. Я писал Б-чу еще в самом начале спора весною 1913 года, просил его ответить именно на эти два вопроса, но точнаго ответа не получил. Ведь, как хотите, такая, например, фраза: “Исповедание имени Иисусова в Иисусовой молитве есть Сам Господь Иисус Христос” – может смутить какого угодно богослова. Мы понимаем слово “исповедание” как действие человека, действие устами, словом, и вдруг это действие есть... Сам Господь!.. Страшно даже повторить. Или: “Имя Божие, называемое Богом и Самим Богом, понимается в смысле неотделимости призывания от

Призываемого, а не в смысле обожествления тварных элементов имен Божиих” – что это такое? Ведь всякое призывание есть действие призывающего, а призывающий есть человек, призываемый же есть Бог, следовательно, действие человека есть Бог?!.. Или еще такое “категорическое” заявление: “Повторяю, что именуя имя Божие и имя Иисусово Богом и Самим Богом, я чужд как почитания имени Божия за *Сущность* Его, так и почитания имени Божия отдельно от Самого Бога, как какое-то особое Божество”. Выходит, что имя Божие есть Сам Бог, но не Сущность Его: да ведь это то же, что сказать: Бог не есть Бог?!.. Очевидно, что слово “Бог” в понятиях Б-ча имеет два смысла: один – Бог – Сущность Божия, другой – Бог только имя Его, сила, но не Сущность... Зачем же такая путаница? Кто разберется в ней? Мы привыкли под словом “Бог” разумеать именно Сущность Божию, а для других понятий имеются в нашем языке и другие слова. Правда, слово “бог” употребляется и в Св. Писании даже по отношению к людям: *Аз рех: бози есте*, но ведь это давно растолковано нам, что в древности богами называли и властителей, а Господь в Евангелии приводит этот текст в смысле переносном (Ин. 10, 35). А Б-ч толкует, что тут Божие слово обожествляет человека... Как же, наконец, он сам понимает слово “Бог”? Нельзя же в одном случае понимать это слово как Сущность Божию, в другом – только имя, отрекаясь от понимания Сущности под сим словом.

Читая писания Б-ча, недоумеваешь: как он понимает благодать Божию? Многие места его статей наводят на мысль, что сию спасительную силу Божию, он даже готов наименовать Богом. Думаю, что все недоразумения наши разъяснились бы, если бы он точно определил, как он понимает слово “Бог”.

В заключение своей заметки по поводу статьи Б-ча в “М. Обозрении” приведу отрывок из гимнов преподобного Симеона Нового Богослова: не вразумит ли он нашего новоявленного богослова? “Я оплакивал, говорит преподобный, род человеческий, так как ища необычайных доказательств, люди приводят человеческия понятия, и вещи, и слова, и думают, что изображают Божественное естество, то естество, которого никто ни из Ангелов, ни из людей не мог ни видеть, ни наименовать. и в самом деле: чем можно было бы назвать Творца всех? Его имя нам еще неизвестно, кроме (имени) “Сущий” неизреченный Бог, как сказал Он (Исх. 3, 14). Итак, если Он неизреченен, если не имеет имени, если невидим, если сокровен, если неприступен, если один Он превыше слова, превыше представления не только человеческого, но и невещественных умов, ибо Он положил тьму покровом Своим (Пс. 17, 12), и потому все прочее находится во тьме, и один только Он, как свет, вне тьмы: то как ты вводишь о Нем понятие? Или ты делом увидел Отделенного? Откуда же и как ты прошел чрез тьму, один отделившись от всех тварей”?

В другом месте своих творений св. Симеон пишет: “Удивляюсь я тем немалочисленным людям, которые, прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему, не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая божеских вещей... и будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем, Его касающемся, без благодати Святаго Духа, дающего смысл и разум: трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что тогда как Божество для всех непостижимо, мы, незнающие ни самих себя, ни то, что пред очами нашими, с дерзостью и безстрашием Божиим приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Святаго Духа... Грешим мы даже тем самым, что допускаем при таком положении своем желание говорить что либо о Боге. Ибо если трудно познать самого себя, не тем ли паче трудно познать Бога? Что может быть

нечистее того, кто в гордостном самомнении покушается учить о тех, аже Духа суть, без Духа? И что сквернее того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но, минуя сие, приступает богословствовать? Я думаю, что сие покушение страшно и что те, которые дерзают на него, будут осуждены Господом”...

Какие есть у нас воины Христолюбивые

Господь обещал праведному Аврааму пощадить нечестивые города Содом и Гоморру, если там найдется хотя только десять праведников. Много согрешила наша когда-то “святая”, а ныне грешная Русь пред Господом, но верится, что в миллионах русских православных людей есть еще те праведники, ради коих щадит Господь грешную Русь. Не видны они, эти рабы Божии, но видит их Господь и милует нас грешных. Есть, воистину есть такие рабы Божии и в среде нашего воинства христолюбивого, что засвидетельствовано дивными примерами их христианских подвигов, их любви ко врагам, христианского мужества и смирения, совершенной преданности в волю Божию и истинно христианской кончины на полях брани и в лазаретах. Среди православных воинов есть и истинные подвижники, напоминающие тех рабов Божиих, о коих мы читаем в житиях святых, в патериках и древних летописных сказаниях. Это люди – не от мира сего и потому мир, даже в лучших своих представителях, не понимает их во всей их духовной красоте, высоте и благоухании... Они кажутся слишком “странными”, хотя люди от мира не могут не преклоняться пред их духовным обликом, не могут не воздавать им глубокого почитания и, скажу не обычное для мира слово, не смиряться пред ними...

Вот что рассказывает об одном из таких героев в “Армейском Вестнике” офицер, по-видимому, его начальник. Рассказ так и озаглавлен: “Странный человек”. Подзаголовок говорит: “Памяти мл. унт. – офицера Трофима Федоровича Скачкова, погибшего (надо бы сказать: душу свою положившего за исполнение своего долга) 25 июня сего года под деревней Дарево”.

“Странный человек” – так его прозвали солдаты. Скачков – запасной солдат, уроженец Каменец-Подольской губернии, проживавший некоторое время во Владивостоке; в наш полк прибыл 2 сентября 1915 г. В строю был с самого начала кампании, но наград, к сожалению, не имел. Главная отличительная черта его на поле брани – религиозно-нравственная чистота и безлицемерность. Очень редкое явление встретить такую глубокую веру, как была вера Скачкова. На фоне религиозного безвременья такая личности резко выделяется из равнодушной толпы и стоит особняком, одиноко, как прямой пушистый кедр среди кривого тальника.

Охарактеризовав так своего воина, автор не утерпел, чтобы не высказать своего интеллигентского взгляда на его веру: “Правда, – говорит он, – глубокая вера Скачкова, была слепа, она не была продуктом долгой критической работы мозга, что принято у нас называть религиозным или иным убеждением”.

Лучше бы автор не писал этих строк: он, кажется, забыл, что вера не от мозга, не от его “критической работы”, а от доброго сердца и что такой вот вере ему следовало бы поучиться у Скачкова. Впрочем, автор оговаривается тут же: “Суть, – говорит он, – заключается не в этом, а в его высоких нравственных основах и непреклонной силе воли, смогшей противостать соблазну безпринципности, какая наблюдается в настоящее время в народной массе. При самых неблагоприятных условиях боевой жизни, он, единственный в полку, неуклонно соблюдал все постные дни. На одном черном хлебе и чае он без вреда для здоровья выносил семь недель Великого поста.

Ежедневно, утром и вечером, прочувствованно и долго молился, не обращая внимания на неуместные, иногда колкие, шутки и насмешки непонимающих его психологии

товарищей. “Глядь-ко, Митроха, – говорит, бывало, один солдат другому, указывая пальцем на молящегося, – в святые ладит”. – “Звестно дело, монахом бы ему и быть”, отвечает тот. – “А ты знаешь, отчего у него на коленях часто шароварки дырявы бывают?” – “Поползай-ка ты каждодневно так-то, небось и тяткину кожу продырявишь”. – Но Скачков без малейшего смущения продолжал молиться и, что удивительно, никогда не сердился. Его обращение ко всем без исключения сослуживцам было самое теплое, искреннее. Он всегда был готов услужить каждому... При стоянках ли, на походе ли, его вещевой мешок всегда был перегружен, а в дополнение имелось еще несколько узелков и кошелечков. Однажды командир батальона, удивившись невероятной нагрузке, спросил его: “Что это ты, молодец, таскаешь так грузно?” – “Всего помаленьку, ваше высокоблагородие”. – “Именно?” – “Да все, что идет на потребу солдатскую: рубашки, подсумочки патронные, провизия, книжечки божественные вот... журнарики, очинно интересные рассказы есть в них про жизнь людскую и нашу солдатскую”. – “Ну, журналы, газеты, книги – это твое дело, – сказал командир, – а сколько тебе рубах да подсумок тех надо?” – “Да мне-то одному немного надо, а вот случись у кого из солдатиков что износится, порвется или ненароком утерется... а то и сухариков не хватит: я и дам ему... В походе где взять-то? А у меня всего помаленьку есть про запасец... Таскать-то по привычке мне не тягостно, ваше высокоблагородие”. – За такую нагрузку солдаты прозвали его в походах “двухколка”. – “Мотри-ка, Грицко, вот и наша “двухколка” выехала”, добродушно смеялись они, завидя входящего в строй перед передвижением Скачкова. Иные объясняли это по своему: “Ох, не грехи ли свои он искупает этим? Наверное, в душе его таится какой-нибудь тяжкий грех. Из-за чего же иначе он так мучает себя”.

Эти русские простецы, думаю, лучше мудрецов понимали, сердцем чувствовали, что Трофим Федорович не напрасно носил эту “нагрузку”: это были его вериги, которым он “удручал” себя ради Бога, подражая древним подвижникам-юродивым.

“Вообще, говорит автор очерка, в отношении сохранности снаряжения и обмундирования Трофим Федорович был исправнейший солдат. В то время как другие беспощадно разбрасывали все лишнее, даже и положенное, он подбирал все, что только годного попадало ему на глаза: грязного ли пара белья – поднимет, вымоет и в свой мешок; заржавленный ли патрон – возьмет его, вычистит – и в мешок; тогда как в походах иной молодой тяготится 100–150 патронами, стараясь при всяком случае “сбавить”, он имел, по крайней мере, 250–300 шт. всегда при себе. И при надобности готов был отдать последнюю с себя рубаху соседу.

Трофим Федорович никогда не был угрюм. Он очень редко защищал себя от напрасных обид и нападок, но если это ему случалось делать, то говорил противникам так убедительно и обоснованно, что возражать или оправдываться никто не смел. В таких случаях пред ним как-то невольно преклонялись. Исправность его по службе была безусловная. Он был всегда готов на любое дело, на любой подвиг. При всяких обстоятельствах военного времени показывал удивительнейшее хладнокровие. В последнем сражении, когда он пал геройской смертью у самых проволочных заграждений противника, бывши отделенным командиром, он, по словам товарищей, выказывал необычайную храбрость. Но здесь его роковой удел свершился при несколько странных обстоятельствах. “Цепь шла в атаку, он был ранен, – заверяют очевидцы, – достал свой молитвенник, опустился на колени и молился. Но шальная пуля убила его наповал”.

В унтер-офицерское звание он был произведен только нынешним летом и тогда же был назначен отделенным командиром. Казалось, мягкость и скромность его характера не позволяли ему быть начальником, но на деле получилось нечто неожиданное: его отделение вело себя образцово. Необыкновенная сила воли делала свое, когда с ним сошлись близко. “Как-то стыдно его не слушать, – говорили его подчиненные, – совесть на него не поднимается”. И он, действительно, своим пристальным, уверенным взглядом умел заставить себя любить и уважать”.

Что нашел “странного” в обстоятельствах геройской смерти Скачкова автор сообщения о нем – не понимаю. Воин-христианин, раненый опускается на колени, вынимает молитвенник, начинает молиться Богу – все это так естественно для верующего, а вот интеллигентный автор видит что-то странное в этом. Так далеко мирозерцание наших, даже лучших интеллигентов ушло от мирозерцания простых русских людей православных. Печальное это явление, но оно постепенно и незаметно входило в интеллигентную душу в продолжение последних двух веков и удивляться этому не приходится. Будем надеяться, что небывалая по своей жестокости и гибельности война и христианские подвиги православных воинов откроют глаза нашим интеллигентным слоям на ту могучую нравственную силу, которая скрывается в православной народной душе, на ту цельность христианского мирозерцания, которое делает из наших простых воинов – сверх-героев, отдающих Богу душу с молитвой на устах...

Я только что кончил свою статью, как в “Новом Времени” прочитал еще отрывок из корреспонденции с фронта. Описывается кратко смерть воина – одна из тех смертей, которыми полны летописи современной войны. Эти смерти там, на фронте, явление самое обычное.

“На носилках лежит молодой сибирский стрелок. Доктор, нагибаясь, спрашивает: “Куда ранен? “ – Бледные губы чуть слышно шепчут: “В живот”. Доктор отворачивает шинель, суконную рубаху, нижняя вся в крови. Долго смотрит на рану, медленно поднимается и, точно угадав мой безмолвный вопрос, чуть слышно отвечает: “Разрывная, тут не доктор нужен, а батюшка”. На пороге стоит священник с походной дарохранительницей в руках. Просит уйти нас, остается с умирающим один. Сердце рвется туда, к раненому. Кончена исповедь, и я вхожу в перевязочную. Никогда не забыть мне светлого печального обряда св. Причастия. Медленно, почти беззвучно повторял умирающий солдат за священником святыя слова. Красивое лицо молодого стрелка побледнело, губы темнеют все больше и больше, по высокому матовому лбу пробегает предсмертная желтизна. Окончен обряд причащения. Священник наливает в стакан воды и протягивает умирающему. Жадно, большими глотками пьет он холодную воду, это последнее облегчение. Батюшка медленно опускается на колени к изголовью смертельно раненого. – “Ну что, легче стало?” – “Спасибо, гораздо легче”. Не знаю, солнечный ли луч проник сквозь окно в перевязочную, но лицо раненого воина озаряется светом. Ни единого стога, ни единой жалобы, а внутри все порвано, смешалось, уничтожено, но нестерпимый муки не отразились в эти короткий минуты на его лице. Боже мой, какая прекрасная смерть мученика!”

Простите, читатель: не мог писать этих строк без слез умиления. Какая сокровища духа скрываются в нашей православной душе! И этими сокровищами она обязана единственной своей родной матери-Церкви... И когда подумаешь, что на эту нашу матушку родимую теперь делается столько покушений со стороны врагов Русской земли, со стороны всяческих сектантов, со стороны немцев, со стороны – скажу прямо – многих

наших же русских интеллигентов, то и больно, и страшно становится, и хочется крикнуть: прочь, непрошеные просветители-помрачители, прочь, иудейские союзники, немецкие наемники – реформаторы церковные!.. Мы не уступим вам ни единой йоты из священных заветов нашей матери-Церкви, мы веруем в силу Божию, обитающую и действующую в ней: ею мы, вся Русь Православная, живем и движемся, в ней – весь смысл нашей не только частной, семейной, общественной, но и государственной жизни. Не культуру земную, немецкую, призван народ наш нести в историю человечества, а святое Православие, чистые заветы Евангелия, Царствие Божие в душах людских... И все эти сокровища – в нашей Церкви-матери, и горе тому, – гнев Божий грозит тому, кто изменит своей матери, кто перейдет на сторону ее врагов ради корысти, ради выгод земных!.. Горе тому, имже соблазн приходит!

Великое испытание совести народной

Хорошо называют всякую войну великим испытанием. Как золото очищается от посторонних примесей огнем, так душа христианская очищается скорбями, так целый народ Божиим попущением подвергается великому испытанию войною: никогда так ярко не обнаруживаются душевные свойства народа, как во время бедствий войны. Будто со дна души поднимаются и добрые качества, и те страсти, которые таятся в самой глубине сердечной; и начинается между ними борьба, и благо тому народу, в душе которого добро возьмет верх над злом, добрые свойства его души над недобрыми... На наших глазах за эти два года войны раскрылась во всей наготе душа немца: это – настоящий потомок древних гуннов, безсердечный, безчеловечный эгоист, пропитанный гордостью и самоценом до мозга костей; в его глазах только его соплеменники – люди, остальное человечество – что-то вроде животных, коими он может пользоваться как рабами, почти как безсловесною тварью. Тут обнаруживается что-то сродное с иудейским талмудическим мировоззрением. Немец пьян своею гордынею, буен и шумен от нея как от крепкого вина. Если еще есть надежда на его отрезвление, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить... Вызвала ли война в немецкой душе что-либо доброе – мы не знаем: пусть об этом судит Единый Ведущий человеческия сердца.

Обратимся к родному народу, посмотрим, что вызвала на поверхность его души эта ужасная война. Зла в мире больше, чем добра, а потому – больше приходится замечать явления отрицательныя, чем положительные. Мир ведь во зле лежит.

Думали ли мы, пастыри Церкви, что война вызовет из глубин души народной безпредельную, ужасающую страсть корыстолюбия? Правда, она проявилась сначала не в массах народных, – она прежде всего обозначилась в том сословии, о котором еще древний мудрец сказал: “Купец едва может избежать погрешности; как посреди скреплений камней вбивается гвоздь, так посреди продажи и купли вторгается грех” (Сир. 26, 27; 27, 2). Но как пламя пожара, страсть наживы быстро распространилась повсюду, где только открывалась возможность нажить: все без исключения быстро стало дорожать: и товары, и труд рабочих, и самые первые потребности жизни... Будто опьянели все: что вчера стоило несколько копеек, то стало стоить рубль, а что всего хуже: дороговизна все растет и нельзя сказать, когда и на чем она остановится... Будто люди сказали своей совести: “Уйди ты от нас, не докучай нам: видишь, настало время, когда так легко можно нажить, такого времени мы и не запомним, да едва ли когда еще и будет. Как же не попользоваться, как не скопить деньгу на черный день?...” И копят, и прогнали от себя совесть, и она замолчала, и то, что свойственно отверженному Богом племени, будто стало общим достоянием всех, кто только видит возможность под тем или другим предлогом взять втридорога, а иногда и еще дороже. И будто все правы: “С меня дерут, как же мне не брать?”... И не знаешь: да к чьей же совести обратиться? Увы, она спряталась куда-то у всех, не только торгующих, но и трудящихся... Дело в том, что явилась в жизни какая-то невольная круговая порука: все вздорожало как бы поневоле, и только тот, кто не имеет возможности поднять цену на свой труд, например, чиновник, священник, учитель, живущие жалованием, несут всю тяготу этого вздорожания, только они обречены на голод и всю невыносимость дороговизны... Довольно сказать, что профессора высших учебных заведений, люди с высшим образованием, с видным

общественным положением, люди, занимающие высшие должности в правительственных учреждениях, но не имеющие посторонних источников для своего содержания кроме жалованья, начинают завидовать простым фабричным рабочим, которые сами повышают цену своего труда пропорционально росту дороговизны жизни. Что это, как не повальное сумасшествие? Люди, в сущности, обманывают друг друга, ибо если ты требуешь за свой труд, за то, чем ты торгуешь, больше прежнего, то и с тебя требуют также больше прежнего: повышается твой приход, но повышается и расход, если ты только хочешь остаться честным человеком. Но в том-то и горе, что этого мало: ты снова повышаешь цену своего труда или товара, чтобы что-нибудь нажить, но и с тебя снова повышают требование за все... Будет ли этому когда конец? Ведь так можно дойти до того, что рубль обратиться в копейку: подумайте, как же тогда жить тем, кто живет всё тем же рублем, каким жил три-пять лет назад? Ведь ему придется умирать с голоду!

Пишет мне один многосемейный чиновник: “Вот приходит осень, зима; жалованья, которого прежде доставало кое-как на квартиру, отопление, на пищу и одежду семьи (а она у меня состоит из 11-ти человек), теперь едва достанет на скудный стол да на полуотопление, – будем уже согревать квартиру на половину своим дыханием; детям ходить в учебные заведения – не в чем: ни теплой одежды, ни обуви, да и за учебу вносить нечего; в церковь выйти в праздники и думать не приходится: будут сидеть до весны дома – ведь совсем одичают... Помогите чем можете”. Но ведь таких тысячи: как и чем им помочь? И это еще те, у кого хоть на кусок хлеба-то достанет, а как жить нищете безысходной, вот этим вдовицам духовного ведомства, получающим из своего попечительства по рублю в месяц, как быть тем, который вовсе не получают ни гроша, а для труда нет у них ни силы, ни умения. У миллионеров бездна бездну призывает, по 500 % наживают, куда деньги девать – не знают: рядят своих жен в бриллианты, которые, говорят, страшно вздорожали, одевают в шелки, которые стали дороже серебряной парчи, прожигают время в театрах да веселых домах, проигрывают целые состояния в одну ночь в карты, – а беднота плачет с голоду и холоду, а младенцы новорожденные не имеют капли молочка, а больные беспомощные старички и старушки зябнут в нетопленных хатах или подвалах, и нет у них корки хлеба, чтобы размочить да голод утолить!.. Господи, помилуй их, напитай их!.. А Господь словами песнопевца отвечает: “Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник”... Вы, забывшие Бога, у которых совесть молчит! Услышьте хотя вопль и стенание, слезы и рыдание этих несчастных! Вы, роскошно пирующие подобно евангельскому богачу, бросьте хоть ту корку хлеба несчастным сиротам и беднякам, которую вы небрежно бросаете своим псам, что под вашей трапезой подбирают крошки! Вы, власть имущие, обуздайте жадность торгашей, вы, законодатели, издайте законы, или лучше сказать: напомним существующие уже законы, не позволяющие брать свыше известного процента! Ведь вопли бедноты, стоны вдов и сирот вопиют к небу и внемлет им Господь – Судия праведный, – поспешите умилизовать Его, пока до конца не прогневался Он на всех нас!..

Но почто пишу я эти многоскорбные строки? Кто будет читать их? Все уклонишася, вкупе неключими быша, – все сошли с ума, все, кто забрал в свои руки так называемые предметы первой потребности! Все опьянели страстью наживы, подобно тому как немцы опьянели страстью гордыни, зверства, жадности! Вот мы каждый день умоляем Господа, чтобы помог Он Царю нашему одолеть врага и супостата, но сами что делаем? Прогневаем Господа. Услышит ли Он молитву нашу? Русские люди, – не говорю уже о живущих среди нас нерусских, коим дела нет до Русского народа, до блага родной

земли, – вы, именующие себя русскими, православными людьми! Опомнитесь! Убойтесь Бога, Судии праведного! Призовите в помощь свою забытую, прогнанную вами совесть! Спросите ее: чем умиловить гнев Божий, грядущий на нас? Она вам подскажет. В ее голосе вы услышите голос Божий. И лишь только послушаетесь этого голоса, как увидите воочию Божие благословение на вас и на делах ваших, как почувствуете в сердцах своих прикосновение Божией благодати, милующей и спасающей нас. Лишь только вы протянете руку помощи горюющим беднякам, лишь только откроете житницы ваши – не говорю уже для бесплатной раздачи хлеба алчущим, а хотя бы только для продажи по совести, без большого барыша, тех запасов, какие у вас имеются, – вы сразу почувствуете, что над вами будто небо раскрылось: так станет у вас светло на душе, вы сознаете, что есть на земле счастье повыше всех ваших удовольствий, и настолько выше, что, как небо от земли, так это счастье отстоит от всех ваших балов, театров, игр, наслаждений... Ужели вы так и умереть хотите, не изведав этого счастья, – счастья делать добро, жить по совести, счастья чувствовать близость Божьей благодати к себе, счастья быть уверенным, что есть вечно блаженная жизнь, которая начинается еще здесь на земле, в сердце нашем, когда начинаем исполнять Божии заповеди, освящая себя святыми таинствами Церкви, нашей матери? Ведь вы же, русские люди, называете себя еще православными; вы еще не отреклись от Церкви, от Христа: вы не хотите этого – да? Так проснитесь же, отрезвитесь, сбросьте вражье навождение, ослепляющее вас страстью наживы! Ах, братья – купцы и торговцы! Если бы вы знали, какое теперь, именно теперь благоприятное время для вас, чтобы с Богом прогневанным примириться, чтобы себе царствие Божие – еще здесь, на земле купить, в свое сердце стяжать, чтобы начать жить по-Божьи здесь и перейти туда, в вечность, с мирной совестью, с верою и упованием на Божию милость! Ведь я говорю с русскими людьми, а русские люди веруют в Бога, не то, что немцы, – правда, увлекаются страстями и грехами не меньше немцев, но все же по русскому обычаю, когда гром грянет, и перекрестятся. Вот, гремит гром небесный над Русской землей: перекреститесь же! Ведь гроза Божия может прямо разразиться над вами, – отведите же ее от себя милосердием и простою справедливостью! Пожалейте родную землю, родной народ, будьте русскими!..

Законы правды Божией непреложны; когда люди не хотят знать их, они свершаются над ними с неумолимой строгостью. Около четырех тысяч лет тому назад прогремело грозное повеление Божие на Синае: *не укради!* Всякий безсовестный продавец нарушает эту святую заповедь Божию, а потому над ним висит гнев Бога правосудного: он не только сам лишает себя благословения Божия, но и призывает на себя проклятие. “Сладок, говорит древняя богодухновенная мудрость, сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою, но после рот его наполнится дресвою (Притч. 20, 17); строящий дом свой на чужия деньги – то же, что собирающий камни для своей могилы (Сир. 21, 10), а кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным (Притч. 28, 20), потому что богатство его, по пословице, прахом пойдет, или, как говорит премудрый Соломон, оно сделает себе крылья и, как орел, улетит к небу” (Пр. 23, 5)...

Никакой народ не умеет так каяться, как наш православный Русский народ. И слава Богу: хоть редко, хоть единично, а я имею утешение видеть такое – русское покаяние. Приведу самый последний пример. Вот что пишет мне один почтенный старец из торговых людей. Само собою разумеется, я не назову его ни имени, ни адреса, хотя думаю, что он был бы согласен и на это. “В дни моей молодости, когда мне было лет восемнадцать (а теперь мне уже 67 лет), я служил конторщиком в купеческой конторе. Раз

приказчик считал деньги для сдачи их хозяину, когда хозяин позвал его к себе в соседнее помещение. Он поспешил на зов хозяина и оставил деньги на столе. В конторе остались я да бухгалтер. И вот, кому-то из нас – кажется, что мне, пришла мысль подшутить над приказчиком, спрятать часть денег, и я взял – не помню, одну или две пачки по сто рублей и спрятал в свой ящик с мыслию: хватит ли приказчик? (Как видите, враг хитер: он не стал внушать тут же присвоить – попросту – украсть деньги: он учит только “подшутить”, спрятать их). А приказчик, по возвращении в контору, не считая денег, убрал их в свой ящик, поспешая куда-то, чтобы исполнить приказание хозяина. В этот ли, или на другой день у нас с бухгалтером явилась мысль, что у приказчика, вероятно, столько хозяйских денег, что он и не хватится взятых нами, а потому можно их и вовсе не отдавать ему. Действительно, сразу он и не хватился, что у него денег недостает, но потом по его беспокойству мы заметили, что он денег не досчитывается, но все-таки взятых денег ему не возвратили, а разделили их пополам, то есть украли... (Вот как враг ведет человека от шутки ко греху: может быть, стыдно уже стало признаться в “шутке”). Много лет спустя у меня зашевелилось сознание греха, и я был бы очень рад возвратить эти деньги по принадлежности или наследникам того приказчика, но к розыску его не принял мер, а потому вовсе потерял его из виду. Вот я прибегаю к вам, владыко, с почтительнейшей просьбою: прилагаемые двести рублей употребить по вашему усмотрению и помолиться о прощении моего греха”.

Прошло пятьдесят лет, а совесть все мучила русского человека. Надо бы, конечно, и теперь возвратить хотя наследникам того приказчика, но и они не известны. В успокоение кающейся совести, я послал эти деньги в распоряжение Волынского святителя, в помощь его бедному духовенству, лишенному крова после разорения их жилищ немцами, присоединив и от себя нечто, дабы быть участником в покаянной жертве доброго христианина. Думаю, что самая мысль поступить так пришла ему под впечатлением недавно напечатанной моей заметки под заглавием “Совесть заговорила”. Там я рассказал, как тоже некто, взявший у странника 15 рублей и не возвративший ему, прислал мне 30 рублей с просьбою послать на фронт нашим воинам “Троицких Листков”, в виде духовной милостыни, потому, что он не знает, кто и где живет, даже жив ли тот странник, у кого он взял деньги, ибо прошло уже лет пятнадцать, как это было.

Так вот как поступают люди, у которых совесть еще не погасла, которые еще внимают ей неумолимому требованию и боятся суда Божия. Вот добрый пример тем из торговых людей, которые уж слишком много перебрали за свои товары с добрых людей: пусть они вспомнят еще евангельский пример мытаря Закхея, пусть в своем сердце повторяют его золотые слова: *“Господи, се, пол имения моего раздам нищим, и **еще кого ним обидех, возвращу четверницею]**”* За то и услышал из уст Самого Господа: *днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть.* Вот настоящий путь, указываемый Самим Господом и нашим купцам, если только они не хотят отречься от Христа Спасителя. Господь говорит, что радость бывает на небесах у Ангелов Божиих, когда и один грешник кается, какую же радость самим Ангелам Божиим доставили бы наши купцы, если бы по примеру Закхея стали бы обращаться, каяться или хотя бы полагать начало покаянию, продавая товар по совести, не обижая ближнего, не повышая цен... Ужели в самом деле они так заглушили свою совесть, что перестали быть христианами?..

Не хочу верить!..

Я кончил статью, когда пришел ко мне один настоятель, только что назначенный в монастырь. Его рассказ подтвердил мне то, что я думаю о русской душе. Она способна на

великие подвиги, на самоотречение в самых, казалось бы, насущных и крупных материальных интересах. Предшественник о. настоятеля оставил монастырских долгов на несколько десятков тысяч. Кредиторы, все торговые люди, явились к новому настоятелю с своими заявлениями об этих долгах. Настоятель сказал им прямо, что монастырь не имеет чем платить. “Как же нам быть? Что посоветуете?” Он сказал: “Если хотите выслушать мой совет, то скажу вам откровенно: судиться с прежним настоятелем – один соблазн, да и у него ничего нет. Обитель посвящена Матери Божией: Она и должна вам в сущности. Если вы простите Ей этот долг, то Она будет вам помощницей в ваших делах и Сама наградит вас... Вот и весь мой совет”. Купцы подумали немного и решили: “Быть так! Верим Царице Небесной”. И заявили, что они прощают монастырю весь долг...

Широка натура русская. Это отметил еще наш славный поэт граф Алексей Толстой в своем известном стихотворении. Это сказалось даже и в том печальном явлении, которое называется дороговизной. “Если уж наживать – так без меры, без пощады”. И наживают... И народ простой на тот же путь примером своим толкают. И вот мужик требует 5 рублей только за то, чтобы перевезти кубик хворосту за две версты для соседа, беспомощного старика, у которого нет ни лошади, ни денег заплатить... Какое-то безсердечие, – страшно подумать!.. Но не верится, что так и дальше будет. Гремят громы Божии, крестятся уже русские православные люди. Ужели люди торговые, именующие себя русскими, не опомнятся, не перекрестятся? Не хочу верить...

В чем нуждается народ для борьбы с расколо-сектантством

Всякия “свободы” не доведут до добра. Самый принцип таких свобод решительно неприемлем для русского православного человека. А современные умники стараются толковать такие свободы в самом широком смысле: что разрешено, то не грешно, что позволено, то может быть и распространяемо. Закон хочет, чтоб не была стесняема свобода сектантов и раскольников веровать по-своему, молиться, как хотят, а наши умники идут дальше: толкуют, что разные лжеучители вправе и распространять свои лжеучения, а простецы толкуют еще дальше: можно проповедовать, значит – не грешно и веровать так, как проповедуют эти новые учителя. И ереси и расколы ползут по родной земле, как чумная зараза, и православные простецы, чувствуя сердцем беду, соблазняемые уже самою тою свободою критики родного церковного учения, какую проявляют сектанты и раскольники, тем презорственным отношением к Церкви и ея пастырям, какое сквозит в каждом слове, в каждом жесте сектанта или раскольника, теряются, не находят, что возразить, смущаются, просят помощи... Много таких писем получают пастыри-священники, получаю и я. Нет возможности отвечать на все такие письма каждому отдельно. Но трудно дать и общий ответ: почти в каждом письме есть что-либо особенное, требующее внимания. Оказывается, что в окопах ведутся на досуге целые диспуты, причем начинают всегда сектанты или раскольники, вызывая православных на спор; зачинщики диспута, обыкновенно, люди подготовленные, из пропагандистов, а слушатели – простые солдаты; хорошо, если среди них найдется сколько-нибудь сведущий, чтобы возражать сектанту-раскольникову; большею частию, к глубокому сожалению, простые люди идут на закинутую удочку, вступают в спор, но не в силах вести его, и враги Церкви торжествуют... А у православных нет самого главного основания, чтобы удержать свою позицию: нет крепкой веры в авторитет своей Церкви. Они своими ничтожными знаниями пытаются опровергнуть противника, забывая, что у Церкви есть неистощимый запас оружия против таких врагов... И приходится им писать письма, вроде того, которое привожу ниже:

“Рабу Божию Терентию – Божие благословение.

Кто не умеет плавать, тому лучше не пускаться в море, волнующееся бурей. Кто не знает в должной степени учения своей матери православной Церкви, кто не изучал разных сектантских и раскольничьих лжеучений, тому не следует пускаться в словопрения с раскольниками и сектантами. Вот отчего и приходится иногда терпеть неудачи, вроде той, какую потерпел ты в споре с врагами Церкви. Когда они вызывают на спор, лучше отсылать их к пастырям Церкви – пусть с ними спорят, – ты в простоте своей одно помни и тверди себе и другим, таким же простецам: мы люди неученые, мы знаем одно, кто Церкви не слушает, тому Церковь не мать, тому и Бог не Отец, как сказал святитель Киприан Карфагенский. Да и Сам Господь сказал: “Аще кто Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь”, то есть пусть такой преслушник Церкви-матери будет для тебя как совсем чужой человек. Господь сказал Апостолам, а чрез них и преемникам их, пастырям Церкви: “Кто слушает вас, тот Меня слушает, а кто отменяет вас, тот Меня отменяет”. Если мы не будем исполнять сих слов Господних, а будем сами на свой ум полагаться, не станем слушать пастырей, которые Богом поставлены, то и отвечать Богу сами будем за свое самоволие, за свою гордую самонадеянность, за непослушание Церкви.

Уж лучше будем слушать своих, Богом данных и Церквию посвященных пастырей, чем каких-то раскольничьих учителей да сектантов. Вот как надо вам, простецам, уклоняться от споров с раскольниками и сектантами. Надо бегать их, как зачумленных, ибо их гордыня и есть настоящая духовная чума.

А о святых мощах еще в Ветхом Завете писано: что от мощей пророка Елисея мертвый воскрес. Да я и не понимаю, как это свои, православные, говорят против св. мощей: это уж зараженные сектантами люди, а не православные. – Удивляюсь, как это люди простые, неученые, решаются судить о таких делах и вещах, о коих есть учение Церкви, от веков древних, от Апостолов и св. отцов установленное и преданное, а в Церкви Божией тысячами пастырей принятое и утвержденное. Ведь миллионы православных и веровали, и теперь веруют, и веру свою видят оправданною в чудесах и знамениях, от мощей бывающих, – мы видим это часто и около мощей нашего Преподобного Сергия, – мы видели еще так недавно, – в ночь на 31 августа, как мощи его были в огне и остались невредимыми, хотя огонь в святой раке был в течение пяти часов и даже больше, – а там, где-то в Туркестане, у вас, не веруют... Для веры смирение нужно, а его-то и нет у тех, кто рассуждает по своемумышлению, а не по церковному учению... Ведь и в Писании сказано, что благодать подается только смиренным.

Я не могу в малом письме сказать все, что хотелось; берегись духовной отравы самочинных учителей, коих Бог не поставил и Церковь не полномочила. Держись в простоте сердца того, чему учит она, наша мать. Вот тебе мой архиерейский завет. Кто хочет себе спасения, тем советуй то же. Где вам, простецам, пускаться в споры с хитрыми, гордыми, самозванными учителями-сектантами и раскольниками? Не верьте им. Они хотят быть умнее св. Церкви, и умнее всех св. отцов и Вселенских Соборов: какая гордыня!.. Открещивайтесь от них, как от вражеской силы, да воскреснет Бог и расточатся врази Его и врази Церкви Православной. Бог тебя храни.

Твой доброхот”.

Как видите, в таких диспутах смешивается все в одну кучу, тут и раскольничьи заблуждения, тут и еретические, сектантские мудрования. Иногда раскольники сбивают с толку православных, указывая им, что у них есть “законная” иерархия, есть и архиереи, и попы, правительством дозволенные, “если бы они были незаконны, разве бы власти позволяли им служить”, есть и семь таинств, “только вот вы молитесь не так, как молился Христос: посмотрите на икону – у Христа только два перста сложены”... И православные уже поколеблены, пишут: “как быть, что это значит” и пр. Хорошо еще, если смущаемый смиряется, укоряет себя, как пишет например один казак: “Теперь я понял, что мало знать св. Писание, нужно знать и постановления Вселенских и других Соборов св. и историю св. Церкви. Горе мне, окаянному! Святые отцы своей святой жизнью и примерами заграждали уста еретиков и тем прославили веру православную и утвердили на будущия поколения; а меня, окаянного, по моему невежеству, побеждают еретичествоющие, и тем чрез меня хулятся святая Церковь православная”. Совсем в другом тоне пишут уже совратившиеся в ересь или раскол: во-первых, они трусливо скрывают свое имя и адрес, так что нельзя им ответить; во-вторых, пишут дерзко, поносительно, приписывая всему духовенству отдельные печальные явления в его жизни, попрекая нас, будто мы “дерем шкуру” с вдов и сирот по 25 р. за венец и по 10 р. за покойника, “мы-де не желаем ходить в церковь к таким обиралам, Богу-де не нужны деньги, Христос-де Сам нуждающихся кормил” и пр. в том же роде. “Теперь, пишет расхोлившийся какой-то баптист, теперь все

деревенские ребята поняли вашу ложь; я много защищал вас, но я много ошибался; вы запутали нашего брата, еще немного и до вас доберутся” и т. д. В заключение отступник от Церкви с притворным смирением пишет: “Господь мне, немощному, позволил написать вам – постучаться к вам в дверь вашего сердца: всякий, говорящий о Боге, не может быть врагом; если сектанты не по истине поступают, то будем молиться за них, а не гнать их. А может быть у нас ошибка, а правда у них; тогда постараемся исправить нашу ошибку. Кровь Иисуса сильна омыть ее”. Тут уже вливается яд сомнения в учение Церкви; тут уже новосовращенный сектант берется учить архиерея; оно и понятно: ведь для таких новичков-сектантов уже больше не существует ни пастырей, ни иерархии: они чувствуют себя освободившимися от бремени послушания Церкви и либеральничают во всю...

Каждый день получают такие письма. Народ отравляется незаметно, но верно. Нашей миссии есть много работы, но к этой работе надо привлечь и народ, верующих православных людей. Как это сделать? Приходит само собою на мысль, что ждать, пока будут устраиваться миссионерские курсы и приниматься подобные меры, конечно, необходимы, не следует. Надо дать народу в руки общедоступные руководства для борьбы с сектами и расколами. Нужда эта видна хотя бы и из того, что “Православный Противосектантский Катехизис” Д. И. Боголюбова выдержал за десять лет уже 15 изданий: значит, спрос на него большой. К сожалению, он написан не везде общедоступным народным языком и не исчерпывает всех вопросов, какие ставятся сектантами. Его нужно автору, да и не одному, а вместе с другими еще пересмотреть. А противораскольнического такого катехизиса мы не знаем. Между тем, спрос на то и другое большой. Народная совесть под бичом войны проснулась и хочет сознательно ознакомиться не только с своим православным учением, но и с соблазняющими ее сектами и раскольничьими толками. Конечно, было бы желательно, чтобы

православные начинали с изучения своего православного учения, но раз соблазн выходит к ним навстречу, надо помочь им разобраться в нем, обличить его неправду.

Чье это дело? Само собою понятно, что это – задача Миссионерского Совета при Святейшем Синоде. У него на виду все лучшие и способнейшие литературные миссионерские силы, у него и средства к изданию подобных руководств, и способы их распространения...

По адресу одного из многих

Некий Александр Николаев Прядильщиков, давший свой адрес со ст. Поповка Н. ж. д., из Подобедовки, но пустивший свое открытое письмо из Петрограда, пишет мне: “Я вижу в борьбе вашей с сектантством, что вы за это получаете деньги, чины и ордена, и мне обидно, что православие находится не в надежных руках, и конечно, сектанты его заключают”. Откуда же знает г. Прядильщиков, что я защищаю Церковь Божию за деньги, за чины и ордена? Не стыдно ли, не грешно ли ему, если он считает себя православным, так клеветать на меня? А он сделал уже и вывод: “сектантство заключает православие”, потому, что его защищают-де такие вот наемники, как я. “Там, говорит он, у сектантов, не менее находятся ученые руководители, которым известно, что за Библия, что за Псалтирь, что за Евангелие”. Мы знаем этих руководителей: это немцы и их безбожные профессора, а у нас, слава Богу, руководители святые отцы и учителя Православной Церкви. И уж никогда мы не променяем их на немцев-гордецов. А г. Прядильщикову советуем хоть немного поближе заглянуть в Библию: ведь, там он увидел бы и Псалтирь, и Евангелие – в той же самой книге – Библии, тогда он не стал бы говорить отдельно об этих книгах. Если г.

Прядильщиков – христианин, то ему грешно смеяться над учением Христа Спасителя, грешно клеветать и на пастырей Церкви, которые будто бы не хотят “с голышами и разговаривать”, которые будто бы только принимают того верующего, который “представляет из себя дойную корову”, а я будто бы “за каждый пожертвованный гривенник трублю на весь свет”... Грешно лгать и на меня, архиерея, будто я борюсь с сектантством за деньги, чины и ордена. Все это сплошь клеветы, достойныя сектантов, а не православного человека. Вот как ныне позволяют себе лгать и клеветать на нас, пастырей Церкви, совращенные в баптизмы и всякие измы немецкаго происхождения! И находятся простецы, которые идут на эту удочку, верят им и покидают родную свою мать – Церковь Православную... И где совесть у таких изменников Православия? Полный невежда, не знающий, что Псалтирь и Евангелие заключаются в Библии, то же якобы печалится, что Православие “не в надежных руках”... Горе одно!

Совесть просыплется

Едва напечатал я свою статью “Великое испытание совести народной”, как начал уже получать отклики на нее: видно в некоторых виновниках дороговизны на все предметы совесть заговорила. Слава Богу, пусть говорит она громче и громче; авось и заставит их принять с своей стороны меры против этого вопиющего зла. А мы, пастыри Церкви, по мере нашего разумения попытаемся подсказать им, то есть их совести, что могли бы они сделать. Но прежде немного разберусь в том, что пишет мне купец, по-видимому человек верующий, православный и благонамеренный. Ведь в его письме, как-никак, а слышится самооправдание, попытка обелить купечество, отчасти даже перенести вину на кого бы вы думали? Да на нас, пастырей Церкви!.. “Все на нас грязью мечут, пишет он, кажется все без исключения, вот и дорогой-то владыка с омерзением на нас взглянул да камнем швырнул... Но это – грех неведения. Да простит за всех вся Господь! Немножко вздремнули вы, но это не беда, забыли, что Господь грешницу защитил тем, что сказал: кто из вас без греха, первый брось камень в нее. Дорогой владыка не вспомнил заслуг пасомых праотцев наших: кто устроил благотворительныя заведения, богадельни, больницы, приюты? Кто как не купечество? Кто устроил и украшал храмы Божии, монастыри и лавры, как не купечество? Много и без конца найдется заслуг купечества, за что следует не порицать его, а хвалить, не бить следует эту безсловесную скотинку, что она забрела в чужой огород, а надо огород поправить да пастырей поставить... Пора забыть сословную вражду, давно пора сказать всем, и пастырям на первом месте, что они уснули и спят непробудным сном, а потому и стада их разбежались. Миссионеров учится сонм, чтобы иноверцев привлечь в наше стадо и чтобы бороться с разными сектами, а свои пастыри будут дремать и все проспят, проснутся да будет уже поздно, когда услышат: се Жених грядет. А что теперь трудно и духовенству, то – что посеяли, то и пожинают: сеяли крапиву – пшеница не уродится”...

Итак, видите ли, и в дороговизне виновато – духовенство. Оно спит... Ну вот, я проснулся, обратился к совести торгующих, умолял их ради Родины, ради Бога опомниться, отрезвиться, убояться Бога... И я же – виноват! Виноват, что не вспомнил “заслуг купечества!” Да ведь эти заслуги предков только отягчают вину современных торговцев: их предки украшали храмы, жертвовали на богадельни, больницы и пр. Хорошо. Бог им награда! Ну, а вы, почтенные купцы нашего времени: вы что делаете? Вы наживаете капиталы на народном горе? Мы знаем, что среди вас не оскудели благотворители и теперь, но разве я о таких говорю? Я говорю вот о тех, которых теперь сажают в тюрьму за превышение цен, за утайку предметов необходимости, за безсовестную спекуляцию на беде народной. А теперь сколько развелось их! И причем же тут пастыри? Не скрываю, что и среди нас есть “спящие”, но ведь вот и проснувшимся вы готовы закрыть уста, чтобы не обличали вас. Ужели мы с церковной кафедры должны голодающим, зябнущим от холода, своим пасомым говорить: “Не судите торговцев, не скорбите на них: кто из нас без греха? Было время, когда и они, их предки, делали много добра, а теперь дайте им нажиться от вашей нужды?” – Нет, братья, торговые люди, не так подобает рассуждать православным людям; наоборот: вот теперь-то и должны вы прийти на помощь родному народу, всем нуждающимся подать руку помощи... Как? – спросите вы. Отвечаю по мере моего разумения. Соберитесь вы, честные люди, составьте из среды

себя союз честных торговцев, – вам ведь лучше, чем нам, обывателям, известно, где какие продукты дешевле достать, как их скорее доставить, вы знаете, у кого что на складе есть, а он прячет это, чтобы больше нажиться на дороговизне: вот и не щадите таких, помогайте властям вразумлять их, обличайте их неправду, составляйте сами капиталы, чтобы закупать возможно дешевле все, что потребно для обывателей и продавайте также возможно дешевле... Вы люди опытные, вы знаете лучше чиновников, как лучше наладить дело. Вот и будет это – по-православному, по-христиански. Говорить о какой-то “сословной вражде”, право же, грешно. Если я заговорил о купцах, то ведь только потому, что торговля есть их главное занятие: не против почтенного купеческого сословия я говорю, а против той нечестности, которая ложится действительно грязным пятном на купечество и которое смыть – только и могут сами купцы. Это далеко не такие невинные “безсловесные скотинки”, какими изображает их мой читатель-купец: это люди, у коих есть совесть, а если бы ее вовсе не было, то не стал бы вот этот купец приводить, подыскивать оправдания себе и своим товарищам-купцам...

Конечно, в дороговизне виноваты не одни купцы, но и все, кто ищет себе наживы от общей беды. Корыстолюбие заразительно: началось с купцов, торговцев вообще, а посмотрите, что сделалось и в деревне: там за подводу на расстоянии менее 30 верст под Москву берут 18 рублей туда и обратно, что прежде стоило два-три рубля. За фунт сухих грибов требуют 7 или 8 рублей. Как жить бедным людям? Мука ржаная, затхлая, доходит до 3 рублей пуд... И вся эта тяжесть ложится на тех, кто не имеет возможности повысить цены на свой труд. Да, с омерзением смотрю я на это непростительное корыстолюбие, с болью и жалостью в сердце – на этих ослепленных корыстолюбием людей. Америка, говорят, так нажилась от европейской войны, что богачам стало денег девать некуда; их доходы с 2-х миллиардов[^]дошли до 5 с половиной за минувший год. В Новый год, выходя с биржи в Нью-Йорке, они плясали по всей улице, устроили иллюминацию в миллионы электрических ламп. Но пришла весна, когда они стали разъезжаться по дачам и – совершилось нечто ужасное, появилась детская болезнь – паралич, и именно среди богатых семейств; дети бедных дворников, рабочих весело играли, не заражаясь этой эпидемией, а в богатых семьях – плач и рыдание в каждом доме: дети от 2 до 7 лет лежали без движения, в два-три дня умирали или, оправляясь от болезни, оставались на век уродами. В два месяца болезнь похитила до девяти тысяч детей в одном Нью-Йорке... Что это, как не кара небесная за жадность, за корыстолюбие миллиардеров Нового Света? Вот чего должны бояться и наши торгошники, с каждым днем повышающие цены на товары и доводящие свои барыши до 500 процентов.

Но об этом довольно. Два слова о полном “неведении” моего читателя купца в деле миссии православной. Больно читать этот попрек, что миссионеров учится сонм, чтобы привлечь иноверцев... Господи, да где же этот “сонм”? Мы испытываем крайнюю нужду в миссионерах; сектанты шныряют всюду, и среди народа, и среди войск, помогая немцам развращением русской души, а тут – попрек, что “учатся сонмы” миссионеров... Грешно русскому православному человеку так говорить! Очевидно, он читает иудейские газеты, покровительствующие сектантам... А о том, спит ли духовенство, лучше бы почтенному купцу помолчать: не его это дело, иначе он и сам уйдет за сектантами в поношении православных пастырей...

Скорби пастырской совести

Нет слов на языке человеческом, чтобы вполне выразить всю тяготу скорбей Христовых, когда Он понес на Себе грехи всего мира. А из скорбей человеческих наиболее, думаю я, приближается к сим скорбям скорбь доброго пастыря, душу свою полагающего за овцы своя. В самом деле, какую бы скорбь земную ни взяли мы, христианин найдет утешение в предании себя воле Божией: Христос терпел и нам велел; Он не посылает искушений выше сил наших; большею частию мы сами бываем виноваты в постигающих нас скорбях; а если и не видим за собою вины, то вменяем себе эту скорбь за грехи наши вообще; наконец, бывают скорби, да прославится Господь наш избавлением от них, как то знаем из Его же слов в ответ Апостолам на вопрос о слепорожденном: кто согрешил, он или родители его? Во всяком случае, скорбь становится удобь носимою, как скоро совесть человека находит себе успокоение в воле Божией. Но скорбь доброго пастыря за вверенных ему Богом овец словесных едва ли утолится, пока он не станет с ними пред лицом Божиим и не скажет в спокойной совести: *се аз и дети, ихже ми дал еси, Господи!* Не видна эта скорбь, это томление совести пастырской за каждую вверенную ему душу; не любят пастыри всем и всюду поведать о том; да не все бы и поверили им: ныне каждый судит по себе и с точки зрения личных забот и пользы, и далеко не всякий понял бы эту тихую, но в высшей степени томительную заботу пастыря о словесных овцах, а потому смиренные служители Церкви Божией и предпочитают безмолвно носить в своем сердце эти заботы, поведая их только Богу да разве еще тем из своих собратий, которые способны понять их.

Спасибо добрым пастырям, они доверяют мне свои скорби, и я немало получаю от них писем, на которые, признаюсь, не всегда могу и отвечать: так многотрудно служение их, так много потребно духовного опыта, чтобы сказать хоть немного слов в утешение скорбящим пастырям. Вот что, например, пишет мне один из таковых.

“За 25 лет моей службы много у меня возникало вопросов, коих решить сам я не мог; обращался с ними к собратьям-священникам, к ближайшему начальству (отцу благочинному) и в редакции разных духовных журналов, но никто не отвечал мне удовлетворительно, большею частию ограничиваясь общими местами. А между тем, некоторые из этих вопросов настолько для меня важны, что от того или другого решения их зависит мое дальнейшее пребывание в духовном ведомстве и, скажу вам прямо, владыка, мое вечное спасение! Как человек глубоковерующий, я искренно, от всей души верую в будущее страшное воздаяние за гробом, верую, что нелицеприятный Судия спросит у меня отчет не только за мои собственные грехи, но и за грехи моих пасомых, и я поистине буду безответен”.

Далее почтенный батюшка “умоляет именем Божиим” ответить на некоторые вопросы, его смущающие.

Признаюсь так же откровенно: это такие вопросы, на которые дать точно обоснованные ответы едва ли не только я, но и высшая церковная власть в состоянии. Первый и едва ли не самый важный вопрос об исповеди.

“Родившись в глубокорелигиозной семье, – пишет батюшка, – я первые уроки веры получил от матери и живо помню мои юношеские исповеди. С каким страхом, с каким трепетом шел я на исповедь! Единственною моею мыслью было: как бы не забыть какой

грех, как бы на будущем Суде Христовом не сделаться позорищем Ангелов и человеков? Я уже тогда понимал всю величайшую важность этой величайшей милости Божией к падшему человечеству – св. Таинства покаяния. И вот с такими мыслями, с таким настроением я, неисповедимыми путями Божиими, оставляю бранный меч и иду священствовать. Я шел в священники по призванию. Правда, я отчасти знал народ, но знал его только по книгам, а когда вошел в среду его, я только тогда узнал, что народ совсем не то, как я представлял его себе, и получилось разочарование... Что же я нашел, что встретил? А вот что. В течение 25 лет священствования, переменяв за это время пять приходов, я от исповедников получал всегда один и тот же ответ: “Один Бог без греха, а я что ни ступлю, то и согрешу”. И больше ничего. Помню одного старика, лет 75-ти, я его исповедывал раз 10–15, и он всегда, с замечательным постоянством говорил мне одну и ту же фразу: “Грешен, но неизвестно чем”. Ту же фразу он повторил мне в последний раз уже на смертном одре. Был и такой случай: одна женщина на исповеди категорически заявила мне, что она решительно ни в чем не грешна. И что я ни делал, как ни увещавал ее, как ни усовещевал – она стояла на своем: не грешна да и только. Что было делать? А сделать что-нибудь нужно было безотлагательно, теперь же, и я сделал, потому что видел в этом мой долг. “Скажи мне пожалуйста, – обратился я к ней, – есть у нас в селе живописец?” – “Да, есть”, – отвечала она. – “Ну так вот что, голубка: поди же ты к нему и скажи ему, чтобы он написал с тебя портрет, а когда напишет, то принеси его ко мне, я его повешу в церкви, и мы будем на него молиться”. – “Как это можно? – воскликнула она, – разве я святая?” Вопрос таким образом был решен сам собою, и я, признаюсь, был очень доволен. И так, вот что я нашел в начале моего священствования, вот что нахожу и теперь и находил целые 25 лет... На это вы, может быть, мне скажете: чтоб изменить это, нужно, по слову Апостола, проповедовать слово, настоять, вовремя и не вовремя, обличать, запрещать, со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2). Это – безусловно, мой долг, моя обязанность, и я этот долг мой исполнял и исполняю самым ревностным образом. Бывали случаи, когда на первой седмице Великого поста я говорил по 17 проповедей об исповеди и покаянии. Ну и что же? Из ста говеющих искренно исповедовались много-много два-три человека, а остальные шли по старой истоптанной дорожке. Может быть, мои проповеди были мало вразумительны, а потому и непонятны? Нет, и этого я не могу сказать. Из разговоров с прихожанами я убедился, что они меня отлично понимают, а все-таки, несмотря на это, исповедуются по-прежнему. Что же это значит? В чем тут дело? Настоящей причины и я не знаю, но думается мне, что одна из причин – это “стыдно говорить грехи знакомому священнику: он может переменить об исповеднике свое мнение”. Этим многие оправдывают свое нежелание исповедоваться как следует. Может быть, это и так, но судя по самому себе я этому не верю: для меня совершенно все равно, у какого священника я буду исповедоваться, у знакомого или нет, и если действительно найдется такой священник, что после моей исповеди изменит обо мне свое мнение, то это не будет иметь для меня никакого значения. Зная, что иногда прихожане не желают обременять священника подробною исповедью, я заявил с церковного амвона, что если бы мне пришлось исповедовать целый день и целую ночь, то я готов трудиться до упаду, лишь бы только прихожане исповедовались как следует, но и это не помогло. Наконец, вот отзыв одной интеллигентной особы, которая выслушав почти все мои проповеди на первой седмице Великого поста, сказала: “Исповедоваться так, как требует о. Николай, невозможно”.

“Вы видите, – говорит в заключение своих недоумений, тяготящих его совесть, этот о. Николай, – что решить этот великий вопрос своими силами я не могу, а между тем, это величайший и важнейший вопрос нашей священнической совести, настолько важный, что некоторые из священников, не зная, как решить этот вопрос, снимали сан. Я сам знаю одного достойнейшего священнослужителя, получившего высшее богословское образование, который снял сан только благодаря исповеди. Молю вас: вразумите и наставьте!”

Вот оно – то пастырское “воздыхание”, о котором говорит св. Апостол, увещевая повиноваться и покоряться пастырям, которые должны будут “воздать слово” пред Господом за своих пасомых: *да с радостью сие творят, а не воздыхающе* (Евр. 13, 17)! Знают ли пасомые всю тяготу этого воздыхания? Знают ли они, как болит сердце доброго пастыря, когда ему приходится принимать вот такую “глухую” исповедь? Но это – только один вид пастырской скорби при исповеди: а каково совести пастыря слышать исповедь тяжчайших грехов и не слышать от исповедуемого малейшего желания бросить любимый им грех?! Каково ему, когда грешник прямо заявляет, что он не может бросить грех, что ему нельзя этого сделать, что он, наконец, и не хочет расстаться с грехом?.. Бывают и такие грешники!.. Что тут делать?.. Совесть иерейская говорит: Христос дал тебе право разрешать, но при условии искренности покаяния, решимости бросить грех, а если у грешника нет такой решимости, то нет у тебя и права разрешать, ибо условие не выполнено, грешник закрыл свое сердце и не допускает благодати очистить его. Но тут же являются помыслы: ты видишь, человек все же пришел во лечебницу, не таит своей духовной болезни, как же можно допустить, чтоб ушел отсюда неисцеленным? Надо всячески довести его до сознания необходимости расстаться с любимым грехом. И вот духовник употребляет всю силу своей любви к несчастной душе, – я знал таких духовников, которые плакали у аналоя, умоляя грешника дать обещание пред Богом, чтобы при помощи Божией впредь не грешить, и, когда наконец, кающийся робко давал такое обещание, доведенный до слез о своей греховной немощи, греховном рабстве, – разрешали его от уз греховных. Но это еще слава Богу: важно уже то, что грех-то называется грехом и грешник признает себя грешником. А бывают и такие случаи – грешник прямо заявляет, что он и в Бога не верует, а пришел только потому, что от него требуют удостоверения в исполнении долга исповеди и причащения Св. Таин. Так бывает иногда с нашими полуинтеллигентами пред совершением над ними бракосочетания. Тут уже духовник должен иметь мужество вежливо сказать такому господину, что напрасно он считает его, священника, способным к участию в лжи и обмане, какой ему нужен для достижения известной цели... Но и среди называющих себя безбожниками бывают люди искренние, особенно среди молодежи. Помню рассказ покойного о. протоиерея М. И. Хитрова об одной девушке- институтке, которая на духу прямо сказала ему, что она не верует ни во что. О. протоиерей не разрешил ее сразу, а предложил ей подойти к нему утром пред обедней, а между тем, в своей скорби о ней обратился за советом к ныне покойному о. протоиерею Д. Ф. Касицыну, известному тогда редактору “Душеполезного Чтения”, с которым был в тесной духовной дружбе. Дело было уже поздним вечером, после всенощной. О. Касицын поднялся с постели и выслушал друга. “Долго ходил старец по кабинету, – так потом рассказывал о. Михаил Хитров, – ходил и молча вздыхал, вероятно, внутренне поведал Богу нашу общую пастырскую скорбь. Наконец, остановился и сказал: “Не может быть, чтоб столь юная душа вполне сознательно стала безбожною... Нет, это вражеское навождение, это искушение от лукавого... Навеянные со стороны

отрицательный мысли, ее смущающая, она, неопытная в духовной жизни, считает своими якобы убеждениями, не умея их отличить от своих и не в силах будучи с ними справиться... Причастите ее, о. Михаил, яко обуреваемую от духа хулы и отрицания: силен Бог вразумить ее"... И о. Михаил наутро вразумил ее, разрешил и причастил... Так должно быть духовно опытным духовнику и крайне осторожным в отношении к кающимся пред ним грешникам. В приведенном случае последствия оправдали мудрого старца о. Димитрия Феодоровича Касицына: девушка стала религиозной и глубоко была благодарна о. Михаилу.

Но я уклонился от письма, коим начал эту статью. Прежде всего надо сознаться, что наши проповеди с амвона большею частию идут как-то *мимо жизни*. Я не говорю уже об интеллигенции, которая не стыдится во время проповеди вести приятные беседы или же спешит уйти из церкви, как только покажется на амвоне проповедник. Даже простой народ, по-видимому, так усердно стремящийся к амвону, чтоб послушать батюшку, даже он, прослушав проповедь, выйдя из церкви, обычно забывает ее и тут же обращается к той грешной жизни, какую громил проповедник. Стоит припомнить судьбу тех проповедей, которые произносились против пьянства в храмовые или вообще великие праздники: батюшка в церкви предупреждал, что в праздники так обычно искушение от этого порока, громил порок, просил, умолял духовных чад своих беречься праздничного разгула – грозил гневом Божиим, приводя примеры его, но все напрасно: лишь выйдут прихожане за порог родного храма, как без всякого сопротивления предаются искушению, а если бы кто, например, женщины, напомнил им, что говорил батюшка, то на это получил бы ответ: "Ну и пусть батюшка сам исполняет то, что говорит, а нам, грешным, старики говорили: "Кто празднику рад, тот до свету пьян"... Увы, отношение к публичной проповеди в большинстве случаев везде одно и то же: и в селах, и в городах, если она касается укоренившихся пороков и не захватывает каких-либо исключительных событий, да и то пока не простыло возбужденное проповедником чувство, например, при проповеди, приглашающей к пожертвованиям на святое дело. Простой народ любит послушать хорошего проповедника, который умеет говорить его языком, касаться того, чем болеет его душа, но, как ни странно это, или не умеет, или не смеет, будто стыдится чего-то, чтобы приложить слово проповеди тотчас же к своей личной жизни. Не потому ли это, что слово проповедника публично, а духовная жизнь каждого верующего более или менее сокровенна, как говорится – интимна, следовательно, требует и руководства для себя в приложении христианского учения к самой жизни более интимного, чрез самое близкое духовное общение с духовным отцом? Вот исповедь и была бы первейшим средством такого общения, если бы не была поставлена в полную невозможность быть таковою. Стоит только вспомнить, что духовнику приходится в один день принять исповедь не от одной сотни говеющих, а в сутках только 24 часа, и он – человек немощною плотню обложенный. Надо и то иметь в виду, что душа каждого отдельного лица для него большею частию – потемки: он не заглядывал в нее в продолжение целого года, от поста до поста, от говения до говения. Что может он сделать в течение пяти-семи минут, чтобы воздействовать на такого кающегося грешника? А в тоже время в его пастырской совести грозно звучит пророческое слово: *беззаконник в беззаконии своем умрет, а крове его от руки твоея взыщу* (Иез. 33, 8), а с другой стороны, и апостольское обетование: *обративши грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покрывает множество грехов* (Иак. 5, 20). Таково положение духовника-священника, пастыря своего прихода.

Положение поистине трагическое, если только он сознает свой долг, как подобает пастырю, и послушен своей священнической совести!

Остается в распоряжении одно средство: это духовное сближение с каждым, по возможности, своим прихожанином в их частной, личной жизни, и начинаться оно должно с детского возраста прихожанина и продолжаться чрез школу всю его жизнь до могилы... “Да это подвиг, скажет мой читатель, подвиг, непосильный многим пастырям”! – Конечно, подвиг, отвечаю я: и подвиг великий, многотрудный, крест тяжелый, в несении коего только один всемирный Крестonosец Христос может помочь Своему соратнику в деле спасения душ человеческих, то есть священнику... и тем тяжелее этот подвиг, что начинаться он должен с личной своей жизни, может быть, с перевоспитания самого себя, с того, чего не дает нам, пастырям, да и едва ли может дать наша духовная школа...

С кем бы мне ни приходилось говорить из благоговейных иереев об исповеди, все называют это служение великим подвигом. Люди все становятся слабее и слабее; грехи умножаются и все разнообразятся; голос совести в грешной душе все притупляется; таинство исповеди постепенно обращается в простую формальность: у православных еще не вытравилось сознание, что надо поговеть хоть раз в году (увы, у многих и этого уже нет!), вот и идут на исповедь и отбывают ее, как необходимое условие для причащения св. Христовых Таин. Отсюда – чрезмерное иногда число исповедующихся и невозможность для духовника войти подробнее в состояние души кающегося, а в самих кающихся – стремление поскорее отбыть повинность – как-нибудь исповедаться и получить право приступить к св. Тайнам. Страшно подумать, во что тут обращается святейшее Таинство исповеди, которое должно бы служить во очищение души любогреховной! Мир с своими суетами ворвался в жизнь христиан и беспощадно исказил то, что Церковь дала как вернейшее средство к духовному обновлению и преуспеванию христианской жизни. Вот, если говорят теперь об “обновлении приходов”, так и надо бы начать с того, чтобы упорядочить дело говения православных, чтобы дать им возможность исполнять сей долг как следует, чтобы они прониклись сознанием, что исповедь не есть только простая формальность, а великое таинство, что пользоваться сим таинством должно с благоговением к нему, нелицемерно, дабы не послужило оно в сугубое осуждение грешнику, если сокроет он сознательно пред духовным отцом то, что тяготит его совесть, в чем совесть его обличает. Но как этого достигнуть? Думаю, что без укрепления церковной дисциплины церковною властью это слишком трудно, непосильно для приходских священников. А дисциплины этой у нас почти нет. Каждый говеет, где хочет; духовная власть пастыря-священника приведена к нулю; он не может, едва ли решится связать нераскаянного грешника отлучить его на время от Божественного причащения; а если и решится на это, то на него последует жалоба архиерею и надо будет давать объяснения, дело перенесется с почвы нравственных отношений на юридическую, формальную, и бедный духовник в лице своего духовного чада получит непримиримого врага даже тогда, если архиерей станет на его сторону. Каково же положение духовника, когда он волею-неволею вынуждается без разбора произносить над каждым: “Аз, недостойный иерей, властью Его (Христа), мне данною, прощаю и разрешаю”? Вот одна из причин, почему некоторые наиболее благочестиво настроенные юноши, – слава Богу, еще есть такие, – уклоняются от священного сана и предпочитают идти в другое звание. Вот почему бывают и такие явления, крайне печальные, как тот случай, о коем говорит вышеприведенное письмо: священнослужитель, получивший высшее богословское образование, снял сан только из-за исповеди.

Всякая свобода должна иметь свои границы. Та свобода, которую теперь пользуются православные в деле исповеди, кажется, не имеет никаких границ. Если не разрешит один духовник, идут к другому, не разрешит другой – к третьему... Жалуются на духовника архиерею, забывая, что если бы пришлось верующему православному христианину понести и некоторую строгость, кажущуюся несправедливостью, и тогда он должен бы понести ее ради мира совести своей, которая не может же быть мирною, если он будет бегать от одного духовника к другому или к архиерею с жалобой на отца духовного, каков бы он ни был... Кающийся, ищущий успокоения своей совести и – в тоже время немирствующий к тому, кто от Бога имеет полномочие разрешить его грех или должен – да, имеет прямой долг связать его – какое, скажу прямо, искажение христианства, какое оскорбление Церкви, какое, по меньшей мере, невежество в том, что должно быть ему известно, в чем он должен быть воспитан с отрочества! И это – теперь: что же было бы, если церковная власть допустила какие-то “выборы” священников? Грустно читать, что даже между иереями находятся “обновители” прихода вроде о. Востокова, которые мечтают о выборах священников так же, как выбирают поваров – “по вкусу прихожан”... Хорош будет духовник, которому всегда могут грозить: если будешь строг на исповеди, то тебя и уволим – проще говоря – прогоним из прихода... Но это – к слову и кстати. Я упомянул о церковной дисциплине. Это такой вопрос по отношению к исповеди, который решить под силу только всецерковному собору, который, Бог благословит, соберется же когда-нибудь. С надеждою мы читаем, что Предсоборное Совещание при Св. Синоде работает и дело движется вперед. А пока церковная власть введет в жизнь ожидаемую дисциплину, добрые пастыри должны нести свой великий подвиг, действуя теми нравственными мерами, какия от времен Самого Христа Спасителя и Его Апостолов в Церкви имеются и применяются: настой, умоли, запрети со всяким долготерпением и любовию к пасомым. Раскрывая православное учение о Таинстве исповеди или, что то же, покаяния, священники и в школе, и по домам, и в храмах Божиих должны всячески внедрять в сознание верующих, что и Бог требует, и сама душа грешная просит исповеди, что священник есть только свидетель покаяния, нужный для самого кающегося, чтобы получить от Господа Сердцеведца ответ на свою исповедь; что он, священник, связан страшною клятвою священного сана хранить в глубокой, ненарушимой тайне то, что слышит на духу от кающихся; что он такой же человек, как и все люди, что он знает и по себе немощь естества человеческого, а потому нечего и скрывать от него грехов; что если кто утаит грех пред ним, то, поелику он исповедуется Самому Господу, а священник только свидетель, то и согрешит сугубо прежде всего – пред Господом же, а Господь все знает, от Него не укроешься, Его не обманешь... Да и от совести своей никуда не убежишь: она есть голос Божий в душе человека, она – неподкупный судия. Страшное наказание Божие постигает тех, кто сознательно скрывает грехи на исповеди: известны случаи, когда такие грешники подвергались, Божиим попущением, беснованию и насилию от диавола.

Конечно, все это можно внушать только не потерявшим веру в Бога: неверующий не станет слушать таких вразумлений и убеждать его такими речами значит, по слову Христову, т. е. что бросать бисер пред нечистыми животными. Если бы такой и явился к духовнику, то нужно спросить его: зачем же он и шел, когда не верует в Бога? Бывают случаи, когда люди, считающие себя невера, все же в глубине своей несчастной души, обуреваемой сомнениями, приходят на исповедь – не потому, что этого требует от них закон (например пред браком), но потому, что душа все же ищет чего-то, человек

насилуется помыслами неверия, сам не рад этому: такого еще не следует считать невером, хотя бы он и называл себя так. Надо согреть его любовью христианской, надо помочь ему выйти из состояния колеблющегося, подать ему руку помощи, а не отвергать его. К сожалению, духовная семинария мало дает сведений о том, что нужнее всего будущему духовнику, да и даются такие сведения не столько книжным учением, сколько опытом духовным. Таково учение о различении помыслов. Человек страдает иногда хульными помыслами до того, что считает себя погибшим, доходит до отчаяния, тогда как помыслы эти – не его, а внушаются ему, Божиим попущением, от врага рода человеческого, и стоит только с презрением отнестись к ним, плюнуть на них, пожаловаться Господу Богу на врага, их всевающего, и они исчезают. Таков бывает помысл и неверия. Мы отвечаем за свои помыслы только тогда, когда принимаем их в свое сердце, соглашаемся с ними, беседуем, услаждаемся... А пока они ненавистны для нас, противны, дотоле они и не вменяются нам. Напротив, если мы боремся с ними, отвергаем их, не пускаем в свое сердце, то Господь видит наш подвиг и готов помочь нам, а за эту борьбу с врагом даже и наградит нас венцом мученичества. Вот духовник и должен рассмотреть в душе невера: не клеветает ли враг в его собственном помысле на него самого, будто он невер, дабы склонить его к отчаянию? И только тогда уже спокойно отослать от себя такого исповедника, когда решительно увидит, что он пришел только по худым побуждениям к нему, или – чтобы удовлетворить своему грешному любопытству, или – чтобы, может быть, потом посмеяться над духовником, и подобное... Но и тогда должно напомнить ему, что нехорошо не уважать чужих убеждений, нехорошо считать другого обманщиком, не честное это дело...

А как быть, что делать вот с такими грешниками, которые на духу заявляют, что они считают себя грешниками, но “неизвестно в чем”? Думаю, что тут какое-то недоразумение. Раз есть сознание своей греховности, то не может же быть, чтоб человек не знал за собою ни одного греха. Спросите его, не делал ли он того или другого греха, вероятно, что сознается, что делал, если не делом, то словом или мыслию, пожеланием... Ведь не может же быть, чтобы верующий человек так и не знал, что, например, гнев на ближнего, оскорбление его, леность к молитве и подобное – суть грехи. “Неизвестно в чем”, может быть, в устах кающегося и значит вот: и не перечтешь моих грехов, каждый в отдельности, так их много... Значит, надо ему напомнить хоть главные-то, обычные грехи, чтоб он мог припомнить их и раскаяться. Главное – надо в совести грешника пробить, так сказать, брешь: нет сомнения, что душа его просит сама исповеди, да он не знает, как приступить к сему, не может одолеть самого себя, заставить себя сказать грех, а иногда просто не знает, с чего начать. Яд греховный терзает его совесть, нужно выбросить эту змею из своего сердца, убить ее, а это только и можно раскаянием чистосердечным в простоте сердца. Во всем таком духовник должен помочь ему не только добрым советом, но и молитвою за него с ним вместе. Я знал одного духовника, который становился на колена пред крестом и Евангелием вместе с кающимся, умолял Господа отверзти сердце кающегося, плакал с ним, и Господь творил чудо: грешник приходил в умиление и начинал плакать и открывать свои грехи. И то духовное облегчение, какое испытывал после того кающийся, та радость души, какую он переживал, была наградою и самому кающемуся, и его духовному отцу.

Самое существенное в исповеди есть смирение кающейся души. Без смирения самая подробная исповедь превращается в самохвалство, в подобие той лицемерной исповеди, какую написал богоотступник Толстой. Ведь и назначение самой исповеди-то главное в

том, чтоб человек смирился совершенно пред Богом, пал во прах в сознании своей греховности, чтобы не постыдился это сделать при таком же, как он, человеке, чтоб в утешение и успокоение своей совести имел свидетеля-человека и в то же время уполномоченного от Бога разрешителя его грехов. В известных “Рассказах странника о благодатном действии молитвы Иисусовой” есть прекрасное наставление под заглавием: “Исповедь внутреннего человека, ведущая к смирению”. “Внимательно обращая свой взор на самого себя, говорит автор, и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближним, не верю ничему религиозному и преисполнен гордостью и сластолюбием. Все это я действительно нахожу в себе посредством подробная рассматривания моих чувств и поступков”. И затем автор пересматривает свои внутренние настроения, из чего и приходит к вышеизложенным заключениям. “Я вижу себя, говорит он, гордым, злободетным, неверующим, не любящим Бога и ненавидящим ближнего: какое состояние может быть греховнее? Может ли быть участь бедственнее той, которая предстоит мне, и за что строже и наказательнее будет определение суда, как не за таковую невнимательную и безрассудную жизнь, которую сознаю в себе?” Думаю, эта “исповедь”, наравне с “Генеральным исповеданием грехов” святителя Димитрия Ростовского и такими сочинениями святителя Феофана Затворника, как его “Начертание учения о христианской жизни” и подобными, могут быть хорошими пособиями для духовника к тому, чтобы вести святое дело исповеди с пользой для кающихся. Хорошо интеллигентным исповедникам давать листок из сочинений того же святителя Феофана, изданный Афонским

Пантелеймоновым монастырем под заглавием: “Что внутри нас делается”^[90]. Необходимо всех православных вводить в понимание духовной жизни по-православному: без этого весьма трудно им исполнять долг исповеди, а духовнику исповедать их. Это необходимо и в виду распространяющихся рационалистических заблуждений, которые, с одной стороны, не дают должного значения добрым делам, а с другой, – хвалятся своею праведностью; с одной стороны, проповедуют, что спасаются люди верою без дел, с другой, – выставляют на показ свои мнимые добродетели. А понятия об основе всех добродетелей – святом смирении совсем не имеют. Мы живем в такое время, о котором святые отцы даже в отношении подвижников пророчествовали, что тогда не будет чудотворцев, а спасаться люди будут только смирением. Эта святая мать добродетелей и стихия православно-христианской жизни и должна быть паче всего и прежде всего внедряема в сознание и в жизнь православных, как отличительнейшая черта самого Православия. Во смирении нашем помянул нас Господь. *Смирися и спасе мя Господь*. Это сказано еще в Ветхом Завете. Дух Божий веет в Церкви новозаветной тот же, как и в ветхозаветной. *Научитесь от Мене, глаголет Сам Христос Спаситель, яко кроток есмь и смирен сердцем*.

Можно указать еще на некоторые сочинения, специально посвященные вопросу об исповеди, как например, покойного преосвященного Платона Костромского в двух частях, покойного протоиерея Г. Дьяченко и др.; но чтобы я ни сказал еще, сознаюсь, это будут те “общия места”, на которые жалуется священник, письмом которого я начал эту статью. И в заключение скажу тоже “общее место”: если Господь сказал о всяком добром деле: *без Мене не можете творить ничесоже*, то тем паче только при Его благодатной помощи может и его соработник-пастырь совершать великое дело примирения грешных душ с Ним, великим Архиереем и Архипастырем. К Нему и должен всякий иерей присно возводить и ум и сердце, у Него просить помощи вразумления как для себя самого, так и

для тех, кто приходит к нему на исповедь... Ведь Он есть Совершитель нашего спасения, а мы, Его служители, только в Нем, с Ним и Его благодатною силою творим дело Его. Ему и буди от нас слава во веки. Аминь.

№ 347

Благопотребный юбилей

В суете житейских попечений мы не замечаем дивных путей Промысла Божия, присно пекущегося о нас и поучающего нас не только событиями современной жизни, но и воспоминаниями дней давно минувших. Есть добрый обычай от времени до времени вспоминать наиболее достойное внимания наше прошлое, справлять так называемые юбилеи исторических событий и кончины тех лиц, которые прославили наше Отечество своими деяниями или писаниями. И вот, будто нарочито, а для верующего и несомненно нарочито – Божиим промыслом переживаемые нами события то и дело совпадают с самыми поучительными годовщинами: пред нами прошли знаменательные юбилеи 1612–1613, 1812 годов, столь достопамятных и поучительных для нас и для всех грядущих поколений. Мы будто своими очами повидали великих деятелей тех эпох: вот великий патриот, святитель Ермоген, и его достоблаженные сотрудники в подвиге спасения Отечества: смиренный архимандрит Дионисий, прстец патриот Косма Минин и князь-вождь победоносных ополчений Пожарский, а затем предки Царствующаго Дома: многострадальный Филарет Никитич Романов и его юный сын Михаил, первый Царь из Дома Романовых... Далее пред нами прошли славные герои 1812 года во главе с Благословенным Александром. И каждый из сих достопамятных сынов Отечества давал нам свой урок, свой пример, как служить родной Руси Православной, что так особенно благовременно в наши суетные дни. Слава Богу, тако благоизволившему – не раньше и не позднее сих благотворных для нас воспоминаний послать нам те тяжкия испытания, какия мы пережили и переживаем доселе.

Приближается еще юбилей, который должна особенно почтить наша Православная Церковь, особенно запечатлеть его в памяти православнаго народа, ибо надо предвидеть, что наша печать, в громадном своем большинстве захваченная в пленение иудейское, постарается замолчать его, или, по крайней мере, свести к самым неважным событиям. Ведь имя того, кого Церковь будет молитвенно вспоминать, неприятно звучит в ушах наших ревнителей всякаго рода “обновлений”, начиная с церковнаго и кончая государственным: они боятся этого имени, как темныя силы крестнаго знамения. Это достославное в нашей церковной и государственной истории имя – Филарет, митрополит Московский. В будущем 1917 году исполняется пятьдесят лет со дня его кончины – 19 ноября 1867 года. И мы должны достойно отпраздновать этот юбилей. В совпадении его с нашею современностью Бог как бы снова посылает к нам великаго учителя, 30 лет тому назад к Богу отшедшаго, но столь благопотребнаго особенно в наши дни всяческих шатаний во всех областях нашей жизни: и церковной, и государственной, и общественной, и научногословской... Говорил некогда этот великий святитель о своем времени: “Время теперь повторять себе и подтверждать самыя известныя истины, потому что дух времени не оставил ни одной истины, которую бы не покушался колебать или словом, или на деле. Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет, потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тьма покрывает землю и мрак на языки* (Ис. 60, 2). *Шаташася языцы и людие поучишася тщетным* (Пс. 2, 1) (Слова и Речи, т. 4, стр. 553). Еще с большею силою следует повторить этот призыв святителя – “беречь свой домашний свет” в наши дни. Уже не “за пределами нашими тьма покрывает землю”, но в самых недрах Руси Православной

распространяется мрак всяческих заблуждений как в области религиозно-нравственной, так и в области политических учений. И где же искать тот “домашний свет”, о котором он говорит, как не в учении святой матери нашей Церкви, которое он раскрывал со всею полнотою и непререкаемою ясностию и применял к жизни так, как не применить теперь никому? Все сокровища православного учения веры, раскрытие силы таинств церковных, руководящие пути к жизни духовной, – все, накопленное веками вдохновенною мудростию пастырей и учителей Церкви, весь этот многовековой опыт отразился в бессмертных творениях Митрополита Филарета. Подобно древним святителям, в первые века установившим чистоту православного учения, на Вселенских Соборах, и наш великий святитель Филарет по богословским трудам своим может быть назван отцом и учителем Церкви. По составленному им Катехизису учится не только вся подрастающая Россия, но и для единоверных нам народов он служит образцом учения веры. А его государственное учение изложено в его словах и речах столь полно, что, будучи собрано почтенным В. В. Лазаревским в одну книжку, в систематическом изложении, представляет драгоценный вклад в патриотическую литературу. Кстати сказать: книжка эта тщательно замалчивается нашею повременною печатью, как и все, что идет от Церкви, и сколько помню, только раз как-то в “Новом Времени” некто Философов проговорился, что с этим учением нельзя не считаться: так оно прочно логически обосновано. Но и при этом публицист не назвал имени Митрополита Филарета, а указал только на общия основы учения правых, сославшись в примере на мои статьи об “отчестве царской власти”.

19 ноября 1867 года... Живо помню этот печальный день. Я тогда учился в высшем отделении (по-нынешнему в 4-м классе) Перервинского духовного училища. Весть пришла во время занятий. Нас позвали на панихиду. Весть так поразила меня, что я горько расплакался. Я все мечтал получить благословение от великаго святителя и хотя бы раз в жизни взглянуть на него. Его образ, знакомый по портретам, рисовался мне как образ великаго мудреца-подвижника, и вот я лишен этого счастья, я никогда не увижу его светлаго облика, который уже мог тогда рисовать с портретов. Он, Филарет, покинул нас, он ушел к Богу... Детским сердцем это чувствовали даже мы, дети, и усердно молились об упокоении души великаго святителя-мудреца.

Прошло пятьдесят лет. Обычная судьба смертных: чем больше проходит времени со дня их кончины, тем больше бледнеют их образы в памяти потомства, пока наконец едва остаются имена их в летописях исторических, если только они еще заслужили сей чести. Но не такова судьба тех, кто всю свою жизнь отдал служению Богу и Его Церкви. Напротив: чем дальше мы отходим от времени их земнаго подвига, тем величавее становятся их образы, тем выше растут их деяния в сознании не только верующих чад Церкви, но и всех честно мыслящих людей. Таков был святитель Филарет. И если судил Господь нашей Руси остаться православною, то уже теперь можно сказать, что будет время, когда люди науки станут изучать писания Филарета с таким же вниманием, с каким теперь изучают первоисточники вероучения, как изучают классиков-писателей древних и новых времен. Филарет оригинален в каждой строке своих писаний: будет ли то акт государственной важности (известно, что ему приходилось писать и таковые акты по поручению Государей), или же простое письмо к какому-нибудь архимандриту, игумению или генералу. Слово праздное никогда не сходило с его пера, хотя часто его слово блестело замечательным остроумием. Говорят, что он особенно любил изучать творения великаго отца Церкви Григория Богослова, котораго напоминал и складом ума, и глубиною мысли, и даже наружностью. С благоговением вспоминают о нем те, которые

помнят его, с чувством любви к нему говорят: “Мы счастливы, что видели, принимали благословение у Филарета”. Увы, таких осталось уже немного.

И вот случай для них: теперь, по поводу юбилея, собрать все крупницы воспоминаний о нем и поделиться с нами, сохранить для истории, для потомства. Доселе еще не нашлось для него писателя, который дал бы нам достойную его биографию. Был один благоговейный читатель святителя, который тщательно собирал каждую его строчечку, написал несколько монографий о его научной, богословской и даже поэтической деятельности: это – покойный профессор Московской духовной академии И. Н. Корсунский. Он мечтал написать со временем и полную биографию, но смерть погасила его мечты. А другие как будто не дерзают взять на себя такой труд, считая его для себя непосильным. Уж слишком многообразна, слишком своеобразна была его деятельность, чтобы обозреть ее со всех сторон, отметить все особенности ее, сочетать в едином живом образе все светлые черты образа великого святителя-богослова, патриота, государственного мужа. Ведь если только собрать все, что начертала рука его, то придешь в невольное изумление: неопустительные богослужения, когда этого требовал долг, официальные дела, прием посетителей и просителей, рассмотрение синодальных дел, которые присылались ему горами, мнения и отзывы по ним, составление разных деловых записок, бесконечные резолюции по делам епархиальным и письма, письма без счета к разным лицам всех положений, от Высочайших Особ до разных игумений, архимандритов и простых мирян. И во всем виден его светлый, гениальный ум, ум государственного мужа, ум тонкого богослова, философа, филолога, церковного деятеля, мыслителя, если угодно – даже политика... И когда он все это успевал делать? Ведь надо помнить, что он всегда почти болел, что видно из его писем. Чтобы написать достойную биографию Митрополита Филарета, нужно отдать полжизни, по примеру известного автора сочинения об историке М. П. Погодине – Н. П. Барсукова, оставившего 24 тома этой биографии. Филарет – это ведь целая эпоха в истории Русской Церкви в связи с историей самой России.

Итак, чем и как будет ознаменован юбилей великого святителя? Что готовят наши духовные академии к этому знаменательному дню? Филарет – краса Русской Церкви: какой же венок сплетет ему духовная наука? Подарит ли нам достойную его биографию? Будет ли издано для народа его “житие”? Используем ли мы для нашей современности те безценные уроки, какие имеем в его писаниях? Пришло ли на ум кому из тех, кто так заботится об “обновлении” Церкви, об “оживлении” прихода, исследовать хотя бы по его резолюциям: как бы он посмотрел на те реформы, о коих так много пишут теперь в газетах, о коих совещаются в разных комиссиях, от коих ожидают чего-то чудесного? Ведь принципы-то православной церковной жизни одни и те же: какие были при нем, такими остаются и доселе; ведь церковные-то каноны, на коих зиждется внешняя жизнь Церкви, без коих она и жить не может, в своей сущности остаются неизменными, а святитель знал их дух, как никто из его современников, всегда действовал по их духу и крепко стоял за этот дух.

Святитель как бы предвидел наше время с его смутами. И многое написал как будто именно для нашего времени. Невольно вспоминается его же рассказ своему духовному другу – наместнику Сергиевой Лавры о том, как видел он во сне грозную тучу, идущую с Запада на Русскую землю... “И не видел я, сказал он, чем она разрешилась”. Не было ли то пророческое видение святителя-подвижника о наших временах?

Мне скажут: есть немало монографий, излагающих даже в системе учение Митрополита Филарета и догматическое, и нравственное, и литургическое; есть в некоторых библиотеках даже отделы “Филаретика”, где собрано по возможности все, что касается Филарета. Но все это носит какой-то случайный характер; есть предметный указатель к его “Мнениям и отзывам”, к некоторым письмам, но нет полного предметного указателя к его Словам и Речам, указателя, который вводил бы в глубины его мысли; указатель к его резолюциям еще скуднее, да и издание их почему-то остановилось на сороковых годах. А ведь в них целая сокровищница его канонических, литургических и церковно-практических взглядов, богатый источник и пособие для всех, кто занимается сими вопросами. Не напрасно же его ученик и позднейший преемник, Митрополит Сергей, всегда имел его резолюции на своем письменном столе и справлялся с ними в потребных случаях^[91].

Не худо бы почитателям памяти великого святителя образовать из своей среды комитет по празднованию Филаретовского юбилея; не худо бы нашим духовным академиям войти в сношение между собою по вопросу о том, чем ознаменовать этот юбилей в литературном отношении, чтобы не повторяться в темах и разделить общий труд. Нельзя пройти мимо такого юбилея безмолвным свидетелем. Лет сорок назад английский ученый Пальмер издал шесть или семь томов о нашем Патриархе Никоне на английском языке: так иностранцы ценят великих людей, даже чужих. Что если найдется такой же Пальмер и теперь, который напишет несколько томов о нашем святителе Филарете, а мы ничего, или почти ничего, не сделаем...

Скоропослушный ревнитель Православия

Как счастливы мы, грешные, что можем иметь постоянное общение с небожителями, поведать им свои скорби и нужды, получать от них помощь и утешение в наших скорбях, исцеление в наших недугах, благодатное указание пути в Царство Небесное! Мои читатели помнят недавно сообщенный мною трогательный рассказ Ярославского купца В. Я. Кузнецова о том, как святитель Христов Николай выручил его из беды в его отрочестве, послав ему теплую шапку; в моей книжке “Чем жива наша православная русская душа” есть рассказы о том, как тот же великий чудотворец поставил лучший балл на экзамене студенту, впоследствии знаменитому адвокату Ф. Н. Плевако, по молитве его матери; как спас от беды трехлетнего ребенка, посадив его в постельку, и под. Этот, особенно чтимый Русским народом угодник Божий как бы живой, хотя и незримый телесными очами, ходит среди чад Церкви, слушает их молитвы, благодееет не только православным, но и неправославным, и даже язычникам... Была бы только вера в силу его молитв, а он всегда уже готов на помощь. Потому и называется “Николою Скоропослушником” на одной его иконе.

Вот что сообщает мне один почтенный старец протоиерей Рождественской церкви села Лакаш, Рязанской епархии, о. Николай Петрович Хрущов. Сообщение это записано было со слов священника Даниила Д. Азбукина, жившего в селе Алешне, Орловской епархии, дочерью его Н. Д. Синадскою.

“Лет сорок тому назад из Финляндии приехали в Волховский уезд, Орловской губернии два брата Отт и Адольф Ивановичи Брумеры, лютеране по вероисповеданию. Они купили землю, Отт поселился в Алешне, а Адольф в Ветловке. Отт Иванович хорошо, даже дружелюбно относился к духовенству, тогда как Адольф терпеть не мог духовных. Он никогда не принимал их у себя, издевался над ними, когда приходилось ему встречать их в доме брата. Своих служащих штрафовал за то, что они бывали в православной церкви и потому не выполняли работу, а если эта неисправность случалась из-за водки, то штрафа не полагалось.

У братьев Брумер в Орловском институте воспитывалась внучка, девочка лет 12–14, Софья, барышня болезненная и очень добрая, и богомольная. По своему болезненному состоянию она подолгу жила в деревне, то у того, то у другого дедушки.

Случилось, что Адольф Иванович заболел: стал жаловаться на боль ног, на плохую работу желудка, головную боль и подобныя недомогания. Врачи лечили, временно помогали, а потом опять те же явления продолжались. Проходят месяцы, лето, осень, годы. Адольф Иванович лежит уже прикованный к кровати, и нет ему облегчения. Мой отец, священник, – продолжает рассказчица, – несколько раз чрез домашних советовал ему обратиться к Божией помощи, но доходило ли это до ушей грозного Адольфа – не видно было. Только маленькая Сонечка могла что-нибудь сказать дедушке, не боясь быть изгнанной вон с запретом показываться на глаза. В минуты мучительной бессонницы больной очень любил, чтобы ему читали. Соня часто сживала у кровати и скрашивала незавидную долю дедушки. Не знаю, как случилось раз, Соня из книги, подаренной ей институтским начальством, читала о чудесах и жизни святителя Николая Чудотворца. И вот днем слышат домашние, что в кабинете происходит разговор между больным и еще кем-то. Никто из домашних не придал этому значения, так как было в порядке вещей, что

у больного всегда кто-нибудь был... Только когда вошли в кабинет, там никого не было, но больной сказал, что “старичка” нужно проводить, что он очень ему понравился, ласково беседовал с ним о болезни и обещался еще придти, причем все советовал “утвердиться на семи столбах: тогда и ноги, говорит, будут ходить и голова перестанет болеть”.

Когда до моего отца, продолжала рассказчица, дошел этот совет таинственного старца – “утвердиться на семи столбах”, то отец сказал, что Адольфу Ивановичу нужно принять семь Таинств Православной Церкви. Сказали об этом больному. Между тем, он очень напряженно ждал, когда к нему придет старичок. Однажды больной попросил посадить себя, а до сего времени лет семь или восемь лежал. Его посадили, и он тут же забылся сном. Его воспитанница, Иулита Андреяновна, девушка лет 24-х, сидела около него, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить больного. Вдруг она видит, что больной радостно встрепенулся, и слышит, что он кому-то говорит: “Здравствуйте, как я вам рад! Мне после вашего посещения стало лучше, вот я уже сижу... Вы говорите, что это поможет? Так я обязательно возьму семь столбов”. Потом больной просил невидимого посетителя остаться у него еще, так как он чувствует себя очень хорошо, когда старичок бывает у него, но посетитель сказал, чтобы больной поспешил сделать то, что обещал. Повидимому, посетитель ушел; больной, обратившись к Иулите Андреяновне, стал восторгаться видом посетителя: “Какие у него глаза, какие волосы, какая одежда!.. Верно – странник? Но как я ему рад...” Когда Иулита Андреяновна сказала, что она не видела старичка, то больной не хотел верить этому. Тогда девочка Соня принесла маленький образок Святителя Николая Чудотворца и показала больному: “Да, – подтвердил Адольф Иванович, – этот самый посетитель и был у меня два раза”. После этого послали за моим отцом. Больной твердо выразил желание перейти в православие. Приготовление к таинству шло около десяти дней. Отец знакомил его с учением православной Церкви. По мере приближения дня присоединения больной чувствовал себя все лучше и лучше, так что этот, недвижимо лежавший несколько лет старик во время присоединения только часть службы сидел, а больше все стоял, опираясь на руку внучки Соны.

Врачи, в виду улучшения в состоянии здоровья, советовали Адольфу Ивановичу поехать на воды, чтобы там поправить свое здоровье, но больной говорил: “Я знаю, кто меня вылечил”, и каждый раз, не пропуская деревенскую церковную службу, на своих ногах ходил в храм Божий. В благодарность к Святителю Николаю в святом миропомазании он принял и его имя. Жил он после исцеления лет 18–20 и умер, не жалуясь на ноги”.

Читатели спросят: чем же объясняется такая милость Святителя Христова к этому лютеранину, который, как видно из рассказа, так чуждался Церкви православной, что штрафовал ходивших в храм Божий православных своих рабочих? Ответом на это служит сообщение г-жи Синадской, что девочка Соня до первого его видения ходила в церковь, молилась о дедушке и служила молебны Святителю Николаю Чудотворцу о его выздоровлении...

Господь, при земной жизни Своей, исцелял заочно не только правоверующих евреев, но и язычников – слугу сотника Капернаумского, дочь Хананеянки и других, по молитвам близких им людей. Ему подражают и угодники Его, простирая любовь свою к немощным и бедствующим даже иноверцам по молитвам их родных и близких, особенно по молитвам детей.

Покушение на основные законы

С недоумением, с чувством скорби смотрим мы, православные русские люди, на то, что творится в нашей якобы Государственной Думе, а за нею, к нашему изумлению, и в Государственном Совете, где пребывают мужи совета и разума, люди житейского и служебного опыта и науки... Что не ладно у нас в верхах, то и простые люди видят, что министры, по выражению одного из умных людей, стали “поденщиками”, избираются, по выражению другого остролова, из “непомнящих служебного родства”, с этим приходится, пожалуй, согласиться; но вот с заключением из этой посылки уж никак нельзя помириться: Дума, а за ней и часть Совета требуют, чтобы министры назначались такие, которые были бы “облечены доверием страны, доверием народа”. Значит, доверия Государя, отца народа, мало? Но что это за слово: “страна”? Ведь по-русски это понятие географическое, стало быть, надо его понимать в переносном смысле: страна – народ, обитающий в России. Но в России обитает много народов: какой же народ? – Конечно, “Русский”. – Но тогда так бы прямо и говорили, а то – “страна”... Можно подумать, что намеренно избегают сказать прямо: “Русский народ”. Но будем думать, что Русский народ, а не иудеи, немцы и пр. Народ этот состоит, по меньшей мере, из ста миллионов: где же найдется человек, которого знали все эти сто миллионов? Могли бы знать и его способности и оценить их? Да и как это узнать мнение ста миллионов?.. Ясно, что те, которые этого требуют, разумеют “представителей” народа, какими и считают себя самих. – Так вот в чем дело: подайте нам министров, каких мы укажем, мы выберем! Но позвольте, кто же вас уполномочил на это? Закон? – Нет. Народ? Но народ, в собственном смысле, и не выбирал вас, выбирали – большею частию интеллигенты, отошедшие от массы народной на страну далече, – редко-редко где настоящий голос народный был слышен на ваших выборах; оттого и получилось, что Государственная Дума, которую Государь желал иметь “русскою по духу”, которая и должна бы быть Думою Государевою, – на деле явилась... не русскою... И вот эта не русская по духу Дума и хочет выбирать министров, ближайших помощников Царя, по своему вкусу. А с теми, кого выбирает Царь, она и работать не хочет. Но если она не лжет, когда называет себя русскою, то не проще ли было бы успокоиться, использовать данное ей право наблюдения за министрами в виде запросов и законосоставительной инициативы и просить Государя назначать министров более опытных и сведущих в той области, какая кому предназначается. Да и сами избираемые должны честно и прямо говорить Государю, если знают, что неспособны к делу.

Народ в низах и не подозревает, что именующие себя его избранниками, покушаются на права Государя, его “Батюшки-Царя”, которому он верит, как Отцу Отечества, пред волею которого благоговеет, как пред волею Божией...

Или думают эти “избранники” обмануть народ?..

Не бывать этому! У народа есть мудрая мать – святая Церковь, которая должна разоблачить и этот обман, как ея служители разоблачают многия махинации в области мысли немецкой, пытающейся отравить народную душу разными лжеучениями.

P.S. В Государственном Совете половина членов назначается самим Государем. Ужели и сии, облеченные доверием Самого Государя, пошли за думскими реформаторами Основных Законов? К сожалению, и среди них нашлись такие... Ну и времена же мы

переживаем. Кому же остается верить?..

“Домашний враг”

И врази человеку домашний его...

Дни, нами переживаемые, поистине лукавы суть...

Мы не можем не видеть, что отовсюду идет подкоп под Церковь, что никогда, может быть, не было такой нужды, чтобы пастыри Русской Церкви, ея власть,

бодро стояли на ея страже и зорко следили за всем, что творится вокруг стен церковных. Для борьбы с темными силами, воюющими против Церкви, нужно иметь и соответствующее оружие. Таким оружием является, как известно, печатное слово, а современность показывает, что в среде печатных органов засилье на стороне ежедневных изданий. Духовенство наше, особенно сельское, привыкло за последние два года иметь свою ежедневную газету – “Приходский Листок”. К сожалению, всем известная обстоятельство страшно подняли цену на бумагу и типографские работы, и вести дело издания, обязавшагося давать ежедневно по номеру за четыре рубля год, стало крайне затруднительно. А тут еще странный налог на издание: редакция платит из подписных денег на прибавку жалованья синодальным чиновникам 30 000 рублей. Между тем, нигде в светских газетах не встретишь таких содержательных статей по вопросам церковной жизни, как в “Прих. Листке”. Во многих случаях он является руководителем для духовенства в борьбе с сектами, расколом, безбожными и анархическими влияниями, и, уж пусть не сетуют на меня за слово правды – с бессмысленными и даже безмысленными для русского человека, политическими мечтаниями иудействующих отщепенцев от народа, разных кадетов, эсэров и эсдеков... Понятно, что вот этим-то господам и неприятно существование специально-церковной ежедневной газеты. Сельский батюшка, прежде выписывавший “Биржевку” за четыре рубля, теперь получает хорошую церковную газетку; его уже не отравишь тем духовным и политическим ядом, какой изготавливается в лабораториях иудейских.

Но есть и свой “домашний враг” “Прих. Листка”, который имеет свою якобы “церковную” ежедневную газету и очень хотел бы закрытия синодального органа, чтобы заменить для привыкших к ежедневной церковной газете это издание своим “Колоколом”. Он всячески старается подорвать доверие читателей, незнакомых с синодальным изданием, к “Пр. Листку”, называя его “чахлым”, “безнадежным”, “незадатливым детищем времен Саблера”, указывая небывалые огромные дефициты, сообщая, будто редактор имеет 9 помощников на жалованье, будто духовенство “решительно против обязательности выписки “Пр. Листка”, будто бы в редакторы этого издания намечается “мастер сатиры г. Селитренников” и т. д. Словом: надо закрыть этот листок, – тогда духовенство поневоле, чувствуя нужду в ежедневной церковной газете, подпишется на мой “Колокол”... Вот смысл всех суждений В. М. Сковцова.

Было время, когда я рекомендовал этот “Колокол” духовенству, сам сотрудничал в нем, пока, в прошлом году, г. Сковцов не заявил мне, что он “безповоротно разочаровался в старом режиме” и занял 60 000 в якобы “Русско-Французском”, на деле же иудейском, банке, где был директором известный Рубинштейн. После этого я решительно порвал с “Колоколом” как изменником “старого режима” – чтый да разумеет. Теперешнее направление этой газеты-изменницы всем ея читателем известно: она стоит за иудеев, за “новый режим”, за выборы духовенства, за всякия “обновления” и “оживления”, нередко в антицерковном духе. Завелись у нея и подходящие сотрудники: В.С., В. Рязанский, В.

Зарайский, Н.С., П. Н.С., Н. С., протоиерей Н. Смирнов и под. Можно себе представить, чем будет питать духовенство эта газета, если оно, нуждаясь в церковной ежедневной газете, станет подписываться на “Колокол”. Надо помнить то, на что указывает и сам г. Скворцов: “Мы, – говорит он, – накануне выборов в Гос. Думу; духовенство должно принять в них участие”. Все, конечно, так, но вот уж никак не согласимся с дальнейшими рассуждениями г. Скворцова: “Мудреное дело, говорит он, как и какие директивы преподавать официальному органу Церкви, дабы не поставить ее, всем дорогую нашу мать (какая нежная любовь к Церкви!), равно как и самих пастырей, под жестокие удары укоризн со стороны пасомых. Есть моменты в жизни, когда удобн(е)е молчание”, чем вредное и рискованное многоглаголанье. Таково-де мнение духовенства”. Таково, конечно, мнение г. Скворцова, а духовенство знает хорошо, что тут и сомнений, и колебаний быть не может: надо стоять за веру Православную, за Царя Самодержавного и за права народа – хозяина земли Русской. Если и бывали, и будут в среде духовенства Огнев, Тихвинские и им подобные – то ведь это – духовные уроды, коим не место и среди духовенства, тем менее места в Г. Думе. А если “пасомые”, не внимая наставлению пастырей, будут укорять их за якобы “политику”, утверждая, якобы духовенство должно быть “аполитично”, то ведь мы знаем цену таким речам: пусть укоряют вместе с г. Скворцовым – в их укоризнах только честь мужественным пастырям. Отечество в опасности, не только от внешнего врага – Бог даст – мы с ним справимся, – опаснее враги внутренние, все вот эти умники, вопиющие “об ответственном пред страной министерстве”, о “новом режиме”, о всяких “свободах”, о “равноправии гонимого племени” и под. И грех будет духовенству, если оно будет молчать, когда будут проходить в Г. Думу вот такие умники. Вот в таком духе и должен, нимало не колеблясь, давать “директивы” духовенству “Прих. Листок”. А если у него недостает средств, то надо, во-первых, освободить редакцию от упомянутого налога, а затем... да простят мне слово правды те, кого это касается: если для “Колокола” нашлась субсидия, то почему бы не найтись ей и для церковной газеты? Удивительное дело: для частных изданий, для казенных, издаваемых казенными учрежденными, для “Сельского Вестника”, “Народного Чтения” и под. находятся средства, только для того, что идет от Церкви, под покровом Церкви – средств не обретаются...

Церковь всегда была лучшим другом государства, его союзником в деле государственного благоустройства: история самого государства до реформ Петра I так тесно сплеталась с историей Русской Церкви, что сама была почти церковною. Было бы прискорбно и для государства вредно, если бы в наше смутное время государство покинуло Церковь, поставило бы ее в необходимость стать в стороне от нужд государства и его внутренней жизни. Это должен бы понимать больше, чем кто другой, г. В. М. Скворцов, бывший много лет на службе у власти церковной. К сожалению, с “разочарованием в старом режиме” у г. Скворцова личный интерес стал выше церковного, что заметило даже “Новое Время”, нецерковная газета: “Вдохновляясь, говорит оно, перспективами близкого закрытия “Прих. Листка”, г. В. Скворцов прилагает все усилия, чтобы ускорить падение казенного конкурента своего “Колокола”. Еще бы, скажу и я: еще бы не постараться об этом: ведь “Прих. Листок” имеет, по меньшей мере, 50 000 подписчиков: если он закроется, то на долю Василия Михайловича перепадет несомненно порядочная толика из числа этих подписчиков. Недаром он зорко следит за тем: объявит или не объявит подписку “Прих. Листок”. И конечно, скажем его же словами: “долго ждать ему не придется: издательский год на исходе”...

А как ведет дело сам г. Скворцов, это видно из его собственного признания: “О содержании иной статьи “Колокола”, говорит он, впервые узнаешь из газетных обзоров печати, а между тем, печатные скалозубы требуют за нее к ответу В. Скворцова, а он неповинен в ней ни сном, ни духом”. Хорош же издатель: значит, он пустил в свою газету молодцов, которые и работают за хозяина, как им вздумается, торгуют товаром, какой им по вкусу, а ему и дела до того нет... Его дело писать широковещательная рекламы да вот подкапываться под “конкурента”; а в случае, если потянут под суд, так у него есть на то подставной редактор, некий г. Е. М. Братин. Можно себе представить, чем будут угощать читателей “Колокола” сотрудники В. М. Скворцова, если он даст им полную свободу писать по указанию тех, пред кем преклоняется их хозяин... В. М. Скворцов ставит себе в защиту, что издает “Колокол” 11-й год, но ведь почти 10 лет он служил “старому режиму”, от которого отрекся; стало быть, 10 лет он шел по пути, который теперь признает ошибочным, для Церкви и России вредным, а разве эта заслуга? С его точки зрения следовало бы не хвалиться, а каяться в том, что 10 лет заблуждался, задерживал расцвет “нового режима”.

№ 350

Утешение у яслей Христовых

Слава в вышних Богу, и на земли мир...

Лк. 2,14.

И послав Ирод, изби вся дети, сущия в Вифлееме и во
всех пределах его...

Мф. 2,16.

Небесным миром и благодатною радостью наполняется сердце наше в светлый праздник Рождества Христова у священных яслей Младенца – Превечного Бога. В песнопениях Церкви громко звучит торжествующая песнь небожителей: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!* Всему миру, всему человечеству возвещается радость велия: *днесь родися вам Спас, Иже есть Христос Господь во граде Давидове* (Лк. 2, 11).

Но когда мысль наша, отвлекаемая от яслей Христовых шумом бурного моря житейского, обращается к тому, что творится в мире в наши скорбные дни, то и сердце наше начинает смущаться, начинает вопрошать: где же возвещенный Ангелами мир? где – в человецех благоволение? Восстали царства на царства, народы на народы; миллионныя войска не прерывают ужасных битв: на пространстве нескольких тысяч верст льются обильные потоки крови, не говорю уже о слезах, коими столь же обильно орошается вся земля. Где же столь вожделенные мир и благоволение?

Да не смущается сердце ваше. Глаголет Богомладенец от яслей Своих всем верующим в Него: *зрите, не ужасайтесь: подобает бо всем сим быти.*

Да, подобает быти: так было и тогда, когда явился на земле Сам Он, великий Примиритель неба и земли; и тогда, едва успели Ангелы воспеть дивную песнь мира, как на земле началась неслыханная война: с одной стороны – царь Ирод и весь Иерусалим, с другой – Отроча Иисус и Его телохранители – младенцы Вифлеемские. И полилась тогда кровь неповинная сих младенцев-мучеников, и церковное предание говорит, что воинами безчеловечного Ирода умерщвлено в Вифлееме и его окрестностях до 14 000 малюток... Видно, у Господа Бога таков уж закон для земнородных: никакая радость, никакой мир на земле не стяжается без скорбей и страданий. И этому закону благоволил подчиниться Сам Законодатель, ради нашего спасения претерпевший все скорби человеческия. В первые же дни Своей земной жизни Он претерпел и законное обрезание, и гонение от Ирода, и благоволил восприять в соучастники Своих страданий, яко начаток от искупяемого им рода человеческого, целые сонмы невинных младенцев-мучеников, увенчав их венцами нетленной славы.

Применим же, братие, этот закон к себе и поищем в самых скорбях наших утешения себе. Великими скорбями испытывается верующая Русь в наши дни. Испытуется, яко злато в горниле, и очищается от греховности своей испытанием тяжелой войны. Сотни тысяч уже легло костями и наших братьев, верных сынов Отечества, и их кровь, их мученическая кончина дают дерзновение нашей матери-Церкви веровать, что они, положившие душу свою во имя той любви, выше которой нет на земле, – любви к вере своей Православной, к Царю-Помазаннику Божию и к родному народу, родной Руси Святой, увенчаваются там, на небе, венцами мученическими. А если так, то не можем ли мы с тем же дерзновением смиренной веры уповать, что эти страдалцы за все, что священно и дорого для русской православной души, выходявшие на последний в их жизни подвиг с верою во Христа Спасителя, с самопреданием Его святой воле, особенно после приуготовления к мученической смерти причащением Божественных Таин Христовых (о чем свидетельствуют многие военные священники), – что они, возлетев с полей брани душами своими туда, где ликуют сонмы мучеников за Христа, где блаженствуют невинные души Вифлеемских страдалцев, не забудут пред престолом Господа, Судии Праведного, родной им Русской многоскорбной земли и будут просить ей у Господа победы и одоления на супостата, мира и благоволения Божия?

Ирод не победил Божественного Отрочати: “Воинство младенцев, по выражению святителя Филарета, не предало Вождя своего в руки врагов, но своею кровию пожертвовало за жизнь всеобщаго Искупителя”. И ныне, – мы веруем, мы уповаем на милость того же Победителя ада и смерти, в яслях смиренно почивающего, но в то же время адского льва и змия попирающего, что новый Ирод, беспощадно истребляющий своими подводными лодками и убийственными газами мирных жителей и путешественников, среди коих множество и женщин, и детей, и старцев, и беспомощных больных, не одолеет нас, что наше христоролюбивое воинство, беззаветно душу свою полагающее, победит его и своею кровию умилюет прогневанного грехами нашими Господа.

Видел некогда возлюбленный наперсник Христов, Евангелист Иоанн Богослов, под жертвенником Божиим души убиенных за веру, которых возопили громким голосом: “Владыка Святой и Истинный! Доколе не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И сказано было им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число” (Апок. 6, 9 —11).

Невольно вспоминается это пророческое видение великаго таинника Божественных откровений в глубокой скорби нашей, и если мученики за веру вопиют к праведному Судии об отмщении за кровь их, невинно пролитую, то, дерзаем думать, что и наши страдалцы-воины, во имя любви душу свою положившие, не безмолвствуют пред престолом правды Божией, и, указуя на кровь свою, на истерзанные части тела своего, паче же на великую скорбь всей верующей Руси Православной, дерзают в молитве пред Господом ходатайствовать об умирении всего мира, и если не об отмщении всемирному супостату, то об усмирении и вразумлении его и об окончательной победе над ним.

Возлюбленные о Господе братия! Кто из нас с тревогою в сердце не вопрошает: когда же будет конец этой ужасной войне? На этот вопрос отвечаем словами Божественного Откровения: *когда дополнится число убиенных за Веру и Отечество братьев наших*. Великий сонм душ их с полей брани возносится к престолу Божию, как жертва любви их к родной земле; сколько еще судил Господь присоединить к ним – это ведает один Он,

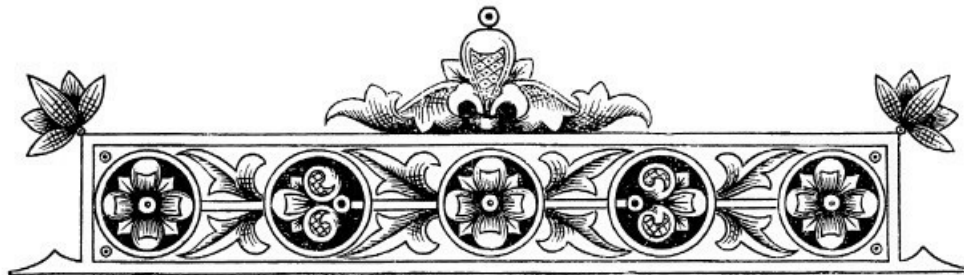
Безсмертный, в руках Коего и жизнь, и смерть наша. Един Он ведает и то, когда наступит конец этой небывалой войне. Церковь ублажает Вифлеемских младенцев-страдальцев, яко мучеников за Христа; она обещает и нашим христолюбивым воинам, на брани душу свою положившим, венец мученический. А посему – никтоже да плачет о них, – их души в руке Божией! Никтоже да отчаевается за исход войны: с нами Бог! Никтоже да унывает духом: Господь призывает с высоты небесной на все наши скорби, наши немощи, наши нужды и не попустит нам искушения выше сил наших!

В светлый праздник мира и радости о Господе Спасителе нашем, нас ради от Девы родившемся, припадая к Его яслям и смиренно склоняя главу свою пред Возлежащим в них, сами себе, и воинов наших, и все судьбы нашего Отечества Христу Богомладенцу предадим. И в этом самопредании Богу мы обретем тот мир благодатный, которого жаждет наше многоскорбное сердце и о котором говорит единый Примиритель неба и земли Господь наш: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам* (Ин. 14, 27): это – мир с Богом, мир с совестью, о котором воспели Ангелы: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение*. Аминь.

Архиепископ Никон

Мои дневники
1917 год

Тревожный ожидания последних времен

...Не ваше дело знать времена или сроки, который Отец положил в Своей власти.

Деян. 1, 7

...Времени уже не будет...

Апок. 10, 6

Последний день года напоминает последний день мира; Новый год – ту таинственную грань, которая отделит время от вечности, когда откроются новое небо и новая земля, когда обновится вся тварь, когда, словом, наступит вечность и, по слову Божественного откровения, *времени уже не будет* (Апок. 10, 6). Сознательно или бессознательно в душе человека, в самой глубине этой души, таится тревожное ожидание этой неизбежной перемены с тою разницей, что человек верующий со страхом и трепетом помышляет о Страшном суде Божиим, предавая себя всецело в руки милосердия грядущаго Судии и приуготовляя себя покаянием; а человек грешный старается всячески себя уверить, что там, на границе времени и вечности, ничего не будет, что смертью все кончится, а потому – будем есть и пить, ибо завтра умрем, будем наслаждаться земными благами, пока можем, пока живы, а там – будь что будет!

Во дни великих бедствий, когда, кажется, само небо гремит грозою гнева Божия, когда колеблются царства, льются потоки крови на полях брани, земля орошается слезами вдов и сирот, когда повсюду слышатся стоны страдальцев-воинов и скорбные жалобы обиженных, – в такие дни, как это давно замечено, усиливается ожидание Второго Пришествия Господа, Судии праведнаго, и самые бедствия считаются признаками близости скорого исполнения времен. Мысль о Страшном суде Божиим есть одно из спасительных средств прогонять от себя греховные помыслы и желания. И дай Господи, чтобы каждый верующий постоянно носил ее в сердце своем вместе с молитвою к Господу о помиловании; всякого бо ответа на сем Страшном судищи недоумеючи, сию молитву яко Владыце грешнии будем в сердце носить: помилуй нас! Но врагу рода человеческого ненавистно, что верующие люди останавливаются на сей спасительной для них мысли: они стараются отвлечь от нея человека, а поелику верующая душа не хочет с нею расстаться, сознавая, как она охраняет ее от греха, то враг незаметно пытается подменить ее другою, якобы подобною ей: “Когда будет Пришествие Христово?” И вот люди начинают, присматриваясь к событиям, видеть в них признаки не только близости Пришествия Господня, но начинают точнее высчитывать год, месяц, – готовы даже угадать и самый день сего всемирнаго события. А враг застилает в их сознании преступность таких вычислений, выкрадывает из их памяти непреложныя словеса Самого Господа Иисуса Христа: *не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1, 7). О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а

только Отец Мой один (Мф. 24, 36). По Евангелию от Марка, Господь сказал еще сильнее: Он добавил слово: ни Сын, то есть дня и часа Пришествия Своего не знает, по человечеству Своему, конечно, даже и Он Сам, Сын Человеческий (13, 32). Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время (стих 33). А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте (стих 37). Вот почему апостол Павел не находил нужным даже писать об этом Солунянам: сами вы, говорит, достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью (1 Сол. 5,2). После таких ясных, не подлежащих никаким перетолкованиям слов Самого Господа кто же смеет делать попытку с точностью определять время Пришествия Его? Нам указаны Господом признаки близости сего события, и довольно с нас. Мы видим, что слова Господа исполняются: Его Евангелие проповедуется всем народам земли; о Нем, Христе Спасителе всего человечества, знают уже почти все племена и народы. Но исполнилось ли число тех, кто из сих народов должен войти в Царствие Божие, – кто это знает? Один Он, Всеведущий... Подумать только: уже ли старый Китай с его полумиллиардом жителей-идолопоклонников даст Богу только ту ничтожную горсточку верующих и спасаемых во Христе, какая теперь есть там?.. Не говорю о других племенах и народах. С другой стороны, иудеи на наших глазах поработают себе мир. Мы видим, что они уже поработили его в финансовом, торговом отношении, захватили печать, даже науки. Они уже учредили себе особое международное правительство, собирают своего рода парламент в Америке, мечтают о своем царе, по-нашему – антихристе. И опять кто знает, не близится ли царство этого величайшего и последнего врага Божия на земле? Опять ведает один Всеведущий. Мы должны быть готовы и его встретить, чтобы отстаивать Церковь Божию от его козней. Читаем мы в трипеснице святителя Андрея Критского на повечерии в Великий Понедельник Страстной седмицы: “О безмерного Твоего человеколюбия, Иисусе! Сказал бо еси нам скончания свыше время, скрыв час, уяснив же светло образы его”. Сокрыл Господь день и час Пришествия Своего, и мы, если хотим быть послушными чадами Его, должны смиренно подчиниться слову Его, а не приподнимать опущенную Им же завесу, без сомнения, для нашей же пользы. Вот почему все подобные попытки и бесполезны, ибо что Бог сокрыл от человека, то и не будет открыто, как бы человек ни старался это сделать, – и преступны, как преступно было Евино вкушение от запрещенного древа, и, наконец, очевидно вредны, если так решительно запрещены Господом. Вот почему сочинения вроде некоего полковника Бенигсена и других адвентистов следует считать богопротивными и не давать им никакого значения. Должно всегда носить в сердце своем притчу Господню о двух рабах: благоразумном, который и в отсутствие своего господина исполняет усердно волю его, и злом, который говорит в сердце своем: “Не скоро придет господин мой”, – и предается пирушкам с пьяницами; горька будет участь этого нерадивца, когда совсем для него неожиданно придет господин его, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными (Лк. 12, 46). Должно помнить слова апостола Петра: у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью (2 Пет. 3, 8—10). Поучительно рассуждает о сем преподобный Иосиф Волоколамский: “Надобно знать меру во всем, нужно знать, о чем позволено рассуждать в делах веры и о чем не позволено. Не полезно нам знать время ни своей собственной кончины, ни кончины всего мира; надобно всегда быть готовыми к тому и другому. Если уж теперь, не зная ни того, ни другого, мы снедаем друг друга и утопаем во грехах, то что было бы, если

бы о том знали? Тогда, конечно, мы всю жизнь проводили бы в безопасности и во грехах и разве один день отделили бы на покаяние. Если Господь даже апостолам, которых называл друзьями Своими, которым Сам сказал: *Вы есте свет мира* (Мф. 5,14), запретил о том спрашивать, то тем более не подобает нам, страстями преисполненным, рассуждать о том, о чем Господь не позволил, что Сам Бог сокрыл от нас. Да и напрасно мы стали бы рассуждать о том: сколько бы мы ни усиливались узнать, никогда не узнаем, а только гнев Божий на себя чрез то навлечем. Кто пытается познать непостижимыя судьбы Божии, тот, по выражению апостола Петра, есть наглый ругатель, поступающий по собственным своим похотям (см. 2 Пет. 3, 3). И кто же смеет допрашивать Бога, единого безначального, неизменного, присносущного, бесконечного?.. Да умолкнет всякое праздное разглагольствие в Церкви Божией! Да не испытывает никто сокровенных тайн Божиих! Ты не знаешь часа твоего собственного скончания; как же ты смеешь рассуждать о времени кончины мира? Вспомни, страстный и жалкий человек, кто ты? Ведь ты и тени не стоишь великих и святых мужей, как же дерзаешь утверждать, будто постиг непостижимую тайну Божию, узнал время Пришествия Его?.. Нет, верен Господь во всех словесах Своих: верен во всем, что повелевает или запрещает, открывает или утаивает от нас". Так говорит святой отец нашей Русской Церкви; так учат и все отцы Церкви Вселенской.

Страшные события в мире, совершающиеся в наши дни, усиленно напоминают нам пророческия слова Господа нашего Иисуса Христа: *услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней* (Мф. 24, 6–8). Господь говорил ближайшим образом о времени разрушения Иерусалима, но Его слова святые отцы применяют и к последним дням мира. Подобныя же события совершались и сто лет назад. И тогда мысль верующих обращалась к последним дням мира, но Господь судил иначе. Посему не будем испытывать непостижимых судеб Божиих; будем непрестанно готовиться к Страшному суду Христову, но в то же время помнить, что для каждого из нас в отдельности суд Божий ближе, чем Страшный суд для всего мира. *Единою подобает умереть*, говорит апостол, *потом же суд*. А смерть у каждого за плечами. Не знаем мы своего часа смертного, – и слава Богу, что не знаем, а потому и должны всегда быть готовы к переходу в вечность. Можем умереть и сегодня, и завтра; вот об этом и должны помышлять со страхом и заботою: как явиться на суд Божий? Ведь после смерти нет покаяния, нет возможности изменить свою жизнь. Для нас, для каждого из нас, кто умрет, настанет уже та вечность, когда и времени не будет уже, по слову Божественного откровения. Правда, до последнего Страшного суда Христова Церковь не престанет еще молиться о всех в вере почивших, но чтобы заслужить ея молитвы, чтобы Дух Божий, живущий в Церкви, возбуждал Церковь к молитвам за нас, чтобы эти молитвы были действительны, надо быть живым членом Церкви, веровать в силу ея таинств, ея молитв и привлекать к себе вспомоществующую благодать Божию исполнением заповедей Божиих. Вера без дела мертва, а потому и не спасительна. Тем, кто только призывает имя Господа, кто только устами говорит: *Господи, Господи*, а не творит воли Отца Небесного, Господь скажет: *Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 23). Не знает Господь того, кто не есть живой член Церкви Его, кто мертвый ея член, а следовательно, отсеченный от нея. Молитва, по выражению одного благочестиваго писателя, есть кровь Церкви, а кровь для мертваго члена бесполезна...

Вот о чем благовременно озаботиться нам в наши скорбные дни, когда слышим громы небесные, напоминающие нелицеприятный суд Божий над народами земли. Может быть, близок и день всемирного, Страшного суда Божия, но – кто знает? – еще ближе час смертный к каждому из нас, а за ним – и суд Божий...

Господи! С наступлением нового года мы еще на год приблизились каждый к своему часу смертному и к суду Твоему праведному; даруй же нам благодать постоянно носить в своем сердце память смертную и сокрушение сердечное. Даруй нам хотя ныне положить начало благое, начало покаяния во грехах своих и исправления жизни своей. Да не застанет нас час смертный в нерадении, яко рабов ленивых и непотребных, но да встретим его яко рабы добрые, всегда готовые сретить Господа своего и услышать от Него: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте Царствие, уготованное вам от сложения мира. Аминь.*

Ревность не по разуму

Ревниво оберегают свою свободу сыны века сего: нередко они видят для себя опасность там, где ее и тени не было.

Известный публицист М. О. Меньшиков, прочитав в иудейских, обычно враждебных Церкви и приснолгущих, газетах, будто Священный Синод “вырабатывает свой проект о предварительной цензуре”, инициативу которого масонский орган Милюкова “Речь” приписывает мне, спешит в “Новом Времени” ополчиться против самой мысли о такой цензуре, тревожа по сему случаю даже кости Мильтона, автора “Потерянного” и “Возвращенного рая”. Он грозит такими страхами, что иной читатель газеты подумает, что Священный Синод собирается ввести у нас инквизицию. Предварительная цензура, видите ли, и “оскорбительна для нации”, и “подавит искренние и свободные взгляды народного разума”, так что нельзя будет использовать “гения великой нации”, “убьет самый разум, умертвит образ Самого Бога”, и если дело идет о всей печати, то “устроит резню”, “посягнет на сущность жизни, на дух разума”, будет “посягательством не на жизнь, а на бессмертие”.

Такие-де мысли проводили Мильтон и Локк, с которыми, конечно, вполне согласен М. О. Меньшиков. “Мы видим, – говорит он, – как свободная в своей мысли Англия за эти двести двадцать три года (со времени закона о свободе печати) величественно шествовала по земному шару, завоевывая океаны и материки. Турция же, отказавшаяся от свободы мысли, все эти столетия падала неудержимо, повергая в кровавую пропасть и свой храбрый и честный народ, и те народы, за которые ответственность пред историей она взяла на себя”. И вот старый публицист, напуганный такими кошмарными соображениями, кричит: “У нас из разных углов общества идут попытки отобрать последние крохи свободы”, обезпеченные нам основными законами, “наши революционеры” пытаются “зажать рот России”...

Но что же случилось? Что так встревожило господина Меньшикова, что он пишет грозную статью в триста восемьдесят восемь строк против затей “маленькой ретроградской партии, желающей связать свободу народного сознания насильственными мерами”, чтобы “предупредить тяжелые последствия этой фатальной ошибки”?

Да ничего особенного не случилось. Никакого проекта о предварительной цензуре в Священный Синод я не представлял; были суждения о наблюдении за литературою вообще и за духовною печатью в особенности, но не о предварительной цензуре, а в целях только осведомления Священного Синода, не имеющего возможности в лице своих членов наблюдать, что и где печатается касающееся веры, Церкви, церковного управления и подобное. Так что же: ужели и этого Священный Синод не может, не вправе делать? Ужели он не должен знать, что и где говорят и пишут о всем том, что входит в ведение его? Вот хотя бы в данном случае: “Речь”, намеренно или нет, приписывает мне какой-то проект, господин Меньшиков негодует на меня как на “реакционера”, бросает громы и молнии на церковную власть, а сия власть не должна и знать об этом? Пощадите, господин Меньшиков: на что же это похоже?

Все рассуждения господина Меньшикова имели бы свой смысл, если бы наша печать не была в огромном большинстве захвачена в нечистые руки иудеев, если бы наши публицисты, может быть, даже бессознательно, не подслуживались бы этим врагам веры и Руси Святой, если бы наши интеллигенты не были предубеждены против Церкви, не

чуждались ее воззрений, не поддавались тому гибельному влиянию, которое стремится перевоспитать их в понятиях на свой космополитический, атеистический лад. В том-то и дело, что в нашей печати работает не “гений великой нации”, не “разум народный”, не “образ Самого Бога”, как выражается Локк, а – что скрывать печальную истину? – темная сила иудеев и их споспешников... Господин Меньшиков должен это знать; он боится “порабощения человеческого слова” цензуре, но как будто не видит того, что и слово, и мысль уже давно поработаны иудомасонству, и хотя бы во имя действительной свободы от этого рабства надо желать не только наблюдения в смысле осведомления, но даже и в смысле “предварительной цензуры”. Наш народ, нашу интеллигенцию, наших детей отравляют, а вы кричите: закройте на это глаза, пусть власть не знает об этом отравлении, пусть отравители свободно делают свое погубительное дело... Так что же?

Надо вот, скажу опять: хотя бы та же статья господина Меньшикова “отравила” сотни тысяч читателей недоверием к церковной власти как представительнице реакционеров, всякого рода “отсталости”, как “силе, враждебной всякому здоровому развитию общества”. Что же: молчать об этом? Не читать его статьи? Так и оставить общество в заблуждении? Вот хотя бы ради таких случаев нужно, чтобы кто-нибудь взял на себя “наблюдение” для осведомления Священного Синода. Об этом и имеет суждение комиссия под председательством митрополита Владимира.

Не могу в заключение не сказать: как это печально, что ревнители всяких “свобод слова, печати” сами не стараются выполнять тех условий, при каких возможно дарование этих свобод. Не допускай они в своих печатных произведениях ничего, заслуживающего порицания, осуждения, поправок и т. п., – не было бы надобности и в наблюдении за их писаниями. Но они первые и нарушают эти условия свободы, требуя безусловной свободы, какой дать невозможно, да и сами они не дали бы, как скоро стали бы хозяевами в государственной ли или церковной жизни...

Они боятся

Я позволил себе послать в “Новое Время” маленькое письмецо, в коем сжато поправил неверное сообщение господина Меньшикова относительно измышленного иудейской “Речью” какого-то проекта, будто бы представленного мною в Священный Синод, “о предварительной цензуре”. Редакция письмо мое напечатала, но на другой же день известный В. Розанов поместил в той же газете статью под названием “Размышления по поводу письма епископа Никона”. Он признает, что “письмо епископа, – так он называет меня несколько раз, избегая называть меня тем, что я есмь, – архиепископом, – хотя и успокаивает прямым своим смыслом, определенными выражениями, но беспокоит тем, что мысль о таком наблюдении в синодальных сферах все-таки существует и что сам епископ Никон ее оправдывает и мотивирует и, во всяком случае, прилагает некоторый “свой дух” (знак вносный Розанова) сюда. Это беспокоит в том отношении, что никто в России не позабыл, как епископ Никон в 1912 году (господин Розанов забыл даже и год: афонское дело было в 1913 году) усмирал афонских имеславцев водою из пожарных труб”.

Так говорит Розанов. Для людей, не желающих знать никаких опровержений, ничего не стоит сотни раз повторять одну и ту же неправду: уж сколько раз в разных статьях раскрывалась история “усмирения” имебожников со стороны и моей, и православных иноков, и тех лиц из представителей мирской власти, коим было поручено это “усмирение”, что Никон тут ни при чем, что его дело было кончено в тот день, когда имебожники открыто предали его анафеме и заявили, что своих главарей они не выдадут, когда “усмирение” взяло в свои руки русское правительство в лице господина генерального консула – все напрасно: виноват Никон и – конец. Так кричит главарь имебожников – Булатович, так кричат иудейския газеты, так кричит и господин Розанов. Что же делать? Видно, такова судьба всех верных служителей Церкви Православной, что “мир их ненавидит”; Господь успокаивает их словами Божественными: ведите, что мир Мене прежде вас возненавиде. Мир охотно берет под свою защиту всех, кто так или иначе протестует против церковной власти: вот Булатовичу – полное покровительство от сего мира, от иудейской и всякой либеральной печати, потому что он идет против церковной власти, мнит себя умнее этой власти, обвиняет ее в ереси, и ему все сходит с рук, хотя он в последнее время сам расписался в том насилии, какое он произвел над игуменом Иеронимом (см. “Исторический Вестник”).

Но об этом, пожалуй, не стоит и говорить. Кто против Церкви, тот всегда будет прав в глазах наших либералов: ведь для них важно иметь союзников всюду. Лишь бы те шли против Церкви. Любопытно, что Розанов на основании газетной лжи и столько раз опровергнутых фактов теперь старается сделать вывод в отношении к вопросу о наблюдении за печатью, что “пожарная полемика с инакомыслящими не обещает ничего хорошего во всех случаях, когда нетерпеливый епископ прилагает к чему-нибудь свою длань”. Таким образом, Розанов налагает на меня своего рода херем вроде того, как жиды наложили на Господа нашего, внушив своим соплеменникам предупреждение: “От Назарета может ли что добро быти?” Чего ждать доброго от того, что считает добром Никон?

Думаю, что не все согласны с Розановым. Православные русские люди, в том числе и многие епископы и даже архиепископы, уже теперь благодарят меня за инициативу, якобы

мною на себя взятую, хотя, к сожалению, она идет не от меня, а я только глубоко благодарен тому, кто ее взял на себя и поднял вопрос в Священном Синоде о “наблюдении” за печатью. И как же не наблюдать за нею, когда в этой печати хотят быть представителями “тела Церкви” все эти непрошеные ее радители: господа Розановы, Мережковские, Меньшиковы, Кундурушкины – им же имя легион?! Подумать только: это вот они-то и есть “тело Церкви”!.. А пастыри и учителя Церкви, коим Господь поручил пасти стадо Божие, хранить святыню веры, учить чад Церкви, – они, видите ли, должны быть лишены даже права знать, что говорится в “теле Церкви”, что пишут сии члены сего тела...

“В противоположность католичеству, где все решает одна иерархия церковная, – говорит Розанов, – в Православии и охранителем истины является само тело церковное, то есть масса исповедующего Церковь народа”. При этом он ссылается на “Окружное Послание” Восточных Патриархов. И делает вывод, что это “совершенно правое учение, которое было бы не только нарушено, но и совершенно разрушено учреждением наблюдательного за печатью комитета, о котором с внутренним “благословением” (вносные знаки Розанова) говорит епископ Никон”.

Остается руками развести: что это говорит господин Розанов? Как это учение о том, что “тело Церкви” (то есть вся Церковь в полном объеме, а не одни миряне должны охранять и охраняют истину) может быть разрушено учреждением какого-то наблюдательного комитета за печатью? Да этот комитет вот и будет помогать всему телу Церкви, осведомляя его, начиная с власти церковной, о том, что пишут господа Розановы и ему подобные о Церкви, о вере православной. Иерархия, предполагая учредить такой комитет, идет навстречу потребностям церковной жизни, она не отделяет себя в этом деле от мирян, она и из тех мирян изберет ревностных защитников истины для наблюдения за печатью, в которой, по сознанию самого же Розанова, “много говорится о Церкви неподобающего и неподобающим языком”. Он пытается доказать, что такой комитет даже не нужен: есть-де духовные академии, есть духовные журналы, есть ученые и почтенные профессора... На что еще комитет? Отвечаем: во-первых, увы, не все так благополучно стоит в отношении чистоты учения веры даже и в самых академиях-то наших благодаря духу либерализма, проникшего и в область догматики; во-вторых – да вот из ученых-то, благонадежных профессоров, может быть, и будет составлен предполагаемый комитет. Одним словом: и господин Меньшиков, и господин Розанов, – о других иудеофилах уж и говорить нечего, – все эти господа испугались: как это можно, что за ними, за всеми их разглагольствиями, будет наблюдать церковная власть чрез свой комитет? Ведь – чего доброго, власть церковная, защищая Церковь и ея Божественное учение, вынуждена будет иногда обратить на них внимание и власти гражданской, которая на Руси еще не отреклась от Церкви, которая, хоть и не всегда ясно, но все же еще знает цену чистоте Православия, составляющую заветную святыню русского народа, и потому не даст в обиду, в поругание всяким либеральным болтунам эту святыню и примет меры против соблазнительных малых сих... Вот чего боятся все эти господа. Вероятно, будущий комитет откроет в органах Священного Синода, в “Церковных Ведомостях” и “Всероссийском Церковно-общественном Вестнике”, особые отделы, в коих будут разоблачать всю ту ложь, которая теперь проходит незамеченною, но которая, тем не менее, отравляет читателей. А читатели газет – увы – не только в большинстве неспособны, по своему неведению учения веры, делать то дело, которое возлагает на “тело Церкви” “Окружное Послание”

Патриархов, но нередко увлекаются сами в ереси и расколы и требуют млека в учении веры, а не твердой пищи...

Надо бы еще спросить Розанова: о каких это “жестокостях утеснения” говорит он, от которых “и наука, и профессора страшно (вот даже как) унижены в академиях и зажаты со всех сторон”? Уж не дать ли им ту свободу, какой добились у немцев и которая привела их к отрицанию Божества Христа, Спасителя нашего, и отвержения всей Библии? Но слава Богу, наша церковная власть еще не дошла до этой свободы разрушения христианства в самых его основах; она помнит, что дело церковной, скажу больше, именно высшей богословской школы – служить Церкви, а не разрушать ее... Вот почему, действительно, и бывало, что профессоров – изменников Церкви – власть церковная удаляла от своих школ и они шли в лагерь ее врагов.

Стоит обратить внимание на это знаменательное явление: защитники всяких свобод хотят, чтобы церковная власть сама себя лишила свободы наблюдения за тем, что эти защитники пишут и говорят о Церкви и вере православной. Казалось бы: если уж свобода, так свобода и для церковной власти. Пусть она “наблюдает”. Что выйдет из сего наблюдения – видно будет. Но их пугает самая мысль о таком наблюдении. Зачем такая мысль существует?! Очевидно, они чего-то боятся. Они боятся, что такое наблюдение откроет глаза не власти только церковной, но и гражданской, станет ясно для всех православных русских людей, куда могут повести мудрования этих непризванных лжеучителей и газетных глашатаев, а это может привести к принятию мер против их соблазна. Ведь никто не собирается стеснять свободу честной, здоровой мысли; пишите, но думайте о том, что пишете. Так нет: им хотелось бы, чтобы власть церковная совсем заснула, ничего не слышала, ничего не видела, что будут они творить в печати, втихомолку постепенно подкапываясь под самые устои Церкви и отравляя простая души своими лжеучениями. Хотя церковная власть и не так уж страшна для наших либералов, но ведь они так трусливы, что боятся иногда страха, идеже несть никакого страха, и кричат об опасности для своих “свобод” даже тогда, когда никто не покушается на них. Известно ведь, что у страха глаза велики и кому, какому племени принадлежит это свойство трусливости, – тому, кому сказано: *Господь даст тебе трепещущее сердце, иставение очей и изнывание души* (Втор. 28, 65). Ужели наши либералы породнились с сим народом уже так близко, что заразились от них этой трусливостью?..

До чего можно договориться

Пока церковная власть собирается учредить некое наблюдение за литературой и повременною печатью, представители и руководители этой печати уже предупредили ее, учредив свой надзор за властью церковной и ее представителями и нашей церковной печатью. Лишь только “Речь” иудейская поймала слух о предполагаемом наблюдении, как исказила его в “проект о предварительной цензуре”, приписав его не кому другому, как мне, известному ретрограду, а господин Меньшиков из “Новаго Времени” разразился статьей в триста восемьдесят восемь строк против самой возможности такой цензуры. Попробовал я успокоить его письмом в “Новое Время”, сказав, что имеется в виду только наблюдение с целью ознакомления церковной власти с тем, что пишут в периодических изданиях, а не цензура, да еще предварительная; но на меня набросился известный представитель “Философии пола”, В. Розанов, стараясь доказать, что “самая мысль” о таком наблюдении за печатью есть уже большая опасность для свободы печати, причем, не имея никаких других средств подорвать в глазах читателей уважение к моему имени, напоминает известную сплетню о “пожарной трубе” при усмирении имебожников, будто бы мною пущенной в ход... А вслед за Розановым в том же “Новом Времени” выступил некий В. Анд-в, стыдливо пропуская в подписи из своей фамилии три буквы. Этот приводит якобы исторические справки о том вреде, какой приносила цензура когда-то. Но и этого мало: господин Меньшиков оказал внимание статье первосвященника митрополита Владимира, напечатанной, кажется, еще весною прошлого года в “Голосе Церкви” и вышедшей отдельным оттиском, и обрушился всею тяжестью – в двух статьях – больше восьмисот строк! – на Киевского первосвященника. Доказывая разными софизмами, что не печать, а дурная жизнь соблазняет людей, а потому-де во всем виновато духовенство, виноваты пастыри и архипастыри: это они не умеют пасти свое стадо, они не умели за тысячу лет воспитать народ, а печать тут ни при чем, да ее и не было совсем в старину... Вот и подите толкуйте с такими господами. Им дайте полнейшую свободу развращать малых сих чрез печатное слово, – это еще не соблазн; вот соблазн, когда развращенная печатью толпа станут безчинствовать, развратничать, кощунствовать, разрушать храмы Божии, низвергать власти, – вот этот соблазн преследуйте, искореняйте, но и опять не административным порядком, а судом *и только судом*... А печать, писатели, развращающие народ, станут *в стороне*; ведь надо судить не “свободное слово”, а только *дело*, лишь то, что произошло от слова... Не трогайте поджигателей: гасите только пожар. Меньшиков буквально так и говорит: “ждите преступлений, дабы карать их”. Он жалуется, что “у нас-де, к сожалению, все как-то хотят обойтись без здравого смысла и справедливости”. “Не свобода дурна, а дела”. Но ведь писатель-то свое *дело* делает; или он только поджигает к дурному делу, а это, по-вашему, еще не дело? Что за сумбур понятий, что за софистика! А еще берутся учить пастырей и архипастырей Церкви...

В пылу своей полемики со святителем Киевским господин Меньшиков, сам того не замечая, доказывает то самое положение, какое высказал я. “Митрополиты наши, – говорит он, – едва ли хорошо осведомлены в газетном деле... Как церковным администраторам когда же митрополитам (надо бы сказать: и вообще епископам) следить за необъятным полчищем газет?” Вот именно потому-то и является неотложная нужда в наблюдении за литературой, о коем идет суждение в комиссии. Но Меньшиков рассуждает иначе: закройте глаза, не берите вовсе газет в руки, это – не ваше дело: “Есть

ли вам нужна прислушиваться к тысячеголосой толпе?” Спите спокойно, не мешайте нам отравлять народ, вашу паству, чем нам угодно... Вот логика господина Меньшикова. Будьте затворниками, ничего не знайте, что творится на свете, что говорится в газетах всевозможных лагерей...

Значит, всем свобода: пиши, говори, кто что хочет; только архиереям затвор, не смей выглянуть на улицу, что там творится, что проповедуется, чем отравляется православная твоя паства, русский народ: это не твое дело. Знай свои “богословские сочинения” да Священное Писание, да и то только в известных пределах: если так называемые “богословы” начнут проповедовать ереси, то – не смей их обличать: они вышли уже из твоего поля зрения и наблюдения, им уже предоставляется полная “свобода слова, свобода печати”.

Вот что проповедуют господа Меньшиковы, эти защитники всяких свобод. Они доказывают свои положения ссылками на историю, даже допотопную: ведь до потопа никакой печати не было, а люди развратились, ведь в Содоме и Гоморре газет не издавалось, а разврат дошел до того, что вопль сих городов достиг высот небесных... Я не выдумываю: все это указывается в статье Меньшикова в защиту свободы печати. Он перетряхнул и историю еврейского народа, и историю Рима, Византии, монархий Востока, и историю бунтов Стеньки Разина, Пугачева, историю Англии, Канады, Северной Америки, Австралии, – везде находит подтверждение закону, который резко подчеркивает: “что касается революций, то самое спокойное время в истории наступило вместе с свободной печатью, и самое бурное время было, когда печать либо была угнетена, либо ее и совсем не было”. Выходит: до потопа не было ни пушек, ни удушающих газов, следовательно, ни пушки, ни газы не могут принести вреда... Господин Меньшиков в свободной печати хочет видеть только одну пользу, намеренно закрывая глаза на ее вред; мы видим и пользу, и вред, а современное положение печати, те условия, среди коих она работает, приносит больше вреда от свободы, чем пользы. Вот и митрополит Владимир, и все мы, верные сыны Церкви, взываем: обуздайте печать! Не позволяйте ей отравлять народ всякими лжеучениями, всякими пропагандами, вырвите ее из рук врагов веры и Родины... Ведь мы задыхаемся от этих газов, которые расстилаются по лицу родной земли в виде этих газетных листов, молодежь наша отравляется, печать стала иногда прямо школой разврата, безбожия, анархизма... Хорошее дело свобода, но лишь для того, кто может разумно ею пользоваться. Господин Меньшиков, кажется, и не подозревает, что есть писатели и издатели, особенно из того племени, которое считает только себя людьми, а прочих – скотами, писатели и издатели, которые ставят себе целью посредством лжи, клеветы и подобных средств подкапываться под устои всего, что дорого и свято для нас. И пора же, наконец, признаться, что большая часть газет теперь находится в руках этих господ и обслуживает их интересы. И вот такой-то печати и дайте полную свободу! Не значило бы это сознательно пускать вора в свой дом, безбожника-анархиста – в качестве воспитателя своих детей, поджигателя – в качестве приятеля и прочее. Господин Меньшиков всех считает людьми честными, умными и добросовестными, заслуживающими полного доверия, а на деле выходит как раз обратная пропорция: умных, честных, добросовестных несравненно меньше среди руководителей нынешней газетной литературы, чем продажных слуг иудейского племени. Ведь свобода печати несравненно опаснее свободы устного слова: печатное слово может всюду распространяться, куда могут попасть газетные листы. А об устном слове еще апостол Иаков, брат Божий, сказал: *язык – небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества*

зажигает! И язык – огонь, прикраса неправды... язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда (Иак. 3, 5–6, 8). Вот такому и дайте полную свободу! Может быть, слова апостола для Меньшикова не убедительны и нас он считает фанатиками. Но тогда и он является фанатичным защитником во что бы то ни стало либеральной фантазии, которой только жида радуются. Многие хорошо только в мечтах, а при столкновении с жизнью эти мечты разлетаются как мыльные пузыри. Ведь вот, сам же господин Меньшиков говорит, будто существуют читаемые нашими владыками “листки, полные смрадного злословия и клеветы”. Что-то сомнительно, чтобы архиереи стали читать такую гадость. Или у всякого свой взгляд на вещи: иное патриотическое издание кажется Меньшикову “полным злословия (да еще смрадного) и клеветы” только потому, что слишком безцеремонно обличает ложь и клевету жидовских газет, “Просвещенные народы, – говорит господин Меньшиков, – слишком дорожат святыней своей мысли, чтобы допустить с нею столь жестокою и никакою выгодою не оправдываемую расправу”, как цензура. Слово “святыня” в устах христианина по отношению к мысли неуместно; но пусть так, пусть “просвещенные народы” – мы-то ведь еще не “просвещенные”, – куда нам! – пусть просвещенные народы считают свою мысль, как бы она ни была погрешительна, “святыней”, но у нас-то кто в большинстве ведет дело печати? Ужели эти господа пропперы, гессены, Милюковы и прочие, им же имя легион, ужели все это – “просвещенные” люди, представители просвещенного русского народа? Ужели их “мыслям” следует оказывать такое же уважение, как “святыне”? Ведь все и дело-то, и весь спор-то наш в том: кому можно дать свободу печатного слова? Вы говорите: всем. Мы говорим: отнюдь не всем. Надо иметь зоркий надзор над всеми этими иноплемениками, нагло ворвавшимися в нашу печать и хозяйничающими там. Люди честные, блюдущие свою совесть пред Богом, не боятся никакой цензуры. Она может быть страшна только тем, кто хочет распространять “мысли” неумные, нечестные, противные закону Божию и государственному. А таким, особенно из тех, о коих мы говорили выше, таким, право же, иногда не худо бы и рот зажать. Надо иметь в виду, кроме вреда соблазна от их выступлений, еще и вред нередко глубокого оскорбления самого действительно священного в человеке – религиозного чувства. С болью в душе мне пишут из разных концов матушки-Руси, что руководители газет не щадят их веры, оскорбляют как бы нарочито их религиозное чувство. Вот, например, сегодня мне прислали вырезку из жидовской газеты “Киевская Мысль”: какой-то князь Мышкин там дает отчет о новом произведении известного А. Андреева “Реквием” и позволяет себе так выражаться: “Он, то есть художник, сотворил (куклы) так хорошо, так близко к подлинным людям, что Сам Господь может ошибиться. А вдруг Он скажет: придите на Страшный суд Мой? И будет обращено это только к куклам, к дереву, к сурику”. К чему эта кощунственная, богохульная выходка? Думаю, что только для потехи жидов-читателей. А газета попадет в руки православных, попадет в армию нашу, да еще, как пишут мне, в немалом количестве, глубоко оскорбляет их сердце верующее, – что ж, во имя свободы печати и это кощунство терпеть? И терпят; под газетой стоит: “Дозволено военною цензурою”. Разве это не больно нам, православным? Особенно нам, пастырям Церкви? А таких выходок, все же не проходящих безследно в среде читателей и действующих на них отрицательно или же глубоко оскорбительно, в современной иудейской и иудействующей печати и не перечтешь. Нас глубоко оскорбляют, наших детей развращают, им навязывают богохульные мысли, а мы – не смей даже и пожаловаться, хотя бы в той же печати, на все это? Да где же, наконец, пресловутая

свобода? Или она только для иудеев, для безбожников, для тех, кому нет ничего священного? Но ведь, в конце концов, эта свобода станет для нас, верующих, началом пленения и рабства, хуже вавилонского, – рабства иудейского... во имя “свободы” слова, “свободы” печати...

И можно же до этого договориться, дописаться умному человеку!

Профанация священного языка и святыни

Враги Церкви ведут под нея подкоп, как говорится, “тихою сапой”. Понемногу, но с удивительным постоянством делают они свое дело, стараясь незаметным образом вынимать из-под ее фундамента по небольшому камешку так, чтоб ни стражи церковные, ни власть предержащая, ни верные чада Церкви этого не могли заметить. К числу таких хитростей наших непримиримых врагов относится, например, профанация священного языка Церкви. Я не говорю уже о тех славянизмах, которые вошли в область светской литературы в виде неуместных шуток, острот, с легкой руки еще Фонвизина и его современников; в последнее время эта профанация идет дальше. В газетах постоянно попадаются на глаза афиши театров, кинематографов и подобных им заведений, в коих пьесы и живые кинематографические картины называются: “Благодать”, “Суд Божий”, “Не пожелай жены ближнего твоего”, “Сотворение мира” и подобное. Уместно ли это? Не оскорбляет ли религиозного чувства православной души такое, выражаясь словами митрополита Филарета, “похищение слов из языка священного и идоложертвенное их употребление”? Если это в столицах не так еще заметно, то в провинциальных городах уже бросается в глаза такое оскорбительное явление. Я постоянно получаю от простых православных людей вырезки из газет с такими афишами, которые кажутся им прямо кощунственными. Быть может, наша интеллигенция уже до того обьязычилась, что не замечает этого кощунства, но для нас, верующих по-православному, это уж – оскорбление наших верований, нашего почтительного отношения к языку нашей Церкви. Судите сами: буквально берется для заголовка театральной пьесы, положим, даже и поучительной, но, может быть, и очень легкомысленной, смехотворной, не что иное, как заповедь Божия, одна из тех основных заповедей, которые некогда возгремели с Синай избранному народу Божию, а теперь – вероятно, теми, которые считают себя потомками и наследниками этого народа (не тайна, что у нас большая часть театров, особенно в провинции, в руках иудеев) – теперь эта заповедь служит вывеской для забавного представления, а неразумные христиане идут под эту вывеску потешиться, ожидая грешного удовольствия... Разве это не больно для верующего сердца? Разве не оскорбительно для религиозного чувства? А когда это печальное явление повторяется, то невольно вопрошаешь: спроста ли это творится? Не намеренно ли заправилами театральных дел постепенно, капля по капле, вводится этот яд даже в самые заголовки пьес? Мы не знаем, существует ли какая цензура в этом отношении для театральных произведений; но что православные русские люди, благоговейно чтущие свою родную Церковь и ее священный язык, возмущаются, соблазняются и оскорбляются таким “идоложертвенным” употреблением церковного языка, – это неоспоримый факт, который невольно вызывает на вопросы: ради чего это допускается? Ужели свобода авторов таких произведений для театра так уж неприкосновенна, что нельзя от них потребовать изменить заглавие пьесы? Или никому нет дела, что православные русские люди страдают душой при виде такого кощунства? Легкомысленные люди позволяют себе острить при слове “благодать”; православные люди скорбят душою по поводу этих шуток и острот, а цензура не смеет будто бы и коснуться заголовков или названий театральных пьес во имя “свободы”?.. Да что же это, наконец?..

Мне говорят: что вы ратуете против названий? В самых пьесах уже выводятся на сцену священные лица. Правда; кто не читал известного произведения “Царь Иудейский”? В

подражание ему – не знаю, появилось ли в печати, но я уже читал в наборе – новое произведение А. Папкова под заглавием “Победа апостола Петра”, кажется, переделанное в другое название – “Поражение Симона волхва”. Там я насчитал до семидесяти отметок со словом “апостол”, то есть столько раз приводятся вымышленные слова апостола Петра или других апостолов. Там отмечены такие действия: совершение брака, крещения, даже причащения, там выведены на сцену некоторые апостолы и другие лица времен Апостольских... С недоумением читал я это произведение, кстати сказать, очень неудачное и по изложению своему (к счастью, добавлю), и думал: неужели оно будет допущено на сцене? Тогда до чего же мы дойдем? Актеры будут рядиться в костюмы времен Апостольских, будут гримироваться, чтобы изображать собою апостолов, мучеников, преподобных?..

Не могу не отметить также летучей заметки, появившейся в “Русском Слове” еще в сентябре месяце (№ 209):

“Запрещение танца Саломеи”. Рига 9. IX: в театре миниатюр во время исполнения пьесы “Саломея” на сцену вышла танцовщица, державшая в руках блюдо с изображением главы Иоанна Крестителя” и так далее.

Итак, дело доходит уже до того, что на сцену выносят “изображение главы” великого ревнителя правды и обличителя разврата и всяких пороков. Правда, заметка озаглавлена “Запрещение”, стало быть, какой-то умный администратор дерзнул запретить пьесу; но ведь кто-то неумный ее разрешил раньше. Ведь для пьес существует своя цезура. А если так, то можно думать, что запрещена пьеса только в Риге, где люди трезвее смотрят на дело, чем где-либо, ввиду близости страшной опасности от врага. Ведь для сердца верующего такое кощунство кажется прямым вызовом грозному обличителю пороков – страшно становится при одной мысли об этом! О Предтече Господнем Сам Господь свидетельствует, что не восстал в рожденных женами больший его; он есть новозаветный пророк Илия, а вспомните, как грозен был ветхозаветный Илия: кто забыл, тот пусть прочтает в Библии первую главу Четвертой книги Царств.

А вот и еще кощунственная выходка жида Волынского из жидовской же газеты “Биржевые Ведомости”: восторгаясь пред пляской балетной танцовщицы Павловой, этот кощун позволяет себе говорить, что “идеальная сущность женщины ему представляется в образе Мадонны...” Теперь каждый школьник знает, Кого называют западные христиане Мадонной, а стало быть, поймет, к Кому приравнивает этот жид плясовицу свою, а чтобы сомнений не было у читателей, кого он разумеет под Мадонной, он пишет с большой буквы слово: “Девушка, еще не знающая пожаров страсти, полная грез о герое”, и так далее... Сил нет терпеть это жидовское нахальство...

Я делаю предположение, что все это делается намеренно, хотя исполнители этих намерений действуют, вероятно, безсознательно. Пора нам убедиться, что против веры и Церкви, против всего человечества существует заговор, что эти всемирные заговорщики стремятся вытравить все святое из души верующей, чтобы весь мир поработить себе, что в этих целях они уже много сделали, они уже хвалятся, что почти все золото мира в их руках, что они захватили в свои руки всю почти печать, все нервы духовной и материальной жизни человечества... Заметьте: у нас как-то не принято, за исключением черносотенных изданий, говорить о масонах: их деятельность так искусно прикрывается, что даже один из святителей мне как-то высказал сомнение: да существуют ли в самом деле какие-то масоны? При таком положении дела естественно, что как будто стыдятся открыто говорить об этих заговорщиках: а что, если окажется, что это – не больше, как

миф? Но кажется, дело становится с каждым днем яснее и яснее; враги сами себя выдают; теперь уже и сами они сознались, что “Протоколы Сионских мудрецов” не есть миф, а действительно бывший доклад одного из их старейших мудрецов Базельскому их съезду 1897 года. Теперь стоит только без предубеждения честному христианину прочитать еще раз эти протоколы, сравнить их с тем, что мы переживаем, чтобы его глаза открылись на всю страшную опасность, грядущую на мир Божий, на все человечество... Тяжелым кошмаром ложится на сердце впечатление от чтения этих протоколов, как будто на вас веет откуда-то из темного смрадного подземелья, но в то же время вы не можете не признать сатанински умного плана, очевидно, составленного на протяжении нескольких веков: вы скажете, что одному уму такой план не под силу...

Свобода лжи и клеветы

Мы, кажется, так и умрем, не понимая некоторых идей, усердно кем-то проводимых в нашу жизнь в последние годы. Такова идея свободы слова и печати. Мы привыкли рассуждать прямолинейно: зло есть зло; власть существует на то, чтобы полагать преграды злу и защищать добро от зла; закон должен ясно отличать добро от зла и признавать право бытия только за добром. Когда зло хочет проявиться под личиной добра, закон должен тотчас же срывать личину эту и обличать зло, заграждать ему путь в жизнь. Мы знаем, что это не всегда возможно, но это – идеал закона, к осуществлению коего и должна стремиться власть. Все это такие простые истины, которые мы всасываем с молоком матери и с которыми не разстанемся по гроб. И никто, думаю, из людей благоразумных спорить против сего не станет.

Но зло имеет обычай незаметно прилипать к добру, прикрываться его именем, действовать от его имени. Давно святые отцы заметили, что ложь никогда не выступает во всем своем безобразии, а святой апостол Павел говорит, что сатана преобразуется в Ангела света, когда хочет соблазнять людей. И нигде так ярко это видно не бывает в современной жизни, как в современной печати. На словах – “свобода”, “любовь”, “служение истине”, а на деле – стеснение этой свободы, ненависть, служение лжи. Сказал Господь, что сыны века сего мудрее сынов света, и мы постоянно видим эту истину в нашей жизни. Сыны века, служители лжи, коих мысль и сердце всецело отданы грешному миру и страстям, к стыду некоторых сынов света, оказываются догадливей и заботливей всех тех, кто призван быть сыном света; они тщательно следят, что для них выгодно, и не упускают случая использовать им полезное. А есть области жизнедеятельности, в которых подобало бы сынам света иметь перевес над сынами века и служителями тьмы: такова область печатного слова, которое и должно бы служить исключительно областью света и просвещения. Вот в эту-то область и ворвались сыны века, и – не будем скрывать от себя истины – они больше чем наполовину превратили эту область в область тьмы...

Казалось бы, при свободе печати неопасна никакая ложь: ведь ее можно тотчас же и разоблачить в той же печати. Но на деле это очень нелегко, ложь появилась в одном издании; попытайтесь ее опровергнуть в том же издании, что было бы всего естественнее: пусть те же читатели, которые отравлены ложью, примут и противоядие против нея; но слуги тьмы не допустят этого, они просто не поместят вашего опровержения. Можете обратиться к закону, который, после известных формальностей, может заставить клеветников поместить опровержение, но оно должно заключать только фактические сведения, не касаясь их освещения. Если вы употребите слово: “это – ложь”, вам предложат выразиться более деликатно: “это не соответствует истине” и подобное. Но всякие клеветники так изошрились в своем искусстве, что или найдут основание не помещать опровержения вашего, или же, поместив, на другой же или третий день снова будут клеветать, и вам придется снова выступать с опровержением, и так без конца. А за это время вас станут каждый день обливать клеветою так, что вы будете не рады, что связались с клеветниками.

Может быть, вам скажут: “суды суть, и анфипаты суть” – жалуйтесь... Еще хуже: пока суд да дело, – а это тянется иногда месяцы, даже годы, – вас не перестанут травить без конца... Да и то, нельзя же забывать: и в судах у нас не везде благополучно, и там есть анфипаты, не всегда праведные.

Но есть еще способ распространения лжи, в котором иголки не подсунешь: лжецы всегда будут правы потому, что они, кроме правды, ничего не говорят... Да говорят только правду, но не всю – вот и секрет их клеветы. Самое важное они в таких случаях замалчивают, и правда остается недосказанною. И пускают такую “правду”, обрезанную умолчанием, как раз в таких изданиях, в которых и пополнить-то ее нельзя, например, в книгах, календарях. и вот под видом “правды” гуляет по миру Божию самая вопиющая неправда, и делают из нея читатели свои несправедливые выводы, и порочится доброе имя того, кто имел несчастье попасть в такую гласность... Вот небольшой пример такого рода лжи: в одном отрывном календаре на нынешний год читаем под 4 августа: “В Рязанской епархии находятся двадцать восемь монастырей. Земельные владения их составляют свыше двадцати пяти тысяч десятин. Из двадцати восьми монастырей пожертвования на нужды войны в октябре и ноябре 1914 года сделали двадцать три монастыря, а именно: Полунинская община пожертвовала за ноябрь два рубля; Рязанский Дмитриевский монастырь пожертвовал в октябре на нужды войны три рубля; Казанский женский монастырь за два месяца – октябрь и ноябрь – восемь рублей; Сергиевский, Мещеряковский, Ольгинский и Покровский монастыри пожертвовали в октябре и ноябре по десять рублей каждый; остальные двадцать два монастыря в течение двух месяцев в общей сложности 331 рубль”. Вот и все сообщение календаря, далее следует уже меню на 5 августа.

Читатель может сам делать вывод. Вывод ясный: монахи скупы, безсердечны, жестоки, непатриотичны... Дальнейшие выводы подсказываются сами собой: это – дармоеды, монастыри – ненужные, вредные учреждения и подобное.

А на самом деле что? Во-первых, земельные владения всех Рязанской епархии монастырей составляет не двадцать восемь, а только десять тысяч десятин. Увеличено, значит, почти втрое, и цифра “двадцать восемь” вместо “тридцати” взята, вероятно, для большей вероятности, будто точная. Во-вторых, почему-то сумма пожертвований взята только за два месяца, и притом поименованы самые бедные монастыри, годовой приход-расход коих простирается не свыше трех-четырех тысяч в год; как видите, бюджет по нашему времени не больше бюджета зажиточного крестьянина. Далее, ни слова о лазаретах, открытых при монастырях, а таковых оборудовано больше десяти, смотря по средствам обитателей: где на пять – десять человек, а в иных и больше; например, Раненбургская Петропавловская пустынь имеет лазарет на сорок человек. О посильных жертвах монастырей натурою: бельем, холстом и подобными – также ни слова. И в лазаретах, и на фронте есть монашествующие из рязанских монастырей, как священнослужители, так и послушницы – сестры милосердия. По доставленным мне из Рязанской духовной консистории сведениям, несмотря на бедность монастырей этой епархии, они все же пожертвовали на военные нужды за два года и восемь месяцев вместе с архиерейским домом, как из сумм монастырских, так и из личных средств братии и настоятелей, до 11 659 рублей, да в монастырских церквях собрано на Красный Крест 5 928 рублей 80 копеек.

Такова правда. Но неправда упредила ее и рассыпалась в виде листка отрывного календаря по всей Руси Святой в количестве нескольких сот тысяч, и враги Церкви, враги монашества смакует эту ложь, бросая упреки по адресу православных, которые не знают, как ответить на эти поношения... Я привел, в сущности, маленький пример того, как работает, как пользуется “свободою” печати известная враждебная Церкви клика. Будь цензура для календарей, вероятно, этим лживым известиям не дано было бы хода. Мне

присылали календарные отрывные листки и прямо безбожного, кощунственного, анархического содержания. И не мудрено: что хотят, то и печатают в них издатели. А что пишется в газетах, о том и говорить уж слишком тяжело; ведь все равно: говори не говори – бесполезно! Когда-то покойный В. К. Плеве в разговорах со мною о свободе печати спросил меня: как я смотрю на это дело? Я, не обинуясь, сказал: “Если бы можно было обязать законом каждую газету без всяких отговорок, немедленно, на другой же день, печатать то, что будет прислано в опровержение лжи, в ней напечатанной, печатать целиком, тогда еще можно было бы ожидать со стороны безчестной печати хотя бы некоторой осторожности, а теперь, когда всюду в печать пробрались враги Церкви и государственного строя, не приходится и думать об этой свободе”. Это было еще в 1903 году. С той поры много воды утекло, печать почти вся порабощена иудеями и их союзниками, а черный год 1905-й показал, до какой безсовестности она может дойти. Ведь печатали же тогда жидовские газеты, будто наши Лавры обладают не миллионами, а прямо миллиардами, и для вящей вероятности писали, например, о нашей Троицкой Сергиевой Лавре, будто у нея имеется ни больше ни меньше как семьдесят пять миллиардов – не миллионов даже, а миллиардов: это я сам тогда читал в жидовских газетах! Да и теперь разве мы не читаем мифы о богатствах монастырей, печатаемые с явным намерением возбуждать в массах зависть к этим мнимым богатствам и вражду против Церкви и всего церковного? И теперь нам, инокам, приходится защищать себя, печатая листки вроде изданного Троицкой Сергиевой Лаврой под заглавием “Русскому народу от обители преподобного Сергия. Бойтесь клеветников!”. Господь сказал: *блаженни есте, егда поносят вам*; можно бы и не выступать в печати с опровержениями, не разглашать о том, сколько добра делает та или иная обитель, но надо пожалеть простых людей, которых так безсовестно обманывают, клеветца на монашество, надо оградить от смущения не ведущих истины, надо предостеречь их от злостной клеветы, распространяемой смутьянами. Притом же обители наши если что и имеют, то не считают своим: все – Божие, а Божиим достоянием надо распоряжаться так, как поступал апостол Павел: *остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению; ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми* (2 Кор. 8, 20–21).

Свобода лжи, клеветы, обмана, развращения народа во всех отношениях, во всех смыслах, вся эта свобода, прикрывающаяся именем свободы печатного слова и требующая все большей и большей безконтрольности, есть величайшее зло, грозящее неисчислимыми бедами родной Церкви, родному народу, родной земле. Печать стала орудием врагов веры, врагов народа: сначала вырвите ее из их рук, не подпускайте их близко к этому делу, издайте законы, в силу коих у печатного дела стояли бы только люди честные, верующие, достойные сыны родного народа, верные слуги Царя, и тогда дайте им свободу говорить о всем, что Бог им положит на сердце для пользы Церкви и государства. А у нас каждый юнец, изгнанный из гимназии за безуспешность или озорство, имеет право быть редактором, издателем, писателем – чем угодно, может печатать что угодно, лгать, клеветать сколько угодно, – поди там, судись с ним, привлекай его! А между тем ложь, клевета, им пущенная, делают свое дело, отравляют массы, сеют смуту в умах. Сами, своими руками, своими законами насаждаем зло и видим плоды этого зла, но не смеем – что правду таить – говорю прямо: не смеем пресечь это зло, ибо боимся, что скажут о нас разные “Марьи Алексеевны”, коим выгодны эти свободы, боимся, другими словами, прослыть нелиберальными, отсталыми, обскурантами и так далее, – словом, стыдимся

сотворить крестное знамение и исповедать Христа пред лицом мира лукавого и прелюбодейного... И этот “мир”, мир идей антихристовых, порабощает нас и отдает в руки врагов наших, – будь то иудеи, немцы или масоны... И горе нам, если не проснемся от гипноза этих идей лукавых и прелюбодейных в духовном отношении!..

Славянский язык – родная стихия нашей церковности

Было время на Руси, и еще не так давно, лет шестьдесят – семьдесят назад, когда русские православные люди знали церковнославянский язык родной своей матери-Церкви настолько хорошо, что не только понимали его, но и в беседах о предметах веры нередко выражались по-церковному, по-славянски. Учились тогда больше у старых дьячков, которые брали по семи с полтиной с головы за выучку читать, писать и четырех правил арифметики, а за воспитанников Воспитательного дома платили им даже по семнадцать рублей; курс продолжался две зимы. В такой школе у моего родителя учился и я вместе с крестьянскими детьми. Учебниками были: Букварь, Часослов и Псалтирь. Помолившись Богу вместе с нами в родном храме, выслушав “молебен пред началом учения отроков, хотящих учиться книг Божественного Писания”, родитель дал нам по “букварю”, на обертке коего, в самом верху, было напечатано: *Боже, в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие.*

Мы перекрестились, повторили за родителем эту молитву, поцеловали книжку, вооружились указкой и с чувством особого почтения к книжке принимались за учение, как за святое дело... Азбук гражданской печати мы и не знали: первой книгой такой печати была для меня “Русская грамматика” Востокова. А до этой книги я перечитал уже всю церковную библиотеку: все Четьи-Минеи, Библию, Благовестник, Пролог, Розыск, разные богослужебные книги... Любознательные юноши, дети крестьян, шли тем же путем в своем образовании книжном, разумеется, если только интересовались книгами. Горек был такой корень учения, но плоды его были сладки. Трудно было самому додумываться до значения славянских слов, но понемногу ум привыкал к этим словам, становились понятными сначала те слова, которые чаще встречались: *иже, яко, аще, благий, той* и прочие, а затем мало-помалу горизонт умственный расширялся, правда, медленно, но зато уж прочно. Самая мысль, постоянно имея дело с славянскими книгами, привыкала иногда и работать по-славянски. Таким образом то, чего так ныне боятся новые педагоги, опасаясь “переутомления детей”, являлось прочным фундаментом не только нравственного воспитания, но и филологического знания. Созидалась как бы сама собою та атмосфера церковности, которой жил русский человек почти тысячу лет. Вся наша древняя письменность носила на себе этот отпечаток славянского языка: как будто русский человек считал неприличным писать о важных предметах иначе, как только по-славянски. Я замечал, во дни своего отрочества, что некоторые крестьяне, даже безграмотные, выражались по-славянски, когда речь шла о предметах священных. Я знал одного безграмотного бурмистра, который не мог даже имени своего подписать, прикладывая вместо того свою печатку, а житие Филарета Милостиваго из Четий-Миней знал и читал все наизусть. Сам плакал при этом и заставлял своим трогательным чтением других плакать. Такова была наша матушка-Русь еще на нашей памяти. Таким благодеянием для нас было ученье по Часослову и Псалтири. Это была практическая школа церковности. Душа русская сживалась с славянским языком Церкви как с родной стихией, проникалась церковностью, умела находить в ней духовное утешение, духовную сладость. А это застраховывало простой народ от заражения немецкими верами: баптизмом, штундизмом и другими сектами. Больше было опасности от раскола – старообрядства, потому что сам раскол получил начало от неразумного отношения к букве церковного языка и обряда. Но это – враг домашний, старый знакомый, который сам

собою выдохнется с распространением какого бы то ни было книжного образования. Опасность грозит с другой стороны – от иноземщины, все от тех же немцев, отравляющих наш народ баптизмом и подобными ересями. Возможно, что раскольники-старообрядцы, отведав так называемого “просвещения”, по своей врожденной вражде к Церкви, скорее пойдут в лагерь баптистов, когда сознают свое неумное буквоедство, чем в недра Церкви. Ведь в Церковь надо войти в духе смирения и покаяния, а в баптизм ничего такого не нужно: там, напротив, царит дух критики и протеста по отношению к Церкви. Тем же духом заражены и наши глаголемые старообрядцы. Увидят они свои ошибки, но примириться с Церковью им будет нелегко: вот и могут пойти вслед за сектантами.

К сожалению, с шестидесятых годов наши интеллигенты, со времен Петра I в большинстве своем отставшие от Церкви, стали усердно толковать о просвещении народа, но не в духе родной церковности, а в своем интеллигентском духе.

Славянский язык почти устранили из школ. Его если и преподавали, то так, что школьники не выносили его, – только отталкивались от его изучения. А потом и совсем исключили его даже из средней школы. Оставили как какой-то привесок к Закону Божию и к русскому языку. В букварях вместо слов Бог, Божество появились слова бык, волк и подобные. Дело школьное старались вести точь-в-точь как во Франции. В детскую душу не допускали религиозных впечатлений при обучении букварю. Старались, чтобы дело обучения было как можно легче, чтобы дети учились играючи. Наглядные способы преподавания считались и доселе считаются идеальными. Но таким образом с первых дней воспитания дети отучались от борьбы со всякими трудностями, привыкали к лености мысли; их ум, в их возрасте столь гибкий, недостаточно развивался в упражнении благодаря легкости приобретения познаний, столь же легко и терял приобретенное. Юноша, не привыкший, не обучивший свой ум труду серьезного мышления, предпочитал нахватывать непроверенных знаний из книжек и газет, а славянские книги считал уже какой-то тарабарщиной. Так постепенно из-под ног его ускользала почва церковности, ему чужда становилась церковная атмосфера жизни, он с детских лет обмирщался, оземлялся в душе. Бедная русская душа в нем как-то таяла, подменялась. Школа, кроме церковной, попала в руки таких интеллигентов с подменной душой, и они старались вытравить последние остатки церковности в детях. Теперь кричат уже о замене церковнославянского языка русским даже в богослужении. Сохрани нас Бог от такого кощунства! Надо кричать наоборот – о том, чтобы учить детей по-славянски, начиная с букваря. Не говорю уже о том, что язык материнский – матери-Церкви – должен быть им таким же родным, как и язык русский, потому что этот – формальная основа их религиозного и нравственного воспитания при самом первом их молитвенном обращении к Богу, – этот язык – отец русского языка: нельзя знать основательно родной русский язык без славянского. Когда затрудняешься найти корень русского слова, загляни в русско-славянский словарь – и тотчас найдешь этот корень. Помню, еще в семинарии спросил меня один преподаватель: где корни слов *соловей*, *ладонь*? Я тотчас же нашелся и сказал: по-славянски *соловей* – *славий* от *славы*, славная или славящая птица; “ладонь” по-славянски “длань-долонь”, от слова *доль*, “углубление”. Ведь все корни русского – в славянском, это наш классический язык, язык как бы на то и созданный, чтобы на нем русский человек мог беседовать с Богом и небом. В этом языке мы видим свойства священного языка: от него веет благоуханием целомудрия, благоговения, молитвы. Неуместное употребление славянских выражений нам уже кажется кощунством. Говорить

ли о том, что этот язык-сокровище является для всех славян как бы международным языком, *междуславянским*?..

Наше русское несчастье в том, что верхние слои народа уклонились с родного, историей намеченного пути, пошли в хвосте западных народов, подменили себе духовный идеал идеалом земного благополучия. Никто не запрещал людям Петровской эпохи учиться на Западе светским наукам, но зачем было изменять духовным идеалам своим, отбрасывать их, как старую ветошь, для жизни непригодную? Вот и идут по новым, проторенным за двести лет путям, забывают то, чем жила наша Русь, а теперь стараются вытравить все это и из души простого народа. К несчастью, за последние пятьдесят лет во многом и успели. Теперь как-то странно было бы говорить об обучении грамоте по славянскому Букварю и Часослову, о чем еще так недавно, лет двадцать назад, с такою любовью говорил покойный знаток народной души С. А. Рачинский. Теперь хлопочут об изгнании из алфавита трех-четырех букв как о прогрессе в обучении грамоте, толкуют об этом учительские съезды со всей России, как будто с изгнанием этих букв все дети станут сразу грамотными. О славянских омегах и разных знаках надстрочных уж и не поминай. Но не к добру ведет это “упрощение” грамоты. Как в деле религиозно-нравственного воспитания для практики воли необходим подвиг, самопонуждение, так в деле развития ума и памяти нужно посильное упражнение в мышлении, в некоторого рода борьбе с небольшими препятствиями. Надо, чтобы привыкал к работе самый орган мышления – мозг. Вот почему известные “враги рода человеческого” – масоны, чтобы обезличить христиан, заранее заботятся об этой легкости обучения. “Система обуздания мысли уже в действии, – говорят они в своих “Протоколах”, – в так называемой системе наглядного обучения, имеющей превратить гоев в несмыслящих, послушных животных, ожидающих наглядности, чтобы сообразить ее... Во Франции один из лучших наших агентов, буржуа, уже провозгласил новую программу наглядного воспитания...”

Проговариваются

В одной из своих статей я высказал, что с того момента, как иудеи отреклись от Иисуса Христа, когда кричали Пилату: кровь Его на нас и на чадах наших, – с того времени они перестали быть избранным народом Божиим и решительно стали богоборцами, ждут своего мессию, которого Господь назвал *иным*, стремятся искоренить христианство, ведут непримиримую борьбу против Христовой Церкви. Приходится слышать упреки, будто я возвожу на иудеев тяжкие обвинения в измене Богу, в сатанизме. Но сами они нимало не стесняются открыто, печатно, в своих специально иудейских газетах исповедовать сатанизм. Вот что, например, говорит газета “Еврейская Жизнь” в № 48, 1916 года, по поводу смерти одного из своих мудрецов, некоего Файтля Лурье:

“Свою в глубине души выношенную идею еврейского богоборчества, национально и социально окрашенную, он в нетронутой свежести донес до самых преклонных лет своих, и ни на один день он не ослабевал в пытливом развитии и углублении этой идеи. Это его богоборчество не было слепым возмущением озаренного вдруг разума, не было случайным пробуждением долго дремавшей души, а было длительной и методической работой сурового к себе человека, который, однако, в своих логически страстных порывах удерживался глубоким почтением к всенародной (конечно, иудейской) мудрости и исторической цельности...”

Видите: жида прославляют своего “мудреца”; за что: за “богоборчество”, зато, что “ни один день он не ослабевал в пытливом развитии и углублении этой идеи”. Но богоборчество иудеев не простое безбожие: это – средство расчистить пути своему лжемессии, который, по их верованиям, будет всемирным владыкой. А по нашему христианскому учению, это будет антихрист...

Масонским заговор против Церкви Христовой

Наше святое Православие так смиренномудро, что человек западной культуры относится к нему вообще как-то свысока: когда ему приходится говорить о христианстве, то под сим словом он понимает преимущественно римское католичество, нередко вовсе умалчивая о Православии как о чем-то обветшавшем и малосильном. Вот почему и враги христианства, главным образом, направляют свои стрелы против римского католичества, хотя, по существу своей борьбы с Церковью Христовой, ведут борьбу и с Правослаviем. Есть, конечно, среди верующих душ и в среде западных христиан такие, которые относятся к нашей Церкви с уважением, даже ищут с ней сближения, но их немного, это – отдельные личности или небольшие группы: не о них я говорю. Я хочу только отметить, что враги христианства, говоря о христианстве, понимают, прежде всего, римское католичество, за ним и наше Православие, а затем уже и другие христианские исповедания. Вот почему мы должны зорко следить, какие меры борьбы с католичеством принимают враги христианства, потому что эти меры они направляют и против Православия.

Таковыми непримиримыми врагами христианства являются тайные слуги сатаны, так называемые масоны, во главе коих стоят исконные враги христианства – иудеи. Эта человеконенавистническая секта, мечтающая покорить весь мир своему владычеству, так умеет скрывать свою деятельность, что многие, сами того не подозревая, принадлежа наружно даже к Церкви, являются их слепыми орудиями и не верят в самое существование такой секты или же признают ее безвредным обществом, якобы преследующим невинные и даже благородные цели. Масоны так искусно маскируются, что даже от одного святителя, высокообразованного, пришлось слышать: “Да полно, есть ли какие-то масоны? Не миф ли это?” Только в последние десять – пятнадцать лет опубликованные “Протоколы Сионских мудрецов”, сначала оспариваемые масонской печатью, потом признанные за подлинные, раскрыли глаза на этих врагов рода человеческого, а в отношении к христианству такое же значение имел план борьбы с Христовой Церковью, составленный еще в августе 1871 года одиннадцатью “величайшими светильниками” масонства в Чарльзстоуне. Из этого плана видно, что у масонов есть свое “откровение”, книга “Ападно”, писанная якобы самим Люцифером, из которой видно, что масоны, именно их вожди, должны стремиться одновременно к разрушению христианства и насаждению люциферианства по всей земле, дабы эта новая религия, культ сатаны, стала, как они выражаются в своем плане, “поистине католическою”, то есть всемирною. По их убеждению, “истина их учения познана священством ведизма”, то есть индусами, уже теперь, а магометанство хотя еще не обладает всею полнотою этой истины, но в его среде есть много мулл, вдохновляемых ею. Еврейство “обетовано” их откровением им же. Протестантизм во всех его видах, за исключением самого ничтожного меньшинства, составлен из рассудочных искателей истины. Из этих богоискателей набирается в состав масонов наибольшее число “верных доброго бога”, как они величают Люцифера. “Согласно откровению, – говорит масонский план борьбы с христианством, – и римское католичество в своей численности будет постепенно уменьшаться, частью удавливаясь в наши сети, частью же по случаю выхода его членов в ряды свободомыслящих деистов, а нам известно, что это переходное состояние в конце концов обещано нам”.

Как же судят масоны о Православии?

На это в своем плане они отвечают так: “Православные, или схизматики, это – как написано о них в небесной книге – обреченная добыча Злого Бога”: так богохульно они именуют истинного Бога...

Переводя эти слова врагов христианства на наш православный язык, мы можем сказать: православные исповедуют чистую истину Божию, истинную веру спасительную, и пока они держатся ее крепко, дотоле не может к ним прикоснуться вражеское искушение, дотоле не в силах соблазнить их враг поклонением сатане. Не есть ли это торжество нашей святой апостольской православной веры, нашей родной Церкви?..

“Главнейшая задача, – говорит масонский план, – заключается в том, чтобы католика превратить в свободомыслящего деиста. Прежде всего, для указанной цели нам необходимо захватить власть над народами. Раз власть нами будет достигнута – в республике или монархии, это все равно, – нам необходимо провести в жизнь законы, устраняющие повсеместно влияние священства и монашества “суеверия”, отстраняя их от дел благотворения. Для этого мы воспользуемся прессой и вдохновляемыми нами писателями, чтобы показать, насколько унижается человечество милостынею, получаемую от “дурного католицизма”. Надо выставить на вид, что каждая личность имеет свое право на благосостояние, но только с помощью социальных реформ, а отнюдь не с поддержкой рутинерской благотворительности. С другой стороны, при содействии парламентов или иным каким-либо способом необходимо разогнать достаточно дискредитированные нами и ставшие непопулярными конгрегации”, – в отношении к Православной Церкви – общества, монастыри, союзы, – “подстроив первоначально разорение тех из них, которые еще держатся на предрассудках профанов, – словом, надо заставить исчезнуть с лица земли все, что носит имя монаха или монахини. Необходимо добиться лаицизации школы, чтобы в нея никоим образом не могли проникнуть ни монах, ни священник, а затем всеми способами изгнать из головы родителей самую мысль дать своим детям христианское образование вне лаицизированной школы. Всего важнее для нас помешать новым поколениям сохранить в своем духе хотя бы малейший след лжи христианских догматов”.

Адски хитрый план настолько умен, что предусматривает неискоренимо живущее в душе человека чувство, устремляющее его к некоему Божественному идеалу “как сверхъестественному фактору, организатору и двигателю вселенной”. “Если, – говорит план, – этому чувству предоставить свободу развиваться, не допуская преступного направления в сторону религиозного суеверия “Злого Бога” (то есть, конечно, истинного христианства), то оно вначале будет плавать в полусвете смутного деизма, не заражаясь, однако, зачумленным дыханием “ложного католицизма” (разумеется, опять христианства). Когда же настанет час явления “добраго бога” (разумеется, культа сатаны), единственно достойного поклонения человечества, тогда к нему и устремятся все душевные склонности ребенка, ставшего человеком. Таким образом, удаляя от Адонаи (от истинного Бога) детский и отроческий возраст, мы посвятим Люциферу, при одном содействии врожденной склонности, зрелый возраст новых поколений. Атеист-наставник должен быть абсолютно изгнан из той школы, из которой мы вытолкаем священника, равно и явно – атеистические книги, взамен которых детям мы дадим такие общеобразовательные книги, которые, будучи очищены от ложных христианских догматов, выдвигали бы, тем не менее, хотя бы и без точного определения, существование некоего Верховного Существа – Устроителя и Владыки вселенной”.

Учтена, конечно, и сила печатного слова.

“Покамест новые поколения будут формироваться в этом духе, – говорит план, – необходимо бороться с адонаизмом (то есть с христианством) в умах человечества, доказывая всякого рода печатным словом, сколь чудовищна и в то же время смешна идея Божества, какою ее изображают священники “суеверия”. В этой борьбе не следует пренебрегать ни памфлетом, ни сатирою, ни насмешкою, которая на толпу действует сильнее и вернее ученых диссертаций. Нам не следует забывать то добро, которое принес нашему делу Вольтер, высмеяв и ошельмовав католическое духовенство вместе с его “суеверием”. Дискредитируя лживые догматы и обряды адонаизма, мы в то же время пригвождаем к позорному столбу и служителей этой отвратительной религии: этим мы мало-помалу добьемся того, что церкви их окончательно опустеют”.

Сколько злобы против Церкви Христовой кипит в словах этих антихристовых слуг! Сколько воистину сатанинской опытности слышится в этих осторожных, но уверенных рассуждениях! Какое знание психологии толпы, психологии грешного сердца человеческого!..

Но и на этих мерах борьбы с Церковью они не останавливаются. Им мало проведения законов, лишаящих клир правительственных субсидий, “ибо он возместит свои убытки на обложении своих фанатических последователей, которые будут упорствовать в своем неизлечимом легковерии. Число этих эксплуатируемых несчастных можно уменьшить, – говорит план, – только лишь высмеиванием и беспощадной критикой всех постановлений католической (а у нас Православной) Церкви. Необходимо довести всякого, кто сохранил в себе сколько-нибудь здравого смысла, до того, чтобы он сам себе стал казаться смешным всякий раз, как возымел бы слабость обратиться к таинствам “суеверия”. Это наивернейший способ оставить без хлеба обманщиков-попов”.

Не правда ли, и это весьма практично?..

А вот и еще способ дискредитирования христианства. “Когда, – говорит план, – это будет в большей или меньшей мере достигнуто, тогда будет полезно расплодить как можно больше гнусных шарлатанов из общественных подонков в роли лжепророков и лжесвятых, мерзкое ремесло которых было очевидным мошенничеством”.

Кто знает доверчивость толпы к таким пройдохам, тот оценит все значение для врагов христианства в их размножении. Слушайте, вот что говорит план борьбы дальше:

“Вдохновляемая нами ежедневная пресса займется ими с ожесточением и постарается смешать их в глазах публики в одну общую грязную кучу со служителями Адонаи, облив и тех и других общим ядом насмешки и осуждения”.

Трудно оторваться от этого гениального плана разрушения Церкви Христовой: чем дальше читаешь, тем шире раскрывается масонский заговор.

Масонский заговор против Церкви Христовой

Окончание

“Необходимо, – говорит план, – принять все меры – законодательные и иные – для сокращения численности католического священства (конечно, у нас – православного). Наилучшей для сего мерой будет ознакомление священнической молодежи (учащихся в духовных школах) с общественной жизнью в реальном ее освещении, а не в том ложном, какое дают ей их наставники”. По отношению к римскому католицизму масоны не забыли и влияние женщин. “Необходимо, – говорит план, – обзавестись верными нашему делу женщинами, которые отдали бы себя на дело посвящения этих священнослужителей в благодеяния “добраго бога” (то есть сатаны). Испытав радости плоти, которых лишает его папское варварство, адонаитский священник или уйдет из клира, осудив самой природой систематическое и абсолютное девство, или же, оставаясь в своей касте, тайно станет нашим, оказывая нам драгоценные услуги в деле подведения мины под храм Адонаи. Необходимо всеми способами, пользуясь всякими обстоятельствами, образовывать пустоту вокруг адонаитского священника, окружая его презрением, уменьшая численно ряды ищущих священства. Для сего не следует останавливаться ни перед чем, лишь бы добиться нужных результатов. С одной стороны, надобно размножить общества устройства городских и сельских развлечений, кружки, формируемые якобы с просветительными целями, нецерковные праздники, – вроде 1 мая, – в ущерб и по возможности с отменой праздников церковных, с другой же стороны, необходимо принять и распространить повсюду как принцип, как учение – общий пароль: “И рождение, и смерть, и венчание – все без посредства священника!”. Всем кружкам и обществам, принимающим этот принцип в основу программы своей деятельности, необходимо оказывать всяческую помощь и покровительство. Необходимо в то же время делать шум вокруг всякого случая, имеющего характер скандала и могущаго в глазах толпы унижить адонаитского священника или священническую корпорацию. Так надо поступать даже и в тех случаях, которые сами по себе не представляют ничего особенно дурного с точки зрения общественной нравственности, но которые не совсем к лицу особам, посвящающим себя служению в священном сане. Поступать же таким образом следует, однако, только тогда, когда виновник нарушения правил церковного благочиния признан неспособным стать нашим тайным агентом”.

Далее план излагает некоторые подробности осуществления своих предположений и в заключение советует “поддерживать в низших классах всех наций революционные идеи, не исключая и социалистических, хотя и ведущих к крайностям и бурным эксцессам. Хотя атеизм, – говорит он, – и вреден сам по себе делу обновления человечества в антихристианском духе, но мы и его введем в русло самых крайних социальных теорий, заведомо осужденных на полный неуспех, но нужных для кратковременного государственного переворота, которому немедленно же должна воспоследовать самая энергичная реакция. Таким образом, мы, с одной стороны, дискредитируем до последней степени суеверную теорию Божества в духе адонаизма, так что к нам примкнут даже и последние его священники в переходную эпоху господства свободомыслия, а с другой стороны, мы примем меры к тому, чтобы толпа не лишилась веры в сверхъестественное Божественного происхождения, но мы ограничимся лишь указанием, при всяком удобном случае, на бытие некоего Верховного Существа, не открывая, однако, до времени людям

наших священных преданий и наших мистических откровений”. Такова воля “добраго бога” (то есть сатаны).

По милости Своей Господь поставил на время нашу Русскую Православную Церковь как бы в стороне от того противоцерковного движения, которое развилось на Западе вследствие отпадения этого Запада от чистоты Православия. Много веков наша святая мать-Церковь укрывалась в тихой пристани Восточного Православия от бурь римского самочиния и протестантского отступничества. Господь как бы готовил ее к великому подвигу, укрепляя в ней основы спасительного учения веры подвигами просиявших в ней святых Божиих, проявлением благодатной силы Божией в чудесах от святых икон, преимущественно Пречистой Матери Своей, и от мощей угодников Божиих, дабы она в свое время стала во всеоружии истины противу козней сатаны. И время это, кажется, уже наступило. Ядовитые ветры всяческих лжеучений с особою силою веют у нас теперь на Руси. Еще двести лет назад, вследствие нашего сближения с отступниками от своей Церкви, немцами, к нам стали проникать их лжеучения – сначала тайно, потом все открытее и открытее, пока, наконец, в самое последнее время, благодаря лживой теории “свободы совести”, уже работают во вред Церкви открыто, отравляя чад Православия всякими ересями – от баптизма до социализма и материализма. Все то, что сорок пять лет назад было намечено в плане разрушения Церкви “одиннадцатую величайшими святителями” масонства, совершается теперь и у нас на глазах, в нашей Православной России: появились и теософия, и оккультизм, и спиритизм, и все виды теизма; всякие социалы открыто заседают в законодательных учреждениях; уже толкуют и под шумок проводят в жизнь лаицизацию школы; идет война против праздников Господних; всеми указанными в плане способами дискредитируются Церковь и ее служители: особенно нападают на монашество и монастыри, причем без стеснения клеветают на них даже в отрывных календарях; появляются и памфлеты и сатиры в духе Вольтера; уже нередки случаи, когда родители “стыдятся” крестить детей... Появляются и “лжепророки, лжесвятые”, коим верят как рабам Божиим, как подвижникам, даже люди интеллигентные; проникает зло и в наши духовные школы, приготовляющие пастырей Церкви, появляются – слава Богу, пока единицами – и пастыри вроде Гапона, Петрова и Михаила Семенова, ослепляемые масонскими теориями... Видимо, сатана уже нашел пути и в ограду нашей Церкви.

Не все благополучно и в нашей русской богословской науке. Вспомнить хотя бы выходку протоиерея Остроумова против церковного предания об Успении Богоматери или священника И. Дмитриевского, отрицающего тайну искупления; мало того: среди нас, епископов, явился отрицающий пресуществление в Таинстве Причащения... Пусть это не имеет никакой связи с масонами, но нет сомнения, что масонская печать поддерживает таких писателей как представителей прогрессивного движения и будет им покровительствовать, если бы власть церковная стала ограничивать их выступления. Без сомнения, поклонники “добраго бога” (с малой буквы, то есть сатанисты) зорко следят за тем, какой всход дают их семена на ниве нашей Православной Церкви. И вот что говорит их сатанинский план:

“Когда самодержавная Россия сделается цитаделью адонаизма^[92], мы спустим с цепи революционеров-нигилистов и безбожников и вызовем сокрушительную социальную катастрофу, которая покажет всему миру во всем его ужасе абсолютный атеизм как причину одичания и самого кровавого беспорядка...”

Такова угроза России за то, что она православною была во все время, пока западные народы были совращаемы в разные ереси протестантизма, за то, что она была оплотом истинного Богопочитания и веры. Масоны помнят, что сказал Пушкин о русском бунте, и, очевидно, рассчитывают на него, когда он им понадобится...

В заключение должен указать еще на одну хитрость этих человеконенавистников: они умеют прятаться до поры до времени, подобно своему “богу” – сатане. В обществе о них как-то “не принято говорить”. Попробуйте заговорить о них в интеллигентном обществе; сейчас же постараются замять разговор, перевести его на другую тему: зачем-де говорить о том, чего нет или, может быть, и есть, но стоит ли о них говорить? Это-де какие-то мечтатели, фантазеры, не следует-де придавать им какое-либо значение. А иногда на вас посмотрят как на ненормального, как на помешанного человека. “Не принято” в хорошем обществе говорить и о сатане: кто-де теперь верит в его существование? Но охотно говорят о спиритизме, оккультизме, теософии и подобных лжемудрованиях, вовсе не подозревая, что все это – та же масонщина, что число последователей этих сект считается миллионами. Шестьдесят лет тому назад, в 1855 году, в одной Америке спиритов насчитывалось до двенадцати миллионов при шестидесяти тысячах медиумов: сколько же их теперь? По меньшей мере, в пять раз больше... И это – только спиритов, не считая прочих еретиков... Так вот и подумайте, как велика опасность христианству от этих большею частию отступников от него. И у нас на Руси их насчитывают до миллиона, есть они и в среде знати нашей, а в такие тревожные времена, как переживаемые ныне, число их очень увеличивается. Газеты же как будто нарочито их рекламируют, помещая иногда отчеты об их сеансах. Они издают и свои журналы...

Пастыри Христовой Церкви! Верные их чада, православные русские люди! Дерзаю повторить слова великаго апостола Павла:

Все вы – сыны света и сыны дня: мы – не сыны ночи, ни тьмы. Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться... Да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения... (1 Сол. 5, 5–6, 8).

Смотрите... чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол. 2, 8).

К тому же призывает и другой апостол первоверховный:

Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого проглотить. Противостойте ему твердою верою (1 Пет. 5, 8–9).

Мы – чада Церкви Апостольской; будем же носить в сердцах своих святые заветы апостолов так же верно, как они носили заветы Самого Господа Иисуса Христа.

Р. С. Упоминаемый в сей статье “план борьбы с Христовой Церковью, выработанный в Чарльзстоуне”, можно в полном переводе читать в только что вышедшей книге господина С. Нилуса “Близ есть, при дверех”.

Митрополит Филарет о тайне искупления

Какие скорбные письма в последнее время приходится получать!..

Пишет, например, один верный Православной Церкви русский человек: “Душа вся изныла, не нахожу себе места”. И затем, перечислив печальные обстоятельства в современной церковной жизни: упадок церковной дисциплины даже среди иерархов, шатания религиозной мысли в обществе, в печати, постоянное вмешательство непрошенных радателей блага церковного в этой печати, выступления модных “церковнообновленцев” с их разрушительными планами и мечтаниями, и при всем этом – отсутствие твердой руки, которая управляла бы рулем церковным в наше непогодное время, автор письма восклицает: “Что делать? Куда идти, чтобы остаться православным мне и детям до последнего издыхания?..”

Итак, вот до чего смущается душа православная: она как будто начинает терять надежду, что наша Русь останется Православною, и спрашивает: “Куда идти? В единоверие? Или к Вселенскому Патриарху? Или еще куда?” Для нея спасение души превыше всего, но вот сие-то сокровище она и боится утратить при виде того, что творится в недрах Церкви, какие течения грозят кораблю Христову...

До этого, конечно, еще не дошло; но “смущающие” обстоятельства и признаки возможности какого-то раскола все накапливаются. На этот раз я не буду указывать на “имебожное” лжеучение, которое нашло себе если не прямую защиту, то некое покровительство во имя якобы раскрытия самой истины, “в поисках этой истины”, в “Миссионерском Обзрении”, дающем место защите лжеучения самим его распространителем А. Булатовичем и не желающем считаться ни с грамотами двух Вселенских Патриархов, ни с посланием Святейшего Синода. Я хочу отметить тревожащий и мою архиерейскую совесть признак некоего уклонения наших присяжных богословов от того учения об искуплении, какое нам преподается, в Пространном Православном Катехизисе. Есть книги, коих касаться надо осторожно. Сто лет православные люди, не только русские, но и другие народности, научаются вере при помощи этого Катехизиса, написанного великим богословом митрополитом Филаретом. Критиковать учебную книгу, сотни раз на протяжении ста лет одобренную церковною властью для употребления в школах, принадлежащую перу такого авторитета, какие являются даже во всей церковной истории единицами на протяжении веков, – не слишком ли дерзновенно для современных нам богословов, еще не стяжавших такой авторитетности, какою стал знаменитый святитель Филарет? Провозглашать в собрании съезда законоучителей, а потом печатать в духовном издании, что понятия об искуплении, изложенные в Катехизисе, “режут ухо”, что они “не только не уясняют раскрываемой тайны, но, наоборот, затемняют ее”, да еще и “безнадежно”, что они “искажают христианское представление о Боге и Сыне Божиим и вносят страшную путаницу во все христианское мировоззрение”, – не значит ли обвинять не только великого святителя – автора Катехизиса, но и всю Русскую Церковь, скажу не обинуясь, в ереси, едва не в богохульстве? “В самом деле, – говорит священник И. Димитриевский, – если Богу необходимо удовлетворение и непременно полное, то Он уже не Бог любви, а суровый повелитель, который не знает прощения, а только полностью *ищет своего*, и это – по отношению к Сыну Своему: какой отец способен на такое безсердечие? Если Сын Божий должен явить бесконечную заслугу пред Богом Отцом, то Сын уже не сын, а наемник, и

Отец – не отец, а господин, ибо какой отец требует, чтобы сын *заслужил* у него любовь? Да и заслуженная любовь – разве любовь? Нет, это воздаяние, плата за услугу, а не любовь. А *право Христа, приобретенное страданиями*? Разве это не ужас?! Отец требует, чтобы Сын пострадал, видит эти страдания, расценивает и, когда находит, что они бесконечно велики, тогда дает Сыну право на спасение всех людей?! А разве можно перелagать ответственность за грехи виновных на невинного? Здесь исчезает уже и самое право, не только любовь...”

Так жестоко раскритиковал священник И. Дмитриевский великаго святителя Филарета за его Катехизис, а вместе с ним обличил и церковную власть, на протяжении ста лет не замечавшую таких “ужасных” понятий, заключающихся в нашем Православном Катехизисе. Не правда ли: смело, совсем в духе Лютера и наших современных богословов, и без Церкви мудрствующих богословов?

К сожалению, отец И. Дмитриевский не одинок в своей критике так называемой “юридической теории” искупления рода человеческого. Как у него, так и у всех его единомышленников замечается какое-то стремление отождествить эту теорию с теорией римского права, измерять православное учение об искуплении именно этой теорией, приписывать самое учение Православнаго Катехизиса влиянию учения Римской Церкви о том же предмете. Римская Церковь внесла земной элемент в небесное учение, так сказать, оземленила его; там учение о правосудии как свойстве Божию в учении об искуплении как бы противопоставляется учению о любви Божией; а в православном учении в самом правосудии Божию является любовь Божия. Если бы творения митрополита Филарета были изучаемы поглубже, то в них наши богословы находили бы ответы на многие вопросы, которые возникают у них теперь, между тем как великий святитель решал их сто лет назад, будучи еще в сане архимандрита. В сущности, оставаясь на точке зрения латинян, критики юридической теории, подобно Лютеру, не могут выйти из дилеммы: или правосудие, или любовь, а потому у них в суждениях правосудие как бы бледнеет пред лицом любви и они боятся употреблять термины из области юридической. А святитель Филарет вот что говорит по этому вопросу:

“Христианин! Пройди путем, который открывает тебе раздирающаяся завеса таинств; вниди во внутреннее святилище страданий Иисусовых, оставя за тобою внешний двор, отданный языкам на поправление. Что там? Ничего, кроме святой и блаженной любви Отца и Сына и Святаго Духа к грешному и окаянному роду человеческому:

Любовь Отца – распинающая.

Любовь Сына – распинаемая.

Любовь Духа – торжествующая силою крестною.

Тако возлюби Бог мир!”

В благоговейном созерцании великой и предивной тайны искупления рода человеческого страданиями Господа Иисуса Христа, Сына Божия, святитель вместо слова “разсуждать” употребляет, с свойственною ему мудростию, слово “немотствовать”. “О сей-то любви, – говорит он, – да будет позволено мало нечто немотствовать пред вами, поелику изрещи ея даже и невозможно, так что само Слово Божие, дабы совершенно изобразить ея, умолкло на кресте. Сие же Слово и сия любовь да дарует нам и немотствовать, и внимать немотствованию, подобно как дети одной матери ея сердцем и ея словами взаимно немотствуют и разумеют немотствование”. Так благоговел великий богослов пред тайной искупления, проявленной в непостижимом для нашего ума сочетании бесконечного правосудия Божия с столь же бесконечною любовью Божией.

Потому-то и называется сие дело Божие тайною, что оно непостижимо для человеческого ума, выходит за пределы нашего разума и только при свете Слова Божия может быть отчасти разумеваемо, но не вполне уясняемо теориями нашего мышления.

“Кажется, – говорит святитель, – мы, и принимая в тайну распятия, и усматривая в страданиях Сына Божия волю Отца Его, более ощущаем ужас Его правосудия, нежели сладость любви Его. Но сие долженствует, уверяют нас, не в отсутствии самой любви, а токмо в недостатке нашей готовности к принятию ее внушений. *Бояйся же не совершиися в любви* (1 Ин. 4, 18), говорит ученик любви. Очистим и расширим око наше любовию, и там, где оно смежалось страхом Божия суда, насладимся зрением любви Божией. *Бог любви есть* (16), говорит тот же созерцатель любви. Бог есть любовь по существу и самое существо любви; все Его свойства суть облачения любви; все действия – выражения любви. В ней обитает Его всемогущество всею полнотою своею; она есть истина, когда осуществляет возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждает существующее или существовать имеющее, по закону истины; она есть Его благодать, когда премудро раздает истинные дары свои; наконец, она есть Его правосудие, когда степени и роды ниспосылаемых или удерживаемых даров своих измеряет премудростию и благодатию, ради высочайшего блага всех своих созданий. Приблизьтесь и рассмотрите грозное лицо правосудия Божия, и вы точно узнаете в нем кроткий взор любви Божией. Человек своим грехом заградил от себя присносуший источник любви Божией: и сия любовь вооружается правдою и судом, – для чего? – дабы разрушить сей оплот разделения. Но как ничтожное существо грешника, под ударами очищающего правосудия, невосвратно сокрушилось бы, подобно сосуду скудельному, то непостижимый Душелюбец посылает единосущную Любовь Свою, то есть едиnorodного Сына Своего, дабы Сей, *нося же всяческая глаголом силы Своя* (Евр. 1, 3), восприятою на Себя плоть нашу, кроме греха, понес и тяжесть наших немощей, и тяжесть подвигшегося на нас правосудия: и Един истощив стрелы гнева, изощренные на все человечество, в крестных язвах Своих открыл бы незагражденные источники милосердия и любви, долженствующие упоить всю проклятую некогда землю благословениями, жизнью и блаженством.

Тако возлюби Бог мир!”

Архиепископ Никон

Моим читателям

В первые дни марта совершились события, потрясшие до основания весь строй государственной жизни на Руси. Из Высочайшего Манифеста и заявления Великого князя Михаила Александровича читатели мои видят, что у нас нет больше Царя....

Смиримся под крепкую руку Царя Небесного! Видно, так было Ему угодно. Мы переживаем такой момент в родной нашей истории, в который решается на весах правды Божией судьба Руси, когда-то Святой, а ныне грешной зело-зело: быть ли ей великой державой, каковой она была, или не быть? Судит ли Господь ей послужить человечеству тем, чем Бог ее благословил, или отнимется от нея Царствие Божие и дастся народу, творящему плоды его? И решение сих вопросов зависит всецело от нас: Бог и ныне готов принять кающихся.

Сердце содрогается при мысли, что в такое-то время страшный, озлобленный, изголодавшийся, как лютый зверь, враг уже овладел несколькими областями нашими и стремится вторгнуться в самые недра коренной Руси. Забудем все разногласия, все споры и раздоры: объединимся сердцами все как один человек. Верховная власть теперь в руках

Государственной Думы; она обещает всецело отдать себя великому делу изгнания врага. Поможем ей все, кто чем может: кто пламенным словом любви к Отечеству, кто своим достоянием, если оно есть, кто добрым советом, а все – горячею покаянною молитвою к прогневанному Господу Богу:

– Прости, Господи, многогрешную Русь, помоги ей победить врага и супостата, помоги устроиться по единой воле Твоей, умиротвори, приведи к единомыслию всех русских людей, непусти погибнуть народу, который хотя и грешен пред Тобою несказанно, но кается, плачет у подножия Твоего животворящего Креста... Мати Божия! Спаси землю Русскую!..

Митрополит Филарет о тайне искупления

Окончание

Но если Отец Небесный из любви к миру предаёт едиnorodного Сына Своего, то равно и Сын из любви к миру предаёт Себя Самого: и как любовь распинает, так любовь же и распинается. Ибо хотя *не может Сын творить о Себе ничего*, но ничего также Он не может творить и вопреки Себе. Он не ищет Своей воли (см. Ин. 5, 30), но потому, что есть вечный наследник и обладатель воли Отца Своего. *Пребывает в Его любви*, но в ней и Сам восприимлет в Свою любовь все, Отцу любезное, как глаголет: *возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас* (Ин. 15, 9—10). И таким образом любовь Отца Небесного, чрез Сына, простирается к миру: любовь единосущного Сына Божия вместе и восходит к Отцу Небесному, и нисходит к миру. Здесь имеющий очи да видит глубочайшее основание и первоначальный внутренний состав Креста из любви Сына Божия ко Всесвятому Отцу Своему и любви их к человечеству согрешившему, одна другую пресекающих и одна другой при держащихся, по видимому разделяющих единое, но воистину соединяющих разделенное. Любовь к Богу ревнует по Боге, – любовь к человеку милует человека. Любовь к Богу требует, чтобы соблюден был закон правды Божией, – любовь к человеку не оставляет и нарушителя закона погибать в неправде своей. Любовь к Богу стремится поразить врага Божия, – любовь к человеку вочеловечивает Божество, дабы посредством любви к Богу обожить человечество, и, между тем как любовь к Богу возносит от земли Сына Человеческого (см. Ин. 12, 32; 34), – любовь к человеку разверзает объятия Сына Божия к земнородным; сии противоположные стремления любви соприкасаются, уравниваются и слагают из себя то дивное средокрестие, в котором прощающая *милость и судящая истина сретостся, правда Божества и мир человечества облобызастся*, чрез которое небесная истина возсияет от земли, и правда уже не грозным оком приникает с небеси; *Господь даст благодать земле, и земля... даст плод свой небу* (Пс. 84, 11–13).

О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи (1 Ин. 3, 16). Углубляйтесь, христиане, в сие великое познание не одним словом и языком или слухом праздным, но и духом, и истиною, и вы придете, наконец, в то, если можно так сказать, содружество креста, что не будете находить сладчайшего удовольствия, как в духе созерцания взывать с Богоносным мужем: *Любовь моя рапалася...* (Игнатий Богоносец. Слова и Речи. Т. I. С. 90–94).

Таково “немотствование”, то есть детский лепет, как в глубоком смирении пред тайной нашего искупления кровью Сына Божия именует свое, в сущности, глубокое богословствование наш великий учитель Церкви митрополит Филарет. Кто вчитается в слова его на Великий Пяток, на Крестопоклонную неделю, – а таких слов в собрании слов и речей до восьми, – тот должен видеть, что, кроме теорий искупления римско-католических и протестантских, есть у нас дивное учение православное. В то время когда латинский холодный юридикзм, строящийся на началах человеческого разума и Божественное учение, доводит его до “*summa jus – summa injuria*”, а протестантский гордый рационализм путается в непримиримых противоречиях, не будучи в состоянии отрешиться от того же римского юридикзма, – православное учение раскрывает дивную гармонию свойств Божиих в сочетании требований безконечного правосудия Божия с безконечной любовью – в той же любви как основе всех свойств Божиих. Кто видел

чудную картину нашего гениального художника В. М. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве, тот наглядно поймет сердцем, что значат слова Святого Евангелия: *Тако возлюби Бог мир*. Бог Отец объемлет на лоне Своем Сына, страждущаго на кресте^[93]. Так любовь сочетается с правосудием и правосудие как “облачение”, выражение той же любви, примиряется с любовью так, что, по выражению великаго святителя, “и начало, и середина, и конец Креста Христова – все одна любовь Божия. Как в чувственном сем мире, куда ни прострем взор, к востоку или западу, к югу или северу, всюду зрение упадет на неизмеримость неба: так в духовной области тайн, по всем измерениям Креста Христова, созерцание теряется в безпредельности любви Божией” (там же, с. 97). “Любовь Отца Небеснаго распинает за нас Сына Своего Единороднаго; любовь Сына Божия сама предает себя на распятие не токмо святейшей руке Отца Своего, но и рукам грешников; любовь Божия, изливающаяся Духом Святым, наполняет горняя и дольняя, объемлет время и вечность, дабы ожестовившее и омертвившее враждою против Бога растворить в живоносную и блаженную любовь” (с. 98).

Теперь вопрошаю отца И. Димитриевскаго: ужели такое раскрытие догмата искупления митрополитом Филаретом в его Катехизисе, – он, конечно, не мог противоречить сам себе, – ужели это есть “искажение христианскаго представления о Боге и Сыне Божием”? Ужели “вносит путаницу во все христианское мировоззрение”? Ужели “безнадежно затемняет тайну”?..

Не есть ли, напротив, вот такая критика Катехизиса митрополита Филарета – искажение самага Катехизиса под влиянием немецких богословов-юристов, при недостаточном ведении самага православнаго учения?

Знаю, что критика смущают выражения: “удовлетворение”, “заслуги”, “право”, “цена”... Но ведь эти термины святитель берет из Слова Божия по их смыслу и отчасти даже по букве; ведь только пропитанные юридическими науками, построенными на языческом римском праве, будут понимать их в языческом смысле; ведь без этих терминов нельзя обойтись при изъяснении непостижимаго догмата искупления... Я сказал и повторяю: искупление есть тайна, в которую и Ангелы Божии желают проникнуть, а потому, что бы ни говорили мы в объяснение ея, все же она не перестанет быть тайною, а потому надежнее положиться на объяснение, насколько возможно, такого авторитета, как наш Православный Катехизис. Ведь и святитель Филарет прибег к сравнению Иисуса Христа с Адамом не произвольно, а взял это сравнение у апостола Павла. Поэтому слишком неосторожно, скажу больше – кощунственно, делать выводы, что, по нашему Православному Катехизису, “Бог не есть Бог любви, а суровый повелитель, который не знает прощения, а только полностью *ищет своего*”, обвинять Бога в “безсердечии”; напротив, *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего дал есть*... Будто, по Катехизису, “Сын уже не сын, а наемник, и Отец – не отец, а господин”: *Сын, приявший зрак раба, в подобии человечестем бывший, яко человек*, – и страдал не Божеством, а Своим человечеством *в подобии плоти греха*, будучи безгрешен; умер, будучи безсмертен, – почему не может быть применен к Нему термин заслуги по Его человечеству? “Ужасается” отец Димитриевский и применению понятия *права* к Искупителю мира. Но ведь Он же именуется *Ходатаем Бога и человеков*. Он же есть *Агнец Божий, взявляй грехи мира*, Он пришел *отдать душу Свою для искупления многих*, Он же есть *умилостивление за грехи наши, жертва за наши грехи*, Его Кровь есть *цена*, кою мы куплены... ведь все это выражения Божественнаго Откровения по отношению к Сыну Божию, воплотившемуся для нашего спасения, и притом как к Сыну человеческому: так почему

же понятия “права”, “заслуга”, “удовлетворения”, “цена” – суть “странные, порочащая имя Божие идеи”? В суждении об искуплении эти понятия и мыслятся по отношению к человечеству Христову, а поелику сие человечество нераздельно и неслиянно соединено с Божеством Его, то обычно говорится, что Сын Божий пострадал за нас, искупил нас кровию Своею и подобное. То, что соделала для нас любовь Божия, не может “порочить имя Божие”: напротив, это служит во славу Божию. И если Сын Божий, смилившийся до рабья образа, не стыдится нас братьями называти, то Он не осудит и нас, употребляющих термины человеческого правосудия в отношении к Его Божественному Правосудию за недостатком на нашем человеческом языке слов для выражения всей полноты сей Божественной тайны. Святитель Филарет это и делает, опираясь на апостола Павла в сравнении Господа Иисуса Христа, яко новаго Адама, с ветхим Адамом. Ведь и сами апостолы, а за ними и святые отцы, постоянно употребляют термины юридического свойства: “ослушание”, “преступление”, “проклятие”, “жертва”, “умилостивление”, “выкуп” и подобные, на что справедливо указывает господин Левитов в своей статье “В защиту юридической теории искупления” (“Вера и Разум”, май 1916 г.). Почему же нельзя сих терминов вводить в Православный Катехизис?..

Вопрос этот невольно останавливает на себе внимание в простоте верующаго человека. В самом деле: откуда, из каких побуждений возникает это стремление перенести силу нашего внимания с Креста Господня на Его воплощение? Дело спасения нашего началось воплощением, а завершилось крестною смертию Господа [вспомните Его восклицание в минуту смерти: *совершишася* (Ин. 19, 30)]. Без воплощения, конечно, не было бы и смерти, не было бы того единения Его и нашей жизни, которое открывает нам тайну любви Божией; но без страданий и крестной смерти Господа не открылось бы всей полноты этой любви, не было бы Таинства Евхаристии, мы лишены были бы вкушения пречистаго Тела Христова, лишены были бы святейшей и животворящей Крови Его. В воплощении Он, так сказать, породнился с нами, а в Святейшей Евхаристии – нас роднит с Собою: так завершается страданиями и смертию крестною дело нашего спасения, открывается вся полнота любви Его Божественной. Но смерть не имела никакого права на Него, яко безгрешнаго: Он умер за нас, *вместо нас*, как это и Сам Он говорит, как это мы исповедуем и в Символе нашей веры.

Бог есть безконечная любовь: как же сия любовь попускает единому Безгрешному умереть, яко грешному? Где же правда Божия, если бы та же Божественная любовь, породнившись с людьми, приискренне приобщившись плоти и крови их, взяв на Себя грехи их, не стала между грешными людьми и Божией правдой, яко приносящая жертву и сама в жертву приносимая, яко приемлющая сию жертву и всех жертве сей приобщающая, как говорит иерей во время Херувимской песни: *приносай и приносимый, приемляй и раздаваемый*... Крестный подвиг Господа Иисуса есть жертва за грехи всего мира, есть умилостивление правды Божией, есть завершение искупления нашего; воплощение Его есть начало сего искупительнаго подвига, без коего мы не могли бы вкушать Тела и Крови Его, а следовательно, не могли бы, по слову Его, быть и причастниками жизни вечной. Во всем величии открылась великая тайна искупления нашего в воскресении Господа нашего Иисуса Христа, в прославленной плоти Своей явившагося победителем смерти, которая была дотоле последствием греха, а с Его воскресением стала для верующих Пасхою, переходом от земли на небо, от смерти в жизнь. Вот почему Православная Церковь с такою светлою торжественностью празднует Воскресение Христово, тогда как западные христиане, как бы остановившись на воплощении Сына Божия, праздник Рождества

Христова празднуют торжественнее, чем праздник Пасхи. Не оттого ли, не под влиянием ли западных богословов, появилось и у нас это стремление – дело нашего искупления полагать как бы все в воплощении Сына Божия, затемняя сим учение о Кресте Его, о Его страданиях и смерти как искупительной цене – скажем сие слово, следуя апостолу Павлу, который выражается: *куплены есте* ценою – пред Божиим правосудием? И, да простят мне новые богословы, приписывающие учение нашего Катехизиса влиянию римско-католических богословов, мне приходит мысль, что и их толкование догмата искупления не чуждо влиянию западных богословов, только уже не католических, а противоположного лагеря: в этом толковании чувствуется какая-то бессознательная склонность замалчивать Божие правосудие, все объясняя одною любовью Божией. Как мы видели, так объясняет дело искупления и митрополит Филарет, но у него само правосудие является выражением любви, а тут о нем как бы замалчивают, а это может повести к выводам далеко не православным...

В заключение не могу не привести еще выдержки из другого Слова митрополита Филарета на Великий Пяток: так оно вдохновенно, так художественно и поучительно! Оно не только раскрывает, в меру разумения нашего, тайну искупления, но и поучает, как должно относиться к ней, в каком духе и как позволительно говорить о ней...

“Может ли правосудный Бог без пламенного гнева взирать на ежеминутного преступника? Может ли благий Творец с хладным пренебрежением внимать стоны бедствующей твари? Правосудие пробуждает мстительные громы; благодать удерживает руку, готовую пустить их. Милосердие хочет подать страдальцу чашу спасения; безчувственный сын погибели не терпит и напоминания о врачевании лютой болезни своей. Если бы неограниченная Премудрость не знала средства согласить непостижимыя сии противоречия, разрушающия гармонию создания и союз их с своим Создателем, если бы не умела примирить – да, скажем, человечески Бога с Богом и потом Бога с человеком, то бы никогда не было речено в предвечном совете: *сотворим человека* (Быт. 1, 26). В плане бытия мира должно быть назначено *пакибытие* нравственного ничтожества – человека”. Далее святитель раскрывает по Евангелию, что Иисус Христос “есть Сын Божий, *сияние славы Отчи и образ Ипостаси Его* (Евр. 1, 3); что Он есть Сын человеческий, приискренне приобщившийся плоти и крови (см. Евр. 2, 14); Он – Бог, чтоб иметь силу понести на Себе немощи человеческия; Он – человек, чтобы соделать человеков *причастниками Божественного естества* (2 Пет. 1, 4). Он – сын Адамов, дабы вторым быть Адамом новых чад Божиих, – Авраамов, чтобы по образу Исаака представить Себя чистейшею, совершеннейшею жертвою Господу; Давидов, чтобы наследовать и возстановить царство благодати; наконец, Он есть вечная любовь, несшедшая соединить с Собою отчужденных от нея грехом смертных, удовлетворить за них небесному Правосудию. Так самое рождение Иисуса указывает на Его смерть. И какой величественный свет простирается над Крестом, из сей точки зрения рассматриваемым! Сие титуло, содержащее вину Невинного, сии служители мстящих законов, сие орудие казни – все сие произвольный Страдалец собирает окрест Себя для того, чтобы напомнить нам определение Вышняго судилища, которое исполняет земное неправосудие, в слепом неведении водимое одною злобою. Сии простертая руки объемлют и поддерживают мир над бездною, изрытою под ним его развратом. Сей угасающий взор еще испускает луч милосердия и, будучи устремлен горе, тысящекратно повторяет молитву, не только за виновных мучителей, но и еще более за совиновный человеческий род воссылаемую: *Огаче, отпусти им* (Лк. 23, 34). Сия Божественная Кровь... О Любовь безконечная!

Одной капли ея довольно было бы омыть наши беззакония и угасить геенну нашу, а Ты проливаешь ея потоками! О Милосердый даже до немилосердия! Прости упрекам изумленной благодарности!.. Довольно, довольно! – или нет: проливай до истощания сей неистощимый ток блаженства, сию воду жизни!.. Ах, я не знаю, что мне делать – плакать или радоваться?.. Плакать ли о Твоей смерти или радоваться о моем в ней бессмертии? Но уже довольно! У Креста Твоего *милость и истина сретостся*, у гроба Твоего *правда и мир облобызастся* (Пс. 84, 11). *Совершишся*” (Слова и Речи. Т. I. С. 123–124).

Еще о тайне искупления

Когда моя статья “Митрополит Филарет о тайне искупления” появилась в “Церковных Ведомостях”, я получил несколько писем, свидетельствующих, что этот догматический вопрос и в наше скудное верою время занимает умы многих верующих. Меня благодарили за освещение сего вопроса благоговейною мыслию великаго богослова, столь благовременною ввиду современных шатаний в области богословской мысли. Но нашелся один, впрочем, трусливый, господин или отец – Бог его знает, который не имел мужества подписать свое имя, а все же хотел обличить меня едва ли не в богохульстве. Вероятно, для того, чтобы отвести мой взор от своей особы, он опустил свое письмо из деревенской глуши, откуда-то со станции Дольцы Тульской губернии, и, укрывшись, таким образом, отвел душу в довольно невежливом послании ко мне, которое привожу здесь целиком, чтобы читатели видели, до чего затуманены бывают мозги наших интеллигентов немецкими бреднями. Вот что он пишет:

“Архиепископ Никон! Никакого искупления не было да и быть не может. Пришествие на землю Спасителя есть только дело помощи праотцам в их успокоении после смерти. Распятие имеет только смысл вызванного необходимостью в мучениках и апостолах страдания за идею, также смысл помощи им в этом случае. Неужто так жесток Бог, как видно из вашей статьи? (Читатели знают, чьи мысли я излагал.) Разве вы забываете, что Он Бог? Да для чего все и заповеди-то, как не для самих людей? Христианство – монашество. Вы, епископы и русское монашество, спите!”

Вот и все письмо. Не буду останавливаться на последних фразах: в них не вижу ни смысла, ни связи с вопросом. При чем тут заповеди, монашество, какой-то сон епископов и монахов – не стоит говорить. Да и вообще, на анонимы я не отвечаю; но в этом письме так характерно отразился немецкий сумбур, коим заражаются наши даже духовные интеллигенты, что стоит отметить это явление. С какою самоуверенностью говорит этот якобы деревенский богослов! “Никакого, – видите ли, – искупления не было”. Мало того: “...И быть не может”. Что ему за дело, что и Сам Спаситель, и Его духоносные апостолы, и святые отцы, да и вся Церковь говорят об искуплении: господин аноним не хочет признавать сего догмата, и конец. “Помощь праотцам в их успокоении после смерти” – вот цель Пришествия Спасителя на землю. Выходит, что не нас ради человек, не нашего ради спасения сошел Господь с небес и воплотился. Не за нас распялся, как говорит вся Вселенская Церковь в своем Символе веры, – нет, а только... – заметьте: это слово “только” не мое, а автора письма: “только... помощи праотцам... после смерти”. О каких праотцах говорит автор, что понимает под словом “помощь” – угадать трудно. “Распятие имеет *только* (опять “только”!) смысл вызванного необходимостью в мучениках и апостолах страдания за идею, также смысл помощи им в этом случае”. Это – еще туманнее... Что же: речь идет о том, что Господь Своими страданиями дал только пример им, что ли? Стало быть, они воодушевлялись только примером, а не благодатию Христовою? Видно, что автор слышал о лжеучении Социна, Ричля и им подобных, впитывал в себя, как прогрессивный человек, их мудрования, но у него не дошло до яснаго сознания даже и то, что он старался воспринять из их ереси. А уж о том, что все это старья ереси древних докетов, евеонитов и пелагеан – он, может быть, и не знает еще. А что он идет за Социном и Ричлем, это видно из его фразы: “...Неужто так жесток Бог?.. Разве вы забываете, что Он Бог?” Ну, что же, конечно, помню, что Бог есть Бог, и скажу

вам, мой совопросник, что Бог есть Любовь, а из того, что говорит святитель Филарет о свойствах Божиих, вы должны были усмотреть, что и правосудие-то Божие есть само по себе только “одеяние любви”, проявление сей Божественной любви, как и все прочие свойства Божии. Да, Бог есть Любовь, и сия Любовь так возлюбила мир, что и Сына Своего дала для спасения мира. И о сей великой тайне любви поведала нам Сама же воплощенная Любовь – Сын Божий, давший Себя во искупление за всех, сей Агнец Божий, взявший на Себя грехи всего мира... Ведь вам же сказано, что не сухая юридическая правда человеческая лежит в основе теории искупления, принимаемой нашей Православною Церковью, а *тайна* Божественная, уму нашему недоступная и только приемлемая верою и выражаемая словами Божественного Писания как откровения Самого Господа, раскрытого Его апостолами. Или ваши Социны да Ричли мудрее Самого Христа Спасителя? И вы, господа анонимы с своими единомышленниками, коих развелось немало, воображаете, что, посылая мне из деревенской глуши свои неприличные письма и не желая выступать открыто в защиту своих немецких теорий, вы убедите меня? Напрасный труд! Со мною святитель Филарет, святые отцы и вся Православная Церковь. Поступать так, как вы поступаете, нечестно, недостойно православных людей... Стыдитесь!

Ныне словом *любовь* всюду злоупотребляют. Во имя любви требуют упразднения правды, тем самым и самую любовь обращая только в безмолвного и безсильного свидетеля всякого насилия, вычеркивая из списка свойств Божиих правосудие, а по своей глупости забывая и Божию премудрость, всегда примиряющую Божию правду с Божественною любовью и свободою человека, ибо и премудрость, и правда, и всемогущество суть свойства все той же единой Любви, которая и есть первейшее свойство Божие. Да, Бог есть Любовь, Любовь праведная, всепремудрая, всемогущая. И она-то измыслила, выражаясь нашим несовершенным языком, спасение миру чрез искупление рода человеческого воплотившимся Сыном Божиим. Слово *жестокость* прилагать к Богу – значит богохульствовать, но и любовь без правосудия может превратиться в оскорбление заложенного в совести даже преступника чувства правды, требующего даже в падшем человеке удовлетворения. Как же можно допустить, чтобы суд правды Божией, произнесенный над человеком падшим: *смертию умреш*, – не был исполнен? И приговор сей совершается над нами доселе; но до искупления смерть царствовала, по выражению апостола Павла, в роде человеческого, как царица ужасов (так ее называет еще праведный Иов), простирая свою власть не только на тело, но и на душу, которая в Ветхом Завете, до сошествия во ад Спасителя мира, отводима была в область мрака, а ныне души праведных возносятся в селения небесная да и самая телесная смерть превращается в сон, временное усупие, а это совершил Господь Своею смертию крестною. На Его Кресте правда и мир сретились, милость и истина облобызались, проявив себя в тайне искупления. Как не воскликнуть после сего с великим апостолом-мудрецом в благоговейном изумлении: о глубина богатства, и премудрости, и разума Божия, яко не испыхани судове Его и неисследовани пути Его!..

Немецкие мудрователи вопрошают: “Ужели Бог жесток?” Но тот факт, который они называют “жестокостью”, как ни толковать его: по-нашему ли, как искупление, или по-ихнему, как помощь праотцам и страдальцам, все же остается, и обвинение в “жестокости” не устраняется. Бог Сына Своего не пощадил – это ведь Слово Самого Сына Божия. Безсмертный по природе Своей, яко чуждый греха, которому смерть служит оброком, данью, умер страшною смертию, не будучи ей подвластен... Ужели это не

“жестокость”, если принимать теорию сих мудрователей? О суетумудрые мудрецы! Не хотят покорить свой ум в послушании веры и запутываются в собственных мудрованиях. Воистину буде Божие премудрие человек есть и немощное Божие крепче человек есть! Они хотят и Божию любовь, и Божию премудрость измерять своим мерилom и готовы все дело спасения нашего перестроить по своемумышлению.

Искупление рода человеческого честною Кровию Спасителя мира есть самый существенный, самый центральный догмат христианства. Велия благочестия тайна, что Бог явился во плоти; но самое воплощение есть лишь начальное деяние Божественной любви в деле нашего спасения, есть, по выражению Церкви, *спасения нашего главизна*, а искупление страданиями и смертью Господа – деяние завершительное. Вот почему и Спаситель, в последние минуты Своих страданий, с такою силою, как бы торжествуя завершение великаго Своего подвига, воскликнул в слух неба и земли: *Совершишася*. Только в этот момент, когда пролита Кровь Нового Завета, когда принесена жертва искупления, когда Он готов был предать дух Свой Богу Отцу, только теперь было закончено дело, порученное Ему Отцом: *дело соверших, еже дал Ми еси, Отче, да сотворю*. Эти слова Он изрек несколькими часами раньше, но все же только тогда, когда шел в Гефсиманию, уже близок был к Голгофе, которая началась для Его духа в муках Гефсиманскаго великаго всемирнаго подвига. Вот почему тот, кто отрицает тайну искупления, тайну крестной смерти Христовой, тот отрицает все христианство – тот не христианин. И враги христианства, прежде всего и паче всего, вооружаются против догмата искупления: отрицая его, они сводят все дело Христа Спасителя к человеческому делу учителя и смотрят на Господа нашего, в сущности, глазами язычников. Вот почему им так же, как и сатане, ненавистен Крест Господень и они поносят его как позорное оружие казни, гнушаются, а лучше сказать – боятся, знамения крестнаго как знамения нашего спасения. Вот почему и мы всех последователей учения Социна, Ричля и им подобных считаем язычниками, отступниками от Христа, Искупителя мира. Пусть это ведают и наши неразумные отрицатели догмата искупления.

У крестов на святой Голгофе На Великий Пяток

Судьбами Божиими Отечество наше вот уже третий год находится под тяжелым крестом. А утешением всех крестоносцев служит, конечно, Крест Христов. Сегодня святая мать наша – Православная Церковь возводит своих чад на священную Голгофу, где видны три страшных креста. И один из них привлекает к себе внимание всех, кто был там, кто проходил мимо Голгофы, кто нарочито приходил из Иерусалима, чтобы посмотреть на совершение казни над осужденными. Над этим Крестом читается надпись: “Иисус Назарянин Царь Иудейский”.

Этот Крест и есть средоточие всех крестов человеческих, крестов всего мира, ибо на нем, как на великом всемирном жертвеннике, принес Самого Себя в жертву Агнец Божий, взявший на Себя грехи всего мира, а потому и тягота всех крестов человеческих может быть понесена людьми только при помощи благодати сего великаго Крестоносца, Который Сам вознес грехи наши, сию первооснову всякаго нашего креста, телом Своим на древо крестное (см. 1 Пет. 2, 24) и тем уже снял самую мучительную тяготу всякаго креста – его безнадежность и неизбежность.

Все люди – грешники, а потому и все крестоносцы; но одних крест низводит долу, тянет во ад, как низводил туда тяготою хуления разбойника, распятого ошуюю Господа, а для других служит лестницею, возводящею на небо, как это было с благоразумным разбойником, распятым одесную Спасителя. Неверие и ожесточение во зле первого лишало всякой надежды этого несчастного грешника и приводило к отчаянию; а смирение и вера второго облегчали тяготу его прегрешений и даже содеывали его, по выражению церковного песнопения, “богословом”, который удостоился исповедать распятого с ним Назарянина Господом и Царем неба и земли. Так животворящий Крест Господа нашего явился еще на Голгофе мерилom праведным, весами, показывающими ценность того, что таится в самых сокровенных глубинах душ человеческих. Людям казалось, что между этими двумя злодеями нет разности: тот и другой пойман в разбое, тот и другой присужден к позорнейшей смертной казни; но в очах Божиих – смотрите, – как эти люди были различны, как противоположны друг другу! Д олжно думать, что и тот и другой, если не знали лично, то слышали об Иисусе Назарянине, великом чудотворце, но один повторяет хулы первосвященников и книжников, издевается над Распятым вместе с ним Чудотворцем, а другой уговаривает товарища по несчастью, указывает на невинность Страждущаго Господа; тот, в страшных корчах мучительной казни, в отчаянии своей мрачной души, изливает яд своей злобы на неповиннаго Страдальца, а этот глубоко сознает свои вины, сам осуждает себя и призывает к тому же товарища. Тот не хочет слушать благоразумнаго совета и в ожесточении злобы извергает свою несчастную душу во дно ада, а этот слышит от Господа дивное слово обетования: *днесъ со Мною будешь в рай...* Душа ожесточеннаго злодея не способна была воспринять благодатную помощь простертой к нему шуйцы Господней, а душа благоразумнаго разбойника раскрылась для любви Икупителя мира и в Его Кресте нашла облегчение тяготы своих мук крестных: всю эту тяготу воспринял на Себя страждущий на Кресте Господь. Незримо для очей человеческих совершилась эта тайна любви Божией, восприимлющей смиренно кающуюся душу в лоно Свое и готовой воспринять так же и всякую душу верующую,

кающуюся, а главное – смиряющуюся... Крест одесную Распятого обратился в лестницу на небо, а ошуюю – во ад...

У Господа такой закон: Он взял на Себя грехи всего мира, Он готов всех и каждого грешника принять, как отец принял блудного сына в свои отеческия объятия, но никого не хочет спасать насильно. Он зовет нас, стучит в двери нашего грешного сердца, но если мы не слушаем Его, не хотим отворить этих дверей, то оставляет нас Своею благодатью и предоставляет своей погибельной участи. На двух разбойниках Он показал нам наглядно, как исполняется этот Его закон. И закон этот одинаково применяется как к отдельным людям, так и к целым народам. Все народы, как и отдельные лица, грешны, и все несут свои кресты, но одних эти кресты ведут к погибели, других очищают, облегчают от греха, приводят к сознанию своих грехов пред Богом, к всенародному покаянию. Нужно ли приводить примеры? Вспомните покаяние ниневитян, вспомните еврейский народ, вспомните нашу родную русскую историю. Сколько раз Господь вразумлял и наказывал евреев и наших предков тяжкими крестами! И эти наказания, когда видел Господь всенародное покаяние, обращались во славу Божию, служили для народов очищением и обновлением. Но тот же народ еврейский явил пример и крайнего ожесточения и сам себя подверг Божью гнев и доселе несет на себе ту страшную клятву, которую призвал на себя, когда кричал Пилату: “Кровь Его на нас и чадах наших”... Которому же из разбойников он уподобился – нужно ли говорить?

Братие! Во дни страданий нашего Господа пойдем мысленно, по зову матери-Церкви на святую Голгофу. Станем там под Крестом Господним. Содрогнемся от мук и безумных речей ожесточенного злодея, послушаем благоразумного разбойника и его покаянный вопль: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем!* Не мы только, но и весь наш русский народ – все мы тяжко согрешили пред Богом. И вот Господь возложил на нас тяжелый, доселе еще небывалый крест этой ужасной войны. Каяться надо, возлюбленные! Ослабели мы духовно, нуждаемся в поддержке, ходатайстве... А вот и незаменимая, всесильная Ходатаица наша стоит тут же, под Крестом Господа нашего. Святитель Димитрий Ростовский

говорит, что Матерь Божия стояла именно между Крестом Господа и Сына Своего и крестом благоразумного разбойника. Ея таинственному ходатайству он приписывает и обращение этого бывшего злодея с таким умиленным и сокрушенным воплем покаяния и дерзновенной мольбы, чтобы Господь, Которого он и на Кресте признал за Царя Небесного, помянул его во Царствии Своем.

Братия, православные русские люди! У Креста, у гроба Господня, переживая тяжкую скорбь родной нашей матери – России, припадем сокрушенным сердцем ко Господу и будем каяться и за себя, и за всю нашу грешную Русь. Будем повторять мольбу благоразумного разбойника: *помяни нас, Господи, не забудь нас, грешных!..* Пощади наше Отечество! Будем умолять и Матерь милосердия: Заступница наша усердная, Мати Господа, нас ради на Кресте руке простершаго! Заступись за нас, за грешную, но благоговейно Тебя чтущую, присно иконы Твои прославляющую Россию! Стань между нами и прогневанным нами Господом и умоли Его помиловать нас: много бо может Твоя молитва Матерняя к Его благосердию. Аминь.

Пасхальный привет троицких иноков Христолюбивым воинам

Христос Воскресе!

Возлюбленные наши братья, воины христолюбивые!

Божие благословение вам из обители преподобного отца нашего Сергия, Радонежского и всея России чудотворца, и сердечный привет от нас, иноков ея, ваших недостойных богомольцев, с великим праздником Воскресения Христова.

Христос Воскресе!

В третий раз встречаете вы Пасху Господню на полях брани, в окопах и блиндажах, в непрестанных битвах, отстаивая своею богатырской грудью нашу матушку – Русь Православную, защищая родную землю от безбожного врага и супостата, от немца безчеловечного, от турка поганого, от своего же, как это горько сказать, брата-изменника – болгарина. Тяжел ваш подвиг, но, слава Богу, мы слышим, мы знаем, что вы стойко, бодро, мужественно, как герои, как богатыри старой Руси, стоите на страже родной земли, что вы не унываете, а на Бога уповаете, вы веруете, а с вами и мы всем сердцем веруем, что Господь, праведно наказующий нас за грехи наши, видит и правду нашу, видит обиду врагов наших, видит и скорби великия, какая несет наша Русь-матушка, несут родные нам русские люди, много веков страдавшие за веру православную от немцев в древнем уделе славного нашего князя Владимира – Галичине и Буковине; видит Господь и все, что терпят наши братья-славяне: черногорцы, сербы, хорваты, чехи, словаки и другие славянские племена, терпят только за то, что не хотят превратиться в немцев, – все это видит Господь и – не даст жезла грешных на жребии праведных, не даст больше в обиду невинно страждущих: придет час суда Его праведного, и возстанет Он на врагов наших с силою многою, и расточатся они от гнева ярости Его, и побегут от вас, от лица нашего воинства Христолюбиваго... И возглаголет тогда Господь мир на люди Своя, на обращающие сердца к Нему, и отдохнете тогда вы от подвигов ваших в родных семьях ваших, и прославим мы все Господа сил, и воспоем песнь чудную: *с нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог*! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и наши! И веруем мы, и молим Бога, чтобы скорее приблизился этот желанный час победы над врагом, который забыл Бога, забыл, что они, немцы, были когда-то христианами, были людьми, а теперь стали лютыми зверьми...

Христос воскресе, родные наши победоносные воины! Он, всемогущий, во славе Своей сошел в самые глубины адовы и победил исконного врага нашего, сатану, сокрушил его силы, освободил от его власти ветхозаветных праотцов рода человеческого, с верою ожидавших там Его Пришествия; Он ли не победит отступников Своих, новых последователей сатаны, его учеников, отрекшихся от всех законов Божеских и человеческих, ожесточившихся хуже зверей, истребляющих мирных жителей, не щадящих ни женщин, ни детей, ни беспомощных старцев и стариц, ни на одре лежащих, – врагов, проливающих кровь их, яко воду, безчеловечно потопляющих мирные корабли, пускающих свои удушливые газы не только на вас, воинов, но и на мирные грады и веси, на безоружных жителей?..

Грешники мы, много согрешили пред Богом и стоим наказания в переживаемых нами бедствиях войны, но все же мы – Божии, мы не отрекаемся от Господа нашего Иисуса

Христа, признаем, сердцем приемлем Его святые заповеди; правда, часто нарушаем их, но каемся в немощи своей пред Ним и уповаем на Его безконечное милосердие. Воскрес Он, Победитель ада и смерти, и мы крепко веруем, что Он милостиво воззрит на скорби наши, обратит их в радость победы по молитвам Своей Пречистой Матери, нашей Заступницы усердной, и святых угодников Божиих, Престолу Его предстоящих. Ведайте, братья наши, верные сыны Руси Святой: за вас молится Святая мать наша – Церковь Православная, за вас молится Царица Небесная, за вас молятся родные наши угодники Божии, каковы преподобные отцы наши Сергей Радонежский и Серафим Саровский, молятся древние витязи наши, как Александр Невский, когда-то разбивший наголову немцев на льду Чудского озера в так называемом Ледовом побоище, благоверные князья Борис и Глеб, в победах ему помогавшие, все князья – страдальцы за Русскую землю; молятся за вас и ваши братья-воины, уже в настоящую войну положившие душу свою за веру православную и Отечество, – они молятся вместе с душами тех святых мучеников, о коих повествует Откровение, бывшее великому апостолу любви Иоанну Богослову: *и видех, пишет святой Иоанн в Апокалипсисе своем, видех под олтарем дуты избивенных за слово Божие и за свидетельство, еже имеаху. И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко Святой и Истинный, не судиши и не мстиши крове нашея от живущих на земли?* (Апок. 6,10). Вот так же – веруем – вопиют и души ваших собратий, убиенных за веру православную, за родную землю, вопиют и жалуются Богу на лютые беззакония врагов наших, просят у Бога помощи вам и победы над ними.

И видел тайновидец, апостол Христов, что даны были сим мученикам одежды белыя, в знак очищения их от тех немощей человеческих, какия всем нам свойственны, и было им сказано, чтобы успокоились они на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которым суждено Богом быть убитым, как и они, дополнят определенное Богом число. И мы веруем, что не оставляет Господь милосердный без ответа, без утешения и братьев ваших, к Нему отшедших, – да, братьев-воинов, отшедших к Нему подобно благоразумному разбойнику, которому Господь сказал со Креста: *днесь со Мною будеши в раи!*.. Не напрасно же одна раба Божия, великая подвижница, ученица преподобного Серафима Саровского, 116-летняя старица Дивеевской обители, Параскева Ивановна, видела во время страшных битв на нашем Западном фронте в августе 1914 года некое видение и ликовала духом, восклицая: “Ах, как милостив-то Господь! Сколько разбойничков-то идет в рай!..” Не напрасно один Христолюбивый воин, раненный на поле сражения, очнувшись в полночь, видел Мать Божию, как Она, Мать милосердия, ходила по полю битвы и возлагала венцы на головы убиенных воинов-мучеников. Поистине, братие, кто есть человек, говорит слово Божие, иже поживет и не согрешит? А потому и нам, грешным, и вам прилично уподобляться благоразумному разбойнику и, склоняясь каждый под тяжестью креста своего, во смирении взывать: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем*, дабы в час смертный услышать от Него: *днесь со Мною будете в рай*, а кто полагает душу свою за веру православную и Отечество, тому получить и венец мученический из рук Самой преблагословенной Матери Божией...

Да укрепляет же все это веру в святость подвига вашего! Да возрадуется сердце ваше радостию райскою о воскресшем Господе! В день сего великого, пресветлого праздника, когда небо и земля ликуют, обращаемся и мы вместе с Церковью с приветом радости и торжества: *Христос воскрес*, наши дорогие братья-воины! Да расточатся враги ваши и наши, да бежат от лица вашего и да исчезнут в битвах, яко исчезает их удушливый дым от ветра, и, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут полчища их от лица

Христоролюбиваго воинства нашего, от вас, Христовы воины – наши братья, верные сыны нашей матери – Руси Православной...

Христос Воскресе

Священноархимандрит Лавры

митрополит Макарий.

Редактор Троицких изданий

архиепископ Никон.

Наместник Лавры

архимандрит Кронид

со всею о Христе братиею

Русь земная, обратись к Руси небесной!

Святой апостол Павел писал к ученику своему Тимофею: *благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей* (1 Тим. 4, 8). У святых отцов слово *благочестие*, когда речь идет о вере, означает *Православие*. Наше святое Православие не только указывает путь и благодатно руководит нас к Царству Небесному, не только носит в себе “обетование жизни будущей”, но полезно и для здешней земной жизни именно потому, что служит звеном, соединяющим землю с небом, жизнь здешнюю с жизнью вечною, открывающим путь благодатного общения нашей земной Руси с нашею же Русью небесною. Оглянитесь назад, в века минувшие: со дней блаженной княгини Ольги и ее великого внука – нашего просветителя князя Владимира, – сколько святых Божиих просияло благочестием на Русской земле! Есть в Сергиевой пустыни, под Петроградом, в храме, построенном ею настоятелем-художником архимандритом Игнатием, на стенах большая картина, простирающаяся чрез весь храм: это – Святая Русь. Вот впереди всех русские первомученики Феодор варяг и его сын Иоанн, и тут же княгиня Ольга, князь Владимир, а за ними идут-идут непрерывною чередой ко Христу Спасителю православные русские люди, в подвигах добродетелей просиявшие, Богом прославленные и Церковию к лику святых Божиих причисленные, – идут чрез все века, за все девятьсот лет Православия на Руси – сонм мног зело-зело... Тут и святители, печальники родной земли, тут и великие подвижники, преподобные, и великие князья, умевшие сочетать подвиг благочестия, подвиг смирения и молитвы с княжескими порфирами, тут и воины, и дети, и мужи совета и разума, и простецы, и девы подвижницы, и вдовицы, себя всецело Богу предавшие... Выделяются среди них носители великого подвига Христа ради юродства: этот великий подвиг отречения от самого разума во имя Христово пришелся особенно по душе русскому человеку: в то время как в Греческой Церкви за девятнадцать веков сих “буих Христа ради” едва насчитаешь пять-шесть, в нашей Русской Церкви их число достигает за девять веков до полусотни. Русский человек и в подвигах Богоугождения так же беззаветно широк душою, как и в делах жизни земной. “Если уж служить Богу, так служить беззаветно, всем существом своим, всею душою, с отречением, если только Богу это угодно, не только от всех благ земных, от имущества, семейных радостей, всяких почестей, но и от самого разума своего: пусть считают меня все безумцем – если Богу угодно принять мою жертву, я готов и на это!..” И Бог благославлял тех, кто видел указания Его Промысла и вступил на сей путь, и жили эти подвижники на земле, как выходцы из другого мира, как птицы небесная, не имеющие даже и гнездышка своего, где бы главу склонить... Такова была наша Святая Русь. Она теперь у Бога, на небе, она уже не земная, а небесная Русь.

Но забыла ли она свою земную родину? Все ли она порвала с землей?

Нет и нет!.. Ведь их связывает с земною Русью святое чувство любви, а любви николиже отпадает, никогда не престаёт, всегда горит и греет, несмотря на пространство и время, несмотря на расстояние неба от земли... Там, на небе, это чувство еще пламеннее, еще ярче горит, как свеча, пред Богом, там молитвы святых, как благоуханный дым кадильный, по свидетельству Иоанна Богослова, несутся к Престолу Божию за грешный мир. О любовь святая, о луч Существа Божия, ибо Сам Бог есть любовь; как счастливы мы, православные, что согреваемся тобою, что сердцем можем чувствовать, по мере нашей веры, делами любви свидетельствуемой, как ты возбуждаешь к молитве за

грешную Русь земную – святых Руси небесной, святых Божиих, нам родных по крови, по отечеству: ведь было бы оскорблением для них думать, будто они забыли нас, не молятся о своей родной России... Так учит наша мать, Церковь Православная. Лишь бы мы не забыли родных наших печальников, угодников Божиих, в родной земле нашей просиявших, а они-то уж никогда не забудут нас. И пока мы не погибли вечною погибелью, небо для нас отверзто, святые угодники готовы слушать наши молитвы и возносить их, очищая их своею чистою, небесною молитвою, к Престолу Божию. Пока есть время, пока не до конца прогневался Господь, Судия праведный, пока еще терпит Он грехам нашим, вспомни, земная Русь Православная, о Руси небесной; вспомните, братья, русские люди, в ком еще теплится вера родная, в ком не погас огонек любви к родной Церкви-матери, вспомните, что там, на небе, есть у нас крепкие печальники и заступники пред Богом: обратимся же к ним целым сердцем с молитвенным воплем о родной земле.

МОЛИТВА

небесным печальникам Русской земли

О великие печальники и заступники наши пред Богом за землю Российскую! Святители Христовы: Петре, Алексие, Ионо и Филиппе, и священномучениче Ермогене, преподобные отцы наши Антоние и Феодосие, Зосиме и Савватие, Сергие и Никоне, и все новые чудотворцы, во дни наши Богом прославленные: Феодосие, Серафиме, Иоасафе, Питириме, Иоанне и прочие угодники Божии, в пределах Руси Православной просиявшие! Услышите многоскорбную молитву нас, грешных русских людей: наша, некогда Святая Русь, ваше Отечество, погибает от беззаконий сынов своих. Уже колеблется спасительное Православие, уже сверкает меч Божий над бесплодным древом Руси грешной, уже слышится в совести нашей грозный приговор Господа: отыметя от вас Царствие Божие и дастся народу, творящему плоды его. Мы все же дерзаем именовать вас своими родными: вы родные нам по крови, по земному вашему Отечеству, вы – наши самые близкие заступники пред Богом. Зрите скорбь нашу великую, зрите беду нашу лютую, общую беду родной вам земли... Придите же на помощь ей, умолите Владычицу мира – Матерь Божию, да смилуется Она, Милосердая, над нами, грешными; тысячу лет Она покрывала, заступала Русь во всех бедах и напастях ея; да не отвратит и ныне лица Своего от народа русского за грехи наши, да станет между нами и прогневанным Сыном Своим и Богом, и, воздевая пречистыя Свои руки, паки и паки да умолит Его милосердие преложити гнев на милость ради той крови, которой так много пролито нашими воинами за Божию правду, за братий своих, за веру православную и родную землю, ради горьких сирот, оставшихся беспомощными после убиенных наших братий, ради нищих и убогих, лишаемых хлеба насущного, ради тысяч искалеченных наших воинов, ради всех скорбящих и обремененных, чающих Христова утешения и Ея Матерняго заступления. О святые угодники Божии, наши по плоти сродники! Подвигните на молитву за нас и всемирного, столь Русью любимого, великого чудотворца Николая и всех апостолов, пророков, мучеников, святителей, преподобных и праведных; подвигните Архангелов и Ангелов и всю Церковь, на небесах торжествующую: ваша родная Русь в великой опасности и в час грозного суда Божия над нею к вам взывает: спасите ее молитвенным заступлением вашим! Ведаем, грешные, что доколе мы живы, дотоле еще не затворились двери милосердия Божия, дотоле Господь готов еще принять и наше покаяние; испросите же нам у Него самое покаяние, да, наказуя, накажет нас, смерти же и погибели да не предаст народа нашего. Аминь.

Так будем молиться или в таком духе любви к Родине, к родным нашим угодникам Божиим будем призывать их. Будем помнить, что если не покаемся, если Господь не смиляется над нами, то уже поздно будет: слышите ли, что говорит Господь непокорному Израилю устами Своего великаго пророка Иеремии: *хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не преклонится к народу сему; отгони их от лица Моего, пусть они отойдут. Если же скажут тебе: “куда нам идти?”, то скажи им: так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; и кто под меч, – под меч; и кто на голод, – на голод; и кто в плен, – в плен.*

Ужас объемлет сердце от таких словес Господних, но, братья, что же с нами делать, если мы не хотим покаяться, не хотим даже прибегнуть к заступлению и благодатной помощи своих родных угодников Божиих? Ведь Господь сколько милостив, столько же и правосуден, и правда Его, как и милость Его, пребывает вовек века... *Ты оставил Меня, – говорит Господь грешному Израилю, и то же Он может сказать и нам, если не обратимся к Нему в покаянии: ты отступил назад; поэтому Я простру руку Мою на тебя и погублю тебя: Я устал миловать!* (Иер. 15, 1–2,6).

Берегите основные начала церковной жизни

Много говорят ныне об “оживлении, обновлении” церковной жизни. Говорят все, кому вздумалось, хотя бы говорящий вовсе не жил сам церковной жизнью и не принадлежал не только к православному, но даже и вообще к христианскому исповеданию. И все эти разговоры сводятся к каким-то реформам в Церкви, к “выборному началу”, к “большинству голосов”, к перестройке всего строя церковной жизни. Но никто не ставит вопроса о том: имеют ли нравственное право говорить о жизни Церкви те, *кто сам не живет в Церкви*, не хочет знать ее уставов и канонов, всего ее уклада и основного начала ее жизни?

В последнее время, заразившись модою на всякия преобразования, мы слишком замудрствовались и в самой Церкви стали прилагать мерку своих мудрований, забывая, что она – царство не от мира сего, как сказал Господь Пилату, что основные начала ее жизни непреложны, что касаться их преступно, что они вечны, как сама Церковь, и тот, кто отречется их, уже вышел из Церкви, перестал быть христианином. Господь основал Свою Церковь на твердом камени веры в Свое Божество, обещал, что врата адовы не одолеют ее, и заповедал повиноваться ей, как матери, под угрозой: *аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь*. И для православно верующего нет нужды вопрошать: что же есть Церковь? Он знает, что глава ее – Сам Господь наш Иисус Христос, члены ее – святые апостолы и все в вере и благочестии совершившие свой земной путь и к Богу отшедшие отцы и братия наши, все святые Божии, – это Церковь небесная, на небесах уже торжествующая победу над адом и его слугами, а на земле – все православно верующие, объединяемые верою, руководимые благо да-тию таинства, чрез богоучрежденную иерархию или священноначалие и смиренно внимающие голосу Церкви веков минувших в священном предании, изъясняемом пастырями Церкви по духу Церкви. Основная стихия церковной жизни есть христоподражательное смирение, отсечение своего мудрования пред авторитетом слова Божия и предания церковного. Слова “сын Церкви”, “чада Церкви” – не пустой звук, а самое дело: дети Церкви и должны быть детьми, по слову Христову: *аще не будете яко дети, не внидете в царство небесное*, а преддверие сего царства и есть Церковь Христова. Научая Своих учеников основному свойству церковной жизни, Господь показал наглядно, чем должен быть верный Его последователь, сын Церкви: Он призвал дитя, поставил его посреди учеников и сказал вышеприведенныя слова. Дитя, прежде всего, не доверяется своему смышлению, а всецело отдает себя воле родителей. Он всегда взором своей души обращен к тому, кто стоит выше его: для него родители и наставники суть верные, несомненные руководители. Таков должен быть и сын Церкви. Он верит, что Господь знает его лучше, чем сам он знает себя; если он дозреет в меру руководителя других к Царству Божию, то и позовет его Сам Господь ими же ведает путями, а отнюдь не путем самозванства. Он помнит слово апостола: *никто сам собою не приемлет этой чести* (священства), *но призываемый Богом, как и Аарон* (Евр. 5, 4). Что сказал апостол о священстве, то должно разуместь и о церковном учительстве, о церковном управлении. У Бога много путей к тому, чтобы призвать благопотребных по Его усмотрению к делу учительства, как и к подвигу священства, но все эти пути лежат вне собственного произволения избираемых, по крайней мере, не от них зависит окончательное решение вопроса: пригодны они или нет к такому важному и ответственному пред Богом служению? А восприяв от власти

церковной полномочие на это служение, они уже тем самым свидетельствуют, что не свое учение, не от своегомышления будут они преподавать, а только воспрнятое от Церкви же, в полном с нею единомыслии, и не только с Церковию, zde пребывающею, но и с Церковию, на небесах сущою. Вот почему другой апостол и предупреждает с отеческой любовью: *Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем* (Иак. 3, 1–2).

Велика ответственность учителя, и горе тому, кто самочинно берет на себя это великое дело. Богом избранному – Бог и помогает, а признак Божия избрания в том и состоит, что человек в глубоком смирении уклоняется от чести учительства и нелицемерно просит освободить его, указывая на все свои немощи. Он хочет быть и оставаться в положении “дитяти” в недрах Церкви и только за святое послушание власти, Богом в Церкви поставленной, решается принять на себя звание и подвиг учителя, часто соединенное со званием Божия иерея и пастыря Церкви. И это потому, что он верует в силу благодати Божией, немощная врачующей и оскудевающая восполняющей в великом Таинстве Священства. Благоговейные иереи свидетельствуют, что благодать сия особенно помогает им в деле проповедания слова Божия после совершения ими святейшаго Таинства Евхаристии, когда они ощущают в себе благодатный прилив силы Божией после общения с Господом в Божественном причащении. В Церкви постоянно действует Дух Божий чрез ея святая таинства, совершаемые священнослужителями и приемлемыя верующими во смирении и детской простоте сердца. Но Дух Божий действует в земной Церкви только тогда и дотолe, пока она находится в непрерывном общении с Церковию небесной, общении молитвы, учения, Божественной Евхаристии.

Вот почему, кто хочет говорить об оживлении (как будто Церковь может умереть, имея вечною своею главою Самого Господа Иисуса Христа!) или об обновлении церковной жизни, тот непременно должен спросить самую Церковь: как она думала и учила от веков Апостольских и даже до нашего времени о том, что благопотребно для ея процветания и в настоящее время? Иначе он вступит на путь Лютера и его единомышленников, которые, как теперь стало несомненно известно, были под сильным влиянием врагов Церкви – масонов – и потому порвали с древней Церковию все, что еще служило, хотя бы только видимым образом, в латинской Церкви связью с небесной Церковию. Вот чего должны бояться все наши “обновители”, “оживители”, “преобразователи” церковной жизни, если хотят оставаться верными сынами Православной Церкви. Если они – сыны ея, то от них прежде всего и требуется сыновнее ей послушание. Иначе они окажутся самозванцами, которые способны будут вызвать раскол в недрах церковных. Непокорный сын уже перестает быть сыном; он даже и не наемник, а, по слову Христову, человек, совсем чуждый Церкви: *аще Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь...*

Тоска детей по храме Божиим

Тяжело живется, тяжело чувствуется, особенно нам, пастырям Церкви. Куда ни оглянешься, с кем ни поговоришь, все только жалобы на тяготу жизни, не только в материальном отношении, но – что еще более тяжело – в отношении духовной жизни. Всюду материя заслоняет дух, и даже духовную жажду думают утолить мутною, заразительною водою всяких зловредных лжеучений, забывая о живоносном источнике благодатного учения православной веры.

Зато как отрадно бывает, когда как будто из-за туч блеснет отрадный луч чистой смиренной веры, ищущей путей к живоносному источнику благодати Христовой в Церкви Православной! И хочется поделиться своим радостным впечатлением, своими надеждами, хочется верить и других уверить, что еще жива наша Русь Православная, что неправду говорят, будто Церковь наша “замерла”, будто нужны какие-то новые средства к “оживлению” церковной жизни. Прислушайтесь к биению русского православного сердца, присмотритесь к тому, как кротко, смиренно, а потому – так хочется думать – и Богу приятно проявляется иногда любовь к родной Церкви, к ее уставам, ее храмам, любовь тем более трогательная, что она, так сказать, окрашивается в некую грусть, тоску, молитвенную скорбь пред Богом, когда не находит себе удовлетворения в окружающей среде, не видит вблизи себя той родной святыни, которая всегда являлась для русской православной души олицетворением ее нежной матери – Церкви Христовой, – словом, не видит храма Божия, который для верующего есть воистину дом Божий и врата небесные. Храм Божий – о, какое это милое, дорогое сердцу слово, как было бы пусто, скучно на Русской земле, если бы не было храмов Божиих, если бы они не сияли своими крестами, не звонили своими кампанами, не украшали грады и веси родной земли!.. Вот подъезжаете вы в ясное летнее утро к какому-нибудь старинному русскому городу и что прежде всего видите? Дома утопают в зелени садов и почти еще незаметны, а храмы Божии уже приветливо смотрят на вас, ярко блистая на солнце своими позолоченными крестами и куполами, и их так много, как будто весь город состоит из одних только церквей. Или путешествуете вы в ясный летний день по довольно населенной местности; вот вы поднялись на гору, с которой далеко-далеко видно во все четыре стороны: пред вами зеленеют поля и луга, виднеются рощи, по пригоркам раскинулись деревни, но чаще всего ваш взор опять останавливается на храмах Божиих, стоящих то далеко от вас на горе, то вблизи вас, где-нибудь за лесом, в уютной ложине... С одного места вы часто насчитываете их до десяти и более. И на душе становится так отрадно, так тепло, что невольно перекрестись и подумаешь: “Хороша ты, наша Святая Русь-матушка! Благословенна ты, наша родная сторона православная!..”

Нельзя достаточно выразить чувства русского сердца к храмам Божиим. Понятно, почему добродетель храмоздания была исконною добродетелью русского человека: строили храмы и князья, и Цари, и бояре, и простые русские люди. Эта святая добродетель сама собою передавалась и тем детям природы, разным инородцам, которые обитали в пределах старой Руси: на угрюмом Севере, у зырян, высятся величественные храмы Божии, так же как и в коренной Руси, хотя, к сожалению, эти дети природы остановились только на внешности: храмы высоки, просторны, а внутри скудно украшены.

Да и теперь: ни на что так щедро не жертвуют православные русские люди, как на построение церквей. Не было, кажется, случая, чтобы храм Божий, начатый постройкою

при скудных средствах, оставался недоконченным. Кто знает народное сердце, тот стремится, прежде всего, удовлетворить этой его потребности. А в ком самом вытравлена эта потребность, тот не хочет позаботиться об этом, хотя бы нравственно и был к тому обязан.

Я получил из одной школы письмо, которое и тронуло меня глубоко, и в то же время глубоко огорчило. Тронуло оно своей тоской целой школы православных детей по храме Божию, огорчило невниманием к этой потребности со стороны тех, кто мог бы и должен бы прежде всего удовлетворить этой духовной потребности сердца. Тронуло той формой, в какую вылилась эта тоска, тем средством, каким надеется школа иметь, наконец, вблизи себя Божий храм. Вот что пишет учительница:

“Простите мою смелость, что решилась лично обратиться к вам, но дело мое крайне важное, и я надеюсь, что вы, владыко, поможете мне. Я служу учительницей на руднике; школа наша большая, с каждым годом здесь все прибавляется и людей, и домов; нет только самого главного, самого необходимого: нет церкви, и нет никакой надежды на помощь человеческую в этом деле. Администрация рудника выстроила уже клуб... выстроит еще что угодно, но только не церковь. Большинство служащих, особенно повыше, также никогда не будут об этом хлопотать. На рабочих же мало обращают внимания, да их и усиленно переделывают на свой лад. Но все же очень многие из хороших рабочих семейств, а также мои ученики и ученицы очень любят храм Божий и очень тоскуют о нем. В большие праздники, невзирая ни на какую погоду, бегают они в церковь на соседние рудники за три – пять верст.

Но иногда этого, даже и при всем желании, сделать нельзя: такая бывает ужасная грязь, и это особенно в Великий пост. Когда все православные в храмах Божиих, мы-то туда и не можем попасть. Десятую зиму я уже живу здесь и окончательно теперь потеряла надежду, что кто-нибудь придет к нам на помощь. Но когда на людей надежды нет, остается ведь еще надежда на всемогущего Бога. В Его святой воле помочь и нам, ничтожным рабам Своим, в нашей маленькой просьбе. А чем больше просителей, тем доходнее и молитва. Мне пришла мысль: каждый день в школе на общей молитве просить Господа о скорейшем построении храма. Так, например, мы молимся об обращении наших баптистов каждый день на общей молитве. Но молитву за баптистов мы берем из Помянника, а молитвы о построении храма Божия в книгах нет. Молитвы же самодельной, не освященной Церковью, мы не хотим.

Обращаюсь к вам, владыко, с усерднейшей просьбой: составьте нам такую молитву и благословите ее читать. Вы – архиерей Божий, и ваше благословение будет как благословение Церкви. Обращаюсь к вам потому, что я давняя читательница “Троицкого Слова” и всех ваших изданий. Решаюсь думать, что не откажете в моей просьбе, и прошу благословения для себя и для всех детей моих”.

В глубокой скорби, что нет храма Божия, просят дать им молитву, которою они испрашивали бы у Бога дать им сию освящающую святыню... Можно ли отказать в такой просьбе? Ужели можно сомневаться, что молитва верующего сердца будет услышана? Молитва детей, просящих Отца Небесного дать им храм Божий, когда их земные отцы не в состоянии сего сделать? Как трогательно, как поучительно это моление детей об обращении заблудших братьев, как оно характерно именно для нашего святого Православия! Как характерно и для нашей интеллигенции, тоже блуждающей по распутьям противоцерковных мудрований, моление детей об устройении храма Божия как дома Божия, где душа наша отдыхает от суеты земной, храма, который для нас,

земнородных, есть уголок неба на земле, где присно обитают Ангелы Божии, где веет благодать Божия, нас просвещающая, освящающая, животворящая.

И я не мог отказать в такой просьбе. Я написал для сих детей Православия, как умел, краткую молитву, заимствовав ее содержание и даже выражения из священной Псалтири венценосного Песнопевца, которого душа всегда стремилась в дом Божий, как к источникам водным стремится жаждущий олень... Вот эта молитва, которую я послал епархиальному святителю, дабы он, яко архипастырь той епархии, благословил ее употребление в подведомой ему школе:

“Коль возлюбленна селение Твоя, Господи Сил! Желает и истаевает душа наша, яко да внидем в дом Твой, поклонимся ко храму святому Твоему. Ибо птица обрете себе жилище и горлица гнездо, и деже положит птенцы своя под кровлею олтарей Твоих, Царю наш и Боже наш: мы же лишены есмы дома святыни Твоея, да обрящем тамо покой скорбящим душам нашим, да поведаем Тебе, Сердцеведче, печали наша, да покаемся тамо во грехах наших и причастники будем животворящих и спасительных Таин Твоих. Господи Боже, Спасителю наш! Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: дом Мой дом молитвы есть, услыши молитву нашу, призри на скорбь нашу; вложи в сердца любящих благолепие дому Твоего, да созиждут и в сей веси храм во славу Твою, да возрадуется и наше сердце, егда услышим глас звона церковного, благовествующий и призывающий нас в дом Твой, воеже приносить Тебе, Богу нашему, молитвы, прошения, благодарения и славить пресвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь”.

Слава Богу, есть у нас еще такая школы, есть такая учителя и учительницы, воспитывающая любовь к храму Божию в детских, еще не огрубевших сердцах. Пусть детки молятся Господу Богу, чтобы Он, имиже весть судьбами, создал им и их отцам храм. Не может быть, чтобы Он не услышал, не исполнил во благих желания их. Может быть, не скоро, может быть, не без скорбей дело будет, но оно совершится, непременно совершится, ибо Сам Господь сказал: просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толцуйте, и отверзется. Замечательно: святые отцы, толкуя сии словеса Господни, говорят, что слово *просите* означает молитву, а *толцуйте* – исполнение заповедей Господних: толкать, стучать можно руками, и как вера без дела мертва, так молитва без доброделания малосильна. И невольно приходит на мысль дать милым деткам добрый совет: теперь же положить начало сбора святых лепт на построение храма Божия из тех копеечек, которые дают им отцы и матери на гостинцы, завести кружечку, скоплять копеечки и относить в сберегательную кассу. А если окажется возможным, получать эти копеечки от своих трудов, – ныне ведь, по недостатку рабочих рук, и дети зарабатывают по силам своим кое-что, – вот и уделят хоть десятую копеечку на Божий храм. Я знал псаломщика-старика, который задумал построить в селе каменный храм на месте ветхаго деревянного, сам стал делать кирпичи, – сначала над ним шутили, потом стали помогать соседи и прихожане, а в конце концов не в год, не в два храм Божий был построен... Кто знает? Господь, из уст младенцев свершивший Себе хвалу, силен из детской лепты создать храм. Ведь если отцы и матери православныя скорбят, что нет храма, то не может же быть, чтобы и они, смотря на детей, не приложили своего труда, своей лепты, и какое же будет это прекрасное, трогательное, поучительное дело Божией благодати, когда на Руси будет построен святой храм трудами и лептами православных деток-школьников, которые расположили добрых людей к жертвам своим примером, которые положили начало святому делу построения храма Божия своими копеечками. А что почва для сеяния доброго дела в том населении есть, это подтверждает тоже письмо учительницы. “Я присоединяю, – пишет она, – еще

усердную просьбу: один раб Божий, Николай, очень еще юный (следовательно, ученик той же школы), дал обещание жертвовать каждый месяц из своего первого заработка на какой-нибудь бедный храм имени святителя Николая Чудотворца. Лучше бы всего в Сибирь, для поселенцев, но только имени Николая Угодника. Усердно прошу вас, владыко, отправить эту жертву туда с тем, чтобы там поминали о здравии и спасении раба Божия Николая”.

Доброе, святое, богоугодное дело. Благослови, Господи, доброго юношу. У евреев был обычай, установленный из их законов: из всех своих доходов жертвовать одну десятую долю, что и называлось десятиною. Когда наш святой просветитель князь Владимир построил в Киеве храм в честь Богоматери, то решил жертвовать на него тоже десятую часть своих доходов, почему и самая церковь та стала называться Десятинною. Я знал одного доброго отрока, который, читая еще в детстве в Священной истории о десятинах, тоже решил “делиться с Богом”, как он говорил, десятою частью всего, что Бог посылал ему от трудов его. И могу свидетельствовать, что не вотще была вера его: никогда и ни в чем он не нуждался, всем помогал, а когда увидел, что Бог видимо благословляет его за такое упражнение сердца в доброделании (он из своей десятины жертвовал туда, куда ему совесть повелевала: то – на храм, то – на бедных, то – на школы, на просвещение народа духовными изданиями), он сказал себе: “Грешно считаться с Богом, высчитывать какую-то десятину, ведь все Божье, все Бог же мне посылает, а я только Божий приказчик”. Рассудил он так и стал уже полною рукою благотворить по велению своей совести, внимая ей голосу, как гласу Ангела хранителя своего...

Может быть, попадут сии строки мои кому-либо из тех, которые не верят чудесам, а я крепко верую, что если дети, именно дети, только начнут во славу Божию святое дело, то оно, это чудо, совершится, храм будет построен близ их школы и если не сами они, школьники, то дети их непременно будут молиться в этом храме, будут читать и Бога воспевать при службе Божией. Надо и то помнить: ведь дети – такие же члены Церкви Божией, да еще более чистые, более живые, более ко Христу близкие, чем мы, взрослые; верую, что их молитва доходнее до Бога, и Господь, некогда ласкавший и обнимавший их с Божественной любовью во дни земной жизни Своей, указывавший на них нам, взрослым, как на образец чистоты, простоты и кротости, незлобия, силен и ныне чрез них совершить дело Свое, силен вразумить их, зажечь в их сердцах пламень любви к дому Божию, а через них и отцов их, и всех, их окружающих, подвигнуть на святое дело... Невозможная у человека, возможна суть у Бога.

Напечатал я эту статью в “Церковных Ведомостях”, издаваемых при Святейшем Синоде, и не прошло недели, как добрыя сердца стали откликаться. И начало положили детки. “Просим вас, – пишет один батюшка из Петрограда, – принять от нас малую лепту на постройку святого храма на руднике, где живут учительница и школьники, молящиеся о построении у них храма Божия. Посылают: Боря семи лет, Женя шести лет, Кока двух с половиной лет, их няня Дуня и от отца с матерью – все по рублю, итого шесть рублей. Священник Сыренский”. Другой батюшка просит послать туда же двадцать два рубля с просьбою к детям, чтобы “они помолились чистыми детскими душами о здравии тяжело болящей рабы Божией Ольги”. (Я получил от него потом извещение, что болящая уже отошла ко Господу, а потому он просит молиться об упокоении ее души.) Третий священник (из Черкасс, Киевская губерния, отец В. Собкевич) прислал шестьдесят рублей с просьбой помолиться об убиенном на войне сыне его, воине Филарете. Беженец

священник отец Яворский прислал из Харькова два рубля от своих детей Жени и Бори. “Сами изгнанники и странники, – пишет отец, – они сочувствуют горю детей, лишенных возможности молиться Господу Богу в своем храме. В Харькове много храмов, – замечает с грустью почтенный батюшка, – но очень мало детей, посещающих их”. Священник из села Дубровни, Могилевской губернии, посылая пять рублей на то же святое дело, пишет: “Счастлива школа, имеющая такую учительницу! Там скорбят без храма, а в Могилевской губернии пастыри скорбят в храме, что учеников нет в храме даже в первую неделю Великого поста...” Из Усова, Волынской губернии, священник отец Н. Шеметило посылает двадцать рублей десять копеек. И с горечью замечает: “У меня двухклассное училище, но не таковы учащие и учащиеся... Желательно, чтобы храм строили в честь святого Николая Чудотворца, спасавшего в море плавающих: да спасет угодник Божий усердных молитвенников сего храма в их житейском плавании и введет в пристань вечного царства славы”. Из Забричан священник Е. Кухарский прислал от кровных и духовных своих детей двадцать рублей. Получено еще от священника Овсянкина из действующей армии семь рублей. Всего поступило таких пожертвований, без всякого обращения к моим читателям, сто сорок два рубля. Освяти, Господи, любящая благолепие дому Твоего! Между тем Екатеринославский Епархиальный училищный совет известил меня, что Преосвященный Агапит благословил молитву к употреблению в школе, а училищный совет просит заведующего священника взять на себя святое дело построения храма при школе. Кто ведает, может быть, Бог и благословил святое начинание детей, особенно благопотребное и знаменательное в наши скорбные для Церкви Божией и для нашего Отечества дни...

Я сказал, что дело это было бы знаменательно в наше время. Тяжело говорить о настроениях этого времени. Даже то, что говорится о Церкви, ее “оживлении”, “обновлении”, “свободе”, – даже и эти речи отзываются духом века сего себялюбиваго, а что творится в мире, именующем себя христианским, о том нет, кажется, нужды и распространяться: тут уже вовсе не видно смиренного духа Христова. Да, никогда не было так благопотребно *обновить* людей, как ныне, но никогда самим современным людям, без Божией благодатной помощи, без Святой Церкви, не обновиться. А начало этому обновлению указывает Сам Господь: *еще не будете яко дети, не ввидите в царствие небесное*. Вот – общий, неизменный закон духовного обновления. И как бы люди внешним образом ни пытались объединиться, “организоваться”, без благодати Божией, привлекаемой простотой смирения, не будет из этого надлежащего толку: что пользы, если люди грубые, невежественные объединятся? Будут ли они оттого умнее, нравственнее? Сколько бы ни было единиц ржаной муки в хлебе, и все же не будет пшеничным, а если попадут в него отруби, то и не будет годен для людей; так и всякия “организации”, союзы, общества от количества своих членов не будут еще способны дать новых, возрожденных людей: им нужна закваска Христова для такого возрождения, а это может дать только Церковь своими таинствами, духом Христова смирения, наипаче же в отсечении своего смышления в деле спасения, как спасения личного, так и общегосударственного. Теперь полагается в основу всяких обновлений принцип свободы, тогда как в Евангелии лежит начало именно послушания Церкви, ее уставам, канонам, которые суть не что иное, как раскрытие заповедей Христовых. Истинная свобода – в свободе нашего сердца от страстей: *еще Сын вы свободит*, глаголет Господь, *воистину свободни будете*. Этого стыдно не знать тому, кто называет себя христианином. *Аще кто Церковь преслушает, буди тебе яко язычник* – как чужой человек: вот закон,

непреложный для христианина. И тут закон послушания, чрез который только и может быть достигнута свобода, свобода духа от того рабства, которому работает мир. Творяй грех – раб есть греха. В детях, по самой природе их, есть зачатки тех добрых настроений, которые их приближают к Церкви, к Богу, ведут к послушанию, воспитывающему христоподражательное смирение. Если еще возможно ожидать духовного возрождения в нас, то только путем воспитания нашего в недрах Церкви, в воздухе церковности, начиная с детского возраста. Души детские иногда называются ангельскими; пусть же как можно дольше сохраняются в них и свойства ангельские: чистота, простота, незлобие, кротость, доверчивость к старшим, послушание и смирение, которое потом должно обратиться в смиренномудрие. Трудно сберечь эти сокровища в детских душах, когда сами мы их растеряли; но, по крайней мере, задатки, семена их живее заметны в детских душах, чем в наших, уже обветренных духом мира сего лукавого и себялюбиваго. Чего сами не сможем сделать, то поможет и восполнит благодать Божия таинствами Церкви, руководством Ангелов Божиих, хранителей наших, лишь бы мы не гнали их от себя и от деток своих. Пусть с первых проблесков сознательной жизни дитя видит над своею колыбелью Крест Христов, пусть до глубокой старости помнит себя на руках матери в храме Божием, пусть в его душе отпечатлется образ благословляющего его иерея Божия. Его ручкою ставьте свечечку пред ликами Матери Божией и святых угодников; его ручкою подавайте нищему подаяние ваше у дверей церковных; пусть благовест церковный будет сладостнейшею музыкою для его слуха, благолепие дома Божия – высшею школою всего изящнаго, изображением красоты всего мира Божиего, лики святых Божиих – радостью его чистой души. Подстерегайте и оберегайте, всячески сами зажигайте всякую искорку добра, в чем бы она ни проявлялась. Один малютка, любя лик угодника Божия святителя Николая, клал ему на божничку кусочки лакомств, какая давала ему мать. “Это – дедуске”, – картавил он, и добрая мать радовалась такому его усердию, а потом раздавала эти гостинцы бедным деткам своих соседей. Любил ласкать малюток один старец и говаривал: “Они счастливы, а нам уже не видать такого счастья; они живут еще в раю Божием, а мы уже изгнаны оттуда”.

По мере подрастания дети должны принимать участие в церковной жизни, разумеется, чем могут. Главное, чтобы они чувствовали себя живыми членами Церкви, прихода, не в правовом каком-то смысле, а в нравственно-бытовом. Наступает, например, праздник: дети должны без всяких понуждений, по собственному усердию, приготовиться к чтению и пению в храме; должны украсить храм зеленью, выстлать пол травкою, убрать иконы цветами... Если будет крестный ход – принять в нем участие по указанию старших, какое могут. Предложено прихожанам сделать что-либо для храма; и тут дети не должны оставаться без возможного для них участия: помочь в сборе пожертвований, сами должны придумать, как бы собрать и собственную лепту от какого-либо посильнаго труда. Встретилась нужда у больных детей, у больной безприютной старушки, у калеки, делают возможную помощь взрослые, – и дети должны не только не отставать, но хотя бы лаской, любовным отношением к несчастным проявить свою православно-христианскую настроенность... Надо всячески будить в них доброе чувство во имя Христа; надо, чтобы они, своим добрым сердцем, пока оно еще не очерствело от эгоизма, испытали закон добро делания: всякое добро само по себе уже доставляет христианскому сердцу благодатное утешение как свидетельство того, что в сердце человека вера не замерла, что она жива, что благодать Духа Божия живет и действует в нем и утешает его, ибо сам Господь сказал: *без Мене не можете творити ничесоже*; есть добро у человека, значит,

он живет во Христе, а живущий во Христе всегда радуется, во всем предает себя в волю Божию. В ком вера живая, вера, являющая себя в доброделии, тот не может не ощущать, как близка к нему благодать Божия, – в его верующем сердце не могут найти себе место неверие, сомнение, колебание в истине исповедуемой им веры, ибо на самом деле, личным опытом он постоянно переживает водительство Божией благодати в себе. Так, посильное для детей добро делание есть лучшее ручательство даже их земного счастья, ибо такой человек как бы ощущает себя на руках матери – Божией благодати – и никакие катастрофы земные ему не страшны, никакие угрозы его не могут утратить. Как скорбно, что нынешние воспитатели совсем не знают этого, так сказать, секрета сделать детей счастливыми на всю жизнь! Увы, напротив: несчастные наши интеллигенты, сами покинув Церковь, прежде чем узнали ее благодатную силу, нарочито стараются удалить от нея и детей своих, да и не своих только, а и детей народа, лишают их того сокровища, которое одно может примирить всякого бедняка с его участью внести мир между сословиями, воспитать совесть в юных поколениях, словом, нравственным и благодатным воздействием хоть отчасти – ибо вполне это в грешном мире немыслимо, – осуществить тот идеал, какой хотят навязать насильственно, вопреки самой природе человека, современные мечтатели-социалисты и демократы.

Если верующие сыны Церкви станут ближе к святому делу церковного воспитания своих детей, то это не пройдет без благотворного воздействия и на них самих. Любя своих детей, они будут радоваться их радостями, скорбеть их печалями; они невольно, просто из любви к ним, станут помогать им в доброделии, а благодать-то Божия, говоря по-человечески, и уловит их на сем делании, и уделит им, по благи своей, некую искорку той теплоты добра, той радости о Дусе Святе, какою сопровождается добро делание детей. Достойно замечания, что педагоги, люди верующие, всю жизнь свою стоявшие около детей, носят на себе какую-то особую печать добродушия, духовной тишины, радости. Я знал таких немало: таков был известный педагог Сергей Александрович Рачинский, таков был мой покойный друг протоиерей Михаил Иванович Хитров, таков был незабвенный для меня да и для многих моих соучеников по духовному училищу – Александр Алексеевич Невский. От них так и веяло жизнерадостностью детей, сами-то они все были Божии дети. А так как они вели дело воспитания в духе православной церковности, то и сами жили в Церкви, готовили в своих питомцах и питомцах верных сынов Церкви. Царство им Небесное!..

Не о том ныне говорят, не о том думают те, которые мнят себя быть педагогами. Не тот идеал себе ставят. Не внести им с своей стороны ни на йоту ничего в дело обновления, оживления и, как хотите еще там называйте, грядущее изменение церковной жизни! А начать сначала, поучиться у самих детей их ангелоподобным свойствам они уже не способны. Вот и думают ломать самые идеалы наши церковные, и отходят все дальше и дальше от Церкви... уводя за собою, себе же на горе, и детей... Господь строго заповедует: не браните детям приходить ко Мне, а они не хотят доверить Ему, Отцу нашему Небесному, свою надежду – детей. Горе этим воспитателям-развратителям! Не хотят они знать грозного слова Господня: если кто соблазнит единого от малых сих – лучше бы ему было, если бы повесили мельничный жернов на шею и потопили в пучине морской... Горе, горе такому!..

Станем добре, станем со страхом!

Доброе слово инокам в тяжкие наши дни

Проклят (человек), творяй дело Господне с небрежением.

Иер. 48, 10

Страшно (есть) еже впасти в руце Бога Живаго!

Евр. 10, 31

Из всех дел Божиих, дел, Богу посвящаемых, святейшее дело есть молитва и богослужение. Всякий христианин, а наипаче служитель Церкви, входя во храм Божий, должен со страхом повторять слова праотца Иакова: *есть Господь на месте сем; несть сие обычное место, но дом Божий и сия врата небесная* (Быт. 28, 16–17).

Когда помыслишь об этом да когда подумаешь и представишь себе, как мы, грешные, ведем себя в храме, как совершаем службу Божию, то невольный страх объемлет грешное сердце и совесть вопрошает: да будет ли нам прощение от Господа за наше небрежение, за нашу леность, за наше лукавство пред Богом?.. Бога ведь не обманешь, Он видит и мысли наши, и настроения... от Него никуда не укроешься. Боюсь судить других, потому что сам первый подлежу суду за сей грех; но, отцы и братия, сослужители Церкви Божией, присные мои сомолитвенники, уж лучше нам обвинить самих себя, чем ждать Страшного суда Божия за небрежение наше... Да уже и не совершается ли над нами сей суд праведный: разве это не вразумление нам – поругание святынь наших от врагов наших и Божиих – немцев и турок, разве не делаем и мы, в сущности, то же, что делают и открытые враги Церкви Божией, когда, зная святыню храма Божия, держим себя там как на стогнах и торжищах, когда языком бормочем псалмы и молитвы, а сердцем толчемся в суете житейской, когда сами не слышим своих слов, читая молитвы?.. Вовсе не понимая и даже не желая внимать словам читаемым, не хочет диакон подготовиться к чтению даже Евангелия дома, не разбирает, переиначивает священные слова: вся его забота только о том, чтобы громче прокричать конец священного текста. Казалось бы, трудно ли дома приискать зачало, тщательно просмотреть: ведь не для себя будешь читать, а для всей церкви, будешь *устами Церкви*; казалось бы, надобно считать за счастье быть чтецом в церкви, быть сослужителем Ангелов Божиих в славословии, быть сопричастником молитв святых Божиих, своими грешными устами повторять эти молитвы и чрез то входить с угодниками Божиими в ближайшее как бы соприкосновение, а на деле что выходит?.. Как отвечать Богу за все это, братии мои?

Слышу: “Службы слишком долги, утомительны, непонятны, однообразны...”

Ужели даже это могут говорить нынешние иноки? Ведь они считают себя духовными потомками преподобных отцов наших, на Руси просиявших; так ужели, братие, мы так

ослабели духом, что готовы отказаться от заветов отец наших, у гробов коих, в обителях коих имеем счастье пребывать? Ужели готовы, вслед за миром, требовать отмены древних уставов, святыми отцами составленных и нам завещанных? Или мы умнее их стали? Тогда незачем было бы нам и в монастыри идти. Но, конечно, вы так не думаете. Вы просто впали в искушение лени, нерадения, и уж лучше нам с вами каяться пред Богом, а отнюдь не оправдываться. Как бы ни были продолжительны службы в обителях наших, добрые миряне находят в них великое утешение и идут к нам за сотни и тысячи верст, чтобы насладиться душою у таких служб. Как же не стыдно нам-то предаваться духу уныния? Ведь это – явное от него искушение. Горе нам, если дадим ему волю над нами! Он и из обители нас погонит. И в рабство страстям безчестия отдаст. И покатымся мы как по наклонной плоскости, прямо во дно ада. Жесток и безжалостен враг, когда пленит душу унынием: безоружна она, несчастная, против его козней; смеется, издевается он над нею, как над беспомощною; возбуждает в ней досаду на самый устав церковный: зачем он так растягивает службу Божию, зачем удлинняет ее частыми повторениями ектений, тропарей и прочее. Только дай ему волю, а он уже научит и ропоту на церковь и на святых отцов, и погонит из храма Божия. Бороться с ним надо, возлюбленные! Понуждать себя надо к изучению устава церковного, песнопений церковных, обрядов службы Божией! Поменьше надо читать жидовских газет, которыми, как грязными хлопьями снега, весь мир теперь засыпан. Яд в них, духовная отравка: ужели этого не чувствует совесть ваша? А враги Церкви Божией переполняют эти грязные листы всяческими клеветами и на святых отцов, и на власть церковную, и на предания благочестивых предков наших... Монаху следует раз навсегда отказаться от этих газет. Пусть читают те, кому из нас ведать надлежит, кто может и должен ответить врагам словом обличения их лжи. Монашеское дело изучать писания богомудрых святых отцов, а не мирские бредни.

Ах, если бы мы заставили себя – хоть насильно – поглубже вникнуть в богослужебные книги! Постарались бы получше изучить сладостный язык богослужебный! Какая в нем поэзия, какая глубина мысли и красота слова! Вы открыли бы в нашем богослужении такие красоты, что сами удивились бы, что доселе не замечали их. Ныне говорят, что надо переводить службы на русский язык: да это – преступление против Церкви, против даже родного языка! Менять священный язык Церкви, полный красот и благоухания, на обыденный, житейский, – не значит ли Церковь Божию обращать в торговую площадь? Не проще ли нам самим получше изучить язык церковный, чем делать этот промен? Монахам непростительно даже: идти в монастырь и не начать, если не знают, с первого же дня монастырской жизни изучать славянский язык, церковный устав и службу Божию. В этом изучении открывается источник таких духовных утешений, что наши старики, даже не все понимая, находили особенное удовольствие в пении, например, праздничных ирмосов, в “загадках” из устава церковного, вроде того: как появился в великопостных изобразительных кондак Преображению Господню, когда читается на утрене два Евангелия и подобное. Многие ли иноки нашего времени знают, например, что каноны наших двенадцатых праздников расположены по порядку гласов: на Рождество Христово – глас 1-й, на Богоявление – 2-й, на Сретение – 3-й, на Вход Господень во Иерусалим – 4-й, на Вознесение Господне – 5-й. Только на 6-й глас нет праздника: может быть, потому, что каноны Страстной седмицы написаны большею частию на этот глас. Затем – Троицын день – глас 7-й и, как заключительный праздник – Воздвижение Креста Господня, – на 8-й. Выходит, что святые песнопевцы, авторы канонов, нарочито меняли гласы по праздникам, как бы воспевая их на восьмиструнной цевнице. И старые дьячки знали эти тонкости

напевов и с наслаждением повторяли их в часы отдыха, где-нибудь в сарае, после трудов праведных. Любили устав церковный и наши старые иноки: помню, лет сорок назад, когда я был еще послушником, прогуливаясь по Гефсиманскому скиту, я сказал ходившему со мною послушнику, что песни пророческия положено, за немногими исключениями, исполнять круглый год, что в Октоихе потому и указан в первой песни канона припев: *Слава, Господи, святому воскресению Твоему*, что в песни Моисея недостает 14-го стиха, а канон положен со ирмосом на 14-й. В соседнем корпусе было открыто окно кельи, где жили покойный (ныне) старец-уставщик и регент иеромонах Осия. Услышав нашу беседу, старец не утерпел: выбежал из кельи к нам и, обнимая меня с какой-то особенной радостью, воскликнул: “А я думал, что семинаристы этого не знают!” Видимо, ему, как знатоку устава, это доставило особенное удовольствие. И бывало в старину, что сельский батюшка, даже старый дьячок, оказывался лучшим знатоком устава, чем сам его архиерей. Так случилось с покойным (ныне) архиепископом Ярославским Нилом. Он любил, объезжая по епархии, экзаменовывать причты по уставу церковному. Вот и прибыл он в одно село, собрал окрестных священников, диаконов и псаломщиков и стал экзаменовывать. Спросил что-то по уставу из редко бываемого, священник ответил, но ему показалось, что тот ошибся. Потребовали устав: архиерей оказался не прав... Пришлось смириться святителю. “Я тебе это припомню”, – загадочно заметил на прощанье строгий владыка. Батюшка и не рад был, что сказал дело. Прошло месяца два. Архиерей вызывает священника. “Помнишь, как ты меня пристыдил в своем селе?” – спрашивает владыка трепещущаго иерея. “Как не помнить, владыко святой, простите Бога ради!” И кланяется в ноги. Милостиво поднял его святитель и ласково спросил: “Хочешь ли быть протопопом в Романово-Борисоглебске?” Иерей опешил от такого предложения: не во сне ли это? Но архиепископ сказал, что за хорошее знание устава и его пастырские труды он делает его протоиереем в упомянутый город. Припоминается мне и фамилия этого батюшки: кажется, Скворцов. Так вот как хорошо знали устав церковный простые священники, а монахам-то и подавно надо его знать и изучать: у них и времени больше на то, и службы отправляются в обителях уставнее, и людей больше в обителях, чтобы вести святое дело с большим порядком, да и руководителей больше. А у нас в святых обителях, особенно на ранних службах, на разных заказных всенощных и частных богослужениях, все делается механически, по-наемнически, без участия сердца, а иногда и должного внимания, только бы поскорее и покороче, нередко к большому соблазну богомольцев. И страшно становится, когда на мысль придут те священные слова, которые приведены мною в начале этого дневника. Забываем мы, пред кем в церкви предстоим. Его трепещут все Силы небесныя, страхом покрываются Херувимы и Серафимы, а мы... мы ведем себя так, как будто Его нет здесь. Пред своим игуменом, начальником, старшим собратом мы ведем себя приличнее, чем пред лицом Бога Вседержителя. Кто из нас в час молитвы, в святейшия минуты совершения величайшаго Таинства Тела и Крови Христовых, слышит *сердцем* приглашение священнослужителей: *станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мир приносим!* *Горе имеем сердца!* Мне страшно писать о том, что говорят иногда, что делают на клиросах так называемые певчие, от мала до велика. Тут и шутки неуместный, и остроты, и толчки, и щипки... И это – во храме Божиим, пред лицом Самого Господа!.. Господи, не постави нам греха сего! Но ведь и Господь прощает только тем, кто кается, кто впредь грешить перестать твердо обещается.

Много значит наша привычка к святине. Не воспитали свое сердце в чувстве благоговения к ней, обращаемся с нею постоянно, стала она для нас вещью

обыкновенною, обыденною, как бы житейскою, – вот и потеряли мы к ней благоговение, тогда как должно бы это святое чувство возрастать в нас, а не утрачиваться... Горе нам, чтущим Бога только устами своими, сердцем же далече отстоящим от Него! И особенно нам, инокам по званию, нам, положившим особые обеты пред крестом и Евангелием, принятым в объятия Отца Небесного с отеческой любовью, но удаляющимся от Него на страну далече! На суде Божиим еще и праведник едва спасается, мы, грешные, как устоим? Как отвечать будем, отцы и братия?!

Пора проснуться. Пора разбудить в себе совесть. Времена страшные. Идет грозный суд Божий на нераскаянных. Близко он – при дверях. Жизнь наша и без особых обстоятельств слишком кратка, а теперь еще сокращается, как будто уже слышится труба Архангела, зовущая мертвых на суд... Вспомним свои обеты. Зажжем свои святильники. Будем готовиться навстречу Жениху – Господу. Уже близка полночь, уже слышится глас: *се Жених грядет: исходите во сретение Ему*! Аминь.

Во имя свободы и правды!

Всем дана свобода, но далеко не все пользуются ею во славу Божию и на пользу ближнего. Необходимо принять меры, чтобы свободой не пользовалась ложь, клевета, смута, темные вражьи силы для своих целей. Во имя не только свободы как принципа, но и правды да будет позволено мне, старику архиерею, в своих дневниках отмечать факты злоупотребления свободой в публичном слове и в печати, а читатели мои пусть судят сами, насколько возможно допускать такие злоупотребления свободой слова.

Начну с речи некоего священника Елатомцева, произнесенной на Минском съезде. Он предлагает “требовать, чтобы все церкви и монастыри отдали на святое дело окончательного закрепления свободы свои сосуды, кресты, Евангелия”. “Мы, – говорит гражданин иерей, – заменим их деревянными”. Не ясно, что тут он понимает под словом “свобода”: какому рабству она противопоставляется, какое освобождение тут мыслится: от нашествия ли немецкого или еще чего? “Я предлагаю, – говорит Елатомцев, – снять золотые кованые крыши соборов и заменить их черным железом, как траур, как вечная память павшим за свободу”. Мы вправе тоже *потребовать* от оратора-иерея самого категорического ответа: где это он видел “золотые кованые крыши на соборах”? Не грешит ли он тяжким грехом лжи против родной Церкви, служителем коей именуется, против простецов-солдат, коих смущает небылицами? Ведь давно сказано: “Слово – не воробей: вылетит – не поймаешь”.

В голове простеца застрянет мысль о “золотых кованых крышах”, и он всюду будет искать их, будет всюду говорить о них, а люди нетвердые в нравственности будут в искушении просто украсть их, и так как нигде решительно их нет, то и будут красть вместо золота медь, подобно тому как Наполеон когда-то с немалым трудом снял крест с Ивана Великого, приняв его за золотой, и потом бросил его с досадой как только позолоченный. Судите, читатель: честно ли так говорить, так смущать простецов, да и не простецов только? Даже знаменитая “бабушка русской революции” Брешко-Брешковская возмутилась этой ложью и нашла нужным успокоить крестьян в одном селе, что никто не думает о том, чтобы перечеканить золотые кресты на церквях в монеты... А священник, да еще военный, да еще представитель Брянского гарнизона, публично, на съезде, говорит о небывалых “золотых кованых крышах”!.. И не стыдно ему?..

“Я предлагаю, – говорит Елатомцев, – снять золотые ризы и драгоценные камни с чудотворных икон. Чудотворных от этого не убавится, – кощунственно объясняет сей иерей, – а они, верно, сотворят чудо укрепления свободы”. Он допускает, чтобы эти драгоценности пошли даже “на украшение женщин”: “Пусть на жемчугах чудотворных икон выковывается свободная страна...” А спросил ли он, иерей, православный русский народ, тот благочестивый народ, который веками копил эти жемчуга и камни: согласен ли он на такое ограбление святынь? Знает ли он, что когда, во дни оны древние, в смутное на Руси время, троицкие иноки предлагали разбойничавшим казакам дорогая облачения из своей ризницы, то те разбойники сочли грехом брать их?.. Не говорю уже о том, что все эти сокровища, даже вместе сложенные, будут ложкой воды на пламя пожара, а между тем религиозное чувство будет оскорблено и православный русский человек настойчивее Елатомцева будет спрашивать: почему же сокровища должны идти на “украшение женщин”, а не наоборот – украшения женщин на защиту Отечества? Мыслимо ли, чтобы священный убрис, украшавший главу Матери Божией на иконе, превратился в

“украшение” какой-нибудь актрисы? Если бы это стало возможным, если бы с этим примирился верующий русский человек, тогда больше и говорить о свободе, об истинной христианской свободе, нечего: было бы честнее просто объявить гонение на христианство и торжество язычества.

Забыв свое звание, Елатомцев предлагает вынуть все святые мощи из рак, отдать раки на “дело свободы”, а “мощи пока лежат в деревянных гробах”; туда же, на то же дело, отдать все сокровища церквей и монастырей, все “саккосы, омофоры и мирты кованого золота (опять кованого золота!), с драгоценными камнями настолько (будто бы) тяжелыми, что их не в состоянии поднять современные иерархи” (в старину, видно, были богатыри более сильные!).

Слышат наши воины такие речи, читают их в газете, специально для них издаваемой (“Солдат-Гражданин”) и поражаются богатствами церковными, и является у простых людей искушение: а почему бы и не так, если эти богатства так несметны?.. А иерей-гражданин продолжает их еще и еще поджигать все новыми и новыми выдумками: он говорит, будто “годовые проценты – только проценты монастырей! – достигают до трехсот двадцати миллионов...” И откуда только он берет такие ужасающие цифры? И ведь глазом не моргнет, выкладывая такую безсовестную ложь пред съездом, такую новость, неслыханную никем и никогда!.. Даже “Церковный Общественный Вестник”, газета, как известно, близкая к центральной церковной власти, имеющая полную возможность знать более или менее точно цифру всех монастырских капиталов, а по своему направлению очень свободолобная, положительно говорит, что все монастырские капиталы, не проценты, а самые капиталы, едва достигают семидесяти миллионов, а проценты с них полагая последовательно не более двух миллионов восьмисот тысяч рублей на все монастыри, коих более тысячи, – сосчитайте, по сколько придется кругом на каждый монастырь! Во сколько же раз гражданин-иерей преувеличил капиталы святых обителей? Да не больше, как в *сто пятнадцать раз*, если только я знаю правила арифметики. Выходит, что если, как недавно говорил министр финансов, каждый день войны обходится в пятьдесят четыре миллиона, то, даже лишив монастыри всех капиталов, а не процентов, – этих денег достало бы только на полтора дня для покрытия расходов войны. Но этого мало. Ведь известно, что все капиталы монастырей, какие есть, уже давно состоят из процентных бумаг, то есть тех же правительственных займов; взять их значило бы просто только отказать монастырям в получении процентов, казне же только в этом и оказалась бы прибыль на войну...

Но я утомляю читателя суждениями о том, что само по себе очевидно: ложь, провокация, призыв к смуте – вот суть речи Елатомцева, а ведь “президиум съезда просил эту речь издать”, то есть всюду распространить... судите о последствиях... Выходит, как будто и поверили Елатомцеву...

А вот и последствия.

Та же газета “Солдат-Гражданин” печатает возмутительную статью против монастырей и монахов, в коей говорит, что участие монастырей в призрении раненых ничтожно, – конечно, если считать их капиталы в *сто пятнадцать раз* большими, чем они есть, – говорит, что “молодые, здоровые люди спасаются под рясами от своей службы”, тогда как вся молодежь давно уже на фронте, разумею послушников, а в монастырях приходится сокращать богослужение по недостатку людей; говорит, будто монахи занимаются сеянием какой-то смуты, тогда как наоборот: в монастырях сеется смута против властей лже-монахами, зараженными ложным понятием о свободе... Говорить ли дальше, к чему

призывает газета, специально издаваемая кем-то для солдат? К чему зовут ее подголоски, издающиеся в провинции? Не больше, не меньше как к полному закрытию монастырей, к превращению их в “богоугодные” заведения, школы, богадельни, воспитательные дома и пр... А провинциальные отделения этих глашатаев всяких свобод уже совсем разнуздались и превратились в помойные ямы, в коих купают монахов и монахинь, со злорадством ругая их всячески; например, сарапульская газета “Свободная Россия” называет монашествующих – простите, читатель, нечистоплотное слово, – “вшами”, “черной немочью”, а монастыри – “дрянью”, “погаными грибами”, решительно требует, чтобы “с этим добром”, то есть со святыми обителями и монашествующими, “раз и навсегда покончить”.

Мне тяжело делать выписки из этих газет, несомненно, издаваемых не русскими людьми (а кем – ныне небезопасно говорить вслух); святители поносятся как безпутные люди, их обвиняют в том, будто они “обязательно зарабатывают в день не меньше ста рублей”, носят шапки в двадцать тысяч рублей, что им принадлежат капиталы “гораздо богаче русского государственного казначейства”, и прочие безумные глаголы... Да всего, всей лжи, клеветы на монахов и архиереев и не перечесть: все, что выдумывает в аду сатана, то все и пускается в ход его слугами и распространяется чрез газеты известного направления... Стараются его верные слуги!.. Даже кощунственную молитву сочинили: “Господи Иисусе Христе! Возьми еще раз в руки веревку, сделай хороший бич и помоги нам выгнать из монастырей и обителей (понимаете, читатель, тут сказался невольно автор – неправославный: ведь монастырь и обитель разве не одно и то же?) черную силу”.

Отцы и братия, православные иноки родных обителей русских! Мужайтесь! Готовьтесь к гонениям! Мы не боимся грабежа вещественных сокровищ, какие имеются в наших святых обителях: земное и без того – мы знаем – все сгорит с землею, а грабителей будет судить нелицемерный Судия. Его законы непреложны. Поругание святынь, святотатство, кощунство – не останутся безнаказанными. Ограбят, увидят свою ошибку: вместо миллиардов не найдут и миллионов, но разочаруются ли? Раскаются ли? Не надо нам закрывать глаза, что наши мнимые богатства – только один предлог. Ненавистен сатане самый чин монашеский. Вспомните преподобного Серафима: чего искали разбойники в его пустынной келии? А между тем избили, изуродовали старца до того, что он всю жизнь ходил сгорбленный.

Люди, обманываемые сатаною, думают, будто, отняв у монастырей все их достояние, они поступят справедливо, поделив это достояние между якобы неимущими; а сатана знает и радуется, что вводит их в страшный грех святотатства, ибо все, что принадлежит святым обителям, – принадлежит Богу, посвящено народным благочестием Святой Церкви Его, которая делает все возможное, чтобы достояние это шло во славу Божию и не лежало напрасно в сокровищницах монастырских или церковных. Радость сатане и причинить скорбь монахам, но истинные монахи этой скорби не боятся, ибо знают, что скоро обидчики будут разочарованы и увидят, как они обмануты. Ждали миллиардов, а найдут во сто раз меньше; читали о золотых крышах, а найдут медные и железные, только изредка позолоченные; мечтали пить крепкие напитки из золотых священных сосудов, подобно Вальтасару, а таких сосудов окажется ничтожное количество в сравнении с их фантазиями... Сатане нужно похитить другое наше сокровище, – он этого миру не показывает, ибо самому миру оно не нужно, не ценится им ни во что, – это сокровища духа: смирение, всецелая преданность в волю Божию, беззаветная любовь к Богу и ближнему. Вот эти-то сокровища он и хочет похитить у монахов, подвергая их лишениям,

натравливая на них злых людей, подвигая нетерпеливых к роптанию, малодушию, подрывая в них веру в промышление Божие и надежду на милосердие Божие. Мы, братия, это должны знать и помнить, что не в богатствах тленных наши сокровища: сбережем свою совесть, свою душу, свое сердце в чистоте от греха, и тогда не страшны нам будут никакие угрозы наших врагов. Святыя обители уже подвергались и в прежнее время лишению своих имуществ даже от государственной власти, но, в сущности, это служило к их духовному обновлению: так устраивал Промысл Божий. Силен Господь и ныне обратит им же на пользу духовную, если враги их будут осуществлять свои угрозы. Что же? Выгонят из монастырей – будем кончать жизнь там, где Бог приведет; отнимут капиталы – будем жить своим трудом и любовью верующих душ. Бог и пророка Илию питал чрез ворона, и птичек небесных кормит: ужели Он забудет нас, Ему посвятивших свою жизнь? Только бы верны мы были обетам своим, хранили бы духовное свое сокровище – совесть чистую да веру православную. Блажени есте, егда поносят вам, но горе – любое горе, если поддадимся искушению человекоугодия, если ради удобств и выгод земных поступимся своими обетами, если пойдем за духом века сего лукавого и в угоду ему, ради похвалы от него, забудем обеты свои... Тогда оставит нас Господь Своею помощью, отвратит от нас пресветлое лицо Свое и мы преданы будем врагу Бога и людей как изменники своим обетам, как отверженцы от Бога... Будем помнить крепко одно: если мы захотим, то, при помощи благодати Божией, можем быть самыми счастливыми людьми в наше время скорбей и болезней: мы ничем не связаны – ни семьей, ни положением служебным; мы воистину свободнее всех на свете.

Истинный монах – самый неподкупный человек в мире. В самом деле: чем можно его подкупить? Чем соблазнить? В чем он нуждается, если хочет быть верным своим обетам? Богатства, почести? Но от них он уже отрекся. Семейное счастье? Но он убежал от него. Прелести и удовольствия мира? Но он смотрит на них как на искушения. И чем можно запугать его, если только он крепко верует в Господа и Его благодатную помощь, Его Промысл? Гонения, клеветы, преследования? Но он повторяет себе неложное слово Господа: *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради: радуйтесь и веселитесь...* Конечно, для монаха, как и для всякого человека, тяжел всякий крест, всякая скорбь, всякая неправда; но он счастлив тем, что лучше всякого мирянина понимает – если только он истинный монах, – смысл скорбей, которых и ждет как дорогих гостей. Отрекаясь мира, он знал, что идет на крест, знает, что всегда должен быть готов ко всему скорбному, всегда должен повторять в сердце: да будет воля Твоя, Отче наш Небесный!

Я рисую, конечно, идеал; мы, современные иноки, слишком далеко ушли от этого идеала, он кажется нам как отдаленная звездочка в небе. Но пусть так, пусть ушли по немощам нашим, но значит ли это, что надо совсем закрыть глаза на идеал, перестать верить в самое бытие сего идеала, прийти в полное отчаяние? Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки. И благодать Его – та же. И сила Его не оскудевает. А в скорбные времена Он являет и силу Свою, и любовь Свою к тем, кто хочет идти за Ним, сугубо и трегубо... Лишь бы сердце инока было готово к восприятию благодати рукою смирения.

Может быть, в наше время, может быть, – последнее время и всемирной истории, монашество оскудеет, да уже и оскудело, и если придет час искушения, то не многие останутся верны идеалу. Но ведь вольному воля. Пусть потерявшие веру в идеал – уйдут от нас, уйдут в мир и благодаря всяким свободам строят свои монастыри по своим новым земляным идеалам. Истинное монашество от этого только будет чище, умалится в числе

до минимума, но зато от него будут отвесны плетелы... Наше время – время подвига, подобное временам мученичества. Диявол некогда хвалился преподобному Пахомию, что в последние времена он еще “поиграет монахами”. Не настало ли это время? Уже и не играет ли? Стыдно за монашество, за тех несчастных монахов, которые в угоду миру не хотят исполнять обетов своих, идут вослед мирских похотей. И, что особенно горько, чтобы оправдать себя, притворяются ревнителями иночества, хотят говорить от имени иночества, клеветуют на своих собратий...

Тревоги за церковью школу

Съезды и митинги, лозунги и платформы, резолюции, контакты и всевозможные решения – настоящая эпидемия!.. Уж так повелось у нас на Руси: любить – так сгоряча, рубить – так сплеча. И кто только не “съезжался”, не провозглашал своих “лозунгов”, своих “платформ”! Были митинги даже кухарок, дворников и извозчиков, были съезды гимназистов и гимназисток, мальчиков и девочек, чуть ли не малышей-стригунков... И все важно так, будто самые настоящие граждане, провозглашали свои решения: “Упразднить Закон Божий, упразднить экзамены и баллы, уничтожить институт надзирателей и воспитателей, ввести выборных директоров с участием в выборах самих учащихся...” Положительно, голова кругом идет от этих решений; удивляешься только: как это достает терпения у властей слушать всю эту чепуху разболтавшихся юношей и девиц, вроде учителей и учительниц, преважно решающих судьбы тех школ, где они учат и откуда, иной раз, только что сами соскочили со скамеек. И никто не спросит их: да кто же им дал право распоряжаться чужим достоянием? Легко сказать: слить церковные школы с земскими и министерскими, передать их ведомству просвещения, – но по какому же это праву учащие распоряжаются передачей тысяч школ, в коих иные всего два-три года только учат малышей?.. Мы строили школы, собирали средства на них, обеспечивали по мере возможности, заботились о них, нередко о них болели душой, а тут, извольте, явились какие-то новые хозяева и требуют, – да, требуют, – чтобы мы безпрекословно отдали плоды многолетних наших забот и трудов в чужое ведомство... Я говорю о церковных школах. Уже пусть бы судили да рядили об этом наши власти, а то – подите: какие-то “труженики школ”, проще говоря – такие же мастера, как на фабриках модельщики или токаря, помимо хозяев, решают отнять у них их собственность и передать посторонним...

У меня под руками “Протокол заседания учащихся церковно-приходских школ Московской губернии” (не хотят даже употреблять слово “епархия”), и вот какие цветочки я там усмотрел.

Съезд единогласно присоединился к Всероссийскому учительскому союзу и одобрил его “резолюцию” – только резолюцию, а не резолюции, но какую же резолюцию? – уж не об упразднении ли преподавания Закона Божия? И это – в церковных-то школах? Да ведь это – измена Церкви!.. И ужели могли на это дать согласие учителя церковных школ, из коих многие – будущие священники, а учительницы – матушки?!

“Уничтожать наблюдателей”. Милостиво позаботились о безприходных наблюдателях: оставили за ними жалование в течение года, но только “если им будет выражено доверие учащими” с оставлением в звании членов уездного или губернского училищного совета.

“Были прения” о ревизии хозяйственных сумм Епархиального училищного совета. Но протокол молчит: чем решено дело? Вероятно, нет ключей в кассе совета и ничего не могли сделать...

Постановлено “единогласно: выразить порицание Епархиальному наблюдателю А. Д. Италийскому и предложить ему выйти в отставку, сохранив за ним содержание до 1 мая сего года”. Прекрасная иллюстрация к обратному смыслу известной пословицы: яйца курицу не учат. Оказывается, что в наших школах и это бывает: учат, да еще как!.. А между тем г. Италинский лет семнадцать или больше с честью и любовью к делу служил в церковной школе, и если его выгонят те, которым он был руководителем, может быть, и

несколько требовательным, то вся его вина именно вот в этой требовательности и исполнении долга.

Был “поднят вопрос о полномочии съезда”. Собрание высказалось единогласно за полномочие съезда. Другими словами: сами себя и друг друга уполномочили. Был рассмотрен вопрос о праве голоса законоучителей: слава Богу, признано это “право с правом решающего голоса”. А могло быть и не признано. Да разве законоучитель не есть первый и старейший из учителей, чтобы могло быть сомнение о его праве? Просто руками разводишь: что творят гг. учащие! Они большею частью мальчишки сравнительно с самими законоучителями, священниками, но считали себя вправе лишать их голоса... Просто дом сумасшедших!.. А вот заведующим законоучителям и такого права не дано, а только “совещательный голос”... Тут уж, как говорится, совсем зарпортовались молодые люди, опьяневшие от всяких побед.

Постановили посадить в Епархиальный училищный совет своих делегатов, упразднить должность председателя, уволить (будто власть какая!) председателя столичного отделения, несколько членов, разослать несколько приветствий, начиная от обер-прокурора, пригласить его на съезд (обещал, но не прибыл), министру просвещения, разным союзам, Совету рабочих и солдатских депутатов и проч.

Постановили обязать (слышите: обязать! какая всеильная власть!) церкви и монастыри, содержащая школы на местные средства, производить ассигновку впредь до включения церковных школ в государственный бюджет.

Постановление: признать нештатных учащихся платными с правом на пенсию и прибавки за выслугу лет.

Постановлено единогласно просить Синод отпустить из страхового капитала миллион на нужды церковно-приходских школ (что так скупое? – требовали бы больше!).

Председатель съезда, учитель Списков, сказал, что правительство пользуется властью в кредит и необходимы контроль и критика действий Временного правительства, а для этого учителя должны идти в “контакт” с Советом солдатских депутатов и подать им руку. Надежные, опытные контролеры!..

Решено через Советы солдатских и рабочих депутатов просить военного министра о “немедленном возвращении из армии учителей для работы на просвещение темной деревни...” Другими словами: освободить от военной службы, отпустить с фронта: пусть немцы порабащают Россию; учителям некогда защищать ея: надо заниматься “просвещением деревни...” Недурно придумано для того, чтобы не стыдно было бежать с фронта вместе с дезертирами.

Постановлено: не выработывать особаго устава церковных школ ввиду присоединения к Всероссийскому учительскому союзу. Как будто их будет спрашивать об этом церковная власть, если решит оставить школы в своем ведении...

Решено переименовать “заем свободы” в “заем культуры”: как будто народу понятнее это название...

Так вот какие важные решения приняты съездом юношей и девиц, учащихся в наших церковных школах.

Тяжело переживать то чувство негодования, которое невольно вскипает в сердце, когда читаешь эти решения, постановления, доклады самоназванных вершителей судеб той школы, которой так много было отдано любви, забот, труда и средств. Еще тяжелее, когда вспомнишь, что эти вершители ведь плоть от плоти нашего духовного сословия, в большинстве своем питомцы Церкви, может быть, будущие служители Церкви... И они-то

бросаются в объятия “товарищей”, давно зарекомендовавших себя в качестве недоброжелателей Церкви... И невольно спрашиваешь: “Куда же мы идем? Где остановимся? Кто вразумит несчастных молодых людей? Кто будет потом исправлять то, что они напортят? И что за судьба такая для всего доброго у нас на Руси, что всё кому-то нужно преобразовывать, портить, отравлять...” Мы давно помешались на образцах иноземных, а не умеем, не имеем терпения и благоразумия вести дело по-иноземному, выходит у нас постоянно какая-то мешанина своего доморощенного с иноземным, обезьянство, а в самом-то деле исполнение программ врагов Церкви, которые только руки потирают от удовольствия, как послушно русские люди идут по мановению их перста. Впрочем, еще не потеряна надежда, что на Всероссийском съезде духовенства и мирян раздастся твердый голос благоразумных людей в защиту самостоятельности церковно-приходских школ и они не только уцелеют под покровом матери-Церкви, но и станут родным детищем будущего православного прихода, ближайшим предметом его забот: ведь в них учатся будущие прихожане, которые должны быть действительными прихожанами родного храма с детского возраста и расти и учиться под крылышком этого храма, под водительством пастыря Церкви...

И то обновление церковно-приходской жизни, о котором ныне так много говорят, не может произойти и прочно войти в самую жизнь народную без постепенно воспитания молодых поколений чрез обновленную и правильно поставленную церковную школу. Вот почему не удалять от Церкви, а, наоборот, в целях церковного воспитания будущих прихожан следует как можно ближе ставить под церковное влияние детей при самом начале их сознательной жизни, когда их сердце еще не заражено ядом страстей, когда оно еще открыто для восприятия заветов Христовых, когда семя веры и благочестия еще находит в их сердцах благодарную почву для возрастания. Дети – это как бы остатки первобытного рая, следы погибшей непорочности: сохрани, Бог, удалять их от благодатного тепла Церкви-матери; Богу ответит тот, кто решится на это.

Грешно обманывать себя, будто мы не знаем, не понимаем, кому нужно вырвать школу из рук Церкви: еще в шестидесятых годах известные вожди и проповедники всяких свобод говорили, что надо “поймать таракана”, то есть взять в свои руки школу, и дело будет сделано. Мы думаем, что в пылу всяких преобразований на Руси наше Временное правительство, которое мы, по указанию власти церковной, пред лицом Божиим при богослужении именуем “благоверным”, просто недосмотрело сути вопроса о судьбе церковных школ и, увлекаясь идеей полного объединения народного образования в одних руках, упустило из виду исторически-воспитательное их значение. Мы надеемся, что это будет принято во внимание и ошибка будет исправлена: достояние Церкви останется ея достоянием и то, что церковь с таким трудом, с такою любовью собирала, созидала, не будет расточаемо, не будет никому передаваемо. Об этом, кажется, уж так много и хорошо говорено, что и спорить больше нет нужды. Только предвзятая мысль врагов Церкви может настаивать, под предлогом объединения школ, на передаче церковных школ в другое ведомство; но ведь всякому известно, что как горбатого могила исправит, так и предубежденного, лукавствующаго в совести, неискренняго человека никто не убедит, ибо он говорит вовсе не то, что думает.

А между тем люди незрелой мысли, незрелого опыта жизни, недостаточно вдумчивые, пользуясь нынешней свободой, пустились в суждения и по вопросу о церковных школах. Съезды учителей и учительниц постановляют решения о передаче их ведомству народного просвещения, – этого мало: решают исключить Закон Божий из предметов преподавания,

а так как этот вопрос “затрагивает традиционные воззрения народной массы”, то на первое время “предоставляется не вызывающим особых сомнения лишь освобождение от обязательного изучения этого предмета учащихся, причем до достижения ими шестнадцатилетнего возраста освобождение это может производиться по заявлению их родителей, а по достижении указанной возрастной нормы – по желанию самих учащихся”. А время, освободившееся от Закона Божия, предполагают употребить на “усиление элементов гражданского воспитания и обучения молодежи путем углубления знаний из области истории и государственного права”, проще говоря, на обучение современному политиканству во всех его видах. Таковы, между прочим, были постановления Всероссийского учительского съезда. К этим постановлениям, как я писал недавно в своем дневнике, и присоединились учителя и учительницы наших церковных школ Московской епархии. Думаю, что они просто не разглядели, к кому пошли: думали, что в этом съезде участвуют православные христиане, а не усмотрели, что это речи вовсе не христианские. Идти против преподавания Закона Божия в христианской школе – не значит ли отрекаться от Христа? Считать этот священный предмет только “традиционными воззрениями народной массы” – не значит ли сказать прямо, что Святое Евангелие, все учение христианское есть сказка, не заслуживающая веры? И с каким пренебрежением говорят эти лжепросветители народа о народной массе!.. Так и слышится тут фарисейское: *народ сей, иже не весть закона, прокляты суть* (Ин. 7, 49)! Народ-де – это полные невежи: что с ним толковать? Будем проводить свои “научные” идеи и просвещать его по-своему: христианство отжило свой век, пора перестать верить этим мифам...

Ведь вот к чему ведет, в конце концов объединение церковных школ с теми, какими руководят составители резолюций Всероссийского съезда народных... не учителей, а – скажем матушку-правду, – развратителей. Вот почему на все доказательства, приводимый в пользу передачи наших школ в Министерство народного просвещения: что наша школа умирает от бедности, что там, наоборот, все обставлено хорошо, – совесть требует сказать прямо и решительно: лучше совсем закрыть наши школы, чем отдавать их в то ведомство, где вместо просвещения большей частью вводится ныне, помимо желания властей, развращение... Лучше пусть народ останется безграмотным, чем будет развращаться в школах, где и Закон-то Божий изгоняется... Грамотность сама по себе не есть ни благо, ни зло: это то же, что острое орудие, коим можно и человека убить, и жизнь человеку спасти, произведя потребную операцию. Если ребенок не умеет владеть таким ножом, то лучше ему и не давать ножа, пока не будет поставлен в условия невозможности злоупотреблять им. Вот мое мнение относительно школьного учения. Я не противник школы для народа; я сделал все, что мог для этой школы, и служу ей своими изданиями, но если школа станет развращать детей, если в ней не будет преподаваться Закон Божий, если учащие будут смотреть на этот предмет только как на “традиционный пережиток”, то – Бог с ними, с этими школами, с такими учителями: пусть лучше дети остаются безграмотными или же учатся у старых дьячков, как некогда учились и мы. Я невольно вспоминаю тот Зырянский край бывшей моей Вологодской епархии, где отцы благочинные мне докладывали, что есть селения, где не знают еще замков, где оставляют на ночь на улице и сбрую, и белье, и другое ценное для крестьянина имущество: никто ничего не тронет, хотя там нет ни одного еще грамотея. Надо ценить все по-христиански, а не идолопоклонничать пред современными модными идеями, от которых, увы, гибнет наш добрый, но слишком увлекающийся чужими модами народ. Вот в таком убеждении я и послал бывшему Московскому уездному съезду церковно-школьных деятелей приводимое

здесь послание или привет на имя уездного наблюдателя, который приглашал меня на этот съезд. Прав я – пусть судит читатель по совести.

Два слова о “Протоколах Сионских мудрецов”

В Церкви Христовой есть тайна спасения, а в сонмище сатаны – тайна беззакония. Тайна спасения, от веков и родов сокровенная, открылась в Пришествии в мир для спасения мира Господа нашего Иисуса Христа; тайна беззакония совершенно откроется с пришествием антихриста. Всякая тайна до времени ея открытия остается более или менее прикрытою; так и тайна беззакония прикрывает себя от взоров верующих, чтобы внезапным своим открытием поразить их и увлечь в отступление от Бога; но поскольку это Господь находит потребных, постольку для верующих и эта тайна не может укрыться. А поелику время открытия тайны беззакония совпадает с явлением антихриста, то и признаки его пришествия суть вместе с тем признаки открытия тайны беззакония.

Меня спрашивают: насколько я придаю веры и значения известным “Протоколам Сионских мудрецов”, опубликованным в известной книге С. А. Нилуса “Близ есть, при дверех”?

Почтенный С. А. Нилус не сомневается, что эти протоколы стоят в прямой связи с тайной беззакония, делом антихриста и суть плоды работ “сонмища сатаны”, о коем говорится в Апокалипсисе, гл. 2, ст. 9. Вчитываясь в них, нельзя не прийти к заключению, что это действительно не есть работа одного лица, а произведение не одного даже поколения врагов Церкви, хитрых, лукавых, в числе коих были люди незаурядного ума и крепкой воли, люди притом не имеющие ни одной искры христианских начал нравственности, готовые на все, чтобы достигнуть своей цели. А их цель – основание всемирного царства под главенством своего царя. Все это очень похоже на заветные мечты иудеев о всемирном своем царе, а по учению святых отцов – антихристе. “Протоколы...” сплошь проникнуты иудейским духом, иудейским идеалом. С другой стороны, в то же русло вливается темная струя буддийских бредней, дабы еще больше замутить течение жизни всего человечества, и, странное дело, идеалы буддистов каким-то образом сплетаются с идеалами иудеев. Казалось бы: что общего между иудеем и буддистом? Но они идут рука об руку к общей цели. Ясно, что у них общий вождь – враг Бога и людей. Это он подготавливает путь своему ставленнику – антихристу.

И при всем том я должен сказать тем, кто меня спрашивает, что я думаю о “Протоколах Сионских мудрецов”, – конечно, с целью узнать мое мнение о временах и сроках грядущих всемирных событий последних судеб мира: вместо моих суждений, зело убогих, выслушайте вот мнение великаго отца нашей Русской Церкви святителя Московскаго Филарета о знамениях последних времен: “Значения времени испытывать не легко, и даже не безопасно, если не оградится человек рассуждением, осторожностью и наипаче смирением. Прочитайте начало второй главы Второго послания к Солунянам. Заметьте выражение: *не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися ниже духом*. И на то, что кажется духовным прозрением, не вдруг позволено показать. Далее: *откроется человек беззакония* и еще: *Тайна бо уже деется беззакония*. Итак, это дело до времени закрытое. Нелегко узнать тайну, проникнуть закрытое, когда, может быть, еще и время открытия не настало. Скорее можно поручиться за то, что пророчества исполнятся не так, как люди думают, нежели за то, что некоторые люди думают о сем правильно”.

А вот мнение того же святителя о времени предсказаннаго апостолом Павлом всеобщаго обращения иудеев. “Что дивнаго, – писал он, – что ослепление Израиля *на время* продолжается другую тысячу лет? Как мало это время, когда на него смотрят из

вечности!.. Изречение: *весь Израиль спасется*, – не значит, что все до одного, но что будет великое обращение общественное, вместо того, что прежде были только частные обращения, а масса Израиля оставалась в противлении. Но как сему быть – узнаем во время исполнения. Даниил, молитвенник и созерцатель, пророчество о семидесятилетием плене Вавилонском понял уже в конце сего периода, следственно, другие и в сие время не понимали еще, хотя пророчество кажется просто. Итак, мы хотели бы быть больше Даниила, если бы хотели заранее определить исполнение предсказаний апостолов Павла и Иоанна, которых предметы о времени без сравнения обширнее пророчества о плене Вавилонском” (Письма митрополита Филарета к Е. В. Новосильцевой, 99-е и 214-е).

Обращение евреев, апостолом предсказанное, стоит в связи с событиями последних времен, и то, что сказал святитель о сем великом событии, можно сказать и об обстоятельствах, имеющих предварить явление антихриста. Не будем считать себя умнее не только уж пророка Даниила, но и нашего смиренного в своем величии святителя и скажем: знаем, что придет последний враг Христов, и сего довольно с нас, а как и когда это будет – узнаем в свое время, если будем со страхом соделывать свое спасение, ибо не может быть, чтобы Господь попустил погибнуть от неведения того, что потребно к нашему спасению – спасению тех, кто работает Ему день и ночь... По мере приближения событий будут пред нами раскрываться и перспективы их, подобно тому как пред взором путешественника раскрываются картины окружающей природы, только бы мы со страхом проходили свой жизненный путь, предавая себя в руки Божии и сберегая каждую минуту жизни на исполнение заповедей Божиих. В свое время Господь не оставит нас в неведении и относительно всего, нам потребного... Надо всегда помнить, что тайны раскрываются не любопытствующему, а смиренномудрствующему, кто помнит заповедь: *высших себе не ищи и крепльщих не испытуй: яже ти побеленная в сих пребывай*. От любопытствующих премудрых и разумных Господь утаивает, а младенствующим в простоте веры открывает тайны Своего Божественного Промысла и обличает тайны “глубин сатаниных”. У Бога и свои меры, и свой “календарь”: у Него и день един яко тысяча лет, и тысяча лет яко день един. Но для возлюбивших Его и возлюбленных Им у Него тайн нет; только открываются они не тогда, когда хотели бы люди, а когда Его премудрое промышление укажет...

Клевета ползет дальше

В <своем> дневнике я отметил злую клевету некоего иерея Елатомцева на святых обители и храмы Божии: она ползет теперь дальше. Есть еще газетка для солдат – теперь ведь газеты появляются как грибы после дождя – “Солдатская Мысль”, в коей напечатан “отклик” солдата-псаломщика на возмутительную речь Елатомцева. “Мы, солдаты, – пишет он, – с восторгом прочли выступление отца Елатомцева на минском фронтовом съезде” и т. д. “Уважаемый батюшка говорил на съезде, что есть у нас капиталы, проценты коих достигают трехсот двадцати миллионов в год. Богатства же различной утвари, украшений, облачений и т. п. не поддаются исчислению”. Сей солдат-псаломщик уже проектирует образовать во всех губернских городах комитеты, куда вошли бы выборные от всех общественных организаций. “В эти комитеты пусть стекаются мертвые сокровища от церквей. Получатся огромные капиталы, а к ним должны быть приложены еще все имеющиеся проценты (?). В монастырях, соборах и церквях, а также пятьдесят процентов содержания иерархов (почему же только иерархов?). А десять процентов с духовенства (это – с голодающего-то?). Легкомысленный солдат на крыльях своей юной фантазии летит дальше и видит, как на те же средства, собранные от церковных сокровищ, от реквизиции их, расширяется “бесплатное народное образование, приобретаются сельскохозяйственные машины для народа и пр.”. Легко сказать: сколько же на это нужно миллиардов?!

И все они будто бы найдутся в церковных сокровищах... А протест-солдат все это читает, впитывает в свою бедную голову, и – вообразите, что там происходит, в его мозгах? А солдат-псаломщик, гражданин Г. Добромислов (какая знаменательная, подкупающая фамилия!) приглашает: “С Богом, немедленно за работу”. Какую?..

Далее в воздухе носилось слово “свобода”, пришла она, но для кого, для чего, всегда ли?..

Выборное начало и типы современного монашества

Сказано в Писании: спасение во мнозе совете. А отцы святые прибавляют: но не в совете многих. Ныне всё решают съезды, советы, но не видно, на достаточно ли разумном начале стоит это, как бы уже бесспорно принятое, правило: все решать съездами, совещаниями? Или лучше спросить: какое начало лежит в основании мысли о съездах, об их пользе? Надеются ли получить пользу только оттого, что на съездах будет представлено по возможности все разнообразие типов тех лиц, которых, так сказать, официально входят в состав того или другого сословия, класса людей, какое считает себя объединенным известной идеей; или же, не заботясь много о разнообразии сих типов, хотят выслушать слово на пользу от лучших представителей и носителей самой идеи, дабы потом поставить жизнедеятельность всего класса или сословия соответственно их опытным указаниям? Мне скажут: конечно, имеется по возможности в виду и то и другое, и потому-де на съезды должны быть присланы только лучшие, избранные самими сословиями или классами лица. Да вот в том-то и вопрос: при нынешних порядках применения выборного начала повсюду есть ли уверенность, что попадут в избранники самые лучшие люди? Ведь избрание обычно теперь происходит посредством подсчета голосов и избранным оказывается тот, кто получил большинство голосов. А голоса считаются все равными: ведь нет возможности людей разделить на разряды – на умных и глупых, на честных и нечестных и т. п. Всякие выборы ныне предполагают равноправие, тогда как равноправие по законам логики требует в таких случаях равенства умственного или, по меньшей мере, строго нравственного развития. Но будем совершенно откровенны: кто же не согласится, что людей ограниченных гораздо больше, чем людей выдающихся в умственном развитии; людей нравственно чистых меньше, чем слабых. На чьей же стороне почти всегда может оказаться большинство избирателей? Кажется, опыт последних лет, особенно последних месяцев, когда так широко применялось избирательное право, дает ясный, непререкаемый ответ на этот вопрос. В делах житейских, земных, еще терпимо и, пожалуй, иногда и не бесполезно выслушивать мнение людей и недалеких умом, и не выдающихся в их нравственном настроении; но в жизни церковной, в жизни духовной отнюдь не желательно решать вопросы, полагаясь на мнение людей, избранных простым большинством голосов, которых, по совести, не всегда можно признать и правоспособными для суждения по вопросам церковной и духовной жизни. Мысли эти невольно напрашиваются, когда читаешь в газетах о съездах церковного характера. Мне думается, что чем специальное вопросы, подлежащие обсуждению съезда, тем строже, разборчивее надобно применять выборное начало. Вот теперь газеты заговорили, что скоро будет Всероссийский монашеский съезд, да еще не один: один – ученых монахов, потом – простых. Оба в Троицкой Сергиевой Лавре. И невольно вспоминается мне такой съезд, бывший в 1909 году тоже в Лавре, на котором мне Бог привел фактически быть председателем. Не знаю, кто будет участником нынешних съездов, и состав лиц, главным образом, намечал митрополит Киевский Флавиан вместе с архиепископом Антонием и со мною. И были тогда намечены к приглашению на съезде такие старцы, как известные всей России Оптинские отец Варсонофий, отец игумен Ксенофонт, Саровский старец Симеон, Зосиминский Алексей и др., а равно настоятели или, взамен их, по их усмотрению, особенно ревностные и опытные в духовной жизни старцы из сорока обителей. Сделано все, чтобы собрать цвет

тогдашнего монашества. Допускались на съезд и все иноки, ревнующие о славе монашества, но с правом лишь совещательного голоса. Так было поставлено дело тогда. Вероятно, ныне будут выборы “депутатов” на съезде, и вот, считая процветание монашества делом величайшей важности для Православия на Руси, не могу не высказать своих мыслей по поводу сего съезда. Сорок три года я живу в монастыре; почти сорок лет веду издание “Троицких Листков”, а это дает мне возможность сноситься с иноками многих обителей на Руси. Думаю, что мои наблюдения над составом братии в наших монастырях не лишни будут для предстоящих выборов к предстоящему съезду простых монахов. Об ученых не говорю: они, кажется, хотят обособиться от простецов, что едва ли послужит к их благу...

Для удобства суждения о современном монашестве я позволяю себе разделить иноков на несколько типов, наиболее выделяющихся, а мерю думаю взять те цели, какие ставят себе иноки, вступая на путь монашеский. Казалось бы, что цель у монахов должна быть одна: спасение души посредством решительной борьбы с своими страстями, очищение сердца от сих страстей путем отречения от своей воли и даже смышления, а в конце всего – “стяжание”, – как выражается преподобный отец наш Серафим Саровский, – Святого Духа Божия”. Но на деле оказывается, что монахи далеко не все идут к этой святой цели.

Первый тип современного монаха – это истинный монах-подвижник. Он каждую минуту вспоминает свои обеты, размышляет о них, как бы смотрится в зеркало, каждый день проверяет по ним и, конечно, прежде всего, по лежащим в основе их заповедям Божиим свою жизнь, каждый день и час этой жизни. Неизменным руководством для него служит учение святых отцов, учителей монашества: их творения не сходят с его стола. И не по книгам только он изучает духовную жизнь, эту науку из наук, это искусство из искусств, но и посредством отсечения своего смышления и воли пред старцем, и главным правилом его жизнедеятельности служит смирение: его заветная цель – достигнуть того, чтобы считать себя круглым нулем, полнейшим ничтожеством. Он говорит себе: Бог сотворил мир из ничего. Он хочет, чтобы я был ничто, дабы стал потом достойным орудием Его жизнедеятельности в сем мире. Сам я ничего не могу сделать доброго без помощи Божией благодати: если мне кажется, что я сделал нечто доброе, это уже самообман, это не мое, а Божие. Я – только недостойное орудие в руках Божиих. Заповедь о любви к ближнему истинный монах понимает так, как истолковал ее Сам Господь: *возлюбиши ближняго твоего яко сам себе, то есть: якоже хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде*. Мера любви к ближнему есть мера любви к самому себе. Нельзя, противно природе, любить ближняго больше, чем себя. А для сего надежное правило: забудь о своих правах в отношении к ближнему и помни только о его правах в отношении к тебе. Забудь о его обязанностях в отношении к тебе и помни только о своих обязанностях в отношении к нему. Старайся так наладить свои отношения к ближнему, и ты исполнишь буквально заповедь Господню. Короче сказать: каждый думай только о своих обязанностях и чужих правах; пусть о твоих правах думают другие. Устройте свою жизнь в общежитии по сему правилу, и Бог благословит миром ваше житие. Я сказал, что противно природе любить ближнего больше, чем себя. Измеряя словами Спасителя любовь к ближнему, нам заповеданную Им, должно применить сию меру и к заповеди Господней: *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*. Другими словами: не жалея самой жизни для спасения жизни и для блага ближняго. Ведь ты того же желаешь и себе от других: делай это и сам для других. Положить душу, положить жизнь за ближняго еще не значит погубить свою душу, потерять вечное

спасение. Напротив: телесная смерть за ближнего есть приобретение вечной жизни. Но ты, конечно, не захочешь, чтобы твой ближний потерял вечную жизнь для тебя, для твоего земного блага: этого не позволит тебе любовь к нему. Поэтому и ты не теряй вечной жизни, не твори греха для какой бы то ни было пользы ближнего. Святые отцы говорят: кто не умеет плавать, тот не бросайся в воду для спасения утопающего, а подай ему жезл, протяни жердь. Другими словами: не берись во имя любви к ближнему за непосильный подвиг, а, сознавая свою немощь, восполни это молитвою любви за него. Не все миряне могут понять то, что я говорю; у нас, монахов, есть свой язык, которым иногда они и соблазняются. Но это язык библейский, на котором и Богу приписываются человеческие свойства, и, конечно, надо понимать такие места духовно, не буквально по-человечески. Лет пятнадцать назад я вел полемику с несколькими профессорами академии по вопросу о служении миру со стороны монашества и употребил слова “святой эгоизм”; это высмеяли мои совопросники, но я указал им, что Господь знает не только святой эгоизм, но и святую ненависть.

Таков тип истинного монаха, носителя своих идеалов, тип изначальный, основной, то мерило, коим измеряется истинное монашество от веков древних и доселе. Нет нужды говорить, что я набрасываю лишь в общих чертах идеал этого типа. И что бы кто ни говорил, что бы ни писали умники нашего времени, лучшего, более чистого идеала в православном духе им не придумать, не создать. Только по мере приближения к этому идеалу можно судить о пригодности того или другого монаха и для служения Церкви, на которое монах отнюдь не пойдет, не будет напрашиваться своею волею, а только за святое послушание, во имя отсечения от своей воли, в чем он и увидит волю Божию. Вся его забота, вся его мысль обращена внутрь себя, на воспитание себя в духе заветов отеческих, ибо он не может забыть, что Царствие Божие внутри нас есть. А потому и жизнь его сокровенна в Боге настолько, что иногда даже сосед его по келье не знает, не подозревает степени его духовного возраста, какой он достиг, и разве только его духовный руководитель может знать это. Такие подвижники чем больше возрастают духом, тем больше уходят от мира, от людей, уходят в свою, так сказать, внутреннюю храмину, как улитка в свою раковину, тем менее становятся заметными для поверхностного взгляда посторонних, особенно мирских людей, и только свет их духовной жизни, помимо их воли, иногда прорывается из их тихих келий на мир Божий, и люди, по выражению митрополита Филарета, имеющие очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие такого очищения, замечают и стремятся на эти тихие лучи благодатного света. И слава Богу: еще не погасли эти тихие светочи иночества, еще есть на Руси, увы, может быть, последние старцы Божии, кое-где в святых обителях сокровенно подвижающиеся и за мир грешный Богу молящиеся. Их, говорю, очень мало, но ими-то и стоит современное монашество: уйдут они к Богу – и погаснет наш светлый идеал монашеский, и увянут наши святые обители, и понизятся все вообще звезды православного христианства. К великому горю нашему, все это уже и творится на наших глазах, в наше печальное время.

Второй тип современного монаха – это обыкновенный монах-труженик. О больших подвигах он не мечтает, а разве только вздыхает, себя укоряя, старается исполнять возложенное на него послушание; иногда, как человек, падает, побеждаемый немощами человеческими, но старается подняться, падает и встает, а иногда и ползком ползет ко спасению. Его спасение – в простоте и смирении: себя он не меряет, своих достоинств не видит, как будто их и нет у него. Ни особых постов, ни особых правил он на себя не налагает: церковь, келья, послушание – так проходит у него день. Пришли родные – с

любовью приветит их, но сам не любит посещать их: это нарушает обычный порядок его жизни. Это те люди, на которых можно положиться в делах житейских, касающихся монастырского хозяйства, если только они приобрели еще в мире или живя уже в монастыре известный житейский опыт. Несмотря на некоторые их немощи, они – дорогие люди в обители именно потому, что не ценят себя высоко и стараются свои недостатки восполнять своим усердием и послушанием воле начальства. Иногда проявляется и в них самоцен, но вразумления игумена или духовника достаточно бывает, чтобы их поставить в прежнее устройство и на прежний путь смиренного послушания. На таких рабах Божиих держится обычно вся внешняя монастырская жизнь. Из них начальство избирает и кандидатов священства, хотя они далеко не всегда бывают достаточно подготовлены к сему служению по малой степени их умственного развития и даже элементарных богословских познаний. Но что делать? Больше взять бывает не из кого, а для науки в собственном смысле они уже устарели: довольно, если петь и читать могут да устав посмотреть умеют. Большею частью шли они в монастырь с добрым намерением послужить Богу для спасения своей души, но не сохранили той теплоты ревности о спасении, какая, может быть, в них горела в первое время их монастырской жизни. Но за их смирение, за их простоту Бог помогает им, как я сказал, хотя ползком ползти в Царство Небесное. Самые искушения, Божиим попущением бываемые, помогают им смиряться и на путь правый обращаться, если и случается им свернуть с него по немощи.

Третий тип монахов наших – те, которые идут в монастырь “не ради Иисуса, как выражается святитель Димитрий Ростовский, а ради хлеба куса”. Девать себя в миру – некуда, к мирскому труду малоспособны, а есть надобно. В монастыре же поставят на клирос, дадут послушание в трапезной, в кухне, в просфорной; смотришь, человек и приживется, и в ином и загорится любовь к монашеству, если только он еще не испорчен тою или другою страстью, и удержится в обители. В таких иноках уже сидит самоцен, и из них большею частию выходят наемники, которые трудятся хотя и честно, но ждут себе платы в той или иной форме. Плата эта – кружка, жалованье, лучшая одежда (в общежитиях), пострижение, священный сан, а для старейших и другие награды. Начальству монастырскому много забот с такими “наемниками”. Для послушаний, для клироса, хозяйства – они нужны; рабов Божиих, причисленных мною к первым двум типам, недостаточно, а мир требует лучшего пения, монастырское хозяйство – опытности, поневоле приходится держать и наемников, если они себя ведут прилично. Но от них-то и возникают искушения для обителей. От них-то и нарождается четвертый тип современных монахов, лучше сказать, лжемонахов – карьеристов и покорных слуг своих страстей всякого рода. Идеалы монашеские с неба сводятся на землю; уровень нравственный в монастырях понижается; дисциплина ослабевает. Надо бы удалить наемника или карьериста, а служить некому; надо бы его наказать хотя бы штрафом, а он грозит, что уйдет из монастыря. Иной слабый начальник и трусит: терпит такого, а он заражает других самоценом, а иногда и своею страстью, которой стал рабом. Пока наемник благоразумно держит себя за пределом приличия и честно исполняет возложенное на него дело, дотоле он терпится в обители, а зазнается – приходится с ним расстаться: пусть ищет себе другого места и монастыря. Бывает, что такой, поискав другую обитель, даже пожив в ней некоторое время, привычкою тянется опять в прежнюю обитель и смиряется, просится обратно. Тут ему приходится, хотя на время, взять себя в руки, и это служит ему на пользу. Бывает, хотя редко, что такой обращенец потом и другим дает пример, как вредно себя ценить. И слава Богу. Без немощей нет людей, а в монастырях немощи

виднее, чем в миру. Но беда, если такой наемник начинает верховодить младшей братией, собирать себе партию, вести интриги против властей своих. Иной игумен плачет от такого интригана, который сумел перетянуть на свою сторону большинство братии. Мир в обители нарушается, начинаются жалобы высшему начальству, а за ними дознания, следствия, суд... В женских монастырях особенно резко выражаются эти искушения, и бедные, духовно неопытные игуменьи несут иногда прямо мученический подвиг.

Ажемонахи-карьеристы, у коих на уме только повышения да личные выгоды, уже прямо составляют язву монашества. К сожалению, большинство таких уязвленных честолюбием лжеиноков бывают люди более или менее развитые, неглупые, хитрые, опытные в интригах. Забыв свои обеты, они изучают все ходы и выходы в консисториях, сводят знакомство с крючкотворами – низшими чиновниками, которые пишут им и бумаги...

Последний тип якобы монахов – это люди, потерявшие совесть и предавшиеся господствующим в них порокам: пьянству, распутству, бесовской наживе... О них, кажется, нет надобности и распространяться. У них все сводится только к удовлетворению своей страсти, лишь бы не попадаться. Между первым и последним типом есть множество оттенков с преобладанием в ту или другую сторону.

Теперь представьте себе, что в обители при выборах на все должности даны всем равный права: кто первый воспользуется ими? Нет сомнения, что это равноправие раньше всех постараются использовать самые последние и очередь пойдет снизу вверх, так что первые-то, вероятно, и вовсе не станут пользоваться своими правами. Да они им и не нужны. Не за правами какими-то они пришли в обитель, а ради спасения души. А спасти душу никто им не помешает здесь. Самая мысль о правах им не по душе. Чем неблагоприятнее будут внешние условия, тем больше им будет скорбей, а чем больше лично им скорбей, тем ближе цель спасения. Не ищут они скорбей этих, а ждут в силу закона духовной жизни, ждут их как дорогих гостей. Не особенно погонятся за правами и иноки второго типа. Бог с ними, с этими выборами, с этим контролем над тем, что творит наше начальство, игумен, казначеи, эконома: не нашей это меры дело, скажут они. И многие, лучшие из них, уклонятся, по своей обычной скромности, от подачи своих голосов, предпочитая тишину своей кельи и мирные отношения со всей братией. И вот, при выборах на разные должности, при голосовании, всею братией, всею массою выступят низшие категории братства: наемники, карьеристы, лжемонахи. Опасаясь решительного протеста со стороны высших властей, они, вероятно, будут выставлять своих кандидатов из средних групп, дабы иметь себе покровителей в случае обнаружения их недостатков: эконома потароватее, благочинного поспоконнее, об игумене уж и говорить нечего. Судите сами, к добру ли все это поведет наше монашество, и без того уже шатающееся? Скажут, что и в древности выборное начало существовало в обителях. Да, существовало, но будем откровенны: тогда была нужда прибегать к выборам потому, что все бежали от начальственных должностей, а ныне возник вопрос о выборном начале потому, что уже много очень является охотников занимать такие должности: возникает соперничество кандидатов. Причины, как видите, совершенно противоположные. Тогда руководило иноками смирение, теперь – сомнение, тогда – желание быть последним, теперь – первым или, по крайней мере, одним из первых. Тогда действовал закон любви, смирения и отсечения своей воли: это начало Божественное; теперь – выборное начало, юридическое, человеческое. Тогда избранные принимали должность за послушание всей братии, своим избирателям, предварительно всячески уклоняясь от избрания; ныне

нередко избираемы те, которые сами ищут избрания, подсказывают это своим избирателям, которые потом и свяжут их совесть в исполнении ими должности. В древности иноки помнили заповедь отцов: “Повиниси игумену аки Богу”, теперь хотят подчинить себе игумена как послушника. Тогда, избрав, умолив старца быть игуменом, уже отдавались в его волю всецело, отрекаясь от своего смышления, теперь требуют, чтобы игумен не смел выбрать себе ближайших помощников вроде благочинного, эконома, казначея, духовника, хотят (и им дают право) сами выбирать этих лиц, да так, чтобы игумен не смел и присутствовать на этих выборах... Есть ли тут хоть искра монашеского духа? Ведь в таких условиях святая обитель превратится в грешную коммуну, где будет царить дух раздора, вражды против игумена, интриг, взаимных пререканий. Где же тут искать исполнения обетов? Во что обратится самый обряд пострижения, если монах, только что покрытый мантией без рукавов в знак отсечения своей воли, тотчас же потребует от игумена, даже от высшей епархиальной власти, смены того или другого должностного лица, станет составлять себе партию подобных, – словом, сразу почувствует себя чуть ли не полным хозяином в монастыре, потребует изменения порядков, устава, всего уклада монастырской жизни?

Только врагу Божию, только сатане могла придти мысль ввести у монахов какое-то понимаемое в мирском смысле “равноправие”, отравить несчастных простецов тем ядом, от коего гибнет мир... Тем, которые раз навсегда отрекаются от своей воли, внушить своеволие, да еще не простое, а якобы основанное на праве; там, где все должно покоиться на начале нравственном, на самоотречении, на божественном основании – смирении – там внести начало языческое по своей сущности, юридическое, правовое; разбудить в душе мирское начало, основанное на самоцене, вернуть монаха в мир, или лучше сказать – вернуть в мир душу монаха, отуманить его голову вовсе не монашескими мечтами о юридическом выборном праве, а следовательно, и о расценке качеств того или другого лица, внести в монастыри партийность, раздор, деление... Ведь может кончиться тем, что лучшие иноки будут бежать из лучших обителей, селиться где-нибудь в лесах и пустынях, чтобы закрыть глаза на то, что будет твориться в их обителях. Останутся в монастырях только наемники, карьеристы, честолюбцы, корыстолюбцы, произойдет реформа, вроде того, чем стали греческие монастыри на Востоке, где настоятель является арендатором, извлекающим из своего монастыря все, что можно извлечь в свою личную пользу, покупающим или берущим монастырь на откуп... Прощай, русское монашество! И без реформы в твоей среде ослабела дисциплина, а теперь и никакой не будет. “Самоправление” твое доведет тебя до самоупрезрения. Посмотрят благочестивые миряне на то, что творится среди тебя, и перекрестятся: да сохрани Бог туда идти: там нет спасение, а какая-то коммуна, в которой Бога-то забыли. Ни порядка, ни послушания...

Вот что хотелось мне сказать накануне нового съезда иноков со всей Русской земли. Прав ли я в моих опасениях – прошу их самих рассудить по совести иноческой. Дело идет о сохранении преданий наших святых подвижников, заветов их, об охранении наших обителей от вторжения духа мира сего, духа самоценности, способного затемнить в нашем сознании светлый идеал монашества, завещанный древностью, ослепить немощных наших собратий, увлечь их на распутья помыслов суетных... Да вразумят нас преподобные отцы и учителя иночества, да просветят наши очи, да покажут нам правый путь к духовному обновлению монашества.

Архиепископ Никон

Ответы редактора

Отвечать на каждое письмо не могу: ни сил, ни времени нет. А печатать ответы в двух-трех словах, не смотря на всю препрославленную свободу печати, не всегда можно: иногда ведь и гусей ведь можно раздражить. Например: что скажет сызранское “Слово истины”, если я вместе с его и моим читателем-сызранцем скажу, что оно далеко от истины, печатая на первом месте незрелые суждения некоего епископа, приравнявшего церковную присягу на верноподданство клятве пьяного распутника Ирода? Что скажет читатель сего суждения, когда, после

Учредительного Собрания, от него потребуют присяги тому правительству, какое тогда будет установлено? В наше лукавое время иногда лучше молчать, нежели лукавующих обличать: все равно правду заглушат криком толпы: “Распни, распни его!” – или прямо заставят замолчать... Видно, настала “их година и область темная”. Только не служителям алтаря Христова подслуживаться служителям тьмы: в этом печальное и страшное знамение времени! На вопрос: какую газету лучше читать, думаю: лучше никакой. По крайней мере, не вижу такой. Да, пришло, кажется, время, когда “свобода слова” и не допустит печать такую. А всем этим “Правдам”, “Словам истины”, “Голосам” якобы той или другой “Церкви” советую не особенно доверяться. Будьте осторожны, читатели!

Архиепископ Никон

Привет Собранию московских уездных деятелей церковно-приходских школ

Достоуважаемый о Господе отец Александр!

Глубоко сожалею, что по болезни сердца не могу принять участия в занятиях Собрания уездных деятелей церковно-приходских школ. Вы знаете и можете засвидетельствовать, как дорога и близка моему сердцу эта школа и что мною сделано как для моей школы на родине, так и вообще для таких школ за шестнадцать лет издания моей “Божией Нивы”.

Прошу передать мое приветствие всем собравшимся ревнителям церковной школы. Верю, что они едиными усты станут за ее целость, ее честь, бытие и процветание во славу родной Церкви. Меня горько поразило решение учительского съезда передать эти школы министерству. Учителям и учительницам никто не давал права распоряжаться школами как своею собственностью. Не они их строили и содержали. Это – первое. Второе: тяжело было узнать, что учащие в наших школах, сами питомцы Церкви, а учителя в большинстве и будущие иереи, не задумываясь, готовы отдать наши школы в чужое ведомство. Надо смотреть на дело прямо, без чужих очков: если в каких школах чувствуется еще церковное влияние, то именно в наших, церковных.

Школьные деятели других ведомств готовы, кажется, самый Закон Божий изгнать из своих школ. Не буду говорить о тех удушливых газах, которые теперь пущены в направлении к Церкви во всех областях ее жизни: Бог – Судия инициаторам сих веяний: да вразумит Он их и сохранит Церковь Свою от отравления.

В настоящую минуту я со скорбью думаю о судьбе моей родной школы. Вы знаете, сколько за двадцать лет ее существования мною было употреблено на ее постройку, обеспечение, пособия ей.

В свое время, внося капитал на обеспечение, я поставил неременным условием, чтобы, если школа будет передана в какое бы то ни было ведомство и уйдет из-под управления и руководства церковной власти, то весь этот капитал, который теперь, вероятно, достиг уже до пятидесяти пяти тысяч, должен быть отнят у нея и передан на нужды внутренней миссии московскому епархиальному начальству по усмотрению митрополита. Я не хочу, чтобы хотя одна копейка моя пошла на школу, мною устроенную и взлелеянную, но у Церкви отнятую. Что принесено на церковную школу – уже отдано Церкви, а что отнимается у Церкви, то отнимается у Бога: это уже святотатство...

С болью в больном сердце пишу эти строки. Отцы и братия! Пора называть вещи своим именем: направление нецерковных школ в большинстве таково, что ожидать от него для Церкви нечего. Станем же твердо за ту школу, которую создала Церковь. Не уступим ее никому. Знаю, мне скажут, что и в министерской, и в земской школе можно вести дело в духе Православной Церкви. Но это – только красивые слова, только отвод глаз. Мы не малые дети, чтобы не видеть, не понимать духа времени. И грех нам будем, если добровольно уступим дело воспитания народной души в духе родной Церкви кому бы то ни было. Юношам и девицам, учащим в наших школах, еще простительно увлечение духом времени и пропагандой всевозможных свобод. А мы – старики. Мы довольно прожили на свете и знаем, как этот дух времени, дух лестчий, работает, очаровывая розовыми перспективами и в то же время отравляя массы теми идеями, которые идут вразрез с учением Господа и Спасителя нашего. Пусть благодаря свободам новые деятели школы работают по своим планам, но не на чужом для них, то есть нашем, основании; мы

не можем мешать им, но и своего им не отдадим, ибо, к глубокому сожалению, не видим оснований верить им.

От гроба великого печальника родной земли, небесного покровителя народной русской школы, и особенно церковной, преподобного Сергия призываю Божие благословение съезду вашему и прошу отцов и братьев помолиться о мне, зело немоществующем.

“...Чем кто согрешает, тем и наказывается”

I

“Отечество в опасности!” – слышатся отовсюду голоса русских людей. Но все ли понимают, в чем опасность, – даже из тех, кто произносит эти слова? Когда враг готов ворваться в самые недра нашей Святой Руси, угрожая ей заветным святыням, когда его бесчеловечие, его безбожие, его жестокость напоминают нам бывшее семьсот лет назад нашествие монголов, а способы его войны превосходят деяния этих диких племен Азии, то, конечно, всякому понятно, в чем и как велика опасность для Отечества. Но ведь все это – только цветочки, а корешки лежат глубже; все это, все бедствия войны, суть только последствия, а причины скрываются в прошлом, которое для взывающих об опасности, кажется, не ясно и поныне. Для нас, церковных людей, которые должны внимать путям Промысла Божия, ведущего как отдельных людей, так и целые народы к единой на потребу цели, к вечному спасению, для нас должны быть совершенно ясны причины переживаемых нами бедствий, а когда мы видим их, то и должны громко указывать на них, хотя бы это и не нравилось некоторым из взывающих об опасности. Надо ясно знать, за что нас Господь наказывает, чтобы видеть, как и чем отвратить гнев Его, на нас праведно движимый.

Попытаюсь это сделать с нашей православной, церковной точки зрения.

У Бога есть закон: кто чем согрешает, тот тем и наказуется. А согрешаем мы, русские люди, тем, что забываем миссию, или назначение, своего народа на земле. Бог в неисповедимых судьбах Своих определил, чтобы мы были не только строгими хранителями, но и провозвестниками великого сокровища веры православной среди народов земных. В ветхозаветные времена таким народом-избранныком был народ еврейский; затем, с Пришествием на землю Спасителя мира, отвергнувший Его народ был сам отвергнут Богом, и как бы преемником сей великой миссии среди человечества явились греко-римляне; с отпадением римской ветви христианства от чистоты Православия остались верны ему греки; но с ослаблением нравов и благочестия в Греции, когда самому сокровищу Православия стала грозить латинская пропаганда, Бог призывает народ русский к сему великому служению роду человеческому... Сбывается, видно, на всех народах великое слово Христово, сказанное в свое время иудеям: *отнимется от вас царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его*. Царствие Божие – есть Церковь Божия Православная; ради Православной веры, ради Церкви Святой, хранительницы чистейшего учения о спасении людей, о приготовлении их к Царству Небесному, хранит еще Русь нашу Господь Милосердый. Вспомните, русские люди, пророчески-утешительное и вместе грозно-предостерегающее слово великого подвижника XIX века, преподобного Серафима Саровского: “За Православие Господь помилует Россию”. За Православие и Греция просуществовала лишних тысячу лет после падения Римской империи. Но Господь требует, чтобы и жизнь была по-православному: когда греки стали самое Православие считать только как бы своей вывеской, забывая о заветах православной жизни, то, несмотря на то, что их столица была полна великих святынь, несмотря на то, что в Царьграде были собраны мощи почти всех апостолов Христовых, –

их государство пало и стало рабом поклонников Магомета. Ушло от них Царствие Божие в смысле свободной Церкви, над ними стала господствовать власть неверных.

Не пора ли нам оглянуться, спросить себя: где у нас плоды Царствия Божия? Охладели мы к своему святому сокровищу – православной вере, широко открыли ворота всяким лжеучениям, и ворвались в среду нашего народа всякие волки, а главным образом, вот эти немцы, и расхищают наше сокровище, уничтожают его с сатанинским озлоблением, вытравляют самый дух его из души народной, не говорю уже о наших так называемых образованных классах, которые в большинстве своем уже давно разучились даже мыслить, не только жить, по-православному... Что же после сего удивительного, что над нами исполняется Закон Божия Промышления: чем грешим, тем и наказуемся? Ведь страшно подумать, если исполнится и над нами грозное слово Христово: “отнимется у вас Царствие Божие”, отнимется Православие и предастся другому народу, способному творить плоды его!.. По легкомыслию, по преступному равнодушию к истине Православия мы слишком близко подпустили этих волков хищных – немцев – к душе народной, вот и появились у нас, среди русских православных людей, разные баптисты, штундисты, а среди интеллигенции – рационалисты и всевозможные исты, кончая материалистами и нигилистами... И попустил Господь в наказание нам за это равнодушие к родной вере, завещанной чрез предков наших Самим Господом и Его святыми апостолами, что немцы эти пришли, как некогда татары, и стали издеваться над нашими святынями, над нашими верованиями хуже всяких татар... Согрешили мы грехами немецких вер, проглядели, как они, эти немцы, подкрадывались к верующей душе нашего народа, как отравляли ее, – вот и плоды сего преступного нашего равнодушия к родной вере – святыне Божией... Немцы оказались предусмотрительнее нас, даже пастырей Церкви: они подметили духовную жажду русской верующей души и поспешили утолить ее из своих отравленных источников, а мы проспали это...

На что мы теперь, говоря по-человечески, Богу нужны? *Аще соль обуяет, ним осолится? Вон извержена будет!..*

II

Как же быть? Ужели отчаиваться в возможности спасения?

Помилуй Бог! Отчаяние есть смертный грех. Надо только смириться пред Богом и просить Его, да дарует нам узреть наши прегрешения и не осуждати никого: всякий ищи в себе вины. И, прежде всего, – мы, пастыри Церкви. Начиная с архипастырей. Потом – наши сотрудники – иереи. Затем – другие наши сотрудники – люди науки, особенно богословской. Смиримся пред Богом и обвиним прежде всего сами себя. Есть вещи, о коих теперь говорить значило бы бередить и травить наболевшие раны. И особенно эти раны больны теперь. Я боюсь, что страждущие мои соратники на ниве Христовой не дочитают до конца моей статьи, когда я коснусь больных вопросов современности. Заранее прошу прощения у них. Отцы и братия!.. Сотрудники Христа Спасителя! Ныне время подвига для всех, кто хочет идти за Христом. И как ни покажется мое слово неблаговременным именно теперь – я скажу его. Я напому Христову расписку, в Его Святом Евангелии нам, Его сотрудникам, оставленную... Он не ложен: Он не может нас обмануть. Он всемогущ: Он может Свое слово верно исполнить. Он всеблаг, как никто: Он готов его исполнить. Он только ждет, чтобы мы предъявили Ему Его расписку, чтобы

протянули руку, чтобы получить обещанное. Слушайте, вот Его расписка: **ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам.** Делайте Мое дело, вам вверенное, а Я не забуду вас... Возьмите на себя то, что Я поручаю вам, а Я возьму на Себя ваши заботы. Поменяемся обязанностями, или, лучше сказать, Я буду исполнять Мои обязанности, а вы только примите со Мною участие в сем деле, и Я же буду исполнять и ваши земные обязанности, буду вам помогать и в том и в другом. Ведь все равно: *без Мене не можете творити ничесоже.* Укрепляйте, оживляйте свою веру в Меня исполнением заповедей Моих, отдайтесь беззаветно исполнению нашего долга как пастырей Церкви, и Я буду с вами, вашими руками буду делать дело Мое – великое дело спасения душ христианских. В сем великая тайна веры: чем больше человек будет делать добра, в исполнении долга и Христовых заповедей, тем живее будет его вера, тем виднее ему будет рука Божия, пекущаяся о его земных нуждах. и это – такая неоспоримая истина, что на нее можно указывать как на аксиому в жизни каждого истинного христианина. Тем паче она должна оправдывать себя в жизни пастыря Церкви.

Но не забыли ли мы эту Христову “расписку”? Не затерялась ли она у нас в суете помышлений житейских? Не слишком ли мы загляделись на эту суету сует и всяческую суету?.. Вот именно теперь, когда с такою настойчивостью теснятся в наше сознание житейские заботы, именно теперь-то, казалось бы, и вспомнить об этой расписке. Но чтобы предъявить ее Тому, Кто дал ее, надо иметь право. Господь никого не обделил, по мере сил, талантами; благо тому, кто умножил сии таланты: он имеет право на то, чтобы явиться к Господу с Его распиской и просить Его исполнить по ней. И он услышит в своей совести ободряющий голос Господа: благо, рабе благий и верный: о мале был еси верен, не оставлю тебя и не покину тебя. Еще не бывало на земле, чтобы кто видел праведника оставленного или семени его просящим хлеба. Это засвидетельствовал еще богодухновенный пророк Давид в Ветхом Завете. Воздвигай каждый свой талант и верь Христу Пастыреначальнику, что Он верен Своему слову, как никто. Если Он “и птичку в поле кормит, и поит росой цветок”, – то ужели Он забудет Своего соратника, Своего верного служителя, смиренного иерея Божия, носителя и раздаятеля Его благодатных даров в Святах Таинствах Церкви?..

И пока мы, пастыри Церкви, не переставим предметы своих забот в обратном порядке: на первый план – Божие, а на второй – земное, человеческое, дотоле и Господь будет попускать нам терпеть все те невзгоды и лишения, какия нас теперь тяготят. Ведь Господь-то всегда готов повторять чудо умножения хлебов, но при условии веры, делами свидетельствуемой. А наше прямое пастырское дело и делание – стоять на страже Христова стада, отгонять волков, пасти стадо Божие на пажитях православного учения нашей родной Церкви.

III

Вопрос об обеспечении духовенства в настоящее время всевозможных дороговизн – самый жгучий вопрос. И рано или поздно, но государство должно будет решить его, если не во имя спасения душ человеческих, то во имя собственного спасения, как государства Русского. Ведь нельзя же допустить, чтобы во священники пришлось ставить сплошь выборных полуграмотных мужичков по той только причине, что нет кандидатов на места священников, где придется семейному человеку жить впроголодь. Кто пойдет только

тогда во священники при том оскудении духа, какое замечается в наше грешное время? И дай Бог, чтобы государство исполнило свой долг в этом отношении как можно скорее. Только все же плохо верится, чтобы это было скоро. Да если и сбудется, то духовенство должно будет твердо помнить, что, получая жалованье, оно ставит себя в полную зависимость от тех, кто дает его... А дать его может только... Государственная Дума. Таковы ныне законы у нас. А кто поручится, что в Думе этой непременно будут сидеть в большинстве православные русские люди, что в ней не будут преобладать враги Церкви, иудеи, немцефилы, люди, чуждые всякой веры?.. Увы, десятилетний опыт четырех Дум показал, как близка эта опасность... Положим, жалованье дадут, но и потребуют подчинения себе под угрозой отнять его. Дадут охотно, но только для того, чтоб отучить народ совсем от нынешних поручных подаяний, а когда отнимут жалованье за “непослушание”, тогда и совсем заставят голодать... Пока есть на Руси православное правительство, дотоле будет ограждаемо и Православие, а – сохрани Бог – поколеблется эта власть, пошатнется и Православие, – не потому, чтобы истина Православия не имела силы сама собою держаться, но потому, что некому будет прикрикнуть на врагов Православия, которые прибегают к безсовестным средствам пропаганды, – а с другой стороны, потому, что некому будет защитить гонимых пастырей Церкви, а много ли в наше грешное время найдется сильных духом, готовых на мученичество служителей Церкви? Ведь для подвига мученического нужен еще подвиг приготовления, который не всеми вмещается. А подвиг пастырства есть и сам по себе подвиг медленного мученичества, если только пастырь решится во всем следовать требованиям своего долга, своей совести. Нужно ли даже говорить об этом?

Но, отцы и братья! Много, и совершенно понятно, почему так много мы говорим в настоящее время о необходимости обеспечения нашего духовенства. Однако же, сознаемся, что ведь это средство человеческое; не будем осуждать его: пусть государство поймет, что его долг прийти на помощь Церкви в обеспечении служителей Церкви, которые являются в то же время вернейшими слугами и государства. Бог не творит чудес там, где есть человеческие средства достигнуть земных целей. Но кто же не знает, как не прочны, не надежны все наши земные средства? Ныне их дадут, а завтра отнимут...

Но Христос Спаситель как всеведущий Основатель и Попечитель Своей Церкви вперед знал, что служители сей Церкви будут нуждаться в земных потребах, знал и вперед трогательно озаботился о сих потребах, вперед дал нам, Своим служителям, и не нам только, служителям Его Церкви, но и всякому, кто решится идти по стопам Его, жить по Его заповедям, вот ту расписку, которую я только что привел, – то священное евангельское слово, которое обеспечивает всякому верующему, а тем паче служителю Церкви Его, удовлетворение всех неотложных наших нужд земных. Что верно и действительно слово Его и в наше время, тому доказательств безчисленное множество: стоит только в простоте верующего сердца присмотреться к жизни хотя бы тех же пастырей Церкви. При всей бедности, при всей необезпеченности, кто из них как-то умеет сводить концы с концами, как не те, которые смиренно совершают свое дело, не жалуются на судьбу свою, а все упование свое возлагают на Бога? В их добрых сердцах горит огонек веры и любви к святости своего звания, и Бог располагает к ним сердца верующих, и творится дело любви взаимной между пастырем и паствою, и, иногда неведомо как-то, восполняются все нужды доброго пастыря. Христос верен слову Своему и исполняет его...

И если мирянам грешно забывать сие слово Христово, то тем непростительнее это служителю и сотруднику Христову, пастырю Церкви. А я и еще скажу горькое слово, – пусть меня побранят мои собратия, но пусть прислушаются и к собственной совести: ведь немецкия-то лжеучения появились впервые не где-нибудь на голодном Севере, а на благодатном Юге, где духовенство, сравнительно, много обеспеченнее северного, где батюшки имели и тройки лошадей, и помещичьи экипажи, а матушки играли на роялях и щеголяют в шляпках... Сказал я это горькое слово, но готов взять его и назад: “обеспечение” ведь понимается каждым по-своему...

Горько то, что наша православно-церковная логика как будто у нас выворачивается наизнанку: на место попечений о Божием, забот о том, как исправить упущенное Божие дело, мы ставим попечения о земном, человеческом, и не слышится среди нас напоминаний о Христовой “расписке”, о Его великом даже и в земных наших нуждах обетовании... И как оно исполнится на нас, когда мы не только условия его исполнения, но и самое обетование-то забыли?.. Братия мои, Христовы служители, Христовы сотрудники, верим ли мы своему Господу?.. Простите мне этот горький вопрос!

IV

Теперь вот о чем следует подумать.

Я сказал, что мы, пастыри, больше всех виновны в том, что немцы прокрались в стадо Христово и отравляют своим ядом малых сих. Давно ли у нас появились так называемые миссионеры? Говорю “так называемые”, ибо хотя и давно употребляется у нас это слово, но к нему как-то не привыкло и доселе ухо православного. И зачем было брать чужое, латинское слово для такого священного звания? У баптистов и то нашлось слово “евангелист”, правда, звучащее кощунственно в наших ушах, а мы не нашли своего родного русского, хотя бы, например, “веропроповедник”. Но это замечание только к слову – и кстати. Хорошее дело – миссия как борьба с сектантами. Дай Бог побольше хороших миссионеров. Но все же позволительно спросить: а разве пастыри-то Церкви, кому вверены приходы, не обязаны бороться с этими врагами Церкви? Ведь они чему-то учились лет десять – двенадцать, проходили они в семинариях и алгебру, и тригонометрию, и древние, а теперь, кажется, и новые языки; теперь им советуют проходить и сельское хозяйство, и медицину, и еще невесть что; да помнится, проходили и сектоведение... Так как же это так: понадобились еще специальные “миссионеры”, чтобы бороться с ересями и расколами, даже с нашим старым расколом, который весь и стоит-то на гордом невежестве?.. Странно что-то: столько лет учились, готовились к пастырству, а пришли к стаду, поставлены благодатию на делание свое, и вдруг им понадобились руководители, помощники в борьбе с сектами. Еще на первое время можно допустить это для неопытных батюшек, только что получивших, приходы; а почтенным иереям, прослужившим десяток лет на приходе, кажется, надо бы уже знать свое дело пастырское, знать, как отражать волков, какою палкою гнать их из своего, Богом вверенного им, стада. Словом – ужели изучение сектантских мудрований уже такая мудрость, что наши иереи не в состоянии без руководителя изучить эту лжеименную мудрость? Простой, нигде в средних школах не учившийся крестьянин, наслушавшийся разглагольствований сектанта, смело вступает в собеседование с окончившим духовную семинарию, и... бывает, что батюшка пред ним “пасует”, не находится, что ему

ответить... Ведь даже за наши духовные школы становится стыдно!.. Но дело, думаю, стоит уж не так безнадежно, как кажется: только большинство батюшек как-то безсознательно считает дело борьбы с сектами – специальностью миссионеров, ждут: вот придет миссионер и будет беседовать с отщепенцами от Церкви... Я знаю даже пример, как один батюшка, к стыду для духовенства, ушел из дома, где-то скрылся, когда его просил прийти на беседу сектантский проповедник. Ответ был: “Дома нет...” А он, говорят, сидел в сарае... Просто не веришь, что это может быть. А ведь и мудрость-то сектантов невесть какая: надо изучить сотни две-три сектантов, усвоить хотя краткия руководства к борьбе с сектантами, поближе изучить любимыя ими места Священного Писания и, конечно, посоветоваться с опытными пастырями и миссионерами. Ведь это дело жизни пастыря! Ведь сектанты смеются, когда в приход приглашается миссионер: “Вот, отец Иван не сладит с нашим наставником – куда ему? Вызывает миссионера”, которого, кстати, заметить, иные сектанты в насмешку переименовывают “комиссионером”, – ведь слово это простому народу удобопонятнее, чем “миссионер”. Как бы себя ни оправдывали батюшки, но их долг повелительно требует, чтобы они понудили себя изучать сектантство, особенно те его ветки, которые пустили свои корешки в их приходах. Ужели ждать, когда высшая церковная власть потребует от всех священников знания миссионерского дела, назначит экзамены и подобное? Известно, что главари сектантов следят за успехом своей зловредной проповеди, изучают приемы миссионеров, а там, где-то в Гамбурге, в специальной семинарии, ученые немцы изобретают способы опровержений на опровержения православных миссионеров. Как же нам, пастырям Церкви, не знать приемов наших врагов в их разрушении православного мирозерцания в нашем добром верующем народе?..

V

Из сказанного видно, что наши пастыри в общем не достаточно подготовлены для борьбы с хищными волками-сектантами, – мало того: не достаточно думают о необходимости такой подготовки, как будто это не их прямое дело, как будто об этом забота возложена только на миссионеров. Но и для приготовления миссионеров-то у нас нет специального учреждения: оно еще только нарождается где-то в Херсонской губернии. Обычно возлагается забота на наши духовные академии. Но и там дело поставлено незавидно. Кафедры есть, но миссионеры выходят как-то случайно: не видно призвания, ревности к святому делу борьбы за Церковь; епархии крайне нуждаются в них, а их не находится не только с академическим, но и семинарским образованием. Святитель Феофан Затворник правду горькую говорил: “Жаль смотреть, как у наших богословов все немчура да немчура. Вот пошлет за это на нас Господь немчуру, чтобы она пушками да пытками выбила из голов всякое немецкое мудрование”. Труды многих наших ученых богословов пропитаны немецким духом в своем большинстве. И это не может не сказаться в самом направлении их трудов. Откуда, например, эта критика церковных преданий вместо защиты их, как мои читатели могли видеть на моей полемике с неким протоиереем-академиком, с отцом Ст. Остроумовым, по вопросу о предании церковном, касающемся Успения Богоматери? Откуда покушение на основной догмат нашего спасения об искуплении и требование, чтобы самое слово “искупление” было выброшено из нашей догматики? С изумлением иногда читаешь в сочинении какого-нибудь “доктора

богословия”, что давать Евангелие в руки детям значит уродовать их душу... Вы не верите, читатель? Возьмите в руки многотомный сочинения профессора Московской духовной академии г. Тареева и там прочтете слово в слово эту фразу. Можно ли от таких догматистов ожидать твердой защиты Православия против немецких нападений? Десятки лет наша богословская наука живет и питается то немцами, то французами: на диспутах при защите богословских диссертаций ученые не раз изобличали диспутантов, иногда прямо в списывании с немецких книг... Можно ли ожидать от них пламенной защиты родного исповедания веры? А из академии выходят ведь преподаватели семинарий. Помню, в самом начале семидесятых годов, когда я учился в семинарии, пришлось слышать на уроке церковной истории от преподавателя, что предание о Нерукотворенном образе не имеет под собою исторической почвы; сердце у меня повернулось тогда: я написал в своем рукописном журнале протест, ссылаясь на праздник церковный как памятник сего чуда, но, конечно, никому не было до того дела, хотя мой журнал ходил по рукам и у инспекции... Только один преподаватель, особенно ко мне благоволивший, сказал мне: “Беда, если ваш листок попадет в руки ревизора, вам-то ничего, а нам достанется от него”. Это было сорок пять лет назад, но лучше ли теперь? Впоследствии я прочитал книгу Преосвященного Христофора, бывшего ректора академии, о Нерукотворенном образе Христовом, и на основании показаний самих немцев увидел, что это церковное предание имеет сколько за, столько и против себя исторических данных. Выходит: если данные равноценны, то для нас голос Церкви, установившей праздник в честь сего образа, должен же иметь перевес... в пользу предания, конечно.

Я уже писал в прошлом году, что у нас нет самых необходимых для народа книг, которыми простые начетчики могли бы руководиться в спорах с сектантами. Правда, есть “Православный противосектантский катехизис” Д. И. Боголюбова, “Доброе исповедание”, “Образец здравого учения”, “Оружие правды” г. Н. Варжанского, и за это большое спасибо гг. миссионерам, но все это не столь авторитетно, не так общедоступно для пользования простецам, да и почему-то мало распространено. Многие ли, даже священники, знают об этих изданиях?

Враги Церкви пользуются всеми средствами, чтобы сеять свои плевелы: и в газетах, и в отрывных календарях, и на конвертах – всюду сеют свои лживые мысли; говорят, что в лазаретах раздаются сектантские листки якобы с благочестивым содержанием раненым воинам, а за границей наших бедных пленных положительно отравляют всякой немецкой нечистью, чтобы они, вернувшись домой, занесли и в свои деревни эту нечисть. А мы, много ли мы против этого делаем? Где у нас миссионерские листки, календари, брошюры, много ли их?

VI

Мы, пастыри, должны зорко следить за духовной жизнью наших пасомых. Враги нашей Церкви, разные проповедники немецких ересей, вносят свою отраву большею частью туда, где замечают пробуждающуюся потребность грешной души стать поближе к Богу, обновиться, начать новую жизнь. А что бывает в душах верующих, равнодушных к своему спасению, на которых и должно быть сосредоточено особенное внимание наше? За такими душами ведь больше наблюдает и враг наш, диавол; к таким он и подсылает своих слуг – врагов Церкви. Видит, что душа алчет, ищет хлеба духовного, а мы, пастыри, не

радим о том, чтоб напитать ее сим хлебом чистым, благодатию Божией освященным: вот и подает он чрез своих слуг-еретиков вместо хлеба камень, вместо рыбы – змею, вместо яйца – скорпиона. Простой человек не понимает, что духовное обновление совершается не сразу, что в сем деле без подвига, без борьбы, без самопонуждения и даже страданий нельзя обойтись. Ему хочется, чтобы духовное перерождение совершилось с ним поскорее и полегче. А на что легче, если можно спастись только одною верою, что ни добрых дел, ни таинств, ни борьбы со своими страстями не нужно, что все это – поповския выдумки: веруй – и спасен уже... Так враг спасения перехватывает человека в самом начале пути ко спасению, а слуги его, изошренные в тонкостях лжеучений, не только укрепляют несчастного, подпавшего под их влияние, в ложном убеждении, но и спешат бросить тень на учение Церкви, искусно подменявая понятия самага учения картинами недостойнаго поведения православных и особенно если есть на виду к тому случаи в жизни православнаго пастырства. Ведь чтобы оторвать человека от Православной Церкви, надо подорвать доверие к служителям самой Церкви, а через это предоставить человека самому себе в деле спасения. Раз человек перестал доверяться пастырю Церкви, он уже охладевает и к самой Церкви; ибо на все ея учение начинает смотреть как на плоды пастырских писаний, как на выдумки попов. С Церковью уже связь оборвана. А кто виноват? Большею частью мы, пастыри: это мы проглядели душу, которая возжаждала спасения, но попала в отравленный кладезь ересей; может быть, толкалась к нам, но нашла двери наши запертыми... Мы в свое время не воспитали в ней детской привязанности к Церкви, беззаветнаго доверия ко всему, что идет от имени Церкви, привычки искать ответа на все запросы духа только в учении Церкви, послушания ей, своей матери. Мы даже не предостерегали человека от опасности своемыслия, не предупредили от возможных покушений со стороны тайных врагов Церкви... Любит русский человек поговорить о Божественном, о спасении души, и вот попадает ему будто бы единомысленный ему брат, начинается беседа, и опытный лжеучитель всевает в душу простеца, – да не простеца только, а и интеллигента, малознакомаго с церковной литературой, – сомнение в правоте православнаго учения, а вместе с тем и некую надежду на легкое спасение. “Легкоспасенство”, по выражению святителя Феофана, есть основа всякаго сектантства. Даже те мистическия секты, которыя якобы проповедуют подвиг “для спасения”, в конце концов сводят это дело к “легкоспасенству”. У врага – опытная, старая логика: “Вся сия дам ти, аще пад поклонишися”. Зачем подвиг? Зачем самоотречение? Веруй, и ты “уже спасен”. Зачем борьба с плотью? Оскопись, и ты свободен от падения. Подмени понятие в слове “любовь христианская” понятием “плотская любовь”, назови последнюю именем первой, и ты – духовный человек. В самом устроении души всякая ересь совершает подлог: вместо смиреннаго, приснопокаяннаго самопредания в волю Божию, которое повторяет с святителем Димитрием: “Твори со мною еже хочещи; аще отверзеши двери милосердия Твоего – добро убо и благо. Аще затвориши их – благословен еси, Господи, яко затвориши ми в правду. Аще не погубиши мя со беззакониями моими, слава безмерному милосердию Твоему.

Аще погубиши мя – слава праведному суду Твоему: якоже хочещи устрой о мне вещь”, – вместо такого богопреданнаго устройства враг стремится, чтобы душа добилась полной уверенности, что она “уже спасена”, уже стала святою, уже поднялась выше других людей и с своей высоты начала созерцать чужие грехи и любоваться своими добродетелями, а иногда и самые свои грехи возводить в степень добродетелей. Святые Божии, и умирая, говорили: “Боюсь смерти, ибо я еще не свободен от вражьих искушений

и не буду свободен, пока не перейду пределы сей жизни”, а сектант хочет быть уже теперь святым, так себя иные и называют уже святыми. Своей гордыни они не видят, да и не хотят видеть: они ослеплены ею, а мнимыми добродетелями хвалятся, любят, не подозревая, что эти мнимо добрые дела иногда прямо помогает им и делать-то враг-дьявол. Тебе хочется прослыть добрым человеком, – как бы говорит он ищущему спасения: “Вся сия дам ти, если только послушаешься меня, если будешь делать добро напоказ, если будешь осуждать грешников в их падениях, если будешь других учить тому же и в том же духе, как делаешь сам. Я помогу тебе и от пьянства отстать, и табак бросить, пожалуй, отучу тебя и от мысли, чтобы ты казался себе как можно святее. Буду утешать тебя и духовными утешениями, восторгами, видениями, сделаю тебя пророком, только побольше верь себе, слушайся тех, кто будет мною приставлен к тебе...”

И идет несчастный совращенный, как пойманный на веревочку, идет, воображая, будто идет “за Христом”, а на деле – к своей гибели вечной.

Ведь вот что творится с душою несчастного изменника Православию. А нам, пастырям, будто и дела нет... Мы забыли великий и трогательный образ Небесного Пастыреначальника, оставляющего девяносто девять овец в пустынях и горах и идущего в дебри и пропасти, чтобы там найти овцу потерянную или волком похищенную. Мы не хотим даже показаться на глаза этому волку, чтобы оградить от него овечку, в его сети заманиваемую. Мы не хотим дать ей чистаго хлеба взамен отравы, которую подносит ей враг... А еще смеем ждать, чтобы Господь Пастыреначальник исполнял над нами святое Свое обетование, Свою евангельскую расписку...

Как же после всего сказанного, а еще больше – недосказанного, не признать, что Господь праведно наказует нас за нерадение наше о том сокровище веры, которое Он нам вверил, а мы не хранили, не храним, недостаточно храним? Все мы повинны, что слишком теплохладно относимся к святому нашему Православию: повинны наши власти, повинны наши духовные школы, повинны сугубо мы, пастыри и архипастыри, – думаю, что не оскорблю моих собратий сим обвинением, что они с смиренною любовью примут на себя немалую долю сей вины, что недостаточно в свое время возвышали мы свой авторитетный голос против врагов Церкви, недостаточно оберегали стадо Божие от хитрых волков, в него вторгавшихся, недостаточно приготавливали наше духовное юношество в борьбе с ними, вооружали его оружием слова Божия и святоотеческого писания, воодушевляли духом ревности о своей вере православной... Вот и пришел час расплаты за эту теплохладность, и пришла та “немчура”, о коей предсказывал святитель Феофан, и надо помнить, что даже и тогда, когда мы прогоним ее из пределов родной земли, нам не удастся скоро выжить ее из области духовной жизни народа нашего, из нашей школы, науки, нам придется еще долго-долго бороться с ней потом...

Верно слово Господне: *чем кто согрешает, тот тем и наказуется* (Прем. 11, 17). Мы согрешили снисходительным отношением к ересям, распространяемым немцами, излишним увлечением их якобы наукою, мы допустили их отравлять наш народ баптизмом и разными ересями, а нашу интеллигенцию рационализмом, либерализмом, мы пустили к себе в литературу немецких верных союзников-иудеев; вот и расплачиваемся теперь за все это...

Но ужели отчаиваться? Ужели так и оставаться в рабстве у этих заклятых врагов истинно христианского духа?

Покаемся!..

Скорби наших дней

События, одно скорбнее другого, так быстро идут, что нет возможности своевременно на них отзываться. В прошлом номере я говорил о том, что церковно-приходския школы отнюдь не следует передавать в Министерство народного просвещения. Едва успел напечатать свои мысли по сему вопросу, как школы оказались уже переданными, несмотря на протест Святейшаго Синода, несмотря на решение московскаго Всероссийскаго съезда духовенства и мирян – передать их в ведение приходов. Едва прочитали мы в газетах об этом, как оказалось, что и сам министр народного просвещения уже ушел в отставку...

А вот еще новость, глубоко оскорбляющая чувство верующего: в Москве в Большом театре представляют *Саломею*, то есть какая-нибудь плясовица-иудейка выносит изображение главы того, кого Сам Господь наименовал бóльшим из рожденных женами, главы на блюде, угощая сим зрелищем непочтенную публику...

Как будто адский властелин торопился делать свое пагубное дело и командует своим усердным слугам: истощайте, истощайте Церковь Христову до основания ея!..

Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь Твою, юже стяжать еси честною Твоею кровию!..

Архиепископ Никон

Пред церковным Собором

Кончились и монашеские съезды, или, как православным людям хотелось бы их назвать, Соборы. Собирались и ученые монахи, и простые. Сказали много хороших слов, написали много хороших резолюций. Но – увы: не жду я больших плодов от всех этих резолюций. Всем нам, монахам, известны наши обеты, известны требования монашеской дисциплины, но известны и немощи человеческия. Чтобы побудить современных слабых людей исполнять все требования уставов и правил монашеского поведения, нужна строгая дисциплина, а ее-то и трудно провести в жизнь в настоящее время всяких свобод и самочиния, опирающегося еще на выборное начало. Законы-то святы, а мы, исполнители их, – лихие супостаты. Вот, например, уж который раз и съезды постановляют, и указы Синода требуют, чтобы чтение слова Божия, паремии, Апостола и Евангелия было истовое, отнюдь не крикливое, благоговейное; и на прошлом в 1909 году съезде было это постановлено, и указ Синода сего требовал, а что вышло? По-прежнему кричат чтецы, щеголяя своим голосом один перед другим, и ничего с ними не могут сделать отцы настоятели, а иные, грешным делом, не прочь и сами послушать таких крикунов. Негодуешь, делаешь замечания, напоминания не только монаху, но иногда и настоятелю, и все же – нуль внимания. Писал я об этом когда-то, лет тридцать тому назад, в тогдашнем “Церковном Вестнике”, говорилось и на съездах, а дело стоит по-прежнему. Тут не слова нужны, а строгия требования высшей церковной власти, не указы, а дисциплинарныя взыскания: штрафы, покаянные поклоны на виду всех молящихся, и подобное, но вот такая-то меры и нельзя в наши самочинныя времена проводить: еще настоятель под суд попадет за оскорбление, и вот он молчит, махнув рукой: пусть будет как было, лишь бы скандала не было.

Я указал на сравнительно небольшой недостаток, хотя и больно оскорбительный для верующаго чувства: ведь такие чтецы обращают храм Божий в какой-то концертный зал, куда идут любители голосистых дьяконов специально послушать Евангелие или Апостол, после чего и уходят из церкви, будто важное дело сделали. А что уж говорить о поведении недостойных иноков, этой язвы монастыря? Много говорили об этом на съезде, но дальше нравственного воздействия не могли пойти: под начало посылать нельзя, расстригать жалко, а спившийся или потерявший стыд и совесть монах продолжает позорить обитель, так что начинают роптать даже миряне: да, бывают такие случаи! Если уж ныне даже военная дисциплина, даже на фронте, при наличности военного положения, расшаталась донельзя, что тут говорить о монастырской, когда бедный настоятель и в людях-то нуждается, чтоб не остановилось совсем богослужение, и выборными сотрудниками-то связан, и сам стоит постоянно под угрозами бойкота и забастовок со стороны недостойных монахов... Надо же сознаться, что никогда монастыри не находились в таком бедственном состоянии в отношении дисциплины, как теперь. Дух времени, дух самочиния и противления проник чрез стены монастырския и отравил многих монахов последних двух типов, о коих я недавно говорил в дневнике своем, и эти чернецы не гнушаются входить в сношения и соглашения с разными “депутатами”, готовые на предательство своих настоятелей... Вся надежда на грядущий Поместный Всероссийский Собор, если только... тяжело говорить это: если только Бог охранит и членов всего Собора от искушений духа времени и большинство из них крепко будут стоять на твердом камени духа канонов и правил церковных. Для всех нас настало время великаго

испытания: действительно – православные ли мы христиане? Или только имя сие носим? Не обманываем ли мы себя самих? Не увлечены ли уже на страну далече от матери-Церкви? Плакать хочется... Правда, слава Богу: еще есть среди нас святители – ревнивцы канонов и преданий родной Церкви, но надо сознаться и в том, что слуги ада тонко проникли и в руководящие круги церковной жизни, что они уже открыто собираются на Соборе переделывать каноны даже Вселенских Соборов, заранее готовят к тому участников Собора в своих органах, подрывая должное уважение к канонам, говоря о них как о постановлениях человеческих, имеющих временный характер и пр. Что если большинство святителей под влиянием духа времени промолчит, оставит без протеста такие покушения? На Собор явится масса православных мирян, слишком мало знакомых с канонами, на них-то вот и будут воздействовать все эти новые “канонисты”, увлекая их своим красноречием и подтасовкой самих канонов и образуя из них большинство для известного голосования. Высказываются надежды на обращение раскольников. Но как бы не произошло нового раскола, более опасного, чем старый. Ведь хорошо известно, что суть раскола вовсе не в клятвах, которые много раз разъяснялись церковной властью, не в обрядах, которые равно приемлются Церковью под условием послушания Церкви и смирения пред ея авторитетом: все это только предлог со стороны учителей раскола, чтобы держать своих послушных простецов в удалении от Церкви. Дело в той гордыне, которою проникнуты вожди раскола, пользующиеся для этой цели тоскою русской души по старым формам церковной жизни, гордыне, которая требует безусловного подчинения самой Церкви их мечтам, смирения пред этой гордыней, чтобы они имели право если не открыто хвалиться: “Победихом, победихом”, то снисходительно сказать: “Ну вот, давно бы так...” И потом командовать в жизни церковной уж по-своему. Недавно мне пришлось слышать характерный отзыв одного раскольниковьяго начетчика по вопросу о соединении раскольников с Православною Церковью. На вопрос православного священника: “Возможно ли такое соединение?” – тот ответил: “Конечно, возможно, только с условием: попов ваших перевести в наши приходы, чтобы они поучились у наших прихожан и семипоклонный начал исполнять, и посолонь ходить, и все обряды древняго благочестия истово выполнять; а *наших* попов перевести на их место, в ваши никонианские приходы: пусть учат тому же благочестию наших прихожан”. Вот мечты раскольниковьей гордыни. Пойдет ли она на смиренное соглашение с Церковью во имя любви? А пересмотр канонов и правил церковных этим расколовождам, несомненно, даст новый повод к обвинению Церкви в ересях. Не говорю уже о безчисленном множестве толков раскольниковьих: как все их притязания могли бы удовлетворить Церковь? Ведь некоторые из них дошли от отрицания необходимости иерархии и таинств до нелепаго учения о царствовании антихриста в Церкви... Сказать правду: плохо я верю всем этим гг. публицистам, которые в иудейских газетах и – к великой скорби православных людей, пора это сказать открыто, – даже в церковной газете, издаваемой на лепты, которые несут православные люди в храм Божий на Божию свечечку, – пишут так красноречиво о Соборе. Не вижу я в них искренности. Ведь если правда, что они – питомцы духовной школы, если они с детства воспитывались под влиянием Церкви, в духе Православия, то они должны же понимать, что не подобает услуживать духу времени, что не должно сближать учение Христово с учением велиаровым, что недостойно православного христианина какой-то социализм – с учением Христа о нестяжании, гуманизм – с учением Его о любви и т. п. Если Бог даст, пройдет эта муть, то стыдно станет за разных современных “профессоров”, которые один перед другим стараются выслужиться пред духом времени и ради сего не

падают ни святителей, ни родных церковных преданий, искажают заветные понятия церковности в угоду современному либерализму и на соблазн простых верующих. Но сознания-то всего этого, всей этой фальши, в них и не видно. Выходит, как будто эти господа верят в то, что пишут. Тогда уж пусть они простят нас, простых православных людей, если мы отшатнемся от них, от их мудрований, и станем на сторону тех святителей, которые, болея душою за Церковь, отрекаются от сих господ публицистов. Дай только Бог, чтобы на грядущем Соборе в них было побольше мужества для снятия овчих одежд с волков, для обличения лжи и заблуждений, постоянно посеваемых в среде верующих: когда же и где же не только можно, но и должно, во имя любви к малым сим, безжалостно соблазняем, сделать все это? Ведь и все древние церковные Соборы главным образом занимались раскрытием Христовой истины, обличением лживых мудрований и благоустройством самой Церкви в строгом духе апостольских заветов и преданий; пусть же наши святители, призвав свои поместные Церкви к молитве о благодатной помощи свыше, идут на Собор как на подвиг исповедничества, объединяясь в любви с благочестивыми чадами своими на великое дело Божие.

Архиепископ Никон

Невежество или кощунство?

Удивительно, до чего замутились понятия у некоторых современных истолкователей нашей церковной символики под влиянием революции: они видят в самых простых христианских символах то, чего не могло прийти на мысль, например, строителям храмов Божиих. Но особенно печально то, что свои толкования эти новые “ученые” археологи проповедуют в газете, издаваемой на церковные средства и обязательной для всего духовенства. Некий г. В. Лашнюков в “Всероссийском Церковно-общественном Вестнике”, в отделе для народа сообщает, что над крестом колокольни Михайловского монастыря в Киеве была приделана царская корона^[94], будто “сердце искренне верующих людей всегда возмущалось этим”, и сам г. Лашнюков видит в этом “идолопоклонство и кощунство”. “Корона, – говорит он, – не может быть выше креста, потому что Бог больше всего и выше всего”. А сам, не замечая того, в то же время кощунствует, ставя народ рядом с Богом: “Бог и народ, крест и народ – это наши *единственный* святыни. Других нам не надо. Других *не может быть*”. А затем у него идет речь о каких-то “темных людях, которые жалеют о прошлом идолопоклонстве, нашептывают крестьянам и рабочим злые и ехидные речи, зовут народ к темному прошлому, которым дарили в награду тысячи десятин земли, когда крестьянину некуда было даже выгнать и курицу, – им давали миллионы рублей за то, чтобы они корону ставили выше креста”. При прежнем строе будто бы “каждый урядник мог избить в кровь христианина, за которого умер Христос, а становые пристава и земские начальники грабили и разоряли народ”. “Нет, нет, – с пафосом восклицает В. Лашнюков, – темные люди лгали и лгут! И самая большая, самая страшная их ложь – это ложь на Бога. Нашу христианскую страну они делали языческой. Корона у них была больше Бога и больше народа... Мы знаем только два великих, праведных слова: Бог и народ”. Впрочем, в заключение статьи и в полное противоречие себе Лашнюков говорит, что “Бог и народ – первые слова. Есть еще и другие, такие же великие, такие же праведные: Бог и свобода...”

Итак, газета, издаваемая на средства самой Церкви, газета, поглощающая около миллиона сумм, собираемых с церковей, проповедует, что есть “только два великих праведных слова: Бог и народ”, ставит народ рядом с Богом, а редакция не хочет заметить этого кощунства, не хочет знать, что ведь это пишется для народа, что народ поймет это буквально и... пожалуй, “обоготворит” себя, оправдываясь церковной газетой... Творится что-то неладное в головах руководителей этой газеты... Ведь уж кому другому простительно, вроде того же В. Аашнюкова, но не профессорам Духовной академии, не взглянуть хотя бы на наши архиерейские пантеоны, на кресты архимандритов, увенчанных тоже коронами: что же, и тут выражается мысль, что “корона выше Бога”, а стало быть, и мы, носящие сии священные предметы на своей груди, – кощунники и идолопоклонники? Мало того: многие иконы Матери Божией, иконы чудотворные, увенчаны коронами: и это, стало быть, значит, что Царь выше Матери Божией? А иконы Спасителя, Господа Вседержителя, иконы очень древние (например, в Пскове), тоже увенчанные короной, тоже дают мысль, будто Царь выше Христа? Так, что ли, В. Лашнюков? И вы, г. профессор Татлинов, согласны с ним? Да уж не вычеркнуть ли и у апостола Павла именование Господа Царем царствующих? Не поправить ли Иоанна Богослова, который в Апокалипсисе также называет Господа Иисуса Христа Царем, не пересмотреть ли всю Библию и исправить все места, где Бог именуется Царем?.. Увы, в желании перевоспитать

народ в его понятиях забывают, что и на крестах, и на панагиях, и на иконах – всюду корона означает просто славу и величие, подобающее тому, кто изображен на сих предметах, – то же, что ореол или сияние вокруг главы, а вовсе не царскую власть... Профессора-то Духовных академий должны бы это знать. Должны бы знать, что надо поосторожнее ставить рядом и такие слова, как “Бог и народ”, и прилагать к ним одни и те же слова определительные. Да если бы даже и Царь снял с себя корону и возложил бы ее на крест, это только означало бы, что он считает себя недостойным той славы, какую означает корона, а вовсе не то, что он “выше Бога”. Он отдал бы Богу то, что ему дано было, по верованию Церкви, от Бога...

В такое темное, тяжелое время мы живем!.. Не защищаю уже тех “темных” людей, о которых говорит Лашнюков: я не знаю, кого он разумеет...

Еще о безсовестной лжи

Есть поговорка: “Глупцу хоть кол на голове теши – он все будет свое твердить”. То же можно сказать и о людях, потерявших христианскую совесть и поставивших себе целью ложь и клевету на ближнего, чтобы возбудить против него простых людей. К какому разряду принадлежит некий Герасим Михайлов, промышлявший изданием разных листков с самым кричащим названием и продаваемых им по десять копеек за листок, тогда как самая красная им цена – копейка, – не знаю. Но его листки возмутительны. Вот образец: листок под заглавием “Небывалое событие в храме св. Василия Кесарийского (никакого знака препинания) о (событие – о?) заживо погребенны(о)м диаконе Сладкопевцо(е)ве. Описание его страдания”. Затем – небольшая статейка, не то опровергающая, не то подтверждающая это “событие”. В конце концов заявление, что “легенда, не имеющая под собою почвы, продолжает существовать”. И – только.

Но суть листка, очевидно, вовсе не в этой статейке, а в следующей за нею, писанной, очевидно, не русским человеком. Закрываю о национальности автора по некоторым выражениям, например: “Духовное осуждение наших отцов, а в особенности князей Церкви – было всегда сильным вопросом (?) последних десятков лет”. “Отклоняясь быть духовными пастухами своей общины, духовенство постепенно обращалось в околоточных надзирателей от Церкви, состоящих на судьбе (так и стоит – на судьбе) Министерства внутренних дел”. “Дух стяжательства, насквозь пропитавший огромнейшую часть нашего духовенства”, “...возмущенные голоса тонули в истопных (так напечатано) кликах и свистопляске черной клики...” Или такое невежество: “Старший игумен Соловецких монастырей, являющихся богатейшими монастырями в России”, хотя всем русским православным людям известно, что на Соловецком острове только один монастырь и там не игумен, а архимандрит. Ясно, что писал не русский, а из привилегированного племени, которое из вежливости ныне не принято называть.

Но дело опять-таки не в этом, а в том, что статейка повторяет старую-престарую жидовскую басню о миллиардах монастырских. Правда, прежде, например, писали, будто Троицкая Сергиева Лавра имеет семьдесят пять миллиардов, теперь пишут только три миллиарда, поубавили в двадцать пять раз капитала, коего на самом деле и в мечтах иноков нет, – ну, а все же лгут: без этого уже нельзя, когда надо смутить простецов, особенно теперь солдат. “Одного этого капитала, – высчитывает листок Герасима Михайлова, – хватило бы на уплату процентов по нашему государственному долгу, какой мы накопили за время войны. А доходы Лавры считаются десятками миллионов рублей”. Диво только, откуда Герасимы Михайловы черпают такие сведения? Еще недавно Лавра оповещала православных, что все ее доходы простираются в год не свыше четырехсот тысяч, а в голове какого-то Герасима Михайлова они обратились уже в десятки миллионов... В десятки, сотни раз увеличивает он – ему ведь не жаль нулей, которые он щедро и подкатывает к цифрам, – и доходы архиереев: пишет без зазрения совести, будто митрополит Петроградский получал из доходов Лавры двести пятьдесят тысяч – ровно в десять раз больше действительности, архиепископ Новгородский – триста тысяч, доходы многих князей Церкви считаются-де десятками тысяч рублей в год. И торжественно заключает: “Вот какими средствами обладает русское духовенство и держит их под спудом, когда государство так остро нуждается в деньгах. Поэтому? – ставит он тут знак

вопроса и отвечает: – Пусть отцы Церкви ответят нам на поставленный ряд вопросов, пусть скажут ясно и открыто: с народом ли они или против него?”

Отвечаем, гражданин Герасим Михайлов. Сказано давно в Писании: *Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему, не отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих* (Притч. 26, 4–5). А для простецов-читателей довольно сказать: не верьте лжецу прежде, чем он документально докажет свою ложь, а этого он никогда сделать не может, потому что лжет с начала до конца. Теперь наша очередь, гражданин Михайлов: покажите документы! Да не ссылайтесь на жидовския газеты: они так же лгут, как и вы, а – документы, документы!..

Россия вывихнулась

Девяносто лет тому назад великий святитель Московский митрополит Филарет говорил слово в своем Чудовом монастыре. Со свойственной ему прозорливостью он изображает как бы наше время особенно в таких выражениях: “Если различные состояния общества, от неправильного движения страстей, подобно вывихнутию членов тела, выходят из свойственных им мест и пределов, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втесняются в дела, совсем до них не принадлежащая, например, воин хочет законодательствовать; не призванный Церковью поставляет себя учителем веры; поселянин прилагает ухо к молве о вольности, которой не понимает и которую не умеет пользоваться; гражданин мечтает о благородстве имени, не принадлежащем его званию, не поставляя в справедливую цену благородство духа, в приобретении которого никто не препятствует: что может от сего последовать, как не то, что и весь состав тела государственного производить будет нестройные и нездоровые движения?.. Имея уши слышать да слышит! У кого внутренний слух сердца не заграждает духовным нечувствием, тогда да слышит, что при сих размышлениях говорит ему внутренний свидетель и судия правды и греха – совесть: и если она обличает в недостатке подвигов для правды, возвышающей язык, или в недостатке осторожности против грехов, умаляющих племена, то присоединим к молитве покаяние, к покаянию подвиги исправления, да примем или благое воздаяние от правды Божией, или помилование от милосердия Божия” (Сочинения Филарета, митрополита Московского. Т. III. С. 44–45).

Не правда ли: Россия в своих членах вся “вывихнулась”, русские люди забыли “свои места и пределы”, занимаются “не столько своими”, сколько “чужими обязанностями”, а ныне можно сказать, что свои-то и совсем забывают, а на других готовы возложить бремена тяжкия и неудобноносимыя. В дальнейших словах святителя буквальное указание на то, что творится теперь у нас на Руси: “Воин хочет законодательствовать”, а с фронта бежит; “не призванный Церковью поставляет себя учителем веры” и не хочет знать Церковью поставленных учителей; каждый юнец судит о том, нужно ли учить Закону Божию в школах и готов решать судьбы школ, даже и Церкви принадлежащих; каждый полуграмотный считает себя вправе, во имя бессмысленной свободы всякого неразумного слова, быть проповедником какой угодно веры, какого угодно политического устройства; не только поселяне, но и все почти поголовно русские грамотеи заразились страстью болтать что кому вздумается, вообразили себя умниками, пишут, печатают, говорят без конца и без числа, так что уж умным людям приходится поневоле молчать; слово “свобода” понимается каждым кому как хочется, а так как людей нравственно неустойчивых и умственно ограниченных больше, чем умных и благочестивых, то и берут верх почти все первые над последними, и вместо свободы для последних наступает рабство, – да, рабство, необходимость подчинения силе, и чем больше засилья берет большинство, тем менее свободы для людей наиболее честных, благоразумных, скромных и добросовестных. Под напором большинства толпы им приходится уходить на задний план, и вот на поприще жизненное выступают люди, коих идеал не в общем благе, не в служении по долгу совести ближнему, а в мечтах нелепых учений, еще никогда в жизни никем не осуществленных да и неосуществимых, или же, еще проще, – в их личных выгодах материальных или в честолубии. Не говорю уже о жизни мирской, что творится у нас в церковной жизни? Руководители нынешней церковной печати все твердят, что

Церковь есть тело Христово, а потому всякий член ея имеет право – пуще всего право, а не долг – деятельно участвовать в жизни Церкви. И требуют этого участия, прежде всего, в разных выборах на должности: овцы сами себе выбирают пастырей, и даже архипастырей, духовные дети – своих духовных отцов, – удивляться надо: почему учащиеся не выбирают еще себе учителей?.. Да, кажется, они и не прочь от этого, хотя бы, например, учащиеся в высших школах: у них тоже есть свои любимцы среди учащихся, коим они дают предпочтение.

Те, которые так настойчиво толкуют о правах членов, забывают, что и в теле члены не во всем равноправны. Все они имеют право на питание, на одежду, на свободное обращение в них крови; но не все пользуются одинаковой свободой движения, и все они одинаково подчинены только их владычице – душе. Каждый член знает свое дело и не вмешивается в чужое. Прочтите у апостола Павла об этом в его Первом послании к Коринфянам, в главе 12-й. Как каждому члену тела Бог дал свое дело, так и в Церкви каждый член имеет свое делание, служение, и не всякий способен, не всякий имеет возможность осуществлять в Церкви всякое служение; избрание же лиц, достойных и благопотребных для святительского служения, далеко не такое дело, на которое был бы всякий верующий способен как по опыту своей жизни, так и по его духовному развитию. Вообще, выборное начало на деле применимо только там, где все выборщики одинаково умственно развиты в отношении той специальности, какая имеется в виду для избираемого лица, и, кроме того, одинаково честны и безкорыстны. И только. Иначе теряется смысл самих выборов, не говоря уже о принципиальной их стороне. Беру пример: бывшая моя епархия Вологодская заключает в себе пространство более трехсот пятидесяти четырех тысяч квадратных верст. Явится надобность выбирать архиерея. Сойдутся выборщики – священники, миряне, клирики – со всех концов епархии. Друг друга большею частию не знают, особенно миряне, впервые видят друг друга... Не знают и кандидатов: где же в деревенской глуши знать людей, пригодных для архиерейства? Ясно, что этой толпою придется руководить вологодским батюшкам, более или менее развитым. Но тогда участие прибывших с разных краев епархии будет уже только пассивное: им невольно придется голосовать только за тех, кого им укажут. Стоило ли ехать за две тысячи верст выборщику только для того, чтобы спросить вологодских выборщиков: кто может считаться кандидатом на место архиерея в Вологду? Трата времени, трата денег, – конечно, не своих личных, – и все ради какой-то бессмысленной процедуры... Уж если допускать непременно выборы архиереев, то пусть бы и выбирали архиереи же: они знают всех кандидатов правоспособных, могут снестись по телеграфу и пр.

Но я остановился на выборах архиереев только для примера. Россия “вывихнулась”, по выражению митрополита Филарета, “и весь состав государственного тела производит нестройные и нездоровые движения”. Выборное начало вытолкнуло многих из своей колеи и втянуло в чужую, им не свойственную, где они и обнаруживают всю свою непригодность для той цели, с какою выбраны, а между тем не легко лишить их тех прав, какими облачают их избиратели, хотя избиратели и не думали, чтобы они стали так злоупотреблять этими правами. Вот маленький пример: “В предсъездном бюро одной епархии, – читаем в газете “Братская Речи”, – псаломщик (конечно, выбранный), облагодетельствованный викарным епископом, вдруг на заседании бюро подступает к этому епископу, кстати сказать, и годами почтенному, и характером доброму, мягкому, и кричит: “Ты разве архиерей? Ты – не архиерей, а служитель сатаны!” И залез этот

избранник от псаломщиков захватным порядком в редакцию местного церковного печатного органа, и стал там действовать по части “писательства” так, что духовенство стало открещиваться от своего издания и присылать заявления, чтобы издание это больше не высылалось”^[95]. Вот ведь могут быть какие выборные, и надо помнить, что они пользуются равным голосом с почтенными батюшками и даже архиереями. Не очевидное ли это уродство во имя принципа равенства и бессмысленного начала большинства голосов? Не свихнулись ли мы в рассудке, гонясь за этими принципами? Где уж тут говорить о “благородстве духа, в приобретении коего никто нам не препятствует”, о “вольности” или истинной свободе, “которую не понимают и которую не многие умеют пользоваться”, которую и толкует каждый, как ему хочется? Нет сомнения, что много и еще бед ожидает нас, если не одумаемся, не отрезвимся от этого опьянения всякими красивыми словами, нарочито придуманными врагами Церкви и нашей Родины, чтобы вскружить наши бедные головы...

Открытие Всероссийского Церковного Собора

В день преславного Успения Матери Божией открылся торжественно Всероссийский Церковный Собор. Как только образовался совет Собора, избранные его члены, мысль соборян сосредоточилась на молитве: 26 августа, в день, памятный для России избавлением от Тамерлана и знаменитую битвою Бородинской, было совершено всенародное моление на Красной площади, а 27-е число посвящено богомолью у мощей великого заступника Русской земли преподобного Сергия. Собравшиеся со всех концов Русской земли архипастыри с избранными паствою боголюбивыми чадами родной Церкви обступили священную гробницу великого в своем смирении русского человека, носителя церковных идеалов и крепкого предстателя пред Богом за Русь Православную, и горячо молили его умоливать прогневанного Царя царей и Господа сил даровать мир Отечеству, вразумить потерявших совесть, спасти родную ему землю от конечной гибели. Да услышит преподобный игумен всея Руси сие смиренное моление!..

Мое слово скорби

Летом прошлого, 1916 года, под впечатлением уже тогда начавшейся духовной смуты в нашей церковной жизни, я написал свое “Братское слово скорби святителям Русской земли”, напечатал его на правах частного письма и разослал всем правящим архиереям. Печатать его в то время в “Троицком Слове” я не нашел благовременным: кому нужно было прочесть, те прочитали; а этого было для меня достаточно. Теперь изменились обстоятельства: наша архиерейская скорбь стала общерусскою скорбью; то, чем болело наше сердце вместе с благочестивыми православными людьми, верными заветам родной Церкви, теперь объединяет с нами верных чад Церкви – мирян в поместном Соборе, и я нахожу небезполезным ознакомить с моим “Словом скорби” прежде всего членов Всероссийского Церковного Собора в той мысли, что теперь настало время громко исповедать свою веру в жизненность священных заветов наших благочестивых предков как заветов Христовой Церкви, нашей матери, ибо я верую, что в члены Церковного Собора в превосходящем числе избраны лучшие сыны нашей Церкви. Они сомкнутся вокруг своих архипастырей и отстоят святыню Церкви неприкосновенною от покушений ее врагов, прикрывающихся красивыми, но расплывчатыми, туманными и, главное, не чисто православными словами. Опасность для Церкви обнаруживается в среде тех, которые мнят себя сынами ея, но давно изменили ей и идут, может быть, сами того не замечая, путями шуими, уклоняясь от канонов и преданий церковных. Перепечатаваю свое Слово без всяких изменений, только по местам пополняя краткими замечками под чертой.

Мое братское слово скорби святителям Русской земли

Время сотворити Господеви: разорила за кон Твой.

Пс. 118, 126

Поистине страшное время переживает Святая Православная Церковь в настоящие дни! Невольно приходят на мысль эти слова Псалмопевца: время действовать Самому Богу, ибо разоряют люди святой закон Его! Время нам, стражам дома Божия, пастырям Церкви, углубиться вниманием в свою совесть, связанную нашими обетами пред лицом Божиим, засвидетельствованными нами при торжественной нашей хиротонии в сан архиерейский.

Началось то гибельное “отступление”, о котором пророчествовал апостол Павел; снова Церковь входит в полосу гонений; знамения времени говорят, что это время – близ есть, при дверех... Бодрствуйте, отцы и братия, святители Божии, бодрствуйте и молитесь, да не внидем в напасть! В наши грозные дни нам нельзя быть малодушными или двоедушными; кто сознает в совести своей, что не устоит в годину грядущих испытаний, тот заблаговременно оставь дело управления и укройся в стенах тихой обители, чтобы отвечать Богу только за себя самого. Настает время брани Церкви воинствующей с сатаною и слугами его, коих число умножилось зело-зело... Ограда внешнего закона, за которою мы сотнями лет привыкли смотреть на козни врагии, в уверенности, что государственная власть не допустит волкам вторгаться в недра нашей, большею частью младенствующей разумом паствы, – отъемлется^[96]; сознание того, что согласие государства с Церковью есть могущественная опора самого государства, под влиянием безудержно навязываемого радикальной печатью гипноза лживых свобод, в самих представителях государственной власти постепенно затуманивается и ослабляется^[97]; поэтому сия власть как бы покидает Церковь, оставляет без помощи, предоставляет ее самой себе в борьбе с темными силами; в высших государственных учреждениях^[98], под тайным, для них самих незаметным влиянием разрушительных сил, замечается усиленное стремление производить законопроекты^[99], грозящие, под благовидным предлогом “возвеличения Православной Церкви и обновления церковной жизни”, разрушением всего многовекового строя этой жизни; пропаганда разных лжеучений, руководимая теми же темными силами, при щедрой материальной и сильной всяческой поддержке врагов России, вторгается отовсюду в стадо Божие, соблазняет и расхищает “малых сих”, в простоте верующих, а через то самые устои народной и церковной жизни быстро расшатываются; православное мировоззрение в народных массах^[100] подменяется: на его место в народное сознание внедряются идеи материализма, демократизма, социализма, лжеправаго порядка в жизни не только государственной, но и церковной, общественной и даже семейной; высшие учебные заведения (кроме духовных, но надолго ли?) переполняются иудеями, так что через десяток лет ими подменена будет в громадном большинстве сама интеллигенция, которая и теперь уже складом своего мышления далеко ушла от Церкви, а тогда и подавно все видные служебные и общественные должности окажутся в руках врагов Церкви; народное образование захватывается людьми холодными в вере или вовсе неверами... Говорить ли о печати, которая уже и теперь в громадном большинстве порабощена иудеями*****?

В последнее время усиленно навязывается вопрос о церковном приходе. Бросается в глаза, что больше всех толкуют о нем иудейския и иудействующие газеты, больше всех интересуются люди, отошедшие от Церкви, не живущие ее жизнью, не исполняющие ее уставов, и интересуются не теми пунктами приходского устава, какие представил Священный Синод, а теми, которые составила комиссия Государственной Думы на основании проекта IV отдела Предсоборного присутствия, не доложенного общему его собранию и оставшагося в делах сего присутствия, как сырой материал для суждений на предстоящем Всероссийском Соборе. Статьи эти в основе своей противоречат канонам и внесены были в проект без предварительного обсуждения и без достаточных оснований; они, конечно, при ближайшем рассмотрении и сличении с канонами подлежали бы исключению еще в Предсоборном присутствии и уже ни в каком случае не могли быть приняты Собором^[101]. Не ясно ли, что вся суть тут не в приходе, а вот в этих, столь понравившихся комиссии статьях? Они противны канонам церковным; этого достаточно, чтобы их защищать тем, кому это выгодно. Посредством этих неправославных статей надеются захватить самую душу православного народа, отравить его сердце лжеправовыми началами, перевоспитать его: вместо детского послушания Церкви чрез ее пастырей – воспитать в нем дух протеста против своих пастырей и архипастырей, стремление считать себя хозяином в делах своего прихода, а пастыря-священника – как бы наемником.

Начало *отечества* власти в государственной жизни уже затемнено проповедью конституционализма^[102]; теперь хотят, чтобы то же священное начало было подменено выборным и в жизни духовной, церковной^[103].

Пусть, – так хотят иудеи и их приспешники, – пусть совсем народ забудет это Богом данное начало отечества власти; пусть будут все власти выборные, а для того, чтобы внедрять в сознание масс народных это новое начало жизни, пусть и отцы духовные^[104], руководители народа в самых глубинах его духовной жизни, будут выборные. Народ пропитается этим началом в самой задушевной, самой священной стороне своего быта, своей жизни; тогда легко будет его повести и к республике, и к анархии, и к чему угодно! Начинается полное расхищение (экспроприация) власти вообще, но начинается во власти церковной, как наименее защищенной внешним гражданским законом и ограждаемой только мало кому известными канонами Церкви, на место коих мнящие себя быть законодателями хотят поставить свою волю. Вот ведь что творится, что готовится у нас на Руси^[105]!

Кто будет отвечать пред Богом, пред историей, пред своею совестью, наконец, за то, что мы видим теперь на Руси? Вспомните Смутное время, вспомните удельные времена: кто, как не святители, как не представители Церкви, являлись вождями народа к устранению в нем смут, к изысканию путей для благоустройства жизни не только церковной, но и государственной? А мы ныне молчим, малодушно становимся как бы в сторонку: мы-де люди маленькие, кто нас послушает? И некоторые из нас прикрываются этим смиренномудрием, дабы не впасть в неблаговоление власть имущим, не потерять своего положения, своего места: возлюбилша бо паче славу человеческую, нежели славу Божию^[106]!

Но вопросим свою совесть: не преступно ли такое молчание наше^[107]? Не нарушаем ли мы своих клятв, торжественно нами данных пред лицом всей Церкви при нашей хиротонии? Почему мы все в совокупности, яко едиными усты, или же каждый от своей епархии, купно со своими сопастырями, не умоляем власть, чтобы защитила мать нашу

Церковь от всех покушений на ее святые каноны, на чистоту ее догматов, на ее Христом данную ей свободу духовную, – почему не взываем о грядущей опасности, как бы закрываем глаза, а если иногда и вздыхаем, то как-то украдкой, боясь прямо сказать правду Божию в защиту Церкви?

А знаем ли мы, что враги Церкви и Руси Святой вот этого-то нашего объединения и боятся; пример налицо. Возвысил свой голос святитель Церкви Владимирской с шестью епископами против неправославных начал приходского устава, и смотрите, как всполошилось все нечистое болото, как закричали все его обитатели в своих газетах: как-де смел архиепископ выступить с своим твердым словом? Очевидно – испугались: Церковь, которую они собирались “оживлять”, еще жива и без них; она не хочет их ломки; она способна еще подать громкий голос. А что, если из всех епархий послышатся такие же мужественно-твердые заявления, как тогда быть? Да эти заявления и стали уже слышаться: голос московского духовенства, подтвержденный резолюцией старца, святителя первопрестольной Москвы, был как бы отзвуком на телеграмму Владимирского Собора иерархов, – отзвуком, полным силы, достоинства и обоснованности^[108]. Изумленные таким единодушным заявлением представителей московского духовенства, иудейские газеты начали замалчивать это; они, видимо, боятся подобных заявлений и из других епархий, и надо воспользоваться сим как бы замешательством в лагере врагов наших, чтобы поддержать лучших представителей власти церковной: церковная власть должна неотступно оберегать авторитет канонов церковных, между тем, если бы даже в прошедшем через Государственную Думу законе было простое, согласное с канонами упоминание о назначении в приход священника архиереем, и тогда Дума искала бы в сем основание утверждать, что такой закон ею утвержден и, следовательно, ею же может быть отменен и изменен. Следовательно, если бы оказалось необходимым вносить в положение о приходе такое указание, то должно быть тут же сказано, что это есть требование канонов церковных, то есть что Дума не может в это дело мешаться. Неразумно скрывать от себя, что отношения к Церкви большинства нынешней Думы^[109] далеко не искренни; самый последний тому пример – запрос в защиту баптистов по поводу закрытия их общины губернатором Масальским. Думским вождям нужны “прецеденты”, чтобы на них в будущем основывать свои права вмешательства в жизнь Церкви. Посему всякие, по-видимому, незначительные уступки начальовождям всяких свобод, в конце концов, ведут к полному порабощению им в идейном отношении. Скорбно, больно думать, что среди нас, епископов, есть уже маловдумчивые, готовые идти на такие уступки им^[110]. Незаметно для самих себя они вовлекаются постепенно в их настроение по отношению к преданиям родной Церкви, ее строю, быту, а затем это может перейти и в отношении к догматам. Как это ни невероятно, но может быть: пример имебожного лжеучения показал, что в угоду разным влияниям, под давлением иудействующей печати, можно закрывать глаза на нелепый, в сущности, новоизмышленный покойным Илларионом догмат о том, что “имя Божие есть Сам Бог”. Я не сомневаюсь, что враги Церкви использовали уже и еще используют имебожничество в видах смуты церковной как одно из орудий к ослаблению Церкви. Смута еще не улеглась: ее вождь, опираясь на покровительство сильных мира сего и на нетвердость отношений к нему, как лжеучителю, церковной власти, мечтает настоять на том, чтобы церковная власть отреклась от своего определения, возвещенного посланием от 18 мая 1913 года. К соблазну православно верующих, он невозбранно служит, не отрекшись от своего мудрования и, следовательно, состоя под аргосом (запрещением) Вселенского Патриарха. Огню дают пищу, и смута вспыхнет с новой

силою, потому что не хотят ее погасить. А это грозит не только расколом в недрах Русской Церкви, но и расколом с Церковью Вселенскою. Вспомните, перечитайте хотя бы послание святителя Афанасия Великого к монахам о том, что делали еретики, пользуясь связями с сильными мира сего; вспомните, перечитайте, что подобные им еретики творили при преподобном Максиме Исповеднике, вспомните этот “типос”, столь характерный для нашего времени... История пишется, по словам апостола Павла, в наше назидание: грешно не брать из нея уроки.

Пишу эти скорбные строки и думаю: не истолкуют ли их как возбуждение епископов к сопротивлению начинаниям думской комиссии или же просто – как брюзжание старика? Кто ты, поучающий весь епископат Церкви Российской? Кто дал тебе на это право?..

Простите меня, отцы и братия: воистину так; но я не дерзаю поучать вас, – сохрани меня, Боже, от сего, – а только выражаю мои скорбные мысли о положении Церкви пред вами, яко собратиями о Господе; право на это дает мне моя любовь к родной Церкви Божией и любовь многих из вас, выражавших свою скорбь и в письмах ко мне, и в личной беседе; пишу, уповая, что любовь ваша растворит сочувствием общую скорбь нашу, по слову Писания: *Брат от брата помогаем, яко град тверд*, а если бы что показалось и стропотное в сем писании моем, то паки глаголет Писание: *Достовернее суть язвы друга, нежели вольная лобзания врага*; полезнее выслушать от собрата скорбное слово любви, нежели читать похвалы себе в иудейских газетах. Наконец, пишу, побуждаемый страшною мыслию: скоро смерть, болезнь сердца напоминает об этом с настойчивостью, которой прежде не чувствовал... Вот и боюсь умереть в сознании своего греха: не все сделал, что подобало по требованию совести для предупреждения возможного раскола в недрах Церкви...

Но вы спросите меня, что же делать?

Отвечаю, как думаю. Прежде всего, в наше время подобает архиереям неумолчно, громогласно, со всем авторитетом слова архиерейского обличать ложь всяких современных мудрований; пусть нас обзывают, как угодно: не устыдимся дерзновенно исповедовать Христа Распятого и Его заветы, хранимые нашею матерью – Церковью Православною. Нуль внимания на все эти инсинуации, клеветы, газетные окрики!

Будем к тому же ревностно призывать все православное духовенство и лучших мирян, верных еще Церкви, послушных ей.

Будем не только доводить до сведения церковной власти голоса верных чад Церкви, но и умолять эту власть отстаивать святыя заветы Церкви, самостоятельность и независимость ея внутреннего управления, ея предания, ея порядки, веками сложившиеся, историей оправданные, пред сильными мира сего.

Будем умолять власть не допускать никаких недостойных влияний, откуда бы они ни шли, никакого вмешательства в ея жизнь со стороны не только лиц, но и внеисповедных учреждений. Надо помнить, что Государственная Дума, при всем желании правительства иметь таковую из лучших русских людей, все же немало имеет в своем составе людей равнодушных, холодных и даже прямо враждебных Церкви, не говоря уже о том, что там заседают и лютеране, и молокане, и наши раскольники, и сектанты, и магометане, и даже иудеи, – злейшие враги Христовой Церкви... Надо знать, что там верные сыны Церкви – в меньшинстве, а между тем эта Дума покушается захватить себе право изменять каноны Вселенских и Поместных Соборов, под благовидным предлогом преобразования прихода, – стремится дать равноправие не только в гражданских делах, но и в распространении своих лжеучений всем сектантам, всем еретикам^[111]. Наш долг – следить

за всем, что она творит в отношении к Церкви. Наш долг – громко обличать все, что творится противное духу нашей веры святой.

Отцы и братия, святители Церкви Христовой! Я сказал, что государственная власть постепенно как бы покидает нас в неравной борьбе нашей с врагами Церкви. Но с нами – Христос, со Своею благодатию и всемогуществом! Были же некогда тяжкия времена гонения на Церковь Его, и она, без всякой помощи со стороны государственной власти, даже при гонениях с ее стороны, вышла победительницей и самую государственную власть покорила Христову Евангелию. Ее невидимо хранит вечно живой Глава ее – Сам Христос Спаситель. Он сохранит ее и теперь. Но Он требует от нас всецелаго Ему самопредания с полною готовностью на всякия жертвы и лишения, на всякия поношения от врагов Церкви. Да, этого требует от нас Христос, без этого мы не имеем права считаться Его служителями! Мы должны собирать и объединять вокруг себя самых преданных чад Церкви. В тесном единении с ними будем крепко стоять против мира, который стремится подчинять себе Христа и Христовых! Исполняя свой долг, отстаивая права Церкви и заветы Христа, будем гнать от себя мысль, будто совершаем какой-то подвиг; будем всегда в уме и сердце носить святую, смиряющую мысль, что раб, ведевый волю господина своего и не сотворивый по воли его, биен будет много, что мы раби неключимие есмы, еже должни бежом сотворити сие токмо и сотворихом, что всем нам подобает явиться пред судилищем Христовым, что время сие близ есть, при дверех, и Судия готовит Престол Свой...

Господи! Ты все ведаешь, знаешь и немощи наши: просвети очи наши, да познаем пути Твои, пробуди нашу совесть, вдохни мужество, дай силы, зажги пламень ревности о Церкви Твоей в служителях Церкви! Аминь.

Член Святейшаго Синода и Государственного Совета

архиепископ Никон.

1916 года, июля 5-го дня.

Лавра великаго печальника Русской земли и ревнителя Православия – преподобнаго Сергия.

Помолимся ему, да его молитвами возглаголет Господь благая в сердце Царевом о Церкви Своей и о русских людях православных.

Вот то, что я разослал в день преподобнаго Сергия с лишком год назад. По обстоятельствам того времени не все святители ответили мне; да я и не ожидал ответа от всех. А кто ответил, те были со мною единственны, кроме одного, о коем говорю под строкой. Сам я, как “напокойный”^[112], не имею права принимать участие в соборных деяниях, но всем сердцем желаю и долгом почитаю сказать свое слово, какое совесть моя повелевает сказать на пользу Церкви.

Примечания

1

При переиздании книги “Мои дневники” (нынешнее название “Козни врагов наших сокруши...”) редакторы в большинстве случаев постарались сохранить авторскую орфографию.

[Вернуться](#)

2

В Госдуме было говорено, что в 1905–06 гг. участвовавших в революционном движении учителей из земских и министерских школ было до 22500 чел., а из церковных всего 163 человека.

[Вернуться](#)

3

Невольно вспоминается при этом горькая ирония одного почтенного старого педагога, который слово “образование” произносил с перестановкою букв: *оборзование* и производил его не от корня *образ*, а от слова *борзой*...

[Вернуться](#)

4

Завышенная самооценка. – (Ред.)

[Вернуться](#)

5

Начало жизни. – (Ред.)

[Вернуться](#)

6

С прошлого года, чтобы удержать богомольцев в соборе до конца литургии, я перенес обряд христосования с конца утрени на конец литургии. Спасибо: многие остались...

[Вернуться](#)

7

См. “Новое Время”, № 12, 248.

[Вернуться](#)

8

Сей дневник роздан членам Государственного Совета пред рассмотрением законопроекта “О старообрядческих общинах”.

[Вернуться](#)

9

Язычники. – (Ред.).

[Вернуться](#)

10

В Государственном Совете не одни мы отказались почтить Толстого вставанием: почти вся правая группа удалилась из зала, чтобы не участвовать в этом “почитании”...

[Вернуться](#)

11

Телеграмма подписана протоиереем И. И. Восторговым.

[Вернуться](#)

12

Эти строки уже были набраны, как газеты принесли известия о страшном землетрясении в г. Верном: это уже в пределах нашего отечества, в Семиреченской области, убито до 40 человек, ранено больше 100. Осталось без крова несколько сот семейств. Ходят слухи о гибели города Пржевальска, на месте которого, говорят, образовалось озеро. Сообщают о страшных разрушениях в городе Пишпеке. По объяснениям ученых, такого землетрясения никогда и нигде не наблюдалось. Все грандиозные землетрясения последних столетий ничто в сравнении с туркестанским (“Колокол” № 1427).

[Вернуться](#)

13

См. подобное событие при гибели Мессины в моей книжке “Чем жива наша русская душа”.

[Вернуться](#)

14

Рекомендуем читателям прекрасную статью в “Моск. Вед”. 1910 г. № 239 “Духовные туманы у могилы гр. Толстого”.

[Вернуться](#)

15

По последним известиям, этот предмет будет преподаваться. На этом настояли участвовавшие в совещаниях отцы ректоры семинарий. Спасибо им!

[Вернуться](#)

16

Разумеется устав о всеобщей воинской повинности.

[Вернуться](#)

17

Стихотворение написано под впечатлением известия о прибытии Его Императорского Величества в Москву 25 августа 1870 года.

[Вернуться](#)

18

У этого “любимца” было полприхода прихожан-крестников: вся беднота, к кому никто не шел в кумовья, просили Ивана Андреевича быть кумом, и он никому не отказывал, а когда крестники женились или выходили замуж, он благословлял их непременно иконою, конечно, суздальского письма. Он в одном приходе прослужил 55 лет.

[Вернуться](#)

19

Было бы очень полезно выпустить статьи о. иеромонаха Вениамина отдельной брошюрой и раздавать их у дверей Чурикова: кстати, тут обнаружилось бы и то, как относятся слушатели к обличению сего самозванца.

[Вернуться](#)

20

Проф. Бронзов поправляет Меньшикова: не Сендернел, а Сендерлэнд. См. Колокол. № 1603, статью “Грустно”.

[Вернуться](#)

21

Справедливость требует сказать, что в “Новом Времени” спустя неделю, в отделе “Среди газет и журналов”, появилась маленькая выдержка из письма архиепископа Антония. Видно – потребовал сего кто-нибудь... А все же целиком письма газета не перепечатала: ну стоит ли ей занимать свои столбцы такими “пустяками”?!

[Вернуться](#)

22

Редакция газеты “Колокол” подтверждает, что г. Бирюков действительно есть автор биографии Толстого...

[Вернуться](#)

23

Амаликитяне – могущественный народ, заселявший страну между Палестиной и Египтом и называемый в Библии *первым народом* (Книга Чисел, XXIV, 20). Поражены и разбиты Гедеоном, Саулом и Давидом. Над ними исполнилось слово Господне: имя их исчезло с лица земли. – *Ред.*

[Вернуться](#)

24

Ныне отпускаеши – не есть песнь, а вдохновенная молитва праведного старца, претружденного старостью, радующегося, что он наконец-то получил от Бога обещанное, узрел желанного Спасителя, и теперь – рад умереть, рад уйти на покой, в надежде скоро узреть Его и в будущей жизни. Вот почему, когда я сам совершаю литию, я сам и читаю эту молитву среди храма, на архиерейском амвоне, а чтец-диакон продолжает: *Святый Боже...*

[Вернуться](#)

25

К удивлению моему, адрес сполна напечатан в “Церк. Ведомостях”: я не ожидал такой чести! Та м же описано и мое прощание...

[Вернуться](#)

26

Святейший патриарх подписывал свое имя не *Гермоген*, а *Ермоген*, почему С. Синод и принял в службе ему это начертание имени: *Ермоген*. Прославление Святителя назначено на 12 мая. Знаменательно, что это – день памяти и друга его, сотрудника в подвигах защиты Церкви и Отечества – преподобного Дионисия, архимандрита Св. Троицкой Сергиевы Лавры. Обитель Преподобного Сергия будет праздновать память святых друзей совместно. Мир, признавая их заслуги пред Отечеством, хочет ставить им мирской памятник вместе, а св. Церковь, как бы по внушению Божию, соединяет их память в одно число, ибо при избрании числа никому и на мысль не приходило такое совпадение.

[Вернуться](#)

27

Емлется – берется, хватается. – (Ред.)

[Вернуться](#)

28

Кстати: насколько можно доверяться о. Булатовичу в переводах с греческого, можно судить по следующему примеру: вот его перевод 5-го определения против Варлаама: “Также тем, кои думают и говорят, вопреки Божественным словам святых и образу мысли Церкви, что только об одном существе Божиим говорится имя Бог, и не исповедуют того, что отнюдь не меньшим почитается Божественное действие, как тому научают нас Божественные тайноводители, почитающие во всех отношениях одинаковыми, как существо Отца и Сына и Святаго Духа, так и действие Их, – анафема, анафема, анафема!” А вот точный перевод г. Троицкого: “Еще же мудрствующим и говорящим, что имя Божества говорится об одном только существе Божественном, и не исповедующим, согласно богодухновенным богословствованиям святых и благочестивому мудрствованию Церкви, что оно прилагается не менее и к Божественному действию (энергии), и наоборот, таким образом всячески настаивающим только на одной Божественности Отца, Сына и Святаго Духа, говорит ли кто, как Божественные тайновидцы, об их сущности или же действию, и учащим нас этому – анафема!”

[Вернуться](#)

29

Главотяж – головная повязка у ветхозаветных евреев. – (Ред.)

[Вернуться](#)

30

См., напр., Gesenius. Hebraisches und Aramaisches Handw.o.rterbuch .u.ber das Alte Testament. Leipzig. 1895. s. 803–804, Wort (**шем**).

[Вернуться](#)

31

Сохранился в рукописях XV века, но известен был еще писателям XI века. Здесь говорится, что Иисус был незаконный Сын Марии. “Мать отдала Его в школу, где Он обнаружил необычайные успехи и поражал Своих учителей. Когда Ему было 30 лет, открылась нечистота Его рождения, за что Он присужден был к истреблению. Но Он ушел в Иерусалим, проник в Святое святых храма и узнал здесь тайное имя Божие и получил силу творить чудеса посредством этого имени. Это имя было начертано на камне основания (беншетия), находившемся в храме во Святом святых, на месте ковчега в Соломоновом храме. Та к как сила имени была такова, что посредством него можно было разрушить мир, то мудрецы, желая предохранить похищение имени, у двух железных столбов пред храмом на цепях приставили двух собак, которыя своим ужасающим видом и лаем производили то, что выходивший из храма от испуга забывал прочитанное имя. Но Иисус, написав имя на листке пергамента, скрыл листок в разрезе Своей голени. Таким образом, собаки не воспрепятствовали Ему снова узнать позабытое имя.

...Мудрецы, однако, нашли преданного им человека по имени Иуда Искарота, который таким же образом, как Иисус, узнает имя Божие и получает силу творить чудеса... Однажды, когда для доказательства Своей Божественности Иисус стал летать, Искарот тоже стал летать. Иуда осквернил Иисуса своею уриною, после чего оба, как осквернившие имя Божие, лишились его и упали. Лишенный чудотворной силы Иисус был взят. Ему закрывали голову одеждою и били гранатовою палкой, но Иисус не мог узнать, кто Его бил. Из этого мудрецы узнали, что имя отошло от Него.

...Его казнили в пятницу, накануне Пасхи и субботы. Когда же хотели повесить Его на дереве, дерево сокрушилось: Иисус знал, что Его умертвят и повесят на дереве, а потому, когда еще владел именем, Он заклил все дерева”...

[Вернуться](#)

32

Нельзя от души не пожалеть об одном: изображения святых носят крайне странный, чтобы не сказать больше, характер: лики зеленые, будто писаны с мертвецов.

[Вернуться](#)

33

Уже после удаления имебожников с Афона найдены в Пантелеимоновом монастыре списки братии, из коих видно, что из 1700 с лишком человек крепких стоятелей за православное учение, не поддавшихся террору, ко дню нашего прибытия на Афон оставалось только сто человек... А. Н.

[Вернуться](#)

34

Раненный восьмидесятилетний старец всех нас удивил своим благодушием: показывая простреленную руку (пуля прошла под кожей только), он полушутя говорил: “Вот, мой отец сражался с Наполеоном; два моих сынка проливали кровь в японскую кампанию; я думал, что уж теперь-то меня никакая пуля на Св. Горе не достанет, а вот – Бог попустил, и какая-то шальная пуля задела и меня”.

[Вернуться](#)

35

По последним известиям с Св. Горы, несчастный Арсений умер, не придя в сознание, и погребен как отлученный от Церкви еретик... Какой грозный урок всем противникам Церкви, дерзающим оскорблять ее непослушанием, поставляющим себя выше тех, кто Богом поставлен пасти Церковь Божию...

Много лет я знал этого неуравновешенного в духовном отношении человека. Можно было верить его искренности, но нельзя было мириться с его самоуверенностью, доходившею до фанатизма. Помню: почившие афонские старцы признавали, что он рано выступил на миссионерское поприще, возгордился и стал на опасный путь... их опасения оправдались... А. Н.

[Вернуться](#)

36

В заседании Св. Синода 21 августа уже и постановлено называть их вместо слова “имеславцы”, как они себя величают, – “имебожниками”, ибо они обожают, почитают за Бога самое имя Божие.

[Вернуться](#)

37

Об этом подробнее – в моем первом докладе Святейшему Синоду. “Церковные Ведомости”, 1913 г. № 20.

[Вернуться](#)

38

Вот что пишут из Тамбова в *Московских Ведомостях*:

14 июля, около часу ночи, над городом взвилось огромное пламя гигантского костра. Так как зарево указывало место кафедрального собора (там же и губернаторский дом), то может быть понятна паника, охватившая жителей. Все успокоились, когда узнали, что святыня невредима.

Горело здание летнего театра, что близ собора. Пожарище это – роковое. *Каждый раз вновь выстроенное здание театра уничтожается огнем*! Странно, что город не обратит серьезного внимания на это “совпадение”: не место для увеселений соседство с местом упокоения святого угодника Питирима, ныне прославляемого.

Театр, музыкантская эстрада и близлежащая постройка сгорели, как фейерверк! Спектакля в этот день не было. Пожар начался по окончании гулянья в саду. Театр был еще новый, с хорошими декорациями.

Видно, и великий новый чудотворец святитель Питирим не желает иметь такого соседства.

[Вернуться](#)

39

Писано три года назад. События последнего времени показали, что практическое богоотступничество и нравственное разложение проникли глубоко и в недра немецкого народа, и притом едва ли не глубже, чем во Франции. Об этом свидетельствуют те безчеловечные зверства, то бессмысленное варварское отношение к храмам Божиим, к христианским святыням, какие проявляют немцы в настоящую войну. И это понятно: гордыня вытравила в них всякое нравственное чувство, а “мертвая вера” без дел, проповедуемая лютеранством, не дала народной душе тевтонов ни малейших основ для истинно христианской культуры.

[Вернуться](#)

40

“Моск. Вед.” 1910 г., № 157.

[Вернуться](#)

41

“Вера и Разум”, 1910 г., № 16, стр. 446.

[Вернуться](#)

42

“Вера и Разум”, 1910 г., № 17, стр. 626—8.

[Вернуться](#)

43

Вержболович, “Душеп. Чтение”, 1900 г., май, стр. 24.

[Вернуться](#)

44

“Ребус”, 1895 г., № № 44—46. Статья Карла дю-Преля.

[Вернуться](#)

45

“Творения св. Отцов”, 1853 год.

[Вернуться](#)

46

Собрание поучений Архиепископа Никанора, том III.

[Вернуться](#)

47

См. книгу “Из области таинственного”, прот. Дьяченко, стр. 401.

[Вернуться](#)

48

См. там же.

[Вернуться](#)

49

См. “Христианская Апологетика” Н. П. Рождественского.

[Вернуться](#)

50

Беседы к Ант. народу о Лазаре. 11, 2. На Матф. 28, 2. 3.

[Вернуться](#)

51

“Вера и Разум”, 1910 г., № 20, стр. 169.

[Вернуться](#)

52

Там же, стр. 157.

[Вернуться](#)

53

“Вера и Разум”, 1910 г., № 20, стр. 174–173.

[Вернуться](#)

54

“Вера и Разум”, 1910 г., № 17, стр. 628.

[Вернуться](#)

55

“Вера и Разум”, 1910 г., № 17, стр. 629.

[Вернуться](#)

56

М. О. Вержболович. “Спиритизм пред судом науки и христианства”.

[Вернуться](#)

57

Известный знаток спиритизма, В. П. Быков, сам бывший спирит, свидетельствует, что ему известно множество случаев самоубийства медиумов. Известно также, что самые знаменитые медиумы были самыми несчастными людьми. Юм был всю жизнь страдальцем телесно, жертвою внушения “духов”. Форстер был распутнейшим пьяницей и кончил жизнь в сумасшедшем доме. След грешил всеми пороками Содома и Гоморры и всю жизнь был эпилептиком. Кэт Фокс спилась в Лондоне и до того безобразничала, что ее спириты силой отправили в Америку... См. Кудрявцев: “Что такое теософия?” стр. 92.

[Вернуться](#)

58

М. О. Вержболович. “Спиритизм пред судом науки и христианства”.

[Вернуться](#)

59

О сем способе испытания будет сказано ниже, так как и спириты употребляют его в качестве контролирующего духов средства, не без должной веры, как формулу для своего ритуала.

[Вернуться](#)

60

См. Иак. 2, 19: *и бесы веруют и трепещут.*

[Вернуться](#)

61

См. “Духовный Мир”, прот. Г. Дьяченко, стр. 322.

[Вернуться](#)

62

Прочтите также рассказ С. А. Монаенковой в статье С. А. Нилуса: “На берегу Божьей реки”. См. “Троицк. Слово” № 245 и 246

[Вернуться](#)

63

Есть напечатанное отдельным “Троицким Листком” № 346 под заглавием: “Почему умершие не приходят для свидания с живыми?”

[Вернуться](#)

64

И есть они, да редки, как алмазы. А. Н.

[Вернуться](#)

65

К великой скорби нашей – и это в народе ослабевает. А. Н.

[Вернуться](#)

66

Мой адрес: Петроград, Кабинетская, 17.

[Вернуться](#)

67

Эта статья, отпечатанная отдельным листком, послана в действующия армии в количестве 100 000 экз.

[Вернуться](#)

68

Слово Евлогия, вероятно – “каменосечца”, зачеркнуто.

[Вернуться](#)

69

Напечатано в “Чтениях Общества любителей Истории и Древностей Российских”.

[Вернуться](#)

70

Правда, правило 15 Лаодикийского собора говорит, что “кроме певцов, состоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно иным некоторым пети в церкви”; но по изъяснению Вальсамона, правило сие запрещает мирянам только восходить на амвон и предначинать пение. В самых богослужебных книгах есть указание: когда поет лик, когда – людие.

[Вернуться](#)

71

Слова и речи М. Филарета, т. V, стр. 543.

[Вернуться](#)

72

Там же.

[Вернуться](#)

73

Там же.

[Вернуться](#)

74

Там же, т. V, стр. 271.

[Вернуться](#)

75

Том V, стр. 13.

[Вернуться](#)

76

Том V, стр. 534.

[Вернуться](#)

77

Том V, стр. 14.

[Вернуться](#)

78

Том IV, стр. 272.

[Вернуться](#)

79

Для воспитанников военных училищ святитель Филарет собрал “Изречения Священного Писания” о воинском звании и присоединил к ним “Размышления”. См. Прибавление к “Пространному Катехизису” по изданию 1828 года.

[Вернуться](#)

80

Том V, стр. 16–18.

[Вернуться](#)

81

Творения бл. Феодорита, ч. I, стр. 332, по 2-му изданию.

[Вернуться](#)

82

Протоколы, между прочим, напечатаны в книге Нилуса “Великое в малом”, ч. II, “Близ грядущий антихрист.

[Вернуться](#)

83

Газеты сообщают, что уже были случаи, когда ветер направлял страшное облако на самих отравителей и уничтожал их поголовно, а наши воины видели в том великую правду Божия возмездия.

[Вернуться](#)

84

Подпись стоит Паозерский. Это бывший священник, поправший, следовательно, благодать священства. Тем стыднее ему не знать родной истории...

[Вернуться](#)

85

Бурачек Степан Онисимович, издатель “Маяка”.

[Вернуться](#)

86

Каждый выпуск 75 к. Адрес: Москва, Никольская ул., часовня великомученика Пантелеймона.

[Вернуться](#)

87

Нотович измыслил сказание о пребывании Господа – в Тибете, у Далай-Ламы, а г. Гротт уже переселил Его в Индию: как легко сочинять небылицы и о ком же? О Христе Спасителе! И притворяться Его почитателем!..

[Вернуться](#)

88

Халуга – улица между плетнями или заборами, закоулок, захолустье. – (Ред.).

[Вернуться](#)

89

Несколько подобных событий описано в моей книжке: “Чем жива наша русская православная душа?”

[Вернуться](#)

90

Есть и “Троицкий Листок” под тем же заглавием.

[Вернуться](#)

91

С удовольствием отмечаю, что, как слышно, редакция “Богословского Вестника” предполагает продолжить издание резолюций М. Филарета, начатое, но недоконченное редакциями “Душеполезного Чтения” и “Московских Церковных Ведомостей”.

[Вернуться](#)

92

Отмечу кстати, как иудомасонам ненавистно самое имя Христа Спасителя: они слово *христианство* заменяют словом *адонаизм*, тем самым изобличая самих себя как приемников жидовского мировоззрения.

[Вернуться](#)

93

Это изображение встречается и на древних иконах о сотворении мира.

[Вернуться](#)

94

На Руси и не перечесть всех храмов, кресты на коих увенчаны коронами. У меня на родине, в Московском уезде, средний крест (всех крестов восемь) увенчан даже тремя коронами. Храм упоминается в Писцовых книгах 1585 года.

[Вернуться](#)

95

“Братския Речи”, № 65.

[Вернуться](#)

96

Уже отъята.

[Вернуться](#)

97

Совсем затуманилось и предано забвению.

[Вернуться](#)

98

В Государственной Думе и Государственном Совете. Но и сами они фактически уже перестали существовать.

[Вернуться](#)

99

Уже многие проведены.

[Вернуться](#)

100

Увы, – не только в темных массах народных, но и в самом духовенстве, при посредстве “Церковного Общественного Вестника”, издаваемого на святых лепты, на елей и свечи приносимых...

***** род назад? когда писаны эти строки, еще существовали некоторые издания противоиудейской печати; ныне уже их нет, – стерты с лица земли как “вредные”... для иудомасонов, конечно.

[Вернуться](#)

101

А они уже введены, вошли в жизнь церковную, – именно потому и введены так поспешно, что вводившие опасались, как бы Всероссийский Церковный Собор не отверг этих противных канонам статей. Что вошло уже в жизнь, то трудно переделать, особенно в области либеральных начинаний.

[Вернуться](#)

102

Больше, – охлократизма. Временное правительство, не дожидаясь Учредительного собрания, уже объявило Россию демократической республикой... По какому полномочию?

[Вернуться](#)

103

Хотели и достигли.

[Вернуться](#)

104

Даже архиереи, преемники апостольского служения.

[Вернуться](#)

105

Можно ли было ожидать так скоро и в такой мере, как все это уже расцвело пышным цветом?..

[Вернуться](#)

106

Простите горькое слово!..

[Вернуться](#)

107

Со вздохом облегчения можно питать надежду, что, собравшись впервые после двухсот пятидесяти лет, поддерживаемый боголюбивыми чадами Церкви, святители уже не будут молчать.

[Вернуться](#)

108

К сожалению, других откликов я не читал.

[Вернуться](#)

109

Читатели знают, что не одной только Думы.

[Вернуться](#)

110

Один из таковых, – слава Богу, только один, – в ответ на это мое “Слово скорби” заявил мне письмом, что “с мыслями” моими он “несколько не согласен”, и бросил мне обвинение в неискренности, советуя мне подписываться не членом Синода, а “изгнанным из Синода”. Скажу ему по-братски: звания члена Синода я удостоен по инициативе самого

Святейшаго Синода и не лишен его доселе, а изгнан я не Синодом, а влиянием того, кого вы, Преосвященнейший, по свидетельству нашего соседа-иеромонаха, “называли Гришенькой и целовали в головушку”, тогда как я сразу узнал этого проходимца и нажил в нем себе врага. Прочтите в “Троицком Слове” мой дневник № 368. См. “Московский Ведомости” № 183 сего года.

[Вернуться](#)

111

Уже дано и без Думы.

[Вернуться](#)

112

Не знаю, по каким канонам мы, “напокойные” епископы, лишены права участия в Соборе, в то время когда сего участия не лишены ни клирики, ни миряне...

[Вернуться](#)